Петроградъ, ул. Гоголя (бывшая М. Морская), № 22.

Оглавленіе „НИВЫ“ за 1915 годъ.

I. Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и пр.

II. Статьи и очерки.

III. Географич., астрономич. и этнографическіе очерки.

IV. Великая европейская война.

Хронологія войны:

V. Текущія событія.

Вопросы внутренней жизни:

VI. Политическое обозрѣніе.

VII. Парижскія моды.

12 №№ съ января по декабрь ежемѣсячно.

VIII. Тиражи выигрышей и погашенія билетовъ Госуд. Банка.

Въ №№ 3, 11, 20, 29, 37 и 46.

Тиражи благотворительной лотереи 1914 г.

1-й выпускъ въ № 25.
2-й „ въ № 28.

IX. Картины, рисунки и иллюстраціи.

а) Картины и рисунки.

б) Иллюстраціи.

б) Великая европейская война: иллюстраціи и рисунки.

г) Карты.

X. Портреты и біографіи.

XI. Библіографія.

НИВА

1915 г. № 1

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

XLVI г. изданія

Выданъ 3 января 1915 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—25 к., съ перес. 30 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на **первой** страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.: на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагаются „Лит. Прил." и „Новѣйш. Моды" за январь.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Дисциплина духа. Поздравляя съ Новымъ годомъ защитниковъ отечества, сражающихся въ союзныхъ арміяхъ, знаменитый французскій писатель Анатоль Франсъ пишетъ:

«Побѣда обезпечена. Мы только должны сумѣть желать ея съ полнымъ единодушіемъ и пылкостью. Пусть каждый изъ насъ помогаетъ нашей арміи, и мы, гражданскіе люди, должны быть своего рода солдатами, сохраняя съ воинской точностью дисциплинированность и не уступая въ этомъ тѣмъ, которые находятся на передовыхъ позиціяхъ».

Раздача рождественскихъ подарковъ въ арміи. Америка прислала на пароходѣ «Язонъ», какъ мы сообщали въ № 51 «Нивы» за истекшій годъ, рождественскіе подарки арміямъ воюющихъ державъ на западномъ фронтѣ. Нашей же арміи рождественскіе подарки были посланы черезъ Владивостокъ по Сибирской желѣзной дорогѣ. Подарки прибыли во-время, и самъ посолъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Джорджъ Мари въ сопровожденіи нѣкоторыхъ членовъ посольства выѣзжалъ на позиціи для личной раздачи ихъ солдатамъ.

Мужественное сердце первой женщины въ Бельгіи. Передъ праздникомъ Рождества Христова нидерландская королева Вильгельмина обратилась съ частнымъ письмомъ къ королевамъ всѣхъ воюющихъ державъ съ предложеніемъ, чтобы онѣ содѣйствовали установленію перемирія на время праздника Рождества Христова. Королева Вильгельмина выдвинула, какъ лозунгъ, слова: «Въ день рожденія Спасителя міра не должно быть ни побѣдителей ни побѣжденныхъ».

Первый, немедленный отвѣтъ былъ полученъ отъ бельгійской королевы Луизы: благодаря правительницу Голландіи за радостную вѣсть о мирѣ, супруга короля Альберта отказалась категорически говорить о какомъ-либо перемиріи до тѣхъ поръ, пока послѣдній нѣмецъ не будетъ изгнанъ изъ предѣловъ родной страны.

Почетные члены университета св. Владиміра. Совѣтъ университета св. Владиміра единогласно избралъ почетными членами Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича и командующаго арміями юго-западнаго фронта генералъ-адъютанта, генералъ-отъ-артиллеріи Н. І. Иванова.

Изъ письма русскаго посла въ Сербіи. Княгиня Трубецкая прислала Н. В. Челнокову, новому городскому головѣ г. Москвы, выдержки изъ письма своего мужа Г. Н. Трубецкого, нашего посланника въ Бѣлградѣ. «Сербы — пишетъ князь Г. Н. Трубецкой—побѣждаютъ по всей линіи. Это удивительный народъ. Нельзя передъ ними не преклоняться. Нишъ наполненъ бѣженцами. Здѣсь обычно 25.000 населенія, теперь — болѣе ста. Въ Зайгарахъ, гдѣ работаетъ русскій госпиталь, докторъ сказалъ мнѣ, что рядомъ, въ сербскомъ госпиталѣ, на 650 раненыхъ одинъ докторъ, и отъ переутомленія онъ обнаруживаетъ признаки ненормальности. Громадное количество раненыхъ толпится на станціяхъ, ожидая эвакуаціи въ давно переполненные госпитали. Бѣженцы полуодѣты и полуобуты. Всѣ сербы работаютъ и по мѣрѣ возможности помогаютъ несчастнымъ. Все же ощущается острый недостатокъ въ средствахъ. Въ Нишѣ творится нѣчто неописуемое. Вмѣстѣ съ тѣмъ это такой терпѣливый и все сносящій народъ... Я видѣлъ плѣнныхъ австрійцевъ-солдатъ съ радостными лицами. 2.000 плѣнныхъ прошли по Нишу съ славянскими пѣснями. Австрія неминуемо развалится съ такими солдатами». Княгиня Трубецкая проситъ Н. В. Челнокова содѣйствовать посылкѣ санитарнаго отряда въ Сербію.

Геройство короля Петра. Подъ этимъ заглавіемъ помѣщена въ «Бирж. Вѣд.» интересная корреспонденція изъ Ниша, рисующая геройство сербовъ и ихъ престарѣлаго короля, предъ которыми долженъ преклониться весь міръ. Какъ справедливо замѣчаетъ Семизъ,—поражающія своею скромностью лаконичныя сообщенія сербскаго Прессбюро совершенно не обрисовываютъ той грандіозности австрійскаго пораженія, которая выясняется изъ разсказовъ очевидцевъ. Совершилось чудо, равнаго которому не знаетъ исторія народовъ.

Отступавшая въ полномъ безпорядкѣ, разстрѣлявшая почти всѣ свои снаряды, измученная непосильной борьбой и потерявшая всякую вѣру въ возможность дальнѣйшаго сопротивленія миніатюрная армія Сербіи внезапно переходитъ въ наступленіе и въ непрерывномъ десятидневномъ натискѣ буквально уничтожаетъ вчетверо сильнѣйшаго и свѣжаго противника. Въ настоящее время кромѣ плѣнныхъ нѣтъ другихъ австрійцевъ на сербской территоріи.

Въ бездорожной грязи сербской страны мирно покоятся теперь страшныя жерла тяжелой германской артиллеріи, которую австрійцы направляли къ Крагуевацу и Нишу. Грандіозное количество полныхъ снарядами зарядныхъ ящиковъ, полевыя орудія, пулеметы, ружья, грузовые автомобили, полные поклажей, походныя кухни и больницы, транспорты продовольствія, обозы съ офицерскимъ добромъ и награбленной добычей, — все это цѣликомъ осталось въ рукахъ сербовъ.

Не ожидавшіе не только наступленія, но даже дальнѣйшаго сопротивленія сербовъ австрійцы шли впередъ тріумфальнымъ маршемъ, колоннами, съ музыкой впереди, съ колясками и автомобилями, въ которыхъ ѣхали спеціально приглашенныя изъ Вѣны и Будапешта на торжественную оккупацію Ниша знатныя дамы, корреспонденты, фотографы съ кинематографами.

Но вотъ совершилось чудо.

Отступающую, разбитую сербскую армію встрѣтилъ больной, престарѣлый король Петръ, которому лишь въ самый послѣдній моментъ, оберегая его жизнь, сообщили о тяжеломъ положеніи Сербіи. Сгорбленный горемъ и болѣзнью, медленно вышелъ онъ изъ автомобиля навстрѣчу бѣгущимъ, поддерживаемый подъ руки своими сыновьями. Въ солдатской шинели, сжимая дрожащей рукой винтовку, онъ тихо опустился на выступъ скалы и долго молча сидѣлъ, устремивъ взглядъ туда, откуда слышалась приближающаяся стрѣльба австрійцевъ. Но вотъ австрійскія пули зачмокали по самой скалѣ, и тогда, обернувшись къ солдатамъ, собравшимся вокругъ него, король Петръ заговорилъ:

— Братья,—сказалъ онъ:—Сербія погибаетъ. Пусть съ нею погибну и я. Я и дѣти мои останемся здѣсь и грудью встрѣтимъ австрійцевъ. Бѣгите же отъ насъ тѣ, кому жизнь дороже чести и отечества, и оставьте насъ достойно встрѣтить свою смерть!

Старый король не успѣлъ закончить послѣднихъ словъ своей рѣчи. Выстрѣлъ винтовки его былъ покрытъ судорожнымъ громовымъ «ура», вырвавшимся изъ тысячъ грудей, и сербы, какъ лавина, бросились на наступавшихъ австрійцевъ, принимая ихъ въ штыки.

Не ожидавшіе этого натиска австрійцы дрогнули. Въ это время съ высотъ Рудника и Младеноваца загрохотали радостнымъ ревомъ долго молчавшія сербскія орудія.

Началось паническое бѣгство австрійцевъ. Бѣжало все высшее начальство, офицеры, ихъ напрасно выписанныя изъ Вѣны и Будапешта дамы; за ними, обрубивъ постромки у орудій, скакала артиллерійская прислуга; сломя голову неслись, не разбирая дороги, венгерская кавалерія и тирольскіе драгуны... Пѣхота, застрявшая по колѣно въ невѣроятной осенней грязи, лѣниво отстрѣливалась отъ безпощадно насѣдавшихъ сербовъ, сдаваясь цѣлыми ротами съ оружіемъ въ рукахъ. Наступленіе сербовъ было такъ стремительно, что находившіяся въ тылу австрійской арміи части, расположенныя по оккупированнымъ ими селамъ и городамъ, цѣликомъ попадали въ плѣнъ, не имѣя возможности ничего предпринять для своего спасенія.

Въ то же время начался короткій, но жестокій бой около Бѣлграда. Австрійцы, поддержанные огнемъ тяжелыхъ орудій съ плававшихъ по Дунаю мониторовъ, пытались прикрыть отступленіе свое черезъ Дунай. Но снова геройство короля Петра разрушило ихъ планы.

Подъ дождемъ яростнаго пулеметнаго огня, между все время взрывавшимися по сторонамъ дороги гранатами, среди бури и грохота адскаго огня король Петръ промчался на своемъ автомобилѣ впередъ, къ самому опасному мѣсту, бывшему прицѣльной точкой австрійцевъ.

Тамъ, выйдя изъ автомобиля, сопровождаемый своими обоими сыновьями, онъ гордо выпрямился на вершинѣ холма, указывая войскамъ своимъ рукою на Бѣлградъ.

Какъ символъ отчизны, какъ знамя побѣды, стоялъ онъ среди нихъ, и вотъ, охваченные нечеловѣческимъ воодушевленіемъ, не замѣчая болѣе вражескихъ пуль и снарядовъ, ринулись они впередъ мимо него въ послѣдній рѣшительный бой.

И австрійцы были смяты. Невозможно описать смятеніе, охватившее ихъ. Понтонный мостъ, построенный ими черезъ Дунай, гнулся подъ тяжестью столпившихся на немъ людей, повозокъ, орудій и т. п. Бросившаяся вплавь кавалерія билась и барахталась въ ледяной водѣ Дуная и Савы, уносимая ихъ теченіемъ. Ловко направленный сербскій снарядъ, попавъ въ самую гущу повозокъ, нагруженныхъ награбленнымъ австрійцами въ Бѣлградѣ добромъ, образовалъ передъ самымъ спускомъ къ понтонному мосту огромный заторъ.

Это добро австрійцамъ увезти такъ и не удалось. Гордо, подъ клики ликованія окружившихъ его солдатъ, подъ звуки несмолкаемой стрѣльбы вмѣсто побѣдной музыки, вступилъ король Петръ со своими сыновьями въ многострадальную столицу Сербіи.

Король Альбертъ въ бояхъ. Пять мѣсяцевъ войны—это сплошной подвигъ короля Альберта. Его свѣтлое имя перешло въ исторію. Описанія его боевыхъ подвиговъ съ каждымъ днемъ все ярче рисуютъ короля-солдата. Мы посвятили королю Альберту уже много страницъ, давъ рядъ его портретовъ, изображеній его въ бою и описаній его жизни во главѣ арміи-народа. Помѣщая въ этомъ нумерѣ рядъ портретовъ короля Альберта, приводимъ здѣсь изъ «Веч. Врем.» нѣсколько разсказовъ очевидцевъ геройства короля. «Еще недавно въ области Изера, въ то время, когда бельгійскія войска ожесточенно атаковали непріятельскія траншеи, король Альбертъ, въ сопровожденіи сапернаго офицера Морэна, съ небольшимъ отрядомъ саперъ, пользуясь мѣстностью, покрытой кустарникомъ, зашелъ съ лѣваго фланга и

открылъ шлюзы на небольшомъ каналѣ. Небольшое, но неожиданное наводненіе сильно напугало нѣмцевъ, которые вышли изъ окоповъ и въ это время были въ буквальномъ смыслѣ уничтожены огнемъ бельгійскихъ стрѣлковъ.

«Во время боевъ на Изерскомъ каналѣ, когда бельгійцы и англичане пустили по каналу спеціальные плоты, вооруженные пулеметами и скорострѣльными орудіями, для того, чтобы оттѣснить нѣмцевъ отъ береговъ канала, гдѣ они спѣшно производили фортификаціонныя работы, король Альбертъ въ моторной лодкѣ, лишь на кормовой части прикрытой легкой броней, слѣдовалъ за плотами, наблюдая за ходомъ боя. Послѣ этого боя онъ лично, почти подъ огнемъ, награждалъ боевыми знаками отличія бельгійскихъ и англійскихъ стрѣлковъ, принимавшихъ участіе въ этомъ дѣлѣ.

«Послѣ того, когда изъ района южнаго Изера нѣмецкія войска были оттѣснены, но союзники боялись продвигаться, опасаясь подземныхъ минъ, къ отряду, которымъ командовалъ въ этой мѣстности англійскій майоръ Роджерсъ, спустился аэропланъ, изъ котораго вышелъ высокій человѣкъ въ каскѣ и въ очкахъ воздухоплавателя и доложилъ командиру района, что нѣмецкіе пѣхотинцы на берегу рѣчки Линетъ, черезъ которую перекинутъ мостъ, производятъ какія-то подозрительныя работы. Когда уже воздухоплаватель намѣревался сѣсть въ свой аппаратъ, а авіаторъ, управлявшій имъ, былъ готовъ къ отлету, майоръ Роджерсъ полюбопытствовалъ узнать имя воздушнаго развѣдчика.

— «Авіаторъ — капитанъ Креняль, а пассажиръ его — Альбертъ, король бельгійцевъ».

«Такимъ образомъ король Альбертъ предупредилъ союзниковъ объ угрожающей опасности, послѣ чего, наступленіемъ по другимъ путямъ, союзники продвинулись до деревни Вейметенъ.

«Въ районѣ Зеебрюгге поздней ночью къ передовому госпиталю подъѣхало двое всадниковъ; они попросили у дежурнаго врача разрѣшенія переночевать. Врачъ предложилъ путникамъ свою палатку, гдѣ они и устроились. Но утромъ врачъ былъ крайне удивленъ, замѣтивъ, что его гостей уже нѣтъ. Войдя въ госпиталь, онъ увидѣлъ обоихъ путниковъ разговаривающими съ больными. Когда врачъ приблизился къ нимъ, онъ былъ пораженъ, узнавъ въ одномъ изъ нихъ короля Альберта. Король пожалъ руку врачу, поблагодарилъ его за образцовый порядокъ и просилъ по окончаніи войны сообщить ему свой адресъ, такъ какъ онъ никогда не забудетъ удобнаго ночлега въ его палаткѣ.

«О королѣ Альбертѣ раненые бельгійцы, англичане и французы не могутъ говорить безъ слезъ умиленія и называютъ его «отцомъ». Послѣ штыковыхъ атакъ король Альбертъ послѣднимъ уходитъ съ поля боя. Онъ все время безпокоится, не осталось ли на полѣ битвы хоть одного раненаго, ждущаго помощи и спасенія. Вмѣстѣ съ санитарами онъ обходитъ и обыскиваетъ всѣ неровности почвы, всѣ кусты и камни. Послѣ боя къ сѣверу отъ Рамскапелле, когда нѣмцы, послѣ того какъ они были отбиты съ большимъ для нихъ урономъ, предприняли рядъ ожесточенныхъ контръ-атакъ, во время ихъ едва не пострадалъ король, который вмѣстѣ съ санитарами-добровольцами разыскивалъ раненыхъ. Въ этомъ же бою король Альбертъ на собственныхъ плечахъ вынесъ изъ боя раненаго бельгійскаго солдата, который, упавъ, ушибъ о камень голову и впалъ въ безсознательное состояніе».

Согласованность дѣйствій союзниковъ на западномъ и восточномъ фронтахъ. Въ «Правит. Вѣстникѣ» помѣщено слѣдующее сообщеніе:

«Уже съ самаго начала войны всѣ военныя операціи нашихъ и союзныхъ намъ армій и флотовъ слились воедино, съ полной согласованностью всѣхъ военныхъ дѣйствій, предуказывающей наилучшее достиженіе основныхъ и конечныхъ цѣлей войны. Такимъ образомъ, какія бы ни выдвигала война временныя испытанія, или періоды, требующіе отъ союзниковъ чрезвычайнаго напряженія силъ, — эта согласованность союзныхъ дѣйствій уже закрѣпила прочно въ сердцахъ и въ умахъ народовъ Бельгіи, Франціи, Англіи, Россіи, Японіи, Сербіи и Черногоріи несокрушимую вѣру въ конечную побѣду союзниковъ.

«Сродство армій по духу при использованіи ими общихъ войсковыхъ силъ, техническихъ средствъ и согласованное развитіе союзниками операцій — дѣлаютъ всякій боевой эпизодъ въ рядахъ союзныхъ войскъ дорогимъ каждому изъ нихъ въ отдѣльности: захватъ атакой нашими союзниками непріятельскихъ траншей на Изерѣ или въ Аргоннахъ въ такой же мѣрѣ намъ близокъ и дорогъ, какъ и имъ наше завладѣніе позиціями и захватъ орудій непріятеля въ районѣ боевыхъ дѣйствій въ Польшѣ, Галиціи и Восточной Пруссіи; каждый боевой подвигъ бельгійца, англичанина, француза столь отождествляется съ подвигомъ русскаго солдата, что создается одно впечатлѣніе, будто всѣ эти подвиги совершаются подъ однимъ и тѣмъ же полковымъ знаменемъ, несмотря на то, что героевъ бельгійцевъ, англичанъ, французовъ, а съ другой стороны — русскихъ еще раздѣляетъ территорія непріятельской страны, пока еще не занятая войсками союзныхъ армій.

«Для выполненія отдѣльной военной операціи проходитъ болѣе или менѣе продолжительный періодъ, въ теченіе котораго населеніе, непосредственно не участвующее въ войнѣ, имѣетъ возможность опредѣлять ходъ военныхъ событій лишь по отдѣльнымъ боевымъ столкновеніямъ частнаго значенія. И только когда закончится вся операція, ея развитіе, — тогда она выступитъ во всей полнотѣ, со всѣмъ ея значеніемъ какъ для нашего, такъ и для союзнаго фронтовъ. Тогда отпадетъ и всякій вопросъ о томъ, соотвѣтствуетъ ли ударъ союзныхъ войскъ на одномъ фронтѣ напряженію боевыхъ дѣйствій на другомъ.

«Подобное настроеніе уже имѣло мѣсто въ недавнемъ прошломъ, въ пору рѣшительнаго наступленія германцевъ на Парижъ; но достаточно было затѣмъ нашимъ войскамъ нанести ударъ въ Восточной Пруссіи, кореннымъ образомъ повліявшій на измѣненіе положенія на западномъ фронтѣ, чтобы возможность такого теченія мысли исчезла, и всѣми союзниками по достоинству была оцѣнена эта наша операція.

«Сужденіе того же порядка могло появиться и теперь: среди людей, далеко стоящихъ отъ хода военныхъ операцій, можетъ вновь зародиться вопросъ о соотвѣтствіи боевого напряженія на нашемъ и англо-франко-бельгійскомъ фронтахъ. Но, какъ прежде, такъ и теперь каждая изъ сторонъ находится внѣ упрека. Всѣ операціи союзныхъ намъ армій во всѣхъ частяхъ обнаруживаютъ величайшую отвагу англо-франко-бельгійскихъ войскъ, въ соединеніи съ чрезвычайнымъ искусствомъ ихъ полководцевъ, проявляющимся съ неизмѣнной твердостью и рѣшимостью для того, чтобы прорвать сплошную сѣть всякихъ загражденій и укрѣпленій, устроенныхъ германцами, и, разрушивъ всѣ преграды, внести побѣдоносныя операціи уже въ предѣлы Германіи. Въ ожиданіи этого момента перелома великой войны союзныя войска охвачены однимъ стремленіемъ къ побѣдѣ, столь ярко выразившимся въ словахъ ихъ главнокомандующаго, генералиссимуса Жоффра: «Въ моментъ, когда загорается сраженіе, отъ котораго зависитъ судьба отечества, не время думать о томъ, что находится позади; всѣ усилія должно сосредоточить на атакѣ. Части, не имѣющія силъ продолжать наступленіе, должны во что бы то ни стало удержать завоеванное и скорѣе умереть, нежели отступить».

«Таковы сила и мощь нашихъ союзниковъ и преданность ихъ нашему общему великому дѣлу войны».

Чего же медлятъ французы? На этотъ вопросъ даетъ авторитетный отвѣтъ нашъ офиціальный военный органъ «Русскій Инвалидъ». «Къ намъ пристаютъ съ вопросомъ: что же медлятъ французы броситься и прорвать оставшуюся временно противъ нихъ, если не «паутину», то во всякомъ случаѣ порѣдѣвшую фалангу германцевъ. Мѣшаютъ укрѣпленія, которыми, какъ броней, нѣмцы усердно заслонили свой западный фронтъ. Фортификація помножаетъ на 10 оставшихся защитниковъ фронта, прикрывая ихъ своими земляными, проволочными и всякими другими закрытіями. Итти на нихъ прямо—значитъ потерять бездну жизней. И французы идутъ на нихъ болѣе дешевымъ путемъ—съ помощью ускоренной инженерной атаки и съ помощью работы во флангъ, съ сѣвера Бельгіи. Уже изъ самаго приступа нѣмцевъ къ солидному укрѣпленію своего фронта опытные люди прозрѣвали, что это дѣлается, чтобы перебросить часть силъ на русскій фронтъ. Но подробное сообщеніе штаба нашего верховнаго командованія даетъ надежду, что, можетъ-быть, нѣмцамъ нечего уже будетъ отвозить назадъ послѣ тѣхъ колоссальныхъ потерь, которыя они несутъ, атакуя наше крѣпкое расположеніе за Бзурой и Пилицей».

Метерлинкъ и итальянцы. Въ Миланѣ, въ театрѣ La Scala, долженъ былъ состояться вечеръ съ участіемъ Метерлинка, который собирался прочесть одну изъ своихъ послѣднихъ статей. Выступленіе Метерлинка однако было въ послѣдній моментъ запрещено миланскимъ префектомъ. Было основаніе опасаться крупныхъ уличныхъ безпорядковъ, такъ какъ толпа настроена въ высшей степени бурно и ждетъ только случая побудить правительство выступить съ объявленіемъ войны противъ общаго врага.

«Запрещеніе моего чтенія,—пишетъ Метерлинкъ въ «Figaro»,—вызвало такой протестъ, что на завтра мнѣ разрѣшено было прочесть мою статью въ другомъ театрѣ.

«Во Франціи не отдаютъ себѣ отчета о настроеніи Италіи. Если бы народъ не старались удерживать всѣми силами и всѣми способами, война была бы объявлена завтра. Это такой экстазъ, такой чудесный энтузіазмъ!»

Какъ нѣмцы отпраздновали Рождество въ Бельгіи. Германскій комендантъ г. Гента не задумался совершить грабежъ и подъ великій праздникъ: разореннымъ жителямъ Гента было приказано подъ страхомъ смерти доставить въ германскую армію: милліонъ сигаръ, милліонъ папиросъ, 90.000 фунтовъ табаку. Кромѣ того, они разграбили всѣ винные склады и магазины и реквизировали 12.000 музыкальныхъ инструментовъ.

Пеняютъ на зеркало. По требованію нѣмецкаго посольства въ Римѣ, отданъ подъ судъ редакторъ итальянскаго юмористическаго журнала «Asino» («Оселъ»), помѣстившаго много рѣзкихъ карикатуръ противъ нѣмецкаго милитаризма. Пять извѣстныхъ депутатовъ приняли на себя защиту журнала. Этотъ процессъ ожидается съ нетерпѣніемъ и является злобой дня въ Италіи.

Сочельникъ въ германскихъ траншеяхъ. Германскій кронпринцъ приказалъ въ сочельникъ въ траншеяхъ, гдѣ можно, зажечь елку, послать солдатамъ трубки и наборы елочныхъ украшеній и обратился къ нимъ съ такимъ воззваніемъ: «Желаю, чтобы, съ Божьяго благословенія, у васъ навсегда осталось воспоминаніе о сочельникѣ, проведенномъ во Франціи, въ близкомъ соприкосновеніи съ непріятелемъ. Да поможетъ Богъ принудить врага къ заключенію мира, которымъ отечество могло бы гордиться. Какъ мой почившій дѣдъ, который въ 1870 году послалъ арміи рождественскіе подарки, я посылаю вамъ, вѣрные товарищи, на память объ этомъ Рождествѣ трубки съ моимъ изображеніемъ».

Австріецъ о русскомъ милосердіи. Извѣстный австрійскій писатель Рода-Рода, военный корреспондентъ «Neue Freie Presse», сообщаетъ о случаѣ, имѣвшемъ мѣсто на Карпатахъ. Завѣдующій австрійскимъ перевязочнымъ пунктомъ врачъ не былъ въ состояніи оказывать помощь своимъ раненымъ, такъ какъ у него вышелъ весь перевязочный матеріалъ. Случайно мимо пункта проѣзжалъ гусаръ унтеръ-офицеръ. Врачъ подозвалъ его и приказалъ достать гдѣ-нибудь перевязочныя средства. Гусаръ, не долго думая, вырубилъ въ лѣсу шестъ, прикрѣпилъ къ нему носовой платокъ и поскакалъ на передовыя позиціи русскаго отряда, размахивая бѣлымъ «флагомъ». «Парламентеръ» былъ сразу проведенъ въ русскій лазаретъ, и русскій врачъ вручилъ ему свертокъ съ перевязочнымъ матеріаломъ, поручивъ ему также передать привѣтъ австрійскому коллегѣ-врачу.

Династія героевъ. Сынъ знаменитаго героя, борца за освобожденіе Италіи Джузеппе Гарибальди, Риччіотти Гарибальди, въ отвѣтъ на сообщеніе о смерти сына, павшаго въ бою въ рядахъ гарибальдійцевъ, сражающихся во французской арміи, прислалъ слѣдующую лаконичную телеграмму: «Поздравляю моего сына».

Пять битыхъ за одного небитаго. Переговоры объ обмѣнѣ плѣнныхъ между Германіей и Англіей закончились неудачей: Германія потребовала за одного англичанина возвращенія пяти германцевъ.

Въ гостяхъ у генерала Клука. Военный корреспондентъ датской газеты «Politiken», находящійся на западномъ фронтѣ, посѣтилъ главную квартиру генерала Клука, расположенную въ одномъ изъ городовъ сѣверной Франціи.

Командующій второй германской арміей, въ началѣ войны преждевременно возведенный въ національные германскіе герои, сейчасъ находится въ области р. Энъ. Онъ обитаетъ въ домѣ, со всѣхъ сторонъ окруженномъ земляными укрѣпленіями и производящемъ впечатлѣніе норы крота.

Необычайной толщины шея, маленькіе глаза, выдающіеся впередъ зубы — придаютъ генералу Клуку «своеобразную» наружность. У генерала Клука шипящій голосъ и деспотическая манера обращенія съ подчиненными.

Генералъ Клукъ въ бесѣдѣ съ датскимъ журналистомъ сказалъ слѣдующее:

— «Насъ называютъ гуннами и варварами. Но это дѣлаетъ намъ только честь, такъ какъ служитъ лучшимъ доказательствомъ нашей силы. Я не отрицаю того, что я лично отдалъ приказъ о разрушеніи и сожженіи бельгійскихъ городовъ и деревень. Я буду такимъ же образомъ поступать и въ будущемъ, такъ какъ лишь политика желѣзной руки способна внушать покорность и страхъ».

На вопросъ датскаго журналиста, почему сообщенія германской главной квартиры обыкновенно малосодержательны, генералъ Клукъ отвѣтилъ:

— «Мы дѣлаемъ это преднамѣренно, чтобы вводить въ заблужденіе непріятеля».

Трогательный подарокъ. Женщины мѣстечка Ривезальта, во Франціи, поднесли генералу Жоффру фуфайку, собственноручно связанную всѣми безъ исключенія женщинами мѣстечка. На долю каждой женщины пришлось по короткой шерстяной ниткѣ и по нѣсколько стежковъ. Этотъ оригинальный подарокъ отправленъ въ главную квартиру генералиссимуса.

Сердце русскаго солдата. Корреспондентъ «Русскаго Слова» рисуетъ яркую картину вступленія нашихъ войскъ въ Млаву, недавно еще бойкій, богатый городъ. Теперь вся жизнь его замерла: двѣ трети населенія его бѣжало. Оставшееся населеніе встрѣтило вступившія въ Млаву русскія войска воплемъ:

— Хлѣба! Хлѣба!..

На площади остановилась походная кухня. Ее окружили нижніе чины съ котелками въ рукахъ. Слышится запахъ вкуснаго, жирнаго борща. Въ одно мгновеніе вблизи обѣдающихъ солдатъ собирается толпа голодныхъ, одѣтыхъ въ лохмотья женщинъ и дѣтей.

— Ребята,—обращается кашеваръ къ солдатамъ:—ежели у кого останется борща въ котелкѣ, не выливай, а давай сюда. Надо вонъ ту голодную ораву покормить.

Оглянулись солдаты на толпу. Одинъ поднялся, потянулся къ кухнѣ выливать остатокъ, за нимъ — другой, третій, четвертый... Никто не доѣлъ до конца.

— Эй, вы! Кто хочетъ солдатскаго борща, бѣги домой за посудой!—весело крикнулъ кашеваръ.—Угостимъ, сколько хватитъ!

Точно ураганъ смелъ толпу: всѣ бросились за посудой. Вернулись съ кастрюлями, мисками, тарелками. А потомъ, проходя съ драгоцѣннымъ варевомъ въ рукахъ мимо солдатъ, тихо говорили:

— Да благословитъ васъ Богъ.

Ассирійская дружина. По словамъ «Кавказа», на турецкій фронтъ отбыла изъ Тифлиса первая дружина ассирійскихъ добровольцевъ.

Какъ извѣстно, главная масса ассирійскаго племени проживаетъ въ Персіи и въ Индіи, но немало ихъ живетъ также и въ Турціи, и только незначительная часть—въ Россіи.

Среди выѣхавшихъ на войну добровольцевъ — одинъ народный учитель, а остальные—мастеровые: каменщики и маляры. Большинство изъ нихъ живетъ на Кавказѣ по нѣсколько лѣтъ, а нѣкоторые даже здѣсь родились.

О мотивахъ, побудившихъ ихъ ѣхать добровольцами противъ турокъ, ассирійцы говорятъ:

— Только полная побѣда русскихъ надъ турками окончательно освободитъ нашихъ братьевъ ассирійцевъ и всѣхъ остальныхъ живущихъ въ Турціи христіанъ отъ творимыхъ турками насилій.

Одинъ изъ ассирійскихъ добровольцевъ говорилъ сотруднику «Каз.»:

— Мы, ассирійцы, въ лицѣ Россіи видимъ свою избавительницу отъ рабства. Когда насъ безпощадно мучили персидскіе курды, Россія вмѣшалась, и теперь проживающіе въ Персіи ассирійцы чувствуютъ себя въ безопасности.

Еще въ худшемъ положеніи находятся ассирійцы въ Турціи, гдѣ они совершенно порабощены и гдѣ каждый турокъ или курдъ можетъ безнаказанно ихъ грабить и убивать.

— И поэтому,—продолжалъ онъ:—живущіе свободно и обезпеченно въ Россіи не могутъ въ настоящее время сидѣть сложа руки, не принявъ участія въ общемъ дѣлѣ.

Проводить добровольцевъ собрались на вокзалѣ родные и знакомые ихъ, а также немало посторонней публики.

Всѣ сердечно прощались съ дружинниками, и поѣздъ отошелъ при дружномъ громкомъ «ура».

Дружина выѣхала черезъ Джульфу.

Нѣмецко-русскій солдатскій толмачъ. Газета «Кіевъ» приводитъ характерныя выдержки изъ найденнаго на полѣ сраженія подъ Варшавой нѣмецко-русскаго солдатскаго толмача, изданнаго въ десяткахъ тысячахъ экземпляровъ. Угрозы разстрѣломъ, убійствомъ и штрафомъ пестрятъ почти на каждой страницѣ. Рядомъ съ этими угрозами фразы: «Опорожняйте карманы», «Снимите сапоги», «Гдѣ касса» и т. д.

Угостились. Когда запасъ спирта въ Ченстоховѣ истощился, нѣмцы нашли въ аптекѣ Гросберга большіе запасы денатурата и потребовали обезвредить его. Аптекарь примѣшалъ пахучія вещества. Солдаты роспили весь спиртъ. Одиннадцать солдатъ умерло. Гросбергъ былъ преданъ суду за умышленное отравленіе и приговоренъ къ 15 годамъ каторги. По пути изъ суда Гросбергъ былъ пристрѣленъ. Нѣмцы объяснили это убійство тѣмъ, что Гросбергъ будто бы сдѣлалъ попытку бѣжать.

Негры подъ снѣгомъ. Характерную сцену описываетъ возвратившійся изъ Фландріи военный корреспондентъ «Matin». На поляхъ Фландріи выпалъ снѣгъ, покрылъ бѣлой пеленой крыши домовъ, нанесъ высокіе сугробы въ селеніяхъ и повисъ пушистыми хлопьями на деревьяхъ.

Въ одной изъ деревушекъ, занесенныхъ снѣгомъ, который выпалъ ночью, расположился на ночлегъ отрядъ африканскихъ стрѣлковъ.

Рано утромъ чернокожіе, выйдя на улицу, остолбенѣли при видѣ необычайнаго для нихъ зрѣлища—ослѣпительно бѣлой, снѣжной равнины и пушистыхъ снѣжинокъ, кружившихся въ воздухѣ.

Кажется, видъ германскихъ пуль не производилъ на нихъ такого впечатлѣнія, какъ эти невинныя снѣжинки.

Они сперва робко слѣдили глазами за ихъ полетомъ, потомъ попробовали ловить ихъ и, поймавъ, подносили ко рту.

Снѣжинки таяли на губахъ, и они бросались ловить новыя.

Когда офицеръ засталъ ихъ за этимъ занятіемъ, они сконфузились и съ недоумѣніемъ поднесли къ лицу горсть свѣжаго рыхлаго снѣга, спрашивая на своемъ исковерканномъ французскомъ языкѣ:

— Мусью, ке-се-са?

Офицеръ объяснилъ имъ, какъ могъ и какъ умѣлъ. Негры удивленно качали головами. Снѣгъ, падающій съ неба, показался имъ какимъ-то таинственнымъ знаменіемъ, полнымъ мистическаго значенія.

Даръ русской женщины. «Виленскій Военный Листокъ» приводитъ характерный фактъ, рисующій широту русской крестьянской души. Къ архіепископу владимірскому Алексію пришла крестьянка деревни Андарова, Черкутинской волости, Владимірской губерніи и уѣзда, Марѳа Дмитріевна Пантелеева. Старуха-крестьянка была въ деревенскомъ полушубкѣ, въ валенкахъ.

— Ты будешь архіерей? — обратилась она къ архіепископу.

— Да, я.

Она приняла благословеніе и повела такую рѣчь:

— Такъ вотъ, видишь, теперь нашъ Батюшка-Царь воюетъ съ нѣмцами. У него много всякой нужды, и не перечесть. Такъ вотъ я принесла деньги, чтобы ты послалъ ихъ Царю.

При этомъ старуха вынула изъ кармана завернутую въ платокъ пачку ассигнацій и передала владыкѣ 500 рублей.

— Пятьсотъ рублей?—удивился архіепископъ.—Гдѣ ты ихъ взяла?

— Всю жизнь, батюшка, копила и собрала. А теперь велика нужда Царю. Вотъ какъ Господь привелъ мнѣ отдать ихъ на доброе дѣло! Сейчасъ изъ банка вынула.

— А ты съ чѣмъ же сама останешься, старуха?—спросилъ владыка.

— Ну, мнѣ много ли нужно! Печку сама истоплю, испеку чего-нибудь и сыта.

— А на похороны?

— А на смерть у меня еще семь рублей осталось.

„Ахметка". Одинъ изъ раненыхъ прапорщиковъ разсказалъ о призванномъ изъ запаса татаринѣ Ахметкѣ, который пользовался во взводѣ большимъ авторитетомъ, такъ какъ участвовалъ въ персидскомъ походѣ.

Во время перестрѣлки онъ почти всегда первый замѣчалъ непріятеля.

— Нэмецъ голова показалъ. Прыкажи, баринъ, плы!

Эта команда «плы!» ему особенно нравилась.

Пошелъ Ахметка въ лѣсокъ собирать валежникъ и натолкнулся на спрятавшагося въ кустахъ австрійскаго развѣдчика. У того въ рукахъ была винтовка. Ахметка шелъ съ голыми руками, но, увидѣвъ врага, онъ «разсердился» и, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ опомниться, кинулся на него, повалилъ и началъ изо всѣхъ силъ тузить его кулаками. Еле-еле австрійцу удалось вырваться и пуститься бѣжать, оставивъ въ рукахъ Ахметки свою винтовку.

Вернувшись со своимъ трофеемъ, Ахметка показалъ смѣющимся солдатикамъ свой огромный кулачище и пояснилъ:

— Бомбомъ билъ!

Шутки на войнѣ. Историкъ К. Валишевскій пишетъ по поводу настоящей войны: «Ее называютъ теперь осадной войной, но что же это за крѣпость, вокругъ которой линія окоповъ растянулась на тысячи километровъ? Сколько времени потребуется для штурма такой площади? Между двухъ сраженій осаждающіе и осажденные обмѣниваются изъ своихъ траншей насмѣшками и шутками, точно мы возвратились ко временамъ Гомера и Трои. Послѣ перестрѣлки нѣмцы и французы идутъ варить супъ въ одну деревню. Французскій солдатъ, сражающійся, не знаю, гдѣ,—на письмахъ изъ дѣйствующей арміи не помѣчается мѣсто отправленія,—пишетъ: «Вчера наши сосѣди изъ окоповъ противъ насъ ошиблись траншеей и принесли къ намъ свой супъ. Мы оставили у себя и супъ и нѣмцевъ».

На войнѣ все возможно. К. Валишевскій приводитъ интересную выдержку изъ письма, полученнаго имъ съ войны изъ штаба французской арміи. «У подъѣзда дома, гдѣ живетъ министръ Жюль Гэдъ, соціалистъ-революціонеръ, стоитъ автомобиль въ ожиданіи министра... А обязанности шоффера исполняетъ аббатъ Дюпонъ, бывшій до мобилизаціи первымъ викаріемъ въ приходѣ Сенъ-Бренъ въ Бордо»...

Храбрость за деньги. Въ карманахъ плѣнныхъ германскихъ солдатъ найденъ послѣдній приказъ по арміи, отданный кайзеромъ передъ наступленіемъ Гинденбурга на Варшаву.

Призывая своихъ «храбрыхъ пруссаковъ» къ молніеносному удару на ненавистнаго врага, Вильгельмъ утѣшаетъ ихъ, что немедленно же послѣ взятія Варшавы будетъ заключенъ миръ.

Чувствуя, очевидно, что этихъ обѣщаній для «доблестной арміи» недостаточно, кайзеръ сулитъ имъ и обогащеніе. Послѣ взятія Лодзи и Варшавы, когда вся операція въ Привислинскомъ краѣ будетъ закончена, — говорится въ приказѣ,—всѣ города Царства Польскаго будутъ обложены огромной контрибуціей, которая цѣликомъ будетъ отдана солдатамъ. Аккуратные нѣмцы любятъ заранѣе знать цифру своихъ доходовъ. Въ приказѣ указывается, что на долю каждаго солдата придется не менѣе 20-ти тысячъ марокъ.

Этимъ ли приказомъ, или вліяніемъ винныхъ паровъ объясняется та дѣйствительно безумная храбрость, съ которой дерутся нѣмцы нынѣ подъ Лодзью,— неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, пруссаки бьются съ отчаяніемъ.

№ 1. Выходитъ еженед. (52 №№ въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 3 января 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на 1/2 года—4 р., на 1/4 года—2 р. Цѣна этого №—25 к., съ перес. 30 к.

Н. Самокишъ

Нападенiе кавалерiи на непрiятельскiй обозъ. Рисунокъ профессора Н. С. Самокиша.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Ежемѣс. литературныя и популярно-научныя приложенія“ за январь 1915 г. 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ“ за январь 1915 г. съ 44 рис., отдѣльный листъ съ 29 черт. выкр. въ натур. величину и 41 рис. дамскихъ рукодѣлій. 3) „Отрывной ежемѣсячный КАЛЕНДАРЬ“ на 1915 годъ, отпечатанный красками.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Очерки **К. Шумскаго.**

Четвертое наступленіе Гинденбурга.

Катастрофа нѣмецкихъ войскъ у Брезинъ, а главное—подходъ нашихъ войскъ къ Кракову окончательно вывели изъ равновѣсія германскій генеральный штабъ. Мы уже указывали, что главная задача нѣмцевъ на нашемъ фронтѣ заключается въ томъ, чтобы не допустить вторженія нашихъ войскъ на германскую территорію. Въ тотъ день, когда наши войска перейдутъ германскую границу, нѣмцамъ нужно бросить операціи во Франціи и перевезти войска на востокъ. Это заставитъ нѣмцевъ втянуться въ безконечную задачу — въ веденіе операцій противъ Россіи и должно привести, даже въ лучшемъ для нѣмцевъ случаѣ, лишь къ затяжкѣ войны, при чемъ въ нѣмецкомъ тылу будетъ постоянно ощущаться энергичное давленіе французской арміи, стремящейся черезъ Бельгію и Люксембургъ къ Рейну. Нѣмцамъ до зарѣзу необходимо покончить съ однимъ изъ двухъ противниковъ, чтобы устремить всѣ силы на другого, и такимъ противникомъ, съ которымъ теоретически возможно покончить, является, по мнѣнію нѣмцевъ, лишь Франція, а никакъ не Россія.

Твердыня героевъ — крѣпость Ивангородъ. Его Величество Государь Императоръ среди доблестныхъ защитниковъ крѣпости, во главѣ которыхъ — комендантъ Ивангорода генералъ-маіоръ А. В. Шварцъ, награжденный георгіевскимъ оружіемъ.
По фот. нашего спец. корреспондента.

Вотъ почему нѣмцы всячески отказываются повернуться въ нашу сторону и всячески стремятся не допустить наши войска на германскую территорію, ибо съ этимъ связанъ нежелательный для нѣмцевъ поворотъ въ сторону Россіи главной массой войскъ.

Когда наши войска подошли къ Кракову и нѣмцамъ стало грозить движеніе мимо Кракова въ Силезію, для нихъ снова насталъ критическій моментъ. Германской территоріи угрожало вторженіе нашихъ войскъ, и нужно было дѣлать нежелательный поворотъ всей массой въ нашу сторону.

Для того, чтобы отвратить опасность отъ Силезіи, нѣмцы употребили свой любимый пріемъ. Пріемъ этотъ заключается въ томъ, что они никогда не заслоняютъ войсками угрожаемыхъ пунктовъ, а сами наносятъ ударъ въ другомъ направленіи, предлагая противнику увести войска съ угрожаемаго направленія и заслониться отъ наступленія. Для того, чтобы пояснить эту нѣсколько сложную формулу, лучше всего ее иллюстрировать на примѣрѣ наступленія генерала Гинденбурга.

Наши войска подходили мимо Кракова къ Силезіи. Нѣмцы не послали войска въ Силезію для того, чтобы ее заслонить. Вмѣсто этого они сами произвели наступленіе по лѣвому берегу Вислы къ Варшавѣ. Вслѣдствіе этого наши войска со стороны Кракова и Силезіи перетянулись временно къ району Варшавы для того, чтобы заслонить этотъ пунктъ, которому пытались угрожать нѣмцы.

Такимъ образомъ для того, чтобы оттянуть наши войска отъ Силезіи, нѣмцы произвели наступленіе къ Варшавѣ. Катастрофа у Брезинъ привела къ крушенію новую нѣмецкую операцію. Тогда нѣмцамъ предстояло выбрать между двумя рѣшеніями: или отойти послѣ неудачи у Брезинъ къ своей границѣ, т.-е.

Твердыня героевъ—крѣпость Ивангородъ. Его Величество Государь Императоръ изволитъ раздавать въ крѣпости георгіевскіе кресты доблестному гарнизону.
По фот. нашего спец. корреспондента.

Лагерь команды штаба дивизіи въ прикрытіи. По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

къ Торну, или выслать новыя войска и продолжать наступленіе.

Въ первомъ случаѣ нѣмцы спасали остатки своихъ войскъ, разбитыхъ у Брезинъ, но не спасали Силезіи, которой угрожало наше вторженіе. Поэтому они рѣшили выбрать второе, а именно—выслали новыя войска и продолжали свое наступленіе по лѣвому берегу Вислы, невзирая на неудачу у Брезинъ. Въ виду этого наши войска естественно должны были принять на себя обязанность заслонить Варшаву и временно пріостановить наступленіе въ Силезію.

Изъ этого нетрудно видѣть, что цѣль всего наступленія, предпринятаго нѣмцами по лѣвому берегу Вислы, въ направленіи къ Плоцку и Варшавѣ, заключалась въ томъ, чтобы временно занять наши войска и какъ-нибудь отдалить наше вторженіе въ Силезію. Вполнѣ понятно, что такое рѣшеніе — это палліативъ. Такая полумѣра временно, конечно, можетъ отдалить наше вторженіе въ Силезію, но только временно. Каковъ бы ни былъ успѣхъ нѣмецкаго наступленія, предѣломъ для него является Висла. За эту рѣку нѣмцы, даже въ случаѣ исключительнаго успѣха, что, конечно, представляется болѣе чѣмъ сомнительнымъ, перейти не могутъ. Слѣдовательно, предѣлъ для нѣмецкаго наступленія положенъ, и линія рѣки Вислы съ небольшимъ количествомъ войскъ всегда остановитъ наступленіе и дастъ возможность нашимъ войскамъ въ концѣ концовъ произвести вторженіе въ Германію черезъ Силезію.

О томъ, что переправа черезъ Вислу, усиленную крѣпостями, невозможна, знаютъ сами нѣмцы, уже однажды потерпѣвшіе неудачу при переправѣ черезъ менѣе широкій и глубокій Нѣманъ и второй разъ разбитые при своихъ попыткахъ переправиться у Ивангорода, во время Варшавской операціи. Поэтому нѣмцы и сами не вѣрятъ въ то, что ихъ наступленіе къ Варшавѣ спасетъ Силезію. Доказательствомъ является, что нѣмцы сплошь укрѣпили свою границу. Эта граница могла укрѣпляться только единственно въ томъ случаѣ, если нѣмцы имѣютъ въ виду, что наши войска подойдутъ къ ней. Нѣмцы уже предвидятъ, что наступленіе къ Варшавѣ остановится, и наши войска появятся на ихъ границѣ; поэтому, когда наступала армія Гинденбурга, десятки тысячъ рабочихъ окапывались по всей германской границѣ, особенно въ раіонѣ Ченстохова, т.-е. на границѣ Силезіи.

Если обратить вниманіе на пограничную линію Германіи, то видно, что она состоитъ изъ трехъ участковъ: Восточная Пруссія, Познанскій раіонъ и Силезія. Восточная Пруссія представляетъ собою сплошную крѣпость, и нѣмцы, повидимому, считаютъ, что здѣсь они уже заслонились, сколько могли. Слѣдующій раіонъ—Познанскій—прежде всего защищенъ крѣпостью Познань. Кромѣ того, при движеніи черезъ Познанскій раіонъ, восточно-прусская армія нѣмцевъ угрожаетъ путямъ наступленія Варшава—Познань со стороны праваго фланга. Поэтому нѣмцы считаютъ, что и Познанскій раіонъ ими защищенъ достаточно. Остается единственно незащищенный Силезскій раіонъ.

Защита нѣмцами границы.

Силезія представляетъ собою богатѣйшую и плодороднѣйшую страну, гдѣ могутъ получать продовольствіе на мѣстѣ цѣлыя арміи, въ теченіе, конечно, болѣе или менѣе опредѣленнаго промежутка времени. Силезія пронизана густѣйшей сѣткой желѣзныхъ дорогъ и прекрасныхъ шоссе. Силезія находится на границѣ трехъ государствъ: Германіи, Австро-Венгріи и Россіи, и, слѣдовательно, отсюда идутъ пути и на Берлинъ и на Вѣну.

При такихъ драгоцѣнныхъ качествахъ Силезія съ начала войны почти не была защищена никакими крѣпостями и укрѣпленіями и совершенно не имѣла какихъ-либо естественныхъ преградъ, въ видѣ широкихъ рѣкъ или трудно проходимыхъ горъ. Единственная рѣка Одеръ, протекая здѣсь неширокимъ и неглубокимъ верхнимъ теченіемъ, не только не составляетъ какой-либо преграды, но даже не представляетъ собою и препятствія, могущаго временно задержать движеніе войскъ. Единственная крѣпость—Бреслау—къ началу войны не имѣла ни одного форта. Вокругъ города Бреславля были расположены лишь большіе пороховые погреба. Нѣмцы разсчитывали въ случаѣ войны выстроить около этихъ пороховыхъ погребовъ временные форты и такимъ образомъ создать фортовой поясъ вокругъ города, чѣмъ и ограничиться.

Для того, чтобы понять, почему нѣмцы такъ равнодушно относились къ Бреславлю, представляющему собою единственный опорный пунктъ въ Силезіи, необходимо обратить вниманіе на направленіе операціонныхъ путей.

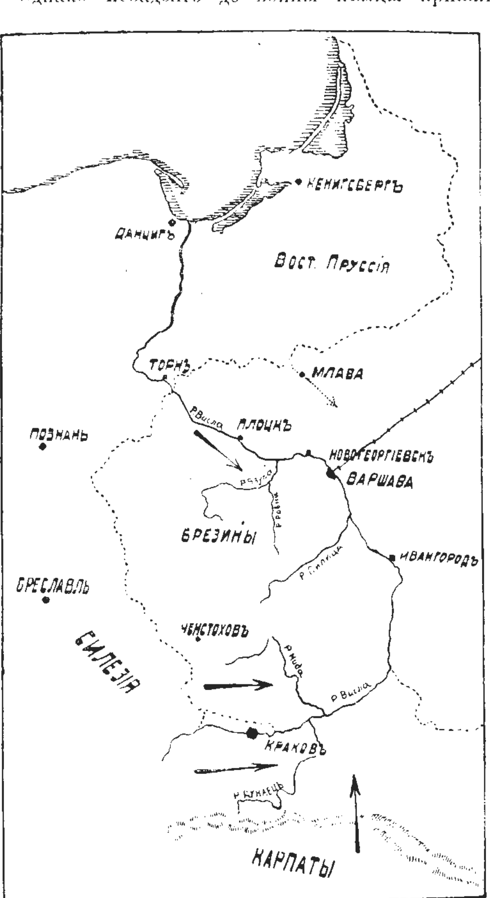
Изъ трехъ операціонныхъ путей на Берлинъ черезъ Восточную Пруссію, Познань и Силезію—путь черезъ Силезію самый дальній и самый трудный. Кромѣ того, здѣсь въ близкомъ сосѣдствѣ находится Краковъ, а слѣдовательно, здѣсь должны были дѣйствовать австрійскія арміи. Нѣмцы, конечно, никогда не разсчиты-

Въ походѣ. По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

вали, что арміи эти будутъ такъ основательно разбиты, и, заключая союзъ съ Австріей, они естественно надѣялись на содѣйствіе австрійскихъ войскъ.

Въ виду этого нѣмцы считали достаточнымъ устроить въ случаѣ войны вокругъ Бреславля только временные форты. Временными фортами называются форты, не имѣющіе прочныхъ укрытій для войскъ и пушекъ изъ бетона, а лишь укрытія, дѣлаемыя въ минуту необходимости изъ дерева, рельсовъ, земляныхъ мѣшковъ и т. п. подручнаго матеріала.

Однако незадолго до войны нѣмцы пришли къ убѣжденію, что Силезія защищена ненадежно, и, согласно послѣднему военному закону, проведенному черезъ рейхстагъ, были ассигнованы спеціальныя суммы на созданіе въ Бреславлѣ крѣпости. Къ началу войны лишь едва были начаты работы, и когда австрійцы были разбиты, нѣмцы рѣшили принять энергичныя мѣры, чтобы прикрыть Силезію.



Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ на границѣ Силезіи отъ Ченстохова и почти до самаго Кракова нѣмцы возвели громадной силы укрѣпленія и сплошь загородили этими укрѣпленіями всю границу Силезіи. Такимъ образомъ, въ настоящій моментъ нѣмцы считаютъ, что теперь уже вся граница отъ моря до Кракова ими защищена. Такъ какъ нѣмцы сами полагаютъ, что наступленіе къ Варшавѣ лишь временно можетъ отдалить вторженіе въ Силезію, то нетрудно видѣть, что они главнымъ образомъ разсчитываютъ на укрѣпленія отъ Ченстохова до Кракова и тамъ именно приготовляются защищать свою территорію.

Однако Силезія не защищена со стороны Галиціи, гдѣ при движеніи нашему къ Кракову мы подходимъ къ „дверямъ“ въ Силезію. Поэтому нѣмцы, одновременно со своимъ наступленіемъ по лѣвому берегу Вислы къ Варшавѣ, заставили австрійцевъ произвести въ свою очередь наступленіе противъ нашихъ войскъ, чтобы прикрыть „лазейку“ въ Силезію, ведущую изъ Галиціи, мимо Кракова. Наступленіе это было произведено тремя австрійскими арміями и основывалось на томъ, что наши войска сосредоточены впереди Варшавы, а слѣдовательно, нашъ лѣвый стратегическій флангъ въ Галиціи, по мнѣнію нашего противника, ослабленъ.

Центральная австрійская армія наступала прямо по Галиціи, двигаясь здѣсь по правому берегу верхней Вислы отъ Кракова на Тарновъ, находящійся на Дунайцѣ. Лѣвая австрійская армія двигалась по Кѣлецкой губерніи, т.-е. по лѣвому берегу верхней Вислы, и также шла отъ Кракова къ рѣкѣ Нидѣ (лѣвому притоку Вислы). Наконецъ правая австрійская армія двигалась изъ Венгріи черезъ Карпатскій хребетъ и должна была ударить въ тылъ нашимъ войскамъ, находившимся у Кракова.

Изъ этого нетрудно видѣть, что здѣсь подготовлялся наиболѣе важный ударъ, и во всякомъ случаѣ болѣе важный, чѣмъ тотъ, который нѣмцы пытались нанести своимъ наступленіемъ къ Варшавѣ. Наступленіе туда по лѣвому берегу Вислы представляло собою фронтальную лобовую атаку безъ всякихъ обходовъ, ибо послѣднимъ мѣшала Висла. Поэтому нѣмцы, невзирая на невѣроятныя потери, понесенныя при этомъ наступленіи, не могли продвинуться далѣе рѣки Бзуры, протекающей верстахъ въ 50-ти отъ Варшавы. Послѣ кровавыхъ, безплодныхъ атакъ Гинденбургъ, положивъ свыше полумилліона солдатъ, наткнулся на Бзурѣ на желѣзное сопротивленіе нашихъ войскъ, и здѣсь нѣмецкое наступленіе замерло.

Иное дѣло наступленіе австрійцевъ. Оно угрожало нашему стратегическому лѣвому флангу и тылу въ Галиціи и, такъ какъ главная масса нашихъ войскъ была сосредоточена впереди Варшавы, то это наступленіе могло быть опаснымъ. Однако наши доблестныя войска, сосредоточившись за Дунайцемъ и Нидой, разбили австрійцевъ и взяли свыше 50-ти тысячъ человѣкъ въ плѣнъ, кромѣ тѣхъ громадныхъ потерь, которыя были причинены въ этихъ бояхъ австрійской арміи.

Такимъ образомъ самое важное наступленіе (по цѣли и по значенію), австрійское, ведущее во флангъ, потерпѣло полную неудачу, а германское наступленіе, лобовое и сильное тяжелой „массой удара“, пріостановлено. Этимъ и окончилась новая нѣмецкая затѣя. Потери нѣмцевъ дошли до двухъ милліоновъ, а австрійская армія превратилась въ совершенно омертвѣвшій придатокъ къ германской арміи. Въ то же время обозначилось первое наступленіе французовъ на западномъ фронтѣ.

Нѣмцы, положивъ такое громадное количество людей въ русской Польшѣ, вынуждены были отказаться отъ наступленія во Францію и нисколько не рѣшили „задачи о Силезіи“. Крушеніе австрійцевъ на Дунайцѣ, Нидѣ и на Карпатахъ снова пріоткрываетъ двери въ эту германскую область, и передъ нѣмцами опять лежитъ неразрѣшимая задача, какъ спасти Силезію, за которой они весьма отчетливо видятъ прямую дорожку съ надписью „Берлинъ“.

Къ очеркамъ „Война на морѣ“.

(„Лит. Прил.“ за январь с. г.).

По послѣднимъ извѣстіямъ крейсеръ „Карлсруэ“ успѣлъ уйти и прибылъ въ Вильгельмсгафенъ, а крейсеръ „Дрезденъ“ продолжаетъ скитаться у Чилійскаго побережья.

Крейсеръ „Карлсруэ“ имѣетъ всего лишь около 4½ тысячъ тоннъ и вооруженъ 12-ю орудіями 4-дюймовыми. Скорость хода — 27 узловъ. Особенностью этого маленькаго крейсера является то, что у него имѣется небольшая броня.

Крейсеръ этотъ „работалъ“ довольно интенсивно въ Атлантическомъ океанѣ и, по числу потопленныхъ имъ пароходовъ, занимаетъ первое мѣсто послѣ знаменитаго „Эмдена“.

Такимъ образомъ сейчасъ въ океанѣ остается лишь ничтожный маленькій крейсеръ „Дрезденъ“—все, что осталось отъ широко задуманнаго нѣмцами плана крейсерской войны съ уничтоженіемъ англійской морской торговли.

К. Шумскій.

На посту.

Весь воздухъ—царство бѣлыхъ пчелъ,
Ихъ лепетъ полонъ тайнъ знакомыхъ...
Мятель... Какъ будто бы отцвѣлъ
На небѣ бѣлый садъ черемухъ...
Смотря въ волшебное кольцо,
Мятель луну заворожила,
Зацѣловала мнѣ лицо,
Совсѣмъ глаза запорошила...
Хоть не смотри:—кругомъ ни зги...
Одинъ лишь снѣгъ въ глазахъ маячитъ,
И гдѣ-то, въ заросляхъ куги
Забившись, вѣтеръ тихо плачетъ...

Да рѣзко нервный, словно дрожь,
Раздастся выстрѣлъ одинокій,
А гдѣ онъ, самъ не разберешь:—
Такой онъ краткій и далекій...
Пройдешься тихо взадъ, впередъ,
Поймаешь шорохъ, и винтовку
Опустишь. Крикнешь: «кто идетъ?»—
А самъ возьмешь «на изготовку»...
Опять маячишь, споря съ мглой,
Слегка досадуя за промахъ,
А надъ уснувшею землей
Все гуще, гуще цвѣтъ черемухъ...

Сергѣй Михѣевъ.

М. Авиловъ. Молебствіе передъ боемъ.

Графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ, Намѣстникъ на Кавказѣ.
Намѣстникъ Кавказа осчастливленъ былъ 5-го декабря слѣдующей телеграммой Государя Императора:
«Покидая предѣлы Кавказа, Я уношу самыя добрыя впечатлѣнія о войскахъ и свѣтлыя воспоминанія о горячемъ проявленіи преданности и любви всѣми слоями населенія. Сердечно благодарю васъ, графъ Иларіонъ Ивановичъ, и прошу передать Мою благодарность доблестной кавказской арміи, начальствующимъ лицамъ и разноплеменнымъ народностямъ ввѣреннаго вамъ округа».

НИКОЛАЙ».

Таинственный колоколъ.

Разсказъ **Ивана Островного.**

I.

— Да, да, мой дружокъ, есть такая легенда. Ты видишь, какіе они старые, эти часы. Имъ, должно-быть, уже больше ста лѣтъ. И форма у нихъ затѣйливая. Теперь ужъ такихъ и не дѣлаютъ. Теперь часы — аппаратъ, долженствующій показывать время и, чѣмъ точнѣе, тѣмъ лучше, а въ тѣ годы времени у людей было много, и они за точностью не гонялись, и часы тогда были главнымъ образомъ предметомъ домашней обстановки. Какъ картины, изящныя шифоньерки, статуэтки, они являлись украшеніемъ комнаты. Вотъ почему имъ старались придавать изящныя формы и со значеніемъ. Вотъ и эти — они изображаютъ знаменитый соборъ въ Страсбургѣ. Внутри имѣется довольно большой колоколъ, который, какъ говоритъ легенда, начинаетъ отбивать удары, когда кому-нибудь изъ живущихъ въ домѣ грозитъ какая-нибудь опасность.

— Но вѣдь они не идутъ...

— О, да, они не идутъ уже давно. Я получилъ ихъ отъ моего отца неидущими. Они не испортились, нѣтъ, но отъ долговременнаго хода истерлись колеса; вотъ, какъ бываетъ съ человѣкомъ, когда онъ проживетъ сотню лѣтъ.

— Но если часы не идутъ, то какъ же можетъ звонить колоколъ?

— Мой дружокъ, если бы они шли, то ничего не было бы удивительнаго въ томъ, что звонитъ колоколъ. Тогда не нужна была бы и легенда.

Это говорилъ докторъ и профессоръ Андрей Васильевичъ Чаровинъ своей женѣ Антонинѣ Марковнѣ. Въ небольшой столовой, гдѣ было все просто и уютно, они сидѣли вдвоемъ. Онъ только-что пріѣхалъ съ лекцій, чтобы въ четыре часа начать свой обычный двухчасовой пріемъ, и, несмотря на то, что было уже половина пятаго и его ждали больные, записавшіеся въ очередь, позволилъ себѣ рѣдкое удовольствіе задержаться въ столовой и поболтать съ женой. Странно было, что для использованія этихъ рѣдкихъ минутъ онъ не нашелъ лучшей темы, какъ о часахъ. Да и самъ онъ затруднился бы объяснить, почему заговорилъ именно объ этомъ. Часы были здѣсь постоянно, и о нихъ шла уже рѣчь — всегда случайно, между прочимъ, а теперь онъ какъ будто нарочно заговорилъ о нихъ и настойчиво не сходилъ съ этой темы. Можетъ-быть, это было связано съ тѣмъ, что онъ уже зналъ, но не хотѣлъ сейчасъ сказать Антонинѣ Марковнѣ: черезъ два дня онъ оставитъ лекціи, клинику, всѣхъ своихъ больныхъ и ее, — что подѣлаешь, если это долгъ, — и уѣдетъ на передовыя позиціи завѣдывать большимъ отрядомъ. Въ эти минуты онъ былъ эгоистомъ: вотъ выпали счастливыя полчаса, когда онъ можетъ просто болтать съ своей женой, и ему хочется видѣть ея лицо, дѣтски-безоблачное, — онъ больше всего любитъ это выраженіе въ ея лицѣ, — и онъ не хочетъ „портить ея лицо" своимъ сообщеніемъ. Да, потому что онъ знаетъ, сколько будетъ тогда огорченія и тревоги. Но часы? При чемъ тутъ часы? Онъ такъ и не отвѣтилъ себѣ на этотъ вопросъ, когда раздался голосъ Антонины Марковны.

— А ты, Андрей, вѣришь?—спросила Антонина Марковна, наливая ему чай.

— Во что?

— А въ этотъ звонъ... Что дѣйствительно старые часы, уже неспособные идти, могутъ звонить?

— Но, мой дружокъ, это красиво... Я вѣрю всему, что красиво. Вотъ почему я и тебѣ вѣрю во всемъ.

— Это не отвѣтъ...

— Но какъ отвѣтить иначе? Разумѣется, я твердо знаю, что не бываетъ дѣйствія безъ побудительной причины, и, если колеса истерты и механизмъ не работаетъ, то нѣтъ и побудительной причины, чтобы колоколъ звонилъ. Но развѣ не бываетъ такъ, что мнѣ и моимъ коллегамъ кажется, на основаніи нашихъ научныхъ познаній, что больной долженъ непремѣнно завтра умереть, а онъ поправляется, выздоравливаетъ и живетъ еще десятки лѣтъ? Да, это бывало. Но чуда тутъ не было, а было наше недостаточное знаніе. Всякая тайна, мой дружокъ, есть недостаточное знаніе. Ну, да просто, мой другъ, это красиво, красиво, и больше ничего.

— А ты самъ, Андрей, слышалъ когда-нибудь этотъ звонъ?

— Я? — онъ мягко засмѣялся. — Нѣтъ, я не слышалъ. Но, видишь ли, мой дружокъ, этого и не могло быть, потому что мнѣ никогда не грозила опасность. Я вѣдь счастливый, я удивительно счастливый человѣкъ. У меня всегда все шло, какъ нельзя лучше. Вѣдь вотъ другіе, да почти всѣ мои товарищи,—женились рано и большею частью неудачно, и въ то время, какъ они теперь несутъ послѣдствія неудачныхъ женитьбъ, или чувствуютъ на своихъ плечахъ заботу о многочисленной семьѣ, я сижу въ обществѣ моей прекрасной молодой жены... А? Ну, такъ для чего же было бы старымъ часамъ напрасно безпокоиться и старому колоколу звонить?

Больше трехъ лѣтъ уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ у профессора Чаровина завелась жена, но и теперь какъ-то плохо вѣрили въ это, и многіе, хорошо знавшіе его, когда думали объ этомъ, до сихъ поръ улыбались. Такой ужъ это былъ человѣкъ, что ему какъ будто не полагалось семейной жизни. Да и самъ онъ, повидимому, былъ такого же мнѣнія, иначе не остался бы холостякомъ до сорокавосьмилѣтняго возраста.

Вѣчно занятый еще со студенческой скамьи—тогда съ лекціями, препаратами, лабораторіями, а потомъ, когда сталъ врачомъ и профессоромъ—со студентами, больными въ клиникѣ, у себя дома и всюду, гдѣ угодно, съ медицинскими книгами и журналами, съ наблюденіями, со статьями, которыя писалъ на всевозможныхъ языкахъ и отсылалъ въ медицинскіе журналы. Не было у него ни минуты свободной.

Вопросъ о женитьбѣ никогда не приходилъ ему въ голову. Знакомыхъ или, вѣрнѣе сказать, знающихъ его у него было полгорода; между ними были, конечно, и женщины, красивыя и свободныя, и многія изъ нихъ не отказались бы раздѣлить съ нимъ жизнь. Но онъ, какъ казалось, ихъ не замѣчалъ, а смотрѣлъ только на тотъ недугъ, съ которымъ къ нему приходили.

И такъ прожилъ до сорока восьми лѣтъ, не успѣвъ выбрать себѣ подругу.—„Ну, что же дѣлать,—шутя говорилъ онъ, когда товарищи ставили ему это на видъ:—прозѣвалъ. Вѣдь бываетъ, что человѣку надо ѣхать въ Москву, а онъ прозѣвалъ поѣздъ. Что ему остается?—Сидѣть и терпѣливо ждать слѣдующаго".

И вдругъ „его поѣздъ" пришелъ и взялъ его. Онъ женился—внезапно для всѣхъ, а можетъ-быть, и для самого себя, и изумилъ всѣхъ, такъ какъ, имѣя сорокъ восемь лѣтъ, взялъ себѣ въ подруги двадцатитрехлѣтнюю дѣвушку. Она пришла къ нему лѣчиться отъ какой-то пустячной болѣзни и влюбилась въ этого великана,—такого крѣпкаго, сильнаго, точно изъ стали выкованнаго, съ его невозмутимо-спокойнымъ лицомъ и мудрыми, какъ будто насквозь видящими человѣка и все понимающими глазами. А черезъ мѣсяцъ она уже была его женой. Вотъ и вся исторія.

Оказалось, что профессоръ Чаровинъ совсѣмъ не такъ чуждъ семейной жизни. Надо было только, чтобы нашлась пара красивыхъ глазъ, которая захотѣла бы обратить на себя его вниманіе. Это и случилось.

Старые часы, деревянные съ головоломной рѣзьбой, стояли на мраморной подставкѣ въ столовой и упорно молчали, никогда не заявляя о себѣ ни однимъ звукомъ. На бѣломъ, замѣтно потемнѣвшемъ отъ времени циферблатѣ, окаймленномъ по краямъ крупными арабскими цифрами, была только одна часовая стрѣлка. Когда-то, много-много лѣтъ тому назадъ, она, чуть-чуть не дойдя до двѣнадцати, остановилась, и съ тѣхъ поръ движеніе ея прекратилось навсегда. Часы перестали итти. Они, въ сущности, перестали быть и часами, но ихъ держали, всегда ставили въ столовой, и они производили впечатлѣніе какъ бы члена семьи.

Антонина Марковна уже не разъ слышала отъ мужа о странной легендѣ, пріуроченной къ часамъ, но никогда еще такъ подробно онъ не останавливался на ней, какъ въ этотъ разъ. Но, думала она, вышло это случайно и никакого значенія не имѣло.

Чаровинъ допилъ третій стаканъ чаю, поднялся, поцѣловалъ Антонину Марковну въ голову, взялъ ея маленькую ручку и съ странной для его громоздкой, величественной фигуры нѣжностью приложился къ ней.

— Ну, такъ вотъ я и пошелъ. А обѣдаемъ въ семь, — сказалъ онъ своимъ густымъ, слегка ворчливымъ басомъ.

— О, навѣрно до восьми дотянешь,—промолвила Антонина Марковна, не любившая этихъ пріемовъ за то, что они отодвигали на Богъ знаетъ когда обѣдъ и иногда мѣшали ей воспользоваться вечеромъ, какъ хотѣлось бы.

— Сегодня—нѣтъ. У меня въ восемь съ половиной конференція въ академіи.

И онъ ушелъ, тяжело ступая, такъ что отъ вѣса его дрожали буфетъ и столъ и люстра надъ столомъ. Ушелъ, скорбно думая о томъ, что сегодня онъ въ первый разъ обманулъ свою жену. Не конференція, а дѣловое засѣданіе, связанное съ его назначеніемъ и отъѣздомъ. Но какъ было сказать это, если онъ не хочетъ „портить ея лицо"? Такъ и ушелъ, не сказавши правды.

Антонина Марковна долгимъ взглядомъ посмотрѣла ему вслѣдъ, и въ синихъ глазахъ ея явилось выраженіе досады на то, что онъ такъ мало былъ съ нею и ушелъ какъ разъ тогда, когда ей хотѣлось долго-долго слушать его разсказъ про таинственные часы или про что угодно.

Антонина Марковна перенесла взглядъ на часы и стала неторопливо и лѣниво думать о нихъ и объ ихъ странной легендѣ. Легенда, конечно, но откуда-нибудь же она вышла. Изъ чего-нибудь создалась. И, можетъ-быть, было что-нибудь такое... Однажды, когда-то, вдругъ прозвенѣлъ колоколъ, и потомъ случилось несчастье.

И какъ онъ звонитъ, этотъ таинственный колоколъ, какой у него голосъ? И не странно ли, что стрѣлка на циферблатѣ остановилась на двѣнадцати часахъ? Чуточку не дошла, можетъ-быть— на минуту, на полминуты; тянулась чья-нибудь жизнь — и стрѣлка двигалась, жизнь прекратилась — и она стала. И когда это было: въ полдень или въ полночь?

Англійская подводная лодка B-11, пробравшаяся въ Дарданеллы и взорвавшая турецкій броненосецъ „Мессудіе".

Англійская подводная лодка, 1-го декабря, несмотря на сильное встрѣчное теченіе, вошла въ Дарданеллы и, пройдя подъ пятью рядами минъ, выпустила мину по охранявшему минныя загражденія турецкому броненосцу «Мессудіе». Несмотря на открытый артиллерійскій огонь и преслѣдованіе миноносцами, лодка благополучно вернулась, при чемъ во время плаванія провела 10 часовъ подъ водой. При выходѣ изъ Дарданеллъ съ лодки было замѣчено, что «Мессудіе» кормой погружается въ воду.

Жизнь на развалинахъ. Въ Лувенѣ. У разрушеннаго собора уже возникла лавка.

ВѢЧНАЯ ПАМЯТЬ ВѢЧНАЯ СЛАВА

Капитанъ
В. В. Максимовичъ-Васильковскій.

Мичманъ
С. С. Полтановъ.

Штабсъ-капитанъ
І. А. Самойленко-Забаринъ.

Генералъ-маіоръ
А. В. Орловъ.

Капитанъ
Н. І. Гельтэль.

Полковникъ
Н. В. Трингамъ.

Штабсъ-капитанъ
В. И. Шитниковъ.

Штабсъ-капитанъ
А. М. Юркевичъ.

Подпоручикъ
Б. В. Алехновичъ.

Капитанъ
Г. М. Халатовъ.

Подполковникъ
Л. Ф. Табенцкій.

Капитанъ
Е. Ф. Костюшко-Валюжиничъ.

Прапорщикъ
И. Г. Медвѣдевъ.

Штабсъ-капитанъ
И. И. Косовъ.

Прапорщикъ
П. В. Крюковъ.

Генералъ-маіоръ
Д. Д. Федченко.

Хорунжій
Ѳ. А. Хлѣбниковъ.

Поручикъ
С. Н. Беллонинъ.

Корнетъ
П. Н. Фирсовъ.

Подполковникъ
Е. М. Родзевичъ.

Ротмистръ
В. Э. Крюгеръ.

Летчикъ шт.-кап.
Е. Е. Грузиновъ.

Авіаторъ
Е. Р. Шпицбергъ.

Штабсъ-капитанъ
Д. А. Громаковскій.

Прапорщикъ
В. П. Меморскій.

Въ передней звонокъ; но это не та дверь, куда звонятся паціенты профессора. У нихъ для больныхъ совсѣмъ особый входъ. Антонина Марковна прервала мысли о часахъ и подумала: „кто это?“ И почти съ увѣренностью отвѣтила: „Вансовичъ. Конечно, это онъ. У мужа начался пріемъ, и вотъ онъ уже здѣсь. Правда, онъ приглашенъ сегодня обѣдать, но обѣдъ вѣдь часа черезъ два. Какой исправный гость! Не слишкомъ ли?

Чувствуя, что щеки ея вдругъ зардѣлись, она приложила ладонь сперва къ одной, потомъ къ другой: горятъ. Какая досада! И всегда это бываетъ, когда приходитъ Вансовичъ. Какое непріятное совпаденіе!

II.

Красивый, стройный брюнетъ, одѣтый нѣсколько болѣе щеголевато, чѣмъ слѣдуетъ вполнѣ серьезному человѣку, съ густыми черными, ежомъ подстриженными волосами и не особенно высокимъ лбомъ,—это Вансовичъ, Аркадій Михайловичъ, богатый помѣщикъ Кіевской губерніи. Тамъ, на югѣ, онъ кончилъ университетъ, а здѣсь считался адвокатомъ, но практикой почти не занимался, по крайней мѣрѣ денежной, потому что не нуждался въ деньгахъ. Къ Чаровинымъ онъ сталъ ходить съ полгода тому назадъ, и даже мало-опытный глазъ сумѣлъ бы сразу опредѣлить, что цѣль у него одна, и притомъ совершенно опредѣленная. Встрѣтивъ гдѣ-то въ обществѣ эту пару, окинулъ ее взоромъ и видитъ: мужу за пятьдесятъ, человѣкъ съ громкимъ именемъ, медицинское свѣтило, занятъ съ утра до ночи, жена—совсѣмъ ребенокъ, но очаровательный. Должна скучать нестерпимо. Отношенія, должно-быть, основаны на запоздалой страсти съ одной стороны и на уваженіи, а можетъ-быть, и на расчетѣ—съ другой. Выводъ быстрый и рѣшительный: между этими двумя есть свободное мѣсто, и оно какъ разъ для него.

И онъ былъ представленъ, сумѣлъ заинтересовать, получилъ приглашеніе, и вотъ уже чуть-что не другъ дома. Профессоръ къ нему относится какъ нельзя лучше и, часто видя его у Антонины Марковны, даже бровью не поведетъ, — очевидно, на высотѣ своей учености и не догадываясь, что молоденькая женщина можетъ отдать предпочтеніе просто молодому мужчинѣ передъ ученѣйшимъ и заслуженнѣйшимъ, но не молодымъ уже и къ тому же постоянно занятымъ мужемъ.

Атаку онъ повелъ стремительную, но встрѣтилъ препятствіе тамъ, гдѣ меньше всего ожидалъ. Антонина Марковна оказалась тверда, какъ скала. Почему? Этого онъ просто не могъ объяснить себѣ.

„Да что же это? Неужели она его любитъ? Нѣтъ, этого не можетъ быть. А если такъ, то, значитъ, неправильная тактика, нужно перемѣнить ее, вотъ и все“. И тогда, недавно еще нетерпѣливый и рѣшительный, онъ сталъ тихъ, покоренъ, грустенъ и имѣлъ видъ человѣка, рѣшившагося терпѣливо ждать, съ робкой надеждой, что когда-нибудь его чувство будетъ оцѣнено.

А Антонина Марковна была дѣйствительно недоступна. Вансовичъ, человѣкъ живой, неглупый, много читавшій, бывавшій въ обществѣ и знавшій все обо всѣхъ, былъ неистощимъ и дѣйствительно развлекалъ ее, и она это принимала съ благодарностью и цѣнила. Когда же онъ начиналъ забираться въ область чувства и предпринималъ свой сдержанный и осторожный походъ на ея сердце, ее это смѣшило, и она искренно и весело смѣялась, какъ такой вещи, о которой нельзя и говорить серьезно. Нѣтъ, но почему же, въ самомъ дѣлѣ? Съ какой стати? Она любитъ своего мужа. Да нѣтъ, любитъ—этого мало. Она влюблена въ него, она преклоняется передъ нимъ. Да, это можетъ показаться смѣшнымъ, а между тѣмъ это такъ. Что же, ему пятьдесятъ лѣтъ, но, право же, онъ не старше, если только не моложе всѣхъ молодыхъ, въ томъ числѣ и его, Вансовича. Что они дѣлаютъ? Что дѣлаетъ, напримѣръ, онъ, Вансовичъ? Часа два въ день занимается тамъ какими-то „своими дѣлами“; должно-быть, считаетъ деньги, которыя ему присылаетъ управляющій изъ деревни. Разъ въ два мѣсяца, а то и рѣже, заглядываетъ въ судъ,—большею частью для того, чтобы показать, что онъ адвокатъ,—а остальное время — въ театрѣ, въ концертѣ, на вечерѣ или вотъ у нея пять часовъ подъ рядъ. А онъ, профессоръ, мужъ ея, цѣлый день въ работѣ и никогда не устаетъ, ни капли не жалуется, всегда здоровъ, бодръ, спокоенъ и не перестаетъ улыбаться своей доброй улыбкой.

На братскихъ могилахъ.

Станція Бѣлзецъ, оставленная австрійцами.

Послѣднее прощанье.

Въ Галиціи, разрушенной и покинутой австрійцами передъ отступленіемъ. По фот. нашего спец. корреспондента.

Или вотъ это, что онъ при такой разницѣ лѣтъ даже и не думаетъ заподозрѣть ее въ чемъ-нибудь. Отлично знаетъ, что Вансовичъ у нея каждый день и просиживаетъ часы, и никогда не то что упрека, а даже намека. Часто спрашиваетъ о его здоровьѣ, это Вансовича-то (онъ тоже лѣчился у него немного), и даже какъ-то отозвался о немъ, какъ объ умномъ и пріятномъ собесѣдникѣ.—„Я радъ, что онъ тебя развлекаетъ".

Вотъ онъ и теперь всячески извивается, умничаетъ, остритъ, спѣлъ романсъ (онъ недурной музыкантъ, и у него хорошій голосъ), и все для того, чтобы побѣдить ее. Но уже семь часовъ: вошелъ профессоръ и сказалъ какія-то простыя слова, самую обыкновенную шутку о томъ, что, отказавъ, молъ, отъ пріема десятку больныхъ, онъ сдѣлалъ доброе дѣло, такъ какъ избѣжалъ по крайней мѣрѣ девяти ошибокъ, - и Вансовичъ замолкъ, стушевался и сдѣлался такимъ маленькимъ и ничтожнымъ. Нѣтъ, никакого не можетъ быть даже сравненія.

Около восьми часовъ кончился обѣдъ, и тутъ ему пришла мысль, что слѣдуетъ воспользоваться присутствіемъ Вансовича, какъ третьяго лица, и сказать наконецъ Антонинѣ Марковнѣ о своемъ назначеніи. Онъ такъ и сдѣлалъ. Какъ будто между прочимъ и не придавая большого значенія:

-- Да, вотъ представь, какое обстоятельство... Приходится выполнить долгъ. Посылаютъ меня на войну, завѣдывать отдѣломъ... Такъ вотъ, мой дружокъ, придется ужъ тебѣ посидѣть тутъ одной... Ну, я думаю, ничего. Мѣсяца два-три, а?

И посмотрѣлъ на нее такимъ веселымъ и добродушнымъ взглядомъ: а она даже не поняла.

-- Что такое? О чемъ ты говоришь? Почему? Когда? Я не понимаю... Ты пошутилъ, Андрей... Ну, право же, это какъ будто шутка.

А сама поблѣднѣла, глаза полны слезъ.

— Ну, вотъ, какой же я шутникъ! Я плохой шутникъ... Но спокойнѣй же, спокойнѣй, мой дружокъ... Все-таки гость. Неловко... Я часа черезъ два... Есть, правда, одинъ больной, заѣхать бы... да... ну, ужъ Богъ съ нимъ, и безъ меня помретъ...

Засмѣялся, и съ такой искренней веселостью, что у нея въ глазахъ слезы исчезли, какъ будто ушли обратно. Это все, что она могла сдѣлать при помощи усилія воли, но блѣдность щекъ осталась, и Вансовичъ имѣлъ возможность убѣдиться въ томъ, что съ мужемъ ее соединяетъ глубокое чувство.

Онъ, конечно, утѣшалъ, говорилъ, что профессоръ не можетъ тамъ долго засидѣться, такъ какъ у него тутъ на рукахъ и студенты и клиника, что ему не грозитъ никакая опасность — вѣдь онъ не будетъ воевать подъ пулями, а работать гдѣ-нибудь въ сторонѣ отъ сраженія. Но всѣ эти слова производили такое впечатлѣніе, какъ будто они рождались и умирали на его губахъ.

Это такъ и было, потому что думалъ онъ въ это время совсѣмъ о другомъ, и въ иномъ направленіи работалъ его мозгъ. Въ душѣ его была радость,—нѣтъ, настоящій праздникъ, ликованіе. Какъ бы ни потрясло ее извѣстіе объ отъѣздѣ мужа на войну, сколько бы ни блѣднѣло ея лицо и ни наполнялись теплой влагой глаза, все равно онъ не вѣритъ въ непоколебимость ея сердца. Ея любовь къ профессору не можетъ быть ничѣмъ другимъ, какъ воображеніемъ. Онъ—мужъ, притомъ такое видное положеніе, авторитетъ, ореолъ. Но любовь для молодости и молодость для любви. Это законъ, съ которымъ многіе уже пытались не считаться но безуспѣшно. И вотъ, когда онъ уѣдетъ на продолжительное время, она не будетъ чувствовать этого подавляющаго вліянія, и тогда... тогда посмотримъ.

Думая такимъ образомъ, онъ говорилъ ей утѣшительныя слова, но вдругъ Антонина Марковна вздрогнула и, поднявъ голову, начала прислушиваться. Совершенно явственно раздался звонъ.

— Вы слышите?

Онъ смотрѣлъ на нее непонимающими глазами. О чемъ она? И съ такой неподдѣльной тревогой въ лицѣ. Она поднялась и быстро прошла въ столовую. Подошла къ часамъ и остановилась передъ ними. Но они были безмолвны, а звонъ продолжалъ раздаваться, только уже болѣе часто. Антонина Марковна облегченно вздохнула и даже улыбнулась. Ей стало очевидно, что звонили на колокольнѣ ближней церкви.

— Почему теперь звонятъ?--спросила она, вернувшись изъ столовой.

— Вѣроятно, идетъ всенощная. Завтра какой-то праздникъ. А вы какъ будто испугались?

— Да... Нѣтъ, мнѣ показалось, что это часы...

Онъ разсмѣялся. Часы! Звонятъ часы, которые сто лѣтъ уже не идутъ. Въ половинѣ двѣнадцатаго пріѣхалъ Андрей Васильевичъ, очень оживленный, бодрѣе даже, чѣмъ всегда. Вансовичъ скоро простился и ушелъ, а профессоръ началъ подробно разсказывать женѣ, куда поѣдетъ, какія у него будутъ обязанности, и убѣдилъ ее, что ему не грозитъ рѣшительно никакая опасность.

Черезъ два дня онъ уѣхалъ, и, когда она его провожала, онъ взялъ ея руку и, по обыкновенію полуулыбаясь, сказалъ:

-- Ну, помни же, мой дружокъ, что тайна, это—только наше недостаточное знаніе, и твердо вѣрь, что многое изъ того, что кажется намъ чудомъ, черезъ пятьдесятъ лѣтъ, можетъ-быть, будетъ понятно каждому ребенку. Я говорю это по поводу нашихъ старыхъ часовъ. Я уѣзжаю, а они остаются съ тобой. Такъ вотъ и знай, что, пока колоколъ въ нихъ не прозвонитъ, никакая опасность мнѣ не грозитъ... А? Ты должна твердо вѣрить въ это и быть всегда спокойной.

III.

Профессоръ былъ мудръ и, твердо зная, что колоколъ въ безнадежно испорченныхъ часахъ никогда не прозвонитъ, думалъ, что своимъ прощальнымъ совѣтомъ гарантировалъ Антонинѣ Марковнѣ прочное спокойствіе. Но онъ выпустилъ изъ виду двѣ вещи: первое, что съ часами связана таинственная легенда, и второе, что слова его упали на сердце женщины. И благодаря этому вмѣсто покоя онъ влилъ въ ея душу каплю яду.

Въ домѣ теперь ихъ было двое: Антонина Марковна и часы. Тамъ, гдѣ-то, въ глубинѣ коридора, были еще и другіе люди - поваръ, горничная, лакей, кучеръ, но у нихъ была своя особая жизнь, а здѣсь только она и часы съ помѣщавшимся въ нихъ колоколомъ, у которыхъ была тайна. И часы, которыхъ она прежде почти не замѣчала, сдѣлались постояннымъ предметомъ ея вниманія. Проснувшись утромъ, она думала о мужѣ: что онъ тамъ дѣлаетъ, на войнѣ? Послѣ его отъѣзда она узнала, что онъ совсѣмъ ужъ не въ такой безопасности, какъ увѣрялъ ее. Случайно можетъ быть и рана, и плѣнъ, и даже смерть. И помимо ея воли вниманіе напрягалось, и она прислушивалась. Къ чему? Конечно, къ часамъ. Нѣтъ, она не вѣритъ въ чудо, хорошо знаетъ, что въ наше время чудесъ на землѣ уже не бываетъ. Но „тайна есть только наше недостаточное знаніе", — постоянно звучали въ ея ушахъ слова мужа. Ну, значитъ, можетъ быть все.

Съ нетерпѣніемъ ждала она писемъ отъ мужа, но они приходили рѣдко и были кратки. Изъ нихъ она видѣла, что онъ страшно занятъ, даже больше, чѣмъ здѣсь. „Пишу между двухъ боевъ". Или: „Мы здѣсь ничего не видимъ, кромѣ боли, страданій и смерти. Тамъ, гдѣ-то, происходитъ война, люди бьются, побѣждаютъ, переживаютъ ликующія чувства, а мы видимъ только жертвы. Къ намъ издали доносится грохотъ орудій, но мы не видимъ ни дыма ни огня. Къ намъ несутъ и ведутъ сотни, тысячи людей, уже готовыхъ, то-есть такихъ, съ которыми война сдѣлала все, что могла, и намъ остается только лѣчить раны. Ты часто хвалила меня за мою постоянную, никогда не сходившую съ губъ улыбку, но вотъ тебѣ, мой дружокъ: здѣсь она уже далеко не такая постоянная..."

И она скучала, дѣйствительно скучала по своемъ профессорѣ. Скучала по человѣкѣ, котораго видѣла не больше полутора часа въ сутки. Какъ это странно въ самомъ дѣлѣ! Когда онъ былъ здѣсь, онъ такъ мало посвящалъ ей времени, что она должна была постоянно искать развлеченій. Онъ проводилъ съ нею то время, какое было нужно для обѣда, но и то случалось, что его экстренно звали куда-нибудь, и онъ едва успѣвалъ проглотить нѣсколько ложекъ супа. Цѣлые дни и вечера ей предоставлялось бы одной искать, съ кѣмъ поѣхать куда-нибудь—въ театръ или къ какимъ знакомымъ отправиться. И вотъ теперь ей какъ будто этого именно и недоставало. Да, хотѣлось привычной увѣренности, что тамъ, за стѣной, принимаетъ больныхъ ея профессоръ, и что, гдѣ бы онъ ни былъ—на лекціи, въ клиникѣ, у частныхъ больныхъ, — онъ пріѣдетъ домой къ ней. Онъ, такой большой, извѣстный, важный и солидный и такой мудрый, придетъ подъ ея сѣнь, явится, чтобы съ радостью посидѣть съ ней хоть нѣсколько минутъ. Онъ нуждался въ ней, маленькой, похожей на ребенка. У нея какъ будто разомъ исчезла опора и даже самый смыслъ ея жизни въ этой большой квартирѣ, въ цѣломъ этажѣ его собственнаго дома.

Вансовичъ, разумѣется, не могъ не почувствовать, что для его домогательствъ исчезла всякая почва. Антонина Марковна принимала его и была съ нимъ любезна, мила, но, когда онъ переводилъ рѣчь на свое чувство, она какъ будто дѣлалась глухой. Слушала его слова — и, будто не слышала ихъ, не откликалась на нихъ. Прежде, до отъѣзда профессора на войну, она по крайней мѣрѣ отрицала и отвергала. И тогда его рѣчи волновали ее. Онъ встрѣчалъ въ ней протестъ, подъ которымъ ему чувствовалась внутренняя борьба. Щеки ея заливалъ румянецъ, а глаза зажигались блескомъ,—правда, скорѣе злымъ, чѣмъ добрымъ, но „зло вѣдь лежитъ на дорогѣ къ добру". И во всякомъ случаѣ это было что-нибудь. Теперь — ничего: она какъ будто терпѣливо ждала, когда онъ замолчитъ чтобы сейчасъ же заговорить о другомъ. Его брала досада, а потомъ явилась и злость.

„Невозможно, чтобы она питала къ своему профессору такое нѣжное чувство: это было бы неестественно; просто гипнозъ какой-то,—она сама себя загипнотизировала,—или игра, которая затянулась слишкомъ долго. Да, вѣдь уже цѣлый мѣсяцъ. Это слишкомъ много для ничего".

И онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ послѣднему средству. „Ну, хорошо,—сказалъ онъ себѣ:—она скучаетъ по профессорѣ, потому что привыкла къ нему и его нѣтъ съ нею. Но она также привыкла и ко мнѣ, къ тому, чтобы я ее развлекалъ; надо думать, что законы природы для всѣхъ одинаковы. И если около нея не будетъ меня и никто не станетъ развлекать ее, то она начнетъ скучать и по мнѣ. А это ужъ во всякомъ случаѣ уничтожитъ то убійственное равнодушіе, о которое, какъ о гранитную глыбу, разбиваются всѣ мои старанія. А вѣдь камень надо только сдвинуть съ мѣста, и тогда ужъ онъ самъ покатится подъ гору".

И вотъ однажды онъ явился къ ней съ крайне дѣловитымъ видомъ и объявилъ, что пріѣхалъ проститься. Она взглянула на него съ удивленіемъ.

-- Куда? И почему такъ вдругъ?

— Дѣла зовутъ меня въ Кіевъ. Тамъ кой-какое наслѣдство

предстоитъ, такъ надо быть на мѣстѣ, и притомъ экстренно, сегодня же уѣзжаю.

— Надолго?

— Это зависитъ ужъ не отъ меня, а отъ дѣлъ. Дней десять, должно-быть, понадобится.

И, должно-быть, онъ хорошо зналъ женское сердце. На другой день его отъѣзда Антонина Марковна почувствовала, что его недостаетъ. Наступилъ часъ, когда онъ каждый день являлся къ ней и занималъ ее своими интересными разсказами. И вотъ теперь этого нѣтъ. Не было около нея мужа, но это длилось уже больше мѣсяца, и съ этимъ она мало-по-малу и незамѣтно для себя уже свыклась. То было уже старое переживаніе, оставшееся въ душѣ ея хотя и въ полной силѣ, но утратившее остроту. А это было такъ еще свѣжо. Онъ наполнялъ ея время—и вотъ образовалась пустота.

И она ждала его, ну, просто считала дни: а когда прошла недѣля, прислушивалась къ звонку и къ говору въ передней: не онъ ли?

Прошло еще два дня, и онъ пріѣхалъ. Притащилъ съ собой какихъ-то кіевскихъ сластей и принесъ ихъ. Въ обычный свой часъ, въ половинѣ пятаго, онъ явился и имѣлъ право наслаждаться своимъ торжествомъ: съ какой-то новой радостью, какой онъ никогда не видѣлъ на ея лицѣ, она встрѣтила его.

— Ахъ, наконецъ-то... Ну, развѣ это простительно—такъ долго оставлять женщину на жертву одиночества и скуки...

— Какъ? Вы скучали?

— Ужасно, нестерпимо и признаюсь вамъ въ этомъ откровенно.

Онъ въ этотъ вечеръ вдоволь наговорился о своихъ чувствахъ: ему даже позволялось иногда брать ея руки и цѣловать ихъ. Она въ этомъ не отказывала ему... изъ благодарности.

Онъ даже не ожидалъ, что, благодаря десятидневному отсутствію, займетъ такое мѣсто въ ея сердцѣ. Теперь ихъ вечера пріобрѣли совсѣмъ другой характеръ. Очевидно, профессоръ отсутствовалъ слишкомъ долго. Онъ писалъ ей попрежнему, прислалъ даже нѣсколько длинныхъ писемъ съ подробнымъ описаніемъ своей жизни на войнѣ, но эти письма для нея сдѣлались уже привычнымъ явленіемъ. Она ни на минуту не переставала думать о своемъ мужѣ, онъ ни на іоту не уменьшился въ ея глазахъ, былъ все такимъ же большимъ человѣкомъ, на цѣлую голову выше другихъ, она попрежнему изумлялась ему, преклонялась передъ нимъ. Но все это относилось къ чему-то, находящемуся далеко. Такъ бываетъ со старымъ платьемъ, которое, не перестало быть драгоцѣннымъ и изящнымъ, но чуть-чуть вышло изъ моды, и его повѣсили въ шкапу и сдѣлали новое.

И она сама не замѣтила, какъ шло между ними сближеніе, какъ привязывалась она къ нему, и постепенно онъ дѣлался для нея своимъ.

Ужъ два съ половиной мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ профессоръ уѣхалъ на войну. Подошли рождественскіе праздники, и наступилъ канунъ Новаго года. Въ этотъ день Антонина Марковна проснулась утромъ въ тревожномъ настроеніи. Вспомнила, что вчера, передъ тѣмъ какъ уйти отъ нея, Вансовичъ затронулъ вопросъ, который до сихъ поръ какъ-то самъ собою ускользалъ отъ нихъ. О, конечно, не онъ былъ виновникомъ этого, причина была въ ней. Но сегодняшній вечеръ, который они рѣшили провести дома, внушалъ ей страхъ. Онъ такъ настаивалъ на томъ, чтобы они только вдвоемъ встрѣтили Новый годъ, чтобы ни одна пара глазъ не видѣла, какъ сомкнутся ихъ бокалы, наполненные виномъ.

Да она уступила ему въ этомъ, очень хорошо зная, на что онъ надѣется. Но могла ли она поручиться за себя? Она думала объ этомъ, спрашивала свое сердце—получала отвѣтъ, который бросалъ ее въ дрожь. Такъ велико было сближеніе, такъ много было уже позволено, а главное—и въ этомъ она должна была себѣ признаться—онъ такъ неотразимо увлекаетъ ее. И она боялась его и себя и всего того, что могло произойти. Думала о мужѣ, но эти мысли уже не спасали ея. Какой-то туманъ стоялъ между нею и профессоромъ. Она не могла даже представить себѣ его лицо, силилась вообразить его улыбку, голосъ, но ничего не выходило. „Забыла... Боже мой!.. Но развѣ не онъ самъ виноватъ? Развѣ можно оставлять женщину такъ долго одну?“

Наступилъ вечеръ. Вансовичъ пріѣхалъ часовъ въ одиннадцать. Въ столовой красиво убранъ столъ. Много цвѣтовъ. Черезъ пять минутъ будетъ полночь. Они сидятъ за столомъ. Еще минута. Онъ наливаетъ шипучее вино въ бокалы и говоритъ что-то о великой любви, которая прокладываетъ себѣ путь черезъ милліоны препятствій, но никакіе терніи и острые камни не остановятъ ея стремленія: она въ концѣ концовъ придетъ къ своей цѣли. Его голосъ дрожитъ, и онъ беретъ ея руку, цѣлуетъ и хочетъ притянуть ее къ себѣ, а она...

Она почему-то смотритъ на старые часы, которые неотразимо привлекаютъ къ себѣ ея взглядъ, и слышитъ, какъ въ вискахъ у нея неистово стучитъ кровь. И смотритъ, смотритъ на башню страсбургскаго собора и съ замирающимъ сердцемъ чего-то ждетъ.

И кажется ей, что единственная часовая стрѣлка сдѣлала движеніе и, пройдя ту, непройденную еще ею, минуту, стала какъ разъ на двѣнадцати, и вдругъ въ глубинѣ башни гулко прозвучалъ звонъ колокола: „баумм-баумм-баумм...“

— Что съ вами?—съ величайшей тревогой въ голосѣ спросилъ Вансовичъ.

— А развѣ вы... не слышите... этотъ звонъ?..

— Я не слышу...

— Я слышу... Это значитъ... грозитъ несчастье...

Онъ взглянулъ на нее. Лицо ея было мертвенно-блѣдно, она пошатнулась и, поддержанная имъ, упала въ кресло безъ движенія.

Черезъ минуту она открыла глаза.

— Уйдите! Вы должны сейчасъ же уйти...

Голосъ ея былъ слабый, но въ немъ звучала такая желѣзная, повелительная воля, что Вансовичъ даже не пытался возражать, или доказывать и умолять. Онъ только выразилъ боязнь, чтобы ей не стало худо, но она отрицательно покачала головой и повторила свое приказаніе—безъ словъ, однимъ только взглядомъ. Онъ поклонился и вышелъ. Она слышала, какъ затворилась за нимъ дверь. Потомъ встала, глубокимъ дыханіемъ набрала воздуха въ легкія, вздохнула полной грудью, и такъ свѣтло стало на сердцѣ, какъ будто вотъ сейчасъ мимо прошла какая-то страшная бѣда...

Но это была минута. Вспомнила о звонѣ. Явилась тревога: „Кому же грозитъ опасность? Неужели Андрею? Боже мой!..“ Она быстро прошла въ кабинетъ и написала телеграмму. Поздравляла его съ Новымъ годомъ и спрашивала о здоровьѣ, и скоро ли онъ вернется, и велѣла прислугѣ тотчасъ отправить ее. Потомъ пошла въ спальню, раздѣлась и легла въ постель и, страшно утомленная переживаніемъ, въ ту же минуту уснула.

Черезъ недѣлю съ войны вернулся профессоръ. Антонина Марковна бросилась къ нему на грудь съ такимъ огненнымъ порывомъ, какого прежде онъ въ ней не встрѣчалъ. Она заботливо ухаживала за нимъ, не отходила отъ него. На его разспросы разсказала, что Новый годъ встрѣчала дома, и никого не было, кромѣ Вансовича; потомъ лицо ея сдѣлалось сосредоточеннымъ, щеки слегка поблѣднѣли. Она сообщила мужу о томъ, какъ слышала звонъ стараго часового колокола ровно въ полночь подъ Новый годъ.

— Я страшно испугалась... Я подумала, не грозитъ ли тебѣ опасность, Андрей...

Профессоръ улыбнулся той самой, своей обычной, улыбкой, въ которой было столько мудрости, взялъ ея руку и долгимъ взглядомъ посмотрѣлъ въ глаза.

— Мнѣ? Нѣтъ, нѣтъ... Но ты подумай, мой дружокъ, не было ли какой-нибудь внутренней опасности, которая грозила намъ и тревожила твое сердце?.. И, можетъ-быть, благодаря колоколу, который такъ во-время прозвучалъ въ твоей душѣ, мы съ тобой счастливо избѣжали бѣды?..

— Да... можетъ-быть...—почти прошептала Антонина Марковна и съ безконечной довѣрчивостью прильнула къ своему мужу.

* * *

Я четыре сына въ мукахъ родила,
Выросли четыре горные орла.
Какъ пожаръ нежданный, вспыхнула война,
Напоила кровью землю дочиста.
И ушли два старшихъ со своимъ полкомъ.
Плакала я горше съ каждымъ новымъ днемъ.
Плакала... молилась... Вѣсти тутъ пришли:
Оба старшихъ сына въ полѣ полегли.
Третій проситъ-молитъ: „отпусти меня!
Хочется погрѣться въ сѣчѣ средь огня,
Гдѣ кружатся пули—майскіе жуки,
Какъ ежи, щетинясь, высятся штыки...“
Какъ и два другіе, не вернулся онъ,
Я во снѣ слыхала похоронный звонъ.
Поутру сегодня встала я съ зарей.
Младшій сынъ... О, Боже! Боже правый мой!
Вижу, чиститъ сбрую, ладитъ онъ коня
И, робѣя, молвитъ: „отпусти меня.
Отпусти, не бойся—я-то ворочусь.
Постоять охота за святую Русь.
Нѣтъ, врагу средь боя спуску я не дамъ.
Эхъ, ужъ справлю тризну по своимъ братьямъ!“

Наталія Грушко.

Бельгійскій король Альбертъ I.

Прекрасная Трансильванія.

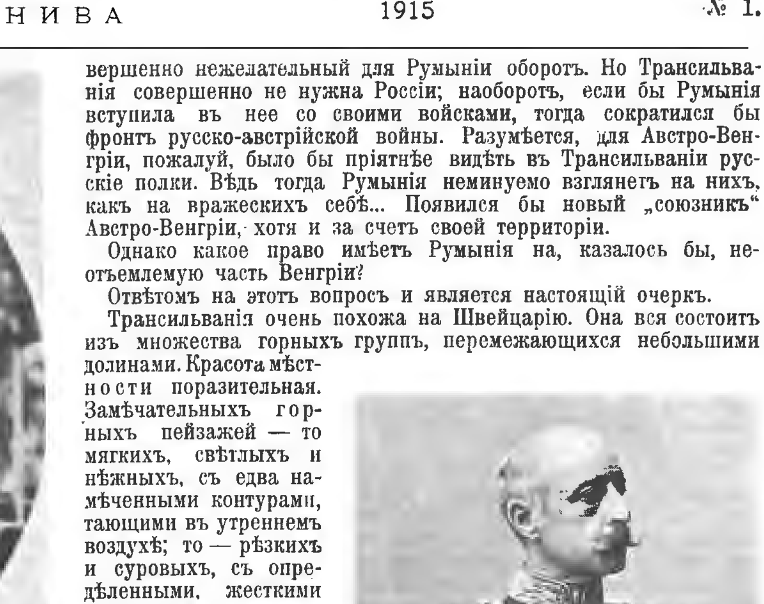
Очеркъ **В. К. Анфилова**.

Русскія войска совсѣмъ уже подошли къ Трансильваніи. На эту маленькую страну, равную нашей Екатеринославской губерніи, давно уже смотритъ съ ревнивою жадностью Румынія. Трансильванскіе агенты въ Румыніи, румынскіе эмиссары въ Трансильваніи—все время снуютъ, шушукаютъ, горячо агитируя... Сколько написано брошюръ, статей, стиховъ, драмъ; какая масса произнесена зажигательныхъ рѣчей на явныхъ и тайныхъ митингахъ Румыніи и Трансильваніи! Цѣль всѣхъ этихъ стремленій одна: Трансильванія должна принадлежать Румыніи... Это положеніе особенно обострилось за послѣднее время.

Румынія, видя начинающійся развалъ Австро-Венгріи, находится въ непоколебимой увѣренности, что дни Трансильваніи, какъ собственности Венгріи, сочтены, и оторвать ее отъ этого государства легче всего именно теперь. Румыны такъ и рвутся перешагнуть заповѣдную границу. Однако германское засилье въ Румыніи сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было: духъ Гогенцоллерновъ витаетъ тамъ и сдерживаетъ вѣковое народное вожделѣніе.

Конечно, Румынія должна вступить въ Трансильванію, иначе ее займетъ Россія, и тогда трансильванскій вопросъ приметъ со-

У главной квартиры въ Гаврѣ, куда переѣхало, по приглашенію Франціи, бельгійское правительство.



вершенно нежелательный для Румыніи оборотъ. Но Трансильванія совершенно не нужна Россіи; наоборотъ, если бы Румынія вступила въ нее со своими войсками, тогда сократился бы фронтъ русско-австрійской войны. Разумѣется, для Австро-Венгріи, пожалуй, было бы пріятнѣе видѣть въ Трансильваніи русскіе полки. Вѣдь тогда Румынія неминуемо взглянетъ на нихъ, какъ на вражескихъ себѣ... Появился бы новый „союзникъ“ Австро-Венгріи, хотя и за счетъ своей территоріи.

Однако какое право имѣетъ Румынія на, казалось бы, неотъемлемую часть Венгріи?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ и является настоящій очеркъ.

Трансильванія очень похожа на Швейцарію. Она вся состоитъ изъ множества горныхъ группъ, перемежающихся небольшими

долинами. Красота мѣстности поразительная. Замѣчательныхъ горныхъ пейзажей — то мягкихъ, свѣтлыхъ и нѣжныхъ, съ едва намѣченными контурами, тающими въ утреннемъ воздухѣ; то — рѣзкихъ и суровыхъ, съ опредѣленными, жесткими абрисами горъ, съ громадами голаго камня, — здѣсь великое множество.

Забравшись на возвышенность, хорошо смотрѣть внизъ, на раскинувшуюся панораму... Какія краски! Какія линіи!.. Горы, то покрытыя густой растительностью, то блестяще-кремнистыя, причудливыми гребнями расходятся по сторонамъ... Вся долина расцвѣчена яркими и рѣзко - опредѣленными пятнами культурныхъ полей. Вотъ розовый квадратъ гречихи опоясанъ ярко-зелеными полосами кукурузы; далѣе идетъ треугольникъ нѣжно-голубого льна; еще дальше выдѣляется бѣло-палевый овесъ; за нимъ мрачно-зеленый четыреугольникъ конопли: тамъ волнуется шелковисто-золотая пшеница; тамъ серебристо-оливковая мята, пунцовый макъ, желто-огненные подсолнечники такъ и пестрятъ, словно узоры на гигантскомъ коврѣ.

Начальникъ бельгійскаго генеральнаго штаба генералъ Юнгблатъ.

Надъ косматыми обрывами горъ цѣпляются козы. Пониже, по предгорью, бѣгаютъ жеребята. Плотными косяками бродятъ по зелени сѣрыя овцы. Тамъ и сямъ торчатъ неподвижныя фигуры пастуховъ. Кое-гдѣ видѣются бѣлые домики, полузакрытые садами. Вдали, въ голубомъ туманѣ, мерещатся каменныя строенія городка, съ колокольнями, съ группами деревьевъ. А тамъ, еще дальше, едва примѣтной змѣйкой бѣжитъ по степи поѣздъ, развѣвая бѣлымъ дымомъ, какъ страусовымъ перомъ.

Прекрасная Трансильванія!

Такъ зовутъ свою страну ея обитатели—секлеры. По языку, по костюму и типу—они тѣ же венгры. Однако по многимъ статьямъ своего общественнаго уклада они рѣзко отличаются отъ этихъ своихъ владѣтелей—жителей коренной Венгріи. Секлеры—это природные горцы. Сплоченные, трудолюбивые, умѣренные во всемъ, они все же много интеллигентнѣе, привѣтливѣе степныхъ мадьяръ. Относительно происхожденія секлеровъ мнѣнія различны. Одни ученые увѣряютъ, что это остатки гунновъ Аттилы; другіе настаиваютъ, что секлеры—потомки аваровъ, разбитыхъ Карломъ Великимъ. Третьи же считаютъ ихъ потомками мадьяръ—дезертировъ и преступниковъ, скрывавшихся въ горахъ отъ преслѣдованія болгарскаго царя Симеона. Однако у секлеровъ и посейчасъ слышна странная пѣсенка:

Воскресни, нашъ отецъ Аттила!
Приди къ сынамъ твоей страны...

Мы отдадимъ тебѣ рубашку,
А коли надо и — штаны!..

Исторія Трансильваніи тѣсно связана съ этимъ народомъ, и услуги, оказанныя секлерами Венгріи, столь значительны, что никакой отзывъ о нихъ не будетъ преувеличеннымъ. Если смотрѣть на Трансильванію, какъ на крѣпость Венгріи, то секлеры всегда были ея великолѣпнымъ гарнизономъ.

Собственно венгры хотя и являются властителями страны, но по количеству секлеры значительнѣе. Послѣдніе имѣютъ безудержное влеченіе къ Венгріи, но они высокіе патріоты и свою прекрасную Трансильванію ставятъ дороже всего на свѣтѣ. Считая себя по происхожденію древнѣе мадьяръ, они все же охотно подчиняются ихъ власти.

Король Альбертъ.
Одинъ изъ послѣднихъ снимковъ.

Кромѣ венгро-секлеровъ въ Трансильваніи живутъ еще саксонцы, переселившіеся туда съ берега Рейна въ началѣ среднихъ вѣковъ. Долгое время они жили отдѣльнымъ народомъ, со своимъ самоуправленіемъ, но затѣмъ были включены въ общую массу Трансильваніи, и въ концѣ концовъ многіе изъ нихъ такъ омадьярились, что по внѣшнимъ признакамъ уже нельзя отличить саксонца отъ секлера или венгра, и только говорящіе по-венгерски всегда выдаютъ себя по непремѣнному акценту. Саксонцы имѣли громадное вліяніе на общій ходъ культурной жизни Трансильваніи. Большинство фабрично-заводскихъ предпріятій почти цѣликомъ принадлежало имъ, а главная масса жителей городовъ въ большинствѣ случаевъ состояла изъ саксонцевъ. Хотя многіе изъ нихъ даже уже кичатся своею „омадьяренностью“, но все же они считаютъ себя людьми болѣе высокой культуры, чѣмъ окружающіе ихъ другія народности. Да и въ дѣйствительности трансильванскіе саксонцы считаются людьми исключительной порядочности и весьма основательными. Правда, индивидуальное благосостояніе для нихъ всегда являлось конечною цѣлью всѣхъ стремленій: ни военнаго ни гражданскаго мужества они не выказывали.

Третьимъ народомъ, обитающимъ въ Трансильваніи, являются румыны. Ихъ производятъ отъ древнихъ дакіянъ, покоренныхъ въ 107 г. по Р. Х. Траяномъ. Дакіяне принадлежали къ славянскому племени, что подтверждается тѣмъ, что въ Трансильваніи испоконъ вѣка въ мѣстностяхъ, обитаемыхъ румынами, сохранились до сихъ поръ названія селеній, носящія корни славянскаго языка; славянскія же слова имѣются и въ румынской рѣчи. Однако сами румыны любятъ производить себя отъ римлянъ, а обиліе славянскихъ словъ въ своемъ языкѣ объясняютъ тѣмъ, что это получилось отъ православія, которое они исповѣдываютъ, ибо первое время священниками ихъ всегда были русины, или сербы, которые будто бы и внесли въ народную рѣчь слова своего говора. Сами себя они называютъ „rumun“ или „roman“, а прежнее названіе „wallach“—для нихъ было такимъ же оскорбленіемъ, какимъ служитъ для евреевъ кличка „жидъ“. Черты лица румына много изящнѣе венгра, хотя пропорціональностью тѣлосложенія венгръ превосходитъ румына.

Король Альбертъ на прогулкѣ по морю: самъ правитъ моторной лодкой.

Численностью румыны превосходятъ венгро-секлеровъ и саксонцевъ взятыхъ вмѣстѣ. Это—главная трансильванская масса, это—живое тѣло страны.

Румыны всегда представляли то, что принято называть плебсомъ. Являясь собственно коренными обитателями края, румыны всегда служили первымъ двумъ народностямъ рабами, рабочею силой, да, пожалуй, служатъ ею и теперь. Только въ 1848 г., когда почти всѣ народности, составлявшія „лоскутную имперію“ Австро-Венгріи, возстали, румыны тоже поднялись, какъ одинъ человѣкъ, и натворили много жестокихъ насилій надъ своими помѣщиками-мадьярами. До сихъ поръ между румынами и венграми таится непримиримая вражда; донынѣ румыны живутъ въ „своей Трансильваніи“ на правахъ побѣжденныхъ. Много-много вытерпѣли и терпятъ еще теперь они отъ всяческихъ униженій, лишеній и засильнаго гнета. Ихъ религія неоднократно подвергалась самымъ яростнымъ нападкамъ католицизма; ихъ языкъ изгонялся изъ школъ и изъ присутственныхъ мѣстъ. Даже въ ту пору, когда Трансильванія была совершенно самостоятельнымъ княжествомъ, правителемъ ея никогда не бывалъ румынъ, не-

Король Альбертъ.
Король Альбертъ среди рудокоповъ, въ костюмѣ шахтера, передъ спускомъ въ шахту.

Бельгійскій король Альбертъ въ мирной обстановкѣ—среди своего народа.

смотря на то, что дворянство трансильванскихъ румынъ существуетъ и до сего дня. Искусная взаимная ненависть между венгро-секлерами и румынами сказывалась во всѣхъ ихъ сношеніяхъ, и нынѣшнія звѣрства венгерскихъ солдатъ надъ буковинскими румынами — естественный взрывъ долго накоплявшихся чувствъ.

Не въ лучшихъ отношеніяхъ находятся румыны и съ саксонцами. Эти послѣдніе не считаютъ ихъ за людей и утверждаютъ, „что буйволъ, что румынъ—одна скотина, но буйволъ дороже“...

Надо сознаться, что прежняя интеллигенція румынъ почти всегда спѣшила слиться съ господствующими мадьярами. Но потомъ, когда образовалась самостоятельная Румынія со своимъ княземъ, а затѣмъ и королемъ, эти интеллигенты измѣнили направленіе и явились первыми подстрекателями своего народа, пробуждая его политическое самосознаніе.

Трансильванія — это завѣтная мечта румына, живущаго подъ скипетромъ своего короля. Трансильванія—это страшно наболѣвшее мѣсто всей Румыніи: это, по словамъ бухарестскаго поэта, именно та страна, куда

Румыны всѣ съ досадой смотрятъ
И тяжко такъ вздыхаютъ!..

Трансильванія, или по-венгерски Эрдели, когда-то была самостоятельною страною, а затѣмъ подпала подъ власть Венгріи, не утративъ однако правъ самоуправленія. Ея правители носили громкій титулъ „князя Трансильваніи, владѣтеля части Венгріи и графа секлеровъ“. Страна, являясь предверіемъ Венгріи, вынесла множество набѣговъ всевозможныхъ народовъ и часто отпадала отъ Венгріи то полностью, то частями. Попытки сліянія Венгріи съ Трансильваніей производились съ 1688 г., и только въ 1848 г. оно болѣе или менѣе состоялось въ принципѣ, а въ 1867 г. въ день коронованія Франца-Іосифа оно завершилось окончательно.

По географическому же своему положенію Трансильванія, конечно, и до сихъ поръ остается такою же обособленною страною, огороженною четырехугольникомъ горныхъ кряжей. Для Венгріи она служитъ сильною естественною крѣпостью, и мѣстные политики увѣряютъ, что, кто овладѣетъ Трансильваніей, вскорѣ завладѣетъ и самою Венгріею.

Занимая площадь въ 55.731 квадратный километръ, Трансильванія дѣлится на пятнадцать округовъ. Прежнею столицею края служилъ г. Колошваръ—центръ венгерской аристократіи; однако впослѣдствіи всѣ правительственныя учрежденія были перенесены въ г. Германштадтъ — саксонскаго происхожденія, такъ же, какъ и другой большой городъ Кронштадтъ. Собственно въ этихъ трехъ городахъ сосредоточены почти всѣ казенныя и общественныя учрежденія, какъ-то: епископства, академія, университеты, институты, семинаріи, музеи, банки, конторы и пр. Въ Кронштадтѣ когда-то находился памятникъ побѣды русскихъ надъ венграми въ 1849 г., поставленный русскимъ генераломъ Лидерсомъ. Конечно, памятникъ этотъ никогда не былъ для мадьяръ пріятнымъ: уже въ концѣ шестидесятыхъ годовъ отъ него оставались жалкія развалины.

Всѣхъ жителей въ Трансильваніи не менѣе трехъ милліоновъ. Румыны, занимая главнымъ образомъ западную и южную части края, составляютъ около 60% всего населенія. Мадьяры обитаютъ въ сѣверной половинѣ и также въ восточной, при чемъ особенно высокія мѣстности заселяютъ секлеры; всего ихъ до 31%. Саксонцы распространены къ югу и сѣверо-востоку, преимущественно въ городахъ: они заполняютъ собою остальные 9%. По вѣроисповѣданію: православныхъ 31%, уніатовъ — 28% (оба вѣроисповѣданія касаются румынъ), реформатовъ — 14%, католиковъ—13% (венгры и секлеры), евангелистовъ—9% (саксонцы), унитаріевъ—3%, остальные іудеи и др.

Венгры и секлеры занимаются преимущественно земледѣліемъ, скотоводствомъ и торговлей лѣсомъ; саксонцы—плодоводствомъ, винодѣліемъ и обрабатывающей промышленностью; румыны занимаются хозяйствомъ и скотоводствомъ.

Трансильванія—очень плодородная страна. Ея минеральныя богатства неисчислимы. Она славится въ Европѣ своей добычей золота. Кромѣ серебра, мѣди, желѣза въ ея нѣдрахъ множество разнообразныхъ металловъ и драгоцѣнныхъ камней. Есть уголь, нефть, соль. Эта страна изобилуетъ минеральными источниками. Вообще Трансильванія могла бы быть сплошнымъ курортомъ, но ея богатства въ этомъ отношеніи далеко еще не использованы. Къ ней весьма подходитъ наша поговорка: „малъ золотникъ, да дорогъ!“ Глубоко не правъ былъ одинъ изъ ея князей, Гавріилъ Баторій, прославившійся безразсудною жестокостью къ своимъ подданнымъ; онъ о своей странѣ отзывался весьма пренебрежительно:

— Маленькой Трансильваніи едва ли хватитъ на одинъ завтракъ.

Цвѣты войны.

Разсказъ **В. Козлова**.

I.

Часа на два непріятельская артиллерія примолкла, а послѣ начался вдругъ адъ. Отдѣльныхъ выстрѣловъ и отдѣльныхъ разрывовъ услѣдить стало невозможно. Вверху шрапнель, а на землѣ гранаты рвались сразу десятками. Со свистомъ, съ лязгомъ, съ какимъ-то до тошноты противнымъ скрежещущимъ стономъ лопались громадные нѣмецкіе снаряды. Точно бы тысячами гигантскихъ стеколъ скребли и царапали другъ о друга.

Изъ штаба дивизіи сообщили по телефону:

— Не прозѣвайте непріятельской атаки. Повидимому, они подготовляютъ ударъ въ штыки.

По окопамъ дали знать:

— Гляди въ оба!..

Окопы неглубокіе, сдѣланные наспѣхъ. Солдаты стоятъ на колѣняхъ, на корточкахъ. Кому нужно, тѣ ходятъ, согнувшись надвое, чтобы въ пустую не подставляться подъ пули.

— Ванютка! Эй, Ванютка!—кричитъ ефрейторъ Курыгинъ.

Голосъ у Курыгина жесткій, басовитый, лицо сердитое. Сплошной громъ заглушаетъ слова—они мрутъ здѣсь же, не достигнувъ гребешка насыпи. Но по окопу, какъ по изолированному проводу, окликъ бѣжитъ и принимается.

— Я здѣсь, дяденька Провычъ!

— Поди сюды!

Ванютка летитъ къ Курыгину, перепрыгивая черезъ ноги стоящихъ на колѣняхъ солдатъ, тулясь къ свободной стѣночкѣ.

Ему вольно въ окопѣ: не тѣсно, не низко. Онъ, будто мышенокъ въ загроможденной кладовой, вертко и ходко юлитъ по всѣмъ щелямъ нарытыхъ канавъ. Всякій зигзагъ окопа для него просторный коридоръ, каждый комъ земли—отличное укрытіе.

— Мышенокъ и есть! Ахъ, ты, герой! — смѣясь, говорятъ бородачи.

Лицо у Ванютки широкое, веснущатое, со вздернутымъ носомъ. Нѣтъ въ немъ ни красоты ни даже дѣтской миловидности. Обыкновенный мальчишка, какихъ въ каждой русской деревнѣ десятки. Глазенки узенькіе, сѣренькіе, все время въ движеніи. Но если бы не эта живость глазъ, освѣщающая всю его фигурку своеобразно-мышиннымъ проворствомъ и лукавствомъ, то былъ бы Ванютка совсѣмъ безцвѣтнымъ.

— И чего ты все бѣгаешь?—сердито ворчитъ Курыгинъ.

— Я, дяденька Провычъ, воду носилъ.

— Какую воду?

Второй роты унтеръ Малышевъ и господинъ Скудометовъ раненые лежатъ, такъ пить попросили. Штабсъ-капитанъ?

— Такъ точно, дяденька Провычъ.

— Ну, отнесъ—и ворочайся, посиди. Видишь, всѣ притаились. Набѣжать на пулю не шутка, а послѣ что?

— Я, дяденька Провычъ, маленькій, меня не видно.

— Она, братъ ты мой, не станетъ разбирать, большой ты или маленькій. Вдаритъ—глазомъ не мигнешь.

— И патроны носилъ.

— Тебя только не хватало! Много ли всей твоей силы?

— Ого! Я съ утра семнадцать жестянокъ перетаскалъ!

— Бахвалься вотъ, егоза!—съ сердцемъ прикрикнулъ Курыгинъ и заворчалъ подъ носъ.

— Мнѣ, дяденька Провычъ, ничего. Я по канавкѣ, а гдѣ ползкомъ. Меня развѣ замѣтятъ?

— Сиди ужъ, сдѣлай милость.

Ванютка всѣхъ солдатъ за глаза зоветъ по фамиліи, а въ глаза просто „дяденьками“. Ефрейтора же Курыгина не иначе, какъ прибавляя отчество „Провычъ“. Съ перваго дня, когда Ванютка присталъ къ полку на походѣ, дяденька Провычъ принялъ мальчугана подъ свое покровительство. По копейкамъ собралъ ему на сапоги, на бѣлье. На постоѣ въ фольваркѣ выпросилъ у панскаго управляющаго дѣтскую шубку въ родѣ казакина. Стараніями Курыгина Ванютка ходитъ щеголемъ, и рубашка у него всегда чистая, и отъ всяческой нечисти ефрейторскій глазъ его ревниво оберегаетъ.

— За дитёмъ только не догляди—вразъ запаршивѣетъ. Развѣ само оно понимаетъ?—разсудительно поясняетъ Курыгинъ свой уходъ за ребенкомъ.

Солдаты солидно крякаютъ и молча соглашаются.

— Дай-ка, Провычъ, Ванюткины сподники — заодно выстираю слюнявцу, — говоритъ товарищъ, улучивъ минуту для стирки.

— Надо бы Ванюткѣ фуфайку сладить, — предлагаетъ другой въ перерывѣ между двумя боями.

Такъ и живетъ приблудный мальчуганъ въ третьей ротѣ. Его не цѣлуютъ, не ласкаютъ напоказъ. Частенько на него прикрикиваютъ и за шалости обѣщаютъ драть вихры. Надъ рѣзвостью и неустрашимостью мальчика снисходительно смѣются. Каждый словно бы стѣсняется въ присутствіи товарищей выказать ребенку любовь и нѣжность.

Но у Ванютки есть чутье. Онъ прекрасно знаетъ, что, прильни онъ на ночлегъ къ кому угодно, хотя бы къ самому подпрапорщику Стрепетову, его не оттолкнутъ. Во всякой палаткѣ онъ

Обманы войны. Фальшивыя пушки (бревна на колесахъ), поставленныя на покинутыхъ позиціяхъ и привлекавшія усиленный артиллерійскій огонь германскихъ батарей.

найдетъ пріютъ, всякая шинель прикроетъ его полой. Лепетъ девятилѣтняго вояки вызываетъ у „дяденекъ" покровительственную усмѣшку — это въ порядкѣ вещей: Ванютка не претендуетъ быть на равной ногѣ. Однако и надуть мальчишку трудно: онъ чувствуетъ, что эта броня старшинства вовсе не такая ужъ непроницаемая.

Весело хлопаетъ вверху шрапнель, съ злобнымъ взвизгиваніемъ проносятся надъ головами невидимыя гранаты и гдѣ-то сзади рвутъ на мелкіе куски твердую землю.

Передъ окопами ничего не видно. Непріятель зарылся, и лишь изрѣдка какія-то черненькія темненькія точки движутся надъ той линіей, гдѣ предполагаются ихъ авангарды.

Курыгинъ держитъ винтовку на прицѣлъ, смотритъ сосредоточенно. У Ванютки есть затаенная мысль, но онъ боится ее высказать дяденькѣ Провычу потому что неподходящая минута. Вотъ глаза ефрейтора блеснули, мигнули, и тотчасъ же его винтовка, вздрогнувъ въ рукахъ, четко и сухо щелкнула.

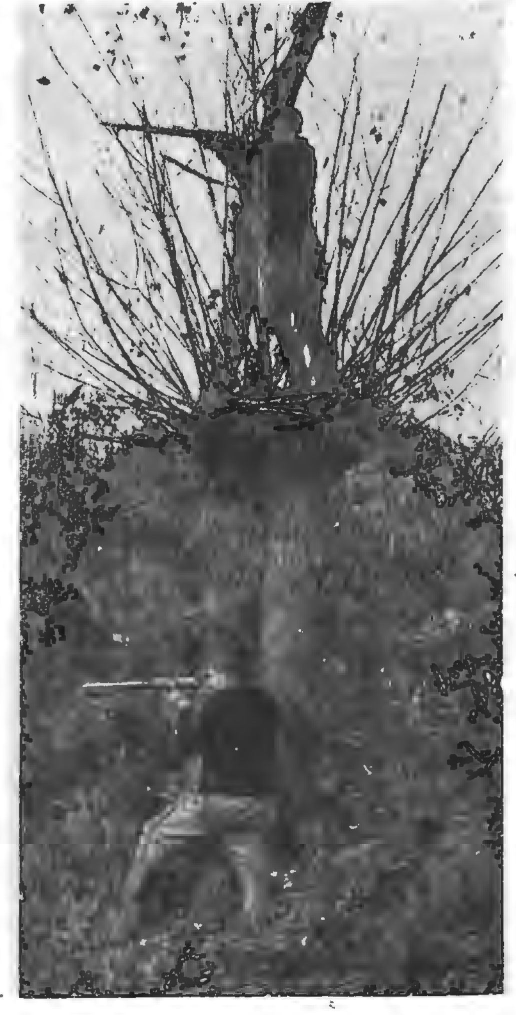
Ванютка всматривается въ нѣмецкій окопъ: дяденька Провычъ зря стрѣлять не станетъ! Но тамъ, какъ и раньше, ничего не видно, ничего не поймешь.

„Здорово прячутся, подлые! — съ досадой думаетъ Ванютка.—Вотъ если бы вышли на чистое мѣсто — мы бы имъ показали!.."

Сидѣть безъ дѣла скучно. Хорошо бы сбѣгать во вторую роту—можетъ, еще кого ранило? Или за патронами... Или въ деревню, за четыре версты, тамъ

Въ импровизированныхъ траншеяхъ изъ срубленныхъ деревьевъ.

Въ окопахъ близъ Ньюпора.



Обстрѣлъ врага съ деревьевъ.

На западномъ фронтѣ. Бельгійцы, защищающіе каждую пядь своей земли.

Сенегальскіе стрѣлки, впервые увидѣвшіе аэропланъ.

въ походныхъ кухняхъ варятся щи: Ванюткѣ дадутъ „генеральскую“ пробу.

— Смирно! Самъ корпусный пожаловалъ!—скомандуетъ со смѣхомъ кашеваръ Грищенко и поднесетъ на огромной вилкѣ паёкъ мяса.

А здѣсь сиди, жмись. Скучно.

— Дяденька Провычъ!

— Ну?

— Дай, дяденька Провычъ, стрѣльнуть.

Выпрашивая, Ванютка боится, гнуситъ. Проситъ безъ надежды на успѣхъ.

— Одинъ только разикъ!

Курыгинъ молчитъ, Ванютка смѣлѣетъ.

— Былъ на войнѣ, спросятъ: „стрѣлялъ?“, а мнѣ что̀ же—врать? Только разикъ, дяденька Провычъ.

Ефрейторъ не можетъ удержаться, хохочетъ.

— Ха-ха-ха! Аника—воинъ! Ну, на̀, пали.

Отъ неожиданной радости у Ванютки трясутся руки. Онъ въ совершенствѣ выучилъ, какъ стрѣляютъ. Но въ эту минуту все выскочило изъ головы. Забылъ, къ какому плечу прикладывать винтовку, которой рукой поддерживать, а которой держать спускъ.

— Не сюды... Эхъ, ты! Вотъ такъ... Держи крѣпко, тяни къ плечу. Плотнѣе, крѣпче. Ну, теперь стрѣляй... Ха-ха-ха! Да не робѣй ты! Ну... пли!

Свой собственный выстрѣлъ показался Ванюткѣ страшно оглушительнымъ и сильнымъ. Въ плечо отдало, и все тѣло Ванюткино дернуло назадъ. Но это ничего. Онъ предполагалъ, что будетъ хуже.

— Еще, дяденька Провычъ! Миленькій, еще!..

Въ окопѣ вдругъ произошло движеніе. Сбоку суетливо и расторопно затрещали пулеметы, словно бы громко сигналя зазѣвавшимся товарищамъ, что близка опасность и нужно беречься.

— Атака! Атака!—пронеслось нервной ноткой.

— Давай сюды! Сиди смирно! — отрывисто и сурово приказалъ Курыгинъ, сразу забывъ о баловствѣ.

— Цѣлься лучше! Не порть безъ толку патрона! — раздался надъ ухомъ голосъ ротнаго командира.

Говоритъ онъ спокойно, громко, самоувѣренно. Но и Ванюткѣ и солдатамъ чудится за этимъ спокойствіемъ такая же встревоженность, какъ въ возгласахъ „атака“, какъ въ спѣшной трескотнѣ пулеметовъ.

— Будьте стойки! Боже васъ упаси растеряться!— какъ бы предупреждаетъ это спокойствіе начальника.

Сенегальскіе стрѣлки, доставляемые на бортъ военнаго транспорта.

На учебномъ стрѣльбищѣ спокойствіе совсѣмъ иное.

Ванютка не умѣетъ сдержать любопытства. Высунувшись надъ насыпью, онъ смотритъ впередъ. Сѣрые глазки горятъ, губы побѣлѣли.

„Добѣгутъ! Добѣгутъ!“—колотится въ мозгу опасеніе.

Отъ непріятельской линіи быстро приближаются толпы нѣмцевъ. Мѣстами они рѣдки, бѣгутъ цѣпью, мѣстами же не видно просвѣтовъ — сплошь люди. Надъ головой вдругъ съ визгомъ, съ дымомъ, несется какая-то страшная туча. Уже послѣ Ванюткѣ объяснили, что это наша артиллерія стрѣляла картечью. Въ ту минуту онъ видѣлъ лишь, какъ густыя колонны нѣмцевъ то разорвутся на стороны, падутъ на землю, зашатаются, то снова рванутся навстрѣчу тучѣ.

Нѣмецкіе плѣнные подъ конвоемъ марокканцевъ, сражающихся въ рядахъ французскихъ войскъ.

На мірового врага. Черныя войска въ рядахъ союзныхъ армій.

И ужъ невозможно разобрать, гдѣ ахаютъ пушки, гдѣ трещатъ пулеметы, а гдѣ палятъ винтовки. Сплошной стонъ и грохотъ.

Сначала Ванюткѣ казалось, будто бѣгущіе къ нимъ нѣмцы падаютъ, а послѣ поднимаются и догоняютъ ушедшихъ впередъ товарищей. Но когда они приблизились, мальчуганъ понялъ, что это не такъ. Кто упалъ, тотъ ужъ не поднимался. Догоняли же и вновь заполняли образовавшіяся бреши совершенно новые люди. Они перепрыгивали черезъ павшихъ, что-то кричали. Уже можно разсмотрѣть ихъ лица, уже ясно видно, какъ встрѣчный ураганъ свинца и стали снесетъ вдругъ начисто цѣлую кучу народа, прорѣжетъ широкій коридоръ. Кажется: нѣтъ, куда тамъ, не добѣжать! А въ слѣдующую минуту коридора нѣтъ: его наполнили свѣжіе солдаты.

Кто и какъ распорядился — Ванютка не услѣдилъ, но по всему окопу вдругъ прекратили стрѣльбу. Лишь орудія и пулеметы продолжали ревѣть и надрываться.

— Дяденька Провычъ, куды вы? И мнѣ итти?

Курыгинъ не отвѣтилъ, голосъ Ванюткинъ жалко потонулъ въ громыхающей бурѣ. Канонада стихла до того внезапно, что это оглушило.

Замелькали предъ глазами Ванютки сапоги выскакивающихъ за окопы солдатъ, затѣмъ переливчато, вспыхивая и замирая, пошло „ура".

— На штыкъ! — догадался мальчикъ и вскарабкался на самый гребень насыпи.

Наши набѣгали изъ второй линіи окоповъ, изъ резерва, откуда-то со стороны. И все впередъ, все туда, куда скрылся дяденька Провычъ.

Ванюткѣ стало жутко. Крича во всю мочь „ура", мимо него бѣжали незнакомые солдаты. Затрутъ его, чуть не затопчутъ, вновь освободятъ, и опять бѣгутъ новые. Не зная, что нужно дѣлать, окончательно растерявшись въ этомъ потокѣ, побѣжалъ за ними и Ванютка.

II.

Кончился день, и вмѣстѣ замерло сраженіе.

Гдѣ-то далеко впереди еще палятъ изъ пушекъ, но какъ-то утомленно, вяло. Бахнетъ глухой ударъ, подрожитъ съ минуту воздухъ — и стихнетъ. Спустя время опять глухо и одиноко пронесется:

— А-а-ахъ!—и долго плыветъ, гудя.

Окопы, еще такъ недавно бывшіе самыми многолюдными, критическими, приковывавшими къ себѣ всеобщее вниманіе—брошены и пусты. Нѣсколько партій санитаровъ бродятъ по нимъ съ носилками, да худыя, тощія собаки набѣжали откуда-то и, трусливо поджавъ хвосты, ждутъ ночи. Похоже, будто онѣ боятся попасться на глаза, сломя голову шарахаются въ сторону отъ живыхъ людей.

Контръ-атакой опрокинувъ нѣмцевъ, наши батальоны ушли далеко впередъ. По изрытому, исковерканному шоссе спѣшатъ какіе-то всадники въ одиночку, по два, должно-быть, съ донесеніями. Дребезжа, ѣдутъ двуколки. Разбрасывая искры и курясь дымкомъ, пробираются куда-то походныя кухни, видимо, потерявшія свои роты и теперь не знающія, кого кормить горячими щами.

— Дяденька, не видали вы третьей роты?

Ванютка усталъ, мышиные глазки потухли, веснушки какъ-то до странности рѣзко выступили на осунувшемся лицѣ.

— Ты еще откуда взялся?

— Я третьей роты. Отбился.

— Какого полка?

— Стрѣлковаго, сибирскаго.

— Ахъ, шутъ тебя! Лѣзь сюды, подвеземъ.

— Я ищу дяденьку Провыча.

— Ну, лѣзь, лѣзь. Экая фигура! Ха-ха-ха! Воевать задумалъ, шельмецъ!

Солдатамъ весело. Ванютку сажаютъ къ самому котлу, даютъ жирный кусокъ дымящагося горячаго мяса.

— Ты гдѣ же сражался?

— Я, дяденька, съ ротой въ окопѣ сидѣлъ.

— Ха-ха-ха! Въ окопѣ! Ну и дѣла!

— Я патроны носилъ. Водой поилъ, которые раненые...

Ванютка не хвастается, но ему обиденъ смѣхъ незнакомыхъ солдатъ. И свои смѣются, однако не такъ.

— Патроны, говоришь? Водой поилъ?..

— А то какъ же. Семнадцать жестянокъ перетаскалъ. Большому укрыться некуда, а мнѣ что? Я по канавкѣ.

— Ахъ, милой! Воинъ нашъ! Гляди на него: по канавкѣ, говоритъ!.. И не боялся?

— А ни капельки. Развѣ въ меня попадутъ?!

Солдаты опять смѣются, но теперь уже нѣтъ въ ихъ смѣхѣ ничего обиднаго.

На поля ложатся сумерки. Перепоясанныя окопами, взрытыя снарядами, они жутки—эти поля. Въ одиночку, по двое, порой кучами лежатъ люди. Иногда доносится стонъ.

Ванюткѣ страшно. Страшно потому, что въ сердцѣ горитъ и жжетъ тоскливая жалость къ страдальцамъ, а сдѣлать онъ ничего не можетъ.

— Я полагаю, надо взять вправо, вонъ по тому проселку,— говоритъ одинъ солдатъ.

Черныя войска въ рядахъ союзныхъ армій. Африканскія войска во Франціи. Туземные стрѣлки идутъ въ штыки.

Африканская пѣхота вызываетъ панику въ германскихъ войскахъ своей безумной отвагой и необычайной стремительностью въ рѣшительную минуту боя. Самымъ выдающимся ихъ подвигомъ былъ штыковой ударъ на императорскую гвардію, которую они разгромили и обратили въ безпорядочное отступленіе. Въ эпическомъ и ожесточенномъ боѣ у Шарлеруа они нѣсколько разъ съ нечеловѣческой отвагой отбирали у нѣмцевъ этотъ городъ и задерживали на себѣ превосходныя силы противника. Въ одномъ изъ эпизодовъ боя, по трудной пересѣченной мѣстности, они бросились въ штыки на непріятельскую батарею, прислугу которой перебили до послѣдняго солдата. Этотъ эпизодъ изображенъ на рисункѣ Л. Сабаттье.

Другой возражаетъ:

— А почему вправо? На пальцахъ гадалъ?

— Оттудова палили.

— Эге! Ты скажи, откудова не палили!

Ванютка прислушивается къ спору съ тревогой. Вонъ оно въ чемъ дѣло! Значитъ, они сами не знаютъ, куда ѣдутъ. Можетъ, дяденька Провычъ совсѣмъ въ другой сторонѣ... Нѣтъ, это Ванюткѣ не съ руки. Онъ хочетъ навѣрняка разузнать, гдѣ дяденька Провычъ и вся рота. Къ чужимъ ему ѣхать не зачѣмъ. Чужихъ вездѣ много.

— Я пойду.

— Куда?

— Пойду ужъ. Мнѣ третью роту...

— Ошалѣлъ, милой. На ночь глядя, куда пойдешь?

— Мнѣ третью роту надо,—упрямо повторяетъ Ванютка и ползетъ ногой на подножку.

— Фу, глупый какой! Ночь перожди, а завтра сыщешь.

— Чего завтра? Я сейчасъ пойду.

— А еще патроны носилъ! Дуракъ и есть!.. На хлѣба-то, паёкъ захвати.

Кашевары недовольны рѣшительностью мальчика. И жалко имъ и досадно. Куда онъ пойдетъ? Отъ земли еле видать, а заладилъ: „пойду, пойду“! Пропадетъ. Одинъ щелчокъ — и конецъ.

Прожекторы, метущіе небо, засоряемое германскими авіаторами.

„Глаза“ Лондона, устремленные во всѣ три стихіи, — въ воздухъ, на воду и на землю,—на которыхъ ожидается нападеніе нѣмцевъ— вѣковѣчнаго врага Англіи.

— Отчаянный!—говоритъ одинъ, когда Ванютка исчезъ въ сгущающейся тьмѣ.

— Чего тамъ: пропасть не дадутъ! Вонъ, гляди, люди вездѣ,— указываетъ товарищъ на движущіеся по полю огоньки. И добавляетъ задумчиво:—Правильный мальчуга! Такого самъ Богъ сбережетъ.

А Ванютка уже шагаетъ къ огонькамъ. Вечеръ меркнетъ: страшныя ямы отъ нѣмецкихъ снарядовъ Ванютка шибко-шибко обходитъ. Черезъ канавы перелѣзаетъ. Въ одномъ мѣстѣ чуть не изъ-подъ ногъ его выскочила собака и съ визгомъ кинулась въ сторону. Шарахнулся отъ нея и Ванютка, но опомнился.

— Ахъ, подлая! У-лю, лю, лю!..

Тулупчикъ вдругъ сталъ жаркимъ, шея пропотѣла.

— О, Господи! О-охъ!—донеслось сбоку.

Мальчикъ остановился, дрожа. Прислушался.

— Мать Пресвятая... Охъ-ти, охъ!..

Стонъ, бормотанье, кряхтѣнье какое-то.

Нерѣшительно Ванютка двинулся туда, пристально всматриваясь. Мелкая рытвинка, и въ ней стонущій, охающій человѣкъ.

— Что вы, дяденька? Больно вамъ?—робко спрашиваетъ Ванютка и присаживается на корточки.

Раненый не отвѣчаетъ. Помочь бы ему, но чѣмъ? Ахъ, да! Вѣдь у Ванютки полные карманы.

— Дяденька, можетъ, вы хлѣбца хотите?

Молчаніе.

— Паёчекъ есть. Тепленькій!..

— О-ой!.. Братцы мои!..

Мышиные глаза различаютъ блѣдное, бѣлое лицо, откинутую руку, пальцы, конвульсивно сжимающіеся, шевелящіеся. Стоны все рѣже, бормотанье слабѣе, безсвязнѣе.

Стрѣльба по германскому аэроплану изъ блиндированнаго поѣзда, снабженнаго спеціальнымъ орудіемъ для разстрѣла дирижаблей и аэроплановъ.

Защита Лондона отъ нападенія германскихъ аэроплановъ.

Ванютка соображаетъ, что здѣсь онъ ненуженъ со своимъ паёчкомъ. Страшно!..

Въ слѣдующую минуту крошечная фигурка съ раздувающимися полами тулупчика стремглавъ несется по полю. А сзади словно бы догоняетъ:

— О-ой!.. Братцы мои!..

Вспотѣлъ Ванютка. Рубашку хоть выжми.

— Это еще кто? Иди сюда! Ты откуда взялся?

— Я—ротный... Ванютка... Третьей роты.

Санитаръ освѣщаетъ мальчика фонаремъ, сестра въ черной кожаной курткѣ склонилась къ нему.

— Какъ ты сюда попалъ? Боже мой, ребенокъ!..

— Я ищу дяденьку Провыча.

— Что за чертовщина! Откуда ты, прелестное дитя?—раздается бодрый, громкій возгласъ.

Бородатый господинъ съ бѣлой повязкой на рукавѣ беретъ Ванютку за шиворотъ и приподнимаетъ, какъ котенка.

— Хо-хо-хо! Ночной бандитъ! Мародеръ!

Разомъ къ Ванюткѣ возвращаются вся его мышиная отвага и смѣтливость.

— Какъ утромъ наши пошли на штыкъ, такъ я и отбился. Мнѣ бы только сыскать третью роту!

— Ого, да онъ ротный! Ну, братъ, вяжись за нами. Теперь намъ некогда, а послѣ мы тебя пристроимъ. Ахъ, ты, молодчинище! Только не отставай.

А господинъ говоритъ:

— Не хнычь. Бери носилки.

И пошли. Господинъ впереди, Ванютка сзади. Сила у него такая, что десятерыхъ поднялъ бы.

„Ишь, а говорилъ: аршина не хватаетъ! — думаетъ Ванютка о своей силѣ.—Гляди, у самого сполна ли этотъ аршинъ?"

Легкость на душѣ, радость. Только бы донести дяденьку Провыча. Донести до какой-то волшебной черты, за которой нѣтъ ни ранъ ни боли. Тамъ ужъ онъ самъ встанетъ на собственныя ноги... И донесу! Ого! Своего дяденьку Провыча не донести!

— Не подгадь, борода! Крѣпись! — поощряетъ Ванютка бородача.—Экъ ты не догадался на вершочекъ вырасти! Ха-ха-ха!..

Смѣясь, Ванютка и проснулся.

„Вотъ оно какое дѣло! Дяденьки Провыча-то нѣту! — думаетъ мальчикъ.—Во снѣ привидѣлся..."

Лѣвой ногѣ тепло, а правой холодно — высунулась изъ-подъ полы наружу. Ванютка круче подгибаетъ ее къ животу, дышитъ въ нутро тулупчика. Это хитрая и сложная штука — на шубѣ лежать и подъ нее же спрятаться безъ остатка. Чтобы и руки, и ноги, и голова—все было укрыто.

„Какъ-то теперь дяденькѣ Провычу? — мелькаетъ мысль. — Можетъ, онъ тоже раненый лежитъ, коченѣетъ..."

И слѣдомъ является другая мысль:

„А санитары?.. Ушелъ этотъ бородатый докторъ или здѣсь еще?"

Гр. С. С. Татищевъ. С. Е. Виссаріоновъ.

Къ 25-лѣтію государственной службы С. Е. Виссаріонова, и. о. предсѣдателя Петроградскаго Комитета по дѣламъ печати. Группа чиновъ Комитета съ юбиляромъ и съ начальникомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати графомъ С. С. Татищевымъ.

У этихъ людей работы много. Бородатый все покрикиваетъ. Бойкій, веселый даже. Носятъ, должно-быть, далеко, потому что, пока носилки вернутся, проходитъ много-много времени. И ждутъ ихъ съ досадой, нетерпѣливо. Мало рукъ!

— Если бы ты, братецъ, былъ на аршинъ повыше да пудика на два потолще — мы бы тебя лихо приспособили къ дѣлу, — говоритъ бородатый господинъ. – Эко ты не догадался вырасти!

Всѣ смѣются. Двое перевязанныхъ и ждущихъ носилокъ тоже слабо улыбаются.

Забавный этотъ господинъ съ бѣлой повязкой. Кажется, въ какомъ дѣлѣ работаетъ! Другому на умъ не пришло бы зубоскалить, а онъ —хоть бы что! И прочимъ изъ-за этого нѣту страха...

Однако Ванюткѣ надоѣдаетъ ходить слѣдомъ за санитарами безъ дѣла. На него все меньше обращаютъ вниманія. И усталъ онъ, спать хочется.

Въ одномъ окопѣ нашли сразу человѣкъ тридцать раненыхъ. Пока ихъ на скорую руку перевязывали и уносили, Ванютка прилегъ.

— А мальчонку мы никакъ обронили гдѣ-то, — сказалъ бородатый господинъ.

Кинулись туда, сюда—нѣтъ Ванютки.

— Не бѣда! Такой молодецъ не погибнетъ,—безпечно проговорилъ бородачъ, и отрядъ двинулся дальше.

III.

Приснилось Ванюткѣ, что идетъ онъ съ бородатымъ господиномъ по полю и осматриваетъ лежащихъ.

— А вотъ и твой дяденька Провычъ,—говоритъ спутникъ.

Дѣйствительно, лежитъ на боку ефрейторъ Курыгинъ и стонетъ. Жалость въ сердцѣ Ванюткиномъ неизмѣримая. Всю бы муку взялъ на себя.

Ванютка высовываетъ голову изъ-подъ теплой овчины и широко открываетъ мышиные глаза.

Ни зги! Черный мракъ стоитъ безпросвѣтной стѣной у самаго Ванюткинаго лица. Ни шума, ни даже шороховъ. Одинъ, совершенно одинъ лежитъ Ванютка посреди необъятной темной пустыни. Ширятся, округляются щелки-глазки. Предъ нимъ то запляшутъ, то исчезнутъ какіе-то желтые огненные круги. Не чудовища ли это, пожирающія людей, о которыхъ разсказывали Ванюткѣ солдаты? О, Господи! Мать Пресвятая Богородица!..

Ванютка сунулъ голову обратно въ тулупчикъ и тихонько заскулилъ. Возможно, онъ такъ и заснулъ бы, не замѣтивъ, какъ это произошло, но по сосѣдству вдругъ началось нѣчто страшное. Тихо, послѣ громче зарычалъ кто-то.

— Кгххх... ррр!.. кгххх... ррр... р-р-р-р-р!..

Ванютка похолодѣлъ, не дышитъ. Авось не замѣтятъ его, авось пройдутъ мимо!..

Рычанье не прекращается. Слышенъ какой-то хрястъ, чмоканье, возня. И неожиданно, вмѣсто сказочныхъ чудовищъ, загрызлись собаки. Вцѣпившись одна въ другую, рвутъ, визжатъ, лаютъ—будто шабашъ чертей.

— Ата-та-та-та! Улю-лю-лю-лю!—не своимъ голосомъ закричалъ Ванютка и вскочилъ на ноги.

Стая кинулась врассыпную, только свистъ пошелъ по полю. И все наважденіе разомъ кончилось. Ванютка видитъ, что ночь такой безпросвѣтной казалась ему изъ окопа, гдѣ стояла предъ глазами стѣна земли. На просторѣ же ничего необычайнаго нѣтъ. Ночь—какъ ночь. Вверху мерцаютъ звѣздочки, по землѣ шуршитъ легкій вѣтеръ. И огоньки видать, только далеко. Все тѣ же, должно-быть, санитары подбираютъ раненыхъ.

Ванюткѣ даже совѣстно за свои страхи. А еще солдатъ! Вся третья рота засмѣяла бы!..

„Пойти развѣ поискать бородатаго доктора?"—думаетъ Ванютка, успокоенно зѣвая.

Не тянетъ. Бородачъ веселый, но только дѣлать тамъ Ванюткѣ нечего. Вотъ если бы не ночь, то поискать бы дяденьку Провыча и третью роту—это другой разговоръ!

Ванютка медленно идетъ. Съ темнотой онъ уже такъ свыкся, что она его словно бы и не пугаетъ. Въ головѣ плетутся серьезныя дѣловыя разсужденія:

„Кажись, не доспалъ я. Лечь бы снова, а утречкомъ со свѣжими силами на поиски. Что жъ зря мотаться!"

Однако и лечь Ванютка уже не хочетъ какъ-нибудь, а ищетъ подходящаго мѣста. Вглядывается, шаритъ ногами. Хорошо бы найти соломы или сѣна. Войска бились и отсиживались здѣсь больше недѣли. Значитъ, есть и солома и сѣно. Нужно лишь поискать.

— Эй, кто это? Кто идетъ?—послышался окликъ.

Ванютка присѣлъ, потомъ поползъ. О какихъ бы то ни было встрѣчахъ онъ не думалъ и отъ неожиданности сразу струсилъ.

— Уйду!.. Тихимъ манеромъ по канавкѣ... Не сыщутъ!..

— Кто здѣсь?.. Помогите... О-ой, чтобъ те скиснуть!..

Остановился Ванютка, заколебался. Какъ же это онъ убѣжитъ, когда его зовутъ?.. Раненый!.. Свой!..

— Дяденька, кого вы? Меня?

Въ темнотѣ довѣриться опасно. Ванютка сталъ такъ, чтобы въ случаѣ чего въ любой моментъ дать стрекача.

— Кто такой? Никакъ Ванютка?—спросилъ слабый голосъ.

— Я, дяденька. Я и есть!

— Пособи, братъ. Подойди-ка. О-о-ой, грѣхи тяжкіе!..

Ванютка подошелъ, сталъ на колѣни, а какъ пособить—не знаетъ. Въ его мышиномъ сердцѣ борются и робость, и жалость, и любопытство.

— Кто вы, дяденька?

— Не узналъ? Свой же, третьей роты.

— Господи, да вѣдь вы подпрапорщикъ Иванъ Демьянычъ! Миленькій, куда же это васъ?

— Ступню сорвало. Кажется, начисто... Пособи-ка, голубчикъ, перенесть ее. Затекла.

Ванютка дотронулся и попалъ рукой въ липкую кровь. Подпрапорщикъ охнулъ.

— Тише ты!.. Бери снизу. Легче! Вотъ такъ... сюда ее, на эту сторону. Фффу-у! Ну, и болитъ же, треклятая!..

Подъ рукой мальчикъ ощущаетъ что-то пухлое, намятое, развороченное. Жутко!

— Можетъ, за носилками сбѣгать?

— Гдѣ жъ ты ихъ сыщешь по ночи?

— Я видѣлъ, тамъ огоньки ходятъ.

Раненый колеблется, а затѣмъ рѣшаетъ:

— Нѣтъ, подождемъ до утра. Посиди лучше, Ванютка.

Близко-близко лицо Ванюткино къ лицу Ивана Демьяновича. Этотъ подпрапорщикъ всегда былъ суровъ, и приблудный мальчуганъ побаивался его. Теперь же какъ-то до странности измѣнились черты. Глаза запали, скулы выдвинулись, выраженіе строгости смѣнилось слабостью, безпомощностью. Временами раненый не умѣетъ сдержать стона, и хотя прибавляетъ каждый разъ возгласы: „чтобъ тебя!" или „о, чортъ!", но бравада эта звучитъ такъ жалобно, что Ванютка помимо воли чувствуетъ свое превосходство въ силѣ.

— Вамъ холодно, дяденька? Дайте, я покрою васъ.

— Ну, ну, оставь! Еще чего не выдумаешь!

Раненому дѣйствительно холодно, его трясетъ, но совѣстно ему, чтобы мальчишка снялъ съ себя тулупчикъ и накрылъ его—подпрапорщика Стрепетова!

— Поѣсть, дяденька, не хотите ли?—радостно предлагаетъ Ванютка, вспомнивъ про запасы.—Вотъ паёчекъ. Былъ горячій, а теперь простылъ... Хлѣбецъ... Кушайте, кушайте, дяденька, авось полегчаетъ.

Раненый сталъ жевать, но его затошнило.

— Ой... о-о-охъ!.. Не могу я!—проговорилъ онъ совсѣмъ больнымъ, безпомощнымъ голосомъ.

Увидѣвъ, какъ Иванъ Демьяновичъ вдругъ откинулся и въ усталой, измученной позѣ разбросалъ руки, Ванютка заволновался. Пропала послѣдняя робость предъ строгимъ подпрапорщикомъ. Положеніе „сильнаго", „здороваго" человѣка безсознательно наложило на Ванютку обязанность помочь во что бы ни стало.

— Вы не тревожьтесь, дяденька. Лежите спокойно. Ого, да у васъ жаръ какой!.. Повремените чуточку, я за соломой сбѣгаю. Тутъ навѣрно есть...

Скинувъ тулупчикъ, онъ уже безъ разсужденій покрылъ раненаго и въ одной курточкѣ побѣжалъ искать соломы. Когда вернулся съ охапкой, то Стрепетовъ лежалъ въ забытьѣ.

— Ничего, пусть отдохнетъ — это на пользу, — бормоталъ Ванютка, отправляясь за второй охапкой.

Постель наконецъ готова. Ванютка склонился къ самому уху раненаго и шепчетъ:

— Дяденька, вы переползли бы на соломку. Холодно такъ, дяденька. Глядите, и полегчаетъ.

— Не могу я, Ванютка. Силы нѣту.

— А вы обопритесь на меня, дяденька. Дайте я вамъ поддержу ногу.

Лицо, шея и рука у Стрепетова такія горячія, что Ванютку словно бы опоясало накаленное кольцо.

— Вотъ такъ... Теперь ложитесь тихонько. Я вамъ подъ голову подложу.

Тулупчикъ для взрослаго коротокъ, не покрываетъ ногъ. Ванютка набросалъ сверху соломы—будто въ толстое одѣяло завернулъ раненаго по колѣни. А туловище покрылъ шубкой, и самъ легъ рядомъ.

— Это пройдетъ, дяденька. Только бы вамъ согрѣться.

— Худо мнѣ, Ванютка. Нога горитъ.

— Ничего, дяденька, вы сосните. Утромъ перевяжутъ васъ, въ лазаретъ доставятъ.

Раненый затихаетъ. Лежать стало мягко и потеплѣло. Мальчикъ вплотную прижался къ нему, обнялъ рукой, прильнулъ щекой къ щекѣ.

— Мышенокъ!.. Истинно мышенокъ!—шепчетъ подпрапорщикъ съ ласковой благодарностью.

— А дяденьку Провыча вы не видѣли?

— Это ефрейтора Курыгина? Нѣтъ, не видалъ. Меня свалило у второй линіи ихнихъ окоповъ, а рота ушла впередъ... Помню, Курыгинъ будто бы былъ цѣлъ.

Раненый крѣпче обнялъ Ванютку, и мальчуганъ забылся. Прикурнувъ подъ тулупчикомъ, прижавшись къ пылающей щекѣ подпрапорщика, онъ сначала вслушивался въ его прерывистое дыханіе, потомъ мысли спутались, должно-быть, отъ тепла.

IV.

— Хо-хо-хо! Нѣтъ, вы поглядите, съ какимъ комфортомъ эта крыса устроилась!—восклицалъ бородатый докторъ, взявшись за бока.—Ахъ, ты, лодырь Царя Небеснаго! Солнце вонъ гдѣ, а онъ дрыхнетъ и раненыхъ развращаетъ. Тащи съ него тулупъ!

Ванютка вскочилъ при общемъ смѣхѣ. Въ первую минуту онъ тоже смѣялся, но, взглянувъ на подпрапорщика, сразу стихъ.

— Дяденька! Дяденька милый! Проснитесь! Пришли за вами... На перевязку, дяденька!

Отъ раненаго, какъ отъ печки, несло жаромъ. Лицо красное, въ поту. Губы шевелятся, что-то шепчутъ, а что—Ванютка разобрать не можетъ.

— Дяденька, милый! Голубчикъ! Очнитесь! — вскрикиваетъ Ванютка со слезами.

Лица окружающихъ становятся серьезными.

— Ну, ну! Не тормоши! Придетъ время—очнется,—останавливаетъ мальчика бородатый господинъ.

Санитаръ и сестра ловко разрѣзаютъ подпрапорщику сапогъ, открываютъ рану. Движенія ихъ привычны, пріемы увѣренны. Здѣсь же наскоро обмываютъ и перевязываютъ.

— Да-а! — протягиваетъ докторъ. — Этого въ разрядъ оперативныхъ. Нога тю-тю!..

У Ванютки сами собой вырываются всхлипыванія. Взявъ тулупчикъ подъ мышку, онъ идетъ напрямки черезъ поле, куда глаза глядятъ.

— Дяденька милый!.. Дя... дя... дяденька!..

Третья рота занималась уборкой павшихъ. Рыли могилы, какъ умѣли, сколачивали кресты, сносили тѣла и клали рядомъ, покрывая съ головой шинелями.

Ждали батюшку.

— Слышь, Провычъ! Изъ сосѣднихъ позицій передавали, будто встрѣтили Ванютку кашевары.

— Когда?

— Вчерась вечеромъ. Хотѣли подвезти, а онъ ушелъ. Пойду, гритъ, мнѣ третью роту нужно.

— Вотъ дуракъ!

— Чего дуракъ? Мальчишка правильно разсуждаетъ: хочетъ къ своимъ. Не бездомный щенокъ, чтобы увязываться за первымъ встрѣчнымъ.

Прибылъ священникъ. Стали отпѣвать и хоронить по десяти душъ вмѣстѣ. Солдаты нестройно, негромко, съ жуткой, хватающей за душу, простотой пѣли и провожали товарищей въ послѣднемъ обрядѣ. Лица хмурыя. Отворотясь, будто совѣстясь другъ друга, вытираютъ глаза. Молоденькій доброволецъ не сдержался, махнулъ рукой и пошелъ прочь — только видно, какъ трясутся узкія плечи.

— Со святыми упокой, Христе Боже!..—тоскливымъ мотивомъ несется къ блѣдному осеннему небу.

Сосѣдъ толкаетъ Курыгина и шепчетъ:

— Гляди-ка, да вѣдь это Ванютка!..

Курыгинъ срывается, бѣжитъ навстрѣчу.

Заплаканное, измызганное грязными потеками лицо ротнаго „мышенка" въ одно мгновеніе перерождается въ радостно-сіяющее. Глазки-щелки загораются блескомъ.

Но восторгамъ не время.

— Тише! Панихиду служатъ,—сердито говоритъ дяденька Провычъ и ведетъ Ванютку за руку въ роту.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ**. Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ**.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, П

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

1915 г.

№ 2

Выданъ 10 января 1915 г.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

XLVI г. изданія

Цѣна этого № (безъ карты и прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.: на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Мамина-Сибиряка" кн. 1.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1915 г.

Съ приложеніемъ **40 КНИГЪ „СБОРНИКА НИВЫ“**, содержащихъ:

первую серію полнаго собранія сочин. **Д. Мамина-Сибиряка** 18 книгъ формата „Литерат. прилож.“,

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ **И. А. Бунина** въ 12 книгахъ,

НОВОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ „ЯМА“ (окончаніе) **А. И. Куприна** въ 2-хъ книгахъ и

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ **М. Метерлинка** въ 8 книгахъ.

1 ГЕНЕРАЛЬНАЯ КАРТА средне-европейскаго и южнаго театра военныхъ дѣйствій.

12 книгъ „Ежемѣсячныхъ Литературныхъ Приложеній“ и проч.

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“ **1915** г. со всѣми приложеніями:

Въ Петроградѣ: Безъ доставки 6 р. 50 к. Съ доставкою 7 р. 50 к.

Безъ доставки: 1) въ **Москвѣ:** въ конторѣ Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ. 7 р. 25 к. и 2) въ **Одессѣ:** въ книжн. маг. „ОБРАЗОВАНІЕ“. 7 р. 50 к.

Съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи **8 р.**

Допускается РАЗСРОЧКА платежа: **въ два срока** (при подпискѣ 4 р. и 1 іюня 4 р.), **въ три срока** (при подпискѣ 3 р., 1 апрѣля 2 р. 50 к. и 1 августа 2 р. 50 к.) и **въ 4 срока** (при подпискѣ 2 р., 1 марта 2 р., 1 іюня 2 р. и 1 августа 2 р.).

НОВОСТЬ!!!

Американскій КОРСЕТ-ПОЯС без бланжетки и костей.

Облегает граціозно **всякую фигуру, не причиняя никакого безпокойства.** Необходим для всякаго рода занятій, спорта и дороги. Выс. нал. плат. Мѣрка 1) объем таліи, 2) объем бедер. Цѣна от 8 р. до 25 р. Владимірск. пр., д. 7, кв. 29, вход во дворѣ. Телеф. 70-61. 8382

M-me КЛЭРЪ.

ПАМЯТЬ укрѣпляет ЗАОЧНО профессор мнем., Чл. Париж. Акад., С. Файнштейн, ОДЕССА, Дериб., 17/28. Практик. в Россіи уже бол. 28 л. с больш. успѣх. (см. №№ „Нивы“ пр. л.).—Просп. выс. за 10 к. мар.

Дух.-муз. соч. И. ИШИНА.

Для торжеств. богосл. Доступны каждому хору. 1) Милость мира № 2. (Тебе поемъ, 5 г.) Партитура — 40 к. 2) Великое славословіе. Партитура — 50 к. При требованіи отъ автора высылаются съ наложеннымъ платежомъ за 1 р. 8378 Адресъ: Рассказово, Тамб. губ. И. М. Ишину.

КУРСЫ

всевозможной живописи, тисненіе на кожѣ, металлопластика, тарсо, полировка, выжиганіе, рукодѣлія, мѣтки, кройка-шитье платьевъ и бѣлья, шляпы, цвѣтодѣліе, плетеніе кружевъ. Фонтанка 79, уголъ Гороховой. 8372

на МАНДОЛИНѢ ГИТАРѢ

Лично ежедн. Условія заочн. обуч. для пров. безпл. „Курсы музыки“. Москва, Срѣтенка 21/5.

НЕ КУРИ!

Желающимъ бросить курить высылается безплатно проспектъ, указывающій путь, какъ избавиться отъ этой вредной привычки. Москва, Уланскій пер., д. № 30—4.

П. КОМИСАРЕНКО. 8321 (10)

Существующія съ 1805 года

САДОВЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ Ц. УЛЬРИХЪ

въ Варшавѣ (Цеглянная, 11) симъ увѣдомляютъ, что 8377

Прейсъ - курантъ сѣмянъ

на 1915 годъ вышелъ изъ печати и высылается по желанію **БЕЗПЛАТНО.**

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Новогоднiя пожеланiя. Французскiй президентъ Пуанкарэ посѣтилъ наканунѣ Новаго года войска въ Дюнкеркѣ и, обратившись къ бригадѣ морскихъ стрѣлковъ, сказалъ: «На поляхъ нынѣ идущихъ боевъ нашею ставкою являются наша раса, наша цивилизацiя и наши идеалы. Нѣсколько мѣсяцевъ терпѣнiя, сопротивленiя и моральной энергiи рѣшатъ нашу судьбу на вѣка впередъ».

Новогоднiя пожеланiя всѣхъ германскихъ газетъ заключаютъ въ себѣ единодушныя пожеланiя мира, скорѣйшаго мира. Частныя лица въ своихъ пожеланiяхъ также высказываютъ требованiя мира.

Самъ Вильгельмъ въ отвѣтъ на поздравленiе баварской королевской четы отвѣтилъ:

«Вы выражаете то же горячее пожеланiе, которымъ всѣ мы воодушевлены, а именно, чтобы въ наступающемъ Новомъ году миръ былъ обезпеченъ возлюбленному отечеству».

Въ противоположность Вильгельму, король англiйскiй Георгъ въ телеграммѣ президенту Пуанкарэ желаетъ побѣдоноснаго окончанiя начатой борьбы:

«По случаю Новаго года я желаю выразить вашему превосходительству мои наилучшiя пожеланiя вамъ лично и великой нацiи, у которой вы президентъ. Я увѣренъ, что Новый годъ принесетъ еще болѣе тѣсное сближенiе и горячую дружбу въ столь счастливо существующемъ союзѣ между Великобританiей и Францiей. Я выражаю также пожеланiя, чтобы великая борьба, въ которой участвуемъ мы и наши союзники противъ общаго врага, была доведена до побѣдоноснаго окончанiя и полнаго торжества союзныхъ силъ».

Король-корреспондентъ. Англiйскiй король во время посѣщенiя своей дѣйствующей армiи случайно узналъ, что четыре брата-волонтера ежедневно упрекаютъ другъ друга въ томъ, что все не удосуживаются написать своей матери.

— Я беру это на себя, господа, такъ какъ вижу, что вы очень заняты,—сказалъ король, и въ тотъ же день его собственноручное письмо было отправлено старушкѣ съ описанiемъ боевой жизни ея сыновей.

Чехи ждутъ освобожденiя. Чешскiе эсперантисты обратились къ своимъ итальянскимъ собратьямъ съ интереснымъ воззванiемъ, выдержку изъ котораго приводимъ изъ «Бирж. Вѣд.»:

«...Чешское королевство принадлежитъ Австро-Венгерской имперiи, но было время, когда оно пользовалось самостоятельностью. Въ Моравiи и Силезiи чехи находятся въ безпрестанной нацiональной борьбѣ съ нѣмцами. Чехи мечтаютъ только о томъ, чтобы снова обрѣсти свою независимость; поэтому мы вѣримъ, что наступилъ моментъ нашего освобожденiя. Если Францiя, Россiя, Англiя и Сербiя побѣдятъ, то и мы, чехи, одержимъ верхъ надъ нѣмцами. Въ настоящее время чешскiе солдаты принуждаются подымать оружiе противъ своихъ братьевъ славянъ, но это оружiе болѣе не будетъ дѣйствовать.

«Въ Прагѣ все кажется спокойнымъ, однако вокругъ свирѣпствуетъ буря. Въ этомъ городѣ, гдѣ нѣмцы составляютъ едва 7% населенiя, они ежедневно печатаютъ свои сообщенiя о войнѣ; эти сообщенiя являются постояннымъ источникомъ столкновенiй между ними и нами.

«Мы ждемъ не дождемся дня, когда противники Австрiи придутъ насъ освободить. Мы надѣемся также, что Италiя скоро объявитъ войну Австрiи. Только этого часа ждетъ Прага, чтобы вспыхнуть революцiей противъ Австрiи и Германiи. Въ Чехiи въ нынѣшнее время царятъ нищета и голодъ; больницы переполнены ранеными. Сообщите всему мiру, что мы отъ всего сердца желаемъ завоевать нашу свободу».

Значенiе Эрзерума. Приводимъ авторитетное мнѣнiе извѣстнаго военнаго обозрѣвателя К. Шумскаго:

«Эрзерумъ, какъ крѣпость, представляетъ собою нѣчто оригинальное и самобытное. Въ Эрзерумѣ нѣтъ фортового пояса, а форты расположены въ видѣ линiй, упирающихся флангами въ труднодоступные горные массивы.

«Самая передовая эрзерумская позицiя, это—позицiя на хребтѣ Деве-Бойну, протяженiемъ около 15 верстъ. Позицiя эта состоитъ изъ 12 отдѣльныхъ горокъ, на которыхъ расположено 11 фортовъ. Форты эти расположены въ двѣ линiи и по характеру своихъ построекъ значительно устарѣли. Однако они еще очень сильны благодаря условiямъ мѣстности и хорошему обстрѣлу. Противъ обхода съ лѣваго фланга, т. е. съ сѣвера, построены два форта, и такiе же два форта построены противъ обхода съ праваго фланга, т. е. съ юга. Если включить и эти форты, то вся длина эрзерумской крѣпостной позицiи будетъ равняться 35 верстамъ.

«Въ Эрзерумѣ насчитывается около 400 орудiй, хотя крѣпостныя постройки разсчитаны на значительно большее число орудiй—до 1000.

«Изъ этого краткаго описанiя видно, что эрзерумская крѣпость представляетъ собою длинную позицiю въ труднодоступной горной мѣстности, перегораживающую всѣ лучшiе пути изъ Кавказа въ Малую Азiю. Обходъ этой позицiи и движенiе мимо Эрзерума сопряжены съ очень кружной невыгодной дорогой, при чемъ гарнизонъ эрзерумской крѣпости окажется на флангѣ путей сообщенiя.

«Эти обстоятельства предопредѣляютъ обязательныя операцiи противъ эрзерумской крѣпости, почему вопросъ сводится къ тому, насколько трудно одолимы эрзерумскiе форты. По тѣмъ свѣдѣнiямъ, которыя имѣлись объ этомъ въ нѣмецкой печати, форты эти не лишены значительныхъ недостатковъ. Бетонныхъ построекъ очень мало, а всѣ стѣнки и казематы преимущественно кирпичные и поддаются разрушенiю огнемъ современной артиллерiи. Рвы недостаточно глубоки и—самое главное—не имѣютъ весьма важной, такъ называемой фланговой обороны рвовъ, т. е. особыхъ построекъ, изъ которыхъ ровъ обстрѣливается картечью вдоль.

«Самые форты очень тѣсны, почему осадныя пушки могутъ при обстрѣлѣ навести имъ большой вредъ. Пушки поставлены на фортахъ, что въ настоя-

щее время нигдѣ не дѣлается, такъ какъ это ведетъ къ подбитію орудій. Теперь пушки ставятся въ особыхъ низкихъ земляныхъ батареяхъ по бокамъ фортовъ.

«Такимъ образомъ главная сила эрзерумскихъ фортовъ заключается въ труднодоступной мѣстности и въ томъ, что передъ фортами открывается обстрѣлъ на значительное разстояніе. Однако въ виду того, что укрѣпленія, по слабости своихъ построекъ, поддаются сравнительно легко разрушенію, атака ихъ открытой силой не исключена,—конечно, послѣ предварительной артиллерійской подготовки.

«Это обстоятельство еще болѣе вынуждаетъ нѣмецкій генеральный штабъ не доводить дѣло до осады Эрзерума, а заставлять турокъ драться впереди Эрзерума, такъ какъ эрзерумская крѣпость не даетъ достаточныхъ гарантій, которыя бы дѣлали неприступнымъ расположеніе тамъ эрзерумской арміи турокъ».

Крестъ на войнѣ. Подъ этимъ заглавіемъ въ «Нов. Вр.» І. Никаноровымъ помѣщены интересныя воспоминанія о пережитомъ на передовыхъ позиціяхъ священника Околовича, духовника санитарнаго поѣзда великой княгини Маріи Павловны.

«Религіозный подъемъ въ средѣ войскъ, ярко вспыхнувшій съ объявленіемъ войны, — разсказываетъ о. Околовичъ, — не ослабѣлъ и не уменьшился. Мнѣ даже кажется, что онъ сталъ еще глубже, а потому спокойнѣе во внѣшнихъ проявленіяхъ; онъ сталъ привычнымъ для посторонняго наблюдателя, но сила его очень велика. Священникъ въ арміи сейчасъ крайне необходимъ, и къ нему устремляются всѣ — и раненые послѣ боя и здоровые передъ боемъ. Я вхожу въ палату или вагонъ, встрѣчаемый тѣми же возгласами и нетерпѣливыми призывами, какъ и пять мѣсяцевъ назадъ:

— Батюшка, ко мнѣ, батюшка, меня не забудьте.

Тамъ, гдѣ идетъ постоянная борьба жизни со смертью, больше молятся, чаще вспоминаютъ о Богѣ и, конечно, зовутъ священника.

Когда приходится совершать таинство или просто читать молитву надъ больнымъ, палата затихаетъ безъ всякаго предупрежденія. И солдаты и офицеры одинаково не только прекращаютъ разговоры, но даже оставляютъ книги и газеты, и многіе крестятся, такъ что молитва сама собою дѣлается общею. Чуткость къ молитвѣ такъ велика, что даже, когда въ палату пришелъ мулла и совершалъ свою молитву надъ раненымъ солдатомъ-мусульманиномъ, вся палата затихла».

— Зададимъ мы «ему», только бы дорваться,— говоритъ молодой совсѣмъ солдатъ, что-то разсказывающій санитарамъ.

— А тебѣ не страшно?

— Чего страшно, батюшка? Я уже четыре раза въ бою былъ, и Богъ миловалъ—цѣлъ остался. Сегодня вотъ тутъ по дѣламъ, а завтра опять на позиціи. Я всегда иду спокойно. Мой отецъ тоже солдатъ: онъ на турокъ ходилъ, и всегда у него на груди молитва была. Онъ ее читалъ передъ боемъ и пришелъ невредимымъ, а въ какихъ только дѣлахъ бывалъ! Когда меня забрали, онъ снялъ съ божницы эту молитву, благословилъ меня и велѣлъ завсегда ее читать, когда дѣло начинается. Вотъ поглядите...

Солдатъ вынулъ изъ-за пазухи картонку на шнуркѣ. На картонкѣ приклеенъ печатный листокъ со слѣдующей молитвой:

«Молитва воина, идущаго въ бой.

«Господи Боже, Спасителю мой. По неизреченной любви Твоей Ты положилъ за насъ душу Свою; Ты заповѣдалъ и намъ полагать души наши за друзей нашихъ. Исполняя святую заповѣдь Твою и уповая на Тя, безбоязненно иду я положить на брани животъ мой за вѣру, Царя и отечество и за единовѣрныхъ братьевъ моихъ. Сподоби мя непостыдно совершить подвигъ сей во славу Твою. Жизнь моя и смерть моя во Твоей власти; буди воля Твоя. Аминь».

— Какъ прочитаю я эту молитву, такъ и иду себѣ свободно — страху у меня никакого нѣтъ, и на душѣ легко.

Молодой бравый фельдфебель уложенъ на лазаретную койку нѣмецкой пулей, засѣвшей въ ногѣ. Страдать долженъ, по словамъ докторовъ, очень сильно, но очень бодрится и охотно разсказываетъ, за что получилъ три Георгія, сіяющихъ у него на груди.

— Далъ бы Богъ поскорѣе поправиться да заслужить и четвертаго; я и женѣ отписалъ, что три уже есть, а надо быть всѣмъ четыремъ. Молюсь Николаю угоднику,—жена образкомъ благословила.

На груди у героя довольно большой образокъ св. Николая Чудотворца со слѣдующей надписью: «Иди, мой дорогой, крѣпко защищай святую православную вѣру, Царя-Батюшку и честь Великой Россіи. Защитникъ тебѣ угодникъ Божій, а я твоя молитвенница».

На западномъ фронтѣ. Интересныя свѣдѣнія изъ боевой жизни французской и англійской арміи даетъ въ корреспонденціи изъ Парижа г. Бѣлорусовъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»: «Французы, на случай если нѣмцы прорвутъ союзный фронтъ, построили по нѣмецкому образцу серію траншей, и если бы французской арміи на Энѣ пришлось отступить, она нашла бы ихъ за собой. Серія эта, своеобразно переплетающаяся сѣтью каналовъ, тянется параллельно сѣверному фронту до самаго побережья Ламанша. Два мѣсяца назадъ нѣмцамъ стоило протянуть руку, чтобы взять Дюнкеркъ, Калэ и Булонь, но тогда ихъ манилъ Парижъ». Корреспондентъ посѣтилъ Булонь, которая приняла англійскій видъ. Городъ и жители наживаются на англичанахъ. Множество домовъ нанято англійскимъ военнымъ министерствомъ для различныхъ учрежденій на годъ и даже на два года. Въ декабрѣ и январѣ ожидаютъ полумилліона англійскихъ войскъ. Первый милліонъ англійскихъ волонтеровъ новаго призыва обученъ, лучшую половину переправляютъ на фронтъ, а второй полумилліонъ останется пока въ Англіи, и изъ него будетъ пополняться убыль. «Я видѣлъ,—пишетъ г. Бѣлорусовъ,—много солдатъ-индусовъ; всѣ въ одинъ голосъ говорятъ: нѣтъ лучшихъ войскъ для ночныхъ атакъ. Разсказываютъ одну ихъ хитрость. Индусы выманили нѣмцевъ изъ траншей, а сами уползли въ болота. Часть, раздѣвшись донага и вымазавшись грязью, съ одними ножами въ зубахъ поползла болотами, подкралась къ нѣмецкимъ траншеямъ и начала рѣзню. Нѣмецкій отрядъ легъ весь». Въ Булонь доставляютъ огромныя партіи мяса и варенья для англійскихъ солдатъ.

Пророчество о мирѣ. Въ Италіи появился нѣкто, въ комъ какъ-будто воскресъ духъ знаменитаго Каліостро: это графъ Уго Бачіери, пророчества котораго уже давно начали обращать вниманіе на себя. «Трибуна» сообщаетъ, что послѣднее пророчество графа Бачіери относится къ заключенію мира. По его словамъ, это произойдетъ 27 апрѣля 1915 года. Условія мира будутъ продиктованы разбитой наголову Германіи побѣдоносными союзными державами.

Графъ Бачіери предсказываетъ, что послѣ заключенія мира императоръ Вильгельмъ покончитъ самоубійствомъ.

Въ Италіи, а также и во Франціи, стали особенно чутко прислушиваться къ пророчествамъ графа Бачіери послѣ слѣдующаго знаменательнаго случая: 31 іюля (нов. ст.) истекшаго года, въ $9^1/_2$ час. вечера, графъ Бачіери, принимавшій участіе въ одномъ спиритическомъ сеансѣ, внезапно прервалъ сеансъ громкимъ крикомъ:

— Взгляните, который часъ: въ эту минуту въ Парижѣ убиваютъ крупнаго политическаго дѣятеля.

На слѣдующій день газеты оповѣстили объ убійствѣ Жореса. Въ Америкѣ, гдѣ графъ Бачіери провелъ много лѣтъ, его считаютъ выдающимся предсказателемъ.

Въ 1906 году онъ предсказалъ землетрясеніе въ Чили, точно указавъ число— 16 августа.

Драконовскій приказъ султана. Въ виду массоваго дезертирства и частыхъ случаевъ отказа солдатъ-христіанъ въ турецкой арміи сражаться противъ Россіи, султанъ, подъ давленіемъ генерала Сандерса и Энверъ-паши, приказалъ разстрѣливать не только самихъ ослушниковъ, но и всѣхъ ихъ родственниковъ.

Завѣщаніе героя. Въ петроградскій окружный судъ представлено къ утвержденію духовное завѣщаніе мичмана Николая Баулина, погибшаго геройской смертью вмѣстѣ съ крейсеромъ «Паллада».

Завѣщаніе составлено по формѣ, указанной въ законѣ для военнаго времени: вмѣсто подписей свидѣтелей на немъ имѣется подпись командира «Паллады» и судовой штемпель. Написано завѣщаніе на «Палладѣ» передъ выходомъ въ море и въ послѣдній моментъ передъ отплытіемъ передано покойнымъ мичманомъ провожавшему его другу.

Завѣщаніе очень кратко. Въ немъ говорится:

«Въ случаѣ моей смерти въ морѣ все мое состояніе завѣщаю матросамъ крейсера «Паллада», оставшимся въ живыхъ, поровну. Если вмѣстѣ со мною погибнетъ весь экипажъ, состояніе переходитъ къ моей матери».

Послѣ гибели «Паллады» другъ Баулина вручилъ завѣщаніе его матушкѣ, вдовѣ д. с. с. г-жѣ Баулиной.

Мать героя собрала семейный совѣтъ и заявила:

— Иначе не могу толковать волю покойнаго сына, какъ только въ смыслѣ желанія черезъ мое посредство обезпечить семьи героевъ-матросовъ, погибшихъ вмѣстѣ со своимъ начальствомъ при исполненіи долга.

Братья и сестры покойнаго единогласно приняли это толкованіе завѣщанія.

Идеологія «новыхъ гунновъ». Въ 1889 году въ Берлинѣ была издана брошюра подъ названіемъ «Военные парадоксы».

Редакціямъ парижскихъ газетъ разосланы были экземпляры этой брошюры для рецензіи съ припиской отъ издателя, что эти «Военные парадоксы» принадлежатъ перу одного изъ самыхъ приближенныхъ лицъ императора — его фавориту, генералу Вальдерзее, который, какъ извѣстно, командовалъ международнымъ отрядомъ, подавлявшимъ въ Китаѣ боксерское движеніе.

Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ этой брошюры, о которой теперь вспомнили парижскія газеты,—выдержки, великолѣпно характеризующія психологію людей, окружающихъ императора Вильгельма:

«Если война станетъ неизбѣжной,—писалъ Вальдерзее:—повторять старыхъ ошибокъ нельзя. Нѣмецкая армія не должна быть христіанской, великодушной, каковой она была въ 1870 году. Нужно будетъ, какъ сказалъ Бисмаркъ, выпустить всю кровь. Нечего щадить города или деревни, гдѣ раздастся хоть одинъ выстрѣлъ изъ ружья. Ихъ нужно сравнять съ землей, захватить возможно больше ихъ гражданъ и разстрѣлять ихъ. И такъ продолжать безъ отдыха. Если захотятъ добиться глубокаго мира, нужно будетъ дѣйствовать болѣе радикально и замѣнить войну противъ арміи полнымъ уничтоженіемъ народовъ. Послѣ окончательнаго пораженія на полѣ битвы начнется борьба противъ женщинъ и дѣтей, и наконецъ, когда всѣ физическія силы народа будутъ истощены, побѣжденная раса погибнетъ навсегда».

«Галичина», а не «Галиція». Св. Синодъ постановилъ въ своей перепискѣ и въ офиціальныхъ бумагахъ вмѣсто «Галиція» употреблять наименованіе «Галичина».

В. А. Маклаковъ объ австрійцахъ. Состоящій уполномоченнымъ «Краснаго Креста» на войнѣ (на австрійскомъ фронтѣ) извѣстный общественный дѣятель, членъ Государственной Думы В. А. Маклаковъ, вернувшись съ Карпатъ, подѣлился нѣкоторыми интересными наблюденіями.

Характеренъ отзывъ депутата со словъ одного изъ видныхъ и популярныхъ военачальниковъ объ австрійцахъ. Австрійцы деморализованы до послѣдней степени и доведены до полнаго упадка силъ и отчаянія. Сдаются они цѣлыми массами въ плѣнъ, при чемъ это пріобрѣтаетъ характеръ массоваго психоза. Что особенно знаменательно, сдается по отношенію къ солдатамъ непропорціонально много офицеровъ.

Былъ случай, когда мы, унося своихъ раненыхъ, оставили двухъ раненыхъ плѣнныхъ австрійскихъ офицеровъ въ виду приближенія противника. На слѣдующее утро вслѣдъ за нашими солдатами вмѣстѣ съ вещами на тележкѣ прибыли эти два плѣнныхъ офицера.

Для иллюстраціи деморализаціи австрійцевъ В. А. Маклаковъ приводитъ слѣдующій эпизодъ. Значительный отрядъ австрійцевъ напалъ на нашу походную кухню, возлѣ которой, столпившись, стояло около 100 солдатъ, получавшихъ пищу. Австрійцы стали разбивать фронтъ и наводить пулеметы. На минуту только была пауза, но затѣмъ моментально наши солдаты бросились на австрійцевъ. Австрійцы испугались и стали кричать: «сдаемся». Наши солдаты забрали у нихъ все оружіе и два пулемета.

В. А. Маклаковъ передаетъ о томъ, что въ нашей арміи имѣется достаточный запасъ теплой одежды и бѣлья, но все же бѣлье еще нужно, а главнымъ образомъ нужда ощущается въ сапогахъ.

Въ Галиціи стоитъ грязь непролазная: для того, чтобы пройти черезъ шоссе въ высокихъ сапогахъ, приходится всякій разъ, съ каждымъ шагомъ, вытаскивать за ушки сапогъ ногу изъ грязи, доходившей выше колѣнъ, и такимъ образомъ можно было сдѣлать слѣдующій шагъ.

НИВА

№ 2.

10 Января 1915 г.

Н. Ярошенко. На качеляхъ. (Русскій Музей Императора Александра III).

Тяжкія времена

Разсказъ Л. Авиловой.

Папа уѣхалъ на войну, а мама съ Костей и няней не остались въ своемъ большомъ домѣ въ деревнѣ, а перебрались въ городъ и стали жить въ гостиницѣ, гдѣ былъ длинный темный коридоръ, по которому безпрерывно бѣгали лакеи и горничныя; много-много закрытыхъ дверей, надъ которыми были прибиты нумера, и красивая лѣстница съ ковромъ и дорожкой, съ большимъ зеркаломъ на площадкѣ.

Надъ комнатой, гдѣ жилъ Костя, былъ № 36, а няня никогда не могла запомнить этой цифры, или не видѣла въ темнотѣ, и когда возвращалась откуда-нибудь одна, всегда сердилась и разсказывала, что заблудилась, какъ въ темномъ лѣсу, стучалась куда попало, и что ее, спасибо, добрые люди направили, а то ей бы такъ до ночи ходить.

— Развѣ это господское житье?—ворчала она.—Это не господское житье.

Въ № 36 было три комнаты. Одна довольно большая, гдѣ Костя игралъ и обѣдалъ, другая, за перегородкой, маленькая, гдѣ онъ спалъ вмѣстѣ съ мамой, а третья совсѣмъ маленькая и темная, гдѣ спала няня.

— Каюкъ,—называла ее няня, и это, вѣроятно, означало „каюта“.

Костѣ въ гостиницѣ сразу понравилось. Можно было влѣзть на широкій подоконникъ и смотрѣть на улицу, гдѣ сновалъ трамвай, ѣхали извозчики, шли люди. На другой сторонѣ была булочная, и туда все бѣгали горничныя въ платкахъ. Рядомъ была лавочка: „свѣчи, керосинъ, мыло“, и тамъ около двери всегда стоялъ мальчишка въ фартукѣ и сторожилъ, нельзя ли съ кѣмъ-нибудь подраться. И Костя часто видѣлъ, какъ онъ дрался съ другими лавочными мальчишками, съ газетчикомъ, съ сосѣднимъ дворникомъ, или съ извозчикомъ, и въ глубинѣ души питалъ къ нему уваженіе и зависть.

Можно было еще пріоткрыть дверь въ коридоръ и подглядывать, что тамъ дѣлается. Обыкновенно тамъ ничего не дѣлалось, но на Костино счастье иногда открывалась какая-нибудь дверь, и вдругъ оттуда, звеня бубенчиками, выбѣгала собачка на цѣпочкѣ, или лакей несъ на ладони одной руки подносъ съ самоваромъ, чашками и стаканами.

Можно было даже пробѣжаться по коридору до лѣстницы и обратно, пользуясь тѣмъ, что няня чѣмъ-нибудь занята.

Да и вообще мало ли что можно было? И Костѣ первое время жилось прекрасно. Но вдругъ онъ гдѣ-то простудился, сталъ кашлять, и его не только перестали водить гулять, но и строго запретили сидѣть на подоконникѣ смотрѣть въ окно и отворять дверь въ коридоръ. Тогда стало немного скучно.

— Ну, опять ты, мама, уходишь!—ворчливо говорилъ Костя:—совсѣмъ дома не сидишь.

— Милый, да вѣдь мнѣ нельзя дома,—объясняла мама и цѣловала его.—Мнѣ надо на лекціи, надо на дежурство.

— А это что—лекціи?—интересовался Костя.

— А это намъ читаютъ, что намъ надо знать, а мы слушаемъ и учимся.

— А вамъ, мама, что надо знать?

— Надо знать, какъ ухаживать за больными и ранеными, какъ половчѣе ихъ перевязать, чтобы имъ не было больно.

— А зачѣмъ раненыхъ перевязывать?

— Чтобы кровь не шла, чтобы они поправлялись и были здоровыми.

— А откуда у нихъ кровь идетъ?

— Да изъ ранъ, голубчикъ. Если въ руку раненъ, то изъ руки, а если въ ногу, то изъ ноги.

— Ну, такъ ты сама знаешь, какъ перевязывать!—радостно кричалъ Костя.—Помнишь, какъ я себѣ палецъ ножичкомъ обрѣзалъ? Ты перевязала. Ну?

— Нѣтъ, Костя, это не такъ просто,—говорила мама.—Теперь война, а на войнѣ раны тяжелыя. Вотъ и надо учиться.

Костя думалъ и хмурился.

— Не хочешь ты мнѣ разсказать, какая война,—сердито говорилъ онъ:—не хочешь — какія-такія тяжелыя раны. Ничего не хочешь! Все уходишь!

— Миленькій, мнѣ некогда,—увѣряла мама.—Вотъ я приду сегодня вечеромъ, и мы поговоримъ. А пока будь умникъ. Няня поиграетъ съ тобой въ игрушки, сваритъ тебѣ яичко. Когда покушаешь, можно взять двѣ конфетки.

— Няня! У меня конфеты въ шифоньеркѣ!—кричала мама, уходя.

Костя оставался одинъ съ няней.

— Сядь, батюшка, на диванчикъ,—уговаривала его старуха:—а я тебѣ твою книжку подамъ. Ты картинки посмотришь.

— Да ужъ видѣлъ!—съ досадой отказывался Костя.

— Ну, кубики подамъ. Ты домъ строить будешь.

— Домъ!—съ презрѣніемъ говорилъ Костя.—Какой же это домъ, если крыши нѣтъ, трубы нѣтъ.

— Желѣзную дорогу подамъ.

— А зачѣмъ паровозъ безъ колесъ? Какъ же ему итти?

— Да вѣдь самъ же ты, голубчикъ, сломалъ. А я виновата стала? Ну, что же, развѣ складныя картинки тебѣ подать?

Костя, съ надутыми губами, забирался въ глубь кресла и не отвѣчалъ.

Няня уходила въ свой „каюкъ“, о чемъ-то шептала тамъ, о чемъ-то вздыхала и возвращалась съ пряникомъ и работой въ рукахъ.

— Ну, на! Скушай пряничка,—просила она Костю.—Для тебя припасла, медовый.

А сама отходила къ окну, садилась въ кресло и, дернувъ спереди свой темненькій головной платокъ такъ, что онъ шалашикомъ накрывалъ ей лобъ, принималась быстро вязать чулокъ.

— Вотъ времена какія настали!—сама съ собой разсуждала она.—Охъ, тяжкія времена! Не думала, не гадала и дожить. Костенька! Не сори, батюшка, на кресло-то. Кушай поаккуратнѣе. Платочекъ-то у тебя гдѣ? Ручки вытри.

— А ты чего не думала, не гадала? А?

— Да про войну я все, батюшка. Вотъ и папу твоего взяли. А какой онъ военный есть человѣкъ? Мухи никогда не обидѣлъ. Вотъ онъ какой человѣкъ! Онъ, какъ маленькій былъ, бывало, все „нянюся“ да „нянюся“. Нѣжный былъ. А не то что какъ ты теперь: „нянька!“

Костя смѣялся.

— Неправда! И я тебя часто зову: нянюся.

— И-и! часто! Въ Христовъ день до обѣдни.

— Клубокъ укатился!—кричалъ Костя.—Стой, сейчасъ подниму: онъ подъ диваномъ.

И онъ лѣзъ плашмя подъ диванъ, точно плылъ, а няня говорила плачущимъ голосомъ:

— Пыль-то вытираешь, Костенька! Костюмчикъ-то чистенькій!

Костя зналъ, что няня вяжетъ чулки тоже для раненыхъ. Мама купила шерсть, а она вяжетъ. Слышалъ онъ, что въ городѣ уже много этихъ раненыхъ и даже видѣлъ въ окно, какъ ихъ везли на извозчикахъ. Няня тогда стояла рядомъ съ нимъ, крестилась, плакала и причитала:

— Голубчики вы мои! Защитники! Сподвижники! Мученики святые!

— У нихъ что болитъ?—спрашивалъ Костя.

— А видишь: у кого голова въ бинтахъ, у кого рука на перевязи.

— А ихъ, няня, нарочно, или нечаянно?

— Какъ такъ, батюшка, нечаянно?

— Развѣ нарочно?

— Да не нарочно, а война. Ужъ это война, одно слово!

Костя старался вообразить себѣ войну и не могъ.

— А папа что теперь дѣлаетъ?

— Что дѣлаетъ! Дерется.

Костя смѣялся. Это-то ужъ, должно-быть, няня врала. Къ папѣ въ деревнѣ приходили мужики, и онъ ихъ въ камерѣ судилъ. Надѣвалъ цѣпь и тогда не позволялъ Костѣ прибѣгать къ нему и лазить ему на спину. А потомъ снималъ цѣпь, кричалъ что-то съ мужиками и приходилъ домой обѣдать. И когда обѣдалъ, шалилъ съ Костей, смѣялся, а мама сердилась, когда они оба разливали на скатерть воду, или разсыпали соль, и говорила папѣ:

— Ты хуже маленькаго!

Когда Костя вспоминалъ о папѣ, онъ вздыхалъ. Хорошій у него папа! Высокій, худой и такой близорукій, что, какъ уронитъ пенснэ, ничего не видитъ и смѣется. А когда смѣется, губа лѣзетъ кверху, высоко, и видны не только зубы, но и десны.

Какъ же можно было повѣрить, что папа „дерется“? Вѣдь онъ не мальчишка изъ лавочки „свѣчи, мыло, керосинъ“.

Мама говорила, что онъ стрѣляетъ изъ пушки. Увидитъ непріятеля и—бахъ! бахъ! Вотъ это внушало Костѣ уваженіе, и это, должно-быть, и папѣ было весело и пріятно. Костя упросилъ маму, чтобы она и ему купила пушку, и тогда онъ сталъ разставлять на столѣ оловянныхъ солдатиковъ и палить въ нихъ деревяннымъ шарикомъ. Но шарикъ каждый разъ скатывался со стола на полъ и надо было лазить за нимъ по полу, подъ кресла и столы, и это было скучно. Онъ сталъ мять шарики изъ бумаги, а няня ворчала, что онъ такъ соритъ въ комнатѣ, что не наметешься. Костя сталъ скучать, и дни начали казаться ему пустыми и безконечными.

Долго-долго шелъ день, и наконецъ-то наступалъ вечеръ и возвращалась мама.

— Ну, что? Выучилась?—сейчасъ же спрашивалъ онъ.

А мама, въ свой чередъ, всегда спрашивала няню:

— Ну, какъ у васъ?

— Да что у насъ?—отвѣчала няня.—Поиграли, покушали, немного покапризничали. Ужъ нянька и угодить не умѣетъ: не такъ сказала, не такъ сдѣлала.

— А кашлялъ много?

— И кашляли. Всего, матушка, было, всего!

Мама умывалась, надѣвала капотъ и ложилась на диванъ въ ожиданіи обѣда.

— Что же, ты еще не выучила?—спрашивалъ Костя, примащиваясь рядомъ съ ней.—Эхъ, какая ты, должно-быть, глупая! Больше не уйдешь?

Мама смѣялась.

Ночью уйду, когда ты спать будешь. У меня ночное дежурство.
— Это что̀ такое—дежурство?
— Это значитъ, что мой чередъ сидѣть въ лазаретѣ и давать больнымъ лѣкарство, мѣнять, кому нужно, компрессы, прикладывать мѣшки со льдомъ. Мало ли что̀ нужно больнымъ, Костя.
— А лучше бы они всѣ спали,—разсуждалъ Костя.—Правда, мама? Чего имъ не спать?
— А зачѣмъ ты не спалъ, когда самъ былъ боленъ? Помнишь? И нянѣ спать не давалъ и мнѣ.
— А я маленькій!—горячо возражалъ Костя.—И я больше не буду. Спи себѣ. Вотъ увидишь.
Обѣдъ приносили въ судкахъ и, должно-быть, невкусный, потому что и мама и Костя почти ничего не ѣли...
— Этакъ и известись не долго,—ворчала няня, принимая тарелки.
— Опять нѣтъ телеграммы! — жаловалась мама.—Когда была послѣдняя? Три или четыре дня назадъ?
— А бой-то когда былъ, матушка?
— Послѣ боя и не было. Не знаю, что̀ это значитъ.
— А можетъ, негдѣ депешу сдать?
— Можетъ-быть, и такъ. Боюсь думать.
— Наказалъ-то Господь!—шептала няня.—Батюшки мои родимые! Что же это такое? А спросить некуда?
— Куда спросить? Не знаю. Подожду еще денекъ. Въ спискахъ убитыхъ и раненыхъ его нѣтъ.
— Кого?—спрашивалъ Костя.—Кого, мама? Кого убили?
— Никого не убили, Костя,—поспѣшно отвѣчала мама.—Впрочемъ, многихъ убили! Многихъ!
— А папу не убили?
Мама поспѣшно и крѣпко прижимала его къ себѣ.
— Нѣтъ, радость моя, нѣтъ. Что̀ это ты? Нѣтъ!
Няня присаживалась къ маленькому столику у входной двери и въ свой чередъ обѣдала.
— Въ газетахъ-то хорошо пишутъ?—спрашивала она.—Что̀ это, говорятъ, на насъ еще турка поднимается?
Она лѣниво, точно нехотя, поднимала ко рту и опускала ложку, сидѣла на вытяжку, и лицо у нея было такое, будто она не ѣла, а принимала лѣкарство.
Слушая то, что̀ объясняла ей мама, она недовѣрчиво взглядывала на нее и покачивала головой.
— Ну, спаси Богъ! — говорила она, поспѣшно вставая изъ-за стола и быстро крестясь.—Сыта. Благодаримъ покорно.
И, прибравъ на столахъ, она шла за перегородку стелить постели.
— Папа когда вернется?—спрашивалъ Костя, прижимая кончикъ своего носа къ носу матери.—А? Говори! Скажи: „скоро".
— Не знаю, Костя.
— Нѣтъ, ты скажи: „скоро".
— Ну, скоро.
— А когда мы въ деревню поѣдемъ? Ну, говори: „скоро".
— Ну, скоро.
— Ага! — торжествовалъ Костя: — ты сказала. Ну помни! Ну смотри! А когда „скоро"?
— Не скоро, Костя,—печально говорила мама.—Ахъ, надо терпѣть, дружокъ.
Когда приносили письмо или телеграмму изъ дѣйствующей арміи, мама плакала, перечитывая ихъ по многу разъ.
— Но чему я радуюсь?—говорила она нянѣ.—Было хорошо, а теперь что̀? Богъ знаетъ!
— Хочешь къ бабушкѣ?—спросила она разъ Костю.
Костя сразу обрадовался. Очень ужъ скучно было ему въ комнатѣ гостиницы. Онъ даже захлопалъ въ ладоши.
— А ты?—вдругъ спросилъ онъ и притихъ.
— А я, Костя... Я, можетъ-быть, поѣду къ папѣ на войну.
— Ты солдатъ?—насмѣшливо спросилъ Костя.
— Дурачокъ! Я поѣду сестрой милосердія. Я буду тамъ, какъ и здѣсь, ухаживать за ранеными, но я буду ближе къ папѣ.
— И меня возьми!—крикнулъ Костя.—Вотъ это такъ!
— Нѣтъ, миленькій, этого нельзя. А ты будешь жить у бабушки, будешь съ няней...
— Мамочка, ты послушай... — волновался Костя: — отчего, нельзя? Ты только попробуй. Ну, скажи: „попробую". Я, ты увидишь, не испугаюсь войны. Да она и не страшная совсѣмъ. Просто война. Я вотъ совсѣмъ, совсѣмъ не боюсь. Ну?
— Не пускаютъ туда дѣтей, дружокъ.
— А я ворвусь и пустятъ. Я, какъ увижу, гдѣ война, такъ прямо и побѣгу туда и крикну папѣ: „я здѣсь!" А потомъ ты придешь.
Мама смѣялась.
— Какъ же это ты увидишь, гдѣ война?
— А гдѣ стрѣляютъ. Папину пушку увижу. Ужъ ты не безпокойся.
Няня тоже смѣялась, а слезы лились у нея по лицу.
— Голубчикъ мой! Очень стосковался о папѣ! — причитала она.—А теперь и мамочка наша собирается покидать насъ. Совсѣмъ сиротами останемся, горемычные.
— Нѣтъ, няня, не надо,—строго сказала мама:—не разстраивай его еще. А ужъ какъ у бабушки будетъ хорошо и весело! Тамъ у нея лошадки, собачки и даже зайчикъ живой.
— Зайчикъ?—удивленно переспросилъ Костя. Но губы его задергались, глаза заморгали: неожиданно онъ бросился на полъ, уткнулся лицомъ въ колѣни матери и громко заплакалъ: — Ты сказала, папа скоро вернется... Ты обманула... Мнѣ не надо зайчика... Мнѣ надо съ тобой и папой... Мамочка, не уѣзжай! А пусть папа къ намъ... вернется... Мамочка!
— Господи! Да отпусти ты мою душу! Измучили! — крикнула няня и быстро, всхлипывая, ушла за перегородку.—Ѣхать тоже собралась! Ну, куда тебѣ отъ ребенка ѣхать?
— Къ мужу! — строго сказала мама. — Къ тѣмъ, кому я могу помочь. Глупая!
Она взяла Костю на колѣни и ласкала и цѣловала его.
— Не плачь, Костя. Ты большой, умный, ты поймешь. Мамѣ надо ѣхать. Когда какой-нибудь солдатикъ, которому было больно-больно отъ раны, скажетъ мнѣ, что ему легче оттого, что я помогла ему, я ему разскажу, что это ты отпустилъ меня. Я имъ всѣмъ скажу: это Костя отпустилъ меня. Онъ маленькій, но онъ лучше самъ будетъ безъ мамы, чтобы позволить мамѣ помогать несчастнымъ.
Костя слушалъ и всхлипывалъ.
— А зачѣмъ у бабушки живой зайчикъ?—спросилъ онъ, стараясь снять съ маминаго пальца кольцо.—А ты когда вернешься? А ты папѣ тоже будешь помогать?
И онъ вдругъ оживился и забылъ свое горе.
— Изъ пушки будешь стрѣлять,—ради шутки, иронически говорилъ онъ. — Бахъ-бахъ! А нѣмецъ посмотритъ: кто это стрѣляетъ? А это ты! Вотъ смѣшно!
Мама укладывалась, чтобы ѣхать, а няня, вся заплаканная, помогала ей. Иногда онѣ обѣ уходили за перегородку и тамъ о чемъ-то шептались.
— Вотъ тебѣ и бабушка пріѣхала!—съ укоромъ говорилъ Костя. — Сама говорила: сперва бабушка пріѣдетъ, а потомъ ты уѣдешь. Ну? Говорила, не скоро еще уѣдешь. Обманула?
Мама, очень блѣдная, точно больная, писала какую-то телеграмму и не хотѣла смотрѣть на Костю, а все отворачивалась и вытирала лицо платкомъ.
— Тебѣ что̀? Жарко?
— Жарко, дружокъ. Подожди. Не мѣшай.
— Кому телеграмма?
— Бабушкѣ. Она скоро пріѣдетъ.
— Напиши, чтобы зайчика привезла.
— Ты къ ней поѣдешь и тамъ его увидишь.
— А когда поѣду? Завтра?
— Нѣтъ, бабушка здѣсь съ тобой поживетъ.
— Ну, вотъ!—ворчалъ Костя.—Опять новости какія-то. Зачѣмъ ей тутъ надо?
— Я, можетъ-быть, скоро вернусь. Вы меня подождете.
— Съ папой?—радостно кричалъ Костя.
Мама долго молчала и потомъ тихо говорила:
— Не знаю.
— Ура!—кричалъ Костя.—Съ папой! Я ужъ знаю!
И какъ только мама кончила писать, онъ забрался къ ней на колѣни, взялъ ее за подбородокъ и, грозя, поднялъ палецъ къ ея лицу.
— Ну, говори,—приказалъ онъ.—Говори!
— Что̀ говорить, Костя?
— Говори: „я пріѣду". Да что̀ же ты?
— Ну: я пріѣду.
— „Съ папочкой моимъ".
— Съ папочкой моимъ,—говорила мама дрожащимъ голосомъ.
— „И чтобы въ деревню и опять съ папой шалить!"—быстро кончилъ Костя и засмѣялся.—Что̀ же ты, мама! Говори!
Но мама вдругъ опустила голову къ самому столу, гдѣ лежала телеграмма, и вся задрожала и затряслась.
— Матушка!—сказала няня, подходя къ ней въ пальто и платкѣ, готовая итти „сдавать депешу":—не убивайся ты. Еще Богъ дастъ...
И она взяла бумажку, на которой, если бы Костя умѣлъ читать, онъ бы прочелъ: „Раненъ въ ногу. Подробностей не знаю. Немедленно ѣду Двинскъ. Умоляю беречь Костю".
Очень было скучно два дня, до пріѣзда бабушки. Няня все вязала чулокъ, а на чулокъ капали ея слезы.
— Живъ ли мой батюшка?—кого-то спрашивала она.—Живъ ли соколъ-то мой?
Костя рисовалъ въ тетрадкѣ домъ съ трубой, откидывался назадъ и косилъ однимъ глазомъ на свой рисунокъ, чтобы оцѣнить его и, очевидно, довольный, выпускалъ изъ трубы густой вьющійся дымъ.
— Ты про кого?—равнодушно спрашивалъ онъ.—А какъ, няня, рисуютъ пушку? Это надо дыру и потомъ... такъ? И тоже дымъ, дымъ, дымъ...
— Такъ, ангелъ мой, такъ.
— Сама говоришь, а сама не смотришь. Ишь какая! Вотъ поѣздъ сейчасъ пойдетъ... Вагоновъ много, много.
Онъ муслилъ карандашъ, чтобы рисовать поѣздъ, и, пригнувшись низко къ тетради, выводилъ цѣлый рядъ кружочковъ.
— Колеса...—шепталъ онъ.
— Господи, спаси насъ и помилуй!—вздыхала няня.
— Ну, няня! карандашъ не пишетъ,—жаловался Костя.
— А ты его послюни, послюни,—совѣтовала няня.

Потомъ играли въ пьяницы. Костя не умѣлъ играть и только открывалъ карту, а ужъ няня сама должна была знать, кто кого побилъ. А она теперь ничего не знала и то все брала себѣ, то все отдавала Костѣ, и когда былъ споръ (это Костя зналъ), совсѣмъ не волновалась и равнодушно отдавала тузовъ. Такъ играть было скучно.

Когда пили чай, приходила коридорная дѣвушка и какъ-то странно переглядывалась и переговаривалась съ няней. Костя ничего не понималъ.

— А развѣ отравленныхъ-то пуль не бываетъ?—говорила горничная.—Тутъ и легкая рана, а вѣрная смерть. И такія бываютъ, что такъ все и разворотятъ. Это мнѣ вѣрно говорили.

— Кушай, Костенька, кушай!—угощала няня, наливая на блюдечко чай такими дрожащими руками, что обливала и столъ и колѣни Кости.

— Что только не выдумаютъ, пропасти на нихъ нѣтъ!—ворчала она.—Все выдумываютъ! Все выдумываютъ!

— Отъ такой раны кровь портится, дѣлается, какъ огонь.

Онѣ уходили за перегородку и тамъ долго шептались.

А въ это время Костя ѣлъ варенье ложкой прямо изъ банки, или облизывалъ оставшіяся въ коробкѣ конфеты, стараясь полакомиться такъ, чтобы няня не замѣтила ничего.

Ложились спать рано, и няня уже не спала въ своемъ „каюкѣ", а на маминой кровати, а передъ тѣмъ, какъ лечь, уже не разсказывала сказочку, а долго молилась, кланяясь въ землю и качая головой, вздыхала, сморкалась и все почему-то подходила къ двери и прислушивалась, когда по коридору раздавались спѣшные шаги.

Бабушка пріѣхала утромъ, когда Костя былъ еще въ постелькѣ, и сразу спросила няню:

— Есть вѣсти?

— Ничего, барыня, нѣтъ. Ничего.

— Бабушка, иди ко мнѣ!—кричалъ Костя.

— Милый, я съ холода. Дай, обогрѣюсь.

— О чемъ вы тамъ шепчетесь? Ты мою пушку-то видишь?

— Вижу, голубчикъ, вижу. Я къ тебѣ сейчасъ приду.

— А заяцъ у тебя правда есть, или мама выдумала? Она хитрая!

Бабушка вошла улыбающаяся, ласковая и веселая, сѣла на Костину постель и долго цѣловала Костю, пристально вглядываясь въ его лицо.

— Какъ похожъ на него!—сказала она нянѣ. — Удивительно, какъ похожъ.

И она сейчасъ же опять вышла и не отвѣчала Костѣ, когда онъ ее звалъ. Няня куда-то побѣжала, а когда вернулась, въ комнатѣ запахло какимъ-то знакомымъ лѣкарствомъ, совсѣмъ такъ же, какъ послѣдніе дни при мамѣ. Костя самъ кое-какъ одѣлся и выбѣжалъ за перегородку.

— Ты чего молчишь? Ты шутишь?—спросилъ онъ.—А ты знаешь, завтра мама съ папой пріѣдутъ—и мы... въ деревню!

Бабушка лежала на диванѣ и улыбалась.

— А какъ ты рубашонку надѣлъ?—замѣтила она.—Наизнанку.

Костя поглядѣлъ и расхохотался.

— Вотъ такъ штука! И пуговицъ нѣтъ. Это, бабушка, фокусъ. Хочешь, сейчасъ будутъ?

— Баловникъ! Вѣдь не умывался,—напомнила няня.

— А вотъ съ пуговицами!—радостно кричалъ Костя, вывернувъ рубашку.—А развѣ ихъ пришивали? Ты видѣла?

Потомъ надо было показать бабушкѣ всѣ игрушки, картинки и тетрадь съ рисунками.

— А запросить нельзя?—спросила бабушку няня.

— Куда запросить? Въ Двинскъ? Да тамъ ли они? А если тамъ, найдутъ ли такъ? Адреса-то точнаго нѣтъ.

— Ты, смотри, тоже въ лазаретъ не уходи, какъ мама,—шутилъ Костя. Хочешь, я тебѣ покажу, какой я сильный? Дай руку, я тебѣ такъ сожму, что ты...

Бабушка все-таки куда-то ушла.

— Знаю куда,—лукаво говорилъ Костя.—Ужъ знаю!

— Боженькѣ помолиться, къ чудотворной иконѣ свѣчку поставить,—дѣлая набожное лицо, разсказывала няня.

— Знаю!—подмигивая и улыбаясь, настаивалъ Костя.—Думаешь, не догадался?

Онъ обвилъ ея шею ручками, отстранилъ головной платокъ и, прижавшись губами къ ея уху, шепнулъ:

— Купить мнѣ чего-нибудь добренькаго...

Ночью Костя проснулся отъ какого-то стука; не открывая глазъ, перевернулся на другой бокъ, чтобы опять спать, но услыхалъ шаги, шорохъ, шопотъ, и нянинъ длинный, тихій смѣхъ. Онъ открылъ глаза и увидѣлъ, что за перегородкой свѣтло, а на бабушкиной смятой постели никого нѣтъ.

— Что вы тамъ?—соннымъ голосомъ крикнулъ онъ.—Думаете, я не слышу?

— Разбудили!—испуганно и радостно шепнула няня.

— А ты чего смѣешься? Ты, должно-быть, съ ума сошла?

— Не сердись, батюшка! Не сердись, милый! Правда, съ ума сошла, старая,—сказала няня, появляясь въ дверяхъ.—Вотъ бабушка тебѣ скажетъ...

Бабушка, въ длинной бѣлой кофтѣ и въ туфляхъ на босу ногу, вошла вслѣдъ за няней и сѣла къ Костѣ на постель.

— Тебѣ радость,—сказала она, приглаживая его волосы:—папа съ мамой скоро пріѣдутъ. Папочка раненъ въ ногу, но неопасно и почти здоровъ.

— Зачѣмъ раненъ?—капризно крикнулъ Костя.—А говоришь радость! Вѣдь это значитъ, ему больно и кровь идетъ!

Бабушка немного смутилась.

— Могло быть хуже, голубчикъ. Вотъ я и сказала, что радость. Мы боялись, что гораздо хуже.

— Кто его тамъ? Дуракъ какой-нибудь! Я бы его расколотилъ.

— Да ты успокойся, милый. Теперь все хорошо.

— Вотъ тебѣ и хорошо!

Бабушка пощекотала его шейку.

— Не сердись. Благодари Бога.

Костя брыкнулъ ногами, сжался и захохоталъ.

— Не надо, бабушка. Завтра пріѣдетъ?

— Нѣтъ, не завтра, а скоро. Ну, радъ?

— Радъ,—задумчиво сказалъ Костя.—Мы теперь съ нимъ вмѣстѣ будемъ изъ пушки стрѣлять.

— Настрѣлялся онъ, родимый,—сказала няня, покрывая одѣяломъ Костины ножки.—Ну, спи теперь съ радостью. Отъ сердца-то отлегло... А развѣ Костенька-то не чувствовалъ? Онъ чувствовалъ.

— Совсѣмъ теперь не больно?—спросилъ Костя, уютно зарываясь въ подушку головой.

— Нѣтъ... Все теперь хорошо. И вотъ и папа пріѣдетъ, и мама пріѣдетъ, и мы всѣ вмѣстѣ поѣдемъ въ деревню,—протяжно говорила бабушка.

— Да ужъ никакъ спитъ?—спросила няня.

Но все вышло не такъ, какъ ожидалъ Костя, готовясь съ легкой дѣтской радостью встрѣтить отца и мать.

Мама неожиданно пріѣхала одна, очень усталая, съ головной болью и едва напилась кофе, опять стала спѣшить куда-то.

Не выпуская изъ своей руки Костину ручку и все оглядываясь на него, она разсказала бабушкѣ, что ее не пустили ѣхать въ одномъ поѣздѣ съ папой, а что папа ѣдетъ съ другими ранеными офицерами; что привезти его въ гостиницу тоже нельзя, а надо, чтобы онъ жилъ въ лазаретѣ, но что онъ все-таки хочетъ заѣхать поцѣловать Костю, когда его повезутъ съ поѣзда въ лазаретъ.

— Куда же повезутъ?—спросила бабушка.

— Сейчасъ поѣду хлопотать,—отвѣтила мама.—Надо куда-нибудь получше и поближе, чтобы не ѣздить черезъ весь городъ.

— Я съ тобой поѣду его встрѣчать!—заявилъ Костя.

— Развѣ можно!—испуганно сказала мама.—Я тебѣ говорю: онъ самъ къ тебѣ пріѣдетъ. Не ложись спать и жди.

Вечеромъ она уѣхала въ автомобилѣ, а Костя сталъ ждать.

Бабушка надѣла очки, взяла работу и молча, съ строгимъ лицомъ, шевелила крючкомъ. Няня ходила по комнатѣ, что-то прибирая и переставляя, но стала совсѣмъ безтолковая и куда-то такъ убрала Костину игрушку, что потомъ никакъ не могла ее найти. Костя приставалъ и къ бабушкѣ и къ нянѣ.

Онъ пробовалъ чѣмъ-нибудь заняться, но все было скучно.

— Ага! Идутъ!—говорилъ онъ, прислушиваясь и поднимая палецъ.

И тогда бабушка переставала шевелить крючкомъ, смотрѣла поверхъ очковъ и точно не дышала, а няня пріоткрывала дверь и выглядывала въ коридоръ.

Становилось уже поздно. Костя сидѣлъ на креслѣ, зѣвалъ и теръ глаза.

— Ага!—изрѣдка говорилъ онъ, оживляясь.—Я слышу...—Дверью кто-то хлопнулъ... Нѣтъ.

И вдругъ послышался гулъ, шумъ, голоса, топотъ...

Бабушка, какъ молоденькая, сорвалась съ мѣста и побѣжала къ двери.

— Не пускай Костю!—крикнула она нянѣ, а няня сперва заметалась по комнатѣ, а потомъ сама бросилась къ двери и открыла ее.

— Костенька! Отойди подальше!—просила она.—Милый мой, это папа... Это голубчикъ нашъ... Несутъ его по лѣстницѣ-то... Къ намъ несутъ...

Костя взволновался. Онъ сперва неподвижно остановился среди комнаты, прислушиваясь къ приближающемуся шуму и чувствуя, что ему почему-то больно въ груди и тяжело дышать; потомъ ему стало ужасно грустно, потомъ радостно и опять грустно и, не зная, что дѣлать, онъ затопалъ ногами и громко заплакалъ.

— На нашъ коридоръ донесли!—кричала няня.—Костенька, не плачь, милый, не плачь! Сейчасъ увидишь папу.

Но Костя уже самъ выскочилъ мимо нея въ коридоръ, бросился-было бѣжать, но сейчасъ же остановился.

Впереди группы людей по коридору шелъ на двухъ костыляхъ незнакомый высокій солдатъ въ шинели, и лицо у этого солдата было тоже незнакомое, обросшее бородой, страдальческое, изможденное.

— Костя!—позвалъ этотъ солдатъ и позвалъ такъ нѣжно и ласково, что у Кости сердце такъ и прыгнуло.—Костюша!

Костя рванулся впередъ, но опять остановился. И только когда отецъ подошелъ совсѣмъ близко, онъ робко, съ стыдливой застѣнчивостью, поднялъ къ нему глаза, полные слезъ, жалобно улыбнулся и съ глубокимъ вздохомъ прижался своимъ мокрымъ лицомъ къ жесткой полѣ шинели.

Люди, какъ боги.

Разсказъ **И. Островного.**

I.

Въ сосѣдней комнатѣ, въ его кабинетѣ, каминные часы звонко и какъ-то торопливо пробили восемь ударовъ.

Дмитрій Петровичъ слышалъ ихъ и, какъ ему казалось, считалъ въ полуснѣ. Очевидно считалъ, иначе какъ же онъ узналъ бы, что было восемь часовъ?

Онъ открылъ глаза, протянулъ руку къ низенькому четырехугольному столику, взялъ карманные часы, взглянулъ, они тоже показывали восемь.

Это было исключительно: никогда не просыпался онъ раньше десяти часовъ. И онъ не понялъ. Было даже намѣреніе поправить ошибку, повернуться на бокъ и заснуть. Но что-то помѣшало: какая-то мысль.

Случайно взглядъ упалъ на кресло, на которомъ были разложены брюки и куртка защитнаго цвѣта, съ офицерскими погонами. Тогда вдругъ все ярко представилось, вся дѣйствительность, и стало ужасно тоскливо.

И это въ первый разъ за все время, то-есть почти за мѣсяцъ, съ той поры, какъ онъ, въ качествѣ запаснаго, надѣлъ офицерскій мундиръ. Уже и тогда было извѣстно, что онъ отправится въ дѣйствующую армію. Онъ самъ этого хотѣлъ и иначе не понималъ мундира. Ему казалось это естественнымъ и необходимымъ: такое время, такія обстоятельства.

Онъ по профессіи не военный, у него дѣла, имѣніе. Когда стало ясно, что ему нужно надѣть военный мундиръ, онъ надѣлъ его убѣжденно. Онъ обладалъ способностью проникаться всякой обязанностью, какую бралъ на себя. И ему казалось просто нелѣпымъ сидѣть здѣсь въ то время, когда тамъ происходитъ что-то огромное, рѣшающее судьбу народовъ.

Но все же это было только убѣжденіе. Ни вдохновенія, ни воинственнаго пыла онъ не ощущалъ. У него не было того состоянія, когда человѣкъ рвется въ бой, когда ему во снѣ и наяву грезятся громъ орудій, звонъ мечей и запахъ порохового дыма. Онъ не хотѣлъ рѣзать, рубить, истреблять. И самый врагъ представлялся ему чѣмъ-то отвлеченнымъ.

А просто—долгъ, онъ долженъ итти. Оставшись, онъ чувствовалъ бы себя виноватымъ передъ тѣми, которые тамъ.

Не было ничего легче, какъ устроиться здѣсь—попросить того, другого. Вѣдь и тутъ нашлось бы множество обязанностей. И сохранить возможность заниматься дѣлами, которыхъ у него было много. А главное...

Да, это, конечно, главное: не разставаться съ Вѣрой, за это онъ Богъ знаетъ что далъ бы. А вотъ этого дать не можетъ. Такъ ужъ онъ устроенъ, что долгъ у него на первомъ мѣстѣ, и — неисполненный—онъ можетъ замучить его.

Это поняла и Вѣра, потому что она чувствовала каждое тончайшее движеніе его души. И ни однимъ словомъ, даже взглядомъ, не удерживала его.

И всѣ эти дни онъ спалъ спокойно. Сколько позволяли ему военныя обязанности, занимался дѣлами, старался по возможности ликвидировать ихъ или привести въ такое состояніе, чтобы они могли ждать его, ложился, какъ всегда, часа въ два и вставалъ въ десять.

Но сегодня, да, конечно, сегодня онъ долженъ былъ услышать тоненькій бой каминныхъ часовъ, потому что вѣдь это былъ послѣдній день: сегодня въ девять часовъ вечера отходитъ поѣздъ, который увезетъ его туда, за черту простой, обыденной дѣловой жизни. И въ этотъ день всѣ часы, какіе только оставитъ ему служба, онъ проведетъ съ Вѣрой. Такъ надо, чтобы этихъ часовъ было какъ можно больше.

Вотъ почему каминные часы звонили сегодня такъ настойчиво. Они это чувствовали и хотѣли разбудить его пораньше.

И Семенъ, неизмѣнный спутникъ его жизни, служившій ему и ѣздившій съ нимъ и въ Москву, и въ Кіевъ, и въ Ростовъ, всюду, гдѣ у него были дѣла, человѣкъ, который, по причинѣ своей преданности, соединенной съ какимъ-то особеннымъ камердинерскимъ умомъ, умѣетъ все предусматривать и дѣлать во время, устроилъ ему прекрасную жизнь,—онъ тоже знаетъ, что ему сегодня слѣдуетъ встать раньше, и уже давно посматриваетъ въ полуотворенную изъ кабинета дверь, а какъ только онъ протянулъ руку къ часамъ, тотчасъ же вошелъ въ спальню и началъ неукоснительно выполнять свое назначеніе.

И Дмитрій Петровичъ съ его помощью всталъ, умылся, одѣлся, а потомъ, выйдя въ столовую, получилъ „послѣднюю порцію" кофе съ великолѣпными, лучшими, чѣмъ когда бы то ни было, (Семенъ постарался) сливками.

А когда онъ выходилъ изъ дому, Семенъ не безъ грусти взглянулъ на него и, подавая ему перчатки, сказалъ:

— Ужъ, надо полагать, на цѣлый день у нихъ останетесь, Дмитрій Петровичъ?

„У нихъ", это означало у Вѣры, то-есть у ея матери, у нихъ въ домѣ. Дмитрій Петровичъ кивнулъ головой, а Семенъ вздохнулъ, и этотъ вздохъ по своему содержанію представлялъ нѣчто въ высшей степени сложное. Въ немъ заключалась вся исторія жизни Дмитрія Петровича, или по крайней мѣрѣ этого послѣдняго года, когда завязался и разыгрался романъ съ Вѣрой Андреевной.

Семенъ уже совершенно было навострился праздновать свадьбу и свою многолѣтнюю службу „на холостомъ положеніи" перемѣнить на новую—„на положеніи женатомъ", правда, все у того же Дмитрія Петровича Оганева. Да это вѣдь было уже рѣшено въ сентябрѣ должна была совершиться эта свадьба.

И какъ надѣялся на нее Семенъ, какъ, можно даже сказать, мечталъ о ней. Надоѣло человѣку „вести холостую жизнь", т.-е. не свою, а Дмитрія Петровича, и хотѣлось перемѣнить ее на семейную, опять-таки не свою, а своего барина.

Есть на свѣтѣ такія странныя натуры — люди, отрекающіеся отъ своей личности въ пользу другого. Такимъ былъ Семенъ, служившій Оганеву уже лѣтъ двѣнадцать, съ того времени, когда Дмитрію Петровичу, только-что получившему послѣ смерти отца богатое имѣніе, было двадцать лѣтъ. Онъ былъ гораздо старше своего господина, но не женился и вообще отстранился отъ всякой жизни, кромѣ жизни Оганева, которую вѣчно устраивалъ.

Но свадьбѣ не было суждено состояться, ей помѣшала война. Дмитрія Петровича призвали, онъ готовился ѣхать на позиціи, да и вообще было не до свадьбы. Какъ-то неловко было жениться и заводить счастливый уголокъ въ то время, когда другіе умирали на войнѣ.

Семенъ, который научился мыслить приблизительно въ томъ же направленіи, какъ и его баринъ, вполнѣ понималъ это и признавалъ, ну, а все же ему было досадно. Вотъ теперь баринъ на войну уѣдетъ, и онъ останется одинъ, а это ужъ совсѣмъ плохо. Въ мирное время Семенъ всюду сопутствовалъ Дмитрію Петровичу, который, благодаря своей дѣятельной натурѣ, ввязался въ десятки дѣлъ—и нефтяныхъ, и угольныхъ, и желѣзнодорожныхъ и всякихъ другихъ, и ему приходилось всюду разъѣзжать.

А вотъ теперь оказывается, что на позиціи Семену ѣхать нельзя. И ему предстоитъ здѣсь влачить существованіе въ одиночествѣ.

II.

Выйдя изъ дому, Дмитрій Петровичъ взялъ извозчика и поѣхалъ сперва по служебнымъ дѣламъ. Онъ хотѣлъ покончить съ ними какъ можно раньше, чтобы потомъ уже до самаго отъѣзда къ нимъ не возвращаться.

Онъ не привыкъ къ такому способу передвиженія, ѣздилъ обыкновенно на своихъ лошадяхъ, а въ послѣдній годъ, несмотря на его отвращеніе ко всему механическому, его уговорили пріобрѣсти автомобиль. Но и лошадей и машину у него отобрали на военныя нужды, а новыхъ пріобрѣтать было не къ чему.

Съ своими частными дѣлами онъ покончилъ вчера, всѣмъ имъ поставилъ точку и подвелъ итоги. Прощальные визиты тоже сдѣлалъ всѣ въ эти послѣдніе дни.

Къ одиннадцати часамъ онъ былъ свободенъ и поѣхалъ прямо къ Муранскимъ.

На Сергіевской улицѣ, въ довольно большой квартирѣ, занимаемой вдовой въ свое время и еще недавно виднаго государственнаго дѣятеля, Зинаидой Михайловной Муранской, гдѣ она жила вмѣстѣ съ сыномъ, уже перешедшимъ за сорокалѣтній возрастъ и утвердившимся въ почтенныхъ чинахъ, Михаиломъ Андреевичемъ, и дочерью Вѣрой Андреевной,—было тихо.

„Генеральша", какъ называли въ домѣ Зинаиду Михайловну, въ послѣдніе годы болѣла, страдая нервами, мигренями, сердцемъ и безсонницей, и никогда раньше часу не выходила изъ спальни, и никакія обстоятельства не заставили бы ее измѣнить этому обычаю: Михаилъ Андреевичъ жилъ въ совершенно отдѣленныхъ отъ общей квартиры комнатахъ, велъ самостоятельную жизнь, полдня проводилъ на службѣ, появлялся только за обѣдомъ, а на вечеръ исчезалъ къ своимъ отдѣльнымъ знакомымъ или въ клубъ.

И въ этотъ часъ была въ квартирѣ, давно уже вставшая, одѣтая и напившаяся кофе, Вѣра Андреевна.

Она такъ же, какъ и Дмитрій Петровичъ, проснулась рано, и ее разбудила та же мысль — что онъ сегодня уѣзжаетъ, и что это послѣдній день, который надо провести вмѣстѣ.

И когда, вскорѣ послѣ одиннадцати часовъ, въ передней раздался звонокъ, она поняла, что это Оганевъ.

Она сидѣла въ это время въ гостиной, подняла голову, и блѣдное нервное лицо ея всѣми своими тонкими и строгими чертами выразило ожиданіе. Когда же Оганевъ вошелъ въ переднюю, она, не видя его и не слыша ни его голоса ни шаговъ, совершенно опредѣленно почувствовала, что это онъ.

Странно это было, но она всегда такъ чувствовала. Случалось, что пріѣзжала съ братомъ или съ матерью въ театръ, не зная, гдѣ онъ проводитъ вечеръ, и сейчасъ же начинала чувствовать, что онъ здѣсь, и скоро онъ приходилъ въ ихъ ложу и привѣтствовалъ ее. Между ними какъ будто была протянута незримая воздушная нить.

И онъ чувствовалъ точно такъ же. Онъ находилъ ее въ толпѣ и на улицѣ. Они такъ сжились, что одинаково думали и чувствовали.

Уже больше года прошло съ тѣхъ поръ, какъ они встрѣтились,—онъ, несмотря на свои недолгіе годы (ему теперь было всего тридцать два года), испытавшій много и растратившій не мало чувства, и она, удивительно стойко сберегшая цѣльность своей души.

Познакомившись, они почти сразу, съ первой встрѣчи, почувствовали довѣріе другъ къ другу и влеченіе, но оба осторожно подходили другъ къ другу, какъ бы чувствуя, что эта встрѣча не мимолетная, что она должна разрѣшиться чѣмъ-то важнымъ и вѣчнымъ.

И цѣлые мѣсяцы тянулась эта неопредѣленность. Встрѣчаясь случайно, всегда испытывали волненіе, но все боялись довѣриться ему.

Вѣрѣ Андреевнѣ тогда было двадцать три года, она встрѣчала уже людей, и не къ одному уже пробовало тянуться ея сердце, но всегда, къ ея счастью, раньше, чѣмъ она успѣвала проявить это, наступало разочарованіе. „Люди мелки и чувства у нихъ такія же", вотъ что̀ она вынесла изъ всего своего жизненнаго опыта.

Но однажды они подошли другъ къ другу поближе и какъ-то неожиданно для самихъ себя сказали то, что̀ такъ тщательно прятали, произошло сближеніе, и съ этой минуты они уже не отдалялись другъ отъ друга.

Каждый нашелъ въ другомъ то, чего искалъ, что̀ вполнѣ отвѣчало его требованіямъ, и въ результатѣ была горячая любовь. Дмитрій Петровичъ въ особенности весь отдался этому чувству и какъ-то сразу и безповоротно рѣшилъ, что это судьба послала ему на всю жизнь.

Кончились его исканія, постоянныя неудачныя попытки найти хоть приблизительное олицетвореніе своего идеала. Въ Вѣрѣ онъ нашелъ его въ такой законченной полнотѣ и въ такомъ красивомъ сочетаніи душевныхъ качествъ съ внѣшними, что искать еще было бы неблагодарностью по отношенію къ судьбѣ. Она своей личностью наполняла его душу до краевъ.

Оставалось только создать семью, и это было не только рѣшено ими, но и одобрено какъ Зинаидой Михайловной, такъ и старшимъ братомъ Вѣры, Михаиломъ Андреевичемъ, имѣвшимъ значительный голосъ въ семейныхъ дѣлахъ.

Оба были очень требовательны и строги, но Оганевъ во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворялъ ихъ идеалу. Онъ, правда, не служилъ и, слѣдовательно, былъ безнадеженъ по части чиновности. Отбывъ свой срокъ по военной службѣ, онъ ограничился чиномъ прапорщика, съ которымъ и вышелъ въ запасъ. У него, кромѣ того, былъ и тотъ грѣхъ, что онъ увлекался дѣлами и велъ знакомство съ людьми самыхъ разнообразныхъ слоевъ и положеній.

Но все это искупалось тѣмъ, что онъ происходилъ изъ хорошей дворянской семьи, носилъ почтенное имя, и у него были „предки", а, кромѣ предковъ, было отличное имѣніе въ Харьковской губерніи и очень значительный капиталъ въ дѣлахъ.

Когда же началась война и очень скоро Оганеву пришлось облечься въ военный мундиръ, онъ и Вѣра одновременно подумали, что ему необходимо ѣхать въ самую гущу войны и ни въ какомъ случаѣ не пополнять собою ряды тѣхъ, что̀, будучи призваны къ исполненію общей для всѣхъ обязанности, ищутъ и находятъ способы избѣгать ее и, нося военный мундиръ, стараются остаться при мирныхъ занятіяхъ. И когда Дмитрій Петровичъ услышалъ эту мысль отъ Вѣры, то еще больше прежняго восхитился ею. Онъ зналъ, что онъ для нея сдѣлался всѣмъ, и что, высказывая такую мысль, она осуждала себя на тусклую и тоскливую жизнь, и все-таки, несмотря на это, она не поддалась малодушію и не только отпускаетъ, а даже гонитъ его. Это значитъ, что она чувствуетъ его долгъ такъ, какъ будто это ея собственный долгъ, что она себя не отдѣляетъ отъ него.

И вотъ теперь, въ этотъ послѣдній день, встрѣтившись въ одиннадцать часовъ утра, они не отходили другъ отъ друга, не спускали другъ съ друга глазъ до вечера, какъ будто по каплѣ взвѣшивая отведенное для счастья время и боясь уронить хоть одну каплю его. Наслаждались этими минутами и страдали отъ мысли о завтрашнемъ днѣ и о многихъ дняхъ, которые послѣдуютъ за нимъ.

Но ни одному изъ нихъ ни разу не пришла въ голову малодушная мысль. Вѣдь никогда не будетъ поздно. Всегда можно хлопотать и достигнуть, хотя бы даже вернуться съ дороги. И у него и у нея были отличныя связи, а еще лучше у генеральши. Но они и не подумали объ этомъ. Долгъ есть долгъ, и его нельзя исполнить отчасти, или подставить на его мѣсто что-нибудь другое, похожее, приблизительное. Его нужно исполнить весь, отъ первой точки до послѣдней.

И вечеромъ, въ девять часовъ, Оганева провожала на вокзалѣ Вѣра. Само собою разумѣется, что раньше ихъ прибылъ Семенъ съ чемоданами и возился съ ними, какъ будто это были его маленькія дѣти. И онъ плакалъ, молча вытирая слезы, плакалъ, конечно, о предстоящихъ ему одиночествѣ и скукѣ, но думалъ, что плачетъ о судьбѣ своего барина.

А Вѣра не плакала, но лицо ея было проникнуто такой глубокой грустью, отъ которой у Оганева сжималось сердце. Генеральша, по своему болѣзненному состоянію, не могла быть на вокзалѣ, а Михаилъ Андреевичъ пріѣхалъ за три минуты до отхода поѣзда.

Дрожащими губами поцѣловалъ руку Вѣры Оганевъ и скрылся въ вагонѣ отходящаго поѣзда.

III.

И вотъ первая ночь—ужасъ. О снѣ нѣтъ и рѣчи, думать—ни о чемъ, кромѣ какъ о ней. Стоитъ передъ нимъ ея образъ—живой, а въ то же время неподвижный: смотрятъ на него глубокіе бездонно-грустные глаза, полные страданія и безысходной тоски. И тѣ же чувства у него въ груди: и ясно для него, что съ каждымъ часомъ, по мѣрѣ того, какъ увеличивается разстояніе между нимъ и столицей, гдѣ она, они будутъ расти въ глубь и въ ширь...

„До чего это дойдетъ... до чего дойдетъ?—думается ему.—Сумѣю ли я быть полезенъ тамъ, куда лежитъ мой путь?"

Потомъ день—еще хуже. Ночью жизнь какъ бы была прикрыта полумракомъ купе и полной темнотой тамъ, за окнами, а днемъ все освѣтилъ яркій солнечный лучъ, и все реальное кажется ему такимъ грубымъ и такъ оскорбляющимъ его своей грубостью. И только теперь понялъ онъ, до какой степени Вѣра для него—все.

Онъ думалъ и о предстоящемъ, воображалъ передъ собою битву и грохотъ орудій, и свистъ пуль, и удушающій дымъ, пронизывающій воздухъ, и все это какъ-то не трогало его, не подымало, не воодушевляло, было ему постороннее, чуждое.

И когда у него явилась мысль, что одна изъ этихъ свистящихъ пуль можетъ коснуться его черепа, или попасть ему въ сердце и разомъ прекратить всѣ его мысли и представленія, то ему показалось, что это не будетъ ужаснѣе того состоянія одиночества и потери, какое онъ теперь переживаетъ.

Вотъ уже сутки. Сутки чувствовать себя вдали отъ Вѣры, не пожать ея руку, не цѣловать ея длинныхъ тонкихъ пальцевъ, тонкихъ, какъ ея мысли и чувства, не ощущать на себѣ взгляда ея прекрасныхъ глазъ... Это мука, которую нельзя высказать, для этого нѣтъ словъ на человѣческомъ языкѣ.

Отовсюду, гдѣ только было возможно, онъ посылалъ ей письма и открытки, но это обманчивое общеніе съ нею облегчало его только на минуту, потомъ становилось еще тяжелѣе.

Путешествіе кончилось, и стало нѣсколько легче. Явились обязанности. У него было ближайшее начальство и были подчиненные, и тѣ и другіе требовали отъ него вниманія и времени. Къ тому же не было дано и часа для размышленій. Гдѣ-то неподалеку, въ какихъ-нибудь тридцати верстахъ, уже нѣсколько дней шло огромное сраженіе, оттуда привозили раненыхъ и туда нужно было спѣшить для пополненія рядовъ. Надо было спѣшно готовиться и тотчасъ же выступать.

Все это механически наполняло его время и не давало ему возможности больше чѣмъ на секунду отдаваться своимъ переживаніямъ. И онъ, въ сущности, былъ благодаренъ всѣмъ этимъ мелочамъ, которыя входили въ его „долгъ" и повелительно требовали къ себѣ вниманія.

На другой день, едва только кончилась ночь и появились первые признаки начала новаго дня, выступили. Но эта была не та маленькая часть, членомъ которой онъ привыкъ чувствовать себя, а что-то большое, похожее на огромный дремучій лѣсъ, вдругъ сдвинувшійся со своего мѣста. Тысячи, а можетъ-быть, и десятки тысячъ головъ, но всѣ, словно передавъ кому-то свою волю, движутся по командѣ, какъ одинъ человѣкъ. Идутъ, останавливаются, подкрѣпляютъ силы и снова идутъ, и съ каждымъ шагомъ все явственнѣе чувствуютъ свою причастность къ огромному дѣлу. Къ вечеру уже стали доноситься раскаты грома. Еще одна стоянка, а тамъ...

Было, должно-быть, еще что-то, какія-то приготовленія, множество подробностей, которыя всѣ были важны и необходимы, но не удержались въ памяти,—слишкомъ близки они были къ тому большому, что̀ больше всего, что̀ захватывало и поглощало все остальное.

Еще не взошло солнце, но утренній свѣтъ уже позволялъ различать всѣ предметы. Широкая долина, на горизонтѣ замыкавшаяся лѣсомъ, посреди пересѣкалась не широкою, но быстрою и бурливою и глубокою рѣчкой съ плоскими берегами.

Ночью работали надъ установкой временныхъ мостовъ. Громъ орудій слышался справа, но самое сраженіе не было видно. Иногда изъ-за дальняго лѣса, подобно молніи, разсѣкала воздухъ огненная стрѣла—одна, другая, третья,—то было дѣйствіе непріятельской батареи.

Задача была въ томъ, чтобы большими массами перейти рѣку и, оставаясь незамѣченными, ударить въ непріятельскіе ряды справа.

И совершался переходъ черезъ рѣку поспѣшно, въ относительномъ порядкѣ и въ такой тишинѣ, какъ будто это были не люди, а муравьи, не обладающіе голосомъ. Къ лѣсу промчалась артиллерія, и казалось, что и лошади понимаютъ необходимость тишины и ступаютъ осторожно.

Потомъ вся масса двинулась направо, все быстрѣе и быстрѣе, все явственнѣе становился громъ и трескъ орудій и разрывавшихся снарядовъ, начиналъ ѣсть глаза и спирать дыханіе все сгущавшійся дымъ, а гдѣ-то надъ деревней подымалось къ небу огненное зарево.

И былъ моментъ, когда Оганева, спокойнаго, съ холоднымъ презрѣніемъ относившагося къ опасности, вдругъ охватилъ страхъ передъ тѣмъ, что̀ предстояло впереди.

Онъ заставилъ себя итти вмѣстѣ съ другими, не замедливъ даже шаговъ, чтобы не отстать и на вершокъ. И въ это время вдругъ замѣтилъ, что невдалекѣ изъ засады выскочилъ непріятельскій отрядъ и двигался прямо на нихъ. Раздалась команда, и начался бой.

Это было нѣчто странное, необъяснимое, неподдающееся разсказу обыкновенными человѣческими словами. Нѣтъ такихъ яр-

кихъ красокъ, которыя были бы способны нарисовать то новое, что открылось передъ нимъ.

Мгновенный ужасъ, сковывавшій его ноги, исчезъ. И былъ ли то ужасъ? Можетъ-быть, то было преддверіе этого новаго, необыкновеннаго, чего не испытавшій не въ состояніи представить.

Какъ будто между этимъ обширнымъ полемъ, гдѣ происходилъ бой, и всѣмъ остальнымъ міромъ раскрылась пропасть, трещина въ землѣ до самой глубины ея, до центра. Тотъ міръ остался гдѣ-то позади, міръ маленькихъ людей, разумныхъ существъ, гордящихся своимъ разумомъ и способныхъ употреблять его на то, чтобы сегодня создавать для себя завтра, а завтра слѣдующій день и такъ до гроба.

Люди, озабоченные вопросами о пищѣ и питьѣ, объ одеждѣ и жилищѣ, волнующіеся, когда на сценѣ актеръ изображаетъ какое-нибудь выдуманное горе, страдающіе отъ боли, способные рвать себѣ волосы, когда горитъ ихъ домъ, или они теряютъ деньги, нажитыя трудомъ или спекуляціей, приходить въ отчаяніе, убивать себя и другого, когда измѣнила женщина.

Это тамъ, по ту сторону пропасти. Жизнь, размельченная на милліоны кусочковъ — заботъ и терзаній, наслажденій, разочарованій, горя и счастья.

Здѣсь же, по эту сторону пропасти, собрались люди, презрѣвшіе все и поставившіе на карту случайности, но такой возможной и близкой,—свою жизнь, всю безъ оговорокъ и уклоненій.

Когда на человѣка нападаетъ разбойникъ гдѣ-нибудь въ глухомъ лѣсу, онъ можетъ молить о пощадѣ, обѣщать выкупъ, разжалобить его сердце, или разжечь въ немъ корысть. Здѣсь невозможны ни мольба ни подкупъ, здѣсь некого разжалобить и не съ кѣмъ торговаться.

Каждый приноситъ сюда свою жизнь и ставитъ ее, и каждое мгновеніе она можетъ быть смята, сломана, превращена въ пыль и развѣяна вѣтромъ.

И изъ-за чего? Ни наслажденій, ни корысти — никто объ этомъ не думаетъ, никто этого не ждетъ. Защита родины — прекрасная отвлеченная мысль, сотканная изъ огненно-яркихъ прозрачныхъ лучей солнца, не осязаемая, но чувствуемая всѣми, — и она-то неразрывной стальной цѣпью сковала между собою всѣхъ этихъ людей и превратила ихъ въ героевъ.

Нѣтъ, это уже не люди, это великаны, пришедшіе изъ сказки, оживившіе древнюю былину о богатыряхъ, сказаніе, которое создавалось, должно-быть, въ пылу битвы и было тогда не сказкой, а такою же дѣйствительностью, какъ эта.

Жизнь и смерть, онѣ и близки и далеки. И то разстояніе, что раздѣляетъ ихъ и сближаетъ, только оно и принадлежитъ имъ. Всѣ они стоятъ между жизнью и смертью, приближаются то къ одной, то къ другой, подходятъ къ нимъ вплотную и сливаются съ ними.

Онъ смотрѣлъ вокругъ и видѣлъ, какъ одни съ невообразимой дерзостью рвутся впередъ, наступаютъ на врага, еще здоровые, сильные и кипящіе отвагой, а другіе уже лежатъ на землѣ бездыханные, и онъ не видѣлъ между ними разницы. И тѣ и другіе одинаково казались ему богатырями и героями. Для побѣды — единственная мысль, которая была у всѣхъ въ головѣ — одинаково важны были смерть первыхъ, какъ и жизнь послѣднихъ. Эти, можетъ-быть, еще только не успѣли, но сейчасъ придетъ и ихъ чередъ, — и его чередъ придетъ.

Да, и его. И онъ, какъ другіе, шелъ впередъ, наступалъ, распоряжался и дѣйствовалъ энергично, находчиво, геніально, потому что всѣ силы его духовныя и тѣлесныя были объединены одной мыслью, однимъ пламеннымъ желаніемъ. Ничего изъ того, что въ обыденное время составляетъ содержаніе жизни, для него теперь не существовало, а стояло передъ нимъ, какъ и передъ всѣми — сломить врага и побѣдить. И ради этого жизнь и смерть одинаково важны и нужны. И потому свистъ пуль и грохотъ орудій кажется ему какой-то новой, неслыханно-торжественной музыкой, сопровождающей могущественное выступленіе богатырей.

Онъ вспоминалъ о людяхъ, которые боялись смерти. Онъ самъ боялся ея и теперь не можетъ постигнуть этого. Какъ можно бояться того, что такъ величественно и прекрасно! Нѣтъ, это шагъ къ побѣдѣ. Мы всѣ идемъ туда, къ ней, и только между нами различно распредѣлены роли: однимъ умереть, другимъ побѣдить. Но и тѣ и другіе одинаково славны.

Долго ли длился бой, онъ не задавалъ себѣ этого вопроса. Средь битвы не смотрятъ на часы и не считаютъ время. Можетъ-быть, день, ночь и больше. Пропадаютъ условныя дѣленія, и время вливается въ вѣчность.

Судьба щадила его, и онъ, не ощущая усталости, все куда-то шелъ, напирая вмѣстѣ съ другими на ослабѣвающаго врага.

Надъ всѣмъ господствовало чувство, что идетъ онъ къ побѣдѣ.

Но вотъ что-то обожгло его, гдѣ-то на спинѣ, около самаго плеча. Онъ не обратилъ вниманія, думалъ, что царапина. Не прошло и двухъ минутъ, какъ осколокъ шрапнели хватилъ его въ ногу, повыше колѣна. Онъ споткнулся, но уже подняться не могъ. На спинѣ зудило и жгло, нога не подчинялась ему.

Онъ попробовалъ рукой ощупать спину, рука оказалась вся въ крови. Закружилась голова, онъ потерялъ сознаніе.

IV.

Въ санитарномъ поѣздѣ везли его въ Петроградъ. Раны были признаны неопасными, но одна изъ нихъ, на спинѣ, была очень болѣзненна и доставляла ему много страданій. Въ дорогѣ было очень удобно, онъ почти совсѣмъ не замѣчалъ движенія. Уходъ былъ превосходный, но онъ какъ-то мало цѣнилъ это.

На одной изъ большихъ станцій, когда до Петрограда оставалось не больше двадцати часовъ, кто-то изъ сопровождавшихъ поѣздъ подошелъ къ нему и спросилъ, не желаетъ ли онъ извѣстить телеграммой кого-нибудь изъ своихъ родныхъ или друзей. Онъ отрицательно покачалъ головой и поблагодарилъ:

— Нѣтъ, не нужно.

Въ Петроградѣ, куда поѣздъ пришелъ около полудня, его перевезли въ одинъ изъ большихъ лазаретовъ, и вотъ уже три дня онъ лежалъ тамъ, удивляя всѣхъ окружающихъ тѣмъ, что его никто не посѣщаетъ. Знали, что онъ петроградскій житель, и что онъ богатъ, и не могли понять этого.

А онъ самъ понималъ это, можетъ-быть, меньше всѣхъ. Но таково было состояніе его души — апатія, безразличіе и нежеланіе видѣть кого бы то ни было. Онъ спрашивалъ себя: „А Вѣра? Неужели Вѣру мнѣ не было бы пріятно видѣть? — и отвѣчалъ: — Нѣтъ, было бы пріятно, но...“

И останавливался на этомъ, не умѣя докончить свои мысли. Ему казалось, что Вѣру можетъ слишкомъ глубоко задѣть и огорчить, а можетъ-быть, и оскорбить его столь безразличное состояніе. О, оно, конечно, относилось не къ ней, но можетъ же случиться, что даже и она не вызоветъ въ его душѣ оживленія...

Вспомнилъ онъ о Семенѣ, и явилось чисто-теоретическое разсужденіе, которое онъ принялъ за голосъ совѣсти: этотъ человѣкъ безкорыстно посвятилъ ему свою жизнь, это доказано его постоянной заботливостью и услугами, не знающими границъ, и было бы жестокостью оставить его въ невѣдѣніи.

Но до чего это было холодно. Ни одна струна въ сердцѣ не зазвучала. Никакого чувства не вызвало въ немъ это разсужденіе. Онъ попросилъ сестру протелефонировать на его квартиру, чтобы Семенъ пришелъ въ лазаретъ, и тотъ сейчасъ же явился — взволнованный, встревоженный, сѣлъ на кровати и почтительно забросалъ его вопросами.

— Ахъ, баринъ... Ахъ, Господи... Да какъ же это? Боже ты мой... Не успѣли прибыть туда, какъ уже сразу двѣ раны-съ... Да какъ же оно вышло?

Оганевъ махнулъ рукой:

— Пустяки говоришь, Семенъ, можно въ одну минуту получить десятокъ ранъ, а въ одну секунду умереть.

— А Вѣра Андреевна ужъ навѣрно побывали у васъ... Имъ-то какъ горько, должно-быть.

— Нѣтъ, Вѣрѣ Андреевнѣ я еще не сообщилъ.

— До сихъ поръ! Какъ же такъ? — съ видомъ горестнаго изумленія воскликнулъ Семенъ.

— Вотъ этого именно и боялся: что ей будетъ слишкомъ горько, — не совсѣмъ искренно объяснилъ Оганевъ.

Семенъ съ твердымъ убѣжденіемъ отрицательно покачалъ головой:

— Охъ, нѣтъ, Дмитрій Петровичъ, что вы! Онѣ не такія, онѣ перенесутъ-съ, все перенесутъ. Я имъ скажу. Ужъ дозвольте. Вотъ сейчасъ побѣгу и сообщу, что, молъ, прибыли и васъ велѣли просить.

Оганевъ на это не отвѣтилъ. Несомнѣнно, что Вѣрѣ нужно сказать, она имѣетъ на это право больше, чѣмъ кто другой. Ну, такъ пусть Семенъ это и сдѣлаетъ, пусть это будетъ на его отвѣтственности.

А Семену теперь уже не сидѣлось. Центръ тяжести въ его душѣ вдругъ перемѣстился въ сторону Вѣры Андреевны. Ему хотѣлось какъ можно скорѣе сообщить ей. Онъ посидѣлъ для приличія еще минутъ пять, а затѣмъ сорвался съ мѣста.

— Побѣгу-съ, Дмитрій Петровичъ, въ заблаговремя. А завтра прибѣгу... Можетъ, что распорядитесь?

И, какъ бы боясь, чтобы Оганевъ не приказалъ ему остаться, онъ ушелъ — и прямо на Сергіевскую, не пожалѣлъ даже сорока копеекъ на извозчика, чтобы поскорѣе... Здѣсь быстро добился пріема у Вѣры Андреевны и поразилъ ее извѣстіемъ.

— Какъ? Четыре дня—и я не знаю? Но развѣ онъ..

— Они терпѣли большія страданія, Вѣра Андреевна, — видимо, желая смягчить положеніе, объяснилъ Семенъ. — И мнѣ вотъ только сейчасъ дали знать.

Вѣра Андреевна немедленно собралась и поѣхала въ лазаретъ. Она всецѣло повѣрила въ объясненіе Семена, потому что иначе не могла представить себѣ, и всю дорогу мучилась мыслью о томъ, какія страданія долженъ былъ испытать Оганевъ, если не смогъ даже извѣстить ее. Было еще не поздно, да и въ лазаретѣ не придерживались слишкомъ строгихъ порядковъ. Ее безпрепятственно впустили.

Это первое свиданіе вышло вполнѣ правдоподобно. Она страшно волновалась, и ей казалось, что и онъ также взволнованъ, но проявить это мѣшаютъ слабость и боль. Да и нельзя было допустить какую-нибудь экспансивность, такъ какъ въ палатѣ было множество глазъ и всѣ на нихъ смотрѣли. Оганевъ взялъ ея руку и молча поцѣловалъ.

— У тебя двѣ раны! — полуспросила она, уже знавшая это отъ Семена. — Но онѣ неопасны?

А. Куинджи. Березовая роща. (Собственность „Общества имени А. И. Куинджи“).

Оганевъ утвердительно кивнулъ головой. Онъ смотрѣлъ на нее изумленными глазами, но изумленіе это относилось не къ ней, а къ нему самому. Вотъ она передъ нимъ — живая, та, отъ разлуки съ которой онъ былъ въ такомъ отчаяніи, Вѣра, любимая, единственная, самая близкая во всемъ свѣтѣ, такъ безконечно наполнявшая его душу,—и что же? Онъ смотритъ на нее спокойно, не рвется къ ней, не трепещетъ отъ радости. Нѣтъ, не слабость и не боль мѣшаютъ ему пламенно проявить свое чувство, а самое чувство какъ будто стало инымъ. Что же, онъ разлюбилъ ее? О, нѣтъ. Она ему близка, ближе всѣхъ, но не кажется уже божествомъ, передъ которымъ нужно преклоняться, и не наполняетъ его жизни. Вотъ она говоритъ тихо, вполголоса, разсказывая о томъ, какъ волновалась и мучилась послѣ его отъѣзда, какъ дрожала за его жизнь, что, несмотря на его страданіе, она чувствуетъ благодарность къ этимъ ранамъ, которыя хотя и уложили его въ лазаретъ и, можетъ-быть, надолго, но оставили ему жизнь, а могли быть другія раны, не столь великодушныя. Говоритъ о томъ счастьѣ, которое настанетъ, когда раны заживутъ и онъ выйдетъ изъ лазарета.

Онъ слушаетъ и думаетъ: „Какъ искренна Вѣра, и какъ безконечно она любитъ меня и предана мнѣ. Но почему же это кажется мнѣ такимъ незначительнымъ — и эта любовь, и предстоящее счастье, и все, и она сама, милая, дорогая и близкая, но такая же маленькая, обыденная, какъ всѣ. Вѣдь это же навѣрно не такъ, и не такимъ мнѣ казалось все это раньше, и не могъ же я до такой степени заблуждаться“.

И онъ увѣрялъ себя, что это въ самомъ дѣлѣ, должно-быть, отъ болѣзни, отъ потери крови, отъ боли, которую ему причиняли раны. И, желая отвѣтить на преданность Вѣры, заставилъ себя сказать нѣсколько трогательныхъ словъ:

— Вѣра, дорогая... Я такъ счастливъ, что ты опять около меня. Вотъ я скоро буду здоровъ, и тогда... тогда устроится наше счастье.

И видѣлъ, какою внутренней радостью загорѣлись ея глаза.

Шли дни. Оганевъ быстро поправлялся. Здоровый организмъ его работалъ усиленно и заживлялъ раны. Вѣра пріѣзжала къ нему каждый день, привозила ему книги и тысячи мелочей, которыя должны были забавлять и развлекать его. Семенъ тоже являлся неизмѣнно каждый день. Посѣтилъ его Михаилъ Андреевичъ, и даже сама генеральша раскачалась и однажды навѣстила лазаретъ. Въ это время Оганевъ уже вставалъ съ постели и дѣлалъ нѣкоторыя движенія.

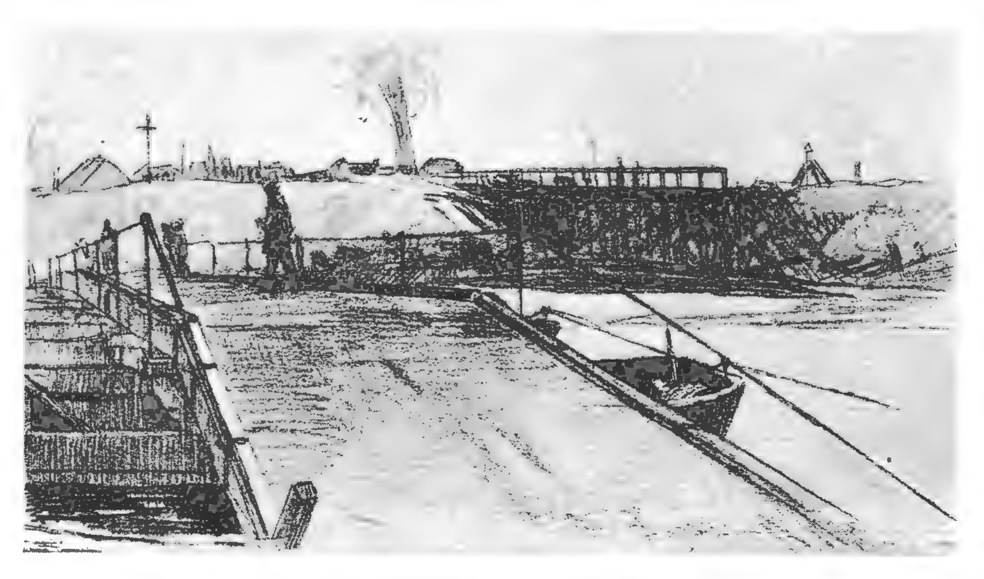
Прошло еще двѣ недѣли, и Оганевъ получилъ возможность выписаться изъ лазарета. Ему было предоставлено время на окончательную поправку, послѣ чего предстояло снова ѣхать въ армію. Онъ переселился къ себѣ на квартиру, и тутъ Семенъ замѣнилъ ему всѣхъ врачей и сестеръ милосердія. Рана на ногѣ зажила, но подплечевая еще замѣтно безпокоила его.

Дома онъ нашелъ кучу дѣловыхъ писемъ, въ которыхъ то приглашали его возобновить прерванныя сношенія, то предлагали новыя чрезвычайно выгодныя комбинаціи, но онъ всѣ письма отправилъ въ корзину, не заинтересовавшись ни однимъ изъ нихъ.

Домъ Муранскихъ былъ единственнымъ мѣстомъ, куда онъ ѣздилъ каждый день. Пріѣзжалъ обыкновенно часовъ въ девять вечера, а въ одиннадцать уже подымался, чтобы ѣхать домой. И эти два часа проходили странно. Онъ сидѣлъ на диванѣ, а Вѣра въ креслѣ—вязала или шила что-нибудь для раненыхъ. Въ первыя минуты они перекидывались нѣсколькими словами, а потомъ замолкали. Иногда Вѣра садилась за рояль и играла что-нибудь изъ его любимыхъ вещей. Онъ закрывалъ глаза и сидѣлъ неподвижно, но, слушалъ ли, этого она не могла знать.

Когда же ихъ взгляды встрѣчались, Вѣра находила въ его глазахъ такое спокойствіе, безразличіе, почти холодъ, что рука ея, работавшая иглой или крючкомъ, останавливалась и замирала. Случалось, что она переносила на него взглядъ внезапно и видѣла, что глаза его устремлены куда-то въ пространство, и самъ онъ далеко-далеко отсюда. Но она, считая его слабымъ, еще не выздоровѣвшимъ, и жалѣя его, отводила лицо и дѣлала видъ, что не замѣчаетъ.

Однажды они были въ домѣ только вдвоемъ. Былъ какой-то торжественный спектакль, на которомъ было необходимо присутствіе генеральши, и она съ мигренью и еще съ какими-то болѣзнями потащилась туда въ сопровожденіи Михаила Андреевича. А Оганевъ въ этотъ день чувствовалъ себя какъ-то особенно бодро. Вторая рана перестала безпокоить его, онъ почти въ совершенствѣ началъ владѣть рукой, и ему показалось, что всѣ силы верну-



Понтонный мостъ на рѣкѣ Санѣ.

Польскій крестьянинъ.

На бивуакѣ у границы.

Изъ дѣйствующей арміи. Изъ альбома участника войны. Рисунки Н. Н.

Безъ сѣдока.

лись къ нему. Это сейчасъ же замѣтила Вѣра. Когда онъ усѣлся, она подошла къ нему и взяла его руку.

— Ты сегодня молодцомъ, Дмитрій, ты совсѣмъ здоровъ. Да?

— Какъ будто. Я отлично чувствую себя.

— Я рада... Ну, такъ вотъ я, значитъ, могу сказать тебѣ то, что давно уже сложилось въ моей головѣ и въ моемъ сердцѣ, Дмитрій. Что-то случилось, я не знаю... Оттого ли, что ты побылъ нѣкоторое время одинъ, вдали отъ меня, и имѣлъ возможность безстрастно, свободно взглянуть на наши отношенія и переоцѣнить меня и увидѣть, что я такая же, какъ всѣ, и значитъ не стою той исключительной любви, какую ты мнѣ дарилъ, или, можетъ-быть, была какая-нибудь встрѣча... Я не знаю и не считаю себя въ правѣ вникать и доискиваться. Но для меня ясно, что ты не тотъ, и я для тебя не та... Нѣтъ, погоди, я доскажу все. Ты изъ деликатности или великодушія, а можетъ-быть, отчасти и малодушія — ничего не мѣняешь, отдаешь мнѣ свое время, откликаешься на мои мечты и планы, но въ душѣ ты далекъ отъ меня. Ну, такъ вотъ, Дмитрій, я тебя освобождаю, мнѣ не нужно, и я не въ состояніи цѣнить принужденное чувство. Я лучше буду одна, какъ была до встрѣчи съ тобой.

Оганевъ тихо пожалъ ея руку и усмѣхнулся.

— Ты, Вѣра, имѣла право такъ думать и все это сказать,—промолвилъ онъ.—Но это не такъ... О, если бъ ты знала, насколько это не такъ! Я самъ давно хотѣлъ сказать не только тебѣ, но и себѣ, сказать словами то, что въ душѣ. Ни переоцѣнки, ни встрѣчи, ничего этого не было, и нѣтъ у меня никого, кромѣ тебя... Но я былъ въ сраженіи, Вѣра, я видѣлъ и пережилъ нѣчто, выходящее изъ рамокъ нашей обыденной дѣйствительности. Я видѣлъ проявленіе истиннаго величія человѣческой души, когда десятки, можетъ-быть, сотни тысячъ людей—простыхъ, сѣрыхъ, темныхъ, немудрыхъ —настолько отрѣшились отъ своихъ личныхъ интересовъ, желаній и чувствъ, ради чего-то высшаго, что были подобны богамъ... И я самъ былъ такимъ. Вѣра, ты пойми это. Кто разъ испыталъ подобное, какимъ незначительнымъ, маленькимъ должно казаться ему все то, чѣмъ мы живемъ каждый день, и даже самое большое, что

Полковой священникъ.

захватываетъ и поглощаетъ насъ и наполняетъ жизнь, и даже сама эта жизнь. Суди меня, какъ хочешь. Если можешь, прости, снеси, но вѣрь, что ближе тебя у меня нѣтъ человѣка. Вотъ теперь я сталъ здоровъ, и знаешь, чего я хочу, о чемъ страстно мечтаю? Поскорѣе туда, гдѣ свищутъ пули, подъ громъ орудій и блескъ штыковъ, чтобы снова хоть разъ еще увидѣть, какъ люди превращаются въ боговъ и самому почувствовать себя богомъ... Потомъ... Потомъ все это изгладится изъ памяти, жизнь вступитъ въ свои права, мы опять сдѣлаемся маленькими, и я навѣрно вернусь къ самому себѣ а ты, Вѣра, всегда будешь для меня единственной и самой близкой.

Черезъ недѣлю послѣ этого онъ снова уѣзжалъ на войну, и Вѣра провожала его, какъ и въ первый разъ, крѣпко пожимала его руку и улыбалась ему.

Сестра милосердія на передовыхъ позиціяхъ (награждена медалью на георгіевской лентѣ за тяжелую работу подъ огнемъ на передовыхъ позиціяхъ).

Надъ рубашкой.

Женщины русскія... Тамъ, за туманами,
Въ мерзлыхъ окопахъ сырыхъ,
Бьются, покрытыя грязью и ранами,
Рати желанныхъ, родныхъ.

Только иголкой стальною, проворною
Можемъ страдѣ ихъ помочь...
Не изводитесь кручиною черною, —
Шейте всю долгую ночь.

Богомъ избраннаго, Богомъ хранимаго,
Эта рубашка найдетъ...
Шейте, молясь за него, за любимаго,
Шейте всю ночь напролетъ.

С. Караскевичъ.

Изъ дѣйствующей арміи. По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

Месть.

Разсказъ **Б. Никонова.**

Автомобиль запыхтѣлъ, затрещалъ, обдалъ все вокругъ себя густымъ облакомъ чаднаго дыма и сразу остановился.

Онъ остановился у величаваго подъѣзда стариннаго польскаго зàмка. Коренные, настоящіе обитатели этого зàмка уже давно покинули его и теперь въ великолѣпныхъ залахъ, гостиныхъ и галлереяхъ, видѣвшихъ у себя самого Яна Собѣсскаго, квартировали штабные австрійцы.

Изъ автомобиля вылѣзъ толстый генералъ съ бычьей шеей и густыми бакенбардами. Къ нему навстрѣчу выскочили ординарцы и денщики. Генералъ мрачно покосился на нихъ и сердито проворчалъ что-то по адресу шофера. Послѣдній даже не взглянулъ на сердитое начальство. У него былъ еще болѣе мрачный видъ, чѣмъ у генерала.

Когда генералъ прослѣдовалъ въ покои зàмка, одинъ изъ солдатъ обратился къ шоферу:

— Ты чего надулся?

Шоферъ съ минуту помолчалъ. Потомъ сурово отвѣтилъ:

— Дерется!

— Кто?

Шоферъ кивнулъ головой по направленію удалившагося въ зàмокъ генерала. Солдатъ ухмыльнулся.

— Строгій, значитъ?

Шоферъ вдругъ вскипѣлъ, словно въ немъ разорвалась граната:

— Строгій! А развѣ полагается бить человѣка по шеѣ? А? Что ты скажешь мнѣ на это? Развѣ полагается тыкать шоферу въ самое лицо? Развѣ полагается пихать сзади ногой? Что онъ такое о себѣ думаетъ? Если онъ генералъ, а я шоферъ, нижній чинъ, такъ, значитъ, ему можно меня колотить? Я до службы всякихъ генераловъ и важныхъ пановъ возилъ, и никто меня не колотилъ по лицу. Никто въ спину не пихалъ. Это не генералъ, а толстый боровъ!

— Смотри, услышитъ!

— А пускай слышитъ! Я ему еще и кулакъ покажу!

Но расхрабрившійся шоферъ кулака все-таки не показалъ, но лишь сильнѣе нахлобучилъ на лобъ фуражку и отъ этого пріобрѣлъ еще болѣе свирѣпый видъ. Солдатъ усмѣхнулся и отошелъ.

— Ишь какой!—продолжалъ негодовать шоферъ уже наединѣ съ собой.—Не такъ ѣду, не такъ сижу... Тряхнуло машину—я виноватъ. Грязью обрызгало—меня за это по спинѣ. Вояка тоже, подумаешь! Съ шоферами тебѣ, видно, и воевать, а не съ русскими!

Шоферъ замолчалъ, откинулся на спинку сидѣнія и углубился въ безнадежныя думы. Вотъ теперь пріѣхали въ штабъ, генералъ куда-то пропалъ и ни слова не сказалъ, долго ли придется здѣсь пробыть? Другой, путный начальникъ всегда позаботился бы о подчиненномъ, разрѣшилъ бы ему „отпрячь лошадку", отдохнуть, поѣсть. А къ этому чорту и приступиться съ просьбой не думай. Сиди теперь и жди, пока выйдетъ какое-нибудь приказанье.

Накрапывалъ дождь. Шоферъ вспомнилъ, что тамъ, на поляхъ и въ деревняхъ, гдѣ онъ сегодня возилъ генерала, падаютъ, какъ дождь, шрапнели и пули, и ему стало еще обиднѣе. Въ одномъ мѣстѣ онъ едва успѣлъ выскочить съ машиной изъ-подъ обстрѣла: машина была пущена полнымъ ходомъ и едва не перевернулась на краю шоссе. Генералъ тогда именно и ударилъ шофера ногой въ спину. За что, спрашивается? За то, что шоферъ молодецки выкатилъ изъ линіи огня? Попробуй, поѣзжай тише—и пропали бы. При такихъ обстоятельствахъ и перевернуться не грѣхъ.

Разрушенный мостъ на р. Нидѣ, въ 12-ти верстахъ отъ Андреева.

И чѣмъ болѣе думалъ шоферъ обо всемъ этомъ, чѣмъ дольше ожидалъ здѣсь подъ дождемъ, на широкомъ красивомъ дворѣ, своего генерала, тѣмъ сильнѣе разбирала его злость...

Генералъ уже нѣсколько дней былъ сильно не въ духѣ. Онъ не ожидалъ, что война будетъ такая несносная и отвратительная. Вмѣсто побѣднаго шествія съ отдыхами и удовольствіями въ завоеванныхъ городахъ происходила какая-то ужасная путаница среди выстрѣловъ, пожаровъ, кровавыхъ сценъ и всевозможныхъ опасностей... Солдаты — эти всякіе, какъ ихъ тамъ, русины, чехи, галичане—нисколько не заботились о доставленіи своимъ генераламъ побѣдъ и вмѣсто того упорно отступали передъ надвигавшимися со всѣхъ сторонъ русскими войсками, или же попросту бросали ружья и сдавались имъ въ плѣнъ. А отсутствіе побѣдъ влекло за собою не только отсутствіе наградъ, но еще и обиды со стороны высшаго начальства...

Сегодня утромъ генералу пришлось въ особенности солоно. Его пригласили къ начальству, и начальство жестоко распекло генерала за дѣло 12-го числа. Генералу даже дали понять, что его могутъ смѣстить за неспособность. Онъ багровѣлъ отъ смущенія и злости, неловко оправдывался, и когда его наконецъ отпустили, онъ былъ уже внѣ себя отъ раздраженія.

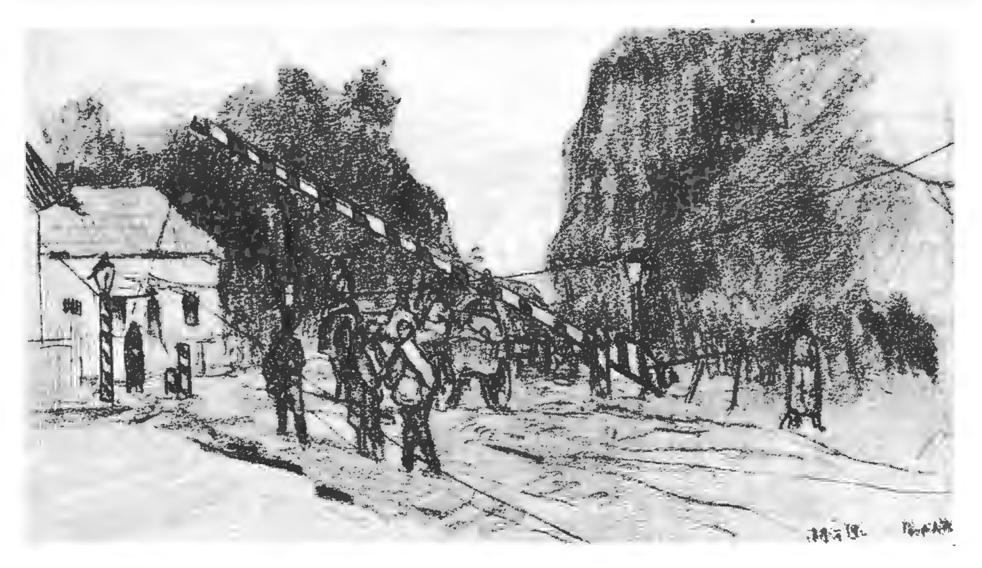
Для того, чтобы показать, что его напрасно обвинили въ нераспорядительности, генералъ въ припадкѣ гнѣва рѣшилъ немедленно инспектировать подчиненныя ему части войскъ, подтянуть, навести порядокъ... Выйдя отъ распекавшаго начальства, онъ бросился въ автомобиль, и съ этого момента началась сегодняшняя гоньба изъ одного мѣста въ другое. И одновременно начались терзанія шофера: получивъ ударъ отъ начальства, генералъ почувствовалъ почти физическую необходимость передать этотъ ударъ ближайшему отъ себя подчиненному...

Сегодня во всемъ былъ виноватъ несчастный шоферъ: сбились съ дороги—генералъ обвинилъ его, хотя самъ же приказалъ ему ѣхать на Граево, тогда какъ слѣдовало ѣхать на Овечьи-Броды. А ѣхать на Овечьи-Броды генералу не захотѣлось, потому что тамъ стрѣльба была сильнѣе. Попали въ болото — виноватымъ оказался опять шоферъ, хотя генералъ самъ же не велѣлъ ему ѣхать по шоссе (шоссе тоже обстрѣливалось), и шоферу поневолѣ пришлось избрать неподходящую дорогу. А когда все-таки оказалось необходимымъ выѣхать на шоссе, и засвистали пули, — генералъ обрушился на шофера всѣми силами своего гнѣва и отъ страха побилъ его.

Онъ колотилъ его сначала за то, что шоферъ недостаточно быстро, по его мнѣнію, утекаетъ отъ обстрѣла. А когда автомобиль налетѣлъ на обочину дороги и едва не опрокинулся, генералъ побилъ шофера за неосторожность. Автомобиль могъ сломаться — и тогда изволь итти пѣшкомъ подъ пулями... Впрочемъ, въ эти моменты генералъ и самъ недостаточно ясно соображалъ, за что онъ колотилъ своего подчиненнаго. Причинъ тому было слишкомъ много: и обида отъ начальства, и страхъ предъ опасностью, и голодъ, и досада на не-

Постройка дороги для автомобилей.

Изъ дѣйствующей арміи. По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.



У шлагбаума въ Разводовѣ.

порядокъ въ ввѣренныхъ частяхъ, и острая тоска по утраченному комфорту.

И за все это отвѣчалъ сегодня шоферъ.

Пріѣхавъ въ зàмокъ по дѣлу, генералъ зналъ, что пробудетъ здѣсь довольно долго. Но онъ былъ такъ раздраженъ и золъ на шофера, что нарочно не отпустилъ его отъ машины.

— Такъ ему и надо!—ворчалъ онъ.

Но потомъ онъ просто позабылъ о шоферѣ. Въ зàмкѣ было тепло, покойно, не было слышно этихъ проклятыхъ выстрѣловъ, вкусно пахло жареными куропатками, которыя готовились къ обѣду для штабныхъ. Генералъ зашелъ къ своему знакомому лейтенанту, полежалъ у него на мягкой оттоманкѣ, выкурилъ сигару и принялъ предложеніе откушать. Обѣдъ былъ превосходный, вино еще лучше. Генералъ пилъ стаканъ за стаканомъ—и мало-по-малу гнѣвъ его проходилъ. Ему теперь уже казалось, что все на свѣтѣ пустяки, и нѣтъ такого положенія, изъ котораго нельзя было бы выйти молодцомъ и героемъ. Онъ чокался съ лейтенантомъ, пилъ за храбрую австрійскую армію, за доблестный генералитетъ, за будущія побѣды.

Сытый и довольный, забывъ о пережитыхъ непріятностяхъ, генералъ вышелъ, пріятно покачиваясь, на подъѣздъ и приказалъ шоферу подавать. Онъ теперь былъ готовъ простить его.

Но шоферъ былъ вовсе не склоненъ прощать генерала.

По мѣрѣ того, какъ гнѣвъ генерала размягчался и исчезалъ, подобно тающему подъ вечеръ облаку, гнѣвъ шофера все разгорался. Пока генералъ кушалъ и пилъ вино, шоферъ все сильнѣе испытывалъ острый, сверлящій внутренности голодъ. До самаго послѣдняго момента шоферъ надѣялся, что генералъ наконецъ опомнится и разрѣшитъ ему оставить машину и пойти поѣсть. Но надежды на это такъ и не сбылись. И никто изъ здѣшнихъ не принесъ ему ни куска: у солдатъ былъ лишь скудный казенный паёкъ, а всѣ припасы зàмка были реквизированы для нуждъ офицеровъ. Часъ проходилъ за часомъ — шоферу не было облегченія. И вотъ все рушилось. Нужно было ѣхать натощакъ далѣе.

Къ этому моменту шоферъ уже былъ переполненъ ненавистью. Онъ ничего не забылъ: ни обидъ, ни побоевъ, ни голодовки. Обиды и побои воскресали теперь съ необычайной ясностью. Шоферъ вспоминалъ все перенесенное отъ генерала до послѣдней капли, и въ сердцѣ у него загоралось чувство мести.

„Что я съ тобой сдѣлаю! — думалъ онъ, нахлобучивъ шапку до самаго носа. — Вынесу тебя подъ пули да и остановлюсь. Сломаю машину, и подыхай ты тутъ въ полѣ. Пускай тебя чертяка возьметъ, толстаго борова!"

Генералъ приказалъ ѣхать „домой",— значитъ, въ ставку. Шоферъ со злобы нарочно повернулъ въ другую сторону и съ нѣкоторымъ предвкушеніемъ злобнаго удовольствія ждалъ, что скажетъ на это генералъ. Но генералъ молчалъ, какъ убитый, и какъ будто былъ даже доволенъ. Шоферъ пустилъ машину нарочно по выбоинамъ пути, чтобы сильнѣе трясло. И ждалъ, какъ отнесется къ этому его сѣдокъ. Но хотя отъ ѣзды выворачивало всю душу, генералъ не протестовалъ. Шоферу не хотѣлось оборачиваться и смотрѣть на своего врага, и хотя онъ немного дивился поведенію генерала, но все-таки нашелъ объясненіе: очевидно, генералъ „готовился" задать шоферу такого перцу, что тотъ не опомнится. А „готовятся" въ такихъ случаяхъ въ молчаніи.

Но и шоферъ тоже готовился. И тоже молчалъ. А внутри его гнѣвъ пѣлъ генералу на разные голоса: „Хочешь, вывалю тебя въ оврагъ, а самъ уѣду? Хочешь, завезу въ такое мѣсто, что никуда не выберешься и съ голоду подохнешь? Хочешь, самъ побью тебя по шеѣ? Ей-Богу, побью! Самъ пропаду, а побью!"

Уже давно стемнѣло. На горизонтѣ колыхалось, словно алый пологъ, зарево пожара. Гдѣ-то довольно близко трещала ружейная пальба, и временами прокатывались по воздуху и даже по самой землѣ, ухая и сотрясая ее, тяжкіе выстрѣлы орудій. Генералъ молчалъ, хоть бы что, хотя автомобиль ѣхалъ явно по направленію къ мѣсту стрѣльбы.

„Такъ я же тебя въ самое пекло предоставлю!—гнѣвно подумалъ шоферъ и выкатилъ въ темнотѣ на другое шоссе, которое вело къ русскимъ позиціямъ. — Пускай и тебя и меня черти въ томъ пеклѣ возьмутъ!"

Онъ пустилъ машину съ отчаянной быстротой, давая исходъ гнѣву уже въ этой отчаянной скорости. Мимо проносились темные силуэты оголенныхъ деревьевъ, какія-то развалины, груды щебня, гряды темныхъ, покинутыхъ окоповъ. Автомобиль рисковалъ каждую минуту налетѣть на какое-нибудь препятствіе и разлетѣться вдребезги. Но гнѣвный шоферъ не хотѣлъ и думать объ этомъ и несся въ темнотѣ, какъ полоумный.

Но что же генералъ? Неужели все еще „готовится"? Или, быть-можетъ, генералъ уже вывалился по дорогѣ изъ машины?

Телефонистъ въ окопахъ.

Бивуакъ на станціи Люблинъ.

Изъ дѣйствующей арміи. Изъ альбома участника войны. Рисунки Н. Н.

Шоферъ пріостановилъ ходъ и обернулся взглянуть на своего врага.

Генералъ лежалъ (не сидѣлъ, а лежалъ) въ странномъ и неудобномъ положеніи, съ низко опущенной на грудь головой и выпяченными колѣнями. Въ темнотѣ нельзя было разобрать, нарочно онъ принялъ такую позу, или же лежитъ безъ сознанія?

Шофера это такъ поразило, что онъ остановилъ машину совсѣмъ. Ему пришло въ голову, что генерала убила по дорогѣ шальная пуля. Когда автомобиль сразу остановился, генералъ дрогнулъ отъ толчка, и голова у него безпомощно повисла на сторону.

— Убитъ!—рѣшилъ шоферъ.—Ну, что жъ!

Гнѣвъ отхлынулъ отъ него. Шоферъ даже растрогался и уже былъ готовъ совсѣмъ простить покойника. Онъ подошелъ къ бездыханному генералу, чтобы прикрыть тѣло шинелью.

Но вдругъ поникшая голова генерала приподнялась, покачнулась, и изъ бездыханныхъ до того времени устъ прозвучало крѣпкое ругательство. А затѣмъ голова снова поникла, и раздался звучный храпъ.

Шоферъ на секунду остолбенѣлъ. Онъ постоялъ надъ генераломъ, соображая, что все это значитъ? И сразу понялъ: храпѣвшій генералъ былъ пьянъ.

Тогда шоферъ почувствовалъ новый припадокъ гнѣва,—такого гнѣва, что теперь ужъ непремѣнно слѣдовало сдѣлать что-нибудь съ генераломъ и хорошенько отомстить ему. Въ самомъ дѣлѣ, подумать только: въ то время, когда шоферъ, голодный, какъ собака, усталый отъ цѣлодневной гоньбы, мокнулъ тамъ, во дворѣ штаба, сверхъ того еще униженный и поколоченный,—генералъ наслаждался въ замкѣ ѣдой и выпивкой. Это было ужъ слишкомъ!

Шоферъ сразу вспомнилъ о ѣдѣ и почувствовалъ приступъ такого голода, что у него, казалось, судороги сводили всѣ внутренности. И въ одно мгновеніе у него созрѣлъ новый планъ мести генералу. Онъ вскочилъ на свое шоферское сидѣнье, далъ машинѣ ходъ и опять понесся въ темнотѣ, какъ ураганъ, туда, гдѣ все громче и чаще слышалась пальба.

Но теперь онъ ѣхалъ уже не подъ пули. У него было совсѣмъ иное намѣреніе.

Еще нѣсколько километровъ несся автомобиль съ храпящимъ генераломъ и мстителемъ-шоферомъ. Зарево пожара все ярче освѣщало окрестность. Словно демонъ съ своей жертвой, автомобиль промчался по пылавшей деревнѣ, повернулъ къ заставѣ и тамъ сразу остановился.

— Стой! Стой! Кто ѣдетъ? — закричали подбѣжавшіе люди.

Но никто уже не ѣхалъ. Автомобиль пыхтѣлъ, какъ запаренная лошадь. Генералъ храпѣлъ, словно аккомпанируя ему. Шоферъ слѣзъ на землю и пошелъ навстрѣчу русскимъ солдатамъ.

— Я вамъ генерала привезъ!—объявилъ онъ на своемъ украинскомъ ломаномъ нарѣчіи.—Берите его!

— Какого генерала? Что еще такое?

Досадливымъ тономъ, голодный и усталый, шоферъ пояснилъ, махнувъ рукой въ сторону автомобиля:

— Какого?—Свинячаго! Берите его и съ машиной!

Автомобиль былъ немедленно окруженъ. Всѣ бросились туда, смотрѣть привезеннаго генерала. О шоферѣ, казалось, забыли. Онъ оглянулся вокругъ себя съ недоумѣвающимъ видомъ. Ему пришла тревожная мысль: а вдругъ его-то и не возьмутъ?

Покачиваясь на затекшихъ ногахъ, онъ подошелъ къ группѣ военныхъ, снялъ фуражку и промолвилъ:

— И меня тоже возьмите... И дайте поѣсть!..

Англійскій полевой телеграфъ въ походѣ.

Бельгійскій наблюдательный пунктъ.

Бельгійскій полевой телефонъ.

Англійскій полевой телеграфъ въ дѣйствіи.

Двѣ императрицы.

Очеркъ **П. П. Гнѣдича**.

I.

Въ Европѣ бушуетъ буря. Вихрь валитъ тысячелѣтніе могучіе дубы. Стонутъ, воютъ и плачутъ, трещатъ и падаютъ подъ напоромъ урагана несокрушимые, по мнѣнію стариковъ, оплоты минувшаго. И какъ нерѣдко буря ливнями и грозами внезапно обнажаетъ древніе клады, такъ и теперь выступаетъ наружу то стародавнее, полузабытое, что перешло уже въ область исторіи, что, казалось, давно уже умерло, но что продолжаетъ еще жить,—какія-то искры еще вспыхиваютъ подъ пепломъ и заставляютъ насъ вспомнить о далекомъ-далекомъ минувшемъ.

Война обозначила еще еле теплящуюся жизнь двухъ женщинъ,—двухъ древнихъ старухъ, имѣвшихъ когда-то свое мѣсто въ исторіи Европы и связанныхъ между собою роковою нитью. О нихъ ужъ совсѣмъ забыли,—новыя пѣсни пѣли новыя птицы,—а теперь о нихъ услышали вновь,—и точно съ изумленіемъ остановились передъ ними, какъ нѣкогда Наполеонъ Бонапартъ остановился въ оцѣпенѣніи передъ вынутой изъ саркофага и раскутанной муміей великаго египетскаго фараона, бывшаго владыкой долины Нила за много тысячелѣтій до нашего времени...

Я говорю о сумасшедшей императрицѣ мексиканской Шарлоттѣ и о дряхлой императрицѣ Франціи—Евгеніи.

Армянскій монастырь „Кизылъ Ванкъ", въ 15-ти верстахъ отъ Эрзерума. Вблизи монастыря въ горахъ бьютъ ключи, дающіе начало р. Евфрату.

Эрзерумъ. Армянскій соборъ и домъ армянскаго епископа.

II.

Это было пятьдесятъ лѣтъ назадъ, когда былъ сыгранъ прологъ къ трагедіи, такъ печально связавшей обѣихъ женщинъ.

Шелъ 1864-й годъ. Во Франціи тогда, повидимому, прочно сидѣлъ на престолѣ Наполеонъ III, — маленькій племянникъ великаго Бонапарта. Онъ имѣлъ общее съ дядей только то, что былъ невеликъ ростомъ и не то чтобъ толстъ, но и не тонокъ. Никакихъ геніальныхъ проявленій ума онъ не обнаруживалъ. Происками, а главное, своимъ родствомъ и близостью съ тѣмъ великимъ полководцемъ, память о которомъ была еще свѣжа и прахъ котораго торжественно привезли съ острова Елены въ великолѣпную гробницу Дома Инвалидовъ, — онъ добился президентскаго кресла республики и при первомъ же удобномъ случаѣ провозгласилъ себя императоромъ. Слабохарактерный, скорѣе ограниченный, чѣмъ умный, онъ искалъ себѣ такую жену, которая могла бы не только придать блескъ его двору, но и руководить политикой. Выборъ его палъ на красавицу-дѣвушку, которая появилась въ Парижѣ съ своей матерью въ началѣ 50-хъ годовъ, подъ именемъ графини Теба. До того, какъ рѣшиться на этотъ бракъ, онъ выискивалъ себѣ невѣсту среди дочерей коронованныхъ особъ. Но въ этомъ онъ потерпѣлъ неудачу,—всѣ уклонились отъ чести выдать дочь за авантюриста. И бракосочетаніе Луи съ Евгеніей Теба состоялось въ каѳедральномъ соборѣ Парижской Богоматери.

Типъ дома въ Эрзерумѣ.

Эрзерумъ. У древней мечети.

III.

Выборъ Наполеона оказался удачнымъ. Евгенія обладала рѣшимостью, энергіей и могла быть не только законодательницей модъ, создательницей шляпокъ и корсажей, но и руководить иностранной политикой. Настоящая ея фамилія была Монтихо,—она была дочерью испанскаго графа Мануэля Фернанда. Есть „версія", что ея отецъ былъ не графъ, а знаменитый въ свое время писатель Просперъ Мериме. Легенда эта до сихъ поръ не опровергнута. Несомнѣнно одно: Мериме былъ близкимъ другомъ ея матери, а когда Евгенія вышла замужъ, онъ получилъ блестящее назначеніе во второй имперіи и былъ своимъ

Въ разоренной Польшѣ. Бѣженцы поляки изъ окрестностей Ченстохова въ пріютѣ польскаго обывательскаго комитета. Мастерская-швальня.

человѣкомъ при дворѣ. Когда франко-прусская война опрокинула блистательный тронъ Наполеона, Мериме не вынесъ этой катастрофы и умеръ въ концѣ семидесятаго года, не сдѣлавшись свидѣтелемъ паденія Парижа.

IV.

Какъ бы то ни было, — была ли Евгенія дочерью Монтихо или дочерью Мериме, — но она придала тюильрійскому дворцу тотъ блескъ, который до сихъ поръ помнятъ ветхіе старожилы и о которомъ говорятъ съ какимъ-то священнымъ восхищеніемъ.

Начала она съ законодательства модъ. Хорошенькой женщинѣ все идетъ, и она при самомъ безобразномъ нарядѣ остается привлекательной. Некрасивыя еще болѣе теряютъ отъ нелѣпой моды, а тѣ, кто не имѣетъ претензій на красоту, но и не уродливы, теряютъ отъ злокачественныхъ ухищреній — такъ имъ и надо. Когда Евгенія сдѣлалась беременной, — а она должна была подарить французскому народу наслѣдника престола, былъ изобрѣтенъ кринолинъ, — одна изъ самыхъ удивительныхъ нелѣпицъ, которую слѣдуетъ отмѣтить въ исторіи женской одежды наравнѣ съ рессорными обручами времени Елизаветы и конусообразными колпаками Агнесы Сорель. Талія поднялась, длинная юбка той эпохи, которая до сихъ поръ называется художниками „эпохой Гаварни", окоротилась, волосы были спрятаны въ сѣтку, напоминавшую лошадиный намордникъ. Парижанки стали подражать императрицѣ; за парижанками потянулась провинція. А потомъ — Англія, Россія, Германія, Италія, Австрія,—всѣ нашли, что женщины должны носить шляпки на затылкѣ,—и Евгенія явилась дирижеромъ этой дикой феерія.

V.

Вся вторая имперія,— не просуществовавшая и двадцати лѣтъ,—одна сплошная феерія. Евгенія съ супругомъ точно хотѣли опьянить и одурманить Европу. Въ Версалѣ опять забили фонтаны, и ихъ жемчужная пѣна играла многоцвѣтной радугой въ лучахъ вечерняго солнца. При каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ вспыхивали иллюминаціи: гирлянды огней обѣгали карнизы домовъ, взбирались на купола соборовъ, опоясывали рѣшетки, тянулись волшебными вязями надъ шумными улицами. Со свистомъ вертѣлись огненныя колеса фейерверковъ, прыгали римскія свѣчи, шипя, возносились кверху ракеты и разсыпались въ ночной вышинѣ сотнями звѣздъ.

Королева Ванда. Картина М. Піотровскаго.

Королева Ванда—дочь польскаго короля Крака, основавшаго Краковъ. По сказаніямъ польскаго народа, королева Ванда унаслѣдовала престолъ отца послѣ того, какъ одинъ братъ ея убилъ другого и долженъ былъ покинуть отечество. «Прекрасная и добрая королева» (такъ называетъ ее народная легенда) Ванда отказалась выйти замужъ за нѣмецкаго князя Ридигера, приславшаго къ ней пословъ съ предложеніемъ своей тевтонской руки. Разгнѣванный отказомъ Ридигеръ пошелъ на Краковъ походомъ, но нѣмецкія войска, увидѣвъ красавицу Ванду, шедшую впереди войска, обратились въ бѣгство. Ридигеръ въ отчаяніи бросился на свой мечъ, а Ванда, исполняя данный ею обѣтъ пожертвовать жизнью за побѣду, бросилась въ Вислу. Тѣло ея было найдено и похоронено на берегу Вислы, гдѣ насыпана высокая гора, называемая могилой королевы Ванды. Въ настоящее время поэтичный образъ королевы Ванды воскресъ въ душѣ поляковъ, сражающихся вмѣстѣ съ нами противъ вѣковѣчнаго врага, снова попытавшагося привлечь къ себѣ сердце народа королевы Ванды.

Владѣлица мѣстечка „Бѣлая-Церковь" (Кіевской губ.) графиня Марія Браницкая, предоставившая въ распоряженіе сельскихъ земскихъ комитетовъ Краснаго Креста пятьдесятъ тысячъ рублей и отдавшая въ своей усадьбѣ больницу подъ лазаретъ съ оборудованіемъ и содержаніемъ за свой счетъ 50 кроватей для раненыхъ нижнихъ чиновъ и 14 кроватей для раненыхъ офицеровъ.

Полевая почта. Посылки. По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

Солнце ярко озаряло ликующій, веселый Парижъ. Бульвары кипѣли жизнью. До глубокой ночи валила по нимъ пестрая толпа. Всѣ рестораны были переполнены; гремѣла музыка. Разнузданность нравовъ создала откровенные танцы. Общественная нравственность стала допускать то, что прежде было недопустимо. Идеалы красоты и цѣломудрія отходили все дальше на задній планъ, и веселые мотивы Оффенбаха все громче и громче раздавались въ веселомъ карнавальномъ потокѣ жизни. Классическіе герои сошли съ своихъ пьедесталовъ: Ахиллесы, Орфеи, серьезные Фаусты,—всѣ запрыгали подъ игривые мотивы композитора. Неистовая оргія разрасталась всюду. Парижане не чувствовали, какъ они сами себѣ копали могилу, и не замѣчали, какая гроза собирается на востокѣ, не слышали тѣхъ громовъ, что глухо отдаленно рокотали, предвѣщая грядущую бурю.

Евгенія была слишкомъ умна, чтобъ не чувствовать всю непрочность престола, на который судьба вознесла ея мужа. И она придумывала рядъ авантюръ, что должны были отвлечь вниманіе французовъ отъ шаткости ихъ политики—и внутренней и внѣшней.

VI.

Къ 1864 году авантюра Франціи съ Мексикой достигла своего апогея. Наполеону надо было поставить тамъ лицо, которое могло бы всецѣло быть ему предано. Это долженъ быть быть человѣкъ, лишенный характера, слабовольный, — игрушка въ рукахъ Франціи. Евгенія подсказала своему мужу, на комъ слѣдуетъ ему остановить выборъ: на братѣ австрійскаго императора Франца-Іосифа (того самаго, что до сихъ поръ возсѣдаетъ на австрійскомъ престолѣ)—Максимиліанѣ. Онъ былъ молодъ, по-своему красивъ, во всякомъ случаѣ—представителенъ. Незадолго до того онъ женился на дочери короля бельгійскаго Шарлоттѣ. Во всѣхъ отношеніяхъ выборъ былъ превосходенъ, и молодую чету приняли блестящіе представители Франціи въ великолѣпномъ Тюильри.

Лакеи въ треугольныхъ шляпахъ и расшитыхъ кафтанахъ, съ театральными алебардами въ рукахъ, были разставлены по лѣстницамъ. Военные надѣли мундиры, штатскіе—фраки: дамы украсили головы чудовищными шляпами, которыя могла носить только одна Евгенія. Въ залахъ дворца пахло модными духами и онгруазомъ и фиксатуаромъ дипломатовъ, которые обильно смазывали ими усы, чтобы кончики волосъ торчали такими же стрѣлками, какъ у самого Наполеона. И солнце весело свѣтило сквозь высокія окна Тюильри и играло на золотѣ великолѣпныхъ рамъ картинъ Рубенса и Винтергальтера. Казалось, конца не будетъ этому празднику жизни.

Вѣсти отъ родныхъ. По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

Письмо плѣннаго врага на родину.
По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

VII.

Максимиліанъ согласился вступить на мексиканскій престолъ. Дочь короля, Шарлотта, вдругъ дѣлалась императрицей — такой же императрицей, какъ очаровательная Евгенія. И когда новая императорская чета воротилась на время въ свой волшебный замокъ — въ Мирамаръ, депутація мексиканцевъ потребовала у Максимиліана торжественной клятвы въ вѣрности новой отчизнѣ. И Максимиліанъ, положивъ правую руку на евангеліе, торжественно произнесъ присягу. А Шарлотта въ бальномъ платьѣ съ обнаженными плечами стояла возлѣ него и думала: „какъ мы счастливы, какъ мы велики!“

И всѣ подтверждали, что они и счастливы и велики. И папа Пій IX ласково принялъ ихъ въ Римѣ и ласково бесѣдовалъ съ ними. Онъ сидѣлъ въ креслахъ подъ балдахиномъ и сверхъ сутаны надѣлъ на плечи длинный, спускающійся двумя широкими полосами, первосвященническій узорчатый шарфъ. Направо отъ него сидѣлъ Максимиліанъ, а налѣво—Шарлотта. Полъ у намѣстника Петра былъ устланъ тонкимъ красивымъ ковромъ. На стѣнахъ висѣли картины на библейскія темы. Камины и часы блестѣли золотомъ такъ же, какъ и во дворцѣ Парижа. А по лѣстницѣ стояла стража, одѣтая еще страннѣе, чѣмъ у французовъ, и на улицахъ сверкали шпалеры войскъ, и народъ, махая шляпами, привѣтствовалъ молодого императора.

VIII.

Но радужный сонъ миновалъ скоро. Загадочно стрѣляли пушки Гибралтара, когда императорскій пароходъ шелъ мимо крѣпости. Загадочно встрѣтила гостей Мексика. Чуждая, незнакомая тропическая страна какъ будто спрашивала своими пальмами, бѣлыми

стѣнами домовъ, ночными звѣздами:—Что нужно вамъ, пришельцы, отъ насъ, мексиканцевъ?—Зачѣмъ пришли вы сюда?

И краски начали сбѣгать съ грезъ и видѣній. Образы стали блѣднѣе, сѣрѣе. Потомъ они начали принимать какія-то странныя формы. Ужасныя горячечныя видѣнія стали вставать иногда среди ночныхъ сновъ Шарлотты. Какъ будто что-то ждало ее впереди: что-то черное, неизбѣжное колыхалось, росло, надвигалось и должно было захватить ее навѣки. Но ласковое лицо и привѣтливая улыбка Евгеніи разгоняли эти кошмары ночи. Солнце Мексики прогоняло страхи мрака, и какъ будто оно было такъ же привѣтливо, какъ и въ Европѣ. Только поцѣлуи его были горячѣе и обжигали тѣло—такъ что вздувалась и трескалась кожа. Точно и оно говорило:

— Пришлецамъ надо быть осторожными здѣсь и съ солнцемъ.

IX.

Видѣнія становились все мрачнѣе. Все грознѣе и зловѣщѣе становилось кругомъ. Что-то неизбѣжное, ужасное повисло въ воздухѣ. Шарлотта писала Евгеніи, писала брату-королю. Но братъ занятъ былъ своими вѣчными аферами и женщинами,—ему было не до нея. А Евгенія,—та совсѣмъ не отвѣчала на письма. По крайней мѣрѣ Шарлотта этихъ писемъ не получала. Она писала брату мужа, императору Францу въ Вѣну, но онъ отвѣчалъ: „Вы отъ меня требуете невозможнаго. Я не могу путаться въ эту исторію".

— Я поѣду въ Европу, я не могу оставить это дѣло такъ,— говорила она мужу.—Святѣйшій отецъ римскій папа обѣщалъ тебѣ поддержку,—гдѣ же его поддержка? Онъ не отвѣчаетъ на мои рыданія,—онъ думаетъ, что это просто женская истерія. А мы окружены врагами.

Мужъ сначала удерживалъ ее. Но она рвалась и билась, какъ птица въ клѣткѣ. Ей рисовалось, что тамъ, въ далекой Европѣ, когда пріѣдетъ она, все опять будетъ такъ же благоволить къ ней, какъ и прежде,—минуютъ ужасные кошмары.

X.

И вотъ колеса парохода опять бороздятъ океанъ, опять бурный дымъ клубами вырывается изъ черныхъ трубъ, флаги вьются на высокихъ мачтахъ. И сквозь опаловый туманъ выплываетъ старая Европа и привѣтствуетъ несчастную императрицу своимъ вѣчно желто-сѣрымъ низкимъ берегомъ.

На бельгійскомъ престолѣ теперь ея старшій братъ, тоже Леопольдъ. Онъ высокъ, строенъ, джентльменъ, у котораго въ головѣ всегда романы и денежные комбинаціи. Думаетъ онъ о своихъ портныхъ болѣе, чѣмъ о вѣнценосномъ шуринѣ. А Евгенія...

Евгенія глядитъ на нее не то ласковыми, прекрасными, не то безстрастными, холодными глазами. Она ничего не можетъ сдѣлать, она ничего не обѣщаетъ. Наполеонъ тоже ничего не можетъ. Онъ тоже ничего не обѣщаетъ, и усы его такъ же, какъ и прежде, напоминаютъ стрѣлы. Онъ больше мечтаетъ о готовящейся въ Парижѣ всемірной выставкѣ, чѣмъ объ Америкѣ.

— Будетъ русскій императоръ,—говоритъ онъ.—Будетъ австрійскій императоръ, вашъ beau-frère. Тогда мы потолкуемъ, подумаемъ...

— Но когда это будетъ!—восклицаетъ Шарлотта.

И видитъ она, что мексиканская авантюра не удалась Наполеону, и Максимиліанъ ему больше ненуженъ, потому онъ и отворачивается отъ него: онъ ему неинтересенъ.

— Не надо такъ разстраиваться,—говоритъ Евгенія:—все обойдется.

И она, улыбаясь, привычнымъ жестомъ оправляетъ платье. Кринолины стали значительно меньше, и она ведетъ къ тому, чтобъ совсѣмъ упразднить ихъ.

XI.

Шарлотта мчится въ Римъ, къ папѣ. Папа принимаетъ ее, сидя не на тронѣ, а просто въ креслахъ. Онъ разводитъ своими пухлыми руками.

— Дитя мое,—говоритъ онъ:—я не вижу способа, какъ помочь вашему мужу. Я вообще далъ себѣ слово не путаться въ политику.

И тщетно Шарлотта опять бьется въ слезахъ передъ непогрѣшимымъ владыкой. Онъ все разводитъ руками и жалобно говоритъ:

— Ничего я не могу вамъ сдѣлать, ничего. Уповайте на Господа! Зиждитель знаетъ, что дѣлать. Ни одинъ волосъ...

— Я схожу съ ума,—лепечетъ Шарлотта.—Я схожу съ ума...

Ея братъ Леопольдъ въ смущеніи. Къ нему въ Брюссель привезли Шарлотту, и доктора говорятъ:

— Самая жестокая форма помѣшательства—она неизлѣчима.

Леопольдъ въ негодованіи. Сестры не только родятся, выходятъ замужъ, но даже сходятъ съ ума. Онъ распоряжается, чтобъ ее держали въ отдѣльномъ замкѣ.

— Пусть она живетъ тамъ на полной свободѣ. Окружить ее полнымъ комфортомъ!

Когда вѣсть о сумасшествіи Шарлотты доходитъ до Парижа, Евгенія говоритъ:

— Это лучшій для нея исходъ.

— Да, ея мужъ кончитъ плохо,—подтверждаетъ Наполеонъ.

XII.

Максимиліанъ кончилъ плохо: его взяли въ плѣнъ и разстрѣляли.

Шарлотта не узнала объ этомъ. Весь міръ узналъ, возмущался политикой тѣхъ, кто затянулъ Максимиліана въ эту гнусную ловушку. А Шарлотта жила въ своемъ замкѣ тихая, задумчивая,—новый міръ открылся передъ ней.

Когда брату докладывали о состояніи ея здоровья, онъ говорилъ:

— Бѣдная, какъ жаль...

И сообщалъ свои печали той очередной танцовщицѣ, къ которой пламенѣлъ страстью.

А рядомъ съ Бельгіей, во Франціи, солнце бросало уже свои послѣдніе лучи изъ-за тучъ. Французы и нѣмцы сошлись подъ Саарбрюкеномъ.

Императоръ сдался въ плѣнъ врагамъ. Евгенія нисколько не растерялась. Она готова была стать регентшей: вѣдь ея Люлю былъ такъ еще юнъ. Вѣдь управляла же страной Елисавета въ Англіи, а Екатерина въ Россіи?

Волна жестокой войны, уносившая ея мужа, ее какъ будто возносила на самый верхъ гигантскаго гребня и дѣлала правительницей Франціи.

Но эта иллюзія тянулась всего нѣсколько дней,—и 4-го сентября 1870 года Гамбетта на лѣстницѣ портика Палаты объявилъ собравшейся толпѣ, что во Франціи утверждается третья республика. Восторженные крики загремѣли кругомъ.

И гордая Евгенія,—еще вчера императрица,—бѣжитъ изъ Парижа въ Англію, бѣжитъ тихонько, инкогнито, боясь, что ее задержатъ и убьютъ.

XIII.

Въ Англіи она въ безопасности. Тамъ она соединяется со своимъ безцѣннымъ Люлю. Туда же пріѣзжаетъ выпущенный изъ плѣна ея мужъ. Кому онъ нуженъ! Онъ нѣмцамъ безопасенъ, потому что во Франціи его не любятъ больше, чѣмъ въ Германіи.

— Наше паденіе только временное, временное!—повторяетъ ex-императрица.

Но Наполеонъ уже усталъ. Его смяла военная гроза. Франція оправилась, воскресла изъ пепла пожарищъ. А ex-императоръ умеръ послѣ неудачной или запоздалой операціи.

Его смерть не заставила Евгенію отказаться отъ честолюбивыхъ замысловъ. Люлю растетъ. Вотъ настоящій замѣститель французскаго престола. О, она снова будетъ въ Парижѣ и снова поѣдетъ мимо луксорскаго обелиска и фонтановъ площади Согласія туда, къ Аркѣ Звѣзды,—и всѣ встрѣчные въ Елисейскихъ поляхъ будутъ обнажать передъ ней головы и говорить:

— Это наша императрица, прекрасная императрица!

И Люлю растетъ и крѣпнетъ. Онъ поступаетъ въ англійскую армію. Онъ долженъ изучать военное ремесло, онъ долженъ знать его лучше, чѣмъ бездарный отецъ.

Онъ ѣдетъ въ Африку. Тамъ идутъ бои съ зулусами. И тамъ онъ вскорѣ же оказывается убитымъ...

Претендентъ на престолъ устраненъ. Евгенія навсегда дѣлается ex-императрицей. Она вдругъ сразу дряхлѣетъ и старѣетъ... Минутами она какъ будто завидуетъ Шарлоттѣ...

XIV.

Время идетъ. Проходитъ одно десятилѣтіе за другимъ. Близится къ концу XIX вѣкъ. Уже новое столѣтіе на порогѣ.

Евгенія ходитъ все медленнѣе, медленнѣе, опираясь на палку, закрывая густымъ вуалемъ свое морщинистое лицо. Она рискуетъ появляться во Франціи... Теперь она неопасна. Конечно, она живетъ подъ чужой фамиліей. Въ тѣхъ дворцахъ, гдѣ жила и блистала она, поселились какіе-то президенты изъ народа, и гдѣ въ Версалѣ ступала нога Короля-Солнца, теперь придворные лакеи кланяются какимъ-то выборнымъ ставленникамъ страны.

Она ведетъ записки. Записки эти могутъ быть напечатаны только послѣ ея смерти. При жизни она не издастъ ихъ, хотя за нихъ американскіе издатели предлагали ей милліоны.

Но время какъ будто не касается Леопольда. Онъ посѣдѣлъ, борода его разраслась вѣеромъ. Его Клеоде-Меродъ изобрѣла особую прическу, и прическа эта вошла въ моду. Онъ такъ же элегантенъ и еще болѣе отдается аферамъ, чѣмъ прежде.

А надъ замкомъ, гдѣ живетъ его сумасшедшая сестра, все рѣетъ австрійскій флагъ, и все еще теплится жалкая жизнь.

XV.

Въ 1909 году Леопольдъ умеръ. На престолъ Бельгіи вступилъ его племянникъ Альбертъ. Сначала мало замѣтный въ Европѣ монархъ, вдругъ онъ становится съ начала войны народнымъ героемъ. Бельгія вся сожжена и затоплена, а онъ съ горстью храбрецовъ отстаиваетъ честь своей отчизны. Громъ пушекъ загрохоталъ по всей Европѣ. Адская бойня залила морями крови поля, на которыхъ долженъ былъ бы расти только хлѣбъ и полевые цвѣты. И среди этого урагана, среди дыма батарей, вдругъ проступило два морщинистыхъ женскихъ лица: Евгеніи и Шарлотты.

Евгенія все живетъ въ Англіи. Ей теперь почти девяносто лѣтъ. Она ни къ чему не стремится, ничего не хочетъ. Она устроила только въ своемъ котеджѣ лазаретъ для раненыхъ. Она, сама у преддверія смерти, хочетъ избавить отъ смерти тѣхъ, кто, не задумываясь, ринулись въ священную борьбу за отчизну.

А въ нѣсколькихъ сотняхъ километровъ отъ нея все развѣвается австрійскій флагъ надъ одинокимъ замкомъ, и сумасшедшей Шарлоттѣ нѣтъ никакого дѣла до всемірной войны...

Когда германскія войска желѣзнымъ кольцомъ окружали Брюссель, имъ отданъ былъ приказъ:

„Не трогать замка Бушутъ: тамъ резиденція вдовы брата австрійскаго императора".

И флагъ безмятежно рѣетъ надъ этимъ замкомъ печали...

Германскій крейсеръ „Фридрихъ-Карлъ", потопленный нашими судами въ Балтійскомъ морѣ.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Разгромъ Эрзерумской турецкой арміи.

Къ началу выступленія Турціи, въ качествѣ активной участницы, на театръ міровой войны, турецкая армія насчитывала въ общемъ до $^1/_2$ милліона мобилизованныхъ солдатъ. Неудовлетворительныя качества турецкой арміи были, конечно, отлично извѣстны германскому генеральному штабу. Балканская война въ достаточной степени обнаружила плохую подготовку главной массы корпуса офицеровъ, неважное снабженіе, скороспѣлое обученіе турецкихъ солдатъ и пр. Тѣмъ не менѣе для нѣмцевъ представлялось крайне желательнымъ выступленіе Турціи, при помощи котораго они надѣялись нанести ударъ на нашей отдаленной кавказской границѣ и повести наступленіе противъ англичанъ въ Египтѣ.

Двѣ войны, которыя вела Турція,—Триполитанская и Балканская,—вызвали полное разстройство турецкихъ вооруженныхъ силъ. Послѣ Балканской войны Энверъ-паша, при помощи германской миссіи генерала фонъ-Сандерса, намѣтилъ рядъ реформъ, благодаря которымъ турецкая армія должна была довести свою численность до 14 корпусовъ 3-дивизіоннаго состава, получить достаточное количество надлежаще подготовленныхъ офицеровъ и пополнить матеріальную часть, растраченную во время двухъ неудачныхъ войнъ. Крайне разстроенное финансовое состояніе Турціи не дало возможности осуществить эти реформы даже въ самой незначительной части, и новая война застала турецкую армію почти въ томъ же хаотическомъ состояніи, въ какомъ она была послѣ Балканской войны. Офицеровъ было мало, и главная масса ихъ состояла изъ произведенныхъ изъ солдатъ, артиллеріи было недостаточно, обозовъ почти не было, а солдатская масса нисколько не измѣнилась и не улучшилась за годъ нѣмецкой муштровки.

Однако нѣмецкій генеральный штабъ не обратилъ вниманія на разстроенное состояніе турецкой арміи, такъ какъ нѣмцы главнымъ образомъ стремились къ тому, чтобы отвлечь часть нашихъ войскъ на кавказскій фронтъ и вынудить Англію держать часть силъ въ Египтѣ. Нѣмцы сами сомнѣвались въ успѣхѣ турокъ, и имъ только важно было облегчить свое положеніе на главномъ театрѣ европейской войны, для чего турки своимъ выступленіемъ на второстепенныхъ театрахъ войны должны были привлечь на себя часть войскъ союзниковъ.

Для веденія наступательныхъ операцій турецкія войска были распредѣлены на три арміи. Наиболѣе крупная армія, 3-я, была сосредоточена въ раіонѣ крѣпости Эрзерумъ для дѣйствій противъ кавказской границы. 2-я армія турокъ, въ составѣ не болѣе двухъ корпусовъ, сосредоточивалась противъ Египта. И наконецъ, 1-я армія, Константинопольская, въ составѣ европейскихъ корпусовъ, должна была оставаться въ Европейской Турціи, на случай осложненій на Балканскомъ полуостровѣ, а также и для того, чтобы удержать отъ выступленія нѣкоторыя балканскія государства.

Наиболѣе сильной и лучше другихъ организованной изъ всѣхъ армій была 3-я турецкая армія, сосредоточенная у Эрзерума. Вслѣдствіе отдаленности этой арміи отъ Европейской Турціи и богатыхъ провинцій Малой Азіи, важное значеніе имѣли сообщенія Эрзерумской арміи турокъ со своей базой—Европейской Турціей и Малой Азіей. Сухопутные пути отъ Эрзерума къ Босфору всегда находились въ самомъ отвратительномъ состояніи, и движеніе по нимъ войскъ, артиллеріи и обозовъ требовало цѣлыхъ мѣсяцевъ. 900 верстъ пути, отдѣляющія Босфоръ отъ Эрзерума, войска могли пройти не ранѣе, чѣмъ въ теченіе 5—6 мѣсяцевъ, а обозы—еще болѣе.

При такихъ условіяхъ громадное значеніе имѣлъ морской путь по Черному морю, какъ наиболѣе быстрый и удобный.

Поэтому появленіе въ составѣ турецкаго флота „Гебена" означало, что нѣмцы учли важность путей, по которымъ будетъ доставляться все снабженіе Эрзерумской арміи турокъ, и съ этой цѣлью передали имъ одинъ изъ лучшихъ крейсеровъ-дредноутовъ, который долженъ былъ обезпечить турецкому флоту господство на Черномъ морѣ. Однако „Гебенъ" получилъ серьезныя поврежденія въ бою у Херсонесскаго маяка и укрылся для починки въ Босфоръ. Затѣмъ, когда послѣ починки, довольно скороспѣлой и недостаточной, „Гебенъ" попытался выйти, онъ наскочилъ при входѣ въ Босфоръ на минную банку, т.-е. на связку минъ. Полученныя при этомъ поврежденія вывели его изъ строя на $2^1/_2$ мѣсяца.

Такимъ образомъ морскія сообщенія турокъ по Черному морю, между Константинополемъ и Эрзерумской арміей, уже подвергались явной опасности, и ни одинъ турецкій пароходъ не могъ благополучно проскочить къ Трапезунду, гдѣ была устроена база для Эрзерумской арміи. Это обстоятельство являлось весьма важнымъ, такъ какъ вынуждало турокъ подвозить все снабженія для Эрзерумской арміи сухимъ путемъ, на что требовалось, какъ мы указывали выше, нѣсколько мѣсяцевъ.

Ни одна современная армія, истребляющая громадное количество снарядовъ и прочихъ боевыхъ припасовъ, нуждающаяся въ непрерывномъ подкрѣпленіи для пополненія потерь, не можетъ существовать безъ постоянной тѣсной связи со своей главной базой-страною. Поэтому потеря турками безопасныхъ сообщеній по Черному морю являлась крайне тяжелымъ ударомъ для Турціи и ставила Эрзерумскую армію турокъ въ крайне критическое положеніе.

Начало войны на кавказскомъ фронтѣ ознаменовалось рядомъ боевъ у Кепри-Кея, приблизительно на полпути между Эрзерумомъ и кавказской границей. Въ этихъ бояхъ турки понесли чувствительныя потери и не добились никакихъ опредѣленныхъ результатовъ.

Затѣмъ турецкія войска стали предпринимать короткія наступательныя движенія, то по побережью Чернаго моря, пытаясь угрожать Батуму, то въ сторону персидской границы, но всюду одинаково были отбиваемы съ потерями.

Въ такихъ неясныхъ и безцѣльныхъ бояхъ прошло около двухъ мѣсяцевъ войны. Очевидно, этотъ ходъ событій не могъ удовлетворить нѣмцевъ, которымъ необходимо было, чтобы турки произвели какое-нибудь б о л ь ш о е энергичное наступленіе въ предѣлы Кавказа и этимъ

Англійскій адмиралъ Фредерикъ Старди, командующій эскадрой, уничтожившей германскую эскадру въ Атлантическомъ океанѣ (см. «Война на морѣ», очерки К. Шумскаго—Лит. Прил. за январь).

привлекли бы сюда возможно больше войскъ. Послѣднее было особенно необходимо въ серединѣ декабря, когда германскія арміи распластались равномѣрно между западнымъ и восточнымъ фронтами, застывъ неподвижно съ одной стороны на рѣкѣ Изерѣ, а съ другой стороны—на рѣкѣ Бзурѣ.

Въ виду этого германскій генеральный штабъ, совмѣстно съ Энверомъ-пашей выработалъ планъ большого наступленія турецкой арміи въ предѣлы Кавказа, съ обходомъ нашихъ войскъ, стоявшихъ впереди Карса, и съ движеніемъ далѣе на фронтъ Ахалкалаки—Тифлисъ. Планъ этотъ въ деталяхъ заключается въ томъ, что турецкая армія должна была двинуться тремя колоннами, въ составѣ 11-го, 10-го и 9-го турецкихъ корпусовъ. 11-й турецкій корпусъ долженъ былъ наступать отъ Эрзерума на Карсъ. Лѣвѣе его долженъ былъ наступать 10-й корпусъ на Сарыкамышъ и далѣе, въ обходъ нашихъ войскъ, находившихся впереди Карса. Наконецъ, еще лѣвѣе, долженъ былъ наступать 9-й корпусъ, которому вмѣнялось произвести наиболѣе глубокій обходъ черезъ Ардаганъ и выйти на пути, связывающіе нашу армію съ Тифлисомъ.

Такимъ образомъ турки намѣчали фронтальное наступленіе на нашу армію 11-мъ корпусомъ и два обхода влѣво, одинъ черезъ Сарыкамышъ, а другой, болѣе глубокій, черезъ Ардаганъ 10-мъ и 9-мъ корпусами.

При этомъ предполагалось, что 11-й корпусъ, наступая фронтально на наши войска, завяжетъ съ ними бой, а затѣмъ отступитъ, затягивая за собою наши войска къ Эрзеруму. Такимъ путемъ турки надѣялись какъ бы втянуть наши войска въ мѣшокъ у Эрзерума и этимъ облегчить обходъ 9-му корпусу черезъ Сарыкамышъ, а 10-му корпусу черезъ Ардаганъ.

Крѣпость Эрзерумъ должна была служить исходной точкой для маневра и обезпечить турецкую армію на случай неудачи.

Турецкая армія, двинувшись по этому плану, вначалѣ прошла сравнительно большое разстояніе. Далѣе всѣхъ забралась самая лѣвая колонна—9-й турецкій корпусъ, который, двигаясь по долинѣ рѣки Чороха, занялъ Ардаганъ, близъ границы Батумской и Карской областей. 10-й корпусъ дошелъ до Сарыкамыша и завязалъ здѣсь бой съ нашими войсками: 11-й корпусъ, наступая фронтально въ Карскомъ направленіи, былъ остановленъ на-

Домъ въ Скарборо, поврежденный германскимъ снарядомъ.

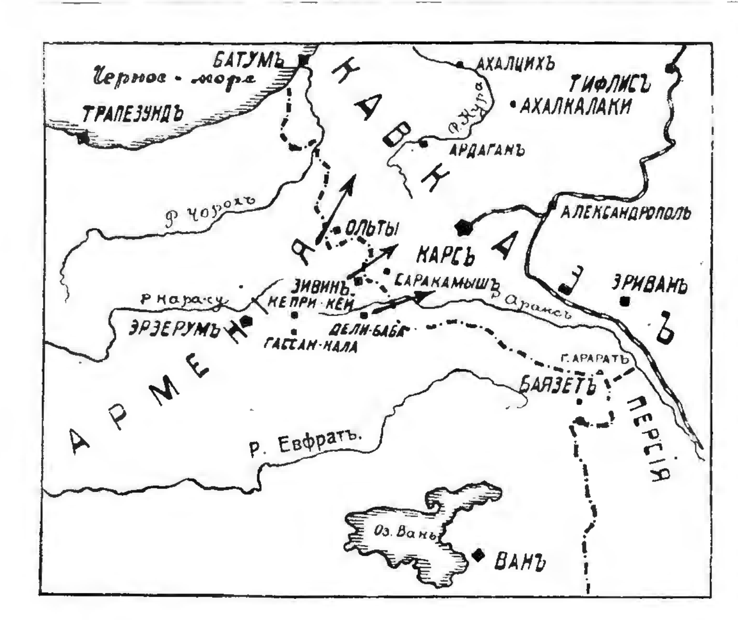
Не разорвавшіеся 12-ти-и 6-ти-дюймовые германскіе снаряды, подобранные въ Гартльпулѣ—англійской прибрежной мѣстности, подвергшейся обстрѣлу.

Нѣмцы, нарушающіе въ нынѣшней войнѣ всѣ статьи Гаагской конвенціи, которую обязались соблюдать всѣ государства, этимъ сами объявляютъ себя внѣ закона, и наступитъ моментъ, когда всѣ державы міра заставятъ жестокосердыхъ вандаловъ дорогою цѣною заплатить за эти нарушенія международнаго права. Однимъ изъ такихъ нарушеній 1-й, 2-й и 6-й статей конвенціи—«бомбардировка открытыхъ городовъ»—было недавнее разбойничье нападеніе германскихъ крейсеровъ на мирныя англійскія поселенія на морскомъ берегу: Скарборо и Гартльпуль. Приводимъ здѣсь характерное описаніе (очевидца—г. Діонео въ «Русск. Вѣд.») причиненныхъ нѣмцами разрушеній:

«На первой же улицѣ по всему ея протяженію вспахана глубокая борозда, кончающаяся кратеромъ футовъ 8 діаметромъ. Это—слѣдъ снаряда, пущеннаго съ нѣмецкаго корабля. Вотъ хорошая вилла, передняя стѣна которой снесена. Здѣсь граната убила мирового судью, одѣвавшагося передъ зеркаломъ. Въ одномъ домѣ, въ которомъ обрушилась стѣна, виденъ уголъ громадной кровати съ ярко вычищенными мѣдными шарами и громадное пятно засохшей крови. Здѣсь гранатой убиты женщина и двое дѣтей. Всего въ Скарборо убиты и ранены 144 человѣка—все мирные обыватели, большинство женщины и дѣти и среди нихъ нѣсколько младенцевъ. На стѣнѣ разрушеннаго дома наклеена афиша: «Отомстите за Скарборо! Массовое избіеніе дѣтей и женщинъ вопіетъ объ отомщеніи. Англичане! Невинныя жертвы германской жестокости взываютъ къ вамъ. Докажите варварамъ-германцамъ, что безващитные берега Англіи нельзя бомбардировать безнаказанно». Я смотрю на разгромленную церковь и замѣчаю волненіе на улицѣ. Говорятъ, что шпіона поймали: стоитъ на крышѣ, машетъ бѣлымъ флагомъ по направленію къ морю. Домъ окружили. Оказалось:—баба убирала бѣлье».

Домъ въ Гартльпулѣ, разрушенный снарядами германскихъ судовъ.

Набѣгъ германскихъ крейсеровъ на мирныя жилища прибрежныхъ мѣстностей графства Іоркъ въ Англіи.



шимъ Ольтинскимъ отрядомъ, который завязалъ съ турками упорное сраженіе.

Такимъ образомъ черезъ нѣсколько дней послѣ начала турецкаго наступленія, корпусъ, наступавшій фронтально, и корпусъ, обходившій слѣва у Сарыкамыша, были остановлены нашими войсками, и лишь 9-й корпусъ, обходившій наиболѣе далеко, втянулся въ наши предѣлы и занялъ Ардаганъ, какъ бы стремясь выйти на пути, соединявшіе наши войска, бывшія впереди Карса, съ Тифлисомъ.

Это положеніе всѣхъ трехъ турецкихъ корпусовъ, казавшееся на первый взглядъ какъ будто угрожающимъ, на самомъ дѣлѣ послужило причиной разгрома турецкой арміи. Дѣло въ томъ, что дѣйствія въ горахъ, въ особенности въ столь дикой мѣстности, какой представляется приграничная территорія у Кавказа, требуютъ большой стойкости и выносливости войскъ. Въ горахъ обыкновенно имѣются только дороги въ опредѣленномъ направленіи, въ данномъ случаѣ, ведущія отъ Эрзерума на территорію Кавказа. Но поперечныя дороги, связывающія эти продольные пути, въ горахъ попадаются рѣдко.

Такимъ образомъ три колонны турокъ вытянулись по тремъ параллельнымъ дорогамъ, но не могли сообщаться другъ съ другомъ, такъ какъ между этими дорогами не имѣется поперечныхъ связующихъ путей. Вполнѣ понятно, что при такихъ условіяхъ каждая колонна предоставлена самой себѣ и въ случаѣ боя не можетъ разсчитывать на поддержку сосѣднихъ колоннъ. Поэтому тактика рекомендуетъ избѣгать такихъ движеній, такъ какъ вполнѣ естественно, что каждая колонна можетъ быть разбита въ отдѣльности, т.-е. армія можетъ быть разбита по частямъ, ни одна колонна не сможетъ оказать поддержку другой и должна будетъ покорно вслушиваться въ грохотъ орудійныхъ выстрѣловъ, обнаруживающій, что въ этотъ моментъ подвергается разгрому другая сосѣдняя колонна.

Однако на войнѣ приходится иногда совершать и невыгодныя движенія, разъ они ведутъ къ нужной и важной цѣли. Поэтому тактика рекомендуетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя избѣжать разрозненнаго движенія по такимъ отдѣльнымъ дорогамъ, придавать каждой колоннѣ самую полную организацію. Въ этихъ случаяхъ требуется, чтобы каждая колонна имѣла все, что нужно для боя, т.-е. и пѣхоту, и артиллерію, и кавалерію, и саперовъ, и достаточное количество обозовъ, и санитарныя повозки, и достаточное количество продовольствія, и возможно большее количество боевыхъ припасовъ, однимъ словомъ, чтобы ни въ чемъ не нуждалась.

Вполнѣ понятно, что турецкая армія, у которой снабженіе боевыми припасами и всякимъ другимъ имуществомъ всегда составляло больное мѣсто, менѣе всего годилась для такихъ операцій, гдѣ каждую колонну нужно организовать такъ полно и подробно, какъ цѣлыя отдѣльныя арміи. У турокъ для одной арміи не хватало весьма многаго и существеннаго, а для трехъ самостоятельныхъ колоннъ, разумѣется, не хватило самаго необходимаго. При такихъ условіяхъ послѣдовалъ разгромъ 3-й турецкой арміи. Три турецкія колонны были разбиты поочередно, каждая въ отдѣльности, даже въ строгомъ порядкѣ, начиная справа налѣво. Сначала была разбита Ардаганская колонна, забравшаяся дальше всѣхъ. Сосѣднія колонны не могли оказать ей помощи, и въ результатѣ 9-й турецкій корпусъ былъ уничтоженъ, командиръ корпуса Исханъ-паша, всѣ начальники дивизій, свыше 300 офицеровъ и болѣе 7.000 нижнихъ чиновъ были взяты въ плѣнъ.

Затѣмъ наши войска обрушились на слѣдующій 10-й корпусъ у Сарыкамыша и нанесли ему полное пораженіе. Наконецъ 11-й корпусъ получилъ также основательный ударъ и былъ отброшенъ на пути къ Эрзеруму, гдѣ его поддержали свѣжія войска турокъ и завязали съ нашими войсками упорное, но безнадежное сраженіе у Кара-Ургана, на путяхъ отъ Эрзерума къ нашей границѣ.

Такъ плачевно для турокъ кончилась новая затѣя германскаго генеральнаго штаба, въ результатѣ которой туркамъ вмѣсто наступленія нужно думать лишь о спасеніи Эрзерума. Турецкая армія разгромлена, сообщеніе по Черному морю прервано, а ближайшія подкрѣпленія могутъ прибыть: 12-й корпусъ, изъ Мосула, черезъ мѣсяцъ: 13-й, изъ Багдада, черезъ 2 мѣсяца; 6-й и 8-й, изъ Сиріи, черезъ 3 мѣсяца; 4-й и 5-й, изъ Малой Азіи—черезъ 4 мѣсяца, а европейскіе корпуса—черезъ 5 мѣсяцевъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Въ виду почтовыхъ правилъ, требующихъ, чтобы нумеръ „НИВЫ“ съ приложеніями не превышалъ опредѣленнаго вѣса, мы вынуждены печатать Генеральную Карту Средне-Европейскаго и Южнаго Театра Военныхъ Дѣйствій не на одномъ цѣломъ листѣ, а на двухъ полулистахъ. Поэтому при настоящемъ нумерѣ разсылается только первый полулистъ, а второй будетъ приложенъ при слѣдующемъ нумерѣ „НИВЫ“ отъ 17-го января сего года; склейка же обоихъ полулистовъ не должна вызвать у г.г. подписчиковъ особыхъ затрудненій.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Мамина-Сибиряка“ кн. 1 и первый полулистъ карты театра военныхъ дѣйствій.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ,

1915 г. № 3

XLVI г. изданія

Выданъ 17 января 1915 г.

Цѣна этого № (безъ карты и прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на **первой** страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на **послѣдней** страницѣ **обложки 1 р. 50 к.**: на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. И. А. Бунина" кн. 1.

1 внутренній 5% съ выигрышами заемъ 1864 г. 100 тиражъ 2-го января 1915 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
2	39	500	1867	25	500	4149	30	500	5929	9	500	8111	45	500	10385	19	500	11936	9	500	13548	47	1000	15994	41	500	18500	34	500
102	4	500	1961	37	500	4204	25	500	5974	50	1000	8152	16	1000	10542	30	500	11965	26	500	13575	21	500	16220	26	500	18502	40	500
361	46	500	2031	25	500	4369	1	500	6078	12	500	8206	16	500	10553	15	500	11973	13	500	13596	14	500	16253	10	500	18510	18	500
420	44	500	2062	31	5000	4376	13	500	6117	46	500	8215	44	500	10629	36	500	12036	20	8000	13781	27	500	16256	44	500	18631	17	500
442	44	500	2064	12	1000	4520	29	500	6216	6	500	8354	25	500	10666	18	500	12056	21	1000	13814	15	500	16270	36	500	18708	30	500
458	28	500	2071	48	500	4622	39	500	6259	7	500	8397	48	500	10666	27	500	12088	35	8000	13878	32	500	16361	40	1000	18719	32	500
506	19	500	2098	31	500	4633	11	500	6351	45	500	8407	19	500	10696	30	500	12139	12	500	13891	9	500	16610	32	500	18775	36	500
538	5	500	2166	42	500	4752	46	500	6433	16	500	8441	44	500	10752	39	500	12251	29	500	13996	11	500	16669	11	500	18781	18	500
545	1	8000	2174	32	500	4794	48	500	6460	45	500	8501	16	1000	10816	16	500	12284	20	500	14066	47	500	16689	50	500	18876.	7	200000
585	36	500	2566	41	500	4799	22	500	6535	2	500	8565	48	500	10831	42	500	12286	29	500	14077	50	500	16737	30	500	18941	19	500
629	20	500	2568	34	500	4878	38	500	6555	17	500	8659	5	500	10844	45	500	12351	6	500	14081	11	500	16755	20	500	18949	29	500
661	34	500	2614	2	1000	5096	19	500	6577	1	500	8760	42	75000	10851	6	500	12416	48	500	14116	35	1000	16811	20	500	18992	8	500
668	23	500	2624	27	500	5098	24	500	6579	30	500	8780	11	500	10870	39	1000	12445	42	500	14148	35	500	16860	13	500	19033	27	500
844	4	500	2625	19	500	5165	33	8000	6695	38	500	8951	21	500	10972	32	500	12484	20	500	14187	3	500	16914	48	500	19044	42	500
943	43	500	2633	40	500	5193	4	500	6770	10	500	9109	43	500	11000	9	500	12551	40	500	14217	42	500	16953	1	25000	19057	23	500
958	9	500	2990	30	500	5193	33	500	6786	9	500	9158	39	500	11006	49	500	12557	22	500	14273	42	500	17030	6	500	19111	33	1000
978	34	500	2996	5	500	5242	45	500	6830	15	500	9172	6	500	11012	16	500	12599	37	500	14342	26	500	17070	6	1000	19141	18	500
1010	41	500	3001	38	500	5250	6	500	6965	37	500	9228	33	500	11037	17	8000	12657	20	1000	14342	32	500	17077	6	500	19157	47	500
1062	16	500	3085	11	10000	5420	9	500	7031	21	500	9302	31	500	11108	44	1000	12678	14	500	14559	22	500	17106	2	5000	19200	20	500
1300	9	40000	3102	31	500	5478	35	500	7078	24	500	9315	39	500	11122	50	500	12732	23	5000	14778	33	500	17150	50	500	19215	46	500
1300	35	500	3261	24	500	5553	15	500	7118	37	500	9330	16	500	11172	29	500	12763	43	500	14795	8	500	17456	2	500	19332	29	500
1320	6	500	3280	38	500	5609	36	500	7243	31	1000	9454	27	500	11198	32	500	12831	49	500	14798	8	500	17539	10	500	19381	39	500
1363	33	500	3337	26	500	5656	15	500	7273	2	500	9626	11	500	11211	39	500	12858	16	1000	14887	29	10000	17610	46	500	19415	38	500
1370	33	5000	3647	18	500	5690	17	500	7340	21	500	9664	16	500	11298	15	500	12864	1	500	15129	43	500	17795	32	500	19485	44	500
1519	16	500	3690	46	500	5752	23	500	7497	23	500	9789	6	1000	11386	8	500	13005	18	500	15141	11	500	17809	39	1000	19759	6	500
1537	7	500	3722	47	1000	5812	35	500	7623	48	500	9911	35	500	11395	31	500	13019	20	500	15162	7	500	17914	32	500	19824	18	500
1583	44	500	3733	14	500	5829	37	500	7633	2	500	9987	28	500	11635	32	500	13069	18	500	15416	6	500	17939	18	5000	19883	4	500
1703	10	500	3912	36	5000	5859	3	500	7803	16	500	10135	4	500	11647	37	500	13289	48	500	15468	20	10000	18247	19	500	19883	9	500
1739	26	500	3937	37	500	5886	16	500	7829	35	500	10156	30	500	11663	50	500	13438	18	500	15733	30	500	18334	13	500	16896	48	500
1790	9	500	4012	3	1000	5886	43	500	8098	41	5000	10267	20	500	11674	29	500	13522	28	500	15761	40	5000	18389	42	500	19998	19	500

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія: 145, 271, 280, 301, 411, 491, 532, 696, 829, 833, 1218, 1232, 1440, 1579, 1749, 1771, 1777, 1878, 1901, 1912, 1913, 1963, 2030, 2129, 2204, 2210, 2226, 2312, 2534, 2733, 2937, 2998, 3007, 3121, 3236, 3372, 3565, 3571, 3586, 3641, 3650, 3774, 3802, 3831, 3878, 3953, 4043, 4130, 4166, 4353, 4470, 4783, 4786, 4920, 5033, 5039, 5096, 5105, 5167, 5270, 5314, 5360, 5361, 5363, 5449, 5462, 5478, 5501, 5510, 5536, 5577, 5579, 5663, 5707, 5742, 5769, 5843, 6216, 6291, 6305, 6339, 6555, 6700, 6702, 6706, 6715, 6756, 6833, 6973, 7184, 7191, 7209, 7283, 7305, 7400, 7440, 7507, 7516, 7571, 7638, 7711, 7786, 7965, 8031, 8061, 8080, 8201, 8218, 8407, 8417, 8466, 8476, 8577, 8588, 8731, 8760, 8836, 9043, 9122, 9174, 9206, 9263, 9313, 9508, 9514, 9531, 9700, 9806, 9847, 9938, 9956, 9981, 10030, 10059, 10127, 10160, 10179, 10300, 10318, 10480, 10551, 10653, 10788, 10938, 10958, 10972, 11215, 11330, 11415, 11425, 11492, 11531, 11561, 11570, 11771, 11781, 11795, 11946, 12083, 12140, 12285, 12399, 12461, 12548, 12561, 12855, 12867, 12909, 12925, 12940, 12942, 12963, 13021, 13065, 13203, 13218, 13271, 13286, 13385, 13570, 13620, 13724, 13863, 13885, 14000, 14045, 14116, 14347, 14502, 14610, 14645, 14739, 14778, 14846, 14921, 14926, 15101, 15246, 15325, 15342, 15417, 15734, 15748, 16194, 16209, 16212, 16217, 16358, 16447, 16478, 16652, 16680, 16745, 16761, 16889, 16999, 17035, 17103, 17168, 17327, 17345, 17365, 17624, 17641, 17652, 17686, 17707, 17716, 17735, 17761, 17817, 17832, 17939, 18015, 18048, 18103, 18222, 18284, 18627, 18744, 18755, 18944, 18974, 19011, 19045, 19081, 19143, 19171, 19178, 19323, 19410, 19154, 19491, 19546, 19592, 19604, 19777, 19841, 19899, 19959.

Всего 260 серій, составляющихъ 13.000 билетовъ, на сумму 1.820.000 рублей.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Галушница въ Галичинѣ. Послѣ взятія Львова къ русскимъ войскамъ пристроилась баба изъ галицкихъ хохлушекъ, умѣющая готовить чудесныя галушки. Бабѣ смастерили жестяную «кухню», и каждый день баба появлялась у мѣста стоянки полка съ горячими галушками. Солдатики нарасхватъ брали вкусныя галушки. Но вотъ по полку прошелъ приказъ готовиться къ походу. Баба, успѣвшая уже стать въ полку своимъ человѣкомъ, завыла:

— Что, снова мнѣ пропадать съ голоду?!

Солдаты сжалились надъ хохлушкой. Вечеромъ ее тайкомъ «обмундировали», и на разсвѣтѣ, когда полкъ двинулся впередъ, солдатъ въ юбкѣ незамѣтно устроенъ былъ въ обозѣ. Вскорѣ показались австрійцы, завязался бой. Въ самый сильный огонь на позиціяхъ неоднократно показывался солдатъ въ юбкѣ, приносившій находившимся въ окопахъ солдатикамъ горячую пищу. Когда бой благополучно закончился, женщина-солдатъ была легализована въ должности «кухарки». И вотъ она несетъ свою тяжелую службу вблизи позицій. Иногда она носитъ раненыхъ, скачетъ верхомъ съ отрядомъ солдатъ за провизіей, поитъ лошадей.

Бельгійскій Діогенъ. «Times» приводитъ письмо солдата бельгійской арміи:

«Я представляю собою теперь лохматаго парня, плохо выбритаго, съ зачатками бороды, бакенами. Мои волосы не имѣли удовольствія быть стрижеными съ самаго іюля. Иной разъ я бываю вымытъ, чаще грязенъ. Мои башмаки выпачканы, носки дырявы, брюки заплатаны и разорваны. Зато на мнѣ совсѣмъ новыя лайковыя перчатки и прекрасно сшитая оленья куртка, а въ старой сѣдельной сумкѣ—сборничекъ стиховъ, двѣ университетскія работы, пара туфель, полотенце, мыло и портретъ Виктора Гюго. Даже Донъ-Кихотъ и Мальбругъ не были лучше экипированы! Я нахожусь близъ линіи враговъ, на равнинѣ, освѣщаемой огнемъ митральезъ. Я принимаю немножко романтическую позу и декламирую стихи. Я отвѣчаю ими на залпы тяжелой нѣмецкой артиллеріи. Но нѣмцы не понимаютъ поэзіи и продолжаютъ тѣснить насъ. Наша родина представляетъ собою теперь узкую полоску земли, только во время отлива волны убѣгаютъ, и я, какъ новый Демосѳенъ, начинаю декламировать пламенную филиппику о томъ, какъ яростныя волны отступаютъ назадъ и наша родина становится вдвое больше, чѣмъ прежде. Но нѣмцы не похожи на отливъ; они, какъ палки, вбиты въ неподвижныхъ траншеяхъ. Однако придетъ день, когда наши острые мечи смогутъ отбросить врага. И тогда, граждане, удовлетворенный моей скромной ролью въ этой адской, хотя и славной борьбѣ, посѣдѣвшій въ побѣдѣ, потрясенный благородствомъ и справедливостью нашего дѣла, въ порывѣ патріотизма и стремленія къ чистотѣ, я перемѣню въ Антверпенѣ свою рубашку».

Госпиталь имени короля Альберта. Въ канунъ новаго года въ Петроградѣ состоялось освященіе городского госпиталя имени бельгійскаго короля Альберта. На открытіи присутствовалъ весь составъ бельгійской миссіи въ Петроградѣ, петроградскій градоначальникъ кн. Оболенскій, городской голова гр. И. И. Толстой и другія лица. Госпиталь разсчитанъ на 1200 человѣкъ раненыхъ и больныхъ воиновъ и по вмѣстимости своей является самымъ большимъ среди городскихъ госпиталей. Госпиталь оборудованъ по всѣмъ правиламъ науки и имѣетъ собственные операціонную, рентгеновскій кабинетъ, зубоврачебный кабинетъ и кабинеты ушной и глазной, дезинфекціонную камеру, прачечную, аптеку.

Бельгійскіе врачи. Въ копенгагенскомъ «Медицинскомъ Еженедѣльникѣ» помѣщена статья брюссельскаго профессора Якоба, рисующая ужасное положеніе бельгійскихъ врачей, которые сочли долгомъ не бѣжать, а оставаться на мѣстѣ съ разоренным народомъ. Врачи остались въ разрушенныхъ домахъ или выстроили шалаши, гдѣ спятъ на соломѣ. Экономическое положеніе невыносимо. За свой тяжелый трудъ врачи получаютъ, какъ поденщики, жалкіе гроши, недѣлями не видятъ хлѣба, питаясь исключительно картофелемъ, ходятъ въ рваной обуви. Жены и дѣти одѣты въ лохмотья. Много врачей убито или попало въ плѣнъ. Разорено около 3.000 врачей.

Письма мертвыхъ. Г. Брюсовъ собралъ коллекцію писемъ, найденныхъ на нѣмецкихъ трупахъ, и дѣлаетъ въ «Русск. Вѣд.» слѣдующій общій выводъ;

«Какъ ни случайно, какъ ни мало мое собраніе, все же развѣ не поразительно, что изъ 60 писемъ не оказалось ни одного, которое было бы полно энтузіазма, великихъ надеждъ, вѣры въ національное дѣло? Тонъ всѣхъ писемъ—унылый, подавленный, и только у праздныхъ берлинскихъ гулякъ, глазѣющихъ съ любопытствомъ на плѣнныхъ французовъ, проскальзываютъ двѣ-три самодовольныхъ фразы. Германія инстинктивно чувствуетъ, что дѣло ея проиграно, и что какъ нѣтъ ничего радостнаго въ ея настоящемъ, такъ нельзя ей ждать ничего хорошаго и въ близкомъ будущемъ».

Содержаніе англійскаго солдата. Англійскій солдатъ получаетъ въ недѣлю 7 шиллинговъ и 7 пенсовъ. Если солдатъ семейный, то изъ этихъ денегъ отчисляется женѣ 3 шиллинга и 6 пенсовъ. Затѣмъ государство прибавляетъ отъ себя разныя суммы въ зависимости отъ числа дѣтей. Жена солдата, не имѣющая дѣтей, получаетъ 12 шиллинговъ и 6 пенсовъ въ недѣлю, т. е. около 25 рублей въ мѣсяцъ. Если у жены солдата есть ребенокъ, то она получаетъ 15 шиллинговъ; такая прибавка дается на каждаго ребенка. Жена солдата съ четырьмя дѣтьми получаетъ 22 шиллинга въ недѣлю — около 44 рублей въ мѣсяцъ. Вдовы солдатъ обезпечены не такъ хорошо. Теперь идетъ усиленная агитація, чтобы вдовья пенсія была увеличена.

Вмѣсто денегъ—этикетъ отъ шампанскаго. Во время оккупаціи французской территоріи цѣлый рядъ коммунъ и городовъ былъ совсѣмъ лишенъ размѣнной монеты. Вслѣдствіе этого нѣсколько французскихъ мѣстностей выпустили муниципальныя банкноты, нынѣ коллекціонируемыя любителями. Нѣкоторыя изъ этихъ банкнотъ, въ виду недостатка граверовъ, имѣютъ весьма оригинальный видъ: этикеты отъ шампанскаго, снабженные надлежащею надписью и подписями мэра и асессоровъ, съ полнымъ успѣхомъ исполняли роль ассигнацій.

Работа поѣзда-бани. Главный комитетъ вѣдомства путей сообщенія по оказанію помощи больнымъ и раненымъ воинамъ получилъ сообщеніе, что первый поѣздъ-баня успѣшно работаетъ на передовыхъ позиціяхъ. На практикѣ выяснилось, что поѣздъ-баня въ 22 вагона слишкомъ великъ для работы на отдѣльныхъ пунктахъ, и было бы желательнымъ раздѣлить его на два совершенно самостоятельныхъ поѣзда, которые въ состояніи обслуживать большее число пунктовъ. Солдаты, которымъ удалось вымыться въ поѣздѣ-банѣ, не находятъ словъ для выраженія своей благодарности за заботу о нихъ. Всѣ пользующіеся баней получаютъ чистое бѣлье, отчасти теплое, а свое бѣлье оставляютъ въ поѣздѣ для мытья и починки. Пока солдаты моются въ поѣздѣ-банѣ, ихъ верхняя одежда и шинели передаются въ дезинфекціонную камеру для сушки и чистки отъ паразитовъ. За послѣдніе дни поѣздомъ-баней въ сутки пользовалось до 1.500 человѣкъ.

Вмѣсто школъ—лазареты. Въ Австро-Венгріи почти всѣ школы закрыты, и школьныя помѣщенія отведены для раненыхъ.

Лазаретъ для лошадей. Сотрудникъ «Русск. Слова» посѣтилъ въ тылу арміи лазаретъ для раненыхъ лошадей. «Вмѣсто обычнаго запаха конюшни здѣсь одурманивающій запахъ медикаментовъ. Взадъ и впередъ бѣгаютъ фельдшера въ бѣлыхъ халатахъ. На первомъ станкѣ высокая гнѣдая лошадь, почти наполовину въ бѣлыхъ повязкахъ. Это—артиллеристъ «Воронъ». Собственно онъ не стоитъ на станкѣ, но подвѣшенъ. Сраженный градомъ пуль, «Воронъ» упалъ. Вѣстовой обрѣзалъ постромки, орудіе умчалось, а «Воронъ» остался. Пришли санитары и стали подбирать людей. Увидя спасателей, «Воронъ» тихо заржалъ. Это была большая неосторожность съ его стороны, которая могла стоить жизни. Жалость людей къ тяжело раненымъ лошадямъ на полѣ битвы, это—пуля, прекращающая излишнія страданія. «Ворона» почему-то не пристрѣлили. Онъ поднялся и пошелъ за санитарами слѣдомъ, какъ собачонка. Онъ пришелъ въ лазаретъ, сдѣлавъ больше 200 верстъ съ того мѣста, гдѣ пулеметъ всадилъ ему въ шею и грудь 6 пуль и седьмою пробилъ ему ухо. «Ворону» сдѣлали нѣсколько операцій и извлекли пули. Не меньше «Ворона» видѣла на полѣ битвы казачья лошадка «Мареутка», у которой нѣсколько рубленыхъ ранъ. Въ ея поведеніи замѣтны странности. Она ѣстъ газетную бумагу, мыло, свѣчи. Когда мы входимъ, «Мареутка» поворачиваетъ голову и смотритъ мутными глазами. «Она безумная»,—тихо замѣтилъ врачъ».

Что посылать солдатамъ? Лучшій подарокъ солдату—обыкновенное бѣлье и сапоги. Теплаго бѣлья не надо, но сапоги очень нужны, ибо никакихъ интендантскихъ запасовъ не можетъ хватить на замѣну быстро-изнашивающейся при постоянныхъ походахъ обуви. Идеальной обувью явились бы валенки, обитыя кожей. Но не только лишніе сапоги (непремѣнно просторные) будутъ чрезвычайно полезны, но всякій сапожный товаръ для починокъ окажется драгоцѣннымъ. У большинства солдатъ имѣются суконныя портянки. Если онѣ недостаточны, всегда найдется какой-нибудь матеріалъ, чтобы еще обернуть ногу. Но вотъ бѣда: сапоги, въ которыхъ лѣтомъ и осенью пошли солдаты на войну, теперь на толстую портянку оказываются тѣсными.

А вы знаете, что это за мученіе ходить по снѣгу въ морозъ въ тѣсныхъ сапогахъ?

Хуже этого испытанія лишь—дырявые сапоги. Нашъ солдатъ очень изобрѣтателенъ на починку ихъ: онъ и ремень, найденный на дорогѣ, приспособитъ для заплаты, и самъ сумѣетъ притачать и зашить. Но кругомъ — полное отсутствіе запасовъ кожи.

Кромѣ полушубковъ и сапогъ, можно пожелать солдату еще только варежки, именно варежки съ однимъ пальцемъ (съ двумя для пѣхоты), вязаныя, изъ грубыхъ нитокъ. Онѣ необычайно быстро изнашиваются, особенно у ѣздящихъ, и нужда въ нихъ всегда велика.

Сестра Вильгельма у предсказательницы. Одна изъ популярныхъ парижскихъ прорицательницъ м-мъ Фрейа, дѣлающая свои предсказанія по почерку и по рукѣ, разсказываетъ на страницахъ «Фигаро» любопытную исторію.

Въ апрѣлѣ текущаго года къ прорицательницѣ явилась высокопоставленная дама-иностранка, имя которой не было извѣстно, и предложила сдѣлать нѣсколько опредѣленій по ея почерку и по линіямъ руки.

Предсказательница, удовлетворивъ желаніе своей кліентки, замѣтила между прочимъ:

— Я вижу на вашей рукѣ одинъ угрожающій знакъ. Правда, онъ относится не къ вамъ лично, но къ близкому вамъ человѣку—къ вашему брату.

Кліентка заинтересовалась.

— Что же вы можете сказать о моемъ братѣ, и что, по вашему мнѣнію, угрожаетъ ему?

— Въ скоромъ времени онъ потерпитъ крушеніе всѣхъ своихъ плановъ, всѣхъ своихъ надеждъ; рухнетъ все то, что онъ такъ долго и такъ упорно создавалъ. Катастрофа будетъ грандіозной...

Предсказательница въ нерѣшительности замолчала.

Дама, пожавъ плечами, надменно улыбнулась:

— Если бы вы знали, кто я и кто мой братъ, вы не говорили бы этого. Я — принцесса Саксенъ-Мейнингенская, сестра императора Вильгельма. По вашему — ему, германскому императору, грозитъ крушеніе всѣхъ плановъ и всѣхъ надеждъ?

Г-жа Фрейа подтвердила спокойно:

— Я сказала то, что видѣла.

Одѣяла изъ газетъ. Въ Даніи большинство семействъ въ настоящее время занято изготовленіемъ одѣялъ изъ газетной бумаги, частью для солдатъ, призванныхъ въ армію, частью для ихъ семействъ. Одѣяла эти, весьма теплыя и гигиеничныя, обходятся чрезвычайно дешево.

Обыкновенное одѣяло состоитъ изъ восьми слоевъ газетной бумаги, на одѣяло очень теплое потребуется 10 слоевъ. Берутъ 50 старыхъ газетъ обыкновеннаго формата, хорошенько мнутъ и протираютъ бумагу, такъ что известь, содержащаяся въ ней, совершенно исчезаетъ; но дѣлать это нужно осторожно, чтобы бумага не порвалась, а сдѣлалась совсѣмъ тонкой и мягкой. Листы газетной бумаги раскладываются на большомъ столѣ или полу такимъ образомъ, чтобы одинъ листъ заходилъ немного за другой и между ними не оставалось промежутковъ. Число слоевъ должно быть, конечно, всюду одинаковое. Затѣмъ прошиваютъ листы во всѣхъ направленіяхъ толстой иглой и мягкой бумажной ниткой, пока не получится плотная масса; чѣмъ больше прошивокъ, тѣмъ лучше и прочнѣе будетъ одѣяло. Верхъ можно сдѣлать изъ

любого матеріала; въ большинствѣ домовъ найдутся остатки какихъ-нибудь тканей, такъ что одѣяло не будетъ стоить ничего. Можно взять, напр., сѣрую бумажную фланель (бумазею) или что-нибудь подобное. Теплота ткани не играетъ роли; тепло дается бумагой, которая, какъ извѣстно,—плохой проводникъ тепла. Ткань должна быть только прочной и практичнаго цвѣта. Ткань сшивается, и ею покрывается бумажная масса, къ которой она затѣмъ приметывается. Остающуюся по краямъ лишнюю матерію обрѣзываютъ, и затѣмъ пришиваютъ матерію по краямъ бумажной ниткой. Изнанка одѣяла такимъ образомъ готова.

Лицевую сторону надо скроить такъ, чтобы осталась широкая кайма, которая затѣмъ загибается и пришивается къ изнанкѣ, образуя широкій рубецъ. Но предварительно лицевую сторону надо приметать къ бумажной массѣ, чтобы матерія лежала гладко и хорошо приходилась къ краямъ. Затѣмъ, какъ уже сказано, край загибается, приметывается къ изнанкѣ и подрубается.

Чтобы газеты никоимъ образомъ не могли перемѣщаться, въ разныхъ мѣстахъ протягиваютъ черезъ всѣ слои двойную бумажную нитку и скрѣпляютъ концы на другой сторонѣ, какъ это дѣлаютъ съ матрацами. Но эти скрѣпленія надо дѣлать съ небольшими промежутками.

Такое одѣяло можетъ быть сдѣлано въ теченіе двухъ часовъ ребенкомъ. Оно очень тепло, мягко и легко; очень чисто и гигіенично, потому что газеты можно вынуть и сжечь, ткань вымыть и положить въ нее новый слой газетной бумаги. Какъ трудъ, такъ и расходы настолько незначительны, что въ нихъ могутъ принять участіе всѣ.

Бельгійскій Крючковъ. Настоящая война — сплошная повѣсть геройства. Газеты всѣхъ союзныхъ странъ полны самыми разнообразными случаями героизма, изъ которыхъ многіе просто невѣроятны. Но и въ числѣ послѣднихъ есть прямо чудесные, сказочные, которымъ трудно было бы повѣрить, если бы они не были офиціально засвидѣтельствованы. Къ числу такихъ подвиговъ относится подвигъ бельгійскаго солдата Сапэна, состоящаго въ 12 французскомъ линейномъ полку; герой этотъ одновременно награжденъ крестомъ Почетнаго Легіона (французскимъ) и орденомъ Леопольда (бельгійскимъ). Вотъ что сдѣлалъ Сапэнъ: перестрѣлявъ одинъ всю прислугу тяжелой батареи, всѣ орудія которой потомъ безъ боя достались союзникамъ, Сапэнъ одинъ же взялъ и привелъ въ плѣнъ взводъ въ 40 нѣмецкихъ солдатъ со знаменемъ, убивъ командира этого взвода. Рядъ этихъ подвиговъ удостовѣренъ въ актахъ пожалованія орденовъ Сапэну.

№ 3. Выходитъ еженед. (52 №№ въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА, 12 кн. Литерат. и популя.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 17 января 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на ½ года—4 р., на ¼ года—2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Засада. Рисунокъ И. Владимірова.

Содержанiе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранiя сочиненiй И. А. Бунина“ кн. 1 и второй полулистъ карты театра военныхъ дѣйствiй.

Король Петръ въ главной квартирѣ сербской армiи.

Дневникъ военныхъ дѣйствiй.

К. Шумскаго.

Черезъ шесть мѣсяцевъ войны.

Въ настоящiй моментъ мы присутствуемъ при полномъ параличѣ нѣмецкаго наступленiя. Наступленiе германцевъ во Францiи замерло уже почти три мѣсяца тому назадъ. Четвертое наступленiе генерала Гинденбурга заглохло на берегахъ рѣки Бзуры.

За полгода войны нѣмцы ввели въ дѣло почти все,—всѣ вооруженныя силы, которыми они располагали,—понесли до 2 миллiоновъ потерь, сдѣлали невѣроятныя усилiя и въ результатѣ, выражаясь по-просту, „выдохлись“. Они могутъ утѣшить себя тѣмъ, что ихъ территорiя пока занята лишь на сравнительно небольшомъ протяженiи отъ границы Восточной Пруссiи до Мазурскихъ озеръ, и что они занимаютъ Бельгiю и часть территорiи Завислинской Польши. Нѣмцы сдѣлали все для того, чтобы хотя временно предотвратить опасность отъ своей территорiи, и германскiй ге-

Къ грандiозной побѣдѣ сербовъ. Его Величество король сербскiй Петръ со свитой на полѣ битвы. Государь Императоръ пожаловалъ королю Петру высочайшую награду—орденъ св. Андрея Первозваннаго съ мечами, а королевичамъ Александру и Георгiю—орденъ св. Георгiя 4-й степени.

нeральный штабъ пока можетъ хвастать этимъ ничтожнымъ итогомъ, который получился послѣ неимовѣрныхъ усилій, взамѣнъ побѣдоноснаго разгрома противниковъ на обоихъ фронтахъ европейской войны.

Однако современная стратегія, такъ же, какъ и тактика, рекомендуетъ избѣгать тѣхъ мѣстъ, гдѣ укрѣпился противникъ, и совѣтуетъ бить его въ наиболѣе слабыя мѣста. Еще не такъ давно считалось, что въ бою нужно искать такъ называемый „ключъ позиціи", т.-е. такой пунктъ, съ овладѣніемъ которымъ должна пасть вся позиція. Такимъ пунктомъ могла быть какая-нибудь высота, съ которой можно разстрѣливать окружающую мѣстность, и т. п.

Въ нынѣшней войнѣ, когда сила современнаго оружія такъ необыкновенно возросла, атакующій уже не идетъ на такой „ключъ позиціи". Этотъ „ключъ позиціи" всегда бываетъ сильно укрѣпленъ, и атака его сопряжена лишь съ громадными жертвами. Атакующій идетъ на какой-либо другой, болѣе слабый участокъ позиціи, чтобы, занявъ его, облегчить себѣ атаку трудно доступнаго „ключа позиціи".

Одинаково и въ стратегіи. Современныя арміи, въ большинствѣ случаевъ, не могутъ итти прямо къ цѣли, допустимъ, къ непріятельской столицѣ, а должны выбирать, сплошь да рядомъ, наиболѣе кружные пути, но зато болѣе доступные.

Нѣмцы приняли всѣ мѣры для защиты своей границы, одинаково на востокѣ и на западѣ. Однако они ничего не сдѣлали для защиты территоріи Австро-Венгріи, и поэтому Австро-Венгрія и является тѣмъ слабымъ пунктомъ длиннаго австро-нѣмецкаго фронта, куда естественно направляются операціонные пути, идя такимъ кружнымъ путемъ къ стратегическому „ключу" — германской столицѣ.

Когда австрійцы были разбиты и наши войска двинулись одновременно и къ Кракову и за Карпаты, населеніе Двуединой монархіи заволновалось. Австро-венгерское правительство потребовало отъ нѣмцевъ, чтобы они приняли какія-либо мѣры для защиты территоріи Австро-Венгріи. Нѣмецкому генеральному штабу пришлось подчиниться этому требованію, ибо въ немъ явно сквозило намѣреніе австро-венгерской арміи бросить нѣмцевъ и отойти на защиту своей территоріи за Карпаты, а это угрожало возможностью нашего движенія мимо Кракова въ Силезію.

При такихъ условіяхъ послѣдовало, противъ желанія самихъ нѣмцевъ, первое наступленіе ихъ къ Варшавѣ, которое мы будемъ считать вторымъ наступленіемъ генерала Гинденбурга, имѣя въ виду, что первый разъ онъ наступалъ изъ Восточной Пруссіи къ Нѣману и черезъ Осовецъ къ Петроградо-Варшавской дорогѣ. Второе наступленіе генерала Гинденбурга, предпринятое съ недостаточными силами, было, конечно, заранѣе обречено на неудачу.

Когда нѣмцы были разбиты подъ Варшавой и отброшены къ своимъ границамъ, слабый пунктъ „австро-германскаго стратегическаго фронта" — Австро-Венгрія—снова очутился подъ ударомъ. Повторилась та же исторія. Австрійцы предъявили опять новое требованіе нѣмцамъ, и нѣмецкій генеральный штабъ, скрѣпя сердце, взялъ часть войскъ съ французскаго фронта и повелъ наступленіе отъ Торна. Наступленіе это оборвалось у Брезинъ, гдѣ была окружена прусская гвардія.

Сербская пѣхота въ цѣпи.

Артиллерія, брошенная австрійцами при бѣгствѣ.

Сербскій сторожевой постъ.

Къ грандіозной побѣдѣ сербовъ. По фот. нашего военнаго корреспондента.

Австро-венгерское правительство уже давно обратило вниманіе на то, что всѣ операціи нѣмцевъ ведутъ только къ защитѣ Германіи, а что Австро-Венгрія предоставляется самой себѣ. Когда нѣмцы увидѣли, что они не могутъ разбить французовъ на 16-й день, они потребовали, чтобы австро-венгерская армія двинулась въ предѣлы Люблинской и Холмской губерній и этимъ притянула на себя наши войска. Нѣмцы рѣшительно настаивали на этомъ движеніи, чтобы предотвратить опасность отъ германской границы на то время, пока они будутъ „уничтожать" Францію.

Такимъ образомъ нѣмцы разсчитывали, что австрійцы, наступая на нашу армію въ предѣлы Люблинской и Холмской губерній, предотвратятъ этимъ на полтора-два мѣсяца русскую опасность отъ германской границы. Благодаря этому нѣмцамъ нужно было разбить французовъ уже не на 16-й день, а черезъ два мѣсяца, что представлялось, конечно, болѣе легкимъ.

Весьма возможно, что послѣ неудачи у Брезинъ нѣмцы отошли бы къ своей границѣ и стали бы здѣсь вести упорную оборону, опираясь на линію крѣпостей и сплошную цѣпь укрѣпленій, протянутыхъ въ нѣсколько рядовъ вдоль Силезіи. Но надъ нѣмецкимъ генеральнымъ штабомъ висѣлъ „проклятый вопросъ" о спасеніи Австро-Венгріи, которая, въ случаѣ отхода нѣмцевъ къ своей границѣ, неминуемо должна была увидѣть появленіе нашихъ войскъ за Карпатами, на Венгерской равнинѣ.

Конечно, мы далеки отъ того, чтобы приписывать нѣмецкому генеральному штабу какія-либо нѣжныя чувства по отношенію къ Австро-Венгріи. Нѣмецкому генеральному штабу необходимо спасать Австро-Венгрію, ибо гибель послѣдней ведетъ къ потерѣ союзника, и, кромѣ того, черезъ Австро-Венгрію лежатъ пути въ Силезію и далѣе на германскую столицу.

Конференція нейтральныхъ монарховъ—скандинавскихъ королей въ Мальмэ. Ихъ Величества король датскій Христіанъ, шведскій—Густавъ и норвежскій—Гааконъ на балконѣ дворца, привѣтствуемые народомъ.

Такая перспектива представлялась настолько опасной, что нѣмцы принесли самую большую жертву, на которую они только были способны. Они взяли съ французскаго фронта шесть корпусовъ и пять кавалерійскихъ дивизій, и этимъ окончательно лишили себя возможности вести наступленіе во Франціи. Чтобы не потерять союзника и хоть какъ-нибудь на время закрыть пути черезъ Австрію въ Берлинъ, нѣмцы собственными руками погребли свое наступленіе во Франціи. И этимъ окончательно отказались отъ выигрыша войны.

Однако до послѣдняго момента нѣмцы не хотѣли отказаться отъ своихъ надеждъ на побѣду. Они рѣшили попытаться захватить линію рѣки Вислы, съ явнымъ намѣреніемъ оставить для обороны этой широкой многоводной рѣки незначительное число войскъ, а всей массой устремиться на Францію и добиться тамъ рѣшительнаго успѣха.

Потерявъ до полумилліона войскъ на Бзурѣ, нѣмцы такъ и не увидѣли того меридіональнаго теченія Вислы между Варшавой и Ивангородомъ, къ которому они такъ бѣшено и страстно стремились.

Нѣмецкое наступленіе замерло, и это было для нихъ исключительно тяжелымъ ударомъ. Результаты его немедленно сказались. Графъ Тисса выступилъ со своимъ знаменитымъ заявленіемъ, смыслъ котораго сводился къ тому, что отнынѣ венгры намѣрены сами защищать свою территорію.

Дѣйствительно, венгры давно уже хотѣли отвести свои венгерскіе полки для защиты родной Транслейтаніи, но каждый разъ нѣмецкій генеральный штабъ увѣрялъ, что надо произвести новое наступленіе противъ нашихъ войскъ, и это спасетъ само собою Венгрію. Въ послѣдній разъ послѣ Брезинъ, когда венгры хотѣли отойти для защиты своей территоріи, нѣмецкій генеральный штабъ настоялъ на томъ, чтобы произвести новое наступленіе, и доказывалъ, что нужно захватить линію рѣки Вислы, разбить наши войска, и это спасетъ Венгрію скорѣе, нежели оборона венгерскихъ войскъ на территоріи Транслейтаніи.

Когда стало ясно, что нѣмецкое наступленіе къ Вислѣ потерпѣло крушеніе, и что такимъ образомъ Венгріи не спасти, венгры болѣе уже ни на что не могли надѣяться. Въ политикѣ это отразилось перемѣнами въ австро-венгерскомъ правительствѣ, гдѣ руководящая роль перешла къ венгерскимъ государственнымъ дѣятелямъ, а въ стратегіи это выразилось въ томъ, что началась новая перегруппировка австро-венгерскихъ войскъ, отколовшихся частью отъ нѣмцевъ и передвигающихся для обороны территоріи Венгріи.

Къ этому моменту венгерской территоріи угрожалъ уже натискъ съ трехъ сторонъ и подготовлялся натискъ и съ четвертой стороны. На сѣверѣ,—съ фронта,—въ Карпатскихъ проходахъ наступаютъ наши войска. На востокѣ,—на флангѣ,—наши войска двигаются изъ Буковины въ Трансильванію, которая совершенно не приспособлена къ оборонѣ, за полнымъ отсутствіемъ крѣпостей, малымъ количествомъ войскъ и вслѣдствіе недостатка продовольственныхъ припасовъ.

На югѣ, т.-е. съ тыла, занимаетъ угрожающее положеніе сербская армія, лишь недавно разгромившая три австрійскихъ корпуса. Наконецъ на юго-востокѣ угрожающе подготовляется Румынія, выступленіе которой откладывается на короткое время, впредь до освобожденія горныхъ проходовъ отъ снѣжныхъ заваловъ.

Австро-Венгрія со своей истощенной, разстроенной, совершенно обезсилѣвшей арміей, дѣлаетъ послѣднія конвульсивныя усилія, охваченная со всѣхъ сторонъ войсками противника. „Слабый пунктъ австро-германскаго стратегическаго фронта" — Австро-Венгрія — не въ силахъ предотвратить надвигающейся опасности.

Не въ силахъ ей помочь и нѣмцы. Они сами съ трудомъ удерживаются на Бзурѣ и не имѣютъ достаточнаго числа войскъ, чтобы закрыть всѣ важныя угрожаемыя направленія. Вправо отъ нѣмецкаго расположенія на Бзурѣ, между Бзурой и Нидой, въ Петроковской губерніи, почти пустое мѣсто, прикрытое лишь тонкой завѣсой кавалеріи. Одинаково влѣво отъ нѣмецкаго расположенія на Бзурѣ, на правомъ берегу Вислы, между Вислой и Восточной Пруссіей, также пустое мѣсто и также тонкая ширма изъ кавалеріи.

Нѣмцы, отказавшись отъ выигрыша войны, перешли къ оборонѣ. Они были увѣрены, что, если наступленіе стало для нихъ невозможнымъ, то тѣмъ болѣе оно невозможно для союзниковъ. Однако стоило только нѣмецкому наступленію остановиться, какъ сразу обнаружились всѣ „дыры" въ австро-нѣмецкомъ расположеніи, которыя до сихъ поръ тщательно замазывались нѣмцами безпрерывнымъ наступленіемъ, при помощи нескончаемыхъ атакъ. Теперь эти атаки кончились, и сразу засквозила дыра въ нѣмецкомъ расположеніи на правомъ берегу Вислы, такая же дыра—въ Петроковской губерніи, между Бзурой и Нидой, и плохо затянутая тонкая завѣса изъ обезсиленныхъ австрійскихъ войскъ на длинномъ австрійскомъ фронтѣ, идущемъ въ видѣ полукольца вдоль Карпатъ, далѣе на югъ, мимо границъ Румыніи, и далѣе на западъ, по Дунаю, мимо границъ Сербіи.

Если на французскомъ фронтѣ нѣмцы кое-какъ сохраняютъ сравнительно устойчивое положеніе, то на нашемъ и на южномъ фронтахъ австро-нѣмецкое расположеніе представляетъ собою нѣчто сшитое бѣлыми нитками, своего рода „тришкинъ кафтанъ". Позатыкано войсками нѣсколько раіоновъ и всюду прорѣхи, изъ которыхъ наиболѣе уязвимой является злосчастная Австро-Венгрія. И очевидно, чрезъ эту прогнившую имперію будутъ проложены пути къ тому „стратегическому ключу", гдѣ должны сойтись арміи союзниковъ,—къ Берлину.

Утро въ окопахъ. Рисунокъ профессора Н. С. Самокиша.

Сказка Бельгіи.

В. Я. Свѣтлова.

Развѣ это не удивительно? Жилъ въ Европѣ народъ, о которомъ всѣ знали, но никто какъ-то не говорилъ. Жилъ онъ на небольшомъ клочкѣ земли и, покрывъ этотъ клочокъ густой сѣтью фабрикъ, заводовъ, желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ, превратилъ его въ цвѣтущее промышленное государство. Всѣ знали, что въ этомъ государствѣ живутъ отличные инженеры, механики, техники, рабочіе, фабриканты и промышленники. Проѣзжая ночью по этой странѣ, путешественникъ изъ окна вагона видѣлъ цѣлый лѣсъ черныхъ силуэтовъ фабричныхъ трубъ, извергавшихъ пламя, огни горновъ, мартеновскихъ и бессемеровскихъ печей, безчисленное количество телеграфныхъ столбовъ, цѣлыя сѣти телефонныхъ проволокъ, ряды вагоновъ, платформъ и локомотивовъ. И жутко становилось отъ сознанія, что въ этой странѣ техники и машины не ощущалось какъ-то дыханія человѣческой жизни, которую поработила сложная и математическая сила машины. Развѣ это не удивительно, что мы такъ проглядѣли душу этого маленькаго народа, который въ тяжелыхъ трудахъ и въ пламени своихъ горновъ не только не умалилъ ея человѣческаго величія, но закалилъ ее и выковалъ ее твердою и благородною, какъ сталь?

Исправленіе нижними чинами желѣзно-дорожнаго батальона пути, испорченнаго германцами.

Исправленіе желѣзно-дорожнаго пути, послѣ отступленія германцевъ.

Какая-то сказка! Волшебная феерія. Маленькій народъ превратился въ одно мгновеніе ока въ великій народъ. Армія техниковъ, механиковъ, фабрикантовъ, инженеровъ и рабочихъ—въ армію героевъ, великій духъ которыхъ не въ силахъ сломить все обрушившееся на нихъ страшное роковое несчастье. Мы думали, что они „матеріалисты“, что стальная машина, бездушная вещь—настоящій ихъ культъ. Мы слыхали, что король Альбертъ, когда еще Бельгія жила жизнью мира и труда, увлекался государственными дѣлами, что онъ послѣ путешествія въ Конго, пораженный ужасами сонной болѣзни, отдалъ громадную часть своего личнаго состоянія для изслѣдованія этой болѣзни, отъ которой тысячами умирали туземцы бельгійской колоніи, и что во время досуговъ отъ дѣлъ правленія, въ тиши кабинета, онъ страстно увлекался музыкой и механикой.

Мельница около Ловича,

Но развѣ мы знали, что этотъ глубоко-мирный король—сказочный богатырь и великій герой на поляхъ битвы? Какъ-то непростительно погрѣшили мы передъ этимъ королемъ и его народомъ, не познавъ ихъ героической души.

Но если бы мы внимательнѣе и вдумчивѣе отнеслись къ этому маленькому народу, мы поняли бы, что народъ этотъ—поэтъ и философъ. Да, матеріальныя вещи играли большую роль въ жизни ихъ трудолюбивой рабочей страны. Но развѣ не ихъ философъ-поэтъ показалъ намъ впервые душу матеріальныхъ вещей въ своей „Синей Птицѣ“? Развѣ не онъ впервые съ такой поразительной силой и художественной яркостью раскрылъ намъ душу окружающихъ насъ, мертвыхъ на первый взглядъ, матеріальныхъ вещей, среди которыхъ мы обречены жить? Развѣ не онъ указалъ намъ, что рядомъ съ нами, вотъ здѣсь, совсѣмъ близко съ жизнью тѣла, съ матеріальной жизнью его, находится иная жизнь, жизнь высокая, жизнь духа, которую мы по небрежности, по недоразумѣнію, не хотимъ за-

Телефонисты.

Воронка, образовавшаяся отъ взрыва шестидюймоваго австрійскаго снаряда.

селья и—это особенно интересно—много глубокихъ философскихъ мыслей, выработанныхъ оригинальной психикой народа. И всѣ онѣ обвѣяны дымкой очаровательной, трогательной, мягкой и красивой поэзіи.

„Въ долгіе осенніе вечера,—говоритъ Н. А. Галибинъ, собиратель этихъ сказокъ,—зимою, подъ трескъ хвороста въ каминѣ фермера, въ лунныя теплыя лѣтнія ночи, за кружкою добраго фландрскаго пива, завѣщаннаго своему народу незабвеннымъ королемъ Гамбринусомъ, эти сказки и до сихъ поръ переходятъ отъ отца къ сыну, отъ бабушки къ внукамъ, какъ переходили столѣтія тому назадъ, ничего не теряя изъ своей первобытной свѣжести и красоты. Герои народныхъ сказаній не старѣются и не умираютъ: попрежнему милый, добродушный Гамбринусъ пляшетъ подъ звонъ колоколовъ, потчуя народъ своимъ волшебнымъ напиткомъ; Смерть такъ же, какъ и столѣтія тому назадъ, не отказывается распить съ добряками-фламандцами боченокъ пѣнистаго пива; Нищета бродитъ по Фландріи въ сопровожденіи своей собаки Фаро, и Семь Смертныхъ Грѣховъ мирно благодушествуютъ въ избранной ими гостиницѣ, и Вѣчный Жидъ все такъ же навѣщаетъ Брюгге и пьетъ въ кабачкахъ пиво съ его любопытными горожанами, а прославленные бургомистры и мэры благодатной Бельгіи управляютъ своими подчиненными, придерживаясь знаменитой методы перваго бургомистра Камбрэ, предоставлявшаго каждому жить по-своему, а всему міру — по волѣ Господа Бога“.

мѣчать и видѣть? Это намъ впервые съ необыкновенной художественной силой показалъ бельгіецъ Метерлинкъ, сынъ своей фабрично-заводской родины.

И мы восхищались его литературнымъ талантомъ, его даромъ разсказывать волшебныя сказки, въ которыхъ столько поэзіи человѣческаго духа, но какъ-то не распространили этого восхищенія ни на его народъ ни на его родину.

Но этотъ маленькій народъ въ великомъ душевномъ порывѣ своемъ воскресилъ передъ нами эпическую картину древне-античной доблести. Какая красота въ этомъ порывѣ, какая цѣльность духа! Какимъ ослѣпительнымъ блескомъ загорѣлись эти подвиги, выкованные у пламенныхъ горновъ великой эпической Бельгіи! О силѣ и красотѣ героическаго духа намъ уже не придется учить нашихъ дѣтей по легендамъ и полумиѳамъ античной Греціи. У насъ есть Бельгія XX вѣка. Та Бельгія, о которой мы, къ стыду своему, ничего не знали. Мы не знали, что у этого народа есть сокровищница народной поэзіи—ихъ сказки. Дѣйствительно, кто слыхалъ о бельгійскихъ сказкахъ? Говоря въ школахъ о западныхъ литературахъ и народномъ творчествѣ европейскихъ народовъ, упоминали ли о сказкахъ бельгійскаго народа?

Укладка снарядовъ въ зарядные ящики у станціи желѣзной дороги.

Бомба съ аэроплана.

А бельгійскія сказки стоятъ вниманія и изученія. Въ глубинахъ ихъ поэтическаго вымысла можно отыскать тѣ первоосновы народнаго духа, которыя такъ неожиданно и восторженно поразили насъ. Въ этихъ сказкахъ, являющихся плодами непосредственнаго народнаго творчества, столько блестящаго вымысла, столько свѣжаго юмора, здороваго ве-

Это было написано четверть вѣка тому назадъ. Прошло четверть вѣка, и бельгійская сказка не только продолжаетъ жить въ фантазіи народа, но какъ бы воплощается въ конкретные, осязаемые образы.

Старуха Нищета со своей голодной собакой Фаро, ровесница первородному грѣху, считающаяся безсмертной, — бельгійской сказкой воплотилась сейчасъ въ реальный, всѣми видимый и ощущаемый образъ, и бродитъ по разоренным, сожженнымъ и разрушеннымъ городамъ и селамъ несчастной Бельгіи. И Смерть изъ области фантастики спустилась на землю Бельгіи и превратилась изъ героини сказки въ страшную реальность: „тотчасъ же Смерть принялась за свое дѣло и отправила на тотъ свѣтъ множество людей и, увидя, что ей одной никакъ не справиться съ такой массой работы, собрала цѣлую армію, назначила главнокомандующимъ доктора De profundis и при его помощи въ нѣсколько дней освободила землю отъ излишняго количества людей“. Она не тронула только Нищеты, которая живетъ попрежнему. Отгого-то Нищета и существуетъ вѣчно на землѣ.

Вообще, сказки Бельгіи, созданныя народной фантазіей много вѣковъ тому назадъ, чудеснымъ образомъ превращаются въ двадцатомъ вѣкѣ въ роковую дѣйствительность. Какъ будто коллективный авторъ этихъ сказаній, народъ, сочиняя ихъ, прозрѣвалъ въ далекое туманное будущее и вѣще предугадалъ судьбу своей страны.

„Шагахъ въ двадцати,—говорится въ сказкѣ объ „Острой Скалѣ“,—двигался отрядъ воиновъ съ каменными лицами. Ихъ мечи бле-

стѣли на солнцѣ; ихъ груди были каменными, такъ же, какъ и лица. Они шли тѣснымъ строемъ въ глубокомъ молчанiи, и земля дрожала подъ ихъ тяжелыми стопами. Глядя на нихъ, можно было бы сказать, что это двигался отрядъ статуй". Развѣ это не живая картинка нынѣшней дѣйствительности? Развѣ эти воины съ каменными лицами и тяжелыми стопами—не мѣткое художественное олицетворенiе тевтонскихъ полчищъ съ каменнымъ сердцемъ, разбившихъ храмы, разорившихъ фландрскую землю и обратившихъ цвѣтущiе города ея въ мерзость запустѣнiя?

Въ философскомъ воззрѣнiи на правду жизни въ сказкахъ бельгiйскаго народа чувствуется большой скептицизмъ.

Поймали бродягу на дорогѣ и привели его въ судъ. Судья спрашиваетъ обвиняемаго, какъ его зовутъ.

„— Исаакомъ Лакедемомъ меня зовутъ, я родился въ Iерусалимѣ.

„— Ваши лѣта? — спрашиваетъ судья.

„— Мнѣ за тысячу. Мнѣ было двѣнадцать лѣтъ, когда родился Iисусъ.

„— Ваши средства къ жизни?

„— У меня есть одна монета, которую я никакъ не могу прожить.

„— Ваши занятiя?

Обозы на пути къ позицiямъ.

Въ ожиданiи солдатскаго пайка.

„— Я долженъ вѣчно бродить по землѣ.

„— Вы и схвачены за бродяжничество. Это не занятiе. Отведите его въ тюрьму.

„Одинъ изъ присутствовавшихъ, „ищущiй правды" Филиппъ, на судѣ подумалъ:

„Богъ осудилъ этого человѣка бродить по землѣ до Суднаго дня, а его за это сажаютъ въ тюрьму. Развѣ людской законъ выше Божьяго? Въ Брюсселѣ нѣтъ правосудiя".

„— Вотъ, — обратился онъ къ Вѣчному Жиду: — вы бродите по землѣ свыше тысячи лѣтъ. Встрѣтили ли вы хотя одного справедливаго человѣка?

„— Конечно,—отвѣтилъ Исаакъ:—одного встрѣтилъ, да и того люди распяли на крестѣ. Но и то это былъ не человѣкъ, а Богъ".

Въ концѣ сказки этотъ Филиппъ — искатель правды — встрѣтился съ длиннымъ, худымъ, какъ скелетъ, человѣкомъ съ косой въ рукѣ. Это была Смерть. Познакомившись съ нею, онъ нашелъ, что она — самый справедливый человѣкъ, потому что коситъ съ одинаковымъ равнодушiемъ бѣднаго и богатаго. Но, когда насталъ его чередъ умирать, онъ сталъ уговаривать Смерть пощадить его и даже хотѣлъ подкупить ее. Но „самый справедливый человѣкъ"—Смерть сказала ему:

„— Когда ты искалъ справедливаго человѣка, то никто на свѣтѣ, не исключая и судьи въ Брюсселѣ, не казался тебѣ безъ пятна на совѣсти. А теперь, когда ты нашелъ того, кого искалъ, ты самъ сбиваешь его съ пути и хочешь подкупить выпивкой. Какой же ты христiанинъ послѣ этого?"

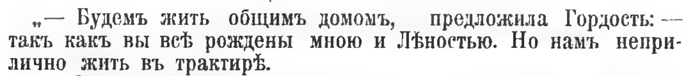
И Смерть скосила его.

Есть у бельгiйцевъ сказка и о св. Георгiи, убивающемъ дракона. Ежегодно на дюканахъ Монса происходитъ праздникъ рудокоповъ, называемый „турниромъ Дракона". Одинъ изъ рудокоповъ одѣвается рыцаремъ св. Георгiя и убиваетъ ужаснаго дракона, сдѣланнаго изъ прутьевъ ивы и изъ соломы. Но сейчасъ, въ этотъ памятный Четырнадцатый годъ, всѣ бельгiйцы превратились въ рыцарей св. Георгiя, въ цѣлую армiю св. Георгiя, доблестно сражающуюся съ подлѣйшимъ дракономъ XX вѣка, съ его многомиллiонными головами. Великая борьба когда-то маленькой Бельгiи! Но величiе духа этихъ рыцарей св. Георгiя превратило этого дракона въ презрѣннѣйшую, хотя и ядовитую тварь, и уже эпитетъ „маленькiй" не подходитъ къ народу, обладающему величiемъ героическаго духа.

Въ Бельгiи есть деревня и сказка подъ названiемъ „Бѣлый воробей". Бельгiйскiй народъ любитъ разсказывать и слушать сказку про бѣлаго воробья. И въ этой сказкѣ сложившiй ее на-

На наблюдательномъ посту.

Въ Галицiи, занятой нашими войсками. По фот. нашего спецiальнаго корреспондента.


„— Будемъ жить общимъ домомъ, предложила Гордость: — такъ какъ вы всѣ рождены мною и Лѣностью. Но намъ неприлично жить въ трактирѣ.

„— Да это и стоило бы очень дорого,—замѣтила Скупость.

„— А деньги пришлось бы добывать трудомъ,—вставила Лѣность.

„— Отчего намъ не жить здѣсь?—возразило Чревоугодіе:—здѣсь толстобрюхій хозяинъ и двойное фландрское пиво.

„— Нѣтъ, лучше поселимся у бѣднаго мужика: онъ вѣдь всегда завистливъ,—сказала Зависть.

Во Фландріи. Затопленныя бельгійцами поля, на которыхъ находились германскія траншеи.

родъ проводитъ мысль, что мужество всегда одолѣваетъ силу, и что если Бельгія—незначительный клочокъ земли, тѣмъ не менѣе она всегда умѣла заставить себя уважать и бояться ея мужества. Эта народная вѣра въ свое мужество и гордое исповѣданіе своего достоинства ярко выразились въ годину бѣдствій настоящей войны.

Привожу въ заключеніе, не исчерпавъ и сотой доли богатой сокровищницы бельгійскихъ сказокъ, еще одну прелестную сказку бельгійскаго народа, пронизанную не только красотою образовъ, но и свѣтомъ мудрой и оригинальной философіи, это—„Гостиница Семи Смертныхъ Грѣховъ“.

„Семь Смертныхъ Грѣховъ вели веселую жизнь и, попавъ въ городъ Лилль, зашли въ кабачокъ „Большая Кружка“, стоявшій на площади.

Во Фландріи. Бельгійцы въ окопахъ, защищенныхъ стальными плитами.

У Ипра. Бельгійцы въ окопахъ. Между двухъ перестрѣлокъ.

„Гнѣвъ предложилъ поселиться у воина. Лѣность не соглашалась, находя, что воинъ въ мирное время встаетъ съ пѣтухами и утомляется на ученьи, а въ военное время ѣстъ и спитъ Богъ знаетъ какъ. Роскошь предложила поселиться у красивой комедіантки: она отлучена отъ церкви и будетъ для нихъ отличной хозяйкой — она честолюбива, влюбчива, ревнива, ведетъ роскошную жизнь, она зла, лѣнива и къ старости будетъ скупой—настоящее гнѣздо для всѣхъ грѣховъ.

„Но мать Семи Грѣховъ — Лѣность—и на это не согласилась: не согласился и отецъ ихъ — Гордость.

„— Намъ нужно поискать хозяина, который бы ничѣмъ не занимался.

„Они принялись искать такого, но не могли найти. Всякій человѣкъ чѣмъ-нибудь да занимался. Они уже хотѣли разойтись и попрежнему жить порознь, но вдругъ Лѣность заявила, что нашла такого человѣка, который ничего не дѣлаетъ и которому нечѣмъ заниматься — это толстобрюхій монахъ. Роскошь, Скупость и Гордость попробовали возразить, что вѣдь онъ давалъ обѣтъ

жить въ цѣломудріи, нищетѣ и повиновеніи, и потому имъ у него нечего буетъ дѣлать. Но Лѣность заявила, что именно поэтому онъ приметъ ихъ радостно, ибо ничто такъ легко не нарушается у бездѣльниковъ, какъ данный обѣтъ.

„Еще поспорили, и наконецъ всѣ пошли за монахомъ.

„Но монахъ имъ сказалъ:

„— Я радъ бы васъ всѣхъ взять къ себѣ, но могу принять только вашихъ родителей Гордость и Лѣность; конечно, я бы охотно взялъ и красавицу Роскошь,

Разрушенный мостъ въ Бельгіи, на которомъ погибъ поѣздъ съ французскими ранеными.

но за ней ходитъ мой смертельный врагъ— Дурная Слава.

„— Возьми ихъ всѣхъ, — раздался голосъ:—а передъ Дурной Славой я закрою двери, и она не войдетъ съ ними.

„Это говорило Лицемѣріе—замаскированная женщина со скрещенными на груди руками.

„— Не бойся, отче, я отвѣчаю за успѣхъ. Горе тому, кто попробуетъ сорвать съ меня маску и выпрямить мои руки.

„И капуцинъ повелъ всѣхъ семерыхъ въ свой монастырь. Они и теперь тамъ живутъ подъ охраной Лицемѣрія".

Не правда ли, что такую сказку, полную презрѣнія и ненависти къ тунеядству, могъ создать только народъ, на протяженіи всей своей исторіи въ потѣ лица своего трудившійся свободно, любовно и создавшій множество цѣнностей. Этотъ народъ превратилъ безплодныя дюны въ цвѣтущіе сады, предпринявъ циклопическія постройки шлюзовъ, на неблагопріятной почвѣ Бельгіи онъ выращивалъ великолѣпные плоды; села и деревни онъ превратилъ въ цвѣтущіе города, выстроилъ заводы и фабрики и покрылъ ими страну вмѣстѣ съ рельсовой сѣтью, какъ густой паутиной. Добродѣтельный, мужественный, гордый духомъ, физически неутомимый, народъ этотъ, для котораго принципы чести—все и выше всего, въ потѣ лица своего создалъ свое прекрасное государство и, какъ муравей, работалъ надъ его благолѣпіемъ и благосостояніемъ. И вотъ грубый тевтонскій сапогъ пришелъ и въ нѣсколько мѣсяцевъ разрушилъ до основанія этотъ трудовой муравейникъ и растопталъ его своей тяжелой пятой.

Бѣдная, милая, славная Бельгія! Тевтонъ готовилъ тебѣ „рубашку смерти",—еще одна изъ твоихъ сказокъ,—но если онъ могъ разрушить плоды долгихъ лѣтъ твоей труженической жизни, если онъ могъ превратить въ груды развалинъ созданныя тобой цѣнности, если онъ могъ нанести смертельныя раны твоимъ святымъ труженикамъ, замучивъ ихъ голодомъ, убивъ матерей и дѣтей и уведя мужей заложниками, то злобы и ненависти всего его народа не хватитъ, чтобы убить твой величавый духъ, чтобы растоптать твою благоухающую душу. Ибо духъ твой непобѣдимъ, и душа твоя прекрасна, какъ бѣлоснѣжная лилія. Ибо изъ этой непобѣдимости и бѣлоснѣжности создано твое геройство, поразившее міръ, который съ почтительнымъ благоговѣніемъ склонился передъ твоимъ величіемъ, передъ твоей славой. И всѣ чудесныя сказки, созданныя въ краткія минуты отдыха и досуга твоего народа, какъ бы прозрѣвавшаго, создавая ихъ, грядущія свои судьбы, меркнутъ передъ той сказкой дѣйствительности, которую ты такъ просто и такъ безумно-красиво разсказала намъ сказочными подвигами твоей народной арміи и ея верховнаго главы — героя Альберта.

И вѣчно будетъ жить эта сказка дѣйствительности и вѣчно будетъ свѣтить міру со страницъ его исторіи.

И да пребудетъ съ тобой, рыцарь-народъ, вѣчная Слава!

Госпиталь въ Санлисѣ. Стѣна со слѣдами бомбардировки. Распятіе, висящее на стѣнѣ, совершенно не повреждено.

Въ Аргоннскомъ лѣсу. Несгораемый шкапъ мэріи одной изъ деревень, взорванный и ограбленный нѣмцами.

Бельгійцы съ крыши вагона обстрѣливаютъ непріятеля, атакующаго желѣзную дорогу.

Бельгіи.

Когда озлобленный Іуда
Тайкомъ твоихъ касался устъ,—
Въ сердцахъ друзей таилась грусть
И вѣра въ радостное чудо...
Пусть люди злобою горятъ,
Пусть смертью ихъ желанья дышатъ—
Они не знаютъ, что̀ творятъ,
И гласа Божьяго не слышатъ.
Но дрогнетъ сумракъ на землѣ,
Порвутся черные покровы,
И запылаютъ въ жуткой мглѣ
Зигзаги молніи суровой.
И наяву свершится сонъ:
Нашъ врагъ разсѣется... Во мракѣ
«Король, свобода и законъ!»—
Прочтемъ мы огненные знаки...

И. М.

Смерть короля.

Разсказъ **Як. Окунева.**

Пана Винцента Лабенскаго изъ Подбродья, по прозвищу „панъ круль“, знаютъ всѣ въ Польшѣ. Знаютъ и его маленькій хуторокъ съ мельницей, съ лѣскомъ на холмѣ, съ барскимъ флигелькомъ, который лѣтомъ весь тонетъ въ зеленой листвѣ яблонь и вишенъ; знаютъ его причуды и страсть къ канарейкамъ; знаютъ наконецъ и его крутой нравъ, но любятъ его, и если какой-нибудь панъ, хотя бы самый захудалый, изъ подпанковъ, а то и совсѣмъ изъ хлоповъ, ѣдетъ изъ Плоцка въ Подбродье, то онъ непремѣнно свернетъ съ большого шляха и заѣдетъ провѣдать „пана круля“ Винцента Лабенскаго.

И все же, хотя пана Винцента знала, кажется, каждая собака въ Польшѣ, ему было скучно, невыносимо скучно, особенно съ той поры, когда пришелъ однажды пробощъ изъ Залихвостья и сказалъ, что объявлена война, и что нѣмцы идутъ на Подбродье.

Почему нѣмцамъ понадобилось именно Подбродье, пробощъ и самъ толкомъ не зналъ, но онъ разсуждалъ, примѣрно, такъ:

— Наши войска, панъ, станутъ подковою, а нѣмцы ужъ непремѣнно нападутъ клиномъ. Такая ужъ, панъ, стратегія у нѣмцевъ, чтобы строиться клиномъ. И тогда они войдутъ въ Подбродье.

Панъ круль мысленно послалъ пробоща къ дьяволу, а вслухъ сказалъ только:

— Эге!

А такъ какъ онъ ничего, кромѣ этого, не сказалъ, то пробощъ скоро уѣхалъ, выпивъ только „противъ лихорадки“ четыре стакана крѣпкаго панскаго меда.

Итакъ, пану крулю было скучно. Вторую недѣлю лилъ нудный осенній дождь; небо низко нависло надъ старой вишней, надъ скворечникомъ, надъ тремя желтыми сараями, любимый кенаръ пана нахохлился и не пѣлъ сегодня, а панъ Янъ, управляющій, длинный человѣкъ, похожій на ножницы, на которыя натянули штаны и куртку, уѣхалъ въ городъ за сѣменами для теплицы.

И отъ скуки панъ круль задумался, а задумавшись, вспомнилъ свою молодость. Вспомнилъ онъ про то время, когда, кромѣ гонора, у него еще не было ничего, какъ онъ изъѣздилъ полсвѣта въ погонѣ за счастьемъ и какъ нашелъ свое счастье въ Подбродьѣ, женившись на паннѣ Ядвигѣ Волоцкой, которая принесла съ собою это имѣніе и подарила ему сына Іеронима. Вспомнилъ панъ и про свои чудачества, про то, какъ онъ однажды пріѣхалъ къ сосѣду пану Яцеку и, увидѣвъ, что у того много книгъ въ кожаныхъ переплетахъ съ золотымъ обрѣзомъ, спросилъ:

— А сколько у тебя, панъ Яцекъ, книгъ?

— Четыре тысячи томовъ, — отвѣтилъ панъ Яцекъ.

— Такъ у меня ихъ будетъ восемь тысячъ.

И черезъ нѣкоторое время въ усадьбу пана круля привезли восемь тысячъ новенькихъ нарядныхъ книгъ изъ Лейпцига.

Управляющій Янъ, никогда въ жизни не прочитавшій ни одной книги, совсѣмъ растерялся и воскликнулъ:

— Іезусъ-Марія! Куда мы дѣнемъ столько бумаги?

— Свалите ихъ въ клуню, и чортъ ихъ раздери,—отвѣтилъ панъ.

Или еще:

У пана Буйницкаго были рѣдкія собаки. Хотя пана круля тошнило отъ запаха псины, но онъ рѣшилъ, что у всякаго порядочнаго человѣка должны быть собаки, и приказалъ:

— Я хочу, чтобы у меня были три своры собакъ.

И когда ихъ привезли въ усадьбу и спросили пана круля, что̀ съ ними дѣлать, панъ стукнулъ кулакомъ по столу и крикнулъ:

— Три дьявола вамъ, панъ Янъ, въ печенку! Кто здѣсь управляющій—я или вы! И развѣ я знаю, что̀ дѣлать съ собаками? Пусть бѣгаютъ.

И многое, многое вспомнилъ панъ круль, но отъ воспоминаній ему не стало веселѣе на душѣ. Онъ, положимъ, не совсѣмъ довѣрялъ пробощу, но все же скребло что-то на сердцѣ у пана, и когда Явтухъ привезъ съ почты газеты, то панъ круль сразу набросился на нихъ.

Господи! О чемъ пишутъ эти идіоты! Ну, вотъ, напечатано крупными буквами: „Война“. А что̀ подъ этими буквами? Сначала какой-то олухъ напечаталъ про идею войны. Подумаешь: и-де-я! Одинъ человѣкъ ѣстъ фазана, и у него одна идея въ головѣ, а другой жретъ картошку, и вотъ у него другая идея. Пусть-ка эти умники скажутъ, чего такого поѣлъ Вильгельмъ, что вдругъ захотѣлъ воевать! Идея! Пѣтухъ, которому кухарка завтра перерѣжетъ горло, кричитъ „кукареку“ на весь міръ и тоже думаетъ, что это идея. Посмотримъ дальше: „изъ достовѣрныхъ источниковъ намъ сообщаютъ“. Врешь! Ничего тебѣ не сообщаютъ, а ты самъ себѣ сообщилъ, чтобы стянуть у добраго человѣка лишній пятакъ... Дальше стихи Лидіи Полонецкой. Ей бы замужъ да дѣтей рожать, а она—стихи. Столъ—полъ—молъ—волъ, подумаешь, какая мудрость! Ага! Вотъ оно самое.

Панъ круль старается прочесть напечатанное, но строчки прыгаютъ передъ его глазами, и изъ этого выходитъ чортъ знаетъ что̀, а не разумныя человѣческія слова.

— Іеронимъ!—зоветъ панъ своего сына.

Изъ боковой комнаты выходитъ мальчикъ лѣтъ шестнадцати, болѣзненный, съ блѣднымъ лицомъ и грустными сѣрыми глазами. Панъ круль смотритъ на сына и думаетъ, качая головой, о томъ, что у Іеронима чахотка, что онъ скоро умретъ, какъ умерла мать, и грустно и тяжело пану крулю, и хочется молиться за сына,

Пусть сынъ умретъ, но онъ не будетъ ничего просить у пана Бога, потому что гоноръ дороже всего на свѣтѣ.

— Прочти, Іеронимъ.

Сынъ читаетъ о томъ, что нѣмцы взяли Подбродье, и что они идутъ къ Плоцку.

— Врешь!—кричитъ панъ круль.

— Такъ напечатано,—пожимая плечами, говоритъ Іеронимъ.

— Напечатано. Мало ли что̀ напечатано. Пошелъ вонъ! — совсѣмъ разсердился панъ круль на сына.

Черезъ часъ панъ круль опять зоветъ сына:

— Іеронимъ, иди сюда!

И опять ему становится тяжело на душѣ, когда онъ видитъ мертвенно блѣдное съ двумя яркими розовыми пятнами на щекахъ лицо сына и слышитъ его хриплое дыханіе.

— Трудно тебѣ, Іеронимъ?

— Я скоро умру, отецъ.

Панъ круль не хочетъ этого: не умретъ Іеронимъ, ни за что не умретъ. Панъ круль стучитъ кулакомъ по столу.

— Я не спросилъ тебя, когда ты умрешь. Зачѣмъ ты говоришь объ этомъ?

Дождь усилился и барабанитъ по крышѣ. Пали сумерки на усадьбу пана, всю Польшу окутали осеннія сумерки. Толстая Явдоха зажгла лампу и не уходитъ изъ комнаты, хотя ей нечего здѣсь дѣлать. Она смотритъ на пана, на Іеронима и вздыхаетъ.

— Ну?—спрашиваетъ ее панъ круль.

— Всѣ люди ушли, панъ: Михалько, Кастуська, Чеславъ—всѣ ушли.

— Ну?

— Сегодня ночью могутъ прійти нѣмцы.

— Ну?

— Я запрягу, панъ, Гайдука. Поѣдемъ и мы.

— Чортова баба! Развѣ ты не видишь, что Іеронимъ боленъ, и что его въ такую погоду нельзя никуда везти? Глупая баба!

— Закутать бы его хорошенько...

— Гдѣ твое мѣсто, Явдоха?

— На кухнѣ, мой панъ.

— Ну, и ступай туда. Живо, пока я тебѣ не отшибъ твой толстый задъ! Маршъ!

Явдоха уходитъ, а панъ приказываетъ сыну:

— Іеронимъ, возьми съ полки Библію. Такъ. Открой ее и читай.

— Въ какомъ мѣстѣ открыть, отецъ?

— Открой наугадъ. Читай!

Дождь стучится въ окна: откройте, добрые люди! Завываетъ вѣтеръ въ трубѣ, гдѣ-то скрипитъ на ржавыхъ петляхъ ставень. Іеронимъ читаетъ сдавленнымъ голосомъ: „И станетъ земля желѣзомъ подъ вашими ногами, изсохнетъ грудь ея, и сосцы матери твоей дадутъ горькій ядъ вмѣсто молока. А небо сдѣлается мѣдью надъ вашими головами. Такъ будетъ".

— Кто сказалъ это?

— Пророкъ Іеремія, отецъ.

— Брось книгу и ступай спать.

Сильнѣе поднялся вѣтеръ, и плачетъ онъ, бродяга, шатаясь по полямъ, по лѣсамъ, по опустѣвшимъ деревнямъ. Слышно, какъ въѣхалъ кто-то на деревянный мостъ: стучать копыта лошадей. Нѣмцы! А кто такіе нѣмцы?—Люди. Развѣ они сдѣлаютъ что-нибудь дурное Іерониму? Быть этого не можетъ, чтобы люди убивали людей безъ всякой причины. Подъѣхали къ крыльцу. Фыркаютъ лошади, звенятъ стремена, и кто-то говоритъ низкимъ басомъ. Панъ круль встаетъ во весь свой огромный ростъ, закидываетъ назадъ сѣдую голову и идетъ къ дверямъ:

— Кто тамъ?

— Откройте!

Это не нѣмцы.

— Панъ круль открываетъ двери. Въ комнату входитъ промокшій и усталый человѣкъ—офицеръ. Совсѣмъ молодой и похожъ на Іеронима, такой же блѣдный, такой же усталый.

Офицеръ быстро, но внимательно осматриваетъ пана круля и, рѣшивъ что-то въ умѣ, спрашиваетъ:

— Это ваша мельница тамъ, на горѣ?

— А то чья же, если не моя?

Офицеръ кладетъ свою руку на плечо пана и быстро говоритъ:

— За нами идетъ отрядъ нѣмцевъ. Подъ Заболотьемъ—наши казаки. Это справа. Мой отрядъ спрячется въ лѣсу, у Шпилей—слѣва отъ вашей усадьбы! Вы честный человѣкъ?

Панъ круль гордо поднимаетъ голову и закусываетъ губы.

— За такой вопросъ въ мое время дрались на пистолетахъ, панъ офицеръ.

— Оставьте. Теперь не время обижаться... Если нѣмцы придутъ сюда, вы зажжете мельницу. Поняли?

Конечно, это рискованное предпріятіе. Но панъ круль киваетъ головою и пожимаетъ руку офицеру:

— Да поможетъ вамъ панъ Богъ.

И, вспомнивъ снова, хмуритъ свои сѣдыя брови и добавляетъ:

— Словомъ, это будетъ сдѣлано.

Отрядъ ушелъ. Опять тихо въ домѣ, и опять плачетъ вѣтеръ за окномъ, а панъ круль ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ и думаетъ о сынѣ, о своемъ бѣдномъ мальчикѣ, который скоро умретъ,—скорѣе, чѣмъ можно было ожидать. Издали доносится глухой рокотъ, словно перекатываютъ бочку по мостовой. Панъ круль прислушивается съ минуту и кличетъ Явдоху.

— Вотъ что, Явдоха,—говоритъ онъ ей.—Возьми спички, склянку съ керосиномъ и иди садомъ къ мельницѣ. Ее нужно зажечь.

— Какъ, мельницу зажечь? Что вы сказали, панъ?

— Да, да, зажечь нашу старую мельницу. Пусть она горитъ ярко. Не жалѣй керосина, Явдоха. Зажжешь, а потомъ утекай подальше, если боишься смерти...

— Я не могу, панъ. Какъ хотите, я не могу зажечь нашей старой мельницы.

— А я могу? Ну, поворотъ налѣво—маршъ! Чтобы черезъ полчаса мельница горѣла, какъ костеръ въ Ивановъ день.

Явдоха, всхлипывая, уходитъ. А у самаго крыльца слышится рѣзкій окрикъ:

— Halt!

Панъ круль садится въ кресло, спиною къ дверямъ, и дѣлаетъ видъ, будто читаетъ Библію. Онъ слышитъ за своей спиной звонъ шпоръ, шаги нѣсколькихъ людей, но не поворачиваетъ головы. Эти люди обращаются къ нему на своемъ языкѣ, но панъ круль хотя и понимаетъ, о чемъ они спрашиваютъ его, ни за что не отвѣтитъ, пока они въ его домѣ не заговорятъ съ нимъ на его языкѣ. Онъ, панъ круль, говоритъ только по-польски, и наплевать ему на всѣ другіе языки, пока онъ хозяинъ въ своемъ домѣ. И когда кто-то, догадавшись, хлопнулъ его по плечу и спросилъ по-польски, кто онъ, панъ круль сразу вскакиваетъ на ноги и, гордо оглядѣвъ человѣка въ черномъ мундирѣ съ каской на головѣ, рѣзко говоритъ:

— Войдя въ домъ, христіане снимаютъ шапки, паны нѣмцы.

Ихъ шесть человѣкъ, и всѣ они, переглянувшись, быстро исполняютъ требованіе пана круля.

— Позвольте представиться, — говоритъ самый старшій, съ кровавымъ шрамомъ отъ лба до подбородка, и протягиваетъ пану руку. Панъ прячетъ свои руки въ карманы.

— Я не желаю знакомиться съ вами. Я не звалъ васъ. Вы сами ворвались въ мой домъ. Вамъ нужно знать, кто я? Я—Винцентъ Лабенскій, по прозвищу панъ круль, дворянинъ и помѣщикъ. Больше мнѣ нечего сказать вамъ.

— Здѣсь только-что были русскіе. Куда они ушли?—глядя ему въ глаза, спрашиваетъ офицеръ. — Только правду, иначе вы будете разстрѣляны.

Панъ круль отступаетъ на два шага, осматриваетъ съ ногъ до головы офицера и качаетъ головой:

— Ахъ ты, щенокъ! Развѣ панъ круль даже подъ пистолетомъ лгалъ когда-нибудь въ жизни?

— Значитъ, вы знаете, гдѣ они?

— Знаю.

— И скажете?

— Нѣтъ.

— Если вы черезъ десять минутъ не скажете намъ, гдѣ находятся русскіе, вы будете разстрѣляны.

Панъ круль смотритъ въ окно и бормочетъ:

— Десять минутъ... десять минутъ... этого достаточно.

И, обратившись къ офицеру, говоритъ:

— Мнѣ наплевать на ваши слова, по правдѣ сказать. Но черезъ десять минутъ вы, пожалуй, узнаете, гдѣ русскіе.

Изъ своей комнаты вышелъ Іеронимъ. Онъ встревоженъ, бѣдный мальчикъ, на губахъ у него крававая пѣна. Должно-быть, онъ съ испугу закашлялся.

— Въ чемъ дѣло, отецъ?

— Ничего, Іеронимъ, ничего. Паны офицеры пріѣхали. Видишь?

Панъ круль готовъ помириться съ Богомъ. Пусть Онъ сохранитъ только жизнь Іеронима. Но панъ Богъ этого не хочетъ.

— Это вашъ сынъ? Мы угостимъ и вашего сына, если вы захотите этого, панъ помѣщикъ, — говоритъ офицеръ и, положивъ предъ собою часы, садится на стулъ.

Мокрыя стекла въ окнѣ становятся вдругъ красными, какъ будто кровавый дождь полилъ съ неба и залилъ ихъ. Дрожатъ на окнѣ багровыя капли крови. Въ комнату вбѣгаетъ рослый солдатъ и быстро-быстро говоритъ офицеру что-то по-нѣмецки, озлобленно косясь на пана.

А панъ круль усмѣхается въ свой сѣдой усъ:

— Ага, что съѣли, лайдаки?

— Ну, что жъ, господинъ помѣщикъ, вы сдѣлали свое, а мы сдѣлаемъ свое дѣло. Собирайтесь,—холодно говоритъ офицеръ.

Чуть ощутимая дрожь пробѣгаетъ по тѣлу пана круля. И дрогнувшимъ голосомъ онъ спрашиваетъ офицера, указывая глазами на сына:

— И онъ?

— И онъ,—отвѣчаетъ офицеръ.

Чортъ возьми! Отчего это закружилась такъ голова у пана круля? Ты боишься смерти, старый лайдакъ?

— Іеронимъ, намъ придется прогуляться немного по саду съ паномъ офицеромъ. Это недалеко вѣдь, панъ?

— Совсѣмъ недалеко. У первой стѣны,—усмѣхаясь, отвѣчаетъ тотъ.

— Надѣнь, Іеронимъ, пальто. На дворѣ сыро. И калоши надѣнь. Вѣдь можно простудиться безъ калошъ, панъ офицеръ?

— Разумѣется.

...Сильно сердится панъ Богъ. Вѣтеръ такъ и рветъ, такъ и мечетъ, бросая вмѣстѣ съ дождевыми каплями желтые листья, послѣдніе листья.

— Осторожно, Іеронимъ. Здѣсь можно промочить ноги. Собачья погода, не правда ли, господинъ офицеръ?

— Совершенно вѣрно, господинъ помѣщикъ.

— Теперь, Іеронимъ, мы станемъ у этой стѣны, а панъ майоръ... Кажется такъ? Да. Панъ майоръ покажетъ намъ одинъ очень интересный военный экзерсисъ.

— Отецъ, они насъ убьютъ?

— О нѣтъ, мой трусишка. Видишь, солдаты выстраиваются, берутъ свои ружья какъ на прицѣлъ. Сейчасъ они повернутся налѣво кругомъ маршъ. Закрой глаза, Іеронимъ, и когда панъ офицеръ сосчитаетъ до трехъ, сразу открой ихъ. Увидишь, какая штука выйдетъ!

— Feuer!—скомандовалъ офицеръ.

Панъ круль упалъ рядомъ съ сыномъ, обнявъ его шею, и послѣднія слова, которыя онъ шепнулъ, были:

— Вотъ и все, мой Іеронимъ.

Германіи.

Страна, давно забывшая о Богѣ,
Страна, гдѣ богъ—желѣзо и свинецъ,
Ты быстро шла по міровой дорогѣ,
Но недалекъ дороги той конецъ.
Страна, презрѣвшая, какъ пережитокъ вѣка,
И правду высшую и грозный Божій судъ,
Страна, убившая въ тевтонѣ человѣка,
Твои сыны позоръ тебѣ несутъ.
Какъ хищный звѣрь отъ мирныхъ поселеній,
Съ страницъ исторіи безслѣдно ты уйдешь,
И на судѣ грядущихъ поколѣній
Ты состраданія съ прощеньемъ не найдешь.
Считая дней безславныя ступени,
Твой вождь чужимъ пройдетъ среди людей.
На всѣхъ путяхъ предъ нимъ возстанутъ тѣни
Не пощаженныхъ имъ и женщинъ и дѣтей.
На всѣхъ путяхъ, гдѣ сѣялась измѣна
Тому, что древностью вѣковъ освящено,
Возстанутъ призраки погибшаго Лувена,
И Реймса зарево къ нему обращено.
Его рукой кощунственной жестоко
Домъ Богоматери Парижской оскверненъ...
Но тучей грозною одѣлась грань востока,
И берегись, отщепенецъ временъ!
Мрачны судьбы твоей послѣднія страницы...
Не прибавляй къ нимъ новыхъ мукъ земли,
Чтобъ мирныхъ дней грядущія денницы
Скорѣй твой слѣдъ въ потомствѣ замели!

Елена Ѳедотова.

Въ пользу раненыхъ.

Разсказъ **М. Павлинскаго.**

Ѣхать было еще рано. Но Гурьеву не сидѣлось дома. Что-то томило и волновало. Онъ поминутно нервно поглядывалъ на часы. „Поѣду... все равно“.

„Навѣрно, буду первымъ,— думалъ онъ дорогой. — Удивятся“.

Дѣйствительно, въ артистической было еще пусто, когда Гурьевъ пріѣхалъ и никѣмъ не замѣченный поднялся по лѣстницѣ. Оставалось пятнадцать минутъ до начала. Онъ вышелъ въ проходную комнату между артистической и залой. Комната была небольшая. Налѣво окно, прямо двѣ двери на эстраду. „Однако они не торопятся“... Онъ потеръ руки, застывшія отъ холоду. Во всемъ тѣлѣ еще была пріятная и бодрая легкая дрожь. На столикѣ лежала программа. Онъ разсѣянно окинулъ листокъ взглядомъ. „Концертъ, устраиваемый въ пользу... Весь сборъ поступитъ на устройство передового отряда“... Гурьевъ пробѣжалъ глазами программу. „При благосклонномъ участіи“... Въ заголовкѣ стояло его имя, напечатанное жирнымъ шрифтомъ. Гурьевъ положилъ программу и, все еще потирая руки, подошелъ къ выходной двери и остановился за портьерой. Большая и ярко освѣщенная зала глянула на него рядомъ еще пустыхъ, новенькихъ и аккуратныхъ стульевъ. Тамъ и сямъ выступали одинокія головы. Отъ входной двери медленно расползалась живая струя — то прерывалась, то оживала вновь. Гурьевъ испытывалъ какое-то странное чувство. Въ такихъ вечерахъ онъ еще не участвовалъ. Какъ будто здѣсь творилось какое-то скрытое, большое таинство. Гдѣ-то тамъ далеко,—страданія и смерть. А здѣсь—всѣ эти люди, сползающіеся въ залу узкой и прерывающейся струйкой. И всѣхъ объединяетъ эта короткая и ясная мысль: „въ пользу раненыхъ“... И онъ чувствовалъ себя въ самомъ фокусѣ этой скромной и святой минуты. И чувство умиленности, чувство скрытаго и большого таинства все усиливалось въ немъ. Казалось, надъ всей этой залой протянулась какая-то невидимая нить. И нить эта связывала съ тѣми, которые тамъ, далеко... А живая струя все расползалась и расползалась по залѣ причудливымъ и пестрымъ узоромъ.

Звукъ шаговъ вывелъ его изъ раздумья.

— Григорій Александровичъ, здравствуйте!

За его спиной стоялъ небольшой, невзрач-

Герой-епископъ города Арраса, монсиньоръ Лебедэ, мужественно вынесшій вмѣстѣ съ своей паствой всѣ ужасы двухмѣсячной германской бомбардировки, превратившей городъ въ груду развалинъ. Жертвой огня германскихъ тяжелыхъ орудій сдѣлалась и знаменитая ратуша г. Арраса, одно изъ древнѣйшихъ и красивѣйшихъ сооруженій во Франціи (XV вѣка).

ный человѣкъ со скрипкой въ рукахъ. Они поздоровались.

— А я уже давно одинъ здѣсь.

— Они и не знаютъ, кажется,— засуетился человѣкъ со смычкомъ.— Я скажу сейчасъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо. Мнѣ было очень хорошо здѣсь.

Невзрачный скрипачъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ артистической, потомъ остановился въ нерѣшительности.

— А вотъ... Григорій Александровичъ... насчетъ нашего концерта какъ же?.. Можно надѣяться, значитъ?

— Я бы съ большимъ удовольствіемъ. Только тутъ есть одно маленькое обстоятельство, которое... Я постараюсь во всякомъ случаѣ.

— Ужъ, пожалуйста, Григорій Александровичъ. Цѣль вѣдь тоже такая...

Полевой лазаретъ.

Переноска раненаго.

— Я къ концу вечера вамъ отвѣтъ дамъ.

Скрипачъ вышелъ, а Гурьевъ опять разсѣянно взялъ программу со столика. Въ артистической послышалось нѣсколько голосовъ. Потомъ гдѣ-то за стѣной въ томъ же направленіи стала тихо всхлипывать настраиваемая скрипка. „Что онъ будетъ играть сегодня?“

Въ комнату вбѣжалъ одинъ изъ распорядителей.

— Григорій Александровичъ, простите, ради Бога! Мы только-что послали за вами. Мы и не знали, что вы уже здѣсь! Намъ никто и не сказалъ даже. А тутъ столько хлопотъ сегодня!

— Да нѣтъ, нѣтъ, что вы... Пожалуйста.

— Можетъ-быть, вамъ угодно что-нибудь?

— Нѣтъ, благодарю. Мнѣ ничего не надо.

Гурьевъ снова остался одинъ. Вынулъ часы. „Безъ трехъ минутъ восемь“. Онъ прошелся по комнатѣ, потомъ подошелъ къ окну. За окномъ была поздняя и грязная осень. Мутный свѣтъ газовыхъ фонарей тускло скользилъ по мокрымъ тротуарамъ и мѣшался съ покрытой липкой грязью мостовой во что-то скользкое, гадкое, водянистое и отталкивающе-унылое. Нѣсколько мокрыхъ извозчиковъ мѣрно вздрагивало на ходу поднятыми верхами. Гурьевъ смотрѣлъ на баламутящуюся и колышущуюся подъ колесами лужу, и ему казалось, что въ ней есть что-то безотрадное. И вдругъ новая мысль прорѣзала сознаніе. Ему ясно-ясно представился глубокій ровъ, наполненный мутной и липкой грязью. И во рву люди, истрадавшіеся и утомленные, чутко прислушивающіеся къ чему-то страшному и неизбѣжному, что происходитъ гдѣ-то тамъ, невдалекѣ. А вотъ и онъ, его Костя... тоже грязный, въ комьяхъ размокшей земли. Мысль сразу метнулась въ сторону, и Гурьевъ увидѣлъ себя на вокзалѣ, подлѣ площадки вагона. На площадкѣ онъ... Костя. Звонокъ уже былъ, но онъ еще сжимаетъ руку и шепчетъ:—„Вернусь, вернусь, отецъ...“ Гурьевъ съ трудомъ оторвалъ себя отъ набѣжавшихъ воспоминаній. „Однако... пора уже начинать все-таки“.

Изъ артистической доносился неясный говоръ. Нѣкоторые голоса были знакомы, но другихъ онъ не могъ разобрать. Гурьевъ отошелъ отъ окна и снова остановился у двери на эстраду. Залъ былъ уже совсѣмъ полонъ. Разноцвѣтное и сверкающее море сдержанно гудѣло. Яркій блескъ на минуту ослѣпилъ его послѣ тусклаго свѣта маленькой комнаты и унылаго полумрака за окномъ. Гурьевъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ отъ портьеры. Въ это время изъ артистической долетѣлъ какой-то общій и возбужденный говоръ. Потомъ все смолкло. „Что же они въ самомъ дѣлѣ?“ Онъ рѣшительно направился къ двери. Но какъ разъ въ это время дверь распахнулась, и въ комнату какъ-то сразу втиснулись трое и тотчасъ всѣ трое сразу остановились. Одинъ изъ нихъ былъ низенькій скрипачъ.

— Ну, что же, господа?—проговорилъ Гурьевъ.

Они все такъ же стояли на мѣстѣ.

— Начнемъ,—повторилъ Гурьевъ.

Всѣ трое какъ-то странно мялись на мѣстѣ. За ними показалось еще нѣсколько головъ.

— Что такое, господа?

Скрипачъ какъ-то неловко взглянулъ на него.

— Съ войны вотъ... извѣстія неблагопріятныя . . . Потери большія...

Батарейный фельдшеръ на позиціяхъ.

Раненый германецъ.

Изъ дѣйствующей арміи. Рисунки съ натуры (изъ походнаго альбома) Н. Н.

Наблюдательный постъ.

— Дайте ему нѣсколько минутъ прійти въ себя, — тихо сказалъ кто-то.

Комната опустѣла. Гурьевъ остался одинъ. Исчезнувшее сознаніе постепенно возвращалось къ нему. Онъ поднялъ голову и съ недоумѣніемъ осмотрѣлся вокругъ. Что-то ныло и ѣдко мучило. Въ головѣ была непонятная тяжесть. „Вернусь, вернусь“, — вдругъ слабо прошепталъ онъ, и прижалъ руку къ глазамъ. Рыданіе подступало къ горлу, и онъ дѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы удержаться... „Костя“... И ему ясно-ясно представилось вдругъ раскинувшееся на землѣ тѣло. Жуткая дрожь пробѣжала по спинѣ. Какіе-то кошмарные образы плыли и наполняли сознаніе. Видѣніе все не уходило. Но на мѣстѣ сына лежалъ теперь уже кто-то другой и тяжело стоналъ. А тамъ еще и еще... Раненые! Тяжелая и леденящая картина съ ужасающей ясностью рисовалась въ наболѣвшемъ мозгу. А это кто? Къ нимъ наклоняется кто-то... Кто-то въ каскѣ... Онъ торжествующе смѣется! Боже, онъ ихъ приколетъ!

Гурьевъ съ ненавистью стиснулъ пальцы.

„Надо сказать какъ-нибудь... чтобы отмѣнили“, — вспомнилось вдругъ Гурьеву что-то неясное и смутное. „Что это было такое? Ахъ, да... да, да...“ Торжествующее лицо въ каскѣ все съ той же злобной улыбкой смотрѣло на него. „Отмѣнить... Что это онъ

— Разбиты? — съ безпокойствомъ спросилъ Гурьевъ.

Скрипачъ все мялся на мѣстѣ.

— Нѣтъ. Мы подвигаемся. Только вотъ... потери.

И онъ опять какъ-то неловко скользнулъ взглядомъ по лицу Гурьева.

— По...потери есть?

Вдругъ какая-то острая и безпокойная мысль пронизала сознаніе Гурьева. „Что онъ говоритъ такое? Вѣдь война... такое дѣло“...

„Что такое?..“ Невзрачный скрипачъ все говорилъ что-то непонятное и безполезное, запинаясь и путаясь. „О чемъ онъ?..“ И вдругъ все вспыхнуло какимъ-то яркимъ и страшнымъ свѣтомъ...

— У...у...убитъ!.. — вырвалось вдругъ у Гурьева, и онъ порывисто схватилъ говорившаго за правую руку, которую тотъ все время пряталъ за спиной. Гурьевъ судорожно вырвалъ измятый листокъ вечернихъ телеграммъ. Глаза его какъ-то сразу отыскали среди столбца маленькихъ, холодныхъ и ненужныхъ словъ одно страшное и роковое.

— Убитъ, — глухо выговорилъ Гурьевъ.

Вся комната сразу наполнилась странной, родившейся вдругъ тишиной. Гурьевъ съ трудомъ опустился на стулъ. Мысль вырвалась и улетѣла куда-то. Было страшное и невыносимое чувство пустоты. Гурьевъ старался понять что-то и не могъ. Онъ чувствовалъ, что голова его опустилась низко-низко къ столу. И ему казалось, что онъ падаетъ все ниже и ниже. Противоположный край стола странно мучилъ его и давилъ на сознаніе. Въ немъ было что-то холодное и жестокое. Среди общей тишины со странной отчетливостью долетѣла какая-то фраза изъ залы. Потомъ опять тишина. Отдаленный уголъ стола все такъ же давилъ и мучилъ. „Что это?“ — до слуха Гурьева долетѣлъ какой-то рѣзкій звукъ. Еще и еще... Въ залѣ послышалось нетерпѣливое хлопанье. Потомъ гдѣ-то около вдругъ зашевелились. Произошло какое-то торопливое замѣшательство. Потомъ кто-то шепнулъ что-то. Кто-то дотронулся до его плеча.

— Григорій Александровичъ... голубчикъ... Мы скажемъ тамъ какъ нибудь... чтобы отмѣнили...

Гурьевъ безучастно посмотрѣлъ на говорившаго.

Отдыхъ на позиціи. За чайкомъ.

смѣется!“ Чувство ненависти овладѣло Гурьевымъ. „Отмѣнить... А... такъ ты вотъ о чемъ... Ты надъ слабостью нашей смѣешься? Отмѣнить!? нѣтъ! нѣтъ!.. Ты не будешь смѣяться! Нѣтъ! Мы не остановимся! И чѣмъ дальше—тѣмъ мы будемъ крѣпче!.. Не будешь!“

Короткое рыданіе вырвалось изъ его груди. „Мы сдѣлаемъ свое дѣло! Ты не будешь торжествовать... нѣтъ... нѣтъ!..“

„Только надо успокоиться... скорѣй... скорѣй...“

Онъ провелъ рукой по лицу, оправилъ волосы. Потомъ быстро подошелъ къ артистической и распахнулъ дверь. Всѣ боязливо обступили Гурьева.

— Господа... Я... я готовъ... я иду... Мы начинаемъ сейчасъ... — проговорилъ онъ взволнованно.

Произошло минутное замѣшательство.

— Да, да... господа... Ничего не должно измѣниться.

— Голубчикъ... Григорій Александровичъ!

— Пожалѣйте себя-то!

— Что вы, голубчикъ?.. послышались голоса.

— Нѣтъ, господа, — твердо проговорилъ Гурьевъ. — Такъ надо... такъ надо... Они не должны торжествовать! Я выхожу сейчасъ. Пустите меня!

Всѣ невольно разступились передъ Гурьевымъ. Никто не возразилъ ни слова. Затаенное и на минуту сломленное болѣзненнымъ порывомъ горе придавало ему какую-то непонятную и странную силу. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ среди общей и напря-

На позиціи.

Изъ дѣйствующей арміи. Рисунки съ натуры (изъ походнаго альбома) Н. Н.

женной тишины. Потомъ остановился.

— Иванъ Николаевичъ!

Невзрачный скрипачъ подбѣжалъ къ нему.

— Я буду у васъ... буду участвовать...

Гурьевъ отвернулся.

— Григорій Александровичъ! Господи, да что же это такое?

Онъ вдругъ какъ-то странно заморгалъ глазами и быстро отошелъ къ окну.

Гурьевъ, не оборачиваясь, направился къ выходной двери... За нимъ осталась какаято оцѣпенѣлая тишина. Что-то непонятное и безмолвное повисло надъ всѣми. Въ углу у окна нервно всхлипывалъ невзрачный скрипачъ. И среди общей чуткой тишины вдругъ какъ-то странно и жутко разсыпался громъ аплодисментовъ гдѣ-то тамъ... далеко... въ залѣ...

Непріятельская армія. Германская пѣхота на привалѣ близъ Диксмюде.

Непріятельская армія. Германскій офицеръ допрашиваетъ „подозрительныхъ" обывателей на улицахъ польскаго городка.

Чорохскій край.

Очеркъ **П. В. Нестерова.**

Чорохскимъ краемъ называютъ горную страну, прорѣзываемую рѣкой Чорохомъ и его многочисленными притоками, среди которыхъ главнѣйшіе — Аджарисъцхали, Имерхевъ-су съ Ардануччаемъ, Ольты-чай съ Тортумъчаемъ, Ичхалъ-су, Мургулъ-су и Хатила-су.

Благодаря своему географическому положенію на границѣ Кавказа и Малой Азіи, Чорохскій край, особенно его прибрежная полоса, съ давнихъ временъ являлся спорнымъ вопросомъ въ жизни всѣхъ сосѣднихъ народовъ, которые стремились овладѣть имъ. Египтяне, греки, персы, скиѳы, римляне, монголы, генуэзцы, арабы и византійцы здѣсь послѣдовательно смѣняли другъ друга, пока въ 1564 году этотъ край не перешелъ къ туркамъ, подъ властью которыхъ и оставался вплоть до 1878 года. Въ этомъ году доблестныя русскія войска вплотную придвинулись къ главному центру Чорохскаго края—Батуму, расположенному на Кахаберской низменности въ шести верстахъ отъ устья Чороха. Однако, несмотря на беззавѣтную храбрость кавказскихъ полковъ, усилія послѣднихъ разбились о неприступныя твердыни естественныхъ укрѣпленій Цихидзирскихъ высотъ. Батумъ не былъ взятъ, но по Берлинскому трактату этотъ городъ и часть Чорохскаго края перешли въ вѣчное владѣніе Россіи.

Въ настоящее время весь Чорохскій край въ административномъ отношеніи входитъ въ составъ Батумской области (долина нижняго и отчасти средняго теченія Чороха съ его притоками Аджарисъ-цхали, Имерхевъ-су, Ичхалъ-су, Мургулъ-су и Хатила-су), Ольтинскаго округа Карской области (долина рѣки Ольты-чай) и сѣверо-восточной части сосѣдняго Эрзерумскаго вилайета Турціи (долина верхняго и отчасти средняго теченія рѣки Чороха и

Непріятельская армія. Остановка германскаго воинскаго поѣзда. Умываніе солдатъ.

Старинная турецкая крѣпость въ ущельѣ рѣки Ольты-чай близъ г. Ольты.

Дорога изъ г. Ольты на Эрзерумъ въ Тортумскомъ ущельѣ Эрзерумскаго вилайета.

Турецкій городъ Гассанъ-кала.

Чорохскій край. По фот. П. Нестерова.

Тортумское ущелье). Такимъ образомъ въ настоящее время только часть этого края принадлежитъ Турціи, но съ объявленія войны и эту часть уже заняли доблестныя русскія войска.

Чорохскій край представляетъ собою горную страну, заполненную въ самомъ хаотическомъ безпорядкѣ высокими хребтами, отрогами, скалами и въ то же время изборожденную глубокими ущельями, пропастями, провалами и обрывами.

Однако, несмотря на столь рѣзко выраженный горный ландшафтъ, Чорохскій край представляетъ, въ сущности, котловину, со всѣхъ сторонъ окруженную еще болѣе высокими цѣпями горъ. На сѣверѣ эту горную страну окружаетъ массивный Аджарскій хребетъ, круто обрывающійся у моря Цихидзирскими и Хуцубанскими высотами; на сѣверо-западѣ — Понтійскій хребетъ, на востокѣ — непрерывная цѣпь, составленная изъ хребтовъ Арсіянскаго и Саганлугскаго, и наконецъ на югѣ ее окружаютъ сѣверные скаты высокогорнаго Армянскаго плато. Почти всѣ эти хребты поднимаются за предѣлы распространенія древесной растительности, а нѣкоторые изъ нихъ даже достигаютъ линіи вѣчнаго снѣга, какъ, напримѣръ, гора Арсіянъ (10.000 фут. надъ уровнемъ моря) и Карчхальскій гребень (11.248 фут.) въ предѣлахъ Батумской области.

Въ Чорохскомъ краю нерѣдки подземные толчки; таковы обвалы въ Мурмульскомъ ущельѣ, образованіе Тортумскаго озера въ Тортумскомъ ущельѣ. Въ недавнемъ прошломъ Чорохскій край, повидимому, находился въ сферѣ оживленной вулканической дѣятельности, о чемъ краснорѣчиво говорятъ встрѣчающіеся во многихъ мѣстахъ горячіе источники, кучи вулканическаго пепла въ окрестностяхъ Ольты, туфы и базальты въ ущельѣ Ольты-чай и у подножія горы Арсіянъ, которая, повидимому, представляетъ собою потухшій вулканъ.

Горныя цѣпи, окружающія Чорохскій край, даютъ начало всей водной системѣ Чороха. Сильный Чорохъ беретъ начало въ Турціи у г. Байбурта. Въ предѣлахъ Турціи Чорохъ течетъ почти въ прямомъ направленіи съ запада на востокъ, т.-е. почти параллельно берегу Чернаго моря. Въ предѣлы Россіи Чорохъ вступаетъ у с. Орджоха, Батумской области, гдѣ вскорѣ круто измѣняетъ свое направленіе подъ прямымъ угломъ и далѣе течетъ вплоть до Чернаго моря уже въ направленіи съ юга на сѣверъ.

Почти все время Чорохъ течетъ по дну глубокаго ущелья съ чрезвычайно крутыми, иногда совершенно отвѣсными склонами. Въ десяти верстахъ отъ Чернаго моря, именно у пограничнаго пикета Капандиди, Чорохъ, вырываясь къ морю изъ тѣснаго ущелья, сразу же разсыпается на цѣлую сѣть рукавовъ и, отлагая здѣсь продукты своей разрушительной дѣятельности, создаетъ постоянно растущую Кахаберскую низменность. Воды Чороха мутны, желты, иногда, послѣ выпаданія дождей въ верхнихъ притокахъ, почти красны. Нерѣдко воды Чороха послѣ дождей настолько бываютъ насыщены пескомъ и глиной, что нѣкоторые виды рыбъ не находятъ уже достаточныхъ условій для существованія, полумертвыми прибиваются къ берегамъ, гдѣ ихъ вылавливаетъ руками мѣстное населеніе.

Теченіе Чороха чрезвычайно бурное, стремительное, приблизительно со скоростью до десяти верстъ въ часъ. Однако, несмотря на быстроту теченія, крутые и частые повороты, а также массу подводныхъ камней, Чорохъ въ предѣлахъ Батумской области на всемъ протяженіи судоходенъ. Плаваніе совершается на особаго рода лодкахъ, по-мѣстному — каюкахъ.

Всѣ остальныя рѣки Чорохскаго бассейна несудоходны, но совершенно такого же характера — быстрыя, бурныя, прокладывающія свой путь въ глубокихъ ущельяхъ, нерѣдко похожихъ на грандіозныя трещины. Нѣкоторыя изъ нихъ сбѣгаютъ внизъ по уступамъ, образуя живую лѣстницу, другія,—какъ, напримѣръ, Тортумъ-чай по выходѣ изъ Тортумскаго озера,—низвергаются внизъ съ отвѣсныхъ скалъ, образуя грандіозные водопады. Крутые склоны ущелій, по дну которыхъ протекаютъ рѣки Чорохскаго бассейна, нависшіе надъ ними скалы и утесы, часто подъ вліяніемъ подземныхъ толчковъ сбрасываемые внизъ, образуютъ по теченію рѣкъ большія каменныя осыпи; такія естественныя плотины, нерѣдко преграждающія путь теченію рѣки, поднимаютъ уровень ея и образуютъ великолѣпныя горныя озера. Къ типу такихъ озеръ принадлежитъ, напримѣръ, озеро Тортумъ-гель, образовавшееся въ ущельѣ рѣки Тортумъ-чай.

Въ Чорохскомъ краѣ распространенъ другой типъ горныхъ озеръ — такъ называемыхъ котловинныхъ. Такова группа высокогорныхъ Арсіянскихъ озеръ, озеро Хласкури, заполняющее дно глубочайшей впадины, и нѣкоторыя другія.

Ущелья чорохскихъ рѣкъ являются главными естественными путями, по которымъ поддерживается сообщеніе между отдѣльными населенными пунктами. Пути эти въ большинствѣ случаевъ служатъ только для вьюковъ и

Чорохскій край. Крѣпость надъ рѣкой Чорохомъ, близъ города Артвина.

Чорохскій край. Рѣка Чорохъ при вступленіи ея изъ Турціи въ предѣлы Россіи (Батумская область).

верховой ѣзды и совершенно недоступны для колесной ѣзды, а также для движенія большихъ массъ. Главные и лучшіе пути здѣсь идутъ по ущельямъ рѣкъ Ольты-чай и Тортумъ-чай. Оба выходятъ къ г. Ольты — одинъ со стороны г. Гассанъ-калы, другой со стороны Эрзерума.

Лучшею дорогою во всемъ Чорохскомъ краѣ является Батумо-Артвинское шоссе, съ удивительнымъ искусствомъ и съ затратой громадныхъ средствъ проведенное по правому берегу р. Чороха. Въ этомъ отношеніи оно имѣетъ только одного конкурента — военно-грузинскую дорогу, которой не уступаетъ и въ живописности.

Начиная отъ с. Борчхи, шоссе медленно, но непрерывно поднимается вверхъ.

За постомъ Синготскимъ шоссе достигаетъ наибольшей высоты, здѣсь бѣлыя полосы облаковъ, скользящія по Чорохскому ущелью, нерѣдко остаются на одной съ нимъ высотѣ.

Отсюда вправо открывается великолѣпный видъ на пограничные съ Турціей хребты, въ началѣ лѣта обычно покрытые снѣгомъ, а впереди, на темномъ фонѣ вѣчно зеленыхъ лѣсовъ, отчетливо обрисовываются бѣлые домики Артвина: въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него шоссе неожиданно встрѣчаетъ глубокое ущелье Годрохеви, въ которое круто спускается, описавъ около десятка головокружительныхъ зигзаговъ. Шоссейный путь оканчивается около Артвинскаго моста, откуда къ самому Артвину, расположенному высоко надъ Чорохомъ, идетъ крутой подъемъ, доступный лишь для верховой ѣзды. Такъ какъ главнѣйшіе пути сообщенія въ Чорохскомъ краѣ проходятъ по рѣчнымъ долинамъ и ущельямъ, послѣднія всегда имѣли большое стратегическое значеніе. Проходы по нимъ въ большинствѣ случаевъ защищены крѣпостями, которыя обычно располагаются на неприступныхъ утесахъ, занимающихъ господствующее положеніе надъ всѣмъ ущельемъ. Таковы: прекрасно сохранившаяся крѣпость надъ Чорохомъ, защищающая г. Артвинъ, развалины крѣпости на грандіозной скалѣ надъ Ардануčемъ, крѣпость около Ольты, охраняющая доступъ къ этому городу по ущелью р. Ольты-чай, и цѣлый рядъ другихъ крѣпостей-форпостовъ, встрѣчающихся по нѣскольку въ каждомъ ущельѣ.

Въ настоящее время всѣ эти крѣпости, конечно, не имѣютъ того значенія, какое имѣли въ прежнее время.

Климатъ Чорохскаго края ровный, безъ рѣзкихъ колебаній, мягкій и влажный, напоминающій климатъ субтропическихъ странъ. На Кахаберской низменности небо почти всегда затянуто облаками, и рѣдкіе дни бываютъ безъ дождей, вслѣдствіе чего количество осадковъ въ нѣкоторые годы достигаетъ 3.000 милим.; лѣтомъ температура рѣдко поднимается выше 22° Ц., зимою же рѣдко опускается ниже нуля; средняя годовая температура здѣсь 15°. Однако, по мѣрѣ удаленія въ глубь страны, эта характеристика рѣзко и быстро начинаетъ измѣняться въ обратномъ отношеніи. Уже въ окрестностяхъ Артвина годовое количество осадковъ уменьшается въ 5 разъ (около 600 милим.), въ болѣе же глубокихъ частяхъ—напримѣръ, въ окрестностяхъ Ардануча и въ Тортумскомъ ущельѣ—количество осадковъ еще ничтожнѣе; здѣсь, въ противоположность побережью, небо всегда безоблачно, дожди же представляютъ крайне рѣдкое явленіе; вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря отсутствію облачности и удаленности отъ моря, воздухъ нагрѣвается до 40° Ц., скалы нерѣдко накаляются до 65° Ц.; здѣсь даже ночью не бываетъ живительной прохлады.

Чорохскій край. Близъ с. Орджоха на границѣ съ Турціей (Батумская область). Дорога на русскій пограничный постъ Гурджаны.

Чорохскій край. Пропасть близъ г. Ардануча.

Въ тѣсной зависимости отъ распредѣленія осадковъ въ Чорохскомъ краѣ находится распространеніе растительности. Здѣсь въ этомъ отношеніи все полно самыхъ удивительныхъ и неожиданныхъ контрастовъ; нерѣдко на протяженіи всего нѣсколькихъ часовъ пути можно встрѣтить всѣ переходы отъ пышной субтропической растительности въ Чорохскомъ устьѣ до совершенно пустынныхъ склоновъ въ окрестностяхъ Ардануча, или, поднимаясь въ горы, наблюдать послѣдовательную смѣну всѣхъ растительныхъ поясовъ отъ пышныхъ и гигантскихъ агавъ, пальмъ и банановъ до скромныхъ субальпійскихъ луговъ, усѣянныхъ миніатюрными альпійскими цвѣтами.

Особенно роскошны понтійскіе лѣса, растущіе на низменности и на прибрежныхъ склонахъ; переплетенные всевозможными вьющимися растеніями, они въ буквальномъ смыслѣ представляютъ тропическія джунгли, пробраться черезъ которыя возможно лишь съ топоромъ въ рукахъ; здѣсь мощныя ліаны, обвиваясь вокругъ стволовъ, взбираются на вершины, заплетаютъ ихъ въ густую сѣть, перебрасываются съ дерева на дерево и цѣлыми гирляндами свѣшиваются внизъ.

Такова растительность на Кахаберской низменности, въ устьѣ р. Чороха; но какъ только вступаешь въ Чорохское ущелье, характеръ ея тотчасъ же начинаетъ измѣняться. Въ началѣ ущелья она еще достаточно пышна и богата: здѣсь справа и слѣва по ущелью идетъ непрерывный рядъ грандіозныхъ возвышенностей съ мягкими очертаніями наверху и глубокими горными долинами въ промежуткахъ; и горы и долины все еще снизу доверху покрыты темной и густой зеленью—вѣчно зелеными кустарниками и деревьями; но по мѣрѣ удаленія отъ моря, съ каждымъ новымъ поворотомъ ущелья, древесная растительность на склонахъ становится замѣтно рѣже, среди зелени начинаютъ попадаться лысины и просвѣты, и чѣмъ дальше, все чаще и больше. По мѣрѣ приближенія къ Артвину, свѣжая и сочная растительность уходитъ въ горы все выше и выше, а внизу по склонамъ остаются лишь чахлые кусты и полудеревья дуба, граба, самшита и держи-дерева, которые своимъ видомъ почти не оживляютъ мѣстности; особенно печальный видъ имѣютъ мѣстные дубы, почти лишенные вѣтвей и листьевъ, которые туземнымъ населеніемъ употребляются въ качествѣ единственнаго корма для скота. Здѣсь на склонахъ только кусты гранатовъ, усыпанные ярко-красными цвѣтами, мѣстами вносятъ нѣкоторое оживленіе. Что же касается болѣе глубокихъ частей Чорохскаго края, напримѣръ, ущелье р. Ардануч-чай, а также Тортумское и Ольтинское ущелья, то они носятъ уже ясно выраженный пустынный характеръ. Только по склонамъ горъ, обращеннымъ къ морю, можно еще встрѣтить одинокіе невысокіе кустики туй и нѣкоторыхъ другихъ растеній, южные же склоны въ большинствѣ случаевъ совершенно лишены древесной растительности.

Средніе ярусы горъ отъ 3.000 до 6.000 фут. надъ уровнемъ моря внизу обыкновенно покрыты прекрасными свѣтлыми буковыми лѣсами, вверху—великолѣпными хвойными лѣсами, состоящими преимущественно изъ ели, пихты и рѣже сосны. Въ верхнихъ же ярусахъ горъ (отъ 6.000 фут.) преобладаютъ заросли низкорослыхъ кустарниковъ — желтыхъ азалій, розовыхъ и бѣлыхъ рододендроновъ; выше этихъ кустарниковъ по вершинамъ горъ уже разстилаются великолѣпные альпійскіе луга (яйла), весною сплошь усѣянные всевозможными цвѣтами.

Чорохскій край. Покрытые цвѣтами хребты горъ, пограничные съ Турціей.

Чорохскій край. Ущелье рѣки Ольты-чай. Крѣпость Керъ-оглы въ Ольтинскомъ округѣ, на границѣ съ Эрзерумскимъ вилайетомъ.

Чорохскій край. Ущелье, пограничное съ Турціей (на границѣ Батумской области и Ольтинскаго округа, Карсской области).

Чорохскій край. Пограничный съ Турціей г. Ольты, Карсской области.

Эрзерумъ. Базаръ на главной улицѣ. Мечеть, освѣщаемая по пятницамъ, во время богослуженія, электрическими лампочками.

Вслѣдствіе недостатка атмосферныхъ осадковъ, въ большей части Чорохскаго края мѣстному населенію приходится пользоваться искусственнымъ орошеніемъ; здѣсь, чтобы оживить растительностью клочокъ земли, нерѣдко приходится проводить воду за нѣсколько верстъ, съ затратой громаднаго труда прорубать канавы въ голыхъ камняхъ, съ опасностью для жизни взбираться на отвѣсныя скалы. Поэтому здѣсь вода цѣнится дороже всего, и нерѣдко сосѣднія селенія изъ-за неправильнаго пользованія ею вступаютъ въ серьезныя столкновенія. Туземцы здѣсь говорятъ: „Гдѣ вода—тамъ жизнь". И дѣйствительно, тамъ, гдѣ проводится хорошо развитая сѣть оросительныхъ канавъ, пустынные склоны горъ скоро покрываются сплошною зеленью садовъ. Садоводство въ экономической жизни мѣстнаго населенія вообще является одной изъ главныхъ статей дохода. Въ мѣстныхъ садахъ великолѣпно произрастаютъ персики, абрикосы, миндаль, айва, гранаты, инжиръ, кизиль и мн. др.; тутовыя и масличныя (оливы) деревья обыкновенно образуютъ цѣлыя рощи; многія же ущелья Чорохскаго края славятся своими обширными виноградниками.

Земледѣліе, вслѣдствіе отсутствія удобныхъ и ровныхъ мѣстъ, почти совсѣмъ не развито; лишь кое-гдѣ можно встрѣтить миніатюрныя кукурузныя поля и небольшія плантаціи табака, нерѣдко съ удивительнымъ искусствомъ и большимъ самоотверженіемъ разбитыя на крутыхъ, почти отвѣсныхъ склонахъ горы.

Населеніе Чорохскаго края—грузины; однако, вслѣдствіе горнаго характера мѣстности и изолированнаго положенія отдѣльныхъ ущелій, мѣстное населеніе успѣло разбиться на нѣсколько самостоятельныхъ вѣтвей; такъ, въ ущельѣ р. Аджарисъ-цхали (Аджарія) живутъ аджарцы, по р. Кинтришу—гурійцы, въ ущельяхъ р.р. Ичхалъ-су и Мургулъ-су—лазы; всѣ они говорятъ на грузинскомъ языкѣ и по своему происхожденію грузины. До покоренія Чорохскаго края турками, его населеніе исповѣдывало христіанство, и еще до настоящаго времени въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сохранились великолѣпные памятники этой эпохи. Такъ, напримѣръ, въ Шавшетъ-Имерхевскомъ участкѣ, недалеко отъ м. Сатлель-рабатъ, сохранился великолѣпный Тбетскій храмъ, построенный еще въ IX вѣкѣ; въ немъ не только прекрасно сохранились внутреннія колонны и карнизы съ орнаментами, но и живопись на куполѣ—изображенія Христа, святыхъ и ангеловъ. Несмотря на всесокрушающее время, храмъ этотъ настолько хорошо сохранился, что почти до самаго послѣдняго времени служилъ окрестнымъ жителямъ мечетью.

Рѣка Кара-су, притокъ Евфрата, въ восьми верстахъ къ сѣверу отъ Эрзерума. Здѣсь съ сѣвера путь преграждаютъ болота — остатокъ древняго озера.

Развалины подобныхъ же храмовъ сохранились и во многихъ другихъ мѣстахъ — напримѣръ, близъ селеній Опиза, Ишхани, Донисхона, Ошкъ и мн. др. Послѣ покоренія Чорохскаго края турками мѣстное населеніе частью добровольно, частью насильно приняло исламъ. Въ настоящее время мусульманство столь глубоко вкоренилось въ сознаніе мѣстнаго населенія, что послѣднее забыло даже свое грузинское происхожденіе и называетъ себя турками или османами.

На русско-турецкомъ фронтѣ.

Однако во всемъ ихъ обликѣ и характерѣ сохранились нетронутыми всѣ черты грузинскаго племени. Весь ихъ складъ обнаруживаетъ въ нихъ горныхъ жителей—они красивы, стройны, обладаютъ легкой походкой, гостепріимны и честны; кромѣ того, всѣ они любятъ оружіе, съ винтовкой почти никогда не разстаются и потому всѣ—великолѣпные стрѣлки.

Изъ всего населенія Чорохскаго края на долю мусульманскаго населенія приходится около семидесяти пяти процентовъ. Бо́льшую часть остального населенія составляютъ армяне. Въ противоположность мусульманскому населенію, которое живетъ почти исключительно въ селеніяхъ, армяне составляютъ главное населеніе крупныхъ центровъ Чорохскаго края—городовъ и мѣстечекъ: Артвина, Ольты, Борчхи, Сатлель-рабата, Ардануча и нѣкоторыхъ другихъ; здѣсь исключительно въ ихъ рукахъ сосредоточены ремесла и вся торговля. Наконецъ меньшую часть населенія Чорохскаго края составляютъ курды, которые со своими стадами овецъ лѣтомъ кочуютъ по яйламъ,—субальпійскимъ лугамъ,—зимой же спускаются въ долины. Въ противоположность курдамъ Арменіи, чорохскіе курды представляютъ собою мирныхъ невооруженныхъ кочевниковъ, совершенно не склонныхъ къ разбою.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ. Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

1915 г. № 4

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

XLVI г. изданія

Выданъ 24 января 1915 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.) — 15 к., съ перес 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ **за строку нонпарейль** въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): **передъ** текстомъ и на **первой** страницѣ послѣ текста **1 р. 75 к.; на послѣдней** страницѣ **обложки 1 р. 50 к.**: на остальныхъ стран. **1 р. 25 к.**

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. И. А. Бунина" кн. 2.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Обращеніе англичанъ къ Тріесту. Командующій англійской средиземной эскадрой обратился къ населенію Тріеста съ характерной прокламаціей:

«Жители Тріеста! Англія, извѣчный другъ и попечительница всего итальянскаго, шлетъ въ лицѣ своего могучаго славнаго флота сердечный привѣтъ вашему доблестному и трудолюбивому городу.

«Вамъ не придется испытать лишеній войны: мы—сторонники порядка, благожелательны и будемъ относиться съ величайшимъ уваженіемъ къ вашей тысячелѣтней культурѣ.

«Возстановите сообщеніе на вашихъ моряхъ и вашу торговлю, которая всегда была и будетъ источникомъ вашей славы и богатства, въ ожиданіи того дня, когда избранное вами самими, согласно вашимъ пожеланіямъ, правительство навсегда обезпечитъ благородному, патріотическому Тріесту свободу».

Текстъ этой прокламаціи, опубликованный въ газетѣ «Giornale di Venezia», произвелъ во всей Италіи огромное впечатлѣніе.

Россія въ мировой войнѣ. На ряду съ вышеприведенной характеристикой англичанина-журналиста крупнѣйшей лондонской газеты интересно привести отзывъ одного изъ наиболѣе выдающихся англійскихъ органовъ печати о роли Россіи въ нынѣшней войнѣ. Яркія восхваленія Россіи появились въ новогоднихъ нумерахъ почти всѣхъ англійскихъ газетъ.

Газета «Globe», присоединяясь къ общимъ привѣтствіямъ, говоритъ: «Ни одинъ народъ не боролся болѣе храбро и искусно, чѣмъ русскій, и не приносилъ столько жертвъ; мы радуемся тому, что нынѣ военное счастье склоняется въ ихъ сторону».

Первый лордъ адмиралтейства Черчилль написалъ слѣдующее:

«Выказанная Россіею въ борьбѣ за общее дѣло союзниковъ изумительная мощь дала ей возможность выдержать борьбу противъ трехъ враждебныхъ имперій и притомъ съ общимъ успѣхомъ, часто ознаменованнымъ славными побѣдами въ теченіе первыхъ пяти самыхъ критическихъ мѣсяцевъ войны. Выигранное время позволило Великобританіи обучить и снарядить большія арміи, которыя вскорѣ выступятъ для борьбы. Тѣмъ же самымъ Россія дала возможность Франціи и Англіи развить и заново создать способы подготовки военнаго матеріала въ масштабѣ, примѣнявшемся до сего времени одной лишь Германіей. Начало Новаго года, озаряя безпредѣльное поле битвы, показываетъ воочію, что наша сторона сильнѣе, что ресурсы наши у насъ подъ рукой и неисчерпаемы, что мы готовы и что намъ остается только броситься совмѣстно впередъ, уничтожая всѣ препятствія, и тогда гибель германскихъ замысловъ неминуема. Да благословитъ Господь Богъ Россію и русскій народъ, столь доблестно исполняющій свой долгъ въ общемъ дѣлѣ!»

Боевая пѣсня Бестужева-Марлинскаго. Нынѣшняя война создала широкую популярность, не въ однихъ войскахъ, но и во всемъ народѣ, пѣснѣ сибирскихъ казаковъ и стрѣлковъ:

Изъ-за лѣса, лѣса копій и мечей,
Ѣдетъ сотня казаковъ да усачей...

Но мало кто знаетъ, что залихватская пѣсня эта—не что иное, какъ передѣлка старинной пѣсни, которую много лѣтъ распѣвали наши кавказскіе солдаты и матросы Черноморскаго флота. А сложилъ ее знаменитый писатель А. А. Бестужевъ (Марлинскій), бывшій декабристъ, 5 іюня 1837 г. въ виду мыса Адлера на Черномъ морѣ. Бестужевъ, тогда прапорщикъ, былъ въ десантномъ отрядѣ, готовившемся къ высадкѣ и бою съ черкесами. Онъ—разсказываетъ его біографъ М. Семевскій («Русск. Вѣстникъ» 1870 г., т. 88)—«всячески старался вдохнуть мужество въ молодцовъ-гренадеровъ, плывшихъ на одномъ съ нимъ фрегатѣ. Пѣсня мигомъ была разучена запѣвалами-гренадерами, и дружный хоръ десантнаго отряда весело оглашалъ ею бурную поверхность Чернаго моря». Она сложена на голосъ народной пѣсни «Какъ по камешкамъ чиста рѣченька течетъ»...

Плыветъ по морю стѣна кораблей,
Словно стадо лебедей, лебедей.
Ой жги, жги, жги, говори,
Словно стадо лебедей, лебедей.
Волны по морю кипятъ и шумятъ,
Межъ собою таку рѣчь говорятъ:
«Ужъ зачѣмъ это наши корабли,
Какъ щетиною, штыками поросли?
Ужъ не будетъ ли турецкая кровь
Насъ румянить по-старому вновь?»
Тучи по небу летятъ и шумятъ,
Межъ собой онѣ рѣчь говорятъ:
«Для чего полны солдатъ корабли,
У орудій курятся фитили?
Ужъ недаромъ слетаются орлы,
Какъ на пиръ, на черкесскія скалы».
Паруса надуваются, шумятъ.
Что на палубахъ солдатушки сидятъ.
Имъ ефрейторы дѣлаютъ нарядъ,
Усачи молодымъ говорятъ:
«Ей вы гой еси кавказцы-молодцы,
Удальцы, Государевы стрѣльцы!
Посмотрите—Адлеръ-мысъ недалеко,
Намъ его взять и славно и легко.
Каждый гоголемъ встряхнись, встрепенись,
Осмотри ружье да въ шлюпочки садись.
Съ кораблей врагамъ пару поддадутъ,
Черезъ головы тамъ ядра заревутъ.
А чуть на мель, мы впередъ, усачи,
Сумы въ зубы, въ воду по поясъ скачи!
Вражьихъ пуль не считай, не зѣвай,
Мигомъ стройся да команды ожидай.
И придетъ вамъ потѣшиться пора —
Дрогнетъ Адлеръ отъ солдатскаго «ура».
Бѣглымъ шагомъ на завалъ, на завалъ.
Тому честь и крестъ, кто прежде добѣжалъ.
Въ рукопашную пали и коли,
И вали, и усами шевели.
Намъ похвально, гренадеры, егеря,
Молодцами умирать за Царя.
Намъ не диво, гренадеры, егеря,
Пить побѣдную чару за Царя.
Ой жги, жги, жги, говори,
Пить побѣдную чару за Царя!

Подъ звуки этой пѣсни 7 іюня 1837 г. солдаты садились въ гребныя суда и выходили на берегъ, осыпаемые дождемъ пуль изъ черкесскихъ окоповъ. Черезъ нѣсколько часовъ Бестужевъ погибъ въ кровавой схваткѣ, но въ русской литературѣ остался Марлинскій, а въ русскихъ войскахъ поется, передается изъ устъ въ уста и варьируется, переживая поколѣнія и войны, его послѣдняя, боевая пѣсня.

Индійскія войска въ англійскомъ лагерѣ. В. Ропшинъ, побывавшій въ англійскомъ лагерѣ и видѣвшій тамъ англійскихъ солдатъ изъ племени гурки и сика, дѣлится въ «Днѣ» своими красочными впечатлѣніями.

Особенно сильное впечатлѣніе оставляетъ племя гурка. «Я вижу желтое, съ коричневымъ оттѣнкомъ лицо, раскосые черные, съ приподнятыми углами, глаза, прямой и правильный носъ, небольшія, полудѣтскія губы и отточенный, точно срѣзанный подбородокъ. Ликъ буддійскаго бога. Этотъ ликъ загадоченъ и туманенъ. Я ничего не читалъ въ глазахъ. Я не вижу за ними души. Я не знаю ея. Я не умѣю ее понять. Мы—люди разныхъ желаній, разной мысли, разной молитвы. Этотъ долгій, внимательно устремленный взглядъ мнѣ такъ же чуждъ, какъ чужды пальмы на югѣ».

Спутникъ г. Ропшина, скелетообразный шотландскій офицеръ, приказалъ «индійскому богу» принести свое оружіе и показать иностранцу, какъ этимъ оружіемъ работаютъ.

«— Этотъ солдатъ изъ племени «гурка»,—сказалъ шотландецъ:—онъ заслужилъ крестъ королевы Викторіи. Онъ ночью одинъ зарѣзалъ нѣсколько нѣмцевъ. Онъ покажетъ, какъ надо обращаться съ ножомъ.

«Буддійскій ликъ все такъ же спокоенъ. Такъ же туманны непроницаемые глаза. Такъ же медлительны размѣренныя движенія. Но вотъ въ глазахъ внезапно вспыхнулъ огонь; какъ у кошки, изогнулась спина, голова ушла въ плечи, а въ напряженно-вытянутой рукѣ сверкнуло холодное лезвіе. Оно сверкнуло и сейчасъ же потухло. И черезъ мгновеніе засверкало опять. Ножъ со свистомъ разрѣзалъ воздухъ слѣва направо, потомъ внизъ, потомъ вверхъ, потомъ снова справа налѣво. Я взглянулъ на буддійскаго бога. Это былъ не богъ, не живое изваяніе Будды. Былъ ли это сотворенный по образу и подобію Божію человѣкъ? По оскаленнымъ бѣлымъ зубамъ у угловъ полудѣтскаго рта пробѣгала улыбка, глаза горѣли, между сдвинутыми бровями залегли озабоченныя морщины. Ножъ ходилъ все быстрѣе, и рука все чаще поднималась надъ головой. Совершилось нежданное чудо. Точно кто-то разбудилъ дремавшаго въ лѣсу звѣря.

«И я увидѣлъ: черная ночь, ни зги. По полу-замерзшимъ, голымъ полямъ ползетъ невидимый человѣкъ. Ползетъ—не дышетъ. Ползетъ—и думаетъ о ножѣ. За кустами недвижная тѣнь. Другой, застывшій въ ночи человѣкъ. Такъ бѣгутъ предательскія минуты. А потомъ—ни вздоха ни крика. Ножъ со свистомъ разрѣзалъ воздухъ. Брызнула горячая кровь».

Смертная казнь за членовредительство во время войны. Въ раздѣлъ третій «Воинскаго устава о наказаніяхъ», трактующій «о нарушеніи обязанностей службы во время военныхъ дѣйствій», каждая статья котораго имѣетъ своей санкціей смертную казнь, внесена еще одна статья со смертной казнью. Это статья 245^1, карающая за членовредительство во время войны. Преступленіе это до сихъ поръ наказывалось одинаково, какъ въ мирное время, такъ и во время войны—военной тюрьмою. Согласно опубликованному нынѣ Высочайшему повелѣнію «умышленное причиненіе себѣ непосредственно или черезъ другое лицо, съ цѣлью уклониться отъ службы или отъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, огнестрѣльныхъ или иныхъ ранъ» наказывается смертной казнью. При этомъ новый законъ раздѣляетъ это преступленіе по признаку мѣста совершенія преступленія. Необходимо, чтобы преступленіе было совершено во время войны. Если преступленіе совершено въ виду непріятеля, смертная казнь — единственное наказаніе. Если оно совершено лишь въ районѣ военныхъ дѣйствій, то дается такая лѣстница наказаній: 1) каторжныя работы отъ 4 до 20 лѣтъ, 2) каторжныя работы безъ срока и 3) смертная казнь. Выборъ наказанія предоставляется, конечно, суду. Но нумерація этой статьи 245^1 указываетъ на тѣ соображенія, которыми долженъ руководствоваться судъ при примѣненіи наказанія по этой статьѣ. Согласно ст. 245 самовольное оставленіе поста въ виду непріятеля наказывается смертной казнью лишь въ томъ случаѣ, если оставленіе это имѣло «вредныя послѣдствія». Въ томъ же случаѣ, когда такихъ послѣдствій не было, наказаніе въ значительной степени смягчается. Что касается признака мѣста совершенія преступленія, то слѣдуетъ указать слѣдующее. Первый признакъ — «районъ военныхъ дѣйствій»—въ настоящую войну весьма распространительнаго свойства. Въ районъ военныхъ дѣйствій входитъ значительная часть Европейской Россіи. Слѣдовательно, на всѣ эти мѣстности распространяется первая часть новаго закона, карающая отъ каторжныхъ работъ до смертной казни. Второй же признакъ—«въ виду непріятеля»—обнимаетъ узкую полосу, на которой происходятъ бои, или, вѣрнѣе, на которой находятся арміи, непосредственно дѣйствующія противъ непріятеля. Такъ, по разъясненію главнаго военно-окружнаго суда, «побѣгъ» изъ полка, находившагося подъ Плевною, во время осады Плевны называется побѣгомъ въ виду непріятеля.

Толковый словарь германской арміи. Газета «Кіевъ» приводитъ интересный документъ, найденный у одного изъ плѣнныхъ германскихъ солдатъ. Это — маленькій нѣмецко-русскій словарь, составленный въ предвидѣніи осложненій съ Россіей и изданный задолго до войны въ Берлинѣ въ огромномъ количествѣ экземпляровъ. Называется онъ: «Deutsch-russischer Soldatensprachführer

von Puttkammer's Ausgabe». Вся книжка состоитъ изъ краткихъ разговоровъ, характерныхъ для нынѣшней Германіи и ея арміи. Приводимъ наудачу:

«Скажите правду, не то васъ убьютъ»... «Если уйдете, буду стрѣлять»... «Вы остаетесь здѣсь въ качествѣ заложника».

Армія Вильгельма не только сражается, но и грабитъ, и словарь приходитъ на помощь воинамъ-мародерамъ. Вотъ, напримѣръ, такія фразы: «Опорожняйте ваши карманы, снимите съ себя пиджакъ, сапоги, носки, не то васъ разстрѣляютъ». Или еще: «Покажите намъ всѣ комнаты, подвалы. Гдѣ ваша касса? Сколько у васъ рублей, копеекъ?».

Для объясненія съ властями занятаго города: «Вы городской голова? Покажите планъ города. Сколько здѣсь жителей? Бѣдные они или богатые? Вы лжете: городъ состоятельный. Вы обязаны доставить намъ все необходимое. А если жители спрячутъ жизненные припасы, на городъ будетъ наложена контрибуція въ столько-то рублей».

Не забыты также и питейные вопросы, и въ словарѣ имѣются фразы»:

«Дайте мнѣ рюмку водки, коньяку» и т. д.

Движеніе сапой. Штабомъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщалось, что нѣмцы для приближенія къ нашимъ позиціямъ пытаются примѣнять пріемы крѣпостной войны, продвигаясь на нѣкоторыхъ участкахъ впередъ посредствомъ тихой сапы и пользуясь для своего прикрытія стальными щитами.

Движеніе сапой обыкновенно предпринимается въ тѣхъ случаяхъ, когда при наступленіи надо пройти сильно обстрѣливаемое пространство. Вполнѣ понятно, что въ этихъ случаяхъ войска не могутъ двигаться по поверхности земли, ибо будутъ въ этомъ случаѣ разстрѣляны. Поэтому войска двигаются не по землѣ, а подъ землею.

Сущность движенія сапой заключается въ томъ, что солдатъ продвигается въ сторону противника, все время копая землю. Землю эту онъ кидаетъ вправо отъ себя, влѣво и передъ собой. Такимъ образомъ, передъ солдатомъ все время передвигается холмикъ изъ земли, закрывающій его отъ пуль и снарядовъ. Такая сапа называется двойною, потому что защищаетъ отъ выстрѣловъ спереди, справа и слѣва.

Если выстрѣлы только съ одной стороны, то солдатъ, двигаясь, кидаетъ землю передъ собою вправо или влѣво, въ зависимости отъ того, съ какой стороны выстрѣлы. Такимъ образомъ, все время роясь въ землѣ, войска такими окопами приближаются къ окопамъ противника и, подойдя къ послѣднимъ, бросаются въ штыки. Нѣмцы, подойдя такими окопами къ расположенію противника, закладываютъ пороховой зарядъ (фугасъ) и взрываютъ окопъ противника. Послѣ этого взрыва они бросаются въ штыки.

Такой способъ передвиженія очень медлененъ, но предохраняетъ войска отъ потерь.

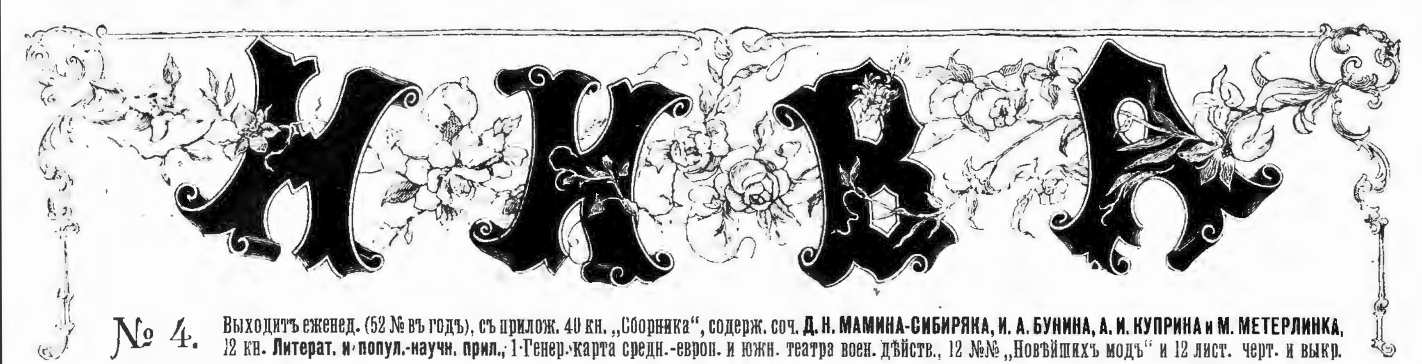
Обратившись окончательно къ позиціонному методу войны на р. Бзурѣ, германцы теперь приступили къ тому, что дѣлается при осадѣ большой крѣпости, т. е. подъ покровомъ осадной артиллеріи стали продвигаться сапами и прикрываться стальными щитами, а слѣдовательно, примѣнять способы, встрѣчающіеся исключительно въ крѣпостной войнѣ. Сапы, это — ходы сообщенія подъ землею въ видѣ коридоровъ, достигающихъ роста человѣка, по которымъ германцы по мѣрѣ ихъ устройства и продвигаются впередъ, укрываясь отъ выстрѣловъ. Выставивъ тяжелую артиллерію въ закрытіяхъ, называемыхъ батареями, примѣрно въ 4 — 5 верстахъ отъ укрѣпленной оборонительной линіи германцы устраиваютъ сначала такъ называемую первую параллель съ ходами сообщенія назадъ, къ паркамъ. Постепенно затѣмъ продвигаясь впередъ, германцы устраиваютъ все новыя и новыя параллели и ретраншементы для артиллеріи, или осадныя батареи. Для сообщенія между параллелями и батареями они роютъ ходы сообщеній зигзагами, избѣгая амфиладнаго огня, при чемъ солдатъ, бросая землю налѣво и направо (тихая сапа) или сразу въ обѣ стороны (двойная тихая сапа), устраиваетъ такимъ образомъ валики, прикрывающіе ихъ отъ ружейнаго огня. Совокупность этихъ осадныхъ работъ и называется «постепенной атакой». Работы по устройству параллелей заканчиваются обыкновенно въ разстояніи около полуверсты отъ позиціи, откуда начинаетъ вестись уже сапа; въ концѣ послѣдней закладываются мины, взрывомъ которыхъ и стараются уничтожить непріятельскій окопъ.

Что касается стальныхъ щитовъ, то таковые примѣняются германцами для уменьшенія колоссальныхъ потерь, которыя они несутъ при атакахъ позицій. Щиты эти обыкновенно бываютъ двустворчатые складные, при развертываніи образующіе стальной квадратъ, стороны котораго достигаютъ отъ $1^1/_4$ до $1^1/_2$ аршинъ; квадратъ этотъ прикрѣпляется къ колесу діаметромъ около $1^1/_2$ арш., которое и катитъ передъ собой солдатъ въ цѣпи. Подъ прикрытіемъ такого щита могутъ сразу наступать до 8 солдатъ, поставленныхъ въ 4 шеренги.

Въ защиту варваровъ. Нѣмцевъ теперь называютъ варварами. Это большая несправедливость по отношенію къ варварамъ. Чтобы убѣдиться, какъ несправедливы всѣ тѣ, кто называетъ нѣмцевъ варварами, стоитъ только прочитать прекрасный трудъ Родоконаки «Памятники Рима» (Monuments de Rome). Готскій король Аларихъ вторгся въ Римъ въ 410 году, но онъ не разрушилъ города, не позволялъ разбивать статуи и рвать картины. Въ 455 году вандалы овладѣли вѣчнымъ городомъ, но и они не воевали со зданіями, и послѣ ихъ двухнедѣльнаго пребыванія въ Римѣ большинство зданій осталось неприкосновенно. Въ 537 году готы осадили Римъ, но были прогнаны Велизаріемъ. Пострадалъ лишь мавзолей Адріана, и то только потому, что дворецъ Адріана былъ превращенъ въ крѣпость. Готскій король Теодорихъ былъ проникнутъ чувствомъ искренняго восхищенія къ Риму. Онъ говорилъ, что Римъ не можетъ быть чужимъ никому въ мірѣ, что это громадный храмъ, въ которомъ обитаютъ всѣ добродѣтели. Вотъ какъ думали и дѣйствовали варвары. Нѣмцы не варвары: они не достойны этого названія.

Доходы города Реймса. Многіе думаютъ, что главную статью дохода города Реймса составляли его великолѣпные сорта шампанскаго. Это не вѣрно. Самый крупный доходъ получался отъ продажи фланели. Реймсъ славится своими фабриками фланели, оборудованными лучшими машинами. Теперь эти фабрики разрушены нѣмцами. У нихъ имѣлся подробный планъ Реймса, и они съ ожесточеніемъ громили фабрики, лишая такимъ образомъ населеніе и войска теплаго бѣлья.

ОТЪ
КАШЛЯ,
простуды, насморка
PASTILLES VALDA
(Лепешки Вальда)
въ вашемъ интересѣ спрашивать,
ТРЕБОВАТЬ ИХЪ
во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ складахъ
въ КОРОБКАХЪ, снабженныхъ именемъ Valda,
съ красной бандеролью.
Достаточно одной коробки
PASTILLES VALDA
(Лепешекъ Вальда).



№ 4. Выходитъ еженед. (52 №№ въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 24 января 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на 1/2 года—4 р., на 1/4 года—2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій И. А. Бунина" кн. 2.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Бой въ Сѣверномъ морѣ.

Полное крушеніе всѣхъ нѣмецкихъ плановъ на обоихъ фронтахъ сухопутной войны создало невыносимо тяжелое положеніе для нѣмцевъ. Нѣмецкій генеральный штабъ всегда считалъ, что только въ быстромъ ходѣ событій лежитъ залогъ успѣха германскихъ армій. Нѣмцы могли ожидать всего, даже въ несчастномъ случаѣ—пораженія. Но они не ждали того медленнаго „стратегическаго умиранія", на который ихъ обрекли арміи союзниковъ.

Если обратить вниманіе на всѣ послѣднія операціи нѣмцевъ, какъ, напримѣръ, налетъ цеппелиновъ, или попытку набѣга крейсеровъ на Англію, то первое впечатлѣніе получается, что нѣмцы какъ-то хотятъ выбраться на просторъ, что они задавлены и задыхаются и дѣлаютъ все, чтобы вырваться изъ тѣсно сжимающаго ихъ желѣзнаго кольца.

Это тяжелое положеніе нѣмцевъ было немедленно учтено такими полунейтральными государствами, какъ Италія и Румынія, которыя, по образному и циничному выраженію одного итальянскаго политическаго дѣятеля, „стараются сохранить къ важному моменту свой порохъ сухимъ".

Вмѣстѣ съ тѣмъ наше наступленіе изъ Буковины въ Трансильванію, вызвавшее переходъ власти въ Австро-Венгріи къ венгерскимъ министрамъ, въ значительной степени повліяло на стратегическое расположеніе союзниковъ. Нѣмецкій генеральный штабъ, послѣ долгой борьбы, долженъ былъ уступить требованіямъ австрійскаго генеральнаго штаба и освободить австрійскую армію отъ обороны Силезіи, предоставивъ ей возможность переселиться наконецъ на родину для защиты собственной территоріи.

Это значительно ослабило расположеніе нѣмцевъ въ Польшѣ и. въ связи съ угрожающимъ положеніемъ Румыніи и Италіи, а также въ связи со „стратегическимъ отпаденіемъ" Австро-Венгріи, вынудило нѣмцевъ прибѣгнуть къ самымъ крайнимъ мѣрамъ. Вильгельму оказался до зарѣзу нуженъ какой-либо крупный успѣхъ, который могъ бы сдержать враждебно настроенныя Италію и Румынію и дать хоть какое-либо удовлетвореніе германскому народу, несущему столь непомѣрное бремя тяжелой войны, переживающему крайне тягостное экономическое положеніе и начинающему уже испытывать настоящую голодовку, неизбѣжную въ осажденной крѣпости.

Шесть мѣсяцевъ борьбы на сушѣ убѣдили нѣмцевъ, что дальнѣйшія попытки побѣдить приведутъ лишь къ громаднымъ потерямъ и къ быстрой гибели. Попытка прекратить подвозъ къ Англіи при помощи подводныхъ лодокъ потерпѣла полную неудачу. Казалось, всѣ средства борьбы изсякли...

Въ такомъ безвыходномъ положеніи нѣмцы волей-неволей должны были прибѣгнуть къ послѣднему, еще не использованному средству—къ своему линейному флоту.

Они долго берегли этотъ флотъ, сознавая всю трудность состязанія съ превосходнымъ флотомъ англичанъ, но въ послѣднее время у нихъ уже ничего не осталось: армія своихъ задачъ не выполнила, цеппелины оказались пустой игрушкой, а подводныя лодки были учтены англичанами, принявшими рядъ такихъ серьезныхъ охранительныхъ мѣръ, что дальнѣйшія операціи съ подводными лодками стали невозможны. Попытка нѣмцевъ повліять на стратегическое положеніе при помощи дипломатической игры не увѣнчалась успѣхомъ, и Румынія и Италія одинаково занимаютъ попрежнему угрожающія позиціи.

Поэтому не было ничего удивительнаго, когда въ печати по-

„Пречиста Діва — Мати Русского Народа" — икона Божіей Матери въ Львовѣ въ соборѣ св. Юра (Георгія). Особенность этой иконы заключается въ томъ, что Богоматерь изображена въ одѣяніи украинскаго народа: рукава и воротъ украшены малороссійской вышивкой.

явились свѣдѣнія о сосредоточеніи всего „флота открытаго моря“ въ Вильгельмсгафенѣ и Кугсгафенѣ. Было ясно, что нѣмцы, извѣрившись въ „сушу и воздухъ“, готовятся рискнуть сомнительной операціей на морѣ.

Въ составъ „флота открытаго моря“ входитъ развѣдочный отрядъ и двѣ эскадры: Балтійскаго моря и Сѣвернаго моря. Эскадра Балтійскаго моря предназначалась въ началѣ войны для операцій на восточномъ морскомъ фронтѣ, т.-е. въ раіонѣ Балтійскаго моря. Въ составъ ея входили 8 броненосцевъ постройки 1904 и 1906 годовъ, вооруженныхъ 11-дюймовыми пушками, по 4 пушки на каждомъ броненосцѣ.

Современная теорія морского искусства считаетъ броненосцы негодными для боя съ дредноутами. Однако во время войны 1904 года нѣкоторыя устарѣлыя японскія суда, какъ, напримѣръ, „Чинъ-Іенъ“, старый желѣзный броненосецъ, взятый еще у китайцевъ, принимали участіе въ бояхъ. Въ этихъ случаяхъ моряки стремились использовать артиллерію такихъ кораблей, невзирая на то, что эти корабли, вслѣдствіе слабой брони, могли затонуть во время боя. Расчетъ основывался на томъ, что, если они годятся для обстрѣливанія непріятельскихъ кораблей, то надо ими воспользоваться, а если они потонутъ, то не жалко,— все равно старые корабли.

Графъ П. Н. Игнатьевъ, назначенный управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. По фот. Я. Штейнберга.

Такимъ расчетомъ, повидимому, руководствовались нѣмцы, притянувъ эскадру Балтійскаго моря въ Вильгельмсгафенъ и усиливъ этимъ способомъ артиллерію эскадры дредноутовъ Сѣвернаго моря 32 большими 11-дюймовыми пушками.

Шансы борьбы между англійскимъ и германскимъ флотами были безусловно неравные. У нѣмцевъ 16 дредноутовъ линейнаго типа, у англичанъ—30. Кромѣ того, у нѣмцевъ пушки преимущественно 12-дюймовыя, а на 4 дредноутахъ даже 11-дюймовыя: тогда какъ у англичанъ 11-дюймовыхъ пушекъ совсѣмъ нѣтъ, а главную массу составляютъ 12-дюймовыя и 13,5-дюймовыя пушки. Необходимо при этомъ отмѣтить, что каждый дюймъ увеличиваетъ вѣсъ снаряда, силу его разрушительнаго дѣйствія и дальность полета, считая грубо-приблизительно, въ $1\frac{1}{2}$ раза.

Такимъ образомъ, если даже учесть 32 пушки старыхъ нѣмецкихъ броненосцевъ, то все же артиллерія линейныхъ дредноутовъ Англіи вдвое сильнѣе артиллеріи линейныхъ дредноутовъ германскаго „флота открытаго моря“.

Кромѣ линейныхъ дредноутовъ, такъ называемыми „боевыми коэффиціентами“ считаются крейсера-дредноуты. Этихъ крейсеровъ у нѣмцевъ—4, а у англичанъ—10, при чемъ артиллерія англійскихъ крейсеровъ-дредноутовъ также болѣе могущественная и болѣе дальнобойная. Поэтому въ отношеніи крейсеровъ-дредноутовъ нужно считать, что англичане имѣютъ даже тройное превосходство.

Несмотря на такія неравныя условія нѣмцы, послѣ сосредоточенія всего флота въ базахъ-портахъ Сѣвернаго моря, выслали къ берегамъ Англіи развѣдочный отрядъ. Развѣдочный отрядъ представляетъ собою вполнѣ опредѣленную организацію, состоящую изъ 4 крейсеровъ-дредноутовъ, 8 легкихъ крейсеровъ и 4 посыльныхъ судовъ. Развѣдочный отрядъ находится въ спеціальномъ распоряженіи командующаго всѣмъ германскимъ флотомъ, адмирала фонъ-Ингеноля.

Поэтому посылка развѣдочнаго отряда къ берегамъ Англіи въ полномъ составѣ едва ли имѣла въ виду бомбардировку побережья. Для этого можно было бы послать только одинъ крейсеръ-дредноутъ въ сопровожденіи пары развѣдчиковъ — легкихъ крейсеровъ. Если къ этому добавить, что сосредоточеніе всѣхъ силъ въ Сѣверномъ морѣ обнаруживало серьезныя активныя намѣренія нѣмцевъ, то можно съ большой достовѣрностью считать, что крейсерскій отрядъ былъ посланъ спеціально для развѣдки передъ боемъ. Задачей его должно было быть опредѣленіе мѣстонахожденія главныхъ силъ англійскаго флота.

Однако задачи этой развѣдочный отрядъ не выполнилъ, такъ какъ онъ наткнулся на густую и сильную завѣсу изъ 5 англійскихъ крейсеровъ-дредноутовъ, нѣсколькихъ легкихъ крейсеровъ и флотиліи миноносцевъ, которые заслоняли раіонъ расположенія главныхъ силъ англійскаго флота.

Такъ какъ на 4 нѣмецкихъ крейсерахъ, изъ которыхъ одинъ, со своими 8-дюймовыми пушками, былъ весьма сомнительнымъ дредноутомъ, артиллерія была слабѣе англійской, то нѣмцы стали быстро уходить отъ англичанъ. Такимъ образомъ нѣмцы не рискнули на такъ называемую „развѣдку съ боемъ“, а, желая спасти корабли, вернулись назадъ, не везя никакихъ свѣдѣній адмиралу фонъ-Ингенолю о мѣстѣ нахожденія англійскаго флота.

Англійскіе крейсера бросились догонять нѣмцевъ, и въ теченіе $3\frac{1}{2}$ часовъ англичане вели бой съ убѣгающими нѣмцами, въ результатѣ котораго былъ потопленъ нѣмецкій крейсеръ „Блюхеръ“, самый слабый изъ нѣмецкихъ крейсеровъ, а два другіе крейсера получили поврежденія.

$3\frac{1}{2}$ часа является очень длиннымъ срокомъ для морского боя, который обыкновенно происходитъ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ минутъ, а самое большее—часа. Это показываетъ, что нѣмцы удирали полнымъ ходомъ въ составѣ всей эскадры, вслѣдствіе чего англичанамъ было не легко ихъ догнать. Въ виду этого, бой долженъ былъ происходить на большихъ дистанціяхъ, гдѣ стрѣльба менѣе дѣйствительна. Этимъ и объясняется, что „Блюхеръ“ держался на водѣ около $3\frac{1}{2}$ часовъ.

Ходъ германской эскадры, считая по самому тихоходному „Блюхеру“, былъ 25—26 узловъ, а ходъ англійской эскадры, считая по самому тихоходному „Индомитэблю“, былъ 26—$26\frac{1}{2}$ узловъ. Слѣдовательно, англичане имѣли преимущество въ ходѣ на $\frac{1}{2}$ узла, т.-е. на полмили въ часъ.

По состоянію погоды въ январскіе мѣсяцы на Сѣверномъ морѣ англичане могли увидѣть нѣмцевъ при дневномъ освѣщеніи въ разстояніи 15 миль. Вѣроятно, нѣмцамъ понадобилось нѣкоторое время для поворота, и, въ общемъ, за $3\frac{1}{2}$ часа англичане могли ихъ догнать мили на двѣ, т.-е. сократить разстояніе до 13 миль.

Въ виду такого большого разстоянія, англичане, повидимому, бросились преслѣдовать нѣмцевъ съ наиболѣе быстроходными судами. Въ эскадрѣ англичанъ было изъ пяти три такихъ корабля, которые могли двигаться со скоростью до 27—28 узловъ. Эти суда, вѣроятно, и отдѣлились отъ эскадры, догнали нѣмцевъ и, невзирая на то, что у послѣднихъ было четыре корабля, потопили, благодаря своей болѣе могущественной артиллеріи, „Блюхера“ и нанесли поврежденія остальнымъ двумъ судамъ.

Такимъ образомъ столкновеніе развѣдочныхъ отрядовъ кончилось пораженіемъ нѣмцевъ. Однако это еще не исключаетъ возможнаго столкновенія между главными силами германскаго и англійскаго флотовъ. Если нѣмцы дѣйствительно имѣли намѣреніе вступить въ бой съ главными силами англійскаго флота, то потеря „Блюхера“ ихъ едва ли остановитъ. Хотя гибель „Блюхера“

Министръ торговли и промышленности С. И. Тимашевъ, пріѣзжавшій въ дѣйствующую армію для руководства обслѣдованіемъ пострадавшаго отъ войны края. Министръ посѣтилъ передовыя позиціи на станціи Старо-Радзивиловѣ. Рядомъ съ министромъ— начальникъ дороги П. А. Малевинскій и инженеръ А. И. Марковъ. По фот. нашего корреспондента.

является весьма чувствительной, но, принимая во вниманіе его неважную 8-дюймовую артиллерію, можно считать, что возможный бой, какъ былъ рискованнымъ предпріятіемъ для нѣмцевъ, такъ и остался, при чемъ степень риска увеличилась весьма незначительно.

Если нѣмцы откажутся отъ боя, то не потому, что они потеряли 12 орудій 8-дюймового калибра, бывшихъ на „Блюхерѣ“, а потому, что бой у береговъ Англіи еще разъ весьма реально и отчетливо подчеркнулъ въ глазахъ самихъ нѣмцевъ превосходство англійскаго флота.

Послѣ этого боя никакихъ сомнѣній быть не можетъ, и, если нѣмецкіе развѣдчики были побиты англичанами, имѣвшими лишь одинъ лишній корабль, то такая же участь ждетъ и главныя силы германскаго флота, надъ которымъ англичане, какъ мы видѣли, имѣютъ двойное превосходство въ силахъ.

Если нѣмцы уткнулись въ стѣну на сушѣ, то они могутъ убѣдиться, что уткнулись въ такую же стѣну и на морѣ. Желѣзное кольцо, стягивающее Германію, попрежнему прочно...

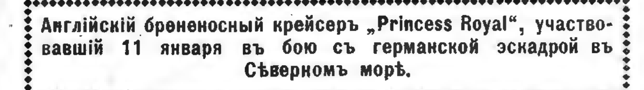
Вице-адмиралъ англійской эскадры Давидъ Битти, разгромившій германскую эскадру въ Сѣверномъ морѣ.
Вице-адмиралъ Битти, одержавшій уже вторую побѣду въ эту войну, извѣстенъ у насъ, въ Россіи, послѣ своего недавняго посѣщенія Кронштадта и Петрограда съ броненосной эскадрой, принимавшей участіе въ послѣднемъ бою. Вице-адмиралу Битти въ настоящее время 44 года. Въ 39 лѣтъ онъ былъ произведенъ въ контръ-адмиралы. Будучи всего 29 лѣтъ, онъ уже командовалъ судномъ перваго ранга, а 27 лѣтъ былъ капитаномъ второго ранга. Адмиралъ Битти отличился во время суданской кампаніи у Хартума въ 1898 г. и во время боксерскаго возстанія въ Китаѣ 1900 г.

Война и народное представительство.

(Вопросы внутренней жизни).

Огромное напряженіе національно-государственной мысли, котораго требуетъ война, не оставляетъ мѣста для критики, для разсужденій и мелкихъ партійныхъ счетовъ. Когда надо дѣйствовать, некогда спорить и размышлять. Вотъ почему съ началомъ войны во всей Европѣ сразу пріостановилась парламентская жизнь. Парламенты созываются на короткое время, чтобы голосовать военный заемъ, да и то собираются далеко не въ полномъ составѣ, потому что многіе изъ членовъ служатъ въ арміи, лежатъ ранеными въ госпиталяхъ, или нашли вѣчное упокоеніе въ братскихъ могилахъ. Наша Государственная Дума тоже созвана только на короткую сессію для голосованія бюджета, обстоятельное обсужденіе котораго проходитъ теперь тѣмъ же ускореннымъ темпомъ въ засѣданіяхъ бюджетной комиссіи. По своему партійному составу бюджетная комиссія, какъ извѣстно, представляетъ собою ту же Думу, только въ миніатюрѣ. Благодаря напряженно-дѣловому настроенію общества главный интересъ открывшихся засѣданій въ Таврическомъ дворцѣ вызываютъ къ себѣ не столько запросы ораторовъ, сколько фактическіе отвѣты представителей правительства.

Въ сердцѣ русскихъ людей, выносящихъ на своихъ плечахъ большую долю тяжести міровой войны, накопилось много тревожныхъ вопросовъ. Они интересуются тѣмъ, достаточно ли хорошо организовано снабженіе нашихъ армій. Какое направленіе принимаетъ наша внѣшняя политика? Что имѣетъ въ виду предпринять министерство иностранныхъ дѣлъ для привлеченія къ тройственному согласію Италіи и Румыніи и для возстановленія балканскаго союза съ участіемъ Болгаріи, верховный правитель и правительство которой при каждомъ удобномъ случаѣ демонстративно подчеркиваютъ свою симпатію къ нашимъ врагамъ? Не колеблется ли наша правительственная власть въ рѣшительной борьбѣ съ нашимъ опаснѣйшимъ внутреннимъ врагомъ — только-что сломленнымъ народнымъ пьянствомъ — и не намѣревается ли она съ окончаніемъ войны возстановить поверженнаго въ прахъ зеленаго змія? Каково наконецъ финансовое положеніе



Англійскій броненосный крейсеръ „Princess Royal“, участвовавшій 11 января въ бою съ германской эскадрой въ Сѣверномъ морѣ.

Англійскій броненосный крейсеръ „Queen Mary“, участвовавшій 11 января въ бою съ германской эскадрой въ Сѣверномъ морѣ.

Англійскій броненосный крейсеръ „Lion“, участвовавшій 11 января въ бою съ германской эскадрой въ Сѣверномъ морѣ.

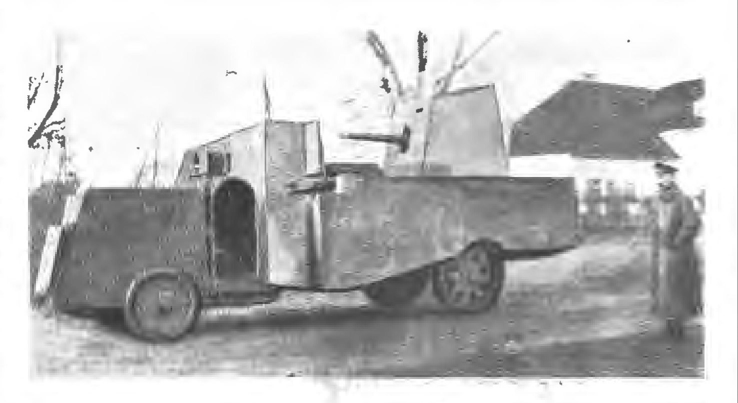
Россіи, сразу вычеркнувшей изъ своего бюджета почти цѣлый милліардъ дохода отъ казенной продажи питей?

На всѣ эти вопросы представители правительства дали въ засѣданіи бюджетной комиссіи народнымъ представителямъ посильные отвѣты. Въ оцѣнкѣ нашего финансоваго положенія лидеры лѣваго лагеря, по обыкновенію, рѣзко разошлись съ правительствомъ. Указывая на то, что разоренная Польша уже не можетъ быть въ текущемъ году плательщицей налоговъ, они рисовали русскіе финансы въ нѣсколько пессимистическихъ тонахъ; государственный же контролеръ П. А. Харитоновъ, отвѣчавшій на трибунѣ вмѣсто уѣхавшаго за границу министра финансовъ, ссылаясь на колоссальный притокъ вкладовъ въ сберегательныя кассы, выражалъ полную увѣренность въ благополучномъ сведеніи росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ. На указаніе члена Гос. Думы Годнева, что винныя лавки закрыты только въ порядкѣ управленія и, слѣдовательно, могутъ быть въ томъ же порядкѣ открыты вновь, и на запросъ члена Гос. Думы Опочинина: намѣрено ли правительство открыть ихъ по окончаніи войны? — П. А. Харитоновъ заявилъ, что казенная продажа вина ни въ какомъ случаѣ не будетъ допущена и по окончаніи войны, частная же торговля винами будетъ регулируема новыми законами, проекты которыхъ вырабатываются министромъ финансовъ въ духѣ Высочайшаго рескрипта. Ссылка на рескриптъ должна вполнѣ успокоить тѣхъ, кто опасается, что закрытіе казенныхъ винныхъ лавокъ можетъ повести къ возрожденію частнаго корчемства.

Членъ Гос. Думы Шингаревъ спросилъ, почему правительство не приняло никакихъ мѣръ противъ частныхъ банковъ, невѣроятно поднявшихъ курсъ на иностранную валюту. Представители правительства объяснили это тѣмъ, что въ ихъ распоряженіи не было никакихъ средствъ для воздѣйствія на частные банки.

Членъ Гос. Думы Замысловскій затронулъ щекотливый вопросъ о финансовомъ участіи Финляндіи въ тяготахъ войны. Финляндія жертвъ людьми не несетъ, такъ какъ тамъ не введено отбываніе воинской повинности, но это не исключаетъ необходимости того, чтобы Финляндія несла жертвы деньгами. Распространены ли на нее новые налоги, уплачиваемые теперь всей Россіей? Раньше Финляндія не несла расходовъ по государственной оборонѣ. Затѣмъ Гос. Дума противъ лѣваго крыла приняла законъ о налогѣ въ Финляндіи на нужды государственной обороны. Но сборъ этотъ далеко не достигаетъ размѣровъ того обложенія, какое существуетъ для остальныхъ россійскихъ гражданъ. Правительство говорило, что ставки этого налога будутъ повышены, но прошло четыре года, и до сихъ поръ ничего не сдѣлано.

П. А. Харитоновъ замѣтилъ по этому поводу, что комиссія работала все время надъ этимъ вопросомъ, но труды ея не закончены. Теперь предполагается ставки новыхъ налоговъ распространить на Финляндію, проекты уже выработаны и посланы на заключеніе финляндскаго сената, но нѣкоторое затрудненіе встрѣтилось въ томъ, что часть финляндской казны, въ размѣрѣ 40 милліоновъ марокъ, находилась въ Германіи и конфискована германскимъ правительствомъ.



Бронированный автомобиль, дѣйствующій съ необычайнымъ успѣхомъ противъ непріятеля подъ Лодзью и Сохачевомъ.
По фот. нашего корреспондента.

— Было ли это храненіе финляндскихъ денегъ въ Германіи допущено съ разрѣшенія русскаго правительства, или нѣтъ? — спросилъ Замысловскій.

— Конечно, нѣтъ, — отвѣтилъ П. А. Харитоновъ.

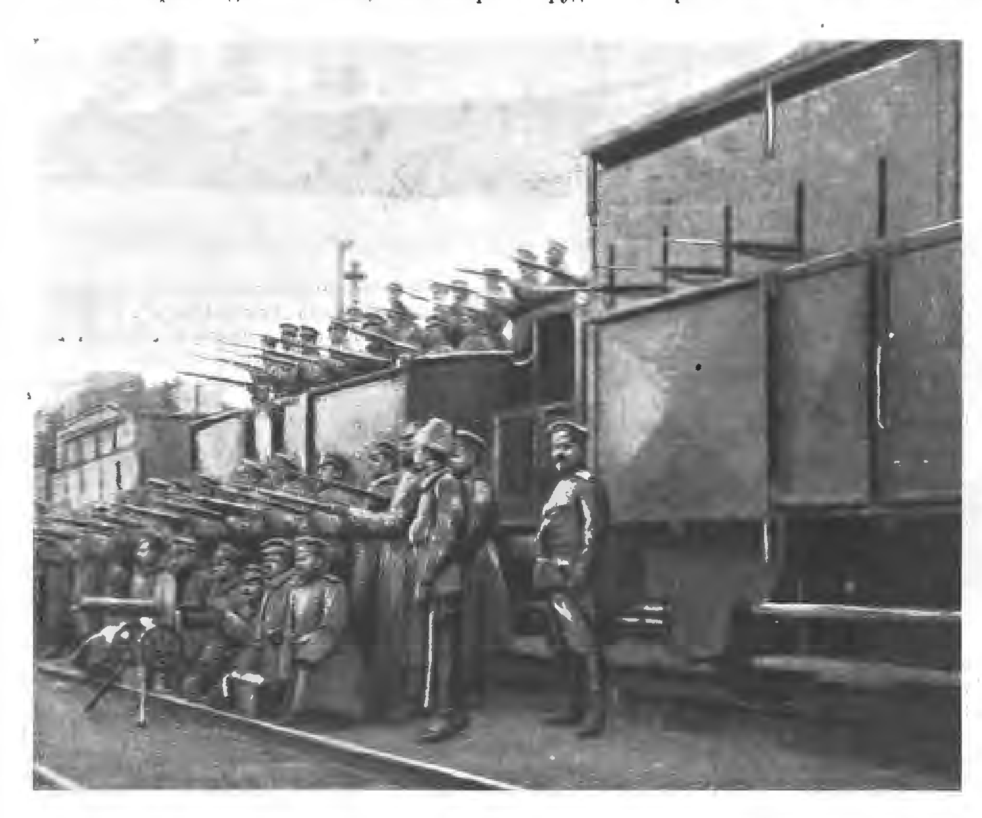
— Слѣдовательно, — продолжилъ свою мысль Замысловскій: — средства Финляндіи пошли на усиленіе средствъ Германіи.

На вопросъ члена Гос. Думы Крупенскаго: какъ идетъ снабженіе арміи? — помощникъ военнаго министра удостовѣрилъ, что въ этомъ отношеніи у насъ все обстоитъ благополучно. Членъ Гос. Думы кн. Мансыревъ указалъ на то, что правительство примѣнило цѣлый рядъ мѣръ, использовавъ 87 ст., между тѣмъ не коснулось вопроса, который всѣхъ волнуетъ, и разрѣшеніе котораго совершенно необходимо именно въ настоящее время. Въ сѣверо-западномъ краѣ, въ прибалтійскихъ губерніяхъ и въ Польшѣ нѣмецкая колонизація преслѣдовала антигосударственныя цѣли, какъ это совершенно выяснилось въ настоящее время.

Что же сдѣлано для устраненія этого зла? Въ проектѣ ликвидаціи нѣмецкаго землевладѣнія почему-то пропущены губерніи Курляндская, Ковенская и Сувалкская. Затѣмъ совершенно не затронуты феодальные порядки въ Прибалтійскомъ краѣ, благодаря которымъ поддерживались рознь и отчужденіе прибалтійскихъ губерній отъ остальной Россіи.

Но наибольшій интересъ возбудилъ, разумѣется, вопросъ о нашей внѣшней политикѣ. „Готово ли, — спрашивалъ Е. П. Ковалевскій, — правительство прислушаться къ голосу законодательныхъ собраній и общественныхъ организацій при предварительной выработкѣ условій мира? Мы понимаемъ, что не дѣло законодательныхъ учрежденій вырабатывать условія мира, но мы считаемъ полезнымъ въ тотъ моментъ, когда начнутъ вырабатываться эти условія, наличіе въ Петроградѣ членовъ законодательныхъ учрежденій. Цѣлый рядъ вопросовъ, очевидно, можетъ быть обсужденъ совмѣстно съ людьми опыта, знающими мѣстную жизнь, каковыми являются члены Гос. Думы, и ихъ совѣты и указанія могутъ быть весьма цѣнны и облегчать трудъ министра иностранныхъ дѣлъ“.

Депутаты спрашиваютъ о нашихъ отношеніяхъ къ Италіи, Румыніи, скандинавскимъ державамъ и пр. На всѣ вопросы министръ иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазоновъ далъ вполнѣ исчерпывающіе отвѣты, которые однако не подлежатъ пока опубликованію въ печати. Членъ Гос. Думы Милюковъ выразилъ опасеніе, какъ бы миръ не былъ заключенъ тотчасъ же, какъ только германская армія отступитъ за черту германской границы, потому что въ Высочайшемъ манифестѣ было сказано лишь объ изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ отечества. На эти опасенія С. Д. Сазоновъ отвѣчалъ краткими, но многознаменательными словами: „Мы связаны соглашеніемъ съ союзниками. Слова Высочайшаго манифеста не могутъ быть понимаемы такъ ограничительно“.



Русскій бронированный поѣздъ съ командой, приготовившейся къ бою. Впереди стрѣлковъ пулеметчики съ пулеметомъ. По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

* * *

«Мамуся, вѣдь бабушка полька?»
Мать смотритъ строга и блѣдна.
«И папу не любитъ нисколько,
Въ нашъ домъ не пріѣдетъ она»...

Но какъ-то, въ наемной каретѣ,
Пріѣхала бабушка къ намъ.
Мать радостно вскрикнула: «Дѣти!»
И бросилась къ милымъ ногамъ.
И бабушка тихія ласки,
Любовь принесла къ намъ и миръ,
Мы плакали, слушая сказки
Про тундры, тайгу и Сибирь.
О, страшныя сказки... Въ могилу
Съ собой унесла ихъ она.
Но сердце мое полонила
Кровавымъ восторгомъ война.
И страстно молила я Бога,
Чтобъ съ Польшей у Руси былъ миръ.
Но снилась мнѣ бабка... Дорога...
Глухая тайга и Сибирь...
И предковъ угрюмыя лица
Съ усмѣшкой на тонкихъ губахъ...
И старая наша каплица
Въ дремучихъ полѣсскихъ лѣсахъ.
Но бабка, должно-быть, простила:
Она мнѣ явилась во снѣ—
Какая-то вѣщая сила
Послала старуху ко мнѣ.

«Дитя, не погибла Варшава...
Воспрянетъ родная страна,
Оружію Русскому слава!»—
Съ улыбкой шептала она.—
«Мы, старые рыцари, больше
Не будемъ въ гробахъ тосковать,—
Воскреснетъ Единая Польша—
Моя истомленная мать».

Наталія Грушко.

Стрѣльба по аэроплану.

Въ окопѣ.

Оборона избы.

Изъ дѣйствующей арміи. По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

Мечъ судьбы.

Эпизодъ **Вадима Бѣлова.**

I.

Около двухъ часовъ ночи поѣздъ остановился передъ закрытымъ семафоромъ.

На темномъ фонѣ безлуннаго неба алѣлъ одиноко красный предостерегающій фонарь.

Отъ паровоза впередъ бѣжали какія-то темныя человѣческія фигуры, спускались внизъ по насыпи и снова вскарабкивались по желѣзнымъ скобкамъ въ темную, едва освѣщенную тусклымъ масляннымъ фонаремъ, будку локомотива.

Путь былъ занятъ. Далеко впереди, тамъ, гдѣ свѣтлѣло бѣлое зарево городскихъ электрическихъ фонарей, виднѣлся далекій, озаренный мертвеннымъ свѣтомъ мерцающихъ стеклянныхъ шаровъ, фасадъ вокзала, слѣва отъ него тянулись безконечныя вереницы темныхъ вагоновъ, какія-то нагруженныя платформы, закрытыя брезентами, и рогатыя, неуклюжія подъ своими чехлами, пушки, выстроившіяся безконечной цѣпью на товарной платформѣ.

Поѣздъ, тихій, объятый крѣпкимъ сномъ, замеръ, молчаливый и ожидающій, въ 300—400 шагахъ отъ станціи.

„Повезутъ дальше, или не повезутъ?"—

У могилы товарища.

гахъ отъ станціи поѣздъ наконецъ тронулся впередъ такъ же неожиданно, какъ и остановился. Но, даже подъѣхавъ къ платформѣ, мы все еще не знали, конецъ ли это нашего путешествія, или только случайная получасовая остановка.

Въ буфетной залѣ было шумно и душно. За длинными столами, покрытыми залитой и запачканной скатертью, между традиціонными вокзальными канделябрами и пальмами, сидѣли офицеры въ сѣрыхъ солдатскихъ шинеляхъ, или простыхъ грубыхъ гимнастеркахъ съ защитными погонами, чиновники, военные врачи съ бѣлыми повязками на рукавахъ и пожилой священникъ, длиннобородый, въ сѣромъ подрясникѣ, съ орденской ленточкой въ петлицѣ.

За стаканами чаю и кофе спорили, шумѣли и перекликались, кружась неизмѣнно вокругъ одной темы, вокругъ одного общаго интереса. „Война, война и война“,—вотъ то, что занимало всѣ умы, о чемъ въ эту минуту говорили и думали всѣ, отъ длиннобородаго священника съ орденской ленточкой до

вотъ вопросъ, который задавалъ себѣ каждый изъ насъ. Мы уже привыкли за восемь дней путешествія по желѣзнымъ дорогамъ, что поѣздъ нашъ, безконечно длинный, составленный изъ четырехъ десятковъ товарныхъ вагоновъ, наполненныхъ солдатами, съ однимъ, словно случайно попавшимъ въ середину—классным, подходилъ къ вокзаламъ и, получивъ отъ коменданта въ красной фуражкѣ новое назначеніе, продолжалъ ползти въ невѣдомую даль.

Насъ много разъ передавали съ одной дороги на другую, мѣняли паровозы, мѣнялся кондукторскій составъ, а поѣздъ, заключавшій въ себѣ цѣлый батальонъ съ обозами и лошадьми, все продолжалъ стремиться къ невѣдомой цѣли.

Въ офицерскомъ вагонѣ проснулись всѣ. Подходили къ окнамъ, старались разглядѣть что-нибудь въ ночной мглѣ, окутавшей неподвижные вагоны, спрашивали другъ друга и наконецъ, раздраженные и обезпокоенные долгой остановкой, начали одѣваться медленно, неохотно, поеживаясь отъ ночного холода, проникавшаго черезъ поминутно раскрываемыя двери вагона.

На насыпи было тихо и пустынно.

Издалека доносился гулъ города, уже затихающій, ночной, вѣроятно, около паровознаго депо покрикивалъ маневрирующій паровозъ и лязгали буферами сцѣпляемые товарные вагоны, а нашъ поѣздъ все стоялъ передъ бѣлой колонной семафора съ краснымъ предостерегающимъ огнемъ на вершинѣ ея.

Послѣ двухъ-трехъ часовъ стоянки въ нѣсколькихъ стахъ ша-

Русскій и нѣмецъ.

Милосердіе къ поверженному врагу.

послѣдняго сѣраго невзрачнаго и незамѣтнаго рядового, вылѣзавшаго изъ высокаго, наполненнаго людьми, товарнаго вагона, на полотно съ жестянымъ чайникомъ за кипяткомъ.

И тутъ-то наконецъ намъ сказали то завѣтное слово, котораго мы ждали цѣлыхъ восемь дней: батальонный командиръ, рыжеватый подполковникъ въ золотомъ пенснэ, коротко произнесъ:

— Пріѣхали...

Забыто было все: и стаканы горячаго чаю и завязавшаяся бесѣда съ новыми знакомыми, всѣ гурьбой вышли изъ залы на платформу, гдѣ гулялъ холодный ночной вѣтеръ, и направились къ своему поѣзду, передвинувшемуся уже къ товарной станціи.

II.

Въ темнотѣ на желѣзнодорожныхъ платформахъ копошились солдаты, смѣшавшіеся въ одну многоголовую массу... Выгружали обозъ.

Лошадей уже вывели, во мракѣ слышалось ихъ ржаніе, пофыркиваніе и громкое жеваніе, покрикивали, вѣроятно, конюхи, но ни людей ни коней не было видно—ночь была осенняя и непроглядная.

Кой-гдѣ мерцали тусклые масляные фонари, и вспыхивали бѣлыми, ослѣпительно яркими огоньками карманные электрическіе фонарики офицеровъ. Тяжело навьюченныя повозки, линейки и фуры, закрытыя брезентами, казались черными массами, черными задремавшими животными сказочной величины, взобравшимися на высокія платформы, и, чтобы спустить ихъ на землю, нужно было

Изъ дѣйствующей арміи. По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

дать имъ скатиться по настланнымъ наклонно помостамъ, но въ то же время требовались страшныя усилія, чтобы удержать ихъ тяжесть отъ быстраго и разрушительнаго паденія.

Солдаты засидѣлись за восемь дней путешествія. Они охотно принялись теперь за дѣло, кишѣли вокругъ повозокъ и вагоновъ, перекликаясь, неизбѣжно переругиваясь, и одну за другой спускали тяжелыя обозныя телѣги съ высокихъ платформъ на землю.

Со стороны было только страшно смотрѣть на нихъ, но какъ безумно тяжела была ихъ работа, я понялъ только тогда, когда скатилась послѣдняя повозка и прочь отъ нея пошли десятка два низкорослыхъ коренастыхъ солдатъ, отирая рукавами сѣрыхъ шинелей струившійся со лба потъ.

Полкъ уже строился...

Въ синевѣ близкаго разсвѣта, подъ сѣнью высокихъ деревьевъ, сходившихся надъ головами темнымъ сводомъ, собирались и выстраивались въ длинные ряды одинаковые люди, въ одинаковыхъ шинеляхъ, съ мѣшками на боку и съ навьюченными на спину какими-то кульками, свертками и котелками. Лица ихъ, при свѣтѣ одинокаго, пылающаго во мракѣ багровымъ пламенемъ, нефтяного факела, который гудѣлъ, то затихая, то снова повышая звукъ по полутонамъ, и бросалъ мѣдно-красные отблески на всѣ предметы,—казались изваянными изъ бронзы, безстрашными и безумно рѣшительными.

Австрійскій генералъ со всѣмъ своимъ штабомъ, взятые въ плѣнъ нашими войсками въ Галичинѣ.

Позади, куда не достигалъ свѣтъ факела, въ темной тѣни деревьевъ собирался обозъ. Запряженныя лошади хлюпали копытами по жидкой грязи, что-то скрипѣло, кто-то выкрикивалъ отрывистые и короткіе возгласы.

И наконецъ все тронулось... По дорогѣ, обсаженной деревьями, мимо какихъ-то станціонныхъ построекъ, мимо паровознаго депо, перейдя рельсовый путь, потянулись безконечные ряды уходящихъ людей, ряды, ощетинившіеся сталью качающихся штыковъ, потянулись подъ тусклое побрякиваніе котелковъ и манерокъ, подъ тихій говоръ и шлепанье тяжелыхъ солдатскихъ сапогъ.

Куда шли?—Богъ вѣдалъ... Одинъ Богъ и кто-то, кто вѣрной рукой направлялъ каждое движеніе этой тысячеголовой неудержимой толпы вооруженныхъ людей. Но не все ли было равно? Когда мы ѣхали, мы не знали, куда насъ везутъ, но теперь, когда, миновавъ городъ, мы вышли въ открытое поле, мы уже знали больше: мы знали, что идемъ навстрѣчу врагу, идемъ въ бой, т.-е. идемъ къ тому, что̀ намъ казалось дотолѣ такимъ заманчивымъ, страшнымъ и таинственнымъ!..

— Теперь каждый день можно ждать боя,—сказалъ мнѣ подпоручикъ пулеметной роты, фамиліи котораго я еще не зналъ, но котораго всѣ называли просто Сергѣемъ Петровичемъ.

— Говорятъ, — продолжалъ Сергѣй Петровичъ: — они засѣли верстахъ въ тридцати отсюда, сидятъ уже двѣ недѣли, вѣроятно, успѣли окопаться, опутаться проволокой и настроить разныхъ фугасовъ...

— Теперь поди-ка выживи ихъ оттуда, нашей артиллеріи много работы предстоитъ, вчера Иванъ Михайловичъ и то хвастался...

— Что̀ же онъ хвастался?—спросилъ я.

— Да какъ же, говоритъ, „мы въ первую голову работать будемъ, мы, говоритъ, пушками деревню пораскатаемъ, подпалимъ со всѣхъ сторонъ, спесь съ австрійцевъ пособьемъ, а послѣ ужъ вы—пѣхота—на готовое заканчивать дѣло придете...“

Глаза Сергѣя Петровича загорѣлись молодымъ пылкимъ задоромъ.

— Всѣмъ работы хватитъ,—продолжалъ онъ, снова догоняя меня. — Вы знаете, я ужасно мечтаю о боѣ, это, вѣроятно, изумительныя, неизъяснимо-прекрасныя ощущенія... Вы понимаете, какъ рѣдко бываетъ, что человѣку приходится быть лицомъ къ лицу со смертью, съ судьбой, съ Богомъ, притомъ, замѣтьте, сбросивъ съ себя совершенно маску условностей, или тамъ чего другого... Дѣлай, что̀ хочешь, что̀ находишь болѣе полезнымъ для себя и для родины, и отвѣчай за это только передъ однимъ Богомъ... Промахнешься — пропалъ, поступишь умно, толково и находчиво—тутъ тебѣ и слава, и почетъ, и исполненный долгъ... Вотъ какъ я понимаю бой... Это вамъ не ученье, не маневры, это—поэзія, понимаете, это что-то такое, такое, что я даже словъ не найду вамъ выразить!..

Австро-германскіе военноплѣнные различныхъ родовъ оружія. Слѣва—авіаторъ съ подстрѣленнаго австрійскаго аэроплана въ Пясечно, близъ Варшавы.

Подпоручикъ даже захлебнулся отъ восторга.

Я зналъ, что Сергѣй Петровичъ всего полтора мѣсяца, какъ сошелъ съ юнкерской скамьи, и не удивлялся его пылу, но все же такое опоэтизированіе того, что̀ большинство привыкло считать ужасомъ и величайшимъ несчастьемъ,—мнѣ понравилось, я посмотрѣлъ на подпоручика и позавидовалъ его сверкающимъ глазамъ, его раскраснѣвшемуся лицу, его счастливой пламенной натурѣ.

Между тѣмъ разсвѣло. Солнце всходило красное, золотя облака; стало совсѣмъ свѣтло, и, спускаясь съ пригорка, идя рядомъ съ Сергѣемъ Петровичемъ, мы видѣли далеко передъ собой вытя-

Подвижной лазаретъ, состоящій въ вѣдѣніи В. М. Пуришкевича, особо уполномоченнаго Краснаго Креста.

нувшуюся вдоль дороги темную ленту двигающагося полка, а позади себя вереницы пулеметовъ, артиллеріи и обозныхъ повозокъ.

Воздухъ былъ свѣжъ, упругъ и ясенъ... Откуда-то издалека плылъ навстрѣчу алому солнцу, навстрѣчу его золотымъ лучамъ, черный изящный силуэтъ стальной птицы, и заглушенный разстояніемъ гулъ ея мотора едва доносился до насъ.

III.

Уже пережили боевую недѣлю. Со среды столкнулись съ непріятелемъ и не выходили изъ соприкосновенія до слѣдующаго четверга. Пережили первыя минуты невольной малодушной робости, порождаемой непривычнымъ визгомъ пуль, лязгомъ и грохотомъ рвущейся шрапнели, пережили минуты исключительнаго энтузіазма и восторга, бросаясь въ штыки на дрогнувшія непріятельскія цѣпи, забывая о личной опасности, забывая самого себя и сливаясь съ этими сѣрыми бѣгущими вокругъ людьми въ одну желѣзную непреодолимую массу, готовую разрушить все и вся, испепелить, опрокинуть и уничтожить всѣ препятствія.

Послѣ боевъ, на занятыхъ позиціяхъ, въ окопахъ, еще заваленныхъ австрійскими трупами, развороченныхъ нашими снарядами и засыпанныхъ ихъ осколками, мы засыпали тяжелымъ сномъ страшно усталыхъ людей, совершившихъ за день большую и отвѣтственную работу.

А утромъ, вставая, пробуждаемые не барабаномъ, не рожкомъ, а свѣжестью предразсвѣтнаго вѣтерка, мы готовились начать новый трудовой день и приступали къ дѣлу спокойно и хладнокровно, хотя никто изъ насъ не могъ поручиться, что увидитъ разсвѣтъ слѣдующаго дня.

Сергѣя Петровича я не видѣлъ уже почти недѣлю: одинъ разъ онъ промелькнулъ мимо меня въ пылу сраженья, верхомъ на отнятой у какого-то австрійца лошади, въ своей сѣрой шинели, застегнутой на всѣ пуговицы и подпоясанной солдатскимъ ремнемъ. Черезъ плечо у него болталась кривая турецкая шашка, фуражка его, смявшаяся и скомкавшаяся отъ дождей, сидѣла лихо на затылкѣ, онъ крикнулъ мнѣ что-то, чего я не разслышалъ, и промчался мимо, а позади него, стуча колесами, съ гикомъ и посвистомъ пронеслись на новую позицію три пулемета.

Въ четвергъ мы продвинулись впередъ километровъ на восемь.

Послѣ цѣлаго дня боя было, правда, тяжело итти еще впередъ вслѣдъ за отступавшими австрійцами по скверной, испорченной дождями и артиллеріей, дорогѣ, но сознаніе того, что вотъ уже семь дней, какъ нашъ врагъ уступаетъ намъ пядь за пядью свою землю, отступаетъ, бросая все: и раненыхъ, и пушки, и обозы,—придавало намъ новыя силы, и мы шли, съ трудомъ вытаскивая ноги изъ грязи, безъ ропота и почти безъ отсталыхъ.

Въ эту ночь должны были остановиться въ какомъ-то селѣ, а пока перестраивались и выходили на шоссе, разбираясь поротно и вытягиваясь поперекъ полей сѣрой однотонной лентой.

По сторонамъ дороги, слѣва отъ которой находился пунктъ Краснаго Креста, проходило много раненыхъ: шли они съ другихъ участковъ поля, одни, придерживая здоровыми руками пораненныя, другіе—опираясь на винтовки, или на плечи санитаровъ, и вотъ тутъ, на краю дороги, около расположенія пулеметной роты, уже взявшей на передки и приготовившейся къ походу, я увидѣлъ Сергѣя Петровича за страннымъ, непонятнымъ съ перваго взгляда, занятіемъ.

Онъ сидѣлъ, спустивъ ноги въ канаву и, какъ-то низко наклонивъ голову на грудь, тщательно копошился въ чемъ-то, чего я не могъ видѣть... Около него стояли двое солдатъ и смотрѣли на него не то недоумѣвающе, не то просительно. Я заинтересовался, свернулъ съ дороги, подошелъ къ нему и окликнулъ:

— Сергѣй Петровичъ, что это вы дѣлаете?..

Онъ оглянулся не сразу, какъ человѣкъ, увлеченный какимъ-то сложнымъ и интереснымъ занятіемъ, и поднялъ голову, только когда я коснулся его плеча и повторилъ свой вопросъ.

— Да вотъ знаете, свиньи!.. работу задали: теперь ихъ и не повытаскаешь...—отвѣтилъ онъ досадливо.

— Да кого, Господи?

— Кого, кого!?. Смотрите сами... чортъ ихъ знаетъ... угораздило тоже!..

Голосъ Сергѣя Петровича звучалъ недовольствомъ и почти злобой.

Я наклонился... Первую минуту я не могъ понять, не могъ, такъ сказать, переварить увидѣннаго мною: лѣвая рука Сергѣя Петровича была обнажена до локтя, и на бѣломъ фонѣ кожи виднѣлись двѣ дырочки съ серебряный гривенникъ величиной, немного припухшія и сочившіяся кровью. Изъ этихъ-то двухъ ранъ подпоручикъ старался пальцами правой руки выковырять засѣвшія въ нихъ шрапнельныя пули. Оба солдата, стоявшіе невдалекѣ, смотрѣли на него почтительно и не смѣли вмѣшаться, а юноша, даже не стиснувъ отъ боли зубовъ, не дрогнувъ бровью, продолжалъ свое занятіе.

— Послушайте,—не поднимая головы, окликнулъ онъ меня:—нѣтъ ли у васъ перочиннаго ножика?.. Такъ ничего не выходитъ...

— Да вы съ ума сошли, Сергѣй Петровичъ!—всплеснулъ я руками.—Что вы дѣлаете!.. Побойтесь Бога!.. Вѣдь это, можетъ-быть, и героизмъ, но оставьте это, ради Бога оставьте!..

Сергѣй Петровичъ поднялъ на меня удивленный взглядъ, и вдругъ лицо его расплылось въ широкую добродушную улыбку.

— Вы, другъ мой, придаете этому пустяку слишкомъ большое значеніе... Ну, прилетѣла шрапнель, разорвалась, два шарика

Временный санитарный поѣздъ Всероссійскаго Земскаго Союза. Группа врачебнаго и служебнаго персонала поѣзда.

попали подпоручику въ руку, по счастью, не повредили костей,—вонъ ихъ даже видно, — а вы вдругъ ахи да охи... Конечно, это непріятно, но вѣдь зато какое громадное наслажденіе получилъ я за эти семь сутокъ пестрыхъ и незабвенныхъ переживаній... И я ничуть не измѣнилъ своего мнѣнія о войнѣ и о боѣ въ частности, какъ о чемъ-то такомъ невыразимо-поэтичномъ и чарующемъ, чего мнѣ никогда не приходилось испытать... И, попробовавъ, получивъ эти двѣ ничтожныя царапины, я увѣренъ, что теперь судьба дастъ мнѣ возможность еще долго, до самаго конца войны, жить этой прекрасной, увлекательной жизнью; вѣдь, помните, Иванъ Михайловичъ какъ-то говорилъ еще въ дорогѣ, что — „кто въ началѣ войны бываетъ легко раненъ, того ужъ потомъ ни за что непріятельская пуля не убьетъ", а вѣдь онъ—ветеранъ, всю манчжурскую войну провоевалъ...

И подпоручикъ улыбнулся мнѣ своей ясной молодой улыбкой.

— Ступайте, если не можете видѣть моей операціи... вечеркомъ къ вамъ на бивакѣ зайду...

И мы разстались до вечера.

IV.

Но вечеромъ мы не свидѣлись, и намъ больше не суждено увидѣться въ этомъ мірѣ...

Когда въ занятой деревнѣ мы вмѣстѣ съ полковымъ врачомъ располагались въ грязной полутемной избѣ, отведенной намъ для ночлега, меня отыскалъ солдатъ-пулеметчикъ.

Полевой госпиталь въ Равѣ Русской.

Въ Кѣльцахъ. Плѣнный австріецъ разговариваетъ съ ѣздовымъ.

— Такъ что, ваше благородіе, позвольте доложить, отъ ихъ благородія подпоручика И.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ я, нетерпѣливо поглядывая на доктора, который доставалъ изъ походнаго погребца холодную курицу.—Скоро они придутъ?

— Такъ что они прійти никакъ не могутъ, ваше благородіе...

— Отчего?

— Да они, ваше благородіе... померли... такъ что...

Я подумалъ, что ослышался, докторъ тоже оставилъ свою курицу.

— Какъ умеръ? Что ты говоришь?..—вскрикнули мы оба въ одинъ голосъ.—Когда? Отчего?

Солдатъ стоялъ, глядя на насъ жалостнымъ взглядомъ и моргая глазами.

— Такъ что, какъ пришли мы у деревню... такъ они, его благородіе, значитъ, подпоручикъ Сергѣй Петровичъ-то, поспѣшили... никого не спросясь... шасть къ колодцу-то, зачерпнули водицы да и испили, имъ кричать—„не пейте, ваше благородіе, не пейте", а они только смѣются... Колодецъ-то, ваше благородіе, австрійскія собаки, уходя, опоганили, отравы набросали... ну они, ихъ благородіе, и полчаса не прожили... померли, значитъ...

Мы стояли безмолвные... Солдатъ, искренно огорченный принесеннымъ имъ извѣстіемъ, докторъ—недоумѣвающій и я—потрясенный до глубины души волею судьбы, такъ неожиданно, такъ лукаво и такъ рѣзко опустившей свой мечъ на голову веселаго, храбраго и юнаго подпоручика.

Война и шахматы.

(Ласкеръ противъ Мольтке).

Очеркъ **Е. А. Зноско-Боровскаго.**

I.

Хотя фактически ни одинъ великій полководецъ не совмѣщалъ въ себѣ еще и талантовъ шахматиста, какъ и, наоборотъ, никто изъ знаменитыхъ шахматистовъ не былъ одновременно выдающимся военачальникомъ,—мнѣніе о родственности войны и шахматъ не только съ теченіемъ лѣтъ не исчезаетъ, но все болѣе крѣпнетъ и крѣпнетъ. Такое упорство тѣмъ примѣчательнѣе, что оно держится вопреки всѣмъ явнымъ различіямъ, которыя существуютъ между интересующими насъ кровавой и безкровной борьбой, и которыя достаточно перечислить, чтобы они стали понятны каждому.

Прежде всего, въ шахматахъ мы имѣемъ дѣло съ матеріаломъ бездушнымъ, бездушнымъ настолько, что самая матеріальная и механическая изъ составныхъ частей арміи является ка-

Утромъ послѣ ночного боя. Нѣмецкіе трупы.

Кѣльцы. У часовни.

ственнаго расположенія (въ центрѣ, на флангахъ и т. п.), но не отъ ихъ свойствъ самихъ по себѣ. И совсѣмъ по-другому на войнѣ. Рѣки, горы, болота, долины, бороздя фронтъ, такъ его видоизмѣняютъ, что совсѣмъ иначе располагаются войска въ зависимости отъ свойствъ самой мѣстности. Въ то время какъ гладкую доску изучать нечего, военачальникъ долженъ детально знать карту театра войны, ибо выполненіе всѣхъ его рѣшеній стоитъ въ непосредственной зависимости отъ нея. Наступленіе наше на японскія позиціи на Шахэ въ сентябрѣ 1904 года не удалось (и не могло удаться), потому что обходъ былъ предпринятъ противъ праваго ихъ фланга, расположеннаго въ высочайшихъ горахъ, настолько къ тому же мало нами изслѣдованныхъ, что карты на ихъ мѣстахъ зіяли бѣлыми пустыми пространствами. Самыя незначительныя части могли здѣсь обороняться неограниченное время противъ непріятеля, хотя бы въ три раза сильнѣйшаго, и это освобождало крупныя силы, которыя могли быть направлены въ контръ-атаку на другіе, болѣе уязвимые, ослабленные участки фронта.

Наконецъ третье, наиболѣе существенное различіе заключается въ томъ, что въ шахматахъ не только начинается бой при равныхъ и одинаково расположенныхъ силахъ, вполнѣ извѣстныхъ противнику, но послѣднему виденъ и каждый дальнѣйшій маневръ. Шахматистъ не можетъ незамѣтно передвинуть фигуру: скрытою является только мозговая его работа. Слѣдовательно, единственно, что шахматисту остается, это — такъ построить и подготовить свой планъ, чтобы врагъ, видя ходы, не угадывалъ ихъ связи, понималъ смыслъ каждаго отдѣльнаго движенія не въ самый моментъ свершенія его, а сколь возможно позднѣе. На войнѣ же, до всякаго проникновенія въ смыслъ, надо распознать, какія передвиженія совершаются; и, какъ бы идеально ни была поставлена развѣдывательная часть, она никогда не можетъ ручаться, что видитъ „все“, такъ какъ очень часто перестроенія производятся въ такой глубинѣ, куда не попадаетъ никакой вражескій взглядъ. Такъ, въ октябрьской операціи подъ Варшавой развертываніе русскихъ силъ происходило на правомъ берегу Вислы, тогда какъ бои шли на лѣвомъ, и притомъ въ значительномъ удаленіи отъ рѣки. Естественно, что полководцу въ гораздо большей степени, чѣмъ шахматисту, приходится часто дѣйствовать наощупь, наугадъ, на основаніи самыхъ отрывочныхъ и неопредѣленныхъ данныхъ, привлекать на помощь карту, пути сообщенія и т. п.,—все это дѣлаетъ боевыя предположенія и предначертанія куда болѣе шаткими и общими, нежели шахматныя.

Если прибавить сюда еще незнакомыя шахматамъ организацію тыла, снабженія арміи, зависимость ея отъ погоды и т. д., то мы откроемъ столько различій между шахматами и войной, что, пожалуй, откажемся признать между ними какое-либо сходство. Однако мы сейчас же можемъ опровергнуть такой выводъ, ибо

признѣе его. Не говоря о хрупкихъ аэропланахъ и автомобиляхъ, о надрывающихся, устающихъ лошадяхъ,—у прочной линейки могутъ сломаться колеса, мортира можетъ увязнуть въ грязи, орудіе можетъ износиться и выбыть изъ строя, — ихъ даже сравнивать нельзя съ шахматными фигурами, которыя при всѣхъ обстоятельствахъ остаются одинаковыми и до самаго конца, пока только не взяты, не могутъ отказаться отъ работы. Но если мы перейдемъ къ самой арміи, къ людямъ, ее составляющимъ, т.-е. къ тому, что въ концѣ концовъ рѣшаетъ сраженіе, то мы сразу увидимъ, какъ приблизительна аналогія между солдатами и офицерами и пѣшками и слонами, и поймемъ, почему полководцу надлежитъ быть (что совсѣмъ не нужно шахматисту) еще и психологомъ, знать душу своего войска. Шахматистъ, составляя планъ, самъ его и осуществляетъ, и ни одна пешка въ его рукахъ не можетъ сдѣлать ни больше ни меньше того, что онъ самъ ей назначилъ; поэтому онъ долженъ отшлифовать свой замыселъ до послѣднихъ мелочей, ибо никто другой ему помочь (какъ и повредить) не можетъ, но зато онъ за выполненіе его боится не больше, чѣмъ за его обдумываніе. Совсѣмъ напротивъ полководецъ. Онъ набрасываетъ планъ только въ самыхъ общихъ чертахъ, а всѣ подробности предоставляетъ разработать уже отдѣльнымъ единицамъ; и онѣ, до послѣдняго обознаго солдата, оказываются самостоятельными, имѣютъ свою иниціативу, и отъ нихъ многое — если не все — зависитъ. И каждый изъ нихъ, до безконечности разнообразныхъ и перемѣнчивыхъ, имѣя опредѣленную мѣру выносливости, мѣру храбрости и разумѣнія, можетъ оказаться — ожиданно или неожиданно—обладателемъ силъ, столь растяжимыхъ и эластичныхъ, что невозможное вчера становится сегодня легко достижимымъ, и трудное для одного другому дается шутя. Если въ шахматахъ конь — всегда конь и можетъ перейти кратчайшимъ путемъ съ b1 на g3 не меньше, какъ въ три хода, то на войнѣ пѣхота, нормально дѣлающая 25—30 верстъ въ день, вдругъ покрываетъ за сутки переходъ въ 50 верстъ и появляется тамъ, гдѣ ея никто не ждалъ.

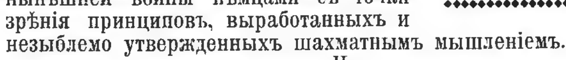
Въ графическомъ изображеніи планъ и его осуществленіе въ шахматахъ представляются, какъ двѣ прямыя, другъ другу параллельныя, линіи; въ военномъ же дѣлѣ осуществленіе, раздробленное между тысячами и милліонами мельчайшихъ, но все же по-своему свободныхъ частицъ, оказывается всегда волнистой, если не кривой, линией по отношенію къ прямой плана. Такъ что, быть ли индивидуалистомъ и придавать значеніе личной иниціативѣ и смѣлости послѣдняго солдата, быть ли послѣдователемъ Толстого („Война и миръ“) и лишать личнаго начала самого полководца, искусству котораго при этомъ остается лишь умѣніе отгадать стихійное начало въ событіяхъ, проявляющееся во всѣхъ,—и въ томъ и въ другомъ случаѣ нельзя не признать огромной разницы между войной и шахматами: въ послѣднихъ ни игрокъ никакимъ стихіямъ не подвластенъ, ни фигуры не имѣютъ никакой иниціативы.

Другая разница не менѣе очевидна, но и не менѣе важна. Шахматная доска всегда равна и вездѣ одинакова; тѣ различія въ ея квадратахъ, которыя все же существуютъ, зависятъ лишь отъ положенія фигуръ да отъ ихъ соб-

Адъютантъ пишетъ донесеніе.
По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

всѣ эти различія характеризуются слѣдующей, объединяющей ихъ чертой: всѣ онѣ происходятъ отъ того, что чистыя, математическія силы шахматъ осложнены на войнѣ различными житейскими подробностями, дѣлающими ихъ шаткими и неустойчивыми. Если расчленить генеральный бой на рядъ отдѣльныхъ эпизодовъ и въ каждомъ дѣлать разслѣдованіе ихъ психологической подоплеки, тогда между шахматами и войной мы не обнаружимъ никакихъ точекъ соприкосновенія; но если мы захотимъ понять общій планъ сраженія, его развитіе внѣ случайностей подвига, паники, непроходимости рѣки и прочихъ мелочей, т.-е. очистить его отъ нихъ и отвлечь, то мы сразу увидимъ, что шахматы и война—по существу одно; первые являются лишь болѣе идеальнымъ, схематическимъ прообразомъ второй. Поэтому такъ много общаго въ наукѣ и теоріи шахматъ и войны; поэтому-то наилучшей провѣркой военной стратегіи и тактики является шахматная, какъ идеальное ихъ воплощеніе. Поэтому очень интересно бросить взглядъ на способъ веденія нынѣшней войны нѣмцами съ точки зрѣнія принциповъ, выработанныхъ и незыблемо утвержденныхъ шахматнымъ мышленіемъ.

На пути изъ Люблина въ Красникъ.



II.

При каждой неудачѣ нѣмцевъ русскіе шахматисты шутятъ: „имъ бы назначить главнокомандующимъ Ласкера: авось бы лучше вышло".

Вышло ли бы лучше, или нѣтъ, неизвѣстно, но что многое было бы по-иному, нежели теперь, это не подлежитъ сомнѣнію.

Ласкеръ, живущій въ Берлинѣ, всѣмъ извѣстенъ, какъ шахматный чемпіонъ міра. Но далеко не всѣ знаютъ, что онъ не только исключительной силы игрокъ, но и выдающійся теоретикъ, обосновавшій и развившій принципы шахматной игры, на которыхъ базируется современное шахматное искусство, и которымъ онъ придалъ универсальное значеніе, видя ихъ проявленіе во всякой борьбѣ. Для философскаго ихъ освѣщенія онъ издалъ даже двѣ книги: „Борьба" и „Пониманіе міра"; здѣсь шахматы являются уже не болѣе, какъ отправной точкой, однимъ изъ многихъ примѣровъ.

Думается, что весьма любопытно въ самыхъ общихъ чертахъ прослѣдить взгляды Ласкера, насколько они находятъ примѣненіе или опроверженіе въ современной войнѣ. Ласкеръ—не случайный шахматистъ; принципы его выработаны не ad hoc и приняты едва ли не всѣми теперешними шахматистами. И если даже не придавать чрезмѣрнаго значенія нашей провѣркѣ военной стратегіи шахматною, все же кое-что объяснить и освѣтить она окажется въ состояніи.

И вотъ первое, что мы обнаружимъ при такой провѣркѣ, это—рѣшительное расхожденіе между германской военной стратегіей и шахматной въ самомъ центральномъ ихъ пунктѣ; какъ разъ въ томъ, который является наиболѣе важнымъ завоеваніемъ современной шахматной теоріи и, въ частности, теоріи Ласкера.

Дѣло въ томъ, что военная стратегія нѣмцевъ знаетъ только наступленіе, и это настолько, что ихъ армія даже не обучается отступленію и оборонѣ, допуская послѣднюю лишь какъ временное переходное состояніе къ новой атакѣ и утверждая, что перешедшій къ оборонѣ тѣмъ самымъ отказался отъ побѣдъ.

Совсѣмъ обратное говоритъ Ласкеръ. По его мнѣнію, въ наступленіе переходить можно лишь тогда, когда имѣешь извѣстныя значительныя преимущества, въ силахъ ли, или въ ослабленности позиціи противника, такъ что нормальнымъ видомъ стратегіи является оборона, до тѣхъ поръ пока не явится серьезныхъ поводовъ къ переходу въ наступленіе; если же послѣднее предпринять безъ достаточныхъ основаній, то оно ведетъ къ разстройству собственной позиціи, контръ-атакѣ противника и слѣдующей отсюда катастрофѣ. Вѣдь если видѣть неудобства для обороняющагося въ томъ, что онъ, не зная, гдѣ нападающій сосредоточитъ свой главный ударъ, принужденъ держать войска наготовѣ по всей линіи фронта и все же можетъ оказаться въ извѣстномъ пунктѣ слабымъ, то не во много ли разъ невыгоднѣе положеніе наступающаго, который для натиска въ извѣстномъ пунктѣ долженъ ослабить всѣ остальные участки, куда и ринется обороняющійся, уже узнавшій расположеніе войскъ противника? И если послѣдній, принимая бой на заранѣе избранныхъ и подготовленныхъ позиціяхъ, можетъ разсчитывать даже съ небольшими силами отразить любой натискъ врага, то нападающій, разстроенный первой неудавшейся атакой, можетъ при послѣдующей контръ-атакѣ сразу дрогнуть и отступить.

Если подобную тактику, раздѣляемую всѣми современными шахматными авторитетами, усваиваютъ обѣ враждующія стороны, то до начала непосредственныхъ атакъ и оборонъ является новый маневренный періодъ, во время котораго арміи не только группируются и нащупываютъ другъ друга, но и наносятъ врагу, постепенно сближаясь, такой вредъ, который далъ бы основаніе перейти въ наступленіе. Если же такого явнаго и огромнаго вреда нанести не удается, то данный періодъ продолжается и дальше, какъ во время длительной осады крѣпости, и можетъ даже вовсе не перейти въ штурмъ, такъ какъ полученныя постепенно преимущества въ положеніи могутъ сдѣлать всякое сопротивленіе безполезнымъ.

Дѣйствительность подобнаго метода столь внушительна, что многіе шахматисты и на дѣлѣ и теоретически вовсе уклоняются отъ перехода въ наступленіе, даже когда оно вполнѣ подготовлено, пренебрегая той выгодой, которую имѣетъ иниціатива нападающаго.

Конечно, такіе непредпріимчивые игроки не правы; но столь же не правы и германскіе военные стратеги въ своемъ увлеченіи наступленіемъ. И только первый германскій натискъ во Францію черезъ Бельгію находитъ себѣ оправданіе въ громадномъ превосходствѣ силъ нападающаго, всѣ же остальныя побѣды, одержанныя какъ французами (бой на Марнѣ), такъ и нами (Люблинскіе, Варшавскіе, Августовскіе, Закавказскіе и др. бои), развились изъ предыдущаго отхода: побѣждалъ не тотъ, кто начиналъ наступленіе, но кто сперва отходилъ для позднѣйшей контръ-атаки противъ уже ослабленнаго врага.

Особенно ярко сказалось крушеніе германской стратегіи быстроты и натиска во Франціи, гдѣ очень скоро война приняла характеръ „позиціонной" борьбы; а этимъ терминомъ въ шахматахъ обозначается какъ разъ тотъ способъ веденія игры, который рекомендуетъ Ласкеръ, въ противоположность прежней „ком-

Вагоны съ товарами и припасами Гвардейскаго Экономическаго Общества на передовыхъ позиціяхъ.

бинаціонной" игрѣ, гдѣ съ перваго же хода атаковали, жертвовали, играли на матъ и т. п. Поэтому шахматистъ не удивляется медленности развитія успѣховъ французовъ: вѣдь и въ шахматахъ при позиціонной игрѣ все дѣло сводится къ тому, чтобы постепенно овладѣвать незначительными преимуществами, методически накапливать ихъ и развивать до рѣшительнаго перевѣса. Домъ паромщика, нѣсколько сотъ метровъ, траншея — въ нихъ шахматистъ узнаётъ то, что ему давно извѣстно въ его родной игрѣ.

Должно оговориться, что самъ Ласкеръ, сходный съ нѣмецкими генералами тѣмъ, что одолѣваетъ больше напряженіемъ воли, чѣмъ правильностью плана, въ практической игрѣ отступаетъ иногда отъ своихъ теоретическихъ утвержденій и стремится къ острымъ и запутаннымъ комбинаціямъ. Но это только тогда, когда его успѣхи въ состязаніи неудовлетворительны, и ему ничего другого не остается, какъ рисковать, бросая на чашку вѣсовъ превосходство не партіи, но своего искусства, которое даетъ ему тѣмъ бо̀льшіе шансы, чѣмъ сложнѣе и рискованнѣе положеніе. Но если это иногда можетъ себѣ позволить признанный чемпіонъ міра, то и онъ никогда не возведетъ въ принципъ подобной манеры, основанной на ожиданіи ошибокъ со стороны противника и являющейся для него лишь послѣднимъ средствомъ отчаянія.

„Будущая Франція". Губернаторъ Парижа генералъ Галліени производитъ смотръ бойскоутамъ (юнымъ развѣдчикамъ).

Безоглядные поклонники наступленія, нѣмцы однако и его ведутъ, съ точки зрѣнія шахматной стратегіи, далеко не всегда удовлетворительно, погрѣшая противъ двухъ ея существеннѣйшихъ пунктовъ. Первый пунктъ говоритъ, что быстрота нападенія зависитъ отъ преимущества (въ силахъ или позиціи), которое имѣется налицо въ данный моментъ и въ данномъ мѣстѣ, и она тѣмъ больше, чѣмъ значительнѣе это преимущество, ибо тогда противникъ не успѣетъ подвезти подкрѣпленія, и она тѣмъ меньше, чѣмъ преимущество ограниченнѣе, ибо иначе необдуманная стремительность можетъ растратить и то превосходство, которое есть. Между тѣмъ въ нынѣшней войнѣ другого метода наступленія, какъ стремительный штурмъ, нѣмцы не хотятъ признавать. Такъ они овладѣвали бельгійскими крѣпостями, устилая поле трупами, такъ не щадили они жизни своихъ солдатъ въ бояхъ на Изерѣ, Бзурѣ, Равкѣ. И если въ августѣ въ битвѣ у Сольдау подобный методъ былъ обоснованъ огромнымъ превосходствомъ въ силахъ, полученнымъ благодаря желѣзнымъ дорогамъ, то какъ оправдать ту быстроту, съ которой они заставили наступать турокъ на Ардаганъ и Сарыкамышъ, приказавъ имъ итти безъ обозовъ и даже чуть ли не безъ артиллеріи? Въ шахматахъ только блаженной памяти гамбитные игроки воображали, что противъ сильнаго противника развязку можно вызвать въ 15—20 ходовъ.

Второй пунктъ наступленія гласитъ, что, какъ бы ни было комбинировано нападеніе, всегда долженъ быть намѣченъ центральный ударъ, куда должны двинуться превосходныя силы. Это положеніе настолько понятно, что нельзя не удивляться тому упорству, съ которымъ нѣмцы чуть ли не во всѣхъ бояхъ ведутъ наступленіе не только по всему фронту, по всѣмъ дорогамъ, но, послѣ неудачи въ одномъ мѣстѣ, переносятъ атаку въ другое, затѣмъ въ третье, разсчитывая только на ослабленіе гдѣ-нибудь, т.-е. на ошибку непріятеля, точно все равно, гдѣ ни атаковать, лишь бы атаковать.

Есть и еще одно очень важное положеніе шахматной стратегіи, на несходство съ которымъ нѣмецкой военной тактики необходимо указать. Въ прежнее время шахматисты объектомъ всѣхъ своихъ нападеній съ перваго же хода ставили короля, которому хотѣли дать матъ не въ результатѣ сложныхъ маневровъ, а прямымъ нападеніемъ, для чего сразу же и атаковали его, независимо отъ того, былъ ли онъ укрытъ плохо, или нѣтъ. Позиціонная школа выдвинула обратный принципъ: атаковать надо тамъ, гдѣ позиція ослаблена, несмотря на то, здѣсь ли стоитъ король или нѣтъ, ибо онъ получитъ матъ тогда, когда будетъ достигнутъ рѣшительный

Генералъ Галліени производитъ смотръ молодымъ рекрутамъ.

Парижъ во время войны. Буксирные пароходы на Сенѣ, вооруженные пушками для обслуживанія Парижской крѣпости.

Орлы летятъ...

Орлы летятъ въ синѣющей лазури
На смѣлый зовъ Верховнаго Орла.
Они летятъ навстрѣчу грозной бури,
Навстрѣчу мукъ, насилія и зла.

Орлы летятъ. Свободно машутъ крылья,
И гордый кличъ несется съ высоты.
Орлы летятъ безъ страха и безсилья,
Полны любви и смѣлой красоты.

Орлы летятъ на поле битвы жгучей,
Ихъ взглядъ горитъ, какъ солнце въ небесахъ,
Манитъ впередъ и силою могучей
Въ строю врага вселяетъ злобный страхъ.

Орлы летятъ. Далекія высоты
Побѣды пиръ торжественно хранятъ.
Міръ отряхнетъ коварныя тенета, —
Грядущимъ днямъ разсвѣтъ!.. Орлы летятъ!..

Н. Зорьева-Басалыго.

перевѣсъ, безразлично на которомъ изъ фланговъ.

То же самое не можетъ не быть на войнѣ. Если цѣль ея—столица вражеской страны, это не значитъ, что эта столица должна быть цѣлью и каждой операціи. Борьба идетъ между двумя арміями, и лишь въ результатѣ побѣды одной изъ нихъ надъ другой является овладѣніе тою или иною цѣлью, которая была лишь направленіемъ боя. Между тѣмъ нѣмцы вторглись во Францію, и вмѣсто того, чтобы ждать, когда сердце ея, Парижъ, какъ спѣлый плодъ, падетъ имъ въ руки послѣ побѣдъ надъ французской арміей, устремляются къ нему и — терпятъ пораженіе; отброшенные въ Бельгію, они ставятъ себѣ цѣлью взять Калэ и снова ведутъ бои не для того, чтобы разбить армію, но чтобы проложить дорогу въ этотъ портъ, соблазнительный для нихъ своею близостью къ Англіи; такъ же и въ Польшѣ они подчиняютъ свои маневры одной ближайшей цѣли — взять Варшаву. Не понятно ли, что, не достигнувъ ни одной изъ этихъ цѣлей, они не разрѣшили единственно истинной задачи — одолѣть вражескія войска.

Итакъ, можно радоваться: если судьбѣ угодно было, чтобы всемірный шахматный чемпіонъ былъ въ Германіи, справедливость рѣшила, чтобы истинный военный геній— что теперь безконечно важнѣе — принадлежалъ не ей!..

Сенегальскій стрѣлокъ.

Очеркъ **Н. Н. Брешко-Брешковскаго.**

I.

Лицо его было черно, какъ до глянцу вычищенный сапогъ, и—такъ же лоснилось. И когда онъ смѣялся,—а смѣялся онъ много и часто,—это лицо освѣщалось изумительно крѣпкими, сверкающими зубами... Его звали Оматако.

Оматако—самая выкокая гора во всей Сенегамбіи, а онъ — самый высокій человѣкъ своего племени—уолофовъ, изъ которыхъ французы комплектуютъ полки сенегальскихъ стрѣлковъ.

Въ немъ около двухъ метровъ. Онъ великанъ среди великановъ, это молодое страшилище, въ которомъ не знаешь, гдѣ начинается дикарь и кончается ребенокъ. Ихъ полкъ высадили въ Марселѣ. Нарядныя бѣ-

Батарея 75-миллиметровыхъ орудій на перемѣнѣ позиціи.

За истекшее время войны во Франціи новое артиллерійское орудіе „75" пріобрѣло исключительную репутацію по мѣткости и разрушительности своего огня. Даже нѣмцы не могли не признать превосходства французской артиллеріи. Прежніе классики-баталисты изображали перемѣну позиціи артиллеріи въ героическомъ видѣ: несущіяся вскачь лошади, люди съ горящими взорами и проч. Въ дѣйствительности выѣздъ на новую позицію происходитъ такъ, какъ изобразилъ его французскій художникъ Л. Сабатье—въ полномъ порядкѣ и спокойствіи.

Англійскія войска во Франціи. Индійская пѣхота въ походѣ.

лыя женщины забрасывали цвѣтами черныхъ солдатъ. Летѣли въ воздухъ шляпы и трости мужчинъ, и толпа возбужденно кричала съ горячимъ туманомъ въ глазахъ:

— Vive les braves!.. Vive les tirailleurs de Senegal!..

А потомъ — безконечной вереницею вагоновъ выплнувшійся поѣздъ. На вагонахъ написано мѣломъ: «Au Berlin!»

Мчится съ юга на сѣверъ Франціи перегруженный черными солдатами поѣздъ. Сенегальцы въ красныхъ фескахъ, сѣрыхъ курткахъ и широкихъ восточныхъ шароварахъ, не разставаясь со своими винтовками, грызутъ шоколадъ, которымъ ихъ снабдили марсельцы, курятъ сигары и папиросы.

Мчится съ грохотомъ поѣздъ.

Мелькаютъ мимо большіе прекрасные города. Сенегальцамъ, которые послѣ тростниковыхъ шалашей своей знойной желтоводной пустыни видѣли только низенькія алжирскія казармы, эти города чудятся миражомъ волшебной сказки, миражомъ, подступившимъ такъ близко и окаменѣвшимъ вдругъ. И черные воины въ изумленіи пялятъ синеватые бѣлки своихъ громадныхъ, какъ у лошади, глазъ.

И въ каждомъ городѣ среди многоэтажныхъ домовъ, напоминающихъ каменные сундуки, они видѣли высокія, очень высокія зданія, гордо подчимавшіяся къ небесамъ причудливою игрою острыхъ линій и башенъ.

Сенегальцы спрашивали своихъ сержантовъ и французовъ, что это за дома. Сержанты, приноравливаясь къ дѣтскимъ понятіямъ и къ бѣдному языку своихъ негровъ, поясняли, что эти дома—дворцы, въ которыхъ живетъ великій Богъ бѣлыхъ людей.

Какой-то смутной почтительной важностью проникался Оматако къ этимъ высившимся надъ безконечнымъ хаосомъ крышъ и трубъ „дворцамъ“.

Онъ вспоминаетъ свою мать, такую же черную, какъ и онъ самъ. Пока Оматако былъ маленькій, мать носила его, привязавъ къ бедру широкимъ полотенцемъ. У него навсегда остался въ памяти запахъ ея кожи.

Вспомнилъ черный солдатъ, какъ учила его мать поклоняться добрымъ и злымъ духамъ. Если увидишь змѣю или ящерицу, надо ей бросить кусочекъ съѣстного, ибо это тоже духи, и слѣдуетъ заручиться ихъ расположеніемъ. Разные люди поклоняются разнымъ духамъ, но и чужихъ духовъ надобно чтить, дабы не оскорблять тѣхъ, кто въ нихъ вѣритъ.

Вотъ почему и самъ Оматако и всѣ остальные негры видѣли святыню въ дворцахъ бѣлаго Бога чуждыхъ имъ бѣлыхъ людей.

II.

Сенегальскіе стрѣлки были уже въ нѣсколькихъ бояхъ и не насчитывали многихъ товарищей. Хоронили ихъ, закапывая въ землю, по обычаю своей страны, гдѣ покойникамъ устраиваютъ ложе изъ вѣтокъ и листьевъ.

Оматако самъ вырылъ могилу для своего друга, такого же,

Сипаи во Франціи. Индійскіе солдаты въ непривычномъ для нихъ климатѣ грѣются у костровъ.

какъ и онъ, гиганта Омаруру. Хотѣлъ вмѣстѣ съ нимъ положить его винтовку, чтобъ Омаруру явился на тотъ свѣтъ, какъ подобаетъ настоящему воину, съ оружіемъ. Но не позволилъ стоявшій близко сержантъ.

Ходили негры въ атаку на прусскую гвардію. Что-то дикое, стихійное было въ этихъ бѣшеныхъ атакахъ. Наступали сенегальцы всегда босикомъ. Обувь стѣсняла ихъ. Подъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ бросались они съ пронзительнымъ горловымъ крикомъ на нѣмецкіе окопы. И начиналась кровавая потѣха! Нѣмцы не выдерживали этого стремительнаго „чернаго урагана“. Сенегальцы кололи штыками упитанныхъ бѣлобрысыхъ гвардейцевъ съ сіяющими орлами на каскахъ и въ новенькихъ, хорошо пригнанныхъ мундирахъ. Съ непостижимой ловкостью работали негры маленькимъ,—лопаточкою,—ножомъ, который всегда носили у пояса вмѣстѣ со штыкомъ.

И ручьями текла кровь по дну комфортабельныхъ, облицованныхъ желѣзо-бетономъ, германскихъ окоповъ, и громоздились цѣлыя горы труповъ.

Но угасалъ кошмаръ, кончалось преслѣдованіе бѣгущихъ нѣмцевъ, и отважные черные солдаты, для которыхъ каждое такое наступленіе—желанный праздникъ, обращались опять въ громадныхъ дѣтей, добродушныхъ, сердечныхъ.

Грудь съ грудью, лицомъ къ лицу—это совсѣмъ другое дѣло. Но добивать раненыхъ, беззащитныхъ и слабыхъ — сенегальцы считали позоромъ для воина.

Въ тотъ самый день, когда Оматако на опушкѣ отцвѣтающаго лѣса похоронилъ своего друга, возвращаясь къ своимъ позиціямъ, онъ случайно увидѣлъ ползущаго

Индійскія войска во Франціи. Типы солдатъ-индусовъ.

на четвереньках по дну оврага раненаго прусскаго гвардейца. Рыжеусый пруссак, наслышавшійся от своих офицеров о необычайном звѣрствѣ „этих дикарей", с трепетом ждал всяческих ужасов. Но, вмѣсто ужаса, Оматако ободряюще закивал ему, оскаливъ свои великолѣпные зубы. Схвативъ тяжелаго тучнаго нѣмца въ охапку, онъ побѣжалъ съ нимъ на перевязочный пунктъ.

Черезъ недѣлю въ новой атакѣ исполинскій негръ, заколовшій семерыхъ штыкомъ,— да подъ его ножомъ легло пятеро, — самъ свалился безъ памяти, весь въ крови.

Очнулся Оматако въ лазаретѣ. Главнокомандующій генералъ Жоффръ положилъ на грудь забинтованному и перевязанному храброму сенегальцу орденъ Почетнаго Легіона. Когда генералъ со свитой и докторами ушелъ, Оматако, гордый своимъ счастьемъ, долго любовался орденомъ и въ концѣ концовъ рѣшилъ прицѣпить его къ шейной веревочкѣ, на которой висѣли у него разные амулеты: какой-то зеленый камешекъ, зубъ крокодила и остріе львинаго клыка. Амулетами благословила его мать, когда онъ былъ ребенкомъ.

Къ своему изумленію, Оматако увидѣлъ на сосѣдней койкѣ подобраннаго имъ рыжеусаго нѣмца. Оматако, словно старому другу, закивалъ ему, заулыбался. Усы блѣднаго исхудавшаго нѣмца слабо шевельнулись въ отвѣтной улыбкѣ.

Черный гигантъ съ жаромъ сталъ ему объяснять, что онъ, Оматако, никогда не умретъ, ибо его будутъ вѣчно хранить чудодѣйственные амулеты.

Индійская кавалерія.

— Крокодилій зубъ—отъ штыка и пуль, этотъ львиный — отъ пушки... А этотъ зеленый камешекъ — отъ дурного глаза... Оматако никогда не умретъ!..

Рыжіе усы шевелились молча...

III.

Небольшой французскій отрядъ вынужденъ былъ очистить Реймсъ. Два нѣмецкихъ корпуса всего уже въ пяти километрахъ. Осадная артиллерія громила городъ со своихъ позицій.

Предъ отступленіемъ ничего нѣтъ смятеннѣй, безпомощнѣй мирныхъ жителей, оставляемыхъ на произволъ судьбы, вѣрнѣе, на произволъ врага, уже заклеймившаго себя низостью и варварствомъ.

Старухи, женщины, дѣти, перегруженныя всякимъ, на спѣхъ захваченнымъ, скарбомъ, съ безумными глазами и потемнѣвшимъ отъ горя лицомъ, безъ толку метались, умоляя проходившія войска взять ихъ съ собою.

Но что могли сдѣлать солдаты?

На рысяхъ прошелъ эскадронъ французскихъ кирасиръ. За поворотомъ скрылись ихъ присѣдавшія фигуры въ латахъ и красивыя античныя каски съ пущеннымъ по вѣтру хвостомъ. Скрылись мужественно-суровыя лица подъ этими касками, а цокающій топотъ копытъ еще слышался... И тотчасъ же потонулъ въ оглушающемъ грохотѣ нѣмецкихъ орудій... Пруссаки бомбардировали Реймскій соборъ.

Мимо этого дивнаго дворца Бога бѣлыхъ людей гимнастическимъ шагомъ проходилъ батальонъ сенегальскихъ стрѣлковъ. И съ ужасомъ наблюдали они разрушеніе... Тяжелые снаряды разрывами своими производили чудовищное опустошеніе въ легкомъ и нѣжномъ прозрачномъ кружевѣ этой каменной застывшей баллады мистическаго средневѣковья. Искалѣченныя фигуры святыхъ, громадные куски орнаментики, цѣлые хаосы тончайшихъ, какъ небесный тростникъ, колоннъ,— все это рушилось, обнажая страшныя кощунственныя раны и увѣчья, взывающія къ грозному отмщенію за поруганную святыню.

Ветеранъ индійскихъ войскъ.

На ходу сенегальцы скашивали на гибнущій соборъ свои громадные синеватые бѣлки. И у всѣхъ черныхъ солдатъ, начиная съ шагавшаго въ головѣ первой роты Оматако и кончая тѣми, что шли въ хвостѣ батальона,— у всѣхъ была одна и та же мысль:

„Какъ! Разрушаютъ дворецъ божества? И кто же?—Бѣлые воины, которые тамъ у себя молятся въ такихъ же самыхъ дворцахъ?.. Сколько же подлости въ этихъ бѣлыхъ, оскорбляющихъ свое божество?.."

И сенегальцы съ минуты на минуту ждали карающаго гнѣва далекихъ небесъ. Долженъ поразить громъ нечестивыхъ солдатъ, а у тѣхъ, кто наводитъ пушки, отсохнуть руки...

Уже остался позади городъ, уже не такъ оглушительно доносилась бомбардировка. А подъ твердыми, покрытыми курчавой шерстью черепами отступавшихъ негровъ все время происходила мучительная, — особенно мучительная для бѣднаго наивнаго мозга, — работа. У себя, тамъ, на берегахъ мутнаго Сенегала, какъ было многое ясно и просто. А здѣсь, среди мудрыхъ и сильныхъ бѣлыхъ людей, которые владѣютъ міромъ,— здѣсь они отказывались понимать...

И когда сенегальскіе стрѣлки заняли позиціи и укрѣпились на нихъ, и минулъ день, Оматако обратился къ старому сержанту съ вопросомъ, не знаетъ ли онъ, какая участь постигла нѣмцевъ, что обстрѣливали соборъ.

Сержантъ повелъ плечами, затянулся изъ коротенькой трубочки, сплюнулъ и не спѣша молвилъ:

— Они временно заняли городъ...

— Ихъ не убило всѣхъ?!- воскликнулъ Оматако

Сингалезцы.

Англійскій военный летчикъ Сайппъ, бросившій бомбу на заводъ цепеллиновъ въ Фридрихсгафенѣ и благополучно вернувшійся во Францію.

— Кто же могъ ихъ убить, разъ этихъ каналій цѣлыхъ два корпуса, насъ же горсть, и мы отступили!

Отходя, сержантъ подумалъ: „Отваженъ, какъ левъ, превосходный солдатъ, а глупъ. Глупъ, потому что дикарь“.

Оматако думалъ другое. Тяжелое, трудное. И въ концѣ концовъ, разстегнувъ куртку на своей мускулистой темно-бронзовой груди, долго перебиралъ черными громадными пальцами висѣвшіе на веревочкѣ амулеты. И смотрѣлъ на нихъ и сосредоточенно думалъ.

IV.

Такъ уходили дни, и уже была осень.

Сенегальскихъ стрѣлковъ перебрасывали съ позиціи на позицію, съ фронта на фронтъ. Эти громадные неустрашимые негры, безудержнымъ стихійнымъ вихремъ сметавшіе германскіе окопы, однимъ своимъ видомъ бросали нѣмцевъ въ дрожь и трепетъ.

„Нервы“ прусскихъ и баварскихъ солдатъ, вскормленныхъ сосисками, вспоенныхъ пивомъ, спавшихъ дома на мягкой перинѣ и шлифовавшихъ подбитыми гвоздями подошвами улицы благоустроенныхъ городовъ, — не выдерживали штыкового удара этихъ чернокожихъ демоновъ.

Офицеры негодовали.

Тѣ самые офицеры, что̀ создали себѣ печальную славу грабежомъ и разстрѣломъ невоюющаго мирнаго населенія.

— Это безобразіе! Это могли только французы выдумать! Насъ, культурнѣйшую въ свѣтѣ армію, заставляютъ сражаться съ какими-то африканскими дикарями.

Вспоминали семидесятый годъ и Бисмарка, не признававшаго всѣхъ этихъ „цвѣтныхъ“ сенегальцевъ и тюркосовъ военноплѣнными. „Разстрѣливать, какъ собакъ. Это не люди, а черныя обезьяны“.

Съ наступленіемъ холодовъ негры чаще и чаще вспоминали свою родину и желтые пески горячей пустыни. Правда, на свои сѣрыя куртки надѣвали они темно-синіе суконные „капоты“, но непривычный холодъ оставался холодомъ. Сухой колючій вѣтеръ, а иногда и съ осеннимъ дождемъ, забирался и подъ эти синіе капоты и подъ сѣрыя куртки.

Вяло отсиживались сенегальцы въ окопахъ. Но въ наступленіе бросались съ еще большей стремительностью, чѣмъ всегда. Во-первыхъ, каждая атака являлась для нихъ согрѣвающимъ движеніемъ, моціономъ, а во-вторыхъ, они вымѣщали на нѣмцахъ свое зябкое сидѣнье въ траншеяхъ.

Совсѣмъ незамѣтно подкралась зима. Настоящая зима съ бѣлымъ пушистымъ снѣгомъ, который какъ-то незамѣтно, предательски, выпалъ въ продолженіе ночи.

Неузнаваемъ сталъ вчерашній пейзажъ. Сѣрая сухая земля, кое-гдѣ бурѣющая высохшей травою, оголенные скелеты деревьевъ, черепичныя крыши дальнихъ домовъ, — странно, куда все это дѣвалось?

Снѣгъ, снѣгъ, снѣгъ... Вездѣ, куда только глазъ хватитъ. Бѣлые сугробы на крышахъ, и въ пушистыхъ, сіяющихъ на солнцѣ, одеждахъ стоятъ деревья.

Черные солдаты не могли въ себя прійти отъ изумленія. Этотъ снѣгъ былъ первый снѣгъ въ ихъ жизни. Настоящій, который можно брать руками, глотать, словно твердую воду, и отъ прикосновенія къ которому холодно. И они съ горловымъ крикомъ прыгали и плясали, высовываясь изъ окоповъ и забывая, что въ трехстахъ метрахъ, въ такихъ же самыхъ, только болѣе комфортабельныхъ окопахъ, сидятъ нѣмцы. Эти не любятъ зѣвать. Затрещали винтовки, свистъ пуль — и молодой сенегалецъ, могучій и рослый, за минуту веселый, хохочущій, опрокинулся навзничь.

Вскорѣ данъ былъ приказъ выбить нѣмцевъ изъ занятыхъ ими линій, выгодно тянущихся по гребню холма.

Сенегальцамъ не впервой было загромождать германскими трупами окопы въ уровень съ землею. И подъ рѣзкій сигналъ протрубившаго атаку горниста ураганомъ кинулись они впередъ, забывая ложиться, забывая перебѣжку звеньями. Офицеры никакъ не могли пріучить ихъ къ этому. Африканскій темпераментъ мѣшалъ.

Оматако опередилъ всѣхъ. Вотъ уже половина пути. Еще немного, и начнется рѣзня. Но тутъ вдругъ неожиданно „затакали“ пулеметы. Свинцовый дождь безпощадно косилъ сенегальцевъ. Они падали, падали въ одиночку и цѣлыми группами. И темныя фигуры съ черными лицами, то неподвижныя, то корчащіяся въ агоніи, такъ рѣзко выдѣлялись на бѣломъ фонѣ снѣжной пелены.

Оматако упалъ, обожженный въ грудь. Сдѣлалъ усиліе встать, приподняться, но не могъ, и курчавая голова откинулась въ снѣгъ.

Быстро кончился неравный бой. Нѣмцамъ помогли подошедшія за ночь свѣжія подкрѣпленія. Полубатальонъ сенегальцевъ нарвался на цѣлую бригаду.

Оматако потерялъ много крови. Въ груди жгло нестерпимо. Въ эту мускулистую и бронзовую грудь не въ добрый часъ угодило нѣсколько пуль. Льется кровь, и пурпуромъ окрасился бѣлый рыхлый снѣгъ...

Французскій военный летчикъ сенаторъ Реймонъ, погибшій во время развѣдки.

Оматако разорвалъ на себѣ куртку и судорожно ухватился за шнурокъ съ амулетами. Неужели конецъ? Неужели его не спасутъ и зеленый камешекъ, и зубы крокодила и льва?

И здѣсь, на этомъ снѣгу, въ странѣ бѣлыхъ людей, вспомнились ему далекія картины, знойныя, обжигающе яркія. Стройныя пальмы, быстро бѣгущая гладь мутной рѣки. Семья рѣзвящихся на водопоѣ громадныхъ слоновъ. Черныя гибкія тѣла, только-что изъ воды, сверкающія на солнцѣ серебристыми каплями. Это онъ, Оматако, вмѣстѣ съ бѣднымъ погибшимъ Омаруру. Они выкупались и бѣгутъ въ сосѣднюю чащу, гдѣ съ вѣтки на вѣтку прыгаютъ мохнатыя обезьяны... дразнятся, щелкаютъ зубами...

Онъ не умретъ!..

Два офицера въ длинныхъ сѣрыхъ шинеляхъ и въ каскахъ. Одинъ постарше, другой помоложе, съ моноклемъ.

— Если бъ не пулеметы, эти проклятые дикари причинили бы намъ хлопотъ.

— Вы правы, баронъ. Этихъ варваровъ ничѣмъ другимъ не остановишь.

Генералъ Гиршауеръ, новый начальникъ воздухоплавательной части французской арміи.

Услышавъ голоса, Оматако приподнялъ голову, и какой-то звукъ сорвался съ его толстыхъ черно-фіолетовыхъ губъ.

— Вы слышите, баронъ? — спросилъ офицеръ помоложе съ моноклемъ. — Надо пристрѣлить эту собаку!

Оба офицера подошли къ громадному сенегальцу. Онъ хрипѣлъ, выкативъ свои синеватые бѣлки, силясь что-то сказать. Скрюченными пальцами судорожно царапалъ онъ снѣгъ.

— Скажите, даже кавалеръ Почетнаго Легіона, — презрительно усмѣхнулся баронъ.

Офицеръ съ моноклемъ не спѣша вынулъ револьверъ и не спѣша приставилъ его къ твердому, покрытому курчавой шерстью, черепу сенегальца.

Бѣдный Оматако! Бѣдный дикарь! Тебя не спасли твои амулеты!..

Полетъ.

Разсказъ **Константина Михайлова.**

I.

Утро чуть брезжило. Туманъ разсѣивался. Очень скораго солнца нельзя было ждать. Предразсвѣтный холодокъ пронизывалъ все тѣло.

Воздухоплаватели молча, сосредоточенно, надѣли свои авіаторскія куртки, подошли къ громадной птицѣ и внимательно стали ее осматривать со всѣхъ сторонъ. Первымъ осматривалъ высокій, стройный поручикъ. Его зоркіе глаза и цѣпкія, твердыя, какъ хрящи, руки касались каждой проволочки, каждой перемычки, каждой складки полотна и тонкой матеріи. Со всѣхъ сторонъ онъ осматривалъ аппаратъ и внимательно обслѣдовалъ каждую случайную проточку.

Онъ обмѣнивался своими замѣчаніями и принималъ во вниманіе каждое указаніе.

Найдя все въ порядкѣ, онъ перешелъ къ осмотру бака съ бензиномъ. Бакъ былъ полонъ. Гайка и винты подтянуты. Чувствовалось, что весь отрядъ любилъ свой аппаратъ и весь съ нимъ слился воедино. Ихъ нельзя было отдѣлить другъ отъ друга... Воздушная птица и летчики были одна душа. Тѣла ихъ раздѣлялись, но въ тотъ моментъ, когда они садились, они представлялись цѣлымъ и единымъ, какъ цѣла и едина пуля, несущаяся въ безпредѣльномъ міровомъ пространствѣ.

Летчики были молодые, сильные духомъ люди, уже обреченные. Старшій изъ нихъ былъ въ чинѣ поручика, а младшій, охотникъ—юноша, еще не достигшій совершеннолѣтія и добровольцемъ ушедшій на войну. Выраженіе ихъ глазъ не было суровымъ и жесткимъ. Наоборотъ, сейчасъ, казалось, эти сосредоточенныя молодыя лица разрастутся въ улыбку, и раздастся звонкій, веселый смѣхъ русскихъ весельчаковъ, вступившихъ въ родство съ небомъ и облаками.

Однако на этотъ разъ всѣ были серьезны. Предполагалась развѣдка надъ непріятельскими войсками, шедшими непроницаемыми массами и уже готовыми охватить наши войска густыми кольцами гигантской змѣи. Надо было установить не только количество войска и его роды, но и его расположеніе. Предстояло летѣть долго. Быть-можетъ, негдѣ будетъ остановиться... Быть-можетъ, нельзя будетъ увернуться отъ непріятельской пули. А цеппелины, или юркіе аэропланы, которые могутъ вступить въ бой?! Съ ними тоже придется поспорить.

Русскіе летчики боя не боятся, идутъ ему навстрѣчу. Важно одно: привести въ исполненіе заданіе, произвести развѣдку и сообщить результаты нашимъ, а затѣмъ можно вступить въ единоборство съ врагомъ и умереть съ честью и съ тѣмъ тихимъ достоинствомъ, на которое способны беззавѣтные русскіе герои.

Вотъ мысли, которыя владѣли въ эти минуты летчиками. Изъ ихъ памяти выпало все: родные, воспоминанія о прошломъ, страхи, привязанности, боязнь за будущее. Для нихъ существовала одна только цѣль: удачно произвести развѣдку.

Ни одинъ еще полетъ ихъ не тревожилъ, какъ въ этотъ разъ. Въ ангаръ залетали отдаленные выстрѣлы и уханья непріятельскихъ снарядовъ. Ихъ своеобразный и страшный шумъ не производилъ на ихъ душу никакого дѣйствія. Летчики напряженно были заняты своимъ дѣломъ, намѣреваясь еще до полнаго разсвѣта, пока не разсѣялся предразсвѣтный туманъ, подняться надъ расположеніемъ вражескихъ войскъ.

II.

Громадный остовъ летательнаго аппарата былъ уже готовъ къ отлету. Летчикъ поручикъ Ивановъ любовно пощупалъ полотно, потрогалъ перекладины и нѣжно, какъ будто живое существо, погладилъ большой пропеллеръ. Онъ заглянулъ въ винтики и въ расщелины мотора, блестѣвшаго даже въ сумракѣ предразсвѣтнаго тумана. Чувствовалось, что по невидимымъ для глаза жилкамъ мотора разливалась живительная влага, что моторъ точно оживалъ, глухо дыша.

Поручикъ Ивановъ съ особой нѣжностью приложилъ голову къ пропеллеру и, обнявъ правой рукой нижнюю его часть, постоялъ нѣсколько секундъ въ глубокой задумчивости. Что-то, видимо, его безпокоило.

Онъ очнулся отъ легкаго забытья.

Надо было подняться въ небо. Вставали первыя стрѣл-

Стрѣльба изъ заоблачныхъ высотъ.

Французскія войска въ окопахъ, замѣтившія непріятельскій аэропланъ. Рисунокъ Скотта.

ки солнца и разсѣивали ту полудремоту, которая была разлита въ природѣ.

— Вася!—обратился онъ къ молодому летчику.—На тебя возлагается обязанность отмѣчать все, что мы встрѣтимъ на пути слѣдованія нашего аппарата: холодъ, жаръ, слои воздуха, появленіе и напоръ облаковъ, движеніе лучей солнца. Когда мы войдемъ въ полосу непріятельскаго расположенія, ты возьмешь бинокль и будешь слѣдить.

Прожекторы изъ пушекъ.
Одна изъ хитрыхъ выдумокъ Круппа—для ночныхъ атакъ. Германскія пушки выбрасываютъ особенныя ядра, которыя, разрываясь въ воздухѣ, развертываются въ свѣтящіеся парашюты.

Прожекторъ на позиціи.

— Слушаю!—отвѣтилъ молодой летчикъ.

Это былъ скромный безусый юноша. На его красивомъ лицѣ были написаны рѣшимость и твердость. Черные мерцающіе глаза умно блеснули, и, сдѣлавъ подъ козырекъ, онъ вошелъ въ аппаратъ. Вася Удинцевъ ушелъ на войну, въ летчики, по непреодолимому влеченію души, на время оставивъ гимназію, въ которой онъ считался однимъ изъ первыхъ. Его начальство, зная его за спокойнаго, твердаго и рѣшительнаго юношу, не препятствовало его желанію, вполнѣ вѣря, что онъ вернется въ гимназію со славой. Онъ отправился въ Кіевъ и поступилъ въ отрядъ своего знакомаго летчика, поручика Иванова, совершившаго не одинъ замѣчательный полетъ надъ Россіей. Поручикъ Ивановъ зналъ его съ дѣтства.

— Ты тоже хочешь со мной, Вася?—добродушно усмѣхнувшись, сказалъ летчикъ.

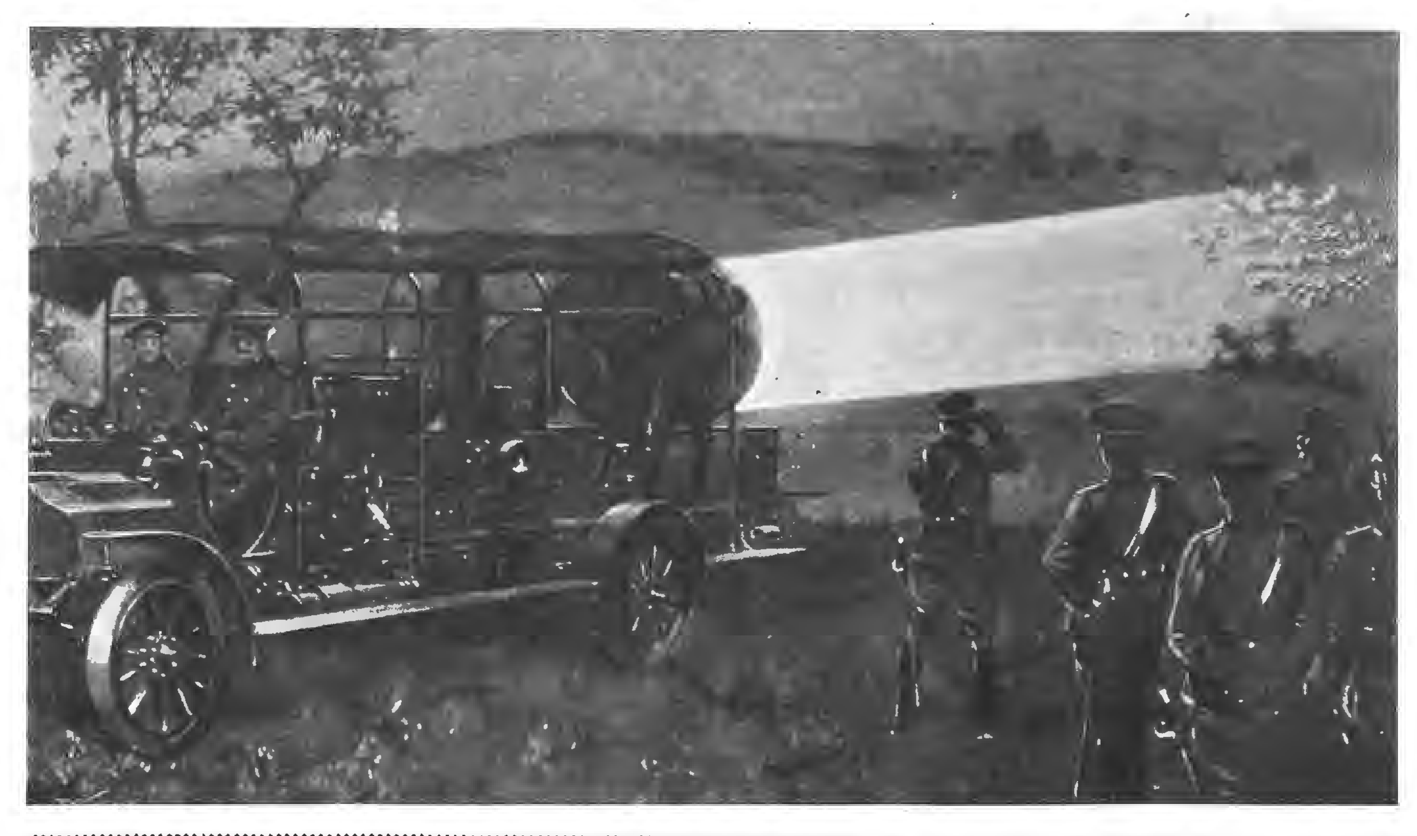
— Хочу!—твердо сказалъ доброволецъ и остановился глазами на немъ и на его громадномъ аппаратѣ.

— Да вѣдь это опасно, другъ!

— Нынче все опасно, Петръ Андреевичъ! Ступишь на землю—и занозился, пошелъ въ поле—и застрѣлили. Война...

— Не смѣю отговаривать... твое дѣло... Только мы вѣдь, понимаешь ли ты это, обреченные... сами себя обрекли... особенно сейчасъ, сію минуту, подъ всегдашнимъ обстрѣломъ непріятелей.

— Душа у меня въ эту сторону движется,—тихо сказалъ юноша.—Она хочетъ подвига, но подвига, гдѣ была бы польза родинѣ.



Англійскіе моторные прожекторы. На моторахъ защитнаго цвѣта установлены громадной силы прожекторы, освѣщающіе очень большія пространства.

— Изволь, если хочешь... не препятствую. Только я долженъ буду тебя немного поучить, а то не все будетъ тебѣ ясно.

И началось ученье, самое быстрое, короткое, но юный ученикъ все живо схватывалъ и вскорѣ усвоилъ себѣ всѣ техническія особенности летательнаго аппарата, такъ что черезъ двѣ недѣли опыта руль въ его рукахъ смѣло и твердо исполнялъ все то, чего онъ хотѣлъ, направляя свой державный бѣгъ въ заоблачныя высоты.

Поручикъ Ивановъ былъ одной изъ крупныхъ величинъ въ искусствѣ движенія въ воздухѣ, и потому онъ легко получилъ разрѣшеніе отъ высшаго начальства прикомандировать къ себѣ молодого летчика.

III.

Плавно и тихо поднимался аэропланъ въ предразсвѣтный туманъ. Онъ мягко отдѣлился отъ земли. Пропеллеры, двигаясь съ неуловимой глазу быстротой, дѣлались почти что незамѣтными и издавали тотъ характерный шумъ, который напоминаетъ жужжаніе гигантской пчелы.

Въ уютно обставленномъ аэропланѣ, снабженномъ всѣми приспособленіями для наблюденія, помѣстилось шесть человѣкъ летчиковъ-офицеровъ.

Аэропланъ началъ подниматься. Вскорѣ весь онъ былъ окутанъ густыми клубами облаковъ.

Въ то время, когда аппаратъ плылъ въ высотахъ неба, летчики спокойно разговаривали другъ съ другомъ.

Военный летчикъ князь Эристовъ на подбитомъ имъ германскомъ аэропланѣ. Нѣмцы отмѣчаютъ свои аэропланы чернымъ крестомъ.

— Эти бомбы, — густымъ баритономъ говорилъ офицеръ: — должны быть сброшены внизъ, на мѣста расположенія войскъ, въ тотъ моментъ, когда, произведши развѣдку, мы будемъ отъ нихъ уходить. Онѣ большой разрушительной силы, но самое главное не это, а дать точную, насколько возможно, картину расположенія врага.

Пропеллеръ монотонно потрясалъ въ это время воздухъ.

Когда наступилъ разсвѣтъ, поручикъ Ивановъ очень медленно и осторожно сталъ планировать по плоскости внизъ, не увеличивая скорости лета и спускаясь по компасу къ тому мѣсту, на которомъ по примѣрному расчету должны были быть расположены непріятельскія войска.

Встававшее солнце разсѣяло облака и тучи. Земля открывалась.

Глазамъ летчиковъ представилась дивная картина. Какъ на коврѣ, внизу, подъ аппаратомъ, растянулись безконечныя поля и равнины, прорѣзанныя проселочными, шоссейными и желѣзнодорожными дорогами, отдаленныя маленькія деревушки и селенія. Высокіе шпицы нѣмецкихъ кирокъ и хмурыя сѣрыя зданія католическихъ костеловъ выдѣлялись среди опрятныхъ строеній поселковъ и маленькихъ древесныхъ насажденій на газонѣ полей.

Аэропланъ осторожно и тихо спустился ниже.

Летчики вооружились биноклями и стали зарисовывать въ особую записную книжку мѣстность, нанося приблизительное расположеніе непріятельскихъ войскъ. Ихъ опытный глазъ отличалъ какъ количество войскъ, такъ и мѣста расположенія.

Подъ аппаратомъ лежало наполовину вспаханное поле. Невдалекѣ черезъ поле, теряясь въ далекомъ лѣсѣ, окаймлявшемъ горизонтъ, извивалась горная рѣчка, мѣстами буйная и бурная, превращаясь въ потокъ въ извилистыхъ, капризныхъ берегахъ. Направо чернѣла роща, примыкавшая къ полуразрушеннымъ стѣнамъ древняго католическаго собора и упиравшаяся въ берега рѣки.

Въ воздухѣ вѣяло тепломъ и той особенной мягкостью, которыя навѣваютъ мечтательность и грезы. Это не былъ тотъ воздухъ, которымъ дышатъ люди внизу, въ узкихъ казематахъ и въ сдавленныхъ футлярахъ каменныхъ зданій. Это былъ настоящій, чистый, божественный воздухъ, который, проходя черезъ легкія, освѣжаетъ весь организмъ и очищаетъ его. На душѣ у всѣхъ стало свободно и радостно. Всѣ почему-то обрадовались солнцу, дню, тому, что они живутъ, и какъ-то безсознательно, сами за себя, втихомолку перекрестились, посмотрѣвъ въ глубь неба и тамъ инстинктивно ища кого-то.

Надъ остожьями еще не поднимался дымокъ, ничто не говорило о жизни войскъ. Непріятель отдыхалъ и, зная, что русскіе далеко, тихо, безшумно спалъ, подготовляя себя къ предстоящимъ боямъ. Непріятель только вчера расположился на бивуакахъ передъ рѣкой, за которой въ отдаленіи стояли русскія войска, и онъ былъ увѣренъ, что русскіе такъ быстро не подойдутъ къ рѣкѣ и не начнутъ наступать.

Надъ громаднымъ, безконечнымъ пространствомъ, занятымъ обозами и войсками, царила тишина.

Продержавшись на высотѣ 800 метровъ, аэропланъ взялъ направо. Летчики разсмотрѣли кавалерію непріятеля.

Уже становилось совершенно свѣтло.

Летчики сообща рѣшили опредѣлить ставку начальствующихъ лицъ.

Раздался глухой приказъ:

— Спуститься ниже!

Наступила холодная томительная пауза. Сердца летчиковъ на мгновеніе остановились. Наступилъ тотъ моментъ, когда они, обнаруживъ ставку и опредѣливъ позицію врага, бросятъ съ высоты свои метательные снаряды.

Наступила минута жизни или смерти, счастья или неудачи.

Летательный аппаратъ безстрашно плылъ внизъ, спускаясь изъ бездонной глубины неба. Пропеллеръ жужжалъ и шумѣлъ, какъ живой, уменьшая число своихъ быстрыхъ, неуловимыхъ движеній. Летчикъ Ивановъ твердо держалъ въ рукахъ руль и, зорко оглядывая путь впередъ, самъ опредѣлялъ моментъ, когда аппаратъ долженъ повиснуть въ воздухѣ.

IV.

Ходъ мотора становился все медленнѣе и медленнѣе. Онъ дышалъ тише, но напряженнѣе.

Среди опрятныхъ поселеній летчики обратили вниманіе на деревушку, стоявшую на холмѣ и господствовавшую надъ всей мѣстностью. Изъ-за деревьевъ виднѣлся бѣленькій чистенькій домикъ, выбѣленный известью, съ синей крышей и съ верандами, у которыхъ было особое оживленіе отдѣльныхъ вооруженныхъ людей, патрулей, конныхъ развѣдчиковъ и офицеровъ, привозившихъ какія-то бумаги. Для летчиковъ не подлежало сомнѣнію, что это былъ штабъ арміи.

Твердымъ движеніемъ опытной руки летчикъ Ивановъ сталъ маневрировать рулемъ, замедляя ходъ мотора и остановившись надъ бѣленькимъ чистенькимъ зданіемъ.

Солнце озаряло черезъ гряду тучъ всю картину расположенія непріятельскихъ войскъ. Синій лѣсъ сталъ еще болѣе синимъ и чернымъ, а капризная лента рѣка заблистала на широкомъ пространствѣ полей серебристой чешуей громадной извивающейся змѣи.

Пропеллеръ жужжалъ, но тише, и, казалось, онъ не хотѣлъ мѣшать своей работой напряженному думанію русскихъ летчиковъ, затѣявшихъ смѣлое дѣло.

Летчики долго разсматривали открывшуюся картину и еще точнѣе стали дѣлать кроки мѣстности.

Для этой работы понадобилось только нѣсколько минутъ. Нужна была схема, не подробности, а общая картина.

Вдругъ неожиданно мимо аэроплана что-то свистнуло, точно завизжало, — вж-ж-ж-ж! — и пропало. Потомъ еще, еще...

Не было сомнѣній, что стрѣляютъ въ аэропланъ. Летчикъ Ивановъ сталъ внимательно всматриваться, откуда стрѣляютъ, но опредѣлить не могъ. Вдругъ пуля прошла насквозь черезъ полотнище и сдѣлала въ немъ отверстіе съ прожженными краями.

Летчики, схвативъ небольшихъ размѣровъ метательныя бомбы, кинули ихъ въ маленькій бѣленькій домъ. Въ это время цѣлый залпъ пуль съ тѣмъ острымъ и свистящимъ жужжаніемъ, которое понятно только душѣ летчика, пронесся мимо. Нѣсколько изъ нихъ ударились въ сидѣнье и тамъ застряли, а нѣсколько пролетѣли у самаго лица поручика Иванова, не задѣвъ его.

Летчикъ Ивановъ ясно видѣлъ, какъ внизу, встрепенувшіеся отъ появленія русскихъ, отряды войскъ непріятеля съ поднятыми ружьями стрѣляли въ аппаратъ, и, надвинувшись на руль, крѣпкимъ движеніемъ направилъ его въ сторону выше и выше въ воздухъ, удаляясь отъ линіи обстрѣла. Движенія поручика

Снаряды для англійской артиллеріи, сложенные штабелями во французскомъ порту.

Иванова были увѣренны и полны спокойствія и той отваги и мужества, которыя такъ свойственны летчикамъ.

Не успѣлъ онъ еще подняться, какъ раздался сухой, рѣзкій стукъ нѣсколькихъ пуль по пропеллеру. Раны не было видно, и нельзя было бы сказать, гдѣ она, но явилось опасеніе, не опасно ли поврежденіе.

Быстрымъ движеніемъ мотора поручикъ Ивановъ понесся въ бездонную пропасть воздуха. Пули градомъ неслись ему вслѣдъ.

Врагъ уже зашевелился. Видимо, были даны сигналы по войскамъ, такъ какъ вслѣдъ за аппаратомъ въ неудержимомъ галопѣ неслись кавалерійскіе разъѣзды и ни на минуту не упускали его изъ виду.

Летчикъ Ивановъ, поднявшись на высоту тысячи метровъ, направилъ аппаратъ въ сторону густого лѣса, стоявшаго въ концѣ обширнаго поля, за мѣстами расположенія непріятельскихъ войскъ. Онъ чувствовалъ, что въ аппаратѣ наступаетъ тревога, что пропеллеръ не жужжитъ а издаетъ какіе-то жалобные звуки, позвякиваетъ, и что моторъ началъ давать перебои. Ему было трудно опредѣлить раненіе аппарата, но онъ всѣми силами души чувствовалъ, что что-то страшное, неумолимое и непоправимое случилось, и что все можетъ кончиться сейчасъ, сію минуту, гибелью. Онъ не думалъ о томъ, что можетъ умереть... Такого сознанія у него не было, но онъ началъ сознавать, что онъ можетъ оказаться безъ опоры въ воздухѣ и, перевернувшись нѣсколько разъ, можетъ упасть на землю безформенной массой. Онъ даже представилъ самого себя, какъ онъ упалъ и превратился въ безформенную массу. Еще тверже онъ стиснулъ руль и всѣ силы сталъ направлять къ одному — лечь со своимъ летательнымъ аппаратомъ на деревья синѣвшаго вдали лѣса. Всѣ свои знанія онъ направилъ къ тому, чтобы только долетѣть до лѣса и, бросивъ аппаратъ, вплавь перебраться черезъ рѣку къ своимъ.

— Господи, благослови! — шепталъ поручикъ Ивановъ.—Лишь долетѣть бы!—И, не глядя на перебои мотора, онъ гналъ аппаратъ къ полосѣ синяго лѣса.

Аппаратъ опускался все ниже и ниже. Была недалеко земля. Видны были непріятельскіе кавалеристы, бѣшенымъ галопомъ несшіеся за нимъ.

Всѣ помыслы, всѣ движенія души летчиковъ были направлены къ тому, чтобы не попасть въ плѣнъ.

Вдругъ аппаратъ сталъ понижаться безъ желанія со стороны летчика, моторъ началъ неправильно давать тактъ, и, казалось, онъ сдѣлаетъ еще одинъ шагъ, еще одно движеніе, дрогнетъ, какъ раненый конь, и упадетъ, увлекая въ своемъ паденіи и людей.

Но летательный аппаратъ двигался впередъ, и летчикъ Ивановъ вдругъ съ радостью для себя увидѣлъ, что онъ плыветъ надъ лѣсомъ, къ которому такъ страстно стремился, и, сдѣлавъ рѣшительное движеніе рулемъ, направилъ аппаратъ въ самую его гущу.

Аппаратъ плотно и мягко усѣлся на деревьяхъ. Моторъ продолжалъ по инерціи шумно ворчать. Пропеллеръ запутался въ вѣтвяхъ. Онъ былъ весь изрѣшетенъ пулями. Поручикъ Ивановъ спокойно самъ себѣ перевязалъ рану на рукѣ, изъ которой обильно сочилась кровь.

Юный летчикъ, не обращая вниманія на вражескій обстрѣлъ и на рану въ плечѣ, велъ свои путевыя записи и довелъ ихъ до того момента, когда аппаратъ сѣлъ на деревья. Ничто, казалось, его не тревожило, и онъ внутренно переживалъ одинъ весь ужасъ своего положенія и съ мужествомъ готовъ былъ окончить свою жизнь среди бури ощущеній, которыя нахлынули на его молодую душу.

— Вася!—сказалъ ему поручикъ.—Собирай всѣ бумаги и немедленно доставь ихъ въ нашъ штабъ. Плыви черезъ рѣку. Она за нами.

Быстрыми движеніями собралъ всѣ замѣтки—свои и офицеровъ—молодой летчикъ и заложилъ ихъ въ потайной карманъ своей куртки.

Проворно, цѣпляясь за вѣтки деревьевъ, срываясь съ нихъ, онъ слѣзалъ внизъ. Быстро спрыгнулъ съ голаго ствола и, пользуясь компасомъ, пошелъ по направленію къ рѣкѣ.

Густой лѣсъ оживалъ. Непріятельскіе кавалеристы останавливались у опушки и, спѣшившись, казалось, хотѣли войти въ него.

Молодой летчикъ вышелъ къ рѣкѣ.

Снявъ съ себя одежду, онъ уже готовъ былъ войти въ воду, но вдругъ въ воздухѣ прожужжала пуля и ударилась въ стволъ дерева.

Онъ почувствовалъ, что что-то его толкнуло, но, завязавъ одежду надъ головой, онъ быстро вошелъ въ воду и сталъ, щупая дно, итти на противоположный берегъ.

Въ этомъ мѣстѣ рѣка была неглубока. Вода не покрывала его головы. Онъ бодро боролся съ теченіемъ. Пули со свистомъ и жужжаніемъ преслѣдовали его.

Наконецъ онъ вышелъ на берегъ. Проползши по берегу и на ходу одѣваясь, онъ наконецъ всталъ и побѣжалъ впередъ, не отдавая себѣ отчета, куда онъ бѣжитъ.

Бѣжалъ онъ долго... Солнце стояло высоко. Онъ изнемогалъ. Кровь струилась съ него. Онъ чувствовалъ, что теряетъ силы...

— Хоть бы одинъ нашъ патруль!—про себя просилъ онъ кого-то, жадно оглядывая всю мѣстность.

Патруля не было. Становилось уже жарко. Ему хотѣлось пить. Жажда мучила.

Онъ присѣлъ на придорожную траву, прислонившись на камень, и не замѣтилъ, какъ уснулъ.

Когда онъ проснулся, онъ увидѣлъ себя въ чьей-то ставкѣ. Онъ лежалъ на походной койкѣ, покрытой чистой бѣлой простыней, подъ мягкимъ одѣяломъ и на мягкихъ подушкахъ. Возлѣ него сидѣла сестра милосердія. Раны его были перевязаны. Недалеко за столомъ сидѣло и стояло нѣсколько военныхъ, что-то внимательно разсматривавшихъ.

— Вотъ и хорошо, что вы проснулись,—сказалъ одинъ изъ нихъ, повидимому самый главный.—Кто вы такой и откуда вы взяли эти планы?—спросилъ онъ.

— Я летчикъ-развѣдчикъ. Мы обслѣдовали расположеніе непріятельскихъ войскъ. Были обстрѣляны. Нашъ аппаратъ сѣлъ на деревья въ лѣсу за рѣкой. Не знаю, что съ нимъ сталось. Я получилъ приказаніе доставить въ штабъ ихъ расположеніе. Мой начальникъ — поручикъ Ивановъ, знаменитый Ивановъ...

— Хорошо, хорошо! Успокойтесь! Спасибо за развѣдку! Вы насъ спасли отъ обхода сильной арміей врага.

Офицеры вышли, о чемъ-то между собой совѣщаясь.

Вскорѣ онъ услышалъ спѣшное ночное передвиженіе нашихъ войскъ, сдержанный и заглушаемый шумъ снарядовъ, топотъ ногъ, дребезжаніе лафетовъ и храпъ лошадей и откуда-то издалека доносящіеся стоны людей.

Сестра милосердія, тихо и нѣжно гладя его волосы, сказала ему, что наши войска немедленно вступили въ бой съ непріятелемъ и, перейдя рѣку у предгорья Карпатъ, неожиданно напали съ разныхъ сторонъ на врага. Непріятель не ожидалъ насъ и бѣжалъ, побросавъ обозы, лазареты, артиллерійскіе снаряды, патроны, лафеты и приспособленія. Непріятеля долго гнали.

Молодой летчикъ тихо приподнялся на локтѣ и, проникновенно глядя на образъ Божіей Матери, висѣвшій на его груди, тихо прошепталъ:

— Боже, благодарю тебя!

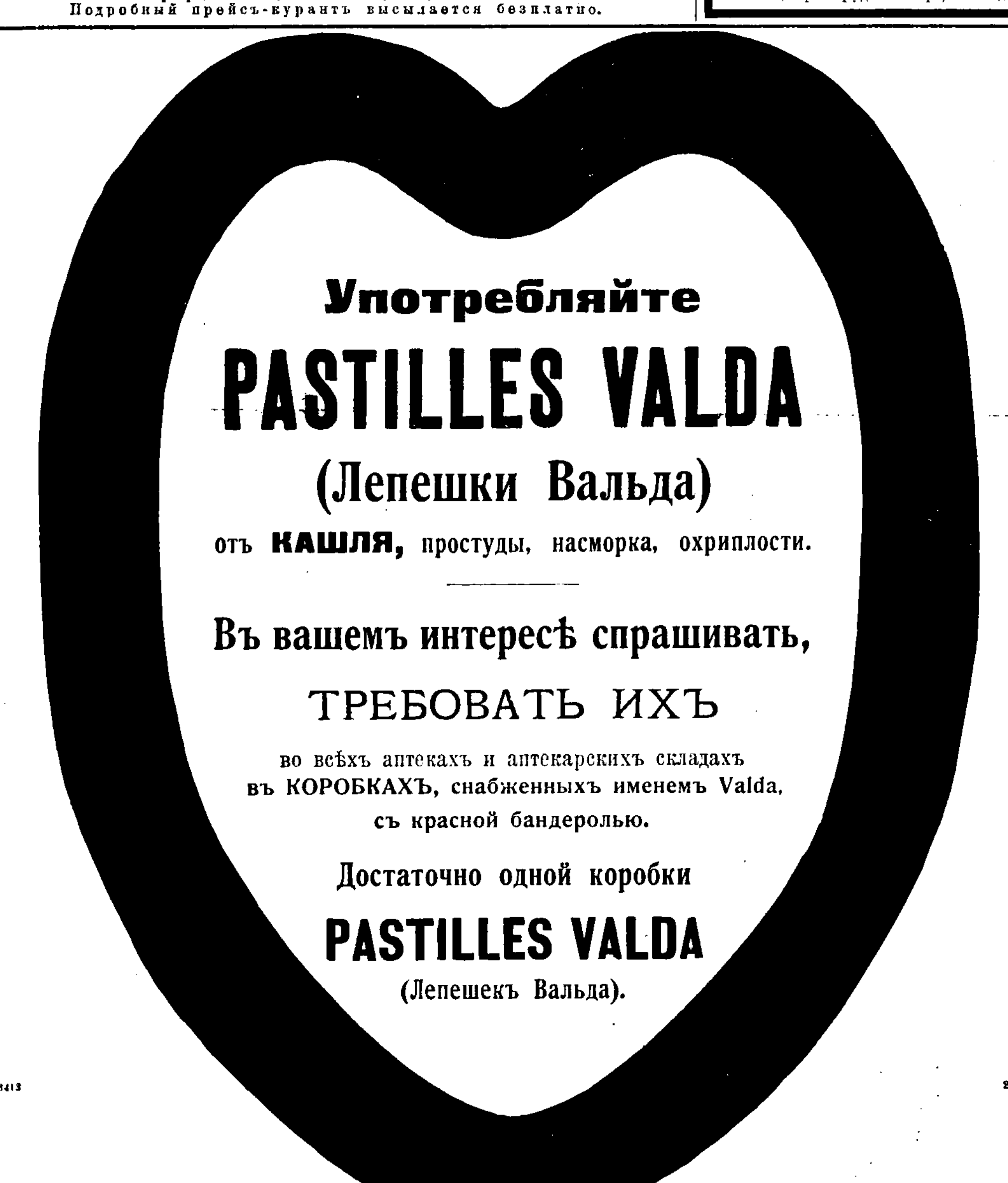
Аппаратъ наши нашли въ лѣсу и, снявъ его съ дерева, отправили въ Россію для исправленій и для новой будущей воздушной работы, а летчикъ находится на излѣченіи въ одномъ изъ лазаретовъ и ждетъ-не-дождется, когда вновь вернется на передовыя позиціи къ нашимъ непобѣдимымъ войскамъ.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ**. Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ**.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

1915 г.
№ 5
XLVI г. изданія
Выданъ 31 января 1915 г.
Цѣна этого № (безъ прилож.) — 15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Мамина-Сибиряка" кн. 2.



ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

На кавказскомъ фронтѣ. Во главѣ 7-го полевого врачебно-питательнаго отряда Всероссійскаго Земскаго Союза, отправившагося на кавказскій театръ военныхъ дѣйствій, стоятъ уполномоченные Главнаго Комитета Всероссійскаго Земскаго Союза Т. И. Полнеръ, С. В. Глѣбовъ, М. М. Костомаровъ и представитель Воронежскаго губернскаго кооперативнаго комитета священникъ о. Ѳеодоръ Алферовъ, исполняющій вмѣстѣ съ тѣмъ обязанности священнослужителя. Устройство отряда и участники его представлены на нашихъ снимкахъ на стр. 89—92 «Нивы».

Въ составѣ отряда находятся врачи, фельдшера, сестры и братья милосердія, санитары и завѣдующіе хозяйствомъ, всего — около 450 лицъ служебнаго персонала. Въ отрядѣ 32 автомобиля, приспособленныхъ для перевозки раненыхъ, и одинъ автомобиль-грузовикъ, на платформѣ котораго оборудована автомобильная подвижная мастерская. Кромѣ того, въ отрядѣ имѣются 44 походныхъ палатки и разборныхъ домика, а также гужевой и автомобильный транспортъ и большіе запасы перевязочныхъ средствъ и пищевыхъ продуктовъ. Раненые съ поля боя до санитарнаго поѣзда черезъ пункты отряда будутъ доставляться по мѣрѣ возможности въ спеціально приспособленныхъ повозкахъ и автомобиляхъ.

Германскій дирижабль-гидропланъ надъ Либавой. По поводу помѣщеннаго у насъ на стр. 83 снимка приводимъ изъ газетъ подробности о налетѣ германскаго дирижабля (гидроаэроплана) на Либаву 14-го января с. г.

Было 10 часовъ утра, когда въ туманѣ надъ городомъ показался германскій дирижабль. Воздушный корабль пролеталъ такъ низко, что изъ города различали сидѣвшихъ въ гондолѣ офицеровъ и солдатъ.

Въ 10 час. 12 мин. нѣмцы сбросили первую бомбу. Снарядъ упалъ въ кучу желѣза на заводѣ Беккеръ. Вторая бомба упала около товарной станціи, третья—около желѣзнодорожнаго моста, четвертая угодила въ крышу дома.

Всего нѣмцы сбросили девять снарядовъ, не причинившихъ городу никакого ущерба. Человѣческихъ жертвъ нѣтъ.

Описавъ затѣмъ въ воздухѣ подкову, дирижабль повернулъ назадъ, но уйти безнаказаннымъ ему не удалось.

Изъ различныхъ пунктовъ города начался энергичный и частый обстрѣлъ воздушнаго корабля. Мѣткая пуля угодила въ бакъ съ бензиномъ. Дирижабль началъ снижаться и въ разстояніи $1^1/_2$ верстъ отъ берега шлепнулся въ море.

Когда гондола стала опускаться на воду, оставшаяся въ живыхъ команда по веревочнымъ лѣстницамъ взобралась наверхъ и выкинула сигналъ о сдачѣ.

Съ дирижабля сняли семь человѣкъ изъ экипажа; 23 нѣмца погибли.

Солдатъ, мѣтко попавшій въ бакъ съ бензиномъ, по возвращеніи въ Либаву былъ встрѣченъ оваціями и на рукахъ пронесенъ по городу. Экипажъ дирижабля былъ отправленъ въ Петроградъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость.

Австрійскій военный рѣчной пароходъ „Тынецъ“. Въ ноябрѣ, при захватѣ нашими войсками города Сандоміра, австрійцы затопили у входа въ портъ свой военный рѣчной пароходъ «Тынецъ». Этотъ пароходъ—колесный, защищенный броней на палубѣ и борту, имѣющій боевую рубку и укрѣпленія для установки орудій малаго калибра; безусловно стоило предпринять работы по поднятію его и приведенію въ исправность; работы были исполнены морской командой подъ начальствомъ старшаго лейтенанта Аверкіева. Въ морской музей имени Императора Петра Великаго поступили изображенные на стр. 83 «Нивы» судовой колоколъ парохода и кормовое украшеніе въ видѣ большого металлическаго изображенія австрійскаго государственнаго герба.

Бельгійская королева. Государь Императоръ изволилъ пожаловать Ея Величеству королевѣ Елисаветѣ медаль на Георгіевской лентѣ. Медаль эту передалъ Ея Величеству спеціальный посолъ Его Величества князь Юсуповъ.

Передъ мужествомъ королевы Елисаветы преклонился весь міръ.

Талантливый норвежскій писатель Эльвстедъ, посѣтившій Калэ, даетъ въ своемъ очеркѣ въ нѣсколькихъ художественныхъ штрихахъ трогательный образъ бельгійской королевы, которая, какъ и ея супругъ, въ трагической

судьбѣ, ихъ постигшей, сумѣла обнаружить высокую силу духа и нравственной красоты.

«Сегодня вечеромъ — пишетъ Эльвстедъ — бельгійская королева опять въ Калэ. Она пріѣхала посѣтить раненыхъ. Она безпрерывно объѣзжаетъ лазареты между Булонью и Фюрнэ, между тѣмъ какъ король все время остается среди своихъ солдатъ. Автомобиль королевы останавливается возлѣ новой ратуши, еще не законченной постройкой. Въ верхнихъ этажахъ помѣщены раненые. Въ пустыхъ залахъ нижняго этажа завываетъ буря, врывающаяся въ незастекленныя окна. Населеніе не знаетъ о присутствіи королевы, и на улицахъ стоитъ обычный вечерній шумъ. Впереди королевы идетъ офицеръ. Онъ отворилъ дверцу автомобиля. Но, видимо ослѣпленная яркимъ свѣтомъ автомобильныхъ фонарей, королева вдругъ останавливается и стоитъ нѣсколько секундъ, прежде чѣмъ сѣсть въ автомобиль. На головѣ у королевы башлыкъ, на плечи накинута подбитая мѣхомъ пелерина. Она кажется такой маленькой въ своемъ черномъ одѣяніи. На лицѣ ея нѣтъ страха, она какъ бы застыла въ великомъ недоумѣніи, а взоръ ея говоритъ, что она о чемъ-то постоянно думаетъ и не можетъ чего-то понять. Эти полные страданія женскіе глаза какъ будто ждутъ другихъ глазъ, которые мы съ содроганіемъ ощущаемъ въ кровавомъ мракѣ Европы,—глазъ матерей. О, эти открытые, безпомощные материнскіе глаза, не видящіе нигдѣ утѣшенія, выражающіе одно лишь болѣзненное исканіе!»

Король Альбертъ. Когда главная квартира короля Альберта была еще въ Фюрнэ, произошло событіе, рисующее душевный обликъ короля. Навстрѣчу гулявшему съ майоромъ Димсономъ королю попался отрядъ военноплѣнныхъ. Когда плѣнные поровнялись съ королемъ, одинъ изъ нихъ остановился и сказалъ:

— Ваше величество, я былъ прикомандированъ къ вамъ ординарцемъ во время пребыванія вашего величества въ Берлинѣ. Офицеръ назвалъ свой гвардейскій полкъ и свое имя.

Король молча приложилъ руку къ козырьку.

— Я очень счастливъ, что попалъ въ плѣнъ къ вашему величеству,— продолжалъ пруссакъ.

— Майоръ,—обратился король къ своему адъютанту:—передайте военноплѣнному, что я не завидую его императору, и что мои офицеры сдаются въ плѣнъ лишь тогда, когда они ранены.

Повернувшись, король быстро удалился.

Послѣдній бельгійскій городъ. Городъ Фюрнэ, находящійся въ пяти километрахъ отъ берега моря и въ семи километрахъ отъ французской границы, единственный бельгійскій городъ, въ которомъ не хозяйничали въ качествѣ завоевателей германцы. Газета «L'Indépendance Belge», издаваемая въ настоящее время въ Лондонѣ, упоминаетъ о томъ, что германцы не одинъ разъ проходили черезъ Фюрнэ, но лишь въ качествѣ военноплѣнныхъ. Въ городѣ приблизительно 6.600 жителей. Его нѣсколько разъ бомбардировали германцы. Отъ этихъ бомбардировокъ пострадали главнымъ образомъ окрестные поселки и предмѣстья. Большая часть жителей покинула городъ въ концѣ октября, во время боевъ у Изера. Теперь однако многіе возвратились обратно, и среди нихъ бургомистръ. Въ настоящее время жители города остаются уже равнодушными къ пролетающимъ со свистомъ снарядамъ, которые изрѣдка попадаютъ еще въ эту сторону, а также къ постоянной канонадѣ, доносящейся издали. Даже германскіе аэропланы «таубе», изрѣдка появляющіеся среди облаковъ надъ городомъ, не наводятъ на жителей страха.

Жители Фюрнэ не безъ основанія считаютъ свой городъ нынѣшнею столицей Бельгіи. Вѣдь здѣсь король Альбертъ 2-го ноября принималъ президента Пуанкарэ, а 4-го декабря—англійскаго короля Георга. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ Фюрнэ былъ центромъ постояннаго передвиженія войскъ. Улицы города, когда-то такія тихія и пустынныя, кишатъ теперь солдатами. Здѣсь войска отдыхаютъ, когда имъ не надо быть въ траншеяхъ. Здѣсь же можно видѣть англійскія войска, проходящія на позиціи.

Въ 8 час. вечера запираются всѣ магазины и кафэ, и гасятся всѣ огни. День и ночь по городу шныряютъ жандармы. Автомобильное движеніе въ городѣ и его окрестностяхъ очень большое. Каждую среду на рынокъ съѣзжаются мѣстные крестьяне и торгуютъ сельскими продуктами. Вообще надо сказать, что жизнь въ этой маленькой бельгійской «столицѣ» протекаетъ тихо и мирно, и жители Фюрнэ искренно благодарны судьбѣ, пославшей на ихъ долю, въ сравненіи съ другими ихъ соотечественниками, такую спокойную жизнь.

Пятьсотъ георгіевскихъ кавалеровъ. «Рус. Слову» сообщаютъ изъ Варшавы, что недавно одинъ изъ славныхъ нашихъ полковъ въ раіонѣ Бзуры дважды атаковалъ непріятеля, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Натискъ былъ такъ неожиданъ и стремителенъ, что около тысячи нѣмцевъ, побросавъ оружіе, сдались. Въ обоихъ случаяхъ непріятель потерялъ до 2000 убитыми. Командиру геройскаго полка вручено для раздачи нижнимъ чинамъ 500 Георгіевскихъ крестовъ.

Интернаціонализмъ — противъ нѣмцевъ. Извѣстный русскій политическій эмигрантъ князь Крапоткинъ выступилъ въ «Dépêche de Toulouse» съ интересной статьей, излагающей его взглядъ на общеевропейскую войну.

«Истинные пацифисты—пишетъ князь Крапоткинъ — должны бороться изо всѣхъ силъ, чтобы добиться окончательнаго уничтоженія прусскаго милитаризма. Для нашего поколѣнія это вопросъ жизни и смерти. Нельзя забывать, что идеалъ интернаціонализма есть идеалъ взаимопомощи націй и, какъ таковой, прямо противоположенъ космополитизму, годному для тевтоновъ съ ихъ грезами о міровой германской имперіи, но непріемлемому для другихъ народностей, главнымъ образомъ для народностей романскихъ.

«Именно интернаціонализмъ требуетъ нынѣ, чтобы всѣ цивилизованныя націи ополчились противъ могущественнаго врага, напавшаго безъ объясненія мотивовъ на маленькое государство: противъ Австріи, ищущей задушить Сербію; противъ Германіи, растоптавшей тяжелымъ сапогомъ права Бельгіи и Люксембурга.

«Словомъ, въ Европѣ сейчасъ только два лагеря — варвары и цивилизованныя націи. Что касается меня, я примыкаю ко второму. Объ исходѣ конфликта не можетъ быть двухъ мнѣній. Долгой и жестокой будетъ схватка — особенно на востокѣ,—но въ концѣ концовъ цивилизація восторжествуетъ».

Германцы распространяютъ ложь. Американская газета «New-York Tribune» сообщаетъ, что изъ Германіи была получена большая партія оберточной бумаги для магазиновъ. На верху каждой пачки по-англійски было напечатано: «просятъ смачивать». Когда это было исполнено, то на бѣлой бумагѣ выступили синія буквы, на желтой—черныя буквы. Выступившій текстъ обнаружилъ прокламацію объ успѣхахъ германскаго оружія въ Европѣ, при чемъ въ концѣ прокламаціи упоминалось, что Германія не желаетъ проливать столько крови и поэтому взываетъ къ чувству гуманности Америки, которая одна можетъ поднять голосъ въ пользу мира. Однако политика германскихъ агентовъ въ послѣднее время такъ настроила американское общество противъ германцевъ, что прокламаціи, доставляемыя въ Америку такимъ обманнымъ способомъ, лишь усилили негодованіе.

Германія и золото. Германское казначейство въ погонѣ за золотомъ прибѣгло къ крайней мѣрѣ. Во всѣхъ ломбардахъ секвестрованы не выкупленныя золотыя вещи, и кассамъ ломбардовъ выданы обязательства произвести уплату за эти вещи по вольной цѣнѣ послѣ окончанія войны. Съ другой стороны сдѣлано распоряженіе, чтобы хранители музеевъ представили списокъ всѣхъ тѣхъ предметовъ, въ которыхъ находится золото. Списки эти уже представляются, и въ первую очередь былъ доставленъ списокъ золотого оружія, конской сбруи и рыцарскаго снаряженія, хранившихся въ берлинскомъ цейхгаузѣ и въ музеѣ рыцарскаго періода въ Кельнѣ. Въ настоящее время производится во всей Германіи перепись шитыхъ золотомъ церковныхъ одѣяній и украшеній и золотой утвари, примѣняющейся при богослуженіи.

Протестъ германской гуманитарной лиги. «Я чувствую, что я нахожусь въ единеніи со всѣмъ германскимъ народомъ»; это — слова изъ новогодняго воззванія императора Вильгельма. Однако въ Германіи не все обстоитъ такъ благополучно, какъ это представляютъ офиціальные источники. Въ первые дни войны дѣйствительно все населеніе Германіи вѣрило въ возможность быстрой сокрушительной побѣды и тѣсно сплотилось вокругъ престола и арміи. Но теперь широкіе круги германскихъ бюргеровъ испытываютъ чувства тяжелаго разочарованія и утомленія затяжною войною.

Лучшимъ показателемъ этихъ настроеній германскаго общества является слѣдующее обращеніе германской гуманитарной лиги къ соціалистамъ Европы и Америки:

«Императоръ и его военные совѣтчики ввергли германскій народъ въ пучину преступной войны. Нашъ народъ, обманутый своими вождями, съ закрытыми глазами выступилъ на борьбу противъ союзниковъ, которые не проявляютъ никакихъ признаковъ слабости и попрежнему остаются твердыми въ своей рѣшимости изгнать изъ Бельгіи войска, проливающія кровь невиннаго народа. А вѣдь наши же правители когда-то поклялись защищать бельгійскій народъ.

«Союзники, съ такимъ высокимъ подъемомъ рыцарскихъ чувствъ защищающіе попранныя права Бельгіи, не угрожаютъ ни малѣйшей части германской территоріи. Товарищи рабочіе! Неужели и впредь вы будете оставаться безмолвными свидѣтелями этихъ неслыханныхъ преступленій? Неужели вы будете равнодушно взирать на кровавую бойню во Фландріи, Брабантѣ, Эльзасѣ и Лотарингіи? Развѣ вы не даете себѣ отчета въ томъ, что нашъ императоръ, убивая беззащитныхъ старцевъ, женщинъ и дѣтей, покрылъ нашъ народъ несмываемымъ позоромъ и что эта война уноситъ въ могилу тысячи рабочихъ, которые могли бы съ величайшей пользой работать для мирнаго преуспѣянія своихъ народовъ?»

Это воззваніе, за подлинность котораго ручается редакція лондонской газеты «Morning Post», заканчивается, по словамъ «Бирж. Вѣд.», указаніемъ на то, что міровая война за сравнительно короткій промежутокъ времени, т. е. за пять мѣсяцевъ, успѣла надѣлать столько вреда, что промышленность и торговля оправятся отъ ея губительныхъ послѣдствій не раньше, чѣмъ черезъ 50 лѣтъ. Заключительныя слова воззванія гласятъ, что человѣчество заинтересовано въ скорѣйшемъ уничтоженіи прусскаго милитаризма.

Гибель германскихъ „корсаровъ“. Лордъ Крю въ засѣданіи палаты лордовъ заявилъ, что въ настоящее время изъ всѣхъ германскихъ крейсеровъ, находившихся въ открытомъ морѣ и занимавшихся нападеніемъ на торговыя суда непріятеля, остались на свободѣ только два, а именно «Дрезденъ» и «Карлсруэ». Изъ нихъ первый—судно сравнительно стараго типа (1907 года) и располагаетъ скоростью хода не большею 24 узловъ. «Карлсруэ», наоборотъ, является однимъ изъ новѣйшихъ типовъ; этотъ крейсеръ, вошедшій въ строй только годъ съ небольшимъ тому назадъ, по всей вѣроятности, до сихъ поръ еще можетъ давать до 27 узловъ хода. Отъ большинства другихъ германскихъ крейсеровъ «Карлсруэ» выгодно отличается тѣмъ, что имѣетъ вертикальную броневую защиту по борту. Кромѣ двухъ названныхъ крейсеровъ военнаго флота, Германія располагаетъ на открытыхъ водныхъ путяхъ еще двумя только оставшимися вспомогательными крейсерами (вооруженными коммерческими пароходами)—«Кронпринцемъ Вильгельмомъ» и «Эйтель-Фридрихомъ». Всѣ остальныя германскія суда, занимавшіяся крейсерскими операціями въ океанахъ, теперь уже или потоплены, или интернированы.

Нѣмецкая газета о русскомъ чаепитіи. Одна изъ крупнѣйшихъ газетъ въ Германіи и первая по значенію и распространенности въ Берлинѣ, «Berliner Tageblatt», напечатала недавно, для ознакомленія съ русскимъ «бытомъ», сообщеніе о томъ, какъ русскіе пьютъ чай. Вся эта замѣтка, написанная «со словъ очевидца», представляетъ образецъ тѣхъ корреспонденцій изъ Россіи, которыя помѣщала и въ мирное время эта «серьезная» газета. Это описаніе представляетъ такой курьезъ, что мы рѣшили привести его въ переводѣ. Русскій человѣкъ, по словамъ «очевидца», пьетъ чай тремя способами. «Первый способъ, самый пріятный для русскихъ, это—пить чай «съ прекускомъ» (s prekuskom). Пьющій держитъ кусочекъ сахара въ переднихъ зубахъ и экономно фильтруетъ черезъ этотъ кусокъ сахару цѣлый стаканъ чаю. Второй способъ, болѣе простой, это—пить чай «съ прилизкомъ» (s priliskom). Способъ этотъ заключается въ слѣдующемъ: съ потолка на веревочкѣ свѣшивается кусокъ сахара, и каждый изъ гостей, сидящихъ вокругъ стола, лижетъ этотъ кусокъ, передъ тѣмъ какъ глотнетъ чаю. Наконецъ наиболѣе дешевый способъ пить чай, это—«съ придумкомъ» (s pridumkom), съ мечтаніемъ, — объясняетъ нѣмецкій авторъ и прибавляетъ: — Какъ поэтиченъ русскій народъ! О сахарѣ, при этомъ способѣ пить чай, только мечтаютъ».

Далѣе газета сообщаетъ, что русскіе не считаютъ чай серьезнымъ напиткомъ. «Я ни разу не видѣлъ, чтобы русскій, передъ тѣмъ какъ напиться чаю, перекрестился бы, тогда какъ при одномъ видѣ бутылки съ водкой русскій многократно крестится, и, передъ тѣмъ какъ выпить рюмку водки, рус-

кій человѣкъ по крайней мѣрѣ три раза крестится правой рукой. Въ пути русскій превращаетъ свое купэ въ вагонѣ въ чайную и почти на каждой станціи наполняетъ горячей водою самоваръ, который онъ везетъ съ собой. Этого количества воды ему хватаетъ на одну станцію, и русскіе считаютъ количество станцій, которыя они проѣхали, по количеству выпитыхъ самоваровъ».

Единственнымъ оправданіемъ такой безсовѣстной чепухи, преподносимой читателямъ, можетъ служить нѣмецкой газетѣ, что эта «правда о Россіи» сообщается съ такимъ же «придумкомъ», какъ и о Германіи.

Штыкъ и... сѣрная кислота. Гнусность нѣмцевъ превзошла уже всякіе предѣлы, и съ новымъ проявленіемъ германской дикости и озвѣрѣнія трудно мирится воображеніе, освоившееся уже съ пріемами нашихъ «культурныхъ» враговъ.

Вотъ что сообщаютъ кіевскія газеты:

«Среди прибывшихъ въ Кіевъ раненыхъ съ восточнаго фронта оказалось нѣсколько человѣкъ, у которыхъ все лицо, шея и глаза были облиты сѣрной кислотой. У нѣкоторыхъ изъ раненыхъ глаза совершенно вытекли, другіе почти ослѣпли, а остальные отдѣлались лишь обезображеніемъ лица».

Вначалѣ медицинскій персоналъ кіевскихъ лазаретовъ полагалъ, что имѣетъ дѣло съ единичными случаями, вызванными какими-либо случайными причинами, тѣмъ болѣе, что и сами раненые не могли толкомъ разсказать, какъ и при какихъ обстоятельствахъ получили они ожоги. Они только разсказывали, что во время штыковой атаки вдругъ почувствовали рѣзкую боль въ глазахъ и отъ сильной боли въ безсознательномъ состояніи падали на землю.

Но когда случаи доставленія въ лазареты участились и стали принимать чуть ли не массовый характеръ, то по этому поводу начато было разслѣдованіе, изъ опросовъ многихъ пострадавшихъ выяснившее слѣдующую возмутительную исторію.

Оказалось, что нѣмецкіе солдаты употребляютъ часто вмѣсто штыка и пули особые пульверизаторы съ сѣрной кислотой. По словамъ раненыхъ солдатъ, въ нѣмецкихъ рядахъ во время штыковой атаки находится много солдатъ со спринцовками, наполненными этой ядовитой жидкостью.

Когда начинается атака, нѣмцы пускаютъ въ ходъ эти спринцовки и такимъ образомъ выводятъ изъ строя нашихъ солдатъ.

Новгородъ Великій. Новгородская городская управа ходатайствуетъ о томъ, чтобы вернуть городу древнее названіе: «Новгородъ Великій», какъ первому бойцу съ германизмомъ.

Санитарныя собаки. Управленіе Главноуполномоченнаго сѣверо-западнаго района сообщило Главному Управленію Краснаго Креста, что шесть уполномоченныхъ просятъ командировать въ каждый отрядъ по двѣ-три собаки съ проводникомъ. При обсужденіи этого вопроса въ засѣданіи Главнаго Управленія, проф. В. Н. Сиротининъ указалъ, что собаки могутъ быть крайне полезны при розыскѣ ночью раненыхъ, такъ какъ по условіямъ современной войны подбираніе раненыхъ возможно только темною ночью и пользованіе фонарями не допускается.

Германскія мечты о захватѣ Швейцаріи. Парижская газета «Matin» передаетъ, что Вильгельмъ II давно уже рѣшилъ аннектировать не только Бельгію, но и Швейцарію. И даже теперь, несмотря на крушеніе его первоначальныхъ плановъ, онъ еще не отказался отъ этой мысли. Прусскій профессоръ Онкенъ недавно писалъ, что нейтральныя государства — паразиты, существующіе за счетъ великихъ державъ, и что они должны подвергнуться участи паразитовъ, т.-е. погибнуть. И, подготовляя гибель Бельгіи, Вильгельмъ въ то же время рѣшилъ, что и свободная Гельвеція раздѣлитъ ея участь. Доказательствомъ тому, что у него были такіе планы, являются марки Швейцаріи, заготовленныя въ Берлинѣ. На нихъ изображена Германія, внизу значатся слова: «Deutsches Reich», на самыхъ же маркахъ черными буквами надпись, показывающая, что Швейцарія является только составной частью Германіи.

Нѣмцы-звѣри. Газета «Daily Graphic» помѣстила слѣдующую выдержку изъ письма англійскаго капрала: «Мнѣ съ моимъ отрядомъ приказано было взять расположенный въ концѣ деревни домъ. Наша задача затруднялась тѣмъ, что въ дверяхъ дома стояла женщина, изъ-за которой торчалъ германскій штыкъ, а въ окнѣ, изъ котораго стрѣлялъ пулеметъ, держали трехлѣтнюю дѣвочку. Мы взяли домъ и нашли эту маленькую дѣвочку пригвожденною саблею къ оконной рамѣ. Въ погребѣ дома мы нашли спрятавшимися 24 нѣмца».

Русскіе орлы на Кавказѣ. Участникъ одного изъ сарыкамышскихъ боевъ передаетъ слѣдующій эпизодъ. Въ рождественскій сочельникъ близъ греческой деревни цѣлый день шелъ кровопролитный бой; вечеромъ турецкая артиллерія продолжала обстрѣлъ, однако, когда зазвонилъ колоколъ къ вечернѣ, многіе изъ нашихъ воиновъ пошли въ церковь помолиться. Служилъ старый сельскій священникъ, пѣлъ хоръ казаковъ. Когда раздались слова священника: «Слава въ вышнихъ Богу, и на землѣ миръ», оглушительный взрывъ потрясъ стѣны. Непріятельскій снарядъ попалъ въ церковь. Никто не шевельнулся; черезъ нѣсколько секундъ группа офицеровъ повторила хоромъ слова священника; снарядъ не причинилъ молящимся никакого вреда и лишь пробилъ одну изъ стѣнъ. Священникъ довелъ службу до конца. Всѣ перекрестились, вышли изъ церкви, и черезъ полчаса бой возобновился.

Угроза Вильгельма. Итальянская газета «Secolo» утверждаетъ, что германцы хотятъ въ настоящее время развить въ Эльзасѣ главную дѣятельность своей арміи, командованіе которой поручено генералу Димлингу. Императоръ Вильгельмъ въ присутствіи своего штаба заявилъ: — «Если я принужденъ буду очистить Эльзасъ-Лотарингію, то это произойдетъ тогда, когда эта область будетъ уже совершенно опустошена огнемъ».

Нѣмецкій «школьный учитель». Примѣръ самобытной нѣмецкой педагогики приводитъ М. О. Меньшиковъ въ «Новомъ Времени»: «Что такое вполнѣ самобытная нѣмецкая педагогика, свидѣтельствуетъ одинъ швабскій учитель Іоганнъ-Якобъ Гейберде. Онъ прослужилъ учителемъ 51 годъ и 7 мѣсяцевъ и съ нѣмецкой аккуратностью заносилъ наложенныя имъ наказанія въ свой дневникъ. Въ итогѣ за свою слишкомъ полувѣковую дѣятельность этотъ учитель нанесъ 911.527 ударовъ палкой (безъ малаго милліона!), 124.010 ударовъ розгой, 20.989 ударовъ линейкой, 136.715 ударовъ рукой, 19.295 зуботычинъ, 7.905 ударовъ по уху, 1.115.860 ударовъ по головѣ (свыше милліона)».

Солдаты-лэди. Проходившіе наканунѣ Новаго года, послѣ полудня, въ Лондонѣ, по улицѣ Near Mary Lebon, могли наблюдать необыкновенное зрѣлище: рота женщинъ-добровольцевъ резерва арміи совершала свою первую военную прогулку. Рота эта состоитъ изъ 300 женщинъ, представительницъ лучшихъ классовъ лондонскаго общества. Командуютъ ими виконтесса Кастельригъ и Эвелина Гаверфильдъ. Нечего и говорить, какое любопытство толпы возбуждали эти солдаты-лэди.

Задача этой женской организаціи, по сообщенію «Русск. Слова»: подготовить женщинъ къ роли сигнальщиковъ, курьеровъ, телеграфистовъ, шофферовъ, чтобы замѣнить занятыхъ исполненіемъ этихъ обязанностей солдатъ-мужчинъ.

Въ женскую роту зачисляются женщины послѣ предварительнаго полуторамѣсячнаго испытанія. Женщины присягаютъ своему полковнику. Судя по субботнему параду, женщины-резервисты превосходно подготовлены къ несенію службы. Впечатлѣніе онѣ производили прекрасное, что, впрочемъ, отчасти зависитъ отъ ихъ военнаго костюма, состоящаго изъ туники и юбки цвѣта хаки, фланелевой рубашки, галстука, фетровой шляпы à la Баденъ-Поуэлль, кожанаго пояса и лайковыхъ перчатокъ.

Нѣмцы въ Бельгіи. «Morning Post» опубликовала дословный переводъ объявленія за подписью нѣмецкаго генерала Гейхмана.

Объявленіе это расклеено въ маленькомъ бельгійскомъ фабричномъ городкѣ Гривенье, около Льежа, и въ окрестныхъ коммунахъ.

Генералъ Гейхманъ объявилъ:

«Всѣ частныя лица, проходящія и проѣзжающія въ моемъ участкѣ, а именно: въ Гривенье, Бейнедзе и Бузъ-Буазю, должны привѣтствовать нѣмецкихъ офицеровъ, снимая шляпу или отдавая честь по-военному. Въ случаѣ сомнѣнія прохожіе, если они не сумѣютъ отличить солдата отъ офицера, должны привѣтствовать и нѣмецкихъ солдатъ. Лица, которыя не подчинятся этому распоряженію, могутъ ждать, что нѣмецкіе солдаты сумѣютъ заставить отдавать себѣ честь всѣми доступными для нихъ способами. Тѣ, которые немедленно не согласятся, согласно приказу, поднять руки вверхъ, будутъ предаваться смертной казни».

Портняжныя мастерскія въ поѣздахъ. Министерство путей сообщенія въ цѣляхъ содѣйствія изготовленію бѣлья и одежды для арміи предположило организовать въ поѣздахъ всѣхъ линій пассажирскаго сообщенія мастерскія. Предположено въ каждомъ пассажирскомъ поѣздѣ устроить мастерскую съ запасомъ матеріала для рубахъ, жилетовъ, фуфаекъ и другихъ вещей и во время посадки пассажировъ предлагать ѣдущимъ на далекое разстояніе пассажиркамъ, желающимъ оказать трудовую помощь чинамъ дѣйствующей арміи, переходить въ вагонъ-мастерскую, гдѣ каждой будетъ предложена работа по ея выбору.

Исторія «красныхъ штановъ». Газета «Matin» сообщила оригинальную «исторію» красныхъ штановъ во французской арміи.

Красныхъ штановъ не было ни при Аустерлицѣ ни при Іенѣ. Наполеону никогда не приходило въ голову наряжать въ нихъ пѣхотинцевъ.

Эта мысль возникла лишь въ 1829 году и была осуществлена съ легкой руки тогдашняго военнаго министра, маркиза де-Бо.

Маркизъ не руководился при этомъ какими-нибудь тактическими соображеніями, а просто-напросто красный цвѣтъ нравился ему и казался дешевле синяго.

Такимъ образомъ появились красные штаны.

Когда началась англо-бурская война и былъ впервые примѣненъ англичанами цвѣтъ хаки, сливающійся съ цвѣтомъ земли, во Франціи поняли, какую опасность представляютъ собой на войнѣ яркіе красные штаны — отличный прицѣлъ для противника.

Была созвана первая комиссія по вопросу обмундированія, не пришедшая однако ни къ какому рѣшенію.

Вспыхнула русско-японская война — появился защитный цвѣтъ у русскихъ и у японцевъ. Франція продолжала оставаться при красныхъ штанахъ: созвали только новую комиссію.

Наконецъ балканская война, ко времени которой успѣли перемѣнить свою обмундировку всѣ арміи, кромѣ датской, бельгійской и швейцарской, вызвала созывъ третьей комиссіи. И въ 1914 году французскіе пѣхотинцы всетаки пошли на войну въ красныхъ штанахъ, пока наконецъ, минуя всякія комиссіи, Мильеранъ не распорядился: «Долой красные штаны!».

Распоряженіе министерства о предсказаніи погоды. По просьбѣ сначала военнаго, а потомъ морского министерства, отдѣленіе ежедневныхъ бюллетеней при Николаевской главной физической обсерваторіи послѣ начала военныхъ дѣйствій стало высылать телеграммы съ предсказаніями погоды для нуждъ арміи, флота и военной авіаціи. Несмотря на трудность составленія предсказаній для районовъ, пограничныхъ съ непріятельскими странами, откуда обсерваторія не получала свѣдѣній о погодѣ, предсказанія эти были, повидимому, полезны, судя по возрастающему на нихъ спросу: первоначально посылалось только 5 телеграммъ ежедневно, въ концѣ же ноября число ихъ было доведено до 25 ежедневно. Предсказанія погоды для Кавказскаго военнаго округа поручены тифлисской физической обсерваторіи, которая къ обычнымъ своимъ телеграммамъ прибавляетъ еще свои соображенія относительно ожидаемыхъ барометрическихъ измѣненій. Подобныя же телеграммы отправляются въ Ревель, Либаву и Севастополь, гдѣ на основаніи ихъ вычерчиваются синоптическія карты, сопровождаемыя предсказаніями погоды отъ Николаевской физической обсерваторіи.

Іерусалимъ — главная квартира. Іерусалимъ превращенъ въ настоящее время въ главную квартиру турецкой арміи, оперирующей въ Палестинѣ противъ Египта. Тамъ, гдѣ прежде видны были лишь мирные паломники, стекающіеся въ Святую землю со всѣхъ странъ свѣта, теперь раздаются громкая команда и равномѣрные шаги марширующихъ полковъ. По городу циркулируютъ самые чудовищные слухи, возбуждающіе магометанъ противъ англичанъ. Такъ, недавно распространился слухъ о томъ, что англичане украли кости пророка и что надо вести священную войну, чтобы отнять у нихъ эти реликвіи ислама. Этотъ слухъ привелъ въ невѣроятное возбужденіе населеніе всего города. Войска, находящіяся въ настоящее время въ Іерусалимѣ, хорошо обмундированы и вооружены самымъ современнымъ оружіемъ. Бедуины въ пограничныхъ съ Египтомъ мѣстностяхъ снабжены германскими пушками. Повсюду возведены укрѣпленія новѣйшаго образца.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

№ 5. Выходитъ еженед. (52 №№ въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 31 января 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на ½ года—4 р., на ¼ года—2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка“ кн. 2.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Ни Варшава, ни Львовъ...

Какъ извѣстно, германскій генеральный штабъ всегда видѣлъ залогъ успѣха германскихъ армій прежде всего въ быстротѣ операцій. Этой претенціозной идеѣ не удалось осуществиться, и нѣмцамъ пришлось зарыться въ длинныя линіи окоповъ одинаково на западномъ и на восточномъ фронтахъ, но все же это не означало, что нѣмцы капитулирують и соглашаются на длинную безнадежную осаду, гдѣ впереди не предстоитъ ничего, кромѣ умиранія, хотя медленнаго, но вѣрнаго.

Поэтому всегда слѣдовало ожидать, что нѣмцы изобрѣтутъ какое-либо новое наступленіе, хотя бы просто потому, что естественное чувство самосохраненія всегда будетъ имъ подсказывать попытки разорвать охватывающее ихъ желѣзное кольцо. Вмѣстѣ съ тѣмъ наступленіе нашихъ войскъ черезъ Буковину къ предѣламъ Трансильваніи обнаружило, что австро-нѣмцевъ ожидаютъ удары на тѣхъ концахъ ихъ длиннаго фронта, гдѣ они менѣе всего разсчитывали, и притомъ въ такихъ областяхъ, паденіе которыхъ имѣетъ громадное политическое значеніе.

Такимъ образомъ передъ германскимъ генеральнымъ штабомъ, всегда утверждавшимъ, что оборона вообще безполезна, и что даже для самозащиты необходимо наступать, возникла задача найти новые пути для наступленія. Фронтъ обѣихъ сторонъ на Бзурѣ, Равкѣ и Пилицѣ, т.-е. все протяженіе линіи окоповъ, идущее по русской Польшѣ отъ Вислы до Галиціи, какъ вполнѣ обнаружилось, не могло быть раіономъ наступленія. Очевидно, оставалось два выхода: либо наступать лѣвѣе, либо наступать правѣе.

Лѣвѣе — на сѣверномъ берегу Вислы и въ Восточной Пруссіи — нѣмцы продѣлали нѣсколько наступательныхъ попытокъ, но всѣ онѣ быстро ликвидировались нашими войсками. Кромѣ того, раіонъ отъ Вислы до Балтійскаго моря недостаточно обширенъ для того, чтобы задумать какой-либо гибкій и неожиданный для насъ маневръ. Наконецъ наступленіе изъ этого раіона должны были бы

Главнокомандующій арміями юго-западнаго фронта генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-артиллеріи Николай Іудовичъ Ивановъ.

Глава нашихъ армій на австрійскомъ фронтѣ генералъ-адъютантъ Н. І. Ивановъ отличенъ рѣдкой и единственной во всей нашей арміи боевой наградой—орденомъ св. Владиміра первой степени съ мечами. Награжденный уже ранѣе орденомъ св. Георгія 2-й степени,—высшимъ боевымъ отличіемъ, до того украшавшимъ грудь лишь маститаго черногорскаго короля Николая I, генералъ-адъютантъ Н. І. Ивановъ—нынѣ единственный въ нашей арміи кавалеръ ордена св. Владиміра 1-й степени съ мечами. Высочайшее пожалованіе послѣдовало при слѣдующемъ высокомилостивомъ рескриптѣ:

«Николай Іудовичъ. Съ начала открытія военныхъ дѣйствій всѣ арміи, ввѣренныя вамъ, подъ мудрымъ вашимъ начальствомъ побѣдоносно выполняли всѣ данныя имъ задачи.

Разнообразныя и тяжелыя условія мѣстностей развитія нашихъ дѣйствій и сложная стратегическая обстановка требовали отъ васъ особаго искусства, твердости и знанія, а равно и отеческой любви и попеченія къ Нашему воину. Заслуживъ среди ввѣренныхъ вамъ войскъ довѣріе, какъ къ начальнику, ведущему ихъ къ достойно оцѣниваемымъ всей Россіей побѣдамъ надъ дерзкимъ врагомъ, вы, кромѣ того, сумѣли пріобрѣсти и общее почитаніе и искреннюю привязанность каждаго вашего подчиненнаго.

Столь важныя для подготовки боевого успѣха достигнутыя вами постоянная связь и взаимодѣйствіе ввѣренныхъ вамъ войскъ съ арміями сѣверо-западнаго фронта требовали неустаннаго напряженія и особаго опыта, кои вы блестяще проявили и продолжаете проявлять въ вашемъ полезномъ водительствѣ геройски-храбрыхъ ввѣренныхъ вамъ частей.

Видимымъ выраженіемъ душевной Моей благодарности за блестящія боевыя заслуги, оказанныя вами престолу и отечеству, да послужатъ препровождаемые при семъ знаки ордена святаго равноапостольнаго князя Владиміра первой степени съ мечами.

Пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклонный».

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою начертано:

«И глубоко васъ уважающій

НИКОЛАЙ».

На Кавказскомъ фронтѣ. Турецкое легкое орудіе, забранное подъ Сарыкамышемъ. Щитъ пробитъ во многихъ мѣстахъ осколками нашего снаряда.

вести германскія войска, которыя и такъ у нѣмцевъ заняты на всѣхъ фронтахъ, имѣются лишь въ обрѣзъ, и даже скорѣе ихъ не хватаетъ, ибо мы видимъ, что ни на западномъ фронтѣ ни на нашемъ нѣмцы наступать не могутъ.

Въ силу этого нѣмецкій генеральный штабъ остановился на единственномъ раіонѣ, гдѣ громадное протяженіе фронта допускаетъ различныя маневренныя комбинаціи, а именно—на австрійскомъ фронтѣ. Однако къ такому рѣшенію нѣмцы пришли не сразу, и окончательно ихъ подтолкнули на новое рѣшеніе пріѣхавшіе въ германскую главную квартиру наслѣдный эрцгерцогъ и новый австрійскій министръ Буріанъ.

Эти лица, повидимому, вполнѣ опредѣленно потребовали, чтобы австрійскія войска были избавлены отъ необходимости защищать Прусскую Силезію, а также пути къ ней черезъ Западную Галицію и Краковъ. Появленіе нашихъ войскъ на границѣ Трансильваніи, вызвавшее переходъ власти въ Австро-Венгріи къ венгерскимъ министрамъ, вполнѣ ясно подразумѣвало, что войска Двуединой монархіи отнынѣ предназначаются для спасенія венгерской половины государства.

Нѣмецкій генеральный штабъ, хотя и раньше придерживалъ австрійскія войска на Нидѣ для обороны путей въ Силезію, на этотъ разъ призналъ необходимымъ удовлетворить требованія венгерцевъ. Это тѣмъ болѣе представлялось для нѣмцевъ возможнымъ, что линія окоповъ, возведенная по всей Польшѣ и далѣе по Галиціи, вдоль Дунайца до самыхъ Карпатъ, уже болѣе или менѣе удовлетворительно прикрывала почти всю германскую границу. Слѣдовательно, австрійскія войска, находившіяся на линіи этихъ укрѣпленій, уже не такъ были нужны, и былъ расчетъ отпустить ихъ въ Венгрію.

Однако германскій генеральный штабъ выработалъ себѣ вполнѣ опредѣленныя отношенія къ своимъ союзникамъ, смыслъ которыхъ укладывается, какъ извѣстно, примѣрно, въ такой формулѣ: „союзники для Германіи, но не Германія для союзниковъ".

Эта общая формула при ея осуществленіи въ нѣмецкой стратегіи выражается въ томъ, что союзники нѣмцевъ обязаны всегда и всюду наступать, хотя бы эти наступленія были связаны съ вѣрными пораженіями. Нѣмецкій генеральный штабъ, какъ онъ полагаетъ, беретъ на себя главную задачу „разбить" противника, а союзники должны облегчать нѣмцамъ эту задачу и для этого своими безпрерывными наступленіями оттягивать на себя часть непріятельскихъ войскъ.

Какъ мы видѣли, эта формула была наиболѣе безцеремонно проведена по отношенію къ Турціи, и турецкія войска были брошены въ безсмысленное наступленіе на Кавказъ только для того, чтобы отвлечь часть войскъ и облегчить положеніе нѣмцевъ въ Польшѣ. Отпуская австрійскія войска на территорію Венгріи, нѣмцы одинаково ни въ коемъ случаѣ не могли мириться съ тѣмъ, что австрійцы будутъ обороняться на венгерской границѣ. Обороняющаяся Австро-Венгрія для нѣмцевъ не нужна и, по мнѣнію нѣмецкаго генеральнаго штаба, въ такомъ видѣ является излишней обузой, стѣсняющей свободу германскихъ операцій, требующей постоянной поддержки и пр.

Въ силу этого австрійскія войска были возвращены на родину, но подъ обязательнымъ условіемъ вести наступленіе.

Сосредоточеніе австрійскихъ войскъ на венгерской территоріи не могло не вызвать всеобщаго вниманія. Нѣмецкій генеральный штабъ понималъ, что новой перегруппировки войскъ, въ особенности такой, гдѣ въ Венгрію перемѣщается масса въ нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ, скрыть нельзя. Поэтому германскій генеральный штабъ, при помощи услужливой печати, самъ оповѣстилъ о новомъ сосредоточеніи австрійцевъ въ Венгріи и постарался лишь скрыть истинныя намѣренія, связанныя съ этой новой перегруппировкой. Телеграммы, явно инспирированныя германскимъ генеральнымъ штабомъ, гласили, что австрійская армія собирается въ Венгрію, подготовляясь къ новому походу на Сербію. Затѣмъ новыя телеграммы извѣстили, что эти войска сосредоточиваются не противъ Сербіи, а противъ Буковины, и наконецъ послѣднія телеграммы сообщали, что здѣсь дѣло не въ Сербіи и не въ Буковинѣ, а вся операція имѣетъ цѣлью выручку

На Кавказскомъ фронтѣ. Турецкіе пулеметы, взятые нашими войсками подъ Сарыкамышемъ.

Перемышля, освобожденіе Львова и вообще возвращеніе утерянной Галиціи.

Въ томъ, что австрійцы не готовятся напасть на Сербію, можно было не сомнѣваться, невзирая ни на какія увѣренія въ противномъ австро-нѣмецкой печати. У австрійцевъ слишкомъ заняты руки, слишкомъ много опасностей угрожаетъ имъ на главныхъ фронтахъ, для того, чтобы они могли отвлекаться второстепеннымъ театромъ—сербскимъ. Даже тогда, когда нѣмцы наступали на Бзуру, и австрійскому фронту, сравнительно, угрожало мало опасности, все же попытка австрійцевъ наступать въ Сербію немедленно вызвала „рикошетный ударъ" съ нашей стороны. Генералъ Потіорекъ вынужденъ былъ послать войска съ сербскаго фронта на нашъ, и это отчасти обусловило пораженіе австрійцевъ въ Сербіи.

Такимъ образомъ оставались лишь единственно вѣроятные пути для наступленія, это—Буковина, либо Галиція. Самымъ важнымъ въ данномъ случаѣ являлось то обстоятельство, что австрійцы сосредоточили въ Венгріи весьма большое число войскъ.

На Кавказскомъ фронтѣ. Бѣженцы-греки, возвращающіеся послѣ пораженія турокъ въ свои деревни.

Прибытіе въ Петроградъ нѣмцевъ-авіаторовъ (4 офицера и 3 матроса), которые съ дирижабля метали бомбы надъ Либавой и были взяты въ плѣнъ нашими баркасами въ морѣ (въ 1½ верстахъ отъ берега) вмѣстѣ съ дирижаблемъ (гидропланомъ), подбитымъ нашими войсками и потопленнымъ въ морѣ. (См. «Отклики войны»).

почти такое же, какое у нихъ было при первомъ наступленіи въ Люблинскую и Холмскую губерніи въ августѣ мѣсяцѣ. Телеграммы сообщали также о перевозкѣ на австрійскій фронтъ еще и четырехъ германскихъ корпусовъ, но, какъ и слѣдовало ожидать, нѣмцы такого большого числа войскъ австрійцамъ не дали, а ограничились, повидимому, однимъ-двумя корпусами.

Сосредоточеніе такого значительнаго числа войскъ, къ тому же пополненныхъ послѣдними резервами, какіе были только набраны изъ населенія Австро-Венгріи, означало, что Австрія намѣрена рискнуть послѣдней крупной ставкой. Австро-Венгрія бросаетъ почти все, что имѣетъ, въ новое наступленіе, и это приближаетъ почти окончательную развязку событій на австрійскомъ фронтѣ.

Изъ этого нетрудно видѣть, что новое австрійское наступленіе должно разрѣшить вопросъ о позиціяхъ Румыніи и Италіи, которыя естественно должны подготовиться къ весьма вѣроятному пораженію послѣднихъ имѣющихся въ распоряженіи Австро-Венгріи войскъ. Какъ извѣстно, Румынія предполагала отложить свое выступленіе до болѣе теплаго времени: когда проходы въ Карпатахъ очистятся отъ снѣга и станутъ болѣе доступными. Новое наступленіе Австро-Венгріи поставило передъ Румыніей весьма серьезный вопросъ о немедленномъ занятіи этихъ проходовъ, что являлось одинаково необходимымъ и на случай пораженія австро-венгерской арміи и на случай ея весьма сомнительнаго успѣха. И въ томъ и въ другомъ случаѣ Румынія, имѣя въ виду занятіе Трансильваніи, не могла отказаться отъ захвата проходовъ.

Такимъ образомъ непосредственнымъ результатомъ новаго австрійскаго наступленія, — этой послѣдней крупной ставки, на которую способна Австро-Венгрія, — явилось занятіе Румыніей проходовъ, т.-е. занятіе того стратегически выгоднаго положенія, которое допускаетъ занятіе Трансильваніи безъ всякаго труда.

Одинаково начались усиленныя военныя мѣропріятія въ Италіи, которая также должна была приготовиться, въ виду наступающей развязки на австрійскомъ фронтѣ, къ занятію Тріента.

Таковы были первые политическіе результаты новаго австрійскаго наступленія. Стратегическое же значеніе этого наступленія обнаружилось съ первыхъ же дней новыхъ операцій. Эти операціи, какъ видно изъ всѣхъ сообщеній штаба Верховнаго Главнокомандующаго, начались одновременно и на Карпатахъ и на совершенно противоположномъ концѣ длиннаго фронта—Бзурѣ.

Такимъ образомъ стало ясно, что австрійцы ведутъ наступленіе черезъ Карпаты, въ направленіи на Перемышль и Львовъ, имѣя задачей: въ лучшемъ случаѣ — занятіе Галиціи, въ худшемъ случаѣ, какъ они полагаютъ, — отвлеченіе войскъ изъ района Бзуры, Ниды и Равки. Послѣднее, понятно, подразумѣваетъ попытку нѣмцевъ снова ткнуться въ направленіи на Варшаву.

Въ итогѣ новая операція привела къ тому, что австро-нѣмцы пытаются произвести въ двухъ мѣстахъ давленіе: на Бзурѣ, въ направленіи на Варшаву, и въ то же время—на Карпатахъ, въ направленіи на Львовъ. Въ зависимости отъ того, гдѣ наступленіе будетъ имѣть бо̀льшій успѣхъ, туда должны быть быстро пересланы войска по густой сѣти желѣзныхъ дорогъ, для того, чтобы развить этотъ успѣхъ.

Нѣмцы, конечно, надѣятся на то, что австрійскія войска, наступая, выполнятъ ту задачу, которую вообще нѣмецкій генеральный штабъ возлагаетъ на своихъ союзниковъ, т.-е. оттянутъ войска отъ Бзуры въ Галицію. И тогда, какъ нетрудно отгадать весьма прозрачныя намѣренія нѣмцевъ, они попытаются проскочить къ Варшавѣ. Однако то центральное положеніе, которое занимаютъ наши войска по отношенію къ дугѣ австро-нѣмецкаго наступленія отъ Карпатъ до Бзуры, даетъ намъ всѣ выгоды въ этомъ новомъ положеніи. Масса, дѣйствующая изъ центра по радіусамъ, имѣетъ всегда преимущество передъ разбросаннымъ по длинной дугѣ противникомъ.

Во всякомъ случаѣ, результаты этого новаго наступленія, гдѣ австрійцами брошены въ дѣло послѣднія средства, должны быть огромны и въ политическомъ и въ стратегическомъ отношеніяхъ. Ни Варшавы, ни Львова они, конечно, не увидятъ,—зато позиціи Румыніи и Италіи станутъ совершенно опредѣленными въ тотъ моментъ, когда на Карпатахъ начнетъ таять снѣгъ и параллельно растаетъ австрійское наступленіе.

Колоколъ съ австрійскаго военнаго парохода „Тынецъ", затопленнаго австрійцами на рѣкѣ Вислѣ у города Сандоміра и поднятаго старшимъ лейтенантомъ Б. Ю. Аверкіевымъ,—доставленъ въ Петроградъ на храненіе въ Морской Музей Императора Петра Великаго.

Англо-франко-русскій финансовый союзъ.

(Политическое обозрѣніе).

Старое изреченіе, что для войны нужны три вещи: деньги, деньги и деньги—находитъ полное подтвержденіе въ современной дѣйствительности. Германія начинала свои военныя приготовленія съ накопленія огромнаго золотого запаса, основою котораго послужила французская контрибуція 1871 г. Во время войны германское правительство старалось всѣми мѣрами изъять золото изъ частныхъ рукъ и сосредоточить его въ казнѣ. Въ результатѣ за шесть мѣсяцевъ войны германскій золотой запасъ увеличился почти на одну треть сравнительно съ его суммой въ началѣ войны. Если о финансовомъ и экономическомъ положеніи страны можно судить по размѣрамъ накопленнаго въ казенныхъ сундукахъ золота, то въ этомъ отношеніи весь міръ долженъ завидо-

Кормовое украшеніе съ австрійскаго военнаго парохода „Тынецъ", затопленнаго австрійцами на рѣкѣ Вислѣ у города Сандоміра и поднятаго старшимъ лейтенантомъ Б. Ю. Аверкіевымъ,—доставлено въ Петроградъ на храненіе въ Морской Музей Императора Петра Великаго.

Галичане народные учителя, прибывшие 8-го января въ Петроградъ на курсы русскаго языка, организованные при высшихъ женскихъ курсахъ М. А. Лохвицкой-Скалонъ. По фот. Я. Штейнберга.

вать Германіи. Однакоже въ дѣйствительности запасы золота нисколько не мѣшаютъ Германіи чувствовать острый недостатокъ въ мѣди и даже въ хлѣбѣ. На ней повторяется сказка о царѣ Мидасѣ, который принужденъ былъ умереть съ голоду потому, что отъ его прикосновенія все превращалось въ золото. Такой же мѣдный и хлѣбный голодъ переживаетъ теперь Германія, сидя на своихъ колоссальныхъ золотыхъ запасахъ. Притягательная сила ея золота, способность стягивать ею всѣ нужные продукты парализованы морской и сухопутной блокадой враждебныхъ державъ. Государства тройственнаго согласія не окружены заколдованнымъ кругомъ. Моря и океаны,—міровые транзитные пути,—въ ихъ полномъ распоряженіи. Союзное золото свободно можетъ обмѣниваться на все, что нужно союзнымъ государствамъ для удовлетворенія ихъ военныхъ нуждъ, но, къ сожалѣнію, эти нужды столь громадны, что ранѣе сдѣланные запасы золота оказываются слишкомъ незначительными въ сравненіи съ неисчислимыми расходами небывалой по размѣрамъ и стоимости міровой войны.

О подробностяхъ будущаго займа въ печати не приводится никакихъ точныхъ свѣдѣній. Мы считаемъ важнымъ отмѣтить его не съ точки зрѣнія его техническихъ особенностей, которыя своевременно будутъ оцѣнены спеціалистами финансовой науки, а съ точки зрѣнія необычайнаго роста международной солидарности. До сихъ поръ государства нерѣдко воевали вмѣстѣ, но занимали деньги и платили долги врозь, по пословицѣ: „дружба дружбой, а табачокъ врозь“. Народная кровь цѣнилась меньше, чѣмъ золото. Но въ настоящей, совершенно исключительной по своему міровому значенію, войнѣ финансовая разрозненность угрожала и общимъ военнымъ интересамъ. Вотъ почему военный союзъ превратился въ союзъ экономическій и финансовый.

Измайловскій лазаретъ Всероссійскаго Земскаго Союза помощи больнымъ и раненымъ воинамъ—въ память А. Ф. Маркса.

Казакъ изъ Техаса.

Разсказъ **Бориса Мирскаго.**

I.

— Эдди, Эдди... иди сюда!.. скорѣй!.. Получены газеты... слышишь? Германія объявила намъ войну... намъ... нѣтъ, ну, конечно, не Штатамъ... намъ—Россіи... и Австрія тоже... Мы будемъ воевать... Иди скорѣй... читай самъ...

Высокій крѣпкій старикъ съ цѣлой копной сѣдѣющихъ каштановыхъ волосъ стоялъ на крыльцѣ просторнаго деревяннаго дома и, держа въ рукахъ кипу свѣжихъ газетъ, звалъ сына. Молодой ковбой только-что прискакалъ къ воротамъ усадьбы; торопливо привязавъ коня, быстро пробѣжалъ дворъ, позвякивая большими мексиканскими шпорами, и, взойдя на крыльцо, углубился въ пачку газетныхъ листовъ, безпорядочно брошенныхъ на стулѣ.

— Неужели же это правда, отецъ? Война? Несчастная Сербія... они хотятъ раздавить ее. „Всеобщая мобилизація въ Россіи"... „Австрійцы бомбардируютъ Бѣлградъ"... „Нѣмцы вторглись въ Бельгію"... Боже мой, вся Европа воюетъ! „Японцы прервали дипломатическія сношенія съ Берлиномъ"... Даже японцы...

Сюда, въ заброшенный уголокъ Техаса, почта приходитъ—и то съ грѣхомъ пополамъ — разъ въ мѣсяцъ. И вотъ только теперь плотная пачка нью-іоркскихъ газетъ сообщила этимъ степнымъ отшельникамъ потрясающія новости міровыхъ событій.

Рождественскій вечеръ. Автомобильный отрядъ въ городѣ Радомѣ.
По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

Молодой ковбой продолжалъ читать, а старикъ, напряженно слушая каждое слово газетныхъ телеграммъ, смотрѣлъ куда-то вдаль, поверхъ остроконечнаго забора, какъ будто выискивая въ безконечной, какъ море, холмистой степи какіе-то далекіе, забытые отзвуки сжатыхъ строчекъ военныхъ извѣстій.

„Война... Россія... Нѣмцы заняли Калишъ"...—И старый ковбой уже не слушалъ о геройствѣ льежскаго гарнизона, о подвигѣ люксембургской герцогини, о сербахъ, о нѣмецкихъ разгромахъ. Сынъ давно уже кончилъ читать газету, а старикъ, прислонившись къ деревяннымъ periламъ, все еще задумчиво смотрѣлъ въ синѣющую даль степныхъ сумерекъ.

II.

Жизнь Станислава Рущинскаго рѣзко всколыхнулась и надломилась въ самый неожиданный моментъ. Сначала все улыбалось молодому инженеру. Въ двадцать три года Рущинскій блестяще окончилъ институтъ путей сообщенія. Его проектъ „О примѣненіи электрической тяги на желѣзныхъ дорогахъ" вызвалъ буквально бурю восторга въ совѣтѣ профессоровъ. Ему предлагали готовиться къ профессурѣ, сулили блестящую научную карьеру, но молодого путейца не увлекала отвлеченная академичность теоретическаго знанія. Хотѣлось кипучей творческой дѣятельности, хотѣлось работать, потонуть въ лихорадочномъ трудѣ. И Рущинскій разстался съ институтомъ.

— Нѣтъ... не хочу... меня тянетъ работать, строить... Въ Россіи нужны инженеры... Вѣдь у насъ желѣзнодорожное дѣло только въ началѣ...

Старый директоръ съ неизмѣнной звѣздой на камергерскомъ мундирѣ, гордившійся, что чуть ли не на первомъ паровозѣ возилъ императора Николая I, только плечами пожалъ.

— Какъ хотите... Можетъ-быть, вы и правы... Во всякомъ случаѣ желаю успѣха.

Прямо изъ института Рущинскій попалъ въ кипучую атмосферу желѣзнодорожныхъ изысканій. Поѣхалъ куда-то на Уралъ и почти на цѣлый годъ застрялъ въ глуши. Щеголеватаго столичнаго студента нельзя было узнать! Послѣ узенькихъ брючекъ, франтоватыхъ сюртуковъ и зеркальнаго блеска ботинокъ—рваная косоворотка, смазные сапоги и безформенная, неопредѣленнаго фасона шапчонка. Цѣлыми днями приходилось бродить по болотамъ, горамъ и непроходимымъ лѣсамъ.

Въ путейскомъ мірѣ о немъ уже говорили: — „Молодой, талантливый, энергичный". И черезъ два-три года, безъ связей, безъ закулисныхъ рекомендацій, не забѣгая съ задняго крыльца желѣзнодорож-

На станціи Радомъ. Разгрузка подарковъ, отправляемыхъ на передовыя позиціи.
По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

Раздача подарковъ на передовыхъ позиціяхъ. По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

ныхъ тузовъ,—Рущинскій получаетъ мѣсто начальника участка на строящейся магистрали.

Новую дорогу проводили въ захолустной степи нашего провинціальнаго юга. Условія были тяжелыя: песчаныя степи, горы, масса рѣчекъ. Но „панъ Станиславъ", такъ называла его крошечная путейская колонія, ютившаяся прямо на полѣ, въ какомъ-то старомъ сараѣ, — творилъ чудеса. Чуть ли не ежедневно онъ показывалъ столько изобрѣтательности, солидныхъ знаній вмѣстѣ съ житейской смѣткой, что изъ Петербурга ему слали комплименты за комплиментами; а когда пріѣзжалъ грузный, обрюзгшій банкиръ-директоръ дороги, про котораго говорили, что „онъ весь Петербургъ и всю Москву вотъ гдѣ держитъ", то этотъ разсѣянный крезъ цѣлый часъ бесѣдовалъ съ небритымъ, оборваннымъ, вывалявшимся въ грязи, инженеромъ.

Рущинскій чувствовалъ, что карьера обезпечена. Объ этомъ онъ часто думалъ по ночамъ, когда въ душномъ сараѣ не спалось, а южная ночь, сверкающая звѣзднымъ ковромъ, такъ манила выйти гулять по новенькому, блестящему убѣгающей сталью рельсовъ, полотну. И на душѣ тогда ликовала радость молодости, успѣха и счастья.

III.

Въ участкѣ Рущинскаго работалъ молодой инженеръ Шварцъ. Нѣмецъ, едва владѣвшій русскимъ языкомъ, Отто Шварцъ былъ приглашенъ изъ Берлина, какъ спеціалистъ по постройкѣ мостовъ. Панъ Станиславъ сразу не взлюбилъ этого тучнаго чваннаго нѣмца, всегда пренебрежительно говорившаго о Россіи, о русскихъ людяхъ, бранившаго все и всѣхъ кромѣ своего фатерланда. Поляковъ Шварцъ прямо не выносилъ, ненавидѣлъ. Онъ буквально захлебывался, когда разсказывалъ, какъ его братъ, нѣмецкій учитель въ Познани, сѣчетъ въ школѣ польскихъ дѣтей. Рущинскій нѣсколько разъ обрывалъ зазнавшагося нѣмца, и съ первыхъ же дней совмѣстной работы у нихъ установились непріязненныя, хотя внѣшне любезныя отношенія.

Однажды вечеромъ къ инженерамъ пріѣхали гости изъ сосѣдняго участка. Устроили импровизированный ужинъ, пѣли хоромъ, зажгли костры, расшалились, какъ дѣти. А вечеромъ кто-то предложилъ сыграть въ карты, и всѣ усѣлись за столъ, прямо на полѣ. Денегъ было много: крупное жалованье да масса казенныхъ денегъ на рукахъ—плата рабочимъ, подрядчикамъ. И черезъ какой-нибудь часъ на столѣ появились пятисотенныя бумажки и цѣлыя горки золотыхъ. Выигрывали и проигрывали поперемѣнно. Но къ концу ночи игроки такъ увлеклись, что не замѣтили, какъ на востокѣ зарозовѣла узенькая полоска приближающейся зари: выигрывалъ только Шварцъ. Онъ лихорадочно сдавалъ карты, волнуясь и горячась изъ-за каждой ставки, а на столѣ передъ нимъ уже лежалъ цѣлый ворохъ смятыхъ бумажекъ.

Рущинскому не везло. Онъ проигралъ всѣ свои деньги, занялъ у товарища и тоже проигралъ. Какой-то внутренній голосъ инстинктивнаго благоразумія останавливалъ его. Но азартъ молодости разжигалъ.

„Загадаю: будетъ орелъ брошу играть, рѣшка—возьму изъ сундучка",—подумалъ онъ.

Взялъ пятирублевикъ и высоко подбросилъ кверху. Монета блеснула золотой искоркой въ темнотѣ предразсвѣтныхъ сумерекъ и зарылась въ травѣ. Рущинскій подбѣжалъ и поднялъ ее.

„Рѣшка!"

Онъ зашелъ въ сарай, досталъ изъ сундучка-кассы толстый, перетянутый резинкой бумажникъ и сѣлъ опять играть.

Банкъ металъ Шварцъ. Рущинскому опять не везло—онъ проигрывалъ каждую карту. Уже почти совсѣмъ разсвѣло. Инженеры, осунувшіеся, съ землистыми послѣ безсонной ночи лицами, сидѣли усталые, облокотясь на столъ. Было странно видѣть при яркомъ утреннемъ солнцѣ пятнадцать человѣкъ, прямо подъ открытымъ небомъ сидѣвшихъ за карточнымъ столомъ.

— Господинъ Шварцъ, сколько у васъ въ банкѣ?—дрогнувшимъ голосомъ спросилъ Рущинскій.

— Двадцать одна тысяча...

— По банку!

Зашелестѣли карты. Весь столъ замеръ. Только изъ-за рѣки вырывались заглушенные звуки пѣсни—уже шли рабочіе на полотно.

— Бита!—крикнулъ нѣмецъ.

Всѣ сразу, словно проснувшись, засуетились, заговорили. Рущинскій бросилъ на столъ пачку новенькихъ бумажекъ и всталъ.

Изъ-за поворота пути подъѣзжала дрезина. Начался рабочій день.

IV.

Рущинскій былъ внѣшне спокоенъ: какъ всегда, методично отмѣривалъ вѣхи, провѣрялъ десятниковъ, съ головой уходилъ въ шумную суету работы. Но въ душѣ что-то оборвалось.

„Теперь все кончено... конецъ карьерѣ, всему конецъ... Тридцать тысячъ... тридцать тысячъ... взять не у кого... никто не дастъ... Попросить у нѣмца?.. Никогда... никогда... да онъ и не дастъ... Скоро ревизія... пріѣдутъ... судъ... тюрьма... позоръ... и конецъ, конецъ всему"...

Рущинскій думалъ о самоубійствѣ, писалъ разъ десять записку

Раздача подарковъ на передовыхъ позиціяхъ. По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

матери, живущей гдѣ-то подъ Ломжей, рвалъ эти наивныя квитанціи смерти, смѣялся, потомъ опять впадалъ въ отчаяніе. Но въ концѣ концовъ побѣдила молодость, жажда жизни, буйное, страстное желаніе жить. Онъ написалъ нѣсколько писемъ, одѣлся и велѣлъ заложить лошадь.

Всю ночь мчался Рущинскій по накатанной степной дорогѣ. Рѣзкій вѣтеръ билъ въ лицо, накрапывалъ дождь, а мысли, спутанныя въ больномъ, тревожномъ клубкѣ, шептали:

„Все кончено... конецъ всему“...

V.

— Инженеръ Станиславъ Рущинскій?

— Я...

Щеголеватый австрійскій чиновникъ подволочиской таможни вручилъ Рущинскому паспортъ. Снова вагонъ, трясущаяся узкая скамья, молніеносныя остановки, отрывистое „язда“ галиційскихъ кондукторовъ, еще ночь въ вагонѣ—утромъ Вѣна. Безконечно тянутся Зальцбургскія горы, поѣздъ ныряетъ въ темнотѣ ежеминутныхъ туннелей, вырывается на свободу и тихо, словно усталый, громыхая, останавливается у Тріестскаго вокзала.

Раздача подарковъ на позиціяхъ.

Пароходъ въ Аргентину уходилъ только черезъ два дня, и Рущинскій часами бродилъ безъ дѣла по шумнымъ улицамъ красиваго, сверкающаго города.

„Совсѣмъ Италія, — думалъ Рущинскій. — Никто не говоритъ по-нѣмецки“.

Подымался на высокую Обчину и зачарованный смотрѣлъ на маячащіе въ морскомъ туманѣ купола венеціанскихъ дворцовъ.

„Хорошо здѣсь!“

Ласкающая прелесть южной природы отгоняла тревожныя, горькія мысли.

„Вотъ уѣду въ Буэносъ-Айресъ... буду работать.. Узнаютъ?.. Ну, буду жить подъ чужимъ именемъ... не пропаду“...

И, перебирая въ головѣ тысячу плановъ, самыхъ фантастическихъ возможностей, Рущинскій задремалъ на жесткой постели дешеваго номера матросской гостиницы.

Вотъ онъ—богатый аргентинскій плантаторъ... Громадная усадьба... милліонеръ... пріѣзжаетъ въ Россію... возвращаетъ тридцать тысячъ... концессія на новую тысячеверстную дорогу... роскошный особнякъ на Морской...

Когда онъ проснулся, уже было утро. Солнце ярко свѣтило, переливаясь золотыми нитями въ голубомъ морѣ. Онъ взглянулъ на часы.

„Восемь... Черезъ два часа отходитъ пароходъ“.

VI.

Три года въ Аргентинѣ...

Масса новыхъ впечатлѣній, новая страна, новые, чужіе люди, весь особый, своеобразный укладъ экзотической жизни — преобразили Рущинскаго. Пріѣхавъ сюда почти безъ гроша, онъ чуть ли не каждую недѣлю мѣнялъ профессію. Сегодня матросъ, черезъ мѣсяцъ конторщикъ, потомъ лакей портоваго ресторана, охотникъ, сержантъ аргентинской гвардіи, телеграфистъ, англиканскій проповѣдникъ, наѣздникъ—научился всему и зналъ все, какъ научаются знать только въ Америкѣ.

Еще черезъ нѣсколько лѣтъ судьба перебросила Рущинскаго въ Мексику. Прямо изъ уличнаго цирка, въ которомъ онъ забавлялъ неприхотливую толпу балаганнаго райка, Рущинскій попадаетъ въ отрядъ мексиканскихъ инсургентовъ. Недѣлями ночуетъ въ полѣ, цѣлыми днями не слѣзаетъ съ сѣдла, не разъ одинъ вмѣстѣ съ горсточкой повстанцевъ отстрѣливается гдѣ-нибудь въ горахъ отъ цѣлаго правительственнаго батальона. Наконецъ, послѣ восьмилѣтнихъ скитаній, словно вырванныхъ изъ увлекательныхъ страницъ майнъ-ридовскихъ фантазій,— полныхъ самыхъ невѣроятныхъ приключеній, онъ, огрубѣвшій бородатый ковбой Стэнли Рутъ, поселяется въ заброшенной деревушкѣ Техаса.

Отъ Аргаса до ближайшей желѣзнодорожной станціи чуть ли не тысяча километровъ. Никого вокругъ; въ маленькой деревушкѣ живутъ лишь одни ковбои.

На призывъ выступающей въ Лондонскомъ театрѣ русской артистки Лидіи Георгіевны Кякштъ жертвовать табакъ для русскихъ солдатъ англійская публика отвѣтила присылкой огромнаго количества папиросъ, сигаръ и табаку. Пожертвованія, продолжающія поступать до сихъ поръ, Л. Г. Кякштъ сама привезла нынѣ въ Петроградъ. На нашемъ снимкѣ Л. Г. Кякштъ изображена въ Лондонѣ, среди присланныхъ русскимъ солдатамъ подарковъ.

Женщина-доброволецъ Маргарита Романовна Коковцова, вступившая вольноопредѣляющимся въ ряды Астраханскаго Казачьяго Войска, раненая въ голову на развѣдкѣ на восточно-прусскомъ фронтѣ, награжденная за боевыя заслуги медалью на Георгіевской лентѣ и эвакуированная для излѣченія въ Петроградъ. М. Р. Коковцова — среди раненыхъ солдатъ въ лазаретѣ, устроенномъ ею на свои средства.

Черезъ два-три года Рущинскій имѣлъ уже большую усадьбу, колоссальный табунъ, славившійся по всѣмъ окрестностямъ: онъ успѣлъ жениться на какой-то танцовщицѣ бродячаго цирка изъ Вальпарайсо, имѣлъ сына и зажилъ спокойной жизнью зажиточнаго ковбоя. Однообразно потянулись дни труда, опасностей, похожіе одинъ на другой. Мало-по-малу забывалась Россія, тихій домикъ въ Ломжѣ, гдѣ жила мать, институтъ, товарищи-путейцы, изысканія, карьера, злосчастная ночь на постройкѣ, скитанія. Усталая душа оправлялась отъ страшнаго краха.

VII.

Цѣлый день казаки отстрѣливались отъ нѣмецкаго отряда. Прусскихъ уланъ было почти три эскадрона—это на сотню уральцевъ! Къ вечеру съ обѣихъ сторонъ устали, — надоѣло осыпать другъ друга свинцовымъ дождемъ. Казаки отъѣхали за пригорокъ и, выставивъ часовыхъ, расположились на ночлегъ. Привязали коней, поѣли, что Богъ послалъ въ разоренномъ фольваркѣ, и улеглись спать.

Рущинскій здѣсь...

Въ заброшенной техасской деревушкѣ цѣлыхъ двадцать шесть лѣтъ отдѣляли его отъ Россіи, отъ поляковъ, отъ родины, отъ родного языка. И вдругъ сѣдой старикъ съ надломленной, неожиданно исковерканной жизнью почувствовалъ, что онъ нуженъ не здѣсь, въ ковбойскомъ поселкѣ, а тамъ, далеко, на берегахъ Вислы, гдѣ идетъ страшная народная война. Онъ почувствовалъ это, когда Эдди читалъ ему нью-іоркскія газеты, чувствовалъ всѣ эти два мѣсяца, пока они, мѣняя лошадей на поѣздъ, поѣздъ на пароходъ, пароходъ опять на поѣздъ, добрались до Варшавы.

Ихъ зачислили въ казачій полкъ.

Солдаты полюбили эту странную чету ковбоевъ, а офицеры прямо не могли нахвалиться чудо-наѣздниками. Даже самые искусные въ джигитовкѣ уральцы любовались ѣздой ковбоевъ.

— Какъ ѣздятъ американцы! Куда нашимъ...

Теперь ихъ сотня уже цѣлую недѣлю, верстъ на сорокъ впереди главнаго отряда, идетъ по заброшеннымъ, невспаханнымъ полямъ и разоренньмъ польскимъ усадьбамъ.

Казаки, утомленные долгимъ переходомъ, заснули тяжелымъ, усталымъ сномъ. Эдди спалъ, растянувшись на землѣ, а отецъ сидѣлъ рядомъ, пронизывая своими зоркими степными глазами окружающую черноту ночи.

Еще свѣтало, когда нѣмцы снова начали стрѣльбу. Казаки отстрѣливались, экономно выпуская патроны, и каждая вспышка бѣлаго дымка казацкой винтовки укладывала кого-нибудь изъ неуклюжихъ пестро-мундирныхъ уланъ. За ночь къ нѣмцамъ подошли подкрѣпленія: сотня теперь имѣла передъ собою цѣлый полкъ. Пришлось отступить. И казаки медленно отходили по взрытому снарядами, мокрому отъ трехдневнаго дождя, шоссе.

Рущинскій и Эдди ѣхали молча сзади, отставъ почти на цѣлую версту отъ своей сотни.

Вдругъ, на поворотѣ дороги, прямо изъ лѣсу сверкнули яркіе кивера уланъ. Какихъ-нибудь тридцать шаговъ отдѣляли ковбоевъ отъ нѣмцевъ...

VIII.

Рущинскій ожесточенно рубилъ; въ какомъто изступленіи направо и налѣво сыпалъ онъ удары своей кривой шашкой. Уже двое на-смерть раненыхъ нѣмцевъ лежали на травѣ, а третій, покачнувшись въ сѣдлѣ, грузно, какъ мѣшокъ, опускался на землю.

— Отецъ!.. отецъ!..

Старикъ порывисто обернулся. Трое уланъ окружили сына; правая рука молодого ковбоя, окровавленная, безпомощно висѣла вдоль плеча, а лѣвой, вооруженной, онъ неувѣренно отбивался отъ враговъ.

— Эдди!..

Поздно. Уже, безъ стона, послѣднимъ безсознательнымъ движеніемъ схватившись за рану рукой, юноша падалъ съ лошади.

Тогда изступленно, съ дикимъ воплемъ Рущинскій выхватилъ изъ-за пояса лассо—даже здѣсь не разставался онъ съ этимъ длиннымъ ремнемъ — и, метнувъ его, сразу притянулъ двухъ полузадушенныхъ нѣмцевъ. Третій повернулъ коня и ускакалъ въ лѣсъ.

Рущинскій слѣзъ съ лошади и подошелъ къ сыну.

— Убитъ...

Старикъ опустился на колѣни и поцѣловалъ мертваго.

Въ первый разъ изъ старческихъ глазъ потекли горячія слезы.

Изъ-за деревьевъ грянулъ выстрѣлъ. Жгучая боль рванула все тѣло Рущинскаго; онъ хотѣлъ вскочить, обернуться. Но уже все смѣшалось въ сознаніи и мысляхъ, и ковбой беззвучно упалъ на трупъ сына.

На дорогу вышелъ нѣмецкій уланъ. Медленно, озираясь, онъ подошелъ и обшарилъ карманы убитыхъ. Вынулъ кошелекъ, маленькій кожаный бумажникъ, сорвалъ какой-то медальонъ и, толкнувъ убитыхъ, скрылся за деревьями.

Женщина-доброволецъ М. Р. Коковцова.

Автомобили, приспособленные для перевозки раненыхъ. У праваго автомобиля стоитъ слѣва уполномоченный Всероссійскаго Земскаго Союза С. В. Глѣбовъ, завѣдующій отрядомъ.

Русскіе орлы.

Силуэты **Н. Симбирскаго.**

I. Капитанъ Калитинъ.

— Нѣмецъ наступаетъ...

Это слово облетѣло городъ и аванпосты съ быстротой молніи... и принято было спокойно.

— На то и крѣпость, чтобы ее защищать...—философски сказалъ коренастый капитанъ крѣпостной артиллеріи Калитинъ, присасывая короткую трубку: — будемъ отстрѣливаться...

— Будемъ отстрѣливаться, — какъ эхо,

Повозка, приспособленная для эвакуаціи раненыхъ.

Палатки въ разобранномъ видѣ.

повторилъ молодой поручикъ и невольно устремилъ взоръ туда, въ мглистую даль, гдѣ за пустынными горами скрывалась Россія и все дорогое, тамъ оставленное.

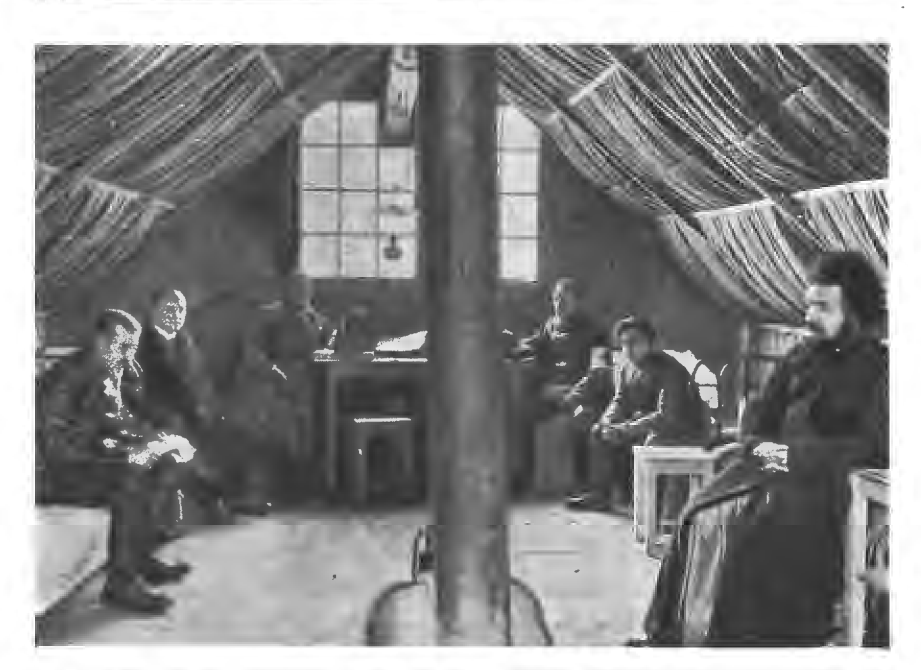
— А ты думаешь, какъ? — продолжалъ капитанъ, пуская густую струю дыма. — Крѣпости строятъ, чтобы любоваться на нихъ да подъ стеклянный колпакъ ставить? Нѣтъ, братъ: сюда милліоны убили, такъ мы ихъ должны вернуть съ лихвой... Чтобы каждый нашъ русскій цѣлковый нѣмцу въ сто марокъ вскочилъ! Вотъ что нужно. Одни мы теперь, никто насъ не видитъ, а поручено намъ великое дѣло: честь Россіи намъ отдана на поруки... И дѣло намъ теперь нужно дѣлать просто и твердо: до послѣдней минуты отстаиваться, умереть, но не сдаваться...

Поручикъ слушалъ монотонныя рѣчи батарейнаго командира, а сердце жестоко ныло. Не трусость это—нѣтъ! Молодъ еще очень, едва пушокъ на губѣ завился, а успѣлъ уже обстрѣляться за три мѣсяца. Писемъ нѣтъ отъ своихъ — вотъ бѣда! И когда будутъ, кто знаетъ? Что дѣлаетъ она тамъ, далеко?.. Тоскуетъ ли, скучаетъ ли? А, можетъ-быть, уже забыла?! Невѣсту дома оставилъ, вотъ горе... И всходитъ порывисто поручикъ на брустверъ и подставляетъ пылающее лицо рѣзкому вѣтру: не донесетъ ли вѣтеръ какой вѣсточки съ дорогой родной стороны.

Наружный видъ походной палатки.

7-й Полевой Врачебно-Питательный отрядъ Всероссійскаго Земскаго Союза, отправленный на Кавказскій театръ военныхъ дѣйствій.

(См. „Отклики войны“). По фот. С. А. Баранова. Перепечатка воспрещается.



7-й Полевой Врачебно-Питательный Отрядъ Всероссійскаго Земскаго Союза, отправленный на Кавказскій театръ военныхъ дѣйствій. (См. «Отклики войны»). 1. Походная церковь. 2. Палатка-госпиталь. 3. Палатка для персонала отряда. По фот. С. А. Баранова. Перепечатка воспрещается.

Грозно молчатъ батареи... Изъ-за крѣпкихъ окоповъ высунули стальныя шеи орудія... и прислушиваются... Короткомордая мортира задорно смотритъ вверхъ: такъ и кажется, что хочетъ плюнуть своимъ стальнымъ плевкомъ въ перистое облако, вьющееся надъ брустверомъ.

Неподвижно стоитъ часовой: оперся на ружье и вглядывается внизъ, туда, въ долину, гдѣ неясными точками и силуэтами вырисовываются линіи нѣмецкихъ войскъ.

„Копошатся муравьи,—думаетъ часовой: — видно, артиллерію налаживаютъ... Да далеко еще: не достанешь до нихъ..."

А въ землянкѣ русскіе орлы мирно чаекъ попиваютъ. Капитанъ вторую трубку набилъ и все къ поручику пристаетъ.

— Сыграемъ, братъ, въ винтъ съ двумя болванами... Все время скоротаемъ. Ну-ка по тысячной... Идетъ?

Сѣдыя сумерки надвигаются сразу. По небу быстро-быстро бѣгутъ разодранныя облака, спѣшатъ, нагоняютъ другъ друга, сталкиваются и опять бѣгутъ все дальше и дальше.

— Ну, теперь за дѣло,—говоритъ капитанъ, расправляя отекшія ноги:—ночь хитра. Глаза намъ надо въ зубы взять... Дозорные, по мѣстамъ! Ребята, гляди въ оба у меня... Не проморгай!

Рѣзко и бодро звучитъ команда. Капитана не узнать; совсѣмъ козыремъ расхаживаетъ по своей батареѣ. Ходитъ и съ солдатами „балакаетъ".

— Семеновъ, ты чего морду скривилъ? Скучно, братъ? Ничего, обтерпишься. Служба, братецъ, великое дѣло, солдатъ долженъ веселый быть, а передъ боемъ и подавно...

Подтягивается и другой солдатикъ, прочь гонитъ грусть, нельзя, командиръ больно веселый.

— Лисицынъ, ты что, братъ, за орудіемъ плохо смотришь... Вонъ пятно. Вычисти. Нехорошо, братъ, съ орудіемъ надо, какъ съ отцомъ: почитать его надо! Вольно, вольно, ребята! Не вставай, здѣсь мы въ бою—не на народѣ:.. Накозыряешься еще!

Проходитъ командиръ всю батарею. Оживаютъ солдаты.

— Капитанъ у насъ — душа-человѣкъ. Весело съ нимъ сражаться даже. Прà...

А капитанъ Калитинъ взобрался на брустверъ, бинокль въ руки взялъ и вглядывается въ густѣющую даль, подернутую темнотой.

— Близко... Врагъ не за горами... Подойдетъ не нынче, завтра...

Надо быть готовыми...

Словно утонула батарея во тьмѣ. Огней не зажигается, врагу не показываются...

Рѣзко прорѣзали тьму лучи прожектора съ горы и пошли гулять по долинѣ — врага нащупывать... Теперь ужъ ясно видно: идутъ, обкладываютъ... Вонъ, вонъ, ползетъ кучка... Что-то тащатъ... Орудіе!

— Не пора ли?

Ходуномъ заходила старая боевая кровь въ капитанѣ. Бросился къ телефону, звонитъ. Отвѣтъ пришелъ: начинать надо.

— Съ Богомъ, ребята! Къ орудіямъ, наводчики! Готовь снаряды!..

Все кипитъ на батареѣ. Закопошились солдаты. Около орудій наводчики хлопочутъ. Капитанъ самъ вездѣ помогаетъ.

— Сидоренко! Вонъ, вонъ эту кучку, другъ! Въ эту вонъ, которая погуще... Постарайся, братъ... Сдѣлай милость, потрафь!

— Радъ стараться, ваше высокоблагородіе!..

Бравый бомбардиръ—наводчикъ изъ малороссовъ, приземистый атлетъ—ворочаетъ орудіе колесомъ, какъ игрушку. Тутъ же поручикъ Ивановъ вычисленія смотритъ.

— Въ самый разъ, вашбродье... Потрафимъ... Всѣ отскакиваютъ отъ орудія.

— Первое!

Съ визгомъ вырывается снарядъ изъ жерла. Грохочетъ выстрѣлъ и разомъ будитъ уснувшую окрестность, дробя звукъ на тысячи эхо.

Заговорили батареи...

Капитанъ Калитинъ потускнѣлъ отъ пороха. Мундиръ забросанъ землей, осколки гранатъ обрызгали... А съ батареи не сходитъ ни на минуту, отъ орудія къ орудію бѣжитъ всюду самъ.

— Носилки!

— Эхъ, еще одинъ!.. — досадливо кричитъ капитанъ и болѣзненно морщитъ лицо. — Осторожнѣй, ребята, осторожнѣй неси... Ишь, Петрушенко, несчастный, угодилъ куда... А славный былъ солдатъ... Давай второй!..

Грохочетъ выстрѣлъ.

Жалко капитану солдатъ. Какъ увидитъ раненаго, точно ему самому что-то рѣжутъ: весь сморщится. А некогда жалѣть-то долго: работа идетъ горячая... Грохочетъ батарея, вся дымомъ заволоклась... Сыплетъ смертью на врага, и сама смерть принимаетъ.

Только къ утру затихло ночное дѣло... Опять солнце блеститъ. Морозецъ легкій. Миновала страшная ночь...

Замолчали нѣмцы, отошли. Замолчали и наши. Подобрали раненыхъ, санитарамъ сдали. Сидятъ солдатики въ землянкахъ, кашу ѣдятъ. Только часовые опять зорко смотрятъ.

— Поручикъ, иди сюда! Теперь и отдохнуть не грѣхъ... настрѣлялись. Эй, Никитинъ, дай-ка намъ чайку!

И опять капитанъ Калитинъ и поручикъ Ивановъ въ землянкѣ сидятъ и мирно чаекъ попиваютъ. Какъ будто и дѣла не было...

II. Мичманъ Галкинъ.

Это былъ юноша румяный, крѣпкій, какъ молодой лѣсной орѣхъ. Съ веселыми сѣрыми глазами и каштановыми кудрями, упрямо завивавшимися даже сквозь форменную корпусную стрижку.

Только три мѣсяца, какъ выскочилъ онъ изъ своего морского гнѣзда на Васильевскомъ островѣ: попалъ въ экстренный выпускъ мичмановъ для Балтійской эскадры.

Мичману Галкину всего девятнадцать лѣтъ... И это — его самое „слабое мѣсто". Онъ говоритъ молодымъ, срывающимся баскомъ, переходящимъ иногда еще въ дѣтскій дискантъ. И постоянно просится въ бой. Ему скорѣе хочется боевого крещенія.

—

Когда мать провожала его на вокзалъ и слезы ея лились неудержимой рѣкой, новый мичманъ мужественно сдерживалъ надвигающіяся рыданія и намѣренно сурово говорилъ:

— Мама... Не плачь... Мнѣ неловко... Ты понимаешь? Я ѣду исполнять свой долгъ...

И только, когда поѣздъ уже пошелъ полнымъ ходомъ, бѣдный новоиспеченный мичманъ забрался въ самое укромное мѣсто вагона, вдали отъ всѣхъ глазъ, и здѣсь далъ волю своимъ слезамъ — дѣтскимъ, горячимъ, скоропроходящимъ.

Жаль было маму... Жалко Надю. Маленькаго Ваню жаль. Жалко и маленькую Жучку, которая такъ радостно встрѣчала его всегда заливистымъ лаемъ при отпускахъ изъ корпуса. Всѣхъ жалко. А себя? О себѣ самомъ Галкинъ не думалъ совсѣмъ, даже и въ этотъ моментъ.

И чѣмъ дальше убѣгалъ поѣздъ, тѣмъ блѣднѣе и блѣднѣе становились всѣ милыя лица, отходили куда-то вдаль и таяли.

Морская семья въ Кронштадтѣ приняла молодого мичмана очень хорошо. Такъ всегда принимаютъ молодыхъ морскихъ птенцовъ старые морскіе волки: радушно и благожелательно.

Не прошло и недѣли, какъ свѣжій, молодой Галкинъ уже попробовалъ пороха. Правда, на передовыя суда его еще не пустили, пока онъ несетъ еще береговую службу, но онъ уже видѣлъ летящіе снаряды, слышалъ громъ орудійныхъ выстрѣловъ, видѣлъ раненыхъ, и больно сжалось его дѣтское сердце при взглядѣ на эту печальную картину войны.

Но боевое воспитаніе идетъ ускореннымъ темпомъ—здѣсь некогда проходить всѣ степени и категоріи мирнаго времени. Еще черезъ

7-й Полевой Врачебно-Питательный Отрядъ Всероссійскаго Земскаго Союза, отправленный на Кавказскій театръ военныхъ дѣйствій. (См. «Отклики войны»). **1. Палатка-столовая. 2. Палатка-кухня. 3. Палатка-баня.** По фот. С. А. Баранова. Перепечатка воспрещается.

Группа персонала 7-го Полевого Врачебно-Питательнаго отряда Всероссійскаго Земскаго Союза, отправившагося на Кавказскій театръ военныхъ дѣйствій. (См. «Отклики войны»). По фот. С. А. Баранова. Перепечатка воспрещается.

недѣлю мичманъ Галкинъ будетъ на боевомъ суднѣ. Станетъ настоящей боевой единицей въ спискахъ славныхъ защитниковъ родины.

Любятъ матросы мичмана Галкина... Когда онъ ведетъ свой маленькій взводъ, разставляя караулы въ порту, бравые смуглые матросы идутъ съ особеннымъ удовольствіемъ, бодро и весело. И слушаютъ они команду своего молодого начальника съ улыбкой.

А старый, весь обвѣтренный морскими вѣтрами, закаленный бурями боцманъ Прохоровъ называетъ его не иначе, какъ „нашъ молодой барчукъ“ и, вытягиваясь передъ нимъ и отдавая честь по статуту, все же постоянно даетъ ему потихоньку отческіе совѣты съ такимъ видомъ, какъ будто слушаетъ его приказанія.

— Ваше благородіе! Дозвольте доложить: не лучше ли людей вотъ здѣсь разставить.

Мичманъ видитъ свою ошибку, быстро и густо краснѣетъ и соглашается со старымъ боцманомъ.

А старый морской волкъ оборачивается къ матросамъ и грозно кричитъ:

— Эй, ребята! Его благородіе приказали вотъ этакую разстановку дѣлать. Живо поворачивайся!

Мичманъ Галкинъ попалъ на крейсеръ и принялъ настоящее боевое крещеніе.—Это нашъ!—говорила морская семья, видя, какъ мичманъ спокойно стоитъ подъ градомъ снарядовъ и видомъ своимъ еще примѣръ командѣ подаетъ.

Съ непривычки какъ будто и боязно было мичману въ началѣ этой адской трескотни. Дрогнуло сердце, когда первый вражескій снарядъ въ ботъ ударился шагахъ въ тридцати отъ него, — да стиснулъ зубы и поклялся, что скорѣе умретъ, а боязни не покажетъ.

Не узнать вамъ теперь мичмана: загорѣлъ, окрѣпъ, выросъ...

Въ мѣсяцъ настоящимъ воиномъ сталъ: пулямъ не кланяется, отъ снарядовъ не морщится. Осколкомъ снаряда былъ раненъ въ руку. Съ недѣлю отлежалъ — опять на крейсеръ пришелъ. Настоящій морской волчонокъ сталъ.

Это былъ еще не орелъ, а орленокъ. Но взмахъ уже у него орлиный, высокій и широкій.

Коли не убьютъ — выростетъ орелъ...

На развѣдкѣ.

Въ небѣ звѣздная бесѣдка
Тишину землѣ даритъ,
Лишь порой пугливо вѣтка
Подъ копытомъ захруститъ...
Каждый шорохъ скованъ прочно...
Рѣже чаща... вздрогнулъ конь...
Пригляделся глазъ—и точно
На опушкѣ есть огонь...
Много точекъ... То мерцаютъ,
То погаснутъ вдругъ... Точь въ точь,
Какъ горятъ и потухаютъ
Свѣтляки въ Купалы ночь...
Привязалъ коня... снялъ шашку,
Пристегнувши подъ сѣдло,
И въ шинели нараспашку
Сталъ ползти... Въ лѣсу свѣтло...
Свѣтитъ снѣгъ, и ясно стало,—
Потому луны и нѣтъ,
Что его зацѣловала,
Позабывъ, что отдавала
Въ поцѣлуяхъ весь свой свѣтъ...
Вѣтеръ... Ели, какъ старушки,
О простудѣ говорятъ...
За кустами у опушки
Слышенъ звонкій лязгъ лопатъ...
Люди видны въ брызгахъ свѣта,
Всѣ снуютъ, какъ муравьи,
Вотъ заржала лошадь гдѣ-то,
Справа—слѣдъ отъ колеи...
Звѣзды прячутся стыдливо...
Я назадъ къ коню иду
Между елей торопливо
По знакомому слѣду...

Сергѣй Михѣевъ.

Въ Яворовѣ (Галиція), занятомъ нашими войсками.

Подъ нѣмца.

Разсказъ **С. Кипренскаго.**

I.

Явился этотъ человѣкъ въ самый разгаръ, какъ онъ самъ говорилъ, „военныхъ происшествій“, когда нѣмцы считали себя уже обладателями и хозяевами Варшавы, но обожглись и побѣжали обратно, только ужъ въ значительно меньшемъ числѣ, чѣмъ пришли.

Настроеніе въ воинской части, которая стояла въ отобранной у нѣмцевъ, совершенно разоренной, деревнѣ, было нервное, напряженное и даже мрачное. Вчера только вырвались изъ огня, сильно порѣдѣвшіе и воочію убѣдившіеся, что врагъ, если и не такъ силенъ, какъ хочетъ показаться, то во всякомъ случаѣ золъ и настойчивъ, какъ чортъ.

Били его наши безъ жалости, клали тысячами, усѣивая поле трупами, а они точно изъ-подъ земли выростали, снова двигались на нашихъ густыми рядами. Можно было подумать, что это не живые люди изъ мяса, крови и костей, да вдобавокъ еще и изъ души, а выдѣланные тысячами на заводахъ, какъ ружья и пушки, машиннымъ способомъ. И оттого ихъ никому не жаль, и нѣмецкое начальство съ легкимъ сердцемъ посылаетъ ихъ на убой. Все равно, молъ, однихъ укокошатъ, фабрика новыхъ тысячи такихъ же выпуститъ, былъ бы только сырой матеріалъ.

И близко, охъ, какъ близко стояли нѣмцы отъ Варшавы.

Вотъ въ это-то время въ часть прибыли новые солдаты, что-то около двухъ ротъ, и съ ними Корней Кубышка. Веселые все были ребята, шутили, пересмѣхались, гоготали, видно, не попробовали еще пороху и не сидѣли по недѣлямъ въ окопахъ.

Да, должно-быть, оттого и веселы они были, что съ ними былъ Кубышка. Надо сказать, что, какъ только онъ появился въ разоренной деревнѣ и прошелся по ней и всѣ его увидѣли, такъ сейчасъ же у всѣхъ на лицахъ разошлись суровыя складки, и всѣ начали улыбаться.

Въ Львовѣ. Одинъ изъ дворцовъ, обращенный въ госпиталь.

Ужъ одна фигура его чего стоила. Издали на него посмотрѣть, такъ казалось: — толстякъ неимовѣрный, разнесло человѣка во всѣ стороны. И какъ только онъ носитъ на ногахъ этакую тяжесть? Но когда онъ подходилъ поближе, сейчасъ же становилось ясно, что это ошибка.

Корней Кубышка и не думалъ быть толстякомъ, а только природа дала ему такой ужъ непомѣрно широкій костный составъ. Въ плечахъ у него была ширина никакъ не меньше полусажени и спина тоже соотвѣтственно широкая, а книзу онъ суживался. Живота не было и слѣдовъ, и ножки у него были тонкія, совершенно, какъ у козла.

При небольшомъ ростѣ это было что-то совершенно нелѣпое. Взглянешь—и хочется разсмѣяться, ну, просто вотъ такъ, безъ всякой причины, отъ одного только сопоставленія верхней его части съ нижней.

Но, кромѣ того, у него было еще и лицо удивительное. Голова обыкновенныхъ размѣровъ, но, благодаря непомѣрно широкому туловищу, она казалась маленькой. Черепъ весь лысый, а лицо начисто выбритое, что въ общемъ напоминало тыкву.

И на этомъ лицѣ всѣ черты были до того крупныя, что занимали все мѣсто и очень мало оставляли для щекъ. Широкій толстогубый ротъ, мясистый носъ, широко очерченныя впадины глазъ, а въ нихъ посажены маленькіе, хитрые, блестящіе и всегда смѣющіеся глазки. Рѣзкая черта между ртомъ и подбородкомъ и

Галичане на одной изъ улицъ Львова.

крутой, слегка загибающійся кверху, раздвоенный подбородокъ.

Уши, хоть и не выдающагося калибра, но поставленныя почти перпендикулярно къ щекамъ и страннаго фасона—съ вывернутыми верхушками и съ множествомъ каналовъ и углубленій.

И какъ же было не улыбаться при видѣ такой фигуры, въ особенности, если принять во вниманіе, что по всему смѣшному лицу его и даже по блестящей лысинѣ была разлита бездна хитраго добродушія, да и то еще, что лицо это въ рѣдкія минуты, разумѣется, внѣ строя, оставалось спокойнымъ, а все время либо губы выдѣлывали смѣшныя гримасы, либо носъ раздувался и фыркалъ, либо глаза комически бѣгали изъ угла въ уголъ своихъ вмѣстилищъ, либо наконецъ, что даже выходило изъ границъ естественнаго, уши двигались вверхъ и внизъ, а вмѣстѣ съ ними и вся блестящая кожа, покрывавшая его черепъ, то насупливалась надъ глазами, то расплывалась къ затылку.

Командиръ роты, въ которую онъ попалъ, съ любопытствомъ оглядѣлъ этого человѣка и допросилъ его, какъ попалъ на военную службу, и чуть что не спросилъ, гдѣ онъ научился всѣмъ своимъ штукамъ. Кубыщка далъ основательные отвѣты, но, разумѣется, самые краткіе, ибо нельзя же было разсказывать начальству всю свою біографію, вытянувшись въ струнку и держа руку подъ козырекъ.

Приказаніе ординарцу.

Часовой съ подчаскомъ.

И командиръ узналъ, что родился Кубышка въ Черниговской губерніи, но что это было очень давно. Въ надлежащемъ возрастѣ онъ служилъ въ солдатахъ, а послѣ службы какимъ-то образомъ попалъ къ „нѣмцамъ", т.-е. въ Прибалтійскій край.

Простой солдатъ изъ хохлацкихъ мужиковъ, въ школѣ однако научившійся грамотѣ и не забывшій ея, онъ нѣкоторое время работалъ въ качествѣ простого батрака, но ему это было не по нраву, перешелъ въ городъ, сперва въ какой-то маленькій, потомъ въ Митаву, а затѣмъ добрался и до Риги и здѣсь занялся комиссіонерствомъ. Ѣздилъ по деревнямъ и скупалъ у мелкихъ хозяевъ свиней и телятъ и перепродавалъ ихъ мясникамъ въ городѣ.

Началъ онъ это дѣлать безъ денегъ, но потомъ расширилъ свое предпріятіе и сталъ скупать цѣлыя небольшія партіи и доставлять въ Либаву на пароходы для Германіи и Англіи. Въ результатѣ у него были деньги, которыя лежали гдѣ-то въ банкѣ. За пятнадцать лѣтъ постояннаго вращенія среди нѣмцевъ, такъ какъ онъ почти исключительно съ ними имѣлъ дѣло, онъ отлично научился нѣмецкому языку, и, когда, случалось, онъ расшутится, начиналъ говорить по-нѣмецки и называлъ тогда себя не Корнеемъ Кубышкой, а Карломъ Кубенштейномъ.

— Это,—говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ:—если меня гдѣ-нибудь застукаетъ нѣмецъ, такъ я у него не пропаду. Я имъ такую нѣмецкую канитель заведу, что они уши развѣсятъ. Я имъ покажу, какіе въ нашей сторонѣ Карлы Кубенштейны бываютъ. Хо-хо! Я всѣ ихнія штуки знаю. У меня одинъ знакомый пасторъ имѣется,—теперь онъ уже къ своимъ убѣгъ,—такъ онъ, бывало, говаривалъ: когда, говоритъ, откроется война и наши,—это, выходитъ, нѣмцы-то,—придутъ и владѣть этой нѣмецкой землей станутъ, то я тебя, Кубышкенъ, въ нашу нѣмецкую вѣру перекрещу, и будешь ты настоящій нѣмецъ, и имя тебѣ будетъ не Корней Кубышкенъ, а Карлъ Кубенштейнъ. А я думаю себѣ: ладно, это мы еще посмотримъ, кто кого перекреститъ, а ему-то говорю: согласенъ, такъ тому и быть. Потому у него водилось цѣлое стадо свиней-іоркшировъ, кормилъ онъ ихъ и за мое, значитъ, нѣмецкое благочестіе по

Ружья австрійцевъ, бѣжавшихъ съ поля сраженія и взятыхъ въ плѣнъ.

Изъ дѣйствующей арміи. По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

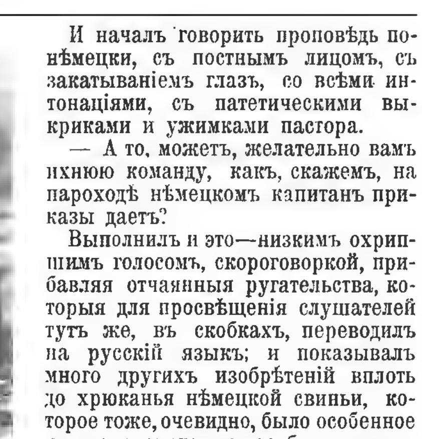
Переправа черезъ рѣку.

полтиннику на каждой свиньѣ уступалъ. Такъ вотъ теперь мы ихъ и крестимъ. И попадись мнѣ этотъ самый пасторъ, я и его перекрестилъ бы прикладомъ... Даромъ что полтинники уступалъ... Ого, всѣ они на одинъ манеръ: отъ Рассеи берутъ и на Рассею лѣзутъ.

Таковъ былъ Корней Кубышка. Если къ этому прибавить, что онъ по своему возрасту (ему было сорокъ два года) не долженъ былъ итти изъ запаса въ армію, а пошелъ по желанію,—притомъ, несмотря на то, что у него были деньги, а слѣдовательно и извѣстная избалованность,—простымъ солдатомъ, то передъ нами предстанетъ въ законченномъ видѣ вся личность Корнея Кубышки.

— А зачѣмъ же ты въ солдаты пошелъ, кто тебя тянулъ? — спрашивали его товарищи.

— Зачѣмъ? А затѣмъ, что я очень ужъ хорошъ подъ нѣмца. И балакалку ихъ знаю и всякую ихнюю фигуру и могу нашему воинству большую пользу оказать. Да вотъ хотите, братцы, послушать, я вамъ проповѣдь скажу... Такъ вы отъ пастора меня и не отличите.



И началъ говорить проповѣдь по-нѣмецки, съ постнымъ лицомъ, съ закатываніемъ глазъ, со всѣми интонаціями, съ патетическими выкриками и ужимками пастора.

— А то, можетъ, желательно вамъ ихнюю команду, какъ, скажемъ, на пароходѣ нѣмецкомъ капитанъ приказы даетъ?

Выполнилъ и это—низкимъ охрипшимъ голосомъ, скороговоркой, прибавляя отчаянныя ругательства, которыя для просвѣщенія слушателей тутъ же, въ скобкахъ, переводилъ на русскій языкъ; и показывалъ много другихъ изобрѣтеній вплоть до хрюканья нѣмецкой свиньи, которое тоже, очевидно, было особенное и происходило на особомъ, по его увѣренью, свинячьемъ нѣмецкомъ языкѣ.

И совершенно понятно, что съ той минуты, какъ въ войсковой части завелась такая личность съ столь разнообразными талантами, мрачное настроеніе какъ рукой сняло. То тамъ, то здѣсь слышался веселый смѣхъ, и было замѣчено общее оживленіе.

Желѣзнодорожная сторожка.

Мостъ на шпалахъ, выстроенный вмѣсто желѣзнаго моста, разрушеннаго непріятелемъ.

II.

Черезъ нѣсколько дней рота пошла въ дѣло, и ей пришлось рыть окопы и сидѣть въ нихъ.

Такъ ужъ можно сказать, что это была самая счастливая рота. Что веселилъ ее своими шутками Кубышка, это ужъ само собой разумѣется. Когда гдѣ-нибудь вблизи разрывалась шрапнель, то въ окопахъ съ его стороны раздавались такія отборныя нѣмецкія ругательства, которыя, если они долетали во вражескій лагерь, одни способны были произвести въ немъ потрясеніе.

Но кромѣ этого онъ, какъ оказалось, обладалъ еще совершенно исключительными способностями: напримѣръ, при помощи ведра воды, пары яблокъ или какихъ-нибудь фруктовъ, а то и безъ нихъ, и пригоршни муки онъ мастерилъ напитокъ, похожій не то на пиво, не то на брагу, не то на квасъ, но во всякомъ случаѣ дѣйствовавшій освѣжающимъ образомъ.

А кулинарныя его способности были прямо несравненны. Именно здѣсь, въ окопахъ, когда некогда было и думать объ обѣдѣ, а приходилось ограничи-

Изъ дѣйствующей арміи. По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

Полковникъ В. А. Медеръ. — Полковникъ П. Ѳ. Древингъ. — Полковникъ Н. И. Араповъ. — Полковникъ О. О. Струсевичъ. — Полковникъ В. И. Сланскій.

Подполковникъ О. Г. Стаммеръ. — Капитанъ А. А. Бобровъ. — Капитанъ В. А. Диловъ. — Полковникъ Н. С. Кирилловъ. — Капитанъ И. Х. Попандопуло.

Штабсъ-капитанъ П. П. Кравченко. — Капитанъ А. В. Нимцигъ. — Капитанъ Н. П. Кузнецовъ. — Штабсъ-капитанъ. Л. Д. Василіу. — Штабъ-ротмистръ князь М. Д. Микеладзе.

Прапорщикъ Н. Н. Жефоридзе. — Прапорщикъ А. И. Христіани. — Прапорщикъ В. С. Голубевъ. — Подпоручикъ И. А. Щегловъ. — Поручикъ В. І. Дальштремъ.

Поручикъ Г. Э. Гальбрейтеръ. — Прапорщикъ І. В. Крюковъ. — Подпоручикъ А. М. Мауэръ. — Прапорщикъ В. П. Трошинъ. — Прапорщикъ М. А. Шевлягинъ.

братцы, тамъ за меня отдувайтесь. Ужъ тутъ меня никакая пуля ни шрапнель не подстрѣлитъ, и меня надолго хватитъ.

И ему это позволяли. Никто не смотрѣлъ на это, какъ на отступленіе отъ дисциплины. Вѣдь въ концѣ концовъ онъ всѣмъ оказывалъ величайшія услуги.

Нельзя даже представить себѣ, какое наслажденіе человѣку, сидящему нѣсколько сутокъ въ окопахъ, могутъ доставить нѣсколько глотковъ напитка, хоть и незатѣйливаго, но непохожаго на простую воду.

Иногда же онъ становился на корточки, вынималъ изъ кармана шинели бритву, которая всегда была съ нимъ, смачивалъ щеки собственной слюной вмѣсто мыла и начиналъ бриться. Это онъ считалъ необходимымъ дѣлать каждый день,—„научился у нѣмцевъ,— говорилъ онъ:—да и нельзя мнѣ иначе: не дай Богъ, нѣмецъ налетитъ и возьметъ въ плѣнъ, и, ежели я не бритый, какъ я тогда могу за Карла Кубенштейна сойти? Не повѣрятъ. Карлъ Кубенштейнъ долженъ быть обязательно бритымъ.

И брился онъ при этомъ безъ всякаго зеркала, „наизусть", только иногда, въ случаѣ большого сомнѣнія, вглядываясь въ дно мѣднаго котелка, откуда смотрѣло на него тусклое и туманное его изображеніе.

— Зачѣмъ зеркало?—обыкновенно говорилъ онъ.—Да неужели же я своей собственной рожи не знаю? Такъ этакій человѣкъ, который собственной физіи не знаетъ, то-есть, гдѣ что у него,—гдѣ носъ, а гдѣ ротъ, а гдѣ все прочее,—что же онъ послѣ этого можетъ знать?

Но былъ случай, когда Кубышка дѣйствительно имѣлъ возможность оправдать свое убѣжденіе насчетъ того, что, когда угрожаетъ серьезная опасность, то можно наплевать и на собственную жизнь.

Вышло это такъ, что отряду удалось выбить нѣмцевъ изъ мѣстности, расположенной среди сильно разрѣженнаго лѣса и поросшей густымъ кустарникомъ. Нѣмцы-то, наполовину разстрѣлянные, убѣжали далеко, но на изрядномъ разстояніи гремѣла ихъ артиллерія, и отряду грозила опасность, если только его замѣтятъ оттуда, быть разгромленнымъ.

На западномъ фронтѣ. Возстановленіе желѣзнодорожнаго пути, разрушеннаго отступившими германскими войсками.

ваться сухаремъ или картошкой, важно было придать этимъ, слишкомъ ужъ простымъ, вещамъ пріятный вкусъ. И онъ это дѣлалъ. Дайте ему всего только одну луковицу, и онъ сдѣлаетъ такую приправу, что хоть во французскомъ ресторанѣ подавай.

Оказалось, что онъ самъ былъ любитель пикантной ѣды и въ мирное время обыкновенно заготовлялъ себѣ на зиму всякія соленія, при чемъ не придерживался общепринятыхъ рецептовъ, а изобрѣталъ все по своему вкусу. А картошка, которую легче всего было достать, была его прямой спеціальностью. Онъ ее пекъ на угольяхъ и варилъ въ кипяткѣ и при этомъ придавалъ ей такой вкусъ, какой хотѣлъ, такъ что она могла давать эффектъ хлѣба, а если угодно, и мяса, и даже пріобрѣтала рыбный запахъ.

И дѣлалъ онъ все это съ величайшимъ усердіемъ и тутъ же совершенно откровенно объяснялъ, что ему это, въ сущности, выгодно. Дѣло въ томъ, что при всѣхъ своихъ необыкновенныхъ качествахъ, онъ—хотя, конечно, не былъ трусомъ, но и особенной храбростью не отличался и очень дорожилъ своей жизнью. Онъ этого не скрывалъ и прямо говорилъ:

— А что же, братцы, рисковать ею зря!.. Я понимаю, бываетъ такъ, что отъ смѣлости твоей зависитъ, скажемъ, побить—либо быть биту. Ну, тогда что жъ, тогда и на самую жизнь твою наплюешь... А такъ вотъ, ни за что ни про что, этого я дѣйствительно не люблю. Ну, я себѣ тутъ и топчусь—на днѣ. То картошку, то сухарь поджарить, то напитокъ какой изготовить, а вы,

На западномъ фронтѣ. Поселянинъ, заподозрѣнный въ шпіонствѣ, препровождается въ штабъ. Солдаты надѣли ему на голову мѣшокъ, чтобы онъ не могъ видѣть позиціи.

Къ возвращенію французскаго правительства изъ Бордо въ Парижъ. Выгрузка въ архивѣ министерства финансовъ государственной долговой книги. Для перевозки ея понадобилось 10 вагоновъ.

И вотъ тутъ-то Кубышка вдругъ проявилъ изумительную наблюдательность, которая, вѣроятно, была результатомъ его хорошаго знанія всѣхъ нѣмецкихъ повадокъ.

Отрядъ расположился за деревьями и кустами, а онъ окинулъ взоромъ окрестность и замѣтилъ въ десяткѣ шаговъ отъ себя что-то тянущееся между вѣтвями широко разросшагося дикаго орѣшника, — очень похожее на проволоку. Дальше оно терялось въ кустарникѣ. Но это ужъ Кубышку не интересовало, а онъ сталъ искать глазами другого края проволоки, и край этотъ скоро нащупалъ его взглядъ.

Видитъ, проволока потянулась вправо, все по кустамъ, а потомъ повернула кверху и поползла на самую верхушку высокой ели.

Онъ такъ обрадовался своему открытію, что чуть-было не свистнулъ, но воздержался, сдѣлалъ рукой знакъ товарищамъ, чтобы оставались на мѣстѣ, а самъ присѣлъ, потомъ легъ на землю и, какъ огромная черепаха, пополэъ къ дереву.

Пловучіе дома въ Парижѣ. Баржи на р. Сенѣ, приспособленныя для помѣщенія бельгійскихъ бѣженцевъ.

Пловучіе дома въ Парижѣ, на р. Сенѣ. Прогулка по палубѣ баржи, служащей жилищемъ бельгійскихъ бѣженцевъ.

Тутъ онъ поднялъ голову, вглядѣлся, потомъ осторожно перевернулся на спину, взялъ свое ружье, прицѣлился и хлопъ — разъ, а затѣмъ и другой.

Съ дерева въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Кубышки что-то грузно шлепнулось на землю. Солдаты подбѣжали, глядятъ—нѣмецъ, настоящій нѣмецъ, въ мундирѣ, въ сапогахъ, и только каска съ головы его отлетѣла и повисла на еловой вѣткѣ и покачивалась вмѣстѣ съ нею изъ стороны въ сторону.

— Готовъ! — сказалъ Кубышка, поднявшись на ноги и подойдя къ нему.

Нѣмецъ дѣйствительно былъ взятъ наповалъ и подстрѣленъ, какъ куропатка, но солдаты смотрѣли и ничего не понимали. Подошелъ офицеръ. Кубышка вытянулся передъ нимъ и промолвилъ:

Дозвольте, ваше высокоблагородіе, вскарабкаться.

— Куда? Зачѣмъ?—спросилъ офицеръ.

— Да тамъ же у нихъ аппаратъ... Въ родѣ телефона... А телефонщикъ ужъ тутъ лежитъ, такъ оно выходитъ, должность освободилась, и я имъ по-нѣмецки докладывать буду.

Офицеръ понялъ всю его хитроумную махинацію и разрѣшилъ. И нужно было видѣть, съ какой ловкостью Кубышка понесъ свое несуразное тѣло наверхъ, цѣпляясь за вѣтки и сучья, и вмигъ добрался до небольшой темной точки, какъ казалось снизу, которая была дѣйствительно не что иное, какъ переносный телефонъ. Проволока отъ него шла далеко, до самыхъ батарей. Кой-гдѣ она пробивалась сквозь кустарники, кой-гдѣ ныряла въ землю, потомъ опять выползала наверхъ.

Вскарабкавшись наверхъ, Кубышка оглядѣлъ окрестность и явственно различилъ густую массу засѣвшихъ за лѣсомъ нѣмцевъ. И вотъ сверху послышалась отчетливая нѣмецкая рѣчь. Кубышка самымъ точнымъ образомъ опредѣлилъ имъ то мѣсто за лѣсомъ, гдѣ спрятался цѣлый полкъ германцевъ, выждалъ минуту, другую, третью, и вдругъ видитъ—блеснули огни на батареѣ, раздался грохотъ, и снарядъ во всемъ своемъ великолѣпіи понесся прямо по его указанію.

Вотъ одинъ упалъ дальше, чѣмъ слѣдуетъ,—онъ сейчасъ же въ аппаратъ: направленіе вѣрное, но немного ближе.

Опять минута, другая—снарядъ съ грохотомъ упалъ слишкомъ близко. Онъ снова кричитъ въ аппаратъ по-нѣмецки:

— Чуть-чуть дальше, будетъ хорошо!..

Еще двѣ минуты—и нѣсколько снарядовъ падаютъ въ самую гущу залегшихъ нѣмцевъ, потомъ еще, еще...

Тамъ переполохъ, паника, гибель. Сотни людей падаютъ на землю, бьются въ судорогахъ, а иные и не бьются, а просто лежатъ безъ движенія.

— Славное дѣло вышло, братцы! — кричитъ Кубышка внизъ уже по-русски, но видитъ, что штука его замѣчена и разгадана, и что верстахъ въ пяти отсюда, со стороны батарей,

Пловучіе дома въ Парижѣ, на р. Сенѣ. Внутренній видъ баржи, приспособленной для помѣщенія бельгійскихъ бѣженцевъ.

быстро движется здоровый нѣмецкій отрядъ, держа направленіе прямо на нихъ. Онъ схватилъ аппаратъ, съ силой оторвалъ его отъ проволоки и. захвативъ съ собой. чуть не кубаремъ скатился съ дерева.

Тутъ стоялъ офицеръ. Держа въ одной рукѣ коробку, другую приложивъ къ козырьку, Кубышка отрапортовалъ:

— Извольте приказать, ваше высокоблагородіе, перемѣнить мѣсто; дознались... Рысью бѣгутъ...

Сейчасъ же команда и рота покинули мѣсто и скрылись въ лѣсу. Когда Кубышка разсказалъ товарищамъ то, что̀ онъ продѣлалъ тамъ, наверху, солдаты ахнули, схватили его и чуть не понесли на рукахъ.

— Ай да Кубышка, вотъ хитрецъ, то-то онъ жарилъ тамъ по-нѣмецкому!

Ночью, когда замолкли громы утомленныхъ орудій, начальникъ отряда доложилъ высшему начальству о находчивости Кубышки.

Это было сопоставлено съ другими донесеніями, и оказалось, что такой случай, когда нѣмецкая батарея разстрѣляла свой собственный полкъ, и именно на томъ мѣстѣ, былъ. Кубышку представили къ наградѣ, и на другой день онъ уже появился съ унтеръ-офицерскими нашивками на мундирѣ.

Но черезъ нѣсколько дней съ нимъ произошло обстоятельство гораздо менѣе пріятнаго свойства. Онъ попалъ къ нѣмцамъ въ плѣнъ, и при такой обстановкѣ, въ которой могъ очутиться только онъ.

(Окончаніе будетъ).

Баезидъ (Баязетъ).

Очеркъ **П. В. Нестерова.**

(Рис. на этой стр.).

Послѣ вѣроломнаго нападенія нѣмецко-турецкихъ крейсеровъ на беззащитные города русскаго Черноморскаго побережья немедленно было дано распоряженіе о томъ, чтобы представители наши покинули предѣлы Турціи, а войска перешли границу. Прошло всего нѣсколько дней, и мы получили извѣстіе, что наши доблестныя войска уже заняли съ боя первую турецкую твердыню—крѣпость Баезидъ, или, какъ ее еще неправильно называютъ, Баязетъ. Почти всѣ наши войны съ Турціей неизмѣнно начинались и сопровождались взятіемъ этой крѣпости: такъ это было въ августѣ 1828 года, въ іюлѣ 1854 года и въ 1877 году.

Такимъ образомъ въ настоящую войну этотъ городъ занятъ нашими войсками въ четвертый и, будемъ надѣяться, въ послѣдній разъ. Крѣпость эта имѣетъ значеніе не столь сама по себѣ, сколь по своему стратегическому положенію. Она находится въ томъ сѣверо-западномъ углу Турціи, гдѣ сходятся границы Россіи, Турціи и Персіи, смычкою которыхъ служитъ увѣнчанный снѣгами Араратъ (16.916 фут. надъ уровнемъ моря). У юго-западнаго подножія Арарата, именно въ одной изъ складокъ хребта Аладага, на высотѣ 6.700 фут. надъ уровнемъ моря и расположился Баезидъ. Несмотря на то, что онъ находится въ трудно-доступной мѣстности, среди скалъ, изломанныхъ землетрясеніями, здѣсь сходятся четыре важныхъ въ стратегическомъ отношеніи дороги: въ наши предѣлы — чрезъ Чингильскій перевалъ (10.640 фут.) на м. Игдырь Эриванской губерніи, въ Персію—на города Маку и Хой, на Ванъ и на Эрзерумъ — чрезъ Діадинъ, Каракилису и Гассанъ-калу. Послѣдняя имѣетъ особенно большое значеніе, такъ какъ она является кромѣ того однимъ изъ трехъ главныхъ торговыхъ путей изъ Турціи въ Персію (на Тавризъ).

Нѣкогда Баезидъ представлялъ собою довольно значительный городъ Эрзерумскаго вилайета, но постепенно пришелъ въ полный упадокъ и разрушеніе, хотя не столько отъ нерѣдкихъ въ той мѣстности землетрясеній, сколько отъ дурного оттоманскаго управленія и ухода армянъ вслѣдствіе гоненій, которыя неизмѣнно начинались тотчасъ же послѣ окончанія войнъ. Изъ нѣсколькихъ тысячъ домовъ въ настоящее время здѣсь осталось всего нѣсколько сотъ; это все жалкія и грязныя лачуги съ характерными плоскими крышами; лучшій домъ въ городѣ, это—домъ нашего вице-консула. Населеніе города въ послѣдніе годы достигало не болѣе пяти тысячъ; главную часть его составляютъ турки, курды и армяне; въ общемъ городъ производитъ впечатлѣніе смѣси курдскаго и турецкаго, особенно обнаруживающейся въ своеобразной одеждѣ мѣстнаго населенія.

Городъ помѣщается въ двухъ ущельяхъ, между которыми одиноко возвышается большая скала, отвѣсно обрывающаяся въ одну сторону и довольно круто въ другую.

На вершинѣ скалы помѣщается одна изъ достопримѣчательностей города — хорошо сохранившійся за̀мокъ, постройка котораго относится къ 1789 году. Здѣсь долго господствовали зависимые отъ турецкихъ султановъ наслѣдственные князьки, пока послѣдній изъ нихъ не умеръ въ заточеніи въ срединѣ прошлаго столѣтія. За̀мокъ этотъ очень живописенъ. Одна сторона его сливается съ обрывомъ. Всѣ постройки за̀мка составляютъ четырехугольникъ съ куполомъ и высокимъ минаретомъ; послѣдній сложенъ изъ камней бѣлаго и краснаго цвѣта, которые располагаются поясами. Прекрасныя ворота ведутъ въ первый дворъ, окружающій за̀мокъ; во второмъ дворѣ находятся главный корпусъ, мечеть и надгробный памятникъ основателя за̀мка. Крѣпость Баезидъ находится въ сторонѣ: она прислонена къ скалѣ и даже отчасти уходитъ въ нее. Недалеко отъ входа въ крѣпость находится старинная мечеть. Одна часть крѣпости обращена къ городу и расположена двумя террасами съ полуразвалившимися башнями. Въ полу одного изъ помѣщеній крѣпости сохранилась дверь, ведущая въ подвалъ, куда обычно заключали узниковъ, которыхъ кормили, спуская пищу на веревкѣ. Съ верхней террасы подымается высѣченная въ скалѣ тропинка на гребень возвышенности, который служитъ дозорнымъ пунктомъ для часовыхъ. Одна изъ террасъ окружена невысокой стѣной съ амбразурами для пушекъ.

Какъ за̀мокъ, такъ и крѣпость въ настоящее время не имѣютъ никакого военнаго значенія и служили главнымъ образомъ для устрашенія туземнаго курдскаго населенія. Трудность взятія этого города заключалась главнымъ образомъ въ природной недоступности окрестностей. Горы, пограничныя съ Персіей, однако занимаютъ надъ Баезидомъ господствующее положеніе: отсюда онъ и былъ занятъ нашими войсками.

На русско-турецкомъ фронтѣ. Крѣпость Баезидъ (Баязетъ), занятая нашими войсками.

Маскатъ. Набережная и главная часть города.

Гнѣздо пиратовъ—Маскатъ.

Очеркъ **П. В. Нестерова.**

(Съ 2 рис. на этой стр.).

Въ первыхъ числахъ января телеграмма изъ Дели (въ Индіи) офиціально сообщила объ удачно отбитой англичанами атакѣ, произведенной трехтысячнымъ отрядомъ арабовъ на столицу Оманскаго султаната—г. Маскатъ. Гдѣ находится этотъ городъ и каково его отношеніе къ англичанамъ, не многимъ извѣстно, а между тѣмъ этотъ городъ по своему географическому и стратегическому положенію играетъ очень большую роль.

Маскатъ находится въ юго-восточномъ углу Аравійскаго полуострова, на южномъ берегу такъ называемаго Оманскаго залива, который, въ сущности, представляетъ собою часть Индійскаго океана (точнѣе—Аравійскаго моря), глубоко вдающагося между южнымъ берегомъ Персіи и упомянутой частью Аравійскаго полуострова. Этотъ городъ считается резиденціей Оманскаго султана, владѣнія котораго на Аравійскомъ полуостровѣ тянутся въ видѣ узкой полосы по берегамъ Аравійскаго моря, Оманскаго и отчасти Персидскаго заливовъ.

До самаго послѣдняго времени Оманскій султанъ находился въ вассальной зависимости отъ турецкаго правительства,—впрочемъ, болѣе номинально, чѣмъ по существу. Однако нѣсколько лѣтъ тому назадъ турецкое правительство, въ видѣ компенсаціи за предоставленіе Германіи концессіи на постройку Багдадской желѣзной дороги, переуступило англичанамъ свои права на султанатъ. Громадное политическое, стратегическое и торговое значеніе послѣдняго, по обыкновенію, вѣрно было учтено дальновидными англичанами. И дѣйствительно, если бы даже нѣмцамъ удалось довести Багдадскую дорогу до Бассоры, то англичане, владѣя Оманскимъ султанатомъ, все же закрывали имъ выходъ въ Индійскій океанъ. Главный городъ султаната, Маскатъ, играетъ совершенно такую же роль для Персидскаго залива, какую играютъ Аденъ для Краснаго моря и Гибралтаръ для Средиземнаго. Маскатъ съ полнымъ правомъ можетъ быть названъ ключомъ отъ Ормузскихъ воротъ, чрезъ которыя Персидскій заливъ соединяется съ Индійскимъ океаномъ. Этотъ городъ помѣщается въ глубинѣ обширной гавани, великолѣпно защищенной природой съ трехъ сторонъ. Единственный ея недостатокъ—незащищенность со стороны Оманскаго залива; впрочемъ, вѣтры съ этой стороны бываютъ рѣдко и не достигаютъ значительной силы. Съ трехъ же другихъ сторонъ гавань защищена грандіозными, почти отвѣсными скалами. Несмотря на то, что Маскатъ находится какъ разъ на тропикѣ (тропикъ Рака), горы, окружающія его гавань, вслѣдствіе полнаго отсутствія атмосферныхъ осадковъ, совершенно пустынны, лишены даже слѣдовъ какой бы то ни было растительности.

Справа и слѣва по скаламъ надъ гаванью расположено нѣсколько крѣпостей, похожихъ на башни. Двѣ главныя крѣпости болѣе оригинальной постройки и расположены немного впереди города. Эти крѣпости занимаютъ господствующее положеніе не только надъ городомъ, но и надъ гаванью. На одной изъ нихъ гордо развѣвается англійскій флагъ, на другой выступаетъ нѣсколько длинноствольныхъ, устарѣлыхъ и уже покрытыхъ ржавчиной пушекъ. Какъ пушки, такъ и сама крѣпость въ настоящее время заброшены, такъ какъ кромѣ безчисленныхъ стай кошекъ здѣсь никто не обитаетъ. Повидимому, англичане гораздо больше придаютъ значенія небольшому стаціонеру, который постоянно дежуритъ въ гавани. Этотъ стаціонеръ вооруженъ всего двумя маленькими пушками, экипажъ же его составляетъ лишь нѣсколько человѣкъ матросовъ, а между тѣмъ эта горсточка людей держитъ въ своихъ рукахъ не только весь городъ, но и весь султанатъ. Причина послѣдняго заключается въ томъ, что англичане прежде всего постарались обезоружить мѣстное арабское населеніе и подъ страхомъ смертной казни запретили ввозъ оружія. Благодаря столь строгимъ и неуклонно проводимымъ мѣрамъ здѣсь царитъ полный порядокъ, и покушеній на европейцевъ не происходитъ, а между тѣмъ еще совсѣмъ недавно населеніе занималось исключительно разбоемъ. На своихъ лодкахъ они шныряли по всѣмъ берегамъ, занимаясь главнымъ образомъ пиратствомъ. Если во время муссоновъ какое-нибудь судно прибивалось къ берегамъ, оно немедленно подвергалось разграбленію, а пассажиры—поголовному и притомъ безжалостному истребленію. Все мѣстное населеніе отъ мала до велика вооружено кривыми серповидными кинжалами; кривизна послѣднихъ какъ разъ соотвѣтствуетъ формѣ шеи. Своимъ жертвамъ арабы неизмѣнно отрѣзаютъ голову въ видѣ трофея. Эти кинжалы англичане оставили мѣстному населенію для повседневныхъ нуждъ, отобравъ только огнестрѣльное оружіе.

Самый городъ Маскатъ довольно значительныхъ размѣровъ, но скрывается среди скалъ и ущелій; только одной и притомъ узкой стороной онъ выходитъ на берегъ гавани. Эта часть города—лучшая и наиболѣе живописная; здѣсь имѣется нѣсколько красивыхъ каменныхъ двухъэтажныхъ домовъ.

Въ прибрежной части города находится зданіе англійскаго почтамта, англійскаго госпиталя и одинъ изъ дворцовъ султана; дворцы у султана имѣются и въ другихъ частяхъ города, но всѣ они, не исключая и перваго, очень скромны, невзрачны, вообще мало отличаются отъ другихъ зданій и обращаютъ на себя вниманіе только по присутствію многочисленной по-азіатски вооруженной стражи.

Весь городъ, особливо главная, лучшая его часть, изрѣзанъ многочисленными, до невозможности кривыми и чрезвычайно узкими улицами. Послѣднія мало оживлены, такъ какъ вся жизнь здѣсь, равно какъ и всюду на Востокѣ, сосредоточивается почти исключительно на базарной улицѣ и близъ нея. Европейцевъ здѣсь совершенно не видно, хотя надъ нѣкоторыми зданіями развѣваются англійскій, американскій, русскій и французскій флаги. Представителемъ Россіи здѣсь является агентъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли — французъ по происхожденію, но уже принявшій магометанство и смѣнившій свой европейскій костюмъ на арабскій бурнусъ.

Въ противоположность арабамъ другихъ частей Аравіи, оманскіе арабы очень некрасивы, непривѣтливы, нелюдимы и кровожадны. Видно, что только сила англичанъ сдерживаетъ ихъ кровожадные инстинкты. При такихъ условіяхъ агентамъ турецкаго правительства, конечно, не трудно было поднять ихъ противъ англійскаго протектората. Однако заблаговременно принятыя мѣры, — обезоруженіе населенія, запрещеніе ввоза оружія и усиленіе въ нужный моментъ военнаго отряда, а также умѣлое использованіе естественныхъ укрѣпленій Маската для обороны,—дали возможность сравнительно небольшому англійскому отряду легко отразить дикую атаку трехтысячнаго скопища кровожадныхъ арабовъ.

Крѣпость города Маската, на лѣвомъ берегу гавани.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

Артистическое заведеніе **Т-ва А. Ф. Марксъ**, Измайл. просп., № 29. **Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ. Петроградъ, улица Гоголя, № 22.**

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

1915 г.
№ 6
XLVI г. изданія
Выданъ 7 февраля 1915 г.
Цѣна этого № (безъ прилож.) — 20 к., съ перес. 25 к.
ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на **первой** страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на **послѣдней** страницѣ **обложки 1 р. 50 к.**; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.
Къ этому № прилагаются „Лит. Прил.“ и „Новѣйш. Моды“ за февраль.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Опроверженіе германской лжи. Неустанно устами Вильгельма и германскаго канцлера Бетмана-Гольвега распространяемое увѣреніе въ томъ, что Германіи «навязана» нынѣшняя война съ Россіей, нынѣ опровергнуто документально. Силясь обмануть міръ, германское правительство обнародовало нѣсколько телеграммъ, которыми Государь Императоръ обмѣнялся съ императоромъ Вильгельмомъ предъ началомъ войны. Въ числѣ таковыхъ однако не была напечатана одна телеграмма Его Императорскаго Величества — отъ 16-го іюля 1914 года, заключавшая въ себѣ предложеніе передать возникшій австро-сербскій споръ на разрѣшеніе третейскаго суда въ Гаагѣ.

Въ Германіи желали замолчать сдѣланную Государемъ Императоромъ, за три дня до объявленія намъ Германіею войны, попытку еще этимъ мирнымъ способомъ предотвратить надвигавшееся столкновеніе. Въ виду этого министерство иностранныхъ дѣлъ уполномочено огласить означенную Высочайшую телеграмму (въ переводѣ съ англійскаго):

«Благодарю за вашу телеграмму, примирительную и дружескую. Между тѣмъ офиціальное сообщеніе, переданное сегодня вашимъ посломъ моему министру, было совершенно въ другомъ тонѣ. Прошу васъ объяснить это разногласіе. Было бы правильнымъ передать австро-сербскій вопросъ на гаагскую конференцію. Разсчитываю на вашу мудрость и дружбу».

Воинская награда Франціи Верховному Главнокомандующему. Президентъ республики пожаловалъ медаль за военное отличіе Верховному Главнокомандующему, Великому Князю Николаю Николаевичу. Медаль за военное отличіе жалуется нижнимъ чинамъ, а кромѣ того только главнокомандующимъ, такъ что является высшей военной наградой для генераловъ.

Одновременно съ воинской наградой Верховному Главнокомандующему, Франція въ лицѣ своего избранника сопричислила къ своему Почетному Легіону кавалерами Большого Офицерскаго Креста главнокомандующихъ арміями обоихъ фронтовъ—генералъ-адъютантовъ Н. І. Иванова и Н. В. Рузскаго, генераловъ-отъ-инфантеріи Н. Н. Янушкевича и Ю. Н. Данилова.

По поводу награжденія Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича медалью за военное отличіе газета «Petit Parisien» напоминаетъ, что единственный иностранный генералъ, который до сихъ поръ состоялъ кавалеромъ этого знака отличія, былъ король бельгійцевъ Альбертъ I.

Отвѣтъ Верховнаго Главнокомандующаго Московскому университету. Въ № 52 «Нивы» за истекшій годъ, въ «Откликахъ войны» было нами приведено постановленіе Императорскаго Московскаго университета объ избраніи Верховнаго Главнокомандующаго въ почетные члены. Нынѣ послѣдовалъ отвѣтъ Его Императорскаго Высочества на это почетное избраніе:

«Временно управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія сообщилъ Мнѣ, что Я единогласно избранъ Императорскимъ Московскимъ университетомъ его почетнымъ членомъ, и препроводилъ ко Мнѣ постановленіе совѣта за вашей подписью. Если Государю Императору благоугодно будетъ на это соизволить, то я буду счастливъ принять званіе почетнаго члена Императорскаго Московскаго университета. Меня, какъ назначеннаго Высочайшею волею Верховнымъ Главнокомандующимъ, особенно глубоко тронули выраженныя вами основанія Моего избранія, а именно явить вашу горячую нравственную связь съ арміею и ея Вождемъ, защищающими дѣло высшей человѣческой цивилизаціи, настойчиво и повелительно потребовавшую отъ васъ внѣшняго выраженія и прочнаго закрѣпленія. Прошу васъ передать всѣмъ, Меня избравшимъ, Мою глубокую сердечную благодарность. Буду гордиться честью быть почетнымъ членомъ старѣйшаго нашего университета, какъ разсадника науки и просвѣщенія въ Россіи. Генералъ-адъютантъ *Николай*».

Англичанинъ о русскомъ солдатѣ. Англійскій корреспондентъ Пэрсъ, посѣтившій дѣйствующую армію, въ послѣдней своей статьѣ выражаетъ глубочайшее восхищеніе передъ самоотверженностью и выносливостью русскаго солдата, иллюстрируя эти качества фактами буквально сверхчеловѣческой выдержки раненыхъ солдатъ.

Пэрсъ говоритъ, что величайшимъ послѣдствіемъ этой войны является познаніе Европою личности русскаго крестьянина, отразившейся въ русскомъ солдатѣ — героѣ настоящаго момента. Качества истинно-русскихъ людей, вышедшихъ изъ среды русскаго народа, займутъ подобающее мѣсто среди лучшихъ факторовъ будущей европейской цивилизаціи.

Церковные подарки для Галичины. Изъ Москвы выѣхалъ на нашъ галицкій фронтъ протоіерей І. Восторговъ. Протоіерей Восторговъ везетъ вагонъ церковной утвари для бѣднѣйшихъ галицкихъ храмовъ. Церковная утварь пожертвована для Галичины московскими монастырями и храмами. Раздача церковной утвари въ Галичинѣ будетъ происходить по указанію епископа волынскаго, преосвященнаго Евлогія. Вмѣстѣ съ тѣмъ протоіерей Восторговъ везетъ въ благословеніе отъ московскаго духовенства святыя иконы: Георгія Побѣдоносца — Верховному Главнокомандующему, Великому Князю Николаю Николаевичу, и святителя Николая — главнокомандующему генералъ-адъютанту Н. І. Иванову.

Французскій «Военный Крестъ». Палата депутатовъ приняла 22-го января с. г. законопроектъ объ учрежденіи «Военнаго Креста», который будутъ получать всѣ отличившіеся офицеры, унтеръ-офицеры, капралы и нижніе чины арміи и флота. Новый военный орденъ получатъ и всѣ тѣ воинскіе чины, имена которыхъ упоминались съ начала нынѣшней войны въ приказахъ по арміямъ и отдѣльнымъ частямъ.

Парижъ—Бельгіи. 23-го января устроенъ былъ въ Парижѣ сборъ въ пользу бельгійцевъ, давшій въ одинъ день 3.309.000 франковъ.

Какъ былъ взятъ въ плѣнъ Исханъ-паша. Исключительный по своей обстановкѣ случай плѣненія командира IX турецкаго корпуса Исханъ-паши, трехъ начальниковъ дивизіи и всего штаба, несомнѣнно, составитъ одну изъ блестящихъ страницъ исторіи нашей арміи.

Одинъ изъ нашихъ незамѣтныхъ героевъ—виновникъ плѣненія Исханъ-паши, капитанъ Т. Д. В.—въ «Кавказскомъ Словѣ» просто, спокойно описываетъ это дѣло слѣдующимъ образомъ.

«Нашъ батальонъ, въ томъ числѣ и моя рота, преслѣдовалъ разбитаго непріятеля. Моя рота шла впереди. Такъ шли до сумерекъ. Наткнулись на два турецкихъ пулемета. Дружнымъ натискомъ полуроты туркамъ не дал

оглянуться, перебили прислугу и пулеметы бросили въ ущелье. Жалко было трофеевъ, но что прикажете дѣлать!.. Люди и такъ заморились... Приказалъ остановиться, а самъ съ нѣсколькими охотниками рѣшилъ сдѣлать рекогносцировку мѣстности.

Рекогносцировка показала присутствіе вблизи какого-то турецкаго отряда, оказавшагося впослѣдствіи ставкой Исханъ-паши. На утро разсыпалъ роту по-взводно и, цѣпью охвативъ хребетъ, сталъ спускаться къ ставкѣ турокъ, находившейся на опушкѣ лѣса. Приказалъ людямъ не стрѣлять, чтобы по огню въ лагерѣ не могли сообразить о количествѣ моихъ людей.

Подошли такъ шаговъ на 200 къ ставкѣ; тутъ я крикнулъ своимъ:—«ребята, за мной!», а самъ впередъ и на ломаномъ татарскомъ языкѣ кричу:—«сдавайтесь... сложить оружіе... всѣхъ перестрѣляю!...» Что произошло среди турокъ—не помню. Подходитъ ко мнѣ сначала мулла со словами: «Алла, Алла», а затѣмъ офицеръ и говоритъ по-русски:

— Г. офицеръ, не надо... Все рѣшено... крови не надо... сдаемся...

Я опомнился. Смотрю—ихъ много, больше 300 чел., всѣ вооружены. Думаю: сдача въ плѣнъ требуетъ извѣстной формы, надо обезоружить, а у меня людей мало... Увидятъ. Пускаюсь на хитрость и, подойдя къ генералу,—не знаю, кто онъ,—громко заявляю:

— Оружіе оставляю, г.г. офицеры, при васъ.

Генералъ,—какъ потомъ узналъ я, самъ командиръ корпуса Исханъ-паша,—на французскомъ языкѣ спрашиваетъ меня:

— Кто вы?

— Я капитанъ русской арміи, присланный предложить вамъ сдаться въ плѣнъ, ваше превосходительство. Внизу наши войсковыя части ждутъ отвѣта.

— Какія у васъ силы?

— Тутъ, за опушкой лѣса—полкъ, за гребнемъ—другой, пулеметы и артиллерія,—отвѣтилъ ему я спокойно.

— А гдѣ ваши офицеры?

— За гребнемъ,—а самъ думаю: «у меня всего-то два прапорщика».

На этомъ кончились наши переговоры, и я предложилъ всѣмъ сѣсть на коней, хотя лично у меня коня не было. Турки это замѣтили, и одинъ изъ адъютантовъ генерала спросилъ меня:

— А гдѣ ваша лошадь?

Я, не смущаясь, отвѣтилъ:

— Тамъ, за лѣсомъ.

По приказанію генерала мнѣ подвели его старую лошадь, и мы тронулись въ путь. Я—впереди, моя рота—по бокамъ и сзади.

Веду «добычу», а самъ думаю: «а что, если тамъ дальше ихъ войска... не успѣю довести до своихъ...» Судьба помогла. Только стали выходить изъ ущелья, смотрю—на перевалѣ стоитъ наша артиллерія, которая, видно, ночью сюда подошла.

Когда мы спустились съ перевала и были уже въ предѣлахъ своихъ расположеній, я подошелъ къ генералу и сказалъ:

— Генералъ, я васъ плѣнилъ въ составѣ одной роты...

Турокъ опѣшилъ, сдѣлалъ большіе, удивленные глаза, которыхъ долго не забуду, и, ударивъ себя по лбу, промолвилъ:

— Шайтанъ, капитанъ!.. Шайтанъ...»

Сколько взято непріятельскихъ судовъ. По офиціальному списку Англійскаго Ллойда отъ 11 (24) декабря 1914 года, задержано и захвачено со дня объявленія войны: германскихъ коммерческихъ судовъ въ портахъ Соединеннаго королевства Великобританіи всего 445. Австрійскихъ судовъ захвачено и задержано всего 51. Турецкихъ судовъ задержано 5. Число нейтральныхъ коммерческихъ судовъ, захваченныхъ въ Англіи—12. Число британскихъ коммерческихъ судовъ, захваченныхъ за доставку контрабанды непріятелю — 3. Число судовъ, на которыхъ арестованъ непріятельскій грузъ —457. Что же касается торговаго флота Великобританіи, то потери въ немъ несравненно меньше: задержано со дня объявленія войны англійскихъ судовъ въ германскихъ портахъ 79, въ турецкихъ портахъ 3, захвачено и потоплено непріятелемъ 45, всего 127. Задержаны или захвачены непріятелемъ, но впослѣдствіи отпущены 12. Условно захвачено непріятелемъ 2. Всего захвачено непріятельскихъ судовъ 501, арестованъ непріятельскій грузъ на 457 судахъ. Непріятелемъ захвачено британскихъ судовъ 127, условно захвачено и возвращено 14.

Новые британскіе сверхъ-дредноуты. Не задолго передъ началомъ войны британское адмиралтейство приступило къ постройкѣ цѣлаго ряда могущественнѣйшихъ кораблей небывалаго досѣлѣ типа въ 29.000 тоннъ водоизмѣщенія, вооруженныхъ новымъ громаднымъ калибромъ 15-дюймовыхъ орудій, и кораблей, располагающихъ притомъ почти крейсерской скоростью хода въ 25 узловъ. Въ моментъ начала военныхъ дѣйствій корабли эти находились еще въ постройкѣ, и, принимая во вниманіе ихъ изумительную силу, не имѣющую равной себѣ среди всѣхъ существующихъ сверхъ-дредноутовъ міра, понятенъ былъ всеобщій интересъ къ сроку ихъ окончательной готовности.

Тѣмъ не менѣе на интересующій общество вопросъ о времени вступленія въ строй новыхъ кораблей британское адмиралтейство не считало возможнымъ дать до сихъ поръ сколько-нибудь опредѣленный отвѣтъ. Первый лордъ адмиралтейства ограничился по этому поводу только указаніемъ общаго характера. Теперь, по сообщенію «Нов. Вр.», получены свѣдѣнія, значительно болѣе опредѣленныя и чрезвычайно пріятныя. Оказывается, что судьба одного изъ новыхъ кораблей, а именно «Малайа», подареннаго англійскому флоту по подпискѣ малайскими колоніями, заинтересовала малайцевъ, которые пожелали узнать, будетъ ли ихъ корабль готовъ во-время, чтобы принять участіе въ происходящей войнѣ. По приказанію перваго лорда, изъ адмиралтейства былъ посланъ отвѣтъ слѣдующаго содержанія: «Г. Черчилль просилъ меня благодарить васъ за письмо и сообщить, что корабль его величества «Малайа» будетъ въ состояніи принять участіе въ рѣшающемъ періодѣ военныхъ дѣйствій на морѣ». При этомъ необходимо отмѣтить, что корабль «Малайа» былъ заложенъ и начатъ постройкою позже всѣхъ остальныхъ кораблей своей серіи.

Простой способъ получить бинокль. Для русскаго солдата нѣтъ ничего невозможнаго, и притомъ, совершивъ это невозможное, онъ считаетъ его такимъ незамѣтнымъ фактомъ, что стѣсняется даже разсказывать объ этомъ. Въ «Голосѣ Москвы» разсказанъ такой «незамѣтный» фактъ.

«Новоприбывшему на позиціи офицеру понадобился бинокль. Онъ обратился за помощью къ повстрѣчавшемуся случайно солдату.

— Бинокль, ваше благородіе, можно достать. Я вамъ принесу, если прикажете.

— Развѣ у васъ въ полку есть лишніе?

— У насъ никакъ нѣтъ, а у австрійцевъ много.

— Какъ же ты достанешь?

— Такъ что отыму. Какой вамъ требуется: офицерскій или унтеръ-офицерскій?

— Да ужъ мнѣ бы, братецъ, офицерскій!

— Слушаю-съ. Нынче ночью отыму, а завтра утромъ принесу вашему благородію.

Дѣйствительно, къ удивленію офицера, на слѣдующее утро солдатъ явился съ великолѣпнымъ цейсовскимъ биноклемъ, какими въ австрійской арміи снабжены только офицеры.

— Какъ же ты досталъ?!

— Такъ что пошелъ въ ихній окопъ, а тамъ у нихъ спитъ ихъ ротный командиръ. Ихъ благородіе проснулись, закричали что-то по-своему, — ну, я ихъ значитъ, попугалъ винтовкою:—«никакъ нѣтъ, говорю, ваше благородіе, пожалуйте бинокль!» Они было дюже разсердились,—думалъ, уже пропадать придется,—да, спасибо, со мной товарищъ былъ, выручилъ!..

Солдатъ былъ щедро вознагражденъ за принесенный трофей».

Русскій хлороформъ. Война оказала косвенное вліяніе на развитіе нашей самодѣятельности въ области изготовленія лѣкарствъ, привозъ которыхъ изъ-за границы теперь почти совершенно прекратился. Однимъ изъ необходимыхъ врачебныхъ средствъ является хлороформъ. Около полувѣка усыпляли русскихъ иностраннымъ хлороформомъ. Громъ войны грянулъ, и... 7 января открылъ свои дѣйствія въ Кіевѣ, на Деміевкѣ, первый въ Россіи химическій заводъ, имѣющій спеціальное назначеніе—изготовленіе хлороформа.

Заводъ устроенъ на средства, отпущенныя Краснымъ Крестомъ, земствомъ и городскимъ управленіемъ въ Кіевѣ. Небольшой заводъ изготовляетъ minimum 30 килограммовъ (75 фунтовъ) хлороформа въ день. Хлороформъ этотъ не продается, а отпускается безвозмездно для лазаретовъ и госпиталей тѣхъ учрежденій, которыя субсидировали заводъ, т.-е. Краснаго Креста, земства и города.

Высшій трудъ (химиковъ и др.) на заводѣ безплатный; оплачивается лишь трудъ низшаго персонала. Завѣдуетъ заводомъ проф. Реформатскій.

Получаемый на заводѣ очищенный хлороформъ—удивительно хорошаго качества. Отъ врачей, завѣдующихъ госпиталями и клиниками, приходится слышать отзывы объ особенныхъ свойствахъ изготовляемаго хлороформа. Дѣло въ томъ, что при очисткѣ хлороформа на заводѣ примѣненъ особый способъ, прежде нигдѣ не употреблявшійся. Въ результатѣ хлороформъ оказался значительно высшаго качества, чѣмъ хлороформъ, который раньше получался изъ-за границы. Обыкновенно послѣ хлороформированія больного тошнитъ, а если хлороформированіе продолжалось значительный промежутокъ времени, то у больного бывала рвота. Нашъ же хлороформъ оказался такого высокаго качества, что не вызываетъ ни тошноты ни рвоты даже послѣ очень продолжительнаго хлороформированія.

Такой же заводъ, по сообщенію «Кіевской Мысли», устроенъ и въ Москвѣ. Кромѣ указаннаго завода, существующаго на благотворительныхъ началахъ, въ Кіевѣ приступлено къ организаціи большого химическаго общества. Цѣль этого общества—производство и сбытъ химическихъ продуктовъ, имѣющихъ примѣненіе въ медицинѣ, сельскомъ хозяйствѣ и промышленности.

Война на истощеніе. Печать старается разъяснить обществу на первый взглядъ странный фактъ: почему у насъ такъ вздорожало зерно при отсутствіи заграничнаго вывоза? Извѣстный публицистъ А. Ст-нъ въ «Нов. Вр.», долго жившій въ деревнѣ, даетъ интересное объясненіе этому. У крестьянъ есть деньги. «Большія закупки военнаго вѣдомства, пособія женамъ запасныхъ, дорогія цѣны за трудъ и продукты—все это насытило населеніе денежными знаками. Мужикъ прежде отправлялся на базаръ, чтобы продать, скажемъ, на двадцать рублей ржи, потомъ пропивалъ часть этихъ денегъ, а случалось и все, послѣ чего ему приходилось на слѣдующій базаръ возить еще новое количество ржи, котораго онъ не разсчитывалъ продать. Теперь наоборотъ: за то же количество ржи онъ получилъ не двадцать, а тридцать рублей, не пропилъ изъ нихъ ни копейки, купилъ кое-что необходимое и вернулся домой съ деньгами. Никакая сила его не заставитъ вывезти на базаръ лишній хлѣбъ: онъ не умѣетъ и боится хранить большія деньги, а сохранить скирду хлѣба до новаго урожая—это старинный крестьянскій идеалъ и традиція. Нашъ хлѣбъ не только не вывезенъ за границу, но онъ не поступилъ даже на внутренній рынокъ: у насъ избытокъ».

Съ другой стороны, намъ не трудно представить себѣ картину сельско-хозяйственной Германіи. Наши экономисты (Туганъ-Барановскій) высчитали, что своимъ хлѣбомъ Германія можетъ прокормиться чуть ли не полтора года. «Это—существенная ошибка: люди, пожалуй, прокормились бы, но Германію объѣли не люди, а скотъ. Вѣдь вся основа германскаго хозяйства состоитъ въ животноводствѣ, въ принципѣ перевода дешеваго корма на мясо и молочные продукты. Скотъ въ десять разъ прожорливѣе человѣка, но никто не принималъ въ разсчетъ, сколько германскій скотъ потребитъ хлѣба, потому что его кормили русскими отрубями и жмыхами. Когда послѣднихъ не оказалось, нѣмецкіе хозяева стали стихійно скармливать скоту человѣческую пищу—рожь и картофель. Для германскаго правительства это явилось сюрпризомъ, опрокинувшимъ всѣ его выкладки и счеты. До насъ доносятся изъ Германіи отклики распоряженій паническаго свойства—общегосударственная конфискація хлѣба, полицейское распредѣленіе его по числу ѣдоковъ,—вѣдь это пахнетъ древне-персидской сатрапіей, это мѣра Ксеркcова могущества и деспотіи! Но, чтобы заставить народъ подчиниться такимъ осаднымъ распоряженіямъ, нужна очень большая сила, нужно войско противъ народа, а войско нужно и въ окопахъ. Теперь нѣмцы начнутъ насъ обманывать по-новому: ихъ газеты будутъ полны описаніемъ того, какъ у нихъ наладился продовольственный вопросъ, описаніемъ ихъ избытка и роскошества. Не нужно имъ вѣрить: это—военная хитрость осажденной крѣпости».

Межъ двухъ огней на водѣ. Интересными впечатлѣніями о послѣднемъ боѣ въ Сѣверномъ морѣ дѣлится шкиперъ голландскаго траулера «Mini», очутившійся неожиданно для себя въ промежуткѣ между двумя сражающимися эскадрами. «Мы направлялись домой,—говоритъ онъ:—какъ внезапно на горизонтѣ пока-

зались клубы дыма. Вскорѣ мы ясно увидѣли очертанія нѣсколькихъ дредноутовъ и сопровождавшихъ ихъ миноносцевъ. Прежде чѣмъ мы успѣли разобрать національность судовъ, началась канонада, отъ которой нашъ пароходъ трясло, какъ лихорадочнаго больного. Нѣсколькими минутами позже суда скрылись за громадными клубами чернаго дыма. Мы продолжали путь,—ничего другого вѣдь и не оставалось,—считая, что скоро выйдемъ изъ опасной зоны. Но канонада гремѣла все ближе и ближе, и вотъ мы внезапно очутились среди британской эскадры. Миноносцы шныряли вокругъ насъ, какъ акулы, маневрируя и то-и-дѣло съ грохотомъ выпуская снаряды. Когда дымъ разсѣялся, мы увидѣли, что одинъ изъ германскихъ дредноутовъ объятъ пламенемъ. Другой, окруженный миноносцами, медленно погружался въ воду. Послѣднее судно было главной мишенью британскихъ судовъ, потому что вода такъ и кипѣла вокругъ него отъ разрывающихся снарядовъ.

«Эскадры постепенно удалялись другъ отъ друга. Нѣкоторое время пламя еще вспыхивало, и бухали выстрѣлы, но разстояніе между эскадрами дѣлалось все больше и больше, и наконецъ обѣ исчезли за горизонтомъ».

Рецептъ Эдиссона для разочарованныхъ. Знаменитый американскій изобрѣтатель Томасъ Эдиссонъ наканунѣ Новаго года подѣлился съ интервьюировавшимъ его журналистомъ въ высшей степени оригинальнымъ взглядомъ. Недавно всѣ заводы и лабораторія Эдиссона стали добычей огня.

— Это должно васъ печалить,—замѣтилъ журналистъ.

— Ни капельки... — отвѣтилъ Эдиссонъ, попыхивая сыгарой. — Теперь есть новый рекордъ разочарованности, рядомъ съ которымъ всѣ другіе кажутся тривіальными. Я поднимаю глаза отъ своихъ выгорѣвшихъ лабораторій и вижу тамъ, по ту сторону Атлантическаго океана, кайзера, отчаянно защищающагося на обоихъ фронтахъ необъятнаго театра войны. Когда представляешь себѣ, что Вильгельмъ въ теченіе многихъ лѣтъ вѣрилъ въ непобѣдимость своего генеральнаго штаба; когда знаешь, до какой степени онъ свыкся съ мыслью, что достаточно одного короткаго ужаснаго удара на Францію, а затѣмъ — вся Россія въ его рукахъ, и когда понимаешь то, что скоро поймутъ сами нѣмцы, отъ перваго до послѣдняго, именно, что конечная побѣда не можетъ быть ихъ,—чортъ возьми, такое крушеніе, такое разочарованіе можетъ у самихъ боговъ исторгнуть слезы! Что тутъ люди! Я потерялъ имущества на три милліона долларовъ — это вѣдь ничего, буквально ничего рядомъ съ потерей кайзера! И вотъ вамъ мой новогодній рецептъ для разочарованныхъ: «Чаще вспоминайте кайзера: вы поймете, что вы — самое счастливое существо во всей вселенной!»

Новые подвиги Козьмы Крючкова. Козьма Крючковъ находится въ одномъ изъ военныхъ госпиталей въ мѣстечкѣ Х., недалеко отъ Варшавы. Послѣ извѣстнаго дѣла съ двадцатью пятью нѣмцами онъ, оправившись отъ одиннадцати ранъ, снова возвратился въ армію и былъ участникомъ слѣдующаго лихого дѣла.

Нужно было развѣдать расположеніе германскихъ войскъ. Крючковъ и еще человѣкъ десять вызвались произвести эту развѣдку. Подъѣхали къ деревушкѣ М., въ которой расположился отрядъ, человѣкъ въ двадцать, германцевъ-кавалеристовъ. Недолго думая они ворвались въ деревню, половину перебили, остальныхъ забрали въ плѣнъ и нашли у нихъ цѣнные документы относительно расположенія германскихъ войскъ.

Затѣмъ Крючковъ участвовалъ въ большихъ бояхъ, получилъ три раны, изъ которыхъ одна въ бокъ — самая опасная. Но врачи надѣются вылѣчить его.

Крючковъ въ настоящее время имѣетъ всѣ четыре степени ордена св. Георгія (полный бантъ) и получаетъ 50 р. ежемѣсячнаго жалованья.

50 марокъ за офицера. Близъ англійскихъ траншей во Фландріи былъ подстрѣленъ германскій солдатъ, особенно близко подходившій къ траншеямъ и стрѣлявшій изъ засады въ офицеровъ. На солдатѣ нашли характерный приказъ и книжку. Въ приказѣ вмѣняется въ обязанность подстрѣливать именно офицеровъ, и даны на этотъ счетъ особыя инструкціи, книжка же представляетъ нѣчто въ родѣ формулярнаго списка.

За каждаго убитаго офицера, послѣ того какъ фактъ его смерти провѣренъ и доказанъ, полковое начальство выдаетъ денежное вознагражденіе. Отъ солдата, домогающагося вознагражденія, требуется, чтобы онъ точно указалъ мѣсто, гдѣ былъ офицеръ убитъ, свѣдѣнія объ его части и т. д.

Въ книжкѣ убитаго солдата было вписано около двадцати пяти наградъ за случаи доказанныхъ убійствъ англійскихъ офицеровъ, по пятидесяти марокъ за каждое.

Брустверы изъ труповъ. По разсказамъ плѣнныхъ австрійцевъ, австрійскія военныя власти придумали слѣдующій способъ утилизаціи труповъ солдатъ, гибнущихъ массами въ Карпатахъ отъ мороза: трупы приказано располагать цѣпями впереди окоповъ для отвлеченія нашего огня.

Война и погода. Послѣднее время все чаще и чаще стараются указать связь между военными событіями и погодой, не только въ районѣ военныхъ дѣйствій, но и далеко за его предѣлами.

Правда, попытки эти носятъ разношерстный характеръ, такъ какъ одни видятъ связь съ войной одного метеорологическаго элемента, напримѣръ влажности, другіе, не находя связи этого элемента, находятъ ее въ другомъ элементѣ, хотя бы температурѣ, и т. д.; и все это происходитъ потому, что въ этихъ предположеніяхъ почти совершенно отсутствуетъ научная обоснованность.

Въ настоящее время съ прискорбіемъ приходится констатировать тотъ фактъ, что еще до сихъ поръ человѣкъ не научился или, вѣрнѣе, не нашелъ вѣрныхъ способовъ для вліянія не только на погоду, но даже на измѣненіе въ благопріятную для себя сторону отдѣльныхъ метеорологическихъ явленій. Такъ, напримѣръ, борьба съ градовыми тучами при помощи знаменитыхъ, спеціально изготовленныхъ градовыхъ мортиръ въ общемъ окончилась неудачей, по крайней мѣрѣ въ Австріи и Германіи, гдѣ получились безусловно отрицательные результаты, хотя опыты во Франціи и Италіи не дали окончательныхъ результатовъ.

Точно также и пальба изъ пушекъ во время засухи для образованія облаковъ, хотя и не всегда достигаетъ цѣли, тѣмъ не менѣе этотъ способъ борьбы съ засухой имѣетъ подъ собой научно обоснованную почву, такъ какъ для образованія облачности необходимо присутствіе въ атмосферѣ центровъ конденсаціи, т. е. такихъ центровъ, около поверхностей которыхъ могли бы сгущаться водяные пары. Такими центрами обыкновенно и являются положительно и отрицательно наэлектризованные іоны, а также пылинки, носящіяся въ нашей атмосферѣ, при чемъ необходимо отмѣтить, что сами по себѣ пылинки являются плохими центрами конденсаціи, такъ какъ изъ законовъ физики извѣстно, что степень конденсаціи тѣмъ больше, чѣмъ радіусъ кривизны центровъ меньше; пылинки же сравнительно съ іонами имѣютъ большіе радіусы кривизны. Такимъ образомъ для успѣшнаго образованія облачности необходимо присутствіе въ нашей атмосферѣ достаточнаго числа центровъ конденсаціи; когда же ихъ въ атмосферѣ недостаточно, то надо искусственнымъ образомъ ихъ создать, что и пытаются сдѣлать пальбой изъ пушекъ, такъ какъ тогда центры конденсаціи образуются подъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей изъ пороховыхъ газовъ. Однако и при этомъ не всегда происходитъ успѣшно образованіе тучъ, и тутъ часто играютъ важную роль различные метеорологическіе элементы, какъ это показали опыты послѣднихъ лѣтъ.

Поэтому, если и существуетъ зависимость между погодой и войной, то она можетъ сказаться только въ увеличеніи осадковъ въ районѣ военныхъ дѣйствій, но всякіе выводы въ этомъ направленіи необходимо дѣлать крайне осторожно и во всякомъ случаѣ не сейчасъ, а лишь послѣ тщательнаго изученія всѣхъ метеорологическихъ условій, не только въ районѣ военныхъ дѣйствій, но и въ смежныхъ съ нимъ.

Что касается прочихъ вліяній войны на погоду, то говорить объ этомъ серьезно въ настоящее время мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ основаній, такъ какъ, къ глубокому нашему прискорбію, мы живемъ еще въ то время, когда человѣкъ не въ состояніи не только измѣнить своими силами погоду, но даже просто предсказать ее впередъ.

Реквизиціи въ Бельгіи. Германцы реквизиціями доведутъ Бельгію до окончательнаго разоренія. По сообщенію изъ Гааги корреспондента «Кіевской Мысли» Ф. Аркадина, Антверпенъ долженъ, на основаніи условія сдачи города, содержать 17.000 солдатъ и 120 офицеровъ и поэтому долженъ ежедневно доставлять: 12.750 килограммовъ хлѣба (по 750 граммовъ на душу), 8.500 килогр. свѣжаго или соленаго мяса (по 500 гр. на душу), 3.400 килогр. копченаго сала (по 200 гр. на душу), 3.400 килогр. мясныхъ консервовъ (по 200 гр. на душу), 4.250 килогр. горошка, фасоли и муки, 2.125 килогр. ячменя или риса, 2.550 килогр. консервированной зелени, 25.150 килогр. картофеля (по 1.500 гр. на душу), 425 килогр. соли, 1000 килогр. жженаго и сырого кофе, 400 килогр. сахару, 50 килогр. чаю, 8.500 бутылокъ краснаго или бѣлаго вина, 85.000 сигаръ, 250.000 папиросъ, 1.700 килогр. табаку и 2.125 килогр. сыра. Городъ также долженъ для 3.500 лошадей ежедневно доставить: 21.000 килогр. овса, 8.700 килогр. сѣна и 17.000 килогр. соломы.

Въ Остенде германцы въ послѣднихъ числахъ ноября за одинъ день реквизировали 30.000 бутылокъ вина, 40.000 хлѣбовъ и $1/2$ милліона сигаръ и папиросъ.

Городъ Гентъ доставилъ имъ, по свѣдѣніямъ «Echo Belge» отъ 26 декабря, милліонъ сигаръ, милліонъ папиросъ и 40.000 килогр. табаку. О такихъ же баснословныхъ реквизиціяхъ пишутъ изъ Брюсселя, Льежа, Малина и Шарлеруа.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эти реквизиціи производятся не только для нуждъ оккупирующей арміи, какъ этого требуетъ Гаагская конвенція. Большая часть реквизированныхъ продуктовъ отсылается въ Германію, на сѣверъ Франціи и на Изеръ, гдѣ остатки бельгійской арміи, вмѣстѣ съ англійскими и французскими солдатами, беззавѣтно защищаютъ незанятый непріятелемъ уголокъ бельгійской территоріи.

Но не думайте, что германцы ограничиваются только такими реквизиціями. Они забираютъ, по свѣдѣніямъ издающихся въ Голландіи и Англіи бельгійскихъ газетъ, у крестьянъ оставшихся лошадей, наложили руку на все зерно и все отправляютъ въ Германію. А недавно бельгійское посольство въ Гаагѣ извѣстило прессу о томъ, что нѣмцы забрали у частныхъ лицъ, выдавъ простую расписку безъ обозначенія стоимости, слѣдующіе товары: въ Антверпенѣ—на 13 милліоновъ франковъ хлопка, на $11^1/_2$ мил. каучука, на 6 мил. шерсти и на 10 мил. кожи; въ Гентѣ—на $8^1/_2$ мил. хлопка и другого сырья; въ Шарлеруа—на $1^1/_2$ мил. мѣди и на 12 мил. машинъ и разныхъ инструментовъ; въ Дюфелѣ—на милліонъ никкеля; въ Малинѣ и Стабрекѣ—на $2^1/_2$ мил. консервовъ, и т. д.

Всѣ эти товары отправлены, утверждаетъ посольство, въ Германію съ цѣлью оживить и поддержать отечественную промышленность.

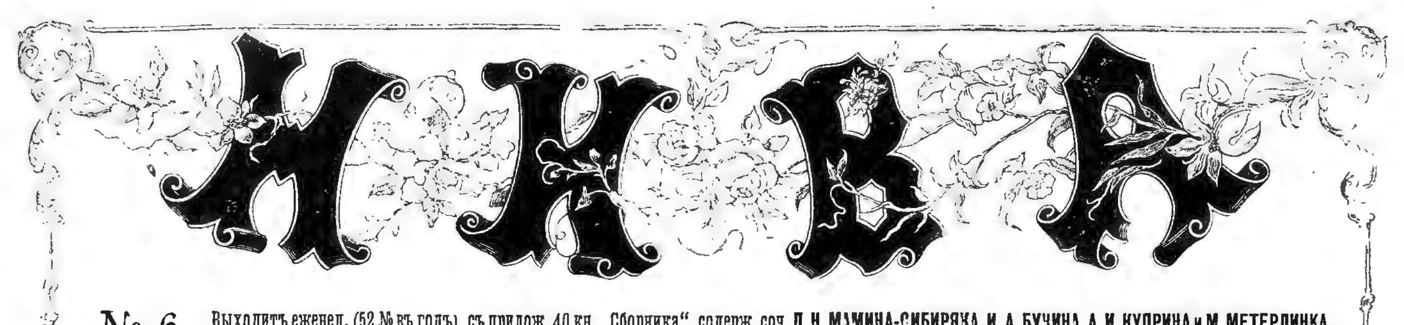
«Лучшіе люди» Англіи на войнѣ. Объ огромной популярности войны среди англійскаго общества краснорѣчиво свидѣтельствуетъ то, что въ рядахъ дѣйствующей арміи находятся 180 лордовъ, въ томъ числѣ 56 имѣющихъ право засѣдать въ верхней палатѣ, 7 герцоговъ, 10 маркизовъ, 60 графовъ и 80 бароновъ. До сихъ поръ три лорда погибли на полѣ брани, шестеро были ранены и двое взяты въ плѣнъ. Весьма внушительной цифрой представлено также участіе въ войнѣ членовъ нижней палаты: подъ боевыми знаменами находится 160 депутатовъ.

Что стоитъ нынѣшняя война. По опредѣленію профессора шарлоттенбургскаго техническаго института, война стоитъ ежедневно около 75 милліоновъ рублей: Германіи 20 мил., Австро-Венгріи 10 мил., а союзникамъ 45 мил. Относительно же того, во сколько обходится каждый убитый на войнѣ, можно было бы думать, что постоянный прогрессъ военной техники дѣлаетъ войны все болѣе смертоносными. Однако это мнѣніе ошибочно: въ войнѣ 1870 г. на 365 пуль приходился одинъ убитый, а въ русско-японской войнѣ 1.053 пули—на одного убитаго.

Во что же обходится смерть каждаго солдата? Въ русско-турецкой войнѣ 1877—78 гг. она обходилась въ 75 тыс. франковъ, въ русско-японской войнѣ—въ 102 тыс. франковъ, въ войнѣ 1870 г. между пруссаками и французами—въ 105 тыс. франковъ.

По всей вѣроятности, въ настоящей войнѣ стоимость эта будетъ еще выше.

Курьезы войны. Корреспондентъ «Бирж. Вѣд.» съ кавказскаго фронта Л. Ганъ сообщаетъ любопытную обстановку боевъ съ турками. По разсказу его собесѣдника-полковника, наши позиціи находятся такъ близко отъ непріятельскихъ, что каждая команда, каждый окрикъ и возгласъ турокъ прекрасно слышны. И былъ такой курьезный случай. Турки, услыхавъ нашу команду: «рота, впередъ», крикнули въ отвѣтъ по-русски:—«какая у тебя рота, когда имѣешь всего одинъ взводъ!» А нашъ солдатикъ на это отвѣтилъ:—«турокъ, ты всегда врешь: у тебя рота, а командуешь: баталіонъ, впередъ».



№ 6. Выходитъ еженед. (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 7 февраля 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на 1/2 года—4 р., на 1/4 года—2 р. Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ „Нивы“ 1915 года,

выписавшихъ собраніе сочиненій А. И. Куприна (21 книгу).

Разославъ сочиненія А. И. Куприна подписчикамъ, выписавшимъ ихъ до 8 декабря 1914 года, мы, въ виду значительнаго количества поступившихъ требованій на эти сочиненія, приступили уже къ дополнительному печатанію и съ средины февраля сего года сможемъ вновь начать разсылку.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается 1) „Ежемѣс. литературныя и популярно-научныя приложенія“ за февраль 1915 г. 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ“ за февраль 1915 г. съ 43 рис., отдѣльный листъ съ 29 черт. выкр. въ натур. величину и 9 рис. дамскихъ рукодѣлій.

Онъ умеръ геройской смертью... Рисунокъ А. Михаэли.

За работой.

Наклонясь надъ поспѣшной работой,
Я сижу отъ зари до зари.
Вдалекѣ полусонной дремотой,
Догорая, дрожатъ фонари...
Наклонясь, я тихонько считаю,
Какъ ложится стежокъ за стежкомъ,
А тоска мчитъ къ далекому краю,
И мечты о тебѣ объ одномъ.
Можетъ-быть, твое счастье измѣнитъ,
Ты падешь окровавленъ въ бою...

И сестра тебѣ тихо надѣнетъ
Ту рубашку, что̀, плача, я шью...
И тогда всѣ мечты и сомнѣнья,
Вся печаль, что̀ зашила я въ ней,—
Закрадутся въ твои сновидѣнья,
Надъ постелью зашепчутъ твоей.
И, томимый въ предсмертной дремотѣ,
Ты узнаешь изъ шопота ихъ
О моей молчаливой работѣ,
О слезахъ и о думахъ моихъ.

Елизавета Исполатова.

Дневникъ военныхъ дѣйствiй.

К. Шумскаго.

Намѣчая планъ войны, нѣмцы взяли на себя главную роль, а союзникамъ ввѣрили лишь второстепенныя задачи, направленныя къ тому, чтобы облегчить нѣмцамъ выполненiе главной задачи. Этого взгляда нѣмцы настойчиво продолжаютъ придерживаться съ самаго начала войны. Какъ извѣстно, нѣмцы взяли на себя главную задачу — разбить Францiю, а австрiйцевъ послали на это время въ наступленiе на восточный фронтъ, въ Люблинскую и Холмскую губернiи, чтобы имѣть свободный тылъ при операцiяхъ противъ Францiи.

Солдатъ англо-египетской армiи и его „конь“.

Вѣроятно, австрiйцы даже и не сразу были посланы на нашъ фронтъ, а лишь тогда, когда обнаружилось, что французовъ нельзя разбить на 16-й день, и что нѣмцамъ нужно еще время для операцiи противъ Францiи. Тогда, повидимому, и были посланы австрiйцы въ предѣлы Люблинской и Холмской губернiй, чтобы, наступая въ нашу сторону, они дали бы возможность нѣмцамъ „разбить Францiю“ не на 16-й день, а черезъ 2 мѣсяца.

Въ настоящее время, какъ извѣстно, австрiйцы также наступаютъ на Карпатахъ, чтобы облегчить положенiе нѣмцевъ на Бзурѣ, такъ какъ нѣмцы все еще продолжаютъ претендовать на то, что они выполнятъ „главную задачу“ и возьмутъ Варшаву.

Такая же роль, какъ мы видѣли, была уготовлена нѣмцами и туркамъ. Нѣмцы заявили туркамъ, что они сами разобьютъ и Францiю, и Англiю, и Россiю и создадутъ выгодныя условiя мира для Турцiи, а турецкой армiи нужно лишь напасть на Кавказъ, оттянуть на себя войска и этимъ облегчить выполненiе нѣмцамъ главныхъ задачъ.

Когда турки были такъ оглушительно разгромлены на Кавказскомъ театрѣ, нѣмцы, нисколько не смущаясь, потребовали отъ нихъ новыхъ наступленiй, чтобы опять гдѣ-нибудь отвлечь войска союзниковъ и этимъ облегчить выполненiе нѣмцами все той же нескончаемой и невыполнимой „главной задачи“. Казалось бы, туркамъ послѣ того, какъ ихъ Эрзерумская армiя была уничтожена, оставалось только обороняться за Эрзерумскими фортами. Однако нѣмцевъ это не могло удовлетворить.

Новый хедивъ Египта принцъ Хуссейнъ-паша Кемаль, возведенный на престолъ англiйскимъ правительствомъ вмѣсто смѣщеннаго хедива Аббаса II Хильми.

Для нѣмцевъ обороняющаяся Турцiя есть лишь тяжелая обуза. Нѣмецкiй генеральный штабъ считаетъ, что разъ турки нигдѣ не наступаютъ и не привлекаютъ на себя войскъ, то они не только безполезны, но и вредны. Имъ нужно давать деньги, снабжать ихъ оружiемъ и боевыми припасами, которыхъ и у самихъ нѣмцевъ немного и не хватаетъ, высылать туркамъ хорошихъ офицеровъ, которые также могли бы пригодиться самимъ нѣмцамъ, и пр. Расчетливый Михель прикидываетъ на пальцахъ и находитъ, что за все это турки должны платить. Они должны наступать, ибо турецкая оборона никакихъ войскъ не привлечетъ, а если привлечетъ, то очень мало.

Такимъ образомъ, выжимая изъ турокъ ростовщическiе про-

Египетская пѣхота.

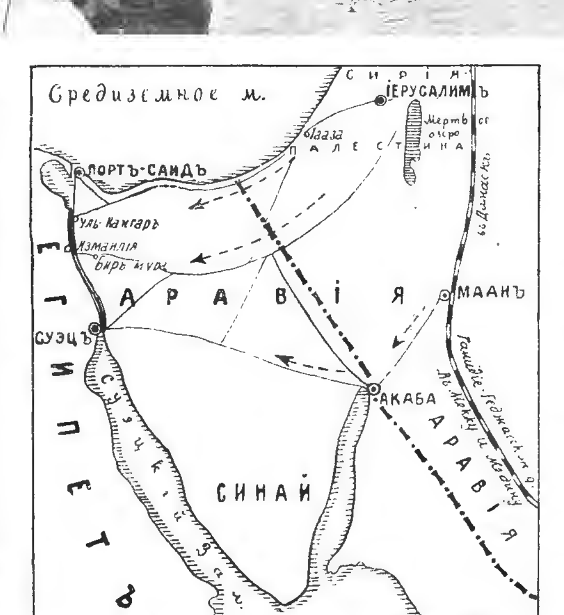
Сторожевой домъ на Суэцкомъ каналѣ.

центы за нѣкоего болѣе чѣмъ сомнительнаго „журавля въ небѣ“, нѣмцы потребовали тотчасъ же послѣ катастрофы, постигшей Эрзерумскую армію, новаго наступленія турокъ на Египетъ. Вполнѣ понятно, что нѣмцамъ всегда хотѣлось „ущемить“ англичанъ побольнѣе, и захватъ Египта представлялся для германскаго генеральнаго штаба одной изъ самыхъ соблазнительныхъ операцій. Надо думать, что, когда нѣмцамъ предстоялъ выборъ между наступленіемъ на Египетъ и наступленіемъ на Кавказъ, то они, внѣ всякаго сомнѣнія, предпочитали захватъ важнаго Египта и Суэцкаго канала всякимъ операціямъ на Кавказѣ, хотя бы даже такимъ, гдѣ имъ мерещились бы и Тифлисы, и Батумы, и пр.

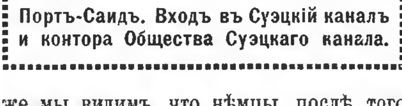
Однако мы знаемъ, что нѣмцы послали турокъ не въ Египетъ, а на Кавказъ, и это уже одно является доказательствомъ того, насколько безразсуднымъ казалось для нѣмцевъ наступленіе въ Египетъ. Нѣмецкій генеральный штабъ не могъ не видѣть, что операція на Кавказѣ рискованна, ибо, въ случаѣ неудачи, нечѣмъ будетъ подкрѣпить погибающую Эрзерумскую армію. Нѣмцы наконецъ знали, что они могутъ въ кавказскую авантюру послать максимумъ 3 — 4 корпуса.

Между тѣмъ въ сторону Египта могли дѣйствовать и три турецкіе корпуса, находящіеся въ Европейской Турціи, и два, находящіеся въ Малой Азіи, и два, находящіеся въ Сиріи, т.-е. уже 8 корпусовъ, не считая аравійскихъ и месопотамскихъ корпусовъ. Наконецъ, въ случаѣ неудачи, возможно было послать подкрѣпленія изъ Малой Азіи.

Невзирая на все это, слишкомъ ужъ безумной казалась египетская авантюра, гдѣ туркамъ нужно было побороть на пути пустыню, одолѣть англо-египетскую армію и справиться съ англо-французскимъ флотомъ, обороняющимъ Суэцкій каналъ. Теперь



Карта Суэцкаго канала.



Портъ-Саидъ. Входъ въ Суэцкій каналъ и контора Общества Суэцкаго канала.

же мы видимъ, что нѣмцы, послѣ того какъ турки потеряли уже цѣлую армію, все же находятъ возможнымъ послать злосчастныя турецкія войска въ этотъ самый губительный Египетъ. Поэтому можно не сомнѣваться, что нѣмцы и не разсчитываютъ ни на какой успѣхъ турокъ въ Египетской операціи, а просто требуютъ отъ нихъ наступленія во что бы то ни стало, хотя бы это наступленіе было сопряжено съ самой вѣрной и несомнѣнной гибелью, ибо таковы уже тѣ ростовщическіе проценты, которые нѣмцы требуютъ на свой затраченный въ Турціи капиталъ.

Во исполненіе этого новаго фантастическаго плана, съ легкимъ сердцемъ созданнаго германскимъ генеральнымъ штабомъ, Энверъ-паша принялся за организацію похода въ Египетъ.

Турецко-египетская граница, какъ извѣстно, проходитъ по Суэцкому каналу. Къ востоку отъ Суэцкаго канала находится Синайская пустыня, протяженіемъ около 200 верстъ. Наиболѣе благопріятнымъ временемъ для веденія операцій какъ въ Синайской пустынѣ, такъ и въ прилежащемъ раіонѣ Аравіи и Южной Месопотаміи — является зимній періодъ, съ декабря по февраль. Въ это время въ колодцахъ оазисовъ скопляется значительное количество воды, и въ оазисахъ появляется кое-какой подножный кормъ, которымъ можно кормить верблюдовъ.

Эти данныя являются чрезвычайно важными, такъ какъ историческій опытъ походовъ черезъ пустыню свидѣтельствуетъ, что операціи главнымъ образомъ не удавались вслѣдствіе дурной организаціи обозовъ. Войска должны имѣть все при себѣ, начиная отъ боевыхъ припасовъ, кончая продовольственными и запасами воды. И поэтому обозы въ войскахъ, двигающихся черезъ пустыню, всегда очень велики. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти обстоятельства обусловливаютъ не-

Портъ-Саидъ. Набережная и таможня.

большой составъ экспедиціонной арміи, ибо вполнѣ понятно, что обозы большихъ армій будутъ настолько огромны, что никакія военныя операціи окажутся невозможными. Армія, вмѣсто того, чтобы бить непріятеля, вынуждена будетъ заниматься только охраной своего обоза.

Такимъ отразомъ вполнѣ понятно, что турки появились у Суэцкаго канала въ количествѣ лишь 12.000 человѣкъ и 6 батарей, т.-е. 26 орудій. Это, очевидно, авангардъ турецкой арміи, такъ какъ таковъ обычный порядокъ всякой наступающей арміи: впереди идетъ авангардъ, а за нимъ—главныя силы. Авангардъ при наступательныхъ движеніяхъ составляется, примѣрно, въ размѣрѣ отъ ¼ до ⅕ всей арміи. Слѣдовательно, можно предполагать съ достаточнымъ основаніемъ, что вся турецкая армія, предназначенная для операцій противъ Египта, не превышаетъ 50—60.000 человѣкъ.

Съ своей стороны, англичане подготовили для обороны Египта смѣшанную армію изъ англо-египетскихъ войскъ, индійскихъ войскъ и австралійскихъ контингентовъ. Англо-египетская армія состоитъ изъ 5 тысячъ англійскаго окупаціоннаго отряда и 18 тысячъ египетскихъ войскъ. Египетскія войска пополняются мѣстнымъ населеніемъ и состоятъ изъ египетскихъ и суданскихъ частей. Во главѣ арміи находится англійскій генералъ со званіемъ сердара.

Кромѣ англо-египетскихъ войскъ, для обороны Египта были доставлены въ значительномъ числѣ индусскія и австралійскія войска морскимъ путемъ. Затѣмъ англичанами были приняты мѣры для обороны Суэцкаго канала при помощи укрѣпленій и бронированныхъ поѣздовъ съ поставленными на нихъ пушками. Поѣзда двигаются по желѣзной дорогѣ, идущей вдоль канала, и такимъ образомъ эти подвижные поѣзда-батареи могутъ оказаться въ любомъ нужномъ пунктѣ.

Главный интересъ будетъ заключаться не въ тѣхъ бояхъ, которые будутъ происходить у Суэцкаго канала, а въ томъ безвыходномъ положеніи, въ какомъ окажется турецкая армія, сунувшаяся въ Египетъ. Въ тылу у нея пустыня, впереди—неодолимый Суэцкій каналъ, а вправо и влѣво—море. Изъ такой западни турецкая армія едва ли сможетъ уйти, а если и уйдутъ какія-либо части, то это будутъ лишь жалкіе остатки тѣхъ двухъ корпусовъ, которые высланы нѣмцами въ это отчаянное предпріятіе.

Знамя, поднесенное Петроградскимъ Общественнымъ Управленіемъ ополченской дружинѣ, сформированной въ Петроградѣ. У знамени—городской голова графъ И. И. Толстой.
По фот. А. Монюшко.

Все, что осталось отъ германскаго гидроплана типа „Альбатросъ“:—металлическая дощечка.

Такъ какъ развѣдка въ пустынѣ, гдѣ все открыто и далеко видно, невозможна при помощи конницы, то англичане приспособили для развѣдки значительное число аэроплановъ, которые здѣсь дѣйствительно оказались весьма полезными. Еще опытъ Триполитанской войны показалъ что аэропланы являются единственнымъ средствомъ развѣдки въ пустынѣ.

Наконецъ для обороны канала были приспособлены старыя суда: французскій броненосецъ береговой обороны „Реквэнъ“, постройки 1885 года, одинъ старый крейсеръ и одинъ военный транспортъ. На броненосцѣ броня непригодна на случай боя съ флотомъ, но противъ сухопутной артиллеріи она прикрываетъ очень хорошо.

На всѣхъ этихъ трехъ судахъ имѣлись пушки 10-дюймовыя, 9-дюймовыя и 6-дюймовыя. Даже слабый военный транспортъ, т.-е. простой пароходъ съ поставленными на палубу пушками, вполнѣ пригодился.

Дѣйствія турокъ, подошедшихъ къ каналу, выразились въ попыткѣ навести четыре понтонныхъ моста. Повидимому, англичане допустили наводку этихъ мостовъ преднамѣренно, чтобы потомъ разрушить ихъ и потопить переправляющіяся войска.

Бой продолжался съ утра до 3 часовъ дня, и турки бѣжали, понеся большія потери, оставивъ значительное число плѣнныхъ и орудіе.

Это, конечно, была лишь предварительная рекогносцировка съ боемъ, которая должна была опредѣлить силы англичанъ, имѣющіяся для обороны Суэцкаго канала, находящіяся на Египетскомъ берегу укрѣпленія и пр. За этой рекогносцировкой, вѣроятно, послѣдуетъ атака болѣе значительными силами. Въ результатахъ этой атаки сомнѣваться не приходится послѣ того, какъ англичане, какъ мы видѣли, приняли такія энергичныя мѣры для обороны канала и сосредоточили достаточное количество войскъ.

Все, что осталось отъ германскаго крейсера „Фридрихъ-Карлъ“, потопленнаго нашими судами въ Балтійскомъ морѣ:—спасательный кругъ.

Быть-можетъ, за все время европейской войны еще не было операцій столь безсмысленныхъ и фантастическихъ, какъ этотъ походъ въ Египетъ, который заставляютъ продѣлать злосчастныхъ турокъ нѣмцы въ надеждѣ, если не захватить Египетъ, если даже не взять Суэцкій каналъ, то хоть засыпать его и испортить, и этимъ помѣшать движенію колоніальныхъ контингентовъ морскимъ путемъ черезъ Суэцкій каналъ на Европейскій театръ войны.

Нѣмцы не жалѣютъ своихъ людей и кидаютъ ихъ въ самыя гибельныя атаки. Но если жестокосерды и упрямо-настойчивы нѣмцы, то покорность турокъ, съ какой они подставляютъ свои головы подъ гильотину, поистинѣ замѣчательна.

Все, что осталось отъ германскаго миннаго заградителя: — фуражка матроса.

Трофеи моря въ грозу войны. Изъ Морского Музея имени Императора Петра Великаго въ Петроградѣ.

Два Георгія.

Разсказъ **Николая Роминскаго.**

Казакъ Кирилка былъ оскорбленъ въ своихъ лучшихъ чувствахъ: онъ стоялъ вмѣстѣ съ „пяхотными" въ стрѣлковомъ рву, по косточку въ жидкой грязи, и стрѣлялъ въ нѣмцевъ, залегшихъ шагахъ въ трехстахъ отъ нашего окопа. Стрѣлять было интересно, потому что нѣмцы нѣсколько разъ выскакивали изъ канавы у дороги, гдѣ они окопались, и бросались въ атаку, но всякій разъ, пробѣжавъ шаговъ сорокъ и потерявъ около четверти людей, поспѣшно, едва подхвативъ раненыхъ, возвращались обратно.

Всякій разъ, когда нѣмцы выскакивали и съ крикомъ, спотыкаясь и падая, бѣжали на насъ, Кирилка приходилъ въ ожесточеніе, его глаза блестѣли, онъ пытался выскочить изъ окопа навстрѣчу нѣмцамъ, и его сосѣдъ, бородатый запасный пѣхотинецъ, дергалъ его за полу и кричалъ:

— Стрѣляй, стрѣляй, чортъ!

Кирилка билъ его локтемъ, но приходилъ въ себя и начиналъ учащенно стрѣлять.

Вотъ этимъ онъ и былъ оскорбленъ и, когда нѣмцы убѣгали обратно въ свой окопъ, выговаривалъ бородатому сосѣду:

— Какъ ты, пѣхтура, смѣешь казаку указывать? А?

Тогда обижался пѣхотный и съ обидой въ голосѣ произносилъ:

— У меня дѣти, какъ ты, понимаешь?

Затѣмъ оглядывалъ его отъ головы до ногъ, какъ бы желая удостовѣриться, таковы ли его дѣти, и прибавлялъ:

— А то и постарше. Понимаешь?

Казакъ приходилъ въ умиленіе и просилъ прощенія.

— Ну, ну, мочальная борода, не сердись, не буду!

Пѣхотинецъ былъ доволенъ извиненіемъ и покровительственно прибавлялъ:

— То-то; а то вы, казаки, очень ужъ возвеличаетесь.

Когда нѣмцы, сидя у себя въ окопѣ, пускали надъ нашими головами пули, было скучно, и приказный Кудряшовъ,—плотный коренастый казакъ, съ длиннымъ вьющимся чубомъ, торчащимъ

Кощунство германцевъ. Католическій храмъ въ Аэршоттѣ, обращенный въ конюшню.

изъ-подъ молодецки надѣтой на правую бровь фуражки,—училъ равнаго ему по званію, сѣраго, облѣпленнаго грязью, ефрейтора:

— Пяхота ничто,—безъ кавалеріи она какъ пустое мѣсто: кажись, и стоитъ и смотритъ, а ничего не видитъ. Кавалеристъ ему все,— онъ и непріятеля выслѣдитъ и направитъ, коли это понадобится. Вотъ смотри: пропали вы тутъ, сидя въ окопѣ, взмолились:—батюшки, молъ, спасите, выручите,—вотъ сейчасъ казаковъ и послали:—кати, пяхота пропадаетъ, спасать нужно. Мы сейчасъ на конь, прискакали и тутъ какъ тутъ. Чувствуешь? А?

Сѣрый ефрейторъ долго мнется и не находитъ отвѣта. Потомъ говоритъ, но вяло и неувѣренно:

— Коли пяхоты не надо, зачѣмъ ее такъ много, а вашего брата такъ мало?

Казакъ торжествуетъ: онъ молодецки потряхиваетъ чубомъ и съ покровительственной усмѣшкой говоритъ:

— Чудакъ-человѣкъ,—лошадь ѣстъ полпуда овса, а человѣкъ и тремя фунтами сытъ,— вотъ и посчитай! Лошадь деньги стоитъ, а человѣкъ ничего,—вотъ и сообрази! Тутъ, братъ, думать нужно! Слыхалъ про полководца—знаменитаго императора Наполеона? Нѣтъ? Ахъ ты, неграмотный! Тотъ самый, что въ двѣнадцатомъ году ходилъ на Рассею? Самый знаменитый полководецъ во всемъ мірѣ,—всю Европу завоевалъ. Вотъ у него только кавалерія и была, понимаешь?

Ефрейторъ оживился, и его глаза заблестѣли, а губы повела лукавая усмѣшка.

— Эге, знаю, знаю,—тотъ самый, что мы, пяхотные, черезъ Березину гнали? Знаю, какъ же! Знаю Наполеона, знаю. Такъ у него только конница и была, говоришь?

Казакъ Чупрынниковъ не обращалъ на другихъ вниманія, ни съ кѣмъ не разговаривалъ, приглядывался къ нѣмецкимъ окопамъ, и изрѣдка, хорошо прицѣлившись, стрѣлялъ; даже когда нѣмцы бѣжали въ атаку, когда нашъ окопъ приходилъ въ крайне нервное состояніе и огонь учащался до крайней силы, онъ быстро, но совершенно спокойно цѣлился и, спустивъ курокъ, на моментъ поднималъ голову, чтобы удостовѣриться, попалъ ли туда, куда хотѣлъ. Когда нѣмцы прятались, онъ продолжалъ внимательно смотрѣть, и чуть появлялась цѣль, сейчасъ же стрѣлялъ.

„Хорошій казакъ, — думалъ его взводный Евстигнѣевъ: — хорошій. — Кабы всѣ такъ стрѣляли, нѣмецъ давно бы не устоялъ“.

Старшій урядникъ Василій Евстигнѣевъ первый,—въ отличіе отъ его отца Василія Евстигнѣева второго, пошедшаго на войну охотою и уже заслужившаго Георгія первой степени, вдобавокъ къ тремъ другимъ, полученнымъ въ турецкую и японскую войны,—былъ высокъ, статенъ, здоровъ и очень силенъ. Онъ скучалъ въ окопѣ—сидѣли уже полдня и все толклись на одномъ мѣстѣ: выскочатъ нѣмцы, побѣгутъ, покричатъ, мы пострѣляемъ, они убѣгутъ назадъ; черезъ полчаса опять та же исторія.

Но главная скука была въ томъ, что

Запасаются на дорогу.

Русскіе солдаты и плѣнные австрійцы у костра.

Г. Кѣльцы. Солдаты вступившаго въ городъ полка пьютъ чай на городской площади.

Мирныя сцены боевой жизни. По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

Слѣзай, братъ, лучше!

пѣхотный взводный имѣлъ два Георгія, а онъ, донской казакъ, только одинъ. И ему казалось, что пѣхотный смотритъ на него сверху внизъ и нарочно говоритъ съ протяжкой, — это было обидно. Онъ стоялъ въ грязномъ окопѣ и думалъ: какъ бы добраться до тѣхъ двухъ мостовъ, около которыхъ онъ уже бродилъ четвертаго- и третьяго-дня? Кабы удалось взорвать ихъ, навѣрно дали бы Георгія. А тамъ... война еще въ началѣ, можетъ, вернется и со всѣми четырьмя, какъ отецъ.

Онъ легъ грудью на край окопа, закрылъ лицо руками и думалъ про свою поѣздку къ мостамъ.

При немъ были лишь два казака,— Кудряшовъ и Чупрынниковъ, одностаничники, постоянные его спутники. День прошелъ такъ себѣ: за весь день только спугнули охрану небольшого транспорта овса и ячменя. Охрану разогнали, телѣги порубили ихъ же топоромъ, овесъ и ячмень высыпали въ канаву съ грязной водой.

Отъѣхали недалеко отъ этого мѣста и попались: наскочили на полуэскадронъ кирасиръ. Спасло только болото: топкій берегъ и отвратительная для кавалериста рѣка,—поросшіе лозою обрывистые берега съ перепутанными и переплетенными, торчащими изъ земли, корнями.

Уходя, ринулись на болото. Маленькія легкія лошади казаковъ, прыгая и фыркая, увязая иногда почти по брюхо, добрались до береговъ рѣки, крупные же и тяжелые кони кирасиръ увязли. Кирасиры, бросивъ завязшихъ лошадей, открыли частый огонь и заставили казаковъ прыгать съ обрывистаго берега въ воду. Это ихъ спасло, — вода въ этомъ мѣстѣ была неглубока и дно твердое. Купанье въ началѣ октября было непріятно, но здѣсь казаки были въ полной безопасности: топь, высокій берегъ и густой лознякъ, росшій на немъ, совершенно скрывали ихъ и отъ пуль и отъ взоровъ кирасиръ.

Минутъ черезъ пятнадцать кирасиры прекратили пальбу, кажется, увѣренные, что всѣ казаки погибли. Но они выбрались на другой берегъ и поѣхали дальше.

Другой берегъ былъ похожъ на тотъ, гдѣ увязли лошади кирасиръ: высокій, обрывистый, поросшій лозами и заплетенный корнями, а за нимъ—полоса тонкаго торфяного болота, шаговъ около двухсотъ шириной.

Перепись плѣнныхъ германцевъ.

Отсюда, — по картѣ это было ясно, — недалеко и до мостовъ.

Обождали въ лознякѣ и, когда совершенно стемнѣло, поѣхали на развѣдки.

Наткнулись на совершенно неожиданное препятствіе: мосты охранялись собаками. Конечно, также и людьми, и послѣднихъ было гораздо больше, чѣмъ собакъ, но, когда люди еще были совершенно покойны, собаки уже прочуяли казаковъ и подняли яростный лай. Пришлось скакать что было мочи къ рѣки, съ ея лознякомъ и торфянымъ болотомъ.

Часа черезъ полтора Евстигнѣевъ вернулся туда, но уже осторожнѣе. Его планъ былъ таковъ: пѣшкомъ пробраться къ мосту, вплавь добраться до его средины, подвязать разрывныя шашки, поджечь бикфордовъ шнуръ и вплавь же спасаться. На берегу, внизъ по теченію, его должны были ждать Кудряшовъ и Чупрынниковъ съ лошадьми.

Планъ былъ составленъ толково, но собаки помѣшали и въ этотъ разъ. Нѣмцы всполошились, прожекторомъ освѣтили всю мѣстность, и только Богъ помогъ какъ-то уйти.

Къ другому мосту онъ пытался подойти уже днемъ раньше,—тамъ лѣсъ подходилъ къ самой станціи и мосту, подобраться было значительно легче, но также помѣшали собаки.

На этомъ оборвались мысли Евстигнѣева: подошедшая пѣхота смѣнила казаковъ, и они отправились на свой бивуакъ.

На слѣдующій день Евстигнѣевъ рѣшилъ опять попытать счастья: выпросилъ у сотеннаго командира пятнадцать человѣкъ и поѣхалъ къ мостамъ.

До лѣса доѣхали благополучно, но тамъ нужно было быть крайне осторожнымъ: около мостовъ полукольцомъ

Воронка, вырытая бомбой съ аэроплана.

Група австрійскихъ плѣнныхъ (3.500 человѣкъ) въ городѣ Люблинѣ.

стояла сторожевая цѣпь и бродили конные разъѣзды. Единственный путь былъ по сухому руслу рѣки, правильнѣе, по мелкому рукаву той самой рѣчки съ болотистыми подступами къ берегу и крутыми берегами, черезъ которую надо было ѣхать ко второму мосту. Въ главномъ руслѣ было глубоко, за исключеніемъ того брода, на который счастливо попали казаки, преслѣдуемые кирасирами. Но рядомъ съ главнымъ русломъ шелъ неширокій протокъ глубиною не больше, чѣмъ по колѣна, и въ этотъ протокъ направились казаки.

Погода была отвратительная, дулъ рѣзкій, порывистый, холодный вѣтеръ и шла „мыгычка", — не то мокрый скользкій туманъ, не то мельчайшій дождь, забиравшійся съ вѣтромъ за воротникъ и въ рукава. Но эта погода давала надежду на успѣхъ: непріятели, не тревожимые уже нѣсколько дней нашей конницей, вѣроятно, ослабили надзоръ, и въ такую погоду, когда каждый прятался отъ мокроты и холода, вѣроятно, и нѣмцы будутъ больше стоять спиной къ вѣтру да грѣть иззябшія руки. И даже собаки, въ дождь и холодъ, при сильномъ порывистомъ вѣтрѣ, будутъ больше жаться къ людямъ и едва ли обнаружатъ свое обычное чутье.

Если пытаться взорвать мостъ, то только въ такую погоду.

Доѣхавъ до болотистыхъ береговъ рѣки, слѣзли съ коней и въ поводу повели ихъ черезъ топь. Впередъ пошелъ, какъ всегда, Евстигнѣевъ, „первый показчикъ", какъ его называлъ старикъ, отецъ Евстигнѣева.

Конь Кирилки, такой же молодой, какъ и онъ самъ, вырывался и не хотѣлъ итти. Пришлось его подхлестнуть. Онъ рванулся и увязъ въ болото по брюхо, какъ-то бокомъ, ногами влѣво. Онъ лежалъ и жалобно и безпомощно храпѣлъ.

Его бросили, и только когда всѣ кони были на твердомъ мѣстѣ, казаки вернулись и съ помощью веревокъ и ремней, продернутыхъ подъ брюхо, вытащили и его.

Кирилка, мрачный и озлобленный, оправлялъ коня и поминутно подносилъ къ его мордѣ свой здоровенный кулакъ. Тотъ шарахался и косился, фыркалъ и билъ ногой. Наконецъ Евстигнѣевъ поднялъ свой кулакъ и потрясъ имъ уже передъ лицомъ Кирилки.

Все дѣлали молча,—за переправу ни одинъ казакъ не сказалъ ни слова.

Въ протокѣ сѣли на коней и осторожно двинулись противъ теченія.

Минутъ черезъ двадцать Евстигнѣевъ далъ знакъ, остановилъ своихъ людей и самъ, съ Чупрынниковымъ, поѣхалъ на берегъ узнать, нѣтъ ли опасности. Остальные казаки стояли безъ движенія, пока звукъ, похожій на собачій визгъ, не пронесся лѣсомъ. Тогда они слѣзли съ лошадей и потянулись на берегъ.

Кирилка шелъ послѣднимъ, велъ своего коня въ поводу и поминутно показывалъ ему кулакъ. Тотъ закидывалъ голову, но не фыркалъ.

Въ лѣсу встрѣтили Евстигнѣева и Чупрынникова, сѣли на лошадей и безшумно двинулись дальше.

Здѣсь было безопасно: вѣтеръ рвалъ вѣтки и бросалъ ихъ на землю. Этотъ легкій трескъ и вой вѣтра совершенно заглушали не только топотъ лошадей, но и разговоры.

Остановились около тысячи шаговъ отъ станціи. Слѣзли съ коней, и Евстигнѣевъ, разставивъ часовыхъ, началъ отдавать приказанія. Вдругъ у Кирилки что-то завизжало. Легонько, чуть слышно. Евстигнѣевъ его строго окрикнулъ:

— Это еще что?

Кирилка сконфуженно вынулъ изъ-за пазухи что-то маленькое, перебиравшее въ воздухѣ всѣми четырьмя лапками.

— Что это? Котъ? Поросенокъ?

— Никакъ нѣтъ, собачка.

— Откуда ты ее досталъ?

— На хуторѣ. Безпризорная.

— Сучонка?

— Такъ точно.

— Покажи!

Евстигнѣевъ взялъ отъ Кирилки хорошенькую породистую таксу. Она была напугана, дрожала и старалась лизнуть его въ лицо. Онъ повертѣлъ ее въ рукахъ, потомъ разстегнулъ шинель и спряталъ за пазуху.

Она въ это время умудрилась лизнуть его руку, и на рукѣ отъ горячаго маленькаго языка долго оставалось какое-то особенное ощущеніе.

Кирилка робко запротестовалъ:

— Господинъ взводный, какъ же это? Собачка-то моя...

Но Евстигнѣевъ сурово отвѣтилъ:

— И хорошо, что взялъ, — можетъ, удастся сманить нѣмецкихъ сторожевыхъ псовъ.

Оскорбленный Кирилка отошелъ въ сторону. Потомъ вынулъ шашку и началъ рубить молодыя сосны. Рубилъ

онъ отъ головы слѣва, вправо и внизъ, и за каждымъ ударомъ почти безшумно падало молодое дерево. Казаки слѣдили за его ударами, и послѣ одного, особенно удачнаго, Евстигнѣевъ сказалъ:

— Чисто рубитъ.

А Кирилка не замѣчалъ и срывалъ свой гнѣвъ на неповинныхъ соснахъ. Затѣмъ онъ вытеръ шашку полой шинели и съ тоской въ голосѣ сказалъ:

— Эхъ, силушка ты моя безпріютная!

Оставивъ людей подъ начальствомъ Кудряшова, Евстигнѣевъ привязалъ собачку, положилъ се за пазуху и пѣшкомъ пошелъ къ станціи.

Черезъ нѣсколько сотъ шаговъ лѣсъ началъ рѣдѣть, и показались огни. Гдѣ-то вдали лаяла и иногда выла собака; въ тишинѣ ночи, насколько позволялъ шумъ вѣтра, было слышно фырканье лошадей. Вдали темной массой подымался небольшой мостъ. Влѣво былъ другой мостъ, большой и болѣе важный, но отсюда онъ былъ невиденъ. Малый мостъ онъ хотѣлъ поручить Кудряшову, а большой рѣшилъ взорвать самъ.

Вѣтромъ тянуло отъ него къ мосту. Это было хорошо, потому что германскій сторожевой песъ легче могъ услышать запахъ „приманки", вынутой теперь изъ-за пазухи и дрожавшей отъ холода и непривычной обстановки. Чѣмъ дальше сторожевой песъ слышалъ запахъ, тѣмъ было лучше: онъ побѣжитъ, и часовой послѣдуетъ за нимъ лишь нѣсколько первыхъ шаговъ.

Евстигнѣевъ вынулъ собачку и пустилъ на землю. Она начала бѣгать и слегка повизгивать. На ея визгъ съ оглушительнымъ лаемъ бросился германскій сторожевой песъ. На лай собаки сейчасъ же выскочили нѣсколько солдатъ и начали приглядываться къ темнотѣ. Поговорили между собой и ушли. Черезъ нѣсколько времени они вышли уже съ ружьями и двумя фонарями. Посвѣтивъ во всѣ стороны, направились за собакой. Евстигнѣевъ побѣжалъ назадъ, таща на веревкѣ упирающуюся таксу. Сторожевой песъ добѣжалъ до нихъ и, лишь изрѣдка отрывисто лая на Евстигнѣева, началъ вертѣться около сучонки, стараясь всѣмъ своимъ существомъ показать, что его непріязненныя дѣйствія отнюдь не относятся къ ней.

Евстигнѣевъ бѣжалъ, и въ трехстахъ шагахъ отъ него бѣжалъ непріятельскій дозоръ. Но, добѣжавъ до лѣса, онъ остановился, солдаты что-то переговорили между собой, и одинъ изъ нихъ повернулъ назадъ. Онъ бѣжалъ, но не торопясь, лѣнивымъ бѣгомъ рабочаго человѣка, видимо, не придавая всей исторіи никакого значенія.

Дозоръ продолжалъ подвигаться впередъ, но шагомъ. Когда останавливался дозоръ, стоялъ и Евстигнѣевъ; между нимъ и дозоромъ всегда оставалось около трехсотъ шаговъ, и трудно было ожидать, чтобы его могли замѣтить. На всякій случай, боясь прожектора, онъ держался за деревьями. Онъ помнилъ, какъ четыре дня назадъ его чуть не поймали, внезапно освѣтивъ яркимъ свѣтомъ.

И онъ былъ правъ: прожекторъ бросилъ свой лучъ, и дозоръ осторожно двинулся впередъ. Свѣтъ былъ сзади ихъ и ослѣплялъ стоящаго къ нимъ лицомъ. Солдаты то расходились широкой цѣпью, приглядываясь къ глубинѣ лѣса, то сходились вмѣстѣ, чтобы обсудить положеніе.

Сторожевая собака продолжала бѣгать вокругъ Евстигнѣева и изрѣдка отрывисто лаяла, чѣмъ поддерживала вниманіе дозора. Онъ отступалъ, стараясь держаться въ тѣни большихъ деревьевъ.

Лучъ свѣта забрался глубоко въ лѣсъ и освѣтилъ остальныхъ казаковъ. Но этотъ же лучъ неожиданно открылъ слѣдящаго за ними германскаго солдата. Пользуясь шумомъ вѣтра, онъ подошелъ на двадцать шаговъ и теперь, внезапно освѣщенный, бросился бѣжать.

Кирилка съ поразительной быстротой выхватилъ арканъ и бросилъ его. Германецъ упалъ, но успѣлъ освободиться, когда Кирилка подбѣжалъ къ нему. Онъ выхватилъ саблю, но упалъ, пораженный страшнымъ ударомъ, нанесеннымъ Кирилкой: шашка разрубила весь черепъ, пройдя черезъ правый глазъ, носъ и ротъ; разсѣкши лѣвую ключицу, она застряла въ лѣвой лопаткѣ, и пришлось употребить усиліе, чтобы вырвать ее изъ кости.

Кирилка стоялъ и какъ-то испуганно-недоумѣвающе смотрѣлъ на свою работу, ярко освѣщенную лучомъ прожектора.

Германецъ успѣлъ вскрикнуть передъ ударомъ, и этотъ предсмертный крикъ пронесся по лѣсу, дошелъ до Евстигнѣева и былъ услышанъ дозоромъ. Этотъ крикъ заставилъ дозоръ долго и тщательно искать въ лѣсу, и казаки сильно боялись за печальный исходъ своего предпріятія.

Выручила собака: она бросила „приманку" и вернулась къ дозору, и тотъ, успокоенный, пошелъ обратно.

Скоро прожекторъ потухъ, и въ лѣсу былъ слышенъ только шумъ падающаго дождя и вѣтра, обламывающаго небольшія вѣтки.

Больше часа казаки стояли, прячась въ лѣсу. Собака больше не шла. Иногда она тревожно лаяла, и тогда опять выходилъ дозоръ, но собака замолкала, и онъ уходилъ въ зданіе станціи.

Пока собака была жива, не было надежды взорвать этотъ мостъ. Евстигнѣевъ поэтому вернулся и распорядился такъ: возможно, что послѣ взрыва другого моста у непріятеля поднимется такой переполохъ, что явится возможность взорвать и этотъ, поэтому Кудряшовъ съ однимъ изъ казаковъ долженъ отдѣлиться и пережидать вблизи моста: какъ только будетъ возможность, онъ долженъ попытаться подложить шашки и поджечь шнуръ.

— Кого возьмешь?

Кудряшъ посмотрѣлъ на казаковъ. Всѣ пододвинулись къ нему. Евстигнѣевъ остановилъ ихъ:

— Попробуй Кирилку, коли не боишься, что напутаетъ...

Кирилка просіялъ:

— Никакъ нѣтъ, не напутаю.

— Смотри же, Кудряшовъ, придется раздѣться, — думаю, такъ лучше, чѣмъ плыть въ одеждѣ?

Кудряшовъ почесалъ затылокъ:

— Вода дюже холодна, какъ бы не застыть да не окостенѣть... Что, коли не сможешь плыть?..

— Ну, а я? Эхъ ты, горе—казакъ!

(Окончаніе слѣдуетъ).

Дворецъ Воляновскаго въ Козеницахъ, Радомской губ. Передній фасадъ, разбитый германской бомбардировкой.

Русскіе орлы.

Силуэты **Н. Симбирскаго.**

III. Боцманъ Прохоровъ.

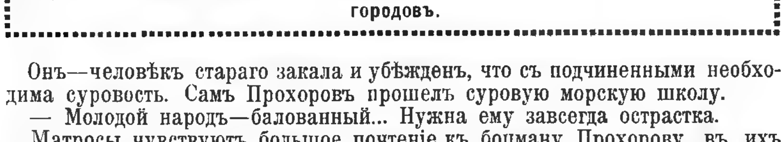
Боцманъ Прохоровъ рѣшительно не помнитъ, гдѣ онъ родился —ему кажется, что родился и выросъ онъ на борту военнаго судна. По крайней мѣрѣ, хронологія жизни его идетъ исключительно по военно-морской службѣ.

— Это было, когда я еще на „Ретвизанѣ“ служилъ. Когда послѣ флегата передѣлали... Ну, тогда еще только съ парусной на паровую переходили...

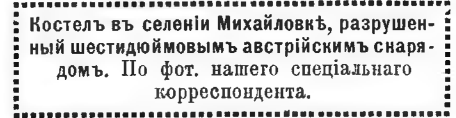
— Ну, конечно, помню: еще мы на „Князѣ Пожарскомъ“ плавали, послѣ кругосвѣтнаго меня и унтеръ-офицеромъ сдѣлали.

Боцманъ Прохоровъ давно отслужилъ свой срокъ. И когда ему вышло въ чистую, онъ несказанно удивился этому.

— Куда же это я пойду? Мнѣ итти не-



Въ окрестностяхъ Перемышля. Разрушенія, произведенныя бомбардировкой русской артиллеріи. Въ отличіе отъ германскихъ, русскія батареи стараются щадить церкви и монументальныя постройки непріятельскихъ городовъ.



Костелъ въ селеніи Михайловкѣ, разрушенный шестидюймовымъ австрійскимъ снарядомъ. По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

куда, вашескородіе... Я къ флоту принадлежу. Дозвольте остаться!

И столько искренней обиды звучало въ голосѣ боцмана Прохорова, что начальство и думать не стало:

— Оставайся, служи.

Служитъ съ тѣхъ поръ боцманъ Прохоровъ и не знаетъ ни начала ни конца своей службы, да и не интересуется этимъ. Не мудрено: ни души нѣтъ родной у Прохорова на берегу. Какія и были души, давно растерялъ.

Все на борту: и радость, и горе, и жизнь...

Боцманъ Прохоровъ—философъ большой руки. Убѣжденія его крѣпки и незыблемы, вылились въ свою форму, какъ пушка изъ стальной болванки.

Одинъ разъ — и навсегда.

Лицо его пріобрѣло за долгіе годы плаванія совершенно коричневый оттѣнокъ. Кожа словно выдублена. Черты лица твердыя, точно высѣченныя изъ камня. А глаза добрые, хотя при разговорахъ съ матросами принимаютъ суровое выраженіе.

Онъ—человѣкъ стараго закала и убѣжденъ, что съ подчиненными необходима суровость. Самъ Прохоровъ прошелъ суровую морскую школу.

— Молодой народъ—балованный... Нужна ему завсегда острастка.

Матросы чувствуютъ большое почтеніе къ боцману Прохорову, въ ихъ глазахъ онъ — морской авторитетъ. Про молодыхъ и говорить нечего. Начальство очень цѣнитъ Прохорова, а молодые офицеры,—тѣ прямо учатся у старика морской наукѣ: не стыдятся.

Старикъ боцманъ помнитъ еще крѣпостное право, и потому въ его глазахъ всѣ офицеры — господа прежде всего. И потому онъ весьма гордится хорошимъ съ нимъ обращеніемъ.

Разъ въ мѣсяцъ боцманъ на берегу напивался жестоко, неукоснительно и притомъ по системѣ.

— Для здоровья нужно!

И никто въ мірѣ не могъ убѣдить въ противномъ Прохорова. Всѣ дни мѣсяца онъ велъ примѣрную, трезвую жизнь, но этотъ одинъ день принадлежалъ ему, и никакія силы не могли его отнять у старика.

Когда онъ угощался, онъ любилъ быть непремѣнно въ компаніи. Онъ тогда становился мраченъ, важенъ и сосредоточенъ. Ему были нужны слушатели почтительные и молчаливые.

И тутъ послѣ третьей бутылки крѣпчайшей водки, или рома, міровоззрѣніе стараго боцмана развертывалось вполнѣ.

Боцманъ Прохоровъ плаваетъ слишкомъ тридцать лѣтъ, перевидалъ за это время всѣ страны свѣта, и это только укрѣпило въ немъ сознаніе, что одна есть на свѣтѣ держава — Россія, остальное же все—это такъ, нестоящее серьезнаго вниманія. Съ матросами всѣхъ націй Прохоровъ говоритъ по-русски и рѣшительно не желаетъ приспособливаться ни къ

Православная церковь въ Галичинѣ, разрушенная австрійскимъ снарядомъ.

одной странѣ въ смыслѣ языка и обычаевъ. Если его не понимаютъ (а это случается зачастую), онъ только презрительно пожимаетъ плечами и въ душѣ удивляется необразованности этихъ націй.

Въ Сингапурѣ въ тавернѣ онъ неукоснительно требуетъ щей и каши, и такъ страшно кричитъ на малайцевъ-слугъ, что тѣ бѣгаютъ отъ него, какъ отъ огня.

На войну у него тоже совершенно опредѣленный взглядъ.

Взбунтовалъ нѣмецъ супротивъ нашего Царя, теперь усмиряемъ его.

Раньше бунтовалъ турокъ, потомъ японецъ.

Одинъ „бунтовщикъ" сильнѣе другого—вотъ и все. Это не суть важно.

Главное, что это—„бунтовщики", и надо ихъ усмирять.

И потому онъ называетъ это не войной, а усмиреніемъ нѣмца...

— Бунтуетъ сильно! — говоритъ боцманъ Прохоровъ.—Запасся силами. Ну, да не надолго. Усмиримъ...

И говоритъ это съ такой увѣренностью, что окружающіе матросы начинаютъ ему вполнѣ вѣрить во всемъ. Не только въ его знанія въ морскомъ дѣлѣ, но и въ то, что войны нѣтъ, а есть „усмиреніе" нѣмцевъ.

Въ бою боцманъ Прохоровъ незамѣнимъ: спокоенъ, мотодиченъ и даже до досадности медлителенъ въ движеніяхъ.

Его хладнокровіе заразительно дѣйствуетъ на команду: матросы не суетятся, работаютъ, какъ на ученьи, на снаряды мало обращаютъ вниманія.

— Ты, братъ, его не бойся!.. — говоритъ сурово боцманъ молодому матросу, поблѣднѣвшему при свистѣ пролетѣвшаго снаряда.—Онъ добрый: убьетъ, такъ не услышишь: слышишь, значитъ, мимо пролетѣлъ.

На груди у стараго боцмана три Георгія. Всѣ три получены въ бою: два—за „усмиреніе турка", одинъ за „усмиреніе китайца". Это его гордость и слава. Офицеры ему въ отвѣтъ козыряютъ полной рукой.

Въ побѣдѣ русскаго оружія боцманъ не сомнѣвается ни одной секунды.

На этотъ счетъ его убѣжденія также тверды.

IV. Рядовой Чурка.

— Ну, этого молодца надо въ пѣхоту!—жирнымъ басомъ проговорилъ воинскій начальникъ на пріемѣ новобранцевъ, разглядывая съ высоты своего солиднаго роста небольшого, приземистаго, бѣлесоватаго человѣчка, попавшаго въ наборъ. — Чурка?! Настоящій чурка.

Новобранецъ Чурка изъ Бѣлоруссіи отнесся совершенно равнодушно къ такой критической оцѣнкѣ своей внѣшности. Онъ не интересовался ею никогда и никогда о ней не думалъ. Красивъ онъ, или нѣтъ... Бѣдный сынъ песчаной Бѣлоруссіи, онъ всецѣло воспріялъ окраску своей родины и весь былъ въ бѣлесоватыхъ тонахъ: бѣло-желтые волосы, свѣтло-сѣрые глаза, блѣдно-желтый цвѣтъ лица.

Онъ стоически принялъ вѣсть о томъ, что его „забрили", и перешелъ въ солдатскую службу такъ же спокойно, какъ, бывало, по субботамъ отправлялся на базаръ въ ближайшій уѣздный городъ.

Служилъ Чурка исправно и, къ удивленію ближайшаго начальства, весьма скоро постигъ всю солдатскую премудрость. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ Чурка отхватывалъ артикулы съ похвальной отчетливостью и маршировалъ съ рѣдкой неутомимостью.

— Добрый солдатъ! — съ чувствомъ проговорилъ старый фельдфебель Акимычъ.—А, признаться, не ждалъ толка!

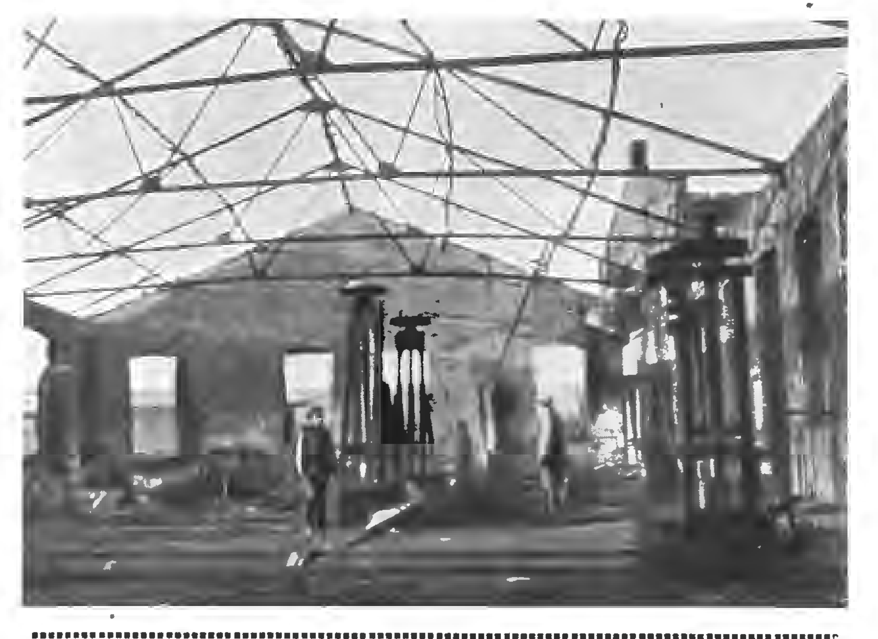
Очутился рядовой Чурка въ Восточной Пруссіи, конечно, совершенно неожиданно для себя.

— Погнали на новыя квартиры,—такъ говорили солдаты.

Чурка охотно имъ повѣрилъ. Онъ вообще повѣрилъ въ свое военное существованіе довольно основательно:

Станція Скаржинка. Видъ зданія, разореннаго нѣмцами, на полотнѣ желѣзной дороги. Вдали виденъ вокзалъ. По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

Станція Скаржинка, подвергшаяся германской бомбардировкѣ. По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.



Станція Скаржинка. Сожженная желѣзнодорожная мастерская. По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

кормятъ хорошо, одѣваютъ крѣпко, обиды отъ начальства не видитъ. Чего же больше? Раньше ѣлъ только картошку, говядину видѣлъ два раза въ годъ, а обидъ отъ „начальства“ конца-краю не было... Обижалъ старшина, шпынялъ и староста, и отъ урядника доставалось.

— Нѣтъ, здѣсь вольготнѣе безъ примѣра,—рѣшилъ Чурка.

Къ боевому положенію рядовой Чурка отнесся спокойно. Нѣмца не боится, а смотритъ на него снисходительно.

— Изъ-за земли воюетъ: земли ему мало, вотъ и добивается нашей.

И потому смотритъ онъ на нѣмца не столько, какъ на врага, а какъ на „охальника“, которому чужой земли захотѣлось.

Учить „охальниковъ“ слѣдуетъ, и потому Чурка въ нѣмца стрѣляетъ весьма исправно.

Невзрачный человѣчишка Чурка-рядовой на видъ, а въ бою—орелъ. Азарта не видать въ немъ, а спокойствія много, много стойкости и увѣренности въ себѣ. Приказано отъ начальства стоять въ цѣпи и стрѣлять, — будетъ стоять, пока не сшибутъ съ ногъ долой... Нѣмца подпуститъ на триста шаговъ и стрѣляетъ по немъ ровно, мѣтко, какъ по зайцу на облавѣ. Небойсь, не спуститъ пули раньше срока.

Казенная она, беречь ее надо. Чего зря платить.

Незамѣтно Чурка все это производитъ и самъ значенія этому никакого не придаетъ.

Да и дѣйствительно: гдѣ же тутъ, въ этихъ сѣрыхъ рядахъ, начальству Чурку замѣтить. Вѣдь такихъ, какъ онъ, многія тысячи... Не всѣмъ же Георгія вѣшать на грудь.

V. Васька Уткинъ.

Все посѣрѣло, небо заволокло сѣрыми тучами: воздухъ сгустился и потускнѣлъ. Сыплетъ дождикъ: частый-частый... мелкій, зябкій, пронизывающій.

Потонулъ въ этой сѣрой мглѣ пѣхотный полкъ на аванпостахъ. Огня зажигать не велятъ; разнесутъ кашевары пищу—поѣшь, да и ложись на сырую землю, подъ дождь.

Скверно...

Нахохлились солдаты 8-й роты. Въ одной изъ сѣрыхъ кучекъ вдругъ взрывъ смѣха: здороваго, раскатистаго. И такъ странно звучитъ радостный смѣхъ на этомъ тускломъ фонѣ.

— Безпремѣнно это Васька Уткинъ гудитъ!

И тянутся хмурые люди къ тому мѣсту, гдѣ веселый смѣхъ вспыхиваетъ, какъ яркая искорка во тьмѣ.

Васька Уткинъ — развеселый человѣкъ. Никакія стихіи, кажется, не могутъ сломить этой бьющей черезъ край жизни. Румяный, красивый парень, вертлявый, юркій, бойкій. Всю ярославскую повадку принесъ на Карпаты Васька Уткинъ. И ловко донесъ—ничего не растерялъ на длинномъ пути.

— Ахъ, чтобъ тебѣ!

Васька Уткинъ изображаетъ, какъ надо съ австрійцемъ воевать; помираютъ солдаты со смѣху: весь мокрый стоитъ Васька фертомъ, въ красной рубахѣ, руки въ боки заложилъ и докладываетъ:

— Съ австрійцемъ, по моему мнѣнію (а почему такое мнѣніе у Васьки Уткина, онъ, вѣроятно, и самъ не знаетъ), надо обращаться деликатно. Нельзя такъ по-медвѣжьему. Ты въ него издали стрѣляй, потихоньку, а штыкомъ его не трожь, — не уважаетъ онъ штыка. Колется, говоритъ, окаянный! Вотъ съ нѣмцемъ—ино дѣло... Этого прямо по башкѣ, и уважать его нечего. Австрійца нельзя—онъ нѣжный! Одинъ на одинъ—ни-ни!

— Нѣжный?! Хо! Хо! Хо!..

— Чего заржали! Вѣрно говорю. Онъ на манной крупѣ выросъ. Ты покорми-ка его нашей похлебкой, такъ безъ боя подохнетъ, какъ муха... Потому наша похлебка строгая... Увѣсистая...

Хохочутъ солдаты.

Ваську Уткина солдаты не очень уважаютъ, потому враль большой руки, а слушать его прибаутки страсть любятъ. Русскій человѣкъ любитъ шутку, а шутника не высоко цѣнитъ. Балагуру и мѣста и почета мало. Да Васька за почетомъ и не гонится — не за деньги смѣшитъ: самъ по себѣ.

Всѣ упорно зовутъ Уткина — Васькой. Такъ эта кличка за нимъ пошла изъ деревни и приросла къ нему, какъ мозоль. Временами онъ протестуетъ, но ничего изъ этого не выходитъ.

— Эй, Васька! Поди-ка сюда, поври чего-нибудь! — кричатъ солдаты.

— Для кого Васька, а для васъ Василь Василичъ,—огрызается Уткинъ, однако сейчасъ же становится въ позу и начинаетъ привычное балагурство.

Гдѣ правда, гдѣ нѣтъ, никто не разберетъ. И меньше всѣхъ, пожалуй, самъ Васька Уткинъ.

Это—натура стихійная, художественная. Когда Васька начинаетъ говорить, ему вдругъ начинаютъ представляться картины ужасовъ, которыхъ у него въ жизни никогда не было. Онъ создаетъ въ воображеніи цѣлую канву, на которой начинаетъ вышивать замысловатые узоры словами, и, что удивительно,—самъ начинаетъ вѣрить первый всему страстно и азартно.

И скажите ему въ этотъ моментъ, что онъ вретъ, обидится серьезно. Васька Уткинъ чувствуетъ слабость къ иностраннымъ словамъ, самому ему непонятнымъ. Лексиконъ его, правда, невеликъ, и приводитъ ихъ Васька ни къ селу ни къ городу, но успѣхъ имѣетъ среди своихъ слушателей несомнѣнный.

Бой идетъ въ передовыхъ частяхъ: попала 8-я рота въ резервы; нѣтъ досаднѣе положенія стоять въ огнѣ, а стрѣлять не велятъ. Долетаютъ сюда и снаряды, лопаются и временами вырываютъ людей изъ бездѣйствующей части.

Хмурые солдаты злятся. Въ бой хочется, не пускаютъ; насупились, примолкли, кучками разсѣлись.

Тутъ же и Васька Уткинъ сидитъ, томится. Не подъ силу молчать—смерть побалакать хочется. Терпѣлъ, терпѣлъ—не вытерпѣлъ. Прорвало.

— Скушно, братцы... Сидимъ, какъ боровья въ соусѣ. Безо вниманія къ дѣлу находимся—выходитъ одна квинтъ-эссенція! Пра—

Къ боямъ подъ Лодзью. Мостъ на Константиновской улицѣ, разрушенный нѣмцами.

Одинъ изъ многочисленныхъ замковъ въ Галичинѣ, брошенный владѣльцемъ при наступленіи нашихъ войскъ.

слово! Приставлены, видно, нѣмцевы бомбы считать... Довольно даже глупая фабула.

Хмурыя лица начинаютъ понемногу расправлять складки. Около Васьки незамѣтно группируется кружокъ. Ему только этого и нужно. Пріосанился и начинаетъ.

— Ну, развязалъ языкъ Васька... Мели Емеля— твоя недѣля...

Какъ будто неохотно, однако все ближе къ Васькѣ придвигаются солдаты.

Съ визгомъ пролетаетъ шрапнель и сыплетъ дождь осколковъ. Перелетъ. Солдаты присѣдаютъ.

— А что, Васька, боишься? Бомба-то страшная?!

— Я? Ни въ жисть. Мнѣ бомбы—тьфу! И больше никакихъ антиресовъ! Потому мнѣ всѣ эти народы очинно хорошо знакомы. Да вотъ разскажу вамъ, братцы, какъ я онамедни къ австрійкѣ въ гости ходилъ. Занятныя племена! Познакомились мы на хфортахъ...

— Да по-каковски ты съ ней разговаривалъ? — начинаютъ ужъ фыркать солдаты.

— На разныхъ, значитъ, языкахъ говорилъ... Какой къ какому мѣсту принадлежитъ... Говорю я этта ей...

Все чаще рвутся снаряды... ближе ложатся... Пули посвистываютъ. Пристрѣлялись.

— Эй, охотники!—кричитъ ротный командиръ. — Кто идетъ вонъ тѣхъ сшибить на пригоркѣ?

Десять солдатъ сорвались съ мѣста. Впереди всѣхъ Васька Уткинъ.

— Вашбродь! Дозвольте охотникомъ... Смерть хочется... рука зудитъ на нѣмца...

Вошла вся рота въ огонь... Близокъ нѣмецъ...

— Въ штыки, ребята!—кричитъ командиръ. — За мной!

Вырвалась впередъ кучка смѣльчаковъ, здѣсь и Васька Уткинъ. Штыкъ наперевѣсъ, бѣжитъ, еле за нимъ рота поспѣваетъ. Отступаютъ австрійцы спѣшно...

Бѣжитъ Васька вприпрыжку, на ходу кричитъ:

— Родимые, постойте! Не уходите, черти! Дайте подраться!..

И острымъ клиномъ врѣзываются солдаты въ отсталыхъ. Пошла штыковая работа. Очистили поле.

— Не коли! Не коли, ребята! Мой нѣмецъ!—весь красный, кричитъ Васька Уткинъ, защищая австрійскаго солдата.—Видишь, аману проситъ! Лежачаго не бьютъ.—И съ торжествомъ ведетъ своего „нѣмца“ къ ротному командиру...

— Васька Уткинъ нѣмца ведетъ!—кричатъ солдаты, толпясь на очищенныхъ буграхъ.

— Живой, братцы!—возбужденно кричитъ Уткинъ. — Всамдѣлишный! Вотъ вамъ кака бандероль вышла!

Солдаты кругомъ хохочутъ, разглядывая „нѣмца“...

Непріятельскій аэропланъ! Моментъ прицѣла въ него.
По фот. нашего корреспондента.

Непріятельскій аэропланъ! Приготовленіе къ встрѣчѣ аэроплана ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ. По фот. нашего корреспондента.

Стальная птица.

Ночь черною ризою землю одѣла,
Волна, набѣгая на берегъ, шумѣла,
На рейдѣ затихъ разговоръ якорей,
И еле мерцали огни фонарей...
Дремало у берега судно, какъ птица,
Вылъ вѣтеръ, и звѣзды не смѣли молиться...
Приснилась ли птицѣ ночная гроза,
Но только она вдругъ открыла глаза,
Встревожившей думѣ не слыша отвѣта,
И взглядъ ея, полный лучистаго свѣта,
Зеленою лентою тьму разсѣкалъ
И въ небѣ чего-то тревожно искалъ.
Лучи, разбѣгаясь, узоры чертили,
Но вдругъ неподвижно и мертво застыли,—
Увидѣли люди, покрытые мглой,
Какъ птица стальная неслась надъ землей...
Вся жизнь притаилась, и тихо такъ стало,
Что слышно, какъ сердце у птицы стучало...
Изъ клюва она уронила зерно,
На рейдѣ огнемъ разорвалось оно...
Сбѣжались стрѣлки, и тотчасъ вереницей
Помчались ихъ пули за дерзкою птицей.
Въ отвѣтъ уронивъ имъ еще три зерна,
За тучи подняться хотѣла она,
Но мѣткая пуля ей въ сердце попала,
И птица безсильно въ выси трепетала,
Стараясь какъ будто бы жизнь удержать,
Хотя уже сердце не стало стучать...
А птица земная лучистаго взгляда
Съ нея не сводила, какъ съ близкаго клада,
И взглядъ опускался, растаявъ во мглѣ,
Когда распласталась она на землѣ...
А къ птицѣ изъ города люди бѣжали
И звонкою цѣпью ей крылья ковали...

Сергѣй Михѣевъ.

Перспективный видъ одной изъ германскихъ траншей.

Перспективный видъ германскихъ траншей. Расположеніе, видимое наступающему. Линіи траншей сливаются съ пейзажемъ мѣстности.

Перспективный видъ германскихъ траншей.

Подъ нѣмца.

Разсказъ **С. Кипренскаго**

(Окончаніе).

III.

Дѣло было подъ вечеръ. Въ этотъ день полкъ, къ которому принадлежала рота, не принималъ участія въ сраженіи. Раньше передъ этимъ четыре дня подъ рядъ Кубышка не выходилъ изъ огня, и ему была дана передышка.

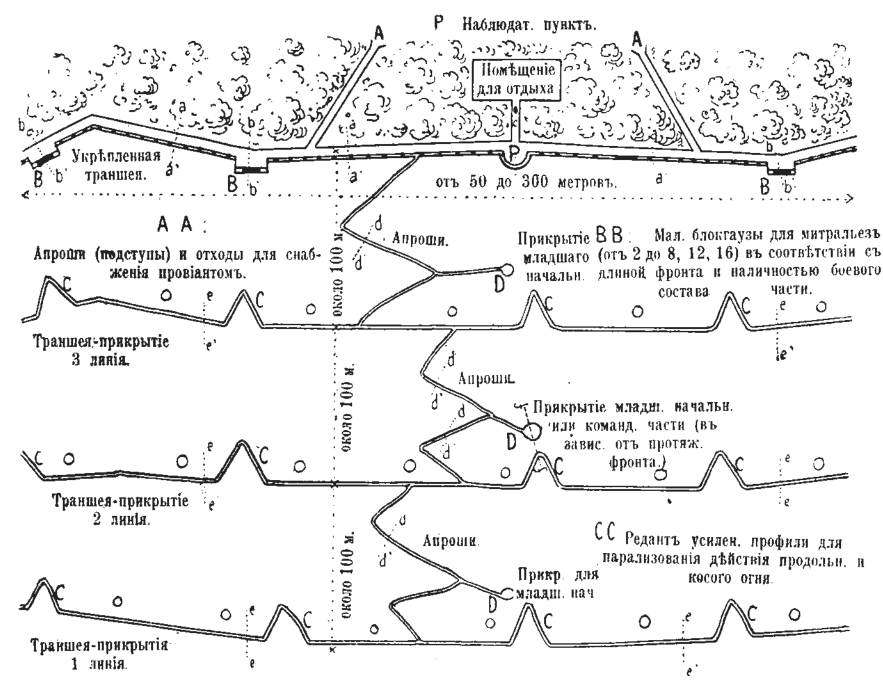
Расположились въ деревнѣ—не въ той разоренной, а въ другой, которая, по счастью, была обойдена непріятелемъ, и гдѣ поэтому еще оставались въ цѣлости и куры, и гуси, и утки, и поросята. И дѣло вышло изъ-за пустяковъ.

Въ одной избѣ расположились подполковникъ и нѣсколько офицеровъ, и такъ какъ былъ добытъ гусь, то Кубышка, кулинарное искусство котораго уже получило извѣстность, былъ приглашенъ придать ему наиболѣе пикантный вкусъ. Прѣсная пища походной кухни страшно пріѣлась всѣмъ, и хотѣлось чего-нибудь необыкновеннаго.

— Оно можно, — сказалъ на предложеніе Кубышка: — только вотъ приправъ никакихъ не имѣется. У нихъ тутъ лукъ да чеснокъ, а больше и ничего. Если бъ шампіончики, либо труфель...

У офицеровъ, а особенно у подполковника, который понималъ вкусъ въ тонкихъ блюдахъ, при упоминаніи о трюфеляхъ слюнки потекли.

Позиціонная война. Траншеи и ихъ устройство.



Планъ германскихъ траншейныхъ сооруженій.

Этотъ третій участникъ экспедиціи сильно упирался, неистово хрюкалъ, но Репейниковъ, отличавшійся гигантской силой, идя впереди, тащилъ ее, а Кубышка сзади подталкивалъ палкой. Само собою разумѣется, что оружія у нихъ съ собою не было никакого, если не считать желѣзной лопаты, которая была прихвачена для выкапыванія трюфелей.

Въ лѣсу свинья, повидимому, свыкнувшись съ своимъ необычнымъ положеніемъ, перестала протестовать и пошла безъ поощренія. Они продвинулись впередъ версты на двѣ, но трюфелей не встрѣтили. По крайней мѣрѣ экспертъ не проявлялъ ни малѣйшаго желанія обнюхивать и рыть землю.

Прошли еще съ версту. Кубышка усталъ и захотѣлъ посидѣть. Увидѣвъ на нѣкоторомъ разстояніи опушку и протекавшій тамъ небольшой ручеекъ, онъ рѣшилъ туда и направиться, кстати, ему хотѣлось пить, да и свинью надо было пріободрить свѣжей водой.

Подошли къ ручейку, разсѣлись на пожелтѣвшей уже травѣ, попоили свинью и, привязавъ ее къ дереву, предоставили ей пастись.

И вотъ тутъ-то, при этой идиллической обстановкѣ, оно и случилось. Только-что Кубышка вознамѣрился опрокинуться на спину и разлечься на травѣ, какъ вдругъ передъ его глазами, точно выросли изъ-подъ земли, съ противоположной стороны лѣса выдвинулись всадники, числомъ, должно-быть, съ десятокъ. Для него было совершенно ясно, что это

Но о томъ, чтобы достать подобную прелесть, и думать было нечего. Однако Кубышка смотрѣлъ на это дѣло не такъ безнадежно.

— Ваше высокоблагородіе, — сказалъ онъ: — а вѣдь труфель водится въ здѣшнихъ мѣстахъ.

— Да что ты? Откуда ты взялъ?

— Мнѣ извѣстно. Тутъ лѣса, ваше высокоблагородіе, дубовые, а онъ, то-есть труфель, какъ разъ это самое и любитъ. Тамъ, гдѣ дубовые корни, ужъ и онъ располагается... Ужъ я знаю, ваше высокоблагородіе... Балтійскіе нѣмцы—народъ не промахъ, они тоже въ труфельномъ дѣлѣ толкъ понимаютъ. Такъ отсюда, изъ здѣшняго края, ихъ и вывозятъ.

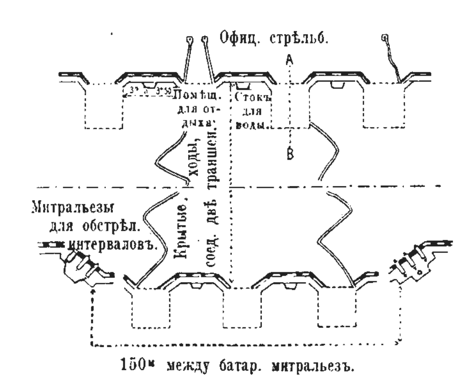
— Да какъ же ихъ отыскать? Вѣдь они въ землѣ растутъ.

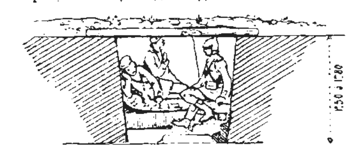
— Въ землѣ. А отыскать все-таки можно. Для этого дѣла свинью надобно приспособить.

— Какъ это свинью?

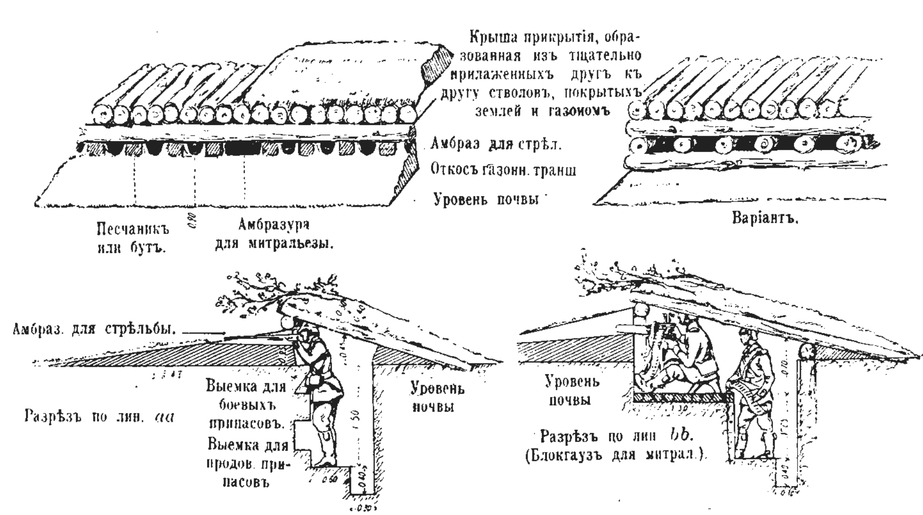
нѣмецкій развѣдочный отрядъ.

Кубышка вскочилъ на ноги, Репейниковъ сдѣлалъ то же самое. Оба они машинально схватились правой рукой за то мѣсто, гдѣ обычно находится оружіе, но не нашли его, оба сдѣлали движеніе, чтобы бѣжать и скрыться въ лѣсу,





Планъ и разрѣзъ траншейныхъ сооруженій. Деталь. (Въ Германіи).



Разрѣзъ блокгауза для митральезъ. (Въ Германіи).

— А такъ. Взять ее на поводу и водить съ собою. А свинья, ваше высокородіе, въ труфелѣ понимаетъ толкъ, можно сказать, больше, чѣмъ въ апельсинахъ. Она ихъ чуетъ по запаху и сейчасъ это, гдѣ они залегли, зачинаетъ землю рыть. Вотъ тутъ и копай, и ужъ непремѣнно сыщется... Оно, положимъ, свинья бываетъ къ этому дѣлу пріученная, но, я полагаю, что и всякая можетъ... Дозвольте, ваше высокоблагородіе, пробу сдѣлать.

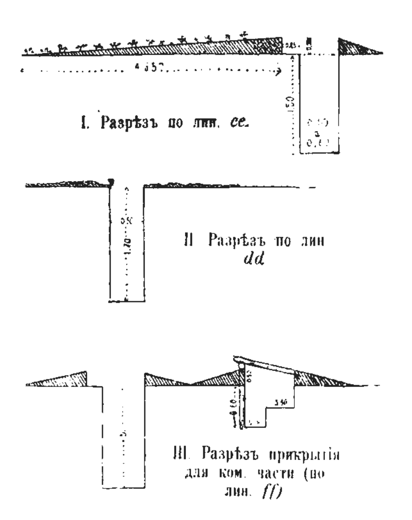
— Хорошо. Сдѣлай, пожалуй...

Кубышка сейчасъ же приступилъ къ исполненію порученія. Онъ прикомандировалъ къ себѣ одного солдатика, по имени Ивана Репейникова, на что онъ въ качествѣ унтеръ-офицера имѣлъ право, досталъ у поселянина тощую польскую, на высокихъ ногахъ, свинью, обуздалъ ее при помощи веревки, и вмѣстѣ они двинулись въ огромный дубовый лѣсъ, который начинался верстахъ въ четырехъ отъ деревни,—Кубышка, Репейниковъ и свинья.

но было уже поздно. Всадники пришпорили коней и въ минуту прискакали къ нимъ и окружили ихъ.

— Откуда? — спросилъ по-русски одинъ изъ всадниковъ, видимо, отчетливо заучившій это слово.

Но Кубышка сказалъ себѣ: „Ну, нѣтъ, шалишь, я тебѣ по-русски не отвѣчу“. И от-



Разрѣзъ траншейныхъ сооруженій. Деталь. (Въ Германіи).

Позиціонная война. Траншеи и ихъ устройство.

вѣтилъ на чистомъ нѣмецкомъ языкѣ, явно однако балтійскаго происхожденія:

— Издалека... Мы заблудились. Были посланы раздобыть какую-нибудь живность и добыли свинью, да путь обратно потеряли.

Нѣмцы недовѣрчиво осмотрѣли его, потомъ спросили уже по-нѣмецки:

— А ты развѣ по-русски не умѣешь?

— Ошень плёхи, sehr schlecht!—отвѣтилъ Кубышка, намѣренно коверкая русскія слова.

— Ты, значитъ, нѣмецъ?

— Я нѣмецъ изъ Митавы. Меня зовутъ Карлъ Кубенштейнъ... И я невиноватъ, что русскіе заставили меня служить.

А этотъ?—спросили, указывая на Репейникова.

— Этотъ русскій. Но онъ такой же дуракъ, какъ всѣ они, и даже еще глупѣе.

А гдѣ стоянка?

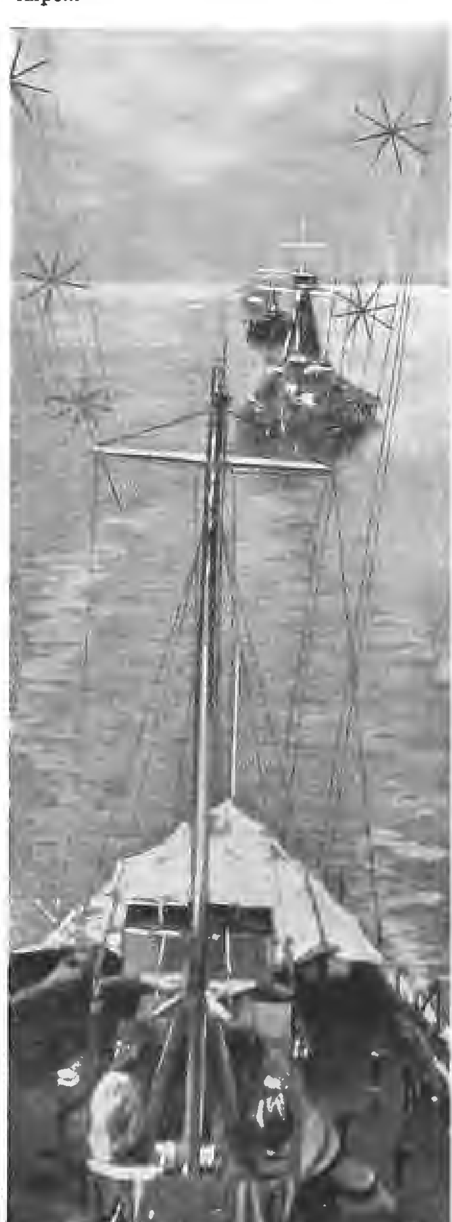
— До стоянки отсюда будетъ хорошихъ двадцать верстъ.

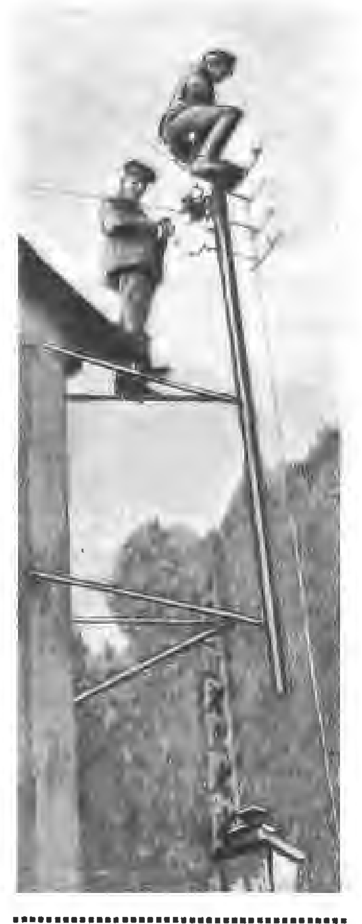
— А много тамъ войска?

— Нѣтъ, не много. Три полка наберется, не больше.

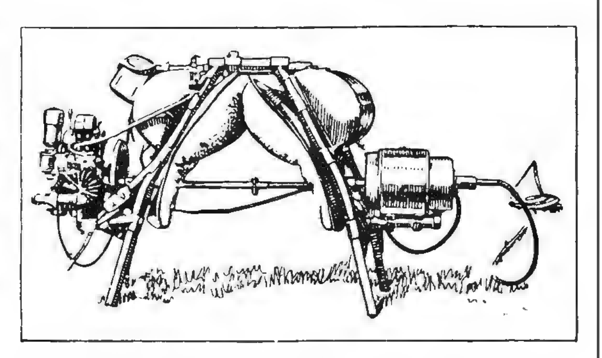
— И казаки есть?

— Казаки? Такъ, пустяки... Сотни четыре...





Починка телеграфа.



Полевой телефонъ на сѣдлѣ.

Перерѣзанные телеграфные провода у Намюра.

Безпроволочный телеграфъ на судьѣ.

И прибавилъ мимоходомъ по-русски, явно для свѣдѣнія Репейникова:

— Три полка, говорю, и сотни четыре казаковъ. Правда?

Репейниковъ кивнулъ головой.

— А ну-да, столько и есть.

— Помни,—строго сказалъ офицеръ по-нѣмецки, обращаясь къ Кубышкѣ и совершенно игнорируя Репейникова:—если ты обманываешь, то будешь вздернутъ на дерево.

„А какъ это ты узнаешь, обманываю или нѣтъ?"—подумалъ Кубышка и твердо отвѣтилъ:

— Какъ я могу обмануть своихъ соотечественниковъ? Я могу только радоваться тому, что они возьмутъ меня съ собою.

— Ступай. Возьми животное и веди.

Кубышка отвязалъ свинью и повелъ ее вслѣдъ за всадникомъ, выѣхавшимъ впередъ, рядомъ съ нимъ шагалъ Репейниковъ, съ чрезвычайно глупымъ видомъ, а позади ѣхали шагомъ остальные всадники. Свинья, чувствуя за своей спиной цѣлый отрядъ, покорно шла.

Уже солнце зашло, а путешествіе все продолжалось, и нельзя было предугадать, когда оно кончится. Изъ-за пѣшихъ плѣнниковъ приходилось и отряду тащиться шагомъ. На счастье пѣшихъ и на несчастье его самого, навстрѣчу попался польскій крестьянинъ, ѣхавшій на возу, запряженномъ парой, правда, невѣроятныхъ клячъ, но все же лошадей. Завидѣвъ отрядъ, онъ быстро свернулъ съ дороги и хотѣлъ было ударить по лошадямъ, чтобы удрать, но двое изъ отряда въ ту же минуту поскакали къ нему и, направивъ на него револьверы, приказали ему—на этотъ разъ по-польски—слѣзать съ воза.

Крестьянинъ безпрекословно слѣзъ. На возъ уложили свинью, которая сильно протестовала, такъ что пришлось связать ей ноги, и туда же усѣлись Кубышка и Репейниковъ.

Кубышка помѣстился на мѣшкѣ, наполненномъ, повидимому, ячменемъ, взялъ въ руки вожжи и, окруженный всадниками, погналъ лошадей по дорогѣ. Теперь, значитъ, было уже легче, и не такъ уже интересовалъ вопросъ, далеко ли? А оказалось не близко. Верстъ двѣнадцать пришлось еще ѣхать.

Кубышка отлично зналъ всю эту мѣстность и уже понялъ, что цѣль ихъ путешествія — маленькій польско-еврейскій городокъ, который, какъ ему было извѣстно, еще занятъ былъ нѣмцами. И дѣйствительно, при послѣднемъ тускломъ свѣтѣ сумерекъ показались городскіе дома, невысокіе, почти сплошь одноэтажные, а потомъ въѣхали и въ предѣлы самаго города.

Тутъ ихъ прежде всего разлучили со свиньей, которая, можетъ-быть, въ тотъ же вечеръ кончила свое земное бытіе и отправилась въ нѣмецкіе желудки. Ихъ же обоихъ засадили въ какое-то пустое помѣщеніе, приставивъ къ двери и къ окнамъ по солдату.

— Ну, вотъ, братецъ,—тихо сказалъ Репейникову Кубышка:—мы, стало-быть, и въ плѣну у нѣмцевъ. И ты, если хочешь быть живъ, помни твердо, что нѣтъ Кубышки и нѣтъ хохла, а есть нѣмецъ Карлъ Кубенштейнъ. Оно, конечно, еще чортъ его знаетъ,

чтó изъ этого выйдетъ. Можетъ, и повѣсятъ, ну, а можетъ, этимъ какъ-нибудь и выкарабкаемся.

IV.

Около часу длилось ихъ заключеніе въ пустой и темной комнатѣ, въ которой пахло сыростью и мышами. Затѣмъ пришли три основательно вооруженныхъ нѣмца и велѣли Кубышкѣ итти съ ними. Репейникова же оставили въ прежнемъ положеніи.

Впрочемъ, онъ сейчасъ же проявилъ величайшую находчивость и, будучи хорошо охраняемъ нѣмецкими солдатами, растянулся на полу и, утомленный непредвидѣннымъ путешествіемъ, заснулъ.

А Кубышку повели по начальству. Допрашивали по крайней мѣрѣ въ десяти мѣстахъ, при чемъ каждый слѣдующій допроситель былъ старше предыдущаго. Всѣ пристально всматривались въ него, видимо, желая убѣдиться, что онъ не шпіонъ и не врагъ.

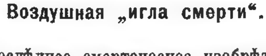
Но у него, не въ примѣръ его прошлому, было такое серьезное лицо и такая глубоко-нѣмецкая наружность, и такъ образцово владѣлъ онъ нѣмецкимъ языкомъ, что сомнѣнія мало-по-малу отпадали.

Со стороны нѣмца, взятаго противъ желанія на русскую службу, было такъ естественно говорить то, чтó говорилъ этотъ Карлъ Кубенштейнъ,—именно, что онъ несказанно счастливъ, что попалъ наконецъ къ своимъ, и готовъ служить имъ чѣмъ и какъ угодно.

Но, пока его водили, онъ кое-что замѣтилъ и прикинулъ умомъ, и, по его соображеніямъ, въ городѣ было солдатъ не больше тысячи, хотя, какъ онъ подумалъ, хорохорились они на цѣлый корпусъ. Наконецъ его привели къ самому старшему, относительно котораго онъ почему-то въ первую минуту рѣшилъ, что это полковникъ, хотя въ дѣйствительности онъ былъ только майоръ,—какъ видно, почтенный и бывалый уже служака, съ длинными закрученными кверху усами и клокомъ сѣдыхъ волосъ на головѣ.

Этотъ почему-то сразу почувствовалъ полное довѣріе къ Карлу Кубенштейну и до того снизошелъ, что, несмотря на разность положеній, даже позволилъ ему сѣсть и началъ подробнѣйшимъ образомъ разспрашивать о количествѣ русскихъ войскъ, объ ихъ расположеніи, о запасахъ, о планахъ, и Карлъ Кубенштейнъ на все отвѣчалъ съ такой основательностью и такъ солидно, что майоръ счелъ даже необходимымъ вооружиться карандашомъ и записывать его цифры и слова для доклада высшему начальству.

Вралъ Кубышка великолѣпно, но въ то же время и осторожно, т.-е. такъ, чтобы нельзя было провѣрить и поймать его.



Воздушная „игла смерти“.

Послѣднее смертоносное изобрѣтеніе германцевъ. Нашъ рисунокъ изображаетъ одну изъ такихъ иглъ, изготовляемыхъ изъ стали. Брошенная съ аэроплана, съ высоты 300 фут., игла эта въ состояніи пронзить человѣка, или лошадь. Нѣмцы пользуются этими иглами, соединяя ихъ въ связки по 50 или 100 штукъ. Эти «иглы» примѣняются также для пробиванія оболочки цеппелиновъ.

Въ непріятельской арміи. Стрѣльба по непріятельскимъ аэропланамъ съ верхней площадки цеппелина.

Майоръ былъ глупъ, это Кубенштейнъ сразу замѣтилъ. Первое доказательство было то, что онъ такъ легко повѣрилъ во всѣ глупости, которыя онъ ему разсказывалъ.

Въ результатѣ, его вмѣстѣ съ Репейниковымъ перевели въ другой домъ, гдѣ имъ была отведена комната, такая же скверная, какъ и прежде, но съ одной кроватью и съ тюфякомъ изъ соломы на полу.

Репейниковъ сперва внушалъ нѣмцамъ недовѣріе, но, когда увидѣли, какъ онъ, попавъ въ плѣнъ къ непріятелю, залихватски спалъ, издавая при этомъ неистовый храпъ, — должны были признать его полную безвредность.

Кровать была занята Кубышкой, и это было понятно — онъ вѣдь нѣмецъ, Карлъ Кубенштейнъ и, кромѣ того, унтеръ-офицеръ, — а тюфякъ на полу занялъ Репейниковъ, который, въ качествѣ русскаго, обязательно долженъ быть униженъ передъ нѣмцемъ и служить ему. Однакожъ у двери на улицѣ все-таки былъ поставленъ часовой, на обязанности котораго лежало не выпускать ихъ изъ дома.

Но это только въ первую ночь. А на другой день Карлъ Кубенштейнъ все нѣмецкое воинство, находившееся въ городѣ, расположилъ въ свою пользу. Онъ бранилъ русскихъ невѣроятно, находя для этого въ нѣмецкомъ лексиконѣ такія слова, какихъ не нашелъ бы самый ученый нѣмецкій филологъ. И это ужасно нравилось нѣмцамъ.

Кромѣ того, и это, конечно, было самое главное,—онъ пообѣщалъ майору и всѣмъ остальнымъ, что, если ему дадутъ небольшой отрядъ, этакъ человѣкъ въ пятнадцать, то онъ покажетъ имъ нѣсколько деревень, гдѣ еще и духу не было русскихъ солдатъ, и гдѣ можно великолѣпно пограбить и достать провизіи на цѣлый полкъ. А нѣмцамъ

Метаніе бомбъ съ аэроплана.

Привезли раненыхъ. Санитарная повозка съ койками для раненыхъ. По фот. нашего корреспондента.

штатскаго платья, въ которую нарядился Репейниковъ.

И ужъ само собою разумѣется, что никакой стражи больше для нихъ не полагалось. Карлъ Кубенштейнъ снискалъ общее довѣріе и готовился вмѣстѣ съ нѣмецкимъ отрядомъ грабить польскія деревни, а лакей чистилъ ему пиджакъ и сапоги и выметалъ комнату, въ которой они жили.

И вотъ, дня этакъ черезъ четыре послѣ плѣненія, майоръ рѣшилъ воспользоваться услугами балтійца и снарядить подъ его руководствомъ отрядъ для добыванія фуража. Было снаряжено пятнадцать солдатъ подъ командой унтеръ-офицера, а Карлъ Кубенштейнъ—шестнадцатый. Послѣ полуночи было назначено выступленіе.

Вечеромъ же, когда они легли спать, Карлъ Кубенштейнъ, снова превратившійся на время въ Кубышку, сказалъ вполголоса своему слугѣ:

— Слушай ты, Репешка, не будь дуракомъ и постарайся воспользоваться обстоятельствами. Завтра чуть-свѣтъ пятнадцать нѣмецкихъ болвановъ вмѣстѣ со мною выѣдутъ верхомъ за фуражомъ. Я обѣщалъ имъ показать такія деревни, гдѣ есть провизія и нѣтъ русскихъ солдатъ. Ну, я ужъ постараюсь показать имъ, что слѣдуетъ. А ты сейчасъ же послѣ насъ, пока еще будетъ темно, пробирайся на тотъ край городка,—тамъ нѣтъ войска и теперь за тобой

Подсчетъ австрійскихъ ружей, подобранныхъ нашими войсками на полѣ битвы, послѣ сраженія. По фот. нашего корреспондента.

какъ разъ этого-то и было надо. Городскихъ жителей, которыхъ было тысячи четыре, они уже объѣли до-тла, секвестровавъ все, что только было возможно. Изъ всей живности въ городѣ остались только одни коты, которые, не находя даже жалкихъ остатковъ для своего пропитанія, бродили по крышамъ, тощіе, облѣзлые, со впалыми боками, и издавали печальные звуки.

Онъ уже не щеголялъ въ русскомъ мундирѣ, заявивъ, что одежда эта крайне ему непріятна. И это было понято и признано, и ему доставили обыкновенную штатскую одежду, которую секвестровали у какого-то еврея, имѣвшаго несчастье торговать готовымъ платьемъ. Тогда онъ попросилъ, чтобы и лакея его тоже одѣли въ штатское. А на Репейникова такъ именно и смотрѣли: глупое русское животное для того и создано, чтобы служить нѣмцу. Ну, и пришлось наложить секвестръ еще на одну пару

Взятыя нами австрійскія орудія. По фот. нашего корреспондента.

нѣтъ стражи,—да черезъ мостъ, да драла. Раньше девяти часовъ тебя не хватятся, да и то едва ли. Понялъ? Ну, а остальное отъ тебя отъ самого зависитъ, а меня тутъ больше не увидятъ. Либо они меня изрубятъ на куски, либо я ихъ къ нашимъ доставлю.

На другой день, чуть только появились первые проблески утра, шестнадцать всадниковъ сѣли на коней и выѣхали изъ городка. А послѣ этого высокая темная фигура въ штатскомъ широкими шагами шмыгнула куда-то въ темный переулокъ и скрылась въ немъ, и больше въ городѣ ея никто ужъ не видѣлъ.

Всадники же, одушевляемые надеждой на сытную добычу, мчались во весь карьеръ почти безъ передышки часа полтора, слѣдуя за передовымъ, который былъ одѣтъ въ штатское.

А когда начало свѣтать, они приблизились къ той деревнѣ, гдѣ стоялъ полкъ. Карлъ Кубенштейнъ осторожно повелъ свой отрядъ въ обходъ деревни, и они притаились позади ея въ лѣскѣ. Всадники спѣшились, расположились на отдыхъ, пустили лошадей на

ВѢЧНАЯ ПАМЯТЬ
ВѢЧНАЯ СЛАВА
Капитанъ
В. Л. Симоновъ.
Полковникъ
В. В. Анищенковъ.
Полковникъ
А. Г. Христіани.
Капитанъ
И. И. Тхоржевскій.
Штабсъ-капитанъ
М. И. Хомяковъ.
Штабсъ-капитанъ
В. Р. Шигинъ.
Капитанъ
В. Н. Эсмонтъ.
Капитанъ
С. А. Алабинъ.
Полковникъ
А. А. Поповъ.
Капитанъ
В. Н. Леоновъ.
Поручикъ
В. А. Хвощинскій.
Поручикъ
В. И. Огневъ.
Поручикъ
Н. М. Лапекинъ.
Поручикъ
Е. А. Лебедевъ.
Поручикъ
В. В. Жолтановскій.
Подпоручикъ
А. С. Афанасьевъ.
Прапорщикъ
А. В. Лаврентьевъ.
Поручикъ
И. Г. Политковскій.
Подпоручикъ.
М. І. Козловскій.
Подпоручикъ
В. И. Веселаго.
Подпоручикъ
кн. В. И. Оболенскій.
Полковникъ
В. Д. Панкратьевъ.
Прапорщикъ
М. П. Малининъ.
Поручикъ
Г. Ѳ. Вознесенскій.
Прапорщикъ
Е. Э. Виттингъ.

У офицерскаго собранія въ деревнѣ Лазы на берегу рѣки Сана.

траву и закурили трубки, а Кубенштейнъ отправился въ деревню на развѣдки. Нужно же было все-таки сперва пощупать, въ чемъ тутъ дѣло.

Въ деревнѣ онъ ворожилъ недолго. Не прошло и четверти часа, и нѣмцы едва успѣли какъ слѣдуетъ раскурить свои трубки, какъ были со всѣхъ сторонъ окружены полуротой, которая и забрала ихъ живьемъ.

Когда часа черезъ два послѣ этого унтеръ-офицеръ Корней Кубышка въ своемъ штатскомъ одѣяніи отправился къ проснувшемуся командиру своей роты доложить обо всемъ случившемся, онъ, вытянувшись въ струну, такъ началъ свой рапортъ:

— Имѣю честь доложить вашему высокоблагородію о прибытіи нѣмецкихъ труфелей...

— Что такое? Кубышка? Въ штатскомъ? Гдѣ же ты пропадалъ? Какіе-такіе трюфеля?—воскликнулъ ротный, нѣсколько позабывшій недавнюю исторію.

— Какъ изволили приказать, господинъ полковникъ, искали мы съ Репейниковымъ и со свиньей труфелей, но вмѣсто того въ плѣнъ къ нѣмцамъ попали, а нынче утромъ я замѣсто труфелей привелъ пятнадцать нѣмцевъ, и между ними одного унтеръ-офицера, и шестнадцать лошадей.

Ротный приказалъ ему держаться вольно и толкомъ да подробнѣе разсказать всю эту исторію, и Кубышка сдѣлалъ это со свойственнымъ ему краснорѣчіемъ.

Къ вечеру приплелся Репейниковъ. Онъ заблудился и вмѣсто двадцати верстъ сдѣлалъ добрыхъ пятьдесятъ. Пришелъ усталый и разбитый, но былъ очень утѣшенъ, когда вмѣстѣ съ унтеръ-офицеромъ Корнеемъ Кубышкой былъ представленъ къ наградѣ.

Послѣ этого Кубышка пересталъ бриться, выбросилъ даже бритву и запустилъ густую бороду. Это была необходимая мѣра предосторожности на случай, если нѣмцы вторично возьмутъ его въ плѣнъ — чтобы никакъ не признали въ немъ Карла Кубенштейна и не вздернули на дерево.

Австрійскій окопъ, взятый нашими войсками. Весь окопъ полонъ непріятельскими трупами. По фот. нашего корреспондента.

Австрійское орудіе, разбитое нашей гаубичной бомбой и выброшенное ея взрывомъ на 30 саженъ изъ окопа.
По фот. нашего корреспондента.

У братской могилы.

Невысокій темный холмъ за кручами,
На песчаной отмели рѣки—
Въ вышинѣ играетъ вѣтеръ съ тучами,
И горятъ созвѣздья—свѣтляки...
Капли крови, будто розы алыя,
На груди у матери-земли—
Вмѣстѣ здѣсь великіе и малые
Въ жертву жизнь отчизнѣ принесли.
Отошли прощальныя мгновенія,
Смолкла пѣснь, и стихнулъ барабанъ,
Но не будетъ подвигамъ забвенія,
Хоть съ землей сравняется курганъ!..
Подъ крестомъ, надъ общею могилою,
Нѣтъ громоздкихъ и тяжелыхъ плитъ—
Но душѣ, съ невѣдомою силою,
Этотъ крестъ о павшихъ говоритъ...
Кто изъ нихъ не вѣрилъ въ дѣло правое
И не шелъ безтрепетно впередъ?—
Чтитъ вся Русь покрытыхъ бранной славою,
Имена ихъ свято бережетъ...
Не помянетъ только злоба дикая,
Кто здѣсь легъ, подъ сумрачнымъ крестомъ;
Что за мощь въ груди была великая,
Что за кротость въ сердцѣ золотомъ!..

Вл. П. Рябовъ-Бѣльскій.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ. Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

1915 г.
№ 7
Выданъ 14 февраля 1915 г.

XLVI г. изданія
Цѣна этого № (безъ прилож.) — 15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на **первой** страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч." И. А. Бунина кн. 3.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Российская любовь. Въ штабъ Верховнаго Главнокомандующаго и въ штабы армій постоянно поступаютъ отъ отдѣльныхъ лицъ, обществъ и различныхъ органовъ самоуправленія привѣтственныя обращенія къ нашимъ войскамъ, которыя ярко свидѣтельствуютъ о крѣпкой вѣрѣ всѣхъ слоевъ русскаго народа въ родную армію и правоту и величіе творимаго ею дѣла.

По простотѣ и безыскусственности слога, по прямодушной искренности чувства невольно обращаетъ на себя вниманіе отзвукъ родной земли, которымъ поистинѣ нужно признать ниже приводимое въ копіи обращеніе къ «Российской любви», какъ именуетъ составитель, одинъ изъ сельскихъ старостъ Калужской губерніи, наши войска:

«Да здравствуйте, Христолюбивое воинство, герои русской земли. Богъ Вамъ въ помощь побѣдить врага, кланяюсь я вамъ всѣмъ отъ лица и до земли и возвѣщаю я вамъ радость будущаго успѣха. Не робѣйте, ребята. Пущай грохочетъ германская машина, она ему предсказываетъ гибель, она ему возвѣщаетъ паденіе его царства. Мы не боимся никакого оружія, потому что у насъ оружіе есть Царя Небеснаго — Крестъ на врага, которымъ мы побѣдимъ всю вражью силу, и Самъ Господь защититъ насъ Своей Пречистой Рукой отъ врага-германца, потому что онъ съ Пречистой Его Божьей Матери сорвалъ вѣнецъ, съ Пречистой Ея Главы, и онъ этимъ предвозвѣстилъ намъ лишеніе своей короны и паденіе его царства. Не поддавайтесь врагу-германцу. У насъ всѣхъ, стариковъ, кипитъ геройская кровь къ бою на врага; какъ только какая неустойка, то мы всеуспѣшно на поля брани вылетимъ, какъ пчелы изъ улья, и побѣдимъ врага. Не робѣй, ребята, не всѣхъ стариковъ побрали на войну, еще остались такіе герои, что сейчасъ готовы собрать свои арміи и бѣчь къ вамъ на помощь, стать противъ врага на полѣ брани. Не допустимъ врага насмѣяться надъ нашей матушкой-Россіей, а также равно и надъ Всемилостивѣйшимъ и Всесвѣтлѣйшимъ Всероссійскимъ Нашимъ Батюшкой Государемъ Императоромъ Николаемъ Александровичемъ, и всѣ готовы умереть за вѣру, отечество. Съ нами Богъ, не робѣйте, ребята. Ура! Наша матушка-Россія немало видѣла тревоги, но все переносила съ помощью Божіей, такъ и въ настоящее время, не робѣйте, воины Христовы, помните, что съ нами Богъ на всякомъ мѣстѣ. Боже, Царя храни.

Прошу извѣстить нашу любовь—дѣйствующую армію.

Калужской губерніи, Брынской волости, Семичастненскій сельскій староста Иванъ Семеновъ Кудряшовъ».

Церковь — воинству. Въ храмѣ Путиловскаго завода, въ Петроградѣ, послѣ Божественной литургіи, причтомъ церкви, во главѣ съ настоятелемъ протоіереемъ Н. М. Павскимъ, при переполненномъ храмѣ, былъ совершенъ чинъ освященія напрестольнаго креста для походнаго храма Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича. Означенный крестъ представляетъ точную копію того св. креста, которымъ преподобный Сергій Радонежскій благословилъ князя Димитрія Донского на великое ратное дѣло, закончившееся полнымъ разгромомъ татарскихъ полчищъ, разорявшихъ святую Русь.

Воинство — церкви. Высокопреосвященный Макарій, митрополитъ московскій и коломенскій, получилъ отъ главнокомандующаго арміями юго-западнаго фронта генералъ-адъютанта Н. І. Иванова слѣдующую телеграмму:

«Мои подчиненные и лично я благодаримъ сердечно васъ, владыко, и духовенство московской епархіи за молитвы о ниспосланіи намъ помощи Божіей, за благословеніе иконою св. Николая Чудотворца и за подарки для нашихъ воиновъ въ Галиціи.

Просимъ и впредь святыхъ молитвъ вашихъ и всего подвѣдомственнаго вамъ духовенства о дарованіи намъ побѣдъ надъ исконнымъ жестокимъ врагомъ русскаго народа и о томъ, чтобы милосердный Богъ не допустилъ изъ-за нашихъ ошибокъ и недостатковъ пострадать тому святому дѣлу, къ которому Онъ нынѣ насъ призвалъ.

Отъ души желаю вамъ, владыко, и духовенству утѣшенія въ трудахъ на благо паствы и отрады видѣть добрые плоды всѣхъ заботъ, трудовъ и самоотверженныхъ жертвъ, которые несутъ всѣ вѣрные подданные нашего Царя, съ Нимъ Самимъ во главѣ. Генералъ-адъютантъ *Ивановъ*».

Императоръ Александръ III о Вильгельмѣ. «Русская Старина» приводитъ отзывъ объ императорѣ Вильгельмѣ въ Бозѣ почившаго Императора Александра III.

Во время пребыванія императора Вильгельма II въ Россіи въ 1890 году на нарвскихъ маневрахъ германскій императоръ былъ необычайно внимателенъ и почтителенъ къ Императору Александру III и очень надоѣдалъ нашему Государю своими любезностями. Въ одинъ день, когда германскій императоръ былъ до приторности любезенъ, Императоръ Александръ III обратился къ Великому Князю Владиміру Александровичу и сказалъ ему:

— Послѣ завтрака возьми Вильгельма на свое попеченіе: я его перевариваю только до обѣда.

Русскій солдатъ въ нѣмецкой характеристикѣ. Военный корреспондентъ газеты «Frankfurter Zeitung» въ статьѣ, озаглавленной «Нашъ противникъ», такъ характеризуетъ русскаго солдата: «Русскій солдатъ,—говоритъ онъ,—это противникъ, съ которымъ надо очень и очень считаться. Онъ отваженъ, прекрасно питается, превосходно вооруженъ, исполненъ личнаго мужества и презрѣнія къ смерти. Въ натискѣ онъ бурно-стремителенъ, въ оборонѣ чрезвычайно стоекъ. Хорошо умѣетъ пользоваться характеромъ мѣстности, невѣроятно легокъ на подъемъ, быстро зарывается въ окопы, которые черезъ нѣсколько дней въ его спорыхъ рукахъ превращаются уже въ укрѣпленіе постояннаго типа. Наступленіе противъ такихъ позицій требуетъ много времени и жертвъ, представляетъ массу затрудненій. Есть такія земляныя укрѣпленія, которыя своими размѣрами и прочностью вызываютъ невольное удивленіе и восхищеніе. Русскія батареи маскируются такъ искусно, что нашимъ летчикамъ очень трудно ихъ выслѣдить».

Геройскій подвигъ лейтенанта Рогускаго. На потопленномъ нами въ Черномъ морѣ транспортѣ «Прутъ» кромѣ извѣстнаго міру героя-священника іеромонаха Антонія погибъ геройской смертью лейтенантъ Рогускій.

Когда, при встрѣчѣ съ неизмѣримо сильнымъ врагомъ, крейсеромъ-дредноутомъ «Гебеномъ», сопровождаемымъ миноносцами, нашему транспорту «Пруту» грозила неминуемая гибель, рѣшено было затопить судно, чтобы оно не попало въ руки непріятеля.

Немедленно были открыты кингстоны, и вода фонтанами хлынула въ открывшіяся отверстія.

Но врагъ близокъ. Явилось опасеніе, что онъ можетъ захватить корабль, прежде чѣмъ многочисленныя помѣщенія послѣдняго успѣютъ заполниться водой. Нужно было ускорить погруженіе судна или привести его въ полную негодность.

Минный офицеръ, спеціалистъ по устройству взрывовъ разнаго рода, рѣшилъ выполнить свой долгъ по отношенію къ родному кораблю идеально, въ совершенствѣ, не только приложивъ всѣ свои силы и умѣнье, но и пожертвовавъ своей жизнью, потому что, пожалѣвъ себя, можетъ-быть, не достигнешь быстраго и полнаго взрыва, необходимаго на кораблѣ въ виду приближающагося врага.

Въ это время команда, получившая разрѣшеніе отъ начальства «спасаться», столпилась около траповъ на открытой палубѣ.

Рѣшившійся умереть геройской смертью лейтенантъ Рогускій быстро подошелъ къ матросамъ и, обращаясь къ нимъ, главнымъ образомъ имѣя въ виду своихъ подручныхъ минеровъ, сказалъ:

— Кто не хочетъ спасаться, пойдемъ со мной взрывать корабль.

Можетъ-быть, у него было желаніе подѣлиться счастьемъ безсмертнаго подвига съ другими, а можетъ-быть, онъ хотѣлъ имѣть героя-соучастника для поддержанія бодрости въ себѣ. Во всякомъ случаѣ онъ нуждался въ помощи другихъ, чтобы попасть на мѣсто своего подвига — въ пороховой погребъ, обычно крѣпко закрывающійся тяжелою дверью или крышкой.

Когда открытъ былъ пороховой складъ корабля, лейтенантъ Рогускій моментально спустился въ него и оттуда произнесъ послѣднія свои слова по адресу своихъ помощниковъ:

— Ну, теперь уходите!

Послѣ этого послѣдніе изъ команды, не нашедшіе себѣ мѣста въ шлюпкахъ, бросились на койкахъ въ воду.

На «Прутѣ» остались: на верхнемъ мостикѣ іеромонахъ Антоній, старецъ, молящійся о спасеніи своихъ духовныхъ чадъ, и въ трюмѣ, въ пороховомъ погребѣ, молодой минный офицеръ лейтенантъ Рогускій, готовившійся своею жизнью спасти честь своего корабля подъ Андреевскимъ флагомъ.

Прошло нѣсколько минутъ, и изнутри «Прута» раздался взрывъ. Это доблестно погибъ лейтенантъ Александръ Владиславовичъ Рогускій, не пощадившій своей молодой жизни для славы родного русскаго флота.

Плававшая въ водѣ команда, будто по сигналу, послѣ взрыва громко и дружно прокричала «ура» въ память своего геройски скончавшагося офицера и въ честь славно погибающаго корабля.

Вѣчная память сильному духомъ герою «Прута» Александру Владиславовичу Рогускому!

Онъ этимъ поступкомъ внесъ свое имя въ списки безсмертныхъ нашихъ героевъ: капитана Сакена, рядового Архипа Осипова и другихъ.

Германскій таранъ. Только-что закончившіеся бои на нашемъ фронтѣ Боржимовъ—Воля-Шидловская—неслыханные и небывалые даже въ настоящую міровую войну. Поражаетъ необыкновенная густота построенія нѣмецкихъ войскъ. Какъ сообщаетъ штабъ, непріятель, съ цѣлью прорыва нашего фронта, ввелъ въ бой на участкѣ около десяти верстъ семь дивизій, поддержанныхъ ста батареями. Нѣкоторыя дивизіи развертывались на фронтѣ около версты, когда обычно при современномъ огнѣ для тактическаго развертыванія артиллеріи въ среднемъ необходимо три-четыре версты. «По плотности построенія здѣсь войскъ,— говоритъ «Армейскій Вѣстникъ»,— эти бои представляли удивительное исключеніе изъ новѣйшей исторіи и напоминали Бородино».

Ударъ, направленный для прорыва нашего фронта, представлялъ колоссальный таранъ, до изобрѣтенія пороха употреблявшійся для разбитія крѣпостныхъ стѣнъ, но съ той разницей, что настоящій германскій таранъ былъ сдѣланъ не изъ дерева и желѣза, а изъ ста тысячъ нѣмецкихъ солдатъ, образовавшихъ одну сплошную стѣнобитную машину. Здѣсь не только полковые и дивизіонные резервы шли въ батальонныхъ колоннахъ, но и ротныя цѣпи на такомъ тѣсномъ пространствѣ сливались въ сомкнутый строй.

Атака этого колоссальнаго тарана поддерживалась ураганнымъ огнемъ ста батарей, составляющихъ шестьсотъ орудій. Кругомъ было сплошное поле смерти, гдѣ каждый артиллерійскій снарядъ нашей артиллеріи выбивалъ изъ строя десятки.

Но германскій таранъ ударился о стальную щетину нашихъ штыковъ и подался назадъ. Казалось, ничто не могло противостоять такому удару. Какой стальной броней изъ войсковыхъ частей ни покрывать всю линію тысячеверстнаго фронта, нельзя же все-таки на каждой верстѣ фронта имѣть по 8—10 тысячъ. Для этого не хватитъ никакихъ милліонныхъ армій. Но въ рѣшительный моментъ на линіи Боржимовъ — Воля-Шидловская наши силы оказались достаточными не только для того, чтобы задержать ударъ стотысячнаго тарана, но и для контръ-атаки. Прорывъ непріятеля не удался, и нашими войсками заняты непріятельскія траншеи. Всѣ колоссальныя жертвы и усилія германцевъ не привели даже къ временному прорыву нашего фронта.

Ликвидація германскаго землевладѣнія въ Россіи. Правительствомъ опубликованы Высочайше утвержденныя три положенія Совѣта Министровъ, касающіяся частью ограниченія, а частью и полной ликвидаціи нѣмецкаго землевладѣнія. Всѣмъ подданнымъ странъ, ведущихъ съ нами войну, не только воспрещено впредь пріобрѣтеніе земель въ Россіи, но кромѣ того законъ предписываетъ имъ полностью ликвидировать свои земельныя владѣнія въ теченіе шести мѣсяцевъ, а свои права на земли, вытекающія изъ аренды — въ теченіе года. Къ особымъ категоріямъ отнесены нѣмцы, принявшіе послѣ 1 января 1880 года русское подданство, а равно и ихъ потомство. Всѣмъ имъ также воспрещено впредь пріобрѣтеніе земель въ собственность и въ пользованіе на пространствѣ всей Россіи. Исключеніе сдѣлано только для славянъ, для лицъ, принявшихъ православіе до 1 января 1914 года, и для тѣхъ, которые запечатлѣли свою непоказную преданность Россіи боевыми подвигами.

Наконецъ въ особо-выдѣленныхъ приграничныхъ и приморскихъ пространствахъ (въ томъ числѣ и во всемъ Крыму) вовсе ликвидируется землевладѣніе нѣмцевъ, хотя бы и русско-подданныхъ, при чемъ для ликвидаціи правъ владѣнія и пользованія землею устанавливаются сроки отъ десяти мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ, по истеченіи которыхъ не переданныя колонистами земли продаются съ публичнаго торга.

Организація польскихъ легіонеровъ. Польскій національный комитетъ издалъ сообщеніе, въ которомъ говорится, что главнокомандующій арміями юго-западнаго фронта генералъ-адъютантъ Н. I. Ивановъ издалъ приказъ по арміи о постановкѣ сформированнаго въ Новоалександріи зачатка польскаго легіона на основахъ организаціи дружинъ ополченія со включеніемъ въ регулярную армію и принятіемъ его содержанія на счетъ государства. По разъясненіямъ штаба арміи, за легіонами признано право пользованія польской командой и обезпечены имъ всѣ роды оружія, включая артиллерію. Легіоны будутъ находиться подъ командой офицеровъ-поляковъ, назначаемыхъ начальствомъ арміи. Польскій національный комитетъ, рѣшивъ всѣми силами поддержать организацію легіоновъ въ этомъ видѣ, въ виду ея значенія для національнаго дѣла, вошелъ въ соглашеніе съ военными властями съ цѣлью созданія организаціоннаго комитета польскихъ легіоновъ, дающаго ручательство надлежащаго направленія дѣла. Составъ комитета слѣдующій: предсѣдатель съ титуломъ начальника организаціи польскихъ легіоновъ—генералъ-отъ-инфантеріи Свидзинскій, члены—генералъ-маіоры: Стемпковскій, Шимановскій, Балицкій, графъ Броэль-Плятеръ, Садзевичъ, и начальникъ управленія организаціи—подполковникъ Горчинскій.

Сербско-черногорскій день въ Москвѣ. День 12 января прошелъ съ большой торжественностью. Въ церкви сербскаго подворья архимандритомъ Михаиломъ въ сослуженіи съ представителями восточныхъ церквей отслужено было торжественное молебствіе въ присутствіи спеціально прибывшаго изъ Петрограда сербскаго посланника Спалайковича, представителей союзныхъ державъ, славянскихъ дѣятелей и представителей славянскихъ національностей, которые явились въ сербскихъ, черногорскихъ, чешскихъ и другихъ національныхъ костюмахъ. Послѣ молебствія изъ храма взято было черняевское знамя, подъ которымъ сербскіе добровольцы сражались съ турками. Торжественное шествіе среди многотысячной толпы народа, подъ звуки національныхъ гимновъ, исполненныхъ оркестромъ и хорами, направилось къ Успенскому собору. Несли портреты Государя Императора, Наслѣдника Цесаревича, Верховнаго Главнокомандующаго, сербскаго и черногорскаго королей. Въ шествіи участвовали чешскіе соколы, сербы и черногорцы съ патріотическими плакатами; чехи—съ плакатами: «Свобода Чехіи», поляки—съ воззваніемъ Верховнаго Главнокомандующаго; несли также плакаты: «На Царьградъ» и «Крестъ на Святую Софію». Въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи 3.000 сборщиковъ и сборщицъ, отслужено было молебствіе, послѣ чего шествіе направилось къ памятникамъ Императору Александру II и Александру III и затѣмъ бульварами; у памятника Скобелеву были произнесены патріотическія рѣчи. По окончаніи торжества начался по всей столицѣ сборъ въ пользу Сербіи и Черногоріи.

На помощь сербамъ. Въ день сбора въ пользу героевъ-сербовъ, устроеннаго въ Петроградѣ, писатель Леонидъ Андреевъ, уже неоднократно горячо отзывавшійся о герояхъ-сербахъ, помѣстилъ въ «Бирж. Вѣд.» яркій призывъ о помощи:

«Нашъ добрый и славный народъ, который уже помогъ бельгійцамъ и полякамъ, не долженъ забывать о замученной, истощенной, молчаливо-героической Сербіи. Ея бѣдность—не порокъ, который нужно скрывать и котораго слѣдуетъ стыдиться, и если загорѣлое, сухое тѣло мужественнаго серба сплошь покрыто рубцами отъ турецкихъ ятагановъ и нѣмецкихъ зазубренныхъ штыковъ, то его руки сплошь въ рабочихъ мозоляхъ. Вся его историческая жизнь, это — жизнь суроваго мученика-трудолюбца: въ одной рукѣ его — заступъ, а другую онъ поднялъ для защиты головы: его жизнь — это непрерывный мартирологъ мучениковъ за свободу, безконечная вереница распятыхъ, распятыхъ, распятыхъ! Онъ минуты отдыха не зналъ за столѣтія, онъ не изведалъ счастья простой безопасности, — когда тутъ было нажить богатства, асфальтовыя улицы, готическаго Вертхейма и Аллею Побѣдъ! Онъ бѣденъ и босъ, и руки его въ мозоляхъ, и тѣло его въ шрамахъ, и душа его налита неизсякаемой скорбью—онъ сербъ, у котораго дѣти, вмѣсто школы, должны драться за свободу и жизнь. Необходимо помочь ему, необходимо!

«И вотъ еще чего не забудьте, думая о Сербіи: въ Сербіи насъ любятъ—горячей, искренней, почти нѣжной любовью. Попробуйте, кто бы вы ни былъ, проѣхаться сейчасъ по ея окровавленнымъ полямъ и городамъ... и вамъ покажется, что вы владѣтельный князь, пророкъ, самъ ангелъ Божій — такою любовью и почтеніемъ окружатъ васъ эти измученные люди! Послѣдній коверъ постелютъ они подъ ваши русскія ноги, отнимутъ отъ своихъ голодныхъ устъ послѣдній кусокъ хлѣба и съ божественной щедростью бѣдняка угостятъ васъ, драгоцѣннѣйшаго гостя изъ милой Россіи. Молясь Богу, кого они упоминаютъ въ молитвѣ прежде своихъ дѣтей?—Россію. Тысячи лѣтъ ожидая солнца, въ какую сторону смотрятъ ихъ распятые, куда посылаютъ слезы и вздохи матери ихъ замученныхъ дѣтей?—туда, гдѣ за синимъ туманомъ свѣтятся въ небѣ золотые купола московскаго Кремля».

Сербская женщина и война. Сербскій народъ въ своемъ знаменитомъ эпосѣ отдаетъ должное женщинѣ. Здѣсь женщина всегда съ народомъ, всегда участвуетъ въ его мукахъ и страданіяхъ, въ его борьбѣ за свободу и независимость. Мать, сестра и жена—святыя для серба! Для серба нѣтъ болѣе тяжкаго оскорбленія, какъ оскорбленіе, нанесенное, даже за глаза, его матери, сестрѣ, женѣ. Въ его присутствіи опасно оскорбить даже постороннюю ему женщину. Это — настоящіе рыцари! Нужно побывать въ сербской арміи, понаблюдать вереницу женщинъ, тянущуюся за арміей, чтобы понять отношенія серба къ женщинѣ. Съ перваго дня мобилизаціи,—разсказываетъ Д. Семизъ, корреспондентъ «Бирж. Вѣд.»,—началось паломничество сербской женщины къ своимъ борцамъ, къ своимъ «ратникамъ». Старуха-мать съ мѣшкомъ на спинѣ, наполненнымъ бѣльемъ и гостинцами, пѣшкомъ предпринимаетъ путь иногда за четыреста верстъ, лишь бы добраться до сына, повидать его и сообщить, что дома все благополучно, чтобы онъ не безпокоился и храбро боролся за родину свою, чтобы ей, старухѣ, не приходилось краснѣть передъ другими матерями за своего сына.

Преодолѣвая всѣ трудности пути, она разыскиваетъ сына. Никакія строгости не помогаютъ: для сербскихъ женщинъ постановленій не существуетъ. Всѣми правдами и неправдами онѣ доберутся до своихъ ратниковъ. Имъ много не нужно: часъ-два бесѣды, и онѣ возвращаются обратно.

Сколько разъ мнѣ приходилось наблюдать сербку, сидящую въ окопѣ. Разрывающіяся шрапнели ея не смущаютъ. Спокойно ждетъ она, пока боевые товарищи не выпорожнятъ мѣшокъ съ гостинцами. Забираетъ грязное бѣлье, передаетъ сколоченный франкъ-другой «на трошакъ», на расходы и уходитъ.

Какъ-то разъ раннимъ утромъ сижу въ палаткѣ съ командиромъ одного изъ полковъ. Это было на Дринѣ. Пьемъ кофе. Вѣстовой докладываетъ, что какая-то женщина хочетъ видѣть командира. Командиръ разрѣшаетъ.

Входитъ женщина съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ.

— Ты какъ и зачѣмъ сюда попала?—спрашиваетъ командиръ.

— Я, знаешь ли, пришла мужа повидать. Четыре мѣсяца не видала его. Нужно ему кое-что передать на расходы, поговорить о хозяйствѣ. Еще, знаешь, я родила недѣли двѣ тому назадъ сына и вотъ хочу показать мужу. Вѣдь онъ не видалъ сына своего, не благословилъ, не перекрестилъ. Развѣ можно такъ? А и радъ онъ будетъ — это нашъ первенецъ, замѣститель отца, будущій защитникъ родины. Легче мужу будетъ, и не жаль будетъ погибнуть, если онъ будетъ знать, что есть на кого домъ оставить. Свѣтъ дома нашего не угаснетъ. Самъ понимаешь!

Приходитъ рядовой — отецъ ребенка. Нужно было видѣть обросшаго, обвѣтреннаго, закаленнаго борца съ ребенкомъ на рукахъ! Суровое лицо его преобразилось, сіяло, когда онъ нѣжно цѣловалъ живой комочекъ. Мать молча любовалась, а по лицу ея катились слезы счастья.

Голодъ въ Германіи. Германскій канцлеръ Бетманъ-Гольвегъ сказалъ корреспонденту датской газеты: «Черчилль говорилъ, что міръ возможенъ въ близкомъ будущемъ, если Германія сдастся на милость союзниковъ-побѣдителей. Конечно, вы понимаете, что Германія не уступитъ и пяди земли до полнаго истощенія рессурсовъ. Англія считаетъ Германію осажденной крѣпостью и хочетъ взять насъ голодомъ. Правительство должно было поэтому взять въ свои руки дѣло продовольствія. Угрозѣ взять голодомъ мы противопоставимъ первоклассную организацію продовольствія. Мы сожалѣемъ, что наши новыя мѣропріятія наносятъ ущербъ торговлѣ нейтральныхъ странъ, но приходится спасать отъ голода 70 милліоновъ нашего населенія. При этомъ условіи мы должны вести безпощадную борьбу съ торговымъ флотомъ непріятеля».

Въ плѣнъ за вознагражденіе. Корреспондентъ «Daily Telegraph» разсказываетъ слѣдующую исторію.

Одинъ французскій солдатъ нашелъ въ маленькомъ городкѣ два почтовыхъ ящика, которые принесъ въ траншеи. Однажды, выйдя изъ траншеи съ ящиками въ рукахъ, онъ направился въ сторону непріятельскихъ позицій. Въ него не стрѣляли. Поставивъ ящики приблизительно на серединѣ разстоянія до непріятеля, солдатъ спокойно возвратился въ свои окопы.

— Послѣ этого, — разсказываетъ корреспондентъ, — ежедневно въ опредѣленное время стрѣльба прекращалась съ обѣихъ сторонъ. Изъ французскихъ окоповъ выходилъ солдатъ, чтобы положить въ почтовый ящикъ письма, адресованныя нѣмцамъ. Точно такимъ же путемъ получались отвѣты отъ нѣмцевъ. Эта переписка очень забавляла обѣ стороны. Онѣ хвастались другъ передъ другомъ своимъ снабженіемъ, своими генералами и т. д.

Наконецъ однажды французамъ пришла блестящая мысль отправить нѣмцамъ слѣдующее письмо:

«Наше начальство обѣщало намъ выдавать по 50 франковъ за каждаго плѣннаго нѣмца. Мы предлагаемъ вамъ, дорогіе враги, раздѣлить эту премію: сдайтесь, и вы получите 50% комиссіи. Тѣ, которые окажутся достаточно сообразительными, чтобы покинуть службу кайзера, дождутся конца кампаніи въ условіяхъ гораздо болѣе комфортабельныхъ, чѣмъ лежаніе въ окопахъ. Воспользуйтесь этимъ случаемъ. За 25 франковъ можно купить сотню папиросъ и большое количество пива».

— Мнѣ разсказывали, — заканчиваетъ корреспондентъ, — что на слѣдующую ночь въ нѣмецкихъ окопахъ остался лишь одинъ человѣкъ, да и тотъ мертвый.

Тайна плѣннаго австрійца. Трогательный эпизодъ разыгрался въ одномъ изъ нашихъ госпиталей. Привели плѣнныхъ, легко раненыхъ. По установленному порядку плѣнныхъ переодѣваютъ въ чистое больничное бѣлье, а старое дезинфецируютъ. Плѣнные обычно съ радостью мѣняютъ грязное, окровавленное платье, но тутъ одинъ заупрямился и категорически отказался снять невѣроятно загрязненный и изорванный мундиръ. Увѣщанія не возымѣли успѣха. Санитары стали насильно раздѣвать его.

Вдругъ плѣнный разрыдался. Истерика обратила вниманіе врачей. Плѣнному стали ласково доказывать, что дѣлаютъ это ради его пользы, однако истерика не прекращается. Врачи и сестры осторожно укладываютъ плачущаго въ постель и обливаютъ водой. Разстегивая рубаху, чтобы облегчить больному притокъ воздуха, окружающіе случайно натолкнулись на причину, вызвавшую столь сильное огорченіе плѣннаго: вокругъ голаго тѣла было обернуто знамя второго венгерскаго ландвернаго полка, разбитаго нашими войсками въ Карпатахъ. Плѣнный спасъ знамя и загрязненнымъ вынашивалъ на своей груди, надѣясь доставить его на родину.

Власти госпиталя успокоили плѣннаго, заявивъ, что о его доблестномъ поступкѣ будетъ сообщено, куда слѣдуетъ, и онъ удостоится награды.

Обмѣнъ ранеными плѣнными. Въ виду предстоящаго обмѣна ранеными плѣнными, неспособными болѣе къ службѣ, русскій посланникъ въ Стокгольмѣ выработалъ слѣдующій планъ пріема и отправки плѣнныхъ. Перевозка раненыхъ плѣнныхъ изъ Стокгольма будетъ направлена на Раумо и Торнео. Приспособленіе пароходовъ и поѣздовъ и организацію питательныхъ пунктовъ принимаютъ на себя шведы. Россія же должна представить 16 сестеръ милосердія и трехъ врачей. Раненыхъ будетъ сопровождать переводчикъ или переводчица. Въ случаѣ необходимости въ серьезной лѣчебной или операціонной помощи раненые будутъ приняты въ шведскія больницы.

Корреспонденція съ военноплѣнными. Въ виду трудности сношеній съ русскими военноплѣнными и задержанными въ Германіи соотечественниками, русскій комитетъ, помѣщающійся въ отелѣ «Континенталь» въ Стокгольмѣ, предлагаетъ свои услуги для пересылки русскимъ въ Германію писемъ, денегъ и небольшихъ, до 10 фунтовъ, посылокъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

№ 7. Выходитъ еженед. (52 №№ въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 14 февраля 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на 1/2 года—4 р., на 1/4 года—2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій И. А. Бунина“ кн. 3.

М. Авиловъ. Сторожевое охраненіе.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Начало новаго періода войны.

Какъ мы уже видѣли, къ концу перваго полугодія войны на важнѣйшихъ фронтахъ, западномъ и восточномъ, установилось временно стратегическое затишье. Повидимому, ничего не предвѣщало бури, ибо вполнѣ ясно было, что нѣмцы потерпѣли полную неудачу и должны были прійти къ выводу, что имѣющихся въ ихъ распоряженіи средствъ недостаточно для тѣхъ грандіозныхъ плановъ, которые они задумали.

Въ виду этого нѣмцы занялись подготовкой новыхъ войскъ и усиленно обучали призванныхъ новобранцевъ и громадныя сырыя массы ландштурмовъ. Конечно, нѣмцы не хотѣли обнаружить своего временнаго отказа отъ широкихъ замысловъ и приняли рядъ мѣръ, чтобы увѣрить въ своей активности, т.-е., что они дальше будутъ наступать. Для этого стали распускаться слухи, что предстоитъ новое „завоеваніе" Сербіи, и что съ этой цѣлью восемь германскихъ корпусовъ пересылаются на сербскую границу. Это, конечно, было очень маловѣроятнымъ, такъ какъ у австро-нѣмцевъ имѣлось слишкомъ много задачъ на важныхъ фронтахъ для того, чтобы тратить силы на второстепенный сербскій театръ. Однако, разъ уже австрійцы сунулись въ Сербію, хотя у нихъ и тогда были весьма важныя задачи по оборонѣ Венгріи и Кракова. Поэтому версія о предстоящемъ наступленіи въ Сербію казалась нѣсколько правдоподобной. Во всякомъ случаѣ, можно было предполагать, что австро-нѣмцы, не добившись ничего на главныхъ фронтахъ, хотятъ вознаградить себя хотя бы успѣхами на второстепенномъ театрѣ, тѣмъ болѣе, что успѣхи эти нужны были для поднятія и духа арміи и павшаго духа населенія.

Такимъ образомъ австро-нѣмецкія демонстраціи начались съ самаго крайняго праваго фланга всего австро-нѣмецкаго стратегическаго фронта. Затѣмъ обнаружилось наступленіе австрійскихъ войскъ въ Буковину, повидимому, имѣвшее цѣлью задержать наше наступленіе въ Трансильванію. Можно было, конечно, предполагать, что и это демонстрація. Но, такъ какъ здѣсь имѣлась вполнѣ ясная и опредѣленная цѣль въ видѣ защиты Трансильваніи, то вѣроятность демонстраціи здѣсь представлялась меньшею, чѣмъ на сербскомъ фронтѣ.

Далѣе, послѣдовательно развивая свои дѣйствія отъ праваго фланга къ лѣвому, австрійцы начали наступать еще западнѣе, черезъ главные Карпатскіе перевалы—Дуклу, Ужокъ и Турку. Въ общемъ получился весьма широкій фронтъ австрійскаго наступленія, которое обозначилось вдоль всего Карпатскаго хребта. При этомъ телеграммы непрерывно повторяли о томъ, что сосредоточивается большая австро-нѣмецкая армія противъ Сербіи.

Эта послѣдняя версія повторялась до тѣхъ поръ, пока не произошли обычные въ это время года разливы Дуная и Дрины, когда стало ясно, что австро-нѣмцы ничего противъ Сербіи не предпринимаютъ и не могутъ предпринять, а стремятся лишь ввести противниковъ въ заблужденіе.

Затѣмъ начались энергичные боевыя дѣйствія еще болѣе къ лѣвому флангу, а именно на германскомъ фронтѣ на рѣкѣ Бзурѣ. Здѣсь нѣмцы, какъ извѣстно, повели рядъ исключительно-бѣшеныхъ атакъ,

объясненіе этому находили въ стремленіи нѣмцевъ прорваться къ Варшавѣ. Нѣмцы ввели въ бой на Бзурѣ до 10 корпусовъ, при чемъ въ передовой линіи шло въ атаку около 7 дивизій, т.-е. до 4 корпусовъ.

Атаковывавшіе нѣмцы шли шеренгами, плечомъ къ плечу, по 16 человѣкъ въ шеренгу. Черезъ каждыя 2 шеренги была дистанція въ 15 шаговъ, и затѣмъ шли новыя 2 шеренги.

Въ итогѣ нѣмцы потеряли свыше 40.000 человѣкъ и не только ничего не взяли, но и сами должны были отдать нѣсколько важныхъ опорныхъ пунктовъ.

Въ свою очередь австрійцы на Карпатахъ также потерпѣли пораженіе, которое особенно отчетливо обнаружилось на главныхъ перевалахъ. Вслѣдствіе этого наши войска угрожали своимъ движеніемъ черезъ эти перевалы не только спуститься въ Венгерскую равнину, но и разрѣзать австрійскія войска надвое, при чемъ по одну сторону осталась бы группа австрійскихъ войскъ на Дунайцѣ, а по другую сторону—австрійскія арміи на Карпатахъ.

Такимъ образомъ въ тотъ моментъ, когда, казалось, наступило всеобщее стратегическое затишье на важнѣйшихъ фронтахъ, совершенно неожиданно обнаружилось какое-то новое наступленіе австро-нѣмцевъ на всемъ пространствѣ отъ Вислы до Румыніи. При этомъ можно было замѣтить, что наши противники опредѣленно стараются приковать вниманіе къ правому флангу громаднаго стратегическаго фронта, т.-е. къ его австрійской половинѣ, и съ этою цѣлью они начали свои дѣйствія съ Сербіи, потомъ перетянулись въ Буковину, затѣмъ къ главнымъ Карпатскимъ проходамъ и затѣмъ уже къ Бзурѣ.

Конечно, можно было не сомнѣваться, что прежде всего изъ всѣхъ этихъ наступленій австрійское наступленіе на Карпатахъ не есть, во всякомъ случаѣ, главная атака. Нѣмцы сами разбились о наши войска, и можно было быть увѣреннымъ, что они не станутъ поручать обанкротившимся австрійцамъ такой невыполнимой задачи, какъ побѣда надъ нашей арміей. Слѣдовательно, австрійское наступленіе уже по одному этому не было главнымъ наступленіемъ.

Одинаково невѣроятнымъ казалось, чтобы нѣмцы, усѣявшіе могилами своихъ солдатъ весь лѣвый берегъ Бзуры, вдругъ почему-то рѣшили, что именно теперь они могутъ прорваться черезъ наше расположеніе на правомъ берегу Бзуры,—къ Варшавѣ. Эта попытка была настолько явно безнадежна, что даже высокомѣрный и самоувѣренный нѣмецкій генеральный штабъ не могъ этого не сознавать. Слѣдовательно, и на Бзурѣ не было главнаго наступленія.

Итакъ, самыя общія соображенія приводили къ тому, что нѣмцами велась одинаково демонстрація и на Карпатахъ и на Бзурѣ. Когда это стало выясняться, на нашемъ фронтѣ появились новыя формированія, въ составѣ четырехъ новыхъ нѣмецкихъ корпусовъ.

Это наводило на мысль, что австро-нѣмцы, невзирая на свои неудачи на Бзурѣ и на Карпатахъ, не отказываются отъ дальнѣйшихъ операцій на нашемъ фронтѣ. Причину такой неожиданной настойчивости нашихъ противниковъ послѣ ряда понесенныхъ ими неудачъ уяснить было нетрудно: весь секретъ заключался главнымъ образомъ въ появленіи новыхъ англійскихъ войскъ на материкѣ, а также и въ той опасности, которая угрожала венгерской территоріи, вслѣдствіе успѣховъ нашихъ войскъ.

Для того, чтобы уяснить себѣ обстановку, нельзя разбирать только дѣйствія на нашемъ фронтѣ внѣ зависимости отъ дѣйствій на французскомъ фронтѣ. Нѣмцы ведутъ необыкновенно сложную войну на два фронта, и всѣ операціи на обоихъ фронтахъ тѣсно связаны другъ съ другомъ одной общей идеей.

Мы уже указывали эту основную идею нынѣшней нѣмецкой стратегіи. Она заключается въ томъ, что нѣмцы считаютъ, что имъ нужно обязательно сначала покончить съ Франціей, чтобы остаться съ однимъ противникомъ — съ нашей арміей. Поэтому нѣмецкій штабъ полагаетъ необходимымъ пока отказаться отъ главныхъ операцій на нашемъ фронтѣ, такъ какъ сколько бы они въ эту сторону ни воевали, у нихъ всегда окажутся все-таки два противника: Россія и Франція.

Нѣмецкіе военные авторитеты въ своихъ сочиненіяхъ всегда указывали, что, въ случаѣ войны, имъ нужно на восточномъ фронтѣ сохранить только существующее положеніе. Больше имъ здѣсь въ первый періодъ войны ничего не нужно, такъ какъ все будетъ направлено къ достиженію рѣшительной и полной побѣды во Франціи. Поэтому нѣмцы, послѣ полугода своихъ неудачъ, занялись окончательной подготовкой новыхъ армій, чтобы съ новыми средствами начать опять тяжелую борьбу на французскомъ фронтѣ.

Однако въ этотъ моментъ обозначились значительные успѣхи нашихъ войскъ въ Буковинѣ, явно угрожавшіе непосредственно цѣлости венгерской территоріи. Это обстоятельство вынудило австро-нѣмцевъ поддержать бѣгущія изъ Буковины австрійскія войска и попытаться остановить наше дальнѣйшее наступленіе. Такимъ образомъ создалась демонстрація на сербскомъ фронтѣ и наступательная операція австро-нѣмцевъ изъ Трансильваніи.

Вскорѣ произошло и другое важное событіе — появленіе первыхъ новыхъ англійскихъ войскъ на материкѣ Европы. Англійскія войска высаживались ежедневно въ количествѣ не менѣе 4.000 человѣкъ, и изъ шести новыхъ армій двѣ уже успѣли переправиться во Францію. Нѣмцы, весьма обезпокоенные этимъ, объявили блокаду англійскаго побережья и попытались при помощи подводныхъ лодокъ топить всѣ транспорты и суда въ Нѣмецкомъ морѣ, независимо отъ того, будетъ ли на нихъ флагъ враждебный или нейтральный.

Однако эта мѣра не достигла намѣченной цѣли, и войска союзниковъ продолжали усиливаться новыми контингентами. При такихъ условіяхъ нѣмцамъ стало ясно, что необходимо торопиться съ операціями во Франціи, чтобы попытаться имѣть успѣхъ еще до прибытія всѣхъ новыхъ англійскихъ армій.

Вполнѣ понятно, что, если нѣмцамъ трудно было справиться съ французами до сихъ поръ, то имъ уже совершенно невозможно будетъ разсчитывать на какой-либо успѣхъ, когда въ арміи союзниковъ вольется около милліона новыхъ войскъ.

Однако начать новыя операціи во Франціи было не такъ-то легко. Нѣмецкій генеральный штабъ всегда считалъ, что для этого ему нужно создать прочный тылъ на восточномъ фронтѣ, а послѣднее, по мнѣнію нѣмцевъ, возможно лишь съ занятіемъ какой-либо оборонительной линіи въ видѣ большой рѣки. Этимъ и объ-

яснялось тяготѣніе Гинденбурга къ Вислѣ. Нѣмцы всегда полагали, что съ занятіемъ этой рѣки можно будетъ оставить за такой большой преградой небольшое количество войскъ для обороны, а главную массу бросить во Францію.

Поэтому до начала новыхъ операцій во Франціи нѣмцы стремились предварительно устроить себѣ прочный тылъ на нашемъ фронтѣ, въ видѣ сильной оборонительной линіи. Съ этимъ и было связано появленіе новыхъ формированій на нашемъ фронтѣ. Нѣмцы настолько торопились, что создали новые корпуса изъ недоучившихся новобранцевъ, малогодныхъ ландштурмистовъ и отдѣльныхъ батальоновъ, взятыхъ съ западнаго фронта.

„Организація не терпитъ импровизаціи",—говоритъ стратегія, но нѣмцы вынуждены были импровизировать корпуса, прибытіе англійскихъ войскъ заставляетъ ихъ торопиться съ операціями во Франціи, а для послѣднихъ нужно захватить хорошую оборонительную линію на нашемъ фронтѣ, чтобы имѣть обезпеченный тылъ.

Такъ появленіе англійскихъ войскъ отразилось на совершенно другомъ театрѣ войны—на нашемъ фронтѣ...

Изъ дѣйствующей арміи. Молебенъ на передовыхъ позиціяхъ.
По фот. нашего корреспондента.

Война и Государственная Дума.

(Вопросы внутренней жизни).

Январская сессія Государственной Думы была необычайно краткой, продолжалась всего три дня, но за эти немногіе дни думскихъ занятій она заставила ярко почувствовать великое національно-государственное значеніе народнаго представительства. Она дала яркое и повелительное выраженіе національной воли и въ области внѣшней и въ области внутренней политики. Міръ узналъ изъ самаго первоисточника, чего хочетъ Россія, услышалъ ея голосъ изъ ея устъ, сталъ лицомъ къ лицу со вставшимъ во весь свой гигантскій ростъ титаномъ, имя котораго—русскій народъ. Отнынѣ всѣмъ стало ясно, что Россія не приметъ мира на полдорогѣ къ полной и окончательной побѣдѣ, что міровая война должна увѣнчаться нашимъ торжествомъ и открыть міру новые горизонты жизни. Даже одинъ изъ наиболѣе видныхъ русскихъ пацифистовъ лидеръ прогрессивной группы Ефремовъ заявилъ, что преждевременное заключеніе мира было бы съ нашей стороны преступленіемъ противъ русскаго народа и всего человѣчества, которое ждетъ уничтоженія германскаго милитаризма. Лидеръ кадетъ Милюковъ поставилъ ближайшею задачей русской политики пріобрѣтеніе проливовъ и Константинополя. Подъ властью пережитыхъ міровыхъ событій пацифисты всенародно отреклись отъ своего пацифизма, западническія партіи стали въ вопросахъ внѣшней политики на точку зрѣнія славянофиловъ, кадеты заговорили языкомъ Достоевскаго — и вся Россія, безъ различія партій, объединилась въ одномъ повелительномъ требованіи окончательной побѣды русскаго и славянскаго дѣла. Думская сессія превратилась въ трехдневную патріотическую манифестацію, въ многознаменательную демонстрацію единенія охваченныхъ однимъ чувствомъ и одною мыслью власти и общества, правительства и народа.

Такое же согласіе и единомысліе чувствовалось на этотъ разъ и въ области внутренней политики, гдѣ обѣ стороны сошлись на признаніи необходимости рѣшительной борьбы съ нѣмецкимъ промышленнымъ и земельнымъ засиліемъ. Встрѣчая горячее сочувствіе своимъ планамъ со стороны Государственной Думы, глава правительства выразилъ желаніе работать надъ ихъ осуществленіемъ при заранѣе обезпеченномъ содѣйствіи народнаго представительства. Такимъ образомъ нѣмецкое нашествіе тѣсно сблизило въ общемъ патріотическомъ подъемѣ власть и общество, залѣчило наши внутреннія раны и вмѣсто того, чтобы сокрушить Россію, сдѣлало ее болѣе цѣльной и крѣпкой.

Изъ дѣйствующей арміи. Молебенъ на позиціи.
По фот. нашего корреспондента.

Выслушавъ блестящую рѣчь предсѣдателя бюджетной комиссіи, заявившаго подъ громъ долго не смолкавшихъ аплодисментовъ, что на такую войну въ Россіи найдутся какія угодно средства, Государственная Дума приняла бюджетъ безъ преній.

Заслуживаютъ быть отмѣченными горячія заявленія сыновней любви и преданности Россіи со стороны всѣхъ національныхъ группъ, нашедшихъ свое представительство въ Таврическомъ дворцѣ. Поляки, евреи, татары, армяне и пр.—всѣ выражали готовность поддержать общую родину въ годину тяжелаго испытанія, и одни только прибалтійскіе бароны уклонились отъ какихъ бы то ни было патріотическихъ манифестацій.

Дума и правительство сплотились во имя служенія національному знамени. Но для того, чтобы это сплоченіе было тѣснѣе и прочнѣе, нужно, чтобы горячій порывъ патріотическихъ чувствъ нашелъ неостывающую скрѣпу въ видѣ сознательнаго исповѣданія національной идеи, какъ верховнаго идеала, долженствующаго направлять и нашу внѣшнюю и нашу внутреннюю политику. Обѣщаніе предсѣдателя совѣта министровъ И. Л. Горемыкина бороться съ промышленнымъ, торговымъ и земельнымъ нѣмецкимъ засиліемъ нашло горячій откликъ въ Государственной Думѣ.

Въ заключеніе приводимъ, какъ лучшее идейное выраженіе всей этой исторической

сессіи Государственной Думы, блестящую рѣчь ея предсѣдателя, М. В. Родзянко. встрѣченную всѣми членами Думы съ небывалымъ восторгомъ и одобреніемъ, прерывавшимъ ее въ наиболѣе яркихъ ея мѣстахъ. Часть рѣчи, обращенная къ представителямъ союзныхъ намъ державъ, вызвала по ихъ адресу привѣтственные аплодисменты Думы, правительства и публики.

Рѣчь М. В. Родзянко.

„Гг. члены Государственной Думы! Шесть мѣсяцевъ тому назадъ мы здѣсь благоговѣйно внимали Высочайшему призыву Государя Императора, признавшаго за благо, въ виду ниспосланныхъ отечеству нашему тяжкихъ испытаній и желая быть въ полномъ единеніи съ народомъ, созвать въ необычное время Государственную Думу. Чуткимъ сердцемъ Своимъ предугадалъ Русскій Царь народныя чувства, и Онъ услышалъ здѣсь откликъ единой дружной русской семьи, которая, забывъ предъ грядущимъ великимъ испытаніемъ всѣ разногласія, грозно стала стальною щетиною штыковъ передъ дерзкимъ врагомъ за Вѣру, Царя и Отечество. И нынѣ, черезъ полгода небывалаго еще кровопролитія, непоколебимо стоитъ передъ врагомъ единая, нераздѣльная, крѣпкая волей и сильная духомъ Россія, и не сломить дерзостному врагу доблести ея сыновъ. Шесть мѣсяцевъ нашъ сильный, упорный и коварный противникъ напрягаетъ всю силу энергіи и воли и задолго приготовленныя значительныя боевыя средства для того, чтобы расшатать и сокрушить могучую русскую рать. Но, какъ морскія волны безсильно разбиваются о скалы, такъ и усилія врага разбиваются о могучую грудь русскаго солдата. Твердымъ незыблемымъ утесомъ стоитъ наша родная доблестная армія, сильная вѣрой въ правоту своего дѣла, а безстрашный флотъ скромно и безъ шума вершитъ свое великое дѣло защиты родины, соперничая съ арміей въ доблести и отвагѣ. Ведомая къ побѣдѣ искуснымъ, стойкимъ и отважнымъ Верховнымъ своимъ Главнокомандующимъ, стяжавшимъ себѣ безграничное народное довѣріе и народную любовь, наша дружная военная семья, отъ генерала до солдата, выноситъ бодро и честно на своихъ могучихъ плечахъ всѣ тяжести войны, поражая міръ подвигами беззавѣтнаго мужества, терпѣнія и выносливости. Честь и хвала вамъ, храбрые борцы за родину святую. Вы—наша гордость, вы стоите твердо за наше правое дѣло, и да сопутствуютъ вамъ вездѣ и всегда Божье благословеніе, народная любовь и побѣда надъ врагомъ. Тяжки и велики жертвы войны. Вѣдь нѣтъ семьи на святой Руси, которая не послала бы въ бой своихъ сыновъ, и не одинъ изъ нихъ уже сложилъ свою голову во славу своего отечества. Царская Семья и много русскихъ семей уже оплакиваютъ своихъ погибшихъ отцовъ, сыновъ и братьевъ, но черпаютъ мужество и утѣшеніе въ сознаніи, что кровь ихъ пролилась въ славномъ бою, во имя исполненія долга за честь родины. Почтимте же, господа члены Государственной Думы, память погибшихъ героевъ вставаніемъ. (Депутаты и публика благоговѣйно встаютъ).

Гг. члены Государственной Думы,—продолжаетъ М. В. Родзянко,—текущая война не есть послѣдствіе какого-нибудь спора, разрѣшаемаго обыкновенно силой оружія лишь тогда, когда всякія иныя средства оказываются исчерпанными. Намъ суждено быть свидѣтелями и участниками величайшей міровой борьбы, борьбы двухъ взаимно исключающихъ другъ друга началъ: борьбы идеи мира, свободы народовъ и права противъ идеи всепоглощающаго милитаризма, безправія и грубаго насилія. Стремленію къ мирной трудовой жизни и спокойному свободному сожительству народовъ на основахъ взаимнаго уваженія противопоставлена идея крови и желѣза, порабощенія себѣ всего міра, подчиненія его своеобразной культурѣ германской и бронированному кулаку. Вотъ сущность разыгравшейся кровавой распри, вотъ та цѣль, которую поставили себѣ наши противники, когда они коварно разжигали нынѣ бурно запылавшій европейскій костеръ. Россія не хотѣла этой войны и никогда не искала для нея поводовъ. Эту истину должно и умѣстно постоянно повторять, дабы въ конецъ и безповоротно разсѣять всѣ взводимые на насъ навѣты. Но, разъ уже жребій брошенъ и начата борьба, да вѣдаютъ враги, что не бывать побѣдѣ зла надъ правдой, и нѣтъ тѣхъ жертвъ, которыя были бы намъ страшны и недоступны. Съ этой твердой рѣшимостью, съ вѣрой въ себя и въ грядущій успѣхъ переживаетъ святая Русь спокойно тяжелыя событія.

Мы не одни въ этой борьбѣ. Мужественно и неутомимо борются братскія намъ Сербія и Черногорія, являя примѣръ торжества духа надъ грубой силой. Австро-германскія полчища изгнаны изъ ихъ предѣловъ, и не уступятъ наши братья врагамъ родной земли и отстоять свою честь и свободу. Привѣтъ вамъ, братья по крови и вѣрѣ. Привѣтъ вѣрнымъ безкорыстнымъ соратникамъ въ дѣлѣ защиты великой славянской идеи.

Безстрашно вступилъ въ борьбу однимъ изъ первыхъ геройскій и доблестный бельгійскій народъ. Стойко борется онъ, не дрогнувъ передъ неслыханными страданіями, презирая свое матеріальное разореніе. Не склонятъ передъ алчнымъ врагомъ свои гордыя головы его могущественные сыны, ведомые къ неувядаемой славѣ ихъ благороднымъ царственнымъ вождемъ. Мы шлемъ привѣтъ героямъ и наше восхищеніе ихъ доблестью.

Съ нами нашъ вѣрный. испытанный другъ—великая Франція. Ставъ снова лицомъ къ лицу съ исконнымъ своимъ врагомъ, она проявляетъ восхищающую всѣхъ величайшую доблесть. Слава ея героямъ, слава старымъ, неизмѣннымъ нашимъ друзьямъ.

Въ этой борьбѣ, господа члены Государственной Думы, не могутъ у насъ не быть крѣпкіе и сильные союзники, и благородная могучая Англія всей своей мощью вступилась за правое дѣло. Велики ея услуги общему дѣлу, и неоцѣнимо ихъ значеніе. Мы вѣримъ ей и восхищаемся ея стойкостью и отвагой. Уже много разъ враги Россіи пытались сѣять смуту въ эти добрыя, искреннія отношенія, но попытки ихъ были тщетны. Русская правдолюбивая народная душа, чуткая ко всякому проявленію неправды и неискренности, сумѣла отбросить плевелы отъ пшеницы, и вѣра въ нашихъ друзей ничѣмъ не поколеблена, и нѣтъ ни одного облачка на ясномъ небосклонѣ нашего прочнаго союзническаго согласія. Привѣтъ сердечный и вамъ, вѣрные друзья, владыки морей и наши соратники, успѣхъ и слава да сопутствуютъ вамъ всюду.

Отважный, стойкій японскій народъ, нынѣ тоже нашъ другъ и союзникъ, примкнулъ къ великой борьбѣ. Одушевленный общимъ подъемомъ духа друзей справедливости и въ ихъ рядахъ вступая въ бой, онъ бодро сражается противъ насилія и неправды. И вамъ, далекіе, вѣрные данному слову друзья, мы шлемъ народный привѣтъ и уваженіе.

Минуло шесть мѣсяцевъ, и съ памятнаго дня 26-го іюля ничто не измѣнилось въ насъ: отрадно снова видѣть здѣсь нашу сплоченность и наше единеніе во имя одной высокой цѣли — любви къ родинѣ и защиты ея отъ вражескихъ посягательствъ. Мы явимъ вновь неостывающій патріотическій подъемъ народнаго духа и вновь провозглашаемъ здѣсь, что всѣ народности Россіи — одна семья. Нѣтъ разногласій и раздоровъ между нами, и я въ правѣ утверждать, что единымъ сердцемъ и единой мыслью вся Россія желаетъ пламенно лишь одного—побѣды надъ врагомъ. И въ это знаменательное время устойчиваго братскаго единенія всѣхъ народностей Русской земли нашъ долгъ, избранниковъ народа — свято оберегать это хранилище народной мощи. Нашъ долгъ освѣщать и раскрывать народныя чаянія, осуществленіе которыхъ, когда минетъ война, навѣки спаяетъ нашу великую Русь тѣмъ единствомъ, которымъ она теперь столь сильна и могуча. Другой нашъ долгъ, народныхъ представителей,—забота объ усиленіи нашей военной мощи,—мы выполнили въ предѣлахъ времени и нашихъ полномочій. Я смѣло утверждаю здѣсь, что выполняли мы его всегда на почвѣ глубокаго патріотическаго чувства.

Гг. члены Государственной Думы! Въ разгаръ нынѣшней войны русскій народъ переживаетъ небывалое еще въ міровой исторіи явленіе: мудрымъ повелѣніемъ Своимъ нашъ Вѣнценосный Вождь уврачевалъ злой недугъ Своего народа, направивъ жизнь его на свѣтлый путь трезвости. Въ этомъ величайшемъ актѣ нашихъ дней, когда задача исцѣленія народа отъ отуманивавшаго его душу порока разрѣшена рѣшительно и твердо, вся Русская земля съ горячимъ чувствомъ благоговѣнія и благодарности обращается къ своему Царю: „Прими, Великій Государь, земной поклонъ народа Твоего“. Народъ Твой твердо вѣритъ, что отнынѣ былому горю положенъ прочный конецъ. Оздоровленный народный духъ усилилъ мощь народнаго самосознанія и ясное пониманіе имъ своей исторической задачи. И въ простотѣ чистой и вѣрующей души своей поднялся русскій людъ до величайшаго героизма и самозабвенія. Съ крестомъ на груди и въ сердцѣ, по призыву своего Царя, не дрогнувъ передъ врагомъ, сознательно выполнитъ онъ Царскій завѣтъ и откроетъ Россіи пути къ разрѣшенію завѣщанныхъ ей предками историческихъ задачъ на берегахъ Чернаго моря и устранитъ вѣчную угрозу германскихъ державъ общему миру и спокойствію. Эта страшная война не можетъ и не должна быть окончена иначе, какъ побѣдоносно для насъ и нашихъ союзниковъ. Мы будемъ биться до тѣхъ поръ, пока враги наши не подчинятся условіямъ и требованіямъ, которыя предпишутъ имъ ихъ побѣдители. Намъ надоѣло назойливое бряцаніе оружіемъ, довольно съ насъ угрозъ славянству, довольно тормозовъ его естественному росту; мы будемъ биться до конца, пока не завоюемъ прочнаго мира, достойнаго принесенныхъ нашимъ отечествомъ великихъ жертвъ. Отъ имени избравшихъ насъ мы заявляемъ это здѣсь: такъ хочетъ вся Россія. И вы, наши храбрые чудо-богатыри, въ холодныхъ окопахъ, высоко и гордо несущіе знамя русской государственности, внемлите этому народному порыву. Вамъ трудно, вы окружены лишеніями и испытаніями, но вѣдь вы — русскіе, и нѣтъ для васъ преградъ. Мы знаемъ вашъ стойкій, непоколебимый духъ; мы знаемъ, что ничто не остановитъ васъ, и что съ молитвеннымъ кликомъ: „Съ нами Богъ, разумѣйте, языцы, и покоряйтеся!“—вы приведете святую родину къ полной, рѣшающей побѣдѣ надъ дерзкимъ, самонадѣяннымъ врагомъ. Наградой вашей будетъ счастье видѣть, цѣною вашей крови, сіяющее радостью и довольствомъ отечество, которое, на свѣтлыхъ началахъ правды, права и законности и огражденное вами отъ иноземныхъ воздѣйствій, мирнымъ свободнымъ трудомъ и здравымъ русскимъ умомъ достигнетъ неслыханнаго расцвѣта своихъ духовныхъ и экономическихъ силъ на радость своего Царя и долгое свѣтлое счастье грядущихъ поколѣній. Побѣдоносному русскому воинству и его доблестному Вождю еще разъ слава, слава, слава!“

Колыбельная пѣсня.

(Посвящается многострадальной Сербіи).

Баюшки-баю, мой мальчикъ,—усни!
Звѣздъ золотые огни
На землю съ синяго неба глядятъ,
Добрые люди всѣ спятъ.
Только не спятъ въ голубой тишинѣ
Тамъ, далеко—на войнѣ.
Странную пѣсню тебѣ я спою—
Баюшки-баю-баю.
Ужасъ и смерть были въ нашей странѣ,
Спи,—твой отецъ на войнѣ...
Спи,—ты не видѣлъ, какъ врагъ приходилъ,
Край нашъ родной разорилъ,
Былъ, какъ взбѣсившійся звѣрь, онъ жестокъ:
Грабилъ, насильничалъ, жегъ,
Кровью всю нашу страну заливалъ.
Только народъ нашъ возсталъ,
Всталъ на врага весь народъ нашъ стѣной,
Долгій, кровавый былъ бой;
Многіе, многіе пали въ бою—
Баюшки-баю-баю.
Много у насъ теперь вдовъ и сиротъ,
Бѣденъ и малъ нашъ народъ,
Бѣденъ и малъ нашъ народъ, но—герой;
Страшный, жестокій былъ бой.
Дрогнулъ, не выдержалъ врагъ,—отступилъ.
День этотъ праздникомъ былъ.
Небо вступилось, мой мальчикъ, за насъ.
Богъ нашу родину спасъ...
Мерзлую землю покрыли снѣга.
Гонитъ народъ нашъ врага,
Гонитъ, какъ стадо, врага нашъ народъ,
Стадо злодѣевъ, и бьетъ...
Гибнутъ злодѣи въ кровавомъ бою—
Баюшки-баю-баю.
Что ты?.. Не бойся, мой сынъ,—за стѣной
Волка голоднаго вой:
Въ рощѣ лежитъ сѣрый волкъ на снѣгу,
Гибель пророчитъ врагу.
Бѣшено воетъ въ ночной тишинѣ:
Гибнутъ враги на войнѣ.
Скорбную пѣсню тебѣ я пою—
Баюшки-баю-баю.
Сжалься надъ родиной нашей, Господь,
Дай намъ врага побороть!
Воинамъ нашимъ побѣды пошли,
Нашимъ молитвамъ внемли,
Нашимъ защитникамъ жизнь сохрани,
Да не погибнутъ они,
Воины наши, въ кровавомъ бою—
Баюшки-баю-баю.
Спи,—твой отецъ далеко—на войнѣ,
Въ битвахъ, въ дыму и огнѣ.
Если отецъ не вернется домой,
Выростешь ты, мальчикъ мой,
Сильный и смѣлый, врага поразишь
И за отца отомстишь,
Если отецъ твой въ кровавомъ бою
Палъ за отчизну свою.
Только я вѣрю—вернется отецъ,
Скоро войнѣ ужъ конецъ,
Скоро враговъ побѣдитъ нашъ народъ,
Миръ и покой намъ вернетъ.
Свѣтлая жизнь будетъ въ нашемъ краю—
Баюшки-баю-баю.

Л. Андрусонъ.

Славянская манифестація въ Москвѣ 11 января с. г. въ честь геройской побѣды сербовъ надъ австрійцами. Процессія съ знаменами, флагами, портретами сербскаго короля Петра и королевича Александра, короля черногорскаго Николая и Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича у памятника императору Александру II. По фот. А. Савельева.

Въ геройской Сербіи.
Слѣды австрійскаго отступленія — умолкшее орудіе.

Обратно въ полкъ.

Очеркъ **I. I. Ясинскаго.**

Рана зажила. Остался только бѣлый рубецъ на лѣвой сторонѣ шеи и такой же рубецъ на затылкѣ: тоненькая пуля пронизала горло навылетъ.

Долго не отпускала поручика мать, прижималась къ нему сѣдою головою и плакала на его плечѣ. Всю дорогу передъ нимъ плыли въ сумракѣ воспоминаній синіе глаза невѣсты. Но два мѣсяца промелькнули, какъ одинъ день. Рана зажила!

Въ огромной залѣ вокзала, съ странной для русскаго уха надписью на высокихъ стеклянныхъ дверяхъ „Ядальня", съ трехсаженными окнами и пальмами подъ потолокъ, суетилась толпа. Артельщики, сестры милосердія, прапорщики, генералы, безусые добровольцы съ мрачными глазами, рѣшительно сверкающими изъ-подъ папахъ, штатскіе въ полувоенныхъ костюмахъ и съ краснымъ крестомъ на рукавѣ—представители всевозможныхъ земскихъ и частныхъ организацій, какія-то полуфантастическія фигуры въ кавказскихъ бешметахъ, съ цѣпочками на груди, съ серебряными и золотыми Георгіями, съ драгоцѣнными кинжалами, съ глазами, блиставшими жестко и безпощадно, какъ черные алмазы,—мелькали передъ поручикомъ, сидѣвшимъ въ ожиданіи кофе на диванѣ около своего походнаго чемодана и принимавшимъ и отдававшимъ честь.

— А, Добромильскій! — услышалъ онъ знакомый голосъ направо.—А я думала, вы убиты.

Онъ повернулъ голову и увидѣлъ даму въ какихъ-то бѣлыхъ, легкихъ, курчавыхъ мѣхахъ, распространявшихъ запахъ замши и острыхъ духовъ.

Въ геройской Сербіи.
Сербскій лагерь на снѣгу.

— Варвара Алексѣевна!

Онъ вскочилъ и растерянно улыбался; нельзя сказать, чтобы встрѣча его обрадовала.

Безкровная кожа красиваго лица Варвары Алексѣевны казалась тонкою, какъ пленка яичнаго бѣлка, съ желтоватыми тѣнями подъ глазами и вокругъ румяныхъ губъ. Растрепанныя черно-красныя брови сближались надъ горбатымъ носикомъ. Узенькая ручка ея была въ бѣлой перчаткѣ.

— Живъ, и ни словечка не написалъ!

— Я былъ почти убитъ, — отвѣчалъ онъ.

— А, были ранены? Бѣдненькій! Но выздоровѣли. Въ лазаретѣ лежали? Какъ, въ Петроградѣ? И вы же знали, что я тоже была въ Петроградѣ, и можно было бы напомнить о себѣ. Неужели я не пріѣхала бы? Я все забыла, милый Пьеръ. Злопамятность никогда не была моей добродѣтелью. И какъ это я не натолкнулась на васъ сама! Я же перебывала почти во всѣхъ лазаретахъ. Можно около васъ присѣсть? Ну, какъ поживаютъ ваша мама и новая избранница вашего сердца? Я кое-что слыхала... Человѣкъ, и мнѣ

Въ геройской Сербіи. Сербская пѣхота на улицахъ Вальева.

стаканъ кофе съ кексомъ! Такъ вотъ какая милая встрѣча! Куда же?

— Обратно въ полкъ.

— Какъ вы были ранены?

— Длинная исторія и непріятная.

— Вамъ надоѣло, Пьерочка, тысячу разъ разсказывали? Въ шею? Навылетъ? Ну, и жить же вамъ сто лѣтъ.

Онъ самодовольно усмѣхнулся.

— И рѣшительно... не болитъ?

— Пока не чувствую.

— Нечувствительный попрежнему, какъ когда-то,—двусмысленно скосивъ свои прекрасные, большіе, темные глаза въ его сторону, сказала она.

Обозы на пути къ передовымъ позиціямъ.

Обозы на пути къ передовымъ позиціямъ. Роздыхъ.

Пьерочка! Знаю, что сейчасъ пріѣдутъ изъ штаба мужъ и нашъ другъ дома, Васенька Безмѣновъ, и что вы совсѣмъ другой—холодный, старый, безчувственный, давно поставившій надо мною крестъ; а вотъ подите же...—Она сдернула перчатку.—У меня теплая рука, какъ разгорѣлась... Если бы я могла приблизить къ вамъ лицо!

На блѣдной тонкой кожѣ ея щекъ, въ самомъ дѣлѣ, заигралъ алый румянецъ, нервный и странный, отъ котораго, бывало, становилось Добромильскому жутко, и его тянула къ себѣ темная бездна желаній, которыя онъ считалъ преступными. Или это онъ теперь сталъ ихъ считать преступными?

Вспыхнула пара синихъ глазъ и съ печальной пытливостью смотрѣла на него.

— Помнишь, я никогда не умѣла управлять собою,—заговорила Варвара Алексѣевна.—И такъ какъ кругомъ насъ толпа, и едва ли кто-нибудь обращаетъ на насъ вниманіе, и однакоже я не могу обнять тебя, какъ обнимала, то—я буду говорить. Я опять въ эту минуту безумно люблю тебя, Пьеръ, тѣмъ сильнѣе, что такъ нежданно. Это даже безстыдно. Но послѣ этого что же такое вдохновеніе, порывъ? Вдохновеніе любви? И кто бы подумалъ, что этотъ худенькій офицеръ и эта дама сидятъ

— Ну, а вы что же дѣлаете здѣсь?—спросилъ онъ, чтобы не дать разговору принять нежеланное направленіе.

— А видите.

Она распахнула шубу и показала на груди кругленькій серебряный значокъ съ краснымъ крестикомъ.

— Въ сестрахъ?

— Не совсѣмъ, но подъ флагомъ Краснаго Креста. Я привезла съ мужемъ... Вы знаете, я съ нимъ помирилась и даже сдружилась — все, какъ было до васъ... Еще съ нимъ одинъ молодой человѣкъ-земецъ... Мы съ теплыми вещами. Второй день сидимъ на бобахъ. Единственная дорога занята войсками, и, кажется, придется сгрузить кладь въ интендантскомъ складѣ... Говорятъ, ужасно опасно добираться до передовыхъ позицій.

— Такъ вы съ мужемъ... И примирились? Поздравляю!

— Обрадовались!—вскричала она. — Какъ трогательно! Почувствовали облегченіе. Не правда ли, были угрызенія совѣсти? А я, какъ увидѣла васъ, чуть не упала въ обморокъ. — Она засмѣялась.—Я немножко забыла васъ, правда. И вдругъ вспомнила. Живой, милый

Обозы на пути къ передовымъ позиціямъ. Встрѣчные транспорты.

Изъ дѣйствующей арміи. По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

вотъ на диванѣ и будто бы пьютъ кофе, а между тѣмъ на глазахъ у всѣхъ мысленно цѣлуютъ другъ друга... Помнишь?..—протянула она и опять дотронулась до его руки своей узенькой, сухой, горячей рукой.

А синіе глаза все смотрѣли изъ глубины души молодого человѣка, и онъ чувствовалъ, что онъ не можетъ при нихъ быть тѣмъ, кѣмъ онъ былъ когда-то для Варвары Алексѣевны.

Онъ снова перемѣнилъ разговоръ.

— Можетъ-быть, черезъ часъ или два я уѣду.

— Часъ или два—вѣчность. Даже иная минута—вѣчность, — сказала Варвара Алексѣевна.—Но ее смутило выраженіе лица Добромильскаго.—Къ Перемышлю? Или на Самборъ?

— Къ Перемышлю.

— Потребность? Долгъ?

— Да.

— Ахъ, какая она счастливая, и какой вы еще мальчикъ, несмотря на ваши... Сколько вамъ лѣтъ? Тридцать, какъ и мнѣ. Но какая разница между нами. Вижу, плохо воспитала васъ. Самые, я бы сказала, небесные грѣхи—

Окопы.

Вокзалъ желѣзной дороги въ Сохачевѣ.

словомъ, а не дѣломъ. Съ вами мы испытали многое, а словъ у насъ еще не было. Какая радость сказать: я безумно люблю тебя, я сумасшедшая, сдѣлай со мной, что хочешь, растопчи меня ногами, будь звѣремъ, — и все-таки сидѣть, какъ ни въ чемъ не бывало, и для постороннихъ глазъ быть неприступной, потому что сама многолюдность оберегаетъ эту пошлость, которая называется цѣломудріемъ...

— А какія же теплыя вещи вы привезли?—прервалъ поручикъ.

Она остановила на немъ тяжелый взглядъ потемнѣвшихъ глазъ и сказала:

— Шлемы, гамаши и... какъ бы приличнѣе выразиться... шерстяные пояса.

— Гамаши! Зачѣмъ? Да и вообще тутъ нехолодно.

— Неправда, холодно, отвратительно холодно!—сверкнувъ глазами, проговорила Варвара Алексѣевна. Бросила мелочь на столъ и, не допивъ кофе, встала.—Простите, идутъ мужъ съ Васенькой. Просила у васъ только мгновенія, самаго идеальнаго, такъ сказать, простой „словесности“,—и вы не дали. До свиданія... прощайте!

Она торопливо отошла отъ него и направилась въ другой уголъ „ядальни“.

Потомъ раза два она прошла по залу объ руку съ земцемъ Васенькой.

— Ваше благородіе, — доложилъ солдатъ, подбѣжавъ къ Добромильскому: — дозвольте взять вещи. Поѣздъ поданъ, мѣсто надо поскорѣе занять.

— Въ теплушкѣ?

— Такъ точно.

Поѣздъ еще стоялъ нѣкоторое время. Добромильскій усталъ ходить по платформѣ. Онъ боялся, что опять встрѣтится съ Варварой Алексѣевной.

Но она уѣхала съ мужемъ и съ земцемъ въ городъ.

Было досадно „бояться“ и думать о Варварѣ Алексѣевнѣ.

Наконецъ поручикъ вернулся въ залу, выпилъ стаканъ горячаго чаю и только-что успѣлъ впрыгнуть въ вагонъ и занять мѣсто на твердыхъ нарахъ теплушки, какъ поѣздъ двинулся.

Во всемъ вагонѣ не нашлось ни одного знакомаго офицера. И утромъ, когда поѣздъ остановился у конечной станціи и Добромильскій очутился въ низенькихъ комнатахъ грязнаго каменнаго зданія — „офицерскаго собранія“, онъ не увидѣлъ знакомаго лица. Хотя бы случайно встрѣтился онъ съ однимъ товарищемъ по службѣ. Все были чужіе, незнакомые, большею частью очень молодые; учтиво отдавали честь. И всю дорогу отъ Петрограда, который онъ по старой памяти называлъ Петербургомъ, чувствовалъ онъ себя одинокимъ. Кругомъ лилась живая бесѣда. Прапорщики дѣлились другъ съ другомъ боевыми впечатлѣніями, шутили, подбадривали себя веселыми и „храбрыми“ разсказами. Были недавно раненые и выздоровѣвшіе. Но это уже было другое поколѣніе, народившееся послѣ него; новая волна войны. Сколько еще такихъ волнъ отхлынетъ и нахлынетъ!

Пѣшкомъ — не было извозчиковъ — отправился Добромильскій въ мѣстечко, гдѣ стоялъ штабъ въ покинутомъ замкѣ какихъ-то графовъ. Долго шелъ по полю для сокращенія пути. Земля оттаяла подъ тонкимъ слоемъ снѣга. Онъ уже бывалъ въ этихъ мѣстахъ полгода назадъ. Тѣ же деревья, только нѣкоторыя сбиты снарядами. На этомъ полѣ горѣлъ пятидневный бой. Вотъ и окопъ. Онъ перепрыгнулъ черезъ ровъ; и еще пришлось два раза прыгать.

Графскій замокъ стоялъ на пригоркѣ въ вѣковѣчномъ паркѣ съ гротами и статуями. Желѣзная рѣшетка у воротъ была сломана, и монументальный фонарь на одномъ изъ столбовъ покачнулся.

Варшавская улица въ Сохачевѣ.

Изъ дѣйствующей арміи. По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

Но, несмотря на легкіе декабрьскіе морозы, бывшіе на-дняхъ, дикій виноградъ еще зеленѣлъ вдоль всей передней стѣны за̀мка. Два египетскихъ чудовища тщетно сторожили входъ въ за̀мокъ.

И онъ вернулся назадъ на станцію, гдѣ было тоже чуждо, но, по крайней мѣрѣ, бились молодыя сердца и цвѣли молодыя жизни, какъ цвѣтутъ въ весенній день цвѣты, хотя имъ суждено не сегодня — завтра отцвѣсть.

На Кавказскомъ фронтѣ. Турецкіе офицеры, сдавшіеся въ плѣнъ.

На Кавказскомъ фронтѣ. Перевязка раненаго турецкаго солдата, брошеннаго своими на полѣ сраженія.

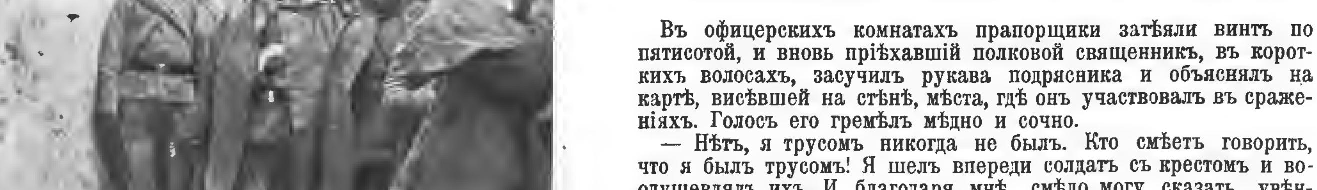
„А, можетъ-быть, и права Варвара Алексѣевна, что иное мгновеніе равно вѣчности, и что надо ловить минуты", — подумалъ онъ, мѣшая ложечкой мутный чай, поданный ему буфетчикомъ.

Синіе глаза, напротивъ, не хотѣли мгновеній, думали о вѣчности.

„А вѣчность — вѣдь это смерть", — рѣшилъ вдругъ Добромильскій, вышелъ изъ собранія и долго стоялъ въ палисадникѣ и прислушивался къ далекому грохоту орудій.

Было тихо и влажно, слетали скучныя сумерки.

На Кавказскомъ фронтѣ. Перевязка раненаго во время боя.



Въ офицерскихъ комнатахъ прапорщики затѣяли винтъ по пятисотой, и вновь пріѣхавшій полковой священникъ, въ короткихъ волосахъ, засучилъ рукава подрясника и объяснялъ на картѣ, висѣвшей на стѣнѣ, мѣста, гдѣ онъ участвовалъ въ сраженіяхъ. Голосъ его гремѣлъ мѣдно и сочно.

— Нѣтъ, я трусомъ никогда не былъ. Кто смѣетъ говорить, что я былъ трусомъ! Я шелъ впереди солдатъ съ крестомъ и воодушевлялъ ихъ. И, благодаря мнѣ, смѣло могу сказать, увѣнчался день нашъ побѣдой надъ врагами, троекратно превосходившими наши силы, уже, замѣтьте, истощенныя передъ тѣмъ сорокаверстными переходами. А духовное начало на полѣ чести играетъ огромную роль, я вамъ скажу, а иногда и рѣшающее значеніе.

Добромильскій слышалъ, какъ священникъ говорилъ о немъ, но онъ остановился въ тѣни и, хотя только-что страдалъ отъ одиночества, ему стало еще больнѣе, когда онъ услышалъ разсказъ о своемъ боевомъ прошломъ и о своей ранѣ. Отвернувшись, скользнулъ онъ въ другую комнату, гдѣ было темно, легъ на нары и старался заснуть.

Сонъ бѣжалъ. Хохотали прапорщики, когда ремизились и когда ремизили. Гремѣлъ священникъ, и вздрагивала земля отъ орудійныхъ выстрѣловъ.

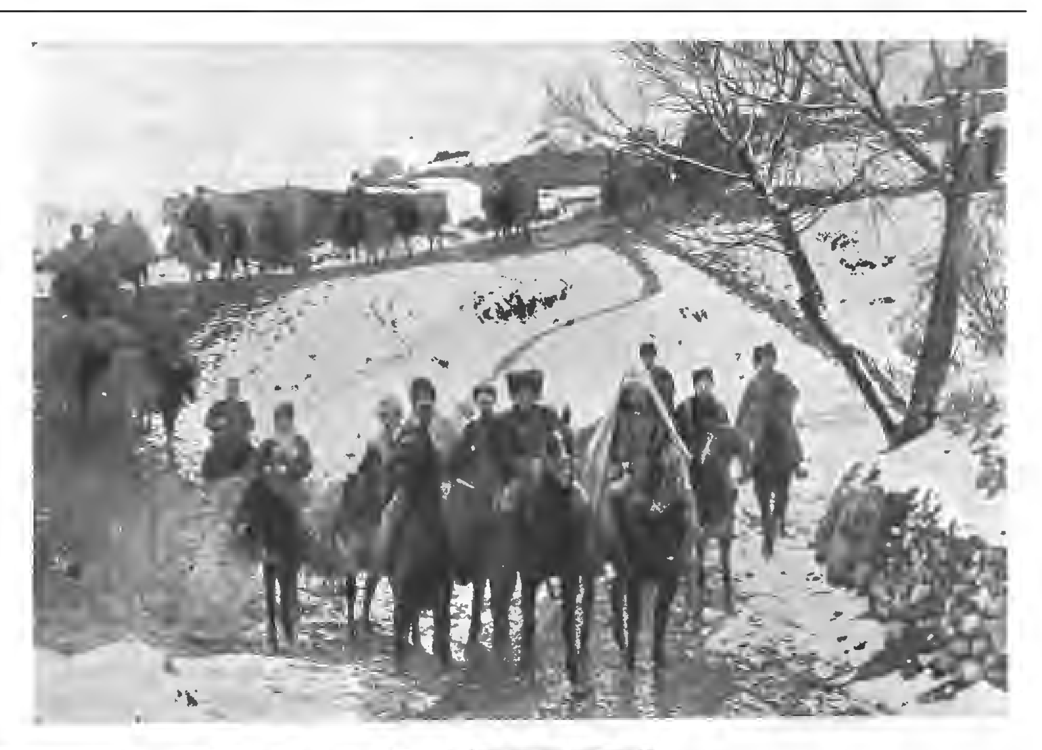
Чуть свѣтъ Добромильскій выѣхалъ на таратайкѣ. Чемоданъ его подпрыгивалъ на днѣ. Солдатъ настегивалъ лошадокъ; грязь брызгала во всѣ стороны: ухабы толкали то вправо, то влѣво.

Особое чувство испытывалъ Добромильскій: онъ ѣхалъ по землѣ, гдѣ лилась его кровь. Каждый кустикъ былъ близокъ. Отъ станціи до самаго Перемышля шли бои, и во всѣхъ онъ участво-

На Кавказскомъ фронтѣ. Раненые прощаются со своимъ убитымъ товарищемъ.

валъ. Какъ-то вдругъ поблекли въ его душѣ синіе глаза и черные, которые всю ночь, чередуясь другъ съ другомъ, не давали ему покоя. Въ окопѣ, который тянется отъ того дуба, онъ лежалъ съ солдатами. Дальше онъ велъ роту, и тамъ же упалъ, сраженный осколкомъ шрапнели, его лучшій товарищъ и другъ Новосильцевъ. Въ лѣсу направо палъ командиръ его роты, и къ нему перешло командованіе. Вѣчная память честному солдату, который, видя, что солдаты цѣлый день ничего не ѣли, предложилъ имъ ковригу своего хлѣба и удовольствовался самъ горбушкой. Онъ любилъ говорить краткія и сильныя рѣчи по всякому поводу. Даже умирая, онъ крикнулъ: „Орлы, душа моя съ вами! Впередъ!“

Деревушки, разбросанныя на пригоркахъ, лѣтомъ такія цвѣтущія и нарядныя, стояли обгорѣлыя, разоренныя. Въ купѣ деревьевъ, схваченные ихъ стволами, простирали распятыя руки кресты, или пе-



На Кавказскомъ фронтѣ. Доставка фуража на вьюкахъ.

На Кавказскомъ фронтѣ. Отбитые у турокъ пулеметы и горныя орудія. По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

стрѣли статуи Богоматери и Николая Угодника.

Проѣхавъ верстъ двадцать, Добромильскій опять услышалъ канонаду. Она внезапно загремѣла. Опытный слухъ его различилъ, что гремятъ стальныя пушки — наши, и въ отвѣтъ только изрѣдка звенитъ австрійская мѣдь.

Перемышль былъ близко. Онъ остановилъ таратайку у знакомой халупы, уцѣлѣвшей надъ обрывомъ, склонъ котораго весь былъ засаженъ ракитами. На противоположной сторонѣ дороги, наискосокъ, возвышалась уніатская церковь, и на ней крестъ былъ сломанъ, и пробитъ снарядомъ куполъ. Въ этой халупѣ онъ лежалъ цѣлый день, когда былъ раненъ. Уныніе и вмѣстѣ радость наполнили его сердце. Вышелъ Стефанъ въ длинномъ сѣромъ пиджакѣ и въ тяжелыхъ чоботахъ и всплеснулъ руками.

— Ахъ, добродій, привелъ-таки Богъ! Пречистая Дѣва заступилась за васъ, и помиловалъ Богъ.

— Здравствуй, Стефанъ! Что новаго у васъ?

— А что же новаго, когда уже война стала старая. Разбита наша деревня и опустошена; много домовъ сгорѣло, и въ школу снаряды попали, и теперь стоитъ пустая; и въ церковь Божью попала граната. Четырнадцать кабановъ было — ни одного не осталось, четыре коровы—тоже ихъ нѣтъ, и лошадей взяли.

— Но деньги же вамъ заплачены?

— Что деньги? Я бы самъ заплатилъ деньги. Что дѣлать, война!

— А жена какъ поживаетъ? Я привезъ ей гостинецъ. Мать моя просила передать ей платокъ на плечи.

— Э, нѣтъ уже моей Гали, уже

На Кавказскомъ фронтѣ. Привалъ въ занятой съ бою турецкой деревнѣ.

На Кавказскомъ фронтѣ. Полевыя орудія завода Круппа, отбитыя нашими войсками у турокъ въ бояхъ подъ Сарыкамышемъ.
По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

умерла. Царство небесное. Тосковала, упаси Боже, горевала. И сынъ застрялъ въ Перемышлѣ, и не выпускаютъ его оттуда.

Поручикъ сидѣлъ въ халупѣ и ждалъ, пока закипитъ чай на припечкѣ, и разглядывалъ при свѣтѣ керосиновой лампы побѣленныя стѣны съ висѣвшими на нихъ, какъ и тогда, лубочными (золочеными и разноцвѣтными) изображеніями святыхъ, фарфоровую статуэтку Божьей Матери, орѣховую кровать, на которой онъ лежалъ, раненый, балки и щели въ потолкѣ. Какъ будто часть личности его еще осталась здѣсь, и тѣни, шевелившіяся съ углахъ, по-родственному ластились къ нему. А Стефанъ все продолжалъ жаловаться.

— Нельзя ли соломы побольше, Стефанъ?

— Э, какая же теперь солома! Нема соломы, сгорѣла. Такой пожаръ былъ; жена умерла. Болѣла-болѣла, когда загорѣлось, умерла.

— Жаль мнѣ ее. Такъ вы, Стефанъ, отдайте платокъ старшенькой дочери.

— Э, нѣтъ уже моей старшенькой дочери. Она какъ вышла на Николу въ поле искать гусей, то ударила ее шрапнель, и не стало моей Текли...

Добромильскій замолчалъ.

— Вертаетесь въ свой полкъ?—печально спросилъ Стефанъ, наблюдая за котелкомъ съ закипающей водой.

— Какъ видишь.

Покачалъ головой Стефанъ.

— Знаю вашъ полкъ, пострадалъ онъ, когда былъ штурмъ.

— Слыхалъ; но кто-нибудь остался же?

— Да, кто и остался.

Стефанъ оглянулся на дверь, хотѣлъ что-то спросить, важное и глубоко его занимавшее, но ничего не сказалъ.

— А молока у тебя нѣтъ? — спросилъ поручикъ послѣ паузы.—У тебя чудное молоко было. Если бы не твое молоко, я бы умеръ отъ голода. Я могъ глотать только жидкую пищу.

— Э, какое же молоко въ теразнѣйшій часъ! Ужъ на всей деревнѣ, можетъ-быть, одна корова осталась. Хорошо, я скажу Юльцѣ, сбѣгаетъ, пошукаетъ.

Молока не оказалось и за большія деньги.

Добромильскій отдалъ платокъ маленькой Юльцѣ и простился съ хозяиномъ.

— Не остаетесь? А я думалъ, ночевать останетесь.

— Я тоже хотѣлъ ночевать, но лучше я поѣду прямо на позицію.

— Крый Боже, сейчасъ же дорога прямо противъ фортовъ; обстрѣливаютъ. Чуете, какъ стрѣляютъ? Солдаки шли, и тѣ не посмѣли. Подождать надо, пока перестанутъ каноны бухать.

Но молодой человѣкъ нетерпѣливо сѣлъ въ таратайку. Сейчасъ за деревней начались уже новыя мѣста, до которыхъ не допустила его рана. Въ неудачномъ штурмѣ крѣпости онъ уже не участвовалъ. Дорога тянулась узенькая, вся исковерканная „воронками“. Кончался короткій зимній день, заходило солнце, и на темно-лиловомъ силуэтѣ форта умирало оранжевое пламя заката. Канонада тоже затихала.

Вдали мелькали огоньки послѣдняго этапа. У подножья высоты Х. мигали, какъ подслѣповатые глаза, окна покривившейся бѣлой халупы, межъ голыхъ ракитъ и ясеней. Понянулись навѣсы съ пулеметами. Взводы солдатъ попадались навстрѣчу.

— Смирно-о!

На маленькомъ пригоркѣ стояла деревянная церковка, дребезжалъ колоколъ и звалъ къ вечернѣ.

Приливъ большого чувства всколыхнулъ грудь Добромильскаго. Онъ соскочилъ съ таратайки и уже около церкви на паперти узналъ добродушныя красныя лица солдатъ.

— Здравія желаемъ, ваше благородіе!—узнали и они его.

Волна радостнаго чувства все поднималась.

Церковь была ярко освѣщена восковыми свѣчами, сіяли иконы на некрашенномъ иконостасѣ. Онъ опять увидѣлъ лица, привѣтливо скосившія глаза въ его сторону. Шопотъ удовольствія и удивленія зашелестѣлъ въ толпѣ. И командиръ полка, суровый храбрый и прямой, какъ штыкъ, стоитъ въ новенькой шинели, подтянутый и побритый, и тутъ же батальонный командиръ, хлѣбосолъ, какихъ мало. Вотъ и два прапорщика, любившихъ пофилософствовать за стаканомъ чая, и докторъ, безплодно носившійся съ идеею международнаго суда, который, по его мнѣнію, долженъ былъ приговорить Вильгельма къ пожизненному заключенію на Эйфелевой башнѣ. Клубы ладана носились надъ молящимися. Родной полкъ, родные солдаты, офицеры, и онъ имъ родной. И мать, плакавшая на его груди, и эта семья его, постоянно мѣняющаяся и постоянно пополняемая и все же неисчезающая, и синіе и черные глаза какъ-то вдругъ сочетались въ одно цѣлое въ его задрожавшемъ сердцѣ. И когда полковникъ обернулся и радостно подошелъ къ нему съ протянутой рукой и крѣпко пожалъ ее, и батальонный командиръ прошепталъ:

— Голубушка, вы опять съ нами? —

У него сжалось горло, затуманилось зрѣніе, и онъ едва могъ начать:

— Имѣю честь...

— Ну, полно, что вы! Какія тутъ „имѣю честь“!—шопотомъ сказалъ командиръ, ласково засмѣявшись однимъ усомъ.—Сейчасъ послѣ службы ко мнѣ... И хоть дѣла безъ конца, но надо же отвести душу. Кое-кто изъ старыхъ и много новыхъ. Познакомитесь.

— Душа русскаго народа, голубушка!—пояснилъ батальонный командиръ и сталъ креститься.

Вышелъ священникъ изъ царскихъ вратъ и произнесъ:

— Миръ всѣмъ!

— Душа русскаго народа,—повторилъ, тоже крестясь, Добромильскій.

А изъ Перемышля и въ Перемышлѣ еще летѣли съ батарей гранаты, и въ темныхъ небесахъ медленно плыли ракеты, освѣщая надвинувшійся мракъ словно брызгами солнца.

На Кавказскомъ фронтѣ. Горныя орудія завода Шнейдера-Крезо, отбитыя нашими войсками у турокъ въ бояхъ подъ Сарыкамышемъ.
По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

Городъ Кѣльцы. Главная площадь. По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

Два Георгія.

Разсказъ **Николая Роминскаго.**

(Окончаніе).

— Я поплыву, — вызвался Кирилка, но Евстигнѣевъ его сухо оборвалъ:

— Твое время еще не приспѣло!

Назначивъ старшаго и старшихъ въ отдѣльныхъ группахъ, если придется разсыпаться, уходя отъ врага, и приказавъ дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами, Евстигнѣевъ и Чупрынниковъ сѣли на коней. До другого моста круговой дорогой было версты три, и поэтому пока казаки должны были оставаться въ лѣсу, начавъ дѣйствовать примѣрно черезъ часъ.

Хотѣли уже отправляться, какъ сучонка высунула голову изъ-за пазухи и заворчала: недалеко бѣгалъ сторожевой песъ. Онъ не выдержалъ искушенія, измѣнилъ долгу службы и пришелъ провѣдать „приманку".

Кирилка сейчасъ же закинулъ арканъ и зарубилъ его.

Взволнованная такса завыла, но Евстигнѣевъ ударилъ ее. Она спряталась опять за пазуху, и рука Евстигнѣева гладила маленькое дрожащее тѣльце.

Для того, чтобы добраться до другого моста, надо было переѣхать уже извѣстную рѣчку съ болотистыми берегами. Найти бродъ было нелегко, но у обоихъ казаковъ были подѣланы какія-то замѣтки: обрубленная кора, срубленныя вѣтки, связанныя верхушки молодыхъ деревьевъ.

Разыскивая эти замѣтки, Чупрынниковъ преобразился, выпрямился на сѣдлѣ и заговорилъ другимъ тономъ,—было понятно, почему именно его выбралъ Евстигнѣевъ.

Кони долго не рѣшались итти въ вязкое болото. А когда пришлось спрыгивать съ высокаго берега въ рѣку, совсѣмъ отказались. Пришлось спѣшиться и, слѣзши въ холодную воду, брести по поясъ, ведя лошадей. Прежняя „мычка" замѣни-

Вечеромъ.

Замолчали звонкія шрапнели,
Взятъ окопъ атакой штыковой.
Пусть сегодня нервы отупѣли,
Стала мысль зато совсѣмъ иной...
Разумъ книгъ давно разрушилъ сердце
И, гордясь безстыдной наготой,
Велъ впередъ, но затворилась дверца
Въ дѣтскій рай, душистый и святой...
Но теперь, забывши о кокетствѣ,
О сомнѣньяхъ, взятыхъ съ кучъ страницъ,
Передъ Божьей Матерью, какъ въ дѣтствѣ,
Я съ рыданьемъ упадаю ницъ
И молюсь съ горячностью ребенка
Непрерывнымъ стономъ робкихъ фразъ,
А съ иконы розово и тонко
Въ сердце падаетъ сіянье чьихъ-то глазъ.
Сердце радостно... не проситъ и не судитъ.
Я дремлю, овѣянъ тихимъ сномъ...
Неужели жъ сердце позабудетъ
Этотъ часъ сліянья съ Божествомъ?

Сергѣй Михѣевъ.

Городъ Кѣльцы. Разрушенная бомбардировкой желѣзнодорожная станція. Внутренній видъ. По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

Желѣзнодорожный мостъ между городами Кѣльцы и Андреевымъ, взорванный нѣмцами при отступленіи изъ Кѣлецъ. По фот. нашего корреспондента.

лась дождемъ. Онъ то хлесталъ въ лицо, то забѣгалъ съ вѣтромъ сбоку и обливалъ ухо и шею.

— Ну и погода! Пропали мы совсѣмъ!

Но Евстигнѣевъ былъ доволенъ:

— Ничего, ничего: германецъ будетъ дома сидѣть, носа не выставитъ!

Посрединѣ рѣки лошадь дернула, и такса выпала у него изъ-за пазухи въ воду. Теперь, мокрая, она жалась къ груди Евстигнѣева и вся дрожала мелкой дрожью. Онъ, выйдя на берегъ, гладилъ ее и ласкалъ. Она въ отвѣтъ горячимъ языкомъ лизала его руку.

Наконецъ доѣхали и до другого моста: огромный, черный, онъ высился мрачной массой на фонѣ неба.

Внизу, подъ мостомъ, у палатки

Изъ дѣйствующей арміи. На главной площади въ Андреевѣ. По фот. нашего корреспондента.

Въ разоренной Польшѣ. Вѣковыя развалины замка королевы Ядвиги.

сторожевого караула горѣлъ небольшой костеръ. Около него стояло нѣсколько фигуръ. По мосту быстро ходилъ часовой. Другой часовой оперся на перила и смотрѣлъ въ воду, низко опустивъ голову. Онъ не спалъ,—видно было, какъ иногда онъ шевелился, стараясь спрятать отъ дождя шею. Недалеко отъ костра видны были лошади.

Казаки потихоньку отъѣхали назадъ: по берегу приближался конный дозоръ, люди котораго громко разговаривали.

Мостъ охранялся основательно. Чупрынниковъ дернулъ Евстигнѣева за рукавъ и тихо сказалъ:

— Ну, братъ, кажись, тутъ не подступишься!

Положеніе затруднялось совершеннымъ отсутствіемъ лѣса или кустовъ. Зная это, казаки нарубили елокъ и сдѣлали довольно высокій легкій кустъ. Этотъ кустъ они оставили шагахъ въ четырехстахъ и теперь поѣхали за нимъ. Тамъ Евстигнѣевъ спѣшился и, держа за пазухой собаку и придерживая передъ собою кустъ, двинулся впередъ.

Онъ былъ еще далеко, какъ вдругъ двѣ собаки съ лаемъ бросились къ нему. На ихъ лай сейчасъ же выскочили солдаты и направились за собаками.

Все случилось слишкомъ скоро, слишкомъ неожиданно... Что было дѣлать? Бросить кустъ и убѣжать? Или ринуться на германцевъ и постараться покончить съ ними безъ выстрѣла? И въ томъ и въ другомъ случаѣ дѣло пропало...

Неожиданно выручилъ лучъ прожектора: съ моста освѣтили кустъ, передъ нимъ бѣгающую маленькую коричневую собачку и ухаживающихъ за ней двухъ псовъ...

Солдаты разсмѣялись и остановились: никому не взбрело подумать, откуда взялся этотъ кустъ? Они позвали своихъ собакъ и, не обращая больше на нихъ вниманія, побѣжали, спасаясь отъ дождя, назадъ.

Собаки же остались, изрѣдка лаяли на кустъ, но больше были заняты взаимной ревностью.

Вскорѣ свѣтъ прожектора потухъ. Евстигнѣевъ, освоившись съ темнотой, началъ медленно отступать: онъ хотѣлъ покончить съ собаками возможно дальше отъ сторожевой палатки. Вскорѣ оттуда начали кликать собакъ. Одна изъ нихъ пошла, но другая осталась, была захвачена арканомъ и изрублена.

Вскорѣ вернулась и другая. Она долго обнюхивала трупъ убитаго товарища и даже завыла, но потомъ все-таки направилась къ таксѣ.

Свистъ аркана, судорожное движеніе собаки, нѣсколько глухихъ ударовъ шашкой—и чуткаго сторожа моста не стало. Теперь были только люди, но они не были страшны.

Евстигнѣевъ гладилъ и ласкалъ свою невольную помощницу. Она уже не лизала его рукъ, но жалась къ нему, сильно дрожала и иногда вздрагивала.

Нужно было спѣшить. Сѣли на коней и проѣхали немного вверхъ по рѣкѣ. Здѣсь Евстигнѣевъ долженъ былъ броситься въ воду, доплыть до средины моста, привязать разрывныя шашки, зажечь бикфордовъ шнуръ и броситься въ воду вторично, стараясь доплыть до Чупрынникова, ожидающаго его съ лошадьми внизъ по теченію. Для этого надо близко пройти около непріятельской палатки, но теперь, когда собакъ не было, можно было вполнѣ разсчитывать на успѣхъ.

Евстигнѣевъ раздѣлся, подвязалъ къ плечамъ шашки и надѣлъ въ накидку шинель убитаго Кирилкой германца: въ случаѣ, если бы онъ не могъ соединиться съ Чупрынниковымъ, у него была бы хоть какая-нибудь одежда. Затѣмъ Чупрынниковъ со своими двумя конями потихоньку поѣхалъ мимо моста. Евстигнѣевъ же остался ждать, пока товарищъ подастъ ему условленный сигналъ.

Едва тотъ уѣхалъ, какъ показался непріятельскій разъѣздъ. Казакъ легъ на землю и прикрылся германской шинелью. Земля была мокрая и холодная, но онъ боялся подвернуть подъ себя полу шинели, чтобы не выдать движеніемъ своего присутствія.

Разъѣздъ ѣхалъ близко, и слышно было, какъ люди разговаривали на непонятномъ языкѣ. Проѣзжая мимо, одна изъ лошадей шарахнулась въ сторону; всадникъ далъ ей шпоры и выругался.

Городъ Кѣльцы. Разрушенная башня, въ которой нѣмцы устроили пороховой погребъ. По фот. нашего корреспондента.

Польскіе

Съ этой новой мыслью прежнее очарованіе исчезло, и онъ увидѣлъ свинцовую воду у своихъ ногъ,—воду, въ которую ему предстояло сейчасъ броситься, и холодъ опять съ болью прошелъ по его тѣлу.

Не стараясь сохранить тишину, онъ спрыгнулъ въ воду и поплылъ. Паденіе его тѣла пробудило вниманіе часового. Онъ нагнулся черезъ перила и увидѣлъ въ темнотѣ плывущій предметъ, — это была голова Евстигнѣева.

Часовой нѣкоторое время приглядывался, потомъ выстрѣлилъ, и этотъ выстрѣлъ поднялъ весь караулъ: люди выскакивали и торопливо садились на лошадей, пѣшіе бѣжали, и никто не понималъ, откуда могла грозить опасность. Но часовой упорно стрѣлялъ въ плывущій предметъ, и каждый новый выстрѣлъ усиливалъ тревогу. Самъ онъ тоже твердо не зналъ, почему такъ упорно стрѣляетъ въ темное, движущееся по водѣ, пятно. Не переставая стрѣлять, онъ кричалъ:

— Вотъ онъ, вотъ!

Когда къ нему подбѣжалъ офицеръ и строго спросилъ, куда онъ стрѣляетъ, часовой опѣшилъ, опустилъ ружье и удивленно и испуганно смотрѣлъ на офицера.

Засвѣтился прожекторъ и нѣсколько разъ мелькнулъ по головѣ Евстигнѣева, не останавливаясь на немъ. Тогда начальникъ караула, офицеръ, самъ побѣжалъ къ прожектору, и тотъ началъ методически освѣщать одну полосу за другой.

Еще не затихли разговоры разъѣзда, какъ раздался крикъ Чупрынникова. Этотъ условный крикъ заставилъ дозоръ остановиться. Люди затихли и стали прислушиваться, затѣмъ поѣхали дальше и продолжали разговаривать.

Тогда Евстигнѣевъ всталъ, связалъ шинель, прикрѣпилъ ее къ плечамъ и пошелъ въ воду. Теперь онъ вспомнилъ Кудряшова: вода была невозможно холодна. Онъ продрогъ уже раньше, лежа на холодной мокрой землѣ подъ шинелью, теперь же вода сковывала движенія. Онъ попробовалъ плыть и чувствовалъ, что долго не сможетъ. Тогда выскочилъ, развязалъ шинель, надѣлъ ее въ накидку, а потомъ въ рукава и началъ бѣгать по берегу. Черезъ пять минутъ стало теплѣе. Онъ быстро связалъ шинель и бросился въ рѣку вторично. Опять его охватила ледяная вода, но она уже не казалась такъ ужасно холодна и позволяла плыть.

Онъ плылъ и старался возможно больше болтать руками и ногами, не вынимая ихъ изъ воды, чтобы шумомъ не привлечь вниманія часовыхъ.

Посрединѣ моста былъ еще одинъ часовой. Онъ видимо мерзъ и то останавливался, чтобы потереть руки, то опять принимался бѣгать взадъ и впередъ.

Вѣтеръ дулъ порывами, и холодная вода обливала плечи, шею и лицо казака. Холодъ сковывалъ движенія, и было трудно плыть. Острая пронизывающая боль все увеличивалась и то поднималась къ груди, то уходила въ ноги, то захватывала все тѣло, и тогда казалось, что лучше утонуть, чѣмъ переносить такую боль.

Нѣсколько разъ Евстигнѣевъ пожалѣлъ, что рѣшился на безразсудное предпріятіе: моста все равно не удастся взорвать... Холодъ доконаетъ-таки...

Но все-таки плылъ впередъ. Доплылъ, вылѣзъ и дрожащими руками началъ прикрѣплять шашки. Руки не повиновались, и шашки чуть не упали въ рѣку. Кромѣ того, онъ боялся, что спички отсырѣли, хотя онѣ и лежали въ непромокаемой коробочкѣ.

Наконецъ все готово, осталось только поджечь, но оцѣпенѣвшія руки не могутъ открыть коробочку со спичками. Тогда онъ искусалъ ее зубами и зубами же сорвалъ крышку.

Спичка вспыхнула, и шнуръ загорѣлся.

Онъ тихо шипѣлъ, и кругомъ разлетались легкія искры. Нѣсколько секундъ казакъ смотрѣлъ на шнуръ. Онъ забылъ холодъ, и одна огромная мысль заняла его мозгъ:

„Все это сдѣлалъ я. Я выслѣдилъ, распорядился и выполнилъ".

Но вдругъ онъ вспомнилъ:

„Вѣдь какъ шнуръ догоритъ,—мостъ, и съ нимъ я, мы оба взлетимъ на воздухъ".

Никто на мосту не подозрѣвалъ о грозившей опасности, о томъ, что шнуръ уже горитъ, и лишь только онъ догоритъ, все для нихъ кончится: исчезнетъ мостъ, и прекратятся горе, страданія, заботы и радости всѣхъ этихъ людей.

Прожекторъ, руководимый начальникомъ караула, наконецъ остановился на головѣ плывущаго казака, и тотъ, уже около берега, голый, блестящій въ голубомъ свѣтѣ прожектора, вышелъ изъ воды, отряхнулся, накинулъ поданную ему Чупрынниковымъ шинель, взялъ пику и шашку и вскочилъ на коня.

Въ тотъ же моментъ затакалъ пулеметъ.

Но все это продолжалось длинный мигъ: какъ будто кто пустилъ кинематографъ, подержалъ нѣсколько моментовъ и прекратилъ его движеніе. Всѣ эти бѣгущіе и суетящіеся люди, пришпоривающіе лошадей всадники, такающій пулеметъ, садящійся на коня Евстигнѣевъ и спокойный Чупрынниковъ, ярко освѣщенный свѣтомъ прожектора,—все прекратилось сразу, какъ по мановенію волшебнаго жезла: воздухъ дрогнулъ, застоналъ, и далеко покатился гулъ и грохотъ взрыва. Какъ будто огромный костеръ вспыхнулъ надъ рѣкой и потухъ.

Воцарилась полная тишина. Прошло нѣсколько мгновеній, и она

Плѣнные нѣмцы-католики въ Варшавской цитадели. Въ центрѣ группы — члены особаго комитета, принявшаго на себя попеченіе о плѣнныхъ нѣмецкихъ полякахъ.

прекратилась: люди, бывшіе на берегу, опять зашевелились, загудѣли человѣческіе голоса, и забѣгали маленькія фигурки.

Голый, лишь въ накинутой шинели, Евстигнѣевъ и рядомъ съ нимъ Чупрынниковъ, неслись во весь карьеръ къ рѣкѣ и броду. Отъ станціи, находившейся въ полуверстѣ по прямому направленію, полетѣли въ воздухъ свѣтовыя ракеты. Лучъ станціоннаго прожектора началъ бродить по полямъ. Слышенъ былъ топотъ конницы, скачущей къ взорванному мосту.

Въ этотъ моментъ раздался второй взрывъ,—Кудряшовъ сдѣлалъ свое дѣло.

Евстигнѣевъ и Чупрынниковъ, какъ по командѣ, сняли фуражки и перекрестились.

Когда доѣхали до брода, вспомнили про собачку: гдѣ она? Впопыхахъ ее потеряли, и, ведя лошадей въ поводу черезъ рѣку, Евстигнѣевъ съ истинной горестью поминалъ маленькое дрожащее тѣльце и горячій язычокъ, лизавшій ему руки.

Онъ остановился и моментъ серьезно думалъ вернуться и поискать ее.

Теперь было свѣтло, какъ днемъ: ракета за ракетой взлетали въ воздухъ, однѣ, высоко поднимаясь надъ горизонтомъ, другія, дрожа и колеблясь на высотѣ трехъэтажнаго дома. Голубыя звѣздочки стояли въ воздухѣ, и была видна рѣка и противоположный берегъ съ крѣпкими, цѣпкими, узловатыми корнями.

На другомъ берегу ждалъ непріятный сюрпризъ: объ опасности они забыли совсѣмъ, но едва вылѣзли изъ болота, какъ наткнулись на непріятельскій разъѣздъ силою около тридцати человѣкъ. Казаки выѣхали прямо на нихъ. Въ первый моментъ опѣшили, во второй, нагнувъ пики, уже неслись на врага. Случилось это такъ быстро, что германцы невольно раздались и дали дорогу: они тоже не ожидали, что наткнутся на казаковъ.

Шинель, которую накинулъ Чупрынниковъ на товарища, упала, и Евстигнѣевъ скакалъ совершенно голый, ярко освѣщенный свѣтомъ ракетъ. Ударивъ ближайшихъ къ нимъ, они пронеслись дальше. Опомнившіеся кавалеристы повернули коней, и началась дикая гоньба: какъ на парфорсной охотѣ за лисицей, неслись черезъ плетни и канавы. Казачьи степняки не сдавали передъ полукровками уланъ, и разстояніе между скачущими не уменьшалось. Но чѣмъ больше ѣхали, тѣмъ линія преслѣдующихъ растягивалась, и вмѣсто прежней компактной массы они неслись теперь длинной вереницей.

Многіе изъ нихъ пробовали стрѣлять въ бѣглецовъ, и это было во благо уходящимъ: стрѣлявшій невольно придерживалъ коня и уже не могъ догнать переднихъ.

Евстигнѣевъ надѣялся на помощь товарищей и не ошибся: неожиданное г-г-г-иии!—и сбоку на уланъ бросились казаки.

Кто могъ, повернулъ коня, но многіе погибли. Изъ казаковъ было ранено лишь два, и оба легко.

Когда стало видно, что опасность миновала, Евстигнѣевъ спрыгнулъ съ коня, одѣлся и, чтобы согрѣться, началъ бѣгать взадъ и впередъ.

Прошло нѣсколько минутъ, и прискакали Кудряшовъ и Кирилка. Они гнали кругомъ, потому и запоздали. Они были бы комичны, если бы время и обстоятельства не были такъ серьезны: Кудряшовъ голый, безъ шапки, со свѣтлыми вьющимися волосами, развѣвающимися по вѣтру. За плечами его, при быстромъ бѣгѣ противъ вѣтра, — столбомъ стоящая шинель.

Кирилка первый соскочилъ, помогъ товарищу, но, не переставая, смѣялся и, вспомнивъ эпизодъ изъ священной исторіи, какимъ-то чудомъ оставшійся въ его памяти, — вѣроятно, видѣлъ рисунокъ, — повторялъ, указывая на Кудряшова: — Авессаломъ, Авессаломъ!

Кудряшовъ ругнулъ его и быстро заговорилъ:

— Ну, Евстигнѣевъ, кабы зналъ, ни за что не пошелъ бы въ воду,—пропади ты совсѣмъ, какая холодная!.. Ажно духъ захватило, думалъ, лопну отъ холода, ей-Богу! Какъ сталъ зажигать, а руки трясутся, весь дрожу, какъ собака, пальцы колодками, не слушаются. Ну, вотъ, думаю: и доѣхалъ благополучно, и доплылъ, хоть чуть не издохъ, и шашки подвязалъ, и шнуръ прикрѣпилъ, а теперь просто хоть германца проси, чтобы шнуръ поджегъ. Плакалъ отъ досады, ей-Богу, плакалъ, не шутя говорю. А тутъ вдругъ слышу, твой мостъ уже на воздухъ летитъ... Стою, спички тру, а у меня слезы капаютъ, глаза застилаютъ. Вѣтеръ дуетъ,—одну зажегъ, потухла, другую — потухла. А кругомъ уже бѣгаютъ, зажгли прожекторъ этотъ самый, скачутъ, ракеты пускаютъ,—все изъ-за того моста, а самимъ и невдомекъ, что я подъ мостомъ у нихъ же сижу да, плача, спички тру... Наконецъ успѣлъ какъ-то. Горитъ, а бокомъ, сейчасъ потухнетъ. Начинаю опять чиркать, и опять все тухнетъ. Ужъ мало и осталось. Вдругъ, вижу, пошло, горитъ, горитъ, все больше, брызги такъ и летятъ, искры то-есть. Думаю: чего жъ я, дуракъ, смотрю,—сейчасъ взорветъ! Я въ воду—и поплылъ. И диковина, скажу я вамъ: кажись, смотрятъ люди на меня, а бѣгаютъ, своимъ дѣломъ заняты, не обращаютъ вниманія. Я вижу: стоитъ Кирилка въ лѣсу, весь въ сіяніи, и на него никто ничего. Чудеса, обалдѣли люди! А тутъ мой мостъ какъ ахнетъ, какъ шарахнетъ... На минуту всѣ и затихли, какъ умерло все! И имъ ужъ не до гоньбы стало,—мы въ лѣсъ—и слѣдъ замели!

Кудряшовъ кончилъ разсказъ и пустился тоже бѣгать. Казаки стояли кругомъ, верхомъ на лошадяхъ, и, улыбаясь, смотрѣли на промерзшихъ товарищей.

А ракеты все лопались и лопались, и въ лѣсу было свѣтло, какъ днемъ.

По приказанію сотеннаго командира Евстигнѣевъ „письменно изложилъ" все происшедшее и представилъ по начальству. Но въ этомъ „письменномъ изложеніи" дѣло какъ-то сморщилось и сузилось:

„Доношу Вашему Высокоблагородію, что вчера, 11 октября 1914 года, я, съ отрядомъ изъ 15 казаковъ, ѣздилъ для взрыва мостовъ при станціи желѣзной дороги Диркенъ. Означенные взрывы произведены благополучно, при чемъ отличились особенно приказный Семенъ Кудряшовъ, самолично взорвавшій одинъ изъ мостовъ, и казакъ Кириллъ Калмыковъ, помогавшій ему. Другой мостъ взорвалъ я, и помогалъ мнѣ казакъ Петръ Чупрынниковъ.

„О чемъ Вашему Высокоблагородію и доношу.

„Незначительно ранены и послѣ перевязки на пунктѣ вернулись въ строй казаки Иванъ Балашовъ и Сергѣй Пѣхотинъ.

„Старшій Урядникъ Евстигнѣевъ первый".

Когда Евстигнѣевъ кончилъ писать свое донесеніе и показалъ отцу, то оба задумались.

„Означенные взрывы произведены благополучно".

Долго перебирали эту фразу и наконецъ, для усиленія, прибавили слово

Польскій легіонъ въ Ново-Александріи, приказомъ генералъ-адъютанта Н. І. Иванова включенный въ регулярную армію, какъ дружины ополченія. Легіонъ подъ командой подполковника В. Горчинскаго. (См. «Отклики войны»).

„вполнѣ“, — „означенные взрывы произведены вполнѣ благополучно“.

На совѣтъ были призваны Кудряшовъ и Чупрынниковъ, но и тѣ ничего не могли прибавить.

А между тѣмъ фраза „означенные взрывы произведены вполнѣ благополучно“ дѣйствительно выражала происшедшее... и въ общемъ находили, что написано здорово, — едва ли и полковой писарь напишетъ лучше...

Чупрынниковъ предложилъ вставить, что у непріятеля послѣ взрыва былъ большой переполохъ, и Евстигнѣевъ даже попробовалъ это написать, но послѣ нѣсколькихъ попытокъ отказался:

„Другой мостъ взорвалъ я, и помогалъ мнѣ казакъ Петръ Чупрынниковъ. Послѣ взрыва мостовъ у непріятеля поднялся большой переполохъ“.

— Переполохъ... переполохъ... Развѣ можно писать въ казенной бумагѣ такое слово? Переполохъ!

Вычеркнули переполохъ и написали „смятеніе“.

„Послѣ взрыва мостовъ у непріятеля произошло большое смятеніе“.

Казаки смотрѣли другъ на друга и вытирали потные лбы.

— „Переполохъ... смятеніе“... Ты еще про собаку напиши, — мрачно говорилъ Кудряшовъ.

— Ну, дай-ка бумагу! — И старикъ Евстигнѣевъ, вынувъ очки и осторожно ихъ надѣвъ, началъ читать.

Всѣ на него смотрѣли съ ожиданіемъ. Наконецъ онъ положилъ „бумагу“ и снялъ очки.

— Дѣло было сильное. Начальство ужъ разберетъ, — все жъ мосты не каждый день рвутъ.

Докладная была переписана и отдана по начальству. Сотенный командиръ прочелъ ее и улыбнулся, и сердце Евстигнѣева сжалось. Хорошо еще, думалось ему, что сегодня утромъ, рано, какъ только-что пріѣхали, сотенный разспросилъ, какъ было дѣло. Тогда все-таки подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ говорилось какъ-то иначе. Говорилъ онъ, говорили и другіе. Кудряшовъ разсказывалъ, какъ у него закостенѣли руки, какъ онъ не могъ зажечь шнуръ, и какъ за нимъ въ первое время германцы совсѣмъ не гнались: видятъ—и никакихъ, а Кирилка стоитъ весь въ сіяніи... Онъ самъ разсказалъ про собакъ и о томъ, что, кабы Кирилка не укралъ собаку, то ничего, пожалуй бы, и не вышло. Говорилъ про ударъ Кирилки,—всю голову, весь черепъ. въ лопаткѣ застряла. Такъ и лежитъ перерубленнымъ до плечъ... Какъ они ѣхали черезъ рѣку, какъ за ними гнались германцы: сначала кирасиры и показали бродъ, потомъ, уже послѣ взрыва, уланы, и какъ ихъ приняли въ шашки. Говорили безъ толку, захлебываясь, перебивая одинъ другого, но все было живо и интересно, а здѣсь...

Сотенный еще разъ прочелъ „бумагу“ и улыбнулся вторично, потомъ надѣлъ шашку и пошелъ съ докладомъ къ командиру полка.

Совершенно обезкураженный Евстигнѣевъ вернулся въ сотню.

Докладная же пошла дальше: отъ командира полка къ бригадному, отъ него къ начальнику дивизіи. Тамъ она остановилась, и дальше шло уже донесеніе штаба дивизіи.

Если бы Евстигнѣевъ увидѣлъ, какъ командиры полка и сотни разглядывали карту, разыскивая мосты, взорванные имъ, какъ командиръ полка самъ поѣхалъ къ командиру бригады и начальнику дивизіи, какъ онъ имъ докладывалъ,—даже говорилъ о собакахъ,—то онъ бы нѣсколько успокоился.

Вездѣ вынимали карты, вездѣ искали мосты, рѣку съ болотистыми берегами, поминали его имя и имя Кудряшова.

Мало того: даже въ штабѣ корпуса искали эти мосты, самъ корпусный,—и наконецъ въ штабѣ арміи измѣнили уже готовое распоряженіе, такъ какъ взрывъ мостовъ измѣнилъ обстоятельства: напечатанный приказъ былъ уничтоженъ и замѣненъ другимъ, а командующій арміей назвалъ его фамилію и прибавилъ: „дорогой, неоцѣнимый народъ эти казаки“.

Начальникъ дивизіи захотѣлъ лично наградить участниковъ поѣздки: въ первую же дневку собрали полкъ и выстроили въ пѣшемъ строю. Командиръ полка, всегда строгій и суровый, когда ждалъ начальство, обходилъ сотни и сердился, что люди плохо равняются.

Потомъ пріѣхалъ бригадный, старый сѣдой казакъ, обошелъ сотни, хотѣлъ что-то сказать и уже было-началъ, но показался автомобиль начальника дивизіи, и онъ поспѣшилъ на правый флангъ полка.

Начальникъ дивизіи, молодой щеголеватый генералъ, похвалилъ полкъ за истинно-казацкую вѣрную службу, вышелъ на средину, сказалъ нѣсколько словъ командиру полка и остановился въ ожиданіи.

Командиръ взялъ подъ козырекъ, отошелъ нѣсколько шаговъ отъ начальника дивизіи и, поднявъ голову, громко вызвалъ:

— Старшій урядникъ Евстигнѣевъ первый, приказный Кудряшовъ, казакъ Чупрынниковъ, казакъ Калмыковъ, казакъ Балашовъ, казакъ Пѣхотинъ!

Казакъ Калмыковъ, т.-е. Кирилка, былъ смущенъ, въ пѣшемъ строю не привыкъ ходить, зацѣпилъ ногою за землю, споткнулся и, еще болѣе смущенный, вышелъ передъ фронтъ.

Генералъ, обратясь ко всему полку, выяснилъ значеніе подвига, вынулъ четыре Георгіевскія медали и собственноручно нацѣпилъ Чупрынникову, Кирилкѣ, Балашову и Пѣхотину. Потомъ отошелъ, посмотрѣлъ на эффектъ и сказалъ:

— Вамъ, братцы, за лихое дѣло, а вамъ за то, что, будучи ранеными, вы вернулись послѣ перевязки обратно въ строй.

Полуобернулся назадъ, и адъютантъ поспѣшилъ дать ему два серебряныхъ крестика: это были Георгіевскіе кресты,—четвертой степени для Кудряшова и третьей для Евстигнѣева.

— Ну вотъ, молодцы, поздравляю, господа кавалеры!..

Командиръ полка, шедшій сзади генерала, думалъ, уже конецъ, и рѣзкимъ поднятіемъ головы показалъ, что надо благодарить. Казаки замѣтили его жестъ и дружно крикнули:

— Рады стараться, ваше превосходительство, покорнѣйше благодаримъ!

Генералъ немного опѣшилъ, не ожидалъ такъ скоро благодарности, но сейчасъ же овладѣлъ собой и продолжалъ:

— Да, да,—такъ вотъ, господа кавалеры, — вотъ тебѣ, Кудряшовъ, за молодецкую работу, за то, что, помня присягу, — служить по совѣсти и по долгу,—ты, рискуя каждую минуту жизнью, выполнилъ такое трудное и большое дѣло.

Генералъ нацѣпилъ ему крестикъ и опять заговорилъ:

— Дай тебѣ Боже, молодчина, заслужить и остальные три! Спасибо за службу!

— Радъ стараться, ваше превосходительство!

— Ну, разскажи же теперь, какъ это ты взорвалъ мостъ?

Но Кудряшовъ молчалъ и только быстро замигалъ глазами.

— Ну, что же ты?

— Вода была дюже холодна, ваше превосходительство!

Генералъ улыбнулся и пошелъ къ Евстигнѣеву, взялъ у адъютанта другой крестикъ и началъ надѣвать.

— Вотъ тебѣ за личную отвагу, ловкость и умъ при выполненіи отвѣтственнаго дѣла огромной важности.

Адъютантъ, видя, что генералъ чуть-чуть повернулся, подбѣжалъ и подалъ еще одинъ крестикъ, — Георгій второй степени, золотой. Евстигнѣевъ, обыкновенно отлично владѣющій собой, началъ такъ же быстро мигать глазами, какъ только-что Кудряшовъ, спрошенный генераломъ.—Неужели это тоже мнѣ?—У него что-то поднялось къ сердцу и тамъ остановилось. Онъ поблѣднѣлъ, и губы его нѣсколько разъ дернуло. Генералъ замѣтилъ эффектъ и чуть улыбнулся одними глазами, но сейчасъ же его лицо стало важно и серьезно, какъ прежде.

— Но ты не только выполнилъ смѣлое и большое дѣло: ты его обдумалъ, вывѣдалъ, выяснилъ всѣ подступы, взялъ въ помощницы, когда понадобилось, даже собаку (при этихъ словахъ Евстигнѣевъ покраснѣлъ),—предусмотрѣлъ всѣ мелочи, все, что какъ будто неважно, но что ведетъ къ выполненію цѣли.—Генералъ повернулся къ полку:—Дѣло Евстигнѣева должно служить вамъ примѣромъ: у казака все должно работать,—руки, ноги и голова, вы все должны предусмотрѣть, все обдумать, какъ вашъ славный товарищъ. Спасибо тебѣ, Евстигнѣевъ!

Онъ съ улыбкой выждалъ „радъ стараться“ Евстигнѣева и пошелъ къ его отцу.

Тотъ и раньше стоялъ превосходно: „грудь впередъ, животъ убери“, — теперь же, при приближеніи начальства, еще подтянулся и, какъ нарочно, выставилъ свои четыре Георгіевскихъ креста.

Генералъ невольно залюбовался имъ, и дѣйствительно онъ былъ красивъ со своими правильными чертами лица, сѣдымъ чубомъ, торчащимъ изъ-подъ молодецки надѣтой на ухо фуражки, и лучеобразными черточками, идущими отъ угловъ глазъ по вискамъ. Генералъ не былъ низкаго роста, но на старика Евстигнѣева смотрѣлъ снизу вверхъ.

— Ну что, старина, догоняетъ тебя сынъ? А?

Старикъ на улыбку и шутку начальства тоже отвѣтилъ почтительной улыбкой:

— Такъ точно, ваше превосходительство, догоняетъ. Вотъ получитъ четвертаго Егорія—да и войну можно кончать.

И морщинки на углахъ глазъ поплыли и расширились.

Генералъ посмотрѣлъ на старика и разсмѣялся:

— Ну, конечно, конечно!

Война и птицы.

(Съ 2 рис. и картой на стр. 137).

Люди стѣсняютъ птицъ въ ихъ свободной жизни... Чѣмъ далѣе и болѣе распространяется власть городовъ надъ землею, чѣмъ рѣже становятся лѣса и ограниченнѣе просторъ невоздѣланныхъ пространствъ, тѣмъ труднѣе приходится вольнымъ обитательницамъ земли и неба. И лишь тѣ изъ птицъ, которыя „кормятся“ отъ людей (напримѣръ, воробьи, чайки, вороны), или ухитряются совмѣщать гордое свободолюбіе съ житьемъ среди людей (журавли и скворцы), только онѣ не страдаютъ отъ постоянно растущаго засилья людей надъ природой.

Но если въ мирной жизни люди заставляютъ страдать пернатыхъ обитателей земли, то что же говорить о войнѣ? О войнѣ, которая истребляетъ лѣса не медлительными ударами топора, но

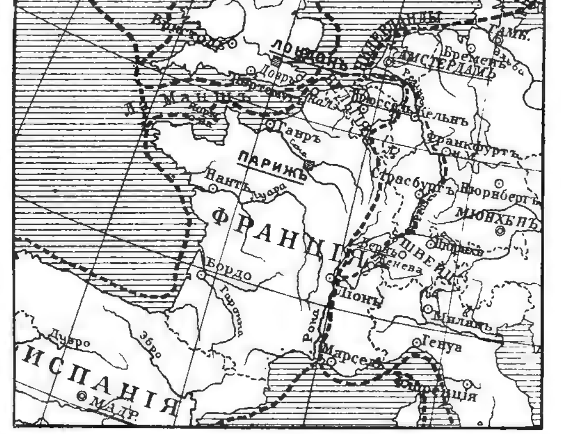
Почтовые голуби въ бельгійской арміи. Выступленіе бельгійской кавалеріи изъ Брюсселя. За спиной кавалериста повѣшена корзина съ голубями, которыми армія короля Альберта пользовалась для сообщенія со штабомъ и столицами—Брюсселемъ и Антверпеномъ.

страшной косой огнедышащей смерти. О войнѣ, которая вспахиваетъ землю ураганомъ тяжкихъ гранатъ и перекапываетъ поля и то, что остается отъ лѣсовъ, деревень и помѣстій тысячами глубокихъ окоповъ. Что же говорить о войнѣ, собирающей въ одно какое-нибудь мѣсто сотни тысячъ людей, при чемъ эти послѣдніе всюду ищутъ пропитанія и, разумѣется, истребляютъ всю дичь въ окрестности, если только пернатыя твари, напуганныя военной грозой, не успѣютъ скрыться отсюда.

Разразившаяся въ Европѣ великая война, несомнѣнно, внесла страшное замѣшательство въ пернатый міръ и вызвала въ немъ жестокія катастрофы. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, названія которыхъ уже перешли въ исторію, и гдѣ происходили неслыханныя по грандіозности сраженія—во Фландріи, въ Эльзасѣ, въ Польшѣ, птицы несомнѣнно, пострадали не менѣе людей. Но о людскихъ страданіяхъ люди говорятъ сами; птицы же молчатъ, и переживаемыя ими бѣдствія не находятъ отклика ни въ газетахъ ни въ устной молвѣ. Молчатъ и иныя безсловесныя твари: зайцы, кролики, дикія козы, серны, кабаны. А между тѣмъ разгромъ, причиненный войною ихъ мирному житейскому обиходу, не менѣе великъ и тяжелъ, чѣмъ и у людей.

Изъ охваченнаго войною раіона бѣгутъ мирные поселяне. Оттуда же бѣгутъ и мирные звѣри, и летятъ птицы. Поля битвъ привлекаютъ къ себѣ изъ міра животныхъ лишь однихъ мародеровъ: воронъ и волковъ. И дѣйствительность говоритъ намъ, что и въ Польшѣ и въ боевыхъ раіонахъ Западной Европы теперь развелось необыкновенное количество воронья. Благородныя птицы разлетѣлись, а эти отвратительныя твари каркаютъ теперь на поляхъ Фландріи, чуя изобильную кровь, и сидятъ тучами на братскихъ могилахъ. Встрѣчаются не въ примѣръ прошлымъ годамъ и волки—и не такъ давно въ газетахъ промелькнулъ жуткій разсказъ о солдатѣ, раненомъ въ обѣ ноги и едва не обглоданномъ волками, и вообще о томъ, что волки въ Сибири двинулись стаями на западъ, почуявъ добычу на далекихъ поляхъ битвъ.

Изъ представительницъ пернатаго царства всего горше пришлось во время войны тѣмъ, которыя живутъ не на деревьяхъ, а на землѣ: напримѣръ, куропаткамъ и коростелямъ (дергачамъ). Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ военныя дѣйствія принимали особенно интенсивный характеръ (напримѣръ, въ Шампани, Пикардіи, Артуа) почва взрыта такъ сильно, что потребуются годы для приведенія земли въ порядокъ, необходимый для возобновленія земледѣльческихъ работъ. Легко представить, какія катастрофы происходили тамъ среди куропатокъ и иныхъ бѣгающихъ птицъ. Вспоминается прелестный разсказъ Додэ: «Les émotions d'un perdreau rouge». Въ этомъ разсказѣ рѣчь идетъ, правда, не о войнѣ, а просто объ охотѣ, но какой переполохъ производитъ даже она въ пернатомъ мірѣ, и какъ ярко изображенъ этотъ переполохъ талантливымъ французскимъ беллетристомъ. „Знаете ли вы что-либо болѣе печальное, нежели мертвая птица? Крылья придаютъ ей такую живость! Видѣть ихъ смятыми и холодными—жутко до дрожи!“



Карта перелета птицъ.

Спасшаяся отъ охотничьихъ выстрѣловъ куропатка разсказываетъ: „На нашей дорогѣ мы встрѣчали несчастныхъ маленькихъ созданій, пораженныхъ шальными, случайными дробинками. Они лежали здѣсь покинутыя, предоставленныя въ добычу муравьямъ. Тутъ были сороки и ласточки, пораженныя во время полета. Ихъ клювы были полны пыли. Онѣ покоились на спинѣ, протягивая маленькія закоченѣвшія лапки навстрѣчу спускавшейся ночи. Но всего печальнѣе было слышать то здѣсь, то тамъ, на опушкѣ лѣса и на берегу рѣки, тоскливые, безпокойные призывы. Никто не отвѣчалъ на нихъ...“

Легко представить также, какія катастрофы происходили въ житьѣ-бытьѣ аистовъ, которые тысячами живутъ на крышахъ домовъ въ городахъ восточной

Почтовые голуби въ арміи.

Разведеніемъ почтовыхъ голубей для военныхъ цѣлей особенно интересуются Бельгія, Франція и Германія. По количеству всѣхъ превосходитъ, Германія: — въ ней насчитывается до 300.000 почтовыхъ голубей, при чемъ 8.000 составляютъ собственность правительства; по качеству же—быстротѣ и выносливости — первыми въ мірѣ считаются бельгійскіе голуби. Бельгійцы были первыми голубеводами, первая порода почтовыхъ голубей — антверпенская, лучшими же теперь почтовыми голубями считаются льежскіе. Въ Бельгіи въ мирное время устраивались грандіозныя голубиныя состязанія, установившія міровой рекордъ быстроты и высоты полета голубей. Въ нынѣшнюю войну германцы взяли «въ плѣнъ» тысячи бельгійскихъ голубей.

(См. «Отклики войны»).

Почтовые голуби въ бельгійской арміи. Тысячи корзинъ съ почтовыми голубями въ Антверпенѣ.

Франціи (на западѣ аисты встрѣчаются какъ исключеніе). Въ Страсбургѣ жители нарочно устраиваютъ имъ приспособленія для гнѣздъ, подобно тому, какъ у насъ устраиваются скворечницы. Для аистовъ страсбургцы кладутъ на печныя трубы колеса отъ экипажей. Эту „платформу“ аисты „обшиваютъ“ прутьями, соломой и т. п. и устраиваютъ гнѣздо. Жители относятся къ аистамъ (какъ и въ другихъ мѣстахъ) съ уваженіемъ и даже съ суевѣріемъ и всячески охраняютъ ихъ покой. Такъ же привольно жилось до войны аистамъ и въ Реймсѣ, и въ Нанси, и въ тѣхъ небольшихъ городахъ, которые потомъ подверглись ужасамъ бомбардировки. Несчастныя птицы претерпѣли здѣсь бѣдствія войны на ряду съ покровительствовавшими имъ горожанами. Справедливость, впрочемъ, требуетъ сказать, что большинство аистовъ въ это время уже успѣло отправиться въ обычное осеннее путешествіе въ Африку. Гораздо хуже пришлось аистамъ сѣверныхъ странъ (Голландіи, Англіи, Швеціи, Россіи). Эти сѣверные аисты отправляются на югъ почти одновременно съ аистами южными (такъ приноровленъ ко времени года ихъ общій инстинктъ). И въ то время, когда южные ихъ товарищи уже приближаются къ Африкѣ, „сѣверяне“ только-только пролетаютъ черезъ покинутыя южанами мѣста ихъ лѣтней резиденціи. Такъ вотъ въ нынѣшнюю войну очень плохо пришлось кочующимъ птицамъ, направлявшимся съ мирнаго сѣвера на мирный же югъ и попавшимъ во время своего долгаго путешествія въ полосу военныхъ дѣйствій.

Перевозка германской понтонной лодки.

Германская полевая хлѣбопекарня.

Слѣдуетъ замѣтить, что перелетъ птицъ съ сѣвера на югъ въ средней Европѣ происходитъ по совершенно опредѣленному пути (точнѣе, двумъ путямъ). Птицы летятъ по морскому побережью Голландіи, отдыхаютъ на о. Гельголандѣ, а затѣмъ, углубляясь въ материкъ Западной Европы, избираютъ долины рѣкъ Мааса и Рейна. Онѣ вообще предпочитаютъ летѣть около воды. Къ этимъ двумъ воднымъ путямъ приноравливаются и англійскія птицы. Далѣе, оба пути соединяются въ долинѣ рѣки Роны, и пернатыя путешественницы летятъ здѣсь уже общей стаей вплоть до Средиземнаго моря, откуда онѣ затѣмъ перелетаютъ черезъ море въ Африку.

Нынѣшней осенью перелетныя птицы встрѣтили на своемъ пути въ Бельгіи и восточной Франціи страшную катастрофу войны, потрясшую и небо и землю. Часть птицъ попала въ кровавую грозу боевъ подъ Льежемъ и Ипромъ и у береговъ Мааса. Другія, болѣе осторожныя, напуганныя громомъ канонады, отлетѣли въ сторону, измѣнили свой привычный маршрутъ и оказались, по наблюденіямъ нѣсколькихъ орнитологовъ, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ никогда имъ не приходилось бывать. Такъ, одинъ изъ наблюдателей видѣлъ въ Blanc-Mesnil двѣ вереницы журавлей, пролетавшихъ по направленію съ востока къ западу,

Германскія тяжелыя орудія.

Островъ Гельголандъ. Въ 1807 г. Гельголандъ былъ завоеванъ англичанами. Въ 1890 г. Англія уступила этотъ островъ Германіи, получивъ за него колоніи въ Южной Африкѣ. Завладѣвъ Гельголандомъ, нѣмцы соорудили на его скалистыхъ берегахъ несокрушимыя укрѣпленія и устроили обширную военную гавань. Они затратили на Гельголандъ болѣе ста милліоновъ марокъ. Въ настоящую войну сказалось значеніе Гельголанда: онъ является стоянкой германскаго флота и базой германскихъ подводныхъ лодокъ. Въ водахъ, окружающихъ Гельголандъ, разыгрались уже два морскихъ боя англійской эскадры адмирала Битти съ германскими крейсерами, потерпѣвшими сильное пораженіе. Грозя смертью и разрушеніемъ всѣмъ, приближающимся къ нему, Гельголандъ не страшитъ только птицъ, избравшихъ его испоконъ вѣка мѣстомъ отдохновенія во время перелета въ дальніе края.

чего никогда прежде не бывало. Это случилось въ дни сраженія при Шарлеруа. Въ другомъ случаѣ, былъ найденъ убитый журавль на улицѣ Орлеана. Оба эти случая указываютъ, что летѣвшіе на югъ журавли уклонились отъ своего обычнаго пути и потерпѣли крупныя боевыя пертурбаціи.

Перелетныя птицы во время своего перелета нуждаются каждый день въ остановкѣ для отдыха и прінсканія корма. Нечего и говорить, сколько „неподвижныхъ лапокъ, поднятыхъ къ небу и надвигавшейся ночи" осталось послѣ такихъ отдыховъ въ долинѣ Мааса или Изера! Интересное явленіе наблюдалось нынче у насъ, въ Россіи. Изъ Кіева сообщаютъ, что тамъ летятъ возвращающіяся въ Россію лѣтнія птицы. Оказывается, что страшная канонада въ Западной Европѣ, на Кавказѣ и въ Южной Америкѣ создала новыя воздушныя теченія въ сторону Урала. Эти теченія подхватили милліоны птицъ, и безъ того напуганныхъ шумомъ и запахомъ гари.

Еще горшую участь испытали мѣстныя птицы—воробьи, галки и тѣ изъ птицъ-путешественницъ, которыхъ нельзя назвать, въ тѣсномъ смыслѣ слова, перелетными, но развѣ лишь кочующими, напримѣръ, скворцы, переселяющіеся въ Западной Европѣ изъ одной области въ другую, въ поискахъ большаго пропитанія. Многія изъ нихъ, изгнанныя войною, переселились въ чужія мѣста (напримѣръ, скворцы изъ Франціи перебрались въ Англію), бо́льшая же часть ихъ погибла.

Разразившаяся война мало отразилась на семейной жизни птицъ. Огромное большинство ихъ уже закончило къ началу войны (1-го августа н. с.) выводку птенцовъ. Гнѣзда къ этой порѣ въ большинствѣ стояли уже пустыми.

Но война разрушила и гнѣзда и обычный укладъ птичьей жизни.

Землетрясеніе въ Италіи.

(Съ 2 рис. на стр. 140).

Новый годъ начался для Италіи печально. 13-го января по новому стилю страшный подземный толчокъ разрушилъ рядъ городовъ и мѣстечекъ къ востоку отъ Рима, на сравнительно очень близкомъ разстояніи отъ послѣдняго. Рано утромъ (часовъ около 5—6-ти) римляне были пробуждены рядомъ послѣдовательныхъ подземныхъ ударовъ, сравнительно слабыхъ, но, какъ говорятъ, все-таки повредившихъ нѣкоторые памятники. Человѣческихъ жертвъ однако не было, и жители итальянской столицы стали-было успокаиваться. Но вскорѣ телеграфъ принесъ имъ извѣстіе о страшной катастрофѣ въ Абруццкихъ горахъ: пришла вѣсть о разрушенныхъ до основанія городахъ, о тысячахъ убитыхъ и раненыхъ. И вѣсть эта вскорѣ подтвердилась.

Рано утромъ въ этотъ злополучный день 13-го января страшный подземный ударъ, очень короткій (всего двѣ секунды) совершенно разрушилъ городъ Авеццано въ 60 километрахъ отъ Рима. Жители злополучнаго города не успѣли выскочить изъ жилищъ, и бо́льшая часть ихъ была убита и задавлена развалинами. Погибло тамъ около 10.000 человѣкъ (по позднѣйшимъ даннымъ, даже болѣе) и осталось въ живыхъ лишь около тысячи, да и то почти поголовно раненыхъ. Всѣ зданія въ Авеццано превратились въ груды мусора. Погибли церкви, муниципальныя строенія, городской театръ.

Одновременно съ Авеццано землетрясеніе разрушило цѣлый рядъ городовъ и селеній въ прилегающей мѣстности. Погибли или жестоко пострадали города Сампелино, Черкіо, Пешина, Коллармеле, Патерно, Санъ-Бенедетто и др. Въ Каппадочіи рухнула церковь, и погибло много жителей подъ ея развалинами. Въ общемъ итогѣ насчитывается болѣе 20.000 погибшихъ во всѣхъ этихъ городахъ и мѣстечкахъ.

Оставшееся въ живыхъ населеніе расположилось подъ открытымъ небомъ, на снѣгу. Больницы въ уцѣлѣвшихъ городахъ округа Авеццано и сѣверо-восточной Кампаніи переполнены ранеными и увѣчными. Масса раненыхъ перевезена въ Римъ, точно съ поля сраженія. Общественное вниманіе такъ было тамъ поражено катастрофой, что итальянцы забыли на это время серьезныя политическія осложненія, переживаемыя страной.

Абруццкое землетрясеніе принадлежитъ къ числу сильнѣйшихъ катастрофъ этого рода и считается имѣющимъ тектоническій характеръ. Подобныя землетрясенія всегда имѣютъ довольно ограниченный кругъ дѣйствія. Такъ и на этотъ разъ область землетрясенія оказалась сравнительно небольшой. Это видно уже изъ того, что за какихъ-нибудь 50 километровъ отъ центра катастрофы толчки уже неспособны были произвести сколько-нибудь серьезныя поврежденія. Въ Римѣ, напримѣръ, землетрясеніе не причинило никакихъ разрушеній, хотя онъ находится на разстояніи всего какого-нибудь часа съ четвертью ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ центра катастрофы.

Центръ землетрясенія пришелся нѣсколько въ сторону отъ погибшаго Авеццано. Тѣмъ не менѣе это не спасло несчастнаго города.

Характерно то, что данная мѣстность до сихъ поръ считалась сравнительно благополучной въ смыслѣ землетрясеній. Послѣднія случаются преимущественно на югѣ Италіи (въ Калабріи и въ Сициліи) и на западѣ (близъ Неаполя). Это тревожитъ населеніе Рима, обычно никогда не боявшееся за свой царственный „міровой городъ".

Землетрясеніе въ Италіи, унесшее болѣе 20.000 жизней и разрушившее до основанія городъ Авеццано, превращенный въ груду развалинъ.

Раньше всѣхъ въ Россіи, задолго до телеграфнаго сообщенія, узнала о страшномъ землетрясеніи наша Пулковская обсерваторія, близъ Петрограда.

Въ 6 часовъ 57 минутъ 14 секундъ утра самопишущіе сейсмографы на сейсмической станціи отмѣтили сильный подземный толчокъ отъ происшедшаго гдѣ-то землетрясенія. Въ послѣднія секунды подземные толчки, или такъ называемыя сейсмическія волны, стали быстро возрастать и черезъ нѣсколько секундъ настолько возросли въ силѣ, что записи на пулковскихъ наиболѣе чувствительныхъ сейсмографахъ системы князя Б. Б. Голицына не только съ оптической регистраціей, но и съ механической, вышли за предѣлы поля зрѣнія, а менѣе чувствительные приборы съ механической регистраціей, отмѣчающіе на своихъ записяхъ лишь сильные подземные толчки, дали хорошія, отчетливыя записи землетрясенія. Вскорѣ явленіе стало ослабѣвать, но въ 7 часовъ 1 минута 7 секундъ утра по среднему Гринвичскому времени пришли новыя сильныя сейсмическія волны; ихъ сила была вдвое слабѣе, чѣмъ первыхъ волнъ. Все явленіе продолжалось въ теченіе одного часа. Черезъ 2 часа 46 минутъ 47 секундъ послѣ перваго толчка, когда непосредственно изъ эпицентра не поступали сейсмическія волны, пулковскіе сейсмографы отмѣтили появленіе новыхъ сейсмическихъ волнъ, которыя, обѣжавъ кругомъ всю поверхность земного шара, стали поступать уже съ противоположной стороны.

Уже простой взглядъ на записи сейсмографа показалъ, что гдѣ-то произошло страшное землетрясеніе. Какъ только были получены пулковскими сейсмографами записи землетрясенія, извѣстный русскій сейсмологъ директоръ Главной Физической Обсерваторіи академикъ князь Б. Б. Голицынъ, изобрѣвшій современный типъ чувствительныхъ сейсмографовъ, приступилъ къ измѣренію этихъ сейсмограммъ, а затѣмъ къ вычисленію, при помощи имъ же самимъ недавно выработаннаго метода, мѣста, гдѣ произошло землетрясеніе. Вычисленія показали, что землетрясеніе произошло въ пунктѣ, опредѣляемомъ слѣдующими географическими координатами: сѣверная широта—48 градусовъ 11 минутъ и восточная долгота—13 градусовъ 10 минутъ. Пунктъ этотъ находится въ Италіи въ Абруццкихъ горахъ.

Въ скоромъ времени изъ Италіи стали поступать свѣдѣнія о сильномъ землетрясеніи въ городѣ Авеццано и его окрестностяхъ, произведшемъ тамъ страшное разрушеніе.

Взглянувъ на карту, мы видимъ, что городъ Авеццано расположенъ въ 28 кил. отъ той точки въ Абруццкихъ горахъ, которая по вычисленіямъ князя Б. Б. Голицына являлась центромъ землетрясенія. Если мы вспомнимъ, что этотъ пунктъ отстоитъ отъ Пулкова на разстояніи 2.280 кил., то поразительная точность сейсмографовъ и методовъ, открытыхъ княземъ Б. Б. Голицынымъ, станетъ вполнѣ очевидной. Это тѣмъ болѣе поразительно, что какихъ-нибудь 4—6 лѣтъ тому назадъ сейсмологи были очень довольны, если имъ изъ наблюденій на нѣсколькихъ станціяхъ удавалось найти эпицентръ землетрясенія съ точностью до нѣсколькихъ сотъ верстъ.

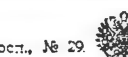
Насколько это землетрясеніе было сильно, можно судить по тому, что въ Пулковѣ на разстояніи 2.280 кил., сдвигъ почвы, какъ показали пулковскіе сейсмографы, достигъ $2^1/_2$ мм., тогда какъ во время знаменитаго мессинскаго землетрясенія онъ достигалъ въ Пулковѣ одного съ небольшимъ мм., т.-е. былъ вдвое меньше, чѣмъ теперь.

Любопытно, что въ тотъ же день въ 8 часовъ 8 минутъ утра въ Пятигорскѣ ощущалось также землетрясеніе, выразившееся въ рядѣ сильныхъ толчковъ, сопровождавшихся подземнымъ гуломъ въ теченіе полуминуты. Толчки сопровождались качаніемъ висящихъ предметовъ, звономъ посуды и сдвиганіемъ мебели. Мѣстная сейсмическая станція отмѣтила небольшой сдвигъ почвы, а также направленіе подземныхъ ударовъ съ юго-востока на сѣверо-западъ.

Тщательное изученіе и вычисленіе записей сейсмографовъ позволили князю Б. Б. Голицыну обнаружить любопытное явленіе, наблюдавшееся впервые ясно во время настоящаго землетрясенія, а именно, что направленіе сдвига почвы было перпендикулярно къ распространенію поверхностныхъ сейсмическихъ волнъ. Кромѣ того, записи сейсмическихъ волнъ, обѣжавшихъ кругомъ земного шара, дали возможность князю Б. Б. Голицыну опредѣлить скорость распространенія поверхностныхъ сейсмическихъ волнъ, которая оказалась равной приблизительно $3^1/_2$ километрамъ въ секунду.

Землетрясеніе въ Италіи, унесшее болѣе 20.000 жизней и разрушившее до основанія городъ Авеццано. Улица Торре Гаэтани.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.  Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ. Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Причины болѣзней нашего вѣка и естественные способы ихъ лѣченія.

3423

«Организмъ—лабораторія ядовъ».
Проф. Бушаръ.

Жизнь есть непрерывная работа организма. Прекращеніе работы сть смерть. Во время работы часть живого вещества разрушается, о въ то же время это вещество непрерывно возстановляется. Всяая работа сопряжена съ тратами, но кромѣ тратъ при всякой раотѣ образуются отбросы. Паровая машина работаетъ, благодаря воему топливу, но отъ ея работы, отъ истраченнаго топлива остается ола, а отъ испарившейся въ ея котлѣ воды остается накипь. Части сякаго механизма постепенно трутся, и частички пыли, происходящія отъ этого тренія, засоряютъ механизмъ. Чтобы машина работала, нужно возстановлять не только износившіяся ея части, но и чищать ее отъ отбросовъ, иначе работа становится все хуже и уже, все менѣе продуктивной, и въ концѣ концовъ еще могущая аботать машина остановится, засоренная отбросами своей работы. 'очно такъ же и организмъ: непрерывная работа его частей, нерывное сердцебіеніе и дыханіе, постоянное движеніе соковъ, епрерывные химическіе процессы съ одной стороны изнашиваютъ го органы, съ другой же образуютъ массу отбросовъ, отбросовъ, ормозящихъ работу, ядовитыхъ. Вотъ почему проф. Бушаръ назвалъ рганизмъ лабораторіей ядовъ. Эти отбросы, эти яды должны быть даляемы изъ организма, въ противномъ случаѣ они засорятъ, отраятъ организмъ, прекратятъ его работу, т.-е. жизнь. Такое засореніе рганизма отбросами, отравленіе своими ядами называется самотравленіемъ. Какъ машина, засоряемая своими отбросами, прежде ѣмъ прекратить свою работу, начинаетъ плохо, неисправно рабоать, такъ и организмъ, прежде чѣмъ наступитъ смерть, начинаетъ олѣть, и болѣзни самоотравленія бываютъ различныхъ степеней и илы.

Всемірно-извѣстный своими замѣчательными и многосторонними зслѣдованіями различныхъ вопросовъ обмѣна веществъ и питанія, ленъ парижской Академіи наукъ, профессоръ химіи Арманъ отье доказалъ, что единственнымъ способомъ обезвреживанія ядоитыхъ продуктовъ организма является окисленіе, т.-е. медленное гораніе ядовъ. Самоотравленіе, то-есть накопленіе отбросовъ, отраляющихъ организмъ, съ одной стороны—причина болѣзней, съ друой же стороны—ихъ слѣдствіе. Чтобы устранить самоотравленія, .-е. причины и слѣдствія болѣзней, нужно окислить, нужно сжечь довитые отбросы, и организмъ, если въ немъ еще имѣются заасныя силы, это дѣлаетъ. Онъ выдѣляетъ особыя вещества, котоыя, какъ лѣкарства, какъ противоядія, обезвреживаютъ, окисляютъ, жигаютъ яды. Лѣкарства организма вырабатываются въ немъ самомъ.

Въ нашъ нервный вѣкъ, вѣкъ напряженной работы, вѣкъ милліоновъ новыхъ впечатлѣній и волненій, въ нашъ вѣкъ сплошныхъ ереворотовъ всѣхъ устоевъ жизни, къ организму, къ его работѣ редъявляются повышенныя требованія. Дѣятельность нервной системы напряжена, повышена до крайняго предѣла, а поэтому и наопленія отбросовъ, самоотравленія представляютъ изъ себя общее войство жизни. Болѣзни, происходящія отъ самоотравленій, какъ евростенія, истерія, всевозможныя истощенія, сопровождающіяся алокровіемъ, атрофіей мышцъ, кожи и т. д., являются удѣломъ современнаго человѣка; онѣ ослабляютъ, ухудшаютъ работу организма способствуютъ этимъ дальнѣйшему накопленію отбросовъ, дальѣйшему самоотравленію. И вотъ повышенные запросы жизни, резмѣрно усиливая работу, напр., нервной системы, создаютъ самотравленіе; самоотравленіе предрасполагаетъ къ болѣзнямъ и выываетъ нѣкоторыя изъ нихъ, а эти послѣднія еще увеличиваютъ амоотравленіе и т. д. Происходитъ постоянное накопленіе ядовъ въ рганизмѣ, получается то, что медицина называетъ „порочнымъ круомъ" (circulus vitiosus), изъ котораго чаще всего организмъ не можетъ выбраться собственными силами, исцѣлиться недостающими въ го плохо-работающихъ органахъ собственными лѣкарствами. Нужна омощь извнѣ, безъ которой организмъ, слабѣя прогрессивно, долженъ въ конечномъ результатѣ прекратить свою работу. Приведемъ ѣкоторые примѣры. Въ извѣстныхъ случаяхъ, при слабости, неустойивости органовъ кроветворенія, напр., селезенки, самоотравленіе ызываетъ малокровіе; малокровіе въ свою очередь будетъ только оддерживать и усиливать самоотравленіе, а это послѣднее еще усиитъ малокровіе и т. д. И вотъ, чтобы вывести организмъ изъ этого руга, нужно предпринять одно изъ двухъ: или уничтожить самотравленіе, тогда прекратится поводъ малокровія, и организмъ приетъ въ норму, или же устранить малокровіе — тогда оно не будетъ оддерживать самоотравленія, и больной оправится. Для устраненія лѣдствія самоотравленія, т.-е. малокровія, больнымъ даютъ ліенинъ, редство, добываемое изъ селезеночнаго вещества; оно содѣйствуетъ роветворенію, увеличиваетъ силы организма, а въ дальнѣйшемъ уже нъ самъ улучшаетъ работу своей селезенки и приходитъ въ норму, свобождается отъ ядовъ, отъ самоотравленія. Возьмемъ другой примѣръ: женщина страдаетъ маточными кровотеченіями вслѣдствіе заолѣванія матки, наступаетъ малокровіе и, какъ слѣдствіе его, самотравленіе. Самоотравленіе еще усиливаетъ ея болѣзнь, болѣзнь силиваетъ самоотравленіе. Уничтоженіе маточнаго кровотеченія зависитъ отъ правильной работы грудныхъ железъ, но онѣ въ данномъ лучаѣ работаютъ недостаточно. Даютъ больной мамминъ (кровоостаавливающее средство, получаемое изъ вещества грудныхъ железъ), ровотеченія прекращаются, здоровье возстановляется.

Рано или поздно и притомъ у однѣхъ нѣсколько раньше, у другихъ нѣсколько позже, но у всѣхъ женщинъ наступаетъ критическій возрастъ, порогъ старости, прекращеніе менструацій. Старость не болѣзнь, но всѣмъ извѣстно, что тяжелая жизнь, много заботъ, сильныя траты ускоряютъ приходъ старости; но эти же причины влекутъ и самоотравленія. Такимъ образомъ самоотравленія ускоряютъ старость. Старость женскаго организма происходитъ отъ прекращенія работы яичниковъ. И вотъ самоотравленія ускоряютъ изнашиваніе яичниковъ, а это послѣднее ведетъ за собою старость со всѣми ея непріятными спутниками: потерей силъ, потерей красоты, утратой женской привлекательности. Чтобы устранить слѣдствіе, лучше всего устранить причину. Старость женщины есть слѣдствіе уменьшенія или прекращенія работы яичниковъ, а поэтому, давая старѣющимъ оваринъ (вещество, получаемое изъ яичниковъ), организмъ приводятъ въ первоначальное состояніе, возвращаютъ ему прежнія силы, формы и привлекательность, а этимъ отдаляютъ роковой моментъ старости.

Каждый органъ выдѣляетъ цѣлительныя вещества, регулирующія работу другихъ органовъ, устраняющія дѣйствіе вредныхъ продуктовъ, отбросовъ. Но кромѣ того организмъ выдѣляетъ и вещества, которыя прямо разрушаютъ, обезвреживаютъ эти отбросы. Это окислители. Для устраненія болѣзней въ приведенныхъ примѣрахъ можно было дѣйствовать двояко: или на малокровіе и кровотеченіе, или же прямо на самоотравленіе. Мы уже видѣли образцы дѣйствія на малокровіе и кровотеченіе, теперь же разсмотримъ способъ воздѣйствія непосредственно на самоотравленіе, на яды.

Окислителями называются такія вещества, которыя способствуютъ своимъ присутствіемъ процессу медленнаго сгоранія, дѣйствію кислорода. Всякое вещество при окисленіи теряетъ свои свойства.

Всѣмъ извѣстно быстрое окисленіе, горѣніе, напр., дровъ въ печи и медленное окисленіе, медленное горѣніе, напр., желѣза, когда оно ржавѣетъ, и всякому извѣстно, что уголь и зола, остающіеся отъ дровъ, и ржавчина, остающаяся отъ желѣза, уже обладаютъ другими свойствами, чѣмъ дерево и желѣзо. Точно такъ же и въ организмѣ продуктъ отброса, напр., мочевая кислота, которая вызываетъ подагру, подвергшись окисленію, медленному горѣнію, превращается въ мочевину, вещество не ядовитое и легко удаляемое изъ организма почками. Совершенно то же самое происходитъ и съ остальными продуктами отбросовъ, благодаря которымъ наступаютъ самоотравленія: окисляясь, они теряютъ бо̀льшую долю своей ядовитости, обезвреживаются и гораздо легче выводятся изъ организма.

Въ организмѣ имѣется сильный окислитель. Онъ вырабатывается бѣлыми кровяными шариками, содержится въ большинствѣ органовъ и необходимъ для докисленія недокисленныхъ отбросовъ, для дожиганія копоти, недогара,—это сперминъ. Окислительное дѣйствіе спермина было доказано и признано профессорами Арманомъ Готье, Пелемъ, Карно и многими другими. Его химическая чистота была подтверждена профессоромъ Менделѣевымъ, его физіологическое значеніе въ организмѣ и лѣчебная роль были установлены профессорами Афанасьевымъ, Баллэ, Бенедиктомъ, Вельяминовымъ, Гофмейеромъ, Эйленбургомъ, Эвальдомъ, Жоффруа, Костюринымъ, Кулябко, Либрейхомъ, Леви, Менделемъ, Полотебновымъ, Постоевымъ, Рихтеромъ, Сенаторомъ, Тархановымъ, Швиммеромъ и многими другими учеными. Всѣ опыты и наблюденія надъ сперминомъ показали, что онъ обезвреживаетъ яды, устраняетъ самоотравленія, улучшаетъ, регулируетъ работу сердца, почекъ, легкихъ — словомъ, принадлежитъ къ числу энергичнѣйшихъ лѣкарствъ организма, очищая его отъ отбросовъ, давая новыя силы для дальнѣйшей правильной работы, омолаживая ткани. Мы уже приводили примѣры цѣлительнаго дѣйствія ліенина, маммина и оварина и отмѣтили, что ихъ дѣйствіе основано на исправленіи работы органовъ, но не на удаленіи продуктовъ самоотравленія. При дѣйствіи же спермина какъ разъ порядокъ обратный: онъ окисляетъ, т.-е. разрушаетъ ядовитые отбросы, удаляетъ ихъ, а поэтому работа организма возстановляется. Почти всѣ болѣзни связаны съ самоотравленіями, потому что при всѣхъ болѣзняхъ работа организма нарушена. Самоотравленія даютъ подагру, ревматизмы, половое безсиліе, головныя боли и мигрени, запоры и т. д., а уничтоженіе ядовитыхъ отбросовъ уничтожаетъ эти болѣзни. Поэтому сперминъ примѣняли и примѣняютъ съ блестящимъ результатомъ при нервныхъ переутомленіяхъ, при неврастеніи, истеріи, при малокровіи, чахоткѣ, сифилитической кахексіи, упадкѣ питанія, при хроническомъ алкоголизмѣ, послѣдствіяхъ куренія, т.-е. отравленія никотиномъ, при старческомъ истощеніи, половомъ безсиліи, кожныхъ зудахъ, экземахъ, при упадкѣ зрѣнія, одышкахъ, отекахъ и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ дѣйствуетъ какъ окислитель ядовитыхъ отбросовъ, онъ очищаетъ засоренный организмъ и этимъ самымъ улучшаетъ его работу, не даетъ машинѣ остановиться до тѣхъ поръ, пока цѣлъ ея механизмъ.

Но, кромѣ окислительнаго дѣйствія, сперминъ, подобно, напримѣръ, ліенину и маммину, обладаетъ и прямымъ вліяніемъ на нѣкоторые органы. Такъ, онъ энергично регулируетъ, улучшаетъ работу сердца, что̀ было доказано прямыми опытами на сердцѣ. Отравленное или утомленное, перестающее работать сердце подъ вліяніемъ спермина немедленно начинаетъ правильно и энергично работать. Этимъ свойствомъ спермина объясняется его превосходное дѣйствіе при порокахъ сердца, ожирѣніи сердца и вообще при упадкѣ сердечной дѣятельности, наблюдаемой при эндокардитахъ.

окардитахъ и всѣхъ сердечныхъ заболѣваніяхъ. Поэтому при ѣзняхъ, при которыхъ исходъ всецѣло зависитъ отъ выносли- эсти сердца, сперминъ является прекраснымъ средствомъ: онъ етъ ясно выраженные результаты при крупозномъ воспаленіи егкихъ, при тифахъ, дифтеритѣ, скарлатинѣ и другихъ заразныхъ олѣзняхъ. Свойство спермина удалять и обезвреживать ядовитые гбросы и улучшать кровообращеніе содѣйствуетъ возрожденію каней, а поэтому сперминъ является надежнымъ средствомъ при ртеріосклерозѣ.

Все это было установлено и доказано многочисленными наблю- еніями у постели больныхъ перечисленными выше профессорами, мена и научный авторитетъ которыхъ являются достаточной пору- ой за точность данныхъ. Само собою разумѣется, всѣ эти наблю- енія и изслѣдованія были произведены только со спер- иномъ-Пеля, единственнымъ настоящимъ сперминомъ, не имѣю- цимъ ничего общаго съ малоцѣнными подражаніями и поддѣлками, вободная продажа которыхъ, какъ воспрещенная Медицинскимъ овѣтомъ, производится беззаконно подъ различными названіями, акъ, напримѣръ, сѣменныхъ вытяжекъ, тестикулярныхъ, и дру- ими, иногда похожими на сперминъ, наименованіями.

Остановимся еще на одномъ естественномъ способѣ лѣченія, на рименѣніи составныхъ частей молока. Мать, кормящая молокомъ воего ребенка, это молодое и еще беззащитное существо, неспо- обное какъ слѣдуетъ бороться съ вредными продуктами отбросовъ, оторыхъ къ тому же въ организмѣ ребенка больше, благодаря силенной работѣ, усиленному росту, снабжаетъ его цѣлебнымъ веществомъ въ своемъ молокѣ. Она вмѣстѣ съ питательными веще- твами даетъ въ молочной сывороткѣ особыя цѣлебныя вещества, адъ которыми много работалъ профессоръ Пель и которыя вхо- итъ въ составъ „коррелятина". Эти вещества дѣйствуютъ подобно спермину: они являются энергичнымъ окислителемъ, сильно тони- зируютъ, поднимаютъ дѣятельность организма. Этимъ объясняется, что корреллатинъ обладаетъ способностью приводить въ норму заху- давшіе организмы; онъ скоро излѣчиваетъ явленія рахитизма и дѣтскаго истощенія, укорачиваетъ срокъ выздоровленія послѣ тяже- лыхъ болѣзней—словомъ, является энергичнымъ помощникомъ орга- низма въ борьбѣ съ заболѣваніями.

Не имѣя возможности въ этой краткой замѣткѣ изложить всѣ данныя, касающіяся интереснаго вопроса естественныхъ способовъ лѣченія болѣзней, т.-е. лѣченія веществами самого организма, мы считаемъ долгомъ сообщить, что по этому вопросу издана въ на- стоящее время книга подъ заглавіемъ „Цѣлительныя силы орга- низма", которая и высылается всѣмъ по первому требованію за четыре 7-копеечныя марки (адресовать требованія: Петроградъ, Васильевскій Островъ, 7-я линія, д. № 16—18, Органотерапевтиче- скій Институтъ Поставщика Двора Его Императорскаго Вели- чества Профессора Доктора Пеля и Сыновей).

Въ этой книгѣ читатели найдутъ громадный матеріалъ, которымъ пользуется современная органотерапія: въ ней изложены послѣдо- вательно болѣзни легкихъ, сердца, сосудовъ, пищеваренія, почекъ, болѣзни нервной системы, различныя истощенія, женскія, дѣтскія, глазныя и кожныя болѣзни, всевозможныя отравленія и само- отравленія и указано значеніе современнаго строго-научнаго при- мѣненія при нихъ органотерапіи. Помимо глубокаго интереса книга является необходимой въ каждой интеллигентной семьѣ, давая воз- можность ознакомиться съ новѣйшими теченіями научной медицины и тѣмъ ограждая отъ возможности быть введеннымъ въ заблужденіе широковѣщательными рекламами якобы лѣчебныхъ средствъ, пред- лагаемыхъ лицами, ничего общаго не имѣющими съ медициной.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

1915 г. № 8

XLVI г. изданія

Выданъ 21 февраля 1915 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.) — 15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч.“ Мамина-Сибиряка кн. 3.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Царскій даръ разоренной Польшѣ. Государь Императоръ изволилъ пожертвовать милліонъ рублей, предназначивъ эту сумму варшавскимъ благотворительнымъ обществамъ. Для установленія основаній распредѣленія Высочайшаго пожертвованія учреждена въ Варшавѣ особая комиссія подъ предсѣдательствомъ сенатора Любимова съ участіемъ главнѣйшихъ представителей благотворительныхъ обществъ.

Какое участіе принимаютъ въ войнѣ англичане? Въ Россіи существуетъ несомнѣнный интересъ къ участію Великобританіи въ войнѣ, и предположеніе о томъ, что англійскія приготовленія слишкомъ осмотрительны, конечно, не имѣетъ мѣста. Нынѣ, когда настоящее положеніе дѣла въ Англіи становится все болѣе и болѣе яснымъ, остается думать, что распространеніе сомнѣній въ цѣнѣ британскихъ военныхъ мѣропріятій выполняется нѣмецкими агентами. Тѣмъ не менѣе такіе слухи сѣются, и на нихъ необходимо отвѣтить возможно проще и яснѣе.

Поддержкою этихъ слуховъ до извѣстной степени послужили, по мнѣнію англійской прессы, выкрики: «Торгуемъ по-прежнему!» (не помѣшавшіе однако націи съ успѣхомъ принять участіе въ гигантской борьбѣ), и чрезмѣрное увлеченіе организаціей помощи раненымъ.

Ни Франція ни Россія не могли соперничать съ чрезвычайными усиліями Англіи въ этомъ отношеніи, такъ какъ ихъ войска многочисленнѣе. Тѣмъ, кто склоненъ былъ думать, что англичане предоставили своимъ войскамъ слишкомъ много комфорта и балуютъ ихъ, достаточно провести хоть одинъ часъ въ любомъ пунктѣ Ипра и Лабассэ, чтобы быстро разсѣять эту иллюзію.

Въ нейтральной прессѣ сообщали, что англичане не спѣша готовятся къ войнѣ, предполагая воевать три года. Это совершенно невѣрно, такъ какъ, хотя наши союзники готовы воевать не три, а даже тридцать лѣтъ, но главная ихъ цѣль все же побѣдить Германію возможно скорѣе.

Среди различныхъ толковъ иногда слышались и сожалѣнія о томъ, что англичане не ввели всеобщей воинской повинности. Отвѣтъ на эти сожалѣнія вынуждаетъ къ разъясненію другихъ вопросовъ, которые въ общемъ сводятся къ тому, что если въ началѣ войны англичане и ввели бы воинскую повинность и даже приняли бы всѣ другія мѣры, то они не имѣли бы и при этихъ условіяхъ на передовыхъ позиціяхъ больше людей, чѣмъ теперь.

Итакъ, что же сдѣлали англичане? Авторитетный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ нашъ официальный военный органъ «Русскій Инвалидъ».

Они выслали во Францію небольшую, но серьезно подготовленную экспедиціонную армію и тѣмъ выполнили все, чего Франція когда-либо могла ждать отъ нихъ. Прибытіе британской арміи на нѣсколько дней раньше не внесло бы измѣненій въ ходъ войны. Отходъ союзниковъ къ Марнѣ былъ вызванъ особыми обстоятельствами, не зависѣвшими отъ дѣйствій англійской арміи.

Послѣ этого Англіей были посланы на материкъ подкрѣпленія, далеко превышающія тѣ, которыя были заранѣе намѣчены. Великобританія располагаетъ еще цѣлымъ милліономъ (говоря въ круглыхъ цифрахъ) войска, который и будетъ высланъ въ скоромъ времени. На этомъ, конечно, не остановится введеніе въ борьбу новыхъ силъ Англіи, могущей призвать еще болѣе милліона въ резервъ для своихъ новыхъ армій. Недоумѣвающіе, почему Англія не шлетъ этихъ силъ, забываютъ, что, прежде чѣмъ посылать людей на войну, ихъ нужно обучить, вооружить и обезпечить всѣмъ необходимымъ.

Нормальная сила сухопутныхъ войскъ Великобританіи была извѣстна всему міру. Когда передъ Англіей предстала задача вооружить еще милліонъ или даже два, пришлось приспособить заводы и установить новыя машины для выдѣлки оружія и снаряженія. Объ этомъ мало говорилось, но все было выполнено.

Англія дѣлаетъ рѣшительно все, что нужно, работая день и ночь, и скоро на поле сраженія выйдетъ новая британская армія, которая можетъ быть подавляющей силой только въ томъ случаѣ, если она не будетъ введена въ дѣло по частямъ. Она должна быть такъ снабжена, чтобы быть въ состояніи вести бой всю дорогу до Рейна и далѣе. Она должна имѣть достаточно орудій, чтобы громить германскія укрѣпленія до полнаго ихъ уничтоженія. Она, конечно, должна быть хорошо обучена и дисциплинирована. Все необходимое для этого дѣлается.

Ходъ войны связалъ всѣ страны однимъ общимъ вопросомъ военныхъ снабженій, Англіи же предстояла еще задача организаціи и обученія людей.

Въ будущемъ Германія все болѣе и болѣе будетъ затруднена въ вопросѣ снабженій, въ то время какъ у союзниковъ всѣ виды этихъ снабженій будутъ постепенно накопляться. Думается, что большинство недоразумѣній было бы выяснено, если бы можно было поднять необходимую завѣсу и открыть видъ необычайной и даже невѣроятной дѣятельности, которая господствуетъ во всей Англіи въ приготовленіяхъ для продолженія кампаніи.

Кромѣ того, слѣдуетъ упомянуть и объ англійскомъ флотѣ и о малой войнѣ, которую англичане ведутъ въ другихъ частяхъ свѣта, и о явныхъ и очевидныхъ преимуществахъ, которыя англичане имѣютъ благодаря обезпеченности отъ нападенія и наличію большихъ рессурсовъ государства.

Германія понимаетъ положеніе дѣлъ лучше всѣхъ критиковъ, она оцѣниваетъ должнымъ образомъ все значеніе приготовленій Англіи и не скрываетъ этого.

Церковь и куреніе табаку. Въ Москвѣ устроенъ былъ сборъ табаку для солдатъ. По обычаю передъ всѣми сборами совершаются напутственные молебны архіерейскимъ служеніемъ. На этотъ разъ приглашенный викарный архіерей отказался совершить молебенъ на благословеніе сбора на томъ основаніи, что куреніе табаку церковью осуждается, какъ грѣховная слабость. Преосвященный Модестъ, епископъ верейскій, къ которому затѣмъ обратились устроители сбора, отслужилъ молебенъ, но предпослалъ молитвѣ рѣчь, въ которой указалъ, что онъ благословляетъ не сборъ табаку, а ту святую заботу, которую сборщики имѣютъ въ своихъ сердцахъ въ отношеніи страждущихъ воиновъ; что же касается собственно курильщиковъ табаку, то церковь считаетъ ихъ людьми несовершенными. Но, не насилуя воли немощныхъ чадъ своихъ требованіемъ оставить эту пагубную слабость, церковь, какъ чадолюбивая мать, молится за своихъ слабовольныхъ дѣтей, убѣждая и предостерегая ихъ, чтобы они своею слабостью не соблазняли другихъ. Это выступленіе епископа Модеста встрѣтило одобреніе въ высшихъ духовныхъ кругахъ.

Женщина—Георгіевскій кавалеръ. 13-го сентября 1914 года, во время нахожденія одного изъ стрѣлковыхъ полковъ въ Австріи, въ полкъ прибыла партія запасныхъ нижнихъ чиновъ въ составѣ 116 человѣкъ; въ концѣ списка, сверхъ означенныхъ запасныхъ, приписанъ былъ доброволецъ Анатолій Павловичъ Тычининъ. Этотъ доброволецъ прибылъ въ солдатскомъ обмундированіи и снаряженіи, но безъ ружья и обратилъ на себя вниманіе молодостью, а также недостаточнымъ физическимъ развитіемъ.

Въ виду явной слабости добровольца, командиръ роты предполагалъ назначить его на должность ротнаго писаря и отправить въ обозъ, но Тычининъ, узнавъ, что обозъ находится всегда далеко сзади полка и въ бояхъ не участвуетъ, настойчиво просился въ строй. Тогда командиръ роты исполнилъ желаніе Тычинина, при чемъ ему была выдана винтовка и показано обращеніе съ нею.

21-го сентября 1914 года во время боя подъ г. Опатовомъ Тычининъ былъ назначенъ подносить патроны, что выполнялъ очень усердно и быстро, несмотря на сильный ружейный и артиллерійскій огонь; кромѣ того, Тычининъ перевязывалъ раненыхъ и подъ огнемъ выносилъ ихъ съ поля сраженія. Будучи раненъ въ руку и ногу, онъ не оставилъ своей самоотверженной работы до тѣхъ поръ, пока непріятельская пуля не поразила его въ грудь навылетъ.

При отходѣ отъ г. Опатова Тычининъ остался на полѣ сраженія.

За бой 21-го сентября 1914 года добровольцу Тычинину, на основаніи Георгіевскаго статута, былъ пожалованъ Георгіевскій крестъ 4-ой степени.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ бѣжавшій изъ непріятельскаго плѣна ротный фельдфебель того же полка доложилъ командиру полка, что видѣлъ въ г. Опатовѣ раненаго добровольца Тычинина и что этотъ доброволецъ оказался воспитанницей одной изъ кіевскихъ женскихъ гимназій, и что она, при новомъ занятіи г. Опатова русскими войсками, была эвакуирована въ Россію.

По всеподданнѣйшемъ докладѣ о семъ Государь Императоръ въ 11-ый день сего января Всемилостивѣйше соизволилъ на признаніе дѣвицы Тычининой награжденною Георгіевскимъ крестомъ 4-ой степени.

Кто погибъ надъ Либавой? Вопросъ о томъ, какое именно изъ судовъ германскаго воздушнаго флота погибло надъ Либавой 12-го января, удалось, по словамъ К. В. въ «Русскомъ Инвалидѣ», выяснить вполнѣ. И только то обстоятельство, что дирижабль, обстрѣлянный бравыми пограничниками, затонулъ слишкомъ быстро, послужило причиной нераспознанія типа этого судна съ самаго начала.

Разстрѣлянный пиратъ былъ построенъ въ Биттерфельдѣ (около Берлина), на заводѣ Luftfahrzeug-Gesellschaft, по типу маіора Парсеваля только лѣтомъ 1914 года. Это самая послѣдняя модель этого типа, по которой заводъ сдалъ незадолго до войны три дирижабля правительствамъ Россіи (№ 14), Италіи (№ 17) и Германіи (№ 16—P IV). Послѣ того, тоже по заказамъ иностранныхъ армій, было заложено еще три такихъ же дирижабля (№№ 19, 20 и 21), но вслѣдствіе войны сдача ихъ не состоялась, и всѣ они остались въ распоряженіи прусскаго военнаго министерства. Парсеваль № 19, помѣщенный, очевидно, въ воздушный портъ Кёнигсбергъ, и сдѣлался жертвой своего дерзкаго полета надъ Либавой.

Этотъ типъ дирижабля, въ противоположность цеппелинамъ, является образцомъ мягкой системы. Тогда какъ у цеппелиновъ жесткая алюминіевая оболочка (каркасъ) и жесткое сцѣпленіе гондолъ съ оболочкой, у парсевалей вся оболочка совершенно мягкая, и совершенно мягкая же подвѣска гондолы, безъ всякихъ промежуточныхъ жесткихъ органовъ. Это даетъ такимъ аэростатамъ преимущество, позволяя разбирать ихъ на части даже въ полѣ и перевозить въ спеціальномъ автомобильномъ обозѣ. Но зато для выполненія крупныхъ задачъ стратегическаго характера такіе мягкіе аэростаты уступаютъ жесткимъ, примѣромъ чему можетъ служить и либавская исторія: быстрая аварія дирижабля отъ небольшого числа попаданій объясняется именно тѣмъ, что оболочка аэростата была сплошная и не имѣла отдѣльныхъ отсѣковъ, какъ то имѣется у цеппелиновъ.

Тѣмъ не менѣе дирижабль этого типа обладаетъ хорошими летучими качествами: при емкости оболочки въ 10.000 куб. метровъ и мощности моторовъ въ 360 лош. силъ (у цеппелиновъ въ 22.000 куб. метровъ и 600 лош. силъ), парсеваль поднимаетъ полезнаго груза около 3½ тоннъ (215 пудовъ) и имѣетъ часовую скорость около 65 верстъ. Какъ судно постройки 1914 года, уничтоженный парсеваль № 19 представлялъ въ германскомъ воздушномъ флотѣ далеко не маловажную единицу, а два мотора его, фирмы Майбахъ, затонувшіе на неглубокомъ мѣстѣ, будутъ навѣрное извлечены.

Наглость экипажа,—изъ коего, какъ оказывается, часть жила до войны въ Либавѣ,—была настолько велика, что они шли надъ городомъ на ничтожной высотѣ въ 150—200 метровъ. Публика видѣла отчетливо всю арматуру дирижабля и въ отдѣльности каждаго человѣка изъ экипажа. Это явно доказываетъ, какъ сильно были увѣрены на дирижаблѣ въ полной беззащитности того города, на который они напали, предварительно ознакомившись до войны, въ качествѣ гостей, со всѣмъ внутреннимъ порядкомъ и устройствомъ въ этомъ мѣстѣ.

Пѣсня терскихъ казаковъ. Приводимъ изъ «Терскихъ Вѣдомостей» сложенную терскими казаками пѣсню:

Изъ-подъ кочекъ, изъ-подъ пней
Лѣзетъ врагъ оравой.
Гей, казаки! на коней—
И айда за славой!
Мать, не хмурь сѣдую бровь,
Провожая сына.
Ты не плачь, моя любовь,
Зоренька-дѣвчина.
Ты судьбинѣ не перечь,
Не кручинься слёзно—
Всѣмъ придется въ землю лечь
Рано или поздно.
Помни: срока своего
Смерть не проворонитъ,
А кому не срокъ—того
И въ бою не тронетъ.
На враговъ, чертямъ на зло,
Налетимъ мы бурей—
Это наше ремесло—
Цѣловаться съ пулей.

Эхъ, зудитъ моя рука—
Будетъ съ нѣмцемъ рубка!..
Помолись за казака,
Бѣлая голубка!
Таетъ, таетъ сизый дымъ,
Ты прощай, станица!
Мы тебя не постыдимъ—
Будемъ лихо биться.
Отшвырнемъ съ родной земли
Нѣмцевъ въ ихъ берлогу,
Хоть бы даже къ нимъ пришли
Черти на подмогу.
Пусть придутъ! Среди гостей
Будетъ больше крику,
Потому что и чертей
Мы возьмемъ на пику.
Эхъ, зудитъ моя рука—
Будетъ съ нѣмцемъ рубка!..
Помолись за казака,
Бѣлая голубка!

Династія героевъ. 8-го января въ Вѣчномъ Городѣ вся Италія воздала великія почести памяти героя — внука Джузеппе Гарибальди. На городскомъ кладбищѣ Рима состоялись похороны одного изъ Гарибальди—Бруно, павшаго въ бою съ нѣмцами. Яркую картину этихъ національныхъ похоронъ даетъ Г. Христіани въ «Кіевской Мысли».

«На кладбищѣ жуткая тишина, несмотря на присутствіе двухсоттысячной толпы. Всѣ затаили дыханіе. Старикъ Риччіотти Гарибальди подходитъ съ женою сказать «прощай» останкамъ сына, павшаго во Франціи въ рядахъ перваго легіона гарибальдійцевъ-волонтеровъ.

«— Бруно, сынъ мой!—говоритъ Гарибальди:—въ то время какъ твоя мать цѣлуетъ тебя въ послѣдній разъ, я также, отъ имени дѣда, говорю тебѣ:—«Молодецъ, ты исполнилъ свой долгъ! Скоро твой братъ придетъ къ тебѣ! И пусть въ этотъ горестный моментъ тебя утѣшаетъ мысль: Италія отомститъ за тебя!» — Голосъ дрогнулъ, и тысячи голосовъ отвѣтили старику-отцу: — «Да здравствуетъ семья Гарибальди! Да здравствуетъ Италія! Долой Австрію! Долой Германію!».

«Гробъ молодого Гарибальди поставили въ печь крематоріума, и римляне начали медленно расходиться.

«Такъ трогательно-торжественно закончились похороны перваго Гарибальди, павшаго въ сраженіи.

«Двѣсти тысячъ человѣкъ, собравшіеся встрѣтить и проводить до мѣста послѣдняго успокоенія внука легендарнаго Джузеппе, съ волненіемъ и гордостью прочитывали подробности боя, въ которомъ гарибальдійцы получили боевое крещеніе. Они помнили, какъ на предложеніе сдаться волонтеры отвѣтили:—«Спасибо, мы—итальянцы! Глядите, какъ умираютъ гарибальдійцы!» Они съ восторгомъ читали телеграммы о бѣшеной атакѣ нѣмецкихъ траншей гарибальдійцами».

«Вдругъ ночью быстро пролетѣлъ по рядамъ приказъ, — сообщали депеши:—ранцы на землю, штыки на стволъ! Никто не сможетъ передать волненія, испытаннаго въ этотъ моментъ. Дрожь, искра, электризующая души. Приказъ быстро выполненъ. Изъ устъ въ уста проходитъ призывъ: «Будемъ помнить, что мы итальянцы!» На штыки надѣты маленькія національныя знамена. Впередъ ползкомъ, среди кустарниковъ. Тьма страшная. Мы—среди лѣса.

«Въ этотъ моментъ падаетъ первый снарядъ надъ четвертой ротой. Ранено десять солдатъ. Это первое боевое крещеніе. Раненые подобраны. Ряды сомкнуты. Настроеніе поднимается. Второй снарядъ попадаетъ въ середину волонтеровъ. Падаетъ съ размозженной головой лейтенантъ Гамбетта. Раздается громкій, бѣшеный крикъ: «Да здравствуетъ Италія!» Поднято трехцвѣтное знамя. Авангардъ бросается на нѣмецкую траншею. Изъ траншеи отвѣчаютъ потокомъ свинца и огня. Падаетъ лейтенантъ Борньи, сержантъ Марино. Умирая, онъ кричитъ: — «Впередъ! Смерть или побѣда!» Падаютъ другіе; Бруно Гарибальди, во главѣ своихъ людей, раненъ въ лѣвую руку.— «Пустяки, просто царапина!» — кричитъ онъ. Вторая пуля пробиваетъ ногу. «Да здравствуетъ Италія!» Третья пробиваетъ грудь. Прижимая раненой рукой грудь, онъ прислонился къ дереву. Съ нечеловѣческимъ усиліемъ наклоняется надъ раненымъ товарищемъ, цѣлуетъ его и говоритъ:—«Вотъ, поцѣлуй за меня братьевъ». Но умереть онъ хочетъ стоя. Опираясь на карабинъ, напрягая послѣднія усилія, онъ гордо выпрямляется лицомъ къ врагу. Медленно клонится на бокъ и падаетъ мертвымъ. Сержантъ Рекрозіо съ четырьмя солдатами добѣгаютъ до траншеи, падаютъ искромсанные и умираютъ съ возгласомъ «Evviva Italia!».

«Одинъ за другимъ умираютъ волонтеры. Падаетъ республиканецъ Морелли и, умирая, бормочетъ схватившимъ его товарищамъ: — «Не забудьте о Тріестѣ!» Взятъ первый рядъ окоповъ, взятъ второй. Тучи пуль осыпаютъ атакующихъ. Новый сигналъ — и новая траншея въ рукахъ гарибальдійцевъ. Но потери такъ велики, что рѣшено прекратить длившійся два часа бой. Волонтеры засѣли въ отвоеванныхъ траншеяхъ».

«Эта картина стояла передъ глазами римлянъ, когда они медленно проходили мимо гроба, а затѣмъ двинулись провожать его на Campo Verano. Впереди коммунальная стража, потомъ оркестръ, и наконецъ гарибальдійцы-ветераны, за ними катафалкъ, семья Гарибальди съ двумя братьями во французскихъ мундирахъ, пріѣхавшими похоронить брата, послы воюющихъ державъ, депутаты и безконечное число знаменосцевъ — представителей тысячи организацій. Среди нихъ выдѣляется огромное знамя «Великаго Востока» — масонства, знамена — Трента, Тріеста, Истріи. Рѣка народа, давно невиданная въ Римѣ, далеко-далеко протягивается за ними. Изъ оконъ бросаютъ цвѣты, машутъ итальянскими флагами.

«Черезъ три часа кортежъ доходитъ до кладбища, и раздается трогательное и мужественное: «Бруно, сынъ мой!..»

«Огромная манифестація закончилась. Началось паломничество къ дому Гарибальди... Пришло подробное сообщеніе о новомъ боѣ, гдѣ палъ второй Гарибальди — Костанци — вмѣстѣ съ 340 гарибальдійцами.

«Тяжело въ домѣ старика-отца.—«Можно вслѣдствіе долгаго воспитанія въ огнѣ сраженій, — говоритъ онъ, — дойти, какъ я, до сознанія неизбѣжности смерти. Но подумайте: два сына, два сильныхъ, крѣпкихъ сына, два молодыхъ сына — на разстояніи нѣсколькихъ часовъ убиты одинъ за другимъ. Нѣтъ, нѣтъ! Развѣ это не слишкомъ сильно для отца? А мать? У нея нѣтъ больше слезъ. Спасибо Риму, который весь вышелъ провожать сына и немного облегчилъ сердце матери. Но развѣ можно говорить объ утѣшеніи? Подумайте: наши дѣти убиты, и вотъ сейчасъ начинаютъ приходить письма, посылавшіяся ими изъ траншей къ матери. Мать тамъ читаетъ письма дѣтей, которыхъ больше не увидитъ!»

«Риччіотти,—пишетъ газета «Secolo»,—сказалъ намъ:—«Еще четверо остались тамъ, а послѣ нихъ старый командиръ четвертой бригады». Мы чувствуемъ дрожь, прошедшую по Италіи, дрожь ожиданія, дрожь надежды. Но мы не плачемъ. Нѣтъ, для второго Гарибальди, умершаго въ защиту цивилизаціи, нужны не слезы, а клятвы, не вѣнки изъ цвѣтовъ, но вѣнки изъ сабель».

Происхожденіе проволочныхъ загражденій. Въ эту войну кромѣ усовершенствованныхъ пушекъ, ружей и другого оружія, употребляютъ и такое оружіе, о которомъ уже много-много лѣтъ никто и не вспоминалъ. Рукопашный бой теперь вовсе не рѣдкость; солдаты дерутся прикладами и бросаютъ ручныя бомбы. Волчьи ямы играютъ въ эту войну видную роль, но не меньшимъ успѣхомъ пользуются проволочныя загражденія, которыя были введены во время русско-японской войны. По словамъ французскихъ газетъ, извѣстный французскій генералъ Брунъ, бывшій военный министръ, читая въ военной школѣ курсъ артиллеріи въ 1894 и 1896 г.г., первый предложилъ такой способъ обороны. Съ тѣхъ поръ проволочныя загражденія примѣняются во всѣхъ европейскихъ арміяхъ.

Деревня и война. Г-жа Линтварева даетъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» интересный очеркъ современнаго настроенія деревни. Какъ и надо было ожидать, міровая война захватила крестьянъ, и интересъ къ ней необычайно великъ. Крестьяне познакомились съ картой, узнали географическое положеніе государствъ, разобрались, насколько могли, въ причинахъ войны, и чѣмъ больше разрастались событія, тѣмъ больше росъ интересъ къ войнѣ среди всего населенія.

Въ настоящее время деревня живетъ войной. Кто бы изъ односельчанъ ни поѣхалъ въ городъ, первый вопросъ: «Телеграмму привезъ?» Иной разъ до глубокой ночи ждутъ поѣхавшаго, ждутъ телеграммы, которую, конечно, онъ привезетъ. Въ нашемъ уѣздѣ земство издаетъ и разсылаетъ военныя телеграммы съ почтаремъ по деревнямъ. Къ часу пріѣзда земскаго почтаря у насъ въ лавкѣ общества потребителей всегда толпа. Привезенная телеграмма читается по нѣскольку разъ все вновь прибывающимъ слушателямъ. Въ волость привозятъ нѣсколько десятковъ телеграммъ, и черезъ нѣсколько минутъ всѣ разобраны. Кромѣ телеграммъ и газетъ, крестьяне узнаютъ кое-что о войнѣ и изъ солдатскихъ писемъ.

Обмѣнъ плѣнными. Въ итальянскихъ газетахъ разсказанъ, по сообщенію «Кіевлянина», интересный случай, происшедшій на австро-итальянской границѣ.

Австрійцы усиленно занимались взрываніемъ пограничныхъ скалъ для устройства въ нихъ фортовъ. Одинъ пограничный карабинеръ, заинтересовавшись этими взрывами, перешелъ границу и столкнулся здѣсь съ австрійскимъ сержантомъ, который немедленно схватилъ карабинера за воротъ мундира. Недолго думая, итальянецъ въ свою очередь вцѣпился въ воротъ австрійца и потащилъ его къ себѣ. Держа такимъ образомъ другъ друга, оба кричали:

— Ты мой плѣнникъ!

— Нѣтъ, ты мой плѣнникъ!

— Я тебя держу!

— Нѣтъ, я тебя!

Въ это время итальянецъ, сообразивъ, что къ его противнику можетъ подоспѣть помощь ранѣе, чѣмъ къ нему, вдругъ воскликнулъ:

— Слушай, у тебя есть плѣнникъ, и у меня тоже. Давай обмѣняемся плѣнными.

— Пожалуй,—согласился австріецъ.

Выпустивъ одинъ другого и пожавъ другъ другу руки, они спокойно разошлись.

У насъ только одинъ врагъ. Подъ этимъ заголовкомъ нѣмецкая газета «Hamburger Nachrichten» помѣстила слѣдующую замѣтку: «Поразительнымъ подтвержденіемъ изложенной въ заголовкѣ мысли являются награды, назначенныя, согласно «Reichs-Anzeiger», за воинскіе подвиги. Три изъ четырехъ наградъ имѣютъ въ виду дѣйствія противъ Англіи и колеблются между 500 и 2.500 марокъ. Эти награды получатъ: солдатъ, который ступитъ первымъ на англійскую почву; экипажъ воздушнаго судна, которое не позже 31-го декабря 1915 года совершитъ удачный полетъ надъ Англіей и сброситъ бомбы въ нѣсколькихъ пунктахъ англійской территоріи, и наконецъ авіаторъ, который сброситъ первую бомбу въ Дувръ».

Гони нѣмца въ дверь — онъ влетитъ въ окно. Въ одномъ изъ нумеровъ копенгагенскаго «Berlingske Tidende» помѣщенъ разсказъ люксорскаго корреспондента газеты—образецъ тѣхъ свѣдѣній, которыя нѣмцы распространяютъ въ Египтѣ.

«Германскій таубе (сообщаютъ нѣмецкіе источники) подъ прикрытіемъ темноты предпринялъ безумный по смѣлости, но блестяще удавшійся налетъ на Лондонъ. Достигнувъ Букингэмскаго дворца, пилотъ проникъ въ окно, взялъ въ плѣнъ короля Георга V и безъ какихъ бы то ни было инцидентовъ доставилъ его величество въ Германію».

«Скептикъ-арабъ спросилъ прочитавшаго это извѣстіе: какъ такая большая машина смогла проникнуть въ окно? Читавшій — быть-можетъ, причастный къ «нѣмецкимъ источникамъ»—отвѣтилъ, указывая на домъ какого-то британца, выдѣлявшійся двойными венеціанскими окнами:

«— Если капитанъ X., обыкновенный смертный, какъ ты и я, имѣетъ столь большія окна, то какія же окна должны быть во дворцѣ Георга, короля Англіи и императора Индіи!»

Награда нѣмецкимъ писателямъ. Въ спискѣ лицъ, награжденныхъ Вильгельмомъ по случаю дня его рожденія, находятся двѣнадцать поэтовъ, получившихъ орденъ Краснаго Орла 4-ой степени съ короной за патріотическія стихотворенія. Въ числѣ этихъ двѣнадцати значатся: Рихардъ Демель, Гергардтъ Гауптманъ, Густавъ Фальке, Эрнстъ Лиссауэръ. Послѣдній награжденъ, очевидно, за сочиненную имъ «Пѣсню ненависти къ Англіи».

Германскія звѣрства. Французская газета «Temps», комментируя протоколъ опросной комиссіи, собиравшей свѣдѣнія о звѣрствахъ германцевъ, сообщаетъ имена тѣхъ «лучшихъ людей» Германіи, которые причастны къ убійствамъ и грабежамъ. Герцогъ Брауншвейгскій принималъ участіе въ ограбленіи замка Бай; генералъ Клаусъ руководилъ убійствами мирнаго населенія въ Жербевилье; князь Витгенштейнъ и генералъ Дюрахъ, командиръ Вюртембергскаго корпуса, занимались поджогами въ Клермонѣ и въ другихъ городахъ и селеніяхъ въ Аргоннахъ; баронъ Вальдерзее и майоръ Ледебуръ занимались разграбленіемъ замка Бомонъ; генералъ Герингенъ бомбардировалъ Реймсскій соборъ, генералъ Фабриціусъ вывезъ весь хрусталь изъ складовъ Баккара. Бельгійская анкетная комиссія установила, что въ одной провинціи Намюръ изъ общаго числа 300.000 жителей германцы убили 30.000 чел. Въ Дижонѣ убито 700 чел., изъ которыхъ 71 женщина и 31 ребенокъ.

О раненыхъ съ поврежденными челюстями. Въ виду неоднократныхъ запросовъ, поступающихъ изъ различныхъ городовъ, по поводу лѣченія раненыхъ съ поврежденными челюстями и изготовленія для нихъ шинъ и зубныхъ протезъ, исполнительное бюро Всероссійскаго Союза городовъ увѣдомило житомірскій комитетъ городского союза, что раненыхъ съ поврежденными челюстями слѣдуетъ направлять въ тѣ города, гдѣ Всероссійскимъ Союзомъ городовъ учреждены уже зубоврачебныя амбулаторіи. Города эти слѣдующіе: Москва, Курскъ, Харьковъ, Орелъ; въ непродолжительномъ времени и въ Петроградѣ будетъ открыта зубоврачебная амбулаторія.

Объ австрійской минѣ и перстѣ Божіемъ. Извѣстный журналистъ, пишущій въ «Нов. Вр.» подъ псевдонимомъ А. Ст-нъ, разсказываетъ интересный случай съ австрійской миной на Дунаѣ.

«Плыла австрійская мина по нейтральному Дунаю. Видъ она имѣетъ очень щеголеватый— въ родѣ чемодана съ никкелевыми застежками. Ее запримѣтили съ лодокъ, съ пароходовъ. Поднялась тревога и крики. У одного изъ прибрежныхъ румынскихъ городовъ, извѣщенныхъ о плывущемъ подаркѣ, приготовили сѣти и даже захватили мину въ сѣть, но мину, оказывается, поймать труднѣе, чѣмъ рыбу; мина побарахталась въ сѣти, попала въ водоворотъ, потомъ во встрѣчное теченіе и благополучно вынырнула на просторъ. А у пристани стоялъ цѣлый рядъ груженыхъ баржъ. Послѣдними стояли три германскія баржи, груженыя мѣдью. И случилось такъ, что мина поплыла прямо къ берегу мимо баржъ разныхъ національностей и ударила въ первую германскую баржу. На тревожные предостерегающіе крики на палубу этой баржи выскочилъ кочегаръ буксирнаго парохода, который былъ убитъ осколкомъ въ лобъ. Двѣ германскія баржи были сразу разрушены и потонули, а третья, распитая по швамъ отъ сотрясенія, произведеннаго взрывомъ, медленно стала наполняться водой и затѣмъ тоже опустилась на дно.

«Все это событіе незначительно, но меня оно порадовало, какъ добрая примѣта: въ японскую войну всѣ примѣты, всѣ мелкія и крупныя непредвидѣнныя случайности были противъ насъ».

Запрещеніе абсента во Франціи. По примѣру своей союзницы Россіи французская палата депутатовъ 30-го января вотировала законъ, воспрещающій изготовленіе и продажу абсента во Франціи и колоніяхъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

№ 8. Выходитъ еженед. (52 №№ въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 21 февраля 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на ½ года—4 р., на ¼ года—2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Казачій дозоръ въ Польшѣ. Картина И. Владимірова.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка“ кн. 3.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Попытка новаго нѣмецкаго наступленія.

Славная кончина депутата-героя. Братская могила, въ которой вмѣстѣ съ двумя героями-офицерами сибирскаго стрѣлковаго полка былъ похороненъ павшій въ бою подъ Волей-Шидловской штабсъ-капитанъ А. М. Колюбакинъ, бывшій членомъ III-й Государственной Думы, избранникъ Петрограда. Изъ этой братской могилы тѣло А. М. Колюбакина было выкопано прибывшей на поле битвы въ Волю-Шидловскую дочерью покойнаго и отвезено въ Петроградъ, откуда послѣ литіи было отправлено въ имѣніе покойнаго „Тулькино“, въ 55 верстахъ отъ Краснаго Холма, Тверской губ., для погребенія на кладбищѣ села Пятницкаго.

Послѣ двухмѣсячныхъ безуспѣшныхъ боевъ на Бзурѣ нѣмецкій генеральный штабъ изобрѣлъ наконецъ новую операцію. Надо думать, что нѣмецкій генеральный штабъ самъ не особенно былъ склоненъ затѣвать новое наступленіе на восточномъ фронтѣ, но, очевидно, австрійскій наслѣдный эрцгерцогъ и министръ Буріанъ, побывавшіе въ германской главной квартирѣ, предъявили весьма категорическія требованія.

Какъ бы то ни было, уже въ срединѣ января начала обозначаться новая наступательная операція австро-нѣмцевъ. Для того, чтобы уяснить себѣ эту операцію, нужно обратить вниманіе на то, что въ тотъ моментъ, когда, наслѣдный эрцгерцогъ и Буріанъ прибыли въ германскую главную квартиру, политическая обстановка складывалась особенно неблагопріятно для нашихъ противниковъ. Румынія послѣ долгихъ колебаній, повидимому, готовилась выступить и, если не присоединить свою армію къ союзникамъ, то во всякомъ случаѣ занять Трансильванію. Въ то же время болгары намекали германцамъ на возможность своего выступленія на сторонѣ нѣмецкихъ союзниковъ, если только позиція Румыніи измѣнится въ благопріятную для нѣмцевъ сторону. Въ болгарской офиціальной газетѣ появилась знаменательная статья, гдѣ доказывалось, что болгары могутъ дать полмилліона штыковъ и этимъ освободить Константинопольскую армію турокъ для Кавказскаго фронта и австрійскія войска, находящіяся на сербской границѣ, для Карпатскаго фронта.

Какъ извѣстно, непосредственнымъ результатомъ этой сложной политической обстановки явилась борьба австрійцевъ за Буковину. Этотъ театръ военныхъ дѣйствій, на которомъ можно увидѣть очень мало стратегіи, но очень много политики, представлялъ собою, очевидно, тотъ раіонъ, гдѣ успѣхъ той или другой стороны вліяетъ на позицію Румыніи. Этого не могли не учесть австрійцы и сочли нужнымъ произвести давленіе на Буковину, понимая, что за нею скрывается цѣлая цѣпь новыхъ данныхъ: измѣненіе позиціи Румыніи, а вмѣстѣ съ этимъ поворотъ Болгаріи и связь съ турецкой арміей.

Несомнѣнно, что въ данномъ случаѣ большую роль сыгралъ Буріанъ. Онъ, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, настоялъ на наступленіи въ нашу сторону, гдѣ успѣхъ мѣняетъ политическую конъюнктуру, и, вѣроятно, протестовалъ противъ наступленія во Франціи, гдѣ успѣхъ можетъ повліять только на одну стратегическую обстановку. Какъ дипломатъ, онъ счелъ нужнымъ нажать на тѣ стратегическія операціи, которыя имѣли бы богатые политическіе результаты.

Оцѣнивая широко новое австро-нѣмецкое наступленіе, мы должны въ немъ увидѣть уже нѣчто большее. Основная причина заключается въ томъ, что нѣмцы черезъ три мѣсяца борьбы вынуждены были перейти къ оборонѣ. Слѣдовательно, нѣмцы естественно пришли къ заключенію, что имѣвшіяся у нихъ средства недостаточны для успѣха, и что стратегическая и политическая

Атака на прусскую кавалерію. Картина В. Мазуровскаго. (Выставка петроградскаго Общества художниковъ).

подготовка къ войнѣ оказалась недостаточной.

Мольтке говорилъ, что „нужно собрать возможно большее число силъ и, пользуясь численнымъ превосходствомъ, разбить армію противника“. Нѣмцы должны были признать, что они не собрали возможно большее число силъ, ибо тѣ силы, которыя у нихъ были, оказались недостаточными для побѣды.

Формула „собрать возможно больше силъ“ подразумѣваетъ всегда двоякую подготовку: стратегическую и политическую. Въ стратегическомъ отношеніи нужно собрать возможно большее число войскъ. Въ политическомъ отношеніи нужно обезпечить себя бо́льшимъ числомъ союзниковъ, ибо это тоже увеличиваетъ арміи, а тамъ, гдѣ нѣтъ союзниковъ, можно добиться, по крайней мѣрѣ, нейтралитета, но никакъ не враждебнаго выступленія.

Нѣмцы въ 1870 году такъ и сдѣлали, и ту войну подготовилъ не только Мольтке, но и Бисмаркъ. Бисмаркъ обезпечилъ нейтралитетъ Россіи, сдержалъ Австрію и проч. Нѣмцы не могли не сознавать на порогѣ 1915 года, что, если въ военномъ отношеніи они подготовились болѣе или менѣе удовлетворительно къ войнѣ, то въ политическолъ отношеніи они подготовили самую невыгодную обстановку. Если нынѣшнимъ начальникамъ нѣмецкаго генеральнаго штаба, маленькому Мольтке и генералу Фалькенгайну, далеко до великаго Мольтке, то во всякомъ случаѣ Бетману-Гольвегу безконечно далеко до Бисмарка,—и политическая обстановка къ началу войны оказалась значительно хуже стратегической.

Кавалеристъ съ вьючной лошадью.

Казакъ стрѣляетъ, уложивъ коня на землю и прикрываясь за нимъ.

Такимъ образомъ, уткнувшись неподвижно въ Бзуру и Изеръ, нѣмцы поняли, что тѣми средствами, которыми они располагаютъ, нельзя добиться побѣды. Нужно начать подготовку сначала, или, по крайней мѣрѣ, ее исправить. Какъ извѣстно, въ стратегическомъ отношеніи для нѣмцевъ, прежде всего, является важнымъ западный фронтъ, гдѣ имъ нужно добиться первой рѣшительной побѣды. Зато въ политическомъ отношеніи западный фронтъ не играетъ почти никакой роли. Эта роль всецѣло принадлежитъ восточному фронту, гдѣ всякій успѣхъ или неуспѣхъ нѣмцевъ вліяетъ соотвѣтственно благопріятно или неблагопріятно на политическую конъюнктуру.

Такимъ образомъ нѣмцы естественно рѣшили исправить военную подготовку и создать новыя арміи. Сверхъ того, они рѣшили исправить политическую подготовку и произвести нажимъ на балканскія государства, гдѣ одинъ поворотъ Румыніи можетъ сыграть очень крупную роль. За этимъ поворотомъ видна двусмысленная Болгарія, видна угроза Сербіи, и виднѣется непосредственное соприкосновеніе турецкой арміи съ австрійской.

Поэтому нѣмцы, для того, чтобы достигнуть успѣха во Франціи, не только создали новыя арміи, но произвели наступленіе въ нашу сторону въ надеждѣ улучшить политическую конъюнктуру. Вотъ почему восточный театръ сдѣлался временно раіономъ главныхъ операцій, съ тѣмъ однако, что впереди должны предстоять операціи во Франціи.

Австро-нѣмецкое наступленіе началось на Карпатахъ и на Бзурѣ. На Бзурѣ нѣмцы устроили нѣчто въ родѣ Бородина,—повели въ атаку 7 дивизій, т.-е. свыше 100 тысячъ человѣкъ, на пространствѣ 10 верстъ и положили 40 тысячъ человѣкъ, ничего не добившись. Это было 21-го января, а уже 22-го января, какъ сообщаетъ нашъ штабъ въ своей телеграммѣ отъ 9-го февраля, намъ было извѣстно о томъ, что значительныя силы нѣмцевъ скопляются въ Восточной Пруссіи.

Боевые товарищи.

Изъ дѣйствующей арміи. Вѣрные друзья кавалериста. По фот. нашего корреспондента.

Такимъ образомъ нашему штабу уже было видно, что на Бзурѣ — демонстрація, и были приняты соотвѣтствующія мѣры. Вслѣдствіе дурного состоянія дорогъ и снѣжныхъ заносовъ, положеніе нашей 10-й арміи въ Восточной Пруссіи было временно довольно труднымъ. Но наши войска, доблестно отбиваясь отъ непріятельскихъ атакъ, черезъ нѣсколько дней вышли изъ тяжелаго боя и заняли указанныя имъ мѣста.

О томъ, что на Бзурѣ и на Карпатахъ ведутся демонстраціи, можно было судить по самому характеру австро-нѣмецкихъ операцій. Несомнѣнно, что нѣмцы, положивъ сотни тысячъ людей на Бзурѣ, не собирались уже болѣе пробиваться къ Варшавѣ черезъ эту рѣку. Безнадежность такой атаки была внѣ сомнѣнія, и, конечно, даже германскій генеральный штабъ, при всей своей самоувѣренности, это хорошо сознавалъ. Поэтому демонстративный характеръ боевъ на Бзурѣ былъ ясенъ самъ по себѣ. Если нѣмцы вели тамъ какія-то дикія атаки густыми строями, то это была явно сенсаціонная и экстравагантная выходка. Она была сенсаціонна и экстравагантна именно потому, что нѣмцы хотѣли возможно больше привлечь сюда вниманіе.

Что же касается Карпатскаго фронта, то тутъ уже не было никакихъ сомнѣній, что нѣмцы не ведутъ главныхъ операцій. Слишкомъ неправильно было бы думать, что нѣмцы, сами разбившіеся о нашу армію, вдругъ поручатъ австрійцамъ такую невыполнимую задачу, какъ побѣдить наши войска и завоевать обратно Галицію.

При такихъ условіяхъ, не было сомнѣнія, что на Карпатахъ и на Бзурѣ были демонстраціи, хотя нѣкоторые органы печати утверждали, что на Бзурѣ—главная атака, и даже тогда, когда шло наступленіе изъ Восточной Пруссіи, полагали, что это демонстрація, а что главнымъ раіономъ все же является Бзура.

Наступленіе нѣмцы повели довольно широкимъ фронтомъ, сосредоточивъ для этого значительное число войскъ въ Восточной Пруссіи. По приблизительнымъ расчетамъ слѣдуетъ предполагать, что у нѣмцевъ шло изъ Восточной Пруссіи не менѣе 15 корпусовъ. Это составляетъ около 4 армій, почему одна наша 10-я армія, конечно, должна была отойти. Какъ указываетъ офиціальное сообщеніе, нѣмцы обошли при этомъ правый флангъ 10-й арміи.

Такъ какъ наша 10-я армія занимала позицію отъ Мазурскихъ озеръ до рѣки Ангерапъ, то, очевидно, обходящіе нѣмцы вышли правѣе Ангерапа. Противъ этого мѣста имѣется крѣпость Кёнигсбергъ, почему обходъ нѣмцевъ именно здѣсь вполнѣ понятенъ.

Вслѣдствіе угрозъ обхода, правый флангъ 10-й арміи отошелъ къ Ковнѣ. Тогда обнажился слѣдующій корпусъ, очевидно, какой-либо корпусъ центра, и обходъ нѣмцевъ обрушился на этотъ корпусъ. Нашъ доблестный корпусъ, отбивая нѣмецкія атаки и нанося нѣмцамъ громадныя потери, послѣ нѣсколькихъ дней боя вышелъ изъ охватывающаго кольца германцевъ и отошелъ на указанное ему мѣсто.

Затѣмъ нѣмецкое наступленіе, продолжаясь далѣе, ударилось въ Нѣманъ и на немъ замерло. Въ это время наши войска предприняли отвѣтный маневръ, произведенный весьма искусно. Войска наши не были двинуты къ Нѣману, чтобы заслониться отъ непріятеля, какъ то дѣлаютъ лишь самые посредственные стратеги. Наши войска на ударъ къ Нѣману отвѣтили ударомъ въ Ломжинскую и Плоцкую губерніи, т.-е. въ совершенно другомъ мѣстѣ. Этотъ ударъ былъ весьма важенъ, такъ какъ угрожалъ путямъ, ведущимъ въ тылъ Мазурскихъ озеръ. Съ этого момента все наступленіе нѣмцевъ потеряло остроту неожиданности, а слѣдовательно и всякое значеніе. Нѣмецкое наступленіе неподвижно уткнулось въ Нѣманъ, далѣе къ югу—въ Осовецъ, еще далѣе — въ Ломжинскій раіонъ, а еще западнѣе стало уже само испытывать давленіе нашихъ войскъ.

Штабъ польскаго легіона въ Ново-Александріи.

Такимъ образомъ нѣмцы намъ угрожали Нѣманомъ, а мы имъ угрожали Мазурскими озерами. Вопросъ сводился къ тому, кто сильнѣе, кто въ состояніи будетъ продолжать свое наступленіе, и кто не выдержитъ и побѣжитъ защищаться.

Наши войска не пошли защищаться къ Нѣману, а нѣмцы вынуждены были бросить свое наступленіе и начать оборонять пути, ведущіе за Мазурскія озера. Эта оборона ведется активно, но все же это есть оборона. Мы удержали въ рукахъ инціативу и вынудили нѣмцевъ перейти къ оборонѣ. Съ этого момента наше стратегическое положеніе стало весьма благопріятнымъ.

Запасный рядовой Семеновъ.

Разсказъ **В. Муйжеля.**

I. Какъ это вышло.

Головной отрядъ уже былъ развернутъ, цѣпь, перехвативъ винтовки за дула, полукругомъ уходила впередъ, и взводные, шедшіе чуть-чуть позади, передавали команду. Бой уже начался сильно лѣвѣе, въ неглубокой ложбинкѣ, орудія рвали воздухъ короткими, рѣзкими ударами. Надъ цѣпью очередь за очередью съ постепенно повышающимся завываньемъ проносилась шрапнель. Она летѣла за лѣсокъ, синѣвшій въ погожемъ зимнемъ, безснѣжномъ, какъ всегда въ это время въ Польшѣ, утрѣ, за голубоватую дымку, скопившуюся надъ голыми, чуть прижаченными полями, за маячившую вдали соломенными крышами крестьянскихъ халупъ деревеньку.

Оттуда отвѣчали — размѣренно и методично, какъ всегда и во всемъ нѣмцы, и гранаты, поочередно съ шрапнелью, лопались надъ лѣскомъ, картофельными кучами, засыпанными замерзшей теперь землей, надъ широкими, покрытыми заиндивѣвшей озимью, полями. Потерь пока не было, и чувствовалось, что, несмотря на упорную методичность стрѣльбы, непріятель неувѣренно нащупываетъ наши батареи и не можетъ найти ихъ.

Высланные впередъ по сторонамъ цѣпи секреты ушли версты на двѣ. Въ примыкавшемъ къ лѣвому флангу секретѣ—крайней точки конца подковы полукругомъ развернувшейся цѣпи—шли два солдата. Одинъ черный, съ узкими, косо поставленными глазами, изъ калмыковъ Саратовской губерніи, другой — запасный новгородецъ. Оба были коричневыми отъ давней, осѣдающей только на войнѣ, грязи, оба привыкли уже ко всѣмъ неожиданностямъ, которыми удивляетъ иногда война, и оба давно и безмолвно рѣшили, что хуже смерти съ ними случиться ничего не можетъ, а смерть, какъ извѣстно, отъ Бога.

Поэтому шли они совершенно спокойно, медленно шаркая тяжелыми сапогами по подмерзшимъ бороздамъ, перебрасывались рѣдкими словами и, когда подошли къ краю лѣса, присѣли.

Незримой воющей дугой надъ головами пролетѣла шрапнель. Звукъ былъ сильный, плотный, переходящій постепенно съ нижняго тона на высокій; онъ постепенно смолкъ на чистой дискантовой ноткѣ, и секунды двѣ было молчаніе. Потомъ негромко щелкнулъ разорвавшійся снарядъ, и тотчасъ же въ той сторонѣ бухнулъ отвѣтный выстрѣлъ.

— А вѣдь близко мы подобрались, Махмедянъ, а?—проговорилъ новгородецъ, приподымаясь съ земли.—Развѣ еще проползти? Можетъ, увидимъ—какъ онъ тамъ...

Онъ зналъ, что ползти дальше рискованно. Нѣмцы передъ боемъ также высылаютъ секреты, а если есть въ части кавалерія, то всегда подкрѣпленные кавалерійскимъ разъѣздомъ. Нарваться на такой секретъ, въ лучшемъ случаѣ—рана. Но то неясное, но понятное обоимъ „какъ у него тамъ"—было слишкомъ заманчиво: къ тому же война такое дѣло, что, либо будешь живъ, либо нѣтъ, а если высланъ въ секретъ, то надо все узнать обстоятельно...

— Эхъ Сёмене, Сёмене, — бормоталъ калмыкъ, укорачивая лямку сумки, чтобы не мѣшала ползти:—чижолый служба война!..

Семеновъ слегка усмѣхнулся, тронулъ рукой отросшую за время вольной жизни въ запасѣ бороду и не сразу отвѣтилъ:

— А ты думалъ какъ? Это тебѣ, братъ, не кумысъ пить подъ твоимъ Царицыномъ... Война, братъ, такое дѣло! Для того и война, чтобы людей убивали...

— Чижолый служба война, очинно чижолый!.. — вздыхалъ Махмедяновъ, переползая за Семеновымъ по опушкѣ, гдѣ тоненькія безлистныя березки стояли неподвижно въ золотѣ зимняго утра, какъ растерянныя, внезапно выбѣжавшія изъ лѣса, дѣти.

Ползти приходилось по бронзовой, посеребренной морозомъ, травѣ. Она колола руки, и жгучій холодъ настывшей земли проникалъ въ тѣло; передвигаться было неудобно еще потому, что низкіе колючіе кусты можжевельника царапали лицо до крови. Разъ качнувшаяся вѣтка ударила въ глазъ Махмедянову, и тотъ невольно вскрикнулъ. Семеновъ сдѣлалъ свирѣпое лицо и, обернувшись, скаля зубы, шопотомъ ругнулъ калмыка.

— Ты что, коневая душа, ай ошалѣлъ? Ужъ ежели мы секретами къ этому лѣску подобрались, такъ „онъ" и подавно здѣсь!.. Чай, отъ него ближе, чѣмъ отъ насъ, голова ежовая...

Оба притихли и нѣсколько минутъ лежали, едва слышно переводя дыханіе. И вдругъ тутъ же, за кучкой черныхъ, по-зимнему, елочекъ, совершенно отчетливо и до жуткости близко, низкій, слегка хрипловатый басъ сказалъ длинную, непонятную фразу. Другой голосъ—тоньше и какъ будто моложе—отвѣтилъ, и первый опять что-то сказалъ.

„Влопались! — коротко и твердо ударило одно слово въ головѣ солдата.—Эхъ, дѣло гораздо недоброе вышло... Своимъ бы въ цѣпь дать знать"...

Онъ приподнялъ слегка голову и правѣе елочекъ увидѣлъ тонкую, извивающуюся живой спиралью, проволоку. Она качалась, прыгала,—спирали то собирались, то развивались,—потомъ потянулась вверхъ.

„Пунктъ наблюдательный строятъ... Ишь, дьяволы, подобрались какъ!—соображалъ солдатъ.—Напередъ цѣпи пунктъ для батарейнаго телефона ладятъ, отчаянный народъ"...

Оба пролежали въ полной неподвижности минутъ десять. Но у обоихъ за эти нѣсколько минутъ пронеслись тысячи мыслей. Шли они въ строгой послѣдовательности, были коротки, какъ блескъ падающей звѣзды, и, несмотря на это, огромны по заложенному въ нихъ смыслу.

„Взять бы ихъ безъ шума. А кто ихъ знаетъ—сколько ихъ? Голоса слышно два, а на телефонѣ работаютъ не меньше шести. Остальные, стало-быть, тутъ же гдѣ-нибудь. Взять нельзя. Уйти назадъ къ своимъ? Нельзя двинуться, не только что подняться, или бѣжать. Значитъ, смерть. Смерть!

Въ моментъ большого нервнаго напряженія человѣческій взглядъ имѣетъ притягивающую силу. Семенову стало неловко лежать въ кустахъ—тонкая паутина чужого взгляда опутывала тѣло, и было такое впечатлѣніе, будто надъ нимъ виситъ нѣчто, что должно сейчасъ разразиться.

Онъ взглянулъ вверхъ, увидѣлъ проволоку и, чуть-чуть поворачивая голову, сталъ слѣдить взглядомъ, откуда она шла. И вдругъ мгновенный горячій потъ выступилъ у него на тѣлѣ, и сердце перестало биться.

Прямо противъ него, на широкой развѣсистой соснѣ, съ проволокой въ зубахъ—потому что руки у него были заняты инструментами—сидѣлъ плотный коренастый человѣкъ въ остроконечной, закрытой сѣрымъ чехломъ, каскѣ.

Не испуганно, не угрожающе, а въ необыкновенномъ изумленіи глядѣлъ онъ въ то мѣсто, гдѣ подъ траурными елочками, почти не дыша, лежали два русскихъ солдата. Глаза Семенова столкнулись съ его глазами, и нѣсколько секундъ продолжалась страшная, полная остраго напряженія, борьба двухъ взглядовъ. Въ эти секунды русскому солдату припомнилась вся его жизнь,—и одно назойливое, глупое воспоминаніе дѣтства тяжело и коротко толкнуло остановившееся сердце: было ему лѣтъ десять, и залѣзъ онъ въ господскій садъ красть яблоки. А садовникъ услышалъ, погнался за нимъ и прижалъ его въ уголъ высокаго забора, и уйти некуда...

„Не миновать порки!.. — мелькнуло въ головѣ мальчишки, и глубокая отчаянная тоска защемила грудь.—Эхъ, мнѣ бы не лазать!.."

Странно, до жуткости отчетливо, ожила эта глупая дѣтская сценка въ головѣ лежащаго солдата.

„Эхъ, не миновать смерти!—тоскливо подумалъ онъ.—Было бъ такъ не задаваться... Теперь и своихъ упредить не успѣешь!.."

И не успѣлъ додумать онъ до конца, какъ сухой, короткій револьверный выстрѣлъ щелкнулъ съ дерева, и Семеновъ подскочилъ въ воздухъ отъ рѣзкаго удара по ногѣ, ниже колѣна.

— Охъ, чтобъ тебя!—вскрикнулъ онъ, нахватывая на конецъ ствола нѣмца, но выстрѣлить не успѣлъ, потому что шесть рукъ разомъ схватили его, и три дюжихъ тѣла навалились на него. Тяжелый ударъ оглушилъ голову, потомъ еще одинъ, и—послѣднимъ впечатлѣніемъ Семенова была мелькающая зигзагами фигура пригнувшагося Махмедянова, по-заячьи, скачками, утекавшаго опушкой лѣса.

— Нашимъ-то, нашимъ скажи! — крикнулъ-было Семеновъ, но еще одинъ крѣпкій кулакъ обрушился ему на голову—и все смѣшалось и поплыло въ красномъ дрожащемъ туманѣ...

II. „У нихъ".

Очнулся Семеновъ оттого, что его сильно трясли за плечо. Свѣтило солнце, на вѣточкахъ тоненькихъ березъ каплями собирался растаявшій иней и громко падалъ внизъ, и отъ этого похоже было, что стоитъ не декабрь безснѣжной польской зимы, а ранняя весна, когда токуютъ тетерева, по вечерамъ черными зигзагами рѣжутъ небо вальдшнепы, и зори такъ ясны и пламенны.

Пять нѣмцевъ въ острыхъ, закрытыхъ защитными чехлами, каскахъ о чемъ-то горячо совѣщались, а шестой держалъ за воротникъ шинели Семенова и раскачивалъ его. Нога въ икрѣ болѣла — и первое время солдатъ не понялъ, отчего она болитъ?

Нѣмецъ, блестя сѣрыми выпуклыми глазами, что-то кричалъ и показывалъ солдату встать. Семеновъ отрицательно замоталъ головой и ткнулъ пальцемъ въ раненую ногу. Нѣмецъ презрительно сморщился, подскочилъ къ ногѣ и изо всѣхъ силъ дернулъ сапогъ. Боль неистово рванула, солдатъ взвылъ отъ нея, но сапогъ уже былъ снятъ, и нѣмецъ шарилъ у себя въ манеркѣ. Онъ вытащилъ пакетикъ бинта, но Семенову стало обидно, и онъ досталъ изъ маленькаго карманчика панталонъ свой.

— Нѣтъ, братъ, это ты брось, — бормоталъ онъ, перевязывая корявыми, плохо гнущимися руками ногу:—мы тоже не лыкомъ шиты... Конечно, вы—народъ гораздъ грамотный, но только насчетъ этого ты брось!..

Когда рана была перевязана, нѣмецъ выбралъ въ валежникѣ здоровую палку и далъ ее Семенову. Потомъ такъ же сердито, какъ дѣлалъ все, помогъ ему встать и слегка толкнулъ впередъ.

„Ахъ, дѣло-то какое! — сокрушался Семеновъ. — Попалъ-таки бычокъ на веревочку... Успѣлъ ли Махмедянка до нашихъ добѣчь, упредилъ ли? Теперь, видать, домой-то не попадешь, нѣ-ѣ-ѣтъ!..

Кабы не нога, такъ въ бѣги бы вдариться, а такъ, куда пойдешь съ такой кувалдой?!."

Итти было больно, Семеновъ морщился, но старался не показать слабости нѣмцамъ. Раза два онъ останавливался, но сердитый нѣмецъ что-то кричалъ ему и подталкивалъ въ плечо, и приходилось опять итти. Остальные ушли впередъ, и Семеновъ видѣлъ только ихъ спины—широкія, квадратныя, обтянутыя толстыми куртками.

Шли около часу, прошли мимо двухъ батарей, возлѣ которыхъ копошились люди, и когда проходили—издалека, съ той стороны, гдѣ были русскіе, съ понижающимся воемъ прилетѣла шрапнель, коротко ударила воздухъ взрывомъ, оставивъ долгое, неподвижно висящее въ воздухѣ, облачко розовато-сѣраго дыма, и обдала суетливыхъ канонировъ смертельнымъ дождемъ.

Нельзя было разсмотрѣть хорошо, потому что сердитый нѣмецъ не позволялъ оглядываться, но все же Семеновъ замѣтилъ, что возлѣ двухъ орудій забѣгали еще быстрѣе, кто-то упалъ, кого-то потащили въ сторону. А когда прошли немного дальше и уже не одно, а три, поочередно другъ за другомъ, облачка вспыхнули надъ германской батареей—Семеновъ увидѣлъ, какъ, нахлестывая и въ то же время задирая поводьями оскаленную голову вверхъ, ругаясь на худыхъ, съ всклоченной шерстью, лошадей, спѣшно двинулись изъ узкой ложбины передки.

„Такъ-то, братъ, перемѣнишь, небось! — съ чувствомъ удовлетворенія думалъ хромой солдатъ.— Наши, братъ, тебя прижгутъ, выберешь новую позицію"...

Чѣмъ ближе подходили къ купѣ деревьевъ, видѣвшихся издали, тѣмъ чаще встрѣчались колонны солдатъ, длинные, запряженные шестерикомъ лошадей, артиллерійскіе обозы, отдѣльные верховые и автомобили-платформы. Всѣ они стремились въ одну сторону—туда, откуда пришелъ Семеновъ, и на ходу быстро и сердито оглядывали человѣка въ чуждой формѣ.

Купа деревьевъ оказалась большимъ помѣщичьимъ паркомъ. Это было село, брошенное своимъ владѣльцемъ и занятое нѣмецкимъ дивизіоннымъ штабомъ. Низкій и длинный господскій домъ, съ двумя террасами и балконами на толстыхъ деревянныхъ колоннахъ, былъ полонъ офицерами, ординарцами, вѣстовыми. Гдѣ-то внутри,—въ какой-нибудь гостиной или кабинетѣ,—гдѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ традиціонная польская пани принимала пріѣхавшихъ гостей, или самъ панъ, попыхивая дѣдовской трубкой, выслушивалъ управляющаго по утрамъ, среди старинной краснаго дерева мебели, потемнѣвшихъ картинъ и той спеціальной грязи, что наноситъ съ собою толпа военныхъ, живущихъ сегодня здѣсь, а завтра за десять верстъ,—тамъ, какъ въ маточникѣ улья, шла большая и сложная работа войны.

Отсюда исходили распоряженія двинуть въ разыгрывающійся бой ту или

По пути отступленія германцевъ.

Желѣзнодорожный мостъ, взорванный германцами при отступленіи.

Желѣзнодорожная станція, разрушенная германцами при отступленіи.

Изъ дѣйствующей арміи. По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

иную часть; отдавалось приказаніе развернуть тотъ или иной флангъ такъ, чтобы непріятель получилъ впечатлѣніе обхода, ввелъ бы въ дѣло резервы, а въ это время ударить въ другомъ мѣстѣ. Сюда стекались донесенія, требованія указаній, запросы, освѣдомленіе—и люди, спѣшно и озабоченно выходившіе изъ дверей этого дома, всѣ были отмѣчены особымъ, странно объединявшимъ ихъ, отпечаткомъ: далекая призрачная тѣнь смерти и страданій тѣхъ сотенъ и тысячъ солдатъ, которые двигались однимъ исходившимъ отсюда словомъ, лежала на сурово нахмуренныхъ, замкнутыхъ лицахъ адъютантовъ и ординарцевъ, которымъ вымуштрованные вѣстовые спѣшно подавали лошадь, или автомобиль...

Похороны. По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

Сюда привели и Семенова. Его поставили возлѣ дверей небольшой свѣтлой комнаты, еще сохранившей желтовато-розовыя занавѣски, старинный пузатый комодъ, на которомъ теперь стояла недопитая бутылка коньяку, лежала черная каска съ бѣлымъ никелированнымъ орломъ и длинный палашъ въ черныхъ ножнахъ. Должно-быть, эта комната прежде была дѣтской, потому что въ углу еще осталась маленькая кроватка съ синей сѣткой, соединяющей спинки, и надъ ней висящее вкось Распятіе, украшенное сухими почернѣвшими цвѣтами. А изъ-подъ кроватки—наивно и странно въ этой обстановкѣ—высовывался уголъ картонной коробки; съ вѣчнымъ радостнымъ изумленіемъ смотрѣло изъ нея фарфоровое лицо куклы съ всклоченными льняными волосами.

Семеновъ посмотрѣлъ на куклу, на бритаго высокаго офицера у окна, который допрашивалъ его на чистомъ русскомъ языкѣ, нахмурился и опустилъ глаза.

„Пущай, все одно... — съ упрямымъ равнодушіемъ подумалъ онъ: — пущай разстрѣляютъ—все одно смерть!..“

И когда офицеръ спросилъ его о расположеніи его части, Семеновъ мотнулъ головой и коротко буркнулъ:

— Не могу знать! Потому—не наше дѣло.

И больше уже не отвѣчалъ ни на одинъ вопросъ.

III. „Тоска солдатская“.

Помѣстили его въ небольшомъ сарайчикѣ, гдѣ прежніе хозяева берегли пчелы: до сихъ поръ, несмотря на то, что сарайчикъ былъ давно пустъ, здѣсь пахло пріятнымъ, такъ сладостно и больно напоминающимъ что-то далекое и родное, запахомъ теплой ржи.

Приставили къ нему—вѣроятно, изъ экономическихъ соображеній—часового, съ винтовкой, подсумками съ патронами, въ каскѣ—вообще какъ слѣдуетъ солдата, только въ одномъ сапогѣ. Другая нога у него была ранена, или отдавлена лошадью или колесомъ, и ступалъ онъ на эту закутанную въ разныя тряпки ногу только пяткой, сильно задирая больные пальцы вверхъ.

Увидѣвъ его въ первый разъ, Семеновъ остановился, покачалъ головой и, показывая то на его раненую ногу, то на свою, сказалъ:

— Вотъ, братъ, какое дѣло: хромой хромого стеречь долженъ, камрадъ, значитъ! — добавилъ онъ неизвѣстно откуда дошедшее къ нему слово.

Нѣмецъ посмотрѣлъ на него съ минуту круглыми зеленоватыми глазами, потомъ приподнялъ короткую германскую винтовку и, ни слова не говоря, ударилъ Семенова прикладомъ въ плечо.

Тотъ качнулся, ступилъ неосторожно на раненую ногу и сморщился отъ боли.

— О, чтобъ тебя, какой сурьезный! — забормоталъ онъ. — Чего ты взъѣлся, я жъ съ тобой по-хорошему? Теперь, братокъ, намъ

На передовыхъ позиціяхъ. По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

не драться, чего жъ ты толкаешься? Мы, братокъ, отвоевали свое, кончили, зачѣмъ же такъ? Сурьезный, братокъ, ты человѣкъ...

Онъ бормоталъ, когда его втолкнули въ сарайчикъ и хромой нѣмецъ тщательно осматривалъ узенькое, въ которое не могъ бы вылѣзти трехлѣтнiй ребенокъ, оконце, говорилъ, какъ обычно говорятъ крестьяне, обращаясь къ непонимающему по-русски человѣку, къ лошади или собакѣ, въ полной увѣренности, что для пониманiя нужно не знанiе языка, или способность человѣческой рѣчи, а нѣчто иное, большее, чѣмъ эта мелочь.

Даже когда его заперли и въ сарайчикѣ стало темно, и только узенькое оконце свѣтилось тусклымъ зимнимъ свѣтомъ приближающагося вечера, онъ продолжалъ бормотать, обращаясь то къ ушедшему давно нѣмцу, то къ своей ногѣ, то еще къ кому-то... Должно-быть, нервный подъемъ сегодняшняго дня разрѣшался у него этимъ неяснымъ, смутнымъ бормотаньемъ въ полномъ одиночествѣ.

Очень болѣла натертая сбившейся перевязкой рана на ногѣ. Можетъ-быть, это только казалось солдату, а можетъ-быть, оборванные нервы дѣйствительно давали такое ощущенiе—но все чудилось ему, что сидитъ гдѣ-то возлѣ самой кости, плотно прижавшись къ ней, горячая револьверная пуля и время отъ времени вдругъ дрогнетъ и шевельнется, какъ живая, и тягучая, нудная боль жгучей волной пойдетъ по всей ногѣ.

Броховскiй костелъ. Общiй видъ послѣ бомбардировки.

Разрушенный германской артиллерiей въ бояхъ съ 4 декабря 1914 г. по 2 января 1915 г. костелъ въ деревнѣ Броховѣ, на правомъ берегу р. Бзуры. Впереди костела наши войска занимали укрѣпленную позицiю. Костелу около 300 лѣтъ; въ немъ принялъ конфирмацiю знаменитый композиторъ Шопенъ, родившiйся въ фольваркѣ Желязова Воля, близъ Сохачева.

Не ѣлъ онъ съ самаго утра и прошелъ, ковыляя на одной ногѣ, не мало, и слабость вялой паутиной окутывала все тѣло. Не было чувства голода, хотѣлось только пить, и эта слабость вдругъ сжимала подъ сердцемъ что-то и толкала противной тошнотой.

— О, Господи!.. хоть попить бы!.. — бормоталъ онъ, осторожно, обѣими руками перекладывая больную ногу.—Попить бы вотъ!.. Эй, камрадъ! Попить бы!..

Никто попить не приносилъ, и совсѣмъ не отзывался камрадъ, и тошнота мутной волной подкатывала къ горлу.

Но не эта тошнота болѣзненная, не нарастающая боль въ воспаленной ногѣ, а что-то другое, внѣшнее, давило одинокаго человѣка гнетущей тяжестью. И шло оно отъ узенькаго оконца, прорѣзаннаго въ черной стѣнѣ сарайчика.

Неизвѣстно, сколько просидѣлъ плѣнный солдатъ въ этомъ сарайчикѣ. Можетъ-быть, часъ, а можетъ-быть, пять часовъ, — а только уже стало за узенькимъ оконцемъ плотно голубое вечернее небо, острыя верхушки серьезныхъ елокъ, что обступили дорогу на черный дворъ, гдѣ стоялъ сарайчикъ, стали совсѣмъ черными, и блѣдный, ущербленный, выкованный изъ тонкой полоски блестящаго серебра, мѣсяцъ повисъ за ними грустно и одиноко... И отъ него-то и шла эта мягкая давящая тяжесть внезапной тоски, глубокой и скорбной, еще болѣе тяжкой оттого, что ее некому было высказать...

Тоска не имѣетъ словъ; она не имѣетъ мыслей; какъ въ траурной дымкѣ, проходятъ въ ней смутные образы прошлаго и травятъ сердце ѣдкой желчью воспоминанiй.

„Да. Въ эту пору, ежели боя нѣтъ, наша шестая рота ужинать садится. А ежели въ окопахъ — такъ раненыхъ убирать и съ котелками къ кухнямъ. Только ночь видная — начнетъ гвоздить проклятый, конца-краю нѣтъ... А ежели въ походѣ—такъ въ эту пору горнистъ играетъ—къ сбору, значитъ, остановка. А кухни, что пароходы, паромъ бѣлымъ клокочутъ, и духъ отъ нихъ чуть не полверсты... Охъ, нога, моя ноженька, цѣла ль будешь?"

Темная солдатская тоска ширится и растетъ, мягко сжимаетъ сиротливое сердце; мѣсяцъ глядитъ въ узенькое оконце, блѣднымъ свѣтомъ ворожитъ поздней порой, плететъ тайную сказку— и тоже тоскуетъ.

Глядятъ на него солдатскiе глаза, жалуются.

А что-то дома?..

Что тамъ въ такую пору?

На рѣкѣ Бзурѣ. По фот. нашего спецiальнаго корреспондента.

Мостъ и окопы на берегу рѣки Бзуры.

И медленные, мягкіе, какъ утреннія облака въ весеннемъ небѣ, плывутъ образы родной, далекой жизни. И острымъ ножомъ впивается въ грудь какое-нибудь пустячное воспоминаніе о пустой обидѣ, нечаянной несправедливости, что въ часъ горячій, въ часъ усталый, а то и просто хмельной часъ, нанесъ близкому человѣку.

„Марью-то, бабу свою единственную,—съ праздничной, съ престольнаго-то отъ сватъ-Михайлы ѣхали, ни за что худо облаялъ и тумака далъ. Кому?—Ей-то, ей, Марьюшкѣ моей безцѣнной, бабонькѣ моей безотвѣтной... А Гараська, паршивецъ, сзаду на телѣгѣ сидитъ да этакъ важно, толстымъ голосомъ:—„Ты чего, бать, мамку ни по што бьешь?!"—Гарась... Сынокъ!.. Марьюшка, кровинушка ты моя!.. Родненькіе"...

Смотритъ высокій мѣсяцъ въ маленькое оконце; однимъ уже краемъ только смотритъ, строго наблюдаетъ.

IV. Въ кольцѣ.

Дня три просидѣлъ Семеновъ въ сарайчикѣ, слѣдя за смѣной времени только въ узенькое окошко. Два раза въ день къ нему заглядывалъ приставленный сторожить его хромой нѣмецъ, ставилъ ѣду, — жидкій супъ какой-то, въ которомъ попадались крупныя неразварившіяся горошины,—и каждый разъ ворчалъ, должно-быть, ругаясь, замахивался прикладомъ винтовки, а одинъ разъ даже ударилъ.

Семеновъ молчаливо терпѣлъ, какъ привыкъ терпѣть серьезный русскій мужикъ всѣ невзгоды, падающія на него. Теперь, когда онъ попалъ въ плѣнъ, когда нога съ каждымъ днемъ болѣла все больше и больше,—все солдатское, подтянутое, съ него соскочило, и остался только крестьянинъ, покорно примирившійся со своимъ страданіемъ.

— Дѣло-то такое, братокъ,—говорилъ онъ тоненькимъ, убѣдительнымъ голосомъ кому-то, кто непремѣнно долженъ былъ слушать его въ пустомъ сарайчикѣ:—Господь терпѣлъ и намъ велѣлъ... Отъ сумы да отъ тюрьмы не зарекайся... И отъ болѣсти всяческой тоже!

А съ ногою дѣлалось что-то странное. Кровь совсѣмъ перестала итти, и дырка отъ раны какъ будто закрываться стала, только потемнѣла вся нога до колѣна, сине-багровое съ напряженными безжизненными венами тѣло похоже было на чугунъ. И духъ нехорошій пошелъ отъ раны — тяжелый духъ разлагающагося мяса, а въ глубинѣ раны попрежнему быстро и мучительно порой начинала вертѣться гдѣ-то около кости револьверная пуля. И всякое прикосновеніе, даже легкаго марлеваго бинта, было мучительно и жгло, какъ раскаленнымъ желѣзомъ.

Три дня просидѣлъ Семеновъ въ сарайчикѣ, а на четвертый день сердитый нѣмецъ рѣзко отпахнулъ дверь, толкнулъ прикладомъ винтовки и по всѣмъ видимостямъ приказалъ выходить.

— Да вѣдь какъ же я, братокъ, выйду? Самъ видишь, дѣло-то какое, — растерянно развелъ руками Семеновъ: — вѣдь мнѣ на ногу-то и не встать...

Нѣмецъ наклонился къ ногѣ, брезгливо сморщился отъ дурного запаха и ушелъ. Вернулся онъ съ костылемъ — хорошимъ, бамбуковымъ, съ мягкой подмышечной подушечкой.

— Вотъ это настоящее дѣло,—обрадовался Семеновъ:—это ты, камрадъ, правильно, этакъ-то способнѣе будетъ... Теперь хошь до твоего Берлина, все одно!..

Когда плѣнный переступилъ порогъ сарайчика, онъ зажмурился и чуть не упалъ: все было бѣло кругомъ, ослѣпительно-бѣло отъ мягкой, чистой, какъ свѣже-постланная скатерть, пелены снѣга. И—Боже мой!—какъ красиво висѣлъ этотъ снѣгъ на вѣтвяхъ деревьевъ, какими огромными, смѣшными шапками покрылъ онъ столбы изгороди, навалился на крыши построекъ, подступилъ къ окнамъ внезапно застывшими острыми волнами!..

Есть что-то радостное, молодое въ неожиданномъ снѣгѣ, отъ чего хочется смѣяться неизвѣстно чему, дружески хлопнуть идущаго рядомъ человѣка по плечу, или сдѣлать еще что-нибудь непутное, мальчишеское и веселое.

Семеновъ улыбнулся, оглянулся на нѣмца, возившагося со своей больной ногой, обутой поверхъ толстаго шерстяного чулка въ глубокую резиновую калошу, прихваченную веревочками, и тутъ замѣтилъ еще одну фигуру. Это была дѣвушка—почти дѣвочка—лѣтъ пятнадцати, можетъ-быть, даже еще четырнадцати. Она стояла, закутавшись въ платокъ до самыхъ глазъ, и, очевидно, ждала.

Нѣмецъ подправилъ свою калошу, взялъ винтовку за стволъ и, опираясь на нее, какъ на палку, повелъ обоихъ, Семенова и дѣвочку, со двора.

Когда трое сутокъ тому назадъ Семеновъ былъ возлѣ господскаго дома, здѣсь были лошади, ординарцы, вѣстовые, съ крыльца сходили офицеры, въ окно дома тянулась цѣлая сѣть телефонныхъ проволокъ. Чувствовалась напряженная, серьезная жизнь штаба, къ которому стягиваются всѣ нити, двигающія полки и роты, обозы и парки—всю сложную машину войны.

Теперь ничего этого не было. Какъ сонныя мухи, по дому бро-

Въ береговыхъ окопахъ.

На рѣкѣ Бзурѣ. По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

Въ Восточной Пруссіи.
Наши офицеры у пограничнаго столба.

перемелется, мука будетъ... Господь терпѣлъ и намъ велѣлъ... А но обижаютъ тебя?

Она не совсѣмъ поняла вопросъ, но догадалась, о чемъ спрашивалъ русскій солдатъ, и отвернулась.

— Тэнъ лайдакъ тэжь,—указала она на хромого конвойнаго:—алежь я ему... Пузднѣй якъ фиксатъ сталъ!..

— Ахъ ты какое дѣло, братокъ, совсѣмъ нехорошее дѣло, — покачалъ головой Семеновъ:—вотъ ты и поди,—старый ужъ человѣкъ, раненъ тоже, а съ глупостями!..

Послѣ двухчасового ожиданія обозъ тронулся, и плѣнныхъ повели. Съ этого момента для Семенова началась страшная, непонятная жизнь.

Они ходили такъ пять дней, почти все время вертясь на одномъ мѣстѣ. Было такъ, что, поднявшись съ утра, обозъ, а съ нимъ и плѣнный солдатъ, шли до полудня въ одномъ направленіи; потомъ вдругъ откуда-то прилеталъ автомобиль,—ихъ была пропасть въ этой части германской арміи. Сидѣвшій въ немъ офицеръ спѣшно говорилъ что-то обознымъ начальникамъ, и весь безконечный, громоздкій обозъ вдругъ круто поворачивалъ назадъ и рысью безпокойно оглядываясь, похлестывая лошадей, мчался обратно, цѣпляясь колесами, сбивая фуры въ глубокія канавы по сторонамъ шоссе. Въ такихъ случаяхъ конвоиръ-нѣмецъ приказывалъ плѣннымъ пересаживаться на какую-нибудь повозку—и, держась за грядки, охая на ухабахъ, Семеновъ трясся,

Въ Восточной Пруссіи. Въ лабиринтѣ Мазурскихъ озеръ.
Эскизъ съ натуры.

дили обозные солдаты, таскали какіе-то послѣдніе ящики, срывали со стѣнъ уцѣлѣвшія картины, для того, чтобы сейчасъ же ихъ бросить. Длинный, безконечный обозъ, такъ называемый обозъ третьяго разряда, самый задній въ двигающейся части, наполнялъ своими огромными фурами дворъ, аллею, ведущую на дорогу, вытянулся по самой дорогѣ.

Въ Восточной Пруссіи. Городъ Гольдапъ.

Въ немъ что-то еще не было готово, и обозные офицеры, всѣ немолодые, съ сильной просѣдью въ давно небритыхъ бородахъ,—танцовали на задернутыхъ поводьями лошадяхъ и ругали солдатъ.

Семеновъ съ дѣвочкой и хромымъ конвойнымъ стали ждать. Они ждали часа два, и за это время Семеновъ, руководствуясь все той же увѣренностью, что для объясненія съ человѣкомъ по существу важны не слова, а нѣчто большее, разговорился съ дѣвочкой.

Она оказалась полькой, взятой изъ деревни верстъ за пять отсюда, случайно оставшейся, когда всѣ свои ушли. Она тоже ушла, но потомъ вспомнила, что забыла захватить свое праздничное платье, висѣвшее на чердакѣ—вернулась, а въ деревнѣ уже оказались нѣмцы...

Теперь ее таскали за собой потому, что она хорошо стирала офицерское бѣлье — и неизвѣстно, отпустятъ ли ее когда, или нѣтъ?

Подъ конецъ она заплакала, и Семеновъ сталъ утѣшать ее.

— Ничего, ничего, дѣвочка, молода еще, ничего... Авось

боясь упустить свой костыль.

Нѣсколько разъ, то имъ навстрѣчу,—тогда обозъ тоже тотчасъ же поворачивалъ,—то обгоняя, проносились кавалерійскія части, давя все попадавшееся на пути, не оглядываясь на шарахавшихся въ канавы лошадей.

Такъ метались вмѣстѣ съ обозомъ солдаты,—все время, передъ тѣмъ, какъ повернуть, впереди слышалось тяжелое уханье орудій, а иногда и торопливая ружейная трескотня.

Ночевали всѣ эти дни большей частью въ разоренныхъ деревняхъ, порою возвращаясь въ одну и ту же два-три

Въ Восточной Пруссіи. Охотничій замокъ Вильгельма въ Роминтенскомъ лѣсу.

раза. Однажды были даже въ томъ самомъ имѣньи, куда попалъ первый разъ Семеновъ.

Темная, радостная догадка, которой онъ самъ боялся повѣрить, шевелилась въ мозгу плѣннаго солдата.

„Не иначе, какъ окружили наши ихъ,— соображалъ Семеновъ: — ишь мечутся, какъ коты угорѣлые, туда кинутся, назадъ кинутся, — и все на одномъ мѣстѣ... Окружены, безпремѣнно окружены, не можетъ безъ того быть“...

Выдались все-таки два дня и отдыха. Должно-быть, праздникъ какой, можетъ, Рождество ихнее, подошелъ, потому что пришелъ вдругъ автомобиль, на платформѣ котораго, закрытые брезентомъ, горой возвышались ящики; ихъ раскрыли и всѣмъ до послѣдняго обознаго солдата выдали ветчины, бутылку съ какимъ-то питьемъ, масла, жестянки съ консервами. Было это въ тотъ день, когда обозъ стоялъ въ небольшомъ имѣньицѣ, которыя въ этомъ краю называютъ фольварками.

Плѣнныхъ, Семенова и дѣвушку, заперли въ пустой холодной комнатѣ давно нетопленнаго дома. Видно было, что недавно здѣсь помѣщался лазаретъ, потому что на полу валялась окровавленная солома, въ углу возбуждающей отвращеніе кучей были свалены клоки ваты, спутанные марлевые бинты, какія-то тряпки, и все съ розовато-красными, или черными запекшимися пятнами крови.

Поломанныя носилки валялись тутъ же, и на нихъ, на грубомъ, соединяющемъ палки, полотнѣ, виднѣлось рыжее пятно старой человѣческой крови.

Плѣнныхъ заперли тутъ на ключъ, и всѣ ушли. Далеко, за три или четыре комнаты, слышался гулъ уже хмельныхъ голосовъ, звонъ посуды, временами нестройное, хриплое пѣніе. Очевидно, тамъ шелъ рождественскій пиръ, странный и казавшійся дикимъ оттого, что синія сумерки ползли невѣрными тѣнями въ грязную комнату, бѣлая пелена снѣга за окнами казалась мертвой, и высокая, еще блѣдная, вздрагивающая звѣзда мерцала въ темнѣющемъ просторѣ зимняго неба.

Хмельные праздничные люди иногда вдругъ подымались, гремѣли стульями, что-то кричали—и опять садились и пѣли несогласными, огрубѣвшими на морозахъ и вѣтрахъ, голосами.

Сумерки все больше заполняли холодную комнату и плели сѣрую паутину въ углахъ, возлѣ окровавленныхъ носилокъ, въ тучахъ грязной соломы. Бѣлая, закопченная у дверцы печь свѣтилась въ нихъ призрачно и холодно, и чудилась въ ней какая-то особая, своя жизнь, угрюмая и осуждающая.

Когда нетрезвые люди начинали особенно громко кричать, или кто-нибудь изъ нихъ, громко ступая плохо слушающимися ногами, проходилъ по коридору, дѣвушка прижималась къ Семенову и шептала, широко раскрывая темные, испуганные глаза:

— Я боюсь!..

V. Изъ-за глупостей.

Когда ночь уже совсѣмъ стала за окнами, шумъ въ дальнихъ комнатахъ прекратился. Должно-быть, тамъ разошлись всѣ, и чуткая, осторожная тишина вошла въ разоренныя комнаты брошеннаго дома.

Семеновъ задремалъ-было: нога какъ будто успокоилась, и только жаръ палилъ ее, какъ будто лежала она не на грязной, хранившей черные слѣды человѣческой крови, соломѣ, а на угольяхъ.

— О, Господи, Господи!..—забормоталъ солдатъ, перекладывая ее и борясь съ надвигавшейся дремотой.—Согрѣшили мы, окаянные, передъ лицомъ Твоимъ, Господи!..

Съ тѣхъ поръ, какъ съ нимъ случилось несчастье, — рана и плѣнъ,—онъ сталъ часто бормотать такъ про себя, призывая имя Бога. Не то, чтобы молился онъ,—давно ужъ позабылъ онъ всѣ молитвы, — но, какъ часто крестьянство при неожиданной бѣдѣ, принялъ случившееся съ нимъ, какъ испытаніе,

Въ Восточной Пруссіи. Городъ Пилькалленъ.

Въ Восточной Пруссіи.
Улица въ Пилькалленѣ, подвергшаяся бомбардировкѣ.

Въ Восточной Пруссіи. Разгромленный бомбардировкой городъ Ширвиндтъ.

Англійская кавалерія атакуетъ германскую батарею. Картина Р. Вудвиля.

На сѣверѣ Франціи. Новыя французскія орудія на позиціи въ Аргоннскомъ лѣсу. По фот. нашего корреспондента.

и покорно и сокрушенно, какимъ-то особеннымъ старческимъ голосомъ, хотя не старъ еще и крѣпокъ былъ по-солдатски, бормоталъ какія-то старыя, покорныя слова.

Должно-быть, отъ этого случайная спутница въ скитаніяхъ его, польская дѣвушка, звала его дѣдуней.

Сладкая, прозрачная дрема охватила плѣннаго солдата, сомкнула вѣки и вдругъ живо и ярко—до слезъ близко — развернула передъ отошедшимъ отъ дѣйствительности мозгомъ что-то дорогое и милое.

— Господи,—зашепталъ въ этой дремѣ Семеновъ:—Владычица Небесная!

Но вдругъ рѣзкій, испуганный толчокъ разбудилъ его.

— Что̀ такое, что̀ такое?--забормоталъ онъ, быстро садясь, и тотчасъ же застоналъ отъ боли въ ногѣ.—Охъ, Господи, что̀ такое?!.

— Дѣдуня, милый дѣдуня, я боюсь... Стоитъ! — шептала ему на ухо испуганная, сжавшаяся фигурка. — Смотри, дѣдуня, онъ стоитъ...

Въ сумеречномъ отсвѣтѣ бѣлѣвшаго за окнами снѣга комната казалась больше и угрюмѣе. Одна половина двери въ коридоръ была открыта, и въ ней темнѣла невысокая коренастая фигура.

Семеновъ сразу узналъ своего конвойнаго съ раздавленными пальцами ноги и сталъ шарить руками. Нащупавъ костыль, онъ крѣпко зажалъ его въ рукѣ и, кряхтя, сталъ подыматься на ноги.

Конвойный съ минуту молчалъ, держась обѣими руками за косякъ двери. Должно-быть, онъ былъ сильно пьянъ, потому что, когда откашлялся и заговорилъ — грубый запахъ перегорѣлаго спирта струей пошелъ по комнатѣ.

— Анелька, иди!—съ трудомъ справляясь съ незнакомыми словами чуждаго языка, проговорилъ онъ.—Иди!

Онъ сказалъ еще длинную фразу по-нѣмецки, потомъ, должно-быть, выбранился и повторилъ единственное знакомое слово:

— Иди!..

И сдѣлалъ рукой знакъ, не то призывный, не то угрожающій.

— Дѣдинька, я боюсь...—зашептала дѣвушка, цѣпляясь за руку Семенова.—Я боюсь, дѣдинька, не пускай меня...

На сѣверѣ Франціи. Французскія тяжелыя орудія, передвигаемыя автомобильной тягой. По фот. нашего корреспондента.

— Что̀ такое, почему такое „иди“? — забормоталъ Семеновъ, укрѣпляясь на здоровой ногѣ и костылѣ. — Ты хмеленъ, братокъ, я вижу... Ты это брось, не дѣло задумалъ: чтобы насчетъ глупостей — то это, братокъ, здѣсь нельзя...

Нѣмецъ опять плюнулъ и выбранился— и разомъ двинулся въ комнату.

Онъ былъ сильно пьянъ, хмель толкалъ его въ стороны, и больная нога мѣшала, поэтому комнату онъ перешелъ какъ-то особенно быстро, какъ это дѣлаютъ иногда пьяные, устремляясь внезапно къ какой-нибудь цѣли.

Онъ хотѣлъ схватить дѣвушку за руку, но Семеновъ загородилъ дорогу и неожиданно сталъ передъ нимъ.

— Брось, брось, говорю, камрадъ, не дѣло, говорю, глупостями-то заниматься, начальство твое тоже, чай, не похвалитъ за это,—торопливо говорилъ плѣнный.

Франція. Памятникъ Джузеппе Гарибальди въ Парижѣ, украшенный вѣнками, возложенными населеніемъ столицы въ честь двухъ внуковъ Гарибальди, убитыхъ въ рядахъ французской арміи, въ Аргоннскомъ лѣсу. По фот. нашего корреспондента.

Нѣмецъ качнулся, но оправился и толкнулъ Семенова кулакомъ въ грудь. Солдатъ чуть не упалъ, прыгнулъ на своемъ костылѣ, и тотчасъ же опять заслонилъ собою дѣвушку.

— Идди!—кричалъ нѣмецъ, хватая ее за руку.—Идди, Анелька!

— Брось, слышь, брось! — замахиваясь костылемъ и прыгая на одной ногѣ, чтобъ удержать равновѣсіе, кричалъ Семеновъ.— Слышь, брось, не то вдарю!..

Нѣмецъ отмахнулся отъ него нетерпѣливо и продолжалъ тянуть дѣвушку, а Семеновъ отмахивалъ костылемъ, и похоже было, что онъ дѣйствительно ударитъ.

— Брось, слышь, брось!—нелѣпо и дико кричалъ онъ.—Брось глупости, не дѣло это...

Тогда случилось нѣчто, разомъ вставшее надъ плѣннымъ русскимъ солдатомъ чернымъ призракомъ смерти.

(Продолженіе слѣдуетъ).

На сѣверѣ Франціи. Патруль французскихъ велосипедистовъ и мотоциклистовъ въ засадѣ.
По фот. нашего корреспондента.

Сто лѣтъ назадъ.

Очеркъ **П. П. Гнѣдича.**

Прошлой весною, въ апрѣлѣ 1914 года, мнѣ довелось жить въ Парижѣ. Я двѣнадцатый разъ проживалъ въ этомъ городѣ, но никогда еще онъ не былъ такъ близокъ мнѣ, какъ въ этотъ пріѣздъ. Мнѣ казалось, что какія-то нити родственнаго чувства связывали меня съ нимъ, и въ живыхъ возбужденныхъ лицахъ парижанъ свѣтилось что-то родное и знакомое.

Это были дни торжествъ: Парижъ встрѣчалъ англійскаго короля. Весь залитый флагами, знаменами, хоругвями, онъ вѣялъ ими въ душистомъ весеннемъ воздухѣ. Каштаны только-что начинали распускаться, и ихъ вѣтви съ каждымъ днемъ опушались все гуще зеленой одеждой. Праздничная толпа весело перекатывалась по улицамъ и площадямъ. Наверху плавно рѣяли дирижабли, поворачиваясь то однимъ, то другимъ бокомъ и сверкая на солнцѣ желтымъ надутымъ своимъ тѣломъ, точно огромныя воздушныя жабы.

Когда я проходилъ черезъ площадь Согласія, гдѣ прелестные фонтаны брызжутъ по бокамъ египетскаго обелиска и звонъ ихъ серебряныхъ струй мѣшается съ разноголосыми сиренами автомобилей, передо мною такъ ясно вставала далекая картина прошлаго.

Это было ровно сто лѣтъ назадъ, — въ апрѣлѣ 1814 года.

Здѣсь, въ Парижѣ, стояли русскія войска. Сюда Александръ I въѣхалъ подъ звуки веселой побѣдоносной музыки, съ празднично шелестѣвшими знаменами... Его войско слѣдовало за нимъ — и тульскіе и новгородскіе мужики, одѣтые въ куцую нелѣпую форму, загорѣлые, запыленные, вступали побѣдителями во всемірную столицу. Императоръ ѣхалъ на томъ самомъ сѣромъ конѣ, что былъ ему подаренъ нѣкогда Наполеономъ Бонапартомъ. Вицмундиръ Кавалергардскаго полка, что былъ на немъ, такъ шелъ къ нему. И парижанки осыпали его дорогу цвѣтами и карабкались на сѣдла красавцевъ-гвардейцевъ, чтобъ лучше видѣть тотъ блестящій парадъ, который сейчасъ же по въѣздѣ въ городъ устроилъ великодушный побѣдитель, который за сожженіе Москвы платилъ великодушіемъ и галантностью.

Но ему мало было здѣсь, на этой площади, гдѣ еще не было нынѣшнихъ фонтановъ и обелиска, устроить блестящій смотръ. Вѣдь здѣсь былъ воздвигнутъ эшафотъ съ гильотиной, и здѣсь были казнены король и королева. Здѣсь обагрились ихъ царственной кровью доски помоста, и здѣсь были обезглавлены и приверженцы стараго королевскаго режима.

И вотъ, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ совершилась эта кровавая казнь, Александръ велѣлъ снова поставить помостъ,—и хоры полковыхъ пѣвчихъ и все духовенство русской арміи, сверкая на весеннемъ солнцѣ золотыми ризами, пѣли благодарственный молебенъ за прекращеніе долгомѣсячнаго кровопролитія.

Передъ этимъ торжествомъ Александръ и самъ говѣлъ и войско свое очистилъ отъ крови говѣньемъ. Онъ любилъ праздникъ Пасху. За годъ передъ тѣмъ, въ апрѣлѣ 1813 года, онъ встрѣтилъ ее во главѣ своихъ войскъ въ Дрезденѣ,—и когда на берегахъ Эльбы раздались веселыя пѣснопѣнія „Христосъ воскресъ!"— онъ самъ сознавался:

„Мнѣ трудно передать волненіе, охватившее меня, когда я вспомнилъ, что намъ пришлось переиспытать за этотъ годъ *), и куда привелъ насъ Промыслъ..."

То же чувство, можетъ-быть, въ сильнѣйшей степени, испытывалъ онъ и здѣсь, въ прекрасной столицѣ Франціи, слушая торжественные пасхальные напѣвы.

Но вотъ прошло сто лѣтъ. Парижане привѣтствуютъ представителя власти другой державы—Великобританіи. Въ честь его гремятъ гимны, даются торжественные спектакли. Вѣкъ назадъ они привѣтствовали въ лицѣ Александра I избавителя отъ губительныхъ войнъ; а теперь они привѣтствуютъ своего будущаго избавителя и мощнаго союзника, рука объ руку съ которымъ черезъ три мѣсяца послѣ этихъ торжествъ имъ придется драться противъ общаго могучаго врага.

Это было какое-то странное, пророческое чувство. Энтузіазмъ 1814 года былъ понятенъ, — это былъ результатъ всего періода предыдущихъ кровавыхъ событій. Но что обозначало это массовое движеніе навстрѣчу англичанъ въ апрѣлѣ 1914 года? Почему по улицамъ было не пройти и не проѣхать? Почему вечеромъ, когда мнѣ надо было пробраться отъ Мадлэнъ вверхъ по бульварамъ, полиція предложила автомобилю кружить по глухимъ улицамъ,— такъ какъ все между Сеной и бульваромъ было запружено ликующей толпой, и Парижъ горѣлъ электрической иллюминаціей, расползавшейся узорами по домамъ и перекидывавшейся огненными арками черезъ улицы и проспекты?

Въ 1814 году вмѣстѣ съ русскими были въ Парижѣ и нѣмцы, но ихъ пребываніе прошло какъ-то незамѣтно, какъ-то затерялось въ общей лавинѣ союзныхъ войскъ. Нѣмцевъ удивляло, что русскій императоръ не только не унижалъ отрекшагося отъ престола своего врага Наполеона, а настаивалъ (и настоялъ) на его почетной ссылкѣ на островъ Эльбу, послалъ для сопровожденія его въ предѣлахъ Франціи своего генералъ-адъютанта, и нѣсколько разъ посѣтилъ императрицу Жозефину и ея дочь королеву Гортензію, подчеркивая этимъ свою симпатію къ семейству бывшаго владыки Франціи. А свиданіе съ новымъ королемъ, Людовикомъ XVIII Бурбономъ, прибывшимъ на континентъ изъ

*) 1812 годъ—Отечественной войны.

Въ Вогезахъ. Англійскіе стрѣлки на отдыхѣ въ траншеяхъ на границѣ Эльзаса.

Англіи, произвело на Александра противное впечатлѣніе, — и они встрѣтились холодно и офиціально.

Сломивъ своего врага, котораго русскій царь называлъ иногда „ce diable homme“, но съ которымъ онъ сталъ великодушенъ тотчасъ же послѣ того, какъ тотъ лишился власти,—онъ не столько заботился объ устройствѣ политическаго режима во Франціи, понимая, что все это будетъ устроено и помимо его настояній, сколько думалъ о возстановленіи Польши. Тѣ же вопросы, которые были поставлены Верховнымъ Главнокомандующимъ въ августѣ 1914 года, занимали сто лѣтъ назадъ Александра I. Радушный пріемъ, оказанный ему въ Лондонѣ въ концѣ мая 1814 года, не былъ использованъ имъ для политическихъ выгодъ. Отъ посѣщенія Александромъ Лондона ждали многаго,—но государь былъ только обворожителенъ со всѣми, а ни о какихъ договорахъ не было и рѣчи.

Въ Аргоннскомъ лѣсу. Французскіе солдаты на молитвѣ передъ боемъ.

Онъ думалъ о Польшѣ. Все онъ хотѣлъ на западѣ Россіи создать конституціонное королевство подъ своимъ скипетромъ. Этому никто въ Европѣ не сочувствовалъ, да и въ Россіи мало кто былъ за такой проектъ. Какъ и сто лѣтъ спустя, заговорили о Краковѣ, о Познани, о Торнѣ. Александръ не слушалъ предостереженій. Но политическія обстоятельства заставили его отложить на нѣкоторое время устройство поляковъ.

Наполеонъ Бонапартъ, „ce diable homme“, не видѣлъ никакой надобности и охоты сидѣть на островѣ Эльбѣ. Вокругъ него, конечно, были преданные ему люди; были и такіе, которые съ удовольствіемъ хотѣли рискнуть: если судьба вывезетъ, они могутъ взобраться на самый верхъ человѣческаго благоразумія. Его эффектное возвращеніе въ Европу возмутило всѣ государства: „Помилуйте, человѣкъ недоволенъ почетнымъ плѣномъ и рѣшается добиться прежней власти!“ Въ побѣгѣ Наполеона обвиняли Александра Павловича за его великодушіе: Наполеона надо было послать не на Эльбу, а куда-нибудь подальше, гдѣ бы сочувствовавшіе ему не могли устроить такого неожиданнаго тріумфальнаго шествія.

Была объявлена декларація,—1-13 марта 1815 года,—которою Наполеонъ объявленъ былъ внѣ закона,—hors la loi. Конечно, это были одни слова,—надо было подтвердить ихъ дѣломъ. Битва на полѣ Ватерло, когда армія Наполеона была окончательно разбита,—только она покончила навсегда съ авантюрами геніальнаго корсиканца.

Императоръ Александръ вообще былъ недоволенъ своими союзниками. Онъ удивлялся, какъ допустили они прибытіе маленькой арміи Наполеона на континентъ, какъ позволили они ей двигаться на Парижъ. Онъ по этому поводу писалъ своему брату Константину:

„Тѣ, кто болѣе всего были въ этомъ заинтересованы, проявили глупость и преступную безпечность“. Болѣе всего въ этомъ, по мнѣнію Александра, были виновны Бурбоны.

Появленіе Наполеона въ Парижѣ во главѣ арміи только ускорило осуществленіе мечтаній Александра. На нѣсколько дней была возстановлена Французская имперія, а въ то же время, въ концѣ апрѣля 1815 года, по Вѣнскому конгрессу была присоединена къ Россіи часть Польши подъ именемъ „Варшавскаго герцогства“. Познань, Бромбергъ и Торнъ были отданы Пруссіи. Соляныя копи Велички, съ 1809 года принадлежавшія Россіи, были возвращены Австріи, а Краковъ объявленъ вольнымъ городомъ.

Конечно, по Вѣнскому конгрессу Россія получила гораздо меньше того, чѣмъ заслуживала, если припомнить всю пролитую русскими кровь и всѣ бѣдствія 1812 года. Но деликатность и великодушіе Александра I и тутъ проявились въ обычномъ свѣтѣ. Россія получила всего 2.100 кв. миль съ населеніемъ въ три милліона. Австрія пріобрѣла 2.300 кв. миль и десять милліоновъ населенія, а Пруссія—2.267 кв. миль съ населеніемъ болѣе чѣмъ въ пять съ четвертью милліоновъ человѣкъ. Александръ говорилъ, что миръ всей Европы и торжество европейскихъ интересовъ, — вотъ чѣмъ вознаграждена Россія за свои сверхчеловѣчэскія усилія.

На сѣверѣ Франціи. Англійская кавалерія на развѣдкѣ.

До того, какъ союзники съѣхались въ Парижѣ, чтобъ окончательно рѣшить участь Наполеона, судьбѣ угодно было, чтобъ императоръ Александръ познакомился съ Криденеръ, встрѣтившись съ нею въ Гейльброннѣ. Извѣстно, какъ повліяла эта особа на внутренній міръ „освободителя Европы“. И этому знакомству въ 1915 году опять-таки исполнится сто лѣтъ.

Фигура баронессы Криденеръ,—нельзя сказать, чтобъ была совершенно ясна въ исторіи. Знакомство это совпало съ той нахлынувшей на Александра волной мистицизма, что замѣчается въ немъ еще въ 1812 году. Какъ разъ

Передъ боемъ. Французскій солдатъ на молитвѣ въ покинутой бельгійской церкви.

ко времени первой встрѣчи съ Криденеръ, государь читалъ новую книгу: „Облако надъ святилищемъ, или нѣчто такое, о чемъ гордая философія и грезить не смѣетъ“. Никакъ не могъ проникнуть государь въ темныя мѣста этого туманнаго сочиненія. Криденеръ въ первое же свиданіе все ему разъяснила.

Я только-что сказалъ, что личность Криденеръ (или, какъ иные пишутъ, Крюднеръ) неясна. Была ли ея восторженность напускной, или искренней, — сказать трудно. Сомнительность ея положительныхъ качествъ находитъ все больше подтвержденія среди историковъ. Особенно склоняетъ къ этому мнѣнію то обстоятельство, что матеріальное положеніе этой дамы было весьма печальное. Путемъ знакомства съ высокопоставленными лицами, прикидываясь глубоко-набожными, подобныя личности всегда устраиваютъ свои денежныя дѣлишки. Баронесса не только не брезговала щедрыми подачками, но даже дѣятельно ихъ выпрашивала, не для одной себя, но и для родни. Александръ часто писалъ записочки, предписывавшія выдать слезоточивой проповѣдницѣ ту или другую сумму. Недавно, въ превосходномъ трудѣ Великаго Князя Николая Михаиловича объ Императорѣ Александрѣ, напечатанъ рядъ писемъ этой дамы своему державному другу. Великій Князь говоритъ о нихъ: „читая эти письма, поражаешься монотонностью, тяжелымъ слогомъ, удручающимъ однообразіемъ, несуразностью, а главное—отсутствіемъ чистосердечія и искренности“.

Долголѣтняго вліянія Криденеръ на Александра I не имѣла,—но весь 1815-й годъ онъ находился въ постоянныхъ общеніяхъ съ проповѣдницей. И особенно рѣзко это сказалось при первомъ ихъ знакомствѣ, когда государь поѣхалъ въ Парижъ для окончательнаго рѣшенія участи Наполеона. Онъ тогда хотѣлъ образовать „Священный союзъ“ изъ представителей власти, и весь былъ охваченъ этой идеей. Цѣлые вечера онъ проводилъ у баронессы, но, что она была вдохновительницей при разработкѣ идеи „Священнаго союза“,—едва ли.

Вотъ какъ характеризовалъ ее извѣстный архимандритъ Фотій, другъ Аракчеева:

„Криднеръ—была женщина зловѣрія лжехристіанскаго, какой-то западной ереси, съ дарованіями острыми, лѣтъ уже преклонныхъ. Она выдавала себя за вдохновенную свыше... Женка сія, въ разгоряченности ума и сердца, отъ бѣса вдыхаемой, не говоря никому противнаго похотямъ плоти, обычаямъ міра, и дѣламъ вражьимъ, такъ нравиться умѣла всѣмъ во всемъ, что, начиная съ первыхъ столбовыхъ бояръ, жены, мужья, дѣвицы спѣшили, какъ оракула нѣкоего дивнаго, послушать женку Криднеръ. Нѣкоторые почитатели ея, изъ обольщенія ли своего, или изъ надругательства надъ святыней христіанскихъ догматовъ, портреты изобразили Криднерши, издавали въ свѣтъ ее съ руками къ сердцу прижатыми, очи на небо имѣющую, и Святаго Духа съ небесъ сходящаго, какъ на Дѣву Богородицу при Благовѣщеніи архангельскомъ... Въ сѣтяхъ ея самъ министръ духовныхъ дѣлъ весь увязалъ. Его любимцы съ нимъ одно творили...“

(Окончаніе будетъ).

* * *

Онъ принесъ мнѣ алые цвѣты
И шепнулъ:—«Душа моя пьяна»...
Я въ отвѣтъ:—Зачѣмъ не въ битвѣ ты?
Вѣдь теперь кровавая война!
—«Но тебѣ я преданъ всей душой.
Какъ отчизна, ты мнѣ дорога»...
—Такъ ступай же въ первый жаркій бой,
Принеси мнѣ голову врага!..

Наталія Грушко.

„Бѣлые Ключи“.

Разсказъ **Ал. Богданова.**

Осипъ Черенковъ бѣжалъ по полю крупными размашистыми шагами, перепрыгивая черезъ черныя узкія межи. Бурый праздничный азямъ путался въ ногахъ и мѣшалъ свободѣ движеній. Вспугнутый коростель съ шумомъ метнулся въ сторону, описавъ надъ низиной длинную дугу.

Погоня была далеко. Но Осипу все еще слышались звонкіе шаги преслѣдователей, угрожающіе крики и улюлюканье, далеко разносившееся въ ночной тишинѣ. Его травили словно дикаго звѣря. И если бы случайно онъ не ускользнулъ отъ погони, то навѣрное дѣло кончилось бы жестокой схваткой.

На берегу оврага „Бѣлые Ключи“ Осипъ остановился и перевелъ духъ. Сердце продолжало тревожно и учащенно колотиться, и на лбу проступали крупныя капли холоднаго пота.

Ночь была звѣздная и безлунная. На противоположной сторонѣ

Братъ на брата. Плѣнный германскій солдатъ-эльзасецъ, въ плѣну встрѣтившій дѣтей своего брата, оставшагося французомъ.

оврага неясно вырисовывался новый недавно отстроенный хуторъ: изба и сараи, огороженные высокимъ плетнемъ, чтобъ на дворъ не заскочили зимой волки.

Осипъ вытеръ рукавомъ азяма мокрый лобъ, облегченно перекрестился и медленно сталъ спускаться на дно оврага.

Мысли неудержимо и безпорядочно кружились въ его головѣ. Теперь опасность миновала. Сейчасъ онъ перейдетъ оврагъ и будетъ у себя дома на хуторѣ.

Сегодня удалось спастись. Но удастся ли спастись завтра и послѣзавтра?..

Онъ сталъ припоминать подробности случившагося. Около перелѣска ему попались навстрѣчу односельцы братья Вдовины, жители Кожинки, откуда онъ и еще нѣсколько человѣкъ выселились на хуторъ. Вдовины были злѣйшими врагами хуторянъ, особенно Осипа. Ссоры происходили изъ-за выпаса для скота. Прогонъ въ луга былъ въ мірскомъ владѣніи, и общественники, недовольные выдѣлами, не давали хуторянамъ пользоваться этимъ прогономъ.

Въ прошломъ году Осипъ поймалъ на своихъ поляхъ лошадей Вдовиныхъ и чрезъ волостной судъ взыскалъ съ нихъ штрафъ за потраву. Вдовины тоже не остались въ долгу. Они ловили на общественныхъ и своихъ земляхъ скотъ хуторянъ и постоянно причиняли имъ какія-нибудь непріятности, — то надирали уши хуторскимъ ребятишкамъ, когда тѣ попадались имъ подъ руку съ кошолками ягодъ или грибовъ, то устраивали побоища со взрослыми. А разъ ссора дошла даже до ножовщины.

Сегодня вечеромъ Осипъ былъ настроенъ мирно и не хотѣлъ столкновенія. Издали завидѣвъ Вдовиныхъ, онъ сошелъ съ дороги въ сторону.

Поровнявшись съ нимъ, они, по обыкновенію, стали подсмѣиваться:

— Эй ты,—Ключевскій помѣщикъ!..

— Загордился на хуторскихъ харчахъ!.. Чего морду воротишь?..

Осипъ отвѣтилъ имъ бранью. Они не унялись. Слово за словомъ—отъ брани перешли къ угрозамъ и съ палками бросились на него. Тогда Осипъ побѣжалъ.

Теперь, перейдя оврагъ, онъ успокоился окончательно, и умильное хозяйственное настроеніе охватило его. Изба съ глинобитной огнеупорной крышей, прочные сараи, купленные въ земствѣ плуги, и мысль, что у нихъ, Черенковыхъ, теперь свой собственный участокъ—все это радовало его.

Одно было плохо: постоянная не прекращающаяся вражда съ обществомъ.

Прежніе пріятели стали заклятыми недругами съ тѣхъ поръ, какъ имъ отрубили участокъ. Когда-то вмѣстѣ съ Вдовиными онъ гулялъ на свадьбахъ, угощался хмельной ядреной брагой, пѣлъ пѣсни, катался въ розвальняхъ, и ихъ семьи считались сватьями—„горячая родня“, а теперь—вотъ поди жъ ты!..

Въ разоренной Бельгіи. Въ Лувенѣ. Все погибло.

Бельгійскій епископъ кардиналъ Мерсье, арестованный нѣмцами за его посланіе къ паствѣ, ободряющее бельгійцевъ. Кардиналъ Мерсье шествуетъ въ центрѣ религіозной процессіи.

„Не иначе, какъ навожденіе!..“—подумалъ Осипъ.

Онъ обернулся въ сторону, гдѣ было село и брезжили рѣдкіе, разбросанные огоньки въ окнахъ избъ, и въ безсильной злобѣ сжалъ кулаки.

Осипъ считался въ семьѣ старшимъ послѣ смерти отца. Жили всѣ нераздѣльно въ одной просторной избѣ—три брата съ женами и дѣтьми и со старухой-матерью.

Когда пришло извѣстіе о войнѣ, два младшихъ брата должны были пойти въ солдаты. Время стояло горячее—уборка хлѣба, и это особенно озабочивало Осипа.

Братьямъ собрали все, что полагается,—рубахи, рушники, холщевые порты и чулки изъ овечьей шерсти, посадили обоихъ на телѣгу и повезли въ волость. Осипъ поѣхалъ съ ними. Золовки — Марья и Васка, жены призванныхъ— остались дома на хуторѣ, чтобъ было меньше слезъ.

Въ волости Осипъ узналъ, что начинается война изъ-за братьевъ-славянъ съ нѣмцами. Одно было ему непонятно,—почему съ нѣмцами, а не съ турками. Вѣдь притѣснители славянъ—турки. Но спросить было некого; всѣ, какъ и онъ, знали только одно: надо защищать Россію, потому что напалъ нѣмецъ.

Къ волостному правленію, пятиоконному дому съ желѣзной зеленой крышей, съѣхалось много знакомыхъ изъ окрестности. До поздней ночи продолжались проводы и разговоры. На кучкѣ бревенъ, сложенныхъ горкой недалеко отъ пожарнаго сарая, разсѣлись старики въ теплыхъ картузахъ и шапкахъ.

Осипъ простился съ братьями, далъ имъ на дорогу два полтинника и наказалъ, чтобъ въ случаѣ чего они подали о себѣ вѣсточку.

Потомъ подсѣлъ къ старикамъ.

Сутулый, но еще бодрый и крѣпкій Трифонъ, бывшій даже когда-то старшиной, вспоминалъ крѣпостное право и разсказывалъ:

— Въ нашихъ мѣстахъ не было лютѣй управителя Ѳедора Ѳедорыча, изъ нѣмцевъ... Большую силу у молодого князя Есупова имѣлъ... Князь-то все больше по заграницамъ жилъ, рѣдко когда въ помѣстье заглядывалъ... Вотъ поди жъ ты!.. По видимости Ѳедоръ Ѳедорычъ изъ себя былъ тихоня, никогда лишняго грубаго слова никому не скажетъ,—а сколь слезъ черезъ него пролили!.. Какъ что непорядокъ, такъ сейчасъ въ книжечку... А потомъ, глядишь, и взыскъ... И еще у него манера была: бралъ онъ съ села молодыхъ парней, которые побойчѣй, обучалъ ихъ какому-нибудь мастерству, а потомъ продавалъ... Хорошія деньги бралъ!.. Вотъ такъ-то мой дѣдъ двухъ сыновей лишился...

Пять человѣкъ ихъ было у него,—куда, говоритъ, тебѣ столько,—одного въ некрута сдали, а двое такъ и померли гдѣ-то у Скопской губерніи. Тоже плохо было,—работой насъ шибко нудилъ. Мы барщину отбывали, три дня на себя, а три дня на экономію... И того мало ему было. Праздниковъ, окромя воскресенья, онъ не любилъ... Русскій человѣкъ—говоритъ—лѣнится, любитъ каждый день праздновать. Вонъ тамъ за „Бѣлыми Ключами" провалъ есть, по его приказу выкопали. На Ивана Усѣкновенія гонялъ народъ копать... Вотъ каковъ былъ человѣкъ!

— Чего и толковать!..—отозвался кто-то.—Хуже нѣмцевъ не было управителевъ... У Шадуевыхъ на заводѣ и посейчасъ всѣмъ командуетъ нѣмецъ...

— И откуда ихъ столько взялось?

— Откуда?.. На своей землѣ тѣсно, — а у насъ приволья много!

— Вотъ будетъ война—скоро ихъ владычество кончится...

— Вѣрно!.. Котораго лишняго народу давно пора бы поубавить!..—сказалъ Осипъ.—Послободнѣй жить бы стало...

— Все по времени образуется, милачокъ!..—отозвался на его слова Трифонъ.—Слышалъ я отъ старыхъ людей сказъ... Когда нѣмецъ въ русскую землю пришелъ,—былъ такой Биронъ управитель,—то далъ Господь этому Бирону видѣнье. Быть тебѣ и твоему народу въ русской землѣ два вѣка... А по окончаньи ихъ, претерпите вы за свое зло наказанія лютыя и разсѣетесь прахомъ на всѣ стороны. Я такъ полагаю, что теперь два вѣка уже минуло,—и знаменье Божье исполнится...

— Хорошо, кабы такъ!..—замѣтилъ Осипъ, думая о братьяхъ, вернутся ли они живыми съ войны, и о томъ, справится ли онъ теперь одинъ безъ нихъ съ уборкой хлѣба.

Общій видъ Суэцкаго канала.

Къ наступленію турокъ на Суэцкій каналъ. Переправа на верблюдахъ въ Аравіи.

Рано утромъ на слѣдующій день Осипъ былъ уже на хуторѣ. Ощущеніе тоскливой пустоты охватило его. Золовки ходили молчаливыя и угрюмыя, повязанныя горошковыми платками, точно собрались куда въ дорогу.

Марья крѣпилась и наружно выражала спокойствіе. Васка, болѣзненная и худая женщина, истощенная постоянными недугами, не вытерпѣла и сказала:

— Теперь угнали мужиковъ—какъ будемъ жить на хуторѣ?..

Она и прежде была недовольна выселеніемъ на хуторъ, гдѣ скучала по роднымъ... Вражда хуторянъ съ міромъ особенно удручала ее.

— Какъ-нибудь проживемъ!..—отвѣтилъ Осипъ.

— Кабы мужики дома были—ничего!..—продолжала Васка.—А вотъ теперь придутъ мірскіе да и начнутъ насъ зорить...

— Чего же имъ приходить?..—возразилъ Осипъ, желая отогнать внезапныя недобрыя предчувствія.—Чать, мы никому дурного не дѣлаемъ!..

— Озорничье,—вотъ и придутъ!..—не переставала Васка.—Прошлой осенью у Микешиныхъ ометъ соломы разметали... Чего мы, бабы, спротъ ихъ силы подѣлаемъ?

Осипъ вспомнилъ Вдовиныхъ. Правду говоритъ Васка, что „озорничье-народъ",—подумалъ онъ. Еще нѣсколько дней тому назадъ Вдовины гнались за нимъ отъ перелѣска и чуть не убили.

Но сейчасъ же что-то внутри его поднялось и запротестовало. Быть не можетъ, чтобъ въ такое лихое время мірскіе сдѣлали ему зло. Нѣтъ, этого никогда не случится.

Онъ долго и пристально посмотрѣлъ на Васку.

— А Богъ-отъ, Васка?.. Чать, Богъ-отъ есть,—не оставитъ!.. Я вотъ думаю еще просить мірскихъ, чтобъ хлѣба убрать помочью... Вѣрно!.. Буду просить!.. Завтра же запрягу Карюху и въ Кожинку...

Лицо Осипа просвѣтлѣло, и увѣренность стала расти:

— Чать, въ такой бѣдѣ помогутъ!.. Вѣрно, Васка?.. Не басурмане же мы какіе, а на всѣхъ хрестъ есть!..

И на его душѣ сразу стало радостнѣе и легче.

Свѣтло-зеленые овсы, съ желтыми вызрѣвшими кистями, тяжело клонились къ землѣ. Въ ясномъ спокойствіи ласковаго лѣтняго дня было много тихой красоты. Далеко надъ „Бѣлыми Ключами" разносился дробный звонъ косъ.

Мужики шли мѣрно въ рядъ, какъ цѣпь разомкнувшихся солдатъ. Первымъ—старшій братъ Вдовинъ, въ бѣлой рубахѣ и пестрядиныхъ штанахъ, сильно и увѣренно размахивалъ косой. За нимъ дружно въ тактъ шли остальные, укладывая рядами срѣзанный низко подъ корень овесъ.

Осипъ шелъ позади всѣхъ. Вдовинъ командовалъ:

— Ну-ка, еще послѣднюю полоску!..

Позади бабы едва поспѣвали вязать снопы. Овесъ

Индійскій суваръ-сипай, сражающійся въ рядахъ англійскихъ колоніальныхъ войскъ.

Иррегулярныя турецкія войска въ Аравіи — арабы-наѣздники, участвовавшіе въ наступленіи турокъ на Суэцкій каналъ.

Потомъ встрѣтился глазами съ Вдовинымъ и сказалъ:

— И тебѣ, Ѳедоръ, противъ другихъ—спасибо!..

— Не по што!..—отозвался Вдовинъ. — Седни я тебѣ, а завтра ты мнѣ... Такъ-то лучше — другъ по дружкѣ... Вотъ до полденъ покончимъ у тебя, а потомъ къ Микешинымъ закатимся...

— Всѣхъ хуторскихъ подъ рядъ,—въ одинъ кругъ...

— Коли такъ артельно облюбимся, то и Богъ за всѣхъ... Неужто пропадать?

— Кушайте, дорогіе!..—съ поклономъ стала угощать работниковъ Васка.—Чѣмъ ужъ богаты, того и поснѣдайте...

— Слѣдовало бы съ полведерочка по обычаю поставить...—смущенно, какъ извиняясь, сказалъ Осипъ.—Ужъ не обезсудьте!.. Сами, чай, знаете—не моя притчина!..

— А и безъ нея сойдетъ!..—отозвался Вдвоинъ. — Она-

былъ высокій и густой, какъ рожь. Мужики шагали бодро и весело шутили:

— Экое добро Господь далъ!.. Золото!..

Солнце стояло на полднѣ, когда кончили косьбу. Недалеко отъ хутора около телѣги съ поднятыми кверху оглоблями былъ устроенъ привалъ. На разостланномъ по землѣ пологѣ, въ который ссыпалась рожь, былъ наложенъ горкой порѣзанный въ куски хлѣбъ. Марья и Васка принесли съ хутора въ двухъ деревянныхъ ушатахъ похлебку изъ пшенныхъ крупъ и картофеля.

Осипъ, веселый и довольный, не столько тѣмъ, что убранъ хлѣбъ, сколько необычнымъ добрымъ отношеніемъ міранъ, еще вчера враговъ,—суетился и звалъ обѣдать:

— Спасибо, милые мои!.. Не оставили!.. А Васка наша ужъ плакалась, что погибать придется!..

Васка, разливавшая изъ ведра похлебку въ двѣ большія деревянныя миски, покраснѣла и застыдилась:

— Мало ли што думается!.. Да не всякое слово сбывается!..

— Што значитъ міръ-те!.. сказалъ одинъ изъ мужиковъ, усаживаясь рядомъсъ Осипомъ.—До полденъ экое поле отмахали!..

— Міръ — сила!.. подтвердилъ другой. — Чего міръ захочетъ, такъ тому и быть...

Осипъ, тронутый участіемъ и ласковыми дружественными рѣчами, всталъ и отвѣсилъ низкій поклонъ:

— Спасибо, дорогіе!.. Ни-когда не забуду вашего добра...

Сирійско-Аравійская пустыня.

У Суэцкаго канала. Кочевки арабовъ въ Сирійско-Аравійской пустынѣ.

медни шелъ я мимо казенки,—пропади она прахомъ, — ворота на заперти, окна заставнены, а самъ цѣловальникъ гдѣ-то съ дробовикомъ по зайцамъ охотится...

— Совсѣмъ бы этого зелья не было!..—замѣтилъ одинъ изъ стариковъ.

— Вѣрно!..—подтвердилъ Вдовинъ.—Зло да свора отъ нея большія... Э-эхъ!.. Смотрю я на тебя теперь, Осипъ, и думаю... Изъ-за чего мы съ тобой склочились?.. Богачества у насъ обоихъ—одни порты, да и тѣ залатанные... Богъ затмитъ же умъ!..

Осипъ съ умильной благодарностью посмотрѣлъ на него:

— Ничего, Ѳедоръ!.. Што было, то прошло... Може, дальше будемъ жить въ ладу да согласѣ... Много и я зря грѣху противъ обчества принялъ.

Солнце ласково освѣщало соломенную крышу хутора. На изгорбяхъ оврага серебрился подсыхающій полынокъ. И мужицкая артель казалась одной тѣсной и дружной семьей.

Торжество освященія англійскаго лазарета въ Петроградѣ. Православный священникъ совершаетъ молебствіе въ сослуженіи съ англійскимъ епископомъ. На этомъ рѣдкомъ религіозномъ торжествѣ единенія церквей во имя общаго служенія страждущему брату, пролившему кровь въ союзной войнѣ, присутствовали: англійскій посолъ сэръ Бьюкененъ, супруга и дочь посла — сестра милосердія. По наброску Генри Кумминга рис. Франка Додда.

Поминанье.

Я видалъ его покрытымъ ладаномъ
Въ алтарѣ вечерне-голубомъ.
Я читалъ въ немъ думы о загаданномъ
И печаль о сбывшемся быломъ.
Ветхость въ немъ и проще и правдивѣе,
Бархатъ крышекъ стерся по угламъ;
Съ каждымъ годомъ вздохъ страницъ тоскливѣе,
Больше думъ и слезъ таится тамъ.
Пять страницъ таятъ мечты прекрасныя
О живыхъ... За пятой голубой
Ужъ слезятся сумерки ненастныя,
И царитъ молитвенный покой.
Наша жизнь идетъ путемъ обрывчатымъ
Въ сѣнокосъ нагрянула война —
Двумъ строкамъ, любимымъ и расплывчатымъ,
Слово «воинъ» принесла она.
А потомъ и вѣсть примчалась птицею,—
И зачеркнута была одна строка.
Новый крестъ за голубой страницею
Выросъ вслѣдъ морщинѣ старика.
Потянулись думы безотвѣтныя
Безконечной черною тесьмой...
Чаще свѣчи теплились завѣтныя...
И опять примчалося письмо.
Вновь несла старуха имя милое
Въ склепъ изъ буквъ, что внучекъ смастерилъ.
Время стало длинное, унылое,
А старикъ все по двору ходилъ,
Все листалъ письмо руками хилыми,
А наутро въ городъ зашагалъ...
Передъ дѣда именемъ чернилами
Слово «воинъ» внучекъ приписалъ.

Сергѣй Михѣевъ.

Подъ стягомъ Великой войны.

(Съ рис. на этой стр.).

Прошло полгода войны. Вершители судебъ Европы, міровые культуртрегеры, поставщики науки для вселенной — нѣмцы нынѣ такъ опозорены. Весь міръ шлетъ проклятія германскимъ звѣрствамъ. Нѣмцевъ гонятъ отовсюду, какъ преступниковъ, виновныхъ предъ всѣмъ человѣчествомъ. И рядомъ — Бельгія, маленькая, незамѣтная Бельгія... Какимъ неземнымъ ореоломъ окружили ее эти полгода войны на страницахъ міровой исторіи. Кто не преклонитъ благоговѣйно голову предъ этой страной мученичества и беззавѣтнаго героизма?

Въ этой стихійной войнѣ все перемѣшалось, произошла переоцѣнка всѣхъ цѣнностей. Недавніе наши враги стали близкими нашими друзьями. Вмѣстѣ съ нами проливаютъ они свою кровь за попранную міровую правду. Не чудо ли, что японцы вмѣстѣ съ нами разятъ нѣмцевъ? Кто бы могъ подумать полгода тому назадъ, что Италія можетъ пойти противъ Австріи?

Но вмѣстѣ съ тѣмъ никто изъ насъ также не могъ предположить, чтобы политая русскою кровью Болгарія, изъ рукъ Россіи получившая свободу, отвернулась отъ своей освободительницы въ столь трудныя минуты. И не только отвернулась, но, вмѣстѣ съ нѣмцами, австрійцами и даже турками, жаждала разгрома Россіи и Сербіи. Нынѣшняя Болгарія—кровавое пятно на свѣтломъ стягѣ всеславянскаго союза.

А какое чудесное превращеніе мы видимъ у насъ, на Руси. Вся Русь, отъ края до края, говоритъ теперь однимъ языкомъ, молится одному Богу, внемлетъ Державному слову Царя, жертвуетъ жизнью за Родину. Русскіе, поляки, армяне, грузины, евреи—всѣ геройски выдержали испытаніе въ патріотизмѣ и воодушевленіи и на полѣ брани и у себя на родинѣ.

Взгляните на разоренную Польшу. Сколько ужасовъ, сколько страданій испытала она за преданность Россіи. И ни одного слова ропота, или крика боли. Гдѣ же пресловутая польская рознь, гдѣ измышлявшіяся польскія козни противъ насъ, о которыхъ намъ напѣвали клеветы Берлина? И не чудо ли, что нынѣ въ рядахъ русской арміи сражаются бокъ-о-бокъ наши братья?

Предъ нами еще одно чудо: даже вѣра наша, строгая православная вѣра идетъ съ любовью навстрѣчу религіозному общенію съ инако вѣрующими. Могъ ли кто у насъ не только увидѣть, но подумать, чтобы православный пастырь совершалъ въ полномъ облаченіи торжественный молебенъ въ сослуженіи съ англійскимъ пасторомъ, съ нимъ рядомъ стоящимъ въ священномъ облаченіи англиканской церкви? Но случилось и это... На торжествѣ освященія англійскаго лазарета въ Петроградѣ два пастыря — православный и англиканскій — вмѣстѣ, однимъ священнымъ служеніемъ, приносили соединенныя молитвы паствъ къ Престолу Божіему.

Всю эту рознь уничтожила, всю эту связь создала Великая война. Остріемъ народнаго меча начертала она на скрижаляхъ міровой исторіи начала братства, правды и свободы.

С. Н—нъ.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ. Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

1915 г.

№ 9

XLVI г. изданія

Выданъ 28 февраля 1915 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.) — 15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на **первой** страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ **обложки 1 р. 50 к.**; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. М. Метерлинка“ кн. 1.

КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ ЗАОЧНЫЕ, САМООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И ПРОЧИХЪ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ

— С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ —

Москва, Староконюшенный, д. Курилко. 7.

ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО условія изученія коммерческ. наукъ по письменнымъ лекціямъ, вполнѣ замѣняющихъ устное преподаваніе.

8374 16-8

НОВАЯ КНИГА:

ЧАРОДѢЙСТВО, ВОЛШЕБСТВО, ЗНАХАРСТВО И ВСѢ РУССКІЕ НАРОДНЫЕ ЗАГОВОРЫ.

Книга составлена по древнѣйшимъ рукописямъ.

Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 25 коп.

Москва. Книжн. маг. П. Комисаренко.
Уланскій пер., д. 30—4.

ЧУДЕСА СПИРИТИЗМА. Руководство къ устройству простѣйшихъ домашнихъ спиритическихъ сеансовъ. Разоблаченіе мнимыхъ чудесныхъ явленій, выдаваемыхъ за спиритизмъ и ясновидѣніе. Различные способы вызыванія привидѣній, духовъ и тѣней. Цѣна 50 к. (Адресъ см. выше).

8437 2-2

ЛОНДОНЪ ВОЛЬМАРЪ РИМЪ ROMA WOLMAR LONDON

ROMA 1911 — ЗА ТРУДОЛЮБІЕ — GRAN PREMIO

Большая золотая. Большая золотая. Большая золотая. Magna aurea.

КРУПНѢЙШЕЕ

въ Россіи Ателье предлагаетъ художественное съ поразительнымъ сходствомъ увеличеніе портретовъ со всевозможныхъ фотограф. снимковъ.

Портретъ 10×12—120 квадр. вер. въ элегантномъ паспарту въ роскошной рамѣ, исполненный тушью кистью, съ упаковкой 3 р., такой же 12×15—180 квадр. вершк.—6 р.; акварелью 10×12 вер. — 4 р., 12×15 вер.—8 р., при акварели необходимо указать цвѣтъ волосъ, глазъ и проч. **Заказавшій любой портретъ получаетъ въ премію съ своей карточки портретъ на эмали, брошь или булавку для галстуха.** Заказы съ оригиналами высылаются черезъ 15 дней наложен. платежомъ. Адресовать только въ

Главную контору художественнаго ателье А. М. Х.-Дроздова, Невскій проспектъ, 106.

8350 Петроградъ. Телеф. 142-04. Фирма сущ. съ 1899 г. 10 6

Подробный прейсъ-курантъ высылается безплатно.

СРЕДСТВО отъ ГЕМОРРОЯ

ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ
ПРОФЕССОРЪ ДОКТОРЪ ПЕЛЬ и СЫНОВЬЯ
Петроградъ, Вас. остр. 7 лин. д. № 18.

ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ
(PROCTOL-POEHL)

Суппозиторіи (свѣчки) противъ ГЕМОРРОЯ. Останавливаютъ КРОВОТЕЧЕНІЕ. Укрѣпляютъ слизистую оболочку и способствуютъ сморщиванію и исчезновенію шишекъ. Устраняютъ: БОЛЬ, ЗУДЪ и ЖЖЕНІЕ. Оказываютъ ПРОТИВОВОСПАЛИТЕЛЬНОЕ дѣйствіе.

Цѣна коробки 1 р. 50 к.

Изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

Фетъ, А. А. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ подъ ред. **Б. В. Никольскаго,** въ 3-хъ т., съ 4 портретами и автографомъ Фета, съ хронологич. и алфавитн. указателями и съ прилож. вступительн. статей Н. Н. Страхова и Б. В. Никольскаго. Изящное изданіе въ 8 д. л., 1754 стр. Цѣна **5 руб.**, съ перес. **5 р. 75 к.**; въ перепл. **6 р. 80 к.**, съ перес. **7 р. 60 к.** Цѣна **роскошн.** изданія на **слоновой бумагѣ 10 руб.**, съ перес. **11 руб.**; въ перепл. **13 руб.**, съ перес. **14 руб.**

Авсѣенко, В. Г. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ. Т. I. **„Скрежетъ зубовный"**. Т. II. **„Злой духъ"** (ч. I и II). Т. III. **„Злой духъ"** (ч. III и IV). Т. IV. **„Изъ-за благъ земныхъ"**. *Ngолота*. Т. V. **„Млечный путь"**. *Рабыня*. Т. VI. **„На распутьи"**. Т. VII. **„Женщины"**. Повѣсти и разсказы (1-я серія). Т. VIII. **„Женщины"**. Повѣсти и разсказы (2-я серія). Т. IX. **„Лгуны"**. Т. X. **„Свѣтъ и тѣни"**. Т. XI. **„Былое и небывалое"**. Т. XII. **„Силуэты"**. Цѣна каждому тому **1 р. 75 к.**, съ перес. **2 р.**; въ перепл. **2 р. 35 к.**, съ перес. **2 р. 60 к.**

ОТЪ
КАШЛЯ,
простуды, насморка
PASTILLES VALDA
(Лепешки Вальда)
въ вашемъ интересѣ спрашивать,
ТРЕБОВАТЬ ИХЪ
во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ складахъ
въ **КОРОБКАХЪ**, снабженныхъ именемъ Valda,
съ красной бандеролью.

Достаточно одной коробки
PASTILLES VALDA
(Лепешекъ Вальда).

8462 2 2

БУХГАЛТЕРІЯ
и коммерческ. образованіе. **ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ.** Обширная программа. **СТЕНОГРАФІЯ.** Разсрочка. **АТТЕСТАТЪ. Проспектъ безплатно. Петроградъ. Редакція „Коммерческой Энциклопедіи". Р.** 3432

СѢМЕНА

Огородныя, цвѣточныя, сел.-хоз.: яровыя, вика, клеверъ, тимофеевка. Удобренія. Книги. Инструменты. Принадл. садов. Инсектисиды. **Плодов. дерев. и куст. Розы. Клубни. Корни многолѣтн.** 3444 3-2

Сѣмянная торговля **В. Е. ГРАЧЕВЪ.**
Петроградъ, Измайловскій, 21. Тел. 423-94.

Банковскимъ шрифтамъ, **конторской** скорописи, полное исправленіе почерка достигаетъ каждый въ 15 уроковъ **заочно** и получаетъ **аттестатъ** на званіе спеціалиста шрифтовъ. Пробное письмо, образцы шрифтовъ и условія высылаются за 5 десятикопеечныхъ марокъ. Адресовать: Одесса, Профессору А. Коссодо, Дерибасовская, д. Пробста. 6-3

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Къ прибытію французскаго генерала По въ Россію. 18 февраля Государю Императору имѣлъ честь представляться генералъ французской службы По, прибывшій изъ Франціи отъ имени французскаго правительства для врученія Верховному Главнокомандующему военной медали и для раздачи знаковъ отличія офицерамъ и нижнимъ чинамъ русской арміи. Въ часъ дня генералъ По былъ принятъ Государемъ Императоромъ въ Царскомъ Селѣ и приглашенъ вмѣстѣ съ французскимъ посломъ г. Палеологъ и генераломъ маркизомъ де-Лягишъ къ завтраку у Ихъ Величествъ.

Прибывшій съ высокой воинской и политической миссіей въ союзную Россію Поль-Жераръ По — одинъ изъ самыхъ славныхъ и выдающихся боевыхъ генераловъ Франціи, состоявшій членомъ высшаго военнаго совѣта, бывшій генералъ-инспекторъ французской арміи и бывшій начальникъ знаменитаго пограничнаго 20-го корпуса, въ который входитъ историческая «желѣзная бригада Нанси».

Генералъ По въ чинѣ подпоручика потерялъ въ 1870 году правую руку (по локоть) въ одной изъ битвъ подъ Мецомъ. Вся его жизнь прошла съ тѣхъ поръ въ служеніи родной арміи. Военная карьера генерала По—полная трудовъ и успѣховъ, совершенно исключительная. Шестидесяти лѣтъ онъ уже достигъ наивысшаго положенія въ арміи, но неумолимый законъ о предѣльномъ возрастѣ засталъ его какъ разъ въ августѣ 1914 года, въ самомъ началѣ войны, за интенсивной работой на пользу родной арміи.

Его личный другъ и товарищъ генералъ Жоффръ настоялъ на оставленіи генерала По на дѣйствительной службѣ. Но еще до войны генералъ По оказалъ неоцѣнимую услугу Франціи и ея арміи, выступивъ въ палатѣ представителемъ правительства для защиты закона о трехгодичной военной службѣ. Въ моментъ самыхъ страстныхъ преній, когда сильный шумъ протестующихъ голосовъ депутатовъ мѣшалъ говорить генералу По, поднялся нынѣ уже покойный депутатъ Альбертъ де-Мэнъ и, указывая на спокойно стоявшаго на трибунѣ генерала По, воскликнулъ:

— Развѣ вы не видите, что въ его лицѣ передъ вами живой образъ расчлененнаго отечества!..

Всѣ поняли этотъ намекъ на потерянную въ бою руку генерала По, на необходимость укрѣпить военную мощь Франціи; смолкли голоса протеста, и законъ былъ принятъ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ генералъ По представлялъ французскую армію на маневрахъ въ Швейцаріи, на которыхъ присутствовалъ императоръ Вильгельмъ II. Встрѣча двухъ враговъ обратила на себя всеобщее вниманіе, и вся европейская печать тогда была полна откликами разговоровъ Вильгельма и «безрукаго генерала»; всѣ обратили вниманіе на изысканную любезность, оказанную Вильгельмомъ генералу По, который въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, явился не только бравымъ военнымъ, но и тонкимъ, полнымъ такта дипломатомъ.

По настоянію генерала Жоффра, какъ только началась война, генералъ По былъ назначенъ главнокомандующимъ арміею, дѣйствовавшей въ Эльзасѣ. И искалѣченный въ 1870 году солдатъ имѣлъ исключительную честь вернуть въ эльзасскія равнины трехцвѣтное французское знамя и послѣ боевъ при Дорнакѣ снова вырвать у Германіи Мюлузу (Мюльгаузенъ).

Когда нѣмецкія полчища вступили черезъ Бельгію въ сѣверную Францію, эльзасская армія была переведена на другой театръ военныхъ дѣйствій, а генералъ По былъ причисленъ къ ставкѣ генералиссимуса Жоффра, однимъ изъ самыхъ авторитетныхъ и интимныхъ совѣтниковъ котораго онъ съ тѣхъ поръ и сталъ.

Послѣ паденія Антверпена, когда бельгійская армія очутилась вмѣстѣ со своимъ доблестнымъ королемъ въ критическомъ положеніи, генералъ По былъ откомандированъ въ главную бельгійскую квартиру и вмѣстѣ съ королемъ обезпечилъ отступленіе геройской бельгійской арміи.

Народное повѣрье о войнѣ. Мясоѣдъ текущаго года въ святцахъ значится однимъ изъ самыхъ короткихъ, считая съ Крещенія неполныхъ четыре недѣли. По поводу короткаго мясоѣда среди крестьянъ Новгородской губерніи существуетъ любопытное повѣрье: «Когда наступитъ такой мясоѣдъ, что масленица будетъ въ первомъ мѣсяцѣ года, т.-е. въ январѣ, тогда начнется великая война во всѣхъ частяхъ свѣта, и будетъ война продолжаться, пока потоки человѣческой крови не сольются съ весенними ручьями тающаго снѣга. Въ этой войнѣ будетъ воевать столько царей, сколько недѣль въ великомъ посту, т.-е. семь. И послѣ этой войны миръ наступитъ на столько сотенъ лѣтъ, сколько недѣль въ мясоѣдѣ, т.-е. четыре».

О германской блокадѣ. 1 марта с. г. великобританскими и французскими представителями въ Вашингтонѣ, Римѣ, Мадридѣ, Лиссабонѣ, Гаагѣ, Христіаніи, Стокгольмѣ, Копенгагенѣ, Бернѣ, Аѳинахъ, Ріо-де-Жанейро, Буэносъ-Айресѣ, Монтевидео и Сантъ-Яго было сдѣлано совмѣстно слѣдующее заявленіе:

«Германія объявила, что Ламаншъ, сѣверные и западные берега Франціи и воды, омывающія острова Соединеннаго королевства, являются зоной военныхъ дѣйствій, и офиціально извѣстила, что всѣ непріятельскія суда, встрѣченныя въ этой зонѣ, будутъ уничтожены, а нейтральныя подвергаются опасности. Это заявленіе въ дѣйствительности равняется притязанію на право уничтожать при помощи минъ, не взирая на безопасность экипажа или пассажировъ, любое торговое судно, плавающее подъ любымъ флагомъ, при первой съ нимъ встрѣчѣ. Такъ какъ германское адмиралтейство не имѣетъ возможности содержать суда на поверхности этихъ водъ, то это нападеніе можетъ быть осуществлено исключительно морскими подводными судами.

Законы и обычаи международнаго права, въ отношеніи воздѣйствія на торговое мореплаваніе, всегда считали, что первой обязанностью захватившаго торговое судно является доставленіе его въ призовой судъ для разбора дѣла въ судебномъ порядкѣ, дабы правильность захвата судна могла быть имъ установлена, а нейтральныя могли бы получить свои грузы. Потопленіе призовъ представляется вообще актомъ спорнымъ и должно имѣть мѣсто только въ совершенно исключительныхъ случаяхъ, и только тогда, когда всѣ мѣры приняты для спасенія экипажа и пассажировъ, если таковые находятся на суднѣ. Отвѣтственность за опредѣленіе нейтральности или враждебности судовъ и грузовъ падаетъ, очевидно, на взятеля, долгомъ котораго является провѣрка національности и характера судна и груза и сохраненіе всѣхъ бумагъ прежде потопленія или даже захвата судна.

Точно также долгомъ гуманности является для каждаго воюющаго принятіе мѣръ для спасенія экипажа торговыхъ судовъ, нейтральныхъ или непріятельскихъ. На этихъ именно основаніяхъ было построено все предшествующее право морской войны.

Германское подводное судно однако не исполняетъ ни одной изъ этихъ обязанностей. Оно не осуществляетъ дѣйствительнаго владычества надъ водами, въ которыхъ оно дѣйствуетъ. Оно не приводитъ захваченныхъ судовъ въ призовой судъ для судебнаго разбирательства. Оно не имѣетъ въ своемъ распоряженіи команды, предназначенной для сопровожденія захваченнаго судна. Оно не пользуется средствами, необходимыми для дѣйствительнаго различенія между нейтральнымъ и непріятельскимъ судномъ. Оно не принимаетъ на бортъ для спасенія экипажа потопленнаго судна.

Его пріемы веденія войны находятся такимъ образомъ всецѣло за предѣлами всѣхъ признанныхъ международнымъ правомъ началъ, опредѣляющихъ операціи воюющихъ, направленныя противъ торговли во время войны. Германское заявленіе замѣняетъ правомѣрный захватъ призовъ ихъ огульнымъ уничтоженіемъ. Германія примѣняетъ эти пріемы къ мирнымъ торговцамъ и невоюющимъ экипажамъ, съ явнымъ намѣреніемъ препятствовать ввозу предметовъ всякаго рода, включая и съѣстные припасы для гражданскаго населенія острововъ Соединеннаго королевства и сѣверной Франціи, и вывозу оттуда. Противники Германіи вынуждены потому принять репрессивныя мѣры для предупрежденія съ своей стороны всякаго ввоза въ Германію или вывоза изъ нея. Эти мѣры однако будутъ приводиться въ исполненіе англійскимъ и французскимъ правительствами безъ созданія опасности для нейтральныхъ судовъ и для жизни нейтральныхъ или невоюющихъ и съ строгимъ соблюденіемъ всѣхъ велѣній гуманности.

Великобританское и французское правительства считаютъ себя поэтому въ правѣ задерживать и приводить въ портъ суда, перевозящія грузы, за коими предполагается непріятельское назначеніе, принадлежность непріятелю или непріятельское происхожденіе. Такого рода суда и грузы не предполагается подвергать конфискаціи, если они не подлежатъ ей по другимъ основаніямъ. Суда и грузы, вышедшіе въ плаваніе ранѣе сего числа, не затрагиваются настоящими распоряженіями».

Военные для войны. Лица, военныя по профессіи, прямо обижаются, когда при нихъ упоминаютъ объ утомленіи, будто бы проявляющемся въ ихъ средѣ. Одинъ офицеръ,—человѣкъ, вышедшій изъ военной семьи, отецъ, дѣдъ и дядья котораго были военными,—такъ говоритъ по этому поводу:

«Для насъ война—не только выполненіе долга гражданина, но также уплата нашего личнаго долга обществу. Военное сословіе существуетъ ради войны и безъ нея теряетъ свой raison d'être. Иногда цѣлыя поколѣнія военныхъ сходятъ въ могилу, не имѣя случая исполнить то, къ чему готовились всю жизнь, для чего учились много лѣтъ. Эти поколѣнія пользовались своимъ привилегированнымъ положеніемъ въ обществѣ, такъ сказать, за счетъ будущаго. Намъ выпала счастливая доля—уплатить свой долгъ и за себя и за нихъ. Война—наше прямое дѣло, какъ, напримѣръ, дѣло профессора—воспитывать юношество. Профессоръ читаетъ лекціи всю свою жизнь, и ему не приходитъ въ голову говорить, что онъ «утомился» этимъ. Такъ и намъ странно и неумѣстно утомляться походной и боевой жизнью, хотя бы пришлось провести въ ней не нѣсколько мѣсяцевъ, а много лѣтъ».

Почетный мечъ королю Альберту. Особая японская делегація отправлена въ Европу для врученія бельгійскому королю Альберту почетнаго дара—стариннаго японскаго меча. Лезвее меча было изготовлено еще въ 1577 г. знаменитымъ японскимъ кузнецомъ Никагавой Шиквемонъ-но-іо Юкикане. Оправа эфеса и ноженъ сдѣлана изъ чеканнаго золота.

Депутація вручитъ одновременно съ мечомъ и адресъ, въ которомъ сказано, что преподносимый королю Альберту мечъ есть «слабое свидѣтельство о глубокомъ благоговѣніи, какое внушено японскому народу несравненной храбростью вашего величества и безпримѣрнымъ патріотизмомъ бельгійскаго народа, проявленнымъ въ дѣлѣ защиты гуманности и цивилизаціи во время самаго страшнаго изъ несчастій, когда-либо постигшихъ народъ».

Деревенскій пастырь Верховному Главнокомандующему. Настоятель церкви села Краснополья, Верхотурскаго уѣзда, Пермской губерніи, послалъ слѣдующую патріотическую телеграмму Верховному Главнокомандующему:

«Сегодня, 8 февраля, въ храмѣ села Краснополья, Верхотурскаго уѣзда, предсѣдатель верхотурской земской управы при многочисленномъ стеченіи молящихся вручилъ родителямъ геройски павшаго въ бою съ врагомъ 5 ноября подъ Эйсбергомъ односельчанина нашего Александра Скороходова присланный командиромъ 14-й роты 25-го Сибирскаго стрѣлковаго полка Георгіевскій крестъ 4-й степени. Родители героя со слезами радости и умиленія трепетными руками приняли эту Царскую награду. Этотъ знакъ Высочайшаго вниманія, какъ свидѣтель подвига на полѣ брани ихъ любимаго сына, служитъ подтвержденіемъ того, что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ, и отнынѣ, какъ заявили старики, не будетъ въ домѣ вещи болѣе чтимой, болѣе священной, чѣмъ этотъ крестъ, и онъ одинъ осиротѣвшимъ старикамъ теперь, на закатѣ дней ихъ, когда жизнь ихъ догораетъ, служитъ утѣшеніемъ и гордостью, что они воспитали истиннаго сына родины, который умеръ смертью храбрыхъ за русскую землю, за Царя православнаго. Эти одушевляющія чувства стариковъ Скороходовыхъ счастливъ сообщить Вашему Высочеству. Собравшіеся на торжественное врученіе старикамъ Скороходовымъ Георгіевскаго креста вознесли горячія молитвы къ Престолу Вседержителя о сохраненіи жизни Великаго Нашего Государя и Его Августѣйшей Семьи и Вашего Высочества, великаго вождя нашей доблестной арміи. Да подастъ Вамъ Богъ силъ и здоровья. Да ниспошлетъ Онъ намъ побѣду и одолѣніе надъ дерзкимъ и упорнымъ врагомъ».

Десять братьевъ на войнѣ. Французская семья Дюги, проживающая въ Вандеѣ, состоитъ изъ отца, матери и одиннадцати сыновей, изъ которыхъ десять въ настоящее время находятся на театрѣ военныхъ дѣйствій, и лишь одинъ, въ виду несовершеннолѣтія, принужденъ оставаться дома. Всѣ десять сыновей Дюги находятся въ строю, въ различныхъ частяхъ арміи республики.

Одна копейка въ пользу воиновъ и ихъ семействъ. Среди разнаго вида сборовъ пожертвованій въ пользу воиновъ и ихъ семействъ обращаетъ на себя вниманіе выпускъ патріотическихъ почтовыхъ марокъ съ надбавкой одной копейки къ номинальной цѣнѣ.

Пожертвуйте одну копейку! Что можетъ быть трогательнѣе и доступнѣе этого? И публика откликается на этотъ призывъ и покупаетъ патріотическія почтовыя марки вмѣсто обыкновенныхъ марокъ въ тѣхъ почтовыхъ конторахъ, гдѣ продажа уже открылась. Патріотическія почтовыя марки выпущены Императорскимъ Женскимъ Патріотическимъ Обществомъ, которое основано сто лѣтъ тому назадъ, во время Отечественной войны, для той же цѣли—призрѣнія вдовъ и сиротъ воиновъ, погибшихъ на войнѣ. Въ настоящее время подъ его покровительствомъ находится много пріютовъ и просвѣтительныхъ учрежденій.

Патріотическія почтовыя марки были выпущены впервые во время русско-японской войны, но тогда надбавка составляла три копейки. Теперь же, при копеечной надбавкѣ и томъ сочувствіи, которое къ нимъ уже замѣчается, можно полагать, что задачи, связанныя съ выпускомъ марокъ, осуществятся въ очень широкихъ размѣрахъ.

Большой интересъ къ патріотическимъ маркамъ замѣчается повсемѣстно. Ежедневно въ канцелярію Общества въ Петроградѣ поступаетъ много запросовъ изъ банковъ и отъ частныхъ лицъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ въ почтовыхъ учрежденіяхъ еще нѣтъ патріотическихъ марокъ. Въ столицахъ много крупныхъ конторъ открыло у себя продажу патріотическихъ марокъ и выразило готовность оплачивать часть своей корреспонденціи этими марками, а съ наступленіемъ пасхальныхъ праздниковъ надо полагать, что ни одинъ поздравитель не отправитъ своей карточки, не оплативъ ее патріотической почтовой маркой. Добавочныя копейки, которыя при этомъ уплачиваются, дадутъ Патріотическому Обществу возможность осушить много горькихъ слезъ и пріютить, одѣть и воспитать много сиротъ, оставшихся безъ кормильца.

Бельгійская королева въ траншеяхъ. Бельгійская королева Елисавета, отдавая всѣ свои силы служенію раненымъ воинамъ близъ передовыхъ позицій, время отъ времени посѣщаетъ и передовыя позиціи во Фландріи. Недавно королева посѣтила союзныя траншеи подъ Ипромъ, несмотря на сильный непріятельскій огонь. На слѣдующій день королева видѣлась въ Руанѣ съ женой англійскаго главнокомандующаго генерала Френча. Цѣлью свиданія было обсужденіе вопроса о соглашеніи между женскими обществами союзныхъ странъ.

Торжество православія. Незабвеннымъ въ памяти нашей столицы останется «торжество православія» въ соборѣ св. Исаакія Далматскаго. Въ храмѣ, построенномъ на невскомъ взморьѣ въ память святого подвижника славянской Далматіи, былъ совершенъ чинъ возсоединенія съ вѣрою предковъ полутораста галицко-русскихъ учителей и учительницъ, прибывшихъ изъ-подъ Карпатъ.

Галичане не даромъ избрали недѣлю православія для совершенія чина возсоединенія съ вѣрою ихъ прадѣдовъ: цѣлый рядъ ихъ предковъ проливалъ за нее свою кровь въ борьбѣ противъ разныхъ насильниковъ съ запада, юга и востока.

Двѣсти лѣтъ галичане были оторгнуты отъ православія. Оторгнуты насильно, какъ доказываютъ слѣды крови на воротахъ храма Успенія Ставропигійскаго братства во Львовѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ заржавѣвшія зазубрины перемышльскаго собора. Въ 1595 г. два западно-русскихъ епископа Поцѣй и Терлецкій вовлекли близорукихъ западно-русскихъ іерарховъ въ унію съ Римомъ. Но львовскій, перемышльскій и угрорусскій епископы, т.-е. владыки трехъ епархій, составляющихъ Червонную и Закарпатскую Русь, не признали этой уніи, и только въ 1720 г. на Замостскомъ соборѣ львовская и перемышльская епархіи были окончательно признаны включенными въ число уніатскихъ епископій.

Галицко-русское простонародье и послѣ того не признавало уніи: «Пусть епископы измѣнили православію,—говорили крестьяне:—наши отцы и дѣды и мы сами остались православными».

Какъ сообщаетъ извѣстный галицко-русскій дѣятель Д. Н. Вергунъ въ «Нов. Вр.», къ галичанамъ съ разныхъ сторонъ неслись увѣщанія повременить, не торопиться съ чиномъ возсоединенія; приводились доказательства даже стратегическаго свойства. Ничто не удержало галичанъ, и они поспѣшили возсоединиться съ родною церковью.

Во время церковнаго торжества въ воздухѣ какъ бы носилось воспоминаніе о князѣ Романѣ Мстиславичѣ Галицкомъ, сынѣ новгородскаго князя Мстислава Удалого. Онъ перебрался на югъ, на взгорья Карпатскаго хребта, отстоялъ наслѣдіе Ростиславичей отъ венгровъ, ляховъ и половцевъ и гордо отвергъ ту унію, которая ему была предложена со стороны могущественнѣйшаго папы, привыкшаго на своихъ буллахъ подписываться не иначе, какъ «Deus in terris», т.-е. Богъ на землѣ. Папа Иннокентій предлагалъ ему свою помощь въ дѣлѣ защиты Руси отъ восточныхъ азіатскихъ ордъ. Князь Романъ «Красный» выпулъ свой мечъ и, показывая его папскому легату, отвѣтилъ, что ему довольно своего оружія, а за папскую помощь онъ не думаетъ измѣнять вѣрѣ отцовъ.

Подобное настроеніе чувствовалось и въ рѣшительномъ шагѣ галицкихъ учителей. Настоящіе, коренные галичане знаютъ, что были два Рима, что третьимъ Римомъ стала Москва—защитница всѣхъ истинно-православныхъ христіанъ, а «четвертому Риму—не бувати»!

Германскій фельдмаршалъ генералъ Гинденбургъ о нашей арміи. Генералъ Гинденбургъ въ своемъ отвѣтѣ на присылъ подарковъ арміи отъ берлинскихъ дамъ написалъ:

«Пусть Германія примирится съ тѣмъ, что она дала подъ мою власть два милліона своихъ сыновъ, которыхъ я долженъ принести въ жертву для того, чтобы остальные семьдесятъ два милліона были свободны. Въ Берлинѣ, очевидно, не знаютъ, съ какимъ противникомъ мнѣ приходится имѣть дѣло. Если бы наши войска отличались стойкостью русскихъ солдатъ, мы давно стояли бы не на Вислѣ, а на Волгѣ».

Лучшій боевой генералъ. Генералъ Гинденбургъ далъ недавно хорошій урокъ германскому генеральному штабу.

Былъ убитъ одинъ изъ лучшихъ боевыхъ генераловъ, находившихся подъ командой фельдмаршала, и изъ Берлина Гинденбургу былъ присланъ списокъ возможныхъ преемниковъ съ просьбой выбрать желательнаго. Списокъ былъ составленъ изъ генераловъ на рѣдкость бездарныхъ, и Гинденбургъ не торопился сдѣлать выборъ.

Штабъ, раздосадованный его медлительностью, телеграфировалъ вторично и категорически:

— Немедленно назовите, кого считаете достойнымъ преемникомъ.

Фонъ-Гинденбургъ отвѣтилъ:

— Таковымъ считаю только Жоффра.

Обмѣнъ увѣчныхъ военно-плѣнныхъ. Верховный Начальникъ санитарной и эвакуаціонной части Его Императорское Высочество Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій возложилъ на супругу министра иностранныхъ дѣлъ А. Б. Сазонову попеченіе объ обмѣнѣ и эвакуаціи военно-плѣнныхъ калѣкъ черезъ Финляндію и Швецію. Для успѣшнаго выполненія обмѣна и эвакуаціи образованъ спеціальный комитетъ Краснаго Креста.

Соломенный хлѣбъ. Въ берлинскомъ университетѣ, въ присутствіи представителей правительства, ученыхъ и сельскихъ хозяевъ, профессоръ Фриденталь прочелъ докладъ объ изобрѣтенномъ имъ способѣ вырабатывать муку изъ соломы и демонстрировалъ различныя кушанья изъ этой муки: «соломенные хлѣбъ, супъ, кашу», которые, по словамъ берлинскихъ газетъ, очень питательны и отличаются изысканнымъ вкусомъ. Германское правительство намѣрено предпринять опыты въ широкихъ размѣрахъ. Изобрѣтеніе профессора Фриденталя вызвало въ Берлинѣ сенсацію. Однако берлинцы боятся, что скоро и вся солома будетъ скормлена скоту.

Передвижныя бани. Въ виду крайней необходимости большого количества бань и вслѣдствіе дороговизны сооруженія ихъ, Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій предложилъ использовать для этой цѣли обыкновенные товарные вагоны. Варшавско-Вѣнская желѣзная дорога приготовила такую упрощенную баню. Баня состоитъ изъ двухъ вагоновъ, соединенныхъ между собою гармоніей. Въ первомъ вагонѣ находится раздѣвальня и дезинфекціонная камера, второй служитъ баней нижнимъ чинамъ. Пока солдаты моются въ банѣ, ихъ бѣлье дезинфецируется въ сосѣднемъ вагонѣ. Дезинфекціонная камера состоитъ изъ герметически закрытаго ящика, внизу котораго зажигается сѣра, освобождающая въ теченіе нѣсколькихъ минутъ бѣлье отъ паразитовъ.

Варшавско-Вѣнская желѣзная дорога изготовляетъ также дезинфекціонныя двуколки, цѣль которыхъ проникать въ тѣ отдаленныя мѣста расположенія арміи, гдѣ нѣтъ вблизи желѣзныхъ дорогъ и гдѣ солдаты вслѣдствіе этого лишены возможности вымыться. Подобныя двуколки будутъ направляться по окопамъ частей, находящихся въ резервѣ.

Отъ Комитета Высочайше разрѣшенной благотворительной лотереи 1914 года. Комитетъ Высочайше разрѣшенной благотворительной лотереи открылъ 18-го минувшаго декабря продажу билетовъ. Вырученныя суммы предназначены на помощь раненымъ и больнымъ воинамъ, семьямъ лицъ, призванныхъ на войну, и лицамъ, пострадавшимъ отъ военныхъ бѣдствій. Потребности эти — безпредѣльны. Помощь необходима безотлагательная и непрестанная; а для этого нужны средства. Между тѣмъ казна обременена расходами на войну и на выдачу пайка семьямъ запасныхъ; приношенія же жертвователей обильны, но далеко не достаточны. Лотерея задумана для того, чтобы облегчить самую острую нужду. Тѣ 20.000.000 р., на которые выпущены билеты, а за вычетомъ 3.000.000 р., уже отчисленныхъ на выдачу выигрышей, только 17.000.000 р., пойдутъ для этой цѣли. Это поняли многіе русскіе люди: широкою рѣкою на всемъ огромномъ пространствѣ Россіи устремились они въ учрежденія, гдѣ продаются билеты. Розыгрышъ лотереи будетъ произведенъ въ Петроградѣ публично въ концѣ марта этого года, а потому времени осталось немного и надо спѣшить пріобрѣтать билеты и вносить лепту на святое дѣло помощи пострадавшимъ героямъ войны и ихъ семьямъ.

Билеты по 5 р. и части билетовъ по 1 р. продаются во всѣхъ учрежденіяхъ Государственнаго Банка и казначействахъ, въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ въ Москвѣ и Петроградѣ и при станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, въ почтово-телеграфныхъ отдѣленіяхъ, въ частныхъ коммерческихъ банкахъ и отдѣленіяхъ ихъ и въ болѣе крупныхъ обществахъ взаимнаго кредита. Кромѣ того, жители сельскихъ мѣстностей могутъ заказывать билеты у земскихъ начальниковъ, въ волостныхъ правленіяхъ, въ учрежденіяхъ мелкаго кредита и у податныхъ инспекторовъ. Билеты и части билетовъ по такимъ заказамъ будутъ немедленно доставлены.

Выигрышей въ двухъ выпускахъ лотереи будетъ:

2	по 100.000 р.	200	по 1.000 р.
2	» 50.000 »	400	» 500 »
4	» 25.000 »	2.000	» 300 »
20	» 10.000 »	6.000	» 200 »
40	» 5.000 »		

На билетъ въ 5 р. можно выиграть отъ 200 р. до 100.000 р., а на пятую часть билета въ 1 р.—отъ 40 р. до 20.000 р.

НИВА № 9. 28 Февраля 1915 г.

М. Ивановъ. „Жду отвѣта“. Музей Императорской Академіи Художествъ.

Грекъ и Негби.

Разсказъ **Ив. Островного.**

I.

Колоссальный пассажирскій пароходъ отходилъ изъ Бриндизи въ два часа дня.

Уже нѣсколько дней на пристани шла нагрузка. Носильщики таскали такое количество тюковъ, мѣшковъ, ящиковъ и бочекъ и такъ запрудили ими трюмъ и всю палубу, что казалось непонятнымъ, почему пароходъ именуется пассажирскимъ, и куда тутъ дѣнутся пассажиры.

Впечатлѣніе было такое, что громоздкими товарами заняты всѣ углы и щели, и надо было только удивляться, какъ посудина эта выдерживаетъ такой вѣсъ и не погружается въ море до самыхъ бортовъ.

Но пароходъ стоялъ незыблемо и не думалъ погружаться. Бока его такъ высоко выступали надъ уровнемъ воды, что, казалось, онъ чувствуетъ себя налегкѣ.

И правда, что опасенія были напрасны. Капитанъ—небольшого роста широкоплечій крѣпышъ съ смуглымъ до черноты лицомъ, съ жесткими щетинистыми усами и черной бородой—жаловался, что у него мало груза, а между тѣмъ рейсъ былъ срочный, и выйти надо было во что бы то ни стало.

О пассажирахъ же не было надобности безпокоиться. Для нихъ были уготованы великолѣпныя помѣщенія внизу и наверху и на палубѣ. Даже для третьеклассныхъ были каютки, не особенно удобныя, но все же отдѣльныя для каждаго — удобство, явившееся результатомъ бѣшеной конкуренціи между пароходными компаніями.

На пристани была суета и толкотня и невѣроятное смѣшеніе языковъ. Итальянцы, греки, турки, славяне всевозможныхъ племенъ. Всѣ они дѣлились на ярко обособленныя группы, и каждая держалась особнякомъ.

Только нѣмецкаго языка вовсе не было слышно. Съ одной стороны, занятые у себя дома войной, съ другой же — подъ вліяніемъ страха передъ французскими и англійскими военными кораблями, подозрительно осматривавшими въ морѣ каждое суденышко, они не рѣшались ѣздить этимъ путемъ, боясь непріятностей и даже плѣна.

Были тутъ и русскіе, и притомъ не мало,—десятка три, одинокіе и съ семействами,—большею частью злосчастные туристы, которыхъ война застала въ пути, или гдѣ-нибудь на австрійскомъ курортѣ, и они не успѣли во-время удрать болѣе краткимъ и удобнымъ путемъ.

Многіе притащились сюда изъ Парижа, другіе изъ Мюнхена, Зальцбурга, Карлсбада и даже изъ Берлина. Сухопутныя границы были закрыты, тамъ гремѣли уже пушки, шли бои.

Но русской группы на пристани не было. Всѣ были врозь, не знали даже о существованіи другъ друга, а если узнавали, то сторонились. Такова ужъ русская природа: недовѣріе и даже боязнь другъ друга.

Но когда пароходъ медленно вышелъ изъ бухты и выдвинулся въ открытое море, явилась и вступила въ права совершенно новая психологія — замкнутаго пространства, оторванности отъ земли и всецѣлаго перехода во власть моря,—отдѣльное королевство, гдѣ король — широкоплечій, коренастый, темнолицый капитанъ, хриплымъ голосомъ что-то выкрикивавшій въ мѣдный рупоръ, стоя на рубкѣ. И тутъ русскіе познакомились, сблизились и начали держаться своей группы.

Пароходъ направлялся въ Константинополь, но большинство пассажировъ ѣхало въ болѣе близкіе порты, а русскіе почти всѣ направлялись въ Салоники, чтобы тамъ пересѣсть на желѣзную дорогу и черезъ Румынію добраться до Россіи.

Шли тревожные разговоры о минахъ, присутствіе которыхъ въ морѣ подозрѣвалось. По пароходу ходили никѣмъ не провѣренные разсказы о взорвавшемся на минѣ суднѣ, пошедшемъ ко дну вмѣстѣ съ пассажирами.

И настроеніе было неважное, пассажировъ тянуло къ бортамъ, они стояли здѣсь по цѣлымъ часамъ и пристально смотрѣли на поверхность воды, силясь разглядѣть каждую темную точку.

Но такъ было только въ первые часы, а потомъ всѣ свыклись съ мыслью о возможной опасности, перезнакомились, объединились и стали жить довольно весело.

На пароходѣ при первомъ классѣ былъ недурной салонъ, стоялъ рояль, нашлись среди публики скрипачъ и пѣвица, кто-то игралъ танцы, и танцовали.

Но все это скоро надоѣло, и для оживленія общества требовалось что-нибудь новое. И всѣ какъ будто бы ждали отъ моря этого новаго.

И вотъ въ одномъ изъ греческихъ портовъ судьба послала для развлеченія пассажировъ нѣчто неожиданное. Передъ самимъ отходомъ парохода, когда уже приступили къ уборкѣ трапа, на пристани появился субъектъ страннаго даже въ тѣхъ мѣстахъ вида. Довольно высокаго роста, но сильно сгорбленный, хромавшій на лѣвую ногу, которую онъ какъ-то неимовѣрно выставлялъ впередъ, при чемъ ступня у него была вывернута внутрь, съ морщинистымъ смуглымъ лицомъ, обросшимъ черной, но значительно посѣдѣвшей растительностью, въ круглой шелковой шапочкѣ. Онъ былъ одѣтъ въ широкія шаровары изъ какой-то темной матеріи съ желтыми полосами, черные чулки и остроконечныя желтыя туфли, а верхняя часть тѣла была облечена во что-то похожее на женскую кофту, старую, потертую, но съ виду все-таки шелковую и расшитую разноцвѣтнымъ шелкомъ.

Національность его не было никакой возможности опредѣлить. Онъ могъ быть и грекомъ, и туркомъ, и боснійцемъ, и далматинцемъ, и еще многимъ другимъ.

Но самое занимательное было не въ немъ, а въ томъ существѣ, которое шло рядомъ съ нимъ, однакоже не на свободѣ, а ведомое на тонкой стальной цѣпочкѣ. Это была обезьянка длиной не болѣе аршина, на тонкихъ высокихъ ногахъ, съ длиннымъ узкимъ хвостомъ и съ такой смѣшной мордочкой, что при видѣ ея всѣмъ сейчасъ же сдѣлалось весело. И какъ только она съ своимъ провожатымъ вступила на пароходъ, всѣ немедленно занялись ею.

Но разсмотрѣть ее какъ слѣдуетъ и познакомиться поближе съ ея качествами пока не удалось. Владѣлецъ, повидимому, ревниво оберегалъ ее и поторопился скрыться съ нею.

Несмотря на свой странный видъ и, повидимому, жалкое ремесло, онъ не захотѣлъ довольствоваться третьимъ классомъ, а предъявилъ билетъ второго и, получивъ каюту, тотчасъ же забрался въ нее вмѣстѣ съ своей обезьянкой.

Каюта была настолько мала, что двумъ пассажирамъ въ ней никакъ нельзя было бы помѣститься, но обезьянка требовала для себя мѣста не больше, чѣмъ сколько понадобилось бы для скворца; въ сущности, ей даже вовсе не нужно было мѣста.

Какъ только владѣлецъ ввелъ ее въ каюту и отцѣпилъ отъ ея шеи цѣпочку, она немедленно по стѣнѣ полѣзла вверхъ и, зацѣпившись передней лапой за отдушину калорифера, повисла на ней.

Это все, что ей было нужно, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, вполнѣ достаточное для того, чтобы владѣлецъ ея могъ разложить свои вещи и привести самого себя въ порядокъ.

Имущество страннаго пассажира было крайне несложно. Небольшихъ размѣровъ чемоданчикъ онъ положилъ на нары, поверхъ которыхъ лежалъ тюфякъ, что вмѣстѣ изображало постель.

Но прежде чѣмъ отпереть чемоданчикъ и раскрыть его, онъ заперъ дверь каюты на ключъ, а кромѣ того и на крючокъ, потомъ заглянулъ въ круглое оконце, чтобы убѣдиться, что тамъ, за окномъ, нѣтъ никого и ничего, кромѣ моря и неба.

Открывъ чемоданъ, онъ вынулъ изъ него небольшое зеркало и коробочку съ пестро раскрашенной крышкой, то и другое поставилъ на столъ.

Потомъ вынулъ обыкновенный пиджакъ, жилетъ, брюки и мягкую, сильно слежавшуюся, шляпу, расправилъ ихъ и, тщательно вытряхнувъ, вновь сложилъ.

Вынулъ и пересмотрѣлъ бѣлье и достигъ самаго дна чемодана. Больше тамъ ничего не было.

Но сейчасъ же оказалось, что этимъ не исчерпывается содержимое чемодана. Онъ нагнулся, отыскалъ гдѣ-то сбоку какую-то, съ виду ничѣмъ не отличавшуюся, точку, сильно нажалъ ее пальцемъ, и послѣ этого послышался легкій щелкъ. Тогда дно чемодана поднялось, и тамъ оказалось еще кое-что.

Это были исключительно бумаги. Цѣлые свертки какихъ-то запечатанныхъ пакетовъ. Плотно уложенные, прижатые другъ къ другу, они занимали немного мѣста.

Въ одномъ углу лежало что-то, завернутое въ цвѣтной платокъ. Онъ и это провѣрилъ: развернулъ платокъ, вынулъ изъ него изрядныхъ размѣровъ мѣшочекъ и, не разворачивая, только пощупалъ его пальцами. Послышался легкій звонъ, или, вѣрнѣе—шопотъ золотыхъ монетъ.

Онъ кивнулъ головой, въ знакъ того, что все нашелъ въ цѣлости, опустилъ первое дно, и оно плотно закрылось.

Тогда и пиджакъ, и брюки, и жилетъ, и бѣлье были уложены на прежнее мѣсто, а пассажиръ обратился къ зеркалу и коробочкѣ.

Можно было сразу замѣтить, что онъ сталъ выше ростомъ, и это понятно, такъ какъ онъ выпрямился, и спина его уже не была согнута. Точно также и нога нисколько не понижала его ростъ: она была прямая и нормальная, какъ и другая его нога, и когда онъ передвигался на этомъ небольшомъ пространствѣ, то нисколько не хромалъ.

Онъ присѣлъ къ столу, а обезьяна оторвалась отъ отдушины и, прыгнувъ на постель, усѣлась тамъ и смотрѣла на него. Она смотрѣла, но не удивлялась. Видно было, что зрѣлище это—для нея привычное. Но въ то же время взглядъ ея далеко не былъ лишенъ и любопытства, только спокойнаго, размышляющаго.

Казалось, она старалась вдуматься и понять, для какой собственно цѣли этотъ человѣкъ производитъ свои странныя манипуляціи. Почему онъ не хочетъ быть такимъ, какимъ создала его природа, т.-е. человѣкомъ высокаго роста, стройнымъ, одѣтымъ, какъ одѣваются въ большихъ городахъ, гдѣ ей уже приходилось бывать, всѣ люди, имѣть красивое и молодое бритое лицо и свѣтлые волосы на головѣ?

Вмѣсто этого онъ предпочитаетъ сгорбливать свою спину, намазывать лицо какой-то жидкостью, отъ которой оно дѣлается темно-смуглымъ, и потомъ еще какой-то машинкой проводить по лицу, послѣ чего на тѣхъ мѣстахъ оставались морщины, тонкія, какъ шелковая нитка, и другія—глубокія, какъ шрамы отъ порѣзовъ.

А потомъ онъ принимался за свои волосы, натиралъ ихъ мазью, и они становились черными, а въ другихъ мѣстахъ бѣлыми и завивались въ кудри.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ она живетъ у этого человѣка, и по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю видитъ это и не можетъ понять. Она, обезьянка, очень умна и многое изъ того, что̀ дѣлаютъ люди, понимаетъ, о, еще какъ! И сама отлично продѣлываетъ разныя вещи,—но этого не можетъ понять.

А свѣтъ она видѣла достаточно. Ужъ не говоря о жаркомъ югѣ, гдѣ она родилась и выросла, но что̀ теперь понемногу начинаетъ забывать,—приходилось ей таскаться всюду.

Привезли ее на пароходѣ въ Гамбургъ, тамъ довольно долго держали въ клѣткѣ вмѣстѣ съ другими особами ея породы, а потомъ у нея перемѣнилось нѣсколько хозяевъ, пока она не попала къ этому. Было это въ большомъ городѣ Берлинѣ, но тамъ хозяинъ ея не былъ такимъ, какъ теперь.

Это былъ просто прилично одѣтый господинъ въ котелкѣ, въ рубахѣ съ накрахмаленнымъ воротничкомъ, въ пиджакѣ, въ пальто и съ тросточкой въ рукахъ.

Когда же онъ купилъ ее, то у него появилась и эта странная одежда. Онъ надѣвалъ ее, мазался и въ такомъ видѣ обучалъ ее разнымъ штукамъ. Онъ, очевидно, хотѣлъ, чтобы она знала и слушалась его такого. И разговаривалъ онъ съ нею совсѣмъ не на томъ языкѣ, на какомъ говорилъ съ людьми, когда они бывали у него. Она вѣдь понимала многое изъ того, что̀ говорилось вокругъ, она только сама не могла произносить словъ.

И тотъ языкъ былъ греческій. Да, она слышала, какъ онъ объяснялъ это другому своему товарищу.

Онъ хорошо изучилъ этотъ языкъ, потому что раньше ему приходилось жить въ странѣ, гдѣ говорятъ на немъ. И этотъ гриммъ и одежда—все для того, чтобы походить на грека. Только вотъ зачѣмъ онъ все это дѣлаетъ, она не знаетъ, этого она не поняла.

Онъ научилъ ее многимъ штукамъ. Она умѣла танцовать—и не просто прыгать, какъ дѣлаютъ это другія, менѣе способныя, обезьяны, а съ толкомъ.

Когда онъ говорилъ ей: „менуэтъ", она ходила на заднихъ лапахъ медленно, важно, присѣдая и кланяясь, а когда командовалъ: „вальсъ", она быстро кружилась.

Умѣетъ подавать лапу и пожимать чужую руку, довѣрчиво протянутую ей, снимать шапочку и протягивать ее за деньгами, а когда туда бросаютъ деньги, улыбаться.

И много, много разныхъ другихъ вещей она знаетъ, и всему этому научилъ ее онъ.

Она была очень умна, и всѣ, кто ее видѣлъ, признавали это и говорили:

— Поразительно умная обезьяна Негби. Совсѣмъ, какъ человѣкъ.

Такъ говорили потому, что ея имя было Негби.

Но у нея былъ одинъ недостатокъ. Да, это всѣ они такъ говорили, что недостатокъ, но она этого не понимаетъ. Какой же это недостатокъ, когда при помощи его она дѣлаетъ все то, за что ее хвалятъ и называютъ умной? Все, что̀ она видитъ, она неудержимо спѣшитъ повторить. Это было ея безуміе.

Она не могла равнодушно видѣть, какъ по улицѣ идетъ расфуфыренная дама, сопровождаемая кавалеромъ, кокетливо дѣлаетъ ему глазки, изящно шалитъ вѣеромъ и томно присѣдаетъ. Немедленно подбирала она съ земли какую-нибудь щепку, становилась на заднія лапы, правую переднюю пропускала подъ руку своего хозяина и начинала кокетливо вертѣть задомъ и размахивать щепкой, какъ вѣеромъ, и сладко закатывала подъ лобъ свои маленькіе хитрые глазки. На улицѣ подымался хохотъ, собиралась толпа, разыгрывался скандалъ.

Но бывало хуже. Какъ-то разъ мимо нея проскакалъ всадникъ верхомъ на конѣ. Въ одинъ мигъ она вскочила на шею какому-то совершенно постороннему господину, который, по несчастью, въ это время проходилъ мимо нея, и, дѣлая такія движенія, какъ будто ѣхала верхомъ, принялась вмѣсто хлыста стегать его по спинѣ своимъ длиннымъ тонкимъ хвостомъ. Разумѣется, произошла непріятная исторія.

И сколько разъ хотѣлось ей воспользоваться этой коробочкой съ расписной крышкой, достать оттуда краски, кисти и машинку, сѣсть передъ зеркаломъ и намазать себѣ морду и голову. Но хозяинъ всегда по окончаніи своей работы клалъ зеркало и коробочку въ чемоданъ и запиралъ ихъ.

Оказывается такимъ образомъ, что всѣ эти пылкія проявленія ея способностей были вредны, приносили непріятности и запрещались. Но танцы, улыбки, умѣнье садиться за столъ, подвязывать салфетку и ѣсть съ тарелки при помощи вилки и ножа развѣ всему этому она научилась не при помощи той же способности подражать? Но за это ее хвалили и превозносили ея обезьяній умъ.

И, понятно, она терялась, не будучи въ состояніи понять, что̀ похвально, а что̀ вредно.

Вотъ и теперь ея хозяинъ сдѣлалъ съ своимъ лицомъ и голо-

Въ разоренной Польшѣ. Сожженное мѣстечко Высоке.

Изъ дѣйствующей арміи. Пароходная пристань и мостъ на рѣкѣ Вислѣ у Ново-Александріи.

вой все, что ему было нужно, и тотчасъ же уложилъ зеркало и коробочку въ чемоданъ и заперъ его, и только послѣ этого обратилъ вниманіе на нее.

— Ахъ ты, плутовка Негби!—сказалъ онъ ей на чистомъ нѣмецкомъ языкѣ.—Тебѣ тоже хочется позабавиться съ зеркаломъ? Ну, такъ это ужъ въ другой разъ, а теперь пойдемъ-ка наверхъ, познакомимся съ публикой и покажемъ ей себя.

Онъ прицѣпилъ къ ея ошейнику цѣпочку и вмѣстѣ съ обезьяной вышелъ на палубу, сгорбленный, старый и сильно прихрамывающій на лѣвую ногу.

II.

Пароходъ обогнулъ южную оконечность Греціи и взялъ направленіе на сѣверъ черезъ Эгейское море, прямо на Салоники, безъ захода въ порты.

Предстояло провести въ морѣ нѣсколько дней. И когда пароходъ удалился отъ берега настолько, что его не стало видно, а кругомъ до горизонта было сплошное море, пассажиры ощутили боязнь и какъ-то невольно вернулись къ прежнимъ темамъ и пугали другъ друга воображаемой опасностью.

Идущій навстрѣчу самый обыкновенный мирный пароходъ, если только онъ былъ большихъ размѣровъ, внушалъ подозрѣніе. Его принимали за германское или австрійское военное судно и обращались къ капитану съ своими страхами и сомнѣніями.

Капитанъ саркастически усмѣхался и говорилъ, что все это вздоръ, въ морѣ нѣтъ и не бываетъ никакой опасности, и клялся, что довезетъ своихъ пассажировъ въ цѣлости. Но это не помогало, ему не вѣрили, полагая, что онъ, въ качествѣ капитана, ничего другого и не можетъ сказать.

Въ такомъ тревожномъ состояніи присутствіе на пароходѣ хромого стараго грека съ его обезьянкой Негби было настоящимъ благодѣяніемъ. Публика познакомилась уже и съ Негби и съ ея владѣльцемъ.

Грекъ оказался несловоохотливъ. Онъ, правда, умѣлъ говорить на всѣхъ языкахъ довольно плохо, но такъ, что его понимали всѣ національности, но этими познаніями онъ не злоупотреблялъ. Повидимому, онъ предпочиталъ слушать и это умѣлъ дѣлать очень хорошо.

Однако все-таки удалось узнать, что онъ ѣдетъ въ Константинополь, гдѣ разсчитываетъ ходить по улицамъ, также по ярмаркамъ и народнымъ праздникамъ въ другихъ турецкихъ городахъ съ своей обезьяной, которая будетъ зарабатывать ему пропитаніе, что онъ всю жизнь работалъ со звѣрями, что прежде у него былъ даже маленькій звѣринецъ, но это оказалось невыгоднымъ, онъ распродалъ его и оставилъ себѣ только обезьяну.

Все это было такъ просто и правдоподобно, что ни въ комъ не вызвало ни малѣйшихъ подозрѣній. По внѣшности онъ вполнѣ походилъ на грека, а ѣхавшіе на пароходѣ многочисленные греки признали языкъ его своимъ собственнымъ.

А видъ у него былъ такой жалкій, что всѣмъ хотѣлось оказать ему какую-нибудь услугу и снисхожденіе. Благодаря этому, онъ съ своей обезьяной безпрепятственно расхаживалъ по палубѣ перваго класса и ходилъ по всѣмъ каютамъ.

Любопытство у него было огромное. Онъ съ каждымъ знакомился, подсаживался, разспрашивалъ, кто онъ, куда ѣдетъ, какія цѣли преслѣдуетъ и какъ живетъ. Особенно русскіе его интересовали. У него оказался порядочный запасъ и русскихъ словъ. Удивлялись, откуда онъ ихъ знаетъ, а онъ на это только усмѣхался и отвѣчалъ, что, при его профессіи, надо все знать, что онъ никогда не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что судьба не загонитъ его въ ту или другую страну. Онъ признавался, что, какъ грекъ и православный, онъ сочувствуетъ русскимъ, но боится, будутъ ли они въ состояніи выдержать борьбу съ такимъ сильнымъ врагомъ, какъ Германія, разспрашивалъ, много ли въ Россіи войска, хорошее ли оно, правда ли, что на Кавказѣ вспыхнуло возстаніе, и все качалъ головой въ знакъ своего сочувствія и соболѣзнованія.

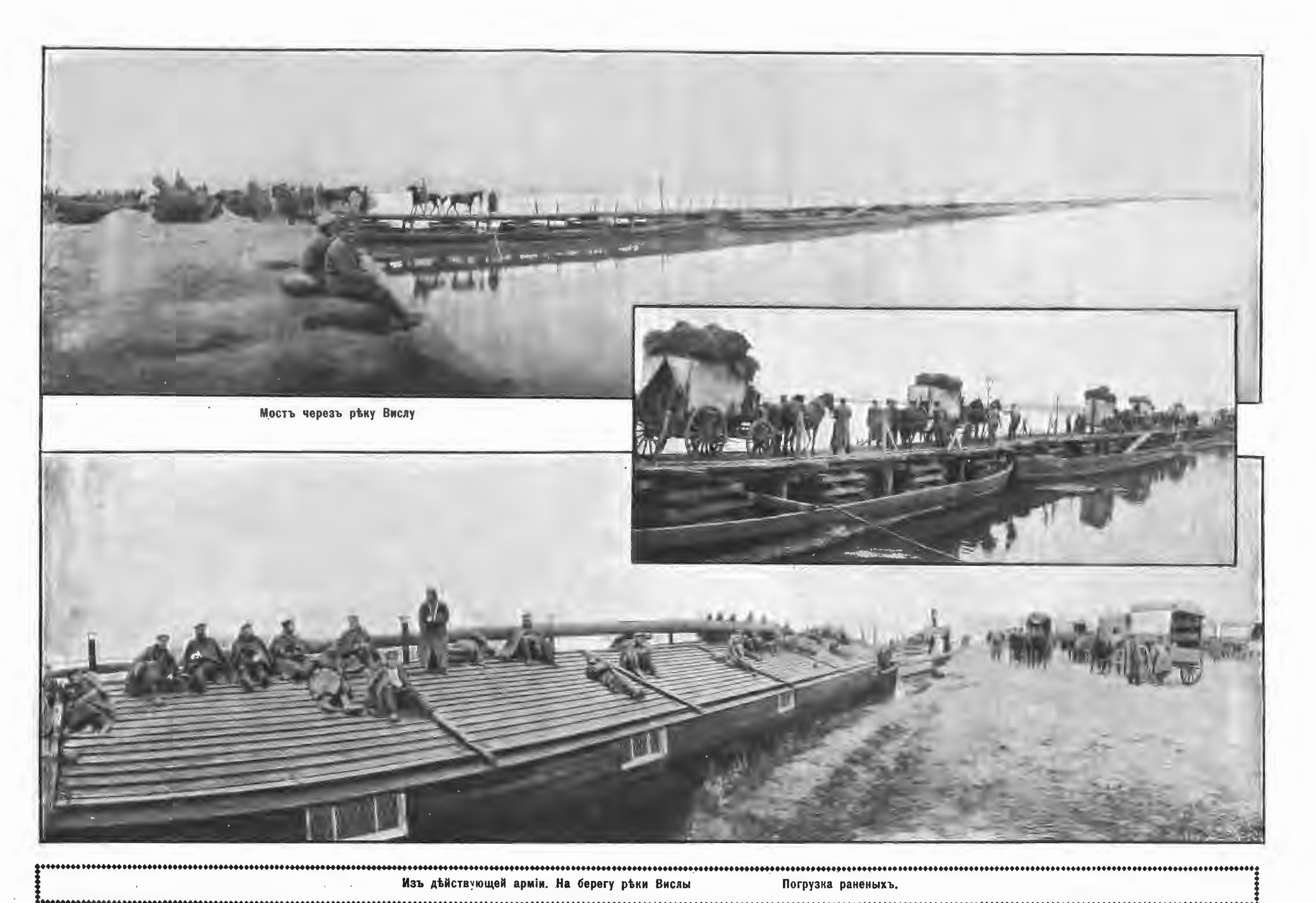
Что же касается Негби, то она съ перваго же дня сдѣлалась общей пріятельницей. Она дѣйствительно была умна и забавна до невѣроятія. Не говоря ужъ о ея положительныхъ познаніяхъ, составлявшихъ, такъ сказать, ея ремесло, т.-е. танцевъ, сидѣнья за столомъ съ салфеткой на груди и т. п., она еще каждую минуту выдумывала новыя штуки, которыя отличались отъ прежнихъ тѣмъ, что были импровизаціями, и она ихъ скоро забывала. Что ни увидитъ, сейчасъ же повторитъ и, разумѣется, съ свойственнымъ ей обезьяньимъ комизмомъ,—ничего не пропуститъ.

Капитанъ, напримѣръ, служилъ ей неисчерпаемой моделью для воспроизведенія. Его развалистая походка, высоко приподнятыя плечи, стояніе на рубкѣ, прикладываніе губъ къ командирскому рупору,—все это изображала она въ совершенствѣ. Хозяина своего она просто дразнила, особенно въ минуты, когда была недовольна имъ. Она искусно выворачивала себѣ лѣвую ногу и начинала неистово хромать.

Пароходные лакеи были отъ нея въ ужасѣ. У несущаго подносъ съ кушаньями она отбирала его ношу и, подражая его манерамъ, несла подносъ съ изумительнымъ искусствомъ, ничего съ него не роняя. Садилась за рояль и ударяла лапами по клавишамъ, отчего получалась адская музыка, и даже покушалась пѣть въ подражаніе одной изъ пассажирокъ.

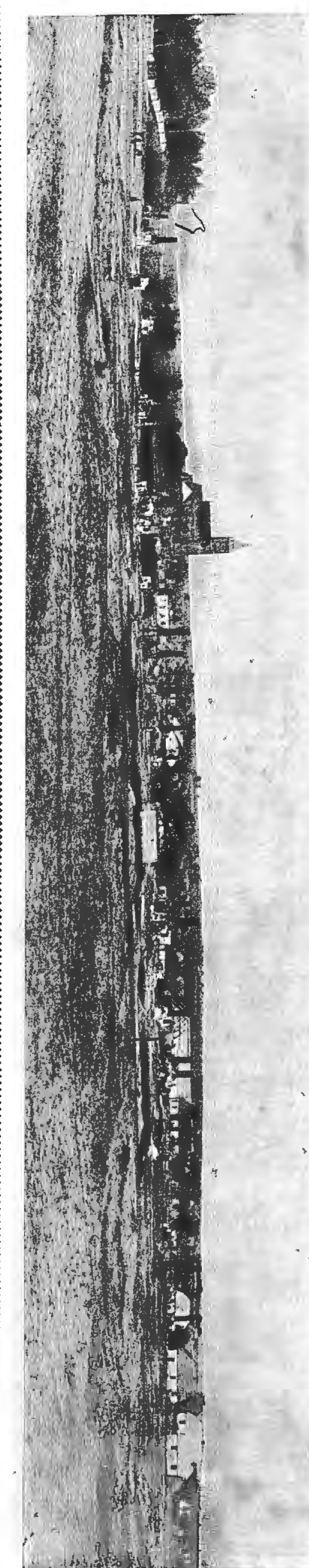
Однажды она сдѣлалась жертвой своего любопытства и неудержимой подражательности. Нѣсколько пассажировъ перваго класса усѣлись на палубѣ за столикъ и играли въ карты. Одинъ изъ нихъ все время курилъ сигару и иногда, когда ему приходилось писать мѣломъ цифры, клалъ ее въ пепельницу.

И вотъ въ одинъ изъ такихъ моментовъ вдругъ къ пепельницѣ, ни



Мостъ черезъ рѣку Вислу

Изъ дѣйствующей арміи. На берегу рѣки Вислы Погрузка раненыхъ.



Мѣстечко Ходль, Люблинской губерніи, разгромленное и разграбленное германскими и австрійскими войсками.

для кого незамѣтно, протянулась лапа, — Негби стащила сигару и, ни секунды не размышляя, всадила ее себѣ въ ротъ, но почему-то не холоднымъ концомъ, а огнемъ.

О, какое это было ужасное зрѣлище! Бѣдняжка визжала и стонала совсѣмъ по-человѣчески. Всѣ бросились къ ней на помощь, старались освободить ея злосчастный ротъ отъ огня и поили ее холодной водой. Вся публика приняла участіе въ неудачѣ обезьяны, и наконецъ удалось-таки успокоить ее.

Но, должно-быть, очень здоровый организмъ ея довольно легко перенесъ катастрофу. Во рту у нея не образовалось никакихъ пузырей, и скоро все прошло безслѣдно.

Но былъ случай другого рода, сыгравшій, какъ кажется, немаловажную роль въ карьерѣ стараго грека, ея хозяина. Причиной его были два обстоятельства, случившіяся въ одинъ день.

Первое произошло во время утренняго завтрака, т.-е. тогда оно выяснилось: у одного изъ пассажировъ перваго класса, какого-то болгарина, пропалъ кошелекъ съ деньгами. Онъ заявилъ объ этомъ публикѣ, и всѣ встревожились.

Пропажа была незначительная. Въ кошелькѣ было не больше сотни франковъ, и пассажиръ былъ не бѣднякъ и даже не особенно жалѣлъ ихъ. Но непріятно было думать, что на пароходѣ имѣется воръ.

Несомнѣнно, что большинство пассажировъ, когда пришли въ свои каюты, тщательно провѣрили содержимое своихъ чемодановъ. Всякому хотѣлось узнать, не поживился ли воръ и у него чѣмъ-нибудь. Очевидно, такое же желаніе явилось и у стараго хромого грека, хозяина Негби. Онъ взялъ обезьяну, которую никогда не оставлялъ на палубѣ, и отправился въ свою каюту.

Здѣсь онъ, по обыкновенію, тщательно заперъ дверь и открылъ чемоданъ. Конечно, не пиджакъ и бѣлье его интересовали, а совсѣмъ другія вещи. Хотя трудно было предположить, что воръ забрался въ скрытое отдѣленіе чемодана, но все же мало ли что бываетъ.

Онъ вынулъ одежду и бѣлье и открылъ секретное дно. По части бумагъ онъ нашелъ полнѣйшій порядокъ. Пакеты лежали, попрежнему плотно прижавшись другъ къ другу, и видно было, что ничья рука не прикасалась къ нимъ.

Тогда взоръ его обратился въ уголъ чемодана, гдѣ, завернутый въ цвѣтной платокъ, лежалъ мѣшокъ съ золотыми монетами. Онъ вынулъ его вмѣстѣ съ платкомъ и бережно положилъ на столъ.

Но прежде чѣмъ приняться за провѣрку, онъ вернулся къ чемодану и заперъ первое дно. Осторожный былъ человѣкъ и предусматривалъ каждую случайность.

Послѣ этого онъ сѣлъ за столъ, развернулъ платокъ, взялъ въ руки мѣшокъ и попробовалъ его вѣсъ. Ему показалось, что онъ какъ будто сталъ нѣсколько легче, чѣмъ былъ раньше. Безъ сомнѣнія, тутъ немалую роль играло его нѣсколько напуганное воображеніе. И это заставило его произвести болѣе тщательную провѣрку.

Осторожно развязавъ шелковый шнурокъ, которымъ былъ затянутъ собранный верхній край мѣшка, онъ высыпалъ изъ него на платокъ кучу золотыхъ монетъ. Онѣ ложились одна на другую почти безъ звона.

Все это были полновѣсные двадцатифранковики, одинъ къ одному, такіе аккуратные, плотные и веселые на видъ. И было ихъ тамъ не мало, на глазъ—тысячъ на пять франковъ.

Началъ онъ не спѣша, съ напряженнымъ вниманіемъ, отсчитывать и раскладывать ихъ на разложенномъ платкѣ. Съ каждой минутой умножались маленькіе столбики, по десятку монетъ въ каждомъ,—одинъ рядъ, другой, третій,—а куча уменьшалась, пока совсѣмъ не кончилась. Весь столикъ былъ заставленъ золотыми столбиками.

Тогда онъ пересчиталъ ихъ, и лицо его выразило удовлетвореніе. Золотыхъ монетъ было ровно столько, сколько надлежало.

Негби все время, пока онъ этимъ занимался, сидѣла на кровати и внимательно слѣдила за движеніями его рукъ. Повидимому, ей очень понравились блестящіе желтые кружки, которые такъ нѣжно шуршали, какъ будто объяснялись другъ другу въ любви. Но, кажется, больше всего заинтересовало ее то, что онъ началъ дѣлать потомъ, когда деньги были сосчитаны.

Онъ привсталъ, взялъ въ правую руку одинъ столбикъ и, держа ее на нѣкоторомъ разстояніи надъ мѣшкомъ, который придерживалъ лѣвой рукой, бросалъ ихъ сверху по одному въ мѣшокъ. Это такъ заняло Негби, что она пододвинулась на самый край постели и, сколько могла, вытянула впередъ свою мордочку.

Монеты падали на дно мѣшка, и оттуда слышался слабый привѣтственный звукъ, какъ будто каждая, очутившись на привычномъ мѣстѣ, сообщала оттуда хозяину: я здѣсь... Должно-быть, это доставляло удовольствіе также и греку, потому что онъ дѣлалъ это неторопливо и долго-долго бросалъ въ мѣшокъ монету за монетой, хотя было бы гораздо проще класть ихъ туда цѣлыми столбиками. Можетъ-быть, онъ такимъ образомъ еще разъ провѣрялъ ихъ число.

И колоннада столбиковъ все уменьшалась, вотъ уже ихъ осталось на столѣ только половина, а вотъ еще одинъ рядъ ушелъ въ мѣшокъ и еще одинъ.

И въ это-то время случилось роковое обстоятельство, которое завладѣло всѣмъ вниманіемъ грека. Гдѣ-то вблизи совершенно явственно раздался оглушительный громъ. Это могъ быть пушечный выстрѣлъ, что было очень плохо, но могло быть и гораздо хуже: взрывъ. Греку даже показалось, что все тѣло парохода вздрогнуло, и воображеніе подсказало его слуху что-то похожее на человѣческіе крики и стоны.

И какъ ни силенъ былъ характеромъ этотъ человѣкъ, какъ ни велика была его выдержка, но онъ растерялся,—нѣтъ, это слово плохо выражаетъ его душевное состояніе,—онъ потерялъ способность мыслить и разомъ забылъ все—свою жизнь, свою цѣль, забылъ даже свое имя. Остатокъ монетъ выпалъ изъ его руки, онъ ринулся къ двери, повернулъ ключъ, сбросилъ крючокъ и выскочилъ на палубу.

На палубѣ происходило какое-то большое движеніе, однакоже нисколько не походившее на панику. Можетъ-быть, въ первыя минуты и здѣсь перепугались, но уже успѣли понять, и люди, на лицахъ у которыхъ выражалось одно только любопытство, спѣшили къ лѣвому борту, всѣ собирались тамъ и глядѣли на военное судно, на мачтѣ котораго развѣвался итальянскій флагъ.

Судно было не такъ ужъ близко, на разстояніи полукилометра, но можно было даже простымъ глазомъ видѣть, что тамъ происходило артиллерійское ученіе. Раздался второй выстрѣлъ, потомъ третій, и еще, еще, но жерла пушекъ, изъ которыхъ стрѣляли, были направлены въ противоположную сторону, гдѣ, должно-быть, была какая-нибудь цѣль.

И публика парохода съ любопытствомъ смотрѣла и, видимо, была благодарна судьбѣ за посланное ей развлеченіе.

А пароходъ двигался своимъ обычнымъ темпомъ, и военный корабль былъ уже позади. Убѣдившись во всемъ этомъ, грекъ съ досадой вспомнилъ о томъ, что оставилъ дверь своей каюты открытой, а на столѣ кучу золота—все свое достояніе, и, ковыляя своей хромой ногой, побѣжалъ въ каюту.

Но каковъ же былъ его ужасъ, когда онъ увидѣлъ, что Негби нѣтъ ни на постели, ни на отдушинѣ, ни подъ постелью и столомъ, словомъ—нигдѣ, нигдѣ. Онъ осмотрѣлъ круглое окошко, выходившее къ морю, оно было плотно заперто.

„Выбѣжала!"—мелькнуло у него въ головѣ, и онъ готовъ былъ сейчасъ же послѣдовать за нею, чтобы разыскать ее на пароходѣ, но ужасъ его превратился въ сумасшествіе, когда онъ увидѣлъ другое: на столѣ не было мѣшка съ золотомъ, и только на платкѣ осталось нѣсколько желтыхъ кучекъ, составлявшихъ едва десятую часть всего капитала.

Онъ выскочилъ на палубу.

— Негби, Негби! — кричалъ онъ, кидаясь во всѣ стороны, а публика, которой уже надоѣло смотрѣть на военный пароходъ, окружила его и старалась узнать, что̀ сдѣлалось съ грекомъ, и отчего онъ такъ волнуется и бѣгаетъ по пароходу.

— Негби, Негби! — продолжалъ кричать грекъ, безпомощно размахивая руками.

Прибѣжали матросы, разные пароходные чины, и даже самъ капитанъ вышелъ изъ своей каюты и, стоя на мостикѣ съ руками, заложенными въ карманы брюкъ, съ любопытствомъ смотрѣлъ внизъ.

— А вонъ Негби!—крикнула какая-то женщина и указала рукой наверхъ.

Всѣ обратили туда взоры.

Да. Негби дѣйствительно была тамъ, наверху. Она выбрала для своей прогулки высокую мачту. Она добралась уже до середины ея и тамъ остановилась, повидимому, рѣшивъ отдохнуть. Среди тянувшихся вдоль мачты, пересѣкавшихъ одна другую, веревокъ она нашла какую-то точку, на которой усѣлась какъ-то осторожно, бочкомъ, и сидѣла такъ спокойно, какъ будто это было уютное кресло.

Но тутъ-то какъ разъ всѣ и разглядѣли, что это было не простое путешествіе и не такъ ужъ чтобы совсѣмъ налегкѣ. Усѣвшись на веревкахъ, она своимъ длиннымъ хвостомъ обвила мачту и кромѣ того охватила ее одною изъ переднихъ лапъ. На колѣняхъ у нея лежалъ небольшой мѣшокъ. Она подняла надъ нимъ свободную переднюю лапу, опустила пальцы въ мѣшокъ и, вынувъ оттуда монету, очевидно, подражая недавнимъ дѣйствіямъ своего хозяина, граціознымъ движеніемъ швырнула ее въ море. Потомъ достала вторую монету и сдѣлала съ нею то же самое. Третью, четвертую, одну за другой, и всякій разъ, когда монета летѣла съ высоты въ море, она издавала радостный крикъ, совсѣмъ странный и новый, какого раньше на пароходѣ никто еще отъ нея не слышалъ:

— Иу̀, иу!..

— Спасите, спасите!.. Это мои деньги, мое золото... мое достояніе, все, что̀ я заработалъ за всю мою жизнь!.. Спасите его, спасите!..

Всѣ обернулись и увидѣли стоявшаго у подножія мачты грека. Сгорбленный, съ опущенными руками, онъ имѣлъ потрясающе-жалкій видъ. Но никому въ голову не приходила ни одна мысль, годная для того, чтобы ему помочь. Негби забралась на такую высоту, откуда стащить ее нечего было бы и пытаться.

— Спасите, спасите!.. Негби, Негби, сюда, ко мнѣ!—безпомощно повторялъ грекъ на всѣхъ языкахъ, какіе только зналъ.

А Негби въ это время продолжала свое дѣло, методически вынимая изъ мѣшка монеты и бросая ихъ въ море. Мѣшокъ тощалъ видимо, на глазахъ у всѣхъ.

Тогда капитанъ, желая, очевидно, помочь несчастному греку, приказалъ одному изъ матросовъ лѣзть на мачту. Матросъ энергично плюнулъ себѣ въ ладонь, потомъ хорошенько потеръ ихъ одну о другую, охватилъ мачту руками и ногами и храбро полѣзъ наверхъ.

— Иу̀... Иу̀!.. — послышались сверху болѣе частые возгласы Негби, и— о, ужасъ!—замѣтивъ, что ей хотятъ помѣшать заниматься столь пріятнымъ и невиннымъ спортомъ и, очевидно, желая во что бы то ни стало довести свое дѣло до конца, Негби начала необыкновенно быстро работать лапой, выхватывая изъ мѣшка монету за монетой и одну вслѣдъ за другой швыряя ихъ въ море.

Когда же матросъ былъ отъ нея уже на разстояніи не болѣе аршина, она вдругъ стала подвигаться выше и выше, добралась до самой верхушки мачты и съ какимъ-то дико-торжествующимъ крикомъ швырнула оттуда весь мѣшокъ съ порядочнымъ еще остаткомъ золота, и всѣ видѣли, какъ мѣшокъ упалъ въ море и скрылся въ его глубинѣ.

— O, mein Gott, mein Gott!.. Что̀ я буду дѣлать! Я остался безъ всего!..— видимо потерявъ всякую осторожность, на отличномъ нѣмецкомъ языкѣ кричалъ грекъ и, схватившись обѣими руками за голову, побѣжалъ въ свою каюту.

Неизвѣстно, замѣтили ли это пассажиры парохода, — едва ли, такъ какъ они были потрясены несчастіемъ, разразившимся надъ головой бѣднаго стараго грека. Но капитанъ, наблюдавшій за всей происшедшей исторіей съ своего мостика, будучи вообще человѣкомъ, видавшимъ виды и потому мало склоннымъ поддаваться впечатлѣніямъ, явственно видѣлъ, что, когда грекъ стремительно бѣжалъ въ свою каюту, лѣвая нога его была такая же прямая, какъ и правая, и онъ нисколько не хромалъ. Кромѣ того, вниманіе его обратило на себя и то обстоятельство, что онъ, будучи грекомъ, въ такую трагическую минуту, когда человѣкъ обыкновенно помнитъ только свой родной языкъ и забываетъ всѣ остальные, какъ бы хорошо онъ ими ни владѣлъ,— призывалъ Бога не по-гречески, а по-нѣмецки.

Все это замѣтилъ капитанъ, но ничего не предпринялъ, а только намоталъ себѣ на свой черный щетинистый усъ.

А Негби, свершивъ свой подвигъ, спокойно спустилась съ мачты, опередивъ даже матроса, который возвращался оттуда безъ сколько-нибудь полезнаго результата.

Ее, разумѣется, сейчасъ же поймали, но не отвели въ каюту грека, такъ какъ боялись, что онъ въ гнѣвѣ и отчаяніи еще, чего добраго, убьетъ ее.

Изъ дѣйствующей арміи. По дорогѣ отъ Ново-Александріи.

А. Максимовъ. Невскій проспектъ въ С.-Петербургѣ (XVIII в.). Музей Императорской Академіи Художествъ.

Капитанъ велѣлъ запереть ее въ пустой каютѣ. Кромѣ того, онъ позвалъ на мостикъ старшаго матроса и шепнулъ ему:

— Осторожно, но тщательно слѣдить за этимъ человѣкомъ!

Грекъ прибѣжалъ въ каюту, собралъ и сосчиталъ остатки золота, лежавшаго на платкѣ, вынулъ изъ кармана брюкъ солидныхъ размѣровъ кошелекъ и высыпалъ туда остатки своего богатства.

Было около трехъ часовъ дня. На палубѣ жизнь шла своимъ порядкомъ. Звонили къ завтраку и завтракали во всѣхъ трехъ классахъ, но грекъ не слышалъ звонка и не вышелъ изъ каюты. Ему было не до того. Онъ съ ужасомъ думалъ о томъ, что тогда, когда эта проклятая обезьяна сидѣла на мачтѣ и бросала въ море его золото, онъ растерялся и лишился способности владѣть собой и, кажется, забылъ о своей ногѣ и о спинѣ.

И что, если хоть одинъ человѣкъ изъ пассажировъ замѣтилъ, что спина у него прямая, и что на лѣвую ногу въ нѣкоторые моменты своей жизни онъ не хромаетъ? Вѣдь тогда узнаютъ и всѣ остальные, въ томъ числѣ и капитанъ, и ужъ навѣрно, когда пароходъ причалитъ къ берегу, ему не сдобровать. Но то, чего боялся грекъ, случилось гораздо раньше.

Когда зашло солнце и по всей безбрежной поверхности моря разлились красноватыя южныя сумерки, навстрѣчу пароходу показался англійскій крейсеръ. Онъ далъ сигналъ пароходу остановиться, и капитанъ исполнилъ это безпрекословно.

На пароходъ вошли офицеръ и нѣсколько матросовъ, всѣ были вооружены. Офицеръ спросилъ капитана, не имѣется ли на пароходѣ военной контрабанды, или какихъ-либо личностей, внушающихъ подозрѣніе. Капитанъ, ни на минуту не задумавшись, попросилъ команду англійскаго крейсера войти въ каюту грека.

Грекъ лежалъ на постели съ видомъ больного человѣка и на приглашеніе встать сдѣлалъ знакъ, что не можетъ. Его подняли.

Начали искать, и подъ подушкой у него нашли чемоданчикъ. Открыли, вынули одежду, шляпу, бѣлье. Опытный глазъ сейчасъ же заподозрѣлъ двойное дно. Въ рукахъ одного изъ команды появился небольшой, изящный, остро отточенный топорикъ. Тремя ударами дно было вынуто, подъ нимъ оказались бумаги и коробка.

Бумаги при бѣгломъ ихъ осмотрѣ открыли настоящее имя грека: Оскаръ Мейерфарбъ, а также и то, что, подъ видомъ грека, путешествующаго съ ученой обезьяной, онъ имѣлъ въ виду черезъ Константинополь пробраться въ Россію.

Когда же въ коробкѣ были найдены краски и мази, то греку оставалось только снять гримъ съ лица, послѣ чего онъ оказался нѣмцемъ — молодымъ еще, здоровымъ, съ бритымъ лицомъ и со свѣтлыми волосами на головѣ. Грекъ, ставшій вдругъ Оскаромъ Мейерфарбомъ, былъ арестованъ и вмѣстѣ съ чемоданомъ пересаженъ на англійскій крейсеръ. Была взята также и Негби, но ее рѣшено было держать отдѣльно, и судьба ея должна была выясниться впослѣдствіи.

А пароходъ продолжалъ свой путь и на другой день около полудня прибылъ въ Салоники.

Сто лѣтъ назадъ.

Очеркъ **П. П. Гнѣдича.**

(Окончаніе).

Мистически-слезливыя проповѣди увядающей баронессы если не были талантливы, то все же доставляли по вечерамъ минуты отдыха. А днемъ шла все политика и политика.

Уже давно государь былъ охваченъ религіозно-мистическими порывами. Онъ замѣтилъ, что сильное напряженіе его воли, чтобы враждебныя ему лица согласились съ нимъ во время засѣданій конгресса, заставляетъ ихъ переходить на его сторону, хотя бы онъ молчалъ. Когда онъ удалялся къ себѣ и молился, молитва помогала сильнѣе желаемому развитію дѣла, чѣмъ словесные диспуты. Поэтому встрѣча съ баронессой, приподнявшей предъ государемъ завѣсу прошедшаго и смѣло звавшей его къ покаянію, являлась для него чѣмъ-то желательнымъ и утѣшительнымъ.

— Нѣтъ, ваше величество, — говорила она, — вы еще не стоите къ Христу такъ близко, какъ тотъ разбойникъ, что просилъ прощенія своихъ грѣховъ. Вы еще не получили разрѣшенія отъ Того, Кто имѣетъ власть разрѣшенія. Вы еще полны грѣхомъ. Вы еще не смирились. Вы не воскликнули, подобно мытарю, изъ глубины своего сердца: „Господи, я великій грѣшникъ, — помилуй меня“. И вотъ почему духъ вашъ метется. Вамъ говоритъ это женщина, тоже великая грѣшница, которая обрѣла прощеніе всѣхъ своихъ грѣховъ у подножія святого креста.

Итакъ, въ іюнѣ 1815 года Александръ опять пріѣхалъ въ Парижъ. Но, конечно, не было ничего даже отчасти подобнаго его въѣзду туда годъ назадъ. Насколько тогда, въ благоухающемъ весеннемъ воздухѣ, пребываніе въ этой древней Лютеціи было прекраснымъ, настолько теперь, въ жаркіе лѣтніе мѣсяцы, когда не только люди, а и лошади падали отъ солнечнаго удара, — оно было томительно и скучно. Государь былъ настроенъ нервно: Бурбонъ, снова возвратившійся на мѣсто Наполеона, поселившійся вновь во дворцѣ, возбуждалъ въ Александрѣ только презрѣніе и гадливость: жирный, недалекій, нахальный, онъ не имѣлъ никакихъ дарованій и способностей, и избранъ былъ представителемъ власти стараніями Талейрана,—тѣми же самыми людьми, что прежде осуждали на-смерть Людовика XVI. Противны Александру были и пруссаки, высматривавшіе по музеямъ, что бы можно было свезти къ себѣ, въ Германію. Да и Веллингтонъ—побѣдитель Наполеона подъ Ватерло — былъ ему непріятенъ, не менѣе малоискренняго Талейрана.

Борьбѣ съ Наполеономъ болѣе всего противился Лагарпъ, бывшій воспитатель Александра, человѣкъ либеральныхъ воззрѣній и врагъ мистицизма. Онъ былъ противъ травли великаго полководца всѣми государствами Европы. Но и онъ не могъ повліять на своего питомца. „Простите, — писалъ ему Александръ, — но я совершенно не раздѣляю вашего мнѣнія. Подчиняться генію зла, значитъ усиливать его мощь, его власть, его тиранію, — способствовать возстановленію еще худшаго деспотизма. Надо имѣть храбрость бороться съ нимъ: Богъ, союзники и упорство въ достиженіи замысла, — вотъ въ чемъ я вижу желанный исходъ, въ чемъ мое убѣжденіе“.

И религіозный мистицизмъ государя развиваетъ въ немъ постепенно ту подозрительность и требовательность, какой прежде не замѣчалось. Еще въ 1814 году онъ былъ кумиромъ своихъ войскъ и даже позволилъ офицерамъ ходить по Парижу въ статскомъ платьѣ. Годъ спустя онъ требовалъ на парадахъ тщательной маршировки, и самихъ русскихъ офицеровъ, для большаго срама, отправлялъ на гауптвахты къ союзникамъ-англичанамъ. Онъ обѣщалъ князю Волконскому, одному изъ наиболѣе приближенныхъ къ нему людей, что ушлетъ его въ такое мѣсто, какого онъ не найдетъ ни на одной географической картѣ, — за то, что между бумагъ затерялась какая-то депеша, въ чемъ Волконскій ужъ никакъ не могъ быть повиненъ. Бывали дни, когда государь никого не допускалъ къ себѣ и говорилъ, что броситъ все и уѣдетъ въ Россію.

Иногда ждали императора Александра на балахъ и въ театрахъ. Но онъ уклонялся отъ шума и блеска, говоря, что увеселенія людей напоминаютъ ему похороны, и что онъ совершенно чуждъ того свѣтскаго веселья, которое предлагаютъ ему окружающіе.

Но въ концу августа, въ 120 верстахъ отъ Парижа, на равнинѣ Шампани, близъ Вертю, русскій государь показалъ иностраннымъ государямъ свою армію. Ее составляло болѣе ста тысячъ солдатъ. Вѣкъ назадъ это казалось огромнымъ войскомъ. А теперь — это только малая часть нашей многомилліонной арміи.

Если полтора года передъ тѣмъ молебствіе, совершенное въ Парижѣ на площади Согласія, носило характеръ христіанскаго смиренія побѣдителей; если Александръ на колѣняхъ передъ многотысячной толпой благодарилъ Бога за то, что Онъ помогъ ему сокрушить злую силу и возстановить на землѣ миръ,—то августовскимъ парадомъ 1815 года онъ какъ бы показывалъ союзникамъ, какой огромной силой обладаетъ Россію, и какъ была обучена его армія. Военные спеціалисты удивлялись, какъ сто тысячъ человѣкъ, проходя мимо блестящей свиты полководцевъ, ни разу не сбились въ шагѣ, и та непобѣдимость, о которой существовало среди союзниковъ неясное убѣжденіе, теперь воочію разрѣшалась видомъ русскихъ войскъ. И Веллингтонъ сказалъ:

— Я не думалъ, чтобъ можно было довести солдатъ до такого удивительнаго совершенства.

Императоръ Александръ, во главѣ своихъ войскъ, проходилъ передъ союзными монархами и салютовалъ имъ. Великіе князья Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ тоже предводительствовали своими частями.

Послѣ смотра былъ великолѣпный обѣдъ, сервированный на триста кувертовъ. Александръ поднялъ бокалъ за благоденствіе народовъ. А англійскій адмиралъ Сидней Смитъ замѣтилъ:

— Этотъ смотръ—урокъ, что далъ русскій императоръ Европѣ.

12-го октября 1815 года императоръ Александръ, въ сопровожденіи короля Фридриха-Вильгельма, торжественно вступилъ въ Берлинъ. Вслѣдъ за нимъ вступили туда и гренадеры, и Фридрихъ былъ назначенъ шефомъ этого полка...

А двѣ недѣли спустя Александръ вступилъ въ столицу новаго королевства — Варшаву. Онъ былъ въ польскомъ мундирѣ, и вмѣсто андреевской звѣзды на груди его сверкалъ знакъ Бѣлаго Орла. Польскія войска слѣдовали за нимъ. На Саксонской площади они прошли передъ нимъ церемоніальнымъ маршемъ. Въ Краковскомъ предмѣстьѣ привѣтствовали его мужскія и женскія учебныя заведенія; у костеловъ стояло духовенство, и кѣлецкій архіепископъ благословлялъ его, а народъ кричалъ: „да здравствуетъ Александръ, король польскій!“

Итакъ, — вотъ что было сто лѣтъ назадъ, и что мы теперь вновь переживаемъ: и возрожденіе Польши, и увѣрованье Европы въ нашу силу и мощь, и дружественныя сношенія съ Англіей и Франціей.

Запасный рядовой Семеновъ.

Разсказъ **В. Муйжеля.**

(Продолженіе).

Нѣмецъ крѣпко толкнулъ Семенова, и тотъ упалъ. Но, падая, онъ почти нечаянно взмахнулъ бамбуковымъ костылемъ и крѣпко стукнулъ имъ по круглой, коротко остриженной, головѣ нѣмца.

Упалъ онъ худо, на больную ногу, какъ-то жестоко подвернувъ ее подъ себя—и такая острая, неожиданная боль пронизала все его тѣло, что онъ дико, по-звѣриному, заревѣлъ.

— О-о-о,—завылъ онъ, захлебываясь отъ боли и вертясь на мятой соломѣ:—о-о-о-о!..

Ошеломленный ударомъ нѣмецъ подался назадъ, потомъ отскочилъ къ двери и остановился. Семеновъ поползъ, нащупывая руками свою ногу, и тому показалось, что онъ ползетъ къ нему. Дикій нечеловѣческій вой, очевидно, оглушилъ его не меньше удара, и онъ вдругъ надавилъ плечомъ захлопнувшуюся дверь, вывалился въ коридоръ и быстро и сильно захлопнулъ дверь за собой.

— О-о-о-о-о!.. — вылъ Семеновъ, катаясь по полу и чувствуя, какъ тысячи раскаленныхъ иглъ впиваются въ его тѣло.—Боже ты мой, что же это такое, Господи—о-о-о-о!..

Ужасающая, невообразимая боль спутала время, и раненому казалось, что пронеслись безконечно долгіе часы, и самыя страшныя вещи случились за это время.

Какіе-то люди—цѣлая толпа—съ двумя фонарями и остро поблескивающими стальными стволами винтовокъ, прыгали передъ глазами въ нелѣпомъ танцѣ, кричали, махали руками, и такъ же быстро и нелѣпо махали по стѣнамъ и потолку черныя тѣни ихъ. Одинъ, съ замотанной въ бѣлое ногой и въ одномъ сапогѣ, наступалъ на Семенова, грозилъ винтовкой и раза два прикладывался, чтобы выстрѣлить, но другой—высокій, широкоплечій, съ наивнымъ крестьянскимъ лицомъ—удерживалъ и все время говорилъ что-то, часто употребляя незнакомое слово „Lieutenant“.

Все это Семенову казалось дикимъ кошмаромъ, порожденнымъ только неистовой болью въ ногѣ. Не пуля, маленькая револьверная пуля, а цѣлый костеръ раскаленныхъ угольевъ бѣшено крутился вокругъ наболѣвшей кости, и это было такъ мучительно, что сердце переставало биться, и воздуху не хватало захлебывающейся груди.

Когда конвойный съ больной ногой особенно насѣлъ на него, потрясая передъ самымъ лицомъ щелкающей затворомъ винтовкой, солдатъ вдругъ рванулся, сталъ на колѣни и съ искаженнымъ лицомъ, всклоченными, мокрыми отъ пота, волосами, съ глазами, неестественно вылѣзающими изъ орбитъ, — распахнулъ шинель, потомъ рванулъ рубаху и обнажилъ тощую, съ намѣчающимися ребрами, грязную волосатую грудь.

— Бей, бей, аспиды, мучители, христопродавцы!.. —истерически-

Постройка мѣстнымъ польскимъ населеніемъ предмостныхъ укрѣпленій на рѣкѣ Бзурѣ.

Въ Польшѣ. Мѣстные жители помогаютъ нашимъ войскамъ рыть окопы.

Черпаютъ воду изъ окопа.

Изъ дѣйствующей арміи. Постройка окоповъ и полевыхъ укрѣпленій. По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

Раскопка и добыча камней для исправленія дорогъ, испорченныхъ непріятельскими войсками.
По фот. нашего корреспондента.

и равнодушная гробовая тоска налегла на плечи безмѣрной тяжестью.

Ни словъ, ни мыслей; даже чувства, даже ощущенія не было во всемъ существѣ затеряннаго въ ночномъ мракѣ пустынной комнаты человѣка. Лежало, распростершись на грязномъ, политомъ человѣческой кровью, полу измученное, болящее, жалкое тѣло,—и чудесной и странной тоской скорбѣла надъ нимъ солдатская душа, прошедшая уже всѣ грани жизни и равнодушно готовая принять даже смерть...

И чѣмъ выше поднималась она отъ грязной комнаты, отъ жалкаго, измученнаго, грязнаго и вонючаго тѣла, тѣмъ свѣтлѣе и чище становилась скорбь ея, и уже далекое, нездѣшнее сіяніе озаряло ее дрожащими, струящимися лучами, и уже пересохшія, потрескавшіяся губы того нечистаго, жалкаго, израненнаго, что лежалъ на смятой соломѣ въ темной комнатѣ, шептали въ сладостномъ моленіи:

— Господи, Господи!.. Грѣшенъ я былъ и теменъ и по темнотѣ своей много обиды Тебѣ, Господи, чинилъ!.. А Ты прости, забудь—потому сѣрый, темный мужикъ я — прости и забудь — и за муки мои, за боль мою огневую, за смерть мою неминучую, за ратное, тяжкое дѣло мое — маленькое-маленькое, вотъ эстолькое мѣстишко мнѣ, чтобъ только подошвами стать,—мѣстишко сухонькое, свѣтлое мѣстишко

громко заоралъ онъ.—Бей, стрѣляй, покончи мои мученія, дьяволы некрещеные!..

И такъ страшно было это лицо, такъ дико металась по грязной соломѣ, по ободранной стѣнѣ, черная, молчаливо-насмѣшливая тѣнь ползущаго на колѣняхъ человѣка, что толпа посунулась назадъ, красныя пятна фонарей колыхнулись и поплыли къ двери—и черезъ минуту стало вдругъ все темно и тихо и пусто, какъ въ могилѣ...

Солдатъ ударился лицомъ внизъ, прямо въ грязный, заплеванный, хранящій темные слѣды старой крови полъ, и охватилъ голову руками.

Должно-быть, острый пароксизмъ боли проходилъ, потому что вдругъ по всему тѣлу разлилась неиспытанная тягучая слабость, сердце затихло и вздрагивало гдѣ-то въ глубинѣ груди еле-еле, словно цѣпляясь за какую-то тоненькую, готовую каждый моментъ оборваться, ниточку

Жизнь въ окопахъ. Свободныя минуты между перестрѣлками. Солдаты читаютъ письма, полученныя съ родины.
По фот. нашего корреспондента.

Способъ погребенія нѣмцами своихъ убитыхъ. Они часто хоронятъ своихъ убитыхъ крайне поверхностно, завертывая ихъ въ брезентовый мѣшокъ, при чемъ ноги торчатъ изъ-подъ земли наружу. По фот. нашего корреспондента.

въ раю Твоемъ пресвѣтломъ дай мнѣ!.. Теменъ,—знаю я,—и недостоинъ, и обида Тебѣ—молитва моя темная, а Ты прости и забудь и внемли темному солдатскому страданію моему...

Давно уже была ночь, давно уже все успокоилось въ домѣ, и забытый, по ошибкѣ несъѣденный еще, пѣтухъ давно всполыхнулъ тишину своимъ безсоннымъ крикомъ. Гдѣ-то привычнымъ далекимъ гуломъ ухали орудія—но такъ далеко это было, что здѣсь тишина казалась еще глубже и плотнѣе отъ этого.

Тускло и мертво свѣтились отблескомъ ночного снѣга окна. Бѣлая, закопченная у дверцы, печь смутнымъ призракомъ стояла въ углу, и казалось почему-то, что она думаетъ что-то свое и осуждающее.

Маленькая, напоминающая какого - то пугливаго, быстраго звѣрька, фигура дѣвушки, почти дѣвочки, отдѣлилась отъ темнаго угла и осторожно скользнула къ распростертому на полу солдату.

Минуту она сидѣла надъ нимъ, склонивъ голову къ одному плечу, прислушиваясь, по-

томъ склонилась ниже и почти приникла къ спутаннымъ, не въ мѣру отросшимъ, волосамъ лежащей на полу головы.

Тонкая полудѣтская рука, загрубѣвшая въ холодѣ и работѣ, робко протянулась впередъ и коснулась волосъ. Разъ и другой — и медленно, съ глубокимъ, можетъ-быть, впервые проснувшимся инстинктомъ материнства, она стала гладить голову, нѣжно, робко и любовно.

Она гладила голову лежавшаго человѣка и сама плакала — о томъ, что ему было такъ больно, что онъ заступился за нее, что его завтра, должно-быть, убьютъ за это, что она сама, беззащитная, слабая, одинокая дѣвчонка, никогда уже, должно-быть, не увидитъ родной хаты и своихъ...

И полудѣтскія наивныя и горькія слезы падали на голову закручинившагося мужика, и было такъ, словно во всемъ огромномъ мірѣ, переполненномъ людьми, грохочущемъ милліонами городовъ, они были совсѣмъ одни, заброшенные, одинокіе и забытые...

VI. Смертный часъ.

Тотъ день начался въ снѣжномъ туманѣ вьюги. Еще съ ночи поднялась тонкая поземка, и бѣлые призраки вставали съ бѣлыхъ полей и падали съ тонкимъ пронзительнымъ воемъ. Къ утру вѣтеръ сталъ крѣпче, сухой промерзлый снѣгъ подымался тучами, и небо закрылось ими, и странными, качающимися силуэтами стояли на шоссе старыя вѣковыя вётлы.

На станціи Радомъ. У походной хлѣбопекарни, возлѣ разрушенной водокачки. По фот. нашего корреспондента.

Уже не отдѣльные призраки, а цѣлыя полчища бѣлыхъ неуловимыхъ фигуръ носились по полямъ, какъ будто эти поля, политыя человѣческой кровью, ожили вдругъ сказочной, странной жизнью и бредятъ тѣмъ, что произошло на нихъ. И если долго вслушиваться въ вой и стонъ вѣтра, очень долго стоять гдѣ-нибудь на углу дома, равнодушно слѣдя, какъ четыре нѣмецкихъ солдата прочищаютъ винтовки въ ожиданіи лейтенанта, которому хромой пошелъ докладывать, — если долго слушать эти вопли, могутъ почудиться удивительныя вещи.

Минутами кажется, словно тысячи раненыхъ стонутъ въ мукахъ нестерпимыхъ, захлебываясь, воютъ въ снѣжномъ вихрѣ, и предсмертный крикъ, страшный крикъ разстающагося съ тѣломъ духа, взвивается къ невидимому небу...

А то кажется, будто, задыхаясь, хрипя, ежеминутно спотыкаясь и падая, набѣгаетъ невидимая волна солдатъ... Это перебѣжка, когда вылѣзли изъ окоповъ и, пригибаясь, перехвативъ винтовку, бросивъ сумки и набивъ карманы обоймами, чтобъ скорѣй выхватывать, бѣгутъ солдаты, припадая къ землѣ, прикрываясь ничтожнымъ бугоркомъ. Пали въ послѣдній разъ, отдышались кое-какъ, оглядѣли штыки и притихли передъ послѣднимъ ударомъ. Кажется, всего минутку полежали, а уже приподымается чуть-чуть ротный, оглядываетъ направо и налѣво вросшихъ въ землю, сухо щелкающихъ выстрѣлами солдатъ, говоритъ, тихо говоритъ — и далеко онъ самъ, и выстрѣлы кругомъ, а каждое слово слышно, словно онъ въ ухо каждому кричитъ:

Разрушенная мельница, служившая прицѣломъ для артиллерійскаго огня.

— Что жъ, братцы, лежи не лежи, а вставать надо... Чѣмъ дольше лежать, тѣмъ больше потерь. Если разомъ ударить — все меньше убитыхъ да раненыхъ будетъ, да и его вышибемъ, отдохнемъ... Подымайся, ребятки, фельдфебель — ура!..

И дикимъ, неописуемымъ ревомъ вспыхиваетъ вдругъ страшный крикъ, и уже изо всѣхъ силъ несутся солдаты съ вин-

Въ Гройцахъ подъ Варшавой. У сборнаго этапа. По фот. нашего корреспондента.

Германцы въ Польшѣ. Картина В. Мазуровскаго.
(Выставка петроградскаго Общества художниковъ).

хромого бѣса костылемъ по башкѣ невзначай треснулъ, зачѣмъ онъ съ глупостями лѣзъ... Тьфу"!..

Слюна набѣгала липкая и густая, и все хотѣлось проглотить ее, а горло было сухое, и глотать было трудно. И совсѣмъ не думалось о томъ, что черезъ нѣсколько минутъ будетъ онъ лежать гдѣ-нибудь за грязнымъ, вонючимъ скотникомъ или птичникомъ, раскинувъ широко руки, и снѣгъ сухими горстями будетъ засыпать холодѣющій трупъ, темныя мозолистыя ладони, полуоткрытыя стеклянѣющіе глаза. Далекимъ и неправдивымъ мелькало представленіе объ этомъ, а почему-то живо и ярко вспоминалось, какъ въ такую же вотъ вьюжную пору возвращался онъ съ пятилѣтнимъ сыномъ Гараськой съ мельницы, да маленько крюку далъ—къ свату Трофимычу заѣхалъ и къ своей деревнѣ выѣхалъ съ прогона... А въ прогонѣ сугробъ—конь и сталъ, ни взадъ ни впередъ. А Гараська деревни-то не узналъ, что съ другой стороны подъѣхали—какъ рѣзнетъ плакать:—„Тятенька, заблудились, тятенька, пропадемъ!" Пять годовъ шишу всего, а о жизни такъ понимаетъ, пуще всего пропасть боится... И злость Семенова забираетъ, что коня съ возомъ всадилъ, народъ собирать вытягивать надо, и смѣхъ долитъ, что малецъ за пять избъ отъ дома пропасть боится...

Такъ же вотъ въ ту пору мотались голыя вѣтви деревьевъ подъ вѣтромъ, такъ же бѣлыя птицы, махая огромными крылами, носились въ воздухѣ, и такъ же тонко и зловѣще выла и высвистывала вьюга.

Четыре солдата вдругъ двинулись, брякнули по замерзшей на углу дома лужѣ прикладами винтовокъ и замерли, какъ деревянные. Кутаясь въ воротникъ сѣраго мѣхового пальто, низко надвинувъ закрытую защитнымъ чехломъ каску, шелъ лейтенантъ, немолодой, угрюмый, съ серебристой щетиной давно небритыхъ бороды и усовъ. За нимъ, ковыляя на больную ногу и съ каждымъ шагомъ морщась отъ боли, спѣшилъ хромой конвоиръ.

И по мѣрѣ того, какъ онъ подходилъ, острое, никогда не испытанное чувство проникновенія во все окружающее, во всякое движеніе, слово, даже мысль двигавшихся къ нему людей, пронизало все существо плѣннаго солдата.

Офицеръ подошелъ, сумрачно, съ оттѣнкомъ раздраженія, оглянулъ Семенова и что-то буркнулъ. Солдатъ не понялъ словъ, но то самое чувство, которое заставляетъ спокойно сидѣвшую ворону, когда вы проходили мимо нея двадцать разъ, сняться, едва вы только показались на крыльцѣ съ товкой наперевѣсъ, волосы дыбомъ становятся подъ папахой, морозъ по спинѣ тысячами когтей деретъ, а остановиться уже нельзя, невѣдомая сила толкаетъ впередъ, и больно колотится о ребра возбужденное сердце...

— Ур-р-р-р-ра-а-а-а!!! — реветъ сѣрая волна, сметая передъ собой выскочившихъ навстрѣчу нѣмцевъ. — Ур-рр-ра-а-а!!!

— Ур-р-а-а-а-а! — завываютъ бѣлые призраки, вставая и падая надъ бѣлымъ полемъ вьюжнымъ. — А-а-а-а, о-о-о-у-у-у!!!

„Не иначе, какъ души, которыя убиты здѣсь, стонутъ, — соображаетъ Семеновъ: —потому смертный часъ въ нечаянности приняли, и покуда молитва имъ не дана... Они-то по честности, въ бою, можно сказать, кончину приняли, а я... Вѣдь пять ночныхъ атакъ пережилъ, рѣдко который солдатъ не раненъ, либо не убитъ, четыре атаки штыковыхъ прошли, я всѣ миновалъ, а попалъ подъ револьверную, свинцовую... А теперь эти аспиды пристрѣлятъ незнамо не вѣдамо гдѣ въ закоулкѣ, и ни къ чему вся твоя солдатская жизнь"...

Онъ оглядѣлъ четырехъ молчаливыхъ нѣмцевъ, кончившихъ чистить винтовки и спокойно ожидавшихъ прихода лейтенанта, и ему стало противно.

„Кабы въ честномъ, какъ говорится, бою, а то за угломъ, какъ собаку... и за что? Что

Георгіевскій кавалеръ въ деревнѣ. Рисунокъ А. Сезько.

ружьемъ, — острое, напряженное чувство перевело ему незнакомыя слова.

Офицеръ сказалъ приблизительно слѣдующее:

— Этотъ, что ли? Такъ какого же чорта вы меня безпокоите?! Прикончили бы гдѣ-нибудь на задворкахъ—и дѣлу конецъ, а то шляются, вызываютъ...

Онъ помолчалъ съ минуту, глядя на вытянувшихся, закинувшихъ голову назадъ такъ, что подбородки рѣзко выступали впередъ, солдатъ, и пожевалъ старческими вялыми губами. Видно было, что онъ долго не спалъ, смертельно усталъ отъ безпокойной походной жизни, что ему надоѣла и эта завывающая вьюга, и вытянувшіеся солдаты, и такъ нелѣпо затянувшаяся война.

Попрежнему тускло глядя на солдатъ, онъ сказалъ длинную, прерываемую кашлемъ, фразу, потомъ махнулъ рукой и, тяжело повернувшись въ скользящихъ замерзшихъ сапогахъ, пошелъ прочь.

Все внутреннее существо Семенова напряглось въ страстномъ стремленіи. Острые прищуренные глаза обѣжали словно оттаивающія послѣ ухода офицера лица солдатъ, сердце остановилось, и похоже было, что вотъ что-то упадетъ, зазвенитъ и навѣки разобьется внутри.

И онъ понялъ.

Офицеръ сказалъ:

— Только не сейчасъ, потому что сейчасъ выступать... Гдѣ-нибудь по дорогѣ, или на стоянкѣ, когда придемъ, а сейчасъ... маршъ по мѣстамъ!..

Какъ будто новые, ласковые глаза раскрылись внутри самаго интимнаго, самаго глубокаго уголка души плѣннаго солдата, когда его, сильно подталкивая, велъ хромой конвойный назадъ къ крыльцу.

Лошади, запряженныя шестерикомъ въ огромныя обозныя фуры, отворачиваютъ морды отъ вѣтра, и подрѣзанные хвосты ихъ вѣтеръ загибаетъ на сторону — и заноситъ сухимъ, разсыпающимся, какъ песокъ, снѣгомъ и фуру, и спины лошадей, и сѣдла, около которыхъ кряхтятъ, подтягивая засѣвшія подпруги, ѣздовые.

Деревья сада за домомъ налѣво,—безсильно мотающіяся озябшія деревья, между которыми вьюга нанесла острыя волны сугробовъ, оставляя глубокія воронки у стволовъ.

И чье-то знакомое, такое близкое, такое родное женское лицо, внезапно выросшее передъ нимъ и уставившееся невѣрящими, еще не осмѣливающимися радоваться, глазами прямо въ его глаза.

И непутная, смѣшная мысль:

„Должно-быть, Гараська, послѣ того какъ возъ выволокли изъ сугроба въ прогонъ и подъѣхали къ избѣ, такъ же радовался, что живъ покуда!..“

Что-то говорили ему полныя, не потерявшія еще дѣтской пухлости, женскія губы, и, смѣясь и плача, и стыдясь самъ того, что такъ слабъ сталъ солдатъ въ послѣднее время на слезу, бормоталъ Семеновъ:

— Живъ, живъ покуда, отсрочку дали аспиды, некогда имъ вишь покуда—опосля на дорогѣ гдѣ-нибудь прикончатъ!..

И время летѣло, словно и его сбила крутящаяся снѣжными вихрями метель, и не успѣлъ отдышаться Семеновъ и сообразить, какъ зазябла въ худомъ сапогѣ здоровая нога, и какъ застыла рука, державшая костыль, какъ уже всѣ ѣздовые были въ сѣдлахъ, и далекій, сердитый крикъ донесся сквозь вой и стонъ вьюги. И разомъ, прорѣзая въ засыпавшемъ колеса снѣгу глубокія колеи, тронулся огромный обозъ, и сзади, утопая въ снѣгу, какъ въ пескѣ — три жалкія полузамерзшія фигуры: плѣннаго солдата, кутавшейся въ рваный платокъ дѣвушки и хромого, проклинающаго все и вся, конвойнаго...

(Окончаніе слѣдуетъ).

На кавказско-турецкомъ фронтѣ. Горный проходъ изъ Азербейджана въ Турцію. По фот. П. Нестерова.

Памятники русской исторіи въ Галиціи.

Очеркъ **А. Ардова.**

Еще не стихли орудійные громы подъ стѣнами стараго Львова, еще дымились обгорѣвшія крыши подожженныхъ австрійцами галиційскихъ крестьянскихъ избъ, когда я пробирался въ столицу Галиціи. Съ трудомъ двигались по поврежденнымъ путямъ отъ границы поѣзда. Самый Львовъ жилъ еще тревожными днями минувшихъ боевъ. Неудивительно, что трудно было разыскать человѣка, который бы могъ хотя въ краткихъ словахъ разсказать, что сталось съ нѣкоторыми дорогими для насъ, русскихъ, историческими памятниками Львова.

На кавказско-турецкомъ фронтѣ. Г. Ушну къ югу отъ Урміи. По фот. П. Нестерова.

Но вотъ я въ Львовѣ, среди группы оставшихся въ живыхъ видныхъ галиційскихъ дѣятелей. Меня, какъ журналиста и археолога, знакомятъ прежде всего съ самымъ дорогимъ для насъ памятникомъ въ Львовѣ—могилой первопечатника Ивана Ѳедорова.

Когда Ѳедоровъ въ 1565 году напечаталъ въ Москвѣ свой „Часовникъ“ и „Апостолъ“, участь его была рѣшена: конкуренты-переписчики окончательно убѣдили московскую чернь, что Ѳедоровъ разводитъ ересь, „шепчется“ съ нечистымъ на печатномъ дворѣ и оскверняетъ религіозное чувство москвичей. Чернь разгромила печатный дворъ и заставила Ѳедорова бѣжать сначала въ Литву, а затѣмъ въ Галицію. Въ Галиціи Ѳедоровъ попалъ въ Львовъ, гдѣ устроился среди братчиковъ-монаховъ, близкихъ по духу и вѣрѣ первому печатнику Руси. Ѳедорова спасли отъ гнѣва россійской черни, но не могли ему однако помочь въ его страстномъ желаніи продолжать начатое дѣло—печатаніе книгъ. Долго Ѳедоровъ искалъ людей, которые могли бы оказать ему содѣйствіе въ открытіи собственной типографіи. Обращался онъ къ зажиточнымъ людямъ, унижался передъ ними, умолялъ священниковъ производить сборы среди прихожанъ въ церквахъ. Наконецъ въ 1573 году Ѳедорову удалось устроить въ Львовѣ свою „друкарню“, изъ которой вскорѣ выпущенъ былъ печатный „Апостолъ“.

Устроилъ свою „друкарню“ Ѳедоровъ у друзей-монаховъ, въ Василіанскомъ (св. Онуфрія) монастырѣ, который стоялъ въ предмѣстьѣ Львова—Подзамчевѣ. Почти въ томъ видѣ, въ какомъ былъ

На кавказско-турецкомъ фронтѣ. Озеро Урмія. Пристань Иршанкане.
По фот. П. Нестерова.

Василіанскій монастырь въ XVI вѣкѣ, засталъ я его въ Львовѣ и сейчасъ.

Бурыя отъ старости стѣны монастыря высоко вздымаются на насыпи надъ остальной частью предмѣстья. Входъ старинный, сводчатый, наподобіе нѣкоторыхъ нашихъ московскихъ, кремлевскихъ. Подыматься нужно по стоптаннымъ каменнымъ ступенямъ, на которыхъ вѣками цвѣтетъ темно-зеленая галиційская травка. Русскіе галичане мало интересовались въ мирное время могилой Ѳедорова и его друкарней. И вотъ почему отъ нихъ ничего не узнаешь про нашего первопечатника. Приходится обращаться къ игумену монастыря, который меня принимаетъ въ монастырской „гостиной" того самаго флигеля, въ которомъ помѣщалась друкарня Ѳедорова.

Низкіе сводчатые потолки, массивныя, почти мраморной прочности, стѣны, на которыхъ развѣшаны портреты бывшихъ настоятелей знаменитаго Василіанскаго монастыря. Два-три кресла вокругъ комнаты—вотъ видъ монастырской гостиной.

Игуменъ, не очень старый іеромонахъ въ типичномъ для василіанцевъ подрясникѣ („сукнѣ") и маленькой скуфейкѣ, мило улыбаясь, привѣтствуетъ меня на польскомъ языкѣ. Я языка не знаю и потому принимаю предложеніе игумена говорить на украинскомъ языкѣ, который игуменъ знаетъ хорошо.

Интересуетъ меня прежде всего, конечно, вопросъ о мѣсторасположеніи могилы первопечатника Ѳедорова, которую всѣ біографы Ѳедорова, въ томъ числѣ Погодинъ, Волковъ и Жерве, считаютъ „затерявшейся". По свѣдѣніямъ послѣднихъ біографовъ, Ѳедоровъ былъ похороненъ на кладбищѣ львовскаго храма св. Онуфрія. На могилѣ положили плиту съ надписями наверху: „Упокоенія и воскресенія изъ мертвыхъ чаю" и внизу—„Друкарь книгъ, предъ тѣмъ невиданныхъ". „Надгробная плита надъ могилой Ѳедорова найдена на внутренней облицовкѣ стѣны одной изъ церквей г. Львова,—писалъ, напримѣръ, Жерве. — Ее взяли для ремонта стѣны съ могилы Ѳедорова. Но и этой плиты уже не существуетъ болѣе. Въ 1883 году церковь ремонтировали, и никто не позаботился во-время охранить плиту съ исторической надписью. Лишь только рабочій тронулъ ломомъ камень—онъ разсыпался въ кусочки".

На вопросъ, заданный игумену, тотъ отвѣчаетъ категорически:

— Свѣдѣнія вашихъ біографовъ невѣрны. Ѳедоровъ былъ похороненъ у насъ, надгробная плита его существуетъ и понынѣ. Не угодно ли вамъ выйти во дворъ и провѣрить!

Мы выходимъ во дворъ. Съ лѣвой стороны у старинной тяжелой желѣзной двери монастырской часовни я дѣйствительно замѣчаю грязную, порядочно стертую, плиту. Она вдѣлана въ стѣну. Вдѣлана примитивно, безъ защиты или прикрытія. Отъ этого плита все время подвергается дѣйствію влаги, размывающей вырубленную надпись. Прочесть надпись на плитѣ сейчасъ уже невозможно. Если стать подальше, можно еще разобрать два-три слова. Игуменъ читаетъ мнѣ пресловутую надпись на плитѣ наизусть. При этомъ разсказываетъ: „Когда въ Львовѣ показались русскія войска, чуть ли не черезъ два часа въ ворота Василіанскаго монастыря постучалъ одинъ русскій офицеръ.—„Что вамъ угодно?"—спросили офицера.—„Я—любитель-археологъ. Покажите мнѣ могилу первопечатника Ѳедорова. Она, говорятъ, у васъ". Напуганные монахи пустили офицера. Онъ произвелъ два-три снимка. Сфотографировалъ плиту и друкарню. Кстати, пойдемте въ друкарню. Вѣдь ее вамъ нужно показать прежде всего!" — заключилъ свой разсказъ игуменъ.

Мы идемъ. Входимъ снова въ тотъ флигелекъ, въ которомъ мы были раньше. Направляемся по холодному узенькому коридору съ сводчатыми потолками. Типичный монастырскій коридоръ, сѣрый и жуткій.

По бокамъ замѣчаю цѣлый рядъ дверей. Это, какъ мнѣ объясняютъ, кельи монаховъ-василіанцевъ. Когда мы доходимъ до середины коридора, игуменъ останавливается, берется за ручку одной изъ дверей и приглашаетъ меня:

— Пожалуйста, мы у друкарни.

Когда дверь распахивается, возгласъ восхищенія вырывается у меня и у моего попутчика.

Мы въ просторной комнатѣ-кельѣ, сплошь увѣшанной рѣдкими образами и картинами божественнаго содержанія византійскаго письма.

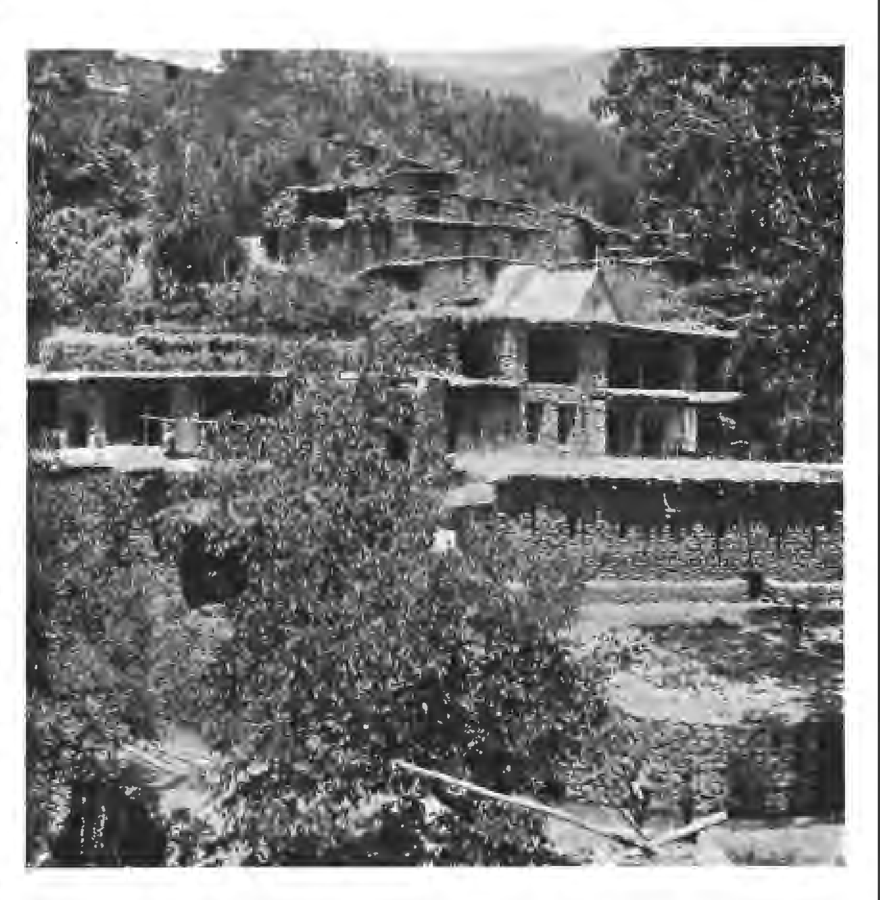
Справа у стѣны изъ стараго темнаго дуба устроенъ кіотъ съ дубовой подставкой и рѣшетками. На каменномъ полу кельи распростертъ старинный художественный коверъ.

Всюду горятъ свѣчи и лампады. Почти не замѣчаешь тусклыхъ отблесковъ свѣта изъ двухъ узенькихъ оконъ, глядящихъ съ улицы.

— Какъ видите, здѣсь сейчасъ часовня,—объясняетъ мнѣ игуменъ.—Этимъ мы увѣковѣчили помѣщеніе, гдѣ Ѳедоровъ работалъ надъ своимъ львовскимъ „Апостоломъ". Вотъ здѣсь,—показываетъ игуменъ на уголокъ,—стоялъ типографскій станокъ Ѳедорова, нѣсколько правѣе—переплетный прессъ его сына Ивана, помогавшаго отцу въ работѣ. Здѣсь же Ѳедоровъ продолжалъ жить, когда дѣла его ухудшились настолько, что пришлось закладывать ростовщику печатный станокъ и всѣ изготовленныя имъ книги.

Впослѣдствіи, когда Ѳедоровъ, проживъ два года въ Острогѣ, снова вернулся въ Львовъ, чтобы выкупить свой печатный станокъ, онъ поселился все въ томъ же Василіанскомъ монастырѣ.

Выкупить станокъ, несмотря на содѣйствіе (правда, чисто-платоническое) духовныхъ лицъ, Ѳедорову не удалось. Разочарованный, удрученный, умеръ онъ въ Львовѣ 5-го декабря 1583 года. Россія такъ холодно отнеслась къ своему первопечатнику, что



На кавказско-турецкомъ фронтѣ. Курдскій аулъ. Мечеть.
По фот. П. Нестерова.

На кавказско-турецкомъ фронтѣ. Азербейджанскіе курды.
По фот. П. Нестерова.

даже не заинтересовалась его могилой. Нужно было пройти почти четыремъ вѣкамъ, чтобы мы вспомнили о Галиціи и о могилѣ Өедорова.

Теперь, когда Галиція въ нашихъ рукахъ, вполнѣ своевременно поднять вопросъ о переносѣ каменной надгробной плиты Өедорова въ Москву, гдѣ начиналъ свою работу русскій первопечатникъ. Въ Львовѣ этому рѣдкому памятнику нашей исторіи много разъ угрожала опасность. Чуть ли не наканунѣ занятія нами Львова австрійцы собирались совершенно снести Василіанскій монастырь, мотивируя свое рѣшеніе тѣмъ, что „необходимо уширить прилегающую улицу". Своимъ пришествіемъ въ Львовъ мы спасли и могилу Өедорова и монастырь отъ поруганія. Отдадимъ же дань памяти Өедорова сейчасъ. Было бы очень желательно, чтобы петроградское или московское археологическія общества взяли на себя починъ возбужденія вопроса о переносѣ могилы Өедорова и надгробной плиты на ней въ Москву.

Вторымъ, послѣ Василіанскаго монастыря, хранителемъ нашихъ историческихъ памятниковъ является въ Львовѣ музей Ставропигіальнаго братства или Ставропигіальнаго института.

Ставропигіальное братство описано въ русской научной литературѣ профессоромъ А. С. Крыловскимъ. Въ 1904 году, т.-е. за 10 лѣтъ до войны, профессоромъ Крыловскимъ, преподававшимъ тогда въ Кіевскомъ университетѣ, выпущена была книга подъ названіемъ: „Львовское Ставропигіальное братство". Въ книгѣ, которую мнѣ мелькомъ показывали въ Львовѣ, интересующее насъ учрежденіе описано во всей его исторіи. Ставропигіальное братство, это — огромное учрежденіе, хранившее во времена австрійскаго владычества историческія цѣнности Галицкой Руси. Въ то время, какъ австрійское правительство всячески преслѣдовало русскихъ, уничтожало все, что хоть нѣсколько могло бы напомнить о прошлой близости Галиціи къ Россіи, лишь одно Ставропигіальное братство подъ семью замками хранило документы галицко-русской старины. Братство имѣло свой храмъ, книжный магазинъ, школы, русскую типографію, благотворительное общество и проч. Впослѣдствіи открытъ былъ музей, въ которомъ собрали всѣ цѣнности Галиціи.

Въ этомъ именно музеѣ, который столько разъ рисковалъ быть уничтоженнымъ австрійцами, мнѣ удалось побывать во время посѣщенія Львова. Благодаря особенной любезности хранителя музея, галичанина д-ра Степуна, мнѣ удалось детально ознакомиться съ музеемъ.

Музей Ставропигіальнаго института въ Львовѣ — въ его нынѣшнемъ видѣ — устроенъ д-ромъ И. И. Шараневичемъ изъ братскаго архива и братской церковной библіотеки. Исидоръ Ивановичъ Шараневичъ — краса и гордость Галицкой Руси. Извѣстный изслѣдователь родной старины, докторъ философіи, профессоръ Львовскаго университета и членъ академіи наукъ въ Краковѣ, Шараневичъ не только основалъ музей, но и систематизировалъ его. Систематизація цѣнностей музея имѣла особенное значеніе въ связи съ переходомъ въ собственность института предметовъ съ археологически-библіографической выставки 1888—1889 гг. Собравъ воедино остатки когда-то богатой южнорусской библіотеки и крохи галицко-русской старины, Шараневичъ особенное вниманіе обратилъ на мало изслѣдованную до сихъ поръ область археологіи каменнаго и бронзоваго вѣковъ. Эти отдѣлы музея наиболѣе богаты. Нѣтъ сомнѣнія, какова бы ни была энергія Шараневича, одному ему врядъ ли удалось бы создать богатый Ставропигіальный институтъ. На выставкѣ въ память 300-лѣтія старѣйшаго русскаго юго-западнаго Ставропигіона — идеей открытія музея заинтересовались представители духовенства и галицкаго общества. Въ институтъ стали поступать пожертвованія вещами и деньгами. Уже черезъ 5 лѣтъ музей обладалъ неоцѣнимымъ археологическимъ и библіографическимъ богатствомъ. Появились цѣнныя рукописи, книги, матеріи, раскопки, памятники живописи, въ томъ числѣ рѣдкія иконы на доскѣ, металлахъ, папкѣ, полотнѣ и проч.

Открывая музей, д-ръ Шараневичъ прежде всего обратилъ вниманіе на широкое использованіе въ музеѣ братской библіотеки, существованіе которой засвидѣтельствовано актами первоначальнаго Успенскаго братства въ Львовѣ. Библіотека эта, состоявшая изъ греческихъ и славянскихъ уставныхъ, пергаментныхъ и бумажныхъ рукописей, печатныхъ книгъ и др., легла основаніемъ въ будущій музей. Это было тѣмъ болѣе интересно, что братская

На кавказско-турецкомъ фронтѣ. Вооруженные курды. По фот. П. Нестерова.

На галиційскомъ фронтѣ. Охрана фланговъ. Пулеметы въ окопахъ на позиціи подъ Перемышлемъ.

библіотека въ періодѣ, когда еще русскихъ музеевъ въ Львовѣ не было, являлась единственнымъ хранилищемъ русскихъ историческихъ цѣнностей. Библіотека хранила документы, при помощи которыхъ Галицкая Русь (Успенское братство) сносилась съ Острогомъ, Вильной, Заблудовьемъ, Кіевомъ, Москвой, Константинополемъ и Молдо-влахіей. Такими документами являются подношенія въ видѣ книгъ, адресовъ—„писаній“ и т. д. Массу интереснаго принесла библіотека литературой, накопленной монахами Успенскаго братства за все время его существованія. Послѣ нѣкоторыхъ, умиравшихъ въ братствѣ монаховъ, оставались буквально цѣлыя библіотечки, рѣдкія въ библіографическомъ отношеніи. Сначала все это перешло въ братскую библіотеку, а затѣмъ въ музей Ставропигіона.

Когда вы попадаете въ музей Ставропигіона, то долго не можете оторваться отъ разложенныхъ повсюду рѣдкихъ книгъ и рукописей. Вотъ пергаментный Кристинопольскій Апостолъ уставомъ начала XIII вѣка, Четвероевангеліе XV вѣка, крюковый Стихирарь, минеи служебныя, кормчая и ѳрогностики. Рядомъ—великолѣпный экземпляръ острожской библіи 1581 г., евангеліе, напечатанное въ Москвѣ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ въ 1657 г. (оно было куплено Андреемъ Гречинымъ случайно въ Бродахъ). По исторіи Галичины матеріала въ музеѣ—масса. Вотъ „Хроника осады Львова въ 1655 г.“, изъ которой можно было бы много извлечь для нашей молодежи сейчасъ, когда поляки Галиціи всячески пытаются доказать, что Галичина—польская, а не русская. Правда, слишкомъ 300 лѣтъ Галичина была польско-австрійской. Но сейчасъ она—наша, русская, какъ была русской до 1655 года.

Историческое дерево Галиціи. Липа, которой болѣе 800 лѣтъ. Громадные сучья поддерживаются крѣпкими подпорками, а дупло въ стволѣ время отъ времени заливается цементомъ. Липа растетъ въ деревнѣ Лавце подъ Перемышлемъ.

Внутренній видъ уніатской церкви въ русской деревнѣ Грушевице, въ Галичинѣ.

Въ архивномъ отдѣлѣ чрезвычайный интересъ представляетъ цѣлый рядъ документовъ, относящихся къ XV и XVI вѣкамъ. Здѣсь мнѣ пришлось увидѣть прошеніе къ королю Жигмунту-Августу, чтобы запретилъ львовскому магистрату мѣшать львовской Руси въ постройкѣ церкви въ 1558 г., сообщеніе отъ 26-го августа 1558 г., извѣщающее львовскихъ мѣщанъ о королевскомъ разрѣшеніи звонить въ русскіе колокола, документъ 30-го января 1584 г., извѣщающій о введеніи королемъ Стефаномъ новаго календаря, рукопись епископа львовскаго Гедеона Балабана отъ 8-го ноября 1585 г. — увѣщаніе православнымъ Львова, чтобы они выкупили типографскій станокъ первопечатника Ивана Ѳедорова. Много интересныхъ документовъ хранитъ архивный отдѣлъ львовскаго музея о томъ періодѣ жизни Галицкой Руси, когда приходилось свирѣпо бороться за вѣру православную отъ посягательствъ на нее католиковъ. Такъ, напримѣръ, я видѣлъ письмо львовскимъ братствамъ епископа Гедеона Балабана въ Крылосѣ отъ 4-го іюня 1604 года—крѣпко держаться въ борьбѣ за православіе и подождать пріѣзда короля въ Львовъ, чтобы ему устно жаловаться. Затѣмъ—письмо патріарха Іерусалимскаго Ѳеофана отъ 7-го сентября 1620 г.—подтвердительная грамота Ставропигіи, данная послѣ изложенія Памвой Бериндой исторіи цѣлей и значенія Успенскаго братства. Грамота—въ два листа съ печатью и портретомъ патріарха хорошаго письма. Интересно порученіе Владислава IV отъ 26-го февраля 1637 года львовскому магистрату, чтобы не было препятствій православнымъ шествіямъ и обрядамъ.

Теперь, когда присоединеніе Галичины къ Россіи должно

Генералъ По.

Генералъ По, прибывшій въ Петроградъ представителемъ французской арміи. Сподвижникъ генералиссимуса Жоффра, командовавшій въ началѣ войны южной арміей, генералъ По вторгся въ Эльзасъ и былъ восторженно встрѣченъ населеніемъ, болѣе 40 лѣтъ томившимся подъ германскимъ владычествомъ. Направляясь нынѣ изъ Франціи въ Россію, генералъ По проѣхалъ черезъ Болгарію и Румынію и былъ встрѣченъ населеніемъ обѣихъ нейтральныхъ державъ съ энтузіазмомъ. По фот. Я. Штейнберга.

вызвать о ней цѣлую литературу, крайне желательно ознакомленіе русскаго общества съ исторіей борьбы православія съ католичествомъ съ XVI по XIX вѣка. Матеріалы львовскаго музея въ этомъ отношеніи еще совершенно неиспользованы, и разборка и освѣщеніе ихъ смогутъ доказать Европѣ правоту того дѣла (освобожденіе православія отъ тисковъ католичества), которое начато нами въ Галичинѣ уже сейчасъ. Между прочимъ, русскимъ слѣдовало бы знать, что часть архива львовскаго музея приведена въ извѣстность и использована въ работахъ д-ра Шараневича о галицкихъ дѣятеляхъ Красовскомъ, Шумлянскомъ, Эльяшевичѣ и церковныхъ бенефиціяхъ. Надъ матеріалами, имѣющими непосредственное отношеніе къ Ставропигіальному братству, работали еще изслѣдователи Успенскаго братства Зубрицкій, Главацкій, Крыловскій и священникъ Лабенскій. Въ будущемъ желательно изслѣдованіе еще неизслѣдованныхъ греческихъ посланій, писемъ, печатныхъ грамотъ, требъ и т. д.

Чрезвычайно интересенъ въ музеѣ иконописный отдѣлъ. Съ половины XVI вѣка львовская Русь занята была церковнымъ устроеніемъ. Понадобились иконописцы и иконописные подлинники. Иконописцевъ нашли своихъ, мѣстныхъ, — образцы же иконописанія болѣе стильнаго заимствовали въ Молдо-влахіи, или въ Московскомъ государствѣ. Сельскія церкви, по утвержденію знатоковъ, снабжались иконами весьма грубой мѣстной работы и были сдѣланы всѣ по одному шаблону. Въ музеѣ нѣтъ такихъ иконъ; зато есть нѣсколько экземпляровъ (самыхъ типичныхъ и хорошихъ) XV—XVI вѣковъ, на основаніи которыхъ можно судить объ иконописныхъ традиціяхъ Галицкой Руси. Интересенъ цѣлый рядъ документовъ о галицко-русскихъ иконописцахъ, а также собраніе портретовъ членовъ и покровителей русскихъ братствъ въ Галиціи XVII—XVIII вѣковъ. Для изслѣдователя костюмовъ галицко-русскаго, шляхетскаго и мѣщанскаго эти портреты даютъ много матеріала. Техника работы портретовъ, конечно, западно-европейская, заимствованная галицкими живописцами у своихъ товарищей-австрійцевъ. Среди ряда портретовъ въ львовскомъ музеѣ обращаютъ на себя вниманіе два большихъ портрета (во весь ростъ) Корнякта и его сыновей надъ хорами въ Успенской церкви, Страсти Христовы XVII вѣка, изображенныя въ рядѣ картинъ на доскѣ въ алтарной части, и большой триптихъ съ пятью группами лицъ на надворной стѣнѣ той же церкви.

Раскопки, находящіяся въ львовскомъ музеѣ, спеціалистамъ уже извѣстны по статьямъ проф. Голубева, Гловацкаго и др. Отдѣлъ раскопокъ въ музеѣ представленъ довольно хорошо. Есть масса цѣнныхъ экземпляровъ каменнаго и бронзоваго вѣковъ: всевозможные осколки, черепки, стрѣлы, серьги, бусы, топоры, предметы снаряженія и обихода. Большинство этихъ древностей отмѣчено, какъ памятники, имѣющіе въ Галиціи чисто-мѣстный, этнографическій интересъ; но было бы крайне желательно изучить всѣ эти древности еще примѣнительно къ той исторической связи, которая существовала всегда между Галицкой Русью и Русью Великой. Мнѣ кажется, серьезныя экскурсіи въ Галичину, внимательная работа молодыхъ археологовъ и архивистовъ, подъ наблюденіемъ профессоровъ, могли бы сдѣлать эту важную, интересную для насъ по окончаніи войны работу.

Насколько цѣнны въ археологическомъ отношеніи рѣдкости, находящіяся въ Галичинѣ вообще, а въ частности въ Львовѣ, можно судить потому, что чуть ли не черезъ двѣ недѣли послѣ занятія Львова туда налетѣла цѣлая стая коршуновъ—скупщиковъ древностей, откуда-то узнавшихъ, что древности Галиціи разграблены и продаются за гроши. Можетъ-быть, разграблены мародерами частныя коллекціи, отдѣльные экземпляры которыхъ мнѣ приходилось видѣть самому. Но то, что цѣнно для исторіи Россіи, въ неприкосновенности сохранено Ставропигіономъ въ Львовѣ.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Дарданеллы.

Въ тотъ моментъ, когда нѣмцы повели наступленіе изъ Восточной Пруссіи, разыгрались весьма крупныя событія на совершенно противоположномъ концѣ громаднѣйшаго театра міровой войны, а именно — у Дарданеллъ. До сихъ поръ всѣ бомбардировки союзниковъ носили прерывистый, періодическій характеръ. Но въ началѣ февраля къ Дарданелламъ подошла значительная эскадра англо-французскаго флота, и послѣ первыхъ же ея операцій стало ясно, что на этотъ разъ дѣло поставлено гораздо болѣе серьезно. Союзники повели самую систематическую бомбардировку Дарданеллъ, стремясь, очевидно, разрушить укрѣпленія по очереди — одно за другимъ. На театрѣ нынѣшней войны ни одно событіе не является отдѣльнымъ, такъ сказать, „самостоятельнымъ“, т.-е. не имѣющимъ связи съ остальными событіями, происходящими на другихъ поляхъ сраженій европейской войны. Наступленіе нѣмцевъ изъ Восточной Пруссіи, ознаменовавшееся вначалѣ временнымъ успѣхомъ, было впослѣдствіи остановлено и опрокинуто. Однако мы знаемъ уже по опыту, что всякій успѣхъ той или другой стороны, подобно нѣкоей политической погодѣ, колеблетъ стрѣлку барометра въ нейтральныхъ странахъ, въ особенности на Балканахъ. Съ другой стороны, турки послѣ разгрома своей арміи на кавказскомъ фронтѣ, подготовляли новыя войска для отсылки къ Эрзеруму, и, хотя это должно было занять нѣсколько мѣсяцевъ, а возможно, и до полугода, тѣмъ не менѣе удержать турокъ отъ этой посылки подкрѣпленій представлялось вообще правильнымъ.

При такихъ условіяхъ, новая операція союзнаго флота у Дарданеллъ являлась какъ бы тѣмъ ударомъ, который долженъ былъ, съ одной стороны, повліять на политическую атмосферу на Балканахъ, нѣсколько сгустившуюся въ первые дни восточно-прусскаго наступленія, а съ другой стороны — приковать турецкую армію къ Константинополю и этимъ лишить ее возможности выслать подкрѣпленія на азіатскій театръ. Надо еще упомянуть о занятіи англичанами устья Шатъ-Эль-Араба въ раіонѣ Месопотаміи и о намѣреніи турокъ вытѣснить оттуда англійскій экспедиціонный отрядъ. Это тоже придавало большой смыслъ операціи у Дарданеллъ, куда, естественно, должны были сосредоточиться турецкія войска и слѣдовательно отказаться отъ операцій въ Месопотаміи.

Наконецъ войска, оборонявшія Египетъ отъ турокъ, могли выполнять свою задачу обороны активно. Операція у Дарданеллъ представлялась именно такой операціей, гдѣ могли проявить свою активность англійскія колоніальныя войска и, удержавъ своимъ натискомъ въ Константинопольскомъ раіонѣ турецкую армію, этимъ лишить ее возможности сдѣлать хотя и безполезную, но все же назойливую попытку въ сторону Египта.

При такихъ политическихъ и стратегическихъ условіяхъ была начата весьма серьезная бомбардировка Дарданелльскихъ укрѣпленій. По агентскимъ телеграммамъ въ бомбардирующій флотъ во-

шли 40 линейныхъ кораблей, 8 дредноутовъ, 8 подводныхъ лодокъ, 28 миноносцевъ и контръ-миноносцевъ, 7 тралящихъ судовъ (вылавливающихъ мины), при гидропланахъ и аэропланахъ. Такъ какъ операція у Дарданеллъ требуетъ уничтоженія артиллерійскимъ огнемъ укрѣпленій, высадки значительнаго десанта и предварительнаго вылавливанія минъ, то разберемъ, какія средства для этого даютъ вышеперечисленныя суда бомбардировавшаго флота.

Для артиллерійскаго обстрѣла Дарданелльскихъ укрѣпленій имѣютъ значеніе линейные корабли и дредноуты. Однако, такъ какъ дредноуты нужны на случай морскихъ боевъ, а большія пушки выдерживаютъ, примѣрно, въ среднемъ, не болѣе 100 выстрѣловъ, при чемъ послѣ этого разстрѣливаются и даютъ плохую мѣткость, то для бомбардировки Дарданелльскихъ фортовъ слѣдуетъ учитывать главнымъ образомъ линейныя суда, подъ которыми телеграммы подразумѣваютъ броненосцы.

На 40 линейныхъ дредноутахъ находится около 150 громадныхъ 12-дюймовыхъ пушекъ и около 300 орудій средней артиллеріи, т.-е. 6-дюймовыхъ. Вслѣдствіе узости прохода не всѣ эти суда могутъ принять участіе въ бомбардировкѣ Дарданелльскихъ укрѣпленій, и въ обстрѣлѣ участвовало, въ среднемъ, отъ 8 до 12 судовъ. Одна изъ послѣднихъ бомбардировокъ была произведена 11 кораблями, на которыхъ было 60 главныхъ большихъ пушекъ и 80 среднихъ пушекъ.

Какими же средствами располагаютъ Дарданелльскія укрѣпленія?

Дарданелльскія укрѣпленія дѣлятся на три зоны: Внѣшнія Дарданеллы или южная зона, Среднія Дарданеллы и, наконецъ, послѣдняя зона. Главной оборонительной линіей являются Среднія Дарданеллы. Здѣсь, при ширинѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходящей лишь до 1 версты, выстроенъ рядъ батарей по обѣимъ сторонамъ прохода. Батареи эти такъ называемаго „кинжальнаго типа“, т.-е. онѣ стрѣляютъ прямымъ выстрѣломъ на очень маленькое разстояніе и предназначаются какъ бы пронизать насквозь непріятельскія суда.

Изъ батарей по обѣимъ сторонамъ прохода наиболѣе важными являются батареи „Намазіе“ и „Меджидіе“. На „Намазіе“ еще до войны находилась 21 крупповская пушка большого калибра, а теперь, вѣроятно, нѣмцы поставили новыя пушки, почему эта батарея является одной изъ наиболѣе сильныхъ. Въ то же время, на противоположномъ азіатскомъ берегу находится батарея „Меджидіе“, гдѣ ранѣе имѣлось 29 орудій. Слѣдующая пара батарей, это—„Буруну“ на европейскомъ берегу и „Чанакъ-Кале“—на азіатскомъ. Ранѣе тамъ было 27 большихъ пушекъ. Наконецъ, самая южная группа, которая первая встрѣчаетъ проходящій флотъ своимъ огнемъ, это—батареи „Дардanусъ“ и „Нагара“, всего 11 орудій.

Внѣшнія Дарданеллы, т.-е. участокъ Дарданеллъ у самаго входа, защищены весьма слабыми батареями „Седиль-Баръ“ и „Кумъ-Кале“, имѣвшими ранѣе 8 орудій, а теперь, можетъ, и больше, но во всякомъ случаѣ ихъ не столько, чтобы они могли сопротивляться дѣйствію англо-французскаго флота. Дѣйствительно, послѣ нѣсколькихъ періодическихъ бомбардировокъ, эти батареи были совершенно разрушены.

Вслѣдъ затѣмъ союзный флотъ приступилъ къ бомбардировкѣ первой батареи главной оборонительной линіи средней зоны—батареи „Дарданусъ“. Батарея эта также была разрушена. Къ 17 февраля Внѣшнія Дарданеллы и первыя батареи Среднихъ Дарданеллъ уже почти не существовали. Впереди оставалась задача разрушить остальныя батареи Среднихъ Дарданеллъ, на которыхъ еще до войны было 77 орудій, а, вѣроятно, въ послѣднее время нѣмцами было поставлено еще не менѣе 100 орудій.

Принимая во вниманіе узость пролива, слѣдуетъ считать, что союзный флотъ будетъ драться, примѣрно, при помощи такого же числа орудій. Но можно не сомнѣваться, что артиллерійская стрѣльба союзниковъ неизмѣримо выше стрѣльбы турецкихъ артиллеристовъ, почему и слѣдуетъ ожидать, что союзный флотъ подавитъ и артиллерію Среднихъ Дарданеллъ.

Такимъ образомъ вопросъ объ артиллерійскомъ состязаніи, повидимому, разрѣшится въ пользу союзниковъ, хотя вообще условія состязанія флота съ береговыми укрѣпленіями ставятъ довольно тяжелую задачу для перваго. Какъ извѣстно, на береговыхъ батареяхъ Портъ-Артура находилось всего лишь 5 большихъ пушекъ и 20 среднихъ, т.-е. вооруженіе, равное, примѣрно, вооруженію одного броненосца. Между тѣмъ японскій флотъ въ составѣ 13 броненосныхъ судовъ, т.-е. превосходившій своимъ вооруженіемъ по крайней мѣрѣ въ 10 разъ береговое вооруженіе Портъ-Артура, не рисковалъ вступать въ бой съ береговыми батареями. Это вполнѣ понятно изъ того, что корабли выстроены для борьбы съ кораблями, а не для борьбы съ крѣпостями; и всѣ расчеты при постройкѣ сдѣланы съ цѣлью побороть корабль, а не береговую батарею. Въ то же время береговыя батареи предназначены специально для борьбы съ кораблями. Такимъ образомъ, для береговыхъ батарей обстрѣлъ флота, это—та спеціальная задача, ради которой они строились; для флота же борьба съ береговыми батареями—задача случайная и частная.

Поэтому-то въ исторіи имѣются всего лишь два примѣра взятія флотомъ береговой крѣпости: взятіе Александріи въ 1881 году и взятіе китайскаго форта Таку въ 1900 году. Въ первомъ случаѣ дѣйствовалъ первоклассный флотъ міра — англійскій — противъ плоховатыхъ египетскихъ артиллеристовъ. Къ вечеру снаряды на судахъ были разстрѣляны, но на слѣдующій день утромъ египтяне бѣжали, и Александрія была такимъ образомъ взята. Другой примѣръ—взятіе Таку—происходилъ въ аналогичныхъ условіяхъ. Противъ китайскаго форта дѣйствовала международная эскадра изъ судовъ величайшихъ державъ міра. Кромѣ того, эта эскадра зашла въ тылъ форту. Однако Таку подъ конецъ былъ взятъ сухопутнымъ десантомъ—ротой одного изъ сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ.

Эти почти единственные примѣры показываютъ, насколько трудна задача, за которую взялся англо-французскій флотъ, и

П. Л. Баркъ. Рибо. Ллойдъ-Джорджъ.

Финансовая конференція державъ тройственнаго согласія, засѣдавшая въ Парижѣ. Министры финансовъ Россіи, Франціи и Англіи: П. Л. Баркъ, Рибо и Ллойдъ-Джорджъ.

какъ велики успѣхи, уже достигнутые имъ. Недаромъ Мольтке говорилъ: „Если бы артиллерія Дарданеллъ была въ порядкѣ, то я не думаю, чтобы какой-нибудь флотъ міра отважился форсировать это водное дефиле“.

Послѣ разгрома артиллеріи Дарданеллъ долженъ быть произведенъ десантъ и предварительное вылавливаніе минъ—такъ называемое траленье минъ. Для этого имѣется, какъ мы видѣли, семь тралящихъ судовъ, т.-е. тралящія суда могутъ итти тремя парами. Какъ извѣстно, тралящія суда ходятъ всегда парами и при помощи нѣкоторыхъ приспособленій вдвоемъ зацѣпляютъ мину, которая и рвется въ широкомъ промежуткѣ между двумя судами. Больше трехъ паръ тралящихъ судовъ, очевидно, не требуется вслѣдствіе узости прохода.

Остается главный вопросъ — о десантѣ. Агентская телеграмма указываетъ, что десантъ долженъ состоять не менѣе, чѣмъ изъ 100 тысячъ человѣкъ. Эта цифра, приблизительно, правильная, такъ какъ, примѣрно, такую же турецкую армію, или нѣсколько большую, придется имѣть въ качествѣ противника, мѣшающаго десанту и стремящагося опрокинуть его въ море.

Это число войскъ даетъ, примѣрно, около $2^1/_2$ корпусовъ. Для перевозки одного корпуса нужно около 70 большихъ пароходовъ. Слѣдовательно, десантъ будетъ весьма большимъ, и цифра въ 200 пароходовъ, приблизительно, опредѣлитъ величину транспортнаго флота.

Такихъ большихъ десантовъ, по крайней мѣрѣ, на территорію, занятую непріятелемъ, до сихъ поръ никогда не производилось, и этотъ десантъ, въ случаѣ, если онъ будетъ произведенъ, явится первымъ опытомъ за все время существованія военной исторіи.

Въ свое время, въ январской книжкѣ „Ежемѣсячныхъ Приложеній къ Нивѣ“, мы дали очеркъ десантныхъ операцій. Отсылаемъ къ нему нашихъ читателей — это вполнѣ выяснитъ условія рѣшительной операціи для захвата Дарданеллъ.

У вратъ Дарьграда.

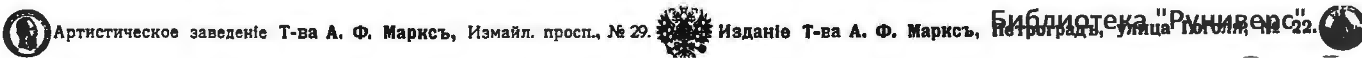
(Политическое обозрѣніе).

Побѣдоносное форсированіе союзною эскадрою Дарданеллъ приближаетъ давно жданный часъ паденія Константинополя. Международное и культурно-политическое значеніе этого міроваго событія поистинѣ громадно. Дикіе азіаты, столько столѣтій владѣвшіе центральнымъ пунктомъ Стараго Свѣта, будутъ навсегда изгнаны изъ Европы. Столица древне-греческой цивилизаціи и греческаго христіанства будетъ освобождена отъ вѣкового магометанскаго плѣна, и надъ древней Софіей вновь возсіяетъ сорванный восточными завоевателями золотой крестъ. Быть-можетъ, съ внѣшней стороны, для нашего національнаго самолюбія немного печально, что все будетъ сдѣлано не нашими войсками, а союзными эскадрами, но внѣшность событій бываетъ обманчива и не всегда соотвѣтствуетъ ихъ внутреннему существу: въ дѣйствительности, при сліяніи Россіи, Франціи и Англіи въ одинъ великій союзъ, ведущій совмѣстную борьбу съ варварами Востока и Запада, нельзя строго обособлять работу военныхъ силъ отдѣльныхъ государствъ. Сами наши союзники съ полной искренностью признаютъ, что тяжесть защиты Европы отъ германскихъ полчищъ въ значительной мѣрѣ легла на плечи Россіи, и сознаніе своей выдающейся роли въ сокрушеніи могущественной Германіи вполнѣ даетъ намъ право примириться съ тѣмъ, что будетъ сдѣлано союзными эскадрами въ нашихъ интересахъ въ Дарданелльскомъ проливѣ. Мы принимаемъ услугу за услугу въ интересахъ общаго торжества побѣдоносной коалиціи тройственнаго согласія. Захватъ турецкой столицы тотчасъ же скажется на дальнѣйшемъ ходѣ европейской борьбы. Надо думать, что послѣ такого ошеломляющаго удара Турція убѣдится въ полной безнадежности дальнѣйшаго сопротивленія и скоро положитъ оружіе, что дастъ намъ возможность подкрѣпить западный фронтъ нѣсколькими корпусами, переброшенными съ востока, и усилить побѣдителей подъ Праснышемъ побѣдителями подъ Сарыкамышемъ. Уничтоженіе турецкаго флота сдѣлаетъ положеніе остатковъ турецкой арміи, лишенной подвоза боевыхъ и продовольственныхъ матеріаловъ, совершенно безпомощнымъ. Открытіе южныхъ морскихъ путей въ высшей степени благотворно отразится на экономическомъ положеніи Россіи и Европы, значительно облегчитъ питаніе и снабженіе союзныхъ странъ и армій. Наконецъ на печальномъ примѣрѣ Турціи нейтральныя страны — Румынія, Италія, Болгарія и Швеція, колеблющіяся, къ какой сторонѣ пристать, могутъ теперь воочію убѣдиться въ рискованности какого бы то ни было выступленія противъ державъ тройственнаго согласія. Роковая неудача послѣдняго германскаго натиска на Нѣманъ, Гродну, Осовецъ, Ломжу и Праснышъ и паденіе Царьграда сразу окрылятъ нерѣшительныхъ софійскихъ, римскихъ и бухарестскихъ политиковъ, это будетъ именно той каплей, которая окончательно перевѣситъ въ нашу сторону сочувствіе выжидающихъ и дастъ заключительный толчокъ къ ликвидаціи кровавой войны. Болгарія почувствуетъ, что отрѣзанный отъ остальной Турціи Адріанополь и вся Ѳракія и Адріанопольскій округъ до Чаталджи составляютъ ея законное наслѣдіе послѣ окончившаго дни свои „больного человѣка“, и должна будетъ рѣшительно стать на сторону Россіи. Румынія побоится упустить моментъ и безъ колебаній займетъ своими уже мобилизованными войсками Трансильванію. Италія не захочетъ упустить Тріестъ и Трентино съ прибрежной полосой Албаніи и двинется на Австрію съ юга. По своимъ стратегическимъ и политическимъ послѣдствіямъ форсированіе Дарданеллъ союзнымъ флотомъ должно разсматриваться, какъ начало конца.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій М. Метерлинка“ кн. 1.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**



Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

1915 г.
№ 10
Выданъ 7 марта 1915 г.

XLVI г. изданія
Цѣна этого № (безъ прилож.) — 20 к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на **первой** страницѣ послѣ текста **1 р. 75 к.; на послѣдней** страницѣ **обложки 1 р. 50 к.**: на остальныхъ стран. **1 р. 25 к.**

Къ этому № прилагаются „Лит. Прил." и „Новѣйш. Моды" за мартъ.

Состоящіе въ Министер. Внутр. Дѣлъ по Земскому Отдѣлу

Петроградскіе курсы сельскаго законовѣдѣнія и экономіи

Съ 1) **Юрид. отдѣломъ** для подг. волостн. и сельск. писарей, письмовод. мир. и гор. суд., земск. нач., суд. прист., секр. землеустр. ком. и т. п. 2) **Экономич. или кооперат.** отд. для подг. служ. въ коопер. и кредитн. учр. Нач. зан. 1 мая. Рекоменд. на мѣста. Дешевое общежитіе. Прогр. безпл. отъ **Л. А. Балицкаго, Петроградъ, Звѣринск. ул., 46, кв. 14. Директ. чиновн. особ. пор. 5 кл. В. Петровъ.** Приним. лица обоего пола. 3469

Не забывайте **КРЫСОГУБИТЕЛЯ** знаменитаго

Д. ЛАБКОВА.

Гарантія—возвратъ денегъ.

На выставкахъ въ Россіи и за границей этотъ могущественный препаратъ **получилъ золотыя медали и почетный крестъ.**

Поспѣшите пріобрѣсти „Крысогубитель"—**въ три дня** онъ избавитъ ваше хозяйство отъ страшныхъ грызуновъ, **въ пять дней** ни одной крысы не остается въ самомъ большомъ имѣніи. **Не откладывайте на завтра, что можно сдѣлать сегодня.**

Цѣна „Крысогубителя" **съ пересылкой:** 1 пудъ—30 р., 20 ф.—17 р., 10 ф. — 9 р., 5 ф.—5 р., 3 ф.—3 р. 60 к., 2 ф.—2 р. 55 к., 1 ф.—1 р. 35 к.

Способъ употребл. при каждой посылкѣ. 3436

Адресъ для писемъ и денежн. перевод.: **г. Полтава, собств. Лабораторія Д. Лабкова.**

ЗАОЧНЫЕ, САМООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ

КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ и прочихъ коммерческихъ знаній

— С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ —

Москва, Староконюшенный, д. Курилко. 7.

ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО условія изученія коммерческ. наукъ по письменнымъ лекціямъ, вполнѣ замѣняющихъ устное преподаваніе.

КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ ВАГНЕРЪ,

Садовое Заведеніе и Сѣменная Торговля въ Ригѣ,
существуетъ съ 1816 года. Почтовый ящикъ № 78,
симъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія любителей, что
иллюстриров. каталоги сѣмянъ, георгинъ, шпажниковъ и пр. на 1915 годъ
издаем и высылаются по требованію безплатно.
3428 4-4

НА ПІАНИНО

каждый можетъ въ нѣсколько дней хорошо научиться играть (безъ знанія нотъ и учителя) новѣйшія пьесы по новоизобрѣтен. легкой и понятной цифровой системѣ „ЭВРИКА". Въ самоучитель входятъ „Танго", „Пупсикъ", вальсы „Надъ волнами", „Осенній сонъ", „Это дѣвушки всѣ обожаютъ", „Не оставь меня" (популярн. романсъ) и др. Цѣна 3 р. 50 к. съ перес., высыл. нал. плат. Имѣется масса отзывовъ отъ выучившихся. Адр.: Москва, Петровка, 1-й Знаменскій, д. 6, кв. 11—Н. **С. К. Ханбекову.** Лично отъ 3 до 8 час. веч. Вырѣжьте—объявл. рѣдко. 3160

Разр. Кіевск. учебн. окр. курсы

БУХГАЛТЕРІИ

(существуютъ съ 1894 г.) скоро и основательно выуч. всякій лично и посредств. переписки, вполнѣ замѣн. устное преподав. Условія выс. безплатно **А. П. Бобырь, Кіевъ.**

ХОЗЯЙКИ!!

Убѣдитесь, что туркестанскіе сушеные фрукты превосходны для компотовъ и какъ бакалея. За **3 руб. 95 коп.** высылаю 12-фун. посылку почт. **СУШЕНЫХЪ ФРУКТОВЪ** смѣсь (абрикосъ, персики, урюкъ и мн. друг.) Адресъ: **В. Я. Матулевичъ,** Ташкентъ. При заказѣ 1 руб. задатку необходимъ. 3458 3-2

СѢМЕНА

Огородныя, цвѣточныя, сел.-хоз.: яровыя, вика, клеверъ, тимофеевка. Удобренія. Книги. Инструменты. Принадл. садов. Инсектисиды. **Плодов. дерев. и куст. Розы. Клубни. Корни многолѣтн.** 3444 3-3

Сѣмянная торговля **В. Е. ГРАЧЕВЪ.**
Петроградъ, Измайловскій, 21. Тел. 423-94.

Поступила въ продажу книга:

„ДѢЛОПРОИЗВОДСТВО НАРОДНАГО УЧИТЕЛЯ"

255 стр. Ц. 1 р. 25 к. безъ пересылки. Высылается нал. плат. Адр. для заказовъ: Одесса,-Дѣлопроизводителю Дирекціи нар. учил. **А. Т. Пластинину.** 346[illegible]

БИБЛІЯ

полная на русск. яз. съ параллел. мѣст. и указател., печать Синодальной типографіи, иллюстрирована въ текстѣ **208** художеств. **КАРТИНАМИ,** размѣр. кн. 6×4 верш., 2 толщ., вѣс. 9 ф., 1550 стр., въ прочн. красив. тисн. волотомъ полукожан. перепл. съ кол. футл. ц. 5 р., съ перес. въ Евр. Рос. 5 р. 65 к., упак. 20 к. Первая и единств. въ Россіи иллюстрир. Библія. Эту великую книгу-книгъ долженъ имѣть каждый. **Адр.: Петроградъ Невскій, 153/13. Е. П. Масленникову.** Тел. 90-36

СЕРДЕЧНЫЯ— ЗАБОЛѢВАНІЯ,

ожирѣніе, склерозъ сердца, сердцебіеніе и одышка, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, старческая дряхлость, истощеніе **и худосочіе** съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ"** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина"; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма".

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ПРОФЕССОРЪ Д-ръ ПЕЛЬ и СЫНОВЬЯ
ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Покупаю русскія марки

въ пользу воиновъ, въ 1, 3, 7 и 10 коп., бывшія въ употребленіи, по 1/2 номинальной цѣны. Деньги вышлю немедленно по полученіи. Emil Wettler, Zürich (Швейцарія).

НЕ КУРИ!

Желающимъ бросить курить высылается безплатно проспектъ, указывающій путь, какъ избавиться отъ этой вредной привычки. Москва, Уланскій пер., д. № 30—4.

П. КОМИСАРЕНКО.

3280 (14)

ДЛЯ СЛАБЫХЪ, МАЛОКРОВНЫХЪ, НЕРВНЫХЪ

ГЕМАТОГЕНЪ Д-ра ГОММЕЛЯ.

8342 РУССКОЕ ПРОИЗВОДСТВО 2-2

Испытанное укрѣпляющее средство.

ЦѢНЫ НЕ ПОВЫШЕНЫ. — Имѣется вездѣ. —

Заводъ Гематогена Д-ра Гоммеля, Петроградъ, Смоленская ул., соб. д.

УЧИТЕСЬ РИСОВАТЬ.

Мнимая „неспособность“ къ рисованію, о которой часто говорятъ, есть лишь предразсудокъ. Всякій нормальный человѣкъ надѣленъ средними художественными способностями, вполнѣ достаточными для того, чтобы при правильной системѣ преподаванія овладѣть техникой рисованія и живописи. Мы своимъ изданіемъ „Искусство для всѣхъ“ (школа рисованія, живописи и прикладного искусства) даемъ возможность всѣмъ заочно научиться рисованію и живописи подъ руководств. лучш. педагоговъ для собствен. удовольствія или для какихъ-либо практич. цѣлей.

„ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ“ 1) даетъ читателямъ тѣ теоретическія познанія, которыя необходимы для пониманія художествен. произведеній; 2) даетъ лицамъ, уже занимающимся рисованіемъ, тѣ познанія, которыя необходимы для того, чтобы сдѣлать рисунокъ грамотнымъ и художественно-правильнымъ; 3) даетъ своимъ читателямъ всѣ тѣ свѣдѣнія по техникѣ, теоріи и исторіи искусства, безъ которыхъ невозможно пониманіе художественныхъ произведеній; 4) даетъ своимъ читателямъ такую подготовку и техническія познанія въ области прикладного искусства, которыя открыли бы имъ возможность примѣнить свои познанія къ дѣлу въ различныхъ и многочисленныхъ отрасляхъ художественной промышленности.

Изложеніе вполнѣ понятное и сопровождается множествомъ пояснительныхъ и образцовыхъ рисунковъ.

Для художниковъ и учителей рисованія „Искусство для всѣхъ“ является необходимой энциклопедіей, къ которой они могутъ обращаться за всякаго рода справками и указаніями.

При редакціи учреждена художественная комиссія, которая исправляетъ безплатно работы и даетъ совѣты и справки, относящіеся къ области искусства.

„ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ“ издается подъ редакціей проф. Акад. Худож. **А. В. Маковскаго** и **Вадима Лѣсового**, при участіи **И. Е. Рѣпина**, проф. **А. К. Киплика** и преподав. педаг. курсовъ при Академіи Художествъ.

Изданіе состоитъ изъ 10 томовъ больш. формата, роскошно-иллюстрир. красочн. и черными рисунками. Цѣна каждаго тома съ перес. 2 р. 20 к. налож. платеж. Подробные проспекты высылаются БЕЗПЛАТНО.

Т-во „БЛАГО“, Петроградъ, Николаевская ул., 44 — 40.

8433 ТРЕБУЮТСЯ АГЕНТЫ. 2-1

Министерствомъ ИМПЕРАТОРСКАГО Двора предпринято изданіе подъ названіемъ:

„ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО Государь Императоръ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ въ дѣйствующей арміи“.

Изданіе это будетъ выходить періодически и касается описанія путешествій ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА къ дѣйствующей арміи.

ВЫСОЧАЙШЕЕ путешествіе, совершенное ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМЪ въ сентябрѣ и октябрѣ 1914 г., составляетъ I-й выпускъ названнаго изданія. 2-й выпускъ будетъ заключать въ себѣ описаніе ВЫСОЧАЙШАГО путешествія, совершеннаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМЪ въ ноябрѣ и декабрѣ 1914 г. (посѣщеніе Кавказа).

Составленіе описанія ВЫСОЧАЙШИХЪ путешествій поручено Генералъ-Маіору *Д. Н. Дубенскому.*

Выпуски снабжаются многими иллюстраціями и картами.

Весь доходъ съ изданія поступаетъ въ распоряженіе ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ на нужды раненыхъ и ихъ семействъ.

Цѣна 1-го выпуска **60** к. безъ пересылки; пересылка — по вѣсу и разстоянію.

Настоящее изданіе продается **во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Петрограда, Москвы и другихъ городовъ и во всѣхъ желѣзнодорожныхъ кіоскахъ на станціяхъ.** 8431

Съ требованіями о высылкѣ крупныхъ партій изданія для правительственныхъ и общественныхъ учрежденій можно обращаться въ Канцелярію Министерства ИМПЕРАТОРСКАГО Двора (Фонтанка, 20), отдѣлъ изданія „Высочайшее путешествіе“, каковыя требованія будутъ удовлетворяться распоряженіемъ Канцеляріи.

Употребляйте

PASTILLES VALDA

(Лепешки Вальда)

отъ **КАШЛЯ,** простуды, насморка, охриплости.

Въ вашемъ интересѣ спрашивать,

ТРЕБОВАТЬ ИХЪ

во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ складахъ въ **КОРОБКАХЪ, снабженныхъ именемъ Valda,** съ красной бандеролью.

Достаточно одной коробки

PASTILLES VALDA

(Лепешекъ Вальда).

3413 2-2

СТРАДАЮЩИМ

запорами, геморроемъ

рекомендуется Стомоксигенъ Д-ра Антона Мейеръ. Стомоксигенъ освобождаетъ желудокъ легко, нормально и пріятно и дѣйствуетъ всегда одинаково. **Это средство надежное, совершенно безвредное** и отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Остерегайтесь поддѣлокъ. На оригинальной коробкѣ имя Д-ра Антона Мейеръ и адресъ Екатерин. кан. 29, выписано полностью. Лабораторіи: Лондонъ, Парижъ, Нью-Іоркъ.

ЖЕЛУДКОМ

Банковскимъ шрифтамъ, **конторской** скорописи, полное исправленіе почерка достигаетъ каждый въ 15 уроковъ **заочно** и получаетъ **аттестатъ** на званіе специіалиста шрифтовъ. Пробное письмо, образцы шрифтовъ и условія высылаются за 5 десятикопеечныхъ марокъ. Адресовать: Одесса, Профессору А. Коссодо, Дерибасовская, д. Пробста.

8134 6-3

НОВОСТЬ!!!

Американскій КОРСЕТ-ПОЯС без бланжетки и костей.

Облегает граціозно **всякую фигуру, не причиняя никакого безпокойства.** Необходим для всякаго рода занятій, спорта и дороги. Выс. нал. плат. Мѣрка 1) объем таліи, 2) объем бедер. Цѣна от 8 р. до 25 р. Петроград, Владимірск. пр., д. 7, кв. 29, вход во дворѣ. Телеф. 70-61.

М-me КЛЭРЪ.

3463

Изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

Косткевичъ, М. Д. **„РУКОВОДСТВО КРОЙКИ И ШИТЬЯ ДАМСКИХЪ, ДѢТСКИХЪ (ДЛЯ ДѢВОЧЕКЪ и МАЛЬЧИКОВЪ) И ВЕРХНИХЪ ПЛАТЬЕВЪ“.** 2-е дополненное и переработанное изданіе, съ 118-ю рис. въ текстѣ и съ прилож. 12-ти листовъ выкроечныхъ рисунковъ, 4-хъ выкроечныхъ линеекъ и 40 масштабовъ. Ц. **5 р.**, съ перес. **5 р. 75 к.**

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Причастился жизни. Главноуполномоченный сѣвернаго района А. Д. Зиновьевъ доложилъ Главному Управленію Краснаго Креста, что недавно въ лазаретѣ, устроенномъ въ зданіи коллегіи Императорскаго Петроградскаго университета и носящемъ имя графа Л. Н. Толстого, произошелъ слѣдующій случай: нижній чинъ Павелъ Космаковъ, лишившійся дара слова, внезапно вновь пріобрѣлъ таковой, приступая ко Св. Причастію и будучи спрошенъ священникомъ въ третій разъ о своемъ имени.

Молитва папы о мирѣ. Недавно во всѣхъ католическихъ храмахъ союзныхъ странъ читалась молитва папы о дарованіи мира. Что касается французскихъ священниковъ и прелатовъ, то они снабдили ее проповѣдями и комментаріями.

Монсиньоръ Аметъ, кардиналъ-архіепископъ Парижа, сказалъ въ Соборѣ Парижской Богоматери слѣдующее:

«Будемъ говорить прямо. Миръ есть порядокъ. Порядокъ основывается на правосудіи. Правосудіе требуетъ исправленія всѣхъ содѣянныхъ золъ. Но это исправленіе можетъ явиться только результатомъ нашей побѣды. Молитва о мирѣ, слѣдовательно, есть молитва о побѣдѣ».

Въ церкви Мадлэнъ священникъ продолжилъ отъ себя молитву папы:

«Дай намъ миръ, Господи, настоящій миръ, — миръ, который возстановитъ порядокъ. Такой миръ, который возстановитъ права всѣхъ: права Франціи, ея союзниковъ, угнетенныхъ народностей, народностей раздавленныхъ и почти умирающихъ—Бельгіи, Эльзаса-Лотарингіи, Польши, Сербіи, затопленныхъ кровью,—права всѣхъ, кто ждетъ отъ насъ помощи и освобожденія. И наконецъ даруй миръ нашимъ врагамъ, но миръ вмѣстѣ со справедливой карой и побужденіемъ искупить ихъ грѣхи. Дай намъ миръ, Господи, Твой миръ, но не нѣмецкій миръ».

Условія мира. Извѣстный французскій экономистъ, бывшій министръ общественныхъ работъ, Гюйо произнесъ 25-го февраля въ Лондонѣ рѣчь объ условіяхъ, на которыхъ союзники могли бы согласиться на заключеніе мира. Сославшись на то, что противники Наполеона отказались въ 1815 году обсуждать условія мира, пока Наполеонъ не очутился въ ихъ власти, Гюйо находитъ, что и союзники должны категорически отказываться отъ всякихъ переговоровъ съ кѣмъ-либо изъ Гогенцоллерновъ. Это является первымъ и необходимымъ условіемъ возможности какихъ-либо мирныхъ переговоровъ.

Самый миръ долженъ быть заключенъ на слѣдующихъ условіяхъ: Пруссія лишается рейнскихъ провинцій, а также Вестфаліи, которая становится самостоятельнымъ государствомъ. Все, доставшееся Пруссіи въ 1815 году, возвращается ею. Аннексія Шлезвига и Голштиніи аннулируется, и провинціи возвращаются Даніи. Франція получаетъ Эльзасъ-Лотарингію и территорію, уступленную Пруссіи въ 1815 году. Сверхъ этого Франція не должна ничего требовать въ Европѣ. Кильскій каналъ объявляется нейтральнымъ. Польша возстанавливается. Россія получаетъ Царьградъ и проливы. Германскія колоніи дѣлятся между Англіей, Франціей и Японіей. Нейтральныя державы не примутъ участія въ переговорахъ объ условіяхъ мира.

Балансъ войны. Одна англійская коммерческая газета составила любопытный балансъ прибылей и убытковъ Германіи за полгода войны.

УБЫТКИ.

Территорія.	Кв. килом.
Того	84.140
Самоа	2.625
Кіао-Чао	485
Острова Тихаго океана	12.500
Германская Гвинея	125.000
Часть Эльзаса	2.500
	227.250

Населеніе.	Душъ.
Прусская армія (офиціальныя потери)	993.000
Баварцы, саксонцы, брауншвейгцы, виртембергцы	700.000
Флотъ	7.000
	1.700.000

Финансы.	Рубли.
180 дней войны, по 12 милліоновъ рублей въ день	2.160.000.000
Потери иностранной торговли	2.000.000.000
Потери въ Кіао-Чао	50.000.000
» флота	150.000.000
» заработной платы	2.700.000.000
	7.060.000.000

Торговый флотъ.	Тонны.
270 судовъ, задержанныхъ въ гаваняхъ непріятелями	483.000
88 судовъ, захваченныхъ непріятельскими крейсерами	338.000
15 судовъ, задержанныхъ въ Соединенныхъ Штатахъ	247.000
	1.068.000

Что касается счета прибылей, то во Франціи, Бельгіи и Польшѣ германскія войска заняли 67.500 кв. километровъ, на пространствѣ которыхъ осталось очень мало населенія; по рубрикѣ финансовъ можно считать, что Германія «заработала» 100.000.000 рублей, собранныхъ въ видѣ контрибуціи во Франціи и Бельгіи, и 50.000.000 рублей, представляющихъ собой стоимость потопленныхъ англійскихъ судовъ. Наконецъ по счету торговаго судоходства прибыль нѣмцевъ можетъ быть изображена въ 370.000 тоннъ (потопленныя и захваченныя суда союзниковъ).

Политика Болгаріи. Извѣстный французскій ученый, академикъ Шарль Рише на страницахъ «Figaro» даетъ безпощадную характеристику политики Болгаріи.

«Въ Европѣ есть одна нація, — говоритъ Рише, — которая въ теченіе четырехъ столѣтій была терзаема турками и которая теперь, повидимому, забыла объ этихъ страданіяхъ, такъ какъ она намѣрена вступить въ союзъ съ Турціей. Эта страна—Болгарія.

Есть одинъ народъ, который въ теченіе пятидесяти лѣтъ подвергался систематическому истребленію: турки заливали кровью его землю. Равнодушная Европа, занятая сохраненіемъ пресловутаго европейскаго равновѣсія, которымъ она такъ гордилась, не протестовала. Единственный голосъ раздался въ защиту этого народа: великій Гладстонъ одинъ осмѣлился открыто высказать свое негодованіе. И теперь этотъ народъ готовъ выступить противъ потомковъ Гладстона. Этотъ народъ—Болгарія.

Есть нація въ Европѣ, которая всѣмъ обязана Россіи, которая составляетъ почти часть Россіи по своему языку, своей религіи, своимъ обычаямъ,—нація, которую Россія защищала своей сильной рукой, изъ-за которой Россія вела долгую и трудную войну, и которая была освобождена Россіей. Эта нація приготовляется теперь къ выступленію противъ Россіи, готова заключить союзъ со своими прежними тиранами. Это—Болгарія.

Пусть будетъ такъ. Не нужно ни благодарности, ни естественныхъ правъ, ни братства народовъ! Пусть Болгарія руководится только своими эгоистическими интересами, забывъ о справедливости и чести. Но хорошо ли поняла она свои интересы?

Она выбрала часъ для дѣйствій, когда Австро-Германія почти раздавлена. Болгары, ослѣпленные германскимъ золотомъ, бросились въ объятія побѣжденнаго, и имъ грозятъ страшныя бѣдствія. Несчастная Болгарія! Завтра не будетъ болѣе европейской Турціи. Завтра будутъ только свободные народы, и освобожденная Европа не будетъ особенно сострадательна къ тѣмъ, которые будутъ задерживать моментъ ея освобожденія. Трижды несчастная Болгарія!»

Судьба Царьграда. Бомбардировка Дарданеллъ англо-французскимъ флотомъ вызвала въ газетахъ всего міра сужденіе о будущемъ Царьграда. Въ этомъ отношеніи интересную статью помѣстила извѣстная бельгійская газета «XX Вѣкъ», издающаяся теперь въ Гаврѣ.

«Политическая ошибка Германіи, толкнувшей Турцію въ битву народовъ,—пишетъ эта газета,—предоставила Англіи и Россіи неожиданный случай положить конецъ ихъ вѣковому спору. Увѣряютъ, что Россія признала уже, по особому соглашенію, суверенитетъ Англіи надъ Афганистаномъ и совершенно отказалась отъ всякихъ видовъ на Тибетъ. Англія съ своей стороны, согласно этому договору, больше не будетъ препятствовать открытію проливовъ для русскаго флота, или, иначе говоря, она если даже и не отдаетъ Константинополя во владѣніе Россіи, то по крайней мѣрѣ предоставляетъ Россіи контроль надъ нимъ».

Интересную статью помѣстилъ также недавній антимилитаристъ, превратившійся по объявленіи войны въ пылкаго патріота, Густавъ Эрвэ въ своей газетѣ «Guerre Sociale».

«Я не вѣрю тому,—пишетъ Эрвэ,—чтобы существовала держава въ мірѣ, которая была бы способна воспрепятствовать Россіи сохранить за собой Константинополь, разъ русскіе туда попадутъ. А это вѣдь желаніе не только русскаго правительства, но и всего русскаго народа. Если бы я былъ русскимъ, я бы держалъ ключъ отъ Чернаго моря въ своемъ карманѣ. Россія будетъ спокойна только тогда, когда охрана дверей, ведущихъ къ ней, будетъ въ ея рукахъ. Предосторожность вполнѣ законная. Можетъ-быть, недалекъ ужъ тотъ день, когда исполнится эта вѣковая мечта Россіи. Балканскія государства не должны этимъ огорчаться. Ихъ союзъ между собой, ихъ конфедерація со свободнымъ салоникскимъ портомъ обезпечатъ имъ свободу и независимость».

Сдались безъ выстрѣла. Однимъ изъ наиболѣе выдающихся дѣлъ на кавказскомъ фронтѣ было плѣненіе всего штаба 31-ой турецкой дивизіи. Это было 15-го января верстахъ въ 35-ти отъ Ольтъ. Въ 8 часовъ утра изъ Чатаха тронулись мы всѣ, пѣхота и кавалерія,—разсказываетъ въ «Кавказскомъ Словѣ» участникъ этого дѣла,—и направились въ Гарнесъ, давъ знать нашимъ въ Ольты, что двинулись непріятелю въ тылъ. Когда наша кавалерія первая дошла до ихъ постовъ, то съ нихъ и съ лѣваго фланга ихъ цѣпи тотчасъ открыли по нашимъ огонь. Кавалерія наша спѣшилась; коноводы отвели коней подъ прикрытіе, остальные открыли по туркамъ огонь и вскорѣ заставили ихъ замолчать и нѣсколько отойти назадъ. Къ этому времени подоспѣла и наша пѣхота съ пушками. Мы тотчасъ стали артиллерійскимъ огнемъ обстрѣливать занятое турками с. Петкиръ, расположенное передъ Гарнесомъ, ближе къ нашей границѣ. Разъ мы стали обстрѣливать Петкиръ, турки рѣшили, что мы туда и пойдемъ. Встрѣтить насъ приготовились здѣсь, а въ Гарнесъ ни о чемъ не предупредили. Пока было свѣтло, мы обстрѣливали Петкиръ, а какъ стемнѣло, поднялась буря, метель, получилась совсѣмъ благопріятная обстановка, тогда мы двинулись на Гарнесъ. Приказали итти безъ малѣйшаго шума. Верстахъ въ двухъ отъ Гарнеса встрѣтили первый сторожевой постъ. На ихъ окрикъ: «Кто идетъ?» наши отвѣтили: «Свои!» (многіе изъ нашихъ стрѣлковъ знаютъ ихъ языкъ). Тѣ и подпустили нашихъ близко. Но, какъ только они узнали насъ, мы сейчасъ же бросились въ штыки. Не успѣли они насъ и поранить никого, какъ мы всѣхъ ихъ перекололи. Шагахъ въ ста отъ Гарнеса — другой постъ. Этихъ взяли живьемъ, тоже безъ шума, безъ крика. Вырыли они себѣ въ снѣгу яму, сидятъ, дремлютъ. Не успѣли очнуться, какъ ихъ схватили и отвели подальше назадъ. Показалось наконецъ и селеніе Гарнесъ. До него осталось нѣсколько шаговъ. Идемъ—не дышимъ. Полная тишина и тамъ. Огней никакихъ, никакихъ признаковъ жизни. Дошли. Кавалерія стала у края селенія, а пѣхота сразу на «ура»—штыки на перевѣсъ и въ деревню. Черезъ минуту въ деревнѣ поднялась суматоха: кричатъ, волнуются наши, проснулись и они, и загалдѣли... ничего не разберешь. Но для нихъ все уже было поздно: наши овладѣли селеніемъ. Когда наши вышли на самую середину селенія, около полуроты турокъ бросились-было бѣжать; наши—на нихъ; они открыли тогда огонь, но успѣли только сдѣлать шесть выстрѣловъ, какъ ихъ офицеръ приказалъ сдаться. Наши овладѣли селеніемъ, въ которомъ оказался весь штабъ 31-ой турецкой дивизіи въ полномъ составѣ. Тутъ были и генералъ—начальникъ дивизіи, и начальникъ штаба, 24 офицера, изъ которыхъ трое были въ чинѣ полковника, а остальные—оберъ-офицеры. Были кромѣ офицеровъ и врачи. Солдатъ турецкихъ въ селеніи оказалось около 400 человѣкъ—кавалеріи и пѣхоты. Начальника дивизіи застигли въ постели, такъ что нашимъ солдатамъ пришлось обождать, пока онъ одѣнется.

Германская хлѣбная карточка.

25 Gramm 1. Woche	25 Gramm 1. Woche	250 Gramm 1. Woche	250 Gramm 1. Woche	50 Gramm 1. Woche	50 Gramm 1. Woche
25 Gramm 1. Woche	25 Gramm 1. Woche	Nicht übertragbar — Nicht übertragbar — Berlin und Nachbarorte.		50 Gramm 1. Woche	50 Gramm 1. Woche
25 Gramm 1. Woche	25 Gramm 1. Woche	Ausweis für die Entnahme von Brot und Getreidemehl.		50 Gramm 1. Woche	50 Gramm 1. Woche
25 Gramm 1. Woche	25 Gramm 1. Woche	Gilt nur für die 1. Woche vom ....1915. [illegible] I 100000		50 Gramm 1. Woche	50 Gramm 1. Woche
100 Gramm 1. Woche	100 Gramm 1. Woche	250 Gramm 1. Woche	250 Gramm 1. Woche	100 Gramm 1. Woche	100 Gramm 1. Woche

Германскія хлѣбныя карточки. Въ Берлинѣ и его предмѣстьяхъ вводятся хлѣбныя карточки для контроля за тѣмъ, чтобы никто не съѣдалъ въ недѣлю хлѣба больше положенныхъ двухъ килограммовъ, т.-е. $^3/_4$ фунта въ день. По сообщенію корреспондента «Кіевской Мысли» (изъ Копенгагена), изъ которой воспроизводимъ образецъ хлѣбной карточки, городъ подѣленъ на участки по 150 домовъ. Въ каждомъ участкѣ подъ предсѣдательствомъ директора мѣстной народной школы работаетъ комиссія распредѣленія хлѣба. Она раздаетъ домовладѣльцамъ хлѣбныя карточки для жильцовъ каждаго дома. Каждый покупатель, уплачивая за хлѣбъ, долженъ предъявить въ булочную свою хлѣбную карточку, отъ которой булочникъ отрываетъ купонъ, соотвѣтствующій количеству проданнаго хлѣба. То же самое дѣлаетъ лавочникъ при продажѣ муки. Оторванные купоны они должны сохранять и предъявлять при закупкѣ муки изъ городскихъ складовъ: тамъ имъ будутъ продавать только то количество муки, которое они кромѣ денегъ могутъ «оплатить» еще и купонами. За продажу хлѣба или муки безъ купона или въ количествѣ, превышающемъ показанное на оторванномъ купонѣ, продавцу грозитъ тюремное заключеніе до шести мѣсяцевъ или штрафъ до 1.500 марокъ.

Образецъ карточки приведенъ выше.

На карточкѣ толстыя поперечныя полосы—цвѣтныя. Цвѣта мѣняются каждую недѣлю. Сдѣлано это для того, чтобы каждый, не использовавшій своей карточки въ положенную недѣлю, не могъ потомъ купить хлѣба больше, чѣмъ ему полагается. При полученіи новыхъ карточекъ требуется предъявленіе обратно старыхъ съ неиспользованными купонами, если таковые остались. Каждая карточка имѣетъ свой нумеръ. Въ полученіи карточекъ изъ бюро домовладѣлецъ расписывается, и на него возлагается отвѣтственность за то, чтобы въ его домѣ было карточекъ не больше, чѣмъ полагается по числу душъ.

Въ ресторанахъ хлѣбъ также не подается безъ предъявленія купоновъ. Кто забылъ захватить съ собой въ ресторанъ свою хлѣбную карточку, тому приходится обѣдать безъ хлѣба. Въ гостиницахъ швейцары утромъ получаютъ суточныя карточки по числу постояльцевъ. Кто прибудетъ вечеромъ, тотъ долженъ ждать своего пайка до утра. У насъ такіе порядки заведены въ пересыльныхъ тюрьмахъ и арестныхъ помѣщеніяхъ при полиціи.

Голодъ въ Германіи. Введеніе упомянутыхъ выше хлѣбныхъ карточекъ нисколько не смягчило остроты хлѣбнаго кризиса, переживаемаго Германіей. Необходимость самой строжайшей экономіи въ хлѣбныхъ продуктахъ становится маніей германской печати. Выражая свое удовлетвореніе по поводу вступленія въ силу закона о карточной продажѣ хлѣба, офиціозная берлинская газета «Lokal-Anzeiger» замѣчаетъ, что этой мѣрой еще далеко не достигнута конечная цѣль продовольственной кампаніи. «Нужно обратить серьезное вниманіе,—пишетъ газета,—на то огромное зло, бороться съ которымъ мы почти безсильны. Дѣти, приносящія завтраки въ школу, до сихъ поръ еще не поняли, что интересы отечества требуютъ особенно бережнаго обращенія съ хлѣбомъ. Это въ равной же мѣрѣ относится и къ матерямъ, которыя, несмотря на неоднократныя предупрежденія, даютъ своимъ дѣтямъ слишкомъ обильные завтраки. Уже давно во всѣхъ школахъ и гимназіяхъ каждый ребенокъ особой подпиской обязался съѣдать за время своего пребыванія въ школѣ не болѣе одного бутерброда; учителя ежедневно напоминаютъ ученикамъ о необходимости соблюдать взятое на себя обязательство. Однако приходится констатировать, что всѣ эти мѣры оказались напрасными, такъ какъ дѣти, повидимому, не сознаютъ, что съ хлѣбомъ нужно обращаться, какъ со святыней».

Въ высшей степени характернымъ является неожиданный выводъ той же газеты, который она дѣлаетъ, разсказывая о неурядицахъ при раздачѣ карточекъ въ провинціи. Въ Шенбергѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ 24-го февраля, вслѣдствіе нерасторопности чиновниковъ магистрата, громадное число обывателей осталось безъ карточекъ, а слѣдовательно и безъ завтрака. «Подобная нерасторопность, — замѣчаетъ газета,—только желательна, такъ какъ благодаря ей кратковременное голоданіе, не принесшее большого вреда отдѣльнымъ лицамъ, сэкономило государству большое количество неизрасходованнаго хлѣба».

Непріятельскія потери на нашихъ южномъ и юго-западномъ фронтахъ. Съ начала войны съ Турціей до 18-го февраля с. г., въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, отправлено во внутреннія губерніи Россіи турецкихъ плѣнныхъ и раненыхъ: 4 паши, 337 офицеровъ, 17.675 аскеровъ, гамидіе и четниковъ, всего 18.016 человѣкъ.

На австрійскомъ фронтѣ, въ сраженіяхъ на Карпатахъ, потери непріятеля за послѣдній лишь мѣсяцъ выражаются въ сотняхъ тысячъ солдатъ. Испытанныя войска генерала Брусилова продолжаютъ увѣренно отражать отчаянный натискъ австрійцевъ въ Карпатахъ. Плѣнные австрійскіе офицеры утверждаютъ, что еще никогда австро-венгерскимъ войскамъ не приходилось нести такихъ потерь, какъ при послѣднихъ отбитыхъ нами штурмахъ. Эти потери граничатъ съ полнымъ уничтоженіемъ цѣлыхъ дивизій.

Народъ — солдату. Читатели наши знаютъ («Отклики войны» № 1 с. г.). старуху Владимірской губерніи Мароу Пантелееву, которая, придя въ городъ Владиміръ, направилась къ владимірскому архіепископу Алексію и вручила ему сбереженія своей долгой жизни — пятьсотъ рублей—съ просьбой передать ихъ Царю на военныя надобности. Мароа Пантелеева — олицетвореніе всей крестьянской Руси. Не только русскій народъ, но и всѣ народности, входящія въ составъ великой Россіи, жертвуютъ все, что могутъ, на нужды войны. Сельскія общества Вятской губерніи изъ своихъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ послали въ армію свыше 60.000 пудовъ хлѣба. Псковскіе крестьяне собрали 50 тысячъ мѣшковъ, а курскіе мужики безплатно насушили 100 тысячъ пудовъ сухарей. Бузулукскіе крестьяне собрали десятки тысячъ рублей и много вещей.

На Уралѣ, въ маленькой башкирской деревенькѣ Козенкулахъ, у богатаго, зажиточнаго башкира Насруллы собрались гости. Угощаясь барашкомъ и занимаясь чаепитіемъ, гости-башкиры заговорили про войну. Отъ разговоровъ скоро перешли къ дѣлу. Гостепріимный хозяинъ первый заявилъ:

— Пиши отъ меня амбаръ пшеницы,—а въ амбарѣ двѣ тысячи пудовъ.

За нимъ другой:

— Отъ меня сто пудовъ.

Черезъ короткое время такимъ образомъ собрали около четырехъ тысячъ пудовъ пшеницы, продавъ которую, выручили три тысячи рублей. Эти деньги раздѣлили пополамъ: половину отдали на раненыхъ, а половину на помощь семьямъ запасныхъ. Въ Забайкальской области буддійскій священникъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ разъѣзжалъ по бурятскимъ улусамъ, призывая бурятъ жертвовать на нужды войны деньги и теплыя вещи. Кромѣ вещей ему удалось собрать около 150 тысячъ рублей. Жертвуются не только деньги, хлѣбъ, теплыя вещи, сухари, мѣшки и т. д., но и земля. Крестьянинъ Полонской волости, Вятской губерніи, Зоринъ пожертвовалъ девять десятинъ своей надѣльной земли для устройства пріюта для дѣтей воиновъ. Его жена и дочери изъявили желаніе быть сидѣлками и хожалками въ будущемъ пріютѣ.

Недавно въ «Сельскомъ Вѣстникѣ» была помѣщена статья подъ заглавіемъ «Бабій налогъ». Авторъ статьи совѣтовалъ обложить всѣхъ женщинъ въ Россіи обязательствомъ дать для нуждъ арміи солдатскую рубаху и солдатскіе штаны. Когда газета съ этимъ простымъ дѣльнымъ проектомъ дошла до деревни, она нашла тамъ живой откликъ. Въ одной изъ газетъ сѣверо-западнаго края напечатано было письмо въ редакцію, въ которомъ витебскія крестьянки предложили принять на себя это обязательство и просили написать, кому слѣдуетъ, чтобы «бабій налогъ» сталъ обязательнымъ закономъ.

Суффражистки на войнѣ. Во Францію прибыло нѣсколько отрядовъ англійскихъ суффражистокъ, которыя будутъ нести службу сигнальщиковъ, телеграфистовъ, передавать приказы и эстафеты и сопровождать обозы въ качествѣ надсмотрщиковъ и шофферовъ. Корпусъ суффражистокъ будетъ раздѣленъ на роты, по 500 человѣкъ въ каждой, четыре роты будутъ составлять батальонъ, два батальона — полкъ. Ихъ работа будетъ имѣть немалое значеніе, ибо позволитъ освободить отъ несенія нестроевой службы нѣсколько тысячъ человѣкъ, которыхъ можно будетъ отправить на позиціи. Этотъ яркій патріотическій порывъ суффражистокъ приблизитъ ихъ къ побѣдѣ въ борьбѣ за равноправіе скорѣе, чѣмъ годы насильственныхъ протестовъ. Только равнообязанные могутъ стать равноправными.

Бабій бойкотъ «нѣмецкому» платью. Ненависть ко всему нѣмецкому глубоко проникла въ самую глубь Россіи—туда, «гдѣ вѣковая тишина». Бабы въ Смоленской губерніи объявили бойкотъ всему нѣмецкому, даже платью. «Не хотимъ носить нѣмецкаго платья»—въ одинъ голосъ рѣшила вся Смоленская губернія, и исчезли проникшіе изъ городовъ въ деревню корсеты, выброшены модныя кофточки, поскидали бабы и дѣвки узкія юбки, поснимали «жакеты» и блузки, вытащили изъ сундуковъ старинные сарафаны. У кого ихъ не нашлось — пошили, и не по новому фасону, а по старинному образцу.

Крестьяне — воинамъ. Уполномоченный Союза городовъ по брестъ-литовскому складу сдѣлалъ въ главномъ комитетѣ Союза интересное сообщеніе о томъ, какъ наше крестьянство само заботится о доставленіи въ армію подарковъ.

Уполномоченный встрѣтилъ въ Брестъ-Литовскѣ двухъ крестьянъ Астраханской губерніи, прибывшихъ въ Брестъ-Литовскъ съ вагономъ деревенскихъ подарковъ, собранныхъ для полка, гдѣ служатъ уроженцы ихъ волости.

Крестьяне привезли пшено, соль, масло, бѣлье и т. п.

Они сообщили, что въ волости у нихъ заготовлены еще подарки на два вагона, которые должны быть скоро отправлены въ армію.

Уполномоченный союза оказалъ крестьянамъ содѣйствіе по отысканію нужнаго имъ полка.

Полковой медвѣдь. Недавно на Новомъ Свѣтѣ и Краковскомъ предмѣстьѣ Варшавы прохожіе могли наблюдать интересное зрѣлище. Проходилъ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ. За нимъ тянулась длинная вереница повозокъ, и на одной — живой медвѣдь, съ любопытствомъ осматривавшій варшавскую публику.

— Это нашъ полковой «мишка»,—объяснялъ солдатъ прохожимъ:—онъ у насъ уже пятый годъ. Его нашли въ лѣсу маленькимъ, «воспитали», и онъ отъ полка никогда не отстаетъ. Мы въ лагерь—и онъ съ нами. Мы на маневры—и онъ туда же. Мы идемъ бить нѣмцевъ—и онъ въ долгу не остается.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица "Розы", № 22.

№ 10. Выходитъ еженед. (52 №№ въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 7 марта 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на 1/3 года—4 р., на 1/4 года—2 р. Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 г.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литературныя“ и популярно-научныя приложенія“ за мартъ 1915 г. 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ“ за мартъ 1915 г. съ 61 рис., отдѣльный листъ съ 25 черт. выкр. въ натур. величину и 31 рис. выпилки по дереву.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Дарданеллы.

Какъ мы указывали въ предыдущей статьѣ, для овладѣнія Дарданеллами необходимо произвести двѣ операціи: уничтожить сопротивленіе Дарданелльскихъ фортовъ и произвести значительный десантъ. Въ настоящее время союзники ведутъ еще первую операцію.

Эта операція, въ свою очередь, состоитъ изъ подготовительныхъ дѣйствій по разрушенію фортовъ Внѣшнихъ Дарданеллъ и изъ рѣшительныхъ дѣйствій по разрушенію фортовъ главной линіи обороны—Среднихъ Дарданеллъ. Внѣшнія Дарданеллы, гдѣ батареи Седиль-Баръ и Кумъ-Кале были выстроены еще въ XV и XVI вѣкахъ, довольно скоро оказались во власти союзниковъ. Вообще, какъ мы указывали, борьба флота съ береговыми укрѣпленіями является весьма трудной задачей для перваго, но при бомбардировкѣ фортовъ Внѣшнихъ Дарданеллъ союзному флоту приходится имѣть дѣло со старыми каменными циклопическими постройками, которыя легко лопаются отъ первыхъ выстрѣловъ и даютъ массу осколковъ. Поэтому турецкій гарнизонъ фортовъ Внѣшнихъ Дарданеллъ отказался отъ защиты этихъ фортовъ и бѣжалъ.

Дѣйствительно, защищаться на фортахъ Кумъ-Кале и Седиль-

Казаки надъ Вислой. Картина И. Владимірова. (XXXIV выставка Общества русскихъ акварелистовъ).

Послѣ боя. Въ долинѣ смерти—могилы павшихъ воиновъ.

давно и лишь подвергается передѣлкѣ и улучшенію, параллельно развитію техники и инженернаго искусства. Поэтому форты Среднихъ Дарданеллъ представляютъ собою, примѣрно, такія же крѣпостныя сооруженія, какія существуютъ въ любой культурной европейской странѣ, а, слѣдовательно, ихъ можно считать современными.

Для борьбы съ фортами средней зоны союзники стянули въ послѣднее время очень большой флотъ въ 40 броненосныхъ судовъ, въ числѣ которыхъ имѣется англійскій дредноутъ „Королева Елизавета". Такъ какъ, вслѣдствіе узости пролива, всѣ эти 40 судовъ не могли принимать участія въ бомбардировкѣ фортовъ средней зоны, то сосредоточеніе такого числа судовъ означало, что корабли будутъ вести бомбардированіе поочередно, группами по нѣскольку судовъ. Дѣйствительно, скоро оказалось, что

Передъ выдачей боевыхъ отличій — Георгіевскихъ крестовъ.

Баръ, гдѣ гарнизонъ можетъ быть перебитъ не столько снарядами, сколько безчисленными осколками разлетающихся камней, было крайне трудно. Союзники уничтожили эти форты въ теченіе двухъ бомбардировокъ, и каменныя руины совершенно разсыпались подъ первыми же выстрѣлами съ судовъ.

По окончаніи этой операціи былъ высаженъ небольшой десантъ, который разрушилъ минными взрывами послѣдніе остатки фортовыхъ сооруженій на Внѣшнихъ Дарданеллахъ. Затѣмъ, далѣе, впереди предстояла весьма трудная задача борьбы съ батареями средней зоны. Эти батареи были выстроены англійскими и французскими инженерами во время русско-турецкой войны 1877—78 годовъ, а затѣмъ были усовершенствованы въ 80-хъ годахъ и въ 900-хъ. Форты эти, конечно, не представляютъ собою послѣдняго слова техники, но, во всякомъ случаѣ, болѣе или менѣе удовлетворительны. Необходимо отмѣтить, что вообще большая часть европейскихъ крѣпостей выстроена

Водосвятіе въ день Крещенья.

Въ Восточной Пруссіи. По фот. нашего корреспондента.

Къ пребыванію въ Петроградѣ французскаго генерала По. Посѣщеніе Петропавловской крѣпости. Генералъ По здоровается съ выстроившимися ранеными, находящимися на излѣченіи въ мѣстномъ лазаретѣ. По фот. К. Булла.

бомбардировки ведутся отрядами въ составѣ 3—4 судовъ, которыхъ вслѣдъ затѣмъ смѣняютъ другія суда. Вообще можно предполагать, что болѣе трехъ морскихъ дивизій, т.-е. 12 судовъ, участвовать въ бомбардировкѣ не можетъ, и то эту цифру слѣдуетъ считать чрезмѣрной, и, какъ мы видѣли, до сихъ поръ число бомбардирующихъ судовъ при обстрѣлѣ фортовъ средней зоны не превышало трехъ-четырехъ кораблей.

Эта непрерывная смѣна судовъ представляется весьма важной, такъ какъ комплектъ снарядовъ на корабляхъ очень невеликъ, да и самыя орудія выдерживаютъ лишь небольшое число выстрѣловъ, напримѣръ, большія пушки — менѣе 100 выстрѣловъ, послѣ чего стираются нарѣзы, и можетъ появиться необходимость перемѣнить пушку.

Въ виду этого, союзники, когда имъ понадобилось разрушать батареи средней зоны, избрали другой способъ. Они не стали въ проливѣ на близкое разстояніе, чтобы отсюда огнемъ уничтожить фортъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ рисковали сами получить поврежденія отъ выстрѣловъ непріятельскихъ батарей. Вмѣсто этого они стали въ Саросскомъ заливѣ, т.-е. позади Дарданелльскихъ укрѣпленій, и стали стрѣлять имъ въ тылъ. Такъ какъ пушки на Дарданелльскихъ укрѣпленіяхъ направлены лишь на проливъ, то стрѣлять назадъ, въ сторону Саросскаго залива, онѣ не могутъ. Кромѣ того, мѣстность позади батарей подымается террасообразно, и, если бы турки на Дарданелльскихъ фортахъ повернули пушки назадъ, эти пушки увидѣли бы передъ собою лишь возвышенности, которыя заслоняли бы Саросскій заливъ.

Поэтому, ставъ въ Саросскомъ заливѣ, союзные корабли оказались сами въ полной безопасности и въ то же время могли обстрѣливать Дарданелльскіе форты. Это обстоятельство является весьма важнымъ уже по одному тому, что сбереженіе кораблей всегда составляетъ задачу всякаго флота, вѣрнѣе сказать, всякой страны. Стратегическая и политическая цѣнность каждаго корабля настолько велики, что случайная потеря нѣсколькихъ кораблей можетъ обезсилить страну не только на время войны, но и въ теченіе долгаго періода послѣ. Такая страна, лишившаяся части флота, не въ состояніи будетъ, конечно, выполнить тѣхъ политическихъ задачъ, которыя она всегда намѣчала, и займетъ болѣе низкое положеніе въ ряду другихъ морскихъ державъ.

При такихъ условіяхъ, выборъ Саросскаго залива, какъ безопаснаго раіона, откуда можно вести бомбардированіе фортовъ средней зоны, представляется вполнѣ цѣлесообразнымъ.

На кавказскомъ фронтѣ. Раздача одежды пластунамъ. По фот. нашего корреспондента.

На родину. Картина И. Владимірова. (XXXIV выставка Общества русскихъ акварелистовъ).

Изъ этого краткаго очерка видно, что флотъ вполнѣ правильно, не рискуя вступить въ прямое состязаніе съ батареями средней зоны, при которомъ онъ могъ бы получить нѣкоторыя поврежденія,—избралъ длительный способъ многихъ бомбардировокъ фортовъ. Поэтому операція должна затянуться.

Это, конечно, относится къ артиллерійскому состязанію флота съ береговыми укрѣпленіями. Что же касается десанта, то мы уже высказывали мнѣніе о томъ, что десантъ этотъ долженъ быть весьма значителенъ, и въ настоящее время такое же мнѣніе высказывается военными авторитетами и у насъ и за границей. Полковникъ Репингтонъ считаетъ, что необходимъ десантъ многочисленныхъ и притомъ отборныхъ войскъ.

Изъ польскихъ пѣсенъ.

Не тоскуйте, не печальтесь,
Милыя подружки.
Я не плачу, не печалюсь,
Я была у вружки *).
Вружка старая, сѣдая,
Мнѣ навстрѣчу встала,
Присмотрѣлась, улыбнулась
И гадать не стала.
Только молвила, кивая
Дряхлой головою:
«Знаю, знаю. Всѣ больны вы,
Всѣ одной тоскою.
И не ѣстся, и не спится?
Милый—въ ратномъ полѣ?
Ну, а лучше, если будетъ
Край родной въ неволѣ?»
Я смутилась, стало стыдно,
Задрожали губы...
А на улицѣ звенѣли
Боевыя трубы.
Мчалась конница родная,
Шла за ней пѣхота,
Къ нашимъ милымъ на подмогу
Шла за ротой рота.
Шли сурово-молчаливы,
Добродушно-грубы...
И торжественно звенѣли
Боевыя трубы.

Г. Вяткинъ.

*) Вружка—гадалка.

Князь Всеволодъ Николаевичъ Шаховской, назначенный управляющимъ министерствомъ торговли и промышленности. По фот. К. Булла.

Запасный рядовой Семеновъ.

Разсказъ **В. Муйжеля.**

(Окончаніе).

VII. Оставленные.

— Шли часа три, потомъ вдругъ повернули назадъ, прошли еще два часа и опять повернули — налѣво, по занесенной, еле примѣтной, дорогѣ. За это время пали въ обозѣ три лошади, измученныя плохими кормами, глубокимъ, задерживающимъ колеса, снѣгомъ и нагайками ѣздовыхъ. По часу возились съ каждой, отстегивая постромки, снимая сбрую, оттаскивая грустно, безнадежно глядѣвшихъ плачущими глазами лошадей въ канаву, чтобы освободить проѣздъ слѣдующимъ.

Тяжелыя, облѣпленныя суетливыми человѣческими фигурами, туши лошадей безвольно и мягко, какъ въ перину, валились въ полную снѣга канаву и начинали судорожно биться прямыми, кажущимися отъ непривычнаго положенія особенно длинными, ногами.

На кавказскомъ фронтѣ. Послѣ боя. Уборка турецкихъ труповъ нашимъ дезинфекціоннымъ отрядомъ. По фот. нашего корреспондента.

На кавказскомъ фронтѣ. Эвакуація въ Россію раненыхъ турокъ, брошенныхъ своими на полѣ сраженія и подобранныхъ нашими санитарами. По фот. нашего корреспондента.

войный, теперь уже почти не обращавшій вниманія на своихъ плѣнныхъ. А лошадь упала какъ разъ дышловая, выпрастывать ее было мученье, и еще труднѣе вытащить изъ-подъ надвинувшихся колесъ. Другія лошади храпѣли, начинали испуганно биться, переступая постромки, и Семеновъ, чтобъ помочь мучившимся, перезябшимъ окончательно, людямъ, сталъ обходить остальныхъ лошадей, оглаживая и успокаивая ихъ.

Наконецъ павшую выволокли, подтащили къ канавѣ и толкнули туда. Она дрыгнула всѣми четырьмя ногами, скользнула спиной внизъ по поднимавшемуся снѣгу и ввязла на днѣ

Одного обознаго, который, утопая въ снѣгу, тащилъ тушу за хвостъ, въ этой судорожной борьбѣ лошадь ударила стершейся подковой задняго копыта ниже груди, и онъ запрокинулся назадъ, широко открывая круглый черный ротъ и не находя силъ глотнуть воздуху.

Его подняли и положили на послѣднюю фуру, гдѣ обычно, во время перехода рысью, тряслись три человѣка, бредущіе за обозомъ. Фура тоже потеряла одну лошадь, и пока ѣздовые отстегивали ее, ругаясь между собою и поминутно дуя на красныя, наполовину отмороженныя, руки, обозъ не сталъ ждать, пошелъ тѣмъ же спѣшнымъ шагомъ дальше и черезъ нѣсколько минутъ скрылся за снѣжной пеленой.

Съ лошадью возились долго, потому что народу было мало: два ѣздовыхъ, дышловой кучеръ да кон-

На кавказскомъ фронтѣ. Турки, павшіе въ бою, и арабы, погибшіе отъ морозовъ. По фот. нашего корреспондента.

глубоко ушедшими внизъ плечами и шеей и высоко на край канавы задранными ногами.

Снѣгъ бурей взлетѣлъ вокругъ отъ неистово забившихся ногъ; на мгновеніе въ бѣлой мглѣ намѣтился черный силуэтъ подымающейся лошади. Это ей удалось опереться передней ногой въ замерзшую кочку подъ снѣгомъ и попытаться встать. Но кочка не выдержала, нога оборвалась, и лошадь ухнула внизъ еще глубже, уходя головой въ снѣгъ.

Семеновъ отвернулся, чтобы не видѣть ея, и пошелъ на свое мѣсто сзади фуры.

„Можетъ, и лучше, — разсѣянно думалъ онъ: — кровь въ голову ударитъ — скорѣй конецъ будетъ, а то морозъ, волки тоже, чай, тутъ бѣгаютъ..."

Фура тронулась, но шла она медленно, напрягая послѣднія силы бившихся въ глубокомъ снѣгу лошадей.

Буря какъ будто еще больше освирѣпѣла — вѣтеръ рвалъ полы шинели, ледяной струей проникалъ до самаго тѣла и валилъ съ ногъ... А тутъ еще костыль увязаетъ въ снѣгу, и вытаскивать его истинное мученье, и снѣгъ бьетъ лицо до крови — мерзлый, твердый, какъ безчисленныя льдинки, снѣгъ, и здоровая нога отмерзла, стала, какъ деревянная, и нѣтъ никакого послушанія въ ней...

На кавказскомъ фронтѣ. Представители союза кавказскихъ городовъ: 1) Бакинскій городской голова Бычъ, 2) Уполномоченный Краснаго Креста графъ Грохольскій на передовыхъ позиціяхъ, послѣ раздачи теплыхъ вещей частямъ войскъ. По фот. нашего корреспондента.

Единственное утѣшеніе было въ томъ, что конвойному приходилось, кажется, еще хуже. Онъ шелъ, подпираясь тяжелой германской винтовкой, которую и здоровому-то тащить по такому снѣгу было бы нелегко. Должно-быть, у краснолицаго нѣмца не въ порядкѣ было сердце, потому что онъ внезапно останавливался, широко открывая ротъ и захлебываясь воздухомъ, — и тогда уже Семеновъ подгонялъ его.

— Иди, иди, чего сталъ! — добродушно, какъ лошади, отказывающейся везти, говорилъ онъ, слегка толкая его въ плечо. — Не слѣдъ отставать, гляди, фура-то куда ушла, поторапливайся, нечего! Отстанешь — смерть, такъ и понимай это!..

Нѣмецъ смотрѣлъ свѣтлыми, слезящимися отъ вѣтра и снѣга, глазами, тяжело вздыхалъ и брелъ дальше.

Война вообще сдвигаетъ обычныя представленія людей въ новую плоскость и часто, въ острые моменты, играетъ людьми, насмѣшливо путая ихъ роли. Плѣнный русскій солдатъ Семеновъ внимательно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы не отстать отъ той самой фуры, отъ которой нѣсколько часовъ тому назадъ готовъ былъ убѣжать, какъ отъ вѣрной смерти. И конвойнаго солдата, котораго (кто знаетъ человѣческое сердце?), можетъ-быть, въ иную минуту не прочь былъ и придушить гдѣ-нибудь въ темномъ углу, чтобъ бѣжать самому изъ плѣна, — теперь порядочно-таки подталкивалъ, чтобы тот не отставалъ отъ фуры.

Но, какъ ни подталкивалъ онъ его, какъ ни торопилъ — нѣмецъ, видимо, совсѣмъ выдохся. Фура уѣзжала все дальше и дальше, и бѣлыя облака несущагося черезъ дорогу снѣга все чаще закрывали ее. Нѣмецъ самъ понималъ необходимость торопиться и, очевидно, напрягалъ всѣ усилія, но силы измѣняли ему, сердце бѣшено колотилось, и красное напряженное лицо покрылось багровыми жилками.

— Иди, иди, какъ есть застынешь! — бормоталъ Семеновъ, поминутно оглядываясь на него. — Эхъ, горе мое съ тобой, калѣкой! Непривычный народъ, хлибкій, городской народъ, зато и корпусности въ тебѣ настоящей нѣтъ.. Ты гляди на меня — одна нога мнѣ совсѣмъ ни къ чему, помѣха только, а пру... Потому отъ младыхъ лѣтъ этому обученъ, чтобы во вьюгу да морозъ... Эхъ, ты, одно слово — нѣмецъ!..

Когда конвойный совсѣмъ сталъ и забормоталъ что-то непонятное дрожащими, неслушающимися губами, Семеновъ пристроился у него сбоку, подхватилъ свободной рукой подъ мышку и потащилъ впередъ. Дѣвушка поглядѣла на него, зашла съ другой стороны и, также подхвативъ подъ другую руку, напрягая свои слабыя силы, помогала, какъ могла.

— Такъ, такъ, дѣвонька! — въ необычайномъ оживленіи, внезапно охватившемъ его, одобрилъ Семеновъ. — Дѣло твое молодое, силы крѣпкія, помоги по добротѣ сердечной. Не гляди, что онъ злой — онъ, можетъ, такъ-то и добрѣй, только жизнь его на войнѣ дюже

Экзархъ Грузіи высокопреосвященный Питиримъ въ дѣйствующей арміи на кавказскомъ фронтѣ: 1) Высокопреосвященный Питиримъ, 2) Генералъ-лейтенантъ Баратовъ и 3) Генералъ-маіоръ Воропановъ. По фот. нашего корреспондента.

На кавказскомъ фронтѣ. Обѣдъ на позиціяхъ.

ный кругъ крутящихся бѣлыхъ тѣней.

Неминуемая гибель была оставаться возлѣ фуры. А итти — куда? Семеновъ оглянулся, — прежнее оживленіе еще владѣло имъ, какъ всегда, въ минуты большой опасности и, главное, отвѣтственности,— прислушался и чмокнулъ зубами.

— Хошь бы артиллерія наша гдѣ бухала, хошь сторону бы знать, а то въ метель и тамъ всѣ замолчали, словно вымерли...

Онъ склонилъ голову набокъ и сталъ соображать.

Утромъ, когда его вели разстрѣливать, вѣтеръ былъ съ востока. Это можно было понять потому, что молодая зеленая хвоя всегда справа съ теплой стороны появляется, съ южной. Совершенно не думая объ этомъ, живущій вѣковымъ крестьянскимъ опытомъ человѣкъ отмѣтилъ это въ страшныя минуты ожиданія разстрѣла.

Когда обозъ шелъ сначала впередъ, вѣтеръ былъ прямо

злая, вотъ онъ и разошелся сердцемъ!.. И не намъ судить—всѣхъ насъ въ свой часъ разсудятъ—наше дѣло маленькое; видишь бѣду неминучую—помоги, покуда силы есть, да Богъ грѣхамъ терпитъ!..

Онъ долго еще говорилъ въ этомъ возбужденіи, тревожно поглядывая впередъ, гдѣ за снѣговыми вихрями совсѣмъ скрылась фура.

— Подлецъ народъ, истый подлецъ! — бормоталъ онъ. — Какъ есть бросили и сами уѣхали... Легкій сердцемъ народъ — только бы за себя!..

Вдругъ вдали, въ густой бѣлой мглѣ, намѣтилось темное пятно. Оно было неподвижно, — и по засыпанному снѣгомъ брезентовому верху можно было сразу узнать знакомую фуру.

— Эхъ, грѣха на душу взялъ—обругалъ ихъ, а они ждутъ!..— ворчалъ Семеновъ.

Но они не ждали. Вѣроятно, чувствуя, что съ фурой они завязнутъ въ снѣгу окончательно, они перерубили постромки и уѣхали верхомъ, оставивъ фуру посреди дороги. Ее уже порядочно занесло снѣгомъ и съ каждой минутой заносило все больше и больше.

И у заднихъ колесъ, очевидно, сброшенный сверху, куда его положили, когда лошадь зашибла его, лежалъ нѣмецкій обозный. Онъ былъ уже мертвъ, и полуприкрытые тусклые глаза безстрастно глядѣли передъ собою; снѣгъ завилъ острымъ бугоркомъ раскинутыя въ стороны ноги, припорошилъ холодѣющее лицо и набился въ орбиты глазъ, прямо на зрачки, и не таялъ тамъ.

Семеновъ наклонился къ нему, узнавъ одного изъ тѣхъ, что должны были разстрѣлять его сегодня утромъ, и покачалъ головой:

— Вотъ, грозился меня убить, а самъ конецъ свой на дорогѣ нашелъ... Такъ-то, братокъ, я на тебя зла не держу!

Потомъ оглянулся, увидѣлъ полную безпомощность свою въ крутящейся тысячью снѣжныхъ вихрей метели и крякнулъ.

— Вотъ она, жизть военная — коли не въ атакѣ, такъ въ секретахъ отъ револьверной пули, не тамъ—такъ въ плѣну разстрѣляютъ, а ушелъ отъ этого—на дорогѣ въ снѣгу погибнешь... А не все одно?

Нѣмецъ-конвойный кое-какъ подползъ, грузно сѣлъ въ снѣгъ и сталъ дуть на руки. Очевидно, онъ совсѣмъ выбился изъ силъ, обравнодушѣлъ ко всему и только по привычкѣ придерживалъ между колѣнами настывшую винтовку.

Уже темнѣло, синяя густая тьма падала сверху, поднималась изъ канавъ, выглядывала изъ-за облѣпленныхъ снѣгомъ толстыхъ стволовъ вѣтелъ. Казалось, только-что добились до фуры, а она уже чернѣла смутнымъ пятномъ въ бѣлесомъ мракѣ несущагося снѣга, и мракъ подступалъ къ ней, сближая призрач-

въ лицо. Потомъ повернули назадъ, былъ въ спину, потомъ свернули въ сторону—и вѣтеръ пошелъ съ праваго боку. Теперь онъ тоже дулъ справа; соображаясь со всѣмъ этимъ, русскіе должны быть на вѣтру, къ тому же и обозъ повернулъ не зря. Стало-быть, надо итти прямо противъ вѣтра, аккуратъ на наши окопы и выйдешь!

Все это соображалъ Семеновъ обстоятельно и серьезно, какъ обычно рѣшаютъ сложную, отвѣтственную задачу. Но выходило это такъ ясно и безошибочно только потому, что гдѣ-то внутри его существа, увѣренный и безошибочный, жилъ темный полузвѣриный инстинктъ, безъ всякихъ соображеній чувствующій нужное направленіе глубокой ночью, приспособливающійся къ обстоятельствамъ во время ночевки, въ минуту опасности,— инстинктъ, воспитанный всей огромной борьбой безчисленныхъ поколѣній съ вьюгами, дождями, непролазной грязью и всѣмъ огромнымъ земельнымъ трудомъ.

Этотъ инстинктъ неоднократно спасалъ солдата, подсказывая ему то или иное рѣшеніе, рождая опредѣленную увѣренность, обоснованія которой онъ самъ не могъ объяснить. Онъ же от-

На кавказскомъ фронтѣ. На передовыхъ позиціяхъ. Варятъ пищу.
По фот. нашего корреспондента.

крывалъ таинственные источники силы въ истощенномъ, казалось бы, организмѣ — той самой силы, которая минуты не устоитъ противъ любого, хорошо упитаннаго, занимавшагося гимнастикой шестнадцатилѣтняго мальчика, и которая не погнулась и не поддалась ни на одну іоту, вынося на своихъ плечахъ сидѣнье въ залитыхъ водою окопахъ по мѣсяцамъ, холодъ и морозы и недостатокъ питанія и пятидесятиверстные переходы въ однѣ сутки, и безсонныя ночи — всю страшную, невообразимую тяжесть полугодовой войны...

И этотъ же инстинктъ толкнулъ Семенова теперь, подсказывая ему, что оставаться на мѣстѣ нельзя, а надо итти...

— Ну, братокъ, братокъ, подымайся, нечего разсиживаться, вставай! — засуетился онъ около сидѣвшаго въ снѣгу конвойнаго.—Гляди, ночь на дворѣ, нельзя сидѣть, пропадешь зря!..

Нѣмецъ безразлично посмотрѣлъ на него и отрицательно покачалъ головою.

Видно было, что онъ махнулъ на себя рукой, дойдя до послѣдняго равнодушія, и поднять его не такъ-то легко. Но Семеновъ не отставалъ отъ него. Теребилъ свободной рукой, позвалъ на помощь дѣвушку — и поднялъ все-таки нѣмца.

На австрійскомъ фронтѣ. Въ началѣ войны наши войска вливались, какъ рѣки, въ предѣлы Галиціи. По фот. нашего корреспондента.

Морщась, какъ капризный ребенокъ, плачущимъ голосомъ конвойный говорилъ что-то, но Семеновъ не слушалъ и тянулъ его, поддерживая подъ руку. Очевидно, нѣмецъ уже ничего не соображалъ, потому что покорно поплелся въ обратную сторону отъ полузанесенной снѣгомъ фуры. Одинъ разъ онъ только оглянулся, — трупъ возлѣ колесъ фуры снѣгъ почти покрылъ совсѣмъ, и видны были только верхняя часть груди и остро возвышающіеся концы сапогъ.

— Hermann, armer, guter Hermann, — бормоталъ нѣмецъ, отворачиваясь и покорно увязая съ каждымъ шагомъ въ снѣгу:—ich sterbe auch...

Тогда началось самое страшное въ этой надвинувшейся, полной воющихъ страшныхъ видѣній, ночи; началась послѣдняя безпощадная борьба трехъ запрятанныхъ въ крутящихся вихряхъ метели людей со смертью, тысячами ледяныхъ рукъ цѣпляющейся за нихъ...

На австрійскомъ фронтѣ. Подъ фортами Кракова. Бивуакъ нашихъ войскъ въ усадьбѣ польскаго помѣщика. По фот. нашего корреспондента.

VIII. Послѣдняя борьба.

Шли такъ: впереди дѣвушка, за нею Семеновъ, изо всѣхъ силъ поддерживающій нѣмца. Когда солдатъ очень уставалъ, дѣвушка замѣняла его, а Семеновъ выходилъ впередъ—проминать дорогу.

Шли сначала прямо, потомъ шоссе стало чуть-чуть кривить, и Семеновъ остановился. Нѣмецъ хотѣлъ-было воспользоваться этимъ случаемъ и сѣсть въ снѣгъ, но Семеновъ запротестовалъ:

— Ни-ни! И думать не моги этого! Если ты сейчасъ сядешь, послѣ тебя никакимъ Макаромъ не поднять будетъ... Держись на дыбахъ, нечего тамъ! Теперь, братокъ, не я въ твоей, а ты въ моей власти — въ родѣ какъ ты ко мнѣ въ плѣнъ попалъ, вотъ оно, братокъ, какъ вертится на свѣтѣ-то все!..

Нѣмецъ услышалъ знакомое слово „плѣнъ“ и сжалъ руками винтовку. Съ неимовѣрными усиліями онъ отступилъ назадъ и сталъ что-то шарить руками. Въ темнотѣ совсѣмъ опустившейся ночи нельзя было разглядѣть, что̀ онъ дѣлаетъ, но Семеновъ вдругъ услышалъ щелканье затвора.

— Ахъ, ты, коневья душа! — вскричалъ Семеновъ, кидаясь къ нѣмцу.—Ты что̀ жъ это такое задумалъ, а? Тутъ съ тобой возишься, какъ съ душой неприкаянной, а онъ на̀ тебѣ!..

На одной ногѣ, съ костылемъ, прыгать по снѣгу неловко. Солдатъ сообразилъ, что не успѣетъ подскочить къ нѣмцу, и уже хотѣлъ запустить въ него костылемъ, какъ стоявшая неподвижно до сихъ поръ дѣвушка, очевидно, тоже сообразила что-то и прыгнула къ нѣмцу. Она ухватила сбоку за стволъ ружья въ тотъ моментъ, когда нѣмецъ спустилъ курокъ—и выстрѣлъ стукнулъ коротко и негромко, на мгновеніе освѣтивъ всѣхъ быстрой желтой молніей.

Дѣвушка рванула ружье къ себѣ, потомъ толкнула назадъ,—нѣмецъ упалъ навзничь въ снѣгъ, и винтовка осталась у нея въ рукахъ.

— О, чтобъ тебя, некрещенаго,—ругался Семеновъ, подползая на своемъ костылѣ по снѣгу: — то-есть до чего ядовитый народъ, до чего ехидный!.. Его же, можно сказать, живота своего не жалѣя, тащишь, а онъ—на̀ тебѣ!..

Онъ остановился надъ нѣмцемъ, тяжело дыша отъ волненія, и смотрѣлъ на него. Тотъ лежалъ на спинѣ,

На австрійскомъ фронтѣ. Въ Карпатахъ. Лѣсъ, занесенный снѣгомъ. По фот. нашего корреспондента.

На австрійскомъ фронтѣ. Карпатскія горы близъ мѣстечка „Горлица“. По фот. нашего корреспондента.

отчаявшійся во всемъ нѣмецъ, потомъ дѣвушка—единственная здоровая и самая слабая изъ всѣхъ.

Такъ шли они часы, безконечные часы, среди крутящихся воронокъ снѣга, и метель била ихъ въ лицо, толкала въ сторону—и они шли, какъ пьяные, сохраняя послѣднюю гаснущую искру жизни.

Временами казалось, что они идутъ не по прямой линіи, а крутятся на одномъ мѣстѣ, и вьюга насмѣшливо хохочетъ надъ ними, осыпаетъ ихъ жгучимъ колющимъ снѣгомъ и толкаетъ въ сугробы и кричитъ завывающимъ голосомъ дикія слова въ самое ухо.

— У-у-у-у!..—высвистывали и выли тысячи бѣлыхъ призраковъ, насмѣшливо крутившихся вокругъ обезсиливающихъ людей.—Ву-у-у—не дойдете, не дой-де-те-е-е, не дойде-те-е-ввву-у-у!..

— Ахъ, ахъ, ахъ, у-меръ, у-меръ, у-у-у-умеръ!—билъ въ ухо чей-то тонкій пронзительный голосъ—и такъ

На австрійскомъ фронтѣ. Засѣка въ лѣсахъ на Карпатахъ По фот. нашего корреспондента.

глубоко вдавливаясь въ рыхлый снѣгъ. Каска упала съ головы, и снѣгъ былъ въ коротко остриженныхъ волосахъ нѣмца, на лицѣ, на рукахъ.

— Съ чего тебя прорвало, подлой ты души человѣкъ!—выговаривалъ Семеновъ, отирая тающій на лицѣ снѣгъ.—Али ты про плѣнъ заслышалъ, такъ спугался, а? Разсказывали у насъ въ ротѣ, будто вамъ офицеры глупости болтаютъ, будто у насъ плѣнныхъ вѣшаютъ,—брось, дурья ты голова, сурьезный ты уже, въ годахъ человѣкъ, а глупостямъ всякимъ вѣришь!..

жутко становилось отъ его визга, что хотѣлось лечь лицомъ въ снѣгъ, закрыть голову руками и ничего не слышать.

Въ небольшомъ рѣдкомъ перелѣскѣ занесенныхъ снѣгомъ сосенокъ было какъ будто потише. Мгла бѣлесая, тусклая, носилась кругомъ, и мотались сосенки на опушкѣ, какъ безпріютныя дѣти, заблудившіяся въ ночи.

Нельзя было останавливаться, хоть и тянуло присѣсть въ

На австрійскомъ фронтѣ. Въ Карпатахъ. Землянка дежурнаго офицера. По фот. нашего корреспондента.

Онъ взялъ у дѣвушки винтовку, выбросилъ ей въ полу платка патроны и спряталъ ихъ въ карманъ. Потомъ передалъ винтовку нѣмцу и знаками заставилъ его встать. Тотъ говорилъ что-то захлебывающимся отъ холода голосомъ, о чемъ-то просилъ, но Семеновъ былъ непреклоненъ. Для вящшей убѣдительности онъ слегка хлопнулъ нѣмца по загривку.

Надо было перейти канаву, и это было самое мучительное. Вязли по поясъ, бились, какъ завязнувшія лошади, и колючій ледяной снѣгъ набивался въ рукава, за воротъ и огненными струйками обжигалъ иззябшее тѣло. Помогая другъ другу, подбодряя себя крикомъ, кое-какъ выбились изъ набитой снѣгомъ канавы и, истомленные, остановились. Куда итти?

Но Семеновъ чувствовалъ, что одна минута сомнѣнія можетъ погубить все. Онъ взялъ направленіе прямо противъ вѣтра и пошелъ, ковыляя костылемъ и покрикивая, какъ передовой вожакъ, на свое скудное стадо. За нимъ плелся

На австрійскомъ фронтѣ. Наша позиція въ Карпатскихъ горахъ. Солдатская баня. По фот. нашего корреспондента.

сравнительномъ затишьѣ, и Семеновъ, согнувшись пополамъ, выставивъ вѣтру обледянѣвшую голову, перъ напроломъ, какъ раненый медвѣдь, уходящій отъ смерти. А нѣмецъ сдалъ: сдѣлалъ нѣсколько падающихъ шаговъ и безвольно, какъ мѣшокъ, опустился въ снѣгъ. И что ему ни говорилъ Семеновъ, какъ ни кричалъ на него сердитымъ, ожесточеннымъ голосомъ, какъ ни толкалъ его намерзшимъ концомъ костыля,—нѣмецъ только качалъ головою и бормоталъ что-то, чего нельзя было разобрать.

Семеновъ сѣлъ возлѣ него, стиснулъ деревянныя, ничего уже не ощущающія, руки и вдругъ заплакалъ.

— Господи, этого только недоставало!—взмолился онъ прерывистымъ, вздрагивающимъ отъ ледяной тряски, въ которой колотилось все тѣло, голосомъ.— Что жъ, мнѣ пристрѣливать тебя, что ли?!. Господи, вѣдь я жъ объ одной ногѣ, да иду же, чего жъ ты то, брюхатый, сѣлъ—ну что мнѣ съ тобой дѣлать? Кабъ у меня ноги здоровы—на крикишки бъ я тебя взялъ, а куда мнѣ, когда я самъ еле волокусь?!.

Все напряженіе этого дикаго кошмарнаго дня разразилось въ темной мужицкой душѣ отчаянными рыданіями. Онъ плакалъ, какъ плачутъ крѣпкіе, здоровые мужики, всхлипывая и вскрикивая, и, слушая издали, можно было подумать, что это не

На германскомъ фронтѣ. Мостъ черезъ р. Ниду, сожженный германцами и наскоро вновь построенный нашими войсками. Здѣсь въ концѣ декабря происходили упорные бои.
По фот. нашего корреспондента.

Наши санитарные автомобили во дворѣ крѣпости. По фот. нашего корреспондента.

человѣкъ плачетъ, а лаетъ угрюмый, большой песъ.

Солдатъ кончилъ плакать, слезы успокоили его нѣсколько—и онъ сталъ вытирать носъ рукавомъ. Потомъ вздохнулъ порывисто, какъ ребенокъ, еще чувствующій гдѣ-то въ груди или въ горлѣ остатокъ непролившихся слезъ—и оглянулся кругомъ. Потомъ поднялся, выбралъ сосенку побольше и сталъ неслушающимися, застывшими руками ломать нижній, широко разлапившійся сукъ.

— Не оставлять же тебя, некрещенаго, вѣкъ до смертнаго часа потомъ тебя не забудешь!—бормоталъ онъ, подтаскивая сукъ къ нѣмцу и прилаживая изъ пояса и ременной портупеи винтовки лямку.—Садись, садись, нечего!—свирѣпо заоралъ онъ на нѣмца.—Еще сажать тебя, баринъ выискался!.. Ну! Не то какъ тресну прикладомъ по башкѣ...

Нѣмецъ долго не понималъ, чего отъ него требуютъ, наконецъ замоталъ головой и замахалъ руками.

— Врешь, сядешь!—хватая его за шиворотъ, злобно шипѣлъ Семеновъ.—Сядешь, некрещеный, небойсь, свезу!.. Ты—нѣмецъ, хлибкій человѣкъ, потому нашей солдатской силы понимать не можешь!.. Ты вотъ попробовалъ—и сѣлъ, и замерзать сготовился, а я сильнѣй тебя раненъ и хуть что—еще тебя повезу... И всѣ твои камрады некрещеные—попробовали, да ничего, видать, у нихъ не выйдетъ!.. Ну, подпрягайся, дѣвка, силы молодыя, здоровыя, на томъ свѣтѣ ужо уголекъ лишній за это самое тебѣ подкинутъ!..

И повезли. Останавливались, хрипѣли, увязали въ снѣгу и часто падали и лежали такъ, чтобы хоть чуть отдышаться—и везли широколапчатую сосновую вѣтку съ вцѣпившимся въ

Трофей нашихъ автомобилистовъ, взятый съ боя у германцевъ.
По фот. нашего корреспондента.

Домъ ксендза въ мѣстечкѣ Быхава, поврежденный бомбардировкой.

нее нѣмцемъ. Иногда, остановившись, подходили къ нему и глядѣли: живъ ли? Въ смутномъ снѣжномъ мракѣ выступало темное пятно лица, и непослушныя, казавшіяся совсѣмъ черными, губы, пытавшіяся сказать что-то, и свѣтлые, полные замерзающими тутъ же слезами, глаза.

И опять тащили—спотыкались, падали, обливались потомъ, и онъ застывалъ на лицахъ ледяной корой, и казалось, готово было лопнуть сердце, а все волоклись кое-какъ въ странной, невиданной запряжкѣ.

А когда совсѣмъ близко сквозь бѣлые вихри снѣга внезапно и ярко глянули вдругъ красные, мечущіеся подъ вѣтромъ, огни костровъ заночевавшаго въ полѣ въ непогожую ночь какого-то русскаго обоза—радость безмѣрная охватила обоихъ, и, напрягая послѣднія силы, сталкиваясь плечами, смѣясь и плача, закричали они слабыми, дрожащими голосами...

Уже на слѣдующій день, на передовомъ пунктѣ, гдѣ былъ развернутъ полевой госпиталь, торопливо подскакивая и одновременно крестясь частыми мелкими крестиками предъ блестящими хирургическими ножами и ланцетами, долженствовавшими отрѣзать ему обѣ отмороженныя, пораженныя уже гангреной, ноги и всю кисть лѣвой руки, Семеновъ робко спрашивалъ приготовившаго маску съ хлороформомъ доктора:

— А что, ваше высокоблагородіе, дозвольте сказать—какъ мой некрещеный—живъ будетъ?

Докторъ улыбнулся и медленно отвѣтилъ:

— Во-первыхъ, нѣмцы крещеные, а во-вторыхъ, успокойся — живъ твой нѣмецъ.

Семеновъ уже сидѣлъ на столѣ, вытянувъ синія, опухшія и блестѣвшія, какъ стеклянныя, ноги. Онъ еще разъ мелькомъ оглянулся на доктора и недовѣрчиво покачалъ головой:

— Не можетъ быть, чтобы крещеные, совсѣмъ не такіе поступки ихъ, я по себѣ теперича знаю... Такъ живъ, значитъ?

Нѣмецъ умеръ въ то же утро, какъ его дотащилъ Семеновъ. Но докторъ не хотѣлъ передъ ампутаціей волновать больного и опять повторилъ:

— Живъ, не безпокойся!.. Нечего разговаривать—ложись, ложись!..

— О-о-о, Царица Небесная!—забормоталъ Семеновъ, вытягиваясь на холодномъ, покрытомъ бѣлой клеенкой, столѣ.—Помяни, Господи, царя Давыда и всю кротость его!..

Послѣдней мыслью его, когда на лицѣ уже лежала маска и сладкій, тошный запахъ хлороформа ядовитой струей проникалъ въ самую глубину груди, была мысль о польской дѣвушкѣ, раздѣлившей съ нимъ весь ужасъ прошлой ночи. Онъ хотѣлъ спросить о ней доктора, но звенящая тьма вдругъ подхватила его, и онъ сталъ падать, падать, падать... Потомъ все смѣшалось, и было небытіе.

А когда съ тяжелой головой, съ странной, неизвѣданной прежде слабостью во всемъ тѣлѣ, съ тошнотой, мучительно толкавшей безсильное тѣло, онъ очнулся, — все пережитое, выстраданное, вымученное въ невѣдомой вспышкѣ жизненнаго инстинкта показалось ему далекимъ, чуждымъ, полузабытымъ сномъ.

Военныя миніатюры.

М. Сафонова.

I. Въ окопахъ.

— Эй, Чувашинъ! Нѣтъ ли сѣрничка?

— Есть, да не годятся: подмокли.

— Эхъ, ты, мать честная! Досада какая! Свернулъ покурить, а зажечь нечѣмъ.

Зданіе магистрата въ городѣ Шидловцѣ, поврежденное бомбардировкой.

— Спроси вонъ поближе къ лѣвому флангу, гдѣ давеча ефрейтора убили, тамъ есть: перебросятъ.

Чувашинъ вовсе не былъ чувашиномъ по происхожденію, а это была его фамилія, перешедшая отъ клички, данной его отцу.

Наши войска въ городѣ Шидловцѣ.

Чувашинъ былъ очень интересный солдатъ. Прежде всего онъ никогда не смѣялся, и на лицѣ его никогда не появлялось что-либо похожее на улыбку, но, несмотря на это, онъ всѣхъ смѣшилъ. Онъ былъ всегда серьезенъ и угрюмъ, но въ то же время позволялъ себѣ дѣтскія по наивности выходки и школьничьи по содержанію шалости. Пѣть онъ не умѣлъ, но постоянно мурлыкалъ себѣ подъ носъ однообразный мотивъ. Изъ пѣсенъ онъ зналъ одну смѣшную небылицу, которую обязательно распѣвалъ въ то время, когда вертѣлъ цыгарку:

Сидѣли двѣ медвѣди
На вѣткѣ зеленой;
Одна изъ нихъ вспорхнула
Ко мнѣ на бѣлу грудь.

Какъ онъ запоетъ эту чепуху, такъ сосѣди въ окопѣ тоже начинаютъ крутить козьи ножки, разсчитывая на спички Чувашина.

— Ты, Чувашинъ, теперь богачъ: изъ домовъ получилъ посылку съ табакомъ, да подарокъ выдали.

— Я теперь богачъ: изъ домовъ

Поврежденная бомбардировкой желѣзнодорожная станція Влощовъ, Кѣлецкаго у. (Радомской губ.).

нѣмцами самымъ обыкновеннымъ способомъ, „въ обхватку". Какъ это было? А вотъ какъ: онъ былъ въ окопѣ на правомъ крылѣ, возлѣ лѣса; шагахъ въ пятидесяти отъ опушки лѣса и шагахъ въ ста отъ окопа стоялъ стогъ сухого гороха. На что ужъ лучше—принести охапочку въ окопъ? Отпросился у взводнаго, оставилъ винтовку на бруствере, амуницію въ окопѣ, перекрестился и маршъ. Ползкомъ по опушкѣ добрался до стога, глядь, а тутъ двое нѣмцевъ тоже за сѣномъ пришли и тоже безъ оружія. Сначала всѣ трое стали втупикъ. Потомъ засмѣялись, покурили. Чувашинъ одного потрепалъ ласково по плечу и знаками предложилъ побороться. Нѣмецъ согласился. Борьба окончилась ни въ чью. Забрали всѣ трое по громадной охапкѣ сѣна — и въ окопы, чтобы быть непріятелями.

Переселившись въ непріятельскіе окопы, нужно имъ прежде всего, по выраженію Чувашина, „повернуть рыло", т.-е. перенести насыпь на другую сторону. Это уже сдѣлать не такъ долго и не такъ трудно. И опять въ окопахъ, изъ которыхъ видны такіе же непріятельскіе.

— Ты, хохолъ, не стрѣляй по каскамъ, это подвохъ. Ты стрѣляй по флангамъ, тамъ они закопались.

Окопы раздѣлялись отъ непріятельскихъ разстояніемъ всего только въ четыреста шаговъ. На такомъ разстояніи промаховъ давать не полагается. Но только нѣмецкая голова въ окопѣ рѣдко попадаетъ на мушку прицѣла, такъ что самое радикальное средство выбить нѣмца изъ окопа, это—штыковая атака.

Совѣтъ Чувашина хохлу былъ справедливымъ, такъ какъ дѣйствительно очень часто нѣмцы вдоль всей линіи окоповъ составляли только однѣ каски, а сами группировались на флангахъ. Эту хитрость Чувашинъ распозналъ еще въ первый мѣсяцъ войны, и на эту удочку его, а вмѣстѣ съ нимъ и весь взводъ, не провести.

— Пронинъ говорилъ, что получилъ посылку съ табакомъ, да подарокъ выдали.

— Чортова перечница!

— Ты не лайся, все равно поутру придется на другую квартиру переѣзжать.

И дѣйствительно: наутро развѣдчики доносятъ, что непріятельскіе окопы пусты.

— Не иначе подвохъ,—говорилъ Чувашинъ, надѣвалъ сумку и вмѣстѣ съ другими переходилъ въ непріятельскіе окопы.

По правиламъ при отступленіи окопы должны уничтожаться, т.-е. сравниваться съ землей; но нѣмцы этого не сдѣлали. Чѣмъ же объясняется такое поспѣшное отступленіе? И словамъ Чувашина: „не иначе подвохъ" придается нѣкоторое значеніе.

Говорятъ, что и въ аду привыкаютъ. То же самое можно сказать и про окопы. Несмотря на пронизывающій холодъ, слякоть и грязь, въ окопахъ стараются устроиться поудобнѣе: положить дощечекъ, сѣнца, позволить себѣ нѣкоторый комфортъ.

Чувашинъ попалъ въ окопы съ первыхъ дней войны и покидалъ ихъ только при отступленіи и наступленіи. Нѣсколько разъ бывалъ въ штыковыхъ атакахъ, и хранилъ его Богъ, какъ онъ самъ говорилъ, для Царя и для родины: живъ, здоровъ и нигдѣ не раненъ. Онъ даже боролся съ

Въ городѣ Опатовѣ. По фот. нашего корреспондента.

Въ городѣ Опатовѣ. По фот. нашего корреспондента.

наша конница къ рѣкѣ подошла,—говорилъ сосѣдъ Чувашина.

— А если подошла, такъ, значитъ, ночевать въ деревнѣ будемъ. Только больно плохо послѣ нѣмца въ деревнѣ: все окаянный возьметъ, а не успѣетъ взять, такъ все спалитъ. Хорошо, когда ихъ застанешь въ деревнѣ, да вмѣстѣ съ деревней и заберешь; тогда можно по-домашнему поужинать.

Артиллерійская канонада съ каждымъ часомъ развивалась все сильнѣе и сильнѣе, но особаго вреда для окоповъ не причиняла, потому что для артиллеріи окопы не представляютъ интереса, хотя осколки снарядовъ шлепались и вблизи окопа.

— Ишь ты, какъ вѣдь грохаетъ, проклятая!—говорилъ Чувашинъ.

— Если такъ будетъ палить, то къ полудню придется въ штыки.

— И лучше бы, а то ужъ очень надоѣло въ окопахъ. Оно, конечно, въ окопахъ поспокойнѣе, зато въ штыки веселѣе.

— Вотъ что, хохолъ, ты мнѣ нравишься. Подвинься ко мнѣ!

— А зачѣмъ?

— Подвинься, говорю, не съѣмъ

Хохолъ подползъ къ Чувашину.

— Ты грамотный?

— Грамотный. А что?

— Вотъ тебѣ бумажка и карандашъ. Запиши сдѣлай милость, мой адресъ, и ежели меня убьютъ то сообщи моей женѣ. Чуетъ мое ретивое, что меня не ранятъ, а прямо наповалъ. Только ты пиши кратко, что, молъ, убитъ на полѣ брани во славу русскаго оружія, и больше ничего, а то, знаешь — дѣло бабье, возьметъ да и заплачетъ. Ну, пиши...

Чувашинъ началъ медленно диктовать:

— Нижегородской губерніи. Написалъ, Нижегородской губерніи?

— Написалъ.

— Ты вотъ что: напиши вверху „солдатское письмо съ войны“. Оно такъ лучше выйдетъ, безъ задержки...

— Написалъ.

— Теперь, значитъ, пиши, Нижегородской губерніи... Это я давно, братъ-хохолъ, придумалъ, да только человѣка по душѣ не было. Вотъ, дай Богъ тебѣ здоровья, что подвернулся. Ну, пиши: Нижегородской губерніи.

— Это я написалъ уже.

— Написалъ? Ну, теперича пиши — Макарьевскаго уѣзда. Дарьѣ Ивановнѣ Чувашиной.

— Сначала надо волость написать, потомъ деревню и подъ конецъ ужъ и имя.

— Ну, ладно, будь по-твоему! Пиши: волость Вос... охъ!..

Кусокъ снаряда ударилъ Чувашина въ голову, и онъ повалился замертво на дно окопа...

„Дойдетъ ли письмо по этому адресу?“—думалъ хохолъ, кладя записку за обшлагъ шинели.

II. Въ подвижномъ госпиталѣ.

Подвижной полевой госпиталь остановился возлѣ австрійской деревушки, полуразрушенной отступившимъ непріятелемъ. До станціи желѣзной дороги было версты три, а до мѣста боя около двухъ.

Разрушенный нѣмцами лѣсопильный заводъ на рѣкѣ Пилицѣ.

Прохожденіе нашихъ войскъ черезъ городъ Кѣльцы.

Автомобильная рота у бензиновыхъ цистернъ въ Радомѣ.

Изъ дѣйствующей арміи. По фот. нашего корреспондента.

На лѣвомъ берегу Вислы. У города Ново-Александріи.

Къ мѣсту своего назначенія госпиталь пришелъ ночью, и въ темнотѣ прислуга начала разбивать палатки, раскрывать ящики съ инструментами, медикаментами и перевязочнымъ матеріаломъ. Однимъ словомъ, госпиталь готовился къ утреннему пріему раненыхъ. Старшій врачъ отдавалъ приказанія, самъ вмѣстѣ съ санитарами вынималъ изъ ящиковъ нужные предметы, то и дѣло подбѣгая къ развернутой походной койкѣ, на которой лежала нарѣзанная колбаса и большіе куски чернаго солдатскаго хлѣба.

— Сколько разъ говорилъ, чтобы вату съ марлей вмѣстѣ клали. Пискуновъ, растворъ карболки сдѣлалъ?

— Такъ точно, ваше благородіе, готово.

— Достаточно ли? А то опять придется во время горячки глазами хлопать.

— Не извольте безпокоиться: все въ исправности.

— То-то. Слышите, какъ разыгрывается? Сегодня денекъ будетъ бѣда. Ну, кончайте поскорѣе, перекусите малость, да и за дѣло. Отдыхать ужъ не полагается. Пискуновъ, возьми колбасу и хлѣбъ: я больше не хочу, а мнѣ принесите воды.

На войнѣ день возвѣщаетъ не солнечный лучъ, а пушечная канонада, которая началась уже минутъ пять. Старшій врачъ вышелъ изъ госпитальной палатки и пошелъ въ деревню, гдѣ въ уцѣлѣвшихъ домахъ тоже были поставлены койки. Жителей въ деревнѣ не было никого: всѣ разбѣжались еще до прихода австрійцевъ.

Канонада то усиливалась, то нѣкоторое время ослабѣвала, а то и вовсе прекращалась, чтобы возобновиться съ новой силой.

— Что-то никого не видно; должно-быть, въ пустую играютъ, — сказалъ возвратившійся старшій врачъ, протирая стекло у небольшой подзорной трубы.

— Нащупываютъ, ваше благородіе, — замѣтилъ фельдшеръ Пискуновъ.

— Пожалуй, и вправду нащупываютъ. А ужъ нащупаютъ, такъ понесутъ. Вонъ, несутъ! Видно, нащупали. Готовьтесь, ребятки! Ахъ, забылъ-было: а гдѣ папиросы для раненыхъ? Здѣсь? Ну, ладно. А ты, Жуковъ, сдѣлай десяточекъ крючковъ, нѣкоторые махорочку больше „абажаютъ".

Со стороны гула орудій и трескотни пулеметовъ можно было простымъ глазомъ различить движущіяся фигуры. Тяжело раненыхъ несли на носилкахъ, а легко раненые сами потихоньку брели на перевязку.

— Милости просимъ, — шутилъ врачъ, привыкшимъ взглядомъ измѣряя больного съ ногъ до головы. — Какой губерніи?

— Архангельской.

— Ага, и до Архангельской добираются, даромъ что около моря лежитъ. Въ ногу? Ну-ка, что такое? Жуковъ, помоги ему. Да чего жалѣешь? Рви, новые дадимъ!.. Ага! Голень?.. Снарядомъ?

— Такъ точно, ваше благородіе.

— Кокуринъ! На угольную этого, готовь инструменты...

Угольная койка—это операціонная. Снарядомъ раздробило кость голени, почему необходимо отнять ногу у колѣна. Это—самая легкая и всегда удачная операція.

— Тоже въ ногу?.. Вижу. Наложить большой бинтъ! Горевъ, тащи; видишь, человѣкъ покурить хочетъ—угости... Слѣдующій...

Третій раненъ былъ въ бокъ. Рана большая и очень мучительная, хотя неопасная.

— Обмойте хорошенько, я самъ перевяжу.

Пока врачъ перевязывалъ рану, уже нѣсколько человѣкъ съ незначительными ранами сами пришли на перевязку и разсказывали санитарамъ о ходѣ дѣла. Послѣ перевязки нѣкоторые тотчасъ же возвращались снова въ бой, а нѣкоторые направлялись къ желѣзнодорожной станціи, чтобы уѣхать въ Россію для окончательной поправки.

Бой развивался все сильнѣе и сильнѣе, и число раненыхъ все увеличивалось. Къ полудню всѣ койки были заняты, кромѣ двухъ операціонныхъ. Въ палаткахъ госпиталя только и слышно между стоновъ:

— Братецъ, дай попить!

— Товарищъ, поправь меня!

— Землячокъ, повороти на другой бокъ

— Землячокъ, ты осторожнѣе!

— Потише, братецъ, а то больно...

Ново-Александрія. Разрушенное селеніе. По фот. нашего корреспондента.

Близъ Поличны, въ Радомской губерніи. На мѣстѣ, гдѣ упалъ снарядъ, образовалась яма, изъ которой появился источникъ живой воды.

— Что̀ ты какъ берешь? Не знаешь, что ли, что тутъ рана...

И среди стоновъ раздаются крѣпкія слова, которыя санитары называютъ „величаніемъ“.

— А если запрягли, такъ и выносите. Жуковъ! Начинай съ первой палатки. Да поворачивайтесь живѣе! Дома отдохнете, а здѣсь некогда.

Это опять покрикивалъ старшій врачъ, отдавая приказанія отвезти раненыхъ на желѣзнодорожную станцію, чтобы освободить койки для новыхъ жертвъ войны.

Солнце сѣло. Бой кончился, а работа въ госпиталѣ не прекращалась. Хотя раненыхъ и не прибывало, но прибывшіе ранѣе еще не были перевязаны.

— Сколько осталось? Сорокъ? Ну, это

Между Радомомъ и Ивангородомъ. Разрушенное шрапнелью дерево въ паркѣ въ Поличнѣ, имѣніи графа Ст. Пржездецкаго.

ничего. Слава Богу. Поздравляю васъ съ побѣдой! Ура!..

Стоны раненыхъ были заглушены побѣднымъ крикомъ „ура“. Даже тяжело раненые кричали, крестились и плакали.

— Приберите немножечко все въ порядокъ. Дежурные, по мѣстамъ! А вы спите съ Богомъ. Спокойной ночи! Я тоже пойду отдохнуть, а то завтра ни къ чорту не буду годиться.

Подъ дружнымъ натискомъ нашихъ непріятель отступилъ на значительное разстояніе; это давало возможность не разбирать госпиталя и не передвигаться на другое болѣе безопасное мѣсто.

— Чайкомъ, чайкомъ попоить. Обязательно чайкомъ! А то у насъ въ гостяхъ были и чайку не попили. Этого нельзя.

Это уже утромъ врачъ распорядился напоить раненыхъ чаемъ, прежде чѣмъ отправить ихъ на станцію.

— Сегодня и мы отдохнемъ, такъ какъ вышло распоряженіе не разбирать госпиталя до особаго приказа. Кокуринъ, это ты, кажется, бинтовалъ руку раненому офицеру?

Радомъ. Разрушенная бомбардировкой желѣзнодорожная мастерская.

— Такъ точно, я.

— Какова рана? Неопасна?

— Никакъ нѣтъ, неопасна. Черезъ двѣ перевязки совсѣмъ выздоровѣетъ.

— А вѣдь это мой братъ...

— Что̀ же вы, ваше благородіе, не сказали: можно бы было его оставить здѣсь.

— Ничего, ничего. Я вотъ самъ съѣзжу на станцію и увижу его. Готовы лошади?

— Все готово, можно ѣхать.

— Ну, съ Богомъ! Осторожнѣе, выбирай дорогу лучше.

Обозъ тронулся, и врачъ пошелъ вмѣстѣ съ нимъ, разговаривая всю дорогу то съ ранеными, то съ обозной прислугой.

— Такъ, говоришь, жена и двое дѣтей?

— Такъ точно, ваше благородіе, жена и двое дѣтей.

— Ну, вотъ пріѣдешь, поправишься и будешь работать. Рана неопасная, да и то на лѣвой рукѣ. Черезъ Москву поѣдешь?— Кланяйся Москвѣ. Я знаю ее; я тамъ учился.

— Слушаю, ваше благородіе.

Когда обозъ приплелся къ станціи, поѣздъ уже ушелъ. Такъ старшему врачу и не удалось увидѣть брата.

— Богъ дастъ здоровья, въ Россіи увидимся,— сказалъ онъ и обратно зашагалъ къ ввѣренному госпиталю.

Радомъ. Разрушенная бомбардировкой желѣзнодорожная станція.

На западномъ фронтѣ.

Очерки нашего корреспондента
Л. Дюмонъ-Вильдана.

Посѣщеніе союзныхъ армій.

(Отъ моря до Вердена).

Великая война, охватившая въ настоящій моментъ почти весь міръ, перевернула всѣ бывшія дотолѣ предположенія дипломатовъ, соціологовъ, экономистовъ, даже военныхъ.

Общее мнѣніе было, что современная война, если только допустима ея возможность, должна быть кратковременна: а она продолжается уже болѣе шести мѣсяцевъ и врядъ ли еще скоро кончится. Въ самомъ началѣ кампаніи предполагалось, что произойдетъ большая рѣшающая битва на западномъ или на восточномъ фронтѣ. На дѣлѣ же война вездѣ приняла выжидательный и затяжной характеръ. Профессора стратегіи вѣрили въ успѣхъ охватывающаго движенія, но оно не удалось ни съ той ни съ другой стороны, и пришлось вернуться къ прежней системѣ боевъ развернутымъ параллельнымъ фронтомъ, которую ученые нѣмецкіе стратеги всегда такъ яростно осуждали.

Возникла совсѣмъ новая форма войны: война осадная, подземная, война въ траншеяхъ. Нѣмцы были къ ней лучше подготовлены, чѣмъ союзники, особенно французы и англичане. Англичане, храбрые и прекрасные солдаты, привыкшіе къ колоніальнымъ войнамъ, представляли себѣ эту войну такою же, какъ прежнія. Нѣмецкая война, беззаконная и жестокая, возмутила ихъ и потрясла.

Французы вѣрили только въ успѣхъ стремительной атаки, и потому въ началѣ кампаніи, бросившись въ нее, они понесли крупныя потери въ пѣхотѣ и кавалеріи. Но затѣмъ очень скоро, съ удивительной гибкостью, свойственной французамъ, освоились съ новымъ методомъ веденія войны, и мы, посѣтивъ теперь наши союзныя арміи на западномъ фронтѣ, воочію убѣдились, что уже въ первые два мѣсяца французы не только научились вести войну по новому способу, но даже въ своемъ творческомъ геніи превзошли нѣмцевъ, своихъ недавнихъ учителей.

Сраженіе во Фландріи.

Посѣщеніе передовыхъ позицій было организовано французскимъ генеральнымъ штабомъ для представителей прессы союзныхъ державъ: англичанъ, русскихъ, бельгійцевъ, японцевъ и сербовъ.

Выѣхавъ изъ Парижа на автомобиляхъ, мы быстро промчались черезъ провинціи Иль-де-Франсъ и Пикардію и прибыли въ маленькій городокъ Фландріи, въ которомъ находилась ставка генерала Фоша (Foch), командующаго сѣверными арміями. Великое сраженіе при Изерѣ только-что окончилось. Это была одна изъ самыхъ тяжелыхъ битвъ на западномъ фронтѣ. Въ самомъ началѣ нѣмецкія войска, освободившіяся послѣ паденія Антверпена, насѣдали на бельгійскую армію и тѣснили отступающихъ англичанъ, торопясь быстрымъ натискомъ повернуть лѣвое сѣверное крыло союзниковъ. Задачей союзниковъ было задержать врага, сорганизовать заслонъ, чтобы приготовить армію къ встрѣчѣ нѣмцевъ. Этотъ заслонъ защищалъ занятыя союзниками позиціи приблизительно до 10-го октября и далъ возможность бельгійцамъ укрѣпиться въ Ньюпорѣ, а французамъ прочно занять линію Изера. Нѣмцы атаковали плотными массами, но бельгійцы, поддерживаемые тяжелыми орудіями англійскаго флота, героически держались 18 дней, въ то время какъ въ Первизѣ (Pervyse) и передъ Ипромъ дивизія морскихъ стрѣлковъ контръ-адмирала Ронарки и дивизія пѣхоты генерала Гросетти, потерявъ десятую часть своего состава, не уступила ни одного вершка земли.

Намъ разсказывалъ генералъ Фошъ, что пять корпусовъ союзной арміи—одинъ англійскій и четыре французскихъ—съ нѣсколькими полками уцѣлѣвшей бельгійской арміи удерживали болѣе 20 дней свои позиціи противъ безпрерывно обновляемыхъ двѣнадцати — пятнадцати корпусовъ германцевъ.

„Нашъ фронтъ,— прибавилъ генералъ,— врѣзывался угломъ въ непріятельскія позиціи; было бы очень легко развернуть наши колонны и такимъ образомъ сохранить серьезную экономію силъ, но

На сѣверѣ Франціи. Стрѣльба по непріятельскому аэроплану.

Германская пушка для стрѣльбы по аэропланамъ.

На сѣверѣ Франціи. Альпійскіе стрѣлки обстрѣливаютъ непріятельскій аэропланъ.

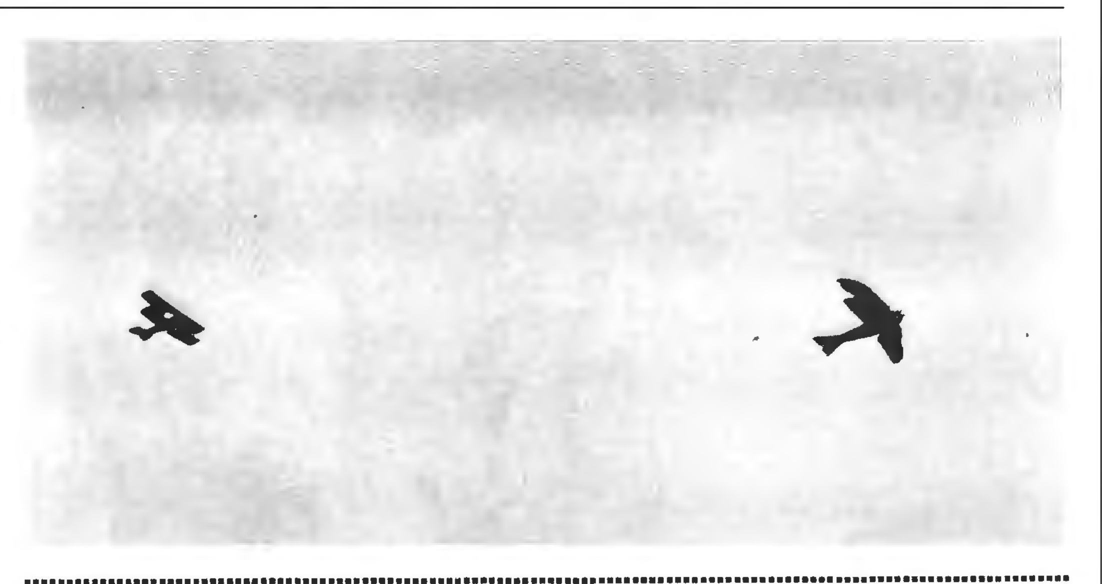
Плѣнъ или смерть. Атака казаковъ на германскую батарею. Рисунокъ I. Сэймонтъ.

для этого надо было рисковать Ипромъ, послѣднимъ большимъ городомъ, остававшимся у Бельгіи.

Никто и слышать не хотѣлъ объ уступкѣ хотя бы одной пяди земли. И удержать Ипръ удалось тогда главнымъ образомъ только благодаря героизму войска и прорыву плотинъ.

Еще при Людовикѣ XIV знаменитый военный инженеръ Вобанъ въ своемъ планѣ защиты Дюнкирхена рекомендовалъ въ стратегическихъ цѣляхъ прорвать плотины.

Въ моментъ моего посѣщенія армій система прорыва плотинъ и сооруженія временныхъ укрѣпленій была такъ хорошо скомбинирована, что франко-бельгійскій фронтъ отъ моря до Ипра былъ совершенно неприступенъ. Благодаря условіямъ почвы, наступленіе союзниковъ, хотя и очень тяжелое, было побѣдоноснымъ.



Погоня за воздушнымъ врагомъ. Французскій бипланъ преслѣдуетъ германскій „Авіатикъ". По фот. Шюссо-Флавьенъ.

Развалины Ипра.

Къ несчастію, эта героическая защита и блестящее наступленіе были гибельны для прекрасной, мирной и богатой историческими памятниками страны: нѣмецкіе варвары съ настоящимъ остервенѣніемъ набросились на нее. Диксмюде превращенъ въ груду развалинъ, Первизъ, Ньюпоръ и всѣ селенія Изера разрушены. Даже Ипръ, древняя столица западной Фландріи, знаменитая во всемъ мірѣ своими прекрасными крытыми рынками XIII столѣтія, — памятникомъ общинной жизни — серьезно пострадалъ.

Наступалъ вечеръ, когда мы въѣзжали въ Ипръ. Никогда я не забуду этого кошмарнаго впечатлѣнія. Въ теченіе получаса съ трудомъ продвигался нашъ автомобиль по грязи испорченныхъ дорогъ. Въ низенькихъ фламандскихъ домикахъ, окаймлявшихъ шоссе на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, кое-гдѣ горѣли лампы. Сквозь окна безъ занавѣсокъ, сквозь полуоткрытыя двери чувствовалась притаившаяся жизнь, но не спокойная, уравновѣшенная жизнь фламандскаго крестьянина, а тревожная бивачная жизнь солдатъ и траншейныхъ рабочихъ.

Жители Ипра покинули свои насиженныя гнѣзда. Три недѣли подъ рядъ громыхали безъ устали пушки. Въ 8—10 километрахъ германскія тяжелыя орудія непрестанной канонадой обстрѣливали Ипръ и его окрестности. Еще вчера, какъ только стемнѣло, нѣмцы со всѣхъ сторонъ подожгли дома многострадальнаго города, и развалины ихъ, точно потухающіе факелы, освѣщали мѣстность.

Вотъ наконецъ этотъ городъ! Сквозь придорожныя деревья, огромные силуэты которыхъ печально вырисовываются на туманномъ небѣ, мы увидѣли башни, старинныя, прекрасныя, массивныя. Казалось, онѣ нарочно созданы были для упорной борьбы съ вѣками. Прочная четырехугольная сторожевая башня, возвышающаяся надъ другими,—образецъ основательности фламандской архитектуры,—уныло стоитъ безъ шпица, даже и его сбили.

Въѣзжаемъ въ предмѣстье, нѣсколько недѣль тому назадъ щеголявшее своими новыми домами модернизированнаго фламандскаго стиля. Въ домахъ вездѣ истинно-бельгійскій комфортъ — все чисто и просто. Теперь это сплошныя развалины. Ни одинъ изъ домовъ лучшей улицы предмѣстья, вокзальной—не уцѣлѣлъ. Широкія пробоины отъ разрывныхъ снарядовъ зіяютъ въ стѣнахъ, богатая обстановка жилищъ вся исковеркана. Подъ обломками этажей лежатъ безформенныя кучи дерева и битаго стекла.

Автомобиль въѣзжаетъ въ улицу О-бёръ (Au Beurre), старинную торговую улицу города. Типичныя фламандскія лавочки съ низенькими дверками съ привѣшенными къ нимъ колокольчиками, рядъ новыхъ наивно-провинціальныхъ магазиновъ.

Въ тѣ мирные дни, когда тихій Ипръ, какъ бы погруженный въ грезы прошлаго, дремалъ, наслаждаясь своимъ заслуженнымъ спокойнымъ настоящимъ, на главныхъ улицахъ его царило типичное фламандское не суетливое оживленіе. Почтенные горожане, представительницы именитаго купечества проходили по вокзальной улицѣ по нѣскольку разъ въ день; маленькія старушки, закутанныя въ черное, тихо плелись въ церковь, останавливались у дверей, болтали съ сосѣдками.

Теперь батарея, цѣлая батарея заняла улицу О-бёръ, уничтоживъ множество домовъ, засыпавъ черепицей и битымъ стекломъ мостовую.

И въ таинственныхъ сумеркахъ безшумно скользятъ тѣни людей, робко пробирающихся вдоль стѣнъ, да расхаживаютъ по развалинамъ патрули со штыками на ружьѣ.

Вотъ и Большая Площадь—самый славный памятникъ бельгійской старины. Историческіе крытые рынки и сторожевая башня занимаютъ одну изъ сторонъ площади, напротивъ нихъ старинные причудливые дома разныхъ эпохъ; тутъ все прошлое коммунальной Фландріи. Рынки окружали ратушу,—зданіе немного суроваго стиля, но шедевръ средневѣковой архитектуры, все выстроенное изъ выдѣлывающагося исключительно во Фландріи особаго кирпича.

Массивная сторожевая башня, широкая у основанія, а затѣмъ точно легкимъ взмахомъ вскинутая волей строителя къ небу, смѣло можетъ считаться гордостью фламандской исторіи, какъ символъ народа, всегда стремившагося къ независимости и свободѣ.

Рынки и башня Ипра, это—страницы его военной исторіи. Послѣ XIII вѣка возросло могущество торговаго города, еще тогда славившагося и слывшаго столицею выдѣлки суконъ. Тогда и построены были эти знаменитые крытые рынки, не одну осаду выдержали они вмѣстѣ со своей сторожевой башней.

Но современная мирная Фландрія не тревожилась

Погоня за воздушнымъ врагомъ. Англійскій аэропланъ преслѣдуетъ германскій „Таубе". Приблизился. По фот. Шюссо-Флавьенъ.

На западномъ фронтѣ. Война въ воздухѣ.

своимъ боевымъ прошлымъ; вечерами въ Ипрѣ тихій звонъ колоколовъ гналъ воинственныя тѣни сѣдой старины. Благолѣпная тишина, казалось, царила надъ городомъ, и война представлялась далекимъ, забытымъ прошлымъ.

Первый выстрѣлъ въ октябрѣ сбросилъ тихія грезы, вернулъ къ жестокому прошлому обезумѣвшій отъ ужаса городъ.

Башня разрушена до половины, отъ крытыхъ рынковъ не осталось ничего, кромѣ обугленныхъ облупившихся стѣнъ, и въ раскрытыя настежь двери мы видимъ еще дымящіеся обломки. Во флигеляхъ рынка уцѣлѣли башенки съ легкими тонкими шпилями высоко въ небѣ, точно взывающими къ мщенію. Дома на площади всѣ разрушены сплошь. Отъ собора остался одинъ рухнувшій куполъ, весь заваленный мусоромъ, и среди развалинъ сиротливо высится случайно уцѣлѣвшая мраморная статуя одного изъ знаменитыхъ дѣятелей Фландріи.

На всю эту потрясающую картину тихо спускается ночь. Нигдѣ не видно свѣта. Вездѣ пустота и смерть. Только отдаленный грохотъ тяжелыхъ орудій да гулкій звукъ шаговъ французскаго патруля нарушаютъ эту жуткую тишину.

Разрушенный городъ Сермэзъ.

„Кому понадобился этотъ дикій разгромъ?—спросилъ я офицера, сопровождавшаго насъ.—Была ли оправдывающая его стратегическая необходимость?“ — „Оправданія нѣтъ,— отвѣтилъ мнѣ взволнованно офицеръ.—Французскія траншеи находились далеко передъ городомъ. Можно объяснить бомбардировку вокзала намѣреніемъ затруднить наши пути сообщенія. Пожалуй, можно понять, что ихъ тяжелая артиллерія мѣтила въ предмѣстья, чтобы помѣшать строиться нашимъ войскамъ, но организованная, планомѣрная стрѣльба по городу и рынкамъ не шрапнелями, а разрывными снарядами была намѣреннымъ варварскимъ планомъ“.

Итакъ, уничтоженіе Ипра, Реймса, Арраса было намѣреннымъ. Оно входило въ систематическій планъ, по которому разстрѣливались частныя лица, сжигались цѣлые города. Для этого адскаго плана требовалось возможно большее количество разрушеній, возможно большее количество разоренныхъ людей, чтобы ужасомъ поразить весь міръ. Война, навязанная намъ Германіей, и форма, въ какой она задумана ею,—не кровавое честное сведеніе счетовъ между борющимися государствами и цивилизованными людьми, это—бойня, затѣянная холодно-разсудочными педантами-варварами. Не слѣдуетъ забывать, что систематизированное варварство творится не по природной грубости войска, озвѣрѣвшаго на войнѣ,—нѣтъ, вся тяжелая вина лежитъ на совѣсти отвѣтственныхъ за эту дикую расправу германскихъ военачальниковъ. Въ траншеяхъ нѣмцы, какъ и французы, проявляютъ иногда рыцарскую вѣжливость. Изъ траншей солдаты бьются честнымъ боемъ. Нѣмецъ-солдатъ по примѣру французовъ иногда въ молчаливомъ соглашеніи проявляетъ уваженіе и жалость къ противнику. Въ траншеяхъ бой можетъ быть жестокимъ, но онъ остается человѣчнымъ. Только германскіе штабы и штабъ-квартиры, вѣрные своей политикѣ, разсылаютъ приказы о полномъ истребленіи противника.

Внутренность разрушенной церкви въ Ньюпорѣ (Бельгія).

Въ Верденѣ.

Вторая часть нашего путешествія имѣла своей конечною цѣлью Верденъ. Всѣмъ извѣстно, что телеграммы агентства Вольфа нѣсколько разъ извѣщали о взятіи этой крѣпости, даже въ офиціальныхъ нѣмецкихъ сообщеніяхъ говорилось о томъ, что Верденъ блокированъ, что мы окружены желѣзнымъ кольцомъ, суживающимся съ каждымъ днемъ все тѣснѣе. Въ дѣйствительности же Верденъ никогда не былъ блокированъ, и его форты не были серьезно осаждены.

Мы провели двѣ ночи въ Верденѣ и не слыхали грохота пушекъ—линія огня была отъ него далеко. Дѣло въ томъ, что армія, которой поручено было защищать эту мѣстность, не переставала продвигаться и продвигать свои временныя укрѣпленія.

Въ смыслѣ организаціи, снабженія провіантомъ и постановки госпитальнаго дѣла, армія въ Верденѣ въ образцовомъ порядкѣ. Каждая рота имѣетъ полный наличный составъ и даже имѣетъ больше унтеръ-офицеровъ, чѣмъ полагается, а новая тяжелая артиллерія творитъ чудеса. Духъ войска возбудилъ въ насъ всеобщее восхищеніе.

Тяжелая жизнь въ траншеяхъ скрашивается для французовъ ихъ прирожденною веселостью, которую старый прусскій король Фридрихъ II считалъ великимъ достоинствомъ французскаго солдата.

Вынужденные жить въ траншеяхъ, они доставляютъ себѣ удовольствіе устроиться съ возможнымъ комфортомъ, не лишеннымъ въ смыслѣ убранства даже извѣстной изобрѣтательности.

Характеръ поля брани на западномъ фронтѣ совершенно особенный. На поляхъ ничего не видно. Если бы не грохотъ пушекъ и бѣлыя облачка отъ разрывающихся шрапнелей, вся мѣстность казалась бы совершенно мирной, какъ будто не отравленной дыханіемъ войны. Невольно задаешь себѣ вопросъ: „да гдѣ же войска?“—Всѣ подъ землей! Вся почва изрыта безконечными подземными ходами-галлереями. За длин-

На развалинахъ города Сермэза.

На западномъ фронтѣ. По фот. „Matin“ въ Парижѣ.

Развалины города Первиза (Фландрія), охраняемыя бельгійскими солдатами. По фот. „Matin“ въ Парижѣ.

ной оборонительной линіей, гдѣ каждую минуту войска готовы начать обстрѣлъ осаждающихъ, тянутся длинные коридоры для укрытія запасной смѣны людей, помѣщенія для отдыха, наблюдательные пункты для офицеровъ. Въ этихъ послѣднихъ часто сооружены печи, стоятъ столы и стулья. Прирожденная веселость и изобрѣтательность французскаго солдата нашли себѣ широкое примѣненіе главнымъ образомъ въ устройствѣ помѣщеній для солдатъ арьергарда, тамъ, гдѣ иногда люди имѣютъ возможность отдохнуть. Цѣлыя селенія, состоящія изъ соломенныхъ и земляныхъ хижинъ, какъ грибы, выросли изъ-подъ земли. Они не только удобны, но часто прямо красивы. Чтобы чѣмъ-нибудь наполнить долгіе часы ожиданія боя, солдаты заняты украшеніемъ своихъ хижинъ вѣтвями елокъ и замысловатыми фронтонами, карикатурами. Когда мы были у Вердена, солдаты готовились къ дню св. Варвары — празднику всей артиллеріи во Франціи. Въ траншеяхъ солдаты превратили столовую унтеръ-офицеровъ въ концертный залъ и назвали его „Казино Доброй Надежды“. Мы видѣли программу готовящихся увеселеній: въ нее входили комическіе куплеты, патріотическія пѣсни, сентиментальные романсы и даже скрипичный нумеръ. Одинъ солдатъ-артиллеристъ, лауреатъ Версальской консерваторіи, Богъ вѣсть откуда раздобывшій скрипку, долженъ былъ угостить публику серьезной музыкой. Всѣ, не покладая рукъ, съ истинно дѣтской радостью готовились къ этому празднику.

Вообще шутки не смолкаютъ въ траншеяхъ, и нѣтъ конца насмѣшкамъ надъ нѣмцами—„бошами“ (les boches), какъ ихъ величаютъ солдаты. Шутками и наивными выходками солдаты все время поддерживаютъ прекрасное настроеніе на передовыхъ позиціяхъ и терпѣливо переносятъ невзгоды затянувшейся войны. Они всѣ теперь сознаютъ, что война не можетъ скоро кончиться, и потому, несмотря на всю свою веселость, очень серьезно и вдумчиво относятся къ выполненію своего высокаго воинскаго долга.

Развалины во Франціи.

Всѣ области, по которымъ прошла германская орда, такъ же, какъ Фландрія, разрушены. Реймсъ послѣ многократной бомбардировки, несмотря на разгромъ нѣсколькихъ тысячъ домовъ, на разрушительный пожаръ собора и невозвратную потерю его скульптурныхъ богатствъ, все еще продолжаетъ держаться. Храбрые жители продолжаютъ тамъ жить. Мы даже нашли гостиницу, во дворѣ которой разорвался снарядъ, но которая продолжаетъ функціонировать. Намъ удалось даже позавтракать въ ней. Въ Шампани, въ департаментѣ Мааса, маленькіе города, какъ Лермезъ-лебенъ, Ревиньи, Лепинъ, Брабантъ-ле-руа, разрушены до основанія. Во время боевъ на Марнѣ побѣжденныя нѣмецкія арміи, натискомъ вынужденныя отступать на сѣверъ, по дорогѣ вымещали свои неудачи на этихъ маленькихъ беззащитныхъ городахъ. Онѣ не только бомбардировали ихъ, но холодно и расчетливо поджигали со всѣхъ сторонъ, безжалостно разстрѣливая бѣдныхъ жителей, пытавшихся тушить свои пылавшіе дома. Не видя всего этого, нельзя себѣ представить всего ужаса этихъ разгромовъ. Въ грудахъ развалинъ на мѣстахъ цвѣтущихъ городовъ все мертво, точно послѣ ужаснаго землетрясенія, и, только зорко всмотрѣвшись, начинаешь замѣчать, что въ обломкахъ копошатся странныя существа, робко выползающія изъ подваловъ. Истощенные, жалкіе, въ ужасныхъ рубищахъ, копошатся люди, и все это рабочіе, граждане, крестьяне, нѣсколько недѣль тому назадъ жившіе въ своихъ домахъ, въ уютѣ семейной жизни, въ спокойномъ повседневномъ трудѣ. Теперь они, голодные, ютятся подъ развалинами своихъ домовъ, въ сырыхъ подвалахъ, изрѣдка и боязливо, какъ прокаженные, выползая на свѣтъ Божій. Это тѣ герои-страдальцы, которые не захотѣли бѣжать. Вѣрные родной землѣ, готовые немедленно вернуться къ своей работѣ, они остались у себя, уповая въ скоромъ времени опять возстановить потерянное, камень за камнемъ построить жилище. Ихъ энергія, ихъ негаснущая надежда — лучшій показатель энергіи и твердости духа французскаго народа. Ничто не сможетъ поколебать и сломить ее. Разрушая города, по вѣтру развѣвая благосостояніе, нѣмцы думали сѣять повсюду ужасъ, но они посѣяли только ненависть.

Стоянка артиллеристовъ у Реймса. Унтеръ-офицерская столовая, превращенная въ „Казино“. Артиллеристы готовятся праздновать день св. Варвары, ихъ покровительницы. Вечеромъ—концертъ, программа котораго написана мѣломъ на ставнѣ. По фот. „Matin“ въ Парижѣ.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

1915 г. № 11

XLVI г. изданія

Выданъ 14 марта 1915 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.) — 15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на **первой** страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Мамина-Сибиряка" кн. 4.

2 внутренній 5% съ выигрышами заемъ 1866 г. 98 тиражъ 2-го марта 1915 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
39	32	500	2694	3	500	5040	27	500	7311	7	500	8830	24	500	11003	17	500	12341	22	500	14449	6	500	16253	13	500	18145	44	500
63	17	500	2750	11	500	5152	40	500	7350	31	500	8831	16	1000	11036	18	500	12382	30	500	14549	44	500	16267	43	500	18299	46	500
294	8	1000	2865	7	500	5338	24	8000	7429	34	500	8888	27	500	11036	32	500	12499	46	500	14550	7	500	16317	24	500	18311	38	500
305	43	500	2904	25	500	5362	29	500	7433	21	500	9011	39	500	11040	18	500	12554	21	500	14612	36	500	16341	29	500	18328	9	500
348	40	500	2931	21	500	5638	49	500	7436	44	10000	9048	35	500	11041	10	500	12675	49	40000	14649	29	500	16350	4	500	18340	40	5000
660	46	500	2932	13	500	5657	31	500	7672	6	10000	9049	34	500	11050	11	500	12752	17	1000	14735	9	75000	16374	10	500	18367	10	500
837	26	500	3067	22	500	5692	2	500	7687	48	500	9124	30	500	11110	12	500	12788	34	500	14738	4	500	16493	36	500	18375	39	500
865	47	500	3087	42	1000	5701	45	5000	7695	46	500	9218	3	500	11140	20	500	12921	6	500	14883	25	500	16520	48	500	18402	22	500
896	23	500	3139	27	500	5703	50	500	7703	21	500	9360	21	500	11195	10	500	12932	33	1000	14932	20	1000	16570	37	500	18633	42	8000
897	14	500	3247	43	500	5747	9	500	7708	36	500	9389	38	1000	11304	45	500	13075	18	500	14959	5	500	16671	3	500	18641	32	500
1033	35	500	3409	39	500	5774	32	500	7799	49	1000	9390	21	500	11339	30	500	13174	8	500	15011	35	500	16674	42	8000	18644	48	500
1095	22	500	3413	43	500	5873	25	500	7862	27	500	9414	5	1000	11352	42	500	13205	12	500	15062	29	500	16713	1	500	18707	33	500
1120	33	500	3428	12	500	6047	9	500	7963	29	500	9544	33	500	11474	34	500	13235	48	5000	15065	5	500	16775	31	500	18717	8	500
1133	22	500	3549	13	500	6051	24	5000	7979	49	500	9606	25	500	11572	40	500	13268	39	500	15259	48	500	16780	31	500	18762	28	500
1216	30	1000	3705	27	500	6091	42	500	8037	28	500	9705	41	500	11614	44	500	13321	31	500	15279	24	500	16802	19	5000	18813	13	1000
1379	19	500	3772	23	500	6174	18	500	8174	4	1000	9712	17	5000	11641	15	500	13362	32	500	15335	28	500	16901	12	500	18933	31	1000
1449	41	500	3850	26	500	6218	33	500	8189	3	500	9732	30	500	11662	9	500	13493	48	500	15378	15	500	17022	35	10000	19026	35	500
1480	26	200000	3900	45	500	6220	40	500	8192	42	500	9791	5	500	11791	49	500	13564	48	500	15412	10	500	17023	14	500	19283	8	500
1551	26	500	3934	48	500	6246	19	500	8206	45	500	10064	18	500	11792	29	500	13701	36	500	15457	32	500	17227	39	8000	19295	12	500
1593	30	500	3939	9	500	6413	43	500	8212	32	500	10073	42	500	11795	19	500	13725	5	500	15510	1	1000	17251	47	500	19315	36	500
1753	8	500	4007	1	500	6509	33	500	8245	26	500	10149	22	500	11853	19	500	13882	19	500	15527	30	500	17289	46	500	19390	16	5000
1794	4	1000	4083	10	500	6572	20	500	8250	3	500	10151	45	500	11878	9	500	13903	33	500	15584	31	1000	17309	42	500	19403	28	500
1894	15	1000	4108	50	500	6712	13	500	8294	22	500	10305	10	500	11916	8	500	14017	3	500	15597	5	500	17443	13	500	19453	26	500
1972	8	500	4286	8	500	6713	1	500	8328	34	500	10349	5	500	11933	28	500	14100	28	500	15655	16	500	17500	16	500	19565	48	500
2044	29	500	4314	37	500	6714	46	500	8429	46	500	10498	24	500	11979	30	500	14128	5	500	15694	5	500	17582	32	500	19587	41	500
2079	18	500	4489	34	500	6756	50	500	8589	25	500	10699	50	8000	12061	4	1000	14273	26	500	15810	12	500	17585	1	25000	19715	17	500
2117	50	500	4652	44	500	6763	19	500	8620	8	500	10814	37	500	12090	2	500	14335	24	500	15889	8	500	17781	15	500	19777	5	500
2390	21	500	4774	48	500	6846	26	1000	8631	7	500	10828	49	500	12103	3	500	14336	5	500	15971	8	500	17848	41	500	19777	43	500
2533	50	500	4800	33	500	6879	1	500	8654	47	500	10917	49	500	12117	43	500	14353	50	500	16095	41	500	17866	8	500	19972	38	500
2642	9	1000	5003	40	500	7209	11	500	8728	36	500	10928	10	500	12138	11	500	14413	42	500	16147	25	500	17873	17	500	19998	43	5000

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія: 100, 158, 162, 257, 354, 407, 435, 482, 526, 547, 656, 667, 721, 725, 758, 761, 803, 837, 921, 966, 982, 1020, 1044, 1075, 1133, 1521, 1776, 1789, 1819, 1847, 1853, 1855, 1988, 2020, 2175, 2224, 2330, 2372, 2638, 2667, 2668, 2881, 3041, 3080, 3180, 3280, 3469, 3713, 4078, 4152, 4212, 4313, 4329, 4343, 4355, 4455, 4465, 4473, 4729, 4787, 4841, 4900, 4990, 5010, 5025, 5194, 5291, 5500, 5564, 5641, 5755, 5771, 5878, 5942, 6086, 6119, 6316, 6453, 6458, 6626, 6645, 6747, 6777, 6914, 6933, 7219, 7227, 7283, 7328, 7336, 7409, 7447, 7466, 7583, 7679, 7713, 7714, 7807, 7877, 7897, 8119, 8143, 8215, 8230, 8265, 8294, 8553, 8725, 8766, 8840, 8841, 8993, 9065, 9095, 9162, 9331, 9367, 9387, 9428, 9603, 9646, 9647, 9769, 9794, 9924, 10158, 10174, 10352, 10362, 10489, 10521, 10559, 10803, 10834, 10890, 10897, 11019, 11124, 11132, 11168, 11230, 11243, 11292, 11304, 11404, 11435, 11482, 11489, 11598, 11620, 11661, 11726, 11768, 11817, 11875, 11983, 12050, 12158, 12200, 12225, 12227, 12264, 12382, 12392, 12493, 12575, 12630, 12711, 12736, 12801, 12871, 13280, 13362, 13521, 13566, 13585, 13603, 14004, 14114, 14279, 14335, 14341, 14566, 14568, 14721, 14733, 14777, 14881, 14882, 14973, 15036, 15263, 15267, 15289, 15331, 15345, 15364, 15461, 15525, 15721, 15845, 16175, 16284, 16305, 16326, 16348, 16382, 16412, 16577, 16671, 16683, 16736, 16753, 16850, 16999, 17022, 17031, 17042, 17277, 17319, 17439, 17684, 17713, 18072, 18076, 18100, 18146, 18290, 18295, 18340, 18350, 18393, 18472, 18587, 18698, 18736, 18829, 18935, 18967, 19002, 19114, 19161, 19206, 19228, 19387, 19532, 19710, 19724.

Всего 248 серій, составляющихъ 12.400 билетовъ, на сумму 1.736.000 рублей.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Подъ Перемышлемъ. Осажденная крѣпость еще держится, но она живетъ только потому, что ей рѣшили дать умереть. Время отъ времени появляются сообщенія о Перемышлѣ лицъ, побывавшихъ въ осадномъ «кольцѣ». Интересныя данныя сообщаетъ корреспондентъ «Русскаго Слова» А. Панкратовъ:

У австрійцевъ въ крѣпости есть почтовый аэропланъ. Утромъ онъ улетаетъ за Карпаты, а вечеромъ прилетаетъ обратно. Такимъ путемъ осажденная крѣпость сносится съ внѣшнимъ міромъ.

Конечно, аэропланъ обстрѣливается нашими войсками.

Недавно нѣсколько мѣткихъ выстрѣловъ, видимо, сбили почтальона, и вся летучая почта упала на землю.

Тридцать тысячъ писемъ отъ запертыхъ въ крѣпости перемышлянъ попали въ руки русскихъ.

Среди нихъ оказалось много интересныхъ писемъ-открытокъ. На всѣхъ надпись по-нѣмецки: «Летучая почта». На каждомъ письмѣ штемпель: «Процензуровано». Аэропланъ приноситъ въ крѣпость письма со всей Австріи.

Запасы пищи въ крѣпости, видимо, изсякаютъ.

Одинъ офицеръ разсказывалъ корреспонденту:

— Мы лежали въ окопахъ на Санѣ. Австрійцы намъ кричали:—«Дайте хлѣба!». Солдаты наломали кусковъ и перебросили имъ.

Были и другіе признаки, по которымъ можно судить, что въ крѣпости голодъ.

Чтобы отдалить сдачу крѣпости, запасы расходуютъ очень бережно. Кормятъ не досыта.

Плѣнные славяне жалуются:

— Насъ кормили въ крѣпости хуже, чѣмъ нѣмцевъ и мадьяръ. Послѣднихъ, какъ болѣе стойкихъ и надежныхъ, кормятъ, понятно, сытнѣе. Славянъ же, ищущихъ плѣна, морятъ голодомъ.

Но вотъ чего безусловно нѣтъ въ крѣпости, это—фуража для лошадей.

Австрійцы иногда дѣлаютъ вылазки только затѣмъ, чтобы снять съ какой-нибудь халупы соломенную крышу. Это имъ удается рѣдко. Да и соломенныхъ халупъ осталось въ окрестностяхъ мало. Сами австрійцы ихъ пожгли, когда заперлись въ Перемышлѣ.

Въ силу этого у перемышлянъ мало осталось лошадей. Не на чемъ перевозить пушки. Атаки на наши окопы происходятъ теперь почти всегда только тамъ, гдѣ проложенъ желѣзнодорожный путь. Отъ этого эти атаки теряютъ для насъ характеръ внезапности и неожиданности.

«Болотный генералъ». Нѣмецкія газеты, восхваляющія въ одинъ голосъ заслуги и стратегическій «геній» Гинденбурга, стараются объяснить его наступательныя неудачи сравненіемъ съ солнцемъ, которое иногда скрывается за тучами отъ взора людей, но отъ этого день все-таки не становится ночью. Удачи же, подчасъ случайныя, нѣмцы стараются объяснить глубокой предусмотрительностью генія. Въ дополненіе ко всѣмъ почетнымъ званіямъ теперь фельдмаршала Гинденбурга нѣмцы прозвали «болотнымъ генераломъ». Званіе это Гинденбургъ получилъ за слѣдующее:

Года три тому назадъ онъ находился не у дѣлъ. Въ качествѣ мирнаго рантье онъ проживалъ въ своемъ имѣніи въ Восточной Пруссіи. Въ это время въ рейхстагѣ былъ поднятъ вопросъ объ осушкѣ Мазурскихъ болотъ. Гинденбургъ, узнавъ объ этомъ, поспѣшилъ въ Берлинъ, посѣтилъ наиболѣе видныхъ депутатовъ рейхстага и доказалъ имъ, что осушка Мазурскихъ болотъ была бы самоубійствомъ для Германіи, такъ какъ уничтожила бы весьма важную естественную преграду.

Депутаты рейхстага согласились съ мнѣніемъ Гинденбурга, и проектъ былъ снятъ съ обсужденія.

«Не нужно сантиментальности». Германскій депутатъ Эрцбергеръ, одинъ изъ лидеровъ партіи центра, напечаталъ въ берлинской газетѣ «Tag» статью подъ заглавіемъ: «Не нужно сантиментальности», которая является образцомъ германскаго цинизма. «Война,—говоритъ Эрцбергеръ,—должна быть безжалостной до послѣдней возможности. Въ этомъ въ концѣ концовъ принципъ «наибольшей гуманности». Если бы мы нашли способъ уничтожить весь Лондонъ до послѣдняго камня, то это было бы болѣе гуманно, чѣмъ оставить безъ помощи одного нѣмца на полѣ сраженія: эта радикальная мѣра повела бы за собой быстрый миръ.

«Такъ какъ мы обладаемъ силой подъ водой,—если не на водѣ,—то будемъ пользоваться этой силой. И пусть наши дирижабли и наши аэропланы дѣйствуютъ согласно съ нашими подводными лодками для безпощаднаго истребленія непріятеля. Англія захватила уже около четырехсотъ нашихъ торговыхъ судовъ. За каждое изъ этихъ судовъ долженъ быть разрушенъ англійскій городъ или англійское селеніе. Будемъ сѣять съ помощью нашихъ дирижаблей ужасъ и смерть среди англійскаго населенія. Всѣ средства должны быть для насъ хороши, и если бы мы обладали секретомъ вызвать огненный дождь надъ англійской территоріей, то почему мы остановились бы передъ этимъ! Пусть Англія и ея достойные союзники называютъ насъ варварами, — восклицаетъ въ концѣ статьи германскій депутатъ: — для достиженія побѣды хороши всѣ средства!»

Англійскіе профессора и студенты на войнѣ. Англія и съ нею весь не-нѣмецкій міръ преклоняются предъ огромными жертвами, принесенными Оксфордскимъ и Кембриджскимъ университетами на алтарь отечества. Оба университета, являющіеся разсадниками умственныхъ и физическихъ силъ страны, дали арміи 6.000 человѣкъ здоровыхъ и сильныхъ спортсменовъ и въ томъ числѣ 89 профессоровъ и ихъ ассистентовъ.

ХРОНОЛОГІЯ ВОЙНЫ.

ЧЕТВЕРТЫЙ МѢСЯЦЪ.

(См. № 45 «Нивы» 1914 г.).

Октябрь.

15-го. Къ югу отъ Пилицы наши войска окончательно сломили непріятеля. На побережьѣ Бельгіи ожесточенный бой. Въ Пенангѣ германскій крейсеръ «Эмденъ» потопилъ нашъ крейсеръ «Жемчугъ» и французскій миноносецъ.

16-го. Турки начали войну съ Россіей обстрѣломъ Одессы, Севастополя, Ѳеодосіи и Новороссійска. Потопленъ нашъ транспортъ «Прутъ».

17-го. Упорные бои на восточно-прусскомъ фронтѣ.

18-го. Неудача германскаго плана прорвать центръ нашей позиціи у Бакаларжева. Общій штурмъ Циндао.

19-го. Франція и Англія порвали дипломатическія сношенія съ Турціей. Русскія войска заняли Петроковъ, Опочно и Ожаровъ.

20-го. Наступленіе нашихъ войскъ у Опатова и на лѣвомъ берегу Сана.

21-го. Государь Императоръ отбылъ въ дѣйствующую армію. Бой у Низко. Германцы очистили лѣвый берегъ Изера.

22-го. Нашими войсками взяты у турокъ Зивинъ, Діадинъ и Баязетъ. Австрійцы отброшены за Кѣльцы.

23-го. У береговъ Чили англичане понесли въ морскомъ бою съ германцами тяжелыя потери. Гибель германскаго крейсера «Іоркъ», взорваннаго миной.

24-го. На Санѣ и къ югу отъ Перемышля началось общее отступленіе австрійцевъ.

25-го. Нашъ черноморскій флотъ обстрѣлялъ Зунгулдакъ и потопилъ турецкіе транспорты. Японцы взяли Циндао.

26-го. Русскія войска выбили германцевъ изъ вержболовскаго района.

27-го. Государь Императоръ посѣтилъ Холмъ. Наши войска взяли Гольдапъ. Турки бомбардировали съ моря Поти.

28-го. Гибель германскаго крейсера «Эмденъ», сожженнаго англійскимъ крейсеромъ «Сидней».

29-го. Успѣхи нашихъ войскъ въ районѣ Гольдапъ—Сольдау.

30-го. Государь Императоръ посѣтилъ Ровно. Русскія войска заняли Іоганнисбургъ. Возстановлена блокада Перемышля.

31-го. Государь Императоръ посѣтилъ Люблинъ. Бои съ германцами у Сталлупенена.

Ноябрь.

1-го. Государь Императоръ посѣтилъ Ивангородъ. Въ Галиціи русскія войска заняли Тарновъ.

2-го. Высочайшее посѣщеніе Гродны и Двинска. Бои въ районѣ Сольдау—Нейденбургъ.

3-го. Бои на фронтѣ Плоцкъ—Ленчица—Унеіовъ развиваются.

4-го. Наши войска атаковали австрійцевъ на перевалѣ Ужокъ. Пораженіе турокъ у Лычъ-Гядука и Дайяра.

5-го. Между Вислой и Вартой русскія войска отходятъ по направленію на Бзуру. Бомбардировка Либавы нѣмецкими крейсерами.

6-го. Бой черноморскаго флота съ «Гебеномъ» и «Бреслау».

7-го. Русскія войска заняли въ Галиціи Виснičъ, Горлицу, Дуклу и Ужокъ. Бельгійцы затопили весь районъ Изерскаго канала.

8-го. Успѣхи французовъ въ Шампани и въ Аргоннахъ.

9-го. Упорный бой на пространствѣ между Вислой и Вартой. «Гамидіэ» бомбардировалъ Туапсе.

10-го. Къ сѣверу отъ Лодзи отражены всѣ атаки германцевъ.

11-го. Бой у Лодзи продолжается. Успѣхи французовъ въ Вогезахъ.

12-го. Русскія войска заняли г. Гуменное. Преслѣдованіе турокъ въ эрзерумскомъ направленіи.

13-го. Лодзинское сраженіе кончилось удачно для нашихъ войскъ.

14-го. Наши войска взяли Брезины и отбили германскія атаки у Згержа и Стрыкова. Удачные бои съ турками у Юзъ-Верана.

ПЯТЫЙ МѢСЯЦЪ.

15-го. Рѣшительный успѣхъ нашихъ войскъ на фронтѣ Протовице—Бохнія—Виснічъ.

16-го. Наши войска овладѣли фронтомъ Гловно — Бѣлява — Обора и вновь заняли Черновицы.

17-го. Нашими войсками заняты позиціи, защищавшія проходы черезъ Карпаты.

18-го. Государь Императоръ отбылъ въ дѣйствующую армію. Въ Плоцкѣ нами взяты пять германскихъ пароходовъ и баржа съ патронами.

19-го. Неудача германскаго наступленія на фронтѣ Тржебицъ — Огомиловъ.

20-го. Высочайшее посѣщеніе Смоленска. Бои въ районѣ Ловича. Германскія атаки въ Аргоннахъ отбиты французами.

21-го. Высочайшее посѣщеніе Тулы. Упорные бои на путяхъ къ Лодзи и Петрокову.

22-го. Высочайшее посѣщеніе Орла и Курска. Турецкій крейсеръ «Гамидіэ» наскочилъ на свою же мину.

23-го. Высочайшее посѣщеніе Харькова. Сербы очистили Бѣлградъ, занятый австрійцами.

24-го. Германцы пытались наступать отъ Млавы, но были отбиты.

25-го. Высочайшее посѣщеніе Екатеринодара. Бои въ районѣ Прасныша, Цѣханова и Петрокова. Сербы нанесли австрійцамъ тяжкое пораженіе на обоихъ своихъ флангахъ.

26-го. Прибытіе Государя Императора въ Тифлисъ. Бѣгство «Бреслау», атакованнаго въ Севастополѣ нашими летчиками.

27-го. Путешествіе Государя Императора по Кавказу. Бой у Фальклендскихъ острововъ. Германскіе крейсера «Шарнгорстъ», «Гнейзенау», «Лейпцигъ» и «Нюрнбергъ» потоплены англійскими крейсерами. Сербы разбили на-голову и взяли въ плѣнъ 20.000 австрійцевъ.

28-го. Отбиты всѣ атаки германцевъ въ млавскомъ направленіи.

29-го. Отбиты германскія атаки на фронтѣ Иловъ—Ловичъ.

30-го. Наши войска овладѣли позиціями на линіи Прасныш —Цѣхановъ. Турецкія суда пытались обстрѣлять Батумъ, но бѣжали. Западный берегъ Иверскаго канала очищенъ германцами.

Декабрь.

1-го. На лѣвомъ берегу Вислы германцы отброшены съ тяжелыми потерями. Англійская подводная лодка прошла Дарданеллы и повредила крейс ъ «Мессудіэ».

2-го. Государь Императоръ посѣтилъ Карсъ и Сарыкамышъ. Встрѣчные бои между Ловичемъ и Вислой.

3-го. Государь Императоръ посѣтилъ Александрополь и Елисаветполь. Наступленіе австрійцевъ изъ-за Карпатъ задержано. Бомбардированіе германскими крейсерами побережья Англіи.

4-го. Наша эскадра потопила въ Балтійскомъ морѣ германскій крейсеръ «Фридрихъ Карлъ». Наши войска съ боемъ перешли границу въ млавскомъ направленіи.

5-го. Высочайшее посѣщеніе Владикавказа. На лѣвомъ берегу Вислы отражены всѣ германскія атаки. Англія приняла Египетъ подъ свой протекторатъ, уничтоживъ сюзеренитетъ султана.

6-го. На Бзурѣ отбиты германскія атаки. Конференція шведскаго, норвежскаго и датскаго королей въ Мальмэ.

7-го. Бои на лѣвомъ берегу Вислы, Бзурѣ и Равкѣ.

8-го. Въ Галиціи окончательно остановлено наступленіе австрійцевъ.

9-го. У Закржева на Бзурѣ нѣмцы сброшены въ рѣку и понесли крупныя потери.

10-го. Отбиты атаки нѣмцевъ, пытавшихся перейти Бзуру и Равку. Атаки турокъ въ сарыкамышскомъ направленіи отражены.

11-го. Нѣмцы, переправившіеся черезъ Бзуру, разбиты. Бой въ ольтинскомъ направленіи (на Кавказѣ).

12-го. Отбиты атаки нѣмцевъ на участкѣ Сохачевъ—Болимовъ.

13-го. Упорный и успѣшный бой съ австрійцами въ низовьяхъ р. Ниды.

14-го. Французы отбили между р.р. Лисомъ и Уазой всѣ атаки нѣмцевъ.

ШЕСТОЙ МѢСЯЦЪ.

15-го. Наши войска нанесли нѣмцамъ тяжелый уронъ къ юго-востоку отъ Скерневицъ. У Дарданеллъ сосредоточена для бомбардировки англо-французская эскадра.

16-го. Успѣшные бои съ турками въ ольтинскомъ и сарыкамышскомъ направленіяхъ.

17-го. Упорные бои у Болимова, Иновлодзи и Малогоща.

18-го. Государь Императоръ въ ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго. Между Вислой и Пилицей отражена жестокая атака германцевъ. Французы наступаютъ по всему фронту.

19-го. Наступленіе германцевъ въ Восточной Пруссіи и въ млавскомъ направленіи отражено. Бои между Бялкой и Рылькой.

20-го. Въ Буковинѣ австрійцы поспѣшно отступаютъ. Бой у Сарыкамыша.

21-го. Сильный артиллерійскій бой на лѣвомъ берегу Вислы. Продолжается наше наступленіе въ Буковинѣ.

22-го. Блестящая побѣда подъ Ардаганомъ и Сарыкамышемъ: разбиты 1-ый и 9-ый турецкіе корпуса.

23—24-го. Бои у Боржимова. Въ млавскомъ направленіи у Разровы нѣмцы понесли тяжкій уронъ.

25—26-го. Упорный бой на фронтѣ Суха—Могелы. Русскія войска на границѣ Буковины и Венгріи.

27-го. Въ районѣ Могелъ продолжаетъ развиваться упорный бой.

28-го. Бои съ германцами на лѣвомъ берегу Вислы. Бой въ районѣ Караургана.

29-го. Австрійцы отступаютъ, уничтожая мосты на р. Молдавкѣ. Бой у Караургана протекаетъ успѣшно для насъ. Австрійцы спѣшно укрѣпляютъ румынскую и итальянскую границы.

30-го. У Сухи и Могелъ отбиты упорныя атаки нѣмцевъ. Бои съ турками въ ольтинскомъ направленіи.

31-го. Артиллерійскіе бои у Ньюпора, Ипра и въ Шампани. Отражены атаки нѣмцевъ французами у Суассона.

Январь 1915 г.

1-го. Русскія войска заняли Серпецъ. На лѣвомъ берегу Вислы отбиты всѣ нѣмецкія атаки. Бои между германцами и французами въ районѣ Суассона.

2-го. Наши войска вытѣсняютъ турокъ изъ Зачорохскаго края.

3-го. Орудійный и ружейный бой на фронтѣ Сохачевъ—Болимовъ. Французы отступили изъ района Суассона.

4-го. Въ Буковинѣ наши войска овладѣли переваломъ Кирли-Баба. Бои у Дорна-Ватры и Якобени. Бой съ турками въ районѣ Караургана закончился истребленіемъ турецкой арміи.

5-го. Русскія войска заняли важныя позиціи у Дорна-Ватры и Кирли-Бабы, открывъ путь въ Трансильванію.

6-го. Сильный обстрѣлъ германцами нашихъ укрѣпленій на р. Бзурѣ.

7-го. Отражено частичное наступленіе нѣмцевъ у Равы и Витковице. Отбита атака германцевъ близъ Радзѣюва въ Западной Галиціи.

8-го. Всѣ атаки нѣмцевъ въ млавскомъ направленіи отражены. Въ Буковинѣ нашими войсками взята Ворохта.

9-го. Австрійцы стягиваютъ значительныя силы въ Буковинѣ. Бой между Ньюпоромъ и Остендэ.

10-го. На обоихъ берегахъ Вислы остановлены всѣ попытки нѣмцевъ къ наступленію. Сраженія въ Эльзасѣ и Аргоннахъ.

11-го. Упорный бой съ турками въ Зачорохскомъ краѣ. Атака австрійцевъ у Кирли-Бабы отбита.

12-го. Усиленная дѣятельность австрійцевъ въ восточныхъ Карпатахъ. Морской бой между англичанами и нѣмцами въ Сѣверномъ морѣ. Потопленъ германскій крейсеръ «Блюхеръ». Предотвращенъ англичанами набѣгъ нѣмецкихъ авіаторовъ на беззащитные англійскіе города.

13-го. Гибель германскаго гидроплана надъ Либавой.

14-го. Отбиты нѣмецкія атаки въ районѣ Боржимова, Буды Грабске и Каміонъ. Отражена атака турокъ у Султанъ-Селима въ Зачорохскомъ краѣ.

СЕДЬМОЙ МѢСЯЦЪ.

15-го. Къ сѣверу отъ Тильзита русскія войска перешли въ наступленіе и потѣснили нѣмцевъ. Успѣшныя атаки нашихъ войскъ у Боржимова. Отступленіе австрійцевъ въ районѣ Дуклы.

16-го. Бой къ сѣверу отъ Пилькалена и Гумбинена. Русскія войска взяли Софіанъ; турки отступили къ Тавризу.

17-го. Сраженіе между Дуклинскимъ и Вышковскимъ перевалами. Набѣгъ нашего миноносца на Трапезундъ, гдѣ имъ разрушены казармы и склады. Турки очистили Тавризъ.

18-го. Наши войска заняли Тавризъ послѣ боя; взяли штурмомъ Горнесъ (на сарыкамышскомъ фронтѣ). Въ районѣ Гумбинена и Пилькалена русскія войска продвигаются впередъ. Наши войска въ районѣ Серпца прорвали нѣмецкое расположеніе и взяли плѣнныхъ.

19-го. Упорное наступленіе нѣмцевъ на фронтѣ Сохачевъ—Болимовъ. Отбиты атаки австрійцевъ на перевалахъ Бескиды—Вышковъ.

20-го. Сраженіе на путяхъ къ Болимову. Отбиты атаки у Боржимова. Бой южнѣе д. Гумина.

21-го. Въ Карпатахъ упорные бои. Обнаружены большія силы германцевъ. Продолжается сраженіе на фронтѣ Боржимовъ—Гуминъ—Воля Шидловская.

22-го. Государь Императоръ отбылъ въ дѣйствующую армію. Въ Карпатахъ наши войска стянуты съ переваловъ Тухолка и Бескиды на приготовленныя заранѣе позиціи. Англичанами отражена турецкая атака у Суэцкаго канала.

23-го. Наши войска, переправившись черезъ Бзуру, перешли въ наступленіе. Въ Карпатахъ, къ юго-востоку отъ Ужка, наши войска сдерживаютъ натискъ значительныхъ непріятельскихъ силъ. Германія объявила водную блокаду вокругъ Великобританіи и Ирландіи, объявивъ, что всѣ непріятельскія коммерческія суда будутъ уничтожаться.

24-го. Бои въ Восточной Пруссіи приняли болѣе упорный характеръ. Германцы перешли въ наступленіе въ районѣ Липно—Серпецъ—Бѣжунь.

25-го. На путяхъ къ Надворной и въ Буковинѣ наши войска, задерживая наступленіе значительныхъ силъ непріятеля, стягиваются назадъ. Черноморскій флотъ обстрѣлялъ Хопу. Удачныя дѣйствія союзныхъ войскъ отъ Арраса до Реймса.

26-го. Наступленіе русскихъ войскъ въ раойнѣ нижней Бзуры.

27-го. Высочайшее посѣщеніе Кіева. Нѣмцы наступаютъ въ Восточной Пруссіи со свѣжими силами. Въ районѣ Козювки, на Карпатахъ, нами отражены двадцать двѣ атаки. Безпримѣрнымъ штыковымъ боемъ непріятель дважды сброшенъ съ занятой нами высоты. Крейсеръ «Бреслау» обстрѣлялъ Ялту.

28-го. Наши миноносцы обстрѣляли батареи у Трапезунда.

29-го. Высочайшее посѣщеніе Полтавы. Наши войска въ Восточной Пруссіи отходятъ отъ линіи Мазурскихъ озеръ къ пограничной полосѣ, задерживая нѣмцевъ. Нашими войсками взяты высоты Раббе въ Карпатахъ. Набѣгъ нашихъ миноносцевъ на Ризэ, Трапезундъ и Платану.

30-го. Высочайшее посѣщеніе Севастополя. Боевыя столкновенія на фронтѣ между Нѣманомъ и Вислой. Германцы понесли уронъ у Козювки, у высоты 992.

31-го. Въ Карпатахъ наши войска захватили укрѣпленныя высоты въ районѣ Свидника. Англійскіе аэропланы успѣшно атаковали Брюгге, Зеебрюгге и Остендэ.

Февраль.

1-го. Высочайшее посѣщеніе Екатеринослава. Наши войска подъ давленіемъ значительныхъ силъ германцевъ отходятъ на укрѣпленную линію Нѣмана. Въ Карпатахъ наши войска овладѣли укрѣпленіями у Смольника.

2-го. Продолжаются бои нашихъ войскъ съ германцами между Нѣманомъ и Вислой.

3-го. Упорный бой въ районѣ Августова съ значительно превосходящими силами нѣмцевъ. Непріятель достигъ фронта Плоцкъ—Раціонжъ. Въ Буковинѣ непріятель занялъ Надворную.

4-го. Отбиты атаки нѣмцевъ у Козювки и Вышкова. Бои на правомъ берегу Вислы.

5-го. Бой въ районѣ Августова и на путяхъ къ Плонску. Въ Буковинѣ наши войска отошли за Прутъ.

6-го. Бои между Нѣманомъ и Вислой, у Осовца и Ломжи. У Августова наши войска выходятъ изъ боя. Въ Эльзасѣ французы овладѣли группой высотъ.

7-го. Союзный флотъ бомбардируетъ Дарданеллы.

8-го. Приведены къ молчанію форты въ Дарданеллахъ на европейской сторонѣ. Наступленіе нѣмцевъ на востокъ отъ Ипра отражено.

9-го. Бурныя манифестаціи въ Италіи въ пользу войны.

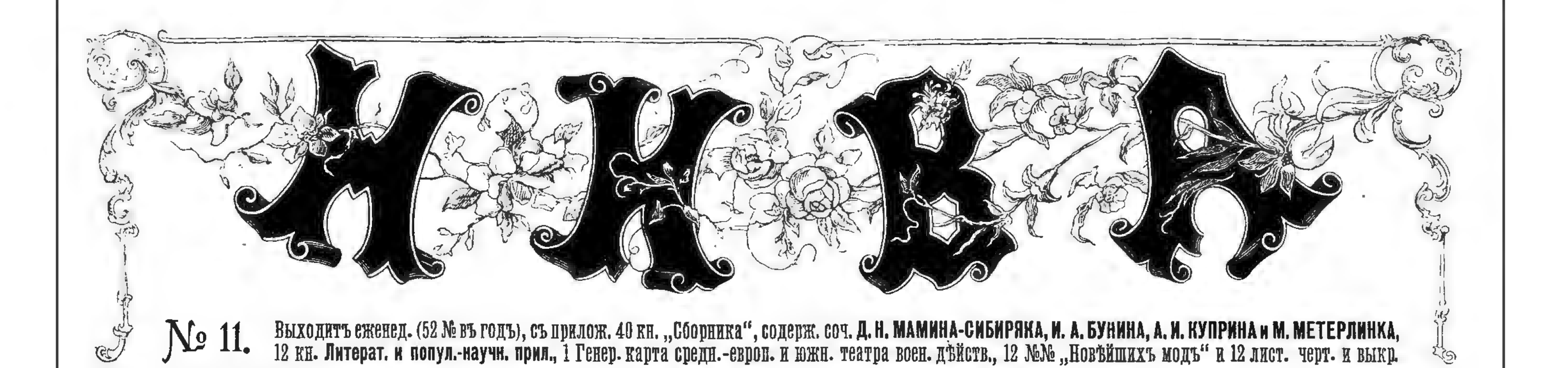
10-го. Сраженіе на правомъ берегу Нарева и въ праснышскомъ районѣ продолжается.

11-го. Нѣмцы ворвались въ Праснышъ. Одновременное наше рѣшительное наступленіе на широкомъ фронтѣ отъ Красносельца—Венгржинова—Колачкова до Воли Вержбовской. Наши войска всюду потѣснили нѣмцевъ.

12-го. Наши войска окончательно отбросили нѣмцевъ на ближайшія къ Праснышу позиціи.

13-го. Упорные бои на фронтѣ Дзилинъ—Хойново—Праснышъ—Бортники—Шля. Наши войска ворвались въ Праснышъ. Возобновилась бомбардировка Дарданеллъ.

14-го. Праснышъ окончательно закрѣпленъ за нашими войсками. Германцы въ безпорядкѣ отступили на Млаву и Хоржеле.



№ 11. Выходитъ еженед. (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 14 марта 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на 1/2 года—4 р., на 1/4 года—2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненія Д. Н. Мамина-Сибиряка“ кн. 4.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

„Блокада“ англійскаго побережья.

Однимъ изъ любопытнѣйшихъ событій въ настоящей войнѣ является объявленіе нѣмцами блокады англійскаго побережья, которую они пытаются осуществить при помощи подводныхъ лодокъ. Объявленіе этой блокады, начало которой было назначено нѣмцами на 5-е февраля 1915 года, вызвало большой взрывъ негодованія главнымъ образомъ въ нейтральныхъ странахъ, интересы которыхъ болѣе всего нарушались этой неслыханной нѣмецкой блокадой, нарушающей всѣ положенія международнаго права.

Нѣмецкая блокада англійскаго побережья преслѣдовала весьма претенціозную цѣль—прекратить движеніе коммерческихъ судовъ въ англійскіе порты и отрѣзать острова Великобританіи отъ всего свѣта. Какъ извѣстно, еще въ началѣ войны нѣмцы поставили себѣ цѣлью по возможности сдѣлать опаснымъ движеніе англійскихъ судовъ на океанахъ и моряхъ міра. Для этого они и выпустили свои крейсера и, слѣдовательно, сначала прибѣгли хотя также къ пріемамъ недозволеннымъ, но тѣмъ не менѣе къ такимъ, которыми многіе пользовались вслѣдствіе неясностей нѣкоторыхъ положеній международнаго права.

Въ результатѣ своей крейсерской войны нѣмцы къ 12-му октября

Кавалерійская атака. Картина В. Добржанскаго. (Патріотическая военная выставка картинъ).

Къ событіямъ въ Греціи. Греческій король Константинъ и министръ-президентъ Венизелосъ, создатель Балканскаго союза, подавшій въ отставку вслѣдствіе неодобренія королемъ его политики, склонявшейся къ державамъ тройственнаго согласія. Греческій король женатъ на сестрѣ германскаго императора Вильгельма.

изъ 4.000 англійскихъ коммерческихъ судовъ, поддерживающихъ международную торговлю, потопили только 39. Въ то же время англичане захватили 133 нѣмецкихъ парохода, не считая тѣхъ, которые были захвачены въ портахъ Россіи и Франціи, при чемъ бо̀льшая часть остальныхъ судовъ была заперта въ нейтральныхъ портахъ.

Итоги эти были болѣе чѣмъ незначительны. 27-го октября погибъ „Эмденъ", и было положено начало полной ликвидаціи германской крейсерской войны.

При такихъ условіяхъ казалось, что нѣмцы волей-неволей должны будутъ примириться съ неудачнымъ выполненіемъ своей задачи по прекращенію англійской морской торговли. Однако нѣмцы, признавъ уже въ началѣ октября, что результаты крейсерской войны совершенно не оправдали ихъ ожиданій, рѣшили продолжать выполненіе своей задачи—нанести посильный и возможно большій вредъ морской торговлѣ Англіи, но уже не при помощи крейсеровъ, а при помощи подводныхъ лодокъ.

6-го октября 1914 года, еще задолго до объявленной нѣмцами блокады англійскаго побережья, произошелъ первый случай нападенія германской подводной лодки на коммерческій пароходъ. Въ этотъ день, около полудня, въ девяти миляхъ отъ норвежскаго берега, англійскій пароходъ „Глитра" съ грузомъ угля былъ остановленъ германской подводной лодкой „U 17". Когда пароходъ попытался уйти, нѣмецкая подводная лодка открыла огонь изъ орудій. Пароходъ былъ вынужденъ остановиться, и нѣмцы, разрѣшивъ экипажу сѣсть на шлюпки, открыли на пароходѣ кингстоны и потопили его, предварительно разстрѣлявъ его изъ пушекъ.

Этотъ первый случай, хотя и вызвалъ протестующіе возгласы во всемъ мірѣ, все же особеннаго вниманія на себя не обратилъ. Однако вскорѣ нѣмцы потопили, на этотъ разъ уже въ самомъ Ламаншѣ, французскій пассажирскій пароходъ „Адмиралъ Гантонъ", а въ ноябрѣ потопили еще два парохода — норвежскій пароходъ „Транъ" и англійскій пароходъ, шедшій изъ Ливерпуля въ Гавръ и нагруженный норвежскими товарами, при чемъ послѣдній пароходъ былъ потопленъ также въ самомъ Ламаншѣ. Насколько большую жестокость проявили въ данномъ случаѣ нѣмцы, можно судить по тому, что на „Адмиралѣ Гантонѣ", шедшемъ черезъ Ламаншъ изъ Калэ въ Гавръ, было около 2.000 частныхъ лицъ, среди которыхъ была масса женщинъ и дѣтей. Только совершенно случайно, благодаря тому, что поблизости находился англійскій коммерческій пароходъ „Королева", удалось спасти пассажировъ, за исключеніемъ 40 убитыхъ и раненыхъ.

Эти случаи показали впервые, что нѣмцы безъ всякой церемоніи топятъ коммерческія пассажирскія суда, на которыхъ находятся люди, совершенно не принимающіе участія въ войнѣ, и товары нейтральныхъ государствъ, съ которыми Германія не состоитъ въ войнѣ. Такое неслыханное нарушеніе не только международнаго права, но и простой логики, когда убиваютъ людей, съ которыми не находятся въ состояніи войны, не могло не вызвать негодованія во всемъ мірѣ.

Нѣмцы, очевидно, рѣшили совершенно пренебречь всякими положеніями международнаго права, если только это право въ чемъ-нибудь стѣсняетъ ихъ. Уже даже до объявленія ими блокады они забросали все Сѣверное море минами, при чемъ исключительно плавучими, тогда какъ, согласно международному праву, такія мины могутъ ставиться только на якоряхъ, и раіонъ такихъ якорныхъ, т.-е. постоянныхъ минныхъ загражденій долженъ быть, согласно международнымъ конвенціямъ, объявленъ во всеобщее свѣдѣніе. Такимъ образомъ нѣмцы сдѣлали крайне опаснымъ движеніе по Сѣверному морю не только для англійскихъ, но и для нейтральныхъ судовъ.

Въ виду такого явнаго нарушенія нѣмцами международнаго права англичане также въ свою очередь должны были какъ-нибудь себя гарантировать, такъ какъ несоблюденіе нѣмцами международнаго права давало послѣднимъ слишкомъ большія выгоды. Поэтому англійское адмиралтейство въ октябрѣ мѣсяцѣ пришло къ рѣшенію объявить входъ въ Сѣверное море опаснымъ и запрещеннымъ для всякихъ нейтральныхъ судовъ. Въ подробностяхъ своего объявленія англичане требовали, чтобы всѣ нейтральныя суда предварительно заходили въ англійскіе порты, гдѣ они будутъ осматриваться, а затѣмъ могутъ слѣдовать въ нейтральные порты Сѣвернаго моря по путямъ, которые будутъ указаны англичанами, и что, слѣдуя по этому пути, „суда всѣхъ странъ будутъ имѣть возможность достигать мѣста ихъ назначенія — насколько это касается Великобританіи—безопасно".

Въ результатѣ этой борьбы почти прекратился рыболовный промыселъ въ Сѣверномъ морѣ, а шведскія и норвежскія страховыя общества подняли страховку съ грузовъ, идущихъ въ Германію, съ 4% до 10%, а съ грузовъ, идущихъ въ Голландію— съ 2% до 5%.

При такихъ условіяхъ, когда постановка нѣмцами плавучихъ минъ въ Балтійскомъ морѣ обратилась для нихъ въ обоюдоострое оружіе и стала вредить самимъ же нѣмцамъ, германскій морской генеральный штабъ, не ограничиваясь минами, рѣшилъ объявить блокаду англійскаго побережья при помощи подводныхъ лодокъ.

5-го февраля была объявлена эта блокада, а къ 20-му февраля англійское адмиралтейство выпустило первое сообщеніе, въ которомъ приводило данныя о потопленныхъ за двѣ недѣли нѣмцами судахъ. Изъ этого сообщенія было видно, что съ 5-го по 20-е февраля въ англійскіе порты вошло и изъ англійскихъ портовъ вышло свыше 1.300 судовъ. Изъ числа этихъ судовъ было потоплено семь, что̀ даетъ лишь около 1/2%. Такіе результаты, конечно, нельзя не признать ничтожными, и едва ли нѣмцы могли говорить послѣ этого „объ уничтоженіи британской морской торговли", когда 99 1/2% судовъ благополучно путешествовали по морямъ, омывающимъ Англію.

28-го февраля, т.-е. еще черезъ недѣлю, англійское адмиралтейство выпустило два новыхъ сообщенія, изъ которыхъ было видно, что въ періодъ времени съ 25-го по 28-е февраля, т.-е. въ теченіе трехъ дней, подверглись нападенію германскихъ подводныхъ лодокъ еще семь британскихъ судовъ. Изъ нихъ потонуло пять. Случаи эти произошли въ Ламаншѣ, въ Бристольскомъ каналѣ и въ Ирландскомъ каналѣ.

Такимъ образомъ нетрудно видѣть, что нѣмецкая блокада превратилась лишь въ потопленіе отдѣльныхъ случайныхъ судовъ и отнюдь не является „блокадой", какъ послѣднюю понимаетъ стратегія.

Движеніе судовъ у англійскаго побережья продолжается, и лишь незначительно увеличился рискъ, выражающійся въ томъ, что, примѣрно, одному проценту судовъ угрожаетъ опасность потопленія. Такъ какъ, во время всякой войны, моря, служащія раіономъ дѣйствій, вообще всегда считаются опасными для мореплаванія, то слѣдуетъ признать, что операціи германскихъ подводныхъ лодокъ по существу не увеличили той опасности, которая вообще неизбѣжна на морѣ, ставшемъ раіономъ военныхъ дѣйствій.

Причины такихъ неудачъ германскихъ подводныхъ лодокъ прежде всего слѣдуетъ видѣть въ несовершенствѣ самого орудія, а затѣмъ въ недостаточномъ количествѣ имѣющихся у нѣмцевъ подводныхъ судовъ. Большинство нѣмецкихъ подводныхъ лодокъ принадлежитъ къ устарѣлымъ типамъ и отличается тихоходностью даже въ надводномъ состояніи. Поэтому коммерческій пароходъ даже средней быстроходности можетъ всегда замѣтить перископъ подводной лодки и уйти отъ нея. Кромѣ того, рекомендуется

отходить отъ подводной лодки зигзагами, что крайне затрудняетъ для подводной лодки стрѣльбу минами. Такимъ способомъ ушелъ отъ нея одинъ изъ англійскихъ пароходовъ, и ни одна изъ выпущенныхъ лодкой минъ въ него не попала.

Затѣмъ возможны случаи,—и они уже бывали,—когда суда таранятъ подводную лодку, т.-е. когда, послѣ неудачнаго миннаго выстрѣла съ подводной лодки, пароходъ ударяетъ въ нее, чаще всего носовой частью, и подводная лодка, получивъ пробоину, идетъ ко дну.

Наконецъ вообще стрѣльба минами даетъ невысокую мѣткость. Атакуя наши суда въ Портъ-Артурѣ, японскіе миноносцы подошли въ упоръ. Тѣмъ не менѣе изъ пятидесяти выпущенныхъ минъ попало только четыре. Правда, въ настоящее время мѣткость стрѣльбы минами значительно повысилась, но все же болѣе или менѣе удачная стрѣльба возможна на близкомъ разстояніи, при чемъ чаще всего наблюдается попаданіе въ неподвижно стоящія суда, а при стрѣльбѣ въ двигающіяся суда промахи составляютъ громадный процентъ.

При такихъ условіяхъ нѣмцы безусловно не могутъ осуществить намѣченной ими блокады англійскаго побережья при помощи подводныхъ лодокъ. Имѣется извѣстіе, что они къ веснѣ собираются увеличить число своихъ подводныхъ лодокъ и тогда надѣются достигнуть болѣе дѣйствительной блокады. Однако вообще нужно считать, что только очень большое число подводныхъ лодокъ, выражающееся сотнями такихъ судовъ, могло бы осуществить до извѣстной степени задуманную нѣмцами блокаду. На такое число подводныхъ лодокъ нѣмцы не могутъ разсчитывать, ибо такого громаднаго числа подводныхъ судовъ у нихъ нѣтъ, да и судостроительныя ихъ верфи не въ состояніи были бы справиться съ такой грандіозной программой постройки. Кромѣ того, у нѣмцевъ не нашлось бы достаточнаго числа обученныхъ подводниковъ-спеціалистовъ.

Все это въ достаточной степени предопредѣляетъ и дальнѣйшую безуспѣшность операцій германскихъ подводныхъ лодокъ вокругъ англійскаго побережья. Кромѣ отдѣльныхъ случаевъ потопленія судовъ нѣмцы ничего не достигнутъ, а съ такими случаями всегда приходится мириться, ибо они неизбѣжны при всякой войнѣ. Всякая война подразумѣваетъ потери; но вопросъ не въ этихъ потеряхъ, а въ томъ, насколько онѣ отражаются на ходѣ событій и вліяютъ на положеніе сторонъ. Мы уже видѣли, что въ данномъ случаѣ это вліяніе ничтожно и не можетъ, по существу, ни на іоту измѣнить превосходство Англіи на морѣ и лишить Англію необходимаго ей подвоза.

Графъ С. Ю. Витте.

(Портр. на этой стр.).

28-го февраля с. г. скончался графъ С. Ю. Витте. Неожиданно подкравшаяся смерть унесла въ могилу государственнаго дѣятеля, личность котораго заполняла нашу государственную исторію въ теченіе долгихъ лѣтъ, въ особенности въ памятный 1905 годъ.

Это былъ „большой человѣкъ“. Большой въ смыслѣ рѣдкаго умѣнья оріентироваться въ широчайшихъ горизонтахъ, по колоссальной работоспособности и твердой волѣ. С. Ю. Витте былъ истинно государственный человѣкъ, и его дѣятельность вошла въ исторію нашей родины еще задолго до его кончины.

Сергѣй Юльевичъ Витте родился въ 1849 году въ Тифлисѣ. Въ 1870 году онъ окончилъ курсъ въ Новороссійскомъ университетѣ по физико-математическому факультету и поступилъ на службу на Одесскую желѣзную дорогу. Начавъ службу съ маленькихъ желѣзнодорожныхъ должностей, С. Ю. въ 1880 году уже получилъ мѣсто начальника эксплуатаціи Юго-Западныхъ дорогъ, а въ 1886 году былъ утвержденъ управляющимъ упомянутыми дорогами. Любопытно, что С. Ю. Витте тогда неоднократно указывалъ на возможность катастрофы съ поѣздами, въ которыхъ путешествовалъ императоръ Александръ III, такъ какъ поѣзда эти составлялись неправильно и имѣли черезчуръ большой вѣсъ. Страшная катастрофа 17-го октября 1888 года оправдала опасенія Витте. Онъ былъ вызванъ при изслѣдованіи причинъ катастрофы въ качествѣ эксперта и своими основательными объясненіями обратилъ на себя вниманіе императора Александра III. Это обстоятельство послужило поводомъ къ переводу С. Ю. Витте въ столицу и къ дальнѣйшему повышенію его служебной карьеры. По желанію Государя, онъ былъ назначенъ директоромъ департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ, а въ 1892 году управлялъ уже министерствомъ путей сообщенія. Но на этомъ посту С. Ю. Витте пробылъ недолго и въ томъ же году былъ назначенъ управляющимъ министерствомъ финансовъ.

Въ должности министра финансовъ онъ пробылъ до 1903 года. Всѣмъ извѣстны главнѣйшія черты дѣятельности С. Ю. Витте на этомъ поприщѣ. Онъ ввелъ у насъ золотую валюту, реформировалъ Государственный Банкъ, содѣйствовалъ проведенію Сибирской желѣзной дороги, ввелъ винную монополію.

Особенно видную роль въ нашей государственной жизни С. Ю. Витте сталъ играть въ началѣ текущаго столѣтія, когда—въ концѣ японской войны—онъ былъ снова призванъ къ широкой государственной дѣятельности. Важное и незабываемое его дѣло—Портсмутскій мирный трактатъ, закончившій неудачную для насъ войну. Покойный С. Ю. Витте выступилъ впервые въ качествѣ дипломата, и его выступленіе было очень удачно. Достаточно сказать, что въ Портсмутѣ онъ разговаривалъ съ японцами, какъ побѣдитель, и ставилъ имъ условія, взявъ иниціативу переговоровъ въ свои руки. За Портсмутскій трактатъ Витте получилъ титулъ графа (въ 1905 году).

Еще болѣе ярко было выступленіе С. Ю. Витте въ обновленіи нашего государственнаго строя. Манифестъ 17-го октября былъ, какъ извѣстно, окончательно редактированъ имъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Витте былъ назначенъ тогда главою кабинета — первымъ „премьеромъ“ обновленной Россіи.

На этомъ посту С. Ю. Витте пробылъ до 22-го апрѣля 1906 года. Съ этой поры онъ отошелъ отъ офиціальной государственной дѣятельности, но, будучи членомъ Государственнаго Совѣта, не переставалъ фактически принимать участіе въ важнѣйшихъ явленіяхъ нашей государственной жизни.

С. Ю. Витте скончался неожиданно быстро. Его скосила инфлюэнца, осложнившаяся воспаленіемъ уха, перешедшимъ въ воспаленіе мозга. 28-го февраля онъ еще былъ на ногахъ, а къ утру наступавшаго 1-го марта уже началась агонія.

Кончина С. Ю. Витте вызвала отклики во всемъ культурномъ мірѣ.

Графъ Сергѣй Юльевичъ Витте. † 28 февраля с. г.

Борьба съ дороговизной продуктовъ.

(Вопросы внутренней жизни).

Кромѣ текущихъ событій на театрахъ военныхъ дѣйствій ничто такъ глубоко не затрагиваетъ русское общество, ничто такъ не волнуетъ всю массу населенія имперіи, какъ необычайно быстрый ростъ цѣнъ почти на всѣ предметы первой необходимости и борьба правительства съ угнетающей бѣдные классы дороговизной. Почти полное прекращеніе заграничнаго вывоза хлѣба, мяса, лѣса и прочихъ продуктовъ, закрытіе Босфора и пр. заставляли ожидать значительнаго пониженія цѣнъ на всѣ предметы первой необходимости, а въ результатѣ, наоборотъ, получилось общее вздорожаніе. Правда, на мѣстахъ производства и дѣйствительно сначала обнаруживалось рѣзкое паденіе цѣнъ. Напримѣръ, масло въ Сибири упало въ началѣ войны до 5—6 р. за пудъ и по этой разорительной для производителей цѣнѣ было скуплено представителями крупныхъ торговыхъ фирмъ. Скотъ осенью какъ въ раіонахъ недорода кормовъ, такъ и почти по всей Россіи тоже сбывался хозяевами буквально за гроши. Но чрезмѣрное паденіе цѣнъ на масло и мясо въ мѣстахъ производства нисколько не помѣшало столь же чрезмѣрному повышенію цѣнъ на нихъ въ центрахъ потребленія. Потребитель не воспользовался разореніемъ производителя, и производитель нисколько не нажился на ограбленіи потребителя. Оба они понесли большія потери, а въ выигрышѣ на ихъ счетъ оказался бойкій посредникъ-спекулянтъ, сумѣвшій втридешева купить и втридорога продать при помощи ловко организованной одновременной игры въ однихъ раіонахъ на пониженіе, а въ другихъ раіонахъ на повышеніе цѣнъ.

Спекулятивный характеръ непомѣрной дороговизны продуктовъ совершенно очевиденъ и отрицается только лицами, прикосновенными къ спекуляціи. Въ исключительное время величайшей въ исторіи по своимъ размѣрамъ и своимъ задачамъ войны необузданное торговое хищничество сразу пріобрѣло огромное противогосударственное и противонаціональное значеніе. Вздорожаніе всѣхъ продуктовъ вызываетъ глухое недовольство въ массахъ населенія, нарушаетъ то единеніе всѣхъ общественныхъ силъ и элементовъ, которое необходимо для одолѣнія могущественнаго врага. Неудивительно, что первою начала борьбу съ дороговизной военная власть. Начальникъ Петроградскаго военнаго округа созвалъ совѣщаніе для выясненія причинъ дороговизны и для борьбы съ нею образовалъ особый комитетъ, а вслѣдъ затѣмъ такой же междувѣдомственный комитетъ былъ учрежденъ подъ предсѣдательствомъ начальника продовольственнаго отдѣла г. Муратова при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. О дѣятельности послѣдняго печать пока еще ничего не сообщала, зато главный начальникъ Петроградскаго военнаго округа уже успѣлъ принять нѣсколько энергичныхъ мѣръ, долженствующихъ привести къ удешевленію продуктовъ. Прежде всего для выясненія основательности жалобъ торговцевъ на недостатокъ подвоза продуктовъ при содѣйствіи петроградской полиціи былъ произведенъ осмотръ складовъ и холодильниковъ, долженствующій установить точные размѣры наличныхъ запасовъ продовольствія въ столицѣ. Затѣмъ всѣмъ банкамъ и учрежденіямъ, прикосновеннымъ къ оптовой торговлѣ, поставлено въ обязанность періодически два раза въ мѣсяцъ сообщать штабу округа о размѣрахъ наличныхъ запасовъ. По количеству ихъ всегда можно будетъ судить о степени нормальности рыночныхъ цѣнъ. Такой чисто-статистическій способъ борьбы съ дороговизной принятъ, между прочимъ, въ Англіи, гдѣ правительство всегда освѣдомлено и о количествѣ наличныхъ запасовъ и о количествѣ продовольственныхъ грузовъ, находящихся въ пути, и въ случаяхъ искусственнаго повышенія цѣнъ примѣняетъ реквизицію. Свойственное англичанамъ уваженіе къ свободѣ и къ праву частной собственности не вырождается въ неограниченную свободу спекуляціи, не превращается въ непротивленіе торговому грабительству.

Редакторъ „Нивы" Валеріанъ Яковлевичъ Свѣтловъ, ротмистръ ингушскаго коннаго полка Кавказской туземной дивизіи, вступившій добровольцемъ въ ряды дѣйствующей арміи.

Штабъ военнаго округа озаботился также и улучшеніемъ подвоза продуктовъ. Такъ какъ съ началомъ войны Финляндія лишилась подвоза хлѣба изъ Германіи и морской доставки хлѣбныхъ грузовъ изъ Риги и Ревеля, то все питаніе этой нашей окраины совершается теперь черезъ Петроградъ, что чрезвычайно затрудняетъ снабженіе столицы. Въ видахъ облегченія петроградскаго желѣзнодорожнаго узла приняты энергичныя мѣры къ смычкѣ русскихъ и финляндскихъ дорогъ въ новомъ пунктѣ. Снабженіе столицы затрудняется, между прочимъ, слишкомъ медленной разгрузкой прибывающихъ вагоновъ. Цѣлые неразгруженные поѣзда занимаютъ пути и сокращаютъ находящійся въ движеніи составъ. Для ускоренія разгрузки городъ освободилъ окрестныхъ крестьянъ отъ какихъ бы то ни было платъ за право извоза. Къ надзору за исполненіемъ таксъ на продукты предполагается привлечь общественныя силы, непосредственно въ дѣлѣ заинтересованныя. Въ борьбѣ съ грабительствомъ лавочниковъ естественными союзниками обывателя и правительства являются потребительныя общества. До сихъ поръ ихъ дѣятельность не встрѣчала особой поддержки ни со стороны городскихъ самоуправленій ни со стороны надлежащихъ вѣдомствъ, но, въ виду необходимости воспользоваться содѣйствіемъ кооперативовъ въ дѣлѣ защиты обывателя, военная власть предприняла рѣшительные шаги къ возможно болѣе широкому развитію работы потребительныхъ обществъ. Прежде всего имъ должно быть разрѣшено право объединенія въ союзы для производства оптовыхъ закупокъ. По существу положенія корнемъ спекуляціи является, разумѣется, оптовая торговля, такъ какъ розничникъ всегда въ этомъ отношеніи находится въ полной зависимости отъ оптового торговца и не можетъ продавать товаръ дешевле, чѣмъ самъ его получаетъ. Задача борьбы со спекуляціею такимъ образомъ сводится къ вытѣсненію спекулянтовъ изъ операцій по закупкѣ товаровъ отъ производителя. Примѣръ массовыхъ закупокъ для нуждъ арміи, совершаемыхъ въ нынѣшнюю войну органами министерства земледѣлія по цѣнамъ неизмѣримо болѣе дешевымъ, чѣмъ рыночныя, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ выгодности подобнаго рода массовыхъ оптовыхъ закупокъ и сосредоточенія ихъ по возможности въ однѣхъ рукахъ. Министерство, располагающее для закупочныхъ операцій сотнями милліоновъ рублей, работаетъ внѣ частной конкуренціи. Въ интересахъ дешевизны снабженіе столицъ и городовъ должно быть слито со снабженіемъ арміи такимъ образомъ, чтобы конкуренція городовъ не создавала мотива къ повышенію цѣнъ. Получая по своимъ заказамъ соотвѣтствующее количество продуктовъ отъ органа, сосредоточившаго въ своихъ рукахъ всю операцію оптовыхъ закупокъ, столицы и города будутъ заботиться только о правильной организаціи розничнаго сбыта ихъ на мѣстахъ, въ чемъ большое содѣйствіе окажутъ имъ и потребительные союзы и сами обыватели. Такая широкая общественно-государственная схема борьбы съ дороговизной продуктовъ даетъ право надѣяться на полную побѣду.

На привалѣ.

Миніатюра **М. Сафонова**.

Бивуакъ пѣхотнаго полка послѣ боя.

Послѣ сорокаверстнаго перехода полкъ пришелъ къ назначенному мѣсту, гдѣ предполагалось сдѣлать маленькій привалъ. Былъ приказъ не разбивать палатки до прибытія полкового обоза, который, вслѣдствіе испорченныхъ и природою и непріятелемъ дорогъ, запаздывалъ на нѣсколько часовъ. Несмотря на усталость, всѣ энергично принялись за разыскиванье матеріала для костровъ, а такъ какъ на мѣстѣ привала его не было, то пришлось рыскать далеко въ сторону и собирать мелкіе сучья, корни, случайныя щепочки, а главнымъ образомъ обломки повозокъ, палатокъ и т. п. Черезъ полчаса въ сгущающихся сумеркахъ засвѣтились сотни огненныхъ точекъ. Издали получалась картина жуткая, но очаровательная. Вокругъ каждаго костра, какъ это всегда бываетъ, тѣсными кольцами расположились солдаты. Тутъ были и офицеры. Только полковой командиръ съ нѣсколькими старшими офицерами сидѣли чуть поодаль у сломаннаго лафета и разсматривали карту мѣстности, освѣщая ее электрическими карманными фонарями. Если бы посмотрѣть сверху, то эта картина напоминала бы, пожалуй, нарядный ситецъ, гдѣ по желтому полю разбросаны красныя горошинки съ сѣрыми вѣнчиками, какой у насъ, въ Тульской губерніи, въ ходу у деревенскихъ бабъ. У костровъ расположились по-домашнему: балуются чайкомъ съ сухарями, курятъ, смѣются, шутятъ.

— Дай-ка, землячокъ, покурить,—обращается безусый прапорщикъ къ бородатому ефрейтору.—Папиросы всѣ вышли, обоза еще не скоро дождешься, а покурить хочется.

— Не имѣю, ваше благородіе, не курю.

— Онъ нюхаетъ,—замѣтилъ кто-то изъ кружка.

— И не нюхаю.

— Носъ черный, а не нюхаетъ. Толкуй тоже!

— Нѣтъ табаку, такъ и не нюхаю; а носъ черный оттого, что Гараська головешкой провелъ.

— Это, ваше благородіе, не нашъ, а пригульный.

— То-есть какъ пригульный?

— Не нашего полка, значитъ. Онъ отбился отъ своего полка, вотъ пока и присталъ къ нашему. Все равно, говоритъ, воевать-то, что въ томъ, что въ этомъ, только бы поближе къ непріятелю.

— Вотъ извольте, ваше благородіе, махорочка и бумажка, а закурить отъ огня можно.

— Ты сверни, братецъ, самъ, а то я не умѣю.

— Съ нашимъ удовольствіемъ,—отвѣтилъ солдатикъ, ловко крутя „цыгарку“.

— Какъ же ты отсталъ отъ своего полка?

— Онъ, ваше благородіе, нюхальнымъ табакомъ австрійцевъ въ плѣнъ заманилъ, вотъ теперь ему и нюхать нечего, а чтобы знали, что онъ не куритъ, а нюхаетъ—ему Гараська головешкой носъ вычернилъ.

Всѣ разсмѣялись отъ угловатой, но добродушной шутки, разсмѣялся и бородатый ефрейторъ—адресатъ шутки.

— Вы лучше, ваше благородіе, спросите его, какъ онъ австрійцевъ въ плѣнъ нюхальнымъ табакомъ взялъ.

— Развѣ?

— Ей-Богу. Разскажи, Крохинъ!

— Да я ужъ разсказывалъ.

— Ну, разскажи еще разъ, чать не убудетъ, а какъ только обозъ придетъ, и понюхать тебѣ добудемъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, разскажи пожалуйста,—попросилъ и прапорщикъ.

Крохинъ откашлялся и началъ:

— Это дѣло было въ Покровъ Пресвятыя Богородицы. Нашему взводу приказано было пройти лѣсъ, такъ палестиной будетъ версты съ двѣ. Какъ—говоритъ ротный—пройдете лѣсъ, такъ сейчасъ же на опушкѣ разсыпьтесь въ цѣпь и ждите. Ну, стало-быть, мы идемъ другъ отъ друга шаговъ на десять. Извѣстное дѣло, лѣсъ: кое мѣсто видно человѣка, кое нѣтъ. Я да землякъ мой Жариновъ, тоже Костромской губерніи, были съ лѣваго краю. Жариновъ третьяго-дня убитъ, Царство ему Небесное.

Крохинъ снялъ папаху и набожно перекрестился. Всѣ переглянулись и послѣдовали его примѣру.

— Лѣсъ, какъ есть лѣсъ, только незнакомый, и мы съ Жариновымъ, должно-быть, много влѣво и забрали. Идемъ, идемъ, а конца-краю нѣтъ. Уставать стали. Присядемъ, отдохнемъ: онъ покуритъ, а я понюхаю. Опять маршъ. Свѣтлѣть начало; лѣсъ кончается. Къ опушкѣ подходимъ. Глядь, а по полю пятеро конныхъ австрійцевъ катятъ. Я сразу узналъ, что это австріяки, потому сколько разовъ ихъ приходилось и видать и бивать. Что будешь дѣлать? А они, дьяволы, замѣтили насъ, свернули съ дороги и прямо, — едри ихъ корень, — на насъ! Что будешь дѣлать? Мы съ Жариновымъ присѣли за деревья и давай „прямо по калонѣ (колоннѣ), съ колѣна, шесть — пачками“ *). Хоть и плохо стрѣлять въ лѣсу, а все же двоихъ сшибли съ лошадей. А трое подъѣхали къ опушкѣ, съ лошадей долой и къ намъ. Милости просимъ, думаю. Поспоримъ, а живой

*) Команда стрѣльбы съ колѣна; шесть—цифра прицѣла съ 600 шаговъ.

У полкового знамени.

Изъ дѣйствующей арміи. Рисунки съ натуры (изъ походнаго альбома) **М. Авилова.**

Обозъ въ полѣ.

въ руки не дамся. Гляжу, Жариновъ у меня кувыркомъ. Сердце дрогнуло: ихъ трое, а я одинъ. Двое въ обходъ меня пошли, а одинъ прямо претъ. Всю обойму въ дьявола выпустилъ, только послѣдній ранилъ. Ну-съ, стало-быть, двое на одного. Вложилъ обойму, жду, что будетъ? Вотъ подходятъ: одинъ спереди, другой сзади. Близко. Я задняго-то хотѣлъ штыкомъ пырнуть, а передній изъ „леворвета“ хлопъ мнѣ въ правую руку. Винтовка выпала, рука, какъ плеть, повисла. Что будешь дѣлать? Не знаю ужъ какъ, а лѣвая-то рука сама въ карманъ и залѣзла. А въ карманѣ-то тавлинка. Я ее въ зубы, крышку открылъ, табакъ въ горсть, да какъ ахну одному да другому въ морду. Обѣ рожи такъ и залѣпилъ. Вотъ они у меня и загалдѣли, и заорали, и руками замахали. А башками-то все объ деревья да объ деревья. Мнѣ и смѣхъ и руку-то больно. Стукались-стукались, измучились и упали. Гляжу, а Жариновъ возлѣ меня стоитъ. „Это, говоритъ, я нарочно кувырнулся, чтобы ползкомъ ихъ окружить“. Ну, ладно. Дѣлать нечего. Перво-наперво связали имъ бѣлыя руки, вывели на опушку; раненаго тоже вытащили изъ лѣсу. Мы его же бинтомъ голову ему перевязали. Малость отдохнули: Жариновъ покурилъ, а я пальцы обнюхалъ. Рана у меня пустяшная: завязалъ и крышка. Связанные у насъ очухались и ругаются по-своему, значитъ: „Табакомъ, говорятъ, воевать не полагается, на то оружіе есть“. А мы съ Жариновымъ посмѣиваемся и думаемъ: нюхательный табакъ что? Онъ ничего, предметъ безвредный: прочихаешься, такъ лучше глядѣть будешь. Раненаго въ сѣдло посадили, привязали чередомъ, чтобы удобство было, и пошли. Жариновъ повелъ пятерыхъ лошадей въ поводу, а я съ двумя связанными пошелъ. Пошли вдоль лѣса по дорогѣ, а куда?—сами не знаемъ. Шли, шли: совсѣмъ темно стало. Изустали страсть и ѣсть охота. Остановились отдохнуть. На всякій случай я свою парочку къ дереву привязалъ, а Жариновъ около сѣделъ сумки ихнія обшарилъ. Колбасы нашелъ, хлѣба, да три бутылки вина. Поѣли отлично и связанныхъ накормили; а какъ выпили, такъ веселѣе стало. Опять пошли. Кончился лѣсъ, въ долину спустились. Глядимъ влѣво — огоньки. Постой,— говорю Жаринову,—а я пойду сбѣгаю, что и какъ. Пошелъ. Прихожу: нашъ госпиталь ночуетъ. Я опять къ Жаринову. Привели, сдали: насъ записали, какой части и все прочее. Сказали, что нашъ полкъ поутру будетъ. Ночевали. На другой день полкъ пришелъ. Жариновъ, значитъ, въ полкъ, а меня госпитальный врачъ не пустилъ: „тебѣ, говоритъ, надо настоящую перевязку сдѣлать, а то можетъ произойти крови зараженіе.“ Перевязку-то сдѣлали, да два дня и держали, а полкъ не станетъ меня дожидаться. Вотъ я къ вашему и присосѣдился. Найду, такъ въ свой перейду, а не найду, такъ и съ вами провоюю: мнѣ все единственно.

Артиллеристъ-развѣдчикъ въ полушубкѣ.

Изъ дѣйствующей арміи. Рисунки съ натуры (изъ походнаго альбома) **М. Авилова.**

На Санѣ все спокойно.

Разсказъ **Н. Симбирскаго.**

На Санѣ все спокойно...

Гористыя очертанія берега постепенно тонутъ въ надвигающейся мглѣ. Слышатся мѣрные всплески воды о берегъ; этотъ монотонный, тусклый звукъ навѣваетъ дрему и далеко гонитъ мысль объ опасности.

Тамъ, за этими сѣровато-бурыми холмами, врагъ: онъ притаился и ждетъ удобнаго момента.

Непривѣтливая рѣка...

11-й стрѣлковый полкъ на самомъ передовомъ посту. Недвижно стоятъ часовые въ мохнатыхъ папахахъ и зорко вглядываются въ тускнѣющую даль.

„Секреты“ залегли у самой рѣки... Этимъ вовсе жутко — своихъ не видно, врага слышно. Доносится неясный шумъ, фырканье коней слышно. Орудіе погремѣло по камнямъ и всѣмъ своимъ стальнымъ тѣломъ вдругъ рухнуло куда-то.

„Свалилось, видно“,—думаетъ стрѣлокъ въ „секретѣ“ и молча наблюдаетъ, какъ, вспугнутая этимъ рѣзкимъ звукомъ, поднялась изъ прибрежныхъ зарослей стая болотныхъ птицъ. Метнулась вверхъ и пропала.

Вслѣдъ за этимъ конскій топотъ и людская молвь донеслись.

Приподнялся стрѣлокъ на локтѣ, вытянулся весь и впился глазами въ даль.

— Не наступаютъ ли?!

Но нѣтъ. Опять затихли звуки. Съ низовьевъ Сана потянулся сырой вѣтерокъ; сѣрыми хлопьями пополз туманъ. Вскорѣ все водное пространство закрыло одной густой пеленой. Холмы покрылись темнымъ покрываломъ. Все потонуло въ туманной мглѣ.

— Господи, спаси и сохрани! — крестится стрѣлокъ.—Скоро ли смѣна?

И вновь, притаившись, до боли вглядывается впередъ, въ эту невѣдомую тьму...

Въ лагерѣ тихо.

Темно кругомъ. На передовомъ посту огней не зажигаютъ. Сбились въ кучу солдаты; кое-кто прикурнулъ на лохматой папахѣ, завернувшись въ шинель, большинство не спитъ — чуетъ наутро бой. Готовятся. Чистыя рубахи надѣли.

Тускло свѣтитъ мигалка въ землянкѣ у о. Стефана—полкового священника 11-го стрѣлковаго полка. Наскоро вырыли стрѣлки эту землянку, чтобы охранить отъ непогоды любимаго пастыря и святыню, сопровождающую ихъ въ походѣ.

Людно въ землянкѣ. На самодѣльномъ стулѣ сидитъ о. Стефанъ и на-

скоро исповѣдуетъ солдатъ. Сѣдой фельдфебель съ загорѣлымъ грубымъ лицомъ и двумя Георгіями на груди, колѣнопреклоненный, шепчетъ свои грѣхи, низко склонивъ передъ священникомъ свою стриженую голову.

— Богъ проститъ! Богъ проститъ! бодро говоритъ о. Стефанъ и переходитъ къ слѣдующему.

На очереди совсѣмъ безусый солдатикъ: онъ испуганно смотритъ впередъ и шевелитъ губами.

О. Стефанъ — веселый человѣкъ. Не любитъ на людей нагонять тоску. А передъ боемъ и подавно.

— Ну, какіе у тебя грѣхи! Вѣдь молоко только вчера на губахъ обсохло... Говори про себя...

И съ доброй улыбкой покрываетъ склонившуюся молодую голову эпитрахилью и шепчетъ:

— Господи, прости имъ грѣхи! Отпусти имъ все вольное и невольное. Дай имъ бодрый духъ... Дай вѣру въ свое дѣло... Благослови на бой... И если дашь смерть въ бою — прими ихъ духъ съ миромъ...

Ниже склоняется голова о. Стефана— неясныя предчувствія давятъ его... Слезы подступаютъ къ горлу. Крѣпится и шепчетъ:

— Господи, помоги! Отстрани, если можно... Нельзя—дай смерть честную...

И полутемная, душная землянка выростаетъ вдругъ въ роскошный, свѣтлый храмъ. Чудится о. Стефану, что предстоитъ онъ передъ чуднымъ сверкающимъ алтаремъ и молится за этихъ сирыхъ, дорогихъ ему людей, обреченныхъ на смерть, и несется его горячая молитва прямо къ Престолу Всевышняго...

Съ первыми лучами блѣднаго разсвѣта на Санѣ неспокойно... Зашевелились на той сторонѣ темные силуэты врага. Какъ муравьи, высыпали къ берегу саперы.

— Понтонъ наводятъ! — успѣлъ только крикнуть передовой „секретъ“, какъ гулко грянулъ первый вражескій выстрѣлъ, и снарядъ, свистя и воя, врѣзался въ землю около стоянки стрѣлковъ.

Ожили стрѣлки. Разомъ проснулся весь лагерь. На линію высыпали рядами мохнатыя фигуры.

Защетинились штыки—верхушки ихъ блестятъ теперь тусклымъ, унылымъ и грознымъ блескомъ.

Какъ горохъ, разсыпалась трель барабановъ... Зарокотали скрытыя батареи... И вдругъ воздухъ разомъ наполнился мѣднымъ ревомъ, прерываемымъ сухой ружейной перестрѣлкой.

Начался бой...

Неудержимой лавой идутъ австрійцы черезъ Санъ. Передовые падаютъ, по ихъ грудамъ валятъ другіе.

По этимъ свѣжимъ людямъ съ трескомъ проходятъ вѣеромъ выстрѣлы пулеметной роты.

Опять падаютъ, и опять сюда же напираютъ новыя силы.

Нашимъ приходится плохо...

Роту за ротой вводятъ въ бой. Почернѣли стрѣлки—перестали считать своихъ павшихъ.

Много враговъ... Къ пушкамъ подойти нельзя—докрасна накалились.

— Нѣмцы на берегу!

Этотъ крикъ заставилъ всѣхъ вздрогнуть. Впереди командиръ полка. Саблей машетъ... Кричитъ—не разобрать что... И въ самый огонь лѣзетъ. Стѣной пошли стрѣлки за командиромъ.

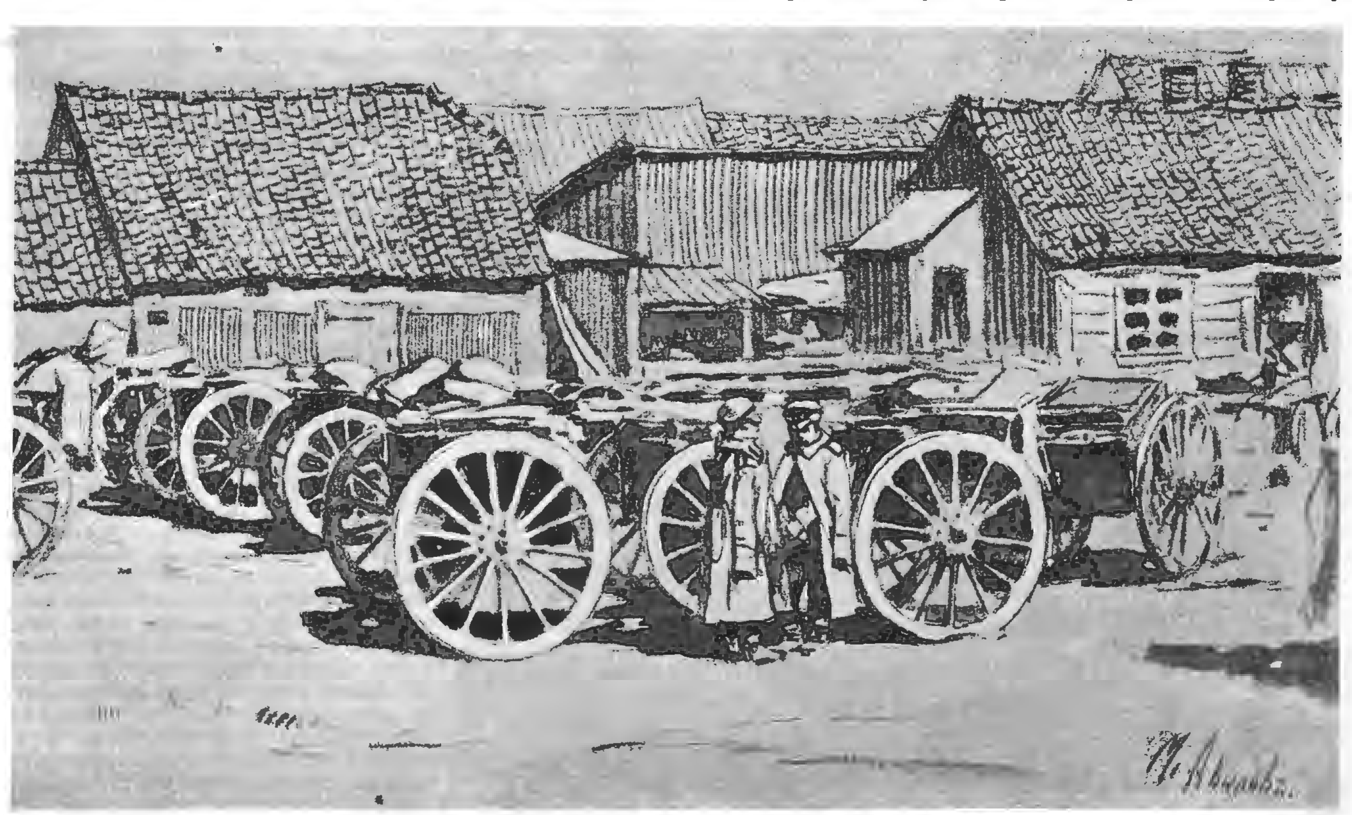
Рѣдѣютъ роты.

Адъ спустился на Санъ...

Тѣснятъ нашихъ—навалились тучей: на два полка насѣла вся армія... Куда глазомъ ни кинь—все враги: впереди, сзади, съ боковъ.

— Впередъ, ребята! — закричалъ командиръ и тутъ же свалился, сраженный пулей прямо въ сердце... А впереди уже

„Подъ ружьемъ“.



Артиллерійскій обозъ на дворѣ, въ пограничномъ мѣстечкѣ.

Изъ дѣйствующей арміи. Рисунки съ натуры (изъ походнаго альбома) **М. Авилова.**

батальонный командиръ саблей машетъ, грознымъ голосомъ кричитъ:

— Не выдавай, ребята!

Крѣпко держатся стрѣлки. Рука устала задвигать экстракторъ; нагрѣлись дула винтовокъ: залпъ за залпомъ такъ и гремитъ съ ихъ линіи... И кровавымъ дождемъ сыплются пули на врага...

— Богатыри, впередъ! — крикнулъ батальонный командиръ и прямо лицомъ распластался на вражеской землѣ — ахнуть не успѣлъ!

Держатся стрѣлки... Все рѣдѣютъ ряды ихъ и безъ команды смыкаются все тѣснѣе и тѣснѣе... По сомкнувшимся рядамъ жадно шныряетъ смерть и костлявой рукой выхватываетъ человѣка за человѣкомъ.

Дрогнули стрѣлки... Болью сжалось сердце исполиновъ. Осиротѣли. Убитъ командиръ, перебиты ротные. Одни. Отрѣзаны отъ своихъ...

Раздача обѣда.

Смерть идетъ.

Весь черный отъ пороха, выросъ вдругъ передъ порѣдѣвшимъ батальономъ о. Стефанъ.

— Впередъ, православные! Съ нами Богъ!

И, высоко поднявъ золотой крестъ, двинулся пастырь впередъ. Безъ команды взяли стрѣлки наперевѣсъ, грозно защетинилась малая кучка и, защищая знамя и крестъ, яростно врѣзалась во вражеское карре.

Не вынесли нѣмцы русскаго штыка, раздвинулись и съ бѣшенствомъ отступили передъ малымъ врагомъ, засыпая его свинцовымъ дождемъ.

———

Стихъ боевой шумъ...

Густыя сумерки опять ползутъ съ заката... Не видно воинскихъ частей—лишь зловѣщія птицы съ карканьемъ кружатъ надъ опустѣвшимъ берегомъ Сана. Да изрѣдка набѣгаетъ съ рѣки вѣтеръ и доноситъ слабый стонъ раненаго.

На Санѣ все спокойно...

Дѣти и война.

Очеркъ **Ал. Богданова.**

I. Задачи воспитанія во время войны.

Задачи воспитанія дѣтей не легки и въ мирное время. Но въ настоящій моментъ онѣ, весьма естественно, должны были осложниться, — и руководительство дѣтьми требуетъ особенной вдумчивости и осторожности со стороны воспитателей.

Потокъ общаго возбужденія захватилъ съ собою и дѣтей. Среди нихъ наблюдается также повышенное настроеніе. Когда волнуется вся страна, когда почти нѣтъ семьи, которая не была бы кровно связана съ войной, тогда дѣти, невольно слѣдуя за взрослыми, не могутъ остаться безучастными зрителями событій. Разговоры на политическія темы, траурныя лица взрослыхъ, случайныя встрѣчи на улицахъ, какъ благотворительные сборы, процессіи и т. д.— все это переживается дѣтьми нерѣдко даже въ сильнѣйшей степени, нежели взрослыми, благодаря тому, что ихъ воображеніе и способность воспріятія болѣе развиты.

Журналистъ М., человѣкъ съ интеллигентными запросами и широкой общественной иниціативой, жалуется:

— Ума не приложу, что дѣлать со своими дѣтьми!

— Что такое?

— Прямо какой-то психозъ!.. Старшій чуть не убѣжалъ изъ дому, — только по счастливой случайности во-время замѣтили его приготовленія и, разумѣется, приняли мѣры... Другой—пятилѣтній карапузъ—съ утра до ночи марширует по комнатамъ, сражается, бредитъ ружьями, солдатами и лошадьми. А меньшая — двухлѣтняя дѣвочка — и та кричитъ: „Я — ѣмецъ! (нѣмецъ) ѣмецъ!..

— Почему же такъ?

— Вотъ объясните мнѣ,—почему... Мы съ женой уже перестали при дѣтяхъ говорить обо всемъ, что касается войны... Но ничто не помогаетъ!..

М. безпомощно развелъ руками.

Участь М. раздѣляютъ многіе родители. Но осторожность, доходящая до того, что въ нѣкоторыхъ домахъ отъ дѣтей прячутъ даже газеты, не приводитъ къ цѣли. Замолчать такое міровое событіе, какъ война, невозможно. Если не дома, то на улицѣ, дѣти все равно съ жадностью будутъ искать отвѣта на пробудившіеся въ нихъ запросы. И хорошо, когда отголоски войны долетятъ до нихъ высокой облагораживающей стороной. Можетъ произойти иначе: черезъ улицу и черезъ лубокъ война можетъ показаться дѣтямъ только въ ея „кровавой изнанкѣ“ и воспитать въ ихъ душахъ рядъ нежелательныхъ чувствъ.

Что же дѣлать съ дѣтьми?

Этому больному вопросу посвящаются

У пулемета въ ожиданіи врага.

Изъ дѣйствующей арміи. Рисунки съ натуры (изъ походнаго альбома) **М. Авилова.**

Послѣ боя. Санитары во время обхода поля битвы, тотчасъ послѣ боя, возлѣ каждаго убитаго втыкаютъ поднятое тутъ же ружье. По этой примѣтѣ потомъ собираютъ трупы.

педагогическія статьи, лекціи, публичныя собранія.

Война—слишкомъ сложное явленіе, въ ней есть все, начиная съ дикости и кончая святостью геройства. Отъ такта воспитателя и его моральныхъ воззрѣній зависитъ, какія сѣмена — плевелы или пшеница — будутъ посѣяны въ дѣтской душѣ. И общій педагогическій лозунгъ, на которомъ одинаково сходятся люди самыхъ разныхъ политическихъ взглядовъ, это—обереганіе душъ подрастающаго поколѣнія отъ жестокости, грубости и ненависти, а также воспитаніе въ нихъ человѣчности, милосердія и другихъ гуманныхъ чувствъ.

„Нужно найти вѣрный тонъ, — пишетъ журналъ „Школа и Жизнь“.—Не слѣдуетъ заглушать чувства любви къ родинѣ, но и не слѣдуетъ направлять его тѣмъ тернистымъ путемъ, на которомъ не выстаиваетъ даже нервная система взрослыхъ людей, — на плечахъ нашихъ дѣтей будетъ лежать и безъ того тяжелое бремя“.

Работа врачей на передовыхъ позиціяхъ. Врачи и санитары одной изъ гренадерскихъ частей. Привезли раненыхъ.

Въ томъ же духѣ высказывается „Вѣстникъ Воспитанія“:

„Слѣдовало бы, скажемъ мы, оберегать отъ чрезмѣрныхъ эксцессовъ, отъ излишней страстности отношенія къ войнѣ не только дѣтей, но и болѣе зрѣлое юношество, и во всякомъ случаѣ слѣдовало бы избѣгать всего, что безъ надобности можетъ обострять впечатлительность и воспріимчивость молодежи въ нежелательномъ направленіи“.

Задачи, намѣченныя указанными журналами, въ высшей степени скромны. Воспитатель долженъ стремиться къ большему. При извѣстномъ желаніи и умѣньи, тотъ высокій подъемъ, какой переживаетъ теперь народъ, долженъ быть использованъ, какъ средство, чтобы направить дѣтей на свѣтлую дорогу общечеловѣческой любви и милосердія. Въ связи съ серьезностью момента въ дѣтяхъ нужно пробуждать гуманность и сознаніе долга передъ народомъ, привлекая ихъ къ посильному сотрудничеству въ общемъ дѣлѣ и обогащая правильнымъ пониманіемъ дѣйствительности.

По сообщенію извѣстнаго профессора А. П. Нечаева, на него сильное впечатлѣніе произвело содержаніе большой стѣнной таблицы, которую онъ видѣлъ въ одной изъ школъ Австраліи. Эта таблица гласила:

„Дѣти!.. Совершилось ужасное несчастіе. Началась война, въ которой участвуютъ многіе народы. Молитесь Богу, чтобы это несчастье прекратилось возможно скорѣй. Англія вступила въ войну для того, чтобы спасти крошечную Бельгію отъ нѣмецкаго разгрома. Тѣ, кто выступили въ этой войнѣ на помощь слабымъ, — герои, а мы должны преклоняться передъ ихъ подвигомъ“.

Примѣръ австралійскихъ педагоговъ является для насъ до нѣкоторой степени поучительнымъ образцомъ.

II. Дѣти дошкольнаго возраста въ ихъ непосредственномъ отношеніи къ войнѣ. О такъ называемой дѣтской жестокости.

По своей природѣ душа дѣтей нѣжна и мягка. Ихъ логика прямолинейна, и ихъ поступки свободны отъ тѣхъ условностей и корыстныхъ расчетовъ, которыми часто грѣшатъ взрослые. Наиболѣе обычныя чувства среди маленькихъ дѣтей — жалость и покровительство слабымъ.

Отношеніе ихъ къ войнѣ, по мнѣнію извѣстнаго дѣятеля по народному образованію Е. П. Ковалевскаго, напоминаетъ отношеніе крестьянъ. Оно непосредственно.

Е. П. разсказываетъ:

„Сынъ моихъ знакомыхъ заявилъ матери, что не хочетъ въ этомъ году елки и рождественскихъ подарковъ, такъ какъ онъ все время думалъ бы о томъ, что дворникъ Иванъ, его учитель Михаилъ Петровичъ и кучеръ тети Мани мерзнутъ гдѣ-нибудь въ лѣсу подъ покрытой снѣгомъ елочкой. „Пошлемъ имъ на эти деньги теплыхъ вещей, сахару, табаку и печенья. А вотъ если тетя Миля будетъ дѣлать елку для раненыхъ въ лазаретѣ, возьми меня, мама, съ собой, — я не буду шумѣть, буду смотрѣть въ щелочку и брать ничего не стану“.

Больной мальчикъ, прикованный къ постели изъ-за какой-то сложной операціи, проситъ:

— Мама!.. Я видѣлъ въ газетѣ портретъ дѣвочки, которой въ Парижѣ оторвало бомбой ножку, — она сидитъ и вяжетъ для солдатъ... Научи меня вязать!.. И я тоже буду работать для солдатъ, а если Ваня и Шура будутъ смѣяться, то я ихъ слушать не буду и не обижусь.

Работа врачей на передовыхъ позиціяхъ. Врачамъ дѣятельно помогаетъ въ качествѣ добровольца-санитара неизвѣстный нѣмецъ-солдатъ, который пришелъ по доброй волѣ къ русскимъ и „обжился“ въ полевомъ лазаретѣ.

Станція Блоне послѣ обстрѣла. Фольваркъ Бялуть.

Одна изъ устроительницъ сбора передаетъ свои впечатлѣнія:

— На сборный пунктъ являются два маленькихъ сборщика.

„— Какъ тебя зовутъ?

„— Диди...

„— Я не могу записать тебя такъ... Развѣ ты не помнишь свое имя?

„Старшій братъ подсказываетъ:

„—Дмитрій...

„— Нѣтъ, я не могу дать вамъ кружку!.. Вы слишкомъ маленькіе... А вотъ возьмите конфетъ.

„Заплакали... Отъ конфетъ отказываются, уходятъ...

„Жалко дѣтей... Возвращаю ихъ.

„— А кто вашъ отецъ?.. Запишу его имя.

„— А нашъ папа гренадеръ съ большой шашкой, что у памятника стоитъ.

„Ну, какъ не довѣрить такимъ дѣткамъ!.. Записываю фамилію гренадера, и въ свое время дѣти возвращаютъ тяжелую полную кружку съ цѣлыми печатями и на этотъ разъ берутъ нѣсколько конфетъ... Заработали!..“

Такихъ примѣровъ можно бы привести безконечное множество.

Пятилѣтній Коля, провожая запасныхъ солдатъ, проситъ ихъ взять у него самую дорогую для него и любимую игрушку — барабанъ... Еще мальчикъ собирается продать всѣ свои игрушки и купить для солдатъ хлѣба и теплую шапку. Шапка нужна имъ потому, что у нихъ „отморозинныя“ уши, какъ онъ объясняетъ. Маленькая Катя молится „за Вильгельма“... На вопросъ, почему она это дѣлаетъ, она объясняетъ:

— Я просила, чтобы Богъ простилъ императора Вильгельма, который сдѣлалъ эту войну... Вѣдь за него вѣрно никто не молится!..

Мальчикъ въ вагонѣ очень огорченъ, что его тетя Миля, сестра милосердія, смѣется.

— Тетя Миля!—говоритъ онъ ей. — Зачѣмъ ты такъ громко смѣялась въ вагонѣ?.. Ты теперь должна быть какъ святая и тихо улыбаться, какъ будто все понимаешь...

Семилѣтняя Кира жертвуетъ изъ копилки всѣ свои деньги на подарки солдатамъ и сама шьетъ для нихъ кисеты. Въ пріютѣ для дѣтей запасныхъ восьмилѣтняя Маня работаетъ почти цѣлый мѣсяцъ, чтобъ получить двугривенный, и отказывается отъ своихъ порцій сахару, намѣреваясь послать подарокъ солдату. Когда подарокъ былъ отправленъ въ дѣйствующую армію и получилось отвѣтное благодарственное письмо, весь пріютъ плакалъ отъ умиленія, перечитывая его.

„Многоуважаемая дѣточка, — писалъ русскій солдатъ:—спасибо тебѣ за твои труды и поклоны. Много ты меня порадовала. Дай Богъ, чтобъ ты поскорѣе въ своемъ домѣ съ радостью встрѣтила своего отца. Я тоже изъ запаса, и у меня четверо дѣтей“.

И далѣе факты въ такомъ же духѣ.

Дѣти послѣдовательнѣе взрослыхъ и требуютъ отъ нихъ подвиговъ. — „Будьте, какъ святые!.. Какъ вы смѣете улыбаться, когда вы ухаживаете за ранеными?..“—„Почему вы не молитесь за Вильгельма, за того „страшнаго кайзера“, котораго осуждаетъ весь міръ?.. Вѣдь Богъ одинаково милосердъ къ праведникамъ и грѣшникамъ!..“ — „Почему раненые не плачутъ, когда имъ должно быть очень больно?..“ — „Почему Митѣ сшили новое пальто, когда на эти деньги лучше послать солдатамъ подарки къ празднику?..“

Въ этихъ безконечныхъ „почему?“ выливается вся наивная, не мирящаяся ни съ какими компромиссами, дѣтская душа.

Но одновременно воспитатели приводятъ рядъ противоположныхъ случаевъ. На собраніи 25-го января въ Тенишевскомъ залѣ А. М. Калмыкова сообщила нѣсколько „жуткихъ“ разсказовъ. Пятилѣтняя дѣвочка проводитъ краснымъ карандашомъ полосы на бумагѣ.—„Не кровь ли это?..“ Мальчикъ 6-ти лѣтъ пишетъ письмо съ театра военныхъ дѣйствій. Онъ летаетъ на „Ильѣ Муромцѣ“. „Я погубилъ тысячу германскихъ кораблей“...—пишетъ онъ. Подъ произведеніемъ его подпись „Котикъ“ (котикъ — его любимая игрушка).

Мама говоритъ ребенку, что папа разсердится, если

Въ часы отдыха на стогѣ сѣна.

Переходъ пѣхоты по исправленному саперами мосту черезъ рѣку Бзуру у Болимова.

Переходъ артиллеріи по исправленному саперами мосту черезъ рѣку Бзуру у Болимова.

На рѣкѣ Бзурѣ. По фот. нашего корреспондента.

узнаетъ про какую-то его шалость. Папа на войнѣ. А ребенокъ отвѣчаетъ: „Пускай сердится,—сердитый, онъ убьетъ еще больше нѣмцевъ!..“

Въ тетради мальчика нарисованъ краснымъ карандашомъ нѣмецкій кайзеръ и подписано: „Вильгельмъ кровавый“.

Лично мнѣ пришлось опросить двѣнадцать дѣтей разнаго возраста. Въ девяти случаяхъ получился однородный отвѣтъ. — „Я пойду убивать нѣмцевъ!..“

„Я отрублю саблей нѣмцу голову!..“ — „Я убилъ пять... восемь... шесть... сто нѣмцевъ!..“ Это заявляетъ мальчуганъ, который еще не умѣетъ считать.

Володя Г... сочинительствуетъ:

„Иванъ Михунинъ, не долго думая, сѣлъ на лошадь и взялъ въ руки пику. Трахъ та-ра-ра-рахъ!.. раздался выстрѣлъ, а затѣмъ крикъ“...

Какъ примирить въ дѣтской душѣ эти несоединимыя качества,—гуманность и жестокость?

Педагоги, основывающіе свои сужденія исключительно на фактахъ „жуткаго“ характера, впадаютъ въ односторонность. То, что они называютъ жестокостью, по существу говоря, въ большинствѣ случаевъ является просто недостаточной развитостью пониманія. Дѣтямъ трудно представить себѣ истинное значеніе своихъ поступковъ. На ряду съ сознательнымъ отношеніемъ значительная часть ихъ духовной дѣятельности протекаетъ въ сферѣ безсознательнаго, въ чемъ они не даютъ себѣ отчета. Отсюда—ихъ любовь къ словамъ и красивымъ звуковымъ сочетаніямъ, не имѣющимъ никакого смысла.

Дѣвочка трехъ лѣтъ Ганна и мальчикъ пяти лѣтъ Женя берутъ въ руки палку и говорятъ матери:

— Я тебя убью!..

Развѣдчики обслѣдываютъ мельницу.

Пригнали скотъ для батареи.

Значитъ ли это, что чувства, испытываемыя дѣтьми, соотвѣтствуютъ ихъ словамъ? Нисколько... Ганна—чуткій и сострадательный ребенокъ. Чужія слезы находятъ въ ней всегда откликъ... Также и Женя — добрый и отзывчивый мальчикъ.

— Я куплю себѣ ружжо и буду сордатомъ!..—заявляетъ онъ.

— Зачѣмъ тебѣ ружье?

— Я пойду на войну убивать..

— Ты еще маленькій, тебя не возьмутъ! — заявляетъ мальчику дядя.

— Нѣтъ, я сяду верхомъ на лошадь и буду большой.

Мальчикъ начинаетъ фантазировать. Онъ садится верхомъ на палку и ѣдетъ на войну. Но, насколько его представленія далеки отъ дѣйствительности, видно изъ того, что черезъ минуту онъ уже воображаетъ себя извозчикомъ, продавцомъ зелени и кричитъ:

— Картошки кому не надо ли,—картошки!.. Сме-е-таны, мо-о-лока!..

Уже эта быстрая и неожиданная смѣна представленій въ умѣ мальчика показываетъ, что за словомъ „убить“ для него не кроется реальнаго содержанія. Умъ его еще чуждъ обобщеній и отвлеченныхъ понятій. Онъ мыслитъ конкретными образами, вызывая въ памяти то, что видѣлъ.

— А что такое война?.. — спрашиваютъ Женю.

— Война — это много сордатъ и пушекъ!..—отвѣчаетъ онъ. На солдатъ онъ неоднократно любовался, когда гулялъ съ няней, а о пушкѣ имѣетъ представленіе потому, что у него была деревянная игрушечная пушка на двухъ колесикахъ.

Тревога, поднятая вокругъ вопроса о „дѣтской жестокости“, имѣетъ такимъ образомъ нѣкоторыя основанія, но несомнѣнно преувеличена.

Батарея на позиціи.

Изъ дѣйствующей арміи. По фот. нашего корреспондента.

Дѣти одинаково доступны вліянію на нихъ въ направленіи какъ добра, такъ и зла. Въ направленіи добра, при ихъ непосредственности, воздѣйствіе на нихъ даже легче.

Но это обстоятельство налагаетъ на воспитателей отвѣтственную обязанность быть крайне осторожными въ выборѣ матеріала, предлагаемаго дѣтямъ. Послѣднія путемъ повторныхъ переживаній могутъ развить въ себѣ грубость и жестокость. То, что вначалѣ дѣлается ими механически, безъ надлежащаго сознанія, запечатлѣется въ душѣ, прочно внѣдрится и впослѣдствіи осознается. И наоборотъ,—сѣмена добра и любви, заложенныя въ раннемъ возрастѣ, какъ показываетъ опытъ, оставляютъ глубокіе слѣды на всю жизнь.

III. Безпризорныя дѣти. Дѣтская преступность и борьба съ нею.

Съ войною десятки и сотни тысячъ дѣтей оказались бы на улицѣ, если бы къ нимъ не пришла общественная помощь. Однихъ война выгнала изъ насиженныхъ гнѣздъ, гдѣ они жили,—это бѣженцы изъ губерній, близко прилегающихъ къ западной границѣ, или находящихся въ раіонѣ военныхъ дѣйствій. Другія оказались въ бѣдственномъ положеніи потому, что у нихъ призванъ въ армію кто-нибудь изъ лицъ, содержавшихъ семью, — отецъ, братъ, дядя...

По закону о помощи семьямъ запасныхъ указанъ только размѣръ провизіоннаго пайка. Для разныхъ мѣстностей въ переводѣ на деньги это составитъ разныя суммы, — для Петрограда, напримѣръ, 3 руб. 72 коп., для Москвы—около 5 рублей на взрослаго. Само собой понятно, что при современной возрастающей дороговизнѣ жизни получаемаго пайка недостаточно, и семьи запасныхъ должны изыскивать иные способы для существованія.

Положеніе дѣтей, которыя лишились кормильца, можетъ быть приравнено къ положенію сиротъ. Далеко не для всѣхъ изъ нихъ имѣются благопріятныя моральныя условія, позволяющія пережить тяжелое переходное время и не опуститься на порочное „дно жизни“. Спасаетъ общественная благотворительность, общая настроенность въ семьѣ, а въ особенности личный примѣръ матери. Такіе „счастливцы-дѣти“ замѣняютъ иногда взятыхъ на войну работниковъ, стараются подработать копейку—другую продажей газетъ, или еще какимъ-либо доступнымъ

Влоцлавскъ.
Пожаръ керосиновыхъ складовъ.

Влоцлавскъ.
Пожаръ керосиновыхъ складовъ.

Пожаръ отъ разорвавшейся шрапнели.

Изъ дѣйствующей арміи. По фот. нашего корреспондента.

для нихъ трудомъ. По свидѣтельству многихъ, отсутствіе пьянства, площадной брани и безобразныхъ уличныхъ выходокъ отразилось на нихъ самымъ благотворнымъ образомъ.

Объ одномъ изъ такихъ „счастливцевъ“, Колькѣ съ Обводнаго канала, разсказываетъ журналистъ П. Рыссъ.

Мать Кольки Анисья характеризовала своего сына, какъ уличнаго мальчишку, испорченнаго—пока не было войны.

— Въ школу пойдетъ, а замѣсто школы съ другими ребятишками гоняетъ!.. Сказывали, будто милостыню выпрашивалъ, папироски покупалъ и баловался. Товарищи всему научили... А теперь, какъ безобразнаго поведенія на улицахъ нѣту, остепенился.

Колька занялся продажей газетъ. Въ первый мѣсяцъ онъ заработалъ свыше 19 рублей, а потомъ, когда „коммерція пообслабла“, заработокъ его понизился до 13—15 рублей.

— Что̀ казна, что̀ Колька—одинаково!..—сообщала Анисья, получающая отъ казны паекъ около 15 рублей.

Мѣсто, гдѣ погибъ военный летчикъ Грузиновъ. Слѣва отмѣчено мѣсто погребенія героя, а справа—на землѣ обломки разбившагося аэроплана.

Взятый въ плѣнъ германскій аэропланъ.

Дѣти, въ родѣ Анисьина Кольки, не принесутъ особенной тяжести для оставшейся безъ мужа жены запаснаго. У нихъ есть чувство долга и сознаніе своихъ обязанностей въ отношеніи семьи. Улица еще не наложила на нихъ своего пагубнаго отпечатка, не вкоренила привычки къ бродяжничеству.

Иначе обстоитъ дѣло съ дѣтьми испорченными.

Мѣстныя попечительства, заботящіяся о семьяхъ запасныхъ, совершенно не знаютъ, что̀ дѣлать съ дѣтьми, у которыхъ безпризорность уже породила свои пороки. Можно одѣвать, кормить и учить малолѣтняго только до тѣхъ поръ, пока онъ не убѣгаетъ и не скрывается, пока не полюбилъ шатаній по ночлежкамъ и не свелъ знакомства съ настоящими преступниками изъ дѣтскаго міра. Но разъ только перейдена роковая граница — борьба съ дѣтской порочностью требуетъ сложныхъ и спеціальныхъ мѣръ.

Въ связи съ ростомъ дѣтской безпризорности слѣдуетъ отмѣтить увеличеніе дѣтской преступности во время войны.

Что̀ касается преступности вообще, то она въ связи съ войной значительно понизилась, благодаря росту общественнаго самосознанія, а еще болѣе благодаря запрещенію продажи спиртныхъ напитковъ. Пониженіе это произошло главнымъ образомъ за счетъ такъ называемыхъ „преступленій личнаго характера“. Замѣтно спала и волна хулиганства, которое получило широкое распространеніе въ послѣдніе годы.

По даннымъ дѣтскаго судьи Н. Окунева—общее число уголовныхъ дѣлъ въ Петроградѣ у мировыхъ судей по нѣкоторымъ участкамъ упало почти на 80%. Въ особомъ присутствіи по разбору и призрѣнію нищихъ убѣжища пустуютъ. За августъ 1914 года поступило нищихъ мужчинъ всего 89, противъ 346 въ 1913 году, женщинъ—31, противъ 97 въ 1913 году.

Нищенство, драки, буйства, обиды дѣйствіемъ, нанесеніе ранъ и даже кражи—все это вмѣстѣ съ сокращеніемъ пьянства уменьшается, и „человѣчество получаетъ иную, естественную свою физіономію, совершенно не ту, какую оно имѣло подъ вліяніемъ одурманивающаго алкоголя“.

Нѣчто другое наблюдается въ отношеніи безпризорныхъ и преступныхъ дѣтей.

Если взрослые просили милостыню и воровали по большей части ради водки, то, съ воспрещеніемъ ея продажи, многимъ изъ нихъ не зачѣмъ стало и нищенствовать, не зачѣмъ и воровать. Малолѣтніе же просятъ милостыню и воруютъ не изъ-за водки. Напрошенныя или украденныя деньги они тратятъ обычно на лакомство, на кинематографъ, а иногда на болѣе порядочную одежду (дѣти постарше). Все это имѣется и теперь,—слѣдовательно, для дѣтей есть и теперь соблазнъ и воровать и просить милостыню.

Сооруженіе временной платформы для тяжелыхъ орудій.

Полевая хлѣбопекарня на передовыхъ позиціяхъ (въ Радомской губерніи).

За августъ 1914 года было задержано нищихъ малолѣтнихъ мальчиковъ 45 вмѣсто 31 въ 1913 году (увеличеніе на 20%) и дѣвочекъ 11 вмѣсто 5 (увеличеніе на 57%).

То же явленіе наблюдалось и въ особой камерѣ по дѣламъ о малолѣтнихъ. Въ то время какъ во всѣхъ другихъ камерахъ число дѣлъ очень сильно убыло, здѣсь за время войны оно значительно увеличилось. Не проходило дня, чтобы въ камеру не доставляли группами арестованныхъ малолѣтнихъ. Часть изъ нихъ освобождалась, если у нихъ имѣлись надежные родственники, но большинство помѣщалось въ пріюты, или въ общежитія попечительствъ о малолѣтнихъ.

Въ теченіе августа 1914 г. въ камеру малолѣтнихъ поступило 168 дѣлъ по обвиненію въ кражахъ, противъ 131 въ 1913 году (увеличеніе на 30 %).

При разборѣ дѣлъ постоянно отмѣчались послѣдствія беспризорности, вызванной уходомъ на войну отцовъ и старшихъ родственниковъ малолѣтнихъ. Мальчики попадались въ кражѣ. На вопросъ, давно ли они сбѣжали изъ дома, изъ ученья, отъ мастера, или изъ типографіи — по большей части получался отвѣтъ: „черезъ два-три дня, черезъ недѣлю послѣ ухода отца“.

Австрійскій окопъ въ каменоломняхъ, въ лѣсу у Ротошине.

Въ связи съ войной явились даже новые предметы кражъ. Въ первое время очень вздорожали электрическія лампочки, вслѣдствіе закрытія границъ, и это сейчасъ же сказалось участившимися кражами этихъ лампочекъ.

Призрѣніе уличныхъ дѣтей является въ настоящее время очередной заботой общества. Одной матеріальной помощи семействамъ воиновъ недостаточно. Необходимо еще культурно-воспитательное воздѣйствіе на сиротъ-дѣтей, что и дѣлается въ цѣломъ рядѣ городовъ.

Изъ общественныхъ

Землянка для жилья полевой хлѣбопекарни (въ Радомской губерніи).

организацій наиболѣе опредѣленно формулировала свои культурно-воспитательныя задачи прогрессивная группа московскихъ городскихъ гласныхъ, подавшихъ заявленіе въ городскую думу. Въ заявленіи, между прочимъ, говорится:

„Война создаетъ условія, далеко не всегда благопріятныя для нравственнаго развитія дѣтей и подростковъ. Она даетъ имъ рядъ новыхъ, не по ихъ возрасту, сильныхъ впечатлѣній, на которыя они реагируютъ съ болѣзненной нервностью и въ которыхъ не сумѣютъ разобраться безъ посторонней помощи. Дѣтское воображеніе нерѣдко поражаютъ отрицательныя жестокія стороны войны. Лица, близко наблюдающія жизнь дѣтей и подростковъ среди бѣднѣйшаго населенія города, уже сейчасъ отмѣчаютъ у нихъ признаки моральнаго огрубѣнія. Намъ кажется поэтому своевременнымъ поднять вопросъ о самомъ широкомъ развитіи со стороны городского управленія культурно-воспитательной дѣятельности среди бѣднѣйшей части подрастающаго населенія Москвы. Дѣятельность эта могла бы выразиться въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, напримѣръ, въ устройствѣ очаговъ и другихъ подобныхъ учрежденій, гдѣ бы дѣти и подростки находили нравственную заботу, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и питаніе“.

Подобные же вопросы возбуждались во многихъ другихъ городахъ, Кіевѣ, Вильнѣ, Харьковѣ и т. д. Для дѣтей запасныхъ общественными организаціями осуществлена сѣть учрежденій, въ родѣ дневныхъ пріютовъ, яслей, столовыхъ, читаленъ и работныхъ домовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Мотоциклисты на развѣдкѣ.
Отрядъ мотоциклистовъ въ засадѣ во дворѣ покинутой усадьбы.

Мотоциклисты на развѣдкѣ. Мотоциклисты-развѣдчики обстрѣливаютъ открытаго ими непріятеля въ засадѣ.

Мотоциклисты на развѣдкѣ. Отрядъ мотоциклистовъ-развѣдчиковъ конвоируетъ автомобиль начальствующаго лица.

Мотоциклисты на развѣдкѣ.
Мотоциклисты-развѣдчики, спѣшившись, обстрѣливаютъ преслѣдующаго ихъ непріятеля.

Изъ дѣйствующей арміи. По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

Нѣмцы въ Эльзасѣ.

Очеркъ **Аркадія Пресса.**

Болѣе 40 лѣтъ прошло со времени захвата Эльзаса Германіей, но населеніе Эльзаса не только не слилось съ пришлыми германцами, но продолжаетъ ненавидѣть ихъ съ неменьшей силой, чѣмъ въ первые годы послѣ войны. Прусскіе, баварскіе и всякіе другіе чиновники живутъ въ Эльзасѣ сами по себѣ, а природные эльзасцы тоже сами по себѣ. Нѣмцы и эльзасцы живутъ, какъ говоритъ нашъ лѣтописецъ, „родомъ своимъ особе“. Кромѣ того, ихъ взаимныя отношенія проникнуты взаимной злобой и презрѣніемъ.

Германскіе офицеры говорятъ:

— Въ Эльзасѣ нѣтъ порядочныхъ людей, тамъ живутъ только свиньи.

Входя въ колбасную какого-нибудь эльзасскаго городка, не рѣдкость услышать отъ пруссаковъ такую фразу:

Во Фландріи. Новыя французскія авто-митральезы, оказавшія крупныя услуги арміи.

Во Фландріи. Французская кавалерія на походѣ у водопоя.

— Дайте мнѣ, пожалуйста, самой лучшей эльзасской колбасы для моей... собаки!

Германцы живутъ среди эльзасцевъ, какъ нѣкогда жили спартанцы среди завоеванныхъ ими метековъ и рабовъ. Это—жизнь вооруженнаго лагеря. На крѣпостныхъ валахъ блестятъ пушки, изъ всѣхъ щелей глядятъ дула ружей, направленныхъ на свои же города и поселки. На всѣхъ площадяхъ вѣчно маршируютъ солдаты, самыя обширныя и видныя зданія въ городахъ, это — казармы.

Въ Мецѣ на Эспланадѣ нѣмецкіе солдаты упражняются въ стрѣльбѣ. Мишенью служитъ фигура французскаго офицера. Прусскій фельдфебель приказываетъ солдатамъ стрѣлять то въ животъ, то въ грудь, то въ голову француза; выстрѣлъ въ кэпи съ галунами считается самымъ мѣткимъ и почетнымъ.

Можно себѣ представить, какое гнетущее впечатлѣніе производитъ эта стрѣльба на мирныхъ гражданъ Эльзаса, французовъ по происхожденію и культурѣ.

Способы управленія или точнѣе угнетенія Эльзаса нѣмцами проводятся съ германской настойчивостью. Нѣмцы дѣйствуютъ, какъ машина, сметая на своемъ пути рѣшительно всякую тѣнь препятствія, не глядя ни на полъ ни на возрастъ своихъ воображаемыхъ враговъ. За малѣйшее нарушеніе ихъ варварскихъ циркуляровъ подвергаются преслѣдованію какъ взрослые, такъ и дѣти.

Въ маѣ 1913 года въ Висембургѣ на Гейсбергѣ эльзасскія дѣти играли въ солдаты. Они раздѣлились на двѣ партіи: съ одной стороны были французы, съ другой—нѣмцы. Французы побѣдили и прогнали своихъ противниковъ въ поле. Побѣдители на радостяхъ стали кричать: „Да здравствуетъ Франція!“

Вдругъ словно изъ-подъ земли выросъ полицейскій въ каскѣ и, составивъ протоколъ, оштрафовалъ мальчишекъ по пяти марокъ каждаго.

Въ Мюльгаузенѣ (Mulhouse) два карапуза семи или восьми лѣтъ

Во Фландріи. Деревянный мостъ въ 500 метровъ длины, выстроенный нѣмцами на болотѣ.

На франко-бельгійскомъ фронтѣ. Во Фландріи.

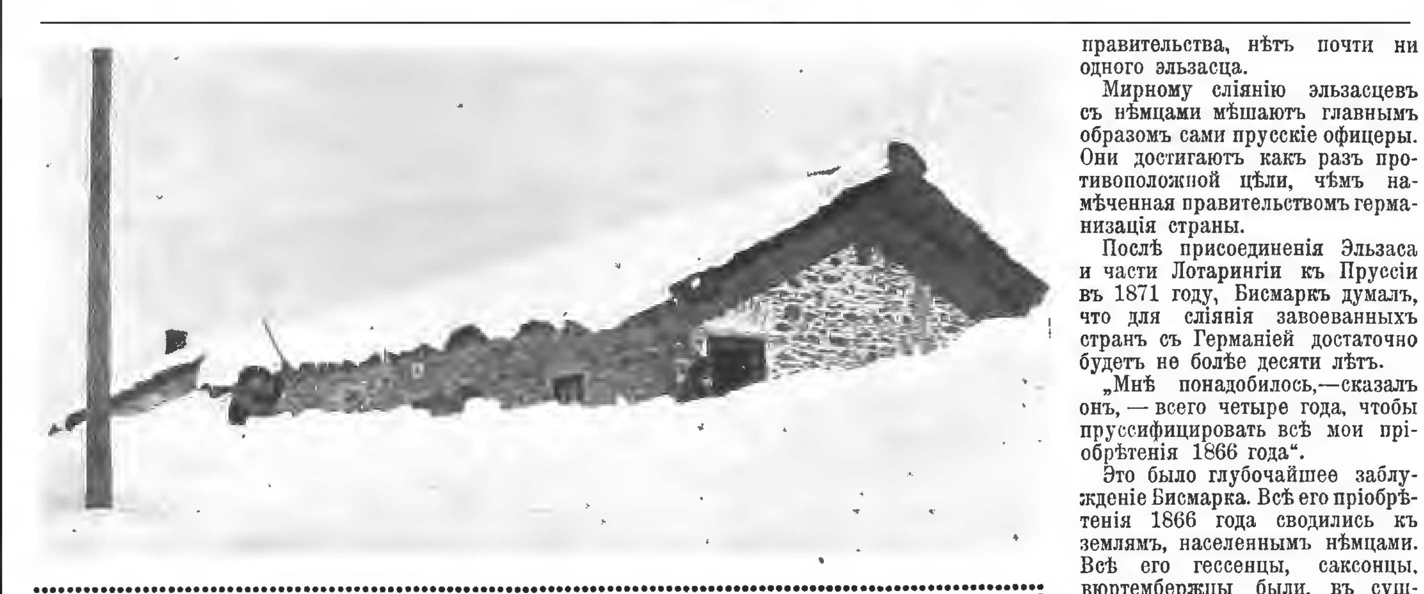
правительства, нѣтъ почти ни одного эльзасца.

Мирному сліянію эльзасцевъ съ нѣмцами мѣшаютъ главнымъ образомъ сами прусскіе офицеры. Они достигаютъ какъ разъ противоположной цѣли, чѣмъ намѣченная правительствомъ германизація страны.

Послѣ присоединенія Эльзаса и части Лотарингіи къ Пруссіи въ 1871 году, Бисмаркъ думалъ, что для сліянія завоеванныхъ странъ съ Германіей достаточно будетъ не болѣе десяти лѣтъ.

„Мнѣ понадобилось,—сказалъ онъ, — всего четыре года, чтобы пруссифицировать всѣ мои пріобрѣтенія 1866 года".

Это было глубочайшее заблужденіе Бисмарка. Всѣ его пріобрѣтенія 1866 года сводились къ землямъ, населеннымъ нѣмцами. Всѣ его гессенцы, саксонцы, вюртембержцы были, въ сущности, рабы, привыкшіе къ нѣмецкому гнету. Жители же Эльзаса оставались постоянно сво-



На западномъ фронтѣ.
Война подъ снѣгомъ. Сторожевой постъ альпійскихъ стрѣлковъ, засыпанный снѣгомъ.

устроили крѣпость на кучѣ мусора. Надъ крѣпостью воздвигли они французскій флагъ шириною въ ладонь.

Проходитъ прусскій офицеръ.

Увидѣвъ французскій флагъ, онъ побагровѣлъ отъ злости, сталъ угрожать кулаками и звать солдатъ изъ ближайшей казармы. Затѣмъ, завладѣвъ флагомъ, онъ приказалъ отнять у дѣтей ихъ деревянныя сабли и всѣ эти трофеи сжечь немедленно.

Болѣе сорока лѣтъ нѣмцы владѣютъ Эльзасомъ и не перестаютъ, въ сущности, бояться эльзасцевъ.

Отъ всѣхъ должностей, соединенныхъ съ малѣйшей самостоятельностью, эльзасцы устранены. Такъ, напримѣръ, въ военныхъ канцеляріяхъ, въ телефонныхъ бюро, въ управленіяхъ желѣзныхъ дорогъ, по особому приказу

Въ Эльзасѣ. Цѣпь альпійскихъ стрѣлковъ.

Импровизированная граница. Доска, положенная поперекъ желѣзнодорожнаго полотна для обозначенія границы между Бельгіей и Голландіей.

бодными гражданами Франціи. Прусское правительство называло эльзасцевъ „вновь найденными братьями". На дѣлѣ же оно наводнило страну наглыми прусскими чиновниками съ длинными зубами и загребущими руками. Оно управляло Эльзасомъ словно какой-нибудь колоніей Центральной Африки, населенной дикарями.

Самыхъ выдающихся людей страны за одно слово, за одну пустую карикатуру, сажаютъ въ тюрьму вмѣстѣ съ уголовными преступниками,

Нѣмцы уничтожаютъ языкъ, традиціи и воспоминанія народа. Мало того, они стираютъ даже надгробныя надписи на кладбищахъ. А нѣмецкіе офицеры и чиновники разражаются площадной руганью при малѣйшемъ словѣ протеста.

Политической жизни въ странѣ словно не бывало. Большинство мѣстныхъ газетъ закрыто, процвѣтаютъ только прусскія — „Страсбургская почта" и „Рейнско-Вестфальская газета". Большинство обществъ Эльзаса тоже закрыто. Эльзасцы, желающіе образовать какое-нибудь общество, хотя бы литературное, должны основывать его внѣ предѣловъ Эльзаса; такъ, напримѣръ, общество „Эркманъ-Шатріанъ" открыто во Франціи, въ Нанси.

Какъ строго нѣмцы преслѣдуютъ эльзасскіе журналы, можно судить по слѣдующему:

Въ 1908 году однажды въ воскресенье вечеромъ драгунскіе офицеры обѣдали въ „Центральной гости-

ницъ“ въ Мюльгаузенѣ. Счетъ, по обыкновенію, имъ представили на французскомъ языкѣ.

— Какъ,—вскричали прусскіе офицеры: — счетъ на французскомъ языкѣ! Мы не платимъ по такому счету!

И они ушли, не заплативъ за обѣдъ ни одного пфеннига.

Карикатуристъ Зисленъ (Zislin) въ журналѣ „Durs' Elsass“ нарисовалъ эту сцену, изобразивъ нѣсколько прусскихъ головъ въ монокляхъ.

Его привлекли къ отвѣтственности за клевету и приговорили къ штрафу въ сто марокъ и къ тюремному заключенію на восемь мѣсяцевъ.

— Да я никогда не видѣлъ этихъ господъ!—говорилъ обвиняемый на судѣ.

А защитникъ добавилъ:

— Всякій знаетъ, что никто такъ не похожъ на прусскаго драгунскаго офицера, какъ другой драгунскій офицеръ,—та же голова и тотъ же проборъ на затылкѣ.

Новый французскій дирижабль съ блиндированной гондолой.

Новый французскій дирижабль съ блиндированной гондолой. Передъ подъемомъ.

Предсѣдатель обратился къ офицерамъ, показывая имъ рисунокъ:

— Узнаете вы эти головы?

Одинъ изъ офицеровъ не узналъ, а другой воскликнулъ:

— Конечно, узнаю! Вотъ мои товарищи, а вотъ я самъ!

Въ публикѣ раздался смѣхъ.

— А почему вы себя узнаете?

— Вотъ стулъ, на которомъ я сидѣлъ!

Въ публикѣ взрывъ хохота.

— Стулья, конечно, не меньше похожи другъ на друга, чѣмъ прусскіе драгунскіе офицеры,—замѣтилъ защитникъ.

Предсѣдатель обратился къ третьему офицеру:

— Узнаете ли вы этого офицера съ моноклемъ въ глазу?

— Какъ же, — отвѣтилъ безъ запинки свидѣтель: — узнаю! Это—лейтенантъ Басерманъ.

— Почему лейтенантъ Басерманъ? — удивился даже самъ предсѣдатель.

Но офицеръ не смутился:

— Если это не Басерманъ, то во всякомъ случаѣ это его монокль.

Снова смѣхъ. И такъ далѣе.

Несмотря на вздорность обвиненія и карикатурный характеръ самаго засѣданія, Зисленъ былъ все-таки осужденъ и даже немедленно заключенъ подъ стражу.

Журналистъ Веберъ изъ Страсбурга отозвался пренебрежительно о нѣмецкихъ ветеранахъ 1870 года: онъ сказалъ, что въ франко-прусскую войну было десять нѣмцевъ на одного француза. За это Веберъ приговоренъ судомъ въ Мюльгаузенѣ къ штрафу въ двѣсти марокъ.

Въ общемъ приговоры эльзасскихъ судовъ обыкновенно вызываютъ смѣхъ.

Недавно прусская администрація запретила представленія въ театрѣ одной французской пьесы. Эта пьеса— „Сутяги“ (Les Plaideurs) Расина (!).

Гоненія нѣмцевъ на французскій языкъ въ Эльзасѣ

Новый французскій дирижабль съ блиндированной гондолой. Машинное отдѣленіе гондолы.

доходятъ до нелѣпости. Тамъ образовалась какая-то особенная прусско-эльзасская фразеологія. Самыя безобидныя, общепринятыя слова и выраженія вызываютъ гнѣвъ и преслѣдованія прусскаго правительства. Въ своей ненависти къ французамъ нѣмцы готовы испортить свой собственный языкъ. Начиная съ XVIII вѣка, какъ извѣстно, въ нѣмецкій языкъ вошла масса французскихъ словъ, ставшихъ вполнѣ нѣмецкимъ достояніемъ. Языкъ привыкъ къ нимъ, усвоилъ ихъ, принялъ ихъ, такъ сказать, въ свою семью. Эти французскія слова стали живою рѣчью нѣмецкаго народа.

Между тѣмъ прусское правительство въ своемъ слѣпомъ озлобленіи объявило войну именно этимъ словамъ. Такъ какъ въ настоящее время многія нѣмецкія слова въ звуковомъ отношеніи рѣшительно ничѣмъ не отличаются отъ французскихъ, то преслѣдованію подвергаются, въ сущности, только буквы, только правописаніе.

Вотъ перлы этой новой нѣмецкой политики:

Во всемъ Эльзасѣ полиція приказала зубнымъ врачамъ снять вывѣски, на которыхъ значилось: „dentiste“. Вывѣски признаны незаконными, такъ какъ по-нѣмецки нѣтъ слова „дантистъ“ съ „е“ на концѣ, а есть только „Dentist“ безъ „е“.

Разсказываютъ, что одинъ эльзасскій дантистъ не подчинился этому приказанію и все-таки прибилъ вывѣску съ „дантистомъ“ черезъ е.

Тотчасъ же пришелъ полицейскій и составилъ протоколъ.

На судѣ злополучный дантистъ заявилъ:

— Никакого правонарушенія тутъ нѣтъ: я не одинъ дантистъ, а насъ двое—я и мой сынъ. Какъ же вы прикажете мнѣ писать множественное число отъ „Dentist“, если не „Dentiste“?

— Это неправда,—сказалъ предсѣдатель: — вы писали по-французски!

— Извините, господинъ предсѣдатель, на всемъ свѣтѣ у французовъ признакомъ множественнаго числа именъ существительныхъ будетъ не „е“, а „s“. Дантисты по-французски надо писать „dentistes“.

Дантистъ былъ оправданъ, но предсѣдатель сказалъ, чтобы на будущее время онъ писалъ „Zahnarzt“.

Одинъ торговецъ вывѣсилъ въ окнѣ магазина объявленіе на полотнѣ большими черными буквами „Liquidation totale“ (полная распродажа). Не успѣлъ онъ при-

Памяти „поэта реванша“. На могилѣ извѣстнаго французскаго патріота Деруледа въ годовщину его смерти. Первый срытый въ Эльзасѣ пограничный столбъ поставленъ на могилу Деруледа, который всю свою жизнь посвятилъ идеѣ реванша за 1870-й годъ.

1. Пальчевскій, произведенъ въ подпоручики. 2. Гаевскій. 3. Чичерскій. 4. Михайловъ—адвокатъ. 5. Золотаревъ, произведенъ въ подпоручики. 6. Саловъ. 7. Берзинъ. 8. Гривинъ. 9. Бухановъ. 10. Михельсъ. 11. Потаповъ. 12. Соломоновъ. 13. Пашинъ. 14. Каллистовъ — писатель. 15. Вольтеръ. 16. Женисъ. 17. Вороновъ—писатель. 18. Костыревъ. 19. Мансъ. 20. Лавитъ.

Русскіе эмигранты-добровольцы въ французской арміи. Въ настоящее время всѣ они находятся на передовыхъ позиціяхъ, при чемъ нѣкоторые произведены за боевыя отличія въ офицеры, нѣкоторые убиты.

крѣпить это объявленіе, какъ въ магазинъ вошелъ полицейскій комиссаръ.

— Снимите!—сказалъ онъ.

— Какъ! Развѣ я не имѣю права объявить полную распродажу?

— Вы имѣете право объявить распродажу, но не по-французски! Объявляйте по-нѣмецки сколько вамъ угодно!

Торговецъ подумалъ и отвѣтилъ:

— Хорошо!

Когда полицейскій ушелъ, онъ досталъ нѣмецкій словарь, сталъ искать „распродажу“ и нашелъ „liquidation“, затѣмъ слово „полная“ и нашелъ „total“.

Не долго думая, онъ перерѣзалъ ножницами свое объявленіе и переставилъ слова; получилось: „totale liquidation“.

Черезъ полчаса пришелъ опять комиссаръ. Осмотрѣвъ внимательно новую вывѣску, онъ вошелъ въ магазинъ и сказалъ гнѣвно:

— Вы опять не убрали этой гадости!

— Убралъ,—отвѣтилъ торговецъ.

— А это что?—сказалъ комиссаръ, грозно ткнувъ пальцемъ въ оставшееся „е“.

— Ахъ, виноватъ!—сказалъ торговецъ.

Когда „е“ было замазано, комиссаръ замѣтилъ, уходя:

— Ну вотъ видите, по-нѣмецки это гораздо красивѣе.

На балу, данномъ въ зданіи биржи въ Мюльгаузенѣ, въ шинельной, гдѣ оставляютъ пальто, было написано „Vestiaire“.

— Что̀ это такое?—кричали нѣмцы, входя. — Мы вѣдь находимся въ странѣ имперіи! Уничтожьте это гадкое слово!

Служители перепугались и сорвали вывѣску.

— Что̀ же написать взамѣнъ?

— Какъ что?—сказалъ кто-то.—Надо писать по-нѣмецки: „Garderobe“(!).

Берлинское правительство на этомъ поприщѣ одержало много блестящихъ побѣдъ. Напримѣръ:

„Куафёръ“ (coiffeur) превратился въ нѣмецкаго „фризёръ“ (Friseur). Французскій ресторанъ (restaurant) превратился въ нѣмецкій „Restauration“. Французская „модистка“ (modiste) превратилась въ нѣмецкую „Modistin“, зато французскій консьержъ унизился до званія нѣмецкаго „портье“.

Полковникъ Дюпонъ, изобрѣвшій знаменитую французскую 75-миллиметровую пушку.

Знаменитый французскій ученый, химикъ Тюрпэнъ съ изобрѣтеннымъ имъ самодвижущимся воздушнымъ торпедо.

Слово концертъ стало неузнаваемо, оно вполнѣ онѣмечилось. Оно пишется не „Concert“, а „Konzert“.

То же самое произошло со словомъ „Cafée“, оно превратилось въ чисто-германское „Kafee“.

Та же исторія произошла съ театромъ въ Тіонвилѣ. Слово „théâtre“ власти потребовали передѣлать въ нѣмецкій „Theater“.

Главными вдохновителями всѣхъ этихъ нелѣпостей въ Эльзасѣ является партія такъ называемыхъ пангерманистовъ, и во главѣ этой партіи стоитъ не кто иной, какъ самъ германскій императоръ Вильгельмъ II.

Несмотря на все зло, причиняемое Вильгельмомъ II и его нѣмцами Эльзасу, германскій императоръ не переставалъ ѣздить туда, производить смотры и маневры; правда, онъ проѣзжалъ по городамъ Эльзаса съ головокружительной быстротой въ своемъ автомобилѣ, или въ экипажѣ, запряженномъ арабскими лошадьми, подаренными ему его достойнымъ другомъ—турецкимъ султаномъ.

Въ послѣдній разъ въ Страсбургѣ Вильгельму II оказанъ былъ самый холодный пріемъ. На обѣдѣ императоръ сказалъ городскому головѣ Страсбурга:

— До сихъ поръ эльзасцы видѣли только одну мою сторону, теперь я имъ покажу другую!

Въ тотъ же день одинъ эльзасецъ перевернулъ на каминѣ бюстъ Вильгельма, сказавъ:

— Посмотримъ, что̀ тамъ съ другой стороны!

За эту шутку онъ попалъ въ тюрьму на четыре мѣсяца.

Но тогда всѣ стали громко говорить въ Эльзасѣ про Вильгельма II:

— Развѣ другая сторона еще хуже, чѣмъ первая?

Послѣднія событія доказали кровожадную односторонность Вильгельма.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ. Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

1915 г. № 12 | XLVI г. изданія

Выданъ 21 марта 1915 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.) — 15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.: на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. М. Метерлинка" кн. 2.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

ПЕРЕМЫШЛЬ.

Не въ первый разъ скрывалось небо въ дымѣ
И кровь лилась въ широкій мутный Санъ.
Во мглѣ вѣковъ князь галицкій Владиміръ
Пришелъ съ толпою сѣверныхъ славянъ

Къ твоимъ стѣнамъ и покорилъ ихъ съ бою...
Съ тѣхъ поръ неслись кровавые года,
И долго-долго спорили съ Судьбою,
Кому дано владѣть имъ навсегда.

Неслись года. Подъ игомъ своеволій
Томилася Галиціи страна.
Но пѣлись пѣсни о концѣ неволи,
О томъ, что съ Сѣвера придетъ весна.

Не даромъ ждали въ трепетной надеждѣ:—
Палъ Перемышль! Сраженный нами палъ.
Руси принадлежавшій городъ прежде —
Теперь навѣки снова русскимъ сталъ.

Грааль Арельскій.

Сдача Перемышля. По случаю радостнаго событія сдачи крѣпости Перемышля нашимъ войскамъ Государь Императоръ 9-го сего марта Высочайше соизволилъ пожаловать Верховному Главнокомандующему Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу орденъ Св. Георгія 2-й степени и командующему арміей генералу-отъ-инфантеріи А. Н. Селиванову орденъ Св. Георгія 3-й степени.

Георгіевскіе кавалеры. Къ началу текущей войны кавалерами ордена св. Георгія 3-й степени состояло всего лишь 9 человѣкъ, кавалеровъ же ордена св. Георгія 2-й степени не было ни одного. За время войны удостоились пожалованія орденомъ св. Георгія 2-й степени два лица: генералъ-адъютантъ Н. І. Ивановъ и генералъ-адъютантъ Н. В. Рузскій. Ордена св. Георгія 3-й степени за текущую кампанію получили: Верховный Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ (до сдачи Перемышля), генералы: Брусиловъ, Горбатовскій, Добротинъ, Драгомировъ (Абрамъ), Лепъ, Мехмедаровъ.

Орденомъ св. Георгія 1-й и 2-й степеней по статуту этого ордена награждаются отличнѣйшія воинскія доблести по усмотрѣнію Его Императорскаго Величества.

Кавалерамъ ордена св. Георгія 3-й степени даруется сокращеніе выслуги на производство въ слѣдующіе чины по личному усмотрѣнію Его Императорскаго Величества.

Русскій флагъ на крѣпостныхъ веркахъ Перемышля. Комендантъ крѣпости Перемышля генералъ Кусманекъ согласился на наше требованіе о безусловной сдачѣ крѣпости и гарнизона. По его даннымъ, составъ сдавшагося гарнизона опредѣляется въ 9 генераловъ, 93 штабъ-офицера, 2.500 оберъ-офицеровъ и чиновниковъ и 117.000 нижнихъ чиновъ.

Наши войска введены въ крѣпость и занимаютъ укрѣпленія. Приступлено къ пріему и провѣркѣ плѣнныхъ, а также къ выясненію перешедшей въ наши руки артиллеріи и прочаго имущества.

Въ сдавшемся Перемышлѣ. 9-го марта, получивъ сообщеніе о взятіи Перемышля, корреспондентъ Петроградскаго телеграфнаго агентства, наскоро собравшись, около часу дня отправился изъ Львова на автомобилѣ въ Перемышль. Отличное шоссе между Львовомъ и Перемышлемъ вплоть до Мосциска было почти пусто. Быстро пролетѣлъ автомобиль мимо мирныхъ селеній и мѣстечекъ, еще хранившихъ слѣды жестокихъ сраженій. Около Мосциска путь уже былъ загроможденъ двигающимися войсками. Въ самомъ Мосцискѣ раскинулся военный лагерь. Здѣсь впервые навстрѣчу попалась группа плѣнныхъ австрійцевъ и мадьяръ, сообщившихъ, что Перемышль уже въ рукахъ русскихъ и что въ немъ все взорвано. На дальнѣйшемъ пути по обѣимъ сторонамъ шоссе стали попадаться землянки, многочисленные обозы и войсковыя части. Подъ селеніемъ Стрынецъ шоссе пересѣкала полевая желѣзная дорога, обслуживаемая большимъ числомъ паровозовъ и крошечными вагончиками. Вокругъ раскинулись землянки и окопы. У селенія Шельгинье началась уже линія передовой осадной цѣпи. Встрѣченные офицеры, ѣхавшіе изъ Перемышля, сообщали наскоро подробности сдачи. Миновавъ селенія, автомобиль корреспондента агентства прорѣзалъ поле недавняго сраженія, гдѣ три дня тому назадъ была взята въ плѣнъ австрійская часть, предпринявшая вылазку. Еще вчера тутъ велся небольшой бой, и по обѣимъ сторонамъ шоссе еще лежали трупы австрійцевъ и суетились санитары съ носилками.

Вдали уже виднѣлось туманное облако дыма: это—Перемышль. Еще тричетыре версты пути, и корреспондентъ агентства достигъ сильнѣйшаго форта, называемаго Горка или Гурка. Фортъ безмолвствовалъ. Тутъ и тамъ изъ него пробивался дымокъ. Около форта стоялъ русскій караулъ. По другую сторону шоссе тянулись траншеи, окопы и проволочныя загражденія. Сбоку возвышалась наблюдательная вышка. Вдоль шоссе по направленію отъ форта къ Перемышлю глядѣло изъ окоповъ около десятка полевыхъ пушекъ.

Въ верстѣ отъ этого форта лѣвѣе отъ шоссе попадались навстрѣчу австрійцы. Ихъ два батальона, во главѣ съ полковникомъ и значительной группой офицеровъ; офицеры при холодномъ оружіи, нижніе чины безъ оружія. Плѣнные находились подъ карауломъ пяти дружинниковъ. При приближеніи автомобиля полковникъ скомандовалъ своимъ солдатамъ: «Смирно». Автомобиль пробѣжалъ еще три версты среди окоповъ и редутовъ по перерѣзанному канавами и наскоро починенному шоссе и достигъ предмѣстья Перемышля, носящаго названіе Перекопань, которое лежитъ на рѣчкѣ Вихоръ. Тутъ шоссе уже запружено было казаками и ихъ артиллеріей. Автомобиль съ большимъ трудомъ пробрался къ мосту, отъ котораго до Перемышля оставалось всего двѣ версты, считая до центра города.

Отсюда отчетливо видны купола церквей и крыши домовъ. Однако попасть въ самый городъ корреспонденту агентства не удалось, такъ какъ мостъ былъ взорванъ австрійцами рано утромъ, а въ тридцати шагахъ отъ него взорванъ и желѣзнодорожный мостъ. Взорванные масивы мостовъ высятся по срединѣ рѣки. Наши войска все же успѣли приспособить шоссейный мостъ для перехода, и жители Перемышля огромными толпами переходили на эту сторону.

Черезъ этотъ мостъ текли массы австрійскихъ солдатъ. Переходъ на ту сторону запрещенъ. Казаки тоже дожидались пока у моста приказа о вступленіи въ городъ, хотя, какъ передавали плѣнные австрійцы, съ той стороны рѣки Сана въ Перемышль уже вошли русскіе отряды. На берегу, около желѣзнодорожнаго моста, стоялъ на рельсахъ уничтоженный блиндированный поѣздъ. Вокругъ Перемышля, какъ вулканы, дымились взорванные форты. Въ южномъ и западномъ секторахъ царилъ непрерывный грохотъ, то-и-дѣло поднимались къ небу густые клубы дыма. Это, какъ объясняли австрійскіе офицеры, еще кое-гдѣ взрывались склады боевыхъ припасовъ.

По сообщеніямъ австрійскихъ солдатъ и жителей Перемышля, комендантъ крѣпости наканунѣ объявилъ въ «Военныхъ Вѣдомостяхъ» жителямъ города благодарность за лояльное поведеніе и предупредилъ ихъ о предстоящей сдачѣ. Офицеры нашей осадной арміи сообщаютъ, что 9 марта въ пять часовъ утра загрохотали во всѣхъ концахъ крѣпости оглушительные взрывы и заклубились облака дыма, прорѣзываемыя огнями. Стало ясно, что австрійцы взрываютъ передъ сдачей форты. Нѣкоторыя русскія части бросились къ крѣпости, и уже около семи часовъ утра во внутреннемъ районѣ фортовъ наши войска были хозяевами положенія. Въ то же время въ самомъ городѣ на глазахъ жителей австрійскія войска разстрѣливали оставшихся лошадей.

Около шести часовъ утра въ штабъ осадной арміи явились парламентеры съ заявленіемъ о сдачѣ.

Самъ городъ Перемышль остался цѣлъ и невредимъ. Пострадали лишь предмѣстья. Въ городѣ осталось многочисленное гражданское населеніе, состоящее преимущественно изъ евреевъ.

Перемышль за время осады. Военный корреспондентъ австрійской газеты «Neue Freie Presse», извѣстный австрійскій журналистъ Рода-Рода даетъ полную картину жизни въ Перемышлѣ за все время осады.

Въ срединѣ сентября (новаго стиля) послѣ сраженія у Гродека, австрійскія войска отступили, и тогда Перемышль былъ впервые окруженъ русскими. Въ началѣ октября русскіе очистили Западную Галицію. 10-го октября осада Перемышля была снята. Началось сраженіе на р. Санѣ, длившееся до первыхъ чиселъ ноября; оно имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что Перемышль подвергся второй осадѣ. 3—4-недѣльный промежутокъ между первой и второй осадой былъ использованъ для снабженія крѣпости военными матеріалами и съѣстными припасами, для сооруженія новыхъ батарей, укрѣпленія брустверовъ и т. п. Саперный батальонъ съ чрезвычайными усиліями возстановилъ желѣзнодорожное сообщеніе имперіи съ Перемышлемъ, и въ крѣпость стали подвозить громадное количество грузовъ.

2-го ноября гражданскому населенію Перемышля было предложено очистить угрожаемый районъ крѣпости въ три дня. 5-го ноября началось обложеніе крѣпости съ сѣвера и юга, а 9-го ноября кольцо вокругъ крѣпости сомкнулось. Съ этого дня и слѣдуетъ начать считать время осады. Комендантъ Перемышля Кусманекъ приказалъ военнымъ авіаторамъ произвести рекогносцировку, которая установила, что осада въ полномъ ходу.

12-го ноября сосредоточеніе русскихъ войскъ вокругъ Перемышля завершилось, и началась артиллерійская дуэль, не принимавшая, впрочемъ, особенно значительныхъ размѣровъ.

Въ послѣдніе дни ноября подъ начальствомъ помощника коменданта, генерала Тамасси, гарнизонъ крѣпости производилъ вылазки.

10-го декабря генералъ Кусманекъ получилъ радіотелеграмму о движеніи колонны венгерскихъ войскъ на сѣверъ, на выручку крѣпости. Вслѣдствіе этого гарнизонъ сдѣлалъ вылазку на югъ, продолжавшуюся съ 12-го по 15-е декабря (н. ст.). Послѣ этого началось затишье, продолжавшееся до конца нашихъ рождественскихъ праздниковъ.

19-го (6-го) декабря въ Перемышлѣ было слышно, какъ въ русскихъ войскахъ празднуютъ день св. Николая Чудотворца. Въ канунъ Рождества (нов. ст.) отъ русскихъ офицеровъ и солдатъ гарнизономъ Перемышля было получено поздравленіе съ праздникомъ и пожеланіе весело провести его. Обстрѣлъ крѣпости въ сочельникъ прекратился, и въ Перемышлѣ безпрепятственно состоялся концертъ съ благотворительной цѣлью, а во время праздниковъ въ крѣпости состоялась религіозная процессія и былъ устроенъ парадъ войскамъ съ музыкою. Защитники крѣпости,—пишетъ Рода-Рода,—были тронуты рыцарскимъ отношеніемъ русскихъ войскъ, и тогда же рѣшено было пріостановить военныя дѣйствія на время русскихъ праздниковъ. Мало того: они послали на русскіе форпосты елки съ яблоками, коробками сардинъ и колбасою. Русскіе въ свою очередь прислали подарки гарнизону.

Въ русскій сочельникъ не раздалось ни одного выстрѣла ни съ той ни съ другой стороны. Въ русскій Новый годъ въ крѣпость явились русскіе парламентеры и передали благодарность за то, что австрійцы воздерживались отъ стрѣльбы въ православные праздники.

14-го (1-го) января въ крѣпость проникли три летчика и доставили почту, газеты, приказы. 18-го (5-го) января они покинули крѣпость, взявъ съ собою почту, вѣсившую 120 килограммовъ. Летѣть приходилось въ сильный морозъ, и авіаторы достигли Кракова лишь черезъ $4^1/_2$ часа.

Затрудняясь назвать точно число защитниковъ крѣпости, Рода-Рода пишетъ, что, вѣроятно, пѣхоты приходится по одному на 1 метръ окружности Перемышля, а послѣдняя равна 50 тысячамъ метровъ. Кромѣ того, имѣются спеціальные роды оружія; вѣроятно, гарнизонъ состоитъ изъ 60 тысячъ человѣкъ.

Въ перерывѣ между первой и второй осадой въ крѣпость навезли массу всякихъ припасовъ, главнымъ образомъ консервовъ, а также сѣна и овса. Когда началась вторая, полная осада, все населеніе крѣпости было переведено на опредѣленный паекъ, при чемъ выдавался хлѣбъ и консервы. Гражданское населеніе къ тому времени было удалено, чтобы не было лишнихъ ѣдоковъ. Хотя сѣна и овса было довольно много, но число лошадей рѣшили на всякій случай уменьшить, и это вызвало у осаждающихъ впечатлѣніе, что крѣпость уже голодаетъ.

Тяжелое впечатлѣніе производили на гарнизонъ крестьяне сосѣднихъ деревень. Они пытались проникнуть въ крѣпость, но комендантъ не разрѣшилъ открыть для нихъ крѣпостныя ворота, опасаясь занесенія заразныхъ болѣзней. Бѣдняги скитались по лѣсамъ и пещерамъ въ отчаянную зимнюю стужу, питаясь Богъ знаетъ чѣмъ.

Гарнизонъ крѣпости приноровился къ осадѣ, изготовляя собственными средствами недостающія вещи. «Спеціалисты» изъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ изготовляли подметки, мыло, спички (самодѣльныя спички эти были очень опасны: онѣ неоднократно взрывались при употребленіи и причиняли ожоги). Нѣкоторые химическіе препараты для «внутренней промышленности» доставлялись въ крѣпость авіаторами.

Офицеры и солдаты во все время осады получали усиленное содержаніе, но, такъ какъ торговли въ крѣпости почти не было, деньги потеряли всякую цѣнность. Зато развилось натуральное мѣновое хозяйство: обладатель десятка яицъ вымѣнивалъ ихъ на муку, рисъ, жиръ, мыло и т. п. Хорошо торговали въ началѣ осады музыкальные и мануфактурные магазины, ювелиры и часовщики. Всѣ музыкальные инструменты были раскуплены сразу.

Коровье молоко считалось въ Перемышлѣ величайшей рѣдкостью: его берегли для больныхъ. Въ кафэ пили чай съ ромомъ, а кофе со сгущеннымъ молокомъ разрѣшено было не болѣе одной чашки на человѣка. Къ чаю и кофе подавали три маленькихъ кусочка сахару, и ни куска больше. Тотъ, кому этого было недостаточно, выпрашивалъ сахаръ у другихъ посѣтителей кафэ.

Такъ какъ офицеры были мало заняты службою, то кафэ были переполнены ими. Они играли въ шахматы и на билліардѣ.

Единственный ресторанъ въ крѣпости — военное собраніе. Чтобы получить тамъ пищу, нужно было подавать заявленіе наканунѣ. Экономъ собранія представлялъ списокъ гостей и данныя о нужномъ ему количествѣ припасовъ въ интендантство.

Настроеніе въ крѣпости, по словамъ Рода-Рода, было бодрое. Комендантъ въ опредѣленный часъ совершалъ прогулку, и это дѣйствовало на всѣхъ успокоительно. Взволновались лишь однажды, когда генералъ Кусманекъ простудился и слегъ на два-три дня. Тогда говорили, что комендантъ вылетѣлъ въ Вѣну, чтобы представить императору докладъ о состояніи крѣпости.

Самыми популярными людьми въ крѣпости были авіаторы, вѣстники небесъ для отрѣзанной отъ всего міра крѣпости. Авіаторы доставляли газеты и въ небольшомъ количествѣ все самое нужное. Такъ, недавно они привезли съ собою сахаринъ, кокаинъ, угли для прожектора, новыя части, вмѣсто попорченныхъ, для станціи радіотелеграфа.

Безпроволочнымъ телеграфомъ Перемышль соединенъ съ Краковомъ, съ Вѣной и съ полевыми австро-венгерскими и германскими станціями.

Рода-Рода кончаетъ свои наблюденія выраженіемъ надежды, что, куда бы ни склонилось въ конечномъ итогѣ военное счастье, монархія будетъ благодарна защитникамъ крѣпости за вынесенныя ими тяготы осады.

Первое боевое крещеніе Верховнаго Главнокомандующаго. По поводу Высочайшаго награжденія Верховнаго Главнокомандующаго орденомъ св. Георгія 2-й степени «Бирж. Вѣдом.» привели изъ газеты «Голосъ» описаніе боевого эпизода, въ которомъ получилъ свое боевое крещеніе Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ. Это было въ русско-турецкую войну 1877—1878 гг. Его Императорское Высочество состоялъ при Своемъ въ Бозѣ почившемъ Родителѣ, Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ Старшемъ, командовавшемъ нашею дунайскою арміею.

Когда происходила знаменитая переправа черезъ Дунай, молодой Великій Князь находился около того мѣста, гдѣ садился десантъ, и все время внимательно наблюдалъ за порядкомъ переправы. Перекрестный огонь двухъ батарей былъ въ этомъ мѣстѣ убійственный, но Его Императорское Высочество не покидалъ своего поста ни на минуту.

О высказанной въ дѣлѣ переправы Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ Младшимъ храбрости отозвался съ большою похвалою одинъ изъ участниковъ русско-турецкой войны, гвардейскій офицеръ, въ письмѣ, адресованномъ имъ фельетонисту издававшагося въ то время «Голоса»—Волнѣ и помѣщенномъ въ нумерѣ этой газеты отъ 3-го іюля 1877 года.

«Августѣйшій юноша, — писалъ авторъ письма, — перешелъ Дунай съ отрядомъ, попавшимъ подъ убійственный непріятельскій огонь. Возведена была насыпь, изъ-за которой принялись жарить наши молодцы. Турецкія гранаты то-и-дѣло перелетали имъ черезъ головы, если не ударяли въ средину или около нихъ. Молодые солдаты при свистѣ пролетавшихъ снарядовъ безсознательно наклоняли головы. Юный Великій Князь сѣлъ на насыпь и закричалъ:

— Ребята! Что кланяйся, что не кланяйся, кому жить—не тронетъ, а кому нѣтъ—не проститъ!..

Въ это время новый свистъ гранаты прожужжалъ надъ головою Великаго Князя, инстинктивно наклонившагося. Его Императорское Высочество быстро приподнялъ голову и расхохотался.

— Нѣтъ, видно, съ перваго раза не привыкнешь! — воскликнулъ Великій Князь, но продолжалъ сидѣть спокойно на насыпи, пока стрѣлки его не двинуты были далѣе.

Когда Главнокомандующій, Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, по окончаніи боя переплылъ на только-что отвоеванную нами турецкую землю, его встрѣтилъ генералъ Драгомировъ, которому онъ бросился на шею. Тутъ же стоялъ и молодой Великій Князь.

— Ну, мальчикъ,—сказалъ отецъ сыну-герою: — на первый разъ славно! Пойди и ты сюда!

Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій прижалъ сына къ груди и зарыдалъ отъ радости, видя его невредимымъ».

Прошло съ тѣхъ поръ 38 лѣтъ, и юный герой дунайской переправы стоитъ нынѣ во главѣ трехъ армій, воюющихъ съ тремя государствами.

Высочайшая награда героямъ-пластунамъ. 6-го марта Главнокомандующій кавказской арміей осчастливленъ былъ слѣдующей телеграммой Его Императорскаго Величества Государя Императора: «Въ воздаяніе Моего особаго благоволенія къ пластунамъ за ихъ беззавѣтную службу и геройскіе подвиги принимаю шефство 6-го пластунскаго баталіона, которое послужитъ новымъ видимымъ знакомъ Моего уваженія къ испытанной воинскими доблестями старой кавказской арміи.

НИКОЛАЙ».

Одновременно Главнокомандующій кавказской арміей удостоенъ былъ телеграммой Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Георгія Михаиловича: «Его Величество Государь Императоръ всемилостивѣйше назначилъ меня шефомъ 4-го пластунскаго баталіона. Велика честь для меня стать шефомъ этого славнаго пластунскаго баталіона. Спѣшу сообщить вамъ сіе радостное для меня назначеніе. *Георгій*».

Премированные сапоги для Верховнаго Главнокомандующаго. Казанская комиссія по пріему сапогъ для арміи, принявъ 50.000 паръ сапогъ, изготовленныхъ казанскими сапожниками, рѣшила въ ознаменованіе удачнаго хода работъ и пріемки премировать 50.001-ю пару и преподнести се отъ имени комиссіи Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу. Объ этомъ было сообщено сапожникамъ. Въ конкурсѣ приняли участіе 11 сапожныхъ мастеровъ. Комиссія подвергла экспертизѣ представленныя на соревнованіе 11 паръ сапогъ; изъ нихъ три, сшитыя мастерами Н. С. Князевымъ, Я. И. Липатовымъ и А. П. Власовымъ, удовлетворили всѣмъ требованіямъ конкурса. Пары, сшитыя Князевымъ и Липатовымъ, признаны были равноцѣнными по ихъ достоинствамъ, поэтому первенство было опредѣлено жребіемъ, который и палъ на пару Князева. Пара сапогъ, сшитая мастеромъ Князевымъ, была представлена Верховному Главнокомандующему. Мастера Власовъ и Липатовъ также просили представить въ личное распоряженіе Августѣйшаго Главнокомандующаго сшитыя ими двѣ пары сапогъ, какъ пожертвованіе для арміи.

Верховному Главнокомандующему благоугодно было объявить сердечную благодарность Его Императорскаго Высочества сапожнымъ мастерамъ, при чемъ Великому Князю благоугодно было отличить Князева, за его собственноручную работу сапогъ, пожалованіемъ ему серебряныхъ часовъ съ золотымъ накладнымъ вензелевымъ изображеніемъ Имени Его Императорскаго Высочества.

Избраніе Верховнаго Главнокомандующаго въ почетные члены Петроградскаго университета. Взятіе Перемышля очень торжественно было почтено Петроградскимъ университетомъ. 10-го марта въ церкви университета отслужили торжественный молебенъ. Присутствовали: ректоръ Э. Д. Гриммъ, проректоръ, почти всѣ профессора и множество студентовъ. Послѣ молебна состоялось экстренное засѣданіе совѣта профессоровъ, въ которомъ Э. Д. Гриммъ произнесъ рѣчь о значеніи настоящаго событія. Онъ указалъ, что грозная твердыня двуединой монархіи, считавшаяся неприступной, пала. Теперь можно съ полной увѣренностью утверждать, что славянскій міръ наконецъ завоюетъ себѣ вполнѣ заслуженное положеніе въ мировой жизни, и навсегда падетъ опека германизма. Рѣчь была долго привѣтствуема собравшимися. Единогласно совѣтъ постановилъ привѣтствовать телеграммами Государя Императора и Верховнаго Главнокомандующаго, а также Э. Д. Гримму поручено составить телеграмму главнокомандующему арміями юго-западнаго фронта ген.-адъют. Н. І. Иванову. Телеграммы были привѣтствуемы продолжительными кликами «ура». Въ заключеніе совѣтъ единогласно избралъ Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича почетнымъ членомъ Петроградскаго университета и поручилъ ректору просить черезъ министерство народнаго просвѣщенія Его Высочество принять это званіе.

Принятіе Верховнымъ Главнокомандующимъ званія почетнаго члена Кіевскаго университета. Ректоромъ университета получена изъ Ставки Верховнаго Главнокомандующаго телеграмма слѣдующаго содержанія: «Государю Императору благоугодно было соизволить на принятіе мною званія почетнаго члена Императорскаго университета св. Владиміра. Горжусь честью быть носителемъ сего почетнаго званія, которое навсегда будетъ для меня памятью о той отрадной связи, которая установилась между высшимъ разсадникомъ науки и нашей геройской арміей. Генералъ-адъютантъ *Николай*».

Телеграмма эта послѣдовала въ отвѣтъ на телеграмму совѣта университета, просившаго Верховнаго Главнокомандующаго принять званіе почетнаго члена и мотивировавшаго свою просьбу знаменательными словами: «Судьба Лувена съ его стариннымъ университетомъ краснорѣчиво говоритъ, какая участь ожидала Кіевскій университетъ, если бы Кіевъ хотя на короткое время оказался во власти австро-германскихъ полчищъ. Если Кіевскій университетъ продолжаетъ мирно существовать и непрерывно функціонировать, то въ этомъ онъ обязанъ доблести нашей арміи и несравненному искусству ея Верховнаго командованія».

Что посылать солдатамъ? Главноуполномоченный всероссійскаго земскаго союза кн. Г. Е. Львовъ получилъ телеграмму отъ генералъ-квартирмейстера Данилова: «Въ виду производящихся нынѣ сборовъ на пасхальные подарки нижнимъ чинамъ арміи, позволяю себѣ сообщить вамъ, что, какъ выяснилось изъ сношеній съ арміей, наиболѣе желательными для нижнихъ чиновъ подарками являются: холодное бѣлье, короткія полотенца, платки, портянки, сало для смазыванія ногъ (въ маленькихъ баночкахъ), мыло въ видѣ яицъ, сапожный товаръ, кожа, дратва и шила для чинки сапогъ, нитки, иголки, пуговицы и англійскія булавки, почтовая бумага, конверты, карандаши, папиросы, чай, чайныя кружки, деревянныя ложки, складные ножи, сласти.

Прочіе съѣстные продукты нежелательны въ виду скорой ихъ порчи».

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Г. Поповъ. Воскресеніе Христово.

Божій судъ.

Пасхальный разсказъ С. Аксанина.

I.

Всѣ эти послѣдніе великопостные дни его видѣли входящимъ въ церковь и выстаивающимъ всѣ долгія утомительныя службы. Понимали, что онъ говѣетъ и что за обѣдней перваго дня Пасхи будетъ причащаться. Изумлялись этому, такъ какъ большинство прихожанъ той церкви знали его хорошо: въ прежніе годы никогда онъ не говѣлъ и не молился, даже въ церковь не заглядывалъ. Не одинъ онъ былъ такой, а многіе, и потому это никого не удивляло.

И теперь можно бы найти это естественнымъ: человѣкъ былъ грѣшенъ, заблуждался, но вдругъ просвѣтлѣлъ и раскаялся. Это нерѣдко бываетъ, и слава Богу, что бываетъ такъ. Но у него это произошло не просто. Тѣ обстоятельства, которыя предшествовали этому, передавались изъ устъ въ уста и всѣхъ занимали.

Но люди знали только внѣшніе факты. Жилъ себѣ человѣкъ, по фамиліи Нерестовъ, Петромъ Иванычемъ звали его всѣ. Былъ у него маленькій домикъ, малодоходный. Во дворѣ флигелекъ стоялъ, въ немъ онъ и жилъ, а домикъ отдавалъ подъ школу — много ли съ этого наживешь? Служилъ онъ гдѣ-то въ управѣ, что ли, и жалованьемъ-то собственно и кормился.

Было ему лѣтъ за тридцать, наружность видная,—не толстый, но крѣпкій и, какъ видно, сильный человѣкъ. Живой, общительный, со всѣми знался, дѣла имѣлъ небольшія, какъ говорили, на биржѣ поигрывалъ, но едва ли удачно, — не видно было особаго благосостоянія. Скорѣе даже нуждался, если судить по одеждѣ—потертое все какое-то было на немъ, заношенное.

Но вдругъ все перемѣнилось. Умеръ дядя его, тоже Нерестовъ, но человѣкъ совсѣмъ иного рода. Дѣлами онъ такъ, съ виду, никакими не занимался, — ни торговлей, ни ремесломъ какимъ или производствомъ, а денегъ имѣлъ кучу. Деньги и были его занятіемъ. Онъ отдавалъ ихъ въ ростъ, подъ залоги и безъ залоговъ, смотря кому, и процентыดралъ неимовѣрные. И жаденъ былъ до того, что отказывалъ себѣ въ малѣйшемъ удовольствіи.

Домъ у него былъ на Вознесенскомъ,—и какой домъ—въ пять этажей, — такъ онъ раздѣлилъ его на клѣтки и отдавалъ ихъ бѣднотѣ, и такъ велъ это дѣло, что съ бѣдноты наживалъ больше, чѣмъ съ богатыхъ. А самъ жилъ гдѣ-то на третьемъ дворѣ, занималъ двѣ комнатки и держалъ одну прислугу. Деньги же складывалъ рубликъ къ рублику и клалъ ихъ въ банкъ. Обѣдалъ однимъ блюдомъ, и ужъ этого ему хватало на цѣлый день. Былъ одинокъ и родни, кромѣ племянника, никакой не имѣлъ.

Племянникъ ходилъ къ нему изрѣдка, но особенной нѣжности съ его стороны не встрѣчалъ, скорѣе даже враждебность. Богачу казалось, что всѣ на его деньги зарятся, а особенно племянникъ, какъ единственный и прямой наслѣдникъ, и онъ все грозился, что составитъ духовное завѣщаніе, что отдастъ, молъ, кому угодно, только не ему, именно за то, что онъ будто бы зарится. Но завѣщанія онъ не писалъ, — отъ скаредности же, или оттого, что некому было завѣщать. Никого онъ не любилъ и Бога не боялся.

И вдругъ съ годъ тому назадъ умеръ, но странной смертью, хотя, какъ многіе думали, отчего же она странная? Именно такою смертью и долженъ умереть извергъ.

Его нашли въ рѣкѣ на самомъ взморьѣ. Туда принесло его теченіе Невы. Одѣтый былъ, при часахъ и толстой золотой цѣпи. Бумажникъ въ карманѣ былъ набитъ сторублевками, которыя, должно-быть, передъ самой смертью съ кого-нибудь содралъ. Кольца на пальцахъ были всѣ налицо, съ камнями, — ихъ у него было множество, — даже въ галстукѣ булавка съ брильянтомъ торчала. Ничего не было тронуто. И признаковъ насилія тоже, какъ ни смотрѣли, ни малѣйшихъ не нашли. Было ясно, что о злодѣйствѣ и грабежѣ не могло быть и рѣчи. Одно изъ двухъ: или нечаянно упалъ въ воду, или утопился.

Первое допускалось съ трудомъ — человѣкъ былъ очень ужъ осторожный, всего боялся и на каждомъ шагу остерегался, а второе легче: почему же нѣтъ? Совѣсть-то у каждаго человѣка есть, только у иного она спитъ непробудно, но бываетъ, что проснется, и человѣкъ ужаснется своей жизни и самого себя. И тогда ему только и остается — въ петлю, либо въ воду. Могло и съ нимъ случиться подобное и навѣрное случилось.

Вотъ Петръ Иванычъ Нерестовъ и сталъ вдругъ богатъ, да какъ! Никто и не предполагалъ, что у дяди Нерестова такіе капиталы. Однѣхъ закладныхъ сколько нашли. И все подъ дома да земли. Въ векселяхъ—и ужъ, конечно, вѣрнѣйшихъ, въ бумагахъ и чистыхъ деньгахъ, ну, однимъ словомъ, если все сосчитать, такъ, того и гляди, за два милліона перевалитъ. Все это и досталось Петру Иванычу Нерестову, и притомъ просто, безъ всякихъ споровъ и безъ хлопотъ: единственный наслѣдникъ.

Искали завѣщанія, но напрасно. Покойный скаредъ такъ любилъ свое богатство, что боялся даже на бумагѣ передать его кому-нибудь. Правда, были свѣдѣнія, будто онъ заходилъ раза два къ одному нотаріусу и толковалъ о завѣщаніи и даже въ недавнее время, мѣсяца за полтора до смерти, и будто бы упоминалъ о какихъ-то пріютахъ—для сиротъ и для калѣкъ, и еще о чемъ-то такомъ, благодѣтельномъ, но привести въ исполненіе не рѣшился. Но вѣдь это же не считается. Мало ли о чемъ человѣкъ думаетъ и болтаетъ! И Петръ Иванычъ Нерестовъ сталъ богачомъ.

И всѣ считали его счастливымъ человѣкомъ. Да и какъ же нѣтъ? Вдругъ получить этакій капиталъ. И первое время онъ жилъ, какъ настоящій счастливецъ. Сейчасъ же, не теряя ни дня, ликвидировалъ всѣ векселя и закладныя, разумѣется, потерялъ на этомъ, потому что сдѣлалъ уступки, но противно ему было держать у себя эти ростовщическіе документы. И домъ продалъ—тоже непріятно было выколачивать доходы съ бѣдняковъ. Оставилъ себѣ только изрядный кусокъ земли подъ столицей, гдѣ былъ домъ, садъ, огородъ,—очень хорошо для лѣтней жизни. А послѣ этого началъ жить въ свое удовольствіе.

Жилъ по-настоящему и здорово. Службу бросилъ, завелъ экипажъ, лошадей, автомобиль, друзей, а женщины такъ и кружились около него.

Страннымъ казалось только то, что, швыряя деньги, ведя такую жизнь, въ которой все было приспособлено для веселья и радости, онъ былъ угрюмъ.

Вокругъ него—несмолкаемый шумъ, смѣхъ, дорогое вино, дорого-стоящія пѣсни и пляски, и онъ—въ центрѣ всего этого, для него все это дѣлалось, а у него всегда нахмуренныя брови и ни признака улыбки на лицѣ. Всѣ веселятся безудержно, безшабашно, а онъ только смотритъ на это, и такимъ взглядомъ, какъ будто не понимаетъ, откуда все это и зачѣмъ.

И, не зная причины, говорили, что у него такой странный характеръ, а другіе полагали, что ему просто нравится играть такую роль, что онъ находитъ ее интересной и красивой. Должны были такъ думать, потому что иначе нельзя было и объяснить, для чего же онъ все это дѣлаетъ — собираетъ вокругъ себя толпу веселыхъ бездѣльниковъ, льетъ вино и швыряетъ деньги.

Но причина была другая, и зналъ ее только онъ одинъ.

II.

Онъ одинъ это сдѣлалъ, никого не было съ нимъ, ни одна душа въ цѣломъ мірѣ не знала объ этомъ. Вѣдь онъ былъ одинокъ, да если бъ у него былъ самый закадычный другъ, пусть даже беззавѣтно любимая женщина, все равно въ этомъ дѣлѣ онъ былъ бы одинъ.

Дядю своего, такъ странно кончившаго жизнь, онъ ненавидѣлъ. Старый паукъ, все тащившій въ свою нору, насобиравшій тамъ груды сокровищъ и сидѣвшій надъ ними безъ пользы для другихъ и для себя... И это въ то время, какъ онъ, Петръ Иванычъ Нерестовъ, принужденъ былъ перебиваться жалкими доходами съ ничтожнаго домишки и еще болѣе жалкимъ вознагражденіемъ по службѣ.

А если бъ знали, какая въ его крови была заложена жажда жизни! Вотъ ужъ ему тридцать четыре года, а онъ еще не жилъ. Да, сознательно: все откладывалъ до того времени, когда этотъ дядюшка, накопившій для него огромное богатство, наконецъ

И. Ижакевичъ. Пасхи святятъ.

освободитъ мѣсто. Онъ такъ и думалъ, что дядя Нерестовъ старается для него.

О, тогда онъ покажетъ, что значитъ жить.

Но тотъ не торопился и все жилъ, жилъ... Ему было уже шестьдесятъ восемь лѣтъ, и болѣзней у него была тьма. Жаловался и на печень и на почки, и будто бы сердце его безпокоило, и кровь приливала къ головѣ—отъ каждой изъ этихъ болѣзней можно было умереть, а онъ все жилъ.

А у племянника годы шли, лучшее время жизни уплывало. Тридцать четыре года, расцвѣтъ, а тамъ дальше начнется убыль. Ну, такъ что же, ждать безъ конца? А дядя съ своимъ богатствомъ, можетъ-быть, проживетъ еще Богъ знаетъ сколько, да, кромѣ того, въ самомъ дѣлѣ вздумаетъ сочинить завѣщаніе...

И родилась въ головѣ мысль, родилась и выросла и расцвѣла. Бережно пеленалъ онъ ее и выращивалъ и лелѣялъ въ тишинѣ своей одинокой жизни. И долго носилъ въ себѣ, разрабатывалъ, улучшалъ, составлялъ тончайшій планъ. Оправданіе было готово: скаредъ, грабитель, паукъ, извергъ, что же такого жалѣть? Наступить на гада и раздавить его ногой—развѣ это грѣхъ, или преступленіе? Скорѣе благодѣяніе.

И ловко же это было выполнено. Не даромъ долго носилъ въ сердцѣ и обдумывалъ каждую мелочь. Одинъ только разъ довѣрился ему дядя, но онъ этого-то момента и ждалъ. Самъ создалъ поводъ: изумительно выгодная сдѣлка подъ залогъ земли за городомъ на берегу Невы. Условія были такія, что у жаднаго скареда глаза разбѣжались. Нужно было осмотрѣть, вотъ вмѣстѣ и прогулялись.

Раннимъ утромъ, чудный весенній воздухъ. Глухое мѣсто, высмотрѣнное заранѣе. Кругомъ ни души человѣчьей. Мгновеніе, — и старый человѣкъ, не умѣвшій плавать, въ тяжелой одеждѣ очутился въ рѣкѣ. Такъ у него все было разсчитано, чтобы и крика о помощи не могло быть, сразу захлебнулся бы и, какъ камень, пошелъ ко дну.

Зналъ, что бумажникъ его полонъ крупныхъ кредитокъ, видѣлъ и на пальцахъ перстни съ камнями и булавку въ галстукѣ, все это было нужно, все входило въ планъ, чтобы при немъ было найдено, и все удалось. И дома все тоже было въ порядкѣ. Никто не считалъ его ушедшимъ, и съ дядей встрѣтились не у него, а гдѣ-то за городомъ.

Даже разсказать нельзя, какъ искусно все было устроено, чтобы онъ остался чистъ, чтобы никому даже мысль о немъ не пришла. Такъ было сдѣлано. Все удалось, и онъ получилъ богатство.

И думалъ, какъ и всѣ думали, что онъ теперь счастливѣйшій человѣкъ, и передъ нимъ открывается жизнь, полная наслажденій и радости. И въ первое время онъ набросился на жизнь и, какъ проголодавшійся звѣрь, сталъ рвать ее зубами на куски.

Но что-то случилось въ его душѣ, сперва тусклое и невнятное, а потомъ все яснѣе и рѣзче. Онъ боролся и гналъ прочь, а оно не уходило. Словно стая мухъ летала и кружилась около его головы, надоѣдливая, несносная, своимъ непрерывнымъ жужжаніемъ отравлявшая каждое мгновеніе. Отгонитъ одну, сотня другихъ садится на его лобъ, на щеки, забирается за воротникъ, вползаетъ въ рукава,—днемъ и ночью, вѣчно.

И стало для него ясно, что счастье его никакъ не можетъ состояться. Гдѣ бъ ни былъ онъ, что бы ни дѣлалъ, какое бы общество его ни окружало, трезвъ ли, пьянъ ли,—всегда неотступно преслѣдовалъ его одинъ и тотъ же образъ. Вставалъ изъ могилы дядя и приходилъ и становился передъ нимъ. И всегда одинаково: стоитъ и молчитъ. Въ томъ самомъ пальто, съ перстнями на пальцахъ, съ булавкой въ галстукѣ, и блеститъ въ ней брильянтъ всѣми адскими огненными переливами.

— Откуда ты?—хочется ему спросить. Но и спрашивать не къ чему, не отвѣтитъ.

Да и что же онъ могъ бы отвѣтить?—Изъ ада, конечно, гдѣ же ему, еще при жизни продавшему душу дьяволу, быть, какъ не въ аду? Но для него, для Петра Иваныча, это все равно.

Пробовалъ онъ напиваться до безчувствія, но это ему не удавалось. Ноги и руки не дѣйствовали, языкъ заплетался, мозгъ, отравленный парами, не работалъ; а „это“ оставалось,—онъ все-жъ-таки приходилъ, только еще хуже, въ другомъ видѣ, вотъ такой, какимъ его вынули изъ воды,—распухшій, размякшій, съ лицомъ, уже едва похожимъ на себя.

Нерестовъ отворачивался, закрывалъ глаза, отмахивался, открещивался, но это не помогало.

И это была ужасная жизнь. Преслѣдуемый неотступнымъ явленіемъ, онъ нигдѣ ни въ чемъ не находилъ покоя. Онъ не могъ спать, а когда, въ конецъ утомленному и разбитому, ему это удавалось, въ сновидѣніи опять приходилъ дядя, но въ странныхъ, причудливыхъ, дикихъ сочетаніяхъ,—то плывущій въ рѣкѣ, то утопающій, захлебывающійся и молящій о помощи, то съ невыразимо-жалобнымъ лицомъ протягивающій руки изъ какого-то раскаленнаго горнила.

И теперь онъ понималъ, что счастье, о которомъ онъ всю жизнь мечталъ, окончательно не суждено ему. За эти нѣсколько мѣсяцевъ онъ сталъ худъ и блѣденъ. Люди объясняли это кутежами, безсонными ночами, излишествами, но онъ-то зналъ настоящую причину.

И хуже всего было то, что онъ ни съ кѣмъ, ни съ однимъ человѣкомъ въ мірѣ, не могъ подѣлиться этимъ. Друзей теперь у него было множество, но онъ презиралъ ихъ, потому что друзьями сдѣлали ихъ деньги, но, все равно, будь у него и искреннѣйшій другъ,—отецъ, мать, сестра, жена,— не сказалъ бы онъ этого имъ. Развѣ это можно сказать? Развѣ вымолвитъ языкъ, или напишетъ перо?

Нѣтъ, нѣтъ, носи въ душѣ своей одинъ. Всю тяжесть, весь ужасъ, все приготовилъ ты для себя одного.

Шли дни, недѣли, а лучше не становилось. Говорятъ, все забывается на этомъ свѣтѣ: пылкая любовь, неоцѣненныя услуги, страшныя оскорбленія,—а вотъ этого онъ никакъ не можетъ забыть. Не стирается оно съ памяти, а даже, напротивъ, какъ будто становится выпуклѣе и острѣе, и все, что онъ дѣлаетъ, никакого удовольствія ему не доставляетъ—ни одно мгновеніе не даетъ забытья. Плохо ему жить, невыносимо. И сталъ онъ думать, какъ ему избавиться отъ этого ужаса.

Оглядѣлся онъ вокругъ себя и изумился обществу, съ которымъ дѣлилъ жизнь. Чужіе люди, чужіе не только ему, но и между собою. Ничего они не даютъ ему, ни малѣйшаго облегченія. Только пьяный угаръ вносятъ въ его жизнь.

Да, можетъ-быть, и мученія его происходятъ какъ разъ отъ того, что голова его насквозь пропитана этимъ угаромъ? Что за жизнь въ самомъ дѣлѣ! Стоило рѣшаться на такое дѣло и добиваться богатства, чтобы расшвыривать его на вѣтеръ, для удовлетворенія какихъ-то полупотерянныхъ людей...

И когда онъ это созналъ, ему не стоило большого труда разогнать всю компанію. Просто сказалъ всѣмъ: довольно, и захлопнулъ передъ ними дверь. Остался одинъ, повелъ трезвую жизнь, даже о дѣлѣ сталъ подумывать. Что-нибудь серьезное, плодотворное...

И въ первое время какъ будто легче стало. Новое было положеніе и заняло умъ. Но скоро онъ убѣдился, что никакое дѣло у него не пойдетъ. Еще хуже прежняго стали мучить его мысли, и дядюшка окончательно не давалъ ему покоя, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ производилъ какія-нибудь траты и платилъ деньги. Тогда ему казалось, что онъ мысленно слѣдитъ и пересчитываетъ каждый рубль, какъ дѣлалъ это въ жизни.

Иногда онъ видѣлъ его плачущимъ. Стоитъ неподвижно, смотритъ, и слезы льются изъ глазъ. А мысли одна за другой рождаются въ головѣ:

„Тратитъ, молъ; вотъ дачу какую-то собирается покупать да строиться... А я-то денежки всю жизнь прикапливалъ... Противъ совѣсти поступалъ, ты думаешь,—это легко? Самъ теперь чувствуешь, какъ это не сладко противъ совѣсти-то жить. Думалъ пріютъ для сиротъ устроить, калѣкъ несчастныхъ пригрѣть, а ты не далъ, помѣшалъ, жизнь мою прекратилъ. Ну, вотъ и терпи. Замучу я тебя, каждое твое дыханіе отравлю... Не пройдетъ тебѣ даромъ, нѣтъ, не пройдетъ. Ты разсудилъ, что я плохъ и жить недостоинъ, а самъ-то ты еще хуже меня, а живешь. Я былъ скаредъ, грабитель, послѣдніе соки изъ бѣднаго человѣка высасывалъ, но все же я никого не убивалъ, а ты—убійца... Меня, родного дядю, погубилъ...“

Проклятыя мысли! И ничѣмъ не отгонишь ихъ, никуда не уйти отъ нихъ. И опять началъ онъ искать выхода, дни и ночи думалъ о томъ, что еще надо сдѣлать, чтобы избавиться отъ нестерпимой муки.

И вдругъ мелькнула мысль, да такая ясная и простая, что онъ ухватился за нее и какъ будто боялся, чтобы она не ускользнула отъ него. Да что же тутъ думать? Вѣдь изъ-за чего онъ рѣшился?—Изъ-за денегъ. Изъ-за нихъ однѣхъ. Богатства хотѣлъ, надѣялся, что оно принесетъ ему свободу и счастье. Ну, такъ и отказаться отъ всего. Вернуться къ своему прежнему, чтобы не оставалось даже и слѣда отъ нихъ, отъ этихъ денегъ, которыя принесли ему столько мученій.

Еще бы! Деньги, нажитыя такими путями, какъ наживалъ ихъ дядя. Не деньги это, а потъ и кровь человѣческіе. Развѣ можно ими пользоваться, развѣ такія деньги годятся для счастья? И, когда онъ отъ нихъ отдѣлается, кончатся счеты и съ дядей и со всѣмъ тѣмъ... Онъ будетъ прежній Петръ Иванычъ Нерестовъ, въ своемъ маленькомъ флигелькѣ,—скромно, тихо жить на небольшой доходъ отъ домика, и даже служить не станетъ, такъ обойдется. И совѣсть его успокоится.

Рѣшилъ и сдѣлалъ. Удивилъ всѣхъ. Просто не могли постигнуть и готовы были признать его сумасшедшимъ. Человѣкъ бѣдствовалъ всю жизнь, наконецъ достигъ богатства, набросился на жизнь, кутилъ, шумѣлъ, какъ бы стараясь наверстать потерянное. Ну, потомъ образумился, за дѣло взялся, это можно понять; но чтобы вдругъ отказаться отъ всего и добровольно вернуться къ прежнимъ недостаткамъ, для этого нужно перестать быть здравымъ.

Но Нерестовъ теперь не обращалъ вниманія на мнѣнія другихъ, онъ ихъ и не спрашивалъ. Ему приходилось спасаться отъ врага, котораго никто не видѣлъ. И онъ торопился. Продалъ все, что было у него пріобрѣтено на наслѣдственныя деньги, размѣнялъ бумаги и, не задержавъ для себя ни одной копейки, все отдалъ на постройку пріютовъ для сиротъ и для калѣкъ. Онъ хотѣлъ соблюсти волю покойнаго дяди, который объ этомъ думалъ и говорилъ съ нотаріусомъ. Онъ хотѣлъ дать ему полное удовлетвореніе. Самъ же изъ роскошной квартиры перебрался во флигелекъ при своемъ домикѣ, который попрежнему былъ подъ школой.

III.

И какъ легко стало ему, когда онъ вернулся домой. Да, онъ именно такъ чувствовалъ: домой. Богатство сдѣлало его неблагодарнымъ къ маленькому, отъ отца унаслѣдованному, домику, который кормилъ его много лѣтъ.

Здѣсь было все такъ скромно, просто и уютно. Широкія, крѣпко сколоченныя кресла съ просиженнымъ сидѣньемъ, протертый въ десяткѣ мѣстъ коверъ, засиженныя мухами картины на стѣнахъ. Все старое, съ чѣмъ онъ такъ сжился въ прежніе годы и чему такъ вѣроломно измѣнилъ, приняло его въ свое лоно, простило, согрѣло и успокоило. И думалось ему: „ну, вотъ, я раздѣлался со всѣмъ тѣмъ—ужаснымъ... Я вернулъ ему все, взятое у него. Ничего не оставилъ себѣ... Все отдалъ ему, все...“

И нѣкоторое время ему казалось, что это такъ и есть, какъ онъ думалъ. Совѣсть его, какъ бы утомленная долговременной неусыпной работой, уснула и набиралась силъ. И такъ прошла недѣля, другая... И вотъ опять въ сердцѣ его поднялась тревога. Сперва что-то смутное, неясное, такъ вотъ—не спится, не ѣстся, не пьется, людямъ въ глаза смотрѣть нѣтъ охоты. А потомъ опять, словно ничего не произошло, онъ не отказался отъ богатства, не отдалъ все на пріюты, не вернулся на старое пепелище. Тоска, тоска... Стиснула сердце и не пускаетъ. И дядя стоитъ передъ нимъ и смотритъ на него. И мысли, мысли..

Молчитъ дядя, а собственная голова его производитъ мысли, и такія страшныя, какъ будто это не его мысли, а врага какого-нибудь.

„Да вѣдь я же отказался отъ всего... Самъ по доброй волѣ... Ну, да, я преступилъ законъ совѣсти, я совершилъ злодѣйство, но я же не воспользовался. Я лишилъ себя всего, я вернулъ все“.

А мыслямъ отвѣчаютъ другія мысли: „Такъ ли? Все ли вернулъ? А жизнь? Вѣдь ты прекратилъ жизнь человѣческую. Богъ создалъ эту жизнь, а ты самовольно, своимъ судомъ, разрушилъ созданное Богомъ. Ты отдалъ деньги, но жизнь ты оставилъ себѣ—свою жизнь. Нѣтъ, ужъ если хочешь, чтобъ дѣйствительно была справедливость, такъ отдай и жизнь...“

Какъ? Отдать свою жизнь? Вотъ мысль, отъ которой его бросаетъ въ холодную дрожь. Отдать жизнь! Но вѣдь тогда не останется ничего. А онъ безумно любитъ жизнь. Ради нея-то онъ и рѣшился на такое страшное дѣло. И отдать ее... А вѣдь такъ выходитъ, вѣдь отдалъ-то онъ не все, что взялъ. Жили на свѣтѣ два человѣка, а теперь живетъ только одинъ...

И эта мысль росла, мужала и крѣпла. И Богъ знаетъ куда привела бы она его, если бы не случилось то, что отъ него не зависѣло.

Врагъ наступалъ, и поднялась вся страна. Тамъ, на западѣ, гремѣли пушки, съ зловѣщимъ свистомъ пули впивались въ человѣческое тѣло, лились потоки крови.

Больное воображеніе рисовало ему страшныя картины, ему казалось, что своимъ обостреннымъ слухомъ онъ слышитъ долетающіе оттуда стоны. И, можетъ-быть, во всей странѣ это былъ единственный человѣкъ, для котораго война была желаннымъ, радостнымъ избавленіемъ отъ вѣчнаго ужаса. Ну, да, конечно, онъ тамъ найдетъ смерть, которая искупитъ все.

И вотъ онъ—солдатъ. Торопится поскорѣе достигнуть главнаго, какая-то сила неотразимо тянетъ его туда, и каждый день, пока длится дорога, кажется ему вѣчностью.

Прошли дни, недѣли. Наконецъ насталъ его чередъ, онъ уже тамъ. Въ числѣ огромной военной массы онъ двинулся въ большое сраженіе.

То, что онъ проявилъ тамъ, никогда не забудется тѣми, кто видѣлъ его. Это была не храбрость, а какое-то безуміе дерзости. Каждую минуту онъ посылалъ вызовъ смерти. Среди неистовствовавшихъ адкихъ орудій войны онъ появлялся тамъ, гдѣ была наибольшая опасность, вызывался на такія порученія, передъ которыми останавливались и нѣмѣли самые отчаянные смѣльчаки. Смерть окружала его, витала надъ его головой и ползала у его ногъ. Тысячу разъ считали его погибшимъ, но онъ оставался невредимъ. Онъ видѣлъ, какъ у самыхъ его ногъ разрывались снаряды, и десятки людей падали, сраженные ими, а онъ стоялъ тутъ, и даже царапины не было на его тѣлѣ. Словно въ немъ жила какая-то невѣдомая сила, которая хранила его. Но самъ онъ отъ этого становился только безумнѣе. Внутренно онъ взывалъ къ небу и къ судьбѣ, прося подарить ему смерть, но его мольбы не были услышаны.

Нѣсколько дней длилось сраженіе, онъ проявилъ безстрашіе, которое ни съ чѣмъ нельзя было сравнить, и только подъ самый конецъ получилъ рану въ плечо и тутъ же при первой перевязкѣ узналъ, что она не смертельна.

Но его увезли съ театра войны и привезли въ Петроградъ. Здѣсь онъ пролежалъ нѣсколько недѣль въ лазаретѣ и, выйдя изъ него, получилъ право оставаться, или вновь итти на позиціи. Казалось бы, при его настроеніи, онъ долженъ бы ухватиться за послѣднее, помчаться туда и снова искать того, чего не удалось ему вымолить у судьбы. И всѣ, кто знали о его безумныхъ подвигахъ, были удивлены, когда услышали о его рѣшеніи остаться.

Нѣтъ, онъ больше не станетъ искать почетной смерти на полѣ брани. Смерть за родину, смерть, дающая вѣчную славу, смерть героя—такая смерть ему не суждена. О, это было бы слишкомъ снисходительно со стороны судьбы, если бы она не только прекратила его мученія, но еще и сдѣлала героемъ. Это была бы высшая несправедливость. Онъ понялъ это теперь, когда, лежа въ лазаретѣ на койкѣ, думалъ о своей жизни. Онъ не спалъ въ эти ночи, потому что его судьба становилась для него страшной загадкой, которую нужно было разгадать во что бы то ни стало. Рана болѣла, но это были пустяки въ сравненіи съ другой болью, которая возобновилась тотчасъ же, какъ онъ возвратился къ своимъ мыслямъ. Дядя не покинулъ его, а только пережидалъ, пока онъ производилъ свой неудачный опытъ со смертью. А тутъ, въ лазаретѣ, онъ снова посѣтилъ его, такой же молчаливый и неподвижный, какъ и прежде.

„Дешево же ты хотѣлъ отдѣлаться, мой милый,—говорилъ не дядя, а его собственный мозгъ, говорили его мысли:—похитивъ мою жизнь, ты, вмѣсто позорной гибели, еще хотѣлъ украсть себѣ вѣчную память... О, какъ ты хитришь и виляешь передъ своей судьбой. Какъ хочется тебѣ избѣжать настоящаго возмездія, которое ты заслужилъ, подмѣнить его чѣмъ-нибудь болѣе легкимъ... Почему же ты такъ малодушенъ? Вѣдь тогда, когда ты такъ просто распорядился со мною, ты былъ сильный и рѣшительный. Будь же такимъ и теперь. Распорядись и съ собою такъ, какъ ты заслуживаешь...“

Н. Пимоненко. На Пасхѣ въ Малороссіи.

„Ну, хорошо, хорошо.—отвѣтилъ онъ себѣ:—я знаю, что̀ мнѣ надо сдѣлать, и я сдѣлаю“.

„Посмотримъ!“—сказало его собственное сомнѣніе. А ему дѣйствительно казалось, что онъ теперь знаетъ это, и что это такъ просто, и даже непонятно, какъ раньше онъ не зналъ и искалъ чего-то.

И, когда онъ вышелъ изъ лазарета, у него было такое чувство, какъ у человѣка, котораго высылаютъ изъ города въ далекую невѣдомую страну и даютъ нѣсколько часовъ, чтобы привести въ порядокъ свои дѣла. Онъ это и дѣлалъ. У него остались кой-какіе денежные счеты, онъ раздѣлался съ ними. Былъ еще домикъ съ флигелемъ. Имъ надо было дать назначеніе. Но онъ не хотѣлъ совершать формальные акты. Пришлось бы звать свидѣтелей, итти къ нотаріусу, впутывать въ свое дѣло постороннихъ людей. Покажется страннымъ, нужно выдумывать объясненія, лгать. Онъ просто написалъ на листѣ бумаги свою волю: домъ, обстановку, картины, книги, все, что̀ было, и чему онъ сдѣлалъ подробную опись,—школѣ, снимавшей у него домикъ. Больше никого у него не было, и некому было писать. Ни родныхъ, ни друзей. Онъ только теперь, въ послѣднія минуты жизни, узналъ, до какой степени онъ въ этой жизни одинокъ.

„Вотъ и хорошо,—сказалъ онъ себѣ:—хорошо, что мнѣ пришлось подвести послѣдній итогъ. По крайней мѣрѣ, узналъ эту истину“.

Послѣ этого передъ нимъ на минуту предсталъ вопросъ о выборѣ, какъ онъ мысленно назвалъ это, „посредника между жизнью и смертью“, но отвѣтъ былъ легокъ и простъ: самое вѣрное и простое—близко: ему сто̀итъ только выдвинуть ящикъ письменнаго стола. Тамъ лежалъ револьверъ хорошей, надежной конструкціи.

Осмотрѣлъ. Все въ порядкѣ. Патроны вложены. Еще одна минута напряженной мысли. Не забылъ ли чего? Нѣтъ, не забылъ, а главное — ничего не жаль. Взялъ въ руку револьверъ, судорожно стиснулъ ручку, подумалъ:

„Ну, теперь ты должна быть сыта по горло, безпощадная совѣсть! Больше этого я не могу дать тебѣ ничего“.

И поднялъ руку къ виску, но не нажалъ спускъ, потому что услышалъ голосъ, — нѣтъ, не голосъ, а мысль, — и это былъ отвѣтъ совѣсти на его слова. Долженъ же онъ его выслушать.

И онъ слышитъ и изумляется. Какъ? И этого мало? Не все? Жадная, она и жизнью его не насыщается. Такъ что̀ же еще? А—а! Вотъ что̀! Почему онъ вообразилъ, что имѣетъ право быть своимъ судьей? Какъ? А кто же можетъ быть его судьей? Всякій человѣкъ—самъ себѣ судья.

Да, въ своемъ дѣлѣ, и если онъ преступилъ противъ себя самого; но онъ отнялъ жизнь у другого, у члена человѣческаго общества, такъ и долженъ отвѣтить передъ обществомъ. Но вѣдь и обществу онъ не можетъ дать ничего, больше своей жизни.

„Ага! Вотъ какъ ты виляешь... Ты хочешь уйти изъ жизни потайнымъ ходомъ,—чтобы тебя считали страдальцемъ, жертвой обстоятельствъ, можетъ-быть даже, высшей натурой, не захотѣвшей примириться съ дѣйствительностью. Ты умрешь, унеся съ собой тайну своей жизни. Никто никогда не узнаетъ, что ты—грабитель и убійца. И о тебѣ останется память, какъ о хорошемъ и несчастномъ человѣкѣ. И добрыя чувствительныя души надъ твоей могилой, пожалуй, еще будутъ проливать слезы. Хитеръ ты однако, и какъ хочется тебѣ обмануть судьбу...“

Рука съ револьверомъ лежитъ у него на колѣняхъ, а голова его поникла. Да, конечно, все это такъ, совѣсть тысячу разъ права: онъ хотѣлъ обмануть судьбу.

Медленный, протяжный, великопостный звонъ церковнаго колокола глухо раздался невдалекѣ и заставилъ его поднять голову. Онъ всталъ, бросилъ револьверъ въ ящикъ стола и быстро задвинулъ его, какъ человѣкъ, котораго застали врасплохъ.

„Это призывъ,—подумалъ онъ.—Это голосъ, который никогда еще не звалъ меня“...

Одѣлся, вышелъ на улицу и, взявъ направленіе къ приходской церкви, тихо побрелъ туда.

IV.

Когда онъ входилъ въ церковь, передъ нимъ разступились и дали ему дорогу. Да, потому что у него былъ видъ грѣшника, пришедшаго покаяться и ищущаго утѣшенія.

Церковь — для всѣхъ, она всѣмъ дастъ утѣшеніе, но никому оно такъ не надобно, какъ грѣшнику, сознавшему свой грѣхъ. И потому, когда видятъ человѣка съ блѣднымъ, измученнымъ лицомъ, спина котораго какъ бы сгибается подъ тяжестью великаго грѣха, ему даютъ дорогу поближе къ алтарю, чтобы покаянные стоны его души вѣрнѣе были услышаны.

А его грѣхъ былъ для всѣхъ ясенъ: онъ отворачивалъ свое лицо отъ Бога и отъ церкви и вотъ пришелъ-таки. Всѣ знали его пеструю жизнь, полную неожиданныхъ перемѣнъ, и удивлялись только одному: что такъ глубоко его покаяніе, такъ изсушило оно его лицо и обезкровило его губы.

И каждый день онъ приходилъ, занималъ мѣсто гдѣ-нибудь въ дальнемъ невидномъ углу и весь погружался въ молитву.

Служившій въ церкви старый священникъ, который зналъ его и прежде, правда, какъ плохого прихожанина, обратилъ на него вниманіе и, видя его усердіе, въ душѣ порадовался, что церковь пріобрѣла новаго молитвенника.

Проходили дни послѣдней седьмицы поста. Было великое стояніе въ память Страстей Господнихъ, въ церкви горѣло множество свѣчей. И онъ, съ горящей свѣчой въ рукѣ, отъ первой минуты до послѣдней недвижно стоялъ на колѣняхъ и не спускалъ глазъ съ алтаря.

Потомъ выстоялъ всѣ службы у плащаницы, и когда, въ субботу, кончилась послѣдняя великопостная служба и народъ вышелъ изъ церкви, и онъ тоже двинулся къ выходу,—онъ всегда покидалъ церковь послѣднимъ,—къ нему подошелъ молодой причетникъ и, почтительно поклонившись, сказалъ:

— Господинъ, вы изволите быть Петръ Иванычъ Нерестовъ?

— Да, это мое имя, — отвѣтилъ онъ.

— Такъ васъ отецъ настоятель нашъ проситъ зайти на минуту въ алтарь.

— Меня?—какъ-то невольно вырвалось у него, а потомъ онъ, какъ будто спохватившись, замолкъ и помолчалъ съ минуту.—Я не могу,—наконецъ отвѣтилъ онъ.—Скажите отцу настоятелю, что я не могу исполнить его желанія.

— То-есть вы не располагаете временемъ?

— Нѣтъ, время у меня есть. А просто... просто не могу войти въ алтарь.

— Какъ же я долженъ сказать отцу настоятелю? — въ недоумѣніи спросилъ причетникъ.

— Я, право, не знаю, какъ нужно это сказать. Ну, вотъ такъ скажите, если вамъ угодно: я не могу войти въ алтарь. Если отецъ настоятель желаетъ, я прошу его выйти сюда, въ церковь, я буду ждать его здѣсь.

Причетникъ отправился въ алтарь и сообщилъ настоятелю о странномъ разговорѣ. Старый священникъ ничего не понялъ, но, снявъ облаченіе, вышелъ въ церковь и подошелъ къ ожидавшему его Нерестову.

— Прошу извиненія,—сказалъ онъ:—я вижу, что вы всѣ эти дни съ великимъ усердіемъ посѣщали храмъ Божій и выстаивали всѣ службы, и предположилъ, что вы совершаете говѣніе.

— Да, говѣніе... — откликнулся Нерестовъ.

— Вотъ. Я такъ и подумалъ,—сказалъ настоятель.—Но если вы имѣете намѣреніе завтра у пасхальной обѣдни причаститься, то надлежитъ теперь же принять исповѣдь, ибо другого подходящаго времени уже не будетъ.

— Нѣтъ, я причащаться не буду, батюшка.

Священникъ сдѣлалъ вопросительное лицо.

— Не будете? А какъ же? Вы же сказали, что говѣете...

— Да, вотъ молюсь... Прошу о прощеніи грѣховъ и о дарованіи мнѣ духа бодрости и мужества.

— А почему же вы не хотите причаститься?

— Хочу, батюшка, страстно желаю. Но не осмѣливаюсь... Имѣю на душѣ грѣхъ столь великій, что, принявъ причастіе, оскорбилъ бы Бога...

— Да, это возможно. Это бываетъ... Но развѣ вы не знаете, что духовный пастырь обладаетъ властью прощать и разрѣшать грѣхи, даже и великіе?

— Этого грѣха нельзя простить, батюшка. Нельзя.

— Не знаю. Не могу и судить. Но нѣтъ такого грѣха, котораго нельзя было бы открыть духовнику. И если вы, какъ говорите, совершили великій грѣхъ, то еще большій грѣхъ утаить его отъ духовнаго пастыря.

И. Ижакевичъ. Съ Пасхальной заутрени.

На Пасхѣ въ Галиціи. Рисунокъ С. Колесникова.

— Я знаю, знаю... Батюшка! Сдѣлайте мнѣ великую милость; я не готовъ. Въ сердцѣ своемъ рѣшилъ, что недостоинъ не только причаститься, но даже и принять исповѣдь. А вы своимъ снисходительнымъ предложеніемъ пробудили во мнѣ надежду. Но я не готовъ, не готовъ. Еще не созрѣло во мнѣ все мужество, какое потребно для этого. Я, можетъ-быть, еще дойду... За эту ночь окрѣпнетъ моя воля, и я... Вотъ о чемъ прошу васъ: если буду готовъ—утромъ, передъ обѣдней, удѣлите мнѣ нѣсколько минутъ для исповѣди.

— Трудно, — сказалъ настоятель. — Въ пасхальной службѣ мы не дѣлаемъ промежутка между утреней и обѣдней, молящіеся привыкли къ этому.

— Но нѣсколько минутъ, батюшка, всего только нѣсколько минутъ.

У Боржимова. На отдыхѣ послѣ боя.
По фот. нашего корреспондента.

— Ну, хорошо...—промолвилъ настоятель, видя, какъ волнуетъ его весь этотъ разговоръ. — Пусть будетъ такъ. Вы пришлете ко мнѣ въ алтарь причетника, и я выйду... Вотъ тамъ, близъ клироса, столикъ, на немъ евангеліе и распятіе... Передъ ихъ свидѣтельствомъ вы и откроете ваше сердце, если захотите... Вы будете находиться возлѣ столика...

И онъ пошелъ домой. Какъ только провелъ онъ остатокъ дня и вечеръ и короткую пасхальную ночь, какъ не сгорѣлъ онъ отъ огня, который жегъ его сердце!..

Страшно было то, на что онъ рѣшался, но оно казалось ему неизбѣжнымъ. Что будетъ потомъ, его это совсѣмъ не занимало. Что бы ни было, но оно не можетъ быть тяжелѣе той муки, какую онъ переживалъ всѣ эти мѣсяцы. Что бы ни было, но оно будетъ справедливо.

Но теперь всѣ мысли и всѣ желанія его слились въ одно: пріобщиться къ тому высшему и единственному, отъ чего онъ такъ преступно отказывался всѣ сознательные годы своей жизни. Пусть надъ нимъ свершится самая жестокая человѣческая казнь, но нужно имѣть силы, чтобы мужественно перенести ее. А для этого ему надо только одно: почувствовать, что онъ не отвергнутъ Богомъ.

И, когда онъ услышалъ первый ударъ полночнаго благовѣста къ пасхальной заутренѣ, онъ уже рѣшилъ безповоротно. Шелъ въ церковь твердыми шагами, сталъ на своемъ обычномъ мѣстѣ и трепетно ждалъ, когда настанетъ минута.

Церковь сіяла радостными огнями. Раздавались ликующія пѣснопѣнія о воскресшемъ Христѣ. Люди подходили другъ къ другу и братски цѣловались.

Но онъ стоялъ неподвижно въ своемъ углу и ни на кого не глядѣлъ, страшась, какъ бы и къ нему не подошелъ какой-нибудь довѣрчивый прихожанинъ. Развѣ онъ смѣетъ принять отъ кого бы то ни было братское цѣлованіе!

Кончилась заутреня. Онъ, осторожно продвигаясь между рядами богомольцевъ, подошелъ къ клиросу и тихо обратился къ причетнику, который уже зналъ его:

— Прошу васъ, доложите батюшкѣ, что я жду.

Причетникъ, должно-быть, предупрежденный настоятелемъ, тотчасъ же отправился въ алтарь. Черезъ минуту вышелъ батюшка въ свѣтломъ облаченіи, спустился по ступенямъ солеи и подошелъ къ нему.

— Во имя воскресшаго Бога, исполните ваше христіанское намѣреніе,—сказалъ онъ вполголоса.

Но прихожане, наполнявшіе церковь, ближайшіе изъ нихъ, слышали и съ удвоеннымъ вниманіемъ смотрѣли на обоихъ.

Священникъ сѣлъ на стулъ, а Нерестовъ опустился передъ столикомъ, одѣтымъ въ парчу, на колѣни и положилъ руку на распятіе. Тихонько прочиталъ священникъ молитву и, накрывъ его голову эпитрахилью, низко наклонился къ нему.

— Ну, вотъ,— почти шопотомъ говорилъ онъ:—здѣсь, передъ распятіемъ и святымъ евангеліемъ, рабъ Божій Петръ, ты можешь облегчить свою страждущую совѣсть чистосердечнымъ признаніемъ въ совершенномъ тобою грѣхѣ.

— Я скажу... Я открою...—трепещущимъ шопотомъ молвилъ Нерестовъ, и рука его, лежавшая на распятіи, дрожала.—О, Господи!.. Ни разу еще въ жизни не размыкались мои уста, чтобы произнести это. Множество грѣховъ совершилъ я, весь во грѣхахъ хожу, какъ и всякій слабый человѣкъ, но эти грѣхи—дѣтскія шалости въ сравненіи съ однимъ, съ тѣмъ...

— Говорите тихо,—сказалъ священникъ, видя, что его шопотъ измѣняетъ ему и превращается въ явственный голосъ.

— Отецъ, вы, должно-быть, знаете, что я былъ бѣденъ и вдругъ разбогатѣлъ. Я получилъ въ наслѣдство отъ дяди огромное состояніе...

— Да, да, я знаю... Но удержите вашъ голосъ, онъ становится слишкомъ громкимъ,—молвилъ священникъ, замѣтивъ, что прихожане, очевидно, слыша нѣкоторыя отдѣльныя слова, внимательно вытягиваютъ головы и незамѣтно приближаются къ нимъ.

— Вы слышали, отецъ, что дядя мой утонулъ... Такъ всѣ признали и такъ думали... Но не такъ было... Слушайте же, слушайте, православные!—вдругъ громкимъ внятнымъ голосомъ промолвилъ Нерестовъ и, оставаясь на колѣняхъ, повернулся лицомъ къ народу и сдѣлалъ это такимъ рѣзкимъ движеніемъ, что эпитрахиль сползла съ его головы, и всѣ увидѣли его блѣдное лицо съ горящими глазами.—Слушайте всѣ! Передъ вами стоитъ убійца. Не нечаянно упалъ въ воду мой дядя и не нарочно, какъ думаютъ. Но я, я столкнулъ его въ рѣку, желая погубить его, чтобы поскорѣе завладѣть его богатствомъ... Говорю это по требованію моей, замучившей меня, совѣсти...

У Боржимова. Пулеметчики въ засадѣ.
По фот. нашего корреспондента.

Густая толпа молящихся онѣмѣла и застыла въ какомъ-то молчаніи ужаса. Старый священникъ въ первое мгновеніе какъ будто растерялся, но скоро овладѣлъ собой.

— Великъ твой грѣхъ, рабъ Божій Петръ, но велико и твое раскаяніе!—промолвилъ онъ звучнымъ голосомъ, видимо желая, чтобы слышали всѣ. — Человѣческій судъ свершится надъ тобой, и ты понесешь заслуженную кару. Но Божій судъ—это есть безконечное снисхожденіе и милость покаявшемуся грѣшнику. И азъ, грѣшный іерей, данною мнѣ отъ Бога властью, прощаю и разрѣшаю тебя, и, во имя воскресшаго Христа, послѣ великаго подвига твоей совѣсти, да пріобщишься ты Его святыхъ таинъ...

Поднялъ крестъ, осѣнилъ его, поднесъ къ его губамъ для лобзанія и воскликнулъ:

— Христосъ воскресъ, братъ Петръ!

И поцѣловалъ его. И вся церковь, какъ бы подъ наитіемъ какой-то высшей благости, гуломъ прогудѣла ему въ отвѣтъ:

— Воистину, воистину воскресъ!

Началась обѣдня. Нерестовъ не сдвинулся съ мѣста, остался на колѣняхъ и такъ простоялъ всю службу. А когда наступилъ моментъ и старый священникъ вышелъ изъ царскихъ вратъ съ чашею, чтобы причащать говѣющихъ, онъ поднялся, робко подошелъ поближе къ нему и вмѣстѣ съ другими повторялъ за нимъ слова:

— „Не въ судъ и не во осужденіе... Не яко Іуда, но яко разбойникъ исповѣдую Тя...“

Принялъ причастіе, достоялъ до конца обѣдни, а затѣмъ прямо изъ церкви отправился, куда надлежало, и, подтвердивъ свое признаніе, былъ взятъ подъ стражу.

Вѣсти съ войны. Картина М. Балунина. (XXXIV выставка Общества русскихъ акварелистовъ).

Въ пасхальную ночь.

Смеркалось... Блѣдные лучи
Таили тихія печали,
И только въ рощицѣ грачи
До темноты у гнѣздъ кричали,
У разоренныхъ старыхъ гнѣздъ,
Да рѣдко ранній зябкій дроздъ
Имъ полусонно и тоскливо
Ронялъ отвѣтъ... Онъ былъ одинъ...
Да темь дрожала сиротливо
Въ рѣкѣ надъ кучей блѣдныхъ льдинъ...
Чернѣли кочки возлѣ пней,
Да запахъ талаго болота
И вялыхъ листьевъ у корней
Струился влажною дремотой...
Теряла контуры гора...
Прошли промокшіе патрули,
Попали въ отблескъ отъ костра
И вновь въ туманѣ утонули...
Спускалась ночь... Сквозь перья тучъ,
Свинцовыхъ, дымчатыхъ и черныхъ,
Дрожалъ звѣзды случайной лучъ
Въ поляхъ безгласныхъ и покорныхъ...
Но вотъ походный нашъ алтарь
Сталъ полонъ будто свѣтляками,
Хоть скорби и тоски тропарь
Еще струится надъ полями...
Вокругъ него уже стоятъ
Непроницаемой оградой
Ряды сомкнувшихся солдатъ,
И свѣтляки средь нихъ горятъ
И таютъ въ влажной дымкѣ взгляда...
И новый сонъ... Печали нѣтъ,
Она—уже воспоминанье...
И нѣтъ его... Повсюду свѣтъ,
И каждой думы трепетанье
И каждый сердца уголокъ
Согрѣты радостью надежды.
Она свѣтла, какъ мотылекъ,
Какъ у священника одежды...
— «Христосъ воскресъ!..» И жизнь цвѣтетъ,
И смерть поверженная въ прахѣ...
Разсѣянъ тьмы холодный гнетъ,
И смерть безсильна ужъ на плахѣ...
И тѣ, кто пали жертвой лавы
Среди покинутыхъ долинъ,
Воскреснутъ въ памятникахъ славы,
Въ святыхъ сказаніяхъ былинъ!..
Христосъ воскресъ!..

Сергѣй Михѣевъ.

Военныя миніатюры.

М. Сафонова.

Арапчикъ.

Третій драгунскій эскадронъ въ одной бѣшеной атакѣ, встрѣченной ураганнымъ артиллерійскимъ огнемъ непріятеля, потерялъ столько лошадей, что нижніе чины эскадрона были временно прикомандированы къ N-скому пѣхотному полку той же дивизіи. Кавалеристамъ, привыкшимъ къ лошадямъ, очень не по сердцу была пѣхотная жизнь. Лошадей изъ внутреннихъ губерній ждали завтра, такъ какъ въ обозѣ прошелъ слухъ, что во второй эскадронъ уже пригнали, да еще какихъ! — Картинокъ!

— Намъ красота не нужна, а нужно дѣло, — серьезно замѣтилъ молодцеватый драгунъ, поправляя на щекѣ повязку, прикрывавшую небольшой сабельный ударъ.

Раздача краснаго вина въ первый день праздника.

Раздача подарковъ. Вытягиваніе жребія.

— Есть лошадь, которая въ недѣлю сигналы выучила и шпоры понимаетъ, а другая отъ рукъ отобьется: то не идетъ, то пустится въ галопъ—никакъ не остановишь безъ трензеля. У меня на дѣйствительной былъ Сычъ, ну, такъ и лошадь! Слово скажи, и то понимаетъ. Страсть какъ было жалко разставаться, когда со службы пошелъ; плакалъ вѣдь въ конюшнѣ. Ей-Богу, плакалъ!

— Это вѣрно. Привычка. У насъ была лошадь, такъ, бывало, отецъ скажетъ: „воры", ну, и пойдетъ во всю Ивановскую, никакія вожжи не удержать. Домовой испортилъ.

— Какой тамъ домовой, просто сама извелась.

— Говорятъ тебѣ, что домовой.

— Полно болтать. Какіе тамъ домовые! Бабьи сказки, и больше нѣтъ ничего. Сказывалъ мнѣ кто-то, что у одного мужика домовой сталъ лошадь мучить: утромъ надо работать, а лошадь вся въ мылѣ и паръ столбомъ. Что такое? Жена говоритъ, въ родѣ твоего:—домовой мучитъ. А мужикъ не вѣритъ и легъ спать въ хлѣвѣ у колоды. Лежитъ, не спитъ. Вдругъ слышитъ: кто-то идетъ. Ночь была мѣсячная. Глядитъ — а это сынъ подходитъ съ уздой. Обуздалъ лошадь, вывелъ изъ хлѣва, сѣлъ верхомъ и маршъ. Мужикъ ждетъ. На зарѣ является. Вотъ такъ домовой! — говоритъ, и началъ сынка-то палкой охаживать. Съ тѣхъ поръ и домовой перестала мучить. А сынокъ у него къ лапушкѣ ѣздилъ за девять верстъ. Извѣстное дѣло, взадъ — впередъ восемнадцать верстъ, какъ не измучить лошадь!

— Вотъ тебѣ и домовой! Настоящій домовой: свой, а не чужой.

Всѣ размѣялись, а вѣрившій въ домового неловко сконфузился. Къ кучкѣ драгунъ подошелъ вѣчно улыбающійся пѣхотинецъ Конновъ, любитель посмѣяться, „подковырнуть".

Пригонка сапогъ.

Изъ дѣйствующей арміи. Въ дни отдыха. По фот. нашего корреспондента.

У штаба полка. Со знаменемъ.

— Я и не сержусь, а дѣло говорю. Всякому овощу свое время. Одно дѣло пѣхота, а другое — конница. Что ты на своихъ на двоихъ подѣлаешь, когда, къ примѣру, непріятель удираетъ? Ничего. А мы тутъ какъ тутъ; пришпорилъ и ввαливай по чемъ зря!

Конновъ сознавалъ неумѣстное выступленіе противъ кавалеріи и желалъ какъ-нибудь снова установить добрыя отношенія съ раненымъ въ голову драгуномъ, такъ какъ по своей добротѣ онъ вовсе не хотѣлъ оскорбить его, а такъ только позубоскалить.

— Ты вотъ, годокъ, сердишься, а я только хотѣлъ сказать, что вамъ лошадокъ привели.

— Привели? Гдѣ? — разомъ отозвалось нѣсколько голосовъ драгунъ.

— Таперича онѣ стоятъ у палатки полкового командира; видно, ждутъ вашего эскадроннаго.

— А далеко это?

— Да съ версту будетъ отсюдова.

„подкузьмить", т.-е. пошутить и поострить.

— Коньковъ дожидаетесь, голубчики? Дѣло хорошее! А безъ коньковъ вы — народъ никудышный, не то, что мы: взялъ винтовку и—солдатъ. А вамъ тпруку давай, сѣдельце дай, сабелькой подпояшь, винтовочку за плечо, ну, тогда „кавалеристомъ" назвать можно, а безъ всего этого вы такъ себѣ, никчемные, въ родѣ какъ бы для счету только.

— Ты бы сначала рыло вытеръ, — огрызнулся драгунъ.

— Что, али въ пушку? А я въ суконный рядъ забрался.

— Не въ пушку, а еще материно молоко не обсохло, вотъ что.

— Ты, годокъ *), не сердись. Я вѣдь не отъ сердца, а такъ отъ души.

*) Годками или сверстниками называютъ призванныхъ въ одномъ году на службу.

Чтеніе приказа.

— Пойдемъ, братцы, посмотримъ! Все равно до выступленія еще долго.

Драгуны согласились и всей кучкой пошли смотрѣть на приведенныхъ лошадей. Конновъ только и могъ имъ сказать вслѣдъ:

— Не терпится!

Дѣйствительно, не терпится: кавалеристы такъ привыкаютъ къ лошадямъ.

— Слышь, и въ нашей губерніи была конская мобилизація?

— Была, писарь сказывалъ, что была. А что?

— А то, что, значитъ, и нашего Арапчика взяли.

— Ежели подходитъ подъ мѣрку и подъ года, то когда не взять.

— И подъ мѣрку и подъ года подходитъ; лошадь видная. Мы ее еще сосунчикомъ купили за двѣ красныхъ, а когда я уходилъ на войну, такъ двѣ бумажки давали *).

— Вотъ бы, землякъ, тебѣ на своей довелось повоевать.

— На что бы лучше! Я, кажется, ни въ жизнь бы съ ней не разстался. И вѣрно: вдругъ бы, значитъ, на самомъ дѣлѣ Арапчика пригнали. Сейчасъ бы старикамъ письмо. Какое письмо! Телеграмму бы послалъ. Такъ

*) Подъ бумажками разумѣются сторублевыя кредитки.

Раздача Георгіевскихъ крестовъ героямъ, награжденнымъ за боевыя отличія на Мазурскихъ озерахъ.

Изъ дѣйствующей арміи. По фот. нашего корреспондента.

и такъ, молъ, нашъ Арапчикъ достался мнѣ. Вотъ бы старики обрадовались! Право слово.

Разговаривая такимъ образомъ, пѣшіе драгуны дошли до палатки полкового командира, но лошадей тамъ не было.

— Совралъ, выходитъ, — сердито сказалъ кавалеристъ съ повязкой.

— А можетъ, увели куда въ другое мѣсто,—замѣтилъ другой.

Несмотря на это успокоительное замѣчаніе, солдатикъ, по фамиліи Авдонинъ, у котораго дома остался Арапчикъ, котораго онъ уже мечталъ видѣть и воевать съ нимъ, какъ говорится, повѣсилъ носъ на квинту.

Спросили денщика. Оказалось, что лошадей дѣйствительно пригнали и увели съ полчаса тому назадъ на разбивку во второй эскадронъ, который стоялъ въ ближайшей австрійской деревенькѣ. Пошли туда. А тамъ, около табуна лошадей головъ въ пятьдесятъ, толпились нетерпѣливые драгуны третьяго эскадрона.

Авдонинъ раза два обѣжалъ вокругъ табуна, врѣзался въ его середину, разыскивая своего Арапчика.

Каково же было его удивленіе и великая радость, когда онъ въ одной изъ лошадей черной масти, съ бѣлымъ пятнышкомъ на лбу, призналъ своего Арапчика! Онъ подбѣжалъ къ нему, началъ гладить, обнимать, поправлять гриву и называть самыми нѣжными именами:

— Арапчикъ! Голубчикъ! Узналъ ли ты меня?

Лошадь узнала своего хозяина: она довѣрчиво протягивала къ нему свою морду, лизала руки и весело ржала.

— Ну, вотъ мы опять съ тобой, дурашка! Повоюемъ вмѣстѣ. А? Поклонъ мнѣ привезъ?— Привезъ, ну и ладно. Молодчина!..

Авдонинъ и не замѣтилъ, какъ по его лицу текли слезы. Товарищи молча наблюдали такую рѣдкую на войнѣ сцену и вполнѣ раздѣляли радость Авдонина. Въ это время подошелъ эскадронный командиръ. Сначала было прикрикнулъ за безпорядокъ, но потомъ, узнавъ, въ чемъ дѣло, записалъ Арапчика за Авдонинымъ. Черезъ двѣ недѣли въ деревнѣ отецъ Авдонина получилъ отъ сына письмо, въ которомъ тотъ писалъ:

„И увѣдомляю васъ, дорогіе родители, что нашего Арапчика пригнали вмѣстѣ съ другими лошадьми въ нашу дивизію. Я отыскалъ его и упросилъ командира записать его за мною. Если мы будемъ живы и здоровы и война кончится благополучно, то я буду просить у начальства отпустить лошадь съ собой. А мы внесемъ въ казну, сколько ты за нее получилъ. Ждите насъ съ Арапчикомъ“.

Тамъ и здѣсь.

Рядовой Кокинъ, только-что вернувшійся въ прошломъ году съ дѣйствительной службы, состоялъ въ арміи, дѣйствующей противъ германцевъ. Онъ былъ уже въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, участвовалъ въ кровопролитной битвѣ при Сольдау, бывалъ и въ окопахъ и въ штыковой атакѣ и назначался нѣсколько

На роздыхѣ.

Истребленіе мирнаго „врага“.

Чистятъ картофель.

Изъ дѣйствующей арміи. Жизнь въ окопахъ. По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

У пѣхотнаго окопа.

пускать: сдавайтесь намъ, у насъ лучше будетъ. Знаемъ мы, какъ это у васъ лучше-то! Вонъ Ванюшка Рыжиковъ говорилъ, когда раненый валялся, что прикалываютъ дьяволы: человѣкъ еще живой, только раненъ, встать не можетъ, а ему штыкъ въ грудь. Развѣ это полагается? Ты, братъ, воюй, а не озорничай. А то, какъ чуть не везетъ, сейчасъ бѣлый флагъ выкинетъ, пардону проситъ, а подойдешь поближе, онъ тебя изъ пулемета угощаетъ. Изъ окопа его только штыкомъ и можно выковырять, нечего зря и патроны разстрѣливать. Не помню, въ какомъ мѣстѣ мы ихъ съ двухъ сторонъ крошили, вотъ такъ ужъ и задали имъ баню! Эхъ, поскорѣе бы въ ихнюю землю попасть; поглядѣть, какъ тамъ они дома-то живутъ! Только бы Богъ далъ здоровья, а увидимъ. Давно что-то изъ домовъ письма нѣтъ. Писали, что пособіе

разъ въ развѣдку, но Господь хранилъ его: онъ не раненъ. Дома, тамъ, въ Костромской губерніи, у него остались отецъ, мать и старшій братъ, женатый и отдѣленный на свое хозяйство. Полкъ, въ которомъ онъ находился, черезъ день долженъ по приказанію начальства выступить къ лѣвому флангу, вотъ почему день ожиданія посвященъ отдыху.

Въ валенкахъ, тепломъ полушубкѣ и мохнатой папахѣ хорошо можно бороться съ польскими морозами, которые сравнительно съ своими деревенскими куда легче. Расположившись поудобнѣе въ походной палаткѣ, Кокинъ собрался-было спать, но сонъ, какъ нарочно, не приходилъ. Мысли, опережая одна другую, не покидали видавшую виды голову. Онъ думалъ:

„Оно, конечно, хитеръ нѣмецъ, силенъ нѣмецъ, а супротивъ русскаго не выстоитъ. Вишь ты, на что пустился: надлетитъ-надлетитъ на своемъ воздушномъ „пузырѣ" и хлопъ тебѣ бомбу, а мало, такъ другую. Извѣстное дѣло, бомба — снарядъ глупый, не разбираетъ ни праваго ни виноватаго, всѣхъ сокрушаетъ. Сброситъ штукъ десять этихъ самыхъ бомбъ, а потомъ листочки начнетъ

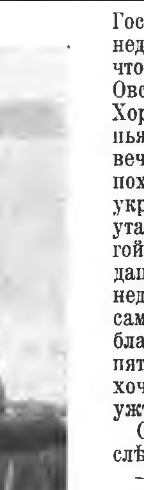
Конюшня. Навѣсъ, построенный у позицій.

Блиндажъ, выдерживающій обстрѣлъ германскихъ тяжелыхъ снарядовъ.

выдаютъ, отецъ не пьетъ, живутъ хорошо. А Грунька пишетъ, что настоящихъ парней нѣтъ въ деревнѣ: всѣхъ на войну взяли, остались одни только сопляки, съ которыми гулять неантересно. Еще бы! Материно молоко на губахъ не обсохло, а они тоже за дѣвками ухаживаютъ. Мы, братъ, люди военные, отъ насъ не отобьешь, да и дѣвки-то на васъ и плевать-то не хотятъ. Слышь, бесѣдъ не бываетъ, вечеринки не устраиваютъ, наряды не шьютъ. Писала Грунька, что будто каждая дѣвка за зиму по холсту обѣщалась выткать и въ комитетъ пожертвовать. Что же? Это дѣло хорошее: мы за васъ сражаемся, а вы намъ помогайте. Писала, что плѣнныхъ нѣмцевъ въ городѣ видѣла. Имъ, конечно, дивно, что нѣмецкаго солдата видѣли, а ужъ намъ они примелькались. Брательникъ писалъ, что будто Грунька каждое воскресенье къ свекрови ходитъ, значитъ, къ моей матери, и все спрашиваетъ про меня. Такъ вѣдь и написалъ: къ „свекрови". А какая она ей свекровь, когда мы еще не вѣнчаны? А ежели она про меня спрашиваетъ, то, стало-быть, я ей по сердцу пришелся. Зазноба и есть зазноба. Эхъ, ты, мать честная! Такъ бы и взглянулъ хоть однимъ глазкомъ, что теперь въ деревнѣ дѣлается. Да ужъ ладно, ничего не подѣлаешь. Только бы Богъ далъ здоровья: съ нѣмцами разсчитаемся, въ деревню пріѣдемъ, новую избу поставимъ и Аграфену Петровну приведемъ".

Анна, самая обыкновенная деревенская баба, занялась совершенно неподходящимъ занятіемъ—думами. Да развѣ деревенской бабѣ полагается думать? Конечно, не полагается, да и времени свободнаго не найдется. Но для Анны, оказывается, и думать можно и время нашла. Послѣ праздничнаго обѣда мужъ ея Савелій завалился спать, свѣсивъ съ печи ноги въ новыхъ сапогахъ, а она убрала со стола посуду, сѣла на лавку и начала думать. Плохо подготовленная къ умственной работѣ голова никакъ не могла разобраться въ двухъ совершенно простыхъ вопросахъ: зачѣмъ воюютъ? и отчего всѣ казенки закрыты? Въ концѣ концовъ она слѣдующимъ образомъ разрѣшила назойливые вопросы: воюютъ потому, что нѣмецъ хотѣлъ нашей землей

Изъ дѣйствующей арміи. Жизнь въ окопахъ. По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.



Казаки на привалѣ.

завладѣть, а казенки закрыли—стало-быть, торговать некому: всѣхъ монопольщиковъ на войну взяли.

„Что-то теперь на войнѣ дѣлается? Пули-то, поди, такъ и свищутъ, такъ и свищутъ! Живъ ли ужъ Егорушка-то мой? Только пришелъ со службы, хотѣли-было послѣ уборки хлѣба женить, а его и взяли, голубчика; такъ безъ него и въ полѣ убирались. Сегодня опять Груняшка приходила, спрашивала, нѣтъ ли письмеца. Дѣло дѣвичье, знаю, по себѣ гадаючи, сама была когда-то молоденькой... Ишь ты развалился въ новыхъ-то сапогахъ, точно баронъ какой!“

Взоръ Анны съ Савельевыхъ сапогъ скользнулъ по избѣ и упалъ на полушалокъ на лавкѣ, недавно купленный мужемъ. Солнечный лучъ, пробившись черезъ оттаявшее окно, освѣтилъ на лицѣ Анны что-то похожее на улыбку.

„А? Благодать-то какая! И не снилось никогда. Вотъ съ лишкомъ полгода прошло, а онъ и капли въ ротъ не биралъ. Тридцать лѣтъ жила замужемъ, а кромѣ слезъ да горя ничего не видала. А тутъ, нако-сь ты, новый полушалокъ купилъ, на старости лѣтъ рядить выдумалъ. А что было? Господи, Боже мой! И вспомнить страшно. Каждую недѣлю на базаръ съ нимъ ѣздила, а зачѣмъ?—чтобы только пьянаго въ деревню привезти. Овсишка ли продастъ, телку ли, все на вино уйдетъ. Хорошо еще, если съ утра напьется, такъ я у пьянаго деньги дорогой вытащу, а ужъ если до вечера дотянетъ, то все до копеечки пропьетъ и на похмелье не оставитъ. Только и купишь на то, что украдешь: маслица потихоньку накопишь, яичекъ утаишь. Прости, Господи, мое согрѣшеніе! А на другой день голова болитъ, на похмелье проситъ, а не дашь—смертнымъ боемъ начнетъ бить. Только вотъ недавно безъ синяковъ-то хожу. Какъ закрыли эти самыя казенки, такъ у насъ тишь, да гладь, да Божья благодать. Сапоги себѣ купилъ, мнѣ полушалокъ, Егору пятерку послалъ, жеребенка вымѣнялъ, срубы купить хочетъ. Дай-ка, Господи, чтобы эти казенки больше ужъ не открывались! Тогда помѣщиками заживемъ“.

Савелій заворочался, зѣвнулъ раза два и сталъ слѣзать съ печи.

— Станешь, что ли, чай-то пить? А?

— Ты валяй налаживай самоваръ, а я въ правленье сбѣгаю: нѣтъ ли отъ Егора вѣсточки.

Савелій накинулъ на плечи полушубокъ, голову покрылъ шапкой и вышелъ на улицу, а Анна начала ставить самоваръ. Когда она накрыла мѣдную крышку, двѣ слезинки упали на холодный металлъ и расплющились въ красивыя звѣздочки.

То были слезы тихой радости.

Лѣпятъ снѣжную бабу.

Лакомки. У улья.

Сказка умерла.

Кто-то всколыхнулъ души ея затоны,
Свѣтлый призракъ счастья молнія сожгла.
Сильнымъ ливнемъ смяты свѣжіе бутоны—
Сказка умерла...
Разорвались злобно сновъ жемчужныхъ нити,
Имѣнило солнце... Жизнь ей солгала;
И растаялъ сизый дымъ святыхъ наитій—
Сказка умерла...
Смотритъ вдаль съ тоскою... Взглядъ обезпокоенъ,
На окошкѣ роза тихо отцвѣла;
На войну умчался черноглазый воинъ...
Сказка умерла...
Съ грустною тревогой на письмо отвѣта,
Милаго отвѣта, дѣвушка ждала;
И не получила... разгадавъ, что гдѣ-то—
Сказка умерла...
Гдѣ-то палъ сраженный черноглазый витязь,
Знать, его сразила мѣткая стрѣла...
За героевъ павшихъ, дѣвушки, молитесь!
Сказка умерла...

Михаилъ Андреевъ.

Изъ дѣйствующей арміи. На отдыхѣ. По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

Дѣти и война.

Очеркъ **Ал. Богданова.**

(Окончаніе).

IV. Школа и ея жизнь. О дѣтскихъ развлеченіяхъ и книгахъ для чтенія во время войны.

Событія войны неизбѣжно внесли измѣненія во внутреннюю жизнь школы и ея питомцевъ. Среди учащихся какъ старшихъ классовъ, такъ и младшихъ наблюдается необыкновенный нервный подъемъ.

Школа не можетъ быть отгорожена отъ жизни. Воспитанники старшихъ классовъ считаютъ себя достаточно созрѣвшими для того, чтобы принять активное участіе въ общей работѣ. Въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ устроены лазареты, они ухаживаютъ за ранеными и помогаютъ медицинскому персоналу. Ученицы гимназій заняты шитьемъ бѣлья для отправки его на передовыя позиціи.

Въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ установлены опредѣленные дни для сборовъ. Пожертвованія принимаются деньгами, разными продуктами, напримѣръ, сахаромъ, и вещами. Введены товарищескіе штрафы въ пользу раненыхъ за двойки, за проступки.

Въ жизнь школы вошли новые воспитательные элементы, — и она стала глубже, полнѣе и содержательнѣе. Въ школахъ имѣются свои герои,—добровольцы изъ старшихъ классовъ, отправившіеся на войну. Ихъ имена окружаются ореоломъ, ихъ письма читаются всѣми и запоминаются чуть ли не наизусть.

При такихъ условіяхъ обязанности школьныхъ воспитателей стали сложнѣе и отвѣтственнѣе.

Дѣти на урокахъ просятъ разсказать что-нибудь о войнѣ. Приходя въ классъ, они въ свою очередь дѣлятся съ товарищами и учителями слышаннымъ или прочитаннымъ. Выражаютъ желаніе подробнѣе ознакомиться съ событіями войны, просятъ порекомендовать для чтенія какую-нибудь книгу по интересующему ихъ вопросу, хотятъ устраивать экскурсіи для осмотра трофеевъ, взятыхъ у непріятеля, и т. д.

Какъ долженъ отвѣчать воспитатель на всѣ подобные вопросы?

„Война ломится въ двери школы, — пишетъ по этому поводу проф. Введенскій. — Учитель, какъ старшій, болѣе опытный, болѣе знающій, долженъ знакомить съ ней учениковъ. Въ противномъ случаѣ ученики ознакомятся съ войной и помимо учителя, но изъ весьма сомнительныхъ источниковъ, изъ бульварныхъ газетъ. Учитель долженъ быть посредникомъ между школой и дѣтьми, охраняя и оберегая дѣтей отъ всякихъ крайностей и вредныхъ увлеченій, но въ то же время и знакомя ихъ съ жизнью и не закрывая имъ глазъ на дѣйствительность, какъ бы сурова она ни была“.

Трудно въ конкретныхъ формахъ намѣтить правила для практическаго руководства воспитателей. Здѣсь большое значеніе имѣютъ личность и индивидуальныя особенности каждаго. Что можетъ удасться одному, то окажется мертвымъ и даже вреднымъ въ примѣненіи у другого. Вотъ почему въ дѣлѣ воспитанія дѣтей необходимо предоставленіе учащимъ самой широкой иниціативы и свободы дѣйствій.

Вѣсти съ родины.

Баня на позиціяхъ.

Выступленіе въ походъ.

Изъ дѣйствующей арміи. По фот. нашего корреспондента.

Въ Карпатахъ. Литургія подъ открытымъ небомъ. Полковой священникъ совершаетъ службу на артиллерійской позиціи подъ наскоро устроеннымъ шатромъ. По фот. нашего корреспондента.

Общую линію школьнаго воспитанія намѣтило собраніе петроградскихъ педагоговъ, состоявшее изъ представителей среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, просвѣтительныхъ организацій и редакцій педагогическихъ журналовъ. Постановленіе этого собранія представляется настолько интереснымъ, что на немъ слѣдуетъ остановиться подробнѣе.

Отмѣчая вліяніе войны на школу, педагоги признаютъ необходимость согласованной и активной работы для воздѣйствія на дѣтей исключительно въ гуманитарномъ направленіи.

„Привѣтствуя честные и бодрые порывы дѣтей къ личному проявленію своего участія въ текущихъ событіяхъ, — говорится въ постановленіи, — педагоги должны собрать всѣ силы своего авторитета, чтобы направить эти порывы путями, наиболѣе соотвѣтствующими дѣтскимъ физическимъ и моральнымъ силамъ“.

Этотъ пунктъ постановленія очень важенъ. Школа не должна сосредоточивать вниманія дѣтей на явленіяхъ только одного порядка. При склонности дѣтей къ героическому подобная односторонняя настроенность ихъ можетъ вызвать нежелательные эксцессы. Далѣе, подъ вліяніемъ возбуждающихъ разсказовъ о войнѣ, у дѣтей можетъ пробудиться желаніе самимъ отправиться на театръ военныхъ дѣйствій. Ниже мы подробнѣе коснемся этого явленія „дѣтской тяги“ на войну, но сейчасъ ограничимся только общимъ замѣчаніемъ, что поощрять подобныя стремленія непедагогично. Отъ дѣтей, отъ ихъ хрупкой и нѣжной организаціи, нельзя требовать того, что по силамъ только взрослымъ, да и то не всѣмъ.

Не менѣе важно то мѣсто постановленія, гдѣ говорится, что воспитаніе дѣтей въ школахъ не должно носить характера грубой исключительности и быть узко-шовинистическимъ.

„Нужно бороться противъ лубочныхъ представленій о войнѣ, противъ издѣвательства и униженія противниковъ, противъ всякихъ активныхъ выступленій въ уличныхъ демонстраціяхъ, легко переходящихъ предѣлы допустимаго, зорко слѣдить за отношеніями учащихся къ товарищамъ нерусскаго происхожденія и не допускать грубаго отношенія къ нимъ“.

Школа должна вообще быть свободна отъ политическихъ страстей и насаждать въ питомцахъ начала широкой терпимости къ другимъ и общечеловѣчности.

Наконецъ постановленіе педагоговъ обращаетъ вниманіе на необходимость возможно болѣе полнаго и свободнаго взаимодѣйствія между семьей и школой. До сихъ поръ связующимъ звеномъ между ними были родительскіе комитеты. Но въ 1911 году, вслѣдствіе цѣлаго ряда причинъ, дѣятельность ихъ во многихъ городахъ совершенно прекратилась. Вскорѣ послѣ начала войны вопросъ о комитетахъ былъ снова возбужденъ въ обществѣ. Когда на совѣщаніи представителей Краснаго Креста съ приглашенными общественными дѣятелями, подъ предсѣдательствомъ М. В. Родзянко, зашла рѣчь о привлеченіи къ сборамъ учениковъ старшихъ классовъ и родителей, то большинство собранія высказалось противъ проекта изъ опасенія, какъ бы участіе учебныхъ заведеній въ благомъ дѣлѣ не приняло принудительнаго характера.

Между тѣмъ избѣгнуть такой принудительности было бы легко. Для этой цѣли стоило бы только возсоздать родительскіе комитеты. Въ такомъ смыслѣ и высказались въ разныхъ городахъ общественныя организаціи. Въ такомъ же направленіи предполагаетъ, повидимому, дѣйствовать и вновь назначенный министръ народнаго просвѣщенія.

Мелькомъ резолюція петроградскихъ педагоговъ касается вопроса о воспитательномъ характерѣ школьныхъ развлеченій.

У насъ придаютъ развлеченіямъ слишкомъ ничтожную роль, смотрятъ на нихъ, какъ на пустую, не имѣющую значенія, вещь. Если ребенокъ во время игры допуститъ что-нибудь непозволительное, то часто родители оправдываютъ его, говоря:

— Ничего!.. Это шутка!..

Между тѣмъ въ играхъ формируется характеръ дѣтей. Въ Англіи на играхъ основана даже система воспитанія. По мнѣнію многихъ педагоговъ, игры для дѣтей часто даже важнѣе, чѣмъ серьезныя занятія, потому что во время игръ организмъ приходитъ въ напряженно-дѣятельное состояніе, и усиливается способность къ воспріятію.

Проводя въ послѣдовательности разумные педагогическіе принципы, не слѣдуетъ игнорировать вопроса объ играхъ. Въ школахъ дѣти, напримѣръ, играютъ въ войну, при чемъ тѣ, кто играетъ роль нѣмца, подвергаются нападкамъ и оскорбленіямъ. Это непедагогично. Игры должны преслѣдовать высокія облагораживающія цѣли.

Въ такомъ же гуманитарномъ духѣ должны быть организованы и внѣшкольныя чтенія. Къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ дѣтскихъ журналовъ оказались далеко не на высотѣ назначенія и вмѣсто здоровой духовной пищи даютъ дѣтямъ крикливые и вредные лубки. Самое лучшее — за отсутствіемъ подходящаго матеріала для чтенія — обращаться къ русскимъ и иностраннымъ классикамъ.

Русская литература очень богата и на все можетъ дать отвѣтъ, — требуется только умѣнье найти, что нужно, и умѣнье использовать матеріалъ.

Для примѣра отмѣтимъ, что „Общество дошкольнаго воспитанія“ включило въ списокъ рекомендуемыхъ дѣтямъ военныхъ разсказовъ слѣдующихъ авторовъ: Льва Толстого — Отрывки изъ „Войны и мира“, „Севастопольскіе разсказы“ и др. мелкія произведенія; Станюковича — „Севастопольскій мальчикъ“; Немировича-Данченко — „Матросы святого Константина“, Кавказскіе богатыри“; Гаршина; Короленко — „Рабби-Менахемъ“; Сенкевича — „Бартекъ побѣдитель“; — „нѣкоторые изъ разсказовъ Эркмана-Шатріана; Гюи де-Мопассана — „Воспоминанія часового мастера“ и др.

V. „Дѣтская тяга“ на войну. Дѣти-бойскоуты.

Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій у насъ началась такъ называемая „дѣтская тяга“ на войну. Многіе дѣти и подростки бросали родительскіе дома и часто безъ средствъ, не запасшись даже необходимымъ, уѣзжали. Тяга эта приняла въ одно время настолько массовый характеръ, что, по газетнымъ сообщеніямъ, 20-го октября на одной станціи Вильна было задержано свыше 30 дѣтей-добровольцевъ.

Большинство ихъ, покидая родной домъ, удовлетворяло, конечно, дѣтскую потребность къ героическому. Кто изъ дѣтей не изображаетъ какого-нибудь героя изъ любимой прочитанной книги, — „Робинзона“, „Слѣдопыта“, „Львинаго когтя“, вождя индѣйцевъ, или разбойника Чуркина? Вначалѣ надъ душами властвуютъ Майнъ Ридъ и Фениморъ Куперъ, потомъ ихъ смѣняетъ Конанъ-Дойль, и „Слѣдопыты“ превращаются въ „Шерлоковъ Холмсовъ“.

Любовь къ героическому, къ приключеніямъ, неотдѣлима отъ дѣтской души. Дѣти ищутъ дѣятельности, ищутъ живыхъ и смѣняющихся впечатлѣній.

Подъ вліяніемъ слышаннаго и прочитаннаго воспламенившаяся дѣтская фантазія толкнула дѣтей на войну.

Большинство дѣтей ограничилось только попыткой къ побѣгу. Но нѣкоторыя съ поразительной настойчивостью добились своего и всякими правдами и неправдами попали въ концѣ концовъ на театръ военныхъ дѣйствій.

Интересно прослѣдить соціальныя и другія условія жизни этихъ дѣтей. Къ сожалѣнію, въ нашемъ распоряженіи имѣется пока по этому вопросу лишь небольшой газетный матеріалъ. На основаніи его можно только приблизительно намѣтить ту бытовую обстановку, которая рождаетъ бойскоутовъ.

Ефимъ Павловъ, круглый сирота, 14 лѣтъ, жилъ у сестры. Павелъ Гусаринъ, круглый сирота, воспитывался въ сиротскомъ домѣ, а потомъ былъ въ услуженіи въ магазинѣ. Отъ работы ему, по его собственному выраженію, претило. Кантонистъ 12 лѣтъ. Антонъ Власинъ — круглый сирота 12 лѣтъ. Антонъ Улащиковъ — круглый сирота 12 лѣтъ, Ильюша Корючкинъ — казакъ 14 лѣтъ, отецъ на войнѣ. Антонъ изъ Минской губерніи — изъ беспризорныхъ дѣтей, мать нѣмая нищая. Евгеній Я...— гимназистъ, живущій у тетки, оставшійся въ четвертомъ классѣ на второй годъ за латынь. Коля Пѣтушковъ 13 лѣтъ, имѣетъ родителей.

За отсутствіемъ серьезно-разработанныхъ данныхъ приходится воздерживаться отъ какихъ-либо категорическихъ выводовъ, но характерны эти роднящія всѣхъ бойскоутовъ „сиротство“, „безпризорность“, „вынужденная работа“ въ чужихъ мастерскихъ, неуспѣхи въ ученіи (латыни).

На театръ военныхъ дѣйствій дѣти попадаютъ, какъ было отмѣчено выше, только благодаря своей поразительной настойчивости. Они прячутся въ поѣздахъ подъ скамьями, пускаются на всевозможныя хитрости. Если не удается убѣжать въ первый разъ, повторяютъ свою попытку въ другой и третій. Гусаринъ, голодая три дня, ѣхалъ подъ поѣздомъ въ ящикѣ между тормозными цилиндрами. Коля Пѣтушковъ, возвращенный начальствомъ къ родителямъ съ театра военныхъ дѣйствій, затосковалъ, пересталъ пить и ѣсть, и родители были вынуждены уступить желанію мальчика. Отецъ уже самъ явился къ военнымъ властямъ съ просьбой взять сына на войну.

Такимъ образомъ жизнь беретъ неизбѣжную дань, и въ ряды арміи силою вещей приводится извѣстный процентъ дѣтей. У насъ такихъ дѣтей немного, и попадаютъ они въ армію болѣе или менѣе случайно. Но у германцевъ существуютъ уже организованные кадры развѣдчиковъ-бойскоутовъ.

Въ сущности, бойскоутизмъ—явленіе не новое. Идея, лежащая въ его основѣ, даже симпатична. Во Франціи и Англіи — это своего рода рыцарскій орденъ, члены котораго имѣютъ главною цѣлью самовоспитаніе. Въ мирное время бойскоуты оказываютъ обывателямъ массу незамѣнимыхъ услугъ, разыскиваютъ потерянныя вещи, исполняютъ разныя порученія, и ихъ зовутъ „золотыми мальчиками". Въ короткихъ штанишкахъ, рубашкахъ цвѣта „хаки", войлочныхъ шляпахъ, съ палками и альпійскими мѣшками, они отправляются для исполненія обязанностей, какъ на спортивную прогулку. Достаточно привести нѣсколько параграфовъ изъ ихъ кодекса, чтобъ видѣть, насколько невинна и симпатична эта организація:

§ 1. Слово развѣдчикъ священно. Выше всего въ жизни онъ ставитъ честь, даже выше жизни. § 5. Онъ благороденъ, прямодушенъ и любезенъ въ обращеніи со всѣми. § 7. Онъ великодушенъ и мужественъ, всегда готовъ прійти на помощь къ слабому, даже рискуя жизнью. § 8. Онъ обязанъ ежедневно совершить какой-нибудь добрый поступокъ, хотя бы самый скромный. § 9. Онъ любитъ животныхъ и не позволяетъ быть жестокимъ съ ними. § 10. Онъ всегда веселъ.

Война вложила въ понятіе бойскоутизма уже иной смыслъ, извращающій первоначальное назначеніе организаціи.

Германцы наводняютъ свои войска дѣтьми-бойскоутами. Тамъ сформированы отряды юныхъ воиновъ въ возрастѣ 12—14 лѣтъ. Согласно сообщеніямъ М. Лурье („Русскія Вѣдомости"), еще въ ноябрѣ прошлаго года число школьниковъ старшихъ классовъ, поступившихъ въ отряды обученія военному дѣлу, достигало въ одномъ только Берлинѣ 12 тысячъ человѣкъ.

По справедливости можно сказать, что „германцы сражаются дѣтьми". Въ этой странѣ все—церковь, семья, школа, политика и даже подрастающія поколѣнія—принесено въ жертву милитаризму.

Къ счастью нашему и къ чести русскаго общества, у насъ отношеніе къ вовлеченію дѣтей въ войну всюду отрицательное. Мы — не германцы. И что касается вопроса объ участіи дѣтей въ войнѣ, то съ педагогической точки зрѣнія двухъ мнѣній по этому поводу быть не можетъ. Подобное участіе недопустимо. „Русскій Инвалидъ", органъ, который не ставитъ себѣ педагогическихъ задачъ и не можетъ быть заподозрѣнъ въ пристрастномъ разрѣшеніи вопроса, высказался совершенно опредѣленно: „Нужно щадить молодыя силы, эту будущность Россіи. Мы — не Германія, и запасы населенія, пригоднаго для службы въ войскахъ, далеко еще не израсходованы. Окончивъ школу, эти молодыя силы будутъ полезны для Россіи. И отнюдь нельзя поощрять тайнаго бѣгства юношей въ армію, хотя въ основѣ этого бѣгства лежитъ благородный порывъ и нѣтъ ничего позорнаго, ничего преступнаго".

Мнѣній спеціальныхъ педагогическихъ органовъ мы не приводимъ. Достаточно только отмѣтить, что въ педагогической литературѣ всѣхъ оттѣнковъ и направленій не раздалось ни одного голоса, поощряющаго бѣгство дѣтей на войну. Наоборотъ, отовсюду шелъ общій тревожный кличъ, — „оберегайте дѣтей отъ чрезмѣрныхъ эксцессовъ чувства!"

VI. Привлеченіе дѣтей къ общественной работѣ.

Изъ всего изложеннаго естественно вытекаетъ отвѣтъ на поставленный въ началѣ очерка вопросъ: „Что дѣлать съ дѣтьми?"

Живой дѣтскій организмъ нуждается въ постоянной дѣятельности. Слѣдовательно, оберегая дѣтей отъ „кровавой изнанки войны", надо только умѣлой рукой направить ихъ вниманіе въ сторону, гдѣ можетъ быть облагорожена ихъ душа.

Вотъ поучительный примѣръ:

Костя С.—сынъ литератора. У него необыкновенно развито воображеніе. Раньше онъ представлялъ себя индѣйцемъ, Соколинымъ Когтемъ, вождемъ племени. Доставалъ откуда-то, или устраивалъ самъ бумеранги и луки, втыкалъ въ шляпу разноцвѣтныя пѣтушьи и павлиньи перья. Потомъ, насмотрѣвшись въ кинематографахъ разныхъ картинъ, онъ сталъ уже изображать знаменитаго сыщика Шерлока Холмса. За этой полосой увлеченія послѣдовала новая: онъ весь поглощенъ войной.

Отецъ разсказываетъ о немъ:

Въ Карпатахъ. У Креста. Распятіе на вѣковомъ дубѣ.
По фот. нашего корреспондента.

— Раньше все хотѣлъ сбѣжать на войну... Но теперь успокоился. Нашелъ себѣ дѣло:—ходить по сборамъ съ кружками. Проникнутый серьезностью своихъ обязанностей и подражая взрослымъ, онъ отказался отъ многихъ дѣтскихъ удовольствій,—напримѣръ, отъ елки,—и подарилъ всѣ игрушки знакомой трехлѣтней дѣвочкѣ.

Надо видѣть его за общественной работой.

— Папа, можно мнѣ сегодня итти со сборомъ?..—спрашиваетъ онъ. Взглядъ—серьезный и озабоченный, въ лицѣ—нервная блѣдность. Онъ весь полонъ сознанія важности и отвѣтственности своего дѣла.

— Сегодня тебѣ едва ли удастся... Завтра!... — испытующе отвѣчаетъ отецъ.

Голубые глаза Кости вспыхиваютъ настойчивымъ и рѣшительнымъ огнемъ. Въ голосѣ слышатся слезы:

— Но, папа... Я не могу!.. Мои товарищи меня ждутъ!..

— Ну, хорошо...—соглашается отецъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Костя уже съ товарищемъ,—мальчикомъ изъ сосѣдней квартиры. Оба одѣты по формѣ, у одного въ рукахъ кружка, у другого — значки для прикалыванія. У обоихъ счастливый торжествующій видъ.

Первую лепту должны внести родители.

Костя дѣлаетъ попытку приколоть къ груди отца значокъ.

— Не надо!..— говоритъ тотъ.

— Нѣтъ, нельзя!..—возражаютъ сборщики. И настаиваютъ на своемъ.

„Взяла съ собой ребятишекъ и обошла съ ними всю деревню,— пишетъ сельская учительница („Народный Учитель", №№ 22—23). Набрала и чулокъ, и перчатокъ, и шерсти пряденой и непряденой. Пришла на посидѣлки прясть, присоединились еще къ намъ мастерицы. Я и въ школѣ на смѣну вяжу не переставая. Шьютъ и вяжутъ всѣ дѣти цѣлымъ классомъ..."

Дѣти могутъ стать серьезными и цѣнными сотрудниками взрослыхъ. Уходъ за ранеными, шитье бѣлья, записи на пунктахъ, заботы о семьяхъ запасныхъ, благотворительные сборы—все это можетъ увлечь ихъ. Важны не столько результаты работы, сколько воспитаніе въ такихъ дѣтяхъ чувствъ отвѣтственности и долга передъ родиной.

Война пройдетъ. Но весь опытъ, всѣ переживанія, которыя были вынесены за время войны, оставятъ глубокій слѣдъ. Послѣ войны начнется громадная внутренняя работа,—новое строительство, и для него понадобятся свѣжія силы. Дѣти, это — будущее страны. И нужно приготовить не огрубѣвшихъ дикихъ людей, а культурныхъ и полезныхъ общественныхъ работниковъ.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Передъ весенней кампаніей.

Зима еще не кончилась, и это отражается на характерѣ стратегическихъ операцій. Это не означаетъ отнюдь, что зима создаетъ трудныя условія для веденія военныхъ дѣйствій, и что, вслѣдствіе этого, ходъ войны замедляется. Это означаетъ нѣчто иное, а именно, что съ зимой совпалъ періодъ подготовительныхъ операцій для веденія съ началомъ весны войны въ болѣе широкомъ, въ болѣе рѣшительномъ масштабѣ.

Дѣйствительно, если вспомнить, нѣмецкій планъ войны получилъ первый оглушительный ударъ въ сраженіи на Марнѣ въ августѣ и окончательно погибъ въ сраженіи на Изерѣ въ октябрѣ. Вслѣдствіе этого зимній періодъ и явился періодомъ подготовки Германіи къ повторенію того же плана войны на два фронта, но съ новыми силами, съ новыми средствами, которыя предстояло Германіи заготовить въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ.

Поэтому все, что продѣлывалось нѣмцами съ октября по сіе время, представляетъ собою подготовительную работу для большой весенней кампаніи, гдѣ нѣмцы намѣчаютъ самыя рѣшительныя усилія, самое сильное напряженіе, на которыя способна Германія.

Подготовительная нѣмецкая работа, какъ мы уже указывали раньше, представляетъ собою, такъ сказать, операціи троякаго рода: подготовку новыхъ армій, созданіе благопріятной политической конъюнктуры и занятіе выгодныхъ позицій на восточномъ фронтѣ, который долженъ естественно явиться тыломъ на время операцій во Франціи. Соотвѣтственно этому, дѣятельность союзниковъ направляется къ тому, чтобы не дать возможности нѣмцамъ выполнить вышеуказанныя подготовительныя работы.

Первая часть подготовительной работы нѣмцевъ—созданіе новыхъ армій—парализуется тѣмъ, что такія же войска создаются у союзниковъ, и въ настоящее время уже имѣются опредѣленныя свѣдѣнія о подготовляемыхъ новыхъ шести англійскихъ арміяхъ, численностью до милліона человѣкъ, и о подготовляемыхъ новыхъ арміяхъ Франціи, матеріаломъ для которыхъ служатъ „territorieaux"—территоріальныя войска. „Военная промышленность" Англіи и Франціи, вполнѣ понятно, допускаетъ не меньшее, если не большее напряженіе силъ, чѣмъ въ Германіи, и новыя войска будутъ въ полной мѣрѣ обезпечены орудіями, снарядами, обозами и прочей матеріальной частью. Офицерскій контингентъ пополняется учащейся молодежью, проходящей ускоренные курсы, и, слѣдовательно, въ младшихъ офицерахъ недостатка не будетъ. Старшій командующій составъ можетъ быть выдѣленъ изъ перволинейной арміи, гдѣ всегда найдется достаточно офицеровъ съ боевымъ опытомъ, достойныхъ выдвиженія и способныхъ занять старшія командныя должности.

Вторая часть подготовительныхъ работъ Германіи—созданіе благопріятной политической конъюнктуры—выполняется не только путемъ дипломатическихъ усилій, но и путемъ „стратегическимъ", такъ какъ, вполнѣ понятно, военные успѣхи должны болѣе всего повліять на настроеніе нейтральныхъ государствъ. „Если хотятъ имѣть хорошихъ союзниковъ,—говоритъ одинъ военный авторитетъ,—надо быть самому сильнымъ, такъ какъ каждый союзникъ говоритъ: „Do ut des" („даю тебѣ съ тѣмъ, чтобы и ты мнѣ далъ").

Это и явилось одной изъ причинъ наступленія нѣмцевъ на нашемъ фронтѣ, гдѣ всякій успѣхъ или неуспѣхъ вліяетъ соотвѣтственно благопріятно или неблагопріятно на политическую конъюнктуру. Въ то же время эти же данныя вызвали, въ качествѣ противодѣйствія стратегическо-политическому нажиму нѣмцевъ, операціи союзниковъ у Дарданеллъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что нѣмецкая подготовительная работа по части созиданія политической конъюнктуры встрѣчаетъ основательное противодѣйствіе со стороны союзниковъ, причемъ съ нашей стороны это выражается въ томъ, что усилія нашихъ войскъ не даютъ нѣмцамъ возможности добиться опредѣленныхъ результатовъ на нашемъ фронтѣ, а со стороны союзниковъ—операціи у Дарданеллъ создаютъ при помощи орудійной канонады болѣе благоразумное отношеніе нейтральныхъ балканскихъ государствъ.

Какъ мы указывали выше, при помощи „стратегическаго" нажима нѣмцы стремятся достигнуть рѣшенія третьей части своей задачи—занятія выгодныхъ позицій на восточномъ фронтѣ, чтобы имѣть обезпеченный тылъ на время операцій во Франціи.

Эту часть подготовительныхъ работъ нѣмцы продѣлываютъ уже пятый разъ, и каждый разъ одинаково неудачно. Пять наступленій Гинденбурга въ нашу сторону въ достаточной степени свидѣтельствуютъ о безплодности германскихъ попытокъ создать себѣ на восточномъ фронтѣ выгодныя позиціи, въ видѣ сильныхъ оборонительныхъ линій Нѣмана, Бобра, Нарева и Вислы.

Собственно говоря, Гинденбургъ совершенно не заслуживаетъ той преувеличенной репутаціи, которую создаютъ ему главнымъ образомъ сами нѣмцы. Случайные успѣхи Гинденбурга — „стратегическая мишура", и никакое временное занятіе нѣмцами территорій не можетъ возмѣстить имъ того, что они не могутъ овладѣть столь необходимыми и важными для нихъ оборонительными линіями рѣкъ Нѣмана, Бобра, Нарева и Вислы, безъ чего они не въ силахъ начать весеннюю кампанію во Франціи.

Такимъ образомъ мы должны признать, что ни политическая подготовка нѣмцевъ къ новой весенней кампаніи ни стратегическая имъ не удались и, можно не сомнѣваться, не удадутся. А безъ этой подготовки имъ придется начинать весеннюю кампанію еще въ болѣе неблагопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ они начали кампанію прошлымъ лѣтомъ.

Тогда, пользуясь быстротой своей мобилизаціи, они могли оставить на нашемъ фронтѣ лишь нѣсколько корпусовъ, а всю массу войскъ бросить на Францію. Теперь имъ приходится держать на нашемъ фронтѣ, по вычисленіямъ столь освѣдомленной газеты, какъ англійскій „Стандардъ", около 35 корпусовъ, т.-е. половину своей арміи. Ихъ подготовительная работа сводилась къ тому, чтобы, завладѣвъ оборонительными линіями рѣкъ, оставить на нашемъ фронтѣ возможно меньшее число корпусовъ, быть-можетъ, 20 и даже 15, ибо глубокая рѣка и проволока могутъ обороняться сравнительно небольшими силами. Разъ это не удалось, нѣмцы не смогутъ взять ни одного корпуса съ нашего фронта для перевозки ихъ на западный фронтъ, и имъ придется оставить всѣ 35 корпусовъ даже на время операцій во Франціи. Мало того, къ веснѣ это количество войскъ можетъ оказаться недостаточнымъ для поддержанія равновѣсія на восточномъ фронтѣ, ибо нѣмцы всегда могутъ ожидать такого же усиленія нашихъ войскъ, къ какому они стремятся, увеличивая свою армію.

При такихъ условіяхъ, весенняя кампанія, уже вслѣдствіе однихъ стратегическихъ неуспѣховъ Гинденбурга, не сулитъ для нѣмцевъ ничего существеннаго. Однако мы должны учесть и операцію у Дарданеллъ и возрастаніе силъ союзниковъ на Западѣ. Это еще болѣе мѣняетъ картину, и, очевидно, стратегическія условія къ веснѣ должны стать для нѣмцевъ особенно неблагопріятными. Они не только не могутъ надѣяться на какое-либо продвиженіе впередъ на Западѣ, но, весьма возможно, окажутся не въ состояніи удержать и тѣ позиціи отъ Сѣвернаго моря до Вогезъ, которыя они сейчасъ занимаютъ.

Такимъ образомъ мы подходимъ къ весьма важному моменту, который столь напряженно ожидается всѣмъ міромъ — къ сдвигу, къ крупному и значительному повороту въ ходѣ затянувшейся великой войны. Нѣмцы надѣются на оживленіе съ первыми лучами весенняго солнца своего наступательнаго порыва, своей наступательной энергіи. Но простое логическое изслѣдованіе факторовъ, стратегическихъ и политическихъ, должно совершенно разрушить иллюзію Германіи. За восемь мѣсяцевъ войны ихъ положеніе ухудшилось, и, вынужденные держать громадныя силы на Востокѣ, они будутъ вынуждены оказаться безсильными и на Западѣ, гдѣ новыя войска, усиливъ въ свою очередь наступательный порывъ союзниковъ, смогутъ сдвинуть нѣмцевъ съ ихъ сильныхъ позицій и погнать къ Рейну.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива" проситъ гг. подписчиковъ озаботиться **своевременными взносами** подписныхъ денегъ, **согласно условіямъ разсрочки, во избѣжаніе остановки** въ высылкѣ журнала съ **4 апрѣля—съ 14-го нумера.** Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ** и **непремѣнно указать,** что деньги высылаются **въ доплату за получаемый уже журналъ.**

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать **28 коп. и печатный адресъ.**

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій М. Метерлинка" кн. 2.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

1915 г. № 13 — XLVI г. изданія

Выданъ 28 марта 1915 г. Цѣна этого № (безъ прилож.) — 15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Мамина-Сибиряка“ кн. 5.

ИСТОЩЕНІЕ

и худосочіе на почвѣ чахотки, сифилиса и другихъ хроническихъ болѣзней, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Спермин-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ" и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина"; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма".

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья. ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

СѢДЫЕ ВОЛОСЫ

Если Вы желаете возстановить Ваши волосы въ прежній натуральный цвѣтъ, я могу выслать Вамъ удивительный препаратъ, который постепенно и незамѣтно для окружающихъ знакомыхъ возвратитъ имъ натуральный цвѣтъ. Этотъ удивительный препаратъ одобренъ сотнями лицъ, которыя имъ пользовались. Я съ радостью вышлю вамъ подробное описаніе предлагаемаго средства

Пишите немедленно! Не присылайте ни денегъ, ни марокъ! Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилію и точный адресъ. 8502

Лабораторія КАЛЬТОКО, МОСКВА. Отд. 1 А. Х.

ОДНА КОРОБКА
НАСТОЯЩИХЪ
PASTILLES VALDA
(Лепешекъ Вальда),

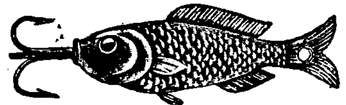
правильно и во-время примѣненныхъ,
ПРЕДОХРАНИТЪ
Васъ отъ простуды, кашля, насморка.

НО ГЛАВНЫМЪ ОБРАЗОМЪ
ТРЕБУЙТЕ
во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ
НЕПРЕМѢННО
НАСТОЯЩІЯ ЛЕПЕШКИ ВАЛЬДА
(PASTILLES VALDA)
ВЪ КОРОБКАХЪ
съ красной бандеролью,
снабженныхъ
именемъ
VALDA

8503

МАРКИ патріотич. и юбил. покупаю. Закупной листъ за одну 4-коп. марку. Письменно: Петроградъ, Заротная, 9. И. АВДѢНКО. 8507

Спеціальная лѣчебница отъ **ЗАИКАНІЯ** А. К. Рейхе. Подъ управленіемъ врача. Укрѣпленіе самоувѣренности. Петроградъ, Итальянская, 15. Брош. высыл. безплатно. Лѣтомъ: Келломяки, Финл. ж. д., соб. санаторія. 8505



Стдѣленіе Оружейнаго Магазина
И. И. ЧИЖОВА.
Литейный пр., № 64, уг. Невскаго, Петроградъ.

Имѣются въ большомъ выборѣ рыболовныя принадлежности. Каталоги по требованію высылаются безплатно. 8473 8-2

КУРСЫ пиш. машинъ, переводы, переписка, чертежи.
Петроградъ, Садовая, 18, кв. 25.
Телеф. 650-06. 8491

НОРМАЛЬНО

Противъ запоровъ

примите Стомоксигенъ Д-ра Антона Мейеръ. Стомоксигенъ освобождаетъ желудокъ легко, нормально и пріятно. Предотвращаетъ тошноту, изжогу, отрыжку. Стомоксигенъ абсолютно безвреденъ и отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Остерегайтесь поддѣлокъ. На оригинальной коробкѣ ясно указано имя Д-ра Антона Мейеръ и адресъ— Екатерин. кан., 29.

ПРІЯТНО

Изданія Т-ва А. Ф. Марксъ,
Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

Сергѣевъ, Г. А. „ШКОЛА ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО РИСОВАНІЯ" для дѣтей отъ 8 до 12 л. возраста, въ штриховкѣ двумя цвѣтными карандашами. Въ 2-хъ выпускахъ, каждый по 15 рис. въ папкѣ. Цѣна каждаго выпуска 80 к., съ перес. 1 руб.

Сергѣевъ, Л. П. Альбомъ рисунковъ для выпиливанія изъ дерева. 30 листовъ со множествомъ рисунковъ разнообразныхъ предметовъ для ажурныхъ работъ. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Вышиваніе по квадратному филе (филе-гипюръ) и филейное вязаніе. 37 стр. текста съ 59 рис. и съ приложеніемъ 20 таблицъ (изъ нихъ 8 въ краскахъ) узоровъ вышиванія по квадратному филе. Цѣна съ перес. 90 к.

Шитье рѣшетками по выдернутымъ ниткамъ. 61 стр. текста, съ 107 рис. и съ прилож. 20 таблицъ узоровъ. Цѣна съ перес. 80 коп.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Два Перемышля. Со взятіемъ австрійскаго Перемышля у насъ теперь два Перемышля. Другой, меньшій Перемышль находится въ Калужской губерніи, на рѣкѣ Окѣ. Этотъ уѣздный городъ упоминается въ завѣщаніи Іоанна Калиты; при Борисѣ Годуновѣ Перемышль былъ укрѣпленъ. Въ Перемышлѣ, славящемся своими садами и огородами, около пяти тысячъ жителей. Въ Перемышльскомъ уѣздѣ—1.530 кв. верстъ, жителей—70 тысячъ.

Цеппелины надъ Парижемъ. 8-го марта, около двухъ часовъ ночи, въ Парижѣ раздались тревожные сигналы. На всѣхъ перекресткахъ останавливались пожарные въ автомобиляхъ и давали трубные сигналы. Населеніе Парижа изъ афишъ, расклеенныхъ нѣсколько времени назадъ, уже знало, что эти сигналы означаютъ появленіе надъ Парижемъ цеппелиновъ. Немедленно полицейскіе потушили всѣ уличные фонари, и Парижъ погрузился въ полную темноту.

Небо однако было ясное, вызвѣздило.

Проснувшіеся парижане бросились къ окнамъ, и глазамъ ихъ представилось феерическое зрѣлище. Снопы свѣта сильнѣйшихъ прожекторовъ нащупывали на небѣ воздушныхъ хищниковъ. Послышались звуки орудійныхъ выстрѣловъ, а затѣмъ и страшный грохотъ отъ взрыва брошенныхъ цеппелинами бомбъ.

Первыя бомбы попали въ пригородъ между Пюто и Сюрренъ, а затѣмъ двѣ бомбы упали въ Парижѣ, въ кварталѣ Батиньоль, на улицахъ Дамъ и Дюлонъ. Одна бомба попала въ Парижѣ въ кварталъ Вожираръ, у вокзала. Наконецъ взорвались бомбы въ Нейли, подъ Парижемъ.

Видимо, боясь преслѣдованія, цеппелины, пронесшись надъ Парижемъ, улетѣли быстро обратно, и вскорѣ новые сигналы дали знать парижанамъ, что дирижабли исчезли. За ними погнались французскіе аэропланы, но парижане знали, что отданъ приказъ не драться въ воздухѣ надъ Парижемъ, и въ Парижѣ всѣ быстро успокоились.

Первыми замѣтили летѣвшіе на Парижъ цеппелины два солдата ополченія, охранявшіе желѣзнодорожный путь, идущій въ Компьенъ. Немедленно они дали тревожный сигналъ, и сейчасъ же было сообщено всюду по телефону о появленіи нѣмцевъ, которыхъ встрѣтили орудія, установленныя на Эйфелевой башнѣ и на парижскомъ фортѣ Монъ-Валерьенъ. Кромѣ того, въ погоню за цеппелинами съ площади Клиши взвились четыре аэроплана.

Цеппелины летѣли по слѣдующему пути: Монъ-Валерьенъ, Сенъ-Клу, Нейли, Батиньоль, площадь Клиши, а затѣмъ по направленію на сѣверо-востокъ.

Увѣряютъ, что одинъ цеппелинъ имѣлъ мощный рефлекторъ, помѣщавшійся въ передней его части.

Первая бомба, упавшая въ Парижѣ, на улицѣ Дюлонъ, къ счастью, не разорвалась. Это былъ снарядъ длиной въ 60 сантиметровъ. Вокругъ него собралась немедленно толпа любопытныхъ, но пожарные поспѣшили его убрать.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ, всего на Парижъ летѣли четыре цеппелина, но два изъ нихъ повернули обратно у самаго Парижа.

Возвращаясь со своего разбойничьяго набѣга, цеппелины бросили двѣнадцать бомбъ въ Компьенѣ и семь бомбъ въ окрестностяхъ этого города. Одинъ цеппелинъ, какъ говорятъ, былъ задѣтъ французскимъ снарядомъ.

Германскіе аэропланы надъ Бѣлостокомъ. Нѣмецкіе авіаторы стали часто появляться надъ Бѣлостокомъ. По сообщенію «Бирж. Вѣдом.», 7-го марта германскій аэропланъ появился надъ Бѣлостокомъ въ 12 ч. 30 м. и на сей разъ свыше часа кружился надъ городомъ, очевидно что-то высматривая.

Снарядъ сброшенъ былъ имъ лишь около двухъ часовъ дня и взорвался въ саду дома Штейна по Полѣсской улицѣ, примыкающей къ раіону желѣзной дороги.

Ни человѣческихъ жертвъ ни какихъ-либо поврежденій вражеская бомба не вызвала.

Для характеристики того полнаго спокойствія и хладнокровія, съ которымъ населеніе относится къ воздушнымъ набѣгамъ непріятеля, интересно отмѣтить слѣдующее: по сосѣдству съ мѣстомъ взрыва бомбы на запасномъ желѣзнодорожномъ пути находились торговки булками. Ни во время взрыва ни послѣ него онѣ своихъ мѣстъ не оставили и продолжали спокойно торговать.

Съ кавказскаго фронта. Въ наши передовые отряды, занимающіе позиціи на эрзерумскомъ направленіи, въ послѣдніе дни начало являться много перебѣжчиковъ-турокъ изъ ихъ частей, стоящихъ приблизительно въ трехъ верстахъ отъ нашихъ. Турки страдаютъ отъ голода и страшно мерзнутъ въ окопахъ.

— Не стрѣляй, пожалуйста, въ плѣнъ идемъ!—кричатъ такіе перебѣжчики и затѣмъ чуть не со слезами разсказываютъ о невыносимомъ положеніи аскеровъ, не имѣющихъ продовольствія и теплой одежды.

По разсказамъ плѣнныхъ, въ турецкой арміи — массовыя заболѣванія тифомъ. Медицинской помощи почти нѣтъ, и потому смертность огромна—чуть не 90%.

Турецкія донесенія. Сообщеніе главной турецкой квартиры отъ 25-го февраля нов. ст. оповѣщаетъ о томъ, что «русскіе въ схваткѣ потеряли больше 150 человѣкъ убитыми и между ними самое меньшее одного офицера».

Эксплоатація голода. Германскія хлѣбныя карточки дали совершенно неожиданные результаты. Какъ мы сообщали («Отклики войны» въ № 10), карточки эти передаются домовладѣльцамъ для распредѣленія между жильцами. По словамъ берлинской газеты «Vorwärts», домовладѣльцы пользуются этимъ, какъ средствомъ воздѣйствія на неаккуратныхъ плательщиковъ. Они отказываютъ въ выдачѣ жильцамъ хлѣбныхъ карточекъ, пока тѣ не внесутъ квартирной платы.

«Долой 20 милліоновъ свиней!» По вычисленіямъ германскихъ публицистовъ, картофельныхъ запасовъ Германіи хватитъ въ лучшемъ случаѣ до іюня мѣсяца, если правительство не приметъ немедленно соотвѣтствующихъ мѣръ. По мнѣнію другихъ публицистовъ, и эти исчисленія страдаютъ чрезмѣрнымъ оптимизмомъ. Вся прогрессивная печать настаиваетъ поэтому единодушно на введеніи картофельной монополіи по образцу хлѣбной. На ряду съ хлѣбными въ Берлинѣ введены уже картофельныя карточки. Каждая такая карточка даетъ право на покупку еженедѣльно 20 фунтовъ картофеля въ городскихъ лавкахъ. На карточкѣ напечатано имя владѣльца ея, и она не можетъ быть передаваема другому лицу. Злоупотребленіе карается потерей права на покупку картофеля.

Но одну эту мѣру печать считаетъ недостаточной. Съ разныхъ сторонъ указываютъ на большое количество свиней въ Германіи, какъ на громадную опасность для ея картофельныхъ запасовъ. Печать объявила поэтому настоящій походъ противъ свиней. Докторъ Панвицъ въ статьѣ, помѣщенной въ газетѣ «Berliner Tageblatt», требуетъ убоя 4/5 всѣхъ свиней Германіи ранѣе половины апрѣля. По его мнѣнію, германскія свиньи болѣе опасны для отечества, чѣмъ непріятельскія арміи. Онъ восклицаетъ: «Долой 20 милліоновъ свиней! Прочь ихъ до 15-го апрѣля, каковы бы ни были сопряженные съ этимъ трудности и убытки! Безъ жертвъ не можетъ быть побѣды. Это относится не только къ борьбѣ съ нашимъ непріятелемъ, но и къ борьбѣ съ его союзникомъ — голодомъ. Государственный дѣятель, у котораго окажется достаточно силъ и рѣшимости передъ лицомъ этого новаго непріятеля, пріобрѣтетъ имя второго Гинденбурга».

Германскіе пути воодушевленія арміи. Для того, чтобы заставить свою армію идти впередъ, нѣмецкіе военачальники не останавливаются ни передъ какими обманными способами. Извѣстно, что они увѣряли свои войска во взятіи Парижа, Варшавы, чуть ли не Петрограда и Москвы. Корпусамъ, находящимся въ предѣлахъ Франціи, германскіе генералы обѣщали показать вскорѣ Парижъ. Надежда на эту приманку поддерживается всяческими средствами. Приводимъ со словъ парижскаго корреспондента «Русскаго Слова» характерный примѣръ:

Во время кровопролитныхъ стычекъ около Фуръ-де-Пари—пункта, находящагося въ 225 километрахъ отъ Парижа, на границѣ департаментовъ Марны и Мааса, прусскіе офицеры прибѣгли къ хитрости. На дорожныхъ столбахъ они замазали слово «Фуръ», и теперь на непріятельскомъ фронтѣ германскіе солдаты читаютъ: «de Paris (отъ Парижа) 4 километра», «отъ Парижа 3 километра», и т. д.

Терпѣливость русскаго солдата. Газета «Жизнь Волыни» приводитъ характерные факты изъ практики мѣстныхъ лазаретовъ, рисующіе поразительную терпѣливость нашего солдата.

Во время трудной промывки шрапнельной раны съ раздробленіемъ кости въ ступнѣ раненый солдатъ вдругъ проясняетъ хмурое лицо, силясь отдать честь принесенному для перевязки ротному командиру:

— Здравія желаю, ваше высокородіе!

Ротный отвѣчаетъ, слабой, но привѣтливой улыбкой.

— А... Кульженко!.. здорово, братецъ, вотъ гдѣ пришлось встрѣтиться!

— Славу Богу, что пришлось, ваше-скородіе. Кабы только скорѣй оправиться да опять противъ него пойти...

Глаза у Кульженки разгораются; онъ не слышитъ, какъ сестрица срываетъ марлю, и кровь хлынула изъ обнаженной глубокой раны.

Онъ живетъ инымъ чувствомъ:

— А поручикъ нашъ не дюже раненъ, будутъ жить,—радостно докладываетъ онъ отцу-командиру.

— Какъ не дюже? Я слышалъ—рана очень опасная,—удивляется капитанъ.

— Никакъ нѣтъ... пуля у нихъ счастливо прошла: въ животъ—на-вылетъ, а кости не задѣла..

На ихъ взглядъ всякая рана, въ которой пуля кости не задѣла, пустячна. Въ особенности терпѣливы малороссы.

Перевязываютъ въ лазаретѣ руку австрійцу, тотъ кричитъ на чемъ свѣтъ стоитъ, а рядовой Кукуруза съ раздробленной ключицей укоряетъ австрійца:

— Та чого ты такъ крычышъ, якъ порося ризанэ?

Доходитъ очередь и до Кукурузы.

Онъ со стойкимъ терпѣніемъ выноситъ острую боль при удаленіи раздробленной кости.

— Вѣдь вамъ же больно?—удивляются врачъ и сестра милосердія.

Кукуруза кротко киваетъ головой на австрійца:

— Тожъ винъ и за сэбэ и за мэнэ выкрычався...

4.000 германскихъ ученыхъ на войнѣ. Прусскій министръ народнаго просвѣщенія сообщилъ бюджетной комисіи ландтага, что въ дѣйствующей арміи находится 4.000 профессоровъ, ректоровъ и преподавателей гимназій. На передовыхъ позиціяхъ находится также 1.400 кандидатовъ на эти должности. Министръ сообщилъ также, что во время возникновенія войны въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ было 37.600 юношей старше 17 лѣтъ. Нынѣ 20.000 этихъ юношей находятся на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Бой въ подземельѣ. Какъ сообщаетъ корреспондентъ газеты «Daily Chronicle», часть бельгійскихъ войскъ сражается теперь съ нѣмцами при совершенно необычайной обстановкѣ.

Недалеко отъ Рамскапелль находится старый монастырь, стѣны котораго разрушены. Отъ этого монастыря остались лишь подземелья и подземные ходы, идущіе подъ русломъ двухъ небольшихъ притоковъ р. Изера. Въ этихъ-то подземельяхъ, темныхъ и сырыхъ, происходятъ стычки между нѣмцами и бельгійцами. Нѣмцы занимаютъ одинъ выходъ изъ подземелья, бельгійцы—другой.

Оцѣнка военныхъ событій. Нашъ офиціальный военный органъ—«Русскій Инвалидъ»—пишетъ: «Полуофиціальныя свѣдѣнія сообщили мнѣніе англійской газеты, будто исходъ войны рѣшится на востокѣ. Это мнѣніе—не больше, какъ результатъ впечатлѣнія послѣднихъ извѣстій съ нашего фронта, говорящихъ, что русскіе въ концѣ концовъ осиливаютъ противниковъ и заглаживаютъ и стираютъ выгоды нѣмецкаго почина и первыхъ случайныхъ нѣмецкихъ удачъ. Вѣрнѣе было бы сказать, что исходъ войны будетъ зависѣть отъ дружности и согласованности дѣйствій союзниковъ и отъ выигрыша каждымъ изъ нихъ по генеральному сраженію на своемъ фронтѣ, ибо только такой образъ дѣйствій, если въ Германіи не вмѣшаются голодъ, революція и желаніе мира во что бы то ни стало, дастъ желанный конецъ войны. Трудно сказать, которое изъ двухъ генеральныхъ сраженій—нашего или западнаго фронта—будетъ крупнѣе, чтобы приписать себѣ преимущественное значеніе въ окончаніи войны. Сейчасъ обстановка не даетъ никакихъ данныхъ для такого заключенія. Сейчасъ наибольшее вниманіе свѣта обращено на Дарданеллы. Надо признать, что энергія англо-французскаго флота въ Дарданеллахъ, явно подготовляющаго десантъ цѣлой арміи, облегчаетъ наше положеніе въ Закавказьѣ, могуче оттягивая на себя войска, готовыя отправиться къ Эрзеруму».

Сохраняйте тайну. Опубликовано офиціальное обращеніе къ обществу:

«Съ начала войны принятъ рядъ мѣръ для сохраненія въ тайнѣ всѣхъ свѣдѣній о расположеніи и дѣйствіяхъ нашихъ войскъ. Но для того, чтобы эти мѣры были возможно болѣе дѣйствительны, необходимо, чтобы само общество шло навстрѣчу предъявляемымъ къ арміи и народу требованіямъ о сохраненіи военной тайны. Весьма возможно, что много свѣдѣній съ театра военныхъ дѣйствій, оглашеніе которыхъ нежелательно, несмотря на всѣ цензурныя и другія мѣры все же дѣлается достояніемъ семьи и общества изъ писемъ, разсказовъ раненыхъ и пріѣзжающихъ, а равно другими путями, и при неосторожномъ и неосмотрительномъ отношеніи свѣдѣнія эти затѣмъ легко могутъ распространяться во всеобщее свѣдѣніе. Всѣмъ чинамъ дѣйствующей арміи строжайше предписано быть сдержанными и осторожными въ своихъ письмахъ и разговорахъ, теперь же представляется необходимымъ обратиться съ просьбой о томъ же и къ обществу, ибо только благожелательное отношеніе самого общества можетъ содѣйствовать сохраненію военной тайны въ полной мѣрѣ.

«Жены, сестры, матери, отцы, братья, родные и знакомые нашихъ доблестныхъ воиновъ приглашаются избѣгать всякихъ письменныхъ сообщеній, разговоровъ по телефону, въ трамваяхъ и общественныхъ мѣстахъ о расположеніи нашихъ войскъ, нашихъ боевыхъ дѣйствіяхъ и вообще о тѣхъ свѣдѣніяхъ изъ дѣйствующей арміи, которыми они располагаютъ помимо печати, памятуя, что всякая неосторожность въ этомъ отношеніи грозитъ лишними жертвами и тормозитъ ту великую работу, которую въ сознаніи своего долга исполняетъ наша армія. Надо слѣдить не только за собой, но и другъ за другомъ, удерживая легкомысленныхъ отъ излишней откровенности, которая, переходя извѣстныя границы, является уже преступленіемъ противъ государства, подлежащимъ отвѣтственности по закону».

Курсъ русскаго рубля въ Вѣнѣ. Прибывшіе изъ австрійскаго плѣна въ Петроградъ передаютъ, по сообщеніямъ петроградскихъ газетъ, интересныя свѣдѣнія относительно положенія курса нашего рубля въ Вѣнѣ. Оказывается, что курсъ нашего рубля еще никогда такъ высоко не стоялъ, какъ въ настоящее время. Наши военно-плѣнные незадолго передъ своимъ отъѣздомъ изъ Вѣны мѣняли русскія деньги на австрійскія, и имъ выдавали за 100 рублей 275 кронъ. Между прочимъ до войны тѣ же лица при обмѣнѣ денегъ получали за 100 рублей всего только 254 кроны.

Подъ Праснышемъ. О смотрѣ, произведенномъ Вильгельмомъ войскамъ, предназначеннымъ дѣйствовать подъ Праснышемъ, сообщаютъ «Русск. Вѣдомости».

У Прасныша дѣйствовала 36-я германская резервная дивизія подъ командой генерала фонъ-Моргена. Въ Неборовѣ, близъ Равки, императоръ Вильгельмъ произвелъ дивизіи осмотръ, сидя на лошади. Онъ выглядѣлъ плохо, осунувшимся и сильно постарѣвшимъ. Онъ говорилъ около получаса съ большимъ подъемомъ, воодушевляя солдатъ къ тому, чтобы послѣ непрерывнаго ряда германскихъ побѣдъ окончательно взять Варшаву, якобы почти со всѣхъ сторонъ окруженную. Тогда немедленно будетъ заключенъ почетный миръ. 11-го января дивизія потерпѣла жестокое пораженіе. Въ этотъ день былъ убитъ шрапнелью генералъ Моргенъ. Объ этомъ же историческомъ боѣ въ ту же газету пишетъ В. Брюсовъ. «Нѣмцы на этотъ разъ проявили меньше распорядительности, чѣмъ обыкновенно. Въ серединѣ сраженія произошла путаница, связь между частями арміи нарушилась. Были отряды, которыхъ въ штабѣ какъ бы потеряли изъ виду, такъ что они не получили продовольствія и боевыхъ снарядовъ. Въ одной деревнѣ цѣлая рота положила оружіе, ибо нечѣмъ было стрѣлять. Нѣмцы перестали бояться русскаго штыка. Были случаи, когда они клали оружіе съ шутками: «Довольно, повоевали».

Милліонъ снарядовъ въ недѣлю. Было время, когда нѣмцы не жалѣли снарядовъ, но жалѣли людей. Теперь они по-прежнему не жалѣютъ снарядовъ, но и людьми перестали дорожить. Роты, батальоны, полки бросаютъ они на вѣрную смерть, стремясь во что бы то ни стало войти въ Варшаву, хотя бы по дорогѣ, устланной трупами своихъ солдатъ.

На фронтѣ Боржимовъ—Могелы—Каміонъ, въ какихъ-нибудь 15 верстъ, нѣмцы сосредоточили около 10-ти дивизій. Въ среднемъ на $1^1/_2$ версты фронта—дивизія; мѣстами—дивизія на версту. Иными словами, на каждую сажень фронта они выставили отъ 25-ти до 40 человѣкъ—настоящую стѣну изъ живыхъ человѣческихъ тѣлъ. Свыше 800 орудій громили наши позиціи день и ночь: на версту фронта приходилось 50—60 орудій, т.-е. на каждыя 8—10 саженъ—орудіе. На этомъ же фронтѣ у нихъ 5—6 тысячъ пулеметовъ—почти по пулемету на каждую сажень. За недѣлю боя нѣмцами израсходовано около милліона снарядовъ, нѣсколько сотенъ милліоновъ пуль и около 40 тысячъ человѣкъ убитыми и ранеными.

15-е годы въ исторіи Россіи. 15-е годы цѣлаго ряда столѣтій совпадаютъ въ Россіи съ періодами усиленнаго «строительства» и «собиранія» русскихъ земель. Въ 1015 г. — образованіе великаго княжества Кіевскаго и тяготѣніе къ нему другихъ княжествъ и земель; въ 1115 г. нанесено пораженіе половцамъ и болгарамъ; въ 1215 г.—побѣда надъ идущими съ юго-востока татарами; въ 1315 г.—усиленіе Московскаго княжества при князѣ Даніилѣ; въ 1415 г. Василій I закрѣпилъ за собою Суздаль и Нижній Новгородъ; въ 1515 г. Василій III окончательно смирилъ и присоединилъ Псковъ; въ 1615 г.—удачные бои со шведами; въ 1715 г. Петръ I укрѣпился на берегахъ Балтійскаго моря. 1815 годъ былъ годомъ великаго торжества и ошибокъ Россіи. Россія спасла Европу отъ наполеоновскаго разгрома и Францію отъ рокового исхода политики Бонапарта, но Россія въ тотъ же годъ возстановила Австрію и Германію и не воспользовалась споромъ Габсбурговъ съ Гогенцоллернами. 1915 годъ—будемъ надѣяться—исправитъ оружіемъ эту ошибку дипломатовъ и будетъ годомъ русскаго торжества.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

№ 13. Выходитъ еженед. (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 28 марта 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на ½ года—4 р., на ¼ года—2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка“ кн. 5.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Правда о Перемышлѣ.

Зимняя кампанія, которую нѣмцы и австрійцы вели съ такимъ ожесточеніемъ и упорствомъ, хотя и безтолково, но все же безпрерывно наступая по всевозможнымъ направленіямъ, закончилась тяжелымъ ударомъ для нашихъ противниковъ: 9-го марта 1915 года пала лучшая крѣпость Австро-Венгріи—первоклассный Перемышль. 9-го марта, въ день календарной весны, вмѣстѣ съ первыми проблесками весенняго солнца, форты Перемышля расцвѣтились бѣлыми флагами, и въ русскую военную исторію была вписана еще одна блестящая побѣдная страница.

Моральное и политическое значеніе этого большого успѣха не нуждается въ комментаріяхъ. Но въ данномъ случаѣ нельзя не отмѣтить, что этотъ успѣхъ завершилъ полгода непрерывныхъ усилій австро-нѣмцевъ исправить свое стратегическое положеніе и этимъ какъ бы характеризовалъ безнадежность ихъ борьбы.

Сама по себѣ исторія Перемышля представляетъ одинъ изъ поучительнѣйшихъ примѣровъ неправильнаго и неумѣлаго пользованія крѣпостями, который послужитъ хорошимъ урокомъ для будущаго поколѣнія.

Перемышль началъ строиться въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія, при чемъ первоначально это была небольшая укрѣпленная позиція на обоихъ берегахъ Сана, прикрывавшая мосты черезъ эту рѣку. Въ то время австрійцы считали, что территорія Австро-Венгріи въ достаточной степени прикрыта Карпатскимъ хребтомъ, и боялись лишь, что, въ случаѣ войны, наши войска могутъ

Бѣглымъ огнемъ. Рисунокъ нашего военнаго корреспондента М. Авилова.

Командующій арміей, осаждавшей и взявшей Перемышль, ген.-отъ-инф. Андрей Николаевичъ Селивановъ, Высочайше награжденный орденомъ св. Георгія 3-й степени. А. Н. Селивановъ, пожалованный этимъ высокимъ воинскимъ отличіемъ, минуя 4-ю степень, — въ настоящую кампанію награжденъ уже орденомъ св. Александра Невскаго съ мечами. А. Н. Селивановъ—выдающійся боевой генералъ, участвовавшій въ русско-японской войнѣ начальникомъ 37-й дивизіи. А. Н. Селивановъ былъ иркутскимъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками иркутскаго военнаго округа, въ 1910 г. былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. А. Н. Селивановъ родился въ 1847 году.

обойти Карпатскій хребетъ черезъ Краковскій раіонъ и выйти прямо на пути къ Будапешту и Вѣнѣ. Поэтому австрійцы главнымъ образомъ укрѣпляли Краковъ, который обратили въ первоклассную крѣпость.

Что же касается Галиціи, то австрійцы мирились съ занятіемъ этой области, а вообще не разсчитывали на возможность вооруженнаго столкновенія съ Россіей и заботились лишь объ охранѣ территорій Австро-Венгріи въ предѣлахъ за Карпатскимъ хребтомъ на случай, если почему-либо возникнетъ война.

Послѣ войны 1866 года разбитая Австрія начала серьезно помышлять объ охранѣ своихъ границъ. Къ тому времени начали выясняться новыя политическія перспективы, и, какъ извѣстно, австрійцы имѣли въ виду напасть на Пруссію, когда послѣдняя объявила войну Франціи, и только наше опредѣленное заявленіе о томъ, что участіе третьей державы вызоветъ соотвѣтствующіе шаги съ нашей стороны, удержало Австро-Венгрію отъ выступленія.

При такихъ условіяхъ, уже начали нарождаться тѣ взаимно другъ друга исключающіе интересы Австро-Венгріи и Россіи, которые побудили австрійцевъ принять мѣры къ защитѣ уже и Галиціи. Перемышль сталъ укрѣпляться болѣе серьезно и превратился въ крѣпость долговременнаго характера. Затѣмъ, въ 80-хъ годахъ, австрійцы, подъ вліяніемъ Германіи, указывавшей на наши якобы агрессивныя намѣренія, рѣшили не ограничиваться оборонительной линіей Карпатъ, а создать еще впереди хребта новую оборонительную линію изъ ряда крѣпостей. Такимъ образомъ создалась оборонительная линія крѣпостей и укрѣпленій въ Галиціи, — Перемышль, Львовъ, Миколаевъ, Галичъ и др. Затѣмъ, постепенно у австро-нѣмцевъ сталъ вырабатываться планъ наступательной операціи въ случаѣ войны съ Россіей, и тогда уже понадобилось создать въ Галиціи базу, т.-е. складочное укрѣпленное мѣсто, которое послужитъ исходнымъ пунктомъ для наступленія въ предѣлы Россіи. Въ Галиціи стали строиться желѣзныя дороги, которыя имѣли въ виду быть путями подвоза въ случаѣ наступленія въ Россію. Кромѣ того, въ Галиціи построили рядъ дорогъ вдоль области, отъ Румыніи до Кракова, которыя служили бы для сообщенія австрійскихъ войскъ въ Восточной Галиціи съ австрійскими войсками въ Западной Галиціи. Были построены всевозможные склады: артиллерійскіе, инженерные, продовольственные и т. п.

Основаніемъ всей этой системы складовъ и дорогъ служила крѣпость Перемышль, которая была уже превращена въ первоклассную.

Исторія борьбы за Перемышль.

Когда началась война, укрѣпленный раіонъ въ Галиціи, въ составъ котораго входилъ и Перемышль, послужилъ исходнымъ раіономъ для наступленія австрійцевъ въ Люблинскую и Холмскую губерніи. Послѣ разгрома австрійской арміи въ Галиційской битвѣ, австрійцы начали отступать вдоль Галиціи, къ Кракову, и въ серединѣ сентября Перемышль былъ впервые обложенъ нашими войсками.

Въ началѣ октября началось наступленіе Гинденбурга къ Варшавѣ, вслѣдствіе чего, какъ извѣстно, нами былъ избранъ раіонъ сосредоточенія въ Русской Польшѣ, за линіей рѣки Вислы. Въ связи съ этимъ появилась необходимосѣ выравнять стратегическій фронтъ, который долженъ былъ итти въ Польшѣ по Вислѣ, а въ Галиціи—по рѣкѣ Сану.

При такихъ условіяхъ состоялось сосредоточеніе нашихъ войскъ за рѣкой Вислой въ Польшѣ и за рѣкой Саномъ въ Галиціи, вслѣдствіе чего осада Перемышля была временно снята 10-го октября. Это вполнѣ понятно изъ того, что, сосредоточиваясь за рѣкой Саномъ, мы не могли обладать Перемышлемъ, который находился на обоихъ берегахъ Сана, въ то время, когда мы оставались на одномъ берегу рѣки—на восточномъ.

Съ 10-го октября по 12-е ноября шло сраженіе въ Польшѣ съ германцами и на берегахъ Сана съ австрійцами, закончившееся пораженіемъ нашихъ противниковъ. Въ теченіе этого мѣсяца австрійцы подвозили всевозможные запасы въ Перемышль, и когда 12-го ноября, послѣ нашихъ побѣдъ, кольцо нашихъ войскъ вторично сомкнулось вокругъ Перемышля, послѣдній былъ въ изобиліи снабженъ всѣмъ необходимымъ. Въ этомъ отношеніи Перемышлю особенно посчастливилось, ибо рѣдко какой крѣпости удается во время осады получить перерывъ, получить сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ даже на одинъ день, а Перемышль пользовался въ серединѣ осады этимъ перерывомъ въ теченіе 33 дней.

Благодаря этому, австрійцы могли снабдить Перемышль запасами не только на основаніи теоретическихъ соображеній, но и на основаніи опыта первой осады. Теоретическія соображенія могли быть ошибочны, но, конечно, послѣ первой осады австрійцы могли отлично узнать все, что нужно Перемышлю, и снабдить его соотвѣтственно всѣмъ необходимымъ.

Въ это время, т.-е. въ началѣ ноября, австрійскія арміи, наканунѣ обложенія Перемышля, потерпѣли основательное пораженіе отъ нашихъ войскъ, благодаря чему въ Перемышлѣ оказалось въ началѣ осады 170 тысячъ человѣкъ гарнизона. Наши войска при первой осадѣ, штурмовавшія и взявшія уже нѣкоторые передовые форты, при второй осадѣ ограничились главнымъ образомъ тѣснымъ обложеніемъ и артиллерійской борьбой.

Уже во второй половинѣ ноября австрійцы сдѣлали первыя попытки выручить Перемышль. Для этого нашими противниками былъ выработанъ опредѣленный планъ дѣйствій, гдѣ должны были наступать въ Польшѣ нѣмцы, а отъ Кракова и изъ-за Карпатъ—австрійцы. Конечно, наступленіе Гинденбурга второй разъ къ Варшавѣ преслѣдовало самостоятельную задачу занятія оборонительной линіи рѣки Вислы; но въ то же время этимъ попутно оказывалось содѣйствіе выручкѣ Перемышля. Нѣмцы, наступая въ Польшѣ для занятія оборонительной линіи рѣки Вислы, должны были привлечь сюда возможно больше войскъ и этимъ разрѣдить наше расположеніе на австрійскомъ фронтѣ. А это, въ свою очередь, должно было облегчить австрійцамъ задачу прорвать наше расположеніе на Карпатахъ и выручить Перемышль.

Это наступленіе кончилось, какъ извѣстно, неудачей, но съ тѣхъ поръ попытки австрійцевъ выручить Перемышль не прекращались буквально ни на одинъ день. Атаки австрійцевъ на Карпатахъ происходили ежедневно въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, и наши немногочисленныя арміи австрійскаго фронта изо дня въ день стоически отбивали эти атаки, имѣя вдобавокъ у себя въ тылу громадную австрійскую крѣпость съ гарнизономъ, равнымъ нѣ-

Членъ Государственнаго Совѣта т. с. Клавдій Семеновичъ Немѣшаевъ, назначенный Верховнымъ Главнокомандующимъ 25-го октября 1914 г. временнымъ начальникомъ Галиційскихъ желѣзныхъ дорогъ. Рескриптомъ Его Императорскаго Высочества, даннымъ 1-го марта с. г. на имя К. С. Немѣшаева, признано, что «нарушенное хозяйство дорогъ вполнѣ возстановлено и поставлено на надлежащую высоту для выполненія сложныхъ и отвѣтственныхъ воинскихъ перевозокъ и обслуживанія въ предѣлахъ необходимости нуждъ мѣстнаго населенія». Освобождая нынѣ К. С. Немѣшаева, по его просьбѣ, отъ означенной должности, Верховный Главнокомандующій выразилъ ему въ рескриптѣ свою искреннюю благодарность.

Къ бомбардировкѣ Дарданеллъ. Рельефная карта европейскаго и азіатскаго береговъ Дарданелльскаго пролива. Детальныя карты расположенія турецкихъ фортовъ, обстрѣливаемыхъ англо-французскимъ союзнымъ флотомъ.

лой частной арміи. Изо дня въ день въ наши руки попадали плѣнные, и надо думать, что для выручки 170 тысячъ гарнизона Перемышля австрійскій главнокомандующій эрцгерцогъ Фридрихъ положилъ до 250 тысячъ полевыхъ войскъ, частью павшихъ въ бояхъ, частью попавшихъ въ наши руки въ качествѣ плѣнныхъ.

Наконецъ, въ концѣ января, было задумано новое грандіозное наступленіе по всему фронту, отъ Балтійскаго моря до Румыніи, гдѣ въ числѣ задачъ, преслѣдуемыхъ этимъ австро-нѣмецкимъ наступленіемъ, имѣлась и задача выручить Перемышль. Планъ по идеѣ оставался тотъ же, и опять нѣмцы своимъ наступленіемъ изъ Восточной Пруссіи должны были привлечь возможно больше нашихъ войскъ, ослабить этимъ наше расположеніе на Карпатахъ и дать возможность австрійскимъ арміямъ прорваться къ Перемышлю.

Первый случайный успѣхъ нѣмцевъ въ Сувалкской губерніи окрылилъ надежды австрійцевъ, и они повели рядъ безплодныхъ атакъ на далекомъ австрійскомъ фронтѣ въ то время, какъ все вниманіе было сосредоточено на совершенно другомъ, противоположномъ концѣ—на Наревѣ, Бобрѣ и Нѣманѣ. Наши доблестныя арміи стоически отбивались отъ превосходящихъ численностью въ нѣсколько разъ австрійскихъ массъ, которыхъ насчитывалось до 700—800 тысячъ человѣкъ, т.-е., примѣрно, столько, сколько было двинуто австрійцами для перваго наступленія въ августѣ мѣсяцѣ въ Люблинскую и Холмскую губерніи.

Въ то же время гарнизонъ произвелъ рѣшительную вылазку, пытаясь этимъ поставить героическія войска на Карпатахъ между двухъ огней. Однако войска наши, доблестно отбиваясь съ фронта со стороны Карпатъ и съ фланга со стороны Галича и Днѣстра, одинаково героически отбивались отъ ударовъ гарнизона Перемышля, вылазка котораго ударяла еще въ нашъ тылъ.

Когда германское наступленіе изъ Восточной Пруссіи погибло на поляхъ Прасныша, стало уже ясно, что австрійцы выручить Перемышля не могутъ, и что дни этой крѣпости сочтены. Было вполнѣ понятно, что сами австрійцы никогда не могли бы и сунуться, чтобы выручить Перемышль, и единственная надежда у нихъ была на нѣмцевъ, которые наступленіемъ въ Польшу и изъ Восточной Пруссіи должны были нанести намъ ударъ и этимъ оттянуть войска изъ Карпатъ. Когда же нѣмцы такъ ясно обезсилѣли послѣ Восточно-Прусскаго наступленія и оказались уже неспособными на какія-нибудь новыя наступательныя попытки, то соотвѣтственно этому не могли уже ни на что надѣяться и австрійцы.

Генералъ Кусманекъ, комендантъ Перемышля, посылалъ отчаянныя телеграммы эрцгерцогу Фридриху, и послѣдній дѣлалъ все новыя и новыя попытки наступленія, терпя изо дня въ день неудачи и оставляя каждый разъ тысячи плѣнныхъ въ нашихъ рукахъ. 4-го марта была произведена послѣдняя рѣшительная вылазка, но изъ громаднаго гарнизона едва вышло на вылазку 20 тысячъ человѣкъ. Кусманекъ написалъ вдохновенный приказъ по гарнизону, но признаки отчаянія, сквозившіе въ этомъ приказѣ, конечно, не могли вдохнуть силы въ обезсилѣвшій гарнизонъ. Послѣ недолгаго боя австрійцы были отброшены обратно въ крѣпость, и крѣпостной военный совѣтъ единогласно призналъ необходимость капитулировать.

Рано утромъ австрійцы взорвали форты, орудія, мосты, всѣ важныя сооруженія, пристрѣлили оставшихся лошадей, и по опредѣленному сигналу на всѣхъ фортахъ взвились бѣлые флаги.

Истинное несчастіе страны.

Такъ плачевно кончила свою оборону эта первоклассная австрійская крѣпость, гдѣ до послѣдней минуты оставалось свыше 100 тысячъ гарнизона, крѣпкіе нетронутые форты, новѣйшія орудія и значительное число снарядовъ. Все это оказалось безполезнымъ, ибо въ исторіи обороны Перемышля австрійская главная квартира нарушила важнѣйшій завѣтъ военной исторіи—не покидать на произволъ свою крѣпость. Перемышль погибъ не 9-го марта, а погибъ 12-го ноября 1914 года, въ тотъ день, когда послѣдняя колонна полевой австрійской арміи скрылась за линіей крѣпостныхъ фортовъ. Въ этотъ день, когда началось обложеніе Перемышля, крѣпость стратегически умерла, а 9-го марта 1915 года былъ лишь выданъ побѣдителямъ давно уже окоченѣвшій трупъ ея.

На могилѣ этого стратегическаго покойника слѣдовало бы написать золотыя слова Жомини: „Большія крѣпости, лежащія внѣ стратегическихъ направленій, составляютъ истинное несчастіе для государства и арміи". Именно эти слова содержатъ въ себѣ самое точное объясненіе истинныхъ причинъ гибели Перемышля.

Всякая крѣпость только тогда отвѣчаетъ своей цѣли, когда она лежитъ на стратегическомъ направленіи, т.-е. когда она лежитъ на томъ пути, котораго противникъ не можетъ миновать. На этомъ пути, напримѣръ, лежалъ Парижъ, и нѣмцы могли двигаться во Францію не иначе, какъ черезъ Парижъ, т.-е. должны были предварительно взять Парижъ. Но Парижъ былъ такъ укрѣпленъ, что взять его представлялось невозможнымъ, а обложить его нельзя было, ибо германская армія настолько уменьшилась бы численно, что въ результатѣ потерпѣла бы пораженіе отъ французовъ. Когда же нѣмцы попытались пройти мимо Парижа, то они были разбиты на Марнѣ и проиграли всю войну.

Одинаково и Осовецъ, гдѣ нѣмцы, попытавшись сначала пройти мимо Осовца, уткнулись въ Нѣманъ, а попытавшись пройти мимо Осовца съ другой стороны—уткнулись въ болотистый Бобръ. Поэтому движеніе на Осовецъ было для нихъ обязательно, и, слѣдовательно, Осовецъ, привлекая на себя нѣмецкія войска, этимъ выполнилъ ту задачу, которая возлагалась на него, какъ на крѣпость.

Перемышль ни на минуту не остановилъ нашей арміи, и мы совершенно равнодушно прошли мимо него къ самому Кракову, оставивъ у себя Перемышль въ тылу. Перемышль насъ за это не наказалъ, какъ наказалъ нѣмцевъ Парижъ за то, что они рискнули пройти мимо него. Одинаково мы равнодушно прошли мимо Перемышля къ Карпатамъ, опять оставивъ крѣпость у себя въ тылу, и снова крѣпость оказалась безсильной насъ наказать.

Слѣдовательно, Перемышль не лежалъ на пути нашего наступленія, и мы могли пройти мимо него безнаказанно, т.-е. Перемышль былъ крѣпостью, не лежащей на стратегическомъ направленіи, о которой говоритъ Жомини, и поэтому онъ оказался несчастіемъ и для австрійской арміи и для всей Австріи. Для австрійской арміи онъ былъ несчастіемъ потому, что она обязательно должна была итти выручать Перемышль въ то время, какъ стратегическая обстановка требовала отъ нея другихъ задачъ, а именно: наступленія на рѣкѣ Нидѣ, движенія къ Ивангороду, ибо это облегчало главное наступленіе, которое вели нѣмцы. Всего этого сдѣлать австрійцы не могли, ибо на нихъ лежала тяжелая обязанность выручать Перемышль. Перемышль былъ несчастіемъ австрійской арміи и связывалъ ея свободу дѣйствій. Одинаково онъ былъ несчастіемъ и для всей страны, ибо паденіе Перемышля произвело громадное впечатлѣніе на населеніе двуединой монархіи и въ то же время неблагопріятно для австрійцевъ повліяло на позицію нейтральныхъ государствъ.

Правда, австрійцы видѣли въ Перемышлѣ базу для своего наступленія въ предѣлы Россіи. Однако, какъ только австрійцы были разбиты въ Галиційской битвѣ, а затѣмъ вторично на Санѣ, стало ясно, что объ этомъ наступленіи не можетъ быть и рѣчи, слѣдовательно, единственное оправданіе въ существованіи Перемышля — именно то, что онъ былъ базой для наступленія въ предѣлы Россіи—исчезло.

Перемышль пересталъ быть базой для наступленія въ Россію, ибо это наступленіе оказалось невозможнымъ. А такъ какъ больше ни для чего Перемышль не годился, ибо, какъ мы видѣли, онъ не лежалъ на нашихъ путяхъ и остановить насъ не могъ, то Перемышль долженъ былъ перестать существовать. Здравая стратегія поступила бы рѣшительно и, взорвавъ форты Перемышля, увела бы оттуда тѣ 50—60 тысячъ войскъ, которыя тамъ были. Но больная австрійская стратегія не взорвала Перемышля, но посадила туда еще 120 тысячъ человѣкъ.

Въ результатѣ, Перемышль ни на одну минуту не связалъ насъ, а 170 тысячъ человѣкъ съѣли быстро всѣ запасы и оказались въ числѣ нашихъ трофеевъ.

Это произошло потому, что австрійцы не были способны на истинное гражданское мужество, не были способны признать, что въ тотъ моментъ, когда полевая армія бросаетъ крѣпость и послѣдняя облагается, крѣпости уже нѣтъ, — она стратегически умерла. Громадный Парижъ и маленькій Осовецъ не погибли потому, что полевыя арміи—французская и наша—ни на одну минуту не оставляли этихъ крѣпостей и все время съ ними соприкасались. Въ такомъ видѣ крѣпости послужили опорными пунктами и дали возможность нанести пораженіе нѣмцамъ.

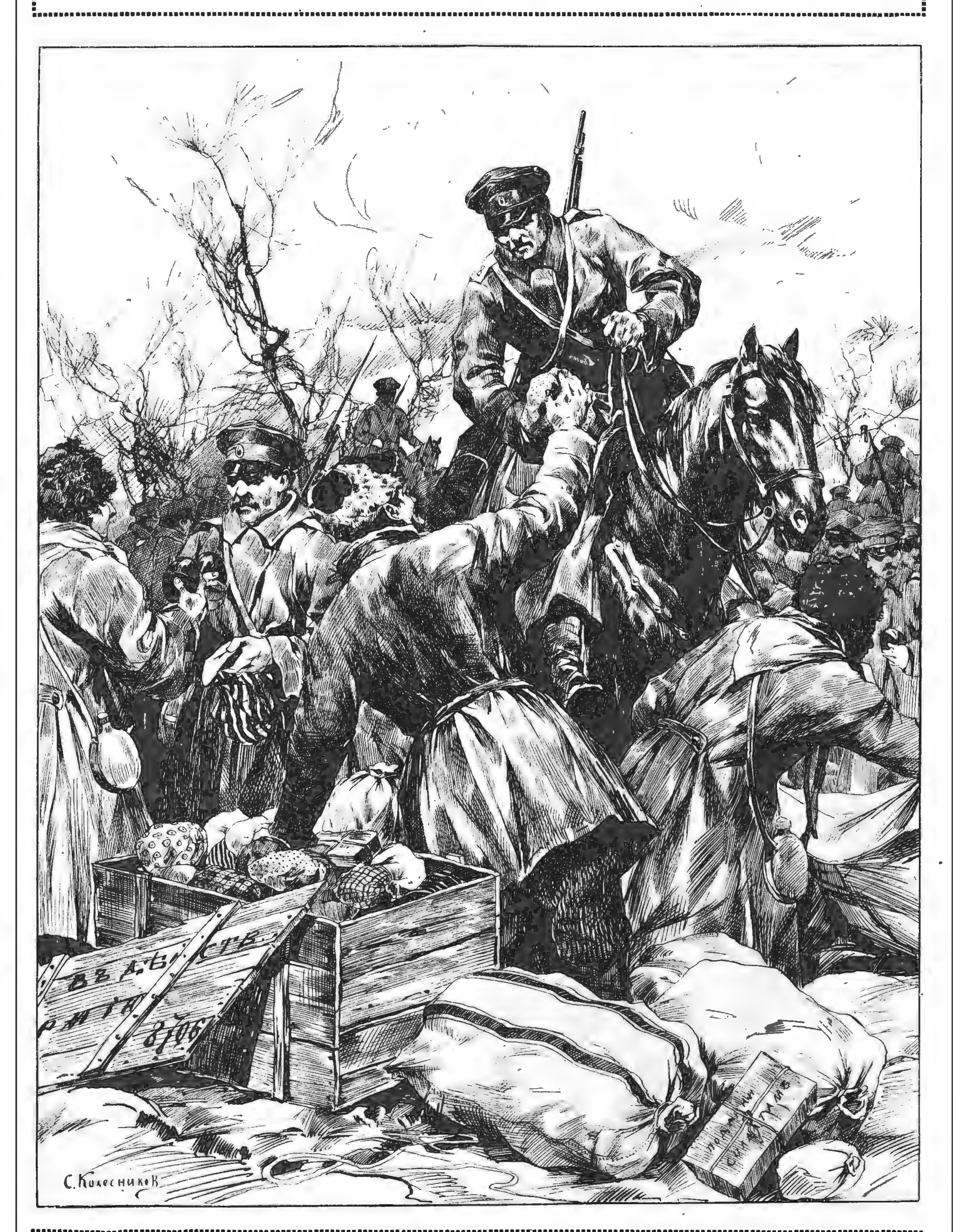
Поэтому правильнѣе признать, что сдалъ Перемышль не генералъ Кусманекъ, комендантъ этой крѣпости, а сдалъ Перемышль эрцгерцогъ Фридрихъ, австрійскій главнокомандующій, который оказался не въ состояніи удержаться около Перемышля и, отойдя отъ него, не взорвалъ фортовъ и не увелъ гарнизона, чѣмъ лишь заранѣе приготовилъ трофеи для нашихъ войскъ.

Правда, не легко рвать свою крѣпость, строившуюся въ теченіе 50 лѣтъ, но это—единственное средство исправить ошибки предшественниковъ, додумавшихся до такой нецѣлесообразной крѣпости, какъ Перемышль, которая лежала совершенно въ сторонѣ отъ нашихъ путей. Все равно эрцгерцогъ Фридрихъ долженъ былъ сознавать, что разъ полевая армія австрійцевъ не въ состояніи справиться съ нами, то она никогда не выручитъ Перемышля, ибо для этого нужно разбить наши войска. Слѣдовательно, Перемышль все равно погибнетъ,—такъ ужъ лучше увести оттуда 170 тысячъ человѣкъ.

Даже эти 170 тысячъ показываютъ, какъ безнадежна была судьба Перемышля, такъ какъ при первой осадѣ было только 100 тысячъ гарнизона. Но при первой осадѣ мы штурмовали форты, и это напугало австрійцевъ, которые для прочности прибавили тогда еще 70 тысячъ человѣкъ. Этимъ они себя гарантировали отъ штурма, но вмѣстѣ съ тѣмъ указали намъ другой путь для овладѣнія крѣпостью, а именно блокаду, ибо 170 тысячъ человѣкъ должны были скоро начать голодать. Такимъ образомъ получилось, что, какъ бы ни вертѣлись австрійцы, все равно Перемышль былъ бы взятъ: если тамъ будетъ 100 тысячъ, то—штурмомъ, ибо 100 тысячъ не выдержатъ штурма, а если тамъ будетъ 170 тысячъ, то—голодомъ, ибо 170 тысячъ не выдержатъ голода.

Вотъ почему здравая стратегическая мысль повторяетъ будущимъ поколѣніямъ:

„Пусть примѣръ Перемышля еще разъ подтвердитъ, что неразумно выстроенную крѣпость нужно взорвать въ послѣднюю минуту, не допуская ея обложенія, ибо она—несчастіе для страны".



Раздача пасхальныхъ подарковъ въ дѣйствующей арміи. Рисунокъ С. Колесникова.

Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай Александровичъ въ дѣйствующей арміи

Сентябрь-Октябрь 1914 г.

Составилъ Генералъ-маіоръ Дубенскій

Только-что вышедшая въ свѣтъ книга, заглавіе которой приведено выше, описываетъ Царское путешествіе въ дѣйствующую армію и имѣетъ цѣлью закрѣпить на литературныхъ скрижаляхъ памятныя событія этого путешествія и его послѣдовательный ходъ. Составителю этой интересной памятки о Царскомъ путешествіи, ген.-м. Дубенскому, удалось дать читателю живое и ясное представленіе о Царской поѣздкѣ и объ эпизодахъ, сопровождавшихъ поѣздку. Посѣщеніе городовъ, пребываніе въ Ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго, обходъ госпиталей и бесѣды Царя съ ранеными—все это нашло живой откликъ въ книгѣ и полно интереса.

Вотъ, напримѣръ, описаніе Ставки Верховнаго Главнокомандующаго.

„То, что называется Ставкой, представляетъ собою участокъ желѣзнодорожнаго полотна, на которомъ стоятъ вагоны разныхъ классовъ. Кругомъ немногочисленныя зданія, бараки одного изъ лагерныхъ расположеній инженерныхъ войскъ, въ которыхъ находятся нѣкоторые отдѣлы и управленія штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

„Жизнь въ Ставкѣ удивительно проста. Пустынный уединенный лѣсъ, небольшой желѣзнодорожный поселокъ, лагерное мѣсто—и больше ничего... Все время въ Ставкѣ посвящается исключительно дѣлу—трудному и напряженному. Здѣсь всѣ работаютъ безъ отдыха, тратя на обѣдъ, чай и сонъ только небольшое время.

„Въ тѣ дни, когда Его Величеству угодно бываетъ посѣтить Ставку Верховнаго Главнокомандующаго, и Ставка получаетъ наименованіе „Царской“, она очень немного измѣняетъ свой обычный простой скромный и трудовой видъ. На пустынныхъ желѣзнодорожныхъ путяхъ появляется тогда синій Императорскій поѣздъ. Но и здѣсь вы не встрѣтите никакой пышности, торжественности, никакой роскоши. Съ Императоромъ прибываетъ очень ограниченное число лицъ Государевой Свиты. Вся трудовая жизнь въ Ставкѣ и при Государѣ идетъ своимъ обычнымъ порядкомъ.

Государь Императоръ, Великій Князь Николай Николаевичъ, генералы Янушкевичъ и Даниловъ при выходѣ изъ управленія генералъ-квартирмейстера штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

„Порядокъ дня Государя Императора здѣсь такой:

„Послѣ занятій съ самаго ранняго утра вмѣстѣ съ Верховнымъ Главнокомандующимъ Его Величество завтракаетъ, а затѣмъ посѣщаетъ расположенныя въ Ставкѣ войска и раненыхъ, а если остается время, то совершаетъ прогулку, послѣ чего возвращается къ Себѣ въ вагонъ и снова предается Своимъ Царственнымъ трудамъ. Все управленіе Имперіи съ отбытіемъ Государя въ Ставку не замираетъ: Его Величеству ежедневно присылаютъ свои обычные доклады министры.

„Такъ проходятъ занятія Его Величества до самаго обѣда, въ восьмомъ часу вечера. Обѣдъ подается простой, обычно изъ трехъ блюдъ. Послѣ обѣда Его Величество снова возвращается къ занятіямъ и въ присутствіи Великаго Князя и генераловъ Янушкевича и Данилова руководитъ совѣщаніями по военнымъ дѣламъ. Лишь послѣ вечерняго чая, который подается обычно къ 11 часамъ вечера, Его Величество уходитъ къ Себѣ въ вагонъ“.

Въ такихъ чертахъ изображается пребываніе Государя Императора въ Ставкѣ въ дни Его путешествія. Далѣе, встрѣчаемъ въ книгѣ ген.-м. Дубенскаго столь же живое и интересное описаніе пребыванія Государя Императора въ попутныхъ городахъ, встрѣчи Его Величества населеніемъ, посѣщеніе раненыхъ въ мѣстныхъ лазаретахъ. Глава „Его Императорское Величество среди раненыхъ воиновъ“ поражаетъ особенной внутренней теплотой; собесѣдованія Государя съ ранеными необыкновенно трогательны:

„Когда человѣкъ любитъ, онъ, кажется, любитъ всегда одинаково, а между тѣмъ сколько разнообразія въ ласкѣ, въ словахъ, когда люди сердечно относятся другъ къ другу. Это именно и приходитъ въ голову всякому, кто имѣлъ счастіе видѣть, какъ Государь ласково и добро говоритъ съ пострадавшими на войнѣ солдатами.

„Обычно Его Величество входитъ въ палату и здоровается словами: „Здорово, молодцы!“. И тихо, не торопясь, начинаетъ обходъ раненыхъ.

Государь Императоръ выходитъ изъ барака раненыхъ въ Ставкѣ. Октябрь 1914 г.

Холмъ. Посѣщеніе Государемъ Императоромъ раненыхъ 26-го октября 1914 г.

„— Ты гдѣ раненъ? — слышится вопросъ Государя.—Въ какомъ бою?

„— Это было тогда, когда нѣмцы наступали или отступали?

„— Ты какой губерніи? Запасный или дѣйствительной службы?

„Русскій человѣкъ, чѣмъ онъ проще, тѣмъ свободнѣе говоритъ со Своимъ Государемъ. Вотъ почему отвѣты и бесѣды русскихъ солдатъ съ Его Величествомъ представляютъ глубокій интересъ.

„Вотъ, напримѣръ, запасный рядовой Степанъ Кузнецовъ, тяжело раненый въ голову. Онъ страшно блѣденъ, съ воспаленными глазами, радостно и упорно смотритъ на Государя.

„Онъ еле говоритъ, но когда подошелъ къ нему Государь, онъ протяжно и слабымъ голосомъ сказалъ:

„— Теперь легше стало. Прежде никакъ не скажешь. Ни отца ни мать назвать не могъ, Имя Твое, Государь, забылъ. А теперь лучше: сподобился увидать Государя.

„Когда Его Величество наградилъ его Георгіевскимъ крестомъ, Кузнецовъ былъ такъ растроганъ, что даже отвѣтилъ не по-солдатски, а сказалъ такъ:

„— Благодарю. Спасибо,—и поцѣловалъ крестъ.

Другой раненый, подпрапорщикъ Тимоѳей Кочубей, на вопросъ Его Величества, какъ онъ себя чувствуетъ, отвѣтилъ:

„— Тамъ легче было. Теперь труднѣе. Тамъ мы каждый день съ нимъ справлялись.

„Его Величество изволилъ спросить:

„— А большіе бои были на Санѣ?

„— Такъ точно. Здоровые были бои.

„Далѣе Государь спросилъ:

„—Лѣзли?

„— Здорово лѣзли. Только мы ихъ, Ваше Величество, всѣхъ прогнали, отбили всѣхъ до одного.

„— Желаю тебѣ поправиться,—сказалъ Его Величество и отошелъ.

„Въ г. Холмѣ въ госпиталѣ рядовой Дузь былъ такъ взволнованъ предстоящимъ посѣщеніемъ Его Величества, что не спалъ всю ночь наканунѣ и все твердилъ: „Готовъ умереть. Тысячу карбованцевъ не надо, а надо побачить Царя“. А во время Высочайшаго посѣщенія, взволнованный, несмотря на слабость, разсказалъ Государю цѣлую длинную исторію о своихъ столкновеніяхъ съ австріяками.

„Одинъ тяжело раненый офицеръ, подпоручикъ Монтвиллъ, въ Гродненскомъ госпиталѣ обратился къ Государю съ просьбой разрѣшить ему облобызать Монаршую руку.

„— Это не полагается,—отвѣтилъ Государь.

„— Нѣтъ, Ваше Величество, полагается!—говорилъ подпоручикъ Монтвиллъ почти съ рыданіемъ.

Его Величество обходитъ костелъ въ Бржезницахъ.

На фортахъ Гродненской крѣпости.
Государь Императоръ посѣщаетъ землянку, гдѣ живутъ солдаты.

„Эта трогательная сцена вызвала слезы на глазахъ присутствовавшихъ“.

Можно было бы привести изъ книги ген.-м. Дубенскаго еще много такихъ же трогательныхъ эпизодовъ. Очень ярко изложены въ ней и другіе моменты Царскаго путешествія: встрѣчи Государя населеніемъ въ городахъ и селахъ на пути Царской поѣздки, посѣщенія разрушенныхъ непріятелемъ храмовъ, православныхъ и католическихъ, бесѣды съ крестьянами.

„Въ крѣпости Осовецъ Государь, между прочимъ, посѣтилъ соборъ и бесѣдовалъ со священникомъ, который съ душевной твердостью перенесъ тяжкую бомбардировку крѣпости, не отлучаясь съ своего священническаго поста въ храмѣ.

„— Что же вы, батюшка,—сказалъ Государь:—не тревожились сильной стрѣльбой и бомбардировкой?

„— Никакъ нѣтъ, Ваше Величество. Мнѣ только скучно стало, когда стали близко ложиться снаряды. Тогда я пошелъ въ храмъ,—отвѣтилъ священникъ“.

Много страницъ и снимковъ въ книгѣ ген.-м. Дубенскаго посвя-

щено пребыванію Государя Императора въ расположеніи боевого фронта, непосредственно среди славныхъ нашихъ воиновъ. Государь Императоръ посѣщалъ окопы, укрѣпленія и даже изволилъ осматривать землянки, въ которыхъ живутъ на позиціяхъ солдаты. Когда Его Величество осматривалъ окопы на высотахъ у юго-восточной окраины деревни Словике-Нове, произошелъ слѣдующій случай.

„Государь Императоръ шелъ по песчаному сыпучему грунту, окруженный офицерами. Налѣво показалась какая-то землянка. Дымился костеръ. Кругомъ былъ собранъ разный домашній скарбъ. Надъ дверью въ землянку была поставлена католическая статуя Спасителя. Около землянки стояли крестьянинъ и нѣсколько дѣтей. Его Величество подошелъ къ владѣльцу землянки и спросилъ:

„— Это твой домъ?

„— Никакъ нѣтъ, Ваше Величество, мой домъ былъ немного дальше; но его сожгли и уничтожили нѣмцы. Они и собаку мою убили, а я за нее и пятидесяти рублей не взялъ бы.

„— Чѣмъ же она мѣшала нѣмцамъ?—спросилъ Государь.

Взорванный желѣзный мостъ черезъ Санъ у Радымно.

Мостъ черезъ Санъ у Радымно. Вдали виднѣются развалины желѣзнаго моста, взорваннаго нашими войсками во время стратегическаго отхода.

„— Они думали, что я шпіонъ, и что собака помогаетъ мнѣ слѣдить за ними.

„Этотъ крестьянинъ, видя ласковое и доброе отношеніе къ нему Государя, позволилъ себѣ обратиться къ Его Величеству съ ходатайствомъ о перемѣнѣ земли изъ-подъ его разрушенной хаты на другую, болѣе удобную. Государь милостиво замѣтилъ:

„— Надо это записать. — И потомъ, уходя, сказалъ: — Хорошо. Не забудемъ.

„Крестьянину было дано пособіе.

„Послѣ осмотра германскихъ батарей въ дер. Бржезницы, Его Величество былъ встрѣченъ настоятелемъ костела, отслужившимъ молебствіе. Костелъ въ Бржезницахъ только строится. Это огромное красное зданіе было почти совершенно разрушено выстрѣлами. Его Величество, въ сопровожденіи ксендза, войта гмины и всѣхъ присутствовавшихъ, обошелъ со всѣхъ сторонъ костелъ. Погнутый, избитый крестъ былъ приставленъ къ лѣсамъ.

„Кругомъ костела стояла толпа крестьянъ, съ необыкновеннымъ восторгомъ и любовью привѣтствовавшая Царя. Крича „ура“, крестьяне поднимали правую руку. Это характерное отличіе польскаго народа отъ нашей русской толпы. Его Величество, отбывая изъ Бржезницы, приказалъ выдать 3.000 рублей на достройку костела“.

При посѣщеніи фортовъ Гродненской крѣпости Его Величество пѣшкомъ обходилъ батареи, спускался въ землянки, заходилъ въ казематы и лично знакомился съ жизнью нашего солдата на передовыхъ батареяхъ крѣпости. Тутъ наши войска несутъ постоянно трудную, отвѣтственную крѣпостную службу. Глухая мѣстность, горы, хвойный лѣсъ, населенія нѣтъ, только одни войска, одни солдаты и офицеры. Его Величество много разъ милостиво бесѣдовалъ съ гарнизономъ крѣпости, благодарилъ людей за службу.

Такъ страница за страницей предъ нами возникаютъ черты и событія знаменательнаго Царскаго путешествія.

Великолѣпно иллюстрированная и изданная книга ген.-м. Дубенскаго еще не закончена. Предстоятъ дальнѣйшіе выпуски ея, посвященные Высочайшему путешествію Государя Императора въ ноябрѣ и декабрѣ 1914 года. Прибавимъ въ заключеніе, что весь доходъ отъ этого прекраснаго изданія, стоящаго очень недорого—60 коп., поступаетъ въ распоряженіе Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Θеодоровны на нужды раненыхъ и ихъ семействъ.

Главная площадь въ Радымно послѣ бомбардировки.

У города Радымно на рѣкѣ Санъ. По фот. нашего корреспондента.

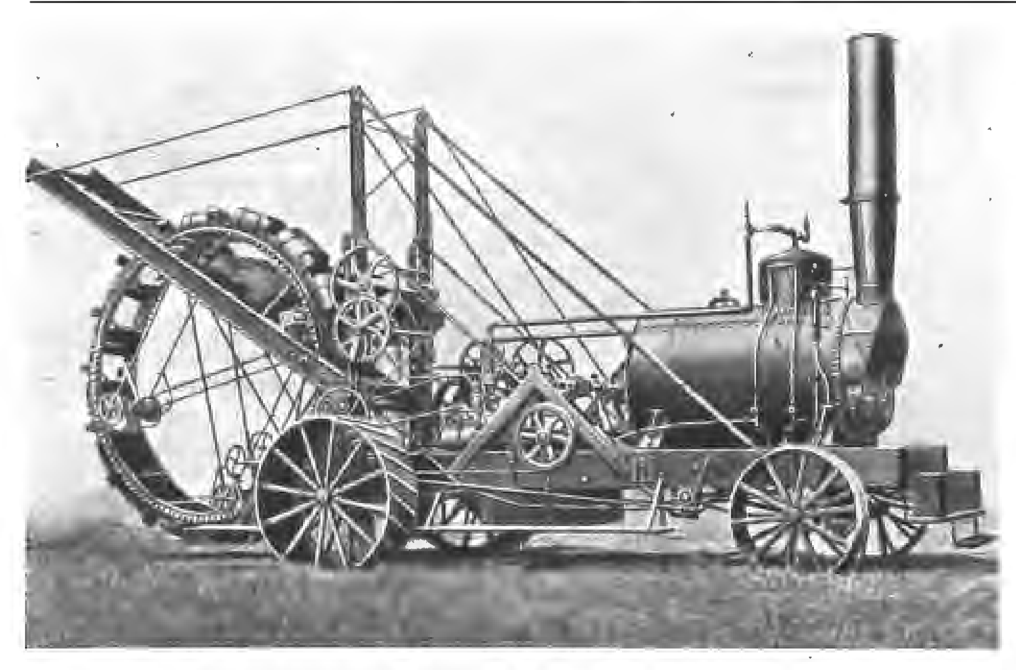
Красное озеро.

Баллада будущаго.

Я тебѣ разскажу... Это было давно,
Это было, когда еще битвы велись...
Посмотри въ ясный полдень на темное дно,
Гдѣ подводныя травы корнями сплелись...
Это озеро было когда-то страной.
Злобный вождь ею правилъ. Вражду хороня,
Тайно царство свое оковалъ онъ броней,
Смерть-старуху съ собой посадилъ на коня
И войною пошелъ на сосѣдей своихъ.
Хищнымъ звѣремъ врывался въ чужіе дома,
Онъ костры разжигалъ изъ костеловъ сѣдыхъ,
И по небу, клубясь, разстилалася мгла,—
Мгла, что въ сердцѣ его ненасытномъ жила
И въ очахъ, упоенныхъ безумьемъ вражды.
Смерть лукаво полки его въ битву вела
И смѣялась, могилъ намѣчая ряды.
Но устала земля отъ раскатовъ глухихъ,
Захлебнулась отъ крови и злобы людской.
Опустилась она на устояхъ своихъ
И покрылась кипящей волною морской.
Съ той поры въ часъ, когда забушуетъ гроза,
Хлещутъ въ берегъ валы, слышенъ грохотъ и вой...
Пробуждается вождь, открываетъ глаза
И полки подымаетъ изъ тьмы гробовой.
Вѣчно страждущій духъ его снова зоветъ
На предательскій шагъ, на разбойный набѣгъ...
Горе всѣмъ, кто по озеру въ часъ тотъ плыветъ,—
Имъ не выйти уже на спасительный брегъ.
А подъ вечеръ, какъ станетъ гроза утихать
И на западѣ алая вспыхнетъ заря,
Будутъ волны кровавыя мѣрно плескать,
Неумолчно о прошломъ своемъ говоря.
Выйди къ озеру поздней осенней порой,—
То не вѣтеръ вздыхаетъ и стонетъ въ вѣтвяхъ:
Чья-то блѣдная тѣнь у воды подъ горой
О земныхъ позабытыхъ рыдаетъ путяхъ.
И не блеклые листья всплываютъ со дна—
Чьи-то юныя лица плывутъ по волнамъ
И взываютъ съ тоской: «Жизнь одна... жизнь одна...
О, зачѣмъ этой жизни не отдалъ ты намъ?..
О, за что загубилъ ты надежду страны,
Безпощадной рукой вешній цвѣтъ оборвалъ
И безжалостно бросилъ къ ногамъ сатаны,
Вмѣстѣ съ нимъ, вѣрный рабъ, въ страшный часъ пировалъ?
Намъ не встать изъ могилъ, намъ не выйти на свѣтъ:
Божій гнѣвъ тяжкой карой на душахъ лежитъ,
И проклятье, что слали намъ люди вослѣдъ,
Насъ всегда и вездѣ сторожитъ... сторожитъ...»
Это было давно... Въ тѣ сѣдые вѣка
Еще силой рѣшался о правѣ вопросъ.
Какъ сегодня воздушно-свѣтлы облака!..
Въ тихихъ водахъ растаяли тѣни угрозъ.
Посмотри, можетъ-быть, въ нѣдрахъ водныхъ путей
Ты увидишь сегодня глубокое дно:
Незнакомое царство, отжившихъ людей...
Все, что жизни грозило когда-то давно.

Елена Ѳедотова.

Развѣдка. Картина И. Владимірова. (XXXIV выставка Общества русскихъ акварелистовъ).



Машина для рытья траншей. Общій видъ.

Машина для рытья траншей.

(Съ 2 рис. на этой стр.).

Во время геройской защиты Ипра арміей французовъ, бельгійцевъ и англичанъ, проскользнуло извѣстіе о захватѣ союзниками у нѣмцевъ какихъ-то неслыханныхъ машинъ, приспособленныхъ спеціально для рытья траншей. Эти машины застряли на затопленныхъ водою пространствахъ и попали такимъ образомъ въ руки нашихъ союзниковъ.

Въ настоящее время явилась возможность детально ознакомиться съ этими машинами. Оказалось, что онѣ не представляютъ собою особой новинки и употреблялись еще до войны для мирныхъ работъ: прорыванія каналовъ, дренажированія болотныхъ пространствъ и т. п. Нѣмцы лишь усовершенствовали ихъ и приспособили спеціально для военныхъ цѣлей, снабдивъ нѣкоторыми спеціальными приспособленіями и, преимущественно, увеличивъ ихъ размѣры и рабочую силу.

Машина для рытья траншей представляетъ собою на первый взглядъ нѣчто похожее на извѣстный типъ рѣчной землечерпалки. Иначе говоря, это—земная землечерпалка, у которой такъ же, какъ и у водяной землечерпалки, имѣется черпающее (роющее) колесо, ковши для захвата вычерпываемой земли и особый выбрасыватель, откидывающій вычерпанную (вырытую) землю въ сторону отъ машины. Какъ и водяная черпалка, эта машина приводится въ дѣйствіе силою пара и вслѣдствіе этого устроена такъ, что напоминаетъ по внѣшности обычный локомобиль. И, подобно локомобилю, она можетъ легко двигаться взадъ и впередъ и даже описывать дугу до 10 метровъ въ радіусѣ. У наиболѣе совершенныхъ и сильныхъ машинъ этого рода скорость свободнаго (нерабочаго) хода достигаетъ 10 километровъ въ часъ по ровной поверхности, при чемъ машина можетъ даже самостоятельно брать нѣкоторые подъемы и итти по довольно крутому косогору.

Характерной особенностью данной машины въ отличіе отъ водяной землечерпалки является то, что машина, роющая траншеи, имѣетъ дѣло съ неизмѣримо болѣе твердымъ грунтомъ, чѣмъ водяная землечерпалка. Захваченныя у Изера машины оказались способными преодолѣвать самую жесткую почву и дѣлать это съ такой быстротой, какая положительно невозможна для простого ручного труда. Достаточно сказать, что усовершенствованная и наиболѣе сильная машина роетъ въ минуту изрядный участокъ траншеи глубиною около метра.

Какъ уже сказано, по внѣшнему виду машина напоминаетъ локомобиль съ паровымъ котломъ и дымовой трубой въ передней части, съ двумя парами бѣговыхъ колесъ. Характернѣйшей и главнѣйшей частью машины является „черпающее колесо“, которое помѣщается сзади. Это колесо состоитъ изъ двухъ параллельныхъ стальныхъ ободьевъ, между которыми помѣщаются особые ножи и черпаки. Колесо въ нерабочее время виситъ въ свободномъ состояніи на особыхъ тяжахъ и стойкахъ, а для работы опускается на землю и по мѣрѣ работы все глубже врѣзывается и опускается въ глубь. У машинъ средняго размѣра колесо имѣетъ 36 ножей. Ножи эти можно легко точить, и въ общемъ они служатъ около мѣсяца отъ одного точенья до другого. Они сдѣланы изъ самой крѣпкой стали, такъ что могутъ легко преодолѣвать самый твердый грунтъ и даже безъ вреда для себя натыкаться на камни.

Врѣзываемая этими ножами земля попадаетъ во время вращенія колеса въ вышеупомянутые, тутъ же находящіеся, ковши и автоматически выносится наверхъ въ особый „выкидыватель“, при чемъ ни соринки ея не падаетъ въ самую машину. Выкидыватель, отведенный на лебедкѣ въ сторону, выбрасываетъ вынутую землю длинной и довольно высокой грядкой вдоль выкапываемой траншеи. Эта грядка образуетъ необходимый защитный валъ, выростающій самъ собою во время работы машины.

Вырытая траншея расширяется и углубляется по мѣрѣ надобности нѣсколькими послѣдовательными рейсами машины. Существуетъ нѣсколько нумеровъ машины съ различною шириной колеса.

Управленіе машиною крайне просто: рабочій персоналъ при ней сведенъ до трехъ (въ крайнемъ случаѣ двухъ) человѣкъ. Ея продуктивность, равно какъ и дешевизна ея работы прямо поразительны. Работа машины при средне-твердомъ грунтѣ обходится по двѣ копейки за каждый вырытый кубическій метръ земли. Такая же работа въ водяныхъ черпалкахъ при неизмѣримо болѣе мягкомъ грунтѣ обходится гораздо дороже.

Приспособленные нѣмцами для военныхъ цѣлей машины эти имѣютъ огромную будущность въ мирное время, обезпечивая культурно-техническую побѣду надъ трудностями, обычными при дренажированіи почвы, проведеніи каналовъ и т. п.

Машина для рытья траншей за работой.

Изъ галицкихъ мотивовъ.

Они бѣжали отъ насилья,
Отъ грозныхъ ужасовъ войны...
Встрѣчаетъ ихъ, расправивъ крылья,
Орелъ имъ родственной страны.
Онъ ихъ зоветъ... И кличъ призывный
Надежду будитъ въ ихъ груди...

Залогомъ дружбы неразрывной
Заря сіяетъ впереди...
Заря, что̀ въ скорбную годину
На небѣ сѣвера горитъ...
Гуцулу, лемку и русину
Безъ словъ такъ много говоритъ.

А. Котомкинъ.

Перемышль.

9-го марта палъ Перемышль подъ неудержимымъ натискомъ нашихъ храбрыхъ войскъ. Палъ самый сильный оплотъ двуединой монархіи въ Галиціи—превосходная крѣпость, окаймленная тремя поясами фортовъ, построенныхъ по самому послѣднему слову военной техники. Съ этими укрѣпленіями не могутъ сравниться многочисленные, но далеко не столь совершенные форты Кракова.

Перемышль, впрочемъ, не только простой укрѣпленный пунктъ—по своему положенію и значенію онъ можетъ быть названъ сердцемъ Галиціи.

Вытянутая узкой полосой вдоль Карпатъ Галиція неоднородна по своей природѣ. Восточная ея часть составляетъ естественное продолженіе украинскихъ и подольскихъ степей и примыкаетъ къ воднымъ артеріямъ Днѣстра и Прута, западная—болѣе гориста и орошается Вислой и ея притоками. Границу между обѣими половинами страны образуетъ рѣка Санъ, — она вмѣстѣ съ тѣмъ разграничиваетъ страну и въ смыслѣ состава населенія. Къ востоку отъ Сана преобладаетъ русинское населеніе, къ западу—польское. Какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Санъ становится судоходнымъ, и расположенъ Перемышль, стоящій какъ бы на стражѣ между восточной и западной Галиціей. Онъ находится въ то же время на пути между обоими главными жизненными центрами страны—Краковомъ и Львовомъ, связанъ воднымъ путемъ съ Польшей, и черезъ него же ведутъ пути въ богатыя долины Венгріи—пути на перевалы Ужокъ и Дукла.

Не случайно, слѣдовательно, возникъ этотъ городъ,—его мѣстоположеніе является центральнымъ въ Галиціи, и съ давнихъ поръ онъ играетъ роль ключа страны,—кто владѣетъ Перемышлемъ, тотъ владѣетъ и Галиціей.

Нѣкоторые историки полагаютъ, что Перемышль былъ основанъ еще въ VII вѣкѣ. Не подлежитъ, во всякомъ случаѣ, сомнѣнію, что онъ существовалъ уже въ X вѣкѣ въ княженіе Владиміра Святого. Объ этомъ имѣется указаніе въ лѣтописи Нестора подъ 981 годомъ: „Иде Володимиръ къ ляхомъ и зая грады ихъ Перемышль, Червенъ и ины грады, иже суть и до сего днѣ подъ Русью". Въ концѣ княженія Владиміра Святого Перемышль входилъ такимъ образомъ въ составъ Кіевскаго княжества.

Судьбы города въ тѣ смутныя времена были однако перемѣнчивы. Въ 1018 г. Перемышль былъ отнятъ польскимъ королемъ Болеславомъ Храбрымъ, завоевавшимъ всю Галицію до Днѣстра, а 12 лѣтъ спустя его снова отвоевалъ великій князь Ярославъ вмѣстѣ съ другими „червенскими" городами. Въ концѣ XI вѣка Перемышль былъ стольнымъ городомъ князя Рюрика Ростиславовича и послѣ его смерти перешелъ къ его брату Володарю. Въ 1099 г. подъ стѣнами Перемышля былъ на-голову разбитъ венгерскій король Коломанъ, призванный на помощь противъ Ростиславовичей великимъ княземъ Святополкомъ. Сынъ Володаря Владимірко развѣнчалъ однако Перемышль—онъ перенесъ столицу, поближе къ Кіеву, въ Галичъ, и съ того времени и княжество стало называться Галицкимъ, или просто Галиціей.

Перемышль не переставалъ, впрочемъ, играть роли главнаго военнаго пункта Галиціи и въ дальнѣйшей исторіи этой страны, изобиловавшей трагическими событіями. Неоднократно онъ подвергался осадѣ со стороны татарскихъ полчищъ и со стороны венгерскихъ силъ. Съ его высокихъ стѣнъ не разъ летѣли тучи стрѣлъ и каменныя ядра, не разъ лилась кипящая смола на наступающихъ враговъ, пускались въ ходъ мечи и копья. Съ конца XI вѣка этотъ городъ сталъ и однимъ изъ духовныхъ центровъ Галиціи, такъ какъ въ немъ было учреждено епископство, подчиненное Кіевской митрополіи. Позднѣе, съ принятіемъ уніи, въ Перемышлѣ сохранилась епископская каѳедра. Когда Галиція стала частью Польскаго королевства, Перемышль (или Пржемысль, какъ его называютъ поляки) сдѣлался однимъ изъ главнѣйшихъ оплотовъ польской власти въ краѣ, и такимъ же оплотомъ сталъ онъ и для Австріи, когда послѣ перваго раздѣла Польши она получила западную Галицію.

Военное значеніе Перемышля зависитъ не только отъ его срединнаго положенія и удобствъ сообщенія. Топографія его окрестностей такова, что дѣлаетъ его естественной первоклассной крѣпостью. Карпаты даютъ здѣсь отрогъ на сѣверъ, который близко подходитъ къ рѣкѣ Сану. Городъ расположенъ на правомъ берегу Сана, частью въ равнинѣ, частью на высокихъ холмахъ, на которые поднимается террасами. На этихъ же террасахъ, занимая господствующее положеніе, находятся и главнѣйшія укрѣпленія его. Такимъ образомъ самой природою предназначено здѣсь быть укрѣпленному пункту.

Вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе города очень живописно. Онъ утопаетъ въ зелени садовъ, и на фонѣ горъ рѣзко вырисовываются его стрѣльчатыя башни церквей и старыхъ за̀мковъ. Узкія улицы его украшены немалымъ числомъ старинныхъ построекъ, относящихся къ XVI—XVII вѣкамъ, а въ окрестностяхъ имѣются развалины за̀мковъ, построенныхъ еще при Казимірѣ Великомъ въ XIV вѣкѣ.

За послѣднія десятилѣтія Перемышль сильно развился и сталъ городомъ не только военнымъ, но и торговымъ. Въ его ближайшихъ окрестностяхъ возникли различныя фабрики и заводы, и населеніе превысило 40.000 душъ. Городъ сталъ оживленнымъ торговымъ центромъ, привлекавшимъ къ себѣ продукты страны со всѣхъ окрестностей. Его мирное и трудолюбивое населеніе никакъ не ожидало, что Перемышлю суждено пережить новую жестокую трагедію и привлечь къ себѣ вниманіе всего міра.

Надо надѣяться, что эта трагедія будетъ послѣдней въ исторіи многострадальнаго города, и что въ лонѣ Россійской имперіи онъ обрѣтетъ миръ и спокойствіе на долгіе годы.

П. Ш.

Въ Галиціи. У городской стѣны. Крестьянинъ-продавецъ крестиковъ и образковъ.

Штабсъ-капитанъ. А. М. Колюбакинъ

Капитанъ К. В. Нейманъ.

Подполковникъ М. П. Бойно-Родзевичъ.

Полковникъ Г. А. Пирадовъ.

Подполковникъ А. В. Чижевскій.

Штабсъ-капитанъ М. Г. Егоровъ.

Сотникъ Л. В. Пинегинъ.

Капитанъ В. И. Гавриловъ.

Капитанъ Р. В. Богдановичъ.

Капитанъ Н. М. Шлакатъ.

Подпоручикъ Б. П. Солярскій.

Поручикъ Г. К. Крогерусъ.

Поручикъ Л. И. Лебедевъ.

Штабъ-ротмистръ А. А. Споре-Карлъ.

Ротмистръ Б. А. Панаевъ.

Подпоручикъ Н. Н. Филимоновъ.

Прапорщикъ А. Ѳ. Войташевскій.

Прапорщикъ Я. Я. Дурнякинъ.

Прапорщикъ А. А. Базановъ.

Подпоручикъ В. И. Дерюгинъ.

Прапорщикъ И. И. Помаскинъ.

Поручикъ Д. Д. Александровъ.

Доброволецъ В. Н. Давыдовъ.

Прапорщикъ В. И. Рудановскій.

Подпоручикъ В. В. Корниловъ.

Гонораръ профессора Вернэ.

Разсказъ **Б. Никонова**.

Въ французскій городокъ X. вкатилась волна непріятельскаго нашествія.

Нѣмцы въ каскахъ, нѣмцы въ безкозыркахъ, нѣмцы въ шинеляхъ и курткахъ защитнаго цвѣта, рослые и маленькіе, толстые и тонкіе, бородатые и бритые, заполнили дома, рестораны, гостиницы и винные кабачки, гремѣли шпорами и оружіемъ и вызывающе обращались съ жителями.

Гдѣ-то за городомъ изрѣдка бухали тяжкими ударами далекіе пушечные выстрѣлы. Въ самомъ городѣ еще наканунѣ трещала ружейная пальба, и визжали, разрываясь съ звенящимъ стономъ, шрапнели. Сегодня было уже тихо, но на улицахъ еще виднѣлись темныя пятна крови; стѣны домовъ были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ испещрены, словно выцвѣтшая тигровая шкура, впадинами выпавшей отъ пуль известки. Кое-гдѣ виднѣлись и настоящія развалины: приподнятая на воздухъ и расщепленная крыша, странно обнаженная внутренность дома, у котораго шальная граната оторвала уголъ, громадныя зіяющія отверстія въ стѣнахъ... Это была работа нѣмецкихъ пушекъ. Разсказывали, что сосѣдній городокъ подвергся еще худшей участи только за то, что не успѣлъ своевременно уплатить наложенной на него контрибуціи. И съ ужасомъ говорили, что и здѣсь будетъ то же самое...

Лишь немногіе дома были свободны отъ постоя — и то только потому, что главная масса нѣмцевъ (преимущественно гвардейцы королевскаго принца) расположились въ загородныхъ за̀мкахъ мѣстныхъ богачей. Хозяева за̀мковъ давно покинули свои роскошныя жилища. Иные изъ нихъ уже были убиты на передовыхъ позиціяхъ, другіе уѣхали въ глубь страны, подальше отъ нѣмецкихъ касокъ и нѣмецкихъ гранатъ. Аристократія, окружавшая принца, облюбовала великолѣпный за̀мокъ „Бельвю", въ пяти километрахъ отъ города. Туда привезли изъ окрестныхъ городовъ громадные запасы вина, шампанскаго, пива и всевозможныхъ припасовъ, забравъ все это у горожанъ. Самъ принцъ еще не прибылъ туда, задержавшись на позиціяхъ, но его штабъ и многочисленные прихлебатели уже успѣли расположиться въ роскошномъ за̀мкѣ съ комфортомъ и наглымъ самодовольствомъ побѣдителей.

Въ числѣ немногихъ свободныхъ отъ вражьяго постоя домовъ въ городкѣ X. былъ домъ стараго профессора-хирурга Вернэ. Никто изъ нѣмцевъ не остановился у профессора, никто не выгналъ ни его самого ни его дочь изъ маленькаго, увитаго дикимъ виноградомъ, домика на краю города. Но домъ профессора Вернэ все-таки былъ переполненъ людьми, и хозяева ютились въ одномъ лишь маленькомъ кабинетѣ профессора.

Люди, наполнявшіе домъ профессора Вернэ, были раненые. Старикъ-профессоръ, его молодая дочь Алиса и немногочисленная прислуга съ утра и до утра ухаживали за ними, не смыкая глазъ. Знаменитый въ свое время, но уже давно оставившій изъ-за болѣзни сердца практику, профессоръ за одну эту ночь сдѣлалъ столько операцій, сколько не производилъ прежде и въ недѣлю. И за одну эту ночь онъ сгорбился и состарился на нѣсколько лѣтъ. Старость, серьезная, вдумчивая, полная заботы, прокралась и на лица его окружающихъ и близкихъ ему людей. Словно всѣ они прожили нѣсколько лѣтъ, исполненныхъ труда и скорби.

Было десять часовъ утра. Дочь профессора Алиса вмѣстѣ съ прислугой собирала и укладывала въ корзины бѣлье для раненыхъ. Надъ городомъ нависла странная, подозрительная тишина послѣ ночной пальбы. И еще болѣе странными казались незнакомые звуки нѣмецкихъ пѣсенъ, раздававшіеся иногда подъ окнами. Молодая дѣвушка всякій разъ тогда блѣднѣла отъ нескрываемой ненависти и отворачивалась отъ оконъ. Эти чужіе звуки словно вцѣплялись въ ея сердце окровавленными когтями.

И вдругъ за ея спиной раздался звукъ, отъ котораго вся она мгновенно вспыхнула отъ несказаннаго счастья... Кто-то позвалъ ее по имени.

Она обернулась и со слезами радости кинулась въ объятія молодого человѣка, исхудавшаго, съ сверкавшими глазами, съ почернѣвшимъ и сухимъ, словно уголь, лицомъ, въ оборванномъ платьѣ мѣстнаго рабочаго.

— Альбертъ!—воскликнула она.—Боже мой!

— Ты не узнаешь меня?—усмѣхнулся онъ.—Должно-быть, я хорошъ!..

— Что̀ съ тобой?—спросила Алиса, тревожно вглядываясь въ него.—Какой у тебя ужасный видъ. Какъ ты попалъ къ намъ? Два мѣсяца не было никакихъ извѣстій о тебѣ—и вотъ...

Альбертъ еще разъ усмѣхнулся. Улыбка у него была какая-то неживая, словно пережитокъ прежняго выраженія, уже давно не появлявшагося на его измѣнившемся и измученномъ лицѣ.

— Что̀ со мной?—Онъ пожалъ плечами.—Со мной то же, что̀ со всѣми.—Война! Я пришелъ повидаться съ тобой, Алиса... Случайно урвался... Наши недалеко. Они гонятся за нѣмцами. Я переодѣлся, какъ видишь, и благополучно попалъ сюда...

Онъ увидѣлъ графинъ съ водой и жадно потянулся къ нему.

— Дай пить!

Алиса положила руку ему на плечо.

— Ты, вѣроятно, голоденъ? Хочешь ѣсть? У насъ кое-что осталось...

Альбертъ съ сожалѣніемъ взглянулъ на опустѣвшій графинъ.

— Хочу... Впрочемъ, не хочу... Не надо!.. А гдѣ профессоръ?

— Дома,—вздохнула Алиса.—Къ нему пришелъ мэръ. У насъ большія непріятности, Альбертъ... Нѣмцы собираютъ контрибуцію.

Альбертъ сжалъ кулаки. Глаза его вспыхнули.

— Контрибуцію! Погодите, проклятые! Дойдетъ очередь и до васъ! Ты говоришь, Алиса, что у меня странный видъ... Это неудивительно... Вѣдь я пересталъ быть человѣкомъ!

— Богъ съ тобой, Альбертъ!

— Ну, да, говорю тебѣ, что я теперь не человѣкъ... Я не понимаю, какъ можно жить, чувствовать, любить... Я съ великимъ трудомъ и рискомъ пробрался сюда, чтобы повидаться съ тобой. Я мечталъ объ этомъ... И, вотъ, я уже не чувствую радости. Не думай, что я разлюбилъ тебя... Совсѣмъ не то! Но я сейчасъ могу только ненавидѣть! Не тебя, не тебя! Пойми меня!

— Ты просто усталъ,—промолвила Алиса.—Надо отдохнуть, и это пройдетъ.

— Нѣтъ, это не пройдетъ, Алиса! Они взяли любовь... И не у одного меня... Это хуже всякой контрибуціи. Они ограбили у насъ все человѣческое...

Онъ помолчалъ, опустивъ голову, и добавилъ:

— Знаешь, отчего я пересталъ быть человѣкомъ? Я переступилъ черезъ смертельную муку... Когда люди скачутъ черезъ огонь, они темнѣютъ отъ дыма... Я перешелъ черезъ страданія смерти—и почернѣлъ отъ ненависти... Во всемъ моемъ существѣ не осталось ни одного мѣста, не захваченнаго, не обожженнаго ненавистью...

— Какъ страшно ты говоришь!—прошептала Алиса.

— Я видѣлъ, какъ они убивали женщинъ и дѣтей... Они убивали матерей. Они убивали невѣстъ—такихъ, какъ ты... Вотъ, смотри!

Альбертъ вынулъ и показалъ Алисѣ маленькое серебряное Распятіе.

— Знаешь ли ты, откуда этотъ крестикъ? Его дала мнѣ одна бельгійская дѣвушка... Когда мы пришли въ деревню, она уже умирала... Нѣмцы прокололи ее штыкомъ. Она мучилась всю ночь и къ утру умерла... Я въ ту ночь пролилъ столько слезъ, сколько не проливалъ за всю жизнь... А когда она умерла—я и пересталъ быть человѣкомъ... Я сталъ звѣремъ. Я хочу теперь только одного: сражаться и убивать, пока меня самого не убьютъ...

Алиса подняла его опущенную голову, поцѣловала въ лобъ и сказала:

— Отдай мнѣ это Распятіе! Я буду молиться и за ту дѣвушку и за тебя, чтобы Богъ опять далъ тебѣ человѣческую душу...

Маленькій толстый мэръ, съ квадратнымъ, обрамленнымъ густой черной растительностью, лицомъ, говорливый и экспансивный, умолялъ профессора Вернэ:

— Помогите, профессоръ! Вы видите, я совершенно посѣдѣлъ за это время! На васъ послѣдняя надежда... Вѣдь у васъ навѣрное есть деньги!

Профессоръ, дѣйствительно посѣдѣвшій, — и не за одно это время, но и гораздо ранѣе,—возражалъ съ усталымъ видомъ:

— То, что̀ вы считаете моими деньгами, въ сущности, уже не мои деньги...

— Недостаетъ ровно двадцати тысячъ франковъ,—продолжалъ мэръ:—вѣдь это не такъ ужъ много... А между тѣмъ...

— Хорошо. Я вамъ дамъ десять тысячъ,—промолвилъ Вернэ.

Мэръ умоляюще поднялъ руки къ небу.

— Въ такомъ случаѣ насъ разстрѣляютъ!

Профессоръ возразилъ:

— Я не могу дать вамъ болѣе. Постарайтесь достать въ другомъ мѣстѣ.

— Да какъ же еще стараться? — воскликнулъ мэръ въ отчаяніи.—Вѣдь я потому къ вамъ послѣднему и обращаюсь, что всѣ рессурсы исчерпаны... Буквально всѣ! И въ такое время вы находите возможнымъ торговаться! Я не узнаю васъ, благороднаго, отзывчиваго, безкорыстнаго профессора Вернэ...

Профессоръ вспыхнулъ:

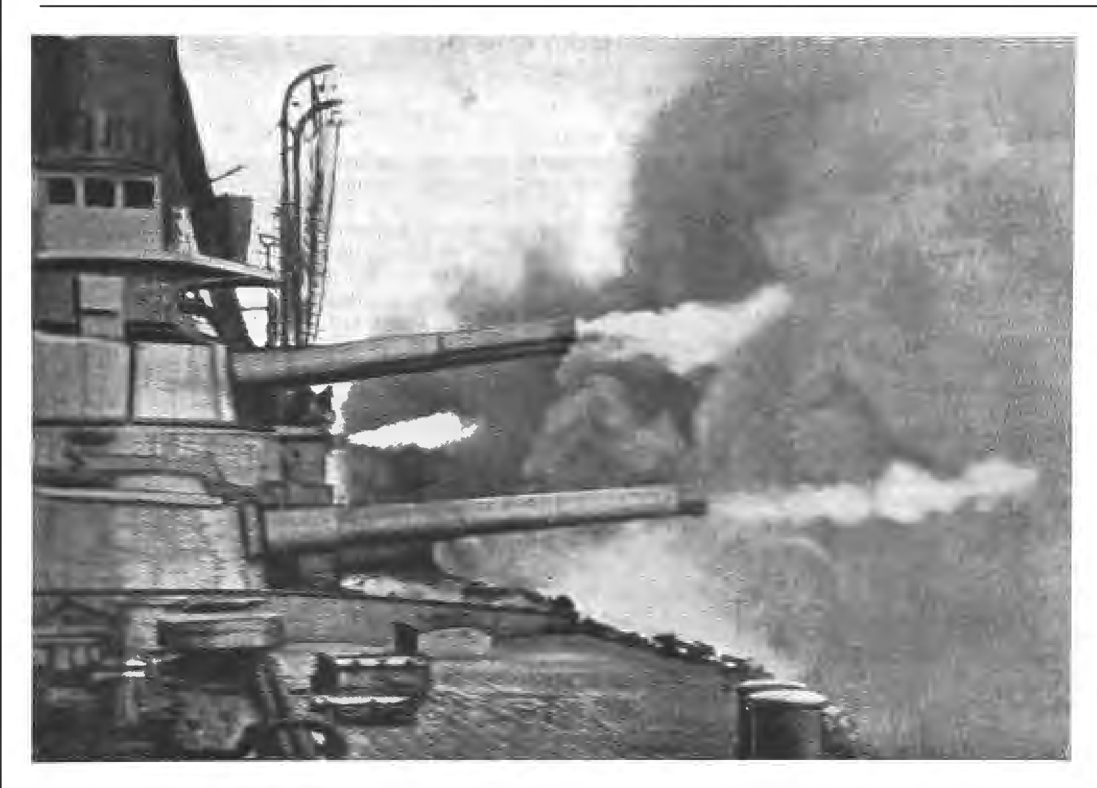
— Подумайте, о чемъ вы говорите! Торговаться? Да знаете ли вы, изъ-за чего и изъ-за кого я торгуюсь?

Мэръ смутился.

— Я не знаю,—пробормоталъ онъ.—Но, зная васъ, какъ человѣка замѣчательнаго, я предполагаю, что у васъ имѣется доброе намѣреніе.

— Тогда нечего и говорить! — воскликнулъ профессоръ.—Значитъ, вы должны понять, что не все же можно бросать въ бездонную проклятую яму нѣмецкой контрибуціи... Есть деньги, которыя нельзя туда бросать!

Мэръ нахмурилъ свои густыя черныя брови и почти заплакалъ.



Сверхъ-дредноутъ «Оріонъ»,

— И ты упрекаешь меня?..

Дѣвушка быстро и кротко возразила:

— Нѣтъ, нѣтъ, папа... Это сказалось невольно... Въ чемъ же я могу упрекать тебя?

И, перемѣняя разговоръ, она прибавила:

— Знаешь, папа, Альбертъ здѣсь!

— Въ самомъ дѣлѣ? — съ усиліемъ произнесъ старикъ.—Какъ онъ сюда попалъ?

Безразличная холодность его тона не удивила Алису. Она только горько усмѣхнулась и замѣтила:

— Какъ странно! Къ самымъ близкимъ людямъ мы начинаемъ чувствовать что-то въ родѣ безразличія... Это какое-то колдовство!

Профессоръ, не слушая ея, рѣзкимъ жестомъ поднялъ руки къ небу.

— Что намъ приходится переживать! Какое страшное униженіе для насъ! Эти разбойники схватили насъ за горло и требуютъ, чтобы мы такъ же по-разбойничьи хватали для нихъ кошельки нашихъ согражданъ! Несчастный мэръ по ихъ приказанію бѣгаетъ по городу и обираетъ послѣднихъ бѣдняковъ. А я отдаю деньги, приготовленныя для того, чтобы кормить нашихъ голодныхъ... Мы беремъ у дѣтей и кидаемъ свиньямъ... Подъ чужой палкой мы поступаемъ, какъ палачи нашихъ близкихъ... И не можемъ поступить иначе... Вотъ въ чемъ ужасъ!

Въ маленькомъ внутреннемъ дворикѣ, куда выходили окна профессорскаго кабинета, и гдѣ темнѣли высоко вздымавшіеся стволы безлистныхъ каштановъ, послышались голоса нѣсколькихъ человѣкъ. Алиса выглянула въ окно и торопливо обратилась къ отцу:

— Папа, тамъ пришли наши... Ты оставайся здѣсь, а я выйду къ нимъ одна.

— Зачѣмъ?—возразилъ профессоръ.—Я не хочу прятаться отъ нихъ.

— Папа, побереги свое сердце! Лягъ и отдохни. Ты взволнуешься!—умоляла Алиса.—Я сумѣю поговорить съ ними!

Но профессоръ молча накинулъ пальто и вышелъ на дворикъ. Нѣсколько человѣкъ—стариковъ, женщинъ и дѣтей—обступили его и Алису.

— Гдѣ же ваша столовая? Мы умираемъ съ голоду!..

— Когда же вы откроете столовую? Вѣдь вы обѣщали! Стыдно не исполнять обѣщаннаго!

— Я былъ милліонеръ,—глухо произнесъ господинъ въ цилиндрѣ:—у меня сожгли фабрику, а сегодня взяли остальное. И мнѣ приходится обратиться къ профессору съ просьбой... накормить мою дочь.

Изможденныя, истерзанныя голодомъ, страхомъ и, быть-можетъ, болѣзнями, лица окружали профессора со всѣхъ сторонъ. И на каждомъ изъ этихъ лицъ профессоръ и его дочь читали нетерпѣливое страданіе, страстно ожидающее, когда его успокоятъ и облегчатъ. Надежда, боязнь разочарованія и гнѣвъ при одной только мысли, что обѣщаніе не будетъ исполнено, скользили страшными судорожными отблесками и тѣнями на этихъ лицахъ... Профессоръ уже много разъ видѣлъ эти тѣни и образы войны на человѣческихъ лицахъ, но еще никогда тоска при видѣ ихъ не достигала у него такой степени, какъ сейчасъ, когда приходилось разочаровывать и обманывать довѣрившихся ему людей.

Онъ молчалъ. За него отвѣчала Алиса.

— Господа,—промолвила она: — мы теперь ничего не можетъ сдѣлать для васъ...

— Почему? Отчего?

— У насъ тоже отняли все...

— И вы ничего не припрятали про запасъ? Вы даже не вспомнили о насъ? Вы не подумали о томъ, что обѣщали для насъ устроить столовую?

— У насъ отняли все!—повторила Алиса и заплакала.

Въ толпѣ произошло движеніе.

— Что жъ молчитъ профессоръ Вернэ? — крикнулъ сѣдой старикъ-рабочій, съ истощеннымъ лицомъ и крючковатымъ, выдѣлявшимся на этомъ лицѣ, носомъ.

— Это правда, профессоръ Вернэ?—допрашивали другіе окружающіе.

— Профессоръ! У меня самого сердце разрывается на части. Я—самый несчастный человѣкъ въ мірѣ. Всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я былъ совершенно счастливъ, я гордился, что занимаю должность мэра. А теперь я проклинаю эту должность! Я долженъ по приказанію враговъ грабить своихъ согражданъ! Но поймите же меня: если я сегодня къ тремъ часамъ не представлю коменданту ста тысячъ франковъ, начнутся разстрѣлы и бомбардировка города... И всѣ мы погибнемъ! Поймите же это!

— Я это знаю!—спокойно возразилъ Вернэ.

— А сейчасъ уже двѣнадцатый часъ. И у меня не хватаетъ двадцати тысячъ. Откуда я ихъ возьму? Весь городъ и безъ того разоренъ... Помогите, профессоръ!

Послѣ недолгаго раздумья профессоръ Вернэ произнесъ:

— Хорошо, я вамъ отдамъ все, что имѣю.

Обросшее густыми черными волосами лицо мэра просіяло отъ радости.

— Слава Богу!

— Но такъ какъ у меня всего имѣется именно двадцать тысячъ,—продолжалъ профессоръ:—то у меня не останется теперь ничего. Это очень жаль. Но, повидимому, все равно ничего не подѣлаешь.

Мэръ съ почтительной нѣжностью произнесъ:

— Вы навѣрное хотѣли оставить ихъ въ приданое м-ль Алисѣ?

— Вотъ вздоръ!—возразилъ старикъ.—Въ такое время думать о приданомъ!

— Быть-можетъ, вы предназначили эти деньги для научныхъ работъ?

— Нѣтъ, нѣтъ,—прервалъ профессоръ.—Все это гораздо проще, чѣмъ вы думаете. Но все равно. Берите эти деньги. Если мы здѣсь будемъ голодать, то и нѣмцамъ онѣ не принесутъ пользы. Я въ этомъ глубоко увѣренъ.

Онъ отперъ ящикъ въ письменномъ столѣ, досталъ пачку денегъ и передалъ ихъ мэру. Тотъ поблагодарилъ и полетѣлъ представлять ихъ вмѣстѣ съ остальными восемьюдесятью набранными тысячами нѣмецкому коменданту города. Ему было жаль обобранныхъ горожанъ, жаль профессора, стыдно, что онъ играетъ тягостную роль нѣмецкаго мытаря — и въ то же время его пронизывало чувство искренней радости... Теперь его, очевидно, уже не разстрѣляютъ эти ужасные нѣмцы въ каскахъ и курткахъ защитнаго цвѣта.

— Папа, ты отдалъ деньги?—спросила Алиса.

Профессоръ пожалъ плечами.

— Странно было бы не отдать...

Дѣвушка горько задумалась.

— Теперь мы разорены. Мы не сможемъ никому помочь. Мы не сможемъ никого кормить.

Профессоръ повернулся къ ней, весь дрожа отъ гнѣва, съ горящими глазами, потрясая своей сѣдой шевелюрой:

— Развѣ моя дочь стала бы васъ обманывать?—глухо произнесъ профессоръ.

— Теперь нигдѣ не сыщешь правды!—пробормотала какая-то женщина.—Теперь всякій думаетъ только о себѣ...

Алиса со слезами увѣряла:

— Поймите же, что у насъ нѣтъ ничего... Мы теперь не въ состояніи накормить ни одного человѣка.

Профессоръ наконецъ вышелъ изъ своего подавленнаго состоянія и громко сказалъ, показывая на окна своего домика:

— Вонъ тамъ лежатъ раненые... Мы даже имъ не можемъ ничего дать... Еще сегодня утромъ мы могли исполнить обѣщанное. Но нѣмецкій генералъ заявилъ, что деньги и припасы ему нужнѣе, чѣмъ вамъ, и забралъ у насъ все. А если вы не вѣрите, то можете войти къ намъ, ко мнѣ... и... убѣдиться.

Его голосъ дрогнулъ. Алиса подхватила его подъ руку и повела въ домъ.

Толпа на дворѣ постояла еще нѣсколько минутъ и стала расходиться.

— Неужели они не понимаютъ? — возмущалась Алиса, когда профессоръ вернулся въ кабинетъ. — Вѣдь знаютъ же они, что мы всегда все сдѣлали бы для нихъ...

— Нѣтъ, этого нельзя понять!—возразилъ профессоръ.—Теперь нельзя ни понимать ни мыслить, какъ прежде... Теперь можно только скорбѣть или ненавидѣть... Что значитъ эта контрибуція? Она—капля въ морѣ зла... Нѣмцы берутъ контрибуцію не только деньгами: они берутъ ее людьми, человѣческими сердцами, человѣческимъ отношеніемъ другъ къ другу... Берутъ людей и оставляютъ вмѣсто нихъ звѣрей, ляскающихъ зубами.

— Альбертъ говорилъ то же самое, — вставила Алиса.

— Альбертъ? Альбертъ счастливѣе насъ. Онъ можетъ взяться за оружіе и биться до послѣдней капли крови, не раздумывая ни о чемъ... А я? А мэръ? Мы мучимся, мы ненавидимъ... Намъ стыдно и горько, какъ разбойнику на крестѣ, но, какъ разбойникъ на крестѣ, мы неподвижно приколочены гвоздями... Мы не можемъ выкинуть этихъ негодяевъ за дверь, не можемъ крикнуть имъ: „Руки прочь!..“ И если бы мы имѣли физическую возможность кинуться съ оружіемъ на враговъ, мы не имѣли бы нравственнаго права сдѣлать это. Это обозначало бы только гибель нашихъ согражданъ... О, какой позоръ! Быть подъ пятой у нѣмцевъ и давить по ихъ приказу своихъ близкихъ, морить ихъ голодомъ, отнимать у ихъ дѣтей пищу и самую жизнь... Вотъ гдѣ ужасъ!

— Папа, успокойся, Бога ради!—умоляла Алиса.—Тебѣ нельзя волноваться... Бога ради! Ты слабъ, ты боленъ, ты усталъ! Они взяли наши деньги... Неужели они возьмутъ еще и твою жизнь?

— Они все равно возьмутъ жизнь у всѣхъ!—воскликнулъ профессоръ.—А если не жизнь, такъ охоту жить... Послѣ такого позора, Алиса, трудно жить! — Онъ схватилъ себя за сѣдую голову и простоналъ: — О, если бы хоть на секунду стать сильнѣе! Неужели даже ненависть неспособна дать такую силу хоть на мигъ?.. Сжать ихъ въ своемъ кулакѣ, стиснуть ихъ, какъ капканъ стискиваетъ хорька! Дать имъ почувствовать свою силу и власть! О, если бы хоть случай, хоть случай какой-нибудь доставилъ возможность этого!

Альбертъ, усталый и измученный своими тревогами и опасностью, спалъ, какъ убитый, въ маленькомъ темномъ чуланчикѣ, примыкавшемъ къ кабинету и свободномъ отъ раненыхъ. Здѣсь въ эти дни ночевала обыкновенно Алиса.

Сквозь сонъ ему послышался гдѣ-то за окнами нѣмецкій говоръ. Мгновенно придя въ себя, молодой солдатъ кинулся къ окну. Тамъ, за окномъ, на улицѣ, въ самомъ дѣлѣ, были нѣмцы. Два громадныхъ автомобиля стояли у подъѣзда домика профессора Вернэ, и изъ автомобилей вылѣзали нѣмецкіе генералъ и офицеры. Они не вошли сразу сюда, въ домъ, но предварительно говорили о чемъ-то съ толстымъ черноволосымъ мэромъ, показывая на домъ. Мэръ испуганно отвѣчалъ имъ что-то.

Въ головѣ у Альберта пронеслась дикая мысль:

„Они идутъ сюда. Они идутъ сюда, чтобы убить профессора и взять мою невѣсту“.

Охваченный ненавистью, онъ схватилъ взятый съ собой маленькій браунингъ и кинулся въ сосѣднюю комнату-кабинетъ. Но въ это мгновеніе маленькая и нѣжная рука легла на его плечо.

Онъ инстинктивно обернулся. Передъ нимъ стояла Алиса, блѣдная, какъ полотно, съ впавшими, словно у тяжко больного, глазами. Исхудавшая рука ея крѣпко прильнула къ его плечу.

— Альбертъ! — умоляюще произнесла она. — Не надо этого... Останься здѣсь! Я прошу тебя...

— Тамъ... нѣмцы...—прохрипѣлъ онъ.—Если только они посмѣютъ... я всажу имъ пулю...

— Успокойся, умоляю тебя,—шептала она.—Ты убьешь этимъ и насъ!

— Зачѣмъ они здѣсь?—бормоталъ онъ сдавленнымъ голосомъ.—Они пришли брать контрибуцію? Я знаю... Они берутъ ее людьми... Они берутъ ее дѣвушками, честью, жизнью... Я видѣлъ это. Я знаю!..

Онъ повернулся къ двери, сжимая револьверъ. Алиса бросилась за нимъ.

— Альбертъ, ради всего святого... Ты погубишь насъ! Останься здѣсь! Я прошу тебя... Ради нашей любви... Вспомни ту убитую дѣвушку... Вѣдь и со мной будетъ то же...

— Они и такъ не пощадятъ никого!

Алиса упала передъ нимъ на колѣни.

— Я умоляю тебя!

Альбертъ не слушалъ ея. Съ упорствомъ маніака, охваченнаго безумной идеей, онъ пытался открыть дверь въ кабинетъ. Алиса вскочила и загородила ему дорогу... Въ кабинетѣ уже слышались чужіе голоса и среди нихъ голосъ профессора.

— Альбертъ!—воскликнула она.—Я требую, чтобы ты остался здѣсь ради ненависти... Я тебя ненавижу!

Онъ на мгновеніе остановился, пораженный ея словами.

— Ты меня... ненавидишь?

— Ну, да! Я поняла, что теперь не время любить. Теперь только ненавидятъ. И ты такой же палачъ, какъ и они. Если бы ты былъ мнѣ близокъ и дорогъ, я позвала бы тебя туда съ собой, и ты участвовалъ бы въ томъ, что ждетъ насъ тамъ сейчасъ. Но ты недостоинъ этого. Ты останешься здѣсь одинъ, какъ и всѣ остальные, чужіе. Ты не смѣешь итти къ намъ! Ты хотѣлъ убить насъ.

Альбертъ поникъ головой и зарыдалъ. Великая неуравновѣшенность, воцарившаяся въ немъ вмѣстѣ съ переживаемыми чувствами и съ моральной и физической усталостью, дѣлала изъ него поперемѣнно то ребенка, то сумасшедшаго. Воспользовавшись его состояніемъ, Алиса съ усиліемъ оттолкнула его отъ двери и заставила снова войти въ чуланчикъ. Онъ безмолвно повиновался ей. Но, какъ она ни старалась отнять у него браунингъ, онъ крѣпко держалъ его.

Между тѣмъ въ сосѣднемъ кабинетѣ чужіе голоса звучали все сильнѣе и напряженнѣе. Алиса бросилась туда.

По серединѣ кабинета стоялъ высокій и полный нѣмецкій генералъ. Его окружала свита изъ нѣсколькихъ офицеровъ. Въ сторонкѣ жался перепуганный мэръ. У окна, сжавъ въ наполеоновской позѣ руки и гордо поднявъ свою увѣнчанную сѣдой львиной гривой голову, стоялъ профессоръ. Нѣмецъ обращался къ нему увѣреннымъ тономъ, на хорошемъ французскомъ языкѣ.

— Вы хирургъ?

— Хирургъ! — отвѣтилъ профессоръ.

— Вы извѣстный хирургъ Вернэ? Тотъ самый, или однофамилецъ?

— Тотъ самый! — отвѣтилъ профессоръ съ легко уловимой ироніей.

— Помилуйте, г. комендантъ, это знаменитый ученый... наша гордость! — пробормоталъ изъ своего угла мэръ.

Нѣмецкій генералъ даже не оглянулся на него и продолжалъ размѣреннымъ, сухо-офиціальнымъ тономъ:

— Намъ приходится обратиться къ вамъ, господинъ профессоръ, по одному очень важному дѣлу... Я прошу удалить постороннихъ. (Комендантъ строго посмотрѣлъ на Алису). Должна быть соблюдена строгая конфиденціальность.

— Это моя дочь,—промолвилъ профессоръ.

— Все равно.

Алиса вышла. Тогда комендантъ помедлилъ съ минуту и началъ, слегка понизивъ тонъ:

— Одна очень высокая особа, находящаяся при нашей арміи, нуждается въ немедленной врачебной помощи. Вы понимаете, желательна помощь очень опытнаго и знающаго хирурга. Это не простой солдатъ...

— Гдѣ же вашъ раненый?—спросилъ профессоръ.

— Въ замкѣ Бельвю, близъ города. Вы поѣдете съ нами на моторѣ.

Профессоръ спокойно возразилъ:

— Но вы даже не освѣдомились, согласенъ ли я ѣхать...

Комендантъ надменно пожалъ плечами и молча оглянулся на окружающихъ съ такимъ видомъ, словно хотѣлъ сказать: „Какія же тутъ могутъ быть сомнѣнія?“ Мэръ подскочилъ къ профессору и тихо шепталъ ему:

— Профессоръ, Бога ради... Не упрямьтесь! Вы знаете, къ кому васъ зовутъ? Къ королевскому принцу... Онъ раненъ... Если вы откажетесь ѣхать, нѣмцы васъ разстрѣляютъ...

Профессоръ, не мѣняя позы, промолвилъ:

— Хорошо, я согласенъ ѣхать.

Мэръ радостно отскочилъ отъ него. Комендантъ живо повернулся.

— Ѣдемте! — коротко бросилъ онъ профессору.

— Да, я согласенъ,—повторилъ профессоръ: — но съ условіемъ.

Мэръ испуганно воззрился на него. Комендантъ хладнокровно, въ полъ-оборота, промолвилъ:

— Гонораръ? Вамъ будетъ уплаченъ гонораръ! Вы можете въ этомъ быть спокойны.

— Я не поѣду къ раненому, пока гонораръ не будетъ обусловленъ и выплаченъ сейчасъ же, — сухо проговорилъ профессоръ.

Мэръ отъ ужаса застылъ на мѣстѣ. Вся его кругленькая толстая фигурка выражала мольбу и ужасъ... Генералъ недоумѣвающе выпрямился и осмотрѣлъ профессора сверху.

— Но почему?—спросилъ онъ.

— Такъ нужно.

— Но вы задерживаете насъ... Необходимо спѣшить къ раненому.

— Очень жаль,—возразилъ старый хирургъ:—но я иначе не могу.

— Странное упорство. Намъ прекрасно извѣстно, что вы, профессоръ Вернэ, отличаетесь рѣдкой отзывчивостью.

Мэръ снова подскочилъ къ профессору и почти яростно шепталъ ему:

— Профессоръ, что съ вами? Вы накликаете бѣду на всѣхъ насъ, на весь городъ... Насъ ждутъ такіе ужасы...

— Я готовъ оказать помощь раненому,—спокойно промолвилъ Вернэ:—но у меня свои правила, и я не обязанъ излагать ихъ вамъ сейчасъ.

Генералъ пожалъ плечами и тихо посовѣтовался со своими адъютантами.

— Сколько же вы хотите получить за визитъ?—обратился онъ къ профессору.

Профессоръ отчеканилъ:

— Сто тысячъ франковъ.

— Я, кажется, ослышался. Прошу повторить!

— Сто тысячъ франковъ.

Генералъ покраснѣлъ отъ гнѣва.

— Это невозможно!—произнесъ онъ.

— Какъ вамъ угодно.

— Намъ прекрасно извѣстно, что вы, профессоръ Вернэ, отличаетесь безкорыстіемъ и гуманностью...

Профессоръ вспыхнулъ, но удержался и продолжалъ сравнительно сдержаннымъ тономъ:

— Да, я, если вамъ угодно, отличался безкорыстіемъ... Я съ очень многихъ паціентовъ не бралъ гонорара. На старости лѣтъ я не смогъ построить себѣ пышнаго зам̀ка, какъ это удавалось моимъ коллегамъ... Но къ данному случаю все это безкорыстіе непримѣнимо.

— Почему?

— По условіямъ военнаго времени,—уклончиво отвѣтилъ профессоръ.

— Я не понимаю васъ.

— Очень жаль. Во всякомъ случаѣ, я поставилъ свое условіе, и вы вольны принять, или отвергнуть его.

— Вы пользуетесь создавшимся положеніемъ,—проворчалъ генералъ.—Намъ не къ кому больше обратиться... Случай совершенно исключительный...

Профессоръ молчалъ, стоя все въ той же спокойной и свободной позѣ у окна. Генералъ помолчалъ, выпятилъ грудь и съ достоинствомъ промолвилъ:

— Мы доставляемъ вамъ такой лестный случай—оказать помощь самому принцу. Это послужитъ вамъ колоссальной рекламой.

— Я не тщеславенъ... и не нуждаюсь въ рекламахъ,—возразилъ профессоръ.

— Наконецъ, какъ врачъ, вы обязаны явиться къ больному по первому зову!

— И тѣмъ не менѣе я имѣю право требовать вознагражденіе въ той, или иной суммѣ!

Генералъ краснѣлъ все болѣе и болѣе. Мэръ вздыхалъ и стоналъ, растерянно разводя руками и даже молитвенно обращая ихъ къ неумолимому профессору.

— Значитъ, вы не желаете отправиться къ раненому?—промолвилъ генералъ, возвышая голосъ.

Профессоръ возразилъ:

— Я охотно отправлюсь — но не иначе, какъ за указанное вознагражденіе. При чемъ это вознагражденіе должно быть уплачено здѣсь, впередъ.

— Обдумайте, что вы говорите...—произнесъ генералъ раздраженно.

— Я никогда ничего не говорю необдуманно.

— Вамъ угодно издѣваться надъ нами? Хорошо! Въ такомъ случаѣ къ вамъ будетъ примѣнена сила!

Генералъ уже почти кричалъ отъ бѣшенства. Профессоръ сохранялъ прежній спокойный тонъ. Только глаза у него еще глубже ушли подъ блѣдный нахмуренный лобъ.

— Ко мнѣ будетъ примѣнена сила? — воскликнулъ онъ. — Какимъ же это образомъ? Вы силой вложите мнѣ въ руки ланцетъ? Вы силой будете водить моей рукой? Кто? Вы, генералъ, или одинъ изъ вашихъ солдатъ?

Комендантъ города X., уже и безъ того озлобленный упорствомъ профессора, вышелъ изъ себя и закричалъ такъ, что едва не лопнули крючки на его туго стянутомъ воротникѣ:

— Нѣтъ, чортъ возьми! У насъ есть другіе способы...

Онъ выхватилъ револьверъ. За дверью послышались сдавленное восклицаніе и странный шумъ, точно отъ глухой борьбы... Профессоръ выпрямился во весь свой небольшой ростъ и подошелъ къ генералу вплотную.

— Въ такомъ случаѣ, я совсѣмъ не поѣду къ раненому!

Генералъ прицѣлился въ него:

— Если вы не поѣдете, я убью васъ!

— Убивайте!

(Окончаніе будетъ).

На поправку.

Разсказъ **Алексѣя Липецкаго.**

Положительно не вѣрилось, что всего три недѣли тому назадъ онъ шагалъ по далекимъ млавскимъ равнинамъ, нагруженный боевой амуниціей, стрѣлялъ, кололъ штыкомъ. Опять передъ глазами та же кудластая мельница, крытая въ начесъ соломой; тотъ же ручей съ пляшущей мостушкой, а на поверхности ручья зеленая ряска—отрада прожорливыхъ утятъ. Даже потерянная кѣмъ-то чека попрежнему валяется сбоку дороги, какъ будто только вчера выскочила изъ разхлябанной оси.

Въ утреннемъ воздухѣ та особенная зябкая тишина, отъ которой съ нѣжной болью сжимается сердце и думается о чемъ-то далекомъ, неясномъ, какъ млѣющій на западѣ призрачный полумѣсяцъ.

Ивану немного жутко съ собой наединѣ. Чудится, что гдѣ-то вонъ тамъ за синимъ перелѣскомъ сейчасъ раскатисто ухнетъ, а черезъ мгновеніе вокругъ будутъ стоны, крики, смертельный ужасъ... Пальцы сами собой крѣпко стискиваютъ дуло воображаемой винтовки.

Чтобы отвлечься, Иванъ заговариваетъ съ самимъ собой вслухъ, перекидываетъ мѣшокъ на другое плечо и прибавляетъ шагу. Теперь недалеко...

Вотъ и Плавицы.

Село медленно, словно еще не проснувшись какъ слѣдуетъ, выдвигаетъ изъ-за бугра свои прижмуристыя избы. Да и въ самомъ дѣлѣ, рано. На что дѣдъ Пантелей—первый заревикъ на селѣ, и тотъ, кажись, не отворялъ еще калитки въ огородъ, гдѣ косматятся щербатыя пчелиныя колоды.

— Ку-ка-ре-ку!—сухимъ плоскимъ звукомъ разнеслось по селу.

Изъ-за плетня послышалось тяжелое бодрое хлопанье. Гдѣ-то звонко заржала продрогшая за ночь лошадь.

Иванъ аппетитно зѣвнулъ—въ вагонѣ спалось плохо—и, рысцой перебѣжавъ улицу, взволнованно забарабанилъ въ окошко.

За щетинистыми жнивьями выкатывалось большое красное солнце.

Первая проснулась Катерина. Баба толькочто закачала Степку, не унимавшагося всю ночь, и на зорькѣ сладко задремала. Снился Иванъ. Ѣдетъ онъ будто на какой-то желѣзной черной телѣгѣ, въ родѣ той, на которой проѣзжаетъ изъ имѣнія въ городъ сосѣдній баринъ, и видно, что тяжко Ивану, и на душѣ у него тоска лютая. Только хотѣла баба крикнуть: „Иванъ, я тутъ, иди ко мнѣ!"—вдругъ за спиной что-то застучало, зазвенѣло, какъ падающее стекло, и Катерина съ испугомъ открыла глаза.

— Господи Исусе!.. Кажись, Иванъ въ окошкѣ-то?.. Онъ и есть...

Словно варомъ обварило. Даже обсосанной, съ синими прожилками, груди не успѣла подобрать подъ рубаху—кинулась сначала къ окошку, потомъ въ сѣнцы. Громко шуркнула дверная задвижка...

— Иванъ... Ваня... болѣзный мой!..

Больше ни слова не могла сказать, языкъ точно въ петлю попалъ. Иванъ растерялся не меньше жены, да и слабъ еще былъ послѣ госпиталя. Держитъ жену у плеча, цѣлуетъ ее, а руки дрожатъ, какъ въ лихорадкѣ, и въ носу точно цѣлая щепоть табаку.

— Ну вотъ и вернулся, Катя, а баяла, не приду... Почитай, что въ лѣсъ за дровами сходилъ...

— А что жъ это завязано-то у тебя?..

— Стальнымъ горохомъ въ загривокъ заѣхало... Ну, да объ этомъ ужотко... А теперь пойдемъ въ избу... Раненько я поднялъ васъ... Здоровъ ли батенька?

— Здоровъ, здоровъ... Да какъ же это ты?.. Господи!..

Катерина металась изъ стороны въ сторону, точно позабыла, гдѣ дверь, а Иванъ смотрѣлъ вокругъ себя съ тѣмъ чувствомъ, какое бываетъ всегда по возвращеніи домой изъ большого города.

Послѣ великолѣпныхъ палатъ московскаго госпиталя родное гнѣздо казалось темной бѣдной конуркой. Пузатая кадка съ водой, скамья, виднѣющаяся въ избѣ бѣлая черноротая печь — все это словно глубже вросло въ полъ и стѣны, съежилось, уменьшилось въ размѣрѣ,—вотъ какъ человѣкъ уменьшается въ ростѣ на склонѣ лѣтъ,—и оттого стало особенно дорого и мило.

Проходя слѣдомъ за Катериной въ избу, Иванъ въ нѣмомъ умиленіи потрогалъ висѣвшій на стѣнѣ хомутъ, густо пропитанный дегтемъ.

— Да никакъ Иванъ?.. Вотъ такъ гость.. Ранній гость да желанный...

Старый Потапычъ, съ кряхтѣньемъ расправляя свой столѣтній крестецъ, тяжело поднялся съ лавки и, обтеревъ рукавомъ нависшіе желтые усы, трижды поцѣловался съ сыномъ.

— Здравствуй, батенька!

Иванъ снялъ съ себя шинель. Рубаха защитнаго цвѣта была грязна, смята, и на спинѣ было темное продолговатое пятно.

— Филипьевна, вставай!.. Вставай, кочерыжка гнилая!—толкалъ Потапычъ въ бокъ спавшую на печи жену. Сѣдая по-старушечьи повязанная голова отдѣлилась отъ полушубка, служившаго вмѣсто подушки.

— Касатикъ!..—вскрикнула старуха и чуть не свалилась кубаремъ съ печи.

Иванъ окруженъ уже всей семьей. Отецъ, мать, Катерина, старшій братъ Микола, прибѣжавшій изъ риги, гдѣ имѣлъ привычку спать до глубокой осени, невѣстка, ребятишки... У всѣхъ какія-то особенныя торжественныя лица. Похоже на то,

На кавказскомъ фронтѣ. Въ ущельѣ близъ Караургана.

какъ будто семья только-что вернулась отъ свѣтлой заутрени.

— Откуда же ты? Прямо съ войны?—спросилъ Потапычъ, немилосердно крутя сивую мочалу бороды.

— Нѣтъ, напередъ въ Москвѣ въ госпиталѣ двѣ недѣли пролежалъ...

И снова Иванъ окидываетъ родныя стѣны взглядомъ, полнымъ любви и недоумѣнія.

— Все гляжу и не вѣрю, дома ли я... Ишь-ты, и у васъ война,—замѣтилъ Иванъ, разсматривая на стѣнѣ лубочную картинку.

— Намедни съ базара привезли...

Выпуская пухлую горячую струю, шипя и свистя, на столъ важно всплываетъ самоваръ.

— Ну, садитесь, садитесь... Филипьевна, сажай дорогого гостя!

Старуха окончательно растерялась: вмѣсто сахарницы подала на столъ солонку. Степенная невѣстка, улыбнувшись, незамѣтно поправила ошибку.

Ивана усадили въ красный уголъ.

Исхудалый, желтый, какъ осенній листъ, съ забинтованной шеей, сидѣлъ онъ за столомъ и улыбался,—не могъ сдержать улыбки,—а въ голубыхъ глазахъ былъ еще недавній ужасъ, и эта двойственность лица вѣяла чѣмъ-то новымъ, жуткимъ и загадочнымъ. „Господи!—думала Катерина, держа подъ грудью спеленатаго Степку:—будто Иванъ и не Иванъ". Она сидѣла рядомъ съ мужемъ, глядѣла на его бѣлобрысые усы, коротко остриженный „незнакомый" затылокъ и чувствовала себя такъ, словно готовилась вторично выходить замужъ.

На кавказскомъ фронтѣ.
Рѣка Араксъ. Новыя занятыя нами мѣста въ Турціи.

— Ну какъ же ты, братень, воевалъ съ нѣмцами-то?—спросилъ Микола и звучно схлебнулъ съ блюдечка послѣдній глотокъ.

— Воевалъ-то?.. А вотъ какъ. Помню, пообѣдали мы въ субботу, а ужинать во вторникъ пришлось, да и то не мнѣ,—я скопытился къ тому времени... Только мы, значитъ, хлебнули консерва, вздохнули малость, андрацитку запалили,—глядь-поглядь, вѣстовой... катитъ во всю кальеру... Выступать... Ну, живымъ манеромъ манатки пособрали и—маршъ. Не знаю, долго ли мы шли. Но притомились во какъ... Тутъ, значитъ, скомандовали намъ: стой... Стали, окопались...

— Окопались? Это что же такое?—спросилъ Потапычъ, заряжая ноздрю основательной понюшкой.

— А чтобы пуля въ башку не попала, землицы приходится передъ собой взрыть малость... Ну, залегли, ждемъ... Андрюха Титушкинъ толкаетъ меня: „землякъ, говоритъ, коли положу животъ, передай моей бабѣ вотъ это... Предчувствіе, говоритъ, имѣю..." Иванъ досталъ изъ кармана ветошку, крѣпко перевязанную бечевкой, и добавилъ:—Ужотко надо передать Савостьянной...

Всѣ такъ и ахнули:

— Андрюху убили?

— Царство небесное!

— Пріялъ мученическую кончину...

А Иванъ продолжалъ:

— Ну, такъ вотъ, лежимъ, значитъ. Вдругъ надъ головами: бахъ-барабахъ! Это непріятельскія батареи заработали... И пошли сыпать. Наши тоже лупятъ во-всю. Господи, ты Боже мой! Вся земля до самыхъ сердцовъ дрожитъ, ни солнца тебѣ ни небушка... Огонь, дымъ, смрадъ. Хочешь сказать Андрюхѣ: живъ, молъ?—Не слыхать, какъ подъ колоколомъ. Въ этотъ день мы четыре раза брали какіе-то буераки, отступали, кололи направо и налѣво. А тамъ прошло еще три дня. Не знаю, какъ носили насъ ноженьки. Должно, самъ Микола чудотворецъ помогалъ. Андрюху убило въ первый же день. Хлопнуло—только сапоги остались...

На кавказскомъ фронтѣ.
Горы около Сарыкамыша, съ которыхъ турки вели свои атаки. Горы эти были взяты нашими войсками, блестяще отбившими всѣ атаки.

— А хитеръ нѣмецъ-то, сказывалъ староста... На семи сидитъ, на двѣнадцати выѣзжаетъ,—замѣтилъ Микола.

— Не дюже, а что лютъ онъ, дьяволъ, это правда. Изловишь его, загонишь штыкомъ куда-нибудь въ лѣсокъ—сущій тебѣ волкъ: ощерится и готовъ сожрать... А стрѣляютъ хуже бабы... Пьянинные всѣ... Возьметъ винтовку подъ мышку и палитъ... въ землю да въ землю... Что жъ, засѣвай свинецъ, наши штыки выраступъ...

— Ну, а Москву-то видѣлъ?

— А-то, почитай, всю произошелъ. Городъ не нашему Липецу чета. Кремль это, соборы... Купола такъ и горятъ—золотые все. Москва двадцать верстъ долику—есть гдѣ разгуляться. Мы все набольше въ транваѣ ѣздили, потому безплатно. Народъ все чистый, господскій народъ, и такой сердешный, просто слеза прошибаетъ... Какъ родныхъ, насъ привѣчали, особливо по праздникамъ... Въ госпиталь найдетъ прихожаго народу видимо-невидимо, и все набольше женское сословье... Несутъ намъ яблоковъ, пироговъ, табаку. Чудно смотрѣть въ ту пору на ребятъ. Понабьетъ служивый за полу халата всякаго добра—прямо баба въ щуппакѣ, а не человѣкъ воинскаго званія...

Всѣ расхохотались.

Между тѣмъ квадратъ освѣщеннаго солнцемъ окна незамѣтно

сползъ съ боковины печки, освѣтивъ на полу умывающуюся кошку. Та прищурилась, сладко зѣвнула, потомъ, изобразивъ верблюда, подошла и стала съ мурлыканьемъ тереться о бабкину ногу.

Самоваръ выпили „до отказа".

Семья, истово крестясь, начинаетъ расходиться. Невѣстка, захвативъ цыбарку, идетъ доить коровъ, Микола собирается ѣхать за водой, а ребятишки спозаранку спѣшатъ на улицу подѣлиться съ товарищами „новостями".

— Пойду, Катя, по хозяйству погляжу, соскучился,—сказалъ Иванъ.

— Поди, поди... Да ты бы напередъ рубаху чистую надѣлъ...

Послѣ всѣхъ пережитыхъ ужасовъ, грохота и трескотни орудій, мирная картина деревенскаго двора казалась какимъ-то райскимъ сномъ. Въ чистой холщевой рубахѣ, въ барашковой шапкѣ, неловко ерзавшей на стриженной головѣ, задумчиво переходилъ Иванъ отъ сарая къ ригѣ, отъ риги къ овечьему хлѣву, и чувство было такое, словно онъ никогда не работалъ вотъ въ этой самой ригѣ ловкимъ ясеневымъ цѣпомъ, а въ сараѣ не запрягалъ любимую лошадь.

Вотъ грабли, зубастыя, крѣпкія. Неужели этими самыми зубьями сгребалъ онъ въ послѣдній разъ на лугу сѣно? Тогда онъ еще кисетъ потерялъ... Какъ давно это было!

Иванъ подошелъ къ коровнику.

— Доишь, Игнатьевна?

— Дою, родной, дою... Поживешь, попьешь молочка; опять работѣемъ будешь...

Иванъ ничего не отвѣтилъ, только вздохнулъ.

Вотъ онъ на огородѣ.

Сѣрые разлатые кочни капусты, картофельная ботва, чуть тронутая утренниками. И „тамъ" попадались точно такіе же кочни, только крупнѣе, а выбитая орудійнымъ колесомъ картошка грозилась изъ земли огромными бурыми кулаками. Вспомнилъ Иванъ, какъ пекли въ походѣ эту картошку. Испекутъ для себя, глядь, и офицеры подсаживаются. Въ охотку-то вкусно было...

Мягко пригрѣваетъ солнце.

Начинающая желтѣть лозина выглянула изъ-за сосѣдней риги и остановилась въ нерѣшительности—дальше глубокій крапивистый оврагъ. Вонъ оторвался отъ лозины листъ и канулъ въ оврагъ маленькой золотой рыбкой. Спавшая давеча утромъ мельница размашисто кувыркаетъ теперь своими заплатанными крыльями, точно хочетъ смахнуть съ неба послѣднее облако. Гдѣ-то звонко цыпикаетъ синица. Черезъ плетень видно, какъ вдали подымается въ гору водовозка. Рядомъ шагаетъ братъ Микола, коренастый, здоровенный, какъ вѣковой кряжъ. И думаетъ Иванъ о томъ, какъ хорошо будетъ работать съ такимъ богатыремъ-братомъ, сколько въ будущемъ году накосятъ они матушкиржи, каковы будутъ яровые. Но тотчасъ же вспоминается приказъ изъ полковой канцеляріи, въ которомъ говорится, что „рядовой Иванъ Колобовъ отпущенъ для поправки здоровья срокомъ на три мѣсяца", и мысли принимаютъ совершенно другое направленіе.

На кавказскомъ фронтѣ.
Дорога около Сарыкамыша, съ которой наши войска взяли штыковой атакой прилегающую къ ней гору. Трупы турокъ на дорогѣ.

На кавказскомъ фронтѣ. Городъ Караурганъ.

Жемчужина Тихаго океана.

(Острова Самоа).

Среди синихъ водъ Тихаго океана находится группа вулканическихъ острововъ, сплошь покрытыхъ пышной матовой зеленью. Это—острова Самоа. Почва ихъ такъ плодородна, климатъ такъ мягокъ и прекрасенъ, горы въ кокосовыхъ пальмахъ такъ живописны, что они названы европейцами „жемчужиной Тихаго океана".

Съ 30-хъ годовъ XIX вѣка на главныхъ островахъ Самоа—Саваи, Уполу и Тутуила — появились миссіонеры и выросли колоніи англичанъ и американцевъ, возникли городокъ Апіа и богатая гавань Панго-Панго. Нѣмцы пришли на острова сравнительно недавно, позднѣе англичанъ и американцевъ.

Французскій путешественникъ Объ (Aubes), посѣтившій острова Самоа въ началѣ 70-хъ годовъ,—лѣтъ сорокъ тому назадъ,—былъ въ восторгѣ отъ цвѣтущаго вида колоній и жизни, кипѣвшей въ Апіи.

Тамъ стояло,—писалъ онъ,—много шкунъ и клиперовъ подъ флагами разныхъ европейскихъ державъ, и въ числѣ ихъ нѣсколько нѣмецкихъ. На домахъ развѣвались тоже разные флаги, но бѣлый флагъ съ чернымъ одноглавымъ прусскимъ орломъ попадался на глаза чаще другихъ. Нѣмцы вывѣшиваютъ его и надъ магазинами, и надъ домами, и надъ корабельной верфью.

Первымъ сталъ вести торговлю съ островами Самоа, главнымъ образомъ кокосовымъ масломъ, нѣмецкій торговый домъ въ Гамбургѣ „Годфруа и К°". Онъ ежегодно привозилъ съ острововъ не менѣе шести большихъ клиперовъ, груженыхъ кокосами и масломъ.

Барышъ отъ этой торговли громадный. Бочка кокосоваго масла на мѣстѣ въ Апіи стоитъ на наши деньги около 200 рублей, и цѣна эта не считается низкой. На нѣкоторыхъ другихъ островахъ Тихаго океана такую бочку можно пріобрѣсти и дешевле. Въ Гамбургѣ же бочка кокосоваго масла продавалась за 4.800 рублей, т.-е. прибыль равнялась 1.200 процентамъ. И это—чистая прибыль, такъ какъ расходы по нагрузкѣ и перевозкѣ покрываются обыкновенно платой съ пассажировъ, которыхъ клипера берутъ въ Сиднеѣ и въ другихъ городахъ Австраліи

При такихъ условіяхъ нѣмецкій торговый домъ въ Гамбургѣ велъ свои дѣла такъ успѣшно, что въ короткое время вытѣснилъ изъ Апіи всѣ остальныя европейскія фирмы. Однѣ только австралійскія кампаніи еще конкурировали съ гамбургской, но и имъ приходилось брать только тотъ товаръ, который нѣмцы не поспѣли скупить.

Германскіе консулы постепенно, незамѣтно расширяли свою власть насчетъ другихъ народностей. Уже въ началѣ 70-хъ годовъ XIX вѣка фактически господствовалъ на островахъ Самоа германскій консулъ.

Германская колонія на островахъ Самоа выросла сама собой, выросла мирнымъ путемъ—ни американцы, ни англичане, ни туземцы-полинезійцы не помѣшали нѣмцамъ процвѣтать и развиваться.

Внявъ голосу германскихъ географовъ-путешественниковъ, обращавшихъ вниманіе своего монарха на эту „жемчужину Тихаго океана", Вильгельмъ повелъ завоевательную политику. Кровь систематически избиваемыхъ туземцевъ окрасила пышную землю Самоа.

Германскій императоръ и его приспѣшники проводили на Самоа

свою обычную „колоніальную“ политику—политику раздора. Они сѣяли смуты, возбуждали бунты, натравливали другъ на друга разные народы и разные классы населенія, поддерживали вѣчную войну, занимались постоянными интригами и кровопролитіемъ.

Въ 1872 году американцы вошли въ соглашеніе съ мѣстнымъ полинезійскимъ правительствомъ Самоа и пріобрѣли гавань Панго-Панго на островѣ Тутуила.

Но американское правительство въ Вашингтонѣ сразу не одобрило и не подтвердило этого пріобрѣтенія. Шесть лѣтъ велись переговоры между колоніей и метрополіей, и только 17-го января 1878 года Соединенные Штаты С. Америки и острова Самоа заключили договоръ, по которому американцы пріобрѣли только право имѣть свою угольную станцію въ гавани Панго-Панго.

Преслѣдуя, какъ и американское правительство, идею мирной колонизаціи и строго соблюдая начала международнаго права, англійское правительство тоже вступило въ переговоры съ Самоа о пріобрѣтеніи нѣкоторыхъ правъ для англичанъ.

Но что же дѣлаютъ нѣмцы?—Ведутъ переговоры? Входятъ въ мирныя соглашенія?—Нѣтъ! Они дѣйствуютъ насиліемъ и обманомъ.

Нѣмецкій капитанъ Вернеръ вступилъ съ войскомъ на островъ Уполу и занялъ двѣ гавани, безъ всякаго предупрежденія. Цѣлый рядъ послѣдующихъ договоровъ между Америкой, Англіей и Германіей установилъ нѣчто въ родѣ „кондоминіума“ (совмѣстной власти) надъ населеніемъ Апіи, но права самоанскаго короля были признаны верховными. Несмотря на это, 10-го ноября 1884 г. Германія, безъ вѣдома и согласія Англіи и Америки, выманила у самоанскаго короля Маліетоа особый сепаратный договоръ, по которому всѣ острова Самоа перешли фактически подъ протекторатъ одной Германіи. На основаніи этого договора былъ учрежденъ государственный совѣтъ, состоящій изъ двухъ нѣмцевъ и двухъ туземцевъ, подъ предсѣдательствомъ германскаго консула. Исполнительная власть была передана нѣмецкому чиновнику, назначенному тѣмъ же германскимъ консуломъ.

Такимъ образомъ почти вся политическая власть была сосредоточена въ рукахъ нѣмцевъ. Съ 1884 по 1889 года они были полными господами на островахъ Самоа.

На островахъ поднялись безпорядки, вызванные самими же нѣмцами. Придравшись къ побоищу, устроенному нѣсколькими нѣмецкими матросами съ туземцами, германское правительство лишило престола Маліетоа и 17-го сентября 1887 года отправило его въ ссылку въ Камерунъ въ Африку.

На мѣсто Маліетоа Германія назначила королемъ Томазезе и первымъ къ нему министромъ поставила нѣмца Брандейса, агента торговаго дома Годфруа въ Гамбургѣ.

Возгорѣлась жесточайшая война. Населеніе всѣхъ острововъ взялось за оружіе, и Англія и Америка были втянуты Германіей въ войну.

Приверженцы Маліетоа не хотѣли признавать королемъ нѣмецкаго ставленника Томазезе и выбрали третьяго короля Матаафу, который оказался весьма воинственнымъ и кровожаднымъ.

Послѣ первыхъ же стычекъ нѣмецкіе матросы заняли городъ Апію.

На помощь метрополіи. Туземцы острововъ Фиджи, предложившіе свои услуги англійскому правительству, обучаются владѣть европейскимъ оружіемъ.

На помощь метрополіи. Воинъ съ острововъ Фиджи. О-ва Фиджи предложили послать отрядъ въ 1.000 воиновъ противъ нѣмцевъ.

На помощь метрополіи. Предводитель самоанцевъ, предложившихъ Англіи вступить въ ряды ея колоніальныхъ войскъ.

На помощь метрополіи. Воины съ острововъ Фиджи, вступившіе въ англійскія колоніальныя войска.

Но Господь наказалъ нѣмцевъ за насилiе и предательство. 18-го декабря 1888 г. туземный король Матаафа со своими голыми войсками разбилъ нѣмцевъ и заставилъ ихъ даже бѣжать на корабли, а 16-го iюня 1889 года страшный циклонъ пронесся надъ островами Самоа и потопилъ три нѣмецкихъ крейсера.

14-го iюня 1889 г. конференцiя въ Берлинѣ установила снова общее совмѣстное властвованiе — острова Самоа признаны были нейтральнымъ государствомъ. Король долженъ быть избранъ самимъ народомъ, и кромѣ того тремя державами назначался „верховный" судья; въ случаѣ несогласiя судью назначаетъ шведскiй король.

Такимъ образомъ вторая попытка Германiи захватить Самоа въ свое исключительное владѣнiе окончилась неудачей.

Изгнанный въ Африку Малiетоа былъ возвращенъ на Самоа. Въ 1894 г. Матаафа поднялъ вновь возстанiе, но былъ разбитъ европейцами и войсками Малiетоа, взятъ въ плѣнъ и низложенъ съ престола.

Въ 1898 г. умеръ Малiетоа, и снова начались на Самоа безпорядки, поддерживаемые нѣмцами.

Верховный судья американецъ Чемберсъ высказался за сына Малiетоа—Малiетоа-Тана, а предсѣдатель совѣта Апiи, нѣмецъ Раффель—за изгнаннаго Матаафу.

Великобританскiе и американскiе адмиралы и консулы опубликовали воззванiе съ требованiемъ, чтобы Матаафа сложилъ оружiе и подчинился законному королю Малiетоа-Тана.

Германскiй консулъ въ мартѣ 1899 г. отвѣтилъ контръ-воззванiемъ съ требованiемъ, чтобы Малiетоа-Тана подчинился Матаафѣ.

Война вновь началась. Въ войскахъ Матаафы развѣвался нѣмецкiй флагъ.

Нѣмцы остались побѣдителями.

По инициативѣ германскаго императора, въ Берлинѣ была созвана конференцiя, выработавшая два акта. Первый изъ нихъ былъ подписанъ 14-го ноября 1899 г. въ Лондонѣ, второй — 2-го декабря 1899 г. въ Вашингтонѣ.

Въ силу этихъ актовъ королевская власть на островахъ Самоа была упразднена, главные два острова Саваи и Уполу отданы были въ полное владѣнiе Германiи, третiй маленькiй островъ Тутуила съ гаванью Панго-Панго и всѣ мелкiе острова на востокъ отъ 171° — Америкѣ. Англiя отказалась отъ своихъ притязанiй на острова Самоа, получивъ компенсацiю въ другихъ мѣстахъ Тихаго океана и въ Африкѣ.

Съ 1900 г. началась на Самоа уже иная нѣмецкая политика,— кровавую политику раздора смѣнила политика гнета, и продолжалась она до послѣдняго времени.

Наконецъ наступилъ день расплаты, Въ переживаемую нами войну англичане, какъ извѣстно, завладѣли островами Самоа и изгнали оттуда всѣхъ нѣмецкихъ властей. Обрадованные избавленiемъ отъ нѣмецкаго гнета, самоанскiя войска изъявили желанiе двинуться противъ своихъ поработителей и предложили англiйскому правительству принять ихъ въ ряды колонiальныхъ войскъ.

За долгiе годы нѣмецкаго владычества самоанцы прiучились пользоваться европейскимъ оружiемъ,—мѣтко стрѣляютъ изъ ружей и пистолетовъ,—но сохранили и свои любимыя дубины, копья, пращи, желѣзные топоры и страшные „тамагауки", т.-е. длинныя палки съ желѣзнымъ острымъ ножомъ на концѣ. Кромѣ того, есть у нихъ одно своеобразное оружiе, которое, по словамъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, нигдѣ больше не встрѣчается на островахъ Тихаго океана. Это—родъ перчатки изъ волоконъ кокосоваго орѣха; на ладони въ ней прикрѣплены въ нѣсколько рядовъ острые зубы акулы, торчащiе, какъ щетка. Такiя перчатки наносятъ страшныя раны. Зубы акулы такъ крѣпко впиваются въ тѣло, что почти нѣтъ возможности ихъ высвободить.

На сѣверѣ Францiи.
Англiйскiй солдатъ выноситъ изъ боя раненаго товарища.

Германiя имѣла дерзость протестовать противъ использованiя Францiей и Англiей своихъ „дикихъ" колонiальныхъ войскъ, въ ряды которыхъ съ радостью вступили и туземцы, жаждущiе отомстить своимъ вѣковымъ культурнымъ поработителямъ. Поручая своей дипломатiи взывать къ соблюденiю началъ международнаго права, попираемыхъ самой Германiей ежедневно въ теченiе всей нынѣшней войны, германскiе военачальники ничуть не стѣсняются вводить въ свою прославленную военную технику оружiе дикихъ народовъ. Какъ установлено участниками боевъ на западномъ фронтѣ, германскiя войска были снабжены желѣзными колючими перчатками для рукопашныхъ боевъ. Эти перчатки заимствованы у „дикарей" самоанцевъ. Кромѣ того, нѣмцы придумали желѣзную пилу, надѣваемую на ружье вмѣсто штыка. Этотъ зазубренный штыкъ, наносящiй страшныя рваныя раны, опять-таки заимствованъ нѣмцами у дикарей острововъ Тихаго океана. Полинезiйцы отламываютъ эту пилу у пилы-рыбы, пропиливающей цѣлыя суда своимъ природнымъ вооруженiемъ, достигающимъ двухъ аршинъ. Судьбѣ угодно было, чтобы нѣмцы, возстановившiе противъ себя весь мiръ, принуждены были встрѣтиться въ бою съ тѣми дикарями, „культуру" которыхъ они проводятъ въ своихъ военныхъ дѣйствiяхъ, копируя ихъ оружiе и ихъ кровожадные прiемы борьбы.

А. Прессъ.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.**

Артистическое заведенiе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданiе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 22.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

1915 г. № 14

XLVI г. изданія

Выданъ 4 апрѣля 1915 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.) — 20 к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагаются „Лит. Прил.“ и „Новѣйш. Моды“ за апрѣль.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Исторія паденія крѣпостей. По поводу взятія Перемышля интересно сопоставить, сколько дней держались самыя извѣстныя крѣпости за послѣднія 60 лѣтъ, отъ крымской кампаніи до нынѣшней всемірной войны:

1. Севастополь оборонялся 349 дней.
2. Карсъ былъ обложенъ нашими войсками 7-го октября 1877 г. и взятъ штурмомъ въ ночь на 6-е ноября.
3. Портъ-Артуръ былъ блокированъ въ теченіе восьми мѣсяцевъ; бомбардировка и постепенная атака длилась около пяти мѣсяцевъ (съ 17-го іюля по 20-е декабря).
4. Антверпенъ, бомбардированный гигантскими нѣмецкими орудіями, могъ продержаться съ 7-го по 26-е сентября 1914 г.
5. Перемышль былъ окончательно блокированъ 28-го октября 1914 г., сдался 9-го марта 1915 г., т.-е. оборонялся въ теченіе 133 дней.

Сколько стóитъ продовольствіе перемышльскихъ плѣнныхъ. Исчисленіе стоимости ѣсячнаго продовольствія взятаго нами въ плѣнъ гарнизона крѣпости Перемышль, общимъ числомъ въ 120.000 человѣкъ, приводитъ къ грандіознымъ цифрамъ. Считая на каждаго въ сутки по 3 фунта хлѣба, получится, что одного хлѣба въ день на нихъ потребуется 360.000 фун., или 9.000 пуд. по . руб. 20 коп. за пудъ; стоимость одного хлѣба въ сутки составитъ около .1.000 руб. Если же на приварокъ каждому кромѣ хлѣба отпустить только о 18 коп. въ сутки, то на всѣхъ составится сумма около 22.000 руб. въ ень. Вмѣстѣ же хлѣбъ и приварокъ въ сутки составятъ около 33.000 руб., за цѣлый мѣсяцъ продовольствіе всѣхъ плѣнныхъ составитъ крупную сумму ъ 1.000.000 руб.

Почему палъ Перемышль? По приказанію Вильгельма берлинскія «серьезныя» азеты начали объяснять читателямъ, почему палъ Перемышль:

«Австрійцы набрали слишкомъ много плѣнныхъ; плѣнные русскіе съѣли ъ крѣпости всѣ запасы провіанта, и гарнизону ничего не оставалось, какъ апитулировать изъ-за голода»...

Такъ пишутъ исторію германцы.

Съ крестомъ и молитвою. Наше христолюбивое воинство унесло съ собою на оля сраженія одно оружіе, противъ котораго безсильны всѣ непріятельскія рудія истребленія, всѣ вражескія пули и бомбы. По общему свидѣтельству всѣхъ, кто былъ въ средѣ нашей арміи, тотъ религіозный подъемъ, который такъ ярко вспыхнулъ въ началѣ войны, не только не ослабѣлъ, но все растетъ. Солдаты молятся сами, просятъ молиться другихъ, благодарятъ за молитвы и благословенія и въ бой идутъ съ крестомъ и молитвою. Красочное, необыкновенно трогательное описаніе богослуженія въ нашихъ войскахъ, стоявшихъ подъ Перемышлемъ, даетъ В. Обнинскій:

«— Вотъ и церковь,—сказалъ полковникъ.—Бывшая конюшня,—на Рождествѣ еще здѣсь стояли лошади.

Съ понятнымъ любопытствомъ пріотворилъ я скрипучую половинку воротъ, вошелъ въ церковь, и немедленно глубокое волненіе овладѣло мною.

Ряды едва выдѣлявшихся изъ сумрака солдатъ стояли тихо и въ строевомъ порядкѣ. Тесовая переборка, служившая иконостасомъ, была обита синимъ коленкоромъ, далеко не хватавшимъ до полу, и на ней висѣли на гвоздикахъ бумажные образа въ рамкахъ изъ розовой матеріи. Такая же розовая завѣса на проволокѣ отдѣляла алтарь, откуда доносились неторопливые и мягкіе возгласы невиднаго пока священника. Къ дощечкамъ, прибитымъ подъ образами, солдаты прилѣпляли тоненькія свѣчи, которыя однѣ и свѣтили намъ.

Но вотъ розовая завѣса съ легкимъ звяканьемъ скользнула по проволокѣ, отворились тесовыя царскія врата, и передъ походнымъ престоломъ, заслоняя его убогость, склонился священникъ, маленькій и тихій въ движеніяхъ.

«На рѣкахъ вавилонскихъ тамо сѣдохомъ и плакахомъ»... — пѣлъ онъ пріятнымъ, слегка тронутымъ теноромъ, и три солдата изъ дьячковъ или пѣвчихъ вторили ему съ нашей стороны, отъ табуретки, служившей имъ аналоемъ.

Паръ густыми клубами шелъ изо рта священника, и сквозь него мерцали три свѣчи въ мѣдныхъ шандалахъ, стоящихъ на престолѣ. Солдаты истово крестились на коленкоровый иконостасъ, и по щекамъ офицера, стоявшаго со мной рядомъ, скатывались слезы, которыхъ онъ не стыдился и не отиралъ.

Въ двухъ верстахъ отсюда протянулись австрійскіе окопы. И когда я подумалъ, что и за ними, можетъ-быть, въ такой же заброшенной конюшнѣ католическій священникъ поетъ Богу свои молитвы, призывая Его на помощь, тогда жизнь и смерть, война и миръ и самая религія явились мнѣ въ новыхъ образахъ, за которыми грезились очертанія иной, просвѣтленной жизни народовъ».

Награда пастырю-герою. Священникъ линейнаго корабля «Евстафій» Павелъ Вороновъ, оказавшій во время боя съ турецко-германскимъ дредноутомъ «Гебеномъ» отмѣнное мужественное исполненіе военно-пастырскаго долга, поддерживавшій пастырскимъ увѣщаніемъ бодрость въ командѣ, подававшій утѣшеніе раненымъ и въ епитрахили и со крестомъ въ рукахъ находившійся на своемъ посту, по представленію командира черноморскаго флота вице-адмирала Эбергарда и по ходатайству таврическаго епископа Димитрія возведенъ Св. Синодомъ въ санъ протоіерея.

Подарки солдатамъ. Лучшій подарокъ воинамъ — сапоги, которые очень быстро изнашиваются отъ непрерывныхъ переходовъ и сырой почвы, матеріалъ и инструменты для починки сапогъ, подметки, отдѣльные куски кожи, дратва, шило, ножи и пр. Кромѣ этого, большую радость доставятъ воинамъ комплекты бѣлья (холоднаго), чай, сахаръ, табакъ, курительная бумага, спички, свѣчи, мыло, средства отъ насѣкомыхъ, почтовая бумага и карандаши.

Жертвователей просятъ упаковывать подарки отдѣльными пакетами на одно лицо для удобства передачи ихъ непосредственно изъ рукъ въ руки, такъ какъ распредѣлять вещи по отдѣльнымъ предметамъ на позиціяхъ затруднительно.

Опрокидываніе пули. Французскій врачъ де-Варньи въ «Journal de Débats» излагаетъ свои наблюденія надъ дѣйствіемъ современной ружейной пули. Онъ констатируетъ фактъ, что много пуль при полетѣ или послѣ проникновенія въ тѣло опрокидываются и лежатъ въ ранѣ либо бокомъ, либо дномъ впередъ.

По его мнѣнію, это происходитъ отъ формы современныхъ пуль, вслѣдствіе значительнаго превышенія длины ихъ надъ діаметромъ и отнесенія центра тяжести назадъ. Еще военный врачъ Бонетъ во время опытовъ стрѣльбы въ мишень, хорошо сохраняющую форму пули при ударѣ, въ 1908 г. пришелъ къ убѣжденію, что остроконечныя пули D винтовки Лебеля далеко не всѣ ударяются въ мишень головною частью: на дистанціи въ 250 метровъ изъ шести пуль одна ударяется въ мишень своимъ дномъ.

То же самое наблюдается и при стрѣльбѣ германскою остроконечною пулею S; происходитъ это отъ неодинаковаго давленія газовъ на всю поверхность дна пули во время вылета изъ ствола или же отъ встрѣчи съ какимъ-либо ничтожнымъ препятствіемъ во время полета; наконецъ уже послѣ проникновенія въ тѣло, отъ встрѣчи со средой неодинаковой твердости. Этимъ обстоятельствомъ, помимо возможности примѣненія нѣмцами разрывныхъ пуль, объясняется причина значительныхъ рваныхъ выходныхъ отверстій пули сравнительно съ входнымъ.

Дѣлались между прочимъ также опыты стрѣльбы противъ трехъ рядовъ деревянныхъ мишеней, и было установлено, что въ третій рядъ большинство пуль проникали опрокинутыми — дномъ впередъ, такъ какъ дерево тоже не представляетъ собою совершенно однородной среды. Авторъ замѣтки убѣдился, по словамъ «Русскаго Инвалида», при наблюденіяхъ за ранами, что пули S при скоростяхъ отъ 150 — 300 метровъ въ секунду, ударяясь о твердую кость, нерѣдко деформируются, при чемъ иногда оболочка ихъ лопается и слѣзаетъ съ пули, а послѣдняя расплющивается; такихъ случаевъ онъ лично наблюдалъ около двадцати. Десять случаевъ было изслѣдовано имъ радіоскопически; въ большинствѣ этихъ случаевъ не было перелома кости и слѣдовало заключить, что пуля на излетѣ уже вошла въ рану не головною частью, а дномъ впередъ; въ четырехъ случаяхъ былъ обнаруженъ переломъ—значитъ, пуля перевернулась въ самой ранѣ.

«Браво, ханумъ!» Въ «Тифл. Листкѣ» разсказанъ слѣдующій трогательный эпизодъ, имѣвшій мѣсто во время послѣднихъ боевъ въ зачорохскомъ районѣ, закончившихся, какъ извѣстно, полной побѣдой нашихъ войскъ и занятіемъ множества важныхъ турецкихъ пунктовъ.

«Не желая отстать отъ побѣдоносной лавины, въ торжественномъ шествіи своемъ сметавшей вражій слѣдъ, сестра С. передала товарищамъ свои обязанности по службѣ на одномъ изъ питательныхъ пунктовъ земскаго союза, а сама послѣдовала за войсками. Не думая объ опасности, появляясь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ помощь ея и утѣшеніе казались нужнѣе, она около десяти дней провела въ окопахъ, не зная устали ни днемъ ни ночью.

И вотъ однажды, въ перерывѣ между двумя перестрѣлками, когда окопы одной и другой стороны близко сдвинулись и когда вся площадь боя словно замерла, вздыхая лишь тяжкими стонами невидимыхъ жертвъ,—изъ русскихъ окоповъ вдругъ поднялась... женщина.

Въ дымномъ воздухѣ блеснула бѣлая косынка, мелькнулъ пурпуровый знакъ Креста.

Это сестра С., движимая любовью, бѣжала въ промежуткѣ между окопами, туда, гдѣ нужна была помощь ея маленькой руки и ея большого сердца.

Казалось, минута—и низкая пуля сразитъ побѣдившую въ себѣ смертный страхъ героиню, но...

Изъ турецкихъ окоповъ высунулись любопытныя головы; поднявшіяся-было ружья сами собою опустились, и по всему протяженію вражескихъ окоповъ бурной волной прокатились рукоплесканія.

— Браво, ханумъ!—орали пораженные неожиданностью враги, между тѣмъ какъ виновница этихъ оваціи на полѣ битвы спокойно исполняла возложенный на себя священный долгъ.

По имѣющимся свѣдѣніямъ, сестра С. представлена къ высокой наградѣ за совершенный ею подвигъ.

Но самую высокую награду она уже получила. Это—поклоненіе врага».

Германская крѣпость въ Гефсиманскомъ саду. Задолго до настоящей войны, во время пребыванія въ Палестинѣ императора Вильгельма, турецкія власти, въ силу ли давленія германскихъ дипломатовъ въ Константинополѣ или просто по собственному почину, поднесли ему въ подарокъ участокъ земли у Геѳсиманскаго сада. Въ началѣ этого столѣтія на томъ мѣстѣ нѣмцы построили кирку, возвели постройки для общежитія, окружили ихъ высокою стѣной и наконецъ устроили въ стѣнахъ бойницы. Такимъ образомъ у Геѳсиманскаго сада, на землѣ, подаренной турками Вильгельму, возникла настоящая нѣмецкая крѣпость, которая теперь снабжена орудіями и господствуетъ надъ Іерусалимомъ и его окрестностями.

Императоръ Вильгельмъ и королева Вильгельмина. Въ печати уже неоднократно отмѣчалось, что германцы собираются включить Голландію въ сферу военныхъ дѣйствій, нарушивъ ея нейтралитетъ на подобіе Бельгіи. Любопытно отмѣтить, что въ свое время сама королева Вильгельмина въ довольно-таки недвусмысленной формѣ дала понять императору Вильгельму, что германцы въ случаѣ нарушенія ими неприкосновенности голландской территоріи встрѣтятъ энергичный отпоръ.

Какъ сообщаютъ «Бирж. Вѣд.», дѣло происходило нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время пребыванія молодой голландской королевы въ Берлинѣ.

Вильгельмъ въ честь королевы устроилъ грандіозный парадъ войскамъ. Сперва передъ трибуной высокопоставленныхъ лицъ продефилировалъ батальонъ солдатъ шестифутоваго роста. Солдаты тяжело отбивали шагъ по всѣмъ правиламъ хваленой прусской шагистики.

Вильгельмъ весь просіялъ отъ удовольствія. Онъ вопросительно воззрился на королеву, ожидая отъ нея одобренія. Но Вильгельмина улыбнулась и отрицательно покачала головой.

— Они недостаточно высокаго роста»,—сказала она.

Спустя нѣсколько минутъ передъ Вильгельмомъ и Вильгельминой прошелъ цѣлый полкъ, въ которомъ не было ни одного солдата ростомъ меньше, чѣмъ шесть футовъ и два дюйма.

— И они недостаточно высокаго роста,—съ веселымъ смѣхомъ воскликнула королева.

— Какъ! И въ нихъ мало росту?!—съ интонаціей крайняго удивленія въ голосѣ спросилъ Вильгельмъ.—Что вы хотите этимъ сказать?

— Я хочу сказать,—пояснила королева,—что, когда мы открываемъ шлюзы, то уровень воды въ затопленной области превышаетъ восемь футовъ.

Не воспоминаніе ли объ этомъ отвѣтѣ королевы удерживаетъ Вильгельма отъ нарушенія нейтралитета Голландіи?

Разоренная Польша. Центральный обывательскій комитетъ въ Варшавѣ собралъ статистическія данныя о понесенныхъ населеніемъ Польши убыткахъ въ связи съ военными дѣйствіями.

Согласно этимъ даннымъ больше трехъ четвертей всей Польши подверглось нашествію непріятеля. Ни одна изъ десяти губерній Царства Польскаго не уцѣлѣла. Больше всего пострадали губерніи Калишская, Петроковская, Кѣлецкая, Радомская, Сувалкская и Плоцкая. Подвергшійся нашествію непріятеля районъ насчитываетъ 9 милліоновъ жителей, т.-е. 73% всего населенія края. Изъ городовъ и мѣстечекъ Царства Польскаго непосредственно пострадали отъ нашествія непріятеля 95. Изъ 27.000 деревень, находящихся во временно оккупированномъ непріятелемъ районѣ, разрушено 5.500, при чемъ около тысячи сгорѣло до тла.

Общая сумма убытковъ, понесенныхъ населеніемъ Польши въ связи съ войной, достигаетъ милліарда рублей.

Турки и курды—враги. Плѣнные турки и курды перевозятся внутрь Россіи. Жалкое впечатлѣніе производятъ эти люди. Глядя на ихъ грустныя лица, на оборванную одежду, не вѣрится, что эти самые воины устраивали рѣзню, звѣрствовали въ армянскихъ селеніяхъ.

Корреспондентъ «Пріаз. Края» спросилъ у проѣзжавшихъ плѣнныхъ турокъ:

— Зачѣмъ вы терзаете нашихъ солдатъ, когда они вамъ попадаются въ руки?

Турки взволновались и поклялись, что это неправда: мучаютъ только курды.

— Мы ихъ сами боимся.

И дѣйствительно, турки стараются отдалиться отъ курдовъ и даже въ лазаретахъ просятъ положить ихъ отдѣльно:

— А то они насъ зарѣжутъ.

Хорошо «единеніе» въ турецко-курдскихъ отрядахъ!

Такъ, вообще плѣнные турки не вѣрятъ, что ихъ въ Россіи подвергнутъ казни, какъ ихъ убѣждало начальство. Россію и русскихъ турки хорошо знаютъ.

Но въ Ростовѣ, когда раненымъ туркамъ въ лазаретѣ велѣли выходить изъ палатъ, многіе уперлись, усѣлись на койки и стали рыдать.

Плакали, какъ дѣти.

Сестра милосердія, говорящая по-турецки, спросила одного, почему онъ не хочетъ итти. Бородатый, лѣтъ подъ сорокъ, турокъ сквозь слезы отвѣтилъ:

— Не хочу обратно въ вагонъ...

Ему растолковали, что ихъ повезутъ не въ вагонъ, а въ лазаретъ, такой же, какъ и здѣсь, что будутъ кормить и лѣчить и никуда дальше не повезутъ.

Лица просіяли. Вытерли турки кулаками слезы и мирно пошли.

Въ вагонахъ съ плѣнными большая возня.

Армяне не хотятъ садиться въ одинъ вагонъ съ турками; турки боятся ѣхать съ курдами.

Пришлось дѣлить всю эту ораву по національностямъ и разсаживать отдѣльно.

Любопытно, какъ бесѣдуютъ съ турками солдаты: показываетъ на ротъ и дѣлаетъ видъ, что ѣстъ хлѣбъ; это значитъ—онъ хочетъ хлѣба, голоденъ. Затѣмъ проводитъ рукой по горлу; это значитъ, что давай хлѣба или перерѣжь горло; а если кладетъ руку на грудь и качаетъ головой—значитъ, ужъ дѣло совсѣмъ плохо: молъ, душа болитъ.

Солдаты жалуются, что плѣнные турки и курды много пьютъ воды и «жрутъ снѣгъ».

— Весь снѣгъ во дворѣ поѣли...

Легкій русскій языкъ. Это оригинальное заглавіе дано маленькому англійскому словарю русской разговорной рѣчи, изданному въ Англіи для солдатъ въ предвидѣніи надвигающихся событій, приближающихъ союзныя арміи — англійскую и русскую. На обложкѣ книжки изображены перекрещенные русскій и англійскій флаги и значится заглавіе: «Easy Russian», означающее въ переводѣ «Легкій русскій». Появленіе въ свѣтъ этой книжки подтверждаетъ тотъ фактъ, что въ Англіи, несмотря на медленность военныхъ дѣйствій на западѣ, уже теперь разсуждаютъ о томъ, какъ союзники будутъ воевать не на двухъ фронтахъ, отрѣзанныхъ другъ отъ друга Германіей, а бокъ-о-бокъ въ самой Германіи. Въ предвидѣніи этого будущаго англійская книжка хочетъ помочь своимъ солдатамъ при сношеніяхъ съ нашими, давъ англичанамъ въ руки «Легкій русскій языкъ». Нѣчто въ родѣ старыхъ «Русскаго въ Италіи» или

«Англичанина въ Швейцаріи». Только разговариваютъ здѣсь не безпечные туристы, а русскіе и англійскіе военные въ Германіи.

Весь словарь приноровленъ къ нуждамъ военнаго времени. Первая въ немъ фраза: «Стой! Кто идетъ?», а потомъ вопросы: «Гдѣ врагъ? Гдѣ кавалерія? Пушки?» Въ главѣ «о частяхъ тѣла» значится длинный перечень: «я раненъ въ голову, шею, плечо, грудь, носъ, ротъ, зубы»...

Англійскую книжку заканчиваютъ фразы: «Да здравствуетъ Царь!» «Да здравствуетъ король!»

Круппъ — арендаторъ залежей вольфрама на Уралѣ. На засѣдавшемъ въ Петроградѣ съѣздѣ электротехниковъ обсуждался очень важный вопросъ, касающійся изготовленія электрическихъ лампочекъ въ Россіи. А. В. Ольшвангъ сдѣлалъ докладъ, изъ котораго видно, что у насъ имѣются четыре хорошо оборудованныя фабрики, имѣющія возможность изготовлять по сорокъ тысячъ лампочекъ въ день. Къ сожалѣнію, русскія фабрики до настоящаго времени лишь занимались сборомъ заграничнаго матеріала, и, какъ удачно выразился докладчикъ, въ этихъ лампочкахъ былъ только русскій воздухъ, да и тотъ выкачивался насосами иностраннаго происхожденія.

Разразившаяся война прекратила ввозъ электрическихъ лампочекъ, и мы должны позаботиться, чтобы лампочки впредь вырабатывались у насъ, въ Россіи.

Эта отрасль русской промышленности не обошлась безъ участія нѣмецкихъ предпринимателей, даже самого Круппа. На Уралѣ у насъ имѣются залежи легкаго металла, именуемаго вольфрамомъ, изъ котораго вырабатываются металлическія нити для электрическихъ лампочекъ. Какъ ни странно, залежи металла были въ арендѣ у Круппа. Съ началомъ военныхъ дѣйствій представитель Круппа былъ высланъ.

Находчивый хирургъ. Между Сенъ-Сиромъ и Виллакубле, на сенъ-сирскомъ аэродромѣ происходили учебные полеты военныхъ авіаторовъ, которые спускались, подымались, дѣлали мертвыя петли и другія сложныя фигуры въ воздухѣ. На все это любовался изъ окна госпиталя старшій врачъ-хирургъ. Его оторвалъ отъ наблюденій надъ полетами рѣзкій звонокъ телефона. Доктора призывали немедленно на аэродромъ Виллакубле, гдѣ случилось несчастье: одинъ изъ механиковъ, приводя въ движеніе моторъ аэроплана, не успѣлъ во-время отскочить въ сторону, и винтъ врѣзался ему въ ногу, причинивъ кровотеченіе, которое трудно было остановить. Требовалась немедленная медицинская помощь. Хирургъ быстро уложилъ инструменты и перевязочный матеріалъ и, не теряя ни минуты, побѣжалъ къ одному изъ аппаратовъ, который уже былъ готовъ къ полету. Нѣсколько словъ—и офицеръ-наблюдатель сошелъ со своего мѣста, которое занялъ хирургъ. Знакъ авіатора механикамъ, гулъ мотора—и хирургъ полетѣлъ къ своему паціенту. Черезъ пять минутъ докторъ былъ на мѣстѣ, и раненому была оказана необходимая помощь. Кажется, это первый случай, когда врачъ отправлялся къ паціенту на аэропланѣ.

Хитрость русскаго плѣннаго. Изъ Германіи отъ нашихъ солдатъ, томящихся въ тяжкомъ плѣну, приходятъ печатныя открытыя письма, въ которыхъ по одному шаблону сообщается, что живется плѣннымъ хорошо. Всякая попытка плѣннаго написать правду кончается неудачей—не проходитъ мимо зоркаго глаза нѣмецкаго военнаго цензора. Одному изъ плѣнныхъ удалось хитростью сообщить, что текстъ нѣмецкихъ открытокъ ложенъ. Отъ харьковца, находящагося въ плѣну у германцевъ, получено письмо, въ которомъ онъ пишетъ, что въ Германіи живется такъ же хорошо, какъ въ Харьковѣ на Сабуровой дачѣ. Письмо это прошло черезъ германскую военную цензуру.

Очевидно, нѣмцы разсчитывали, что подъ Сабуровой дачей авторъ письма разумѣетъ какую-нибудь виллу; между тѣмъ Сабуровой дачей въ Харьковѣ называется психіатрическая лѣчебница Харьковскаго губернскаго земства.

Что знали о русскихъ въ Карпатахъ? Сообщая о тяжеломъ положеніи русскаго населенія въ Галичинѣ, посѣтившій ее членъ Гос. Думы отъ казачества М. А. Карауловъ разсказалъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», какъ дико и невѣжественно населеніе горныхъ захолустій Прикарпатской Руси. Во многихъ селахъ приходилось встрѣчать людей, искренно вѣрившихъ, что казаки — полукони, полулюди; что казаки охотно ѣдятъ шашлыкъ изъ младенцевъ и запиваютъ его горячей кровью; что у казаковъ не по два глаза, какъ у прочихъ людей, а по одному, или, наоборотъ, по четыре: два спереди, а два на затылкѣ, между волосъ подъ шапкой. И жители просили казаковъ снимать шапки, щупали собственноручно имъ затылки, чтобы убѣдиться въ своемъ заблужденіи. Да и то еще иные оставались въ сомнѣніи и, отходя, говорили:— «Ну это, должно-быть, не настоящіе казаки!» Матери спрашивали офицеровъ, какого ребенка ея будутъ закалывать на ужинъ первымъ.

Долги великихъ державъ. По офиціальной статистикѣ вашингтонскаго правительства, задолженность всѣхъ государствъ міра, какъ сообщаетъ «Т.-Пр. Газ.», составляла къ началу войны 77 милліардовъ рублей, при чемъ долги отдѣльныхъ государствъ слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ (въ милліонахъ руб.): Франція—11.120, Россія—8.426, Англія—6.435, Италія—5.000, Испанія—3.333, Брит. Индія—2.731, Японія—2.315, Германія—2.176, Соед. Штаты—1.898, Австро-Венгрія—1.944. Долги германскихъ союзныхъ государствъ составляли 14.900 милл. мар., или 6.898 милл. руб. По сравненію процентныхъ ставокъ по займамъ, по тѣмъ же вашингтонскимъ даннымъ, оказывается, что рекордъ побили съ одной стороны Соединенные Штаты съ ихъ двухпроцентными займами, съ другой—республики центральной Америки съ ихъ десятипроцентными займами.

Погибли ли художественныя сокровища Бельгіи и Франціи? Относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ можетъ быть сказано положительно, что они благополучно водворены въ германскіе музеи. Скорѣе всего это можно предположить и по отношенію къ остальнымъ.

Возьмемъ, напримѣръ, всемірно-извѣстное панно алтаря, работы изобрѣтателей масляной живописи, братьевъ Губерта и Яна Ванъ-Эйкъ: «Поклоненіе агнцу». Этотъ гигантскій триптихъ былъ заказанъ братьямъ въ 1433 г. бургомистромъ Гента для церкви St. Bavo. Главная часть панно оставалась до послѣдняго времени въ Гентѣ, отдѣльныя части были перевезены въ брюссельскій музей, шесть же боковыхъ плоскостей, такъ называемыя крылья, хранятся въ берлинскомъ музеѣ императора Фридриха.

По свѣдѣніямъ газеты «Matin», передаваемымъ «Бирж. Вѣд.», въ Берлинѣ теперь находится все панно, отдѣльныя части котораго нѣмцы бережно вывезли изъ Брюсселя и Гента.

Также достовѣрно извѣстно, что гордость Брюгге — диптихъ, триптихъ и миніатюры Ганса Мемлинга послѣдовали въ Берлинъ вслѣдъ за шедевромъ братьевъ Ванъ-Эйкъ.

Изъ лувенскаго музея исчезли еще до разгрома «Мучительство св. Эразма» и «Послѣдняя вечеря» Дирка Бутса. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что обѣ картины перевезены въ Берлинъ. Скорѣе всего въ Берлинѣ находятся и цѣннѣйшія рукописи и знаменитые требники лувенской библіотеки.

Изъ собора въ Аррасѣ исчезла картина Ванъ-Дейка «Христосъ въ гробу». Предполагали, что она была разрушена бомбардировкой, но это предположеніе пришлось отбросить, такъ какъ никакихъ слѣдовъ отъ картины въ соборѣ не осталось. Поврежденная или цѣлая, она находится теперь въ Германіи. Та же участь, несомнѣнно, постигла «Рождество» Тинторетто и «Явленіе Христа Маріи Магдалинѣ» Тиціана, украшавшія Реймсскій соборъ. Другія сокровища Реймсскаго собора (священные сосуды, фіалъ, изъ котораго помазывали муромъ коронующихся королей Франціи, и др.) были вынесены и скрыты раньше вступленія въ городъ пруссаковъ.

Всѣхъ счастливѣе въ этомъ смыслѣ оказался Антверпенъ. Сокровища его галлерей и храмовъ — картины Матсиса, Ванъ-деръ-Вейдена, Ванъ-Дейка, Теньера, Іорденса, Рубенса и др. — были вынуты изъ рамъ и запаяны въ герметическія мѣдныя трубки. Этотъ безцѣнный грузъ былъ вывезенъ изъ Антверпена въ одну глухую ночь и зарытъ въ извѣстномъ развѣ десятку людей мѣстѣ. Здѣсь ему надлежитъ лежать, пока солнце мира снова не взойдетъ надъ растерзанной Бельгіей.

Менѣе цѣнныя произведенія искусства перевезены изъ Антверпена въ Лондонъ.

Спектакль въ окопѣ. Въ «Новомъ Времени» К. Ван. сообщаетъ интересное описаніе жизни нашихъ солдатъ въ окопахъ. «Одинъ изъ моихъ школьныхъ товарищей, поручикъ N-скаго полка, работающаго на западномъ фронтѣ, прислалъ мнѣ вмѣстѣ съ письмомъ любопытный документъ — программу устраиваемаго солдатами спектакля... въ окопѣ.

Привожу его дословно: «Сцѣна въ окопе.

Будетъ представлена сцѣна «Храбрый казакъ Семенъ Смуровъ убѣгаетъ съ германскаго плена» сочиненіе рядовова и георгіевскаво Кавалѣра Павла Зимина. Начало сцѣны въ 8 часовъ. Если ничево не случитца Бенгальскій огонь и пляски с тальянкой съ разрешенія ротнаго».

Ни въ программѣ ни въ письмѣ (къ сожалѣнію, очень короткомъ) не говорится, что это за «бенгальскій огонь».

Если это огонь нѣмецкихъ батарей, то «сцѣна георгіевскаво Кавалѣра Павла Зимина» прошла подъ громъ аплодисментовъ... германскихъ орудій.

Во всякомъ случаѣ въ письмѣ указывается, что «пляска съ тальянкой съ разрешенія ротнаго» состоялась, какъ состоялся и весь спектакль, ибо, на счастье автора, артистовъ и зрителей, «ничево не случилось».

Пріемы нѣмцевъ. Нашими войсками былъ захваченъ на наревскомъ фронтѣ германскій приказъ, требующій во что бы то ни стало захватывать плѣнныхъ, чтобы выяснить группировку русскихъ силъ. Съ этой цѣлью рекомендуется устройство капкановъ и волчьихъ ямъ. Далѣе войскамъ предписывается захватывать всѣ припасы, реквизировать даже ненужное войскамъ сырье и немедленно направлять его въ интендантство. Повидимому, русскіе плѣнные достаются германцамъ вовсе не такъ легко, какъ они сообщаютъ это въ печати, и нашимъ войскамъ дѣйствительно приходится имѣть дѣло съ голоднымъ врагомъ. Нѣкоторые германскіе маневры объясняются поисками картофеля.

Вильгельмъ—плохой мусульманинъ. Отъ Вильгельма отрекается не только христіанскій, но и мусульманскій міръ. Въ египетской газетѣ «Eh Ahram», выходящей въ Каирѣ, помѣщено интересное письмо мусульманина, посвященное вопросу объ отношеніи императора Вильгельма къ мусульманству.

«Я слышалъ,—пишетъ авторъ письма,—о циркулирующихъ среди египетскаго населенія слухахъ, что императоръ Вильгельмъ принялъ мусульманство. Я, конечно, не могъ этому повѣрить. Но слухи эти становятся все болѣе настойчивыми, и нашъ темный людъ усматриваетъ ихъ подтвержденіе въ томъ достойномъ пламеннаго неофита фанатизмѣ, съ которымъ императоръ Вильгельмъ уничтожаетъ христіанскіе храмы и памятники.

«А между тѣмъ исламъ представляетъ собой вѣроисповѣданіе, слишкомъ возвышенное для подобнаго варвара. Нашъ коранъ говоритъ: «Будь добръ, насколько добръ Богъ по отношенію къ тебѣ... Богъ не любитъ людей, нарушающихъ данное ими слово»... А въ другомъ мѣстѣ: «Соблюдайте заключенные вами договоры, потому что вы будете за нихъ отвѣтственными. Будучи врагомъ, не будь несправедливымъ, ибо несправедливость является безбожностью».

Пророкъ, посылая одного изъ своихъ вождей въ военную экспедицію, далъ ему такія указанія: «Одержи побѣду, шествуя путями Бога. Побѣждай безбожныхъ, но не будь ни несправедливымъ, ни измѣнникомъ, ни насильникомъ. Не трогай ни женщинъ ни дѣтей. Таковы воля Бога и указанія Его пророка».

Музыка для солдатъ. Въ земскій и городской союзы за послѣднее время все чаще и чаще стали поступать письма солдатъ съ просьбою прислать имъ какую-нибудь «музыку».

Въ большинствѣ случаевъ дѣло идетъ, конечно, о «гармошкѣ».

— Скучно сидѣть въ окопахъ, нечѣмъ душу отвести. А у нѣмца всегда музыка имѣется.

Особенно раздражаютъ нашихъ солдатъ австрійцы, у которыхъ гармоника пользуется большимъ распространеніемъ.

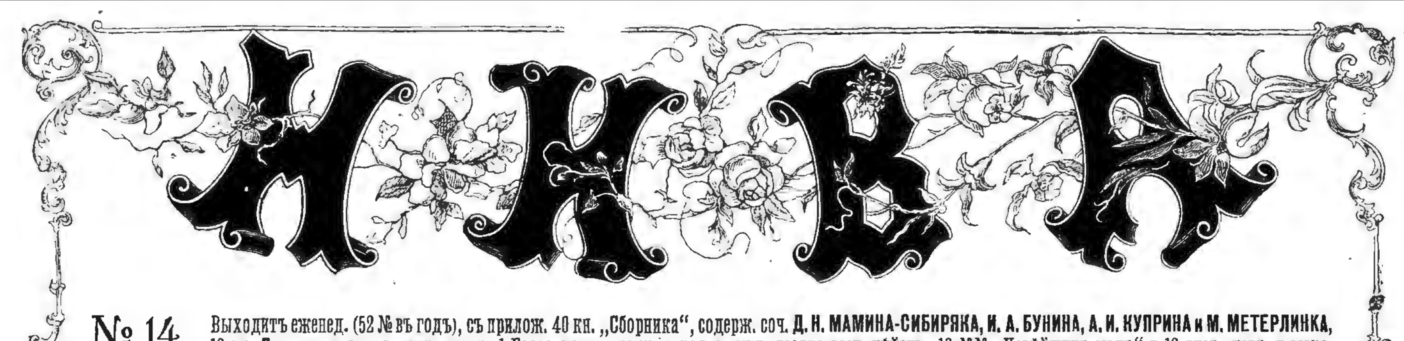
— Досадно: прямо у тебя подъ самымъ носомъ на гармошкѣ играютъ, а играютъ дрянь, — пишетъ другой солдатъ—большой, вѣроятно, любитель залихватскаго «трепака» и «камаринской».

Эти письма побудили городской союзъ обратиться къ жертвователямъ, заготовляющимъ подарки воинамъ, съ просьбой, чтобы они подумали объ удовлетвореніи и этой потребности солдатъ.

Пособіе на воспитаніе сына моряка. Главный Морской Штабъ объявляетъ объ открывающейся съ 1-го іюля текущаго года вакансіи на полученіе пособія имени генералъ-адъютанта адмирала Шестакова на воспитаніе сына одного изъ умершихъ или находящихся въ отставкѣ недостаточныхъ офицеровъ флота,— въ возрастѣ отъ 9 до 17 лѣтъ.

Просьбы на полученіе этого пособія, съ приложеніемъ метрическаго свидѣтельства о рожденіи и крещеніи малолѣтняго, должны быть поданы въ Главный Морской Штабъ къ 1-му мая сего года.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.



№ 14. Выходитъ еженед. (52 №№ въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 4 апрѣля 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на 1/2 года—4 р., на 1/4 года—2 р. Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Въ Карпатахъ.

Охваченъ ледяными латами,
Еще боевъ не стынетъ хмель...
Надъ оснѣженными Карпатами
Гудитъ послѣдняя метель.

Руками злыми и студеными
Зима братается съ войной...
И гнѣвно русскими знаменами
Колышетъ вѣтеръ ледяной.

Христовой муки удостоены
Повсюду храбрые легли...
Грядутъ безхитростные воины
Печальной сѣверной земли.

Идутъ путями небывалыми,
По груди въ снѣгу—искать врага,
И дикими цвѣтами алыми
Цвѣтутъ карпатскіе снѣга.

Но тщетно злобами змѣиными
Враги околдовали ихъ...
Неслышно крадется долинами
Весна воителей благихъ.

Стезями свѣтлыми и правыми.
Побѣдный близится чередъ...
Взойдетъ ликующими травами,
Огнями счастья зацвѣтетъ.

Д. Коковцовъ.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Послѣ Перемышля.

Паденіе Перемышля всегда учитывалось военными авторитетами, какъ событіе, преимущественно, весьма крупнаго моральнаго значенія. Однако несомнѣнно, что моральное впечатлѣніе, произведенное въ Австро-Венгріи извѣстіемъ о паденіи Перемышля, должно было, въ свою очередь, повліять и на стратегическую обстановку. Въ самомъ дѣлѣ, моральное впечатлѣніе не есть нѣчто такое самодовлѣющее, ибо оно прежде всего вызываетъ, какъ въ данномъ случаѣ, ослабленіе силы сопротивленія противника, а слѣдовательно, и даетъ возможность достигнуть нѣкоторыхъ стратегическихъ успѣховъ.

Поэтому, признавая, что паденіе Перемышля имѣло преимущественно моральное значеніе, мы должны были ожидать въ ближайшіе дни тѣхъ стратегическихъ (также и политическихъ) результатовъ, которые неизбѣжно должны были дать новые моральные факторы. Дѣйствительно, немедленно послѣ паденія Перемышля обозначилось наше крайне энергичное наступленіе на Карпатахъ, и сразу цифры австрійскихъ плѣнныхъ неимовѣрно возросли. Каждый день сообщенія штаба Верховнаго Главнокомандующаго приносили извѣстія о сдачѣ въ плѣнъ отъ двухъ до пяти тысячъ австрійцевъ.

Конечно, австрійцы раньше давали ежедневно также сотни и тысячи плѣнныхъ, но такой ежедневной массовой сдачи до сихъ поръ еще не наблюдалось. Эти ежедневныя потери тысячами плѣнныхъ объяснялись тѣмъ, что австрійскимъ войскамъ былъ отданъ приказъ никогда и ни въ

„Въ Карпатахъ наши войска, несмотря на вьюгу и сильный морозъ, успѣшно продолжали наступленіе, двигаясь по поясъ въ снѣгу...“ (Отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго).
Рисунокъ нашего военнаго корреспондента М. Авилова.

Къ этому № прилагаются: 1) „Ежемѣс. литературныя и популярно-научныя приложенія" за апрѣль 1915 г. 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ" за апрѣль 1915 г. съ 45 рис., отдѣльный листъ съ 29 черт. выкр. въ натур. величину и 36 рис. дамскихъ рукодѣлій.

Генералъ-отъ-инфантеріи М. В. Алексѣевъ, Высочайше назначенный главнокомандующимъ арміями сѣверо-западнаго фронта.

какомъ случаѣ не отступать съ занимаемыхъ ими позицій. Такіе категорическіе приказы „не отступать никогда и ни въ какомъ случаѣ" отдаются обыкновенно лишь арьергардамъ, т.-е. какой-либо группѣ войскъ, предназначенной на погибель съ тѣмъ, чтобы спасти и увести остальную массу войскъ. Въ данномъ случаѣ, приказывая войскамъ „не отступать никогда и ни въ какомъ случаѣ", австрійцы намѣренно обрекали свои арміи на гибель съ тѣмъ, чтобы отсрочить время до предстоящаго наступленія германскихъ войскъ.

Австро-венгерское правительство не можетъ теперь не сознавать, что австрійскія арміи совершенно неспособны спасти страну послѣ 8 мѣсяцевъ безпрерывныхъ пораженій, послѣ того, какъ австрійцы потеряли всю перволинейную армію и большую часть резервовъ, и теперь имѣютъ арміи, преимущественно, изъ ополченія. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ, когда армія разбита и неспособна къ сколько-нибудь серьезному дальнѣйшему сопротивленію, страна должна капитулировать и, изъявляя покорность, старается лишь выговорить лучшія условія при примиреніи.

Несомнѣнно, если бы австрійцы были предоставлены самимъ себѣ, мы бы уже давно и, во всякомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, послѣ паденія Перемышля, услыхали объ изъявленіи покорности со стороны Австро-Венгріи.

Слишкомъ ужъ очевидно, что австрійцы не могутъ болѣе разсчитывать на свои истрепанныя, разбитыя войска, и что дальнѣйшая борьба на австрійскомъ фронтѣ есть лишь простое добиваніе австрійцевъ.

Однако австрійцы въ такомъ же жалкомъ положеніи были уже и послѣ Галиційской битвы, ибо и тогда австрійская армія уже не была способна собственными силами спасти страну. Но тогда имъ подали руку помощи нѣмцы и, наступая двукратно къ Варшавѣ, а въ третій разъ двинувшись изъ Восточной Пруссіи, временно отдалили окончательную гибель двуединой монархіи.

Очевидно и теперь вся надежда австрійцевъ—на новое успѣшное наступленіе нѣмцевъ въ нашу сторону. Но именно теперь эта надежда болѣе призрачна, чѣмъ когда-либо, такъ какъ положеніе нѣмцевъ представляется настолько напряженнымъ на обоихъ фронтахъ, что трудно себѣ представить, чтобы они могли оказать какую-либо существенную помощь своимъ гибнущимъ союзникамъ.

Какъ мы видѣли раньше, для оказанія помощи австрійцамъ нѣмцы употребляли одинъ опредѣленный пріемъ: они наступали въ Польшѣ или изъ Восточной Пруссіи. Слѣдовательно, и теперь, чтобы спасти австрійцевъ, нѣмцы должны прибѣгнуть къ тому же пріему и произвести еще разъ наступленіе къ Вислѣ, Нареву и Нѣману.

Однако теперь уже условія не тѣ; прежде всего нужно отмѣтить, что въ настоящій моментъ нѣмцы не могутъ произвести крупнаго наступленія уже просто изъ-за весенней распутицы. Поэтому до окончанія этой весенней распутицы австрійцы должны сами предпринять какія-либо мѣры для того, чтобы временно оградить Венгрію отъ нашего вторженія.

При такихъ условіяхъ и былъ отданъ приказъ австрійскимъ войскамъ не отступать никогда и ни въ какомъ случаѣ съ занимаемыхъ ими позицій на Карпатахъ. Австрійскій генеральный штабъ понимаетъ, что такой приказъ ведетъ лишь къ тому, что войска, дѣйствительно, хотя и не сходятъ съ позицій, но зато окружаются и сдаются въ плѣнъ. Австрійцы это сознаютъ, но мирятся, такъ какъ имъ нужно протянуть время хотя бы до окончанія весенней распутицы. Какъ бы то ни было, такія непрерывныя ежедневныя капитуляціи могутъ стоить австрійцамъ въ теченіе, допустимъ, мѣсяца, въ среднемъ около 80 — 100 тысячъ человѣкъ. Это, конечно, не мало, но, очевидно, австрійскій генеральный штабъ прибѣгъ къ такому оригинальному способу, считая, что все же это лучше, чѣмъ вторженіе нашихъ войскъ въ Венгерскую равнину.

Такимъ образомъ австрійцы избрали неслыханный способъ ежедневныхъ капитуляцій, каждый разъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, ради того, чтобы подольше задержаться на Карпатскихъ позиціяхъ и продлить время до начала германскаго наступленія.

Когда же можетъ состояться германское наступленіе?

Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо прежде всего уяснить, насколько вообще возможно какое-либо наступленіе нѣмцевъ на нашемъ фронтѣ. Мы еще послѣ восточно-прусскаго наступленія нѣмцевъ указывали, что ихъ стратегическое положеніе, благодаря этому наступленію, значительно ухудшилось. До этого наступленія они, сидя на Бзурѣ, могли еще разсчитывать, что когда-нибудь они двинутся изъ Восточной Пруссіи и нанесутъ намъ тотъ рѣшительный ударъ, который имъ не удался на Бзурѣ. У нѣмцевъ, сидѣвшихъ въ декабрѣ на Бзурѣ, оставалось еще свободное отверстіе въ видѣ восточно-прусскаго направленія, откуда они могли грозить новой наступательной операціей, серьезной и рѣшительной, откуда они могли грозить захватомъ Нѣмана, Бобра и Нарева и перерывомъ Петроградо-Варшавской дороги. Теперь они это наступленіе использовали, двинулись наконецъ изъ Восточной Пруссіи, и ничего страшнаго не вышло: наступленіе было остановлено, и они не достигли никакой серьезной стратегической цѣли, ибо не захватили ни Нѣмана, ни Бобра, ни Нарева и даже не увидѣли линіи Петроградо-Варшавской дороги. Нѣмцы козырнули съ послѣдняго козыря, и эта стратегическая ставка оказалась битой.

Теперь уже нѣмцамъ наступать негдѣ, ибо всякія попытки наступленія и изъ Восточной Пруссіи и отъ Бзуры къ Варшавѣ встрѣчаютъ желѣзную стѣну нашихъ войскъ. Нѣмцамъ остаются лишь лобовыя фронтальныя атаки, которыя, конечно, не могутъ сулить успѣха, ибо онѣ никому не угрожаютъ. Какъ извѣстно, недостатокъ фронтальной атаки именно заключается въ томъ, что наступающій несетъ громадныя потери, и даже при удачѣ обороняющійся можетъ свободно отойти назадъ на свои сообщенія. Въ то же время при фланговой атакѣ, при охватѣ или при обходѣ, наступающій несетъ значительно меньшія потери, а при удачѣ можетъ отрѣзать обороняющемуся путь отступленія и этимъ поставить послѣдняго въ критическое положеніе.

Такъ какъ въ настоящее время нѣмцы могутъ вести только фронтальныя атаки, одинаково и на восточно-прусскомъ и на варшавскомъ фронтѣ, то они не только не могутъ намъ ничего серьезнаго сдѣлать, но даже не могутъ ничѣмъ серьезнымъ и грозить, ибо не могутъ грозить охватомъ. Поэтому вообще трудно себѣ представить какое-либо важное и большое наступленіе нѣмцевъ въ нашу сторону.

Вообще нельзя забывать, что нѣмецкая масса на нашемъ фронтѣ сосредоточена преимущественно на Бзурѣ, ибо здѣсь нѣмцы прикрываютъ всѣмъ туловищемъ дорогу Варшава—Берлинъ. Сойти съ этой дороги нѣмцы не могутъ, такъ какъ естественно не могутъ обнажить дороги на Берлинъ.

Если германскія массы всѣмъ туловищемъ перегородили дорогу Варшава—Берлинъ, то можно сказать, что отъ этого туловища отходитъ лѣвая рука черезъ Восточную Пруссію и пытается неудачно охватить наши войска. Отъ того же германскаго туловища на Бзурѣ протянута и правая рука, но она совершенно безпомощна, ибо въ этомъ направленіи находится Ивангородъ.

Въ видѣ такого нѣсколько вольнаго образа представляется германское расположеніе на нашемъ фронтѣ: массивное туловище на Бзурѣ перегораживаетъ дорогу Варшава—Берлинъ, лѣвая рука просунулась черезъ Восточную Пруссію къ Сувалкамъ, Осовцу и Нареву, а правая рука протянулась вдоль Пилицы и совершенно безпомощно повисла передъ глубокой Вислой съ Ивангородомъ. Въ этомъ положеніи нѣмцы ни на минуту не могутъ сдвинуться, ибо каждое движеніе обнажаетъ берлинскую дорогу, и въ этой невозможности сдвинуться и заключается вся безпомощность нѣмцевъ на нашемъ фронтѣ.

Вполнѣ понятно, что въ такомъ положеніи нѣмцы совершенно не въ состояніи оказать какое-либо содѣйствіе погибающей Австро-Венгріи. Но независимо отъ этого, если даже допустить условно какой-либо временный успѣхъ нѣмцевъ на нашемъ фронтѣ, то онъ все же не улучшитъ положенія австрійскихъ армій и, въ крайнемъ случаѣ, можетъ лишь затянуть, и то на весьма короткое время, катастрофу австрійцевъ на Карпатахъ.

Въ концѣ концовъ слѣдуетъ признать, что такія затяжки нисколько не существенны, если бы онѣ даже были возможны въ дальнѣйшемъ. Можно сегодня затянуть, завтра затянуть, но каждая такая затяжка сопряжена съ новымъ нѣмецкимъ наступленіемъ, съ новымъ расходомъ нѣмецкихъ силъ на нашемъ фронтѣ и только ослабляетъ нѣмцевъ параллельно съ ослабленіемъ австрійцевъ.

Вообще такой расходъ новыхъ нѣмецкихъ силъ имѣлъ бы стратегическое оправданіе, если нѣмцы могли бы достигнуть на нашемъ фронтѣ какихъ-либо крупныхъ результатовъ. Однако независимо отъ того, что они у насъ ничего крупнаго не могутъ достигнуть, они всегда, въ широкомъ смыслѣ, намѣчали и намѣчаютъ главныя операціи во Франціи, движимые стремленіемъ покончить возможно скорѣе съ однимъ изъ двухъ противниковъ, ибо съ двумя одновременно воевать невозможно. Поэтому каждый нѣмецкій солдатъ, присылаемый на нашъ фронтъ, есть явный проигрышъ германской стратегіи, и каждый такой солдатъ все болѣе и болѣе отдаляетъ нѣмцевъ отъ достиженія ими первой намѣченной цѣли въ нынѣшней войнѣ—побѣды во Франціи.

Въ Праснышѣ. Непріятельскія орудія, взятыя въ послѣднихъ бояхъ. Взято было 130 пулеметовъ и 46 орудій.
По фот. нашего корреспондента.

Молебствіе и парадъ войскамъ по поводу взятія Перемышля.
По фот. нашего корреспондента.

Вотъ почему ослабленіе австрійскаго фронта каждый разъ вызываетъ и ослабленіе нѣмцевъ, и ударъ по Перемышлю рикошетомъ отразился на Германіи. Нѣмцамъ нужно либо окончательно и безповоротно потерять свою союзницу, либо выслать новыя войска на нашъ фронтъ, чтобы попытаться хотя бы сохранить равновѣсіе. Таковы стратегическіе результаты паденія Перемышля, которые сразу не могли обнаружиться и которые являются слѣдствіемъ того моральнаго удара, который испытали наши противники.

Одинъ итальянскій стратегъ очень мѣтко охарактеризовалъ нынѣшнюю войну.

„Союзникамъ,—сказалъ онъ,—для того, чтобы выиграть, надо только не проиграть, а время додѣлаетъ за нихъ все остальное. Нѣмцамъ же необходимо обязательно выиграть, а только не проиграть имъ нельзя, ибо только не проиграть—для нихъ значитъ погибнуть“.

Мы видимъ, что почти каждый мѣсяцъ европейской войны приноситъ намъ новое подтвержденіе того, что нѣмцы выиграть не могутъ. Въ августѣ мѣсяцѣ намъ это впервые доказало сраженіе на Марнѣ, обнаружившее, что нѣмцы не могутъ выиграть во Франціи. Остальные 7 мѣсяцевъ — рядъ германскихъ наступленій въ нашу сторону, Галиційская

Парадъ казакамъ по поводу взятія Перемышля.
По фот. нашего корреспондента.

Къ бомбардировкѣ Дарданеллъ.

показываютъ, что нѣмцы теряютъ безпрерывно, а болѣе всего теряютъ на австрійскомъ фронтѣ.

Какъ только нѣмцы не выиграли, а стали только не проигрывать, они на самомъ дѣлѣ стали проигрывать. Это намъ показали всѣ событія отъ Марны до послѣднихъ дней, начиная отъ Галиційской битвы и трехъ неудачныхъ наступленій Гинденбурга и кончая Перемышлемъ. Это намъ подтверждаетъ и та разница въ стратегическомъ положеніи, которое было въ августѣ мѣсяцѣ и которое замѣчается сейчасъ. Въ августѣ нѣмцы держали противъ насъ 6 корпусовъ, имѣли цѣлую перволинейную австрійскую армію на нашемъ фронтѣ, а вся масса нѣмцевъ катилась по Франціи. Теперь на нашемъ фронтѣ не менѣе 26 корпу-

битва, разгромъ австрійцевъ на Санѣ, разгромъ австрійцевъ на Карпатахъ, паденіе Перемышля — въ свою очередь показываютъ, что нѣмцы не могутъ выиграть ничего и у насъ. Но этимъ не ограничиваются данныя за 8 мѣсяцевъ войны. Они

совъ и зіяющая дыра въ расположеніи нашихъ противниковъ, въ видѣ разгромленнаго австрійскаго фронта.

Это произошло потому, что нѣмцамъ нельзя было только не проиграть, а надо было до зарѣзу выиграть, что они не могли сдѣлать.

Американскій поэтъ о русскомъ Босфорѣ.

Перелистывая сочиненія знаменитаго американскаго поэта Лонгфелло, я нечаянно набрелъ на стихи, имѣющіе прямое отношеніе къ намъ, къ нынѣшнему нашему дню: въ нихъ говорится о русскомъ Босфорѣ, объ открытіи Дарданелльскихъ воротъ, о борьбѣ съ Турціей за общеславянское дѣло.

Странно, что эти стихи до сихъ поръ неизвѣстны въ Россіи. Спѣшу перевести ихъ съ англійскаго. Нужно удивляться тому, какъ тонко умѣлъ ощущать этотъ даровитѣйшій янки чуждую ему психологію: даръ художественнаго перевоплощенія былъ сильной стороной его творчества. Эта пѣсня о бѣломъ царѣ, несомнѣнно, есть лучшая русская народная пѣсня изъ всѣхъ написанныхъ по-англійски.

Подъ бѣлымъ царемъ Лонгфелло разумѣетъ Петра Великаго, который воскресъ изъ мертвыхъ, чтобы своимъ личнымъ участіемъ въ войнѣ съ „басурманами“ освятить, утвердить, укрѣпить влеченіе Россіи на Босфоръ.

Вотъ это стихотвореніе Лонгфелло въ посильномъ моемъ переводѣ:

Посмотри: на горѣ,
На скалистомъ бугрѣ
Кто-то всталъ, словно призракъ туманный,
Полуночной луной осіянный.
Это царь, бѣлый царь,
Нашъ батюшка государь!

Онъ услышалъ въ гробу
Боевую пальбу.
И, когда барабаны забили,
Онъ не могъ удержаться въ могилѣ,—
Бѣлый царь, бѣлый царь,
Нашъ батюшка государь.

Онъ услышалъ: «Проснись!»
«Пробудись!» «Появись!»
И сорвалъ онъ парчу золотую,
Отвалилъ онъ плиту гробовую.—
И воскресъ бѣлый царь,
Нашъ батюшка государь!

И повелъ онъ полки
Съ Дона, съ Волги-рѣки
По лѣсамъ, по горамъ, по лощинамъ,
По степнымъ потаеннымъ тропинамъ.
Ай да царь, бѣлый царь,
Нашъ батюшка государь!

И когда изъ-за горъ
Показался Босфоръ,
Онъ промолвилъ, перстомъ указуя:
«Вотъ куда мою Русь поведу я».
Ай да царь, бѣлый царь,
Православный государь!

«Для россійской земли
Я создалъ корабли
Не затѣмъ, чтобы вольное море
Басурманинъ держалъ на запорѣ».
Такъ сказалъ бѣлый царь,
Православный государь.

«Отъ меня свой Босфоръ
Не запрешь на запоръ!
Распахни жъ, басурманинъ, ворота
Для россійскаго славнаго флота!»
Такъ велитъ тебѣ царь,
Православный государь.

«А чтобъ лютый султанъ
Не терзалъ христіанъ,
Пусть узнаетъ, что русскія рати
Постоятъ за страдающихъ братій».
Такъ сказалъ бѣлый царь
Православный государь.

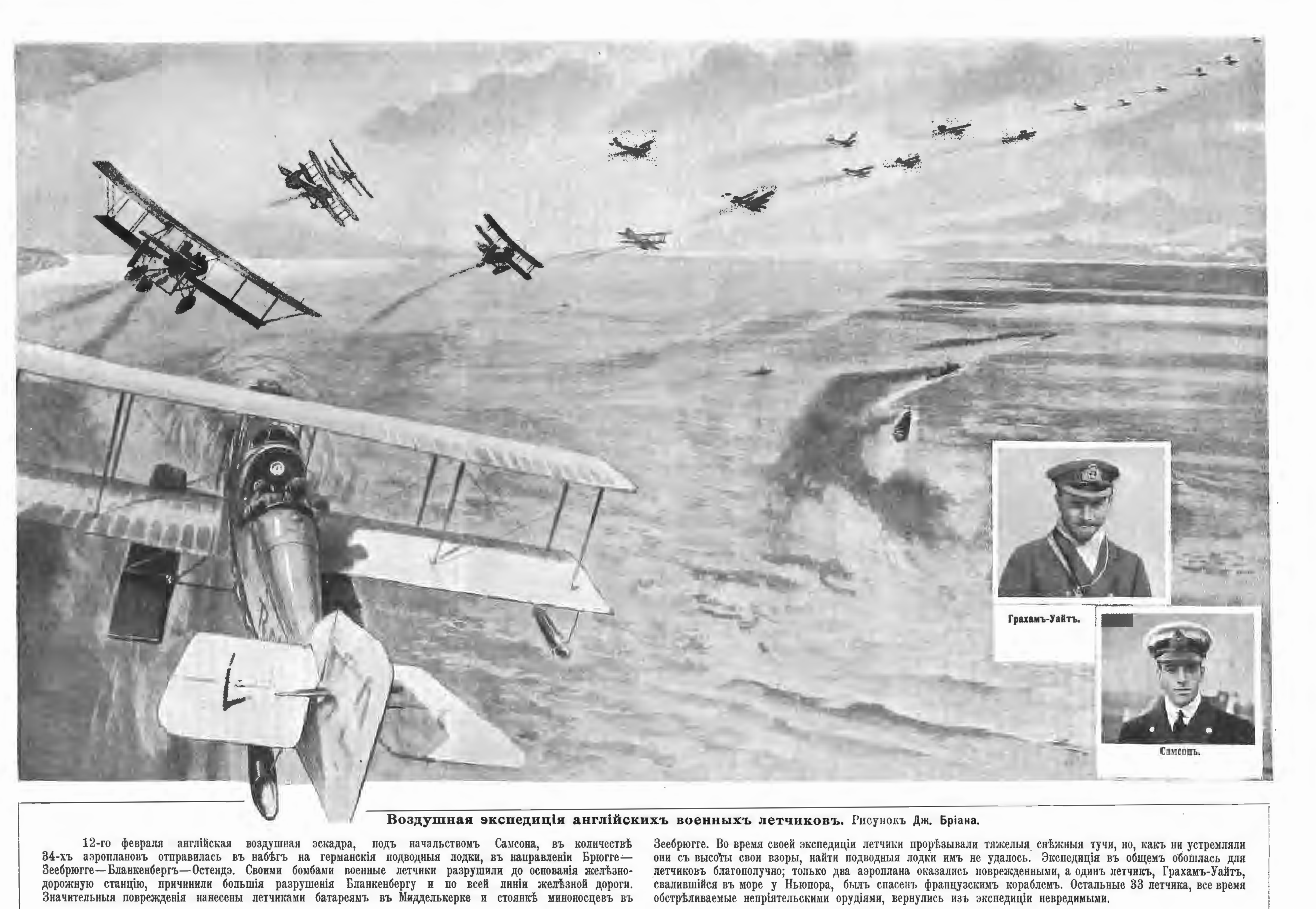
Въ подлинникѣ этотъ рефренъ о *батюшкѣ бѣломъ царѣ* переданъ русскими звуками. Англичанамъ, должно-быть, очень странно читать:

It is the Czar, the White Czar!
Batyushka! Gosudar!

Но Лонгфелло не могъ не щегольнуть локальнымъ колоритомъ Россіи.

К. И. Чуковскій

Къ бомбардировкѣ Дарданеллъ. Фортъ Дарданосъ, нынѣ разрушенный англо-французскимъ флотомъ.



Воздушная экспедиція англійскихъ военныхъ летчиковъ. Рисунокъ Дж. Бріана.

12-го февраля англійская воздушная эскадра, подъ начальствомъ Самсона, въ количествѣ 34-хъ аэроплановъ отправилась въ набѣгъ на германскія подводныя лодки, въ направленіи Брюгге—Зеебрюгге—Бланкенбергъ—Остендэ. Своими бомбами военные летчики разрушили до основанія желѣзнодорожную станцію, причинили большія разрушенія Бланкенбергу и по всей линіи желѣзной дороги. Значительныя поврежденія нанесены летчиками батареямъ въ Миддделькерке и стоянкѣ миноносцевъ въ Зеебрюгге. Во время своей экспедиціи летчики прорѣзывали тяжелыя снѣжныя тучи, но, какъ ни устремляли они съ высоты свои взоры, найти подводныя лодки имъ не удалось. Экспедиція въ общемъ обошлась для летчиковъ благополучно; только два аэроплана оказались поврежденными, а одинъ летчикъ, Грахамъ-Уайтъ, свалившійся въ море у Ньюпора, былъ спасенъ французскимъ кораблемъ. Остальные 33 летчика, все время обстрѣливаемые непріятельскими орудіями, вернулись изъ экспедиціи невредимыми.

Почта пана Ястрембовича.

Изъ записокъ военнаго корреспондента.

С. Бѣльскаго.

На кавказскомъ фронтѣ. Сарыкамышъ со стороны желѣзной дороги. Турецкія войска наступали съ горъ.
По фот. нашего корреспондента.

Усадьба пана Ястрембовича, превращенная русскими и нѣмецкими снарядами въ живописную груду черныхъ, обгорѣвшихъ бревенъ и досокъ, подобно острову, возвышалась среди топкой болотистой низины.

По болоту въ разныхъ направленіяхъ тянулись брошенные окопы, до половины наполненные водой. Кое-гдѣ окопы были превращены въ братскія могилы, въ которыхъ лежали сибирскіе стрѣлки, баварцы, пруссаки и познанскіе поляки.

Казалось, что какая-то стихійная сила увлекла въ болото сотни людей, и они все глубже и глубже погружались въ бездонную топь, стремясь всѣми силами высвободиться изъ засасывающей ихъ жадной земли.

На кавказскомъ фронтѣ. Благодарственный молебенъ послѣ боя подъ Сарыкамышемъ.
По фот. нашего корреспондента.

Въ усадьбѣ, куда загнали меня непогода и наступившая ночь, уцѣлѣла только одна угловая комната, въ которую панъ Ястрембовичъ собралъ остатки своей изуродованной и искалѣченной мебели. Нѣмецкіе офицеры, жившіе въ этой комнатѣ шесть дней, углемъ разрисовали всѣ стѣны, но снѣговая вода и дождь, просачивавшіеся чрезъ потолокъ, смыли рисунки, превратили ихъ въ слѣпыя пятна и траурныя полосы, сползавшія къ грязному полу.

Панъ Ястрембовичъ, сидѣвшій противъ меня въ широкомъ кожаномъ креслѣ, обивка котораго была изсѣчена сабельными ударами, какъ будто совершенно не замѣчалъ окружавшаго его разрушенія, хаоса, въ которомъ исчезали, словно тонули въ глубокомъ морѣ, трупы солдатъ на поляхъ, его собственная старинная усадьба, превратившаяся въ кучу мусора, и разбитая дѣдовская мебель, жалкіе и пестрые остатки которой онъ откапывалъ подъ камнями и бревнами.

Я нѣсколько разъ заговаривалъ съ хозяиномъ, но Ястрембовичъ упорно молчалъ, неподвижно смотря на высокіе часы въ футлярѣ изъ краснаго дерева въ видѣ готической башни. Циферблатъ этихъ часовъ былъ выбитъ, добрая половина механизма разсыпалась, но блестящій мѣдный маятникъ все еще качался въ шкапу въ ростъ человѣка, приводимый въ движеніе самимъ паномъ Ястрембовичемъ. Звонкіе удары отчетливо раздавались въ чуткой тишинѣ, а когда они замирали и смѣнялись угасающими тупыми постукиваніями, вытягивалась

На кавказскомъ фронтѣ. Церковь въ Сарыкамышѣ, не пострадавшая отъ турецкаго огня.
По фот. нашего корреспондента.

На кавказскомъ фронтѣ. Братская могила доблестныхъ участниковъ боевъ подъ Сарыкамышемъ. По фот. нашего корреспондента.

Я пожалъ плечами, стыдливо зачеркнулъ легкомысленную фразу „о зеленой обезьянѣ, толкающей время“, и продолжалъ писать подъ острымъ взглядомъ Ястрембовича. Занятіе это потеряло для меня всякую привлекательность, и я продолжалъ его съ такимъ же удовольствіемъ, какъ если бы сочинялъ себѣ надгробную надпись.

Заклеивъ конвертъ съ адресомъ, я спряталъ письмо въ карманъ и вопросительно посмотрѣлъ на Ястрембовича, сухое сѣрое лицо котораго выражало полное удовольствіе моими дѣйствіями. Онъ улыбался беззубымъ ртомъ, одобрительно кивалъ маленькой головой въ мою сторону и въ сторону часовъ и говорилъ:

— Вотъ это хорошо, такъ всегда слѣдуетъ дѣлать: полная подпись, въ концѣ число и мѣсяцъ и подробный адресъ!

— Но кто же пишетъ письма безъ адреса?

— Кто? Вы спрашиваете, кто? Да у меня такихъ писемъ цѣлая сотня, и я не знаю, что буду съ ними дѣлать. Вотъ, смотрите!..

Старикъ нагнулся около часовъ, отодвинулъ внизу подъ маятникомъ какой-то ящикъ и выбросилъ въ нѣсколько пріемовъ груду листковъ исписанной бумаги.

— Смотрите, ихъ тутъ больше, чѣмъ въ любой сумкѣ у почтальона въ Варшавѣ, и всѣ безъ адреса!..

худая жилистая рука и настойчиво толкала металлическій дискъ.

Я замѣтилъ, что панъ Ястрембовичъ боялся далеко отходить отъ этихъ искалѣченныхъ часовъ и съ такимъ вниманіемъ и упорствомъ слѣдилъ за качаніемъ маятника, словно его колебанія были такъ же драгоцѣнны, какъ біеніе человѣческаго сердца. Потерявъ наконецъ всякую надежду заговорить съ старикомъ, занятымъ ребяческой игрой со своими часами, я досталъ бумагу и началъ писать письма. Мое занятіе неожиданно заинтересовало Ястрембовича. Запахиваясь въ свой зеленый халатъ, онъ привсталъ съ кресла и безцеремонно заглядывалъ черезъ столъ въ мое письмо.

Я положилъ карандашъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, пишите!—съ волненіемъ сказалъ Ястрембовичъ.—Нельзя оставлять недоконченныхъ писемъ. На нихъ долженъ быть адресъ. Не забудьте, пожалуйста, написать адресъ, прошу васъ.

Старикъ упрашивалъ меня съ такимъ видомъ, словно мое письмо къ пріятелю имѣло для него Богъ вѣсть какую важность.

На кавказскомъ фронтѣ. Отдѣленіе Кавказскаго Офицерскаго Экономическаго Общества въ Сарыкамышѣ. По фот. нашего корреспондента.

На кавказскомъ фронтѣ. Турецкія горныя орудія и пулеметы, взятые подъ Сарыкамышемъ. По фот. нашего корреспондента.

Бумага была различныхъ цвѣтовъ и форматовъ. На многихъ листахъ сохранились ржавыя и красноватыя пятна и слѣды грязи.

Архивъ пана Ястрембовича, освѣщенный свѣчами, горѣвшими въ рѣзныхъ дубовыхъ канделябрахъ, имѣлъ очень непривлекательный видъ и съ перваго взгляда походилъ на измятые обрывки бумаги всѣхъ сортовъ, извлеченные на свѣтъ Божій изъ мусорной ямы.

— Что это за письма?—спросилъ я, безъ всякаго интереса разсматривая груду исписанной бумаги, заключавшей, какъ я думалъ, исторію любовныхъ, родственныхъ и дружескихъ сношеній самого пана Ястрембовича.

— Я ихъ подобралъ тамъ...—Старикъ кивнулъ въ сторону поля, на которомъ происходило сраженіе, и гдѣ теперь было кладбище.—Но за нѣкоторыми мнѣ пришлось далеко ѣздить: въ Скерневицы, Ловичъ, Сохачевъ. Пришлось-таки погоняться. Ихъ вѣтеръ носитъ по полямъ, какъ сухіе листья. Ноги у меня слабыя, и вы понимаете, что человѣку въ шестьдесятъ лѣтъ не такъ-то легко бѣгать среди кустарниковъ и окоповъ. Но есть и такія, которыя достались мнѣ безъ всякаго труда: я взялъ ихъ изъ кармановъ и ранцевъ убитыхъ. Вотъ это, голубое, нашелъ на груди нѣмецкаго офицера; оно наполовину залито

кровью, и его никто не прочитаетъ. Вотъ открытка солдата откуда-то изъ Сибири; письмо студента изъ Бонна, обрывокъ русскаго письма къ двумъ сестрамъ, открытка на польскомъ языкѣ какой-то Юзефѣ, къ веселому Іоганну, къ матери, еще къ матери, къ вѣчно-пьяному Володькѣ, къ вѣрной Анѣ, еще къ матери, къ портному, другу-отцу, друзьямъ изъ пивной на Людвигштрассе!..

Старикъ одно за другимъ бросалъ ко мнѣ черезъ столъ измятые, грязные, окровавленные листки.

— Я ихъ всѣ перечиталъ по два и по три раза; иныя выучилъ наизусть. Вѣдь кромѣ меня ихъ некому читать. Хотите, послушаемъ ихъ вдвоемъ! Вотъ это...

Старикъ быстрымъ движеніемъ выхватилъ изъ груды писемъ сѣрый листокъ бумаги и началъ читать, обращаясь ко мнѣ и къ невидимымъ слушателямъ:

— „Милая, дорогая мама и ненаглядная Лиза, пишу вамъ въ окопѣ около Б. Не скучайте и не плачьте обо мнѣ. Я чувствую себя здѣсь очень хорошо. Война вблизи совсѣмъ не такъ страшна, какъ она казалась вамъ и, каюсь, мнѣ въ нашемъ старомъ домѣ. Богъ дастъ, все кончится хорошо, и я дождусь дня, когда вы обѣ встрѣтите меня на томъ крыльцѣ, гдѣ прощались со мной въ послѣдній разъ. Пришлите мнѣ, дорогія мои, вашу фотографію на одной карточкѣ. Иногда бываетъ такъ скучно, нападаетъ какая-то тоска. Хорошенько присматривайте за моими птицами. Въ старой клѣткѣ имъ тѣсно, и надо завести новую. Когда вернусь...“ Все!—сказалъ панъ Ястрембовичъ съ сожалѣніемъ, вертя въ рукахъ письмо.—Я бы послалъ его, но гдѣ онѣ? Гдѣ?

Привычнымъ движеніемъ старикъ толкнулъ останавливающійся маятникъ и развернулъ второе письмо на нѣмецкомъ языкѣ. Читалъ онъ его по-русски и только изрѣдка на мгновеніе останавливался, чтобы подыскать при переводѣ необходимое слово или фразу.

„Здравствуйте, друзья! Требую, чтобы вы сегодня вечеромъ собрались всѣ вмѣстѣ (не забудьте и Клару, толстую Клару) и выпили за здоровье стараго солдата столько пива, сколько въ васъ влѣзетъ. И пусть нашъ весельчакъ, дружище Бумъ-Бумъ, скажетъ въ мою честь хорошій тостъ. Пляшите, пейте и не унывайте. Хорошая штука жизнь. У насъ тутъ иногда происходятъ пресмѣшныя вещи. Вотъ, напримѣръ, сегодня...“

— Смѣшная вещь не описана,—сказалъ панъ Ястрембовичъ.—Веселый бывшій студентъ убитъ въ то время, когда писалъ этотъ листокъ бумаги, я нашелъ подъ его трупомъ въ окопѣ. А жаль, пусть бы они тамъ поплясали, и поплакала въ послѣдній разъ толстая Клара.

Старикъ вздохнулъ и отложилъ въ сторону прочитанное письмо.

На кавказскомъ фронтѣ. Занятіе нашими войсками турецкаго селенія Кетакъ.
По фот. нашего корреспондента.

На кавказскомъ фронтѣ. Георгіевскіе кавалеры, лично награжденные Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ.
По фот. нашего корреспондента.

На кавказскомъ фронтѣ. Убитые турки, подобранные для преданія землѣ.
По фот. нашего корреспондента.

На кавказскомъ фронтѣ. Постройка саперами землянокъ для войскъ. По фот. нашего корреспонд.

— Теперь это: „Дорогіе родители, жена моя милая и дѣтки безцѣнныя, пребываю къ вамъ съ вѣчной моей любовью и молю Бога, чтобы Онъ не оставилъ васъ въ вашей трудной жизни. Исполняю службу свою, не щадя живота. Прошу васъ, отпишите мнѣ, почемъ продавали хлѣбушко, и много ли еще осталось. Денегъ мнѣ не посылайте, а прошу я васъ объ одномъ...“

— Конецъ! Онъ зарытъ съ другими въ моемъ саду. А вотъ это пишетъ офицеръ-полякъ. Должно-быть, невѣстѣ. Когда-то лѣтъ сорокъ тому назадъ и я умѣлъ такъ писать:

„Жизнь моя, свѣтъ мой единственный! Я думаю только о тебѣ, тебѣ одной! Смотрю на звѣзды и думаю: ихъ видитъ вмѣстѣ со мной моя Яся. Смотри чаще на небо, на Большую Медвѣдицу: на этихъ небесныхъ огняхъ сольются наши взоры. Люблю Ясю и буду любить! Передъ нами вся жизнь. Я хотѣлъ бы тебѣ сказать такъ много, что на это, кажется, не хватитъ цѣлаго года. Когда мы разставались и встрѣтились на берегу, я могъ показаться тебѣ холоднымъ, но клянусь тебѣ всѣмъ святымъ, Яся, я не находилъ тогда словъ, у меня както все спуталось. Но когда мы опять встрѣтимся (непремѣнно будетъ вечеръ, какъ тогда), ты все узнаешь. Наступитъ...“

— Дальше все смыла вода! Ничего разобрать нельзя. Вотъ только въ концѣ, гдѣ кровь, еще одно слово „любишь“ или „люблю“. Долго его будетъ ждать эта Яся, какъ вы думаете?

Но я молчалъ и сидѣлъ, подавленный этими голосами мертвыхъ, въ которыхъ звучали то страсть, то мольбы, то просьбы, то надежды и скрытая тоска. А старикъ Ястрембовичъ все читалъ и читалъ подъ монотонный сухой стукъ разбитыхъ часовъ.

На кавказскомъ фронтѣ. Плѣнные. По фот. нашего корреспондента.

„Милый Петька, ау! Почему ты не пишешь? Сходи въ Косой переулокъ и скажи, что я уѣхалъ бить нѣмцевъ! Какъ у васъ тамъ теперь насчетъ вина? Я пью теперь только воду—и ничего, привыкъ. Теперь бы ты меня не узналъ: обросъ бородой, загорѣлъ, какъ чортъ, и видъ имѣю весьма воинственный. Смѣшно подумать, что недавно сидѣлъ въ конторѣ и плелъ бухгалтерію. Придешь завтра на службу, скажи всѣмъ...“

„Дорогая Сусанна, не посылай мнѣ такихъ посылокъ, которыя тебя разоряютъ. Если хочешь сдѣлать мнѣ подарокъ, то вышли ящикъ дешевыхъ сигаръ и непремѣнно купи у Шпейса. Получи мое жало-

На кавказскомъ фронтѣ. Послѣ Сарыкамышскихъ боевъ. Павшіе турки. По фот. нашего корреспондента.

ванье въ электрическомъ Обществѣ, но смотри, чтобы они тамъ тебя не обсчитали, потому что старый Кунъ—плутъ, какихъ мало. Русскіе на насъ сильно наступаютъ. Вчера убили Фридриха,—скажи объ этомъ его женѣ. Если будешь продавать мои инструменты, то смотри, чтобы не продешевить".

„Дорогой отецъ! Прости меня за все, что я сдѣлалъ. Только теперь понялъ я, какая любовь насъ связываетъ, но вѣдь это вѣчное наше несчастье, что мы съ тобой ссорились и не понимали другъ друга. Когда ты получишь это письмо, сожги все, что я писалъ раньше. И пусть мама не плачетъ. Вы оба будете гордиться вашимъ сыномъ. Я сдѣлаю все, чтобы..."

„Здравствуйте, маляры! Пишетъ Васька. Сижу передъ пруссакомъ и называю его дуракомъ; хожу на прогулку въ штыки и выживаю нѣмцу клыки. Щетокъ моихъ не продавайте и Дуньку безъ меня замужъ не выдавайте. На гармоніи Яшкѣ играть разрѣшаю, только чтобы кожухъ не очень растягивалъ, и духъ пускай выпускаетъ помаленьку. Еще пишу..."

На кавказскомъ фронтѣ. Старая турецкая крѣпость Зивинъ, прославившаяся въ прошлую русско-турецкую кампанію и нынѣ занятая нашими войсками.
По фот. нашего корреспондента.

На кавказскомъ фронтѣ. Во время затишья на батареѣ, за чайкомъ. По фот. нашего корреспондента.

дѣлъ, какъ его опускали въ могилу на болотѣ. Онъ былъ сорокъ вторымъ, и ему досталось очень плохое мѣсто, на самомъ верху.

Я поднялъ упавшій подъ столъ маленькій пожелтѣвшій листокъ. Ястрембовичъ взялъ его у меня со словами:

— Вотъ это письмо я бы очень хотѣлъ отправить по назначенію. Я думаю, оно написано раненымъ, котораго не успѣли, или не могли подобрать. Посмотрите, какой дрожащій почеркъ и какія неровныя буквы. Это писалъ умирающій.

„Таня, не пугайся, но у меня плохія предчувствія... Ужасно хочется пить, и пугаетъ темнота... Таня, когда мы разставались, ты поклялась, что, если я не вернусь, то никогда не выйдешь замужъ. Я освобождаю тебя отъ этого. Зачѣмъ? Такъ будешь помнить... Мнѣ хорошо, только холодно. Укрой и дай воды... Забудь..."

Длинные пальцы пана Ястрембовича вытащили письмо на плотной голубой бумагѣ съ гербомъ.

„Господинъ Штольцъ, всѣхъ моихъ скаковыхъ лошадей немедленно передайте графу Штольбергу. Внимательно слѣдите за тѣмъ, чтобы никто не охотился въ паркѣ. Разрѣшаю вамъ сдѣлать въ замкѣ всѣ необходимыя исправленія, но при обязательномъ исполненіи нижеслѣдующихъ условій: статуи должны быть оставлены на прежнихъ мѣстахъ. За исключеніемъ, впрочемъ, Полифема. Вопросъ о перестановкѣ Полифема занимаетъ меня больше всего..."

— У каждаго свое. У одного гармонія, у другого Полифемъ,—сказалъ панъ Ястрембовичъ, складывая письмо.— Красивый былъ мужчина этотъ нѣмецкій лейтенантъ! Я ви-

На кавказскомъ фронтѣ. Въ турецкомъ селеніи. На квартирахъ въ буйволятникѣ.
По фот. нашего корреспондента.

На кавказскомъ фронтѣ. Верблюжій караванъ въ обозѣ. На отдыхѣ. По фот. нашего корреспондента.

Панъ Ястрембовичъ собралъ всѣ письма, прикрылъ ихъ большими жилистыми руками и минуту сидѣлъ молча, потомъ спряталъ пачку листовъ подъ часами, со стукомъ задвинувъ ящикъ.

— Вамъ пора спать! — сказалъ онъ тономъ человѣка, привыкшаго къ тому, что всѣ въ домѣ подчинялись его приказаніямъ.—Ложитесь на моей кровати, а я привыкъ спать въ креслѣ; мнѣ здѣсь удобнѣе. Нѣтъ, вы меня ничуть не стѣсняете. Мы, старики, мало спимъ.

Я легъ на широкую деревянную кровать съ отвалившимися спинками и, засыпая, видѣлъ, какъ расплывшіеся рисунки на стѣнѣ принимали опредѣленныя очертанія, расцвѣчивались красками, оживали и двигались.

Высокое крыльцо, увядающіе цвѣты; рядомъ убѣгающая въ безконечную даль дорога, и на ней двѣ женщины, молодая и старая, стоятъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу. Клубится пыль, все ближе и ближе.

— Онъ! Ѣдетъ!.. Пріѣхалъ!.. Тянутся навстрѣчу руки, изъ повозки выходитъ кто-то въ сѣромъ, я всматриваюсь въ сухое, острое лицо и узнаю пана Ястрембовича. Въ рукахъ у него измятое, разорванное письмо. Какъ онъ сюда попалъ?

— Спрячьте письмо! — кричу я. — Спрячьте! — и слышу голосъ живого Ястрембовича:

— Спите, уже поздно! Скоро четыре часа.

Опять засыпаю.

Погребъ съ тяжелыми сводами. Рыжеусый студентъ съ хрустальнымъ пивнымъ бокаломъ. — За здоровье стараго солдата!.. Господи, какъ они кричатъ! А кто это плачетъ въ темномъ углу, за пивными бочками, гдѣ виситъ сѣрая паутина? Ахъ, да вѣдь это толстая Клара! Она разрядилась на праздникъ, а по румянымъ щекамъ текутъ слезы, и лицо ея становится жалкимъ и некрасивымъ.

Чья-то опустѣвшая квартира, рядъ холодныхъ комнатъ, и въ тоскливой жуткой тишинѣ отчетливо стучатъ часы. Я начинаю считать удары маятника: разъ, два, три... сорокъ, шестьдесятъ. О, какъ ихъ много! И наконецъ засыпаю тяжелымъ сномъ.

Яша умираетъ.

Изъ дневника военнаго корреспондента. **М. Доманскаго.**

Сегодня утромъ, когда я вошелъ въ нашъ полковой госпиталь, подъ который былъ занятъ домъ сбѣжавшаго пастора, ко мнѣ навстрѣчу подошелъ санитаръ Богдановъ и тихо сказалъ:

— А Яша умираетъ!

Яркій солнечный день. Жарко. А вѣдь уже половина августа, въ прозрачномъ воздухѣ тянутся длинныя серебряныя нити паутины.

N-скій пѣхотный полкъ завтра отправляется на войну. Въ казармахъ и въ большихъ дворахъ межъ казармами, гдѣ всегда было чисто, всегда убрано, все разставлено въ идеальнѣйшемъ порядкѣ, а на усыпанныхъ ярко-желтымъ пескомъ дорожкахъ никогда нельзя было найти окурка, потому что за это писался строжайшій выговоръ въ приказѣ,—теперь творилось Богъ знаетъ что: въ ротныхъ помѣщеніяхъ, вмѣсто стройныхъ рядовъ желѣзныхъ коекъ, валялись кучи соломы, не было ни столовъ, ни шкапчиковъ, ни даже табуретокъ, — все было уже убрано въ цейхгаузы; на широкихъ каменныхъ лѣстницахъ валялись цѣлыя горы мусора—клочья соломы, обрывки бумаги, изорванное солдатское бѣлье. Во дворахъ были навалены грудами заколоченные ящики, зашитые въ рогожи или брезенты громадные тюки, валялись доски, оружки.

Солдаты носились, какъ угорѣлые, по ротнымъ помѣщеніямъ, по лѣстницамъ и дворамъ: хотя столько дней уже идутъ сборы, а все же то и то еще не сдѣлано, то и то еще не упаковано.

И только Яша либо стоитъ гдѣ-нибудь въ самомъ дальнемъ, самомъ глухомъ углу двора и оттуда жадно смотритъ на все происходящее, либо осторожно пробирается, стараясь не попадаться никому на глаза, вдоль безконечно длинныхъ стѣнъ цейхгаузовъ, конюшенъ, сараевъ.

Яшѣ двѣнадцать лѣтъ. На видъ меньше—малорослый онъ и худенькій. Только лицо широкое, веснушчатое, съ сильно вздернутымъ носомъ и парой большихъ зеленовато-сѣрыхъ глазъ.

Обычно въ этихъ сѣрыхъ глазахъ,—по образному выраженію фельдфебеля второй роты, самаго почтеннаго въ полку подпрапорщика Лысака,—собаки бѣгаютъ. Но сейчасъ «собакъ» нѣтъ. Глаза грустны и даже заплаканы.

У Яши горе. Большое горе. Его не берутъ на войну.

Ихъ, мальчиковъ, въ полку трое. Не берутъ всѣхъ троихъ. Но вѣдь тѣ двое—совсѣмъ другое дѣло. У одного есть мать. Она сама запротестовала:

— Куда ему на войну? Отъ горшка два вершка. Пускай ужъ у меня перебудетъ это время, коль такая неудача.

У второго тоже родственникъ нашелся, не то дядя, не то двоюродный братъ, сапожникъ. Его вызвали въ полковую канцелярію и, хотя онъ упорствовалъ, велѣли забрать мальчика.

Но у Яши нѣтъ ни матери, ни отца, ни даже дяди-сапожника. Онъ круглый сирота. Некому о немъ заботиться. Некому безпокоиться. А тоже не берутъ. Оставляютъ на попеченіи выжившаго отъ старости изъ ума когда-то старшаго полкового барабанщика Левитина. Такъ рѣшилъ полковой адъютантъ, въ вѣдѣніи котораго находились мальчики. Яша просилъ адъютанта. Ахъ, какъ онъ просилъ! Говорилъ, захлебываясь, умолялъ, давалъ

На кавказскомъ фронтѣ. Верблюжій караванъ передъ отправленіемъ съ фуражемъ на наши позиціи. По фот. нашего корреспондента.

Встрѣча съ нѣмцами въ польской деревнѣ. Рисунокъ И. Владимірова.

самыя торжественныя обѣщанія. А крупныя капли горькихъ-горькихъ слезъ невольно катились изъ его сѣрыхъ глазъ.

Но адъютантъ упрямо повторялъ:

— Никакъ нельзя, милый! Дѣтей на войну не берутъ.

Яша прижался щекой къ кирпичной стѣнѣ цейхгауза. Стѣна сырая, холодная, зубъ какъ будто занылъ немного. А сзади солнце безжалостно печетъ шею и коротко выстриженный затылокъ.

Но Яша не замѣчаетъ ничего. Маленькое сердце его до боли сжимается отъ тоски. Къ горлу то и дѣло подкатывается тяжелый клубокъ. Глаза застилаются слезами.

Уѣдутъ всѣ. А его покинутъ. И долго-долго онъ не услышитъ по утрамъ барабаннаго боя, громкой команды и равномѣрнаго топанья сотенъ ногъ, а по вечерамъ, послѣ повѣрки, лихихъ солдатскихъ пѣсенъ. Завтра тутъ станетъ пусто, совершенно пусто. Какъ въ домѣ, когда покойника увезутъ на кладбище. А тамъ, на войнѣ...

Что на войнѣ, Яша не зналъ. Но война въ его воображеніи рисовалась чѣмъ-то такимъ яркимъ, красочнымъ, полнымъ огня, музыки и побѣдныхъ криковъ, что не ѣхать на войну казалось ему тяжелѣе смерти.

— Ты чего тутъ притаился, пострѣленокъ?

Сзади неслышно подошелъ и остановился командиръ перваго батальона, человѣкъ необъятной толщины и еще болѣе необъятнаго добродушія.

Яша повернулся по всѣмъ правиламъ кругомъ, приложилъ руку къ безкозыркѣ и только хотѣлъ доложить, что онъ ничего... такъ... смотритъ. Какъ вдругъ давно сдерживаемыя слезы полились изъ его глазъ, рука сама собою опустилась, и его маленькое, худенькое тѣльце, забывъ о дисциплинѣ, о двухлѣтней муштрѣ, согнулось и стало быстро-быстро вздрагивать отъ судорожныхъ рыданій.

— Что съ тобой? Кто тебя обидѣлъ? Чего плачешь?—быстро подошелъ къ мальчику батальонный, наклонился надъ нимъ и положилъ свою громадную пухлую ладонь ему на затылокъ.

— На... на... на...—истерически всхлипывалъ Яша и наконецъ съ трудомъ выговорилъ:—На войну не берутъ!—И еще быстрѣе стали вздрагивать его угловатыя плечи.

— Куда на войну? Кого не берутъ? Ты не плачь, а разскажи толкомъ. Какой же ты солдатъ, когда въ три ручья, какъ баба, разливаешься?

Яша разсказалъ. Разсказалъ все, что накопилось въ его душѣ. А когда кончилъ, командиръ батальона круто повернулся и сказалъ:

— Идемъ къ командиру полка!

— Куда ему на войну?—говорилъ командиръ полка, сидя за письменнымъ столомъ въ полковой канцеляріи. Сбоку, еле-еле помѣщаясь на стулѣ, сидѣлъ командиръ перваго батальона, а передъ столомъ, вытянувшись и плотно прижавъ каблукъ къ каблуку, стоялъ Яша.—Малъ слишкомъ, шалопайничать станетъ. Что мы съ нимъ тамъ дѣлать будемъ?

Яша чувствовалъ, что дѣла его плохи. Сорвется. Не выгоритъ. Конечно, на войнѣ онъ шалопайничать не будетъ. Но какъ увѣрить въ этомъ командира? Какъ? Безпокойно забѣгали его сѣрые глаза и вдругъ упали на маленькую икону въ углу. Не долго думая, Яша опустился на колѣни, широко перекрестился и торжественно сказалъ:

— Провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ, ежели я стану на войнѣ проказить! Ни разу на меня взысканія накладывать не придется!—Послѣ чего всталъ и тихо добавилъ:—Ваше высокоблагородіе, возьмите меня на войну!

— Ужъ возьмите его!—густой октавой поддержалъ командиръ батальона.

— А вдругъ начальство его замѣтитъ? Недовольно останется,—колеблясь, замѣтилъ командиръ.

— Я, ваше высокоблагородіе, всю дорогу изъ вагона носа не высуну!—быстро отвѣтилъ Яша. — А ужъ на войнѣ начальству будетъ не до меня.

— Больно ты сообразителенъ!—улыбнулся командиръ.—Ладно, собирайся, поѣдешь!

Это было во время боя у Сопоцкина.

Нѣмецкая волна, докатившись до непреодолимой стѣны русскихъ штыковъ на линіи Сопоцкинъ-Друскеники, вспѣнилась кровавой пѣной и покатилась назадъ, тѣснимая нашими войсками. Яшинъ полкъ дѣйствовалъ на лѣвомъ флангѣ. Наступалъ какъ-то первый батальонъ на деревушку, занятую нѣмцами. Дѣло происходило днемъ. Передъ деревушкой ровное поле—трудно пришлось нашимъ, нѣмцы окопались и разстрѣливаютъ на выборъ. Слѣва къ деревушкѣ близко подходилъ лѣсъ. Командиръ батальона приказалъ первой ротѣ продвинуться влѣво и подъ прикрытіемъ лѣса постараться охватить нѣмцевъ.

Съ ротой увязался и Яша.

Съ момента выступленія полка въ походъ онъ самъ прикомандировалъ себя къ первому батальону, рѣшивъ, что добродушный командиръ и дальше не дастъ его въ обиду.

Пока рота передвигалась по полю подъ шрапнельнымъ и даже отчасти ружейнымъ огнемъ, на Яшу никто не обращалъ вниманія. Но въ лѣсу, когда рота стянулась и стала приводиться въ порядокъ, ротный командиръ напустился на мальчика:

— Ты зачѣмъ здѣсь? Твое мѣсто позади, въ обозѣ, а ты вѣчно выпираешь впередъ. Вотъ и теперь! Скажи, пожалуйста, зачѣмъ ты съ нами увязался? Что я съ тобой буду дѣлать?

Яша стоялъ, вытянувшись и приложивъ руку къ фуражкѣ. Онъ зналъ, что ротный тоже добрый: покричитъ-покричитъ и перестанетъ. Расчетъ оказался правильный. На Яшу махнули рукой и быстро двинулись впередъ.

Второпяхъ нѣмцы не обратили вниманія на лѣсокъ. А, можетъ, людей у нихъ не хватило. До опушки рота дошла безъ выстрѣла. Здѣсь оказался секретъ, который, поднявъ тревогу, поспѣшно отступилъ въ деревню. И за минуту до этого пустой окопъ съ этой стороны деревни ощетинился нѣмецкими винтовками. Наша рота, разсыпавшись болѣе, чѣмъ на полверсты, залегла на опушкѣ лѣса.

Наступилъ одинъ изъ тѣхъ величественно-жуткихъ моментовъ боя, когда совершенно стушевываются преимущества столѣтіями доведшаго до нынѣшней степени совершенства вооруженія, преимущества тактики, преимущества обученія и каждаго бойца въ отдѣльности и всей массы бойцовъ, когда все узко-военное отходитъ на задній планъ, и остается только общечеловѣческая сила духа. Она и только она рѣшаетъ въ такіе моменты исходъ боя. На чьей сторонѣ ея больше, тотъ и побѣдитъ.

Отъ опушки лѣса до германскаго окопа было не болѣе трехсотъ шаговъ гладкаго, какъ столъ, луга. Ни о какомъ наступленіи по правиламъ тактическаго искусства,—перебѣжками и съ самоокапываніемъ,—нельзя было и думать. Нужно было либо брать окопъ съ налета, т.-е. выскочить изъ лѣса и бѣжать до него безъ выстрѣла, безъ передышки, либо поворачивать назадъ. Въ такихъ случаяхъ дѣло рѣшается тремя, двумя, а иногда и однимъ смѣльчакомъ, который первымъ бросается впередъ. Для сильной духомъ воинской части этого порыва, этого толчка совершенно достаточно. Какъ ураганъ, выносится она впередъ и либо погибаетъ, либо все сметаетъ на своемъ пути.

Солдаты лежали сосредоточенно-молчаливо. И хотя прошло всего нѣсколько минутъ съ тѣхъ поръ, какъ рота разсыпалась по опушкѣ, всѣмъ казалось, что прошли часы. Стояла такая тишина, что слышенъ былъ печально-тихій шелестъ падающаго съ деревьевъ золотисто-багроваго листа.

Вдругъ среди этой торжественной тишины раздалось тонкоголосое „ура“, и на поляну выскочила изъ лѣсу маленькая тщедушная фигурка Яши. Двѣсти голосовъ подхватило это „ура“. Могучій ураганъ понесся на нѣмецкій окопъ.

Яша бѣжалъ тоже. Потомъ упалъ, споткнувшись объ ногу убитаго наповалъ и широко раскинувшагося солдата,—въ глазахъ даже потемнѣло, потому что со всего размаха угодилъ лбомъ въ острый уголъ приклада лежавшей на землѣ винтовки. Когда онъ поднялся, рота была уже въ окопѣ.

Яшинъ порывъ прошелъ. Онъ сѣлъ и сталъ растирать ладонью выскочившую на лбу громадную шишку.

Деревня была взята.

Вечеромъ во всемъ полку только и было разговоровъ, что о Яшиномъ геройствѣ. По словамъ самого Яши, дѣло произошло очень просто. Залегъ и онъ съ ротой на опушкѣ лѣса. Полежалъ-полежалъ и спрашиваетъ сосѣда:

— Отчего мы не идемъ на нѣмца?

— Прыткій ты очень!—говоритъ сосѣдъ.—Теперь надо на „уру“ итти.

— Ну?

— Вотъ то-то и ну! Вишь, нѣмецкія винтовки торчатъ, поджидаютъ. Сунься-ка теперь, сейчасъ и укокошатъ.

— Отчего жъ не сунуться?

— Сунься!

— А отъ ротнаго не попадетъ?—недовѣрчиво спрашиваетъ Яша.

— Не безпокойся, за это не попадетъ.

Не успѣлъ солдатъ отвѣтить, какъ Яша вскочилъ на ноги и, крича изо всѣхъ силъ „ура“, пулей вынесся впередъ.

Только всего и было.

Командиръ батальона расцѣловалъ въ обѣ щеки Яшу, и даже командиръ полка потрепалъ его по плечу, обѣщавъ представить къ наградѣ.

Могучей стѣной наши войска тѣснили нѣмцевъ. Перешли границу. Остановились у трудно преодолимой преграды Мазурскихъ озеръ, непроходимыхъ болотъ, дремучихъ лѣсовъ, такъ какъ всѣ проходы между ними были сильно укрѣплены противникомъ.

Началась борьба, длительная, упорная.

Яша тоже не бездѣльничалъ. Онъ ни на шагъ не отлучался отъ своего батальона. Излюбленнымъ занятіемъ его была варка чая для солдатъ.

Дежурятъ роты въ окопахъ. Сидятъ, полулежатъ въ узкомъ-узкомъ ровочкѣ. Винтовки заряжены, потому что каждую минуту изъ нѣмецкаго окопа, что напротивъ, могутъ двинуться въ наступленіе. Дождикъ моросить мелкій, пронизывающій, чисто-осенній. Въ окопѣ холодно, сыро.

Вдругъ появляется Яша. Въ рукахъ у него два котелка, отъ которыхъ валитъ паръ.

— Кому кипяточку? Кому чайку горяченькаго?—звонко покрикиваетъ онъ.

И отъ его дѣтскаго голоса, отъ его любовной заботы да и отъ горячаго кипятку веселѣе и теплѣе становится солдатамъ въ окопѣ.

Оказывается, Яша пристроился гдѣ-то въ ямкѣ, набралъ хворосту, воды въ Богъ вѣсть откуда добытомъ ведрѣ и варитъ кипятокъ. Варитъ безъ устали съ утра до вечера: народу много, и то на всѣхъ не наваришь. Вскипятитъ ведро, пробирается за новымъ.

— Куда ты полѣзъ? Жизнь тебѣ надоѣла, что ли? Пристрѣлятъ вѣдь, какъ зайчонка!—опасливо покрикиваютъ на него солдаты.

Но Яша только улыбается:

— Ничего, не попадутъ. Я росту махонькаго.

А когда батальонъ велъ наступленіе, Яша подносилъ патроны. Бывало, перебѣжитъ рота, окопается. Палитъ до того, что стволы накаливаются. Вдругъ заминка—патроны на исходѣ.

— Я принесу!

И хотя со стороны нѣмцевъ со свистомъ, съ воемъ и стономъ несется свинцовый ураганъ смерти, Яша выскакиваетъ изъ окопа и, пригнувшись, зигзагами, какъ училъ его лучшій другъ и пріятель Яшинъ, ефрейторъ Касаткинъ, пулей мчится въ тылъ за патронами. Иногда Яшѣ приходилось совершать по нѣскольку такихъ рейсовъ въ день, и никогда, въ такихъ случаяхъ, нельзя было замѣтить на его лицѣ ни страха ни даже простого волненія.

Перемышль. Русскій Народный Домъ.

— Вѣдь на смерть прешь, дурашка!—сказалъ ему какъ-то по этому поводу Касаткинъ.

— Всѣ мы сюда умирать пришли, дяденька!—отвѣтилъ, не задумываясь, Яша.

Когда батальонъ смѣнялся, отходилъ въ тылъ и располагался по деревнямъ на кратковременный отдыхъ, у Яши было работы, пожалуй, еще больше, чѣмъ въ окопахъ.

— Слышь, Яшутка, письмецо бы мнѣ домой состряпать. Вѣсточку подать, что живъ, молъ, и здоровъ!—подходилъ раздобывшій листикъ бумаги и конвертъ солдатъ.

Яша тотчасъ же доставалъ изъ-за пазухи перо и бутылочку съ чернилами, тщательно закупоренную и даже на всякій случай замотанную въ тряпку, пристраивался куда-нибудь къ столу или подоконнику и терпѣливо выводилъ посланіе на родину.

Писать иногда приходилось по нѣскольку часовъ сряду, уставала отъ напряженія рука, ныло плечо. Но Яша и виду не подавалъ—выводилъ строчку за строчкой и даже улыбался.

Иногда солдаты, желая отблагодарить Яшу за работу, совали ему мѣдныя деньги.

— Не надо, не надо! — смущенно лепеталъ онъ и краснѣлъ до слезъ.

На обязанности Яши лежало и чтеніе получаемыхъ солдатами писемъ.

Съ каждымъ днемъ все сильнѣе росла любовь солдатъ къ Яшуткѣ. Его переманивали въ другіе батальоны—мальчикъ былъ ласковъ одинаково со всѣми, но никакія обѣщанія не могли заставить его „перечислиться“ изъ перваго батальона.

Случалось не разъ, что въ окопахъ или на заставѣ, на посту въ сторожовкѣ, кто-нибудь изъ солдатъ подзываетъ вдругъ Яшу, достаетъ изъ кармана сверточекъ въ бумагѣ или носовомъ платкѣ, разворачиваетъ и протягиваетъ мальчику „порцію“. И хотя порція именно такая, какую любитъ Яша, съ косточкой и жиромъ, онъ равнодушно отворачивается и говоритъ:

— Нѣтъ, спасибо, что-то ѣсть не хочется!

— Какъ не хочется? Съ утра вѣдь не ѣли, а скоро солнцу заходить. Съѣшь—это я нарочито для тебя лишнюю прихватилъ!

„Нарочито!“—думаетъ Яша и начинаетъ колебаться.

А солдатъ настаиваетъ:

— Скушай, Яша! Отощаешь.

— Пополамъ согласенъ!—отвѣчаетъ наконецъ мальчикъ и упрямо стоитъ на своемъ, пока солдатъ не соглашается.

Три дня тому назадъ Яшу ранили.

Наступали на нѣмецкій окопъ. Во время перебѣжки мальчикъ вдругъ упалъ и не поднялся. Послѣ боя его подобрали санитары: двѣ пули одна возлѣ другой прошли насквозь въ правой сторонѣ груди.

— Очень плохъ!—доложилъ старшій врачъ командиру полка, который лично пришелъ провѣдать Яшу.—Дай Богъ, чтобы ночь протянулъ!

Но Яша протянулъ ночь, день и еще ночь. Стали надѣяться, что онъ выживетъ.

— Помоги ему, Царица Небесная!—крестясь, шептали солдаты, и не одинъ смахивалъ украдкой набѣжавшую на глаза слезу.

Перемышль. Набережная Франца-Іосифа.

Перемышль. Францисканскій костелъ, бывшій іезуитскій.

И вдругъ:

— Яша умираетъ!

Я подошелъ къ его койкѣ. Онъ лежалъ въ забытьѣ. Лежалъ неподвижно-тихо, и только тяжелое дыханіе съ хрипомъ и свистомъ вырывалось изъ его полуоткрытаго рта. Глаза медленно открывались и закрывались. Носъ сильно заострился, сталъ длиннѣе. По бѣлому, какъ бумага, лицу легли сѣрыя тѣни. Совсѣмъ другое лицо, чѣмъ у прежняго Яши. Чужое и такое мученическое, такое жалкое, что плакать хочется...

Я отвернулся къ окну.

Широкая улица прусской деревни. Аккуратные каменные дома, крытые черепицей. И такъ аккуратно крупные хлопья снѣгу покрываютъ все плотной-плотной бѣлой пеленой.

Гонораръ профессора Вернэ.

Разсказъ **Б. Никонова**.

(Окончаніе).

Шумъ подъѣхавшаго подъ окна мотора и торопливые шаги входившаго въ кабинетъ офицера заглушили странный шумъ борьбы за дверьми и раздававшіяся тамъ полувосклицанія, полузадушенныя слова и шопотъ. Быстро вошедшій офицеръ обратился къ коменданту:

— Генералъ, его высочеству хуже... Необходимо какъ можно скорѣе привезти хирурга...

Генералъ опустилъ револьверъ и проворчалъ:

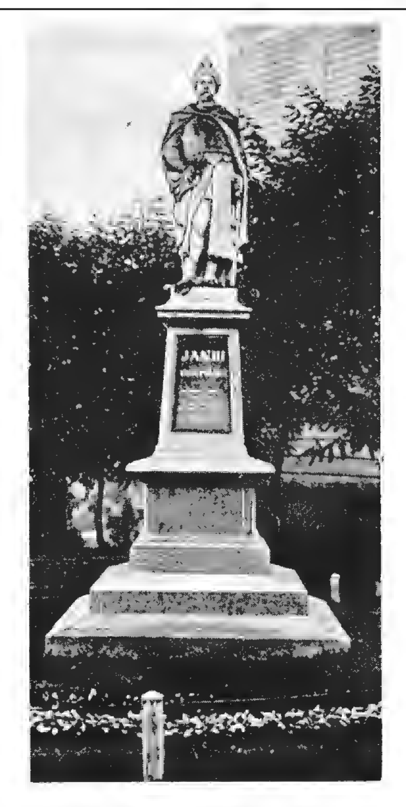
— Легко сказать!—И, обратясь къ профессору, строго сказалъ:—Позовите вашу дочь!

Профессоръ, съ усиліемъ выдавливая изъ себя слова, промолвилъ трясущимися губами:

— Вы же требовали, чтобы она удалилась!..

Генералъ высоко поднялъ брови, не то недоумѣвая, какъ смѣютъ давать подобныя реплики, не то просто не понимая этой реплики. Но въ этотъ моментъ дверь, за которой раздавались странные звуки борьбы, тихо скрипнула, и на порогѣ появилась Алиса. Блѣдная, съ блуждающимъ взглядомъ, словно никого не замѣчая и не слыша, она остановилась предъ захлопнувшейся за ней дверью, загораживая ее распростертыми руками.

Перемышль. Зáмковая башня.



Перемышль. Памятникъ королю Яну III.

— Мадмуазель, — обратился къ ней нѣмецкій генералъ:—уговорите вашего отца отправиться къ раненому.

Словно не понимая, что̀ ей говорятъ, Алиса громко промолвила куда-то въ пространство:

— Тотъ, кому я хоть сколько-нибудь дорога, перестанетъ безумствовать и успокоится...

— Что̀ такое? — спросилъ, недоумѣвая, нѣмецъ.

— Тотъ, кто попытается ворваться сюда, перешагнетъ черезъ мой трупъ...

Генералъ пожалъ плечами.

— Мадмуазель, вы, вѣроятно, черезчуръ испугались? Прошу васъ успокоиться и повліять на вашего отца... Вы понимаете, что̀ я говорю?..

Алиса продолжала, распростирая попрежнему руки и загораживая ими дверь:

— Пусть онъ знаетъ, что я не сойду съ этого мѣста, и кровь наша ляжетъ на его совѣсть!..

Какъ ни былъ самоувѣренъ и разсерженъ генералъ, онъ растерялся предъ этимъ страннымъ видѣніемъ блѣдной и изможденной дѣвушки съ горящими глазами, которая разговаривала съ кѣмъ-то невидимымъ, не видя предъ собой всемогущаго нѣмецкаго генерала и коменданта. Генералъ обернулся кругомъ, обвелъ свиту недоумѣвающимъ взглядомъ и пробормоталъ:

— Что̀ съ ней? Она сошла съ ума? Она, очевидно, помѣшалась отъ страха... Не будемъ же мы, чортъ возьми, убивать ее... Профессоръ, успокойте вашу дочь! Уговорите ее!..

Не прошло и двухъ минутъ, какъ въ дверяхъ показался еще одинъ офицеръ.

— Ну, что̀ такое?—накинулся на него генералъ.

— Его высочеству хуже... — пробормоталъ тотъ.—Просятъ немедленной помощи... Телеграмма изъ главной квартиры...

Генералъ вздернулъ плечами и сейчасъ же весь какъ-то опустился, словно увидѣвъ предъ собою неодолимое препятствіе.

— Профессоръ! — обратился онъ къ неподвижно стоявшему старику съ серебряной львиной гривой. — Я погорячился... Вамъ не грозитъ никакой опасности... Но должны же вы уменьшить требованія... Намъ прекрасно извѣстно, что даже Дуаэнъ...

— У васъ, генералъ, прекрасно поставлена развѣдочная часть,—возразилъ профессоръ: — вамъ все извѣстно... Но я не отступлю отъ своего требованія...

— Но вѣдь въ случаѣ удачнаго исхода операціи вы будете щедро награждены сверхъ того принцемъ и его родителями...

— А вотъ того вознагражденія я не приму! — возразилъ профессоръ.

Одинъ изъ адъютантовъ подошелъ къ генералу и что-то тихо сказалъ ему.

Перемышль. Каѳедральный католическій соборъ.

Перемышль. Часовая башня.

— Что̀? — сердито переспросилъ генералъ. — Телефонируютъ изъ зáмка? Онъ ловко пользуется случаемъ.

И, гнѣвно передернувъ плечами, генералъ бросилъ профессору только одно слово:

— Хорошо!

Онъ подозвалъ мэра, быстро написалъ какое-то приказаніе и передалъ ему. Мэръ, весь красный отъ пережитыхъ волненій, не смѣя ни улыбаться ни благодарить, поспѣшно ретировался.

— Ѣдемъ!—коротко промолвилъ профессору генералъ.

— Я готовъ ѣхать, — возразилъ послѣдній:—но только я ставлю еще одно условіе...

Генералъ въ отчаяніи воздѣлъ руки.

— Но что̀ же еще вамъ надо?

— Я прошу возвратить взятые у насъ припасы. Они необходимы для раненыхъ.

Альбертъ и Алиса стояли у окна и провожали взглядами нѣмецкій моторъ, увозившій стараго профессора въ зáмокъ Бельвю, гдѣ лежалъ и ждалъ хирургической помощи тяжело раненый принцъ... Вдали грохотали перекаты пушечной пальбы, и выстрѣлы становились значительно слышнѣе, чѣмъ часъ тому назадъ.

— Я боюсь за папу, — промолвила Алиса:—мнѣ кажется, что я вижу его въ

Наши казаки. На сторожевомъ посту.
По фот. нашего корреспондента.

счастья нѣтъ на родинѣ... Вотъ ты пришелъ къ намъ, нежданный, нечаянный... Какое счастье это было бы въ другое время!.. А теперь...

Прорѣзая воздухъ, гдѣ-то грянулъ близкій выстрѣлъ, и рѣзкое эхо щелкнуло ему въ отвѣтъ между домами улицы. Потомъ ударило еще нѣсколько выстрѣловъ съ той же стороны.

Альбертъ встрепенулся.

— Алиса!—воскликнулъ онъ:—это наши... Они обошли нѣмцевъ.—Они идутъ сюда... Я ухожу къ нимъ... Прощай!

Алиса обвила его шею своими тонкими, исхудавшими руками.

— Прощай, милый!—прошептала она сквозь слезы.—Какъ во снѣ я тебя видѣла... Видно, нельзя теперь даже и видѣться намъ другъ съ другомъ... Сама судьба не хочетъ этого... Иди и не думай, не вспоминай обо мнѣ... Вычеркни меня изъ памяти до тѣхъ поръ, пока...

Она заплакала. Альбертъ тихо развелъ ея сомкнутыя кругомъ его шеи руки.

— Не плачь, Алиса! Придетъ время, когда ненависть будетъ исчерпана вся до конца... Тогда мы воскреснемъ и будемъ жить снова... Вдвойнѣ и втройнѣ будемъ жить, чтобъ вернуть утраченное... Мы въ свой чередъ возьмемъ съ войны контрибуцію... Мы вернемъ съ избыткомъ все, что она у насъ взяла: любовь, радость жизни... Мы будемъ опять людьми... Но не теперь...

— Не теперь!—тихо отозвалась, какъ слабое эхо, Алиса.

Измѣнникъ.

Разсказъ **Свѣтозара Тонжорова.**

I.

Снѣгъ большими тяжелыми хлопьями ложился на развалины небольшого городка, точно ровной бѣлой пеленой онъ хотѣлъ покрыть слѣды опустошенія, причиненные проходившими войсками.

послѣдній разъ... Какъ все это странно и страшно...

Альбертъ промолвилъ:

— Эта побѣда стоитъ нашихъ побѣдъ... Но я едва удержался, чтобы не убить этого мерзавца...

Алиса подняла на него глаза, полные упрека.

— Ты едва не убилъ всѣхъ насъ... Я состарилась за эти полчаса... Я измучилась съ тобой, Альбертъ...

— Прости меня! — прошепталъ Альбертъ.

— Не будемъ вспоминать объ этомъ,—продолжала дѣвушка.—Я попрежнему люблю тебя. Но ты былъ правъ: въ такое время нельзя думать о любви и счастьѣ. Не будетъ въ моемъ домѣ счастья, если

Наши казаки. Передъ сомкнутой атакой на передовыхъ позиціяхъ. По фот. нашего корреспондента.

Наши казаки. Поздравленіе командира съ побѣдой послѣ боя. По фот. нашего корреспондента.

Посреди небольшой городской площади собралась кучка закутанныхъ офицеровъ, казавшихся сѣрыми тѣнями на бѣломъ фонѣ падающаго снѣга. Они плотнымъ кольцомъ окружили полузамерзшаго человѣка въ крестьянской одеждѣ. Его руки были крѣпко связаны за спиной, но лицо оставалось спокойнымъ и гордымъ.

Генералъ при свѣтѣ карманнаго электрическаго фонаря разсматривалъ находившуюся у него въ рукахъ карту, время отъ времени стряхивая ложившійся на нее снѣгъ. Наконецъ, сердито сдвинувъ брови, онъ поднялъ голову и рѣзкимъ тономъ сказалъ плѣнному:

— Будешь ты говорить наконецъ, или мнѣ придется поставить тебя вонъ къ той стѣнѣ?—кивнулъ онъ головой

Наши казаки. Помогъ товарищу. По фот. нашего корреспондента.

Наши казаки. Сборъ на развѣдку. По фот. нашего корреспондента.

въ сторону неясно виднѣвшейся позади полуразрушенной стѣны.

Плѣнникъ недоумѣвающе посмотрѣлъ на него и пожалъ плечами.

— Не понимаешь? — проворчалъ генералъ.—Сюда, капитанъ! Вы, кажется, лингвистъ? Попробуйте-ка поговорить съ этимъ болваномъ.

Капитанъ повернулся къ человѣку, и какая-то гримаса наподобіе улыбки мелькнула на его лицѣ. Онъ быстро сталъ задавать вопросы, каждую минуту мѣняя свою рѣчь. Плѣнникъ смотрѣлъ на говорившаго отсутствующимъ взглядомъ; видно было, что онъ ничего не понималъ.

Наконецъ мягкіе, плавные звуки, какъ-то неуклюже срывавшіеся съ губъ этого грубаго солдата, какъ бы пробудили сознаніе плѣннаго.

— Наконецъ-то!—оживившись, проговорилъ генералъ, все время напряженно всматривавшійся въ лицо допрашиваемаго.—Скажите ему, что передъ нимъ два выбора: провести насъ по горной тропинкѣ къ крѣпости непріятеля, или быть разстрѣляннымъ.

Капитанъ повторилъ предложеніе генерала.

Плечи плѣнника безпомощно опустились, въ глазахъ потемнѣло. Онъ смочилъ языкомъ свои воспаленныя губы, а глаза его, какъ у загнаннаго звѣря, съ ненавистью блеснули въ сторону враговъ.

— Отвѣчай же! — крикнулъ переводчикъ.

Допрашиваемый вздрогнулъ, точно ледяная струя пронизала его насквозь, но тотчасъ же поднялъ голову и медленно покачалъ ею.

— Не хочешь? — воскликнулъ генералъ на своемъ рѣзкомъ языкѣ.—Итакъ, капитанъ, намъ придется прикончить это животное. Карта не имѣетъ для меня ровно никакого значенія, такъ какъ снѣгъ сгладилъ всѣ слѣды и тропинки. Ничего не видно и за десять шаговъ, а въ этомъ проклятомъ углу Европы можно запутаться и въ хорошую погоду.

Вторично повторилъ капитанъ свое предложеніе, но въ отвѣтъ послѣдовало отрицательное движеніе головой.

— Проклятая дубина! — прорычалъ генералъ и, стряхнувъ съ карты снѣгъ, сложилъ ее и положилъ въ карманъ. — Этакій...

Не докончивъ фразы, онъ сталъ прислушиваться. Отдаленный выстрѣлъ эхомъ прокатился въ горахъ. Затѣмъ второй, третій, наконецъ отдѣльные выстрѣлы слились въ продолжительный гулъ, точно шумъ горнаго водопада.

Генералъ закусилъ губу.

— Они атаковали нашихъ съ другой стороны. Чѣмъ скорѣе мы придемъ туда, тѣмъ лучше, иначе дѣло будетъ проиграно; мы и такъ уже опоздали на цѣлыхъ два часа.

Злорадная улыбка на мгновенье озарила лицо плѣнника, но лишь только капитанъ снова повернулся къ нему, какъ лицо его приняло прежнее безстрастное выраженіе.

— Къ стѣнѣ его! — крикнулъ генералъ, разразившись проклятіями по адресу упорствовавшаго.

Капитанъ повернулся и отдалъ приказаніе. Изъ сумерекъ выступило нѣсколько закутанныхъ фигуръ. Тяжелая рука опустилась плѣннику на плечо и подтолкнула его впередъ. Они пересѣкли площадь, и та же грубая рука прислонила его къ стѣнѣ. Послѣдовала команда, по которой всѣ эти сѣрыя неясныя фигуры выстроились въ линію, въ разстояніи десяти шаговъ отъ приговореннаго.

Послѣдній спокойно слѣдилъ за всѣми приготовленіями, какъ будто не вполнѣ отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что происходило. Еще разъ послышалась команда, и солдаты взвели курки.

Снова раздался нетерпѣливый голосъ генерала, и капитанъ подошелъ къ плѣннику.

— Послѣдній разъ предлагаемъ тебѣ...

Но тотъ, къ кому онъ обратился,

Наши казаки. Спѣшенные казаки въ цѣпи. По фот. нашего корреспондента.

Шоссе изъ Равы Русской въ Ярославъ. Вдали виднѣется Ярославъ.

Проволочныя загражденія передъ фортомъ у Ярослава.

Уголъ одного изъ фортовъ около Ярослава, съ внѣшнимъ рвомъ и проволочными загражденіями.

Подъ Ярославомъ. По фот. нашего корреспондента.

молча посмотрѣлъ на наведенныя на него дула винтовокъ. Наконецъ, откашлявшись, онъ быстро заговорилъ, обращаясь къ капитану.

— Онъ проситъ папиросу, генералъ,—удивленно доложилъ капитанъ своему начальнику.

— Папиросу?—криво усмѣхнулся генералъ.—Дать ему, но пусть затянется не болѣе трехъ разъ, иначе...

Кто-то изъ окружавшихъ сунулъ папиросу въ ротъ плѣннику, поднося въ то же время къ ней зажженную спичку, тускло блеснувшую въ туманѣ. Тонкая струйка ароматнаго дыма потянулась кверху.

Плѣнникъ оживленно закивалъ головой, точно вдыхаемый ароматъ табачнаго дыма придалъ ему бодрости.

Генералъ сошелъ съ лошади, пожалъ плечами и что-то пробормоталъ себѣ подъ носъ. Дула винтовокъ заколебались и стали вновь выстраиваться.

Плѣнный выпрямился. Онъ поднялъ голову и устремилъ взоръ въ небо, точно ожидая оттуда спасенія. Затѣмъ взглядъ его упалъ на тускло бѣлѣвшій въ сумеркахъ снѣгъ. Онъ напряженно прислушивался, не раздастся ли вдругъ откуда-нибудь знакомый голосъ.

Кругомъ было тихо. Только лошади, нетерпѣливо кусая удила да изрѣдка тихо ржа, нарушали воцарившуюся тишину. Вдругъ протяжный рѣзкій крикъ, похожій на завываніе голоднаго волка, донесся съ горъ. Плѣнникъ поднялъ голову; глаза его радостно вспыхнули, но тотчасъ же голова снова опустилась на грудь.

Капитанъ началъ спокойно отсчитывать:

— Разъ, два...

Странный звукъ, сорвавшійся съ губъ плѣнника, заставилъ его остановиться. Быстро опустились ружья. Торопливо, едва переводя духъ, плѣнный заговорилъ на своемъ непонятномъ языкѣ, обращаясь къ капитану.

— Онъ передумалъ, генералъ,—доложилъ капитанъ своему командиру съ довольной улыбкой.

— Отлично! Перспектива смерти великолѣпно дѣйствуетъ на этотъ проклятый народъ. Итакъ, не будемъ терять времени. Теперь, — сказалъ генералъ, направляя дуло револьвера ему въ голову:—маршъ впередъ!

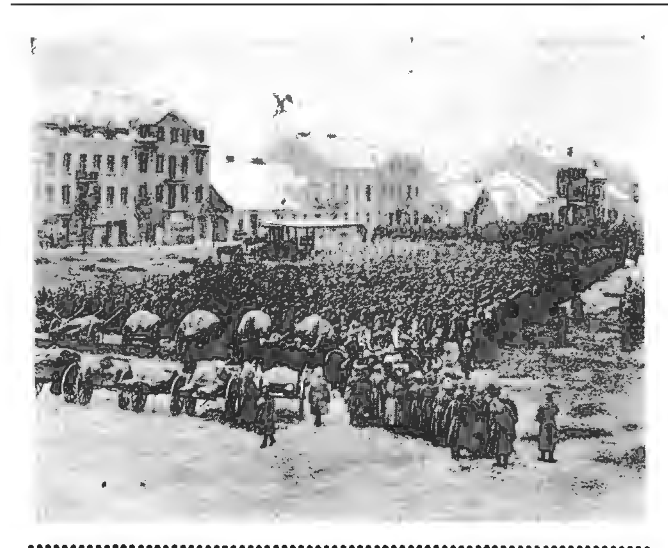
Холодъ стали мигомъ привелъ плѣнника въ себя, и онъ быстро зашагалъ по знакомой ему дорогѣ.

II.

Длинная темная линія шагавшихъ людей быстро двинулась впередъ. Глухой ревъ битвы, разыгравшейся въ горахъ, по мѣрѣ приближенія ихъ, становился все яснѣе и яснѣе.

Вѣтеръ дико завывалъ, налетая порывами на подвигавшихся впередъ, замерзавшихъ, шедшихъ съ опущенными головами, солдатъ. Генералъ проклиналъ вьюгу и плѣнника, проклиналъ непріятеля.

Темные силуэты горъ выросли какъ разъ передъ ними, непривѣтливо встрѣчая нарушившихъ ихъ тишину людей. Голодное, безнадежно тоскливое завываніе волка послышалось гдѣ-то въ сторонѣ. Плѣнникъ поднялъ голову и повелъ носомъ. Онъ вытянулъ шею и сталъ напряженно всматриваться въ темень, окутывавшую горную тропинку. Наконецъ онъ снова нагнулъ голову, защищаясь противъ ледя-



Въ Восточной Пруссіи.
Смотръ нашимъ войскамъ въ Маркграбовѣ.

ного дыханія вѣтра, и еще энергичнѣе зашагалъ впередъ.

Они быстро приближались къ цѣли своего путешествія, и орудійная пальба стала уже настолько слышна, что не трудно было отличить удары осаждавшей крѣпость тяжелой артиллеріи отъ выстрѣловъ отвѣчавшихъ крѣпостныхъ батарей.

Генералъ вздохнулъ свободнѣе, и тѣнь недовѣрія къ проводнику начала мало-по-малу разсѣиваться.

— Ну что такое послѣ этого лойяльность? — усмѣхаясь, обратился онъ къ своему адъютанту.— Нѣтъ такой, которая устояла бы противъ угрозы смерти.

— Возблагодаримъ небо за существованіе измѣнниковъ, генералъ, — въ тонъ ему отвѣтилъ адъютантъ.

— Аминь!—говорю я. Проклятый мужикъ могъ бы съ успѣхомъ разстроить нашъ планъ, если бы онъ не промѣнялъ своей родины на цѣлость своей шкуры.

Съ этими словами генералъ остановилъ свою лошадь. Они очутились у подъема на небольшой

Въ прусской деревушкѣ.

желѣзный мостъ, перекинувшійся черезъ бездонную пропасть, и опытный вояка не сразу рѣшился вступить на него. Подозвавъ къ себѣ своего адъютанта, генералъ отдалъ ему какое-то приказаніе, съ которымъ тотъ поскакалъ въ тылъ двигавшихся колоннъ.

Черезъ нѣсколько минутъ примчался автомобиль и, остановившись у входа на мостъ, ослѣпительнымъ электрическимъ свѣтомъ сталъ тщательно изслѣдовать поверхность его.

— Кажется, все въ исправности, — сказалъ генералъ:— но изслѣдуйте еще эту бездонную пропасть.

Плѣнникъ обернулся, пожалъ плечами и сталъ что-то говорить капитану, который поспѣшилъ перевести его слова.

— Онъ говоритъ, что мостъ выстроенъ только прошлой весною и слишкомъ солиденъ, чтобы расшататься такъ скоро.

Генералъ тронулъ лошадь, но все же съ опаской подвигался впередъ. Въ сторонѣ, въ горахъ, въ третій разъ прозвучало жалобное завываніе голоднаго волка.

— Погоди, товарищъ,—прошепталъ плѣнникъ на своемъ пѣвучемъ языкѣ.—Сегодня тебѣ готовится обильный ужинъ.

— Что ты тамъ болтаешь?—подозрительно спросилъ капитанъ.

— Мнѣ захотѣлось поболтать съ товарищемъ,—загадочно отвѣтилъ вожатый.

— Замолчи!—строго прикрикнулъ на него капитанъ.

Тѣмъ временемъ первые ряды отряда, предводительствуемые бодро и увѣренно шагавшимъ плѣнникомъ, подходили уже къ противоположной сторонѣ моста. Но, забывъ строгое приказаніе капитана молчать, плѣнникъ снова возбужденно заговорилъ, обращаясь теперь уже лично къ нему:

— Видите, ваше благородіе, я правду сказалъ, что мостъ крѣпокъ. Они хорошо умѣютъ ихъ строить, и теперь мы уже близки къ цѣли,—добавилъ онъ, кивая головой въ сторону ясно виднѣвшейся уже дороги.

— Послушай, мнѣ совсѣмъ не нравится твоя болтовня! — снова прикрикнулъ на него капитанъ, обезпокоенный проявленнымъ плѣнникомъ возбужденіемъ.

— Извиняюсь, ваше высокородіе, мы—люди простые...

Сильный ударъ, точно громовой раскатъ съ вечерняго неба, прокатился надъ ихъ головами, и яркое кровавое зарево на мгновенье освѣтило остановившійся отрядъ.

Плѣнникъ поднялъ голову и громко расхохотался. Но тотчасъ же онъ почувствовалъ прикосновеніе холодной стали къ своей головѣ, и рѣзкій голосъ капитана прозвучалъ совсѣмъ близко:

— Что это значитъ, измѣнникъ?

— Это значитъ, что вашъ арьергардъ разорванъ на части и вмѣстѣ съ мостомъ исчезъ въ пропасти. Это значитъ, что мои солдаты все время слѣдили за движеніемъ вашей части, волчьими завываніями подавая мнѣ сигналы. Это значитъ еще, что отступленіе вамъ отрѣзано, и наша крѣпость спасена... Да здравствуетъ родина!—крикнулъ онъ изо всей силы, и горы эхомъ повторили его прощальный привѣтъ родной странѣ.

Сильный взрывъ покрылъ его слова и отбросилъ его далеко въ сторону. Опаленный и окровавленный, лежа на краю дороги, онъ еле двигающимися губами нашелъ въ себѣ силу повторить:

— Да здравствуетъ... родина!

Въ Восточной Пруссіи. Послѣ ухода непріятельскихъ войскъ изъ Маркграбова.

Въ Восточной Пруссіи. Въ Маркграбовѣ.

Въ разоренной Польшѣ. Станція Радомъ, уцѣлѣвшая отъ разгрома, произведеннаго германскими войсками. По фот. нашего корреспондента.

Библіографія.

Щепкина-Куперникъ, Т. Л. Пѣсня брюссельскихъ кружевницъ. Петроградъ. 1915. Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ. Цѣна 50 к.

Передъ нами изящная книга-тетрадь, обрамленная тонкимъ и художественнымъ рисункомъ кружевного бордюра.

Такова внѣшность. То, чтò скрывается подъ кружевнымъ покровомъ, еще прекраснѣе: прелестныя слова поэтической пѣсни о бельгійскихъ кружевницахъ сверкаютъ, какъ золотыя филигранныя драгоцѣнности.

Среди современныхъ русскихъ поэтессъ Т. Л. Щепкина-Куперникъ заслуженно занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ, какъ по рѣдкой техникѣ стиха, такъ и по силѣ проникающихъ ея стихи художественныхъ эмоцій. Это—настоящее вдохновеніе, захватывающее читателя глубокимъ и искреннимъ чувствомъ. Тонкое кружево стиховъ талантливой поэтессы украшаетъ всегда яркую мысль, сильное чувство, вдохновенный порывъ.

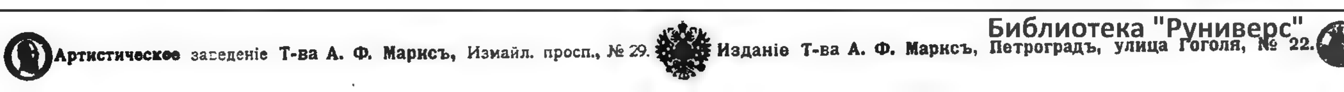
„Пѣсня брюссельскихъ кружевницъ“ — уже далеко не новость для широкихъ слоевъ публики. Она инсценирована въ нѣкоторыхъ театрахъ и уже стала популярной. Въ теперешнемъ своемъ видѣ, изданная отдѣльно въ стильной обложкѣ, „Пѣсня“ имѣетъ совершенно спеціальное назначеніе: весь доходъ отъ изданія поступаетъ въ пользу пострадавшихъ отъ войны въ Россіи и Бельгіи. Таково желаніе автора. Это ея посильная лепта жертвамъ войны. И всѣ, кто пріобрѣтетъ эту изящную поэму, сдѣлаютъ доброе дѣло и получатъ высокое художественное наслажденіе.

Изданіе иллюстрировано эффектными, стильными рисунками Г. Нарбута. Перелистайте его—и въ вашей памяти надолго останутся образы разрушенныхъ и окровавленныхъ бельгійскихъ городовъ — стараго Брюгге, Лувена, Малина, блѣдныя тѣни прежнихъ счастливыхъ работницъ и прелестныя строфы припѣва:

„Тяните, тяните
Кровавыя нити
И пойте великую пѣсню свою
О Бельгіи вѣрной,
О жертвѣ безмѣрной,
О славныхъ, о павшихъ въ неравномъ бою...“

Въ разоренной Польшѣ. Радомъ. Зданіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, разрушенное германскими войсками при ихъ отступленіи. По фот. нашего корреспондента.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ.



Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Выданъ 11 апрѣля 1915 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.) — 15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.: на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. И. А. Бунина“ кн. 4.

ФАЗАНЬИ ЯЙЦА прод. около 10.000 шт. въ фазаникѣ кн. Б. Л. Вяземскаго по 35 к. шт. При большихъ заказ. скидка. Обращаться къ завѣдующему охотою Э. Штейнгауэру. Озеры, Гродненск. губ. 3528 2-1

МАРКИ ПОКУПКА И ПРОДАЖА. Богато иллюстр. катал. 6 к. Расцѣнка покуп. марокъ 4 к. **А. Эйхенталь**, Петроградъ, Садовая, 117.

Требуйте незасыхающее тѣсто для истребленія крысъ и мышей, высыл. почтой нал. плат., 1 р. фунтъ, 5 фунт. 4 руб., перес. по стоимос., адр.: Смоленскъ, Ѳ. Великсону.

ДѢТСКАЯ МУЗЫКА
въ изданіи
П. ЮРГЕНСОНА.
Новый спеціальный каталогъ высылается безплатно. 3515
П. ЮРГЕНСОНЪ, Москва, Неглинный пр., 14.

ДРАГОЦѢННАЯ КНИГА ДАРОМЪ!

Сообщите мнѣ свой адресъ только въ закрытомъ письмѣ (открытки остаются безъ отвѣта), и я вышлю Вамъ для ознакомленія безплатно (не присылайте ни денегъ, ни марокъ) свой **КРАТКІЙ САМОУЧИТЕЛЬ ГИПНОТИЗМА, ХИРОМАНТІИ, ФИЗІОГНОМИКИ, ФРЕНОЛОГІИ, ГРАФОЛОГІИ и АСТРОЛОГІИ** съ рисунками въ текстѣ. По этой книгѣ Вы узнаете много **УДИВИТЕЛЬНАГО, НОВАГО и ВАЖНАГО** о себѣ лично, о близкихъ друзьяхъ и знакомыхъ. По ней легко опредѣлить **ХАРАКТЕРЪ, ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ и БУДУЩЕЕ.** Адресуйте: **ПСИХО-ФРЕНОЛОГУ Х. М. ШИЛЛЕРУ-ШКОЛЬНИКУ, ВАРШАВА, ПЕНКНАЯ, 25. Н.** 3521

ЗАИКАНІЯ

косноязычія (к, г, ч, ц, ш, щ, з, е, р), отст. умст. развит. Лѣчебница съ пансіон. **Д-ра БЯЛИКА,** спец. по горл., носов. и ушн. бол. Кіевъ. Фундуклеевск., 33. 3517 2-1

БУХГАЛТЕРІЯ и коммерческ. образованіе. **ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ.** Обширная программа. **СТЕНОГРАФІЯ.** Разсрочка. **АТТЕСТАТЪ.** Проспектъ безплатно. Петроградъ. Редакція „Коммерческой Энциклопедіи“. Р.

ПИШУЩІЯ МАШИНЫ

лучш. системъ: Ундервудъ, Ремингт. и др. случайныя и малодержанныя.
ИСКЛЮЧИТ. ДЕШЕВЫЯ ЦѢНЫ
(отъ 40 руб. — съ многолѣтней гарантіей).
Подробности—по требованію.
Т-во „ПИШУЩАЯ МАШИНА“,
Петроградъ, Невскій пр., 88. 3512 2-2

ГОРАЗДО ВЫГОДНѢЕ И ЛЕГЧЕ НАПРАВИТЬ СТАРОЕ ЛЕЗВІЕ, НЕ ВЫНИМАЯ ЕГО ИЗЪ БРИТВЫ, ЧѢМЪ ПОКУПАТЬ И ВСТАВЛЯТЬ НОВЫЯ!

Auto-Strop Safety Razor Co., Ltd. London.

ЕДИНСТВЕННАЯ ВЪ МІРѢ САМОПРАВЯЩАЯСЯ БЕЗОПАСНАЯ БРИТВА

Авто-Стропъ

УДОБНА, ПРОЧНА И НЕ ТРЕБУЕТЪ ЧАСТЫХЪ ПОКУПОКЪ НОВЫХЪ ЛЕЗВІЙ!

ИМѢЕТСЯ ВО ВСѢХЪ ЛУЧШИХЪ МАГАЗИНАХЪ.— И У ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ОБЩЕСТВА

О. К. СПАНДИКОВЪ, МОСКВА,
Мясницкая, Кривоколѣнный пер., 14.

Цѣна бритвы 4-кратнаго серебренія въ изящномъ кожаномъ футлярѣ, 12 запасныхъ лезвій и 1 ремень для правки— 12 руб.

ЖЕЛЕ, МЫЛО, ПУДРА

ФИЛОДЕРМИНЪ

ДЛЯ СМЯГЧЕНІЯ и БѢЛИЗНЫ КОЖИ ЛИЦА и РУКЪ

А. ЛЕМЕРСЬЕ.

При ГОНОРРЕѢ

въ острой и хронической формѣ, а также ея послѣдствіяхъ примѣняется средство

„АРМАТИНЪ“

для внутренняго употребленія. „Арматинъ“ совершенно безвреденъ для организма и одинаково успѣшно примѣнимъ къ мужчинамъ и женщинамъ. При употребленіи „Арматина“ не требуется никакихъ спринцованій, промываній, прижиганій, бужированій и т. п.
Цѣна 1 кор. 1 р. 75 к.

ПРОДАЖА ВЪ АПТЕКАХЪ
по рецепт. врач.
Адр.: Москва, Уланскій пер., д. 21, кв. 116, А. Я. Акуліанцу.

Во избѣжаніе поддѣлокъ требовать „Арматинъ“ только А. Я. Акуліанца. 3493 2-2

старческая дряхлость,

артеріосклерозъ, переутомленіе, общая слабость послѣ перенесенныхъ болѣзней, послѣдствія алкоголизма и т. д., неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина“, интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копеечныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

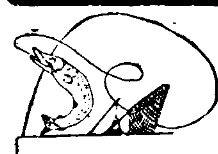
ПрофессоръД-ръ ПЕЛЬ и С-вья. ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщики
Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Новая книга. ЮРИДИЧЕСКІЙ СПРАВОЧНИКЪ. Новая книга.

3528

Краткое содержаніе книги: Бракъ. Опека и попечительство. Раздѣльное жительство супруговъ. Духовныя завѣщанія и наслѣдованія по закону. Мировой, волостной и Верхній сельскій суды. Землеустройство. Воинская повинность. Кооперація и мелкій кредитъ. Желѣзнодор. почтовыя правила. Вознагражденіе нотаріусовъ. Устройство сельскохозяйств. обществъ. Казенныя и мірскія повинности. О выборахъ въ Государств. Думу. Уѣздная и полицейская стража. Переселеніе на казенныя земли. Принудительное отчужденіе недвижимыхъ имуществъ. Льготный отпускъ лѣсныхъ матеріаловъ. Администрат. устройство Россіи. Дѣлопроизв. въ Волостныхъ правленіяхъ. Формы дѣловыхъ бумагъ. Формы прошеній на Высочайшее Имя. Образцы прошеній, заявленій, отзывовъ, жалобъ, кассацій, апелляцій, приговоровъ и пр. Права и обязанности сельскихъ должностныхъ лицъ и проч. и проч. Въ книгѣ 512 стр. убористаго текста на хорошей бумагѣ. Сост. **П. Ѳедосѣевъ.** Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 85 к. Съ требов. обращаться: **МОСКВА, Уланскій пер., д. № 30—4. Книжный магазинъ П. К. Комисаренко.** Каталогъ книгъ безплатно.

Спеціальный магазинъ



РЫБОловныхъ принадлежностей.

Ф. Е. БЕРЕЗИНА.

Москва, Лѣнивка, д. 4. Н.

Большой выборъ принадлежностей РЫБОЛОВНАГО СПОРТА лучшихъ заграничныхъ фирмъ и СОБСТВЕННОЙ МАСТЕРСКОЙ.

Продажа оптомъ и въ розницу. 8520

Прейсъ-куранты, оптовый (для гг. торговцевъ) и розничный, высылаются безплатно.

Лондонъ 1906. Вольмаръ 1910. Римъ 1911. Roma 1911. Wolmar 1910. London 1906.

Большая золотая. Большая золотая. Большая золотая. GRAN PREMIO. Magna aurea. Gold medal.

КРУПНѢЙШЕЕ

въ Россіи Ателье предлагаетъ художественное съ поразительнымъ сходствомъ увеличеніе портретовъ со всевозможныхъ фотограф. снимковъ.

Портретъ 10×12—120 квадр. вер. въ элегантномъ паспарту въ роскошной рамѣ, исполненный тушью кистью, съ упаковкой 3 р., такой же 12×15—180 квадр. вершк.—6 р.; акварелью 10×12 вер. — 4 р., 12×15 вер.—8 р., при акварели необходимо указать цвѣтъ волосъ, глазъ и проч. **Заказавшій любой портретъ получаетъ въ премію съ своей карточки портретъ на эмали, брошь или булавку для галстуха.** Заказы съ оригиналами высылаются черезъ 15 дней наложен. платежомъ. Адресовать только въ

Главную контору художественнаго ателье А. И. Х.-Дроздова, Невскій проспектъ, 106.

8350 **Петроградъ.** Телеф. 142-04. Фирма сущ. съ 1899 г. 10-9

Подробный прейсъ-курантъ высылается безплатно.

КУРЯЩИМЪ

НОВОСТЬ!

цѣнный подарокъ „Фениксъ" — усоверш. патент. машинка, дающая въ теченіе 10 минутъ **болѣе 100 шт.** изящно и гигіен. набитыхъ папиросъ. Гильзы не рвутся, табакъ не сѣчется, а набивка поразит. легка. Необход. кажд. курящ., т. к. сберег. массу ден., врем. и труда и избавл. отъ лишнихъ волненій. Ц. 1 р. 50 к. Перес. нал. пл. 50 к., въ Сиб. 90 к. При вак. 3-хъ и болѣе маш. перес. наша. **Указ. № гильзъ. Кіевъ, Н., комм. ящ. 336.**

НОВОСТЬ!!!

Американскій КОРСЕТ-ПОЯС

без бланжетки и костей.

Облегает граціозно **всякую фигуру, не причиняя никакого безпокойства.** Необходим для всякаго рода занятій, спорта и дороги. Выс. нал. плат. Мѣрка 1) объем таліи, 2) объем бедер. Цѣна от 8 р. до 25 р. Петроград, Владимірск. пр., д. 7, кв. 29, вход во дворѣ. Телеф. 70-61.

М-me КЛЭРЪ.

3130

Изданія Т-ва А. Ф. Марксъ,

Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

Авсѣенко, В. Г. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.
Т. I. **„Скрежетъ зубовный".** — Т. II. **„Злой духъ".** (ч. I и II). — Т. III. **„Злой духъ".** (ч. III и IV). — Т. IV. **„Изъ-за благъ земныхъ".** *Поволота.* — Т. V. **„Млечный путь".** *Рабыня.* — Т. VI. **„На распутьи".** — Т. VII. **„Женщины".** Повѣсти и разсказы (1-я серія). — Т. VIII. **„Женщины".** Повѣсти и разсказы (2-я серія). — Т. IX. **„Лгуны".** — Т. X. **„Свѣтъ и тѣни".** — Т. XI. **„Былое и небывалое".** — Т. XII. **„Силуэты".** Цѣна каждому тому **1 р. 75 к.,** съ перес. **2 руб.;** въ переплетѣ **2 р. 35 к.,** съ перес. **2 р. 60 к.**

Альбовъ, М. Н. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.
Въ 8 томахъ in 8°. Т. I. **„День итога".** — Т. II. **„До пристани".** — Т. III. **„Ряса".** — Т. IV. **„Юбилей".** — Т. V. **„Пшеницыны".** — Т. VI. **„Хитрый планъ Мамаева".** — Т. VII. **„День да ночь".** Книги 1 и 2-я. — Т. VIII. **„День да ночь".** Книги 2 и 3-я. Изящное изданіе на хорошей бумагѣ, отпечатан. четкимъ шрифтомъ. Цѣна каждому тому **1 р. 25 к.,** съ перес. **1 р. 50 к.;** въ перепл. **1 р. 75 к.,** съ перес. **2 руб.**

Шеллеръ, А. К. (А. Михайловъ). ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ въ 15-ти том. in 8°, на хорошей бумагѣ, 7730 страницъ. Цѣна 15-ти томамъ **25 р.,** съ перес. **27 р.;** въ перепл. **34 р.,** съ перес. **36 р.** Цѣна каждому тому **2 руб.,** съ перес. **2 р. 30 к.**

Станюковичъ, К. М. СОЧИНЕНІЯ въ 13-ти томахъ in 8°, 6484 стр. на хорошей бумагѣ. Цѣна каждому тому (кромѣ 1, 2, 3 и 4-го, которые распроданы) **1 р. 50 к.,** съ перес. **1 р. 80 к.**

Салтыковъ, М. Е. (Щедринъ). ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ въ 12 том., 8458 стран. in 8°, съ портретомъ автора, его факсимиле и видомъ могильн. памятника. Цѣна 12 томамъ **24 р.,** съ перес. **25 р. 50 к.;** въ перепл. **31 р.,** съ перес. **32 р. 50 к.** Цѣна каждому тому **2 р. 25 к.,** съ перес. **2 р. 50 к.**

КАШЕЛЬ
ОБЛЕГЧАЕТСЯ
ПРИ УПОТРЕБЛЕНІИ
PASTILLES VALDA
(Лепешекъ Вальда)
СРЕДСТВО отъ
ПРОСТУДЫ, НАСМОРКА.

8386

НО ГЛАВНЫМЪ ОБРАЗОМЪ
ТРЕБУЙТЕ
во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ
НЕПРЕМѢННО
НАСТОЯЩІЯ ЛЕПЕШКИ ВАЛЬДА
(PASTILLES VALDA)
ВЪ КОРОБКАХЪ
съ красной бандеролью,
снабженныхъ
именемъ
VALDA

БЫСТРОЕ ПРЕКРАЩЕНІЕ
ГОЛОВНЫХЪ БОЛЕЙ, НЕВРАЛГІИ, ИШІАСА,
простудныхъ и ревматическихъ болей даетъ **Кефалдолъ Д-ра Сторъ**
Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. КЕФАЛДОЛЪ абсолютно безвреденъ.
Остерегайтесь поддѣлокъ.

ВНИМАНІЕ!

Громадный спросъ на наши противогеморроидальн. свѣчи **ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ** вызвалъ рядъ грубыхъ, негодныхъ поддѣлокъ. На рынкѣ появились подъ названіемъ Проктолъ свѣчи изъ простого масла какао, не дѣйствующаго на проявленія

ГЕМОРРОЯ.

Поддѣлки эти легко узнать, т. к. по вполнѣ понятнымъ причинамъ не носятъ ни фирмы, ни адреса изготовителя. При покупкѣ слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ** и на нашу фирму **Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-ья** ПЕТРОГРАДЪ.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Нѣмцы о русскихъ. «Русское Слово» приводитъ сообщеніе корреспондента извѣстнѣйшей берлинской газеты «Lokal-Anzeiger», любимой газеты императора Вильгельма, о бояхъ на рѣкѣ Нѣманѣ:

«Всякая другая армія въ мірѣ послѣ неудачи, испытанной 10-й арміей, была бы на долгое время лишена возможности производить какія бы то ни было операціи, если не по организаціоннымъ, то, по крайней мѣрѣ, по моральнымъ причинамъ. Но не то съ русскими. Русскій солдатъ идетъ впередъ, когда получается соотвѣтствующее приказаніе, и отходитъ, когда это ему приказываютъ, или когда онъ не получаетъ приказанія наступать. Только этими свойствами и можно объяснить постоянную способность русской арміи къ наступленію. Деморализовать такую армію невозможно даже пораженіями, къ которымъ она можетъ спокойно относиться. Не моральной стороной успѣха, а лишь энергичнымъ преслѣдованіемъ и уничтоженіемъ можно побѣдить русскихъ. Но если ихъ не удастся уничтожить, то мы увидимъ передъ собою черезъ самое короткое время эту же армію, стоящую передъ нами въ прежнемъ, организованномъ видѣ. На восточно-прусскомъ фронтѣ русская армія, отходя къ укрѣпленіямъ Нѣмана, открыто возрастала въ силѣ. Этимъ оправдывается серьезное значеніе нѣманскихъ укрѣпленій, дающихъ возможность русскимъ маневрировать и оставаться гарантированными отъ какихъ бы то ни было неблагопріятныхъ впечатлѣній извнѣ. Сила русской арміи совсѣмъ не въ неисчерпаемомъ количествѣ запаса людей, а въ разумномъ и спокойномъ отношеніи ко всякимъ невзгодамъ».

Женщина на войнѣ. Нашъ военный органъ «Русскій Инвалидъ» высказываетъ весьма правильное и опредѣленное мнѣніе о роли женщины на войнѣ: «Нашъ народъ не любитъ оружія въ рукѣ носительницы своихъ идеаловъ. Наша героиня отъ святой Ольги и Ярославны до образовъ Тургенева, Достоевскаго и Толстого и отъ нихъ до женскихъ типовъ современной литературы,—не говоря, конечно, объ отрицательныхъ,—вѣрна завѣтамъ гуманности, уваженія къ свободѣ и милосердія, т.-е. именно тому, съ чѣмъ война не можетъ мириться. Не потому ли самая военная нація—самая жестокая? Въ семьѣ и внѣ ея лучшая русская женщина всегда вела и ведетъ за собой мужчину, и исторія не одинъ разъ доказала, что, пока велика женщина,—велика нація. Но величіе это—не величіе браннаго подвига. Если не насталъ еще часъ для вѣчнаго мира на землѣ, если осуществленіе великихъ идеаловъ до сихъ поръ покупается кровью, то не будемъ забывать и того, что однимъ мечомъ не создашь ничего. Послѣ войны начнется великая творческая работа, и для нея мы должны сберечь силы нашей подруги, какъ и силы созрѣвающей нынѣ молодежи. Не восхищаться легкомысленно героизмомъ дѣвушекъ, переодѣвающихся въ мужское платье, и гимназистовъ, бѣгущихъ въ добровольцы, слѣдуетъ намъ, а сказать имъ:

— Уходя туда, гдѣ вы не нужны, ради тщеславія, изъ легкомыслія и жажды ощущеній, вы поступаете непатріотично, лишая насъ заслуженнаго послѣ великой борьбы отдыха.

Мѣсто женщины на войнѣ только одно—жрицы милосердія и любви къ страдающему человѣчеству.

Кто можетъ и въ силахъ—бери на себя этотъ крестъ; слабыхъ и связанныхъ никто винить не смѣетъ, имъ найдется при добромъ желаніи всегда работа дома».

Герой-мученикъ Порфирій Панасюкъ. 20-го марта къ фронту нашихъ войскъ добрался бѣжавшій изъ нѣмецкаго плѣна развѣдчикъ, запасный унтеръ-офицеръ Порфирій Панасюкъ, съ отрѣзаннымъ правымъ ухомъ и изуродованнымъ носомъ. Германцы захватили Панасюка съ 15-го на 16-е марта въ селеніи Домброве, что сѣвернѣе Мышинца, откуда препроводили для допроса въ штабъ, расположенный на Расогѣ. Тамъ, въ присутствіи 10 офицеровъ, Панасюка начали принуждать дать свѣдѣнія о расположеніи нашихъ войскъ и предложили за денежное вознагражденіе шпіонить въ пользу нѣмцевъ. На категорическій отказъ Панасюка со стороны нѣмецкихъ офицеровъ послѣдовала угроза, что ему, въ случаѣ дальнѣйшаго упорства, будутъ рѣзать по кускамъ уши, носъ, выколютъ глаза и наконецъ повѣсятъ за ноги. Угроза не поколебала мужества Панасюка, онъ вновь отказался дать какія-либо свѣдѣнія о нашихъ войскахъ. Тогда одинъ изъ офицеровъ приказалъ принести ножницы и приступилъ къ звѣрской пыткѣ: онъ собственноручно отрѣзалъ сначала мочку праваго уха, затѣмъ послѣдовательно въ четыре пріема, въ теченіе часа, отрѣзалъ кругомъ ушную раковину, оставивъ небольшой хрящъ вокругъ слухового прохода; въ то же время другой офицеръ изуродовалъ носъ, отдѣливъ рукою хрящъ отъ костей, и наносилъ удары кулакомъ по зубамъ. Мужественно и самоотверженно перенося пытку, Панасюкъ упорно продолжалъ отказываться отвѣчать на предложенные ему вопросы о нашихъ войскахъ. Не достигнувъ успѣха болѣе чѣмъ часовой пыткой, допрашивавшій офицеръ приказалъ отвести Панасюка подъ арестъ. На пути Панасюкъ, пользуясь темнотой ночи, бѣжалъ отъ сопровождавшаго его конвоя и вышелъ на фронтъ нашихъ войскъ. Панасюкъ поступилъ въ лазаретъ петроградской Елисаветинской общины Краснаго Креста въ Варшавѣ. Составленные врачами протоколы и фотографическіе снимки съ изуродованнаго пыткой лица будутъ предоставлены печати. Верховный Главнокомандующій за вѣрность присягѣ и мужество пожаловалъ Порфирію Панасюку Георгіевскій крестъ 1-й степени и денежное пособіе.

Сестра милосердія — герой. Съ передовыхъ позицій прибыла въ Харьковъ сестра милосердія Ксенія Бондаренко, имѣющая много знаковъ отличія за проявленную ею самоотверженность во время работы на поляхъ битвы. К. Бондаренко работала въ полевомъ госпиталѣ въ Карпатахъ. Командиръ одного изъ корпусовъ представилъ ее къ награжденію Георгіевскимъ крестомъ 4-й степени за слѣдующій геройскій поступокъ. Вблизи деревни Мощиницы возгорѣлся сильный бой. К. Бондаренко все время подбирала раненыхъ и дѣлала имъ перевязки. Когда былъ тяжело раненъ капитанъ N., Бондаренко подбѣжала къ нему, взяла его къ себѣ на плечи и подъ непріятельскимъ огнемъ пронесла двѣ версты, доставивъ его, истекавшаго кровью, на перевязочный пунктъ. Капитанъ, благодаря потерѣ крови, поправлялся очень медленно, но все-таки остался живъ. О поступкѣ Бондаренко командиръ корпуса доложилъ командующему арміей. Сестра-героиня принуждена была оставить позиціи вслѣдствіе тяжелой болѣзни своего мужа-офицера, котораго она отвезла въ Харьковъ.

Англія о германскихъ угрозахъ. Американское посольство передало сэру Эдуарду Грею заявленіе Германіи, что за каждаго нѣмецкаго плѣннаго съ подводной лодки, подвергаемаго «жестокому» обращенію, будетъ расплачиваться плѣнный британскій офицеръ въ Германіи. Грей заявилъ, что офицера и матросы, спасенные англичанами при уничтоженіи подводныхъ лодокъ U. 8 и U. 12, помѣщены въ морскихъ казармахъ съ тѣмъ, чтобы отдѣлить ихъ отъ другихъ плѣнныхъ. Обращеніе съ ними гуманное: они имѣютъ возможность заниматься физическими упражненіями, получаютъ нѣмецкія книги и не заняты принудительными работами. Кромѣ того, они получаютъ лучшее питанье и лучшую одежду, чѣмъ соотвѣтственная категорія плѣнныхъ въ Германіи. Между тѣмъ, экипажъ подводныхъ лодокъ состоитъ изъ людей, которые имѣютъ задачей, по приказу своего правительства, топить ни въ чемъ не повинныхъ мирныхъ путешественниковъ британскихъ и нейтральныхъ судовъ и, въ сущности, должны разсматриваться, не какъ достойные уваженія противники, а лишь какъ нарушители международнаго права и неписанныхъ законовъ человѣчества. Въ теченіе войны британскимъ флотомъ было извлечено изъ моря и спасено болѣе 1.000 нѣмецкихъ офицеровъ и матросовъ, нерѣдко съ опасностью для жизни и съ рискомъ для операцій британскаго флота. Съ другой стороны, не было ни одного случая спасенія какого-нибудь офицера или пассажира англійскихъ судовъ германцами.

Передъ сдачей Перемышля. По словамъ плѣнныхъ, прибывшихъ изъ Перемышля, въ крѣпости была установлена такса на мясо для пропитанія гарнизона: за собаку платили 12 кронъ, за кошку — 4 кроны (австрійская крона=39 коп). То же самое подтверждаютъ и окрестные жители. Въ послѣдніе дни передъ сдачей хлѣбъ получали только военные: спекулянты скупали у нѣкоторыхъ изъ нихъ и перепродавали обывателямъ Перемышля по 10—15 кронъ хлѣбецъ, стоившій прежде 8 центовъ, т.-е. за 8—6-копеечный хлѣбецъ брали 4—6 р.

Борьба съ паразитами. Врачъ Боровскій напечаталъ въ московскихъ газетахъ слѣдующее письмо: «Въ № 13953 газеты «Новое Время» была помѣщена статья капитана Маникова, въ которой онъ описываетъ произведенные имъ опыты надъ дѣйствіемъ нафталина на вшей. Его опыты со вшами, помѣщенными въ тарелку и засыпанными ложкой нафталина, дали вполнѣ хорошіе результаты.

Чтобы провѣрить столь удачное дѣйствіе нафталина на вшей, врачами были произведены опыты съ тѣмъ же нафталиномъ. Было испробовано дѣйствіе нафталина какъ при искусственной, такъ и при естественной обстановкѣ.

При искусственной было три опыта. Первый: была взята банка, на часть дна которой было насыпано около 10-ти граммовъ нафталина, а на другую часть дна было помѣщено около 50-ти вшей; банка была покрыта листкомъ бумаги. Черезъ $2^1/_2$ часа вши были мертвы и по извлеченіи изъ банки не оживали. Второй опытъ—при свободномъ доступѣ воздуха; въ остальномъ—условія тѣ же. Здѣсь для умерщвленія вшей потребовалось $3^1/_2$ — 4 часа. Третій опытъ: вши были въ банкѣ безъ нафталина и безъ свободнаго доступа воздуха (контрольный опытъ по отношенію къ опыту первому). Вши не погибли въ теченіе всего времени наблюденія, продолжавшагося болѣе двухъ сутокъ.

При естественной обстановкѣ опыты производились на нижнихъ чинахъ. На каждаго солдата навѣшивались два марлевыхъ мѣшочка, съ 5-ю граммами нафталина въ каждомъ. Одинъ мѣшочекъ укрѣплялся на груди, другой на спинѣ. Уже черезъ нѣсколько часовъ солдаты заявили, что они чувствуютъ себя великолѣпно.

Вреднаго вліянія нафталина на кожу и на общее состояніе здоровья не замѣчено.

Улучшеніе самочувствія солдатъ не прошло незамѣченнымъ ихъ товарищами, и уже на другой день нижніе чины стали обращаться съ просьбами дать и имъ средство отъ вшей.

Подушечки дѣлались около 2-хъ вершковъ въ длину и въ ширину и прошивались матрацнымъ швомъ.

Цѣлесообразнѣе всего посылать нафталинъ въ марлевыхъ подушечкахъ, но, при недостаткѣ времени, можно посылать нафталинъ хотя бы въ фунтовыхъ пакетахъ и мягкую марлю».

Солнечный свѣтъ вмѣсто хлѣба. Война и блокада Германіи англо-французскимъ флотомъ создали въ Германіи угрозу голода. Этотъ призракъ предвидится многими. Всѣ германскіе журналы наполнены совѣтами и рецептами для возможно болѣе экономнаго расходованія и потребленія припасовъ. Ученые изъ кожи лѣзутъ, чтобы найти средство для замѣны хлѣба. Однимъ изъ такихъ продуктовъ явился картофель, который, по изслѣдованіямъ одного ученаго, слѣдуетъ варить «въ мундирѣ», чтобы часть питательныхъ веществъ не растворилась въ водѣ при варкѣ. Много другихъ способовъ предлагается. Но особенно интересенъ проектъ нѣкоего доктора Мюлле. Этотъ ученый рекомендуетъ всѣмъ своимъ согражданамъ въ большой мѣрѣ пользоваться солнеч-

нымъ свѣтомъ, такъ какъ онъ улучшаетъ питаніе и даетъ возможность поддерживать жиръ при меньшемъ количествѣ принимаемой пищи.

Проектъ доктора Мюлле, какъ бы дикъ онъ ни казался съ перваго взгляда, имѣетъ подъ собой реальную почву. Французскіе физіологи много поработали надъ вопросомъ о выясненіи вліянія солнечнаго тепла на питаніе.

Опыты, произведенные надъ морской свинкой, дали положительные результаты. Оказалось, что солнечный свѣтъ и выдѣляемая имъ теплота могутъ замѣнить часть той пищи, которая необходима морской свинкѣ въ среднемъ климатѣ. Это наблюденіе подтверждается многочисленными данными. Извѣстно, что негры, живущіе на югѣ Алжира, употребляютъ количество пищи, выражающееся въ 1.200—1.500 тепловыхъ калорій, въ то время, какъ среднее количество пищи, необходимой человѣку, живущему въ Европѣ, достигаетъ 3.000 калорій тепла. Изъ этого видно, что тепло, исходящее отъ солнца, можетъ замѣнить часть пищи, необходимой человѣку для поддержанія его организма.

Голодъ въ Германіи. Корреспондентъ «Daily Graphic» сообщаетъ изъ Базеля о томъ, что экономическое положеніе Германіи съ каждымъ днемъ ухудшается. Во всѣхъ городахъ приглашены особые эксперты-кулинары, которые читаютъ лекціи женщинамъ, объясняя имъ способы приготовленія хорошихъ кушаній изъ дешевыхъ и въ обычное время почти негодныхъ матеріаловъ. Германскіе издатели выпустили на рынокъ тысячи книгъ, посвященныхъ кулинарному искусству. Газеты помѣщаютъ безконечное количество экономическихъ меню. Городскія управленія организуютъ особые курсы по кулинарному дѣлу. Въ Франкфуртѣ учреждены особые вечерніе курсы для демонстраціи новой экономной печи, изобрѣтенной нѣмецкимъ инженеромъ. Въ Штутгартѣ учреждена особая образцовая кухня военнаго времени, въ которой демонстрируется ежедневная пища и порціоны для жителей Германіи. Въ различныхъ германскихъ городахъ открыты спеціальныя консультантскія бюро, которыя безплатно даютъ совѣты по хозяйственной экономіи, при чемъ стараются привлекать въ эти бюро возможно большее количество женщинъ, отъ которыхъ главнымъ образомъ зависитъ ограниченіе потребленія продовольствія въ странѣ. Правительство командировало цѣлый рядъ лекторовъ, которые объѣзжаютъ не только города, но даже деревни и поучаютъ населеніе экономіи и воздержанію.

Составъ «германскаго военнаго хлѣба». Въ ноябрѣ минувшаго года «военной хлѣбной комиссіей» въ Берлинѣ былъ составленъ слѣдующій «рецептъ» для военнаго хлѣба: 50% ржаной муки и 50% отрубей, при чемъ этотъ хлѣбъ считается весьма удобоваримымъ, но въ употребленіе рекомендовалось примѣнять его лишь по истеченіи 24 часовъ послѣ его испеченія. Запрещается употреблять этотъ хлѣбъ горячимъ.

Въ концѣ декабря послѣдовала отмѣна вышеприведеннаго «рецепта», который былъ замѣненъ новымъ, слѣдующаго состава: 30% ржаной муки, 50% отрубей и 20% состава, получаемаго отъ перемола сушеной картофельной шелухи. Употребленіе этого хлѣба новой формаціи рекомендовалось врачебной комиссіей только въ черствомъ видѣ.

Но въ февралѣ текущаго года правительство принуждено было отмѣнить второй «рецептъ», въ виду необходимости сохраненія запасовъ на болѣе продолжительное время. Былъ составленъ третій «рецептъ»: 15% ржаной муки, 25% отрубей, 40% перемола картофельной сушеной шелухи и 20% перемола изъ сушеной соломы.

Еще въ декабрѣ минувшаго года въ Германіи появились гастрическія заболѣванія. Кромѣ нихъ появились болѣзни суставовъ ногъ и рукъ, опухоли живота и конечностей, болѣзни глазъ (слезятся) и другія, мало изслѣдованныя еще болѣзни, которыя врачами были признаны «хлѣбными».

Главный врачъ копенгагенскаго госпиталя, д-ръ Рубовъ, изслѣдовалъ питательныя свойства германскаго «военнаго» хлѣба и высчиталъ, что при питаніи имъ каждый нѣмецъ долженъ потерять въ годъ 45 фунтовъ вѣса. Дѣйствіе его сильнѣе, чѣмъ Маріенбадскихъ водъ.

Вильгельмъ въ Люксембургѣ. «Бирж. Вѣд.» приводятъ со словъ газеты «Figaro» весьма интересныя подробности о пребываніи императора Вильгельма въ Люксембургѣ. Какъ извѣстно, германская главная квартира въ Люксембургѣ помѣщалась въ зданіи германской миссіи. Драгоцѣнная персона кайзера охранялась съ величайшимъ усердіемъ. На крышѣ зданія миссіи было установлено нѣсколько пулеметовъ на случай воздушнаго набѣга англо-французскихъ авіаторовъ.

Германскія военныя власти нашли въ рядахъ арміи двухъ офицеровъ, удивительно похожихъ на императора Вильгельма. Двойники кайзера получили приказъ немедленно прибыть въ Люксембургъ. Каково было удивленіе скромныхъ армейскихъ офицеровъ, когда имъ было предложено загримироваться подъ императора. Съ бравурно закрученными вверхъ стрѣлками усовъ, въ длинныхъ свѣтло-голубыхъ шинеляхъ, они дѣйствительно до полнѣйшей иллюзіи походили на Вильгельма.

Для двойниковъ кайзера, еще недавно несшихъ суровыя лишенія походной жизни, начались какіе-то сказочные дни. Послѣ нѣсколькихъ репетицій они начали разъѣзжать въ окрашенныхъ въ сѣрый цвѣтъ императорскихъ автомобиляхъ, обманывая бдительность тѣхъ, кто, по предположенію германскихъ военныхъ властей, могъ посягнуть на жизнь императора. Благодаря этой превосходно инсценированной комедіи, германцы могли указывать на кайзера, какъ на примѣръ кипучей энергіи и какого-то удивительнаго вездѣсущія.

№ 15. Выходитъ еженед. (52 №№ въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. **Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА,** 12 кн. **Литерат. и популяр.-научн. прил.,** 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 11 апрѣля 1915 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на ½ года—4 р., на ¼ года—2 р.** Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій И. А. Бунина“ кн. 4.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Большое сраженіе у порога въ Венгрію.

Къ концу марта наши войска заняли главный Карпатскій хребетъ, сбросивъ оттуда австрійцевъ и нѣмцевъ на южные склоны горъ, прилегающіе къ Большой Венгерской равнинѣ.

Для того, чтобы оцѣнить значеніе этого успѣха, необходимо обратить вниманіе на то, что всякая страна имѣетъ для своей обороны два средства борьбы: активное и пассивное. Активно страна обороняется при помощи полевой арміи, которая должна разбить непріятеля и этимъ обезпечить страну. Когда же эта армія не выполнитъ своей задачи и окажется разбитой, то поневолѣ приходится прибѣгнуть къ пассивному средству борьбы, а именно—къ оборонѣ за такъ называемыми „оборонительными линіями“.

Какъ мы знаемъ, съ „австрійскимъ активнымъ средствомъ борьбы“—съ австро-венгерской арміей—было покончено въ августѣ. Это надо понимать въ томъ смыслѣ, что австро-венгерская армія была настолько разбита, что она не въ состояніи была активно оборонять страну, не въ состояніи была разбить противника и этимъ обезпечить безопасность своей территоріи. Поэтому уже въ началѣ сентября австрійцы должны были перейти къ пассивному средству борьбы—къ „оборонѣ за оборонительными линіями“.

Наиболѣе распространеннымъ типомъ оборонительныхъ линій являются рѣки, а затѣмъ—горы, болота и вообще всякія трудно доступныя длинныя преграды. Если же такихъ преградъ не имѣется, то создается оборонительная линія изъ крѣпостей, и примѣръ такой оборонительной линіи изъ однѣхъ крѣпостей мы видимъ на восточной границѣ Франціи. Правда, эта оборонительная линія не задержала въ августѣ мѣсяцѣ германскаго наступленія въ предѣлы Франціи; но это произошло исключительно потому, что союзники дѣйствовали по опредѣленному плану, въ которомъ ничего и ни въ какомъ случаѣ нельзя было измѣнить ни на одну іоту. А этотъ планъ, какъ мы знаемъ, предусматривалъ временное отступленіе французовъ, дабы не дать нѣмцамъ того рѣшительнаго сраженія, которое имъ было до-зарѣзу необходимо, чтобы сдѣлать первый шагъ къ выполненію своего плана войны на два фронта.

Перемышль. Общій видъ города послѣ сдачи крѣпости.
По фот. нашего военнаго корреспондента С. Корсакова.

Оборонительныхъ линій, къ которымъ волей-неволей должны были перейти австрійцы послѣ разгрома своей перволинейной арміи въ Галиційской битвѣ, имѣется въ Австро-Венгріи двѣ. Изъ нихъ главной оборонительной линіей является Карпатскій хребетъ, который прикрываетъ территорію Австро-Венгріи отъ Румыніи до Германіи. Австрійцы до 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія вполнѣ удовлетворялись этой оборонительной линіей. Однако во второй половинѣ прошлаго вѣка, а особенно послѣ 70-го года, когда начало намѣчаться сближеніе между Франціей и Россіей съ одной стороны и австро-нѣмецкій союзъ съ другой стороны, австрійцы рѣшили создать впереди Карпатъ еще одну передовую линію изъ крѣпостей. Такимъ

Перемышль. Мостъ черезъ рѣку Санъ, взорванный австрійцами передъ сдачей крѣпости.
По фот. нашего военнаго корреспондента С. Корсакова.

образомъ создалась линія крѣпостей въ Галиціи, центромъ которой былъ Перемышль, а на флангахъ имѣлись: на правомъ флангѣ—оборонительная линія рѣки Днѣстра съ крѣпостями—тетъ-депонами, какъ Галичъ и другія, а на лѣвомъ—Краковскій раіонъ.

Всего, слѣдовательно, у австрійцевъ были двѣ оборонительныя линіи. Паденіе Перемышля означало окончательное паденіе первой оборонительной линіи—линіи крѣпостей Галиціи, а занятіе Карпатскаго хребта означало паденіе второй и послѣдней оборонительной линіи.

Въ силу этого Австро-Венгрія, въ смыслѣ естественныхъ и искусственныхъ прикрытій, оказалась къ концу марта „оголена". Австрійцы потеряли свое активное средство защиты—перволинейную армію, и потеряли также пассивное средство борьбы—свои двѣ оборонительныя линіи. Въ такомъ исключительно трудномъ и критическомъ положеніи австрійцамъ пришлось продолжать оборону уже не при помощи строго обдуманныхъ и еще въ мирное время подготовленныхъ средствъ защиты, а обороняться, такъ сказать, „чѣмъ попало".

На улицѣ въ Перемышлѣ. У подъѣзда — графиня Шувалова (въ одеждѣ сестры милосердія), устроившая въ сдавшемся городѣ безплатную столовую для изголодавшагося населенія.

Русскіе порядки. Городовой на посту на одной изъ улицъ Перемышля.

Прибѣгнувъ къ этому послѣднему рессурсу, австрійцы уже не могли считаться ни съ какими требованіями и правилами, установленными въ современномъ военномъ дѣлѣ. Хотя, конечно, въ нынѣшней гигантской борьбѣ и приходится прибѣгать къ второсортнымъ и третьесортнымъ войскамъ, но это дѣлается съ извѣстной осторожностью, и хорошія войска разбавляются болѣе плохими постепенно, для того, чтобы не ухудшать сразу качества всей арміи.

Австрійцы въ тотъ моментъ, когда передъ ними такъ угрожающе обозначилось полное крушеніе страны, откинули всѣ эти мѣры предусмотрительности и расчета и двинули на Карпаты почти все взрослое мужское населеніе, какое осталось въ странѣ.

У австрійцевъ во время августовскаго наступленія были три арміи. Между тѣмъ, невзирая на то, что послѣ этого они были нещадно и многократно биты въ теченіе болѣе чѣмъ полугода, число ихъ армій не только не уменьшилось, а къ концу марта изъ трехъ выросло до пяти. Конечно, вполнѣ понятно; что созданіе пяти армій послѣ милліона потерь возможно только за счетъ громаднаго качественнаго ухудшенія самихъ войскъ.

Такимъ образомъ, послѣ паденія Перемышля, австрійцы выставили пять армій въ числѣ не менѣе, чѣмъ 33 корпусовъ, а нѣмцы къ этому добавили на австрійскій фронтъ не менѣе, чѣмъ семь своихъ корпусовъ. Такъ какъ каждый австрійскій корпусъ насчитываетъ 50—55 тысячъ человѣкъ, а германскій, въ среднемъ, около 40 тысячъ, то пять австрійскихъ армій дали чудовищную цифру войскъ—до 2 милліоновъ человѣкъ. Эта громадная масса была двинута на Карпаты для затыканія всѣхъ проходовъ. Несомнѣнно, что наши доблестныя войска не будутъ остановлены этими австрійскими милліонами, такъ же, какъ они не были останавливаемы въ своемъ наступленіи на австрійскомъ фронтѣ до сихъ поръ. Однако, для правильной оцѣнки того стратегическаго положенія, которое создалось послѣ паденія Перемышля, необходимо опредѣлить, такъ сказать, „соотношеніе фронтовъ". Стратегія всегда стремится къ побѣдѣ исключительно на главномъ направленіи, такъ какъ такая побѣда уже сама по себѣ подразумѣваетъ крушеніе противника на второстепенныхъ направленіяхъ.

Этотъ необыкновенно важный принципъ военнаго искусства всегда строго и неукоснительно соблюдается,

Въ дальній путь. Отъѣздъ плѣннаго австрійскаго генерала въ Россію.

Въ русскомъ Перемышлѣ. По фот. нашего военнаго корреспондента С. Корсакова.

Наши трофеи.

противники, конечно, это понимаютъ и поэтому все время стремятся къ тому, чтобы ослабить тотъ неминуемый ударъ, который предстоитъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Нѣмцы, засаживая 2 милліона австрійцевъ на Карпаты, понимаютъ, что это не остановитъ движенія нашихъ войскъ, но они къ этому и не стремятся, ибо нѣмцамъ по существу безразличны тѣ испытанія, которыя постигли Австро-Венгрію. Австро-венгерская армія въ глазахъ нѣмецкаго генеральнаго штаба—есть вспомогательное средство борьбы для германской арміи, и задача этого вспомогательнаго средства такая же, какъ и задача

и малѣйшее отклоненіе отъ него влечетъ за собою опасныя послѣдствія.

Съ точки зрѣнія стратегіи очень большой успѣхъ на второстепенномъ театрѣ не только не нуженъ, но даже нежелателенъ. Нежелателенъ онъ потому, что достиженіе успѣха всегда влечетъ нѣкоторый расходъ силъ, и поэтому, когда войска начнутъ наступать на главномъ направленіи, они уже будутъ нѣсколько ослабѣвшими. Между тѣмъ главное направленіе, гдѣ рѣшаются всѣ вопросы, требуетъ, чтобы здѣсь было примѣнено наибольшее напряженіе силъ.

Главный и второстепенный театры можно сравнить съ сердцемъ и рукой. Ударъ въ руку ослабляетъ, но для окончательнаго сокрушенія нужно, кромѣ этого, еще ударить въ сердце. Ударъ въ сердце убиваетъ сразу и одновременно съ этимъ дѣлаетъ неподвижной и руку.

Если ясно, что не нужно ударять раньше въ руку, а потомъ въ сердце, а надо просто ударить лишь въ сердце, ибо тогда нѣмѣютъ всѣ органы,—одинаково ясно, что нѣтъ необходимости имѣть успѣхъ сначала на второстепенномъ театрѣ, а потомъ на главномъ, а достаточно имѣть успѣхъ только на главномъ. Ибо успѣхъ тамъ рѣшаетъ вопросы и на второстепенныхъ театрахъ.

Въ нынѣшней стратегической обстановкѣ главнымъ противникомъ всегда была Германія, а главнымъ театромъ—всегда былъ германскій театръ. Поэтому, естественно, всегда всѣ усилія должны направляться въ одномъ направленіи, которое обозначено двумя столбами на концахъ, съ надписью на одномъ—Варшава, на другомъ—Берлинъ. Наши

турокъ — отвлекать на себя возможно больше войскъ, чтобы этимъ облегчить нѣмцамъ операціи на главныхъ направленіяхъ Берлинъ—Варшава и Берлинъ—Парижъ.

Поэтому и 2 милліона австро-нѣмцевъ на Карпатахъ имѣютъ аналогичную задачу: путемъ отвлеченія нашихъ войскъ къ Карпатскому фронту ослаблять нашъ нажимъ на восточно-прусскомъ театрѣ и на главной дорогѣ Варшава—Берлинъ. Вполнѣ естественно, что всякій планъ встрѣчаетъ свой контръ-планъ, заключающійся именно въ томъ, чтобы затруднить выполненіе плана противника. Если нѣмцы стремятся отвлечь войска съ главной берлинской дороги на Карпаты, то контръ-планъ подразумѣваетъ категорическій отказъ отъ такого перемѣщенія центра тяжести войскъ отъ Вислы къ австрійскому фронту.

Двери настежь побѣдителямъ! Главный входъ въ фортъ.

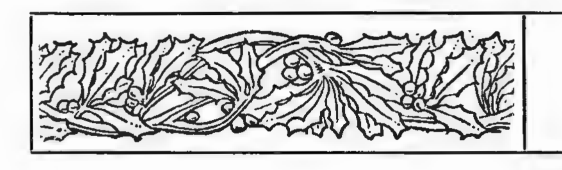
Этимъ и предопредѣляется дальнѣйшій ходъ операцій, гдѣ главный нажимъ попрежнему будетъ производиться на дорогѣ Варшава—Берлинъ, а австрійскій фронтъ будетъ тѣмъ второстепеннымъ театромъ, гдѣ успѣхи будутъ развиваться попутно, но безъ обязательныхъ чрезмѣрныхъ усилій, которыя представляются выгодными исключительно для противника.

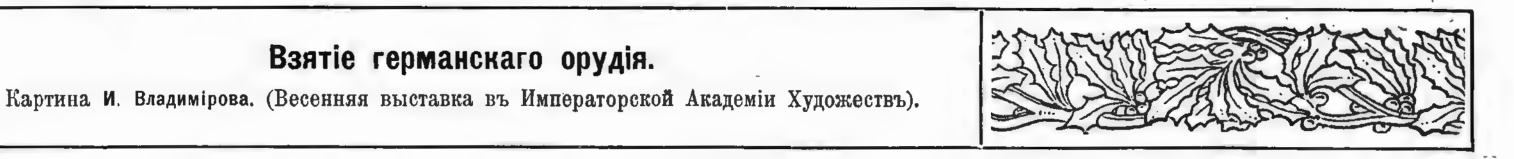
Главныя операціи впереди, и ихъ начало—весна. Мѣсяцы же мартъ и апрѣль, мѣсяцы половодья и испорченныхъ дорогъ, являются періодомъ затишья на главномъ направленіи и развитія операцій на второстепенныхъ направленіяхъ.

Эти второстепенныя частныя операціи всюду развиваются благопріятно для союзниковъ. Въ концѣ марта былъ не только занятъ Карпатскій хребетъ, но были окончательно изгнаны турки изъ предѣловъ Кавказа, а французы достигли двухъ крупныхъ частныхъ успѣховъ, улучшившихъ ихъ положеніе и стоившихъ нѣмцамъ свыше 30 тысячъ человѣкъ. Эти частные успѣхи являются также лишнимъ доказательствомъ ослабленія нашихъ противниковъ и, можно ждать, окажутся хорошими предзнаменованіями передъ предстоящей великой весенней и лѣтней борьбой.

Подбитое австрійское орудіе на одномъ изъ фортовъ Перемышля.

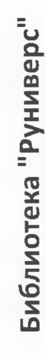
Въ русскомъ Перемышлѣ. По фот. нашего военнаго корреспондента С. Корсакова.





Взятіе германскаго орудія.

Картина И. Владимірова. (Весенняя выставка въ Императорской Академіи Художествъ).



Отступленіе нѣмцевъ отъ Прасныша. Рисунокъ нашего военнаго корреспондента М. Авилова.

Лежащіе.

Очеркъ **Бориса Лазаревскаго.**

(Съ 5 рис. и 2 портр. на стр. 286 и 287).

Перепечатка воспрещается.

Милое Туапсе...

Я пріѣхалъ сюда передъ вечеромъ въ концѣ января и засталъ двадцать два градуса тепла. Море было голубое, ласковое, а позднѣе—зеленоватое. Уходило за горизонтъ похожее на огромную золотую монету солнце, — точно въ бездонную копилку опустилась эта монета, — и стало невесело, но вокругъ еще красивѣе.

Розовѣлъ на лиловомъ фонѣ горъ цвѣтущій миндаль.

Не вѣрилось, что на календарѣ январь, не вѣрилось, что нѣсколько дней назадъ приходилъ сюда долго ремонтировавшійся турецко-нѣмецкій „Гамидіе" и безъ толку сдѣлалъ нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ по хорошенькому городку, что огромная яма на берегу вырыта не человѣческими руками, а восьмидюймовымъ снарядомъ, что кусокъ красиваго заборчика возлѣ новенькаго, точно игрушечнаго, желѣзнодорожнаго вокзала тоже разбитъ снарядомъ...

Не вѣрилось, что къ югу въ горахъ теперь большой морозъ, что бухаютъ тамъ пушки, и тяжелымъ эхомъ перекатываются ихъ грубые голоса по фіолетовымъ долинамъ.

Не вѣрилось также, что завтра къ вечеру я буду уже въ другомъ городѣ, гдѣ такъ же холодно, какъ и въ Петроградѣ, до котораго почти три тысячи верстъ.

Нашъ вагонъ, комфортабельный, былъ послѣднимъ въ поѣздѣ, медленно ползущемъ на подъемъ вьющейся въ горахъ совсѣмъ новой желѣзной дороги.

Впереди предстояло проѣхать цѣлыхъ шесть туннелей и изъ нихъ три—каждый больше версты длиной.

Первый туннель былъ похожъ на склепъ. Сначала, пока брезжилъ полусвѣтъ, было видно, какъ блестятъ по гранитнымъ стѣнамъ и на сводѣ огромныя сосульки. Иногда, отрываясь, онѣ гремѣли по крышѣ вагона, и тогда казалось, что начала осѣдать гора, и сейчасъ мы будемъ погребены навѣки.

Жутко, но не страшно, потому что и здѣсь чувствуешь, что и я и всѣ ѣдущіе въ поѣздѣ живемъ въ такое время, когда существованіе отдѣльнаго человѣка не имѣетъ никакой цѣны...

Не хочется думать о войнѣ.

Но выходитъ такъ, что засыпаешь съ мыслью о ней и подъ разговоры о ней. И въ другомъ городѣ то же самое. Захожу къ знакомымъ, и здѣсь зовутъ пойти вмѣстѣ въ госпиталь навѣстить недавно привезенныхъ изъ-подъ Сарыкамыша раненыхъ.

Чистая, свѣтлая, большая палата. Здѣсь лежатъ кубанскіе казаки и нѣсколько пѣхотныхъ солдатъ славнаго полка, въ которомъ служилъ когда-то Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Много армянскихъ лицъ. Сразу бросается въ глаза совсѣмъ молодой, коротко остриженный и похожій на исхудавшаго ястребенка солдатикъ въ коричневомъ халатѣ. На сосѣдней койкѣ такой же мальчикъ, только голубоглазый и съ русскимъ неправильнымъ носомъ и запекшимися губами.

Разговаривая съ казаками, я все время чувствовалъ на себѣ два черныхъ, какъ маслины, зрачка ястребенка.

— Ты какой станицы? — спросилъ я лежавшаго подъ стѣнкой казака, съ добродушнымъ лицомъ взрослаго ребенка.

— Уманьской,—отвѣчаетъ онъ.

— Раненъ?

— Никакъ нѣтъ, ногу отморозилъ.

— А теперь поправляешься?

— Такъ точно.

— А давно здѣсь лежишь?

— Уже второй мѣсяцъ.

— Ну, а когда лежишь, о чемъ же ты думаешь?

— Больше про своего коня, такъ что онъ у меня въ сотнѣ остался, и на немъ теперь другой ѣздитъ, на той недѣлѣ поѣду обратно, ажъ подъ Ардаганъ.

— Ну, помогай тебѣ Богъ...

Вглядываясь въ хорошія лица, я медленно вернулся къ первой койкѣ и невольно обратился на „вы" къ молодому, похожему на ястребенка, солдату:

— А вы какого полка?

Онъ назвалъ.

— Тамъ Лермонтовъ когда-то служилъ?

— Да, служилъ,—отвѣтилъ юноша, и весь оживился.

— А раньше гдѣ вы были?

— Раньше? Я изъ шестого класса гимназіи... Какъ только объявили войну съ турками, такъ и ушелъ.

— Вы армянинъ?

— Да, я армянинъ.

— А что это за книжка лежитъ на вашемъ столикѣ?

— Такъ себѣ, записная.

— Можно посмотрѣть?

— Пожалуйста.

Я развернулъ ее и увидѣлъ написанныя карандашомъ строки, похожія на стихотворенія.

— Это что жъ, вы дѣлаете выписки изъ какого-нибудь вашего любимаго поэта?—спросилъ я.

— Нѣтъ, это мои стихи...

Все лицо его покраснѣло,—такъ умѣютъ краснѣть только женщины и дѣти.

Чтобы не смущать мальчика, я опустилъ голову и прочелъ первое стихотвореніе:

Пиръ народовъ.

Проходятъ дни, вослѣдъ уходятъ годы,
Рѣка временъ уноситъ наши сны,
А на землѣ, справляя пиръ, народы
Ждутъ новыхъ правъ и радостной весны.
Проходятъ дни, вослѣдъ уходятъ годы,
Усталый міръ состарился давно...

Разсудокъ.

Уснуло сердце непробуднымъ сномъ.
Забылись, улеглись тревожныя сомнѣнья,
И умъ съ холоднымъ, дерзкимъ торжествомъ
Смѣняетъ робкое волненье.
Холодный умъ, безчувственный, нѣмой,
Онъ чуждъ мечты, красавицы обманной,
Своей безтрепетной и твердою рукой
Онъ подавляетъ духъ съ улыбкой странной...
Носитель сердца, спящаго въ груди,
Куда стремишься ты? — твои окончены страданія пути...

Дальше были уже не стихи, а нѣчто болѣе прозаическое.

Списокъ имѣющихся казенныхъ вещей:

1 винтовка
8 вещевыхъ мѣшковъ
16 подсумковъ
8 котелковъ
8 баклажекъ
8 запасныхъ сумокъ
8 патронташей
1 ружейная принадлежность, недостаетъ маслянъ
1 топоръ.

— Какъ ваша фамилія? — спросилъ я.

— Джанъ - Темировъ.

Изъ книжечки высунулась фотографія молодого, длинноволосаго еще человѣка.

— Это вы?

— Я... до войны...

Совсѣмъ теперь не похожи... Исхудали... Вы не пробовали печатать своихъ стиховъ? — спросилъ я.

— Нѣтъ, въ мѣстныхъ газетахъ печатался...

— Что жъ, вы, вѣроятно, скоро будете прапорщикомъ?

— Нѣтъ, я къ этому не стремлюсь, и когда окончится война, уйду въ запасъ и, вѣроятно, вернусь въ гимназію, а можетъ, уѣду въ имѣніе и займусь хозяйствомъ. А турки принесли нашему народу столько мученій, что по отношенію къ этимъ звѣрямъ ничто не жестоко...

Стоявшій возлѣ дверей и внимательно глядѣвшій на насъ казакъ вмѣшался въ разговоръ.

— Турки — еще ничего, а вотъ курды—такъ подлецы.

Мнѣ захотѣлось поговорить со вторымъ гимназистомъ.

— А вы откуда?

— Я изъ Ставрополя, изъ четвертаго класса.—Онъ назвалъ свою фамилію.— Понимаете, я могъ возвратиться въ гимназію, хотя я былъ и на худомъ счету, но я не могъ заставить себя учиться въ то время, когда такъ близко льется кровь. Мнѣ ужасно стыдно было сидѣть у папы и мамы въ теплой комнатѣ... И, какъ меня ни уговаривали, я пошелъ и записался и не жалѣю объ этомъ...

Джанъ-Темировъ.

— Ну, а войну такой себѣ представляли, какой ее увидѣли?

— Нѣтъ, этого представить нельзя... Когда стали вокругъ падать люди и нельзя было имъ помочь, я испугался и стрѣлялъ, почти не цѣлясь, ну, а когда крикнули „ура“ и бросились въ штыки, тогда забылъ даже, какъ меня самого зовутъ, и только хотѣлось одного — сойтись съ турками грудь на грудь, но они штыковъ боятся и сейчасъ же или удираютъ, или прячутся такъ, что досадно даже, а бѣгаютъ они скоро, большими прыжками, какъ заяцъ... И почему я живъ остался—не знаю, кругомъ такъ и падаютъ, такъ и падаютъ, а меня хоть бы одна пуля задѣла, даже стыдно.

— А почему же вы здѣсь очутились? — спросилъ я.

— Заболѣлъ на переходѣ, снѣгъ по колѣно, шелъ-шелъ, ужъ дурно мнѣ дѣлается, тяжело, хотѣлъ вещевой мѣшокъ снять и бросить, а ротный командиръ говоритъ:

— Погоди, не бросай, сейчасъ будетъ привалъ и отдыхъ,— вонъ аулъ видно, уже недалеко. Я закурилъ папиросу, и сперва стало какъ будто легче, а потомъ сразу въ глазахъ позеленѣло, и не помню, что было, очнулся уже въ санитарной повозкѣ.

— А теперь какъ вы себя чувствуете?—спросилъ я.

— Теперь совсѣмъ хорошо, черезъ недѣлю на выписку и въ поѣздъ, опять въ полкъ.

Цвѣтъ лица у него былъ желтый, глаза блестѣли, и запеклись губы, и я подумалъ, что все же лучше ему будетъ умереть тамъ, чѣмъ здѣсь на кровати, и пусть онъ ждетъ...

— Я хотѣлъ бы вамъ разсказать, какъ мы шли въ атаку,— снова заговорилъ гимназистъ. — Вотъ видите, такъ мы, а такъ они, — и онъ провелъ рукою два раза по стѣнѣ и заговорилъ быстро и горячо, такъ что трудно было его понять. И голосъ его одновременно былъ похожъ и на дѣтскій лепетъ и на разсказъ побывавшаго въ бояхъ, уже опытнаго, воина.

Я почти не слушалъ его, а больше наблюдалъ за выраженіемъ его лица и за жестикуляціей рукъ, и не жаль мнѣ было его, оставившаго гимназію и отчій домъ.

Я представилъ себѣ совсѣмъ ясно, какимъ онъ былъ тамъ, въ гимназіи, какъ увлекался каждой товарищеской затѣей или шалостью, и чѣмъ опаснѣе была эта шалость, тѣмъ больше его влекла, и какъ должно было поразить этого мальчика объявленіе войны. Вѣроятно, нѣсколько ночей затѣмъ не спалъ и, вѣроятно, большую бурю пережилъ, разговаривая съ родными этотъ не городской юноша, и пока организмъ не переутомился, хорошо ему было и въ воинскомъ поѣздѣ и затѣмъ итти по горамъ въ пѣшемъ строю, съ полкомъ, и радовалась вся душа тому, что и онъ—настоящій солдатъ.

— Послушайте, — спросилъ я его: — вѣдь вы не сможете вынести дальнѣйшаго похода?

— Теперь вынесу, теперь я уже все знаю: знаю, какъ нужно питаться, знаю, что нужно брать съ собой, а что лишнее.

— Ну, дай вамъ Богъ!

Дѣтскіе глаза его весело расширились, и онъ снова заговорилъ:

— Вы хотите знать, что происходитъ вокругъ во время сраженія,—все кипитъ, какъ въ котлѣ... Вотъ какъ пузыри: вскочитъ и лопнетъ, такъ падаютъ артиллерійскіе снаряды. А потомъ свистки со всѣхъ сторонъ. Это значитъ: не стрѣлять, а переходить въ штыки, но только я уже говорилъ, что штыковъ они очень не любятъ и сейчасъ же удирать собираются. Пока добѣжимъ до окоповъ—и драться не съ кѣмъ, а окопы у нихъ совсѣмъ другіе, какъ будто большая кошка рыла землю...

— А это вѣрно, что какъ кошка,— отозвался кубанецъ и вдругъ весело, совсѣмъ по-дѣтски, разсмѣялся.

Бывшій гимназистъ, вѣроятно, и дальше продолжалъ бы разсказывать такъ же образно и такъ же горячо, но въ это время вошла старшая сестра и за нею докторъ и фотографъ, и вся палата оживилась, даже поднялъ свои бѣлки и внимательно началъ смотрѣть все время недвигавшійся и тихо стонавшій, весь обросшій черной бородой армянинъ, изъ запасныхъ. Начали усаживаться и суетились и радовались, какъ дѣти. Радовался вмѣстѣ съ ними и фотографъ. Наконецъ сняли.

Я посмотрѣлъ на часы и увидѣлъ, что мнѣ уже пора итти. Ласково попрощался я со всѣми, и когда вышелъ на залитую солнечнымъ свѣтомъ улицу, то пришелъ мнѣ въ голову текстъ: „Аще не будете, какъ дѣти, не внидите въ Царство Небесное“. „А они всѣ дѣти,—думалъ я:—дѣти и гимназисты, и потомки запорожцевъ, черноморцы и кубанцы, и взятые по набору молодые солдаты, и кажущіеся такими серьезными запасные“.

Съ такими людьми умирать легче.

× Джанъ-Темировъ.

Послѣдній день.

Изъ записокъ военнаго корреспондента.

С. Бѣльскаго.

I.

Я не могу объяснить, какимъ образомъ маленькій польскій фольваркъ, въ которомъ я прожилъ три дня, очутился въ самомъ центрѣ сраженія, между двумя наступающими другъ на друга арміями.

Еще вечеромъ кругомъ стояла невозмутимая тишина. Въ хрустальныхъ зеленоватыхъ даляхъ отчетливо вырисовывались зубчатыя стѣны лѣсовъ, окружающихъ Скерневицы. Надъ дорогой, бѣжавшей у самыхъ дверей усадьбы, мягко шумѣли вѣковыя липы, и подъ ними по желтѣющей травѣ бродили куры и телята, подъ присмотромъ моего пріятеля, маленькаго Юзя. Казалось, что вся эта мѣстность погружена на дно глубокаго прозрачнаго озера, куда не доходитъ ни одинъ звукъ изъ внѣшняго міра.

Тишина нарушалась только звономъ мѣдныхъ бубенчиковъ, подвѣшенныхъ телятамъ, и музыкой Юзя, который игралъ на камышевой свирѣли, выводя все одну и ту же жалобную мелодію.

Владѣлецъ фольварка, Янъ Гломбовичъ, цѣлый день сидѣлъ на крыльцѣ и чинилъ сапоги. Работа, повидимому, была очень трудная, такъ какъ Гломбовичъ морщилъ лобъ, что-то бормоталъ, безпомощно разводилъ руками, время отъ времени въ отчаяніи бросалъ сапогъ на полъ и долго курилъ, о чемъ-то сосредоточенно думая. Тогда къ нему на помощь приходила жена, еще молодая и красивая, одѣтая въ красную юбку и желтую кофту, обшитую зеленой тесьмой. Эта женщина была душой всего фольварка. Она управляла всѣмъ хозяйствомъ, всюду поспѣвала и не знала усталости. Смотря, какъ она въ своемъ пестромъ нарядѣ упругой и легкой походкой ходитъ то къ рѣкѣ за водой, то въ поле, то въ садъ, собирая сухія опавшія вѣтки, Гломбовичъ съ хитрой улыбкой подмигивалъ мнѣ и говорилъ съ неотразимой убѣдительностью:

— Не даромъ слухъ идетъ, что сатана создалъ бабу! Такъ оно и есть. Человѣкъ только еще, Господи благослови, съ мѣста встать собирается, а баба уже напекла, наварила и нагрѣшила!

Пришли розовато-синія сумерки, все такія же дремотныя и тихія. И когда совсѣмъ стемнѣло, гдѣ-то за чернымъ лѣсомъ коротко и отчетливо бухнула пушка. Нашъ сонный прудъ вздрогнулъ, и по нему пошли широкіе круги, телята разбѣжались по всему двору. Юзь радостно закричалъ, хлопая въ ладоши:

— Стрѣляютъ! Стрѣляютъ! Мамка, я побѣгу въ поле, тамъ слышнѣй!

Онъ сорвался съ мѣста и мгновенно исчезъ гдѣ-то въ холодной, звучной пустотѣ подъ серебряными звѣздами. Панъ Гломбовичъ съ рѣшительнымъ видомъ бросилъ свой сапогъ на печку, всталъ и, подумавъ минуту, легъ на лавку:

— Кто его знаетъ, что еще будетъ? Можетъ-быть, завтра и спать не дадутъ!..

Женщина тихо вышла за калитку и долго стояла около дороги, чутко прислушиваясь къ повторяющимся

Батарея на походѣ въ деревнѣ въ Западной Галиціи.

Казаки въ походѣ. Казачья дивизія въ Западной Галиціи.

Въ Карпатахъ. Видъ со скалы „Проклятая дочь“ близъ Лиско.

Скала „Проклятая дочь“ близъ Лиско. Съ этой скалой связана легенда: мать прокляла дочь, изъ-за любви измѣнившую своей вѣрѣ; дочь ушла въ горы и превратилась въ скалу.

Казачій разъѣздъ.

выстрѣламъ. Она походила на встревоженную птицу, которая боится за свое гнѣздо. Такъ началось для насъ одно изъ самыхъ упорныхъ сраженій, въ которомъ съ обѣихъ сторонъ участвовали стотысячныя арміи. Ночь, впрочемъ, прошла спокойно. Но утромъ вся мѣстность, окружающая усадьбу Гломбовича, превратилась въ адъ. Первые лучи солнца, пробившіеся черезъ гряду лиловыхъ тучъ, послужили сигналомъ для начала вулканическаго изверженія. Русскія и нѣмецкія батареи стрѣляли разомъ; сначала можно было различать отдѣльные залпы, но потомъ все слилось въ одинъ непрерывный гулъ, отъ котораго дрожала земля, и, разсыпавшись на мелкіе осколки, вылетѣли стекла въ окнахъ усадьбы и въ старой часовнѣ около дороги. Казалось, надъ лѣсомъ обрушилось небо, и чудовищныя глыбы хрустальнаго свода со стономъ, звономъ и трескомъ валятся на грудь земли.

Галиційская деревенская церковь.

Но самое удивительное, что на всемъ пространствѣ, какое можно было окинуть взглядомъ съ порога дома, мы не видѣли ни одного человѣка. Мягкій свѣтъ осенняго дня, коричневыя свѣтло-желтыя краски на грустной пустынной землѣ. Мирная привычная картина, и только сорвавшіеся съ привязи коровы, телята и лошади въ испугѣ метались по полю, словно ихъ кружилъ невидимый ураганъ. Гломбовичъ вдругъ проявилъ необыкновенную для него энергію. Онъ бросался изъ дома въ сарай, со двора въ домъ, изъ дома въ садъ, тащилъ и бросалъ все, что попадалось ему подъ руку. Надѣвая на ходу полушубокъ, въ которомъ онъ никакъ не могъ найти рукавовъ, Янъ выкатилъ телѣгу, бросилъ въ нее корыто изъ свиного хлѣва, охапку соломы, котелъ, изъ котораго поилъ телятъ, потомъ, охая и причитая, принялся собирать осколки стекла подъ окнами. Увидѣвъ лошадь, которая ломала жидкую изгородь, стараясь вырваться на свободу, онъ схватилъ палку отъ грабель и принялся, что было силы, колотить ее по бокамъ и хребту. Лошадь бросилась обратно во дворъ, потомъ въ садъ черезъ кусты смородины и крыжовника, а за ней бѣгалъ панъ Гломбовичъ и съ ожесточеніемъ упорно осыпалъ ее ударами.

Ядвига стояла на камнѣ передъ запертыми дверьми сѣрой пыльной часовни и тянулась черезъ рамы съ выбитыми стеклами къ статуѣ Мадонны. Она съ такой настойчивостью старалась глубже проникнуть въ таинственный полумракъ къ каменному изваянію, украшенному золотомъ и красными лентами, точно отъ этого зависѣло спасеніе ея самой, семьи и всего фольварка. Обезумѣвшая отъ страха женщина, не замѣчая порѣзовъ на рукахъ и на лицѣ и крови, которая тонкими струйками стекала на ея пеструю кофту, поднимала къ черному отверстію въ узкихъ дверяхъ Юзя и что-то ему со слезами говорила, указывая на Мадонну. Но стальной ураганъ заглушалъ ея голосъ и голосъ Юзя, который плакалъ и старался вырваться изъ рукъ матери.

Потомъ мы увидѣли синіе мундиры нѣмецкихъ солдатъ. Люди въ стройномъ порядкѣ, какъ на ученіи, вышли откуда-то изъ-за лѣса и вытянулись вдоль межи, ограничивающей владѣнія пана Гломбовича, въ двухстахъ саженяхъ отъ усадьбы. Похоже было на то, что четыре полка баварскаго корпуса собираются ринуться на скромный фольваркъ и взять его приступомъ.

Панъ Гломбовичъ со сломанной палкой вышелъ на дорогу и

Входъ въ австрійскія казармы въ Новомъ Сандецѣ.

Раздача пищи плѣннымъ.

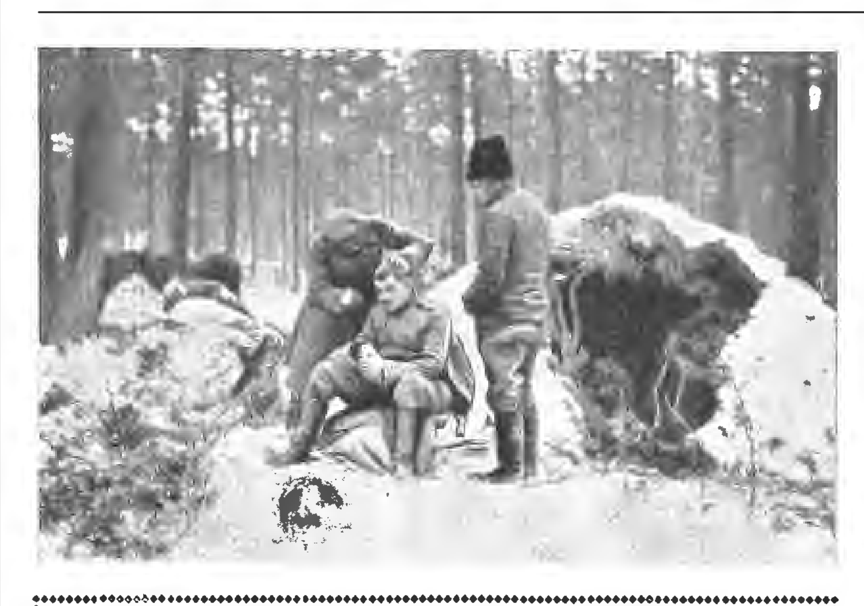
Постройка блиндажа.

съ удивленіемъ смотрѣлъ на сомкнутые ряды нѣмцевъ. Надъ синей живой стѣной появились бѣлыя тающія облачка. Разрывовъ отдѣльныхъ снарядовъ не было слышно, — они терялись въ общемъ хаосѣ желѣзнаго ревущаго прибоя. Но отчетливо было видно, какъ падали люди, точно ихъ срѣзывала гигантская коса. Пустые промежутки сейчасъ же заполняли новыми солдатами, и стѣна нигдѣ не разрывалась. Гломбовичъ наклонился къ моему уху и прокричалъ:

— Вотъ дураки-то! Видали вы такихъ дураковъ, чтобы сами лѣзли подъ пушки, на чистое картофельное поле? Имъ въ лѣсу надо было сидѣть!.. Въ лѣсу!..

Но видъ этихъ „дураковъ" вернулъ намъ способность разсуждать и уничтожилъ слѣпой животный страхъ. Тутъ только я замѣтилъ, что хожу безъ пальто и шапки, и бросился въ домъ за своими вещами. Смутно помню, какъ я ихъ собралъ на столѣ и скамьяхъ, боясь, что каждую минуту могутъ рухнуть старыя стѣны, и какъ потомъ мы всѣ бѣжали черезъ садъ къ рѣкѣ.

Синіе мундиры прятались въ окопахъ, и когда, спускаясь съ



На юго-западномъ фронтѣ. „Утренній туалетъ“ у землянки.
По фот. нашего корреспондента.

холма, я посмотрѣлъ на опушку лѣса, то увидѣлъ только извилистую черную линію свѣже-нарытой земли, а надъ ней все тѣ же блѣдно-розовые клубы дыма отъ разрыва шрапнелей. Добѣжавъ до рѣки, которая спокойно катилась подъ крутымъ обрывомъ, панъ Гломбовичъ неожиданно остановился.

— Постой! — закричалъ онъ Ядвигѣ. — Что жъ, такъ все и пропадетъ?

Она заплакала и махнула рукой.

— Всю жизнь наживали, тридцать лѣтъ работалъ, а теперь бросить?..

— Пойдемте!—торопилъ я, взявъ его за руку.

Но у Гломбовича при воспоминаніяхъ объ амбарахъ, полныхъ хлѣбомъ, кладовыхъ и хлѣвахъ, появилось чувство злобы. Онъ вырвалъ у меня руку, за которую я его держалъ, и тяжелой и медленной походкой человѣка, весь вѣкъ работавшаго на землѣ, пошелъ обратно къ своему дому.

— Не ходи, охъ, не ходи!—кричала Ядвига и тоже порывалась бѣжать вслѣдъ за мужемъ.

Я насильно усадилъ ее и Юзя подъ обрывомъ.

— Пустите! — отбивалась она. — Я хоть самоваръ возьму, ну хоть что-нибудь... А телята?.. Юзь, что теперь съ нашими телятами будетъ?—ихъ бы загнать надо было! Янъ, загони телятъ! — кричала она мужу, который, заложивъ руки за спину, шагалъ къ опустѣвшему фольварку.

Меня охватила злоба къ этой женщинѣ, къ ея мужу. Стыдно сказать, но я готовъ былъ ударить ее, до такой степени возмущали меня глупыя причитанія о телятахъ и самоварѣ въ этомъ огненномъ вихрѣ, между двумя сражающимися арміями.

II.

Артиллерійскій бой стихалъ. Ревъ орудій смѣнялся безпрерывнымъ трескомъ ружей. Изъ нашей ямы, подъ крутымъ берегомъ, мы видѣли, какъ со стороны бора, тянувшагося до Ловича, выходили русскія войска; солдаты ложились на пожелтѣвшую траву, стрѣляли, вставали, все время неудержимо двигаясь къ неподвижнымъ баварскимъ полкамъ. И вдругъ вихрь огня обрушился на садъ и дворъ фольварка. Казалось, что на одно мгновеніе и русскія и нѣмецкія батареи сосредоточили всѣ свои выстрѣлы на ничтожномъ зеленѣющемъ клочкѣ, на гнилыхъ строеніяхъ съ растрепанными соломенными крышами. Такой огонь могъ бы разрушить стѣны любой крѣпости, или цѣлую улицу семиэтажныхъ домовъ, а несчастный фольваркъ исчезъ въ немъ, какъ клочокъ сухой соломы, брошенной въ раскаленную печь. Вспыхнуло блѣдно-желтое пламя, окуталось клубами сѣроватаго дыма, и въ этомъ дымѣ, расползавшемся во всѣ стороны, исчезли труды и вся жизнь пана Гломбовича.

Пять или шесть крупныхъ снарядовъ, упавшихъ

На юго-западномъ фронтѣ. Въ минуты роздыха на позиціяхъ.
Въ „Карпатской парикмахерской“. По фот. нашего корреспондента.

въ саду между молодыми яблонями, высоко взбросили деревья и землю, разворотивъ огромныя воронки. Счастье наше, что мы сидѣли, тѣсно прижавшись другъ къ другу въ сырой ямѣ, изъ которой нѣсколько лѣтъ брали песокъ. Осколки разорваннаго желѣза съ визгомъ и стономъ падали въ рѣку, взметая столбы воды и пѣны.

Потомъ снаряды начали засыпать противоположный пустынный берегъ, на которомъ росъ чахлый кустарникъ. Было что-то страшное, слѣпое и безпощадное въ этомъ блужданіи желѣзнаго вихря по полямъ, на которыхъ не осталось ни одного живого существа. Полоса разрушеній все дальше и дальше отодвигалась отъ рѣки и наконецъ перебросилась за гребень холма, гдѣ, скрытая отъ насъ въ чащѣ лѣса, тянулась большая деревня. Взвились столбы чернаго и голубого дыма— и черезъ минуту сотни людей, охваченныхъ ужасомъ, разсыпались, какъ муравьи изъ растоптаннаго муравейника. Они бѣжали во всѣ стороны, бросая узлы, мѣшки, одежду, нѣкоторые, добравшись до кустарника, падали на землю и лежали, закрывъ лицо руками, другіе шли, спотыкаясь, точно пьяные. А стальные бичи все продолжали хлестать въ воздухѣ, то приближаясь, то удаляясь. Послѣдній снарядъ упалъ на гребень холма рядомъ съ пестрой кучкой женщинъ, одна изъ которыхъ вела упиравшуюся корову. Когда разсѣялся дымъ, на этомъ мѣстѣ ничего не было...

Я осторожно выбрался изъ ямы, рядомъ съ которой плыла зеленоватая спокойная вода, и взглянулъ на фольваркъ. Онъ совершенно исчезъ. Догорала безобразная груда бревенъ; на краю сада лежала та самая лошадь, которую утромъ билъ панъ Гломбовичъ; она силилась подняться, становилась на переднія ноги и, оставляя за собой лужи крови, передвигалась на нѣсколько шаговъ, волоча вывалившіяся внутренности. Немного дальше, рядомъ съ упавшей изгородью, по которой бѣжало блѣдно-желтое пламя, лежалъ, раскинувъ руки, панъ

На юго-западномъ фронтѣ. „Съ вѣрнымъ другомъ“.
Собака, любимица роты, участвовала во всѣхъ бояхъ.
По фот. нашего корреспондента.

Гломбовичъ. Его бѣлая рубаха отчетливо выдѣлялась на фонѣ обожженной развороченной земли. Онъ судорожно сжималъ свой овчинный полушубокъ, который такъ и не успѣлъ надѣть, и, казалось, внимательно всматривался въ блѣдную синеву неба, затянутую пеленою дыма. Но эта картина почти не остановила моего вниманія: она занимала лишь маленькій уголъ поля сраженія, охватившаго теперь все пространство между сосновымъ боромъ и лѣсомъ, гдѣ были нѣмцы. Русскія войска ломаной линіей наступали по сжатому полю на баварцевъ. То тамъ, то здѣсь поднимались сотни людей и, согнувшись, молча бѣжали подъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ нѣмецкихъ окоповъ. Гулъ орудій умолкъ, и только одна какая-то батарея съ математической точностью посылала снарядъ за снарядомъ въ догорающій разметанный фольваркъ. При каждомъ выстрѣлѣ взлеталъ снопъ искръ и поднимались клубы чернаго дыма, лѣниво сползавшаго къ берегу.

Чѣмъ ближе подходили наши полки къ желтой линіи окоповъ, тѣмъ безпорядочнѣе становилась ружейная стрѣльба баварцевъ. Полосы дыма мѣшали мнѣ слѣдить за всѣмъ происходившимъ на томъ участкѣ, который разстилался влѣво отъ дороги, между сгорѣвшимъ фольваркомъ и нѣмецкими укрѣпленіями. Это обстоятельство помѣшало мнѣ увидѣть начало атаки. Я слышалъ могучее стихійное „ура", нараставшее, подобно бурѣ, но не могъ опредѣлить, откуда разлилась эта буря. Сѣрая извилистая живая волна покатилась къ окопамъ, разрываясь и снова сливаясь, залила ихъ, перекатилась къ лѣсу, унесла и разметала синіе мундиры. Дольше всего держался нѣмецкій полкъ на лѣвомъ нашемъ флангѣ. Тутъ баварцы сами пытались перейти въ атаку, и битва передвинулась ближе къ фольварку. Но черезъ нѣсколько минутъ синяя стѣна разорвалась, распалась на отдѣльные куски, и весь полкъ исчезъ, словно потонулъ на картофельномъ полѣ пана Гломбовича.

— Это Янъ лежитъ?—спросилъ около меня чей-то тихій и какъ будто спокойный голосъ.

Я быстро повернулся и увидѣлъ Ядвигу, которая съ широко раскрытыми отъ ужаса глазами смотрѣла на трупъ мужа.

Я взялъ ее за руку.

— Пойдемъ! Слышите, опять стрѣляютъ!

Женщина что-то шептала и торопливо крестила дрожащей рукой мертвый, залитый кровью пустырь, на которомъ недавно стоялъ ея домъ.

Потомъ мы втроемъ долго шли по песчаной тропинкѣ, проложенной у самой воды. За поворотомъ рѣки шумъ битвы затихъ. Слышалось отдаленное замирающее „ура", сливающееся въ одно протяжное, раскатывающееся „а... а... а!.."

Мягко шумѣли старыя ветлы, окруженныя синими осенними тѣнями. Рѣка разворачивала парчевые узоры и стлала ихъ между сѣрыми пустынными берегами.

Потянулось широкое шоссе, запруженное обозами и санитарными фургонами. Солдаты лѣниво переругивались, вытаскивая изъ канавъ и ямъ тяжелыя, окованныя желѣзомъ, повозки. Кто-то игралъ на гармоніи и покрикивалъ залихватскимъ голосомъ: „и... и.. эхъ!.." — словно готовясь пуститься въ плясъ на залитомъ жидкой грязью шоссе. Подъ вѣковыми дуплистыми деревьями, по краямъ дороги и по рыжему полю, изборожденному окопами, безъ конца шли бѣглецы. На нихъ никто не обращалъ вниманія, и они, въ свою очередь, испуганно сторонились отъ потока войны. Они шли, сами не зная, куда, торопливо и безпорядочно, словно ихъ гналъ вѣтеръ, кружившій подъ деревьями тучи опавшихъ желтыхъ листьевъ.

Черезъ часъ насъ догналъ автомобиль, въ которомъ сидѣли мой знакомый докторъ и двѣ сестры милосердія.

— Садитесь! Поѣдемъ вмѣстѣ, — предложилъ мнѣ докторъ, не обращая вниманія на моихъ спутниковъ.

Одна изъ сестеръ протянула Юзю булку; Ядвига взяла хлѣбъ, поцѣловала его, какъ дѣлаютъ польскіе крестьяне, принимающіе милостыню, и неподвижно стояла среди дороги, пока мы разсаживались въ автомобилѣ.

Когда машина двинулась, я оглянулся и въ послѣдній разъ увидѣлъ жену и сына пана Гломбовича: они медленно спустились съ откоса и навсегда исчезли въ бездомной, нищей толпѣ.

Турецкій окопъ, взятый штыковой атакой. Трупы орудійной прислуги, пораженной шрапнелью.

Осмотръ оружія послѣ боя.

На привалѣ. Кузнецы за работой.

На кавказскомъ фронтѣ. По фот. нашего корреспондента.

На кавказскомъ фронтѣ. Городъ Сарыкамышъ. По фот. нашего корреспондента.

Христосъ изъ Брюгге.

Разсказъ **Бориса Мирскаго.**

I.

Коллекціонерство было у нихъ въ роду. И отецъ, и дѣдъ, и прадѣдъ, и даже какой-то отдаленный родоначальникъ, пфальцскій или ганноверскій курфюрстъ, собирали и выискивали самыя разнообразныя, самыя разнохарактерныя древности, рѣдкости, вазы, книги, оружіе, талисманы, уродливые амулеты, старинные фоліанты и даже языческія статуэтки. Это было наслѣдственной традиціей, страстью, маніей, переходившей изъ рода въ родъ, отъ дѣда къ отцу, отъ отца къ сыну. Когда-то родъ Левенвольтъ-фонъ-Брауницовъ былъ богатъ; когда цѣлы были ихъ громадныя помѣстья, старинные замки и богатѣйшія поля, эта страсть къ коллекціонерству была вполнѣ понятной и позволительной прихотью. Теперь всѣхъ этихъ замковъ и помѣстій нѣтъ; изъ всѣхъ родовыхъ имѣній осталось крохотное—въ два-три километра—имѣніе въ окрестностяхъ Ганновера, принадлежавшее послѣднему отпрыску Левенвольтъ-фонъ-Брауницовъ, ротмистру уланскаго полка.

Но и его небольшой двухъэтажный, даже не каменный, а деревянный домъ во всѣхъ своихъ двѣнадцати комнатахъ сверху донизу наполненъ коллекціями. Конечно, „антики" стали дешевле и незначительнѣе; конечно, уже нѣтъ былыхъ этрусскихъ вазъ или голландскихъ живописей. Вмѣсто танагрскихъ статуэтокъ — дешевенькіе малайскіе уродцы, а вмѣсто раззолоченныхъ тибетскихъ божковъ — деревянные камерунскіе идолы.

Генрихъ фонъ-Брауницъ вышелъ въ запасъ въ чинѣ ротмистра. Военная служба не нравилась ему. Почему—онъ самъ даже не зналъ, не могъ бы отвѣтить, не могъ дать себѣ отчета. Генрихъ фонъ-Брауницъ служилъ въ хорошемъ полку, его скромныя, но вполнѣ достаточныя средства позволяли служить такъ, какъ служатъ другіе офицеры, одѣваться такъ, какъ одѣваются они, бывать въ театрахъ, ресторанахъ и на товарищескихъ обѣдахъ столько же, сколько бываютъ и они. Старый дворянскій гербъ заставлялъ начальство относиться къ нему съ извѣстнымъ почтеніемъ, а родственныя связи помогали ему быстро двигаться по службѣ. И все-таки Генрихъ оставилъ полкъ. Просто не понравилась ему служба. Не то утомляла его, не то было скучно всю жизнь проторчать въ захолустномъ провинціальномъ городкѣ, не то надоѣло учить и муштровать зуботычинами неповоротливыхъ грузныхъ рекрутовъ. Неизвѣстно... Онъ самъ не рѣшилъ, почему и отчего, но однажды пришелъ къ полковому командиру, какъ всегда, выкурилъ съ нимъ одну „обязательную" сигару, поговорилъ о новыхъ лошадяхъ и о предстоящихъ служебныхъ перемѣщеніяхъ, а затѣмъ поднялся, вытянулся во фронтъ и подалъ прошеніе объ отставкѣ.

И командиръ и товарищи сначала удивлялись этому странному рѣшенію, потомъ забыли; въ третій эскадронъ назначили другого офицера, который точно такъ же являлся на ученье, подавалъ рапорты и сажалъ въ карцеръ соціалистовъ. А Генрихъ фонъ-Брауницъ поселился въ своемъ имѣніи. Онъ никуда не поступалъ и ничѣмъ не занимался. Предлагали ему какъ-то почетную должность уѣзднаго ландрата, но, когда онъ узналъ, что придется два раза въ недѣлю участвовать въ засѣданіяхъ и ежедневно разбирать дѣла, ротмистръ только руками замахалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Придется много думать, придется много дѣлать!..

Ему не хотѣлось ни думать, ни дѣлать, ни вообще заниматься, чтобы не имѣть никакихъ обязанностей. Онъ посвятилъ себя сельскому хозяйству, много охотился, изрѣдка читалъ, разбиралъ свои коллекціи, а больше всего просиживалъ у сосѣднихъ помѣщиковъ за картами и за частыми попойками.

Брауницъ сталъ типичнымъ нѣмецкимъ помѣщикомъ, немного старомоднымъ, какъ и всѣ его сосѣди, веселымъ, добродушнымъ, коротавшимъ свой вѣкъ такъ же, какъ и они. Не было порывовъ, не было особыхъ исканій, какихъ-либо тревожныхъ, гнетущихъ мыслей. Всѣ стремленія были маленькія, умѣренныя, а потому и легко достижимыя. Всѣ радости были скромныя, спокойныя, а потому не скоро проходящія.

— Фонъ-Брауницъ—славный малый! Настоящій старый нѣмецкій помѣщикъ...—говорили про него.

Можно было бы предсказать, что вся его дальнѣйшая жизнь будетъ такой же размѣренной, домовитой, уютной и ровной. И только война, вдругъ неожиданно разразившаяся, нарушила этотъ сложившійся покой. Генрихъ фонъ-Брауницъ долженъ былъ оставить имѣніе, явиться въ полкъ и черезъ нѣсколько дней вмѣстѣ со своими уланами отправиться въ Бельгію.

Два мѣсяца, только два мѣсяца пробылъ ротмистръ на войнѣ.

На кавказскомъ фронтѣ. Обозы надъ Араксомъ. По фот. нашего корреспондента.

На кавказскомъ фронтѣ. Развѣдчики составляютъ донесеніе о результатахъ развѣдки. По фот. нашего корреспондента.

Побывалъ во всѣхъ большихъ сраженіяхъ, прошелъ черезъ всѣ завоеванные города,—какъ кавалеристу, ему приходилось всегда быть впереди,—и наконецъ, въ какой-то стычкѣ съ бельгійскими драгунами, былъ раненъ. Рана оказалась довольно легкой—пуля въ двухъ мѣстахъ пробила ногу; опасности не было никакой, но о дальнѣйшей службѣ уже не могло быть и рѣчи. Онъ пролежалъ недѣли двѣ въ лазаретѣ въ Брюсселѣ, оттуда его эвакуировали въ тылъ и съ отставкой отправили въ Германію.

Не разъ вспоминалъ ротмистръ о бѣженцахъ, о разсренныхъ деревняхъ, о городахъ, какъ рѣшето, пробуравленныхъ снарядами, о разстрѣлахъ. И въ этомъ не видѣлъ онъ ничего страшнаго, ничего исключительнаго. Онъ самъ, какъ отдѣльный человѣкъ, какъ единица, былъ противъ совершенно не нужныхъ, безполезныхъ жестокостей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ротмистръ нисколько не осуждалъ товарищей, хваставшихъ разстрѣлянными жителями и разграбленными зàмками. И съ этимъ мирился Брауницъ: онъ не дѣлалъ этого, но вообще, очевидно, такъ можно дѣлать, потому что такъ дѣлаютъ другіе.

Одинъ только разъ пришлось ротмистру быть свидѣтелемъ и даже участникомъ суровой расправы. Дѣло было въ Брюгге. Его полкъ одинъ изъ первыхъ занялъ тихій живописный городъ. Прошло два дня; фонъ-Брауницъ со своимъ эскадрономъ расположился въ казармахъ.

Однажды солдаты привели человѣкъ десять бельгійцевъ, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ въ окрестностяхъ города. Ихъ надо было разстрѣлять. И среди этого десятка угрюмыхъ, уже не молодыхъ крестьянъ, совершенно спокойно, безъ всякаго страха ожидавшихъ казни,—одинъ юноша, почти мальчикъ. Ротмистръ не далъ бы ему больше четырнадцати-пятнадцати лѣтъ. Чтò могъ сдѣлать Брауницъ! Преступленіе было слишкомъ очевидно, взяты съ оружіемъ въ рукахъ, и, конечно, ротмистръ долженъ былъ приказать разстрѣлять. Мальчикъ только пожалъ худыми, еще совсѣмъ дѣтскими плечами и, глядя ему прямо въ лицо, спокойно произнесъ:

— Зачѣмъ?... Не надо...

III.

Генрихъ фонъ-Брауницъ зналъ, что многіе его товарищи составили себѣ на войнѣ состояніе. Изъ Бельгіи офицеры привозили въ полковыхъ обозахъ прекрасныя картины, драгоцѣнности, деньги, даже мебель. И въ этомъ ротмистръ не видѣлъ ничего плохого.

— Война... На войнѣ все возможно, все бываетъ...

Но самъ ничего не бралъ. Онъ считалъ себя человѣкомъ не бѣднымъ, на его жизнь ему всегда хватитъ доходовъ съ имѣнія, а потому наживать на войнѣ—просто не нужно, не имѣетъ никакого смысла. Единственная вещь, которую привезъ ротмистръ фонъ-Брауницъ съ войны, да и то не имѣющая большой цѣнности—небольшое старинное Распятіе, нарисованное на деревѣ. Подобралъ онъ его совершенно случайно, гдѣ-то на улицахъ Брюгге, и страсть коллекціонера заставила взять эту валявшуюся деревянную дощечку. Ротмистръ сразу опредѣлилъ, что Распятіе написано навѣрное лѣтъ пятьсотъ тому назадъ. Типичная средневѣковая ма-

На кавказскомъ фронтѣ.
Базаръ въ Урміи. Азербейджанскіе татары.

На кавказскомъ фронтѣ.
Типы персіянъ въ Азербейджанѣ.

нера, острыя тонкія латинскія буквы, а главное, простоватое наивное лицо Спасителя съ едва намѣченными чертами, просто какими-то палочками — глаза, носъ, ротъ, волосы—совсѣмъ такъ, какъ рисуютъ дѣти.

И теперь, прикованный къ креслу, фонъ-Брауницъ часто разсматривалъ съ любовью и вниманіемъ завзятаго собирателя этотъ небольшой старый образъ. Онъ рѣшилъ помѣстить ее въ самый лучшій отдѣлъ своихъ коллекцій, тѣмъ болѣе, что тамъ уже было кое-что изъ этой эпохи. Была рыцарская кольчуга, нѣсколько кубковъ, старинная Библія, съ едва сохранившимися пожелтѣвшими тонкими листами, — а теперь вотъ будетъ и это фламандское Распятіе, съ трогательными черточками-каракулями и неровными латинскими буквами.

Уже цѣлый мѣсяцъ Генрихъ фонъ-Брауницъ не встаетъ съ постели. Правда, докторъ обѣщаетъ, что скоро уже можно будетъ встать, а потомъ мѣсяца черезъ два-три онъ совсѣмъ выздоровѣетъ, развѣ только придется навсегда отказаться отъ лошади. Въ общемъ, ротмистръ терпѣливо переносилъ свою болѣзнь. Рѣдко-рѣдко его навѣщалъ кто-нибудь изъ окрестныхъ сосѣдей, но большую часть дней онъ былъ совершенно одинъ въ большомъ пустомъ домѣ; только въ нижнемъ этажѣ помѣщались слуги, да и тѣ рѣдко заглядывали наверхъ.

IV.

Уже близилась зима. Укорачивались сѣрые, безсолнечные, мглистые дни; вѣтеръ, порывистый и холодный, бушевалъ въ окрестныхъ поляхъ и пронзительно завывалъ, врываясь въ случайно раскрытыя окна. Было уныло, печально, и окрестности Корндорфа сдѣлались мрачными, неживыми.

Генрихъ фонъ-Брауницъ, по обыкновенію, сидѣлъ въ низкомъ глубокомъ креслѣ и смотрѣлъ въ окно, наблюдая, какъ по извилистой дорогѣ тянулись телѣги, ѣздили всадники, шли пѣшеходы.

— Какъ все это печально... но это всегда бываетъ такъ. Сначала лѣто, потомъ осень, потомъ зима. Пройдетъ время, и снова будетъ весна, снова кругомъ будетъ хорошо, красиво...

Онъ отвернулся. Случайный взглядъ скользнулъ по невысокому столику, стоявшему возлѣ кресла, и остановился на старинномъ Распятіи, взятомъ въ Брюгге. Ротмистръ взялъ этотъ маленькій деревянный образъ и внимательно посмотрѣлъ на знакомыя черты.

На кавказскомъ фронтѣ.
Типы мирныхъ курдовъ.

И вдругъ ему показалось, — конечно, показалось, развѣ можетъ быть иначе? — что голова Спасителя какъ-то странно оживилась, неправильныя наивныя черточки выровнялись, сгладились, сдѣлались плотскими, выпуклыми, живыми, и все лицо вдругъ приняло странное выраженіе,—выраженіе, которое напомнило ротмистру какое-то лицо.

— Что такое?.. Кто же это можетъ быть?.. Не помню... не помню...

И все-таки, чѣмъ больше смотрѣлъ Брауницъ на пожелтѣвшее Распятіе, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе становилось странное сходство, тѣмъ больше и больше неподвижныя черты вырисовывались въ живое человѣческое лицо, все болѣе и болѣе оно становилось знакомымъ. Но кто? Кого напоминаетъ это вдругъ ожившее, ставшее земнымъ, неземное лицо?

Ротмистръ вспомнилъ и даже вздрогнулъ отъ нахлынувшихъ мыслей, отъ непонятнаго, почти суевѣрнаго страха.

— Вотъ оно что... Онъ!.. Конечно, онъ... этотъ мальчикъ, тамъ... въ Брюгге... Разстрѣлянный...

Ротмистръ нервно положилъ Распятіе и взялъ со стола газету, чтобы отогнать непріятныя воспомина-

На кавказскомъ фронтѣ. Молодая курдинка.

Нѣмецъ-мародеръ.

нія. Пробовалъ читать, но строчки безсмысленно сливались, буквы прыгали, не сливаясь въ слова, не выражая мыслей. Передъ глазами все время стоялъ распятый Христосъ, и его лицо мучительно, невѣроятно было похоже на лицо разстрѣляннаго мальчика. Тѣ же глаза... тотъ же продолговатый овалъ темнаго лица... тотъ же ротъ... тотъ же спокойный, пронизывающій взглядъ...

Германецъ-развѣдчикъ.

Брауницу стало не по себѣ. Онъ снова взялся за книгу, потомъ за газету. Ничего не помогало. Мысли были порабощены. Словно кто-то пришелъ и заставилъ мозгъ отзываться только на одно воспоминаніе; словно все другое, — книги, газеты, другія мысли,—все это было вычеркнуто, уничтожено, а въ сознаніи остался одинъ единственный образъ: распятый Христосъ съ лицомъ бельгійскаго мальчика.

Брауницу стало страшно. Онъ нажалъ кнопку звонка. И двѣ—три минуты, пока явился лакей, ротмистръ испытывалъ настоящій, безотчетный, безсмысленный страхъ.

Вы звали меня, господинъ ротмистръ?

— Да, Морицъ. Зажгите лампы и останьтесь здѣсь... Почитайте мнѣ вслухъ. Я усталъ, мнѣ трудно читать...

Слуга зажегъ большую висячую лампу, которая залила комнату желтоватымъ, чуть мигающимъ свѣтомъ, сѣлъ рядомъ съ Брауницомъ и началъ читать передовую статью „Тагеблатта“. Опять онъ старался вникнуть въ смыслъ простыхъ, обыкновенныхъ газетныхъ фразъ, опять старался услѣдить за мыслью автора, и опять на этотъ разъ уже не буквы и строчки, а цѣлыя слова, цѣлыя фразы прыгали, ускользали, путались, заглушенныя, затертыя тревожнымъ, непонятнымъ образомъ.

„Какъ похожъ!.. Вѣдь это—одно лицо... Тѣ же черты, тѣ же глаза...“

Брауницъ напрягъ всю свою волю, даже закрылъ глаза, но опять, какъ живой, стоялъ этотъ мальчикъ въ терновомъ вѣнцѣ, опять передъ глазами мелькалъ Христосъ, похожій на маленькаго бельгійца.

Въ проволочномъ загражденіи.

— Перестаньте читать, Морицъ. Разскажите мнѣ что-нибудь!

Лакей съ удивленіемъ посмотрѣлъ на ротмистра. Генрихъ фонъ-Брауницъ всегда относился очень мягко и хорошо къ слугамъ. Но подобной интимности старый Морицъ никогда не замѣчалъ,—а вѣдь онъ служилъ уже двадцать два года. Слуга сталъ разсказывать обо всѣхъ деревенскихъ дѣлахъ, объ окрестныхъ помѣщикахъ, о слухахъ и новостяхъ, которыя слышалъ онъ въ кабачкѣ на дорогѣ, а Брауницъ слушалъ, и опять слова обры-

Германецъ-развѣдчикъ съ собакой.

вались, глохли, и въ мозгу стояла только одна мысль, только одно воспоминаніе...

Прошло три дня. Три дня какой-то непонятной, мучительной пытки. Днемъ, ночью, утромъ, вечеромъ Брауницъ думалъ только объ одномъ. Вся жизнь, всѣ интересы, окружающая обстановка, слова, разговоры, газеты и книги — все куда-то исчезло, провалилось; померкло, какъ книга, которую закрыли передъ глазами. Существовало только одно — маленькое деревянное Распятіе и Христосъ, такъ удивительно, непостижимо похожій на бельгійскаго мальчика.

Какъ-то заѣхалъ къ Брауницу сосѣдъ-помѣщикъ, тоже когда-то служившій въ кавалеріи, постоянный товарищъ по охотамъ и деревенскимъ увеселеніямъ. Но на этотъ разъ ихъ бесѣда не клеилась. Сосѣдъ говорилъ о войнѣ, о дѣлахъ, о предстоящей охотѣ. Брауницъ отвѣчалъ нехотя, невпопадъ, разсѣянно слушалъ слова пріятеля, и вдругъ, словно давно собирался, схватилъ со стола деревянное Распятіе.

Казачья цѣпь и коноводы.

Казаки выѣзжаютъ на развѣдку.

— Ты видишь это лицо?.. Да?.. Не правда ли, какое странное, совсѣмъ живое, совсѣмъ человѣческое лицо?

Старый Риглеръ внимательно посмотрѣлъ на него.

— Ты шутишь, конечно? Вѣдь тутъ никакого лица нѣтъ. Остались едва замѣтныя черточки, и если бъ не вѣнецъ да надпись, такъ, собственно говоря, трудно было бы рѣшить, что это изображаетъ... Откуда это у тебя?

— Это изъ Брюгге. Знаешь, въ Бельгіи, гдѣ былъ нашъ полкъ, тамъ разстрѣляли этого мальчика...

— Какого мальчика?

— Ахъ, да, ты вѣдь ничего не знаешь. Ты не видѣлъ его. Ты не видѣлъ, какъ онъ кротко смотрѣлъ на меня...

Риглеръ уѣхалъ изъ Корндорфа съ тяжелымъ чувствомъ.

„Положительно, Брауницъ не въ себѣ. Я никогда не видѣлъ его такимъ страннымъ. Ни о чемъ другомъ не говоритъ, кромѣ своего Распятія да какого-то разстрѣляннаго мальчика. Бѣдняга... Что съ нимъ такое?..“

V.

Проходили дни, долгіе, сумрачные, осенніе дни, безъ солнца, сѣрые и томительно похожіе одинъ на другой. Брауницу хуже. Раненая нога сильно разболѣлась, къ тому же началась лихорадка. Онъ кашлялъ и за нѣсколько дней очень ослабѣлъ.

Теперь все живое, дѣйствительное, реальное совершенно исчезло, затуманилось.

Христосъ и мальчикъ. Деревянное Распятіе и разстрѣлянный бельгіецъ.

Больше Брауницъ ни о чемъ не думалъ, ничего не вспоминалъ. Вначалѣ боролся, хотѣлъ пересилить себя, пробовалъ читать, разговаривать, заставлялъ стараго Морица часами разсказывать всякій вздоръ—не помогало. Мозгъ воспринималъ одну единственную мысль...

Слуги уже стали поговаривать, что съ ротмистромъ неладно. Первымъ замѣтилъ Морицъ. Въ большой людской состоялся совѣтъ и рѣ-

Преслѣдованіе казачьимъ разъѣздомъ непріятеля на развѣдкѣ.

Глаза и уши арміи. Казаки на развѣдкѣ. По фот. нашего корреспондента.

Преслѣдованіе казачьимъ разъѣздомъ непріятеля на развѣдкѣ.

судья, мнѣ нужны палачи... Палачи, которые казнили бы меня за страшное, нечеловѣческое преступленіе. Вы понимаете, никто этого не знаетъ, ни одна живая душа... Но я это знаю... Понимаете, Онъ былъ въ Бельгіи. Ну, какъ вамъ это нравится? Можете вы себѣ представить, что Онъ былъ въ Бельгіи?..

— Кто онъ?

— Онъ... Христосъ, Спаситель... Вы улыбаетесь? Вѣрьте мнѣ, я это знаю, я хорошо знаю... Онъ совсѣмъ молодой. Юноша, почти мальчикъ... Онъ былъ въ Брюгге. Вы знаете этотъ городъ? Наши уланы вошли первыми туда... Да, это былъ красивый городъ. Но теперь, скажу вамъ по правдѣ, тамъ ничего нѣтъ. Развалины, развалины, развалины... Главнокомандующій издалъ приказъ разстрѣливать ихъ, если у нихъ будетъ оружіе... Понимаете, они очень храбрые и ничего не боятся... Вахмистръ привелъ десять человѣкъ, и среди нихъ, понимаете, докторъ, среди нихъ былъ Онъ...

— Да кто же онъ? Кто такой?

— Онъ... Я же говорилъ вамъ, кто Онъ. Христосъ... И я приказалъ Его разстрѣлять... Вы понимаете, я сдѣлалъ ужасную, чудовищную вещь,— я, ротмистръ фонъ-Брауницъ, я приказалъ разстрѣлять самого Христа...

шили послать за врачомъ. Поѣхали въ сосѣдній городокъ и поздно вечеромъ привезли доктора. Онъ поднялся наверхъ, въ комнату, гдѣ лежалъ Брауницъ, подошелъ къ нему, поздоровался и заговорилъ. Ротмистръ лежалъ въ креслѣ, неподвижный, съ широко раскрытыми, словно невидящими, глазами, и какъ во снѣ отвѣчалъ на вопросы.

— Да... да... былъ раненъ... Нѣтъ, ничего... не болитъ... О чемъ думаю? О немъ, все о немъ... Я ни о чемъ другомъ не могу думать... Хотите, я разскажу вамъ... Да, я долженъ наконецъ разсказать не только вамъ, я долженъ всѣмъ разсказать, всѣмъ людямъ, всему міру. Потому что мой грѣхъ—грѣхъ народа... можетъ-быть, даже всего человѣчества... Слушайте!

Брауницъ оживился, поднялся съ кресла, сѣлъ, схватилъ руку доктора и, глядя ему прямо въ лицо, заговорилъ:

— Вы врачъ? Вы навѣрное пришли меня лѣчить? Писать рецепты, давать лѣкарства. Да?.. Это совершенно безполезно, это совершенно ненужно. Ни вамъ, ни мнѣ, никому не нужно... Мнѣ нуженъ не врачъ, а судья, даже не

Казачій разъѣздъ возвращается съ развѣдки.

Уборка лошадей по возвращеніи съ развѣдки.

Плѣнные.

Такъ вотъ они, враги:—на стынущемъ перронѣ
Озябшей кучкою стоятъ и что-то ждутъ.
Ихъ взглядъ еще въ покинутомъ вагонѣ...
У глазъ морщинки тѣни грусти ткутъ.
Встающій день одѣтъ дыханьемъ мглистымъ.
Вокругъ гостей—конвойныхъ сѣрыхъ рядъ:
На плѣнныхъ взглянуть съ дѣтскимъ любопытствомъ,
Но, застыдясь, тотчасъ отводятъ взглядъ...
Старушка въ шляпкѣ съ траурной фатою,
Съ поношенной горжеткой изъ куницъ,
Подходитъ къ плѣннымъ... Свѣтлой теплотою
Блеститъ слезинка у ея рѣсницъ.
Она недавно сына схоронила,
И вотъ за боль, что въ сердцѣ залегла,
Она теперь баранокъ принесла
Былымъ врагамъ:—она вѣдь ихъ простила...
И на пути ихъ ждетъ лишь состраданье,—
Не будятъ злобу зябкіе шаги...
Характерно для русскаго сознанья
Родится мысль, что *эти*—не враги!..

Сергѣй Михѣевъ.

Глаза и уши арміи. Казаки на развѣдкѣ. По фот. нашего корреспондента.

На мельницѣ.

Разсказъ **Грааля Арельскаго.**

I.

По всей длинѣ рѣки, вплоть до Пржека, въ небольшихъ, безпорядочно разбросанныхъ, литовскихъ и польскихъ гминахъ, не было, кажется, ни одного человѣка, который не зналъ бы Янкеля и его мельницы. Да, Янкель былъ человѣкъ извѣстный и пользовался большимъ уваженіемъ. Не даромъ же всѣ крестьяне предпочитали, не принимая въ расчетъ нѣсколькихъ лишнихъ верстъ, возить зерно къ Янкелю, а не къ кому-нибудь другому И бралъ онъ дешевле, и жернова у него лучше мололи, но, что самое главное, никто умнѣе и душевнѣе Янкеля не умѣлъ поговорить объ общихъ крестьянскихъ дѣлахъ, а во время разговора угостить такой замѣчательной вишневкой на спирту, что на душѣ дѣлалось легко и радостно.

Жилъ Янкель въ небольшомъ двухъэтажномъ домѣ, окруженномъ разросшимся вишневымъ садомъ, гдѣ росла та удивительная вишня, которую онъ такъ хорошо умѣлъ настаивать на спирту. Янкель одиноко жилъ въ своемъ домѣ: кромѣ черноволосой и тихой шестнадцатилѣтней дочери его Ханеле да старой глухой и подслѣповатой служанки не было никого.

Спокойно и ровно текла жизнь Янкеля, ничто не тревожило и не выбивало ее изъ ровной, проложенной годами, колеи. И, быть-можетъ, до самой смерти Янкеля протекла бы жизнь тихо и спокойно, не случись этой войны. Но война случилась, и случилась неожиданно, и, что самое главное, Янкель первый узналъ объ этомъ,—онъ одинъ по всему берегу рѣки получалъ газету. Когда почтарь Стасекъ въ полдень привезъ почту и газету, Янкель долго говорилъ съ нимъ и совѣтовался, а когда Стасекъ уѣхалъ и глухо замерли вдали скрипъ его почтовой таратайки и звонъ бубенчиковъ, Янкель поднялся къ себѣ въ комнату наверхъ и долго ходилъ изъ угла въ уголъ. Янкель былъ умный человѣкъ и скоро уяснилъ себѣ положеніе вещей.

„Живу я недалеко отъ границы,—думалъ онъ:— черезъ день, черезъ два здѣсь будутъ нѣмцы. Это такъ же вѣрно, какъ я—Янкель. Да. А что будетъ дальше, это неизвѣстно“.

Янкель остановился посерединѣ комнаты, провелъ рукой по лбу и взлохматилъ нервнымъ движеніемъ свои сѣдые волосы.

„А что будетъ дальше, — подумалъ онъ еще разъ:—это неизвѣстно, совершенно неизвѣстно“.

Но, не найдя выхода для мучившей его мысли, онъ сталъ думать въ другомъ направленіи, все еще продолжая стоять на одномъ мѣстѣ:

„Я старъ, кому я могу быть нуженъ? Всю жизнь я прожилъ здѣсь на мельницѣ. Всю жизнь. Пусть они воюютъ другъ съ другомъ. Я—мирный житель. Я буду жать и молоть зерно, вѣдь всегда кто-нибудь долженъ молоть зерно“.

И Янкель опять зашагалъ по комнатѣ уже значительно успокоенный и довольный, что мысль, мучившая его, вылилась въ такую простую и желательную для него форму.

Когда онъ спустился наконецъ внизъ, гдѣ давно уже ждалъ его обѣдъ, волненіе прошло безслѣдно.

„Я — мирный житель. Я буду себѣ молоть

Сдаются на волю побѣдителя.

Уводятъ...

Допросъ военноплѣнныхъ.

Германцы и австрійцы въ русскомъ плѣну. По фот. нашего корреспондента.

Поймали германскаго телефониста.

зерно",—подумалъ въ послѣдній разъ Янкель и принялся за ѣду.

Когда Ханеле положила ему на тарелку большой кусокъ фаршированной щуки, Янкель посмотрѣлъ на нее и сказалъ:

— Знаешь, Ханеле, война объявлена.

Блѣдное личико Ханеле осталось такимъ же спокойнымъ, какъ и прежде, только въ большихъ грустныхъ глазахъ вспыхнулъ тревожный огонекъ.

— Что же... что же будетъ теперь?

— Ничего не будетъ...—неторопливо пережевывая щуку, спокойно отвѣтилъ Янкель.— Мы — мирные жители... Кто же насъ тронетъ?.. Мы будемъ заниматься своимъ дѣломъ, а они пусть воюютъ.

Ханеле ничего не отвѣтила, только ниже склонила голову и стала нервно мять салфетку.

До конца обѣда Янкель не сказалъ больше ни слова. И Ханеле тоже молчала все время. Но когда Янкель всталъ изъ-за стола и сказалъ, что пойдетъ въ деревню, Ханеле тихо спросила его, и странно, по-дѣтски вздрогнули при этомъ ея губы, какъ будто она собиралась заплакать:

— Ахъ, отецъ! Сколько опять прольется крови... Сколько слезъ впитаетъ земля... Ахъ, отецъ—почему они хотятъ войны?!

Янкель ничего не отвѣтилъ, только бережно и любовно сталъ гладить волосы Ханеле своей старой морщинистой рукой и потомъ поцѣловалъ ее въ лобъ.

II.

Деревня находилась въ трехъ верстахъ отъ мельницы. Дорога все время шла вдоль берега рѣки, ровная и широкая, и Янкель быстро ее прошелъ. Еще издали у гминнаго управленія онъ замѣтилъ большую толпу народа и узналъ тарантасъ пана исправника, запряженный двумя бѣлыми рослыми лошадьми.

Когда Янкель подошелъ къ толпѣ, всѣ сняли шапки и почтительно разступились, давая ему дорогу. И Янкель не торопясь поднялся на крыльцо и вошелъ въ комнату.

Его поразила необычная сдержанность и молчаливость толпы, всегда такой порывистой и крикливой.

И въ комнатѣ гминнаго управленія, куда вошелъ Янкель, чувствовалась такая же напряженная и сдержанная тишина. Только страннымъ диссонансомъ въ этой напряженной тишинѣ гремѣлъ басъ пана исправника. А самъ панъ исправникъ сидѣлъ на деревянномъ табуретѣ, широко разставивъ ноги, и диктовалъ что-то писарю, согнувшемуся надъ бумагой, съ испуганнымъ и подобострастнымъ видомъ. Когда, панъ исправникъ увидѣлъ Янкеля, онъ такъ громко выкрикнулъ послѣднюю диктуемую фразу, что писарь вздрогнулъ, и съ его пера скатилась на бумагу огромная клякса.

Писарь испуганно взглянулъ на пана исправника, но сейчасъ же успокоился и спокойно слизнулъ чернила языкомъ. По широкому красному лицу пана исправника разлилась широчайшая улыбка, и, поднявшись съ табурета, онъ пошелъ навстрѣчу Янкелю.

Когда черезъ четверть часа Янкель возвращался по той же дорогѣ обратно на мельницу, онъ

Конвой съ вилами.

Эшелонъ австрійскихъ плѣнныхъ на привалѣ.

Германцы и австрійцы въ русскомъ плѣну. По фот. нашего корреспондента.

былъ совершенно спокоенъ за свое будущее.

— Ужъ если что скажетъ панъ исправникъ, — разсуждалъ Янкель: — то это такъ и будетъ... А разъ это такъ будетъ, — то нечего безпокоиться.

На другой день все было, какъ прежде.

Въ деревняхъ на берегу рѣки было спокойно и тихо, и крестьяне попрежнему продолжали заниматься своими дѣлами. Вѣсть о начавшейся войнѣ всѣ приняли спокойно и молчаливо-неопредѣленно, быть-можетъ, болѣе молчаливо, чѣмъ это требовалось въ данномъ случаѣ. Но опытный наблюдатель понялъ бы въ этомъ молчаніи то скрытое и затаенное чувство, которое унесъ въ груди каждый, и которое каждый понималъ по-своему.

„Мѣдный голодъ въ Германіи". Дѣти приносятъ въ школу изъ дому мѣдную посуду и другія издѣлія изъ мѣди. Учитель принимаетъ эти дары государству и сдаетъ ихъ для отправки на оружейные заводы.

Только однажды подъ вечеръ по дорогѣ мимо мельницы прошли два пограничныхъ русскихъ полка. Янкель узналъ отъ офицера, что верстахъ въ тридцати вверхъ по рѣкѣ показалась колонна наступающихъ нѣмцевъ.

Янкель долго смотрѣлъ вслѣдъ удаляющимся полкамъ. Онъ видѣлъ, какъ извивалась сѣрая живая лента, направляясь къ мосту. Видѣлъ, какъ переходили полки черезъ мостъ, и какъ послѣднія роты долго толпились около моста и что-то приготовляли. Онъ долго не могъ понять, что они тамъ дѣлаютъ. Но когда неожиданно подъ мостомъ вспыхнуло темно-багровое пламя и раздался оглушительный взрывъ,—Янкель понялъ и задрожалъ мелкой холодной дрожью.

И вдругъ онъ почувствовалъ, что его руку сжали тоненькіе холодные пальцы Ханеле, и онъ услышалъ тихій испуганный шопотъ:

— Они взорвали мостъ! Они взорвали мостъ!

Онъ обнялъ одной рукой трепещущія плечи Ханеле и привлекъ ее къ себѣ, и вдругъ почувствовалъ странное, увѣренное спокойствіе.

— Ну, такъ что жъ, что они взорвали мостъ. Они должны были это сдѣлать. Теперь война, Ханеле. Ты пойми. Но намъ нечего бояться. Мы — мирные жители, и никто насъ не тронетъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Новое нѣмецкое изобрѣтеніе. Проволочная сѣтка у бруствера окопа для защиты отъ ручныхъ гранатъ.

Дни проходили за днями, и напрасно каждое утро панъ Янкель выходилъ на дорогу и смотрѣлъ на далекій синеватый лѣсъ, окутанный осеннимъ туманомъ, и на теряющуюся въ отдаленіи, покрытую мелкой рябью, рѣку,—все было спокойно, какъ прежде, и ничто не говорило о томъ новомъ и страшномъ, чего такъ напряженно ждалъ Янкель.

Германскій военный хлѣбъ изъ смѣси ржаной муки (15%) съ отрубями (25%), перемоломъ картофельной сушеной шелухи (40%) и перемоломъ сушеной соломы (20%).

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

1915 г.
№ 16
Выданъ 18 апрѣля 1915 г.

XLVI г. изданія

Цѣна этого № (безъ прилож.) — 15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на **первой** страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Мамина-Сибиряка“ кн. 6.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ИЗВѢСТНАЯ НА ВЕСЬ СВѢТЪ

автоматическая быстровязальная машина

„ВИКТОРІЯ"

стôитъ только 110 рублей.

Вяжетъ всевозможныя трикотажныя вещи и изготовляетъ **чулокъ въ 15 минутъ.**

Требуются немедленно старательные вязальщики и вязальщицы для постоянной и легкой работы у себя на дому. Мы платимъ 1 р. 50 к. за изготовленіе каждой дюжины паръ чулокъ или носковъ.

Гарантированный заработокъ и **постоянная** работа.

Предварительныя знанія не требуются.

Разстояніе не имѣетъ значенія. 3538

Требуйте нашъ безплатный проспектъ.

ТОВАРИЩЕСТВО ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИНЪ

ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ КЮНАУ и К°.

Петроградъ, Невскій пр., д. Армянской церкви, 11 в.

ЕДИНСТВЕННАЯ ВЪ РОССІИ ФАБРИКА БЕЗВРЕДНЫХЪ ПАТЕНТОВАННЫХЪ

АНТИКОРСЕТОВЪ и КОРСЕТОВЪ

н. ф. „ГИГІЕНА" въ Варшавѣ

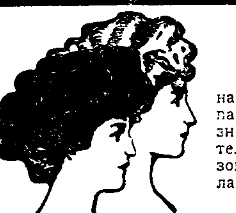
имѣетъ честь довести до свѣдѣнія своихъ почтен. кліентокъ, что, какъ за все время своего 20-лѣтняго существованія, такъ и нынѣ безпрерывно исполняетъ **скоро** и **аккуратно** всякаго рода **заочные заказы** по указанной мѣркѣ.

Къ наступающему сезону фабрика наша снабжена **большимъ выборомъ всевозможныхъ фасоновъ, въ разныхъ цвѣтахъ и качествахъ.**

Въ виду значительнаго вздорожанія всѣхъ безъ исключенія матеріаловъ, мы принуждены были прибавить 30°/o къ цѣнамъ нашего прейсъ-куранта.

Прейсъ-куранты высылаются **немедленно безплатно.**

Адресъ: **фабрика „ГИГІЕНА", Варшава,** Ссанаторская, № 32. 3545



СѢДЫЕ ВОЛОСЫ

Если Вы желаете возстановить Ваши волосы въ прежній натуральный цвѣтъ, я могу выслать Вамъ удивительный препаратъ, который постепенно и незамѣтно для окружающихъ знакомыхъ возвратитъ имъ натуральный цвѣтъ. Этотъ удивительный препаратъ одобренъ сотнями лицъ, которыя имъ пользовались. Я съ радостью вышлю вамъ подробное описаніе предлагаемаго средства

СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.

Пишите немедленно! Не присылайте ни денегъ, ни марокъ! Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилію и точный адресъ. 3 35

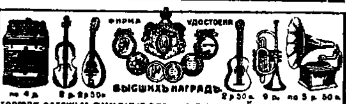
Лабораторія КАЛЬТОКО, МОСКВА. Отд. 1 В. А.

Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ,
Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

Авсѣенко, В. Г. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ. Т. I. **„Скрежетъ зубовный".** — Т. II. **„Злой духъ".** (ч. I и II). — Т. III. **„Злой духъ".** (ч. III и IV). — Т. IV. **„Изъ-за благъ земныхъ".** *Позолота.* — Т. V. **„Млечный путь".** *Рабыня.* — Т. VI. **„На распутьи".** — Т. VII. **„Женщины".** Повѣсти и разсказы (1-я серія). — Т. VIII. **„Женщины".** Повѣсти и разсказы (2-я серія). — Т. IX. **„Лгуны".** — Т. X. **„Свѣтъ и тѣни".** — Т. XI. **„Былое и небывалое".** — Т. XII. **„Силуэты".** Цѣна каждому тому **1 р. 75 к.,** съ перес. **2 руб.;** въ переплетѣ **2 р. 35 к.,** съ перес. **2 р. 60 к.**

КУМЫСЪ „Степной Даръ" въ с. Дьяковкѣ, Новоуз. уѣзда, Самарск. г. Здоров. мѣстн. Купанье. Лѣсъ. **Полн. панс. съ кумысомъ врач. пом. отъ 75 р. въ мѣс.** Просп. безпл. Обращ. Саратовъ, провизору Е. М. Факторовичу, Б. Сергіевская, № 125/2.

АГЕНТЫ, КОТОРЫЕ желаютъ заняться продажей 3 изумительн. новинокъ, необходимыхъ въ кажд. домѣ, благовол. присл. свой адресъ въ **Москву, почтамтъ, ящ. № 337—М.** Въ виду колоссальн. дохода дается огранич. раіонъ.



Торгово-фабрич. т-во СПбургъ **Н. ВИНОКУРОВЪ и Н. СИНИЦКІЙ** Садовая 29. Гостинный Дворъ (у глав. вор.) Невскій проспектъ №15а

ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО ОПТОВЫЕ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ съ иллюстраціями всѣхъ музыкальн. инструмен. и граммофоновъ

ЦѢНЫ ОПТОВЫЯ ВСѢМЪ

В. ЧЕРНЫШЕВЪ.

ПРАВИЛЬНОСТЬ И ЧИСТОТА РУССКОЙ РѢЧИ. 3552

Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Выпускъ 1-й **ФОНЕТИКА,** 1914 г. Ц. 1 руб. Выпускъ 2-й **ЧАСТИ РѢЧИ.** Ц. 2 р. 50 к. Только-что поступилъ въ продажу. Складъ у автора: Петроградъ, Вас. Остр., 6 линія, д. 29, кв. 38. Выпис. изъ склада за пересылку не платятъ. Налож. плат. 15 коп.

Антисептическія Pastilles VALDA

(Лепешки Вальда)

обладаютъ **неоцѣнимымъ дѣйствіемъ** для ПРЕДУПРЕЖДЕНІЯ или ИЗЛЕЧЕНІЯ **простуды, болѣзней горла, свѣжихъ или застарѣлыхъ ларингитовъ, острыхъ или хроническихъ бронхитовъ, насморка, гриппа, инфлуэнцы, эмфиземы и т. п.**

но главнымъ образомъ

ТРЕБУЙТЕ

во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ

НЕПРЕМѢННО

НАСТОЯЩІЯ ЛЕПЕШКИ ВАЛЬДА (PASTILLES VALDA)

въ коробкахъ съ красной бандеролью снабженныхъ именемъ

VALDA

1351

УГРИ,

прыщи, жиров. выдѣл. и желт. пятна уничтож. **безслѣдно** въ 1—2 недѣли **моимъ** безвредн. **домашнимъ** средств. Большой флаконъ, съ наставл., хватающ. на все время, высылаю немедл. наложен. плат. за 1 р. 75 к. съ перес. и упак. Получила массу благодарн. со всѣхъ концовъ Россіи. Предлож. моему прошу вѣрить, оно **ИСКРЕННО** и **ЧЕСТНО.** Адресъ: **Москва, Долгоруковская ул., № 11, кв. 93.**
3544 **Марія Егоровна Чурбанова.** 4-1

БОЧКИ

3551 2-1

желѣзныя, оцинкованныя, луженыя, для перевозки и храненія спирта, керосина, масла, кислотъ и пр. изготовляетъ заводъ **Г. РЮЛИНГЪ,** арендаторъ **К. ГУЛАВИ.** Москва, Мясницкая, Кривоколѣнный, 3. Прейсъ-кур. безплатно.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Находчивость русскаго солдата. Рядовой Сидоровъ, производя ночью развѣдку, такъ увлекся, что не замѣтилъ, какъ очутился въ раіонѣ непріятельскихъ позицій и попалъ къ нѣмцамъ въ плѣнъ.

На вопросъ нѣмцевъ, зачѣмъ онъ къ нимъ пришелъ, Сидоровъ отвѣтилъ, что ему надоѣло сидѣть въ окопахъ, и онъ предпочелъ сдаться въ плѣнъ.

— Не я одинъ, впрочемъ, принялъ такое рѣшеніе, — продолжалъ Сидоровъ.—Моему примѣру послѣдовали еще пять нашихъ солдатъ, но они боятся прійти сюда сами, чтобы ихъ не убили. Если вы хотите, я пойду съ вами, и мы ихъ приведемъ. Нѣмцы, разумѣется, согласились, и Сидоровъ въ сопровожденіи шести непріятельскихъ солдатъ отправился за своими товарищами. Дорогой плѣнный сказалъ конвоировавшимъ его нѣмцамъ:

— Если товарищи мои увидятъ, что васъ такъ много, то они испугаются и, прежде чѣмъ мы успѣемъ объяснить имъ, въ чемъ дѣло, они могутъ убѣжать.

Рѣшено было, что плѣннаго поведетъ одинъ только нѣмецъ, а остальные пять будутъ ихъ дожидаться въ отдаленіи.

Когда Сидоровъ отошелъ съ сопровождавшимъ его нѣмцемъ на такое разстояніе, что ихъ не стало видно, онъ быстро оглушилъ послѣдняго ударомъ кулака, вырвалъ у него винтовку и привелъ его въ качествѣ плѣннаго на наши позиціи.

Звѣрское нападеніе нѣмки. Въ редакцію «Вечерняго Времени» раненый прапорщикъ Васильевъ доставилъ кинжалъ-штыкъ съ сохранившимися слѣдами крови, которымъ былъ зарѣзанъ нѣмкою тяжело раненый прапорщикъ Лузинъ. Прапорщикъ Васильевъ былъ очевидцемъ этого звѣрскаго нападенія разбойника въ юбкѣ и разсказалъ слѣдующее:

«Изъ-подъ Лыка везли нѣсколько тяжело раненыхъ, въ томъ числѣ прапорщика Лузина съ перебитыми ногами, и меня, раненаго тремя пулями съ раздробленіемъ костей. Я лежалъ въ одной фурманкѣ съ Лузинымъ: онъ съ краю, а я въ серединѣ. Состояніе его ранъ позволяло ему лежать только на животѣ.

Раненыхъ везли въ нѣсколькихъ фурманкахъ въ сопровожденіи санитара. На полпути къ питательному пункту у дороги показалась нѣмка, лѣтъ 40—45, прилично одѣтая. Мы немного не доѣхали до нея, когда санитара позвали къ фурманкѣ, слѣдовавшей сзади насъ.

Когда мы поравнялись съ нѣмкой, я спросилъ ее:—«Далеко ли до Р.?» Но одновременно съ моимъ вопросомъ Лузинъ простоналъ:—«Пить!»

Не отвѣчая на мой вопросъ, нѣмка по-русски переспросила Лузина:—«Тебѣ пить?»

Не успѣлъ тотъ и отвѣтить, какъ она выхватила изъ-за пазухи кинжалъ-штыкъ и всадила по самую рукоятку въ спину Лузину. Бѣднякъ не успѣлъ и простонать, а уткнулся лишь лицомъ внизъ.

Я правой рукой схватилъ кинжалъ вмѣстѣ съ рукой нѣмки, когда та силилась выдернуть его изъ тѣла Лузина, закричалъ сопровождавшимъ солдатамъ и санитарамъ. Преступница была поймана на мѣстѣ, не успѣвъ оказать сопротивленія. Тѣло Лузина было оставлено въ ближайшемъ мѣстечкѣ.

Прапорщикъ Лузинъ былъ моимъ однополчаниномъ, котораго я зналъ, какъ хорошаго товарища и неустрашимаго воина».

Вильгельмъ—«дурной глазъ». Итальянцы, считающіеся, какъ извѣстно, однимъ изъ самыхъ суевѣрныхъ народовъ въ мірѣ, особенно боятся такъ называемаго «дурного глаза» (jettatore). Прозвище человѣка съ «дурнымъ глазомъ» заслужилъ въ Италіи императоръ Вильгельмъ. Газета «Secolo» вспоминаетъ по этому поводу нѣсколько эпизодовъ.

Вильгельмъ прибылъ въ Кастелламарэ, чтобы присутствовать при спускѣ большого военнаго судна «Ре-Умберто». На палубѣ судна, разукрашеннаго къ пріему почетнаго гостя, вспыхнулъ пожаръ, принявшій такіе значительные размѣры, что пришлось отмѣнить парадный завтракъ.

Императоръ Вильгельмъ, поспѣшно сходя съ горящаго судна на берегъ, протянулъ руку одной придворной дамѣ, желая поддержать ее. Этого было достаточно, чтобы дама оступилась и упала въ воду.

На слѣдующій день послѣ неудачнаго спуска судна, былъ назначенъ парадный пріемъ въ Квириналѣ. Только-что императоръ Вильгельмъ появился во дворѣ, какъ въ залѣ съ грохотомъ рухнула на полъ одна изъ люстръ.

Репутацію «jettatore» Вильгельмъ поддерживаетъ съ самаго начала войны. Достаточно ему появиться на одномъ изъ фронтовъ, чтобы именно на этомъ фронтѣ германскія войска понесли пораженіе. Достаточно было Габсбургамъ связать свою судьбу съ Вильгельмомъ Гогенцоллерномъ, какъ Австро-Венгерская монархія заколебалась; достаточно было Турціи принять участіе въ политикѣ Вильгельма, и на Оттоманскую имперію начали обрушиваться одинъ за другимъ удары.

Учащіеся — раненымъ. Обращаемъ вниманіе на очень интересное примѣненіе ученическихъ письменныхъ работъ на пользу нашихъ раненыхъ. Извѣстный педагогъ, попечитель кавказскаго учебнаго округа, Н. Ф. Рудольфъ, сообщилъ управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія графу П. Н. Игнатьеву, что въ нѣкоторыхъ начальныхъ училищахъ старшимъ ученикамъ предложено въ качествѣ письменной работы написать письма къ раненымъ. Ученики съ увлеченіемъ изложили свои чувства. Попечитель, въ виду воспитательнаго значенія, проситъ разрѣшить пересылать эти письма раненымъ въ лазареты. Возможно, что раненые пришлютъ отвѣты, которые можно будетъ использовать для новыхъ письменныхъ работъ. Графъ П. Н. Игнатьевъ разрѣшилъ.

Санитарныя собаки. Для обслуживанія походныхъ госпиталей германскаго Краснаго Креста приспособлено 1.800 собакъ, специально для этой цѣли дрессированныхъ. Одна собака можетъ подобрать въ одну ночь 8 раненыхъ. Стоимость обученія и ухода за госпитальными собаками обошлась въ милліонъ марокъ. Германская военная администрація заявляетъ однако, что, если бы число обученныхъ собакъ было увеличено на нѣсколько тысячъ, то и для нихъ нашлась бы достаточная работа.

Нѣмки—военные писаря. По распоряженію германскаго военнаго министерства, около восьмидесяти тысячъ женщинъ призвано замѣнить въ военныхъ канцеляріяхъ и другихъ учрежденіяхъ писарей, которые спѣшно обучаются и отсылаются въ дѣйствующую армію.

Дымовой заслонъ. Новое ухищреніе нѣмцевъ. По словамъ «Варш. Дневника», при взятіи нашими войсками сильно укрѣпленныхъ непріятельскихъ позицій у Гумина нѣмцы стали прикрывать отступленіе изъ окоповъ своихъ частей дымовыми заслонами. Воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что вѣтеръ въ это время дулъ въ нашу сторону, нѣмцы начали жечь вдоль линій своихъ окоповъ какой-то химическій составъ, дающій непроницаемые клубы удушливаго дыма, скрывающаго надолго непріятельскія позиціи

ХРОНОЛОГІЯ ВОЙНЫ.

ВОСЬМОЙ МѢСЯЦЪ.

(См. № 11 «Нивы» 1915 г.).

Февраль.

15-го. Сѣвернѣе Гродны развиваются упорные бои. Артиллерійскій бой у Осовца продолжается. Бои за обладаніе Праснышемъ, который вторично взятъ нашими войсками. Въ Галиціи на фронтѣ Ясиновецъ-Рознатовъ австрійцамъ нанесено тяжелое пораженіе. Союзный флотъ разрушилъ нѣсколько фортовъ въ Дарданеллахъ.

16-го. Въ Петроградъ пріѣхалъ генералъ По. На фронтѣ между Нѣманомъ и Вислой наши войска продолжаютъ наступать. Продолжается бомбардировка Осовца весьма крупными калибрами. Въ Карпатахъ къ сѣверу отъ Стропко нами отбиты шесть упорныхъ атакъ австрійцевъ. Нами взято до 1.000 плѣнныхъ. Вторгшійся въ Восточную Галицію непріятель остановленъ. На путяхъ къ Станиславову австрійцамъ нанесено пораженіе, послѣ котораго они отошли. Въ отвѣтъ на истребленіе нѣмецкими подводными лодками коммерческихъ судовъ какъ воюющихъ государствъ, такъ и нейтральныхъ, Англія и Франція объявили блокаду германскихъ береговъ.

17-го. Нѣмцы наступаютъ лишь въ раіонѣ Осовца, при чемъ гарнизонъ отразилъ ихъ попытки приблизиться къ крѣпости. Въ гродненскомъ раіонѣ мы вновь продвинулись впередъ. Въ Карпатахъ наши войска успѣшно отбиваютъ атаки австрійцевъ между Ондавой и Саномъ. На Кавказѣ отбита попытка турокъ перейти въ контръ-атаку на зачорохскомъ направленіи. Продолжается бомбардировка Дарданеллъ.

18-го. Наше наступленіе на фронтѣ между Нѣманомъ и Вислой продолжается. Атаки австрійцевъ между Ондавой и Саномъ отбиваются нами. За сутки въ Карпатахъ и въ Галиціи взято въ плѣнъ 47 офицеровъ, 3.000 нижнихъ чиновъ и захвачено 16 пулеметовъ.

19-го. Продолжаются упорные бои на всемъ фронтѣ между Нѣманомъ и Вислой. Въ Восточной Галиціи наши войска вступили въ Станиславовъ и переправились черезъ Лукву. Въ Шампани французы продвинулись впередъ. Французскій контръ-миноносецъ потопилъ нѣмецкую подводную лодку "U 8". Успѣшное наступленіе нашихъ войскъ въ Зачорохскомъ краѣ.

20-го. На лѣвомъ берегу Нѣмана нѣмцы оттѣснены за станцію Симно и въ раіонъ Лейпуны. На путяхъ къ Ломжѣ упорные бои. Союзная эскадра подошла къ Смирнѣ и обстрѣляла фортъ Іени-Кале.

21-го. Продолжается наше наступленіе на лѣвомъ берегу Нѣмана и на путяхъ къ сѣверо-западу отъ Гродны. Мы оттѣснили нѣмцевъ за фронтъ Сопоцкинъ-Липскъ и продвигаемся дальше. На млавскомъ направленіи успѣшныя атаки съ нашей стороны. Между Ондавой и Саномъ австрійцы продолжаютъ атаки. Они пытались перейти на правый берегъ Сана (къ юго-зап. отъ Лутовиска), но всѣ перешедшія части были уничтожены нашей контръ-атакой.

22-го. Наши войска продолжаютъ наступать на лѣвомъ берегу Нѣмана и на путяхъ отъ Гродны. Въ раіонѣ Пилицы бой принимаетъ крупные размѣры. Черноморскій флотъ бомбардировалъ Зунгулдакъ, Эрегли, Килимли и Козлу. Греческій премьеръ Венизелосъ подалъ въ отставку.

23-го. Въ сувалкскомъ раіонѣ нѣмцы оттѣснены на фронтъ Маріамполь-Симно-Августовъ. Наступленіе нѣмцевъ на Пилицѣ остановлено. Русскія войска перешли въ контръ-атаку. Въ Шампани, въ Вогезахъ, французы занимаютъ новыя позиціи. Въ Смирнскомъ заливѣ выловлены мины и нѣсколько фортовъ разбиты бомбардировкой.

24-го. Упорные бои между Вислой и Нѣманомъ продолжаются. Близъ Августова начался упорный бой. На путяхъ къ Ломжѣ отбита атака нѣмцевъ. Въ Карпатахъ продолжаются безуспѣшныя атаки австрійцевъ. Въ Дарданеллахъ французскія суда подбили батареи Дардана.

25-го. Продолжается наступленіе нашихъ войскъ въ раіонѣ Сувалокъ. Германцы ведутъ усиленное наступленіе отъ Хоржеле къ Праснышу и вдоль р. Оржица. Успѣшныя атаки нашихъ войскъ на Пилицѣ. На фронтѣ Горлице-Ужокъ австрійцы отброшены. Англичане нанесли нѣмцамъ рядъ пораженій у Лабассэ. Потоплена нѣмецкая подводная лодка "U 20" англійскимъ судномъ.

26-го. Въ раіонѣ Симно и на путяхъ къ Праснышу и въ долинахъ Омулева и Оржица происходятъ упорные бои. Въ Карпатахъ у Горлице наши войска уничтожили австрійскія части. Въ раіонѣ Лабассэ англичане взяли позицію Невъ-Шапель. Изъ Мальты къ Дарданелламъ идутъ транспорты съ 42.000 солдатъ.

27-го. Въ раіонѣ Сейнъ происходитъ бой. На Наревѣ и въ праснышскомъ направленіи наши войска сдерживаютъ наступленіе нѣмцевъ. Фланговымъ ударомъ наши войска взяли Лупковъ и Смольникъ, захвативъ 4.000 плѣнныхъ. Въ раіонахъ Раббе и Козювки мы отразили атаки германцевъ. Англійскій крейсеръ загналъ нѣмецкій крейсеръ «Принцъ Эйтель-Фридрихъ» въ американскій портъ Ньюпортъ-Ньюсъ.

28-го. У Копціова огнемъ русскихъ орудій разсѣяны двѣ германскія колонны. Русскія войска оттѣснили нѣмцевъ къ Августову и сосредоточились у Липска. У Смольника наши войска оттѣснили австрійцевъ. Французы продвигаются въ Шампани.

Мартъ.

1-го. Между Нѣманомъ и Вислой всѣ попытки непріятеля продвинуться отражены. На лѣвомъ берегу Вислы и на правыхъ берегахъ Нарева и Бобра идетъ огневой бой. На Карпатахъ наши войска успѣшно продвигаются, захватывая много плѣнныхъ. У Козювки и Рожанки нѣмцы отбиты съ большими для нихъ потерями. Подъ Перемышлемъ наши войска овладѣли позиціями у Малковице. Въ Шампани и Эльзасѣ наступленіе французовъ успѣшно продолжается. Въ Дарданеллахъ продолжается бомбардировка фортовъ Намазіе, Гамидіе и Чанакъ.

2-го. Въ праснышскомъ раіонѣ наши войска съ боемъ продвинулись впередъ. Артиллерія Осовца подбила нѣсколько тяжелыхъ германскихъ орудій. Въ Зачорохскомъ краѣ наши войска закрѣпили за собой Дзансульскій заводъ и перевалъ съ путями на Хопу. Въ раіонѣ Невъ-Шапель англичане занимаютъ новыя позиціи.

3-го. Наши войска выбили передовыя части германцевъ изъ Копціова и заняли Стегну и Єднорожецъ. Развиваются удачные для насъ бои на линіи Праснышъ-Грудускъ. Въ Карпатахъ, въ раіонѣ Смольника, мы продолжаемъ наступленіе и захватили 2.400 плѣнныхъ. Англійскіе крейсера «Орама», «Глазго» и «Кентъ» истребили германскій крейсеръ «Дрезденъ».

4-го. Наступленіе нашихъ войскъ на рѣкѣ Оржицѣ развивается. Въ Карпатахъ у Раббе продолжается наше наступленіе. На всемъ турецкомъ фронтѣ мы успѣшно тѣснимъ турокъ. Французы на всѣхъ пунктахъ фронта продвигаются впередъ.

5-го. На фронтѣ между рѣками Шква и Оржицъ у Серафина и Зіонека и къ сѣверу отъ Прасныша идутъ частные бои. Бой у Таурогена. Наши войска взяли Мемель. На лѣвомъ берегу Вислы идетъ артиллерійскій бой. Германскій крейсеръ «Карлсруэ» затонулъ у береговъ Америки.

6-го. Наши войска заняли съ боемъ Вейсее. Частные бои на праснышскомъ и остроленскомъ направленіяхъ. Въ Шампани, Аргоннахъ, Эльзасѣ и Лотарингіи происходятъ артиллерійскіе бои.

7-го. Нѣмцы отброшены изъ Таурогена за нашу границу. У Кадзилло нѣмцы понесли огромныя потери. У Ценжковицы наши войска нанесли жестокое пораженіе 39-й гонведной дивизіи. У Молдавско нами захвачены важныя позиціи. Во время вылазки изъ Перемышля австрійцы понесли громадныя потери: нами взято 3.954 солдата и 107 офицеровъ. Въ Дарданеллахъ погибли во время бомбардировки броненосцы «Bouvet», «Irresistible» и «Ocean».

8-го. Въ раіонѣ Свидника и Смольника, въ Карпатахъ, наши войска заняли важные участки главной непріятельской позиціи. Взято въ плѣнъ 2.400 человѣкъ. На ужокскомъ и мункачскомъ направленіяхъ наши войска отбили всѣ атаки австрійцевъ. Подъ Перемышлемъ гарнизонъ оттѣсненъ на линію фортовъ.

9-го. Крѣпость Перемышль сдалась нашимъ войскамъ. Мы овладѣли съ боемъ Лауксаргеномъ, наступая отъ Таурогена. На мункачскомъ направленіи отбиты атаки германцевъ. Въ Карпатахъ, на путяхъ къ Бартфельду, мы успѣшно продвигаемся впередъ. У Эпаржа отбиты атаки нѣмцевъ.

10-го. Наши войска вошли въ Перемышль. Въ Карпатахъ взято 3.500 плѣнныхъ. Нѣмцы обстрѣляли гражданскій госпиталь въ Альберѣ, при чемъ убили 5 стариковъ.

11-го. На правомъ берегу Нарева общій ожесточенный бой. Мы продвигаемся впередъ. Въ Карпатахъ мы овладѣли нѣсколькими укрѣпленными пунктами. Взято 4.000 плѣнныхъ. Двухдневный бой въ Алашкертской долинѣ. Турки отброшены. Англичане разбили турокъ противъ Суэца.

12-го. Англійскіе летчики успѣшно сбросили бомбы на строящіяся въ Гобокенѣ нѣмецкія подводныя лодки. Начался десантъ союзныхъ войскъ въ Саросской бухтѣ. Въ Карпатахъ нашими войсками одержанъ рѣшительный успѣхъ въ раіонѣ Лупковскаго перевала, гдѣ взята важная австрійская позиція на главномъ хребтѣ Бескидскихъ горъ.

13-го. Наше наступленіе отъ средняго Нѣмана встрѣчено контръ-атаками противника. Потоплена нѣмецкая подводная лодка "U 29".

14-го. Наши войска значительно продвинулись въ Карпатахъ на бартфельдскомъ направленіи. На балигродскомъ направленіи мы захватили укрѣпленную высоту къ востоку отъ Ягорежеца. Взято 2.500 плѣнныхъ. Голландія негодуетъ по поводу потопленія германской подводной лодкой голландскаго парохода «Медеа».

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

№ 16. Выходитъ еженед. (52 №№ въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. **Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА.** 12 кн. **Литерат. и попул.-научн. прил.**, 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 18 апрѣля 1915 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на 1/2 года—4 р., на 1/4 года—2 р.** Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка“ кн. 6.

* * *

... „Да поднимется вся Россія на ратный подвигъ
съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ“.

(Изъ Высочайшаго Манифеста 26 іюля 1914 г.).

Съ крестомъ въ сердцахъ, желѣзо взявши въ руки,
Они идутъ, отвагою горя.
Пусть врагъ грозитъ, готовя злыя муки,
Они идутъ безъ трепета разлуки,
Чтобъ умереть за братьевъ и Царя.
Блестя въ лучахъ, колышутся знамена,
Размѣренъ шагъ и ясна хмурость лицъ...
Подъ блескомъ звѣздъ чужого небосклона
Они падутъ безъ трепета, безъ стона,—
Но, грозный врагъ, и ты простре шься ницъ!
Ужъ близокъ часъ!.. Побѣды слышны звуки,
Побѣдный вѣтръ играетъ въ знаменахъ!..
Дрожи, палачъ!.. Повергнутый во прахъ,
Отвѣтишь ты за слезы, кровь и муки...
Поднялась Русь, желѣзо взявши въ руки,
Съ крестомъ въ безтрепетныхъ сердцахъ!..

Елизавета Исполатова.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Чего мы добились на Карпатахъ?

Черезъ мѣсяцъ послѣ паденія Перемышля закончилось великое Карпатское сраженіе, результаты котораго совершенно перевернули всю стратегическую обстановку. Нашъ штабъ призналъ необходимымъ выпустить офиціальное сообщеніе съ подробнымъ изложеніемъ какъ хода Карпатскаго сраженія, такъ и мотивовъ, вызвавшихъ эту безпримѣрную кровавую борьбу у порога Венгерской территоріи. Сообщеніе это является весьма важнымъ, ибо кладетъ конецъ всѣмъ разнорѣчивымъ толкамъ по поводу этого сраженія, гдѣ весьма многіе довольно неправильно предполагали, что мы сейчасъ же послѣ паденія Перемышля двинемся прямо на Будапештъ. Наше офиціальное сообщеніе опредѣленно указало, что цѣлью большого сраженія на Карпатахъ была задача занять командующія надъ Венгерской равниной позиціи, и вполнѣ понятно, что это не одно и то же, что немедленное движеніе послѣ паденія Перемышля къ Будапешту.

Сообщеніе это представляетъ громадный интересъ еще потому, что изъ него можно понять, какое значеніе имѣетъ австрійскій фронтъ, т.-е. какой фронтъ является главнымъ—австрійскій или германскій, и на какомъ изъ этихъ фронтовъ будетъ поведено главное наступленіе. Другими словами, на основаніи этихъ послѣднихъ извѣстій можно болѣе опредѣленно уста-

Перемышль. Замокъ Казиміра Великаго.

Перемышль. Наблюдательный пунктъ австрійцевъ подъ видомъ часовни.

новить, какъ будетъ атакована Германія: прямо отъ Нѣмана—Вислы, или въ обходъ черезъ Австрію.

Обратимся сначала къ тому первому выводу, который можно сдѣлать изъ подробнаго офиціальнаго сообщенія отъ 5-го апрѣля, именно къ той части, гдѣ говорится о цѣляхъ, намѣчавшихся штабомъ въ большомъ сраженіи на Карпатахъ. Цѣли эти, какъ мы видѣли, заключались въ задачѣ занять командующія надъ Венгерской равниной позиціи. Такими позиціями, конечно, являлись главные Карпатскіе проходы и частью южные склоны Карпатъ, обращенные къ Венгерской равнинѣ.

Цѣль эта была нами достигнута, и главные Карпатскіе перевалы, за исключеніемъ одного перевала—Ужокъ, были заняты послѣ мѣсяца кровопролитныхъ боевъ нашими доблестными арміями австрійскаго фронта. Для того, чтобы уяснить себѣ значеніе этого успѣха, необходимо обратить вниманіе на то, что паденіе Перемышля, отдавая въ наши руки уже всю полностью завоеванную территорію Восточной Галиціи, ставило передъ нашей стратегіей задачу—окончательно закрѣпить за нами новую территорію Россійской короны. Однако, какъ видно изъ офиціальнаго сообщенія по этому поводу, въ началѣ марта, несмотря на паденіе Перемышля, задача эта нами еще не была достигнута, и мы владѣли лишь однимъ переваломъ Дукла. Между тѣмъ вполнѣ понятно, что разъ австрійцы сидѣли на всѣхъ остальныхъ перевалахъ, то они могли въ любой моментъ спуститься въ Галицію и оспаривать у насъ завоеванную область, а это было, конечно, нежелательно, хотя бы даже австрійцы и потерпѣли неудачи въ своихъ попыткахъ. Само собою разумѣется, что такія попытки не могли угрожать намъ серьезной опасностью, но въ данномъ случаѣ нежелательно было допускать самаго факта покушенія со стороны австрійцевъ, и поэтому было необходимо гарантировать Галицію отъ какихъ бы то ни было наступательныхъ попытокъ австрійцевъ.

Наше расположеніе, проходившее по сѣверному склону Карпатъ, имѣло лишь одинъ выступъ въ сторону австрійцевъ, въ видѣ занятаго нами перевала Дукла, что было совершенно недостаточной гарантіей безопасности завоеванной нами территоріи Галиціи. Да и самое владѣніе переваломъ Дукла находилось подъ нѣкоторой угрозой, такъ какъ здѣсь наше расположеніе имѣло, какъ мы видѣли, форму выступа, а всякій такой выступъ можетъ быть охваченъ съ двухъ сторонъ.

Такимъ образомъ занятіе нами всѣхъ остальныхъ переваловъ было настоятельно необходимымъ прежде всего для обезпеченія Галиціи. А такъ какъ такое занятіе открывало передъ нами Венгерскую равнину, то слѣдовательно, занявъ главные Карпатскіе перевалы, мы достигали одновременно двухъ цѣлей: обезпечивали Галицію и угрожали Венгріи, которая, съ паденіемъ переваловъ, лишалась послѣдней оборонительной линіи и какъ бы лежала обнаженною у ногъ нашихъ войскъ, стоявшихъ на перевалахъ. Для того, чтобы достигнуть этой цѣли, понадобился мѣсяцъ кровавыхъ боевъ, и въ результатѣ создалось положеніе, гдѣ австрійцы оказались въ такой же невыгодной позиціи, въ какой ранѣе были наши войска до Карпатскаго сраженія.

Австрійцы послѣ Карпатскаго сраженія оказались сброшенными со всѣхъ переваловъ, кромѣ перевала Ужокъ. Слѣдовательно, владѣя только однимъ переваломъ Ужокъ, австрійцы на этомъ перевалѣ какъ бы подвергались такому же охвату съ двухъ сторонъ, какому въ свое время мы подвергались на перевалѣ Дукла. Затѣмъ наши войска, владѣя всѣми остальными перевалами, могли въ любой мо-

Перемышль. Проволочныя загражденія передъ входомъ въ фортъ.

Перемышль. Пороховой погребъ.

Перемышль. Взорванный фортъ.

Походная церковь на позиціи, убранная зеленью къ Свѣтлому Христову Воскресенію.

ментъ спуститься въ Венгерскую равнину, и у австрійцевъ не было бы ни естественныхъ преградъ, въ видѣ рѣкъ и горъ, ни искусственныхъ—въ видѣ крѣпостей, которыя могли бы преградить нашъ путь къ Будапешту.

При такихъ условіяхъ наступила весенняя распутица, пріостановившая на время крупныя операціи. Предстояло, очевидно, около 3—4 недѣль затишья, въ теченіе котораго войска должны были отдохнуть, а высшее командованіе подготовиться къ новымъ рѣшительнымъ операціямъ. Поэтому представляется важнымъ оцѣнить то положеніе, которое занимали съ начала весенней распутицы обѣ стороны на восточномъ фронтѣ. Это положеніе, очевидно, должно было быть исходнымъ, т.-е. съ тѣхъ позицій, которыя занимали войска съ началомъ весенней распутицы, должно было начаться будущее наступленіе. Отсюда понятна важность этихъ позицій, ибо, если онѣ выгодны, то наступленіе должно было начаться въ наилучшихъ условіяхъ, съ самыхъ удобныхъ и угрожающихъ непріятелю позицій; если онѣ невыгодны, то условія, разумѣется, обратныя.

Какое же положеніе занимали обѣ стороны на восточномъ фронтѣ передъ новымъ ударомъ, какъ онѣ были нацѣлены другъ на друга?

Начнемъ съ сѣвера. На германскомъ фронтѣ нѣмцы очутились въ нѣкоторомъ, такъ сказать, „стратегически безвоздушномъ" пространствѣ: они не заняли ни Нѣмана, ни Бобра, ни Нарева, ни Вислы и силой нашего оружія вынуждены были остаться на случайныхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ никакихъ естественныхъ преградъ, которыя бы придавали силу ихъ расположеніямъ. Сила нынѣшняго нѣмецкаго расположенія покоится только на однихъ окопахъ, и это, конечно, много хуже, чѣмъ если бы передъ этими окопами была какая-нибудь глубокая рѣка, въ родѣ Вислы, или болотистое пространство, въ родѣ раіона Бобра.

Другой участокъ стратегическаго фронта, — австрійскій,— какъ мы видѣли, благодаря выигрышу Карпатскаго сраженія, совершенно обнаженъ и вполнѣ доступенъ для дѣйствій нашихъ войскъ, имѣющихъ возможность въ любой моментъ послѣ распутицы вторгнуться въ Венгрію.

Такимъ образомъ передъ нами имѣются какъ бы массивныя закрытыя ворота въ видѣ германскаго расположенія въ Польшѣ, прикрывающаго пути на Берлинъ, а влѣво отъ этихъ воротъ имѣется открытая широкая калитка въ видѣ обнаженной Австро-Венгріи, причемъ наши войска уже сдѣлали первый шагъ черезъ это открытое отверстіе. Въ силу этого и возникаетъ вопросъ, будутъ ли эти массивныя ворота разбиваться сильными ударами, или будетъ предпринято движеніе черезъ открытую калитку -австрійскій фронтъ?

Вотъ, въ сущности, къ чему сводится задача, намѣчающаяся съ окончаніемъ весенней распутицы. Изъ нея видно, что считать австрійскій фронтъ главнымъ представляется въ высокой степени неправильнымъ, ибо Австрія все равно уже разбита, и добивать ее—значитъ тратить силы, которыя пригодились бы и даже будутъ безусловно необходимы для сокрушенія главнаго врага—Германіи. Вообще, разъ Австрія разбита, элементарно ясно, что остается разбить еще Германію. Весь вопросъ сводится только къ тому, какъ ее разбить: прямымъ движеніемъ, или въ обходъ черезъ Австрію.

Прежде всего, изъ офиціальнаго сообщенія съ подробнымъ описаніемъ Карпатскаго сраженія можно усмотрѣть, что нашимъ войскамъ, послѣ паденія Перемышля, ставилась лишь частная задача. Частная потому, что она подразумѣвала только занятіе командующихъ надъ Венгерской равниной позицій, а никакъ не подразумѣвала немедленнаго движенія главной массой нашихъ войскъ черезъ Карпаты къ Будапешту. Между тѣмъ паденіе Перемышля произошло 9-го марта, и, слѣдовательно, въ распоряженіи имѣлся до распутицы цѣлый мѣсяцъ, въ теченіе котораго можно было намѣтить задачу движенія главной массой черезъ Венгрію, если бы таковая задача имѣлась въ виду.

Однако, какъ указываетъ офиціальное сообщеніе, намѣчалась лишь задача занять угрожающее положеніе. Слѣдовательно, пока впереди имѣется въ виду лишь угрожать Венгріи.

Какое же значеніе можетъ имѣть такая угроза Венгріи?

Въ Свѣтлое Христово Воскресеніе на позиціяхъ. Освященіе куличей въ польскомъ мѣстечкѣ.

Въ Свѣтлый праздникъ. У вагоновъ-теплушекъ.

На это не трудно найти отвѣтъ въ той задачѣ, которая намъ предстоитъ, а именно — въ задачѣ сокрушить Германію. Германія закрыта массой нѣмецкихъ армій, расположенныхъ въ Польшѣ; для успѣшнаго продвиженія черезъ эту массивную стѣну, вполнѣ естественно, представляется желательнымъ ее разрѣдить.

Вотъ это именно и достигается при помощи тѣхъ угрожающихъ позицій, которыя заняты нами у выхода въ Венгерскую равнину. Каждый нажимъ въ сторону Венгріи вызываетъ неизбѣжно притокъ сюда германскихъ войскъ, и этимъ ослабляется германское расположеніе въ Польшѣ, этимъ раздвигается живая стѣна нѣмцевъ, прикрывающая пути къ Берлину.

Генералъ-инспекторъ бельгійской кавалеріи генералъ-лейтенантъ де-Виттъ, прибывшій въ Россію для врученія пожалованныхъ Его Величествомъ королемъ бельгійскимъ Альбертомъ I орденовъ Верховному Главнокомандующему и высшимъ чинамъ нашей арміи, и удостоившійся Высочайшаго пріема Его Величествомъ Государемъ Императоромъ въ Александровскомъ Царскосельскомъ дворцѣ 31-го марта с. г. По фот. К. Булла.

Послѣднія извѣстія сообщаютъ, что въ Австро-Венгріи въ настоящее время германскихъ войскъ даже больше, чѣмъ австрійскихъ. Это, конечно, нѣсколько преувеличено, такъ какъ въ Австро-Венгріи находится не менѣе $1^1/_2$ милліоновъ австрійскихъ войскъ, хотя и неважныхъ. Однако все же эти извѣстія показываютъ, что германскихъ войскъ въ Австріи весьма много, что и требовалось доказать при рѣшеніи задачи, которая именовалась Карпатскимъ сраженіемъ. Это и доказано, благодаря доблести нашихъ войскъ, ибо передъ нѣмцами стоитъ грозная дилемма: либо потерять свою союзницу, либо ослабить себя на польскомъ фронтѣ и этимъ допустить возможность прорыва живой германской изгороди, прикрывающей пути къ Берлину.

Нѣмцы въ началѣ войны дрались на два фронта, и также на два фронта—русскій и сербскій—дрались австрійцы. Къ началу весенней распутицы нѣмцы, вынужденные взять на себя поневолѣ задачу обороны Австро-Венгріи, окажутся вынужденными драться уже не на два фронта, а на всѣ четыре: польскій, карпатскій, сербскій и французскій.

Таковы результаты грандіознаго Карпатскаго сраженія. Они ставятъ передъ нѣмцами задачу во много разъ болѣе тяжелую, чѣмъ та, которую они выполняли до сихъ поръ, открываютъ пути на территорію противника и знаменуютъ собою начало весьма важныхъ событій, которыя ускорятъ развязку.

* *
*

Есть слово гордое, могучее, какъ битва,
И нѣжное, какъ въ маѣ дымный лугъ...
Кому оно—вѣнецъ, кому оно—молитва,—
Тотъ человѣчеству навѣки вѣрный другъ...
Въ туманѣ долгихъ лѣтъ, подъ сѣрой пылью пепла,
Больную душу мучитъ жуткій гнетъ...
Но вотъ, пріявъ огонь, она опять окрѣпла...
Но вотъ она опять людей къ себѣ зоветъ...
Моей любви экстазъ, святое постоянство
Моихъ стиховъ и трудъ усталыхъ рукъ,—
Все, все—тебѣ, непобѣдимый звукъ,
Великій звукъ: *Славянство!*

Павелъ Орѣшниковъ.

Старшій унтеръ-офицеръ Порфирій Герасимовичъ Панасюкъ, который былъ взятъ въ плѣнъ нѣмцами и подвергнутъ пыткамъ (отрѣзали ухо по частямъ) за отказъ сообщить свѣдѣнія о расположеніи нашихъ войскъ. За боевыя отличія награжденъ орденами св. Георгія всѣхъ четырехъ степеней. Георгіевскимъ крестомъ 1-й степени награжденъ П. Г. Панасюкъ Верховнымъ Главнокомандующимъ за послѣдній свой подвигъ самоотверженнаго служенія Царю и Родинѣ. По фот. К. Булла.

На кавказскомъ фронтѣ. Рисунокъ профессора Н. С. Самокиша.

На миноносцѣ.

Сказкой весенней окутаны шхеры,
Контуры берега мягки и сѣры,
Бѣлымъ барашкомъ у носа волна
Вдаль убѣгаетъ, тревоги полна...
Каждой минуты усчитана важность,
Съ каждой минутой вечерняя влажность
Тѣни сгущаетъ надъ зыбкой кормой...
Зорко прильнулъ къ колесу рулевой...
Вотъ ужъ о солнцѣ даль грезить не смѣетъ,
Въ сердцѣ жъ надежда чудесная зрѣетъ...
Врагъ здѣсь сегодня свой праздникъ справлялъ,
Въ мирныя села снаряды металъ:
Сжегъ двѣ лачуги и церковку вмѣстѣ...
Думалъ ли онъ о возможности мести?
Знать, не видалъ, какъ нашъ гнѣвъ засверкалъ—
Въ шхерахъ вѣдь нашъ миноносецъ стоялъ,
Видѣлъ онъ берегъ, одѣтый печалью,
Кучу дѣтишекъ, подкошенныхъ сталью,
Видѣлъ, какъ дымъ къ небесамъ восходилъ,
Видѣлъ и только пары разводилъ...

Только съ угрозой въ жерло исполина
Тихо скользнула холодная мина...
Сумерки гуще... Мы тушимъ огни,
Съ крейсеромъ вражьимъ мы въ морѣ одни...
Можетъ-быть, скоро уснувшія дали
Скрежетъ услышатъ разорванной стали
Съ хриплымъ дыханьемъ разбитыхъ машинъ,
Можетъ, прожекторъ, взглянувши съ вершинъ,
Четко и рѣзко, съ расчетомъ холоднымъ,
Остовъ очертитъ нашъ взмахомъ свободнымъ,
Взглядомъ измѣривъ просторъ водяной,
Бросить намъ въ сердце снарядъ разрывной...
Рану увидѣвъ, довольный удачѣ,
Выйти предложитъ на шканцы для сдачи...
Врагъ вѣдь не знаетъ, чѣмъ свѣтелъ нашъ Богъ,—
Кто жъ устрашиться предъ гибелью могъ?..
Вспыхнетъ фитиль,—и желѣзная глыба
Къ небу взметнется, какъ мертвая рыба,
И, уходя отъ небесъ навсегда,
Крикнетъ врагу свой отвѣтъ—«никогда!..»

Сергѣй Михѣевъ.

Черноморскій флотъ въ войнѣ съ Турціей.

Очеркъ **М. Катаева**. (Съ 2 портр. на стр. 306 и 307).

I.

Среди морского простора, среди водной безбрежной пустыни, гуськомъ вытянулись, идя въ кильватерномъ строѣ другъ за другомъ, корабли Черноморской эскадры. Дымъ отъ нихъ черными полосами стелется надъ волнующейся, бурлящей темно-зеленой морской пучиной. На небѣ изрѣдка появляются лохматыя дождевыя тучи, и когда онѣ закрываютъ собою солнце, поверхность моря потухаетъ, перестаетъ цвѣсти и искриться.

Корабли всей своей громадой вдавливаются въ широкую могучую грудь лежащаго передъ ними титана, и тотъ, покорно разступаясь, безпрестанно пропускаетъ русскихъ бронированныхъ витязей, держащихъ путь къ Царьграду.

Кругомъ, насколько хватаетъ взоръ, съ борта кораблей не видно ничего, кромѣ безпредѣльнаго царства воды и неба—царства двухъ діаметрально противоположныхъ, не похожихъ другъ на друга, но одинаково полныхъ неразгаданной тайны міровъ.

И какъ невыразимо красиво царство воды и неба!

Но сейчасъ его красота не вызываетъ обычнаго восторга въ тѣхъ, кто находится на корабляхъ. Обвѣтренныя, суровыя и сумрачныя лица моряковъ хранятъ полное, граничащее съ презрѣніемъ, равнодушіе къ чарамъ морского простора, которому, кажется, нѣтъ ни конца ни края, но въ которомъ ихъ подстерегаютъ смертельныя опасности, и это зеленое чудовище, что плещется подъ ними и вокругъ нихъ, можетъ во всякую минуту отправить въ свое ненасытное чрево любого подводнаго гиганта, любую пловучую крѣпость.

Адмиралъ Эбергардъ.

Но опасливое чувство не подсказано морякамъ боязнью за собственную жизнь,—о, нѣтъ! о самихъ себѣ они безпокоятся меньше всего. Напротивъ, они, не задумываясь, отдадутъ свою жизнь, если она обезпечитъ безопасность флоту, цѣлость котораго въ ихъ глазахъ важнѣе и дороже ихъ жизни.

Вотъ поэтому-то люди на корабляхъ остаются глухи и слѣпы къ разлитой вокругъ ихъ красотѣ. Ихъ глаза скользятъ мимо всего того, что въ другое время наполнило бы ихъ душу сладкими мечтами и грезами, гордымъ и радостнымъ сознаніемъ бытія. Теперь же все это они гонятъ отъ себя прочь, какъ нѣчто преступное, мѣшающее и отвлекающее ихъ отъ дѣла, отъ цѣли. А дѣло и цѣль, это—во-первыхъ, зорко слѣдить за горизонтомъ, не покажется ли тамъ гдѣ-либо дымокъ, или не обрисуется ли контуръ сливающагося съ лазуревой далью вражескаго судна, и, во-вторыхъ, еще съ большею зоркостью и пытливостью всматриваться въ глубь предательской морской пучины, ибо тамъ, въ ея нѣдрахъ, могутъ оказаться самыя опасныя чудовища—вражескія подводныя лодки и мины.

II.

Въ ясный солнечный день, когда горизонтъ виденъ во всѣ стороны на десятки верстъ, итти кораблямъ хорошо: врагъ не можетъ ни появиться ни напасть внезапно. Но вотъ, когда море начнетъ выдѣлять изъ себя „молочную сыворотку", т.-е. туманъ, и обволакивать имъ, какъ непроницаемымъ панцыремъ, все видимое пространство и закрывать солнце, подобно вуали или чадрѣ, скрывающей лицо магометанки, когда, благодаря разлитому въ воздухѣ „молоку", бываетъ абсолютно ничего не видно не только въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ судна, но и на самомъ суднѣ не разберешь толкомъ, что дѣлается, или кто стоитъ въ 5—10 шагахъ отъ тебя,—тогда среди бѣлаго дня можно столкнуться грудь съ грудью съ врагомъ, или же пройти бокъ-о-бокъ и не замѣтить другъ друга. Но страшнѣе всего то, что въ этомъ „молокѣ" легко можно принять своего за врага и пустить его ко дну, или, наоборотъ—врага за своего, и онъ отправитъ тебя „раковъ ловить".

Именно въ одинъ изъ такихъ предательскихъ „молочныхъ" дней и произошла внезапная встрѣча, а затѣмъ послѣдовалъ и бой Черноморской эскадры съ нѣмецкимъ дредноутомъ „Гебеномъ" близъ Севастополя. При подходѣ нашихъ кораблей къ своей базѣ туманъ, точно по сигналу, вдругъ разсѣялся и съ головою выдалъ скрывавшагося въ немъ непріятеля.

Къ счастью, эта неожиданная, явившаяся полнымъ сюрпризомъ для обѣихъ сторонъ, встрѣча окончилась для нашего флота, въ смыслѣ боевого состоянія его судовъ, вполнѣ благополучно. Зато для „Гебена" она имѣла весьма трагическія послѣдствія: у него, не считая другихъ серьезныхъ поврежденій, была сбита снарядомъ съ „Евстафія" одна изъ кормовыхъ башенъ. Кромѣ того, на „нѣмцѣ" отъ удачныхъ попаданій въ его корпусъ вспыхнулъ рядъ пожаровъ, и онъ избѣжалъ окончательной гибели въ этомъ бою только благодаря своему громадному превосходству въ скорости хода, давшему ему возможность во-время выйти изъ сферы огня и скрыться отъ преслѣдованія.

По этому случаю можно судить о томъ, насколько дѣйствительно опасна „молочная вуаль" даже днемъ, не говоря уже о ночномъ времени. Впрочемъ, темныя ночи и безъ „молока" чрезвычайно опасны, куда опаснѣе „дня съ молокомъ". Ибо въ такія ночи возможны съ кораблями всякія несчастья и катастрофы, такъ какъ всѣ суда ночью идутъ безъ огней, при чемъ никакая видимая сигнализація не полагается. Оріентироваться и опознавать другъ друга кораблямъ среди непрогляднаго ночного мрака страшно трудно. Итти приходится буквально ощупью, руководствуясь чутьемъ, опытомъ и компасомъ. Связь между кораблями поддерживается исключительно помощью радіотелеграфа. И если при такихъ тяжелыхъ условіяхъ плаванія въ ночное время не происходитъ тѣхъ или иныхъ крупныхъ несчастій, то это слѣдуетъ,—да оно такъ и есть на самомъ дѣлѣ,—приписать исключительно высокимъ личнымъ достоинствамъ и качествамъ командного состава эскадры.

Темной ночью усмотрѣть и опознать вражескій корабль очень трудно. Освѣщать же прожекторами встрѣченное ночью непріятельское военное судно чрезвычайно опасно и рискованно, такъ какъ, съ одной стороны, свѣтъ прожектора послужитъ врагу вѣрной точкой для прицѣла, а съ другой — этотъ же свѣтъ облегчитъ задачу вражеской минной флотиліи въ отысканіи объекта для атаки и посылки минъ въ него.

„Бреслау", дерзнувшій освѣтить обнаружившія его и открывшія по немъ огонь наши суда поплатился за эту оплошность тѣмъ, что наши артиллеристы удачнымъ залпомъ „потушили" его прожекторъ.

Морской бой вообще является чрезвычайно красивымъ и эффектнымъ зрѣлищемъ. Но ночью онъ воистину „страшенъ и великъ". И чѣмъ больше кораблей и пушекъ участвуетъ въ ночномъ бою, тѣмъ картина ярче, грознѣе и величественнѣе. Кто видѣлъ такой бой хотя разъ въ жизни, тотъ никогда не забудетъ ни страшнаго рева стальныхъ чудовищъ, ни рвущаго ночную тьму въ клочья бѣлаго молніеноснаго пламени, ни ужаснаго свиста летающей „смерти", ни грандіозныхъ водяныхъ столбовъ, поднимаемыхъ изъ нѣдръ моря взрывами падающихъ туда снарядовъ.

Впечатлѣніе отъ такого зрѣлища, полнаго красоты и ужаса, нельзя ни изжить ни вытравить изъ своей памяти: оно умретъ вмѣстѣ съ тѣмъ, въ кого вошло, и чья душа его восприняла.

III.

Ко всѣмъ тяготамъ и тревогамъ морского похода прибавляется еще штормъ. Дѣло въ томъ, что главный грузъ военныхъ судовъ — башни и пушки — находится не внутри корпуса, не въ трюмахъ, что̀ дѣлаетъ суда болѣе устойчивыми, а наверху, на палубѣ. Поэтому военные корабли стараго типа, корпусъ которыхъ высоко громоздится надъ водою, во время шторма „мотаетъ", т.-е. качаетъ изъ стороны въ сторону.

И это, замѣтьте, на большихъ корабляхъ. Но что̀ дѣлается во время шторма на мелкихъ судахъ, т.-е. на миноносцахъ! Можно только сказать, что эти суда буквально, какъ щепки, швыряетъ во всѣ стороны такъ, что изъ морской пучины видны бываютъ только ихъ „волосы", т.-е. дымящіяся трубы и мачты.

Вообще говоря, командамъ миноносцевъ, вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія и малаго штата, въ походѣ бываетъ очень трудно, а во время штормовъ имъ приходится напрягать всѣ свои физическія и духовныя силы.

Миноносцы—это морскіе кавалеристы, казаки, несущіе развѣдочную, сторожевую и арьергардную службу. Обладая сорокаузловой скоростью хода, они стрѣлою носятся по водной пустынѣ, совершая внезапные налеты на турецкое побережье, гдѣ то обстрѣляютъ вражескую батарею, то настигнутъ и пустятъ ко дну вражескаго „коммерсанта", то уничтожатъ огнемъ караванъ фелюгъ, мобилизованныхъ турецкимъ правительствомъ для перевозки моремъ провіанта и предметовъ снаряженія для войскъ Зачорохскаго края.

Эти операціи для миноносцевъ, конечно, являются второстепенными и выполняются ими между прочимъ, такъ сказать, мимоходомъ, и поэтому нисколько не отвлекаютъ ихъ отъ прямого назначенія, не идутъ въ ущербъ задачамъ миннаго флота, составляя въ то же время существенный плюсъ въ общей суммѣ заслугъ и успѣховъ Черноморской эскадры.

IV.

Неутомимымъ крейсированіемъ у непріятельскихъ береговъ Черноморскаго флота вообще и отважными дѣйствіями его лихихъ кавалеристовъ въ частности достигнуто прежде всего то, что турки потеряли почти весь свой коммерческій флотъ, часть котораго перехвачена и потоплена въ открытомъ морѣ между Константинополемъ и портами Анатоліи, а другая часть, болѣе значительная, „накрыта" и уничтожена нашими судами въ бухтахъ ихъ же собственнаго побережья.

Такъ, напримѣръ, въ декабрѣ прошлаго года въ бухтѣ Сурмине въ одинъ день подверглось истребленію свыше 50 штукъ большихъ турецкихъ шхунъ. Эти суда были сожжены. Фактъ ихъ истребленія является выдающимся. Разведенный изъ нихъ костеръ представлялъ собою цѣлое море огня и дыма и былъ виденъ на десятки верстъ въ окружности. На тамошнихъ жителей, которыхъ турецкое правительство завѣрило передъ этимъ въ господствѣ своего флота на Черномъ морѣ, онъ произвелъ должное впечатлѣніе, и тѣ въ паническомъ ужасѣ разбѣжались по горнымъ ущельямъ.

Уничтоженіе коммерческаго флота турокъ имѣетъ огромное, неподдающееся учету, значеніе, ибо съ его потерей турецкое правительство лишилось возможности подвозить моремъ все необходимое для своихъ войскъ. А такъ какъ сухимъ путемъ въ зимнее время доставить черезъ горы абсолютно ничего нельзя, то турецкая армія, наступавшая на насъ изъ Зачорохскаго края, была поставлена почти въ безвыходное положеніе, ибо у нея не было достаточнаго количества боевыхъ припасовъ, ни провіанта, ни амуниціи, ни даже пушекъ.

Естественно, что все это значительно умалило боеспособность непріятельской арміи, внесло духъ унынія, неудовольствія и ропота въ ея ряды, давъ возможность нашимъ доблестнымъ кавказскимъ войскамъ съ меньшей затратой силъ и жертвъ одержать рядъ блестящихъ побѣдъ надъ многочисленнымъ врагомъ.

Такимъ образомъ, уничтоживъ турецкую транспортную флотилію, Черноморская эскадра тѣмъ самымъ нанесла оттоманской арміи безкровный, но весьма болѣзненный ударъ, въ корнѣ подломившій ея силы и облегчившій нанесеніе ей рѣшительнаго удара съ суши.

Но главная задача нашей эскадры состояла и состоитъ, конечно, не въ этомъ только, а въ уничтоженіи ея прямого врага—турецкаго флота. И если эта основная задача пока не вполнѣ удалась ей, то во всякомъ случаѣ она настолько успѣла обезсилить и обезвредить своего противника, что значеніе послѣдняго въ Черномъ морѣ сейчасъ равносильно нулю. Ибо тѣ турецкіе корабли, которые еще не совсѣмъ выведены изъ строя, если и рѣшаются иногда выползать изъ Босфора въ Черное море, то пробираются они туда и обратно украдкой, какъ ночные тати, и гибнутъ, попавъ на мину, какъ это случилось съ турецкимъ броненосцемъ „Меджидіе", готовившимъ разбойничій набѣгъ на мирную Одессу.

Контръ-адмиралъ Плансонъ.

Да, нашъ и только нашъ флотъ въ данный моментъ можетъ считать себя хозяиномъ Чернаго моря. Только онъ въ состояніи свободно ходить по нему въ любое время и въ любомъ направленіи. И благодаря лишь этому исключительному положенію на морѣ, его суда неоднократно оказывали активную помощь нашей кавказской арміи, своимъ мѣткимъ огнемъ сметая съ неприступныхъ горныхъ высотъ турецкія войска и изгоняя ихъ изъ глубокихъ ущелій.

Такая помощь, между прочимъ, была оказана флотомъ при занятіи Хопы, откуда турки были выбиты лишь послѣ того, какъ Хопа подверглась самой основательной бомбардировкѣ съ моря.

Днемъ или двумя раньше одно наше военное судно съ 20-верстнаго разстоянія въ раіонѣ Хопы успѣшно обстрѣляло перекиднымъ огнемъ турецкія позиціи, заслоненныя со стороны моря горами, достигающими трехъ верстъ высоты и покрытыми вѣчными снѣгами.

Огонь съ этого корабля направлялся согласно указаніямъ, исходившимъ отъ нашихъ войскъ. Дѣйствіе его было ужасно. Турки частью погибли, частью разбѣжались, частью были взяты въ плѣнъ пришедшими нашими солдатами.

V.

Нашему флоту, если бы онъ желалъ слѣдовать пиратскому примѣру своихъ враговъ, конечно, ничего не стоило бы разнести въ любой моментъ все турецкое побережье.

Въ дѣйствіяхъ Черноморскаго флота не было никакой погрѣшности противъ гуманности, и указаніе на то, что нашимъ морякамъ при обстрѣлѣ Трапезунда пришлось отодвинуть на второй планъ гуманныя соображенія, доказываетъ лишь ихъ повышенно рыцарскую щепетильность къ интересамъ мирнаго населенія обстрѣляннаго ими вражескаго города.

Дѣло въ томъ, что Трапезундъ имѣетъ опредѣленное значеніе въ военномъ отношеніи, такъ какъ туда моремъ шелъ военный грузъ, переправлявшійся дальше сухимъ путемъ въ Эрзерумъ — главную базу турецкой малоазіатской арміи. Кромѣ того, Трапезундъ защищенъ береговыми батареями. Слѣдовательно, его обстрѣлъ ни съ какой стороны не противорѣчитъ общепринятой международной этикѣ и правиламъ веденія войны культурными народами и поэтому имѣетъ себѣ полное оправданіе.

Между тѣмъ обстрѣлъ нашей Ялты, которая всему міру извѣстна, какъ курортъ, какъ убѣжище больныхъ и слабыхъ, является ничѣмъ не оправдываемой, ничѣмъ не вызываемой жестокостью, т.-е. варварствомъ ради варварства. И этимъ нѣмцы лишній разъ „приложили руку" къ своему отреченію отъ принадлежности къ культурнымъ и цивилизованнымъ народамъ обѣихъ частей свѣта.

VI.

Дѣятельность нашего флота вообще и Черноморской эскадры въ частности въ нынѣшнюю войну не отличается съ внѣшней стороны ни эффектностью ни феерическостью своего проявленія, и вообще въ ней отсутствуетъ всякое стремленіе къ яркой эпизо-

дичности, къ рискованной, но „выигрышной" позѣ. Но именно благодаря своей интенсивности и энергіи нашъ флотъ и обезпечилъ себѣ господство въ Черномъ морѣ.

О томъ, насколько энергично дѣйствуетъ Черноморскій флотъ, и что онъ дѣйствительно, а не на словахъ только, является хозяиномъ положенія, лучше всего извѣстно адмиралу Сушону и его сподвижникамъ съ подбитыхъ и подорванныхъ нѣмецко-турецкихъ кораблей.

Россіи еще не настало время узнать все то, что сдѣлано Черноморскимъ флотомъ для ея блага и пользы: она узнаетъ объ этомъ потомъ и тогда оцѣнитъ его заслуги. Теперь же ей достаточно быть увѣренной, что ея Черноморскіе бронированные витязи не дремлютъ на своемъ отвѣтственномъ посту, чему самое осязательное и убѣдительное доказательство—ихъ цѣлость и невредимость, несмотря на уловки и козни врага.

Черноморскій флотъ сумѣлъ, — и въ этомъ его великая заслуга передъ родиной, — полностью сберечь себя, свои силы, необходимыя Россіи для нанесенія послѣдняго и самаго рѣшительнаго удара, который долженъ навсегда устранить всѣ преграды, вѣками лежавшія на ея пути къ Царьграду.

15-го марта Черноморскій флотъ приступилъ къ форсированію Босфора и разрушенію его фортовъ, т.-е. къ осуществленію той главнѣйшей задачи, для которой онъ сберегъ свои силы. Пожелаемъ же, чтобъ Господь сохранилъ его силы до побѣдоноснаго конца, какъ хранилъ Онъ ихъ до сихъ поръ.

Богъ въ помощь вамъ, доблестные Черноморцы!

Бояринъ Лопухъ.

Разсказъ **Бориса Садовского.**

(А. А. Измайлову).

Ни знатностью древняго рода, ни богатствомъ несмѣтнымъ, ни писаной красотой четырехъ боярышень-дочерей, ни жалованьемъ царевымъ не гордился окольничій Лопухъ: вся эта благодать досталась ему отъ Бога и отъ царя въ награду за благочестіе и труды, а была у боярина Лопуха особая, свыше дарованная ему, примѣта, по коей можно было его изъ тысячъ признать и отличить,—борода, какой другой не скоро сыщешь во всемъ государствѣ русскомъ. И впрямь диковинная была у стараго боярина борода: мало-мало до колѣнъ не доходило, волнуясь, сѣдое море; окладистая, съ боковъ плотно курчавилась она тихоструйными тяжелыми завитками, а черныя молодыя пряди, пробираясь еще кой-гдѣ въ густой сѣдинѣ, дѣлали Лопухову бороду схожею со стариннымъ серебрянымъ зеркаломъ подъ персидскаго дѣла чернью. Расчесывали боярскую бороду каждое утро два карлика въ четыре зубчатыхъ гребня: одинъ гребень костяной съ рѣзьбой, другой — кипарисовый съ пѣтухами, третій — мѣдный простой, четвертый — серебряный чеканный: гдѣ одинъ гребень не продеретъ, тамъ другой прочешетъ. И когда шелъ бояринъ Лопухъ къ обѣднѣ въ воскресный день, дивовались на него прохожіе и весь народъ: какъ шумѣла могучая борода, разливаясь моремъ! А надъ ней сверкали грозныя боярскія очи, и широко лоснился толстый суровый носъ.

Покойный государь Алексѣй Михайловичъ наблюдалъ сановитость въ ближнихъ людяхъ. За бороду, рѣдкостную и небывалую, любилъ Тишайшій боярина Лопуха и на торжественныхъ пирахъ посылалъ ему всегда либо лакомое блюдо со своего стола, либо вина заморскаго увѣсистый кубокъ. Любо было царю глядѣть, какъ сановито поднимется со скамьи Лопухъ, какъ бороду пальцами бѣлыми, въ алмазныхъ перстняхъ, разгладитъ, поклонится величаво царю, касаясь пола бородою, выпьетъ чару до дна, утрется ширинкой и, сѣвши, опять проведетъ пятернями по бородѣ. Эхъ, борода, борода! Куда передъ нею камчатскій соболь! Горностая пышнѣе!

Но сказано въ Писаніи: первые будутъ послѣдними, а послѣдніе первыми.

Давно слыхалъ бояринъ Лопухъ, что царь Петръ Алексѣевичъ гоненіе лютое на боярскія бороды воздвигъ. Велитъ стричь ихъ и брить: одному ослушнику-воеводѣ окарналъ бороду своеручно, что тутъ будешь дѣлать? Воля царева все одно, что Божья: супротивиться ей великій грѣхъ. Не вѣрилось только боярину Лопуху, что подымется у царя десница на его, Лопухову, бороду: какъ тронуть красу такую? Да и ножницы никакія ея не возьмутъ, нѣтъ. Густа и запущена, какъ заповѣдная роща, боярская полусаженная борода: шесть десятковъ годовъ растилъ ее бояринъ: на куски поломается объ нее наиострѣйшая бритва.

Такъ раздумывалъ про себя бояринъ Лопухъ, собираясь на пиръ вечерній въ царскія палаты, въ одинъ изъ первыхъ дней новаго 1700 года.

Расписанная по кубовому полю золотыми медвѣдями и журавлями боярская колымага подкатила, визжа полозьями, къ царскому крыльцу. Окольничій Лопухъ, не спѣша, протиснулся изъ узкихъ дверецъ, опираясь на палку; оглянулся кругомъ, перекрестился на кремлевскіе соборы и, покосившись на взводъ зеленокафтанныхъ преображенцевъ, отдавшихъ ему по новому уставу честь, простучавъ ружьями объ полъ, поднялся важно въ хоромы. Арапчонокъ въ малиновомъ балахонѣ съ золотыми кистями ввелъ Лопуха въ пріемную комнату, гдѣ уже дожидался царскаго выхода другой бояринъ, очень похожій на Лопуха дородствомъ и станомъ. Увидя взошедшаго, онъ ахнулъ радостно, и оба начали обниматься.

— Князь, ты? Вотъ не ждалъ съ тобой повстрѣчаться!

— Поди жъ ты!

Князь, пожалуй, былъ еще дороднѣе Лопуха; затканный весь въ серебряную парчу, онъ сверкалъ весело черными моложавыми глазами и расправлялъ бережно на широкой груди сѣдую расчесанную бороду. Но куда же княжеской бородѣ до Лопуховой! У Лопуха борода пласталась по животу китовымъ плесомъ, растилаясь до самыхъ плечъ; у князя она лишь грудь закрываетъ. У Лопуха борода плотная, курчавая, въ матерыхъ завиткахъ; у князя—прямая, будто бабій волосъ, вотъ какъ угодникамъ пишутъ. Ну, а тоже борода хорошая и у князя; охаять грѣхъ.

Не успѣли старинные знакомые перекинуться добрымъ словомъ, какъ арапчонокъ, сверкая бѣлыми зубами на черномъ, какъ сажа, лицѣ, растворилъ снова дверь, и въ пріемную вступилъ третій бояринъ, Долгоспинный-Ежъ. Этотъ хоть и былъ ростомъ малъ, но бородою могъ похвастаться тоже: была она у него крѣпкая, рыжая и густая.

Бояре разговорились.

— Почесть великую оказалъ намъ царь-батюшка, — молвилъ князь.

— Великую, что и говорить, — согласился Лопухъ.

— Гмъ!—кашлянулъ Долгоспинный-Ежъ.

Князь обернулся.

— Ты что кашляешь-то этакъ?

— Какъ?

— Злоехидно?

— Гмъ! — кашлянулъ Ежъ опять. — Какъ бы отъ царевыхъ-то почестей всѣмъ намъ солоно не пришлось.

— Съ чего ты взялъ?

— А вотъ увидите сами.

Бесѣда на этомъ прикончилась. Явился офицеръ изъ потѣшныхъ, голобородый и въ парикѣ (тьфу, мерзость!) — звать бояръ къ столу. Гости пошли въ столовую узкимъ переходомъ; князь первымъ выступалъ, важный и гордый, осанясь; за нимъ, развѣвая на обѣ стороны бороду, могуче, какъ дубъ кряжистый, подвигался Лопухъ; Долгоспинный-Ежъ, кашляя, плелся сзади.

Царь Петръ Алексѣевичъ, веселый, молодой, смуглый, встрѣтилъ старыхъ бояръ привѣтливо.

Всего за столомъ приглашенныхъ было двадцать семь человѣкъ, не считая государя. Были тутъ и нѣмцы-генералы, и голландскіе плотники, и бритые бояре изъ молодыхъ, и Лефортъ, и Троекуровъ, и Меншиковъ съ выпяченной губой. Наши трое бояръ усѣлись рядкомъ: князь надмевался справа, ближе къ царю, Лопухъ возсѣдалъ по лѣвую руку, посерединѣ горбился Долгоспинный-Ежъ.

Въ немалое смущеніе приводило бояръ одно: царь не говорилъ съ ними ни полслова, ровно бы за столомъ и не было никого, кромѣ царскихъ собутыльниковъ, офицеровъ да нѣмцевъ. Отъ скуки Лопухъ взялся по обычаю за бороду и началъ-было ее потихоньку гладить, какъ вдругъ почуялъ, что больно схватился кто-то за сѣдые концы и дернулъ ихъ крѣпко подъ столомъ. Покраснѣвъ съ натуги и гнѣва, нагнулся подъ столъ старый бояринъ и увидѣлъ сидѣвшаго на корточкахъ передъ нимъ невѣдомаго человѣка въ нѣмецкомъ кафтанѣ.

Незнакомецъ держался цѣпко обѣими руками за Лопухову бороду и глядѣлъ въ глаза боярину строго и безъ улыбки. Лопухъ попытался высвободить осторожно бороду; толкалъ озорника ногой и шопотомъ уговаривалъ отпустить; наконецъ не вытерпѣлъ и плюнулъ прямо въ лицо нахалу.

— А ты не плюйся, медвѣжья голова!—громко сказалъ неизвѣстный, ничуть не смущаясь.—Не то оботрусь твоей мочалкой.

За столомъ притихли, съ любопытствомъ слушая. Царь улыбался.

— Да какъ ты смѣешь?—еле могъ выговорить Лопухъ.

— Такъ вотъ и смѣю. Ишь, распустилъ бородищу во все брюхо, до полу, ровно павлиній хвостъ. Невидаль тоже!

— Я... я царевъ окольничій!

— А я царевъ шутъ!

Тутъ Лопухъ, догадавшись наконецъ, что ему надобно было сдѣлать, ногой далъ такого пинка дерзкому шуту, что тотъ вылетѣлъ сразу изъ-подъ стола, какъ обожженная крыса.

Въ рукахъ у него мотались клочья боярской бороды, и онъ утиралъ ими подслѣпые глаза свои, притворяясь, что плачетъ.

— Царь-батюшка, заступись, бояринъ дерется!—вопилъ истошнымъ голосомъ шутъ.

Лопухъ всталъ.

— Бью челомъ твоему царскому величеству: чести моей поруха. Твой шутъ мнѣ бороду выдралъ.

— Полно, бояринъ,—мягко замѣтилъ царь:—стоитъ ли тебѣ съ шутомъ изъ-за десяти волосковъ тягаться? Не шали, Яшка! — прибавилъ онъ, обратясь къ шуту.

Лопухъ сѣлъ, отдуваясь.

(Окончаніе слѣдуетъ).

На мельницѣ.

Разсказъ **Грааля Арельскаго.**

(Окончаніе).

Прошло еще нѣсколько дней. Все было попрежнему спокойно и тихо. Только больше почтарь Стасекъ не привозилъ уже въ полдень писемъ и газетъ, и Янкель не зналъ нѣсколько дней, что происходитъ за рѣкой.

Однажды, совершенно неожиданно, въ то время, когда Янкель вышелъ послѣ обѣда въ садъ, къ нему прибѣжалъ испуганный еврей Іоселе и разсказалъ, что въ трехъ верстахъ онъ видѣлъ наступающихъ нѣмцевъ, и что минутъ черезъ двадцать они будутъ здѣсь. Янкель хотѣлъ подробнѣе поговорить съ нимъ, но онъ махнулъ рукой и побѣжалъ дальше.

въ землянкѣ.

Наблюдательный пунктъ.

Черезъ полчаса изъ дальняго лѣса вынырнули темныя массы нѣмцевъ и расплылись по всему берегу рѣки, остановившись верстахъ въ трехъ внизъ по теченію отъ мельницы.

Эти темныя, зловѣщія массы дробились и развертывались и заполняли собою весь берегъ.

Янкель понялъ, что скоро они будутъ готовиться къ переправѣ. И дѣйствительно, небольшая часть отдѣлившейся кавалеріи переправилась вплавь черезъ рѣку и исчезла на другомъ берегу, отправившись на развѣдки.

Оставшіеся стали спѣшно наводить нѣсколько понтонныхъ мостовъ.

Янкель снова посмотрѣлъ по направленію къ лѣсу и увидѣлъ все новыя и новыя массы, выплывающія оттуда медленно и упорно. Онѣ закрывали собою все необозримое пространство полей вплоть до рѣки, и казалось, что тяжелыя темныя волны катятся изъ лѣса, и подъ этими волнами гибнутъ цвѣтущія, еще не убранныя, поля...

III.

Все произошло нелѣпо и неожиданно, какъ будто налетѣлъ бурный вихрь и въ одно мгновеніе все разрушилъ, и отъ прежней тихой и спокойной жизни Янкеля ничего не осталось.

Въ свободную минуту.

Два часа уже пировали четыре германскихъ офицера, и много стояло на столѣ пустыхъ бутылокъ изъ-подъ вишневой настойки. Красныя, потныя лица нѣмцевъ сіяли пьянымъ самодовольствомъ.

Они вошли къ Янкелю и, грозя револьверами, потребовали ѣды и вина. И Янкель услуживалъ имъ и своими льстивыми рѣчами старался отвлечь ихъ вниманіе отъ того, что тревожило его и волновало, и чего онъ ждалъ съ тревожнымъ и смутнымъ ужасомъ.

Но все было напрасно.

Одинъ изъ офицеровъ вдругъ всталъ и сказалъ, обращаясь къ товарищамъ:

— Все хорошо... но нѣтъ женщинъ...

Трое другихъ захохотали пьянымъ безсмысленнымъ смѣхомъ, а одинъ изъ нихъ увѣренно отвѣтилъ:

— Нѣтъ, такъ ихъ можно достать... — И, обращаясь къ Янкелю, продолжалъ:—Слушай, когда мы входили сюда, въ окнѣ я замѣтилъ женщину...—Но такъ какъ Янкель молчалъ, добавилъ:—Ну, понимаешь, что требуется...

Первый офицеръ всталъ, сильно качнувшись, подошелъ къ Янкелю и дружелюбно хлопнулъ его по плечу:

— Ты не бойся—мы заплатимъ...

На минуту настала жуткая, напряженная тишина, и казалось, что Янкель не сразу все понялъ и сознадъ, хотя все время ждалъ этого и боялся. Но потомъ вдругъ кинулся къ непочатымъ бутылкамъ и, безтолково суетясь, сталъ наливать въ стаканы наливку, какъ будто въ этомъ онъ видѣлъ единственное спасеніе.

— Ахъ, ясновельможные паны! Ахъ,

За топографической работой.

Изъ дѣйствующей арміи. По фот. нашего корреспондента.

ласковые паны! Развѣ это плохая наливка?.. Выпейте лучше и забудьте о женщинахъ. Развѣ такіе рыцари должны думать о нихъ?.. Нѣтъ... Развѣ такое теперь время? Великіе и славные подвиги ждутъ впереди! А вино обращаетъ кровь въ огонь... У такихъ ясновельможныхъ рыцарей въ груди должно бушевать пламя, чтобы они могли свершать подвиги... Ахъ, ясновельможные,—выпейте скорѣе вина...

Льстивыя, ласковыя слова Янкеля кружились въ тяжеломъ накуренномъ воздухѣ комнаты и незамѣтно проникали въ пьяныя разслабѣвшія сердца.

И двое офицеровъ уже забыли о своемъ желаніи, покоренные этими льстивыми словами... Они подняли стаканы и закричали:

— Онъ хорошо говоритъ... Великіе подвиги идемъ мы свершать. Весь міръ будетъ лежать у нашихъ ногъ. Выпьемъ вина! Да здравствуетъ императоръ!!

Но первый офицеръ подошелъ опять къ Янкелю и упрямо заявилъ:

Въ виду непріятельскаго разъѣзда.

— Я—графъ фонъ-Алленбергъ! Ты хорошо говорилъ, выпей за это со мной вина и веди наверхъ...

А такъ какъ Янкель стоялъ неподвижно и не бралъ протянутаго стакана, онъ приблизился къ нему вплотную и, выхвативъ револьверъ, закричалъ:

— Пей!

Двое только-что говорившихъ открыли свои тусклые, пьяные, непонимающіе глаза и уставились на Янкеля, но потомъ головы ихъ безпомощно склонились на столъ, хотя одинъ успѣлъ пробормотать:

— Мы свершаемъ... великіе... подвиги...

Янкель взялъ стаканъ и сталъ пить, расплескивая наливку и рѣзко и непріятно стуча зубами о стекло.

— Теперь идемъ... Я — графъ фонъ-Алленбергъ...

У Янкеля вспыхнули на мгновеніе глаза, и въ нихъ заискрилась твердая и злобная рѣшимость.

— Идемъ, ясновельможный панъ... Идемъ—я готовъ... И какъ только могъ подумать ласковый панъ, что я не хотѣлъ итти... Все я готовъ сдѣлать, лишь бы...

Улыбка удовольствія мелькнула на устахъ офицера.

Но въ ласковыхъ словахъ Янкеля чувствовались твердая рѣшимость и злобная угроза.

Офицеръ съ трудомъ поднялся по лѣстницѣ и, сильно покачиваясь, пошелъ по коридору.

Янкель шелъ сзади. Онъ все обдумалъ и рѣшилъ, когда поднимался по лѣстницѣ. Глаза его изъ-подъ сѣдыхъ нависшихъ бровей сверкали спокойно и рѣзко, а рука сжимала незамѣтно взятый въ коридорѣ тяжелый стальной молотокъ.

Когда прошли коридоръ, Янкель забѣжалъ впередъ и отворилъ дверь.

Въ углу комнаты, дрожа отъ страха, стояли Ханеле и старая служанка.

— Вотъ, ясновельможный панъ... вотъ женщины! — заговорилъ онъ поспѣшно, пропуская впередъ офицера.

Городъ Галичъ.

Но не успѣлъ офицеръ переступить порога, какъ тяжелый молотокъ съ размаха впился ему въ голову, и онъ безъ стона рухнулъ на полъ.

Янкель бросился къ Ханеле и прижалъ ее къ груди... Но это былъ только мигъ... Онъ сейчасъ же вывелъ ее въ коридоръ и сталъ шептать ей, чтобы она бѣжала вдоль берега рѣки, къ оврагу...

Потомъ медленно и нѣжно отстранилъ дрожащую Ханеле и кивнулъ головой служанкѣ. И это старое, всегда все путающее, существо теперь безъ словъ поняло его, и, схвативъ за руку Ханеле, она бросилась по коридору къ другому выходу.

Янкель спустился внизъ, и его появленіе вызвало бурный восторгъ офицеровъ.

— Ахъ, ясновельможные паны! Ахъ, доблестные рыцари! Какое великое счастье, что вы не погнушались прійти ко мнѣ... Но и я хочу отплатить вамъ а это счастье. Я сейчасъ принесу такого вина, какого вы еще никогда не пили. Оно хранилось у меня въ погребѣ, и я никому никогда не давалъ его... Х-ха!.. Но вамъ я дамъ... Это такое вино, ласковые паны, что несчастный дѣлается счастливымъ... Это вино, какъ огонь... Х-ха!.. Огонь... Ахъ, доблестные паны, вы никогда не пили еще такого вина...

И, зажженные его словами, всѣ закричали:

— Онъ говоритъ дѣло!.. Скорѣй вина!! Вина!!

— Сейчасъ, ясновельможные паны!—злобно проговорилъ Янкель и поспѣшно бросился къ дверямъ.

Онъ пробрался къ мельницѣ и съ тихимъ злобнымъ смѣхомъ сталъ передвигать тяжелые ослизлые отъ воды рычаги.

Бѣшено и злобно бурлила вода

Мостъ разрушенный австрійцами при отступленіи.

Сибирцы передъ посадкой.

Въ разоренной Польшѣ. Развалины зàмка временъ королевы Ядвиги въ мѣстечкѣ Илжа. Съ этой башни нѣмцы во время отступленія обстрѣливали наступавшія на нихъ русскія войска.

Онъ не спросилъ, что̀ дѣлала она у стѣны, только пристально посмотрѣлъ ей въ глаза и коротко и тихо отвѣтилъ:

— Идемъ!

Когда они, держась все время въ тѣни, благополучно достигли оврага, громадное зарево затрепетало на небѣ, и зловѣщая ревущая рѣка, сносившая все на своемъ пути, окрасилась багрянымъ отсвѣтомъ. Долго шли они по влажному дну оврага, прячась въ густыхъ кустахъ разросшейся жимолости, и никто не сказалъ ни слова. Только Ханеле тихо всхлипывала и прижималась по-дѣтски безпомощно къ Янкелю.

И только тогда, когда вошли въ лѣсъ и углубились въ противоположную сторону отъ непріятеля, Янкель остановился и, повернувшись туда, гдѣ была мельница, долго стоялъ и шепталъ что-то. Но нельзя было разобрать, были ли это слова молитвы, или проклятія. Потомъ онъ молча обнялъ Ханеле, и въ его глазахъ засвѣтилось что-то новое, странно озарившее его блѣдное лицо тихой и ласковой печалью.

у плотины, и бѣлая снѣжная пѣна взлетала кверху большими взбитыми комьями. Казалось, что громадный безформенный звѣрь яростно бился въ плотину и требовалъ выхода.

И вдругъ плотина заскользила и отодвинулась къ берегу... Въ широкое темное отверстіе яростно кинулся бѣлогривый звѣрь.

Янкель посмотрѣлъ на темный противоположный берегъ и на высокій зловѣщій валъ, катившійся по рѣкѣ по направленію къ понтоннымъ мостамъ, и подумалъ:

„Черезъ пять минутъ отъ ихъ мостовъ останутся щепки“.

Незамѣтно пробравшись къ задней стѣнѣ дома, за которой заглушенно слышались крики и пьяный хохотъ нѣмцевъ, Янкель неожиданно увидѣлъ старую служанку.

При его приближеніи она вздрогнула и поспѣшно пошла къ нему навстрѣчу.

— Идемъ, нельзя терять время... Ханеле ждетъ въ оврагѣ.

На галицiйскомъ фронтѣ. Мостъ занятой нашими войсками.

Братскія могилы въ Казеницахъ.

Польшѣ.

Пѣть гимнъ воскресающей Польшѣ,
Въ честь Польши заправить огни—
Поэту нѣтъ радости большей
Теперь, въ эти грустные дни...
Потоки дымящейся крови
И слезы въ суровой тиши
На нотахъ, палитрѣ и въ словѣ,
Зовутся: величьемъ души...
Пусть гибнутъ зеленые долы,
Пусть вянутъ уборы невѣстъ—
Не клонятъ въ безсильѣ костелы
Сверкающій золотомъ крестъ!
И гордыя стѣны Варшавы,
Видавшія ужасы битвъ,
Отбросятъ врага...
Вспыхнутъ травы
Вокругъ героической Млавы...
И вспыхнутъ созвучья молитвъ...
Пѣть гимнъ воскресающей Польшѣ,
Въ честь Польши заправить огни—
Поэту нѣтъ радости большей
Теперь, въ эти грустные дни...

Павелъ Орѣшниковъ.

На франко-германскомъ фронтѣ. Какъ отвоевываютъ французы свою землю. Взрывъ германскихъ траншей Французы, бросившись изъ своихъ окоповъ по изрытому орудійными снарядами полю, спѣшатъ занять германскія позиціи, очищенныя отъ враговъ, взлетѣвшихъ на воздухъ. Рисунокъ Ф. Вилльe.

Англичане.

Очерки **К. Чуковскаго.**

I. Навстрѣчу врагу.

„Первая ваша задача — истребить коварныхъ англичанъ, раздавить маленькую презрѣнную армію генерала Френча. Сосредоточьте на этой единственной цѣли все свое военное искусство и всю доблесть своихъ солдатъ. Это нужно сдѣлать немедленно. Таковъ мой императорскій приказъ“.

Когда кайзеръ подписывалъ эту бумагу, Томми Аткинсъ *), не подозрѣвая о грозящей напасти, беззаботно шагалъ по дорогѣ на передовыя позиціи и въ великолѣпномъ расположеніи духа напѣвалъ свою новую пѣсню:

Далеко до Типперери,
Далеко!

Что это за Типперери,—никому неизвѣстно. На всемъ земномъ шарѣ такой мѣстности нѣтъ. Но въ томъ-то и сказалось беззаботное настроеніе Аткинса, что онъ, отправляясь въ походъ, изобрѣлъ эту смѣшную Типперери.

Въ карманѣ у него былъ напутственный приказъ лорда Китченера, въ коемъ коротко и ясно исчислялись всѣ обязанности британскаго воина: „не робѣй, не будь трусомъ, будь добръ и вѣжливъ къ женщинамъ (но только вѣжливъ, не больше!) и помни, что мародерство—позоръ“.

Вереницами пересѣкая Ламаншъ, британскія суда безпрерывно доставляли къ берегамъ континента „ничтожную армію“ сэра Джона Френча, а хваленый германскій флотъ, не въ силахъ воспрепятствовать имъ, безславно скрывался вдали, въ безопасности своихъ собственныхъ гаваней.

Все произошло очень быстро. Томми Аткинсъ очутился во Франціи. Онъ идетъ на передовыя позиціи. Если родина, соблюдая военную тайну, не устроила ему торжественныхъ проводовъ, то чужбина встрѣтила его такъ горячо и сердечно, что онъ былъ ошеломленъ и польщенъ. Французы и бельгійцы привѣтствовали въ немъ своего избавителя и на каждомъ шагу изъявляли свою благодарность.

Одинъ англичанинъ разсказываетъ: „Въ Булонь прибывалъ транспортъ за транспортомъ; полкъ за полкомъ вступалъ на берегъ. Экстазъ населенія росъ. Съ пѣснями, со свистомъ и съ шутками проходили британскія войска по узкимъ улицамъ стараго города, махая фуражками женщинамъ, посылая поцѣлуи дѣтворѣ. Ихъ галантное обращеніе и веселыя лица возбуждали къ нимъ глубокое чувство пріязни, и въ толпѣ повторялось не разъ: „какъ весело идутъ они на-смерть“.

Шотландская волынка такъ странно звучала на улицахъ стараго города. Странно было видѣть британцевъ, которые поютъ марсельезу. Но страннѣе всего для французскаго уха звучалъ новый воинственный кличъ, привезенный изъ-за моря англичанами:

— Кажется, мы оробѣли?—негромко произноситъ одинъ.

— Нѣ-ѣ-ѣтъ!!—оглушительно отвѣчаетъ весь полкъ.

Этимъ „нѣ-ѣ-ѣтъ“ они замѣнили „ура“, съ которымъ прежде бросались въ атаку.

И всѣхъ удивляла другая новинка, которую Аткинсъ уже успѣлъ обезсмертить: новая походная пѣсня:

Далеко до Типперери,
Далеко!
Разставаться съ милой Мери
Не легко!

„Прощай же, Пиккадили,—говорится въ этой пѣснѣ дальше,—прощайте, милыя улицы Лондона! Типперери далеко, но сердце мое тамъ“.

Типперери въ началѣ войны стало въ Англіи популярнѣйшимъ словомъ. На каждомъ шагу встрѣчались бисквиты Типперери, шоколадъ Типперери, воротнички Типперери. Даже общество для вспоможенія воинамъ окрестило себя этимъ именемъ.

Сплошнымъ празднествомъ было шествіе британскихъ солдатъ къ полю битвы. Въ письмѣ, опубликованномъ въ „Таймсѣ“, одинъ артиллерійскій офицеръ такъ описываетъ этотъ памятный путь:

„Встрѣча была изумительная. Насъ забросали цвѣтами. Какое-то тріумфальное шествіе! Въ деревняхъ вдоль дорогъ и на всѣхъ перекресткахъ женщины, мужчины и дѣти съ энтузіазмомъ привѣтствуютъ насъ. Каждый жаждетъ дать намъ что-нибудь, сдѣлать намъ какой-нибудь подарокъ. Они срываютъ въ своихъ садахъ всѣ цвѣты и такъ украсили наши моторы, будто теперь карналъ. Они заваливаютъ насъ шоколадомъ, папиросами, фруктами, хлѣбомъ,—всякой всячиной, всего не опишешь. Вчера я задержался въ одномъ городишкѣ: нужно было купить керосину; сразу собралось человѣкъ двѣсти, совали мнѣ какіе-то альбомчики, просили написать нѣсколько словъ. Просто помраченіе какое-то! Въ другомъ городкѣ я остановился на часъ сдѣлать кое-какія покупки. Мнѣ нужны были автомобильныя очки, ванночка для промыванія глазъ, склянка борной и кое-что изъ провизіи. Все это дали мнѣ даромъ, не позволили заплатить ни сантима; а выпивка и закуска своимъ чередомъ! И чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Что же будетъ, когда кончится война!“

„Вы бы посмотрѣли на нихъ!—пишетъ одинъ рядовой легкой Іоркширской пѣхоты.—Они просто ошалѣли отъ радости. Жаль, что мы не понимаемъ ихъ словъ. Чуть мы перешли за бельгійскій рубежъ, мы увидѣли большую толпу. Надъ нею развѣвался нашъ флагъ, на которомъ было начертано: „Да здравствуютъ товарищи-британцы!“ Бельгійцы рады отдать намъ послѣднее: срываютъ съ кроватей простыни и дѣлаютъ для насъ утиральники“.

Другіе солдаты разсказываютъ, какъ, маршируя по улицамъ, они были осаждаемы французскими дѣвушками, которыя, идя съ ними объ руку, отрывали себѣ на память отъ ихъ мундировъ и куртокъ блестящія солдатскія пуговицы.

Угощенія, подарки и ласки очень понравились Аткинсу. Онъ былъ бы радъ съ головой окунуться въ эту уютную атмосферу любви. Идя на-смерть, онъ тѣшилъ себя, какъ ребенокъ, подарками, сластями и лакомствами.

„Сейчасъ я квартирую на фермѣ,—благодушно повѣствуетъ одинъ.—Сплю въ самой лучшей спальнѣ, пью сидръ, кофе, коньякъ, объѣдаюсь яблоками, сливами, отличнымъ домашнимъ сыромъ,—и не плачу ничего!.. Милая сторонка, эта Франція! Хорошо бы завести здѣсь хозяйство. Все такъ и прётъ изъ земли. Климатъ—одно удовольствіе! Похоже на Ирландію, но въ десять разъ лучше!“

И онъ добавляетъ съ печалью:

„Жаль, что такую милую землю нѣмцы разорили и испакостили!“ (John Adcock. „Stories of the War“, p.p. 136—137).

Но кончился праздничный путь. Томми Аткинсъ въ боевомъ огнѣ. Ему данъ приказъ отступать. Въ эти черные дни англичане проявили столько самоотверженія и рыцарства, что ихъ боготворили вездѣ, гдѣ только они ни являлись.

Нѣкоторыя тогдашнія письма изображаютъ мрачными красками жалкихъ измученныхъ бѣженцевъ, которые, заслышавъ о приближеніи нѣмцевъ, испепеляющихъ на своемъ пути всю страну, покинули родные очаги. „Это такъ обидно и горько, что невозможно удержаться отъ слезъ“,—читаемъ въ одномъ солдатскомъ письмѣ. Не разъ въ этихъ письмахъ разсказывается, какъ солдаты отдавали свой паёкъ голодающимъ и таскали ихъ дѣтей на плечахъ, чтобы изнемогшія матери, бѣгущія изъ родныхъ городовъ, не упали тутъ же на дорогѣ.

II. Дѣти и женщины.

Состраданіе къ дѣтямъ и женщинамъ—характерная черта этихъ писемъ. Извѣстно, что при всѣхъ катастрофахъ, кораблекрушеніяхъ, пожарахъ британцы добровольно тонули, сгорали, лишь бы спаслись дѣти и женщины. У нихъ это стало инстинктомъ. „Дѣти и женщины“,—для нихъ священное слово. И никакія жестокости этой жестокой войны не внушаютъ англійскимъ солдатамъ столько отвращенія и ужаса, какъ бѣдствія женъ, матерей и сиротъ, пострадавшихъ отъ нашествія нѣмцевъ. Даже собственныя раны и муки не такъ удручаютъ ихъ. Великолѣпно звучитъ эта фраза въ письмѣ сержанта Джо Барбера:

„Нѣмцы кидаютъ съ аэроплановъ гранаты, но, „къ сожалѣнію, попадаютъ не въ насъ, а все больше въ женщинъ и дѣтей“. („Daily News“, 16 ноября 1914)“.

Одинъ раненый пишетъ о себѣ мимоходомъ:

„Кажется, мнѣ отрѣжутъ два пальца; въ четвергъ у меня вынули двѣ пули“.

Но не это занимаетъ его. Главная его мука такая:

„Страшно видѣть женщинъ и дѣтей, въ ужасѣ бѣгущихъ изъ домовъ, которые черезъ минуту будутъ взорваны и превратятся въ развалины! Поскорѣе бы выздоровѣть, чтобы снова отправиться въ бой и хорошенько проучить этихъ извергов“.

„Не сказать никакими словами, какъ гнусно они обращаются съ женщинами!—возмущается другой, тоже раненый.—Это покроетъ ихъ вѣчнымъ позоромъ. Этого не забыть, не простить. Если бы только въ Англіи знали, какъ они разстрѣливаютъ маленькихъ дѣвочекъ,—всѣ взялись бы за оружіе, до единаго!“

„Вамъ было бы очень жалко бельгійскихъ женщинъ,—пишетъ матери рядовой Робертъ Робертсонъ.—Онѣ вынуждены покидать свои гнѣзда и бѣжать куда глаза глядятъ. Дѣти цѣпляются за материнскія юбки. Вчера мы наткнулись на ужасную вещь: женщина, сейчасъ послѣ родовъ, бѣжала изъ дому вмѣстѣ съ младенцемъ. Младенца оторвали у нея отъ груди и ту грудь, которую онъ сосалъ, отрубили! Вслѣдъ за этимъ, на глазахъ у несчастной, проткнули ребенка штыкомъ. Мы ухаживали за ней,

---

*) Томми Аткинсъ—такъ называютъ британцы солдата. Откуда взялось это имя? Разсказываютъ, что въ XVIII вѣкѣ, во время покоренія Индіи, у воротъ одного индусскаго города стоялъ британскій часовой Томми Аткинсъ. Непріятель огромными полчищами наступалъ на городъ. Аткинсу былъ посланъ приказъ оставить постъ и присоединиться къ отступавшей британской части. Приказъ не дошелъ во-время, и Томми остался на посту, предъ лицомъ неминуемой смерти. Имя героя увѣковѣчено народной молвой. — Первая глава этихъ очерковъ скомпонована по книжкѣ Кильпатрика „Tommy Atkins“. Остальныя представляютъ собою вполнѣ самостоятельный трудъ.

какъ умѣли, но, разсказавъ намъ о своихъ испытаніяхъ, она черезъ шесть часовъ умерла" *).

О такомъ же лютомъ палачествѣ нѣмцевъ повѣствуетъ другое письмо, полученное отъ рядового артиллерійской бригады W. Palfrey:

„Ахъ, какіе ужасы я видѣлъ! Эти безбожные, безчеловѣчные звѣри обезчестили пятнадцатилѣтнюю дѣвочку и прибили ее гвоздями къ стѣнѣ, какъ распятье, исполосавъ ея тѣло ножомъ. Это я видѣлъ своими глазами"... („Daily News", 9 дек. 1914).

Мудрено ли, что каждый англійскій солдатъ чувствуетъ себя рыцаремъ, защитникомъ слабыхъ и сирыхъ, отмстителемъ за невинно-поруганныхъ! Вѣдь каждый изъ нихъ—волонтеръ: добровольно пришелъ изъ-за моря помогать, выручать, защищать! И гдѣ только слышится вопль о помощи, они самозабвенно несутся туда. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ разсказъ ранѣнаго ефрейтора Тэннера:

„Мы были въ бою весь день и къ вечеру мечтали объ отдыхѣ, когда дошелъ до насъ слухъ, что въ деревушкѣ Дуэ (Douai), въ нѣсколькихъ миляхъ отъ насъ, нѣмцы напали на жителей. Въ потемкахъ, по незнакомымъ мѣстамъ, кинулись мы тотчасъ туда. Насъ могли окружить каждый мигъ, нѣмцы кишѣли повсюду, но, конечно, мы думали только о томъ, чтобы спасти женщинъ и дѣтей... Когда мы вошли въ Дуэ, жители намъ разсказали, что сдѣлали съ ними враги. Они уже успѣли зарѣзать нѣсколькихъ ребятишекъ и женщинъ. Мы завинтили штыки и побѣжали на выручку. Слѣды погрома бросались въ глаза. Заслышавъ о нашемъ прибытіи, нѣмцы убѣжали кто куда, а тѣ, что остались въ деревнѣ, попрятались по темнымъ угламъ. Мы обшарили всѣ дома, чердаки, всюду находили враговъ. Многіе изъ нихъ сопротивлялись, но многіе сдались добровольно". (John Adcock, p. 66).

Въ разоренной Польшѣ. Крестьяне-бѣженцы.

Убитые германцы. Воткнутое въ землю ружье уже издали указываетъ санитарному обходу мѣсто нахожденія раненыхъ или убитыхъ.

Въ другомъ письмѣ точно также разсказывается, какъ ирландскимъ стрѣлкамъ удалось защитить трехъ женщинъ отъ нѣмцевъ. Ирландцы, въ количествѣ восьми человѣкъ, отправились на ночную развѣдку. Въѣхали въ деревню, видятъ: свѣтъ. Заглянули въ окно: полупьяные нѣмцы сидятъ за полупустыми бутылками; офицеръ взобрался на каминъ, а солдаты окружаютъ двухъ дѣвушекъ и какую-то старую женщину.

„Мы поняли ихъ гнусные замыслы,—пишетъ ирландскій развѣдчикъ,—и, ворвавшись въ комнату, предупредили злодѣйство. Нѣмцы были жестоко наказаны". („Daily News", 13 окт. 1914).

Лордъ Китченеръ внушалъ своимъ солдатамъ: „будьте неизмѣнно учтивы, благожелательны, добры", и эти качества, не меньше, чѣмъ военная доблесть, всегда будутъ связаны съ именемъ Аткинса въ памяти французовъ и бельгійцевъ. Высокая, благородная миссія, возложенная на британскихъ солдатъ, придала ихъ дѣяніямъ во Франціи и Бельгіи характеръ идеалистическій, рыцарскій. Въ этомъ величайшій залогъ ихъ побѣды. Какъ имъ горько, что разъяренный противникъ не обладаетъ этимъ рыцарскимъ духомъ!

„Такихъ извергов я еще никогда не видалъ,—пишетъ своимъ роднымъ рядовой Джемсъ Скоттъ.—Ихъ конница гонитъ по улицамъ Монса женщинъ и

Обозъ на привалѣ.

*) „In the firing line". Stories of the War by the Land and Sea. By A. St John Adcock. Hodder and Stoughton. London, p.p. 32, 57.

Англійскій окопъ во Фландріи.

дѣтей, чтобы мы не стрѣляли въ нее". (Adcock, p. 50).

О томъ же сообщаетъ саперъ Джорджъ Брайантъ въ письмѣ къ своему отцу:

„Сердце разрывается при взглядѣ на французскихъ женщинъ и дѣтей. Нѣмцы выгоняютъ ихъ штыками изъ всѣхъ лачугъ и домовъ и гонятъ предъ собою по улицамъ. Прячась за спиною у женщинъ, они осыпаютъ насъ пулями, зная, что отвѣчать мы не станемъ".

III. Англійскіе солдаты о врагѣ.

Разсказами о звѣрствахъ врага буквально кишатъ письма англійскихъ солдатъ. Въ нихъ ежеминутно мелькаетъ: „отрѣзали руку у плѣннаго", „раненаго сожгли на кострѣ", „прокололи младенца штыкомъ"... Вотъ еще одно письмо о несчастной, у которой отрѣзали грудь:

„Бѣдная дѣвушка, она скоро умретъ... Я радъ, что пристрѣлилъ того улана, который совершилъ эту подлость".

Огромное множество писемъ сообщаетъ о пальбѣ по лазаретамъ:

„Эти дьяволы не пощадили даже госпиталя, хотя надъ нимъ развѣвался огромнѣйшій флагъ съ огромнѣйшимъ Краснымъ Крестомъ",—возмущается рядовой Смайли.

„Неподалеку стояла церковь, служившая намъ лазаретомъ,—разсказываетъ рядовой Г. Мугриджъ.—Раненыхъ туда доставляли десятками. Но нѣмцы взорвали ее".

„Во Франціи я побывалъ въ четырехъ лазаретахъ, но изъ каждаго меня увозили, такъ какъ нѣмцы палили по нимъ",—пишетъ рядовой Джорджъ Дентонъ.

Драгоцѣнно отмѣтить, что все же британскіе солдаты пытаются оправдать и пожалѣть непріятеля. Кавалеристъ Джонъ Дегласъ твердитъ:

„Нѣмецкіе солдаты и рады бы честно сражаться, да офицеры принуждаютъ ихъ силою къ обманамъ и звѣрской жестокости. Виноваты во всемъ ихъ офицеры. Сами же они ни при чемъ".

Въ этомъ увѣрилъ Дегласа одинъ плѣнный нѣмецкій солдатъ.

На помощь метрополіи. Австралійскія войска (изъ Новой Зеландіи).

„Они пуще смерти боятся своихъ офицеровъ и ненавидятъ ихъ, какъ злую отраву",—добавляетъ рядовой Мартинъ Кинъ. Въ письмѣ батарейнаго Вильяма Лика высказывается такое же мнѣніе: „Виноваты во всемъ офицеры. Они морочатъ своихъ несчастныхъ солдатъ, брешутъ имъ о нѣмецкихъ побѣдахъ. Солдаты же—бараны; куда ихъ погонятъ, туда и бѣгутъ".

Что особенно возмущаетъ британцевъ—это безчестные пріемы противника. Имъ ненавистно, какъ истымъ спортсменамъ, всякое шулерство и мошенничество въ той грандіозной *игрѣ*, которая ведется теперь. Они жаждутъ открытаго и честнаго боя. Вѣдь они привыкли, чтобы всѣ состязанія, будь то Дерби, футболъ, или боксъ, велись безъ обмана, открыто. Съ презрѣніемъ отзывается Аткинсъ объ ухищреніяхъ враговъ. „Ахъ, сколько среди нихъ негодяевъ!—пишетъ гвардеецъ Рирдонъ *).—Какъ-то утромъ нарядились въ англійскіе мундиры и кричатъ: „Не стрѣляйте, мы—штабъ!" А сами какъ пошли въ насъ палить. Ну жъ и получили они сдачи! Цѣлыя тонны свинца!"

О такой же низкопробной „стратегіи" нѣмцевъ сообщаетъ лейтенантъ Освальдъ Эннъ въ письмахъ къ своему отцу:

„Нѣмцы пробрались къ намъ во французскихъ мундирахъ и говорятъ, что имъ крайне нужно поговорить съ офицеромъ. Къ нимъ вышелъ майоръ девонширской бригады, умѣвшій говорить по-французски. А они его—хлопъ, наповалъ!"

Въ томъ же письмѣ мы читаемъ:

„Нѣмцы нарядились въ англійскую форму, размѣстились неподалеку отъ насъ, въ той же улицѣ, и, установивъ на окнахъ пулеметы, стали осыпать насъ шрапнелью". (John Adcock, p.p. 133—134).

Очевидно, эта шулерская стратегія вошла въ нравы германскихъ воителей, ибо безконечное множество писемъ упоминаетъ о ней.

На помощь метрополіи. Цейлонскія войска, вступившія въ ряды англійской арміи, сражающейся во Франціи.

„Нѣмцы попрежнему жульничаютъ,—пишетъ батарейный Вильямъ Клэфъ.—Вчера ночью подбѣжали къ французскимъ окопамъ и кричатъ, что они англичане, изъ нашего кольдстримскаго полка. Но французы узнали нѣмецкій акцентъ и не пожалѣли патроновъ".

Англійскіе солдаты повторяютъ съ великолѣпной гордостью, что сами они никогда не унизятся до подобныхъ безчестныхъ пріемовъ. Здѣсь столкновеніе двухъ нравственныхъ принциповъ, двухъ національныхъ моралей. Коварство, предательство, всякіе задніе умыслы чужды британской душѣ. The honesty is the best policy,—такова британская народная мудрость. Нигдѣ въ Европѣ не смотрятъ на лжеца съ такимъ омерзѣніемъ, какъ въ Англіи. Школьникъ, который солжетъ, хотя бы въ пустякѣ, хотя бы въ шутку, бойкотируется своими товарищами. Культъ правдивости — основная черта національнаго воспитанія въ Англіи. Свободнымъ и сильнымъ душамъ противны уловки, подвохи и козни.

„Нѣмцы потеряли мое уваженіе навѣки,—сокрушается лейтенантъ О. Эджкомъ.—У нихъ никакого кодекса чести".

Это чувство раздѣляется всѣми. Англія хотѣла бы сражаться съ противникомъ, болѣе достойнымъ ея. Ей грустно, что она не можетъ его уважать. Рыцарю для поединка нуженъ рыцарь. Какъ возмущается капралъ Леонардъ, что германцы въ своихъ амбулаторныхъ повозкахъ, украшенныхъ краснымъ крестомъ, перевозятъ пулеметы и ружья. „Вы

*) „Stories of the War", by A. St. John Adcock, p.p. 30, 116, 139, 154.

Наши военные летчики. Передъ отлетомъ на развѣдку.

только подумайте, мамаша! Этого не сдѣлали бы и негры!"—восклицаетъ онъ въ письмѣ къ своей матери. Ему положительно стыдно за нихъ. Гдѣ же у этихъ людей благородство! Выкидываютъ бѣлые флаги, кричатъ, что сдаются, просятъ пощадить, не стрѣлять, а когда британцы, повѣривъ ихъ бѣлому флагу, приближаются, чтобы взять ихъ въ плѣнъ, они внезапно открываютъ огонь и предательски убиваютъ довѣрчивыхъ!

„Я былъ раненъ. Нѣмцы нашли меня въ полѣ. Сражаться я не могъ, пришлось сдаться. Я заявилъ, что сдаюсь, и вручилъ имъ мой револьверъ. А они изъ моего же револьвера неожиданно — бацъ въ меня! Подумали, что я убитъ, и ушли".

Это разсказывается въ письмѣ капитана Роффи („Atkins at War", by Kilpatrick, p. 107), и, къ сожалѣнію, такіе разсказы стали уже трафаретными. Въ самомъ разгарѣ боя вдругъ слышится сигналъ: „отступать!" Англичане отступаютъ, прекращаютъ стрѣльбу, и лишь потомъ узнаютъ, что были обмануты нѣмцами: сигналъ исходилъ отъ нихъ. Ихъ трубачи имитировали звуки британской трубы!

Все это для британцевъ сюрпризъ. „Кто бы могъ раньше подумать!" — повторяютъ они въ тысячѣ писемъ. Зато, какъ они искренно рады, когда имъ случается встрѣтить въ противникѣ хоть каплю благородства и мужества. Сказать о врагѣ „молодецъ!" они не считаютъ зазорнымъ. Матросы, совершившіе знаменитый набѣгъ на Гельголандскую бухту, отмѣчаютъ съ похвалой каждый смѣлый поступокъ германцевъ. Мужество, геройство, отвага обладаютъ въ глазахъ англичанъ особой эстетической прелестью. Кто бы эти качества ни обнаружилъ, другъ или недругъ, чужой или свой, — англичане одинаково восхищаются ими. Замалчивать доблестныя дѣянія врага они считали бы величайшимъ позоромъ. Есть что-то величавое въ той откровенности и смѣлой безкорыстной прямотѣ, съ которой британцы во всеуслышаніе хвалятъ малѣйшія достоинства германцевъ:

„Они были молодцами, ей-Богу, и дрались до послѣдней минуты",— пишетъ о германскихъ матросахъ британскій матросъ Джонъ Диггетъ. („In the firing line", p. 101).

„Нѣмцы молодцы, дрались отлично!"—восклицаетъ мичманъ Гартлей. (Тамъ же, стр. 94).

„Ну жъ и дисциплина у нихъ! — пишетъ кавалеристъ Э. Тегвеллъ.— Падаютъ, какъ статуи, и все же ни съ мѣста. Приказано стоять, они стоятъ".

Съ той же откровенной прямотой англичане неуклонно привѣтствуютъ всякое проявленіе гуманности, замѣченное ими у врага. Членъ парла-

На позиціяхъ. Полевая батарея открыла огонь. По фот. нашего корреспондента.

Наши военные летчики. Послѣ развѣдки разсматриваютъ по картѣ непріятельскія позиціи.

Черкесы на бивуакахъ.

страшнаго, что они узнали о нѣмцахъ. Напротивъ, одинъ благородный поступокъ лишь оттѣняетъ неблагородство другихъ... Точно также не желаютъ англичане замалчивать чисто-механическую силу противника. Они открыто восхваляютъ ее. Ихъ письма пестрятъ выраженіями:

„Нѣмецкіе прожекторы прелесть...“

„Транспортъ у этихъ чертей—замѣчательный...“

„Ихъ артиллерія — чудо...“

Томми Аткинсъ любуется силой, которая направлена противъ него. Пусть эти пушки сулятъ ему смерть, но, если онѣ хороши, онъ не откажетъ имъ въ своемъ одобреніи. Хотя, вообще говоря, Томми далеко не въ восторгѣ отъ нѣмецкой военной системы. Онъ находитъ въ ней много изъяновъ. „Нѣмцы наваливаются такой густой оравой, что, куда ни стрѣляй, все равно попадешь, — пишетъ онъ о пріемахъ нѣмецкой атаки. — Ихъ гонятъ, какъ барановъ на убой. Трудно не попасть въ эту гущу людей. Любая баба могла бы попасть“ и т. д.

мента лейтенантъ Обри Гербертъ, побывавшій въ нѣмецкомъ плѣну и пролежавшій 11 дней въ нѣмецкомъ полевомъ лазаретѣ, пишетъ своимъ роднымъ въ Сомерсетъ:

„По совѣсти долженъ сказать, что, какъ пруссаки, такъ равно и баварцы, всѣ, безъ различія чина, относились къ намъ хорошо и сердечно“. („Daily News“, 17 окт. 1914).

Лейтенантъ Г. Г. Эрвинъ говоритъ то же самое. Его письмо напечатано въ книжкѣ г. Кильпатрика „Томми Аткинсъ на полѣ сраженія“, вышедшей осенью 1914 г. въ Лондонѣ. Въ той же книжкѣ приводится такое свидѣтельство одного капитана-ирландца:

„И за кронпринцемъ не лучше ухаживаютъ, чѣмъ ухаживали нѣмцы за мною, когда я лежалъ въ ихъ госпиталѣ“ (стр. 108).

Слѣдуетъ однако отмѣтить, что такое прекрасное обхожденіе съ плѣнными распространяется далеко не на всѣхъ. О немъ больше всего повѣствуютъ лейтенанты, капитаны, полковники. Нижніе чины британской арміи разсказываютъ совершенно другое, хотя и они не склонны огульно обвинять всѣхъ германцевъ. „Попадаются и нѣмцы хорошіе, — настаиваетъ гвардеецъ Рирдонъ. — Какъ-то ночью они намъ кричатъ: „Гвардейцы, подберите вашихъ раненыхъ!“ Мы пошли подбирать, а они—хоть бы выстрѣлъ! Это очень благородно, не правда ли?“

О такомъ же благородномъ поступкѣ врага разсказываетъ въ одной изъ своихъ телеграммъ британскій главнокомандующій сэръ Джонъ Френчъ. Въ самомъ началѣ войны одинъ изъ англійскихъ отрядовъ, окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ и все же отказавшійся сдаться, былъ весь немилосердно истребленъ; уцѣлѣли только двое, и то раненые. Они должны были бросить оружіе, но нѣмецкій офицеръ, изъ уваженія къ героямъ, не только оставилъ оружіе при нихъ, но и попросилъ позволенія пожать у одного изъ нихъ руку.

Британцы живо почувствовали всю красоту этой сцены. Множество англійскихъ художниковъ запечатлѣли ее. Она стала одной изъ самыхъ популярныхъ военныхъ картинъ во всей Англіи. Поле усѣяно трупами. Раненый англійскій офицеръ безпомощно простертъ на носилкахъ; къ нему порывисто подходитъ тевтонъ и, къ изумленію всѣхъ, почтительно жметъ ему руку! Ничего, что этотъ тевтонъ есть тевтонъ. англичане рады признать его доблесть, рады громко прославить его, хотя, конечно, этому единичному проявленію рыцарства не изгладить въ ихъ умахъ никогда всего позорнаго, мучительно-

Всѣ письма въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ, что противникъ не умѣетъ стрѣлять. Въ качествѣ спортсмена, британецъ привыкъ уважать мѣткихъ и ловкихъ стрѣлковъ. Множество виртуозовъ стрѣльбы находится теперь въ англійской арміи. Какъ ѣдко они издѣваются надъ нѣмецкими стрѣлками!

„Артиллерія у нихъ хороша, но ружейная стрѣльба—просто смѣхъ,— пишетъ рядовой J. R. Tait, высказывая общее мнѣніе. — Нѣмецъ съ винтовкой—оселъ; онъ не попадетъ и въ стогъ сѣна!“

„Сидя въ окопахъ, мы съ Биллемъ обсудили нѣмецкую армію и пришли къ заключенію, что вся она—дрянь“ (rotten),— пишетъ одинъ рѣшительный юноша. Точно также всѣ письма единодушно свидѣтельствуютъ, что нѣмцы „боятся штыка“.

Но, конечно, не эти сужденія интересуютъ насъ больше всего въ письмахъ англійскихъ солдатъ. Мы приводимъ ихъ лишь мимоходомъ. Намъ дороги не они, а та массовая психологія, тотъ духъ, который въ этихъ письмахъ вскрывается.

IV. Солдатскія письма. — Набѣгъ на Гельголандскую бухту.

Эти солдатскія письма собраны въ двухъ англійскихъ книжкахъ, которыя сейчасъ предо мною. Одна называется „Аткинсъ на полѣ сраженія“, другая—„Въ боевомъ огнѣ“, и обѣ чрезвычайно картинно, живописно, пластически изображаютъ британ-

На передовыхъ позиціяхъ. Отдыхъ послѣ боя.

Изъ дѣйствующей арміи. По фот. нашего корреспондента.

скихъ солдатъ. Первую составилъ Джэмсъ Кильпатрикъ вторую—Джонъ Эдкокъ.

Книжки драгоцѣнныя, — особенно для русскихъ читателей. Пора намъ ближе познакомиться съ Аткинсомъ. Французскаго солдата мы знаемъ;его героическій образъ, запечатлѣнный въ Наполеоновскомъ эпосѣ, сталъ уже литературнымъ шаблономъ. Плѣнительный нравственный обликъ русскаго „рядового Иванова“ тоже былъ не разъ прославляемъ въ созданіяхъ нашей словесности. Не даромъ склонился передъ нимъ нашъ національный мудрецъ Левъ Толстой, узрѣвшій въ немъ носителя народной стихіи, народной воли и правды. Но что мы знаемъ о британскомъ солдатѣ? Его душа сокрыта отъ насъ. Онъ нашъ соратникъ, сподвижникъ, мы связаны съ нимъ узами крови, и все же онъ для насъ—незнакомецъ.

Наши союзники. Королевскій смотръ новой бельгійской арміи во Фландріи.

Наши союзники. Англійскія войска.

Мы и рады бы его полюбить, но нельзя же любить незнакомаго.

Пользуясь нашимъ невѣжествомъ, какіе-то темные люди уже стремятся очернить англичанъ передъ нами, внушить намъ недовѣріе къ нимъ, поколебать въ самомъ началѣ нашу дружбу, такъ что британскій посолъ въ Петроградѣ былъ вынужденъ въ своей памятной рѣчи публично разоблачить эти происки и напомнить намъ о жертвахъ и подвигахъ, совершаемыхъ нынѣ британцами *).

Этого не случилось бы, если бы русское общество было ближе, короче, интимнѣе знакомо съ тѣмъ самобытнымъ созданіемъ, котораго зовутъ Томми Аткинсъ.

О Томми написано много романовъ, балладъ, повѣстей, но даже лучшіе изъ нихъ,—„Три солдата“ и „Казарменныя пѣсни“ Р. Киплинга,—доселѣ не дождались перевода на русскій языкъ.

Впрочемъ, не нужно ни повѣстей ни романовъ. У насъ, какъ мы видѣли, есть другой, болѣе цѣнный источникъ: подлинныя письма Томми Аткинса. Я читаю эти письма съ восторгомъ, они для меня—откровеніе. Этихъ писемъ—туча, легіонъ. Нѣтъ, кажется, британскаго солдата, сражающагося нынѣ съ германцами, который не послалъ бы домой хоть коротенькой бѣглой записки. Если бы все это собрать да издать, потребовались бы сотни томовъ, которые на вѣки вѣковъ могли бы составить величайшую славу Британіи, ибо нигдѣ такъ полно и свободно не сказалась во всей красотѣ ея національная сущность. Тѣ книжки, о которыхъ я сейчасъ говорилъ, конечно, не могутъ исчерпать и тысячной доли всѣхъ писемъ. Онѣ меня такъ увлекли, что послѣ нихъ я сталъ жадно прочитывать тѣ письма англійскихъ солдатъ и матросовъ, которыя мнѣ попадались въ газетахъ «Daily News», «Daily Chronicle», «Times», и теперь считаю своею обязанностью познакомить съ ними русское общество.

Вотъ, напримѣръ, письмо матроса Альфреда Бишопа, участвовавшаго въ набѣгѣ британцевъ на Гельголандскую бухту:

„Во время всего боя нашъ милый котенокъ сидѣлъ подъ

Наши союзники. Обученіе новой англійской арміи. Тренировка на снѣгу Гайдъ-парка въ Лондонѣ.

*) Вотъ отрывокъ изъ этой рѣчи, произнесенной сэромъ Джорджемъ Бьюкененомъ на новогоднемъ банкетѣ англійской колоніи въ Петроградѣ: „Въ настоящее время война вступаетъ уже въ шестой мѣсяцъ, и мы, англичане, имѣемъ всѣ причины гордиться той ролью, которую сыграла въ ней наша страна. Тѣмъ не менѣе небольшая и не имѣющая вліянія часть населенія Россіи, повидимому, держится другой точки зрѣнія въ оцѣнкѣ того, что сдѣлано нами. Еще недавно различные сторонники нѣмцевъ проповѣдывали крестовый походъ противъ Англіи, и небольшая кучка ихъ послѣдователей прилагала всѣ усилія къ тому, чтобы посѣять разладъ между Россіей и ея союзниками...—Гдѣ британскій флотъ и что дѣлаетъ британская армія?—спрашивали эти господа въ Петроградѣ, въ Москвѣ и въ Одессѣ. Я скажу имъ, что сдѣлано британскимъ флотомъ“, и т. д. Русскія газеты единодушно привѣтствовали это выступленіе британскаго посла. „Эта блестящая рѣчь даетъ краснорѣчивый отпоръ тѣмъ подпольнымъ клеветникамъ, которые пытаются умалить значеніе громадныхъ усилій Англіи въ великой борьбѣ съ германскими державами и вселить недовѣріе къ искренности британской политики“,—говоритъ по этому поводу „Русское Слово“.

этомъ—дѣтская ясность души, свойственная однимъ морякамъ. Жаль, что въ газетахъ печатается такъ мало матросскихъ писемъ. Тѣ, что̀ приводятся въ книжкѣ Эдкока, составляютъ лучшее ея украшеніе. Вотъ письмо съ военнаго судна „Вакханка", посланное матросомъ Вильсономъ своей женѣ:

„Ты скоро прочитаешь въ газетахъ о нашей побѣдѣ на Сѣверномъ морѣ. Побѣда — первый сортъ, превосходная! Я только о томъ и мечтаю, чтобы весь непріятельскій флотъ вышелъ сразиться съ нами. Тогда бы мы скоро вернулись домой. Стрѣляютъ они дрянно, а наши—безъ промаху. Оттого-то проклятые спрятались, боятся, и носу не высунутъ. Пришлось намъ выкуривать ихъ изъ норы. Все ихъ море усѣяно минами; наткнешься на мину—капутъ! Командиръ истребителя „Liberty" вызвалъ изъ своей команды охотниковъ: не согласится ли кто вмѣстѣ съ нимъ пробраться въ самую Кильскую гавань, въ гости къ нѣмцу,—и каждый отвѣтилъ: „согласенъ!", хотя это сулило имъ вѣрную смерть. И они таки пробрались туда, къ самымъ Гельголандскимъ фортамъ, и продырявили нѣсколько крейсеровъ. Нѣмецъ выпустилъ въ нихъ такую гибель снарядовъ, что могъ бы потопить цѣлый флотъ; и такъ какъ у нихъ запасы подходили къ концу, то поневолѣ пришлось уходить. Они уже повернули назадъ, вдругъ налетаетъ шрапнель, сбиваетъ мачту, убиваетъ наповалъ командира и трехъ человѣкъ изъ команды. Штурманъ, хоть и раненый, принимаетъ на себя управленіе судномъ и благополучно выводитъ его изъ опасности. Мы молили Бога, чтобы даровалъ намъ побѣду, мы побѣдимъ непремѣнно, ибо въ нашемъ флотѣ у каждаго Джэка воистину львиное сердце!"

Такихъ писемъ предо мною десятки. Всѣ они посвящены одному эпизоду, — набѣгу на Гельголандскую бухту. Что̀ мы слышали объ этомъ набѣгѣ? Почти ничего, двѣ-три фразы. Офиціальныя сухія слова, лишенныя красокъ и о̀бразовъ: такого-то августа такія-то суда англичанъ пробрались съ безоглядной смѣлостью къ самой непріятельской гавани и послѣ жестокаго боя одержали побѣду надъ нѣмцами. А тутъ

Англійская армія. Стрѣлки.

самымъ переднимъ орудіемъ и не боялся нисколько. Только первый выстрѣлъ напугалъ его чуточку, а потомъ онъ все сидѣлъ и умывался. Передъ началомъ пальбы мы волновались порядочно, но тотчасъ же послѣ перваго выстрѣла стали очень веселы и все время смѣялись, пока не кончился бой. Тогда стали плакать и всхлипывать. Если меня убьютъ, не волнуйтесь: смерть не такая страшная вещь, какъ я думалъ. Все вчера было быстро, какъ молнія".

Письмо классическое, написанное съ такимъ лаконизмомъ, который бываетъ присущъ лишь очень сильнымъ, простодушнымъ натурамъ. Въ немъ истинно-героическій стиль. И при

Англійская армія.
Офицеръ и барабанщикъ.

Англійская армія во Франціи.
Мэръ и представители города и арміи привѣтствуютъ англійскихъ офицеровъ.

намъ дается возможность увидѣть лицомъ къ лицу самихъ участниковъ этого подвига, услышать изъ ихъ устъ всѣ подробности и, главное, ощутить непосредственно ту нравственную атмосферу, тотъ духъ, который и далъ имъ возможность совершить это безпримѣрное дѣло.

Вотъ письмо съ одного броненосца:

„Наконецъ-то добрались мы до нѣмцевъ. Дѣло было жаркое, ей-Богу: семь часовъ длился бой! Выстрѣлъ за выстрѣломъ, выстрѣлъ за выстрѣломъ. Мнѣ было очень пріятно глядѣть, какъ четыре нѣмецкихъ судна другъ за дружкой погружались на дно. Каждую секунду могъ прійти нашъ чередъ: снаряды такъ и летали вокругъ... Но всѣ наши были очень спокойны: словно это не война, а маневры, смѣялись, шутили, острили, думали лишь объ одномъ: насолить бы нѣмцу получше. И насолили отлично! По слухамъ, враги потеряли около 1.500 человѣкъ. Не постигаю, какъ это намъ удалось ускользнуть: не только съ крейсеровъ, но и съ гельголандскихъ фортовъ ихъ выстрѣлы достигали до насъ. Скоро ли выдастся случай дать имъ новую трепку опять?"

Характерна эта жажда британскихъ матросовъ добраться поскорѣе до врага. — „Гдѣ же ихъ главный флотъ? — спрашиваетъ одинъ изъ bluejacket'овъ. — Хоронится въ Кильскомъ порту; но стоитъ ему выйти оттуда, онъ уже не вернется назадъ!" (стр. 98).

Джонъ Диггетъ, матросъ, лишь о томъ и твердитъ:

„Когда же ихъ флотъ соизволитъ къ намъ выйти? Мы ждемъ, а онъ все не выходитъ. Пусть только высунетъ носъ. Достанется же ему на орѣхи!"

Эта жалоба—неизбѣжный рефренъ чуть не каждаго матросскаго письма.

„Ну что же, подождемъ, ничего! Старый Нельсонъ выжидалъ цѣлый годъ и дождался-таки французскаго флота", — утѣшаетъ себя юнга Брюсъ въ письмѣ къ своему отцу. („Daily News", 21 дек.).

Когда же наконецъ эти люди дорвутся до боя, они не помнятъ себя отъ азарта. „Нашему офицеру оторвало обѣ ноги, а онъ — никакого вниманія; кричитъ какъ ни въ чемъ не бывало: бей ихъ, ребята, пали!"—разсказываетъ тотъ же Джонъ Диггетъ.

Даже скромный пароходный телеграфистъ Бири Фрэнсисъ, и тотъ чувствуетъ воинственный пылъ. „Наконецъ-то мы понюхали пороху,—радостно сообщаетъ онъ. — Отлично. Я очень доволенъ. Жду не дождусь повторенія!" (стр. 108—109).

Всѣ они буквально захлебываются, описывая этотъ дерзкій набѣгъ. „Ловко же мы налетѣли на нѣмцевъ! Наше судно не пострадало нисколько, хоть они и палили въ него. Здорово раздѣлался нашъ „Лайонъ" съ ихъ крейсеромъ! Весело было смотрѣть! Тотъ все палитъ и палитъ, а „Лайонъ" — ни единаго выстрѣла. Минутъ десять тратилъ нѣмецъ заряды, а „Лайонъ" только скомандовалъ: пли! — и отъ нѣмца ничего не осталось. Прикончили съ перваго выстрѣла. Когда разсѣялся пушечный дымъ, видимъ: крейсеръ уже на боку, задняя труба покачнулась, и вдоль всего борта зіяетъ огромная трещина" (стр. 106—107).

Такого же пыла исполнено письмо бомбардира Т. Уайта:

„Тратить выстрѣловъ намъ не пришлось. Одно ихъ суденышко мы прикончили съ перваго разу. Мѣткій выстрѣлъ, не правда ли? Ну жъ и заважничалъ тотъ молодецъ, которому удалось это сдѣлать. Теперь онъ первая персона на всемъ суднѣ. Нѣмцы, кажется, и сами увидѣли, что десять ихъ выстрѣловъ не сравняются съ нашимъ однимъ. Такъ что, кажется, нашимъ ребятамъ и пострѣлять не придется. Первый же закончитъ все дѣло, а остальные — сиди, сложа руки. Этакъ мы побываемъ въ десяткѣ сраженій, и лишь немногимъ счастливцамъ удастся направить орудіе въ нѣмца" (стр. 109).

Если бы не этотъ бравурный, мажорный, лихой, самонадѣянный духъ, взлелѣянный многовѣковыми традиціями,—какъ могли бы эти люди столь просто и весело выполнять свой умопомрачительный подвигъ! Вѣдь главное не въ отдѣльныхъ бояхъ, а въ рутинной, повседневно-будничной жизни, среди ежеминутныхъ смертей на этой стальной скорлупѣ, которая въ каждый моментъ можетъ взорваться на воздухъ!

Эта рутина страшнѣе всего, страшнѣе всякихъ боевъ и набѣговъ; вотъ какими мрачными красками изображаетъ ее одинъ морской офицеръ, плавающій теперь въ Сѣверномъ морѣ:

„Ночью дуетъ отчаянный вѣтеръ, холодный, какъ ледъ. На декѣ черно: огней нѣтъ. Каждый матросъ—у орудія. Никто не знаетъ, что случится сейчасъ: можетъ-быть—мина, можетъ-быть—подводная лодка, можетъ-быть—непріятельскій крейсеръ. А волны окатываютъ тебя съ головой, чтобы ты не заснулъ ни на мигъ, и безпрестанно заливаютъ тебѣ за воротъ нѣсколько стакановъ ледяняще-холодной воды. Въ сутки спишь три-четыре часа и только одному поражаешься: какъ легко и безропотно выносятъ наши люди эту каторгу". („Daily News", 12 дек. 1914).

Нуженъ воистину героическій духъ, чтобы въ теченіе мѣсяцевъ подвергаться такимъ испытаніямъ. Мудрено ли, что этотъ офицеръ восклицаетъ:

„Что же нѣмцы, какъ бабы, все прячутся! Вышли бы и дали намъ бой!"

Но именно въ такихъ испытаніяхъ сказывается закаленная воля британцевъ. „Поджидая флотилію Вильгельма, мы стараемся веселиться во-всю. Случается, вечерами задаемъ такіе концерты, что любо!"—пишетъ штурманъ броненосца „Тэльботъ".

А какъ величаво умѣютъ они умирать!.. Потопленный нѣмцами крейсеръ „Монмаутъ" передъ тѣмъ, какъ погрузиться на дно, сигнализируетъ другому броненосцу: „Я тону, мои машины разбиты, въ носу огромная течь, но все же я иду на врага и попробую послать въ него мину".

Это было его послѣднее слово. Въ тотъ же мигъ онъ скрылся подъ водой.

„Мы всѣ прослезились, ей-Богу, когда капитанъ прочиталъ намъ этотъ предсмертный сигналъ",—пишетъ морской офицеръ, наблюдавшій величавую гибель „Монмаута". („Daily News", 21 дек. 1914).

Это какая-то особая порода людей! Въ той же газетѣ мельчайшимъ шрифтомъ, гдѣ-то на задворкахъ, какъ нѣчто весьма обыденное, напечатано такое письмо:

„Мы сопровождали первую партію войскъ, отправляемыхъ изъ Канады въ Англію. Среди океана одинъ изъ подштурмановъ свалился за бортъ и началъ тонуть. Нашъ командиръ лейтенантъ Барнсъ увидѣлъ его паденіе и, невзирая на бурю, немедленно кинулся въ море. Подштурмана спасти не удалось, но каковъ нашъ лейтенантъ! Молодецъ!" (12 дек. 1914).

Какъ мы уже видѣли, англійскіе матросы и солдаты, съ прямодушіемъ сильныхъ людей, не боятся громко привѣтствовать всякій смѣлый поступокъ врага. Описывая Гельголандскую битву, они неоднократно отмѣчаютъ, что „есть и среди нѣмцевъ герои". Особенно понравилось имъ, что иные изъ нѣмецкихъ судовъ, погружаясь на дно, не желали опускать свои флаги и палили до послѣдней возможности, не прося о пощадѣ. Но и здѣсь ихъ нравственное чувство было не разъ возмущаемо „грязными продѣлками" (dirty tricks) нѣмцевъ. Ихъ письма единодушно свидѣтельствуютъ, что нѣмцы открывали огонь по ихъ спасательнымъ лодкамъ, не исключая тѣхъ случаевъ, когда эти лодки спасали именно тонущихъ нѣмцевъ. Одинъ шотландецъ съ возмущеніемъ разсказываетъ:

„Нѣмцы вплавь добрались къ нашимъ крейсерамъ и на ломаномъ англійскомъ языкѣ просили подобрать ихъ на бортъ. Страшно было видѣть окровавленныхъ раненыхъ, барахтающихся въ водѣ, и мы, бросивъ имъ наши спасательные пояса и протянувъ имъ веревки, спустили къ нимъ нѣсколько лодокъ. Съ другихъ нашихъ судовъ имъ на помощь тоже были спущены шлюпки. Вдругъ, ни съ того ни съ сего, большой четырехтрубный непріятельскій крейсеръ начинаетъ палить въ эти лодочки изъ одиннадцати-дюймовыхъ орудій — сразу изъ семи или восьми!" (стр. 95).

„Задали же мы имъ перцу за это!" — восклицаетъ другой матросъ, разсказавъ о такомъ же вѣроломномъ поступкѣ германцевъ. Третій выражается такъ: „Я думаю, два ихъ суденышка носились бы по волнамъ и понынѣ, но такъ какъ они открыли огонь по нашимъ спасательнымъ шлюпкамъ, когда мы подбирали ихъ же раненыхъ, то мы отправили ихъ въ тартарары" (стр. 106).

Какъ бы ни были случайны и скудны эти мимолетные отрывки изъ писемъ, я увѣренъ, они гораздо ярче и жизненнѣе изображаютъ предъ нами самую сущность событій, чѣмъ талантливѣйшіе очерки опытныхъ газетныхъ корреспондентовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

1915 г. № 17 — XLVI г. изданія

Выданъ 25 апрѣля 1915 г. Цѣна этого № (безъ прилож.) — 15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. И. А. Бунина“ кн. 5.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Государь Императоръ въ Галиціи. Его Величество Государь Императоръ изволилъ посѣтить Львовъ, а затѣмъ Перемышль. 10-го апрѣля Государь Императоръ съ Верховнымъ Главнокомандующимъ. Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, Великимъ Княземъ Петромъ Николаевичемъ, принцемъ Петромъ Александровичемъ Ольденбургскимъ, въ сопровожденіи министра Императорскаго Двора, свиты и штаба Верховнаго Главнокомандующаго, отбылъ поѣздомъ для слѣдованія въ Перемышль.

На станціи Комарно, гдѣ стоялъ санитарный поѣздъ имени Великаго Князя Александра Михаиловича, поѣздъ имѣлъ остановку. Государь Императоръ, выйдя изъ вагона, обходилъ раненыхъ, милостиво бесѣдуя съ ними и награждая знаками отличія. Въ первомъ часу дня Государь Императоръ прибылъ въ Самборъ; здѣсь на станціи былъ выстроенъ почетный караулъ — рота со знаменемъ и хоромъ музыки; на правомъ флангѣ находился командующій арміей, генералъ Брусиловъ. Государь Императоръ, обойдя караулъ, изволилъ обратиться къ ротѣ съ милостивыми словами, благодарилъ ее за боевую службу и пожаловалъ всему составу роты Георгіевскіе кресты за послѣднее доблестное ея дѣло противъ непріятеля. Караулъ прошелъ церемоніальнымъ маршемъ; на правомъ флангѣ проходилъ Верховный Главнокомандующій, начальникъ его штаба и командующій арміей. Со станціи Государь Императоръ съ Верховнымъ Главнокомандующимъ и генераломъ Брусиловымъ прослѣдовалъ въ помѣщеніе командующаго арміей, гдѣ изволилъ завтракать съ высшими военно-начальствующими лицами штаба Верховнаго Главнокомандующаго и арміи.

Въ 3 часа дня Государь Императоръ отбылъ изъ Самбора для слѣдованія въ Перемышль. По пути Его Величество произвелъ смотръ одному изъ славныхъ боевыхъ корпусовъ, находящемуся въ полномъ составѣ; на смотру присутствовалъ Великій Князь Александръ Михаиловичъ; войска восторженно встрѣтили своего Державнаго Шефа. Въ 7 часовъ вечера Государь Императоръ прибылъ въ Перемышль, гдѣ былъ встрѣченъ комендантомъ крѣпости, военнымъ генералъ-губернаторомъ Галиціи, генералъ-адъютантомъ графомъ Бобринскимъ; здѣсь же имѣли счастье представиться Его Величеству военно-начальствующія лица гарнизона. Обойдя на станціи почетный караулъ, Государь Императоръ отбылъ въ гарнизонную походную церковь, гдѣ было отслужено молебствіе; при проѣздѣ Государя Императора по городу, стоявшія шпалерами войска гарнизона радостно привѣтствовали Его Величество кликами «ура».

Изъ походной церкви Государь Императоръ прослѣдовалъ въ домъ бывшаго австрійскаго коменданта крѣпости Кусманека, приготовленный для Его Величества на время Высочайшаго пребыванія въ Перемышлѣ; затѣмъ Государь Императоръ отбылъ въ помѣщеніе, служившее мѣсяцъ тому назадъ офицерскимъ собраніемъ для австрійскаго гарнизона крѣпости; помѣщеніе это, какъ и другія зданія въ городѣ, сохранилось въ полной исправности; здѣсь состоялся въ Высочайшемъ присутствіи обѣдъ, на которомъ были Верховный Главнокомандующій, Великіе Князья Петръ Николаевичъ, Александръ Михаиловичъ, принцъ Петръ Александровичъ Ольденбургскій, министръ Императорскаго Двора, Свита Его Величества, штабъ Верховнаго Главнокомандующаго, генералъ-губернаторъ Галиціи, помощникъ его, свиты Его Величества генералъ-маіоръ Половцовъ, комендантъ крѣпости и начальствующія лица гарнизона. Послѣ обѣда Государь Императоръ обозрѣвалъ въ собраніи военные трофеи; въ десятомъ часу вечера Его Величество возвратился въ свое помѣщеніе. 11-го апрѣля Государь Императоръ въ 10 часовъ утра совершилъ поѣздку съ Верховнымъ Главнокомандующимъ, Великими Князьями, министромъ Двора, свитою, комендантомъ крѣпости и штабомъ Верховнаго Главнокомандующаго на форты Перемышля. Послѣ завтрака въ военномъ собраніи Государь Императоръ съ Верховнымъ Главнокомандующимъ въ автомобилѣ прослѣдовалъ обратно во Львовъ.

Не достойны носить оружіе. Командующій войсками омскаго военнаго округа, генералъ-отъ-кавалеріи Шмитъ, въ приказѣ по войскамъ 30-го марта с. г. объявилъ:

«Верховный Главнокомандующій повелѣлъ лишить права ношенія оружія плѣнныхъ австрійскихъ офицеровъ, въ томъ числѣ офицеровъ гарнизона Перемышля, за совершенное чинами австрійской арміи въ ночь на 21-е марта въ районѣ Залещиковъ гнусное звѣрство надъ доблестнымъ чиномъ русской арміи рядовымъ Алексѣемъ Макухой, которому австрійцы вырѣзали языкъ за отказъ сообщить врагу свѣдѣнія, составляющія военную тайну.

Приказываю отобрать оружіе у плѣнныхъ австрійскихъ офицеровъ, объяснивъ имъ причину примѣненія этой мѣры».

Въ Перемышлѣ. Выводъ плѣнныхъ изъ Перемышля закончился. Всего эвакуировано во внутренніе районы Россіи 9 генераловъ, 2.307 офицеровъ и 113.890 нижнихъ чиновъ. Кромѣ того, временно оставлено въ лѣчебныхъ заведеніяхъ на театрѣ военныхъ дѣйствій около 6.800 больныхъ и раненыхъ, не могущихъ, по состоянію ихъ здоровья, перенести немедленную перевозку. При этихъ больныхъ и раненыхъ оставлено въ помощь русскому медицинскому персоналу 129 австрійскихъ врачей и 100 санитаровъ.

Признаніе врага. По сообщенію изъ Копенгагена, комендантъ Перемышля, генералъ Кусманекъ, поселенный нынѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ, передъ сдачей крѣпости телеграфировалъ женѣ: «Здоровъ. Въ будущемъ долго не смогу извѣщать. Не безпокойся. Русскіе противники—рыцари и будутъ обращаться со мной соотвѣтственно чину».

События на Босфорѣ. Нашъ военный органъ «Русскій Инвалидъ» въ статьѣ «Оцѣнка военныхъ событій» говоритъ:

«Для общественнаго интереса и нервовъ, конечно, тягостенъ былъ перерывъ бомбардировки Босфора. Но въ томъ же перерывѣ спеціалистъ видитъ черту благоразумной неторопливости, отсутствіе вредной запальчивости, т.-е. несомнѣнный расчетъ. Рано или поздно, но въ предѣлахъ ближайшаго времени, союзныя эскадры войдутъ въ проливы, разъединятъ арміи турокъ на ихъ берегахъ, парализуютъ Стамбулъ, какъ центръ управленія турецкими землями и боевыми операціями, отгонятъ своимъ огнемъ вражескія войска отъ берега, стѣснятъ десантами ихъ сообщенія, поставятъ, вѣроятно, европейскую ихъ часть въ безвыходное положеніе... и къ новому русскому урожаю откроютъ широкую дорогу русскому хлѣбу и во Францію и въ Англію, а къ намъ—болѣе хорошую дорогу ввоза, чѣмъ сѣверная морская на Архангельскъ или съ Дальняго Востока. Обоюдные, самые крупные и насущные интересы направляютъ каждый выстрѣлъ мѣтче въ форты проливовъ, выбрасываютъ каждую горсть союзныхъ десантовъ на вражескіе берега. Недавно съ явнымъ расчетомъ повліять на настроеніе своихъ и чужихъ, появилось авторитетное мнѣніе, будто работа флота у проливовъ—малозначуща, а для успѣха десантовъ требуются сотни тысячъ бойцовъ... Но ходъ событій на Галлиполійскомъ полуостровѣ разсѣиваетъ такое настроеніе: одна изъ труднѣйшихъ частей десантной операціи—высадка—протекаетъ безболѣзненно».

Призывъ къ молодежи. Петроградскій родительскій кружокъ обращается къ нашей молодежи: «Къ вамъ, юноши и молодыя дѣвушки, обращается петроградскій родительскій кружокъ съ настоящимъ воззваніемъ. Онъ ждетъ, что вы откликнетесь на его призывъ.

Для васъ скоро начнутся лѣтнія каникулы, продолжительный отдыхъ, а для крестьянъ начнется страдная пора. Но настоящая крестьянская страда особенно тяжела: рабочихъ рукъ мало, отцы ушли на войну, и много полей останется необработанными, сѣно во-время не будетъ скошено и убрано, а маленькія дѣти будутъ оставаться безъ присмотра въ то время, какъ матери ихъ будутъ однѣ нести на себѣ всю тяжесть лѣтнихъ полевыхъ работъ.

Придите же вы съ вашими молодыми силами на помощь родинѣ, возьмите въ руки лопату, косу, серпъ, кому что по силамъ, и въ одиночку, или соединяясь группами около уважаемыхъ и опытныхъ людей (въ Россіи найдутся отзывчивыя души), станьте ближе къ землѣ и къ нашему трудовому крестьянству и облегчите работу осиротѣвшимъ семьямъ.

Или, если эта работа вамъ не по силамъ, возьмите на себя заботу о маленькихъ крестьянскихъ дѣтяхъ, устройте въ деревняхъ ясли и тѣмъ освободите въ помощь матерямъ руки подростковъ, которые иначе должны будутъ нянчить своихъ братишекъ и сестренокъ.

Много работы для васъ въ деревнѣ, но не меньше нужды въ вашихъ силахъ и въ городахъ. Утомленные тяжелой работой, многіе изъ тѣхъ, что работали зимой въ лазаретахъ и попечительствахъ, на лѣто разъѣзжаются, и тамъ не хватаетъ работниковъ. Вступивъ въ санитары, вы поможете при переноскѣ раненыхъ и при уходѣ за ними, научите грамотѣ нѣсколькихъ изъ этихъ одинокихъ, скучающихъ страдальцевъ, подолгу иногда прикованныхъ къ постели, поможете обучить калѣкъ работамъ, которыя вамъ самимъ легко изучить (плетенью, вязанью).. Попутно записывая военныя сказанія и бытовыя пѣсни, вы и другихъ заставите полюбить и узнать народную душу.

Всякое ваше участіе, самая небольшая помощь—дороги сейчасъ для Россіи, и за каждое ваше ласковое слово будетъ вамъ безгранично благодаренъ такъ много дѣлающій, но такъ мало требующій русскій солдатъ».

Отмѣна экзаменовъ. Директоръ департамента земледѣлія обратился къ директорамъ сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній съ циркуляромъ, въ которомъ предлагаетъ отмѣнить переходныя испытанія въ среднихъ и низшихъ сельскохозяйственныхъ училищахъ, въ цѣляхъ использованія учащихся въ качествѣ рабочихъ во время весеннихъ полевыхъ и сельскихъ работъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предписывается въ первую очередь отпустить тѣхъ учениковъ, семьи которыхъ нуждаются въ работникахъ для предстоящей весенней пахоты.

Галиція—наслѣдіе Руси. «Народная Газета», говоря о необычайно ранней Пасхѣ въ текущемъ году, приводитъ крайне интересное указаніе изъ древнѣйшей книги «Вертоградъ Струйный», уцѣлѣвшей всего въ одномъ экземплярѣ.

«Спитъ превратная судьба не только людей, но и царствъ. Всю свою долгую жизнь я наблюдалъ Божіи планеты и дошелъ до нѣкоторой степени знанія.

Многое сокровенное стало очень открытымъ.

Минувшей ночью, передъ разсвѣтомъ, стояніе звѣздъ было таково, что мнѣ удалось составить слѣдующее предзнаменованіе: Галиційскія земли издавна наслѣдіе Руси. Червонная Русь хотя и стоитъ сейчасъ подъ цесарскимъ скипетромъ, но придетъ время, когда она вновь возсоединится со своей кровной матерью, Россіей. Это будетъ еще не скоро, когда Срѣтеніе будетъ праздноваться не въ свой срокъ, а Пасха произойдетъ ранѣе ранняго. Что сіе вѣрно и Божіимъ знаменіемъ предопредѣлено, въ томъ я обѣщаюсь своимъ іерейскимъ словомъ и подписью».

Даръ герою Алексѣю Макухѣ. Епископъ Анастасій ямбургскій, ректоръ петроградской духовной академіи, обратилъ вниманіе на нравственную сторону подвига героя-мученика Алексѣя Макухи, добровольно претерпѣвшаго безпримѣрное мученичество, но не выдавшаго тайны, ввѣренной ему по воинскому долгу и присягѣ, и предложилъ послать ему отъ имени петроградскаго духовенства икону. Мысль эта встрѣтила полное сочувствіе, и икона будетъ послана съ изображеніемъ св. патрона героя, Алексѣя человѣка Божьяго, такъ какъ день мученическаго подвига почти что совпалъ съ днемъ Ангела Алексѣя Макухи. Кромѣ того, предполагается возбудить въ св. синодѣ вопросъ о благословеніи героя иконою отъ имени св. синода, съ выдачею установленной грамоты.

Учителя на войнѣ. По полученнымъ въ училищномъ совѣтѣ при св. синодѣ свѣдѣніямъ, изъ числа учителей церковно-приходскихъ школъ свыше 4.000 человѣкъ призвано въ ряды арміи. Донесено также училищному совѣту, что одинъ изъ епархіальныхъ наблюдателей церковныхъ школъ оставилъ свой высокій служебный постъ и пошелъ добровольцемъ.

Сколько плѣнныхъ взято союзными войсками. Если сдѣлать подсчетъ числу плѣнныхъ, о которыхъ говорится въ нашихъ, французскихъ и англійскихъ сообщеніяхъ, то получится приблизительно слѣдующій итогъ:

Въ Россіи находится 725.000 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 10.000 офицеровъ: германцевъ нами взято въ плѣнъ 1.400 офицеровъ и 154.000 солдатъ, всего 155.400 человѣкъ; австрійцевъ — офицеровъ 8.100, солдатъ 534.000, всего 542.100 человѣкъ; турокъ—57.500 человѣкъ, въ томъ числѣ 500 офицеровъ.

Во Франціи и Бельгіи взято въ плѣнъ 251.400 германцевъ. Въ Англіи находится 80.000 военноплѣнныхъ германцевъ.

Сербы захватили въ плѣнъ 63.500 австрійцевъ, японцы взяли въ Циндао 7.000 нѣмцевъ. Бои въ Африкѣ и у Суэца доставили англичанамъ 3.200 плѣнныхъ турокъ и германцевъ. Что касается морскихъ операцій, то послѣдніе, по приблизительному подсчету, дали союзникамъ 4.980 плѣнныхъ. Общее

число военноплѣнныхъ, взятыхъ союзными арміями и флотомъ, достигаетъ почти 1.200.000 человѣкъ, т.-е. равно по численности шести арміямъ Юлія Цезаря и восьми арміямъ Александра Македонскаго.

У бельгійскаго короля. Изъ американской газеты «New-York American» «Бирж. Вѣд.» перевели разсказъ Пьера Лоти о томъ, какъ онъ посѣтилъ короля Альберта въ настоящей его резиденціи.

«По дорогѣ въ бельгійскую главную квартиру,—пишетъ Лоти,—куда я долженъ былъ отвезти письмо президента Французской республики, чтобы лично передать его величеству королю Альберту, я проѣзжалъ черезъ городъ, подвергшійся усиленной бомбардировкѣ германцевъ. Былъ ненастный день со снѣгомъ, ледянящимъ вѣтромъ и слякотью, и на улицахъ не видно было ни души. Лишь изрѣдка попадались мнѣ навстрѣчу небольшія группы солдатъ всѣхъ родовъ оружія. Они быстро шагали по грязи съ поднятыми воротниками и нахлобученными на самыя уши фуражками и весело шутили надъ весенней погодой со снѣгомъ и дождемъ.

Меня удивило, почему на этомъ полувымершемъ городѣ не лежитъ печати унынія? Я замѣтилъ, что всѣ солдаты имѣютъ бодрый и здоровый видъ, нигдѣ не видѣлъ я испуганныхъ, растерянныхъ лицъ, какъ въ началѣ войны. Я понялъ, что теперь бельгійцы смотрятъ на нашествіе германцевъ съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ они смотрятъ на ненастную весеннюю погоду,—они хорошо знаютъ, что скоро этому будетъ конецъ.

Отъ города до бельгійской главной квартиры приблизительно часъ пути на автомобилѣ. Дождь шелъ не переставая, и меня насквозь пронизывало стужей, но я сознавалъ только, что скоро увижу короля,—этого рыцаря безъ страха и упрека.

Если бы не солдаты и множество военныхъ автомобилей, снующихъ повсюду, то трудно было бы предположить, что находишься въ главной квартирѣ. Я долженъ былъ выйти изъ автомобиля, потому что дорога къ королевской резиденціи не что иное, какъ тропинка. Здѣсь, на дорогѣ, стоитъ нѣсколько автомобилей, забрызганныхъ грязью и потертыхъ. Среди нихъ выдѣляется одинъ, болѣе элегантный, но на немъ нѣтъ герба. Лишь двѣ буквы «S. M.» (Sa Majesté), написанныя мѣломъ на дверцѣ, указываютъ на то, что это автомобиль короля.

Король Альбертъ живетъ въ красивомъ старомъ фламандскомъ домѣ, въ бывшемъ монастырѣ, окруженномъ деревьями и могилами. Узкая тропинка ведетъ къ дому черезъ маленькое кладбище. Навстрѣчу мнѣ, не обращая вниманія на дождь, вышелъ адъютантъ, такой же привѣтливый, какъ и король. У входа въ королевскую резиденцію нѣтъ часовыхъ. Вообще, здѣсь отсутствуютъ какія-либо церемоніи. Я вошелъ въ скромную прихожую, и, едва я успѣлъ повѣсить свое пальто, какъ растворилась дверь во внутреннее помѣщеніе, и на порогѣ появился король, высокій и стройный, поразительно моложавый на видъ, съ правильными чертами лица, съ добрыми и умными глазами. Онъ протянулъ мнѣ руку, сердечно привѣтствуя меня.

Въ моей жизни мнѣ не разъ приходилось быть принятымъ королями и императорами, но, несмотря на всю пышность и роскошь, украшавшую ихъ въ ихъ величественныхъ дворцахъ, я никогда не испытывалъ чувства такого глубокаго уваженія, какое я испыталъ на порогѣ этого скромнаго жилища, облагороженнаго ореоломъ страданія и самоотверженности.

Комната, въ которую я вошелъ, была обставлена болѣе, чѣмъ скромно, но при этомъ въ ней не было ничего вульгарнаго. Одна стѣна была сплошь уставлена полками съ книгами. Въ углу стоялъ раскрытый рояль съ тетрадкой нотъ на пюпитрѣ. Посреди комнаты большой круглый столъ былъ заваленъ картами и планами. Окно было раскрыто, несмотря на холодъ; оно выходило въ маленькій монастырскій садикъ съ оголенными деревьями, производившими особенно унылое впечатлѣніе въ этотъ ненастный день.

Послѣ того, какъ я исполнилъ порученіе президента, король долго бесѣдовалъ со мной. Но, къ сожалѣнію, я ничего не могу передать изъ этой бесѣды, такъ какъ король постоянно повторяетъ окружающимъ его: «Дѣлайте все, что отъ васъ зависитъ, чтобы моего имени не называли». И я хорошо понимаю его страхъ передъ всѣмъ тѣмъ, что только подходитъ подъ понятіе «интервью».

Что меня больше всего поразило въ королѣ Альбертѣ, такъ это его искренняя и обаятельная скромность. Онъ отнюдь не сознаетъ, что поведеніе его можетъ возбуждать восхищеніе. Онъ не находитъ, что заслуживаетъ восхищенія французскаго народа, или популярности хотя бы въ той же мѣрѣ, въ какой этого заслуживаетъ послѣдній изъ его солдатъ, который жертвуетъ жизнью, защищая наше общее дѣло.

Когда я сказалъ ему, что видѣлъ портретъ бельгійскаго короля и королевы на почетныхъ мѣстахъ въ бѣднѣйшихъ хижинахъ во французскихъ деревняхъ, что портреты эти разукрашены маленькими черными, желтыми и красными флажками, онъ, повидимому, съ трудомъ повѣрилъ мнѣ. Онъ молча посмотрѣлъ на меня съ улыбкой, которая какъ будто говорила:

— То, что я сдѣлалъ, совсѣмъ просто и естественно. Развѣ могъ король, достойный быть королемъ, поступить иначе?

Потомъ мы заговорили о Дарданеллахъ, гдѣ назрѣваютъ великія событія. Онъ подробно разспрашивалъ меня о западныхъ и укромныхъ уголкахъ на этихъ берегахъ, которые мнѣ такъ хорошо знакомы, и о которыхъ я всегда съ любовью вспоминаю. Послѣ этого разговоръ перешелъ на войну, ружья и пушки, и король оказался знатокомъ во всемъ этомъ».

Воздушная экспедиція короля Альберта. Англійскій капитанъ Рей-Фревиль сообщаетъ въ голландской газетѣ «Rotterdamsche Courrant» интересныя подробности экспедиціи, которую совершилъ съ бельгійскимъ летчикомъ, майоромъ Тильтомъ, бельгійскій король Альбертъ.

Былъ восьмой часъ на исходѣ,—разсказываетъ капитанъ,—когда къ намъ прискакалъ ординарецъ съ извѣстіемъ, что со стороны Фюрна предполагается атака вновь прибывшаго германскаго отряда, высаживающагося съ поѣзда. Мы приготовились къ бою, но въ это время съ сѣверо-запада отъ насъ, отъ деревни Лебэдъ, гдѣ находились траншеи бельгійцевъ, поднялся военный бипланъ, быстро направившійся къ сѣверо-востоку. Мы видѣли, какъ онъ началъ медленно кружить на одномъ мѣстѣ, очевидно, тщательно изслѣдуя мѣстность. Тотчасъ же со стороны германцевъ началась усиленная канонада. Шрапнель рвалась вокругъ аэроплана. Бѣлые дымки расцвѣтали то подъ аэропланомъ, то надъ нимъ, но, видимо, летчикъ былъ очень опытный, такъ какъ аппаратъ, не измѣняя района своей рекогносцировки, лишь однимъ маневрированіемъ, то опускаясь крутой спиралью къ землѣ, то поднимаясь кверху зигзагами, избѣгалъ поврежденій. Черезъ нѣсколько минутъ съ бельгійскаго аэроплана были выброшены сигналы. Имъ тотчасъ же отвѣтили бельгійскія тяжелыя орудія. Вскорѣ артиллерійская перестрѣлка завязалась вдоль всего фронта въ раіонѣ Фюрна, и только тогда бельгійскій аэропланъ возвратился за линію расположенія нашихъ войскъ. Генералъ Фергюссонъ, командующій нашимъ отрядомъ, сообщилъ потомъ, что наступавшая на насъ германская колонна, благодаря тщательной развѣдкѣ, произведенной бельгійскимъ летчикомъ, была разсѣяна бельгійскими и англійскими снарядами. Черезъ полчаса по дорогѣ, проходящей вблизи отъ нашихъ позицій, промчался знакомый намъ всѣмъ сѣрый автомобиль короля Альберта. Какъ мы узнали лишь изъ приказа на другой день, король Альбертъ, вмѣстѣ съ военнымъ летчикомъ Тильтомъ, произвелъ эту тщательную воздушную развѣдку.

Кузнецу Германіи. 20-го марта с. г., въ день столѣтняго юбилея дня рожденія Бисмарка, на могилу его были, между прочимъ, возложены вѣнки: отъ Вильгельма съ надписью: «Желѣзному канцлеру въ желѣзное время» и отъ рейхстага: «Кузнецу единой Германіи отъ единаго германскаго народа».

Отзывчивость англичанъ. Фондъ національной помощи имени принца Уэльскаго превысилъ 50 милліоновъ рублей, а фондъ газеты «Times» для раненыхъ и больныхъ солдатъ—13 милліоновъ рублей. Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ въ мірѣ пресса, не было случая, чтобы газета собрала по подпискѣ столь крупную сумму пожертвованій.

Военная хитрость лорда Китченера. Въ началѣ войны, приблизительно въ августѣ прошлаго года, иностранныя газеты усердно сообщали о сотняхъ поѣздовъ, везущихъ черезъ Англію «казачьи сотни» въ подкрѣпленіе французамъ противъ наступавшаго на Парижъ фонъ-Клука. Теперь французская газета «Journal» разъясняетъ эту таинственную исторію. По нѣкоторымъ соображеніямъ, англійскій военный министръ лордъ Китченеръ призналъ полезнымъ заставить нѣмцевъ вѣрить, хотя бы на короткое время, что со дня на день на берегъ Франціи сойдутъ страшные казаки. Для этого министръ предложилъ владѣльцамъ пароходовъ, въ большомъ числѣ отходившихъ тогда съ товарами изъ Англіи въ Архангельскъ, заключить съ отправителями грузовъ такіе контракты, которые позволяли бы думать, что обратно пароходы повезутъ войска. Контрактовъ въ особомъ секретѣ не хранили, и германскіе шпіоны узнали объ этомъ. Возвращеніе пароходовъ въ Англію зато было обставлено величайшей тайной: въ докахъ ихъ ждали поѣзда съ опущенными шторами. Черезъ Англію недѣлями потомъ шли таинственные поѣзда, молчаливые и закрытые. Желѣзнодорожнымъ служащимъ было предписано не отрицать и не подтверждать фактъ проѣзда «русскихъ войскъ». Во Франціи и Англіи масса людей въ то время до того вѣрила въ прибытіе русскихъ, что многіе умудрялись даже «видѣть» ихъ; возможно поэтому, что временно были обмануты и германцы, и что это отразилось на передвиженіи ихъ войскъ.

Читай наоборотъ. Въ одномъ изъ южныхъ городовъ получено письмо отъ нашего плѣннаго изъ Магдебурга. Послѣ очевидно нарочно придуманныхъ для отвода глазъ похвалъ нѣмцамъ за обращеніе съ русскими плѣнными, помѣщена слѣдующая фраза:

«Кланяйтесь роднымъ и друзьямъ: Taimrok, Uinard, Emork, Idow, Ierachusi Owestin, Tuiaden».

Эти «имена друзей» надо читать, начиная съ перваго, «Таймрока»,—наоборотъ, и получится: «Кормятъ дрянью, кромѣ воды и сухарей ничего не даютъ».

Новыя бомбы. Прибывшіе въ Швецію изъ Франціи офицеры разсказываютъ, что въ настоящее время германцы примѣняютъ на западномъ фронтѣ особыя бомбы, прозванныя французами «бутылками шампанскаго», на которыя онѣ похожи своей формой. Бомбы эти мечутся или руками или при помощи особыхъ катапультъ. Сила взрыва этихъ снарядовъ значительная. Они вырываютъ воронку діаметромъ до 40 футовъ и глубиною до 15 футовъ. Случаевъ невзрыванія почти не было, и это обстоятельство, вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ осколковъ новыхъ бомбъ, приводитъ французскихъ химиковъ и артиллеристовъ къ заключенію, что эти снаряды начинены не мелинитомъ или динамитомъ, а жидкимъ воздухомъ или жидкой углекислотой. Во всякомъ случаѣ, эти новые снаряды представляютъ собою новинку въ артиллерійскомъ дѣлѣ и служатъ предметомъ тщательнаго изученія во Франціи, гдѣ уже въ лабораторіяхъ профессоровъ Тюрпэна и Гастона Морве изобрѣтенъ подобный же снарядъ съ еще большей разрушительной силой.

Даръ папы римскаго. Папа римскій Бенедиктъ XV препроводилъ кардиналу Мерсье 25.000 франковъ на нужды населенія Бельгіи и 25.000 кронъ епископу Каковскому для населенія Польши.

Трогательный подарокъ болгарина. Бывшій корнетъ Шарковскаго уланскаго полка, георгіевскій кавалеръ, теперь живущій въ Болгаріи, послалъ Верховному Главнокомандующему 500 штукъ нижняго бѣлья, табакъ и папиросы для раздачи русскимъ солдатамъ и письмо, въ которомъ вспоминаетъ, какъ 35 лѣтъ назадъ, при производствѣ въ офицерскій чинъ, цѣловалъ руку Великому Князю, и что онъ, несмотря на свои 53 года, и сейчасъ готовъ явиться въ свой бывшій полкъ и сложить кости вмѣстѣ съ русскими за славянство.

Военныя поставки Соединенныхъ Штатовъ союзникамъ. Нью-Іоркская газета «World», по словамъ «Köln. Ztg», приводитъ нѣкоторыя данныя о военныхъ поставкахъ Соед. Штатовъ союзникамъ. За первыя полгода войны были сдѣланы поставки въ 400 милліоновъ долларовъ, а къ концу года эта сумма повысится до 1 милліарда долларовъ. 1 милліардъ долларовъ, это—почти половина всего вывоза Соед. Штатовъ за 1914 г. Контракты, заключенные союзниками съ Соед. Штатами, предусматриваютъ военныя поставки на довольно продолжительные сроки, исчисляющіеся годами. Большинство поставляемыхъ товаровъ вывозится въ Канаду, а оттуда слѣдуетъ на англійскихъ пароходахъ въ Англію, впрочемъ, нѣкоторые товары идутъ въ Ванкуверъ, а оттуда во Владивостокъ.

Коммерція выше всего. По словамъ газеты «Финансьель» императоръ Вильгельмъ черезъ подставное лицо подписался на боны англійскаго казначейства. Императоръ Германіи помѣщаетъ свое милліонное состояніе въ банкахъ внѣ предѣловъ Германіи.

№ 17. Выходитъ еженед. (52 №№ въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 25 апрѣля 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на ½ года—4 р., на ¼ года—2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Содержание.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій И. А. Бунина" кн. 5.

Въ Перемышлѣ. Домъ, въ которомъ содержались плѣнные русскіе офицеры.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Окруженная Австро-Венгрія.

Стратегическое затишье на восточномъ фронтѣ, вызванное наступленіемъ весенней распутицы, представляется, быть-можетъ, періодомъ болѣе важнымъ, чѣмъ періоды крупныхъ операцій. Время этого затишья обѣ стороны несомнѣнно должны использовать для весьма серьезной подготовки, для весьма основательнаго накопленія силъ, должны произвести рядъ весьма важныхъ перегруппировокъ, и это само собою уже подразумѣваетъ неизбѣжность крупныхъ событій съ окончаніемъ половодья. Не даромъ говорится, что „войны выигрываются въ мирное время", т.-е., что та подготовка къ войнѣ, которую каждая страна продѣлываетъ заблаговременно, уже предопредѣляетъ результаты будущаго вооруженнаго столкновенія. Одинаково и въ данномъ случаѣ, тѣ операціи, которыя внѣшне будутъ вестись послѣ распутицы, по существу уже предрѣшаются нынѣшней подготовкой обѣихъ сторонъ въ періодъ самой распутицы. Поэтому и можно сказать, что весеннія итоги, весеннія побѣды зависятъ всецѣло отъ той подготовки, которая будетъ произведена въ теченіе апрѣльскаго половодья. Этимъ и опредѣляется особенная важность всѣхъ тѣхъ скрытныхъ дѣйствій и передвиженій, которыя продѣлываютъ предварительно обѣ стороны.

Наиболѣе лихорадочной дѣятельностью занятъ австро-венгерскій генеральный штабъ, ибо изъ всѣхъ воюющихъ державъ положеніе Австро-Венгріи несомнѣнно хуже другихъ, и несомнѣнно ее въ первую голову ждутъ самыя серьезныя испытанія.

Австрійцы еще со временъ Галиційскаго сраженія находились въ весьма критическомъ положеніи, но то, что̀ ихъ ожидаетъ послѣ окончанія весенней распутицы, дѣлаетъ это положеніе не только критическимъ, но прямо безвыходнымъ. Независимо отъ того, что наши войска занимаютъ главные Карпатскіе перевалы и могутъ съ окончаніемъ таянія снѣговъ спуститься въ Венгерскую равнину, австрійцамъ теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, угрожаетъ опасность со всѣхъ сторонъ. Австрійцы должны ждать не только удара со стороны Карпатъ, но могутъ опасаться и сербскаго наступленія и, самое главное, выступленія Италіи.

Хотя Италія продолжаетъ оставаться на внѣшне нерѣшительной позиціи, но, конечно, итальянцы не откажутся отъ тѣхъ задачъ, которыя они ставятъ себѣ весьма опредѣленно. Они заняли Албанію и этимъ уже предрѣшили вопросъ о судьбахъ Адріатическаго моря. Отнынѣ, владѣя обѣими сторонами Отрантскаго пролива, они являются несомнѣнными хозяевами Адріатики, и такимъ образомъ, короткимъ, мало замѣтнымъ движеніемъ, сразу разрѣшили свой споръ съ австрійцами о господствѣ на Адріатическомъ морѣ.

Однако у итальянцевъ имѣлись и имѣются

Въ Перемышлѣ. Австрійскія сестры милосердія — монахини (большею частью польки), ухаживавшія за плѣнными русскими офицерами.

Театръ.

ваетъ силу стратегической позиціи, занимаемой австрійцами въ Трентино.

Такимъ образомъ передъ итальянцами всегда имѣется австрійская угроза въ видѣ своего рода австрійской Восточной Пруссіи. Роль Трентино совершенно аналогична со стратегической ролью Восточно-Прусской области. Какъ тамъ, такъ и здѣсь обѣ области представляютъ собою трудно-доступныя позиціи, на одолѣніе которыхъ нужно затратить громадныя усилія. Какъ мы видѣли, мимо Восточной Пруссіи двинуться на Познань нельзя, ибо движеніе противника изъ Восточной Пруссіи можетъ угрожать сообщеніямъ съ Вислой и Литвой. Одинаково и итальянцы никогда не могутъ двинуться въ Австрію къ Тріесту, т.-е. на сѣверо-востокъ, потому что этому мѣшаетъ занятая австрійцами область Трентино. Въ случаѣ движенія итальянцевъ къ австрійскому Тріесту, австрійцы могутъ выйти изъ Трентино и отрѣзать пути отступленія итальянской арміи.

Слѣдовательно, при настоящихъ условіяхъ, итальянцамъ съ одной стороны крайне трудно взять Трентино, ибо это весьма сильная, укрѣпленная страна, а съ

Вокзалъ.

счеты съ австрійцами не только на морѣ, но и на сушѣ. Разрѣшивъ столь легко морскую проблему, они весьма настойчиво и энергично требуютъ отъ Австріи сухопутнаго исправленія границы, что̀ представляетъ для нихъ громадную стратегическую важность. Итальянцы требуютъ Трентино и отъ этого требованія не откажутся ни на одну минуту и нисколько не задумаются поддержать это требованіе вооруженной рукой.

Для того, чтобы понять, что̀ такое Трентино, нужно только взглянуть на карту сѣверной Италіи. Тогда сразу будетъ видно, что отъ австрійской территоріи вдается большой выступъ, воткнутый въ сѣверную Италію. Этотъ выступъ, — Трентино, — благодаря условіямъ гористой и трудно-доступной мѣстности, представляетъ собою весьма сильную позицію. Кромѣ того, въ области Трентино имѣется крѣпость Тріентъ, которая еще болѣе усили-

Металлическія жалюзи, погнувшіяся во время бомбардировки.

другой стороны—они не могутъ пройти мимо Трентино и попытаться двинуться къ Тріесту, такъ какъ австрійцы изъ Трентино будутъ угрожать тогда сообщеніямъ итальянской арміи. Вполнѣ естественно, что итальянцы всегда лелѣяли надежду срѣзать этотъ выступъ — Трентино, чтобы оказаться въ одинаковыхъ условіяхъ государственной обороны съ австрійцами, австрійцы же ни за что не хотятъ отдать итальянцамъ Трентино, сознавая важность и стратегическое значеніе этой области, а въ особенности не хотятъ отдавать ее теперь, ибо, отдавъ Трентино, австрійцы окажутся совершенно обезоруженными передъ Италіей. Съ своей стороны итальянцы не могутъ надѣяться на бумажныя обѣщанія австрійцевъ, готовыхъ пока обязаться, что они отдадутъ Трентино послѣ войны, и понимаютъ, что настоящій моментъ является для нихъ наиболѣе благопріятнымъ для захвата этой спорной области и для выравненія границъ.

Въ силу этого, вопросъ о выступленіи Италіи является въ принципѣ, повидимому, предрѣшеннымъ, и все сводится только къ тому, когда итальянцы выступятъ. Каждый нашъ успѣхъ на австрійскомъ фронтѣ приближаетъ тамъ развязку событій, а это, въ свою очередь, заставляетъ итальянцевъ торопиться со своимъ выступленіемъ. Поэтому къ началу весенней распутицы позиція Италіи по отношенію къ Австріи будетъ весьма угрожающей, и австрійцы

Въ Перемышлѣ. По фот. нашего корреспондента С. Корсакова.

неизбѣжно должны держать часть своей арміи на итальянскомъ фронтѣ. Эти войска должны быть достаточно многочисленны, ибо итальянская опасность представляется весьма серьезной. У итальянцевъ имѣется перволинейная армія, которая, въ случаѣ нужды, будетъ доведена до 700—800 тысячъ, тогда какъ у австрійцевъ уже дѣйствуютъ даже не второлинейныя войска, а третьелинейныя.

Будучи вынуждены оставить часть силъ противъ итальянцевъ, австрійцы не могутъ также игнорировать и сербскаго фронта. За 4 мѣсяца послѣ сраженія въ долинѣ рѣки Колубары сербская армія успѣла значительно усилиться, отдохнуть и представляетъ собою во всякомъ случаѣ достаточно серьезную силу, чтобы австрійцы могли не считаться съ нею при началѣ весенней кампаніи.

Такимъ образомъ, кромѣ сложныхъ задачъ, предстоящихъ передъ австрійцами на Карпатахъ, имъ приходится выдѣлить часть войскъ для итальянскаго и сербскаго фронтовъ. Австро-Венгрія къ началу весны будетъ окружена почти со всѣхъ сторонъ, и, если принять во вниманіе, что даже тогда, когда австрійцамъ пришлось драться только на одномъ русскомъ фронтѣ, они потерпѣли пораженіе, то вполнѣ понятно, насколько сложнымъ и почти безвыходнымъ окажется ихъ положеніе къ началу весны.

Казематъ.

Австрійскіе плѣнные разгружаютъ муку, доставленную нами въ сдавшійся Перемышль.

Австро-венгерскій штабъ, конечно, понимаетъ всю неимовѣрную трудность своего положенія и, насколько можно судить по отдѣльнымъ отрывочнымъ извѣстіямъ, давно настаиваетъ на томъ, чтобы нѣмцы, сильно укрѣпивъ свои позиціи въ Польшѣ, перебрались массами въ Венгрію и повели наступленіе черезъ Карпаты. Венгерскія газеты даже прямо обвиняютъ нѣмцевъ во всѣхъ несчастіяхъ, случившихся съ Австріей. Онѣ заявляютъ, что наступленіе Гинденбурга въ Польшу изъ Восточной Пруссіи было заранѣе уже обречено на неудачу, такъ какъ Гинденбургъ съ той частью германскихъ войскъ, которая ему была удѣлена съ западнаго фронта, все равно никогда не могъ бы захватить сильныхъ оборонительныхъ линій Нѣмана—Вислы. Если бы еще въ октябрѣ, какъ увѣряютъ венгры, Гинденбургъ укрѣпился въ Польшѣ, а войска выслалъ бы въ Венгрію и повелъ бы наступленіе черезъ Карпаты, то давно былъ бы выручен Перемышль, возвращена была бы Галиція, и наше стратегическое лѣвое крыло было бы охвачено.

Однако нѣмцы какъ раньше не хотѣли уходить изъ Польши и сходить съ путей, прикрывающихъ направленіе на Берлинъ, такъ, конечно, не рѣшатся сунуться въ далекій обходъ черезъ Австрію и теперь.

Сожженное австрійцами оружіе.

Въ Перемышлѣ. По фот. нашего корреспондента С. Корсакова.

Пребываніе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Георгія Михаиловича въ дѣйствующей арміи.

Это ясно выраженное нежеланіе нѣмцевъ послать массы войскъ въ Австрію еще болѣе затрудняетъ австрійскій генеральный штабъ, и ему приходится довольствоваться только нѣсколькими корпусами, присланными нѣмцами, да тѣми укрѣпленіями, которыя возводятся имъ на Карпатахъ. Карпатскій хребетъ весь опутывается колючей проволокой, и эта проволока является послѣднимъ средствомъ, въ которомъ ищутъ свое спасеніе австрійцы. Но тамъ, гдѣ страну не спасла полевая армія, не спасетъ ее и проволока, хотя бы накрученная въ самомъ неимовѣрномъ количествѣ.

Голосъ отрезвѣвшей Россіи.

(Вопросы внутренней жизни).

Со всѣхъ концовъ Русской земли идутъ телеграммы о постановленіяхъ земствъ, городовъ и сельскихъ сходовъ относительно воспрещенія продажи спиртныхъ напитковъ. Россія отрезвѣла и трезво отнеслась къ поставленному на ея обсужденіе пьяному вопросу. За долгіе годы процвѣтанія казенной монополіи и за нѣсколько мѣсяцевъ принудительнаго воздержанія по Царскому приказу она на опытѣ успѣла оцѣнить всѣ преимущества трезвой жизни надъ пьянымъ разгуломъ и теперь свободно и сознательно высказывается за недопущеніе алкогольнаго соблазна, не желая снова возвращаться къ пережитому ужасу всенароднаго отравленія.

Когда Совѣтъ Министровъ рѣшилъ передать право запрещенія винной торговли мѣстнымъ самоуправленіямъ, многіе изъ убѣжденныхъ сторонниковъ трезвости были противъ этой мѣры, заподозрѣли въ ней что-то въ родѣ замаскированнаго отступленія отъ безусловнаго запрета, начало колебанія въ рѣшительной борьбѣ съ пьянствомъ, обнаруживаемаго притомъ же на другой день послѣ блестящей побѣды надъ поверженнымъ во прахъ зеленымъ зміемъ. Однако послѣдствія показали, что въ этомъ важномъ дѣлѣ нашего національнаго возрожденія обращеніе къ содѣйствію органовъ общественной самодѣятельности было вполнѣ умѣстнымъ. Правительственный запретъ достигалъ цѣли, но онъ все же оставался только внѣшнимъ принужденіемъ, идущимъ сверху. Отвѣчая по существу мѣропріятія требованіямъ общественной совѣсти, онъ обходился безъ непосредственнаго участія самого общества.

Теперь картина получилась совершенно иная, еще болѣе свѣтлая и отрадная: алкоголь изгоняется уже не повелѣніемъ администраціи, а свободнымъ рѣшеніемъ пробужденной общественной мысли и воли. Восьмимѣсячный опытъ трезвости по сравненію съ многолѣтними воспоминаніями объ ужасахъ народнаго бича сдѣлалъ всѣхъ убѣжденными сторонниками воздержанія. Сельскіе хозяева, заводчики, фабриканты, владѣльцы мастерскихъ, — въ одинъ голосъ удостовѣряютъ, что искорененіе пьянства по крайней мѣрѣ на 30% повысило общую производительность народнаго труда и тѣмъ самымъ создало возможность безпрепятственно убрать урожай, подготовиться къ посѣвамъ и расширить обрабатывающую промышленность, даже при изъятіи съ рынка труда многихъ милліоновъ рабочихъ, призванныхъ подъ знамена в качествѣ запасныхъ, ратниковъ ополченія и раннихъ наборовъ рекрутовъ сверхъ-очередныхъ годовъ. Пропиваемый ежегодно милліардъ остался въ карманахъ нашихъ крестьянъ и рабочихъ, улучшилъ жизнь ихъ семействъ, создалъ довольство тамъ, гдѣ царила нищета, благотворно отразился на состояніи ихъ хозяйствъ и создалъ возможность еще большаго благосостоянія въ будущемъ.

И наше экономическое возрожденіе внутри страны и наши побѣды на границахъ тѣсно связаны съ отрезвленіемъ народа.

Единодушный вотумъ отрезвѣвшей Россіи внушаетъ увѣренность, что поверженный Царскимъ указомъ зеленый змій уже не возстанетъ изъ мертвыхъ.

Въ великіе дни.

Ему сказали: „подвигъ нуженъ!“
И отъ родныхъ полей и селъ,
Восторгомъ жертвеннымъ разбуженъ,
Непрекословно онъ пошелъ.
Въ огнѣ и грохотѣ сраженья
Звенѣлъ его побѣдный крикъ.
Онъ поражалъ, какъ Ангелъ мщенья,
Какъ Михаилъ Архистратигъ.
Но онъ сначала былъ отмѣченъ
Для мукъ послѣднихъ и святыхъ,
И ослабѣлъ въ неравной сѣчѣ
И, окровавленный,—затихъ.
Въ долинѣ вражескаго края
Онъ умеръ просто, какъ и жилъ:
Христово имя призывая,
Перекрестился и застылъ...
Онъ не одинъ. У насъ ихъ много,
Какъ чистыхъ звѣздъ въ тяжелой мглѣ.
Онъ въ вѣчной памяти у Бога,
А мы, —мы только на землѣ.

Зоя Бухарова.

Генералъ Добротинъ.

Генералъ Добротинъ, награжденный за боевыя отличія Георгіевскимъ оружіемъ, со своимъ штабомъ.

На бронированномъ автомобилѣ.

Разсказъ офицера.

Сергѣя Маныча.

Объѣздъ позицій.

— Поздравляю васъ, господа, съ серьезнымъ дѣломъ!—сказалъ штабсъ-капитанъ Циренко, входя въ крестьянскую халупу, въ которой помѣстились офицеры бронированной авто-пулеметной роты.

Циренко командовалъ 8-мъ взводомъ, и находящіеся въ комнатѣ офицеры—два подпоручика и прапорщикъ—были его подчиненными. Хорошенькій молоденькій подпоручикъ Рубецъ, въ этомъ году только-что окончившій военное училище, больше похожій на дѣвушку, чѣмъ на офицера, пристроился у тяжелаго неуклюжаго крестьянскаго стола и писалъ письмо. Это онъ дѣлалъ регулярно каждый вечеръ. Старшіе его товарищи знали, что адресатъ живетъ тамъ, гдѣ-то въ далекомъ Петроградѣ, на 10-й ротѣ; знали также, что Шура Рубецъ носитъ на лѣвой рукѣ запаянный стальной браслетъ — талисманъ, подарокъ этого адресата, и ласково подтрунивали надъ нимъ; Рубецъ никогда не сердился, а, наоборотъ, улыбался чистой дѣтской улыбкой. Два другихъ офицера—подпоручикъ Іогансонъ и прапорщикъ Онацкій—усиленно курили и играли въ шахматы. Было около 10 часовъ вечера, и денщики готовили походныя кровати.

Циренко держалъ въ рукахъ листикъ бумажки изъ полевой книжки, въ которой обыкновенно пишутся всѣ донесенія и приказанія: „съ полученіемъ сего предписываю вамъ немедленно" и т. д.

Офицеры подняли головы, денщики насторожились.

— Завтра въ 4 часа утра,—продолжалъ Циренко:—командиръ корпуса приказалъ двумъ бронированнымъ машинамъ выступить по шоссе въ направленіи на деревню М., такъ какъ у этой деревни предполагается атака проволочныхъ загражденій С... полкомъ. Одинъ автомобиль долженъ фланкировать проволочныя загражденія у фасада господскаго дома и вдоль дороги, другой долженъ тушить огонь непріятеля, засѣвшаго за длинной каменной стѣнкой, тянущейся къ болотамъ по берегу рѣки Бобра. Я считаю своимъ долгомъ сказать вамъ, господа, что порученіе это очень отвѣтственное и опасное. Отвѣтственное оно потому, что отъ успѣшно выполненной нами задачи зависитъ и успѣхъ всей завтрашней атаки, а значитъ, и занятіе нами такого важнаго стратегическаго пункта и узла шоссейныхъ дорогъ, какъ деревня М. Вамъ необходимо въѣхать въ самое расположеніе непріятеля, иначе невозможенъ его обстрѣлъ пулеметами.

— Вы, Вадимъ Петровичъ,—обратился Циренко къ Іогансону:—поѣдете на своемъ „Сильномъ" и будете старшимъ отряда, а вы, Сергѣй Дмитріевичъ, на „Славномъ",—сказалъ онъ прапорщику.—Вы же, Шура, оставайтесь дописывать свое письмо,—пошутилъ Циренко, пожелалъ офицерамъ спокойной ночи и вышелъ, такъ какъ еще торопился въ штабъ корпуса.

Рубецъ вскочилъ вдругъ съ мѣста и, слегка заикаясь, возбужденно заговорилъ:

— Господа, что же это такое? Не довѣряетъ онъ мнѣ, что ли! Вы уже третій разъ въ дѣлѣ, а я все въ резервѣ да въ резервѣ! Солдаты скоро смѣяться будутъ! Какъ хотите, а я завтра ѣду! Пойду къ корпусному командиру!

Въ голосѣ Рубца чувствовалась неподдѣльная искренняя обида, и казалось, что онъ вотъ-вотъ расплачется.

— Успокойся, Шура, — обратился къ нему Іогансонъ, и его красивые темные глаза подъ пенснэ загорѣлись едва уловимой насмѣшкой: — каждый изъ насъ имѣетъ право просить, чтобы ему давали порученія,—ты въ такихъ же условіяхъ. Твой „Лихой" долженъ остаться въ резервѣ — ты поѣзжай съ Сергѣемъ Дмитріевичемъ на „Славномъ". Вы, я думаю, ничего не будете имѣть противъ?—повернулся онъ къ Онацкому.

— Конечно, — зѣвая и потягиваясь, протянулъ тотъ. — Ну, дѣти мои, будемъ ложиться спать, надо же и выспаться, — добавилъ онъ.

Прапорщикъ былъ старше подпоручиковъ, и потому относился къ нимъ слегка покровительственно.

Въ халупѣ вскорѣ все смолкло и погрузилось въ сонъ.

Въ 3 часа утра машины были уже заправлены, вода въ радіаторы налита, патроны вложены въ зарядные ящики. Офицеры въ мѣховыхъ полушубкахъ, съ туго подтянутыми поясами съ кинжалами и маузерами, внимательно осматривали свои машины. Командиръ разрѣшилъ Рубцу ѣхать, и онъ былъ счастливъ. Шоферы и помощники торопливо заканчивали свой осмотръ. Раздалась команда садиться. Остающіеся нижніе чины окружили автомобили и дѣловито-серьезно прощались съ уѣзжающими, желая всякаго благополучія. Разсвѣтъ начиналъ уже брезжить, мелкія снѣжинки вертѣлись въ воздухѣ. Моторы заработали, и машины легко и плавно понеслись по гладкому замерзшему шоссе.

Впереди на „Сильномъ" ѣхалъ Іогансонъ, на „Славномъ" сзади ѣхали Онацкій и Рубецъ.

До нашихъ окоповъ шло великолѣпное шоссе, дальше дорога пошла лѣсомъ и перешла въ проселокъ.

Въ морозномъ воздухѣ моторы гулко и четко работали, „Сильный" ушелъ далеко впередъ; наши окопы остались сзади уже саженей за 200.

Проѣхали передовые секреты. Наступилъ день.

Расположеніе непріятельскихъ силъ уже ясно было видно. Весь лѣсъ вдругъ огласился частой и безпорядочной стрѣльбой, среди которой ясно можно было различать равномѣрный, методичный звукъ нашего пулемета: „та-та-та-та";—это Іогансонъ ворвался на непріятельскій окопъ.

— Прибавь ходу!—сказалъ шоферу Онацкій и самъ не узналъ своего голоса.

„Началось", — мелькнуло у него въ головѣ, и имъ овладѣло знакомое чувство, которое зарождалось тамъ, гдѣ-то въ глубинѣ, и которое онъ не любилъ и всегда старался побѣдить громаднымъ усиліемъ воли.

Подобное чувство появлялось у него передъ большимъ отвѣтственнымъ экзаменомъ.

„Это будетъ, пожалуй, одинъ изъ самыхъ серьезныхъ экзаменовъ въ моей жизни,—думалъ онъ:—какъ-то я его выдержу".

Онацкій считалъ себя очень смѣлымъ, не знающимъ страха человѣкомъ. Этимъ онъ немного гордился и боялся уличить себя въ трусости. Шоферъ нажалъ акселераторъ и заработалъ рычагомъ.

— Огонь!—приказалъ Рубецъ, корректирующій стрѣльбу, и пулеметы заработали, какъ одинъ.

Нижніе чины работали сосредоточенно-серьезно. Пули градомъ сыпались на броню, свистѣли, визжали, сверлили броню — осколки ея отскакивали внутрь и, какъ иглы, сквозь одежду впивались въ тѣло. Машина съ ужасающей скоростью неслась къ окопамъ. Шагахъ въ тридцати она вдругъ стала глохнуть и остановилась.

— Что же ты, Каринъ? — крикнулъ Онацкій шоферу, но Каринъ безжизненно опустился на руль, и у него черезъ все лицо сбѣгала маленькая струйка крови.

„Надо не дать заглохнуть газу",—молніей пронеслось въ головѣ у Онацкаго, и онъ сбоку старался нажать ногою акселераторъ, но безжизненное тѣло Карина какъ-то сразу осунулось и очень стѣсняло. Общими усиліями трупъ шофера оттащили и уложили въ сторону; къ рулю потянулся Рубецъ—онъ недавно выучился управлять автомобилемъ, и это ему всегда доставляло громадное удовольствіе.

— Ай!—дѣтски-жалобно воскликнулъ онъ и головой упалъ на колѣни рядомъ сидящаго Онацкаго.

Боковая пуля, попавъ въ отверстіе, убила его наповалъ, попавъ въ мозжечокъ.

Онацкій чувствовалъ, какъ кровь текла на кожаныя шаровары, стекала въ сапоги. Много крови попало въ двигатель, и онъ совершенно остановился.

Въ это время мимо „Славнаго", чуть его не задѣвъ, вихремъ пронесся другой бронированный автомобиль „Сильный", возвращающійся назадъ. Какъ потомъ оказалось, Іогансонъ ворвался въ непріятельское расположеніе, произвелъ тамъ страшную панику и опустошеніе, но въ это время онъ самъ былъ убитъ, а шоферъ былъ раненъ въ глазъ и, боясь истечь кровью, уѣхалъ на перевязочный пунктъ. Появленіе двухъ бронированныхъ машинъ навело на нѣмцевъ такой ужасъ, что они моментально очистили передніе окопы и спрятались за боковыя прикрытія. „Славный" былъ предоставленъ самому себѣ, и необходимо было что-нибудь

Похороны офицеровъ, убитыхъ на бронированныхъ автомобиляхъ.

выдумать, чтобъ спасти машину и людей. Нѣмцы боялись выйти изъ окоповъ, и попаданій поэтому было сравнительно немного. Онацкій велѣлъ совсѣмъ прекратить стрѣльбу и ждать, что предприметъ непріятель. Черезъ полчаса въ окопахъ было замѣчено какое-то движеніе, кучка человѣкъ въ пятнадцать начала что-то вытаскивать изъ блиндажа и устанавливать.

— Пулеметъ, ваше благородіе, нѣмцы пулеметъ устанавливаютъ! — торопливо вскричалъ одинъ изъ пулеметчиковъ, обращаясь къ Онацкому.

— Безъ моего приказанія не открывать огня! — твердымъ и властнымъ голосомъ приказалъ Онацкій.

Нѣмцы, успокоенные нашимъ молчаніемъ, торопились установить смертоносное изобрѣтеніе инженера Максима.

— Огонь!—отрывисто и почему-то хрипло приказалъ Онацкій, и кучка нѣмецкихъ храбрецовъ, посмѣвшихъ высунуться, была сметена, какъ ураганомъ.

— Не подпускать къ этому пулемету никого! — было отдано слѣдующее приказаніе.

Было уже около 11 часовъ дня, и нужно было подумать о спасеніи машины.

— Надо дать знать, ваше благородіе, Н.-Б... полку,—предложилъ одинъ изъ пулеметчиковъ:—тѣ насъ выручатъ.

Окопы этого полка были ближайшіе. Онацкій недоумѣвалъ, почему Іогансонъ, о смерти котораго онъ не зналъ, не ѣдетъ на „Сильномъ“ его выручать. У нѣмцевъ видимо начался обѣдъ, такъ какъ стрѣльба почти прекратилась, и одинъ изъ пулеметчиковъ увѣрялъ, что слышитъ запахъ борща.

— Ишь проклятые, жрать собираются, — досадливо проворчалъ онъ.

Ѣсть дѣйствительно хотѣлось здорово, но этому нельзя было помочь, такъ какъ никто не взялъ съ собою ничего съѣстного. Прошло еще часа три, нѣмцы видимо ожидали наступленія темноты, чтобы взять машину съ небольшой потерей людей. Онацкій этого и боялся. Въ это время одинъ изъ пулеметчиковъ былъ раненъ въ ногу и сильно страдалъ отъ боли. Онацкій приказалъ открыть пулеметный огонь, самъ ставъ за пулеметъ, и подъ прикрытіемъ огня раненый былъ вытащенъ помощникомъ шофера и потащенъ къ нашимъ окопамъ. По дорогѣ онъ былъ вторично раненъ въ ногу. Командиръ Н.-Б... полка былъ уже поставленъ въ извѣстность объ опасномъ положеніи машины, и было вызвано 40 человѣкъ охотниковъ, которые, пользуясь темнотой, поползли къ автомобилю. Онацкій рѣшилъ ждать до утра, въ случаѣ же ночного нападенія взорвать автомобиль и пробить себѣ дорогу „маузерами“. Когда появились со стороны окоповъ цѣпью ползущія темныя фигуры и нѣмцы открыли убійственный огонь, Онацкій догадался, что идетъ помощь, и со своей стороны открылъ пулеметный огонь. Наши пулеметы, выпускающіе 600 пуль въ минуту, однимъ своимъ звукомъ навели паническій ужасъ на непріятеля. 20 нижнихъ чиновъ были разсыпаны впереди машины и открыли частый огонь по окопамъ, а остальные 20, соблюдая возможную тишину, потихоньку двинули машину назадъ. Неясный гулъ, обратившійся въ громовое раскатистое „ура“, разнесся вдоль нашихъ окоповъ,—то С... и Н.-Б... полки пошли въ атаку, и деревня М. была нами занята. Черезъ два дня съ воинскими почестями были погребены герои-офицеры. Миръ праху вашему, боевые товарищи!

Въ засадѣ.

Разсказъ **Н. Симбирскаго**.

I.

Когда гусары спѣшились и коноводы поспѣшно стали отводить вороныхъ коней 3-го эскадрона за ближайшій перелѣсокъ, штабъ-ротмистръ Сутугинъ, коренастый брюнетъ съ темно-краснымъ лицомъ и черными взъерошенными усами, негромко скомандовалъ:

— Первый взводъ въ пикетъ... Пѣшимъ строемъ!

Впереди разстилалась сѣроватая равнина, вся изрытая какими-то перешейками. Кое-гдѣ маячили одинокія деревья, печальныя, съ оголенными вѣтвями; издали казалось, что деревья эти машутъ голыми черными руками, точно сигнализируютъ кому-то...

Глухимъ, прерывистымъ рокотомъ доносились выстрѣлы, гдѣ-то совсѣмъ невдалекѣ за перелѣскомъ сухой трелью трещали пулеметы; изъ-за пригорка то и дѣло вылетали свѣтло-сѣрые дымки, которые рвались въ воздухѣ и разлетались, словно таяли въ сухомъ морозномъ воздухѣ.

Сутугинъ съ спокойной угрюмостью наблюдалъ эту картину, къ которой онъ и его эскадронъ, командиромъ котораго онъ недавно, неожиданно для себя очутился, послѣ смерти командира Пылецкаго—давно привыкли.

Не было и тѣни страха, были усталость и досада, что пришлось неожиданно выполнить маневръ, замѣняя пѣхоту до ея прибытія. Нужно было удержать эту позицію до вечера, пока не подойдутъ двѣ роты пѣхотнаго полка, назначенныя на эту вышку.

Всѣ распоряженія были отданы заранѣе, и гусары занимали окопы, охапками таскали солому, другіе усердно уминали ее ногами. Доносился отрывистый голосъ вахмистра, распоряжавшагося работами.

Нѣсколько гусаръ побѣжали къ перелѣску съ котлами, увидѣвъ издали дымокъ походныхъ кухонь. Кухни не выѣзжали на позицію, укрываясь у перелѣска, и люди должны были ходить за пищей саженей за триста отъ окоповъ.

Корнетъ Завьяловъ, молодой статный блондинъ, забрался на верхушку дерева и оттуда наблюдалъ изъ бинокля, переводя трубку съ одного мѣста на другое, и время отъ времени кричалъ сверху:

— Ничего не видать!..

Сутугинъ, стоя у края окопа, также вглядывался вдаль и ничего не видѣлъ, кромѣ мутно-сѣраго горизонта да привычныхъ дымковъ изъ-за пригорка, которые теперь участились, окрашиваясь въ свѣтло-розовый тонъ отъ лучей заходящаго солнца.

Становилось скучновато, и Сутугинъ задумалъ пройти къ коновязямъ, гдѣ остался легкій кавалерійскій обозъ эскадрона, какъ вдругъ Завьяловъ замахалъ рукой и закричалъ:

— Василій Васильевичъ! Нѣмцы выходятъ изъ-за бугра!

Эти слова передались въ окопы, куда только-что принесли два котла горячихъ щей и каши. Все здѣсь разомъ ожило и зашевелилось по-другому.

Сутугинъ спокойно сказалъ:

— По мѣстамъ, ребята! Пулеметы...

Но и говорить этого не нужно было — всѣ заранѣе знали, что кому нужно дѣлать. Выровнялись въ окопахъ, защелкали затворы ружей. Два пулемета, устроившіеся у самаго перелѣска среди кустовъ, словно замерли, вытянувъ изъ-за прутьевъ валежника свои острыя морды. Стороной, лѣвымъ изваломъ, ползли дозорные, только одинъ ефрейторъ сигнализировалъ части условный знакъ:

— Показался врагъ!

II.

Теперь окопы почти сравнялись съ землей. Если посмотрѣть на нихъ издали—никого здѣсь нѣтъ...

Штабъ-ротмистръ засѣлъ ближе къ дереву въ окопъ и оттуда переговаривался съ корнетомъ Завьяловымъ, который наблюдалъ съ своей вышки.

— Василій Васильевичъ!

— Что?

— А вѣдь нѣмецевъ-то батальонъ претъ...

Сутугинъ досадливо поморщился, написалъ что-то на бумажкѣ, которую оторвалъ изъ блокъ-нота, и протяжно крикнулъ по окопу:

— Федорчукъ!

По окопу передалась фраза:

— Федорчукъ къ командиру!..

И бравый вахмистръ Федорчукъ черезъ три минуты стоялъ передъ начальствомъ.

Сутугинъ хладнокровно приказалъ:

— Пошли гусара на пунктъ. Отдать генералу... Спѣшно...—И протянулъ ему записку, запечатавъ ее въ тонкій конвертъ.

Черезъ минуту молодой гусаръ Бондыревъ на ногахъ, но карьеромъ, мчался за перелѣсокъ, на ходу звеня шпорами.

А Завьяловъ все продолжалъ свои наблюденія.

— Оставили резервъ двѣ роты за бугромъ. Двѣ идутъ... Василій Васильевичъ! Скоро видно будетъ...

Сутугинъ спокойно вылѣзъ изъ окопа.

— Ребята!—обернулся онъ къ солдатамъ:—зря не стрѣлять... Звоните командѣ... Корнетъ... къ эскадрону! Я пойду къ пулеметамъ...

Теперь уже невооруженнымъ глазомъ можно было видѣть темную массу нѣмецкихъ солдатъ, сомкнутымъ строемъ поднимавшихся на бугоръ.

Внезапно на равнинѣ передъ окопами разорвалось нѣсколько шрапнельныхъ снарядовъ.

— Нащупываютъ, черти...—пробормоталъ корнетъ, залѣзая въ окопъ.

Солдатъ осыпало землей, но никого не задѣло.

Окопъ точно замеръ. Теперь солдаты стояли съ ружьями на изготовкѣ съ серьезными, суровыми лицами.

Затихли разговоры, только одинъ эскадронный балагуръ Федоренко, который точно получилъ привилегію на неизмѣнное балагурство и шутовство, не утерпѣлъ, чтобы не сказать:

— Эхъ, бѣда! Щи простынутъ изъ-за нѣмца... Чтобъ ему...

И заворотилъ такое словечко, что невольно улыбки забороздили суровыя солдатскія лица.

Но и Федоренко скоро затихъ.

III.

Нѣмцы, видимо, нащупывали позицію... По донесенію своихъ развѣдчиковъ они не ждали еще здѣсь встрѣтить врага до ночи,—по ихъ соображеніямъ раньше русская пѣхота поспѣть не можетъ.

Надо было занять перелѣсокъ—эту единственную защитную базу плоской и голой равнины.

Десятка два снарядовъ подготовительной артиллерійской стрѣльбы остались безъ отвѣта—значитъ, врага еще нѣтъ.

Видно было, какъ потянулись патрули по тому уклону, по которому еще недавно ползли наши развѣдчики.

А рота въ походномъ порядкѣ шла почти прямо на перелѣсокъ. Въ сторонѣ верхомъ ѣхали два офицера. Теперь уже видны были острія касокъ защитнаго цвѣта, и доносились по вѣтру рѣзкіе окрики офицеровъ.

Въ напряженной тишинѣ эти окрики врывались особенно ярко и создавали страшный диссонансъ.

Внезапно водворилась тишина, и нѣмецкая колонна остановилась. Ей что-то сигнализировали съ бугра. Черезъ минуту колонна начала разсыпаться цѣпью, и въ этотъ моментъ сухимъ звукомъ затрещали пулеметы и запѣли пули надъ окопами, и раздалась звонкая команда корнета Завьялова:

— Пачками... пли!

Черезъ нѣкоторое время бой кипѣлъ, какъ кипятокъ въ котлѣ.

Пулеметы сдѣлали свое губительное дѣло, и отъ нѣмецкой колонны осталось очень немного, но изъ-за бугра подходили подкрѣпленія, и скоро пулеметный огонь открылся и со стороны нѣмцевъ.

Въ окопѣ корнета Завьялова уже были раненые, но выносить ихъ было некогда и некому—все пространство отъ окопа до перелѣска запылало огнемъ, и солдаты лишь ползкомъ успѣвали подносить патроны.

Корнетъ Завьяловъ чувствовалъ себя героемъ. На его молодомъ безусомъ лицѣ отпечаталась беззавѣтная удаль, которая невольно передавалась и солдатамъ.

Въ промежуткахъ между командой Завьяловъ думалъ:

„Куда это дѣвался Василій Васильевичъ! Застрялъ онъ тамъ съ пулеметами... Теперь бы тамъ ихъ коннымъ строемъ рубнуть“...

Но раздумывать было некогда—дѣла было по горло. Солдаты стали волноваться изъ-за непривычки сидѣть въ окопахъ, и стрѣльба пошла безпорядочно. Корнетъ живо возстановилъ порядокъ. Юношескимъ срывающимся баскомъ онъ неистово закричалъ, стараясь пересилить ружейную трескотню:

— Ребята! Стрѣляйте только по командѣ—патроновъ мало...

Солдаты опомнились, и порядокъ быстро былъ возстановленъ.

IV.

Становилось жарко.

Нѣмецъ насѣдалъ систематически и упорно. Не жалѣя людей, не щадя снарядовъ, непріятель осыпалъ эту неожиданную для него закуску свинцовымъ огнемъ.

Вахмистръ Федорчукъ подползъ къ корнету съ почернѣвшимъ отъ пороха лицомъ и заговорилъ, нагибаясь почти къ корнетскому уху:

— Такъ что, ваше благородіе, большая убыль въ людяхъ. Не знаю, какъ продержимся...

Корнетъ Завьяловъ болѣзненно сморщился.

— Федорчукъ! Чудакъ! Отступать нельзя... Скажутъ, струсили...

Въ это время почти вблизи окопа показался десятокъ нѣмецкихъ касокъ, и корнетъ, какъ ужаленный, закричалъ:

— Залпомъ... пли!

Переднія каски упали... Съ звѣринымъ воемъ побѣжали назадъ уцѣлѣвшіе, а гусары не вытерпѣли и дали имъ вдогонку уже безъ команды еще одинъ залпъ.

Послышались стоны и проклятья на непонятномъ, но ненавистномъ языкѣ.

Съ беззаботнаго корнетскаго лица сбѣжало недавнее удалое выраженіе, когда рядомъ съ нимъ повалилось два гусара, и его любимый вѣстовой Николаевъ жалобно вскрикнулъ и схватился за окровавленную голову.

Корнетъ угрюмо думалъ:

„Эскадрономъ бы теперь врубиться! И гдѣ это Сутугинъ? И ѣсть какъ хочется“...

Среди этихъ мыслей корнетъ не замѣтилъ, какъ вдругъ стала затихать стрѣльба со стороны нѣмцевъ. Доносились только страшные стоны и крики.

Вахмистръ Федорчукъ бѣжалъ по дну окопа и кричалъ:

— Ваше благородіе... Наши въ тылу у нѣмцевъ!

Корнетъ сначала ничего не понялъ.

— Какіе наши? Что ты!

— Извольте поглядѣть!

Корнетъ осторожно поднялся надъ валомъ и приставилъ бинокль къ глазамъ.

— Чудеса!—бормоталъ онъ.

На ровной линіи ложбины сзади сѣрыхъ нѣмецкихъ рядовъ полуэскадронъ гусаръ несся бѣшенымъ карьеромъ прямо на пѣхоту.

Нѣмцы дрогнули и въ безпорядкѣ отступили почти бѣгомъ.

Видно было, какъ передовой гусаръ съ красной разъяренной физіономіей, на которой чернѣли усы, первымъ врубился въ пѣхоту, за нимъ, какъ горохъ, посыпались гусары, кроша нѣмецкую пѣхоту.

— Да вѣдь это Сутугинъ!—съ отчаянной радостью закричалъ корнетъ и, обернувшись къ изумленнымъ гусарамъ, не своимъ голосомъ скомандовалъ:

— За мной, ребята! Ура!

И первымъ выскочилъ изъ окопа съ саблей наголо.

Гусары бросились за своимъ молодымъ командиромъ.

И пошла штыковая работа.

Людьми овладѣлъ восторгъ радости. Въ этотъ моментъ никто уже не думалъ объ опасности, всѣмъ хотѣлось только рубить, колоть, убивать.

Непріятель, не ожидавшій такого оборота, обратился въ бѣгство, а гусары и въ конномъ и въ пѣшемъ строю еще долго преслѣдовали врага, хотя горнистъ давно трубилъ отбой.

Среди десятковъ труповъ враговъ и своихъ корнетъ Завьяловъ добрался наконецъ до штабъ-ротмистра Сутугина.

И оба оборванные, въ крови, но съ радостными, возбужденными лицами, посмотрѣли они другъ на друга и безмолвнымъ рукопожатіемъ подтвердили то, что занимало обоихъ въ этотъ моментъ:

— Живы!..

У штабъ-ротмистра Сутугина на разорванной рейтузѣ запеклась кровь чернымъ сгусткомъ—задѣло пулей. У корнета Завьялова—ни царапины. Но на эту легкую рану Сутугинъ не обратилъ вниманія въ пылу битвы и теперь только вспомнилъ.

И сразу почувствовалъ острую, рѣжущую боль.

Суровое лицо сморщилось въ болѣзненную улыбку. Давая поводъ своему вороному коню, онъ проговорилъ тихо:

— На перевязку... Распорядитесь съ плѣнными...

Корнетъ понялъ и молчаливо кивнулъ головой.

А гусары охотились за плѣнными, которые разбивались на группы испуганнымъ стадомъ и шарахались изъ стороны въ сторону.

Вахмистръ Федорчукъ хриплымъ басомъ кричалъ съ своего взмыленнаго коня:

— Загонять къ перелѣску... Эй! Эй! Живо...

Изъ-за перелѣска показались двуколки съ краснымъ крестомъ. Онѣ ѣхали на рысяхъ по рытвинамъ, впереди нихъ бѣжали санитары. Солнце садилось багровымъ шаромъ и обливало всю равнину недавняго боя багрово-краснымъ отблескомъ.

На непріятельской сторонѣ все затихло какъ-то сразу—точно по уговору.

Доносились подавленные стоны раненыхъ, одинъ толстый нѣмецкій солдатъ съ чернымъ напруженнымъ лицомъ кричалъ пронзительно-тонкимъ голосомъ, на одной нотѣ:

— А! а! а!..

Его ранили въ голову.

Далеко за перелѣскомъ послышалась глухая трель барабана, и горизонтъ защетинился штыками сѣрой движущейся массы.

Наша пѣхота подходила на выручку къ окопу гусаръ...

Автомобильную роту перевозятъ по желѣзной дорогѣ.

Клубъ чудо-богатырей.

Разсказъ **И. Межевыхъ.**

За смертью штабсъ-капитана Жиркова, я принялъ пятую роту. Былъ въ ней солдатъ изъ запасныхъ, Данила Заваловъ.

Наши „земляки“ отличаются удивительнымъ свойствомъ выражать свои чувства къ сотоварищу самой формой обращенія къ нему. И въ глаза и за глаза вся рота величала Завалова мягкимъ: „Демьянычъ“. И столько въ этомъ „Демьянычѣ“ слышалось почтительности и уваженія, что я невольно заинтересовался его личностью.

Если бы съ Демьяныча снять солдатскую форму и обрядить его въ воскресный костюмъ степеннаго Тита Титыча, получился бы церковный староста. И по немъ видно бы стало, что у нихъ въ приходѣ подъ Рождество никто не ѣстъ до звѣзды, не отстоять въ Чистый четвергъ въ церкви „Страстей“ почитается у нихъ тяжкимъ грѣхомъ, и на тихихъ уличкахъ ребятишки, даже увлеченныя „бабками“ или „свайкой“, всегда говорятъ проходящимъ: „здрасте, дяденька!“

И я самъ сталъ обращаться къ нему:

— Демьянычъ, ты будешь въ среднемъ дозорѣ за старшаго! Демьянычъ, завяжи мнѣ, пожалуйста, сзади башлыкъ!

Воякой онъ былъ безъ нашивокъ и безъ всякихъ наградъ. Не отличался ни ростомъ ни силой. А во время сраженій, хладнокровно работая затворомъ винтовки, или съ развальцемъ устремляясь „въ штыки“, говорилъ неизмѣнно:

— Ужасть-то, ужасть какая, Царица Небесная!..

И не могъ я никакъ уяснить, чѣмъ, собственно, завоевывалъ симпатію всякаго этотъ простой человѣкъ. Но потомъ представился случай.

Какъ-то пятая рота занимала участокъ на флангѣ полка, примыкавшій къ оврагу, который, отходя отъ насъ вправо и немного впередъ, тянулся до лѣса. Тамъ на опушкѣ была расположена другая часть нашей дивизіи. Угрожая во флангъ, часть эта страшно безпокоила нѣмцевъ. Выбить ее изъ лѣса атакой нѣмцы порывались нѣсколько разъ, но всегда съ большими потерями уходили назадъ. Въ послѣдніе дни они обратили на опушку лѣса весь свой артиллерійскій огонь, а противъ насъ стали пробавляться ружейнымъ. И будто бы легче сдѣлалось сидѣнье съ ротой въ землѣ.

— Штой-то они позабыли про насъ, сколько время посылокъ не шлютъ, — говорили солдаты, разумѣя подъ словомъ „посылки“ большіе снаряды. — Только пульками брызгаютъ зря.

Въ силу привычки, ружейныя пули уже мало кого безпокоятъ, хотя „брызганье“ ими въ дѣйствительности всегда приноситъ большій уронъ, нежели звенящіе и громоподобные взрывы визгливыхъ шрапнелей и ухающихъ „чемодановъ“.

И постепенно жизнь близилась къ нормѣ: солдаты во-время ѣли, во-время спали, чаще забавлялись чайкомъ и махоркой и охотнѣе толковали „о текущихъ дѣлахъ и политикѣ“.

Вечерами, когда замираетъ стрѣльба, я люблю пройтись по окопу, послушать разговоры собравшихся въ группы солдатъ и понаблюдать ихъ жизнь и настроеніе послѣ истекшаго дня. Но въ пятой ротѣ мнѣ вначалѣ казалось, что солдаты въ ней какіе-то особенные: сколько ни ходи по окопу, не встрѣтишь обычныхъ компаній и не услышишь ихъ мирныхъ бесѣдъ.

— Неужели въ такую рань всѣ уже спятъ въ блиндажахъ? — спросилъ я какъ-то фельдфебеля.—Даже жутко...

— Которые спятъ, кто съ устатка, кому ночью на смѣнѣ придется стоять, а то—больше въ клубѣ, собравшись, сидятъ.

— Въ клубѣ? Въ какомъ это клубѣ?

— Да тутъ подъ откосомъ. Какъ изъ окопа спуститься въ оврагъ—печора такая. Затишно такъ въ ней и просторно. Ну и облюбовалъ нашъ Демьянычъ для клуба.

— Почему же—Демьянычъ?

— А ужъ это его, можно сказать, спеціяльность. Гдѣ бы ни стоять ротѣ, а онъ завсегда для отдыха мѣсто подыщетъ. Прежній ротный, царство небесное имъ, страсть были увлекшись въ клубъ заходить, когда тамъ самъ Демьянычъ бывалъ. Иной разъ засидятся, бывало, за полночь и ждутъ, пока тотъ свое поученіе кончитъ.

— Поученіе?

— Такъ точно. Солдаты такое названіе дали—поученіе да поученіе. А на самомъ дѣлѣ—на манеръ сказокъ это, ну и въ родѣ какъ будто со священной исторіей связность имѣетъ. Иной разъ даже въ толкъ не возьмешь, что и къ чему у него, а только слушать пріятно, и очень всѣ уважаютъ. Особливо, когда правды въ человѣческой жизни коснется и разсужденьемъ своимъ такъ подведетъ, что... Однимъ словомъ, такъ говоритъ, будто каждое слово его тебѣ давно ужъ извѣстно, какъ родился, извѣстно, но только ты почему-то держалъ эти слова на умѣ, а онъ ведетъ ихъ отъ сердца и въ самое сердце вдаряетъ. Слушаешь—новое что-то. И думаешь — какъ же такъ? Совсѣмъ простыя слова, какими и самъ говорилъ и думалъ какими не разъ, а въ его передачѣ что-то иное тебѣ говорятъ. Будто въ ихъ содержаніи смысла подмѣну онъ сдѣлалъ. И долго я думалъ...

Въ ожиданіи реплики фельдфебель замолкъ.

— Надъ чѣмъ?

— Думалъ — въ чемъ сокровенность тутъ есть? Потомъ догадался. Одну и ту же правду онъ изъ умственной обращаетъ въ сердечную. А черезъ это, что казалось полезнымъ тебѣ, становится вреднымъ, что считалъ ты добромъ, становится зломъ, или наоборотъ того. И ужъ такъ-то онъ это умѣетъ, что послѣ долго на душѣ пріятность лежитъ. Будто ты больше любишь людей, и отъ нихъ къ тебѣ братскаго больше. Вы простите, ваше высокоблагородіе, несурьезность мою, но только, ежели интересуетесь, какъ-нибудь пройдитесь туда...

Автомобильная кухня въ походѣ. Пулеметчики получаютъ пищу.

И я прошелся. „Печора“, въ которой помѣщался „клубъ“, была вырыта въ отвѣсной стѣнкѣ оврага. Очевидно, здѣсь мѣстные жители когда-то ломали плитнякъ. Я не вошелъ въ нее, а остановился у самаго входа, прислонившись къ стѣнѣ, никѣмъ незамѣченный.

Посрединѣ былъ разложенъ костеръ. И лежа и сидя, вокругъ него расположилось нѣсколько десятковъ солдатъ. Многіе, обжигаясь, глотали дымившійся чай, другіе хлопотали у костра и кипятили въ котелкахъ воду, кое-гдѣ аппетитно пыхали крѣпкой махоркой. Но всѣ вмѣстѣ сосредоточенно слушали Демьяныча и обрывали каждаго, кто обращался къ нему съ вопросомъ, или вставлялъ свое замѣчаніе. И лишь изрѣдка слышалось постороннее, въ родѣ:

— Климчукъ, брось сахарку, не хватило! Ну-ка, малость подайся, а то бокъ занѣмѣлъ!

Переливчатымъ свѣтомъ костра озарялись добрыя лица. И, глядя на нихъ, всякій могъ бы забыть, что люди эти шестой

Польскіе крестьяне и крестьянки переносятъ раненыхъ.

Телефонъ на батареѣ въ наблюдательномъ пунктѣ, во время боя.

мѣсяцъ изо дня въ день глядятъ смерти въ глаза, что на обросшихъ и завѣтренныхъ лицахъ множество разъ засыхали кровь и мозгъ рядомъ павшаго брата, что часъ тому назадъ у нихъ нѣмѣли руки отъ смертоносной работы затворомъ, и что въ любую минуту они всѣ, какъ одинъ, по короткой командѣ „ура!“ могутъ ринуться на вѣрную гибель. И думалось мнѣ:

„Неужели съ этими самыми немудреными мужичками капитанъ Жирковъ семь разъ бросался въ атаку на нѣмецкій батальонъ при четырехъ пулеметахъ и выбилъ его изъ укрѣпленной деревни? Неужели это къ нимъ относились слова Главнокомандующаго: „Спасибо вамъ, славные русскіе чудо-богатыри!“

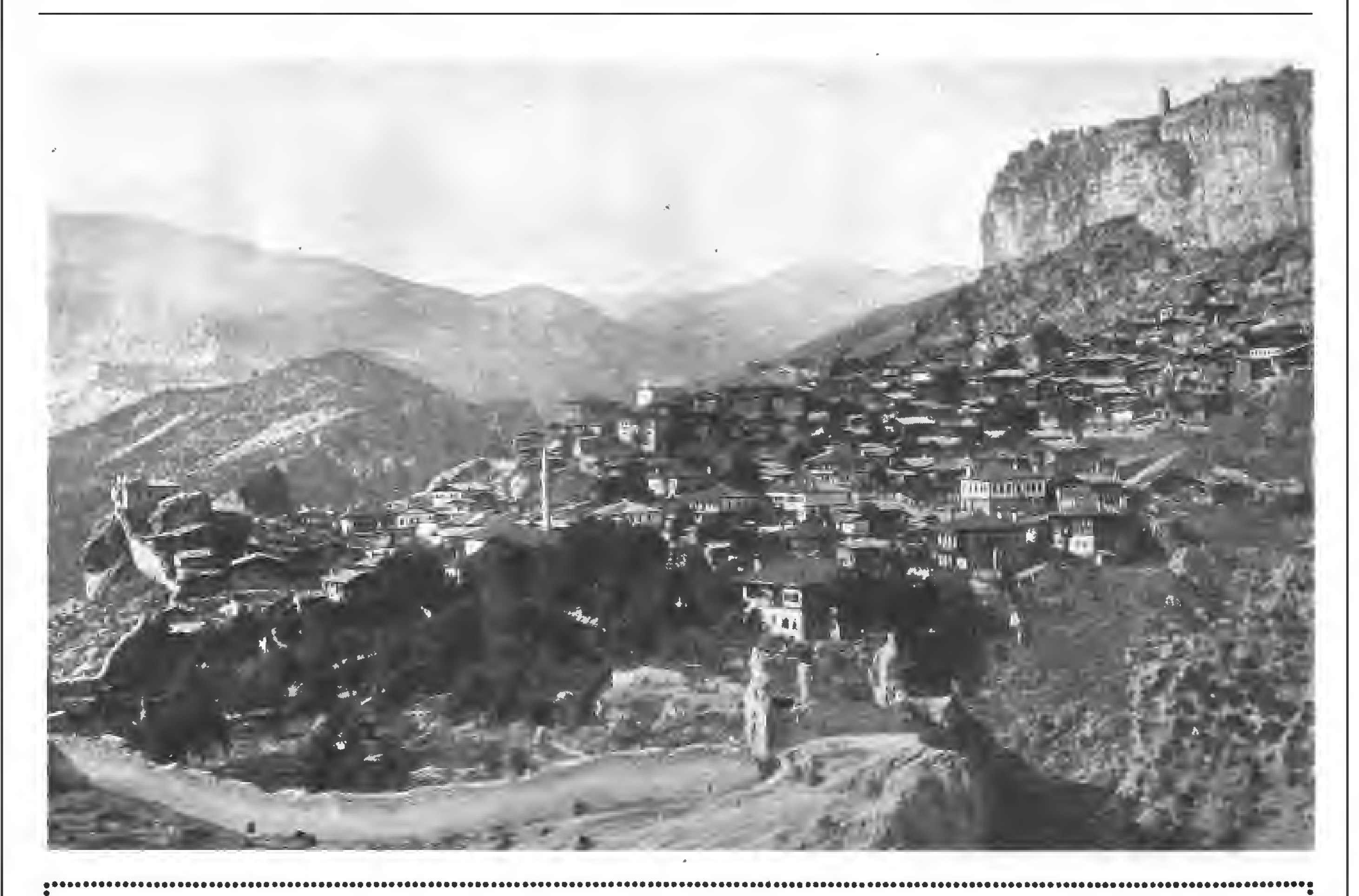
И, только прислушавшись къ тому, что здѣсь говорилось, и понявъ, какъ всѣми это воспринималось, я твердилъ убѣжденно въ душѣ:

„Да, тутъ и сомнѣнія нѣтъ! Съ ними и только съ ними можно творить чудеса на войнѣ! Русскіе чудо-богатыри... А какъ же назвать ихъ иначе?!.“

Поправляя трещавшіе сучья въ кострѣ, говорилъ Данила Заваловъ:

— Нѣтъ, братецъ Голиковъ, нѣтъ! Ты разсудить—разсудилъ, но мало подумалъ... Воръ ли, разбойникъ, другой ли какой обидчикъ брата свово иной разъ такъ и умретъ, не судимый людьми, потому что Господь положеніе сдѣлалъ судиться ему на томъ свѣтѣ. Но ежели онъ на землѣ попадаетъ подъ судъ, то судья, заглянувши въ законы, долженъ нужной статьей его осудить. А ежели слукавитъ судья, передъ Вышнимъ онъ грѣшнѣе подсуднаго будетъ. Такъ и съ народами цѣлыми. Вдругъ народится такой, что забудетъ въ гордынѣ своей и совѣсть и всякій къ сосѣдямъ завѣтъ—меньшого пригнететъ, чужое заберетъ и всѣхъ подъ свою дудку плясать заставитъ. Богъ можетъ терпѣть грѣхъ такого народа долго, до полной расплаты на небѣ, но можетъ и подъ земной его судъ подвести. Что же это за судъ такой, чтобы сразу онъ могъ мильёновъ коснуться? Самый высшій — война... Она вотъ идетъ. И русскій народъ—весь сколько есть—должонъ такъ понимать, что судитъ онъ нѣмца. Онъ — главный судья. А ты, я и всѣ, что стали подъ знамя съ оружьемъ, мы—присяжные судьи. Засѣдатели судятъ, какъ совѣсть имъ говоритъ. И мы должны судить непріятеля такъ же. Совѣсть присяжныхъ—

Лошади за неимѣніемъ мѣста поставлены на стоянкѣ на открытомъ воздухѣ подъ навѣсомъ.



На кавказскомъ фронтѣ. Ардануч (Артвинскаго округа). По фот. П. В. Нестерова.

совѣсть народа, потому что они составляютъ его лучшую часть. И если кто изъ нихъ измѣнитъ своей совѣсти—измѣнитъ народу своему; а измѣнившій народу измѣнитъ Самому Господу Богу, который далъ ему великое право судить. Вотъ и выходитъ, что грѣхъ ты усмотрѣлъ какъ разъ съ другой стороны. Кто же изъ нихъ вѣрнѣе сказалъ о войнѣ?—обратился Демьянычъ ко всѣмъ.

— Щукинъ! Щукинъ вѣрнѣе сказалъ!—раздались голоса.

— Правильно. Щукинъ вѣрнѣе все разсудилъ. И насчетъ дѣтишекъ своихъ ты также ошибся. Пусть рожаются дѣти. Каждой, братецъ, душѣ Самъ Богъ подаетъ... Жилъ-былъ однажды рыбакъ. Онъ да жена, да ребенокъ. Жилъ пребѣдно рыбакъ. И каждый день изъ года въ годъ, какъ ни старался, ловилъ и приносилъ домой только три рыбки. И были всѣ трое тѣмъ сыты. Но только, братецъ ты мой, попуталъ однажды ихъ бѣсъ—и его и жену. Сговорились они: „Давай изничтожимъ ребенка и будемъ три рыбки дѣлить на двоихъ“. Убили и бросили въ море родного ребенка. А только съ другого ужъ дня стало попадаться безумцу только двѣ рыбки...

Всѣ долго молчали. И только былъ слышенъ взволнованный голосъ:

— Это я такъ... Припомнилъ, что̀ слышалъ и зналъ, но только... Господи Боже!.. Вѣдь такъ намъ понятно все это!..

У нѣмцевъ заухали пушки. Зашевелились въ „печорѣ“. И я отошелъ.

Заклинаніе меча.

Мы были плѣнниками книгъ,
Сѣдыхъ письменъ и древней саги,
Но яркій вспыхиваетъ мигъ,
И, пробудясь, поетъ родникъ
Безумной солнечной отваги.
Земля отъ крови горяча,
Но чудо солнца златотканно,
А ночью теплится свѣча,
И заклинаніе меча
Мы повторяемъ неустанно:
«Враждою выкованный мечъ,
Носитель бѣшенства и боли,
Ихъ пламя тайное беречь
Умѣй для злыхъ, волшебныхъ сѣчъ
И спутникъ рыцарственной доли!
Умѣй въ поляхъ найти врага,
Отдайся гибельному аду...
Дорога сильныхъ недолга
По кручамъ, убраннымъ въ снѣга,
Къ обѣтованному Царьграду!
Любовь нетлѣнную свою
И гнѣва чудные приливы,
Какъ заповѣдную струю,
Тебѣ въ неслыханномъ бою
Отдастъ народъ христолюбивый!»
Свершенъ воинственный обрядъ,
И, уготованы къ побѣдѣ,
Мечи заклятые горятъ,
А въ небѣ тучи говорятъ,
И мы куемъ слова изъ мѣди.

Д. Коковцовъ.

Ликвидація турецкаго набѣга въ Чорохскій край.

Недавно телеграфъ сообщилъ всему свѣту о занятіи нашими войсками города Артвина—главнаго центра Чорохскаго края.

Артвинъ расположенъ на лѣвомъ берегу Чороха, всего въ четырехъ верстахъ отъ турецкой границы; съ переходомъ его вновь въ наши руки можно считать ликвидированной всю исторію турецкаго нашествія въ предѣлы Батумской области. На широкомъ кавказскомъ фронтѣ это былъ единственный пунктъ, гдѣ туркамъ удалось не только перейти нашу границу, но и надолго задержаться на нашей территоріи. Захвату Чорохскаго ущелья турки придавали особенно большое значеніе. Владѣя имъ, они намѣревались угрожать чрезъ Ялагусъ-Чимскій перевалъ Карсской области, чрезъ ущелье рѣки Аджарисъ-цхали—Тифлисской губерніи и чрезъ выходъ Чорохскаго ущелья—Батуму; кромѣ того, они намѣревались использовать прекрасно оборудованные Дзансульскіе заводы при богатѣйшихъ мѣдныхъ рудникахъ, расположенныхъ въ Мургульскомъ уѣздѣ. Благодаря своевременно принятымъ мѣрамъ, движеніе турокъ къ Батуму было остановлено уже къ сѣверу отъ Борчхи, а послѣ Ардаганскаго разгрома турецкихъ войскъ намъ удалось оттѣснить ихъ по ущелью Аджарисъ-цхали съ востока и занять Ардануčъ на югѣ. Въ распоряженіи турокъ оставалась лишь узкая пограничная полоса въ раіонѣ шоссе Борчха—Ардануčъ. Вслѣдствіе топографическихъ условій мѣстности, во избѣжаніе излишнихъ потерь, изгнаніе турокъ изъ этой части Чорохскаго ущелья пришлось подчинить строго разработанному плану. Первоначально турки были отрѣзаны отъ своихъ питательныхъ базъ на побережьѣ, гдѣ ихъ послѣдовательно выбивали изъ селеній Махріанъ, Лиманъ, Хопа, а затѣмъ повели наступленіе на центръ Чорохскаго края—г. Артвинъ сразу съ двухъ сторонъ—со стороны Борчхи и Ардануча. Все, что природа и люди могли противопоставить доблести нашихъ солдатъ, здѣсь было испробовано въ полной мѣрѣ. На восьмидесятиверстномъ пространствѣ, отдѣляющемъ Борчху и Ардануčъ, нашимъ войскамъ пришлось одолѣть рядъ неприступныхъ естественныхъ укрѣпленій, крутые склоны ущелій, отвѣсныя скалы, глубокія пропасти, провалы, трещины, непроходимыя осыпи камней, заросли колючихъ кустарниковъ, бурный Чорохъ и рядъ стремительныхъ горныхъ потоковъ. По недостатку или, лучше сказать, вслѣдствіе полнаго отсутствія удобныхъ и ровныхъ мѣстъ, правильныя военныя дѣйствія, по крайней мѣрѣ, дѣйствія большихъ отрядовъ здѣсь исключались совершенно. Нашимъ солдатамъ приходилось дѣйствовать разсыпнымъ строемъ, по одиночкѣ, карабкаться на четверенькахъ по крутымъ склонамъ чорохскихъ ущелій, пробираться гуськомъ по покатымъ тропамъ, проложеннымъ подъ нависшими скалами, и по краямъ обрывовъ.

На кавказскомъ фронтѣ. Рѣка Чорохъ
По фот. П. В. Нестерова.

На кавказскомъ фронтѣ. Село Борчха (на турецкой границѣ).
По фот. П. В. Нестерова.

Здѣсь не только пули изъ-за прикрытій, но просто камни, сброшенные сверху, или одинъ неосторожный шагъ на краю обрыва—неизбѣжно вырывали жизнь. На сторонѣ враговъ было и численное превосходство и природныя качества горцевъ—привычка къ горамъ, кошачья ловкость при передвиженіи по скаламъ, а самое главное — знаніе мѣстности, знаніе всѣхъ природой укрѣпленныхъ пунктовъ, гдѣ одинъ могъ противостоять цѣлому отряду мѣткимъ выстрѣломъ изъ ружья, къ которому привыкъ съ дѣтства, низвергая съ кручи поочередно одного за другимъ.

Несмотря на упорство врага и всѣ препятствія, воздвигнутыя природой, наши славныя кавказскія войска медленно, но неуклонно шли впередъ, отвоевывая клочокъ за клочкомъ, выбивая врага съ неприступныхъ скалъ, уступовъ, разсѣлинъ, послѣдовательно занимая то одинъ, то другой склонъ многочисленныхъ горныхъ ущелій.

Особенно упорные бои произошли за обладаніе Мургульскимъ ущельемъ, гдѣ расположены Дзансульскіе мѣдные рудники, и Бешаульскими высотами, занимавшими господствующее положеніе надъ Чорохскимъ ущельемъ и шоссейной дорогой.

Занятіе Бешаульскихъ высотъ открыло намъ дорогу къ Артвину. 16-го марта оба наши отряда, двигавшіеся по шоссе съ юга и съ сѣвера, т.-е. со стороны Борчхи и Ардануча, сошлись около селенія напротивъ Артвина. Подъ градомъ пуль кавказскія войска должны были переправиться на противоположный берегъ Чороха, и какъ разъ въ той части его, гдѣ теченіе особенно бурно и образуетъ рядъ водоворотовъ. Войска блестяще справились съ этой послѣдней преградой и побѣдоносно вступили въ Артвинъ, расположенный высоко надъ Чорохомъ по склонамъ крутой горы Хуапъ.

Героизмъ нашихъ солдатъ произвелъ ошеломляющее впечатлѣніе. Бѣгство турокъ было столь поспѣшнымъ, что они не успѣли захватить съ собою даже легкихъ горныхъ орудій; единственно, что они успѣли сдѣлать—это зажечь городъ съ разныхъ сторонъ и увести съ собою нѣсколько десятковъ мирныхъ жителей. Прежде чѣмъ покинуть предѣлы Батумской области, турки сдѣлали еще одну попытку—задержаться въ Чорохскомъ ущельѣ къ югу отъ Артвина, но лихимъ натискомъ наши войска отбросили ихъ къ селенію, которое расположено уже по ту сторону нашей границы. Свое временное пре-

На кавказскомъ фронтѣ. Князь Джаянъ (урядникъ) и два милиціонера. По фот. П. В. Нестерова.

Германскій минометъ, прозванный нашими солдатами „лягушкой", захваченный нашими гренадерами. Аппаратъ стрѣляетъ минами, снаряженными динамитомъ.

бываніе въ Чорохскомъ краѣ турки знаменовали пожарами и разрушеніемъ жилищъ мирныхъ армянъ, грабежами, насиліемъ женщинъ и цѣлымъ рядомъ безсмысленныхъ убійствъ: много беззащитныхъ пало на узкихъ улицахъ Ардануча и Артвина подъ ножами озвѣрѣвшихъ башибузуковъ изъ окрестныхъ мусульманскихъ селеній; кто остался въ живыхъ—остался сиротой и нищимъ: все, что не успѣли турки взять или увезти съ собою, они по турецкому обычаю предали огню и мечу.

П. Нестеровъ.

Бояринъ Лопухъ.

Разсказъ **Бориса Садовскаго.**

(Окончаніе).

— Ну, честная кумпанія, пора и за дѣло!—молвилъ царь. — Уставщикомъ пусть будетъ Алексашка. Воздадимъ же честь отцу нашему Бахусу!

Тутъ Меншиковъ, покачиваясь, всталъ, за нимъ поднялись всѣ гости. Воздѣвая набожно руки, уставщикъ возгласилъ распѣвомъ:

Честная кумпанія,
Сотворимъ метаніе!

И всѣ поклонились Алексашкѣ въ ноги. Одни бояре стояли, какъ ошалѣлые.

— А вы что стали, бородачи?—крикнулъ имъ царь.

— Кому кланяться-то прикажешь, батюшка? — спросилъ, запинаясь, князь.

— Мы, то-ись, готовы, — замялся Лопухъ.

— Да не знаемъ, кому!—подхватилъ Долгоспинный-Ежъ.

— Уставщику Алексашкѣ.

— Пирожнику-то? — воскликнулъ съ живостью князь. — Намъ ему кланяться не пристало. Отецъ его нашимъ отцамъ сапоги тачалъ. А самъ онъ—пирожникъ, торговалъ въ Китай-городѣ подовыми пирогами.

— Что жъ, я хуже отцовъ вашихъ, что ли?—гнѣвно возразилъ царь. — А и я кланяюсь ему. Яшка! Знай свое дѣло!

И не успѣлъ князь ахнуть, какъ у шута въ рукахъ щелкнули большія мѣдныя ножницы—и княжеская бобровая борода, срѣзанная криво и неровно, заколыхавшись, упала на коверъ.

— Батюшки! Окарналъ, разбойникъ! Отдай, отдай!—закричалъ жалобно князь.

Шутъ между тѣмъ, схвативъ съ полу бороду, сталъ плясать и кривляться.

Крики и общій хохотъ заглушили пѣніе хора. Меншиковъ и человѣкъ пятнадцать гостей громко пѣли:

Пьянство Бахусово да будетъ съ тобою,
Затмевающе, валяюще и безумствующе!

А прочіе гости во главѣ съ царемъ подхватили:

Да возвеселится взоръ твой и умъ твой,
И да будутъ день и ночь дрожащи руци твоя!

— Ладно,—сказалъ царь, когда пѣніе наконецъ умолкло.— Поднесите князю вина!

Яшка Тургеневъ, шутъ царскій, съ ужимками подалъ князю на подносѣ чару перцовки.

— Не тужи, князь, до свадьбы заживетъ!—подмигивалъ шутъ.

Но руки дрожали у стараго князя, и куда дѣлась его гордость? На бѣлый, какъ серебро, кафтанъ свой расплескалъ онъ чару и утиралъ по-ребячьи руками слезы.

Царь смотрѣлъ пристально на князя: въ черныхъ глазахъ у него свѣтилась злобная радость.

Сѣли опять. Царь перевелъ взоры на Долгоспиннаго.

— А ты что торчишь, какъ пень на болотѣ? Садись.

— Ниже пирожника мнѣ сидѣть невмѣстно,—отвѣчалъ Ежъ.

— А, такъ у тебя боярская старая дурь еще не вылѣзла изъ башки? Добро!.. Садись!

— Не сяду, государь.

— Двѣ провинности кряду: ослушаніе—одно, что государемъ зовешь меня — другое. Въ честной кумпаніи не государь я, а мастеръ Питеръ. За первое, Яшка, казни боярина!

Послѣ краткой борьбы, сопровождавшейся шутками и смѣхомъ, Яшка Тургеневъ, поваливъ Долгоспиннаго на полъ, срѣзалъ и ему бороду. Ежъ, не подымаясь, лежалъ ничкомъ на коврѣ и горько плакалъ.

— Слезливы больно. Какъ бабы!—замѣтилъ царь.

А шутъ гладилъ обрѣзанную Ежову бороду и скалилъ весело зубы:

— Еще одна! Бобровая! Эхъ, да хоть шубу шей!

— Угодники мои!.. Господи!..—рыдалъ Долгоспинный.

Наступило короткое молчанье. Слышалось въ тишинѣ звяканье посуды да всхлипыванья и вздохи двухъ стариковъ.

— За вторую провинность поднести боярину Ежу кубокъ большого Орла!—продолжалъ царь.

Тутъ вывернулся откуда-то второй шутъ въ лаптяхъ и парчевой курткѣ. Вдвоемъ съ Тургеневымъ они подняли огромный кубокъ, припѣвая:

Охъ ты, батюшка, орелъ,
Что ты крылышки развелъ,
Что ты, батюшка, невеселъ,
Что головушку повѣсилъ?

Тогда бояринъ Лопухъ всталъ съ мѣста и обратился къ царю:

— А моей бороды я, покуда живъ, не отдамъ тебѣ, государь! Не на то жаловалъ меня твой покойный родитель, царь Алексѣй Михайловичъ, чтобы я на посмѣянье шутамъ да нѣмцамъ отдавалъ честь свою.—Лопухъ выпрямился; голосъ его окрѣпъ.—Думаешь, царь, отъ старости изъ ума выжилъ отцовъ слуга? Глупъ-де онъ сталъ и старъ, нечего его слушать! А ты послушай меня, Петръ Алексѣевичъ! Не приведутъ твои затѣи къ добру. Промѣнялъ ты на нѣмцевъ добрыхъ и вѣрныхъ слугъ своихъ; полюбился тебѣ сатана пуще яснаго сокола. Слышно, хочешь и Москву кинуть вовсе, а новую столицу по-нѣмецки назвать. Ну, такъ вѣдай: не будетъ добра на Руси отъ нѣмцевъ, не будетъ!

И, поклонясь царю, старый бояринъ вышелъ.

Молча прослѣдовалъ онъ по всѣмъ покоямъ, развѣвая волнистою бородой; кряжистый, сильный, могуче шелъ разгнѣванный Лопухъ, и царь Петръ Алексѣевичъ не рѣшился остановить его.

Кумпанія молчала. Одинъ Алексашка Меншиковъ выпятилъ нижнюю губу и замѣтилъ дерзко:

— Эка напугалъ! Была бы наша воля, а послѣ хоть трава не расти!

Тяжелая батарея во время боя.

Англичане.

Очерки **К. Чуковскаго.**

(Окончаніе).

V. Битва подъ Монсомъ.

— Развѣ это воины, это спортсмены! Имъ бы въ футболъ играть да на скачкахъ скакать, куда же имъ сражаться съ Германіей!—повторяла о британцахъ нѣмецкая пресса. — Къ тому же они нанятые: получають поденную плату, а какое же геройство у поденщика!

Это говорилось въ то время, когда битвы подъ Монсомъ, на Марнѣ, на Энѣ уже изумили весь міръ!

Стóитъ перелистать хоть небрежно тѣ потрясающе-любопытныя письма, которыя пришли изъ-подъ Монса отъ уцѣлѣвшихъ британскихъ солдатъ, чтобы преклониться почтительно предъ этими „презрѣнными футбольщиками", сыгравшими свою роковую предсмертную партію съ такимъ героическимъ паѳосомъ.

Бивуакъ „на сторожевкѣ"

Битва подъ Монсомъ есть первая битва, въ которой приняли участіе британцы. Еще вчера эти нарядные воины въ щеголеватыхъ тужурочкахъ, въ комфортабельной изящной амуниціи, красовались предъ взорами восхищенныхъ француженокъ, которыя шумно и радостно привѣтствовали ихъ по пути, а сегодня они очутились въ аду. Вчера были ласки, улыбки, восторги, цвѣты, а сегодня внезапно, какъ милліоны взбѣшенныхъ быковъ, налетѣли на нихъ тевтонскія полчища, только-что растоптавшія Льежъ. Щеголеватые юноши въ изящныхъ тужурочкахъ, — ихъ было такъ мало, ничтожная горсть, а этому стаду взбѣшенныхъ быковъ не видно ни конца ни начала.

„И откуда они только брались! Словно изъ земли вырастали!"

„Гдѣ упадетъ одинъ, тамъ появляется сотня!"

„Казалось, безъ всякихъ снарядовъ и пуль они затопчутъ насъ одними сапожищами!"

Передъ отправленіемъ въ караулъ. Солдаты берутъ съ собою дрова, чтобы вскипятить воду.

Эти возгласы на тысячу разныхъ ладовъ варьируются въ каждомъ письмѣ. Впечатлѣніе неотвратимой громады, которая вотъ-вотъ обрушится, уничтожитъ, раздавитъ, пережили всѣ до единаго. И съ чѣмъ только ни сравнивается эта громада въ письмахъ британскихъ солдатъ!

„Нѣмцы накинулись на насъ, какъ лавина, какъ снѣжный обвалъ въ горахъ... Какъ громадная туча безъ конца, безъ начала... Какъ осиный рой... Какъ горохъ изъ мѣшка..." Этими стереотипными фразами, повторяющимися въ каждомъ письмѣ, пытаются Джонсы и Джонсоны передать свое впечатлѣніе отъ встрѣчи съ несмѣтными германскими сонмищами.

Это былъ лишь первый отрядъ англичанъ, остальные гдѣ-то задержались, замѣшкались. Гибель была неминуема. Маленькой ли кучкѣ футбольщиковъ задержать взбѣленившихся буйволовъ! Лучше бѣжать, или сдаться, а не то сотрутъ въ порошокъ! Но футбольщики не повели даже бровью, не вынули изо рта своихъ трубочекъ и грудью встрѣтили налетавшую смерть.

А смерть налетѣла безумная:

„Сказать вамъ, чтó сталось съ моимъ полкомъ: на перекличкѣ отозвалось только трое: я да еще двое раненыхъ",—сообщаетъ Коксъ, рядовой.

„У насъ изъ 1.009 человѣкъ уцѣлѣло лишь 106 рядовыхъ да 3 офицера. Итого мы потеряли 900 человѣкъ",—пишетъ кавалеристъ Аткинсонъ, и такія страшныя цифры—почти въ каждомъ тогдашнемъ письмѣ.

„Когда мы вступали въ траншеи, насъ было 1.200, а когда мы покидали траншеи, насъ осталось всего 60",—сообщаетъ своимъ роднымъ рядовой В. Бокъ.

Тридцать пять, пятьдесятъ, восемьдесятъ, девяносто процентовъ погибло англичанъ въ два-три дня. Но они стояли въ этомъ аду, какъ желѣзные, не теряя ни на мигъ хладнокровія, методически-спокойно пострѣливая, словно и не замѣчая того урагана, который опрокинулъ и смялъ все вокругъ,—словно это не кровавая схватка съ обезумѣвшимъ отъ ярости врагомъ, а мирное состязаніе въ стрѣльбѣ гдѣ-нибудь на ярмаркѣ, въ тирѣ, изъ-за грошоваго приза. Этотъ флегматичный героизмъ британцевъ удивилъ и очаровалъ ихъ союзниковъ. По словамъ француза Дюшеня (M. Duchene), служившаго въ Верденскомъ гарнизонѣ, французы безъ конца повторяли: „Quels soldats! Ils sont magnifiques! Ils sont superbes!"

Первая перевязка на полѣ сраженія.

„Словно это пикникъ, а не бой!—пишетъ другой французъ.—Мнѣ казалось, что они улыбаются. Даже папироски не бросятъ. Поразителенъ ихъ sang-froid подъ бѣшенымъ ливнемъ пуль“.

Французы никогда не видали такой сверхчеловѣческой стойкости.

„Всѣ они герои—до единаго,—пишетъ французскій сержантъ.—И врачи у нихъ герои, и офицеры герои, и нижніе чины—до единаго! Жаль только, что ихъ было такъ мало въ ту пору“.

Сознаніе, что ихъ было меньше, чѣмъ нужно, очень огорчаетъ британцевъ. Нѣтъ письма, гдѣ бы не упоминалось объ этомъ.

„Нѣмцевъ было двѣсти пятьдесятъ тысячъ, не меньше, а насъ всего пятьдесятъ!“—читаемъ въ одномъ письмѣ.

„Одному противъ семи или восьми не легко!“—читаемъ въ другомъ письмѣ.

„Нѣмцы кинулись на насъ цѣлой ордой: сто противъ одного!“—пишетъ саперъ Джорджъ Брайянъ.

Сто противъ одного—это, конечно, гипербола, вполнѣ, впрочемъ, понятная при такихъ обстоятельствахъ, но десять противъ одного—близко къ истинѣ. Немудрено, что весь бой былъ отмѣченъ множествомъ драматическихъ сценъ. „Я видѣлъ, какъ двое нашихъ, окруженные нѣмцами, выбившими ихъ изъ сѣдла, прислонились другъ къ другу спиною и, обнаживъ шпаги, изрубили девять или десять враговъ: потомъ увидали мимобѣгущую лошадь безъ всадника, оба разомъ вскочили на нее и ускакали“,—разсказываетъ кольдстримскій гвардеецъ Уитэнеръ. Только такія вдохновенія удачи, отваги, находчивости могли спасти эту кучку людей, окруженныхъ разсвирѣпѣлыми „бошами“.

На позиціяхъ. Батарейные резервы.

На позиціяхъ. Въ резервѣ. Временная конюшня.

Самоотверженность они проявили огромную. Вотъ весьма типичный эпизодъ, разсказанный солдатомъ-чеширцемъ: „Одинъ изъ нашихъ сержантовъ упалъ. Къ нему кидается нашъ капитанъ и хочетъ его поднять. Пуля попадаетъ ему въ ногу. Онъ тоже падаетъ, рядомъ съ сержантомъ, и мы думаемъ: кончено! Но онъ ползетъ и волочитъ за собою сержанта. Наши бросаются ему на помощь. Вы бы поглядѣли его ногу, когда онъ снялъ свой сапогъ! Вдребезги раздроблена, исковеркана!“

Это традиція у британскихъ офицеровъ—спасать своихъ солдатъ, рискуя жизнью. Командующій англійской эскадрой сэръ Джонъ Джеллико, какъ извѣстно, не разъ бросался съ корабля въ океанъ, чтобъ спасти тонущаго матроса.

Въ битвѣ при Монсѣ, къ довершенію ужаса, батареи британцевъ не всюду могли имъ служить. „Послѣ трехчасового боя,—разсказываетъ одинъ рядовой,—нѣмцы уничтожили всѣ наши орудія. Вся артиллерійская прислуга была перебита, изранена, и мы должны были стоять подъ нѣмецкимъ огнемъ даже безъ возможности обороняться. Все воскресенье, и ночью и днемъ, нѣмцы осыпали насъ шрапнелью. Когда мы вышли изъ сферы огня, оказалось, что одними убитыми мы потеряли трехсотъ человѣкъ, включая сюда четырехъ офицеровъ“.

И все же они стояли, беззащитные, безоружные, обреченные на смерть, ежеминутно погибая десятками,—и не уступили ни пяди. Когда-нибудь пѣвцы и поэты увѣковѣчатъ ихъ въ патетическихъ пѣсняхъ, а теперь попробуйте пережить всѣми нервами хотя бы такой эпизодъ, разсказанный однимъ офицеромъ въ письмѣ къ своей матери изъ бельгійскаго госпиталя:

„Мы задерживали нѣмцевъ весь день, убивая ихъ цѣлыми сотнями, когда къ вечеру, въ пятомъ часу, пришелъ приказъ отступать. До насъ этотъ приказъ не дошелъ, и когда всѣ отступили, мы остались одни-одинешеньки. Маленькій англійскій островокъ среди безграничнаго моря германцевъ! Прикрывала насъ отъ нихъ желѣзнодорожная насыпь, но нѣмцы взобрались на нее. Отступать было некуда, ибо наши, когда отходили, взорвали за собою мостъ. Съ одной стороны непріятель, съ другой—широкій каналъ.

На позиціяхъ. Въ резервѣ. Ковка.

Пикетъ у мельницы

И какъ это хладнокровно разсказывается, точно дѣло идетъ не о немъ, а о какомъ-то постороннемъ событіи, совершенно его не касающемся. Погибли шестьдесятъ человѣкъ, окруженные несмѣтной ордой, погибли легендарной смертью, хотя никто не мѣшалъ имъ сдаться комфортабельно въ плѣнъ,—и объ этомъ героическомъ подвигѣ разсказывается такъ дѣловито и сухо, словно это самая заурядная вещь, о которой и говорить бы не стоило. Англичанинъ не тратитъ напрасно ни жестовъ, ни восклицаній, ни словъ. Только могучей душѣ доступенъ такой лаконизмъ!

Надежды на спасеніе никакой. Мы рѣшили продать свою жизнь недешево, завинтили штыки, и на нихъ! Солдаты поражали безстрашіемъ, но падали подъ пулями, какъ кегли. Пуля попала мнѣ въ правую руку, въ которой я держалъ револьверъ. Я выронилъ револьверъ и былъ не въ силахъ вытащить саблю. Вскорѣ другая пуля угодила мнѣ въ ногу, въ колѣно. Я упалъ, а мой отрядъ побѣжалъ дальше, на нѣмцевъ. Что было потомъ, я не видѣлъ, но всѣ видѣвшіе съ восхищеніемъ разсказываютъ объ этой геройской атакѣ. Жители мнѣ потомъ сообщили, что вокругъ моста нашли до 5.000 убитыхъ нѣмцевъ и 60 англичанъ. Эти-то 60 человѣкъ и составляли почти весь мой отрядъ... Лежа на травѣ, я почувствовалъ, что весь рукавъ у меня полонъ крови. Кровь не просто сочилась изъ раны, а била, какъ говорится, фонтаномъ. Я понялъ, что мнѣ повредили артерію. Когда я лежалъ на землѣ, нѣмцы все время палили въ меня, желая прикончить раненаго, но одна пуля наткнулась на саблю, скользнула по ней и отскочила прочь, другая пуля влетѣла ко мнѣ въ карманъ, но, наткнувшись на какую-то жестянку, тоже не причинила вреда. Впослѣдствіи я узналъ, что оба стекла въ моемъ биноклѣ тоже пробиты пулями...“

Выѣзжаютъ на развѣдку.

Не знаю, тогда ли именно, или немного позднѣе, совершилъ батарейный Гарлокъ свой удивительный подвигъ, за который его одновременно и прославили и разбранили жестоко.

Его ранило въ правую ляжку, онъ отправился на перевязочный пунктъ. Докторъ перевязалъ ему рану и велѣлъ сейчасъ же, немедленно лечь въ лазаретъ. Гарлокъ сдѣлалъ видъ, что идетъ въ лазаретъ, а самъ бѣгомъ на свою батарею, къ орудію! Только-что успѣлъ зарядить, трахъ!—новый нѣмецкій снарядъ, новая рана въ спину. Онъ снова идетъ на перевязочный пунктъ, докторъ смотритъ на него съ изумленіемъ:

— Зачѣмъ же ты не пошелъ въ лазаретъ?

Гарлокъ объясняетъ, что не могъ отыскать лазарета, искалъ-искалъ, не нашелъ; ему даютъ провожатаго, и докторъ говоритъ ему съ сердцемъ:

— Если могъ добраться до своей батареи, дойдешь и до лазарета, ничего!

Вышли они вдвоемъ съ санитаромъ. Гарлокъ ему говоритъ:

— Иди къ другимъ, я и безъ тебя обойдусь.

Когда тотъ ушелъ, Гарлокъ обернулъ смыслъ того, что сказалъ ему докторъ:

На развѣдкѣ.

— Если могу до лазарета дойти, стало-быть, и до батареи дойду!

И опять заковылялъ къ орудію. Черезъ двѣ-три минуты нѣмецкій снарядъ раздробилъ ему правую руку. Снова онъ предсталъ передъ докторомъ. Наши офицеры не знали, бранить или хвалить его за это. Попробовали-было бранить, да языкъ не повернулся во рту. И дали ему орденъ Викторіи...

Такъ повѣствуетъ въ письмѣ товарищъ этого упрямаго героя. Я заимствую письмо изъ „Daily News". Гарлокъ—не исключеніе, а правило. Такой духъ проникаетъ всю армію, и надо радоваться, что два милліона Гарлоковъ находятся нынѣ въ строю. Если въ началѣ кампаніи, когда ихъ численность была незначительна, они проявили столько сказочной храбрости, то теперь они совершатъ чудеса. Теперь для нихъ нѣтъ невозможнаго. Теперь они покажутъ германцамъ, что̀ такое британскій футболъ. Но и въ тѣ черные дни, когда, казалось, ничто не могло спасти ихъ отъ рокового разгрома, у нихъ, кромѣ флегматической стойкости, проявилась другая великая сила, которая и помогла имъ безтрепетно вынести эту злую грозу. Эта сила называется юморомъ.

VI. Юмористы.—Спортсмены.

Не забудемъ, что это народъ юмористовъ, народъ-юмористъ, что Свифтъ, Гогартъ, Фильдингъ, Диккенсъ, Теккерей, Томасъ Гудъ и прочіе геніи смѣха созданы этимъ народомъ; что и Джекобсъ и Джеромъ К. Джеромъ—тоже его порожденіе. Весь міръ восхищается обликомъ незабвеннаго мистера Уэллера, каждое изреченіе котораго, вотъ уже семьдесятъ лѣтъ, вызываетъ гомерическій хохотъ, а вѣдь этотъ простонародный мудрецъ есть подлинное воплощеніе тѣхъ самыхъ круговъ Альбіона, изъ коихъ и вербуются солдаты. Если бы на русскій языкъ были грамотно переведены „Три солдата", очерки Редьярда Киплинга, то русскіе читатели знали бы, что нынѣшній британскій солдатъ по своей наклонности къ юмору есть достойный наслѣдникъ Уэллера.

„Вѣкъ не видалъ я такихъ жизнерадостныхъ парней,—пишетъ изъ военнаго госпиталя полковой священникъ Татерсолъ.—Они даже въ госпиталѣ изумительно веселы. У этого вышибленъ глазъ, тотъ раненъ осколкомъ шрапнели, но все для нихъ—трынъ-трава, пустяки; со смѣхомъ переносятъ всѣ ужасы".

Саперъ Брэдли даже готовъ утверждать, что именно терзанія и муки вызываютъ въ солдатахъ веселость. Чѣмъ больше ужасовъ, тѣмъ они веселѣе,—на зло, наперекоръ этимъ ужасамъ. Смѣхомъ они побѣждаютъ печаль, юморомъ преодолѣваютъ страданія. „Я никогда не видалъ ихъ такими веселыми, какъ именно въ часы испытаній,—разсказываетъ этотъ саперъ.—Въ окопахъ подъ непрерывнымъ огнемъ—шутки, пѣсни, анекдоты, концерты! Порою играемъ въ футболъ; роль мяча исполняетъ нѣмецкая каска. А то затѣваемъ пари: гдѣ разорвется ближайшій германскій снарядъ? Выигравшій получаетъ всѣ ставки".

Въ каждомъ отрядѣ, въ полку, въ лазаретѣ, непремѣнно найдется солдатъ, обладающій способностью смѣшить. Счастливая способность, драгоцѣнная! Тутъ она нужнѣе всего. Эти полковые шуты выполняютъ великую функцію: они анестезируютъ боль, они облегчаютъ все тягостное.

„Есть у насъ шотландецъ, умора!—читаемъ въ одномъ письмѣ.—Роздалъ всю одежду бельгійцамъ, самъ остался голъ, какъ соколъ. А потомъ нарядился, для смѣху, въ юбочку шотландскаго гвардейца, напялилъ красные французскіе штаны, пару бельгійскихъ сапогъ, и къ довершенію эффекта завернулся въ уланскій плащъ".

И вправду, должно-быть, былъ очень смѣшонъ этотъ попугайный, франко-нѣмецкій, шотландско-бельгійскій костюмъ, и, должно-быть, носившій его выступалъ въ немъ съ шутовскими ужимками, съ ухватками природнаго комика, ибо солдаты надрывались отъ смѣха.

— Мы чуть не разорвались пополамъ, — разсказываетъ сержантъ Т. Кахиль о другомъ полковомъ шутникѣ. — Просто бока разболѣлись отъ хохоту. Ну жъ и весельчакъ этотъ Клэнси! Околпачиваетъ нѣмчуру—первый сортъ! Взялъ вчера фуражку, нацѣпилъ на полѣно и поднялъ надъ окопомъ для забавы. Нѣмцы пошли палить, истратили тонны свинца, а онъ не переставалъ насъ смѣшить.

Эти отдѣльные шутники и остряки выражаютъ общее настроеніе арміи. Всѣ письма въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ, что въ минуты высшаго боевого подъема англичане проявляютъ мальчишески-веселый задоръ и, словно состязаясь другъ съ другомъ, школьничаютъ, затѣваютъ проказы.

То они пишутъ на пушечныхъ одиннадцатидюймовыхъ снарядахъ:

„Привѣтъ изъ Англіи!"

„Спеціально для кайзера!"

То на своемъ воинскомъ поѣздѣ дѣлаютъ начертаніе мѣломъ: „Прямое сообщеніе съ Берлиномъ!"

То сочиняютъ экспромптомъ нескладную, но бойкую пѣсню про пляшущаго кайзера Вилли, которую тутъ же и распѣваютъ, приплясывая:

„Пляши, коли пляшешь, Вилли,
Пляши впередъ и вспять,
Зови танцоровъ, Вилли,
Мы не устанемъ играть" и т. д.

И все это неизмѣнно свидѣтельствуетъ о приподнятомъ бравурно-мажорномъ „настройствѣ", въ которомъ эти люди находятся.

Нѣсколько дней подъ рядъ нѣмцы аккуратно во время обѣда начинали палить по британцамъ:

— Чувствуютъ запахъ свинины!—объясняетъ веселый ирландецъ.—Такъ и тянетъ съ голодухи на съѣстное!

Пуля попадаетъ въ жестянку съ говядиной:

— Вотъ и отлично: не придется ее открывать. Сами нѣмцы, спасибо, откупорили!

— Все для нихъ шутка и смѣхъ,—разсказываетъ одинъ офицеръ. — Дождь-ливень, сплошная вода. Я говорю вѣстовому:— „Ступай, приведи мнѣ коня!" —„Не прикажете ли, ваше благородіе, лодочку?"

Свои окопы, нерѣдко залитые дождемъ, они называютъ Hôtel de Лужа, Венеціанскій каналъ, „Букингэмскій дворецъ" и т. д.

Задерживая наступленіе нѣмцевъ, ничтожная горсть англичанъ спряталась въ какой-то лавчонкѣ, осажденной со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, и долго осыпала его выстрѣлами. Вдругъ начальникъ отряда, сержантъ, запримѣтилъ на верхней полкѣ нѣсколько шоколадныхъ плитокъ.—„Ребята,—сказалъ онъ,—за каждаго нѣмца вы получите по шоколадкѣ въ награду!"—и съ тѣхъ поръ послѣ всякаго удачнаго выстрѣла онъ неизмѣнно говорилъ: „получай!" и при дружномъ одобрительномъ смѣхѣ швырялъ отличившемуся стрѣлку шоколадъ. „Увы, — заключаетъ свою повѣсть разсказчикъ, — немногимъ довелось послѣ боя отвѣдать эту сладкую награду. Немногіе остались въ живыхъ!"

Въ этой удалой залихватской средѣ принято относиться къ своимъ личнымъ страданіямъ съ призрительной усмѣшкой, шутя. Этого тамъ требуетъ приличіе. Установился уже трафаретъ для описанія собственныхъ ранъ:

„Яшка Джонсонъ *) пожалъ мнѣ руку; отхватилъ мнѣ кусочекъ уха; провертѣлъ пять дырочекъ въ лѣвомъ плечѣ, двѣ—въ груди, семь въ голени, дюжину (мелкихъ) въ башкѣ, и множество—въ обѣихъ рукахъ; такъ что я цѣлые дни выколупливалъ отовсюду осколки!" („Daily News", 22 декабря 1914).

Или вотъ сообщеніе о полученіи раны въ ступню:

„Въ день рожденія получилъ я подарокъ отъ кайзера".

Такого ухарски-небрежнаго тона въ описаніи своихъ злоключеній требуютъ традиціи среды. Здѣсь юморъ, какъ и храбрость,—обязателенъ.

„Безъ юмора не смѣй и умереть!"—гласитъ неписанный солдатскій уставъ. Какъ раздражаетъ британскаго воина, что нѣмцы нечувствительны къ юмору! Нѣкій Томми какъ-то взобрался на иву нарѣзать себѣ ивовыхъ прутьевъ. Раздался выстрѣлъ, но мимо. Томми и крикнулъ, балуясь:

— Промахнулся! Лѣвѣе возьми!

— Опять промахнулся! Правѣе!

Снова послышался выстрѣлъ, и Томми съ прострѣленнымъ черепомъ свалился съ ивы на землю. Нѣмецъ не оцѣнилъ его юмора. („Daily News", 19 дек.) Таковъ духъ, заражающій всѣхъ. Раненому, падая въ окопъ, нужно непремѣнно воскликнуть:

— Кайзеръ Биль укусилъ меня за ногу!

Или что-нибудь другое, въ этомъ родѣ. Я былъ пораженъ, читая въ Times'ѣ письмо знаменитаго англійскаго писателя Райдера Хаггарда о смерти его племянника, капитана Марка Хаггарда: тотъ въ свои предсмертныя минуты, видя неизбѣжную гибель, смѣялся—„смѣялся, пока не упалъ". (10 октября 1914).

О такомъ же неожиданномъ смѣхѣ во время смертельной опасности разсказываетъ одинъ простодушный матросъ: „Тотчасъ же послѣ перваго выстрѣла мы сдѣлались очень веселыми и смѣялись, пока не кончился бой". Это не истерическій смѣхъ неврастениковъ, это просто душевный подъемъ здоровыхъ, безстрашныхъ людей. Они повѣствуютъ безхитростно: „мы стали прыгать, плясать, вдругъ изъ лазурнаго неба свалилась на насъ граната, и двадцать человѣкъ пали мертвыми". („Эдкокъ", стр. 63).

Смѣхъ и смерть! Смѣхъ надъ смертью! Смѣются, чтобы не плакать. Шутятъ, чтобы не кричать отъ отчаянія. О, не даромъ Пушкинъ приписалъ англичанамъ свою трагедію „Пиръ во время чумы". Это чисто-англійское свойство! Въ этомъ-то и заключается юморъ, его естество, его сущность. Англичанинъ ненавидитъ отчаяніе; его величайшая радость—бороться съ собственной слабостью, побѣждать въ себѣ малодушіе, испугъ. Отсюда и возникъ его юморъ, этотъ смѣхъ, побѣждающій скорбь. Смѣхъ, побѣждающій смерть! Я, конечно, ни секунды не думаю, что всѣ эти солдатскія остроты удачны, что каждый Томми Аткинсъ есть Диккенсъ; мнѣ не важно, какъ они шутятъ: хорошо или плохо, остро или плоско, мнѣ важенъ самый фактъ: они шутятъ. Они поголовно охвачены юморомъ — и даже тѣ прозвища, которыя ими даются самымъ зловѣщимъ, пугающимъ явленіямъ войны, свидѣтельствуютъ объ этомъ несокрушаемомъ юморѣ. Колоссальные снаряды германцевъ ими окрещены въ „Яшку Джонсона", въ „Черную Машку" и пр. А когда какой-то солдатъ, по фамиліи Пальмеръ, страдающій невральгіей лица, увидѣлъ издали Черную Машку и внезапно излѣчился отъ боли, вся армія стала величать это пугало: „Цѣлебное снадобье Пальмера" (Palmer's Cure) **).

*) Такъ фамильярно именуетъ англійскій солдатъ колоссальные снаряды германцевъ.

**) „Собраніе солдатскихъ писемъ" Кильпатрика, стр. 34.

Предо мною цѣлая коллекція пѣсенъ, сочиненныхъ англичанами въ траншеяхъ на мотивы популярныхъ балладъ, и среди нихъ—ни одной торжественной или угрюмой, а все шутовскія и шуточныя. Преобладаетъ, конечно, сатира, этотъ нарочито-англійскій родъ пѣснетворчества: сатира на кайзера Билля, на полкового цырюльника, на дурно-испеченный хлѣбъ,—рѣшительно на всѣхъ и на все. Жажда смѣхотворства сказалась и тутъ. Но кромѣ того примѣчательно, что во множествѣ этихъ сатиръ одна бригада уязвляетъ другую, одинъ батальонъ уязвляетъ другой. Между ними какая-то вѣчная распря. То-есть не распря, а соревнованіе, споръ. „Беркширцы" съ „Іоркширцами", „Сѣрые" съ „Черными", „Гордонцы" съ „Кольдстримцами"—находятся въ неустанномъ соперничествѣ. Они состязаются въ подвигахъ, они стремятся затмить другъ друга безоглядно-лихими дѣлами. Можно подумать, что здѣсь соревнованіе спортивныхъ „командъ" изъ-за какого-нибудь кубка. Вотъ еще британская черта: безъ спорта они не проживутъ ни минуты. Для нихъ это міровое побоище—какой-то грандіозный футболъ. Каждая схватка съ германцами неизмѣнно рисуется Аткинсу въ видѣ какого-то матча, иначе онъ не воспринимаетъ войну, и часто, описывая тѣ боевыя событія, въ которыхъ онъ участвовалъ лично, онъ сбивается на жаргонъ чемпіона:

„Нѣмцы проиграли пять партій, а у насъ ни единаго проигрыша. Ихъ голкиперы слабы. Наши форварды держались молодцами. Главный же матчъ впереди!" („Adcock", p. 101).

Типичны и такія выраженія:

„У нѣмцевъ — ни малѣйшаго шанса. Я и мѣднаго фартинга (гроша) не поставлю за нихъ. Всѣ мои ставки—за французовъ и русскихъ".

Всякія ставки, пари неизмѣнно сопутствуютъ спорту. Мы уже видѣли, что англичане подъ выстрѣлами держатъ другъ съ другомъ пари, гдѣ разорвется ближайшій нѣмецкій снарядъ. О томъ же повѣствуетъ майоръ, носящій громкую фамилію Шекспиръ. „Томми держатъ другъ съ другомъ пари на пятифранковую бумажку, что ближайшій снарядъ упадетъ тамъ-то и тамъ-то",—читаемъ въ его письмѣ, напечатанномъ въ газетѣ „Daily News" (22 декабря 1914 г.).

Съ такимъ же спортсменскимъ азартомъ описываютъ англичане состязаніе аэроплановъ. Вотъ, напримѣръ, письмо, которое могло быть написано только прирожденнымъ спортсменомъ:

„Изъ окоповъ мы на-дняхъ наблюдали воздушную дуэль между французомъ и нѣмцемъ. Интересно, — какъ гонка яхтъ! Французъ выдѣлывалъ разныя штуки, плелъ петли, кидался то вправо, то влѣво, пока не поднялся надъ нѣмцемъ. Совсѣмъ, какъ скворцы: то одинъ наверху, то другой. Обмѣнивались револьверными выстрѣлами". („Daily News", 10 ноября).

Другой солдатъ выражается такъ:

„Мы видѣли, какъ два аэроплана сцѣпились надъ нами въ воздухѣ—зрѣлище очень захватывающее". („Daily News", 16 ноября).

Это зрѣлище такъ захватило обоихъ, что оба забыли о страхѣ, хотя битва происходила надъ ними. Не чудилось ли имъ въ это время, что они сидятъ на трибунѣ и мирно наслаждаются Дерби? Поле битвы имъ всегда представляется въ видѣ арены, ристалища, — и это еще больше увлекаетъ ихъ въ бой. Прелестно письмо одного рядового: „жители Серрея могутъ гордиться: ихъ земляки, какъ въ крокетѣ, такъ и въ сраженіи—первые. Не отступятъ, пока не выиграютъ". Многіе привезли изъ-за моря большіе мячи для футбола, пристегнутые къ тяжелому ранцу, и, даже идя въ атаку, не желали разстаться съ ними. Одинъ саперъ изображаетъ въ письмѣ, какъ англичане (линкольнцы)

Передъ развѣдкой.

Наблюдатели.

У Цейсъ-трубы.

Развѣдочная служба въ нашей арміи. По фот. нашего корреспондента.

Походная церковь, сооруженная солдатами изъ еловыхъ вѣтвей. Подъ этой крестной сѣнью шлютъ воины къ Престолу Вышнему свои моленія о дарованіи силъ на служеніе Престолу, Царю и Родинѣ.

играли въ футболъ подъ огнемъ и только тогда прекратили игру, когда сверху, съ нѣмецкаго „таубе“, было брошено нѣсколько бомбъ. Французы даже попеняли имъ дружески: „ну можно ли заниматься игрою, когда на голову падаютъ ядра“. („Daily News“, ноябрь).

Какъ бы то ни было, эта національная британская страсть, надъ которой въ Германіи было столько насмѣшекъ, чрезвычайно облегчаетъ для Аткинса тяжкое бремя войны. Сводя всякій боевой эпизодъ къ привычнымъ и любимымъ формамъ спорта, Томми Аткинсъ не чувствуетъ себя новичкомъ на новомъ, малоиспытанномъ поприщѣ. Спортъ какъ бы окрыляетъ его, придаетъ заманчивую прелесть, увлекательность томительной военной страдѣ. Здѣсь какіе-то новые стимулы для жертвъ, трудовъ и лишеній. И такъ какъ въ британскомъ спортѣ главное — отнюдь не азартъ, а высоко-развитое соціальное чувство, привычка къ дисциплинѣ и т. д., то ясно, что этимъ футбольщикамъ ихъ футболъ — не укоръ, а хвала: въ немъ ихъ сила, а вовсе не слабость, какъ почему-то полагали германцы, осыпавшіе въ своемъ „Симплицимуссѣ“ цѣлой тучей карикатуръ и насмѣшекъ эту „жокейскую армію, вооруженную шарами и молотками отъ крокета, футбола, лаунъ-тенниса“.

Теперь такихъ карикатуръ уже нѣтъ.

VII. „Мы“.

Я упомянулъ о развитіи соціальныхъ инстинктовъ. Пожалуй, это поражаетъ васъ больше всего, когда вы знакомитесь съ солдатскими письмами. Вы только вообразите такое: пишетъ юноша, почти мальчикъ, вчерашній ребенокъ, изъ самаго пекла войны, пишетъ своей матери-старухѣ, какой-нибудь мистрисъ Смитъ или Роджерсъ, которая гдѣ-нибудь въ Рэдингѣ, въ Кардифѣ, въ Лидсѣ ждетъ его письма съ содроганіемъ, вскрываетъ это письмо въ полу-обморокѣ,—и что же: онъ— о себѣ ни полслова! Исписываетъ восемь страницъ разсказами о какихъ-то бригадахъ, батареяхъ, траншеяхъ, а о себѣ позабылъ. И хотѣлъ написать, да забылъ! Онъ вѣдь давно уже забылъ о себѣ, пересталъ какъ-то себя замѣчать, давно потерялъ свое „я“, оно все растворилось, растаяло въ этихъ бригадахъ, батареяхъ, траншеяхъ... У него появилось взамѣнъ другое огромное слово: „мы“. Въ письмахъ англійскихъ солдатъ это слово на каждой строкѣ. „Мы взяли“, „мы разбили“, „мы прогнали“,—только о томъ и читаешь. Личность въ коллективѣ растворилась безъ остатка такъ полно, какъ еще не случалось въ исторіи. Впервые на нашей планетѣ совершается въ такихъ огромныхъ размѣрахъ этотъ рѣдкостный психологическій опытъ. И впервые мы можемъ провѣрить его по множеству документальныхъ свидѣтельствъ, по этимъ драгоцѣннымъ солдатскимъ каракулямъ на замусоленныхъ измятыхъ лоскуткахъ, которыя для грядущихъ историковъ будутъ дороже всѣхъ Геродотовъ и Несторовъ!

Братскія могилы павшихъ гренадеръ.

Вотъ что пишетъ сынъ-солдатъ своей матери:

„Мы сражались два дня превосходно. Нашъ полкъ воевалъ геройски. Мы потеряли немного, но потери непріятеля страшныя. Наша бригада захватила до 400 плѣнныхъ...“ („Daily News“, 3 ноября).

„Мы“, „наша бригада“, „нашъ полкъ“—здѣсь теперь весь его космосъ, но бѣдная старуха, мнѣ чудится, долго вертитъ это письмо, перечитываетъ, ищетъ по всѣмъ его уголочкамъ: „гдѣ же сынъ говоритъ о себѣ?“ И не находитъ ни строчки! Ея сынъ такъ захваченъ своими бригадами, полками и дивизіями, что ему нужно большое усиліе, чтобы вновь обрѣсти свое „я“. Онъ можетъ писать только такъ:

„Разсказать вамъ подвиги нашего батальона — не хватитъ и цѣлаго дня, а что сдѣлала наша бригада, того и въ недѣлю не разскажешь. Я скажу лишь одно: мы отразили десятки атакъ отборнѣйшихъ Вильгельмовыхъ войскъ, и, какъ объявилъ намъ бригадный, французская линія осталась непрорванной только благодаря нашей стойкости. Мы съ честью поддержали доброе имя кольдстримцевъ“.

Вы замѣчаете здѣсь нотку похвальбы, но вѣдь не собою же онъ похваляется, а своей бригадой, своимъ батальономъ, не себя онъ прославляетъ, а кольдстримцевъ. Честь кольдстримцевъ для него дороже своей. Въ этихъ письмахъ вы ежеминутно читаете:

У братской могилы по дорогѣ къ Опатову.

„Нѣмцевъ было втрое больше, чѣмъ насъ, но, слава Богу, ливерпульцы ни разу не дали нѣмцамъ поблажки".

„Спросите у раненыхъ о подвигахъ нашихъ валлійцевъ. Они разскажутъ такое, что вы будете нами гордиться".

Личное честолюбіе исчезло, замѣнилось корпоративнымъ, общиннымъ. Внѣ связи со своей бригадой, дивизіей, съ той или иной ячейкой арміи, человѣкъ уже не ощущаетъ себя. Онъ охотно отдастъ свою жизнь, лишь бы его возлюбленный полкъ, его regiment оказался не хуже другихъ. Иного честолюбія онъ не знаетъ, но *это* честолюбіе безгранично. Какъ онъ разсерженъ и обиженъ, если газеты по какой-нибудь случайной причинѣ не воздадутъ его полку должныхъ почестей:

„Генералъ осыпаетъ нашъ полкъ комплиментами, но я еще ни разу не видѣлъ, чтобъ нашъ полкъ похвалили газеты, между тѣмъ какъ другіе полки удостаиваются похвалъ за такія дѣла, которыя среди насъ заурядны",—негодуетъ сержантъ Гаррисонъ.

прибывшіе на позицію солдаты.

Часовой съ подчаскомъ.

пишетъ о подвигахъ своего корабля, каждый рядовой о своихъ гордонцахъ, валлійцахъ, кольдстримцахъ.

Большинство этихъ солдатскихъ посланій сводится къ такой похвальбѣ:

„Нашу батарею такъ и зовутъ: знаменитая. Знаменитая вторая батарея! Такое прозвище намъ далъ одинъ французскій генералъ и два англійскихъ. У насъ самыя большія орудія; каждый снарядъ — три пуда" и т. д., и т. д. и т. д.*)

Но не слѣдуетъ думать, что въ это солдатское „мы" входятъ лишь полки да батареи, лишь мелкія ячейки корпусовъ. Напротивъ, никогда это „мы" не было такъ широко и огромно; вѣдь оно охватило полміра—и Францію, и Бельгію, и насъ. Трогательно читать въ этихъ письмахъ, какъ радуется Томми нашимъ радостямъ, и какъ печалятъ его наши печали. Связавъ свою судьбу съ судьбою нашей арміи, нашего рядового Иванова, Томми заочно подружился съ Ивановымъ, сдѣлалъ его своимъ mate'омъ (товарищемъ) и участливо слѣдитъ за нимъ издали.

„Новопришедшій саперъ развеселилъ насъ разсказами о русской побѣдѣ въ Галиціи",—читаемъ въ одномъ письмѣ,

*) Всѣ приводимыя въ этой главѣ солдатскія письма заимствованы мною изъ газеты „Daily News" за октябрь, ноябрь и декабрь 1914 года.

Рядовой Моди также задѣтъ за живое:

„Вы говорите, что, читая газеты, вы въ нихъ не наткнулись ни разу на свѣдѣнія о нашихъ валлійцахъ. Но, чортъ возьми, мы бывали въ такихъ передѣлкахъ!.."

Съ какой-то особенной нѣжностью говорятъ они о своемъ regiment'ѣ. Въ письмѣ одного капрала мнѣ понравилась такая строка: „луна озарила нѣмецкіе шлемы; мой милый, дорогой старый полкъ навинтилъ штыки и—на нихъ!" Особенно гордятся эти люди, когда въ ихъ миломъ и дорогомъ regiment'ѣ окажется увѣнчанный герой.

„Въ нашемъ полку уже есть одинъ, награжденный орденомъ Викторіи",—радуется сержантъ Скартефильдъ, словно орденъ достался ему. Зато самъ-то получившій награду пишетъ своей матери такъ:

„Ты просишь, чтобы я написалъ о себѣ. Терпѣть не могу писать о себѣ".

Вотъ если бы мать догадалась разспросить его о его возлюбленной бригадѣ, дивизіи, онъ прислалъ бы ей подробнѣйшій длинный отчетъ. Такихъ писемъ-отчетовъ въ моей коллекціи множество. Каждый матросъ съ упоеніемъ

на позицію.

Англійскія сестры милосердія, обучающіяся на манекенѣ переноскѣ раненыхъ.

а въ другомъ очень живо разсказывается, какъ, по поводу русскихъ побѣдъ, англійскіе солдаты въ окопахъ, при участіи французскихъ музыкантовъ, устроили русскій концертъ, и какъ нѣмецкіе снаряды помѣшали этому проявленію пріязни. На британскихъ броненосцахъ матросамъ показываютъ въ кинематографическихъ снимкахъ картины изъ русскаго быта, и тѣ встрѣчаютъ ихъ съ большимъ энтузіазмомъ. Въ свое „мы“ они все больше включаютъ и насъ. Въ ихъ письмахъ есть много свидѣтельствъ такого слiянiя съ нами.

Какъ горько, что у насъ въ Россіи никто до сихъ поръ не догадался собрать русскія солдатскія письма! Это были бы драгоцѣнные нерукотворные памятники русской народной души. Въ Англіи уже появилось около десятка такихъ „хрестоматій“ — и пора уже нашему обществу, чтущему своего сѣраго „рядового Иванова“, съ благоговѣніемъ прислушаться къ его мыслямъ, упованіямъ и чувствованіямъ.

Англійская милиція изъ Южной Африки.

Англійскія сестры милосердія.

Англійскіе офицеры на позиціяхъ. За завтракомъ.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.**

1915 г. № 18

XLVI г. изданія

Выданъ 2 мая 1915 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.) — 20 к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагаются „Лит. Прил." и „Новѣйш. Моды" за май.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

СЕРДЕЧНЫЯ ЗАБОЛѢВАНІЯ,

ожирѣніе, склерозъ сердца, сердцебіенія и одышки, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

2310 2-2

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ"** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина"; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма".

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ПРОФЕССОРЪ Д-ръ ПЕЛЬ и Свья

ПЕТРОГРАДЪ.

Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

8543 **ЗА КУЛИСАМИ ВОЙНЫ.** 2-3
(Тайны австрійскаго двора).
Сенсац. злободневный романъ. Цѣна за 10 выпусковъ 50 коп. Высыл. нал. плат. Адр.: Москва, ред. журн. „Лучъ", отд. 3.

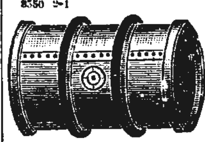
3371 **МАНЕКЕНЫ**

отъ 2-хъ р. предл. фабрика, а съ упак. и перес. по почтѣ въ Европ. Россіи и Закавказ. 4 р. 50 к. Подробн. прейсъ-кур. съ 100 иллюстр. манек. и указаніемъ снятія мѣрки гг. желающимъ имѣть точную свою фигуру высыл. заказн. банд. за 15 к. марку. Складъ и фабрика: Петроградъ, Парголовская улица, соб. д., 12.
Т-во С. Т. Ковалевскій.

ЛѢСНЫЯ ДАЧИ, ИМѢНІЯ ПРОДАЮТСЯ. 8367
Казань. Контора П. А. Подлунскаго.

БОЧКИ

8350 2-1



желѣзныя, оцинкованныя, луженыя, для перевозки и храненія спирта, керосина, масла, кислотъ и пр. изготовляетъ заводъ **Г. РЮЛИНГЪ**, арендаторъ **К. ГУЛАВИ**, Москва, Мясницкая, Кривоколѣнный, 3. Прейсъ-кур. безплатно.

АТТЕСТАТЪ Университета, золот. медали за почерки учениковъ. Въ 15 уроковъ научаю заочно красиво и скоро писать. За 5 семик. марокъ высылаю образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условія. Одесса. Профес. Каллиграф. Адольфъ **КОССОДО**, Дерибасовская, д. № 19.

ЛѢПНЫЕ для потолковъ и стѣнъ изъ прессов. бумаги. розеты, углы, карнизы, кронштейны, фризы, тяги и проч., вполнѣ замѣн. алебастров., но гораздо легче и по цѣнѣ дешевле, для провинціи не замѣнимо. Прейсъ-кур. съ 500 иллюстрац. лѣпныхъ работъ высылается за 75 коп. марк. Фабрика: Петроградъ, Парголовская улица, соб. д. № 12. 8570
Т-во С. Т. Ковалевскій. Тел. 104-74.

МАРКИ
ПАТРІОТИЧЕСКІЯ ПОЧТОВЫЯ
ВЪ ПОЛЬЗУ СИРОТЪ ВОИНОВЪ

принимаются въ оплату всякаго рода корреспонденціи (простой, заказной, поздравительной и т. д.) наравнѣ съ обыкновенными почтовыми марками.

НЕ ВСѢ ЕЩЕ ЗНАЮТЪ объ этихъ маркахъ, а потому имѣйте ихъ въ виду, когда вы идете на почту. Помогите такимъ путемъ семьямъ нашихъ воиновъ. Если у васъ на почтѣ Патріотическихъ почтовыхъ марокъ еще нѣтъ, вы можете обратиться въ Отдѣлъ Канцеляріи ИМПЕРАТОРСКАГО Женскаго Патріотическаго Общества по продажѣ Патріотическихъ почтовыхъ марокъ: Петроградъ, Екатерининскій каналъ, д. 29. Пересылка марокъ по почтѣ производится безплатно. 1569 2-1

8568

Изданія Т-ва А. Ф. Марксъ,
Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

Шульговская, А. РУКОВОДСТВО КЪ ДОМАШНЕМУ ИЗГОТОВЛЕНІЮ простой и изящной дамской, мужской и дѣтской ОБУВИ по новой, легкой и скорой методѣ. Съ 129 рис. Ц. съ перес. 1 руб.

Шитье рѣшетками по выдернутымъ ниткамъ. 61 стр. текста, съ 107 рис. и съ прилож. 20 таблицъ узоровъ. Цѣна съ перес. 80 коп.

Руководство КЪ РАЗВЕДЕНІЮ ШАМПИНЬОНОВЪ, составл. Г. Ределинъ. Съ 25-ю рис. Руководство указываетъ, какъ просто, безъ особыхъ хлопотъ и затратъ, можно заняться искусственнымъ выращиваніемъ шампиньоновъ. 102 стр., въ 16 д. листа. Цѣна 50 к., съ перес. 60 к.

Артикова, М. Ѳ. Руководство для самостоятельнаго изученія ВЫЖИГАНІЯ по дереву, кожѣ, древесной папкѣ, простой и слоновой кости, сукну и бархату и руководство для ТИСНЕНІЯ по кожѣ. Съ 22 рисунк. Цѣна 30 к., съ перес. 40 к.

„Книга о консервахъ". Практич. и теоретич. руководство къ заготовленію овощей и плодовъ въ жестянкахъ и бутылкахъ, съ 13-ю рис., составленное Маріей Ределинъ. 116 стр. въ 16 д. л. Цѣна 50 к., съ перес. 60 к.

Де-Шагренъ, К. 64 рисунка для вышивки гладью. Цѣна альбома 3 руб., съ перес. 3 р. 60 к.

Анохинъ, А. К. НОВАЯ СИСТЕМА комнатной гимнастики. Психо-физіологическія движенія. 5-е изд., съ 15 рис. и съ приложеніемъ таблицы упражненій. Цѣна съ перес. 40 к.

Руководство къ кройкѣ бѣлья МУЖСКОГО, ДАМСКАГО И ДѢТСКАГО, ДЛЯ ШКОЛЬНАГО И ДОМАШНЯГО УПОТРЕБЛЕНІЯ. Съ 8-го нѣмецк. изданія перев. Марія Линдеманъ. 2-е изданіе. На 36 таблицахъ помѣщено 125 чертежей, разработанныхъ настолько тщательно, что составленіе выкроекъ и приспособленіе ихъ ко всякой фигурѣ является легкимъ дѣломъ даже для тѣхъ, кто совершенно неопытенъ въ этомъ отношеніи. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 25 к.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Что сдѣлала наша армія. Офиціальный военный органъ французской арміи «Bulletin des Armées de la République» въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ даетъ общую характеристику того, что сдѣлано русской арміей за восемь мѣсяцевъ войны. Перечисливъ всѣ выдающіяся событія на восточномъ фронтѣ за это время, французскій военный органъ говоритъ:

«Замѣчательная, полная упорства и мужества, работа, выполненная за эти восемь мѣсяцевъ нашими союзниками, можетъ быть формулирована такъ: 1) Съ самаго начала войны русская армія выполнила самымъ лояльнымъ образомъ въ полной мѣрѣ свои союзническія обязанности, выставивъ свои части съ цѣлью отвлечь на себя возможно болѣе нѣмецкихъ силъ; 2) въ то же время она успѣла одержать рѣшительныя побѣды надъ вторымъ изъ своихъ противниковъ. Она разбила австрійскую армію прежде, чѣмъ нѣмцы успѣли перевезти на восточный фронтъ часть своихъ войскъ съ западнаго фронта; 3) она упорствомъ своихъ операцій заставила нѣмецкій генеральный штабъ перебросить противъ нея нѣсколько корпусовъ, и этимъ заставила еще 15-го ноября отказаться отъ наступленія на западномъ фронтѣ; 4) несмотря на эти переброшенные корпуса, нѣмцы вмѣстѣ съ австрійцами не достигли никакихъ результатовъ на восточномъ фронтѣ. Наши русскіе союзники безпрерывно разрушали всѣ планы маршала фонъ-Гинденбурга. Варшава осталась неприкосновенной. А страшныя потери, понесенныя тамъ нѣмецкими войсками, надолго сломили ихъ наступательныя усилія; 5) одновременно съ этимъ австрійцы потерпѣли новыя пораженія, и Перемышль палъ. Вся Галиція въ рукахъ русскихъ; 6) выступленіе третьяго противника,—турецкой арміи,—нисколько не разстроило русской арміи и, не уменьшивъ своихъ войскъ на австро-германскомъ фронтѣ ни на одного солдата, Великій Князь Николай Николаевичъ успѣлъ одержать на Кавказѣ рѣшительныя побѣды приготовленными тамъ во-время войсками. Таковы факты, которые говорятъ сами за себя и которые съ очевидностью доказываютъ, что русская армія, разрѣшивъ въ первые восемь мѣсяцевъ возложенныя на нее трудныя задачи, закаленная безпрерывной упорной борьбой, стоитъ на высотѣ своей задачи: продолжать наступленіе въ лучшихъ условіяхъ весенняго и лѣтняго времени и вмѣстѣ со своими союзниками увѣренно шествовать къ окончательной побѣдѣ».

Русскіе монархи въ Галичинѣ. Одинъ изъ давнихъ изслѣдователей и поборниковъ освобожденія Галицкой Руси, Д. Н. Вергунъ сообщаетъ историческую справку относительно пребыванія русскихъ государей въ Галичинѣ:

Галичину посѣщали императоры Александръ I и Петръ Великій. Императоръ Александръ I былъ въ Галичинѣ только проѣздомъ въ Венгрію. Онъ не останавливался въ галицкихъ городахъ, а проѣхалъ кратчайшимъ путемъ черезъ Дуклинскій перевалъ въ Венгрію, гдѣ имѣлъ остановку въ угрорусскомъ городѣ Бардіовѣ и гдѣ присутствовалъ на уніатскомъ богослуженіи. Онъ спѣшилъ въ Будапештъ къ своей сестрѣ Александрѣ Павловнѣ, вышедшей замужъ за венгерскаго палатина эрцгерцога Стефана. На обратномъ пути онъ вызвалъ многихъ угроруссовъ, какъ Лодія, Балудьянскаго, Кукольника, въ Россію. Второй разъ Александръ I былъ въ Буковинѣ, и до сихъ поръ въ буковинской деревнѣ, близъ Черновецъ, въ монастырской церкви св. Георгія, въ алтарѣ хранится палка Александра I. По преданію, императоръ Александръ I отправился въ церковь пѣшкомъ. На него бросились деревенскія собаки. Палку, которой онъ оборонялся отъ нихъ, мѣстные крестьяне просили оставить имъ на память, и посохъ этотъ до сихъ поръ хранятъ за престоломъ церкви, какъ драгоцѣнную памятку о посѣщеніи русскимъ царемъ Буковины.

Больше всего воспоминаній о себѣ и своемъ пребываніи въ Галичинѣ оставилъ императоръ Петръ Великій. Онъ былъ въ Галичинѣ нѣсколько разъ— въ 1698 г., въ 1707 г., въ 1711 г. и 1716 г. Львовъ посѣтилъ онъ въ январѣ мѣсяцѣ 1707 г.

По пути въ Прутскій походъ царь Петръ посѣщалъ много галицко-русскихъ монастырей. Въ Креховскомъ монастырѣ, близъ Жолквы, и въ Яворовѣ сохранились до сихъ поръ роскошныя Евангелія, пожертвованныя царемъ Петромъ. Пораженіе на Прутѣ отразилось на православной церкви въ Галичинѣ. До тѣхъ поръ львовская и перемышльская епархіи защищались, какъ могли, отъ уніи съ Римомъ. Послѣ этого перешло въ унію и Ставропигійское братство, и православнымъ остался одинъ только Манявскій скитъ, въ Карпатахъ, переживш҄ій первый раздѣлъ Польши.

При своихъ посѣщеніяхъ галицко-русскихъ городовъ русскій царь принималъ депутаціи русскаго духовенства и мѣщанъ, выслушивалъ ихъ жалобы на притѣсненія православія и обѣщалъ свое заступничество передъ королемъ. И дѣйствительно, самъ царь и его посланники неоднократно обращались къ королю съ защитой русскаго населенія не только Галичины, но и всей Западной Руси.

Переходъ черезъ Карпаты. Кромѣ Батыева нашествія 1241 года и неудачныхъ походовъ претендента на угорскій престолъ Бориса (XII в.), два раза воюющія арміи переходили Карпаты. Въ 1046 году черезъ Карпаты прошло войско Ярослава Мудраго: изгнавъ изъ Угорщины ненавистнаго Петра Орсеоло, объявившаго себя вассаломъ нѣмецкаго императора Генриха III, оно возвело на престолъ Ярослава—зятя православнаго короля Андрея I.

Въ 1849 году главная масса русскихъ войскъ прошла черезъ Дуклинскій перевалъ и, спустившись въ равнину, подъ Вилагошемъ нанесла рѣшительный ударъ не только мадьярскому господству надъ славяно-румынскимъ большинствомъ населенія Угорщины, но и всенѣмецкимъ вожделѣніямъ «франкфуртскаго парламента».

Австрійскія знамена. Среди многочисленныхъ трофеевъ, взятыхъ въ эту войну у австрійцевъ и доставленныхъ въ Кіевъ, особенно интересны знамена. По сообщенію «Веч. Вр.», этихъ знаменъ собралась уже тамъ довольно значительная коллекція, — старыхъ, ветхихъ, съ одними обрывками полотнищъ на древкахъ, и совершенно новыхъ, блестящихъ золотомъ и серебромъ тонкой вышивки по тяжелому шелку. Среди нихъ особенно интересно одно, такое свѣженькое и чистенькое, точно оно только-что вышло изъ мастерской, положительно безъ пятнышка на свѣжемъ фонѣ. На верхушкѣ древка его подвѣшенъ серебряный вызолоченный медальонъ съ рельефнымъ изображеніемъ Франца-Іосифа. Съ этимъ знаменемъ, которое дано, несомнѣнно, вмѣсто стараго, обветшавшаго, одному изъ старѣйшихъ австрійскихъ полковъ, связано даже историческое преданіе, по которому, разъ оно попадетъ когда-нибудь въ руки враговъ, судьба Австро-Венгріи будетъ рѣшена. Затѣмъ есть знамя съ большимъ изображеніемъ масляными красками по полотнищу какого-то усатаго господина съ булавой и въ костюмѣ малороссійскаго гетмана допетровской Украйны. Многіе думаютъ, что это портретъ Богдана Хмѣльницкаго, на самомъ же дѣлѣ эта догадка основана только на отдаленномъ сходствѣ. Очевидно, сооружено это знамя для мазепинской дружины. Помимо взятыхъ въ бою, есть также старыя полковыя знамена, хранившіяся въ Станиславовѣ, въ мѣстномъ офицерскомъ собраніи. Австрійцы бѣжали оттуда такъ быстро, что позабыли даже захватить эти священныя для каждаго воина реликвіи и бросили ихъ на произволъ судьбы. Если прибавить къ этому, что неудачная попытка перемышльскаго коменданта сохранить знамена сдавшихся въ Перемышлѣ частей, разрѣзавъ ихъ на тонкія полосы и вшивъ послѣднія въ офицерскія фуражки, была раскрыта въ Кіевѣ, при чемъ всѣ полоски спрятанныхъ знаменъ отобраны,—получится очень солидное количество взятыхъ за эту войну знаменъ двуединой имперіи.

Союзъ. Союзныя узы, связующія арміи Россіи, Франціи, Англіи и Сербіи, нашли себѣ характерное выраженіе въ связи именъ всѣхъ четырехъ верховныхъ командующихъ арміями: Великаго Князя Николая Николаевича, генералиссимусовъ Жоффра, Френча и сербскаго воеводы Путника. Эту характерную связь ихъ именъ подмѣтила сербская газета «Политика» и выразила ее въ видѣ двухъ крестообразныхъ схемъ:

Жо	фр		Пут	ник
Фр	енч		Ник	олай

Какъ германцы вступаютъ на русскую территорію. На основаніи сообщенія, сдѣланнаго лицомъ, посѣтившимъ западный край и побывавшимъ въ рукахъ у германцевъ, «Рѣчь» разсказываетъ, какъ германцы вступаютъ на русскую территорію. Сначала пріѣзжаютъ три кавалериста, двое впереди, за ними третій, къ сѣдлу котораго прикрѣплена катушка съ разматывающейся проволокой. Это — телефонъ. По мѣрѣ движенія всадника проволока разматывается, и всадникъ вѣшаетъ ее на вѣтви попадающихся по пути деревьевъ или на другіе предметы. Въ случаѣ необходимости ускакать назадъ, проволока по мѣрѣ обратнаго движенія всадника наматывается на катушку. Лишь при поспѣшномъ уходѣ проволоку приходится рубить. По телефону сообщаютъ болѣе значительнымъ войсковымъ частямъ о результатахъ обслѣдованія, и только тогда непріятель начинаетъ вступать въ мѣстность. Крестьяне, предвидя германскіе набѣги, еще осенью попрятали въ домахъ, въ землѣ и лѣсахъ картофель, овощи и копченое мясо. Германцы провѣдали объ этомъ и, занявъ деревню, берутъ крестьянъ-провожатыхъ въ лѣсъ на поиски, а также собакъ, разыскивающихъ зарытое мясо.

Подводная лодка въ сѣтяхъ. Газета «Petit Journal» сообщаетъ, что близъ Дувра большая германская подводная лодка, убѣгая отъ англійскихъ миноносцевъ, при погруженіи въ воду запуталась винтомъ въ рыбачьихъ сѣтяхъ и держится въ настоящую минуту на глубинѣ нѣсколькихъ саженей подъ водою. Мѣсто нахожденія подводной лодки окружено двойнымъ рядомъ англійскихъ миноносцевъ, ожидающихъ момента, когда лодка, исчерпавъ всѣ запасы кислорода, вынырнетъ на поверхность моря. Съ аэроплановъ англійскіе летчики отчетливо видѣли лодку.

Женское сыскное бюро. Въ Англіи образовалось чрезвычайно оригинальное учрежденіе—женское сыскное бюро. Составъ женскаго бюро такъ же необыкновененъ, какъ и его дѣятельность. Достаточно сказать, что во главѣ этой организаціи находится лэди Глэнуенъ, помощницами же ея и «агентами» являются герцогиня Веллингтонъ, графини Лэнсборо и другія представительницы лондонскаго высшаго общества.

Возникло это чисто-англійское учрежденіе слѣдующимъ образомъ: съ самаго начала войны, лишь только обнаружился во всей полнотѣ нѣмецкій шпіонажъ, англичанки начали протестовать противъ «чужеземной опасности».

На петиціи женщинъ откликнулось не правительство, а лэди Глэнуенъ, отведшая нѣсколько комнатъ въ своемъ роскошномъ лондонскомъ домѣ подъ устройство «женскаго сыскного бюро».

Это учрежденіе разсылаетъ по всей Англіи особые опросные листки, имѣющіе цѣлью контролировать дѣйствія нѣмцевъ, живущихъ въ Англіи, а также отмѣчать передвиженіе нѣмецкаго флота. Ежедневно лэди Глэнуенъ получаетъ сотни писемъ, въ которыхъ добровольные корреспонденты сообщаютъ ей, что, напримѣръ, около Ярмута ночью было замѣчено подозрительное судно, что такіе-то и такіе-то нѣмцы часто посѣщаютъ пустынные уголки побережья или же совершаютъ какія-либо иныя сомнительныя дѣйствія.

На основаніи этихъ свѣдѣній женское бюро составляетъ ежедневно грандіозную картину дѣятельности нѣмецкихъ шпіоновъ на всей территоріи Англіи.

Бюро, конечно, растетъ не по днямъ, а по часамъ. Постепенно оно перешло изъ 2—3 комнатъ въ цѣлый этажъ, а теперь раскинулось по всему огромному дому лэди Глэнуенъ.

Повсюду видны лишь конторки и столики, за которыми работаютъ десятки добровольныхъ и платныхъ служащихъ.

Германцы казнятъ мертвецовъ. Получены сообщенія, что германскія части не только добиваютъ нашихъ раненыхъ воиновъ, но и казнятъ трупы героевъ, жизнь свою положившихъ за Царя и Родину въ борьбѣ съ германизмомъ. При отходѣ нашихъ войскъ изъ Восточной Пруссіи, въ раіонѣ пограничнаго нашего поселенія остались нѣсколько человѣкъ тяжело раненыхъ пѣхотинцевъ и одинъ кавалеристъ, которыхъ не успѣли подобрать и увезти наши санитары. Вскорѣ два-три героя, вслѣдствіе отсутствія медицинской помощи, скончались. И вотъ нѣмцы, вмѣсто того, чтобы похоронить русскихъ героевъ хотя бы въ одной могилѣ со своими убитыми солдатами—выбросили тѣла на дорогу, при чемъ трупы искололи штыками такъ, что не осталось ни одного цѣлаго мѣста. Затѣмъ, заподозрѣвъ въ одномъ покойникѣ казака, германцы, по приказу начальника отряда, созвали всѣхъ оставшихся въ селеніи нашихъ мирныхъ жителей, разставили ихъ вокругъ того мѣста, гдѣ лежалъ трупъ, а сами изрубили трупъ шашками въ болѣе или менѣе мелкіе куски. Казнивъ такимъ

образомъ трупъ «казака», германцы разбросали куски человѣческаго мяса по дорогѣ, при чемъ заявили мѣстнымъ крестьянамъ, что такая же участь ждетъ всякаго, кто соберетъ части тѣла казненнаго мертвеца и похоронитъ ихъ.

Численность войскъ Германіи. Седьмой выпускъ французскаго официіальнаго обозрѣнія за первые шесть мѣсяцевъ войны содержитъ данныя относительно численности войскъ, которыми можетъ располагать Германія въ 1915 году. Согласно этимъ даннымъ, въ началѣ января германская армія достигла 4 милл. человѣкъ. По официіальнымъ германскимъ отчетамъ, общая численность войскъ, которыя можетъ выставить Германія, составляетъ 9 милл. человѣкъ. Изъ этого числа слѣдуетъ исключить 500 тыс. человѣкъ для несенія разныхъ служебныхъ обязанностей внутри страны. Такимъ образомъ для военныхъ операцій остается $8^1/_2$ милл. человѣкъ, половина которыхъ уже находится на театрѣ военныхъ дѣйствій. Потери достигаютъ цифры не менѣе 1.300.000 человѣкъ. Дѣйствительно же способныхъ носить оружіе всего два милліона въ составѣ контингентовъ 1915, 1916 и 1917 гг. Принимая во вниманіе, что, даже согласно германскимъ даннымъ, ежемѣсячныя потери достигаютъ 260.000 человѣкъ, ясно, что новые призывы не въ состояніи будутъ пополнить убыли за десять мѣсяцевъ войны. Теперь вполнѣ выяснилось, что Германія достигла въ численности ея вооруженныхъ силъ максимума того, что̀ могла призвать имперія въ ряды своихъ армій.

Небывалая война. Нынѣшняя война превосходитъ всѣ грандіознѣйшія, бывшія доселѣ, войны. Изъ 1.600 милліоновъ людей, населяющихъ земной шаръ, 800 милл. находятся въ состояніи войны, изъ нихъ 30 милл.—непосредственно на полѣ брани. Всѣ войны второй половины XIX вѣка, начиная съ крымской и кончая русско-японской, поглотили 27.800 милліоновъ рублей (крымская—3.175 милл., американская—12.000 м., франко-прусская—3.540 м., русско-турецкая—2.420 м., русско-японская—2.460 м.), нынѣшняя война въ теченіе 8 мѣсяцевъ стоила государствамъ 27.000 милл. Отсюда можно видѣть, какія финансовыя и хозяйственныя потрясенія должны испытать воюющія государства, въ томъ числѣ, конечно, и Россія, въ такое время вычеркнувшая изъ своего доходнаго бюджета милліардъ руб. отъ водочной монополіи. Въ исторіи міра не было случая, чтобы государство во время войны отказалось отъ 30% доходовъ. Это величайшій актъ, полный огромнѣйшаго значенія для жизни народа.

Убыль нѣмецкихъ офицеровъ. Въ голландскихъ городахъ въ настоящее время находятся военные агенты всѣхъ воюющихъ державъ, вслѣдствіе чего голландскія газеты иногда могутъ получать весьма цѣнныя свѣдѣнія.

Газета «Раннее Утро» сообщаетъ слѣдующія интересныя данныя объ убыли въ офицерскомъ составѣ въ германской арміи:

До 1 января 1915 г. общее число убитыхъ германскихъ офицеровъ достигло 5.813, тяжело раненыхъ 7.655, легко раненыхъ 11,202. Итого 24.670. Съ 1-го января по 28-е февраля убитыхъ 1.688, раненыхъ—4.570. Итого съ начала войны выбыло изъ строя 30.928 офицеровъ, т.-е. болѣе двухъ третей строевого состава всѣхъ активныхъ и резервныхъ частей.

По чинамъ число убитыхъ офицеровъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ: Генераловъ 28, полковниковъ 57, подполковниковъ 86, капитановъ 1.489, поручиковъ 1.773, подпоручиковъ 4.068.

Я прикажу накормить ихъ желѣзомъ. Газеты разсказываютъ объ ужасной сценѣ, происшедшей у воротъ дворца Bellevue, когда туда пріѣхалъ императоръ Вильгельмъ.

У зѣмка собралось до 2.000 стариковъ и женщинъ, и всѣ они молчаливо привѣтствовали кайзера, когда тотъ проѣхалъ во дворецъ. На пріемѣ былъ оберъ-бюргермейстеръ Берлина. Онъ сообщилъ о волненіяхъ въ рабочихъ кварталахъ.

Вильгельмъ хмуро выслушалъ его и сказалъ:

— Я понимаю, что̀ вы хотите сказать... Но если хоть одинъ изъ нихъ громко крикнетъ, я прикажу накормить ихъ желѣзомъ!

Видя, что это произвело гнетущее впечатлѣніе на окружающихъ и кронпринцесса громко вскрикнула, онъ добавилъ:

— Не могу же оставить голодными моихъ солдатъ... Вѣдь только они, а не эти бездѣльники спасутъ Германію.

Въ тотъ же вечеръ Вильгельмъ уѣхалъ въ Киль.

Военное прошлое Европы. Въ «Кіевской Мысли» А. Яблоновскій приводитъ любопытную справку о «военномъ прошломъ Европы».

Въ XVII вѣкѣ Европа вела 30 войнъ. Изъ нихъ одна продолжалась 30 лѣтъ, четыре больше 20 лѣтъ, десять больше 5 лѣтъ и четыре больше 2 лѣтъ.

Въ XVIII вѣкѣ было 23 войны. Изъ нихъ одна больше 20 лѣтъ, одиннадцать больше 5 лѣтъ и двѣнадцать меньше 5 лѣтъ.

Въ XIX вѣкѣ было 44 войны. Изъ нихъ четыре продолжались больше 5 лѣтъ, пять отъ одного до двухъ лѣтъ и 32 меньше года.

Что̀ касается Россіи, то періодъ почти сплошной, непрекращающейся войны у насъ совпалъ съ эпохой петровскихъ реформъ. Какъ говоритъ Ключевскій, за все продолжительное царствованіе Петра мы были въ мирѣ съ сосѣдями только 25 мѣсяцевъ. Всѣ же остальные годы пушки гремѣли безъ перерыва, то на Дону, то на Невѣ, то въ Нарвѣ, то подъ Полтавой.

Въ подводной лодкѣ. Въ американскомъ «Sun» напечатана бесѣда съ командиромъ германской подводной лодки «U 16» Ганзеномъ, потопившимъ «Ville de Lille» и «Dinorah». Между прочимъ, Ганзенъ коснулся обстановки жизни на подводной лодкѣ и заявилъ, что далеко не всякій способенъ выдержать эту обстановку. Нервы все время находятся въ крайнемъ напряженіи. Пока лодка находится подъ водой, царитъ буквально гробовое молчаніе, электрическій двигатель работаетъ совершенно безшумно, и не слышно ни малѣйшаго звука. Когда какое-нибудь судно проходитъ надъ лодкой или возлѣ нея, то шумъ винта явственно слышенъ. Поэтому всегда, прежде чѣмъ подняться на поверхность, нѣсколько минутъ внимательно прислушиваются, не раздается ли вблизи звукъ работающаго винта.

Воздухъ въ подводной лодкѣ быстро нагрѣвается и, смѣшиваясь съ запахомъ масла, становится очень тяжелымъ. Попадая въ такую атмосферу, свѣжій человѣкъ съ трудомъ въ состояніи сопротивляться одолѣвающей его сонливости. Были матросы, которые первые три дня ничего не ѣли, не желая отнимать у сна то время, которое давалось имъ для ѣды.

Необъятная Россія. Инородцы Камчатки узнали о войнѣ Россіи съ Германіей лишь въ декабрѣ минувшаго года, а населеніе крайнихъ сѣверныхъ равнинъ Сибири, вѣроятно, получило первыя вѣсти о войнѣ лишь въ январѣ новаго года, когда бываетъ пріѣздъ купцовъ съ провизіей и товаромъ для населенія суроваго сѣвера Якутской области.

Германскіе солдаты въ русскихъ шинеляхъ. Къ сѣверу отъ Нарева часть германцевъ переодѣлась въ наши солдатскія шинели, въ виду ихъ очевидныхъ преимуществъ передъ германскими, не дающими достаточнаго прикрытія отъ непогоды. Германскіе солдаты производятъ поодиночкѣ вылазки изъ своихъ окоповъ съ цѣлью раздѣть убитыхъ. Мы ведемъ огонь отборными стрѣлками по непріятельскимъ мародерамъ.

Евреи—добровольцы. По сообщенію изъ Рима, тамъ образуется особый еврейскій легіонъ для будущей экспедиціи англичанъ въ Палестину. Ядро легіона—американскіе евреи, эмигрировавшіе изъ Россіи; къ нимъ присоединяются добровольцы изъ всѣхъ европейскихъ странъ. Въ Миланѣ русскіе студенты-евреи почти всѣ записались въ добровольцы.

Климатическія станціи для воиновъ. Государственный Дворянскій Земельный Банкъ предложилъ Главному Врачебному Управленію 60 дворянскихъ помѣстій, которыя отошли къ банку по долговымъ обязательствамъ, для устройства тамъ климатическихъ станцій для больныхъ и раненыхъ воиновъ.

Живой мостъ. «Гол. Москвы» передаетъ кошмарный разсказъ взятаго нами въ плѣнъ германскаго унтеръ-офицера, ранѣе бывшаго на бельгійскомъ фронтѣ:

«Послѣ необыкновенныхъ усилій (было произведено около десяти атакъ противъ французовъ), нѣмцы поняли, что пробиться немыслимо.

«Генералъ приказалъ набросать гору изъ труповъ, чтобы прикрыть уцѣлѣвшихъ отъ пуль.

«Пока воздвигалась эта теплая стѣна, нѣмцы подъ ея прикрытіемъ набрасывали изъ другихъ труповъ своихъ товарищей мостъ черезъ болото. Жажда спастись была такъ велика, что не разбирали—мертвъ или раненъ. Всѣхъ, кто лежалъ, валили въ кучу.

«И по этому мосту, еще шевелившемуся то тамъ, то сямъ, по этой грудѣ живыхъ и мертвыхъ, накиданныхъ со свойственной нѣмцамъ аккуратностью, переходили болотную топь жалкіе остатки полковъ.

«Стонъ, непрерывный стонъ не смолкалъ на протяженіи полутора миль.

«— Идешь,—разсказываетъ плѣнный:—а изъ болота, изъ моста, торчитъ рука. Наступишь на нее—она пригнется, уйдетъ вглубь, въ массу другихъ конечностей; прошелъ,—и она снова вылѣзаетъ, растопыривъ пальцы, и хватаетъ тебя за ноги, за сапоги; а чей-то ротъ подъ твоимъ каблукомъ умоляетъ о спасеніи. Идешь, заткнувъ уши и думая только объ одномъ: скорѣй бы пройти!

«А въ эту гущу врѣзаются пули и снаряды французовъ, раскидывая трупы и укладывая на нихъ новыя жертвы...

«Когда войска,—вѣрнѣе, обломки войскъ,—перешли, командиръ приказалъ разобрать этотъ мостъ, чтобы не дать врагу перейти и преслѣдовать насъ.

«— Вы понимаете,—жестикулируетъ унтеръ-офицеръ:—что̀ значитъ разобрать этотъ мостъ изъ труповъ? Его нельзя взорвать. Что̀ же, топить?

«Солдаты ослушались. Никто не могъ обернуться, подойти къ лежащимъ, зная, что часть ихъ еще жива, и добить ихъ, погрузить въ тинистое болото.

«Командиръ и не настаивалъ на приказѣ. Онъ уже уѣхалъ на своемъ автомобилѣ. Богъ знаетъ какъ, но мы пробрались.

«Объ этомъ у насъ запрещено писать роднымъ»,—добавилъ разсказчикъ.

Во что обходится война. Французскій министръ общественныхъ работъ г. Гюйо въ англійскомъ журналѣ «The Ninetcenth Century» приводитъ слѣдующія цифры стоимости настоящей войны.

Война въ первые шесть мѣсяцевъ всѣмъ воюющимъ странамъ обошлась 1) военные расходы—16.200.000.000 рублей; 2) стоимость потеряннаго производства—16.880.000.000 рублей, и 3) экономическая цѣнность потерянныхъ жизней—9.970.000.000 руб.; итого—43.050.000.000 рублей, что̀ въ круглыхъ цифрахъ составляетъ около семи съ половиною милліардовъ въ мѣсяцъ

№ 18. Выходитъ еженед. (52 №№ въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 2 мая 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на ½ года—4 р., на ¼ года—2 р. Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Содержаніе.

Къ этому № прилагаются: 1) „Ежемѣс. литературныя и популярно-научныя приложенія" за май 1915 г. 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ" за май 1915 г. съ 58 рис., отдѣльный листъ съ 25 черт. выкр. въ натур. величину и 11 рис. мотивовъ для выжиганія.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Десантъ у Дарданеллъ.

Еще въ концѣ марта стали появляться въ печати извѣстія о готовящемся десантѣ союзниковъ на Дарданелльское побережье. Въ многочисленныхъ газетныхъ извѣстіяхъ по этому поводу сообщались самыя различныя цифры этого десанта — по однимъ свѣдѣніямъ, два корпуса, т.-е. 80 тысячъ, по другимъ свѣдѣніямъ, 150 тысячъ, а по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, даже и 200 тысячъ.

Особенно частыми стали извѣстія о десантѣ послѣ случайной потери союзниками четырехъ старыхъ броненосцевъ при бомбардировкѣ батареи средней зоны—самой узкой части пролива. Вообще всегда было извѣстно, что для окончательнаго овладѣнія прибрежнымъ пунктомъ необходимо появленіе въ послѣдній моментъ сухопутныхъ войскъ, которыя закрѣпили бы разрушенный артиллерійскимъ огнемъ флота районъ. Какъ извѣстно, союзники производили въ теченіе двухъ мѣсяцевъ подготовку атаки Дарданелльскихъ фортовъ при помощи весьма частыхъ и настойчивыхъ бомбардировокъ.

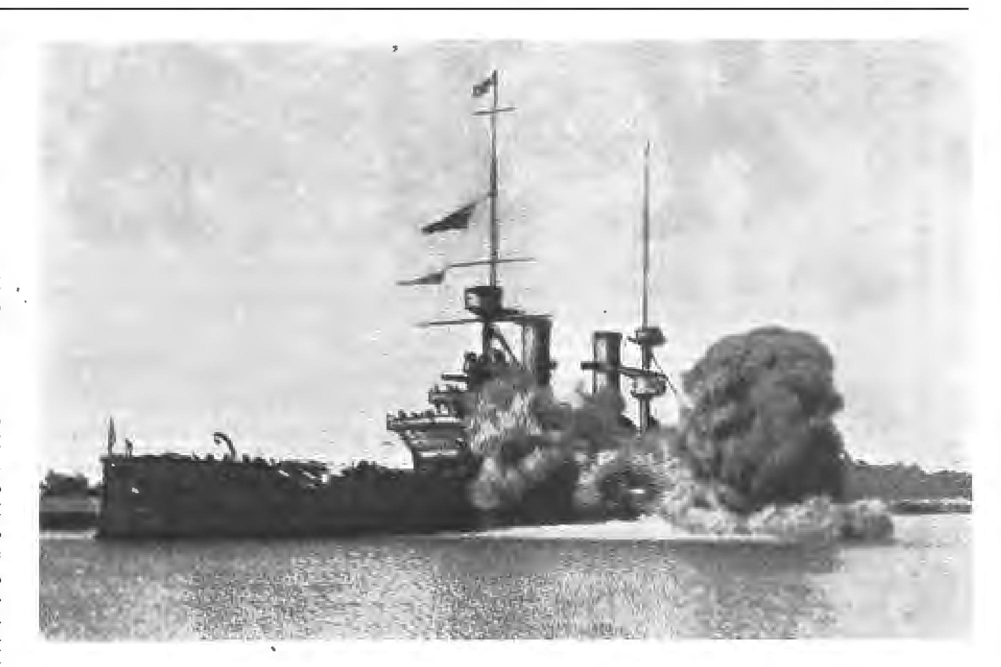
Въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ союзники достигли наиболѣе ощутительныхъ результатовъ при бомбардировкѣ старыхъ каменныхъ батарей, построенныхъ еще въ XVII вѣкѣ—Седдуль-Бара и Кумъ-Кале, находящихся у самаго входа въ проливъ. Эти ста-

Крейсеръ „Аскольдъ", вмѣстѣ съ судами союзнаго англо-французскаго флота принимающій участіе въ бомбардировкѣ Дарданеллъ. До операціи въ Дарданеллахъ крейсеръ „Аскольдъ" прославился своей доблестной боевой дѣятельностью при преслѣдованіи германскаго пирата—крейсера „Эмдена" и затѣмъ при нападеніи въ Средиземномъ морѣ на турецкія силы, предпринявшія неудавшійся набѣгъ на Египетъ.

рыя циклопическія постройки довольно быстро поддались подъ огнемъ современныхъ могущественныхъ орудій флота и послѣ нѣсколькихъ бомбардировокъ были превращены въ груды развалинъ.

Вслѣдъ затѣмъ, какъ извѣстно, послѣдовала бомбардировка другихъ укрѣпленій—а именно батарей средней зоны. Эти батареи, построенныя въ позднѣйшее время, оказались болѣе прочными. Союзныя суда, по англійскимъ офиціальнымъ свѣдѣніямъ, все же нанесли и этимъ батареямъ поврежденія. Обстрѣлъ при этомъ велся очень энергично, и туркамъ недешево обошлись четыре старые погибшіе броненосцы союзниковъ.

Однако, по условіямъ мѣста, флотъ не могъ развернуться въ проливѣ и стать настолько широкимъ фронтомъ, чтобы съ одной стороны обстрѣлять сосредоточеннымъ огнемъ батареи средней зоны, а съ другой стороны такъ раскинуть свои суда, чтобы они не были скучены и не несли большихъ потерь. Поэтому въ помощь бомбардирующему флоту необходимо было высадить десантъ, который завладѣлъ бы самыми опасными батареями средней зоны,—самой узкой части пролива,—при помощи сухопутной атаки.



Бомбардировка Дарданеллъ. Залпъ съ англійскаго крейсера.

Такимъ образомъ 12-го апрѣля, т.-е. къ тому дню, когда былъ произведенъ десантъ, положеніе представлялось въ слѣдующемъ видѣ: во-первыхъ, батареи внѣшнихъ Дарданеллъ окончательно разрушены, и турки оттуда бѣжали, а во-вторыхъ, самыя важныя батареи узкой части пролива сильно повреждены, но турки продолжаютъ оставаться на нихъ, и дальнѣйшее состязаніе флота съ этими батареями представляется нежелательнымъ, во избѣжаніе возможныхъ потерь въ судахъ.

Начальникъ англійскихъ морскихъ силъ, бомбардирующихъ Дарданеллы, вице-адмиралъ Саквилль Гамильтонъ Карденъ (въ послѣдніе дни вслѣдствіе болѣзни передалъ командованіе адмиралу Робекку).

Для подготовки десанта союзникамъ необходимо было предварительно создать какую-либо базу поблизости отъ Дарданелльскихъ проливовъ. Конечно, можно было сосредоточить войска, предназначенныя для десанта, допустимъ, въ Египтѣ. Но перевозка на такое большое разстояніе, какъ отъ Египта до проливовъ, представляла большія неудобства. Десантъ долженъ былъ быть сразу крупнымъ, многочисленнымъ, чтобы сразу же при высадкѣ имѣть превосходство въ силахъ надъ турками. Поэтому, если бы войска были сосредоточены въ Египтѣ, ихъ пришлось бы полностью посадить на транспорты. Между тѣмъ для перевозки одного корпуса съ артиллеріей и обозами необходимо не менѣе 70 пароходовъ, а слѣдовательно, для 3—4 корпусовъ, предназначавшихся для десанта, понадобилось бы свыше 200 пароходовъ. Считая же штабы и разныя тыловыя армейскія учрежденія, громадные запасы снарядовъ на такую армію, продовольствіе, фуражъ, инженерное имущество и проч., мы подойдемъ къ цифрѣ въ 300 транспортовъ, потребныхъ для перевозки арміи въ 3—4 корпуса, т.-е. 150—200 тысячъ человѣкъ.

Несомнѣнно, что союзники располагаютъ коммерческимъ флотомъ весьма значительнымъ, и для нихъ никакого труда не представило бы собрать 300 большихъ транспортовъ. Но самое движеніе этихъ транспортовъ по морю представило бы крайне трудную и сложную задачу. Транспорты нуждаются въ охранѣ изъ военныхъ судовъ, и охранять 300 транспортовъ на пути было бы весьма нелегко.

Для этого понадобилось бы очень много военныхъ судовъ, и все же они не могли бы уберечь такую армаду отъ случайныхъ покушеній отдѣльныхъ быстроходныхъ крейсеровъ, миноносцевъ, или подводныхъ лодокъ. Въ данномъ случаѣ мы подразумѣваемъ, конечно, не покушенія турецкихъ миноносцевъ, а возможный прорывъ изъ Тріеста, Катарро и Полы отдѣльныхъ быстроходныхъ австрійскихъ судовъ, которыя могли бы сдѣлать попытки атаковать днемъ, а вѣрнѣе всего, ночью громадную, лишенную средствъ обороны, армаду изъ 300 транспортовъ.

Все это обязывало союзниковъ найти какую-либо базу, болѣе близкую къ Дарданелльскимъ проливамъ, чѣмъ Египетъ. Такою базою могли служить нѣкоторые острова Эгейскаго моря, занятые послѣ балканской войны греками. Такъ какъ Греція соблюдала нейтралитетъ, то необходимо было отыскать такое рѣшеніе вопроса, при помощи котораго одновременно былъ бы соблюденъ нейтралитетъ Греціи, и въ то же время была бы пріобрѣтена нужная база.

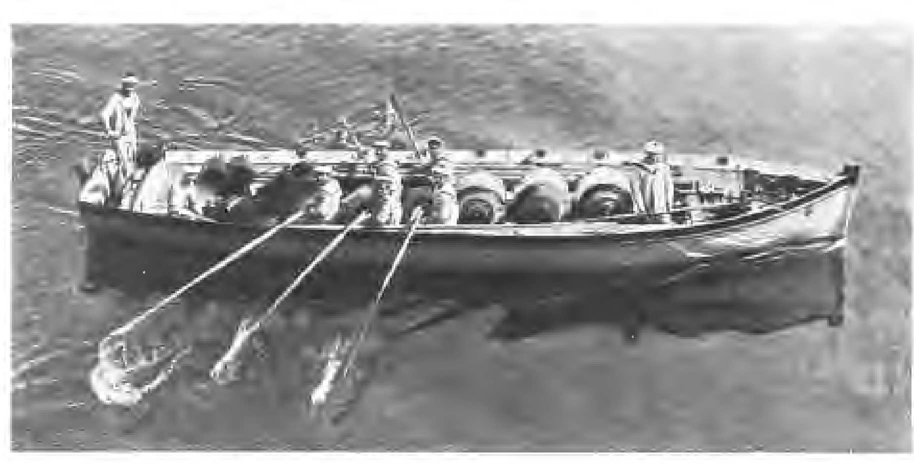
Въ данномъ случаѣ помогло весьма сложное международное правовое положеніе, въ которомъ находился островъ Лемносъ. Фактически онъ принадлежалъ грекамъ, и союзныя державы даже одно время признавали суверенитетъ Греціи надъ этимъ островомъ. Но Турція отказывалась признать островъ греческимъ, и поэтому вопросъ о томъ, кому принадлежитъ этотъ островъ, оставался спорнымъ.

Это дало возможность державамъ, въ виду того, что турки признавали этотъ островъ своимъ, избрать Лемносъ однимъ изъ пунктовъ для сосредоточенія десанта. Такимъ образомъ островъ былъ занятъ союзниками, какъ турецкій, т.-е. какъ территорія, принадлежащая вражеской странѣ, при чемъ, какъ говорятъ, впослѣдствіи этотъ островъ обѣщано переуступить Греціи.

Сосредоточеніе десанта на островѣ Лемносѣ заняло болѣе мѣсяца времени. Операція эта вообще весьма сложная, ибо для того, чтобы создать базу на островѣ Лемносѣ, нужно привезти туда все, что потребно для арміи. Обыкновенно такой основной базой для всякой арміи является ея страна, откуда армія и получаетъ все необходимое черезъ рядъ промежуточныхъ базъ—складочныхъ пунктовъ. Въ данномъ случаѣ, конечно, возить все изъ Англіи и Франціи представлялось слишкомъ сложнымъ и труднымъ, и поэтому на Лемносѣ должна была быть создана крайне сложная база, на которой находилось бы рѣшительно все, что только можетъ потребоваться для арміи.

Адмиралъ Джонъ Робеккъ, вступившій въ командованіе англійскими морскими силами, бомбардирующими Дарданеллы (вмѣсто заболѣвшаго адмирала Саквилля Гамильтона Кардена). Адмиралъ Робеккъ считается въ Англіи первымъ знатокомъ подводнаго миннаго флота.

Подготовивъ такимъ образомъ въ теченіе болѣе, чѣмъ мѣсяца, весьма тщательно громадную и слож-



Въ Дарданеллахъ.
Французскіе моряки вылавливаютъ мины.

ную базу на островѣ Лемносѣ и на нѣкоторыхъ другихъ островахъ Эгейскаго моря, союзники на разсвѣтѣ 12-го апрѣля привезли съ Лемноса войска и произвели десантъ на Дарданелльскомъ побережьѣ въ шести пунктахъ. Изъ этихъ шести пунктовъ пять было выбрано на европейскомъ побережьѣ, т.-е. на Галлипольскомъ полуостровѣ, а шестой былъ избранъ на азіатскомъ побережьѣ. На европейскомъ побережьѣ высаживались англійскія войска, а на азіатскомъ побережьѣ — французскія.

Вполнѣ понятно, что не на всѣхъ этихъ шести пунктахъ десантъ былъ произведенъ въ одинаковыхъ силахъ. Шесть пунктовъ было избрано для того, чтобы отвлечь силы турокъ, и чтобы они не въ состояніи были помѣшать производству самой высадки. Впослѣдствіи, дѣйствительно, и оказалось, что изъ этихъ шести пунктовъ три пункта были главными, а три — демонстративными. Главными пунктами оказались Седдуль-Баръ и Сарабаиръ на Галлипольскомъ полуостровѣ, и Кумъ-Кале — на азіатскомъ побережьѣ. Но и эти три главные пункта не всѣ имѣли одинаковое значеніе.

Командующій французскими силами въ Дарданеллахъ генералъ д'Амадъ. Генералъ д'Амадъ — одинъ изъ выдающихся французскихъ боевыхъ генераловъ, всю жизнь принимавшій участіе въ дальнихъ колоніальныхъ войнахъ и экспедиціяхъ французской арміи.

Уже изъ того, что на европейскомъ побережьѣ войска высаживались въ пяти пунктахъ, а на азіатскомъ — только въ одномъ пунктѣ, можно было видѣть, что главная высадка происходитъ на европейскомъ берегу — на Галлипольскомъ полуостровѣ. Слѣдовательно, одинъ изъ главныхъ пунктовъ — Кумъ-Кале на азіатскомъ берегу — уже имѣлъ меньшее значеніе, чѣмъ другіе два главные пункта — Седдуль-Баръ и Сарабаиръ — на европейскомъ берегу. Но изъ этихъ двухъ послѣднихъ пунктовъ опять наиболѣе важнымъ былъ Сарабаиръ.

Это названіе пока ничего не говоритъ читателю, и для того, чтобы уяснить себѣ сущность десантной операціи у проливовъ, нужно обратиться къ картѣ (см. стр. 344). Седдуль-Баръ находится на самой оконечности Галлипольскаго полуострова, у самаго входа въ Дарданеллы, а Сарабаиръ находится верстахъ въ тридцати къ сѣверу отъ Седдуль-Бара, на берегу Эгейскаго моря, т.-е. на противоположной отъ проливовъ сторонѣ Галлипольскаго полуострова. Вслѣдствіе этого Сарабаиръ приходится въ самомъ тылу турецкихъ батарей узкой части пролива. Этимъ и опредѣляется важность этого пункта, ибо отъ него только около двѣнадцати верстъ до тыла важныхъ батарей узкой части пролива, и, слѣдовательно, союзники, высадившіеся у Сарабаира, могутъ атаковать турокъ съ суши и взять съ тыла самыя главныя укрѣпленія Дарданеллъ при помощи сухопутной атаки.

Седдуль-Баръ гораздо менѣе важенъ. Это — старая батарея, уже разрушенная, какъ мы указывали выше, союзниками и находящаяся на самой оконечности Галлипольскаго полуострова, у самаго входа въ Дарданеллы. Высадившись здѣсь, союзники должны продвигаться вдоль по узкому полуострову, имѣя справа и слѣва море. Такъ какъ здѣсь, благодаря морю справа и слѣва, очень узко, то высадившіяся войска союзниковъ не могутъ развернуться, но зато не могутъ развернуться и турки, ибо и имъ одинаково узко. Вслѣдствіе этого при движеніи союзниковъ отъ Седдуль-Бара будутъ происходить фронтальныя столкновенія на узкой территоріи, что должно имѣть вообще нерѣшительный характеръ.

Совершенно другое дѣло у Сарабаира. Здѣсь союзники высадились съ широкой стороны полуострова. Задача ихъ заключается въ томъ, чтобы устроить сначала амбаркаціонный пунктъ, а затѣмъ заняться уширеніемъ базы. Амбаркаціоннымъ пунктомъ называется тотъ пунктъ, гдѣ произведена высадка, и гдѣ она будетъ далѣе производиться. Пунктъ этотъ надо укрѣпить и обезпечить его отъ всякихъ покушеній противника. Въ этомъ состоитъ устройство амбаркаціоннаго пункта.

Уширеніе базы производится также тамъ, гдѣ была сдѣлана высадка, т.-е. здѣсь уширяется раіонъ береговой полосы, занятой высадившимися войсками.

Такъ какъ союзники у Сарабаира высадились на широкой части полуострова, то они могутъ силою оружія значительно расширить занятую ими береговую полосу и тогда будутъ наступать широкимъ фронтомъ. А слѣдовательно, въ наступленіи могутъ участвовать и развернуться уже и крупныя силы.

Численность высадившагося десанта опредѣляется различными корреспондентами различно: отъ 100 до 200 тысячъ. Принимая во вниманіе, что это цифра преувеличенная, и что, напримѣръ, англичане высаживали при хорошихъ условіяхъ во Франціи по 8 тысячъ въ день, слѣдуетъ считать, что союзники высадили въ теченіе первыхъ десяти дней примѣрно около 80 тысячъ, т.-е. около двухъ корпусовъ. Такъ какъ условія для высадки здѣсь хуже, чѣмъ въ Калэ и Булони, и нѣтъ ни готовыхъ пристаней ни подъемныхъ крановъ, то эта цифра, вѣроятно, нѣсколько меньше и можетъ колебаться отъ 50 до 60 тысячъ человѣкъ, высадившихся въ первые десять дней.

Такимъ образомъ союзники въ первыя полторы недѣли завладѣли на Галлипольскомъ полуостровѣ двумя прибрежными пунктами: однимъ у входа въ Дарданеллы — батареей Седдуль-Баръ, а другимъ въ тылу батарей узкой части пролива — на побережьѣ Эгейскаго моря у Сарабаира. Отсюда около 12 верстъ до батарей средней зоны и около 60 верстъ до города Галлиполи. Наконецъ за десять дней высажено около $1^1/_2$ корпусовъ.

Таковы первые ближайшіе итоги десантной операціи у Дарданеллъ.

Союзный воздушный флотъ въ Дарданеллахъ. Гидропланъ, возвращающійся съ развѣдки на бортъ крейсера, къ которому онъ прикомандированъ.

Кресты (×) обозначаютъ пункты высадки десанта; ×× обозначаютъ Сарабаиръ—пунктъ высадки главнаго десанта.

Дарданеллы. На картѣ обозначены крестами мѣста высадки десанта союзныхъ войскъ.

Тевтонамъ.

Въ поляхъ, гдѣ вы прошли, не выростаютъ травы.
Клянетъ душа природы буйство вашихъ дѣлъ.
Лежалъ вашъ дерзкій путь къ холму невѣрной славы:
Морями женскихъ слезъ, по трупамъ дѣтскихъ тѣлъ...
О, вѣрьте: въ вереницѣ долгихъ лѣтъ не сгинутъ
Воспоминанія о жути тѣхъ эпохъ,
Когда тевтономъ былъ печальный жребій вынутъ,
Увлекшій слабый умъ къ забвенью слова: Богъ...

Павелъ Орѣшниковъ.

Графъ С. С. Татищевъ.

(Портр. на этой стр.).

29-го марта с. г. въ Петроградѣ скончался начальникъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати графъ Сергѣй Сергѣевичъ Татищевъ. Неумолимая смерть похитила этого выдающагося государственнаго работника и рѣдкой души человѣка въ расцвѣтѣ дѣятельности, на 42-мъ году жизни. Крѣпкій молодой организмъ долго боролся съ тяжкой болѣзнью, вызванной несчастной случайностью—порѣзомъ при бритьѣ.

За недолгій сравнительно срокъ своей послѣдней, наиболѣе выдающейся, дѣятельности во главѣ Управленія по дѣламъ печати графъ С. С. Татищевъ своимъ исключительнымъ тактомъ и чисто-государственнымъ умомъ сумѣлъ привлечь къ себѣ всѣхъ представителей нашей печати, видѣвшей въ немъ человѣка строгой лойяльности, аккредитованнаго правительствомъ при седьмой державѣ—печати. Отстаивая интересы государства во имя общаго служенія родинѣ, графъ С. С. Татищевъ былъ истиннымъ другомъ печати, какъ выразительницы общественнаго мнѣнія.

Оплакивая безвременную кончину графа С. С. Татищева, одна изъ столичныхъ газетъ справедливо примѣнила къ его свѣтлой памяти слова поэта: „у богатаго недруги мрутъ, а у бѣднаго другъ умираетъ".

Вся печать, держать которую въ рамкахъ законности былъ поставленъ графъ С. С. Татищевъ, единодушно, безъ различія взглядовъ и направленій, принесла даръ любви и уваженія его свѣтлой личности, „сплела ему неувядаемый вѣнокъ изъ живыхъ словъ".

„Бережно обращайтесь съ живымъ печатнымъ словомъ",—это наставленіе графа С. С. Татищева каждому цензору—лучшая характеристика всей его дѣятельности. Сознаніе силы и значенія печатнаго слова диктовало ему уваженіе къ чужому мнѣнію, которое онъ проявлялъ столько же въ широкихъ предѣлахъ своего вѣдомства, сколько и въ комиссіяхъ Государственной Думы при обсужденіи вопросовъ, касающихся новаго законопроекта о печати.

Руководясь завѣтомъ покойнаго П. А. Столыпина: „единая, недѣлимая и мощная Россія, безудержно идущая впередъ по пути государственной жизни", графъ С. С. Татищевъ въ новомъ законопроектѣ о печати отмѣнилъ, какъ устарѣлую и несправедливую мѣру, систему административнаго воздѣйствія на печать, стараясь подчинить ее лишь рамкѣ строгой законности.

Почившій не дожилъ до желаннаго дня обсужденія своего законопроекта въ стѣнахъ законодательныхъ учрежденій. Ему такъ хотѣлось скорѣе этого достигнуть въ настоящемъ юбилейномъ для Главнаго Управленія по дѣламъ печати году: 6-го апрѣля исполнилось ровно 50 лѣтъ со дня установленія этого учрежденія. **С. Н—нъ.**

Начальникъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати графъ Сергѣй Сергѣевичъ Татищевъ († 29-го марта 1915 г.).

Съ подарками на боевыхъ позиціяхъ.

Очеркъ **Н. Н. Брешко-Брешковскаго.**

(Съ 5 рис. и 2 портр. на стр. 345—348).

На позиціяхъ. Капитанъ генеральнаго штаба А. Ф. Г... и нашъ сотрудникъ Н. Н. Брешко-Брешковскій.

Гласный петроградской городской думы Н. П. Зеленко и пишущій эти строки отправились на позиціи, чтобы раздать праздничные подарки отъ Петрограда офицерамъ столичнаго гарнизона.

Отъ В. насъ „прицѣпили" къ эшелону сибирскихъ стрѣлковъ. Эти могучіе, крѣпкіе, словно изъ горной породы, сибирцы въ косматыхъ папахахъ были двадцать шесть дней въ пути. И хоть бы что! Ни вялости ни утомленія. Стрѣлки, веселые, словоохотливые, только и думали о томъ, какъ бы скорѣе очутиться на позиціяхъ.

И среди этихъ скуластыхъ монументальныхъ сыновъ дремучей тайги оказался чистокровный французъ, дѣтище парижскихъ бульваровъ.

Зовутъ это дѣтище Габріэлемъ Эльченъ. Онъ невысокъ, сухощавъ, гибокъ. Ему скорѣе пошла бы экзотическая форма зуава, чѣмъ громадная папаха и сѣрая солдатская шинель. Но и въ папахѣ и въ шинели съ мѣшкомъ на спинѣ французъ чувствуетъ себя великолѣпно.

Но какъ очутился въ сибирскихъ стрѣлкахъ парижанинъ Габріэль Эльченъ?

А вотъ какъ:

Въ юности, увлекшись описаніемъ жизни и боевыхъ приключеній колоніальныхъ солдатъ, Габріэль покинулъ родительскій домъ, уѣхалъ въ сѣверную Африку и поступилъ рядовымъ въ знаменитый иностранный легіонъ, сплошь комплектующійся изъ волонтеровъ всѣхъ національностей и всѣхъ оттѣнковъ кожи.

Габріэль Эльченъ дрался въ Марокко съ арабами и сдѣлалъ два трудныхъ похода въ глубь пустыни.

Отслуживъ пятилѣтній срокъ въ легіонѣ, Эльченъ очутился въ Одессѣ, а потомъ закинуло его въ Сибирь. Здѣсь онъ угомонился на время, поступивъ клеркомъ въ одно французское предпріятіе. Возгорѣвшаяся война тотчасъ же нарушила покой этого симпатичнаго искателя приключеній. Первой его мыслью было пробраться во Францію, но, когда это оказалось невозможнымъ или, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно затруднительнымъ, онъ поступилъ въ батальонъ сибирскихъ стрѣлковъ, разсуждая весьма логично, что въ концѣ концовъ результатъ одинаковый,—будетъ ли онъ драться съ врагами своей родины — Франціи на западномъ, или на восточномъ фронтѣ? И развѣ русская армія не близка ему по общей идеѣ сокрушенія германской гидры?

И вотъ онъ бодро шагаетъ въ папахѣ съ винтовкой, въ сѣрой колоннѣ сибирцевъ.

На позиціяхъ. Георгіевскіе кавалеры гвардейскихъ стрѣлковыхъ полковъ.

Роздыхъ и развлеченія на позиціяхъ. Пѣсни и пляски нашихъ солдатъ въ 400-хъ шагахъ отъ непріятельскихъ окоповъ.

На послѣдней станціи, откуда стрѣлки должны были двинуться уже походнымъ порядкомъ, а мы собирались пересѣсть въ автомобиль, Н. П. Зеленко, сказавъ французу нѣсколько теплыхъ напутственныхъ словъ, снабдилъ его подарками.

Двадцативерстный автомобильный пробѣгъ по шоссе, ровному, гладкому, среди мягкой весенней ночи, пропитанной смолистымъ ароматомъ придорожныхъ елей и сосенъ, — былъ прямо наслажденіемъ.

Вотъ и городъ, погруженный во мракъ, безлюдный и вымершій, ежеминутно ожидающій налета воздушныхъ пиратовъ, уже бросившихъ здѣсь въ Страстную субботу около сотни бомбъ. Въ результатѣ — нѣсколько брешей въ частныхъ домахъ, развороченная крыша кирхи и нѣсколько убитыхъ и раненыхъ, въ томъ числѣ двѣ женщины, одна дѣвочка, — бѣднаго ребенка разорвало въ клочки, — и старый 96-лѣтній еврей.

Намъ отвели помѣщеніе въ покинутомъ хозяевами польскомъ домѣ, гдѣ мы устроились съ большимъ комфортомъ. На слѣдующій день — обѣдъ въ штабѣ корпуса. Командиръ корпуса оказалъ намъ необыкновенно радушный пріемъ.

За обѣдомъ, сказавъ горячую привѣтственную рѣчь отъ Петрограда, Н. П. Зеленко роздалъ всему штабу подарки. Каждый подарокъ—изящно свернутый пакетъ, заключающій въ себѣ фунтъ свѣчей, фунтъ шоколаду, сотню папиросъ, почтовую бумагу, карандаши, англійскія булавки и два лимона.

Въ большомъ культурномъ городѣ такой подарокъ производитъ, пожалуй, наивное впечатлѣніе своей скромностью. Но тамъ, на позиціяхъ, гдѣ всѣ, до блестящихъ гвардейцевъ включительно, живутъ въ землянкахъ, въ самыхъ первобытныхъ условіяхъ,—тамъ и шоколадъ, и лимонъ, и свѣчи — кстати, въ арміи жалуются на недостатокъ свѣчей, — тамъ все это пріобрѣтаетъ особенную цѣнность.

Послѣ обѣда въ предоставленныхъ намъ автомобиляхъ мы уѣхали на позиціи. Сзади двигались грузовики съ подарками.

Весенній день сіялъ. Половодье затопило рѣку, и Богъ знаетъ куда разлились ея необъятныя воды. Мостъ охранялся часовыми, спросившими у насъ пропускъ.

Сейчасъ же за городомъ потянулись резервные окопы, форты, линіи проволочныхъ загражденій. На одномъ изъ фортовъ цѣлый рядъ пулеметовъ нащупывалъ своими жерлами ясныя безоблачныя небеса, чтобъ въ любой моментъ обстрѣлять воздушныхъ пиратовъ, если бъ имъ вздумалось повторить разбойничій набѣгъ.

Все дальше и дальше — навстрѣчу новымъ впечатлѣніямъ. По шоссе на каждомъ шагу санитарные автомобили, двуколки, отряды пѣхоты, всадники, разъѣздами и въ одиночку. Придорожныя халупы, въ которыхъ расквартированы нижніе чины, по-праздничному разукрашены лапчатыми зелеными вѣтвями елей. Льется пѣсня, слышны веселые звуки гармоніи. И у всѣхъ бодрый, праздничный видъ.

Нѣмцы не могутъ похвастаться такимъ бодрымъ, сытымъ видомъ. Въ первый день праздника около ста пятидесяти германскихъ солдатъ явились безъ винтовокъ въ наши окопы, прося накормить ихъ. Нѣмцевъ угостили на славу. Такъ угостили, что у нихъ пропала всякая охота возвращаться домой. И они остались, добровольно сдавшись въ плѣнъ. Я видѣлъ этихъ плѣнниковъ въ городѣ. Это уже далеко не тѣ перволинейныя войска, съ иголочки одѣтыя, которыми щеголяла Германія въ первый мѣсяцъ войны. Все сплошь — глубокій ландштурмъ, изнуренный, въ коекакъ пригнанной формѣ и въ блинообразныхъ безкозыркахъ вмѣсто высокомѣрныхъ касокъ. Касокъ нѣтъ больше. Кончились!..

Я говорилъ съ плѣнными. Общее впечатлѣніе — безпросвѣтное уныніе... Они повѣрили наконецъ, что надъ ихъ страною повисъ Дамокловъ мечъ, и разгромъ неминуемъ.

Они прямо заявляютъ:

— Мы устали воевать! Насъ утомила безцѣльность дальнѣйшей борьбы, дальнѣйшаго сопротивленія. Лучшія войска наши погибли во Франціи, въ Польшѣ, въ Карпатахъ, а мы, ландштурмъ, являемся пушечнымъ мясомъ.

Рѣзкій переломъ, очень рѣзкій. Силы врага надломлены.

Держимъ путь дальше. Заѣзжаемъ въ штабъ дивизіи, пріютившійся въ лѣсной усадьбѣ, къ слову сказать, принадлежавшей нѣмцу, который, чуя за собою грѣхи по части шпіонажа, благоразумно скрылся куда-то, вѣрнѣе всего, сбѣжалъ въ свой родной „фатерландъ“.

И здѣсь радушный пріемъ въ лицѣ начальника дивизіи со всѣмъ его штабомъ. И здѣсь, какъ и въ штабѣ корпуса, живутъ всѣ тѣсной и дружной семьей.

Дальнѣйшая дорога уже на самыя передовыя позиціи, затопленная распутицей,—сущая бѣда для автомобилей. Того и гляди, застрянутъ. Штабъ дивизіи предложилъ свои брички и подводы. Мои спутники пересаживаются, перегружаются подарки, а мы

Роздыхъ и развлеченія на позиціяхъ. Грузинъ-артиллеристъ исполняетъ восточный танецъ съ кинжалами и съ бутылкой на головѣ.

Генералъ-отъ-кавалеріи генералъ-адъютантъ В. М. Безобразовъ.

вдвоемъ съ энергичнымъ капитаномъ генеральнаго штаба А. Ф. Г... ѣдемъ верхомъ. Капитанъ Г..., отважный офицеръ, съ характернымъ татарскимъ лицомъ, поспѣваетъ всюду, работая въ штабѣ, участвуя въ бояхъ, дѣлая развѣдки. Съ нимъ его ординарецъ, видный, красивый казакъ Ч..., георгіевскій кавалеръ и лихой развѣдчикъ.

Когда мы сворачивали втроемъ съ шоссе на проселочную дорогу, двое польскихъ крестьянъ, указывая на Г... и Ч..., перемолвились между собою:

— До сихъ поръ еще живы! Видно, хранитъ ихъ Господь Богъ...

Это „до сихъ поръ еще живы" — знаменательно для офицера и его ординарца, на каждомъ шагу рискующихъ головою.

Описывать по порядку все — не хватило бы ни мѣста ни времени, — такъ много тѣснится впечатлѣній.

Прежде всего очутились мы на полевой батареѣ съ окопами для прикрывающей ее пѣхоты. Вся почва разрыта нѣмецкими снарядами, нащупавшими батарею, но, къ счастью, не причинившими ей никакого вреда. Насъ окружили офицеры, вышедшіе изъ своихъ землянокъ. Эти блестящіе петербуржцы, живущіе въ большихъ барскихъ квартирахъ на Сергіевской и Моховой, теперь ютятся по двое и по трое въ крохотной землянкѣ. Здѣсь подарки имѣли громадный успѣхъ, и солидные капитаны, словно кадеты, радовались свѣчамъ и лимонамъ.

— Свѣчи — наше больное мѣсто, — сказалъ одинъ изъ нихъ. — Втридорога покупаемъ какую-то парафиновую дрянь, отъ которой больше копоти, чѣмъ свѣта.

Всматриваешься въ офицеровъ, солдатъ, столпившихся поодаль, — сердце радуется, — такой у всѣхъ увѣренный, бодрый видъ. Ни одного унылаго, погасшаго лица. И всѣхъ окрыляетъ вѣра въ побѣду, въ торжество надъ врагомъ.

Французскій доброволецъ Габріэль Эльченъ, сражающійся въ рядахъ сибирскихъ стрѣлковъ, принимаетъ кисетъ съ подарками отъ представителя петроградской думы гласнаго Н. П. Зеленко.

Ѣдемъ въ штабъ полка. Капитанъ Г... посылаетъ свою красивую сѣрую лошадь въ галопъ, совѣтуя и мнѣ послѣдовать его примѣру. Эта часть дороги усердно обстрѣливается германской артиллеріей, не жалѣющей снарядовъ даже для такихъ невыгодныхъ мишеней, какъ одинокія пѣшія и конныя фигуры. Мы быстро минуемъ опасное мѣсто. Лошадь мчится, разбрызгивая кругомъ себя глинистую желтую грязь.

Деревенька съ ветхимъ костеломъ. Здѣсь штабъ полка. Въ тысячѣ шаговъ германскіе окопы. Пули сплошь да рядомъ попадаютъ на кухонную плиту, гдѣ расторопный денщикъ готовитъ своему генералу обѣдъ. Но этотъ обстрѣлъ никого не смущаетъ. И люди живутъ, совершенно забывая о близости врага, забывая о своемъ повседневномъ обиходѣ. Но тамъ, дальше, за деревней, линіи нашихъ окоповъ грозно ощетинились по направленію окоповъ германскихъ. Разстояніе между тѣми и другими около двухсотъ шаговъ. Тѣ и другіе заставились рогатками, оплелись колючей проволокой и выжидаютъ неусыпно и зорко.

Поднимаемся на старую деревянную колокольню. Оттуда ясно, простымъ глазомъ, видны линіи позицій — наши и германскія. Намѣчаются даже силуэты фигуръ.

Съ позволенія полкового командира капитанъ Г... хочетъ еще ближе показать мнѣ германскіе окопы. И вотъ мы идемъ черезъ всю деревню, входимъ во фруктовый садъ и, пригибаясь, перебѣжками отъ одного дерева къ другому, достигаемъ каменной покинутой постройки. Войти дверью нельзя. На виду!.. И мы карабкаемся въ окно по доморощенной лѣсенкѣ. Гулко отдаются шаги въ пустыхъ комнатахъ. Вотъ мы на чердакѣ и, лежа на полу, глядимъ въ выбитое слуховое окно. Отсюда близко, до жуткаго близко... Безъ бинокля ясно видишь металлическое кружево нѣмецкихъ проволочныхъ загражденій. Видишь головы въ плоскихъ безкозыркахъ, высунувшіяся изъ окоповъ... Стелется въ воздухѣ сигарный дымокъ.

Поэтъ князь Ѳедоръ Николаевичъ Касаткинъ-Ростовскій въ дѣйствующей арміи.

Странное чувство: наблюдать врага на такомъ близкомъ разстояніи. И тѣмъ болѣе — слуховое окно обстрѣливалось. Кое-гдѣ сухое почернѣвшее дерево расщеплено впившимися въ него пулями.

Когда мы вернулись такими же перебѣжками отъ дерева къ дереву, на площади гремѣлъ полковой оркестръ. Изъ густой человѣческой подковы рослыхъ и видныхъ солдатъ одинъ за другимъ выходили плясуны, пускаясь въ бѣшеную присядку. И сколько жизни, искрометной удали, сколько молодечества въ этомъ забубенномъ „казачкѣ", въ какихъ-нибудь шестистахъ шагахъ отъ непріятеля, засѣвшаго вдоль окоповъ по гребню бугра.

Мы уѣхали въ другой полкъ, — и тамъ то же настроеніе. Солдаты плясали, разыгрывая въ лицахъ и весьма талантливо „Кузницу".

Оркестръ въ штабѣ полка.

условіяхъ каждый изъ нихъ отличился..

За такимъ офицеромъ солдат пойдетъ, куда угодно, пойдетъ къ побѣдамъ и славѣ.

На другой день намъ привелось увидѣть. опять-таки на позиціяхъ, среди унылыхъ болотистыхъ равнинъ, настоящую экзотику. Эта экзотика—смуглые, горбоносые, въ косматыхъ папахахъ и въ черкескахъ, кавказскіе артиллеристы. Нѣкоторые одѣты были, правда, и въ защитную форму. Отличался среди нихъ своей безподобной лезгинкою рядовой Захаръ Захаровичъ Кешелашвили. Не довольствуясь обычнымъ исполненіемъ лезгинки, онъ мастерски плясалъ ее съ бутылкой на головѣ и съ кинжалами въ обѣихъ рукахъ. И какой-то особой граціей дышало каждое его движеніе. И онъ плясалъ безъ устали подъ монотонный заунывный восточный мотивъ ударявшихъ въ ладоши товарищей. Они пѣли „Алаверды“ и еще что-то. Живописная была картина.

Наша пѣхота на улицахъ города Станиславова.

Одинъ изображалъ собою наковальню, двое другихъ бережно опускали на его спину два своихъ кулака, точно два молота. И получалась иллюзія дѣйствительной кузницы, иллюзія включительно до тяжелыхъ вздоховъ запыхавшагося мѣха.

И тутъ же поодаль по скату холма собрана была исполинская группа георгіевскихъ кавалеровъ. Величественное зрѣлище,—эта семья рослыхъ красавцевъ и богатырей, съ блестѣвшими на груди крестами. Попадались герои — счастливые обладатели трехъ и даже четырехъ крестовъ.

И здѣсь, какъ и повсюду, гдѣ намъ пришлось быть, бросалась въ глаза тѣсная нерушимая спайка между командным офицерскимъ составомъ и нижними чинами. Молодые подпоручики съ пажескимъ крестикомъ, недавно пріѣхавшіе въ полкъ, уже знали всѣхъ солдат поименно. Знали, гдѣ и когда, и при какихъ

Наша кавалерія на улицахъ города Станиславова.

Таковы обрывки впечатлѣній изъ недавняго посѣщенія нашихъ позицій. Ясное, бодрящее впечатлѣніе, и во всемъ. чувствуется свѣжая мощь нашихъ доблестныхъ полковъ, сбившихъ навсегда спесь съ обнаглѣвшихъ тевтоновъ.

Въ заключеніе упомяну о встрѣчѣ съ поэтомъ княземъ Ѳ. Н. Касаткинымъ-Ростовскимъ. Война, и въ особенности галиційскій походъ, все это вмѣстѣ вдохновило его на цѣлый томикъ новыхъ батальныхъ стихотвореній. Я сразу даже не узналъ талантливаго поэта, съ которымъ я видѣлся года четыре назадъ,—такъ онъ помолодѣлъ въ боевой обстановкѣ, и такъ обвѣтрилось его мужественное лицо.

Сбились съ пути.

Сторожка въ лѣсу.

Разсказъ **В. Муйжеля.**

I.

Въ лѣсу было темно, хотя въ небѣ, очень высоко, стоялъ ущербленный мѣсяцъ, и звѣзды мигали молчаливо и грустно въ просвѣтахъ рѣдкихъ, свѣтлыхъ облаковъ.

Съ полночи стало морозить — и земля затвердѣла, а палые листья на ней стали, какъ стеклянные, и шуршали подъ копытомъ лошади сухо и громко. Когда попадалась лужица, подковы звонко пробивали ее, и въ настороженшейся тишинѣ ночи звукъ казался рѣзкимъ, страшнымъ, разносящимся чуть не на версту. Иногда одна изъ лошадей оступалась, проваливаясь ногой въ яму, ѣхавшій на ней казакъ вытягивалъ ее нагайкой и, задернувъ поводья, ругалъ сдержаннымъ, злобнымъ голосомъ. Въ такихъ случаяхъ Дымба, — уже немолодой, прожившій большую часть своей невеселой жизни, офицеръ, прикомандированный къ бригадѣ главнымъ образомъ потому, что зналъ хорошо эти мѣста, такъ какъ нѣсколько лѣтъ стоялъ здѣсь постоемъ,—оборачивался назадъ и свирѣпымъ шопотомъ шипѣлъ на казака:

— Ты-ы, корова! Распустилъ поводья, еще уссуріецъ!..

Дымба, всю свою жизнь проведшій въ драгунскомъ полку, гдѣ ѣздили на высокихъ караковыхъ лошадяхъ стройные, широкогрудые солдаты, съ легкой насмѣшкой относился къ сотнѣ забайкальцевъ, несущихъ при бригадѣ развѣдочную службу и работавшихъ больше въ разъѣздахъ и по связи, чѣмъ въ атакахъ и выступленіяхъ. Это были совершенно особенные люди: небольшого роста, кряжистые и не совсѣмъ складные, ходившіе по землѣ такъ, словно ноги ихъ съ каждымъ шагомъ врастали въ землю крѣпко и твердо. Всѣ, какъ одинъ, были они на маленькихъ до смѣшного, лошаденкахъ какого-то желтовато-мышастаго цвѣта, мохнатыхъ, толстоногихъ и длинногривыхъ. Когда сотня пришла въ бригаду, солдаты подняли на смѣхъ этихъ невиданныхъ кавалеристовъ, молча, но съ видимымъ добродушіемъ выслушивавшихъ крѣпкія шутки рослыхъ драгунъ и уланъ. Но когда въ тяжелые, трудные мѣсяцы войны выяснилось, что эти мышата, на которыхъ крѣпко и легко, какъ-то стойкомъ, сидятъ забайкальцы, могутъ три дня не ѣсть совершенно и не терять всей своей бойкой выносливости, могутъ безостановочно сдѣлать переходъ въ пятьдесятъ верстъ и тотчасъ послѣ этого, безъ отдыха, возстановлять связь съ штабомъ дивизіи или корпуса, дѣлая еще двадцать верстъ: что эти смѣшныя мохнатыя звѣрюшки способны пробираться по такимъ дорогамъ, гдѣ тяжелая драгунская лошадь непремѣнно завязла бы, и притомъ со скоростью, совершенно непредвидѣнной,—солдаты перестали смѣяться и только съ изумленіемъ поглядывали на молчаливыхъ сибиряковъ.

Самъ Дымба сразу своимъ старымъ кавалерійскимъ глазомъ оцѣнилъ новыхъ товарищей. Когда нужно было отправляться въ разъѣздъ, требующій выносливости, силы и ловкости, на развѣдку, гдѣ нуженъ былъ надежный народъ,—онъ всегда бралъ съ собою уссурійцевъ и не имѣлъ за все время войны ни одного случая раскаиваться въ этомъ. Но старая привычка къ выдержанному строю, подобраннымъ лошадямъ, вѣчно живущій въ душѣ каждаго кавалериста отголосокъ молодого ухарства, — того самаго, что такъ ярко проявляется на большихъ маневрахъ и парадахъ,—все же крѣпко сидѣлъ въ душѣ немолодого штабъротмистра; и, оглядывая передъ выѣздомъ кучку казаковъ, неподвижно ожидавшихъ его выхода на своихъ, чѣмъ-то неуловимо напоминающихъ мышатъ, лошаденкахъ, каждый разъ бормоталъ себѣ подъ носъ въ сѣдѣющіе, коротко подстриженные усы:

— Ну, команда... Какая-то собачья кавалерія! Развѣ это лошади?..

Дымба былъ немолодъ, прожилъ долгую, какъ-то по-особенному скучную жизнь и не любилъ говорить. Чтобы быть разговорчивымъ, надо имѣть влеченіе къ людямъ, тянуться къ общенію съ ними, а Дымба былъ замкнутъ по характеру, выросъ одинокимъ, и даже отдаленные, почти совсѣмъ потонувшіе въ памяти, дни давняго дѣтства и далекой молодости — и тѣ были подернуты какимъ-то тусклымъ, темнымъ туманомъ.

Былъ онъ сиротой съ восьми лѣтъ, до корпуса жилъ у дядиопекуна, потомъ безвыходно въ корпусѣ, потомъ въ училищѣ. Кажется, за все пребываніе въ этихъ заведеніяхъ видѣлъ онъ дядю два раза: разъ, когда дядя женился вторично, и еще, когда ему, Дымбѣ, исполнилось двадцать лѣтъ. Тогда дядя вызвалъ его, какъ онъ говорилъ, дать какой-то отчетъ по опекѣ, но никакого отчета не далъ и все кряхтѣлъ, потиралъ руки и краснѣлъ, какъ мальчикъ, и юнкеру было жаль его. А когда Дымба выходилъ въ полкъ и стали нужны деньги, выяснилось, что денегъ всего двѣ съ половиной тысячи, а остальныя всѣ ушли на образованіе и воспитаніе его же, Дымбы. Молодой офицеръ махнулъ рукой и уѣхалъ, и, кажется, самымъ яркимъ воспоминаніемъ за всю его жизнь было трехнедѣльное прожиганіе этихъ двухъ тысячъ...

А потомъ пошла скучная сѣрая жизнь, замкнутая и сдержанная, сначала отъ того, что кругомъ были богатые, обезпеченные люди, бросавшіе иногда все третное жалованье денщикамъ, а Дымба жилъ на это жалованье, потомъ уже по привычкѣ... И такъ шли годы, то въ глухихъ, до невозможности грязныхъ еврейскихъ мѣстечкахъ западнаго края, то въ лагерныхъ палаткахъ на маневрахъ,—глухая скучная жизнь, наполненная единственнымъ, что могло наполнить ее,—службой со всѣмъ размѣреннымъ, заранѣе установленнымъ порядкомъ ея. Шли годы—молодой, высокомѣрно сдержанный корнетъ превращался въ неразговорчиваго, казавшагося холоднымъ, поручика, потомъ въ угрюмаго, молчаливаго штабъ-ротмистра.

Былъ Дымба въ китайской кампаніи добровольцемъ, потому что ихъ полкъ не ходилъ туда, и пришелъ оттуда еще болѣе угрюмымъ, какъ будто недовольнымъ чѣмъ-то. Съ тѣхъ поръ онъ усиленно занялся службой, муштровалъ солдатъ, тренировалъ лошадей и сразу обратилъ на себя вниманіе своей частью. Потомъ былъ въ японскую кампанію, получилъ двѣ раны и золотое оружіе, но и послѣ этой войны вернулся какъ будто неудовле-

Дозоръ казаковъ.

Казачья жизнь на боевыхъ поляхъ. По фот. Г. В. Грузинцева.

творенннымъ чѣмъ-то, еще ревностнѣе налегъ на службу, отдавая ей все время, и говорилъ, кажется, только съ вахмистромъ и солдатами, а въ обществѣ товарищей-офицеровъ сидѣлъ гдѣ-нибудь въ углу, молча наблюдая своими маленькими, глубоко запавшими подъ крутыя брови, сѣрыми глазками. И странная суровость, не осуждающая, не требующая чего-либо отъ другихъ, а замкнувшаяся въ себѣ суровость, легла угрюмой печатью на его лицѣ.

Молодые офицеры побаивались его, пожилые уважали, а начальство цѣнило, какъ одного изъ самыхъ толковыхъ, дѣльныхъ помощниковъ. Но всѣ не то что сторонились, а осторожно обходили его, какъ будто боясь потревожить себя темной, неясной мыслью, что будилъ въ душѣ нелюдимый человѣкъ, словно боясь спугнуть молодую жизнерадостность суровымъ изломомъ каменныхъ бровей этого человѣка.

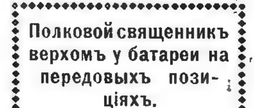
Полковой священникъ во время своего ежедневнаго обхода позицій.

А можетъ-быть, всѣмъ только казалось это оттого, что черезъ все лицо отъ лба, черезъ бровь, внизъ по щекѣ прошелъ по лицу Дымбы глубокій зарубцевавшійся синей складкой омертвѣвшей кожи шрамъ, — слѣдъ японской шашки.

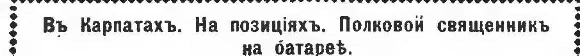
Такъ жилъ молчаливый, казавшійся всѣмъ суровымъ, штабъ-ротмистръ драгунскаго полка Дымба, и даже радость жизни, любовь, ни разу не освѣтила его дней своей улыбкой...

II.

Въ лѣсу было темно, хотя шоссе, вдоль котораго ѣхали, свѣтилось голубоватымъ тонкимъ свѣтомъ: лужицы на немъ иногда внезапно блестѣли кованнымъ серебромъ, ухабъ чернѣлъ тѣневой стороной, и казалось, что вся широкая, какъ бы сказочная, таинственная дорога ждетъ и слушаетъ осторожный ходъ кавалерійскаго разъѣзда, прячущагося въ тѣни.



Полковой священникъ верхомъ у батареи на передовыхъ позиціяхъ.



Въ Карпатахъ. На позиціяхъ. Полковой священникъ на батареѣ.

Тамъ, гдѣ ѣхали солдаты, черныя густыя тѣни путались прихотливой сѣткой съ пятнами луннаго свѣта, и пестрый, вытканный удивительнымъ по нѣжности и силѣ художникомъ, узоръ лежалъ на пристывшей, чуть чуть окрѣпшей подъ легкимъ морозомъ, землѣ.

Шли уже часа полтора—вначалѣ рысью въ раіонѣ полкового штаба, рысью прошли затаившуюся въ пологой ложбинкѣ между искусственно насаженныхъ кустовъ батарею, потомъ окопы резервовъ, потомъ передовую линію. Пріостановились только на минуту на окрикъ высланныхъ впередъ секретовъ, приглушенный, таинственный и какъ будто пугливый окликъ:

— Кто идетъ? Пропускъ?

Дымба шевельнулъ впередъ своего донца, — сухого, поджараго, горбоносаго и некрасиваго вѣчно торчащими, несмотря ни на какой кормъ и отдыхъ, маклоками,— донца, за котораго войсковой старшина второочередного полка давалъ сначала пятьсотъ, потомъ семьсотъ, потомъ думалъ два дня и рѣшилъ дать тысячу, чтобы выслушать тотъ же, что и прежде, отвѣтъ: „такихъ коней не продаютъ: ихъ или дарятъ, когда самъ умираешь, или теряютъ убитыми въ какой-нибудь схваткѣ".

Штабъ-ротмистръ вплотную наѣхалъ на солдата и, наклонившись съ сѣдла, минуту смотрѣлъ на него.

— Далеко *онъ*?—не громко, не отвѣчая на вопросъ, спросилъ онъ.

Солдатъ крѣпко сжалъ винтовку и настойчиво, но попрежнему тихо повторилъ вопросъ:

— Пропускъ, или стрѣлять буду!

Дымба помолчалъ, ему понравился настойчивый солдатъ, и небрежно уронилъ пропускъ:

— Пропускъ сегодня — подкова... Далеко онъ?

— Прямо ежели—версты двѣ,— опуская винтовку, облегченнымъ голосомъ зашепталъ солдатъ:—секреты и ближе, только прямо болото!.. Пѣшему ежели—наши провести могутъ, а на конѣ нельзя, ваше высокородь...

— Знаю. Надо обходомъ—верстъ пять будетъ!

Онъ тронулъ Кобчика, тотъ вздрогнулъ всей своей золотистой шерстью и съ мѣста пошелъ разгонистой особенной рысью, за которую такъ любилъ его Дымба.

Когда выѣхали къ шоссе, перешли на шагъ и, не поднимаясь на насыпь, исчерченную застывшими колеями, обсаженную высокими ветлами, потянулись „волчьей вязкой", одинъ за другимъ, по глубокой канавѣ до лѣса. А въ лѣсу построились по два въ рядъ и также шагомъ, стараясь не шумѣть, не брякнуть случайно ножнами подтянутой шашки, пошли къ желѣзнодорожной сторожкѣ.

Желѣзнодорожная колея давно уже не работала. Во

Въ Карпатахъ. Фельдшеръ раздаетъ лѣкарства больнымъ воинамъ.

Раненые въ костелѣ въ Балешанѣ (Галиція).

многихъ мѣстахъ путь былъ взорванъ, и развороченные пироксилиномъ рельсы странно и непривычно для глаза расползлись въ стороны, поднялись мѣстами кверху и торчали, скрученные страшной силой на разъѣхавшихся, покосившихся шпалахъ.

Дымба уже не разъ видѣлъ все это—и даже въ этомъ самомъ мѣстѣ былъ два раза, подползая къ самой сторожкѣ и слѣдя изъ-за кустовъ за ея таинственной жизнью.

Собственно, развѣдочная часть была не въ его вѣдѣніи, но особый охотничій инстинктъ замкнутаго офицера, двумя кампаніями убѣдившагося въ томъ, что единственно, изъ-за чего стоитъ жить и служить—это изъ-за войны, особое, никогда, и нигдѣ кромѣ войны, не испытываемое имъ чувство азарта толкало его на развѣдки; въ бригадѣ уже къ этому привыкли, и когда нужно было выполнить опасное, трудное дѣло, обращались къ нему, прикомандированному къ штабу бригады штабъ-ротмистру, исключительно изъ-за знанія мѣстности. И Дымба безропотно, даже съ внутреннимъ удовольствіемъ, брался за порученіе, и, кажется, только въ это время чувствовалъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ.

На сторожку—обыкновенно сторожку желѣзнодорожнаго служащаго при переѣздѣ, теперь разбитомъ, съ валяющимся невдалекѣ шестомъ шлагбаума—Дымба напалъ случайно. Въ пѣшей развѣдкѣ, когда пѣхота окапывалась, онъ прошелъ нѣсколько дальше, чѣмъ было нужно, чуть-чуть не влѣзъ въ расположеніе нѣмцевъ и, уходя кругами по лѣсу, напалъ на одинокую сторожку.

Была ночь—тусклая, холодная, съ густымъ туманомъ изморози. Дымба прозябъ, промокъ и усталъ, и такъ странно, такъ неожиданно было видѣть въ эту ночь красный, прикрытый чѣмъ-то, огонекъ въ сторожкѣ. Офицеръ долго стоялъ въ кустахъ, глядя на него и рѣшительно не зная, чѣмъ и какъ объяснить его.

Кто тамъ, въ этомъ маленькомъ, похожемъ на игрушечный, домикѣ, окошко котораго такъ привѣтно, такъ уютно свѣтится въ темнотѣ ночи?

Нѣмецкій патруль, зашедшій отдохнуть и обогрѣться? Выдвинутый впередъ сторожевой постъ? Можетъ-быть, наблюдательный пунктъ, съ телефономъ, визирами и прочимъ?.. Одно было ясно—тамъ не могло быть русскихъ.

Дымба ушелъ, осторожно пробираясь по кустамъ и ежеминутно прислушиваясь, но капли осѣвшей на вѣткахъ изморози звенѣли по деревьямъ, по мокрой землѣ—и едва онъ отошелъ нѣсколько шаговъ, ничего, кромѣ этого журчащаго звона, слышно не было. Онъ добрался назадъ, въ штабъ, легъ спать, и никому ни слова не сказалъ о своемъ открытіи.

А на слѣдующій день выбралъ казака-уссурійца, смышленаго и такого же, какъ онъ самъ, молчаливо-угрюмаго парня, и опять пѣшкомъ отправился къ сторожкѣ.

Всю ночь просидѣли они въ кустахъ, затаивъ дыханіе, боясь пошевельнуться. Разъ по шоссе, въ двадцати шагахъ отъ нихъ, прошелъ нѣмецкій разъѣздъ. Шли три лошади—звонко шлепали по грязи копытами, а всадники переговаривались озяблыми голосами. На переѣздѣ одна изъ лошадей, должно-быть, попавъ подковой на рельсъ, поскользнулась и чуть не упала. Сидѣвшій выругался, вытянулъ ее хлыстомъ—и по одному этому Дымба догадался, что это былъ офицеръ. Солдаты со стеками не ѣздятъ.

Большое искушеніе было взять ихъ въ карабины—всего трое, а казакъ забайкалецъ, сибирякъ-охотникъ, билъ пулей въ глазъ бѣлку. Но страшно было возбудить ночную тревогу, а главное, упустить обитателей сторожки.

Уже подъ утро, когда замерзающіе, не попадающіе зубъ на зубъ, Дымба съ казакомъ хотѣли уходить къ себѣ, дверь сторожки отворилась, и оттуда вышла темная фигура. Нельзя было разсмотрѣть на такомъ разстояніи, но почему-то Дымба былъ увѣренъ, что вышла женщина.

Что̀ могла дѣлать тутъ, въ брошенной, находившейся въ расположеніи непріятеля сторожкѣ, женщина? Она постояла у дверей, какъ будто прислушиваясь, и ушла опять. Дверь скрипнула за ней, потомъ слышно было, какъ съ шорохомъ задвинулся засовъ.

Весь слѣдующій день, всю ночь и еще цѣлыя сутки Дымба ломалъ голову: что̀ за люди живутъ въ сторожкѣ, и почему тамъ женщина?

Бѣженцы, нашедшіе случайно брошенный домъ и пріютившіеся въ немъ? Но близость нѣмецкихъ позицій исключала эту мысль. Всякихъ бѣженцевъ нѣмцы давно бы вышвырнули отсюда.

Перевязочный нѣмецкій пунктъ, съ сестрой милосердія? Но близость русскихъ окоповъ не позволяетъ выдвинуть такъ глубоко ни одного пункта. Притомъ лазутчики доносили, что у нѣмцевъ идетъ за послѣднее время передвиженіе: фронтъ ихъ оттягивается направо, и сторожка такимъ образомъ остается въ той нейтральной полосѣ, которая не занята ни русскими ни нѣмцами, и по которой поочередно шныряютъ то тѣ, то другіе разъѣзды.

Единственно, что̀ можно было предположить,—это то, что въ сторожкѣ застрялъ, изъ-за отсутствія перевозочныхъ средствъ, упустившій время сторожъ. Сидитъ со своей семьей, женой, дочкой, кѣмъ-нибудь изъ родни,—у поляковъ всегда въ домѣ есть какіе-то бѣдные родные,—и ждетъ у моря погоды, надѣясь переждать военную бурю...

Но сторожъ долженъ же чѣмъ-нибудь жить. Долженъ ѣсть, пить, освѣщать свою сторожку, значитъ, онъ долженъ бывать гдѣ-нибудь, въ городѣ, въ мѣстечкѣ, въ сосѣдней деревнѣ. Гдѣ онъ бываетъ? У насъ или у нихъ?

И какъ достаетъ себѣ необходимое, когда ближайшее мѣстечко, за двадцать двѣ версты, занято недѣли двѣ уже нѣмцами, а ближнія деревни или разрушены и сожжены артиллерійскимъ огнемъ, или пусты и мертвы, и даже собаки изъ нихъ разбѣжались?

Дымба ломалъ голову три дня. А когда узналъ, что правый флангъ нѣмцевъ отодвинулся версты на четыре отъ сторожки, доложилъ о всѣхъ своихъ соображеніяхъ бригадному и отправился съ семью казаками обслѣдовать сторожку.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Раненые въ костелѣ въ Балешанѣ (Галиція).

Поручикъ Лессингъ.

Разсказъ **А. Е. Зарина.**

I.

Кто не знаетъ поручика Лессинга? Въ полку, гдѣ онъ служитъ, отъ кашевара до самого командира каждый гордится своимъ поручикомъ. Близко знаетъ его бригадный генералъ, знаетъ дивизіонный и корпусный, командующій арміей, и, вѣроятно, имя его произносилось и въ главной квартирѣ Главнокомандующаго. Всего полгода войны, и за это короткое время призванный на службу прапорщикомъ изъ запаса, Лессингъ сталъ поручикомъ и получилъ всѣ боевыя отличія: Георгія, золотое оружіе, Станислава, Анну и Владиміра съ мечами, и, кажется, больше награждать его уже нечѣмъ.

И при этомъ совсѣмъ не военный. Сынъ эстонскаго крестьянина, онъ учился на мѣдные гроши, окончилъ гимназію, потомъ рижскій политехникумъ, послѣ дополнилъ образованіе въ Германіи и вернулся въ Россію инженеромъ, специалистомъ по постройкѣ всякихъ печей. Строилъ онъ и доменныя печи, и муфельныя, и гофманскія, а когда была объявлена война, былъ взятъ прапорщикомъ запаса и въ короткое время сталъ чуть не сказочнымъ героемъ, безумнымъ по отвагѣ и по неудержимой ненависти къ нѣмцамъ. Солдаты были увѣрены, что онъ заговоренный, а среди молодыхъ офицеровъ создалось двѣ легенды: по одной, Лессингъ, обманутый женщиной, ищетъ смерти; по другой, Лессингъ проникнутъ безпощадной жаждой мести всѣмъ нѣмцамъ за униженія и обиды, которыя испытала его семья и испытываютъ эстонцы подъ гнетомъ остзейскихъ бароновъ.

Охрана моста.

Непріятельская мортира, разорванная бомбой. Отъ ствола осталось нѣсколько частей. На переднемъ планѣ дуловая часть и затворъ. Колеса превращены въ щепы.

Такъ или иначе, а поручикъ Лессингъ являлся столь необыкновенной личностью, которую едва ли можетъ создать самое пылкое воображеніе романиста. Ни у Густава Эмара, ни у Купера, ни у Майнъ-Рида не встрѣтить такого героя. Въ нашу первую отечественную войну у насъ былъ партизанъ Фигнеръ, и, пожалуй, поручикъ Лессингъ нѣсколько напоминаетъ того достославнаго героя, не знавшаго страха и пощады къ врагу.

Посмотрѣть на него—и ничего героическаго нѣтъ ни въ лицѣ его ни въ фигурѣ. Пріѣдетъ въ Варшаву, и сидитъ ли онъ въ цукернѣ, куря толстую кручонку, или зайдетъ въ кинематографъ и, какъ сумасшедшій, хохочетъ надъ какой-нибудь забавной картиной,—кажется онъ самымъ зауряднымъ армейскимъ офицеромъ. Сѣрая шинель, подъ которой простой овчиный тулупъ, на кожаномъ поясѣ шашка, руки запущены въ карманы, самъ невысокаго роста. Ясные, свѣтлые, голубые глаза, чистое лицо съ маленькими черными усами, которые топорщатся, какъ у таракана, и рѣдкая бородка.

Одно только въ немъ примѣчательно, это—его сила. Возьметъ желѣзную кочергу и свернетъ ее узломъ, словно оловянную ложку, сожметъ между пальцами кусковъ шесть пиленаго сахара и раздавитъ ихъ въ порошокъ, но эти фокусы онъ показывалъ только въ тѣсной товарищеской компаніи.

Устроенная нѣмцами баррикада, захваченная нашими войсками.

Солдаты получаютъ патроны.

языка; тогда они стали его бить, повалили, вырѣзали языкъ, а послѣ бросились на мать; бабушка хотѣла ее заслонить, но одинъ солдатъ ударилъ ее прикладомъ по головѣ и повалилъ на землю, а когда отецъ вскочилъ на ноги и взмахнулъ кулаками, они опять стали его бить, а потомъ, смѣясь, снова бросились на мать. Мальчикъ забился подъ кровать и думалъ, что умеръ. Даже не слыхалъ, какъ они ушли.

Лессингъ молча выслушалъ разсказъ, потомъ обернулся къ Королькову и сказалъ:

— Ты здѣсь побудешь, его побережешь... — А потомъ спросилъ мальчика:—Ты говоришь, трое и на коняхъ?

— Трое: одинъ совсѣмъ рыжій. Шапки кожаныя...

Лессингъ кивнулъ, вскочилъ на коня и поскакалъ узкою тропою по лѣсу. Онъ то скакалъ, то сходилъ съ коня и внимательно разглядывалъ слѣды на землѣ, и наконецъ увидѣлъ шагахъ въ ста отъ себя трехъ нѣмецкихъ уланъ. Они привязали коней къ дереву и сидѣли на землѣ, закусывая и куря вонючія сигары.

Лессингъ спѣшился, вынулъ револьверъ и, крадучись, какъ кошка, подобрался почти къ самымъ уланамъ. Не успѣли они вскочить на ноги, какъ раздалось два выстрѣла, и двое уланъ покатились по землѣ, а Лессингъ однимъ прыжкомъ прыгнулъ на третьяго, схватилъ его за горло своей желѣзной рукою, въ одно мгновеніе обезоружилъ его и, когда солдатъ въ ужасѣ закричалъ: „гнаде!“ т.-е. пощады, Лессингъ тряхнулъ его за шиворотъ, поднялъ, подвелъ къ коню и приказалъ сѣсть въ сѣдло. Тотъ влѣзъ, а Лессингъ ловко захватилъ его ноги снятымъ съ лошади поводомъ и закрутилъ ихъ подъ брюхомъ коня; затѣмъ взвалилъ раненыхъ нѣмцевъ на другихъ двухъ коней и поѣхалъ назадъ, къ домику лѣсничаго. Подъѣхалъ онъ къ домику, спѣшился; а тутъ на скамеечкѣ сидитъ Корольковъ и держитъ на колѣняхъ мальчика. Лессингъ обратился къ мальчику, указалъ на плѣннаго улана и спросилъ:

— Онъ?

Мальчикъ взглянулъ, закрылъ лицо руками, задрожалъ весь, какъ осиновый листъ, и закричалъ:

— Ай,-ай!..

— Ну, мальчикъ,—сказалъ Лессингъ:—возьми этихъ двухъ коней и отведи ихъ отсюда подальше. Побудь съ ними недолго, а потомъ мы тебя позовемъ.

Погладилъ онъ мальчика по лохматой головѣ, далъ ему повода отъ своей лошади и отъ лошади Королькова, и мальчикъ послушно отошелъ за уголъ домика.

— Ему не надо видѣть,—сказалъ Лессингъ Королькову.—Помоги втащить его!

Уланъ, вѣроятно, сразу понялъ, что его ждетъ тутъ, въ этомъ

Много объ этомъ Лессингѣ было разсказовъ.

Набрать ихъ можно добрую полсотню, и всѣ они такъ удивительны, что иной слушатель можетъ подумать: „и ловко же ты врешь, не заплетаясь“, но стоитъ просмотрѣть краткія реляціи по поводу его награжденій, чтобы убѣдиться въ сказочной правдѣ этихъ разсказовъ.

II.

Когда въ октябрѣ наши войска отбили первое нападеніе нѣмцевъ отъ Варшавы, Гродны и Осовца и гнали ихъ, какъ испуганное стадо, полкъ, въ которомъ служилъ развѣдчикомъ Лессингъ, шелъ на Августово.

По дорогѣ случилось выбить бѣгущаго врага изъ деревушки и занять ее. Передъ тѣмъ, какъ двинуться дальше, были посланы развѣдчики, и Лессингъ выѣхалъ со своимъ вѣстовымъ Корольковымъ. Этотъ Корольковъ, какъ и Лессингъ, словно родился для подвиговъ; какъ и Лессингъ, былъ онъ такъ же спокоенъ, такъ же безпеченъ, такъ же отваженъ и такъ же безпощаденъ къ врагу.

Выѣхали они къ вечеру. Сейчасъ изъ деревни по другую сторону шоссе начинался густой лѣсъ. Они рѣшили осмотрѣть его и въѣхали въ чащу. Отъ дороги по лѣсу шла широкая тропинка. Они поѣхали по ней и скоро увидѣли домикъ лѣсничаго.

Кругомъ было тихо и глухо.

Они подъѣхали къ молчаливому домику, спѣшились, вынули револьверы, распахнули дверь и вошли въ домикъ, но едва они вошли, какъ остановились въ ужасѣ на порогѣ: на внутренней сторонѣ двери, которую они раскрыли, они увидѣли распятаго... да, распятаго, поляка. Онъ висѣлъ, подхваченный веревкою подъ мышки, на гвоздѣ, при чемъ руки его были прибиты гвоздями; голова его безсильно свѣсилась на грудь, изо рта сочилась кровь. Онъ былъ раздѣтъ донага, весь окровавленъ и слабо стоналъ. Лессингъ съ вѣстовымъ поспѣшно сняли его: у бѣдняка оказался вырѣзаннымъ языкъ. Они понесли его черезъ сѣни, вошли въ комнату и здѣсь на полу увидѣли молодую обнаженную женщину съ перерѣзаннымъ горломъ, а дальше старуху съ разбитымъ черепомъ. Вся мебель была опрокинута, стѣны и потолокъ забрызганы кровью. Корольковъ послѣ разсказывалъ, что вся кожа у него съежилась, и волосы зашевелились на головѣ.

Они опустили тѣло замученнаго на полъ и нѣсколько мгновеній стояли въ безмолвіи, когда услыхали въ комнатѣ чей-то слабый стонъ. Корольковъ оглядѣлся, потомъ подошелъ и отдернулъ пологъ, которымъ была занавѣшена кровать; стонъ донесся яснѣе, Корольковъ посмотрѣлъ подъ кровать и увидѣлъ тамъ мальчугана лѣтъ 12-ти; глаза были безумны; лицо перекошено. Корольковъ вытащилъ его оттуда и торопливо вынесъ на свѣжій воздухъ; Лессингъ сталъ его гладить, цѣловать, и мальчикъ понемногу пришелъ въ себя. Оцѣпенѣніе прошло: онъ сталъ дрожать, всхлипывать, расплакался, а потомъ разсказалъ все, что было.

Утромъ ворвались къ нимъ три нѣмецкихъ солдата,—на лошадяхъ пріѣхали,—и стали допрашивать отца его, а отецъ сталъ махать руками и качать головою, потому что не понималъ ихъ

Кѣльцы. Разрушенный вокзалъ. Второй звонокъ.

домѣ; онъ поблѣднѣлъ, задрожалъ и не хотѣлъ сходить съ коня, а когда его стащили, онъ упалъ на колѣни и завылъ дикимъ голосомъ. Лессингъ только толкнулъ его ногою, а потомъ втащилъ въ домъ полубезчувственныхъ, раненыхъ уланъ и одного за другимъ бросилъ на полъ. Тѣ очнулись, но, увидѣвъ себя среди своихъ недавнихъ жертвъ, вскрикнули и лишились сознанья. Лессингъ ухватилъ плѣннаго за шиворотъ и, приподнявъ его, толчками въ спину заставилъ войти въ домъ.

Корольковъ послѣ разсказывалъ:

— Ввелъ это онъ его, тотъ опять на колѣни, только нашъ соколъ далъ ему въ подбородокъ и сразу выпрямилъ, а потомъ заговорилъ съ нимъ по-нѣмецки. Тотъ только воетъ и руки впередъ протягиваетъ. Одначе нашъ добился отъ него правды...

А послѣ... что было послѣ, объ этомъ не говорили ни Лессингъ ни Корольковъ. Когда его стали разспрашивать, онъ только встряхнулъ головою и нехотя отвѣтилъ:

Юрты, поднесенныя Тургайской областью нашей доблестной арміи.

Рентгеновская станція на автомобилѣ. Внѣшній видъ.

— Чего ужъ, расправились...

Мальчика они привезли съ собою. Лессингъ привезъ съ собою также полную уланскую обмундировку. Когда полкъ послѣ проходилъ мимо этого домика, то на его мѣстѣ были только обуглившіяся развалины, а недалеко отъ нихъ могильная насыпь.

Проходя, всѣ крестились на эту могилу, а когда настигли отступающаго нѣмца, то напали на него съ такой стремительной силой и били его съ такой яростью, что плѣнныхъ не пришлось брать съ собою. Каждый помнилъ эту могилу.

III.

Цѣлый нѣмецкій полкъ съ четырьмя пулеметами занялъ небольшую горушку, почти въ открытомъ мѣстѣ, и полку, гдѣ былъ Лессингъ, приказано было ихъ оттуда выгнать. Потянулся полкъ рота за ротой; подъ огнемъ окопались и легли. Какъ ихъ возьмешь, если чуть поднимешь голову, такъ они начинаютъ стрѣлять, а пулеметы сѣять свои пули. Пока добѣжишь до горушки, отъ полка ничего не останется.

Командиръ сидѣлъ въ избѣ ближней деревни, когда пришелъ Лессингъ и сказалъ:

— Позвольте, полковникъ, мнѣ произвести развѣдку, а потомъ мы ихъ выгонимъ...

— Какимъ образомъ, поручикъ?—спросилъ полковникъ.

Лессингъ въ ту пору былъ уже произведенъ въ поручики.

— Я думаю, что у нихъ непремѣнно должны быть слабыя мѣста. Пройду къ нимъ и развѣдаю.

— Что же, съ Богомъ!

Лессингъ сталъ готовиться, а вечеромъ пришелъ въ избу, гдѣ сидѣли офицеры, и, смѣясь, сказалъ:

— Кто-нибудь проводите меня, а то еще, того гляди, убьютъ.

И убить могли очень просто. Лессингъ превратился въ нѣмецкаго улана. Одинъ изъ офицеровъ вышелъ съ нимъ, Лессингъ взялъ нѣмецкаго коня въ поводъ, и они пошли вдоль окоповъ.

— Какъ же вы хотите пробраться къ нимъ?

— А будто сбился съ дороги. Очень просто!

Офицеръ довелъ его до переднихъ окоповъ, Лессингъ сѣлъ на коня и тихо поѣхалъ въ сторону отъ горушки, скоро скрывшись въ вечернихъ сумеркахъ. Попалъ онъ въ перелѣсокъ, потомъ переѣхалъ рѣчонку, лѣсъ сталъ гуще, потомъ порѣдѣлъ, выѣхалъ онъ на опушку и увидѣлъ—прямо передъ нимъ стоятъ зарядные ящики нѣмцевъ; подлѣ нихъ пасутся привязанные кони, а дальше свѣтятся костры, подлѣ которыхъ сидятъ нѣмцы. Оказалось, у

Рентгеновская станція на автомобилѣ. Внутренній видъ.

Раздача писемъ и газетъ нижнимъ чинамъ у халупы на передовыхъ позиціяхъ.

лѣса эта горушка спускалась книзу и сливалась съ равниной. Нѣмцы считали это мѣсто обезпеченнымъ съ тылу, потому что мѣстность была топкая, и ее пересѣкала рѣчонка. Лессингъ переѣхалъ рѣчонку въ бродъ, доѣхалъ до обоза, спѣшился и смѣло подошелъ къ костру.

— Добрый вечеръ!—сказалъ онъ спокойно, привязывая лошадь къ одиноко стоящему дереву, сидящимъ у костра нѣмцамъ.

— Добрый вечеръ,—добродушно отвѣтили солдаты.— Ты откуда?

— Запутался,—отвѣтилъ Лессингъ:— чуть не попался къ этимъ свиньямъ, да увидѣлъ будто наши, къ вамъ и пріѣхалъ.

— Они здѣсь, напротивъ, стали,— отвѣтилъ одинъ толстый нѣмецъ: — ну, да мы ихъ тутъ, какъ куропатокъ, перестрѣляемъ.

И солдаты грубо засмѣялись. Лессингъ спокойно развязалъ мѣшокъ, вынулъ оттуда хлѣбъ и началъ жевать. Потомъ спросилъ:

— Нѣтъ ли покурить?

Одинъ солдатъ протянулъ ему вонючую сигару.

— Много ихъ?—спросилъ онъ.

— Капралъ говорилъ, цѣлый полкъ, только безъ всего, а мы съ пулеметами. Подойдетъ къ намъ помощь, и тогда мы спустимся и изъ нихъ сдѣлаемъ кашу. А ты откуда?

— Посланъ на развѣдки,—отвѣтилъ Лессингъ:— насъ было четырнадцать, разбились по три, а потомъ я отбился отъ нихъ въ сторону, наступилъ вечеръ, я и запутался.

— Тутъ въ этихъ чортовыхъ лѣсахъ легко запутаться, — сказалъ одинъ солдатъ. — Мы цѣлой ротой путались, едва къ своимъ выбились.

Разговоръ оживился. Лессингъ узналъ имена офицеровъ, узналъ, что недалеко стоитъ нѣмецкая бригада.

Вечеръ обратился въ ночь.

— Лошадь отведи къ нашимъ, а самъ сюда иди спать,—сказалъ старшій солдатъ.

Лессингъ всталъ и отвелъ лошадь къ коновязи. Тамъ ей дали овса. Онъ вернулся къ солдатамъ и легъ у костра. Когда наступилъ разсвѣтъ, онъ обошелъ все расположеніе полка, осмотрѣлъ

Допросъ мѣстнаго жителя въ нѣмецкой деревнѣ.

мѣстность и обратился къ капралу:

— Какъ мнѣ спокойнѣе ѣхать?

— А, я думаю, поѣзжай съ этой стороны, они всѣ стоятъ тамъ,—капралъ показалъ на сторону горы:—а здѣсь свободно, чортъ не заглянетъ. Только больно топкое мѣсто. Не затопись.

— Ну, ну, я, кажется, и пробрался съ этой стороны,—сказалъ Лессингъ.

— Тогда и назадъ отсюда.

Лессингъ сѣлъ на коня, пожалъ руку капралу и сталъ тихо спускаться въ равнину, потомъ переправился черезъ рѣчку, въѣхалъ въ лѣсъ и здѣсь пустилъ свою лошадь галопомъ. Полковникъ нетерпѣливо ждалъ возвращенія Лессинга, и едва тотъ вошелъ къ нему, какъ полковникъ поспѣшно спросилъ:

— Чтò, узнали что-нибудь?

— Все,—отвѣтилъ Лессингъ. — Сегодня возьмемъ ихъ живьемъ.

— А какъ?

— Я попрошу у васъ двѣ роты. Тамъ есть обходъ. Зайду къ нимъ въ тылъ, и они сразу сдадутся. Вы знаете, стòитъ нѣмца обойти съ тыла, какъ онъ уже никуда не годится.

— Спасибо, — сказалъ полковникъ. — Я

Полевой контролеръ принимаетъ шины для автомобилей въ автомобильной ротѣ.

скажу третьей и шестой ротѣ; ихъ возьмете.

Весь день полкъ провелъ въ бездѣйствіи, а когда наступили сумерки, изъ окоповъ осторожно, пригибаясь къ землѣ, вышли двѣ роты, и Лессингъ повелъ ихъ въ сторону перелѣска. Снова той же дорогой прошли солдаты черезъ перелѣсокъ, лѣсъ, на опушку, въ бродъ черезъ рѣчку и скоро увидѣли сверкающіе костры нѣмецкаго лагеря. Лессингъ сдѣлалъ знакъ остановиться.

Потомъ снова, разсыпавшись цѣпью, солдаты двинулись впередъ. Нѣмцы безпечно сидѣли у костровъ. Вдругъ сзади раздалась частая ружейная стрѣльба, и въ темнотѣ съ крикомъ „ура“ на горушкѣ появились русскіе солдаты, коля и разстрѣливая перепуганныхъ нѣмцевъ.

Деревня подъ Ярославомъ послѣ отступленія австрійцевъ.

Въ то же время впереди раздалось оглушительное „ура“, и полкъ, выбѣжавъ изъ окоповъ, быстро пошелъ въ атаку. Безтолково защелкали пулеметы, затрещали ружейные выстрѣлы, а затѣмъ раздался дикій вопль, и нѣмцы въ ужасѣ бросились врассыпную.

Къ полуночи все дѣло окончилось. Командиръ приказалъ оцѣпить горушку частой стражей и съ нетерпѣніемъ дожидался разсвѣта, а когда разсвѣло, то оказалось, что вся горушка покрыта нѣмецкими трупами, 300 нѣмцевъ взято въ плѣнъ, забраны всѣ пулеметы, зарядные ящики и повозки.

Лессингъ со спокойной улыбкой выслушалъ благодарность командира и сказалъ:

— Нѣмецъ больше всего боится, когда на него нападутъ съ тыла, или обойдутъ съ фланга.

IV.

Одинъ разъ Лессингъ вернулся съ развѣдки и, войдя къ батальонному, сказалъ:

— Я нашелъ нѣмцевъ... Здѣсь недалеко они расположились въ усадьбѣ. Надо думать, цѣлый полкъ. Если вы позволите, мы ихъ оттуда выбьемъ и заберемъ.

Батальонный, добродушно улыбнулся и отвѣтилъ:

— Хорошо, поручикъ. Будемъ съ вами выбивать нѣмцевъ. Какъ это сдѣлать?

— Выйдемъ къ вечеру...

И Лессингъ подробно описалъ планъ, создавшійся въ его головѣ. Къ вечеру батальонъ осторожно вышелъ. Три роты окружили усадьбу въ разстояніи приблизительно пятисотъ шаговъ, а Лессингъ взялъ только два взвода и сказалъ командиру:

— Какъ только услышите переполохъ, сразу идите въ атаку. Значитъ, мы уже тамъ работаемъ.

Онъ былъ въ нѣмецкомъ мундирѣ. Взявъ два взвода, онъ пошелъ задней дорогой въ обходъ и остановился, введя солдатъ въ огородъ.

На большой дорогѣ.

— Теперь подождите меня!—сказалъ онъ и скрылся въ темнотѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ они увидѣли, какъ онъ спокойно остановился, чиркнулъ спичку, закурилъ сигару и небрежной походкой пошелъ къ усадьбѣ. Прошло томительныхъ полчаса, и вдругъ передъ солдатами, словно изъ земли, выросъ поручикъ и сказалъ:

— Теперь свободно, можемъ итти. У кого съ собой разжига, выходи!

Четверо солдатъ вышли впередъ.

— Ну, я съ вами впередъ, а вы, ребята, двигайтесь потихоньку. Какъ только увидите огонь, сейчасъ кричите „ура“ и прямо на дворъ и къ дому!

Лессингъ пошелъ впередъ. Онъ зналъ, кажется, каждую кочку и ловко шелъ между грядами, которыя теперь казались холмами, осыпанными снѣгомъ. У самой калитки недвижно лежалъ часовой, раскинувъ руки. Черезъ нѣсколько шаговъ солдаты увидѣли другого убитаго часового, и каждый понялъ, что это дѣло поручика Лессинга. Онъ молча вошелъ во дворъ, подошелъ къ темному сараю и тихо прошепталъ солдатамъ:

— Здѣсь!

Они быстро разсовали смолье и подожгли его; раздался трескъ, пробѣжалъ красный огонекъ и скрылся внутри сарая; скоро показался дымъ, и затѣмъ вдругъ выбросилось пламя; краснымъ языкомъ лизнуло бревенчатую стѣну, охватило тесъ и съ трескомъ и шипѣніемъ поползло вверхъ и въ стороны, охватывая всю деревянную постройку. Скоро клубы дыма и языки огня поднялись надъ сараемъ. На дворѣ усадьбы раздались тревожные крики.

— Впередъ!—закричалъ неистовымъ голосомъ Лессингъ.

— Ура! — загремѣло вокругъ, и солдаты ринулись впередъ съ ружьями наперевѣсъ.

Посыпались дробью частые выстрѣлы. Лессингъ бросился прямо въ домъ усадьбы, откуда выскочилъ испуганный офицеръ. Лессингъ взмахнулъ шашкой, послышался шумъ борьбы, ожесточенная свалка; солдаты ворвались въ домъ, а въ это время раздалось мощное „ура“, и батальонъ стремительно напалъ на растерявшихся нѣмцевъ. Произошла короткая расправа. Испуганные, полусонные нѣмцы бѣгали по двору, старались скрыться въ домахъ, откуда стрѣляли, а потомъ побросали оружіе и стали просить пощады. Такъ, благо-

Мостъ, разрушенный австрійцами, и наведенный нами временный мостъ.

Въ Галиціи. По фот. нашего корреспондента.

Въ Польшѣ.
На полѣ боя послѣ отступленія нѣмцевъ.

даря Лессингу, батальонъ взялъ цѣлый полкъ, захватилъ повозки съ патронами и четыре пулемета.

V.

Въ другой разъ Лессингъ, по обыкновенію одѣвшись въ германскій мундиръ, сѣлъ на нѣмецкаго коня и поѣхалъ на развѣдки. Гдѣ-то недалеко должны были находиться нѣмцы.

Онъ медленно ѣхалъ лѣсной дорогой, когда вдругъ услышалъ шипѣніе автомобиля. Онъ пріостановился. Сквозь опушку лѣса онъ увидѣлъ, какъ по большой дорогѣ быстро подвигался нѣмецкій автомобиль. Недолго думая, онъ выѣхалъ на дорогу, и тотчасъ съ автомобиля ему стали кричать:

— Сюда, сюда!

Автомобиль остановился. Лессингъ подъѣхалъ. Въ автомобилѣ сидѣлъ нѣмецкій генералъ съ двумя адъютантами и толстымъ, жирнымъ майоромъ.

— Ты откуда?—спросилъ его генералъ.

Лессингъ вытянулся, отдавая честь, и отвѣтилъ:

— На развѣдкѣ, 2-й бригады Ганноверскаго 24-го уланскаго полка рядовой!

Какъ только Лессингъ появлялся въ какой-нибудь мѣстности, онъ уже зналъ не только названія нѣмецкихъ полковъ, но даже имена нѣкоторыхъ офицеровъ.

Теперь онъ узналъ въ генералѣ начальника дивизіи.

— Видалъ русскихъ?—спросилъ генералъ.—Мы, кажется, сбились съ дороги.

— Точно такъ!—отвѣтилъ Лессингъ. — Вы ѣдете прямо на непріятельскія расположенія.

Генералъ поблѣднѣлъ, майоръ покраснѣлъ, а лица адъютантовъ вытянулись.

— Я говорилъ! — воскликнулъ генералъ. — Спутались... Куда надо ѣхать, ты знаешь дорогу?

— Такъ точно.

— Веди!

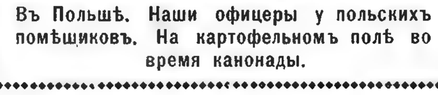
Лессингъ не заставилъ повторять приказанія. Онъ быстро приказалъ шоферу повернуть автомобиль и вывелъ ихъ на широкую лѣсную дорогу.

— Здѣсь мы попортимъ шины,—сказалъ шоферъ.

— Нѣтъ, тутъ дорога гладкая,—отвѣтилъ Лессингъ.—Пускайте во весь ходъ!

И онъ сталъ объяснять генералу мнимое расположеніе русскихъ. Генералъ улыбнулся, закурилъ сигару, откинулся на пружинную спинку сидѣнья и сказалъ:

— Не встрѣть мы этого молодца, какъ есть попали бы въ лапы русскимъ. Куда ты насъ ведешь?



Въ Польшѣ. Наши офицеры у польскихъ помѣщиковъ. На картофельномъ полѣ во время канонады.

Въ Польшѣ. Внутренность крестьянской избы въ деревнѣ Ловичскаго уѣзда. Типы ловичанъ.

Генералъ-маіоръ Боде, георгіевскій кавалеръ, раненый бомбой съ цеппелина

ВѢЧНАЯ ПАМЯТЬ ВѢЧНАЯ СЛАВА

Полковникъ
князь А. Н. Эристовъ.

Полковникъ
В. С. Шимеръ.

Ротмистръ
Б. А. Панаевъ.

Штабсъ-капитанъ
А. И. Меркуловъ.

Капитанъ
Н. М. Овсянниковъ.

Капитанъ
А. Н. Раповъ.

Корнетъ
С. И. Денисьевъ.

Подпоручикъ
К. М Лучихинъ.

Подпоручикъ
В. Л. Нелидовъ.

Подпоручикъ
С. С. Дьяконовъ.

Подпоручикъ
М. И. Закутовскій.

Подпоручикъ
В. Н. Гуляевъ.

Подпоручикъ
Д. И. Хотунцовъ.

Подпоручикъ
П. П. Рябчинскій.

Прапорщикъ
Г. Ф. Гольде.

Подполковникъ
С. В. Романовскій.

Штабъ-ротмистръ
В. А. Лабинскій.

Поручикъ
А. М. Жидановичъ-Устиновичъ.

Подпоручикъ
Н. С. Олешкевичъ.

Подпоручикъ
А. А. Мусабековъ.

Прапорщикъ
Н. Э. Крель.

Подпоручикъ
В. В. Лопатинъ.

Прапорщикъ
Н. А. Гриневичъ.

Прапорщикъ
Н. А. Стрѣльниковъ.

Прапорщикъ
Б. Ф. Слѣвинскій.

— Въ расположеніе нашего полка,—отвѣтилъ Лессингъ.

— Ну, ну! Оттуда мы доберемся.

Шоферъ правилъ рулемъ, продвигаясь по лѣсной дорогѣ. Лессингъ ѣхалъ рядомъ съ автомобилемъ и вдругъ, осадивъ коня, пропустилъ автомобиль впередъ и разъ за разомъ выпустилъ четыре пули въ шины заднихъ колесъ. Шины лопнули съ пушечнымъ грохотомъ.

— Измѣна!—воскликнулъ, краснѣя, майоръ, вскакивая на ноги.

— Ни съ мѣста!—закричалъ Лессингъ по-нѣмецки и, приложивъ къ губамъ свистокъ, издалъ, рѣзкій свистъ.

— Что̀ такое?—спросилъ, растерявшись, генералъ.

Лессингъ приложилъ руку къ козырьку и отвѣтилъ:

— Ваше превосходительство считаетесь въ плѣну у русскихъ.

— Что̀?

— Въ плѣну...

Одинъ изъ адъютантовъ выхватилъ револьверъ и навелъ его на Лессинга, но въ тотъ же моментъ раздался выстрѣлъ, и адъютантъ грузно упалъ на генерала.

— Ай-ай!—закричалъ генералъ. — Не смѣйте стрѣлять больше, я сдаюсь... сдаюсь! Кто вы такой? Дьяволъ?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Лессингъ. — Поручикъ русской службы.

А въ это время по дорогѣ уже скакали конные развѣдчики и скоро окружили автомобиль. Лессингъ ѣхалъ впереди, а за нимъ, окруженные конвоемъ, медленно подвигались въ автомобилѣ генералъ, майоръ, оставшійся въ живыхъ адъютантъ и шоферъ.

И такихъ случаевъ у Лессинга было не мало.

VI.

Еще удивительнѣе онъ захватилъ цѣлую нѣмецкую батарею изъ четырехъ пушекъ съ зарядными ящиками и сотнею солдатъ. Это былъ едва ли не самый удивительный по своей безшабашной удали подвигъ. Полкъ Лессинга расположился за одной усадьбой въ окопахъ, и почти тотчасъ, едва солдаты устроились на мѣстахъ, невидимая нѣмецкая батарея сразу засыпала ихъ градомъ шрапнели. Трудно было окапываться, трудно было укрываться. Пришлось отойти назадъ, къ усадьбѣ.

— Если бы найти ее, проклятую, — сказалъ полковникъ: — и потомъ сообщить нашей батареѣ.

— Я попробую, — отвѣтилъ просто Лессингъ.

И черезъ десять минутъ, переодѣтый германскимъ офицеромъ съ адъютантскими аксельбантами, онъ уже выводилъ коня и спокойно выѣзжалъ изъ усадьбы. Это было забавное дѣло. Съ рискомъ попасть подъ разстрѣлъ и нашихъ и нѣмецкихъ солдатъ, онъ проскакалъ черезъ открытое мѣсто и попалъ за линію нѣмецкихъ расположеній. Трудно было опредѣлить, гдѣ находится предательская батарея, но Лессингъ какимъ-то чутьемъ выслѣдилъ ее. Онъ проѣхалъ мимо нѣмецкихъ окоповъ, крикнулъ стоявшему у входа въ окопы офицеру „добрый день“ и спросилъ:

— Гдѣ находится батарея?

— Которая?

— Та, что̀ бьетъ по русскимъ окопамъ, въ томъ направленіи...

— А тамъ! — Офицеръ показалъ рукою назадъ.

Лессингъ поскакалъ впередъ и скоро увидѣлъ за невысокимъ холмомъ во рву шесть пушекъ, расположенныхъ вѣеромъ, а позади ихъ зарядные ящики, тихо стоящихъ коней и солдатъ, занятыхъ работой у пушекъ. Онъ подскакалъ къ окопамъ и крикнулъ:

— Гдѣ командиръ батареи?

— Здѣсь! — отозвался стройный молодой человѣкъ.

— Его превосходительство начальникъ дивизіи приказалъ вамъ немедленно сняться и слѣдовать за мною на новую позицію.

— Слушаю! — тотчасъ отвѣтилъ офицеръ.—Орудія на передки!—скомандовалъ онъ.

И не прошло четверти часа, какъ пушки были сняты, и слѣдомъ за Лессингомъ батарея мчалась по дорогамъ, черезъ холмы, по равнинѣ во весь карьеръ. Офицеръ скакалъ подлѣ Лессинга, который говорилъ:

— Генералъ приказалъ занять вонъ ту возвышенность, — онъ показалъ на дорогу мимо русскихъ окоповъ, — и расположиться тамъ, чтобы открыть фланговый огонь.

— Слушаю! — отвѣтилъ офицеръ, прикладывая руку къ козырьку, и они снова помчались.

Полковникъ не повѣрилъ, когда къ нему подбѣжалъ адъютантъ и сказалъ:

— Нашъ Лессингъ гонитъ къ намъ нѣмецкую батарею!

— Не можетъ быть!—воскликнулъ полковникъ и быстро выбѣжалъ изъ своего прикрытія.—Выведите роту, возьмите на прицѣлъ, скорѣе!

Изъ окоповъ вышла рота и приготовилась къ стрѣльбѣ. Батарея мчалась прямо къ окопамъ, когда Лессингъ вдругъ вынулъ шашку, поднялъ надъ головой офицера и закричалъ.

— Сдавайтесь!

Офицеръ осадилъ коня.

Германскій снарядъ, попавшій въ дерево.

Офицеры разсматриваютъ германскую ручную гранату.

Офицеры разсматриваютъ германскую ручную гранату.

Германскіе „гостинцы“. По фот. нашего корреспондента.

Съ западнаго фронта. На аэродромѣ одной изъ армій. Извѣстный летчикъ Бриндежонъ де-Мулинэ ✕ у своего аппарата послѣ развѣдки. По фот. нашего корреспондента.

— Какъ?

— Сдавайтесь!—повторилъ Лессингъ и вынулъ револьверъ. Въ ту же минуту грянулъ залпъ, и нѣсколько лошадей со всего маху упало на землю; покатились солдаты. Пушки съ размаху раскатились, сбивая лошадей: все сбилось въ кучу и остановилось.

— Въ штыки!—закричалъ ротный, и солдаты бросились на смятую, перепуганную батарею.

— Гнаде, гнаде!—раздались крики, а офицеръ бросилъ саблю и сказалъ Лессингу:

— Вы—чорть! Я сдаюсь.

Лессингъ только засмѣялся.

— Ѣдемте къ намъ; тамъ закусимъ и покуримъ въ мирной бесѣдѣ. Вы ловко насъ разстрѣливали.

Онъ похлопалъ растерявшагося артиллериста по плечу и привезъ его къ полковому командиру.

За это дѣло онъ получилъ Георгія.

VII.

Одинъ разъ Лессингъ, дѣлая объѣздъ, по своему обычаю, въ формѣ германскаго офицера, увидѣлъ, какъ нѣмецкій офицеръ забрался на колокольню костела. Лессингъ тотчасъ сообразилъ, зачѣмъ тотъ полѣзъ, и, недолго думая, спѣшился и пошелъ слѣдомъ за нимъ. Офицеръ уже сидѣлъ наверху, разглядывая въ бинокль наши расположенія и въ то же время корректируя стрѣльбу по телефону. Лессингъ осторожно приблизился къ нему, мгновенно желѣзною рукою сжалъ его горло, опрокинулъ навзничь и хладнокровно выбросилъ на дорогу съ высокой колокольни, а потомъ сѣлъ на его мѣсто, взялъ телефонную трубку и началъ командовать направленія въ сторону нѣмецкихъ окоповъ. Произошло общее смятенье: губительныя шрапнели, страшныя бомбы, вмѣсто того, чтобы падать въ расположеніе нашихъ частей, вдругъ посыпались фланговымъ огнемъ на нѣмецкіе окопы, помогая намъ. Нѣмцы не выдержали, въ ужасѣ побросали окопы и отступили на добрыхъ пять верстъ. Лессингъ повѣсилъ трубку, спустился внизъ, сѣлъ на коня и вернулся въ свой полкъ.

VIII.

Лессингъ былъ сдѣланъ начальникомъ развѣдочной команды, какъ конной, такъ и пѣшей. Подъ его начальствомъ было два молодыхъ офицера и около двухъ сотенъ солдатъ. Онъ былъ художникъ своего дѣла: то вдругъ загорался рвеніемъ и исчезалъ на нѣсколько дней, послѣ чего приносилъ драгоцѣнныя свѣдѣнія прямо изъ вражескаго стана, то по цѣлымъ днямъ бездѣйствовалъ, вмѣсто себя посылая подпоручиковъ, и цѣлыми днями сидѣлъ въ какой-нибудь избѣ или въ раскинутой палаткѣ, крутилъ папиросы, безъ перерыва курилъ, пилъ жидкій чай и сосредоточенно молчалъ. Иногда же собиралъ пѣсенниковъ, затѣвалъ пѣсни, плясъ, а потомъ звалъ молодыхъ подпоручиковъ къ себѣ и смѣшилъ ихъ анекдотами. Лицо его въ это время было добродушно-весело, глаза искрились смѣхомъ, губы растягивались въ улыбку, и никто бы не призналъ въ немъ непримиримаго врага нѣмцевъ.

Съ того времени, какъ онъ нашелъ въ домикѣ лѣсничаго трехъ замученныхъ и разсчитался за нихъ съ тремя уланами, Петрусь, круглая сирота, сынъ замученнаго лѣсничаго, неотлучно находился при Лессингѣ. Онъ нарядилъ его въ солдатскую одежду, далъ ему привѣсить штыкъ, научилъ владѣть револьверомъ, и маленькій Петрусь сталъ его вѣстовымъ. Въ свободные часы онъ училъ Петруся грамотѣ и ариѳметикѣ, а когда уѣзжалъ, то оставлялъ на него свое хозяйство.

И Петрусь всей душой привязался къ Лессингу.

(Окончаніе будетъ).

Съ западнаго фронта. Взятые французами въ плѣнъ нѣмецкіе солдаты, повидимому, не очень опечаленные постигшей ихъ участью. По фот. нашего корреспондента.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

1915 г. № 19 — XLVI г. изданія

Выданъ 9 мая 1915 г. — Цѣна этого № (безъ прилож.) — 15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на **первой** страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Мамина-Сибиряка“ кн. 7.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Высочайшій рескриптъ,

данный на Имя Верховнаго Главнокомандующаго, Генералъ-Адъютанта, Генерала-отъ-Кавалеріи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича.

Ваше Императорское Высочество. Неуклонно слѣдуя предначертаніямъ Моимъ, ведущимъ къ осуществленію славныхъ завѣтовъ Нашихъ доблестныхъ Предковъ—освобожденія славянства отъ ига вражескаго, Вы, благодаря непоколебимой твердости и настойчивости Вашей воли, при самыхъ серьезныхъ обстоятельствахъ тяжелой брани, завоевали, ввѣренными Мною мудрому Вашему предводительству, геройскими войсками родственную России Червонную Русь и нынѣ успѣшно продолжаете отторженіе подъяремной Руси.

Этотъ великій подвигъ беззавѣтно храбраго Россійскаго воинства подъ Вашимъ опытнымъ водительствомъ навсегда останется запечатлѣннымъ свѣтлой страницей въ исторіи Нашей могучей Родины.

Нынѣ, Лично посѣтивъ освобожденную отъ австро-германскаго владычества Галичину и убѣдившись въ блестящемъ порядкѣ и заботливости, положенныхъ въ основаніе управленія завоеваннаго Нами края, Я, глубоко цѣня Вашу дѣятельность, а равно крупныя заслуги Ваши передъ Престоломъ и Россіей, желая явить Вамъ новое доказательство душевной Моей признательности, жалую Вамъ при семъ препровождаемую Георгіевскую саблю, брилліантами украшенную, съ надписью: „За освобожденіе Червонной Руси".

Да благословитъ Васъ и ввѣренныя Вамъ Мною войска всемогущая десница Всевышняго на новые подвиги во славу Россійскаго оружія и на побѣду надъ дерзкими и упорными врагами Россіи.

Пребываю къ Вамъ навсегда и неизмѣнно благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою начертано:

„Сердечно Васъ любящій и благодарный Николай".

Ст. Броды, 12-го апрѣля 1915 г.

Высочайшій рескриптъ,

данный на имя главнокомандующаго арміями юго-западнаго фронта, генералъ-адъютанта, генерала-отъ-артиллеріи Иванова.

Николай Іудовичъ. Съ начала открытія военныхъ дѣйствій противъ общаго врага славянства, Наши доблестныя арміи, подъ искуснымъ водительствомъ вашимъ, рядомъ тяжелыхъ, но блестящихъ боевъ, постепенно завоевывая шагъ за шагомъ древнюю вотчину Россійскую, вернули намъ подъяремную Русь вплоть до Карпатъ, тѣмъ освободивъ отъ ига вражескаго родное Нашему Отечеству племя.

Благодаря столь опытному и планомѣрному проведенію въ жизнь предначертаній Верховнаго Главнокомандующаго, вы, настойчивостью своихъ распоряженій и огромнымъ положеннымъ вами трудомъ и цѣннымъ умѣніемъ, достигли освобожденія Червонной Руси, нынѣ еще вящше закрѣпленнаго паденіемъ неприступной крѣпости Перемышля.

Высоко цѣня столь великія заслуги ваши передъ лицомъ Россіи, Я считаю отраднымъ долгомъ выразить вамъ Мою душевную благодарность, въ изъявленіе коей жалую вамъ брилліанты къ имѣющемуся у васъ ордену святаго Александра Невскаго съ мечами.

Пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою начертано:

„И глубоко васъ уважающій Николай".

Ст. Броды, 12-го апрѣля 1915 г.

Георгіевская сабля Верховному Главнокомандующему. Пожалованная Высочайшимъ рескриптомъ Верховному Главнокомандующему Великому Князю Николаю Николаевичу Георгіевская сабля, брильянтами украшенная, съ надписью «За освобожденіе Червонной Руси», относится къ числу исключительныхъ наградъ, которыя когда-либо жаловались нашимъ военачальникамъ.

Награду эту выдѣляетъ, главнымъ образомъ, надпись «За освобожденіе Червонной Руси». Какъ извѣстно, надпись на обыкновенномъ Георгіевскомъ оружіи, а также на оружіи, украшенномъ брильянтами:—«За храбрость». Эта надпись установлена статутомъ, и, слѣдовательно, надпись «За освобожденіе Червонной Руси», присвоенная Георгіевской брильянтовой саблѣ Великаго Князя, выдѣляетъ ее изъ ряда обычныхъ наградъ и отмѣчаетъ исключительность великаго подвига.

Такія награды встрѣчались иногда и раньше, и нѣкоторымъ военачальникамъ за выдающіеся подвиги жаловалось особенное золотое оружіе. Кутузовъ имѣлъ золотую шпагу съ алмазами и лавровымъ изумруднымъ вѣнкомъ. Барклай-де-Толли—золотую шпагу, украшенную алмазами и золотыми лаврами и съ надписью «За 20-е января 1814 года»,—день сраженія при Бріеннѣ. Витгенштейнъ имѣлъ золотую шпагу, украшенную лаврами и алмазами, съ надписью: «За храбрость».

Исключительную награду получилъ фельдмаршалъ Паскевичъ въ 1826 году. Императоромъ Николаемъ I ему была пожалована золотая съ брильянтами шпага съ надписью: «За пораженіе персіянъ при Елизаветполѣ».

Какъ производится десантъ. Корреспондентъ одной изъ лондонскихъ газетъ, находящійся съ британскими войсками въ Дарданеллахъ, описывая высадку англійскихъ войскъ на южной оконечности Галлипольскаго полуострова, сообщаетъ:

«Высадки производились въ пяти различныхъ мѣстахъ побережья. Одна изъ этихъ высадокъ, произведенная между мысомъ Геллесомъ и Седиль-Баромъ, должна быть отмѣчена особо, такъ какъ она сопровождалась непрактиковавшейся еще до сихъ поръ намѣренной посадкой на мель у берега транспорта съ 2.000 солдатъ. По общему мнѣнію, много жизней спасено тѣмъ, что судно представляло закрытіе отъ огня. Въ бортахъ транспорта были прорѣзаны широкія двери, чтобы способствовать быстрой высадкѣ войскъ. Пулеметы съ бронированнаго мостика и носа судна обстрѣливали берегъ.

Транспортъ послѣ бомбардировки берега военнымъ судномъ «Albion», предшествуемый восемью рядами буксировавшихъ его лодокъ, коснулся берега носомъ у скалистаго рифа. Вода была слишкомъ глубока, чтобы пройти до берега въ бродъ. Тогда были подведены и посажены на мель паровой катеръ и лихтеръ, образовавшіе какъ бы проходъ къ берегу.

Между тѣмъ по транспорту былъ открытъ ураганный огонь. Сойти съ транспорта значило погибнуть. Тѣмъ не менѣе 200 солдатъ бросились на берегъ по образовавшемуся проходу; однако лишь немногіе достигли берега, гдѣ

укрылись за песчанымъ холмомъ. Было очевидно, что продолженіе высадки поведетъ къ уничтоженію всего отряда.

Поэтому операція была отложена, и суда «Albion», «Cornwallis» и «Queen Elizabeth» стали усиленно обстрѣливать берегъ.

Въ теченіе цѣлаго дня транспортъ оставался у берега, и турецкіе стрѣлки подстрѣливали каждаго, кто высовывалъ голову надъ палубой, а турецкія гаубицы на азіатскомъ берегу обстрѣливали транспортъ своими снарядами; четыре тяжелыя гранаты пробили палубу, но не взорвались.

Въ 8 час. вечера операція высадки войскъ возобновилась, и почти всѣ войска, находившіяся на транспортѣ, высадились на берегъ, не подвергаясь обстрѣлу со стороны турокъ, и укрѣпились на занятыхъ позиціяхъ».

Русскіе трофеи на Черномъ морѣ. По авторитетнымъ свѣдѣніямъ, съ начала войны нами въ Черномъ морѣ захвачено 16 пароходовъ, въ томъ числѣ 11 австрійскихъ и 5 германскихъ.

Изъ числа австрійскихъ пароходовъ, два водоизмѣщеніемъ въ 5.000 тоннъ: «Геранія» и «Ирисъ», два по 2.889 тоннъ: «Фейерварн» и «Баро»; одинъ, «Истокъ»,—въ 5.500 тоннъ; слѣдующіе, начиная съ 3.000 тоннъ: «Баронъ Эдмондъ Вай», «Принчипесса-Христіана», «Джіоконда», «Стелла-Эрна», «Флорида» и «Музель».

Германскіе пароходы называются такъ: «Азгардъ» въ 3.181 тонну, «Этта-Риклерсъ» и «Ольга»,—каждый по 3.000 тоннъ, «Атосъ» въ 1.743 и «Варна» въ 3.000 тоннъ. Эти пароходы, построенные въ 1914 году, представляютъ собою огромную цѣнность.

«Истокъ», «Этта-Риклерсъ», «Ирисъ», и «Геранія» обладаютъ значительной подъемной силой, ибо предназначались для перевозки земледѣльческихъ машинъ въ Россію въ неразобранномъ видѣ. Люки на пароходахъ оказались огромной величины. Стоимость всѣхъ пароходовъ опредѣляется до 8.000.000 рублей въ нормальное время, теперь же, вслѣдствіе вздорожанія на 70 проц. стоимости судостроительныхъ работъ, цѣна пароходовъ равна 14.000.000 рублей.

Юридически призы признаны спеціальными судами, и по окончаніи войны большинство ихъ будетъ предоставлено для эксплуатаціи частнымъ предпріятіямъ.

Всѣ пароходы—океанскаго типа.

Наши летчики надъ Босфоромъ и Царьградомъ. Въ «Русскомъ Словѣ» переданъ разсказъ нашихъ летчиковъ объ ихъ полетахъ надъ Босфоромъ и Царьградомъ. Когда они поднялись, то погода была ясная, и передъ глазами развернулась громадная панорама. У входа въ проливъ дымили суда. Одинъ летчикъ отдѣлился, чтобы осмотрѣть фортъ Эйльманъ, который бомбардировался линейными кораблями. Летчикъ былъ пораженъ мѣткостью нашей стрѣльбы. Летчикъ описалъ кругъ и бросилъ бомбу. Раздался большой взрывъ, и поднялся дымъ. Повидимому, взорвался пороховой погребъ. Картина разрушенія была потрясающая.

Тѣмъ временемъ другіе летчики летѣли къ Босфору. При приближеніи гидроплановъ миноносцы дали полный ходъ и стали удаляться. Летчики взяли параллельный курсъ и бросали бомбы. Флотъ затруднялъ попаданія, производя эволюціи. На Босфорѣ поднялся турецкій аэропланъ. Нашъ летчикъ, готовясь къ атакѣ, взлетѣлъ выше; тогда турецкій аэропланъ спустился ниже и больше не поднимался. Замѣтивъ у входа темные предметы и полагая, что это непріятельскія суда, летчикъ полетѣлъ осмотрѣть ихъ. Оказалось, что это грузовой пароходъ ведетъ баржу. При приближеніи аэроплана пароходъ бросилъ баржу и сталъ уходить. На баржѣ поднялась паника, стали спускаться въ лодки. Летчикъ отправился вдоль пролива, турки открыли по немъ отчаянный огонь.

Огонь нашего флота былъ сосредоточенъ на главныхъ фортахъ Румели-кавакъ и Анатоли-кавакъ. Туркамъ приходилось плохо. На Анатоли-кавакъ раздался грандіозный взрывъ, показался желтовато-коричневый дымъ и снопы пламени.

Дымъ поднимался высоко и закрывалъ окрестности. Стрѣльба форта стала рѣже и шла въ безпорядкѣ, какъ будто фортъ находился въ агоніи. Нашими залпами покрывался фортъ правильными рядами ядеръ, производя чрезвычайное разрушеніе. Летчики констатируютъ успѣшность стрѣльбы флота по форту Румели-кавакъ. Послѣ бомбардировки нашими снарядами Румели-кавакъ замолчалъ. На фортахъ не замѣтно было никакихъ признаковъ жизни. Предпринятъ былъ подробный осмотръ Маджаръ-Тапеша. Форту нанесены значительныя поврежденія. Сначала фортъ энергично отвѣчалъ, но затѣмъ часть орудій замолкла.

По окончаніи бомбардировки, наши летчики вернулись обратно. Они чувствуютъ себя превосходно. Летчики говорятъ, что надъ Босфоромъ летать легче, чѣмъ въ Севастополѣ,—нѣтъ воздушныхъ ямъ. Многіе производили успѣшно фотографическіе снимки въ окрестностяхъ Босфора и Царьграда. За смѣлую развѣдку всѣ они представлены къ высокой наградѣ.

Теченіе Босфора. Теченіе это довольно любопытное. На поверхности воды теченіе направляется изъ Мраморнаго моря въ Черное, а на глубинѣ, наоборотъ,—изъ Чернаго моря въ Мраморное.

Вопросъ о теченіяхъ Босфора однимъ изъ первыхъ изслѣдовалъ герой минувшей русско-японской войны покойный адмиралъ С. О. Макаровъ. Будучи еще молодымъ капитанъ-лейтенантомъ, онъ командовалъ канонеркой, стоявшей на Босфорѣ въ качествѣ русскаго стаціонера.

Въ то время какъ командиры и офицеры иностранныхъ стаціонеровъ вели веселую жизнь въ столицѣ имперіи оттомановъ, съ большимъ любопытствомъ знакомясь съ разными уголками Царьграда, русскій морякъ офицеръ Макаровъ занялся серьезной работой; онъ производилъ изслѣдованія воды Босфора.

За свой трудъ С. О. Макаровъ былъ удостоенъ почетной награды.

Ищите безпроволочный телеграфъ. Опубликовано слѣдующее объявленіе финляндскаго генералъ-губернатора генералъ-лейтенанта Зейна.

«Въ виду опасности, которую представляетъ возможность сношеній злонамѣренныхъ лицъ съ непріятелемъ при посредствѣ безпроволочнаго телеграфа, всякій, кто только обнаружитъ тайную станцію такого телеграфа, обязанъ немедленно довести до свѣдѣнія ближайшей военной, военно-морской или гражданской власти о мѣстѣ нахожденія этой станціи и оказать возможное содѣйствіе къ задержанію работающихъ на ней людей.

Призывая всѣхъ и каждаго оказать властямъ въ этомъ важномъ дѣлѣ энергическую помощь, которая тѣмъ болѣе необходима, что тайныя станціи безпроволочнаго телеграфа всегда бываютъ тщательно скрыты, объявляю вмѣстѣ съ тѣмъ во всеобщее свѣдѣніе, что лицамъ, обнаружившимъ подобную тайную станцію, будетъ уплачиваться военнымъ вѣдомствомъ вознагражденіе въ размѣрѣ пятисотъ рублей.

Признаки, указывающіе на присутствіе тайной станціи безпроволочнаго телеграфа, суть слѣдующіе:

1) станція состоитъ изъ особыхъ приборовъ (пріемника и отправителя), соединенныхъ проводами;

2) провода, для ихъ поднятія на необходимую высоту, обыкновенно подвѣшиваются къ мачтамъ, деревьямъ, скаламъ, трубамъ, крышамъ и т. п. высокимъ предметамъ;

3) станція приводится въ дѣйствіе моторомъ и работаетъ при посредствѣ искръ: работа производится преимущественно ночью;

4) ритмическій шумъ мотора, а также трескъ и вспышки искръ, указываютъ на работу станціи».

Содержаніе высокопоставленныхъ плѣнныхъ въ Россіи и Германіи. 8-го октября минувшаго года въ городѣ Ловичѣ былъ взятъ въ плѣнъ нашими войсками шталмейстеръ короля Фридриха-Августа саксонскаго генералъ-лейтенантъ фонъ-Гаукъ.

Названный военноплѣнный былъ водворенъ на постоянное мѣстожительство въ городѣ Ташкентѣ, гдѣ и пользовался относительной свободой въ предѣлахъ, допускаемыхъ положеніемъ о военноплѣнныхъ.

Между тѣмъ стало извѣстнымъ, что въ отношеніи находящагося въ плѣну въ Германіи бывшаго варшавскаго губернатора барона Корфа примѣненъ строгій тюремный режимъ.

Въ виду столь существенной разницы въ условіяхъ содержанія барона Корфа въ Германіи и генералъ-лейтенанта фонъ-Гаука въ Россіи, германскому правительству было сообщено, что, если къ опредѣленному сроку баронъ Корфъ не будетъ переведенъ на режимъ, соотвѣтствующій условіямъ содержанія фонъ-Гаука, то послѣдній будетъ подвергнутъ одиночному содержанію въ тюрьмѣ.

За неполученіемъ со стороны германскаго правительства отвѣта по сему къ назначенному сроку, плѣнный шталмейстеръ саксонскаго короля генералъ-лейтенантъ фонъ-Гаукъ подвергнутъ нынѣ строгому одиночному заключенію при ташкентской дисциплинарной ротѣ.

Военная подготовка англичанъ. Въ своей парламентской рѣчи 21-го апрѣля Ллойдъ-Джорджъ коснулся нѣкоторыхъ сторонъ военной подготовки Соединеннаго королевства и сообщилъ, между прочимъ, слѣдующее:

1) комитетъ имперской обороны всегда велъ свои расчеты въ предположеніи, что экспедиціонная армія должна состоять изъ шести дивизій. Черезъ восемь мѣсяцевъ войны эта армія оказывается въ шесть разъ сильнѣе, при чемъ всѣ люди вполнѣ вооружены, снабжены, и понесшія потери восполнены въ ней до послѣдняго человѣка;

2) во время двухнедѣльнаго боя у Невшапелля британская армія израсходовала столько же снарядовъ, какъ и за всю продолжительность англо-бурской войны;

3) для выполненія различныхъ заказовъ по военнымъ надобностямъ въ настоящее время привлечено отъ $2^1/_2$ до 3 тысячъ промышленныхъ фирмъ;

4) обозначивъ условной цифрой 20 количество артиллерійскихъ запасовъ, изготовленныхъ въ сентябрѣ прошлаго года, для слѣдующихъ мѣсяцевъ получимъ слѣдующія цифры: октябрь—90, ноябрь—90, декабрь—156, январь—186, февраль—256, мартъ—368;

5) изготовленіе взрывчатыхъ веществъ происходитъ въ такомъ масштабѣ, который съ избыткомъ удовлетворяетъ правительство и даетъ ему возможность, кромѣ собственныхъ военныхъ нуждъ, еще въ широкомъ размѣрѣ снабжать взрывчатыми веществами англійскаго изготовленія союзниковъ.

Отвѣтъ Авраама Линкольна. Англійскій министръ финансовъ Ллойдъ-Джорджъ въ рѣчи, произнесенной въ Лондонѣ, упомянувъ, что сынъ премьеръ-министра Асквита тяжело раненъ при операціяхъ въ Дарданеллахъ, сказалъ, что ему нерѣдко задаютъ вопросъ, сколько времени продлится война. На это онъ можетъ отвѣтить лишь словами Авраама Линкольна: «Пока не будетъ достигнута цѣль». Цѣль войны—свобода Европы. Ллойдъ Джорджъ надѣется, что съ Божьей помощью война не будетъ окончена ранѣе.

Отрядъ собакъ-санитаровъ. Въ Москвѣ сформированъ отрядъ изъ выдрессированныхъ санитарныхъ собакъ и на-дняхъ вмѣстѣ съ проводниками и инструкторомъ выѣхалъ на театръ военныхъ дѣйствій.

Въ качествѣ уполномоченнаго отъ московскаго общества поѣхалъ членъ общества Д. Д. Осиповскій. Этотъ отрядъ—уже третій по счету.

Первый отрядъ собакъ-санитаровъ, прикомандированный къ передовому дворянскому отряду, находится въ Карпатахъ.

Второй отрядъ недавно выѣхалъ изъ Москвы также на Карпаты съ передовымъ уссурійскимъ отрядомъ общеземской организаціи.

Требованія о высылкѣ отрядовъ санитарныхъ собакъ не перестаютъ поступать.

На-дняхъ секретарь общества Я. А. Тоболкинъ получилъ письмо отъ одного изъ начальниковъ отдѣльной части, оперирующей на кавказскомъ фронтѣ.

Въ письмѣ, между прочимъ, указано, что, въ виду тяжелыхъ условій, при которыхъ приходится разыскивать раненыхъ,—горы, кустарники, и т. д.,—собаки-санитары были бы незамѣнимы въ дѣлѣ оказанія помощи нашимъ защитникамъ родины. Общество уже приступило къ организаціи самостоятельнаго отряда для кавказскаго фронта.

Раненый мулла. Въ числѣ раненыхъ доставленъ въ Кіевъ мулла Митеосъ Набоковъ, жившій до войны въ Екатеринодарѣ. Онъ добровольно пошелъ на войну, все время былъ съ нашими войсками на австрійскомъ фронтѣ, гдѣ исполнялъ религіозныя требы солдатъ-магометанъ, воодушевляя ихъ и во всѣхъ бояхъ находился впереди. За заслуги свои онъ награжденъ орденами св. Анны и св. Станислава. Въ одномъ изъ послѣднихъ боевъ мулла былъ контуженъ.

№ 19. Выходитъ еженед. (52 №№ въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 9 мая 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на ½ года—4 р., на ¼ года—2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка" кн. 7.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Либава и Западная Галиція.

Первый періодъ весенней кампаніи ознаменовался двумя операціями нашихъ противниковъ, предпринятыхъ не на главной „берлинской дорогѣ", а по бокамъ ея. Одинъ нѣмецкій отрядъ двинулся въ Прибалтійскій край, а другая группа противника, уже болѣе крупная, состоящая изъ австро-нѣмецкихъ корпусовъ, предприняла наступленіе вдоль Галиціи.

Прибалтійскій районъ всегда былъ до извѣстной степени открытъ, какъ одинаково и былъ открытъ у нѣмцевъ прибрежный районъ Восточной Пруссіи, на фронтѣ Мемель—Тильзитъ. Однако за всѣ 9 мѣсяцевъ войны нѣмцы ни разу не сунулись въ этотъ

Бомбардировка Дарданеллъ. Высадка британской морской пѣхоты на азіатскій берегъ пролива.

Бомбардировка Дарданеллъ. Грузы британскаго десантнаго отряда, перевозимые греческими и турецкими погонщиками.

раіонъ, что вполнѣ понятно изъ того, что раіонъ этотъ удаленъ отъ главной „берлинской дороги": Берлинъ—Варшава и представляетъ собою одинъ изъ отдаленныхъ второстепенныхъ театровъ, который всегда бываетъ на всякой войнѣ. Это, такъ сказать, „германская Буковина", и все, что происходитъ здѣсь, абсолютно не имѣетъ никакого вліянія на положеніе сторонъ на главномъ театрѣ, гдѣ стоятъ другъ противъ друга главныя арміи. Здѣсь, какъ и въ Буковинѣ, обширное поле для всякихъ политическихъ диверсій, демонстрацій, фуражировокъ и т. п.

Поэтому наши противники повели наступленіе въ Прибалтійскій край только на 10-й мѣсяцъ войны, когда надъ ними нависла весьма реальная новая угроза въ видѣ итальянскаго выступленія. Въ эти дни Берлинъ и Вѣна переживали самыя тяжелыя минуты, и германская стратегія, обезсиленная уже тѣми задачами, которыя передъ ней неразрѣшимо стоятъ съ самаго начала войны, отчетливо сознавала, что борьба съ новымъ крупнымъ врагомъ ей совершенно не подъ силу. Посланецъ кайзера, Бюловъ, выбивавшійся изъ силъ въ Римѣ, ведя безплодные переговоры съ итальянскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, въ послѣднюю критическую минуту призвалъ на помощь стратегическую мудрость „великаго" Гинденбурга. Одни слова и обѣщанія не помогали, нужно было показать военный успѣхъ, и это была единственная надежда, что итальянцы увѣруютъ въ силу германскаго оружія и откажутся отъ выступленія.

Во исполненіе этого и была задумана диверсія въ Прибалтійскій край. Но такъ какъ итальянскіе стратеги грамотны и понимаютъ, что Либава есть нѣчто весьма несерьезное и незначительное съ точки зрѣнія стратегической, то, очевидно, Прибалтійская диверсія годилась только для воздѣйствія на итальянское общественное мнѣніе, на широкіе круги итальянскаго общества, а для итальянскихъ стратеговъ нужно было придумать что-либо иное, болѣе серьезное.

Поэтому для нихъ было придумано наступленіе большими силами по Западной Галиціи, т.-е. вправо отъ „берлинской дороги". Конечно, и это наступленіе не вело къ рѣшительному сраженію, ибо оно производилось только на одномъ небольшомъ участкѣ всего восточнаго фронта, а слѣдовательно, бой здѣсь былъ частнымъ, и одинаково частнымъ былъ бы успѣхъ въ случаѣ, если бы онъ былъ достигнутъ. Но все же это давало видъ, что австронѣмцы намѣрены вернуть обратно Галицію.

Австро-нѣмецкое наступленіе по Западной Галиціи сначала подготовлялось при помощи долгихъ настойчивыхъ атакъ, повидимому, демонстративнаго характера, которыя велись на совершенно другомъ концѣ, — а именно въ Карпатскихъ проходахъ. Затѣмъ нѣмцы понемногу стали устанавливать въ Западной Галиціи, въ раіонѣ Дунайца, противъ города Тарнова тяжелую артиллерію. Эта тяжелая артиллерія отъ времени до времени пострѣливала большими бомбами, и въ такой вялой перестрѣлкѣ велось дѣло на Дунайцѣ въ теченіе около мѣсяца. За это время, какъ мы видѣли, пока пушки стрѣляли на Дунайцѣ, австрійцы лѣзли въ другомъ концѣ—на Ужокскомъ перевалѣ и на Стрыйскомъ направленіи.

Затѣмъ австро-нѣмцы сразу повели наступленіе крупными силами черезъ рѣку Дунаецъ и развили при этомъ большой силы огонь изъ тяжелыхъ пушекъ. Появленіе значительныхъ силъ противника и огонь тяжелой артиллеріи дали ему возможность переправиться на правый берегъ Дунайца.

Необходимо имѣть въ виду, что рѣка Дунаецъ являлась оборонительной линіей, перегораживавшей Западную Галицію. Какъ оборонительная линія, рѣка Дунаецъ невысокаго достоинства, ибо недостаточно глубока и широка.

Сзади Дунайца находилась другая, еще болѣе слабая оборонительная линія, перегораживающая Западную Галицію — линія рѣки Вислоки. Наконецъ еще сзади находилась уже самая сильная оборонительная линія Западной Галиціи — рѣка Санъ съ крѣпостями Перемышлемъ и Ярославомъ.

Такимъ образомъ, по существу, сколько-нибудь серьезныхъ оборонительныхъ линій было немного: всего лишь одна рѣка Санъ съ крѣпостями на ней. Можно было еще обороняться впереди Сана, за рѣкой Дунайцемъ, но позиція эта была временная, ибо оборонительная линія рѣки Дунайца слаба. Въ силу этого послѣ Галиційской битвы обозначилось: во-первыхъ, что мы владѣемъ Галиціей до рѣки Сана весьма прочно и, во-вторыхъ, что пространство впереди рѣки Сана, до Кракова, не имѣетъ оборонительныхъ линій, за исключеніемъ ничтожныхъ Дунайца и Вислоки, и потому непрерывно оспаривается обѣими сторонами. То мы отходимъ на рѣку Санъ, и австрійцы занимаютъ раіонъ Западной Галиціи отъ Кракова до Сана, то австрійцы оттѣсняются обратно, и мы выдвигаемся передъ Санъ и доходимъ — когда до рѣки Дунайца съ городомъ Тарновомъ, когда до города Бохніи и Велички, а когда и до самыхъ Краковскихъ фортовъ.

Слѣдовательно, вполнѣ уже выяснилось, что въ нашемъ прочномъ владѣніи находится вся Галиція до Сана, включая Ярославъ, а теперь и Перемышль. Спорный же участокъ впереди Сана, до Кракова, долженъ былъ оставаться спорнымъ до общаго нашего перехода въ наступленіе по всему восточному фронту.

Это видно изъ того, что, если обратить вниманіе на карту, то основная линія нашего расположенія на восточномъ фронтѣ—рѣка Висла—имѣетъ своимъ продолженіемъ въ Галиціи рѣку Санъ: рѣка Висла съ рѣкой Саномъ составляетъ меридіональную линію обороны, которая обозначаетъ расположеніе нашего главнаго фронта. Поэтому все, что впереди этой линіи, представляетъ собою нѣчто въ родѣ „частныхъ пріобрѣтеній". Это—выступы впереди главной линіи, и временно они находятся у насъ, а временно срѣзываются наступленіемъ противника. Окончательное овладѣніе ими зависитъ отъ общаго перехода въ наступленіе по всему фронту, когда мы вообще выдвинемся впередъ и займемъ нѣкоторую территорію впереди меридіональной линіи Вислы—Сана. Тогда и раіонъ впе-

реди Сана очутится въ нашемъ владѣніи, и тогда будетъ выровненъ общій фронтъ.

Въ силу такого спорнаго характера части Западной Галиціи впереди Сана до Кракова, успѣхъ генерала Макензена, который повелъ здѣсь наступленіе смѣшанной австро-германской арміей, не представляется по существу сколько-нибудь значительнымъ успѣхомъ. Мы просто отошли на нашу главную оборонительную линію Вислу—Санъ, выровнявъ такимъ образомъ свой фронтъ.

Возможно, конечно, что это будетъ нѣкоторымъ разочарованіемъ для тѣхъ, которые упорно и наивно вѣрили въ какое-то наступленіе черезъ Венгрію къ Берлину, въ какой-то обходъ Германіи черезъ Австро-Венгрію, какъ будто можно ѣхать изъ Петрограда въ Одессу черезъ Казань. Смыслъ нашей операціи на Карпатахъ, когда мы заняли главные Карпатскіе проходы, былъ настолько простъ и ясенъ, что не нужно было выдумывать какого-то обхода Германіи черезъ Австро-Венгрію для того, чтобы понять значеніе занятія нами Карпатскихъ проходовъ. Карпатскіе проходы нами были заняты для того, чтобы обезпечить владѣніе территоріей Галиціи, и въ этомъ смыслѣ занятіе нами Карпатскихъ проходовъ преслѣдовало чисто-оборонительныя задачи, при чемъ мы вели эту оборону активно.

Главный путь всегда былъ, есть и будетъ: путь Варшава—Берлинъ, и именно потому, что онъ всегда былъ, есть и будетъ главнымъ, наша задача на австрійскомъ фронтѣ носитъ активно-оборонительный характеръ.

Мы наступали всегда на Германію и всегда имѣли ее въ виду, а противъ Австріи всегда былъ заслонъ, и судьба этого заслона была рѣшена въ Галиційской битвѣ. Когда, одержавъ побѣду въ этой битвѣ, мы заняли Галицію, мы этимъ самимъ естественно дошли до оборонительной линіи—Карпатскаго хребта.

Поэтому, занявъ горные проходы Карпатъ съ одной стороны и линію рѣки Сана съ другой стороны, мы остановились въ активно-оборонительномъ положеніи, которое естественно занимаетъ всякій заслонъ на то время, пока подготовляется и разрабатывается главная операція по главной „берлинской дорогѣ“, противъ главнаго врага—Германіи.

Вотъ въ чемъ смыслъ событій, и нужно помнить всегда, что высшія стратегическія соображенія доминируютъ надъ всѣмъ. Все — въ основной идеѣ плана, а эта основная идея всегда подразумѣвала побѣду надъ главнымъ врагомъ — Германіей и заслонъ противъ болѣе слабаго противника — Австро-Венгріи. Работа заслона выполнена въ теченіе 9 мѣсяцевъ войны. Австро-нѣмцы еще топорщатся, еще пытаются нажать на этотъ заслонъ, но кромѣ „стратегической кадрили“ отъ Сана къ Кракову и обратно ничего не въ состояніи предпринять.

Поэтому мы въ правѣ сказать, что нашъ отходъ отъ линіи рѣки Дунайца къ линіи Висла — Санъ есть всего лишь выполненіе нами той заслонной задачи, которую мы опредѣленно намѣтили на австрійскомъ фронтѣ.

Наше положеніе ни на іоту не измѣнилось ни отъ движенія Макензена по Западной Галиціи ни отъ появленія германскихъ отрядовъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Первое, что многимъ кажется очень важнымъ, не имѣетъ абсолютно никакого значенія. Второе занятіе Либавы—быть-можетъ, нѣсколько и непріятно, но нужно помнить, что разъ нѣмцы мѣняютъ Варшаву на Либаву, то это только свидѣтельствуетъ объ ихъ безсиліи предпринять что-либо серьезное. Нужно помнить, что стратегія требуетъ отъ военныхъ дѣятелей сплошь да рядомъ примѣровъ такого гражданскаго мужества, какое проявилъ, напримѣръ, въ началѣ войны генералъ Жоффръ, отойдя за Парижъ и отдавъ сѣверо-восточную Францію временно нѣмцамъ, ибо стратегія надъ всѣмъ повелѣваетъ, и нѣтъ ничего хуже, когда стратегическіе расчеты нарушаются подъ вліяніемъ криковъ толпы.

Смѣяться будетъ хорошо тотъ, кто будетъ смѣяться послѣдній.

Новыя теченія въ школьномъ дѣлѣ.

(Вопросы внутренней жизни).

Новый руководитель вѣдомства, которому вручены судьбы русскаго просвѣщенія, счастливо сочеталъ въ своей личности особыя черты, могущія играть роль счастливаго предзнаменованія: сынъ извѣстнаго славянофила и дипломата Н. П. Игнатьева, русскаго посла въ Константинополѣ, принимавшаго наиболѣе активное участіе въ рѣшеніи восточнаго вопроса, по своимъ семейнымъ традиціямъ, и въ реформѣ школьнаго дѣла могъ, согласно семейнымъ традиціямъ, держаться только чисто-національныхъ принциповъ. Ему выпала на долю великая задача освободить русскую школу отъ нѣмецкаго плѣна и сдѣлать ее русской. До сихъ поръ гнетъ германско-латинской культуры насильственно подавлялъ внутренній расцвѣтъ славянскаго духа. Вся оторванная отъ нашей реальной жизни система преподаванія была основана на усиленной работѣ памяти и подавленіи самостоятельнаго мышленія и развитія ученика. Немудрено, что она выбрасываетъ въ жизнь людей совершенно не приспособленныхъ къ жизни, не приспособленныхъ къ самостоятельной дѣятельности и не умѣющихъ найти приложенія своимъ силамъ ни на какомъ техническомъ поприщѣ. Русская молодежь обладаетъ множествомъ знаній, совершенно непримѣнимыхъ къ практической жизни, и не вооружена тѣми свѣдѣніями, которыя нужны для практической работы. Потому-то во всей промышленной и торговой жизни она вынуждена уступать всѣ мѣста лучше приспособленнымъ, хотя и несравненно менѣе талантливымъ иностранцамъ, а сама всею толпою осуждена искать пріюта и заработка въ казенныхъ учрежденіяхъ, не требующихъ инициативы и самодѣятельности. Инокультурность просвѣщенія дѣлаетъ русскую интеллигенцію безпочвенной и безплодной и на поприщѣ общественно-государственнаго строительства, убиваетъ прогрессивныя силы великаго народа, обрекаетъ страну на застой и регрессъ. Ничего не можетъ быть печальнѣе вѣковой трагедіи русскаго духа, столь богатаго стихійно-творческими силами и съ первыхъ же шаговъ своего развитія обезпложеннаго прививкою чуждыхъ культуръ. Всѣмъ, кто хоть сколько-нибудь вникалъ въ сущность переживаемыхъ явленій, становилось яснымъ, что основная причина многихъ изъ нашихъ нестроеній коренится въ неправильно поставленной системѣ преподаванія. Больной корень всей русской жизни, это—наша школа съ сонмомъ педагоговъ, забывшихъ евангельскій завѣтъ: „не угашайте духа!“ Немудрено, что душевно измученное русское общество въ каждомъ новомъ министрѣ народнаго просвѣщенія видитъ долгожданнаго спасителя подрастающихъ поколѣній. Можно думать, что на этотъ разъ наши надежды будутъ оправданы. Счастливо сочетая въ своемъ духовномъ обликѣ славянофильскія традиціи семьи и самую теплую благожелательность къ обществу, графъ Игнатьевъ, какъ наслѣдникъ своего отца, подавшаго въ должности министра внутреннихъ дѣлъ Императору Александру III проектъ учрежденія земскаго собора, не сможетъ ограничить, подобно трафаретнымъ прогрессистамъ, свой реформаторскій порывъ одною отмѣною ограничительныхъ нормъ, но неизбѣжно будетъ вынужденъ приступить наконецъ къ преобразованію самыхъ основъ существующей школьной системы. Уже съ первыхъ шаговъ дѣятельности новаго министра, направленныхъ къ ослабленію тягостей школьнаго режима, наше общество почувствовало, что въ лицѣ графа П. Н. Игнатьева предсталъ передъ нами не „человѣкъ въ футлярѣ“, съ мертвымъ равнодушіемъ и жестокимъ формализмомъ относящійся къ подрастающимъ поколѣніямъ, а непосредственный человѣкъ дѣятельной любви и здраваго смысла, чувствующій всѣ изъяны существующей школы такъ же остро, какъ чувствуетъ ихъ каждый русскій человѣкъ.

Бомбардировка Дарданеллъ.
Британскій десантный отрядъ обстрѣливаетъ турокъ изъ-за развалинъ взорваннаго форта.

Бомбардировка Дарданеллъ. Британскій десантный отрядъ среди жителей о. Тенедоса.

Та, которая ждетъ.

Разсказъ **Вл. Табурина**.

Мы шли сторонкой, по сухой примятой травѣ, а по дорогѣ шаркали тысячи усталыхъ ногъ.

Я разсѣянно слушалъ поручика Елагина. Мнѣ гораздо интереснѣе было прислушаться къ отдѣльнымъ голосамъ изъ этихъ тысячъ людей, которые шаркали по дорогѣ усталыми ногами. Но отдѣльныхъ голосовъ я не могъ разобрать. Тутъ не было ни отдѣльныхъ мыслей, ни отдѣльной воли. И общій голосъ ихъ тихаго говора гудѣлъ, какъ дыханіе великой груди.

Мой спутникъ не заботился о томъ, чтобы я его слушалъ, и замолкалъ именно тогда, когда я поворачивалъ къ нему лицо. Но тонъ его голоса говорилъ: „пойми же ты, что мнѣ это очень важно".

— Цѣлую недѣлю мы здѣсь крутимъ, и я знаю, что этотъ санитарный поѣздъ стоитъ гдѣ-то въ полѣ, верстахъ въ семи отсюда. И вотъ до сихъ поръ я не нашелъ времени его разыскать. А теперь ужъ поздно.

— Почему поздно?

— Меня убьютъ. Я чувствую. И страшно то, что меня убьютъ, и я ея не увижу.

„Кого это „ее"? — мысленно спросилъ я. Мнѣ представилось блѣдное безпокойное личико, закрытое косынкой до бровей. Прозрачный завитокъ волосъ упрямо выбивается у виска, и она нарочно не прячетъ его. Тонкіе пальцы, держащіе бинтъ, шевелятся быстро, но неувѣренно, и дѣлаютъ много ненужныхъ движеній. Ей не больше 19 лѣтъ, потому что ему только 22. Можетъ-быть, она еще не кончила гимназіи или курсовъ и бросилась сюда, чтобы работать на однихъ съ нимъ поляхъ.

Если его ранятъ—она будетъ плакать. Ей такъ знакомы слезы, хотя и незнакомо горе. Еще недавно плакала она изъ-за дурной отмѣтки. Плакала, если онъ забывалъ поздравить ее съ днемъ рожденья.

Если его убьютъ, она будетъ плакать еще больше. Ей такъ знакомы слезы.

— Вотъ и дорога!

Передъ нами стѣна высокой желѣзнодорожной насыпи. Точно подошла она къ намъ навстрѣчу изъ темноты. Черезъ нашъ путь перекинутъ віадукъ. Шарканье ногъ отдается надъ головами.

Сверху заскрипѣла шестерня остановленной дрезины, и безразличный голосъ спросилъ:

— Какая часть?

Кто-то отвѣтилъ снизу, а Елагинъ побѣжалъ по крутымъ ступенькамъ деревянной лѣстницы на откосъ.

Тамъ онъ сталъ спрашивать, а безразличный голосъ ему отвѣчалъ.

— Далеко ли отсюда?

— Днемъ стоялъ около рощи... Версты двѣ отсюда. Вѣроятно, и теперь тамъ.

— А почему не видно свѣта?

— Огни на паровозѣ потушены—оттого и не видно. Окна занавѣшены—оттого и не видно.

Дрезина покатила дальше. Елагинъ нагналъ меня уже за віадукомъ.

— Какая досада!.. Въ двухъ верстахъ отсюда. Теперь не урвешься. А вѣдь было свободное время. Ахъ, я дерево! Подло—это разъ. Непоправимо—это два.

— По-моему—ни то ни другое. А просто вы здорово влюблены.

— Вотъ то-то что нѣтъ. Ого! Былъ бы я влюбленъ, нашлось бы во мнѣ прыти. Не разъ побывалъ бы тамъ. Поцѣлуи, охи, вздохи и тому подобная ерунда. Нѣтъ, я не влюбленъ. Не успѣлъ еще.

— Понимаю. Значитъ, жажда свиданія съ той стороны сильнѣе, чѣмъ съ вашей?

— Вотъ именно... Это-то меня и мучитъ... Ну, довольно. Не будемъ больше говорить объ этомъ.

Колонна остановилась. Люди безъ команды сходили съ дороги и, не снимая снаряженія, приникали къ землѣ, кто сидя, кто полулежа. Было девять часовъ вечера. Тѣнью проѣхалъ на иноходцѣ ординарецъ. Не торопясь протащился транспортъ санитарныхъ повозокъ, пустыхъ, въ ожиданіи будущихъ раненыхъ. Далеко въ сторонѣ вздрагивало зарево для чего-то стрѣляющей залпами и не получающей отвѣта батареи. Вспышки потухали, и, погодя, изъ темноты долеталъ глухой раскатъ, какъ безпокойное рычаніе соннаго звѣря.

Елагинъ посчиталъ секунды и сѣлъ на краю дороги, опустивъ ноги въ канаву.

— Пристраивайтесь тутъ! Хорошо бы теперь погрѣться у костра. Вамъ не холодно?

— Нѣтъ.

— А у меня зубы стучатъ. Вѣрно, лихорадка. Да-съ... И думаю я еще вотъ о чемъ. Если теперь гдѣ-нибудь въ городѣ человѣка переѣдетъ трамваемъ, объ этомъ напишутъ замѣтку въ газетахъ съ особымъ заголовкомъ. А если я буду убитъ, то мое имя помѣстятъ въ общемъ спискѣ, и никто вниманія не обратитъ... Впрочемъ, кромѣ одного человѣка.

— Бросьте! Зачѣмъ объ этомъ говорить! Мы всѣ въ одинаковомъ положеніи, а молчимъ. Посмотрите, какъ умѣютъ молчать солдаты.

Мы оба посмотрѣли на темныя, приникшія къ землѣ тѣла; и, казалось, мы слышали ихъ торжественное молчаніе, какъ гимнъ смиренію передъ великимъ долгомъ.

— Нѣтъ,—сказалъ Елагинъ, передернувъ плечами.—Это вовсе не жалоба, а совершенно ясное предчувствіе. Я не въ первый разъ въ бою. И волновался тогда больше, чѣмъ теперь, но это волненіе бывало совсѣмъ другого рода. Я представлялъ себѣ именно то опасное, что впереди. А сегодня это меня совсѣмъ не интересуетъ. Я все думаю о томъ, что осталось позади. Зачѣмъ я не пошелъ туда, гдѣ меня ждутъ. Или сегодня, или никогда. Вотъ что мучительно. Мнѣ тяжело за тѣ страданія, которыя я причиню. Только теперь я это понялъ, только теперь я себѣ это представляю...

Елагинъ долго сидѣлъ молча, отвернувъ лицо въ сторону. Потомъ строго посмотрѣлъ на меня и заговорилъ скороговоркой:

— Знаете что... Увѣдомьте ее, если что случится. Поѣздъ найти легко, а подробности еще легче. Вы сами увидите.

— Хорошо, хорошо. И просить не надо. Но продолжать съ вами такой разговоръ я отказываюсь. Это вредно для васъ самихъ.

Елагинъ виновато улыбнулся и кивнулъ головой. Видимо, готовъ былъ подчиниться моему указанію. Я въ самомъ дѣлѣ нашелъ въ немъ странную перемѣну. Мнѣ стало жутко, какъ около больного, приговореннаго къ смерти.

Елагинъ заговорилъ умышленно шутливо:

— И удивительная вещь: безпокоятъ меня разныя мелочи. Носки у меня рваные — это меня раздражаетъ. Была у меня плитка шоколода — мучусь, не могу припомнить: съѣлъ я ее, или потерялъ. Только три дня не умывался, и ужъ руки липнутъ—непріятно. Ногти отросли, мѣшаютъ. Нѣтъ ли у васъ ножницъ?

— Къ сожалѣнію...

— Ну, конечно, какія тутъ ножницы!

Люди стали стягиваться къ дорогѣ и формировали колонну. Въ три часа ночи мы уже были далеко. Прошли нѣсколько деревень, покинутыхъ жителями, прошли мимо усадьбы съ освѣщенными окнами. Нашъ батальонный послалъ приказаніе тушитъ огни. Свернули съ дороги; мы шли полями, огородами, разбирая изгороди.

Въ оврагѣ остановились, сдѣлали повѣрку, подождали отсталыхъ, и впередъ пошла одна рота.

Только поднялись изъ оврага, сквозь кривыя низкорослыя деревья фруктоваго сада показался свѣтъ. Въ открытомъ къ тыльной сторонѣ сараѣ съ печами, должно-быть, для сушки фруктовъ, собрались чужіе офицеры. Тутъ же недалеко топтались лошади съ ординарцами. Нашъ ротный пошелъ въ сарай, а мы съ Елагинымъ остались при своихъ взводахъ.

Я долго смотрѣлъ на лица штабныхъ, освѣщенныя отъ земли свѣчнымъ огаркомъ и отраженіемъ свѣта отъ разложенной карты. Разговаривали офицеры громко, оживленно. Я подошелъ поближе, чтобы лучше слышать.

Тучный и, очевидно, старшій говорилъ, сидя на ручной тележкѣ:

— Дайте мнѣ горячаго чаю, пускай безъ сахару, но чтобы это былъ чай хорошо заваренный на чистой водѣ, не перепрѣлый, съ ароматомъ, и я могу три дня не ѣсть... Ну, капитанъ, вамъ пора. Съ Богомъ! Такъ вы поняли? Дойдете до мельницы, залягте въ кустарникѣ. Какъ только, чуть на разсвѣтѣ, обозначатся деревца, подстриженныя, вдоль дороги — пускайте цѣпи. Если слѣва услышите выстрѣлы, не смущайтесь—это наши, они васъ поддержатъ. Ну... желаю успѣха. Шпарьте!

Мельницу мы не скоро нашли въ темнотѣ. Посылали впередъ дозорныхъ. Метались то вправо, то влѣво, боясь неосторожно выдвинуться, и наконецъ залегли въ кустахъ и лежали больше часу. Похоже было на то, что вся наша задача сводится къ тому, чтобы ходить и лежать. Я растянулся спиной на холодной землѣ, не чувствуя ни холода ни усталости. Ни о чемъ не думалъ и дышалъ тяжестью остановившагося времени.

Кто-то нагнулся надо мной и мимоходомъ пожалъ мнѣ руку. Я узналъ Елагина. Онъ пошелъ со своимъ взводомъ.

Только теперь можно было разглядѣть часы. Шестой вначалѣ. Мучительно хотѣлось курить. Единственно, къ чему была охота, но нельзя.

Стало какъ будто теплѣе. Мнѣ представилась печь, затопленная сухими дровами. Они трещали безпорядочно и весело. Я зналъ, что это началась ружейная стрѣльба непріятеля, но въ этихъ звукахъ не было ничего пугающаго. Я приподнялся. На горизонтѣ, гдѣ уже обозначились слабыя очертанія подстриженныхъ деревьевъ, перебѣгали нитью желтые огоньки. Ближе въ полѣ мѣстами вскакивали отъ земли пять, шесть человѣкъ, бѣжали и опять припадали.

Въ этой мелькающей рамкѣ желтыхъ огней впереди и заключалась та опасность, о которой мнѣ раньше приходилось задумываться и волноваться. Но теперь это казалось гораздо проще. Ничего эффектнаго и грознаго.

Кто-то протяжно зѣвнулъ, или простоналъ во снѣ. Я прислу-

шался, а рядомъ со мной бородатый солдатъ сталъ на колѣни, наскоро перекрестился и сказалъ:

— Пошли ребятушки!

Только тутъ я понялъ, что это „ура“ атакующей цѣпи.

Эхомъ отозвался такой же вздохъ слѣва по фронту.

Это шла вторая рота.

Членъ Государственной Думы о. Ф. Д. Филоненко, состоящій полковымъ священникомъ въ дѣйствующей арміи.

Я не помню команды нашего ротнаго. Черезъ нѣсколько секундъ мнѣ казалось, что я уже давно, нѣсколько часовъ, бѣгу по полю. Встрѣчный вѣтеръ сушитъ мнѣ легкія. Рѣжутъ воздухъ и рвутся въ высотѣ снаряды, но я все бѣгу, глядя на рамку желтыхъ огней, какъ на завѣтную цѣль всей моей жизни.

Я велъ свою цѣпь безъ перебѣжекъ, чтобы скорѣе поспѣть на выручку Елагину. Мои солдаты поняли меня, и многіе были впереди. Если нѣкоторые и припадали къ землѣ, то ужъ больше не поднимались.

Мы дѣлали то, за что восхваляютъ, передъ чѣмъ преклоняются, но я дышалъ восторгомъ передъ рѣшенной загадкой и думалъ:

„Боже! Какъ легко быть храбрымъ!“

Тамъ, раньше, въ тылу, когда я готовился итти впередъ и воображеніемъ переживалъ страшное будущее, гдѣ на карту ставится жизнь, когда, неотрѣшенный отъ мирной обывательской мѣрки, не испыталъ еще жажды безумнаго устремленія,—тогда я не зналъ, какъ легко и восхитительно быть храбрымъ.

Когда я видѣлъ глаза убитыхъ на мѣстѣ, съ выраженіемъ спокойствія, безъ малѣйшаго признака страха и страданія, я не понималъ ощущеній послѣднихъ минутъ этихъ людей.

Это потому, что я не зналъ простой истины, которая только теперь открылась мнѣ: „какъ легко быть храбрымъ!“

Я задыхался отъ радости, что могу такъ смѣло итти навстрѣчу смерти. Ничто не удерживало меня сзади. У меня въ эти минуты не было ничего близкаго и дорогого, кромѣ свободнаго вихря моей души. Я жилъ одинъ передъ всѣмъ міромъ.

Подстриженные деревья стали совсѣмъ близко. Они тянулись по краю дороги съ той стороны. Ближе, съ этой стороны, канава, превращенная во временный окопъ. Повидимому, онъ былъ уже пустъ. Непріятель частью пере-

Баронъ Д. Н. Корфъ (второй справа).

Священникъ Ф. Д. Филоненко напутствуетъ тяжело-раненаго.

1) Срединскій. 2) Глинка. 3) Графъ Беннигсенъ. 4) Малво. 5) Слухинъ. 6) Генералъ-маіоръ Д. Я. Дашковъ. 8) Графъ Толстой. 9) Татариновъ. 10) Цеге-фонъ-Мантейфель. 11) Мевесъ.

Генералъ-маіоръ Д. Я. Дашковъ, бывшій главноуполномоченный Краснаго Креста, и его бывшій помощникъ, нынѣ особоуполномоченный Краснаго Креста, графъ Э. П. Беннигсенъ (членъ Гос. Думы), съ лицами, состоявшими при нихъ.

Члены Государственной Думы на войнѣ. По фот. Н. Ольшанскаго.

Членъ Государственной Думы священникъ А. Л. Трегубовъ въ Галиціи у разрушенной синагоги.

Совсѣмъ недалеко отъ тѣхъ кустовъ, въ которыхъ мы залегли передъ разсвѣтомъ, краснѣлъ аннинскій темлякъ воткнутой въ землю шашки. Елагинъ лежалъ на спинѣ, кѣмъ-то перевернутый. Въ этой полосѣ поля еще не видно было ни убитыхъ ни раненыхъ. Онъ палъ первымъ.

Я долго сидѣлъ у трупа. Всѣ санитары были въ расходѣ. Снаряды стали попадать въ мельницу. Черезъ расщепленную стѣну виднѣлась шестерня. Внизу копошились люди. Я кричалъ имъ, махалъ фуражкой, но они не отзывались. Очевидно, это телефонисты устраивали наблюденіе съ вышки мельницы. Наконецъ пришли четыре солдата изъ резервной роты. Носилокъ у нихъ не было. Трупъ они положили на шинель, ухватились за края и ожидали моего указанія, куда нести.

Это было уже давно рѣшено. Въ ту минуту, когда ротный сообщилъ мнѣ о смерти Елагина, я вспомнилъ нашъ разговоръ, его просьбу дать знать о немъ. Теперь я былъ раненъ. Могъ добраться до санитарнаго поѣзда. Но не главнымъ образомъ для того, чтобы имѣть перевязку, а для того, чтобы доставить тѣло Елагина той, которая его ждетъ.

Одну минуту я колебался. Не лучше ли сначала сообщить ей о его смерти и предоставить самой искать его? Но уменьшитъ ли ея горе эта сомнительная подготовка? И не увеличится ли оно тѣмъ, что тѣло любимаго человѣка пролежитъ нѣсколько лишнихъ часовъ, покинутое въ полѣ. Да и можетъ ли быть смерть неожиданной на войнѣ.

Шли мы медленно и долго. Солдаты отдыхали, мѣнялись мѣстами. По пути нашли санитаровъ съ носилками. Солдаты вернулись, и наше движеніе стало быстрѣе.

Вышли на дорогу около сборнаго мѣста повозокъ и автомобилей. Рас-

колотъ, частью бѣжалъ. На дорогѣ наши солдаты. Одинъ прислонился къ дереву, стараясь снять сапогъ. Нѣсколько человѣкъ бѣжали вправо. На дорогу упала граната, поднимая бурный букетъ дыма. Солдатъ около дерева опустился, какъ подкошенный, и уже сидя продолжалъ свое занятіе.

Гдѣ-то кричали „ура", около меня дышали усталыя груди, шипѣли перелетающіе снаряды, но самый значительный и непріятный звукъ слышался откуда-то со стороны.

Неправильнымъ темпомъ, съ остановками, какъ испорченная швейная машинка, выстукивалъ пулеметъ. Онъ укрылся вправо и поливалъ насъ во флангъ.

Многіе изъ моихъ людей уже раньше стали уклоняться въ эту сторону. Въ лѣвой рукѣ, повыше локтя, я почувствовалъ жгучій щелчокъ; точно меня хлестнуло натянутой резиной по обнаженной кожѣ. Кромѣ этого короткаго ощущенія, боли больше не было.

Я крикнулъ солдатамъ, чтобы они не сбивались въ кучу, но никто меня не слышалъ. Со мной добѣжало человѣкъ десять.

Одинъ, раненый въ колѣно, хромая, добѣжалъ рядомъ со мной.

Пулеметъ уже молчалъ. Какъ лютый охотникъ, притаился онъ въ ямѣ, замаскированный сухими вѣтками. Изъ просвѣта выглядывалъ его тупомордый кожухъ. За щитомъ лежали два непріятельскихъ солдата. Рука одного еще держалась за рукоятку, а другой лежалъ на спинѣ, и нашъ солдатъ вытаскивалъ изъ-подъ него спутанную патронную ленту.

Подошелъ ротный и пожалъ мнѣ руку. Я держалъ шашку и долженъ былъ взять ее въ лѣвую руку. По ладони извивалась тоненькая, быстро высыхающая, струйка крови. Ротный повернулъ меня, слегка подтолкнулъ сзади и велѣлъ итти на перевязку. Я уже сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, когда онъ вдогонку добавилъ:

— Да!.. Нашъ бѣдный Елагинъ убитъ!

Я остановился, оглядываясь по сторонамъ. Мое возбужденіе сразу утихло—и мысли вернулись къ прежнему. Я сталъ понимать волненіе и тоску Елагина.

— Тамъ, дальше!—крикнулъ ротный.—Гораздо дальше. Велите принести сюда. Похоронимъ его у дороги.

Санитары уже собирали раненыхъ. Я напрасно отклонялся въ стороны, чтобы найти знакомое тѣло. Въ полѣ все чаще стали падать гранаты, предназначенныя для окопа, но дававшія сильный перелетъ. Было жутко. Куда труднѣе быть храбрымъ, когда отходишь отъ опасности.

Священникъ А. Л. Трегубовъ и старшій помощникъ пристава Государственной Думы Н. Н. Карташевскій во Львовѣ. у входа въ зданіе Сейма.

порядители сортировали раненыхъ, сидѣвшихъ и лежавшихъ на краю дороги. Я не сталъ ждать очереди. Выбралъ себѣ простую деревенскую повозку съ соломенной подстилкой. Тѣло уложили такъ, чтобы въ ногахъ оставалось мѣсто мнѣ присѣсть.

Дорога та же, по которой мы шли ночью. Когда стали подъѣзжать къ віадуку,

В. П. Басаковъ.

Члены Государственной Думы на войнѣ. По фот. Н. Ольшанскаго.

Похороны убитаго товарища-казака.

меня удивило, что всѣ повозки и пѣшіе раненые направляются прямо, не сворачивая на дорогу, отходящую вправо, параллельно желѣзнодорожной насыпи. А между тѣмъ именно въ этой сторонѣ долженъ былъ находиться нужный мнѣ поѣздъ.

Возница - солдатъ съ винтовкой за спиной на мой вопросъ отвѣчалъ:

— Есть такой, такъ точно. Только что полнò тамъ. Приказано на главный пунктъ.

— А ты все-таки сворачивай сюда!

Онъ повернулъ свою пару тощихъ клячъ, но передъ этимъ самъ обернулся и хмуро оглядѣлъ лежащее тѣло.

— Вы бы, ваше выскородіе, шашку-то сняли. Куда она ему теперь!

Дѣйствительно, шашка при переноскѣ тѣла сильно мѣшала. Я отстегнулъ ее и положилъ рядомъ.

Рука моя заныла отъ усилія. Но я не думалъ о своей ранѣ. Меня больше тяготило предстоящее свиданіе. Онъ будетъ молчать, и я долженъ говорить за него. Я могъ бы сдать его санитару или доктору и тѣмъ ограничиться, но меня тянуло къ свиданію. Я долженъ былъ увидѣть ту, которая ждетъ. Это не было простымъ любопытствомъ.

Я видѣлъ много умиравшихъ, но не видѣлъ взора тѣхъ далекихъ, которые ждутъ и страдаютъ. Въ чужихъ глазахъ я хотѣлъ увидѣть слезы той, которая ждетъ и меня и также можетъ не дождаться.

Дорога то удалялась отъ насыпи, то приближалась къ ней, лавируя между буграми. Я сидѣлъ спиной къ лошади и видѣлъ, какъ насыпь дѣлается ниже, равняясь съ окружающей почвой. Выдвинулась опушка лѣса.

— Пріѣхали!—сказалъ солдатъ, соскакивая съ повозки.

Я тоже сошелъ на землю, держа въ рукахъ шашку Елагина.

Санитарный поѣздъ, паровозомъ въ тылъ, состоялъ въ большинствѣ изъ теплушекъ, имѣя два или три классныхъ вагона. Повидимому, онъ былъ уже полонъ. Въ узкой долинкѣ между нимъ и лѣсомъ лежало множество раненыхъ. Земля розовѣла хлопьями сулемовой ваты.

Подошли два санитара, сняли тѣло съ повозки, недоумѣвая, зачѣмъ къ нимъ привезли трупъ.

Я не сталъ съ ними объясняться и пошелъ къ вагону второго класса.

На полянѣ противъ открытаго съ двухъ сторонъ товарнаго „хирургическаго" вагона сестра нагнулась надъ раненымъ солдатомъ и говорила другой, сходившей изъ вагона по приставной лѣстницѣ:

— Сестра Вѣра, дайте мнѣ бинта, у меня не хватило.

Я взглянулъ на говорившую. Простоватое скуластое лицо, маленькіе безцвѣтные глаза и слабыя, едва очерченныя брови.

„Нѣтъ, не она". Но тутъ же я вспомнилъ, что Елагинъ, по его словамъ, стремился увидѣться съ неизвѣстной въ силу какого-то обязательства. Однако я невольно обратился къ другой, стоявшей ближе ко мнѣ.

Высокая, сильная, красивая, съ выраженіемъ немного упрямымъ, она смотрѣла передъ собой прищуренными глазами. Въ рукахъ она держала тазикъ съ инструментами, а подъ мышкой свертокъ марли.

— Скажите, нѣтъ ли здѣсь кого-нибудь изъ близкихъ или родственниковъ поручика Елагина?

Она не взглянула на меня, пожала плечами и прошла дальше.

Я поднялся въ слѣдующій вагонъ. Всѣ двери купэ были открыты въ коридоръ. Въ двухъ купэ лежали раненые офицеры, а остальные, повидимому, служили помѣщеніемъ для сестеръ милосердія. Теперь здѣсь было пусто, и только въ послѣднемъ на диванѣ лежала молоденькая сестра. Косынка сползла съ ея растрепанныхъ свѣтлыхъ волосъ. Лихорадка густо разрумянила ея щеки. Она спала слабымъ, болѣзненнымъ сномъ. Верхняя губа по-дѣтски оттопырилась впередъ.

Я былъ увѣренъ, что нашелъ „ту, которая ждала". Если бы передо мной прошли сотни дѣвушекъ, я указалъ бы на эту, какъ на избранницу мечтательнаго поручика. И какъ похоже было все то, что я зналъ, на то, что я видѣлъ.

Она ждала его—знала, что онъ пошелъ въ бой, и не дождалась. Утомленная работой и волненіемъ, она не вынесла двойной тяжести и слегла.

Я не смѣлъ будить ее, но рисковалъ ничего не узнать у другихъ. Его имя могло быть ея тайной.

Черезъ вагонъ проходилъ комендантъ поѣзда и громко обратился ко мнѣ:

— Вамъ чтò угодно? Вы ранены?

— Такъ точно. Раненъ въ руку.

— Идите на волю! Въ вагонахъ нѣтъ мѣста. И не тревожьте больную.

Но онъ самъ ее разбудилъ. Когда я обернулся, сестра уже си-

Похороны на позиціяхъ. Отпѣваніе скончавшихся по пути на перевязочный пунктъ.

дѣла на диванѣ, прикрывая сѣрой юбкой ноги, обутыя въ тяжелыя валенки.

Я готовъ былъ положить рядомъ съ ней шашку, сказать, что „онъ“ тутъ, около поѣзда, и удалиться. Мнѣ казалось, что въ ея глазахъ я уже увидѣлъ смертельный ужасъ, что она поняла смыслъ моего прихода. Но ея неожиданный вопросъ сбилъ меня съ толку:

— Скажите, который теперь часъ?

Я посмотрѣлъ на часы и отвѣтилъ.

Удивленное и испуганное лицо стало капризнымъ.

— Только-то? Господи Боже мой! Часу не дадутъ полежать. Что вамъ надо?

— Лично мнѣ ничего не надо. Я привезъ тѣло убитаго поручика Елагина. Мнѣ сказали, что здѣсь у него есть близкіе.

— Никакихъ поручиковъ я не знаю. Оставьте меня въ покоѣ!

Она опять легла, вытянувъ свои валенки и плаксиво приговаривая:

— Дверей не позволяютъ запирать... Бѣгаетъ мимо всякій народъ... О, Господи!..

Всѣ мои догадки разлетѣлись въ прахъ. Я уже хотѣлъ уходить, какъ дѣвушка опять сѣла, и опять испугъ появился на ея лицѣ.

— Погодите, какъ вы сказали, Елагинъ? Неужели убитъ?

— Да.

— Скорѣй найдите сестру Евгенію... Бѣдная Евгенія Петровна... Она ждала его. Идите... Я тоже сейчасъ приду...

Она стала поправлять передъ зеркаломъ свои волосы и косынку. Я бросился изъ вагона, твердя „сестра Евгенія“, какъ бы цѣпляясь за это имя.

На полянѣ шла безостановочная работа. Я внимательно всмотрѣлся въ каждую бѣлѣвшую косынку. Всего тутъ работало шесть или семь сестеръ. Мимо проходила съ докторомъ пожилая лѣтъ сорока пяти женщина въ черной косынкѣ и черномъ платьѣ. Повидимому, это была старшая сестра. Ей, конечно, лучше, чѣмъ кому-нибудь, были извѣстны имена и даже секреты всѣхъ своихъ сестеръ. Но она куда-то торопилась, и я подошелъ къ санитару, угощавшему раненаго солдата папиросами.

— Скажите, гдѣ тутъ у васъ сестра Евгенія?

— А вотъ только-что прошла съ докторомъ.

Я не сразу двинулся съ мѣста.

Георгіевскіе кавалеры—чины автомобильной роты со своими офицерами.

„Такъ вотъ та, которая ждала“.

Была ли ей уже извѣстна тяжелая новость, или ей только сообщили о прибытіи санитарной повозки, и она, не ожидая удара, шла туда, гдѣ лежалъ трупъ.

Я слѣдовалъ сзади и чувствовалъ себя глубоко виноватымъ.

Какъ я смѣлъ думать только о тѣхъ, которыя связаны съ нами любовью любовной и забыть о любви неизмѣнно-вѣчной и величавой.

Мнѣ стыдно стало за мои шутливыя догадки въ разговорѣ съ Елагинымъ, стыдно за его слова: „Былъ бы я влюбленъ, нашлось бы во мнѣ прыти побывать въ поѣздѣ“.

Онъ мучился и въ то же время стѣснялся назвать ее, чтобы ему, отважному воину, не показаться чувствительнымъ и нѣжнымъ сыномъ... Бѣдная мать!..

Я такъ и не узналъ, была ли она предупреждена. Лица ея я не видѣлъ. Но ни въ одномъ жестѣ не выразилось неожиданнаго отчаянія.

Она подошла къ возницѣ, только-что собиравшемуся уѣзжать, спросила его о чемъ-то и тихо приблизилась къ трупу.

Докторъ, маленькій, черный, близорукій, въ сильныхъ очкахъ, нагнулся надъ тѣломъ. Только тутъ она жестами стала просить его отойти. Говорить она, видимо, не могла.

— Докторъ!—позвалъ я.

Онъ отошелъ ко мнѣ, посмотрѣлъ, какъ она опустилась на колѣни, и разсѣянно спросилъ:

— Что вамъ?

— Я раненъ, а вотъ этого фамилія Елагинъ. Я его привезъ.

Онъ удивленно повторилъ фамилію, снялъ очки, протеръ ихъ и долго молчалъ.

— Это второй сынъ и послѣдній. Да... фактъ весьма грустный. Куда вы ранены?

Пришла больная сестра, закутанная въ пледъ, и сразу стала плакать. Пришла сестра Вѣра, строгимъ взглядомъ успокоила ее. Собрались санитары, и всѣ обнажили головы.

Я сдѣлалъ впередъ нѣсколько шаговъ, положилъ шашку на землю рядомъ съ тѣломъ, но не могъ посмотрѣть въ глаза сестрѣ Евгеніи. Мой жестъ вывелъ ее изъ оцѣпенѣнія. Она достала изъ кармана платокъ и накрыла имъ мертвое лицо.

Докторъ больше движеніемъ бровей, чѣмъ словами, велѣлъ санитарамъ расходиться. Самъ тоже отошелъ, и я съ нимъ. Тутъ онъ повторилъ свой вопросъ, и я отвѣтилъ:

Герои-артиллеристы — георгіевскіе кавалеры.

— Въ руку, докторъ. Можетъ-быть, вы сдѣлаете мнѣ перевязку?

Мнѣ помогли снять шинель, посадили на землю. Одному санитару докторъ велѣлъ сѣсть ко мнѣ, спина къ спинѣ, чтобы я могъ прислониться. Другой санитаръ принесъ тазикъ съ водой, инструменты и бинты. Рана оказалась сквозная. Было больно, когда докторъ вставлялъ въ нее тампонъ, я морщился, но мнѣ стало легче сдерживать себя, когда я увидѣлъ сестру Евгенію. Она стояла въ трехъ шагахъ отъ меня.

Теперь я могъ разсмотрѣть ея лицо. Худощавое, съ туго завязанной черной косынкой, какъ у монахини. Годы больше всего положили слѣды у ея рта, съ тонкими, плотно сжатыми губами и съ рѣдкими складками у краевъ. Но сѣрые прозрачные глаза глядѣли много моложе. Въ нихъ была и тихая ласка и заглушенная скорбь, но не было усталости.

Узкоколейная желѣзная дорога съ конной тягой. Вагонетки обтянуты парусиной.

Окопы, въ которыхъ живутъ наши солдаты и офицеры.

Сестра Вѣра обняла ее за талію и цѣловала ея руку. Черныя крупныя брови молодой сестры двигались отъ волненія.

— Дорогая Евгенія Петровна, вы поплачьте! Право, лучше поплачьте... Вамъ легче будетъ... Что же вы молчите, Евгенія Петровна?.. Пойдемте въ вагонъ!

Но глаза старшей сестры были сухи. Она даже улыбнулась грустно и удивленно. Какъ бы на то, что люди молодые, не знающіе цѣны человѣческой жизни и страданія, хотятъ проникнуть въ ея душу.

Докторъ окончилъ свое дѣло. Оставалось только перевязать рану.

— Сестра Вѣра, пожалуйте!—сказалъ онъ.

Дѣвушка сдѣлала движеніе, пытаясь направить Евгенію Петровну къ вагону, но та отстранила ее.

Санитаръ подалъ бинтъ. Сестра Вѣра стала на одно колѣно, завернула одинъ оборотъ, но руки у нея дрожали. Свертокъ развернулся и покатился на землю. Она взяла другой бинтъ.

Тутъ случилось то, чего никто не ожидалъ. Необыкновенное по своей обыденности. Евгенія Петровна подошла, стала на колѣни и взяла бинтъ изъ рукъ растерянной сестры.

— Что вы дѣлаете?—сказалъ я со страхомъ.— Точно не могутъ другіе.

— То, что дѣлаю всегда,—спокойно отвѣтила старшая сестра.

Я ждалъ, что кто-нибудь замѣнитъ ее. Но другіе не трогались съ мѣста. Они не смѣли, какъ бы присутствуя на таинствѣ великаго мужества. Докторъ, закурившій передъ этимъ папиросу, спряталъ ее за спину и отстранилъ санитара, хотѣвшаго прійти на помощь старшей сестрѣ.

За ея спиной стояла сестра Вѣра, нервно сжимая ладони у подбородка. Больная сестра закуталась съ головою въ пледъ и пошла къ вагонамъ.

Чтобы не слышали другіе, я тихо сказалъ:

— Я былъ вмѣстѣ съ нимъ... Онъ хотѣлъ увидѣть васъ... Онъ не могъ, не поспѣлъ...

— Да?—сказала сестра Евгенія и въ первый разъ посмотрѣла мнѣ въ глаза пристально и жадно, какъ бы отыскивая въ моемъ живомъ взглядѣ отраженіе другихъ, уже мертвыхъ, глазъ.

Потомъ брови ея поднялись, губы дрогнули:

— Онъ всегда со мной.

У костра. Варятъ картошку.

На передовыхъ позиціяхъ. По фот. нашего корреспондента.

Постройка окоповъ.

Концы бинта были завязаны. Но никто не замѣчалъ, что старшая сестра силится встать и не можетъ.

— Да помогите же! — сказалъ я, стараясь помочь ей самъ здоровой рукой.

Евгенію Петровну подняли на ноги. Сестра Вѣра опять обняла ее, и обѣ тихо отошли туда, гдѣ лежалъ трупъ.

Мнѣ помогли надѣть шинель, подвязали руку. Я поблагодарилъ доктора и хотѣлъ итти.

— Куда же вы?—спросилъ онъ.—Побудьте у насъ недѣльку. Мѣсто найдемъ, потѣснимся.

— Нѣтъ ужъ, не соблазняйте.

— Ну, хоть поѣли бы у насъ. Вѣдь вы голодны?

Я отказался. Въ эту минуту я не зналъ—голоденъ я или нѣтъ. Одно для меня было ясно—я не могу пользоваться отдыхомъ рядомъ съ сестрой Евгеніей. Она заставила меня забыть о своей физической боли и о своемъ удобствѣ.

Я ушелъ еще болѣе примиреннымъ съ тѣмъ, что меня ожидало впереди, и увѣреннымъ, что мое ожиданіе много легче, чѣмъ то, чужое, которое я только-что постигъ.

За спиной сестры Евгеніи я видѣлъ много тысячъ такихъ же, какъ она, ожидающихъ свиданія съ милымъ, никѣмъ въ мірѣ незамѣнимымъ, безъ ревности къ своей послѣдней соперницѣ—смерти.

Сторожка въ лѣсу.

Разсказъ **В. Муйжеля.**

(Окончаніе).

III.

— По первому впечатлѣнію, въ сторожкѣ было темно; только пристально вглядываясь, можно было уловить тоненькую полоску свѣта, пробивающуюся изъ-за занавѣшивавшей окно какой-то тряпки.

Не доѣзжая до сторожки шаговъ на сто и не показываясь изъ лѣсу, Дымба соскочилъ съ сѣдла и велѣлъ спѣшиться людямъ. Шопотомъ сдѣлалъ расчетъ: двоимъ стать тутъ же въ лѣсу коноводами, четверымъ итти въ дозоръ, разсыпаясь по мѣрѣ отдаленія отъ сторожки широкой цѣпью, но стараясь не терять связи между собою, а самъ съ угрюмымъ, бывшимъ уже однажды съ нимъ въ этихъ мѣстахъ, казакомъ Бахилкинымъ рѣшилъ отправиться въ сторожку.

Выбоины въ стѣнѣ, задѣланныя мѣшками съ пескомъ.

Въ бойницѣ.

Передъ тѣмъ какъ всѣмъ разойтись, Дымба постоялъ, слегка склонивъ голову и стараясь поймать губами подстриженный усъ. Онъ не любилъ говорить передъ дѣломъ солдатамъ „напутственныя слова“, какъ онъ называлъ, и молчалъ не потому. Было такое впечатлѣніе, что не то онъ забылъ что-то и не можетъ припомнить, что еще нужно приказать?— не то ощущеніе, испытываемое имъ передъ большой опасностью.

Странное ощущеніе, въ которомъ онъ даже не пытался разобраться. Похоже оно было на большое и сдержанное ожиданіе и вмѣстѣ веселый задоръ, съ какимъ купальщикъ дѣлаетъ послѣднее движеніе, прыгая въ холодную воду, и вмѣстѣ съ тѣмъ какая-то смутная, далекая печаль легкой тѣнью кутала душу.

Десятки разъ былъ онъ во всякихъ развѣдкахъ, гораздо болѣе опасныхъ и рискованныхъ, чѣмъ эта глупая сторожка; много разъ передъ тѣмъ, какъ начать дѣйствовать, чувствовалъ внутреннимъ чутьемъ возможно близкую смерть, но рѣдко, очень рѣдко ловилъ себя на чувствѣ этой странной, какъ будто равнодушной, какъ будто надъ чѣмъ-то горько усмѣхающейся грусти; было это только въ особенно серьезныхъ случаяхъ: разъ, въ японскую кампанію, когда онъ чуть не попался шайкѣ хунхузовъ; разъ, когда товарищъ нечаянно выстрѣлилъ изъ револьвера, который собирался чистить, и пуля прошла надъ головой, задѣвъ волосы Дымбы, и разъ въ эту кампанію: съ горсточкой своихъ драгунъ отбивался онъ подъ Лодзью отъ нѣмецкихъ гусаръ, и только подоспѣвшій бронированный автомобиль выручилъ его

Наблюдаютъ за непріятелемъ.

Въ окопахъ. По фот. нашего корреспондента.

своими пулеметами. А смерть уже взмахнула тогда надъ нимъ своимъ траурнымъ крыломъ...

„Смерть, смерть!..—разсѣянно думалъ онъ, жуя усъ.—А въ сущности—не все ли равно?.. Что мнѣ оставлять, что цѣннаго было въ моей жизни? Даже привязанности какой-нибудь — чувства, собаки любимой, что ли, и то нѣтъ!..“

Онъ подумалъ еще минуту и съ равнодушно-насмѣшливой горечью тряхнулъ головой:

„Одинъ!“

И тотчасъ же стряхнулъ съ себя все, остро и пристально посмотрѣлъ на темный силуэтъ сторожки и послалъ людей.

„Какія глупости! — думалъ онъ, уже идя къ переѣзду, надъ которымъ одиноко торчала старая ветла.—Какъ будто на серьезное дѣло иду!.. Пустяки и ерунда“...

После разгрома австрійцевъ.

Дверь въ сторожку была закрыта, и Дымба напрасно дернулъ ее нѣсколько разъ, стараясь сдѣлать это какъ можно тише.

„Должно-быть, сразу темныя сѣни, — соображалъ онъ, беззвучно нажимая скобку и сильно и осторожно пробуя дверь:—потомъ еще дверь, уже въ комнату... Надо сразу пригнуться въ сѣняхъ, въ случаѣ чего пуля пойдетъ верхомъ“.

Онъ наклонился къ уху молча ожидавшаго Бахилкина и едва слышно шепнулъ:

— Дверь отворимъ,—сразу по стѣнкѣ и пригнуться... Если они отворятъ—ногу въ дверь, чтобы не захлопнули...

И въ тотъ моментъ какъ опять нажалъ на скобку, дверь вдругъ послушно и легко подалась.

Полевая почта.

Ничего не видно было въ ея квадратѣ, но по острому, вдругъ напрягшемуся чувству Дымба понялъ, что кто-то стоитъ прямо передъ нимъ. Стоитъ молча и смотритъ, и, видно, не знаетъ, какъ спросить, и кто пришелъ, друзья или враги.

„Сейчасъ!“ —отрывочно и быстро, какъ молнія, мелькнуло у него въ головѣ, и онъ уже ждалъ выстрѣла, близкаго, въ упоръ, и несомнѣнно смертельнаго. И такъ же быстро, не мыслью, а чѣмъ-то другимъ рѣшивъ, что теперь уже все равно, слегка изогнувшись и сжавшись въ одинъ упругій, крѣпкій комокъ мускуловъ, скользнулъ въ дверь.

— Кто тутъ? — негромко и твердо спросилъ онъ, чувствуя, какъ казакъ уже раздвинулъ дверь и заслонилъ ее собою.

— Боже жъ мой, кто тутъ? — испуганно и такъ же по-русски отозвался женскій голосъ, и тутъ со страшнымъ сожалѣніемъ Дымба понялъ, какую онъ сдѣлалъ ошибку, задавъ первымъ вопросъ по-русски!

— Офицеръ,—отвѣтилъ онъ, внутренно ругнувъ себя. — Отворите, что тутъ темнота такая?

— Панъ офицеръ? Боже жъ мой, я вышла—думаю, кто тутъ?

Другая внутренняя дверь распахнулась, и въ свѣтломъ четырехугольникѣ ея молчаливо и внимательно вырисовалась мужская фигура.

— Тату, офицеръ пришелъ,—оживленно и слегка задыхаясь, заговорила женщина: — я вышла, а тутъ офицеръ и солдатъ... Къ намъ пришли, тату!..

Въ слабомъ полусвѣтѣ сѣней Дымба разсмотрѣлъ только большой, мѣстами порванный платокъ, закрывавшій все лицо до глазъ, и крѣпкую маленькую руку, придерживавшую край

Нѣмецкіе окопы въ Польшѣ.

Изъ дѣйствующей арміи. По фот. нашего корреспондента.

Землянки артиллеристовъ около орудій на позиціи.

его. Мужчина въ дверяхъ попрежнему молчалъ, остро вглядываясь въ офицера.

— Я съ разъѣздомъ тутъ, съ казакомъ,—говорилъ Дымба, наклоняясь, чтобы пройти въ низкую дверь комнаты:—ѣхалъ мимо, смотрю, свѣтъ... Зашелъ.

Онъ двигался прямо на человѣка въ дверяхъ, и тотъ невольно долженъ былъ посторониться. Дымба и не отстававшій ни на полшага Бахилкинъ вошли въ комнату, а за ними вошла женщина. Она тотчасъ же прошла въ уголъ къ печкѣ, обыкновенной русской, съ большимъ жерломъ и закопченнымъ челомъ, и остановилась въ ожиданіи.

Мужчина затворилъ дверь и медленно, какъ бы раздумывая, сказалъ:

— Милости прошу... Я не ждалъ никого здѣсь... Я бѣдный сторожъ, ремонтный рабочій... Остался одинъ... Куда выѣхать и какъ? А это дочь моя.

Дымба быстро оглянулъ его, дочь, всю комнату. Комната была маленькая съ низкимъ потолкомъ и днемъ, должно-быть, очень темная. Сырость проступала на стѣнахъ широкими пятнами, и бѣдность, почти нищета, глядѣла изъ каждаго угла, особая голая бѣдность, заброшенная и жалкая.

Наши георгіевскіе кавалеры—артиллеристы.

Дымба быстро повернулся и сѣлъ, не снимая шапки, на лавку противъ дверей. Бахилкинъ, какъ тѣнь, двинулся за нимъ, потомъ вернулся и сталъ у дверей.

— Садись, Бахилкинъ, отдохни... бросилъ ему Дымба.

Казакъ потоптался на мѣстѣ, стукнулся концомъ заложенной за спину винтовки въ стѣну и, чтобы она не мѣшала, снялъ ее съ плеча и присѣлъ, держа винтовку между колѣнъ.

Хозяинъ наклонился надъ лампочкой съ заклееннымъ почернѣвшей бумагой стекломъ, прибавилъ огня и сталъ жаловаться:

— Боже жъ мой, какія времена пришли!.. Службы нѣтъ, жалованья никто не платитъ, дорогу проклятые нѣмцы взорвали, ѣсть нечего... Радъ бы уйти куда-нибудь—а какъ уйдешь? Конечно, глупости—бѣдность, какой тутъ достатокъ, а все же жаль: есть кое-какія вещишки—какъ ихъ возьмешь? Бросить жалко, а взять — не на чемъ увезти... А тутъ ѣсть нечего... Какія времена пришли, Господи жъ, Боже мой!..

Пока онъ говорилъ, Дымба внимательно разсматривалъ его. Онъ былъ немолодъ, хотя не такъ и старъ — лѣтъ сорокъ пять, много пятьдесятъ. Но еще очень крѣпокъ, хотя ранняя сѣдина выступила уже на давно небритомъ подбородкѣ серебряной щетиной, также и на вискахъ коротко остриженной головы: усы, большіе, загибающіеся внизъ, тоже наполовину были сѣды, и лицо въ морщинахъ, залегшихъ привычными складками.

Смотрѣлъ онъ твердо и прямо маленькими свѣтлыми глазами и вообще производилъ впечатлѣніе крѣпкаго, стойкаго человѣка, а когда жаловался—похоже было, что вотъ-вотъ всхлипнетъ.

— Боже жъ мой, тяжкія времена,—бормоталъ онъ, разводя черными отъ работы руками:—не знаешь просто, что дѣлать... Проклятые нѣмцы, того гляди, налѣзутъ — ужъ были два раза, а онъ одинъ, и у него дочка...

А дочка стояла у печки, попрежнему кутаясь въ платокъ. Дымба взглянулъ на нее и тихо дрогнулъ: прямо въ упоръ, со страннымъ, не совсѣмъ понятнымъ, выраженіемъ не то ожиданія, не то боязни, смотрѣли на него огромные, чуть-чуть мерцающіе глаза.

Трудно было опредѣлить, какіе: черные, сѣрые, зеленоватые? Длинныя, загибающіяся вверхъ рѣсницы, какъ крылья большой траурной бабочки, трепетали надъ ними. Когда онѣ чуть-чуть опускались, глаза казались черными, какъ бархатное небо, а когда, дрогнувъ, онѣ взмахивались вверхъ, свѣтлыя золотистыя искры вдругъ зажигались въ темныхъ зрачкахъ, и они казались свѣтлыми, теплыми, лѣтними.

— Такъ бѣдно, такъ бѣдно, что чѣмъ питаться, какъ жить, не знаешь!..— однозвучно падали старческія слова.— Хлѣба нѣтъ, запасовъ нѣтъ, а что было, проклятые нѣмцы все съѣли... Но, можетъ, панъ офицеръ все-таки выпьетъ чаю? Есть котелокъ, и чай какъ будто не весь вышелъ: проклятые нѣмцы не пьютъ чаю, имъ все кофе подавай, чай оставался въ жестянкѣ немного... Руся, вскипяти котелокъ, пану офицеру чаю хочется, усталъ и промокъ панъ офицеръ...

Дѣвушка, не отнимая отъ лица платка, двинулась и звякнула на припечкѣ желѣзомъ котелка. А старикъ все жаловался, разводилъ руками, потомъ, не переставая говорить, сталъ набивать трубку.

Говорилъ онъ по-русски безъ акцента, а лицомъ былъ похожъ на поляка, и трудно было опредѣлить его національность.

— А ты давно служишь? Самъ-то откуда? — спросилъ Дымба.

— О, Боже жъ мой, пятый годъ сижу въ этой сторожкѣ, пять лѣтъ смотрю за колеей, Господи жъ, Боже мой!..—раскуривая трубку, говорилъ старикъ, и похоже было, что онъ опять жалуется. — А самъ изъ Волыни, Волынской губерніи... Пять лѣтъ сижу въ этомъ болотѣ, чтобъ его дьяволы взяли, пять лѣтъ!

Онъ опять заговорилъ, а дочка тѣмъ временемъ развела огонь, поставила черный котелокъ и собрала на столъ. Все время она двигалась быстро и ловко, не снимая платка и только подхватывая его, когда онъ случайно распахивался. Дымба за-

Вокругъ командира послѣ боя. Тактическій разборъ сраженія.

Изъ дѣйствующей арміи. По фот. нашего корреспондента.

былъ сказать, что чаю онъ пить все равно не будетъ, и все поглядывалъ на нее. Ему не удавалось разсмотрѣть ея лица, но онъ уже зналъ навѣрное, что она красива—такъ красива, какъ, можетъ-быть, ни одна изъ всѣхъ женщинъ, которыхъ ему приходилось встрѣчать въ своей жизни. И отъ одной этой мысли знакомое ноющее чувство равнодушной печали скользнуло по сердцу, оставивъ горькій, безрадостный слѣдъ...

Котелокъ вскипѣлъ, дѣвушка всыпала въ него чай, отмѣривая его горстью, и стала мѣшать ложкой, чтобъ скорѣй настоялся. Потомъ поставила котелокъ на столъ, подостлавъ какую-то тряпочку, сѣла сама и внезапнымъ, какъ будто немного гордымъ, движеніемъ разомъ сбросила съ головы платокъ.

И немолодой, угрюмый, понявшій смыслъ своей жизни только въ войнѣ, замкнутый и равнодушный ко всему, даже къ собственной смерти, офицеръ опять тихо и сладко дрогнулъ.

IV.

Почему иногда бываетъ неловко смотрѣть на красивое женское лицо? Почему глаза невольно опускаются порою передъ встрѣчнымъ взглядомъ прекрасныхъ женскихъ глазъ, внезапно столкнувшихся и обжегшихъ чудеснымъ свѣтомъ?

Отчего красота,—это совершенство природы, которымъ хочется такъ любоваться,—иногда будитъ смущеніе, которое надо усиліемъ воли преодолѣть?

Дымба мало и рѣдко видѣлъ женщинъ, а тѣхъ, что видѣлъ, старался скорѣе забыть, чтобы стереть съ души мутный осадокъ, и когда встрѣчался съ ними, дѣлался еще болѣе замкнутымъ, угрюмымъ, какъ будто злымъ. Можетъ-быть, этимъ онъ скрывалъ тайное смущеніе, овладѣвавшее имъ.

Въ первый моментъ, когда онъ взглянулъ на лицо дочки желѣзнодорожнаго сторожа, онъ опустилъ глаза и нахмурился. Она глядѣла на него прямо, твердо, съ непонятнымъ выраженіемъ. И онъ замѣтилъ, что глаза у нея не черные и не сѣрые, не зеленоватые, а нѣжно-голубые, какъ небо ранней весной, когда солнце начинаетъ только грѣть, но жары нѣтъ, и зной только чувствуется въ будущемъ. И странными, неожиданными при этихъ голубыхъ глазахъ, были совершенно черныя брови и черныя, какъ крылья диковинной бабочки, рѣсницы.

Таинственную, чудесную глубину придавали онѣ взгляду, и хотѣлось отъ этого смотрѣть въ нихъ, не отрываясь, и страшно было и жутко, и стыдно чего-то, какъ мальчику, котораго застали внезапно на раннемъ любопытствѣ.

Мелькомъ, стараясь не встрѣтиться съ этими упорными, влекущими глазами, скользнулъ по ея лицу Дымба.

Какое лицо!.. Оно все было какъ точеное. Увѣренный, геніальный художникъ нѣжно и любовно вызвалъ эту линію почти срастающихся бровей, намѣтилъ высокій, полузакрытый черными, слегка разбившимися, волосами лобъ, эти губы, чуть-чуть открытыя, крупныя, можетъ-быть, слишкомъ крупныя, но оттого еще болѣе властныя, сильныя. И чуть замѣтнымъ движеніемъ, намекомъ, который угадывается только посвященнымъ, только благоговѣйнымъ созерцателемъ, намѣтилъ онъ въ углу этихъ пламенныхъ губъ едва замѣтную черточку ранней горечи.

О, какое это было лицо, какое странное, властное и тревожное, гордое и боязливое, какое вдохновенно-прекрасное!

Уже не смущаясь, уже забывъ неловкость, почти не слушая, что говоритъ старый сторожъ, Дымба смотрѣлъ на это лицо въ смутномъ и сладостномъ волненіи, какъ легкій вѣтеръ по ржаному полю, проходившемъ по душѣ.

Какое лицо было у этой нищенски одѣтой, полуоборванной, въ грязной, засаленной на груди кофточкѣ, дочки сторожа!

Кто она была? — Полька, еврейка, русская? Одинаково не похожа она была на всѣхъ. Не было ничего свойственнаго какому-либо типу въ этомъ лицѣ—было оно, какъ вѣчная правда природы, прекрасная, сверкающая, возвышающаяся надъ временной правдой людской.

Какъ она попала сюда, эта красота, какъ могла вырасти среди грязи и нищеты убогой сторожки? И здѣсь или не здѣсь расцвѣла она во славу вѣчнаго, неизмѣримо чудеснаго—единственнаго, что есть настоящее,—творчества безсмертной природы? И какое, въ сущности, дѣло, кто она, откуда ея отецъ, этотъ ноющій, нудный старикъ, отравившій душную комнатку горькимъ дымомъ своей трубки!

Что-то говорилъ онъ, должно-быть, все жаловался, слова плыли мимо, падали безсильными каплями, и не хотѣлось вслушаться въ нихъ, чтобы понять, о чемъ жалуется старикъ... Чай уже простылъ, никто до него не дотронулся, и паръ пересталъ уже подниматься надъ котелкомъ. Разъ у двери кто-то шевельнулся, и, какъ въ забытьѣ, Дымба оглянулся въ ту сторону.

Расширивъ черные суровые глаза, сидѣлъ, крѣпко сжимая винтовку въ рукахъ, казакъ Бахилкинъ и, какъ зачарованный, смотрѣлъ на дочку сторожа.

Тѣнь снисходительной, понимающей улыбки скользнула по лицу офицера, и снова онъ перевелъ глаза на нее и опять сталъ смотрѣть, молча, сладостно, тихо волнуясь и о чемъ-то горько сожалѣя...

Старикъ пересталъ говорить и сторожко, какъ пугливая, дикая птица, присѣлъ на лавку. Странная зачарованная тишина стала подъ низкимъ потолкомъ, и трудно было разорвать ее звукомъ голоса, и жутко было въ ней, какъ въ близкой опасности.

Дѣвушка медленно шевельнулась, чуть потянулась всѣмъ своимъ высокимъ, тонкимъ до слабости, тѣломъ и встала. Чуть-чуть дрогнули углы губъ въ легкой улыбкѣ, и неторопливо, какъ королева, сознающая свою власть, слегка покачиваясь съ каждымъ шагомъ, она пошла къ двери. А когда дверь стукнула, стало словно темнѣе, и лампочка замигала въ заклеенномъ черной бумагой стеклѣ, и снова заговорилъ нуднымъ, жалующимся голосомъ старикъ.

Острое, неизмѣримо гнетущее чувство жгучей тоски—знакомой, давней, памятной еще съ японской войны, когда чуть не попалъ къ хунхузамъ, только неизмѣримо большее, сильнѣйшее, сжало холодной рукой сердце Дымбы.

Что случилось особеннаго? Въ чемъ дѣло? Почему эта тоска? А она росла, равнодушная, усталая, холодная, какъ осенній туманъ, и съ презрительной усмѣшкой надъ собой Дымба вспомнилъ свою мысль:

„Хоть бы собака любимая была, что ли... Все же жаль было бы оставлять, а такъ... совсѣмъ одинъ!"

Опять вошла дѣвушка, медленно, покачиваясь, сѣла на прежнее мѣсто и отклонилась спиной къ стѣнѣ. И холодное, сжавшееся отъ равнодушной тоски, сердце стало какъ будто оттаивать.

V.

Что случилось, въ чемъ дѣло? Вотъ именно въ томъ-то и дѣло, что ничего не случилось.

Жилъ много пустыхъ и скучныхъ лѣтъ одинокій, угрюмый драгунскій офицеръ, гордый и замкнутый оттого, что боялся попасть въ унизительное положеніе изъ-за недостатка средствъ. Жилъ изъ года въ годъ, и самъ уже привыкъ и къ своему одиночеству и къ замкнутости, и трудно уже стало ему говорить съ людьми, и сталъ онъ молчаливъ и нелюдимъ, и единственно, когда отдыхалъ—это на войнѣ, на какой-нибудь развѣдкѣ, когда просыпался непонятный, никогда не испытываемый, азартъ, и хотѣлось поставить на карту свою никому, даже себѣ, ненужную жизнь.

Жилъ годами, десятками лѣтъ, несъ покорно нудное бремя жизни, и ни разу за всѣ эти годы не вспыхнула въ немъ трепетнымъ, всепоглощающимъ пламенемъ любовь, ни разу не проснулось яркое чувство, и все было холодно и не нужно и сѣро, и такъ прошло много лѣтъ...

Какое лицо было у этой оборванной дочки стараго сторожа! Какое величественное, властное, влекущее лицо!

Какъ расколдованные тайными чарами, пробуждались отъ вѣчнаго сна глухіе зовы въ душѣ пожилого офицера. Когда-то, очень давно, когда онъ былъ еще молодымъ корнетомъ, жаждалъ онъ любви, тайно, робко ожидалъ ее, и связывалась она въ его представленіи почему-то съ утренними, прохладными, обросѣвшими за ночь и еще не успѣвшими высохнуть подъ молодымъ раннимъ солнцемъ, садами... Чудесной влагой пахнетъ въ такихъ садахъ по утрамъ, освѣженной листвой, черной мокрой землей и нагрѣвающимся ароматомъ травы и еще чѣмъ-то неуловимымъ, милымъ, уютнымъ. Не было ничего лучше для Дымбы, какъ выйти раннимъ утромъ въ садъ и стать подъ невысокимъ солнцемъ и смотрѣть, и слушать, и дышать полной грудью.

Когда онъ думалъ о любви, когда ждалъ ее, когда жаждалъ, всегда рисовался въ его воображеніи такой садъ, утренній, молодой, свѣжій и чистый, какъ сверкающая на тонкой былинкѣ клевернаго цвѣтка хрустальная капля росы.

Но любви не было; годы шли сѣрой чередой, сѣдина проступила на вискахъ, суровая складка — слѣдъ сабельнаго удара — легла на лицѣ—и вдругъ Дымба, старый, ничего не желавшій, ни о чемъ не жалѣющій Дымба заерзалъ и закрутился на скрипнувшей скамьѣ отъ нечеловѣческой, жгучей жалости...

Дѣвушка опять встала, что-то переставила на столѣ и, какъ и въ первый разъ, слегка покачиваясь, вышла въ сѣни. И опять все потухло, и еще острѣе, еще безпощаднѣе пронзила все существо зачарованнаго офицера безумная жалость.

Боже мой, всю жизнь, изъ года въ годъ—цѣлый долгій, страшный, угрюмый рядъ годовъ!.. Боже мой — до самой старости—и ни разу, ни одного разу не просыпалась въ душѣ такая смертная, такая страшная тоска по любви...

Что случилось, въ чемъ дѣло? Ахъ, не все ли равно?.. Ну, любовь, самая настоящая, страшная любовь, потому что настоящая любовь — всегда трагедія, не радость, не счастье, а трагедія, смерть, уничтоженіе... Ну, пускай любовь, ну, все равно—одинъ мигъ любви... А молодость давно прошла, и впереди ничего нѣтъ, прошла вся жизнь и оставила прогорѣвшій сѣрый пепелъ никому ненужнаго огня, вся жизнь, вся молодость—и никогда, никогда, никогда не вернется.

Дымба вдругъ почувствовалъ, что ему нечѣмъ дышать. Терпкій, твердый комокъ подкатился къ горлу, и это было такъ мучительно-больно, что онъ готовъ былъ крикнуть.

Словно по командѣ, безшумно и быстро, еще крѣпче сжавъ винтовку въ похолодѣвшихъ рукахъ, вскочилъ казакъ у двери.

И старикъ вдругъ упруго, какъ внезапно пущенная пружина, выпрямился, и всѣмъ троимъ стало страшно отъ того, что должно сейчасъ произойти.

Яростная, дикая злоба, вихремъ налетѣвшая и все смявшая подъ собою, охватила Дымбу. Кровь вдругъ отлила, холодный потъ выступилъ на лбу, и, не справляясь со словами, туго шевеля

Въ разоренной Польшѣ. У фольварка. Картина **М. Авилова.** (Весенняя выставка въ Императорской Академіи Художествъ).

Стрѣлковая цѣпь. Картина **И. Владимірова.** (Весенняя выставка въ Императорской Академіи Художествъ).

трясущимися бѣлыми губами, онъ выдавилъ холодныя, жесткія слова:

— Ну ты, нечего болтать... Собирайся!

Старикъ не шевельнулся, только опустилъ чуть-чуть голову, и узенькіе глаза его уныло блеснули. Въ сѣняхъ что-то стукнуло, упало что-то, или дверь отпахнулась, и однимъ прыжкомъ казакъ вылетѣлъ туда. И въ то же мгновеніе оглушительный, трескучій выстрѣлъ ударилъ воздухъ, и мгновенное, молніеносное вѣяніе коснулось виска офицера.

Еще не понимая, что его чуть-чуть не убили, со звономъ въ ушахъ и съ той же дикой, страшной злобой, хлынувшей жаркой волной по всему тѣлу, онъ кинулся головой впередъ и однимъ ударомъ сбилъ старика съ ногъ.

Онъ упалъ самъ, но на старика, и пытался схватить его руку и вырвать револьверъ, но старикъ извивался, катался по полу, и съ нимъ вмѣстѣ катался Дымба. Въ борьбѣ кто-то изъ нихъ налетѣлъ на столъ, посуда со звономъ покатилась на полъ, и горячая вода изъ котелка хлынула на голову. Лампа упала, и разомъ стало темно, и въ этой темнотѣ Дымбѣ вдругъ удалось схватить руку старика. Опять грянулъ выстрѣлъ, на мгновеніе мелькнуло въ желтомъ дымномъ свѣтѣ перекошенное отъ усилій старческое лицо, и послѣднимъ усиліемъ, напрягаясь всѣмъ тѣломъ, Дымба охватилъ его по локтямъ поперекъ тѣла.

Кто-то тяжело вскочилъ въ комнату и повалился на старика, сбивая съ офицера шапку.

— Есть, ваше высокородь, держу!.. — задыхающимся голосомъ отрывисто бросилъ онъ. — Гайтанъ, гайтанъ съ меня снимите, сейчасъ скрутимъ!

Дымба рванулъ поясъ казака, перехватилъ имъ извивающіяся жилистыя руки и крѣпко затянулъ. Потомъ поднялся и выхватилъ электрическій фонарикъ изъ кармана.

Въ тонкомъ кругломъ лучѣ бѣлаго свѣта четко и рѣзко вырисовалось старческое лицо съ закушенной губою и злые звѣриные глаза.

Бахилкинъ уже всталъ и, наклонившись, закрѣплялъ петлю на рукахъ. Когда кончилъ, выпрямился и сказалъ прерывающимся голосомъ:

— А тая вѣдьма убѣгла... Какъ скрозь землю, проклятая... Я туда, я сюда — а тутъ выстрѣлъ, я въ избу!..

Онъ помолчалъ секунду съ непонятнымъ выраженіемъ и вдругъ тихо добавилъ:

— Не иначе, какъ вѣдьма...

VI.

Пятеро казаковъ вылазали всѣ мышиныя норки въ сторожкѣ, возлѣ нея, вдоль желѣзной дороги — во всей округѣ. Они ползали на четверенькахъ, заглядывали въ каждую ямку, бродили, задравъ голову, между деревьями, — не тамъ ли притаилась дѣвка? — раскидали кучу сложенныхъ у переѣзда шпалъ, стогъ сѣна; и нигдѣ не было сторожевой дочки.

Потомъ, видно, устали, искали уже неохотно, и когда караулившій съ остальными двумя сторожами Дымба крикнулъ на нихъ, Бахилкинъ заворчалъ что-то подъ носъ.

— Еще что̀ тамъ, а? — отозвался Дымба. — О чемъ ты?

— Кто жъ ее найдетъ, коли она слово знаетъ? — угрюмо отозвался казакъ. — Не иначе, какъ вѣдьма — кошкой ли тамъ, либо мышью обернувши...

— Дуракъ! — бросилъ офицеръ и вдругъ вспыхнулъ. — Чтобы сейчасъ была найдена, дубина этакая! Это еще что̀ у меня? „Кошкой, либо мышью"! — злобно передразнилъ онъ. — Я тебѣ покажу кошку... Чтобъ сейчасъ найти, не то...

Опять искали, забирая кругъ все шире и шире, и съ тѣмъ же успѣхомъ.

Надвигалось уже утро, гдѣ-то далеко верстъ за пять — шесть ухнуло орудіе, потомъ второе, третье, еще одно, цѣлая очередь. Надо было уходить: сѣрый сумракъ сталъ между деревьями лѣса, а мѣсяцъ сжался въ кулачокъ, сталъ маленькимъ, робкимъ и глубоко потонулъ въ молочно-сѣромъ небѣ.

— Ну, чортъ съ ней, садись, ребята! — угрюмо бросилъ опять собравшимся казакамъ Дымба. — Авось не золото... Да того-то крѣпче держи — тоже не обернулся бы птицей.

Плѣнника посадилъ къ себѣ на сѣдло Бахилкинъ. Онъ такъ прикрутилъ ему руки, что у старика лицо перекосилось, и Дымба хотѣлъ выругать казака, но прежнее темное равнодушіе опустилось на него, и онъ молча отвернулся.

Ѣхали уже не по канавѣ, а по шоссе: шли неторопливой рысью, и прозрачный перебой кованыхъ копытъ стлался по утреннимъ полямъ далекимъ отзвукомъ.

На поворотѣ, гдѣ шоссе уходило въ лѣсъ, Дымба придержалъ коня и оглянулся. Тоска, смутная и безпокойная, какъ нудная зубная боль, давила грудь, и было жаль чего-то до горечи, — ушедшей ли навсегда изъ жизни любви, или удивительнаго, прекраснаго лица, заковавшаго силой своей красоты человѣческую волю.

Морщась, какъ отъ боли, Дымба смотрѣлъ на темную кучу сторожки, приникшей подъ аккуратной, казеннаго типа, крышей, угрюмой, какъ будто вбирающей въ себя мракъ уходившей ночи.

Онъ вспомнилъ, какъ подходилъ къ этой лачугѣ, какъ беззвучно пробовалъ запертую дверь, и какъ внезапно отворилась она. И, вспомнивъ свой промахъ — первыя слова, сказанныя по-русски, скрипнулъ зубами.

Если бъ онъ этого не сдѣлалъ, его, можетъ-быть, самого окликнули бы по-нѣмецки, несомнѣнно, потому что ждали-то не его, это теперь совершенно понятно — и тогда не было бы того, что̀ было.

А что̀ же было, въ чемъ дѣло?

Онъ зажмурилъ глаза — и въ красномъ дрожащемъ мракѣ передъ плотно сжавшимися вѣками медленно и увѣренно выплыли огромныя траурныя бабочки черныхъ рѣсницъ, непонятно и странно глянули голубые, какъ небо ранней весной, глаза и гордая складка губъ, и пламенный, слегка пріоткрытый ротъ.

Дымба вдругъ качнулся въ сѣдлѣ, припалъ головой къ шеѣ лошади и застоналъ отъ жалости, боли и обиды за всю свою жизнь, за то, что всю жизнь ждалъ робко и нѣжно любви — и уже состарился, пересталъ ждать, а она вдругъ налетѣла буйнымъ вихремъ и скомкала, спутала и швырнула въ сторону все, такъ плотно и угрюмо налегшее на душу.

И въ первый разъ онъ страстно, до боли, до скорби пожалѣлъ, — о чемъ? и самъ бы не могъ сказать. И въ первый разъ понялъ, что на этотъ разъ любовь, самая подлинная, самая страшная, блеснула передъ нимъ, и что это — конецъ.

И когда откуда-то со стороны, изъ канавы, вдругъ чуждымъ, неожиданнымъ въ сѣрыхъ сумеркахъ утра, блеснулъ желтый огонь, и выстрѣлъ не громко щелкнулъ стальнымъ бичомъ по воздуху, и что-то крѣпкое, острое и внезапное ударило Дымбу въ шею, онъ даже не удивился.

Онъ просто послушно и мягко скользнулъ по подстриженной гривѣ лошади, грузно перевернулся и, захлебываясь собственной кровью, хрипя и царапая землю руками, вытянулся на спинѣ подъ ногами своего донца.

И уже не видѣлъ, какъ казаки рванулись впередъ, къ канавѣ, не слышалъ тонкаго заячьяго крика женскаго голоса, не чувствовалъ, какъ билась, храпя и встряхивая все его тѣло задернутыми въ судорожно сжавшейся рукѣ поводьями, испуганная лошадь.

Послѣдней искрой погасающаго сознанія были голубые, окруженные черными рѣсницами, глаза и жгучее сознаніе гибели своей какъ разъ тогда, когда жизнь распахнула передъ нимъ одну изъ своихъ таинственныхъ дверей.

Онъ еще вздрагивалъ и метался и царапалъ скорченными пальцами землю, и кровь бурлила въ перебитомъ горлѣ и черной струей выкатывалась на воротникъ, на землю — но того, что̀ было молчаливымъ, замкнутымъ и угрюмымъ штабъ-ротмистромъ драгунскаго полка Дымбой, уже не было...

А когда одинъ изъ казаковъ подбѣжалъ къ нему отъ канавы и наклонился, тѣло уже перестало биться и стало длиннымъ, чуждымъ и жуткимъ, какъ всякое мертвое тѣло.

Поручикъ Лессингъ.

Разсказъ **А. Е. Зарина.**

(Окончаніе).

IX.

Случилось это подъ Лодзью.

Полкъ прошелъ за Лодзь и остановился въ небольшомъ мѣстечкѣ. Лессингъ съ развѣдчиками шелъ впереди. Непріятеля вблизи не было, но время отъ времени наши разъѣзды сталкивались съ нѣмецкими, происходили стычки, и казаки, драгуны и другіе развѣдчики приводили плѣнныхъ нѣмцевъ.

Лессингъ разослалъ развѣдчиковъ и сидѣлъ въ хатѣ, уча грамотѣ Петруся, когда на улицѣ раздались крики, а затѣмъ въ хату ворвалась старуха съ искаженнымъ лицомъ, растрепанными волосами, упала на колѣни передъ Лессингомъ и стала вопить неистовымъ голосомъ:

— Добрый панъ, ратуй до Бога... гибнемъ... Нѣмцы-лайдаки ворвались въ нашъ маіонтекъ, пана убили, паныча тожъ, остались старая панна и паненка, а они жартуютъ... Ратуй, панъ!..

Она выла, ползала на колѣняхъ и протягивала Лессингу руки.

Лессингъ тотчасъ всталъ, молча надѣлъ тулупъ, молча опоясался шашкой, нацѣпилъ кобуру съ револьверомъ и кивнулъ Петрусю. Тотъ вылетѣлъ изъ хаты, зная, что надо приготовить лошадь.

— Далеко?

— Нѣтъ, вовсе не далеко, — отвѣтила старуха. — Я пану укажу дорогу.

— Много ихъ?

— Чи десять, чи двадцать...

Лессингъ кивнулъ и вышелъ на крыльцо.

— Эй! — крикнулъ онъ вахмистру. — Сколько есть человѣкъ свободныхъ?

Вахмистръ вытянулся:

— Такъ что восемь.

— Ты — девять, я — десять... Сѣдлать и ѣхать! — скомандовалъ Лессингъ.

И черезъ пять минутъ восемь рослыхъ солдатъ, въ числѣ ко-

Этапъ.

— Я пойду осмотрюсь: если долго не буду, ты иди въ усадьбу, а ты скачи за помощью.

Онъ спѣшился, снялъ шашку и, взявъ револьверъ, быстро пошелъ къ усадьбѣ. Солдаты спустились за пригорокъ и сошли съ коней въ ожиданіи Лессинга. Старуха лежала на землѣ, плакала и причитала.

— Не плачь, старуха! Вызволимъ твою панну и нѣмцу накладемъ!—утѣшали ее солдаты.

— Охъ, матка Бозка!—кеды я утекала отъ нихъ, то они шукали панну съ паненкой. Панс Іезусъ Христусъ, змилуйся надъ нами!

И старуха колотилась головою о землю.

Прошло томительныхъ полчаса, пока вернулся Лессингъ. Онъ подошелъ къ солдатамъ.

— Ты, Корольковъ, и еще трое пойдутъ со мною, а остальные съ тобой! — сказалъ онъ вахмистру. — Ждите и черезъ десять минутъ осторожно спуститесь съ холма, войдите въ перелѣсокъ и подъѣзжайте сзади къ усадьбѣ, а какъ ворота откроются, — вы увидите, — тотчасъ съ гикомъ скачите во дворъ и работайте. Понялъ?

Вахмистръ кивнулъ головою. Лессингъ взялъ съ собой четверыхъ, пошелъ вдоль холма, спустился въ ложбину и ползкомъ сталъ красться къ усадьбѣ. Скоро всѣ оказались подлѣ дома со стороны, заслоненной садомъ.

— Здѣсь перелѣземъ,—сказалъ Лессингъ и первый безшумно, какъ кошка, вскочилъ на невысокій заборъ и спустился внизъ.

Слѣдомъ за нимъ перелѣзли солдаты.

торыхъ былъ Корольковъ, съ вахмистромъ во главѣ, стояли передъ Лессингомъ.

— Возьми ее на сѣдло!..

Старуха не успѣла ахнуть, какъ очутилась на сѣдлѣ впереди Королькова.

— Указывай дорогу!—сказалъ Лессингъ.

Старуха оправилась.

— А вотъ прямо, къ тому лѣсу, а потомъ на холмъ, а съ холма на рѣчку.

— Впередъ! — скомандовалъ Лессингъ, и отрядъ въ десять человѣкъ поскакалъ крупнымъ галопомъ.

Старуха ахала, охала, вскрикивала и молилась Богу.

— Прямо!.. Налѣво!.. — выкрикивала она время отъ времени, и наконецъ, когда отрядъ въѣхалъ на пригорокъ, она крикнула:—Вотъ тутъ!

Они увидѣли ложбинку, по которой текла рѣка: дальше былъ виденъ лѣсъ, и на его опушкѣ стояла помѣщичья усадьба.

— Это?—спросилъ Лессингъ.

— Да, то нашъ маіонтекъ, — всхлипывая, сказала старуха.

— Ссади ее, Корольковъ!

Корольковъ опустилъ ее на землю.

— Здѣсь останься,—сказалъ ей Лессингъ:—и жди!

Потомъ онъ подозвалъ къ себѣ вахмистра, Королькова и сказалъ:

На сѣверо-западномъ фронтѣ. Германскіе плѣнные офицеры.

Повозки Краснаго Креста вблизи передовыхъ позицій.

— Теперь, ребята, изготовьте ружья и тихо идите вонъ на тотъ балконъ и станьте у двери. Какъ увидите тамъ меня, сейчасъ на прицѣлъ берите. Махну рукой, стрѣляйте черезъ стекла и дверь ломайте! А я къ нимъ пойду.

— Слушаемъ!

Лессингъ скрылся за угломъ дома, а солдаты, осторожно крадучись, подошли къ балкону и поднялись по занесеннымъ снѣгомъ ступенькамъ на террасу. Уже вечерѣло. Изъ оконъ стеклянной двери снопами падалъ свѣтъ, и съ террасы ясно была видна ярко освѣщенная комната. За столомъ, уставленнымъ ѣдою и бутылками, сидѣли четыре уже пьяныхъ офицера. Одинъ изъ нихъ, высокій и полный, съ рыжими усами, былъ, очевидно, старшимъ, а трое другихъ были совсѣмъ молодые. Они пили и громко смѣялись, а старшій офицеръ держалъ на колѣняхъ дѣвушку, которая упиралась въ его грудь руками и съ отчаяньемъ силилась вырваться изъ его объятій. Трое молодыхъ громко смѣялись, а въ углу комнаты рвалась и кричала пожилая женщина, привязанная, какъ собака, на веревкѣ къ

дверной ручкѣ. Корольковъ сжималъ въ рукахъ винтовку.

— Что жъ онъ не идетъ?—говорилъ онъ вполголоса, и всѣ четверо едва сдерживались, чтобы не выстрѣлить въ пьяныхъ разбойниковъ.

Лессингъ тѣмъ временемъ вошелъ въ кухню и тамъ увидѣлъ рослаго солдата, сидящаго у стола съ сигарой въ зубахъ. Онъ, видимо, былъ оставленъ, какъ часовой. Однимъ прыжкомъ Лессингъ очутился подлѣ него, схватилъ его за горло и ударилъ ручкой револьвера въ лобъ; солдатъ откинулся на лавку и свалился на полъ, какъ мѣшокъ. Держа въ рукѣ револьверъ, Лессингъ пошелъ по темному коридору и скоро остановился у двери, за которой слышались грубые голоса и смѣхъ. Одно мгновеніе — и, распахнувъ дверь, онъ смѣло вошелъ въ комнату. Говоръ смолкъ, офицеры съ крикомъ повскакали съ мѣстъ, а старшій оттолкнулъ отъ себя дѣвушку и вызывающе взглянулъ на вошедшаго Лессинга.

— Русскій!..—испуганно вскрикнулъ одинъ.

Обозъ арміи въ пути.

Сербскій обозъ на отдыхѣ.

— Какъ вы сюда попали? — крикнулъ другой офицеръ.—Берите его!

Офицеры бросились на Лессинга, но онъ схватилъ одного изъ нихъ за руку, вывернулъ ее, отчего тотъ перевернулся волчкомъ, схватилъ его за поясъ и за воротникъ, приподнялъ и со всего размаха бросилъ на столъ. Зазвенѣли опрокинутыя бутылки, разбитые стаканы, и со стономъ и воемъ офицеръ хлопнулся на столъ, окровянивъ себѣ лицо и руки осколками стекла. На остальныхъ словно напалъ столбнякъ. Въ это мгновеніе зазвенѣли стекла, грянули три выстрѣла, и офицеры разомъ упали на полъ.

Затрещала балконная дверь, и Корольковъ съ солдатами ворвались въ комнату.

— Бѣгите черезъ комнаты, бейте всѣхъ, кого увидите, и растворите ворота! — приказалъ Лессингъ.

Корольковъ бросился впередъ.

Лессингъ тотчасъ подбѣжалъ къ пожилой женщинѣ и въ одинъ мигъ освободилъ ее отъ веревки.

— Хвала Богу! — воскликнула она, не думая о благодарности, и бросилась къ дѣвушкѣ, безжизненно лежавшей на полу.

Лессингъ подалъ ей стаканъ съ водой; женщина наклонилась надъ дочерью и съ ласковыми причитаніями стала приводить ее въ чувство. Лессингъ стоялъ подлѣ и видѣлъ блѣдное лицо съ прекрасными чертами, черныя рѣсницы, упавшія на полщеки, волну золотыхъ волосъ, покрывшихъ плечи и руки молодой дѣвушки. А на дворѣ уже слышалась стрѣльба, крики. Офицеръ со стономъ пошевелился на столѣ. Лессингъ подошелъ къ нему и угрюмо по-нѣмецки сказалъ:

— Лежи смирно!

Нѣмецъ простоналъ и закрылъ глаза, дрожа отъ страха.

Въ комнату вошелъ Корольковъ.

— Такъ что ни одного нѣмца больше!

— Убери и этихъ! — сказалъ Лессингъ.

Корольковъ ушелъ, потомъ вернулся съ солдатами, и они быстро унесли валявшихся офицеровъ.

Отдыхъ въ самодѣльной палаткѣ на снѣгу.

На сербскомъ фронтѣ. По фот. нашего корреспондента.

Въ это время ворвалась старуха съ причитаніями и бросилась къ своей госпожѣ.

— Паненка жива?—И она наклонилась надъ безчувственной дѣвушкой.

Лессингъ постоялъ мгновеніе, потомъ взялъ одну изъ лампъ и пошелъ осматривать домъ.

Нѣмцы, очевидно, ворвались съ крыльца. Въ первой комнатѣ, у самаго порога, лежалъ высокій старикъ съ длинными сѣдыми усами и орлинымъ горбатымъ носомъ. Онъ лежалъ навзничь, раскинувъ руки, и глядѣлъ на потолокъ однимъ глазомъ; половину лица его заливала кровь. Лессингъ нагнулся. Нѣмецкая пуля угодила ему въ правый глазъ и сразу пресѣкла жизнь. Лессингъ пошелъ дальше; въ слѣдующей комнатѣ онъ увидѣлъ юношу съ разрубленной головою: полчерепа было отколото, и только видно было нѣжное очертаніе молодыхъ губъ и подбородокъ, слегка опушенный волосами, а въ сторонѣ лежало охотничье ружье.

Соборъ въ Суассонѣ послѣ германской бомбардировки.

Дальше Лессингъ увидѣлъ застрѣленную собаку. Онъ вышелъ во дворъ и позвалъ вахмистра.

— Что тамъ?

— Одна гадость,—угрюмо отвѣтилъ вахмистръ.—Въ сараѣ дѣвушка, раздѣтая и убитая. Какой-то негодяй разбилъ ей голову.

— Сколько всѣхъ?

— Было двадцать два. Восемь въ плѣнъ взяли...

— Убери!..

— Слушаю,—отвѣтилъ вахмистръ, и ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на его суровомъ лицѣ.

Лессингъ вернулся въ столовую. Дѣвушку привели въ чувство, и она сидѣла, обезсиленная, въ креслѣ, а мать и старуха поили ее виномъ. Когда Лессингъ вошелъ, мать оставила дочь, подошла къ нему и опустилась на колѣни.

— Вы—нашъ спаситель,—сказала она.—Какъ васъ благодарить? Дайте поцѣловать вашу руку.

Лессингъ испуганно отшатнулся.

— Этого вовсе не надо. Я пришелъ сюда, чтобы узнать, что вы намѣрены дѣлать.

— Охъ!—воскликнула женщина, заломивъ руки.—Развѣ мы знаемъ? Мы жили дружно, спокойно, а теперь и мужа и моего Антека забили. Остались только я съ дочерью, да наша старуха.

— У васъ есть какіе-нибудь родственники?

— Въ Вильнѣ.

— Тогда поѣзжайте въ Лодзь, а изъ Лодзи въ Вильну. Есть у васъ деньги?

— Если эти лайдаки не взяли, то есть.

Лессингъ зло усмѣхнулся.

— Если лайдаки и взяли, то все оставили здѣсь. У васъ есть на дворѣ коляска, есть и кони. Мы впряжемъ въ коляску пару, и поѣзжайте съ Богомъ. До Лодзи я вамъ дамъ солдатъ.

— Я не знаю, какъ васъ и благодарить, панъ капитанъ!

— Пустяки,—отвѣтилъ Лессингъ.

Онъ подошелъ къ столу, налилъ стаканъ вина и выпилъ его залпомъ, чтобы освѣжиться. Въ то же время взоръ его упалъ на дѣвушку и встрѣтился съ ея взоромъ. Казалось, лучи исходили изъ ея голубыхъ глазъ. Каждая черточка ея лица запечатлѣлась въ памяти Лессинга. Онъ потупился и отвернулся.

— Я вамъ оставлю солдатъ, сударыня, а самому надо ѣхать. Счастливаго пути!

Онъ подалъ ей руку и хотѣлъ уйти, когда дѣвушка вдругъ вскочила съ мѣста, подбѣжала къ нему, охватила его шею руками и крѣпко поцѣловала въ щеку.

— Это все, чѣмъ я могу выразить вамъ свою благодарность. Вы спасли намъ и жизнь и честь...

Лессингъ такъ смутился, что рванулся въ дверь, и опрометью выбѣжалъ на дворъ.

— Четверо пусть останутся здѣсь, помогутъ имъ уложиться и доѣхать до Лодзи, а остальные со мной! Захватить всѣхъ лошадей и снаряженіе. Собирайтесь!..

Быстро засуетились солдаты. Двадцать одинъ конь достался въ добычу съ полнымъ снаряженіемъ. Солдаты сѣли на лошадей и поѣхали назадъ къ Лодзи, а Лессингъ ѣхалъ въ сторонѣ и сосредоточенно-угрюмо молчалъ.

X.

Съ того времени прошло двѣ недѣли; было уже не до развѣдокъ—врагъ наступалъ со всѣхъ сторонъ, и на каждомъ клочкѣ земли вокругъ Лодзи кипѣлъ кровавый бой; потомъ наши войска отошли отъ Лодзи и стали укрѣпляться позади ея.

Лессингъ не пропустилъ ни одной схватки: то на конѣ со своимъ отрядомъ, то съ шашкой въ рукѣ, то съ ружьемъ наперевѣсъ онъ сражался всюду, гдѣ только могъ поспѣть. И его сила, одушевленная яростью, производила смятеніе въ рядахъ нѣмецкихъ солдатъ.

Наступилъ временный отдыхъ; онъ опять сидѣлъ въ занятой имъ хатѣ и занимался съ Петрусемъ. Петрусь читалъ по складамъ, а Лессингъ, скрутивъ толстую папиросу, сосредоточенно курилъ, окружая себя облакомъ дыма. Вдругъ пришелъ вѣстовой и сказалъ:

— Ваше благородіе, проситъ какой-то мальчишка повидать васъ.

— Меня? Мальчишка?..—Зови!

Солдатъ вышелъ и скоро вернулся

Слѣды германскаго нашествія.
Внутренность замка въ окрестностяхъ города Альбера, разгромленнаго нѣмцами.

На западномъ фронтѣ. По фот. нашего корреспондента.

Французскіе трофеи—взятыя у нѣмцевъ орудія, выставленныя въ Домѣ Инвалидовъ, въ Парижѣ.

съ мальчикомъ. Лессингъ взглянулъ на него сквозь облака дыма, и краска вдругъ залила его лицо, а кровь съ силою застучала въ виски. Онъ затянулся еще сильнѣе и выпустилъ огромный клубъ дыма, закрывъ свое лицо. Передъ нимъ стоялъ мальчикъ, на видъ лѣтъ 15-ти, невысокаго роста, стройно сложенный, съ яснымъ взглядомъ голубыхъ глазъ, съ коротко остриженными волосами золотистаго оттѣнка. Онъ былъ одѣтъ въ суконную сѣрую блузу и черныя брюки, изъ-подъ которыхъ видны были крошечныя ноги, обутыя въ валеные сапоги.

Снявъ шапку, онъ стоялъ, весь красный отъ смущенія, переминаясь съ ноги на ногу.

— Откуда ты? Чего тебѣ?—спросилъ, дѣлая голосъ сердитымъ, Лессингъ.

— Я—Стефанъ Лащинскій,—чуть слышно отвѣтилъ мальчикъ.— Я пришелъ просить пана, чтобы онъ взялъ меня на войну съ собой.

— Что?—воскликнулъ Лессингъ и вскочилъ на ноги.—Тебя на войну? Да тебя вѣтромъ сдуетъ! Что ты задумалъ?

Мальчикъ поднялъ на Лессинга голубые глаза.

— Я все равно не оставлю васъ,—сказалъ онъ твердо.—Куда вы, туда и я, только мнѣ хотѣлось, чтобы вы мнѣ сами позволили.

Петрусь быстро подбѣжалъ и схватилъ мальчика за руку.

— Я тоже съ нимъ,—сказалъ онъ радостно:—будемъ вмѣстѣ.

Лессингъ закашлялся, словно поперхнулся дымомъ.

— Это глупости; мнѣ съ собой мальчугановъ не возить. Вы лучше возвращайтесь домой.

Голосъ его пресѣкся, и онъ отвернулся.

— Никуда не пойду!—сказалъ мальчикъ, и въ глазахъ его блеснула рѣшимость.

— Какъ знаете! — отвѣтилъ Лессингъ.—Я не могу взять на себя отвѣтственности за васъ.

— Да я—сирота, у меня никого нѣтъ, только вы...—пылко сказалъ мальчикъ и весь вспыхнулъ.

Такъ же вспыхнулъ и Лессингъ. Онъ торопливо полѣзъ въ карманъ, досталъ кисетъ съ табакомъ и такъ сосредоточенно сталъ скручивать новую папиросу, что, казалось, забылъ о мальчикѣ.

— Оставьте его, добрый панъ,—сказалъ Петрусь:—я съ нимъ буду товарищъ.

— Все равно я останусь,—упрямо повторилъ мальчикъ.

— Ну, оставайтесь,—угрюмо сказалъ Лессингъ.

Лицо мальчика сразу озарилось радостью, и на глазахъ его блеснули слезы. Онъ бросился къ Лессингу и хотѣлъ поцѣловать его руку, но тотъ быстро вскочилъ на ноги и почти испуганно воскликнулъ:

— Не надо!.. Не надо!.. Помните, вы на войнѣ!

XI.

Солдаты удивились, когда узнали, что у ихъ поручика появился еще мальчуганъ.

— Этакъ,—сказалъ, качая головой, вахмистръ:—скоро у него будетъ ребячья команда. Всѣхъ соберетъ.

— Добрая душа,—отозвался Корольковъ, а, оставшись съ вахмистромъ наединѣ, сказалъ:

— А я этого мальчонку видѣлъ, и очень даже хорошо.

Вахмистръ вопросительно посмотрѣлъ на него. Корольковъ нагнулся и что-то прошепталъ.

— Да ну? воскликнулъ вахмистръ.

— Вотъ те Христосъ! — отвѣтилъ серьезнымъ голосомъ Корольковъ.

— Ну, такъ ты молчи, — сказалъ вахмистръ.

И съ этого времени къ новому мальчику и Корольковъ и вахмистръ стали относиться особенно внимательно, а Лессингъ первое время смущался и старался не оставаться съ нимъ наединѣ. Мальчикъ, какъ и Петрусь, всюду провожали Лессинга, только Стефанъ Лащинскій никогда не спалъ, раздѣвшись, и всегда норовилъ отгородить себѣ какой-нибудь уголочекъ и тамъ ложился, завернувшись въ свой тулупъ. Лессингъ нѣсколько разъ говорилъ ему:

— Стефанъ, чтобы этого больше не было! Ты долженъ спать на моей постели, а я лягу съ Петрусемъ гдѣ-нибудь.

Но Стефанъ, смущаясь, отвѣчалъ:

— Мнѣ хорошо вездѣ. Пожалуйста, не безпокойтесь.

И Стефанъ Лащинскій, какъ и Петрусь, всегда неотлучно при Лессингѣ, и когда онъ возвращается съ опасной развѣдки, знаетъ, что къ нему навстрѣчу первымъ выбѣжитъ Стефанъ, и при этой мысли лицо его тотчасъ озаряется улыбкой.

XII.

Теперь всѣ знаютъ въ полку, кто такой Стефанъ Лащинскій. Офицеры пробовали шутливо говорить Лессингу:

— Слышите, поручикъ, какія про васъ сплетни ходятъ?

Лессингъ сдвигалъ брови и рѣзко произносилъ:

— Этихъ сплетенъ я попросилъ бы при мнѣ не повторять.

И слова его звучали такой внушительной рѣшимостью, что ни одинъ смѣльчакъ не рѣшался повторять своей шутки.

XIII.

Такъ вотъ каковъ этотъ поручикъ Лессингъ, до войны мирный инженеръ, а теперь герой. И много такихъ Лессинговъ въ нашей арміи. И откуда они появились? Какъ загорѣлся въ нихъ героическій духъ?—Богъ знаетъ! Быть-можетъ, они были рождены для геройскихъ подвиговъ, и судьба имъ послала эту войну; быть-можетъ, сама война родитъ героевъ, которые въ мирное время кажутся совсѣмъ ординарными людьми.

На западномъ фронтѣ. Въ равнинѣ Вевра. Стоянка французской артиллеріи.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ.

1915 г. № 20

XLVI г. изданія

Выданъ 16 мая 1915 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.) — 15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на **первой** страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Метерлинка кн. 3.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

СТЕНОГРАФІЮ на мнем. принц. преп. ЗАОЧНО проф. С. Файнштейнъ, ОДЕССА, Дериб., 17/28. Просп. выс. за 10 к. мар. 3590

ИСКУССТВА ДОМА: имѣются всѣ принадлежности для выжиганія, выпиливанія, рисованія металлъпластикъ, работъ гвоздями, **ГАЛЛІЯ**, терракоты. Въ большомъ выборѣ: рисунки, кисти, краски, холстъ.

А. СКРОНЪ, Петроградъ, Морская, 23-В.

Иллюстриров. прейсъ-курантъ высыл. за 2 семикопѣечн. марки. 3593

3543 **ЗА КУЛИСАМИ ВОЙНЫ.** 2-5

(Тайны австрійскаго двора).

Сенсац. злободневный романъ. Цѣна за 10 выпусковъ 50 коп. Высыл. нал. плат. Адр.: Москва, ред. журн. „Лучъ“. отд. 3.

АТТЕСТАТЪ Университета, золот. медали за почерки учениковъ. Въ 15 уроковъ научаю **заочно красиво и скоро писать.** За 5 десятикоп. марокъ высылаю образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условія. Одесса. Профес. Каллиграф. Адольфъ **КОССОДО**, Дерибасовская, д. № 19.

Павелъ Буре

Поставщикъ Двора Его Величества.

ЧАСЫ, собств. фабрики

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ № 106 БЕЗПЛАТНО.

ПЕТРОГРАДЪ: Невскій пр. 23.

МОСКВА: Кузнецкій мостъ, №1.

3594 2-1 **ЗАОЧНЫЕ ОБЩЕДОСТУПНЫЕ КУРСЫ**

БУХГАЛТЕРІИ

и КОММЕРЧЕСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

ПРОГРАММА: Двойная итальянская и американская бухгалтерія, стенографія (искусство писать со скоростью рѣчи), коммерческая ариѳметика, коммерческая корреспонд., коммерческ. географія, товаровѣдѣніе. **Курсъ банковаго дѣла, торговое законодательство, торговое право и др. Курсъ правописанія, каллиграфіи, конторская скоропись, исправленіе почерка.** БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ (труды професс. и преподав. высш. и средн. учебн. завед.). Отзывы спец., благ. письма. **Аттестатъ бухгалтера. Льготн. условія:** разсрочка отъ 2 руб. въ мѣсяцъ. Программа и пробныя лекціи высылаются БЕЗПЛАТНО. Адресъ: Книгоиздательство „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ“. Петроградъ, Б. Ружейная, 7—82.

КРАСИВО и СКОРО ПИСАТЬ

въ 8 ур. и дв. ит. бухгалтеріи обучаю каждаго заочно. Удост. 5 зол. мед. и 5 поч. крест. за заслуги. Образцы шрифт., учен. раб. и усл. выс. за 2—10 к. мар. **Одесса,** Ришельевская, д. Н. №12, Проф. калигр. **Ш. КРУКУ.**

ОБЩЕДОСТУПНЫЕ ЗАОЧНЫЕ

КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ

„КОММЕРСАНТЪ“ окончившимъ выд. аттестат. Плата за весь курсъ **5** р. Одесса, „Коммерсантъ“, ящ. 177.

Торгово-фабрич. т-во СПБург. **И. ВИНОКУРОВЪ и Н. СИНИЦКІЙ** Садовая 29. Гостинный Дворъ (углав. вор.) Невскій проспектъ №15.

ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО ОПТОВЫЕ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ съ иллюстраціями всѣхъ музыкальн. инструмен. и граммофоновъ.

ЦѢНЫ ОПТОВЫЯ ВСѢМЪ

ЗАСТАРѢЛЫЕ

ХРОНИЧЕСКІЕ ЗАПОРЫ

несвареніе желудка дѣлаютъ человѣка нервнымъ и раздражительнымъ. Скопляющіеся остатки пищи загниваютъ и вызываютъ переполненіе газами, тошноту, изжогу и давленіе подъ ложечкой. Надежное и постоянно одинаковое дѣйствіе оказываетъ Стомоксигенъ Д-ра Антона Мейеръ. Стомоксигенъ освобождаетъ желудокъ легко, нормально и пріятно. Онъ абсолютно безвреденъ и отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей.

Остерегайтесь поддѣлокъ.

ЗАПОРЫ

29-й годъ. Основанн. въ 1886 году, разрѣшенные Начальствомъ 29-й годъ.

КУРСЫ и БЮРО БУХГАЛТЕРІИ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ,

ПРЕПОДАВАТЕЛЯ БУХГАЛТЕРІИ МОСКОВСКАГО УЧИТЕЛЬСКАГО ИНСТИТУТА,

3583 Москва, Тверская ул., уголъ Леонтьевскаго пер., д. № 33, бывш. Полякова. 2 2

15-го МАЯ НАЧАЛО ОБЩАГО КУРСА. Программы высылаются безплатно.

Бухгалтерія торговая, банковая, фабричная, сельскохозяйств., город. и земскихъ управъ, исправл. почерка.

Въ текущемъ учебн. году на курсахъ **В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ** обучалось 486 чел., всего же за 25 л. свыше 8.500 чел.

НА КУРСЫ ПРИНИМАЮТСЯ ЛИЦА ОБОЕГО ПОЛА, ВСЯКАГО ВОЗРАСТА и ОБРАЗОВАНІЯ.

☛ МАЙСКІЙ КУРСЪ ОСОБЕННО УДОБЕНЪ ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ и УЧИТЕЛЕЙ. ☚

БИБЛІЯ

полная на русск. яз. съ параллел. мѣст. и указател., печать Синодальной типографіи, иллюстрирована въ текстѣ **208** художеств. **КАРТИНАМИ,** размѣр. кн. 6×4 верш., 2 толщ., вѣс. 9 ф., 1550 стр., въ прочн. красив. тисн. золотомъ полукожан. перепл. съ кол. футл. ц. 5 р., съ перес. въ Евр. Рос. 5 р. 65 к., упак. 20 к. Первая и единств. въ Россіи иллюстрир Библія. Эту великую книгу книгъ долженъ имѣть каждый. **Адр.: Петроградъ, Невскій, 153/13. Е. П. Масленникову. Тел. 90-36.**

НЕВРАСТЕНІЯ

и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, невральгіи, спинная сухотка, параличи, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“, интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ Пель и С-вья ПЕТРОГРАДЪ.

Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

5% закладн. съ выигр. листы Гос. Дв. Зем. Банка 1889 г. 51 тиражъ 1-го мая 1915 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

№ сер.	№ лист	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.
51	29	500	1188	47	500	3033	20	500	4318	49	500	6159	36	500
58	43	500	1196	33	500	3035	13	500	4338	24	500	6277	16	500
72	2	10000	1241	14	500	3035	26	500	4418	29	500	6286	32	500
91	25	500	1362	32	500	3046	23	500	4529	43	500	6302	3	500
93	6	500	1463	15	500	3069	16	1000	4539	15	500	6461	35	500
115	27	500	1737	36	500	3094	31	500	4542	19	500	6573	49	500
168	43	500	1795	47	500	3143	41	500	4610	7	500	6597	1	500
172	34	500	1799	1	1000	3358	25	500	4634	49	500	6681	18	500
202	20	500	1853	17	1000	3391	39	500	4756	20	500	6710	9	75000
207	49	500	1906	9	500	3404	48	500	4775	31	500	6714	28	500
280	17	5000	1930	4	500	3498	35	500	4893	5	500	6730	50	500
336	42	500	2020	24	500	3540	21	500	4893	25	1000	6751	8	500
381	48	500	2022	6	500	3551	36	5000	5054	23	500	6800	11	500
404	38	500	2079	27	500	3584	20	500	5077	18	500	6836	49	500
410	5	1000	2119	13	500	3647	36	500	5120	13	1000	6867	16	500
551	26	500	2161	50	1000	3657	11	500	5184	11	40000	6971	25	500
552	1	500	2242	25	500	3698	11	500	5237	4	500	7037	33	1000
581	9	500	2316	24	500	3744	14	500	5375	12	500	7065	46	500
658	7	500	2325	11	500	3790	34	500	5433	27	500	7073	34	500
717	22	500	2341	36	500	3867	42	500	5452	34	500	7086	8	500
781	38	8000	2377	29	500	3925	26	500	5475	39	500	7122	49	500
813	15	500	2400	7	500	3958	29	500	5634	12	1000	7130	5	8000
856	35	500	2477	12	1000	3959	26	500	5850	32	500	7165	50	500
861	10	500	2501	26	500	4018	45	500	5900	3	500	7211	30	500
918	13	500	2581	31	500	4028	27	1000	5989	13	500	7213	6	500
946	47	500	2581	43	5000	4059	25	500	6002	20	1000	7213	30	500
1008	27	500	2793	29	500	4189	26	500	6005	9	500	7235	24	500
1077	8	500	2869	27	500	4243	35	500	6017	10	500	7266	12	500
1094	28	500	2888	42	8000	4277	2	500	6122	50	500	7423	17	500
1154	26	500	2997	49	500	4306	8	500	6124	32	500	7424	50	500

№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.
7432	43	200000	8990	2	500	11221	19	500	12964	50	500	14446	2	500
7471	28	500	9113	13	500	11336	27	500	13046	47	500	14545	4	500
7512	42	500	9286	17	500	11354	50	500	13124	36	25000	14600	28	500
7563	46	500	9467	45	10000	11410	19	500	13317	42	500	14629	37	500
7570	31	500	9478	25	500	11580	15	500	13327	10	500	14679	35	500
7663	11	500	9614	31	500	11625	16	500	13366	50	1000	14695	11	500
7673	24	500	9638	16	500	11951	48	1000	13437	25	500	14716	35	1000
7773	9	500	9674	27	500	11962	32	500	13454	40	500	14809	49	500
7834	17	500	9780	11	500	12044	5	500	13499	40	500	14840	18	500
7927	46	500	9868	16	500	12134	24	500	13521	35	500	14853	46	500
7977	33	500	9879	36	500	12140	29	500	13591	27	500	15050	14	500
7980	14	500	10036	14	500	12148	23	500	13614	17	5000	15122	3	500
8021	5	500	10084	50	500	12255	26	500	13749	5	500	15195	16	8000
8029	41	500	10159	4	500	12328	32	500	13845	4	500	15303	35	500
8038	21	500	10212	3	500	12336	48	500	13890	5	500	15333	19	500
8082	16	5000	10265	36	500	12500	44	500	13921	27	500	15424	4	500
8145	45	500	10267	47	5000	12549	43	500	13943	9	500	15468	2	500
8238	24	500	10295	14	500	12588	23	500	14007	41	500	16546	22	500
8374	50	500	10307	47	500	12600	10	500	14095	12	500	15563	13	500
8418	36	500	10395	18	500	12631	48	500	14114	11	500	15571	12	500
8421	48	500	10457	12	500	12633	30	500	14194	28	5000	15623	44	500
8523	41	500	10473	36	500	12639	20	500	14296	3	5000	15662	25	500
8527	41	500	10554	41	500	12724	1	500	14347	14	500	15669	10	500
8538	46	500	10577	49	500	12766	36	500	14359	46	500	15678	10	500
8651	25	1000	10667	32	500	12826	26	500	14363	2	1000	15730	21	10000
8839	32	500	10833	8	500	12836	48	500	14384	32	500	15757	45	500
8865	47	1000	10852	19	500	12873	41	1000	14390	33	500	15842	8	8000
8933	36	500	10901	23	500	12919	4	500	14418	18	500	15929	25	500
8958	35	500	10999	14	1000	12919	18	500	14424	35	500	15969	3	500
8970	37	500	11147	43	500	12929	16	500	14429	34	500	15981	10	500

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія: 16, 35, 39, 90, 176, 179, 213, 230, 286, 287, 405, 411, 450, 459, 460, 549, 552, 678, 756, 812, 845, 892, 943, 1002, 1007, 1154, 1253, 1396, 1432, 1479, 1509, 1592, 1598, 1624, 1634, 1739, 1763, 1815, 1854, 1901, 1987, 2071, 2073, 2081, 2274, 2287, 2308, 2315, 2507, 2556, 2674, 2941, 2957, 3008, 3045, 3052, 3059, 3068, 3120, 3186, 3211, 3214, 3336, 3346, 3467, 3498, 3533, 3589, 3625, 3698, 3717, 3777, 3831, 3902, 4062, 4118, 4170, 4219, 4286, 4289, 4327, 4368, 4398, 4435, 4509, 4552, 4570, 4615, 4685, 4746, 4809, 4811, 5074, 5089, 5170, 5171, 5299, 5302, 5361, 5389, 5437, 5439, 5565, 5578, 5763, 5796, 5810, 5832, 5859, 5918, 6071, 6396, 6405, 6675, 6747, 6776, 6864, 6991, 7113, 7207, 7216, 7221, 7226, 7274, 7322, 7384, 7534, 7718, 7727, 7765, 7822, 7863, 7871, 7885, 7911, 7915, 7982, 8170, 8233, 8315, 8338, 8344, 8383, 8416, 8597, 8882, 8888, 8902 8913, 9129, 9226, 9428, 9445, 9474, 9478, 9621, 9638, 9763, 9792, 9852, 9855, 9980, 10185, 10201. 10218, 10359, 10466, 10949, 10957, 11004, 11009, 11018, 11019, 11195, 11240, 11312, 11386, 11627, 11653, 11662, 11686, 11690, 11774, 11814, 11823, 11825, 11849, 11953, 11954, 11956, 11962, 12099, 12157, 12238, 12342, 12427, 12445, 12583, 12648, 12719, 12782, 12890, 13003, 13235, 13303, 13313, 13395, 13441, 13658, 13738, 13829, 13832, 13886, 13889, 13964, 14091, 14127, 14316, 14344, 14373, 14415, 14525, 14555, 14751, 14845, 14847, 14925, 14968, 15018, 15092, 15104, 15118, 15131, 15196, 15216, 15221, 15299, 15350, 15477, 15566, 15610, 15628, 15671, 15729, 15819, 15957, 15964, 15999.

Всего 248 серій, составляющихъ 12.400 листовъ, на сумму 1.736.000 рублей.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ

МІРОВЫМЪ РАЗБОЙНИКАМЪ.

(Памяти «Лузитаніи»).

Какая мрачная стихія,
Какія лютыя мечты
Владѣютъ вами, звѣри злые,
Исчадья адской темноты!

Для вожделѣній ненасытныхъ
Закрытую встрѣчая дверь,
Дѣтей и женщинъ беззащитныхъ
Вы истребляете теперь!

Въ припадкѣ алчнаго безумья
Стремясь живое истребить,
Вы заглушили всѣ раздумья, —
Но вамъ злодѣйствъ не искупить!

Позоръ! Вы хуже, чѣмъ гіены!
Гіенамъ оправданье есть, —
А вы преступно неизмѣнны,
Творя безсмысленную месть.

И, совершая роковое,
Безцѣльный нанося ударъ, —
Негодованье міровое
Вы возбудили, какъ пожаръ.

Встаютъ взволнованныя страны
На обезумѣвшихъ враговъ, —
За цвѣтъ мечты благоуханной
И на защиту очаговъ.

И вырастаютъ бивуаки,
Заполнивъ мирныя поля,
И, какъ отъ бѣшеной собаки,
Отъ васъ избавится земля!

Яковъ Годинъ.

Въ патронатѣ для увѣчныхъ воиновъ. Большія свѣтлыя комнаты. Лифтъ. Электрическое освѣщеніе и ванныя комнаты. И тутъ же... шорная, портновская и сапожная мастерскія. На маленькихъ круглыхъ тумбочкахъ сидятъ молодые здоровые люди, въ чистенькихъ ситцевыхъ косовороткахъ, и подъ руководствомъ мастеровъ проходятъ курсъ обученія. Иногда сосредоточенное молчаніе прерывается молодымъ смѣхомъ, шуткой. Кто-то напѣваетъ въ углу свою «родную» частушку.

И поражаетъ только одно. Около тумбочекъ, обитыхъ кожей, бѣлѣются маленькія подушки. На подушкахъ покоятся... обрубки ногъ. Быстро мелькаютъ здоровыя руки, стучатъ молоточки, раздается смѣхъ и шутки. И вотъ... эти подушки, и на нихъ обрубки ногъ. И сразу все мѣняется въ комнатѣ. Стараешься не говорить о войнѣ и смотришь только на лица и руки. И... невольно тянешься взглядомъ къ бѣленькимъ подушкамъ.

Патронатъ съ учебными мастерскими соединеннаго комитета московскихъ биржевого и купеческаго обществъ для увѣчныхъ воиновъ на Пятницкой, это — первый патронатъ подобнаго типа. И нельзя не привѣтствовать иниціаторшу этого дѣла Е. С. Щенкову и Г. А. Крестовникова, сумѣвшихъ въ самый короткій срокъ осуществить насущное и неотложное дѣло помощи увѣчнымъ воинамъ.

Въ патронатѣ на Пятницкой находятся только увѣчные воины съ ампутированными ногами. Этотъ «подборъ» сдѣланъ для того, чтобы легче осуществить планъ учебныхъ мастерскихъ. Мастерскія — сапожная, шорная и портновская — разсчитаны на трехмѣсячное обученіе, и этотъ родъ труда не требуетъ здоровыхъ ногъ. Для начала здѣсь обучается только 20 увѣчныхъ воиновъ, но уже поступаютъ многочисленные запросы, и патронатъ, разсчитанный на 100 человѣкъ, конечно, не сумѣетъ удовлетворить всю назрѣвшую потребность въ такой формѣ помощи увѣчнымъ воинамъ. А потребность эта очень велика. Пока нѣтъ статистическихъ данныхъ, но заранѣе можно сказать, что количество увѣчныхъ воиновъ, оставшихся безъ ногъ или рукъ, очень велико. Ихъ будущее должно властно привлечь къ себѣ общественное вниманіе. Лишенные возможности послѣ окончанія войны самостоятельно трудиться, ставшіе обузой въ трудовой крестьянской или рабочей семьѣ, они больше всего нуждаются въ быстромъ приспособленіи къ рабочей жизни, ихъ окружающей. Выучиться какому-либо ремеслу, не требующему здоровыхъ ногъ, — дѣлается ихъ мечтой. И достаточно зайти на нѣсколько минутъ въ патронатъ на Пятницкой, чтобы убѣдиться, какъ благотворно отзывается на этихъ жертвахъ войны возможность выучиться мастерству и такимъ образомъ снова стать рабочей силой.

Въ 12 час. дня въ патронатѣ раздается звонокъ на обѣдъ. Въ мастерскихъ какъ будто его и не слышатъ. Снова звонокъ. Работа не прерывается. И требуется властное вмѣшательство завѣдующихъ и распорядителей, чтобы оторвать увѣчныхъ воиновъ отъ работы.

Завѣдующій патронатомъ С. Г. Голиковъ и Е. С. Щенкова прилагаютъ всѣ старанія, чтобы украсить жизнь своихъ «квартирантовъ». Громадная комната наверху отведена для читальни. Лежатъ газеты, книги, брошюры. Въ углу граммофонъ. Лифтъ перевозитъ увѣчныхъ воиновъ изъ одного этажа въ другой. За ихъ здоровьемъ слѣдятъ постоянный врачъ и санитары. Идеальная чистота, здоровый обильный столъ. Послѣ прохожденія курса обученія всѣмъ обучаемымъ будетъ произведенъ экзаменъ при участіи экспертовъ изъ ремесленной управы. Всѣмъ выдержавшимъ экзаменъ будутъ выдаваться особыя свидѣтельства о прохожденіи курса. Взамѣнъ одной окончившей курсъ обученія партіи въ патронатъ будетъ приниматься слѣдующая, и такимъ образомъ патронатъ сможетъ обслужить очень большое количество увѣчныхъ воиновъ.

По примѣру Москвы устроены и прекрасно обставлены въ Петроградѣ ремесленныя мастерскія для увѣчныхъ воиновъ имени А. И. Горемыкиной, но все это только капли въ морѣ нужды увѣчныхъ воиновъ. И надо надѣяться, что эти примѣры послужатъ побудительнымъ толчкомъ къ образованію во всѣхъ крупныхъ городахъ Россіи такихъ же патронатовъ съ учебными мастерскими для тѣхъ, кто своимъ увѣчьемъ покупаетъ счастье и свободу Россіи.

Нѣмецкія разрывныя пули. Для освѣщенія вопроса о примѣненіи нашими врагами разрывныхъ пуль любопытны перемышльскіе документы.

12-го января, по порученію ген. Селиванова, начальникъ дивизіи ген. Чистяковъ увѣдомилъ коменданта крѣпости, что, въ виду повторяющихся случаевъ употребленія войсками перемышльскаго гарнизона разрывныхъ пуль, вопреки принятымъ австрійскимъ правительствомъ международнымъ обязательствамъ, Верховный Главнокомандующій повелѣлъ безусловно разстрѣливать всѣхъ чиновъ австрійской арміи, у коихъ окажутся такія пули, разсматривая ихъ, какъ преступниковъ.

Отвѣтъ генерала Кусманека генералу Чистякову носилъ уклончивый характеръ, ибо, не отрицая факта примѣненія австрійцами разрывныхъ пуль, Кусманекъ указалъ, что онъ сообщилъ содержаніе полученнаго письма своему высшему начальству и получилъ приказъ увѣдомить генерала Чистякова, что за каждаго казненнаго австрійскаго солдата будутъ казнены два русскихъ военноплѣнныхъ.

Однако стрѣльба разрывными пулями крѣпостного гарнизона со времени нашего твердаго заявленія прекратилась.

Разгадка эта оказалась въ захваченномъ нами секретномъ приказѣ по крѣпости Перемышль за № 4.

Этотъ приказъ, помѣченный 26 января новаго стиля, т.-е. на слѣдующій день по врученіи коменданту письма генерала Чистякова, гласитъ слѣдующее: «Находящіеся въ войскахъ и учрежденіяхъ гарнизона крѣпости пѣхотные пристрѣлочные патроны сдать какъ можно скорѣе въ артиллерійское депо и послѣднему донести 30-го января о числѣ сданныхъ патроновъ.

Эти патроны далѣе могутъ выдаваться лишь по особому приказанію штаба крѣпости».

Какъ видно, мѣры, принятыя нами для обузданія непріятеля, въ данномъ случаѣ оказались дѣйствительными.

Но въ другихъ мѣстахъ намъ не удалось еще восторжествовать надъ злорадною жестокостью непріятеля.

На фронтѣ въ 40 верстъ, между Пилицей и Нидой, непріятель стрѣлялъ исключительно разрывными пулями.

Новая солдатская обувь. Въ главномъ интендантскомъ управленіи закончена выработка новаго образца солдатскаго сапога который преслѣдуетъ удобства солдатъ въ смыслѣ легкости и затѣмъ болѣе дешевой стоимости какъ самаго сапога, такъ и починки его. Новый образецъ сапога отличается отъ прежняго только голенищемъ; новый сапогъ составляетъ кожаная головка и брезентовое голенище, которое наверху выше колѣна имѣетъ ремешокъ, затягивающійся на ногѣ и не дающій возможности голенищу сползать внизъ. Голенище изъ брезента дѣлается непромокаемымъ. Новый образецъ почти втрое легче стараго и вдвое дешевле. Все изготовленіе новой обуви возлагается, такъ же, какъ и предыдущіе заказы, на главное управленіе землеустройства и на земскія и городскія учрежденія. По словамъ «Петроградскаго Курьера», главный интендантъ ген. Шуваевъ уже обратился къ земскимъ и городскимъ учрежденіямъ съ предложеніемъ заняться изготовкой такой обуви. Въ земскій союзъ присланы образцы.

Обувь въ арміи. Помѣщаемъ изъ офиціальнаго органа штаба армій сѣверо-западнаго фронта — «Нашъ Вѣстникъ» письмо подполковника Трескина, разсказывающаго, какимъ путемъ разрѣшенъ вопросъ о снабженіи обувью нижнихъ чиновъ полка:

«Каждыя сутки для полка убивается отъ 12 до 20 штукъ рогатаго скота, смотря по величинѣ штуки. Слѣдовательно, въ среднемъ на роту приходится около полуторы кожи, которою можно въ экстраординарныхъ случаяхъ починить до 30 паръ совершенно негодныхъ сапогъ въ однѣ сутки и однимъ человѣкомъ, а стало-быть, на полкъ приходится до 480 такихъ паръ. При обыкновенномъ же способѣ починки одинъ сапожникъ можетъ починить мало-мальски годныхъ къ носкѣ сапогъ не менѣе двухъ паръ на одну роту въ день. Судя по обстоятельствамъ, можно пользоваться и тѣмъ и другимъ способомъ.

Въ полку вопросъ этотъ разрѣшенъ просто. Въ случаѣ экстренной необходимости въ непромокаемой и теплой обуви можно снабжать въ одинъ день хотя бы 480 человѣкъ изъ полка, при условіи выдѣленія изъ каждой роты по одному сапожнику.

Почти во всѣхъ войнахъ при недостаткѣ обуви прибѣгали къ различнымъ способамъ замѣнить сапоги. Гдѣ можно было, солдаты плели лапти, дѣлали коты (кожаные лапти). Къ несчастью, въ настоящее время года постоянная грязь не даетъ возможности прибѣгать къ лаптямъ или котамъ. Поэтому при желаніи принять описанный способъ, можно командировать въ сапожную мастерскую при полку офицера, который съ энергіей взялся бы за это дѣло, и съ нимъ двухъ сапожниковъ, которые въ два-три дня могутъ изучить эту несложную механику».

Въ настоящее время авторъ упомянутаго способа изготовленія сапогъ находится на учетѣ кіевскаго коменданта.

Война и климатъ. Происходящая въ настоящее время грандіозная война, захватившая больше половины Европы и небывалая еще по ужасающей силѣ примѣняемыхъ въ ней послѣднихъ изобрѣтеній военной техники на сушѣ, на водѣ, подъ водою и въ воздухѣ, оказала извѣстное вліяніе и на окружающую природу.

Уже съ осени прошлаго года замѣчались неожиданныя и рѣзкія перемѣны обычной температуры. Холода наступили повсюду значительно раньше, зима оказалась суровой и продолжительной, обильной снѣгами и вьюгами, а весна значительно запоздала.

Причины всего этого, по мнѣнію «Варшавскаго Дневника», надо искать въ сраженіяхъ милліонныхъ армій, которыя происходили и происходятъ. Происходящая на протяженіи тысячъ верстъ непрерывная ружейная пальба, артилле-

рійская канонада изъ чудовищныхъ орудій, разрывы снарядовъ и страшные взрывы минъ и фугасовъ, взметывающіе кверху на огромномъ пространствѣ море огня и тучи газовъ, вызываютъ рядъ атмосферическихъ измѣненій.

Такъ какъ въ верхнихъ слояхъ воздуха температура значительно ниже, чѣмъ въ прилегающихъ къ земной поверхности (на высотѣ 5—7 верстъ, напримѣръ, уже зима, когда внизу лѣто), то вытѣсняемые вверхъ нижніе слои воздуха быстро охлаждаются и падаютъ обратно въ видѣ атмосферныхъ осадковъ—дождя, града и снѣга, смотря по времени года, захватывая тѣмъ бóльшія пространства, чѣмъ на бóльшія территоріи распространяется дѣйствіе орудійныхъ взрывовъ. Возникающіе же отъ рѣзкихъ измѣненій температуры циклоны распространяютъ эти атмосферическія явленія дальше.

Отсюда измѣненіе климата, съ чѣмъ приходится считаться тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе къ лѣту. При наличности данныхъ условій надо ожидать, что лѣто будетъ дождливымъ и холоднымъ, обильнымъ частыми грозами, что не мѣшаетъ имѣть въ виду сельскимъ хозяевамъ.

Слѣдуетъ еще отмѣтить поздній прилетъ лѣтнихъ птицъ, при чемъ надо полагать, что послѣднихъ вообще не будетъ много: летящія съ юга (главнымъ образомъ изъ-за Чернаго и Средиземнаго морей) стаи будутъ пугаться выстрѣловъ, и немалая часть пернатыхъ погибнетъ, попавъ въ зону огня.

Письмо съ «Меджидіе». На погибшемъ на нашей минѣ вблизи Одессы турецкомъ крейсерѣ «Меджидіе» было найдено характерное письмо, адресованное германскимъ солдатомъ съ французскаго фронта матросу «Меджидіе». Приводимъ его изъ «Русскаго Инвалида» въ главныхъ чертахъ:

«Любезный Вальтеръ. Отецъ сообщилъ мнѣ твой адресъ, и я радъ привѣтствовать тебя. Мы принимаемъ участіе въ позиціонной войнѣ, которая сводится къ ежедневной артиллерійской перестрѣлкѣ, благодаря чему мы, пѣхотинцы, сидимъ въ окопахъ уже съ 25-го августа 1914 года, съ каковаго времени мы находимся все время въ непріятельской странѣ. Мы стоимъ на линіи Заулокъ-Маршевилль-Музеруа въ Ваверѣ и юго-восточномъ Верденѣ. Мы обратились въ современныхъ обитателей пещеръ, живемъ въ подвалахъ и погребахъ; среди разрушенныхъ домовъ устроили себѣ ходы, и вся дѣятельность и жизнь проходитъ подъ землей; только по ночамъ наступаетъ для насъ свобода; тогда мы нѣсколько освобождаемся отъ тяжелой жизни, изъ тыла подвозится провизія и приходитъ почта. И такъ мы живемъ изо дня въ день. Затѣмъ насъ уводятъ на нѣсколько дней назадъ, потомъ опять возвращаютъ на позиціи. Случайно попадающіе въ наши подземныя обители снаряды тяжелой французской артиллеріи разрушаютъ всѣ подпорки и устраиваютъ кровавыя бани.

Въ первыя недѣли участвовали мы въ сраженіяхъ при обложеніи Вердена. Я съ увлеченіемъ, какъ спортсменъ, принималъ въ нихъ участіе; но постепенно я потерялъ всякое удовольствіе и только мечтаю, чтобы скорѣй всей этой штукѣ пришелъ конецъ. Въ то время, какъ я, старый служивый, сижу съ своей компаніей при сальной свѣчѣ въ холодномъ и сыромъ погребѣ, вы живете при ясномъ солнечномъ свѣтѣ на вашихъ константинопольскихъ фортахъ и наслаждаетесь прелестными ландшафтами и чистымъ воздухомъ. И тѣмъ не менѣе вы такъ же мало довольны, какъ и я. Тетка Ганъ прислала мнѣ банку отличнаго меда. Я отплатилъ ей посылкой части моей добычи изъ Восточной Франціи,—какъ дѣлали въ свое время крестоносцы, посылавшіе своимъ благороднымъ дамамъ частичку награбленнаго. Храни васъ Господь, Вальтеръ. Да дастъ Онъ вамъ вернуться невредимыми къ любящимъ васъ.

Сердечно преданный вамъ Виттигъ».

Часы—солдатамъ. Рядовой одного изъ квартировавшихъ въ г. Житомирѣ полковъ прислалъ въ житомирскую городскую управу письмо, въ которомъ проситъ управу прислать ему часики самые простые, которые можно было бы носить на рукахъ, такъ какъ онъ состоитъ развѣдчикомъ и ощущаетъ большую нужду въ часахъ. Просьба эта будетъ удовлетворена.

Географическія карты солдатамъ. Въ очень многихъ письмахъ солдаты просятъ прислать имъ географическія карты Европы, а также учебники географіи. Просьбу свою солдаты мотивируютъ необходимостью оріентироваться при чтеніи газетъ о военныхъ событіяхъ.

Отказъ француженокъ. Французскія женщины категорически отказались принять участіе въ Гаагскомъ конгрессѣ, гдѣ нѣмки предполагаютъ поднять вопросъ о мирѣ.

Дичь подъ Москвой. Изъ разныхъ мѣстъ Московской и смежныхъ съ ней губерній получаются извѣстія о появленіи въ большомъ количествѣ дичи, въ особенности глухарей и чернышей. Въ южныхъ губерніяхъ появились въ необычайномъ количествѣ турухтаны. Замѣчается большой прилетъ утокъ и гусей. Какъ выясняется, изобиліе дичи въ этихъ раіонахъ объясняется тѣмъ, что война, захватившая огромную территорію, распугиваетъ дичь. Грохотъ пушечной канонады и непрерывная трескотня ружейныхъ выстрѣловъ распугали дичь, которая устремилась во внутреннія и сѣверныя губерніи изъ лѣсовъ и луговъ Царства Польскаго.

Поддѣлка подводныхъ лодокъ. По имѣющимся даннымъ, германцы дублируютъ нумера своихъ подводныхъ лодокъ, ставятъ на нихъ нумера лодокъ, давно вышедшихъ изъ строя, или нумера вымышленные, т.-е. очень высокіе, хотя промежуточныхъ лодокъ у нихъ, несомнѣнно, нѣтъ. Все это дѣлается, повидимому, въ цѣляхъ терроризировать общественное мнѣніе воюющихъ державъ; они же создаютъ такое впечатлѣніе, что въ Германіи строительство подводнаго флота весьма сильно подвинулось впередъ за послѣднее время. Для этого они на старыхъ подводныхъ лодкахъ ставятъ нумера завѣдомо погибшихъ лодокъ.

Фальшивыя мины. Съ цѣлью обмануть непріятельскихъ авіаторовъ германцы маскируютъ ангары, прикрывая ихъ вѣтвями или устанавливая на нихъ подобіе фабричныхъ трубъ; чтобы навести страхъ на торговый флотъ, изготовляютъ фальшивыя мины изъ крашенаго дерева и толя и разбрасываютъ ихъ въ Сѣверномъ морѣ.

Русскій языкъ въ Западной Европѣ. «Утро Россіи» предлагаетъ использовать настоящій моментъ, когда Западная Европа стала уже обращаться въ Россію на русскомъ языкѣ, для укрѣпленія значенія русскаго языка за границей вообще:

«Въ настоящее время наблюдается весьма интересное явленіе: цѣлый рядъ торговыхъ фирмъ, а также нѣкоторыя научно-общественныя учрежденія разныхъ странъ начали обращаться въ русскія учрежденія, а также къ частнымъ лицамъ съ письмами и циркулярами на русскомъ языкѣ, чего раньше почти не наблюдалось. Съ этимъ явленіемъ необходимо считаться и принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы «заграница пріучалась пользоваться русскимъ языкомъ». Мы всѣ до сихъ поръ, несомнѣнно, всячески поощряли иностранцевъ не пользоваться нашимъ языкомъ: мы всегда сами писали имъ письма не на своемъ, а на ихъ языкѣ, считая, что они не обязаны принимать мѣръ къ прочтенію русскаго текста, сами же, получая письма и циркуляры на всѣхъ языкахъ міра, считали себя всегда обязанными ихъ прочитать. Этимъ мы систематически въ теченіе многихъ десятилѣтій унижали достоинство родного языка и затрудняли его распространеніе въ чужихъ странахъ. Всякій можетъ въ большей или меньшей степени содѣйствовать пріученію иностранцевъ къ русскому языку. Въ качествѣ одной изъ дѣйствительныхъ мѣръ можно рекомендовать слѣдующее: на всякій запросъ, присланный изъ-за границы, отвѣтъ на который представляетъ интересъ для запрашивающаго, надо отвѣчать не иначе, какъ по-русски. Фирма предлагаетъ вамъ свой товаръ, ей интересно, чтобы вы купили—пишите заказъ по-русски и можете быть увѣрены, что его поймутъ. Специалистъ проситъ васъ дать ему справку—отвѣчайте по-русски и можете быть увѣрены, что, если она ему дѣйствительно нужна, онъ найдетъ мѣры понять русскій текстъ. Вѣдь понимаемъ же мы, когда намъ нужно, не только по-французски, нѣмецки и англійски, но и по-итальянски, испански, шведски, датски и пр. и пр.

И если сейчасъ по своему почину иностранцы начали понемногу направлять въ Россію потокъ напечатанныхъ и написанныхъ по-русски циркуляровъ и писемъ, мы должны использовать моментъ въ интересахъ распространенія нашего языка».

Галиційскіе бѣженцы. Какъ сообщаетъ германская газета «Vorwärts», въ Вѣнѣ находится въ настоящее время 250.000 бѣженцевъ изъ Галиціи, въ Нижней Австріи 25.000, въ Верхней Австріи 22.000, въ Штиріи 30.000, въ Каринтіи 10.000, въ Зальцбургѣ 3.000, въ Тиролѣ 2.000, въ Крайнѣ 4.000, въ Богеміи 115.000, въ Моравіи 35.000, въ Австрійской Силезіи 5.000. А если еще считать галичанъ, спасшихся въ Венгрію и въ Германію, то выйдетъ, что не менѣе полумилліона жителей бѣжали изъ Галиціи до потери австрійцами своихъ областей. Въ числѣ этихъ бѣженцевъ 250.000 поляковъ, 220.000 евреевъ и около 30.000 русинъ.

«Челюстные лазареты». Въ кіевскомъ военномъ госпиталѣ и при американскомъ лазаретѣ устроены будутъ врачебные кабинеты «Краснаго Креста».

Въ этихъ лазаретахъ сосредоточены доставленные съ театра военныхъ дѣйствій воины съ челюстными пораненіями, и здѣсь такимъ больнымъ врачи-специалисты оказываютъ помощь наложеніемъ специальныхъ зубныхъ шинъ, обходясь безъ хирургическихъ методовъ лѣченія.

Наложеніе зубныхъ шинъ даетъ прекрасные результаты. Кіевскіе лазареты оборудованы прекрасными зубоврачебными кабинетами и зуботехническими мастерскими. Въ военномъ госпиталѣ «челюстный лазаретъ» разсчитанъ на 120 человѣкъ, а въ «Красномъ Крестѣ» на 55 человѣкъ. Лазареты эти переполнены.

Новые цеппелины. Газета «Ewening News» помѣщаетъ телеграмму изъ Судгхильда, сообщающую, что цеппелинъ, въ послѣдніе дни летавшій надъ сѣверо-восточнымъ берегомъ Англіи, носилъ на себѣ мѣтку «Z 9», являясь такимъ образомъ однимъ изъ самымъ новыхъ воздушныхъ судовъ Германіи, длина которыхъ около 500 футовъ, а сила мотора 540 лошадиныхъ силъ, дающихъ дирижаблю скорость до 60 миль въ часъ.

При благопріятной погодѣ такія суда могутъ пройти около тысячи англійскихъ миль и, какъ доказываютъ нѣкоторые военные эксперты, могутъ нести съ собой около 120 пудовъ взрывчатыхъ веществъ.

По другимъ источникамъ, запасы взрывчатыхъ веществъ на новыхъ цеппелинахъ достигаютъ 420 пудовъ.

Самыя большія бомбы, бросаемыя съ цеппелина, вѣсятъ 250 фунтовъ.

На новыхъ цеппелинахъ установлены радіотелеграфные аппараты, дѣйствующіе на разстояніи 150 англійскихъ миль.

Университетъ въ лагерѣ военноплѣнныхъ. Какъ телеграфируютъ «Русск. Сл.» изъ Копенгагена, въ германскомъ лагерѣ военноплѣнныхъ въ Зольту, гдѣ находятся главнымъ образомъ французы и бельгійцы, возникъ своеобразный университетъ. Среди военноплѣнныхъ оказались профессора, преподаватели и много студентовъ. Были организованы систематическія лекціи. Профессора разсчитываютъ, что во Франціи и въ Бельгіи сданныя студентами испытанія будутъ признаны дѣйствительными.

Достойный внукъ великаго дѣда. На французскомъ фронтѣ въ траншеяхъ убитъ, по сообщенію газеты «Times», лейтенантъ 1-го стрѣлковаго Уэльскаго полка В. Г. Гладстонъ, внукъ извѣстнаго англійскаго государственнаго дѣятеля. За нѣсколько дней до смерти онъ написалъ матери: «Вы очень неправы, сожалѣя о моемъ уходѣ на войну. Я лично очень радъ своему рѣшенію и горжусь имъ. Продолжительность нашего пребыванія на землѣ не имѣетъ значенія. Важно то, что исполнено, какъ бы ни была коротка жизнь».

Комендантъ въ Дебельнѣ, въ Германіи, гдѣ содержатся плѣнные англичане, французы и русскіе, обратился къ населенію со слѣдующимъ сообщеніемъ: «Установлено, что нѣкоторыя дамы, извѣстныя военному начальству, позволяютъ себѣ посылать плѣннымъ офицерамъ воздушные поцѣлуи. Объявляю, что въ случаѣ повторенія такого недостойнаго поведенія, имена этихъ дамъ будутъ обнародованы для заслуженнаго осмѣянія».

Продовольственная помощь. На дѣло продовольственной и сѣменной помощи въ Привислинскомъ краѣ и Ковенской губерніи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ по 9-е апрѣля уже затрачено 9.012.167 рублей. По удостовѣренію мѣстныхъ властей, вполнѣ обезпечены потребности яроваго обсѣмененія въ мѣстностяхъ, свободныхъ отъ непріятеля, и продовольственныя потребности на время по 1-е іюля. Вопросъ объ обезпеченіи этихъ нуждъ на дальнѣйшее время служитъ предметомъ постояннаго вниманія мѣстныхъ учрежденій и заботъ министерства.

Представленіе должностей воинамъ. Управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія графъ П. Н. Игнатьевъ обратился къ попечителямъ учебныхъ округовъ съ циркуляромъ, въ которомъ предлагаетъ открывающіяся низшія служительскія должности разсыльныхъ, сторожей, швейцаровъ, дядекъ и пр. замѣщать исключительно нижними чинами, пострадавшими отъ военныхъ дѣйствій и освобожденными отъ дальнѣйшей военной службы.

Казенные пайки. За девять мѣсяцевъ войны министерствомъ внутреннихъ дѣлъ переведено на мѣста для выдачи казенныхъ пайковъ семействамъ запасныхъ нижнихъ чиновъ свыше 300.000.000 рублей.

№ 20. Выходитъ еженед. (52 №№ въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 16 мая 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на 1/2 года—4 р., на 1/4 года—2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 г.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій М. Метерлинка" кн. 3.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Поворотъ германской стратегіи на Востокъ.

Нѣмцы, начавъ кампанію съ короткаго наступленія въ Прибалтійскій край, какъ оказалось впослѣдствіи, подготовляли операцію на совершенно противоположномъ концѣ восточнаго фронта. Въ концѣ апрѣля особая смѣшанная австро-нѣмецкая армія подъ начальствомъ генерала Макензена повела въ значительныхъ силахъ наступленіе по Западной Галиціи, двинувшись изъ Краковскаго района черезъ рѣку Дунаецъ.

Такимъ образомъ въ концѣ апрѣля стала уже выясняться какая-то новая весьма крупная операція на восточномъ фронтѣ, которая, повидимому, означала форменный поворотъ германской стратегіи съ западнаго фронта на восточный. Изъ офиціальной сводки, изложенной въ сообщеніи штаба Верховнаго Главнокомандующаго отъ 3-го мая, видно было, что нѣмцы перевезли массы войскъ съ западнаго фронта и сосредоточили ихъ въ Западной Галиціи. Перевозка эта началась въ первыхъ числахъ апрѣля и продолжалась, повидимому, около трехъ недѣль, что давало основаніе предполагать, что нѣмцами перевезены съ западнаго фронта довольно крупныя силы.

Это обстоятельство являлось чрезвычайно важнымъ, ибо до сихъ поръ нѣмцы не желали отказываться отъ сосредоточенія большей массы своихъ войскъ на западномъ фронтѣ. Даже послѣ пораженія на Марнѣ нѣмцы упорно держали семь своихъ армій на сравнительно небольшомъ пространствѣ отъ Сѣвернаго моря до Вогезъ. Даже послѣ того, какъ Гинденбургъ былъ отброшенъ

Въ Галичинѣ. Уніатская церковь въ деревнѣ Волошанка.

отъ Варшавы и наши войска подошли къ германской границѣ, угрожая вторженіемъ въ Познанскій раіонъ, нѣмцы ограничились пересылкой лишь нѣсколькихъ корпусовъ съ западнаго фронта на восточный, а главныя массы продолжали держать на Западѣ.

И вотъ въ началѣ апрѣля обозначился наконецъ крутой поворотъ, и нѣмцы стали перевозить войска массами на восточный фронтъ. Что́ ихъ вынудило къ этому? Вполнѣ понятно, что къ этому они были вынуждены непрерывными неудачами, которыя они терпѣли на восточномъ фронтѣ совмѣстно съ австрійцами, — неудачами, конечно, чисто-стратегическими, ибо они хотя и занимали новые участки территорій, но не достигали ни разу важныхъ стратегическихъ цѣлей. Этими стратегическими цѣлями, какъ извѣстно, являлись оборонительныя линіи Вислы и Нѣмана.

Въ Карпатахъ. Желѣзнодорожный мостъ, разрушенный австрійцами.

Никакой временный успѣхъ нѣмцевъ не могъ окупить тѣхъ неудачъ, которыя выражались въ томъ, что ни Висла ни Нѣманъ не давались германской стратегіи. При той войнѣ, которую нѣмцы ведутъ на два фронта, необходимость загородиться хоть на одномъ какомъ-нибудь фронтѣ всегда является самой естественной стратегической потребностью. Нельзя воевать съ двумя сразу, ибо стратегія запрещаетъ дѣлить силы на части; можно воевать съ однимъ только, а для этого, въ свою очередь, нужно загородиться отъ другого.

Конечно, всякіе окопы и проволока также являются вполнѣ удовлетворительнымъ средствомъ для того, чтобы загородиться. Однако горы и рѣки считались, считаются и будутъ считаться лучшими оборонительными линіями, въ особенности глубокія рѣки и мало проходимыя горы. Онѣ даютъ возможность загородиться съ небольшими силами и сдѣлать всю остальную массу войскъ свободной для всякихъ операцій.

Вотъ почему Нѣманъ и Висла всегда составляли завѣтную мечту германской стратегіи. Владѣніе Нѣманомъ и Вислой представлялось нѣмцамъ, какъ способъ охранять свои и захваченныя владѣнія при помощи небольшого числа войскъ, а остальныя войска сдѣлать свободными для всякихъ операцій, будь то новый натискъ на Францію, или новый натискъ на восточномъ фронтѣ, гдѣ-либо на флангахъ, въ Галиціи и Прибалтикѣ.

Какъ извѣстно, нѣмцы трижды пытались овладѣть Вислой, — первый разъ, когда Гинденбургъ двинулся къ Варшавѣ, второй разъ, когда тотъ же Гинденбургъ двинулся по лѣвому берегу Вислы изъ Торна и былъ остановленъ на Бзурѣ, и третій разъ, когда нѣмцы двинулись въ январѣ изъ Восточной Пруссіи, но были остановлены передъ Нѣманомъ и Наревомъ. Нетрудно видѣть, что первыя двѣ попытки протиснуться къ Вислѣ были лобовыми, фронтальными наступленіями, а третья попытка, изъ Восточной Пруссіи, была попыткой охвата слѣва, такъ сказать, стремленіемъ „зацѣпиться лѣвой рукой“ за Вислу.

Теперь, когда нѣмцы повели совмѣстно съ австрійцами наступленіе по Западной Галиціи, мы имѣемъ попытку какъ бы охватить Вислу „правой рукой“. Однако это не означаетъ, что движеніемъ по Западной Галиціи ограничиваются планы нѣмцевъ, ибо, въ случаѣ неудачи зацѣпиться за Вислу здѣсь, они, конечно, будутъ толкаться по всему длинному восточному фронту, пробуя протиснуться и на Бзурѣ, и изъ Восточной Пруссіи, и т. п.

Самое наступленіе Макензена по Западной Галиціи выразилось въ томъ, что наши противники сразу двинули очень большія силы, стремясь прорвать фронтъ 3-й арміи, перегораживавшей своимъ расположеніемъ Западную Галицію поперекъ. Какъ видно изъ офиціальныхъ сообщеній, этотъ натискъ противника вынудилъ нашу 3-ю армію начать отходъ. Отходъ этотъ былъ крайне не легокъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что у противника было превосходство силъ, а во-вторыхъ, потому, что наши остальныя арміи австрійскаго фронта находились въ это время на Карпатахъ, и нужно было задержать противника, покуда онѣ выйдутъ изъ Карпатскихъ проходовъ.

Въ такихъ исключительно трудныхъ условіяхъ 3-я армія упорными боями сдерживала натискъ противника, при чемъ въ первое время пришлось выжидать, покуда выйдутъ наши войска изъ Дуклинскаго перевала, какъ самаго ближайшаго для противника. При этомъ отходѣ не успѣла выйти изъ перевала 48-я дивизія генерала Корнилова, составлявшая, повидимому, арьергардъ нашихъ войскъ, выходившихъ изъ Дуклинскаго перевала.

3-я армія уже миновала Дуклинскій перевалъ, а за нею подвигался противникъ и своимъ фронтомъ закрылъ Дуклинскій проходъ. Тогда генералъ Корниловъ, тѣснимый съ тылу черезъ Дуклинскій проходъ отдѣльной арміей австрійцевъ и имѣя передъ собою у выхода въ Западную Галицію съ другой стороны войска Макензена, героическими атаками сталъ пробиваться черезъ массы противника. Понеся потери, доблестная 48-я дивизія пробилась, и противнику не удалось ее захватить, къ чему онъ уже приготовился, такъ какъ были посланы въ Вѣну и Берлинъ телеграммы объ „окруженіи русскихъ“.

После этого труднаго момента наши войска 3-й арміи стали отходить болѣе размѣренно, задерживая противника на каждой позиціи. Такимъ образомъ ни прорывъ ни окруженіе австро-нѣмцамъ не удались, несмотря на громадное превосходство силъ, и вся операція

Наши офицеры у разрушеннаго австрійцами желѣзнодорожнаго моста въ Карпатахъ.

Герой-мученикъ рядовой Каспійскаго полка Алексѣй Макуха, пострадавшій отъ звѣрства австрійцевъ, взявшихъ его въ плѣнъ во время развѣдки; за отказъ сообщить расположеніе нашихъ войскъ ему сжали горло, штыкомъ раздвинули зубы и разрѣзали языкъ. Съ болтавшимся на тонкой перемычкѣ языкомъ Макуха умудрился бѣжать изъ плѣна къ роднымъ войскамъ. Въ настоящее время онъ находится на излѣченіи въ лазаретѣ чиновъ тюремнаго вѣдомства въ городѣ Тарнополѣ, въ Галичинѣ. Онъ помѣщенъ на койку имени петроградскаго благотворительнаго тюремнаго комитета. Въ состояніи его здоровья наступило значительное улучшеніе. Рана, нанесенная на три четверти толщины языка, теперь почти уже срослась, и врачи признали возможнымъ снять первоначальные швы, наложенные на языкъ. Медицинскій персоналъ, наблюдающій за лѣченіемъ Макухи, выражаетъ надежду, что геройвоинъ не утратитъ дара рѣчи. Однако полное зарубцеваніе раны едва ли наступитъ скоро. На нашемъ снимкѣ Алексѣй Макуха изображенъ въ лазаретѣ вмѣстѣ съ ухаживающей за нимъ сестрой милосердія.

свелась къ тому, что имъ пришлось лобовыми атаками брать рядъ параллельныхъ позицій до тѣхъ поръ, пока они не уткнулись въ рѣку Санъ. Здѣсь они уже были окончательно пріостановлены.

Изъ этого можно видѣть, что операція Макензена свелась сначала къ весьма ничтожному результату, а именно къ тому, что онъ отъ рѣки Дунайца дошелъ до рѣки Сана. Такъ какъ нашей основной оборонительной линіей является именно рѣка Санъ, а рѣка Дунаецъ, какъ слабая и мелкая рѣчонка, является лишь передовой линіей, то наше положеніе послѣ этой операціи Макензена нисколько не поколебалось. Наоборотъ, наши войска, бывшія до сихъ поръ растянутыми по всей линіи Карпатъ, сжались на болѣе короткомъ фронтѣ. Тотъ фронтъ, который заняли наши войска съ отходомъ на рѣку Санъ и съ уступкой самой западной части Карпатъ, верстъ на 300 короче прежняго фронта. Поэтому войска наши стали плотнѣе, и расположеніе ихъ стало болѣе стойкимъ.

Съ отходомъ къ рѣкѣ Сану закончилась первая операція Макензена, и онъ немедленно приступилъ ко второй. Вотъ эта вторая операція представлялась гораздо болѣе значительной, и здѣсь уже успѣхъ или неуспѣхъ могъ имѣть весьма большое значеніе. Операція эта, на первый взглядъ очень простая, заключалась въ попыткѣ Макензена переправиться черезъ рѣку Санъ.

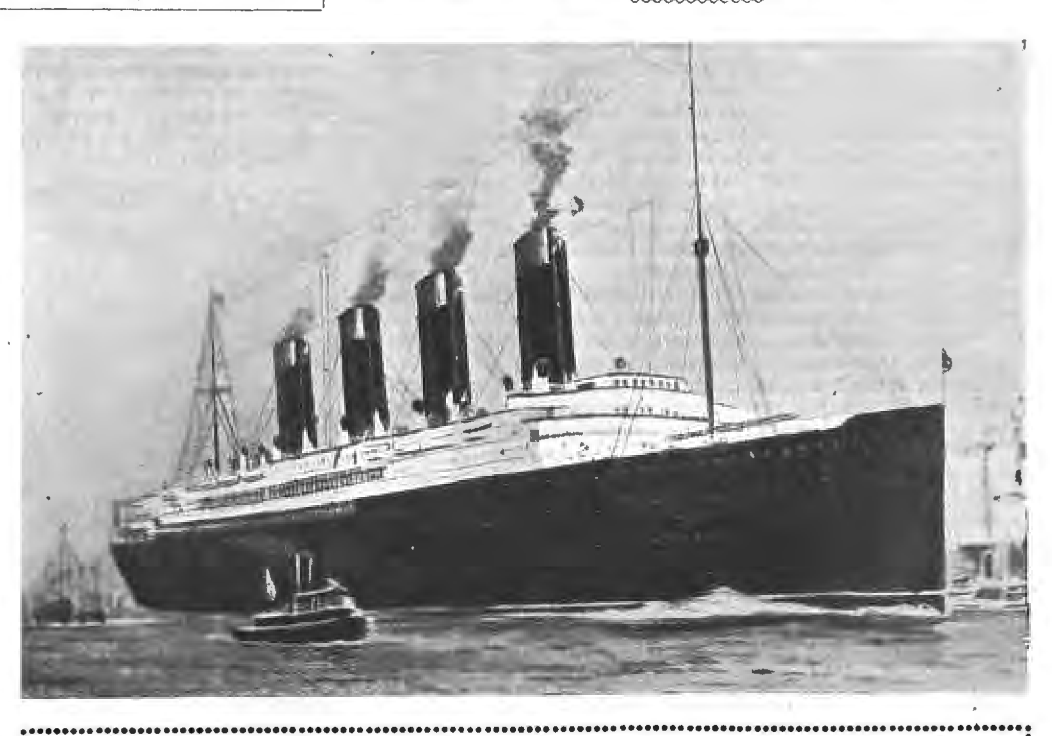
Однако малозначащее на первый взглядъ слово „Санъ“ на самомъ дѣлѣ означаетъ довольно много, ибо рѣка Санъ составляетъ притокъ праваго берега рѣки Вислы. Вся сущность въ томъ, что рѣка Санъ—притокъ не лѣваго берега, а праваго, и слѣдовательно, съ переходомъ черезъ рѣку Санъ нѣмцы стремились оказаться на томъ правомъ берегу Вислы, который имъ не давался съ самаго начала войны.

Мы уже отмѣчали, что нѣмцы три раза наступали къ Вислѣ и три раза не могли продвинуться далѣе лѣваго берега, не могли перескочить Вислу съ лѣваго берега на правый. Значеніе Сана въ томъ и заключалось, что переходъ черезъ него долженъ былъ означать появленіе нѣмцевъ на этомъ самомъ правомъ берегу Вислы, т.-е. начало занятія обоихъ береговъ Вислы, къ чему такъ настойчиво стремится германская стратегія съ октября мѣсяца.

Конечно, это задача не легкая и до сихъ поръ ни разу не удавалась нашимъ противникамъ, хотя они подходили къ Сану уже три раза. Въ данномъ случаѣ эта задача пріобрѣла большее значеніе лишь потому, что, какъ видно изъ офиціальныхъ сообщеній отъ 3-го мая, нѣмцы начали съ начала апрѣля перевозить массами войска съ французскаго фронта въ Западную Галицію. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ операція предпринималась болѣе крупными силами, чѣмъ раньше. Нѣмцы впервые двигали столь значительныя силы своихъ войскъ въ Западную Галицію.

Необходимо еще упомянуть, что одновременно съ продвиженіемъ Макензена къ рѣкѣ Сану, рядомъ съ нимъ, въ сосѣдней Кѣлецкой губерніи, продвинулся германскій участокъ, перемѣстившійся черезъ рѣку Ниду и городъ Кѣльцы. Эти германскія войска, какъ находившіяся на лѣвомъ берегу Вислы, неминуемо должны были уткнуться въ Вислу. Очевидно, Макензенъ, наступавшій по правому берегу Вислы, долженъ былъ, по плану нѣмцевъ, облегчить своимъ сосѣдямъ въ Кѣлецкой губерніи форсированіе оборонительной линіи Вислы.

Планъ этотъ грандіозный, но, конечно, весьма трудно выполнимый, ибо задаваться планомъ овладѣнія Вислой, конечно, нетрудно теоретически. Однако этотъ планъ неминуемо долженъ встрѣтить энергичное противодѣйствіе, ибо до сихъ поръ переходъ нѣмцевъ черезъ Вислу не допускался, какъ слишкомъ серьезная попытка, равносильная стремленію захватить Варшаву и скомпрометировать наше стратегическое положеніе въ Галиціи. Но, конечно, имѣть планъ еще далеко не значитъ его выполнить, и предсказывать его результаты такъ же невозможно, какъ предсказывать результаты любой игры въ самомъ ея началѣ. Можно лишь предполагать, что эта операція займетъ долгое время и, повидимому, выльется въ большое сраженіе по всему фронту отъ Балтійскаго моря до Румыніи, при чемъ это сраженіе можетъ оказаться однимъ изъ наиболѣе важныхъ сраженій нынѣшней войны.



Англійскій пассажирскій пароходъ „Лузитанія“, погибшій отъ германской мины, пущенной въ него съ подводной лодки. „Лузитанія“—одинъ изъ крупнѣйшихъ пароходовъ въ мірѣ, принадлежавшій англійской компаніи „Cunard-Line“, совершалъ рейсы между Ливерпулемъ и Нью-Іоркомъ.

„Лузитанія“. Столовая.

Гибель „Лузитаніи“.

(Съ 3 рис. на стр. 383 и 384).

24-го апрѣля близъ береговъ Ирландіи погибъ отъ германскаго разбойничьяго нападенія громадный англійскій пассажирскій пароходъ компаніи „Cunard-Line“, „Лузитанія“.

Эта трагедія, повлекшая за собою гибель свыше 1.500 мирныхъ людей, дѣтей и женщинъ, являетъ собою нѣчто неслыханное до сихъ поръ по варварству и жестокости. Нѣмцы заранѣе рѣшили потопить мирный пассажирскій пароходъ, только потому, что это былъ пароходъ англійскій. Съ своеобразнымъ цинизмомъ они предупреждали американскихъ гражданъ (пароходъ шелъ изъ Нью-Іорка въ Европу) не садиться на „обреченный“ пароходъ. Американцы-пассажиры „Лузитаніи“ получили на борту парохода телеграммы анонимнаго характера съ предостереженіями. Мало того, германскій посолъ въ Соединенныхъ Штатахъ, Бернсдорфъ, помѣстилъ въ газетахъ подобнаго же рода предупрежденіе. Американцы отвѣтили на эти анонимныя и полу-анонимныя предостереженія холоднымъ равнодушіемъ. Извѣстный милліардеръ Вандербильдтъ, бывшій въ числѣ пассажировъ, демонстративно разорвалъ полученную предупредительную телеграмму и выбросилъ ее за бортъ. Никто не хотѣлъ вѣрить, что нѣмцы дерзнутъ потопить совершенно мирный пароходъ, на которомъ не было ни военныхъ ни контрабандныхъ грузовъ, ни войскъ.

Тѣмъ не менѣе нѣмцы сдержали свое зловѣщее обѣщаніе: по словамъ очевидца, въ „Лузитанію“ была среди бѣлаго дня пущена подводной лодкой мина. Съ палубы видѣли пѣнистый слѣдъ этой мины, но пароходъ уже не имѣлъ возможности увернуться. Послѣдовалъ страшный взрывъ, послѣ чего пароходъ продержался на водѣ не болѣе четверти часа. Извѣщенныя по безпроволочному телеграфу спасательныя суда быстро направились къ мѣсту катастрофы изъ Квинстоуна, но застали на поверхности воды лишь около 20 лодокъ съ „Лузитаніи“ съ спасавшимися на нихъ пассажирами злополучнаго парохода. Погибло, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, 1.242 пассажира, не считая команды. Большинство погибшихъ пассажировъ англичане; много погибло и американцевъ. Среди послѣднихъ, какъ полагаютъ,—извѣстный милліардеръ Вандербильдтъ. Спаслось около 900 человѣкъ. Многіе изъ нихъ тяжко ранены и изувѣчены.

Стоимость погибшей „Лузитаніи“ превышала 20 милліоновъ рублей. Это былъ одинъ изъ самыхъ большихъ трансатлантическихъ пароходовъ, предшественникъ знаменитаго „Титаника“. „Лузитанія“ имѣла въ длину 790 футовъ, въ ширину 88. Ея водоизмѣщеніе равнялось 32.000 тоннъ, машина развивала 68.000 силъ. На пароходѣ имѣлись роскошныя помѣщенія для 500 пассажировъ І-го класса: громадная столовая въ два этажа, нѣсколько гостиныхъ, музыкальный салонъ, курительная, открытое кафэ въ мавританскомъ стилѣ (на самой верхней палубѣ) и даже отдѣльная „дѣтская комната“. Почти такой же роскошный ІІ-й классъ вмѣщалъ равнымъ образомъ 500 пассажировъ. Въ ІІІ-мъ классѣ, разсчитанномъ на 1.300 человѣкъ, имѣлись отдѣльныя каюты, прилично и комфортабельно обставленныя, курительный салонъ и громадная столовая съ піанино. Даже „междупалубные“ пассажиры (свыше 800) имѣли на „Лузитаніи“ недурное помѣщеніе, хорошо отапливаемое и вентилируемое, съ отдѣльными каютами для мужчинъ и женщинъ и даже съ распредѣленіемъ по національностямъ. „Лузитанія“ славилась своимъ ходомъ: весь путь отъ Нью-Іорка до Ливерпуля она совершала въ пять сутокъ.

Даже нѣкоторыя мелкія данныя могутъ дать понятіе о величинѣ погибшаго парохода: такъ, на немъ было 5.000 электрическихъ лампочекъ и къ нимъ около 200 миль проводовъ. Еще интереснѣе сравнительныя данныя, по которымъ англичане любили давать иностранцамъ понятіе о размѣрахъ „Лузитаніи“. Въ посвященныхъ этому пароходу книжкахъ и проспектахъ „Лузитанія“ вмѣстѣ со своей „сестрой“ „Мавританіей“ неизбѣжно изображались въ сравненіи съ различными громадными строеніями, улицами, мостами. „Лузитанія“ вздымалась по волѣ художника на ребра пирамиды Хеопса и оказывалась буквально „превыше пирамидъ“. Другой художникъ затискивалъ „Лузитанію“ въ широкую улицу Northumberland-Avenue въ Лондонѣ, и „Лузитанія“ еле помѣщалась между домами, превышая восьми и девятиэтажные дома своимъ массивнымъ туловищемъ. На площади св. Петра въ Римѣ „Лузитанія“ совершенно не умѣщалась, а ея трубы доходили до купола этого громаднаго собора, мачты же превышали его. Колизей въ сравненіи съ „Лузитаніей“ очень и очень проигрывалъ въ своихъ размѣрахъ.

Погибшій гигантъ числился въ спискахъ вспомогательныхъ крейсеровъ англійскаго флота, но британское адмиралтейство предпочло не пользоваться своимъ правомъ и оставило „Лузитанію“ въ распоряженіи пароходной компаніи для поддерживанія мирныхъ рейсовъ между Старымъ и Новымъ свѣтомъ.

Гибель „Лузитаніи“ вызвала взрывъ негодованія во всемъ культурномъ мірѣ. Въ Англіи немедленно послѣ катастрофы съ „Лузитаніей“ начались яростные погромы нѣмецкихъ магазиновъ и предпріятій, и стали раздаваться требованія полнаго освобожденія страны отъ остававшихся еще въ ней нѣмцевъ. Съ неменьшей страстностью отозвались и нейтральные Соединенные Штаты. Гибель множества американскихъ гражданъ вызвала цѣлый рядъ манифестацій въ Нью-Іоркѣ и Вашингтонѣ: бывшій президентъ Рузвельтъ открыто заявилъ, что случай съ „Лузитаніей“ является неслыханнымъ злодѣяніемъ. „Подобныя дѣянія,— сказалъ Рузвельтъ,—не могутъ разсматриваться иначе, какъ явное пиратство. Потопленіе „Лузитаніи“ представляетъ собою неслыханное пиратство, сопровождающееся такимъ массовымъ убійствомъ, къ какому никогда не прибѣгали никакіе пираты прежнихъ временъ. Это одинъ изъ тѣхъ способовъ войны, которыми были разрушены Лувенъ и Динанъ и умерщвлены тысячи мужчинъ, женщинъ и дѣтей въ Бельгіи. Это—война противъ ни въ чемъ неповинныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, переѣзжающихъ океанъ“.

Въ настоящее время Штаты предъявили Германіи энергическую ноту, справедливо указывая на то, что германскія „предупрежденія“ не могутъ считаться смягчающимъ обстоятельствомъ, ибо преступленіе, совершенное преступникомъ, ничуть не измѣняетъ своего смысла и значенія, хотя бы преступникъ предварительно и предупреждалъ свою жертву, что зарѣжетъ ее.

Въ другихъ нейтральныхъ государствахъ: Швеціи, Швейцаріи, Румыніи и пр. гибель „Лузитаніи“ единогласно разсматривается, какъ злодѣйство и безпримѣрный въ исторіи цинизмъ. Характерно то обстоятельство, что „Лузитанія“ была потоплена нѣмцами въ дни 500-лѣтняго юбилея Гогенцоллерновъ. А еще характернѣе „цѣна крови“, за каковую цѣну „Лузитанія“ была погублена: согласно нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, за потопленіе этого парохода была назначена крупная премія. Нѣмецкія подводныя лодки состязались въ ловкости и бдительности, уповая получить премію, и въ результатѣ одной изъ нихъ и удалось получить деньги, пахнущія кровью тысячи людей.

„Лузитанія“. Курительная.

Птичка.

Разсказъ **Бориса Лазаревскаго.**

Рыженькая, востроносенькая, какъ будто задумчивая, Лёля нравилась всѣмъ чиновникамъ и офицерамъ. И знакомые и незнакомые за глаза называли ее русалкой. Это названіе привилось къ Лёлѣ, вѣроятно, потому, что ея голубые глаза на солнцѣ казались иногда зеленоватыми, и она часто ходила съ распущенными волосами и блѣдно-зелеными цвѣтами на соломенной шляпѣ. Называли ее еще и птичкой.

И чѣмъ больше было у Лёли поклонниковъ, тѣмъ меньше знала она сама, кто ей нравится.

Городокъ былъ маленькій пограничный, и Лёлю знали всѣ: даже мѣстный ксендзъ-пробощъ Витошинскій при встрѣчѣ опускалъ глаза, а дома съ грустью говорилъ своей сестрѣ:

— Szkoda, że taka ładna panienka nie jest katoliczka *).

Уже прошло три года съ тѣхъ поръ, какъ Лёля окончила гимназію, но у нея еще ни разу не загорѣлось сердце тѣмъ неожиданнымъ чувствомъ, которое налетаетъ неизвѣстно откуда и неизвѣстно почему.

И собственный домикъ бабушки, уютный и бѣленькій, казался ей клѣткой, изъ которой очень трудно вылетѣть на свободу.

Покойный мужъ бабушки служилъ въ таможенномъ вѣдомствѣ и странствовалъ по всѣмъ границамъ. Здѣсь онъ купилъ крохотный домикъ, и сюда же къ нему переѣхала рано овдовѣвшая дочь съ Лёлей. Здѣсь мать Лёли и умерла, здѣсь умеръ и дѣдушка, здѣсь Лёля и поступила въ гимназію. И для бабушки и для нея маленькій польскій городокъ сталъ второй родиной. Пенсія у бабушки была небольшая, всего сто десять рублей въ мѣсяцъ, но за квартиру платить было ненужно, и всѣ предметы первой необходимости были очень дешевы, такъ что бабушка умудрялась еще кое-что откладывать.

Лёля хлопотала о мѣстѣ классной дамы въ женской гимназіи, но нашлись кандидатки съ болѣе сильной протекціей, и это не удалось. Пробовала она учиться писать на машинѣ, но изъ этого тоже ничего не вышло. Осенью всѣ влюбленные въ нее кавалеры съ удивленіемъ узнали, что Лёля уѣхала въ Петербургъ и поступила на курсы. Не легко ей было выпросить на это у своей единственной родственницы—бабушки триста рублей. Уѣзжая, она клятвенно обѣщала не заниматься политикой и ходить въ церковь.

Петербургъ Лёлю удивилъ и испугалъ, а курсистки не очень понравились. Казалось, что каждая изъ нихъ считаетъ себя слишкомъ умной. И Лёля до Рождества держалась совсѣмъ одинокой, ходила только на лекціи и въ церковь; каждую субботу писала бабушкѣ по открыткѣ. Дождливая погода и молчаніе, вѣроятно, были причиной того, что голубые глаза Лёли стали еще печальнѣе.

Эти глаза снова заблестѣли, когда въ началѣ декабря почтальонъ принесъ денежный переводъ отъ бабушки и письмо, въ которомъ старуха писала, что все время болѣетъ, и очень просила Лёлю поскорѣе пріѣхать на праздники,—не откладывать.

Въ вагонѣ она почувствовала себя совсѣмъ счастливой, но все такой же одинокой, и ни съ кѣмъ не разговаривала, а когда проѣхали Вильну, то всѣ вновь садившіеся пассажиры уже казались родными. Въ Варшавѣ была пересадка. Лёля съ аппетитомъ съѣла порцію „фляковъ" и выпила стаканъ чаю. А потомъ долго ходила взадъ и впередъ по перрону. Какъ и у многихъ нервныхъ дѣвушекъ, у нея была способность чувствовать на себѣ чужой взглядъ.

Женщины умѣютъ, не поворачивая головы, смотрѣть назадъ. И Лёля замѣтила, что тревожившій ее взглядъ принадлежитъ уже немолодому, но красивому чиновнику. Она не боялась, что онъ заговоритъ, или задѣнетъ ее.

Уже вечерѣло; Лёлѣ предстояло взять свои вещи у носильщика и ѣхать черезъ весь городъ на другой вокзалъ, откуда поѣздъ отходилъ въ десять часовъ вечера. Не обращая больше вниманія на чиновника, она такъ и сдѣлала. Въ этотъ день выпала вообще рѣдкая для Варшавы санная дорога, и послѣ захода солнца стало подмораживать. Яркій свѣтъ электрическихъ фонарей, чистый воздухъ и гладкая дорога, и двигавшіеся по тротуарамъ люди—все это бодрило. Хотѣлось и самой поскорѣе попасть въ родной городокъ, увидѣть бабушку и затѣмъ пройтись по главной улицѣ, чтобы всѣ узнали, что Лёля вернулась.

Пассажировъ набралось много, а поѣздъ былъ безъ плацкартъ. И когда Лёля со своей корзиночкой и ручнымъ саквояжемъ наконецъ попала въ купэ, то оказалось, что негдѣ не только лечь, но даже сѣсть.

„Это ничего,—подумала Лёля:—на одной изъ промежуточныхъ станцій кто-нибудь выйдетъ, и я займу свободное мѣсто, а пока можно постоять и въ коридорчикѣ".

Поѣздъ двинулся. Одинъ изъ сидѣвшихъ на нижней лавкѣ пассажировъ сказалъ изъ темноты:

— Пожалуйста, займите мое мѣсто, я въ дорогѣ никогда не сплю...

Лёля поблагодарила, и когда произнесшій эту фразу вышелъ изъ купэ, то увидѣла, что это тотъ самый чиновникъ таможеннаго вѣдомства, который за ней слѣдилъ. Стало немножко досадно, что пришлось воспользоваться любезностью именно этого человѣка, но усталость взяла свое, и Лёля больше не отказывалась. Лечь все-таки было нельзя. У самаго окна сидѣла ворчливая дама, повидимому, очень недовольная тѣмъ, что она осталась не одна. И никто изъ нихъ не заснулъ во всю ночь. Лёлѣ стало жаль чиновника, и она въ свою очередь сказала:

— Послушайте, зачѣмъ вы стоите, вѣдь здѣсь есть мѣсто для третьяго.

Онъ бросилъ папиросу, вошелъ и сѣлъ посрединѣ. Начали разговаривать. И оказалось, что таможенный ѣдетъ въ тотъ же городокъ, но въ первый разъ въ жизни, потому что перевелся съ Дальняго Востока. Ворчливая дама совсѣмъ неожиданно собрала свои узелки и вышла на одной изъ маленькихъ станцій.

Уже былъ пятый часъ утра, но зимняя ночь не окончилась. Съ чернаго неба смотрѣли еще звѣзды, и въ окно не было видно, гдѣ идетъ поѣздъ—въ лѣсу или въ полѣ.

Чиновникъ сталъ разспрашивать Лёлю, дорога ли у нихъ жизнь, и какое у нихъ общество. Потомъ разсказалъ о себѣ, что онъ вдовецъ, жена его умерла пять лѣтъ назадъ во Владивостокѣ, что китайцы и японцы, съ которыми приходилось имѣть дѣло, ему опротивѣли, и онъ, какъ о милости, просилъ о переводѣ въ Царство Польское. Чиновникъ долго молчалъ и потомъ добавилъ:

— Знаете, вы мнѣ ужасно напоминаете мою покойную жену, а я увѣренъ, что женщины, похожія по внѣшности, всегда имѣютъ что-то общее и въ характерѣ. Вы откуда ѣдете?

— Изъ Петербурга...

— Учитесь тамъ?

— Да, я курсистка.

— Вотъ ужъ никогда не подумалъ бы; я самъ окончилъ Петербургскій университетъ и видѣлъ множество курсистокъ, но вы совсѣмъ не типичная.

— Да, пожалуй... я пробыла только одно полугодіе. Мнѣ было скучно и страшно...

— Почему?

— Да въ Петербургѣ всѣ, даже знакомые, какъ чужіе, а у насъ и незнакомые, какъ свои.

Чиновникъ снова замолчалъ. Потомъ сказалъ, что пойдетъ покурить въ коридоръ, и когда вернулся, то увидѣлъ, что барышня уснула крѣпкимъ сномъ. Она открыла глаза, когда солнце уже блестѣло на голубоватомъ, покрывавшемъ поле, снѣгѣ.

Весело и быстро постукивая на стрѣлкахъ, влетѣлъ поѣздъ на знакомую Лёлѣ съ дѣтства станцію. Таможенный едва успѣлъ спросить, есть ли въ городѣ гостиница, и какъ она называется. Лёля что-то пробормотала, весело кивнула ему головкой и вылетѣла на перронъ.

Дома она очень обрадовалась дѣйствительно разболѣвшейся бабушкѣ. Въ каждой комнатѣ горѣла въ углу лампадка, и отъ порога до порога были постланы цвѣтныя дорожки. Гудѣла только-что затопленная герметическая печка. Блестѣло въ зальцѣ піанино, и чехлы на мебели казались особенно чистенькими. Горничная Юзефа обрадовалась Лёлѣ, живо сварила кофе и сбѣгала за сливками. Бабушка ни о чемъ не разспрашивала, а только крестилась и шептала:

— Ну, и слава Богу, что благополучно доѣхала...

О чиновникѣ Лёля совсѣмъ забыла.

Послѣ кофе умылась, переодѣлась, поцѣловала бабушку и пошла гулять. Встрѣтила двухъ подругъ, одну изъ нихъ уже замужнюю, студента-политехника и еще одного путейца, затѣмъ влюбленнаго въ нее ротмистра пограничной стражи и множество другихъ знакомыхъ. Почти каждый считалъ своимъ долгомъ спросить ее о курсахъ, но Лёлѣ нечего было отвѣчать, кромѣ того, что тамъ учатся цѣлыхъ десять тысячъ барышень.

Какъ и прежде, она любила всѣхъ и никого особенно.

Бабушка все время была ласкова и какъ будто здорова, только часто жаловалась на сердце. Лёля поздно вставала и ни о чемъ не думала. Одѣваясь, она выслушивала городскія новости отъ Юзефы, которая ни съ того ни съ сего однажды спросила, правда ли, что барышни тамъ на курсахъ рѣжутъ мертвецовъ. Лёля въ отвѣтъ только разсмѣялась.

Однажды, когда она уже совсѣмъ была готова, но еще не окончила прически, вошла Юзефа и съ таинственнымъ видомъ сообщила, что пришелъ и спрашиваетъ барышню какой-то „цивильный" *) панъ, котораго она никогда раньше въ городѣ не встрѣчала. Лёля пожала плечами, наскоро заколола двѣ шпильки и вышла въ зальце, но здѣсь никого не было. Она повернула голову и увидѣла въ передней стоявшаго въ пальто, но безъ фуражки, таможеннаго чиновника, съ которымъ ѣхала въ поѣздѣ. Онъ поклонился и сказалъ:

— Простите, ради Бога, но я до сихъ поръ не могу найти себѣ квартиры; дѣло въ томъ, что мои подчиненные встрѣтили меня

*) Какъ жаль, что такая хорошенькая барышня не католичка.

*) Штатскій.

— Ну, я сейчасъ сама съ нимъ поговорю.

Видно было, что гость съ первыхъ же минутъ бабушкѣ очень понравился. Она перечислила три или четыре фамиліи домовладѣльцевъ, у которыхъ, по ея мнѣнію, могли сдаваться свободныя комнаты, потомъ спросила:

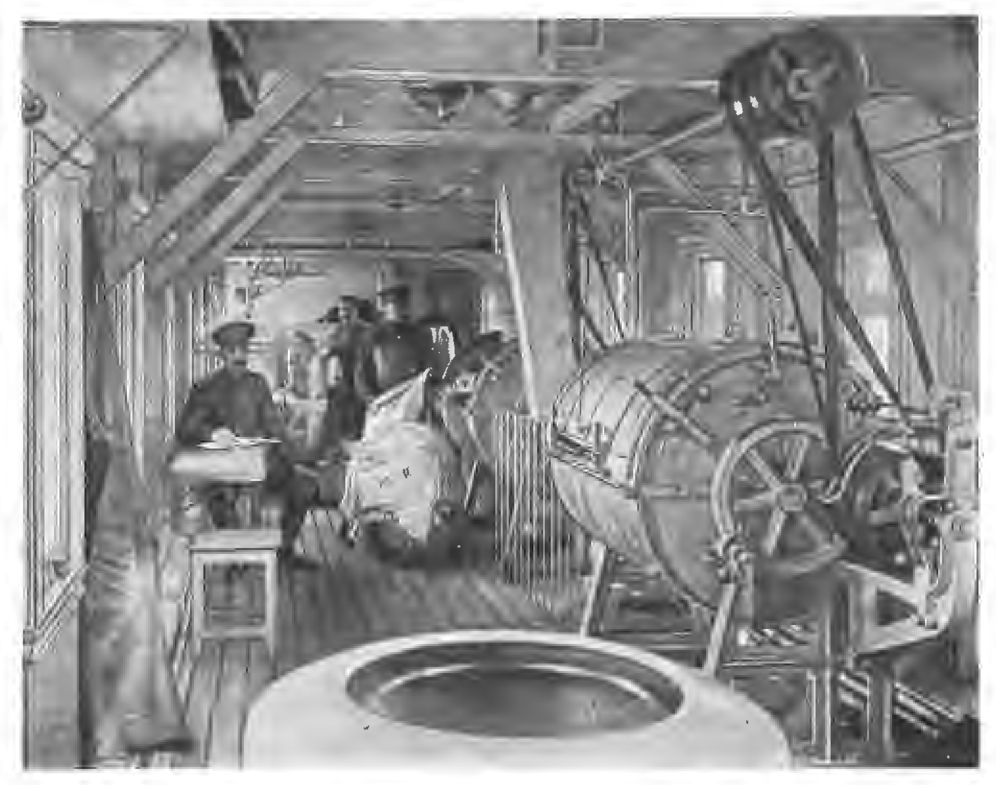
— Позвольте узнать ваше имя и отчество.

— Аркадій Петровичъ, — отвѣтилъ Ивановъ, вынулъ записную книжку и отмѣтилъ сказанныя бабушкой фамиліи домовладѣльцевъ.

Бабушка разсказала, что и ея покойный мужъ служилъ по таможенному вѣдомству, а затѣмъ начала подробно разспрашивать Иванова о его прошлой жизни, обернулась къ Лёлѣ и шепнула:

— Скажи Юзефѣ, чтобы приготовила кофе и купила сдобныхъ булочекъ.

Поѣздъ-баня и прачечная въ дѣйствующей арміи. Паръ передается по соединительной трубѣ въ вагонъ-баню и въ вагонъ-прачечную.



Поѣздъ-прачечная въ дѣйствующей арміи. Стиральныя машины.

какъ-то недружелюбно, польскаго языка я не знаю, а знакомыхъ у меня, кромѣ васъ, нѣтъ ни одной души... Вотъ я и рѣшилъ обратиться къ вамъ за совѣтомъ...

Лёля густо покраснѣла, — теперь чиновникъ показался ей гораздо красивѣе,—она растерялась и, ни слова не говоря, побѣжала къ бабушкѣ. Бабушка отвѣтила, что русскому человѣку на чужой сторонѣ слѣдуетъ помочь.

— Ты жъ его хоть пригласи войти...

Лёля вернулась назадъ и сказала чиновнику:

— Снимите ваше пальто и войдите, мы что-нибудь придумаемъ.

Таможенный, видимо, стѣснялся. Переступивъ порогъ, онъ еще разъ поклонился и отрекомендовался:

— Ивановъ.

Но Лёля ничего придумать не могла, потому что цѣлыя полгода отсутствовала, и снова побѣжала за помощью къ бабушкѣ, которая въ этотъ день чувствовала себя бодрѣе и была въ хорошемъ расположеніи духа. Она надѣла очки и произнесла:

Поѣздъ-прачечная въ дѣйствующей арміи. Сушильня.

Какъ ни отнѣкивался гость, но долженъ былъ позавтракать. Лёля внимательно его разсматривала и замѣтила, что онъ не только красивѣе, но и гораздо моложе, чѣмъ показался ей на вокзалѣ. Бабушка поправила очки, пожевала губами и вдругъ рѣшительно произнесла:

— Знаете что̀, моя внучка въ началѣ января все равно уѣдетъ на курсы, и одна комната въ моемъ домѣ пустуетъ, вы ее можете занять.

— Ужъ не знаю, какъ васъ и благодарить, а до тѣхъ поръ буду сидѣть въ гостиницѣ, хозяинъ которой—нѣмецъ всячески старается мнѣ показать свое презрѣніе.

Молчавшая до сихъ поръ Лёля вдругъ сказала:

— А зачѣмъ вамъ тамъ сидѣть? Я сегодня же перейду въ комнатку къ бабушкѣ, а вы поселяйтесь въ моей.

Сказала и сама испугалась. Бабушка не разсердилась на ея легкомысліе и коротко произнесла:

— Можно и такъ.

И на слѣдующій день Аркадій Петровичъ сдѣлался въ маленькомъ домикѣ своимъ человѣкомъ. Недовѣрчивая вообще къ людямъ бабушка почувствовала къ нему особую симпатію и даже не сердилась, если Ивановъ

и Лёля засиживались въ разговорахъ до глубокой ночи.

Однажды Аркадій Петровичъ сказалъ Лёлѣ:

— Покажите мнѣ ваши книги.

— Книги?.. протянула она.—У меня только есть сочиненія Диккенса и „Всемірная Иллюстрація“ за 1883 годъ.

— Вѣдь вы, кажется, на юридическомъ факультетѣ? Вамъ много нужно читать...

— Да все какъ-то еще не успѣла.

Аркадій Петровичъ почувствовалъ, что разговоръ на эту тему лучше прекратить. И стало ему ясно, что ни курсамъ Лёля не нужна, ни курсы Лёлѣ, и ничего они къ ней не прибавятъ.

Незадолго передъ отъѣздомъ, Лёля во время обѣда сказала бабушкѣ, что въ этомъ полугодіи придется купить нѣсколько новыхъ, дорого стоящихъ, книгъ. Бабушка нахмурилась,—она не любила вынимать лишнихъ денегъ. Чтобы затушевать непріятную минуту, Лёля произнесла:

— Впрочемъ, есть Публичная Библіотека, я туда буду ходить.

Поѣздъ-прачечная въ дѣйствующей арміи. Сдача стираннаго бѣлья по полкамъ на передовыя позиціи.

Поѣздъ-прачечная въ дѣйствующей арміи. Дезинфекціонная камера.

Бабушка не дослышала и переспросила:

— Какая библіотека?

— Публичная.

— Нѣтъ, ужъ лучше я тебѣ дамъ денегъ, купи себѣ, что надо...

Усы Аркадія Петровича дрогнули отъ улыбки, но онъ ничего не сказалъ. Послѣ шумнаго пьянаго Владивостока, послѣ крикливыхъ китайцевъ и суетливыхъ японцевъ, домикъ бабушки казался ему раемъ, а Лёля ангеломъ. И если бы она была дѣйствительно интеллигентной и образованной настоящей курсисткой, то, пожалуй, потеряла бы всю свою прелесть. И казалось ему, что сердце у Лёли нѣжное и чуткое. Аркадій Петровичъ часто думалъ:

„Такая, если полюбитъ, то ужъ на всю жизнь, и только одного“.

Въ день вторичнаго отправленія въ Петербургъ Лёля плакала, поцѣловала бабушкѣ

Поѣздъ-баня.

Въ составѣ поѣзда находятся двѣ цистерны, вмѣщающія свыше 2.000 ведеръ воды, спеціально оборудованные вагоны съ электрической станціей, мастерской для починки одежды и сапогъ, два вагона-раздѣвальни, два вагона собственно бани, японская дезинфекціонная камера, вагонъ для грязнаго бѣлья, складъ чистаго бѣлья, вагонъ для персонала и администраціи.

Каждый изъ двухъ вагоновъ-бань устроенъ слѣдующимъ образомъ: посреди вагона идетъ широкая лавка, по стѣнкамъ — души съ горячей и холодной водой; 24 душа на вагонъ. Вагонъ нагрѣвается горячимъ паромъ. Одновременно въ двухъ вагонахъ могутъ мыться 50 — 55 человѣкъ. Каждая партія моется $^1/_2$ часа: 3 минуты дается на раздѣванье, 20 минутъ на мытье и 7 минутъ на одѣванье. Такимъ образомъ въ часъ успѣваютъ вымыться 100 — 110 человѣкъ. Въ среднемъ въ день моется свыше 1.000 человѣкъ, въ мѣсяцъ—свыше 30.000 солдатъ.

Одна бѣда—бѣлья мало. А не дай послѣ бани чистаго бѣлья,—это наполовину уменьшитъ и пользу и смыслъ бани. Поѣзду необходимо имѣть, чтобы успѣшно работать, 40 тысячъ комплектовъ бѣлья въ мѣсяцъ. Обращаемъ на это вниманіе общества.

Поѣздъ-баня въ дѣйствующей арміи. Ждутъ очереди.

руку и приняла благословеніе. А потомъ совсѣмъ просто поцѣловалась первый разъ въ губы съ Аркадіемъ Петровичемъ и тоже уронила слезу. Онъ проводилъ ее на вокзалъ. Юзефа раньше повезла вещи и не уходила съ платформы до третьяго звонка, — она тоже плакала, а когда поѣздъ тронулся, махнула рукой и безнадежно произнесла:

— Znòw nasza panienka będzie krajata trupy *).

Аркадій Петровичъ не понялъ, грустно покачалъ головой и отозвался:

— Ей безъ этого нельзя.

Въ январѣ Петербургъ показался Лёлѣ еще страшнѣе и безумнѣе. Ночью движеніе на улицахъ было такое же, какъ и днемъ. Попасть въ оперу обыкновенный смертный совсѣмъ не могъ. Пройти по улицѣ одной вечеромъ было небезопасно. И однажды какихъ-то два господина упорно шли за ней отъ угла Гороховой до Средняго проспекта.

И снова изо всѣхъ силъ попробовала Лёля стать какъ можно ближе только къ курсамъ, но на лекціяхъ ей было скучно. Она оживлялась только, когда на каѳедрѣ появлялся молодой приватъ-доцентъ, говорившій чрезвычайно витіевато, съ паѳосомъ, и сыпавшій терминами.

И чѣмъ непонятнѣе были эти термины, тѣмъ

Захваченный германскій аэропланъ.

На мирномъ положеніи.
Офицеръ готовитъ себѣ обѣдъ.

интереснѣе казалась лекція Лёлѣ. Но приватъ-доцентъ появлялся не каждый день. Попробовала она подружиться съ двумя курсистками, но какъ только почувствовала, что онѣ болѣе развиты, сейчасъ же подъ какимъ-то ничтожнымъ предлогомъ прервала знакомство.

Попробовала Лёля еще разговаривать со своей квартирной хозяйкой-финкой, но черезъ два-три дня и это надоѣло. Лёля очень страдала отъ скверной пищи „столовокъ“, въ которыхъ приходилось обѣдать. Ей начали сниться страшные сны, а днемъ она не знала, куда дѣваться. Одиночество, какъ тяжелая ноша, давило плечи.

Приближалась масленица. Занятія снова прекратились. На улицахъ весело позванивали бубенчики „веекъ“. Толпа шумно и быстро двигалась на панеляхъ. Ѣхать домой на одну недѣлю не имѣло смысла, но тяжко было и оставаться. Чтобы уйти отъ самой себя, Лёля старалась какъ можно больше спать. Ея личико припухло, прическа не всегда была въ порядкѣ, глаза смотрѣли тускло, какъ у больной. Отъ скуки она пошла въ „столовку“ и спросила блиновъ со сметаной. Съѣла три или четыре и больше не могла. Пришла домой, почистила зубы, вымыла руки, прошлась нѣсколько разъ по комнатѣ и легла на постель.

Какъ-то незамѣтно заснула и сейчасъ же увидѣла бабушку въ бѣломъ парадномъ платьѣ, какого у бабушки никогда не было на самомъ дѣлѣ, и въ новомъ чепчикѣ, украшенномъ живыми цвѣтами. Лицо бабушки было необыкновенно красиво, она поманила къ себѣ Лёлю, которая подошла и какъ-то невольно опустилась на колѣни. Бабушка обняла ее и поцѣловала въ голову.

Руки у бабушки были холодныя и тяжелыя, какъ металлъ. Этотъ холодъ великимъ ужасомъ пробрался въ сердце Лёли и сковалъ все ея тѣло. Она уже поняла, что это сонъ, но не могла открыть глазъ, не могла пошевелиться, казалось, что сейчасъ наступитъ смерть. Нельзя даже было закричать.

Лёля сдѣлала огромное усиліе, рванулась и упала съ постели, больно ударилась объ уголъ ночного столика, и когда пришла въ себя, долго тяжело дышала.

Явилось твердое рѣшеніе завтра же уѣхать домой, но денегъ оставалось всего восемь рублей, и за цѣлую недѣлю она уже просрочила плату квартирной хозяйкѣ. Лёля одѣлась и опять вышла на улицу. Сѣла въ трамвай и

Операція на походѣ. Ветеринарный врачъ вынимаетъ у лошади изъ ноги пулю.

*) Опять наша барышня будетъ рѣзать трупы.

бенно пріятно, что его шелковистая борода прикасается къ ея щекѣ.

Онъ ничего не говорилъ, а только покачивалъ ее, какъ маленькаго ребенка, и сладко было дремать, чувствуя на своей таліи мощныя горячія руки. Лёля проснулась съ тѣмъ же сладкимъ чувствомъ и совсѣмъ бодрая. Въ одной рубашкѣ сѣла къ письменному столику и написала телеграмму. И оттого, что слова, которыя она произносила мысленно, уже стояли на бумагѣ, сдѣлалось еще веселѣе.

Сонъ о бабушкѣ помнился еще ярко, но уже не казался страшнымъ, а самымъ обыкновеннымъ послѣдствіемъ тяжелыхъ блиновъ.

На улицѣ морозило. И солнце свѣтило такъ ярко, точно въ родномъ городѣ. Лёля сдала телеграмму, спрятала въ кошелечекъ расписку и пошла обѣдать не въ свою обычную „столовку", а въ польскую кофейню, гдѣ каждое блюдо стоило очень дорого: сорокъ копеекъ. Возвращалась она по Большой Морской и возлѣ одного изъ домовъ увидѣла флаги, а подъ флагами вывѣску: „Передвижная выставка картинъ".

Лёля рѣшила, что, если кутить, такъ кутить. Заплатила при входѣ еще полтинникъ и долго ходила по заламъ. Большинство картинъ ей не понравилось, и показалось, что художники кладутъ слишкомъ много красокъ, а главное, недостаточно тонко вырисовываютъ черты человѣческихъ лицъ; на тѣхъ картинахъ, которыя висѣли у бабушки въ гостиной, люди были нарисованы гораздо лучше и совсѣмъ гладко.

Очень поразили и удивили Лёлю изображенія голыхъ женщинъ, и что вполнѣ приличные мужчины и дамы смотрѣли на эти картины, не улыбаясь и не подталкивая другъ друга.

„И какъ это полиція позволяетъ?"—подумала Лёля и пошла съ выставки.

Домой все-таки не хотѣлось. Она сѣла въ трамвай и поѣхала вокругъ города, черезъ Троицкій мостъ; затѣмъ въ паркѣ въ первый разъ увидѣла Народный Домъ, о которомъ слыхала отъ подругъ. Рѣшила заглянуть и туда. Подошла къ кассѣ и къ своей радости узнала, что можно достать билетъ въ оперу, и что спектакль начнется еще черезъ три часа. Людей было мало. Сидѣли за столиками, ѣли и пили только въ буфетѣ. Лёля спросила себѣ чаю и тоже сѣла. Разсматривала обстановку и вновь приходившихъ.

До начала спектакля время прошло незамѣтно. Ставили „Пиковую даму", и Лёлѣ очень жаль было бѣдную Лизу, и непонятнымъ казалось, какъ это она могла увлечься такимъ картежникомъ, какъ Германъ. Думала еще Лёля, что было бы лучше, если бы оркестръ игралъ только въ антрактахъ, а то нельзя

Окопы, построенные нѣмцами въ одной изъ польскихъ деревень.

поѣхала куда-то очень далеко, къ Лѣсному. Назадъ вернулась только ночью. Въ вагонѣ сидѣли рабочіе и громко хохотали, и пахло отъ нихъ водкой.

Съ тоской поднялась Лёля по грязной, заплеванной лѣстницѣ въ пятый этажъ въ свою каморку. И снова ничего не оставалось дѣлать, какъ только лечь въ постель. Обдумывая свое положеніе, Лёля рѣшила послать телеграмму съ просьбой о высылкѣ денегъ, но, чтобы не испугать бабушку, адресовать ее на имя Аркадія Петровича. Было ясно, что никакого личнаго счастья отъ курсовъ ожидать нельзя, а если заставить себя все-таки ихъ окончить, то меньше, чѣмъ черезъ пять-шесть лѣтъ, этого ей сдѣлать не удастся, а за это время уйдетъ молодость, и расшатается здоровье.

Мысль о томъ, что въ этой комнаткѣ придется прожить всего нѣсколько часовъ, подбодрила Лёлю. Уже болѣе спокойная и усталая отъ долгой поѣздки въ трамваѣ, она опять заснула.

Кошмаръ не повторился. Она увидѣла Аркадія Петровича, будто сидитъ у него на колѣняхъ, и такъ ей тепло и уютно, и осо-

Въ разоренной Польшѣ.

Халупы, разбитыя непріятельскими снарядами.

разобрать многихъ словъ, которыя поютъ. Но все-таки удовольствіе получила огромное.

Когда она вышла изъ Народнаго Дома, никакъ не могла попасть въ вагонъ переполненнаго трамвая, а итти одной по улицѣ было страшно, пришлось взять извозчика. „Ну, хоть попрощалась съ Петербургомъ,— подумала Лёля:—теперь уже все видѣла".

Дома она застала телеграмму и очень удивилась, что отвѣтъ пришелъ такъ скоро. Распечатала и прочла: „бабушка больна положеніе серьезное Ивановъ".

Этого Лёля никакъ не ожидала, взволновалась и не знала, что предпринять. Почему-то надѣла кофточку и шляпу, потомъ вспомнила, что уже ночь, и опять раздѣлась.

Ложиться не хотѣлось: во-первыхъ, выспалась днемъ, а во-вторыхъ боялась, что снова увидитъ во снѣ что-нибудь ужасное. И какъ пойманная птичка прыгаетъ въ клѣткѣ съ жердочки на жердочку, вездѣ суетъ носикъ, ищетъ выхода, — такъ металась до семи часовъ утра Лёля по своей комнатушкѣ. Руки и ноги были у нея холодныя, вздрагивала сама собой нижняя челюсть, и ни съ чѣмъ несравнимая тоска мучила душу безъ отдыха.

Въ началѣ восьмого въ дверь кто-то стукнулъ, — снова оказалась телеграмма: „переведу телеграфомъ постарайтесь выѣхать сегодня Ивановъ".

Пытка продолжалась до двухъ часовъ дня. Хозяйка-финка замѣтила, что съ Лёлей неладно, принесла кофе и умоляла ее выпить хоть нѣсколько глотковъ, а затѣмъ начала утѣшать, и чѣмъ больше произносила она словъ, въ которыхъ не было ни „р" ни „л", тѣмъ меньше понимала ее Лёля и тѣмъ больше страдала.

Нельзя даже было уйти изъ дому, чтобы не пропустить почтальона. Онъ явился только въ четыре часа, равнодушный, усталый, пахнувшій морозомъ; тяжело ступая сапогами, подошелъ къ столу и привычнымъ жестомъ отрѣзалъ половину бланка, затѣмъ медленно и лѣниво вынулъ деньги и положилъ ихъ на столъ. У Лёли не оказалось ни копейки мелочи, а почтальонъ думалъ, что Лёля не хочетъ дать слѣдуемаго ему гривенника изъ скупости. Пока хозяйка сбѣгала въ лавочку и размѣняла рубль, прошло еще четверть часа; наконецъ все устроилось, и почтальонъ ушелъ.

Мирныя картины походной жизни.
Забавляются чайкомъ—угощеніемъ мѣстныхъ жителей.

У походнаго самовара-кипятильника.

Лёля схватила деньги и помчалась на городскую станцію. По случаю масленицы, всѣ билеты были проданы, здѣсь Лёля чуть не упала въ обморокъ, но кассиръ сказалъ, что часть билетовъ будетъ продаваться вечеромъ передъ поѣздомъ на вокзалѣ, однако слѣдуетъ встать въ очередь какъ можно раньше.

Лёля снова вернулась на квартиру и принялась торопливо, какъ на пожаръ, укладываться. Было еще пять часовъ, но солнце уже давно зашло и на улицѣ горѣли фонари, а Лёлѣ казалось, что уже восьмой часъ, и что она непремѣнно опоздаетъ.

Наскоро расплатилась, наскоро попрощалась и слетѣла внизъ по лѣстницѣ. Когда сѣла на извозчика, стало легче дышать. На вокзалѣ пришлось ждать еще три часа до открытія кассы. Лёля спросила себѣ стаканъ чаю, машинально проглотила два бутерброда съ ветчиной, расплатилась, сама взяла свои чемоданчики, поставила ихъ передъ кассой и облокотилась о барьеръ. Она была первой. Безконечно много передумалось за это время. Уже не было сомнѣнія, что бабушка умерла, и страхъ за себя увеличивался съ каждой минутой. Страшно почему-то было встрѣтиться съ Аркадіемъ Петровичемъ, и страшно было отъ мысли сдѣлаться владѣлицей бѣленькаго домика, но не приходило въ голову, какъ и на какія средства придется жить дальше.

Стукнуло окошечко кассира.

Лёля вдругъ забыла, до какой станціи нужно купить билетъ, и на нетерпѣливые вопросы кассира бормотала:

— Я сейчасъ, я сейчасъ...

Наконецъ сказала и потомъ долго удивлялась сама себѣ.

Въ вагонѣ на помощь ей пришла физическая усталость: ноги одеревянѣли, голова стала совсѣмъ плохо соображать. Лёля крѣпко заснула, и когда гдѣ-то на большой остановкѣ ее разбудили, то подумала, что все это происходитъ во снѣ. Машинально перевернулась на другой бокъ и опять спала до часу дня. Открыла глаза, снова что-то долго соображала; достала полотенце и пошла умываться. Ѣсть не хотѣлось. И до самаго роднаго городка вся она была, какъ деревянная.

Обѣдъ нижнихъ чиновъ передъ смѣной на позиціи.

Первый, кто ей сказалъ о смерти бабушки, былъ извозчикъ. На слѣдующемъ углу она замѣтила плакатъ съ черной каемочкой и крестикомъ. И хотя буквъ разобрать не могла, но Лёлѣ казалось, что она свободно прочла имя и фамилію бабушки. Крохотное сомнѣніе еще держалось въ сердцѣ, пока она не увидѣла у своего крыльца крышку гроба. Входили и выходили какія-то старухи и матери съ дѣтьми. Лёлю встрѣтилъ Аркадій Петровичъ въ черномъ сюртукѣ, блѣдный, но спокойный, и взялъ подъ руку. Онъ сказалъ, что случилось это позавчера вечеромъ внезапно, въ то время, какъ бабушка пила чай, что сейчасъ же послали за докторомъ, но тотъ уже ничего не могъ подѣлать, а только коротко произнесъ: „параличъ сердца".

Бабушка лежала въ гробу важная, спокойная... На подушкѣ, возлѣ ея головы—цвѣты.

Одеревянѣніе Лёли вдругъ прошло. Она подбѣжала къ гробу, прижалась къ ледянымъ рукамъ покойницы, и вся затряслась. Окружающіе дали ей выплакаться. Затѣмъ пріѣхалъ православный священникъ, котораго уже давно ждали, и все было сдѣлано по порядку.

Аркадій Петровичъ не отходилъ отъ Лёли и самъ привелъ ее съ кладбища домой. Показалось Лёлѣ, что всѣ комнаты въ туманѣ, или въ дыму.

Точно на лентѣ кинематографа, гдѣ человѣческая жизнь долго бѣжала, въ одну секунду вдругъ показался экранъ пустой и бѣлый,—такъ почувствовала Лёля, что впереди ничего нѣтъ, а то, что будетъ, уже не зависитъ ни отъ ея воли ни отъ воли бабушки.

(Окончаніе будетъ).

Вѣнокъ отчизнѣ.

Обойду я всѣ веси отчизны моей,
Соберу золотые лучи на лету;
Соберу я цвѣты средь луговъ и полей,
Грустно-скорбные вздохи святыхъ матерей,
И вѣнокъ изъ стиховъ я отчизнѣ сплету.
О, прекрасное солнце, сильнѣе гори!
Прогони съ лицъ покинутыхъ грустную тѣнь...
Я—поэтъ, я—предтеча грядущей зари,—
Изъ лучей и цвѣтовъ я сотку тропари,
Нѣжной пѣсней прославлю сіяющій день...
Для любимой моей пѣсенъ ласковыхъ нѣтъ,
Нѣтъ любви,—я къ отчизнѣ любовью горю;
Стерегу я душою лазурный разсвѣтъ,
Для отчизны моей каждый вздохъ и привѣтъ,
На алтарь я отчизны всѣ пѣсни дарю...
Не плѣнятъ мое сердце любимой глаза,
Ближе сердцу поэта—и скорбь и печаль,
Ближе—матери грустной святая слеза;
Грѣхъ любить, когда гдѣ-то бушуетъ гроза,
Грѣхъ любить, когда кровью окрасилась даль...
Лишь тебя я люблю, о, красавица Русь!
О тебѣ лишь одной мои сны и мечты,
За тебя только дни я и ночи молюсь;
Лишь къ тебѣ я душою мятежною рвусь,
Для меня—только ты!

Михаилъ Андреевъ.

Мѣткій выстрѣлъ.

Разсказъ **М. Доманскаго.**

— Фу, какая скучища!—потянулся и широко зѣвнулъ оберъ-лейтенантъ Морицъ фонъ-Феллингофъ.

— Неудивительно! — поддержалъ старшаго товарища совершенно безусый, нѣжно-розовый, только-что выпущенный изъ училища лейтенантъ Фридрихъ фонъ-Плимау.—Полгода сидимъ здѣсь—и ни съ мѣста, ни впередъ, ни назадъ!

— Ха-ха-ха! Мой другъ, вы, кажется, были бы довольны, если бы французы отбросили насъ нѣсколько назадъ!

— Положимъ, я этого не сказалъ!—быстро отвѣтилъ смутившійся немного юный лейтенантъ.—Но согласитесь сами, что удивительно скучно сидѣть въ полутораста шагахъ отъ противника и даже не видѣть его лица!

— Такъ вѣдь я же объ этомъ и говорю!—снова зѣвнулъ фонъ-Феллингофъ.

Въ эту минуту въ узкой двери закрытія, въ которомъ сидѣли оба лейтенанта, появилась фигура ихъ третьяго товарища, лейтенанта Карла Брунна, котораго всѣ офицеры не только въ полку, но даже въ цѣломъ корпусѣ звали любовно Карлушей.

— Господа! Новость! Сенсація!—воскликнулъ онъ, продвинувъ свою короткую и не въ мѣру толстую фигуру въ узкій проходъ.—Приказано во что бы то ни стало выбить французовъ изъ окопа, что прямо передъ нами. Я только-что былъ у майора,—черезъ полчаса идемъ въ атаку!

— Какъ черезъ полчаса?—въ изумленіи переспросилъ оберъ-лейтенантъ.—Съ какихъ это поръ стало возможнымъ атаковать непріятельскіе окопы въ яркій полдень?

— Ага! Вотъ въ этомъ-то и вся штука!—многозначительно сдвинулъ брови Карлуша.—Съ вечера до утра французы всегда ждутъ нашихъ атакъ, въ это время они всегда настороже. А здѣсь необходима внезапность! Понимаешь? До французскаго окопа всего полтораста шаговъ. Вскочить только обязательно всѣмъ вмѣстѣ, дружно броситься впередъ, — и окопъ нашъ. Поэтому майоръ рѣшилъ атаковать въ полдень, когда менѣе всего можно ожидать подобныхъ случайностей. Хитро, не правда ли?

Только-что три пріятеля заговорили съ жаромъ о предстоящемъ дѣлѣ, какъ явился отъ майора посланный съ приказаніемъ явиться за полученіемъ соотвѣтствующихъ распоряженій.

Офицеры надѣли палаши и вышли изъ закрытія въ узкій, полутемный, благодаря длиннымъ сплошнымъ навѣсамъ, проходъ. Отъ него то и дѣло отходили вправо такіе же узкіе, но короткіе проходы, ведущіе въ главный ровъ. Гораздо рѣже попадались проходы слѣва; прихотливо извиваясь, они тянулись далеко въ тылъ. Это были ходы сообщенія. По нимъ подходили изъ резерва подкрѣпленія. По нимъ доставляли пищу и боевые снаряды. Это были тоненькія артеріи, соединяющія выдвинутый далеко впередъ окопъ съ остальнымъ міромъ. Не будь этихъ узенькихъ, зигзагообразныхъ, прикрытыхъ сверху, ровиковъ, гарнизонъ окопа очутился бы, точно экипажъ разбившагося судна, на островѣ среди океана: не только выйти, высунуть голову изъ окопа нельзя.

О, французы не зѣваютъ! Чуть что, сейчасъ же оттуда, со стороны ихъ окоповъ, несется цѣлый ураганъ артиллерійскихъ снарядовъ и ружейныхъ пуль. Свинцовой волной захлестнетъ всякаго высунувшагося изъ-за закрытія.

— Итакъ, господа, по мѣстамъ!—закончилъ свою рѣчь майоръ.—Подготовьте людей и предупредите ихъ, чтобы по сигнальному выстрѣлу всѣ, какъ одинъ, стремительно бросились впередъ!

Черезъ двадцать минутъ тихій обычно главный ровъ германскаго окопа кишѣлъ солдатами. Они сидѣли на ступенькахъ, стояли, облокотясь на внутренній скатъ бруствера, осторожно двигались поодиночкѣ и группами вдоль рва. Разговаривали вполголоса, даже шопотомъ. Вообще старались какъ можно меньше шумѣть.

Лица у всѣхъ были сосредоточенныя, угрюмыя. Отъ самодовольныхъ улыбокъ, которыя не сходили съ нихъ въ началѣ войны, не осталось и слѣда. Утомились, смертельно утомились отъ полугодового сидѣнія на одномъ мѣстѣ, въ холодныхъ сырыхъ окопахъ. Надорванныя несбывшимися надеждами на скорое и, конечно, блестящее окончаніе кампаніи силы таяли съ каждымъ днемъ.

Солдаты начали уже впадать въ то самое опасное на войнѣ состояніе, когда становится безразличнымъ, сидишь ли въ закрытіи, или идешь по открытому полю, навстрѣчу пулямъ, двигаешься ли впередъ, тѣсня противника, или, наоборотъ, самъ отходишь подъ его давленіемъ.

Оживленіе въ окопѣ было какое-то тяжелое, мрачное.

Только три лейтенанта были возбуждены совершенно искренно. Они стояли у маленькаго отверстія въ брустверѣ, черезъ которое часовые поочередно днемъ и ночью слѣдили за французскимъ окопомъ.

— Ничего не подозрѣваютъ несчастныя крысы!—презрительно улыбнулся оберъ-лейтенантъ, отворачиваясь отъ наблюдательнаго отверстія и передавая Карлушѣ бинокль.

Маленькій лейтенантъ, которому сильно мѣшалъ животъ, прильнулъ къ отверстію.

— Да, точно вымерли всѣ, или спятъ!—забормоталъ онъ.—Тѣмъ лучше для насъ. Переколотить бы поскорѣе всю эту мелюзгу—и въ Парижъ!

— Неужели вы сомнѣваетесь, что когда-нибудь этотъ моментъ настанетъ?—съ жаромъ сказалъ розоволицый фонъ-Плимау.

— Милый Фриди!—отвѣтилъ, не оборачиваясь, Карлуша.—Если бы я сомнѣвался въ этомъ, я приказалъ бы капралу Линзе поставить меня передъ строемъ и плюнуть мнѣ въ лицо!

— Послушайте, господа!—оживился вдругъ круглотѣлый лейтенантъ.—Въ брустверѣ французскаго окопа я вижу такое же наблюдательное отверстіе, какъ и у насъ!

— Подумаешь, какая Америка! Вѣдь имъ же надо наблюдать за нами!—методично процѣдилъ оберъ-лейтенантъ.

— Да, но въ этой маленькой дырочкѣ я вижу ненавистное мнѣ кепи французскаго колоніальнаго стрѣлка!

— Тоже вполнѣ возможно.

Лейтенантъ фонъ-Плимау быстро нагнулся, прижался щекой къ щекѣ Карлуши, на минуту приставилъ къ глазамъ бинокль и, повернувшись, живо воскликнулъ:

— Да, да! Несомнѣнно, въ отверстіи виднѣется голова французскаго солдата!

— Чортъ возьми! — поднялся Карлуша. — Я съ удовольствіемъ всадилъ бы пулю въ эту ненавистную мнѣ голову.

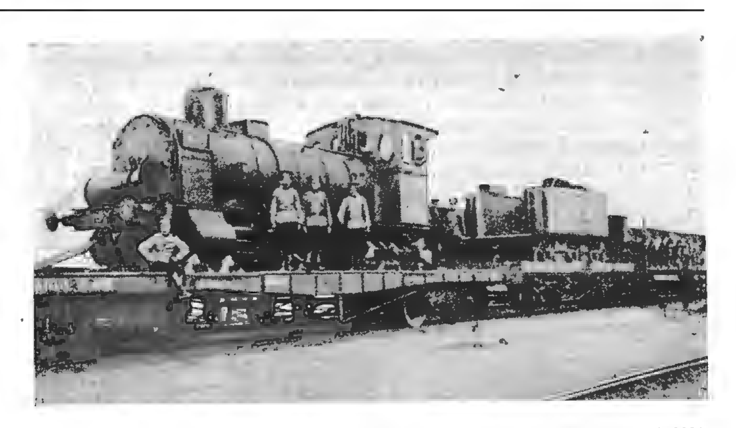
Оберъ-лейтенантъ фонъ-Феллингофъ снисходительно улыбнулся.

— Къ сожалѣнію, это довольно трудно сдѣлать по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, вашъ выстрѣлъ поднялъ бы на ноги французовъ, а это сейчасъ намъ менѣе всего желательно. Во-вторыхъ, вамъ не попасть въ эту голову.

— Мнѣ? Не попасть? — съ искреннимъ изумленіемъ переспросилъ Карлуша.

— Что же въ этомъ удивительнаго?—спросилъ въ свою очередь оберъ-лейтенантъ. — Дистанція сто пятьдесятъ шаговъ, площадь мишени какихъ-нибудь двѣсти квадратныхъ сантиметровъ. Нужно быть Вильгельмомъ Теллемъ, чтобы попасть при такихъ условіяхъ.

— А я попаду! — упрямо повторилъ маленькій лейтенантъ, и лицо его даже покраснѣло отъ досады.—Не даромъ же я, чортъ возьми, считаюсь лучшимъ стрѣлкомъ въ гарнизонѣ!



Воинскій поѣздъ.

У братскихъ могилъ. Вѣчная память павшимъ героямъ.

— И все-таки не попадете!

— Послушайте, г. оберъ-лейтенантъ! Я не люблю, когда со мною такъ шутятъ. Но теперь не время для ссоръ. Я предлагаю вамъ пари на шесть бутылокъ шампанскаго, не менѣе, какъ по десяти марокъ за бутылку, что выстрѣломъ изъ винтовки размозжу эту пустую французскую башку!

— Гмъ! Я ничего не имѣю противъ пари. Но вѣдь я уже докладывалъ, что вашъ выстрѣлъ вызоветъ преждевременную тревогу. А затѣмъ, гдѣ вы здѣсь достанете шесть бутылокъ шампанскаго?

— О, на этотъ счетъ не безпокойтесь!—отвѣтилъ лейтенантъ Бруннъ.—Я беру на себя трудъ испросить у майора разрѣшеніе произвести этотъ выстрѣлъ. Онъ будетъ сигнальнымъ. Майоръ вѣдь сказалъ, чта атака должна начаться по выстрѣлу. Что же касается шампанскаго, то сегодня утромъ нашъ полковой маркитантъ Траннъ вернулся изъ Брюсселя. Такъ что и въ этомъ отношеніи вы можете быть спокойны!

— Въ такомъ случаѣ я принимаю ваше пари!—полушутливо, полуофиціально поклонился оберъ-лейтенантъ.

— Фриди! Вы будете нашимъ свидѣтелемъ. Я бѣгу къ майору!—воскликнулъ Карлуша и убѣжалъ.

Черезъ пять минутъ онъ вернулся въ сопровожденіи майора. Майоръ не только разрѣшилъ маленькому лейтенанту произвести сигнальный выстрѣлъ, но даже заинтересовался сильно пари и захотѣлъ лично убѣдиться, насколько трудно будетъ Карлушѣ его выиграть.

— Да, условія нелегкія! — замѣтилъ майоръ, всмотрѣвшись внимательно въ маленькое отверстіе.—Тѣмъ больше чести будетъ вамъ выиграть! — улыбнулся онъ Брунну.— Желаю отъ души! Но еще больше желаю вамъ всѣмъ, господа, имѣть возможность распить шампанское, на которое заключено пари. Хотя по смыслу французы не должны слишкомъ упорно защищать этотъ окопъ: онъ слишкомъ выдвинутъ впередъ и ничего, кромѣ хлопотъ, имъ не доставляетъ. Но, вѣдь они народъ горячій...

— И безтолковый!—добавилъ въ тонъ оберъ-лейтенантъ.

— Да, и безтолковый! — съ улыбкой согласился майоръ.—Поэтому мы должны быть готовы ко всякимъ сюрпризамъ. Еще разъ желаю вамъ остаться цѣлыми и невредимыми. Я перейду на правый флангъ, на лѣвомъ оберъ-лейтенантъ Кнауссъ, а вы, господа, здѣсь, въ центрѣ. Пожалуйста, только не давайте людямъ останавливаться. Ни на одинъ моментъ. Безъ остановки до самаго окопа. Люди готовы, Линзе? — повернулся майоръ къ стоявшему сзади капралу.

— Такъ точно, г. майоръ!

— Черезъ десять минутъ жду вашего выстрѣла!— посмотрѣвъ на часы, сказалъ Карлушѣ майоръ и ушелъ въ сопровожденіи капрала.

Лейтенанту Брунну подали винтовку. Онъ внимательно осмотрѣлъ ее, самъ зарядилъ и положилъ въ складку бруствера. Затѣмъ повернулся къ фонъ-Плимау и сказалъ:

— Фриди! Вы станете съ биноклемъ сзади меня и будете наблюдать!

— Хорошо! — сильно волнуясь, отвѣтилъ юный лейтенантъ.

— А затѣмъ послѣ выстрѣла мы всѣ бросимся впередъ прямо на это кепи!

Въ окопѣ стало вдругъ какъ-то странно тихо. Солдаты съ поблѣднѣвшими лицами, крѣпко зажавъ въ рукахъ винтовки съ примкнутыми штыками, стояли одной ногой на ступенькѣ, готовые въ любой моментъ вспрыгнуть на брустверъ.

Карлуша сталъ на одно колѣно противъ наблюдательнаго отверстія. Фриди съ биноклемъ въ рукахъ, разставивъ, какъ можно шире ноги, сталъ сзади.

— Я думаю, можно?—повернулся Бруннъ къ оберъ-лейтенанту.

Офицерская кухня за прикрытіемъ.

Изъ дѣйствующей арміи. По фот. нашего корреспондента.

Навстрѣчу раздались выстрѣлы. Въ нестройной массѣ бѣгущихъ упало нѣсколько фигуръ.

Атака вышла, дѣйствительно, дружная и, главное, внезапная. Французы поспѣшно, но въ полномъ порядкѣ отошли на вторую линію окоповъ.

Бруннъ и Фриди бѣжали рядомъ. Оберъ-лейтенантъ уклонился немного въ сторону.

— Попали! Попали! Я видѣлъ! — крикнулъ юный лейтенантъ.

Но Карлуша даже не обернулся. Развѣ услышишь что-нибудь въ этомъ ревѣ? А, можетъ, онъ и слыхалъ, но не хотѣлъ оборачиваться. Онъ бѣжалъ, не уклоняясь ни на полшага ни вправо, ни влѣво, прямо на маленькое отверстіе въ бруствере непріятельскаго окопа.

Справа кто-то упалъ со стономъ. Убитъ, или только раненъ? Только бы не его, Карлушу! Только бы добѣжать! Только бы увидѣть самому! Не можетъ быть промахъ. Кепи сидѣло на самой мушкѣ, когда онъ нажалъ спускъ курка. А

Патронатъ съ учебными мастерскими для увѣчныхъ воиновъ, устроенный соединеннымъ комитетомъ московскаго биржевого и купеческаго общества въ Москвѣ на Пятницкой. Сапожная мастерская. У дверей мастерской— въ одѣяніи сестры милосердія Е. С. Щенкова, инціаторша этого добраго дѣла; рядомъ въ дверяхъ — завѣдующій патронатомъ С. Г. Голиковъ. (См. «Отклики войны»).

Тотъ посмотрѣлъ на часы и отвѣтилъ кивкомъ головы. Маленькій лейтенантъ взялъ винтовку, плотно вставилъ прикладъ въ плечо и началъ цѣлиться. Взглядъ его, пройдя черезъ прорѣзь прицѣла и верхушки мушки, уткнулся въ желто-бурую, изрытую снарядами поверхность поляны, раздѣлявшей французскій и нѣмецкій окопы. Кончилась поляна. подъ мушку медленно и плавно стала опускаться насыпь бруствера.

Выше, еще выше!

Наконецъ на вершинѣ мушки появилось небольшое четырехугольное отверстіе, а въ немъ кепи съ оранжевой каемкой. Винтовка остановилась, замерла на моментъ,—грянулъ выстрѣлъ.

Три сотни людей съ звѣринымъ крикомъ вскочили на брустверъ и бросились впередъ.

Патронатъ съ учебными мастерскими для увѣчныхъ воиновъ, устроенный соединеннымъ комитетомъ московскаго биржевого и купеческаго общества въ Москвѣ на Пятницкой. Шорная мастерская.

Ремесленная мастерская для выздоравливающихъ раненыхъ воиновъ имени А. И. Горемыкиной (супруги предсѣдателя совѣта министровъ), въ Петроградѣ (Симеоновская, 11). Сапожная мастерская.

вдругъ? О, чортъ! Добѣжать бы скорѣе!

Длинноногій фонъ-Плимау едва поспѣвалъ за катящимся, какъ шарикъ, Карлушей.

— Попалъ! Фриди, вы видите?

Откинувшись на задній скатъ рва, полулежалъ, полусидѣлъ, широко раскинувъ руки, французскій солдатъ. Краска только-только успѣла сбѣжать съ его лица. Одинъ глазъ былъ прищуренъ, другой широко открытъ. И былъ онъ удивительно голубой. Быть-можетъ, оттого, что смотрѣлъ въ небо, а небо было чистое, бирюзовое, апрѣльское. Надъ раскрытымъ глазомъ жутко темнѣло маленькое отверстіе. Изъ него вытекала кровь, ровной черточкой стекала на вздувшуюся бровь, оттуда, минуя глазъ, капала на щеку и узкой, извилистой струйкой сбѣгала на шею, за воротникъ.

Въ двухъ шагахъ отъ трупа лежало кепи. Бруннъ стремительно наклонился и поднялъ его.

Ручной трудъ для раненыхъ и увѣчныхъ воиновъ. По фот. С. Смирнова и Я. Штейнберга.

— Смотрите, Фриди! — съ гордостью воскликнулъ онъ.

— Чортъ возьми! Мѣткій выстрѣлъ! — отвѣтилъ юный лейтенантъ.

Нужно было торопиться. Бруннъ хотѣлъ бросить кепи, но, заглянувъ внутрь, замѣтилъ за клеенчатымъ обшлагомъ сложенную аккуратно бумажку. Самъ не зная зачѣмъ, онъ вынулъ ее, сунулъ въ карманъ и швырнулъ кепи въ сторону.

Удержаться въ занятомъ окопѣ нѣмцамъ не удалось: французы залили его потокомъ снарядовъ. Потерявъ убитыми и ранеными болѣе полусотни людей, взорвавъ всѣ укрытія и въ нѣсколькихъ мѣстахъ брустверъ, германскія роты къ вечеру отступили на прежнюю позицію. Но и французы не вернулись въ разрушенный окопъ.

Отдыхъ казачьяго разъѣзда.

— Отдаютъ приказанія, не считаясь съ тѣмъ, исполнимы они или нѣтъ! — ворчалъ майоръ. — Спрашивается, чего ради потеряли мы столько людей?

— О, г. майоръ! По крайней мѣрѣ эти противные французишки не будутъ торчать у насъ подъ самымъ носомъ! — самодовольно отвѣтилъ Карлуша.

Онъ чувствовалъ себя героемъ. Не только товарищи-офицеры, но и нижніе чины говорили о его замѣчательно мѣткомъ выстрѣлѣ. Честь лучшаго стрѣлка въ гарнизонѣ была блестяще поддержана. Оберъ-лейтенантъ фонъ-Феллингофъ призналъ себя побѣжденнымъ и обязался при первомъ представившемся случаѣ исполнить проигранное пари.

— Зачѣмъ намъ ждать случая? — весело воскликнулъ Карлуша. — Чѣмъ плохо у насъ здѣсь, въ закрытіи? А шампанское маркитантъ Траннъ можетъ прислать сюда!

Поздно вечеромъ въ закрытіи сидѣла компанія офицеровъ. На сколоченномъ изъ грубыхъ досокъ столѣ стояли бутылки и тарелки съ закусками. Лица у офицеровъ были красныя, глаза блестѣли: передъ шампанскимъ была выпита бутылка виски. Говорили о лихой атакѣ французскаго окопа, жалѣли, что не удалось удержать его, клялись, что завтра окопъ будетъ взятъ снова, а черезъ двѣ, три недѣли вся французская армія будетъ на-голову разбита и разсѣяна.

Но больше всего говорили о мѣткомъ выстрѣлѣ лейтенанта Брунна.

— Клянусь бутылкой рома, — билъ себя кулакомъ въ грудь Карлуша: — если бы я промахнулся, я не сидѣлъ бы сейчасъ здѣсь съ вами. Я смертью искупилъ бы свой позоръ!

Снова прокричали „гохъ" въ честь браваго лейтенанта. Потомъ въ честь кайзера.

Вдругъ Карлуша что-то вспомнилъ. Залѣзъ глубоко въ карманъ и досталъ оттуда аккуратно сложенную бумажку.

— Что это такое? — спросило одновременно нѣсколько голосовъ.

— Это я нашелъ въ прострѣленномъ кепи француза!

— Въ кепи француза? Это любопытно!

— Господа! Это письмо! — воскликнулъ лейтенантъ фонъ-Плимау, успѣвшій выхватить изъ рукъ Карлуши бумагу, развернуть ее и пробѣжать нѣсколько строкъ. — Письмо отъ жены!

— Ого-го-го! — пьяными голосами загоготали офицеры. — Письмо отъ жены. Это чрезвычайно любопытно! Читайте, чортъ возьми!

— „Мой любимый, мой лучшій, мой единственный другъ Андре!" — громко прочелъ юный лейтенантъ.

— Ха-ха-ха! Единственный! Какъ бы не такъ! Знаю я французженокъ! — воскликнулъ оберъ-лейтенантъ фонъ-Феллингофъ.

— „Такъ тихо сейчасъ въ нашихъ комнаткахъ!—продолжалъ читать фонъ-Плимау. — Жозефъ и Розина спятъ. Бѣдныя дѣтки! Они сегодня опять спрашивали, скоро ли вернется папа?.."

— Ха-ха-ха! Не скоро! Очень не скоро! — самодовольно разсмѣялся Карлуша.

— „Я сказала, что скоро! Боже мой! Развѣ я могу говорить иначе, когда я вижу ихъ широко раскрытые, полные слезъ глазки? Такъ тихо вокругъ, и мнѣ кажется, что ты, какъ всегда, сидишь въ сосѣдней комнатѣ за письменнымъ столомъ и работаешь".

— Дальше! Дальше!—раздались нетерпѣливые голоса.

— „О, мой Андре! Какъ я горячо люблю тебя!—продолжалъ читать лейтенантъ.—Тебя ужъ такъ давно нѣтъ возлѣ меня, и все вокругъ кажется мнѣ пустыней. Я одинока. Я безконечно одинока. Всей душой, всѣмъ своимъ существомъ я тянусь къ тебѣ, къ твоей любви..."

— Гмъ! Это вполнѣ понятно! — цинично улыбнулся майоръ.

— „Иногда на меня нападаетъ страхъ: а вдругъ тебя убьютъ? Какой ужасъ! Кровь стынетъ отъ этой мысли. Я бросаюсь на колѣни и начинаю молиться. Я молюсь, я плачу, и мнѣ становится легче. Я вѣрю, что ты вернешься, что снова вокругъ меня засіяетъ солнце, снова будетъ радость".

— Пускай вѣритъ на здоровье! — воскликнулъ Карлуша. — Если бы я зналъ ея адресъ, я послалъ бы ей кепи ея мужа!

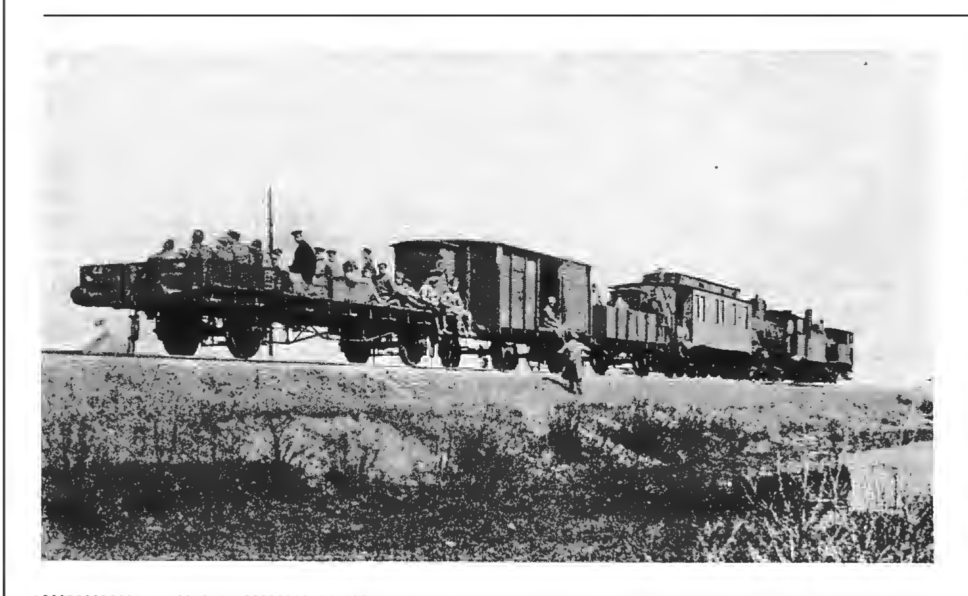
— „Каждый день я ставлю на твой письменный столъ цвѣты, потому что каждый день, каждый часъ, каждую минуту я жду тебя"...

— И подумать только, Карлуша, какого громаднаго удовольствія лишили вы этого француза! — замѣтилъ кто-то изъ офицеровъ.

Снова пьяный хохотъ повисъ подъ низкими сводами закрытія. И снова чистыя, нѣжныя, полныя горячей любви строки письма, горячіе призывы и молитвенныя благословенія любящей, страдающей женщины сплетались съ пошлыми, циничными словами и грубымъ смѣхомъ пьяныхъ офицеровъ.

Привалъ казачьяго разъѣзда.

Казачья жизнь на боевыхъ поляхъ. По фот. Г. В. Грузинцева.



Съ позицій до ближайшей станціи желѣзной дороги.

Разочарованіе.

Разсказъ **Б. Никонова**.

Его свѣтлость, владѣтельный герцогъ Аугсбургъ-Эссенъ-Эйзенахскій, изволилъ слѣдовать черезъ покоренную страну.

Подъ этимъ терминомъ въ устахъ герцога и его приближенныхъ подразумѣвалась часть французской и бельгійской земли, временно занятая нѣмцами послѣ сентябрьскихъ и октябрьскихъ насилій. Герцогъ былъ убѣжденъ, что въ настоящій моментъ всѣ эти города: Реймсъ, Шарльвиль, Мезьеръ, Брюссель и Антверпенъ сдѣлались по мановенію германской руки истинно-германскими городами, и что, послѣ нѣкоторыхъ „вполнѣ естественныхъ“ проявленій недовольства, жители этихъ городовъ покорно склонятся передъ побѣдителями, а со временемъ и сами сдѣлаются добрыми и лояльными нѣмцами. Герцогъ разсчитывалъ на то, что ему дадутъ управленіе надъ нѣкоторой частью завоеванной новой нѣмецкой земли, и поэтому чувствовалъ себя отчасти уже хозяиномъ всѣхъ этихъ городовъ, мимо которыхъ пролеталъ поѣздъ.

Онъ стоялъ съ дымящейся сигарой у широкаго зеркальнаго окна и разсѣянно смотрѣлъ на унылые, пожелтѣвшіе, опаленные огнемъ великой войны, лѣса и поля, на развалины церквей и домовъ. Дымъ и паръ отъ локомотива по временамъ совершенно застилали бѣлой пеленой все окружающее, и тогда казалось, что никакой „покоренной страны“ и нѣтъ, и что герцогу придется править въ пустомъ бѣлесоватомъ мутномъ пространствѣ... Но, какъ бы въ доказательство того, что страна все еще существуетъ, несмотря ни на какія старанія генерала Клука стереть ее чудовищными пушками съ лица земли, изъ-за бѣлаго тумана опять появлялись оголенныя поля и разрушенныя деревни и фермы. И герцогъ успокаивался, убѣждаясь, что все-таки остаются кое-какіе клочки земли, которыми онъ можетъ управлять.

Въ вагонѣ было тепло, уютно, свѣтло. Громадныя зеркальныя окна сверкали въ лучахъ краснаго заката. Иногда герцогъ могъ видѣть въ нихъ и свое собственное отраженіе—воздушное, фантастическое, словно призракъ: въ окнѣ передъ нимъ мелькала фигура стараго обрюзглаго нѣмца съ надменно выпяченными губами, съ пожелтѣвшими стрижеными усами и тусклыми глазами, словно у уснувшей рыбы. На груди у нѣмца тускло поблескивали ордена, и среди нихъ желѣзный крестикъ, пожалованный за дѣло 21-го августа, когда половина подчиненныхъ герцогу войскъ была перебита и взята въ плѣнъ, а другая половина „планомѣрно и мужественно отступила“.

Нѣмецъ-вольноопредѣляющійся, взятый въ плѣнъ подъ Сохачевымъ.

Тусклый фантастическій призракъ мелькалъ расплывающимися контурами, то поблескивая, то исчезая, какъ мыльный пузырь. И герцогу не приходило въ голову, что это призрачное изображеніе очень символично. Онъ и не думалъ, что и ему, быть-можетъ, придется показаться здѣсь въ „покоренной странѣ“ просто мгновеннымъ и тусклымъ призракомъ.

Поѣздъ замедлилъ ходъ. Показались станціонныя зданія. Сразу потемнѣло: поѣздъ вкатился подъ желѣзную крышу вокзала и быстро остановился.

Это былъ большой городъ. Герцогъ на минуту отошелъ отъ окна. Онъ вспомнилъ, что жители покоренной страны бываютъ иногда непріязненно настроены къ новымъ суверенамъ. Герцогъ скромно отодвинулся за портьеру и, затянувшись сигарой, искоса посматривалъ на перронъ и на толпу своихъ будущихъ подданныхъ.

„Разумѣется, нужно выждать нѣкоторое время, — думалъ онъ. — Не слѣдуетъ показываться имъ преждевременно. Они еще не успокоились“.

И вдругъ на перронѣ раздалось громкое „ура“.

Герцогъ съ недоумѣніемъ выглянулъ изъ-за своего прикрытія. Что бы это могло обозначать? Кого привѣтствуютъ? Не измѣняетъ ли ему слухъ?

Но нѣтъ... Слухъ не измѣнялъ герцогу. Толпа французовъ на перронѣ кричала „ура“ и махала шапками. И крики становились все громче. Очевидно, побѣжденные привѣтствовали только-что прибывшій поѣздъ.

У герцога гдѣ-то въ глубинѣ груди зашевелилось радостно-горделивое чувство. Не смѣя еще признаться себѣ въ немъ, не смѣя пока повѣрить въ радостную мысль, онъ подозвалъ своего адъютанта.

Молоденькій офицеръ, румяный, съ глазами навыкатѣ, въ щегольскомъ, несмотря на военное время, мундирчикѣ, подскочилъ къ своему повелителю.

— Что это такое?—кивнулъ на окно герцогъ.— Это, если я не ошибаюсь, овація?

— Да, ваша свѣтлость!

— Вѣдь это привѣтственные клики? Не правда ли?

— Я увѣренъ въ этомъ, ваша свѣтлость!

Герцогу очень хотѣлось спросить: „Кого же они привѣтствуютъ?“ и получить отвѣтъ: „Конечно, вашу свѣтлость“... Но онъ предпочелъ промолчать и лишь затянулся глубже сигарой.

Поѣздъ свистнулъ и покатился далѣе. Уползли станціонныя зданія, въ окнахъ опять мелькнулъ багровый закатъ, горѣвшій, словно пламя войны, надъ разоренной страной. И опять заколыхалось

Плѣнные нѣмцы подъ Прасныш емъ. Одѣтые въ очень плохія шинели, въ ботинкахъ, они производятъ впечатлѣніе оборванцевъ, а не солдатъ; многіе изъ нихъ пьяны и еле держатся на ногахъ. По фот. нашего корреспондента.

въ заркальной рамѣ окна фантастическое изображеніе надменнаго нѣмца.

Постоявъ у окна и погасивъ сигару, герцогъ обратился къ адъютанту:

— Эти французы вовсе не такіе фанатики, какими ихъ изображаютъ. Я неоднократно убѣждался въ этомъ. Я думаю, что они очень легко примирятся съ своимъ новымъ положеніемъ, такъ же, какъ и бельгійцы.

Адъютантъ сочувственно поддакнулъ его свѣтлости. Герцогъ понизилъ тонъ до болѣе глубокихъ, слегка интимныхъ нотъ, и продолжалъ:

— За бельгійцевъ я, впрочемъ, не поручусь. Но французы—народъ, способный понять насъ и пойти съ нами рука объ руку. Вы знаете, во Франціи очень силенъ монархическій принципъ, несмотря на ихъ республиканство. Они очень уважаютъ сувереновъ.

— О, да, ваша свѣтлость!

— Не правда ли?—продолжалъ герцогъ.—И вотъ—живой примѣръ. Я убѣжденъ, что сейчасъ они привѣтствовали меня. Врожденная любовь къ принцамъ, къ аристократическому роду, къ суверенитету заговорила въ нихъ, несмотря даже на переживанія войны и пораженій. Признаться, я не ожидалъ этого. Я зналъ, что въ концѣ концовъ такъ будетъ, но я не думалъ, что это случится такъ скоро. Я очень интересуюсь знать, что произойдетъ на слѣдующей станціи.

Слѣдующая станція была уже близко. Опять герцогскій вагонъ пронесся мимо облѣзлыхъ и тронутыхъ военнымъ вихремъ зданій и деревьевъ и вкатился подъ желѣзную темную маркизу. И случилось то, чего уже ожидалъ съ радостнымъ предвкушеніемъ герцогъ.

Едва остановился вагонъ, какъ къ поѣзду устремилась толпа мужчинъ, женщинъ, дѣтей, стариковъ и старухъ. Послышалось опять „ура“. Замелькали платки, шляпы, каскетки. Толпа здѣсь была еще гуще и еще болѣе была проникнута суверенными принципами.

Герцогъ колебался: показаться ему, или еще подождать. И рѣшилъ послать кое-кого изъ своихъ свитскихъ навести справки.

— Ну, что?—спросилъ онъ съ нескрываемымъ нетерпѣніемъ вернувшагося офицера.

— Вы правы, ваша свѣтлость!—отвѣтилъ тотъ, стараясь не глядѣть герцогу въ глаза.—Это настоящая овація. Искренняя дѣтская радость... Это дѣйствуетъ положительно заражающе.

— И вы думаете, что мнѣ слѣдуетъ показаться имъ?

Офицеръ отвѣтилъ:

— Какъ будетъ угодно вашей свѣтлости!

Герцогъ смѣло подошелъ къ окну и открылъ штору. Ликующіе французы весело махали шапками. Герцогъ демонстративно сталъ передъ окномъ во весь ростъ и нѣсколько разъ поклонился своимъ будущимъ подданнымъ.

Поѣздъ тронулся. Герцогъ милостиво кланялся встрѣтившей его „депутаціи“. Крики и пѣніе сразу оборвались и замолкли.

— Я одного не понимаю,—произнесъ онъ, обращаясь къ почтительно молчавшей свитѣ.—Почему они поютъ „Марсельезу“? Вѣдь это не совсѣмъ прилично, разъ они встрѣчаютъ меня?

Свитскій лейтенантъ объяснилъ:

— Они еще не знаютъ нашего гимна, ваша свѣтлость! „Марсельеза“ имъ ближе!

— А, это очень возможно!—согласился герцогъ.

Стемнѣло. Въ окнахъ уже ничего не было видно: ни сожженныхъ селъ, ни развалившихся храмовъ, ни обгорѣлыхъ лѣсовъ. Зато гораздо яснѣе отражались въ зеркалѣ окна самъ герцогъ и его блестящая свита. Такъ, по ночамъ яснѣе и ощутимѣе для насъ всѣ видѣнія и призраки. Ихъ порождаетъ тьма ночи, ночь покровительствуетъ имъ. И ночью они сильны и могущественны. Но когда встаетъ солнце—они безслѣдно исчезаютъ.

Герцогъ могъ бы подумать объ этомъ. Но онъ былъ всецѣло поглощенъ тѣми проявленіями восторга, съ которыми его встрѣчало населеніе покоренной страны. Герцогъ могъ думать сейчасъ только объ этомъ. Онъ даже какъ будто выросъ въ эти минуты, держался еще болѣе горделиво и сдѣлался разговорчивымъ. Свита почтительно выслушивала безконечную рѣчь герцога о симпатичной Франціи и о ея любви къ суверенамъ. Никто не осмѣливался перебить краснорѣчиваго суверена, или возразить ему.

Подошла еще станція.

Герцогъ быстро открылъ окно. Ему хотѣлось обратиться съ рѣчью къ собравшейся на перронѣ толпѣ. Но ликующіе французы кричали и пѣли такъ громко, что первая же фраза герцога потонула въ общемъ шумѣ.

— Ваша свѣтлость, вы простудитесь!—услышалъ онъ за своей спиной почтительный голосъ.—Онъ обернулся. Предъ нимъ стоялъ адъютантъ и заботливо умолялъ герцога закрыть окно.—Адскій холодъ! Поберегите себя, ваша свѣтлость, ради всего святого!

Герцогъ раздраженно обратился къ нему:

— Господинъ офицеръ, извольте распорядиться, чтобы депутація узнала, въ какомъ вагонѣ я нахожусь. Они мечутся по платформѣ безъ толку. Не видятъ меня. Это глупо!

Адъютантъ исчезъ. Герцогъ стоялъ у окна и ждалъ, когда „депутація“ и „народъ“ узнаютъ его, и ему можно будетъ начать свою рѣчь.

А свитскіе за его спиной, въ уголкѣ вагона, недоумѣвающе разводили руками, пожимали плечами и перешептывались въ величайшемъ смущеніи.

— Надо ему сообщить правду.

— Но онъ разгнѣвается. Это невозможно!

— Это оскорбитъ его.

И никто не могъ рѣшиться сообщить герцогу горькую истину. А истина была, въ самомъ дѣлѣ, непріятна и даже оскорбительна для его свѣтлости:

Къ поѣзду было прицѣплено нѣсколько вагоновъ съ мукою. Эту муку везли отъ благотворительнаго комитета голодающимъ селеніямъ. Она была предназначена тѣмъ именно старикамъ, женщинамъ, дѣтямъ и рабочимъ, которые такъ радостно встрѣчали поѣздъ на каждой станціи.

Они имѣли основаніе встрѣчать этотъ поѣздъ оваціями.

На войнѣ.

(Изъ записной книжки вольноопредѣляющагося).

М. А. Сафонова.

I.

Ночь...

Тихая, теплая, августовская ночь. Точь въ точь такая же, какъ у насъ въ Россіи, въ Нижегородской губерніи. Звѣздъ на небѣ не видно: легкія рѣдкія тучки скрываютъ ихъ.

Обрисовывающіяся въ полутьмѣ сѣрыя палатки напоминаютъ египетскія пирамиды, изображаемыя въ книжкахъ для младшихъ классовъ. Вправо чуть виднѣется пустая австрійская деревенька, которую мы прошли утромъ. Издали она напоминаетъ нашу.

Всѣ спятъ, утомленные однодневнымъ сорокаверстнымъ переходомъ. Не спятъ только часовые да лошади. Первые зорко вглядываются впередъ, вправо и влѣво; чутко прислушиваются къ каждому шуму, стараясь опредѣлить его причину и мѣсто возникновенія; а лошади аппетитно жуютъ заданный имъ овесъ, изрѣдка пофыркиваютъ и безпрестанно машутъ хвостами.

Но въ общемъ—тишина. Во всемъ тѣлѣ чувствуется усталость, утомлённость, а спать не хочется. Я вышелъ изъ палатки и легъ возлѣ, завернувшись въ шинель, въ ту самую шинель, которую мнѣ выдали при мобилизаціи, и которая была слишкомъ велика для меня. Какъ теперь я благодаренъ ей за то, что она велика и прекрасно согрѣваетъ тѣло. Мысли, опережая одна другую, въ такомъ громадномъ количествѣ проходятъ черезъ голову и такъ мало остаются въ ней, что получается какой-то винегретъ.

Вспоминается лекція профессора, сходка въ университетѣ, полученная на экзаменѣ двойка, проводы на войну; представляется грандіозное сраженіе, отличіе въ бою, возвращеніе домой, радость родныхъ и... знакомыхъ. Не разберешься и никакъ не уснешь. Да, и спать не стоитъ. Все равно скоро полкъ выступитъ: уже два часа.

Нашъ полкъ еще не былъ въ серьезномъ дѣлѣ: только третьяго дня авангардъ натолкнулся на непріятельскій разъѣздъ. Завязалась перестрѣлка; у насъ одного ранили. И только. А ужасно какъ хочется участвовать въ солидномъ сраженіи, посмотрѣть воочію на настоящую войну.

Навѣрное, наши потомки будутъ удивляться на насъ: какъ, молъ, это люди воевали, убивали другъ друга, изобрѣтали самыя адскія машины для уничтоженія себѣ подобныхъ? А настоящая всемірная война должна быть чѣмъ-то ужаснымъ, страшнымъ, не поддающимся описанію: никогда еще исторія не отмѣчала на своихъ страницахъ милліонныхъ армій воюющихъ сторонъ.

Но объ этомъ пусть разсуждаетъ тотъ, кто хочетъ разсуждать, а нашъ удѣлъ—дѣйствовать.

На востокѣ показалась узкая полоска, быстро расширяясь кверху. Чувствуется утренняя августовская прохлада.

Чу... барабанъ.

— Становись!..—раздается команда.

Это значитъ, нужно встать, одѣться, скатать шинель, сложить палатку, прицѣпить амуницію, взять винтовку—и съ Богомъ въ строй.

Черезъ полчаса все готово: полкъ выстроился, обозъ вытянулся въ прямую линію. Суматохи никакой: каждый зналъ свое мѣсто; не торопился, но дѣлалъ быстро.

Бывшаго бивуака какъ не бывало. Только лошади оставили память о своемъ пребываніи на австрійской территоріи, удобривъ довольно значительный участокъ русинскихъ крестьянъ,

Построились по-ротно и тихо, стройно, послѣ команды: „шагомъ маршъ!“ пошли по направленію къ чуть виднѣвшемуся впереди лѣсу. Обозъ отсталъ отъ полка на версту; только нѣсколько повозокъ съ зарядными ящиками слѣдовали по пятамъ.

Настроеніе бодрое. Всѣ сознаютъ важность перехода; всѣ ожидаютъ важнаго, серьезнаго, но необходимаго. Шутки, доморощенныя остроты, смѣхъ ничуть не мѣшаютъ переживаемому со-

стоянію; даже, напротивъ, подбадриваютъ и укрѣпляютъ.

— Эй, ты, скопской! Читалъ толстую книгу былію?—спрашиваетъ расторопный ефрейторъ псковского мужичка въ солдатской шинели и, не дождавшись отвѣта, продолжаетъ, подавая себѣ реплику:

— Читалъ.

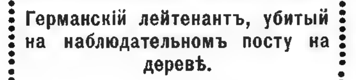
— А дошелъ до города Пске?

— Дошелъ.

— Вотъ оттуда я и е.

Въ рядахъ засмѣялись.

Псковской, какъ будто обидѣвшись, въ свою очередь спрашиваетъ веселаго Корнева (фамилія ефрейтора):



Германскій лейтенантъ, убитый на наблюдательномъ посту на деревѣ.

— А ты скажи-ка, какъ вы, ярославскіе пошехонцы, семеро изъ одной винтовки стрѣляли?

— Не изъ винтовки, а изъ ружья, песоцына скопская!—поправляетъ Корневъ и, обращаясь къ другимъ, добавляетъ:

— Это такъ у нихъ въ „Скопской" губерніи говорятъ: не скажутъ, что соринка въ глазъ попала, а вывернутъ: „песоцына во глазъ-то втюрилась".

Опять общій смѣхъ.

Расторопный, подвижной, смекалистый, всегда веселый и шутникъ Корневъ, уроженецъ Ярославской губерніи, былъ душой не только нашего взвода, но и всей первой роты. За его остроты, шутки и причуды много сходило ему съ рукъ.

Корневъ былъ въ моемъ взводѣ: онъ, псковской Опаринъ, добродушная мишень для шутокъ ярославца, да еще двое спали на привалахъ въ одной палаткѣ, а въ походѣ несли ее по частямъ.

II.

Незамѣтно мы подошли къ буковому лѣсу, который отдѣлялся отъ насъ не то маленькой рѣчкой, не то просто ручейкомъ и раздѣлялся гладкой дорогой на двѣ части.

Домъ въ Преннѣ (въ Бельгіи), принадлежавшій нѣмцу-шпіону, гдѣ была устроена бетонная площадка для постановки орудій. Домъ взорванъ союзниками.

По командѣ полкъ оттановился.

Сдѣлано распоряженіе о наведеніи моста. Не прошло и получаса, какъ срубленныя буковыя деревья, наскоро очищенныя отъ сучьевъ, были въ нѣсколькихъ мѣстахъ ловко перекинуты черезъ рѣчушку, и полкъ перешелъ со всѣмъ обозомъ, который во время наводки моста успѣлъ насъ догнать. По обѣимъ сторонамъ дороги тянулся буковый лѣсъ. Далѣе дорога шла немного въ гору.

Стало совсѣмъ свѣтло.

Напрасно офицеры наводили бинокли: впереди ничего не было видно.

Чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ разстояніе между стѣнами лѣса становилось шире; а еще дальше лѣсъ кончался, и начиналась ровная мѣстность. Должно-быть, поле. Въ серединѣ поля чернѣлась какая-то точка, которая точно двигалась и увеличивалась.

По командѣ полкового командира полкъ снова остановился. Раздѣлился на двѣ части; одна половина быстро скрылась въ правой сторонѣ лѣса, а другая въ лѣвой. Обозъ остался близъ рѣчки, при самомъ началѣ подъема въ гору, и именно въ томъ мѣстѣ, откуда еще не было видно черной точки. Такимъ образомъ мы устроили засаду. И удивительное дѣло, какъ все это быстро и въ полномъ порядкѣ совершается. Точно каждый солдатъ заранѣе угадываетъ команду, и достаточно только знака, чтобы сдѣлать то, что нужно.

А точка все приближалась. Всѣ бинокли были направлены на нее. И мы невооруженными глазами внимательно слѣдили за загадочной точкой.

Послѣ боя въ Невшапеллѣ. Обѣдъ индійскихъ солдатъ по возвращеніи въ лагерь.

Съ западнаго фронта. По фот. нашего корреспондента.

Случайно нашъ взводъ очутился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ командира и офицеровъ полка, такъ что все, что они говорили, мы ясно слышали.

А точка все приближалась.

— Это казакъ!—радостно вскрикнулъ полковникъ и, чтобы убѣдиться въ этомъ, снова приложилъ правый глазъ къ окуляру подзорной трубы.

— Да, кажется, что казакъ,—подтвердилъ ротный двѣнадцатой роты.

— Ну-съ, господа, это къ намъ. Будьте готовы! Помните, что я вамъ говорилъ: не горячиться, слушать команду, не терять изъ виду адъютанта!

Уже простымъ глазомъ можно различить быстро скачущаго всадника.

Еще черезъ нѣсколько минутъ потный и пыльный драгунскій корнетъ осадилъ взмыленную, тяжело дышавшую лошадь и, доставъ изъ сумки пакетъ, вручилъ его, козыряя, полковому командиру.

Командиръ быстро вскрылъ конвертъ, прочиталъ бумагу, сложилъ ее, снова развернулъ, снова прочиталъ и, что-то соображая, произнесъ одно междометіе:

— Ага!..

Потомъ онъ обратился къ корнету и спросилъ его:

— Вы знаете, гдѣ находится оставшаяся часть вашего эскадрона?

— Такъ точно, г. полковникъ.

— Надѣетесь на лошадь?

— Какъ на себя, г. полковникъ.

— Я вамъ дамъ пакетъ вашему командиру, и вы отправляйтесь въ свою часть. А отвѣтъ Алексѣю Васильевичу я пошлю съ однимъ изъ моихъ офицеровъ. Черезъ пять минутъ все будетъ готово.

Полковникъ прошелъ въ лѣсъ къ походному столику, который, точно по мановенію свыше, уже ожидалъ его вмѣстѣ съ писарями полка.

Корнетъ спрыгнулъ съ сѣдла, передавъ лошадь подбѣжавшему Корневу, который нарвалъ пукъ травы и насухо вытеръ совершенно мокрую лошадь.

Отправка во французскую дѣйствующую армію отряда санитарныхъ собакъ, предназначенныхъ для розыска раненыхъ на поляхъ битвъ. (См. «Отклики войны»).

Группа офицеровъ окружила кавалериста; знакомились, здоровались, спрашивали полушопотомъ и внимательно слушали сообщаемыя новости дня.

Черезъ пять минутъ возвратился полковникъ съ двумя пакетами, изъ которыхъ одинъ передалъ поручику второй роты нашего полка, а другой—корнету. Первый поскакалъ по тому направленію, откуда прибылъ корнетъ, а послѣдній, вскочивъ ловко въ сѣдло, козырнулъ и исчезъ по дорогѣ къ нашему обозу.

Командиръ отдалъ сигналъ — сборъ всѣхъ офицеровъ. Когда всѣ собрались, онъ обратился съ рѣчью:

— Дѣло, господа, въ слѣдующемъ: двѣ роты N—скаго полка, съ эскадрономъ драгунъ, наткнулись на цѣлый непріятельскій полкъ, съ двумя эскадронами кавалеріи и бригадой легкой артиллеріи. Конечно, отступаютъ. Те-

Битва въ Аргоннскихъ лѣсахъ. Городъ Клермонъ, разрушенный германцами.

Французское 120-миллиметровое орудіе, удачно скрытое въ чащѣ лѣса.

На западномъ фронтѣ. По фот. нашего корреспондента.

Борьба съ германскими пиратами. Экипажъ тонущей подводной германской лодки U 8 подаетъ сигналы о помощи разстрѣлявшему лодку англійскому миноносцу.

перь слушайте внимательно; повторять некогда. Дѣло въ слѣдующемъ: командиръ девятой роты?

— Здѣсь, г. полковникъ.

— Сейчасъ же съ ротой идите къ обозу; спрячьте его поглубже въ лѣсъ. За обозъ отвѣчаете вы. Поняли?

— Такъ точно, г. полковникъ.

— Идите и дѣлайте. Безъ задержки.

Командиръ всегда говорилъ кратко, ясно и точно. Повторяться не любилъ, и только фраза „дѣло въ слѣдующемъ" составляла маленькое исключеніе.

— Пулеметную роту раздѣлить надвое — и поставить направо и налѣво! Уголъ пересѣченія линій прицѣла долженъ быть прямой. Вы слышите, капитанъ?

Этотъ вопросъ относился къ ротному пулеметной роты.

— Такъ точно, г. полковникъ.

— Идите и дѣлайте. Безъ задержки. Команду слушайте! Седьмую и одиннадцатую сейчасъ же вонъ къ тому оврагу. Не стрѣлять дальше двухсотъ. Слышите?

Командиры козырнули и отправились къ своимъ ротамъ.

— Теперь дѣло въ слѣдующемъ: такой позиціи, какъ настоящая, мнѣ еще не приходилось занимать. Придутъ и лягутъ костьми, мертвые бо сраму не имутъ. Они идутъ (это относилось къ непріятелю) съ цѣлью оказать препятствіе развертыванію нашего фронта, да плохо работаютъ: не позаботились узнать о нашемъ полкѣ; такъ вотъ мы теперь сами сообщимъ имъ о своемъ пребываніи. На всякій случай снимите нѣсколько зарядныхъ ящиковъ, хотя думаю, что достаточно будетъ и своихъ патроновъ, потому что стрѣлять будемъ близко. Къ вечеру нужно со всѣмъ этимъ управиться; ночевать будемъ здѣсь, а утромъ весь корпусъ долженъ соединиться и быть во фронтѣ. Пока солдаты могутъ покурить, погрызть сухарей. Да, кстати: австріяки здѣсь дома, провіантъ у нихъ долженъ быть хорошій, такъ вы, поручикъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, обратите вниманіе на непріятельскій обозъ.

Захватъ германской шхуны англійскимъ крейсеромъ въ Сѣверномъ морѣ.

— Слушаю, г. полковникъ.

Поручикъ и полковникъ были вмѣстѣ еще въ японскую войну; оба закаленные въ бояхъ и знатоки своего дѣла.

— Санитары, къ ротамъ!

Отдавъ краткія, но точныя и ясныя приказанія, полковникъ въ заключеніе сказалъ:

— Теперь, господа, дѣло въ слѣдующемъ: сегодня дойдетъ до штыка; у нихъ два эскадрона кавалеріи, которые они направили на нашихъ драгунъ, такъ что дѣло намъ придется имѣть съ пѣхотой. Артиллерія слѣдуетъ сзади. Наша бригада запоздаетъ. Обратите на это вниманіе. А теперь на мѣста! Постоимъ за честь полка, за Царя и отечество! Съ Богомъ! По мѣстамъ!

Всѣ заняли мѣста.

— Эй, скопской, хотѣлъ знамя-то взять, вотъ валяй сегодня! — говорилъ Корнѣвъ.

— Ладно, — добродушно отвѣтилъ Опаринъ.

На англійскомъ броненосцѣ. Матроса, раненаго на башнѣ, спускаютъ внизъ при помощи особеннаго подвѣсного механическаго кресла.

Въ этомъ короткомъ „ладно" сказывалась такая увѣренность, что рѣшительно не было сомнѣній въ томъ, что Опаринъ отобьетъ сегодня непріятельское знамя. Онъ точно загипнотизировалъ своимъ коротенькимъ „ладно".

Время ожиданія тянулось очень долго. Всѣмъ съ нетерпѣніемъ хотѣлось сейчасъ же ринуться въ бой, смять непріятеля, уничтожить врага.

III.

Послѣ довольно продолжительнаго ожиданія до слуха стали доноситься отдаленные ружейные выстрѣлы, которые съ теченіемъ времени становились отчетливѣе, яснѣе и громче.

Сердце билось учащенно; руки дрожали, и лобъ покрывался холоднымъ потомъ. Минуты ожиданія казались часами.

Наконецъ на лежащей впереди возвышенности показались движущіяся фигуры, которыя все увеличивались и размѣромъ и числомъ.

Въ бинокли ясно можно было различить нашихъ, преслѣдуемыхъ непріятелемъ. Наши отступали въ полномъ порядкѣ, отстрѣливаясь и задерживая наступленіе, которое, казалось, могло перейти въ быстрый энергичный натискъ.

— Ахъ, досада какая! Не весь полкъ гонитъ нашихъ: всего только роты четыре. Не видно и кавалеріи. Пошлите, капитанъ, кого-нибудь въ седьмую роту и скажите, чтобы они вышли на подмогу нашимъ; они тогда приложатъ и остальныя силы.

Приказаніе было выполнено немедленно.

Не больше какъ черезъ полчаса видно было передвиженіе седьмой роты къ лѣвому флангу непріятеля.

Послѣдній, замѣтивъ подкрѣпленіе, задержалъ наступленіе, чѣмъ воспользовались отступающіе, ускоривъ отступленіе. Очевидно, были какіе-то приказы и распоряженія. И дѣйствительно: непріятель въ обходъ лѣса послалъ кавалерію, часть полка продолжала преслѣдованіе, а другая вышла навстрѣчу седьмой ротѣ, почему послѣдняя, уклоняясь отъ боя, тянула въ нашу сторону.

Непріятель все приближался.

По лѣсу загудѣли пули. Всѣ приготовились. Наши пустились въ бѣгство, преслѣдуемые тоже бѣжавшимъ непріятелемъ.

Пули засвистѣли чаще; ряды бѣгущихъ замѣтно рѣдѣли.

Командиръ зорко слѣдилъ за развертывающейся картиной боя и отдавалъ приказанія. Четвертая и пятая роты были посланы къ обозу, гдѣ должны сломить натискъ непріятельской кавалеріи, или, по крайней мѣрѣ, выдержать его.

Вдругъ съ обѣихъ сторонъ лѣса затрещали пулеметы, убійственный огонь которыхъ производилъ страшное опустошеніе въ непріятельской колоннѣ.

Австрійцы дрогнули, смѣшались отъ внезапности, но не отступили. Напротивъ, пройдя черезъ трупы убитыхъ и раненыхъ, съ новой силой бросились на насъ. Пулеметы, сдѣлавъ еще нѣсколько выстрѣловъ въ задніе ряды непріятеля, замолкли.

Былъ данъ сигналъ въ штыки. Вся засада, съ нетерпѣніемъ рвавшаяся къ бою, съ такой силой бросилась и такъ своей неожиданностью поразила непріятеля, что онъ повернулъ назадъ и пустился въ бѣгство. Но въ это время седьмая рота преградила ему дорогу, а пулеметы снова затрещали, дѣлая свое убійственное дѣло. По распоряженію командира пулеметы были поставлены на лѣвую опушку лѣса, чтобы встрѣтить несущуюся галопомъ кавалерію. Окруженный огненнымъ кольцомъ, непріятель хотя и сопротивлялся, но слабо. Нельзя, невозможно описать этого кровопролитнаго боя, нужно видѣть его, чтобы понять. Все смѣшалось: стоны, кровь, удары, крики. Какъ въ туманѣ, я замѣтилъ добродушную богатырскую фигуру псковскаго Опарина съ непріятельскимъ знаменемъ въ рукахъ. Онъ превратился въ звѣря: вооружившись шашкою непріятельскаго офицера, направо и налѣво наносилъ смертельные удары.

Вдругъ что-то кольнуло меня въ ногу и въ то же время ударило въ голову. Я упалъ...

И точно во снѣ слышалъ радостные крики „ура!"

IV.

Я открылъ глаза, но не шевелился; не хотѣлось двинуть ни однимъ мускуломъ: какая-то сладостная истома охватила все тѣло.

Первое, что я увидѣлъ, былъ парусиновый потолокъ, слегка колыхавшійся отъ вѣтра; потомъ походныя койки, чистыя одѣяла и людей въ бѣлыхъ халатахъ съ краснымъ крестомъ на лѣвомъ рукавѣ. Не было никакого сомнѣнія въ томъ, что это былъ госпиталь.

Вблизи моей койки, очевидно, врачъ разговаривалъ съ служителемъ.

— Ну, какъ? Пришелъ въ сознаніе?

— Сегодня утромъ.

— Температура нормальная?

— Такъ точно, нормальная.

— Нужно будетъ сегодня зайти ко мнѣ въ палатку; я приготовилъ списокъ отправляемыхъ, такъ что завтра съ одиннадцатичасовымъ поѣздомъ всѣхъ 49 человѣкъ можно отправить. Тамъ скорѣе выздоровятъ.

Почему-то мнѣ казалось, что разговоръ шелъ обо мнѣ, и что въ числѣ 49 человѣкъ долженъ быть и я.

Значитъ, я въ госпиталѣ, и, конечно, раненъ. Но когда раненъ? Во что раненъ?

Поднимаю правую руку — поднимается свободно; не чувствую никакой боли и въ лѣвой; легко поварачиваю головой направо и налѣво. Наконецъ оперся обѣими руками и хотѣлъ сѣсть. Это движеніе замѣтилъ служитель, быстро подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Вы еще немножечко полежите, а то какъ бы не разбередить рану.

— Я раненъ?

— Да, въ ногу; но рана уже заживаетъ, и васъ скоро выпишутъ.

Я наивно успокоился и сталъ внимательно разсматривать сосѣднія койки.

Черезъ койку отъ меня блѣдное лицо показалось мнѣ знакомымъ, но повязка на головѣ мѣшала узнать, кто былъ этотъ раненый.

Я, не спуская глазъ, старался припомнить знакомаго. Лицо ко мнѣ повернулось. Это былъ Корневъ. Онъ тоже узналъ меня.

— Ага, проснулись? Недѣлю безъ памяти лежали: не слыхали, чай, какъ и ногу-то отрѣзали.

— Какъ отрѣзали?..

— Какъ рѣжутъ, такъ и отрѣзали. Докторъ говорилъ, что операція удалась.

Ощупавъ руками, я убѣдился, что лѣвой ноги не было отъ самаго колѣна. Помнится, что я заплакалъ и опять лишился сознанія, которое скоро возвратилось.

Какъ я только открылъ глаза, то замѣтилъ стоявшаго служителя съ лѣкарствомъ, которое я безпрекословно выпилъ.

Мнѣ хотѣлось поговорить съ Корневымъ, хотѣлось узнать о конечномъ результатѣ ужаснаго боя; о добродушномъ псковскомъ Опаринѣ.

Корневъ охотно пошелъ на разговоръ.

— А и здорово тогда мы ихъ. Ей-Богу, здорово!! Весь полкъ начисто. Около тыщи въ плѣнъ взяли. И обозъ взяли и ихнюю кавалерію разнесли во всю ивановскую. Вотъ когда отбивали обозъ, меня разъ семь полыснули. Кровь, какъ изъ барана, а самъ шелъ на перевязку. Не дошелъ до лазарета шаговъ ста, грохнулся. Спасибо Опарину: онъ меня на спинѣ и дотащилъ. Вотъ поправляюсь. Говорятъ, что завтра въ Россію отправятъ.

Стало грустно, жалко полка: ужъ не придется болѣе раздѣлять съ нимъ похода и блестящихъ сраженій. Счастливецъ этотъ Опаринъ: онъ опять въ полку и опять еще постарается выполнить свой долгъ передъ великой родиной.

Захотѣлось узнать о судьбѣ товарищей и результатахъ сраженія отъ самихъ участниковъ боя.

— Ну, а какъ Опаринъ?—спросилъ я у Корнева.

— Что Опаринъ? Молодчина, даромъ что скопской. Знамя взялъ и крестъ получилъ. И просто чудо — нигдѣ не раненъ, а вѣдь былъ въ самомъ что ни на есть огнѣ. Вотъ, къ примѣру, ротный былъ рядомъ съ нимъ, такъ его убили. Планида значитъ, такая. Теперь въ нашей ротѣ командиромъ поручикъ Розовъ.

— Славный офицеръ.

— На что лучше; съ нимъ не пропадешь — свое дѣло знаетъ. Изъ молодыхъ, а ранній. Просилъ-было я вчера врача оставить меня въ госпиталѣ до выздоровленія. Не оставляетъ. А вѣдь ранъ хоть и много, а все пустяшныя, только слабость, потому крови много вышло. А то бы я опять въ полкъ. Онъ теперь стоитъ у какой-то ихней крѣпости, названіе больно мудреное — не выговоришь. Все равно я изъ Россіи опять буду проситься. Больно охота взглянуть на австрійскую столицу.

Корневъ говорилъ просто, но убѣдительно, и я вѣрилъ, что онъ опять будетъ въ полку.

Когда въ госпиталѣ стало замѣтно темнѣть, больнымъ поставили термометры; измѣренную температуру сестры записали въ скорбные листы.

— Значитъ, скоро придетъ докторъ для осмотра. Поужинаемъ и спать. А завтра и въ Россію.

Это говорилъ Корневъ. Онъ, все время находясь въ сознаніи, такъ изучилъ госпитальные распорядки, что по нимъ опредѣлялъ безошибочно время.

Послѣ врачебнаго осмотра роздали ужинъ, кому молоко съ хлѣбомъ, кому бульонъ.

Скоро успокоительный сонъ, приблизившись незамѣтно, закрылъ глаза, и вся палата утихла.

Утро было свѣжее, чистое, теплое. Послѣ легкаго завтрака насъ вмѣстѣ съ койками перенесли въ санитарный поѣздъ, давно насъ поджидавшій.

Когда все было готово, поѣздъ безъ всякихъ предварительныхъ свистковъ тронулся.

Мы поѣхали въ Россію.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.**

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

1915 г. № 21 XLVI г. изданія

Выданъ 23 мая 1915 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.) — 15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн собр. соч. Мамина-Сибиряка" кн. 8.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ОДЕССК. ПОЛИТЕХНИЧЕСКІЕ КУРСЫ

8-й годъ. „ТЕХНИКУМЪ ДЛЯ ЛИЦЪ ОБОЕГО ПОЛА". 8-й годъ.

3575 3 отдѣленія—электротехническое, строительное и механическое. 7-2

Пріемъ производится. Программа высылается за три 10-ти коп. марки.

Одесса, Пушкинская, 60—12. Завѣдующій и учредитель **И. И. Хойна.**

Названіе „Альсъ" имѣется на каждой пилюлѣ.

Наилучшее Слабительное

Пилюли д'АЛЬСЪ

содержащія исключительно растительныя вещества и не вызывающія никогда ни коликъ, ни поносовъ.

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫ ПРИ САМЫХЪ СИЛЬНЫХЪ ЗАПОРАХЪ.

Доза: 1 пилюля (или 2 при особо сильныхъ запорахъ) вечеромъ передъ ѣдой.

Флаконъ съ 30-ю пилюлями: 75 коп.

Въ продажѣ во всѣхъ аптекахъ и аптекар. магазинахъ, а въ Парижѣ у H. Noguès, 64, boulevard de Port-Royal.

3331 8-2

КУРСЫ ПОЖАРНЫХЪ ТЕХНИКОВЪ

(Школа брандмейстеровъ)

Петроградскаго городского общественнаго управленія.

(Петроградъ, Лиговская ул., № 151, тел. 1-41 и 443-60).

На Курсы принимаются по уставу молодые люди не моложе 18 лѣтъ отъ роду, окончившіе учебное заведеніе не ниже городского училища по положенію 1872 г., причемъ можетъ быть назначенъ повѣрочный экзаменъ. Окончившимъ среднія техническія и общеобразовательныя учебныя заведенія отдается предпочтеніе и таковые принимаются безъ экзамена.

Полный курсъ обученія проходится въ два года. Плата за ученіе, учебныя пособія и содержаніе на полномъ пансіонѣ 300 руб. въ годъ. Стипендіи предоставляются городскими и земскими общественными управленіями, страховыми обществами и пр. Пріемъ на курсы и вступительные повѣрочные экзамены производятся въ концѣ августа. Прошенія подаются на имя Попечительнаго Совѣта (Петроградъ, Лиговская, 151), съ приложеніемъ слѣдующихъ документовъ: 1) Свидѣтельство объ образованіи, 2) Свидѣтельство о припискѣ къ призывному участку и 3) Метрическое свидѣтельство. Окончившіе курсы получаютъ званіе пожарнаго техника и занимаютъ мѣста брандмейстеровъ и инструкторовъ противопожарнаго дѣла, на первоначальные оклады до 1.200 руб. въ годъ. На указанныя мѣста могутъ быть рекомендованы соотвѣтственныя лица. 8-02

При курсахъ состоитъ Техническій Совѣтъ, въ составѣ котораго находятся гг. преподаватели курсовъ, профессора высшихъ учебныхъ заведеній и др. специалисты въ области пожарно-страхового дѣла. Техническій Совѣтъ даетъ отзывы, заключенія, справки и проч. по разнаго рода вопросамъ въ области борьбы съ огнемъ.

CRÈME SIMON

(КРЕМЪ СИМОНЪ)

Марка утверждена

CRÈME SIMON продуктъ прелестнаго запаха, никогда не портится и служитъ для смягченія кожи.

Употребляется вмѣсто кольдъ-крема.

ПУДРА Симонъ (La Poudre Simon) и **МЫЛО Кремъ Симонъ** (Le Savon à la Crème Simon) того-же запаха что и *Кремъ Симонъ* и дополняютъ его дѣйствія.

J. SIMON

59, Faubourg Saint-Martin, PARIS.

Въ розницу продаются у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей.

Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, ПТГ., ул. Гоголя, 22.

Каменскій, А. Разсказы. Въ 3-хъ томахъ. Ц. каждаго тома 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 75 к.

Новыя книги **Г. С. ВОЛЬТКЕ:**

НОВЫЙ МѢСТНЫЙ СУДЪ.

Ч. I. Сборн. закон. о волост. и мировомъ судѣ и о пор. произв. дѣлъ гражд. и угол. 2-е доп. изд. Ц. 1 р. 50 к., нал. плат. 1 р. 85 к. Ч. II. Уголовные законы и уставы, примѣн. въ мѣстн. судѣ. Ц. 2 р., нал. плат. 2 р. 45 к. Обѣ части нал. плат. 4 р. Въ изящн. перепл. II. 1915 г. Настольн. книги для волостн., мир., гор. судей, земск. нач., нотар., сельск. и др. должн. лицъ, повѣренн., суд. пристав., тяжущ. и обвиняемыхъ. 3600

Адр.: Петроградъ, Спасская, 18, кв. 32.

НОВАЯ КНИГА О СКРИПКѢ!

Л. Г. Немировскій.

Механическіе и психо(физіо)логическіе моменты въ основныхъ пріемахъ **скрипичной техники**

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Каталогъ теоретическихъ сочиненій высылается безплатно. 3596

П. ЮРГЕНСОНЪ. Москва, Неглинный пр., 14.

3543 **ЗА КУЛИСАМИ ВОЙНЫ.** 3-6

(Тайны австрійскаго двора).

Сенсац. злободневный романъ. Цѣна за 10 выпусковъ 50 коп. Высыл. нал. плат.

Адр.: Москва, ред. журн. „Лучъ", отд. 8.

При ГОНОРРЕѢ

въ острой и хронической формѣ, а также ея послѣдствіяхъ примѣняется средство

„АРМАТИНЪ"

для внутренняго употребленія. „Арматинъ" совершенно безвреденъ для организма и одинаково успѣшно примѣнимъ къ мужчинамъ и женщинамъ. При употребленіи „Арматина" не требуется никакихъ спринцованій, промываній, прижиганій, бужированій и т. п.

Цѣна 1 кор. 1 р. 75 к.

ПРОДАЖА ВЪ АПТЕКАХЪ

по рецепт. врач.

Адр.: Москва, Уланскій пер., д. 21, кв. 116, А. Я. Акуліанцу.

Во избѣжаніе поддѣлокъ требовать „Арматинъ" только А. Я. Акуліанца. 3379 9-3

ЮНОЕ ЛИЦО

НѢЖНОЕ БѢЛОЕ ЛИЦО

Гладкія мягкія руки

отъ употребленія мыла ДЕРМОЗОНЪ

Дермозонъ превращаетъ кожу въ бѣлую нѣжную и бархатистую.

МЫЛО ДЕРМОЗОН

СОВЕРШЕНСТВО

среди другихъ косметическихъ средствъ

мыло Дермозонъ мыло Савозонъ мыло Алозонъ

Обращайте вниманіе на фирму

Т-во СТОЛЬБЕРГЪ и К°.

Лондонъ. Парижъ

Петроградъ.

ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ ЛУЧШИХЪ АПТЕКАРСКИХЪ и КОСМЕТИЧЕСКИХЪ МАГАЗИНАХЪ.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Памяти адмирала Н. О. Эссена. Морской министръ генералъ-адъютантъ Григоровичъ отдалъ 8-го мая с. г. слѣдующій приказъ по флоту и морскому вѣдомству:

«Съ чувствомъ величайшаго благоговѣнія объявляю по флоту и морскому вѣдомству полученныя телеграммою на мое имя душевныя слова соболѣзнованія нашего Обожаемаго Монарха, которыми Его Императорскому Величеству благоугодно было удостоить Балтійскій флотъ:

«Оплакиваю безвременную кончину адмирала Эссена и выражаю Балтійскому флоту Свое соболѣзнованіе по поводу понесенной имъ горестной утраты. Увѣренъ, что духъ почившаго командующаго будетъ окрылять всѣхъ чиновъ столь любимаго имъ флота.

Николай».

Итальянскій король—главнокомандующій арміей и флотомъ. Незадолго до объявленія Италіей войны Австро-Венгріи, король Викторъ-Эммануилъ на заданный ему вопросъ, отправится ли онъ, въ случаѣ войны, въ Болонью, гдѣ находится генеральный штабъ, съ живостью отвѣтилъ:

— Если вспыхнетъ война, я буду среди своей арміи, такъ какъ не забылъ, что прихожусь внукомъ рыцарю-королю. Моя палатка и моя походная кровать уже готовы. Въ Болоньѣ же я оставлю тѣхъ, кому нужно будетъ спокойно разрабатывать военные планы.

Верховный Главнокомандующій—почетный членъ Военно-Медицинской академіи. На ряду со всѣми нашими университетами, избравшими Его Императорское Высочество своимъ почетнымъ членомъ, 11-го апрѣля 1915 г. состоялось постановленіе конференціи Императорской Военно-Медицинской академіи ходатайствовать о принятіи Верховнымъ Главнокомандующимъ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ званія почетнаго члена академіи, на что 29-го того же апрѣля послѣдовало Высочайшее соизволеніе. 4-го мая на имя военнаго министра получена телеграмма слѣдующаго содержанія: «Прошу передать конференціи Императорской Военно-Медицинской академіи, что я глубоко признателенъ ей за избраніе меня почетнымъ членомъ разсадника нашихъ военныхъ врачей, беззавѣтно нынѣ несущихъ свой тяжелый трудъ въ госпиталяхъ и на поляхъ сраженій. Подписано: генералъ-адъютантъ *Николай*».

Бельгійская королева Елисавета—русскимъ женщинамъ. А. И. Горемыкина, супруга предсѣдателя совѣта министровъ, получила отъ бельгійской королевы слѣдующую телеграмму:

«Я съ волненіемъ прочла доставленный вами сердечный и симпатичный адресъ русскихъ женщинъ къ бельгійскимъ женщинамъ. Бельгійскія женщины, объединенныя съ русскими однимъ и тѣмъ же чувствомъ самопожертвованія и патріотической гордости, будутъ глубоко тронуты вашими благородными словами. Выражаю вамъ и всѣмъ, подписавшимъ адресъ, мою горячую благодарность. *Елисавета*».

Благодарность Бельгіи за пожертвованіе русскимъ народомъ милліона рублей. Отъ королевской бельгійской миссіи получена слѣдующая благодарность русскимъ людямъ:

«Съ первыхъ же дней войны весь русскій народъ выразилъ свое негодованіе по поводу нарушенія Германіей гарантированнаго ею нейтралитета Бельгіи, а также свое чувство отвращенія и ужаса къ жестокостямъ, чинимымъ германцами въ Бельгіи, и изумленіе передъ воинскими подвигами бельгійской арміи.

Это сочувствіе выразилось не только въ грандіозныхъ манифестаціяхъ населенія и въ благородномъ отношеніи къ указаннымъ событіямъ всей русской печати, но и въ безчисленныхъ пожертвованіяхъ въ пользу гражданскаго населенія Бельгіи, пострадавшаго отъ войны.

По великодушной иниціативѣ русской печати въ Петроградѣ образовался «Комитетъ помощи Бельгіи». За короткое время собранныя имъ по подпискѣ изъ всѣхъ частей Россіи средства составили сумму около 1 милліона руб.

Королевская бельгійская миссія получала извѣстія о всѣхъ этихъ щедрыхъ пожертвованіяхъ, часто принимавшихъ весьма трогательныя формы. Русскіе артисты широко использовали свои дарованія на дѣло помощи Бельгіи, и ихъ безкорыстное самоотверженіе вызываетъ болѣе чѣмъ восхищеніе. Многіе изъ жертвовавшихъ отдавали не излишки, но необходимое для собственнаго существованія. Женщины, не располагавшія средствами, жертвовали свои обручальныя кольца; слушательницы учебныхъ заведеній приносили свои медали, полученныя въ награду за долгіе годы ученія; бѣдныя семьи несли единственныя имѣвшіяся у нихъ серебряныя вещи. Значительное большинство жертвователей рѣшительно отказывалось сообщить свои имена и адреса.

Дѣти школьнаго возраста, какъ въ Европейской Россіи, такъ и въ Сибири присылали свои сбереженія или деньги, предназначавшіяся имъ на рождественскіе подарки.

Представляется поэтому невозможнымъ поблагодарить лично большинство тѣхъ, кто съ истинно-христіанской добротой осуществили любовь къ ближнему и пожелали остаться неизвѣстными. Они не желаютъ награды за совершенное ими, такъ какъ они уже получили ее въ видѣ радости отъ содѣяннаго блага, а также въ увѣренности, что, благодаря имъ, цѣлыя тысячи ихъ бельгійскихъ братьевъ были избавлены отъ нищеты и даже спасены отъ смерти.

Бельгійскій посланникъ въ Россіи считаетъ своей обязанностью выразить имъ всѣмъ публично благодарность своей страны.

Подписалъ: графъ Конрадъ де-Бюиссере, бельгійскій посланникъ при Императорскомъ Россійскомъ Дворѣ».

Разъясненіе о раненыхъ нижнихъ чинахъ. Ученый комитетъ военно-санитарнаго управленія разъяснилъ, по словамъ «Русскаго Слова», что, если раненые нижніе чины отказываются отъ операцій, которыя, по мнѣнію врачей, не угрожаютъ жизни, — слѣдуетъ выписывать ихъ изъ лазаретовъ, какъ выздоровѣвшихъ, но уклонившихся отъ военной службы и подлежащихъ отправленію обратно въ свои части. Дѣло это возникло по частному случаю, бывшему въ полтавскомъ эвакуаціонномъ госпиталѣ.

Евангелистъ терроризма. Изъ книги, въ которой собраны однимъ изъ гражданъ нейтральной страны рѣчи Вильгельма, извлекаемъ два характерныхъ заявленія, заключающихъ въ себѣ синтезъ его понятій о войнѣ. Именно эти его идеи и создали чудовищную жестокость германской арміи.

Первое заявленіе: «Намъ нѣтъ никакого дѣла до правилъ и законовъ, по которымъ непріятель ведетъ войну; важно то, чтобы онъ былъ уничтоженъ».

Второе заявленіе: «Слѣдовательно, удушайте газами его солдатъ, хотя бы германскіе делегаты и обязались честью своей страны не прибѣгать къ такимъ средствамъ; отравляйте колодцы, хотя бы это было варварскимъ средствомъ, топите мирныхъ беззащитныхъ гражданъ; стрѣляйте въ женщинъ и дѣтей, ибо все это составляетъ часть евангелія терроризма, и врагъ не можетъ пользоваться противъ этого репрессаліями».

Предсказаніе гибели «Лузитаніи». Величайшимъ провидцемъ великой европейской войны съ точки зрѣнія ея техническихъ пріемовъ необходимо признать знаменитаго писателя Жюля Верна. Его «Наутилусъ» осуществленъ подводными лодками. Воздушный домъ Жюля Верна, поднимаемый на воздухъ десятками горизонтально поставленныхъ всасывающихъ винтовъ,—прототипъ такихъ воздушныхъ богатырей, какъ нашъ «Илья Муромецъ». Обращаясь къ біографіи популярнаго писателя, въ изданіи автора ея Гастона Мальпо, «Одесскій Листокъ» находитъ указаніе, что одно изъ сочиненій Верна, подъ названіемъ «Морской преступникъ», было забраковано издателемъ, усмотрѣвшимъ въ немъ возбужденіе страстей французской молодежи противъ нѣмцевъ, что считалось комиссіей de l'Instruction publique, цензуровавшей всѣ книги для юношества, весьма вреднымъ. Въ «Морскомъ преступникѣ» дѣйствовало противъ «Наутилуса» судно «Мистикъ», принадлежавшее Германіи, объявившей тайную войну всему міру для того, чтобы овладѣть всѣми торговыми путями по океанамъ. Авторъ разсказалъ очень много захватывающихъ эпизодовъ изъ разбойничьей жизни «Мистика», но кульминаціоннымъ пунктомъ его художественныхъ описаній была сцена гибели огромнаго океанскаго парохода «Океанія», шедшаго изъ Англіи въ Америку. На этомъ гигантѣ возвращались на родину американскіе и міровые короли золота, нефти, стали, мѣди, желѣзныхъ дорогъ и электричества. Все было подвластно имъ, и они управляли и владѣли милліонами жизней людей, но таинственный «Мистикъ» подошелъ къ килю «Океаніи», притянулся къ ней своими электромагнитами, прикрѣпилъ къ днищу судна мину и, отойдя, взорвалъ ее. «Океанія» погрузилась въ море и увлекла съ собою милліардеровъ. Когда погибъ «Титаникъ», знаменитый англійскій романистъ Г. Уэльсъ вспомнилъ романъ «Морской преступникъ» своего предшественника и указалъ читающей публикѣ на изумительное предвидѣніе Жюля Верна. Жюль Вернъ предсказалъ преступную жестокость германцевъ. Къ великому несчастью, предсказаніе сбылось почти до мелочей: отъ германской мины погибла огромная «Лузитанія», везшая богатыхъ людей и затонувшая на пути изъ Англіи въ Америку.

Новый снарядъ противъ дирижаблей. По сообщенію журнала «Nature», у союзниковъ имѣется новый снарядъ противъ дирижаблей.

Теперь уже извѣстно, насколько цеппелины хрупки и подвержены опасности при дождѣ и вѣтрѣ. Если имъ и удается въ благопріятную погоду совершить одинъ-два набѣга, то достаточно нѣсколькихъ авіаторовъ со снарядами, чтобы подстрѣлить ихъ. Можно уже теперь сказать, что это изобрѣтеніе «германскаго генія» провалилось, и что не зачѣмъ изобрѣтать какія-нибудь особенныя средства противъ этой опасности.

Для борьбы съ цеппелинами въ Англіи и во Франціи успѣшно примѣняютъ такъ называемые зажигательные снаряды, потому что было замѣчено, что обыкновенная пуля можетъ разорвать оболочку цеппелина отъ одного конца до другого, не вызвавъ его паденія. Изъ разорванныхъ отверстій дирижабля просачиваются газы, и хотя онъ не обладаетъ достаточной быстротой, чтобы добраться до своихъ линій и безъ риска опуститься на землю, онъ все же не падаетъ и не уничтожается моментально.

Одинъ англійскій заводъ изобрѣлъ теперь снарядъ, разрывающій оболочку цеппелина на очень большой поверхности и усиливающій дѣйствіе обыкновеннаго снаряда противъ дирижабля. Такимъ образомъ цеппелины будутъ подвержены теперь новой опасности, благодаря которой они врядъ ли смогутъ играть въ войнѣ свою грозную роль.

Простое средство отъ холеры. Въ «Русскомъ Инвалидѣ» Вас. Короткевичъ изъ г. Термеза сообщаетъ средство отъ холеры, которымъ онъ съ успѣхомъ пользовался въ Маньчжуріи: «Во время свирѣпствовавшей тамъ холеры, какъ я, такъ и всѣ чины ввѣренной мнѣ части носили на шнуркѣ или тесемкѣ мѣдный кружокъ, который сдѣлали изъ копеечной монеты, расплющивъ ее подъ колесами паровоза; кружокъ былъ пригнанъ такъ, что лежалъ на желудкѣ на высотѣ «подъ-ложечки»; необходимо, чтобы кружокъ соприкасался съ тѣломъ, а не лежалъ поверхъ сорочки. Съ примѣненіемъ этого средства не было не только холерныхъ заболѣваній, но даже желудочныхъ разстройствъ; всѣ люди чувствовали себя вполнѣ хорошо. Копеечная монета у всякаго и вездѣ найдется, расплющить ее легко, почему бы не испробовать это средство, какъ предохраняющее?!»

Чеснокъ-вдохновитель турецкихъ побѣдъ. Много уже писалось о томъ, какъ подготовляютъ къ рѣшительному бою своихъ солдатъ нѣмцы. Возбуждаютъ кокаиномъ, опьяняютъ эѳирными таблетками, просто напаиваютъ... Для солдатъ турецкихъ замѣной всѣхъ этихъ средствъ, по первоначальному предположенію, должно было служить знамя и духъ священной войны во славу ислама и на погибель гяурамъ. Но этого оказывается мало. Лишеніе Магометова рая въ небесахъ уже не останавливаетъ бѣгущихъ, а чаяніе его не въ силахъ двинуть правовѣрныхъ впередъ. И здѣсь понадобилось средство, дѣйствующее уже не психически, а физіологически. Въ этомъ отношеніи турецкіе военачальники, по словамъ «Веч. Вр.», внесли вкладъ въ науку. Открыли новое чисто-турецкое средство — чеснокъ. По мнѣнію турецкихъ врачей-спеціалистовъ, чеснокъ одурманиваетъ сознаніе и возбуждаетъ чувства. А потому передъ боемъ его даютъ воинамъ ѣсть, закладываютъ имъ носъ и уши.

По разсказамъ пластуновъ, они находили много убитыхъ турокъ съ чеснокомъ въ носу.

Статистика войны. Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» помѣщены интересныя статистическія данныя о войнѣ.

За послѣднія сто лѣтъ—до 1900 г.—на долю войнъ приходится 68 лѣтъ, и только 32 года человѣчество пользовалось полнымъ миромъ. Въ этомъ періодѣ Франція воевала 27 лѣтъ, Турція—37, Испанія со включеніемъ междоусобной войны—31, Россія—21. Менѣе всѣхъ воевала Пруссія—12 лѣтъ.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ война начинается весною и кончается до наступленія холодовъ. Лѣтомъ начались кампаніи: 1806, 1812, 1866 и 1870 годовъ, осенью—Крымская война, а зимою—только прусско-датская 1864 г.

Величайшей арміей, появлявшейся когда-либо на театрѣ войны, остается великая армія Наполеона—442.000 чел. Второе мѣсто занимають силы союзниковъ, собранный ими въ 1813 г.

Больше всего людей принимало участіе въ сраженіи подъ Лейпцигомъ. Общее число бойцовъ составляло 772.000 чел. Послѣ Лейпцига слѣдуетъ Садова (Кениггрецъ): здѣсь сражалось 436.000 человѣкъ Третье мѣсто приходится на сраженіе подъ Ваграмомъ (310.000), С.-Прива (300.000), Дрезденъ (296.000), Сольферино (284.000), Бауценъ (259.000), Бородино (251.000), Седанъ (244.000), Ватерлоо (217.000).

Статистика показываетъ, что изъ 20 войнъ въ 14 случаяхъ побѣдилъ превосходный въ числѣ и только въ шести—слабѣйшій. Въ отдѣльныхъ сраженіяхъ сильнѣйшія по числу арміи побѣдили въ 40 случаяхъ. Арміи, уступавшія своей численностью противнику, иногда на 50 проц., побѣдили 33 раза.

Военные специалисты указываютъ, какъ на довольно вѣрный признакъ моральной упругости арміи, на размѣръ потерь, которыя способны выносить войска въ бою, не приходя въ разстройство. Изслѣдователи опредѣляютъ наибольшій процентъ потерь, котораго можно требовать отъ войскъ—20 процентовъ.

Русская армія въ этомъ отношеніи представляетъ исключеніе; ея солдаты выносятъ большія потери, слѣдовательно, и отличаются большею моральною упругостью. Примѣры: 1790 г., штурмъ Измаила, потери русскихъ—60 проц., 1758 г., въ сраженіи при Цорндорфѣ—49 проц., 1759 г., при Кунерсдорфѣ—21,5 проц., 1812 г., при Бородинѣ—35 проц., 1854 г., при Инкерманѣ—24,4 проц., 1877 г., 1-я Плевна—40 проц., 2-я Плевна—22,6 проц., 3-я Плевна—20 проц. Скобелевскій отрядъ (лѣвый флангъ) выдержалъ два дня боя и понесъ потери 48 процентовъ.

Голубиная почта. Плѣнные германцы передаютъ, по словамъ «Кіевской Мысли», что на польскомъ театрѣ войны германцы въ послѣднее время широко пользуются голубями, какъ воздушной почтой. Благодаря усиленію дѣятельности русскихъ летчиковъ, германская аэропочта была упразднена, и были пущены голуби. Одинъ изъ плѣнныхъ разсказываетъ, что германскій генеральный штабъ готовился къ этому еще до войны. Въ началѣ 1914 г. вдоль русской границы, въ Познани и Пруссіи, было устроено много голубиныхъ питомниковъ. Пріученныхъ голубей возили на границу и выпускали. Голуби прилетали въ свои питомники. Впослѣдствіи ихъ привозили въ польскіе города, гдѣ было учреждено нѣсколько «научныхъ кружковъ голубинаго спорта», и также выпускали ихъ на волю. Птицы и оттуда возвращались домой. Такимъ образомъ голубей ознакомляли съ мѣстностью. Въ началѣ войны у питомниковъ была поставлена воинская охрана. Недавно къ питомникамъ были проведены телефонныя линіи, устроены станціи и конторы. Въ первыхъ числахъ апрѣля всѣ голуби были увезены изъ питомниковъ и переданы командирамъ пѣхотныхъ полковъ и кавалерійскихъ частей. Какъ теперь оказалось, почти каждый германскій кавалеристъ въ послѣднее время снабженъ двумя корзинами съ голубями, которыхъ онъ на развѣдкахъ выпускаетъ съ записочками. Голуби приносятъ записки въ питомники, изъ питомниковъ почта отправляется въ штабъ Гинденбурга по телеграфу.

Эти же плѣнные разсказываютъ, будто голубиная почта получила широкое примѣненіе и на западномъ фронтѣ, а также при плаваніи германскихъ подводныхъ лодокъ у англійскаго побережья. Голуби, выпущенные изъ подводныхъ лодокъ, приносятъ сообщенія о количествѣ потопленныхъ судовъ, о крейсированіи англійской эскадры и проч.

Германская походная радіостанція. Нашими войсками въ Карпатахъ отбита у германцевъ походная станція безпроволочнаго телеграфа. По словамъ «Голоса Москвы», она имѣетъ видъ обыкновеннаго полевого орудія и состоитъ изъ двухъ частей: раздвижной мачты со шпилемъ и ящика съ бензино-моторомъ и динамо-машиной. Ящикъ-передокъ прикрѣпляется къ установленной на двухъ высокихъ колесахъ мачтѣ цѣпью и кронштейнами. Издали вся станція производитъ полное впечатлѣніе пушки. Она перевозится съ мѣста на мѣсто шестью лошадьми.

Когда необходимо сообщить въ штабъ о какихъ-либо важныхъ новостяхъ, станція моментально собирается, на что уходитъ не болѣе 10 минутъ. Мачта выдвигается, какъ пожарная лѣстница, ящикъ съ моторомъ включается въ провода башни при посредствѣ штепселя, и моторъ пускается въ ходъ. При помощи особыхъ приборовъ электрическая волна превращается въ звукъ, который усиливается рупоромъ. Сообщеніе происходитъ, какъ по телефону, при этомъ голосъ изъ рупора слышенъ на 30 шаговъ.

По словамъ плѣнныхъ, захваченныхъ съ радіостанціей, въ Германіи въ настоящее время дѣйствуютъ три сорта станцій: 1) мощныя крѣпостныя станціи, передающія депеши на 1.000 километровъ черезъ радіостанцію Наценъ, подъ Берлиномъ; 2) подвижныя тяжелыя, передающія депеши и голосъ на 200 километровъ, и 3) походныя летучія,—на 50 километровъ. Послѣдними снабжены кавалерійскіе полки. Одну изъ такихъ легкихъ станцій и захватили подъ Ужокомъ.

Безпроволочное телеграфированіе имѣетъ то неудобство, что работать станціи могутъ только ночью, когда прекращается пушечная канонада.

Нѣмцы подбрасываютъ отравленные съѣстные припасы. Въ послѣднее время наши солдаты стали находить въ расположеніи русскихъ частей какіе-то пакеты и кульки съ большимъ запасомъ съѣстныхъ припасовъ. Преобладаютъ консервы и жареная дичь.

Такъ какъ солдатъ нашихъ, въ изобиліи получающихъ хлѣбъ, мясо и кашу, подобными «деликатессами» соблазнить трудно, то подозрительные пакеты немедленно были доставлены по начальству.

Сначала на это не обратили особаго вниманія, но когда провизія стала прибывать со всѣхъ сторонъ, нарядили слѣдствіе и изслѣдовали консервы.

Оказалось, что всѣ подброшенные припасы были отравлены сильно дѣйствующимъ ядомъ.

Дальнѣйшее разслѣдованіе установило, что разбрасываніе нѣмцами отравленной провизіи производится преимущественно при ночныхъ стычкахъ, когда дѣло доходитъ до штыкового боя.

По счастью, русскій солдатъ оказался много сообразительнѣе, чѣмъ думали германцы, и ни одинъ отравленный «зарядъ» не достигъ своей цѣли.

Интересно отмѣтить, что въ подбрасываемыхъ съѣстныхъ припасахъ абсолютно отсутствуютъ хлѣбъ и картофель.

Новая жертва германскаго звѣрства. Отъ особоуполномоченнаго Краснаго Креста И. И. Потапова получена въ главномъ управленіи телеграмма слѣдующаго содержанія:

«7-го мая мною совмѣстно съ врачами Серафимовскаго лазарета Краснаго Креста въ Ломжѣ въ присутствіи военныхъ начальствующихъ лицъ, а также полковника американской службы и нѣсколькихъ плѣнныхъ германцевъ былъ произведенъ осмотръ новой жертвы дикаго германскаго звѣрства—бѣжавшаго изъ плѣна младшаго урядника уссурійскаго казачьяго войска Ивана Пичуева. Освидѣтельствованіемъ установлено, что у него обрѣзаны верхнія части ушныхъ раковинъ тупымъ ножомъ, а на бедрѣ прорѣзаны полосы наподобіе носимаго казаками на шароварахъ лампаса. Составленный актъ подписанъ присутствовавшими, въ томъ числѣ плѣннымъ германскимъ офицеромъ».

Сочувствіе сослуживцевъ герою-мученику. Въ «Южномъ Краѣ» напечатана телеграмма, которую бывшіе сослуживцы послали Василію Водяному:

«Сейчасъ изъ газеты узнали мы, харьковскіе конвоиры, о постигшемъ тебя несчастьѣ отъ извергов нашихъ враговъ нѣмцевъ, которымъ имя не честные враги, а негодяи. Описаніе мукъ, которыя ты принялъ за сохраненіе военной тайны,—отрѣзали уши, вырѣзавъ языкъ, удушиваніе щипцами,—вызвало во всѣхъ насъ, твоихъ бывшихъ сослуживцахъ, какъ офицерахъ, такъ и нижнихъ чинахъ, муки души за тебя, славный герой, и преисполнили великой гордостью харьковскую конвойную команду, что ты такъ честно, славно, мученически исполнилъ долгъ за Вѣру, Царя и Отечество. Ура тебѣ, дорогой нашъ герой! Ура, за твои страшныя муки. Поздравляемъ съ Георгіемъ, твой портретъ будетъ лучшимъ украшеніемъ нашей команды. Цѣлуемъ тебя всѣ, обнимаемъ и желаемъ скорѣйшаго выздоровленія, я же, твой бывшій начальникъ команды, еще разъ отдѣльно тебя цѣлую, обѣщаю, если пріѣдешь въ Харьковъ, устроить тебѣ мѣсто, какое смогу. Подполковникъ Третьяковъ».

Турки и нѣмцы такіе же звѣри съ своими, какъ и съ врагами. Изъ разсказовъ очевидцевъ установлено безпримѣрное по жестокости, но характерное для германо-турокъ отношеніе къ своимъ защитникамъ отечества. Солдатъ, особенно тяжело раненыхъ, безнадежныхъ, турецкіе санитары по приказу германскихъ офицеровъ раздѣваютъ донага и еще живыми бросаютъ въ море. Трупы этихъ несчастныхъ выплываютъ на поверхность воды, и пароходу, подвозящему къ позиціямъ новыя войска, часто приходится прокладывать путь по сотнямъ человѣческихъ тѣлъ. Можно себѣ представить душевное состояніе свѣжаго солдата послѣ такой картины. Неудивительно, что въ войскахъ начался глухой ропотъ. И вотъ, чтобы предотвратить всякія нежелательныя послѣдствія, нѣмцы пустили слухъ, что тѣла эти не турецкихъ солдатъ, а плѣнныхъ гяуровъ... Трудно сказать, что гаже, что нужно считать болѣе мерзкимъ, безчеловѣчнымъ—самый фактъ или выдумку.

Конечно, и отношеніе турецкихъ солдатъ къ нѣмцамъ далеко не сердечное. Изъ 210 германскихъ офицеровъ, находящихся на излѣченіи въ Deutsche Krankenhaus и на превращенномъ въ госпиталь пароходѣ «General», чуть ли не половина ранена въ спину и въ заднія части. Вынутыя изъ ранъ пули оказались маузеровскими...

Ваша совѣсть чиста? Англійскія газеты отъ 6-го мая вышли съ характерной страницей, посвященной всего лишь нѣсколькимъ строкамъ гражданскаго воззванія къ англійскому народу. По словамъ «Бирж. Вѣд.», на ней значится нѣсколько строкъ крупнѣйшимъ, жирнымъ шрифтомъ:

«Ваша совѣсть чиста?

Если ваша совѣсть чиста, какъ вы можете оставаться дома, вести покойную, мирную жизнь и не раздѣлять общей участи вашего короля и вашей родины?

1) Вы слишкомъ стары?

Старъ для войны лишь человѣкъ, которому перевалило за 38 лѣтъ.

2) Вы физически годны для войны?

Не годенъ для войны лишь тотъ, кто получилъ удостовѣреніе въ этомъ отъ военнаго врача.

3) Вы не можете бросить своего дѣла?

Въ эти великіе, критическіе дни, переживаемые міромъ, лишь тотъ не можетъ оставить своего дѣла, который работаетъ въ интересахъ государства.

Если у васъ есть отвѣтъ на эти три вопроса, долгъ вашъ ясенъ для васъ.

Записывайтесь сегодня въ армію».

«God save the King!» («Боже, Царя храни!»).

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

НИВА
№ 21.
23 Мая 1915 г.

А. Новоскольцевъ. Сергій Радонежскій благословляетъ Дмитрія Донского на брань съ Мамаемъ.
Музей Императорской Академіи Художествъ.

Пробужденные.

Новелла **Елены Федотовой.**

Снаряды ложились все ближе и ближе. Вотъ они сдѣлали круглую брешь въ старой каменной оградѣ кладбища и засыпали осколками могилы. Одинъ изъ снарядовъ упалъ совсѣмъ близко подлѣ костела и оставилъ огромную воронку въ землѣ, словно вырылъ новую могилу.

Наконецъ что-то жужжащее попало въ цвѣтное стрѣльчатое окно костела и сразу разорвало полотѣны. Посыпались тяжелые, обомшѣлые камни съ карниза, зазвенѣли лопнувшія стекла.

Новый снарядъ ударилъ въ колокольню. Жалобно звякнулъ колоколъ на треснувшей надъ нимъ старой дубовой балкѣ и вмѣстѣ съ вышкой упалъ внизъ.

Въ щепы разлетались старые вязы и серебристыя ивы, вздрагивала земля отъ грохота и воя.

Мертвые пробудились въ своихъ могилахъ и думали: „Быть-можетъ, уже пора!“ Но боялись выходить на свѣтъ, устрашенные неслыханными раскатами грома.

Наконецъ земная гроза стала стихать, и наиболѣе смѣлые, молодые, рѣшились покинуть свою темную обитель.

Первыми, съ разныхъ концовъ кладбища, вышли изъ могилъ три дѣвушки и окинули взоромъ забытыя мѣста.

— Гдѣ мы?—тихо спросила первая, стройная и красивая, съ длинной черной косой.

— На кладбищѣ,—съ робостью отозвалась вторая, одѣтая въ нарядное платье панночки.

— Значитъ, мы мертвыя? спросила третья, блѣдная, съ прекрасными голубыми глазами, съ длинными золотистыми прядями волосъ, по которымъ медленно, капля за каплей, стекала вода.

Бѣдное крестьянское платье и босыя ножки тоже были влажны, быть-можетъ, потому, что могила ея безъ креста и имени была выкопана слишкомъ близко къ озеру, въ самомъ отдаленномъ углу кладбища.

— Нѣтъ, теперь не мертвыя... Но мы когда-то умерли. Должно-быть, давно,—отозвалась панночка: я не помню этихъ вязовъ. Костелъ какъ будто тотъ же, но могилъ тогда здѣсь было меньше. А на томъ холмѣ стоялъ большой бѣлый панскій домъ... Его я представляю себѣ ясно-ясно...

— Ты оттуда?—спросила дѣвушка съ черной косой.

— Я?.. Постой... дай вспомнить...—Она оглядѣла свое бѣлое пышное платье, атласныя туфельки со шпорами на каблукахъ и указала глазами на голый холмъ:—Я оттуда, изъ бѣлаго дома. Я—Зося, панна Зося. А ты?

— Я изъ деревни. Я—Стася, Станислава Рубжицкая.

— А я—дочь знахарки, Ядвига. Наша хата стояла на самомъ краю деревни, на обрывѣ, надъ озеромъ. Пойдемте къ своимъ. О, какъ мы долго, должно-быть, лежали въ могилахъ: ногамъ очень трудно ступать. Но это пройдетъ.

— Пройдетъ,—отозвалась панночка.—Только бы вспомнить дорогу.

— А ты давно умерла,—раздумчиво обратилась къ ней черноволосая дѣвушка:—и ты тоже... Вы одѣты такъ странно... Давно, очень давно люди носили такія одежды.

— У тебя тоже странное платье,—отозвалась панночка:—я такихъ не видала.

Черноволосая дѣвушка расправила слежавшіяся складки деревенскаго наряда и вздохнула:

— Это было мое лучшее платье. На праздники я сама разглаживала его... Теперь оно слежалось, и въ складкахъ темныя полосы... И лента въ косѣ потемнѣла... Но не все ли намъ равно!.. Ахъ, какъ легко дышится!.. И отовсюду доносятся звуки... Это земная жизнь...

— Какъ мы отвыкли отъ нея,—вздохнула бѣлокурая:—шелестъ листьевъ уже кажется громкимъ.

— Вѣдь у насъ въ могилахъ было очень тихо...—вздохнула панночка.

— Пойдемте же!—напомнила черноволосая дѣвушка. И, взявшись за руки, неувѣренно пошли съ кладбища.

Бѣлые цвѣты попались на дорогѣ.

Панночка нагнулась и сорвала.

— Смотрите, цвѣты, живые цвѣты! Въ гробу у меня тоже были, но увяли. Тѣ были изъ теплицы. Имъ стало душно и темно у меня, и они увяли.

Прижала панночка цвѣты къ губамъ и поцѣловала ихъ:

— Чудные, милые... А какъ они называются? Я уже забыла. Я многое забыла, и мнѣ трудно говорить. Какъ они называются?

Бѣлокурая напрягла память и вздохнула:

— Нѣтъ, не помню... Вѣдь я тоже давно уже умерла...

Тогда черноволосая дѣвушка прижала ладони къ глазамъ и медленно произнесла:

— Постойте, быть-можетъ, я вспомню. Я умерла не такъ давно. У насъ въ хатѣ, какъ разъ противъ моей постели, висѣлъ календарь, и отецъ каждый день отрывалъ отъ него по листку. Большими черными цифрами тамъ были обозначены числа дней. Постойте... я даже помню, когда умерла... Тогда былъ листопадъ 1903 года... Да, да... 903... О, я еще многое помню. Если бы ксендзъ далъ мнѣ молитвенникъ, я еще прочла бы всѣ молитвы. Но какіе же это цвѣты? Бѣлые, съ длинными лепестками... У насъ много росло ихъ подлѣ колодца. Ахъ, да это... это—ромашка!

— Ромашка,—радостно отозвались обѣ дѣвушки:—ромашка!.. А мы уже забыли...

И пошли дальше по тропинкѣ въ гору. Попадались имъ навстрѣчу бѣгущіе люди, но не замѣчали дѣвушекъ, не отвѣчали имъ на вопросы.

Поднялись на холмъ. Дикій кустарникъ жесткой колючей вязью обвилъ сѣрые потемнѣвшіе камни. Бѣлаго дома не было. Мраморныя скамейки парка раскололи и унесли по частямъ неизвѣстные люди. Высохъ паркъ. Изсякли фонтаны. Цѣпкій кустарникъ заплелъ нарядные боскеты и аллеи. Панночка опустилась на камень и уронила голову:

— Ничего... ничего... Но я останусь пока здѣсь. Я буду вспоминать и вспомню... Идите къ своимъ...

— Да, мы пойдемъ,—отозвалась бѣлокурая.—Я пойду въ хату къ матери, пойду къ озеру.

— А я къ себѣ,—сказала черноволосая. И обѣ стали спускаться съ холма.

У озера разошлись. Бѣлокурая пошла вдоль берега, черноволосая дѣвушка на взгорье, въ деревню.

Обѣ шли молча, радуясь несказанно каждому звуку, оглядываясь по сторонамъ, припоминая родныя мѣста.

Бѣлокурой было труднѣе: около ста лѣтъ тому назадъ ушла она отъ жизни и многаго уже не узнавала, многое позабыла.

Высокіе, вѣтвистые дубы у озера тогда, въ годъ ея смерти, были тонкими прутиками, и каждый семилѣтній ребенокъ могъ связать узломъ послушную вѣточку.

Теперь толстые стволы ихъ глубоко ушли въ землю корнями, пышно раскинулись густолистыя вѣтви, новыя и незнакомыя.

Вода въ озерѣ стала темной и мутной, а тогда была она голубой и прозрачной.

Робко шла молодая дѣвушка, съ какой-то тайной боязнью взглядывая по временамъ на глубокое озеро.

Что-то давнее связывало ее съ нимъ, но что—она позабыла. Широкой дорогой, вмѣсто исчезнувшей тропинки, поднялась дѣвушка на обрывъ. Нѣтъ хаты. Красное каменное зданіе выросло на ея мѣстѣ. Словно исполинскія иглы, поднимаются надъ нимъ высокія круглыя трубы. Сквозь разбитыя закоптѣлыя стекла оконъ видны какія-то машины и цѣлыя горы угля. Опустила дѣвушка голову и пошла дальше, къ лѣсу, на самое взгорье обрыва. Лѣсъ почти тотъ же, только сѣть тропинокъ легла по-новому.

Какой-то инстинктъ повлекъ умершую дѣвушку наперерѣзъ тропинкамъ, сквозь густой кустарникъ, и вывелъ къ странно знакомому мѣсту: къ камню у обрыва. Громадная сѣрая глыба, словно глухая стѣна, зарылась здѣсь въ землю. Мягкій пушистый мохъ—ея подножіе, а со стороны озера душистая повилика завила, заплела сѣрый камень и длинными нѣжными нитями повисла надъ обрывомъ, надъ озеромъ.

Тихо и прохладно подлѣ камня.

Нѣтъ къ нему пути-прохода, забыли о немъ новые люди. Старые дубы и липы сплелись надъ нимъ узорнымъ сводомъ и затуманили солнечные лучи.

Присѣла бѣлокурая дѣвушка на камень и тронула нѣжныя нити повилики.

Странно задрожало сердце въ ея груди.

О чемъ-то знакомомъ и манящемъ напомнилъ сладкій запахъ розоватыхъ цвѣтовъ... И вдругъ вспомнилось милое, давно забытое имя: Владекъ...

Напрягла память умершая дѣвушка, и сталъ медленно разсѣиваться туманъ: уплыли долгія сто лѣтъ, проведенныя въ могилѣ, вспыхнуло на небѣ прежнее солнце, прежнія облачка, какъ бѣлые лебеди, понеслись куда-то въ невѣдомую золотую страну: знакомый звонъ деревенскаго колокола поплылъ надъ голубымъ прозрачнымъ озеромъ.

Владекъ!.. Іезусъ, Марія! Какъ она могла забыть Владека!

Статный, чернобровый, въ цвѣтномъ кафтанѣ и желтыхъ сапогахъ, онъ каждый вечеръ ждалъ ее у мельницы, тамъ, гдѣ слѣпой Казиміръ, стоя на жидкомъ помостѣ, прислушивался къ шуму жерноповъ и время отъ времени повторялъ:

— Ахъ, Кася, Кася!..

Еще бы! Семнадцатилѣтняя Кася справляется одна-однешенька за слѣпого отца.

Но и усталая, запорошенная бѣлой мучной пылью, она все же краше всѣхъ дѣвушекъ на селѣ.

Не даромъ самъ панъ Годовскій подарилъ ей гранатовыя бусы и алую ленту въ косу. Но что до Каси умершей дѣвушкѣ, что ей до чужой красы!

А между тѣмъ какъ-то больно заныло сердце.

Владекъ...

О, мать зорко слѣдитъ за Ядвигой.

Она словно чутьемъ угадываетъ, куда пошла дочь. Не даромъ же мать знахарка, не даромъ же боится ея вся деревня.

Но если полюбитъ дѣвушка,—не уберечь, не устеречь ее самому сатанѣ.

Квартирмейстеръ. Картина С. Колесникова.
(Весенняя выставка въ Императорской Академіи Художествъ).

Пройдетъ она сквозь игольное ушко, проскользнетъ въ трещинку стекла, въ маленькую замочную скважину.

Владекъ, Владекъ!.. Развѣ ты—не солнце, что свѣтитъ на лазурномъ небѣ, не шумный зеленый лѣсъ, что завороживаетъ сердце своими сказками, не воздухъ, напоенный ароматомъ спѣющей ржи и алыхъ маковъ? Владекъ, ты—все!..

О, мельница не разъ слыхала эти слова, когда алыя губы Владека обжигали лицо умершей дѣвушки.

Зацѣпился пальчикъ Ядвиги за тонкую нить повилики, и оторвалось нѣсколько цвѣтовъ. И опять задрожало сердце непонятной болью. Что же было? Что же было тогда, сто лѣтъ назадъ, когда Ядвига была жива, когда живая горячая кровь играла въ нѣжномъ лицѣ ея, когда радостно и наивно смотрѣли голубые глаза?

И вспомнила. И руки упали вдоль тѣла, и повилика выпала изъ нихъ.

Да, да... Однажды, обнимая Владека, она увидѣла на пуговицѣ его кафтана запутавшуюся повилику.

— Въ лѣсу ты былъ, мой любимый?

— Нѣтъ, не былъ,—отвѣтилъ онъ твердо и громко.

— Но повилика? Она растетъ только у насъ въ лѣсу.—Сняла тогда умершая дѣвушка осторожно гибкую повилику и долго смотрѣла на нее.

А вечеромъ пробралась къ сѣрому камню и притаилась: только здѣсь росла такая розовая душистая повилика.

Долго стояла здѣсь одинокая дѣвушка и вернулась домой блѣдная и чужая.

— Гдѣ ты была, дочка?

— У камня.

— Зачѣмъ?

— Я думала, что туда съ другой дѣвушкой придетъ Владекъ.

И обѣ замолчали. Замолчала мать, взглянувъ на потемнѣвшее лицо дочери, замолчала дѣвушка, придавленная непомѣрной тяжестью горя.

Владекъ сталъ опаздывать на мельницу и однажды не пришелъ совсѣмъ.

Вернулась Ядвига въ хату и прислонилась къ стѣнѣ.

— Мама, дай мнѣ снадобья!

— Зачѣмъ тебѣ, Ядзя?

— Приворожить Владека.

— Нѣтъ такого снадобья, дочка...

— Ты не хочешь, не хочешь, мать...

— Нѣтъ такого снадобья...

— Другимъ ты его даешь.

— Ядзя, мать твоя — старая бѣдная женщина. Мы очень бѣдны, Ядзя!

Пошла тогда умершая дѣвушка къ камню. Шла такъ осторожно, что не спугнула вечерней бабочки, не прервала пѣсни кузнечика, не шелохнула ни одной былинки... Словно по воздуху шла. Только любящіе люди умѣютъ такъ ходить.

Пришла, глянула и замерла. И громко потомъ крикнула:

— Владекъ!!.

Такъ кричатъ большія ночныя птицы съ печальными глазами, когда въ ихъ сердце вонзается стрѣла охотника.

Двѣ тѣни—тѣни Владека и мельничихи Каси — мелькнули мимо и словно растаяли. Подбѣжала дѣвушка къ камню: никого нѣтъ. Только пучокъ повилики, сорванный нечаянно Владекомъ, повисъ на камнѣ.

Спрятала на груди эти цвѣты Ядвига, подбѣжала къ обрыву и...

. . . .

Оглядѣлась умершая дѣвушка. Разгоралась вечерняя заря. Мутныя воды озера кровью алѣли внизу. Заломила она въ отчаяніи руки, мука неизбывная охватила сердце. Сто лѣтъ спала въ могилѣ эта мука и вновь пробудилась, все такая же тяжкая, темная, смертельная.

— Владекъ, Владекъ!..—застонала умершая дѣвушка и, какъ сто лѣтъ тому назадъ, кинулась въ озеро...

Дошла до дому и дѣвушка съ черной косой. Вотъ она, родная хата! О, какъ она постарѣла: ворота почти упали, окна потускнѣли, герань завяла.

Неслышно толкнула знакомую дверь дѣвушка и остановилась на порогѣ.

Отецъ съ забинтованной головой сидитъ на лавкѣ, и кровь просачивается сквозь бѣлую повязку. На полу валяется ружье, и порохомъ пахнетъ въ хатѣ. Мать охаетъ и суетится подлѣ отца.

— Куда тебѣ стрѣлять, старый!.. Ты одинъ, а ихъ много. Да и для чего намъ жить, спасать свою хату? Если бы еще была жива Стася!..

— Слава Богу, что умерла,—вздохнулъ старикъ:—если бы жива была наша Стася, подумай только, старуха, что бы „они" съ ней сдѣлали!

— Отецъ, мама, да я жива, я съ вами! Развѣ вы не видите? Я пришла опять къ вамъ со стараго кладбища!

Курдъ-доброволецъ (турецкая армія). Картина С. Колесникова.
(Весенняя выставка въ Императорской Академіи Художествъ).

Бросилась черноволосая дѣвушка на шею къ матери и разрыдалась.

— Прикрыть дверь пойти. Холодно что-то!—вздохнула мать и пошла къ двери.

Отшатнулась дѣвушка. Словно ножомъ кто ударилъ въ сердце. Не слышатъ... Потомъ оглядѣлась кругомъ. Все въ избѣ по-новому, только ея дѣвичья постель за цвѣтнымъ пологомъ все та же, и одѣяло то же, и молитвенникъ на подушкѣ... Словно сейчасъ только вышла Стася изъ хаты. Здѣсь, на этой постели, она умерла.

Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ пришла она съ посидѣлокъ счастливая, разгорѣвшаяся, принесла съ собой въ хату веселыя пѣсни, задоръ молодости, и вдругъ повела плечами:

— Холодно у насъ что-то, мама.

— Господь съ тобой, Стася. Впору на сѣнникѣ спать.

— Холодно...

Раздѣлась и легла. И больше не вставала. Вотъ и календарь старый на стѣнѣ виситъ. Пожелтѣлъ, выцвѣлъ. 1903 годъ, листопадъ, 5-е число, вторникъ... день ея смерти.

На пути къ Я. По фот. нашего корреспондента.

Подошла Стася къ своей дѣвичьей постели и припала лицомъ къ подушкамъ. И долго такъ лежала, вздрагивая отъ тяжкихъ, мучительныхъ рыданій.

О, зачѣмъ же было пробуждаться, если это такъ непосильно, такъ больно! Долго плакала. И почудилось дѣвушкѣ, что, стоитъ ей только пожелать, пожелать сильно, и колесо жизни повернется назадъ, вернется прошлое. И она пожелала. И прошлое вернулось и было не настоящей жизнью, а какимъ-то желаннымъ полусномъ, полувидѣніемъ. Но дѣвушка была рада и этому.

Въ хатѣ стало все по-старому. Все стало знакомо и любо. Отецъ и мать, бодрые и моложавые, суетятся у поставца.

— Помнишь, мама, посидѣлки?

— Помню, Стася, помню... Двѣ недѣли прошло съ тѣхъ поръ.

— А куда отецъ вышелъ?

— Развѣ не знаешь? Онъ додѣлываетъ новыя ворота. Скоро тебя пріѣдутъ сватать, надо же пріукрасить хату.

Вспомнила умершая дѣвушка, все вспомнила и умолкла, только крѣпче прижалась къ матери.

— Вотъ поправишься,—и пріѣдутъ...

Тяжко Стасѣ. Мечется она на подушкахъ. Голова горитъ, путаются мысли, темныя пятна покрыли лицо, плечи и руки... Встала дѣвушка и пошла къ дверямъ.

— Куда ты, Стася?

— Въ могилу... Тяжко мнѣ... прощай, мама...

И стало уплывать видѣніе прошлаго. Опять видитъ умершая дѣвушка отца съ забинтованной головой, встревоженную мать, но встревоженную новой заботой, заботой о раненомъ старикѣ.

— Мама!..—позвала неувѣренно умершая дѣвушка.

И мать кинулась къ ней, и отецъ склонился къ изголовью.

— Что тебѣ, Стася?

— Мама, я ожила... Меня разбудилъ какой-то грохотъ, и я пришла къ вамъ. Я опять здорова, опять буду...—и не договорила: словно дуновеніе вѣтра пронеслось по хатѣ и потянуло опять въ могилу.

Встревожилась дѣвушка, прижалась къ материнской груди... Въ глаза глядитъ, руки любовно цѣлуетъ, но чувствуетъ, словно тяжесть разливается по всему тѣлу; алымъ нездоровымъ румянцемъ загораются ея щеки, темныя пятна, какъ и двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, выступаютъ на бѣлыхъ дѣвичьихъ плечахъ.

На пути къ Я. По фот. нашего корреспондента.

На пути къ Я. По фот. нашего корреспондента.

— Прощайте, мама, отецъ...—пересиливъ нестерпимую муку смертельной болѣзни, произнесла дѣвушка.

И никто не отвѣтилъ, не обернулъ головы. Пошатнулась умершая дѣвушка, цѣпляясь за косякъ, вышла за дверь и, одинокая, тяжело дышащая, пошла со своимъ смертельнымъ недугомъ мимо домовъ живыхъ подругъ, къ старому кладбищу.

У озера встрѣтила бѣлокурую дѣвушку. Печальны были глаза ея. Съ волосъ тонкими струйками стекала вода. Мокрая одежда прильнула къ молодому дѣвичьему тѣлу. Но не было жизни въ этомъ тѣлѣ; была только мука нестерпимая, жажда могильнаго покоя. Обѣ пошли къ кладбищу. И считали шаги: скоро ли?

Въ пути попадались имъ плачущіе, куда-то бѣгущіе люди. Сизыя облачка появлялись надъ землей, что-то взрывалось съ великимъ грохотомъ, и люди падали десятками, окровавленные и недвижные.

Рвущіеся осколки насквозь пронизывали порой тѣла умершихъ дѣвушекъ, но не чувствовали онѣ боли и только торопились: скорѣй, скорѣй бы.

— Вспомнила?—стономъ вырвалось у черноволосой дѣвушки.

— Вспомнила,—тихо отозвалась бѣлокурая.—О, какъ тяжко... Кто пробудилъ насъ? Зачѣмъ? Идемъ, идемъ скорѣе...

Наполпути встрѣтили панночку.

Догорала на небѣ заря. Кончался день.

Кончался день и для умершихъ дѣвушекъ.

Тайная сила влекла ихъ къ могиламъ. И невыносимы были ихъ земныя муки, вновь пережитыя, снова выстраданныя.

Блѣдна была панночка, когда подходила къ разрушенному костелу.

Заглянула она въ разрушенное рядомъ окно и вспомнила.

Тамъ стоялъ когда-то пышный гробъ, и она—панна Зося—лежала въ немъ.

Самъ польскій круль присутствовалъ на ея похоронахъ и много знатной шляхты. И женихъ ея, сѣдой и важный магнатъ, былъ тутъ же, и убитый горемъ отецъ.

Все вспомнила и закрыла лицо руками и пошла торопливо впередъ.

Зацѣпилась рукавомъ за вѣтку дерева, и обнажилось плечо, нѣжное дѣвичье плечо. Странныя синія полосы пролегли по немъ, словно кто хлесталъ это плечо крѣпкой охотничьей нагайкой.

Быстрѣй и быстрѣй идутъ дѣвушки.

Нѣтъ силъ страдать дольше: невыносимо бремя смертельныхъ мученій. Разошлись онѣ и заскользили между холмиковъ, отыскивая каждая свою могилу.

И вдругъ въ ужасѣ застонали: нѣтъ ихъ могилъ. Взрыта кругомъ земля, въ щепы разлетѣлись кресты, груды камней остались отъ памятниковъ.

Нѣтъ больше кладбища!

И не однѣ дѣвушки искали свои могилы. О, нѣтъ... Многое множество умершихъ людей носилось надъ кладбищемъ и разыскивало свои гробы.

Черноволосая узнала среди нихъ кузнеца Яна изъ сосѣдняго мѣстечка, стараго угольщика, ксендза и сгорѣвшаго на пожарѣ ребенка галичанки Аннуси... Многихъ узнала...

Узнали и Ядвига, дочь знахарки, и панночка. Но ихъ знакомые выглядѣли иначе: лица были темнѣе, обветшала ихъ одежда... Долго пролежали въ землѣ эти люди, и земля измѣнила ихъ.

Всѣ они метались и плакали, ища свои могилы, и спрашивали о нихъ у людей въ черныхъ каскахъ, наводнившихъ кладбище, и укоряли ихъ, но тѣ, не отвѣчая, наводили невѣдомыя орудія на костелъ, на мѣстечко, и кругомъ разгорались пожары. Съ трескомъ валились стѣны, взлетали на воздухъ столѣтніе дубы. Понеслись впередъ измученныя тѣни умершихъ. туда, гдѣ было великое множество людей въ черныхъ каскахъ, людей, разрушавшихъ костелы, старыя кладбища, древніе сѣдые соборы. И заглядывали имъ въ лица и плакали:

— Отдайте наши могилы!..

Люди въ каскахъ не отвѣчали имъ, но боязливо оглядывались и дрожащими руками наводили ружья на окопы своихъ противниковъ. И пули ихъ не попадали въ посланную цѣль, потому что были пущены неувѣренными и робкими руками.

Летѣли дальше бѣдныя тѣни и плакали:

— Отдайте наши могилы!..

Не отвѣчали и тѣ, но бросались къ бутылкамъ и въ непонятной жаждѣ осушали ихъ до дна.

Все больше и больше стекалось людей въ черныхъ каскахъ. Необозримыя пространства наводнялись ихъ полками.

Живыя волны людей бросались на противника, но не было въ нихъ ни вѣры въ побѣду ни мужества, ибо боролись они не только съ живыми, но и съ мертвыми. А полчище мертвыхъ было непобѣдимо. Со всѣхъ концовъ земли шли навстрѣчу жестокимъ воителямъ вереницы умершихъ людей со странными знаменами, шли герольды, шли рыцари въ желѣзныхъ латахъ, съ пышными перьями на шлемахъ, тѣ, что спали цѣлыя столѣтія подъ сѣдыми сводами Реймса и другихъ древнихъ городовъ, шли босоногіе монахи въ темныхъ одѣяніяхъ, подпоясанные веревками, шли старики и дѣти, шло великое множество людей, жившихъ когда-то на землѣ и потерявшихъ свои могилы.

Съ дикимъ крикомъ бросаются на окопы своихъ живыхъ противниковъ полки озвѣрѣвшихъ людей въ черныхъ каскахъ, но уже скоро откроются ихъ духовныя очи, скоро увидятъ они великое воинство умершихъ—и содрогнутся и бросятся вспять къ домамъ своимъ. Но и тамъ не найдутъ защиты и покоя, ибо полетятъ за ними блѣдныя тѣни и станутъ у входа и будутъ взывать:

— Отдайте наши могилы!..

На развѣдкѣ. Рисунокъ нашего военнаго корреспондента **М. Авилова.**

Сокровище.

Эпизодъ недавнихъ дней. **С. А. Качіони.**

I.

Сегодня, на второй день Новаго года, извозчикъ Сильвестръ былъ именинникомъ, и это именно обстоятельство усиливало его мрачное настроеніе.

Кромѣ причинъ общаго характера, въ родѣ „плохихъ дѣлъ", войны, на которую изъ Царскаго ушли почти всѣ военные господа, а остался теперь „только сѣдокъ, самый, можно сказать, что ни на есть плевый" и т. п., Сильвестра раздражало то, что въ такой „годовой день своего Ангела" у него не было даже стаканчика водки, чтобы, какъ слѣдуетъ, по-христіански промочить себѣ горло.

А тутъ еще, какъ на зло, одно къ одному, — чередь въ ѣзду на сегодня вышелъ Пѣгому, потому что вчера выѣзжалъ на Рыжемъ, а Пѣгій—развѣ конь?.. Горе, а не конь!

Пока два сына-подростка возились около запряженной уже лошади, обтирая наружную заднюю стѣнку саней, вытряхивая полсть и подножный коврикъ и сметая пыль и соръ съ сидѣнья, Сильвестръ послѣ обычной утренней закуски допивалъ четвертый стаканъ мало отличавшагося цвѣтомъ отъ воды чаю и, отвѣчая на свои невеселые мысли, все время покачивалъ головой.

Аннушка возилась около печки и не безъ нѣкотораго скрытаго злорадства поглядывала изрѣдка на мужа.

— Што,—небось, по водкѣ, именинникъ, тоскуешь? Въ Ангела своего день замѣсто полбутылки казенки съ чашкой грѣшнымъ въ утробѣ въ ѣзду выѣзжаешь,—сказала она наконецъ, хотя и незлобиво, но съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ упрека, относившагося къ недавнему еще прошлому, когда мужъ безъ полбутылки водки съ утра и вожжей въ руки не взялъ бы.

— А ты што жъ себѣ думаешь, весело, што ли? По-твоему, не обогрѣмши, какъ полагается, нутра, на передкѣ саней, какъ на перинѣ подъ одѣяломъ? Эхъ ты, желтоглазая!

— А што жъ? Этакъ-то много лучше, чѣмъ прежде бывало,—возразила жена, подбрасывая въ печь полѣно.—И сани будутъ цѣлѣе, и лошади легче, и мнѣ съ дѣтьми много спокойнѣе... Знаемъ-то мы тебя хорошо, пьянаго: слава Богу, натерпѣлись!..

Сильвестръ при этихъ словахъ повернулся-было къ женѣ съ цѣлью возражать ей по существу вопроса, но затѣмъ махнулъ только рукой и сказалъ съ горечью:

— Брось, Аннушка, не зуди... И безъ тебя нудно... Ты бы, вотъ, сама сѣла на сани да въ морозъ и вѣтеръ поѣздила бы съ утра до полночи... Не ту бы пѣсню запѣла... Да еще вонъ на Пѣгомъ...

— Чего на Пѣгомъ? — огрызнулась жена.—Ну и на Пѣгомъ... Не все ли одно? Небось, не Пѣгій водку лакалъ, а ты... Пѣгій такой же конь, какъ и Рыжій...

— Такой?!.—презрительно отозвался Сильвестръ.—Корова Пѣгій, а не конь!.. Дрянь одна... Што убьешь, то только и уѣдешь... Туда же, съ Рыжимъ сравняла!.. Сама ты въ такомъ разѣ Пѣгому подъ пару. Рыжій — конь настоящій, можно сказать, справедливый конь, а Пѣгій—что? Убоина, а не конь! Хлещешь его, хлещешь и вдоль и поперекъ, какъ сидорову козу, а онъ тебѣ хоть бы што: колода безчувственная!.. Точно ты не по немъ, а по тумбѣ... Онъ меня, проклятый, не иначе што до участка доведетъ... Безпремѣнно доведетъ...

На сей разъ Аннушка уже не возражала, и Сильвестръ, допивъ послѣдній глотокъ чаю и, по привычкѣ, положивъ стаканъ на блюдце въ знакъ того, что чаепитіе окончено, всталъ и началъ съ помощью Аннушки надѣвать сначала коротенькій тулупъ, а поверхъ него извозчичій синій армякъ.

Черезъ четверть часа онъ уже, перекрестившись трижды, выѣзжалъ изъ воротъ своего дома на улицу.

Жатва смерти. Картина **И. Владимірова.**
(Весенняя выставка въ Императорской Академіи Художествъ).

II.

Въ пятомъ часу Сильвестръ привезъ кого-то съ вокзала на Стесселевскую улицу, на уголъ Кадетской, и, получивъ 30 коп. за этотъ конецъ, остановился тутъ же на углу дожидаться слѣдующаго сѣдока.

Минутъ черезъ пять у того же угла, но только съ Кадетской улицы, остановился его пріятель и кумъ, извозчикъ Егоръ; въ его новенькія, со сплошной мѣховой полстью, сани былъ запряженъ хорошо откормленный буланый конекъ.

Поздоровавшись, кумовья въ ожиданіи сѣдоковъ разговорились.

— Ты, я вижу, кумъ, нонче опять на Пѣгомъ маешься,—сказалъ участливо Егоръ, помахивая широко обѣими руками, чтобы согрѣться.

— Опять на немъ, пусто бъ ему было... На немъ, треклятомъ, не ѣзда, а одно горе... Аспидъ, а не лошадь!.. Прямо впору хоть на живодерню свести.

— Да онъ у тебя съ норовомъ, што ли?

— Нѣтъ, это грѣхъ сказать, не норовистый онъ,—а такъ весь онъ ни къ чему... Корова, а не конь, и скорости въ немъ ни-ни!.. Ты его хоть въ три кнута полосуй, онъ знай свое — трускомъ, трускомъ и шабашъ... Хоть плачь! Ну, извѣстно, сѣдокъ не всякій терпѣнье имѣетъ: который досидитъ до конца, а другой на полпути вылѣзетъ, область и на другого извозчика сядетъ. Вотъ и радуйся. Потому, какъ на Рыжемъ,—безъ четырехъ монетъ домой не вернешься; а на этомъ радъ-радехонекъ, если два съ половиной соберешь.

— А ты, кумъ, что же кнута на него жалѣешь?

— Да куда тамъ кнутъ?! Ему и кнутовище — какъ съ гуся вода. Я уже приловчился ему подъ пузо,—крѣпко этого онъ не любитъ, — такъ вѣдь, каторжный, задомъ бьетъ. Третьевось чуть не убилъ... Хорошо, что назадъ откинуться успѣлъ. И опять же вышло не ловко: я откинулся назадъ и затылкомъ сѣдока по головѣ маненько зацѣпилъ—сѣдокъ невысокаго роста попался. А онъ за это,— даромъ что на видъ не рослый,—такъ по затылку звизданулъ, что и сейчасъ еще влѣво головой повернуть не могу.

— А ты бы его, кумъ, продалъ, а замѣсто его другую порядочную купилъ,—посовѣтовалъ Егоръ.

— Да кому его продашь? Мужикъ по хозяйству посередь зимы коня не купитъ, потому что съ кормами зимой, самъ знаешь, какъ; извозчикъ здѣшній отъ своего же брата - извозчика не возьметъ, потому что какой же дуракъ справедливую лошадь продавать станетъ?.. А барышникъ што за него дастъ? Четыре, ну отъ силы пять красненькихъ... Значитъ, я самое малое потомъ катеринку, чтобъ другого коня купить, прибавляй, потому что, самъ вѣдь хорошо знаешь, нашему брату безъ другой лошади никакъ невозможно... А откуда такую уймищу денегъ взять? Самъ знаешь, каки-таки времена нонче: съ голоду далъ бы Богъ только не помереть!

— Тогда знаешь, кумъ, — попробуй ты дать ему, какъ овсомъ кормишь, съ полгорсти извести, только не сырой, сохрани Богъ, а гашенной: говорятъ, она прыти придаетъ.

— Пустое, Егоръ. Ты ему не то што извести, а хоть, скажемъ, самаго злѣйшаго перцу по торбѣ давай, онъ и ухомъ не поведетъ. Только еще кнутомъ кое-какъ и справляешься. У меня на него и кнутъ особенный: съ тремя узлами на концѣ. Ты его молотишь кнутомъ, а онъ только хвостомъ, что твой пароходъ винтовой, то справа налѣво, то слѣва направо крутитъ. А все-жъ-таки нѣтъ-нѣтъ да и прибавитъ ходу, когда ужъ очень ему кнутомъ допечешь. Прямо и смѣхъ и горе. На прошлой недѣлѣ я одного везъ съ Артиллерійской улицы на Колпинскую, не знаю, изъ какихъ онъ будетъ,—съ барашковымъ воротникомъ,—то ли изъ баръ, то ли чиновникъ, то ли такъ себѣ изъ полуплотненныхъ, ихъ нонче не разберешь, потому всѣ въ этихъ самыхъ барашковыхъ воротникахъ ходятъ,—такъ онъ это смотрѣлъ-смотрѣлъ, какъ я Пѣгаго молочу, да вдругъ и говоритъ:

„— Это, говоритъ, у тебя не конь, а сокровище.

„Я себѣ думаю, что онъ такъ, надсмѣхается, и молчу, а онъ помолчалъ немного и опять свое:

„— И впрямь, говоритъ, сокровище: такого коня, говоритъ, съ огнемъ поискать, такъ не сыщешь.

„— Да што вы, баринъ, говорю я ему, шутите, што ли? Вѣдь это же не конь, а убоина, которой только и мѣсто на живодернѣ!.. Отъ бѣдности своей вотъ только и держу, потому что не на что другимъ замѣнить.

„— Нѣтъ, говоритъ, ты самъ своего счастья не понимаешь... Этотъ конь, говоритъ, тебя въ люди произвести можетъ, только не здѣсь... Ты бы вотъ къ агличанамъ поѣхалъ съ нимъ, такъ тамъ тебя они за этакаго коня золотомъ засыпятъ.

„— Да што вы, баринъ, въ самомъ дѣлѣ говорите?! Вѣдь другой такой лѣнивой животины, почитай, въ цѣломъ свѣтѣ не сыскать.

„— Вотъ-вотъ, говоритъ, это-то самое оно-то и есть. Агличане теперь уже и лошадямъ стали награды выдавать. Тамъ у нихъ по разнымъ городамъ и скачки такія происходятъ. Становятся этакъ десять или больше ѣздоковъ въ рядъ, и у каждаго въ рукахъ нагайка, и какъ дадутъ это знакъ звонкомъ, такъ каждый и начинаетъ нагайкой полосовать не своего коня, а того, на которомъ сосѣдъ сидитъ. И полосуютъ, говоритъ, не на жизнь, а на смерть. А кони, говоритъ, на этихъ скачкахъ ставятся самые лѣнивые, распрелѣнивые,—ну вотъ такіе, говоритъ, какъ этотъ конь твой. И который, говоритъ, и при такомъ смертномъ нагаечномъ боѣ все-жъ-таки отъ другихъ отстанетъ и изо всѣхъ послѣднимъ придетъ къ столбу, тому, говоритъ, самую первую призу и присуждаютъ. Такъ вотъ, говоритъ, каки дѣла у агличанъ происходятъ. И ты, говоритъ, послѣ этого должонъ понять, какимъ ты сокровищемъ располагаешь. Ты бы, говоритъ, тамъ изъ города въ городъ переѣзжалъ да на такихъ скачкахъ золото бы и огребалъ... И этотъ самый, говоритъ, конь твой въ первѣйшіе скакуны произошелъ бы, и во многихъ бы, говоритъ, журналахъ скаковыхъ и его патретъ, а съ нимъ вмѣстѣ и твой печатать бы стали, и ты бы, говоритъ, изъ-за этого самаго коня, котораго ты теперь клянешь, самымъ первымъ человѣкомъ сталъ... И, пожалуйста, говоритъ, не думай, што это все я тебѣ такъ себѣ, зря, наболталъ, потому я тебѣ про все это самую сущую правду доложилъ... Чудной такой, право!.. А какъ пріѣхали на Колпинскую къ мѣсту, такъ онъ мнѣ цѣлый гривенникъ сверхъ того, какъ порядились, прибавилъ. Отдаетъ это онъ мнѣ полтинникъ вмѣсто сорока копеекъ и послѣднее слово мнѣ и говоритъ такое:

„— Такъ, говоритъ, и знай, что это у тебя не конь, а сокровище, и ты черезъ этого самаго коня большое счастье получить можешь“.

Кумъ Егоръ съ большимъ интересомъ прослушалъ разсказъ Сильвестра и въ заключеніе глубокомысленно произнесъ:

— Н-да... Дѣла... Оно, конечно, разный народъ бываетъ. И ласточка свое... И всякая другая птица... Ну и люди тоже... А только этотъ твой сѣдокъ не иначе, какъ изъ ахтеровъ былъ... Эти на зубоскальство горазды... Можетъ, въ кинематографъ и ѣхалъ. А нѣтъ, такъ изъ зубныхъ дохторовъ: изъ нихъ которые страсть какъ зубы заговаривать умѣютъ... Одинъ вотъ такой же, какъ этотъ твой, про мово Буланаго...

III.

Но Егору на сей разъ не удалось разсказать, а Сильвестру прослушать какую-то исторію о буланомъ конѣ, потому что въ это самое время изъ ближайшаго къ углу подъѣзда вышли три офицера и, подойдя къ извозчикамъ, сѣли безъ торга: на меньшія сани Егора—одинъ, который былъ постарше, а на болѣе широкія сани Сильвестра—двое.

— На вокзалъ, да поживѣе! До поѣзда остается двѣнадцать минутъ!—скомандовалъ одинъ изъ нихъ.

Буланый рванулъ и помчался крупной рысью.

Рванулъ съ мѣста по привычкѣ и Пѣгій, тѣмъ болѣе, что Сильвестръ, привставшій на облучкѣ, сразу же отсыпалъ ему цѣлую порцію кнутовъ, но уже черезъ двѣ-три минуты онъ перешелъ на свою обычную рысцу „трускомъ“ и, невзирая на пущенное въ ходъ его хозяиномъ кнутовище, которымъ тотъ немилосердно полосовалъ ему и спину и бока, не увеличивалъ скорости ни на іоту.

И лишь по временамъ, когда кнутъ, охвативъ часть спины и весь бокъ, захлестывалъ своимъ концомъ еще ниже, такъ, что отвратительные три узла приходили въ нестерпимо-болѣзненное соприкосновеніе съ самой нѣжной и чувствительной частью живота Пѣгаго, онъ, слегка подбросивъ вверхъ заднія ноги, переходилъ съ рыси на галопъ и скакалъ на разстояніи нѣсколькихъ саженей.

Но и при такомъ аллюрѣ сани не выигрывали въ скорости нисколько, потому что и неуклюжій галопъ у Пѣгаго былъ какой-то своеобразный: подпрыгивая довольно высоко то передними, то задними ногами и замѣтно раскачиваясь въ воздухѣ, лошадь въ то же время не развивала поступательнаго движенія впередъ, а только топталась почти на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Пѣгій, очевидно, хитрилъ и, что удивительнѣе всего, на нѣкоторое время обманывалъ и сѣдоковъ и даже самого, прекрасно его понимавшаго, Сильвестра: ощущавшійся при этой перемѣнѣ аллюра всѣми, находившимися въ саняхъ, толчокъ и самый видъ лошади, идущей вскачь, производили впечатлѣніе быстрой ѣзды, тогда какъ на самомъ дѣлѣ сани двигались черепашьимъ ходомъ.

А сѣдоки-офицеры все время о чемъ-то горячо спорили и были такъ увлечены, что совсѣмъ не обращали вниманія на скорость движенія. Одинъ изъ нихъ, сидѣвшій справа, какъ разъ за спиной Сильвестра, во время спора съ товарищемъ и скорѣе машинально, чѣмъ сознательно, приговаривалъ по временамъ: — Шевелись, шевелись, извозчикъ, а то, не дай Богъ, опоздаемъ къ поѣзду!— но вслѣдъ за этой фразой онъ торопился возражать спорившему о чемъ-то съ нимъ товарищу, и такъ какъ послѣ этихъ словъ три узла кнута немедленно же находили новое нѣжное мѣсто на животѣ Пѣгаго, и происходила сопровождавшаяся новымъ толчкомъ впередъ перемѣна аллюра, то оба офицера пребывали въ убѣжденіи, что извозчикъ пошевеливается, и, стало-быть, все идетъ, какъ слѣдуетъ.

А Буланаго, на которомъ уѣхалъ впередъ старшій офицеръ, давно уже и слѣдъ простылъ.

Въ результатѣ такого образа дѣйствій Пѣгаго получилось то, что, когда сани съ офицерами находились еще саженяхъ въ пятидесяти отъ вокзала, поѣздъ, на который они такъ спѣшили, уже отошелъ отъ дебаркадера, и до нихъ уже долетали все учащавшіеся тяжелые вздохи паровоза.

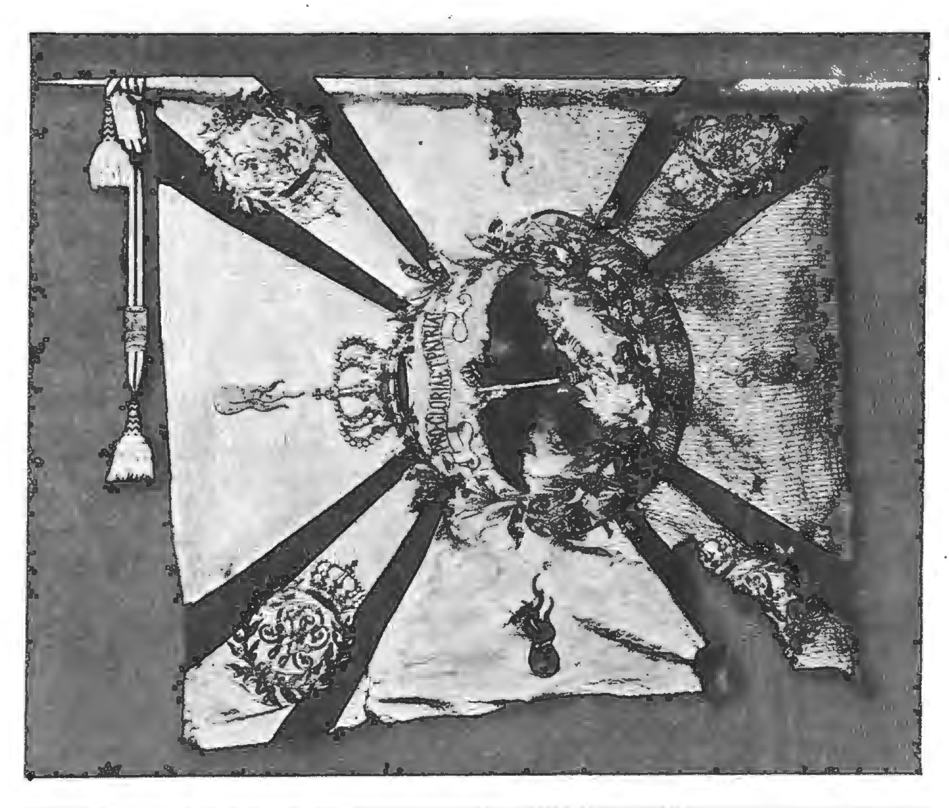
Теперь только оба офицера поняли положеніе вещей, и одинъ изъ нихъ, видя удаляющійся поѣздъ, воскликнулъ:

— Что жъ это такое? Неужели это нашъ поѣздъ?

— Чертъ его побери этого вахлака-извозчика!—отвѣчалъ другой и вслѣдъ затѣмъ, оставляя себѣ въ утѣшеніе надежду,

Н. Самокишъ. Засада.

Карта Босфора.



Германское знамя 34-го лейбъ-фузилернаго королевы шведской полка, взятое въ плѣнъ 13-го февраля 1915 г. однимъ изъ славныхъ сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ. На знамени дата—1720 г. и девизъ „Pro gloria et patria“ (За славу и отечество).
По фот. нашего корреспондента.

прибавилъ:—Да двигайся же!.. Можетъ-быть, это еще не нашъ поѣздъ, а какой-нибудь случайный, добавочный...

Предчувствовавшій бѣду Сильвестръ поднялся во весь ростъ на облучкѣ, дернулъ вожжами и съ такой силой перетянулъ Пѣгаго кнутовищемъ, что оно переломилось на двѣ части. Пѣгій, давно уже не помнившій такого нестерпимаго удара, теперь рванулъ на самомъ дѣлѣ, и сани быстро подкатили къ дверямъ вокзала.

IV.

Но—увы!—здѣсь пріѣхавшихъ встрѣтилъ ихъ старшій товарищъ, который съ мѣста же разразился упреками.

— Что вы надѣлали, господа? Вѣдь вы заставили и меня остаться, чтобы не подводить васъ! Что скажетъ намъ генералъ? Вѣдь это вышло до безобразія неловко! Я пріѣхалъ за пять минутъ до поѣзда и влѣзъ-было въ вагонъ, но потомъ, видя, что васъ нѣтъ, уже на ходу поѣзда выскочилъ. Что теперь дѣлать? И почему вы опоздали? Вы заѣзжали, что ли, куда-нибудь?

— Объ этомъ нужно спросить извозчика, — сказалъ одинъ изъ сѣдоковъ, указывая на Сильвестра. — Вѣдь это же непостижимо, какъ полиція позволяетъ выѣзжать на такой коровѣ, какъ у него! Это прямо чортъ знаетъ, что такое! — кипятился онъ.

И затѣмъ, обращаясь непосредственно къ сидѣвшему, понуривъ голову, Сильвестру, онъ крикнулъ:

— Ты понимаешь, что ты надѣлалъ?.. Мы опоздали на поѣздъ.

— Помилуйте, ваше бродіе, я старался...—началъ-было оправдываться Сильвестръ, но офицеръ крикнулъ:

— Какъ тебя зовутъ? Твой нумеръ?

— Зовутъ Силивёрстомъ, а жестянка № 46,—отвѣтилъ уныло извозчикъ.

— А фамилія?

— По отцу Ѳоминъ и все тутъ: фамиліи особенной нѣтути.

Офицеръ записалъ это на вынутой изъ кармана газетѣ и, не сказавъ больше ни слова, направился съ товарищами въ зданіе вокзала.

У Сильвестра уже не хватало духа спросить съ пріѣхавшихъ какую-нибудь плату за конецъ, и онъ шажкомъ отъѣхалъ отъ вокзала и направился уже прямо домой, невзирая на то, что наѣзженныхъ за весь день у него въ карманѣ было всего только два рубля безъ гривенника.

По пути онъ все время покачивалъ головой и говорилъ себѣ подъ носъ:

— Вотъ тебѣ и день Ангела!.. Довелъ-таки до участка, волчья снѣдь!.. Издохнуть бы тебѣ, анаѳема треклятая!.. Што жъ? И впрямь у сѣдока, можетъ, какое неотложное дѣло. А поѣздъ вонъ ушелъ... Пойди-ка-съ, догоняй его. Ну, вѣстимо, обижается, потому время было полонъ ротъ... На Рыжемъ я бы два раза поспѣлъ и ужъ самое малое полтину, а то и всѣ шесть гривенъ офицеры дали бы. Офицеры — народъ не прижимистый: ты ему угоди только. Конечно, каждому свое... Сталобыть, до зарѣзу нужно было. У-у-у, извергъ египетскій!—зарычалъ вдругъ Сильвестръ подъ внезапнымъ приступомъ сильнѣйшаго гнѣва и, такъ какъ кнутъ у него былъ сломанъ, приподнялся на облучкѣ, высвободилъ изъ-подъ себя конецъ вожжей и, откинувшись назадъ, чтобы обезопасить себя отъ возможнаго удара задними ногами Пѣгаго, началъ немилосердно хлестать коня этимъ свободнымъ концомъ вожжей, стараясь захлестнуть его подъ животъ.

При этой жестокой экзекуціи Пѣгій сначала только съ неимовѣрной быстротой вертѣлъ хвостомъ то въ одну, то въ другую сторону, но наконецъ, послѣ десятка ударовъ, не выдержалъ и сталъ бросать задомъ, осыпая хозяина комьями снѣга.

Въ то время пока Сильвестръ, дошедшій до остервенѣнія, полосовалъ лошадь, кто-то изъ прохожихъ, удивленный такой со стороны совершенно безсмысленной жестокостью, крикнулъ ему:

— Что ты дѣлаешь, скотина?! Зачѣмъ истязаешь лошадь? Вѣрно, глаза гдѣ-нибудь налилъ!..

— Самъ ты скотина, — пробурчалъ на это отъѣхавшій уже далеко отъ сердобольнаго прохожаго Сильвестръ.—Небось, не знаешь, какъ онъ, собачья душа, меня истязаетъ.

Наконецъ Сильвестръ утомился, пересталъ бить Пѣгаго и маленькой трусцой направился къ своему дому.

— Што такъ рано? — освѣдомилась Аннушка, выглянувъ черезъ дверь въ тотъ моментъ, когда Сильвестръ, отворивъ ворота, вводилъ Пѣгаго подъ уздцы во дворъ.—Не въ баньку ли сходить для дня Ангела захотѣлъ?

— Посылай ребятъ распрягать!—отвѣтилъ на это мужъ, оставивъ лошадь и затворяя ворота.

— Ну, Аннушка,—говорилъ мрачно Сильвестръ женѣ, придя въ горницу и снимая съ себя армякъ:—видно, не даромъ я еще поутру сказалъ тебѣ, што эта треклятая животина до участка меня доведетъ... Такъ оно и есть... Завтра не иначе, какъ ожидай съ утра городового... Далъ бы Богъ, штобъ только на трешницѣ канитель кончилась, а то, смотри, и на цѣлую красненькую проздравятъ!.. А ежели, чего добраго, офицеръ сурьезно за дѣло возьмется, такъ и всему дѣлу шабашъ будетъ... Анаѳема, а не лошадь, пусто бъ ему было!..

И позже, за ѣдой, утоливъ первый голодъ, Сильвестръ подробно разсказалъ женѣ все событіе дня, начавъ съ бесѣды съ кумомъ Егоромъ.

— Вотъ тебѣ и день Ангела!.. А тотъ, непутевый, што съ барашковымъ воротникомъ,—Егоръ говоритъ, што онъ не иначе какъ ахтеръ или зубной дохторъ,—сокровищемъ эту волчую сыть называлъ! Билъ-билъ языкомъ объ зубы, да напослѣдяхъ и говоритъ: „Помни, говоритъ, что это у тебя не конь, а сокровище, и што ты, говоритъ, черезъ эфтого самаго коня большое счастье получить можешь...“ Анъ вотъ и получилъ!.. городового вмѣсто счастья!.. Тоже сорока настрекотала... И зачѣмъ это такіе, прости Господи, непутевые люди по свѣту шатаются?! Зря только добрыхъ людей съ толковъ сбиваютъ... А туда же: въ барашковомъ воротникѣ ходитъ!..

Погоревали Сильвестръ съ Аннушкой съ часокъ, погадали о томъ, что завтра могутъ сказать въ полиціи, и чѣмъ вся эта грустная исторія, въ которую втравилъ ихъ своей необыкновенной по упрямству лѣнью Пѣгій, можетъ окончиться, и улеглись спать.

Вотъ почему ни одинъ изъ нихъ не узналъ въ этотъ день о страшной катастрофѣ, происшедшей съ потерпѣвшимъ крушеніе тѣмъ самымъ поѣздомъ, на который изъ-за Пѣгаго случайно не попали три офицера. Потрясающая вѣсть объ этомъ рѣдкомъ по количеству жертвъ несчастіи уже къ девяти часамъ вечера молніей разнеслась по всему городу, поселивъ вездѣ смятеніе и ужасъ своими страшными подробностями, притомъ еще въ первые моменты значительно преувеличенными и прикрашенными стоустой молвой до того, напримѣръ, что говорилось о нѣсколькихъ десяткахъ убитыхъ и болѣе сотни искалѣченныхъ пассажирахъ, тогда какъ убитыхъ оказалось впослѣдствіи только четверо и раненыхъ нѣсколько десятковъ.

Не трудно понять поэтому, какое жгучее сознаніе рѣдкаго счастія охватило души всѣхъ тѣхъ, кто хотѣлъ или долженъ былъ ѣхать съ этимъ самымъ поѣздомъ въ Петроградъ, и кого удержали отъ этого простой случай или непредвидѣнно сложившіяся обстоятельства.

Сознаніе неминуемо надвигавшейся страшной бѣды, лишь по счастливой случайности не разразившейся надъ человѣкомъ, всегда наполняетъ душу тѣмъ большимъ ужасомъ, чѣмъ неожиданнѣе было самое спасеніе...

V.

На другой день утромъ, когда еще Сильвестръ съ сыновьями-подростками запрягалъ Рыжаго, чтобы отправляться въ ѣзду, во дворѣ уже появился городовой.

— Это ты, что ли, будешь Сильвёрстъ Ѳоминъ?—спросилъ онъ, слегка козырнувъ въ отвѣтъ на привѣтствіе хозяина.

— Я самый и есть.

— Полицеймейстеръ тебя требуетъ къ себѣ.

— Та-а-акъ, — процѣдилъ извозчикъ, почесывая затылокъ.— Што же, сейчасъ, што ли, являться приказано?

— Само собой: къ 11 онъ уже будетъ въ управленіи... Не ждать же ему тебя.

— Ладно—ждать,—сказалъ съ досадой Сильвестръ: — сейчасъ вонъ еще и 8 часовъ нѣту... Явлюсь во-время.

Городовой нѣкоторое время пристально поглядѣлъ на Сильвестра, слегка склонивъ голову набокъ.

Онъ видимо соображалъ, не заключается ли въ такомъ черезчуръ смѣломъ по тону и прямо-таки вольнодумномъ по формѣ отвѣтѣ извозчика чего-нибудь явно оскорбительнаго, во-первыхъ, для г. полицеймейстера, а во-вторыхъ, и для собственной его, городового, персоны, и не слѣдуетъ ли сему дерзновенному за столь очевидную непочтительность его неупустительно воздать должное по мѣрѣ содѣяннаго.

Но, продумавъ хорошенько сказанное извозчикомъ, доблестный стражъ души и тѣла русскаго гражданина пришелъ къ окончательному выводу, что извозчикъ — несомнѣнно вольнодумецъ явный, хотя и безъ бунтовщическаго и вообще анархическаго оттѣнка, а потому ограничился слѣдующимъ назидательнымъ замѣчаніемъ предупредительнаго характера:

— Ну, то-то же!.. Да, смотри, пошевеливайся!.. А то, братъ, знаешь?.. Шутки будутъ плохія!..

И послѣ этого внушенія блюститель порядка наружнаго и чистоты душевной, передвинувъ для чего-то на поясѣ деревянный кобуръ съ револьверомъ, съ достоинствомъ отбылъ неторопливой походкой со двора на улицу.

А бѣдный Сильвестръ и не помышлялъ вовсе шутить. Да и не до шутокъ ему было: теперь у него еще больше заскребли кошки на сердцѣ.

Задолго до 11 часовъ онъ уже сидѣлъ на деревянной скамейкѣ въ управленіи полицеймейстера, оставивъ на улицѣ при лошади своего старшаго сына, котораго нарочно взялъ для этого съ собою.

Наконецъ около 12 часовъ въ пріемную вышелъ полицеймейстеръ и, когда очередь дошла до Сильвестра, сказалъ ему:

— Ты что же это, братецъ, вздумалъ въ извозъ по городу вмѣсто лошади корову запрягать? А?

— Никакъ нѣтъ, ваше высбродіе, лошадь обыкновенная, а только, конешно, съ лѣнцой она, это вѣрно.

— Какой тамъ „обыкновенная"?! Кляча сущая!.. Ты ее вѣрно изъ брака у гробовщика купилъ, гдѣ она привыкла только шагомъ въ покойницкихъ дрогахъ ходить?

— Никакъ нѣтъ, не у гробовщика, а у чухонца...

— Все равно, значитъ, молоко шагомъ развозила, а теперь ты на ней и пассажировъ вздумалъ также шагомъ возить, — замѣтилъ полимеймейстеръ и продолжалъ:—Такъ ты ее сейчасъ же или гробовщику или чухонцу продай, а по городу на этой лошади больше ни одного дня ѣздить не смѣй, если не хочешь, чтобы я тебѣ вовсе воспретилъ заниматься легковымъ извозомъ... Слышалъ?

— Такъ точно... Постараюсь продать... Этотъ Пѣгій, ваше высбродіе, и безъ того уже у меня, можно сказать, всю душу вымоталъ,—осмѣлился прибавить Сильвестръ, слыша очень ласковый тонъ начальства.

— А теперь,—продолжалъ уже болѣе строго полицеймейстеръ:— сейчасъ же явись на квартиру къ полковнику N.,—онъ живетъ на Стесселевской улицѣ, въ домѣ N.,это около дома Баранова,— онъ самъ просилъ меня прислать тебя къ нему сегодня, и если онъ проститъ тебя за вчерашнее, то, Богъ съ тобой, прощу и я; а если не проститъ, оштрафую... Ну, отправляйся!

И полицеймейстеръ обратился къ просителю.

VI.

Полковникъ N. не долго заставилъ ожидать Сильвестра и сейчасъ же вышелъ на кухню, какъ только денщикъ доложилъ ему о приходѣ извозчика.

А Сильвестръ, не дожидая даже, чтобы офицеръ самъ началъ говорить, сразу же, какъ могъ быстро, жалобнымъ тономъ сказалъ:

— Простите, Христа ради, ваше высбродіе, сдѣлайте такую милость!.. Ослобоните отъ штрафа!.. Я человѣкъ бѣдный, потому какъ мово Сѣраго забрали въ конскую повинность...

— Погоди, голубчикъ,—ласково перебилъ его полковникъ. — Я тебя вовсе не за тѣмъ позвалъ. Ты лучше прежде меня послушай.

И послѣ этого, вынувъ изъ бокового кармана тужурки большой бумажникъ, а изъ бумажника — три двадцатипятирублевки и подавая деньги Сильвестру, онъ продолжалъ:

Германское знамя 34-го лейбъ-фузилернаго королевы шведской полка, взятое въ плѣнъ 13-го февраля 1915 г. однимъ изъ славныхъ сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ.

Въ дѣйствующей арміи. Близъ позицій.
За отсутствіемъ церкви священникъ совершаетъ литургію въ частномъ домѣ.

съ его точки зрѣнія выводѣ, что извозчикъ, ожидавшій для себя большой кары и получившій вмѣсто этого награду, просто, что называется, на минуту отъ радости спятилъ съ ума.

А потому онъ поспѣшилъ сказать сколько могъ ласково:

— Успокойся, мой другъ! Это мы еще вчера всѣ трое, какъ только узнали о страшномъ крушеніи того самаго поѣзда, на который мы не попали совершенно случайно и только благодаря тебѣ, рѣшили наградить тебя 25-ю рублями каждый за спасеніе нашей жизни. Это одно. Ну, а теперь еще другое. Моя жена и дѣти требуютъ, чтобы я непремѣнно купилъ у тебя и отправилъ въ деревню на самыя легкія работы при домѣ, — другими словами, значитъ, на пансіонъ,—ту самую лошадь, которая точно чувствовала, что она должна спасти насъ, и не прибавила рыси, невзирая на то, что ты ее такъ усердно хлесталъ. Сколько ты съ меня за нее возьмешь?

Сильвестръ ушамъ своимъ не вѣрилъ.

— Ваше высбродіе, помилуйте, да на што вамъ сдается мой Пѣгій?.. — воскликнулъ онъ.—Вѣдь это же не конь, а, можно сказать, баба беременная въ оглобляхъ! Ни рыси, ни скоку,—нѣтъ тебѣ ничего! Вотъ какъ бы это былъ мой Сѣрый, что у меня на войну взяли, или, скажемъ, хоть Рыжій, на которомъ я нынче выѣхалъ, — ну, это совсѣмъ другое: это—справедливыя лошади, настоящія... На нихъ я бъ васъ вчера мигомъ на вокзалъ доставилъ... Егоркиному Буланому носъ бы утеръ... На нихъ заждались бы вы поѣзда...

— Вотъ прежде всего возьми эти деньги отъ насъ троихъ за то, что ты, и только ты, вчера спасъ намъ всѣмъ троимъ жизнь...

Если бы на глазахъ Сильвестра разверзлись небеса, или вообще случилось что-нибудь совершенно невѣроятное, въ родѣ того, напримѣръ, что колокольня сама собой отдѣлилась бы отъ земли и перешла бы на другое мѣсто, то и тогда, кажется, на лицѣ его изобразилось бы изумленіе не большее, чѣмъ въ эту минуту послѣ словъ полковника и при видѣ денегъ, которыя онъ принялъ изъ рукъ офицера и держалъ передъ собой, не отдавая себѣ отчета въ случившемся.

— Ваше высбродіе,—бормоталъ онъ, повидимому, безсознательно:—то-есть это што же?.. Какъ же это такъ?.. Это, стало-быть, тотъ въ барашковомъ воротникѣ?.. Ахтеръ, или зубной... Это то-есть взамѣсто штрафа?.. И впрямь, стало-быть, по барашковому воротнику, то-есть по евонному слову, черезъ энтого самаго треклятаго Пѣгаго я большое счастье получить должонъ?..

Теперь уже наступила очередь изумляться полковнику, который, слыша отрывистое бормотаніе извозчика, никакъ не могъ понять, при чемъ тутъ какой-то „барашковый воротникъ“, „ахтеръ“ и „зубной“, и почему извозчикъ завелъ вдругъ рѣчь о такихъ предметахъ, ничего общаго другъ съ другомъ и съ интересомъ момента не имѣющихъ.

И онъ сейчасъ же остановился на томъ, единственно вѣрномъ

Землянки для нижнихъ чиновъ близъ передовыхъ позицій.

— Нѣтъ ужъ, братъ, спасибо тебѣ за нихъ, — разсмѣялся весело полковникъ: — потому что на этихъ бы мы вчера, значитъ, не только на вокзалъ, а и на тотъ свѣтъ укатили бы... Ну, а этотъ твой Пѣгій, котораго ты такъ хаешь, спасибо ему, вмѣсто того свѣта по семьямъ насъ всѣхъ вчера развезъ... Ну, такъ сколько же ты за Пѣгаго хочешь? Ты самъ его у кого купилъ?

— У чухонца.

— За сколько?

— Да по первому слову чухна за него сто съ четвертнымъ билетомъ заломилъ, а потомъ слово за словомъ, — вѣдь дня три торговались,—сбавилъ и на трехъ четвертныхъ билетахъ съ красненькой помирились.

— Значитъ,—за 85 рублей?

— Такъ оно выходитъ, стало-быть.

— Ну, такъ вотъ что: наживи ты на немъ три синенькихъ, то-есть возьми съ меня кругленькую сотняжку, и будемъ бить по рукамъ,—сказалъ весело полковникъ.

Сильвестръ даже ушамъ своимъ не повѣрилъ и подъ вліяніемъ минуты и радостнаго настроенія совершенно искренно воскликнулъ:

— Ваше высбродіе! Да што это вы зря деньги за окно бросить хотите?.. Вѣдь не стоитъ Пѣгій, пусто бъ ему было, этихъ денегъ, ей-же-ей, не стоитъ! Вѣдь маяться вы съ нимъ будете, какъ я вотъ уже полгода маюсь! Душу изъ васъ вымотаетъ... Положимъ, такъ онъ—лошадь сильная, смирная, никакихъ норововъ у него нѣтути, а только лѣнивый, треклятый, такой, што не то што што, а вотъ што! И слова такого на его лѣнь каторжную нѣтъ! Его не то што кнутомъ, альбо даже кнутовищемъ, — его

Въ дѣйствующей арміи.
Солдаты заготовляютъ щебень для исправленія дорогъ.

хоть оглоблей молоти, хоть ребра всѣ переломай,—a онъ тебѣ не прибавитъ рыси, ни-ни!.. Онъ развѣ только што для ломового извозу подойдетъ, потому што тамъ все больше шагомъ... Ну, а сила въ немъ настоящая: полсотни пудовъ хоть на саняхъ, хоть на колесахъ ему ни почемъ.

Такая добродушная искренность извозчика и тронула и насмѣшила полковника.

— Да ты, мой другъ, все забываешь, что я не для работы покупаю эту лошадь... И ломовымъ извозомъ заниматься не стану... Пойми же наконецъ, что конь этотъ жизнь мнѣ спасъ, и я въ награду за это хочу собственно на покой его у себя въ деревнѣ поставить, потому что жена и дѣти мои этого хотятъ. Ну, значитъ, кончаемъ такъ, какъ я сказалъ? Бери вотъ сотню—и съ этой минуты Пѣгій уже мой.

И полковникъ передалъ Сильвестру сторублевую бумажку.

Вечеромъ въ тотъ же день Сильвестръ, стоя у вокзала рядомъ съ Егоромъ въ ожиданіи пассажировъ съ поѣзда, говорилъ ему:

— Вотъ ты, кумъ Егоръ, говорилъ мнѣ тогда, што этотъ сѣдокъ мой съ барашковымъ воротникомъ, што Пѣгаго сокровищемъ обзывалъ и счастье мнѣ черезъ него загадывалъ,—изъ ахтеровъ или зубной дохторъ... А я такъ теперь думаю, што онъ не изъ таковскихъ, потому што это вѣдь народъ—такъ себѣ, зряшный... По-моему, онъ не иначе, што или изъ духовныхъ,—псаломщикъ, скажемъ,—или изъ гадальщиковъ, которые на кофейной гущѣ или по картамъ всю тебѣ судьбу твою, какъ по книжкѣ, прочитать могутъ... Потому и ахтеръ, и зубной, опять же, они такіе легкіе, въ книгахъ мало начитанные... А духовные и гадальщики—они всю эфту музыку книжную за первый сортъ произошли... Они, это, какъ человѣку въ глаза посмотрятъ, такъ вся судьба этого человѣка у него, какъ на ладони... Да опять же ты еще и то соображай, што которые изъ ахтерской націи, они больше или въ шинеляхъ съ бобрами, или ужъ совсѣмъ въ лѣтнихъ пальтишкахъ зимой, а такъ штобы, какъ слѣдуетъ, въ теплыхъ пальтахъ да съ барашковымъ воротникомъ,—такихъ ахтеровъ я что-то не видывалъ... И зубной дахтистъ—другое: онъ все больше норовитъ въ ротъ тебѣ залѣзть, потому для него зубы главное... Ему ни души, ни-чего, скажемъ, другого не требуется... Ему подавай зубы: онъ этимъ самымъ питается и самъ и жену съ дѣтишками кормитъ... Вотъ оно што. Ну, а этотъ мой, съ барашковымъ воротникомъ, одно слово—провидецъ: сказалъ—какъ пить далъ! Сокровище, говоритъ, этотъ твой Пѣгій... И вѣрно! Черезъ него, говоритъ, счастье для тебя произойти можетъ... И опять же вѣрно!! Начитанный въ книгахъ человѣкъ, сейчасъ видать... Эхъ, далъ бы Богъ только мнѣ его гдѣ-нибудь еще повстрѣчать! Я его сразу же по барашковому воротнику признаю... Да и съ лица онъ такой, въ родѣ какъ на евангелиста Луку въ нашей деревенской церкви маненько смахиваетъ... Я бъ ему, первое, въ ноги поклонился, а потомъ посадилъ бы на санки, да такъ бы прокатилъ на Рыжемъ,—это вѣдь не Пѣгій, это—лошадь справедливая, вотъ какъ хоть бы твой Буланый,—што у него духъ бы захватило!.. Только держись! Долго бъ меня помнилъ, дай Богъ ему здоровья...

Въ это время подошелъ поѣздъ, повалила валомъ публика, и разговоръ кумовей-извозчиковъ оборвался...

Такъ будетъ...

Умолкнетъ шумъ. Промчатся годы.
Воскреснутъ Счастье и Любовь,
И волны Мира и Свободы
Съ твердынь Карпатскихъ смоютъ кровь...

Пѣвцы на нѣжной, нервной лирѣ
Намъ пѣли, въ сумеркахъ, не разъ
«О покореніи Сибири»
И «Быль о томъ, какъ палъ Кавказъ».
Но вотъ въ букетъ къ знакомымъ темамъ
Они вплетутъ еще одну,
Одну гвоздику къ хризантемамъ,
Святую быль къ святому сну...

. . . .

Въ декабрьскій вечеръ мы услышимъ,
Какъ въ тотъ великій ясный день,
День битвы подъ Сарыкамышемъ—
На небѣ свѣтломъ стала тѣнь,
Сказавъ неблагодарнымъ дѣтямъ,
(Всему, что чтилъ больной Востокъ:
Его дворцамъ, его мечетямъ...),
Что Русью правитъ Вѣчный Богъ!..

. . . .

Услышимъ далѣе, какъ вышли
Колонны, строясь въ долгій рядъ,
Отчизнѣ преданныхъ солдатъ,
Чтобъ встрѣтить Пасху въ Перемышлѣ...
Умолкнетъ лира... Нѣгой вздоха
Помянемъ давній, свѣтлый годъ...

То будетъ въ ясную эпоху,
На лонѣ Мира и Свободъ...

Павелъ Орѣшниковъ.

Закавказье. Переходъ съ вьюками черезъ горную рѣчку.

Германія и красота.

Очеркъ

Эмиля Верхарна *).

Закавказье. Перевозка раненыхъ на вьючныхъ носилкахъ.

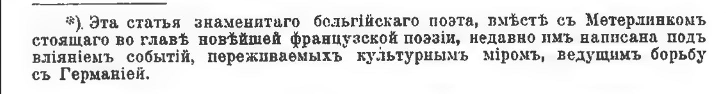
Во имя благоденствія всѣхъ народовъ нельзя допустить, чтобы какой-либо народъ жилъ только для самого себя. Такого мнѣнія придерживаются всѣ, кромѣ Германіи, которая желаетъ подавить все и вся на своемъ пути. Она разъ навсегда объявила себя господствующей націей, которой должны покориться всѣ остальныя націи на землѣ. Она считаетъ себя въ правѣ думать и желать и за себя и за всѣхъ другихъ. Она опредѣляетъ, разрѣшаетъ и разъясняетъ и то, что̀ дозволено, и то, что̀ никому никоимъ образомъ дозволено быть не можетъ.

Абсолютно лишенная чувства такта и деликатности, Германія увѣрила себя въ томъ, что моральная побѣда вплотную соприкасается съ побѣдой матеріальной и физической. По ея мнѣнію, дисциплина или, вѣрнѣе, тираннія—является нераздѣльной частью всякой соціальной организаціи. Она никогда, ни на единое мгновеніе, не задумалась надъ тѣмъ, что именно такое ея отношеніе къ дисциплинѣ препятствуетъ и всегда будетъ препятствовать признанію нѣмецкой гегемоніи. Не думаетъ она и о томъ, что ея манера властвовать есть вѣрнѣйшій путь къ тому, чтобы совершенно потерять власть, что ея представленіе о силѣ есть самая слабая и уязвимая сторона ея. Ужъ это одно доказываетъ, что не ей дано судьбой руководить европейскими народами, не ей предначертано подавлять и ослѣплять міръ. Ей недостаетъ самаго важнаго, главнаго, существеннаго, — недостаетъ величія, недостаетъ благородства и выдержки, что̀ такъ необходимо всякому владыкѣ. Бѣдная, она и не догадывается объ этомъ...

Для того, чтобы укрѣпить и расширить свою тираннію, Германія не считается съ другими народами и всяческими мѣрами готова подавить индивидуальность подвластныхъ и зависимыхъ отъ нея націй. Страшнымъ препятствіемъ она становится на пути ихъ къ расцвѣту. Какъ можетъ, она противится развитію ихъ особенностей и индивидуальныхъ чертъ. Она объявляетъ войну не на жизнь, а на смерть всему оригинальному, независимому, характерному. Каждый по-своему понимаетъ жизнь, счастье и радость, но Германія не желаетъ допустить это. Она желаетъ того, чтобы всѣ и каждый въ отдѣльности принялъ тотъ катехизисъ, который отпечатанъ ею.

Чужихъ шедевровъ, чужихъ геніевъ, чужихъ пророковъ она не признаетъ. Въ безумномъ ослѣпленіи своемъ она вѣритъ, что дѣлаетъ, мыслитъ, вершаетъ, правитъ и судитъ лучше всѣхъ. То, что̀ она дѣлаетъ,—мудро. Такъ, какъ она поступаетъ,—правильно. То, что̀ она создаетъ,—чудесно. Она воюетъ не только съ настоящимъ, но и съ прошлымъ. Никакое твореніе—будь то бронза, или дерево, или камень—не представляетъ абсолютной цѣнности, разъ оно не создано согласно всѣмъ правиламъ германской эстетики. Факты налицо. Былъ Реймсъ и соборъ его, прекрасный, какъ день и какъ ночь,—и уже нѣтъ его! Ипръ и чудеснѣйшія строенія его превращены въ груду развалинъ. Отошли въ вѣчность безподобная церковь св. Петра въ Лувенѣ, лувенская библіотека и безчисленныя художественныя сокровища Термонда... Всѣмъ скорбящимъ и страдающимъ Германія неизмѣнно отвѣчаетъ одно и то же: разрушенное она замѣнитъ своими твореніями. По ея представленію, пострадавшіе только выиграютъ отъ того. Ея сатанинская гордость укрѣпляетъ ее въ этомъ убѣжденіи...

Нѣмцы вѣрятъ, что величіе міру могутъ дать только они. Правда, на землѣ хранится много чудесъ, но они въ кратчайшій срокъ должны перейти въ тевтонскія руки, — иначе имъ грозитъ затеряться и исчезнуть. Эти чудеса нуждаются еще въ томъ, чтобы къ нимъ нѣмцы „руку приложили“ и тѣмъ придали имъ окончательный блескъ. Нѣмцы желали бы, чтобы лучшія особенности человѣческаго существа находились подъ постояннымъ ихъ контролемъ. Боже упаси дать волю сарказму и ироніи!



*) Эта статья знаменитаго бельгійскаго поэта, вмѣстѣ съ Метерлинкомъ стоящаго во главѣ новѣйшей французской поэзіи, недавно имъ написана подъ вліяніемъ событій, переживаемыхъ культурнымъ міромъ, ведущимъ борьбу съ Германіей.

Закавказье. На привалѣ.

Вольный человѣческій духъ надо посадить на цѣпь! Въ тиски вдохновеніе и чудесные порывы! Конечно, ученые, философы, художники, поэты не мѣшають, но Германія и объ этомъ позаботится и въ кратчайшій срокъ создастъ цѣлые полки философовъ, ученыхъ и музыкантовъ, которые будутъ рождаться, развиваться и творить, согласно строго разработанному и одобренному парламентомъ регламенту.

Довольно властвовать надъ нами свободному искусству. Міръ не такъ уже молодъ, чтобы позволять себѣ подобные эскапады! Надо побольше серьезности, важности, грузности. Нѣкоторая доза скуки, притворства и лицемѣрія дѣлу не повредитъ! Искусство должно принять болѣе опредѣленныя, строгія формы и оказывать такое же острое, рѣзкое впечатлѣніе, какъ ударъ меча.

Нечего говорить о томъ, что весь міръ содрогается при мысли о томъ, что когда-либо могутъ воцариться подобныя жестокія формы искусства. Всѣмъ намъ, нелицемѣрно любящимъ искусство, извѣстно, что, постепенно эволюціонируя, красота находила единство исключительно въ разнообразіи. Въ избранныхъ, отмѣченныхъ Божіимъ перстомъ, странахъ она расцвѣтала либо одновременно, либо въ разные, но послѣдовательные періоды. Исключительное положеніе выпало въ этомъ отношеніи на долю Франціи, Фландріи и Италіи. Но никогда и ни единая изъ этихъ странъ не пожелала посредствомъ жестокихъ мѣръ внушить всѣмъ остальнымъ націямъ и народамъ свои представленія о прекрасномъ, обратить ихъ въ свою эстетическую вѣру. Художественныя вліянія и вѣянія были взаимны и покоились на самыхъ мирныхъ и счастливыхъ основаніяхъ. Случались удачныя совпаденія. Такъ въ XV и XVI вѣкахъ Италія представила всему міру на радость и удивленіе Фра-Анжелико, Верроккіо, Боттичелли, а Фландрія отвѣтила Ванъ-Эйкомъ, Мемлингомъ, Давидомъ, Ванъ-деръ-Вельде.

Нѣсколько позже, на ряду съ Рени, Доминикино, Альбани, Караваджо стали Рубенсъ, Ванъ-Дейкъ, Джордано, Тенирсъ. Испанія въ свою очередь и въ то же время выдвинула: Веласкеца, Рибера, Зурбарана, Мурильо. Голландія: Рембрандта, Рейсдаля. Гольбейна, Фабриціуса, Стэна, Гальса, Питера де-Гоога. Франція: Пуссена, Клода Лоррена и Калло.

Во всѣ времена и эпохи, въ зависимости отъ страны, въ которыхъ оно развивалось, искусство было либо спиритуалистическимъ, либо реалистическимъ и принимало то аскетическія, то сенсуальныя формы. Вдоль стѣнъ XV и XVII вѣковъ тянулась единственная гирлянда, но гирлянда эта была сплетена изъ самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ. Такого могучаго тяготѣнія къ красотѣ наши времена, пожалуй, не знаютъ. Можно смѣло сказать, что средніе вѣка уподобились античнымъ, если только не превзошли ихъ.

Если бы Германія вышла побѣдительницей изъ настоящей войны, никогда не было бы мѣста подобному расцвѣту искусства, даже при томъ условіи, если бы міръ родилъ такое же количество геніевъ, какъ въ XVII вѣкѣ. Германія систематически и доктрально,—иначе выразиться нельзя,—рветъ всѣ тѣ нѣжныя и тонкія нити, которыя соединяютъ артиста съ его средой. Желаніе Германіи править, властвовать, милитаризировать все, что попадается на пути, пугаетъ творца шедевровъ. Вполнѣ возможно, что въ Германіи будетъ изданъ приказъ, согласно которому всѣ произведенія искусства должны создаваться по мюнхенскимъ или же берлинскимъ образцамъ.

Надо думать, что послѣ войны къ новой жизни возродится національное и даже националистическое искусство. Покоривъ Тевтонію, каждый изъ насъ вдвое, втрое больше и сильнѣе привяжется къ тому клочку земли, за обладаніе которымъ принесено столько жертвъ. Несомнѣнно народятся новыя, но и воскреснутъ старыя школы, и, быть-можетъ, въ ближайшія мирныя времена расцвѣтъ искусства достигнетъ высочайшихъ степеней. Какъ послѣ Іены, Германія сконцентрируется въ своихъ границахъ. Она соберетъ воедино всѣ оставшіяся силы и, съ присущей ей энергіей, подбодряемая отчаяніемъ и чувствомъ мести, станетъ залѣчивать свои тяжкія раны. И искусство, которое было отведено на самый задній планъ въ періодъ безумствъ и насилій, будетъ возвращено на подобающее ему мѣсто. Это явленіе встрѣтитъ горячій и сочувственный откликъ во всѣхъ друзьяхъ цивилизаціи.

Ресурсы народа подобны слоямъ земли. То обрабатываются глубочайшіе слои, то—средніе, то—самые поверхностные, открытые нашему глазу. Очень возможно, что тотчасъ же съ окончаніемъ войны нѣмцы начнутъ эксплуатировать тѣ самые слои, которые нѣкогда подарили міру Гёте и Шиллера, и надолго

Закавказье. Полевой караулъ.

Закавказье. Полевой караулъ.

міра. Во-вторыхъ, изъ желанія, чтобы новые, пышные цвѣты затянули страшное болото преступленій, которыми Германія поразила весь свѣтъ.

Всѣ тѣ, кто мечтаетъ о полномъ уничтоженіи Германіи, забываютъ, что невозможно уничтожить, извести молодой и сильный народъ. Это не удается даже по отношенію къ древнимъ и дряхлымъ народамъ, которые вымираютъ постепенно и все же стойко цѣпляются за каждую возможность жить.

Германію нельзя уничтожить, но съ ней необходимо надо бороться. Франція, Англія и Россія должны отнынѣ жить не только въ довѣріи другъ къ другу, но и въ недовѣріи къ врагу, который въ любую минуту, набравшись силъ, можетъ повторить старое и страшное. До поры до времени за Германіей слѣдуетъ наблюдать и подавлять всѣ ея преступные порывы. Ея руки должны немедленно въ полномъ безсиліи вытянуться вдоль бедръ тотчасъ же послѣ того, какъ онѣ съ грознымъ видомъ поднимутся надъ Европой, міромъ и миромъ. Повторяю, мы не должны стремиться къ тому, чтобы убить Германію. Достаточно того, что въ теченіе извѣстнаго промежутка времени она будетъ зажата въ нашихъ тискахъ. Никто до войны не стремился къ тому, но во имя грядущаго мира извѣстное насиліе нужно, полезно и разумно. Еще болѣе крайнія мѣры надо принять по отношенію къ нынѣшнему германскому императору, пребываніе котораго на свободѣ грозитъ большими послѣдствіями.

въ пренебреженіи оставятъ слои, вскормившіе Мольтке и Бисмарка.

Мы отъ всей души должны будемъ привѣтствовать расцвѣтъ германскаго искусства. Во первыхъ, во имя счастья и красоты

Въ монастырѣ.

Вечеръ погасъ... По лугамъ надъ рѣкою
Сумракъ дымящійся легъ,
Стихли грачи, и незримой рукою
Кто-то ужъ звѣзды зажегъ.
Тотчасъ лучи потянулись, мигая,
Съ неба до самой земли;
Крикомъ другъ друга въ выси окликая,
Тянутся вдаль журавли.
Вправо отъ шумной проѣзжей дороги
Скитъ одинокій стоитъ,
Крыши строеній въ немъ странно-пологи,
Колоколъ глухо звучитъ.
Словно зато изъ кусковъ перламутра
Стѣны, что онъ окруженъ...
Рано въ скиту начинается утро,
Рано приходитъ и сонъ.
Нынѣ, когда Русь отъ края до края
Старый достала свой щитъ,
Вѣсть донеслась ли до тихаго рая—
Былъ ли встревоженъ и скитъ?
Какъ же... За долгіе-долгіе годы,
Полные тихихъ молитвъ,
Грозно вздохнули въ немъ темные своды,
Сверстники княжескихъ битвъ.
Словно вздохнулъ облегченной онъ грудью,
Нишами старыхъ бойницъ,
Въ небо взметнувши привыкшихъ къ безлюдью,
Трепетно рѣющихъ птицъ.
Въ храмъ всѣ собрались, покинувши кельи;
Старецъ, молитвы творя,
Вынесъ икону—на ней ожерелье,
Даръ Іоанна Царя...
Ровно, спокойно, безъ лишняго жеста,
Старецъ читалъ, и отъ слезъ
Голосъ дрожащій чтеца манифеста
Съ каждою буквою росъ,
Крѣпъ, и, послѣднимъ прочитаннымъ словомъ
Въ тихія души упавъ,
Словно сроднилъ всѣхъ ученіемъ новымъ,
Старый разрушивъ уставъ...

. . . .

Вечеръ погасъ, но по кельямъ уснувшимъ
Свѣчи, мерцая, горятъ.
Что тамъ за чувства вливаются въ души?
Что тамъ за думы царятъ?..
Строгимъ караетъ уставъ наказаньемъ
Ночью отлучку за скитъ,
Что же за тѣнь промелькнула за зданьемъ?
Словно къ воротамъ спѣшитъ...
Крѣпкія ворота замокъ запираетъ,
Строгій надзоръ за стѣной,
Что же, ужели послушникъ не знаетъ
Истины этой простой?
Вотъ и второй... Его тѣнь не сумѣла
Спрятать отъ глазъ силуэтъ;
Въ сѣрый туманъ проскользнула несмѣло,
Лунный запутавши слѣдъ.
Божьяго воинства третій ужъ ратникъ,
Скитъ покидая, спѣшитъ...
Долгъ ли сегодня забылъ свой привратникъ,
Только замокъ вѣдь открытъ...
Нѣтъ, у окна, скрытый кущей сирени,
Старецъ въ слезахъ и безъ словъ
Благословляетъ скользящія тѣни,
Новыхъ отчизнѣ бойцовъ...

Сергѣй Михѣевъ.

Птичка.

Разсказъ **Бориса Лазаревскаго.**

(Продолженіе).

Аркадій Петровичъ заботился о Лёлѣ, какъ няня. Почти приказывалъ ей итти и ложиться спать, а утромъ пить кофе и ѣсть за обѣдомъ. Покорно и немного испуганно, какъ шестилѣтняя дѣвочка, она слушалась. И когда онъ въ первый разъ посадилъ ее на колѣни, сѣла такъ же покорно и безропотно. Онъ говорилъ, а она плохо понимала.

— Слушайте, Лёля, и у васъ и у меня на всемъ свѣтѣ нѣтъ ни одного близкаго человѣка, и если мы уйдемъ другъ отъ друга, станетъ еще тяжелѣе жить и безсмысленнѣе. Я не знаю, люблю ли я васъ, и вы не знаете, кто я для васъ, но, милая дѣтка Лёля, милая птичка, кромѣ разума и знанія у каждаго человѣка есть еще чутье, и это чутье настойчиво мнѣ говорить, что не нужно разставаться. Я получаю около двухсотъ рублей въ мѣсяцъ,—хватитъ и для меня и для васъ, не уйдемъ же другъ отъ друга. Давайте повѣнчаемся. Хорошо?

— Хорошо...

— Честное слово?

Вдвоемъ, гуляя, зашли къ священнику, поговорили и черезъ недѣлю повѣнчались только въ присутствіи шаферовъ: мирового судьи и акцизнаго чиновника.

Также пѣшкомъ вернулись домой. Когда Лёля сказала Юзефѣ, что теперь Аркадій Петровичъ ея мужъ, и хозяинъ, а не квартирантъ, Юзефа не повѣрила, а заголосила...

Автоматически, точно загипнотизированная, начала Лёля новую жизнь. Только цѣлыхъ два мѣсяца не могла привыкнуть называть Аркадія Петровича по имени и говорить ему „ты". О будущемъ не думала и не хотѣла думать, да и мало было времени. Вставали рано, въ девятомъ часу, и Лёля сейчасъ же жарила на машинкѣ сама бифштексъ или котлетку для мужа, а когда онъ уходилъ на службу, тщательно сама убирала его комнату и письменный столъ, затѣмъ шла на кухню къ Юзефѣ и помогала и указывала ей, какъ сдѣлать обѣдъ, чтобы онъ пришелся по вкусу Аркадію Петровичу.

Онъ возвращался изъ таможни всегда къ тремъ часамъ. Входилъ безъ звонка, снималъ пальто и нараспѣвъ говорилъ:

— А гдѣ птичка?

Лёля выходила, улыбаясь глазами, обнимала его и шептала:

— Здѣсь птичка.

Послѣ обѣда оба ложились отдохнуть и просыпались къ шести часамъ, затѣмъ долго пили чай съ вареньемъ, а если былъ хорошій вечеръ, шли подъ руку гулять. О своей любви почти не говорили, какъ не говорятъ люди о морѣ, если оно, могучее и прекрасное, всегда возлѣ нихъ и съ ними, но и не молчали.

Аркадій Петровичъ все удивлялся Лёлѣ, какъ это можно было дожить до двадцати одного года, побывать въ Петербургѣ на курсахъ и остаться такимъ ребенкомъ, но это именно и безконечно нравилось ему.

Преданная, какъ собака, горничная Юзефа смотрѣла на нихъ теперь и радовалась.

Въ концѣ мая Лёлѣ показалось, что она будетъ матерью. Аркадій Петровичъ крѣпко обрадовался.

— Тогда у меня будетъ два ребенка,—говорилъ онъ: — одинъ ты, другой тотъ, который родится. Знаешь, Лёля, когда я ѣхалъ изъ далекаго Пріамурья сюда, я думалъ, что вотъ отправляюсь оканчивать свою жизнь, а она только начинается. Я такъ счастливъ, что мнѣ иногда стыдно бываетъ глядѣть въ глаза прохожимъ и сослуживцамъ, ни у одного изъ нихъ никогда ничего подобнаго быть не можетъ. Правда?

Лёля дернула плечикомъ и отвѣтила:

— Не знаю.

Эта фраза удивила Иванова, удивила и умилила. И все, что дѣлала и говорила Лёля, казалось ему прекраснымъ.

Она никогда и ничего не говорила о курсахъ, и безмолвно было рѣшено, что Лёля больше не поѣдетъ на сѣверъ.

Аркадій Петровичъ взялъ небольшой отпускъ и поѣхалъ съ Лёлей въ Варшаву. Здѣсь накупили всякихъ нужныхъ и ненужныхъ вещей, Лёля радовалась и щебетала, какъ птичка. Когда вернулись, она принялась разставлять, украшать весь домикъ.

Пока Аркадій былъ на службѣ, Лёля возилась на грядкахъ въ бѣломъ фартучкѣ, съ засученными рукавами, она пересаживала изъ вазоновъ въ сырую пахучую землю левкои, гвоздику, тюльпаны, Анютины глазки, сѣяла душистый горошекъ и резеду... Маленькій рай быстро разросталcя. Аркадій Петровичъ своими руками сдѣлалъ двѣ скамейки и выкрасилъ ихъ въ зеленую краску. Точно прохладный вѣтерокъ, налетала иногда мысль о томъ, что его счастье чисто-зоологическое. Естественникъ по образованію, онъ самъ себя утѣшалъ: „потому-то оно и настоящее счастье"...

Начались теплые дни. Въ домѣ не открывали цѣлый день ставенъ, и Лёля часто ходила въ одномъ легкомъ капотѣ. Возвращаясь со службы, Аркадій Петровичъ ѣлъ безъ всякаго аппетита и ворчалъ на духоту. Только послѣ захода солнца можно было читать и разговаривать, но о своемъ счастьѣ и о Лёлиной красотѣ уже все было переговорено. Онъ все ждалъ, что Лёля сдѣлается матерью, но ея предположенія не подтвердились.

Хотѣлось уѣхать куда-нибудь на дачу, однако просить о долгомъ отпускѣ въ первый же годъ послѣ перевода онъ не рѣшался.

Аркадій Петровичъ выписалъ два толстыхъ журнала и нѣсколько книгъ новѣйшихъ авторовъ,—онъ хотѣлъ, чтобы у Лёли было чѣмъ заполнить свободное время. Когда пришла съ почты посылка, Лёля очень ей обрадовалась, но прежде всего пошла въ писчебумажный магазинъ и купила два хорошенькихъ разрѣзательныхъ ножа: одинъ деревянный съ искусственными вишнями на ручкѣ, а другой костяной. И сейчасъ же принялась разрѣзать всѣ книги подъ рядъ. Занималась этимъ цѣлыхъ два дня. Аркадій Петровичъ смотрѣлъ и умилялся.

Лёля начала читать большой романъ, но какъ разъ на седьмой страницѣ пришла Юзефа и сказала, что чужія куры забрались въ цвѣтникъ и поклевали весь горошекъ. Лёля оставила книгу раскрытой на седьмой страницѣ и помчалась въ садикъ. Кромѣ куръ, тамъ еще оказались и индюкъ съ индюшкой. Лёля схватила палку Аркадія Петровича и начала выгонять глупыхъ птицъ, а онѣ, вытянувъ впередъ шеи, бѣгали по дорожкамъ, взлетали на кусты смородины и столпились на грядкѣ съ огурцами, и Лёлѣ пришлось своими же ногами топтать свои труды.

Когда вдвоемъ съ Юзефой наконецъ удалось выгнать незваныхъ гостей, то изъ сосѣдней усадьбы прибѣжала ихъ хозяйка-старуха и начала бранить Лёлю по-польски такими словами, какихъ она не могла даже повторить, а затѣмъ обѣщала подать жалобу въ судъ за индюка, у котораго будто бы оказалась перебитой нога.

Аркадія Петровича въ это время не было дома, и Лёля не знала, что предпринять, вбѣжала въ спальню, легла на постель и заплакала громко и безутѣшно, какъ не плакала даже послѣ смерти бабушки.

Только къ обѣду она успокоилась.

Аркадій Петровичъ шелъ домой веселый и спокойный. Еще въ передней онъ обнялъ Лёлю и спросилъ:

— Ну, что, много прочла? Интересный романъ?

— Ты знаешь, эта злодѣйка, она смѣла...

У Лёли опять показались на глазахъ слезы.

Думая, что она говоритъ о романѣ, Аркадій Петровичъ обнялъ ее еще нѣжнѣе и сказалъ:

— Нельзя же быть такой впечатлительной...

Когда онъ наконецъ понялъ, въ чемъ дѣло, то почувствовалъ, будто съѣлъ очень кислое яблоко. И о книгахъ въ этотъ день больше не упоминалъ, взялъ ихъ всѣ, кромѣ открытаго на седьмой страницѣ романа, и унесъ къ себѣ въ кабинетъ. Тамъ долго возился съ какими-то бумагами и читалъ. Въ спальню вошелъ, когда переволновавшаяся Лёля уже задремала, и не разбудилъ ея обычнымъ поцѣлуемъ.

На слѣдующій день на службу онъ ушелъ раньше обыкновеннаго, а Лёля воспользовалась этимъ и отправилась съ Юзефой на рынокъ. Здѣсь оказалось, что ужасно вздорожала свинина: цѣлыхъ четыре копейки на фунтѣ. Это такъ огорчило Лёлю, что читать въ этотъ день она уже не могла. Книга, открытая на седьмой страницѣ, лежала цѣлую недѣлю, затѣмъ Аркадій Петровичъ взялъ ее къ себѣ въ кабинетъ, и Лёля этого не замѣтила.

Онъ понялъ, что нелюбовь къ чтенію не дѣлаетъ Лёлю хуже, какъ человѣка и жену, что каждому свое, и что было бы странно, если бы дѣвушка, выросшая въ такой обстановкѣ, возлѣ такой бабушки, интересовалась искусствомъ или литературой, о которыхъ слыхала очень мало.

Послѣ радостныхъ поцѣлуевъ Аркадій Петровичъ думалъ: „Счастье—не въ знаніи и даже не въ развитіи, а въ любви, и чего же мнѣ еще нужно?" Онъ снова обнималъ Лёлю и, какъ и прежде, шепталъ:

— Не покинешь никогда?

— Никогда...

— И ни при какихъ обстоятельствахъ?

— Ни при какихъ...

Затѣмъ жизнь опять пошла тихо и радостно. И только однажды Аркадій Петровичъ опять засталъ Лёлю въ слезахъ. Все еще вздрагивая, прерывистымъ голосомъ, она разсказала, что сосѣдъ по усадьбѣ слѣва—Шмидтъ пустилъ къ нимъ въ садикъ своихъ двухъ свиней и сдѣлалъ это нарочно, потому что свиньи не могли сами вырвать изъ земли цѣлыхъ два столбика забора, что погибли грядки съ огурцами и редиской. Лёля и Юзефа едва смогли выгнать свиней на улицу, которыхъ ихъ хозяинъ загналъ во дворъ, а когда пришла къ нему Лёля объясняться, то нѣмецъ попросту захлопнулъ у ней передъ носомъ калитку.

Подавать жалобу своему бывшему шаферу—мировому судьѣ не хотѣлось Аркадію Петровичу. Пойти же и просто побить нѣмцу физіономію мѣшало общественное положеніе. Волей-неволей пришлось ограничиться тѣмъ, что попразить заборъ и сдѣлать его повыше и покрѣпче. Супруги цѣлую недѣлю не могли успокоиться.

Аркадій Петровичъ началъ уже забывать объ этомъ случаѣ,

Адмиралъ Николай Оттовичъ Эссенъ, командовавшій эскадрой Балтійскаго флота. † 6-го мая 1915 г.

какъ вдругъ вечеромъ прибѣжала Юзефа и начала говорить барынѣ, поминутно всхлипывая и утирая глаза, что встрѣтила на улицѣ пьянаго Шмидта, который ей крикнулъ:

— Скажи своимъ барину и барынѣ, что скоро придутъ наши солдаты, и тогда мы господина чиновника и его супругу запремъ въ одинъ хлѣвъ съ тѣми свиньями, которыхъ они посмѣли выгнать, а тебя отдадимъ на закуску хорошенькому лейтенанту!..

Аркадій Петровичъ отъ негодованія долго не зналъ, что сказать. Лёля расплакалась. И онъ не зналъ, какъ и чѣмъ утѣшить жену. Наконецъ убѣдилъ ее, что напишетъ заявленіе самому генералъ-губернатору въ Варшаву, и Шмидта сейчасъ же посадятъ въ тюрьму.

Лёля затихла, и глаза у нея посвѣтлѣли.

Ночь почти не спали, разговаривали.

Аркадію Петровичу казалось, что никогда еще его птичка не была такой ласковой и нѣжной, и при мысли, что могутъ прійти какіе-то нѣмцы и разорить ихъ гнѣздышко, всей спинѣ его дѣлалось жарко. Обнимая жену, онъ спрашивалъ ее по нѣскольку разъ:

— Правда, никто и ничто насъ не можетъ разлучить?

— Правда,—отвѣчала Лёля.

— Лучше смерть, чѣмъ разлука?

— Лучше смерть,—отвѣчала Лёля.

Аркадій Петровичъ не легъ, а сѣлъ къ письменному столу и написалъ два длинныхъ заявленія — одно въ таможенный округъ, а другое генералъ-губернатору.

Уже взошло солнце, когда онъ поставилъ точку. Потомъ отворилъ дверь и вышелъ въ садикъ. Тишина вокругъ была такая, какъ въ полѣ. Чирикали одни воробьи. Блестѣла роса на цвѣтахъ. Сіялъ крестъ на православной церкви, и то же солнце такъ же ярко положило золотое пятно на готическую башню костела.

Аркадій Петровичъ вспомнилъ вчерашнее и перекрестился, чего не дѣлалъ со дня похоронъ Лёлиной бабушки. Ложиться спать не имѣло смысла, — черезъ три часа надо было итти на службу. Лёля проснулась спокойная, энергичная. Съ дѣловымъ видомъ она сварила кофе и, какъ всегда, ушла на кухню.

Въ таможнѣ Аркадій Петровичъ засталъ нѣсколько русскихъ чиновниковъ другихъ вѣдомствъ. Всѣ они читали пришедшую изъ Петербурга телеграмму, гдѣ предлагалось банку и почтовой конторѣ немедленно переселиться въ губернскій городъ.

Было приказано приготовиться къ переѣзду и таможнѣ. Здѣсь же Аркадій Петровичъ узналъ, что сегодня на разсвѣтѣ нѣкоторые изъ чиновниковъ уже выѣхали. У всѣхъ лица были серьезныя. Кто-то попробовалъ пошутить, но остальные не улыбнулись. Аркадій Петровичъ грызъ ногти и думалъ о томъ, что меньше какъ въ два дня невозможно собрать всего имущества. Одинъ изъ стражниковъ, хохолъ Бабенко, говорилъ:

— Нехай только прійдутъ, я знаю, что я имъ сдѣлаю, чорта съ два поживятся...

Высшіе и нижніе чины въ этотъ день были особенно ласковы другъ съ другомъ, совѣтовались, гдѣ достать лошадей, успокаивали болѣе нервныхъ и рѣшили, что нѣсколькихъ семейныхъ дамъ съ дѣтьми слѣдуетъ отправить сейчасъ же. Потомъ вышли на улицу и здѣсь еще долго разговаривали. Бодрѣе всѣхъ былъ мировой судья. Прощаясь съ Аркадіемъ Петровичемъ, онъ сказалъ:

— Конечно, все это—несчастье, но какъ я радъ этой войнѣ: такъ или иначе будетъ положенъ конецъ хамству и самодовольству нѣмцевъ, которые только прикидывались культурными и благожелательными

Какъ бы въ отвѣтъ, по улицѣ проѣхалъ въ фаэтонѣ цугомъ фабрикантъ-нѣмецъ съ сигарой въ зубахъ. Всегда заискивавшій передъ чиновниками, онъ поглядѣлъ прямо на нихъ и не поклонился, на секунду вынулъ сигару изо рта и громко плюнулъ. Экипажъ помчался дальше.

Аркадій Петровичъ попрощался и быстро пошелъ домой.

Лёлю онъ засталъ опять въ слезахъ. Обнявшись съ Юзефой, какъ сестры, онѣ плакали о томъ, что на рынкѣ оказалась цѣлая толпа людей, но купить уже ничего было нельзя. Кухарки и дамы и торговцы говорили, что пруссаки, можетъ-быть, придутъ даже сегодня, и что ждать отъ нихъ пощады нельзя.

Лёля разсказала все это и сейчасъ же бросилась укладываться. Прежде всего схватила самое лучшее, передѣланное изъ вѣнчальнаго, платье, всѣ золотыя вещи, тонкое бѣлье и все то, что, съ точки зрѣнія Аркадія Петровича, было менѣе всего необходимо. Затѣмъ попросила денегъ, въ одну минуту скроила ладанку и зашила туда двѣ сторублевки. Руки у нея дрожали. Когда мужъ хотѣлъ приласкаться, она довольно грубо вывернулась и сказала:

— Ну, побѣгу къ мировихѣ! Хоть мы и мало знакомы, а я попрошу, чтобы она сейчасъ же меня взяла съ собой.

Въ передней Юзефа поймала ея руки, цѣловала и причитывала по-польски:

— Моя коханая барыня, а гдѣ жъ я буду? Я же сирота, у меня нѣтъ ни отца ни матери...

— Ты себѣ найдешь мѣсто, жалованье получила впередъ, а нѣмцы тебя не тронутъ, такъ какъ ты полька!—крикнула ей Лёля, вырвалась и побѣжала.

Аркадій Петровичъ потомъ долго ходилъ по кабинету и не могъ рѣшить, что для него лично страшнѣе: война и приходъ нѣмцевъ, или трусливый эгоизмъ жены, которая ни разу не спросила, поѣдетъ ли онъ, когда и какъ?

Она вернулась черезъ часъ, уже не блѣдная, а, наоборотъ, вся красная, и еще въ дверяхъ громко произнесла:

— Ну, слава Богу, все устроилось, сейчасъ ѣдемъ, фаэтонъ мировихи уже у крыльца.

Аркадій Петровичъ поглядѣлъ въ открытую дверь и дѣйствительно увидѣлъ экипажъ, въ которомъ сидѣла мировиха; на козлахъ, возлѣ извозчика, прижалась какая-то долговязая фигура. Худыя лошади стояли, понуривъ голову, и терпѣливо ждали, когда загуляетъ кнутъ по ихъ острымъ, усѣяннымъ оводами, спинамъ.

Только надѣвъ шляпу, она бросила какъ-то вскользь:

— Ну, а ты какъ?

— Я какъ-нибудь,—отвѣтилъ мужъ и сдѣлалъ страшное усиліе, чтобы не разрыдаться.

— Ну, смотри, береги все оставшееся, мы со станціи возьмемъ билеты до Варшавы.

Лёля наскоро поцѣловала его въ лобъ и приказала:

— Неси корзину прямо, а не бокомъ, а то часы разобьются.

Щелкнулъ бичъ, и Лёли не стало, точно и въ самомъ дѣлѣ вспорхнула и улетѣла птичка.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Гарибальди.

Сѣдая быль вскипаетъ пѣною
Неостывающихъ обидъ...
Зажгла взволнованную Геную
И повелительно гудитъ.

Надъ озаренными заливами
Ты книгу вѣщую раскрой,
Ты правь прибоями гнѣвливыми,
Священный бронзовый герой!

Воителю неутоленному
Велитъ кудесница-судьба
Служить, какъ встарь, щиту червленному,
Кресту савойскаго герба.

Благословляемый поэтами,
Сердца окутай ворожбой,
Зажги ихъ пѣснями непѣтыми,
Будь воинственной трубой.

Глумясь надъ правыми законами,
Твоихъ враговъ несытый гнѣвъ
Грозитъ воздушными драконами,
Но за тебя—крылатый левъ.

И, чудомъ праведнымъ хранимые,
По землямъ вражескимъ, легки,
Пройдутъ, какъ вихрь, неодолимые,
Твоей Италіи полки!

Д. Коковцовъ.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Выступленіе Италіи.

10-го мая въ 12 час. 30 мин. ночи открылись военныя дѣйствія между Италіей и Австріей на границѣ Трентино, въ Сѣверной Ломбардіи. Этого давно ждали, и, если Италія не выступила раньше, то на это имѣлись основательныя причины. Не касаясь политическихъ и прочихъ условій, препятствовавшихъ болѣе раннему выступленію Италіи, мы должны лишь отмѣтить, что стратегическая обстановка въ началѣ войны не благопріятствовала итальянскому выступленію, и этотъ благопріятный моментъ наступилъ лишь съ началомъ весны.

Это нетрудно видѣть изъ того, что итальянскій театръ войны представляетъ собою совершенно обособленный раіонъ, не связанный съ другими театрами военныхъ дѣйствій. Слѣдовательно, итальянская армія въ моментъ ея выступленія предназначается для совершенно самостоятельной роли, такъ же, какъ и сербская армія, и не можетъ разсчитывать на непосредственную поддержку сосѣднихъ фронтовъ.

Такія стратегическія условія естественно требовали отъ итальянцевъ нѣкотораго выжиданія, такъ какъ въ началѣ войны противникъ былъ слишкомъ силенъ и могъ бы обрушиться на итальянскую армію особенно значительными силами. Теперь же это не такъ серьезно, и итальянская стратегія уже окажется въ состояніи справиться съ противникомъ даже въ томъ случаѣ, если нѣмцы удѣлятъ имъ и большія силы, ибо австро-нѣмецкія войска растрепаны, а Италія выдвигаетъ перволинейную, свѣжую, лучшую армію.

Самый же вопросъ о выступленіи Италіи былъ уже давно предрѣшенъ съ того момента, какъ она не выступила съ австронѣмцами и этимъ порвала окончательно связь со своими союзниками. Оставаться же изолированной въ такое время, когда, несомнѣнно, можно ожидать крушенія „лоскутной монархіи", Италія не могла при тѣхъ ея политическихъ и національныхъ идеалахъ, которые направлены къ окончательному объединенію всѣхъ итальянскихъ земель.

Вооруженныя силы, выставляемыя Италіей, представляютъ собою 12 корпусовъ перволинейной арміи, 3 кавалерійскія дивизіи, 60 батальоновъ альпійскихъ стрѣлковъ, милицію подвижную и территоріальную. Всего въ военное время итальянцы выставляютъ около 750.000 перволинейныхъ войскъ, не считая милиціи, которая представляетъ собою такое же ополченіе-ландштурмъ, какое имѣется во всѣхъ странахъ.

Итальянскій министръ-президентъ Саландра.

Такимъ образомъ, по численности выставляемыхъ войскъ, итальянская армія даетъ довольно внушительное приращеніе къ силамъ союзниковъ. Однако, какъ мы указывали выше, итальянскій театръ является совершенно обособленнымъ, и поэтому значеніе итальянской арміи въ нынѣшней войнѣ будетъ находиться въ зависимости отъ того, сколько итальянскій фронтъ привлечетъ на себя войскъ. Нѣмцы, конечно, могутъ послать противъ Италіи отъ 1/2 милліона до 1 милліона, и отвлеченіе такого числа войскъ будетъ большимъ выигрышемъ для союзной стратегіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣмцы могутъ избрать и оборону и, какъ для всякой обороны, могутъ назначить меньшее число войскъ, вслѣдствіе чего 3/4 милліона итальянцевъ будутъ привлекать на себя, допустимъ, не 3/4 милліона австро-нѣмцевъ, а меньше, напримѣръ, 1/4 милліона войскъ противника.

Поэтому весьма важное значеніе имѣютъ какъ стратегическія условія на итальянскомъ театрѣ, такъ и тотъ образъ дѣйствій, который будетъ предпринятъ каждой изъ сторонъ. Разсмотримъ сначала стратегическія условія, находящіяся главнымъ образомъ въ зависимости отъ свойствъ пограничной линіи.

Пограничная линія между Австріей и Италіей представляется въ видѣ ломаной линіи. Эта ломаная линія образуетъ два фронта: первый фронтъ—Трентино и Тироль, второй фронтъ—Венеціанская область и, соотвѣтственно этому, на австрійской сторонѣ—линія Виллахъ—Тріестъ.

Прежде всего слѣдуетъ откинуть раіонъ Тироля, такъ какъ онъ по своимъ природнымъ свойствамъ совершенно исключаетъ какія-либо операціи крупными силами. Это крайне гористая, пересѣченная мѣстность, гдѣ горы превышаютъ 10 тысячъ футовъ, дорогъ очень мало, и мѣстныхъ средствъ продовольствія никакихъ не имѣется. Здѣсь негдѣ ни развернуться большимъ силамъ, ни двигаться, ни питаться.

Его Величество король Италіи Викторъ-Эммануилъ III.

Такимъ образомъ остаются только два рядомъ лежащихъ театра военныхъ дѣйствій: Трентино и Венеціанская область. Трентино представляетъ собою горный раіонъ, весьма сильно укрѣпленный австрійцами. Изъ Трентино въ Италію ведутъ шесть дорогъ, причемъ австрійцы поставили на каждой дорогѣ по форту, запирающему соотвѣтственную дорогу.

Эти форты, перегораживающіе всѣ пути, дѣлаютъ крайне труднодоступнымъ вторженіе въ Трентино. Независимо отъ этого, въ самомъ центрѣ области Трентино имѣется центральный пунктъ обороны въ видѣ крѣпости Тріента.

Тріентъ—крѣпость I-го класса, разсчитанная на большой гарнизонъ и вооруженная весьма сильно, но главнымъ образомъ крѣпкая въ силу естественныхъ свойствъ окружающей горной мѣстности—Альпъ. Самый городъ Тріентъ находится въ котловинѣ въ долинѣ рѣки Эчь, а кругомъ города — горы, на которыхъ поставлены новѣйшіе прочные форты.

Такимъ образомъ Трентино представляетъ собою цѣлую крѣпость-область, и итальянцы всегда чувствовали величайшее неудобство отъ сосѣдства такой сильной австрійской позиціи. Итальянскіе волонтеры въ годы объединенія Италіи неоднократно пытались захватить Трентино, при чемъ въ послѣдній разъ въ 1866 году Трентино хотѣлъ занять Гарибальди. Попытки эти, какъ веденныя нерегулярными войсками, не достигали результатовъ, что, конечно, не означаетъ невозможности взять Трентино для хорошей регулярной арміи, снабженной всѣми необходимыми техническими средствами.

Тѣмъ не менѣе задача эта представляется трудной, и поэтому стратегія ищетъ путей мимо Трентино. Такими „путями мимо Трентино" является второй участокъ итальянской границы, а именно—раіонъ Венеціанской области и, соотвѣтственно ему, съ австрійской стороны линія Виллахъ — Тріестъ. Однако движеніе черезъ Венеціанскую область представляется затруднительнымъ, вслѣдствіе того, что при движеніи итальянцевъ черезъ эту область австро-германскія войска въ Трентино остаются на лѣвомъ флангѣ и могутъ угрожать оттуда сообщеніямъ итальянской арміи.

Эти невыгодныя стратегическія условія, собственно говоря, всегда и были причиной стремленій итальянцевъ овладѣть Трентино. Теперь, конечно, представляется наивыгоднѣйшій моментъ для овладѣнія этой областью, разъ австрійская армія совершенно разстроена и истощена нашими побѣдами. Но стратегическія условія все же остаются попрежнему трудными, въ силу особыхъ свойствъ Трентино, указанныхъ нами выше.

Какъ извѣстно, въ мирное время всегда рѣшаются примѣрныя стратегическія задачи, гдѣ двѣ стороны предполагаются воюющими. Такія же задачи рѣшались и по отношенію къ итальянскому театру, и въ нихъ считалось, что двигаться на Трентино невыгодно. Болѣе выгоднымъ считается движеніе черезъ открытую Венеціанскую область къ линіи Виллахъ—Тріестъ. Однако, такъ какъ въ этомъ случаѣ австрійцы изъ Трентино будутъ угрожать сообщеніямъ итальянцевъ, то противъ Трентино предполагалось необходимымъ выставить заслонъ.

Заслонъ противъ Трентино, принимая во вниманіе, что Тре-

Карта театра войны Италіи съ Австріей.

тино представляетъ собою большой выступъ, долженъ потребоваться значительный, что можетъ ослабить главныя войска, двигающіяся черезъ Венеціанскую область. Поэтому все же не исключена возможность предварительныхъ операцій и противъ Трентино, чтобы овладѣть фортами, запирающими дороги. Тогда останется одна крѣпость Тріентъ, обложить которую уже представится дѣломъ не труднымъ. Съ обложеніемъ Тріента движеніе черезъ Венеціанскую область является совершенно безопасной операціей, и австрійцы могутъ почувствовать непосредственные удары съ тылу на Тріестъ, что можетъ ихъ заставить отвлечь войска съ карпатскаго и другихъ фронтовъ.

Такимъ образомъ можно ожидать одного изъ двухъ: либо будетъ предпринято движеніе сначала на Трентино, а потомъ черезъ Венеціанскую область къ Тріесту, либо будетъ предпринято сразу движеніе черезъ Венеціанскую область къ Тріесту, а противъ Трентино будетъ выставленъ заслонъ.

Одинаково можетъ быть двоякимъ образъ дѣйствій австро-нѣмцевъ. Австро-нѣмцы могутъ попросту посадить тысячъ 200—300 войскъ въ Трентино и приказать имъ упорно обороняться въ случаѣ движенія итальянцевъ на эту область. Въ случаѣ же движенія итальянцевъ черезъ Венеціанскую область къ Тріесту, эти 200 тысячъ австро-нѣмцевъ, занимая Трентино, являются угрозой для путей сообщенія итальянцевъ.

Въ другомъ случаѣ германская стратегія при ея претенціозности можетъ даже намѣтить и наступленіе въ открытую Венеціанскую область. Здѣсь австро-нѣмцы, очевидно, попытаются, выдвинувшись въ Венеціанскую область, примкнуть свой правый флангъ къ Трентино, а лѣвый—къ Адріатическому морю и сдѣлать такимъ образомъ обезпеченными свои оба фланга.

Во всякомъ случаѣ, такое наступленіе австро-нѣмцевъ представляется для союзной стратегіи даже желательнымъ, ибо, какъ всякое наступленіе, требуетъ значительнаго числа войскъ, а слѣдовательно, итальянское выступленіе привлечетъ на себя достаточныя силы. Нельзя также сказать, что если австро-нѣмцы изберутъ оборону въ Трентино, то это будетъ особенно невыгодно для союзной стратегіи. Какъ бы то ни было, итальянская армія основательно изучила районъ Трентино, и надо думать, перволинейныя итальянскія войска справятся съ задачей овладѣнія этой горной областью, но тогда австро-нѣмецкихъ войскъ будетъ привлечено меньше.

Итакъ, германская стратегія получила новую довольно солидную „оттяжку“: на нее накладывается еще одинъ „пластырь“, и, облѣпленная уже такими „пластырями“ со всѣхъ сторонъ, германская стратегія должна наконецъ оказаться безпомощной.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Мамина-Сибиряка“ кн. 8.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

НИВА

1915 г. № 22

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

XLVI г. изданія

Выданъ 30 мая 1915 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.) — 15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на **первой** страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн собр. соч. И. А. Бунина“ кн. 6.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ПАМЯТЬ укрѣпл. лич. и заочно профес. С. Файнштейнъ, Одесса, Дерибас., 17/28. — Просп. выс. за 10 к. мар.

МАРКИ Иллюстрир. катал. 6 к. Закупной л. 4 к. Эйхенталь, Петрогр., Садовая, 117. 3607

Вышелъ 2-й выпускъ

Изданія Министерства ИМПЕРАТОРСКАГО Двора подъ названіемъ:

„ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО Государь Императоръ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ въ дѣйствующей арміи“.

2-й выпускъ названнаго изданія охватываетъ описаніе путешествія ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА въ ноябрѣ и декабрѣ 1914 г. въ Ставку Верховнаго Главнокомандующаго, въ города Южной и Средней Россіи и на Кавказъ (Сарыкамышъ, Меджингертъ) и посѣщеніе войскъ Гвардіи въ раіонѣ ихъ расположенія.

Составленіе описанія ВЫСОЧАЙШИХЪ путешествій поручено Генералъ-Маіору *Д. Н. Дубенскому.*

Весь доходъ съ изданія поступаетъ въ распоряженіе ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ на нужды раненыхъ и ихъ семействъ.

Цѣна 1-го выпуска въ 86 стран.—**60 к.**, 2-го выпуска въ 192 стран.—**1 р. 20 к.** безъ пересылки; пересылка — по вѣсу и разстоянію.

Настоящее изданіе продается въ Петроградѣ: въ магазинахъ „Новаго Времени“, Главнаго Штаба, Невскій, 4, Т-ва М. О. Вольфъ, Т-ва И. Д. Сытина, Карбасникова, въ книжномъ складѣ „Сельскій Вѣстникъ“, Мойка, 31, В. А. Березовскаго, Колокольная, 14, и въ книжномъ складѣ при редакціи газеты „Русское Чтеніе“ и журнала „Лѣтопись Войны“, Надеждинская, 19, въ Москвѣ и другихъ городахъ въ книжныхъ магазинахъ И. Д. Сытина, „Новаго Времени“, **а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Петрограда, Москвы и другихъ городовъ и во всѣхъ желѣзнодорожныхъ кіоскахъ на станціяхъ.**

Съ требованіями о высылкѣ не менѣе 50 экз. единовременно можно обращаться въ Канцелярію Министерства ИМПЕРАТОРСКАГО Двора (Фонтанка, 20), отдѣлъ изданія „Путешествій ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА“, каковыя требованія будутъ удовлетворяться непосредственно Канцеляріей. 3613

Въ лѣсномъ производствѣ 20-лѣтняя практика.

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ:

Принимаю полное устройство

ЛѢСОПИЛЬНЫХЪ, ФАНЕРНЫХЪ И БОЧКАРНЫХЪ ЗАВОДОВЪ

новѣйшей конструкціи, фабрикъ для выдѣлки спичечной соломки и древесной шерсти, а равно другихъ входящихъ въ отрасль лѣсной промышленности фабрикъ.

Адресъ: **Мозырь, Матыскевичу,** Минской губ.

3610 2-1

Контора П. А. ПОДЛУНСКАГО.

Казань. Лѣсныя дачи, имѣнія, дома продаются.

За раздѣломъ продается лѣсное имѣніе, оцѣнив. въ 1 мил. р., за 360.000 р. 360

3543 **ЗА КУЛИСАМИ ВОЙНЫ.** 20-7

(Тайны австрійскаго двора).

Сенсац. злободневный романъ. Цѣна за 10 выпусковъ 50 коп. Высыл. нал. плат. Адр.: Москва, ред. журн. „Лучъ“, отд. 3.

РУЖЬЯ

всѣхъ системъ и заводовъ первоклассныхъ моделей съ выдающимся боемъ и ВСЕ НЕОБХОДИМОЕ и ЛУЧШЕЕ ДЛЯ ОХОТЫ и Вы найдете въ

Т/д. Я. ЗИМИНА вд. и С. НИКИФОРОВЪ.

МОСКВА, Тверская, близъ Охотнаго, домъ № 12.

= Колоссальный выборъ. = = Доступныя цѣны. =

Требуйте прейсъ-куранты. На покупку ружей свидѣтельст. не требуется.

Павелъ Буре

Поставщикъ Двора Его Величества.

ЧАСЫ, собств. фабрики

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ № 106 БЕЗПЛАТНО.

ПЕТРОГРАДЪ: Невскій пр. 28.

МОСКВА: Кузнецкій мостъ, №1.

3594 2-2 **ЗАОЧНЫЕ ОБЩЕДОСТУПНЫЕ КУРСЫ**

БУХГАЛТЕРІИ

и КОММЕРЧЕСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

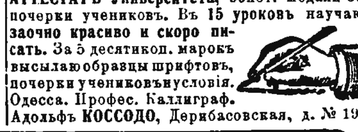
ПРОГРАММА: Двойная итальянская и американская бухгалтерія, стенографія (искусство писать со скоростью рѣчи), коммерческая ариѳметика, коммерческая корреспонд., коммерческ. географія, товаровѣдѣніе. **Курсъ банковаго дѣла, торговое законодательство, торговое право** и др. **Курсъ правописанія, каллиграфіи, конторская скоропись, исправленіе почерка. БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ** (труды професс. и преподав. высш. и средн. учебн. завед.). Отзывы спец., благ. письма. **Аттестатъ бухгалтера.** Льготн. условія: разсрочка отъ 2 руб. въ мѣсяцъ. Программа и пробныя лекціи высылаются БЕЗПЛАТНО. Адресъ: Книгоиздательство „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ“. Петроградъ, Б. Ружейная, 7—82.

БѢЛЫЕ ЗДОРОВЫЕ ЗУБЫ

Чтобы имѣть бѣлые здоровые зубы, чтобы уничтожить дурной запахъ изо рта, войдите въ ближайшую аптеку или аптекарскій складъ и спросите трубку зубной пасты и зубного элексира Дентозонъ. Дентозонъ расходуется очень экономно. Немножко пасты на щетку и пару капель въ стаканъ. Ваши зубы станутъ бѣлыми и здоровыми. При всемъ томъ, Дентозонъ абсолютно безвредное и гигіеническое зубное средство. Продается вездѣ. Остерегайтесь поддѣлокъ. Обращайте вниманіе на фирму Т-ва Стольбергъ и К°, Лондонъ, Парижъ, Нью-Іоркъ, Петроградъ.

АТТЕСТАТЪ Университета, золот. медали за почерки учениковъ. Въ 15 уроковъ научаю **заочно красиво и скоро писать.** За 5 десятикоп. марокъ высылаю образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условія. Одесса. Профес. Каллиграф. Адольфъ **КОССОДО**, Дерибасовская, д. № 19.

СѢДЫЕ ВОЛОСЫ



Если Вы желаете возстановить Ваши волосы въ прежній натуральный цвѣтъ, я могу выслать Вамъ удивительный препаратъ, который постепенно и незамѣтно для окружающихъ знакомыхъ возвратитъ имъ натуральный цвѣтъ.—Этотъ удивительный препаратъ одобренъ сотнями лицъ, которыя имъ пользовались. Я съ радостью вышлю вамъ подробное описаніе предлагаемаго средства

СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.

Пишите немедленно! Не присылайте ни денегъ, ни марокъ! Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилію и точный адресъ. 3608

Лабораторія КАЛЬТОКО, МОСКВА. Отд. 1 В. С.

БЫСТРОЕ ПРЕКРАЩЕНІЕ

НЕВРАЛГІИ, ГОЛОВНЫХЪ БОЛЕЙ

ишіаса, простудныхъ и ревматическихъ болей, даетъ Кефалдолъ Д-ра Сторъ. Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Кефалдолъ абсолютно безвреденъ. 3606

Остерегайтесь поддѣлокъ.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Мужское населеніе Англіи. Газета «Evening News» помѣщаетъ интересную статью Монея, который извѣстенъ, какъ выдающійся статистикъ. По даннымъ статьи, въ Соединенномъ королевствѣ 7.839.000 мужчинъ, способныхъ носить оружіе, въ возрастѣ отъ 19 до 40 лѣтъ, при чемъ между 19 и 20 годами 799.000, между 21 и 25 годами 1.915.000; между 26 и 30 годами 1.833.000; между 31 и 35 годами 1.737.000; между 36 и 38 годами 968.000 и между 39 и 40 годами 587.000 человѣкъ. Въ числѣ 19-лѣтнихъ гражданъ лишь одинъ на 125 человѣкъ женатъ; среди 20-лѣтнихъ 1 на 34; среди людей 21 года—1 на 15; среди 23-лѣтнихъ—1 на 5; среди 26-лѣтнихъ—1 на 3 и среди 27-лѣтнихъ—1 на 2.

„Савойскій маршъ" и „Гимнъ гарибальдійцевъ". «Королевскій Савойскій маршъ» («Marcia Reale»), итальянскій официальный гимнъ (безъ словъ), написанъ въ честь королей Савойской династіи, объединителей Италіи. Идея мелодіи марша—привѣтствіе итальянскаго народа своему королю. Въ Италіи «Королевскій Савойскій маршъ» исполняется во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ и въ національныхъ празднествахъ.

Популярный въ Италіи «Гимнъ гарибальдійцевъ («Inno di Garibaldi») написанъ въ 1848 году. Когда въ 1848 году въ Верхней Италіи вспыхнуло возстаніе противъ австрійцевъ, Джузеппе Гарибальди, находившійся въ то время на службѣ у южно-американскихъ республикъ Ріо-Гранде и Монтевидео, въ качествѣ командира иностраннаго легіона, поспѣшилъ на родину, чтобы принять участіе въ народномъ движеніи.

Располагая лишь корпусомъ волонтеровъ въ 1.500 человѣкъ, Гарибальди началъ борьбу съ Австріей.

Въ этотъ годъ борьбы за независимость Италіи однимъ изъ участниковъ возстанія, Маркантини, и былъ сложенъ знаменитый «Гимнъ гарибальдійцевъ».

Всѣ принцы итальянскаго королевскаго дома въ арміи. Швейцарская газета «Züricher Zeitung» сообщаетъ, что всѣ взрослые члены итальянскаго королевскаго дома поступили въ ряды дѣйствующей арміи. Наплывъ добровольцевъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличивается. Шестнадцать соціалистическихъ депутатовъ палаты, въ томъ числѣ и извѣстные синдикалисты Артуръ Лабріола и Чикотти, поступили добровольцами въ армію. Записались добровольцами также и синдики Флоренціи, Неаполя, Милана и Генуи, значительное число сенаторовъ и 87 депутатовъ палаты различныхъ фракцій.

Студенты 20 итальянскихъ университетовъ единогласно постановили предложить военному министру свои услуги и просить объ образованіи отдѣльныхъ студенческихъ отрядовъ и присвоеніи каждому изъ нихъ названія соотвѣтственнаго университета.

Извѣстный поэтъ и драматургъ Габріэль д'Аннунціо поступилъ на военную службу не въ качествѣ кавалерійскаго офицера, а простымъ добровольцемъ во флотъ. Знаменитый писатель будетъ служить на миноносцѣ. Вмѣстѣ съ нимъ поступили въ ряды арміи и флота его три сына.

Берсальеры. Берсальеры, — славная воинская часть въ Италіи, — появились въ Пьемонтѣ при королѣ Карлѣ-Альбертѣ. Создателемъ этой части былъ генералъ Мармора, который мечталъ о созданіи отряда наподобіе македонской фаланги. Боевое крещеніе берсальеры получили въ 1848 году. Затѣмъ они сражались въ Крымскую кампанію, въ войну 1859 года и недавно въ Триполи. Подъ Сольферино только одинъ батальонъ,—и это были берсальеры, — въ продолженіе одиннадцати часовъ выдерживалъ натискъ непріятеля, превосходившаго его численностью въ пять разъ. Этотъ же батальонъ, послѣ такого геройскаго сопротивленія, захватилъ австрійскую позицію. Берсальеры должны умѣть дѣлать 120 шаговъ въ минуту, и, кромѣ того, ихъ спеціально обучаютъ штыковой атакѣ. Вильгельмъ, присутствуя въ Италіи на маневрахъ, былъ пораженъ выправкой этихъ итальянскихъ зуавовъ и командировалъ своихъ офицеровъ для изученія организаціи этой воинской части. Онъ хотѣлъ создать у себя такую же часть, но малоподвижные нѣмецкіе солдаты не поддавались этой школѣ гибкости и быстроты.

КОРОЛЕВСКІЙ САВОЙСКІЙ МАРШЪ.

Ноты гимна, воспроизводимаго здѣсь, изданы музыкальной фирмой Т/Д. Лембергъ, Лекае и К° (бывшій Юлій Генрихъ Циммерманъ). Петроградъ, Москва, Рига.

Манифестъ итальянскаго короля къ арміи. Король Викторъ-Эммануилъ III, принимая на себя верховное командованіе всѣми сухопутными и морскими силами, обратился къ войскамъ съ манифестомъ, въ которомъ, между прочимъ, говорится: «Пробилъ торжественный часъ для осуществленія національныхъ вожделѣній. Войска сумѣютъ побѣдить врага и водрузить знамя Италіи на священной землѣ, которую сама природа опредѣлила нашей границей».

Въ какой формѣ объявила войну Италія Австро-Венгріи. Итальянскій посолъ въ Вѣнѣ герцогъ Аварна вручилъ министру иностранныхъ дѣлъ барону Буріану объявленіе войны, составленное въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

"Вѣна. 10-го мая 1915 года.

Согласно приказанія его величества короля, своего августѣйшаго повелителя, нижеподписавшійся посолъ Италіи имѣетъ честь вручить его превосходительству министру иностранныхъ дѣлъ Австро-Венгріи слѣдующее сообщеніе:

«21-го апрѣля императорскому и королевскому правительству было сдѣлано заявленіе о тѣхъ серьезныхъ причинахъ, въ силу которыхъ Италія, увѣренная въ правотѣ своего дѣла, объявила свой союзный договоръ съ Австро-Венгріей прекратившимъ существованіе и не имѣющимъ въ дальнѣйшемъ силы, въ виду нарушенія его императорскимъ и королевскимъ правительствомъ, и предоставило себѣ полную свободу дѣйствій. Правительство короля, твердо рѣшившись всѣми имѣющимися въ его распоряженіи средствами содѣйствовать охранѣ правъ и интересовъ итальянскаго народа, не можетъ измѣнить своему долгу, не принявъ противъ опасности, могущей угрожать Италіи, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, предупредительныхъ мѣръ, которыя, въ силу событій, стали необходимы для осуществленія національныхъ стремленій.

Его величество король заявляетъ, что будетъ считать себя, начиная съ завтрашняго дня, на положеніи войны съ Австро-Венгріей.

Нижеподписавшійся имѣетъ честь одновременно съ этимъ довести до свѣдѣнія его превосходительства министра иностранныхъ дѣлъ, что императорскому и королевскому послу въ Римѣ сегодня же будутъ вручены паспорта, и онъ будетъ весьма признателенъ его превосходительству за соотвѣтствующее распоряженіе о выдачѣ ему его паспортовъ». Подписано: Герцогъ Аварна.

Мѣры противъ лазутчиковъ. Для обезпеченія боевыхъ частей отъ проникновенія въ мѣста ихъ расположенія непріятельскихъ лазутчиковъ Верховный Главнокомандующій повелѣлъ принять нижеслѣдующія мѣры:

1) Воспретить проѣздъ въ Ковну, Гродну, Варшаву, Сѣдлецъ, Брестъ-Литовскъ, Люблинъ, Холмъ, Ивангородъ и Львовъ всѣмъ лицамъ, не имѣющимъ особаго удостовѣренія о неимѣніи препятствій къ ихъ выѣзду въ эти пункты отъ соотвѣтствующаго штаба округа на театрѣ военныхъ дѣйствій или штаба внутренняго округа. Въ этихъ удостовѣреніяхъ должно быть указано, что данное лицо признается благонадежнымъ и имѣетъ необходимость проѣхать въ одинъ изъ указанныхъ пунктовъ по такой-то надобности, съ указаніемъ проживающаго въ этомъ мѣстѣ лица или учрежденія, къ которому проѣзжающій имѣетъ дѣло. Удостовѣренія эти, пригодныя для одного проѣзда, подлежатъ отобранію въ пунктахъ высадки жандармской полиціей для сообщенія подлежащимъ военнымъ комендантамъ;

2) Въ предѣлахъ между расположеніемъ частей войскъ дивизіонными и корпусными штабами воспрещается передвиженіе частныхъ лицъ на автомобиляхъ, мотоциклеткахъ и велосипедахъ безъ особаго удостовѣренія за подписью мѣстнаго жандармскаго начальства или коменданта штабъ-квартиры корпуса или арміи, съ приложеніемъ фотографической карточки владѣльца перевозочной машины. У всякаго лица, нарушившаго это требованіе, машина обязательно конфискуется;

3) Въ предѣлахъ расположенія боевыхъ частей войскъ и до мѣста расположенія штабовъ корпусовъ включительно, во всѣхъ селеніяхъ и городахъ, гдѣ стоятъ войска и штабы, воспрещается выходить на улицу послѣ сумерекъ и до разсвѣта. Окна зданій, обращенныя къ сторонѣ противника, должны быть при зажиганіи ночного освѣщенія обязательно завѣшены темными занавѣсками или ставнями;

4) Всѣ виновные въ нарушеніи вышеуказаннаго обязательнаго постановленія подвергаются въ административномъ порядкѣ заключенію въ тюрьмѣ или крѣпости до трехъ мѣсяцевъ или денежному штрафу до 3.000 рублей и, независимо отъ сего взысканія, обязательно выселяются на все время войны за предѣлы театра военныхъ дѣйствій;

5) Всѣ проживающія въ упомянутыхъ въ пунктѣ 1 городахъ лица, не принадлежавшія до 1-го іюля 1914 года къ коренному ихъ населенію, не состоящія на государственной службѣ и не имѣющія опредѣленныхъ занятій или прямого отношенія до войскъ и войсковыхъ учрежденій, подлежатъ дѣйствію требованія пункта 1, для чего имъ предоставляется въ 10-дневный срокъ представить удостовѣренія подлежащаго штаба или выѣхать за предѣлы запретной полосы, указанной въ пунктѣ 2;

6) Правила эти въ отношеніи пункта 3 ввести въ дѣйствіе немедленно по полученіи таковыхъ на мѣстахъ, а въ отношеніи пунктовъ 1 и 2 черезъ 10 дней, т.-е. 30-го мая.

Подписалъ начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго генералъ-отъ-инфантеріи Янушкевичъ.

Не говорите лишняго! На станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и въ поѣздахъ вывѣшено слѣдующее объявленіе Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба:

«При проѣздахъ по желѣзнымъ дорогамъ, на станціяхъ и въ поѣздахъ остерегайтесь непріятельскихъ шпіоновъ, среди которыхъ бываютъ и женщины. Всякое свѣдѣніе о нашихъ войскахъ они сообщаютъ нашимъ врагамъ. Поэтому неосторожные разговоры воинскихъ чиновъ съ незнакомыми людьми или въ ихъ присутствіи могутъ принести неисчислимый вредъ русской арміи. Каждый военнослужащій долженъ постоянно это помнить и не говорить о томъ, что можетъ обнаружить расположеніе или передвиженіе нашихъ войскъ и ихъ составъ. Недостаточно слѣдить за собой, надо смотрѣть и за другими, удерживая товарищей отъ излишней откровенности. Всѣхъ неизвѣстныхъ, которые будутъ разспрашивать васъ и прислушиваться къ разговорамъ между вами, немедленно указывайте коменданту станціи, жандарму или желѣзнодорожному начальству».

Звѣрства нѣмцевъ. «Standard» отъ 14-го мая помѣстила статью Мануэля Гаммара, священника изъ Парагвая и студента Лувенскаго университета, посвященную германскимъ звѣрствамъ. Названный священникъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ остальными бельгійцами въ Лувенѣ. О своихъ приключеніяхъ онъ сообщилъ правительству Парагвая, равно какъ и напечаталъ нѣсколько статей по этому поводу въ «Corriere de Laplatta et Argentina». Г. Гаммара подтверждаетъ, что свѣдѣнія о германскихъ звѣрствахъ, напечатанныя въ офиціальныхъ отчетахъ бельгійскаго и французскаго правительствъ, являются правильными. Священникъ подтверждаетъ, что 21-го августа прошлаго года германцы разстрѣляли сельскаго священника въ деревнѣ Бьюкенъ, на глазахъ прихожанъ. До разстрѣла они отрѣзали несчастному носъ и уши. Кромѣ того у него были выдернуты ногти, а тѣло его не разрѣшили похоронить по христіанскому обряду.

24-го августа германцы арестовали священника деревни Геротъ и отвезли его въ Эршотъ. Здѣсь съ него сняли все платье и пытались заставить отречься отъ религіи. Такъ какъ священникъ отъ этого отказался, то германцы привязали его къ кресту и прикладами ружей раздробили ему пальцы на рукахъ и ногахъ, послѣ этого священникъ былъ разстрѣлянъ, а тѣло его брошено въ каналъ Де-Мейеръ.

26-го августа германцы арестовали престарѣлаго священника Тильмана, настоятеля церкви Санъ-Жозе, въ Лувенѣ. Какъ это духовное лицо, такъ и другіе священники были раздѣты и заперты въ свиной хлѣвъ, гдѣ они оставались въ теченіе четырехъ часовъ.

28-го августа нѣмецкіе солдаты арестовали пять бельгійскихъ монаховъ, раздѣли ихъ донага и въ такомъ видѣ водили по улицамъ. Такая же участь постигла и нѣкоторыхъ женщинъ.

27-го августа былъ разстрѣлянъ отецъ Винцентъ, монахъ ордена францисканцевъ. Одинъ изъ германскихъ солдатъ влѣзъ на колокольню и выстрѣлилъ по направленію расположенія германскихъ войскъ. Въ этомъ былъ обвиненъ отецъ Винцентъ, и хотя несчастный отрицалъ вину, но былъ все же разстрѣлянъ.

26-го августа въ Тервирценѣ былъ арестованъ молодой священникъ, при обыскѣ у котораго нѣмцы нашли нѣсколько замѣтокъ о германскихъ звѣрствахъ. Арестованный былъ немедленно разстрѣлянъ.

Въ концѣ своего сообщенія г. Гаммара заявляетъ, что сожженіемъ Лувена руководилъ офицеръ 52-го пѣхотнаго германскаго полка Мантейфель.

Новый типъ минъ. Журналъ «Nav. and Milit. Record.», говоря о гибели 5-го марта двухъ англійскихъ и одного французскаго броненосцевъ въ Дарданеллахъ, обращаетъ вниманіе на то, что эти суда потонули, столкнувшись съ особыми дрейфующими минами. Поэтому слѣдуетъ предположить, что турки примѣнили здѣсь мины Леона. При началѣ войны стало извѣстнымъ, что въ Германіи изготовлено большое количество минъ этого типа, и возможно, что, когда выяснилось, что союзныя суда намѣрены предпринять атаку фортовъ Дарданеллъ, туда было отправлено большое количество такихъ минъ. Эти мины какъ разъ годятся для примѣненія ихъ при тѣхъ условіяхъ, которыя существуютъ въ Дарданеллахъ и, особенно, въ ихъ узкой части. Здѣсь имѣется очень сильное теченіе, идущее всегда по одному направленію. Эти мины могутъ быть пускаемы навстрѣчу атакующимъ судамъ, при чемъ онѣ имѣютъ особые винты, приводимые во вращеніе теченіемъ, которые позволяютъ имъ держаться на извѣстной глубинѣ подъ водой, что дѣлаетъ ихъ невидимыми. Этотъ типъ минъ несомнѣнно является очень грознымъ оружіемъ, для борьбы съ которымъ необходимо выработать особые пріемы, и, насколько извѣстно, офицеры союзныхъ флотовъ приняли во вниманіе это новое оружіе, что видно изъ донесенія командующаго британской эскадрой, оперирующей около этого пролива.

Женщины-рабочіе въ Англіи. Съ цѣлью дать возможность желѣзнодорожнымъ рабочимъ вступать въ армію, на англійскихъ желѣзныхъ дорогахъ дѣлается попытка замѣнить часть рабочихъ женщинами. До сихъ поръ изъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ въ ряды арміи вступило 72.000 человѣкъ.

Недостатокъ въ рабочихъ, ощущаемый по той же причинѣ и въ другихъ отрасляхъ англійской промышленности, побудилъ англійское правительство также прибѣгнуть въ большихъ размѣрахъ къ женскому труду, чтобы не пострадали предпріятія, изготовляющія военные заказы. Всѣ женщины, желающія найти работу, приглашаются вносить свои имена въ особые списки съ указаніемъ спеціальности.

Военные секреты. Газета «Matin» описываетъ бесѣду одного своего сотрудника съ полковникомъ французской арміи, бывшимъ 43 раза въ бою и не получившимъ ни раны ни контузіи. На вопросъ, какимъ секретомъ обладаетъ полковникъ, сумѣвшій избѣжать града вражескихъ пуль, бравый воинъ отвѣтилъ, усмѣхаясь:

— На войнѣ не бываетъ никакихъ секретовъ, тамъ есть, просто-напросто, выработанные практикой способы борьбы. Мой способъ заключается въ томъ, чтобы примѣнять въ качествѣ прикрытія вещевой мѣшокъ, прикрѣпленный къ поясу. Къ этому способу я постоянно прибѣгаю самъ, и о немъ я неустанно напоминаю моимъ солдатамъ.

«Кромѣ того, я внушаю имъ слѣдующее: когда приходится ложиться подъ пулями лицомъ къ землѣ, необходимо какъ можно плотнѣе сдвинуть ноги, подобрать подъ себя руки, втянуть голову.

«Есть еще нѣкоторые пріемы, къ которымъ я прибѣгаю самъ и которымъ я научилъ моихъ подчиненныхъ; вотъ напримѣръ: мы знаемъ, что особенность стрѣльбы нѣмцевъ заключается въ томъ, что они цѣлятъ всегда очень низко, и у насъ очень мало раненыхъ въ голову или туловище, а большинство ранъ приходится въ ноги.

«И вотъ однажды я прибѣгнулъ къ такой хитрости: добылъ штукъ сорокъ ходуль и нашелъ въ моемъ полку людей, хорошо умѣвшихъ ходить на нихъ.

«Ихъ я выслалъ впередъ, къ той деревушкѣ, изъ которой намъ предстояло выбить нѣмцевъ.

«Какъ и слѣдовало ожидать, нѣмцы встрѣтили ихъ адскимъ огнемъ, но пули, свистѣвшія между ходулями, не причиняли моимъ «акробатамъ» никакого вреда. Они благополучно добрались до окраины деревушки, соскочили съ ходуль и бросились на непріятеля въ штыки. Тутъ къ нимъ подоспѣло подкрѣпленіе, и черезъ часъ деревушка была въ нашихъ рукахъ.

«Я знаю также особенность германскихъ артиллеристовъ: они дѣлаютъ сперва на 100 метровъ недолетъ, затѣмъ корректируютъ стрѣльбу и дѣлаютъ на 100 метровъ перелетъ.

«Этимъ промежуткомъ нужно пользоваться для продвиженія впередъ.

«Вотъ и всѣ мои «военные секреты»,—заключилъ полковникъ:—благодаря имъ, я пріобрѣлъ репутацію «неуязвимаго», и въ моемъ полку такъ мало потерь».

Братскія могилы. По пути отступленія австрійцевъ, пишетъ корреспондентъ «Рус. Сл.», застревали цѣлые обозы, гибли тысячи людей каждодневно, кидались цѣлые транспорты боевыхъ припасовъ. Путь отступленія австрійцевъ— сплошное кладбище.

Вся дорога по сторонамъ бѣлѣетъ обглоданными скелетами лошадей. Глаза то и дѣло встрѣчаютъ братскія могилы, ряды крестовъ, цѣлыя кладбища. Надписи и на русскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ. Мѣстами трогательный обмѣнъ боевымъ уваженіемъ. На одной могилѣ русская надпись:

«Тутъ погребены семеро австрійскихъ солдатовъ».

Рядомъ по-нѣмецки:

«Здѣсь лежатъ 15 храбрыхъ русскихъ воиновъ».

Могильныхъ крестовъ цѣлый лѣсъ. Иные кресты самаго необычнаго вида. Телѣжная ось, и поперекъ нея перекладиной ружье. Надѣтъ засохшій вѣнокъ. Рядомъ дорожный столбъ, и къ нему прибита колесная спица. Далѣе воткнуто глубоко въ землю дуломъ ружье, а къ ложу поперекъ проволокою привязанъ австрійскій штыкъ. На ложѣ ружья-креста нацарапано по-нѣмецки:

«Вы, мертвые, остались лежать. Мы, живые, идемъ умирать. Спите, счастливые!»

Ксендзъ взялъ въ плѣнъ 28 нѣмцевъ. Во время бѣгства нѣмцевъ послѣ разгрома подъ Варшавой, въ городѣ Коло, Калишской губерніи, въ костелъ вбѣжали 28 нѣмецкихъ солдатъ. Они спасались отъ русскаго преслѣдованія. Увидѣвъ ксендза, они обратились къ нему съ просьбой скрыть ихъ въ костелѣ.

Ксендзъ, бывшій монахъ ченстоховскаго Ясногорскаго монастыря, сказалъ имъ, что сдѣлать это невозможно.

— Бросайте оружіе и сдайтесь русскимъ. Иного выхода нѣтъ.

Пруссаки, видя, что дѣло плохо, сложили оружіе, которое ксендзъ заперъ въ ризницѣ. Затѣмъ послалъ сторожа къ офицеру передового русскаго отряда съ сообщеніемъ о плѣнныхъ нѣмцахъ. Явился офицеръ и вывелъ нѣмцевъ изъ костела.

Трудности продовольствія дикихъ войскъ въ англійской арміи. Газета «Times» говоритъ, что одно перечисленіе вѣроисповѣдныхъ сектъ, изъ которыхъ составлены индійскія войска, дѣлаетъ понятнымъ сложность интендантскихъ задачъ. Гурки и другіе индусы ѣдятъ козлятину и баранину, убитую по ритуальному способу, говядина же вызываетъ у индусовъ рвоту. Мусульмане не ѣдятъ свинины; сикхамъ внушаетъ отвращеніе мясо, приготовленное магометанскими мясниками. Англія заботится объ охранѣ религіозныхъ чувствъ туземцевъ и приняла мѣры, чтобы они имѣли возможность ѣсть пищу согласно требованіямъ религіи.

Извозчики—солдатамъ. По примѣру разныхъ обществъ, учрежденій и организацій, трогательный и остроумный сборъ въ пользу братьевъ-воиновъ устроили извозчики въ Иркутскѣ. По сообщенію «Сибирской Жизни», восемьсотъ легковыхъ извозчиковъ съ самаго утра выѣхало на работу съ плакатами, на которыхъ значилось:

«Граждане, жертвуйте нашимъ раненымъ».

«Мы сегодня работаемъ на раненыхъ».

Многіе извозчики выѣхали съ желтыми лентами, и у всѣхъ на груди виднѣлись запечатанныя кружки, въ которыя опускались и плата за проѣздъ и пожертвованія; такимъ образомъ извозчики отдавали раненымъ и свой трудъ и свой окупающійся тяжелымъ трудомъ дневной заработокъ.

№ 22. Выходитъ еженед. (52 №№ въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 30 мая 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на ½ года—4 р., на ¼ года—2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій И. А. Бунина" кн. 6.

Италія объявила войну! Манифестація передъ зданіемъ итальянскаго посольства въ Петроградѣ. Итальянскій посолъ маркизъ Карлотти говоритъ отвѣтную рѣчь собравшемуся народу, горячо привѣтствующему представителя новой союзной державы.
По фот. К. Булла.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Четвертое наступленіе.

Какъ и слѣдовало ожидать, четвертое наступленіе германцевъ въ нашу сторону, а именно наступленіе группы армій генерала Макензена по Западной Галиціи, такъ же не достигло стратегической цѣли, какъ и всѣ три предыдущія наступленія нѣмцевъ:—два къ Варшавѣ и одно—изъ Восточной Пруссіи. Задача генерала Макензена была весьма ясная и прозрачная, и нѣтъ никакихъ сомнѣній, что германскій генеральный штабъ стремился при помощи этого наступленія занять рѣку Санъ. Такъ какъ съ занятіемъ рѣки Санъ нѣмцы вышли бы на правый · восточный берегъ Вислы, то, очевидно, занятіе этой рѣки составляло промежуточную задачу, а главной задачей было занятіе вслѣдъ затѣмъ рѣки Вислы,—другими словами, движеніе на Вислу кружной дорогой, въ обходъ черезъ рѣку Санъ, такъ какъ прямая переправа черезъ Вислу нѣмцамъ не давалась во всѣхъ трехъ ихъ наступленіяхъ.

Поэтому австро-нѣмцы, невзирая на нѣкоторые достигнутые успѣхи, выразившіеся въ продвиженіи отъ Дунайца до Сана и въ обратномъ занятіи нѣкоторыхъ Карпатскихъ перевалов, все же стремительно, не теряя ни одной минуты, ринулись черезъ Санъ, ибо ясно сознавали, что все добытое до Сана ничего не стоитъ, а нуженъ Санъ.

Одна изъ армій генерала Макензена перебралась черезъ Санъ у Ярослава и Сенявы, и на эту армію Макензенъ возлагалъ всѣ надежды, разсчитывая, что ей удастся развернуться на томъ берегу Сана и послужить точкой опоры для остальныхъ войскъ, которыя смогутъ послѣдовать за ней также на правый берегъ Сана.

Во исполненіе этого, генералъ Макензенъ рѣшилъ начать развертываніе на правомъ берегу Сана. Положеніе его опредѣлялось слѣдующими данными: около 200 тысячъ нѣмцевъ занимаютъ на правомъ берегу Сана площадку шириною верстъ въ 20, между Ярославомъ и Сенявой, при чемъ вправо находится Перемышль, а влѣво—болото, идущее отъ Бѣлгорая къ устью Сана. Попытаться развернуться вправо Макензенъ не рискнулъ, ибо для этого нужно было сломить находящійся вправо Перемышль, что сдѣлать въ простомъ полевомъ бою было нелегко.

Оставалось попытаться развернуться влѣво, что Макензенъ и предпринялъ. Жестокими боями австро-нѣмцы дошли до Бѣлгорая, но были здѣсь потѣснены нашими войсками, наступавшими отъ сильно укрѣпленной позиціи въ устьѣ Сана, такъ называемой „позиціи Тарнобжегъ—Улановъ“. Позиція эта занимала уголъ, образуемый Саномъ и Вислой, и, слѣдовательно, лѣвое крыло ея упиралось въ Санъ, а правое въ Вислу, что давало обезпеченные фланги.

Длительные бои въ этомъ раіонѣ закончились тѣмъ, что наши войска заняли Рудникъ на Санѣ, вытѣснили нѣмцевъ изъ Бѣлгорая, и Макензенъ увидѣлъ, что развернуться ему влѣво нельзя. Положеніе Макензена стало крайне труднымъ: влѣво развернуться нельзя, а вправо—Перемышль.

Въ такомъ положеніи Макензенъ приказалъ прорваться въ другомъ мѣстѣ, при чемъ задачу эту возложилъ на другую отдѣльную армію. Нетрудно видѣть изъ карты, что самъ Макензенъ перебрался черезъ Санъ влѣво отъ Перемышля, и вотъ послѣ неудачной попытки развернуться здѣсь, онъ приказалъ другой арміи попытаться прорваться вправо отъ Перемышля. Однако вправо отъ Перемышля пути были закрыты нашей позиціей, которая простиралась отъ Перемышля до Большого Днѣстровскаго болота, находящагося въ верховьяхъ Днѣстра. Не имѣя возможности обойти эту позицію слѣва, ибо слѣва былъ Перемышль, и не имѣя возможности обойти ее справа, ибо справа было Большое Днѣстровское болото, австро-нѣмцы повели фронтальныя атаки. Такія лобовыя атаки, какъ извѣстно, рѣдко приводятъ къ цѣли и ведутъ лишь къ громаднымъ потерямъ для атакующаго.

Нѣмцы атаковывали эту позицію свыше недѣли, неоднократно отбивались, и подъ конецъ засѣли передъ однимъ изъ участковъ этой по-

Бой подъ Шавлями 29-го апрѣля с. г. Снимокъ сдѣланъ съ колокольни костела. По фот. нашего военнаго корреспондента.

29-го апрѣля происходилъ жестокій бой подъ Шавлями. Три четверти бойкаго города съ 25-тысячнымъ населеніемъ нѣмцы выжгли. Во время боя снаряды неоднократно залетали въ городъ. На снимкѣ видны два разрыва шрапнели. Даль затянута дымомъ пылающихъ деревень.

Шавли. Послѣ отступленія нѣмцевъ. По фот. нашего военнаго корреспондента.

Нѣсколько дней городъ находился подъ обстрѣломъ нашей и германской артиллеріи. Перепуганные на-смерть жители запрятались въ погреба, гдѣ провели около недѣли. И только когда наши войска отогнали нѣмцевъ далеко отъ Шавель, несчастные стали вылѣзать изъ своихъ логовищъ.

Шавли. Плѣнные германцы. По фот. нашего военнаго корреспондента.

Забирая въ плѣнъ германцевъ, наши солдаты заставляютъ ихъ нести своихъ раненыхъ.

Станція Радымно.
По фот. нашего военнаго корреспондента.

зиціи, а именно въ раіонѣ Гуссакувъ — Крукеница, но далѣе продвинуться не могли.

Такимъ образомъ нѣмцамъ не удались подъ рядъ двѣ попытки утвердиться на Санѣ: во-первыхъ, не удалось Макензену развернуть на правомъ берегу Сана войска, перебравшіяся черезъ него влѣво отъ Перемышля, а во-вторыхъ, не удалась попытка прорваться вправо отъ Перемышля, черезъ нашу позицію Перемышль — Большое Днѣстровское болото. Въ то же время положеніе Макензена сильно осложнялось, такъ какъ на лѣвомъ берегу Сана наши войска наступали съ двухъ сторонъ противъ тыла его арміи: отъ Перемышля къ сѣверу и отъ позиціи у устья Сана, Тарнобжегъ — Улановъ,—къ югу. Группа нѣмецкихъ войскъ, высунувшаяся на правый берегъ Сана, оказалась какъ бы въ положеніи высунутаго пальца, который стремятся срѣзать у корня.

Шавли. Погорѣльцы на развалинахъ.
По фот. нашего военнаго корреспондента.

Въ такомъ положеніи Макензену предстояло рѣшить вопросъ: либо уйти поскорѣе обратно на лѣвый берегъ Сана, пока еще имѣется путь отступленія, либо попытаться еще разъ что-нибудь сдѣлать для того, чтобы развернуться на правомъ берегу Сана. Сдѣлать однако что-нибудь для того, чтобы развернуться, было нелегко, ибо, какъ мы видѣли выше, вправо Макензенъ не могъ развернуться, ибо тамъ былъ Перемышль, а влѣво—не могъ потому, что тамъ нажимали наши войска.

Однако Макензенъ рѣшилъ предпринять новую операцію, весьма рѣшительную и весьма рискованную. Онъ сосредоточилъ на правомъ берегу Сана возможно больше войскъ и артиллеріи у Ярослава и предпринялъ грандіозный поворотъ всей этой массой направо, въ сторону Перемышля. Очевидно, онъ надѣялся, что эта масса хлынетъ на Перемышль, „обтечетъ" крѣпость съ тыла и, какъ видно изъ карты, выйдетъ въ тылъ позиціи Перемышль—Большое Днѣстровское болото. На этой же позиціи, какъ мы видѣли, съ другой стороны уже вели свыше недѣли безплодныя атаки другія австро-нѣмецкія войска. Слѣдовательно, Макензенъ хотѣлъ, чтобы на позицію Перемышль—Большое Днѣстровское болото былъ произведенъ одновременно нажимъ съ двухъ сторонъ: съ фронта тѣми войсками, которыя уже атаковывали, а съ тыла — тѣми войсками, которыя „обтекутъ" Перемышль, и такимъ образомъ разсчитывалъ прорвать позицію Перемышль—Большое Днѣстровское болото. Это, въ случаѣ успѣха, могло дать возможность хлынуть на правый берегъ Сана новой массѣ австро-нѣмецкихъ войскъ черезъ разорванный промежутокъ Перемышль—Большое Днѣстровское болото. Однако эта отчаянная попытка съ мѣста не удалась.

Дѣло въ томъ, что для того, чтобы повернуться направо, Макензену нужно было оставить заслонъ въ тылу, такъ какъ, какъ мы видѣли, отъ позиціи Тарнобжегъ — Улановъ, т.-е. отъ устья Сана, нажимали на Макензена наши войска. Макензенъ и оставилъ въ тылу заслонъ, поставивъ его у Сенявы, а затѣмъ началъ всю громадную массу войскъ поворачивать направо. Поворотъ этотъ длился четыре дня.

За это время неожиданно для Макензена наши войска перешли въ наступленіе отъ устья Сана. 3-й Кавказскій корпусъ, во главѣ съ извѣстнымъ защитникомъ Высокой Горы въ Портъ-Артурѣ, генераломъ Ирмановымъ, атаковалъ оставленный Макензеномъ заслонъ. Послѣ двухдневныхъ упорныхъ боевъ заслонъ былъ опрокинутъ и отошелъ на укрѣпленія Сенявы, надѣясь удержаться на этой сильной позиціи. Но генералъ Ирмановъ не остановилъ ни на минуту своего наступленія и, продолжая свой энергичный натискъ, штурмомъ взялъ Сеняву, захвативъ свыше 7 тысячъ человѣкъ въ плѣнъ, 14 орудій, въ томъ числѣ 6 тяжелыхъ, и пулеметы.

Это сразу затруднило операціи Макензена: армія его повернулась направо, а оставленный въ тылу заслонъ оказался разбитымъ, и тылъ испытывалъ весьма серьезный натискъ съ нашей стороны. Повернувшимся войскамъ пришлось драться на два фронта, и положеніе генерала Макензена еще болѣе осложнилось. Стало ясно, что армія генерала Макензена, какъ огромный звѣрь, бьется въ тенетахъ, и хотя еще имѣетъ обратный выходъ на лѣвый берегъ Сана, но ея настойчивый командующій, вмѣсто этого, упорно старается разорвать опутавшую его густую сѣть войскъ.

Между тѣмъ наши войска продолжали сильно тѣснить Макензена съ сѣвера, и армія Макензена понемногу, естественно, перемѣщалась на югъ, въ сторону Перемышля. Не имѣя возможности взять Перемышль со стороны праваго берега, т.-е. со стороны его тыла, Макензенъ повелъ

Шавли. Германскій прожекторъ, захваченный во время боевъ подъ Шавлями.
По фот. нашего военнаго корреспондента.

атаку на форты лѣваго берега, т.-е. со стороны своего фронта.

Атака эта привела къ очищенію нами лѣвыхъ фортовъ Перемышля. Согласно официальнымъ сообщеніямъ, форты лѣваго берега были совершенно разрушены австрійцами передъ сдачей, причемъ была также разрушена и артиллерія. Это вполнѣ естественно, такъ какъ австрійцы, взрывая передъ сдачей Перемышль, считали, что, если имъ придется когда-либо брать крѣпость обратно, то со стороны Кракова. Поэтому-то они и разрушили форты, обращенные въ сторону Кракова, т.-е. форты лѣваго берега — сѣверные и западные. Кромѣ того, въ этомъ мѣстѣ ведутъ весьма удобные подступы къ фортамъ, т.-е. здѣсь имѣются открытыя лощины и лѣсистые пути, по которымъ можно подойти, предохраняясь отъ обстрѣла съ фортовъ. Затѣмъ, здѣсь имѣются весьма выгодныя позиціи для атакующаго, а именно передъ фортами находятся такъ называемыя „командующія высоты“, т.-е. такія высоты, которыя выше фортовъ, а, слѣдовательно, съ нихъ можно удобно обстрѣлять форты.

КѢЛЬЦЫ
ОПАТОВЪ
САНДОМИРЪ
БОЛЬШОЕ БОЛОТО
ТАРНОБЖЕГЪ
НИЗКО
УЛАНОВЪ
РУДНИКИ
Р. ВИСЛА
Р. САНЪ
ЛЕЖАЙСКЪ
СЕНЯВА
Р. ЛЮБАЧЕВКА
ЯРОСЛАВЪ
РАДЫМНО
МЕДЫКА
Р. САНЪ
ПЕРЕМЫШЛЬ
МОСЦИСКА
ГУСАКОВЪ
Р. ДНѢСТРЪ
БОЛЬШОЕ ДНѢСТРОВСКОЕ БОЛОТО
САМБОРЪ
СТРЫЙ

Карта Галиційскаго сраженія.

Наконецъ въ этомъ раіонѣ австрійцы производили много маневровъ еще въ мирное время, и въ 1895 году, между прочимъ, производили одинъ изъ маневровъ, гдѣ испытывали способы овладѣнія Перемышлемъ именно со стороны лѣваго берега.

Такимъ образомъ противникъ имѣлъ много преимуществъ: выгодныя позиціи для обстрѣла тяжелой артиллеріей, удобные подступы, по которымъ можно было подойти къ фортамъ безъ большихъ потерь, маневренный опытъ, разрушенные форты и, наконецъ, прекрасное знакомство какъ съ мѣстностью, такъ и съ фортами.

При такихъ условіяхъ самостоятельно оборонять разрушенные форты не имѣло смысла, и ихъ можно было лишь удерживать, пока вправо и влѣво отъ этихъ фортовъ находились наши войска. Въ этомъ случаѣ форты, хотя и разрушенные, могли играть роль обыкновенныхъ батарей въ центрѣ нашихъ позицій, а справа и слѣва отъ нихъ располагались наши войска.

Однако противникъ, забравшійся на правый берегъ Сана, послѣ взятія Ярослава и Радымна началъ продвигаться вправо. Такимъ образомъ противникъ оказался на правомъ берегу Сана у Перемышля, а наши войска продолжали находиться на лѣвомъ берегу Сана у того же Перемышля. Очевидно, оставаться на лѣвомъ берегу Сана представлялось невыгоднымъ, такъ какъ путь на правый берегъ могъ бы быть закрытъ.

Поэтому наши войска отошли съ лѣваго берега Сана на правый. Послѣ отхода нашихъ войскъ были очищены и самые форты, такъ какъ они были разрушены и могли обороняться только въ случаѣ, если рядомъ находились наши войска, а какъ только войска ушли, форты, какъ неспособные къ оборонѣ, должны были быть эвакуированы.

Занятіе лѣвобережныхъ фортовъ еще не рѣшило вопроса объ обладаніи рѣкой Саномъ. Наши войска продолжали занимать позицію „форты праваго берега Перемышля — Большое Днѣстровское болото“, и эта позиція преграждала противнику путь къ овладѣнію Саномъ. Слѣдовательно, вопросъ объ овладѣніи рѣкой Саномъ всецѣло находился въ зависимости отъ дальнѣйшей борьбы за позицію „форты праваго берега Сана—большое Днѣстровское болото“.

Бой съ сухопутнымъ броненосцемъ. Картина И. Владимірова. (Весенняя выставка въ Императорской Академіи Художествъ).

Вонъ они... нѣмцы плывутъ!.. Казачій пикетъ на берегу Балтійскаго моря. Рисунокъ И. Владимірова.

Освященіе русскаго санитарнаго автомобильнаго отряда въ Парижѣ. Осмотръ автомобилей французскимъ военнымъ министромъ Мильераномъ. 1. Военный министръ Мильеранъ. 2. Русскій военный агентъ полковникъ Ознобишинъ.

Птичка.

Разсказъ **Бориса Лазаревскаго.**

(Окончаніе).

Юзефа лежала въ саду на травѣ и вся дергалась отъ рыданій. Аркадій Петровичъ оставилъ двери открытыми, взялъ фуражку и пошелъ прямо по улицѣ, самъ не зная куда. Сейчасъ же за городомъ начиналось не совсѣмъ убранное безконечное поле. Слѣва еще стояла рожь, а справа лежали покосы; еще дальше лиловыми правильными рядами виднѣлись копны. И странно было видѣть, что въ будній день на нивѣ нѣтъ ни одного рабочаго человѣка.

Солнце опустилось совсѣмъ близко къ горизонту. Аркадій Петровичъ поглядѣлъ на него и удивился, какъ скоро прошелъ день. Удивился онъ и красотѣ вечера, потому что давно не бывалъ за городомъ. Страстно щелкалъ перепелъ въ нетронутой еще ржи. Казалась лиловой дорога, по которой недавно проѣхалъ экипажъ съ Лёлей и мировихой. Аркадій Петровичъ опустилъ голову и поглядѣлъ на слѣды копытъ и колесъ. Какъ-то не вѣрилось, что Лёля была на этомъ самомъ мѣстѣ, и не вѣрилось, что черезъ какихъ-нибудь три-четыре дня загрохочетъ здѣсь артиллерія, и тысячи всадниковъ сомнутъ ногами лошадей только-что налившіеся спѣлые золотые колосья, и все это богатство обратится въ навозъ.

Не вѣрилось, что, можетъ-быть, на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ теперь стоитъ, медленно будетъ умирать скошенный пулей не мертвый колосъ, а человѣкъ съ горячей еще кровью... Аркадій Петровичъ повернулся и, машинально переступая ногами, зашагалъ обратно къ маленькому городку. До самаго пивовареннаго завода онъ не встрѣтилъ ни души. Остановился только возлѣ клуба и машинально отворилъ дверь. Въ маленькой буфетной комнатѣ сидѣли мировой и акцизный, они пили водку и разговаривали, громче раздавался голосъ, повидимому, уже охмелѣвшаго и на что-то жаловавшагося акцизнаго:

— Научи меня, Иванъ Ивановичъ, что дѣлать, я ей приказываю: возьми Борю и, пока не поздно, поѣзжай на станцію, а опа цѣлуетъ мнѣ руки и говоритъ: безъ тебя не тронусь съ мѣста, пусть убиваютъ...

Аркадій Петровичъ почувствовалъ невыносимую тоску, острую и мгновенную, какъ ударъ шила въ сердце. Онъ не поздоровался и выбѣжалъ изъ клуба. Пришелъ домой, обошелъ всѣ комнаты, поглядѣлъ на полъ, усыпанный веревочками и бумажками, заглянулъ въ кабинетъ, тамъ все было такъ же, исчезли только стоявшіе на письменномъ столѣ дорогіе часы,— подарокъ его первой жены. На подоконникѣ лежала все еще открытая на седьмой страницѣ книга.

Юзефа куда-то ушла.

Въ лампахъ не было керосину. И когда наступили сумерки, то въ маленькомъ, еще вчера уютномъ домѣ, стало страшно, точно въ склепѣ. Ночевать здѣсь было невозможно.

„Теперь мировой на холостомъ положеніи, пойду къ нему, — подумалъ Аркадій Петровичъ: — а если онъ еще не возвратился изъ клуба,—обожду".

Такъ и сдѣлалъ.

Квартира мирового оказалась въ такомъ же безпорядкѣ. Лакей Стефанъ, замѣтно выпившій, низко поклонился.

Человѣческій голосъ былъ пріятенъ Аркадію Петровичу. Машинально онъ сѣлъ возлѣ Стефана на крыльцѣ и закурилъ папиросу, а словоохотливый полякъ болталъ и болталъ. Аркадій Петровичъ не перебивалъ его и почти все понималъ.

— Былъ у меня другъ, великій другъ, Янъ,—продолжалъ попольски Стефанъ:—когда мы были еще маленькими и жили въ деревнѣ, пасли вмѣстѣ гусей, и затѣмъ не разставались до самаго

Освященіе русскаго санитарнаго автомобильнаго отряда въ Парижѣ въ присутствіи французскаго военнаго министра Мильерана. Отрядъ организованъ русской колоніей для французской арміи и состоитъ изъ 25 автомобилей.

позавчерашняго дня. Янъ служилъ на заводѣ и каждый вечеръ послѣ работы приходилъ ко мнѣ, какъ домой, и панъ судья и пани всегда удивлялись нашей дружбѣ, хотя чему тутъ удивляться: и у Яна нѣтъ ни жены ни дѣтей; только онъ былъ очень большой насмѣшникъ и всегда дразнилъ меня трусомъ и смѣялся надъ тѣмъ, что я люблю ходить въ костелъ, а самъ себя считалъ такимъ человѣкомъ, который и чорта не боится. Ну, и вотъ вчера, когда стали говорить на рынкѣ, что будетъ война, такъ вижу я, мой Янекъ ходитъ бѣлый, какъ бумага, а потомъ жаловался, что нездоровъ на животъ, а когда подали фаэтонъ, такъ онъ сказалъ: „Я дамъ жидуфурману пять рублей, пусть меня возьметъ съ собой". Тогда я спросилъ: „Какъ же ты, Янъ, клявшійся въ постоянной дружбѣ, оставишь меня?" А онъ отвѣчаетъ: „Такъ просто и оставлю". Я тогда говорю: „Ale czekaj *), послушай одну сказку, ее знаютъ всѣ, а ты, можетъ-быть, забылъ, такъ я напомню". Онъ говоритъ: „Разскажи". Тогда я разсказалъ: „Шли лѣсомъ два пріятеля и встрѣтили медвѣдя. Одинъ пріятель какъ-то ловко вскарабкался на дерево, а другой, biedak **) не успѣлъ, и медвѣдь захватилъ его въ лапы, повалилъ и началъ давить. На счастье у этого человѣка оказался съ собой ножъ. Какъ-то онъ его вынулъ и воткнулъ медвѣдю прямо въ сердце. Медвѣдь сейчасъ же издохъ. Когда это увидѣлъ сидѣвшій на деревѣ пріятель, онъ спустился внизъ, похлопалъ по плечу уже вставшаго съ земли друга и спросилъ: „Ну, что тебѣ медвѣдь шепталъ на ухо?" А тотъ пріятель ему и отвѣчаетъ: „Онъ шепталъ мнѣ, чтобы я никогда не имѣлъ дѣла съ такими подлецами, какъ ты..." А Янъ только засмѣялся. А когда подали фаэтонъ для пани нашей и вашей, то онъ кивнулъ мнѣ головой и полѣзъ къ жиду на козлы"...

*) Нѣтъ, погоди.
**) Бѣдняга.

Русскій санитарный автомобильный отрядъ, организованный русской колоніей для нуждъ французской арміи.

И то, что разсказалъ простодушный Стефанъ, снова, точно плетью, ударило по наболѣвшимъ нервамъ Аркадія Петровича. Онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы опять не убѣжать. Но въ это время подошелъ мировой судья и заговорилъ бодро и весело:

— Я, по правдѣ сказать, ужасно радъ, что моя супруга сбѣжала, а то съ ней лишнія хлопоты. Хотѣла даже съ собой комодъ брать, но я обѣщалъ, что привезу его самъ, пускай ждетъ...

И эти слова показались Аркадію Петровичу гораздо яснѣе и умнѣе той легенды, которую разсказалъ Стефанъ. Судья вдругъ сдѣлалъ серьезное лицо и, точно извиняясь, добавилъ:

— Я знаю, вы переживаете совсѣмъ другое, но теперь женамъ безъ насъ, конечно, лучше. И слава Богу, что онѣ уѣхали. Любовь, если она только любовь, а не пустое увлеченіе и не рабство слабаго передъ сильнымъ, послѣ разлуки дѣлается еще крѣпче.

— А какъ по-вашему,—спросилъ Аркадій Петровичъ:—любовь и трусость совмѣстимы?

— У животныхъ и ничтожныхъ людей, да.

Мировой все время старался перевести разговоръ на другую тему, но Аркадій Петровичъ ловко и упрямо снова переходилъ къ тому же.

Въ первомъ часу раздѣлись и легли. Обоимъ не спалось. Каждыя пять минутъ въ темнотѣ вспыхивалъ огонь спички, закуривалась новая папироса, и голоса не умолкали. Аркадію Петровичу казалось, что онъ только сегодня познакомился съ мировымъ, и было досадно, почему прежде такъ рѣдко приходилось бесѣдовать съ этимъ умнымъ, спокойнымъ и сердечнымъ человѣкомъ, даже философомъ.

— Вы мнѣ кажетесь очень храбрымъ,—произнесъ Аркадій Петровичъ: — и могли бы быть героемъ.

— Я?..—отозвался въ темнотѣ мировой. — Вы ошибаетесь...

— Нѣтъ, не ошибаюсь.

— Я попросту лѣнтяй и не желаю тревожить своихъ нервовъ изъ-за какихъ-то нѣмцевъ. Ни улучшить ни ухудшить положенія вещей я не могу, а потому предпочитаю покориться судьбѣ. И если завтра представится возможность стрѣлять въ нѣмцевъ, то буду это дѣлать спокойно и, можетъ-быть, не безъ удовольствія, вотъ и все. А теперь я хочу спать, а вы, экспансивный человѣкъ, лучше замолчите.

Аркадій Петровичъ дѣйствительно надолго замолчалъ и выкурилъ цѣлыхъ двѣ папиросы. Потомъ ему захотѣлось спросить, какое имѣетъ отношеніе къ нравственности

Освященіе русскаго санитарнаго автомобильнаго отряда въ Парижѣ. Дефилированіе автомобилей.

Казаки отправляются на позиціи. По фот. нашего корреспондента.

и психикѣ женщины наслѣдственность. Въ этотъ моментъ онъ былъ убѣжденъ, что мировой знаетъ все. Но въ ту же секунду съ противоположной стороны комнаты раздался могучій храпъ.

Аркадій Петровичъ мысленно спросилъ себя, что̀ для него страшнѣе: умереть, или жить съ Лёлей, видѣть и чувствовать каждый день, что это не человѣкъ, а только птичка, которой нужно давать хорошій кормъ и чистую воду въ блюдечкѣ. Затѣмъ пришла въ голову басня, разсказанная Стефаномъ, и никакъ нельзя было разубѣдить себя, что Лёля не похожа на того „пріятеля", который, при видѣ опасности, спрятался на дерево.

Стекла въ незавѣшенныхъ окнахъ стали голубоватыми. Загорланилъ любимый Лёлинъ пѣтухъ и пѣлъ очень долго, такъ что явилось желаніе встать, пойти и бросить въ него палкой.

Мировой продолжалъ храпѣть, на секунду умолкъ и почмокалъ губами. Казалось, что въ комнатѣ невыносимо душно и накурено. Аркадій Петровичъ всталъ и отворилъ всѣ окна, съ удовольствіемъ вдохнулъ чистый предразсвѣтный воздухъ и подумалъ: „Вотъ я штатскій человѣкъ и уѣду куда-то въ глубь Россіи и долго еще буду дышать такимъ воздухомъ, а многимъ и многимъ, болѣе лучшимъ, болѣе талантливымъ людямъ въ теченіе ближайшихъ дней придется разстаться съ жизнью". Отъ усталости у него заболѣла спина. Аркадій Петровичъ снова легъ и незамѣтно уснулъ. Сейчасъ же онъ увидѣлъ Лёлю, ласковую и нѣжную, она цѣловала его въ губы и глаза, потомъ взяла его правую руку и тоже поцѣловала. Отъ нахлынувшаго счастья стало тяжело дышать, и хотѣлось плакать. Обнимая талію жены, Аркадій Петровичъ хотѣлъ ей сказать, какъ ему стыдно, что онъ смѣлъ думать о ней, какъ о трусливой рядовой мѣщаночкѣ, но въ это время кто-то его толкнулъ въ бокъ, и онъ открылъ глаза.

Возлѣ кровати стоялъ Стефанъ и говорилъ:

— Пане, а пане, изъ таможни пришелъ стражникъ...

— Какой стражникъ?

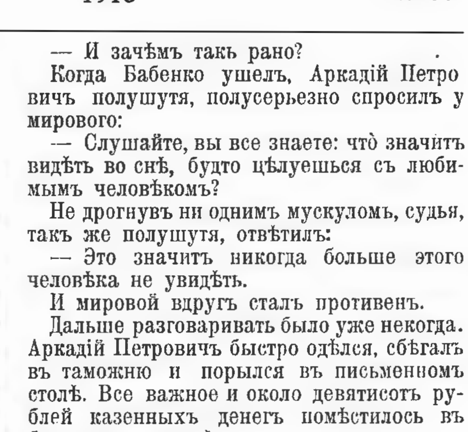
— А я не знаю...

Въ одномъ бѣльѣ Аркадій Петровичъ вышелъ въ переднюю и, увидѣвъ знакомое усатое лицо, спросилъ:

— Что̀ тебѣ, Бабенко?

— Ваше высокоблагородіе, начальникъ земской стражи прислали сказать, чтобы взять съ собой очень важные документы, и что въ девять часовъ утра отправляется послѣдній поѣздъ, послѣ ухода котораго станція будетъ взорвана...

Вышелъ уже въ брюкахъ въ переднюю и мировой, почесалъ у себя въ затылкѣ и съ досадой произнесъ:



— И зачѣмъ такъ рано?

Когда Бабенко ушелъ, Аркадій Петровичъ полушутя, полусерьезно спросилъ у мирового:

— Слушайте, вы все знаете: что̀ значитъ видѣть во снѣ, будто цѣлуешься съ любимымъ человѣкомъ?

Не дрогнувъ ни однимъ мускуломъ, судья, такъ же полушутя, отвѣтилъ:

— Это значитъ никогда больше этого человѣка не увидѣть.

И мировой вдругъ сталъ противенъ.

Дальше разговаривать было уже некогда. Аркадій Петровичъ быстро одѣлся, сбѣгалъ въ таможню и порылся въ письменномъ столѣ. Все важное и около девятисотъ рублей казенныхъ денегъ помѣстилось въ боковомъ карманѣ.

Былъ только седьмой часъ утра, но на улицахъ происходила суета. Очень волновались евреи, всѣ лица были или блѣдныя или красныя. Многія женщины плакали. Какая-то толстая дама съ трудомъ несла двѣ банки варенья.

Аркадій Петровичъ вдругъ вспомнилъ слова мирового: „ни улучшить ни ухудшить положенія вещей я не могу, а потому предпочитаю покориться судьбѣ".

И вдругъ все его существо охватила до сихъ поръ неизвѣстная ему апатія. Суетившіеся люди раздражали своимъ видомъ. Онъ еще разъ поглядѣлъ на часы и подумалъ: „Пойду за городъ на то самое мѣсто, гдѣ гулялъ вчера, интересно посмотрѣть, вышли рабочіе въ поле или нѣтъ. Врядъ ли..."

И все время, пока онъ шагалъ, не видѣлъ встрѣчавшихся и не слыхалъ ихъ голосовъ. Точно шквалъ, налетала иногда сладкая и больная мысль о Лёлѣ. И вдругъ невыносимо хотѣлось къ ней. Вспомнился сонъ, и было досадно на стражника Бабенку, зачѣмъ онъ пришелъ и разбудилъ.

„Если я буду итти такимъ шагомъ, — думалъ Аркадій Петровичъ: — то приду на станцію черезъ полтора часа, къ половинѣ девятаго, а поѣздъ отходитъ въ девять. За это время и нервы успокоятся".

Но инстинктивно онъ зашагалъ быстрѣе.

И въ теченіе часа настроеніе оставалось безразличнымъ; ему удалось даже убѣдить себя, что онъ оклеветалъ Лёлю, и то, что она уѣхала, даже не попрощавшись, какъ слѣдуетъ, и просила только беречь вещи, — вполнѣ естественно. И если она хочетъ сохранить себя и не желаетъ рисковать, то это лишь для него и ради него.

До станціи оставалось не болѣе полутора верстъ. Справа зеленѣлъ лѣсокъ; со стороны городка показалась пыль. Четыре фуры проѣхали крупной рысью. Изъ настланнаго сѣна выгля-

Притокъ Сана. По фот. нашего корреспондента.

дывали блѣдныя женскія и дѣтскія лица. За ними показались фаэтоны.

„Сейчасъ меня догонитъ мировой“,—подумалъ Аркадій Петровичъ и опять вынулъ часы. Было безъ десяти восемь.

Никого не захотѣлось видѣть.

„Пойду черезъ лѣсокъ,—рѣшилъ онъ.— Такъ будетъ короче, и пыли тамъ нѣтъ, и никого не встрѣчу“. Онъ свернулъ вправо и пошелъ вдоль ряда копенъ къ опушкѣ. Солнце жарило. Между деревьями вдругъ стало прохладно и пріятно. Тихо здѣсь было, и не видно вокругъ ни одной птички.

На душѣ стало спокойно, какъ давно не чувствовалось. Аркадій Петровичъ хотѣлъ объяснить самому себѣ такую перемѣну настроенія и не умѣлъ. Было похоже это настроеніе на ту тишину въ природѣ, какая наступаетъ за двѣ минуты до бури.

Явилось желаніе сѣсть на срубленное дерево и покурить. Онъ такъ и сдѣлалъ.

Наслажденіе тишиной было очень большое. Прилетѣла и въ двухъ шагахъ пошла по тропинкѣ, вздрагивая головкой, хорошенькая сѣренькая трясогузка. Быстро перебирая стройными ножками, она клюнула муравья, оглянулась и вспорхнула.

Аркадій Петровичъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ и увидѣлъ между вѣтвями нѣсколько лошадиныхъ головъ, а затѣмъ и всадниковъ, на головахъ у которыхъ были не русскія каски цвѣта хаки. Первый всадникъ радостно улыбнулся, что-то негромко крикнулъ, и черезъ секунду нѣмецкій разъѣздъ былъ уже возлѣ него.

Двигаться не хотѣлось, или не было силъ, у Аркадія Петровича закружилась голова.

Тяжелая нѣмецкая волосатая рука легла на его плечо...

Въ водѣ подъ огнемъ. Купанье команды на англійскомъ броненосцѣ, на декѣ судна.

Три.

Три сына было у нея,—
Три утѣшенья въ жизни;
И всѣ въ далекіе края
Ушли служить отчизнѣ.
Одинъ командовалъ полкомъ,
Покрытымъ вѣчной славой,
Но палъ подъ вражескимъ штыкомъ
Въ бою подъ Русской Равой.
Другой—восторженный уланъ,
Глаза—яснѣй лазури;
Но умеръ онъ отъ тяжкихъ ранъ,
Полученныхъ на Бзурѣ.
А третій—юноша, добрякъ,
Мечтавшій о наградѣ,
Погибъ, какъ истинный морякъ,
На доблестной „Палладѣ“.
Три было сына у нея,
Три неразлучки-брата;
И всѣхъ далекіе края
Забрали безъ возврата.

И вотъ она теперь одна,
Вся въ черное одѣта,
Сидитъ тихонько у окна
И щурится отъ свѣта.
Потретъ холодные виски,
Больные отъ вопросовъ,
И вяжетъ теплые носки
Для раненыхъ матросовъ.
Потомъ подниметъ воротникъ,
Утретъ косынкой слезы
И выйдетъ медленно въ цвѣтникъ,
Гдѣ распустились розы.
Три розы—разныя въ красѣ—
Она сорветъ перстами:
Одну махровую, въ росѣ,
Съ широкими листами;
Другую—меньше, первой въ тонъ,
Сорветъ, нахмуривъ брови,
А третью—маленькій бутонъ
Густого цвѣта крови.

Дрожитъ въ росѣ горячій свѣтъ,
Листы лучомъ согрѣты...
Уноситъ розы въ кабинетъ
И смотритъ на портреты.
И ту, махровую, въ листахъ,
Съ величіемъ монаршимъ,
Она съ печалью на устахъ
Поставитъ передъ старшимъ.
Вторую—меньше и блѣднѣй,
Съ бореніемъ послѣднимъ,
Нѣмая, снѣга холоднѣй,
Поставитъ передъ среднимъ.
А третью—маленькій бутонъ
Съ дыханіемъ увядшимъ,
Сдержавъ невольный горькій стонъ,
Уронитъ передъ младшимъ.
И, голосъ сердца затая,
Пойдетъ тихонько дальше...
Три сына было у нея,
У старой генеральши.

Владиміръ Воиновъ.

Англійскіе моряки вылавливаютъ мины въ Мальдонѣ.

Какъ все это было.

(Изъ альбома военнаго корреспондента).

С. Бѣльскаго.

I.

Черезъ мѣстечко N. и по окружающимъ его мокрымъ глинистымъ полямъ четыре дня шли германскія войска. Не останавливаясь ни на минуту, катился живой потокъ, разбившійся на множество отдѣльныхъ ручьевъ, которые изгибались между болотистыми низинами на востокѣ и исчезали за стѣной древняго сосноваго бора. Жители попрятались въ дома, сараи, подвалы, бани и черезъ щели въ дверяхъ и ставняхъ слѣдили за непріятельской арміей. Конницу смѣнила пѣхота въ синихъ мундирахъ, за ней прошла артиллерія, проѣхали темно-сѣрые бронированные автомобили, оставляя широкія глубокія колеи, потомъ снова потянулась пѣхота въ черныхъ мундирахъ и черныхъ каскахъ, опять артиллерія и безконечный обозъ, запрудившій не только все поле, но и часть болота.

Отъ стариннаго костела, украшеннаго надъ главнымъ входомъ бѣлой статуей Мадонны, можно было однимъ взглядомъ окинуть все поле, покрытое непрерывно

смѣняющимися войсками. Находились любопытные смѣльчаки, которые по узкой темной лѣстницѣ взбирались на колокольню и черезъ круглыя окна, наполовину закрытыя желѣзнымъ узоромъ, цѣлыми часами смотрѣли на германскій приливъ, затопившій холодныя, всегда пустынныя поля.

Вороны, гнѣздившіяся въ рощѣ пана Пшерадскаго, рядомъ съ костеломъ, черными тучами поднимались надъ оголенными деревьями и хлопотливо съ громкими криками кружились надъ рядами пѣхоты, провожая ее до лѣса, и, описывая круги надъ болотомъ, возвращались обратно. Жители со страхомъ слѣдили за шумными стаями птицъ, выкрикивавшихъ что-то зловѣщее и оскорбительное для пруссаковъ.

Самъ панъ Пшерадскій, слѣпой старикъ съ блѣднымъ восковымъ лицомъ, былъ очень смущенъ поведеніемъ своихъ воронъ. Поднявъ голову, онъ долго прислушивался къ ихъ отдаленному дружному карканью и слабымъ голосомъ звалъ дочь:

— Казя, Казя, а гдѣ Амазисъ?

Амазисъ былъ ручной воронъ Пшерадскаго; онъ жилъ то въ комнатѣ, то на деревьяхъ, то исчезалъ неизвѣстно куда на недѣлю или на двѣ. Панъ Пшерадскій, вѣрившій въ переселеніе душъ, говорилъ всѣмъ, что въ этомъ старомъ воронѣ, хитромъ и сердитомъ, постоянно заводившемъ ссоры съ птицами, кошками, собаками и людьми, живетъ душа египетскаго царя Амазиса. Такое высокое прошлое ворона заставляло пана Пшерадскаго переносить всѣ его злобныя выходки. Въ осенніе зимніе вечера, когда Казя и слѣпой старикъ долго сидѣли въ большихъ темныхъ комнатахъ, — Пшерадскій, вспоминая прошлое, которому не было конца, такъ какъ слѣпой, по его мнѣнію, много разъ возвращался на землю въ разныхъ оболочкахъ, а дѣвушка, мечтая о будущемъ, еще болѣе необъятномъ,—за окномъ раздавался настойчивый стукъ черной птицы. Казя отворяла дверь, воронъ шумно влеталъ и садился на свое любимое мѣсто на спинкѣ рѣзного дубоваго кресла пана Пшерадскаго.

Старикъ оживлялся и ласково кивалъ головой ворону:

— Вотъ и еще постарѣли на одинъ день! Скоро намъ, пожалуй, предстоитъ длинное-длинное путешествіе. Мнѣ надоѣлъ уже этотъ холодный пустой домъ, надоѣли люди, все! Вотъ только Казю жаль, ну, да вѣдь она свое найдетъ. И безъ насъ найдетъ!

Амазисъ насмѣшливымъ лукавымъ взглядомъ смотрѣлъ на Казю и старика, каркалъ и ловко бралъ крѣпкимъ клювомъ куски хлѣба, которые давала ему дѣвушка. Такъ втроемъ они провели много вечеровъ каждый съ своими думами, съ своими воспоминаніями, объединенные мракомъ и холодомъ безконечныхъ зимнихъ ночей.

— Казя, гдѣ Амазисъ?

— Улетѣлъ вмѣстѣ съ другими провожать нѣмцевъ.

— Что онъ задумалъ? Такъ на всѣхъ насъ можно накликать бѣду!

Амазисъ вернулся только тогда, когда за лѣсомъ исчезла послѣдняя рота баварскаго полка, шедшаго въ арьергардѣ.

Нѣмцы ушли однако не всѣ. Гминный войтъ собралъ всѣхъ мужчинъ на площади передъ костеломъ. Тамъ, выстроившись въ двѣ шеренги, стояли солдаты въ черныхъ мундирахъ подъ начальствомъ лейтенанта фонъ-Гребера изъ Анненгофа. Фонъ-Греберъ былъ маленькій тщедушный человѣкъ съ узкимъ длиннымъ лицомъ, впалыми, словно вдавленными, висками и рѣдкими рыжеватыми волосами, прилизанными такъ, что они закрывали большой розовый лишай надъ лбомъ. Товарищи въ школѣ и въ полку называли фонъ-Гребера Мокрицей за его физическіе недостатки, которые, впрочемъ, достались лейтенанту по наслѣдству. У него были кривыя, худыя ноги, впалая грудь, которую онъ исправлялъ при помощи подушки съ ватой и корсета. Глаза гноились, въ особенности послѣ пьяныхъ ночей, и по утрамъ фонъ-Греберъ долго не могъ ихъ открыть. Но здѣсь, на площади передъ костеломъ, лейтенантъ чувствовалъ себя величественнымъ: за нимъ стояло два взвода солдатъ, за этими взводами невидимо присутствовала вся рота, за ротой гвардейскій полкъ, за полкомъ вся армія, за арміей Германія и наконецъ самъ императоръ!

Здѣсь фонъ-Греберъ представлялъ своей особой все, что было, по его мнѣнію, самое великое, самое сильное и прекрасное въ мірѣ. Онъ презрительнымъ прищуреннымъ взглядомъ своихъ гнилыхъ глазъ посмотрѣлъ на мрачныя красныя стѣны древняго костела, на густую толпу мужчинъ около желѣзной рѣшетки, на женщинъ, дѣтей, толпившихся на паперти, и, поднявъ руку, крикнулъ по-нѣмецки:

— Слушайте! Молчать и слушать!

Немедленно водворилась такая тишина, что слышно было, какъ слабый вѣтеръ шумитъ въ рощѣ пана Пшерадскаго. Только черный Амазисъ, смотрѣвшій на всю эту суету съ крыльца, продолжалъ громко каркать надъ головой прусскихъ солдатъ.

— Шапки долой! Я васъ научу уважать нѣмецкое имя! Съ вами говоритъ офицеръ императорской гвардіи, теперь вашъ комендантъ. Поняли?.. Что я могу сдѣлать? Все! Могу повѣсить любого изъ васъ или всѣхъ! Могу сжечь ваши дома, а если увижу, что кто-нибудь не исполняетъ моихъ приказаній, осмѣлится не исполнить, пусть готовитъ для себя крѣпкую веревку!

Войтъ немедленно перевелъ слова лейтенанта. Фонъ-Греберу почему-то казалось, что толпа все еще не понимаетъ размѣровъ его дѣйствительно безграничныхъ полномочій, что въ заднихъ рядахъ кто-то смѣется. И потомъ эта проклятая птица надъ головой, которую нельзя заставить уважать мундиръ знаменитаго гвардейскаго полка.

— Вы сейчасъ увидите!.. Я вамъ это покажу, — стараясь говорить хладнокровно, добавилъ комендантъ и, обращаясь къ унтеръ-офицеру, сказалъ: — Сними-ка этого негодяя, который изъ окна на колокольнѣ слишкомъ внимательно слѣдитъ за дорогой!

Солдатъ съ безстрастнымъ лицомъ быстро поднялъ ружье, оглушительно прогремѣлъ выстрѣлъ, наверху раздался чей-то глубокій стонъ, похожій на крикъ раненой птицы. Толпа въ ужасѣ отшатнулась отъ ограды.

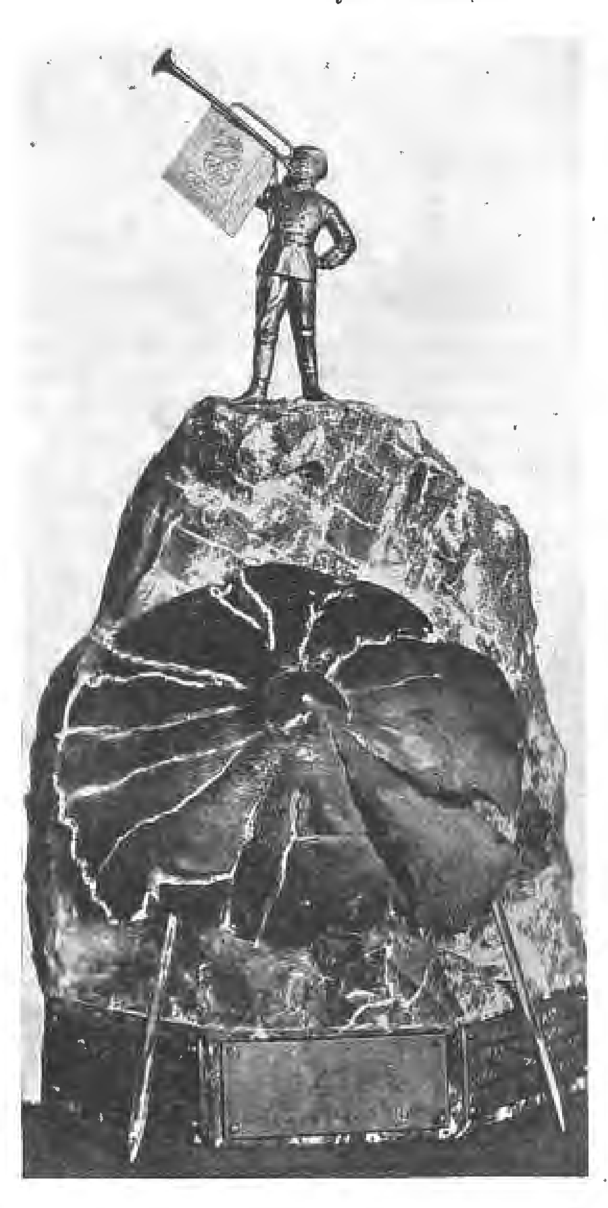
— Стой! — крикнулъ фонъ-Греберъ. — Видѣли? Помните же: безпрекословное повиновеніе, послушаніе, немедленное исполненіе всѣхъ приказаній. Солдаты будутъ жить въ костелѣ, а я... Чей это домъ?—спросилъ лейтенантъ, указывая на усадьбу Пшерадскаго.

Изъ толпы вышелъ войтъ и дрожащимъ отъ страха голосомъ сталъ отвѣчать на вопросы офицера.

— Хорошо, я остановлюсь здѣсь, а потомъ посмотримъ! Можете итти! Не забудьте: если хоть одинъ волосъ упадетъ съ головы солдата, — разстрѣлъ черезъ пятаго! Маршъ!

Въ эту минуту фонъ-Греберъ былъ доволенъ собой. „Германцы созданы для владычества!“ — повторилъ онъ вслухъ свою любимую фразу. Онъ расхохотался бы, если бы кто-нибудь сказалъ ему, что фонъ-Греберъ изъ Анненгофа и любой изъ этихъ крестьянъ въ толпѣ принадлежатъ къ одному человѣческому роду.

Съ глухимъ звономъ распахнулись желѣзныя двери костела, солдаты шумно вошли подъ гулкіе своды, и древній храмъ наполнился криками, говоромъ и стукомъ опрокинутыхъ второпяхъ тяжелыхъ подсвѣчниковъ, аналоевъ и статуй. Лейтенантъ медленно и торжественно поднялся по ступенькамъ ветхаго крыльца. За нимъ безъ шапокъ шли войтъ и гминный писарь. Панъ Пшерадскій сидѣлъ въ своемъ любимомъ креслѣ и спалъ или притворялся спящимъ. Казя стояла въ дверяхъ гостиной, большой мрачной комнаты, убранной тяжелой старинной мебелью, и не то съ испугомъ, не то съ удивленіемъ смотрѣла ясными голубыми глазами на прусскаго офицера. На плечѣ у нея сидѣлъ черный Амазисъ и, низко наклонивъ свою блестящую голову, старался



Подарокъ Петрограду отъ лейбъ-гвардіи Петроградскаго полка изъ окоповъ у Равы. Головная часть нѣмецкаго «чемодана», ударившаяся въ кварцевую скалу въ окопахъ у Равы и разорвавшаяся въ причудливой формѣ. Снарядъ вдѣланъ въ часть той же кварцевой скалы и увѣнчанъ фигурой трубача. Внизу справа и слѣва — двѣ стрѣлы изъ множества выброшенныхъ съ нѣмецкаго аэроплана. Вѣсъ подарка—8 пудовъ.

Въ Дарданеллахъ. Англійскія суда для вылавливанія минъ (траллеры). На каждомъ матросѣ надѣтъ спасательный кругъ на случай гибели судна отъ взрыва мины.

коньяку, фонъ-Греберъ чувствовалъ приступы сверлящей боли въ мозгу и глазахъ, но въ то же время онъ испытывалъ приливъ какого-то вдохновенія, бурной дикой страсти. Въ такія минуты ему доставляло невыразимое удовольствіе разбить бокалъ или графинъ, ударить кого-нибудь, опрокидывать столы и стулья, бить хлыстомъ собаку, или прислуживавшаго ему солдата. Однажды онъ заплатилъ въ Берлинѣ тысячу марокъ одной дѣвицѣ изъ шантана за то, что ранилъ ее вилкой въ руку, и когда сбѣжалась прислуга, то еще разъ ударилъ ее кулакомъ по лицу. Но этотъ штрафъ пришлось платить въ Берлинѣ, гдѣ фонъ-Греберъ былъ Мокрицею, маленькимъ безвѣстнымъ офицеромъ, а здѣсь онъ — все, первый разъ въ жизни верховный судья, безграничный повелитель, которому никто не долженъ и не смѣетъ противиться!

— Еще стаканъ!

Темно-желтое жидкое пламя медленно полилось въ хрусталь; фонъ-Греберъ

достать крѣпкимъ клювомъ кроваво-красный рубинъ въ булавкѣ, которой была заколота кружевная накидка дѣвушки. Офицеръ подошелъ къ ней.

— Лейтенантъ фонъ-Греберъ, комендантъ этого отвратительнаго городишки, въ которомъ однако, какъ я вижу, прячутся чудесные цвѣты. Я вашъ гость. Я повелѣваю городомъ, а вы, чувствую, будете повелѣвать мной.

Онъ протянулъ липкую потную ладонь, и дѣвушка робко и молча подала ему руку. Амазисъ неожиданно бросился къ лейтенанту и больно ударилъ его клювомъ по плечу. Фонъ-Греберъ былъ очень чувствителенъ къ боли. Онъ вскрикнулъ и ухватился за ушибленную руку.

— Ахъ, проклятая птица! Я сверну ей шею, если она еще разъ сдѣлаетъ такую штуку!

Но Амазисъ былъ уже въ саду и, усѣвшись на верхушкѣ сухого тополя, перекликался съ воронами, умостившимися на крестѣ костела.

Лейтенантъ занялъ три комнаты, — гостиную, кабинетъ и спальню пана Пшерадскаго. Съ старикомъ онъ не разговаривалъ и держалъ себя, какъ единственный хозяинъ въ домѣ. Изъ ресторана принесли корзины съ виномъ, коньякомъ и шампанскимъ.

Въ кабинетѣ накрыли письменный столъ скатертью, которую писарь и самъ фонъ Греберъ вытащили изъ комода. Зажгли всѣ свѣчи въ канделябрахъ, собранныхъ въ спальнѣ и гостиной, потому что Мокрица боялся темноты.

— Но не могу же я одинъ пить! — сказалъ лейтенантъ, осматривая столъ, уставленный закусками и винами, и наливая себѣ стаканъ коньяку. — Мнѣ угодно поговорить съ какой-нибудь здѣшней дрянью. Кто у васъ здѣсь способенъ разговаривать съ прусскимъ офицеромъ и понимаетъ по-нѣмецки?

Войтъ молчалъ. Фонъ-Греберъ налилъ себѣ второй стаканъ коньяку.

— Я не привыкъ пить одинъ! Слышишь?!

— Есть панъ нотаріусъ, учитель...

Фонъ-Греберъ рѣдко напивался пьянымъ, хотя пилъ постоянно. Вино производило на него странное дѣйствіе: оно словно растравляло какія-то раны въ больномъ зараженномъ тѣлѣ Мокрицы, возбуждало острыя страданія, соединенныя съ наслажденіемъ. Выпивъ бутылку

быстро выпилъ и минуту сидѣлъ, откинувшись на спинку кресла, чувствуя, какъ огонь медленно разливается по его холодному тѣлу.

Потомъ онъ тяжело всталъ, опрокинулъ мольбертъ съ недоконченной картиной Кази, и по темной гостиной направился къ комнатѣ дѣвушки. Дверь оказалась запертой. Лейтенантъ засмѣялся.

— Птичка, отворите! Я слышу, какъ бьется ваше сердце: тикъ-такъ, тикъ-такъ! Офицеры королевскаго полка привыкли всюду находить открытыя двери!

Казя молчала.

— Ну, хорошо, подождемъ! Помните, что я всегда тутъ, за дверьми, десять шаговъ отъ васъ!..

Лейтенантъ, уронивъ стулъ, вернулся въ кабинетъ и, подмигивая воспаленными глазами какому-то почернѣвшему портрету, налилъ еще коньяку.

— За Германію! — сказалъ онъ, поднимая бокалъ и расплескивая вино.

По стеклу кто-то застучалъ, словно костлявымъ пальцемъ;

Нападеніе цеппелина на Остенде. Воинскій поѣздъ, поврежденный германской бомбой.

На западномъ фронтѣ. Освященіе новаго аэроплана, прибывшаго во французскую армію.

фонъ-Греберъ вздрогнулъ, повернулся къ окну и, вытянувъ шею, прислушался.

— Стучитъ! Разъ... Два... Три!.. Но вѣдь здѣсь въ двухъ шагахъ часовой и бояться нечего! На малѣйшую тревогу явятся солдаты... Кто тамъ?

На этотъ разъ вмѣсто стука послышалось протяжное хриплое карканье.

Лейтенантъ сѣлъ въ кресло и, затаивъ дыханіе, слушалъ съ замирающимъ сердцемъ, но шумъ за окномъ затихъ; вмѣсто него послышались шаги и говоръ въ коридорѣ.

Вошелъ войтъ, остановился у двери и, придерживая одной рукой суконную портьеру, пропустилъ въ комнату двухъ мужчинъ, одѣтыхъ въ черные наглухо застегнутые сюртуки. Впереди стоялъ высокій и полный нотаріусъ, панъ Якубовичъ, съ гладко выбритымъ лицомъ, въ очкахъ въ черепаховой оправѣ и съ коротко остриженными сѣдѣющими волосами, за нимъ прятался учитель, панъ Дембицкій, котораго мѣстные жители за его пискливый голосъ, тощую худую фигуру и необыкновенную подвижность, прозвали Комаромъ.

Лейтенантъ минуту молча смотрѣлъ на гостей, потомъ отвернулся и сказалъ:

— Можете сѣсть! Говорить только по-нѣмецки!

Нотаріусъ, блѣдный отъ волненія, сѣлъ на край стула и попробовалъ улыбнуться. Панъ Дембицкій сѣлъ на одинъ стулъ, потомъ пересѣлъ на другой, подальше отъ свѣта, но, уловивъ подозрительный взглядъ коменданта, вскочилъ и сѣлъ на прежнее мѣсто.

— Пейте! — сказалъ фонъ-Греберъ.—У меня есть привычка, очень неудобная при настоящемъ положеніи,—чтобы за столомъ еще кто-нибудь сидѣлъ.

— Я тоже одинъ никогда не пью,—сказалъ нотаріусъ.—У насъ въ клубѣ...

— То-есть, какъ это тоже?—съ холоднымъ презрѣніемъ спросилъ лейтенантъ

По тону его голоса панъ Якубовичъ понялъ, что онъ оскорбилъ коменданта, осмѣлившись сравнить свои привычки съ привычками гвардейскаго офицера императора Вильгельма. Дрожащей рукой нотаріусъ взялъ бокалъ и отпилъ изъ него нѣсколько глотковъ.

— Пейте все!—приказалъ хозяинъ.

Учитель, ничего никогда не пившій, хотѣлъ незамѣтно вылить вино въ салфетку.

— Экая дрянь!—вполголоса произнесъ лейтенантъ, замѣтившій движеніе Дембицкаго и чувствуя приступъ невыносимой боли въ вискѣ.—Вамъ сдѣлали честь! Пригласили въ общество прусскаго офицера, а вы ведете себя, какъ свинья! Налейте еще стаканъ и выпейте все до капли!

Учитель дрожащей рукой взялъ первую попавшуюся бутылку и черезъ край налилъ въ стаканъ. Пока онъ пилъ, лейтенантъ смотрѣлъ на него злымъ холоднымъ взглядомъ.

— Что же вы молчите? Нѣтъ, въ этой проклятой странѣ люди превращаются въ животныхъ, и, кажется, имъ больше всего доставляютъ удовольствія безсловесныя созданія, въ родѣ воронъ!

Нотаріусъ улыбнулся:

— Вы, должно-быть, говорите объ Амазисѣ, знаменитомъ воронѣ пана Пшерадскаго?

— Чортъ знаетъ, какъ его звать, но онъ меня сегодня больно ударилъ своимъ желѣзнымъ клювомъ! Я еще успѣю ему свернуть шею. А гдѣ же этотъ панъ Пшерадскій, почему онъ прячется отъ нѣмецкаго офицера?

— Вы извините старика. Онъ слѣпой и съ большими странностями, хотя человѣкъ очень ученый: хорошо знаетъ древніе языки, особенно греческій, и въ молодости сдѣлалъ большое путешествіе на Востокъ, производилъ какія-то раскопки. Замѣчательный человѣкъ, достойный уваженія, но смерть жены и болѣзнь сдѣлали его чудакомъ и отшельникомъ. Мы сами видимъ его очень рѣдко.

— Ну и чортъ съ нимъ, съ этой муміей! Вредить она намъ, во всякомъ случаѣ, не можетъ. А эта дѣвица—дочь его или родственница?

— Какая дѣвица?

— Ну, не прикидывайтесь дуракомъ!

— Право, не знаю,—смущенно отвѣтилъ панъ Якубовичъ.—Она, кажется, уѣхала.

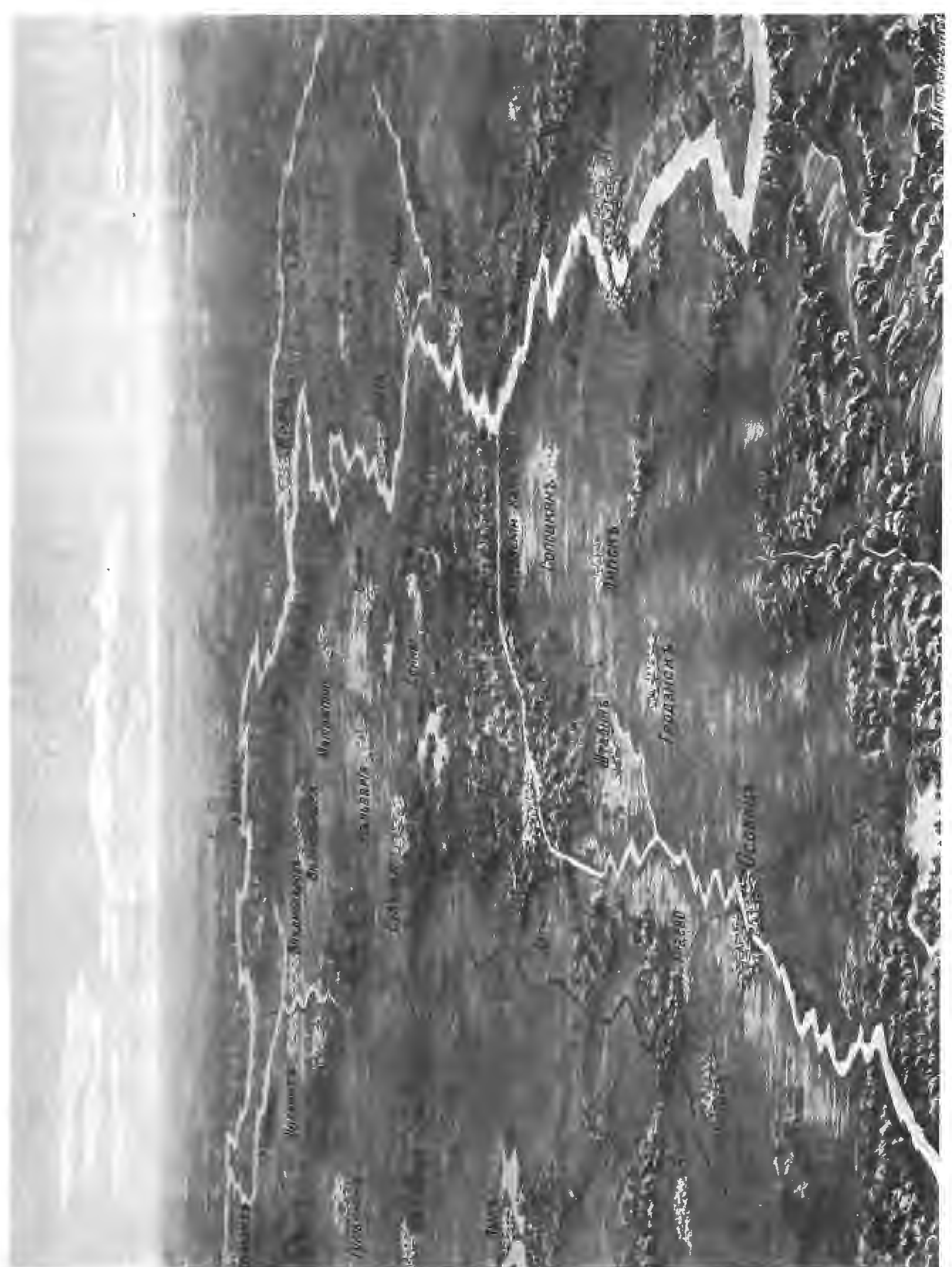
— Ха-ха-ха! Вотъ и попался! Я ее видѣлъ днемъ и подмѣтилъ, что эта юная особа очень неравнодушна къ мундиру гвардейскаго прусскаго полка. Въ такихъ вещахъ я знаю толкъ лучше васъ! Не будемъ ее мучить! Подите и позовите эту голубоглазую нимфу къ моему столу.

Панъ Якубовичъ отрицательно покачалъ головой. Панъ Дембицкій сдѣлалъ видъ, что внимательно перечитываетъ названія винъ на бутылкахъ.

— Ну, вы слышали?! Я два раза не повторяю моихъ приказаній!

— Невозможно, панъ комендантъ! Казя не пойдетъ сюда.

— Еще разъ! Вы слышали?!



Карта сѣверо-западнаго фронта.

Въ дѣйствующей арміи. Странствующій фотографъ, за дешевую плату снимающій солдатъ.

— Не могу!

Губы дѣвушки задрожали, и вдругъ она громко зарыдала, закрывая лицо руками.

— Ну, вотъ, вѣчная исторія!—брезгливо поморщился фонъ-Греберъ.—Предупреждаю, что я не люблю этихъ вступленій, комедій! Сядьте и не обращайте вниманія на этихъ болвановъ, впрочемъ, я ихъ скоро выгоню!

Нотаріусъ покраснѣлъ, торопливо всталъ, слегка пошатываясь, и отыскалъ свою шляпу на диванѣ.

— Позвольте мнѣ не дожидаться этого,—сказалъ онъ:—я ухожу...

— Вы уйдете, когда я прикажу!

Панъ Якубовичъ махнулъ рукой и, не простившись ни съ кѣмъ, направился къ двери.

— Стой!—съ бѣшенствомъ крикнулъ фонъ-Греберъ. — Такъ не уходятъ изъ порядочнаго общества!

Лейтенантъ позвалъ солдата, который сейчасъ же появился въ дверяхъ коридора и точно застылъ, ожидая приказанія.

— Если этотъ господинъ выйдетъ безъ моего разрѣшенія,—офицеръ указалъ на пана Якубовича, — выпустить его, но приказываю отвести въ костелъ, а чтобы не было скучно его женѣ, пусть въ его домѣ станутъ Фридрихъ Кнаусъ и Штумпфъ, они сумѣютъ развлечь фрау Якубовичъ.

Солдатъ исчезъ.

Лейтенантъ всталъ и, стуча по столу ручкой ножа, смотрѣлъ на своихъ гостей.

Въ наступившей тишинѣ были слышны пѣсни пьяныхъ солдатъ въ костелѣ, чьи-то крики и громкій раскатистый хохотъ.

— Поняли?

— Да,—тихо отвѣтилъ панъ Якубовичъ и, медленно поднявшись, направился къ двери комнаты Кази.

— Маршъ!—указалъ пальцемъ на дверь фонъ-Греберъ пану Дембицкому.—Я буду ждать пять минутъ! Даже такая красивая женщина, какъ эта Казя, не можетъ заставить меня ждать дольше.

Онъ тяжело опустился въ кресло и, допивъ вино, бросилъ бокалъ на паркетный полъ.

Въ сосѣдней комнатѣ слышался умоляющій шопотъ нотаріуса и учителя. Неизвѣстно, что̀ они говорили, но наконецъ дверь отворилась, и вышла Казя въ черномъ траурномъ платьѣ, которое она носила когда-то послѣ смерти матери. Навстрѣчу ей быстро поднялся самъ великолѣпный фонъ-Греберъ. Всѣ должны были оцѣнить такой поступокъ. Онъ взялъ Казю подъ руку, довелъ ее до стула и сказалъ:

— Теперь намъ не хватаетъ только розъ, вѣнковъ изъ цвѣтовъ! Я какъ-то видѣлъ такую картину въ Берлинѣ. Римскій легіонеръ-побѣдитель и передъ нимъ женщина — награда воина. Я очень люблю художество и поэзію! Мы, германцы, сочетаемъ и соединяемъ все! Ну, панъ Домбовскій, или какъ васъ тамъ, наливайте стаканы! Будемъ пить и пить!..

Казя дрожащею рукой отодвинула вино.

— Одинъ глотокъ!—настойчиво повторялъ лейтенантъ.—Ну, а вы, черныя птицы? Все до дна! Такъ! Можно подумать, что на васъ всѣхъ нашъ приходъ подѣйствовалъ, какъ хлороформъ. Ну, что̀ вы уставились своими лягушечьими глазами на мою гостью?—обратился лейтенантъ къ учителю, у котораго кружилась голова, и было такое чувство, будто въ комнатѣ опускается потолокъ.—Пожалуй, и вы способны стать у меня на дорогѣ? Ха-ха-ха! Любопытно посмотрѣть: фонъ-Греберъ и его соперникъ Домбовскій, учитель и органистъ! Не смущайтесь, дорогая, онъ смотритъ на васъ такимъ страшнымъ взглядомъ, потому что пьянъ. Это его единственное достоинство.

Казя неожиданно встала и бросила на столъ кружевной платокъ, который мяла въ рукахъ.

— Я пойду! — сказала она. — Не могу больше... Прошу васъ...

Лейтенантъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на дѣвушку.

— Постойте, вечеръ еще только начинается! Нельзя же такъ!..

Нотаріусъ остановился въ дверяхъ, пытался что-то сказать, но не могъ и, жалкій и растерянный, вернулся на свое мѣсто, рядомъ съ учителемъ.

— Вѣдь это... Что̀ же это такое?—спросилъ онъ прерывающимся отъ волненія голосомъ.—Вѣдь вы же человѣкъ?

— Да, я человѣкъ, милый мой, но человѣкъ твердый, цѣльный представитель величайшей побѣдоносной расы. У меня воля! Я люблю музыку, красоту, но мнѣ ничего не стоитъ продѣлать и такую штуку: чтобы испробовать свои нервы, я покупалъ на рынкѣ клѣтку съ птицами, зажималъ какого-нибудь воробья или щегла и выдергивалъ у него всѣ перья, потомъ ломалъ ему ноги и раздавливалъ голову каблукомъ! Попробуйте это сдѣлать вы, господинъ Якубовичъ! Увѣренъ, что, не окончивъ опыта, вы упадете въ обморокъ, а я доходилъ за одинъ разъ до четырехъ и пяти птицъ, пока не надоѣдало. Я иногда самъ удивляюсь себѣ. Видите, сколько я пилъ, и совершенно трезвъ, а вы... ну, точно воробьи съ выщипанными перьями!..

Раненые солдаты-туркмены въ Петроградѣ, въ городскомъ лазаретѣ № 3. За шашками.

Лейтенантъ испытывалъ въ эту минуту острое наслажденіе, почти такое, какое у него явилось въ тотъ вечеръ, когда онъ истязалъ и билъ хлыстомъ бѣлокурую Эмму изъ шантана. Сверлящая боль въ вискѣ, глаза рѣжетъ яркій свѣтъ, но все выше и выше уноситъ какая-то теплая одурманивающая волна. Въ комнату, осторожно ступая по старому почернѣвшему паркету, неслышно вошелъ воронъ пана Пшерадскаго. Увидѣвъ незнакомыхъ людей, онъ остановился около Кази и потомъ, широко взмахнувъ черными, какъ ночь, крыльями, поднялся на шкапъ. Тамъ онъ усѣлся между пыльными связками бумаги и, повернувъ голову, казалось, внимательно слушалъ, что говорилось за столомъ.

— Опять эта проклятая птица!—крикнулъ лейтенантъ.—Не будь здѣсь ея госпожи, я бы сейчасъ покончилъ съ этимъ ворономъ! Не понимаю, какъ вы можете любить такое отвратительное созданіе?—спросилъ онъ у Кази.—Ну, хорошо, я его не трону но вы должны мнѣ сдѣлать за это маленькій подарокъ. Поцѣлуйте меня! Разъ, только одинъ разъ! Это моя воля, мой капризъ!

Лейтенантъ опрокинулъ бокалъ и потянулся къ дѣвушкѣ. Воронъ громко и насмѣшливо крикнулъ. Карканье Амазиса было хриплое и протяжное, съ множествомъ оттѣнковъ, которые различали Казя и ея отецъ.

Пану Дембицкому показалось, что Амазисъ протяжно произнесъ слово к-ррруг..., силился его повторить и не могъ.

— Не хотите поцѣловать?!

— Прошу васъ, дайте мнѣ уйти!—прошептала Казя.—Поздно... Зачѣмъ вы меня мучите?—вдругъ отчетливо и громко спросила она, поднявъ съ удивленіемъ глаза на фонъ-Гребера и какъ будто въ первый разъ разсматривая его покраснѣвшее лицо и рѣдкіе рыжеватые волосы, закрывавшіе желто-розовую больную кожу на головѣ.

— К-ррруг...—повторилъ воронъ, и теперь настолько ясно, что Дембицкій съ удивленіемъ шепнулъ это слово пану Якубовичу.

— Мучу не я васъ, а вы меня, моя дорогая,—отвѣтилъ фонъ-Греберъ.—Знаете ли вы, что такое страсть германца? Это не ваше холодное сѣренькое чувство.

Воронъ тяжело захлопалъ на шкапу крыльями.

— Кругъ крови!—произнесъ онъ вдругъ рѣзко, такъ что панъ Дембицкій, отчетливо разобравшій эти слова, съ ужасомъ посмотрѣлъ на птицу.

— Мнѣ страшно!—сказала Казя.—Не знаю, почему, но мнѣ страшно здѣсь! Боже мой, за что?

— Ну, послушайте, къ чему слезы? Впрочемъ, ваши глаза отъ нихъ еще прекраснѣе; смотря въ нихъ, какъ въ синія озера, я ищу свое изображеніе. Вамъ нечего бояться! Это мои гости, вы ихъ хорошо знаете. Домъ все тотъ же, и новаго здѣсь только лейтенантъ фонъ-Греберъ, веселый и храбрый солдатъ.

— Кррруг!..—крикнулъ воронъ.—Кррови... кругъ крови!—повторялъ онъ, и теперь не только учитель, но и панъ Якубовичъ ясно разобралъ эти слова.

Невѣдомое наслажденіе. Раненый солдатъ-сенегалецъ принимаетъ ванну во французскомъ госпиталѣ.
По фот. нашего корреспондента.

— Ну, одинъ поцѣлуй! Воинъ ждетъ награды! Я сейчасъ отпущу этихъ людей. Вотъ опорожнимъ эту бутылку и конецъ. Господа, хозяйка устала! Пейте и маршъ до завтра!

Всѣ, за исключеніемъ Кази, взяли стаканы, и никто не замѣтилъ, какъ въ комнату тихо вошелъ слѣпой панъ Пшерадскій.

— Можетъ-быть, эта ночь будетъ счастливѣйшая въ моей жизни, — сказалъ фонъ-Греберъ, бросая хрустальный стаканъ въ уголъ.

— Вы негодяй, господинъ лейтенантъ!—спокойно и ясно произнесъ кто-то за его спиной.

Фонъ-Греберъ быстро обернулся.

Дембицкому и Якубовичу показалось, что все кругомъ обрушилось отъ этихъ четырехъ словъ слѣпого.

— Что вы сказали? — запинаясь, спросилъ съ изумленіемъ фонъ-Греберъ.

— Вы негодяй и напыщенный хвастливый дуракъ! Клянусь, что, если бы Богъ не отнялъ у меня зрѣнія, то уже прошло бы два часа съ того времени, какъ вы перестали бы жить въ этой подлой вашей оболочкѣ.

Лейтенантъ поблѣднѣлъ, дрожащей рукой досталъ револьверъ и, держа его подъ столомъ, тихо и раздѣльно сказалъ:

— Господинъ Пшерадскій, такихъ словъ не прощаютъ! Даю вамъ пять минутъ.

— Довольно и одной!

Блеснуло стальное дуло, Якубовичъ закрылъ лицо руками. Дембицкій, окаменѣвъ отъ страха, стоялъ среди комнаты, Казя, протянувъ руки, бросилась къ фонъ-Греберу.

— Не надо!..—вырвался у нея мучительный стонъ.—Не надо!..

Слѣпой старикъ стоялъ съ поднятой головой и точно чутко къ чему-то прислушивался.

— Пора! — сказалъ онъ и, поднявъ руку, крикнулъ:—Слава великому русскому и польскому народу! Смерть Германіи! Да здравствуетъ и живетъ Польша и Россія!..

Раздался сухой короткій выстрѣлъ, и въ то же мгновеніе воронъ словно упалъ со шкапа на плечо фонъ-Гребера. Птица спасла жизнь пану Пшерадскому. Пуля только слегка задѣла руку старика и впилась въ дверь. Выстрѣлъ вывелъ изъ оцѣпенѣнія Дембицкаго и Якубовича. Они разомъ, толкая другъ друга, бросились къ дѣвушкѣ, которая стояла въ неподвижной позѣ съ вытянутыми руками, словно отталкивая отъ себя какое-то ужасное видѣніе, и увлекли ее изъ комнаты, не обращая вниманія на отчаянные крики лейтенанта, который отбивался отъ острыхъ когтей и крыльевъ разъяреннаго Амазиса. За ними своей обычной и медленной походкой вышелъ панъ Пшерадскій. Въ комнатѣ Кази учитель и нотаріусъ въ нерѣшимости остановились.

— Идите, идите! — сказалъ властнымъ го-

На сѣверѣ Франціи. Черный солдатъ за приготовленіемъ обѣда.

лосомъ слѣпой и распахнулъ дверь на балконъ.—Въ этомъ домѣ намъ нельзя оставаться ни одной минуты. Слышите?

Изъ кабинета доносились грубые голоса солдатъ, брань лейтенанта и громкое карканье ворона. Ночь была темная и холодная. Изрѣдка лучи мѣсяца скользили между плотной завѣсой облаковъ и слабо освѣщали вершины деревьевъ, которыя яростно гнулъ западный вѣтеръ.

— Я ночью такъ же хорошо нахожу дорогу, какъ и днемъ,—сказалъ отецъ Кази, спускаясь по мокрымъ ступенькамъ въ садъ.—Въ этомъ единственное преимущество слѣпого.

Онъ увѣренно двинулся въ лабиринтѣ тропинокъ, устланныхъ мягкимъ ковромъ опавшихъ листьевъ.

Старый заглохшій садъ тянулся до рѣки. Мѣстами онъ превратился въ дикую чащу, гдѣ упавшія деревья, навалившись другъ на друга, скрывались въ заросляхъ терновника, бузины и молодыхъ вишенъ.

— Скорѣе! — торопилъ панъ Пшерадскій своихъ спутниковъ.—Сейчасъ будетъ оврагъ, и нѣмцамъ придется долго ходить, пока они насъ тамъ найдутъ. Слышите?—они уже въ саду!

Уставшее орудіе. Французская пушка, расколовшаяся отъ длительнаго огня.

Съ балкона въ разныхъ направленіяхъ бѣжали солдаты и безтолково метались среди глубокихъ промоинъ и зарослей кустарниковъ. Бѣглецы скорѣе скатились, чѣмъ сошли по крутому обрывистому берегу и очутились въ узкой глубокой щели, по дну которой бѣжалъ съ тихимъ журчаніемъ невидимый ручей. Итти пришлось по водѣ, но на это никто не обращалъ вниманія. Мѣсяцъ на минуту освѣтилъ впереди тусклую застывшую пелену рѣки и черную стѣну вѣкового бора на противоположномъ берегу.

— У меня есть лодка, — прошепталъ старикъ. — Поищите ее подъ обрывомъ около вербы.

Осторожно, съ замирающимъ сердцемъ, прислушиваясь къ приближающимся голосамъ солдатъ, бѣглецы дождались, пока луна скрылась за облаками, и, безшумно двигая тяжелыми веслами, направились къ лѣсу. Гдѣ-то гулко и отчетливо прозвучалъ выстрѣлъ, за нимъ другой. Надъ обрывомъ вспыхнуло красное пламя костра, но лодка уже приткнулась къ длинной песчаной отмели.

— Я хорошо знаю этотъ лѣсъ,—сказалъ Якубовичъ.—Онъ тянется до самой Вислы, и въ немъ можно было бы спрятать всѣхъ жителей Варшавы. Охотясь здѣсь, я никогда не думалъ, что когда-нибудь самъ превращусь въ дичь, за которой будутъ гоняться нѣмецкіе солдаты. Увѣренъ, что къ утру, а можетъ-быть, и раньше мы доберемся до русскихъ войскъ.

Казя бросила послѣдній взглядъ на родной берегъ, освѣщенный зловѣщимъ пламенемъ, высоко поднимавшимся надъ черной водой, и, взявъ за руку отца, смѣло вошла въ чащу, которая скрыла ихъ, какъ безграничное глубокое море.

Изъ письма въ окопахъ.

Наступили веселые дни,
Грѣетъ солнце и брызжетъ лучами.
Подсыхаетъ, и только въ тѣни
Мчатся «вешнія воды» ручьями.

На деревьяхъ, на мелкихъ кустахъ,
Набухаютъ лиловыя почки;
Показалась трава на поляхъ,
Одѣвая, какъ бархатомъ, кочки.

Въ ясномъ воздухѣ гомонъ и звонъ,
Шумы вѣтровъ и птицъ щебетанье,
Словно жизнь, разогнавшая сонъ,
Принесла торжество ликованья.

Всѣ мы бодры, успѣвъ отдохнуть,
Пишемъ письма, газеты читаемъ
И, готовые выступить въ путь,
Рвемся въ бой и безъ дѣла скучаемъ.

Что-то врагъ нашъ совсѣмъ притихъ:
Стали выстрѣлы слабы и рѣдки.
Два отряда казаковъ лихихъ
Поздно ночью ушли на развѣдки.

Ждемъ ихъ къ полдню обратно назадъ,
Ждемъ въ тревогѣ, теряя терпѣнье.
Лучше бъ кинуться въ пламенный адъ,
Чѣмъ въ окопахъ сидѣть безъ движенья!

Леонидъ Афанасьевъ.

Въ Аргоннскихъ лѣсахъ. Французскія траншеи.

Съ западнаго фронта. По фот. нашего корреспондента.

У нашихъ враговъ. Въ германской траншеѣ. Офицерская землянка.

Лейтенантъ Эмиль Фонтенель.

Разсказъ **Ивана Межевыхъ.**

I.

Въ одну изъ декабрьскихъ ночей въ раіонѣ рѣки Энъ, между Вайи и Берри-о-Бакъ, шелъ ожесточенный бой.

Въ отчаянномъ натискѣ на линію французскихъ окоповъ нѣмцы безумѣли и съ каждой отбитой атакой все больше и больше входили въ азартъ. Французы почти что въ упоръ рвали снарядами ихъ наступавшія массы, косили свинцомъ, принимали въ штыки и били прикладами. Но впотьмахъ ужасъ все множилъ и множилъ живые ряды. Вырастали они и надвигались страшными тѣнями. И сила и стремительность ихъ безумныхъ ударовъ тоже росли.

И въ безумствѣ нѣмецкихъ атакъ и въ удивительной стойкости французскихъ солдатъ таилось что-то стихійное... Не люди насѣдали на такихъ же людей, а ревущія волны морского прибоя разбивались въ безплодной борьбѣ о гранитъ. Разбивались и, откатившись, снова вскипали, и снова ревѣли, и пѣнились, и развивали наивысшую мощь въ девятомъ валу.

Но во всю ночь ни въ одномъ изъ участковъ французскихъ позицій нѣмцы не имѣли даже частичныхъ успѣховъ. Передъ утромъ они сознали безсиліе свое, отошли на старое мѣсто и скрылись въ окопахъ: израненный звѣрь, забившись въ берлогу, сталъ молча зализывать раны. Утомленные, смолкли французы.

Страшными грузами тѣлъ многія тысячи павшихъ въ бою усѣяли поле. Чтобы живые не ужаснулись, и чтобы незамѣтнѣе было, какъ изъ теплыхъ лужъ человѣческой крови, непринятыхъ холодной землей, въ небеса отлетали бѣлымъ легкимъ дымкомъ души убитыхъ, раннее утро скрыло восходъ и не разсѣяло, а уплотнило ночью нависшій туманъ.

И весь день стоялъ сизый туманъ. Въ мрачныхъ окопахъ отдыхали бойцы. Отдыхала земля, всю ночь простонавшая стономъ отъ рева непрерывной пальбы, отъ взрывовъ, криковъ, проклятій и воплей.

Близилось къ вечеру. Лейтенантъ французской службы Эмиль Фонтенель сидѣлъ въ сырой и тѣсной землянкѣ, прорытой въ окопѣ. Съ утра онъ нѣсколько разъ порывался прилечь и хоть немного подкрѣпить себя сномъ, но ни разу не смогъ задремать и забыться даже на четверть часа. При свѣтѣ огарка оплывшей свѣчи онъ принимался кому-то писать. Выводилъ или порывисто бросалъ слово за словомъ, а черезъ нѣсколько строчекъ комкалъ листокъ и въ раздумьѣ глядѣлъ, не мигая, въ темный уголъ землянки. Вспоминалъ, что есть непрочитанный нумеръ газеты, и лѣнился полѣзть за нимъ въ чемоданъ. Не ѣлъ и не пилъ ничего, хотя ходившій за нимъ Жанъ Лафитъ, парень съ дѣтской душой и выжимавшій одной рукой сто килограммовъ, два раза варилъ ему кофе и приносилъ солдатскій обѣдъ.

— Къ тебѣ можно, Эмиль?

Фонтенель слегка повернулся на голосъ. Вошелъ сосѣдней роты молодой лейтенантъ Жюль Ламартинъ, складненькій, наивнопухленькій и, какъ ртуть, подвижной, веселый.

— А-а-а!..—протянулъ Эмиль, въ видѣ привѣтствія другу.

— Здравствуй, мой милый!.. Ну, какъ у тебя? У насъ въ ротѣ восемнадцать убитыхъ. Думали, больше. Вотъ-то было! Когда кончилось, я, какъ снопъ, повалился. Дрыхнулъ такъ, что бокъ занѣмѣлъ. Сонъ видѣлъ, будто контуженъ. Обѣдъ принесли, будили-будили—ничего не слыхалъ. Сейчасъ холодный поѣлъ. Кажется, будетъ изжога. А слышалъ, какъ разорвало снарядомъ нашего стараго Шарля Ламбера? Ахъ, бѣдняга! Вчера старина посылку отъ жены получилъ. Радостный такой, меня угощалъ и на фотографіи дѣтишекъ показывалъ. Сегодня по медальону узнали,— до того изуродованъ весь, въ общей кашѣ.

— По медальону? — спросилъ Фонтенель, закуривая папиросу.

— Да. Золотой, всегда носилъ на груди. Въ роду у него все были военные, когда шли на войну, надѣвали. И онъ вѣрилъ ужасно въ него. Не помогъ... Ахъ, да! Еще съ орденомъ тебя поздравляю. Сегодня Мейссонье пріѣхалъ изъ штаба, говорилъ, что уже состоялся приказъ.

— Гм... Благодарю тебя, Жюль! — кивнулъ головой Фонтенель.

— Ты точно не радъ?.. Счастливый! Столько боевъ, ни разу не раненъ и такимъ уже отмѣченъ почетомъ.

— Ха, счастливый!.. Ты мой юный чудакъ!..

— А какъ твоего любимца Гаспара ранило?

— Въ голову.

— Бѣдный молокососъ! Сильно?

— Дорогою... умеръ.

— Удивительно! Какъ къ тебѣ въ роту попадетъ субалтернъ, такъ сразу убьютъ. Сколько уже?.. При мнѣ пятерыхъ. Говорятъ...

— Ахъ, Жюль!.. Ты хочешь горячаго кофе?

— За звѣзду лучше бы шампанскаго, но можно и кофе.

— У меня есть бисквиты.

Лейтенантъ Фонтенель хотѣлъ-было крикнуть въ окопъ своему Жану Лафиту, но Ламартинъ перебилъ:

— Или вотъ что—отставить и бисквиты и кофе! Въ твоемъ

У нашихъ враговъ. Германская траншея.

Союзъ до гроба и за гробомъ. Французскія крестьянки убираютъ цвѣтами могилы павшихъ британскихъ солдатъ.
По фот. нашего корреспондента.

погребѣ мрачно, пойдемъ лучше къ Длинному Дядѣ, у него есть сыръ, масло, гора ветчины и банка варенья.

Фонтенель подумалъ и сѣлъ на прежнее мѣсто.

— Нѣтъ, я... Не хочется что-то,—произнесъ онъ апатично.

— Почему?

— Ахъ, Жюль!..

— Пойдемъ, нытикъ, пойдемъ! У Длиннаго Дяди чудная лампа и гораздо теплѣе; солдаты придумали ему великолѣпную печку.

— Нѣтъ, дружище, плохо мнѣ какъ-то!

Весельчакъ Ламартинъ посмотрѣлъ на товарища. Что опять съ нимъ? И лицо его постепенно стало серьезнымъ. Минутъ пять оба молчали.

— А у тебя, Жюль... есть талисманъ?

— Талисманъ? Какой талисманъ?

— Или амулетъ?.. Чтобы тебя... не убили, не ранили.

— Нѣтъ... Я не вѣрю.

— Гм!.. Не вѣрю...

— А почему ты спросилъ?

— Такъ... Ты не подумай, что... Спросилъ я просто, отъ нечего дѣлать.

— Ха-ха-ха!..—покатился вдругъ Ламартинъ. — Амулетъ, ха-ха-ха!..

Видно было, какъ хохотъ передернулъ Эмиля. Онъ хотѣлъ-было сразу что-то сказать, но запнулся на первомъ же звукѣ. Слово, не сошедшее съ губъ, безпокойство во взглядѣ и нервныя пятна вдругъ странно измѣнили лицо.

— По-о-зволь!.. Чему ты см... смѣешься?!

И холодными пальцами схватилъ руку хохотавшаго Жюля.

— Я вспомнилъ, ха-ха-ха!.. Когда держалъ офицерскій экзаменъ,—сказалъ Ламартинъ, но тутъ же смутился выраженіемъ лица Фонтенеля и неловко умолкъ.

— А-а-а... Ну-ну! Офицерскій экзаменъ? Это... интересно, мой другъ!

Онъ уже глядѣлъ виновато и принужденной улыбкой чуть-чуть спугнулъ съ лица безпокойство и боль.

— Ну, и что же тогда?.. А? Жюль, разскажи!

— Пустяки... Весной это было, зубрить не хотѣлось. Барышня одна знакомая — Тереза — амулетъ подарила. Ха! чуть-чуть не былъ скандальный провалъ. Вѣрилъ ужасно, а послѣ—ужъ такъ-то смѣялся!

— Смѣялся!.. Ты, значитъ, не вѣрилъ. Старый Ламберъ убитъ—тоже не вѣрилъ. Хочешь, я тебѣ докажу, что... Нѣтъ, легкомысленный ты! Ты не поймешь.

Фонтенель досталъ портсигаръ и долго разминалъ папиросу. Дрожащей рукой потянулся къ свѣчѣ, но Жюль предложилъ зажженную спичку. Послѣднія фразы Эмиля укололи его самолюбіе, но отъ возраженій онъ воздержался и только сказалъ:

— Нервы у тебя.

— Нервы? — переспросилъ тотъ, жадно сдѣлавъ затяжку.— Ха!.. Еще одинъ психіатръ! — Онъ докурилъ папиросу залпомъ и порывисто бросилъ окурокъ подъ ноги.—Сговорились всѣ, что ли?!— И полѣзъ въ портсигаръ за второй.—„Нервы"... Какое это глупое, ничего не объясняющее слово! Ты вслушайся только—„нерррвы". Такъ это на зубахъ противно, и по спинѣ пробѣгаетъ. А когда тебѣ терзаютъ имъ слухъ всѣ любители ставить діагнозъ — о, Жюль!—нѣтъ лучшаго способа довести человѣка до буйнаго помѣшательства. Нѣтъ!

Изъ окопа ясно донеслись слова пикантнѣйшаго анекдота.

— Тс!—сдѣлалъ рукой Фонтенель, какъ бы боясь, что товарищъ начнетъ говорить.—Опять этотъ безобразникъ Монжъ собралъ свою аудиторію.

Пьеръ Монжъ, старый капралъ, вообще умѣлъ чудить, обладалъ беззаботнымъ характеромъ и неисчерпаемымъ запасомъ казарменныхъ шутокъ, остротъ, прибаутокъ. Все, что отдавало хоть маленькой непристойностью, разсказывалъ онъ съ особымъ смакомъ и удивительно мастерски.

Громовой хохотъ покрылъ послѣднее слово безобразника Монжа. Ламартину тоже хотѣлось смѣяться, но въ лицѣ Эмиля онъ видѣлъ столько тоски и страданія, что невольно сдержался.

— Счастливые!.. Какъ я завидую имъ! Завидую ихъ здоровому хохоту, — заговорилъ Фонтенель. — Развѣ они не изъ одного со мной тѣста? Почему же у нихъ нѣтъ этого проклятаго—„нерррвы"? А?.. Почему?!.

А Монжъ уже началъ второй анекдотъ.

— Нѣтъ, не могу! Пойдемъ, Жюль, пройдемся!..

Изъ окопа они направились въ тылъ, спускаясь по откосу пригорка.

Стояла кругомъ тишина. Въ воздухѣ усилился холодъ. Туманъ сдѣлался жиже, и державшійся на немъ гдѣ-то въ выси снѣгъ неожиданно полетѣлъ внизъ массой крупныхъ пушинокъ. И настолько эти пушинки перваго снѣга были нѣжны и слабы, и такъ дорожили онѣ своей чистотой, что при своемъ тихомъ паденіи на все земное—мокрое, кровавое, грязное—трепетно боялись запачкаться: оставляя послѣ себя росиночку влаги, быстро исчезали куда-то.

— Жюль, я знаю, что ты не умѣешь врать и вообще не можешь неискреннимъ быть,—говорилъ Фонтенель дорогой.—Скажи, храбрый я офицеръ или нѣтъ? Герой я?

— Ахъ, Эмиль! Какой можетъ быть разговоръ?! Не только въ

полку—въ дивизіи, въ корпусѣ цѣломъ храбрѣе тебя нѣтъ. Когда я вижу въ дѣлѣ тебя, я... молюсь на тебя!

— Гм!.. А ты храбрый?

Ламартинъ немного подумалъ, а потомъ мило-мило сказалъ:

— Не знаю... Хотя мнѣ и дали награду за храбрость, а всегда, какъ бой—молюсь я, молюсь... Господи, только бы не убили! Ну, и замѣтно, я думаю, какъ дѣлаешь видъ, что не боишься нисколько. А въ первый разъ, когда я попалъ подъ огонь, вотъ-то было смѣшно! Самому мнѣ смѣшно. Показалось, что я еще маленькій-маленькій, и хотятъ меня наказать. Чуть-чуть не закричалъ—ой, не буду, не буду никогда! Ты только не разсказывай другимъ. Вѣдь, правда, смѣшно?

— Жюль, какой же ты славный! — восторженно воскликнулъ Фонтенель.—Вотъ такіе, Жюль, какъ ты и какъ тѣ, что тамъ — хохочутъ въ окопѣ которые... Господи! Мнѣ... мнѣ... Сегодня, когда еще не успѣвшій приглядѣться къ войнѣ юный Гаспаръ открылъ свои сѣрые большіе глаза... честные, дѣтскіе, и прошепталъ... О, Жюль, Жюль! Умирая уже, онъ прошепталъ...

— Ну, не волнуйся, Эмиль! Успокойся, мой милый!—нѣжно сталъ уговаривать Ламартинъ боевого товарища.—Давай немного присядемъ.

Уже стемнѣло совсѣмъ. Снѣгъ смѣлѣе садился на землю; все окуталось бѣлымъ; уютнѣе стало кругомъ; веселѣе на душѣ. Они долго курили, примостившись на краю поросшей кустами канавы: вели разговоръ и незамѣтно протянули до ночи.

— Жюль, скажи, если бы у тебя появилась вдругъ вѣра, непоколебимая, твердая вѣра, что тебя не убьютъ, что бы тогда?

— О, тогда бы я на любой подвигъ пошелъ, не волнуясь. Но... не можетъ этого быть!

— Почему?

— По-моему, такая вѣра можетъ быть, когда очень твердая воля.

— Ну, вообрази! Вообрази, что тебѣ это внушили гипнозомъ.

— Ха! Тогда бы... Все возможно было бы сдѣлать тогда! И сразу же—награды, чины и на всю армію слава.

— Позволь, другъ, за что?

— Какъ за что? За геройство, за храбрость. Я чудеса бы творилъ!

Фонтенель взялъ его руку и внушительно началъ:

— Ты сказалъ—за геройство, за храбрость. Подумай, Жюль, развѣ ты былъ бы тогда настоящимъ героемъ?

— Зная, что меня не убьютъ?

— Вотъ именно—твердо зная, что не убьютъ!

— Что же, ты не вѣришь? — спросилъ Ламартинъ съ легкой обидой.—Не вѣришь, что я...

Но Фонтенель его перебилъ:

— Вѣрю, дружище! Каждому твоему слову вѣрю, но ты не былъ бы, не чувствовалъ бы себя подлиннымъ героемъ.

— Гм, потому что я моложе тебя производствомъ?

— Нѣтъ! Ты вотъ скажи: беззавѣтную храбрость, геройство и смѣлость можно проявить человѣку, когда для совершенія того, что обычно служитъ мѣриломъ этихъ качествъ у людей, ему не понадобилось бы вовсе напрягать волю, чтобы преодолѣть въ себѣ животно-низменное чувство—„а вдругъ“? То-есть, когда для него не было бы, по его глубокому убѣжденію, явной опасности, не было бы риска потерять жизнь?

Ламартинъ задумался, а потомъ произнесъ съ разстановкой:

— Какъ тебѣ сказать? И да, и нѣтъ.

— И да, и нѣтъ... Непонятно, но я, Жюль, кажется, понялъ тебя. Что же тутъ непонятнаго? Душой, быть-можетъ, человѣкъ этотъ и сознавалъ бы, что достигъ успѣха, ничѣмъ не рискуя, но для людей совершенное имъ все же казалось бы подвигомъ, и въ ихъ глазахъ онъ былъ бы героемъ. Ха-ха-ха! Великолѣпно, Жюль! Премудро! „Да“ — для людей и „нѣтъ“ — для себя. Такъ вѣдь? А гдѣ же герой? Настоящій герой, которому „да“ нужно здѣсь? Понимаешь, здѣсь!

Фонтенель ударилъ себя въ грудь.

— Ты, Эмиль, ужасно сегодня...

— Что? Ненормаленъ, ха-ха!..

— Нѣтъ, Боже сохрани! Но ты ужасно нервничаешь.

— Ахъ, Жюль, говори ужъ прямо! Ты думаешь, что меня оскорбляетъ, когда про меня говорятъ и рукою крутятъ у лба. Я и самъ чувствую, что въ мозгу у меня именно — такъ... Неразбериха, сумбуръ. Чуть ли не душевно-больнымъ меня ужъ считаютъ. Говорятъ, отдыхъ мнѣ нуженъ, лѣченіе. Но пусть кто-нибудь скажетъ причину болѣзни моей!.. Нервное переутомленіе? Да?

Молодой лейтенантъ началъ-было говорить, но Фонтенель приподнялся и, близко наклонившись къ нему, перебилъ:

— Ерунда! Слышалъ я это. Если бы ужасы всѣхъ боевъ умножить на кошмаръ сегодняшней ночи и продлить на все время войны, и тогда бы не видѣлъ я въ этомъ причины болѣть. Я не хуже другихъ могъ бы слушать безобразника Монжа и ржать на весь фронтъ, потому что, опять повторяю, я изъ одного съ ними тѣста. Но... я страдаю, знаешь, чѣмъ?.. Страдаю сознаніемъ, что я... не герой!..

Лейтенантъ Фонтенель ухватилъ товарища за плечи и хохоталъ ему прямо въ лицо. Тотъ невольно отклонялся назадъ и чувствовалъ, какъ отъ этого хохота пробѣгалъ морозъ по спинѣ.

— Ты? Не герой? Богъ съ тобою, Эмиль!—ронялъ онъ слово за словомъ и старался привстать.—Какъ же такъ—не герой!

— Да, не герой! Не герой, Жюль, отнюдь не герой! Люди могутъ считать, награждать меня могутъ, но я—не герой. Сиди, Жюль, сиди! Я покурю.

Глубоко вдыхая затяжки, онъ продолжалъ:

— И знаешь, почему?.. Потому что на этихъ поляхъ не можетъ быть „да и нѣтъ“. Не можетъ, я отрицаю! Есть только „да“, и есть только „нѣтъ“. Ты помнишь твои слова? Понимаешь, про что говорю?

— Эмиль, ради Бога, ради...

— Молчи тогда! Сиди! Я тебѣ объясню. Все сейчасъ объясню вѣрно, потому что для меня это ясно теперь. Я постигъ, я выстрадалъ сердцемъ разгадку. Душою болѣю, не ѣмъ и не сплю, чтобы вдругъ не забыть.

Ламартинъ растерялся, когда хохотъ Фонтенеля дошелъ до истерики. Онъ говорилъ:

— Эмиль, ради Бога! Мой другъ, не надо, не надо такъ волноваться! Ну, голубчикъ! Ахъ, Господи Боже!

И старался его приподнять.

— Не пойду! Не тяни! Пройдетъ...

Фонтенель взялъ въ пригоршню снѣга и сталъ жадно глотать.

Британская артиллерія.

Бельгійская артиллерія на пути къ позиціямъ. По фот. нашего корреспондента.

Потомъ обнажилъ голову и приложилъ къ темени цѣлый комокъ.

— Вотъ и легче уже,—сказалъ онъ:—въ груди только дрожитъ. Жюль, ты не бойся! Вѣдь я же все сознаю... Разрѣши, я къ тебѣ головой на колѣни. Вотъ такъ... Пріятно; снѣжинки щекочутъ рѣсницы, успокаиваютъ. А тамъ звѣзды видны. Хорошо!.. Дома въ горахъ ужъ зима. Жюль, скажи!

— Что?

— Любила тебя та Тереза, когда дарила тебѣ амулетъ?

— Не знаю... Она...

— Не стѣсняйся! Мы вѣдь друзья? Да?.. Весна была, Жюль, а дальше?

— Мы цѣловались. Я нравился ей. А когда лѣтомъ пріѣхалъ...

— Ну?

— Замужъ она вышла теперь... за рантье... Толстый такой...

— А ты любилъ ее?

— Я?.. Она тоже нравилась мнѣ.

— А при этомъ, когда амулетъ, нужно любить! Обязательно нужно любить!.. И сильно! Иначе... Не любя, ты же не будешь вѣрить, а безъ вѣры не можетъ быть чуда... Жюль, а тебѣ нравится имя Жюльетта?

— Нравится.

— Жюльетта, Жюльетта!.. Правда, звучно?..

— Слушай, Эмиль, я теперь догадался!

— Насчетъ чего догадался?

— У тебя есть амулетъ... отъ твоей невѣсты.

Фонтенель вздрогнулъ. Онъ молчалъ, но по дыханію было замѣтно, что взволновался опять.

II.

Вскорѣ ихъ отрядъ наступалъ.

Лейтенантъ Ламартинъ съ ротой находился въ составѣ резерва, который скрывался въ оврагѣ. Поодаль въ томъ же оврагѣ былъ расположенъ перевязочный пунктъ.

— Кто-то уже сдѣлалъ починъ!

— Да, кого-то несутъ.

— Начнутъ теперь помаленьку таскать. Охо-хо!..

Слышалъ онъ возлѣ себя разговоры солдатъ, наблюдавшихъ за полемъ.

— Кажется, кого-то изъ офицеровъ несутъ.

Когда носилки спустились въ оврагъ, чей-то голосъ сказалъ:

— Смотрите, господа, я не ошибусь, если скажу, что это второй роты лейтенантъ Эмиль Фонтенель.

— Онъ и есть. Экая жалость, такого героя!

— Да, сколько мѣсяцевъ былъ невредимъ, а какъ послѣднюю награду дали—вотъ тебѣ и на!

Жюль Ламартинъ бросился къ носилкамъ.

— Куда раненъ лейтенантъ?—спросилъ онъ, блѣдный, подбѣжавъ къ санитарамъ.

— Въ грудь угодили, проклятые!..

Пока Фонтенелю дѣлали перевязку, Ламартинъ все время находился на пунктѣ. Раненый былъ безъ сознанія и лишь изрѣдка стоналъ.

— Докторъ, скажите, трудная рана? Выживетъ онъ? — волновался товарищъ.

Врачъ-старичокъ его утѣшалъ:

— Ранка не очень мудреная, но только здѣсь, безъ всего, трудно опредѣлить что-нибудь. И чистая ранка, и крови немного потеряно. А главное, организмъ здоровенный. Сильнаго человѣка сразили...

И только, когда отходилъ отъ носилокъ къ другимъ, добавилъ со вздохомъ:

— А все-таки Божья помощь ему очень нужна. На все Его воля!..

— О-охъ!—вздохнулъ вдругъ лейтенантъ Фонтенель и медленно приподнялъ тяжелыя вѣки.

Ламартинъ тихо позвалъ:

— Эмиль!

Раненый остановилъ на немъ пристальный взглядъ. Нѣкоторое время мучительно силился что-то припомнить.

— Жюль! — прошепталъ онъ чуть слышно. — Жюль, и я...

И засвѣтилась въ глазахъ у него огромная радость, и на безкровныхъ устахъ заиграла улыбка.

Ламартинъ упалъ на колѣни и нагнулся къ нему.

— Жюль, мнѣ... мнѣ нужно сказать...

— Что, дорогой?

— По секрету хочу...

— Слушаю, милый! — нѣжно припалъ къ нему Жюль.

— Я его... брос...

Опять закрылись тяжелыя вѣки. Но на безкровныхъ устахъ и въ лицѣ остались и огромная радость, и свѣтъ, и улыбка, и сознаніе, что сказано все.

— Резервъ впередъ!—раздалось по оврагу.

Молодой Ламартинъ оторвалъ свои губы отъ устъ мертваго друга, помолился въ душѣ и кинулся, поспѣшно вытирая глаза:

— Впередъ!..

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

1915 г. № 23
XLVI г. изданія
Выданъ 6-го іюня 1915 г.
Цѣна этого № (6 съ прилож.)—20 к., съ перес.—25 к.
ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.
Къ этому № прилагаются „Лит. Прил.“ и „Новѣйш. Моды“ за іюнь
Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Призывъ къ англійскимъ хозяевамъ и рабочимъ. 4-го іюня въ Манчестерѣ англійскій министръ финансовъ Ллойдъ-Джорджъ, произнося рѣчь на митингѣ работодателей и представителей рабочихъ союзовъ, указалъ, что исходъ войны больше зависитъ отъ хозяевъ и рабочихъ на заводахъ, чѣмъ отъ какой бы то ни было другой части населенія. Своимъ продвиженіемъ германцы всецѣло обязаны своему поразительному превосходству въ снабженіи войскъ ядрами и гранатами. Временный успѣхъ ихъ завоеванъ превосходною организаціей заводовъ, работающихъ на армію.

«Двѣсти тысячъ бомбъ, — сказалъ Ллойдъ-Джорджъ, — обрушилось на головы доблестныхъ русскихъ войскъ въ теченіе одного часа, и если бы мы могли примѣнить тотъ же самый пріемъ къ германцамъ, то они уже были бы изгнаны изъ Франціи, а мы вступили бы уже въ Германію, и конецъ войны былъ бы близокъ. Людей у насъ теперь болѣе, чѣмъ достаточно, по сравненію со сдѣланными у насъ заготовками снаряженія. Еще больше людей отозвалось бы на нашъ призывъ, но необходимо, чтобы заводы подготовили намъ средства для того, чтобы мы могли пробиться сквозь вражескіе ряды. Недавнія французскія побѣды въ значительной степени нужно приписать работѣ частныхъ заводовъ Франціи».

Ллойдъ-Джорджъ закончилъ рѣчь, выразивъ увѣренность, что то, что сдѣлали французскіе инженеры, смогутъ сдѣлать и британцы. Онъ обращается за содѣйствіемъ ко всѣмъ и каждому.

Благодарный милліардеръ. Американскій милліардеръ Рокфеллеръ телеграфировалъ сербскому королевичу Александру, что онъ жертвуетъ въ пользу сербской арміи 35.000.000 франковъ, въ память того, что тесть короля Петра въ свое время помогъ Рокфеллеру, ссудивъ ему 50 тысячъ долларовъ.

Превосходство итальянскаго воздушнаго флота. Англійская газета «Times» подчеркиваетъ превосходство итальянскаго воздушнаго флота надъ австрійскимъ, въ виду чего Германіи придется послать большое количество аэроплановъ и дирижаблей съ другихъ фронтовъ.

У Италіи — 28 воздушныхъ эскадръ, изъ которыхъ три находились въ Африкѣ. У каждой эскадры насчитывается 7 аппаратовъ: 4 несущихъ службу и 3 запасныхъ, въ общей сложности 200 аэроплановъ.

Есть эскадры тяжелыя и легкія. Въ тяжелыя входятъ бипланы Бригетта и Анри и Мориса Фармана, а въ легкія эскадры — монопланы Блеріо и Ньюпоръ.

По словамъ «Утра Россіи», передающей это сообщеніе газеты, количество аэроплановъ въ Италіи въ настоящее время во много разъ превышаетъ ука-

занную цифру. Кромѣ того, при итальянскомъ флотѣ находится нѣсколько эскадръ съ гидроаэропланами Кертиса и монопланами Пореля. Въ послѣднее время въ Италіи было построено много гидроаэроплановъ Кертиса и 4 дирижабля съ машинами въ 250 лошадиныхъ силъ и скоростью 44 мили въ часъ. Въ Италіи также есть два дирижабля типа «Парсифаль» и нѣсколько новыхъ дирижаблей Форланини и «V. I.».

Германскіе грабители въ Даніи. Газета «Matin» сообщаетъ, что нѣмцы приступили къ реализаціи награбленныхъ въ Бельгіи и Франціи вещей путемъ распродажи ихъ съ аукціона; для удобства продажи и увеличенія числа покупателей они перевезли всѣ эти вещи въ Данію и помѣщаютъ объявленія объ аукціонахъ въ датскихъ газетахъ, при чемъ особенно подчеркивается, что всѣ комоды, кресла, шкапы и бездѣлушки изъ Франціи и Бельгіи.

Чествованіе Габріэля д'Аннунціо. Университетъ города Генуи поднесъ Габріэлю д'Аннунціо золотой крестъ съ надписью: «Габріэлю д'Аннунціо, который увѣнчалъ новыми лаврами чело родины и указалъ ей ея судьбу и назначеніе». Ректоръ университета торжественно вручилъ этотъ подарокъ поэту при восторженныхъ кликахъ студентовъ.

Подробности взятія Вана. По полученнымъ свѣдѣніямъ, армянскіе повстанцы, выдержавшіе турецкую осаду, изнемогали въ неравной борьбѣ, и приходъ нашихъ войскъ спасъ ихъ отъ гибели. Около 6 часовъ вечера наши войска послѣ жаркаго боя заняли городъ, заставивъ турокъ не только поспѣшно отступить, но бросить весь свой боевой матеріалъ, около тридцати орудій, множество ружей, патроновъ, громадное количество пороха. Турки такъ стремительно бѣжали, что не успѣли захватить даже кассу ванскаго вали съ принадлежащими турецкому правительству деньгами и цѣнными документами. Христіанскіе кварталы сильно пострадали во время длившейся болѣе мѣсяца внутренней войны. Большинство мусульманскаго населенія осталось въ городѣ.

На кавказскомъ фронтѣ. Приводимъ картинное описаніе ставки генерала Юденича, командующаго нашей кавказской арміей. «Въ небольшомъ, грязномъ и непривѣтливомъ городишкѣ стоитъ двухъэтажный домъ съ двумя часовыми у подъѣзда и развѣвающимся надъ фронтономъ черно-оранжевымъ флагомъ. Изъ-подъ крыши дома выбѣгаетъ цѣлый пучокъ телефонныхъ проволокъ, на дворѣ постоянно пыхтятъ автомобили, въ ворота въѣзжаютъ и выѣзжаютъ ординарцы. До поздней ночи, когда небольшой городокъ уже засыпаетъ, свѣтятся окна этого дома. Это—ставка командующаго кавказской арміей генерала Юденича. Въ этомъ домѣ квартира генерала Юденича, помѣщеніе его штаба и наконецъ квартиры офицеровъ штаба. Впрочемъ, громко сказать: «квартиры». Никакихъ квартиръ нѣтъ, офицеры живутъ въ тѣхъ же комнатахъ, въ которыхъ они работаютъ. Гдѣ-нибудь въ сторонѣ отъ заваленныхъ картами и докладами столовъ стоитъ кровать офицера штаба Юденича,—вотъ и вся квартира. Да, собственно говоря, только такъ и можно жить при той напряженной работѣ, которая кипитъ въ штабѣ.

Съ вечера курьерами, по телефону, по искровому и обычному телеграфу начинаютъ поступать донесенія. Болѣе важное, конечно, сейчасъ же докладывается командующему арміей; обычный же докладъ начальники отдѣленій и генералъ-квартирмейстеръ дѣлаютъ ему въ 10—11 часовъ утра. Къ этому времени расшифровываютъ секретныя донесенія, сводятъ воедино доклады начальниковъ разныхъ частей и развертываютъ передъ командующимъ арміей общую картину минувшаго дня. Съ этого времени начинается рабочій день генерала Юденича. До часу дня работаетъ генералъ вмѣстѣ съ офицерами своего штаба.

Затѣмъ подается завтракъ. Отношенія въ ставкѣ чисто-товарищескія,—генералъ завтракаетъ вмѣстѣ съ своими офицерами. Наскоро позавтракавъ, офицеры и генералъ Юденичъ снова принимаются за работу. Работы много. Командующій кавказской арміей находится въ своеобразномъ положеніи. Армія его занимаетъ фронтъ чуть не въ 500 верстъ; штабы отдѣльныхъ отрядовъ, которымъ ставятся совершенно самостоятельныя задачи, отдѣлены отъ ставки командующаго арміей разстояніями въ сотни верстъ. Понятно, насколько сложнѣе и тяжелѣе задача командующаго кавказской арміей, чѣмъ задачи командующихъ отдѣльными арміями на западномъ фронтѣ. Тамъ командующему арміей приходится рѣшать только тактическія проблемы,—стратегическія задачи рѣшаются въ ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго арміями фронта. Здѣсь эти стратегическія задачи приходится рѣшать командующему арміей. Правда, армія генерала Юденича во много разъ меньше тѣхъ громадныхъ массъ войскъ, съ которыми оперируютъ главнокомандующіе группъ армій на западномъ фронтѣ, но сложность работы генерала Юденича,—пишетъ корреспондентъ «Русскаго Слова»,—отъ этого не уменьшается. Пусть отдѣльные отряды его арміи—приморскій, персидскій, ольтинскій, сарыкамышскій—по своему составу незначительны на польскіе и галиційскіе масштабы, но этимъ отрядамъ ставятся совершенно самостоятельныя стратегическія заданія, они принуждены маневрировать за десятки, иногда за сотни верстъ отъ ставки командующаго арміей, отдѣленные отъ сосѣднихъ отрядовъ горными хребтами и бездорожьемъ.

Словомъ, эти отдѣльные отряды являются по существу небольшими арміями; для каждаго изъ нихъ приходится оборудовать тылъ, приходится налаживать связь между ними и наконецъ думать о маневрахъ, съ помощью общаго, находящагося въ распоряженіи командующаго арміей, резерва. Если еще прибавить къ этому, что турки до сихъ поръ сохраняютъ численное превосходство, что дѣйствовать нашимъ войскамъ приходится зачастую среди воинственнаго мусульманскаго населенія враждебной страны, то вся сложность работы генерала Юденича станетъ еще понятнѣе.

Работы много. За этой работой генералъ Юденичъ и весь штабъ, не разгибая спины, сидятъ до обѣда. Въ 6 ч. генералъ Юденичъ и весь штабъ сходятся за товарищескимъ обѣдомъ.

Иногда въ ставку пріѣзжаютъ командующіе отдѣльными отрядами или ихъ начальники штабовъ для личнаго доклада генералу Юденичу. Тогда ихъ просятъ къ столу. Обѣдъ тянется недолго. Послѣ него генералъ Юденичъ позволяетъ себѣ отдыхъ: подаютъ верховыхъ лошадей или автомобиль, и генералъ ѣдетъ часъ-полтора подышать свѣжимъ воздухомъ, при чемъ иногда во время этихъ прогулокъ осматриваетъ части войскъ или укрѣпленія.

Вернувшись въ ставку, генералъ Юденичъ иногда принимаетъ до поздней ночи доклады о снабженіи войскъ, объ организаціи тыла, и т. п.; штабъ работаетъ надъ систематизаціей поступающихъ донесеній. Такъ изо дня въ день тянется трудовая жизнь въ затерянной среди горъ Закавказья ставкѣ командующаго арміей. Только иногда эта жизнь нарушается поѣздками командующаго къ отдѣльнымъ отрядамъ въ Батумъ, Сарыкамышъ, Игдырь».

Новый кормовой составъ для замѣны овса. По порученію исполнительнаго бюро продовольственнаго комитета, старшимъ городскимъ ветеринарнымъ врачомъ, магистромъ М. Игнатьевымъ, составленъ проектъ замѣны овса другими кормовыми средствами, согласно которому должны быть составлены слѣдующія смѣси примѣнительно къ средней работѣ лошади, получавшей 24 ф. суточной дачи овса.

Для замѣны овса полностью: 1-я смѣсь: 15 ф. дробленнаго, мятаго, плющеннаго или пареннаго ячменя, 5 ф. отрубей, предпочтительно ржаныхъ, 3 ф. соломенной рѣзки въ 1/2 вершка длиною, 5 лот. соли въ растворѣ. При обычной дачѣ сѣна такая замѣна должна быть произведена постепенно въ теченіе недѣли, ежедневно замѣняя 3 ф. овса 3 ф. данной смѣси. Растворомъ соли на бутылку воды смочить ячмень.

2-я смѣсь: 20 ф. дробленнаго, плющеннаго или пареннаго ячменя, 8 ф. молотыхъ жмыховъ, 5 лот. соли въ растворѣ. Эта смѣсь—въ количествѣ 28 ф. 5 л.—по питательности равняется 1 пуду овса, или каждые 20 ф. его могутъ быть замѣнены 15 ф. данной смѣси. Дача корма производится при обычной дачѣ сѣна, постепенно въ теченіе недѣли, ежедневно замѣняя 3 ф. овса 2 ф. данной смѣси; смочить ячмень солью.

3-я смѣсь: 12 ф. чернаго хлѣба или 8 ф. сухарей, 12 ф. соломенной рѣзки, не короче 2 вершковъ, 5 л. соли въ растворѣ, 24 ф. такой смѣси вполнѣ замѣняютъ 20 ф. овса. Солью смочить рѣзку. При обычной дачѣ сѣна такая смѣсь задается сразу.

Для замѣны овса отчасти предлагаются слѣдующія смѣси: 1-я смѣсь: овесъ и ячмень; къ суточной дачѣ овса (25 ф.) взамѣнъ его прибавляютъ по частямъ соотвѣтственное количество дробленнаго, мятаго, плющеннаго или пареннаго ячменя, слегка смоченнаго растворомъ соли (5 л. на бут. воды), при чемъ замѣна должна производиться съ слѣдующей постепенностью: въ первую недѣлю прибавлять 6 ф. ячменя къ 19 ф. овса, во вторую — 8 къ 17, въ третью—13 къ 12, въ четвертую—7 къ 18. При отсутствіи совершенно свѣжаго ячменя, а наличности лежалаго, при малѣйшей его затхлости полезно промыть его крѣпкимъ растворомъ соли.

2-я смѣсь: овесъ и жмыхи: изъ средней суточной дачи овса отнимаютъ 10 ф. его и постепенно замѣняютъ 7-ю ф. молотыхъ жмыховъ. Замѣна должна производиться въ теченіе недѣли, прибавляя ежедневно по 1 ф. жмыха.

3-я смѣсь: овесъ и отруби: изъ средней суточной дачи овса отнимаютъ 10 ф. его и сразу замѣняютъ ихъ 10 ф. отрубей (предпочтительно ржаныхъ).

4-я смѣсь: овесъ и соломенная рѣзка: при обычной дачѣ сѣна, изъ 25 ф. суточной дачи овса, каждые 7 ф. овса можно замѣнить 12 ф. соломенной рѣзки, смоченной растворомъ соли (5 лот. на бут. воды). Къ дачѣ можно перейти сразу.

11 сыновей на войнѣ. Одинъ изъ обитателей г. Ронфорда въ Эссексѣ, г. Исаакъ Клэркъ, получилъ, по словамъ газеты «Daily Telegraph», письмо отъ личнаго секретаря англійскаго короля, г. Понсонби.

Въ этомъ письмѣ г. Понсонби, отъ имени короля Георга, благодаритъ семью Клэркъ за то, что она послала на защиту родины одиннадцать сыновей, и всѣони съ честью несутъ свой воинскій долгъ.

Женскій батальонъ. Въ Парижѣ формируется женскій батальонъ. Почетнымъ командиромъ будетъ королева бельгійская. Въ батальонъ принимаются француженки и бельгійки. Будетъ организовано нѣсколько отдѣловъ, какъ, напримѣръ, шоферовъ и велосипедистокъ; другія женщины будутъ охранять обозы, деревни и дороги, заниматься въ канцеляріяхъ. Женщинамъ будетъ выдано оружіе. Женскій батальонъ возникъ по иниціативѣ женъ сражающихся офицеровъ.

Химія противъ нѣмцевъ. Ко множеству доказательствъ того факта, что Германія втайнѣ задумала и подготовила нападеніе на Россію и Францію, добавилось еще одно доказательство—химическое.

При своемъ вступленіи въ Бельгію, въ первыхъ числахъ августа, нѣмецкіе генералы приказали расклеить прокламаціи, приглашавшія жителей не сопротивляться нѣмецкимъ войскамъ. Одинъ бельгійскій химикъ досталъ одну изъ такихъ расклеенныхъ по Брюсселю прокламацій и анализировалъ краску, которой она была отпечатана. Изъ химическаго анализа слѣдуетъ, что прокламація была напечатана еще за шесть мѣсяцевъ до начала войны.

Реквизація бумаги. Амстердамскій корреспондентъ газеты «Journal» сообщаетъ, на основаніи извѣстій изъ нѣмецкихъ источниковъ, что нѣмцы съ особенной жадностью набрасывались на запасы бумаги въ занятыхъ ими мѣстностяхъ сѣверной Франціи и Бельгіи. Но ошибочно было бы думать, что нѣмцы реквизировали бумагу ради просвѣтительныхъ цѣлей книгопечатанія.

Ими вывезены всѣ запасы какъ чистой бумаги, такъ и макулатуры для военныхъ цѣлей.

Нѣмцы употребляютъ бумагу для предохраненія отъ сырости въ траншеяхъ а также вмѣсто мѣшковъ съ пескомъ. Кипа бумаги оказываетъ очень большое сопротивленіе прохожденію пуль.

Аукціонъ обѣщаній. Оригинальная распродажа происходила недавно въ Лондонѣ въ пользу англійскаго Краснаго Креста.

Продавались или, вѣрнѣе, запродавались совершенно чистыя полотна на подрамникахъ. На нихъ красовались только подписи знаменитыхъ современныхъ художниковъ, обѣщавшихъ написать картины.

Обѣщаніе знаменитаго портретиста Лазоль (Lazsol) было куплено одной богатой англичанкой за 20 тысячъ франковъ. Отъ продажи этихъ художественныхъ «векселей» выручено уже болѣе полумилліона.

ХРОНОЛОГІЯ ВОЙНЫ.

ДЕВЯТЫЙ МѢСЯЦЪ.

(См. № 16 «Нивы» 1915 г.).

Мартъ.

15-го. Черноморскій флотъ бомбардировалъ внѣшніе форты и батареи Босфора. Русскіе летчики произвели развѣдку надъ батареями Босфора. Германскія суда выпустили по Либавѣ 200 снарядовъ. Въ Карпатахъ на бартфельдскомъ направленіи русскія войска захватили новую линію высотъ. Въ Чорохскомъ ущельѣ наши войска тѣснятъ турокъ къ Артвину. Французы заняли въ Эльзасѣ вершину Гартмансвейлеркопфъ.

16-го. На участкѣ Радзеювъ—Яворжецъ наши войска продвинулись впередъ и захватили много плѣнныхъ. У Козювки отбиты атаки германцевъ. Наши войска оттѣснили турокъ въ районѣ Артвина на лѣвый берегъ рѣки. Турки подожгли Артвинъ.

17-го. На правомъ берегу Нарева продолжаются бои. Въ Карпатахъ дѣйствія развиваются благопріятно. Въ Шампани и въ Аргоннахъ происходитъ артиллерійскій бой. Болгарія пропустила германскія орудія для Турціи.

18-го. Русскія войска тѣснятъ непріятеля въ окрестностяхъ Краснополя. Черноморскій флотъ бомбардировалъ Зунгулдакъ, Козлу, Килимли и Эрегли. Турки отброшены къ Мело. Русскія войска заняли Артвинъ—Делибаба, Карадербентъ и Ешакъ-Киласъ и отбросили турокъ. Союзныя войска начали высадку въ Саросскомъ заливѣ.

19-го. Въ районѣ Красна подъ натискомъ нашихъ войскъ германцы поспѣшно отступаютъ. Въ Карпатахъ на главномъ Бескидскомъ хребтѣ наши войска овладѣли важными укрѣпленными высотами, захвативъ много плѣнныхъ, орудій и пулеметовъ.

20-го. Въ районѣ Хотина наши войска окружили и уничтожили нѣсколько австрійскихъ батальоновъ. Въ артвинскомъ районѣ наши войска заняли Црію. На нѣманскомъ фронтѣ германцы отброшены. Въ Карпатахъ весь хребетъ Полонина находится въ рукахъ нашихъ войскъ.

21-го. Между Волей-Миховой и до ужокскаго направленія наши войска тѣснятъ австрійцевъ. Командующимъ арміями сѣверо-западнаго фронта назначенъ генералъ-отъ-инфантеріи М. В. Алексѣевъ.

22-го. Близъ русскаго побережья взорвался и затонулъ на русской минѣ турецкій крейсеръ «Меджидіэ».

23-го. Русскій флотъ въ Черномъ морѣ имѣлъ перестрѣлку съ крейсерами «Гебенъ» и «Бреслау». Болгарскіе комитаджи подъ командою офицеровъ напали на пограничный сербскій постъ.

24-го. Русская кавалерія между Кальваріей и Сувалками вытѣснила значительный германскій отрядъ. Въ Карпатахъ русскія войска продолжаютъ успѣшно наступать.

25-го. Русскія войска успѣшно наступаютъ между р. Топлой и ужокскимъ направленіемъ. Союзный флотъ и отрядъ гидроплановъ бомбардировали Смирну.

26-го. Германцы пытали унтеръ-офицера Панасюка, не желавшаго давать отвѣты на разспросы германскихъ офицеровъ.

27-го. Турки отбиты отъ Клычъ-Ядукскаго перевала.

28-го. Наши войска заняли высоту 909 и сбили непріятеля со всего главнаго хребта Карпатъ. На ростокскомъ направленіи наши войска отразили атаки получившаго подкрѣпленія непріятеля.

29-го. Въ Карпатахъ всѣ атаки австрійцевъ были отбиты. На ужокскомъ направленіи наши войска овладѣли нѣсколькими высотами.

30-го. Въ районѣ Ужокскаго перевала наши войска съ боемъ продвинулись впередъ.

31-го. Въ Карпатахъ сраженіе развивается отъ бартфельдскаго до стрыйскаго направленія. Взяты высоты въ районѣ Буковицъ—Беневъ—Высоконизы. Всѣ атаки германцевъ у Козювки отбиты. Въ Буковинѣ тоже. Наши войска продвигаются впередъ на артвинскомъ направленіи.

Апрѣль.

1-го. Два британскихъ военныхъ корабля прошли 10 миль по Дарданелламъ.

2-го. Попытка германцевъ подойти къ нашему расположенію у Осовца отбита. На берегу Бзуры наши войска заняли Куноцынъ.

3-го. Наши войска у Телепочъ и Зуелла въ Карпатахъ овладѣли двумя важными высотами. Австро-германскія войска спѣшно перевозятся въ Карпаты.

4-го. На стрыйскомъ направленіи наши войска отбросили атаковавшія ихъ германскія войска.

5-го. Во время боевъ наши войска заняли главный хребетъ Карпатъ на фронтѣ въ 110 верстъ, взяли 70.000 плѣнныхъ, 30 орудій и 200 пулеметовъ.

6-го. На стрыйскомъ направленіи русскія войска отбили всѣ атаки австрійцевъ.

7-го. Британскія войска отбили у нѣмцевъ «Холмъ 60». На берегу рѣки Фехтъ французы заняли вершину Бургкопфле.

8-го. Неудачныя атаки непріятелемъ нашихъ позицій у Верхней Яблоньки, Полена и Орошъ-Патакъ.

9-го. Наступленіе австрійцевъ въ Карпатахъ, на фронтѣ Телепочъ — Руньина, отбито.

10-го. На лутовискомъ направленіи наши войска успѣшно продвинулись впередъ. Черногорцы отбросили австрійцевъ у Фочи и Горажды.

11-го. Въ районѣ Телепоча и Сянки наши войска съ боемъ овладѣли важными высотами. У Лавгермака и у «Холма 60» англичане отбили всѣ атаки германцевъ.

12-го. Между Кальваріей и Людвиновымъ наши войска отбили атаки германцевъ.

13-го. На стрыйскомъ направленіи идетъ упорный бой. Черноморскій флотъ бомбардировалъ форты Босфора.

14-го. Въ Карпатахъ атака австрійцевъ вершинъ въ районѣ Орошъ—Патакъ отбита съ большими потерями для непріятеля.

ДЕСЯТЫЙ МѢСЯЦЪ.

15-го. На путяхъ къ Нѣману происходили удачныя для нашихъ войскъ стычки. На стрыйскомъ направленіи продолжаются упорные бои. У Ипра французы и англичане перешли въ наступленіе.

16-го. Въ Бельгіи союзники успѣшно продвигаются впередъ.

17-го. Къ западу отъ Нѣмана наши войска тѣснятъ передовыя части германцевъ.

18-го. Между рѣками Писсой и Шквой германцы были отбиты нашими войсками. Въ ольтинскомъ направленіи наши войска тѣснятъ турокъ. Въ районѣ Ипра ожесточенный бой.

19-го. Въ районѣ Нѣмана наше продвиженіе впередъ идетъ успѣшно. У Осовца нѣмцы понесли большія потери. Наши летчики успѣшно бомбардировали батареи противника въ районѣ Дробинъ—Раціонжъ, мостъ у Плоцка и обозъ у Млавы.

20-го. На фронтѣ отъ Нижней Ниды до Карпатъ, въ районѣ Гладышева, развиваются упорныя боевыя дѣйствія. Черноморскій флотъ вновь успѣшно бомбардировалъ Босфоръ. Союзники заняли Галлиполи.

21-го. Въ районѣ Россіенъ наше продвиженіе идетъ успѣшно. Въ Галиціи развивается упорное сраженіе между Вислой и Карпатами. Противъ Либавы обнаружены непріятельскій крейсеръ и мелкія суда.

22-го. Въ завислинскомъ районѣ германцы развиваютъ ураганный огонь. У Горлице яростныя атаки австрійцевъ успѣшно отражаются. Въ районѣ Козювки наступленіе нашихъ войскъ продолжается. Черноморскій флотъ обстрѣливалъ укрѣпленія Чаталджи и фортъ Кара-Бурну.

23-го. У Либавы происходила перестрѣлка съ германскими миноносцами, успѣшная для насъ. Стычки къ югу отъ Митавы и у Бейсагола. На правомъ берегу Оржица германцы двинулись въ стремительную атаку, атака отбита съ большимъ урономъ для германцевъ.

24-го. Упорныя атаки австро-германцевъ на краковскомъ направленіи. Въ районѣ Россіенъ нѣмцы отступаютъ.

25-го. Наши позиціи въ краковскомъ направленіи обстрѣливаются тяжелой артиллеріей.

26-го. Нѣмецкіе крейсера у Либавы обстрѣливаютъ портъ. Одинъ изъ миноносцевъ взорвался на нашей минѣ. Къ юго-западу отъ Митавы наше наступленіе развивается. На направленіяхъ Поневѣжъ—Бейсагола—Россіены идутъ бои.

27-го. Къ юго-западу отъ Митавы мы продвинулись впередъ. При поддержкѣ флота нѣмцы заняли Либаву.

28-го. Въ районѣ Шавли мы на широкомъ фронтѣ наступаемъ. Нами захвачены тысячи плѣнныхъ.

29-го. Черноморскій флотъ имѣлъ перестрѣлку съ «Гебеномъ», получившимъ попаданія и вышедшимъ изъ боя.

30-го. Наши войска тѣснятъ нѣмцевъ въ шавельскомъ районѣ, отбросивъ ихъ къ юго-западу отъ Шавель. Въ Западной Галиціи мы отходимъ къ сѣверу отъ лутовискаго направленія. На фронтѣ Обертынь — Черновцы мы перешли въ наступленіе.

Май.

1-го. Митавскій районъ совершенно очищенъ отъ непріятеля. Въ районѣ Шавель мы отразили пять атакъ. Наше наступленіе на правомъ берегу Днѣстра развивается успѣшно. Французы достигли полныхъ успѣховъ у Арраса.

2-го. Въ районѣ Шавель бой развивается въ благопріятныхъ для насъ условіяхъ. Австрійская армія въ безпорядкѣ отступила за р. Прутъ. Въ Карпатахъ наши войска сосредоточиваются на р. Санъ.

3-го. Вслѣдствіе переброски противникомъ весьма значительныхъ силъ на нашъ фронтъ въ Карпатахъ, наша третья армія отступила и развернулась на Санѣ. Въ Восточной Галиціи мы предприняли рѣшительное наступленіе, захватили до 20.000 плѣнныхъ. Въ шавельскомъ районѣ наши операціи успѣшны.

4-го. Весь районъ къ востоку отъ рѣкъ Виндавы и Дубиссы очищенъ отъ непріятеля. На Санѣ завязались бои въ районѣ Лезахова и Ярослава. Въ водахъ Эвбеи появилась германская подводная лодка.

5-го. Между Виржбникомъ и Опатовомъ мы отбросили противника больше, чѣмъ на 10 верстъ. Наши передовыя части переброшены за Прутъ. Нѣмцы потерпѣли пораженіе къ сѣверу отъ Ипра.

6-го. Большія массы непріятеля атакуютъ наши войска на всемъ галиційскомъ фронтѣ. На лѣвомъ берегу Вислы мы, перейдя въ наступленіе, захватили орудія и пулеметы и до 3.000 плѣнныхъ. Непріятель бомбардируетъ западные форты Перемышля.

7-го. На фронтѣ Куршаны—Эйрагола успѣшные для насъ частные бои, такъ же, какъ и въ районѣ Опатова. На участкѣ Ярославъ—Лезаховъ непріятель укрѣпился на правомъ берегу Сана, къ югу же отъ Ярослава мы занимаемъ оба берега. Перемышль бомбардируется.

8-го. Сраженіе въ районѣ лѣваго берега Вислы, къ югу отъ Пилицы, и на всемъ галиційскомъ фронтѣ продолжалось съ возрастающей энергіей. Большія силы противника, переправившись черезъ Санъ, распространились на участкѣ Ярославъ—Родава—Сенява. Въ Буковинѣ и шавельскомъ районѣ наши дѣйствія сопровождаются успѣхомъ.

9-го. Сраженіе въ районѣ Ярослава идетъ на правомъ берегу Сана. Австро-германцы перешли на линіи Сана къ оборонѣ. Въ Буковинѣ успѣхъ на нашей сторонѣ. Итальянскій кабинетъ денонсировалъ союзный договоръ.

10-го. На галиційскомъ фронтѣ нѣмцы перешли къ оборонѣ. На лѣвомъ берегу Нижняго Сана наши войска овладѣли селеніями Кравце, Бурджи, Пшишувъ-Камерале и отразили контръ-атаку на Ниско. Нами заняты Сарай, Ванъ и Башкалу.

11-го. Италія объявила войну Австріи. Къ югу отъ Пилицы мы отбросили противника. На западномъ фронтѣ союзники продвигаются на отдѣльныхъ участкахъ впередъ.

12-го. Значительныя силы противника, перешедшія на лѣвый берегъ Дубиссы, оттѣснены нашими войсками. Австрійскіе миноносцы обстрѣливали побережье Италіи.

13-го. Въ районѣ Опатова противникъ пытался перейти въ наступленіе, но былъ отраженъ нашими контръ-атаками. Въ Галиціи на фронтѣ Ярославъ—Перемышль возобновился упорный бой на обоихъ берегахъ Сана. Итальянскій контръ-миноносецъ бомбардировалъ Порто-Бузо.

14-го. Атака нѣмцевъ у Осовца отражена крѣпостью. Наши войска заняли Міандоабъ. Итальянцы перешли границу Тироля и Тріента.

№ 23. Выходитъ еженед. (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 6 іюня 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на ½ года—4 р., на ¼ года—2 р. Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Содержаніе.

Къ этому № прилагаются: 1) „Ежемѣс. литературныя и популярно-научныя приложенія" за іюнь 1915 г. 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ" за іюнь 1915 г. съ 63 рис., отдѣльный листъ съ 29 черт. выкр. въ натур. величину и 22 рис. дамскихъ рукодѣлій.

Въ эти дни.

Въ эти дни сердце родины—тамъ,
Гдѣ не молкнетъ раскатъ канонады,
Сѣютъ смерть гдѣ по браннымъ полямъ,
Съ дикимъ воемъ взлетая, снаряды,
Тамъ, гдѣ пуль роковая метель
Усыпляетъ бойцовъ за отчизну,
Гдѣ поетъ разрывная шрапнель
День и ночь заунывную тризну.

Въ эти дни сердце родины всей—
Тамъ, гдѣ подвигъ за подвигомъ новымъ
Осѣняетъ ея сыновей
Ореоломъ героевъ суровымъ,
Гдѣ работаютъ наши штыки
Не за страхъ, а за русскую совѣсть,
Гдѣ читаетъ судьба напрямки
Ратоборцамъ кровавую повѣсть.

Въ эти дни неразлучно оно
Съ тѣми славой повитыми вмѣстѣ,
Кто куетъ—что ни день, то звено
Въ нашей воинской доблести-чести;
Тамъ оно, гдѣ боецъ за бойцомъ,
Гдѣ ложится за витяземъ витязь,
Шепчетъ всѣмъ передъ славнымъ концомъ:
„Къ новой жизни отъ смерти проснитесь!.."

Въ эти дни сердце родины—тамъ,
Гдѣ проходитъ святыми стопами
Самъ Христосъ по затихшимъ полямъ,
Надъ полегшими въ битвахъ бойцами,
Гдѣ кропитъ слезной влагой луга,
Взбагрянѣвшіе кровью отъ гнѣва
На поправшаго Правду врага,
Богоматерь Пречистая Дѣва.

Въ эти дни тамъ оно, гдѣ стоятъ,
Не клонясь подъ кровавой страдою,
Сынъ и мужъ вашъ, отецъ вашъ и братъ,
Передъ вражьею злобой лихою;
Тамъ оно, это сердце, живетъ,
Идутъ гдѣ послѣ каждой атаки
Санитары и сестры въ обходъ,
Подбирая страдальцевъ въ бараки.

Въ эти дни оно—съ Краснымъ Крестомъ,
Внемля раненыхъ воплямъ и стонамъ,
На пути милосердья своемъ,
День и ночь оставаясь безсоннымъ,
Бодрость льетъ, какъ цѣлебный бальзамъ,
О себѣ о самомъ забывая...
Въ эти дни сердце родины—тамъ,
Гдѣ свершается жертва святая.

Аполлонъ Коринфскій

Спасеніе знамени. Группа М. Диллонъ.
(Патріотическая выставка картинъ въ Петроградѣ).

Персидскіе и русскіе казаки въ Азербейджанѣ на охранѣ.

Симко и курды племени шеккакъ.

(Съ 3 рис. на стр. 442 и 443).

За послѣднее время телеграфъ принесъ цѣлый рядъ извѣстій объ энергичномъ наступленіи нашихъ войскъ на южномъ, кавказскомъ фронтѣ. Наступленіе это уже ознаменовалось занятіемъ цѣлаго ряда городовъ и мѣстечекъ, имѣющихъ большое стратегическое значеніе. Вслѣдъ за занятіемъ Котура, который закрылъ туркамъ выходъ въ долину Хоя и Урміи, заставилъ ихъ очистить весь Урмійскій бассейнъ—нашимъ войскамъ открылись два главнѣйшихъ стратегическихъ пути по ту сторону персидско-турецкихъ пограничныхъ горъ, въ самое сердце Арменіи—въ бассейнъ озера Вана и къ многочисленнымъ городамъ, расположеннымъ по его берегамъ. Башкала, Серай, Алджевасъ, Меласгердъ и наконецъ столица древняго армянскаго царства, а нынѣ главный городъ всего вилайета, Ванъ уже заняты нашими войсками. Натиска нашихъ славныхъ кавказскихъ полковъ не сдержали ни большія силы регулярныхъ турецкихъ войскъ ни безчисленныя орды курдовъ, которыя были мобилизованы турками. Это наступленіе, а главное, его стремительность, уже начинаетъ сказываться на психологіи и настроеніи курдовъ, на которыхъ турки возлагали такъ много надеждъ. Вѣра въ могущество и силу турокъ въ сознаніи курдовъ уже утрачена, особенно послѣ того, какъ одинъ изъ самыхъ могущественныхъ и вліятельныхъ курдскихъ начальниковъ Симко захваченъ въ плѣнъ нашими войсками. Племя шеккакъ, предводителемъ котораго являлся старшій изъ трехъ братьевъ Симко, населяетъ дикія и неприступныя горы, расположенныя на персидско-турецкой границѣ между озерами Урмія и Ванъ. Среди многочисленныхъ курдскихъ племенъ племя шеккакъ считается однимъ изъ самыхъ воинственныхъ, но въ то же время съ европейской точки зрѣнія оно можетъ считаться и однимъ изъ самыхъ благородныхъ.

Курды этого племени не занимаются, или по крайней мѣрѣ въ меньшей степени занимаются грабежами и разбоями. Своего оружія противъ беззащитныхъ и безоружныхъ они не поднимаютъ. Обширныя горныя пастбища для скотоводства и многочисленныя горныя долины для земледѣлія даютъ имъ возможность жить честнымъ трудомъ, оружіе же имъ служитъ лишь для защиты отъ набѣговъ сосѣднихъ племенъ, болѣе дикихъ и кровожадныхъ. Курды Симко великолѣпно вооружены; большая часть ихъ снабжена современными винтовками, которыя они содержатъ въ образцовомъ порядкѣ и которыми владѣютъ въ совершенствѣ.

Въ стрѣльбѣ изъ винтовки курды не имѣютъ соперниковъ. Ихъ искусство и ловкость въ этомъ отношеніи граничатъ въ буквальномъ смыслѣ съ виртуозностью. Нѣтъ такого положенія, въ которомъ курдъ не попадаетъ въ цѣль. Взлетая полнымъ карьеромъ на горную кручу, онъ безъ промаха снимаетъ быстро бѣгущаго горнаго козла: крупный хищникъ, высоко парящій надъ головой, падаетъ мертвымъ къ его ногамъ. Стрѣльбу по неподвижной цѣли курдъ считаетъ ниже своего достоинства и, если допускаетъ таковую, то лишь съ извѣстными ограниченіями: или съ перевернутой винтовкой, или лежа на спинѣ своего товарища лицомъ кверху и съ перевернутой же винтовкой. Всѣ положительныя и отрицательныя стороны курдовъ племени шеккакъ въ наиболѣе полной степени отразились въ ихъ начальникѣ-старшинѣ Симко. Это высокій и стройный мужчина, чрезвычайно крѣпкаго тѣлосложенія, мускулистый, съ правильными и довольно красивыми чертами лица, темными и умными глазами, орлинымъ, но не хищнымъ взглядомъ. До начала военныхъ дѣйствій Симко и его племя считались преданными русскимъ: Симко имѣетъ даже русскій орденъ. Во время одного изъ успѣшныхъ сраженій, въ раіонѣ своей резиденціи Котура, онъ увлекся и, не умѣя маневрировать, былъ окруженъ большимъ отрядомъ регулярныхъ турецкихъ войскъ, которымъ и передался, повидимому, только въ силу необходимости: при новомъ сраженіи уже на сторонѣ турокъ онъ снова былъ окруженъ и снова передался русскимъ при условіяхъ, которыя его до нѣкоторой степени реабилитировали. Въ настоящее время онъ находится въ почетномъ плѣну въ Тифлисѣ, гдѣ пользуется относительной свободой, очевидно, въ воздаяніе его прежнихъ заслугъ.

П. Нестеровъ.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Бои у Перемышля и на Днѣстрѣ.

Послѣ очищенія нашими войсками лѣвобережныхъ фортовъ Перемышля форты праваго берега естественно очутились подъ обстрѣломъ съ тыла. Какъ извѣстно, всѣ форты строятся съ расчетомъ на оборону въ одну какую-либо сторону, а со стороны тыла находится такъ называемая горжа. Горжа, т.-е. тыльный фасъ форта, очень мало приспособляется къ оборонѣ, и здѣсь большей частью находятся казематы для укрытія гарнизона отъ бомбардировки, при чемъ эти казематы представляютъ собою наглухо закрытыя постройки, не имѣющія ни амбразуръ для пушекъ ни бойницъ для ружей. Затѣмъ на горжѣ ровъ наиболѣе узокъ, валы пониже, и нѣтъ особыхъ построекъ, обстрѣливающихъ фланговымъ огнемъ ровъ, такъ называемыхъ капонировъ, значительно усиливающихъ оборону.

Въ силу этого оборона форта со стороны тыла, т.-е. со стороны его горжи, слишкомъ слаба и разсчитана главнымъ образомъ на случай нападенія отдѣльныхъ непріятельскихъ партій, прорывающихся въ промежутки между фортами и могущихъ оказаться въ тылу фортовъ. Для борьбы же съ крупными силами противника, въ особенности при наличіи у послѣдняго могущественной артиллеріи, тыльныя стороны фортовъ непригодны.

Поэтому послѣ очищенія лѣвобережныхъ фортовъ Перемышля были очищены и форты праваго берега, какъ стоявшіе къ про-

Въ раіонѣ озера Ванъ.
Начальникъ курдскаго племени Симко (въ центрѣ) и его братья.

тивнику тыломъ. Эта полная эвакуація Перемышля въ значительной степени облегчила, какъ видно изъ офиціальныхъ разъясненій, наше стратегическое положеніе.

Дѣло въ томъ, что послѣ переправы противника черезъ Санъ у Ярослава эта рѣка потеряла для насъ значеніе оборонительной линіи, и необходимо было избрать какую-либо другую оборонительную линію, на которой можно было остановить дальнѣйшее продвиженіе противника по Галиціи. Такая оборонительная позиція какъ бы вполнѣ предопредѣлялась уже заранѣе географическими условіями мѣстности. Какъ извѣстно, наступленіе противника велось по Галиціи, т.-е. въ промежуткѣ между Вислой и Днѣстромъ. Слѣдовательно. и оборонительная позиція опредѣлялась этимъ самымъ „промежуткомъ между Вислой и Днѣстромъ", при чемъ Висла представляла собою какъ бы обезпеченіе праваго фланга, а Днѣстръ — обезпеченіе лѣваго фланга.

Въ раіонѣ озера Ванъ.
Курдъ, лежа на спинѣ другого курда, стрѣляетъ изъ перевернутой винтовки.

Такимъ образомъ получалась новая оборонительная позиція съ обезпеченными флангами, упирающимися одинъ въ Вислу, а другой—въ верховье Днѣстра. Это въ свою очередь вынуждало противника отказаться отъ какихъ-либо обходовъ и требовало отъ него новой фронтальной атаки, новыхъ лобовыхъ ударовъ, столь дорого стоящихъ ему, какъ то можно было видѣть на примѣрѣ боевъ на Дунайцѣ и Санѣ.

Висла — довольно глубокая рѣка и потому вполнѣ надежно обезпечивала правый флангъ. Днѣстръ въ верховьяхъ сравнительно нешарокъ и долженъ бы былъ давать недостаточную опору лѣвому крылу. Но здѣсь имѣется Большое Днѣстровское болото, почти совершенно непроходимое, гдѣ движеніе возможно только по тремъ узенькимъ дорожкамъ, конечно, надежно закрытымъ.

Такимъ образомъ новый фронтъ „Висла у устья Сана — Большое Днѣстровское болото" представлялся вполнѣ надежной оборонительной позиціей. По существу такая же позиція была и ранѣе на Санѣ, ибо и здѣсь правое крыло соприкасалось съ Вислой у устья Сана, а лѣвое крыло обезпечивалось Большимъ Днѣстровскимъ болотомъ. Разница заключалась лишь въ томъ, что на новой позиціи не было водной преграды на фронтѣ, которая имѣлась, въ видѣ Сана, на старой позиціи, но самыя чувствительныя мѣста—фланги и тамъ и тутъ были одинаково обезпечены, одинъ Вислой, а другой — Большимъ Днѣстровскимъ болотомъ.

Такое трудное положеніе давно уже вынудило Макензена искать какихъ-либо путей мимо этой позиціи, въ сторонѣ отъ нея, дабы не вести трудныхъ фронтальныхъ атакъ въ промежуткѣ между Вислой и Днѣстромъ, т.-е. въ главномъ направленіи отъ Перемышля на Львовъ. Поэтому Макензенъ давно уже пытался пройти правѣе Большого Днѣстровскаго болота, для чего одна изъ его армій, а именно, германская армія генерала Лицингена, вела непрерывныя атаки въ раіонѣ Стрыя.

Послѣ продвиженія черезъ Перемышль Макензенъ особенно усилилъ атаки въ Стрыйскомъ раіонѣ и сталъ производить попытки переправиться черезъ Днѣстръ правѣе Днѣстровскаго болота, для того, чтобы пройти мимо нашей позиціи по болѣе легкому пути. Съ этой цѣлью въ раіонѣ Перемышля были оставлены преимущественно австрійцы, при чемъ были избраны самыя лучшія полевыя части, сплошь изъ однихъ австрійскихъ нѣмцевъ,—тирольскіе полки, зальцбургскіе, штирійскіе и другіе. Эти полки получили задачей вести наступленіе отъ Перемышля вдоль главной желѣзнодорожной магистрали на Мосциску, т.-е. въ Львовскомъ направленіи. Слѣдовательно, на австрійцевъ была возложена задача продвиженія отъ Перемышля прямо на востокъ, вдоль Западной Галиціи.

Германскія войска были двинуты для другой, уже главной операціи, которая намѣчалась правѣе Днѣстровскаго болота, на Днѣстрѣ, гдѣ Макензенъ стремился продвинуться къ сторонѣ Львова уже отъ Днѣстра, уже правѣе нашей сильной позиціи „Висла у устья Сана- Большое Днѣстровское болото". Для этой задачи были предназначены сплошь одни германскія войска, а австрійцы, атакуя отъ Перемышля, должны были, очевидно, создать нѣкую угрозу на путяхъ отъ Перемышля къ Львову и этимъ облегчить продвиженіе германской арміи Лицингена отъ Днѣстра.

Какъ и слѣдовало ожидать, атаки австрійцевъ на путяхъ отъ Перемышля къ Львову, въ направленіи къ Мосцискѣ, оказались безуспѣшными. Здѣсь наши войска, имѣя на своемъ фронтѣ небольшую рѣку Вишню, отбили всѣ яростныя атаки австрійцевъ и сами неоднократно переходили къ контръ-атакамъ.

Операціи другой группы противника — германской арміи на Днѣстрѣ—также не дали ей достаточно успѣшныхъ результатовъ. Здѣсь, правѣе Большого Днѣстровскаго болота, рѣка Днѣстръ довольно неширока— всего лишь 60 саженъ шириною, и въ свое время наши войска форсировали эту рѣку въ одинъ день, овладѣвъ смѣлымъ, рѣшительнымъ штурмомъ предмостными укрѣпленіями у Миколаева. Къ такому же пріему, т.-е. къ такому же рѣшительному штурму, пытались прибѣгнуть германцы, но были отбиты въ двухъ главныхъ пунктахъ Днѣстра, у Миколаева и Жидачева.

Необходимо отмѣтить, что Днѣстръ правѣе Днѣстровскаго болота имѣетъ три пункта. болѣе или менѣе годные для переправы: Миколаевъ, Жидачевъ и Журавна. Миколаевъ былъ прикрытъ еще австрійцами при помощи предмостныхъ укрѣпленій, а въ Жидачевѣ, какъ видно изъ нашихъ офиціальныхъ сообщеній отъ 26-го мая, были устроены предмостныя укрѣпленія нашими войсками. Стойко обороняясь за этими предмостными укрѣпленіями, наши войска отразили всѣ попытки главной массы противника переправиться черезъ Днѣстръ у Миколаева и Жидачева и продвинутъся затѣмъ къ Львову.

Поэтому Макензену пришлось искать переправы у третьяго пункта—у Журавны. Журавна представляетъ менѣе выгодный пунктъ переправы черезъ Днѣстръ, такъ

Въ раіонѣ озера Ванъ. Курдъ стрѣляетъ изъ перевернутой винтовки.

какъ отсюда не имѣется сколько-нибудь сносныхъ путей къ сторонѣ Львова, а слѣдовательно, непосредственное продвиженіе отъ Журавны главныхъ массъ австро-нѣмцевъ къ сторонѣ Львова представлялось совершенно невозможнымъ.

Такимъ образомъ переправа у Журавны рѣшала задачу, поставленную себѣ Макензеномъ, лишь въ одной только части, и притомъ въ самой незначительной, а именно въ той, которая заключала въ себѣ переправу черезъ Днѣстръ, но отнюдь не рѣшала задачи въ ея главной части, т.-е. въ той, которая заключала въ себѣ дальнѣйшее продвиженіе отъ Днѣстра къ Львову. Переправившись у Журавны, Макензенъ преодолѣлъ Днѣстръ, но продвинуться къ сторонѣ Львова не имѣлъ возможности.

При такихъ условіяхъ слѣдовало ожидать, что Макензену, вмѣсто движенія отъ Днѣстра къ сторонѣ Львова, придется еще возиться съ Днѣстромъ и вести тамъ операціи, исходъ которыхъ представлялся вообще гадательнымъ, какъ исходъ всякаго нелегкаго военнаго предпріятія. Макензену снова нужно было вести шенно не въ состояніи были продвинуться отъ Перемышля въ Львовскомъ направленіи на Мосциску, и потому задача Макензена попрежнему продолжала быть довольно сложной. Эта сложность стратегическаго положенія арміи Макензена еще усилилась тѣмъ, что наши войска продолжали вести наступленіе отъ Нижняго Сана прямо на югъ, т.-е. въ сторонѣ желѣзнодорожной линіи Перемышль—Тарновъ—Краковъ. Эта отдѣльная группа нашихъ войскъ, развивая наступленіе генерала Ирманова, взявшаго Сеняву, угрожала такимъ образомъ тыльнымъ сообщеніямъ Макензена и вынудила его послать значительные резервы для прикрытія желѣзнодорожнаго пути Перемышль—Тарновъ—Краковъ отъ наступленія нашихъ войскъ отъ Нижняго Сана.

Такимъ образомъ Галиційское сраженіе разбилось на три отдѣльныхъ сраженія. Главная масса сплошь изъ нѣмцевъ стремилась продвинуться правѣе Днѣстровскаго болота отъ Днѣстра къ сторонѣ Львова и образовывала какъ бы первый „очагъ борьбы". Лѣвѣе, отдѣленные отъ нѣмцевъ большимъ Днѣстровскимъ болотомъ, австрійцы вели безуспѣшныя атаки отъ Перемышля по

1. Профессоръ Н. С. Самокишъ. 2. Р. Р. Френцъ. 3. П. И. Котовъ. 4. П. В. Митуричъ. 5. П. Д. Покаржевскій. 6. К. Д. Трофименко.

Академикъ Н. С. Самокишъ, профессоръ батальнаго класса Императорской Академіи Художествъ, отправившійся вмѣстѣ съ пятью учениками своего класса на театръ военныхъ дѣйствій со спеціальной цѣлью наблюденія и изображенія картинъ войны.
По фот. М. П. Антокольскаго.

наступленіе противъ Жидачева и Миколаева, и это наступленіе лишь нѣсколько облегчалось тѣмъ, что могло быть предпринято послѣ переправы у Журавны по обоимъ берегамъ Днѣстра, тогда какъ ранѣе операціи противъ Жидачева и Миколаева возможны были лишь на одномъ берегу Днѣстра, что было связано съ необходимостью предварительно еще переправиться черезъ Днѣстръ. Теперь же эта переправа была уже частью выполнена.

Переходъ черезъ Днѣстръ у Журавны, какъ мы указывали выше, далеко не рѣшалъ задачи, поставленной себѣ Макензеномъ. Стремясь продвинуться къ сторонѣ Львова, Макензенъ даже послѣ переправы черезъ Днѣстръ неминуемо долженъ былъ встрѣтить сопротивленіе нашихъ войскъ, прикрывающихъ пути къ Львову со стороны Днѣстра. Въ то же время австрійцы совер- обѣимъ сторонамъ желѣзной дороги къ сторонѣ Львова, и здѣсь образовался второй „очагъ борьбы". Наконецъ третье отдѣльное сраженіе намѣчалось на лѣвомъ берегу Сана, въ его нижнемъ теченіи, гдѣ наши войска, наступая съ сѣвера на югъ, угрожали тыльнымъ сообщеніямъ арміи Макензена.

Исходъ этихъ боевъ предопредѣлить, конечно, крайне трудно, ибо все зависитъ отъ плановъ сторонъ. Такъ, напримѣръ, можно было ожидать очищенія разрушеннаго нами Перемышля, разъ это вызывалось необходимостью сократить фронтъ, но такія предположенія отнюдь не могутъ входить въ стратегическіе расчеты обозрѣвателя. Одинаково и въ данномъ случаѣ можно ожидать какъ упорнаго сраженія на путяхъ, прикрывающихъ Львовъ, такъ и какихъ-либо другихъ дѣйствій, если таковыя намѣчены во имя будущихъ стратегическихъ выгодъ.

На австро-русскомъ фронтѣ. Рельефная карта Галичины и Карпатъ.

Въ разъѣздъ.

Разсказъ **Г. Иванова.**

Рапортъ.

Прошу ходатайства о награжденіи хорунжаго Дунаева Георгіевскимъ оружіемъ за то, что, будучи посланъ 27-го октября изъ посада Любень въ разъѣздъ, не только исполнилъ съ успѣхомъ важную и опасную задачу, но, изрубивъ 20 нѣмцевъ, привелъ шесть плѣнныхъ нѣмецкихъ кавалеристовъ и одну обозную повозку.

Командиръ сотни есаулъ Л.

Большими стройными массами быстро подошли нѣмцы къ Варшавѣ и такъ же быстро, послѣ ряда пораженій, безпорядочнымъ стадомъ отхлынули назадъ. Девятый валъ разбился о гранитныя скалы, о несокрушимую энергію сибирскихъ стрѣлковъ. Отошли нѣмцы, улеглось море, приподнялись скалы, посмотрѣли грозно кругомъ... и двинулись впередъ сибирскіе стрѣлки.

26-го октября нашъ маленькій, но лихой кавалерійскій отрядъ вошелъ въ только-что оставленный нѣмцами посадъ Любень. Если бы не нѣсколько еврейскихъ лапсердаковъ, изрѣдка мелькавшихъ въ подворотняхъ грязныхъ переулковъ, можно было бы смѣло предположить, что посадъ мертвъ. Казаки воскресили городъ, открылись лавчонки, въ костелѣ звонили въ колоколъ, и ксендзъ вышелъ на балконъ своего дома.

Итальянское посольство въ Петроградѣ. Вестибюль.

Люди и лошади, сдѣлавъ переходъ въ 90 верстъ, были измучены, и было рѣшено стать по квартирамъ.

Былъ третій часъ холодной и сырой октябрьской ночи. Хорунжій Дунаевъ спалъ такимъ крѣпкимъ сномъ на своей узенькой походной кровати, что, казалось, цѣлая очередь рявкающихъ „чемодановъ“ не могла бы разбудить его, а надъ нимъ уже десять минутъ стоялъ, согнувшись во весь свой могучій ростъ, денщикъ Денисовъ и, бережно стаскивая одѣяло, все громче и громче повторялъ:

— Ваше высокоблагородіе, а, ваше высокоблагородіе, вставайте, депешъ экстренный отъ командира, кажись, въ разъѣздъ наряжають!

Наконецъ юный хорунжій вскочилъ такъ быстро, и съ такимъ шумомъ затрещала походная кровать, что изъ сплошной кучи перинъ раздался недовольный басъ есаула Львова:

— Жорка, голубка моя, чортъ, тише, спать хочется: завтра съ утра въ сторожевку.

Между тѣмъ Дунаевъ, продѣвая одной рукой наплечники амуниціи подъ погоны, другой разорвалъ приказаніе въ маленькомъ сѣромъ конвертѣ и прочелъ: „Немедленно явиться въ штабъ, быть готовымъ къ разъѣзду спеціальной важности“.

Не успѣлъ хорунжій одѣться, какъ на порогѣ уже стоялъ взводный урядникъ Чепуринъ. Начальникъ разъѣзда быстро отдавалъ приказанія:

— Осѣдлать десять лучшихъ коней, захватить всѣ фонарики, карты №№ 23 — 8 и 23 — 7, взять у жида цивильное платье, въ саквы только дачу овса, будить сейчасъ же людей, да не забудь осмотрѣть ковку! — добавилъ офицеръ и направился въ штабъ.

На площади, въ домѣ ксендза, гдѣ помѣщался штабъ кавалерійскаго полка, въ кабинетѣ, несмотря на поздній часъ, сидѣлъ командиръ полка. По всему столу были разложены двухверстныя карты, циркуль и донесенія. Всегда привѣтливое и веселое лицо всѣми любимаго командира теперь было серьезно и сосредоточенно, а давно потухшая и забытая сигара и устремленный на карту взоръ доказывали глубокую и важную мысль.

— А, Дунаевъ, пожалуйте сюда! — встрѣтилъ командиръ вошедшаго запыхавшагося хорунжаго. — Видите, дѣло въ томъ, что часъ тому назадъ по агентурнымъ свѣдѣніямъ нѣмцы очистили городъ Коваль и ушли къ Влоцлавску. Это извѣстіе я считаю настолько важнымъ, что явилась необходимость выслать разъѣздъ для провѣрки полученныхъ свѣдѣній; я выбралъ васъ, дѣйствуйте, какъ вамъ будетъ угодно, и завтра къ 10 часамъ утра пришлите срочное донесеніе... Желаю успѣха, дѣйствуйте смѣло, но осторожно, задача вамъ трудная и важная. Главное, узнайте путь отступленія... Ну, съ Богомъ! — закончилъ командиръ и, попрощавшись съ Дунаевымъ и сказавъ адъютанту: „Завтра у насъ дневка“, —

Итальянское посольство въ Петроградѣ. Парадная столовая.

не раздѣваясь, прилегъ на кушетку и задремалъ.

Адъютантъ на цыпочкахъ вышелъ изъ кабинета.

Было четыре часа ночи... Какъ тѣни, проскользнули одиннадцать всадниковъ по пустыннымъ мокрымъ улицамъ и, переѣхавъ мостъ, безшумно изчезли въ кустарникѣ. Городъ Коваль, занятый нѣмцами, былъ верстахъ въ двадцати. До своего охраненія ѣхали всѣ вмѣстѣ, молча. Каждый былъ далекъ и отъ этой сырой и холодной ночи и отъ предстоящей опасности. Моросилъ мелкій дождикъ.

Хорунжій Дунаевъ, кутаясь въ непромокаемый плащъ, инстинктивно нащупывалъ въ боковомъ карманѣ маленькій голубенькій конвертъ и мысленно уносился далеко-далеко, на берега Чернаго моря, къ своей милой Вѣрочкѣ... „Теперь мнѣ двадцать два, послѣ войны уѣду въ отпускъ и женюсь, а на зиму съ Вѣрой въ Петроградъ, опять въ полкъ. Нужно будетъ завести шикарную обстановку: кабинетъ будетъ увѣшанъ нѣмецкимъ оружіемъ, будуаръ устрою голубой подъ цвѣтъ полка“...

— Кто ѣдетъ, стой! Что пропускъ?—и изъ кустовъ, какъ изъ-подъ земли, появился здоровенный казакъ.

Оторванный отъ своихъ думъ Дунаевъ остановилъ лошадь:

Итальянское посольство въ Петроградѣ. Тронный залъ.

— Варшава, свой. Охраненіе, что ли, здѣсь?

— Такъ точно, застава № 3 съ сотникомъ Гуренинымъ, они надысь посты повѣрять ушли, можетъ, и возвернулись... Нѣмецъ-то, кажись, наутекъ далъ, не слыхать его чтой-то, а можетъ, тямнитъ, техническая публика, — добавилъ казакъ и снова началъ всматриваться въ темноту.

— Передай сотнику Гуренину, что разъѣздъ впередъ пойдетъ, какъ бы ложной тревоги не было, предостерегъ Дунаевъ и спѣшилъ разъѣздъ.

Казаки подтянули подпруги, осмотрѣли оружіе. Весельчакъ-гармонистъ Шевырдяевъ подошелъ къ хорунжему и тихо сказалъ:

— Такъ что, ваше высокоблагородіе, сегодня взводный нашъ Чепуринъ именинникъ: дозвольте обозъ какой ни на есть разведать, мы такъ что завсегда съ усердіемъ и охотою.

— Ну, довольно! Власовъ, Шевырдяевъ, Никулинъ, Чуйкинъ въ дозоръ! — подалъ команду начальникъ разъѣзда.

Нырнули въ оврагъ дозоры, за ними спустился разъѣздъ. Всадники ѣхали молча, напряженно прислушиваясь, вглядываясь въ темноту и по временамъ останавливая лошадей. До Влоцлавскаго шоссе по расчетамъ Дунаева должно было быть верстъ четырнадцать. Держались по картѣ желѣзной дороги, и сбиться съ пути было трудно. Вскорѣ переѣхали въ бродъ какую-то рѣчонку, пересѣкли шоссе на Ходечь и, выѣхавъ на ровную лѣсную дорожку, тронули рысью. Къ семи часамъ утра обогнули Коваль и выѣхали лѣсомъ къ Влоцлавскому шоссе. Спрятавъ разъѣздъ въ лѣсу, хорунжій Дунаевъ съ Чепуринымъ пошли изслѣдовать дорогу. Стало почти свѣтло.

Прямая, какъ стрѣла, молчаливая и таинственная дорога, казалось, ничего не говорила молодому офицеру, но опытный глазъ сразу замѣтилъ неестественную ширину нѣкоторыхъ колей.

„Кавалерія не проходила, потому что обочины цѣлы, пѣхотныхъ сапоговъ тоже почти не видно, а тяжелую артиллерію навѣрное черти здѣсь протащили“, — подумалъ Дунаевъ.

— Ваше высокоблагородіе, чегось-то къ лѣсу сворачивали,— замѣтя слѣдъ колесъ, идущій къ лѣсу, сказалъ Чепуринъ.

Дѣйствительно, пройдя въ лѣсъ шаговъ на сто, оба развѣдчика натолкнулись на двѣ обывательскія подводы, перегруженныя нѣмецкими снарядами тяжелыхъ орудій.

Черезъ нѣсколько минутъ Шевырдяевъ съ донесеніемъ уже скакалъ, пригнувшись и нахлестывая по временамъ своего поджараго дончака.

Разъѣздъ отдыхалъ... Лошади жадно доѣдали свою дачу, и казаки снова готовились на развѣдку.

— Шевырдяевъ, можетъ, ужъ до Ходечской шассы доѣхалъ, а тамъ...—не досказалъ Чепуринъ.

Трахъ, тахъ-тахъ!

Сзади отдаленно щелкали сухіе маузеровскіе выстрѣлы: одинъ, два, четыре, много-много, и потомъ сразу залпъ. Лица у всѣхъ вытянулись, лошади, и тѣ перестали ѣсть и насторожили уши.

„Неужели совсѣмъ отрѣзали, неужели совсѣмъ-совсѣмъ, такъ что и проскочить нельзя?“—подумалъ Дунаевъ, и глаза его безпокойно забѣгали кругомъ, а правая рука машинально нащупывала маленькій голубой конвертикъ въ боковомъ карманѣ.

Но все это продолжалось нѣсколько секундъ.

— По конямъ, садись! —скомандовалъ хорунжій и, лихо вскочивъ на Пушинку, слегка выдвинулъ шашку изъ ноженъ и осмотрѣлъ револьверъ.—За мной, въ лаву, направленіе на выстрѣлы! Шевырдяева выручать надо!

Какъ ищейки, сновали казаки по лѣсу, все ускоряя и ускоряя аллюръ. Шевырдяевъ на взмыленной лошади прискакалъ обратно.

— Такъ что не пущаютъ, ваше высокоблагородіе, ихъ по Ходечской шассѣ сила, тьма: пѣхота, кавалерія, всѣхъ видовъ войско, неначе къ границѣ изъ Коваля потянулись, по мнѣ вдарили залпомъ и, кажись, цѣльный эскадронъ выслали,—прерывающимся голосомъ проговорилъ Шевырдяевъ.

„Къ Ковалю! — мелькнуло въ головѣ хорунжаго. — Проскочу нахаломъ, здѣсь все равно не пробраться“.

И всѣ одиннадцать, пригнувшись къ лукѣ, понеслись за Дунаевымъ. Вѣтки хлестали и царапали по лицу, раздирая въ кровь кожу, глаза горѣли недобрымъ огонькомъ, губы были плотно сжаты, и у всѣхъ была одна мысль: „Пробиться, или умереть, лучше пробиться во что бы то ни стало“.

Справа неслись какіе-то крики и рѣдкіе выстрѣлы. Черезъ десять минутъ показался Коваль. Дозоры донесли, что на площади у магистрата стоитъ нѣмецкій эскадронъ, а кавалерійскій обозъ вытягивается къ Ходечу.

Защелкали подковы казачьихъ коней по мостовой, пригнулись всадники, гикнули и дьяволами влетѣли на площадь. Дунаевъ скакалъ впереди, кольнулъ какого-то нѣмца шашкой — тотъ запыхтѣлъ и, какъ-то странно икнувъ, сползъ съ коня на землю, а шашка вошла почти по самую рукоять по что-то мягкое, соскользнула, сломалась и очутилась въ рукѣ вся красная, и кисть руки тоже сдѣлалась красной.

Потомъ мелькнулъ лежащій нѣмецъ, у котораго изъ груди торчалъ обломокъ казачьей пики... Дунаевъ влетѣлъ въ толпу всадниковъ, билъ сломанной шашкой по блестящимъ каскамъ, хотѣлъ выхватить револьверъ и вдругъ ударился плечомъ о мостовую и остался лежать, хотѣлъ приподняться, но голова перетягивала все туловище, а, прислонившись щекой къ холодному камню, было такъ хорошо и пріятно лежать.

Кругомъ кричали казаки:

— Бей, руби, хватай сзади, бери живьемъ, — гляди, хорунжій на землѣ лежать!

Эскадронъ, неожиданно атакованный десятью смѣльчаками, разсыпался.

По площади носились нѣмецкія лошади, валялись трупы, каски, палаши.

Чепуринъ и Никулинъ схватили хорунжаго Дунаева подъ мышки, и разъѣздъ поскакалъ дальше, ведя съ собой шесть плѣнныхъ.

Вслѣдъ неслись безпорядочные выстрѣлы, но вскорѣ утомленный разъѣздъ сталъ настигать свѣжій эскадронъ саксонскихъ

кирасиръ... Вотъ ближе, ближе... Тяжело дышатъ тяжелые нѣмецкіе гунтера, но казачьи кони совсѣмъ выбились изъ силъ. Вдругъ спереди раздался залпъ, другой, третій... Нѣмцы смѣшались въ кучу и бросились вразсыпную. Разъѣздъ былъ спасенъ: онъ достигъ своего охраненія; стрѣляла казачья застава, и прежній часовой, суетясь вокругъ казаковъ, нѣсколько разъ повторилъ:

— Техническій народъ, тямнить, да нашего брата не зашибешь, во какъ окрутить, ажно самому Вильгешѣ впору на островъ на Ельбу ѣхать, да рыбку тамъ удить винтерьками.

Къ счастью, прикладъ нѣмецкаго карабина только оглушилъ Дунаева. Голову его облили холодной водой—онъ пришелъ въ себя и кое-какъ могъ сидѣть на лошади. Печальнѣе было то, что неизвѣстно куда исчезли Шевырдяевъ и Власовъ.

Отдохнувъ около часу, разъѣздъ шагомъ двинулся въ Любень. Дунаевъ сидѣлъ верхомъ, хотя голова была словно налита свинцомъ и тянула книзу.

Не доѣзжая до Любени версты двѣ, изъ лѣсу лихо выскочила какая-то повозка и карьеромъ помчалась къ разъѣзду. На солнцѣ блестѣла нѣмецкая каска, правившая лошадьми. Когда повозка поравнялась съ разъѣздомъ, все стало ясно: на днѣ повозки лежали Шевырдяевъ и Власовъ, напѣвая веселую пѣсню:

Какъ бы мнѣ да млада ворона коня,
Я бы вольная казачка была,
Скакала бъ, плясала по лугамъ,
По зеленымъ по дубравушкамъ...

Кромѣ этихъ лицъ на подводѣ были три боченка съ пивомъ, на которыхъ были наклеены ярлыки съ надписью по-нѣмецки: „Отъ саксонскаго короля моимъ храбрымъ кирасирамъ за взятіе Варшавы".

Увидѣвъ Дунаева, казаки вытянулись. и на недоумѣвающій взглядъ его Шевырдяевъ поспѣшилъ сказать:

— Не извольте гнѣваться, ваше высокоблагородіе, мы всегда готовы со стараніемъ, такъ что какъ нѣмцы дали наутекъ, и вы поскакали, я и заприметилъ въ уличкѣ евту фуру, а на ней нѣмца да безъ ружья, да съ пивомъ... я и вспомнилъ про взводнаго, именинникъ ёнъ сегодня, крикнулъ хуторяшѣ, да такимъ манеромъ лѣсной тропкой и доставились, такъ что я отъ сердца, не извольте гнѣваться, а донесеніе я спряталъ за щеку, а какъ нѣмцевъ встрѣнулъ, такъ и проглотилъ его...

Былъ вечеръ. На походной кровати лежалъ Дунаевъ, обложенный компрессами. а денщикъ Денисовъ, нѣжно дергая край одѣяла, будилъ его и десятый разъ повторялъ:

— Ваше высокоблагородіе, тутъ къ намъ въ брягаду новая сестра милосердная пріѣхали, пришли къ вамъ и, надысь сказывали, ухаживать за вами сбираются.

— А, что, сестра? Проси, проси!.. — сказалъ Дунаевъ и приподнялся съ трудомъ.

Передъ нимъ стояла его маленькая, его милая Вѣрочка, которая такъ часто писала ему письма въ маленькихъ голубыхъ конвертикахъ.

А въ сосѣднемъ домѣ гуляли казаки, и грудной теноръ Шевердяева запѣвалъ:

Что женился на другой,
На пулечкѣ свинцовой!

а хоръ подхватывалъ:

Сабля остра была свашкой,
Штыкъ булатный былъ дружкомъ.

Наши солдаты-католики на богослуженіи въ костелѣ въ Ф.

Исповѣдь солдата-католика въ костелѣ въ Ф.

Въ разоренной Польшѣ. Питательный пунктъ для бѣдныхъ жителей.

Въ разоренной Польшѣ.
Костелъ въ Ф., разрушенный нѣмцами.

Слуга королей.

Разсказъ **Бориса Мирскаго.**

I.

Въ каждомъ углу, въ каждомъ просвѣтѣ стрѣльчатыхъ, задернутыхъ цвѣтистымъ стекломъ, оконъ, въ каждомъ портретѣ, на которомъ лицо казалось отъ времени темнымъ, какъ потускнѣвшій сургучъ, въ каждомъ старинномъ мечѣ, — а ихъ столько было развѣшано по стѣнамъ величественныхъ залъ, — Франсуа Жираръ находилъ особую, быть-можетъ, ему только одному извѣстную, жизнь. Всѣ эти предметы, носившіе печать вѣковъ, пролежавшіе цѣлыя столѣтія, эти картины, изображавшія вельможъ, закованныхъ въ желѣзо, и герцогинь въ странныхъ парчевыхъ нарядахъ,—говорили Жирару больше и лучше самой подробной, самой занимательной книги.

Всю свою жизнь,—а ему было шестьдесятъ четыре года,—онъ провелъ въ старомъ дворцѣ. Его отецъ тоже жилъ здѣсь, и еще ребенкомъ Жираръ благоговѣйно осматривалъ высокія залы, съ непонятнымъ, почти суевѣрнымъ страхомъ ходилъ по темнымъ коридорамъ, останавливался у старыхъ портретовъ и, осторожно, боязливо озираясь по сторонамъ, дотрогивался маленькими дѣтскими руками до холодной стали рыцарскихъ доспѣховъ. Проходили годы, сынъ придворнаго лакея изъ ребенка превратился въ юношу, сдѣлался взрослымъ, и наконецъ старикомъ. За стѣнами дворца жили, двигались, тамъ были фабрики и заводы, тамъ были роскошные театры, гигантскіе вокзалы; на большихъ улицахъ кипѣла жизнь. А въ старомъ герцогскомъ дворцѣ было тихо, и ничто не мѣнялось. За его оградой кипѣли страсти, люди боролись, страдали, радовались, любили и умирали, тамъ происходили политическія событія, страшныя катастрофы, тамъ рождались великія смѣлыя мысли, совершались преступленія, творились добрыя дѣла,—а здѣсь, между потемнѣвшими колоннами величавыхъ порталовъ, все оставалось такимъ же спокойнымъ, торжественнымъ и неизмѣннымъ.

Франсуа Жираръ очень рѣдко выходилъ на улицу; ему нечего было тамъ дѣлать. Въ шумномъ городѣ, среди живыхъ, волнующихся

Въ разоренной Польшѣ. Солдаты поднимаютъ разбитую фигуру папы Пія IX около разрушеннаго костела въ Ф.

людей онъ чувствовалъ себя одинокимъ, потеряннымъ, раздавленнымъ всей этой кипучей сутолокой, движеніемъ и шумомъ. И, возвращаясь во дворецъ, Франсуа съ радостью бродилъ по старымъ заламъ, благоговѣйно перебиралъ коллекціи оружія и стиралъ со старыхъ фламандскихъ портретовъ налетавшую пыль.

Онъ плохо понималъ и плохо разбирался въ современной жизни. Она казалась ему странной, безпорядочной, не въ мѣру шумливой, а главное, удивительно мизерной, измельченной. Новыя изобрѣтенія, политическіе перевороты, міровыя событія, все это проходило мимо, ускользало, не трогало, не волновало. Его жизнь была въ прошломъ. Вся торжественная, величественная и кровавая исторія дворца, всѣ эти рыцари въ блестящихъ латахъ, герцоги и принцы, жестокіе правители и благородные бунтовщики, суровые кардиналы и блестящіе придворные — всѣ они казались Жирару не умершими, живущими. Съ ними, нѣкогда жившими въ

Въ покинутой деревнѣ у окоповъ.

За перевязочнымъ матеріаломъ.

этомъ дворцѣ, Франсуа былъ связанъ какимъ-то глубокимъ, страннымъ родствомъ. Онъ зналъ до мельчайшихъ подробностей всю исторію дворца, всѣхъ герцоговъ, кардиналовъ, которые нѣкогда жили въ этихъ стѣнахъ, онъ зналъ ихъ походы, ихъ войны, ихъ торжественные совѣты, ихъ казни и трагическія кончины.

Два раза въ недѣлю во дворецъ приходили посѣтители: иногда они обращались къ Жирару- это случалось довольно рѣдко, такъ какъ посѣтителей было мало, а если они и бывали, то обыкновенно просматривали каталогъ, не спрашивая стараго слугу.

Въ каждой комнатѣ Франсуа зналъ самыя мельчайшія вещицы: онъ разсказывалъ, какой герцогъ или какой король останавливались въ этой залѣ, гдѣ они сидѣли, какую книгу они читали, показывалъ ихъ наряды, ихъ оружіе, зналъ, какіе листки молитвенниковъ перебирали пальцы этихъ давно исчезнувшихъ великихъ людей. Посѣтители обыкновенно скучали. Ихъ мало интересовала перчатка Вильгельма Оранскаго, они могли равнодушно пройти мимо евангелія герцога Альбы, и ихъ совсѣмъ не трогало и не умиляло начатое вязаніе Маргариты Пармской... Они всегда торопились, поминутно смотрѣли на часы и почти не слушали стараго слугу. Франсуа понималъ ихъ; онъ зналъ, что всѣ эти люди— только случайные гости въ его дворцѣ, что черезъ пять-десять минутъ они выйдутъ на улицу и въ сутолокѣ нелѣпой, некрасивой жизни забудутъ дворецъ, забудутъ его священные предметы, и никогда не вспомнятъ о великихъ умершихъ людяхъ.

Франсуа прощалъ имъ это равнодушіе.

— Слишкомъ мелки... Они всѣ слишкомъ заняты... Всѣ куда-то торопятся...

Старый слуга зналъ, что онъ недостоинъ цѣлыми днями находиться здѣсь, среди этого величія, и благодарилъ Бога, что онъ, скромный слуга, можетъ всю жизнь прожить въ этомъ чудномъ, полномъ тайны и величія, зданіи.

Смотритель дворца, немолодой и ученый человѣкъ, бывалъ здѣсь довольно рѣдко. Жираръ чувствовалъ къ нему особую, странную любовь, сознавалъ, что этого ученаго богатаго человѣка и его, простого слугу, связываютъ какія-то узы, что оба пріобщились великой, прекрасной тайны, что оба связаны старымъ дворцомъ. Смотритель цѣнилъ его преданность, а главное, знакомство со всѣми предметами дворца и, пріѣзжая сюда довольно рѣдко, — онъ жилъ въ другой части города, рядомъ съ университетомъ, — часами бесѣдовалъ съ Франсуа о старыхъ монетахъ, объ оружіи или о королевскомъ креслѣ, которое надо ремонтировать.

II.

Въ верхнемъ этажѣ помѣщалась библіотека. Франсуа приходилъ сюда каждый день и съ юныхъ лѣтъ читалъ старинныя книги. Читалъ, что попадалось подъ руку. Старыя библіи, написанныя средневѣковой латынью, мирные трактаты, протоколы судовъ, родословныя фландрскихъ дворянъ, исторіи войнъ, походовъ, царствованій. И вся исторія человѣчества представлялась ему исторіей дворца. Онъ ничего не зналъ и не хотѣлъ знать о томъ, что было раньше, какіе люди жили въ древности, о чемъ они думали, къ чему стремились. Онъ не задумывался и о будущемъ—оно казалось ему неинтереснымъ, ненужнымъ, совершенно безразличнымъ. Онъ зналъ только дворецъ, его исторію, и вся тысячелѣтняя многовѣковая жизнь человѣчества, его судьбы, его переживанія, трагедіи и радости— все это замыкалось старымъ дворцомъ и его обитателями. Борьба съ Испаніей, героическая эпоха гёзовъ, Вильгельмъ Оранскій, народные мятежи и суровый герцогъ Альба—онъ зналъ о нихъ такъ подробно, съ такими мельчайшими событіями и эпизодами, словно онъ жилъ въ эти давно ушедшія сѣдыя времена, словно онъ зналъ и видѣлъ этихъ людей.

Каждый портретъ, какая-нибудь заржавѣвшая стальная кольчуга, или высокое кресло, съ изогнутыми въ видѣ хищныхъ птицъ ручками, навѣвало цѣлый рой дорогихъ воспоминаній.

— Здѣсь сидѣлъ Карлъ!.. Вотъ эту шпагу отдалъ судьямъ благородный Эгмонтъ!.. Здѣсь была спальня королевы!..

Съ особой любовью, съ особой почтительностью Франсуа относился къ одной залѣ. Совершенно круглая, до потолка затянутая черной матеріей, почти безъ мебели - только нѣсколько тяжелыхъ креселъ, высокій столъ, два-три портрета на стѣнахъ и черный алтарь въ углу. Здѣсь засѣдала Кровавая Палата герцога Альбы. Франсуа зналъ даже имена трехъ судій, всѣ приговоры которыхъ были одинаковы:—смерть. Онъ помнилъ хитраго Дель-Ріо, жестокаго Гессельса и кровавого Варгаса, котораго народъ называлъ палачомъ. Онъ читалъ протоколы этого жестокаго судилища, зналъ по именамъ всѣхъ жертвъ суроваго герцога, ихъ женъ, ихъ осиротѣвшихъ дѣтей, помнилъ годъ, мѣсяцъ, даже число того дня, когда палачъ воткнулъ голову казненнаго на шестъ посреди площади въ Брюсселѣ.

Здѣсь судили графа Эгмонта. Жираръ вспоминалъ, какъ за дверью, въ темномъ коридорѣ, рыдали несчастная жена графа и его одиннадцать дѣтей, и какъ непреклоненъ былъ Альба; и часто старому слугѣ казалось, что онъ присутствуетъ при этомъ судѣ, что онъ видитъ жестокаго герцога, судей и благороднаго графа, который показываетъ герцогу на свое Золотое Руно.

— Нельзя казнить человѣка, у котораго на груди Золотое Руно!..

И слуга видитъ жестокую усмѣшку Варгаса, видитъ, какъ блѣднѣетъ графъ, слышитъ, какъ за тяжелой дверью рыдаетъ жена Эгмонта...

III.

Плотникъ, приходившій время отъ времени поправлять старыя рамы, первый сообщилъ Жирару, что началась война. Это извѣстіе не потрясло, даже не взволновало стараго слугу. Плотникъ разсказывалъ, что нѣмцы двинули на Бельгію два милліона солдатъ, что у нихъ громадныя пушки, которыя могутъ стрѣлять на десятки верстъ, и что вся страна отъ короля до послѣдняго солдата будетъ защищать родину.

Франсуа мало интересовался войной. Какое ему дѣло до того, что два милліона нѣмцевъ съ ихъ пушками двигаются на Бельгію. Онъ мало зналъ о современныхъ войнахъ и даже презиралъ ихъ. Иногда на улицѣ онъ видѣлъ солдатъ, офицеровъ, маленькія пушки, и, сравнивая ихъ съ красивыми драбантами былыхъ временъ, съ громадными тяжелыми бронзовыми пушками Карла Великаго, вспоминая былыя сраженія, которыя рѣшались личной храбростью и личными подвигами рыцарей, Жираръ съ презрѣніемъ думалъ о войнѣ, о какихъ-то стрѣляющихъ на многія версты пушкахъ и двухъ милліонахъ солдатъ.

„Два милліона!.. Они выставили два милліона!.. У Вильгельма Оранскаго было только восемь тысячъ... А на Моокерской равнинѣ съ двухъ сторонъ едва ли набрались бы пятнадцать тысячъ... И какъ они сражались! Какъ побѣждали, какъ умѣли умирать!..“

Франсуа видѣлъ изъ оконъ дворца, какъ проходили солдаты, случайно узнавалъ страшныя новости, онъ слышалъ, что нѣмцы осадили Льежъ, что бельгійцы геройски защищаютъ городъ; про-

Аварія автомобиля.

ходили дни, и все тревожнѣе становились извѣстія. Старый слуга узналъ, что Льежъ взятъ, что бельгійская армія отступаетъ; и наконецъ однажды утромъ во дворецъ пріѣхалъ смотритель.

— Слушайте, Франсуа, они приближаются къ городу. Я уѣзжаю сегодня во Францію. А вы?

— Я? Я, конечно, остаюсь...

— Это не безопасно. Подумайте, Франсуа. Если наши войска оставятъ городъ, то лучше было бы и вамъ уйти.

— Нѣтъ, нѣтъ. Я не за что не уйду...

— Ну, какъ хотите.

Франсуа остался. Остался даже тогда, когда въ окрестностяхъ города началось сраженіе, когда все небо запылало отъ рвущихся снарядовъ,—остался и тогда, когда прошли бельгійскія войска, когда мимо оконъ дворца проѣхалъ на автомобилѣ самъ король.

Франсуа остался, когда нѣмецкія войска вошли въ городъ, и у воротъ дворца остановился непріятельскій разъѣздъ...

IV.

Майоръ Бруммель любилъ искусство, собиралъ картины, поскольку позволялъ ему доходъ небольшого имѣнія въ Познани, и среди товарищей считался общепризнаннымъ знатокомъ и цѣнителемъ. Въ старомъ дворцѣ майоръ нашелъ цѣлую сокровищницу искусства и древностей. Бруммель, какъ зачарованный, въ восторгѣ переходилъ изъ одной залы въ другую. Старинные портреты, настоящій Ванъ-Дикъ, нѣсколько Рубенсовъ, книги, оружіе, драгоцѣнныя реликвіи, подлинные слѣды вѣковъ!

— Какъ это хорошо! Вѣдь этимъ сокровищамъ нѣтъ цѣны! Это—живая исторія! Здѣсь каждый предметъ, каждая мелочь—безцѣнный, великій кладъ...

Въ первый разъ за всю свою жизнь Франсуа нашелъ посѣтителя, который внимательно слушалъ его разсказы, останавливался возлѣ каждой вещицы, по получасу простаивалъ возлѣ какого-нибудь крошечнаго стараго портрета и съ такой любовью, съ такимъ интересомъ перебиралъ выцвѣтшіе листы старинныхъ фоліантовъ. Слуга проникся къ нѣмецкому майору дружбой, преданностью. Наконецъ-то онъ нашелъ человѣка, который такъ же любитъ и понимаетъ эту старину, который не торопится, не смотритъ на часы, не перебиваетъ его и внимательно слушаетъ о старыхъ короляхъ и давно исчезнувшихъ герцогахъ. О, это навѣрное хорошій, настоящій человѣкъ! И Жираръ почувствовалъ къ нему любовь, какъ къ нѣкоему единомышленнику, знающему невѣдомый пароль, таинственный секретъ проникновенія въ прекрасную ушедшую старину...

— Это очень хорошо! Это великолѣпно!—повторялъ майоръ.

Только на третій день нѣмецкій офицеръ закончилъ осмотръ. Франсуа почувствовалъ нѣкоторую жалость, сожалѣніе, что онъ уже все показалъ, что уже больше нечего смотрѣть, офицеръ уйдетъ, и, можетъ-быть, никогда больше не придется ему съ такой тщательностью, съ такимъ стараніемъ показывать свои сокровища. Но на слѣдующій день майоръ снова пришелъ съ другими офицерами. Они тоже восторгались старыми картинами, охали и ахали, удивляясь величію дворца, но Франсуа сразу понялъ, что эти люди далеки отъ старинныхъ сокровищъ, отъ картинъ и книгъ, отъ рѣзныхъ креселъ и массивныхъ колоннъ. Ихъ интересовали только драгоцѣнности. Возлѣ сапфировыхъ коронъ, возлѣ усыпанныхъ брильянтами королевскихъ орденовъ они останавливались, говорили, спорили. Они курили; въ первый разъ Жираръ видѣлъ, чтобы въ залахъ кто-либо осмѣлился курить. Офицеры предлагали ему сигару, но Франсуа, конечно, отказался. Развѣ могъ онъ осмѣлиться закурить въ своемъ храмѣ!..

Когда осмотръ кончился, майоръ обратился къ одному изъ офицеровъ:

У вокзала за ранеными.

— Капитанъ Фридбергъ, возьмите этого человѣка и составьте съ нимъ опись. Не забудьте и не пропустите ни одной вещицы. Все должно быть отправлено въ Берлинъ.

Жираръ сначала даже не понялъ, что значитъ опись.

„Очевидно, нѣмцы такъ заинтересовались нашимъ дворцомъ, что хотятъ записать всѣ предметы!..“

Но офицеръ, который обходилъ вмѣстѣ съ Франсуа залы, записывая картины и оружіе, объяснилъ слугѣ, что черезъ нѣсколько дней все имущество дворца будетъ отправлено въ берлинскій музей.

Городъ Андреевъ.

— Господинъ капитанъ, это невозможно...

— Что? Почему же?

— Вы шутите? Отсюда ничего нельзя уносить... Это все принадлежитъ дворцу... Вы не сдѣлаете этого, господинъ капитанъ!

— Что за глупости! Весь инвентарь дворца будетъ отправленъ въ берлинскій музей, и наши профессора прекрасно изучатъ и опишутъ всѣ ваши рѣдкости...

— Ради Бога... Вѣдь это ужасно!.. Не трогайте... Я не пущу... Я умоляю васъ...

Капитанъ равнодушно посмотрѣлъ на старика и отвернулся, продолжая записывать. Къ вечеру опись была закончена, и офицеръ ушелъ.

V.

Франсуа сидѣлъ въ тронной залѣ, въ углу, въ темной нишѣ и смотрѣлъ на раззолоченные стулья, на высокія расцвѣченныя камнями вазы, скрещенные мечи на стѣнахъ, на дорогіе знакомые предметы, на которыхъ теперь бѣлѣли бумажные ярлычки, наклеенные нѣмцами.

Въ жизнь стараго слуги неожиданно ворвалось громадное, тяжелое, опустошающее; жизнь, какой она была, — кончилась. Черезъ нѣсколько дней дворецъ опустѣетъ, и всѣ его сокровища, взлелѣянныя и любимыя,—все это исчезнетъ, не станетъ. Будутъ пустыя залы—будетъ пустая жизнь...

— Надо уйти, забыть, оставить...

Франсуа стало страшно. Внезапно оборвалась жизнь, исчезли ея интересы, куда-то должны будутъ уйти всѣ эти старые герцоги и короли, должны исчезнуть ихъ походы, сраженія и войны, ихъ пышные пиры, ихъ жестокія казни, исчезнетъ ихъ любовь, ихъ радости, ихъ счастье и горе. Значитъ, надо было итти въ другую жизнь, въ ту шумную, безпокойную, мелкую суету, которая начиналась за оградой, надо было жить новыми интересами, забыть все свое.

Словно насмѣшка, звучали слова офицера: „профессора прекрасно опишутъ“. Да развѣ могутъ нѣмецкіе профессора понять и полюбить этотъ дворецъ, развѣ могутъ они знать каждый уголокъ съ его воспоминаніями, развѣ могутъ такъ любить?.. Нѣтъ, нѣтъ!

Опись дворца была закончена. Не было ни одной, даже самой маленькой вещицы, не было ни одной картины, ни одной ржавой кольчуги, ни одного пергамента, на которомъ не бѣлѣлъ бы ярлыкъ съ нумеромъ. Сегодня Франсуа Жираръ проводитъ послѣднюю ночь во дворцѣ. Завтра начнутъ вывозить вещи, и старый слуга долженъ будетъ уйти, искать новое жилище, начинать новую жизнь.

Послѣдняя ночь. Франсуа зажегъ свѣчу и вышелъ изъ своей крохотной комнатки подъ лѣстницей. Въ послѣдній разъ захотѣлъ онъ взглянуть на тихія залы, взглянуть на все то, что за шестьдесятъ четыре года сдѣлалось неотъемлемой, неотдѣлимой частью его самого.

Узенькое, колеблющееся и неровное пламя свѣчи бросало трепещущія странныя тѣни. Фигура старика отбрасывала длинную, извивающуюся темную полосу, стелившуюся на блестящемъ паркетѣ и расползавшуюся по увѣшаннымъ картинами и оружіемъ стѣнамъ. Залы дворца, словно встревоженныя этими робкими шагами, словно вспугнуло ихъ желтоватое пламя — теперь казались насторожившимися, зловѣщими: старикъ разбудилъ чей-то покой, и вотъ-вотъ у тяжелыхъ чугунныхъ дверей выраститъ фигура громаднаго брабанта: онъ вытянетъ

Возвращеніе выздоравливающихъ и оправившихся отъ ранъ въ строй къ своему полку.

свою блестящую аллебарду и огласить заснувшій чертогъ громовымъ:

— Кто идетъ?..

Но Франсуа не чувствовалъ страха. Статуи рыцарей, закованныхъ въ желѣзо, отбрасывавшія жуткія косматыя тѣни, были ему знакомы. Онъ чувствовалъ себя среди своихъ, зналъ, что разбуженныя тѣни тоже считаютъ его своимъ, а потемнѣвшіе портреты о чемъ-то шепчутся между собой, передаютъ другъ другу черезъ бронзу массивныхъ рамъ о страшной новости, о завтрашнемъ разгромѣ, и призываютъ его, чтобъ вмѣстѣ обсудить тяжелое горе.

Жираръ прошелъ черезъ длинный коридоръ и остановился у низкой двери, задернутой бархатной портьерой. Здѣсь была спальня короля. Слуга поставилъ свѣчу на высокій мраморный подоконникъ и остановился. Вотъ заколыхались тяжелыя складки, и на порогѣ показался рослый швейцарскій гвардеецъ: онъ привѣтливо кивнулъ Жирару и, глядя на него съ удивленіемъ, прошепталъ:

— Король спитъ... Тише!..

Франсуа хотѣлъ протянуть ему руку, но сжавшіеся пальцы почувствовали пустоту: тяжелыя пунцовыя складки попрежнему неподвижно обрамляли дверь.

Франсуа двинулся дальше. Непонятно и тревожно что-то влекло его наверхъ въ большую просторную залу, гдѣ помѣщалась библіотека. Онъ уже не шелъ, онъ бѣжалъ, придерживая рукой колеблющееся пламя, и гулъ собственныхъ шаговъ казался ему шумомъ десятковъ, сотенъ, тысячъ бѣгущихъ ногъ.

VI.

...Въ круглой ротондѣ, украшенной сверкающими бронзовыми колоннами, онъ встрѣтилъ его. Франсуа сразу узналъ герцога. Тотъ же нарядъ, тѣ же черныя желѣзныя латы, Золотое Руно у плеча и тяжелая шпага. Герцогъ Альба, какъ всегда, суровый и сумрачный, былъ печаленъ и задумчивъ. Онъ остановилъ слугу легкимъ движеніемъ руки.

— Франсуа, пришли враги. Завтра мы погибнемъ. Ты знаешь, что нужно дѣлать?

Франсуа низко поклонился и чуть слышно прошепталъ:

— Я исполню, ваша свѣтлость.

— Ну иди!—И герцогъ кивнулъ ему головой такъ низко, что клинообразная сѣдая борода закрыла золоченый крестъ, сверкавшій на желѣзной груди.

Франсуа бѣжалъ дальше, но уже весь дворецъ былъ разбуженъ. То тутъ, то тамъ попадались встревоженные солдаты въ блестящихъ кирасахъ, съ развѣвающимися султанами шлемовъ. Они потрясали мечами и аллебардами и, наклоняясь къ Жирару, спрашивали его пароль. Онъ отвѣчалъ:—„Фландрія и Богъ“, и шелъ дальше. На лѣстницѣ онъ встрѣтилъ герцогиню Пармскую и, отвѣсивъ ей низкій поклонъ, посторонился; но не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ увидѣлъ рыдающую жену Эгмонта, она схватила его за руки и, обливаясь слезами, проговорила:

— Франсуа, дорогой Франсуа, они осудили моего мужа... Онъ будетъ казненъ...

А вотъ нѣсколько гёзовъ стоятъ въ круглой маленькой залѣ. Франсуа знаетъ, что это заговорщики. О, онъ отлично понимаетъ, о чемъ шепчутся эти пышные дворяне; онъ слышалъ, что въ нѣсколькихъ миляхъ, въ маленькой деревушкѣ, уже собрано большое войско, что крестьяне окрестныхъ деревень ждутъ только сигнала, чтобы напасть на испанцевъ, и во главѣ ихъ стоитъ Оранскій.

... Шурша шелковыми подолами, беззаботно смѣясь и кокетливо оправляя прически, сбѣжали съ лѣстницы двѣ придворныя дамы, и слѣдомъ за ними изъ полутемнаго коридора вышли двое молодыхъ вельможъ съ букетами въ рукахъ.

Франсуа взбѣжалъ по лѣстницѣ, распахнулъ двери и очутился въ библіотекѣ. Двое монаховъ разбирали груду пыльныхъ пергаментныхъ листовъ, сложенныхъ на полу. Одинъ изъ нихъ—Франсуа зналъ этого высокаго худого патера—наклонился и поднялъ бѣлый нѣмецкій ярлыкъ.

— Братъ, что это за знакъ? Кто-то разбиралъ безъ насъ библіотеку. Франсуа, кто здѣсь былъ?..

Старикъ хотѣлъ-было отвѣтить, разсказать патеру, что цѣлый день здѣсь рылись нѣмецкіе офицеры, что это они наклеили бѣлый ярлыкъ съ нумеромъ, но монаховъ уже не было. Франсуа былъ одинъ въ большой залѣ, среди груды валявшихся книгъ, не было уже у дверей бородатаго ландскнехта, всюду было тихо, безмолвно, спокойно.

Что это? Ихъ нѣтъ?.. Они исчезли?.. Это было видѣніе? Нѣтъ, нѣтъ, я видѣлъ ихъ, я говорилъ съ ними... и я исполню приказаніе герцога...

Послѣдній разъ Франсуа окинулъ взглядомъ старую библіотеку, послѣдній разъ посмотрѣлъ на ровные ряды пожелтѣвшихъ переплетовъ, на пыльныя пачки старинныхъ пергаментовъ и тяжелыхъ фоліантовъ.

— Надо исполнить приказаніе герцога!—прошепталъ Франсуа.

Онъ взялъ свѣчу и коснулся сложенныхъ листовъ дрожащимъ пламенемъ. Старый сухой пергаментъ вспыхнулъ и запылалъ веселымъ, искрящимся огонькомъ. Сейчасъ же загорѣлись другіе, и черезъ нѣсколько мгновеній цѣлый столбъ пламени сверкающими дрожащими языками охватилъ библіотеку. Съ сухимъ трескомъ загорались старые переплеты, радостно вспыхивали полуистлѣвшіе листки, и съ зловѣщимъ шипѣніемъ загоралась кожа переплетовъ. Вся библіотека была въ огнѣ.

Франсуа даже не замѣтилъ, какъ желтые длинные языки пламени, шипя, поползли къ нему, какъ мигомъ вспыхнула и загорѣлась одежда, онъ видѣлъ только герцога Альбу, который кивалъ ему головой и, опираясь на тяжелый мечъ, тихо шепталъ:

— Хорошо, Франсуа, хорошо; ты исполнилъ мое приказаніе. Они не возьмутъ насъ...

VII

...Старый дворецъ, построенный полтысячи лѣтъ тому назадъ, сгорѣлъ до основанія.

На передовыхъ позиціяхъ. Чаепитіе во время отдыха.

Бѣженцы изъ Шавель. Рисунокъ И. Владимірова.

Подвижной складъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Раздача горячей пищи солдатамъ, отправляющимся на позиціи.

Въ заревѣ войны.

(Записки военнаго корреспондента). **М. Доманскаго.**

Жуткая усадьба.

Въ заштатномъ городкѣ Ковенской губ. Шадовѣ мѣстный урядникъ, посылая стражника за лошадьми для меня, заранѣе извиняется:

— Хорошихъ у насъ сейчасъ не найти! Всѣхъ нѣмцы позабирали.

— Какихъ-нибудь! Лишь бы до Бейсаголы добраться!—говорю.

Черезъ полчаса подкатываетъ крестьянскій фургонъ. Сзади—сидѣніе изъ сѣна для меня. Впереди на доскѣ, положенной поперекъ фургона, сидитъ мальчишка лѣтъ четырнадцати-пятнадцати, бѣлоголовый, голубоглазый. Въ дышлѣ пара лошадей. Одна обыкновенная, крестьянская, низкорослая. Другая—великанъ съ довольно рельефно обрисовывающимися ребрами. Еще бы деньковъ пять строгой діэты и—настоящій Россинантъ.

— Ты что жъ такую несуразную пару подобралъ?—обращаюсь къ юному возницѣ.

— Иначе нема! — улыбается.—Былъ добрый конекъ до пары съ этимъ, але нѣмцы забрали. Я боронилъ въ полѣ, а они пріѣхали у трехъ, похлопали моего конька. „Гутъ",—говорятъ. Одинъ слѣзъ съ этого одра, переклалъ сѣдло на моего конька, а своего оставилъ. Теперь такъ до пары и бѣгаютъ. А люди смѣются.

Вещи мои переложены, трогаемся въ путь.

Возница оказался парнишкой чрезвычайно словоохотливымъ. Повернулся ко мнѣ и съ увлеченіемъ разсказываетъ о нашествіи нѣмцевъ. О томъ, какъ они забирали лошадей, повозки, хлѣбъ. Какъ ловили по деревнямъ куръ и обрубали имъ тесаками головы. А, уходя изъ деревень, поджигали ихъ.

Мнѣ очень легко представить себѣ всю эту картину, такъ какъ мимо моей бойко подпрыгивающей колымаги, чередуясь, проплываютъ сожженныя либо цѣликомъ, либо только частью деревни и бивуаки германцевъ: не хватало, видно, мѣста подъ крышами; въ деревняхъ устраивались офицеры, а солдаты, натаскавъ соломы, ложились вдоль дороги въ канавахъ. Чернѣютъ устроенные въ землѣ очаги; а вокругъ нихъ валяется множество перьевъ и пуху. Мѣстами такъ много, что, кажется, не весь еще снѣгъ стаялъ, остались плѣшины.

Мальчикъ примолкъ, — разсказалъ уже все. Повернулся къ лошадямъ, подергиваетъ вожжами, причмокиваетъ, посвистываетъ. Справа, на горизонтѣ, лежитъ плотная темная туча. Солнце нырнуло въ нее, и сразу наступилъ вечеръ: поля подернулись фіолетовыми тѣнями, дальніе лѣса почернѣли; надъ низинами поплыли первыя призрачныя нити тумана. Тихо. Только глубокій песокъ скрипитъ подъ колесами телѣги.

Такъ, молча, ѣдемъ минутъ двадцать. Вдругъ мальчикъ снова поворачивается и, указывая куда-то въ сторону кнутовищемъ, говоритъ:

— О, на томъ фольваркѣ нѣмцы очень нашкодили! Убили арендатора и его брата, жену арендатора чуть голодомъ не уморили, а съ дочкой такое сдѣлали, что она умерла! Въ домѣ все побили, поломали! Кони и коровы, какихъ не взяли, то всѣхъ перестрѣляли. Ой, тутъ страшное дѣло было!

Слѣва, въ полуверстѣ отъ дороги, въ ложбинкѣ межъ деревьями, виднѣются крыши строеній. Близко, можно заѣхать.

— Поворачивай!—приказываю мальчику.

— Куда?

— На фольваркъ!

Нѣсколько хозяйственныхъ построекъ образуютъ дворъ. Воротъ нѣтъ, просто въѣздъ. Противъ въѣзда небольшой жилой домъ съ бѣлыми ставнями и кустами передъ окнами. За домомъ фруктовый садъ. Вокругъ могильная тишина. Даже собака не залаяла.

Точно угадавъ мою мысль, возница замѣчаетъ:

— Они здѣсь даже собакъ перестрѣляли!

Слѣзаю съ телѣги. Въ ту же минуту навстрѣчу мнѣ изъ избы,

Вагонъ, разрушенный взрывомъ бомбы съ непріятельскаго аэроплана.

повидимому, людской, выходитъ почтенный крестьянинъ. Другой остановился въ дверяхъ.

— Вы здѣшніе?—спрашиваю.

— Не, мы караульщики! Здѣшнихъ нѣтъ никого!

— Осмотрѣть усадьбу можно?

— Чему не? Можно!

Оглядываюсь. Вокругъ набросана солома. Валяются какіе-то обломки, на первый взглядъ непонятные. Только присмотрѣвшись внимательнѣе, вижу, что это обломки мебели, разбитой вдребезги. Вотъ ножка отъ стула. Вотъ треть дверцы отъ шкапа. Кусочекъ спинки кровати, передняя доска ящика, должнобыть, комода. Среди обломковъ мебели попадаются бѣлые черепки посуды. Все искрошено въ мелкіе кусочки.

Ворота экипажнаго сарая сорваны. Ихъ нѣтъ совсѣмъ,—вѣроятно, пошли на устройство козырька въ окопѣ. Въ воротахъ застряла какая-то таратайка безъ передка.

— Одну получше они увезли!—объясняетъ мнѣ караульщикъ.—А эта имъ, видно, негодяща, непрочна. Такъ они только передокъ забрали!

Солдаты у своихъ землянокъ на передовыхъ позиціяхъ.

Въ остальныхъ постройкахъ тоже всѣ ворота сорваны и унесены.

— А домъ не запертъ? Войти можно?

— Можно!

Поднимаемся по ступенькамъ, входимъ въ первую комнату, потомъ во вторую, третью. Обходимъ весь домъ. Картина разрушенія изумительная.

Вотъ комната, которая была, очевидно, столовой. Вмѣсто стола три ножки съ кускомъ настольной доски. Отъ стульевъ не осталось и слѣда. Отъ дивана осталось только мягкое сидѣнье, покрытое пестрымъ кретономъ. И даже крюкъ для лампы вырванъ такъ, что въ потолкѣ зіяетъ громадная черная дыра. На полу плотнымъ слоемъ лежатъ изорванныя въ мелкіе лоскутки книги и бумаги, осколки побитой посуды.

— Вы не знаете, что здѣсь, въ этой усадьбѣ, произошло?—обращаюсь къ почтенному крестьянину.

— Знаю! Знаю! Слыхалъ, какъ сама здѣшняя хозяйка разсказывала. Она хоть и потеряла голову, больная сейчасъ, а помнитъ все, что здѣсь было. И баба одна, въ скотницахъ здѣсь жила, тоже мнѣ говорила. Я знаю, знаю!

— Разскажите, пожалуйста!

— А то было такъ. Сидѣлъ арендатель съ женой и съ дочкой, она къ нимъ погостить пріѣхала, мужъ у нея на желѣзной дорогѣ служитъ, не то въ Митавѣ, не то въ Ригѣ. Молодая дочка, всего третій годъ замужемъ, и красивая. Сидятъ—обѣдаютъ. Старуха безпокоится, ворчитъ:

„— Уходить надо! Нѣмцы уже близко!

„— Куда мы пойдемъ?—арендатель говоритъ.—Тутъ наше все добро. На кого его покинешь? Оставаться надо. Може, нѣмцы намъ худого не сдѣлаютъ. Тоже люди!

„Только сказалъ, вдругъ за окномъ гомонъ, конскій топотъ. Кинулись они къ окну, смотрятъ,—полонъ дворъ нѣмцевъ. Пришло ихъ сразу человѣкъ двѣнадцать.

„— Черезъ часъ, говорятъ, еще подойдутъ. Много!

„И первымъ дѣломъ на конюшню. А тамъ у арендателя чверка добрыхъ коней стояла. Такъ они сейчасъ всѣхъ себѣ забрали.

„Взмолился арендатель:

„— Что вы со мною дѣлаете? Сейчасъ самая работа, что я безъ коней дѣлать буду?

„— Ладно!—старшій говоритъ.—Мы тебѣ на замѣну чверку своихъ оставимъ!

„И поставили въ конюшнѣ такихъ, на какой вы пріѣхали: старыхъ, худыхъ, одна кожа да кости.

„— А теперь, говорятъ, хозяинъ, покорми насъ хорошенько!

„Пошли въ домъ. Стали садиться за столъ, всѣмъ мѣста не хватаетъ. А въ углу столикъ стоялъ. На немъ Распятіе, Божья Матерь, верба священная. Такъ повѣрите, одинъ нѣмецъ дернулъ за скатертку, которой столикъ былъ накрытъ, сбросилъ все на полъ, а столикъ приставилъ къ большому столу

„Не вытерпѣла арендательша.

„— Какъ вамъ, говоритъ, не стыдно? Развѣ вы не христіане?

„А старшій какъ крикнетъ на нее:

„— Молчи, старая вѣдьма! Подавай лучше обѣдъ. И вина, водки давай!

„Часа два ѣли и пили. А въ это время братъ арендателя пріѣхалъ съ сосѣдства предупредить. что нѣмцы подходятъ, да опоздалъ. Потомъ еще понаѣхало нѣмцевъ много. Шумъ, гамъ, крики начались, потому что нѣмцы, которые раньше пріѣхали, успѣли уже напиться: у арендателя спирту было три боченка и вина немного.

Полковой обозъ передъ выѣздомъ на позиціи за ранеными.

„Вечеромъ арендатель говоритъ женѣ:

„— Уѣзжай ты съ дочкой въ Шавли, а то видишь, что̀ тутъ творится!

„Арендательша согласилась. Да только уѣхать нельзя уже было: нѣмцы вокругъ фольварка часовыхъ поставили, никого не выпускаютъ. Боялись, должно, чтобы кто-нибудь не добѣгъ до русскихъ и не привелъ ихъ.

„А пьяные нѣмцы уже по всему дому хозяйничаютъ. Пораскрыли всѣ шкапы, комоды; выбрасываютъ все добро на полъ, а какъ что̀ кому понравится, такъ сейчасъ въ карманъ. Книжки, какія были, всѣ порвали. По всѣмъ комнатамъ ходятъ. Къ одной двери подошли,—заперта.

„— Почему заперто?—спрашиваютъ.

„— Тамъ дочка моя больная!—говоритъ арендатель.

„— Какъ больная? Она же недавно съ вами вмѣстѣ ходила!

„— А сейчасъ захворала!

„— Ну, такъ мы ее полѣчимъ. У насъ здѣсь фельдшеръ есть.

„— Лучше ее не безпокоить!

„— Пустяки! Мы ее живо вылѣчимъ!

„Позвали фельдшера, приказали отпереть дверь, вошли. Человѣкъ шесть ихъ вошло. А дочка арендателева сидитъ бѣлая, перепугалась сильно.

„— Что̀ у васъ болитъ?—подходитъ къ ней фельдшеръ.

„Вдругъ одинъ изъ солдатъ и говоритъ:

„— Ее раздѣть и осмотрѣть нужно, потому больныхъ всегда осматриваютъ!

„— Вѣрно! Вѣрно!—загалдѣли всѣ солдаты. — Раздѣть и осмотрѣть!

„Одинъ солдатъ подскочилъ къ арендателевой дочкѣ и—шасть!—разорвалъ ей платье на груди. Тутъ старуха на нѣмцевъ накинулась.

„— Что̀ вы дѣлаете, душегубцы? Бога вы не боитесь! Зачѣмъ женщину обижаете?

„Да хотѣла собою дочку прикрыть. А солдатъ какой-то какъ ударить ее кулакомъ въ грудь, такъ она въ уголъ и покатилась. Другіе опять къ дочкѣ бросились. Стали съ нея платье срывать.

„Тутъ ужъ и арендатель не вытерпѣлъ,—кинулся на обидчиковъ. И братъ за нимъ. Одного солдата съ ногъ сбили, другого.

„— Убѣгай! Въ окошко прыгай!—кричитъ арендатель дочкѣ.

„Не успѣла. На шумъ прибѣжали еще нѣмцы.

„— А!—кричатъ.—Сопротивляться вздумали! Драться! Такъ вотъ же вамъ!

„Кинулись на несчастныхъ и въ одинъ мигъ тесаками зарубили обоихъ.

„Тѣмъ временемъ съ арендателевой дочки не только платье — рубашку сорвали. Мать очнулась, да опять къ ней. Хотѣлъ одинъ солдатъ и ее прикончить, уже тесакомъ замахнулся. Да другой остановилъ:

— „Зачѣмъ ее, старую каргу, убивать? Лучше запереть куда-нибудь!

„Схватили старуху, скрутили ей пояскомъ руки, потому она отбивалась очень сильно, снесли въ погребъ и заперли на замокъ.

„Всю ночь въ фольваркѣ гульба шла. Пьянствовали солдаты и надъ дочкой арендателевой потѣшались.

„Скотница мнѣ разсказывала, будто ночью слыхала, какъ та кричала нѣсколько разъ. А только помощи никакой оказать нельзя, потому нѣмцевъ кругомъ сила. И грохотъ во всемъ домѣ стоялъ страшный, потому били все и ломали. Что̀ дальше было, скотница не знаетъ, потому и она и остальные, кто во дворѣ былъ, ночью, въ темнотѣ утекли.

„А только извѣстно, что еще цѣлый день и цѣлую ночь нѣмцы въ фольваркѣ провели. Утромъ уѣхали всѣ до одного.

„Вечеромъ, когда пришли люди на фольваркъ, то такое увидали, что и разсказывать страшно. За гумномъ, на огородѣ, арендателя съ братомъ нашли. Почернѣли, и духъ отъ нихъ уже пошелъ. А въ спальнѣ поперекъ кровати арендателева дочка мертвая лежитъ. Недавно, должно-быть, умерла: не успѣла еще захолодать. Лежитъ голая и вся въ крови.

„И все въ домѣ перебито, переколочено, вотъ, какъ видите. Хватились арендаторшу искать. Нѣтъ нигдѣ. Что̀ за исторія, думаемъ. Неужели нѣмцы ее съ собою увезли? Зачѣмъ она имъ?

„Потомъ только кто-то додумался въ погребъ заглянуть. Лежитъ арендаторша на кучѣ картофеля и чуть стонетъ: избитая и ослабѣла отъ голода, двое сутокъ не ѣла. Сейчасъ арендательшу въ Поневѣжъ отвезли. А вотъ спальня, гдѣ дочку мы нашли“.

Небольшая комната. Одна кровать стоитъ въ углу. Двѣ ножки у нея сломаны; не выдержали, видно, тяжести. Постель измята,

На австро-итальянскомъ фронтѣ. Портъ Каттаро на Адріатическомъ морѣ.

Австрійскій портъ Пола на Адріатическомъ морѣ. Набережная и арсеналъ.

Австрійскій портъ Пола на Адріатическомъ морѣ. Маякъ и семафоръ у входа въ портъ.

Торжество героя. Церемонія награжденія орденомъ Почетнаго Легіона раненаго офицера.

разбросана. Другая кровать отодвинута отъ стѣны. Постели на ней нѣтъ. На полосатомъ розовомъ матрацѣ жутко чернѣютъ нѣсколько кровавыхъ пятенъ.

Невольно останавливаюсь и задумываюсь. Какія муки должна была пережить несчастная молодая женщина! Какой ужасъ видѣли эти стѣны съ такими мирными, наивными цвѣточками на обояхъ!

Я благодарю разсказчика, сую ему въ руку монету, выхожу на дворъ и взбираюсь на свою колымагу.

— Язда! (Поѣзжай!)

Вскорѣ силуэты жуткой кошмарной усадьбы тонутъ позади въ вечернемъ мракѣ.

Героизмъ обыденности и героизмъ войны.

Изъ психологіи воздухоплавателей.

Ал. Богданова.

Когда надъ аэродромами парили гигантскія птицы, сдѣланныя искусными человѣческими руками, тысячныя толпы народа съ восторгомъ и замираніемъ сердца слѣдили за ними и не знали, чему удивляться болѣе: чудесамъ ли современной техники, осуществившей вѣчныя мечты Икара, или же сверхчеловѣческому мужеству, которое проявляли летчики, каждую минуту и каждую секунду рискуя своей жизнью. Пилотомъ можетъ быть не всякій. Помимо готовности пожертвовать собою въ нужный моментъ и смѣлости, здѣсь нужны еще особыя душевныя качества, которыя заложены въ натурѣ, или должны быть воспитаны путемъ долгаго упражненія: хладнокровіе, рѣшительность и находчивость. Ныряніе въ воздухѣ, паденіе на хвостъ, мертвая петля, удары „шасси" (повозкой) и тому подобное — все это красивая героическая сказка. И творится она талантомъ и изумительной волей летчика, легко и радостно играющаго опасностями жизни.

Исторія воздухоплаванія до сихъ поръ была и осталась яркимъ и поучительнымъ примѣромъ безкорыстныхъ подвиговъ и жертвъ. Начиная съ братьевъ Монгольфье и кончая погибшими въ настоящей войнѣ Нестеровымъ, Грузиновымъ, Шпицбергомъ, Кульневымъ и прочими неустрашимыми героями воздуха, передъ нами развертывается безконечный списокъ людей, возвысившихся надъ мелкой обыденностью. Собственно, еще раньше братьевъ Монгольфье, исторія дала нѣсколько подобныхъ же образцовъ самоотреченія ради идеи. Героизмъ современности былъ предвосхищенъ нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ. Такъ, въ одной русской лѣтописи сообщается:

„1731 года въ Рязанѣ при воеводѣ подъячій Нерехтецъ Крякутной Фурвинъ здѣлалъ — какъ мячъ большой — надулъ дымомъ поганымъ и вонючимъ, отъ него здѣлалъ петлю, сѣлъ въ нее и нечистая сила подняла его выше березы, и послѣ ударила его о колокольню, но онъ уцѣпился за веревку, чѣмъ звонятъ, и остался тако живъ... Его выгнали изъ города, но онъ ушелъ въ Москву и хотѣли закопать живого въ землю или сжечь".

Торжество героя. Послѣ церемоніи генералъ цѣлуетъ раненаго офицера.

Еще раньше, въ 1669 году, „нѣкій стрѣлецъ Сѣровъ, наглядѣвшись на поле голубей", самъ сдѣлалъ „крыле великія изъ крылевъ голубей", взвился на нихъ на семь аршинъ и упалъ.

Сѣровъ и Фурвинъ — Мацѣевичъ и Нестеровъ!.. Есть органическая преемственная связь въ ихъ стремленіи „per aspera ad astra"... Къ звѣздамъ, къ солнцу, къ идеаламъ, къ сверхобыденному — таковъ девизъ...

Война въ рядовыхъ людяхъ воспитываетъ мужество, мужественныхъ же людей заставляетъ совершать чудеса.

На западномъ фронтѣ. Мулла, прикомандированный къ африканскимъ войскамъ, и католическій священникъ подъ эскортомъ конныхъ стрѣлковъ объѣзжаютъ позиціи и стоянки.

И если въ обычное время всѣхъ поражаетъ стоическое равнодушіе летчиковъ къ опасностямъ и смерти, то во время войны стоицизмъ ихъ неизмѣримо глубже и красивѣе.

— Ну, погибну, — какое значеніе имѣетъ жизнь человѣческая передъ тѣмъ, что дѣлается?.. — говорилъ наканунѣ своей смерти Нестеровъ.

Французскій авіаторъ Гарро послѣ объявленія войны основалъ общество подъ девизомъ: „побѣда или смерть".

Средины нѣтъ и не можетъ быть. Вся жизнь летчиковъ, условія ихъ работы въ вѣчномъ напряженіи и рискѣ, вся психологія ихъ—таковы, что душа ихъ не можетъ мириться съ ничтожными крупицами результатовъ. „Или все, или ничего!.." Это—своеобразная психологія, и небезынтересно ознакомиться съ ней поближе.

По свидѣтельству самихъ авіаторовъ, полеты и пребываніе въ воздухѣ настраиваютъ вообще возвышенно. Первое, что охватываетъ человѣка, поднявшагося съ земли на воздушный просторъ, это—чувство величія красоты и свободы. Нѣчто подобное, но въ несравненно меньшей степени, испытываютъ только закаленные въ буряхъ моряки. Безграничность океана родитъ въ душѣ также соотвѣтствующіе отзвуки. Но мощь и красота воздушной стихіи властвуетъ и влечетъ еще сильнѣе, можетъ-быть, потому, что здѣсь захватывающій, неизвѣданный рискъ... Сциллы и Харибды стерегутъ каждое движеніе летчика.

Даже на служебномъ посту, при исполненіи опасныхъ порученій, невозможно иногда бываетъ отрѣшиться отъ этого волнующаго космическаго чувства красоты.

„Вотъ это-то и была красота, — разсказываетъ о себѣ одинъ изъ пилотовъ-развѣдчиковъ.—Было чудное утро... По небу плыли небольшія розовыя облачка. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, громоздясь, они образовывали горы. Идешь, а рядомъ плыветъ маленькій cumulus (кучевое облако). Весь-то онъ немного больше двухъ саженъ, свѣтлый, точно комочекъ розовой ваты. Такъ и подмываетъ: а что будетъ, если задѣть его крыломъ аппарата? Задѣлъ... А онъ уже сзади,—его всего растрепало струей винта... И какъ-то даже жалко стало... Подлетая къ О..., я попалъ подъ огонь. Узналъ объ этомъ только потому, что нѣсколько пуль свистнуло у самаго уха, а одна рѣзко щелкнула по крылу. Повернулъ назадъ съ аппаратомъ, — все въ порядкѣ. Тогда сразу нырнулъ въ облака. Сыро... Кругомъ—молоко... Но вдругъ я очутился точно въ храмѣ: въ мощной толщѣ cumulus'а оказалась облачная пещера. Я еще впервые наблюдалъ подобное зрѣлище. Свѣтъ какой-то разсѣянный, и все точно перламутроваго оттѣнка; отъ стѣнъ и потолка грота отдѣляются, словно свитки, длинныя космы облаковъ. Еще нѣсколько секундъ волшебства—и... опять молоко, опять свѣтъ, а внизу городъ О... и дикая пальба, на этотъ разъ уже изъ орудій".

Такъ можетъ разсказывать только настоящій художникъ, поэтъ, тонко и чутко воспринимающій природу, созерцая ее не въ обыкновенной мирной обстановкѣ, а подъ свистъ пуль... Внизу — канонада, внизу изъ ружей и спеціальныхъ пушекъ прицѣливаются въ дерзкаго воздушнаго смѣльчака, а онъ способенъ еще любоваться „розовыми облачками", „волшебными гротами" и „перламутровыми" тонами... И въ умѣ не возникаетъ даже мысли, что всего какое-нибудь роковое мгновенье отдѣляетъ его отъ смерти.

Летчикъ-поэтъ разсказываетъ сильно, красиво, поэтично... „Длинныя космы" облаковъ напоминаютъ ему „свитки"... Но попробуйте разспросить такого сверхъгероя о немъ самомъ... Онъ сразу сдѣлается скупымъ на слова и не найдется, что отвѣтить.

— Какъ было дѣло?.. Вы разскажите подробнѣй...

— Такъ и было... Получилъ я предписаніе произвести развѣдку, осмотрѣлъ аппаратъ свой и полетѣлъ.

Входъ въ Босфоръ.

Силуэтъ подводной лодки, видимый съ аэроплана на большой глубинѣ.

— Ну?..

— Произвелъ развѣдку и прилетѣлъ...

— Ну?..

— Что „ну"!.. Больше ничего и не было...

— Что же, — стрѣляли въ васъ?.. Что вы испытывали?.. Боялись?..

— Конечно, стрѣляли... Въ четырехъ мѣстахъ крылья прострѣлены...

— Ну?..

— Ну, и больше ничего!..

Глубокія чувства избѣгаютъ многословія. „Прострѣлили крылья", „прострѣлили ногу",—что же здѣсь особеннаго и удивительнаго? На то и война... Къ выстрѣламъ ухо привыкло... А вотъ пещеру въ облакѣ cumulus можно увидѣть не всегда. И ее летчикъ опишетъ вамъ съ наслажденіемъ.

Для аэронавтовъ открываются совершенно новыя области впечатлѣній, раздвигаются рамки обычнаго и извѣданнаго. Н. Поповъ въ книгѣ „Война и летъ воиновъ" передаетъ о своихъ ощущеніяхъ при полетѣ надъ моремъ на гидропланѣ.

Вода, какъ оказывается, имѣетъ интересное свойство: она открываетъ свои сокровенныя глубины для воздушныхъ наблюдателей. Какъ въ сказкахъ, колдуны видѣли подъ землей,—точно такъ современные аэронавты видятъ глубоко подъ водой дно, камни, морскія растенія (рис. на этой стр.). Чудесныя зрѣлища развертываются передъ ними. Этимъ свойствомъ воды и пользуются гидропланы для борьбы съ подводными лодками, тайными и опасными врагами большихъ судовъ. Подобно хищнымъ коршунамъ, гидропланы кружатся надъ водой, выслѣживая добычу. Оставаясь сами неуязвимыми, они бомбардируютъ противника сверху спеціальными снарядами. Нѣтъ даже надобности попасть взрывчатымъ снарядомъ надъ лод-

Высадка орудія.

Опасность закаляетъ... Героическое перестаетъ уже казаться героическимъ, къ нему привыкаютъ, его не замѣчаютъ. Обстановка работы такова, что приходится не обращать вниманія на серьезныя и тяжелыя раны, — иначе грозитъ гибель.

Въ какой необычной обстановкѣ, лицомъ къ лицу со смертью, приходится летчикамъ исполнять порученія, показываетъ, напримѣръ, описаніе полета знаменитаго французскаго летчика Пуарэ.

Аэропланъ спустился на 1.200 метровъ, чтобъ имѣть возможность лучше наблюдать за непріятелемъ. Бой былъ въ разгарѣ. Капитанъ, сопровождавшій Пуарэ, успѣлъ уже сдѣлать нѣкоторыя цѣнныя наблюденія о передвиженіи непріятельскихъ войскъ и мѣстонахожденіи непріятельской артиллеріи, когда нѣмцы замѣтили Фарманъ и открыли по немъ стрѣльбу, сперва ружейную, а затѣмъ артиллерійскую. Нѣсколько ружейныхъ пуль пробило оболочку аппарата. Другія съ сухимъ трескомъ пробили стойки. Но развѣдчики продолжали полетъ,—ихъ задача еще не была окончена. Вотъ открыла огонь нѣмецкая артиллерія. Снаряды стали рваться со всѣхъ сторонъ вокругъ аппарата. Отъ сотрясенія воздуха Фарманъ стало бросать въ разныхъ направленіяхъ. Управлять имъ сдѣлалось необычайно трудно. Осколками снарядовъ сильно повредило двѣ стойки.

Такой фантастическій воздушный танецъ аппарата длился болѣе 20 минутъ. Въ это время одна изъ ружейныхъ пуль ранила капитана въ ногу. Попавъ въ пятку, пуля вышла черезъ икру. Отважный офицеръ, несмотря на рану и усиленную стрѣльбу,

кой. Достаточно, если онъ упадетъ поблизости отъ нея. Въ такомъ случаѣ сила удара передастся водой.

Вся работа аэронавта требуетъ исключительнаго напряженія духовныхъ силъ. Какъ извѣстно, воздушный флотъ оказываетъ неоцѣнимыя услуги воюющимъ арміямъ при развѣдкахъ. Но развѣдочная служба въ воздухѣ самая опасная. Приходится летѣть надъ непріятельской территоріей. Правда, на высотѣ двухъ тысячъ метровъ орудійные снаряды не достигаютъ цѣли, но необходимость заставляетъ летчиковъ часто спускаться ниже, въ полосу огня.

Почти всегда аппаратъ возвращается изъ полетовъ изрѣшетеннымъ пулями.

— Ощущеніе, которое испытываетъ преслѣдуемый, далеко не изъ пріятныхъ, — разсказываетъ объ этомъ извѣстный летчикъ Агаѳоновъ. — Все время слышишь непрерывный гулъ разрывающихся снарядовъ. Воздухъ отравленъ ядовитыми газами... А сотрясеніе, производимое разрывами бомбъ, также можетъ оказаться губительнымъ для аппарата.

Сравнительно рѣдко происходятъ пожары воздушныхъ кораблей. Тогда гибель неминуема. Но поразительно все-таки мужество и спокойствіе летчиковъ при такихъ катастрофахъ. Вотъ корреспонденція, описывающая одинъ изъ такихъ случаевъ:

„Аэропланъ дрогнулъ, сталъ падать внизъ... Искра въ нѣсколько секундъ превратилась въ пламя... Всѣмъ было ясно, что аэропланъ горитъ, и въ то же время насъ приводило въ изумленіе хладнокровіе и спокойствіе, съ которыми непріятельскій летчикъ дѣлалъ планирующій спускъ.

„Еще мгновеніе—и съ высоты 150—200 метровъ аэропланъ, весь охваченный огнемъ, подстрѣленной птицей падаетъ внизъ. Точно метеоръ, ярко вспыхиваетъ онъ и разбивается о землю...

„Толпа бѣжитъ къ мѣсту катастрофы. Передъ нею продолжающій пылать аэропланъ и вдребезги разбившійся летчикъ, у котораго охвачены пламенемъ спина и затылокъ.

„Русскій солдатикъ умѣетъ отличать героевъ.

„Тихо, точно сговорясь, поснимали всѣ шапки передъ трупомъ нѣмецкаго летчика и стали креститься:

„— Упокой, Господи!..“

„Планирующій спускъ“ — обычная картина при катастрофахъ. Сколько разъ случалось, что летчикъ возвращался на землю мертвымъ. Пораженный пулей, онъ въ предсмертныя минуты находилъ въ себѣ силы управлять рулемъ, останавливать двигатель. Раненый подполковникъ-летчикъ Д..., закончивъ развѣдку, могъ только произнести одну фразу:

— Пути свободны!

Исполнивъ послѣдній долгъ, онъ испустилъ духъ. А его товарищъ-поручикъ не могъ даже сказать и этого: онъ былъ уже мертвъ.

Когда раненый англійскій авіаторъ Бейкеръ летѣлъ надъ Булонью на высотѣ 3.000 футовъ, съ аппаратомъ что-то произошло, и двигатель пересталъ работать. Офицеръ-спутникъ обратился къ Бейкеру и сказалъ:

— Бейкеръ!.. Нашъ часъ насталъ... Будемъ мужественны... Умремъ, какъ подобаетъ солдатамъ... Прощай!..

Оба пожали другъ другу руки и приготовились къ смерти. Случайность спасла ихъ.

Высадка десанта.

Англійскіе курьеры-мотоциклисты спрашиваютъ дорогу у французскаго часового.

все же продолжалъ свои наблюденія. Но аппаратъ уже поврежденъ, дальнѣйшее пребываніе надъ непріятелемъ сдѣлалось слишкомъ рискованнымъ.

Пуарэ вынужденъ былъ закончить развѣдку.

Когда онъ благополучно спустился, оказалось, что въ аппаратѣ десять пулевыхъ пробоинъ и два снарядныхъ осколка.

Находчивость, хладнокровіе и искусство спасаютъ летчиковъ отъ вѣрной гибели. Часто личныя качества летчика важнѣе, чѣмъ техническія достоинства аппарата. Въ этомъ отношеніи легкіе и быстроходные аэропланы имѣютъ преимущество надъ громоздкими цеппелинами и дирижаблями. Въ настоящую войну летчики на монопланахъ и бипланахъ не разъ обращали въ бѣгство сильнѣйшихъ и лучше вооруженныхъ противниковъ.

Въ одну изъ развѣдокъ нѣмецкій Таубе погнался за аппаратомъ, имѣющимъ менѣе быстрый ходъ. Летчикъ, рѣшивъ, что, уходя, онъ можетъ быть сброшенъ струей догоняющаго его корабля, рѣзко повернулъ аппаратъ и прямо пошелъ на противника. Это нѣмцу не понравилось, и онъ поспѣшилъ ретироваться.

Искусство даетъ летчику много способовъ побѣдить: протаранить враждебный корабль, подняться высоко и поразить сверху мягкія, слабо защищенныя части дирижабля и т. д.

Война въ воздухѣ, это—своеобразный спортъ отваги и находчивости.

Обыденное претворено энтузіазмомъ, героическое слилось съ обыденнымъ... Чѣмъ больше опасностей, тѣмъ притягательнѣе красота борьбы.

Другого лозунга армія воздухоплавателей не знаетъ:

— Побѣда или смерть...

Лозунгъ легендарно-красивый, вѣчный и воодушевляющій. Съ нимъ „воинствующіе рыцари воздушныхъ сферъ" начали свою исторію... Съ нимъ они живутъ и умираютъ въ наши дни...

Летчикъ.

Я мощныхъ армій зоркій стражъ.
Моя судьба—парить въ лазури.
Для всѣхъ завиденъ жребій нашъ:
Я вѣстникъ радости и бури.

Я полюбилъ небесъ просторъ,
Какъ очи милой, звѣзды свѣтятъ;
Внизу же мой пытливый взоръ
Опасность во-время замѣтитъ.

Вмигъ прослѣжу я вражій станъ
И снова вдаль направлю крылья;
Въ просторъ взлечу, какъ ураганъ,
Иль птицей упаду въ безсильѣ...

Я свято родинѣ служу,
Близки мнѣ звѣзды и зарницы,
Я передъ смертью не дрожу,
Умру красиво, смертью птицы...

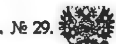
Михаилъ Андреевъ.

Знаменитый французскій авіаторъ Пегу, совершающій полеты на французскомъ фронтѣ.

Новая бельгійская армія.
Бельгійскій генералъ производитъ смотръ вновь сформированному отряду мотоциклистовъ.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.**

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.



Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, 22.

1915 г. № 24 — XLVI г. изданія

Выданъ 13-го іюня 1915 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес.—20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. А. И. Куприна“ кн. 1 (22).

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

День „Русскаго флага" въ Англіи. Исполнительный комитетъ по устройству дня «русскаго флага», устроеннаго въ концѣ мая, сообщаетъ, что во всей Англіи сборъ прошелъ при сердечномъ участіи населенія. 100.000 рублей уже отправлены въ Россію для русскихъ раненыхъ воиновъ. Сборъ на улицахъ столицы значительно превысилъ 50.000 руб. Во многихъ провинціальныхъ городахъ еще предстоятъ дни «русскаго флага».

Экипажъ потопленныхъ германскихъ лодокъ въ Англіи. 27-го мая въ Палатѣ общинъ министръ Бальфуръ заявилъ, что нѣсколько дней тому назадъ потоплена германская подводная лодка, при чемъ шесть офицеровъ и 21 человѣкъ команды взяты въ плѣнъ. Сообщивъ объ этомъ извѣстіи, Бальфуръ сказалъ: «Это обстоятельство вновь возбуждаетъ вопросъ о томъ, какъ обходиться съ плѣнными, снятыми съ германской подводной лодки. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль у насъ не существовало никакой значительной разницы между положеніемъ, въ которое поставлены плѣнные, снятые съ подводной лодки, и другіе военноплѣнные. Я хочу этимъ сказать, что правительствомъ нынѣ приняты мѣры, въ силу которыхъ отношеніе къ тому и другому роду плѣнныхъ будетъ совершенно тождественнымъ. Это однако не указываетъ на какое-либо измѣненіе мнѣнія относительно характера дѣйствій, совершенныхъ командами германскихъ подводныхъ лодокъ. Правительство считаетъ ихъ поступки не только въ полномъ противорѣчіи съ буквой и духомъ законовъ войны, но и низкими, трусливыми и жестокими. Нападенія подводныхъ лодокъ на беззащитныя суда являются нарушеніемъ законовъ человѣчности. Германія несетъ вину въ этомъ, и вопросъ о личной отвѣтственности будетъ рѣшенъ по окончаніи войны».

Краснорѣчивыя цифры. Англійское адмиралтейство опубликовало отчетъ о количествѣ случаевъ спасенія нѣмецкихъ моряковъ англійскими судами и англійскихъ моряковъ—нѣмецкими.

Отчетъ включаетъ таблицу со слѣдующими данными:

1) Названіе судна и даты его потопленія; 2) число спасенныхъ и 3) названія спасательныхъ судовъ.

Изъ этого отчета и таблицы видно, что англійскія военныя суда спасли: 57 человѣкъ съ судна «Королева Луиза», 31 челов.—съ контръ-миноносца «V-187», 353 челов.—съ «Майнца», 35 челов.—съ трехъ контръ-миноносцевъ, 190 челов. — съ «Эмдена», 26 челов. — съ подводной лодки «U-18», 190 челов.—съ «Гнейзенау», 20 челов.—съ «Лейпцига», 12 челов.—съ «Нюрнберга», 283 челов.—съ «Блюхера», 29 челов.—съ подводной лодки «U-8», 10 челов.—съ «U-12» и 46 челов.—съ двухъ миноносцевъ. Въ общей сложности—1.282 спасенныхъ нѣмца-моряка.

Вторая часть отчета содержитъ таблицу спасеній, произведенныхъ нѣмцами. Во второй графѣ, отмѣчающей число спасенныхъ моряковъ, находимъ отмѣтку: «ни одного».

Родителямъ—за доблесть сыновей. По распоряженію Верховнаго Главнокомандующаго, въ мѣстн. Обуховъ, Кіевскаго уѣзда, присланы были, по словамъ «Кіевлянина», Георгіевскіе кресты, присужденные четыремъ героямъ, уроженцамъ Обухова, которые пали на полѣ брани. Присланные кресты надлежало вручить отцамъ и матерямъ героевъ, постоянно живущимъ въ этомъ мѣстечкѣ. Порядокъ передачи этихъ наградъ составленъ былъ очень торжественно. Въ день тезоименитства Государя Императора, въ мѣстной церкви протоіереемъ А. Гроздинымъ совершена была при торжественной обстановкѣ литургія, а затѣмъ на площади благодарственное молебствіе, на которомъ присутствовали всѣ мѣстные жители, учителя, чиновники и прибывшіе изъ окрестныхъ селъ крестьяне. Послѣ молебна мѣстный приставъ вызвалъ на середину площади отцовъ павшихъ героевъ: Мозгового, Фесенко, Божко и мать Мироненко, къ которымъ обратился съ рѣчью и благодарилъ ихъ отъ имени родины за то, что они сумѣли воспитать въ своихъ сыновьяхъ защитниковъ и героевъ, положившихъ жизнь свою за свое отечество. Протоіерей А. Гроздинъ передъ панихидой по павшимъ героямъ также обратился къ присутствовавшимъ съ соотвѣтствующимъ краткимъ словомъ. Во время панихиды всѣ бывшіе на площади, какъ одинъ, пали на колѣни. Многіе плакали. Матери Мироненко были вручены Георгіевскіе кресты 4-й и 3-й степени, остальнымъ Георгіевскіе кресты 4-й степени.

Награжденіе Великихъ Княгинь — Августѣйшихъ сестеръ милосердія. Государь Императоръ соизволилъ на пожалованіе Великой Княгинѣ Маріи Павловнѣ Младшей и Княгинѣ Еленѣ Петровнѣ Георгіевскихъ медалей 4-й степени за самоотверженную дѣятельность Ихъ Высочествъ въ качествѣ сестеръ милосердія въ лазаретѣ Мраморнаго дворца въ городѣ Инстербургѣ въ августѣ мѣсяцѣ 1914 года.

20 объявленій войны. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, не было случая, чтобы въ теченіе одного года послѣдовало 20 объявленій войны.

15-го іюля — Австро-Венгрія объявила войну Сербіи.
19-го іюля — Германія объявила войну Россіи.
21-го іюля — Германія объявила войну Франціи.
21-го іюля — Германія объявила войну Бельгіи.
22-го іюля — Англія объявила войну Германіи.
23-го іюля — Австро-Венгрія объявила войну Россіи.
23-го іюля — Черногорія — Австріи.
24-го іюля — Сербія — Германіи.
29-го іюля — Черногорія — Германіи.
29-го іюля — Франція — Австро-Венгріи.
31-го іюля — Англія — Австро-Венгріи.
10-го августа — Японія — Германіи.
12-го августа — Австрія — Японіи.
15-го августа — Австрія — Бельгіи.
20-го октября — Россія — Турціи.
23-го октября — Франція — Турціи.
23-го октября — Англія — Турціи.
25-го октября — Бельгія — Турціи.
25-го октября — Сербія — Турціи.
11-го мая — Италія — Австро-Венгріи.

Кромѣ того, хотя Черногорія не объявила войны Турціи, но эти державы также находятся въ состояніи войны, не считая нужнымъ объ этомъ объявлять. Почти въ такомъ же положеніи находятся между собой Италія и Германія.

Что запрещено посылать военноплѣннымъ. Центральное справочное бюро о военноплѣнныхъ Краснаго Креста доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что согласно распоряженію Главнаго Управленія почтъ и телеграфовъ въ отправляемыхъ за границу посылкахъ, въ томъ числѣ и для военноплѣнныхъ, воспрещается пересылать предметы, заключенные въ герметически запаянныхъ металлическихъ коробкахъ.

Письмо французскаго мальчика къ Порфирію Панасюку. Извѣстія о мученіяхъ, которымъ подвергли нѣмцы Порфирія Панасюка, дошли и до Франціи и вызвали тамъ большое негодованіе. Въ Варшаву, по сообщенію «Варш. Дневн.», было прислано недавно на имя Панасюка открытое письмо слѣдующаго содержанія:

«Дорогой солдатъ!

Никогда еще варварство германцевъ не сталкивалось съ такимъ выдающимся мужествомъ и съ такой душой, какъ ваша. Нельзя вѣрить, чтобы въ нашъ вѣкъ могли имѣть мѣсто въ Европѣ подобные звѣрскіе поступки, достойные каннибаловъ, и тѣмъ не менѣе сообщенія русской прессы удостовѣряютъ недавнее совершеніе такого поступка.

Нельзя читать безъ волненія эти, ставшія достояніемъ исторіи, страницы, написанныя вашей кровью.

Однако ни одна капля пролитой крови не пропадетъ даромъ. Солдаты союзныхъ армій сражаются за общую побѣду и за торжество цивилизаціи надъ германской культурой.

Я слишкомъ еще молодъ, чтобы быть солдатомъ, но несмотря на это позвольте мнѣ выразить мое восхищеніе вами и пожелать вамъ полнаго выздоровленія для того, чтобы вы могли снова увидѣть ожидающихъ васъ вашихъ родныхъ и со славою вернуться на родину.

Я посылаю вамъ фотографіи французскихъ солдатъ, сражающихся, подобно русскимъ, за торжество правды.

Не зная русскаго языка, пишу вамъ по-французски и надѣюсь, что вы найдете въ Варшавѣ кого-нибудь, кто переведетъ вамъ мое письмо и отвѣтитъ по-французски.

Шевро".

Адресъ: Христіанъ Шевро, ул. Мюльсанъ, 15, Руанъ (департ. Луары), Франція.

Бельгійская королева въ траншеяхъ. Газета «Matin» передаетъ трогательный эпизодъ изъ боевой жизни бельгійской королевы Елизаветы.

Недавно королева посѣтила траншеи бельгійской арміи на Изерѣ. Солдаты въ

первую минуту не узнали королевы, принявъ ее за сестру милосердія, и одинъ изъ нихъ обратился къ ней со словами:

— Не бойтесь, будьте, какъ дома!

Другой же заботливо предупредилъ ее, что мѣсто это опасно, на что королева отвѣтила:

— Ничего, я такая маленькая!

Затѣмъ королева примостилась на мѣшкѣ и начала раздавать солдатамъ шоколадъ и папиросы.

Солдатъ—собственникъ мѣшка, на которомъ отдыхала королева, на предложеніе продать его отвѣчалъ: «ни за милліонъ франковъ».

Казачья удаль. Бои казаковъ въ Курляндіи, это—однѣ изъ самыхъ славныхъ страницъ текущей кровавой войны. Что ни дѣло, что ни схватка, то красота. И теперь, послѣ десяти мѣсяцевъ войны, какіе бы еще впереди взаимные толчки ни были, мы смѣло можемъ утверждать,—говоритъ «Русское Слово»,—что наша армія выше нѣмецкой. Въ бояхъ одинъ-на-одинъ, даже когда у нѣмцевъ нѣкоторое численное превосходство, наши войска всегда ихъ бьютъ. Что же касается казаковъ, то исторія данной войны отведетъ героизму, искусству и боевымъ заслугамъ ихъ не золотыя лишь страницы, а цѣлый золотой томъ. Въ бояхъ казаковъ, по сравненію съ кровавою мутью нѣмецкаго дикаго боя, и теперь много «лыцарской» красоты временъ Тараса Бульбы. Подъ Митавой, напримѣръ, они сотнею-двумя останавливали нѣмецкій полкъ; однимъ полкомъ, притомъ еще разсыпаннымъ на версты, задерживали дивизію нѣмцевъ. Нѣмцы не могли и предполагать, какія слабыя силы передъ ними, и пораженные упорствомъ сопротивленія, останавливались, а затѣмъ, сломленные, начинали отходить.

Сила земли. «Утро Россіи» передаетъ характерный эпизодъ, свидѣтельствующій о беззавѣтной привязанности русскаго солдата-мужика къ землѣ:

— Какое было ваше самое сильное впечатлѣніе?

Пріѣхавшій съ войны подумалъ и отвѣтилъ:

— Сильнѣе всего на меня подѣйствовала одна мелочь, мимолетная и, если можно такъ выразиться, совершенно не военная. Я шелъ съ отрядомъ ополченцевъ въ Карпатахъ. Горная дорога, прыгающая и узкая; горныя вершины, лиловыя, зеленыя и серебряныя.

«Чей-то голосъ сказалъ:

«— Для пахоты самое время. Земля раскрывается...

«Ополченцевъ на войнѣ называютъ мужиками. И дѣйствительно, это мужики—бородатые, хозяйственные и серьезные.

«Мнѣ передалось ихъ волненіе. Не можетъ мужикъ нашъ равнодушно видѣть землю.

«Идемъ. Штыки зыблются и переливаются на солнцѣ.

«А теперь представьте себѣ поле у подножія каменной громады. Крохотное поле, полоска земли.

«И на немъ возится съ сохой галицкій крестьянинъ. Весь поглощенъ своей работой; не обращаетъ на насъ вниманія.

«Лошаденка у него коричневая, лохматая. Влегаетъ въ хомутъ изъ веревокъ; напрягаясь, тащитъ соху. Босоногій пахарь налегаетъ на соху, отворачиваетъ черные, лоснящіеся пласты.

«Все, какъ слѣдуетъ. Даже грачъ идетъ за нимъ, ныряетъ и перескакиваетъ.

«И даже у меня при этомъ зрѣлищѣ разлилась какая-то щемящая теплота въ груди. Объ ополченцахъ, о моихъ мужикахъ и говорить нечего.

«Смотрятъ они, не отрываясь, какъ человѣкъ работаетъ на землѣ. Разговоры затихли, топотъ сдѣлался глуше.

«Такая тишина, что даже грачъ не снялся. Поглядѣлъ на солдатъ искоса и снова погрузился въ свои поиски въ бороздѣ.

«И вдругъ одинъ изъ этихъ моихъ мужиковъ не выдержалъ. Выбѣгаетъ изъ ряда съ ружьемъ и мѣшкомъ за плечами. И — по полю къ галицкому мужику.

«Проситъ:

« — Дай попахать!

«Тотъ не удивился. Передалъ солдату соху, а самъ присѣлъ отдохнуть. Рыжая лошаденка поплелась дальше, и грачъ прыгаетъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

«Если бы вы только видѣли, какъ обрадовались мои солдаты! Подбодряютъ своего, кричатъ:

«— Не жалѣй рукъ, забирай глубже!

«Мы должны были остановиться на минуту, пока онъ доведетъ борозду до конца.

«Потомъ онъ вернулся, и мы двинулись. Его спрашиваютъ:

«— А соха-то у нихъ легкая?

«Раньше солдаты немного пріуныли, переходъ былъ долгій. Теперь же откуда силы взялись!

Кустари - арміи. Образованнымъ Главнымъ Управленіемъ Землеустройства и Земледѣлія отдѣломъ заготовокъ для арміи было обращено вниманіе на привлеченіе къ дѣлу заготовокъ кустарей. Всего за истекшее время пріобрѣтено у кустарей разныхъ товаровъ на сумму около 11 милліоновъ рублей, въ частности заготовлено полушубковъ на сумму около 1.050.000 руб., сапогъ на 1.892.000 руб., шерстяныхъ перчатокъ около 514.000 руб., фуражекъ и кальсонъ около 7.335.000 рублей.

Бани на позиціяхъ. Всероссійскимъ союзомъ городовъ въ Москвѣ получена телеграмма, въ которой сообщается, что на передовыхъ позиціяхъ въ раіонахъ Ломжи, Прасныша, Цѣханова и Кѣлецъ въ устроенныхъ союзомъ баняхъ ежедневно моется 26.000 человѣкъ. Съ момента начала дѣйствій отряда уже перемылось свыше 218.000 человѣкъ нижнихъ чиновъ. На передовыхъ позиціяхъ построено 28 бань. Окопы снабжены кипятильниками. Производится осушка окоповъ. При баняхъ устроены дезинфекціонныя камеры.

Новый способъ лѣченія ранъ. На войнѣ часто приходится испытывать недостатокъ въ перевязочныхъ средствахъ и медикаментахъ.

Кромѣ того, обстановка часто не даетъ возможности проводить во всей строгости требованія современной антисептики и асептики. А между тѣмъ очень часто на театрѣ военныхъ дѣйствій приходится имѣть дѣло съ загрязненными ранами.

Въ такихъ случаяхъ, по словамъ «Витеб. Вѣстн.», докторъ П. Г. Загоровскій примѣняетъ очень простой и дающій хорошіе результаты способъ, который онъ и рекомендуетъ вниманію врачей.

По наблюденіямъ Загоровскаго, 10% растворъ поваренной соли обладаетъ противогнилостнымъ свойствомъ.

Такой растворъ препятствуетъ росту и размноженію низшихъ микроорганизмовъ, несмотря на благопріятныя для нихъ условія питательной среды и температуры.

Докторъ Загоровскій примѣняетъ соляныя повязки, которыя оказываютъ благопріятное дѣйствіе на теченіе загрязненныхъ ранъ и способствуютъ быстрому заживленію ихъ.

Чудеса хирургіи. Парижскій корреспондентъ «Нов. Вр.» сообщаетъ о примѣненіи во Франціи усовершенствованнаго способа нахожденія ранящихъ предметовъ въ тѣлѣ раненыхъ съ помощью такъ называемаго «локализующаго аппарата».

Аппаратъ этотъ изобрѣтенъ уже семнадцать лѣтъ назадъ радіографомъ госпиталя Неккеръ,—Контрмуленомъ, но съ тѣхъ поръ значительно усовершенствованъ. Благодаря ему можно во всякое время съ математической точностью опредѣлить мѣсто въ тѣлѣ, гдѣ находится посторонній предметъ. Въ особенности важно примѣненіе этого аппарата при раненіяхъ въ голову. Больного отправляютъ къ Контрмулену, въ лабораторію его при госпиталѣ Неккеръ. Онъ дѣлаетъ ему радіографію при помощи своего аппарата, опредѣляетъ мѣсто нахожденія пули и, такъ сказать, экстеріоризуетъ его на своемъ «компасѣ». Контрмуленъ затѣмъ присутствуетъ при операціи. Когда больной захлороформированъ, Контрмуленъ устанавливаетъ на его обритомъ черепѣ компасъ и говоритъ: «Пуля находится на такомъ-то мѣстѣ, на такой-то глубинѣ». Дѣлается трепанація, очень небольшая, хирургъ опускаетъ щипцы по указанной линіи, на точно опредѣленную глубину и извлекаетъ пулю...

Кто убиваетъ раненыхъ солдатъ. Какъ сообщаетъ «Южный Край» со словъ плѣнныхъ славянъ, за послѣднее время германцы въ Галиціи стали при перевязкахъ русскихъ раненыхъ накладывать на повязки свои штемпеля. Дѣлается это для того, чтобы показать, что не они приканчиваютъ русскихъ раненыхъ, а мадьяры.

Инспекціонная поѣздка въ германскіе лагери для военноплѣнныхъ. Какъ сообщаетъ «Нов. Вр.», министерство иностранныхъ дѣлъ вошло въ сношеніе съ герман-

скими властями и добилось того, что мѣста заключенія для русскихъ военноплѣнныхъ будутъ осмотрѣны нейтральнымъ (датскимъ) представителемъ Краснаго Креста. Главное управленіе Краснаго Креста постановило, кромѣ того, ходатайствовать, чтобы вмѣстѣ съ датчанами разрѣшено было принять участіе въ инспекціонной поѣздкѣ также и русскому делегату, который могъ бы представить болѣе подробный отчетъ и, кромѣ того, передать нашимъ нуждающимся солдатамъ деньги и съѣстные припасы.

Охрана заводовъ Круппа и кильскихъ верфей. Швейцарскія газеты сообщаютъ, что необычайно смѣлые налеты союзныхъ летчиковъ на важные военные пункты въ Германіи заставили германское правительство предпринять рядъ исключительныхъ мѣръ охраны, какъ орудійныхъ заводовъ Круппа въ Эссенѣ и въ другихъ мѣстахъ дюссельдорфскаго фабрично-заводскаго округа, такъ и судостроительныхъ заводовъ въ Килѣ, гдѣ въ настоящее время идутъ лихорадочныя работы по постройкѣ подводныхъ лодокъ.

Не говоря уже о строгостяхъ въ отношеніи лицъ, желающихъ проникнуть въ предѣлы этихъ заводовъ и верфей, военныя власти установили за 50 километровъ отъ этихъ мѣстъ наблюдательные пункты, цѣлую сѣть станцій безпроволочнаго телеграфа, телефоны и батареи специальныхъ орудій для обстрѣла воздушныхъ судовъ. Самымъ интереснымъ пріемомъ, примѣненнымъ нѣмцами для охраны этихъ важныхъ пунктовъ, являются особыя тройныя сѣти, растянутыя надъ самыми важными сооруженіями заводовъ и верфей. Сѣти эти должны служить для того, чтобы сбрасываемыя бомбы разрывались на нихъ, не пробивали крышъ зданій и не производили внутри послѣднихъ большихъ разрушеній и пожаровъ.

Нѣмецкіе телефоны. Какъ передаетъ «Варш. Дн.», своими телефонными линіями нѣмцы покрыли все занятое ими пространство Польши. Телефонные провода они проложили въ землѣ во всѣхъ направленіяхъ. Передъ весенней пахотьбой нѣмцы незамѣтно для населенія, при помощи специальныхъ углубителей, проложили провода на полъ-аршина подъ землей. Послѣ земля была запахана и засѣяна, и теперь совершенно нельзя установить, гдѣ проходитъ проводъ и куда онъ ведетъ. Охрану радіотелеграфныхъ вышекъ нѣмцы поручаютъ цѣлымъ деревнямъ въ очередь подъ круговой порукой.

Бомбы съ туманомъ. Въ Лондонѣ получены извѣстія о готовящемся на Англію грандіозномъ набѣгѣ цеппелиновъ въ сопровожденіи аэроплановъ. Ожиданія эти основаны на новомъ изобрѣтеніи, которымъ будутъ снабжены воздушные корабли, — на бомбахъ съ «туманомъ». Назначеніе «туманныхъ» бомбъ—спасать воздушную эскадру отъ обстрѣла непріятеля. Брошенная съ аэроплана бомба разрывается на нѣкоторомъ разстояніи отъ земли и распространяетъ на большомъ пространствѣ газъ, похожій на облако или туманъ. Газъ образуетъ непроницаемую завѣсу между воздушнымъ кораблемъ и землей, и цеппелинъ, забросавъ мирный городъ днемъ бомбами, имѣетъ всѣ шансы ускользнуть невредимымъ. Крупнѣйшіе химическіе заводы Германіи сейчасъ заняты производствомъ этого газа.

Тяжелыя германскія орудія. «Варш. Дневникъ» приводитъ со словъ газеты «Le Journal» интересныя свѣдѣнія относительно тяжелыхъ германскихъ орудій, изъ которыхъ германцы обстрѣливали Дюнкеркъ съ огромнаго разстоянія.

Орудія эти 38-сант. діаметра, типа Вурта, употреблялись до сихъ поръ преимущественно на броненосцахъ. Такое орудіе нормально не можетъ выстрѣлить болѣе 225 разъ. Когда зарядъ взрывчатаго вещества зажигается въ дулѣ простой 75-миллиметровой пушки, давленіе газовъ, которые вытѣсняютъ снарядъ, равняется 2.800 килограммамъ на одинъ квадратный сантиметръ. Такъ какъ быстрота вытѣсненія равняется 500 метр., то общее развитіе силы представляетъ работу 125.000 паровыхъ лошадей. Опыты И. Гамильтона доказали, что это давленіе развивается и исчезаетъ въ необычайно короткій промежутокъ времени. На сантиметръ отъ пункта вытѣсненія снаряда оно равняется нулю и такимъ образомъ длится лишь одну пятидесятитысячную часть секунды. Въ морскихъ орудіяхъ сила натиска доходитъ до 30 милліоновъ паровыхъ лошадей и исчезаетъ съ той же быстротой.

Температура въ то же время достигаетъ значительной высоты: слишкомъ 2.000 градусовъ.

Легко понять, что даже самая лучшая сталь не можетъ долго перенести такого напряженія, тѣмъ болѣе, что германцы, для стрѣльбы по столь отдаленной цѣли, должны были увеличить количество взрывчатаго вещества и такимъ образомъ усилить работу орудія.

На броненосцахъ орудія эти стрѣляютъ нормально на 20 — 21 километръ. Они поставлены горизонтально или же подъ небольшимъ угломъ.

Чтобы стрѣлять по Дюнкерку на разстояніи 38 километровъ, германцы должны были поставить свои орудія подъ угломъ, по крайней мѣрѣ, въ 40 градусовъ.

Въ такихъ условіяхъ лафетъ выдерживаетъ просто неимовѣрный натискъ.

Принимая въ соображеніе, что лафетъ обычной полевой французской пушки, выбрасывающей снарядъ въ 7 килограммовъ, выдерживаетъ давленіе въ 2.000 килограммовъ, можно себѣ представить, какое давленіе долженъ выдержать лафетъ орудія, выбрасывающаго съ начальной быстротой 1.000 метровъ въ секунду снарядъ вѣсомъ въ 800 килограммовъ.

Вотъ почему обстрѣлъ Дюнкерка не могъ быть продолжительнымъ, особенно, если прибавить, что такое орудіе стоитъ 400 тысячъ франковъ, каждый же зарядъ 6.000 франковъ.

Снаряды съ удушливыми газами. Англійскія и французскія газеты тотчасъ же послѣ того, какъ у Невъ-Шапеля и Каранси нѣмцы впервые примѣнили взрывчатыя вещества, распространяющія удушливые и ядовитые газы, помѣстили историческую справку и неопровержимые документы, доказывающіе, что обѣ союзныя арміи давно уже, а именно съ 1896 года, располагаютъ этимъ секретомъ. И, дѣйствительно, какъ сообщаютъ газеты, во Франціи химикъ Модюи, а въ Англіи инженеръ Дребсъ предложили соотвѣтствующимъ военнымъ министерствамъ свои патенты на изготовленіе такихъ взрывчатыхъ веществъ для помѣщенія ихъ въ орудійныхъ снарядахъ. При взрывѣ эти вещества выдѣляли большое количество газовъ, которые съ влагою атмосферы образовывали весьма ядовитый и удушливый паръ, медленно опадающій и такимъ образомъ могущій причинить людямъ большой вредъ. Этотъ патентъ былъ купленъ англичанами и въ 1897 году былъ испытанъ въ Южной Африкѣ на стадѣ больныхъ чумою овецъ, при чемъ дѣйствіе газовъ оказалось необычайно сильнымъ. Однако военный совѣтъ Англіи, а затѣмъ и Гаагская конференція рѣшительно высказались противъ примѣненія такихъ боевыхъ средствъ. Ни одна страна въ мірѣ не допускала мысли, что европейская армія можетъ прибѣгнуть къ такому нечестному оружію. Германія доказала, что она не знаетъ ни честной дипломатіи ни честнаго боя.

Омытый кровью. Одно изъ близкихъ къ императору Вильгельму лицъ, директоръ гамбурго-американской пароходной компаніи Максъ Балинъ, сообщилъ нѣсколько характерныхъ чертъ изъ жизни германскаго императора:

— Я имѣлъ смѣлость сказать императору правду о войнѣ, о ея безполезномъ, въ лучшемъ случаѣ, концѣ, о ея жертвахъ и о ея герояхъ. Я сказалъ ему, что Германія получитъ нѣсколько милліоновъ инвалидовъ, которые пожрутъ плоды даже самыхъ совершенныхъ побѣдъ, что нація никогда не вернетъ колоній и рынковъ въ самой Европѣ, что Гогенцоллерны, подобно французскимъ королямъ, будутъ принуждены искать милости и покровителей.

Вильгельмъ на это энергично возражалъ:

— Я причастился Св. Таинъ и дополнилъ свое завѣщаніе. Я оставлю моему народу подлинную земную вѣру въ могущество оружія и въ право сильнаго. Народъ выдержитъ испытаніе и, омытый кровью, своей и чужой, начнетъ дѣлать свое дѣло мирнаго завоеванія. Я завѣщаю ему вѣру только въ себя и въ свою божественную цѣль на землѣ — покорить еще непокоренныхъ. Дорогой Балинъ, мы добьемся этого.

Санъ-Марино и Марсъ. Многіе улыбнулись, прочтя сообщеніе о томъ, что крохотная республика Санъ Марино объявила Австро-Венгріи войну.

Дѣйствительно, курьезное сопоставленіе:

Милліонныя войска... Милліоны пушекъ... Милліарды золота... И вдругъ — Санъ-Марино, съ 30-ью офицерами и арміей въ 960 солдатъ!

Вкрапленная, въ видѣ небольшого четырехугольника, неправильной формы, чуть ли не въ самый центръ Италіи, нѣсколько южнѣе города Римини, Санъ-Марино является самымъ маленькимъ государствомъ Европы (59 кв. километровъ), обладая населеніемъ, нѣсколько превышающимъ 15 тысячъ человѣкъ.

Съ 1862 г. Санъ-Марино находится подъ покровительствомъ Италіи, которой она обязана сохраненіемъ своей самостоятельности.

Огонь дредноута „Королева Елизавета“. Англійскій полковникъ С., на короткое время пріѣхавшій въ Одессу, разсказалъ о дѣйствіяхъ союзнаго флота, и въ частности объ удивительной силѣ огня дредноута «Королева Елизавета», свидѣтелемъ котораго онъ былъ. Дѣло происходило на высотѣ 709. Лунной ночью турецкій батальонъ, въ составѣ не менѣе 1.000 человѣкъ, густыми сомкнутыми колоннами шелъ въ атаку. Дредноутъ «Королева Елизавета», ставъ въ сферу обстрѣла непріятеля, пользуясь свѣтлой ночью, открылъ огонь изъ своихъ чудовищныхъ орудій. Послѣ нѣсколькихъ залповъ, удачно попавшихъ въ атакующихъ турокъ, изъ состава всего батальона не поднялся почти ни одинъ солдатъ.

Съ установленіемъ тяжелыхъ орудій на возвышенностяхъ форта Нагара турки не смогутъ уже продвинуться ни на шагъ.

Листъ бумаги. Во многихъ судебныхъ учрежденіяхъ за послѣднее время, особенно въ связи съ повышеніемъ оплаты бумагъ гербовымъ сборомъ, возникли сомнѣнія относительно того, что считать листомъ бумаги, принимаемымъ гербовымъ уставомъ за единицу для взиманія гербоваго сбора.

Сенатъ по частному дѣлу разъяснилъ, что при исчисленіи размѣра гербоваго сбора слѣдуетъ считать страницей листа каждыя 25 строкъ, почему всѣ бумаги, изложенныя на листахъ, въ коихъ количество строкъ на страницахъ превышаетъ указанное количество, считать недостаточно оплаченными. Всѣ такія бумаги отнынѣ подлежатъ оставленію безъ движенія впредь до представленія дополнительнаго гербоваго сбора согласно количеству строкъ.

Имущества Вильгельма. Извѣстный финансовый дѣятель Рудольфъ Мартинъ недавно сообщилъ, что у кайзера около 25 милліоновъ дохода въ годъ съ имѣній, оцѣниваемыхъ въ 500 милліоновъ.

Императоръ Вильгельмъ является участникомъ нѣсколькихъ германскихъ большихъ пароходныхъ обществъ, имѣетъ паи въ алмазныхъ копяхъ германскихъ колоній западной Африки. У него есть обширные лѣса и помѣстья, ему принадлежитъ новый ресторанъ въ Санъ-Суси, конскіе заводы въ Восточной Пруссіи. Кайзеръ сажаетъ картофель въ своихъ имѣніяхъ въ Восточной Пруссіи и является собственникомъ и директоромъ пивного завода въ Ганноверѣ и основателемъ гончарнаго завода въ Кадиненѣ. Кромѣ того, у кайзера до 40 замковъ и дачъ, оцѣниваемыхъ въ 50 милліоновъ. Всего помѣстій у кайзера 74, расположенныхъ въ семи провинціяхъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя. № 22.

№ 24. Выходитъ еженед. (52 №№ въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. **Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА,** 12 кн. **Литерат. и попул.-научн. прил.,** 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 13 іюня 1915 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на 1/2 года—4 р., на 1/4 года—2 р.** Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ въ Бозѣ почилъ 2-го іюня, въ 7 ч. вечера, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, отъ припадка грудной жабы.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ:

Всемогущему Богу угодно было отозвать къ Себѣ Любезнѣйшаго двоюроднаго Дядю Нашего Великаго Князя Константина Константиновича. Его Императорское Высочество скончался, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, во 2-й день іюня, на 57 году отъ рожденія.

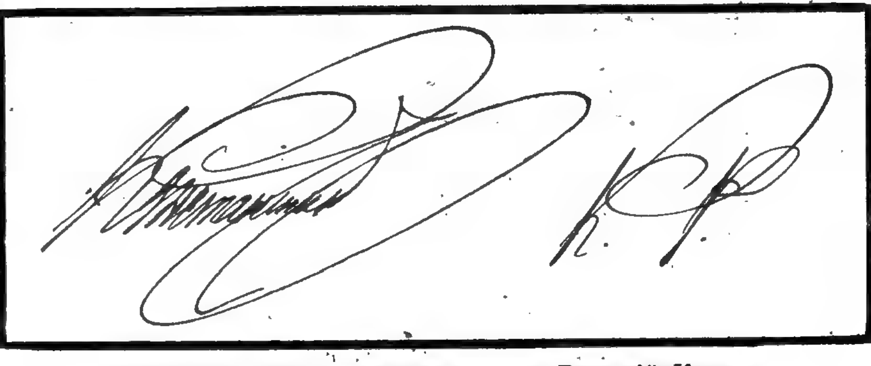
Покойный Великій Князь Константинъ Константиновичъ посвятилъ свою жизнь отечественной наукѣ и положилъ много труда и заботъ по высшему руководству дѣломъ военнаго образованія юношества, давшаго столь доблестный составъ офицеровъ, геройскіе подвиги коихъ въ настоящую войну навсегда запечатлѣются въ исторіи русской арміи.

Оплакивая утрату Любезнѣйшаго Дяди Нашего, Мы увѣрены, что всѣ вѣрноподданные Наши раздѣлятъ скорбь, постигшую Императорскій Домъ Нашъ, и соединятъ молитвы свои съ Нашими объ упокоеніи души усопшаго Великаго Князя.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, во 2-й день іюня, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ пятнадцатое, Царствованія же Нашего въ двадцать первое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.



Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ.

Содержаніе. **ТЕКСТЪ:** Высочайшій Манифестъ. — Дневникъ военныхъ дѣйствій. **К. Шумскаго.**—Гимны ненависти и гимны любви. Очеркъ **К. Чуковскаго.** (Съ 3 рис.). — Шутка. Разсказъ **М. Доманскаго.** — Отецъ Никодимъ. Изъ силуэтовъ войны. **В. Муйжеля.** — Денщикъ Сорокоуменко. (Памяти моего денщика). Разсказъ **Вадима Бѣлова.** — Левъ Венеціи. Стихотвореніе **Сергѣя Городецкаго.** — Заявленіе.—Объявленія.—Отклики войны.

РИСУНКИ: Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ. † 2-го іюня 1915 г. — Итало-австрійская граница въ Примолано. — Первые раненые въ итальянской арміи. —

—День „Русскаго флага" въ Англіи.—Петроградскій отдѣлъ развѣдчиковъ—„Русскій скоутъ".—Захваченный въ плѣнъ экипажъ германской подводной лодки на улицахъ Лондона. — Въ Берлинѣ.—Плѣнные германцы во Франціи.—У Дарданеллъ.—Адмиралъ Гепраттъ, командующій французской эскадрой въ Дарданеллахъ. — Турецкая артиллерія.—Турецкій морской министръ Джемаль-паша. — Турецкая гвардія. — На борту турецкаго броненосца. — Турецкіе кавалерійскіе офицеры. — Австрійскія казармы въ Тарнополѣ. — Англійскіе матросы и бельгійскіе солдаты разматываютъ проволочныя загражденія траншей. — Лондонскій призовой судъ выслушиваетъ показанія капитана захваченнаго германскаго парохода. — Пѣхотная цѣпь.—Переходъ автомобилей черезъ рѣку Серетъ.—Павшіе въ бою (25 портр.).—Костелъ въ Порембо.—Часовня въ раіонѣ боя.—Музей-храмъ на казацкихъ могилахъ. — Замокъ временъ Яна Собѣсскаго въ городѣ Висничѣ.—Древній монастырь въ Висничѣ (2 рис.). — Долина рѣки Б. — Заполненная водою воронка, образовавшаяся отъ разрыва 12-дюймоваго снаряда. — Квартира-бивуакъ въ одной изъ польскихъ деревень.—Воронка, вырытая „чемоданомъ", и лѣсъ, срѣзанный ружейнымъ огнемъ.—Полковой священникъ, направляющійся на передовыя позиціи.—Двѣ братскія могилы.—Въ часы досуга (2 рис.).—Маленькій „мадьяръ".—Выкапываніе изъ болота австрійскихъ снарядовъ.—Баварскій король Людвигъ осматриваетъ позиціи на восточно-прусскомъ фронтѣ.—На западномъ фронтѣ.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. И. Куприна" кн. 1.

Итало-австрійская граница въ Примолано.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Развитіе операцій въ Прибалтійскомъ краѣ и Галиціи.

Несмотря на то, что общественное вниманіе всецѣло сосредоточилось на судьбахъ Перемышля, нельзя не видѣть, что назрѣваютъ событія гораздо болѣе крупнаго масштаба, затрагивающія рѣшительно всѣ участки восточнаго фронта, и что Перемышль самъ по себѣ былъ лишь незначительнымъ эпизодомъ. Перемышль былъ, такъ сказать, раіономъ столкновенія передовыхъ частей тѣхъ громадныхъ милліонныхъ армій, которыя должны еще вступить вслѣдъ за этимъ передовымъ столкновеніемъ въ настоящее большое рѣшительное сраженіе на фронтѣ въ 1.500 верстъ отъ Прибалтики до Румыніи.

Всѣмъ хорошо извѣстно, что главныя операціонныя направленія лежатъ на сѣверѣ, что здѣсь именно находятся пути къ важнѣйшимъ центрамъ обѣихъ сторонъ, и что здѣсь именно всякій шагъ впередъ или назадъ есть событіе. Тѣмъ не менѣе нѣмцы, начавъ новую операцію, начали свое наступленіе съ самаго дальняго южнаго пути—Галиційскаго. Итакъ, имѣя передъ собой въ Польшѣ и въ Восточной Пруссіи первостепенные пути къ важнѣйшимъ центрамъ, нѣмцы почему-то ринулись всей массой куда-то на югъ, въ чуждую имъ Галицію. Поэтому можно было сразу предполагать, что Галиційское наступленіе, какъ бы оно ни было серьезно, какими бы оно крупными силами ни велось, — не есть главное наступленіе, а всего лишь попытка стратегическаго обхода восточнаго фронта, вѣрнѣе сказать, линіи рѣки Вислы со стороны ея лѣваго фланга. Однако, какъ извѣстно, всякій обходъ, будь то стратегическій — на театрѣ войны, или тактическій—на небольшомъ полѣ сраженія, обязательно долженъ быть соединенъ либо съ одновременнымъ наступленіемъ съ фронта, либо съ одновременнымъ наступленіемъ съ другого фланга. Этимъ и объясняется, что одновременно съ Галиційскимъ наступленіемъ, т.-е. съ попыткой обхода лѣваго фланга, послѣдовало Прибалтійское наступленіе, т.-е. попытка обхода праваго фланга.

Въ рядахъ итальянской арміи. Первые раненые.

Силы для того и для другого наступленія противникомъ были назначены неодинаковыя. Для Галиційскаго наступленія было назначено 40 корпусовъ Макензена, а Прибалтійское наступленіе повелъ генералъ Фалькенгайнъ, бывшій начальникъ германскаго генеральнаго штаба и бывшій военный министръ, имѣвшій сначала подъ командой армію изъ 5 корпусовъ, а потомъ изъ 7—8 корпусовъ. Такимъ образомъ въ Галиційскомъ сраженіи участвовало $1^1/_2$ милліона австро-нѣмцевъ, а въ Прибалтійскомъ наступленіи участвовало въ первое время лишь 300.000 нѣмецкихъ войскъ, т.-е. въ 5 разъ меньше.

Несомнѣнно, что 1.800.000 человѣкъ — цифра войскъ недостаточная для веденія крупныхъ операцій на нашемъ фронтѣ, и это одно уже заставляло предполагать, что противникомъ введены въ дѣло да-

Товарищи. По фот. С. Корсакова.

всего оттуда развивается громадной силы пулеметный и артиллерійскій огонь, который скашиваетъ ряды наступающихъ войскъ. Кромѣ того, предварительно необходимо разрушить проволоку артиллерійскимъ огнемъ, на что потребуется нѣсколько дней.

Пользуясь такими свойствами нынѣшнихъ оборонительныхъ позицій, нѣмцы уводятъ очень много войскъ съ того фронта, который ими предназначенъ для обороны.

въ случаѣ атаки нѣмецкихъ позицій на западѣ, нужно предвалеко не всѣ имѣющіяся въ его распоряженіи силы.

Дѣйствительно, одно изъ сообщеній, даваемыхъ изъ высокоавторитетнаго источника, привело подсчетъ силъ противника, сдѣланный однимъ изъ авторитетныхъ англійскихъ военныхъ обозрѣвателей. Изъ этого подсчета можно было видѣть, что у противника имѣются довольно значительные резервы. Согласно этому подсчету, Германія выставила до настоящаго времени не менѣе 141 дивизіи, а такъ какъ германскіе корпуса состоятъ большей частью изъ двухъ дивизій, то, слѣдовательно, силы нѣмцевъ надо опредѣлить не менѣе, чѣмъ въ 70 корпусовъ.

Австро-Венгрія выставила не менѣе 101 дивизіи, что можно видѣть изъ того, что мѣсяца три тому назадъ въ свѣдѣніяхъ изъ высокоавторитетнаго источника приводилась фамилія начальника 101-й австро-венгерской ландштурменной дивизіи. У австрійцевъ корпуса состоятъ изъ трехъ дивизій, но мы для подсчета будемъ брать корпусъ германской организаціи, т.-е. состоящій изъ двухъ дивизій. Тогда австро-венгерская 101 дивизія дастъ не менѣе 50 корпусовъ германской организаціи.

Итого, австро-нѣмецкія силы, выставленныя до настоящаго времени на всѣ фронты войны, равняются не менѣе чѣмъ 120 корпусамъ германской организаціи, насчитывающихъ каждый въ среднемъ, какъ извѣстно, около 40.000 человѣкъ. Общая цифра всѣхъ выставленныхъ австро-нѣмцами войскъ, слѣдовательно, превышаетъ въ настоящее время $4^1/_2$ милліона человѣкъ.

Эти войска распредѣлены между тремя фронтами, — восточнымъ, западнымъ и южнымъ или итальянскимъ. Для того, чтобы опредѣлить приблизительно, какія силы находятся на каждомъ фронтѣ, необходимо обратить вниманіе на то, что противникъ всегда ведетъ наступленіе на одномъ фронтѣ, а на остальныхъ фронтахъ — обороняется. Въ силу этого на оборонительныхъ фронтахъ противникъ оставляетъ сколь возможно меньшее число войскъ, а на наступательныхъ фронтахъ стремится собрать сколь возможно большее число войскъ.

Стремясь забрать возможно большее число войскъ съ оборонительныхъ фронтовъ, нѣмцы на такихъ фронтахъ возводятъ, какъ извѣстно, укрѣпленія громадной силы и заграждаютъ ихъ цѣлыми полосами проволоки. Подойти къ такимъ укрѣпленіямъ крайне трудно, такъ какъ прежде

День „Русскаго флага" въ Англіи.
Сборщица-артистка продаетъ значки солдатамъ въ Лондонѣ. (См. «Отклики войны»).

рительно потратить нѣсколько дней на разрушеніе однихъ проволочныхъ загражденій, а за это время всегда могутъ быть подвезены германскія войска съ востока по знаменитой сѣти нѣмецкихъ желѣзныхъ дорогъ. Кромѣ того, занятіе одной линіи окоповъ еще ничего не означаетъ, ибо сзади находится цѣлый десятокъ другихъ такихъ же линій окоповъ, одна за другою.

Наконецъ нѣмцы, рѣшивъ начать операцію сколь возможно большими силами противъ восточнаго фронта, учли также и тотъ случай, если ихъ позиціи на западномъ фронтѣ, съ десятками линій параллельныхъ окоповъ, будутъ все же взяты противникомъ. На этотъ случай нѣмцы приготовили вторую оборонительную линію въ Бельгіи, такую же сильную, какъ и первую въ Восточной Франціи, съ такими же линіями параллельныхъ окоповъ и параллельныхъ полосъ проволоки, одна за другою, и приготовились въ случаѣ нужды отойти даже на эту вторую линію. Очевидно, они согласны уступить даже часть Бельгіи, въ надеждѣ добиться какихъ-либо рѣшительныхъ результатовъ на восточномъ фронтѣ.

Итакъ, ведя наступленіе на двухъ крайнихъ флангахъ восточнаго фронта—въ Галиціи и въ Прибалтикѣ—въ общей сложностью 48 корпусами, противникъ имѣетъ, примѣрно, около 1 милліона войскъ въ стратегическомъ резервѣ, мѣстопребываніе коего неизвѣстно, но задачи весьма понятны. Эти задачи опредѣляются тѣмъ центральнымъ положеніемъ, которое занимаютъ австро-нѣмцы по отношенію къ союзникамъ. Такое центральное положеніе означаетъ необходимость посылать войска изъ стратегическаго резерва то на одинъ, то на другой, то на третій фронтъ, пользуясь желѣзными дорогами, въ зависимости отъ того, на какомъ фронтѣ понадобится развить операціи.

Петроградскій отдѣлъ развѣдчиковъ—„Русскій скоутъ".
Юные развѣдчики наблюдали за порядкомъ во время шествія дѣтей съ флагами, устроеннаго въ день сбора „Россія—окраинамъ", въ Петроградѣ.

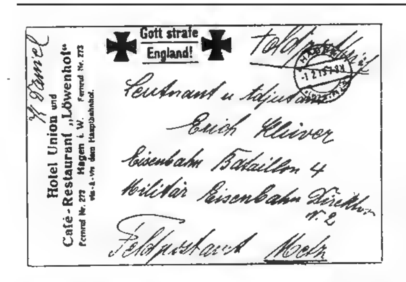
Поэтому цифра въ 10—12 корпусовъ, оставленныхъ нѣмцами для западнаго фронта, не будетъ преуменьшенною, и, примѣрно, такую же цифру, если не меньшую, нѣмцы оставили и на южномъ—итальянскомъ фронтѣ, гдѣ исключительно трудныя условія горной мѣстности облегчаютъ имъ оборону. На итальянскомъ фронтѣ что ни шагъ, то сильная горная позиція, и, въ силу этого, быстрое продвиженіе представляется маловѣроятнымъ, а возможно лишь медленное овладѣніе шагъ за шагомъ каждой вершиной, каждымъ ущельемъ.

Поэтому можно предполагать, что для обороны на западномъ и южномъ фронтахъ противникъ оставилъ 20—25, въ крайности 30 корпусовъ, а остальные 90 корпусовъ предназначаются для рѣшительныхъ операцій на восточномъ фронтѣ. Между тѣмъ нѣмцы пока обнаружили себя у насъ 40 корпусами Макензена, кое-какими ландштурменными частями въ Восточной Галиціи и въ Буковинѣ и 7—8 корпусами арміи Фалькенгайна въ Прибалтійскомъ краѣ. Слѣдовательно, у противника имѣется еще не менѣе 40 корпусовъ, находящихся частью въ Праснышскомъ раіонѣ, на Бзурѣ, Равкѣ и Пилицѣ, а частью—въ стратегическомъ резервѣ. Такъ какъ на Бзурѣ, Равкѣ и Пилицѣ, а также и въ Праснышскомъ раіонѣ противникъ обороняется, то, очевидно, здѣсь имъ оставлены также незначительныя силы, и, слѣдовательно, стратегическій резервъ можетъ быть равенъ 30 корпусамъ, т.-е. нѣсколько болѣе, чѣмъ одному милліону человѣкъ.

Конечно, всѣ эти планы учитываются стратегіей союзниковъ, а выгодное центральное положеніе, которое занимаютъ наши войска за Вислой по отношенію къ дугѣ наступающаго противника, даетъ достаточную возможность парировать удары, гдѣ бы они ни обнаруживались—въ Галиціи, въ Прибалтикѣ, или въ центрѣ—на Бзурѣ. Этимъ и объясняется, что операція нѣмцевъ носитъ, невзирая на то, что началась уже болѣе мѣсяца тому назадъ, крайне медленный характеръ.

Гимны ненависти и гимны любви.

Очеркъ **К. Чуковскаго.**



Образецъ германскаго открытаго письма, снабженнаго вверху надписью: „Gott strafe England!" (Боже, накажи Англію!).

Какъ извѣстно, нѣмцы оказываютъ англичанамъ особую честь: они ненавидятъ ихъ больше, чѣмъ насъ и французовъ. Въ стихахъ и прозѣ они заявляютъ, что мы и французы для нихъ — не враги, что единственный ихъ лютый, заклятый, навѣки ненавидимый врагъ — англичане.

И англичане гордятся такой привилегіей. Она имъ льститъ, здѣсь для нихъ комплиментъ. Особенно нравится имъ, что нѣмцы именно о нихъ, объ англичанахъ, сложили свой гимнъ ненависти.

Этотъ гимнъ появился впервые въ мюнхенскомъ еженедѣльникѣ „Jugend", и теперь вся Германія распѣваетъ его на ряду со своимъ національнымъ гимномъ. Авторъ гимна — Эрнстъ Лиссауэръ. Такого вдохновенія злобы еще не было во всемірной словесности. Это не пѣсня, а судорога, что-то конвульсивное, бредовое, шаманское. Соберите самое злое, что написано нынѣ о нѣмцахъ во Франціи, въ Россіи и въ Англіи, — все на ряду съ этой пѣсней покажется добродушнымъ. Та россійская „Анаѳема Вильгельму Гордому", которую я процитирую ниже, по сравненію съ этимъ заклинаніемъ нѣмецкихъ факировъ, есть самый кроткій младенческій лепетъ.

Даже австрійцы испугались такой кровопійственности и воскликнули въ одной вѣнской газетѣ:

— Не пойте этой пѣсни! Мы ее ненавидимъ *)!

А тѣ, противъ кого она направлена, не только не возмущаются ею, но заучиваютъ ее наизусть, распѣваютъ ее на всѣхъ перекресткахъ и готовы даже хвастаться ею передъ тѣми своими друзьями, кои не сподобились такихъ изступленныхъ проклятій.

Германскій значокъ-брошь, составленный изъ союзныхъ національныхъ цвѣтовъ: Германіи, Австро-Венгріи и Турціи, съ надписью: „Gott strafe England!" (Боже, накажи Англію!).

„Все же главная злоба кайзера направлена противъ насъ, англичанъ, — кичится въ своемъ письмѣ британскій матросъ Томасъ Уудъ. — Вѣдь пѣсня ненависти посвящена только намъ!"

Предлагаю эту пѣсню въ посильномъ моемъ переводѣ, гдѣ я пытался передать ея хаотически-заклинательный духъ, доходящій порою до транса.

И французы и русскіе намъ ни почемъ:
То они насъ побьютъ, а то мы ихъ побьемъ.
Мы для нихъ не друзья, мы для нихъ не враги,
Мы отъ нихъ защищаемъ свои очаги.

Но есть у насъ ненависть, одна, одна!
Она намъ на вѣки вѣковъ дана!
Ее мы выпьемъ до дна, до дна!
Будь проклятъ нашъ единственный врагъ!

Онъ извѣстенъ вамъ всѣмъ, онъ извѣстенъ вамъ всѣмъ!
Онъ въ берлогѣ засѣлъ, какъ драконъ.
Онъ отъ злобы, отъ зависти, онъ отъ ярости нѣмъ,
Онъ, какъ кровью, водой окруженъ!

Идемъ же и встанемъ, какъ на Страшномъ Судѣ,
И страшную клятву дадимъ.
Та клятва изъ бронзы: не растаетъ въ водѣ,
Не развѣется вѣтромъ, какъ дымъ.

Внимай же присягѣ, повторяй же присягу,
Передай ее дѣтямъ и дѣтямъ дѣтей,
Освяти ею пушку, и пулю, и шпагу, —
Вѣрна вся Германія ей:

Одна у насъ ненависть, одна, одна,
Она намъ на вѣки вѣковъ дана,
Мы выпьемъ ее до дна, до дна,
Одинъ у насъ единственный врагъ —

Англія!!!

. . . .

И французы и русскіе — намъ ни почемъ:
То они насъ побьютъ, а то мы ихъ побьемъ,
Мы сражаемся съ ними огнемъ и мечомъ,
А миръ къ намъ придетъ, мы мириться пойдемъ!

Но къ вамъ наша злоба, —
До гроба.
Злоба всегда и вездѣ,
Злоба на землѣ, на водѣ,
Злоба нашихъ рукъ и головъ,
Злоба нашихъ царей и рабовъ,
Злоба нашихъ молотковъ и жезловъ,
Злоба милліоновъ людей,
Злоба въ милліонахъ грудей, —

Aus großer Zeit

You will we hate with a lasting hate,
We will never forgo our hate,
Hate by water and hate by land,
Hate of the head and hate of the hand,
Hate of the hammer and hate of the crown,
Hate of seventy millions choking down.
We love as one, we hate as one,
We have one foe, and one alone —
England!

The Hymn of Hate: or, The Teuton in his Tantrums.

In Quires and Places where they sing,
The Germans make the rafters ring,
Throughout the cultured Vaterland,
With Hymns of Hate, by high command.
A rage that's impotent, of envy born,
We greet with laughter—and a touch of scorn.

List to their crazy chorus: "Woe
To England, she's our only foe!"
Alas, they likewise vilipend
The Turk, who is their only friend.
"This noble, deep and patient land" (Carlyle)
Appears to have a bad attack of bile.

"God punish England!" is their cry
Directed to the Throne on High,
An order, mark you, not a prayer,
Sure symptom of a "crise de nerfs."
Thank Heaven, to Germans we are not germane,
No hate-wave melts the ice of our disdain.

W. E. C.

„Gott strafe England!" (Боже, накажи Англію!) — гимнъ ненависти, распѣваемый нѣмцами въ храмахъ, общественныхъ собраніяхъ, на улицахъ и въ частныхъ домахъ. Вверху — изображеніе Вильгельма.

*) „Daily Chronicle" 1914, Dec. 11.

Захваченный въ плѣнъ экипажъ германской подводной лодки на улицахъ Лондона.

Одна у насъ злоба, одна,
Она намъ на вѣки дана,
Мы выпьемъ ее до дна:
Нашъ лютый единственный врагъ—
Англія!!!

Ненависть къ англичанамъ сказалась не только въ этомъ чудовищномъ гимнѣ. Вслѣдъ за нимъ въ Германіи появились особые жетоны и броши съ такимъ милымъ обращеніемъ къ Богу:

„Боже, накажи Англію! Gott strafe England!“ (см. стр. 465).

Встрѣчаясь на улицахъ, нѣмцы, по собственнымъ ихъ заявленіямъ, уже не говорятъ другъ другу „здравствуйте“, а произносятъ ту же сакраментальную формулу. Одинъ говоритъ: „Gott strafe England!“, а другой отвѣчаетъ: „Gott mög' es strafen!“ (Накажи ее, Боже!). На открытыхъ письмахъ (см. стр. 465), на ресторанныхъ счетахъ, на офиціальныхъ бумагахъ и даже на вывѣскахъ печатается то же воззваніе.

Англичанъ и это забавляетъ. Пріятно быть предметомъ такой ярости. Одинъ англійскій поэтъ напечаталъ по этому поводу слѣдующее:

„Боже, накажи Англію!“ кричатъ Господу Богу германцы.—Это не молитва, а военная команда, приказъ... Мы же къ нѣмцамъ не питаемъ злобы: ихъ безсильную злобу, порожденную завистью, мы встрѣчаемъ смѣхомъ, не лишеннымъ презрѣнія“. (Стихотв. W. K. C. въ журналѣ „Graphic“).

Таково отношеніе всей націи. Если бы кто-нибудь въ Лондонѣ, на Пиккадили или Трафальгаръ-Сквэрѣ, выставилъ, въ отместку нѣмцамъ, плакатъ: „Боже, накажи Германію!“ — отъ него отвернулись бы, какъ отъ помѣшаннаго.

Ужъ мы теперь не скажемъ
Ни здравствуй, ни прощай,

Плѣнные германцы во Франціи.

Мы только скажемъ: Боже!
Британцевъ покарай!—

восклицаетъ въ „Lustige Blätter“ нѣмецкій піита Гохштеттеръ.

На ядрахъ и на бомбахъ
Напишемъ мы одно:
Господнее проклятье
Британцамъ суждено.

Свинцовымъ ураганомъ
На нихъ мы налетимъ
И каждое жилище
Въ кладбище превратимъ *).

и т. д., въ такомъ же набожно-религіозномъ стилѣ. Какъ я уже указывалъ, даже австрійцевъ шокируетъ такая безшабашная проповѣдь злобы: даже имъ, разорителямъ Сербіи, приверженцамъ пули думъ-думъ, противны прусскіе гимны о ненависти. Прекрасную отповѣдь гимну Лиссауэра дала австрійская газета „Fremdenblatt“: я нашелъ переводъ этой отповѣди въ лондонской газетѣ

Въ Берлинѣ. Раненые нѣмецкіе солдаты на прогулкѣ, въ сопровожденіи сестеръ милосердія.

*) Буквально: Making each English homestead a mansion of the dead. „The Great War“ ed. by H. W. Wilson. Part 28.

„Daily Chronicle“, и вотъ перевожу съ перевода. Австрійцы обращаются къ германцамъ:

Не пойте намъ пѣсню о ненависти,
Для насъ это ненавистная пѣсня.
Она душѣ австрійца чужда.
Мы сражаемся не ради ненависти,
Но противъ ненависти, противъ коварства и жадности (?!?),
Которыя весь міръ превратили въ пожарище.
Для этого намъ нужна чистая совѣсть,
Намъ нужно чистое сердце.
Будемъ же лелѣять въ себѣ
То состраданіе къ ближнему, что обнаружили наши солдаты,
Когда они отдавали свой хлѣбъ умирающему съ голода врагу (?!?).
Это состраданіе необходимо и намъ,
Ибо наши дѣти страдаютъ, страдаютъ наши старцы и женщины.
Не отравляйте же ненавистью нѣжныя души дѣтей,
Не отравляйте ихъ низменной жаждой мести,
Вѣдь мы ради нашихъ дѣтей и сражаемся,
Ради молодыхъ поколѣній.
Кто сѣетъ ненависть, тотъ ее и пожнетъ,
Намъ же нуженъ миръ всего міра,
И да ниспошлетъ его намъ Господь поскорѣе!

У Дарданеллъ. Доставка мяса на французскую эскадру.

Жаль, что австрійцы не обнаружили столь возвышенныхъ христіанскихъ чувствъ *до* карательной экспедиціи въ Бѣлградъ.

Конечно, пруссаки не вняли этому призыву своихъ „миролюбивыхъ“ союзниковъ и, какъ сообщаетъ французская пресса, ввели даже въ солдатскіе окопы свою молитву о гибели Англіи. Въ журналѣ „L'Illustration“ обнародовано такое письмо одного нѣмецкаго офицера: „Въ моемъ корпусѣ всѣ офицеры и нижніе чины замѣнили обычныя привѣтствія словами: „Боже, накажи Англію!“ и „Накажи ее. Боже!“

Какъ непохожи всѣ эти пѣсни проклятій, гимны ненависти, гимны злобы, на произведеніе такого же рода, написанное русскимъ мужикомъ.

Съ виду это тотъ же гимнъ ненависти, какъ ясно ужъ изъ самаго названія: „Анаѳема Вильгейму Гордому“, но на дѣлѣ это — гимнъ любви.

Авторъ не только не питаетъ вражды ко всему народу нѣмецкому, но именно о немъ-то и хлопочетъ, мечтаетъ его спасти, спѣшитъ предостеречь его о той неминуемой безднѣ, куда его влечетъ Вильгеймъ, Братъ Сатаны, Царь-Анаѳема.

Онъ, крестьянинъ села Иванова Московской губерніи, затѣялъ открыть наконецъ глаза ослѣпленной Нѣмецкой Націи. Онъ увѣренъ, что стоитъ только нѣмцамъ прочитать его „Анаѳему Вильгейму Антихристу“, какъ всѣ они тотчасъ поймутъ, у кого они оказались въ когтяхъ, раскаются, переродятся и спасутся.

„Ваше Высокоблагородіе Екатерина Николаевна! — пишетъ онъ своей знакомой барынѣ. — Прилагаемый листъ обращеніе къ Вильгейму Жестокосердому перепишите на нѣмецкій языкъ, и нельзя ли послать его народу (нѣмецкому)? Пора имъ понять, куда ихъ влечетъ гордый умъ. Спасая другихъ, самъ спасешься. Вы сами лично счастливая, васъ избавилъ Богъ; дайте же хоть сотую долю другимъ утѣшенія, укажите ужасъ, который можетъ увеличиться. Люди не видятъ, и вотъ уничтожаютъ себя, какъ нѣкогда басня Крылова. Безумцы! Хотѣли камнями боговъ побить, а на дѣлѣ камни на нихъ летѣли и ихъ самихъ били. Такъ и теперь. Какъ будто варваръ бьетъ другихъ, а на дѣлѣ уничтожаетъ самъ себя“...

Крестьянинъ села Иванова пожалѣлъ слѣпыхъ, погибающихъ „варваровъ“. Къ самымъ жестокимъ врагамъ-супостатамъ у него нашлось состраданіе. Онъ бы въ домѣ своемъ ни за что не повѣсилъ таблички: „Gott strafe Deutschland!“ У него лозунгъ другой: „Боже, спаси Германію, верни ей разумъ, просвѣти ея очи!“ Ненависть къ народамъ и странамъ ему совершенно чужда. Все свое негодованіе онъ устремилъ на Вильгельма, котораго считаетъ единственнымъ зачинателемъ бѣдъ. Здѣсь такая возвышенность чувствъ, что многіе доморощенные наши Лиссауэры будутъ ею пристыжены и сконфужены.

И когда знаешь ту великолѣпную, истинно-христіанскую цѣль, ради которой написана эта „Анаѳема“, то уже не пугаешься ея нарочитой свирѣпости. Вотъ она въ наиболѣе яркихъ ея выраженіяхъ:

„Анаѳема, Анаѳема Вильгейму Гордому! Поднявшій мечъ отъ меча и погибнетъ! Вильгеймъ-царь, братъ Сатаны! Царь Варваровъ! Зачѣмъ ты влекешь свой народъ на погибель?.. Жестокосердый Царь! мало тебѣ было, что твоя страна была въ цвѣтущемъ положеніи, мало тебѣ было, что твой народъ богатѣетъ; нѣтъ, ты взялъ гордость Сатаны: „нѣтъ Бога, а я самъ буду богъ, буду управлять всѣмъ міромъ!“ На это я тебѣ, простецъ, отвѣчаю: да будь ты сверженъ, какъ твой покровитель Сатана, который радуется твоимъ дѣяніямъ. Рѣки слезъ, милліоны смертей, милліоны страданій, милліоны терзаній, — все дѣло рукъ твоихъ! За все это будь ты проклятъ со всѣми твоими единомышленниками и создателями Адскаго мученія всѣмъ живущимъ на землѣ. Проклятъ анаѳема и чады твои искоренятся до конца, и каждый день тебѣ и чадамъ твоимъ — проклятіе! Лжецъ! Ты каралъ Россію, теперь жди ея кары, какъ кары Божьей“.

И подписано: Душа Русскаво Чиловѣка.

Душа эта не слишкомъ-то грамотная: что ни слово, то орѳографическій перлъ, — но, я думаю, это душа неплохая, это душа превосходная: вѣдь даже гимнъ злобы и ненависти вызванъ у нея чувствомъ любви.

Адмиралъ Гепраттъ, командующій французской эскадрой въ Дарданеллахъ.

Турецкая артиллерія.

Шутка.

Разсказъ **М. Доманскаго.**

— А я тебѣ говорю, что ты шпіонъ! Если ты не шпіонъ, зачѣмъ ты сдѣлалъ этотъ списокъ нашихъ полковъ съ отмѣтками времени пребыванія ихъ въ этой деревушкѣ? Нѣтъ, нѣтъ! Конечно, ты шпіонъ!

Безусый, съ нѣжно-розовымъ выхоленнымъ лицомъ, лейтенантъ Отто фонъ-Кранцъ полулежитъ на стулѣ, вытянувъ длинныя ноги, похлопываетъ по ботфортамъ хлыстомъ и, сощурившись, хитро смотритъ на худого, сутулаго еврея Лейзера.

Лейзеру трудно говорить. Холодный ужасъ, страхъ передъ чѣмъ-то близкимъ, неизбѣжнымъ, давно уже вошелъ въ его душу, голову, ноги, во все его тѣло и сжимаетъ ему горло. Даже небольшая желтая бородка Лейзера вздрагиваетъ отъ страха. Однако онъ собирается съ силами и снова повторяетъ:

— Господинъ офицеръ! Господинъ офицеръ! Повѣрьте мнѣ. Я не шпіонъ. Видитъ Богъ, я не шпіонъ. Я бѣдный еврей. Но я честный человѣкъ.

— Ха-ха-ха! Честный человѣкъ. А зачѣмъ же ты сдѣлалъ этотъ списокъ?

— Господинъ офицеръ! Я же вамъ говорю. Вотъ уже третій мѣсяцъ, какъ ваши войска стоятъ въ деревнѣ. Раньше я ѣздилъ въ Варшаву за товаромъ. Немножко торговалъ. Немножко зарабатывалъ, чтобы прокормить себя, свою жену и своего ребенка. Только-только, чтобы не умереть съ голоду. Но я же говорю, третій мѣсяцъ нѣмецкія войска стоятъ здѣсь. Я не могу ѣхать въ Варшаву за товаромъ. А нужно жить. Нужно кушать. Такъ я продавалъ говядину господамъ нѣмецкимъ офицерамъ. Мнѣ заплатили. Ей-Богу, заплатили! Но не сразу. Я записывалъ. А потомъ приходилъ и получалъ свои деньги. Такъ это — бумага, на которой я записывалъ. Видитъ Богъ, я говорю правду. Господинъ офицеръ можетъ спросить кого угодно. Какой я шпіонъ!

Лейтенантъ чувствовалъ, что еврей говоритъ правду.

Но вѣдь такая скука, такая тоска. Штабы дивизіи всегда стоятъ въ маленькихъ, скверныхъ деревушкахъ. Фонъ-Кранцъ невольно повернулся къ окну. Вмѣсто улицы — широкая полоса шоколадно-бурой грязи съ громадными лужами. Дальше сѣрыя лачуги, намокшія, угрюмыя, насупившіяся. А за лачугами такія же сѣрыя, мокрыя, угрюмыя поля.

Такъ скучно. Такъ хочется развлечься. Онъ и развлекается. Вѣдь онъ только шутитъ, только играетъ съ евреемъ. Потомъ въ Берлинѣ онъ разскажетъ объ этой шуткѣ невѣстѣ, пріятелямъ, и всѣ будутъ смѣяться.

Турецкій морской министръ Джемаль-паша.

— Нѣтъ, нѣтъ, конечно, ты шпіонъ! Тебя нужно повѣсить! — снова смотритъ лейтенантъ на Лейзера и вдругъ слышитъ за дверью какой-то шумъ: кто-то плачетъ, стонетъ.

— Кто тамъ? — обращается онъ къ молодцевато-вытянувшемуся у двери вѣстовому Линке.

Тотъ исчезаетъ и черезъ минуту возвращается.

— Еврейка, его жена. Пришла, плачетъ, желаетъ васъ видѣть.

— Пускай войдетъ!

Врывается всклоченная, въ лохмотьяхъ. На лицѣ ярко написанъ животный ужасъ. Глаза совсѣмъ безумные. Падаетъ на полъ и хватаетъ офицера за ноги. И Лейзеръ вдругъ падаетъ.

Ха-ха-ха! Вотъ смѣшные! Обнимаютъ и цѣлуютъ грязные сапоги. Какъ горячо цѣлуютъ. Это прекурьезно. Это, наконецъ, весело. Въ Берлинѣ будутъ страшно смѣяться, когда онъ разскажетъ.

А что, если дернуть ногой? Вотъ такъ. — Комокъ грязи присталъ къ лицу еврея.

О чемъ они говорятъ? Просятъ... Плачутъ... Бѣдные! Но такъ не хочется кончать шутку. Онъ, лейтенантъ Отто фонъ-Кранцъ, тоже бѣдный. Тетя фонъ-Люттихъ хлопотала, чтобы его назначили въ штабъ арміи. О, тамъ совсѣмъ другое дѣло. Тамъ весело. Обѣщали, а потомъ назначили сюда, въ штабъ дивизіи.

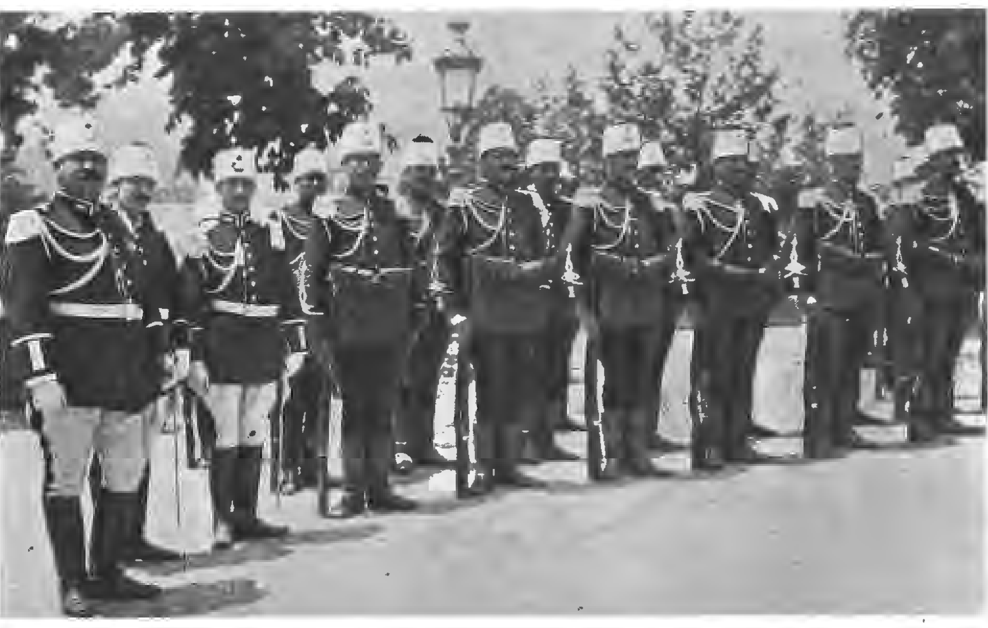
У еврейки на лѣвой ногѣ совершенно отваливается подметка. Видны пальцы. И вода оттуда течетъ, грязная, желтая. Несчастные! Можно будетъ дать имъ пятьдесятъ пфениговъ, даже марку. Но потомъ, потомъ. А сейчасъ, право же, это очень весело. Боже, какъ они перепуганы!

— Ихъ превосходительство начальникъ дивизіи просятъ г. лейтенанта!

— Сію минуту! Линке, выкинуть ихъ отсюда на дворъ. Обоихъ. Пока довольно. Еврея сторожить. Помни!

— Слушаю, г. лейтенантъ.

У начальника дивизіи сидѣлъ начальникъ штаба. Говорили долго. Очень долго. Сперва о службѣ, потомъ о Берлинѣ. Потомъ обѣдали. Обѣдали тоже долго. Пили кофе, курили сигары. Послѣ обѣда, когда по полямъ плыли уже раннія сумеречныя тѣни, лейтенантъ Отто фонъ-Кранцъ вышелъ на крыльцо.



Турецкая гвардія.

Противъ крыльца, опершись на низенькій заборчикъ палисадника, прижавшись другъ къ другу, стояли двѣ скрючившіяся отъ холода, измокшія фигуры.

Увидѣвъ офицера, еврей и еврейка снова бросились къ его ногамъ. Снова прижимались къ сапогамъ лицами, снова цѣловали грязные сапоги. И снова просили о чемъ-то. Безсвязно, жалобно, по-дѣтски.

Боже мой! Все одно и то же. Вѣдь это, наконецъ, скучно. Нужно придумать что-нибудь особенное.

— Подождите здѣсь минуту!—приказалъ лейтенантъ.

Вошелъ къ себѣ въ комнату и позвалъ вѣстового Линке.

— Найди веревку. Выйдемъ во дворъ. Я прочту бумагу. Тогда возьми съ кѣмъ-нибудь изъ вѣстовыхъ еврея и веди его въ сарай. Какъ будто вѣшать. Понимаешь?

— Такъ точно, г. лейтенантъ! Понимаю! широко улыбнулся солдатъ.

Иди, ищи веревку!

Черезъ минуту лейтенантъ снова вышелъ на крыльцо съ бумагой въ рукахъ. За нимъ вышелъ Линке съ веревкой.

Дѣлая видъ, что читаетъ по-писанному, фонъ-Кранцъ прочелъ якобы приказъ начальника дивизіи о томъ, что еврей Лейзеръ Бѣленькій за шпіонажъ въ пользу русскихъ приговаривается къ повѣшенію.

— Веди его!—повернулся лейтенантъ къ вѣстовому Линке, складывая и пряча бумагу.

Два дюжихъ солдата подхватили еврея подъ руки и повели къ стоявшему въ глубинѣ двора сараю. Несмотря на сумерки, видно было, какъ страшно побѣлѣло лицо Лейзера. Онъ не просилъ, не стоналъ, не плакалъ. Онъ сразу обезсилѣлъ. Ноги его, смѣшно подпрыгивая, волочились по грязи.

А еврейка стояла безъ движенія, не моргая даже глазами.

— Гони ее отсюда! — повернулся лейтенантъ къ одному изъ солдатъ, толпившихся у крыльца.

Солдатъ грубо схватилъ женщину за плечо, приволокъ къ воротамъ, толкнулъ и быстро заперъ ворота.

Еврейка очнулась. Оглянулась назадъ, зачѣмъ-то слабо толкнула ворота и вдругъ пронзительно завизжала. Завизжала совсѣмъ нечеловѣческимъ голосомъ, а какъ-то особенно, по-звѣриному. Повернулась и пошла. Пошла съ тѣмъ же звѣринымъ крикомъ, не глядя подъ ноги, бултыхаясь въ лужи. Заломила руки на голову, растрепала волосы, вырывала ихъ клочьями.

Жители деревни съ ужасомъ смотрѣли на еврейку изъ-за полуоткрытыхъ дверей, изъ-за угловъ избъ. Вѣсть о томъ, что Лейзера поймали и обвиняютъ въ шпіонствѣ, прошла уже по деревнѣ. Боже сохрани подойти теперь къ Ривкѣ. Схватятъ, скажутъ, что соучастники, и тоже повѣсятъ. Развѣ у нѣмцевъ это долго?

Ривка шла, съ непонятной легкостью вытягивая ноги изъ густой грязи, рвала на себѣ волосы и визжала. Въ головѣ у нея прыгали обрывки какихъ-то мыслей, а передъ глазами прыгали избы знакомой деревеньки. Узкая, золотисто-красная полоска заката казалась ей страшнымъ багровымъ заревомъ, охватившимъ полъ-неба. Еврейка смотрѣла на это зарево, и глаза ея ширились отъ ужаса: уродливымъ, чудовищнымъ пятномъ вырисовывалось на этомъ яркомъ фонѣ длинное висящее тѣло.

Турецкіе кавалерійскіе офицеры.

— Что это? Великій Богъ! Вѣдь это Лейзеръ... Ея Лейзеръ... Ея мужъ... Отецъ ея ребенка... Домой! Скорѣе домой!

Еще быстрѣе замелькали въ глазахъ избы.

Она бѣжитъ. Но ей почему-то кажется, что она стоитъ на вершинѣ высокой горы. Позади остался долгій путь многихъ дней тяжелой жизни, сѣрой, полуголодной. А впереди, подъ ногами, черная пропасть чего-то невѣдомаго, страшнаго. Лейзеръ работалъ съ утра до ночи и съ ночи до утра. И то голодали. А теперь безъ Лейзера... Нищета... Голодная смерть...

Вотъ и домъ. Больно ударилась лбомъ. Забыла, что дверь низка. Бросилась въ уголъ къ большой деревянной кровати. Изъ кучи лохмотьевъ выхватила что-то маленькое, тщедушное, жалобно пищащее. Подняла высоко надъ головой.

— Знаешь ли ты, что значитъ быть сиротой? Еврейскимъ сиротой? Знаешь ли ты, что значитъ быть нищимъ? Еврейскимъ нищимъ? Лейзеръ! Мой Лейзеръ!..

Рѣшилась на страшное дѣло. Голова и сердце горѣли, а по всему тѣлу шелъ ознобъ. Быстро заметалась по избенкѣ. И маленькая, грязная, съ гнилымъ запахомъ нищеты, избенка вскорѣ наполнилась кровью, кошмарными тѣнями.

Еврейка уже не выла. И не было мыслей въ ея головѣ. Исчезли жаръ и холодъ, исчезли кошмарныя видѣнія. Тихій голубой свѣтъ окружилъ ее. И стало такъ хорошо, такъ легко на душѣ. Навсегда такъ стало.

Поздно вечеромъ Линке доложилъ лейтенанту:

— Что прикажете дѣлать съ евреемъ?

Ахъ да, онъ еще здѣсь. Можно уже закончить шутку. Завтра, вѣдь выступленіе. Вонъ изъ этой сѣрой, скучной деревушки. Можетъ-быть, тамъ, впереди будетъ веселѣе.

Гони его!—повернулся лейтенантъ къ солдату.—Дай ему хорошаго тумака

На борту турецкаго броненосца.

на дорогу и скажи, что онъ можетъ убираться на всѣ четыре стороны.

— Слушаю, г. лейтенантъ!

Лейзеръ бѣжалъ домой, и ему казалось, что его несутъ не ноги, а какія-то громадныя крылья. Было темно. Онъ то и дѣло попадалъ изъ одной лужи въ другую. Но не замѣчалъ. Наконецъ добѣжалъ. Открылъ дверь. Въ обычномъ мѣстѣ нашелъ спички, зажегъ.

— Ай-ай-ай!

Дикій, нечеловѣческій вопль прорѣзалъ темноту ночи, прокатился по грязной улицѣ и темнымъ переулкамъ деревни и умчался въ черную даль мокрыхъ полей.

Черезъ десять минутъ деревню облетѣла страшная вѣсть: еврейка Ривка зарѣзала своего ребенка и повѣсилась. А Лейзеръ, вернувшись домой и увидавъ это, сошелъ съ ума. Сейчасъ ходитъ вокругъ избы и поетъ. Жалобно такъ поетъ.

Наутро Линке, одѣвая своего барина, сообщилъ ему о ночномъ происшествіи. Лейтенантъ Отто фонъ-Кранцъ искренно разсмѣялся:

— Чортъ возьми! Вотъ не ожидалъ, что моя шутка кончится такъ эффектно. Безподобно! Это чрезвычайно интересно. Это тоже можно будетъ разсказать въ Берлинѣ. А, Линке, какъ ты думаешь?

— О да, г. лейтенантъ! Тамъ посмѣются.

Отецъ Никодимъ.

Изъ силуэтовъ войны. **В. Муйжеля.**

I.

Зимою священникъ N-скаго полка заболѣлъ какой-то сложной желудочной болѣзнью и вынужденъ былъ уѣхать; послѣ разнесся слухъ, что отцу Павлу надо было дѣлать операцію, и его эвакуировали домой, въ Россію. Около мѣсяца полкъ былъ безъ священника, но это не такъ замѣтно было потому, что наступило какъ разъ то время, которое въ передовой линіи зовутъ затишьемъ.

Раненыхъ было мало, убитыхъ еще меньше, — полкъ сидѣлъ недѣли три въ окопахъ, потомъ уходилъ на недѣлю на отдыхъ, потомъ опять шелъ въ передовую линію, и затишье, — особое время, когда идетъ такъ называемая дежурная перестрѣлка, — продолжалось по всей линіи вытянувшагося на нѣсколько десятковъ верстъ фронта.

Гдѣ-то, за узенькой полоской мертваго пространства между враждебными окопами, что-то копилось. Объ этомъ говорило самое затишье, какъ въ природѣ тишина передъ грозою; объ этомъ доносили развѣдчики, лазавшіе къ нѣмцамъ, какъ къ себѣ домой, ходили темные слухи о томъ, что противникъ перебрасываетъ свои силы въ новомъ направленіи, и всѣ чувствовали, что что-то должно произойти, не сегодня, такъ завтра, черезъ недѣлю, или мѣсяцъ, но пока въ сошедшихся двухъ линіяхъ окоповъ была тишина.

Солдаты обжились въ землянкахъ, натаскали себѣ изъ сосѣднихъ брошенныхъ обитателями халупъ разныя хозяйственныя вещи, варили цѣлыми днями чай, а когда стало пригрѣвать солнышко, вылѣзали осторожно изъ окопа и цѣлыми часами лежали въ сладкой весенней истомѣ, подставляя спину теплымъ, ласковымъ лучамъ.

Въ это примѣрно время въ полкъ былъ назначенъ новый священникъ изъ монаховъ, отецъ Никодимъ.

О его пріѣздѣ полкового командира извѣстили телефонограммой. Онъ выслалъ въ городъ, до котораго доходила желѣзная дорога, коляску.

На войнѣ жизнь людей виситъ на волоскѣ. Подавленная непрестанной опасностью мысль ищетъ опоры, и единственное, что можетъ поддержать, — вѣра. Простая, безхитростная, почти дѣтская вѣра, и на войнѣ вѣрующими стали всѣ. Тѣ, кто раньше никогда не молился и, говоря о вопросахъ вѣры, улыбался той улыбкой, что улыбаются большіе, присутствуя при разговорѣ дѣтей,—идя въ атаку или на опасную развѣдку, часто и быстро крестили себѣ пуговицу грубой солдатской шинели и по вечерамъ, ложась спать въ землянкѣ, ощупывали маленькій образокъ или крестикъ на шеѣ.

Суровая жизнь войны, будившая въ душѣ заглохшую съ дѣтства вѣру, перенесла это смутное, неясное исканіе опоры и защиты на служителей вѣры—священниковъ. Почти все офицерство, не говоря уже о солдатахъ, относилось къ прежнему отцу Павлу съ тѣмъ дружескимъ, близкимъ уваженіемъ, которое бываетъ по отношенію къ людямъ, сильнымъ особой, не совсѣмъ понятной, силой.

Теперь, когда ждали новаго священника, офицеры какъ будто подтянулись, и даже самъ полковникъ, усатый, совершенно лысый человѣкъ съ красными набухшими вѣками, за которыя его звали молодые офицеры Віемъ, проходя по штабу полка,—двумъ крохотнымъ комнаткамъ приникшей возлѣ дороги избы, гдѣ и жили чины штаба, — отмахнулъ ногою разбросанные обрывки бумагъ на полу и заворчалъ на вѣстовыхъ, ничего не дѣлавшихъ въ кухнѣ:

— Дубье стоеросовое, хоть бы прибрали тутъ!.. Все-таки духовное лицо пріѣдетъ... Все по-свински... Я вамъ ужо!..

Личный денщикъ полковника подмахнулъ полъ вѣникомъ, одинъ изъ вѣстовыхъ покрылъ столъ чистой скатертью, а другой даже сдѣлалъ попытку украсить грязную, съ землянымъ поломъ, халупу чѣмъ-то въ родѣ занавѣсокъ на окнахъ.

А на дорогѣ возлѣ избы, по канавамъ и между старыми ветлами, окаймлявшими дорогу, уже собралась толпа неизвѣстно откуда явившихся солдатъ. Они стояли и сидѣли молча, щурясь на пригрѣвавшее уже по-весеннему солнце, и терпѣливо ждали.

Прапорщикъ Воронинъ раза два выходилъ посмотрѣть, не ѣдетъ ли батюшка, и пробовалъ-было гнать солдатъ; они отходили немного, потомъ опять возвращались и присаживались въ канавкѣ, щурясь, какъ довольные, сытые коты... И совершенно неизвѣстно было, откуда они понабрались. Несомнѣнно, изъ окоповъ ихъ никто не отпускалъ, стало-быть, пришли сами, безъ спросу. А это былъ уже непорядокъ.

Австрійскія казармы въ Тарнополѣ.

II.

Отецъ Никодимъ пріѣхалъ какъ разъ въ то время, когда его ждали. Былъ онъ невысокъ ростомъ, коренастъ и сильно мужиковатъ по виду. Простымъ и некрасивымъ было его веснущатое, испещренное рыжими пятнами отъ носа до ушей, лицо, и особенное, грубое и простецкое выраженіе придавалъ ему носъ, короткій, толстый, съ огромными вывороченными ноздрями, на которыя первый встрѣтившійся съ нимъ человѣкъ смотрѣлъ больше всего.

И руки у него были тоже грубыя, мужицкія, съ грязными ногтями и въ веснушкахъ, и такъ много было этихъ веснушекъ на лицѣ и рукахъ, что каждому невольно думалось, что и все тѣло отца Никодима покрыто ими, и весь онъ пестрый, какъ дятелъ, должно-быть.

Привезъ онъ съ собою какіе то узелки, какія-то коробки, завязанныя поверхъ крышки ситцевыми платочками, и, вылѣзая, прежде всего сталъ заботливо вытаскивать эти узелки и коробки. Солдаты стадомъ обступили его, подходили подъ благословеніе, а онъ быстро, словно отмахиваясь, благословлялъ скороговоркой:

— Во имя Отца и Сына!..

Англійскіе матросы и бельгійскіе солдаты разматываютъ проволочныя загражденія траншей.

Торопливо сѣменя огромными рыжими сапогами, онъ прошелъ сквозь толпу солдатъ, отмахивая благословенія все съ тѣмъ же торопливымъ, отсутствующимъ выраженіемъ, какъ будто онъ въ это время всецѣло былъ занятъ своими коробками и узелками, взошелъ въ халупу, гдѣ былъ штабъ, и скрылся въ дверяхъ.

Солдаты молча смотрѣли ему вслѣдъ, и видно было, что онъ не показался имъ. Прежній, отецъ Павелъ, былъ академикъ, философъ, спокойный, величавый безсребренникъ, ожидавшій только конца войны, чтобы постричься въ монахи. Онъ былъ вдовъ, и это наложило на него отпечатокъ вѣчной замкнутой печали, и когда онъ вечерней зарею проходилъ по дорогѣ, опустивъ глаза въ землю и какъ будто не замѣчая ничего окружающаго, солдаты почтительно сторонились и потомъ долго глядѣли ему вслѣдъ.

Онъ былъ храбръ, и когда начинался обстрѣлъ халупы, которую нѣмцы все время нащупывали тяжелыми снарядами, когда полковой штабъ залѣзалъ въ телефонную землянку и отсиживался тамъ въ придавленной низкимъ потолкомъ тѣснотѣ, священникъ такъ же задумчиво, съ замкнутымъ лицомъ, бродилъ снаружи, не обращая вниманія на разрывы „чемодановъ" и восхищая этимъ солдатъ.

Они относились спокойно къ отвагѣ, проявленной своимъ братомъ солдатомъ тамъ, гдѣ этого требовали обстоятельства, и говорили объ этомъ мало; но когда въ первой линіи окоповъ, подъ обстрѣломъ, появлялся полковой командиръ, который, по ихъ мнѣнію, могъ совершенно спокойно сидѣть у себя въ землянкѣ за полверсты отъ первой линіи и не подвергать себя опасности, когда дивизіонный генералъ, сидѣвшій обычно за три версты, вдругъ появлялся на дорогѣ съ двумя казаками-ординарцами подъ непрестанными пулями, они приходили въ восторгъ именно оттого, что вотъ человѣкъ могъ сидѣть совершенно спокойно дома и не рисковать жизнью, а онъ идетъ подъ пули и хоть бы бровью повелъ...

Имъ, солдатамъ, это полагается, такъ нужно, для того они и служатъ въ солдатахъ, а если бы не полагалось, то никто изъ нихъ не полѣзъ бы сюда; а они — господа, полковники и генералы, имъ и не нужно, а они все-таки храбры... А когда они увидѣли полное равнодушіе къ опасности у священника, они окончательно были подавлены этимъ.

III.

Полкъ мѣсяцъ простоялъ въ окопахъ, потомъ былъ отведенъ на отдыхъ. На отдыхѣ стояли возлѣ штаба корпуса, въ старинномъ католическомъ монастырѣ, помѣщавшемся въ замкѣ какого-то польскаго воеводы.

Монастырь былъ красивъ, какъ красива бываетъ только подлинная старина, гдѣ въ паркѣ вѣковыя липы сдержанно шумѣли подъ теплымъ весеннимъ вѣтромъ, гдѣ надъ рѣкой, огибавшей паркъ, скромно пряталась въ голыхъ еще, но уже чувствующихъ весну, деревьяхъ художественная статуя Богоматери, гдѣ размѣренная, строгая и величественная жизнь посвящавшихъ досуги наукамъ и искусствамъ братьевъ придавала каждой вещи, каждой дорожкѣ въ паркѣ таинственный смыслъ и обаяніе.

Первое время отецъ Никодимъ испугался католическаго настоятеля, въ мірѣ графа старинной фамиліи, человѣка, говорившаго на всѣхъ европейскихъ языкахъ, утонченно вѣжливаго и вмѣстѣ съ тѣмъ исполненнаго истинно-аристократическаго достоинства.

Военный постой настоятель принялъ, какъ неизбѣжное, но сумѣлъ сдѣлать жизнь офицеровъ и солдатъ легкой и пріятной, когда никто не чувствовалъ здѣсь себя хозяиномъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и обязаннымъ чѣмъ-либо монахамъ. Узнавъ, что въ полку есть священникъ, настоятель самъ лично пригласилъ его къ обѣду, и этотъ обѣдъ былъ самымъ ужаснымъ воспоминаніемъ всей жизни отца Никодима.

Несомнѣнно европейски-образованный, величественный, какъ царь въ своихъ владѣніяхъ, и предупредительно вѣжливый настоятель тотчасъ же понялъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло; несомнѣнно, онъ тотчасъ же отмѣтилъ мужиковатую простоту робко озиравшагося, трусливо вбиравшаго голову въ плечи русскаго попика, но ни однимъ движеніемъ, ни одной складкой выхоленнаго бритаго лица не показалъ онъ неуваженія въ гостю. И когда отецъ Никодимъ, съ трудомъ справлявшійся съ мудреными вилками и приборами за столомъ настоятеля, потный, совершенно уничтоженный величіемъ жизни настоятеля, его громадной библіотекой, темными картинами, старинными, не имѣющими цѣны, гобеленами на стѣнахъ, едва досидѣвъ обѣдъ, рванулся домой,—отецъ настоятель такъ же величественно, какъ дѣлалъ все, мудро бесѣдуя на понятныя бѣдному монашку темы, пошелъ проводить его и провелъ до самыхъ воротъ своего помѣщенія.

— Господь съ ними совсѣмъ!—таинственно наклоняясь къ уху,

Лондонскій призовой судъ выслушиваетъ показанія капитана захваченнаго германскаго парохода.

Пѣхотная цѣпь.

Съ попомъ онъ сталъ большимъ пріятелемъ, и объединяло ихъ, кажется, главнымъ образомъ то обстоятельство, что оба копили деньги. Отецъ Никодимъ по военному положенію получалъ довольно много — такъ много, что до сихъ поръ онъ никогда и не видѣлъ такихъ денегъ, и, получивъ ихъ, онъ конфузливо зажималъ въ кулакъ и пряталъ руку за бортъ подрясника, а потомъ, сказавъ что-нибудь постороннее, насчетъ погоды или какого-нибудь мелкаго случая обыденной жизни, торопливо выходилъ и гдѣ-нибудь въ темномъ уголкѣ, трясущимися руками разстегивалъ на груди подрясникъ, потомъ теплый жилетикъ, потомъ рубашку и вытаскивалъ замшевый мѣшочекъ. Пересчитывалъ скопленныя деньги, прибавлялъ къ нимъ полученныя и тщательно завязывалъ мѣшочекъ и застегивался, а когда выходилъ, боязливо оглядывался—не видалъ ли кто?

говорилъ отецъ Никодимъ своему пріятелю, завѣдывавшему хозяйствомъ зауряд-чиновнику. — Великолѣпіе, пышность—рыбу подали, Господи жъ ты Боже жъ мой!—я и не видалъ такой: чисто-живая на блюдѣ лежитъ, и округъ нея всякая травка салатная и галантиръ этотъ самый, навродѣ какъ вода, ей-ей, такъ и оказываетъ, будто рыба эта самая выплыла на блюдо и лежитъ такъ... Богъ съ ними совсѣмъ, боюсь я этого самаго, куда намъ!.. Меня вонъ въ санъ посвящали, такъ владыка ка-акъ зыкнетъ: „Да ты грамотный ли?!—говоритъ. У меня ажъ подъ колѣнками томленіе сдѣлалось, истиннымъ Богомъ клянусь... То ли дѣло у насъ въ монастырѣ. Монастырь нашъ старенькій, бѣдненькій, давальцы нонче плохіе стали, а стоитъ подъ горой, такъ что идешь когда изъ рощи,—по грибы мы туда все ходимъ,—вдаритъ это колоколъ, еще съ Ивана Грознаго онъ виситъ, будто вся земля загудѣла, ко всенощной, значитъ!.. Просто у насъ все, бѣдность, это правда, а только что много пріятности это имѣетъ... Дубы старые въ саду на горѣ—святые дубы называются, отцы пустынножители молились подъ ними, сказываютъ... И камень, ей-ей, съ домъ добрый камень—на этомъ камнѣ и стояли. И такъ много пріятности у насъ — тоже вотъ когда съ чудотворной въ городъ за семьдесятъ верстъ крестнымъ ходомъ идемъ, солнышко это, тепло, мужиковъ, бабъ этихъ самыхъ... Въ каждой деревнѣ встрѣчаютъ, сейчасъ подъ икону—благолѣпіе, робость, Бога какъ слѣдоваетъ чувствуютъ... И польза тоже не худая бываетъ, молебны тамъ, подчасъ съ акаѳистомъ, кто десять копеекъ, кто двадцать, а бываетъ — который до Бога усерденъ — и рупь цѣлый подастъ. И опять идемъ, поемъ тропари, рощами, березовыми идемъ, духъ весенній отъ березъ идетъ, боромъ тоже приходится, воздухъ, что съ печки, жаркій, душмянный, смолой этой самой да багуномъ такъ тебя всего и обдастъ... Величіе Божіе, благодать!.. А въ городъ придемъ — сейчасъ на подворье; ну тутъ, слабость наша — бываетъ, и водчоночки отецъ рухольный, который, значитъ, за всѣмъ добромъ на подворьѣ глядитъ, поднесетъ, — Господь проститъ, что съ насъ темненькихъ взять? Слабъ есмь человѣкъ, бо въ грѣсѣхъ рожденъ.

Онъ мечталъ наивно и просто, какъ мечтаютъ дѣти, — и чувство природы, кровная связанность съ нею у него смѣшно мѣшались съ гривенниками и пятачками, утаенными отъ кружки, и водчонкой, поднесенной отцомъ рухольнымъ. Но зауряд-чиновникъ понималъ это, кивалъ солидно головой и, оттягивая тѣсный воротникъ толстой шинели, хрипѣлъ серьезнымъ басомъ:

— Который ежели человѣкъ къ своему мѣсту приверженность имѣетъ, тому завсегда въ чужой сторонѣ нѣтъ удовольствія.

Онъ былъ большой философъ и, когда говорилъ съ кѣмъ-нибудь, обстоятельно выслушивалъ собесѣдника и потомъ дѣлалъ окончательный выводъ высокопарной и солидной фразой.

IV.

Боя отецъ Никодимъ не видалъ. Въ окопахъ была перестрѣлка, которую онъ только издали слышалъ, потомъ отдыхъ. И когда двинулись изъ монастыря по спѣшному приказанію изъ штаба дивизіи и пошли спѣшными переходами совсѣмъ въ другую часть страны, и на всѣхъ лицахъ, начиная отъ Вія и кончая послѣднимъ обознымъ солдатомъ, появилось особое, сосредоточенно-напряженное выраженіе, отецъ Никодимъ понялъ, что съ этого момента началось настоящее.

Онъ мало и рѣдко видѣлъ раненыхъ и старался избѣгать этого, иногда кривя для этого душою—когда его звали напутствовать, онъ говорилъ, что раненаго надо эвакуировать скорѣе, что въ дивизіонномъ лазаретѣ ему сдѣлаютъ операцію, и онъ выздоровѣетъ...

Полкъ шелъ двое сутокъ усиленнымъ маршемъ, потомъ, не отдыхая и даже не успѣвъ поѣсть, сразу вступилъ въ бой.

Мѣсто было новое, голое, открытое, заготовленные давно окопы мѣстами осыпались, и ихъ долго чинили, и когда штабъ полка устроился наконецъ, бой былъ въ полномъ разгарѣ.

Совсѣмъ близко, до ужаса близко, такъ что отецъ Никодимъ вздрагивалъ каждый разъ и крестился подъ подрясникомъ, громыхала торопливыми очередями артиллерія, немного дальше, въ первой линіи, трещали ружья, иногда вспыхивалъ захлебывающейся дробью пулеметъ, и доносился крикъ, похожій на ревъ, и съ трудомъ въ немъ можно было разобрать „ура“.

Всѣ въ штабѣ были заняты, всѣ напряженно работали, и самъ Вій съ наморщеннымъ лбомъ и судорожно сжатыми губами сидѣлъ съ телефонной трубкой у уха, слушалъ и одновременно отдавалъ приказанія. Потомъ бросилъ трубку и ушелъ—и остался одинъ отецъ Никодимъ.

Переходъ автомобилей черезъ рѣку Серетъ,—границу Россіи съ Австріей.

Полковникъ М. В. Прихня. — Капитанъ І. Д. Сигаревичъ. — Капитанъ А. А. Липскій. — Штабсъ-капитанъ А. А. Тихоновъ. — Поручикъ Г. М. Павловъ.

Поручикъ К. Я. Крузе. — Подпоручикъ Г. Р. Малиновскій. — Подпоручикъ Е. Э. Гейнрихсенъ. — Прапорщикъ И. Т. Ковригинъ. — Прапорщикъ А. Е. Лясинъ.

Подполковникъ А. Д. Ятнекъ. — Штабсъ-капитанъ М. М. Зенковъ. — Капитанъ А. К. Кормичъ. — Сотникъ Прянишниковъ. — Поручикъ А. Д. Ханенко.

Подпоручикъ К. Д. Козловскій. — Подпоручикъ В. Э. Ивановъ. — Подпоручикъ Н. Н. Соколовъ. — Подпоручикъ А. Н. Нечипоренко. — Прапорщикъ К. І. Большаковъ.

Прапорщикъ А. А. Никольскій. — Прапорщикъ К. ф. Берръ. — Прапорщикъ Ф. И. Дьяченко. — Прапорщикъ В. И. Соловьевъ. — Прапорщикъ В. А. Писаревъ.

Въ тоскѣ и смятеніи бродилъ онъ возлѣ землянки, пробовалъ заговаривать съ денщиками, но тѣ отвѣчали наспѣхъ, почти сердито, и куда-то бѣжали: зачѣмъ-то появился завѣдующій хозяйствомъ, хотя онъ долженъ былъ быть въ тылу, и совсѣмъ не здѣсь было его мѣсто, и, увидѣвъ священника, нахмурился.

— А ты бы, батя, въ околотокъ шелъ, къ раненымъ!..—строго проговорилъ онъ.—Твое мѣсто тамъ... Дары-то, чай, съ собой?

— Какъ водится...

— Такъ чего жъ ты зря тутъ околачиваешся? Который человѣкъ къ дѣлу приставленъ, завсегда свое дѣло исполнять долженъ...

Полковой санитаръ, навернувшійся къ штабу, провелъ отца Никодима къ околотку.

Въ грязной темной халупѣ, куда свѣтъ проникалъ черезъ узенькое, наполовину разбитое окно, два доктора и фельдшеръ перевязывали раненыхъ. У старшаго доктора руки были по локоть въ крови, лицо сердитое, и поворачивался въ тѣсной избенкѣ онъ такъ, словно не могъ найти себѣ мѣста. А въ двери безконечной волной сами, кое-какъ плетясь ослабѣвшими ногами, и на носилкахъ,—окровавленныхъ, грязныхъ, втаскиваемыхъ пыхтящими санитарами,—прибывали раненые.

Боже мой, что увидѣлъ тутъ отецъ Никодимъ!..

Первыя минуты ему показалось, что это сонъ, что такого не можетъ быть на самомъ дѣлѣ, что все происходящее передъ нимъ—страшныя видѣнія дикаго бреда.

Онъ увидѣлъ молодого солдата, пристально и неподвижно глядѣвшаго на него, только-что перевязаннаго и оставленнаго здѣсь до очереди, когда санитары вынесутъ его на повозку, и хотѣлъ отвернуться—такъ страшенъ и настойчивъ былъ этотъ взглядъ, но не отвернулся, а двинулся къ нему.

— Господи, какъ же такъ-то? — бормоталъ онъ, обращаясь къ солдату. — Какъ же это ты, землячокъ?

Солдатъ быстро облизнулъ сохнущія губы и отвѣтилъ прерывистымъ голосомъ:

— Какъ въ атаку шли... Штыкомъ онъ—аккуратъ подъ груди!..

— Господи, родненькій, больно, чай?..—не смѣя отвернуться, чтобы не видѣть кровавой пѣны на губахъ солдата, шепталъ отецъ Никодимъ. — Больно вѣдь, о, Господи!..

— Причащай, батя, конецъ, видать, будетъ... — такъ же хрипло, съ надрывомъ, проговорилъ солдатъ и слизнулъ розовую пѣну съ губъ:—я чую!..

— Господи, что же это я?—спохватился отецъ Никодимъ, вдругъ вспомнивъ, зачѣмъ онъ здѣсь, на войнѣ, въ этой халупѣ.—Что же это я?..

И съ волненіемъ, едва ли не въ первый разъ испытаннымъ за все время служенія своего священникомъ, съ такимъ благоговѣніемъ и такой несокрушимой вѣрой, что она способна была раздвинуть стѣны этой халупы, онъ приступилъ къ тому, къ чему готовился всей своей жизнью...

Странно и чудесно летѣло время, и не успѣлъ опомниться грубоватый попъ, полуграмотный и темный монахъ, какъ уже спустился вечеръ, и совсѣмъ уже не въ халупѣ былъ онъ, а на полѣ—широкомъ, тускнѣющемъ подъ дымкой сумерекъ, изрытомъ смѣшными маленькими ямками съ бугорочками земли въ одномъ концѣ.

Гдѣ-то далеко, не ближе, какъ за полверсты, трещали выстрѣлы, доносился оттуда крикъ, пушки гдѣ-то неподалеку рвали воздухъ рѣзкими ударами — и все было, какъ во снѣ—и, какъ во снѣ, двигался отецъ Никодимъ, переходилъ отъ раненаго къ раненому, что-то говорилъ, что-то дѣлалъ, и, какъ во снѣ, видѣлъ санитаровъ съ носилками, и почему-то между ними завѣдывающаго хозяйствомъ, своего пріятеля — безъ шинели, безъ фуражки, даже безъ шашки, съ засученными рукавами, несущаго передовымъ тяжелыя носилки.

Костелъ въ Порембо.

Часовня въ раіонѣ боя.

Музей-храмъ на казацкихъ могилахъ.

Разъ этотъ завѣдующій оказался возлѣ отца Никодима, серьезно взглянулъ на него и какъ бы въ объясненіе бросилъ:

— У меня обѣтъ данъ... Какъ бой — чтобы раненымъ помогать... Тамъ дѣло дѣлаемъ, хозяйство хозяйствомъ, а это для души!..

И, не договоривъ, наклонился и сталъ поднимать на носилки тяжко стонущаго, вобравшагося въ себя страннымъ комочкомъ, тяжелаго.

И одно, что могъ говорить отецъ Никодимъ, припадая на колѣни къ тѣмъ, что ловили его глазами и звали къ себѣ,— это былъ безсвязный, растерянный шопотъ:

— Господи жъ Боже мой, что же это такое?!.

Онъ дѣлалъ все, что надо было дѣлать — говорилъ, утѣшалъ, и какія-то особыя, крестьянскія слова рождались у него, и въ смятеніи, въ ужасѣ, самъ подавленный больше тѣхъ, кого пытался утѣшить, говорилъ онъ безсвязно и смутно... Но было нѣчто въ этомъ безсвязномъ лепетѣ, что казалось выше всякихъ утѣшеній, и это ярко чувствовали раненые, порой исковерканные, истекающіе кровью, съ ужасомъ молившіе, чтобы ихъ не трогали, не поднимали на носилки, не прикасались къ нимъ... Простой, забитый всей тяжестью нахлынувшаго на него страданія, попикъ не говорилъ о великой задачѣ воина, объ исполненномъ долгѣ, о святости смерти на полѣ брани,—онъ и словъ такихъ не зналъ и самъ не слышалъ никогда, — онъ просто подходилъ и, едва сдерживая катившіяся слезы, просто жалѣлъ, сокрушался вмѣстѣ съ тѣмъ, кто не могъ шевельнуться отъ жгучей боли въ раздробленныхъ костяхъ, жалѣлъ простой бабьей жалостью, отъ которой слезы лились сами собой...

И безпомощный, не знающій, чѣмъ помочь, чѣмъ облегчить, какъ снять, переложить на свои плечи эти ужасающія, подавившія его страданія, онъ допытывался порою, что сдѣлать тому или иному, чтобъ ему было легче.

Исхудавшій, зеленый отъ потери крови, бородатый запасный пристально взглянулъ на него, когда онъ спрашивалъ, потомъ слегка отвернулся и затрудненно сказалъ:

— Кабы домой помочь оказать... Намедни аккуратъ передъ сраженіемъ письмо со штабу въ роту принесли... Сгорѣли наши, Господь съ ними... Бѣдность, баба самъ-пять въ избѣ, а теперь и той нѣтъ...

— Господи, Владычица Небесная!.. — засуетился отецъ Никодимъ.—Я могу, Господи... Скажи, скажи, куда, куда послать-го—я могу, у меня есть, скажи: куда?..

Онъ рылся на груди, какъ будто здѣсь сейчасъ хотѣлъ вынуть

Замокъ временъ Яна Собѣсскаго въ городѣ Висничѣ.

удивленными глазами оглянулся вокругъ.

Ему показалось, что онъ заблудился, что все прошлое, — вся его жизнь,—было какой-то одной сплошной ошибкой, и это поле съ неподвижными черными трупами, эти двигающіеся надъ землей огоньки санитаровъ, мелькающіе вдали, вся масса страданія, которое онъ увидѣлъ сегодня, — въ первый разъ встрѣтившееся ему настоящее, подлинное, дѣйствительное...

Не переставая оглядываться, все съ тѣмъ же изумленіемъ въ душѣ, онъ сталъ на колѣни, потомъ опустился на руки, потомъ коснулся лбомъ холодной обросѣвшей земли.

Полежалъ такъ, потомъ поднялъ голову и, глядя въ черное небо, на золотыя звѣзды, зашепталъ истомленно и жарко какую-то особую, свою, тутъ же придуманную молитву:

— Господи...—шепталъ онъ, прижимая руку со сложенными въ крестномъ знаменіи пальцами къ груди.—Ты все видишь и все знаешь, Господи!.. Не дай мнѣ ослѣпнуть, Владыко мой, не дай вступить опять на стезю грѣшную—Господи!.. Сподоби меня кончины въ свѣтломъ разумѣніи теперешнемъ, ибо слабъ есмь человѣкъ, и боюсь жизни, боюсь власти грѣшной ея!.. Пошли кончину мнѣ въ разумѣніи правды Твоей, когда просвѣтлѣла душа моя! Ты же все видишь и все знаешь, Господи!

Онъ опять поникъ головой, и спутанные волосы его упали на землю, и въ сладкомъ томленіи молитвы не видѣлъ и не слышалъ ничего бѣдный, темный, мужиковатый монахъ.

А на горизонтѣ попрежнему вспыхивали короткія бѣлыя зарницы выстрѣловъ, глухой гулъ доносился оттуда, и, какъ отвѣтъ ему, трещали ружья, и торопливо, озабоченно рокоталъ пулеметъ...

деньги, потомъ схватился за записную книжку, гдѣ аккуратно каждый мѣсяцъ записывалъ приходъ и расходъ, и плохо слушающимися пальцами записалъ адресъ.

И какъ будто нашелъ выходъ — каждому, къ которому подходилъ, прежде всего предлагалъ написать домой и сбивчиво, торопясь, бормоталъ:

— А можетъ, денегъ домой послать? Ты скажи, я могу, у меня есть, это я могу!

Уже ночь опустилась совсѣмъ на поле, уже бой укатился гремящей, тяжкой волной куда-то въ черную, вспыхивающую бѣлыми зарницами орудійныхъ выстрѣловъ, даль, а коренастый мужиковатый попъ вертѣлся на полѣ, какъ въ заколдованномъ кругѣ, уходилъ дальше и возвращался и метался, не находя выхода щемящему страстному чувству...

И вдругъ послѣднимъ ударомъ на голову его обрушилось то, что переполнило смятенную душу.

Два черныхъ силуэта, тяжело дыша, стараясь итти въ ногу и спотыкаясь на валявшіяся винтовки, брошенныя сумки, вырисовались передъ отцомъ Никодимомъ.

Древній монастырь въ Висничѣ.

— Что такое, кто такой? — метнулся онъ къ носилкамъ. — Тяжелый? Не надо ли чего, можетъ, помочь какую...

Онъ наклонился и въ темнотѣ разобралъ тускло-свѣтлое пятно знакомаго лица.

Раненый крякнулъ, что-то съ хрипомъ прошло у него въ груди, и знакомый густой басъ завѣдывающаго хозяйствомъ заурядъ-чиновника громко и явственно выговорилъ:

— А я, батя, того!.. Какъ вдаритъ онъ шрапнелью—такъ аккуратъ мнѣ по ногамъ, и животъ навыворотъ... Того, батя...

Санитары остановились, не опуская носилокъ, а отецъ Никодимъ наклонился еще ближе и, сжавъ въ мучительномъ жестѣ руки, хотѣлъ и не могъ ничего выговорить.

— Это ничего... — хрипло продолжалъ раненый: — я знаю!.. Потому какъ на такомъ дѣлѣ... и смерть принять лестно... Какъ я обѣтъ давши, чтобы насчетъ страдальцевъ...

Онъ закашлялся—и священникъ видѣлъ, какъ черная густая полоса крови поплыла по бритому подбородку.

Санитары оглянулись—рѣшили, что стоять нечего, и двинулись дальше.

И, совершенно не понимая, какъ это могло случиться, отецъ Никодимъ не пошелъ за ними, а остался на мѣстѣ.

Глубокое звѣздное небо смотрѣло на страшное поле съ вышины. Тонкій узкій серпъ мѣсяца висѣлъ надъ самымъ горизонтомъ, и отъ него, или отъ золотыхъ звѣздъ, странный, колеблющійся свѣтъ стоялъ надъ полемъ.

Невысокій, широкоплечій человѣкъ въ длинной одеждѣ, съ обнаженной головой, на которой длинные волосы шевелились подъ вѣтромъ спутанными прядями, неподвижно стоялъ среди темныхъ силуэтовъ убитыхъ солдатъ и смотрѣлъ въ небо.

Огромная, страшная своей ослѣпляющей простотой, правда вспыхнула вдругъ въ его душѣ, и недоумѣлый, подхваченный ею, онъ смотрѣлъ на золотыя звѣзды и не могъ понять, какъ раньше онъ не зналъ этого...

Онъ вспомнилъ всю свою жизнь—темную, убогую жизнь полуграмотнаго монаха бѣднаго монастыря, вспомнилъ пятачки и гривенники, которые собиралъ во время молебновъ, вспомнилъ копленные съ такимъ наслажденіемъ рубли жалованья, суточныхъ, квартирныхъ и столовыхъ и широко раскрытыми, безконечно

Ворота древняго монастыря въ Висничѣ.

Денщикъ Сорокоуменко.

(Памяти моего денщика).

Разсказъ **Вадима Бѣлова**.

I.

Когда я присоединился къ эшелону и занялъ отведенное мнѣ адъютантомъ мѣсто въ одинокомъ, затерявшемся среди безконечнаго множества теплушекъ, вагонѣ II-го класса, кто-то изъ офицеровъ напомнилъ мнѣ о необходимости выбрать себѣ денщика.

Собственно говоря, теперь, во время путешествія, безконечнаго движенія по желѣзнымъ дорогамъ поперекъ всей Россіи, движенія, прерываемаго лишь короткими остановками на полустанкахъ или получасовыми обѣдами и ужинами на большихъ станціяхъ, не было вовсе необходимости въ услугахъ денщика, однако, подчиняясь заведенному обычаю, я обратился съ этой просьбой къ ротному командиру, и въ тотъ же вечеръ, когда поѣздъ стоялъ у низкаго каменнаго вокзала, въ залѣ котораго, душной и накуренной, толпились еще офицеры, не окончившіе свой ужинъ, ко мнѣ явился мой вновь назначенный денщикъ.

Долина рѣки Б.

Вагонъ нашъ не освѣщался электричествомъ, и мерцающая за стеклами фонаря свѣча заставляла колыхаться и ползать по стѣнамъ длинныя черныя тѣни неопредѣленныхъ очертаній.

Свѣту она почти не давала, и только иногда, вздрагивая отъ порывовъ вѣтра, красно-желтый огонекъ озарялъ на минуту глубину нашего купэ, загроможденнаго походными кроватями-чемоданами, мелкимъ багажомъ и разбросанной на скамейкахъ одеждой.

Въ двери просунулась сперва только солдатская голова, затѣмъ, послѣ минутнаго колебанія, потоптавшись на мѣстѣ, вошелъ, осторожно ступая на носкахъ, невысокій коренастый человѣкъ, лица котораго я не видѣлъ, такъ какъ онъ стоялъ спиной къ нашему жалкому фонарю.

Заполненная водою воронка, образовавшаяся отъ разрыва 12-дюймоваго снаряда.

Солдатъ помолчалъ минуту, вѣроятно, надѣясь, что съ нимъ заговорятъ, но затѣмъ, увидя, что никто не замѣтилъ его прихода, произнесъ чуть слышно, низкимъ, придушеннымъ голосомъ, поминутно срывающимся,— такимъ голосомъ, какимъ говорятъ очень волнующіеся люди, маленькіе люди, случайно попавшіе въ большія и роскошныя хоромы:

— Честь имѣю явиться, ваше благородіе!..

Неизвѣстно, къ кому обращался солдатъ, такъ какъ глаза его бѣгали отъ одного офицера къ другому, а потому командиръ шестой роты, взобравшійся уже на верхнюю полку, не глядя, откликнулся:

— Ладно, ступай, явись фельдфебелю!..

Но солдатъ не уходилъ, продолжая переминаться съ ноги на ногу.

— Чего ты стоишь?.. Я тебѣ сказалъ, ступай!— крикнулъ съ верхней полки капитанъ.

— Такъ что я къ ихъ благородію...—возразилъ опять солдатъ тѣмъ же страннымъ голосомъ...

— Да къ какому благородію?—разсердился капитанъ.—Тутъ ихъ цѣлыхъ четыре—выбирай любого!..

Солдатъ окончательно ошалѣлъ и теперь уже стоялъ безмолвный, опустивъ глаза и перебирая пальцами край защитной гимнастерки.

Это, вѣроятно, длилось бы довольно долго, если бы не пришелъ на помощь мой ротный командиръ, крикнувшій изъ сосѣдняго купэ:

— Да вѣдь это же вашъ денщикъ!.. Чего жъ ты молчишь-то, Ерема?..

Услышавъ голосъ командира роты, котораго всѣ солдаты искренно любили, и который сумѣлъ заставить ихъ чувствовать себя какими-то близкими и неотдѣленными отъ него непреодолимой стѣной разницы въ положеніяхъ, мой новый денщикъ тотчасъ же встрепенулся, поднялъ голову и откликнулся, не глядя на насъ, туда, черезъ перегородку, очевидно, отвѣчая любимому ротному командиру:

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе!

На этотъ разъ голосъ его уже не срывался, и онъ не былъ похожъ на маленькаго робкаго человѣка, одинокаго въ громадной богатой залѣ.

Квартира-бивуакъ въ одной изъ польскихъ деревень.

Пока что мой денщикъ не былъ мнѣ вовсе нуженъ; я отдалъ ему нѣсколько краткихъ распоряженій, которыя онъ выслушалъ молчаливо и сосредоточенно, стараясь вставить въ каждую мою паузу неизмѣнное:

— Слушаю, ваше благородіе!..

Воронка, вырытая „чемоданомъ" („кряквой"), и лѣсъ, срѣзанный ружейнымъ огнемъ.

Когда я кончилъ и онъ собирался уходить, я задалъ ему послѣдній вопросъ:

— А какъ твоя фамилія?

— Рядовой Сорокоуменко, ваше благородіе,—отвѣтилъ онъ, не мѣняя позы и офиціальной интонаціи.

— А ты какой губерніи?—спросилъ я снова.

Солдатъ вдругъ вскинулъ на меня глаза,улыбнулся, и съ лица его соскользнула маска офиціальности. Онъ осклабился,почему-то отставилъ немного ногу и, пошевеливъ согнутой не по уставу колѣнкой, отвѣтилъ:

— Тверскіе мы-то, ваше благородіе... Тверского и уѣзда...

Тонъ, которымъ произнесъ Сорокоуменко эти слова, былъ совсѣмъ непохожій на тотъ, которымъ онъ говорилъ раньше, и можно было подумать, что въ сообщеніи этомъ скрывалось для меня что-то очень пріятное, и что этого вопроса моего солдатъ ждалъ, какъ перваго шага къ сближенію и будущимъ дружескимъ отношеніямъ.

Когда вслѣдъ затѣмъ я отдалъ ему приказаніе итти, онъ тотчасъ же опять приставилъ отставленную ногу, выпучилъ глаза и офиціально спросилъ:

— Не прикажете ли кипяточку, ваше благородіе?

Получивъ отказъ, Сорокоуменко повернулся, безшумно приставилъ ногу и вышелъ, такъ же осторожно ступая носками своихъ громадныхъ тяжелыхъ сапогъ.

II.

Эти дни тянулись безконечно долго и скучно, и мы были искренно обрадованы, когда наконецъ какъ-то ночью поѣздъ нашъ остановился у платформы, залитой бѣлыми лучами электрическихъ фонарей, и объявлено было, что дальше мы не поѣдемъ, что сейчасъ приступлено будетъ къ выгрузкѣ эшелона.

Эта ночь осталась теперь далеко позади, послѣ нея прошло уже много мѣсяцевъ, но каждое событіе, имѣвшее мѣсто въ этотъ промежутокъ времени, врѣзалось въ мою память неизгладимымъ слѣдомъ, каждый часъ превратился въ событіе, каждое событіе въ эпоху.

Съ тѣхъ поръ мы успѣли пройти не мало верстъ по безконечнымъ незнакомымъ дорогамъ, гладкимъ шоссейнымъ, благоустроеннымъ, украшеннымъ верстовыми столбами и ограниченнымъ геометрически правильными канавками,по узкимъ проселочнымъ, изрѣзаннымъ глубокими колеями, выдолбленными безчисленными обозами и артиллерійскими батареями, прошедшими раньше насъ, по вьющимся горнымъ тропинкамъ, стиснутымъ стѣнами густого шумящаго лѣса,—тропинкамъ, на которыхъ съ трудомъ расходятся два человѣка, по которымъ немыслимо провести артиллерію, и шагаютъ только вмѣстѣ съ людьми умные сильные мулы, навьюченные разобранными пулеметами, высѣкая искры звонкими подковами.

Съ тѣхъ поръ насъ палило лѣтнее солнце, мочили осенніе дожди, съ тѣхъ поръ мы не разъ побывали подъ огнемъ, видѣли не разъ непріятеля и пережили за эти нѣсколько мѣсяцевъ такъ много, такъ безконечно много, что разсказать всего не хватитъ словъ, а если начать записывать, то всего и не припомнишь.

Была уже поздняя осень, трава посохла, пожелтѣла, почернѣла и затопталась тысячами ногъ.

Съ бивуака снимались рано утромъ въ седьмомъ часу, когда солнце еще не взошло и только небо стало блѣднымъ и сѣрымъ.

Въ полумракѣ на открытомъ полѣ копошились тысячи людей, сворачивая шинели, разбирая палатки, пристраивая свой несложный багажъ, звенѣли чайники и металлическія кружки, и голоса звучали въ осенней холодной предразсвѣтной мглѣ, сливаясь въ неясный гулъ.

Было странно видѣть, какъ быстро исчезъ съ поверхности поля громадный городъ сѣрыхъ палатокъ, какъ безформенная, кишащая и гудящая масса людей вдругъ, какъ по мановенію жезла, собралась въ правильные черные прямоугольники, замерла неподвижная и безмолвная, а затѣмъ, дружно блеснувъ тусклой сталью тысячъ взброшенныхъ на плечи штыковъ, поползла, выливаясь длинной черной змѣей, на затянувшуюся тотчасъ же холодной ѣдкой пылью дорогу.

А позади осталось такое же безмолвное широкое поле, и о томъ, что здѣсь провели ночь тысячи людей, можно было судить только по разбросаннымъ повсюду клочкамъ бумаги да тусклымъ багровымъ пятнамъ догоравшихъ костровъ.

Когда взошло солнце, мы были уже далеко отъ своего ночного бивуака и сдѣлали небольшой привалъ, сойдя въ лѣвую сторону съ дороги и расположившись прямо на землѣ, не снимая амуниціи и даже не составляя винтовокъ.

Съ денщикомъ моимъ Сорокоуменкой мы давно уже успѣли сдружиться за эти мѣсяцы похода. Онъ слѣдовалъ за полкомъ въ обозѣ перваго разряда, возсѣдая на офицерской двуколкѣ девятой роты, когда дорога была гладкая и хорошая, и шагая рядомъ съ лошадью, подпирая плечомъ оглоблю и покрикивая на запыхавшагося, выбивавшагося изъ силъ коня, когда дорога была тяжелая, или шла въ гору.

Я забылъ сказать, что мой денщикъ Сорокоуменко, несмотря на свою невзрачность и небольшой ростъ, обладалъ громадной физической силой, стяжавшей ему извѣстность если не въ полку, то во всякомъ случаѣ въ нестроевой ротѣ.

Полковой священникъ, направляющійся на передовыя позиціи.

Двѣ братскія могилы.
На одной надпись: 74 австрійца; на другой—75 нижнихъ чиновъ.

Я часто видѣлъ, какъ Сорокоуменко, впрягаясь вмѣстѣ съ лошадью въ двуколку и втащивъ ее на затруднявшій движеніе пригорокъ, бѣжалъ назадъ и помогалъ своимъ товарищамъ, подталкивая повозки сзади, или же просто впрягаясь вмѣстѣ съ лошадью.

Надъ нимъ подшучивали добродушно, и офицеры удивлялись, что такой молодецъ и силачъ зачисленъ въ нестроевую роту, но я вскорѣ узналъ, что, несмотря на всю свою сообразительность въ вопросахъ, касавшихся запряжки лошадей, добыванія фуража, укладки офицерскихъ вещей на повозки и прочаго, Сорокоуменко совершенно не могъ постичь трудностей „военнаго ученія", за что и былъ отчисленъ отъ роты, какъ неспособный.

Оставаясь въ обозѣ, Сорокоуменко живо интересовался всѣмъ, что творилось на позиціяхъ, и старался пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы навѣстить меня подъ какимъ-нибудь предлогомъ.

Во время переходовъ, на большихъ привалахъ, онъ былъ однимъ изъ первыхъ денщиковъ, приводившихъ свою двуколку на бивуакъ, онъ всегда опережалъ другихъ у походной кухни, гдѣ кашеваръ разливалъ большой ложкой щи въ подставляемые солдатами котелки.

Первымъ разгорался костеръ Сорокоуменки, который, придя на бивуакъ, прежде всего забирался въ лѣсъ или въ кусты, и слышно было только, какъ возился тамъ, словно медвѣдь, этотъ бородатый силачъ, наламывая сучья и сдирая съ деревьевъ кору для растопокъ.

Сорокоуменкѣ мнѣ не приходилось никогда ничего напоминать или приказывать, онъ заботился обо всемъ, успѣвалъ сдѣлать все, могъ достать все, что бы ему ни приказали, и въ этомъ отношеніи былъ незамѣнимымъ денщикомъ, удивляя всѣхъ своей подвижностью и ловкостью, несоотвѣтствующими его неуклюжей фигурѣ, медвѣжьей поступи и бородатому лицу.

Странно было только то, что Сорокоуменко, уже давно убѣдившійся въ моемъ доброжелательномъ, даже дружескомъ къ нему отношеніи, избѣгалъ разговора о себѣ самомъ, о своей родинѣ и семьѣ; быть-можетъ, въ этихъ воспоминаніяхъ была какая-нибудь тяжелая тайна, и я не настаивалъ, щадя самолюбіе своего денщика, который часто заставлялъ меня даже конфузиться безконечными разнообразными проявленіями своей симпатіи и заботливости о моей особѣ.

III.

Мы ушли далеко впередъ, почти не дѣлая большихъ приваловъ, часто даже двигаясь ночью вслѣдъ за отступавшимъ врагомъ, оставили далеко позади свой обозъ, завязнувшій на раскисшихъ дорогахъ, а на третій день этого усиленнаго марша нашъ батальонъ отдѣлили и послали въ видѣ самостоятельнаго отряда для охраны полусожженной деревни, расположенной верстахъ въ десяти къ югу. Непріятель уже побывалъ здѣсь, пересѣкъ эти поля, прошелъ сквозь эти лѣса и рощи, и каждое строеніе окрестныхъ деревень, каждое дерево носили слѣды его нашествія.

На опушкахъ лѣса мы видѣли расщепленные стволы старыхъ деревьевъ, разбитыхъ снарядами, видѣли глубокія ямы, вырытыя „чемоданами", на пути намъ попадались одинокія халупы, иногда обгорѣвшія, превращенныя въ черныя развалины, иногда уцѣлѣвшія, съ выбитыми только окнами и дверями.

Въ часы досуга.
Ловля рыбы въ горныхъ рѣчкахъ послѣ весеннихъ наводненій.

Деревня, которую намъ предстояло занять, была давно покинута жителями, и одна ея сторона сгорѣла до тла—уцѣлѣли только сложенныя изъ кирпича печи да дымовыя трубы, торчавшія теперь одиноко и уныло надъ полемъ. Вѣроятно, зажегъ ее австрійскій снарядъ, залетѣвшій сюда изъ-за сѣрыхъ холмовъ, куда отступилъ непріятель подъ давленіемъ нашихъ; огонь, быть-можетъ, уничтожилъ бы всю деревню, да, вѣроятно, проливной осенній дождь не далъ ему распространиться, и уцѣлѣла черная масса скученныхъ кривобокихъ домиковъ, подходившая вплотную къ опушкѣ лѣса.

Кромѣ какихъ-то забытыхъ собакъ не было въ деревнѣ никого, и нашъ маленькій отрядъ, свободно и безпрепятственно занявъ ее, выставилъ сторожевое охраненіе на западной ея околицѣ.

Въ этотъ же вечеръ мнѣ пришлось оказаться въ сторожевомъ охраненіи и провести ночь въ наскоро вырытыхъ окопахъ, верстахъ въ двухъ впереди деревни.

Смеркалось быстро, была уже глубокая осень, и люди, поднявъ воротники и засунувъ руки поглубже въ рукава шинелей, казались въ сумеркахъ какими-то странными ночными птицами, усѣвшимися въ рядъ на землѣ. Разговоровъ почти не было слышно, лишь издали изъ деревни доносился лай собакъ и иногда гулъ голосовъ устраивавшихся бивуакомъ солдатъ.

Лѣсъ быстро почернѣлъ, потерялъ очертанія и слился въ одну черную, неподвижную, высокую стѣну.

Становилось все холоднѣе, и многіе поверхъ шинелей кутались въ раскатанныя полотнища палатокъ, такъ какъ огней разводить было нельзя, а горячей пищи не получали за отсутствіемъ кухонь.

Мы сидѣли вдвоемъ съ ротнымъ командиромъ и тоже грустили объ отсутствіи нашей двуколки съ полевымъ багажомъ, стараясь скоротать время разговорами и посылая нѣсколько разъ человѣка въ деревню узнать, не подошелъ ли обозъ.

— Это собственно говоря мы только съ вами для очистки совѣсти безпокоимся, — говорилъ ротный командиръ:—теперь этотъ обозъ нашъ гдѣ-нибудь верстахъ въ пятнадцати позади главныхъ силъ въ грязи плещется. Въ лучшемъ случаѣ, къ разсвѣту онъ догонитъ ихъ, а ужъ когда до насъ доберется — это одному Богу извѣстно, вѣрнѣе, что, когда насъ назадъ вызовутъ, тогда мы и пообѣдаемъ, а до тѣхъ поръ придется намъ съ вами на подножномъ корму пребывать.

Это была печальная истина, но здравый смыслъ заставлялъ съ ней согласиться.

Мы просидѣли всю ночь съ ротнымъ командиромъ, тщетно ожидая получить радостное извѣстіе о приближающихся къ деревнѣ двуколкахъ, просидѣли до разсвѣта, не смыкая глазъ, лѣниво перебрасываясь словами и уничтожая шоколадъ, который капитанъ неизмѣнно носилъ при себѣ.

А когда начало разсвѣтать и сѣрое небо вдругъ зарозовѣло, озаренное румяными лучами еще невидимаго солнца, когда лѣсъ проснулся отъ своей неподвижности и зашумѣлъ опять, какъ

Въ часы досуга.
Офицеры разсматриваютъ пойманнаго на позиціи маленькаго зайчика-„русака".

вчера, когда люди перестали казаться ночными птицами,—прискакалъ казакъ, длинный, чубастый, бородатый мужикъ на низкорослой вспотѣвшей лошадкѣ, и доложилъ — увы! — не о приближеніи обоза, а объ австрійцахъ, появившихся внезапно въ верстѣ отъ насъ.

— Вотъ вамъ и обѣдъ!..—засмѣялся капитанъ, поднимаясь и разминая ноги.— Теперь еще до обѣда съ австрійцами погрѣться придется!

Мы обошли окопы, провѣрили людей, уже встрепенувшихся, осматривавшихъ внимательнымъ взглядомъ винтовки и доставившихъ изъ патронташей патроны.

Изъ деревни тянулись подкрѣпленія, и позади насъ, налѣво, проскакали пулеметы, сопровождаемые едва поспѣвавшей за ними прислугой.

IV.

Послѣ трехчасовой перестрѣлки, почти безрезультатной, вдругъ гдѣ-то далеко прозвучали подъ рядъ шесть глухихъ ударовъ, и съ нарастающимъ шумомъ понеслись къ намъ, гудя и звеня, какъ туго натянутыя струны, австрійскіе снаряды.

— Ого, да они и артиллерію подвезли! — покачалъ головой капитанъ, когда одинъ за другимъ развернулись въ воздухѣ позади насъ бѣлые дымки разорвавшихся шрапнелей.

Гдѣ-то налѣво, быстро и отчетливо, то длинными дробными раскатами, то короткими злобными выкриками, трещали наши пулеметы, отражая попытки атаки австрійскихъ гусаръ, по всей линіи дребезжала частая и неровная ружейная стрѣльба, а оттуда, изъ утренняго тумана, неслась австрійская шрапнель, разрываясь надъ нами и шелестя по землѣ и по листьямъ деревьевъ сотнями вѣеромъ разсыпавшихся пуль.

Маленькій „мадьяръ", котораго наши солдаты научили отдавать честь.

И вдругъ, совершенно неожиданно для насъ, откуда-то сзади, совсѣмъ близко, въ отвѣтъ на отдаленные глухіе удары австрійскихъ пушекъ, прозвучало шесть короткихъ металлическихъ выкриковъ, и мы услышали быстрое, удаляющееся завыванiе промчавшихся надъ нашими головами снарядовъ.

— Вотъ и „наша" подъѣхала!..—прокричалъ капитанъ, и всѣ мы, слышавшіе только-что прозвучавшіе выстрѣлы, поняли, о комъ говоритъ капитанъ: „наша"—это, конечно, наша артиллерія, подоспѣвшая во-время и расположившаяся гдѣ-то за деревней.

Но не успѣлъ я еще услышать звука далекихъ разрывовъ нашей шрапнели первой очереди, какъ чей-то голосъ, неожиданный, но хорошо знакомый, окликнулъ меня.

Это былъ Сорокоуменко, и, оглянувшись, я съ изумленіемъ безмолвно нѣсколько секундъ глядѣлъ на него, Богъ вѣсть откуда взявшагося.

Онъ стоялъ тутъ же въ окопѣ, присѣвъ на корточки и пригнувъ голову, держа въ рукахъ обыкновенный солдатскій котелокъ, изъ котораго валилъ паръ, а лицо его, широкоскулое и бородатое, выражало обычное добродушіе и спокойствіе.

Онъ не сказалъ ни слова, но я тотчасъ понялъ, что мой денщикъ принесъ для меня въ котелкѣ горячія солдатскія щи изъ походной кухни, что онъ пробѣжалъ съ ними двѣ версты, боясь расплескать драгоцѣнную ношу и рискуя ежеминутно быть убитымъ рвавшейся надъ полемъ австрійской шрапнелью.

— Зачѣмъ ты пришелъ?.. Ты съ ума сошелъ!.. Убирайся обратно!..—крикнулъ я, но голосъ мой не прозвучалъ строго, я почувствовалъ это самъ, а Сорокоуменко, не мѣняя позы и выраженія лица, заговорилъ, ставя на землю котелокъ со щами:

— Такъ что я назадъ уйду сейчасъ, ваше благородіе... Я только насчетъ штецъ... Какъ же можно... сколько денъ безъ пищи... мы вотъ съ кашеваромъ вслѣдъ за антиреліей и подъѣхали... Кушайте, ваше благородіе, а за котелкомъ я опосля зайду...

Я не успѣлъ сказать больше ни слова Сорокоуменкѣ, такъ какъ онъ, оставивъ на землѣ котелокъ, направился уже вдоль окопа обратно, бросивъ мнѣ короткое:

— Счастливо оставаться!

Мнѣ не было времени даже притронуться къ его щамъ, такъ какъ перестрѣлка все разгоралась, но почему-то казался мнѣ этотъ осенній день особенно яркимъ и радостнымъ, не хотѣлось думать и не думалось о витавшей вокругъ смертельной опасности.

Быть-можетъ, счастливымъ талисманомъ былъ именно этотъ котелокъ съ остывшими щами, любовно принесенный мнѣ вѣрнымъ денщикомъ.

V.

Уже давно спустились сумерки, умолкла стрѣльба, и прошли впередъ наши, назначенныя для преслѣдованія непріятеля, части, когда я съ ротой отошелъ назадъ въ деревню на отдыхъ.

Теперь улицы были полны какими-то повозками, двуколками и походными кухнями; очевидно, подошелъ обозъ, откуда-то появились крестьянскія телѣги, запряженныя длиннохвостыми и длинношерстными тощими лошаденками, и пришлось съ трудомъ пробиваться сквозь эту массу экипажей, запрудившихъ всю дорогу.

Мы расположились въ двухъ большихъ дворахъ, и, пока капитанъ бесѣдовалъ съ фельдфебелемъ, отдавая соотвѣтствующія приказанія, я пошелъ разыскивать нашу двуколку и моего вѣрнаго Сорокоуменку.

Двуколку я нашелъ безъ труда, что же касается денщика, то никто его не видѣлъ, и, быть-можетъ, мнѣ пришлось бы проблуждать еще очень долго, если бы случайно не зашелъ я въ большую просторную избу, гдѣ располагался перевязочный пунктъ, и откуда теперь уже выносили раненыхъ.

Въ большой комнатѣ, скудно освѣщенной фонаремъ, ползали по стѣнамъ неясныя черныя тѣни. Было тепло и душно, пахло іодоформомъ, потомъ и людьми.

Здѣсь раненыхъ уже всѣхъ вынесли, и на полу лежали опустѣвшіе сѣнники. У стѣны въ одномъ изъ угловъ, свернувшись клубочкомъ, какъ будто спалъ кто-то, уткнувшійся носомъ въ землю.

Я подошелъ къ этому странному человѣку, быть-можетъ, забытому раненому, а быть-можетъ, какому-нибудь усталому санитару, свалившемуся отъ утомленія.

Я коснулся его плеча, но онъ не отвѣтилъ ничего, не повернулъ головы и даже не вздохнулъ, я коснулся его руки—она была холодна, и когда, встревоженный, я заглянулъ ему въ лицо, я увидѣлъ спокойную добродушную улыбку Сорокоуменки, его широкую густую бороду, только глаза были закрыты, какъ будто онъ спалъ.

Теперь я понялъ, почему этотъ человѣкъ остался здѣсь одинъ послѣ того, какъ вынесли всѣхъ раненыхъ: ему не нужны были теперь ни перевязки, ни лѣкарства, ни уходъ врачей, его мертвое лицо улыбалось новой невѣдомой намъ жизни, которую онъ уже началъ, въ которую онъ уже вступилъ...

Подошедшая сестра объяснила мнѣ, что подобрали его смертельно раненымъ на полѣ, и что умеръ онъ тихо, словно заснулъ, чтобы больше никогда не проснуться.

Какая-то сила согнула меня и поставила на колѣни передъ трупомъ моего вѣрнаго денщика. И въ одно мгновеніе я вспомнилъ принесенный имъ подъ огнемъ котелокъ со щами, обѣщаніе вернуться за пустой посудиной и его послѣднее короткое „Счастливо оставаться".

— Вы знали его?—спросила сестра.

— Онъ былъ моимъ денщикомъ.

Пока сестра милосердія записывала мои показанія, я просматри-

Выкапываніе изъ болота австрійскихъ снарядовъ.

валъ найденную при немъ тоненькую клеенчатую книжку; на первой страницѣ было написано неровными крупными каракулями:

Рубахъ шесть.
Исподнихъ четыре.
Платковъ восемь.
Чулокъ шесть.

Это былъ счетъ моего бѣлья, которое онъ отдавалъ въ стирку мѣсяца полтора тому назадъ, когда мы стояли на отдыхѣ въ городѣ.

Теперь онъ лежалъ передо мной такой же улыбающійся, спокойный, но неподвижный, и словно послѣ смерти своей этой нелѣпой записью напоминалъ мнѣ о своихъ вѣчныхъ заботахъ, своей вѣчной грубой, мужицкой, но прекрасной нѣжности ко мнѣ.

Чѣмъ я могу отплатить тебѣ, Сорокоуменко? Написать твоей женѣ о твоей геройской гибели, переслать ей твои ситцевыя рубахи и тотъ, помнишь, синій, съ бѣлыми горошками, платокъ, который ты просилъ меня купить тебѣ въ городѣ. Для кого? — я не знаю, ты мнѣ не сказалъ, точно такъ же, какъ никогда не говорилъ о своей семьѣ и о томъ, гдѣ она находится.

Что̀ я могу сдѣлать теперь для тебя? Ничего! Мой долгъ неоплатенъ. Прими же мою послѣднюю ласку и мой послѣдній поцѣлуй!..

Когда я вышелъ на улицу, было темно и отъѣзжала послѣдняя подвода, наполненная ранеными. Остался въ темной, большой и пустой избѣ одинъ только мертвый Сорокоуменко, лежавшій, словно заснувъ, на сѣнникѣ въ углу.

Баварскій король Людвигъ осматриваетъ позиціи на восточно-прусскомъ фронтѣ.

На западномъ фронтѣ.
Розыскъ спрятавшихся нѣмцевъ при помощи спеціально выдрессированной собаки.

Левъ Венеціи.

Надъ зеленою лагуной,
Вѣчно свѣтлой, вѣчно юной,
Словно пестрые птенцы,
Дремлютъ древніе дворцы.

Весь молчитъ, глядясь въ каналы,
Городъ призраковъ усталый,
Упиваясь тишиной,
Безпечальной, неземной.

О, Венеція! Ты дышишь?
Плескъ весла въ тебѣ услышишь,
И опять въ тиши вѣковъ
Городъ вздоховъ и мостовъ.

Легокъ отдыхъ твой блаженный,
Храмъ твой нерукотворенный,
Золотого Марка храмъ —
Гимнъ сладчайшій небесамъ.

Всѣмъ, кто могъ въ немъ помолиться,
Будутъ сны о раѣ сниться
И о жизни голубой
Съ голубиною судьбой.

Городъ женственный, любимый,
Маркомъ изстари хранимый!
Слышишь: грянулъ въ мірѣ громъ,
Міръ въ бореньи огневомъ!

О, Венеція, царица!
Въ красотѣ ты голубица,
Но въ борьбѣ великъ твой гнѣвъ:
У тебя есть грозный левъ!

Онъ взлетитъ — вѣдь онъ крылатый —
Защищать твои палаты,
Смоетъ онъ врага волной
Адріатики родной!

Сергѣй Городецкій.

Редакторъ **Ѳ. В. Акентьевъ.** Издат. **Л. Ф. Марксъ.**

Артистическое заведеніе **Т-ва А. Ф. Марксъ,** Измайл. просп., № 29. Изданіе **Т-ва А. Ф. Марксъ,** Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

1915 г. № 25 — XLVI г. изданія

Выданъ 20-го іюня 1915 г. — Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес.—20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. М. Метерлинка“ кн. 4.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ОСВѢЖАЮЩІЙ БЕЗВРЕДНЫЙ ПРІЯТНЫЙ КРЕМЪ

Это прекрасное средство противъ дурного цвѣта лица, обѣляетъ кожу и придаетъ ей юношескій видъ и бархатистость. Дермозонъ Д-ра Антона Мейеръ продается въ банкахъ по 30 граммъ во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Чтобы получить настоящій, слѣдите, чтобы имя Д-ра Антона Мейеръ было напечатано полностью. Рекомендуется передъ накладываніемъ Дермозона вымыть лицо и руки нейтральнымъ мыломъ. Лучше всего взять мыло Дермозонъ Т-ва Стольбергъ и К°.

Изящные, модные колье, кулоны, кольца, медальоны, браслеты, броши, запонки, булавки и т. п. у фирмы

„ДРАГОЦѢННЫЕ КАМНИ“ К. А. НАСОНОВОЙ въ Екатеринбургѣ.

Существ. съ 1892 г. 3631

! ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ !

3581 7-2

АТТЕСТАТЪ Университета, золот. медали за почерки учениковъ. Въ **15 уроковъ** научаю **заочно красиво и скоро писать.** За 5 десятикоп. марокъ высылаю образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условія. Одесса. Профес. Каллиграф. Адольфъ **КОССОДО**, Дерибасовская, д. № 19.

„УНИКИ“ этюдъ 1 д. ц. 30 к. Прелестная и вмѣстѣ идейная пьеса **А. Грабиной**, автора пьесъ: „Тамбовскій случай“ и „Два Вожжера“.

3543 **ЗА КУЛИСАМИ ВОЙНЫ.** 2) 10

(Тайны австрійскаго двора).

Сенсац. злободневный романъ. Цѣна за 10 выпусковъ 50 коп. Высыл. нал. плат. Адр.: Москва, ред. журн. „Лучъ“, отд. 3.

ДѢТСКАЯ МУЗЫКА въ изданіи **П. ЮРГЕНСОНА**

новый спеціальный каталогъ съ иллюстраціями высылается—**безплатно.**

Москва, Неглинный пр., 14. 3630

ОДЕССК. ПОЛИТЕХНИЧЕСКІЕ КУРСЫ

8-й годъ. **„ТЕХНИКУМЪ ДЛЯ ЛИЦЪ ОБОЕГО ПОЛА“.** 8-й годъ.

2575 3 отдѣленія—электротехническое, строительное и механическое. 7-4

Пріемъ производится. Программа высылается за три 10-ти коп. марки.

Одесса, Пушкинская, 60—12. Завѣдующій и учредитель **И. И. Хойна.**

При ГОНОРРЕѢ

въ острой и хронической формѣ, а также ея послѣдствіяхъ примѣняется средство

„АРМАТИНЪ“

для внутренняго употребленія. „Арматинъ“ совершенно безвреденъ для организма и одинаково успѣшно примѣнимъ къ мужчинамъ и женщинамъ. При употребленіи „Арматина“ не требуется никакихъ спринцованій, промываній, прижиганій, бужированій и т. п.

Цѣна 1 кор. 1 р. 75 к.

ПРОДАЖА ВЪ АПТЕКАХЪ

по рецепт. врач.

Адр.: Москва, Уланскій пер., д. 21, кв. 116, А. Я. Акуліанцу.

Во избѣжаніе поддѣлокъ требовать „Арматинъ“ только А. Я. Акуліанца. 3621 3-2

РУЖЬЯ

всѣхъ системъ и заводовъ первоклассныхъ моделей съ выдающимся боемъ и **ВСЕ НЕОБХОДИМОЕ и ЛУЧШЕЕ ДЛЯ ОХОТЫ** и Вы найдете въ

Т/д. Я. ЗИМИНА вд. и С. НИКИФОРОВЪ.

МОСКВА, Тверская, близъ Охотнаго, домъ № 12.

= Колоссальный выборъ. = = Доступныя цѣны. =

Требуйте прейсъ-куранты. На покупку ружей свидѣтельст. не требуется.

3601 6-3

ВСЕ ДЛЯ ОХОТЫ и РЫБНОЙ ЛОВЛИ

Т-во на паяхъ „ОХОТНИЧІЙ ВѢСТНИКЪ“.

3636 3-2 Москва, Театральная площ., д. гост. „Метрополь“.

Требуйте прейсъ-куранты оружейный и рыболовный.

Названіе „Альсъ“ имѣется на каждой пилюлѣ.

Наилучшее Слабительное

Пилюли д'АЛЬСЪ

содержащія исключительно **растительныя вещества** и не вызывающія никогда **ни коликъ, ни поносовъ.**

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫ ПРИ САМЫХЪ СИЛЬНЫХЪ ЗАПОРАХЪ.

Доза: 1 пилюля (или 2 при особо сильныхъ запорахъ) **вечеромъ передъ ѣдой.**

Флаконъ съ 30-ю пилюлями: 75 коп.

Въ продажѣ во всѣхъ аптекахъ и аптекар. магазинахъ, а въ Парижѣ у H. Noguès, 64, boulevard de Port-Royal.

3581 6-4

CRÈME SIMON

(КРЕМЪ СИМОНЪ)

Марка утверждена

CRÈME SIMON продуктъ прелестнаго запаха, никогда не портится и служитъ для смягченія кожи.

Употребляется вмѣсто **кольдъ-крема**

ПУДРА Симонъ (La Poudre Simon) **и МЫЛО Кремъ Симонъ** (Le Savon à la Crème Simon) того-же запаха что и *Кремъ Симонъ* и дополняютъ его дѣйствія.

J. SIMON

59. ***Faubourg Saint-Martin, PARIS.***

Въ розницу продаются у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей.

БѢЛЫЕ, ЗДОРОВЫЕ ЗУБЫ,

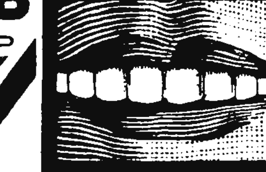
прекрасный блескъ отъ примѣненія гигіеническихъ зубныхъ средствъ Дентозонъ Т-ва Стольбергъ и К°.

Дентозонъ зубной эликсиръ.

Дентозонъ зубная паста, освѣжающая полость рта и абсолютно безвредная.

ДентОзонъ

ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ



Продажа ВЕЗДѢ.

Остерегайтесь поддѣлокъ.

Таблица выигрышей, павшихъ на билеты 1-го выпуска

ВЫСОЧАЙШЕ РАЗРѢШЕННОЙ

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ЛОТЕРЕИ 1914 г.

(ЗЕЛЕНЫХЪ БИЛЕТОВЪ)

въ пользу раненыхъ и больныхъ воиновъ, семей лицъ, призванныхъ на войну, и лицъ, пострадавшихъ отъ военныхъ бѣдствій.

100.000 р.

Серія	№
19785	76

50.000 р.

Серія	№
18106	58

25.000 р.

Серія	№
16646	99
17566	74

10.000 р.

Серія	№
4067	51
4433	56
8338	1
8588	80
8813	69
11760	9
15372	56
15832	95
17968	48
18025	97

5.000 р.

Серія	№
1692	45
1854	64
4580	74
5252	32
6386	60
6435	90
8394	28
8607	98
8748	51
8856	71
8870	81
9516	95
10154	6
10592	6
13699	16
13903	51
15548	42
15863	15
16997	32
18558	36

1.000 р.

Серія	№
445	92
496	76
643	52
681	56
740	67
842	58
1278	33
1527	92
2524	7
2891	9
3189	78
3581	89
3730	21
3746	42
3862	44
4092	36
4317	39
4619	57
4628	37
5034	32
5230	74

1.000 р.

Серія	№
5272	76
5461	65
6272	38
6419	91
6672	52
6711	71
7429	74
7520	75
7536	96
7819	49
7835	55
7866	60
7927	7
8486	5
8765	16
8956	48
9143	21
9223	28
9374	35
9666	33
9757	69
9766	73
9792	82
10364	3
10758	86
10976	40
11166	53
11189	21
11238	82
11279	21
11290	51
11361	10
11705	58
11904	27
12027	76
12210	94
12557	89
12950	4
13341	41
13392	30
13586	11
13602	12
13653	7
14190	58
14533	49
14886	93
15353	38
15434	76
15564	78
15636	81
15866	18
16146	45
16230	7
16396	64
16453	77
16645	25
16869	74
17034	33
17140	99
17207	56
17252	88
17259	2
17338	41
17417	69
17548	100
17681	93
17866	49
18069	36
18146	27
18159	96
18437	12
18530	83
18601	6
18690	25
19446	17

1.000 р.

Серія	№
19527	62
19744	90
19788	21
19969	80

500 р.

Серія	№
193	91
216	61
269	23
300	34
419	32
478	55
930	50
932	95
1055	53
1076	56
1091	50
1242	73
1294	48
1695	86
1697	79
1820	11
2049	39
2081	93
2082	78
2093	65
2208	74
2466	17
2553	4
3483	19
3535	99
3538	76
3631	1
3824	80
3864	75
4092	68
4137	68
4230	4
4480	90
4555	47
4596	81
4746	74
4812	37
4909	96
4924	32
4929	55
4997	43
5020	1
5241	80
5323	78
5378	8
5401	68
5705	58
5728	14
5760	68
5867	31
5938	59
6081	86
6338	54
6355	97
6359	71
6411	28
6748	20
6763	5
6985	70
7036	17
7059	75
7179	78
7236	49
7248	55
7317	94
7351	82
7420	63

500 р.

Серія	№
7582	15
7589	47
7590	82
7598	98
7701	63
7922	94
8115	71
8134	67
8135	47
8220	19
8252	77
8263	75
8329	77
8381	61
8448	49
8734	98
8807	4
8908	9
8910	80
9044	79
9061	87
9257	45
9267	99
9321	79
9392	58
9461	54
9596	41
9608	93
9657	100
9801	10
9908	63
9937	62
10049	2
10091	29
10134	23
10500	70
10599	33
10729	73
10755	32
10794	4
11069	84
11149	39
11192	20
11199	93
11336	27
11349	62
11538	82
11562	11
11754	70
11929	97
11934	16
11988	56
12258	93
12345	48
12363	88
12428	68
12597	16
12601	47
12650	82
12919	73
12920	8
12989	55
13099	76
13374	95
13724	95
13797	23
14457	12
14495	11
14593	69
14613	83
14672	50
14705	18
14856	61
15090	83
15113	34

500 р.

Серія	№
15255	74
15317	53
15476	26
15702	55
15730	9
15785	55
15812	11
15866	56
16002	66
16070	17
16171	29
16191	6
16221	36
16299	22
16321	62
16382	47
16454	5
16586	46
16950	89
17027	16
17287	89
17376	49
17460	95
17478	26
17587	79
17644	25
17785	49
17930	32
17967	8
17979	68
18020	26
18030	51
18041	92
18111	18
18232	16
18287	83
18361	8
18462	6
18557	71
18576	22
18599	11
18823	23
18824	1
18863	97
18957	47
19059	73
19176	4
19229	71
19419	3
19466	41
19642	32
19677	21
19754	86
19846	28
19862	16
11866	82
19908	48
19945	46

300 р.

Серія	№
43	88
81	27
89	76
97	26
136	41
166	65
253	92
267	17
271	38
282	64
299	56
308	42
319	71

300 р.

Серія	№
322	88
355	42
368	84
372	57
374	59
383	76
400	85
459	66
469	20
472	41
474	51
523	56
561	58
586	90
603	63
636	98
640	57
644	93
663	76
806	47
811	79
812	95
840	72
897	16
915	48
924	17
924	94
928	53
933	68
936	77
955	33
962	95
963	29
968	73
10[illegible]8	72
1039	13
1078	65
1081	52
1145	36
1225	16
1231	78
1247	63
1253	17
1273	69
1288	17
1290	76
1324	80
1346	34
1348	1
1351	29
1352	67
1359	100
1368	26
1396	83
1470	99
1481	89
1523	11
1577	45
1581	10
1623	61
1639	13
1637	65
1693	75
1706	100
1730	3
1736	56
1749	70
1821	6
1836	76
1844	92
1847	25
1848	2
1855	88
1866	9
1912	81

300 р.

Серія	№
1936	87
1981	1
2002	74
2046	4
2142	35
2144	84
2155	42
2177	51
2185	11
2200	67
2220	86
2227	100
2248	8
2262	12
2351	65
2359	63
2371	45
2390	60
2407	25
2433	78
2488	100
2508	23
2539	20
2540	12
2583	3
2590	69
2616	99
2637	1
2637	60
2658	80
2679	97
2765	56
2768	36
2787	96
2836	53
2886	37
2946	57
3000	95
3019	79
3040	12
3077	30
3078	26
3085	42
3125	68
3136	87
3157	34
3161	82
3175	53
3177	68
3199	39
3245	83
3322	20
3363	46
3383	31
3388	10
3409	95
3421	20
3485	86
3486	74
3523	69
3533	84
3592	61
3601	16
3636	33
3644	74
3651	60
3651	91
3662	57
3672	41
3749	91
3766	96
3784	76
3801	74
3803	61
3804	38

300 р.

Серія	№
3813	34
3887	58
3906	48
3939	1
3953	88
3994	72
4003	33
4052	63
4053	30
4065	42
4146	26
4163	6
4178	69
4201	67
4208	1
4251	23
4268	55
4271	6
4287	15
4317	23
4318	8
4364	25
4368	48
4388	5
4399	5
4412	58
4428	72
4460	32
4461	52
4464	96
4485	77
4510	94
4552	45
4573	60
4597	37
4632	19
4652	12
4657	70
4713	96
4774	71
4800	90
4803	19
4865	84
4899	50
4899	55
4941	44
4950	69
4984	38
5023	49
5026	68
5058	36
5071	61
5090	75
5103	69
5116	69
5158	2
5206	25
5241	19
5242	46
5271	33
5283	81
5311	68
5311	80
5325	91
5355	12
5361	76
5370	21
5372	69
5399	70
5410	7
5486	70
5525	56
5539	59
5541	18
5577	98

300 р.

Серія	№
5582	41
5589	44
5600	60
5609	50
5635	7
5653	89
5678	29
5689	40
5751	38
5757	100
5776	82
5800	11
5800	64
5804	28
5812	69
5823	72
5840	12
5849	26
5876	64
5884	44
5894	84
5968	74
5993	33
6005	20
6121	20
6124	46
6130	24
6162	57
6166	59
6187	33
6187	43
6222	29
6255	75
6310	43
6343	73
6386	21
6386	61
6433	100
6445	43
6453	92
6492	83
6498	68
6500	91
6516	72
6548	32
6591	54
6661	70
6668	50
6693	43
6695	29
6709	20
6772	72
6792	11
6860	36
6860	96
6881	63
6899	79
6918	32
6932	77
6943	81
7009	92
7024	34
7030	42
7033	29
7036	22
7045	14
7053	23
7116	28
7139	93
7171	85
7191	95
7219	51
7221	36
7253	99
7259	6

300 р.

Серія	№
7269	78
7279	60
7291	62
7351	54
7355	80
7376	31
7397	54
7402	98
7404	89
7407	72
7408	80
7422	11
7479	31
7481	19
7489	12
7513	50
7521	2
7548	86
7568	98
7582	30
7602	85
7617	88
7635	64
7645	50
7705	83
7718	39
7743	43
7758	99
7794	10
7796	77
7807	87
7816	79
7843	86
7864	24
7871	63
7881	12
7887	94
7890	82
7892	66
7893	44
7894	23
7896	90
7898	36
7899	30
7899	86
7918	63
7938	99
7951	3
7973	99
7976	79
7996	86
8051	27
8091	46
8145	90
8156	16
8180	15
8203	9
8252	40
8253	38
8265	16
8283	32
8284	49
8291	47
8292	89
8298	63
8298	97
8301	86
8318	75
8325	6
8363	17
8365	27
8366	6
8373	12
8374	85
8381	24

300 р.

Серія	№
8381	72
8396	1
8399	93
8402	84
8406	74
8423	88
8425	55
8429	98
8440	53
8449	95
8465	49
8484	40
8492	92
8505	29
8549	60
8648	43
8651	25
8672	59
8676	99
8709	90
8715	14
8726	3
8736	20
8741	71
8742	99
8789	77
8808	7
8817	97
8834	39
8854	63
8857	33
8859	35
8868	37
8907	34
8910	5
8935	43
8951	25
8957	9
8962	15
8981	64
9003	44
9038	62
9053	4
9055	15
9075	70
9094	87
9181	68
9241	71
9243	14
9244	35
9247	29
9258	94
9260	72
9279	62
9290	73
9299	20
9346	38
9359	87
9374	43
9476	70
9507	85
9510	22
9511	46
9515	71
9537	71
9543	6
9551	88
9572	97
9581	7
9586	17
9588	49
9592	91
9639	60
9650	70
9654	52

300 р.

Серія	№
9662	37
9682	87
9692	9
9695	52
9695	74
9730	82
9765	52
9815	57
9834	28
9855	26
9863	94
9864	85
9887	97
9928	38
9931	53
9963	45
10005	76
10012	98
10025	53
10028	11
10049	72
10065	33
10112	41
10124	2
10124	6
10131	18
10131	85
10165	55
10196	19
10221	88
10223	43
10230	74
10270	15
10282	56
10293	27
10406	73
10415	52
10423	10
10461	67
10479	63
10510	72
10522	66
10529	37
10566	75
10572	86
10635	64
10659	99
10688	62
10691	94
10707	1
10730	45
10762	64
10769	18
10774	85
10792	9
10793	48
10805	91
10810	76
10816	92
10853	80
10873	52
10878	80
10885	24
10930	8
10959	98
10962	30
10966	13
10966	75
10976	50
10982	37
10990	81
10994	11
11027	68
11066	64
11080	28

300 р.

Серія	№
11095	72
11102	41
11117	94
11123	24
11126	55
11127	3
11151	30
11172	14
11172	82
11174	85
11200	56
11217	55
11220	10
11234	36
11245	42
11269	20
11295	79
11302	74
11344	41
11344	63
11353	84
11358	57
11360	19
11362	49
11381	39
11384	10
11397	75
11413	35
11444	9
11444	81
11486	57
11513	56
11517	55
11516	38
11584	9
11594	20
11595	99
11635	32
11646	99
11649	37
11721	78
11733	18
11755	4
11755	5
11757	30
11761	89
11766	83
11778	80
11784	9
11827	43
11833	58
11849	61
11851	27
11853	88
11860	4
11875	93
11880	23
11886	34
11896	6
11907	36
11919	27
11938	61
11947	37
11962	54
11981	76
12005	38
12008	50
12027	27
12042	78
12062	76
12087	84
12133	22
12136	79
12148	29
12169	99

…00 р.	
Серія	№
12214	93
12255	81
12260	37
12280	52
12304	3
12361	42
12387	16
12399	48
12413	38
12442	9
12443	56
12459	32
12474	56
12477	43
12479	14
12546	15
12631	1
12658	16
12664	55
12667	83
12731	33
12774	62
12823	40
12841	38
12852	92
12890	81
12898	98
12908	41
12921	38
12945	22
12947	19
12989	24
12992	31
13002	14
13011	97
13014	95
13043	59
13044	7
13074	62
13111	80
13126	100
13134	63
13150	24
13151	11
13158	62
13168	69
13179	89
13199	10
13205	12
13227	48
13235	50
13237	37
13278	18
13287	68
13287	87
13293	22
13297	28
13317	29
13355	49
13383	61
13386	62
13392	49
13395	22
13407	70
13418	90
13468	91
13494	100
13508	65
13522	61
13527	10
13532	65
13537	29
13547	25
13559	80
13573	39
13603	66
13657	28
13677	3
13694	39
13704	53
13704	54
13717	89
13723	14
13752	25
13765	14
13772	14
13781	75
13799	39
13874	43
13907	11
13917	54
13932	13
13934	21
13943	83
13957	81
13976	15
13986	31
14012	39
14013	82
14016	12
14032	66
14034	66
14049	100
14054	56
14057	86
14074	31
14084	3
14150	51
14157	55
14179	89
14208	39
14216	54
14239	47
14252	48
14257	85
14272	87
14273	76
14319	31
14337	9
14347	90
14374	100
14382	15

300 р.	
Серія	№
14398	42
14428	32
14430	33
14475	59
14497	100
14512	58
14525	11
14543	59
14559	44
14571	14
14598	7
14622	5
14641	45
14727	91
14736	41
14743	51
14750	87
14768	52
14779	49
14785	54
14789	96
14841	48
14843	2
14845	13
14860	8
14860	68
14860	95
14862	53
14864	30
14899	76
14905	50
14917	36
14951	55
14963	20
14988	101
14990	44
14999	32
15008	13
15009	34
15041	35
15069	48
15070	90
15095	52
15097	20
15211	19
15212	27
15228	42
15247	95
15250	52
15265	2
15266	19
15292	48
15328	20
15352	21
15357	63
15374	36
15400	78
15419	10
15439	45
15446	39
15467	31
15490	42
15534	2
15568	51
15581	55
15585	48
15608	11
15658	23
15669	54
15678	64
15681	49
15685	31
15754	17
15757	100
15781	31
15789	55
15798	57
15808	9
15816	78
15820	10
15845	70
15869	52
15879	65
15954	15
15979	15
15997	15
16025	47
16028	55
16053	17
16073	34
16075	100
16082	61
16108	73
16122	74
16150	17
16169	84
16196	38
16270	6
16290	62
16293	89
16303	66
16331	50
16358	12
16396	1
16396	83
16420	11
16452	11
16452	14
16457	88
16467	99
16578	72
16594	71
16613	69
16628	57
16635	53
16654	4
16667	34
16676	3
16686	61
16692	58
16697	50
16710	73

300 р.	
Серія	№
16739	23
16769	54
16810	26
16818	28
16876	2
16887	3
16903	58
16911	59
16949	100
16962	77
16979	86
16998	47
17017	98
17019	76
17044	56
17052	87
17063	47
17110	33
17138	76
17169	7
17184	28
17225	42
17244	62
17281	91
17293	46
17336	1
17349	4
17359	50
17381	7
17404	52
17418	23
17419	21
17479	27
17489	33
17489	45
17513	86
17523	37
17531	37
17541	85
17561	81
17561	87
17572	83
17605	9
17606	15
17614	77
17615	38
17632	9
17635	49
17640	55
17678	90
17692	7
17724	26
17759	64
17813	85
17863	70
17863	93
17864	45
17883	24
17890	18
17937	64
17970	48
17976	81
17988	12
17995	17
18022	40
18028	56
18067	24
18100	3
18148	27
18153	46
18160	53
18161	88
18235	72
18247	65
18270	78
18286	79
18328	50
18363	94
18364	67
18367	69
18396	5
18490	97
18511	77
18516	19
18546	68
18549	79
18554	76
18656	2
18666	84
18686	36
18716	75
18718	61
18731	86
18739	98
18757	38
18776	24
18860	10
18863	74
19036	23
19068	67
19069	16
19075	46
19077	27
19085	78
19111	79
19167	37
19169	55
19184	80
19190	92
19252	57
19275	43
19305	75
19311	100
19324	59
19356	96
19364	67
19386	65
19391	92
19422	98
19428	85
19465	38
19472	44

300 р.	
Серія	№
19473	62
19520	60
19522	69
19536	5
19556	55
19576	46
19635	56
19689	61
19701	99
19730	2
19758	25
19771	2
19776	47
19785	69
19821	87
19860	32
19875	40
19928	83
19970	14
19979	57
19986	1

200 р.	
Серія	№
5	43
28	82
30	45
32	77
34	36
49	50
50	43
51	28
53	41
55	70
57	8
69	19
70	77
72	40
72	92
74	63
79	62
82	77
85	85
94	7
96	84
96	86
105	21
107	8
108	18
115	19
121	74
126	91
139	98
143	70
147	2
167	58
187	41
189	77
202	58
207	13
214	94
217	72
218	68
227	34
230	20
230	76
231	40
234	96
243	100
244	4
249	12
252	14
255	27
271	93
273	19
280	90
294	93
300	56
312	4
312	84
320	14
329	89
338	22
340	88
343	10
344	38
347	49
356	28
367	63
383	37
392	20
398	12
422	49
424	15
428	8
430	55
436	33
438	59
446	45
458	85
459	60
473	90
485	47
486	97
496	17
496	64
507	23
520	15
537	60
538	87
544	3
545	21
546	74
555	57
575	78
587	20
594	29
604	4
623	90
624	39
637	76

200 р.	
Серія	№
640	16
641	17
648	46
673	34
680	83
686	6
689	76
693	7
701	29
706	66
709	31
718	53
722	25
728	18
750	31
753	61
769	65
780	1
791	10
808	3
820	55
820	100
832	82
837	30
847	86
857	70
858	8
859	63
866	12
868	47
873	21
879	69
883	95
884	85
899	41
900	87
917	18
919	92
922	28
923	62
924	82
934	67
942	28
944	36
957	89
966	38
966	62
967	48
976	65
979	43
979	51
981	100
989	88
991	92
999	8
999	17
1024	19
1026	1
1028	81
1041	61
1046	80
1048	65
1071	75
1081	97
1086	17
1089	84
1104	4
1112	54
1116	1
1121	20
1126	57
1128	55
1143	31
1144	29
1158	8
1159	69
1172	36
1185	61
1187	66
1191	48
1195	32
1225	91
1230	42
1230	43
1233	32
1248	44
1249	87
1259	21
1278	100
1289	98
1298	70
1313	97
1348	5
1348	30
1351	83
1355	28
1357	65
1366	29
1380	7
1391	75
1402	54
1402	64
1404	50
1421	3
1431	7
1431	34
1437	75
1444	92
1447	55
1468	34
1471	84
1472	1
1500	56
1506	56
1512	19
1520	60
1520	69
1524	31
1533	17
1542	99
1561	91
1563	51

200 р.	
Серія	№
1564	31
1568	21
1578	42
1580	61
1581	82
1586	53
1591	74
1596	78
1627	80
1637	97
1668	95
1672	1
1673	80
1678	14
1679	52
1687	93
1691	43
1692	89
1695	82
1696	49
1696	66
1697	6
1713	80
1731	2
1736	32
1759	89
1763	54
1768	20
1771	51
1778	22
1780	66
1780	90
1781	77
1805	28
1823	88
1831	80
1833	95
1855	78
1861	60
1862	48
1863	24
1871	66
1872	31
1878	88
1901	96
1903	64
1904	52
1918	56
1919	85
1921	25
1921	36
1923	28
1923	55
1936	100
1942	52
1974	76
2005	69
2006	61
2016	7
2022	61
2022	98
2025	13
2036	32
2047	78
2051	70
2080	54
2081	73
2084	65
2085	87
2094	40
2097	71
2121	90
2122	59
2122	89
2124	36
2126	96
2134	77
2139	38
2145	100
2169	99
2199	40
2202	1
2204	56
2206	70
2220	84
2226	64
2241	52
2258	2
2265	95
2276	71
2284	95
2287	76
2287	100
2297	53
2314	10
2314	28
2324	90
2331	94
2335	57
2355	65
2357	15
2359	88
2379	11
2382	71
2392	39
2401	20
2420	25
2431	40
2434	21
2440	83
2441	19
2468	85
2475	94
2477	78
2484	50
2490	4
2522	99
2524	51
2536	23
2542	23
2550	10
2555	91

200 р.	
Серія	№
2563	61
2569	31
2571	32
2572	12
2597	58
2599	76
2601	100
2607	38
2608	93
2613	29
2621	26
2623	24
2623	80
2638	43
2645	52
2650	82
2661	9
2664	87
2688	77
2702	47
2704	74
2705	29
2713	99
2715	51
2725	72
2734	56
2735	69
2749	46
2750	53
2751	19
2755	67
2776	75
2777	80
2779	12
2783	4
2785	30
2800	39
2803	49
2808	36
2809	95
2811	39
2812	92
2815	1
2818	10
2827	4
2827	84
2839	58
2863	21
2863	43
2865	98
2878	63
2888	18
2888	37
2893	67
2898	77
2903	22
2905	100
2908	45
2923	9
2926	8
2928	93
2939	71
2942	72
2947	62
2959	51
2968	41
2973	85
2975	90
2978	96
2983	78
2996	62
2996	84
2997	70
3006	25
3009	19
3010	30
3010	90
3012	10
3012	39
3013	3
3033	19
3041	84
3043	19
3048	27
3053	55
3053	78
3060	69
3080	61
3082	13
3091	43
3103	46
3108	9
3114	27
3130	50
3151	84
3156	2
3184	21
3210	51
3226	94
3226	98
3263	72
3270	79
3279	5
3279	62
3285	9
3296	52
3303	94
3304	15
3323	20
3324	37
3327	22
3331	3
3336	63
3348	79
3353	72
3355	12
3356	85
3358	62
3359	9
3360	27
3361	93
3367	17

200 р.	
Серія	№
3369	85
3375	67
3380	21
3380	82
3382	38
3383	53
3386	79
3391	12
3395	94
3417	36
3419	24
3422	47
3426	94
3429	24
3431	87
3448	36
3467	20
3476	88
3482	76
3482	83
3483	99
3487	95
3499	70
3502	65
3506	37
3506	79
3508	25
3522	81
3553	93
3567	85
3571	20
3574	77
3575	50
3576	88
3577	41
3579	41
3581	37
3583	83
3590	36
3599	44
3600	52
3607	68
3614	23
3625	13
3626	56
3632	89
3638	2
3650	70
3661	83
3665	10
3668	69
3678	68
3682	26
3688	90
3696	50
3697	86
3699	50
3703	37
3716	9
3720	10
3747	61
3762	46
3769	61
3771	11
3783	38
3807	21
3822	56
3826	32
3854	71
3858	56
3863	9
3863	41
3867	48
3868	32
3882	94
3883	37
3883	73
3884	98
3885	57
3885	58
3896	59
3897	54
3900	42
3901	2
3901	84
3911	84
3915	14
3915	16
3918	23
3923	10
3939	48
3950	26
3952	75
3956	70
3977	55
4006	46
4014	47
4016	23
4020	58
4023	20
4027	61
4028	12
4035	13
4036	99
4049	100
4052	85
4054	97
4073	30
4081	41
4089	57
4089	86
4091	46
4093	7
4096	79
4108	58
4111	70
4117	85
4118	65
4131	52
4135	21
4139	53
4148	99

200 р.	
Серія	№
4149	93
4155	37
4161	26
4166	10
4167	37
4173	8
4173	84
4191	9
4193	10
4206	69
4208	95
4208	100
4216	40
4241	38
4252	66
4256	45
4269	21
4276	64
4288	49
4298	4
4300	99
4306	86
4313	56
4321	91
4343	35
4351	79
4356	47
4357	7
4359	10
4374	33
4374	38
4400	17
4403	48
4413	92
4420	10
4428	19
4429	24
4432	37
4465	99
4475	88
4483	92
4487	68
4488	79
4490	26
4491	8
4492	49
4500	92
4502	34
4506	79
4511	87
4514	73
4522	10
4524	75
4524	81
4529	47
4531	9
4545	65
4551	46
4558	25
4558	34
4563	77
4564	50
4575	4
4576	90
4587	77
4592	78
4597	63
4602	61
4603	89
4608	35
4608	38
4610	19
4622	13
4626	98
4631	39
4643	5
4661	80
4662	44
4669	45
4679	9
4686	72
4690	94
4694	65
4695	3
4700	12
4703	12
4718	6
4749	85
4752	78
4768	79
4769	16
4772	12
4774	93
4803	61
4804	39
4811	36
4829	18
4846	5
4856	89
4859	25
4864	44
4865	9
4867	58
4875	56
4883	41
4887	31
4898	41
4914	77
4920	57
4925	79
4936	95
4976	50
4978	3
4986	56
4987	56
5004	36
5008	17
5008	41
5010	31
5010	99
5016	56
5037	28

200 р.	
Серія	№
5051	70
5067	55
5069	63
5071	10
5091	8
5093	89
5104	31
5104	66
5116	4
5116	62
5117	63
5119	39
5127	33
5133	62
5136	6
5138	95
5149	89
5156	23
5170	94
5186	44
5186	98
5201	3
5207	89
5215	51
5221	15
5225	21
5231	97
5234	27
5243	60
5247	92
5274	6
5282	40
5284	17
5285	39
5285	77
5293	40
5295	5
5303	23
5303	99
5305	18
5313	95
5314	42
5319	27
5321	5
5321	48
5331	45
5331	59
5335	41
5336	88
5347	71
5350	27
5352	58
5354	71
5356	11
5363	26
5366	21
5369	35
5376	7
5378	32
5378	100
5383	72
5384	68
5387	48
5388	33
5395	25
5395	43
5399	39
5420	23
5431	60
5434	55
5439	89
5451	14
5455	21
5465	28
5471	49
5475	61
5478	96
5488	86
5489	29
5493	89
5494	63
5504	92
5509	7
5514	93
5518	69
5535	17
5548	60
5572	78
5581	29
5587	86
5589	85
5599	63
5604	12
5605	43
5606	3
5616	91
5632	29
5635	73
5652	55
5660	25
5666	8
5668	78
5680	26
5680	36
5690	24
5691	30
5699	21
5731	94
5737	30
5750	17
5756	2
5756	37
5757	53
5765	2
5768	66
5770	91
5775	37
5809	46
5810	37
5811	89
5817	84
5822	36

200 р.	
Серія	№
5824	5
5838	9
5838	80
5846	10
5850	24
5855	88
5863	34
5866	79
5881	20
5881	47
5884	41
5887	8
5887	84
5888	15
5890	36
5894	90
5896	67
5899	5
5908	56
5909	51
5921	22
5922	95
5957	96
5966	12
5970	51
5971	55
5971	84
5981	1
5986	58
5989	86
5992	31
5996	37
6001	100
6006	38
6011	45
6015	39
6023	12
6027	79
6046	85
6070	88
6079	24
6096	73
6098	71
6099	60
6109	68
6117	90
6121	73
6133	46
6147	37
6167	92
6193	34
6210	47
6232	89
6236	76
6237	24
6255	88
6258	79
6259	2
6267	83
6283	50
6287	13
6288	13
6292	18
6303	71
6317	68
6323	15
6347	39
6351	53
6354	18
6355	46
6360	1
6369	67
6370	42
6376	25
6383	24
6391	93
6397	71
6399	30
6408	8
6410	19
6414	38
6443	66
6446	78
6450	60
6458	43
6467	61
6469	12
6475	83
6486	28
6489	42
6498	52
6502	78
6505	34
6510	97
6515	33
6521	95
6523	7
6537	46
6538	84
6539	83
6542	18
6546	49
6554	33
6554	54
6568	50
6569	79
6575	78
6584	59
6591	76
6631	60
6645	33
6665	86
6669	35
6674	50
6681	72
6684	50
6691	47
6691	52
6694	89
6700	3
6713	3
6717	78

200 р.	
Серія	№
6726	50
6736	28
6738	36
6748	86
6750	70
6751	91
6765	1
6772	19
6788	19
6790	35
6796	77
6806	3
6807	29
6814	97
6821	5
6827	62
6840	17
6841	60
6846	26
6854	11
6870	48
6873	1
6877	16
6889	33
6911	77
6933	91
6938	80
6939	11
6942	67
6948	94
6951	57
6964	81
6965	42
6968	7
6970	3
6971	5
6976	50
6992	14
6998	16
7005	89
7009	39
7019	47
7022	76
7027	17
7028	54
7030	77
7031	44
7033	67
7044	8
7047	69
7049	44
7051	17
7052	11
7063	22
7067	14
7067	80
7069	57
7069	99
7072	18
7075	61
7079	6
7083	64
7084	74
7087	53
7099	36
7102	3
7118	16
7118	62
7146	91
7152	78
7157	56
7158	34
7160	6
7167	5
7170	31
7178	42
7203	51
7210	56
7215	26
7216	71
7219	22
7231	17
7233	96
7237	34
7250	37
7257	27
7285	65
7286	5
7287	92
7293	82
7296	78
7307	6
7312	82
7314	75
7316	60
7322	45
7329	42
7334	59
7338	16
7344	7
7348	48
7353	85
7355	43
7367	47
7369	93
7375	56
7382	52
7383	97
7385	23
7403	45
7412	77
7414	54
7416	11
7436	56
7441	50
7443	25
7448	94
7456	99
7468	78
7468	82
7470	30
7475	67

200 р.	
Серія	№
7479	28
7480	56
7480	67
7492	13
7498	61
7510	14
7513	52
7517	50
7519	86
7522	84
7524	5
7525	30
7527	15
7533	27
7534	73
7541	54
7542	91
7543	23
7545	2
7555	39
7562	20
7567	25
7576	87
7583	32
7585	90
7589	30
7591	87
7599	52
7602	36
7602	38
7609	12
7611	97
7613	16
7614	72
7616	3
7619	79
7624	61
7626	68
7633	64
7637	71
7639	98
7645	84
7648	43
7667	37
7668	24
7681	73
7696	33
7696	74
7703	33
7710	17
7711	40
7723	7
7730	63
7730	85
7731	3
7733	81
7735	38
7735	63
7741	35
7743	27
7748	12
7754	31
7761	21
7770	32
7776	19
7776	79
7793	30
7795	62
7799	74
7800	35
7804	47
7806	73
7810	97
7816	95
7826	55
7827	6
7828	92
7844	10
7846	100
7847	68
7854	23
7855	59
7856	74
7857	31
7861	83
7863	54
7869	44
7870	12
7871	20
7872	23
7877	27
7878	36
7878	57
7882	11
7882	59
7883	1
7883	71
7884	4
7884	56
7884	72
7884	80
7884	100
7888	6
7891	43
7891	45
7893	58
7899	97
7916	71
7928	82
7951	13
7956	5
7957	100
7960	29
7961	62
7962	56
7964	25
7966	93
7968	1
7969	81
7973	47
7974	54
7975	28

200 р.	
Серія	№
7976	29
7977	69
7979	23
7982	17
7997	36
8014	18
8019	26
8024	51
8025	30
8032	71
8034	57
8036	59
8038	9
8039	41
8043	73
8045	8
8052	42
8055	10
8059	67
8065	53
8068	92
8069	75
8074	30
8079	2
8086	75
8088	53
8094	5
8095	2
8095	38
8107	34
8115	17
8116	96
8118	36
8136	81
8141	27
8141	75
8152	36
8152	84
8180	52
8188	33
8191	58
8192	86
8197	91
8198	37
8199	68
8241	83
8250	69
8254	43
8255	2
8258	67
8262	6
8269	28
8277	38
8286	51
8293	90
8313	6
8317	89
8321	45
8344	54
8346	28
8370	37
8382	73
8384	10
8384	44
8385	26
8393	2
8398	9
8400	26
8406	31
8407	29
8408	78
8410	52
8422	45
8422	92
8431	71
8459	95
8462	44
8467	24
8478	31
8481	33
8493	71
8497	11
8523	58
8535	71
8538	16
8541	44
8555	91
8561	19
8587	11
8608	42
8618	11
8631	25
8640	80
8642	3
8657	72
8665	55
8673	54
8681	88
8683	48
8694	8
8707	88
8719	85
8735	33
8742	58
8745	86
8749	91
8750	97
8751	37
8755	24
8756	76
8759	72
8774	30
8785	43
8803	3
8810	60
8810	77
8820	18
8822	90
8825	68
8827	21
8829	45
8834	60

200 р.

Серія	№
8839	3
8841	51
8847	58
8848	99
8863	47
8868	15
8870	19
8879	85
8872	83
8897	33
8900	56
8907	42
8913	15
8917	13
8918	49
8920	72
8923	12
8925	53
8935	19
8947	58
8952	5
8953	21
8959	61
8959	93
8997	76
8998	79
9008	39
9016	41
9025	18
9027	74
9034	23
9037	26
9038	27
9040	82
9042	30
9042	53
9045	20
9049	62
9064	88
9070	72
9076	7
9091	4
9096	44
9102	11
9111	100
9137	55
9139	21
9154	54
9156	20
9157	88
9169	19
9173	74
9180	42
9193	9
9243	25
9243	38
9246	50
9260	79
9272	57
9274	33
9274	70
9280	76
9282	60
9289	62
9291	68
9297	17
9298	76
9299	41
9314	98
9317	40
9322	54
9333	48
9335	6
9353	100
9358	68
9360	86
9367	82
9369	59
9371	51
9375	94
9382	81
9389	25
9389	61
9397	95
9398	50
9402	85
9408	22
9408	77
9410	74
9426	81
9431	58
9437	53
9437	70
9452	35
9453	79
9460	42
9479	26
9484	61
9484	89
[illegible]	13
[illegible]	45
[illegible]	34
[illegible]	36
[illegible]	27
9497	66
9497	90
9498	56
9507	22
9514	19
9522	22
9527	71
9529	86
9531	51
9531	85
9543	10
9549	65
9562	17
9565	30
9568	56
9580	1
9580	63

200 р.

Серія	№
9582	45
9587	37
9587	81
9591	32
9595	80
9607	37
9614	15
9617	55
9626	20
9626	99
9627	43
9636	72
9638	58
9641	38
9643	31
9647	75
9648	26
9652	43
9655	99
9664	34
9664	63
9665	75
9679	52
9682	64
9693	23
9705	47
9706	59
9716	45
9716	92
9720	33
9742	60
9742	62
9757	29
9777	95
9778	41
9783	17
9798	55
9803	38
9810	80
9818	97
9832	28
9833	23
9843	40
9844	51
9845	93
9854	26
9855	40
9856	100
9860	40
9862	20
9874	27
9874	46
9882	67
9884	12
9889	44
9891	98
9896	32
9912	86
9913	13
9915	55
9924	1
9936	27
9943	66
9944	23
9953	50
9957	88
9960	12
9963	28
9964	40
9965	58
9965	77
9975	99
9977	27
9983	60
9996	61
9998	62
10014	10
10016	100
10028	35
10030	70
10041	48
10042	36
10043	66
10072	57
10091	40
10092	20
10098	63
10099	21
10104	53
10117	4
10118	49
10123	33
10126	5
10127	26
10128	52
10133	4
10137	39
10145	9
10147	50
10154	8
10157	22
10161	73
10163	23
10170	80
10171	52
10172	6
10182	82
10183	3
10187	21
10187	53
10188	26
10190	22
10192	38
10216	46
10222	63
10224	98
10233	86
10236	36
10240	39
10252	49
10266	36

200 р.

Серія	№
10274	31
10277	16
10282	50
10285	30
10286	89
10299	75
10302	48
10303	69
10310	32
10327	64
10341	9
10347	84
10349	3
10353	20
10373	33
10373	42
10375	93
10386	71
10388	82
10405	69
10419	81
10429	34
10454	99
10465	2
10475	60
10482	94
10491	74
10495	57
10536	4
10548	2
10548	83
10553	20
10555	5
10560	83
10581	63
10584	53
10591	47
10594	49
10609	67
10625	13
10650	5
10666	62
10679	35
10694	77
10698	43
10709	52
10735	26
10736	81
10739	3
10749	39
10750	91
10755	6
10755	93
10756	12
10756	47
10764	80
10769	40
10777	38
10790	17
10794	75
10795	87
10798	80
10800	4
10801	41
10807	57
10836	75
10853	52
10858	23
10858	55
10859	75
10865	83
10866	13
10866	36
10866	75
10888	2
10890	43
10897	52
10906	42
10908	56
10914	72
10929	58
10932	11
10939	67
10948	100
10949	22
10951	94
10965	4
10967	18
10970	39
10981	83
10988	70
10998	80
11000	31
11025	68
11031	52
11035	34
11040	36
11041	82
11055	38
11061	93
11068	79
11068	91
11072	14
11074	91
11074	98
11088	76
11090	25
11102	28
11102	70
11111	5
11116	17
11140	24
11142	40
11144	40
11160	7
11160	73
11163	14
11169	40
11195	97
11220	29
11227	79

200 р.

Серія	№
11235	96
11238	30
11246	31
11246	37
11247	48
11251	76
11252	76
11253	80
11256	88
11259	18
11262	64
11270	1
11272	100
11274	93
11280	83
11285	78
11294	28
11302	2
11304	75
11305	1
11308	56
11314	27
11323	16
11347	40
11348	34
11351	54
11372	83
11372	87
11374	26
11377	44
11379	75
11381	100
11385	71
11391	94
11408	15
11415	22
11423	13
11426	47
11428	35
11430	47
11440	77
11449	63
11453	32
11458	94
11459	1
11462	11
11473	83
11492	27
11493	91
11494	58
11496	85
11500	72
11512	98
11517	60
11521	15
11543	95
11545	14
11557	98
11558	42
11559	71
11560	98
11563	53
11575	89
11593	25
11596	24
11601	24
11607	46
11614	45
11617	44
11617	57
11621	3
11623	51
11626	47
11628	23
11629	63
11629	84
11631	42
11631	86
11635	43
11639	80
11641	4
11648	95
11650	15
11657	38
11660	93
11662	59
11692	20
11695	56
11701	52
11716	41
11720	90
11722	9
11723	49
11726	34
11728	82
11734	68
11735	4
11737	74
11739	71
11753	54
11757	39
11758	45
11782	83
11806	45
11809	6
11813	46
11818	64
11833	76
11841	78
11842	72
11868	69
11869	21
11880	71
11884	78
11886	71
11905	25
11911	27
11925	71
11932	76
11934	90
11935	9

200 р.

Серія	№
11942	21
11946	46
11949	31
11962	97
11966	78
11972	76
11976	10
11979	31
11981	32
11992	9
11992	31
11994	75
11996	28
11999	92
12000	29
12021	21
12023	96
12028	44
12032	94
12034	75
12036	47
12054	13
12063	52
12064	72
12067	19
12067	20
12069	60
12080	66
12081	16
12089	75
12096	50
12108	59
12120	21
12121	40
12125	92
12126	48
12128	5
12129	31
12135	13
12136	50
12137	13
12137	33
12138	47
12143	64
12161	51
12163	25
12168	26
12173	89
12206	7
12210	21
12211	92
12216	5
12216	31
12230	46
12231	32
12234	43
12243	100
12260	76
12268	1
12284	50
12292	98
12295	15
12302	26
12310	21
12318	37
12338	98
12340	67
12349	44
12355	51
12355	71
12356	69
12359	77
12360	95
12371	63
12375	29
12378	5
12378	90
12384	3
12393	88
12394	37
12410	60
12413	48
12426	77
12428	85
12429	96
12444	8
12446	40
12453	16
12458	2
12458	71
12466	14
12476	29
12489	46
12490	49
12492	92
12494	74
12496	94
12508	12
12508	29
12518	33
12525	28
12543	61
12547	79
12553	48
12561	42
12578	54
12582	58
12583	61
12588	94
12602	43
12602	57
12610	60
12625	83
12626	99
12633	12
12636	30
12645	32
12647	77
12671	6
12681	25
12682	73

200 р.

Серія	№
12694	36
12695	61
12713	50
12716	83
12739	92
12741	31
12742	84
12753	6
12753	59
12760	72
12763	88
12769	45
12770	58
12771	67
12773	15
12773	32
12775	74
12779	24
12791	96
12803	11
12805	61
12806	47
12807	53
12814	9
12818	2
12825	74
12833	35
12835	56
12837	17
12839	8
12839	61
12844	92
12851	88
12853	71
12856	95
12870	3
12870	31
12872	100
12880	11
12899	21
12917	79
12921	41
12936	100
12945	62
12972	96
12977	62
12984	97
12991	4
12994	94
13005	66
13015	12
13019	30
13021	6
13034	55
13035	13
13038	18
13041	84
13062	11
13068	18
13071	35
13077	94
13085	53
13085	89
13094	63
13098	88
13104	63
13105	73
13117	16
13119	86
13129	27
13149	87
13150	10
13158	93
13165	81
13176	45
13202	46
13206	64
13233	35
13235	36
13240	12
13250	97
13254	55
13255	89
13271	11
13271	68
13273	13
13279	3
13288	15
13291	74
13298	98
13302	71
13305	83
13309	14
13323	37
13328	37
13331	49
13337	36
13343	12
13344	89
13345	40
13346	59
13348	52
13353	43
13353	86
13359	7
13363	17
13363	79
13364	8
13368	20
13369	98
13371	62
13373	41
13376	12
13376	88
13378	31
13384	8
13388	26
13395	73
13407	31
13414	68
13430	92

200 р.

Серія	№
13431	27
13435	59
13445	46
13451	51
13454	71
13468	73
13478	38
13479	57
13486	6
13489	86
13493	88
13499	60
13506	32
13512	87
13517	71
13521	22
13525	58
13526	45
13527	8
13527	61
13531	76
13535	66
13548	31
13550	92
13559	26
13576	63
13585	38
13591	57
13593	30
13594	78
13596	94
13599	21
13610	35
13618	59
13623	48
13624	97
13630	9
13631	45
13634	3
13648	12
13654	68
13655	10
13656	38
13666	66
13673	23
13702	25
13706	67
13716	47
13719	4
13727	87
13728	50
13729	54
13733	35
13741	89
13769	46
13774	11
13783	71
13784	36
13789	28
13793	47
13795	32
13810	47
13816	30
13821	99
13840	10
13848	34
13851	93
13853	63
13856	92
13864	49
13867	11
13871	60
13872	3
13885	61
13889	61
13892	9
13915	17
13928	96
13934	29
13935	99
13939	46
13948	55
13949	87
13953	54
13965	49
13978	89
13988	98
13999	43
14002	32
14023	52
14041	52
14048	75
14078	49
14079	91
14093	87
14094	93
14110	4
14110	91
14117	63
14120	17
14122	77
14128	71
14130	32
14130	50
14131	6
14133	46
14136	50
14157	90
14167	15
14169	94
14173	13
14198	13
14200	13
14202	71
14203	3
14206	21
14210	12
14216	48
14220	19
14223	9
14264	56

200 р.

Серія	№
14273	32
14276	90
14281	97
14293	9
14301	45
14303	90
14308	18
14311	88
14344	78
14363	30
14371	2
14377	14
14383	14
14391	26
14394	80
14407	95
14410	52
14411	99
14412	85
14423	37
14425	12
14428	22
14432	20
14436	51
14438	60
14444	76
14452	69
14454	85
14454	94
14456	30
14456	69
14489	4
14493	16
14498	60
14498	83
14506	48
14507	77
14519	98
14520	20
14523	51
14551	38
14551	44
14551	100
14561	70
14571	27
14578	36
14579	21
14582	99
14620	32
14623	1
14624	59
14626	94
14628	83
14630	5
14635	41
14651	100
14663	61
14665	5
14673	90
14674	18
14674	74
14698	75
14726	46
14729	61
14737	82
14740	71
14757	99
14763	50
14767	2
14777	29
14787	71
14797	90
14800	28
14828	20
14848	26
14860	45
14864	50
14866	70
14872	29
14873	49
14884	20
14895	88
14901	89
14918	72
14926	89
14927	60
14934	40
14939	18
14945	59
14950	9
14964	79
14967	45
14990	97
15004	38
15018	49
15019	75
15021	92
15024	65
15029	47
15030	89
15031	5
15033	62
15035	42
15042	98
15048	62
15052	38
15055	59
15057	16
15065	45
15075	10
15080	37
15082	25
15084	3
15085	22
15085	63
15093	36
15095	5
15100	63
15107	33
15108	63
15112	100

200 р.

Серія	№
15127	71
15135	9
15137	23
15140	81
15141	69
15159	83
15187	44
15189	3
15197	37
15199	29
15199	71
15202	60
15207	18
15208	6
15210	19
15216	98
15220	34
15224	15
15229	88
15235	70
15263	41
15276	22
15280	65
15296	7
15297	15
15297	98
15299	67
15306	56
15309	51
15312	59
15314	47
15315	77
15323	86
15329	89
15330	49
15330	85
15331	47
15332	80
15345	55
15351	38
15352	85
15358	10
15359	99
15360	56
15370	3
15373	52
15376	81
15379	77
15388	92
15400	70
15406	2
15416	15
15424	91
15429	50
15443	60
15444	62
15454	12
15457	52
15460	36
15463	54
15467	78
15468	18
15474	55
15475	86
15491	5
15491	18
15511	61
15514	63
15520	69
15535	19
15553	90
15562	50
15580	6
15585	17
15589	64
15593	63
15595	64
15615	63
15620	75
15623	26
15635	78
15639	24
15646	47
15649	92
15658	95
15661	46
15674	57
15674	77
15685	46
15693	41
15697	51
15709	17
15736	90
15747	19
15755	64
15759	93
15762	59
15764	97
15769	81
15793	66
15810	52
15815	66
15817	70
15824	5
15831	57
15832	15
15846	87
15854	58
15869	32
15871	62
15878	60
15887	31
15891	96
15897	76
15898	9
15905	31
15917	97
15922	76
15939	67
15941	43
15941	57

200 р.

Серія	№
15943	83
15943	87
15951	12
15959	56
15965	19
15965	53
15965	75
15972	65
15974	72
16002	34
16003	55
16003	82
16006	66
16012	58
16012	97
16028	5
16029	78
16038	36
16041	7
16041	45
16051	94
16053	25
16054	52
16059	58
16076	49
16079	24
16084	12
16094	59
16100	13
16105	50
16105	92
16110	43
16111	30
16123	16
16152	31
16160	93
16163	11
16184	87
16189	45
16210	72
16221	90
16227	27
16227	50
16230	90
16249	46
16263	23
16270	33
16284	28
16290	89
16305	76
16312	17
16338	60
16339	2
16340	91
16391	85
16394	15
16394	27
16410	2
16413	34
16430	13
16435	48
16436	68
16442	21
16443	77
16443	95
16443	100
16446	21
16450	80
16452	50
16453	55
16458	72
16461	84
16469	89
16470	56
16479	16
16481	45
16503	28
16503	70
16506	24
16514	96
16518	86
16521	9
16527	86
16534	35
16561	13
16563	99
16576	64
16588	55
16593	66
16603	22
16616	74
16617	80
16619	10
16626	82
16629	45
16631	12
16635	44
16645	30
16648	99
16651	1
16657	10
16666	2
16680	21
16684	15
16687	89
16692	74
16695	87
16702	56
16706	43
16715	84
16718	88
16719	36
16724	71
16729	57
16734	48
16737	15
16741	32
16746	39
16746	66
16748	52
16760	24

200 р.

Серія	№
16765	33
16767	17
16783	69
16791	82
16796	100
16798	75
16812	16
16838	99
16841	81
16853	20
16864	35
16876	50
16877	70
16882	36
16891	67
16892	93
16904	41
16904	55
16908	23
16922	98
16934	42
16935	82
16938	85
16939	25
16954	7
16954	85
16963	64
16965	58
16968	4
16972	49
16974	17
16982	41
16996	79
17004	33
17020	37
17036	21
17036	29
17046	80
17052	36
17053	95
17065	23
17067	61
17076	1
17079	34
17086	3
17094	69
17095	26
17100	37
17108	20
17113	63
17122	55
17126	9
17126	29
17129	28
17139	9
17143	19
17144	56
17156	50
17163	24
17168	11
17206	62
17210	70
17212	9
17216	10
17221	88
17225	40
17238	48
17241	86
17269	20
17273	59
17284	25
17285	17
17289	47
17292	58
17295	54
17327	82
17346	16
17346	58
17346	68
17364	31
17371	12
17376	68
17380	77
17387	32
17391	80
17394	58
17411	58
17421	57
17422	55
17422	93
17425	6
17429	25
17429	59
17432	48
17438	19
17443	37
17444	44
17452	45
17459	13
17470	88
17492	53
17495	51
17514	21
17516	66
17529	48
17531	26
17531	94
17547	44
17547	64
17548	67
17556	24
17559	51
17563	99
17564	36
17572	85
17573	99
17587	72
17599	37
17604	15
17606	28
17620	40

200 р.

Серія	№
17630	30
17641	59
17648	34
17668	76
17678	12
17686	54
17683	9
17707	35
17709	42
17769	66
17714	91
17724	47
17725	43
17735	90
17737	82
17747	89
17749	31
17751	2
17756	8
17763	22
17784	6
17784	23
17796	52
17799	37
17814	33
17825	2
17835	75
17839	27
17841	70
17850	54
17851	8
17861	36
17869	18
17869	56
17873	43
17882	65
17883	34
17888	73
17906	9
17928	57
17933	57
17942	55
17943	98
17956	29
17958	55
17969	48
17979	54
17982	80
17983	50
17984	10
17984	27
17984	60
18003	91
18018	67
18023	35
18024	87
18025	52
18035	41
18036	13
18057	28
18058	55
18058	93
18067	97
18068	6
18080	24
18086	51
18089	79
18090	30
18095	15
18110	45
18113	72
18119	4
18120	50
18121	58
18133	34
18134	21
18137	56
18141	63
18143	25
18160	48
18175	24
18181	73
18196	20
18207	90
18214	95
18215	98
18235	41
18241	79
18247	79
18248	21
18273	50
18273	72
18304	16
18271	100
18283	3
18311	38
18317	99
18324	92
18333	23
18337	12
18337	69
18341	89
18345	63
18362	1
18363	88
18367	58
18368	82
18379	64
18388	62
18392	97
18393	19
18393	41
18393	71
18409	45
18413	71
18416	38
18419	16
18429	81
18437	30
18442	63
18445	59

200 р.

Серія	№
18417	92
18448	29
18465	43
18466	2
18474	92
18488	62
18493	32
18493	51
18494	100
18503	3
18504	53
18509	71
18511	73
18515	62
18536	42
18540	4
18543	62
18550	85
18553	36
18553	88
18559	47
18559	85
18561	43
18566	49
18567	58
18571	14
18576	70
18582	70
18593	74
18595	46
18604	64
18605	37
18623	92
18627	90
18638	64
18656	78
18673	76
18678	4
18679	6
18680	97
18682	27
18684	91
18689	66
18693	22
18717	17
18718	66
18724	59
18724	62
18733	27
18747	88
18754	98
18764	10
18772	70
18773	87
18776	21
18781	94
18788	39
18797	68
18824	62
18828	57
18832	87
18837	21
18840	19
18851	29
18852	49
18862	57
18864	9
18874	1
18886	55
18890	9
18892	96
18903	75
18904	71
18910	64
18913	60
18942	6
18954	15
18958	75
18971	62
18972	14
18979	37
18993	52
19000	38
19004	81
19008	36
19010	42
19016	87
19022	88
19025	46
19031	94
19040	20
19045	59
19047	1
19058	20
19063	88
19069	4
19072	63
19076	1
19082	27
19098	30
19098	84
19105	96
19109	83
19127	12
19127	21
19129	9
19142	47
19145	71
19145	78
19162	88
19164	86
19168	58
19169	79
19170	36
19176	62
19185	82
19228	44
19235	62
19241	2
19243	58
19256	57

200 р.

Серія	№
19262	44
19285	53
19286	17
19287	48
19296	34
19296	51
19297	77
19300	8
19302	28
19319	48
19320	31
19322	29
19325	66
19329	29
19333	50
19336	3
19338	32
19347	41
19354	48
19355	21
19360	84
19372	76
19379	71
19395	77
19412	9
19414	33
19417	92
19421	35
19429	36
19435	46
19444	34
19458	84
19459	96
19464	72
19483	87
19489	94
19491	6
19491	8
19502	14
19502	98
19505	35
19511	6
19513	63
19522	89
19528	55
19530	79
19540	95
19553	5
19559	65
19560	30
19561	32
19565	84
19576	4
19596	86
19597	75
19629	62
19638	51
19640	81
19641	16
19643	27
19661	32
19665	31
19698	41
19703	55
19711	24
19712	96
19727	14
19729	27
19756	75
19767	76
19771	7
19772	16
19773	1
19773	42
19774	17
19774	58
19784	70
19786	29
19789	39
19797	100
19812	54
19812	57
19820	1
19822	4
19830	66
19836	12
19837	3
19837	14
19862	60
19865	85
19866	94
19867	13
19869	80
19870	94
19897	28
19903	12
19906	69
19921	29
19924	40
19924	50
19940	78
19953	40
19954	70
19961	83
19967	25
19970	98
19973	31
19979	19
19979	49
19990	63

Артистическое заведение Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

№ 25. Выходитъ еженед. (52 №№ въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. **Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА,** 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 20 іюня 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на 1/2 года—4 р., на 1/4 года—2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

1880 1876 1913. 1883 1896 1906

Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ въ разные годы жизни.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій М. Метерлинка", кн. 4.

Памяти „К. Р."

I.

„...Эти милыя двѣ буквы,
Что два яркіе огня,
Въ тьмѣ осенней, въ бездорожье,
Манятъ издали меня".

А. Н. Майковъ.

Обвѣянъ радостью весенней,
Въ лучахъ восторговъ молодыхъ,
На крыльяхъ раннихъ вдохновеній
Проникъ впервые въ жизнь мгновеній
Его кристально-чистый стихъ.
И, гимнамъ сладостнымъ внимая,
Ему откликнуться спѣша,
Въ пѣвцѣ безвѣстномъ обрѣтая
Себя, воспрянула живая
Баяновъ чуткая душа.
За пѣснью пѣснь лились, влекомы
Съ низинъ земли къ высотамъ сферъ;
Ихъ не смущали жизни громы,—
Всѣмъ стали близки, всѣмъ знакомы
Двѣ буквы милыя—«К. Р.»...
Года—за годами,—мужала
И мысль пѣвца и пѣснь его,
Стремясь вмѣстить свѣтъ идеала,
Лучъ Безконечнаго Начала
Въ волнахъ распѣва своего.
Ушло баяновъ поколѣнье,
Мёлъ вихрь временъ опавшій листъ
Съ путей пролетнаго волненья,
А стихъ его и въ дни смущенья
Все такъ же былъ кристально-чистъ;
Онъ призывалъ къ святымъ завѣтамъ,
Онъ къ небу влекъ отъ злыхъ химеръ...
Угасъ поэтъ... Жизнь—пѣснямъ спѣтымъ:
Пусть свѣтятъ сердцу тихимъ свѣтомъ
Двѣ буквы славныя—«К. Р.»!..

II.

„Раскрывшись гдѣ-то тамъ, ужель ослѣпнутъ очи.
И уши навсегда утратятъ слухъ?
И память о быломъ во тьмѣ загробной ночи
Не сохранитъ освобожденный духъ?.."

К. Р.

Вопросовъ больше нѣтъ... Сойдя къ иному лону,
Онъ видитъ, что, вселясь въ загробныхъ таинствъ міръ,
Не могъ ни Рафаэль забыть свою «Мадонну»,
Ни Моцартъ—«Реквіемъ», ни «Гамлета»—Шекспиръ.
Забвенія тому, что свято и прекрасно,
Духъ не позналъ его; земныхъ своихъ страстей
Стряхнувъ налетный прахъ, ему все стало ясно,
Что недоступно здѣсь для мысли и очей.
Въ сліяньи съ Божествомъ—ему за жизнь награда,
Но все, что чтилъ, живя, обрѣлъ родной поэтъ:
Тамъ встрѣтила его маститая тріада—
Полонскій, Майковъ, Фетъ.

Баяны вѣщіе, его благословляя
На путь пѣвца любви, на вдохновенный трудъ,
Они провидѣли, что, въ пѣсняхъ воскресая,
Завѣты Пушкина въ немъ откликъ свой найдутъ.
Какъ имъ, ему сіялъ нашъ лучезарный геній,
Лія творящій свѣтъ въ его мечты родникъ;
И тамъ, найдя его, въ восторгѣ поклоненій
Къ стопамъ учителя склонился ученикъ.
И—мнится—внемлетъ онъ привѣтъ его спокойный:
«Приди, мой младшій братъ! Все, все, что могъ, ты далъ
Любимой роднѣ, ея любви достойный!
Вся жизнь твоя была одною пѣснью стройной,
И чувства добрыя ты лирой пробуждалъ!..»

Аполлонъ Коринфскій.

Памяти царственнаго пѣвца.

Очеркъ **П. В. Быкова.**

„Смерть жатву жизни коситъ, коситъ..." Ей, ненасытной, мало той жатвы, какую собираетъ она теперь въ изобиліи на политыхъ кровью нивахъ, и вотъ вторглась она въ мирную область литературы, искусства и унесла царственнаго пѣвца. Въ невѣдомый міръ ушелъ онъ отъ насъ, вдохновенный нѣжный пѣвецъ, рыцарь правды, добра, красоты, всю сознательную жизнь свою беззавѣтно преданный служенію музамъ, пламенно любившій поэзію. Какая это большая потеря для литературы, которую и любилъ и уважалъ августѣйшій поэтъ, такъ много порадѣвшій ей и собственнымъ творчествомъ и заботами о ней! Величавъ былъ и дѣтски простъ образъ творца „Царя Іудейскаго", „Севастіана-Мученика" и цѣлаго ряда лирическихъ шедевровъ. Многіе изъ нихъ вошли во всѣ хрестоматіи, въ разные сборники; не мало ихъ положено на музыку нашими видными композиторами, и невольно стали они достояніемъ всей Россіи. Скромными буквами „К. Р." обозначалъ свои произведенія августѣйшій поэтъ. Онѣ какъ-то сразу обратили на себя общее вниманіе и полюбились всѣмъ истиннымъ знатокамъ и любителямъ поэзіи. Ихъ привѣтствовали такія яркія звѣзды нашего Парнаса, какъ Майковъ, Полонскій, Фетъ. Лѣтъ двадцать пять тому назадъ маститый тогда авторъ „Трехъ смертей", „старый мастеръ" писалъ:

„Эти милыя двѣ буквы,
Что два яркіе огня,
Въ тьмѣ осенней, въ бездорожье,
Манятъ издали меня.
Зажжены онѣ въ воротахъ,
Что въ чудесный міръ ведутъ,
Міръ, гдѣ только гости съ неба —
Духи чистые — живутъ..."

Буквами „К. Р." впервые подписано было стихотвореніе на библейскую тему „Псалмопѣвецъ Давидъ", появившееся въ августовской книжкѣ „Вѣстника Европы" 1882 года. Немного времени прошло, когда ихъ вновь увидѣли въ „Русскомъ Вѣстникѣ" подъ нѣсколькими стихотвореніями; нѣсколько позднѣе ими была украшена и наша „Нива", когда въ ней появилась пьеса „На Страстной недѣлѣ" (1888), полная религіознаго настроенія, глубокаго чувства и какой-то душевной чистоты. Когда вышелъ первый сборникъ „Стихотвореній К. Р.", эти буквы уже были хорошо извѣстны публикѣ, и она знала, что подъ ними скрыто имя великаго князя Константина Константиновича. Августѣйшему молодому поэту, второму сыну великаго князя Константина Николаевича, сыгравшаго видную роль въ исторіи нашего флота и нашей общественности, было всего двадцать четыре года, когда появилось въ печати его первое стихотвореніе.

Великій князь Константинъ Константиновичъ родился 10-го августа 1858 года и службу проходилъ сперва во флотѣ, проведя въ дальнемъ плаваніи почти 2½ года, затѣмъ командовалъ болѣе семи лѣтъ ротой лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка; въ 1878 г. былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству, имѣя уже въ то время орденъ св. Георгія

за боевыя отличія въ дѣлахъ противъ турокъ въ русско-турецкую войну, когда въ чинѣ мичмана вошелъ въ составъ экипажа фрегата „Свѣтлана". Въ 1891 г. великій князь, имѣя чинъ полковника, назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка: пробывъ въ этой должности девять лѣтъ, онъ заслужилъ большую любовь своихъ подчиненныхъ. Въ 1900 г. состоялось назначеніе великаго князя главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, а черезъ годъ производство въ генералъ-лейтенанты и назначеніе генералъ-адъютантомъ къ Его Величеству; въ 1913 г. — назначеніе генералъ-инспекторомъ военно-учебныхъ заведеній.

3-го мая 1889 г. великій князь занялъ высокій постъ президента Императорской Академіи Наукъ. Это явилось знаменательнымъ событіемъ, отразившимся на жизни Академіи. Нѣмецкая накипь сползла съ нея, и наше знаменитое учрежденіе стало вполнѣ русскимъ. Послѣдовалъ рядъ благодѣтельныхъ реформъ, въ особенности по отношенію къ отдѣленію русскаго языка и словесности. Учрежденный по мысли великаго князя разрядъ изящной словесности увидѣлъ въ числѣ своихъ почетныхъ членовъ видныхъ представителей родной литературы—Льва Толстого, Антона Чехова, В. Г. Короленко, П. Д. Боборыкина, И. А. Бунина, людей нечиновныхъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ офиціальному міру и тѣмъ не менѣе признанныхъ быть достойными представителями русской Академіи. Въ этомъ актѣ особеннаго вниманія великаго князя къ родной литературѣ, безпредѣльной любви къ ней, ясно видны взгляды августѣйшаго писателя, глубокое пониманіе значенія „изящныхъ мастеровъ" печати въ нашей общественности, признаніе ихъ заслугъ, ихъ вліянія.

Великому князю не чуждо было пониманіе и того положенія, въ какомъ бываютъ труженики литературы, неимущіе, обездоленные, занемогшіе, обреченные на голоданье, часто неудачники. И вотъ чуткая душа поэта продиктовала ему ходатайство о помощи такимъ пасынкамъ судьбы. Результатомъ явилась постоянная комиссія для помощи нуждающимся литераторамъ и ученымъ, въ которой великій князь занялъ мѣсто предсѣдателя. Горячія молитвы должны возносить литературные дѣятели о томъ, кто явился прямымъ виновникомъ существованія этого благодѣтельнаго учрежденія, всегда стоявшаго на высотѣ своей задачи, вполнѣ оправдавшаго надежды его основателя. Это ли не заслуги великаго князя по отношенію къ своимъ меньшимъ собратьямъ въ литературѣ.

Заслуги великаго князя, признаніе его талантовъ выразились въ избраніи августѣйшаго поэта и виднаго дѣятеля въ военномъ дѣлѣ почетнымъ членомъ Николаевской Инженерной, Военно-Медицинской и Михайловской академій, общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, и другихъ учрежденій, предсѣдателемъ Императорскаго русскаго археологическаго общества, попечителемъ педагогическихъ женскихъ курсовъ, покровителемъ школъ Императорскаго русскаго техническаго общества, дѣйствительнымъ членомъ общества поощренія художествъ и русскаго музыкальнаго общества. Какъ извѣстно, высокоталантливый августѣйшій писатель былъ также и даровитымъ піанистомъ и даже композиторомъ. Имъ переложенъ на музыку цѣлый рядъ и собственныхъ и чужихъ стихотвореній, сдѣлано нѣсколько оркестровокъ и проч. Тонкій знатокъ, замѣчательный мелодистъ виденъ въ его музыкальныхъ произведеніяхъ. Не чуждъ былъ этой удивительно даровитой натурѣ и сценическій талантъ.

Въ апрѣлѣ прошлаго года Академія Наукъ рѣшила ознаменовать четвертьвѣковой юбилей своего августѣйшаго президента и признала наиболѣе цѣлесообразнымъ выпустить исторію всѣхъ академическихъ учрежденій за двадцать пять лѣтъ съ прибавленіемъ библіографіи трудовъ почетныхъ академиковъ, въ числѣ которыхъ состоялъ и почившій великій князь. Кромѣ того, въ честь почившаго августѣйшаго президента было рѣшено учредить Константиновскую медаль. Она должна выдаваться за труды по исторіи русской науки и по просвѣщенію. Юбилейному чествованію великаго князя помѣшала его болѣзнь. Въ день своего юбилея августѣйшій президентъ находился въ Египтѣ, и туда были посланы привѣтственныя телеграммы; отложенное чествованіе не состоялось и осенью по случаю войны. Несомнѣнно, что тяжкія испытанія, которыя война принесла великому князю,—смерть даровитаго сына Олега Константиновича и з[illegible] супруга нѣжно любимой дочери Татьяны Константиновны, княгини Багратіонъ-Мухранской, павшихъ геройской смертью въ бою,—сильно повліяли на роковой исходъ болѣзни великаго князя. Приступы грудной жабы у него усилились, и августѣйшій поэтъ въ Бозѣ почилъ 2-го іюня въ 7 часовъ вечера въ Павловскѣ, оставивъ вдовою великую княгиню Елисавету Маврикіевну, съ которой состоялъ въ бракѣ тридцать одинъ годъ, съ 13-го апрѣля 1884 года, и осиротивъ свою многочисленную семью, состоящую изъ пяти сыновей и двухъ дочерей.

Своей отзывчивостью, добротой, мягкостью, чрезвычайной доступностью въ Бозѣ почившій великій князь невольно внушалъ къ себѣ симпатіи и добрыя чувства всѣмъ, кому приходилось имѣть съ нимъ прямое или косвенное соприкосновеніе. Кто зналъ его близко, тотъ не могъ не подивиться его большому уму, знаніямъ, начитанности, огромному знакомству съ иностранными литературами. Удивительный тактъ проявилъ великій князь по отношенію къ литературной средѣ: вѣнчалъ таланты, не обращая вниманія на направленіе ихъ обладателей (это проявилъ онъ, когда въ почетные члены Академіи по разряду изящной словесности избирался Максимъ Горькій), самъ подсказывая возможность избранія А. И. Куприна; глубоко цѣня поэтическую дѣятельность И. А. Бунина, августѣйшій президентъ едва ли не первый выставилъ его кандидатуру въ почетные академики.

(Окончаніе будетъ).

Перевезеніе тѣла въ Бозѣ почившаго Великаго Князя Константина Константиновича изъ Павловска въ новую Императорскую Усыпальницу въ Петропавловскомъ соборѣ въ Петроградѣ. Траурная процессія у вокзала на Загородномъ проспектѣ. По фот. К. Булла.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Послѣ занятія противникомъ рѣки Сана дальнѣйшая оборона Западной Галиціи представляла большія невыгоды чисто-стратегическаго характера.

Для того, чтобы уяснить себѣ это, необходимо обратить вниманіе на то, что оперативная свобода нашихъ войскъ въ извѣстной степени была стѣснена двумя, такъ сказать, „оборонительными обязательствами“: необходимостью оборонять Варшаву на одномъ концѣ и Львовъ—на другомъ концѣ. Вполнѣ понятно, когда въ тылу имѣется два тяжелыхъ груза, отъ которыхъ нельзя далеко уйти, чтобы ихъ не упустить, то маневренная способность войскъ значительно уменьшается, и тогда положеніе уподобляется положенію человѣка, котораго въ борьбѣ что-то сдерживаетъ въ двухъ мѣстахъ сзади.

Когда противникъ появился въ Прибалтійскомъ раіонѣ, въ обстановкѣ появился третій грузъ—пути по Прибалтійскому побережью, которые также необходимо было охранять. Такимъ образомъ съ началомъ нынѣшней весны задача обороны восточнаго фронта стала довольно сложной, въ виду исключительно сложившейся обстановки. Обстановка эта не была случайнымъ явленіемъ, а была вызвана тѣмъ, что, какъ извѣстно, планъ союзниковъ намѣчалъ на первый періодъ борьбы стратегическую оборону, и лишь на второй періодъ намѣчалось стратегическое наступленіе. Намъ уже приходилось отмѣчать, что для нѣмцевъ весьма важенъ выигрышъ времени, весьма важно добиться поскорѣе рѣшительнаго боя, развязки, которая привела бы къ окончанію войны. Это, въ свою очередь, обусловливало контръ-планъ союзниковъ, заключавшійся въ томъ, чтобы не давать нѣмцамъ этой быстрой развязки, не давать имъ возможности быстрыми ударами выйти изъ ихъ стѣсненнаго положенія, а соотвѣтственно этому контръ-планъ намѣчалъ затягивать войну и подольше держать нѣмцевъ въ трудномъ положеніи „атакованнаго съ двухъ сторонъ“.

При такихъ условіяхъ создалась та стратегическая оборона, которая была положена въ основу плана союзниковъ на первый періодъ войны. Оборона эта прежде всего требовала избѣгать большого рѣшительнаго сраженія, которое было бы только на руку нѣмцамъ и могло бы приблизить ихъ къ развязкѣ войны. Далѣе, такъ какъ нѣмцы хлынули всей массой сначала на Западъ, для нашей стратегіи представилось возможнымъ вести на первое время оборону активно, въ видѣ отдѣльнаго частнаго, хотя и большого наступленія.

Такимъ наступленіемъ явилось Галиційское, приведшее насъ къ занятію Галиціи. Но такъ какъ, по существу, это была лишь активная оборона, то такое наступленіе не подразумѣвало еще постояннаго занятія Галиційской территоріи. Мы просто выдвигались впередъ, во имя лучшей обороны нашихъ границъ, нанося попутно рядъ крупныхъ пораженій австрійцамъ.

Поэтому, когда обнаружилось наступленіе значительныхъ силъ нѣмцевъ въ Галиціи, естественно возникъ вопросъ, принимать ли рѣшительный бой въ Галиціи, или же принять его въ какомъ-либо другомъ раіонѣ.

Для рѣшительнаго боя вообще требуется наиболѣе выгодная обстановка. Это обязательно для каждой стороны, но несомнѣнно это было еще болѣе обязательно для нашей стратегіи, ибо вообще она намѣчала временное уклоненіе отъ рѣшительнаго боя въ первый періодъ войны, а, если уже и допустила бы такой бой, то исключительно въ благопріятныхъ условіяхъ, гдѣ результаты этого боя оправдали бы такой смѣлый и нѣсколько рискованный шагъ.

Затѣмъ такой рѣшительный бой представлялся нецѣлесообразнымъ еще и потому, что, даже въ случаѣ успѣха, мы достигали сравнительно второстепенныхъ результатовъ, ибо бой происходилъ бы на направленіи — Галиційско-Краковскомъ, Слѣдовательно, даже выигравъ этотъ бой, даже нанеся рѣшительное пораженіе арміи Макензена, мы овладѣвали лишь второстепеннымъ участкомъ Западной Галиціи, который вывелъ бы насъ къ второстепенному же участку, раіону Кракова.

Итакъ, стратегическія условія для боя были невыгодны, и выигрышъ его не далъ бы рѣшительныхъ результатовъ, а въ то же время такой бой былъ бы явнымъ нарушеніемъ общаго плана стратегической обороны, намѣченнаго совмѣстно союзниками. Въ силу этого и явилась необходимость временно отказаться отъ рѣшительнаго боя, а такой отказъ означалъ отходъ назадъ и очищеніе раіона за Саномъ, а съ нимъ и Львова.

Вслѣдъ затѣмъ наши войска, очевидно, должны были занять уже болѣе короткій фронтъ, и вмѣсто трехъ „оборонительныхъ обязательствъ“ оказалось только два: обязательство защищать Варшаву и Прибалтійскій раіонъ, что было значительно выгоднѣе.

Однако наша стратегія не пожелала уступить противнику сразу территорію Западной Галиціи, и нѣмцевъ неоднократно вынуждали развертываться, вести дальніе обходы, терять время, нести потери, и только послѣ энергичнаго отпора наши войска отходили.

они отходили по заранѣе намѣченному плану. Если бы наши войска отходили безъ боя, то всѣмъ было бы понятно, что войска отступаютъ потому, что бой откладывается. Но такъ какъ наши войска отходили съ боемъ, то у нѣкоторыхъ получалось неправильное впечатлѣніе, будто войска наши отходятъ, вынужденныя къ этому натискомъ противника, тогда какъ эти бои означали только лишь короткіе контръ-удары, наносившіеся нашими войсками при намѣренномъ отходѣ.

Съ очищеніемъ Львова первый періодъ Галицiйской операціи приходилъ къ концу, и противнику предстояло рѣшить вопросъ о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій. Этотъ образъ дѣйствій опредѣлялся не столько достигнутымъ противникомъ временнымъ успѣхомъ, сколько общей стратегической обстановкой на всѣхъ фронтахъ войны. Эта общая стратегическая обстановка слагалась нѣсколько иначе, чѣмъ въ началѣ войны, такъ какъ: во-первыхъ, французы не дали себя разбить и поколотили нѣмцевъ на Марнѣ, во-вторыхъ, для обороны противъ насъ нѣмцамъ нужно было удѣлять все больше войскъ, а слѣдовательно дѣлаться слабыми на западномъ фронтѣ и постепенно отказываться отъ мысли здѣсь наступать, и, въ-третьихъ, такъ какъ состоялось выступленіе Италіи.

Соотвѣтственно этому, нѣмцамъ пришлось измѣнить свой планъ дѣйствій. Они нисколько не отказались отъ первоначальной идеи побѣдить сначала во Франціи, а потомъ уже на другихъ фронтахъ, но поняли, что сдѣлать это уже не такъ легко. Имъ понадобилось уже для французскаго фронта гораздо большее число войскъ, чѣмъ они привели во Францію въ началѣ войны, т.-е. болѣе $2^1/_2$ милліоновъ, а это подразумѣвало необходимость оставить какъ можно меньше войскъ на другихъ фронтахъ.

На итальянскомъ фронтѣ нѣмцамъ было легче всего выполнить эту задачу, такъ какъ, по условіямъ горной мѣстности, защищенной къ тому же фортами на каждой дорогѣ, нѣмцы могли оставить здѣсь сравнительно небольшое число войскъ. Они, правда, увѣряли, что оставили на итальянскомъ фронтѣ до 500.000 человѣкъ, но это явный обманъ, такъ какъ на итальянскомъ фронтѣ прежде всего такимъ силамъ негдѣ было бы развернуться. Они оставили на итальянскомъ фронтѣ сравнительно небольшое число войскъ, гораздо меньшее 500.000, и повели здѣсь утомительную горную войну, гдѣ рѣшительные результаты могутъ обнаружиться лишь съ теченіемъ времени.

Создавъ такую временную оборону на итальянскомъ фронтѣ, наши противники оказались передъ гораздо болѣе сложной задачей создать еще оборону на нашемъ фронтѣ, притомъ такую сильную, которая позволила бы имъ обрушиться всей массой на Францію и одолѣть послѣднюю. Это привело ихъ къ ихъ старой задачѣ занятія оборонительной линіи рѣки Вислы, которую они такъ неудачно выполняли въ теченіе всей зимы.

нѣмцы стали выполнять свой планъ короткихъ наступленій въ нашу сторону черезъ Польшу и черезъ Вислу, потерпѣвшій полную неудачу, такъ какъ нѣмцы оказались не въ состояніи овладѣть линіей Вислы.

За полной неудачей своего плана, нѣмцы вынуждены были приняться за австрійскій планъ. Во исполненіе этого нѣмцы перевезли на восточный фронтъ до 30 процентовъ своихъ войскъ, бывшихъ на Западѣ, т.-е. примѣрно 15—18 корпусовъ, а вмѣстѣ съ бывшими ранѣе на Востокѣ германскими 26 корпусами это составило массу свыше 40 корпусовъ, т.-е. до $1^3/_4$ милліона. Такую же массу, и даже нѣсколько большую, не менѣе 101 дивизіи или 2 милліоновъ, выставили австрійцы, и такимъ образомъ общая численность австро-германскихъ войскъ на нашемъ фронтѣ превысила $3^1/_2$ милліона.

Изъ нихъ $2^1/_2$ милліона начали Галицiйскую операцію, въ обходъ Вислы съ юга, а остальные свыше $1^1/_2$ милліона остались на фронтѣ передъ рѣкой Вислой, въ Польшѣ, затѣмъ передъ Нѣманомъ и наконецъ въ Прибалтикѣ.

Такимъ образомъ наши противники, начавъ движеніе въ обходъ Вислы черезъ Галицію, намѣчали продолженіе этого движенія въ Люблинскую губернію и одновременное наступленіе съ фронта остальной массы черезъ рѣку Вислу, — отъ Бзуры, Равки и Пилицы, — каковое движеніе должно было послѣдовать лишь по окончаніи Галицiйской операціи Макензена.

Слѣдовательно, весь смыслъ грандіозной операціи, затѣянной нѣмцами противъ насъ, сводится лишь къ занятію Западной Галиціи и противоположнаго праваго берега Вислы, съ тѣмъ, чтобы создать себѣ здѣсь болѣе выгодную оборонительную линію, а затѣмъ всю массу войскъ снова бросить на Францію и еще разъ попытаться „сокрушить“ нашу союзницу.

Разрушено... поругано... Картина Г. Рошгросса.

Звонарь.

Польскій этюдъ.

Дремотная влажность проталинъ...
Все медлитъ у лошади бѣгъ.
Въ лощинахъ лишь, кучами свален,
Синѣетъ нетающій снѣгъ.
На небѣ узорныя тучи;
Ласкается вѣтеръ сырой.
Дорога становится круче.
Деревня видна подъ горой.
Не вспыхнутъ уже, не согрѣютъ
Деревню ночные огни,—
Костлявые срубы чернѣютъ,
Давно ужъ пустынны они...
Окутаны сумрачной мглою,
Тоскуютъ они средь равнинъ,
И пахнетъ остывшей золою,
И слышенъ имъ вѣтеръ одинъ...
Но что это?—Гулко и сонно,
Какъ капли весенней росы,
Упали пѣвучіе звоны...
Ямщикъ обернулся: „Часы!..—
Задумчиво мнѣ отозвался
Онъ, глядя въ пролеты моста.—
„Деревня давно хоть пуста,
Звонарь въ ней безумный остался...
Все бродитъ онъ въ мертвомъ просторѣ,—
Клянетъ ли, зоветъ ли кого,
Поетъ про весеннія зори,
И жутко смотрѣть на него.
Когда здѣсь пруссаки стояли,
Онъ ключъ отъ костела не далъ...
Въ сторожкѣ весь вечеръ пытали;
Тогда онъ помѣшаннымъ сталъ...
Ну, двери разрушили, значитъ,—
И что же?.. Старикъ ихъ ведетъ,
Хитро засмѣется, заплачетъ,
То глазомъ опять подмигнетъ...
И нынѣ, забывши про битву,
Про кровь и про вражескій станъ,
Какъ прежде, зоветъ на молитву
Изъ мертвыхъ домовъ прихожанъ.
Взоръ старческій будто лукавитъ:
Средь смерти воскресный тропарь,
Хитро улыбаясь, гнусавитъ
Сѣдой и согбенный звонарь".
Отъ этого тихаго звона
И жутко и радостно мнѣ
Забыть о мечтѣ погребенной,
Мечтать о грядущей веснѣ.

Сергѣй Михѣевъ.

Въ Галиціи: Въ праздничный день у церкви.

Въ Галиціи. Перевозка военныхъ грузовъ на волахъ.

Діана.

Разсказъ **Георгія Павлова.**

I.

Сѣро-зеленый военный автомобиль дожидался у подъѣзда замка. Прошло уже более трехъ часовъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ описалъ широкій полукругъ на мощеномъ дворѣ и остановился передъ колоннадой гранитнаго перрона, оберегаемаго двумя изваяніями львовъ и краснымъ портье съ напудреннымъ парикомъ, но въ замкѣ, повидимому, совсѣмъ забыли объ этомъ. Въ отворенныя настежь окна доносились оживленные голоса, звуки музыки, смѣхъ; въ блѣдно-розовыхъ свѣтовыхъ квадратахъ, отбрасываемыхъ изнутри въ темноту двора, тѣни двигались медленно, точно въ томномъ вальсѣ. Былъ душный, тихій вечеръ поздней весны. Ароматъ резеды и туберозъ смѣшивался съ долетавшимъ изъ-за ограды благоуханьемъ свѣже-скошеннаго сѣна. Темное небо было безоблачно, но надъ вершинами далекихъ горъ вспыхивали уже первыя нѣмыя молніи: со стороны Рейна приближалась гроза.

Наконецъ дверь отворилась со стукомъ; на освѣтившемся перронѣ послышались голоса. Автомобиль дрогнулъ, рванулся съ мѣста и, проскочивъ дальше, чѣмъ слѣдуетъ, началъ сконфуженно пятиться назадъ. Не дожидаясь его остановки, офицеръ въ защитномъ кителѣ и желтыхъ гетрахъ прыгнулъ на подножку. Стоя въ автомобилѣ, онъ раскланивался, махая фуражкой.

— Одну минуту, майоръ... Я забыла сказать вамъ...

Провожавшая офицера дѣвушка сбѣжала внизъ по ступенямъ. Положивъ руку на дверцу автомобиля, она говорила вполголоса, и солдатъ-шоферъ отвернулся, чтобы не слышать разговора господъ. Внезапно рѣзкій окрикъ „пошелъ!" заставилъ его вздрогнуть. Сзади слышалась возня, заглушенныя восклицанія, смѣхъ. Автомобиль двинулся впередъ и, въ одно мгновенье миновавъ ажурныя ворота замка, потонулъ во мракѣ дубовой аллеи.

Герцогиня де-Вьержъ должна была покориться своей участи—ее взяли въ плѣнъ. Она отбивалась со смѣхомъ отъ поцѣлуевъ похитителя, въ то же время подставляя имъ, какъ будто нечаянно, разгорѣвшуюся щечку и, повидимому, была очень довольна этимъ неожиданно-веселымъ финаломъ вечера. Огни замка давно погасли позади, когда она наконецъ выпрямилась, гнѣвно сдвинувъ брови.

— Майоръ фонъ-Хельдеръ! Вы будете наказаны за такую дерзость, предупреждаю васъ. Прежде всего: куда вы меня везете? Надѣюсь, не въ вашъ очаровательный Штейнкирхъ?

— Конечно, нѣтъ, — засмѣялся офицеръ. — Въ крѣпость меня не пустили бы съ женщиной, даже такой прелестной, какъ ваша свѣтлость. Мы просто сдѣлаемъ прогулку до моста, а потомъ я доставлю васъ обратно въ цѣлости и сохранности.

— И опоздаете къ вечерней зорѣ, сумасшедшій человѣкъ...

— Я уже опоздалъ, увы!

— Серьезно? Что же съ вами сдѣлаютъ?

Забота жителей городка о памятникѣ Царя-Освободителя. Жители убрали бюстъ Императора Александра II, чтобы не отдать его на поруганіе варварамъ-нѣмцамъ.

Въ голосѣ молодой дѣвушки зазвучало безпокойство. Офицеръ съ благодарностью пожалъ ея руку, потомъ осторожно и почтительно обнялъ за талію. Автомобиль несся по темной дорогѣ, но вверху, надъ головами столѣтнихъ дубовъ, небо переливалось всѣми своими огнями, и при свѣтѣ ихъ майоръ видѣлъ ясно кокетливый профиль дѣвушки и ея громадные глаза, всегда влажные, какъ будто затуманенные слезами. Отвѣчая на его пожатіе, герцогиня все крѣпче сжимала руку, съ которой онъ изъ скромности не снялъ лайковой перчатки, ея грудь тяжело поднималась, и бѣлокурая головка, точно цвѣтокъ, слишкомъ тяжелый для своего стебля, тихо склонялась къ плечу, которое было рядомъ.

Вдругъ она испуганно вскрикнула. По темному небу медленно поднялось видѣнье: столбъ голубого зловѣщаго свѣта. Сейчасъ же онъ быстро, какъ подкошенный, упалъ внизъ. Автомобиль, дорога, деревья, лица людей сразу стали таинственными и призрачными. Молодая дѣвушка тревожно смотрѣла на своего спутника, смѣявшагося надъ ея испугомъ.

— Маленькая трусиха! Это прожекторъ. Неужели вы до сихъ поръ не привыкли къ нашей иллюминаціи?

— Зачѣмъ это?

— Мы наблюдаемъ за окрестностями. Могутъ быть шпіоны поблизости.

— Развѣ предвидится война?

Майоръ пожалъ плечами.

— Нѣтъ, конечно. Какой вздоръ война между Германіей и Франціей. Я не допускаю и мысли объ этомъ. Вѣдь тогда мы стали бы врагами.

Онъ сжалъ сильнѣе ея талію и заговорилъ горячо, даже не понижая голоса:

— Діана, моя дорогая, любимая Діана, мое жестокое капризное божество... Если бъ вы могли понять, какъ я люблю васъ... Вы меня мучите. Да, да, я говорю правду, не дѣлайте удивленныхъ глазъ. Моя любовь кажется вамъ забавной, вы смотрите на нее шутя, для васъ это просто маленькое лѣтнее развлеченіе, но для меня?.. Французская аристократка, герцогиня, и бѣдный нѣмецкій майоръ—какая невозможная пара... А между тѣмъ я поставилъ для васъ на карту все. Товарищи смѣются надо мной, начальство начинаетъ смотрѣть косо... Конечно, эти ежедневныя поѣздки на французскую границу не могутъ не вызывать подозрѣній...

Діана де-Вьержъ слушала молча. Въ полумракѣ онъ видѣлъ ея глаза, широко раскрытые, полные состраданія, любви, нѣжности. Не владѣя собою больше, онъ порывисто обнялъ молодую дѣвушку, и губы ихъ слились въ долгомъ и страстномъ поцѣлуѣ.

У моста автомобиль замедлилъ ходъ. Прожекторы ярко освѣщали берегъ, на томъ берегу ясно, какъ днемъ, были видны парапеты, сторожевыя будки и перила гауптвахты. Позади бастіоны крѣпости возвышались въ темнотѣ, какъ таинственный безмолвный городъ призраковъ.

— Надо ѣхать обратно, — сказалъ майоръ. — Собирается гроза, къ тому же я боюсь, что герцогъ разсердится на меня за эту шалость. Завтра я принесу ему мои извиненія.

— Какіе пустяки! — отозвалась Діана. — Папа отлично знаетъ, что, разъ вы со мной, онъ можетъ не безпокоиться. Онъ относится къ вамъ съ уваженіемъ и довѣріемъ въ душѣ, я нисколько не сомнѣваюсь въ этомъ и совершенно спокойна.

Автомобиль помчался обратно.

Майоръ фонъ-Хельдеръ и герцогиня де-Вьержъ познакомились годъ тому назадъ, въ Трувилѣ. На пляжѣ, гдѣ Діана писала по утрамъ этюды подъ своимъ краснымъ зонтикомъ, она скоро отличила въ шумной и пестрой интернаціональной толпѣ высокаго задумчиваго блондина, замѣтно искавшаго ея близости. Она встрѣчала его всюду: въ курзалѣ, на верандѣ отеля за сосѣднимъ столикомъ, иногда въ обществѣ нѣсколькихъ мужчинъ, говорившихъ, какъ и онъ, по-нѣмецки, чаще одного, никогда съ женщинами: на площадкѣ для тенниса, гдѣ онъ шутя обиралъ призы одинъ за другимъ, въ уединенной аллеѣ парка съ томикомъ Мопассана въ рукахъ. Завязавшееся знакомство было прервано въ самомъ началѣ, потому что наступилъ разъѣздъ, но зимою Діана неожиданно встрѣтила майора на балу въ Grande Opéra. На ея вопросъ, не лишенный удивленія, зачѣмъ онъ въ Парижѣ, офицеръ спокойно отвѣтилъ: „Чтобы увидѣть васъ“. Это показалось ей слишкомъ непохожимъ на то, что она съ презрительной ироніей называла флиртомъ. Очень молодая и чистая, какъ цвѣтокъ, Діана де-Вьержъ съ пансіонской скамьи мечтала о глубокомъ искреннемъ чувствѣ, которое могло бы наполнить ея жизнь, печально задумываясь о томъ, что среди окружавшихъ ее снобовъ съ блестящими проборами и пошлостью заученныхъ комплиментовъ она едва ли встрѣтитъ своего избранника. Послѣ этой встрѣчи на балу, растрогавшей и взволновавшей ее, образъ молодого иностранца, такого мужественнаго и сильнаго и въ то же время краснѣвшаго отъ ея взгляда, какъ дѣвушка, сталъ все чаще являться ей въ тишинѣ ея спальни. Началась переписка—сначала офиціальная, потомъ дружеская, съ оттѣнкомъ нѣжности, проступавшимъ все яснѣе.

Въ концѣ зимы майоръ фонъ-Хельдеръ перевелся въ пограничную крѣпость Штейнкирхъ. Теперь молодыхъ людей раздѣляло разстояніе всего въ нѣсколько километровъ—очень естественно, что свиданія ихъ сдѣлались въ концѣ концовъ ежедневными. Герцогъ де-Вьержъ, генералъ въ отставкѣ, ветеранъ семидесятаго года, слишкомъ любилъ свою дочь, чтобы открыто высказаться противъ этихъ свиданій, но его отношеніе къ германскому офицеру, безукоризненно вѣжливое, оставалось неизмѣнно холоднымъ, и эта холодность для Діаны, хорошо знавшей своего

Опрокинувшійся возъ галиційскихъ крестьянъ, направлявшихся съ припасами на позиціи.

Церковь въ Восточной Галиціи. Рисунокъ А. Семенова.

жены германскаго офицера- - не можетъ быть легкимъ. Намъ придется жить въ Германіи. Суровая, угрюмая страна...

- Она ваша родина, Гуго. Неужели для меня этого недостаточно?

— Да, это моя родина, но я не люблю ея- даже я самъ. Читали вы Гейне? Онъ презиралъ Германію, хотя и любилъ ее въ душѣ, какъ любятъ мать, хотя бы она была стара и уродлива. И такъ относимся къ родинѣ всѣ мы, современные германцы, или по крайней мѣрѣ тѣ изъ насъ, въ комъ воздухъ казармы не убилъ еще способности думать и чувствовать. О, мы на всѣхъ углахъ кричимъ о своемъ патріотизмѣ, мы превозносимъ отечество до небесъ, но, въ сущности своей, нашъ хваленый патріотизмъ - въ лучшемъ случаѣ полупрезрительная, снисходительная жалость къ невѣжественной и грубой матери изъ деревни. Вы видите, съ вами я такъ же откровененъ, какъ наединѣ съ собою — въ подобныхъ вещахъ нелегко признаваться кому-либо. Этими истерическими воплями мы прежде всего хотимъ обмануть и загипнотизировать самихъ себя. А моя служба? Недавно я говорилъ вамъ, что войны съ Франціей не будетъ. Но развѣ можно поручиться за что-либо, когда нами управляетъ параноикъ, психопатъ, который можетъ каждую минуту зажечь огонь самаго губительнаго пожара...

отца, была единственной тучкой, омрачавшей свѣтлое небо ея мечтаній. Впрочемъ, она не теряла надежды на будущее: она была молода и вѣрила въ силу любви, для которой нѣтъ препятствій. Ей казалось, что отецъ рано или поздно пойметъ благородную душу ея избранника, какъ поняла она, и тогда не будетъ больше мѣста ни для какихъ колебаній. И она смотрѣла въ глаза будущему довѣрчиво, какъ ребенокъ, который знаетъ, что никто не захотѣлъ бы обидѣть его — никто, даже сама судьба.

II.

Въ одно воскресное утро майоръ пріѣхалъ въ замокъ раньше обыкновеннаго. Оставивъ лошадь на попеченіи грума, онъ миновалъ рядъ пріемныхъ залъ и поднялся наверхъ, въ комнаты герцогини, куда имѣлъ право доступа по неофиціальному докладу горничной. Діана читала въ своемъ голубомъ будуарѣ. Узнавъ о пріѣздѣ гостя, она отложила книгу и приготовилась его встрѣтить, даже не взглянувъ въ зеркало: кокетство никогда не принадлежало къ числу ея добродѣтелей.

— Очень мило, что вы пріѣхали пораньше,—встрѣтила она офицера.—Папа уѣхалъ къ обѣднѣ, а я полѣнилась и за это скучаю теперь въ одиночествѣ. Погода прекрасная,—я думаю, что мы съ вами можемъ сдѣлать маленькую прогулку, если вы ничего не имѣете противъ этого.

Нѣсколько минутъ спустя молодые люди шли по парку, углубляясь все дальше въ его тѣнистыя аллеи. Одна изъ нихъ оканчивалась мраморной террасой надъ озеромъ, украшенной статуями боговъ и героевъ. Вдали замокъ—миніатюрная копія Версаля—отражалъ въ зеркальной водѣ свои бѣлыя стѣны подъ золочеными кровлями. На фонѣ этой декораціи прелестная фигурка герцогини казалась оживленной картиной Ватто. Но иллюзію нѣсколько нарушала парадная форма прусскаго майора. Увидѣвъ въ водѣ свое отраженіе, онъ пожалъ плечами и отвернулся.

— Мнѣ хотѣлось поговорить съ вами серьезно, Діана,—началъ онъ.— Какъ вы думаете, почему я пріѣхалъ сегодня раньше обыкновеннаго?

— Какой милый вопросъ! Чтобы видѣть меня, я надѣюсь?

— Да, конечно —и, кромѣ того, переговорить съ вашимъ отцомъ. Вотъ видите, вы уже испугались.

— Ничего подобнаго.

— Ну хорошо, пусть будетъ такъ. Во всякомъ случаѣ, намъ съ вами предварительно слѣдуетъ взвѣсить какъ слѣдуетъ всѣ послѣдствія шага, на который вы рѣшаетесь. Позвольте задать вамъ вопросъ: хорошо ли обдумали вы эти послѣдствія?

— Что съ вами, Гуго? Вы положительно не въ духѣ сегодня. И, кромѣ того, вашъ тонъ мнѣ совсѣмъ не нравится. Милостивый государь!—Она остановилась и остановила его.—Если я, Діана де-Вьержъ, дала вамъ свое слово—значитъ, я все хорошо обдумала. Я не ребенокъ и знаю, что дѣлаю.

— Прекрасно, и все-таки я считалъ своимъ долгомъ предупредить васъ. Для блестящей аристократки, какъ вы, перемѣнить изнѣженную и роскошную жизнь герцогини на скромную долю

Русинъ (Восточная Галиція). Рисунокъ А. Семенова.

Діана прервала его изліянія.

— Ни слова больше, Гуго. То, что вы мнѣ говорили, дѣлаетъ честь вашему уму и сердцу, но я никогда не сомнѣвалась ни въ томъ ни въ другомъ. Идите къ отцу, онъ, вѣроятно, уже вернулся. Я буду васъ ждать у себя. Будьте съ нимъ такъ же откровенны, какъ были со мною. Предупреждаю васъ, Гуго: противъ воли отца я не пойду. Но я буду молиться за насъ обоихъ, и я надѣюсь, что папа пойметъ и оцѣнитъ ваше благородство. Тогда вамъ не придется похищать меня силой.

Герцогъ принялъ офицера въ своей библіотекѣ. Разговоръ начался съ обмѣна мнѣніями по поводу послѣднихъ газетныхъ извѣстій: герцогъ не видѣлъ въ нихъ ничего хорошаго. Убійство австрійскаго престолонаслѣдника, занимавшее тогда печать всей Европы, казалось ему началомъ неизбѣжныхъ и грозныхъ событій на Юго-Востокѣ. Наступило молчаніе, надо было приступать къ щекотливой темѣ.

— Я рѣшился побезпокоить васъ по дѣлу, герцогъ, — началъ фонъ-Хельдеръ.—Какъ солдатъ, позволю себѣ быть немногословнымъ; къ тому же то, что я скажу, вѣроятно, не будетъ для васъ неожиданностью. Дѣло идетъ о вашей дочери, герцогинѣ де-Вьержъ.

Старикъ слушалъ молча. Его бритое лицо, насмѣшливое скептическое лицо Раблэ или Вольтера, не выражало ничего. Ободренный его молчаніемъ, майоръ съ воодушевленіемъ заговорилъ о рѣдкихъ качествахъ Діаны, о своей безпредѣльной любви къ ней, о томъ, какъ глубоко онъ ее уважаетъ. Герцогъ остановилъ его жестомъ.

— Не трудитесь продолжать, господинъ майоръ. Благодарю васъ за честь—это невозможно.

Майоръ всталъ, щелкнувъ шпорами, и пошелъ къ дверямъ. Герцогъ вернулъ его.

— Васъ не интересуютъ мотивы?

— Я не имѣю права знать ихъ, ваша свѣтлость.

— Нѣтъ, имѣете. Вы вели себя, какъ честный человѣкъ, и противъ васъ лично я не могъ бы возразить ничего. Но вы—германецъ.

Офицеръ выпрямился.

— Я горжусь этимъ, герцогъ!

— Прекрасно. Позвольте же и мнѣ въ свою очередь гордиться тѣмъ, что моя дочь никогда не будетъ женой германца — никогда, слышите ли? Здѣсь, въ этомъ за̀мкѣ, я выдерживалъ вашу осаду въ семидесятомъ году. На моихъ глазахъ нѣмецкая пуля сразила моего брата. Все это еще не имѣетъ такого значенія. Я тоже солдатъ, какъ и вы, и умѣю уважать врага, если этотъ врагъ заслуживаетъ уваженія. Но вы—развѣ можно уважать васъ? Разрушенныя церкви, разстрѣлянные священники, изнасилованныя женщины и убитыя дѣти—это не забывается.

Онъ указалъ въ окно. На фронтонѣ за̀мка, среди побѣговъ плюща, виднѣлся гербъ: каменный левъ съ головою, отбитою пулей.

— Я нарочно не реставрировалъ его. Мой опозоренный гербъ будетъ вѣчно напоминать мнѣ о ненависти къ германцамъ, которая не изгладится въ моемъ сердцѣ до тѣхъ поръ, пока самъ собою не заживетъ этотъ шрамъ отъ нѣмецкой пули. Милостивый государь, — продолжалъ онъ: — я отдалъ бы мою дочь простому рабочему, если бъ она его полюбила. Но здѣсь я беру на себя смѣлость вмѣшаться въ жизнь ея сердца и готовъ дать за это отвѣтъ передъ Господомъ. Вы можете взять мою дочь силой, но для этого вамъ придется перешагнуть черезъ мой трупъ. Еще одно: если вы оскорблены, я согласенъ дать вамъ какое угодно удовлетвореніе. Мнѣ шестьдесятъ пять лѣтъ, но шпагу поднять я съумѣю.

На террасѣ стояла Діана, блѣдная, дрожащая, съ заплаканными глазами. Она не въ силахъ была справиться со своимъ волненіемъ и бѣжала изъ своего будуара, слишкомъ уединеннаго и тихаго, сначала въ залитый солнцемъ паркъ, потомъ сюда, откуда видны были завѣтныя окна, за которыми рѣшалась ея судьба. Тяжелое предчувствіе сдавливало ея грудь, она чувствовала, угадывала, знала, что все кончено. При видѣ Гуго, она бросилась къ нему съ протянутыми руками, не въ силахъ вымолвить ни слова. Майоръ даже не оглянулся на нее. Точно гонимый бурей, онъ промчался черезъ дворъ, вскочилъ на коня и, уѣзжая, съ бѣшенствомъ ударилъ хлыстомъ грума. Ворота были отворены настежь—конь и всадникъ исчезли въ золотистомъ облакѣ пыли.

Діана нашла въ себѣ силы спуститься въ садъ. У куртины она нагнулась, чтобы сорвать цвѣтокъ — и молча, беззвучно упала впередъ, лицомъ въ анемоны и розы.

III.

Сраженіе близится къ концу. Восемь разъ рѣдѣющія колонны французовъ выстраивались подъ огнемъ и шли на пулеметы—и восемь разъ отходили обратно, усѣявъ свой путь истерзанными тѣлами убитыхъ и раненыхъ, но не отдавъ врагу ни одного знамени. Силы слишкомъ неравны: дивизія противъ корпуса. Тяжелая артиллерія германцевъ забрасываетъ поле своими чудовищными снарядами, пулеметы трещатъ, не умолкая, отъ шрапнельныхъ разрывовъ стелется сизая туча дыма, пронизанная красноватыми вспышками пламени. Послѣдняя попытка, безумно-героическая, заранѣе обреченная на неудачу: раненый поручикъ, съ пропитанной кровью повязкой на головѣ, принявшій командованіе надъ тѣмъ, что осталось отъ его полка, бросаетъ въ атаку свои полтораста человѣкъ. Выстрѣлы смолкаютъ, слышенъ только топотъ ногъ, скользящихъ по влажной кровавой травѣ, прерывистое дыханье, возгласы боли и ярости, глухой стукъ ударовъ по живому человѣческому тѣлу. Все кончено. Атака отбита, лавина синихъ мундировъ и остроконечныхъ касокъ заливаетъ поле битвы, какъ рѣка, вышедшая изъ береговъ.

Сраженіе происходило у самой ограды за̀мка Вьержъ. Французы не отступили: отступать было некому. Лавина германцевъ катится все дальше, огибая за̀мокъ, который возвышается надъ нею, какъ надменный островъ надъ бушующимъ моремъ. Его не обстрѣливали изъ тяжелыхъ орудій, потому что считали безопаснымъ, и золоченыя кровли отражаютъ зарево заката такъ же безмятежно, какъ въ далекіе дни счастья. Но съ исходомъ сраженія участь за̀мка рѣшена: голодные солдаты, опьянѣвшіе отъ вина и пролитой крови, весело идутъ на штурмъ беззащитнаго помѣстья, обѣщающаго имъ богатую добычу.

Ворота были сбиты мгновенно, но во дворѣ непрошенныхъ гостей встрѣтили выстрѣлы, едва не вызвавшіе паники. Прислуга за̀мка, вооруженная охотничьими ружьями и револьверами, устроила передъ перрономъ самодѣльную баррикаду изъ скамеекъ, изгородей и парниковыхъ рамъ. Нѣсколько германцевъ упало на землю. Послышалась команда, опять заговорили нѣмецкія винтовки. Присоединилась и артиллерія: два-три снаряда попали въ за̀мокъ; со звономъ посыпались разбитыя стекла, изъ оконъ нижняго этажа показался дымъ, потомъ огонь. Защитники стараго дворянскаго гнѣзда были перебиты до послѣдняго, живымъ не сдался никто. Теперь въ опустѣлыхъ комнатахъ за̀мка побѣдителей встрѣтитъ только молчаніе.

Майоръ фонъ-Хельдеръ первымъ вскочилъ на перронъ. Голова его кружится отъ выпитаго коньяка, кровавый туманъ застилаетъ глаза, въ ушахъ шумитъ—онъ ничего не видитъ и не слышитъ. Мѣсяцъ тому назадъ здѣсь, въ этомъ за̀мкѣ, его—германскаго офицера—оскорбили ударомъ хлыста по лицу. Теперь онъ здѣсь, какъ побѣдитель, и въ рукахъ его сабля, омытая кровью французовъ. А, господинъ герцогъ, вы не обрадуетесь этой встрѣчѣ! На мгновеніе передъ нимъ мелькаетъ въ туманѣ прелестный профиль Діаны. Онъ вскрикиваетъ, какъ раненый, какъ звѣрь, въ котораго попала пуля, и, увлекая за собою солдатъ, бросается впередъ, по освѣщенной заревомъ лѣстницѣ.

Въ парадныхъ залахъ нижняго этажа полный разгромъ: германцы проникли сюда сквозь разбитыя окна. Драгоцѣнные обои висятъ клочьями, мебель перевернута вверхъ ногами, паркетъ усѣянъ осколками изрубленныхъ саблями зеркалъ, прорванныя лица фамильныхъ портретовъ зіяютъ черными ранами. И только амуры Бушэ на потолкѣ, до которыхъ не могла достигнуть ярость

Мальчикъ-русинъ. Рисунокъ **А. Семенова.**

Старая церковь въ селѣ Т. близъ Стрыя.

разрушителей, безмятежно улыбаются среди своихъ гирляндъ и бросаютъ розы на головы озвѣрѣвшихъ каннибаловъ.

На площадкѣ лѣстницы лежитъ трупъ. Старый герцогъ палъ, какъ солдатъ на своемъ посту, защищая дорогу въ комнаты дочери. Лицо его спокойно, какъ у спящаго, но между сдвинутыми бровями застыла суровая складка. Майоръ смотритъ на него и вспоминаетъ, что уже видѣлъ эту складку, надменную и презрительную. Ему кажется, что мертвыя губы шевелятся, усиливаясь сказать что-то. Что же? А вотъ: „вы можете взять мою дочь силой, но для этого вамъ придется перешагнуть черезъ мой трупъ".

Гуго фонъ-Хельдеръ перешагнулъ черезъ него.

Спальня Діаны во второмъ этажѣ. Громадное окно, начинающееся почти отъ самаго пола, отворено настежь: колеблющійся свѣтъ зарева вливается въ него, окрашивая багрянцемъ золоченую мебель, коверъ и портьеры. Гдѣ же она? Гуго озирается и видитъ Діану: въ глубинѣ комнаты, на постели, полуприкрытая складками сорваннаго полога, она отбивается отъ нѣсколькихъ солдатъ, завладѣвшихъ ею. Корсажъ разорвался въ этой неравной борьбѣ, видно обнаженное тѣло, плечи и слабая полудѣтская грудь, розовыя, точно прозрачныя въ отблескѣ зарева.

Съ дикимъ воплемъ Гуго бросается къ ней. Это уже не человѣкъ больше: это звѣрь, страшный первобытный звѣрь, весь во власти проснувшихся чудовищныхъ инстинктовъ. Визжа, царапаясь и кусаясь, онъ яростно борется съ солдатами, которые не хотятъ уступить своей добычи, наноситъ удары саблей и, выпустивъ послѣднюю пулю своего браунинга, остается наконецъ наединѣ съ ней, среди четырехъ труповъ. По плечу его горячимъ потокомъ струится кровь, но онъ не чувствуетъ боли. „Брачная ночь",—мелькаетъ послѣдній проблескъ мысли въ его отуманенной головѣ. Потомъ глубокій мракъ поглощаетъ все...

— Гуго, милый, зачѣмъ ты не приходилъ? Я ждала тебя, мнѣ было такъ грустно...

Что это? Откуда этотъ голосъ, такой знакомый, такой ужасный здѣсь, среди труповъ и крови? Да, это говоритъ она: говоритъ и улыбается. Ясно видны милыя ямочки на щекахъ, глаза сіяютъ, въ нихъ нѣтъ ни боли ни ужаса,—въ нихъ солнечный свѣтъ и цвѣты, въ нихъ надежда, любовь, счастье.

Фонъ-Хельдеръ медленно выпускаетъ ее изъ объятій. Разсудокъ его еще не прояснился, но инстинктомъ, обостреннымъ до крайности, онъ угадываетъ что-то ужасное, въ тысячу разъ болѣе ужасное, чѣмъ выстрѣлы, кровь и смерть. И медленно, втянувъ голову въ плечи, точно быкъ, испуганный огнемъ, онъ отступаетъ все дальше и дальше отъ своей жертвы, не замѣчая, что сейчасъ за нимъ окно, и что только подоконникъ, низкій, какъ порогъ, отдѣляетъ его отъ бездны.

— Ты злой, Гуго... Ты мучилъ меня... Не уходи же, милый, я тебя люблю, останься со мною...

Обнаженныя руки, покрытыя кровавыми ссадинами, протягиваются для объятія. Еще одинъ шагъ назадъ—и, споткнувшись о подоконникъ, онъ останавливается, но только на одно мгновеніе. Откинутое назадъ тѣло не можетъ сохранить равновѣсія. Взмахнувъ руками, онъ тщетно старается ухватиться за что-нибудь; страшный, раздирающій крикъ, пустота въ багровомъ квадратѣ окна, — потомъ глухой ударъ упавшаго тѣла тамъ, внизу, на каменныхъ плитахъ, обрызганныхъ мозгомъ изъ разбитаго черепа.

Внизу смятеніе и паника. Зàмокъ охваченъ огнемъ: обезумѣвшіе солдаты, давя и убивая другъ друга, столпились въ дверяхъ, слишкомъ узкихъ дверяхъ могилы, которую выкопали себѣ своими же руками, и изъ которой уже не уйдетъ никто. Съ трескомъ рушатся дубовыя балки потолковъ, разсыпая милліоны искръ, и крики разомъ смолкаютъ.

Весь зàмокъ пылаетъ, какъ факелъ. Огненный столбъ высоко поднимается къ темному небу, и старыя деревья кругомъ стоятъ неподвижно въ своихъ золотыхъ ризахъ, точно стража вокругъ эшафота, тихо роняя на землю свертывающіеся отъ жара листья.

Тарнополь. Одна изъ штабныхъ канцелярій на виллѣ «Амалія».

Французскій зàмокъ, опозоренный и разграбленный, не достанется побѣдителямъ.

Разсказъ солдата.

Солдатъ, съ лицомъ измученнымъ и строгимъ,
Съ глазами чистыми, какъ дѣтскій взглядъ,
Про все, какъ сдѣлался навѣкъ убогимъ,
Разсказывалъ безхитростно подъ рядъ:
«Съ весны у насъ въ лѣсахъ пошли пожары,
Бездождье было въ нашей сторонѣ,
Земля потрескалась, и дѣдъ мой старый
Говаривалъ давно ужъ: быть войнѣ!
Она и грянула съ Ильей пророкомъ,
И люди, будто слыша Божій зовъ,
Съ молитвою, въ спокойствіи глубокомъ,
Какъ на поле, пошли разить враговъ.
Пошелъ и я, простившись съ молодайкой,
Женой пригожей, съ малыми дѣтьми.
Отца ужъ не было. Съ своей хозяйкой
На кладбищѣ давно полегъ костьми.
Мы удалые были запасные,
А и здоровъ же русскій нашъ запасъ!
Сошлись, стоимъ, отъ силушки хмельные, —
Сказать: богатыри—и конченъ сказъ.
Къ былому мы приноровились строю,
Въ команду вникли, вспомнили ружье.
Рукой подать отъ мужика къ герою!
По нраву намъ походное житье.
Какія села, города какіе
Видали мы! Да если бъ не война,
Не познакомиться бъ вовѣкъ съ Россіей,
Не знать бы намъ, какъ велика она!
Привелъ Господь ступить и за границу.
Гнались мы въ горы по пятамъ врага.
Въ лѣсахъ диковинныя пѣли птицы,
Цвѣли цвѣты,—а глядь—вверху снѣга.
И вотъ насталъ нашъ часъ. Пошли мы смѣло
Въ атаку, съ ружьями наперевѣсъ.
Земля дрожала, въ воздухѣ гремѣло,
И желтый дымъ клубился до небесъ.
Когда я въ первый разъ увидѣлъ каску
Надъ злымъ и краснымъ вражескимъ лицомъ,
Я потерялъ послѣднюю опаску,
Я настоящимъ сдѣлался бойцомъ!
Въ штыки пошли мы. Лихо заработалъ
Начищенный еще вчера мой штыкъ.
Штыковый бой—не шутка, не охота
На медвѣдей! Но я къ нему привыкъ.
Врагъ отступалъ, и мы за нимъ бѣжали.
Всѣхъ впереди былъ ротный нашъ лихой.
Онъ насъ любилъ. Его мы обожали.
И вдругъ онъ палъ подъ пулею шальной!
Я близко былъ, и я къ нему склонился.
«Онученковъ!—сказалъ онъ мнѣ.—Впередъ!»
— Нѣтъ, ваше благородье!—я взмолился
И взялъ его. Онъ раненъ былъ въ животъ.
Когда своихъ ребятъ въ селѣ баюкалъ,
Я не съ такой любовью ихъ носилъ,
Какъ ротнаго родного, что безъ звука
Былъ на рукахъ моихъ, безъ голоса и силъ.
И надобно жъ второй бѣдѣ случиться!
Подранило тутъ подъ локоть меня.
Я ослабѣлъ. И насъ двоихъ сестрица,
Какъ вынесла,—не знаю,—изъ огня.
Теперь лежу спокойно въ лазаретѣ.
Здѣсь, какъ въ раю: уютъ и тишина.
А ротный мой ужъ не на этомъ свѣтѣ,—
Душа такая Господу нужна!»
Съ лицомъ таинственно-сіяющимъ и строгимъ
Солдатъ окончилъ тихій свой разсказъ.
И ни слезы о томъ, что сталъ убогимъ,
Не капнуло изъ дѣтскихъ синихъ глазъ.
Сестра стояла, думою объята.
Торжественнѣе самыхъ яркихъ звѣздъ
Свѣтился на святой груди солдата
Георгія Побѣдоносца крестъ.

Сергѣй Городецкій.

Въ заревѣ войны.

(Записки военнаго корреспондента). **М. Доманскаго.**

III. На аэропланѣ.

Признаюсь, когда я залѣзалъ въ гнѣздо для наблюдателя, что-то въ родѣ тревоги обдало вдругъ холодкомъ мою душу. Летѣть къ противнику, это, пожалуй, совсѣмъ не то, что кружиться надъ аэродромомъ. Говорятъ, нѣмцы научились стрѣлять по аэропланамъ, точно по неподвижнымъ цѣлямъ. Тѣмъ хуже, конечно, для меня. Впрочемъ, сейчасъ уже поздно разсуждать. Нужно было отказываться, когда предлагали.

Шлемъ, куртка, очки, ремни, которыми я на всякій случай пристегнутъ къ сидѣнію—все въ порядкѣ.

— Готово?

— Такъ точно!

— Давай!

Загудѣлъ пропеллеръ. Непріятно стало дрожать подо мною сидѣніе. Наконецъ струя воздуха ударила сильно въ лицо.

Мы сразу начинаемъ забираться круто въ высоту. Лѣсъ быстро превращается въ кустарникъ, городокъ позади становится совсѣмъ игрушечнымъ, а люди маленькими смѣшными козявками.

Какъ странно: передъ началомъ полета погода была великолѣпная, горизонтъ совершенно чистъ. Только надъ головами у насъ плыла небольшая полупрозрачная тучка. А сейчасъ громадная туча заволокла все небо. Темно, откуда-то вѣетъ холодной сыростью. Неужели будетъ дождь?

Вдругъ мы погружаемся въ густую пелену тумана. Вокругъ насъ сразу становится сумрачно. Капельки воды попадаютъ на стекла моихъ очковъ и расплываются извилистыми струйками. Проходитъ минута, быть-можетъ, двѣ, и мы такъ же внезапно вылетаемъ въ полосу ослѣпительно яркаго свѣта. Небо у насъ надъ головами абсолютно чистое, густо-синее. Вправо, внизу, виситъ громадный багрово-желтый шаръ солнца.

Теперь я понимаю, мы перерѣзали облачко, которое висѣло надъ нами, когда мы были еще на аэродромѣ. Значитъ, мы забрались тысячи на полторы, на двѣ метровъ. Это хорошо: лишнее, чтобы противникъ обнаружилъ насъ заблаговременно.

Понемногу меня охватываетъ знакомое чувство какого-то особенно пріятнаго подъема духа, ощущеніе безконечной шири, свободы, и въ то же время мелькаетъ моментами острое ощущеніе, что висишь на страшной высотѣ, даже не на паутинкѣ. Потомъ я вынимаю часы и начинаю соображать. Прошло уже сорокъ пять минутъ съ момента нашего подъема. Отъ аэродрома до линіи непріятельскаго расположенія ровно сто верстъ. Значитъ, минутъ черезъ двадцать-двадцать пять мы будемъ уже надъ противникомъ.

Бѣгутъ минуты. Быть-можетъ, долгія; быть-можетъ, короткія. Но безконечно красивыя, жутко красивыя.

Вдругъ, несмотря на оглушительный шумъ пропеллера, я совершенно ясно слышу какіе-то странные звуки: хлопки, отрывистые, глухіе. Они вывели меня изъ задумчивости. Я перегнулся за бортъ и поднесъ къ глазамъ бинокль.

Подъ нами происходилъ артиллерійскій бой. Сѣрыми пятнышками казались деревни. Тонкими линіями разбѣгались и перекрещивались дороги. Серебряными, причудливо извивающимися ниточками сверкали двѣ рѣчонки. На ярко-зеленомъ фонѣ поля рѣзкими изломанными линіями обрисовывались окопы пѣхоты. А вотъ и батареи. Одна въ ложбинкѣ, среди поля, другая возлѣ деревни. Въ бинокль видно, какъ тамъ то и дѣло поблескиваетъ огонь. Блеснетъ, и черезъ нѣсколько секундъ долетаетъ сухой щелчокъ.

ГЕОРГІЕВСКІЕ КАВАЛЕРЫ:

Генералъ-маіоръ
П. П. Скоропадскій.

Е. И. В. Великій Князь
Борисъ Владиміровичъ.

Генералъ-лейтенантъ
Д. Г. Щербачевъ.

Генералъ-маіоръ
К. К. Шильдбахъ.

Генералъ-лейтенантъ
В. Н. Горбатовскій.

Генералъ-отъ-кавалеріи
П. И. Булгаковъ.

Генералъ-отъ-артиллеріи
І. И. Мрозовскій.

Генералъ-маіоръ
Н. С. Триковскій.

Генералъ-лейтенантъ
баронъ фонъ-денъ-Бринкенъ.

Генералъ-маіоръ
Г. Н. Вирановскій.

Генералъ-лейтенантъ
Г. М. Ванновскій.

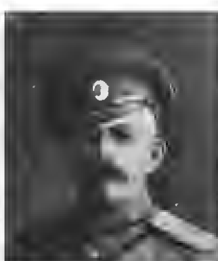
Генералъ-лейтенантъ
Ю. Н. Даниловъ.

Генералъ-лейтенантъ
В. А. Олоховъ.

Генералъ-лейтенантъ
К. А. Шульманъ.

Генералъ-отъ-кавалеріи
А. И. Литвиновъ.

Генералъ-лейтенантъ
А. А. Гулевичъ.


Генералъ-маіоръ
А. В. Усовъ.

Капитанъ
Н. Гашкевичъ.

Подполковникъ
В. Ю. Веденяевъ.

Полковникъ
князь А. Н. Эристовъ.

Ротмистръ
баронъ П. Н. Врангель.

Летчикъ
А. А. Агафоновъ.

Хорунжій
Д. Боткинъ.

Подпоручикъ
В. В. Станкевичъ.

Поручикъ
Г. С. Гершельманъ.

Русскіе пулеметы въ деревнѣ, сожженной германцами. Рисунокъ И. Владимірова.

Съ фуражомъ.

Вскорѣ и батареи и изломанныя линіи пѣхотныхъ окоповъ остались позади. Мы летимъ надъ непріятельской территоріей. Аппаратъ забираетъ еще круче вверхъ, и мнѣ приходится сильно напрягать зрѣніе, чтобы разсмотрѣть что-нибудь. Тоже только благодаря блесткамъ огня нахожу двѣ нѣмецкія батареи. Одну опредѣлить легко,—къ западу отъ деревни, что на перекресткѣ пяти дорогъ (нахожу и отмѣчаю на картѣ), саженяхъ примѣрно въ двухстахъ. Другую батарею отмѣтить значительно труднѣе: вокругъ ни строенія ни деревца. Опускаю бинокль и наклоняюсь къ картѣ. Вотъ дорога вправо, вотъ шоссе, рѣчка, вотъ...

Страшный трескъ раздается возлѣ аппарата, высоко надъ головою раздается характерное жужжаніе шрапнельныхъ пуль. Насъ замѣтили и открыли огонь,—слѣва плаваетъ небольшое, оставшееся послѣ разрыва снаряда, облачко. Сейчасъ пошлютъ второй снарядъ. Но опытный летчикъ уже повернулъ руль, и второй снарядъ рвется еще дальше влѣво и назади. Третій то же самое. Но зато четвертый обдаетъ насъ дождемъ пуль. Съ рѣзкимъ жужжаніемъ пролетаютъ онѣ у насъ надъ головами.

И вдругъ я съ ужасомъ слышу, что моторъ зашалилъ. Мысли съ бѣшеной быстротой закружились въ головѣ.

„Свалимся или успѣемъ спланировать? Смерть или плѣнъ? Фу, чортъ! На какую мы однако высоту забрались! А вѣдь въ плѣнъ тоже непріятно“.

Но ужасная минута уже прошла. Моторъ снова стучитъ отчетливо. Мощно жужжитъ пропеллеръ. Мы круто повернули назадъ.

IV. Бѣдная Мирра.

Я стоялъ, наклонившись надъ чемоданомъ, и доставалъ чистую смѣну бѣлья,—послѣ стоверстнаго пробѣга на автомобилѣ по пыльному шоссе и усталость и голодъ заглушались страстнымъ желаніемъ окунуться въ холодную воду и переодѣться.

Я не помню, заперъ ли дверь номера „Коммерческой гостиницы“, лучшей въ городкѣ или, во всякомъ случаѣ, единственной, оставшейся цѣлой послѣ недѣльнаго пребыванія здѣсь „доблестныхъ“ войскъ Вильгельма, но я хорошо помню, что послѣ ухода хозяйки гостиницы, почтенной, благообразной хозяйки, въ номерѣ никого кромѣ меня не было.

И вдругъ въ тотъ моментъ, когда я нашелъ наконецъ то, что искалъ, и, ухвативъ за уголокъ, тянулъ изъ-подъ фотографическаго аппарата, пленокъ, туалетнаго несессера, флаконовъ съ одеколономъ, плитокъ шоколада и прочаго наполняющаго доверху мой чемоданъ имущества, — въ этотъ моментъ кто-то погладилъ меня по затылку.

Отъ неожиданности, признаюсь, я вздрогнулъ. Но тотчасъ же выпрямился и повернулся. Возлѣ меня стояла дѣвушка лѣтъ, быть-можетъ, восемнадцати, быть-можетъ, двадцати пяти, — крупныя красивыя черты лица были искажены болѣзненной гримасой. Густые черные волосы были немного всклочены. Тонкая грязная ситцевая кофточка на груди и на лѣвомъ плечѣ была разорвана; юбка держалась только на тесемкѣ, ноги были босы. Поразительна была эта неряшливость, но еще поразительнѣе были неестественно широко раскрытые глаза дѣвушки: въ нихъ такъ ярко свѣтилось безуміе, что я невольно отшатнулся.

А дѣвушка протягивала ко мнѣ руки и несвязно лепетала:

— Я поцѣлую! Я еще поцѣлую, только не нужно бить. Не нужно бить! Такъ больно!

И вдругъ она заплакала, совсѣмъ по-дѣтски, громко всхлипывая. Я растерялся окончательно. Къ счастью, въ этотъ моментъ на порогѣ появилась хозяйка гостиницы.

— Мирра! Иди ко мнѣ, моя Мирра! Иди, милая доченька! — поманила она дѣвушку.—Это русскій! Это русскій офицеръ. Нѣмцевъ уже нѣтъ!

Дѣвушка сразу перестала плакать; виновато улыбнулась и направилась къ матери. Онѣ ушли.

„Дѣвушка сумасшедшая,—подумалъ я.—Но при чемъ же тутъ нѣмцы? Неужели это результатъ ихъ пребыванія въ этомъ городѣ?“

Любопытство мое было сильно возбуждено. Но сейчасъ абсолютно не было времени удовлетворить его: нужно было умыться и бѣжать въ штабъ дивизіи, потомъ на перевязочный пунктъ N-скаго передового отряда, потомъ разыскать двухъ офицеровъ, къ которымъ мнѣ были даны порученія.

Весь день прошелъ въ хлопотахъ, въ бѣготнѣ. Только поздно вечеромъ я вернулся къ себѣ въ номеръ. Заказалъ самоваръ. Принесла его служанка, а слѣдомъ за нею въ комнату вошла хозяйка.

— Можетъ-быть, вы голодны? Хотите чего-нибудь покушать? Есть курица. Есть молоко. Можетъ-быть, хотите хлѣба съ гусинымъ жиромъ?

— Спасибо, я сытъ!—поблагодарилъ я.—А вотъ, можетъ-быть, вы разскажете, что случилось съ вашей дочерью. Вѣдь это ваша дочь была здѣсь, у меня, днемъ? Она больна? Да?

Еврейка тяжело вздохнула и закачала головой:

— Мирра! Бѣдная Миррочка! А какъ же, конечно, она моя дочь. И, конечно, она теперь больна. Она сошла съ ума. Съ ума сошла моя бѣдная Миррочка! — тихо добавила старуха, точно вслушиваясь въ собственныя слова.

— Что случилось съ нею? Отчего это?

— Я вамъ разскажу! Всѣ знаютъ, что случилось. Что же, Мирра не виновата. Это несчастье. Пришли нѣмцы. Въ пятницу будетъ какъ разъ пять недѣль, какъ они пришли. Да, да, я хорошо помню, они таки-пришли въ пятницу днемъ. У насъ въ гостиницѣ остановилось восемь человѣкъ. Они были солдаты, но только образованные. Не простые солдаты, а такіе, что телефоны проводятъ, телеграфъ. И я вамъ должна сказать, они были такіе вѣжливые, такіе деликатные, что просто удивительно. Если что нужно, то они только просили. Такъ мы видимъ, что намъ ничего дурного не дѣлаютъ, даже успокоились. Я раньше Мирру и другую дочку, помоложе, спрятала въ погребъ. Думала, молодыя дѣвушки, Богъ знаетъ, что можетъ случиться. А потомъ, когда мы увидѣли, что наши постояльцы такіе вѣжливые, такъ я ихъ выпустила изъ погреба.

Типъ повозки, примѣняемой нашей арміей по весеннимъ непролазнымъ дорогамъ въ Галиціи.

На западномъ фронтѣ. Въ Вогезахъ. Землянка командующаго отрядомъ.

„День прошелъ, слава Богу, благополучно. Утромъ на слѣдующій, значитъ, день я занималась по хозяйству, а моя Мирра стояла на крыльцѣ. Всѣ тогда на улицу вышли, потому что каждому было любопытно смотрѣть на нѣмцевъ. Да, такъ я, значитъ, занимаюсь по хозяйству, а моя Мирра стоитъ на крыльцѣ.

„Вдругъ я слышу страшный крикъ. Конечно, я все бросила и выбѣжала на улицу. Смотрю, два нѣмецкихъ солдата тащатъ мою Мирру, мою дочку. Я же, конечно, мать. Такъ я бросилась къ солдатамъ и кричу:

„— Куда вы тащите мою дочь? Что̀ она вамъ сдѣлала? Пустите, пустите же ее!

„Такъ, вы знаете, одинъ солдатъ ударилъ меня въ грудь, и я упала. Въ глазахъ у меня потемнѣло, подъ сердцемъ сдѣлалась такая тяжесть, что я совсѣмъ была безъ чувствъ. А когда я встала, то Мирру уже увели.

„Тогда я стала спрашивать людей, что̀ случилось? Что̀ сдѣлала моя дочка? Такъ мнѣ, конечно, разсказали.

„Мирра стояла у насъ на крыльцѣ. А возлѣ нашего дома, если вы замѣтили, есть мануфактурный магазинчикъ. Такъ себѣ, лавчо̀нка, и больше ничего. Такъ туда пришло пять человѣкъ нѣмцевъ-солдатъ. Сперва они какъ будто покупали. А потомъ одинъ схватилъ штуку матеріи и хотѣлъ уйти. Хозяйка, конечно, схватила его за рукавъ, подняла крикъ, и не пускаетъ.

„Мирра, какъ услыхала крикъ, такъ сейчасъ побѣжала въ лавочку. А у нея, знаете, такой характеръ, что просто удивительно. Она, можно сказать, никого и ничего не боится. Смѣлая и гордая. О, очень гордая!

„Прибѣжала, увидала, что солдатъ хочетъ украсть штуку матеріи, стала заступаться за хозяйку.

„— Какъ вамъ не стыдно? — кричитъ. — Какіе вы солдаты! Вы воры, грабители!

„Ой, видитъ Богъ, она такъ сказала. Всѣ наши сосѣди слышали.

„А тамъ, среди этихъ нѣмецкихъ солдатъ, оказывается, былъ одинъ унтеръ-офицеръ. Такъ онъ, какъ услыхалъ, что моя Мирра назвала ихъ ворами и грабителями, повернулся къ ней и при всѣхъ ударилъ ее по лицу. Вы понимаете, онъ мою Мирру ударилъ по лицу. Больно ударилъ. Тогда Мирра схватила желѣзный аршинъ, онъ тамъ на прилавкѣ лежалъ, и ударила этимъ аршиномъ нѣмецкаго унтеръ-офицера тоже по лицу.

„Боже мой! Начался такой скандалъ, такой скандалъ, что лавочница говоритъ, что чуть со страху не умерла. Мирру схватили за руки, за волосы, начали бить, а̀ потомъ потащили къ своему начальнику, офицеру.

„Конечно, когда я пришла въ себя, такъ я тоже побѣжала къ этому начальнику. Стала просить:

„— Простите мою дочку! Она хорошая. смирная дѣвушка. Вѣдь ее же раньше обидѣли. Ее ударили по лицу.

„А этотъ самый начальникъ, нѣмецкій офицеръ, говоритъ:

„— Ваша дочь бунтовщица! Она ударила нашего унтеръ-офицера, германскаго унтеръ-офицера. За это ее будутъ судить!

„Ой, если бы вы знали, что̀ со мною тогда было! Я просила, я плакала, я стала на колѣни передъ офицеромъ. Я такъ кричала, что онъ позвалъ двухъ солдатъ, и меня выбросили на улицу. Но я не ушла. Я же мать. Я стала просить, чтобы мнѣ позволили посмотрѣть на мою дочку.

„День прошелъ, и ночь прошла. Потомъ еще день прошелъ. Я совсѣмъ съ ума сошла отъ горя.

„— Гдѣ моя Мирра? — кричу. — Гдѣ моя дочка? Можетъ-быть, ее уже повѣсили?

„Такъ тутъ солдатъ одинъ стоялъ. Онъ улыбнулся и говоритъ:

„— Можетъ-быть, уже и повѣсили!

„Еще прошли ночь и день. Ну, а потомъ, черезъ день, пришла Мирра. Боже мой, если бы вы видѣли, какая она пришла! Въ изодранномъ платьѣ, вся въ крови. Я же, конечно, мать, такъ я бросилась ее обнимать. Такъ она, знаете, испугалась и вся дрожитъ.

„— Тише, — говоритъ, — мамочка! Тише! А то онъ услышитъ, опять придетъ и опять скажетъ, чтобы я его цѣловала.

„А потомъ стала пѣть. Тихо такъ поетъ, жалобно.

„Тогда я поняла, что̀ они сдѣлали съ моей бѣдной Миррой, съ моей дочкой. Эти звѣри надругались надъ нею. Они мучили ее три дня и три ночи. Но она не умерла, а только потеряла разсудокъ. То ей кажется, что придутъ опять нѣмцы, и она дрожитъ, плачетъ отъ страха. А иногда, мнѣ даже стыдно говорить, вѣдь я же мать, когда она видитъ мужчину, такъ она хочетъ поцѣловать его. Я понимаю, ей кажется, что это нѣмецкій солдатъ, и если она не будетъ его цѣловать, то ее снова начнутъ бить.

„Бѣдная моя Мирра! Я водила ее къ доктору. Такъ докторъ говоритъ, что плохо, что она уже никогда не выздоровѣетъ.

„Ой, Боже мой, Боже мой! Жили мы тихо, мирно. И вотъ теперь такая бѣда, такое несчастье. Погубили мою дочку. А какая она была дѣвушка! Она же образованная, кончила гимназію. И женихъ у нея былъ. Тоже образованный, богатый. Онъ учится послѣдній годъ на адвоката. А теперь все пропало. Ой, бѣдная моя Мирра! Бѣдная моя дочка!“

Старая еврейка тяжело вздохнула. Вдругъ мы одновременно повернули головы къ двери. На порогѣ, точно привидѣніе, стояла дѣвушка съ широко раскрытыми безумными глазами и, протянувъ руки, испуганно шептала:

— Тише! Тише! Они идутъ сюда!

Налетъ цеппелиновъ на Англію. Въ Ньюкестлѣ. Остатки зажигательныхъ бомбъ, сброшенныхъ съ цеппелина.

Желѣзныя сердца.

Разсказъ **Вадима Бѣлова.**

I.

Утомленные боемъ, кипѣвшимъ съ ранняго утра и до синихъ сумерекъ, уже спустившихся на поля, противники расходились и только изрѣдка перекликались одиночными выстрѣлами артиллерійской батареи.

Двѣ мощныя тысячеголовыя волны людей, столкнувшіяся тамъ, за лѣскомъ, сегодня утромъ, теперь отхлынули назадъ, оставивъ посрединѣ четыре исполинскіе факела — четыре пылающія деревни.

Мы не замѣтили, какъ наступилъ вечеръ, какъ посинѣло небо, воздухъ сталъ холоднѣе, лѣсъ какъ будто потемнѣлъ, широкія поля, изрѣзанныя линіями окоповъ и усѣянныя черными точками человѣческихъ труповъ, постепенно слились въ одну темную, ровную и неподвижную поверхность, какъ гладь задремавшаго океана.

Не стало видно ни окоповъ ни сѣрыхъ труповъ убитыхъ, все смѣшалось, потонуло въ ночномъ мракѣ, и только иногда вздрагивающее багровое зарево далекихъ пожаровъ выхватывало изъ темноты кусочекъ поля съ разбитымъ зарядныхъ ящикомъ на немъ, опушку побитаго снарядами лѣса, или черную, колышущуюся, ощетиненную массу пѣхоты, катившейся широкой рѣкой по пыльному шоссе. Тогда кровавые отблески играли на остріяхъ штыковъ, лица людей казались мѣдно-красными и значительными, а глаза свѣтились словно фосфорическимъ блескомъ.

Миновавъ опушку, разлились по цѣлой сѣти узкихъ проселочныхъ дорогъ и поползли черными змѣями батальоны пѣхоты. Артиллерія еще долго бросала въ темноту сумерекъ свои вспыхивающіе пламенемъ снаряды, но потомъ тоже умолкла и потянулась вслѣдъ за пѣхотой.

На смѣну сражавшимся пришли новые, а истомленные полки и батареи отходили на вторую линію для краткаго отдыха.

Ночь наступала быстро, и мы не замѣтили, какъ стало совсѣмъ темно и трудно было различать даже лица своихъ сосѣдей. По узкой дорогѣ посрединѣ въ два ряда двигались повозки и артиллерія, по бокамъ шла пѣхота, прикрытія, санитары несли раненыхъ. Миновали какія-то деревни, какіе-то лѣса, поворачивали влѣво и вправо и наконецъ остановились около большого темнаго села, едва выдѣляющагося изъ мрака двумя-тремя тусклыми огнями еще не покинутыхъ избъ.

Рота остановилась около околицы съ краю дороги. Въ ожиданіи приказанія капитанъ велѣлъ составить ружья, и мы вошли въ одну изъ избъ, освѣщенныхъ изнутри.

Въ большой просторной комнатѣ съ низкимъ темнымъ потолкомъ въ лѣвомъ углу высилась громадная бѣлая печь, въ правомъ ютилось цѣлое семейство владѣльца хаты, а посрединѣ, у окна, стоялъ столъ, за которымъ расположились четыре офицера, артиллеристы сосѣдней съ нами батареи.

На столѣ уже кипѣлъ убогій самоваръ, разложена была незатѣйливая закуска, и офицеры, видимо уставшіе и изголодавшіеся за день, всецѣло были заняты истребленіемъ припасовъ, которые удалось добыть ночью въ почти покинутомъ жителями селѣ.

Занятія англійскихъ моряковъ въ Хрустальномъ Дворцѣ въ Лондонѣ. Въ „Египетскомъ залѣ".

— А, капитанъ! Честь и мѣсто!—встрѣтилъ насъ рыжебородый подполковникъ, очищая крутое яйцо. — А здорово мы васъ сегодня поддержали: рота капитана Шаханова совсѣмъ въ сторону ушла... Вамъ бы безъ насъ капутъ...

— Ну ужъ и капутъ, — добродушно отмахнулся капитанъ, кладя на подоконникъ фуражку.

— А то какъ же?—вступились артиллерійскіе прапорщики.—Шаханова нѣтъ, Ерофѣевъ тоже со своими влѣво отъ лѣса ушелъ, ну, васъ бы австрійцы тутъ и прижали.

Разгорѣлся обычный споръ, темой котораго былъ сегодняшній бой, только-что окончившійся, но еще всѣхъ волновавшій и занимавшій всѣ умы.

Спорщики одновременно успѣвали пить чай изъ жестяныхъ и эмалированныхъ кружекъ и уничтожать все, что было предложено судьбой имъ на ужинъ.

Споръ былъ прерванъ появленіемъ солдата, который принесъ капитану записку отъ командира полка съ приказаніемъ немедленно выдвинуть роту въ сторожевое охраненіе на двѣ версты къ западу отъ села.

— Вотъ вамъ и отдыхъ, вотъ вамъ и мягкія постели! — развелъ руками капитанъ, и, распростившись съ гостепріимными артиллеристами, мы вышли опять на широкую грязную улицу наполненнаго войсками села.

Солдаты нашей роты отдыхали; они расположились прямо на землѣ около составленныхъ винтовокъ; едва замѣтно вспыхивали огоньки цыгарокъ, но, вѣроятно, нѣкоторые успѣли задремать; доносился ихъ свистъ и сонное похрапываніе.

По командѣ капитана рота собралась быстро, примолкли разговоры, побросали папиросы и, вытянувшись длинной колонной по два человѣка, вышли изъ села въ поле.

Здѣсь было еще темнѣе, еще холоднѣе, еще непріютнѣе.

Мы шли съ ротнымъ командиромъ впереди, шагая по чему-то мягкому, и не разобрать было, притоптанная ли это и поломанная высокая трава, или же жидкая грязь, а можетъ-быть, просто болото. Мы молчали долго, пока не померкли позади насъ послѣдніе огоньки села, и только тогда капитанъ, не убавляя шага, негромко, какъ бы бесѣдуя самъ съ собою, произнесъ:

— А все-таки какъ хорошо они дрались сегодня... какъ хорошо!

Онъ задумчиво покачалъ головой.

— Вы обратили вниманіе,—внезапно оживился ротный командиръ, обращаясь ко мнѣ:— вы видѣли, какъ въ окопѣ приколотъ былъ австрійскій лейтенантъ? Вы видѣли, какой это

ударъ—штыкъ прошелъ насквозь, сломался у шейки и пригвоздилъ, какъ гвоздемъ, австрійца къ стѣнкѣ; а вы знаете, кто его такъ раздѣлалъ? Бибилашвили! Тотъ самый слабосильный и ни къ чему не годный молодой армяшка, котораго вы еще распекали на ученьи передъ отъѣздомъ на войну! Вотъ вамъ и Бибилашвили; откуда у него только храбрость взялась, откуда онъ силы набрался? Подите, поймите-ка!

И я вспомнилъ дѣйствительно Бибилашвили, маленькаго черненькаго солдатика, съ которымъ бились мы всѣ, и старикъ фельдфебель давно махнулъ рукой, удивляясь, какъ это такого тщедушнаго и несообразительнаго взяли въ солдаты.

— А что, капитанъ, живъ онъ, Бибилашвили?—невольно вырвался у меня вопросъ.

— А то какъ же! Представьте, живъ и почти не раненъ, если не считать рикошета въ колѣно; идетъ на своемъ мѣстѣ въ четвертомъ взводѣ.

Капитанъ удивленно развелъ руками и замолкъ.

Мы пересѣкли темное поле и остановились около бѣлѣвшей въ ночной темнотѣ дороги, протянувшейся вдоль глубокой складки мѣстности.

Сторожевое охраненіе должно было расположиться именно здѣсь.

Главная застава спустилась въ глубину естественной траншеи, выставивъ часовыхъ на брустверъ, а изъ боковыхъ заставъ лѣвая ушла на окраину лѣса, а правая къ самому болоту, откуда были едва замѣтны вдали темныя пятна неизвѣстныхъ строеній.

Мы разстались съ капитаномъ на днѣ оврага. Онъ остался при главной заставѣ, а мнѣ со взводомъ пришлось итти вправо, въ боковой дозоръ, расположившійся около трясины.

Мы двигались молча одинъ за другимъ по узкой тропинкѣ, вившейся по полю; позади насъ постепенно умолкли голоса оставленныхъ товарищей, и потонули въ темнотѣ ночи вспышки ихъ папиросъ.

Въ паркѣ Хрустальнаго Дворца въ Лондонѣ. Англійскіе морскіе кадеты на хребтѣ изваянія „Священнаго чудовища".

Мы были одни, совсѣмъ одни, въ безбрежномъ океанѣ незнакомыхъ ночныхъ полей; мы двигались медленно и осторожно впередъ, готовые каждую минуту замѣтить въ полѣ черный силуэтъ непріятельскаго солдата или услышать голоса нѣмецкаго дозора.

Проводникомъ служилъ намъ молодой солдатикъ изъ нашего взвода, здѣшній уроженецъ, а потому болѣе насъ знакомый съ мѣстностями, черезъ которыя намъ приходилось двигаться. Впрочемъ, проводникъ нашъ хотя и пошелъ храбро впереди, но, видимо, тоже не былъ твердо убѣжденъ въ правильности взятаго направленія: онъ поминутно останавливался, нагибался, шарилъ руками по землѣ, отыскивая тропинку, потомъ глядѣлъ на небо и, пробормотавъ что-то себѣ подъ носъ, продолжалъ путь во главѣ покорно слѣдовавшаго за нимъ взвода.

Фельдфебель Матвѣенко шелъ съ нами самымъ послѣднимъ и, кажется, меньше всѣхъ довѣрялъ нашему проводнику; по крайней мѣрѣ каждый разъ, какъ тотъ въ нерѣшимости останавливался, Матвѣенко съ самаго хвоста взвода спѣшилъ къ его головѣ, подбѣгалъ къ солдатику и, наклонясь къ нему, на ухо, чтобы не нарушать устава, шепталъ какъ можно тише:

— Собачій сынъ, понимаешь!.. собачій сынъ!.. Чего берешься? Самъ не знаешь, а тоже—берешься... ежевая твоя голова!.. Сидѣлъ бы лучше въ обозныхъ, что ли... У-у!.. „песій котъ"!..

„Песій котъ" — это было любимое ругательство Матвѣенки; оно не заключало въ себѣ ничего обиднаго, такъ какъ было лишено всякаго смысла, и однажды ротный командиръ спросилъ Матвѣенку, какъ онъ самъ понимаетъ произносимыя имъ слова.

— Чего же понимать, ваше высокоблагородіе!—сконфузился фельдфебель, переминаясь съ ноги на ногу.—Кто жъ его знаетъ!.. Мало ли что народъ выдумаетъ, не я вѣдь придумалъ.

Хотя фельдфебель и оправдывался, но вся рота и всѣ офицеры остались глубоко убѣжденными, что „песьяго кота" выдумалъ Матвѣенко. На него не обижались.

Наконецъ нашъ проводникъ остановился окончательно, уже больше не шарилъ по землѣ и не глядѣлъ на небо, а безъ всякаго колебанія отрапортовалъ:

— Такъ что тутъ оно, ваше благородіе, болото и зачинается: дальше итти никакъ невозможно, потому тропочка эта скрозь болото не проходитъ, надобно окольнымъ путемъ итти.

— А это тамъ что чернѣетъ?—указывая на далекія строенія, спросилъ Матвѣенко.

— Это, господинъ фельдфебель, сельцо было... Звать его какъ—не упомню!

Матвѣенко хмыкнулъ носомъ, недовольно пожалъ плечами и не удержался, чтобы не пробормотать:

— „Не упомню"! Ничего ты не упомнишь, песій котъ!

Заставу расположили здѣсь же, около тропинки, въ глубокой ямѣ, вырытой, вѣроятно, нѣмецкимъ „чемоданомъ"; разставили посты; солдаты присѣли съ винтовками, высунувъ головы на поверхность поля, а мы съ Матвѣенкой расположились въ самой глубинѣ ямы, собираясь поочередно, если не вздремнуть, то по крайней мѣрѣ отдохнуть, вытянувъ утомленныя и ноющія ноги.

Я съ грустью и завистью вспомнилъ о счастливыхъ артиллерійскихъ прапорщикахъ, оставленныхъ нами въ деревушкѣ, въ теплой избѣ за убогимъ самоваромъ; съ досадой подумалъ, что вотъ уже второй разъ за эту недѣлю наша рота попадаетъ прямо послѣ боя въ сторожевое охраненіе. Быть-можетъ, я нашелъ бы еще много причинъ огорчаться и портить себѣ настроеніе, если бы изъ темноты не вынырнула внезапно фигура солдата, принесшаго съ главной заставы отъ ротнаго командира мнѣ записку:

„Отправьтесь сами немедленно осмотрѣть деревню, что на западѣ. Возьмите человѣкъ пять. При остальныхъ останется Матвѣенко. Сообщите, нѣтъ ли тамъ нашихъ раненыхъ, или нѣмцевъ".

Это неожиданное новое порученіе меня искренно обрадовало: все-таки, разъ суждено было не спать эту ночь, интереснѣе провести ее не неподвижно прикованнымъ къ темной, холодной и сырой ямѣ. Подобныя экспедиціи всегда сулятъ новыя впечатлѣнія и подчасъ далеко не ординарныя.

Я отобралъ пять человѣкъ и, наказавъ фельдфебелю остаться при остальныхъ, двинулся со своимъ незначительнымъ отрядомъ прямо, безъ дороги, черезъ черное рыхлое поле къ темнѣвшимъ очертаніямъ полуразрушенной деревушки.

II.

Этотъ часъ показался намъ невѣроятно долгимъ, такъ какъ путь былъ очень тяжелъ.

Пришлось итти черезъ поле прямо безъ дороги во мракѣ, частью по размякшей отъ дождей землѣ, частью по болоту, едва вытаскивая отяжелѣвшія, обутыя въ высокія сапоги, ноги и чувствуя, какъ съ каждымъ шагомъ вода ледяными струйками пробивается въ обувь, хлюпаетъ и булькаетъ. Приходилось слѣдить внимательно, чтобы не потерять другъ друга, такъ какъ ночь стала еще темнѣе, и небо затянулось тучами. Я видѣлъ впереди себя поминутно исчезавшій силуэтъ Евсюкова, здоровеннаго дѣтины, правофланговаго нашей роты. Онъ шелъ медленно, какъ медвѣдь, переваливаясь съ ноги на ногу и держа винтовку не на плечо, а какъ-то далеко въ сторонѣ отъ тѣла за самую середину

ложа; вслѣдъ за мной шли еще четыре человѣка, и я слышалъ только, какъ хлюпала вода подъ ихъ ногами, и какъ иногда кто-нибудь изъ нихъ, споткнувшись или поскользнувшись, бросалъ вполголоса короткое крѣпкое словцо.

И наконецъ мы достигли небольшого ската, на которомъ раскинулась безмолвная и темная деревня.

Здѣсь мы собрались всѣ въ кучку, отдохнули нѣсколько минутъ, попрыгали на мѣстѣ, стряхивая съ ногъ липкую грязь, и тронулись къ ближайшему темному двору, ворота котораго были широко раскрыты, и лѣвая половинка, болтаясь на одной петлѣ, раскачиваемая вѣтромъ, скрипѣла и выла жалобнымъ собачьимъ голосомъ.

Двоихъ я послалъ прямо по улицѣ по правой сторонѣ, а самъ съ остальными пошелъ по лѣвой. Дворы были пусты, амбары, сараи и конюшни раскрыты настежь, все носило слѣды поспѣшнаго бѣгства жителей, старавшихся унести все, что было возможно.

Колоніальныя войска на западномъ фронтѣ. Сложная прическа индійскихъ солдатъ.

На роздыхѣ. Искусство французскихъ солдатъ. Барельефы въ траншеѣ. „Наполеонъ“ и „Республика“.

Евсюковъ по скрипучимъ ступенямъ поднялся на крыльцо и отворилъ дверь. Комната была пуста. Блѣдно-сѣрымъ пятномъ выступало изъ мрака окно, но оно не давало достаточно свѣта, чтобы разобрать окружающіе предметы.

— Ваше благородіе, посвѣтите-ка фонарикомъ... Може, кто и найдется здѣсь,—окликнулъ меня Евсюковъ.

Я поднялся на крыльцо, вошелъ въ тихую темную комнату и зажегъ карманный электрическій фонарь. Бѣлый лучъ сверкнулъ, какъ молнія, прорѣзалъ темноту и уперся въ полъ... И вдругъ я ясно увидѣлъ въ молочно-серебряной бѣлизнѣ его два страшные мертвые глаза, уставившіеся на свѣтъ немигающимъ взглядомъ. Я моментально потушилъ свѣтъ.

Это было такъ ужасно, что сначала я былъ увѣренъ, что галлюцинирую. Но стоявшій рядомъ Евсюковъ въ эту минуту прошепталъ:

— О, Господи, никакъ здѣсь есть кто-то!

— Ты видѣлъ, Евсюковъ? — спросилъ я вздрагивающимъ голосомъ.

— Запалите огонекъ-то, ваше благородіе,—вмѣсто отвѣта сказалъ солдатъ.

Я снова зажегъ лампочку, и на этотъ разъ опять ея бѣлый лучъ встрѣтилъ мертвые глаза и мертвое блѣдное лицо съ открытымъ ртомъ.

— Полякъ убитый, ваше благородіе, — объяснилъ Евсюковъ и наклонился къ покойнику. — Да тутъ еще одинъ,—услышалъ я его голосъ.

Бѣлый лучъ скользнулъ по полу, по чернымъ лужамъ крови, и озарилъ еще два трупа — женщины и старика, припавшихъ лицами къ землѣ. Они оба уже были мертвыми. Евсюковъ снялъ шапку, перекрестился и тихо произнесъ:

— Этимъ теперича все одно не поможешь!

Мы уже хотѣли выйти изъ избы, и я въ послѣдній разъ обвелъ бѣлымъ лучомъ стѣны комнаты. Уже около самой двери мое вниманіе привлекли стѣнные

Покинутыя германцами мѣста въ предѣлахъ Франціи. Траншея кронпринца въ Вилльенъ-о-Веннѣ. Изъ всей меблировки въ траншеѣ было оставлено только кресло, унесенное нѣмцами изъ разграбленнаго ими мѣстнаго храма.

Генералъ Галопэнъ, командиръ парижской крѣпости, производитъ смотръ войскамъ гарнизона Парижа.

часы, продолжавшіе махать своимъ маятникомъ и равномѣрно отбивать: тикъ-такъ, тикъ-такъ...

Люди умерли, но время не остановилось; часы шли, равнодушно и неторопливо помахивая своимъ маятникомъ.

И вслѣдъ за Евсюковымъ я поспѣшно вышелъ изъ избы, оставивъ въ комнатѣ замученныхъ нѣмцами людей и тикающіе безразличные часы.

Улица была пустынна и темна. Иногда мы спотыкались, попадая ногами въ ямы, вырытыя гранатами, осторожно обходили трупы лошадей со вспухшими, словно надутыми, животами и заходили поочередно во всѣ дворы.

И всюду мы встрѣчали то же опустошеніе, то же разрушеніе, тѣхъ же убитыхъ въ своихъ домахъ, у своихъ очаговъ, жителей. Впрочемъ, на небольшой площади противъ бывшаго постоялаго двора намъ пришлось увидѣть нѣсколько иную картину: длинное, сажени въ три, коромысло колодца теперь было остановлено и повернуто параллельно землѣ, а вдоль него гирляндой висѣли и раскачивались отъ вѣтра черныя человѣческія фигуры съ какъ-то странно оттянувшимися внизъ плечами и болтающимися руками.

Здѣсь, очевидно, нѣмцы чинили свой судъ надъ деревенскими жителями. Противъ постоялаго двора мы видѣли столъ, около котораго валялось нѣсколько опрокинутыхъ скамеекъ, земля была засыпана гильзами разстрѣлянныхъ патроновъ, и, когда мы подошли ближе къ этой страшной колышущейся гирляндѣ повѣшенныхъ, мы увидѣли, что съ ногъ нѣкоторыхъ изъ нихъ черными каплями стекала кровь, собираясь внизу небольшими лужицами.

Очевидно, ихъ повѣсили, а потомъ еще разстрѣливали.

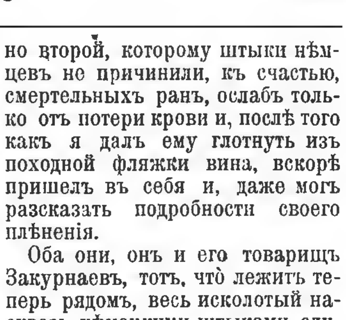
Мы простояли нѣсколько минутъ передъ страшнымъ колодцемъ, и—удивительно!—даже солдаты, уже привыкшіе въ бояхъ къ виду крови и къ смерти, теперь были глубоко потрясены и взволнованы этимъ ужаснымъ зрѣлищемъ. Мы пошли дальше только тогда, когда прибѣжалъ одинъ изъ нашихъ солдатъ, отправленныхъ впередъ, съ сообщеніемъ, что они нашли двухъ раненыхъ.

У стѣны большого сарая, въ которомъ прежде, вѣроятно, помѣщались какія-нибудь повозки или экипажи, стоялъ большой ларь съ пробитой въ крышкѣ дырой. Около ларя я увидѣлъ трехъ нашихъ солдатъ, склонившихся надъ двумя распростертыми на землѣ человѣческими фигурами.

Это были казаки.

Одинъ былъ уже мертвъ, а на тѣлѣ другого наши солдаты, моментально его раздѣвшіе и спѣшившіе перевязать при помощи своихъ индивидуальныхъ пакетовъ, нашли больше тридцати колотыхъ, правда, неглубокихъ, штыковыхъ ранъ.

Первый казакъ былъ мертвъ, его не застали уже въ живыхъ мои спутники,



но второй, которому штыки нѣмцевъ не причинили, къ счастью, смертельныхъ ранъ, ослабъ только отъ потери крови и, послѣ того какъ я далъ ему глотнуть изъ походной фляжки вина, вскорѣ пришелъ въ себя и, даже могъ разсказать подробности своего плѣненія.

Оба они, онъ и его товарищъ Закурнаевъ, тотъ, что лежитъ теперь рядомъ, весь исколотый насквозь нѣмецкими штыками, случайно заѣхали въ эту деревню и были схвачены многочисленными нѣмцами. Правда, Закурнаеву и его товарищу удалось разбить не меньше дюжины нѣмецкихъ головъ, но все же нѣмцы одолѣли численностью, казаки были сброшены съ коней, связаны и заперты въ этомъ сараѣ. Взаперти держали ихъ недолго; черезъ часъ или, можетъ-быть, полтора двери отворились, и казаковъ ударами прикладовъ выгнали на дворъ. Вокругъ нихъ столпились прусскіе пѣхотинцы, солдаты и офицеры, кричали что-то, били ихъ по лицу, плевали на нихъ, пока наконецъ одинъ изъ вышедшихъ изъ терпѣнія казаковъ не закатилъ ближайшему нѣмцу такую затрещину, что тотъ даже свалился съ ногъ.

Тогда „побѣдители“, продолжая ругаться, отошли нѣсколько въ сторону и начали совѣщаться о чемъ-то, — вѣроятно, вырабатывая способъ казни плѣнниковъ.

Вновь учрежденный французскій орденъ за военныя заслуги—„Военный крестъ“.

На сѣверѣ Франціи. Первая помощь жертвѣ бомбардировки.

Лагерь англійскаго экспедиціоннаго корпуса въ Египтѣ, у подножія пирамиды.

— Ну, теперь шабашъ, Закурнаевъ,— сказалъ товарищу казакъ:—вырѣжутъ изъ нашей шкуры лампасы, а жилы на нагайки пойдутъ.

Закурнаевъ покрутилъ головой.

— Помирать, такъ помирать, чего тамъ! Все одно... лучше, чѣмъ такъ... ишь, оплевали всего...

Но казнь была уже выдумана. Ужасные люди съ желѣзными сердцами торжествовали, изобрѣтя совершенно новый способъ истязанія казаковъ, которыхъ они такъ ненавидѣли и такъ боялись: они бросили двухъ беззащитныхъ непріятелей въ этотъ ларь, одного на другого, заперли крышку, пробили въ ней дыру, и каждый изъ доблестныхъ солдатъ германской арміи, находившихся здѣсь, долженъ былъ ткнуть штыкомъ въ эту дыру „до отказа". И они всѣ съ хохотомъ и радостными возгласами принимали участіе въ этой казни; они подходили къ ларю, ударяли штыкомъ, погружая его до шейки, и еще прислушивались, какъ пронзенный лезвіями Закурнаевъ шевелился и конвульсивно вздрагивалъ въ своемъ дощатомъ застѣнкѣ.

Ихъ было больше тридцати, и больше тридцати штыковъ, проткнувъ насквозь Закурнаева, впивались концами въ тѣло его товарища.

Наконецъ оба казака примолкли: одинъ умеръ, а другой потерялъ сознаніе.

Тогда нѣмцы оставили ихъ и пошли прочь.

Если бы казакъ разсказалъ мнѣ эту исторію до того, какъ я обошелъ половину деревни и видѣлъ изуродованные трупы крестьянъ, старухъ съ головами, раздробленными прусскими прикладами, колодезное коромысло, превращенное въ колоссальную висѣлицу,—я бы ему не повѣрилъ; я бы подумалъ, что его воспаленный мозгъ, потрясенный ужасами ожиданія казни, ужасами неизвѣстности, породилъ эту чудовищную, нечеловѣческую фантазію казни; я бы ему сказалъ, что вѣдь нужно быть хищникомъ, звѣремъ, надо имѣть желѣзное сердце, чтобы выдумать и привести въ исполненіе такое истязаніе.

Но я видѣлъ воочію, и я повѣрилъ ему, ни одной минуты не сомнѣваясь.

Мы уже шли назадъ, неся на рукахъ израненнаго казака, когда взошла луна. Она прорвала тучи, выглянула краемъ своего блѣднаго, прозрачнаго лика, и серебряные лучи ея озарили черныя, уснувшія строенія деревни.

Когда мы проходили мимо висѣлицы, при лунномъ свѣтѣ она показалась еще ужаснѣе, еще значительнѣе раскачивались и размахивали руками повѣшенные, и еще рельефнѣе выступали на пескѣ черныя лужицы стекавшей съ нихъ крови.

И мы всѣ, стараясь не глядѣть въ ту сторону, почти бѣгомъ вышли изъ деревни.

Французская машина для выравниванія почвы, изрытой снарядами.

Послѣ, возвратясь къ заставѣ, въ глубокую яму, вырытую нѣмецкимъ „чемоданомъ", одну минуту я подумалъ, что всѣ эти ужасы были кошмаромъ безсонной ночи, что въ дѣйствительности ничего этого нѣтъ и не можетъ быть, но здѣсь же, на днѣ ямы, лежалъ подобранный нами казакъ; онъ былъ живымъ свидѣтелемъ, вопіющимъ обличителемъ людей съ желѣзными сердцами.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.**

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

1915 г. № 26 — XLVI г. изданія

Выданъ 27-го Іюня 1915 г. — Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес.—20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Мамина-Сибиряка“ кн. 9.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Здѣсь и тамъ. Въ настоящіе дни, въ связи съ событіями въ Галиціи и у Перемышля, въ столицѣ циркулируетъ столько вздорныхъ слуховъ о несуществующихъ нашихъ пораженіяхъ и иныхъ тревогахъ, что главнокомандующій VI арміей издалъ 6-го іюня даже особое обязательное постановленіе. Въ немъ клеймятся и порицаются всѣ подобнаго рода трусы и злонамѣренныя лица, безъ всякихъ основаній сѣющія тревогу среди народа.

Въ провинціи настроеніе куда тверже. Тамъ больше понимаютъ и глубже вникаютъ въ каждый фактъ, происходящій на театрѣ войны. Россія спокойна за свое будущее и таковой останется до самаго дня побѣды надъ грознымъ и коварнымъ врагомъ.

И только въ мрачной и тусклой столицѣ быстро рождаются разныя безсмысленныя тревоги послѣ каждой временной неудачи на томъ или другомъ фронтѣ.

Но еще большее спокойствіе, чѣмъ въ тылу, царитъ тамъ, въ окопахъ, предъ лицомъ врага. Извѣстіе объ оставленіи нами совершенно разрушеннаго Перемышля было встрѣчено всюду въ арміи чрезвычайно спокойно, и самый этотъ фактъ не вызвалъ никакого особеннаго настроенія.

Всѣ тамъ прекрасно понимали, что намъ оставаться въ крѣпости подъ колоссальнымъ германскимъ огнемъ не имѣло смысла, и естественно, что мы должны были отступить, чтобы выровнять линію нашего фронта.

Точно такъ же спокойно отнеслась наша армія и къ извѣстію объ очищеніи русскими войсками Львова и части Галиціи.

Вотъ что, между прочимъ, по этому поводу пишетъ намъ гвардейскій артиллерійскій офицеръ Н—нъ изъ-подъ Л.:

«У насъ все идетъ попрежнему. Кажется, что изъ полнаго спокойствія нельзя насъ и вытащить. Всѣ душою, конечно, рвутся туда, гдѣ сейчасъ идетъ настоящій, подвижный бой, а не это безконечное сидѣніе въ окопахъ. Окопы наши и германскіе сошлись очень близко. Въ спокойный день, подъ вечеръ, отлично слышна нѣмецкая рѣчь, пѣніе и свистъ. Потерь у насъ почти нѣтъ. Времени порядочно, и тратится оно на различныя изобрѣтенія: напримѣръ, у всей пѣхоты есть самодѣльные минометы въ видѣ маленькихъ пушекъ, и всѣ съ удовольствіемъ желаютъ перебросить пироксилиновый зарядъ въ непріятельскій окопъ.

«Германцы тоже стрѣляютъ минами, такъ что отдѣльные этюды войны похожи на доисторическіе. Такъ, напримѣръ, солдаты наши иногда выбрасываютъ нѣмецкую минометную бомбу, прежде чѣмъ догоритъ ея бикфордовъ шнуръ,—и она рвется за окопомъ. Какъ разъ на этихъ дняхъ одинъ егерь спасъ такимъ образомъ жизнь командиру полка. Изъ окоповъ иногда пускаютъ змѣи съ карикатурами въ нѣмецкіе окопы.

«Скучно... Ждемъ не дождемся «дѣла».

«Послѣднія печальныя событія въ Галиціи насъ мало тревожатъ,—ибо были положенія куда хуже, да и то спасались мы благополучно, да еще и сами били нѣмцевъ. Все это временно!»

Ясное дѣло, что съ такими молодцами успѣхъ и въ будущемъ полная побѣда намъ несомнѣнно обезпечены. **С. Н—нъ.**

О войнѣ Германіи съ Америкой. Лѣтъ пятнадцать назадъ уланскій ротмистръ, членъ германскаго генеральнаго штаба, баронъ фонъ-Эдельсгеймъ, написалъ небольшую книгу «О морскихъ военныхъ операціяхъ», которая не обратила бы на себя вниманія не спеціалистовъ, если бы не одна глава въ ней, развивавшая въ общихъ чертахъ планъ войны противъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ 1902 г. лондонскій «Times» напечаталъ выдержки изъ этой главы, но въ то время блаженной слѣпоты она прошла больше какъ курьезъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто тогда могъ придать должное значеніе, напримѣръ, такому предсказанію, что стоитъ только потопить американскій флотъ, и Соединенные Штаты поневолѣ должны будутъ заключить миръ? Теперь возможности такой войны никто не отрицаетъ; она даже входитъ въ расчетъ ближайшихъ возможностей. Бывшій французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Ганото недавно, въ бесѣдѣ съ американскимъ корреспондентомъ, бывшимъ сенаторомъ, Бэвериджъ, сказалъ: «Германія думала справиться съ Россіей первой, потомъ съ Франціей, затѣмъ взяться за Англію, оставшуюся одной. Послѣ Англіи настала бы ваша очередь. Германія напала бы на Соединенные Штаты. Я говорю о томъ, что мнѣ лично извѣстно. Германскій императоръ разъ двадцать заявлялъ о своемъ намѣреніи напасть на Соединенные Штаты».

Этой зимой наконецъ книга фонъ-Эдельсгейма въ Нью-Іоркѣ вышла въ англійскомъ переводѣ, и печать серьезно занялась касающейся Америки главой.

Авторъ начинаетъ съ замѣчанія, что возникавшія въ прошломъ тренія между Германіей и Америкой улаживались главнымъ образомъ «благодаря уступчивости со стороны послѣдней», однако «въ виду того, что уступчивость имѣетъ свои предѣлы», совѣтуетъ обсудить планы войны съ Америкой, причемъ замѣчаетъ, что «операціи противъ нея должны быть совершенно не тѣ, что противъ Англіи». Когда онъ пророчитъ, что германскіе солдаты черезъ четыре недѣли послѣ объявленія войны будутъ уже на американской землѣ и начнутъ собирать «тяжелыя контрибуціи» съ богатыхъ городовъ атлантическаго побережья, онъ говоритъ языкомъ—увы!—слишкомъ для насъ понятнымъ. Впрочемъ, онъ предвидитъ и затрудненія; считаетъ весьма возможнымъ, что американскій флотъ не приметъ боя въ открытомъ морѣ, а предпочтетъ выжидать въ укрѣпленныхъ портахъ удобнаго момента, чтобы напасть на германскій флотъ или на отдѣльныя суда. Поэтому онъ считаетъ необходимымъ дѣйствовать одновременно и на сушѣ, разсчитывая, что, въ случаѣ быстрой перевозки и неожиданной высадки войскъ, малочисленность и неопытность американской регулярной арміи должны обезпечить почти вѣрный успѣхъ.

Главныя надежды авторъ возлагаетъ на огромное протяженіе и все еще недостаточную защищенность береговой линіи.

«Въ виду громадности страны, — пишетъ онъ, — было бы неудобно направлять операціи къ завоеванію внутреннихъ областей. Но можно почти съ увѣренностью разсчитывать, что побѣдоносный ударъ, нанесенный атлантическому побережью, связавъ ввозную и вывозную дѣятельность всей страны, вызвалъ бы такое отчаянное положеніе, которое побудило бы правительство искать мира».

Длительную оккупацію всего пространства Соединенныхъ Штатовъ авторъ находитъ непрактичнымъ, такъ какъ на это потребовались бы слишкомъ большія силы, и возвращается къ своему плану: дѣйствовать на береговую линію. «Всего лучше, — пишетъ онъ, — дѣйствовать на всю страну захватомъ атлантическихъ морскихъ портовъ, въ которыхъ собраны нити всего богатства страны». Сухопутныя операціи нужно сообразовать съ движеніями флота «такъ, чтобы дать намъ возможность въ короткое время захватить многіе изъ этихъ важныхъ и богатыхъ городовъ, отрѣзать къ нимъ подвозъ, разстроить весь правительственный механизмъ, завладѣть всѣми полезными зданіями, конфисковать всѣ военные припасы и транспорты, наконецъ наложить тяжелыя контрибуціи».

Спрашивается послѣ этого, кто правъ: Рузвельтъ и его сторонники, требующіе во что бы то ни стало усиленія флота и береговой обороны, или пацифистъ Брайанъ съ присными, всячески тормозящіе эти мудрыя мѣры? **З. Р.**

Генералъ Гуро. Новый главнокомандующій французскимъ экспедиціоннымъ корпусомъ въ Дарданеллахъ генералъ Гуро, преемникъ генерала д'Амада,— самый молодой изъ дивизіонныхъ французскихъ генераловъ (портр. на стр. 517).

Карьера этого молодого генерала отличается исключительнымъ блескомъ.

Генералъ Гуро родился въ 1867 году, въ 1888 году онъ вступилъ въ военную школу Сенъ-Сиръ, въ 1889 году онъ участвовалъ въ кампаніи у Судана и сражался противъ туареговъ.

Уже въ чинѣ капитана онъ принималъ участіе въ бояхъ при Бангасси и послѣ взятія Сикассо, въ битвѣ при Келемонѣ, взялъ въ плѣнъ знаменитаго Самори. Нѣсколько позднѣе онъ, уже будучи полковникомъ, возстановилъ порядокъ въ Феццѣ, объятомъ тогда возстаніемъ.

Въ Марокко въ трагическіе майскіе дни 1912 года онъ блестяще выполнилъ возложенную на него задачу по успокоенію края и произведенъ былъ въ генералы.

Въ началѣ нынѣшней войны его, тогда еще бригаднаго генерала, назначили исправляющимъ должность дивизіоннаго генерала, а въ сентябрѣ онъ уже былъ утвержденъ въ должности.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ генералъ Гуро раненъ былъ въ руку, но ни на минуту не оставилъ своего поста на передовыхъ позиціяхъ и съ перевязанной рукой руководилъ военными дѣйствіями. Это, впрочемъ, уже третья рана, которую онъ получилъ за время своей военной карьеры.

Генералъ Гуро — кавалеръ ордена Почетнаго Легіона.

Командованіе экспедиціоннымъ корпусомъ онъ получилъ съ полномочіями генералиссимуса.

Король-капралъ. Французскій третій полкъ зуавовъ поднесъ королю Виктору-Эммануилу чинъ капрала, который былъ поднесенъ его дѣду — итальянскому королю Виктору-Эммануилу послѣ битвы при Палестро.

18.000 священниковъ въ рядахъ арміи. По сообщенію газеты «Giornale d'Italia», свыше 18.000 священниковъ и монаховъ вступили въ ряды итальянской арміи. Изъ нихъ 700 несутъ обязанности полковыхъ священниковъ, 1.000 посвятили себя уходу за ранеными, остальные же будутъ сражаться въ качествѣ рядовыхъ солдатъ на передовыхъ позиціяхъ.

Женскіе полки въ Италіи. Патріотическій подъемъ въ Италіи настолько великъ, что масса женщинъ желаетъ принять непосредственное участіе въ войнѣ противъ нѣмцевъ. Около 11 тысячъ женщинъ уже офиціально записалось въ корпусъ волонтерокъ, организуемый женскою лигою.

Въ итальянскую армію идутъ всѣ. Изъ Рима сообщаютъ, что число добровольцевъ, заявившихъ о желаніи поступить въ итальянскую армію, значительно превышаетъ 200 тысячъ человѣкъ.

Въ австрійскую армію берутъ всѣхъ. По сообщенію австрійскихъ газетъ при комплектованіи войскъ забираютъ всѣхъ—стараго и малаго, мощнаго и немощнаго; освобожденію отъ призыва подлежатъ лишь тѣ ландштурмисты, которые не имѣютъ руки или ноги, слѣпые на оба глаза, глухонѣмые, уроды, умалишенные и эпилептики.

Тяжелое положеніе нашихъ плѣнныхъ въ Германіи и Австріи. Въ настоящее время вернулись изъ Германіи и Австріи въ Россію нѣкоторые военноплѣнные, коимъ удалось при тѣхъ или иныхъ условіяхъ получить свободу, а равно нѣкоторые чины санитарнаго персонала, не подлежащаго, согласно главы 3-й, ст. 12' Женевской конвенціи 1906 г., удержанію въ плѣну.

Всѣ эти лица въ показаніяхъ своихъ ярко рисуютъ картину пребыванія нашихъ плѣнныхъ въ Германіи и Австріи, при чемъ дѣйствительность совершенно противорѣчитъ тому, что плѣнныхъ заставляютъ наши враги насильно писать въ письмахъ подъ угрозой или обѣщаніемъ облегчить ихъ участь, или, что чаще всего, германцы сами пишутъ, якобы отъ плѣнныхъ, по адресамъ написанныхъ ими писемъ.

Подложность такихъ писемъ вполнѣ ясно устанавливается тѣмъ, что громадное ихъ большинство написано однимъ и тѣмъ же почеркомъ. Въ дѣйствительности же, всѣ находящіеся въ Германіи и Австріи русскіе плѣнные, наоборотъ, усердно просятъ возвращающихся на родину лицъ непремѣнно пе-

редать роднымъ и товарищамъ, что съ ними обращаются чрезвычайно скверно и что жизнь ихъ полна самыхъ ужасныхъ лишеній.

Истинное положеніе нашихъ плѣнныхъ въ Германіи и Австріи, по сообщенію упомянутыхъ вернувшихся изъ плѣна лицъ и согласно имѣющимся документальнымъ даннымъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ. При захватѣ въ плѣнъ у плѣнныхъ обыкновенно отбираются не только деньги и все болѣе или менѣе цѣнное, но даже хлѣбъ, платье, сапоги и бѣлье. Никакіе протесты не допускаются.

Есть свидѣтели, на глазахъ которыхъ были убиты плѣнные, не желавшіе добровольно отдать принадлежавшее имъ имущество. Были случаи, когда плѣнные тотчасъ по взятіи ихъ въ плѣнъ были тутъ же на мѣстѣ разстрѣляны безъ всякой, повидимому, къ тому причины. Такъ погибли восемь оренбургскихъ казаковъ, разстрѣлянные нѣмцами въ ноябрѣ минувшаго года у города Брезинъ.

Въ дальнѣйшемъ полураздѣтыхъ, босыхъ или въ опоркахъ плѣнныхъ отправляютъ обычно пѣшимъ порядкомъ. Во время этого пути, иногда продолжающагося нѣсколько дней, плѣннымъ не даютъ ни хлѣба ни горячей пищи, а кормятъ лишь свеклой и картофелемъ и то, если эти продукты случайно найдутся въ какой-либо деревушкѣ, расположенной по пути слѣдованія плѣнныхъ.

Затѣмъ слѣдуетъ отправка плѣнныхъ вглубь имперіи въ особые концентраціонные лагери, гдѣ жизнь русскихъ плѣнныхъ рисуется очевидцами въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Обращеніе съ плѣнными жестокое, унизительное, иногда доходящее до издѣвательства.

За каждую малѣйшую провинность или непослушаніе налагаются строгія наказанія, бьютъ прикладами, колютъ штыками, привязываютъ за руки къ столбу на два часа. За одно лишь желаніе плѣннаго получить вторичную порцію супа заключеніе подъ арестъ на 1—14 сутокъ—обычное явленіе. При этомъ каждый день всѣхъ арестованныхъ выводятъ изъ мѣстъ заключенія и выстраиваютъ, связывая резиновымъ шнуромъ руки, и неподвижно заставляютъ стоять въ теченіе двухъ часовъ.

Въ видѣ наказанія продѣлываютъ репетицію разстрѣла. Также въ видѣ наказанія практикуется подвѣшиваніе плѣнныхъ на опредѣленное время такимъ способомъ, чтобы ноги подвѣшиваемаго едва касались земли.

Питаніе плѣнныхъ поставлено отвратительно, кормятъ супомъ изъ картофельной шелухи, а хлѣба выдается, и то не вездѣ, по четверти фунта въ день на человѣка.

Отъ недостатка питанія среди плѣнныхъ свирѣпствуютъ голодный тифъ и цынга.

Видъ у плѣнныхъ—крайне жалкій. Одѣты они въ рубище, нѣкоторые ходятъ въ рубахахъ, сшитыхъ изъ рогожи, встрѣчаются и такіе, которые совершенно ничѣмъ не прикрыты. Размѣщаются военноплѣнные въ помѣщеніяхъ, не удовлетворяющихъ даже самымъ минимальнымъ требованіямъ гигіены. Въ большинствѣ это—землянки, вырытыя самими же плѣнными, при чемъ землянки эти настолько плохи, что были случаи ихъ обваловъ, сопровождавшихся человѣческими жертвами.

Спятъ плѣнные на соломѣ, представляющей собою скорѣе одну труху. Даже офицеры не всѣ имѣютъ кровати или нары, большинство изъ нихъ спятъ на старыхъ, грязныхъ тюфякахъ, положенныхъ прямо на земляной полъ.

Плѣнныхъ заставляютъ много работать. Они возятъ на себѣ тяжести. По 5—6 человѣкъ запрягаютъ въ плугъ и такимъ образомъ вспахиваютъ поля. Съ работы ежедневно доставляютъ десятки человѣкъ съ колотыми штыковыми ранами.

Какъ нѣмцы строятъ и защищаютъ окопы. Въ «Русскомъ Словѣ» на основаніи сообщеній, видимо, добытыхъ отъ плѣнныхъ нѣмцевъ, Г. Петровъ приводитъ много интересныхъ фактовъ, рисующихъ, по его выраженію, «ихъ тактику». Многое въ тактикѣ нѣмцевъ поражаетъ своей стройною систематичностью, изумительною предусмотрительностью въ каждой мелочи. Систематики въ наукѣ, ремеслѣ, искусствѣ, нѣмцы доказываютъ теперь и въ военномъ дѣлѣ, которое они считаютъ тоже своимъ ремесломъ, какъ мало удѣляютъ они мѣста порыву, подвигу,—все только расчетъ и техника: вмѣсто души—цифра, вмѣсто солдата—единица.

Приводимъ здѣсь наиболѣе характерныя данныя:

Чтобы продвинуться впередъ и занять новыя мѣста, нѣмцы не жалѣютъ ни людей ни снарядовъ, но, занявъ какую бы то ни было мѣстность, они сейчасъ же такъ укрѣпляютъ ее, такъ обставляютъ машинами, что сводятъ охрану ея и свои потери по охранѣ до поразительно малаго числа людей.

— Мы дорого покупаемъ, — говорятъ нѣмцы; — но зато и не отдаемъ дешево. Заплативъ дорого за обладаніе мѣстомъ, мы заставляемъ потомъ самое мѣсто экономить намъ и жизнь и силы нашихъ людей.

Всю тяжесть громадныхъ земляныхъ работъ по рытью окоповъ исполняетъ у нихъ мирное населеніе. Особенно облюбовали они мужскую молодежь, подростковъ 17—18-ти лѣтъ. Занявъ новую мѣстность, нѣмцы дѣлаютъ рабочій наборъ и затѣмъ забранную молодежь гонятъ съ собою, или перебрасываютъ со своими войсками съ одной боевой линіи на другую.

— Нашимъ солдатамъ силы нужны на утомительные переходы и на упорные бои, а тяжелое земляное рытье это ужъ пусть за нашихъ солдатъ дѣлаютъ ваши крестьяне, — поясняли нашимъ плѣнные нѣмцы.

Окопы нѣмцевъ охраняютъ всю ихъ боевую линію, но они не тянутся одной сплошной, непрерывной линіей. Идутъ сравнительно не длинными грядками, со значительными перерывами, но при этомъ всегда въ двѣ, а часто и въ три линіи, такъ что грядка окоповъ второй линіи приходится противъ перерыва на первой. Поэтому, если атакующіе нѣмцевъ соблазнятся прорывомъ въ окопахъ и кинутся именно сюда, то они прежде всего попадаютъ подъ боковой огонь справа и слѣва, а затѣмъ все-таки натыкаются на линію окоповъ.

Окопы держатся нѣмцами въ поразительной чистотѣ и сравнительно почти пустыми. На каждые 30—40 шаговъ по боевой линіи ихъ стоитъ по орудію, пулемету или вращающейся пушечкѣ. Запаса снарядовъ при нихъ нѣтъ, а позади окоповъ ходятъ дежурные самоходы,—подвижные склады снарядовъ,—и выдаютъ нужныя порціи.

Такъ и въ мирное время въ Германіи, въ большихъ городахъ, при постройкѣ домовъ не громоздятъ подлѣ ни горъ кирпича, ни запруды извести, ни насыпи песку, а подвозятъ по мѣрѣ надобности отдѣльными возами. Работа идетъ, а кругомъ просторно. То же у нѣмцевъ и со снарядами. Все во-время подъ руками, но не виситъ на рукахъ.

— Ничего лишняго въ окопахъ,—твердитъ нѣмецкое начальство своимъ солдатамъ.—Больше простора, больше воздуха, больше чистоты.

Солдаты, отлучаясь хоть на время изъ окопа, не смѣютъ оставлять здѣсь ни своего ружья, ни тесака, ни котелка. Все должны уносить съ собою. Внутри окопа нельзя разводить никакого огня, чтобы не дымить и не чадить. Пищу горячую, когда можно, подвозятъ на самоходахъ и раздаютъ по порціямъ.

Подъ Либавою и на боевой линіи подъ Шавлями у нѣмцевъ появились теперь особые самоходы-платформы въ видѣ большихъ подвижныхъ творилъ. Платформы-самоходы развозятъ по окопамъ разведенную известь, которой и заливаютъ и обмазываютъ стѣны и прикрытія у окоповъ. Получаются полубетонныя сооруженія, которыя при разрывѣ снарядовъ мѣшаютъ землѣ разлетаться мелкими брызгами, ушибающими голову, спину, лицо, вышибающими глаза. Главное назначеніе подвижныхъ творилъ, это—забота объ окопныхъ ваннахъ. Тяжелыя условія боевой жизни создаютъ благопріятную почву для всякаго рода заразныхъ болѣзней, для предохраненія отъ которыхъ нѣмцы строго блюдутъ чистоту солдатъ. Въ окопахъ на боевой линіи устраиваются цементированныя ямы. Туда накачивается брезентными кишками вода, и солдаты каждый день обливаются и обтираются.

Такъ же чисто, какъ свое тѣло, нѣмцы стараются держать и окопы. Въ каждомъ окопѣ, отбитомъ у нѣмцевъ, наши находятъ широкую доску, прикрѣпленную у стѣны. Это—столъ. Въ окопѣ?.. Ранѣе никому и въ голову не приходило: въ окопѣ столъ. Ѣли съ колѣна, кое-какъ. Каждый тутъ же и мусорилъ ѣдой: кидалъ корки хлѣба, обглоданную кость, выплескивалъ остатки похлебки. Окопы обращались въ большое помойное ведро.

Нѣмецъ блюдетъ чистоту: и здорово, и опрятно. Кромѣ того, и вообще нѣмцы держатъ въ окопахъ людей какъ можно меньше: и люди не изнуряются долгимъ сидѣньемъ подъ выстрѣлами и жертвъ меньше. Большая часть окопныхъ солдатъ—все время не въ передовыхъ окопахъ,—отведена вглубь. Вдоль же передовыхъ окоповъ день и ночь ходятъ дозорные: чуть что, сейчасъ же тревожный сигналъ по телефону. Изъ каждаго окопа проведено по два телефона въ дежурную часть: если одинъ перервется снарядомъ, останется запасной. По телефону же командуютъ издали нѣмецкіе офицеры. У нѣмцевъ офицеры дальше отъ солдатъ и на линіи боя въ болѣе безопасныхъ мѣстахъ.

Такъ же нѣмцы берегутъ на шавельской линіи и орудія съ пулеметами. Наши вначалѣ долгое время недоумѣвали: возьмутъ нѣмецкій окопъ, огонь былъ сильный, а внутри и людей какъ будто нѣтъ,—такъ, горсть убитыхъ,—и боевыхъ машинъ не видно много. Послѣ отъ плѣнныхъ узнали, что у нѣмцевъ появились бронированные тяжеловозы-самоходы. Съ носу они обиты броней, а сзади—совершенно открыты. Внутри эти самоходы набиты снарядами. Во время боя они бронированною стороною подходятъ къ окопамъ, а чуть пулеметамъ и орудіямъ на боевой линіи начинаетъ грозить какая-нибудь опасность, самоходы тотчасъ берутъ ихъ на буксиры, зацѣпляютъ канатами. Машины стрѣляютъ до крайней минуты, а затѣмъ «битюги»-самоходы заднимъ ходомъ оттаскиваютъ ихъ.

На важныхъ мѣстахъ нѣмцы ставятъ пулеметы въ три линіи и тамъ стрѣляютъ цѣлыми ночами напролетъ. Наши солдаты удивительно скоро схватываютъ манеру и психологію боевъ, или,—какъ они любятъ говорить,—тактику нѣмцевъ, разную въ разныхъ мѣстахъ.

— Густо пулеметовъ,—жидко людей,—говорятъ они.

Когда же нѣмецкіе пулеметы начинаютъ особенно стукотать, наши добродушно замѣчаютъ:

— Нѣмцы на отдыхъ пошли...

Интересно отмѣтить, что какъ у отдѣльныхъ плѣнныхъ, такъ и въ занимаемыхъ нами нѣмецкихъ окопахъ теперь почти совершенно нѣтъ газетъ. Прежде, бывало, сотни номеровъ вездѣ, а теперь—ничего, ни одной печатной строки.

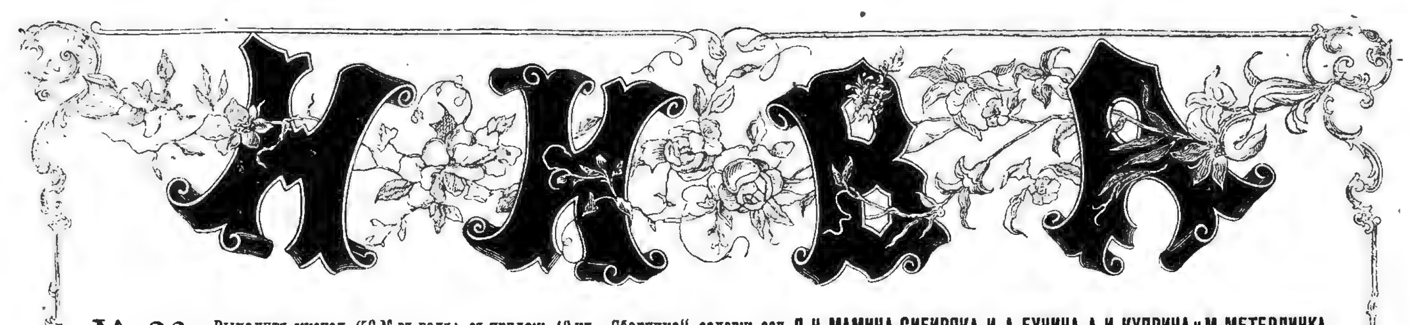
Америка и Россія. Наши столицы посѣтилъ извѣстный американскій промышленникъ, общественный и политическій дѣятель, крупный заводчикъ американскихъ сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій,—Макъ-Кормикъ. Цѣль его пріѣзда въ Россію—завязать съ нами болѣе близкія торговыя сношенія. Сотруднику одной изъ московскихъ газетъ онъ сказалъ: «Моя задача сводится къ выясненію вопроса, въ какихъ товарахъ сейчасъ нуждается Россія, и къ тому, чтобы приложить всѣ усилія, чтобы теперь и въ будущемъ войти съ русскими торговыми кругами въ болѣе тѣсныя сношенія».

Признавая, что американцы до сихъ поръ плохо знали Россію, онъ сказалъ, что теперь среди нихъ замѣчается огромный интересъ къ ней, ее изучаютъ, о ней много пишутъ и говорятъ, и въ Россію сейчасъ въ большомъ числѣ ѣдутъ представители американской промышленности. Американцы съ большимъ интересомъ слѣдятъ за героической борьбой русской арміи и разсчитываютъ съ своей стороны на симпатіи Россіи къ себѣ.

Собаки съ «двойной шкурой». Англійская газета «Daily News» разсказываетъ, до какой изощренности доходятъ нѣмцы въ дѣлѣ шпіонажа. Въ сѣверной Франціи хозяевами одной кофейни, находившейся вблизи французскихъ траншей препровождались сообщенія нѣмцамъ при помощи собаки, на которой была фальшивая шкура. Подъ вторую шкуру германскіе шпіоны вкладывали донесенія о расположеніи и намѣреніяхъ противника. Собака съ двойной шкурой, перебѣгавшая по траншеямъ, не вызывала сначала никакихъ подозрѣній. Французскіе солдаты даже ласково съ ней обращались. Эта коварная выдумка нѣмцевъ была обнаружена совершенно случайно, и съ тѣхъ поръ всѣхъ «бродячихъ» собакъ французы стали немилосердно подстрѣливать.

Отравленныя нѣмецкія пули. Въ Петроградъ доставлены были недавно изъ шавельскаго района военныхъ дѣйствій нѣсколько легко раненыхъ нижнихъ чиновъ. Помѣщенные въ лазаретъ, двое нижнихъ чиновъ скончались. По изслѣдованіи причинъ смерти врачебной экспертизой, установлено, что раненія были причинены отравленными пулями, отъ яда которыхъ скончались нижніе чины. Дѣло о разслѣдованіи примѣненія германцами отравленныхъ пуль передано сенатору Кривцову, въ особую комиссію по разслѣдованію и установленію звѣрствъ и жестокостей германцевъ и австрійцевъ на войнѣ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.



№ 26. Выходитъ еженед. (52 №№ въ годъ); съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. **Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА,** 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйствъ., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 27 іюня 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на 1/2 года—4 р., на 1/4 года—2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ австро-итальянской войнѣ.
Карта пограничныхъ областей воюющихъ державъ.
Окрашенныя въ черный цвѣтъ области Австріи—Трентино и Истрія—искони итальянскія по составу и языку населенія, являются театромъ военныхъ дѣйствій.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Мамина-Сибиряка" кн. 9.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

данный на имя Предсѣдателя Совѣта Министровъ, статсъ-секретаря Горемыкина.

Иванъ Логгиновичъ. Со всѣхъ концовъ родной земли доходятъ до Меня обращенія, свидѣтельствующія о горячемъ стремленіи русскихъ людей приложить свои силы къ дѣлу снабженія арміи. Въ этомъ единодушіи народномъ Я почерпаю непоколебимую увѣренность въ свѣтломъ будущемъ.

Затянувшаяся война требуетъ все новаго напряженія. Но въ одолѣніи возрастающихъ трудностей и въ неизбѣжныхъ превратностяхъ военнаго счастья крѣпнетъ и закаляется въ нашихъ сердцахъ рѣшимость вести борьбу до полнаго, съ Божіей помощью, торжества русскаго оружія. Врагъ долженъ быть сломленъ. До того не можетъ быть мира.

Съ твердой вѣрой въ неизсякаемыя силы Россіи Я ожидаю отъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, отъ русской промышленности и отъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Родины, безъ различія взглядовъ и положеній, сплоченной, дружной работы для нуждъ доблестной нашей арміи. На этой, единой отнынѣ, всенародной задачѣ должны быть сосредоточены всѣ помыслы объединенной и неодолимой въ своемъ единствѣ Россіи.

Образовавъ, по вопросамъ снабженія арміи, Особое Совѣщаніе съ участіемъ членовъ законодательныхъ учрежденій и представителей промышленности, Я признаю необходимымъ приблизить и время созыва самихъ законодательныхъ учрежденій, дабы выслушать голосъ Земли Русской. Предрѣшивъ поэтому возобновленіе занятій Государственнаго Совѣта и Государственной Думы не позднѣе августа сего года, Я поручаю Совѣту Министровъ разработать, по Моимъ указаніямъ, законопроекты, вызванные потребностями военнаго времени.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою начертано:

«НИКОЛАЙ».

Ставка.
14-го іюня 1915 года.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

„Борьба за Вислу".

Послѣ очищенія Львова наступилъ наиболѣе значительный моментъ въ операціяхъ австро-германскихъ армій генерала Макензена. Противникъ прошелъ Западную Галицію, миновалъ линію рѣки Сана, и ему предстояло произвести стратегическій маневръ поворотъ къ сѣверу, къ нашей границѣ, чтобы выйти на тотъ правый берегъ Вислы, который составлялъ конечную цѣль всей новой кампаніи, затѣянной нѣмцами.

Во исполненіе этого австро-германскія арміи, вытянувшіяся отъ Вислы, у впаденія Сана, мимо Львова и вдоль всего Днѣстра до Румыніи, начали поворотъ „правымъ плечомъ впередъ", т.-е. вся линія фронта стала описывать дугу правымъ крыломъ въ Восточной Галиціи, имѣя неподвижнымъ лѣвое крыло у Вислы, въ Люблинской губерніи. Соотвѣтственно этому наши войска, намѣчая продолженіе дальнѣйшаго отхода впередъ до того момента, который будетъ избранъ для рѣшительнаго сраженія, стали понемногу отходить изъ Восточной Галиціи, производя безпрерывныя контръ-атаки при отходѣ и нанося потери противнику.

Этотъ поворотъ занялъ около недѣли, и въ результатѣ арміи противника развернулись у южной границы Люблинской, Холмской и Волынской губерній фронтомъ на сѣверъ.

Расположеніе противника представляло собою не прямую линію, а такъ называемую „уступную форму", гдѣ пять группъ войскъ противника были расположены уступами одна за другой, т.-е. позади и правѣе или лѣвѣе каждой арміи располагалась слѣдующая армія. Уступнымъ расположеніемъ называется такое, гдѣ части войскъ поставлены не рядомъ другъ съ другомъ, а одна правѣе или лѣвѣе и позади другой. Такое расположеніе обезпечиваетъ крыло впереди стоящей арміи, ибо, если его обойти, то сзади стоящая армія въ свою очередь обходитъ обходящаго.

Такое уступное расположеніе приняли австро-германскія войска. При этомъ въ центрѣ и впереди всѣхъ выдвинулась между Бугомъ и Вепржемъ, въ Люблинской и Холмской губерніяхъ, германская армія Макензена, а вправо и влѣво отъ нея и позади нея стали другія арміи. Вправо и позади арміи Макензена стала австрійская армія Бемъ-Ермоли. Вправо и позади арміи Бемъ-Ермоли стала германская армія Лицингена. Вправо и позади германской арміи Лицингена стала австрійская армія Пфланцера.

Такимъ образомъ германская армія Макензена стояла впереди, а вправо и сзади нея, въ видѣ лѣстницы, стояли три арміи, одна сзади другой, обезпечивая этимъ правое крыло арміи Макензена.

Для обезпеченія лѣваго крыла, влѣво и позади арміи Макензена расположилась австрійская армія эрцгерцога Іосифа-Фердинанда.

Въ такомъ видѣ все построеніе представляло собою форму клина, гдѣ головную острую часть образовывала собою масса арміи Макензена, въ Люблинской и Холмской губерніяхъ, имѣвшая, повидимому, задачу протискиваться впередъ, раздвигать наше расположеніе и этимъ облегчать продвиженіе остальнымъ арміямъ, находящимся вправо и влѣво отъ нея.

Какъ самое направленіе наступленія, такъ и тотъ порядокъ, въ которомъ его начали арміи противника, представляютъ собою почти точную копію августовскаго наступленія австрійцевъ, закончившагося, какъ извѣстно, разгромомъ ихъ въ Галиційской битвѣ. Тогда такъ же, какъ и сейчасъ, двигался между Вепржемъ и Западнымъ Бугомъ, въ Люблинской и Холмской губерніяхъ, милліонъ австрійцевъ, имѣя позади себя, вправо и влѣво, уступы въ видѣ другихъ армій, обезпечивавшіе оба крыла того милліона, который велъ главное наступленіе.

Изъ этого можно видѣть, что нѣмцы съ началомъ весны рѣшили повторить австрійскій планъ. Необходимо отмѣтить, что австрійская печать и австрійскіе военные изслѣдователи всегда настаивали на томъ, чтобы нѣмцы бросили Францію и повели наступленіе черезъ Галицію и оттуда черезъ Люблинскую и Холмскую губерніи, для того, чтобы прорѣзать Польшу съ юга на сѣверъ и такимъ образомъ отрѣзать клинъ, вдающійся въ германскую территорію— Царство Польское. Этотъ планъ австрійцы предлагали не только послѣ неудачъ нѣмцевъ во Франціи, но и передъ самой войной, и вообще всегда настаивали на томъ, чтобы нѣмцы повели сначала наступленіе въ нашу сторону, конечно, совмѣстно съ ними. Такой планъ, какъ извѣстно, поддерживалъ фонъ-деръ-Гольцъ, предлагавшій воспользоваться медленностью нашей мобилизаціи въ началѣ войны, проникнуть какъ можно глубже на нашу территорію и затѣмъ уже повернуться во Францію.

Кронпринцъ отстоялъ планъ нападенія сначала на Францію, а затѣмъ на Россію, и австрійцы были оставлены въ одиночествѣ на восточномъ фронтѣ, гдѣ и потерпѣли пораженіе.

Несмотря на неудачи австрійцевъ въ Галиційской битвѣ, несмотря на собственное пораженіе на Марнѣ, германцы не пожелали принять австрійскій планъ и въ октябрѣ повели неудачное наступленіе на Варшаву. Австрійцы продолжали настаивать на томъ, чтобы былъ принятъ ихъ планъ—движеніе черезъ Галицію и Люблинскую губернію.

Затѣмъ послѣдовало наступленіе нѣмцевъ изъ Восточной Пруссіи, гдѣ они также не достигли намѣченной ими стратегической цѣли,—занятія праваго берега Вислы съ Варшавой, и австрійцы опять стали настаивать на своемъ планѣ. Далѣе палъ Перемышль, и тогда въ австрійской печати появился рядъ статей, изъ которыхъ можно было узнать объ этомъ безпрерывномъ спорѣ между австрійскимъ и германскимъ генеральными штабами. Австрійцы прямо винили нѣмцевъ въ томъ, что тѣ бросили ихъ одинокихъ передъ превосходными силами на восточномъ фронтѣ, доказывали нѣмцамъ, что всѣ ихъ способы овладѣть правымъ берегомъ Вислы никуда не годятся, и что единственный способъ проникновенія на правый берегъ Вислы— движеніе черезъ Галицію и Люблинскую губернію совмѣстно съ австрійцами.

Такимъ образомъ, черезъ 9 мѣсяцевъ войны, нѣмцы наконецъ склонились на австрійское предложеніе и начали новую кампанію по австрійскому плану, намѣчая продвиженіе по Западной Галиціи, затѣмъ поворотъ къ сѣверу и движеніе по правому берегу Вислы на Ивангородъ и Брестъ-Литовскъ.

Въ то же время нашъ противникъ, какъ извѣстно, сосредоточилъ значительныя силы и на другомъ крылѣ своего стратегическаго фронта, а именно на лѣвомъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Это обнаруживало, что противникъ будетъ пытаться осуществить тотъ планъ, о которомъ много писалось въ различныхъ брошюрахъ до войны, планъ движенія двумя массами: одной съ юга на сѣверъ, изъ Галиціи черезъ Люблинскую и Холмскую губерніи, а другой изъ Прибалтійскаго края, съ сѣвера на югъ, съ тѣмъ, чтобы эти обѣ колонны соединились вмѣстѣ и такимъ путемъ овладѣли бы передовымъ театромъ – Царствомъ Польскимъ.

Конечно, въ основной своей идеѣ этотъ планъ преслѣдуетъ не овладѣніе извѣстной территоріей — Царствомъ Польскимъ, во имя пріобрѣтенія таковой, а занятіе оборонительной линіи рѣки Вислы.

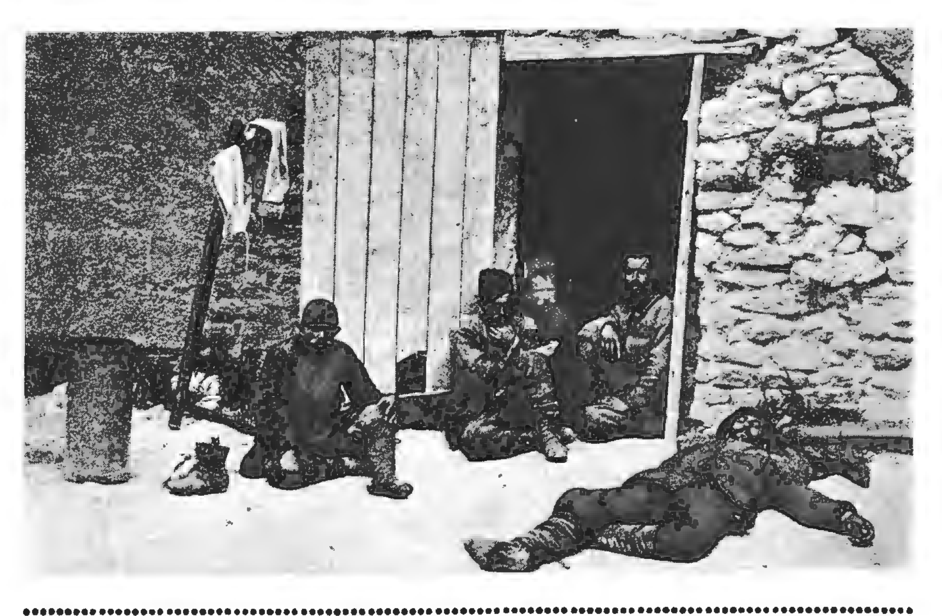
Союзный флотъ въ Дарданеллахъ.

Къ этой работѣ — созданію „двухъ оборонъ" на французскомъ и на итальянскомъ фронтѣ — свелись всѣ усилія нѣмцевъ за 10 мѣсяцевъ войны. Для окончанія этой „оборонительной работы" нѣмцы и намѣчаютъ овладѣніе линіей рѣки Вислы, дабы создать себѣ столь же сильную оборону и на нашемъ фронтѣ, усиленную еще глубокой и широкой рѣкой. Эти три обороны объемлютъ собою первую половину нѣмецкой программы, ихъ плана дѣйствій.

Вслѣдъ затѣмъ, послѣ созданія этихъ трехъ оборонъ, противники будутъ стремиться избрать одинъ какой-либо фронтъ для того, чтобы сосредоточить тамъ сколь возможно большее число силъ, добиться рѣшительныхъ результатовъ и принудить эту сторону къ миру; на остальныхъ же фронтахъ созданныя оборонительныя системы дадутъ возможность держать въ это время весьма мало войскъ.

Если взглянуть, такъ сказать, съ широкой точки зрѣнія на общій характеръ операцій нашихъ противниковъ за первые 10 мѣсяцевъ войны, то можно видѣть, что всѣ ихъ усилія свелись къ тому, чтобы создать какъ можно болѣе сильную оборону на западномъ—французскомъ фронтѣ, а также на южномъ фронтѣ—итальянскомъ. На западномъ фронтѣ въ настоящее время имѣются три линіи укрѣпленій: первая линія—нынѣшняя, занимаемая теперь германскими войсками въ Восточной Франціи, вторая линія—подготовленная въ Бельгіи, третья линія—рѣка Рейнъ съ крѣпостями. Каждая изъ первыхъ двухъ линій состоитъ изъ многихъ десятковъ линій укрѣпленій, съ проволоками, скорострѣльными орудіями и пулеметами, образующими собою какъ бы сплошныя, едва одолимыя стѣны.

Такая же стѣна создана, въ видѣ укрѣпленнаго Трентино, на южно-итальянскомъ фронтѣ, и это такъ же задерживаетъ операціи итальянской арміи, какъ линіи укрѣпленій во Франціи задерживаютъ операціи французской арміи. И тамъ и здѣсь нѣмцы, благодаря силѣ укрѣпленій, пулеметамъ и артиллеріи, имѣютъ возможность держать весьма небольшое число войскъ и могутъ всю массу бросить на восточный фронтъ.



Въ Дарданеллахъ. Турки, взятые въ плѣнъ при штурмѣ форта Седиль-Баръ.

Какой фронтъ изберетъ противникъ опредѣленно сказать нельзя.

Въ Дарданеллахъ. Турецкій фортъ Седиль-Баръ, разрушенный бомбардировкой союзниковъ.

ПОПРАВКА.

Въ № 135 „Правит. Вѣстника" отъ 20-го іюня с. г. объявлена поправка опечатки, вкравшейся въ таблицу выигрышей, павшихъ на билетъ I-го выпуска Высочайше разрѣшенной Благотворительной Лотереи 1914 г. (зеленыхъ билетовъ) въ пользу раненыхъ и больныхъ воиновъ, семей лицъ, призванныхъ на войну, и лицъ, пострадавшихъ отъ военныхъ бѣдствій. Въ нашей таблицѣ эта опечатка находится среди билетовъ выигрышей въ 200 рублей на 4-й страницѣ обложки № 25, въ 5 столбцѣ 15 строка съ верху:

Напечатано . . . Серія 12.000
Слѣдовало . . . . „ 12.003

Памяти царственнаго пѣвца.

Очеркъ **П. В. Быкова.**

(Окончаніе).

Своихъ учителей-поэтовъ, родственныхъ ему по духу, по свѣтлымъ идеаламъ, высокимъ стремленіямъ, царственный поэтъ любилъ и преклонялся передъ ними. Хорошо извѣстны его посланія Майкову, Полонскому, Фету, Гончарову. Поэтессѣ Поликсенѣ Сергѣевнѣ Соловьевой (Allegro) „К. Р.“, между прочимъ, писалъ:

«На крыльяхъ ласточекъ твоихъ
Ко мнѣ, свѣжо благоухая,
Несется твой пѣвучій стихъ,
Какъ пѣсни сладостнаго Мая.
Мнѣ сыплешь полною рукой
Ты цвѣтъ черемухи душистой;
О счастьѣ жаворонокъ твой
Звенитъ въ лазури неба чистой.
Въ душѣ тобой воскрешены
Мечты, восторгъ и вдохновенье...
Прими жъ поэта восхищенье,
Пѣвица солнца и весны!..»

Такъ цѣнилъ онъ талантъ каждаго поэта, даже скромнаго, подающаго надежды. Прелестное, въ нѣжныхъ тонахъ, написалъ онъ предисловіе къ маленькой книжечкѣ стихотвореній Николая Мезько, начинающаго поэта, вспыхнувшаго яркой звѣздочкой на блѣдномъ, туманномъ небосклонѣ современной поэзіи. Поощряя всякое поэтическое дарованіе, любовно относясь къ нему, самъ „К. Р.“, просилъ у старыхъ поэтовъ, съ которыми дружески общался, благословенія. Робкій въ своихъ начинаніяхъ, хотя тогда ему было уже около тридцати лѣтъ, онъ писалъ Фету:

«А ты, испытанный годами,
Не унывающій боецъ,
Ты, убѣленный сѣдинами,
Вѣнчанный славою пѣвецъ,
Меня, взрощеннаго судьбою
Въ цвѣтахъ и счастьѣ, и любви,
Своей дряхлѣющей рукою
На трудный путь благослови...»

Съ трогательной любовью лично поработалъ „К. Р.“ надъ изданіемъ полнаго собранія стихотвореній Фета. Въ отвѣтъ на письмо Майкова, посылавшаго ему при этомъ свои новыя стихотворенія, „К. Р.“ писалъ, выражая свои восторги:

«Душа и просится и рвется
Въ тѣ неземныя высоты,
Откуда голосъ твой несется,
Туда, откуда манишь ты!
О, пой намъ! Пой, не умолкая,
Съ той высоты, чтобъ и опять
Я въ этой дивной пѣснѣ рая
Могъ вдохновенье почерпать».

Царственный поэтъ черпалъ его въ неизсякаемыхъ родникахъ чистой поэзіи, у тѣхъ вѣрныхъ стражей старыхъ пушкинскихъ завѣтовъ, тѣхъ пѣвцовъ вѣчной красоты, которые унаслѣдовали безсмертную лиру своего кумира. Твердой, сильной рукой крѣпко держался за пушкинскія скрижали пѣвецъ любви и добра, съ именемъ котораго долженъ быть тѣсно связанъ расцвѣтъ пушкиновѣдѣнія въ нашей Академіи. Своей величавостью торжество въ память сотой годовщины рожденія Пушкина, состоявшееся въ 1899 году, обязано не кому иному, какъ великому почитателю великаго поэта. И вотъ что, между прочимъ, писалъ великій князь, какъ предсѣдатель комиссіи, вѣдавшей празднество: „Чествованіе не слѣдуетъ ограничивать стѣнами Академіи; оно должно быть устроено такъ, чтобы торжество возбудило живое сочувствіе во всемъ русскомъ образованномъ обществѣ и по возможности имѣло воспитательное значеніе для народа“. При этомъ великій князь нашелъ необходимымъ привлечь къ національному торжеству представителей отечественной литературы, науки и искусства, кромѣ офиціальныхъ лицъ изъ этихъ областей. Когда Академія объявила конкурсъ на стихотворную кантату для пушкинскаго юбилея, изъ сорока лицъ, приславшихъ текстъ ея—на музыку А. К. Глазунова—авторомъ одобренной кантаты оказался „К. Р.“ На пушкинской выставкѣ въ Академіи великій князь явился цѣннымъ и интереснѣйшимъ экспонентомъ, выставивъ рѣдкія реликвіи. Онъ также принималъ самое живое участіе въ академической пушкинской комиссіи по изданію сочиненій великаго поэта. Наконецъ, благодаря почину великаго князя, казна пріобрѣла у дѣтей-наслѣдниковъ поэта ихъ родовое историческое помѣстье—село Михайловское.

Съ юныхъ лѣтъ благоговѣлъ августѣйшій поэтъ „передъ святыней красоты“ и великимъ геніемъ Пушкина, и лучами его озарялась вся поэзія „К. Р.“. Она непосредственна, искренна, порою наивно-прелестна, и отражаетъ всѣ впечатлѣнія бытія, наслажденія жизнью, сокровенныхъ думъ поэта, его созерцаній природы, чудныхъ душевныхъ моментовъ. Многими бодрыми пѣснями своими ясно характеризуетъ „К. Р.“ свою музу:

«Къ чему тяготиться уныньемъ, тоской?
Взгляните, какъ жизнь хороша и прекрасна,
И сколько блаженства дано намъ судьбой!
Гремите же, струны! Полна увлеченья,
Въ честь жизни раздайся, о, пѣсня моя!
Забывъ и печаль, и тоску, и мученья,
Живите и пользуйтесь жизнью, друзья!»

Домъ инвалидовъ и сиротъ великой войны 1914—1915 гг. имени Т. Ф. Булычева (пожертвовавшаго 200.000 рублей) въ Вяткѣ, торжественно открытый 20-го мая с. г. По фот. М. Н. Сунцова.

Воспріимчивый и отзывчивый на всякое хорошее чувство, поэтъ чуждъ болѣзненно-страстныхъ порывовъ, разъѣдающихъ умъ и сердце сомнѣній, невѣрья. Какая-то уравновѣшенность, полная увѣренность въ правотѣ, въ непреложности исповѣдуемыхъ имъ идеаловъ сквозятъ даже въ первыхъ опытахъ поэта. Берите жизнь, какая она есть, примиритесь съ ней и благословляйте земное бытіе, вѣрьте, надѣйтесь, молитесь,—вотъ что выражаютъ его простыя, безхитростныя пѣсни. Глубоко вѣрующая, чистая, цѣломудренная, горячо преданная христіанскимъ идеаламъ, набожно-проникновенная душа отражается въ нихъ. Онѣ краснорѣчиво говорятъ о благородствѣ духа поэта, о высотѣ его порывовъ, готовности жертвовать собой для прекрасной цѣли, о прямолинейности въ его любви къ міру Божьему со стороны идейной. Вмѣстѣ съ поэтомъ Щербиной „К. Р.“ можетъ сказать: „На служеніе мысли высокой, на служеніе правды я взросъ“. Въ одномъ изъ юношескихъ своихъ стихотвореній—поэту тогда было 24 года—„К. Р.“ разсказываетъ о тѣхъ чудныхъ мгновеньяхъ, когда на него находитъ вдохновенье, пробуждающее въ немъ столько тайныхъ мукъ и столько неземного наслажденья, когда онъ ощущаетъ „приступы восторженной любви“ и „сокровенный творчества недугъ“, и говоритъ:

«Я всю любовь, всѣ лучшія стремленья,
Все, что волнуетъ грудь въ ночной тиши,
И всѣ порывы пламенной души
Излилъ въ свои стихотворенья...»

И это искреннее признаніе можетъ служить лучшимъ показателемъ характера его творчества, основного чувства поэта. Онъ—лирикъ, чуждый злободневнаго настроенія, суетныхъ переживаній, чувствующій отвращеніе къ пошлости сѣрыхъ будней, къ безнадежной скорби, гнѣвности. Какъ выразителя школы чистаго искусства, его можно поставить въ ряду такихъ поэтовъ, какъ Майковъ, Фетъ, Щербина, отчасти Тютчевъ, Голенищевъ-Кутузовъ и, до извѣстной степени, Владиміръ Соловьевъ. Въ немъ много майковскаго эллинизма, созерцательности Тютчева, благороднаго идолопоклонства Щербины передъ красотой. Счастьемъ обвѣяна большая часть пѣсенъ „К. Р.“. Въ нихъ чувствуется духовное единеніе поэта съ небомъ, стыдливость въ чувствѣ любви и религіозный паѳосъ. Послѣдній особенно ярко выступаетъ въ трагедіи „К. Р.“ „Царь Іудейскій“. Въ этомъ произведеніи, кстати сказать, замѣчается большой ростъ поэтическаго таланта поэта, его міросозерцанія и, если можно такъ выразиться, расширеніе мысли. Фантазія здѣсь отсутствуетъ, потому что поэтъ считаетъ ее неумѣстной въ произведеніи божественнаго свойства, евангельскаго происхожденія. Эпикомъ „К. Р.“ является въ немногихъ произведеніяхъ, въ томъ числѣ въ „Севастіанѣ-Мученикѣ“, этомъ шедеврѣ его поэзіи, гдѣ столько силы и духовнаго подъема. Написанная на тему евангельской истины „Претерпѣвый же до конца, той спасется“, эта поэма прекрасна въ особенности по своимъ заключительнымъ строкамъ:

«Тьму-неправды властно расторгая,
Словно солнце пламенной зарей,
Засіяютъ истина святая
И любовь надъ грѣшною землей.
И тогда, въ день радости и мира,
Осѣнятся знаменьемъ креста
И воспрянутъ всѣ народы міра,
Славя Господа Христа!»

Эта поэма дышитъ истиннымъ вдохновеніемъ, прекрасно передаетъ настроеніе ея творца и справедливо считается самымъ выдающимся его произведеніемъ. Выдается и драматическій отрывокъ „К. Р.“ „Возрожденный Манфредъ“, гдѣ байроновскій герой примиряется съ небомъ и гдѣ ярко выражено другое настроеніе поэта. У „К. Р.“ найдется также довольно много красивыхъ, граціозныхъ переводовъ изъ иностранныхъ поэтовъ. Много и съ успѣхомъ поработалъ августѣйшій поэтъ надъ переводами шекспировскаго „Гамлета“, „Ифигеніи въ Тавридѣ“ Гёте и „Мессинской невѣсты“ Шиллера.

Страницы „Нивы“ не разъ были украшаемы вдохновенными строфами „К. Р.“. Здѣсь, кромѣ указанной нами въ началѣ очерка пьесы „На Страстной недѣлѣ“, были помѣщены: „Зимой“, одинъ изъ лирическихъ шедевровъ „К. Р.“ (1910), и „Въ Египтѣ“ (1913)—путевыя впечатлѣнія августѣйшаго поэта, переданныя звучнымъ, сильнымъ стихомъ. Въ исторіи нашей литературы останутся жить его произведенія, полныя своеобразной прелести, равно какъ заслуги царственнаго дѣятеля на поприщѣ военно-педагогическомъ будутъ занесены въ исторію нашей общественности...

На кавказскомъ фронтѣ. Спѣшившаяся батарея спускается съ горъ на отдыхъ. По фот. нашего корреспондента.

На кавказскомъ фронтѣ. Дневка. По фот. нашего корреспондента.

Чудо.

Разсказъ **В. Муйжеля.**

I.

Уже давно была война—поллѣта прошлаго, осень и зиму была она, и уже весна стала на дворѣ, снѣгъ побѣжалъ мутными ручьями, рѣки вышли изъ береговъ, острая трава, зеленая, по-весеннему молодая, засѣла по канавамъ просохшимъ—а война все тянулась, глухіе отголоски ея все доносились смутной тревогой и неяснымъ безпокойствомъ.

Самая война была далеко—ни разу за все время не слышали въ деревнѣ выстрѣловъ, и только ѣздившіе на западъ разсказывали о нихъ. И по ихъ разсказамъ выходило, что выстрѣлы эти сметаютъ деревни начисто, людей убиваютъ всѣхъ на-смерть, и остаются на мѣстѣ прежняго жилья однѣ только полуразрушенныя печи, печальныя и зловѣщія послѣ пожарища, затаившія угрюмую память о прежнемъ довольствѣ.

Весна шла солнечными днями, останавливалась въ лѣсу, что-то дѣлала тамъ темными свѣжими ночами, и деревья какъ будто просыпались, почки развертывались, влажный теплый вѣтеръ весело игралъ ожившими вѣтвями: а весна шла уже дальше по просохшимъ дорогамъ, курилась золотой пылью на солнцѣ, въ поля проходила и кружила по чернымъ прошлогоднимъ бороздамъ, шепча и колдуя таинственными шорохами, особенными весенними шумами... И сырая, пахнущая могилой и одновременно крѣпкой и живой зеленью, земля отвѣчала ей тихимъ вздохомъ.

Уже пронеслась стремительно надъ шумящимъ боромъ первая гроза, когда пришелъ народъ изъ костела и разомъ заговорилъ, что германъ близко. Въ селѣ у помѣщика всѣ собрались къ отъѣзду, двѣнадцать подводъ стояло уже нагруженными всякимъ добромъ, готовыя двинуться на станцію. И ксендзъ, заканчивая обычную проповѣдь, въ темныхъ, но всѣмъ понятныхъ выраженіяхъ намекнулъ, что лучше людямъ уйти, когда совершается Божій судъ...

Старый, крѣпкій, какъ можетъ быть крѣпкимъ только положившій свою жизнь на трудъ крестьянинъ, сѣрый отъ сѣдины хозяинъ Донатъ Вовчикъ послушалъ разсказы про германовъ, насупилъ привычнымъ движеніемъ огромныя, разросшіяся въ добрые усы, брови, и молча пошелъ домой.

За обѣдомъ онъ сидѣлъ, какъ обычно молчаливо и сурово, ѣлъ обстоятельно, съ той немного строгой торжественностью, съ какой относится къ хлѣбу насущному крестьянство, и когда внучка, семилѣтняя дѣвочка, зашалила и закапризничала чего-то, онъ только повелъ бровью, и мать дѣвочки, единственная дочка стараго Доната Вовчика, торопливо наклонилась и зашептала что-то Агнусѣ.

Мужъ ея, крѣпкій, здоровый и широкій, какъ комодъ, человѣкъ, безсознательно подражавшій тестю не только въ пріемахъ хозяйства, но и во внѣшнихъ манерахъ, мелькомъ и какъ будто равнодушно взглянулъ на жену, и этого было довольно: дѣвочка замолчала, и торжественность обѣда, напоминавшаго служеніе древнимъ, переходящимъ отъ затерявшихся въ вѣкахъ пращуровъ, обрядомъ, больше не нарушалась.

Бабка—баловница, какъ всѣ бабки, издали, отъ печки, лукаво подмигивала внучкѣ. Она знала, что дѣвочкѣ скучно сидѣть со строгимъ дѣдомъ, молчаливымъ отцомъ, и лукавой старческой гримасой утѣшала ее. Но, чтобы смягчить скользнувшую неловкость, сдѣлавшую молчаніе особенно напряженнымъ, она заговорила о томъ, о чемъ говорили сегодня въ церквѣ: о предстоящемъ нашествіи германовъ.

— На господскомъ дворѣ панъ и пани уже всѣ вещи сложили,—проговорила она съ неуловимой усмѣшкой, не то надъ трусливымъ паномъ, не то еще надъ чѣмъ-то:—люди говорятъ, пани сама очень испугалась!..

Старикъ помолчалъ, тщательно отеръ ложку мякишемъ хлѣба и съѣлъ его. Потомъ положилъ руки на колѣни и, не глядя на жену, отозвался:

— Э-э, паны!..

По части пановъ отношеніе такимъ образомъ было установлено. Но старуха имѣла свою тайную мысль, и ей хотѣлось выяснить положеніе окончательно. То, что люди разсказывали о германахъ, тревожило ее.

— Да ужъ паны всегда такъ...—поддержала она:—чуть что—они сразу не въ себѣ дѣлаются... Въ прошломъ году у нихъ садовникъ Михалъ заступомъ ногу себѣ поранилъ, ну, конечно—кровь... Пани какъ увидѣла—„ахъ, ахъ, дурно мнѣ, ахъ, Іезусъ, Марія—кровь, кровь!..“

Старуха по натурѣ была веселымъ, бойкимъ человѣкомъ. Годы труда, иногда нужды и непрестанной заботы, такъ же, какъ вся жизнь въ молчаливой покорности суровому мужу не могли убить въ ней безобидной, но очень мѣткой смѣшливости. И теперь она голосомъ такъ смѣшно передразнила испугавшуюся пани, что Агнуся не выдержала и фыркнула, дочь улыбнулась, и даже у самого хозяина брови насмѣшливо шевельнулись.

— Э-э, тожь пани!..—какъ прежде, полуснисходительно повторилъ онъ.

— И у насъ которые люди поговариваютъ, продолжала вести къ своему старуха.—Стахъ Шемелюнъ былъ подъ Варшавой, ѣздилъ дочку провѣдать, разсказывалъ худо о германахъ... Конечно, война,—какъ бы извиняясь, добавила она:—онъ говоритъ, ни за что не останусь, какъ германы придутъ, и всѣ уходятъ, когда они появляются!..

Она осторожно замолчала и, подавая миску съ ѣдой, быстро взглянула на мужа. Такъ же неуловимо взглянули и дочь на отца и ея мужъ. И молчаніе старика стало особенно значительнымъ и важнымъ.

Онъ понялъ это, такъ же, какъ понялъ, что именно теперь надо положить конецъ всякимъ толкамъ. Но молчалъ, дѣлая видъ, что занятъ бѣлой, разсыпавшейся подъ ложкой, просяной кашей больше, чѣмъ общимъ вниманіемъ. И когда наложилъ себѣ свою

мисочку, изъ которой ѣлъ всегда, и зимою дома и лѣтомъ на покосѣ или пашнѣ, бросилъ, не обращаясь, въ сущности, ни къ кому:

— Это давно извѣстно, что Шемелюнъ глупымъ человѣкомъ всегда былъ. Потому онъ и вертитъ хвостомъ отъ Варшавы до Ковны, и на мѣстѣ ему не сидится... Отъ большого ума, должно-быть, и дочь за лавочника подъ Варшаву отдалъ, а самъ теперь батрака нанимаетъ... Теперь отъ большого ума побѣжитъ, не зная куда... И всѣ дураки за нимъ тоже побѣгутъ!

Онъ замолчалъ, высоко поднялъ брови и медленно обвелъ глазами всѣхъ. Старуха смущенно опустила вѣки, дочь покорно склонилась надъ чашкой, а мужъ ея, молчаливый человѣкъ, безсознательно желавшій во всемъ походить на настоящаго хозяина, солидно крякнулъ.

Старикъ опустилъ глаза и, пытаясь выразить одной фразой всю безсмыслицу побѣга, всю нелѣпость рѣшенія глупаго Шемелюна и всю сложность дошедшей въ своемъ размахѣ до самаго нужнаго времени весны, слегка двинувъ плечомъ, негромко и изумленно сказалъ:

— А какъ же земля? Вѣдь самое время пахать?!.

И этотъ аргументъ, такъ же, какъ самое отношеніе старика къ вопросу облегчили всѣхъ. Вмѣсто смутнаго безпокойства теперь все было ясно, опредѣленно и понятно, какъ бывало всегда и во всемъ подъ крѣпкой рукой хозяина.

II.

Когда изъ села потянулись телѣги, наполненныя тѣмъ страннымъ хламомъ, который везутъ всегда съ собою бѣженцы,— старымъ, казалось бы, никому не нужнымъ хламомъ,— старикъ не выходилъ почти со двора, а когда работалъ въ саду и по улицѣ въ это время проѣзжала телѣга — онъ отворачивался и дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ уѣзжающихъ.

Къ нимъ заходили сосѣди прощаться: бабы шушукались въ углу, и порой оттуда доносилось сдержанное всхлипываніе. Но едва только въ сѣняхъ раздавались тяжелые, медлительные шаги хозяина, прощавшіеся дѣлали видъ, что зашли по дѣлу, а женщины старались ускользнуть незамѣтно. И только солтысъ Гунта, проходя мимо сада и замѣтивъ старика, пріостановился и спросилъ начальственно:

— А ты что жъ, старый, остаешься?

Хозяинъ посмотрѣлъ на него и равнодушно отвернулся.

— Пускай ѣдетъ тотъ, у кого въ головѣ пусто,—буркнулъ онъ.

Солтысъ подумалъ, склонивъ голову набокъ, постегалъ прутикомъ по пыльному сапогу и не спѣша отвѣтилъ:

— Гордый ты человѣкъ, Донатъ, очень гордость тебѣ въ сердце вошла... Что жъ—или ты нѣмцу перекинуться хочешь, со всѣмъ народомъ не идешь?..

Но онъ не успѣлъ докончить. Внезапно и страшно передъ самымъ его лицомъ вдругъ вырисовались сѣдыя огромныя брови, сурово наморщенный коричневый лобъ, и зеленоватые, острые глаза хозяина жестко и прямо уставились на солтыса.

— А знаешь что, панъ солтысъ,— хрипло, но не громко заговорилъ старикъ, не сводя своего колющаго, нестерпимаго взгляда:— я вѣдь давно говорилъ еще въ костелѣ, что худо дѣлаетъ народъ, что такихъ дураковъ въ солтысы выбираетъ!

Онъ помолчалъ секунду, такъ же пристально глядя на испуганнаго, подавшагося назадъ солтыса, и докончилъ, повидимому, совершенно спокойно:

— Кабы твоя матка тридцать лѣтъ тому назадъ не отвела болѣзнь отъ моей бабы, то бъ быть тебѣ сейчасъ битымъ... Поди, молись за упокой души доброй женщины, что родила такого дурака, какъ нашъ солтысъ!

И, отвернувшись, такъ двинулъ принесенную въ садъ липовую колоду пчелиную, что солтысъ подался еще дальше назадъ и тихо, почти на цыпочкахъ, пошелъ прочь.

Съ тѣхъ поръ никто не спрашивалъ старика, почему онъ остается. И даже перестали приходить къ домашнимъ его, поплакать надъ горькой долей остающихся въ деревнѣ, куда долженъ прійти нѣмецъ. А когда уѣзжавшіе, минуя стариковъ дворъ, случайно замѣчали въ немъ хозяина, они смущенно отворачивались, втягивали голову въ плечи и старались скорѣе выѣхать за околицу.

Такъ, одинъ за другимъ, выѣхали всѣ обитатели села, и остались только домашніе строгаго старика.

Странная тишина настала на прямой, уходящей вверхъ по легкому косогору, улицѣ. Какъ прежде, высоко поднимаясь на верхнемъ концѣ селенія, стоялъ на стражѣ старинный, дѣдами еще поставленный крестъ, съ потемнѣвшей бронзовой фигурой Распятаго, но уже никто не останавливался возлѣ него и не творилъ молитвы. Тихо было во дворахъ—пустынныхъ дворахъ брошеннаго жилья, гдѣ остатки собраннаго кое-какъ скарба валялись безпорядочно тамъ и здѣсь... Молчала пыльная улица, и не слышно было на ней привычнаго звона ребячьихъ голосовъ, радостныхъ оттого, что долгая зима кончилась, опять тепло, солнечно, и не надо сидѣть въ темной халупѣ.

Старикъ подъ вечеръ проходилъ по деревнѣ, пріостанавливался у воротъ и качалъ неодобрительно головою: какіе дураки были всѣ эти трусы, что бросили насиженныя мѣста, дома, хозяйство и главное — землю! Какъ же они могли это сдѣлать? Вѣдь со дня на день должна начаться пахота, а они собрали свои глупые сундуки, какія-то старыя кадушки, узлы съ перинами, и поѣхали Богъ знаетъ куда, и Богъ знаетъ зачѣмъ!.. Какіе вообще глупые люди — бѣгаютъ, суетятся, вмѣсто того, чтобы сидѣть каждый на своемъ мѣстѣ и дѣлать то, что ему предназначено: купцу торговать, помѣщику собирать арендныя деньги и ѣздить въ

На кавказскомъ фронтѣ. Обѣдъ на привалѣ. По фот. нашего корреспондента.

Въ Галиціи. На полевыхъ работахъ.

чужіе края лѣчиться, уѣздному начальнику писать бумаги, а мужику пахать землю... Ужасно глупые, суетливые, безпокойные люди!..

Молча вставало утро, молча проходилъ день, и молча садилось красное кровавое солнце за дальнюю полосу лѣса. Небо пылало его отсвѣтомъ, зеленоватая дымка стлалась по горизонту, тушуя очертанія земли, и, какъ одинокій жемчужный островъ, было не-небольшое круглое облачко въ высокомъ небѣ...

И даже дома въ избѣ все молчало страннымъ, напряженнымъ молчаніемъ. Молчалъ Янекъ, дочкинъ мужъ, во всемъ безропотно покорявшійся тестю и въ этой покорности исполнявшій темный и старый завѣтъ, молчала обычно веселая, говорливая старуха, и украдкой плакала въ темномъ уголкѣ за печкой дочка, страстно обнимая свою единственную Агнусю. А дѣвочка, не понимая, почему всѣ уѣхали, и пусто стало въ веселой деревнѣ, гдѣ такъ долго можно было играть съ дѣвочками на пыльной дорогѣ въ камешки, смотрѣла на всѣхъ удивленными, неестественно расширенными, глазами и тоже боялась сказать слово.

Ночью всѣ плохо спали — прислушивались къ чему-то, подымали голову съ подушекъ и, отвернувъ тяжелый край старой перины, которой прикрывались, старались уловить каждый звукъ съ улицы. И разъ уже подъ утро, когда мутная дымка ранняго разсвѣта вошла уже въ ночную тьму, на улицѣ подъ окномъ громко и вразбродъ застучали копыта, и оглушительный стукъ въ окно поднялъ всѣхъ на ноги.

Старикъ бросился къ стеклу, а съ другой стороны, сильно наклоняясь съ сѣдла, къ нему приникло усатое, озябшее лицо солдата.

— Г-у, гу-гу, га-а-а?!—бубнилъ хриплый, тоже озяблый голосъ, и ничего нельзя было понять, что хочетъ сказать солдатъ.—Ага-га, ро-га?..

Старикъ отодвинулъ створку, и солдатъ повторилъ свой вопросъ. Спрашивалъ про дорогу на Средники, и какъ называется деревня. Это былъ, очевидно, разъѣздъ, которые показывались время отъ времени въ деревнѣ, привлекая собою общее вниманіе. Четыре конныхъ солдата — усталые такъ же, какъ и ихъ лошади, въ обросѣвшихъ мятыхъ фуражкахъ съ козырьками.

Старикъ объяснилъ, спрашивавшій солдатъ поговорилъ что-то со своими, потомъ опять обратился къ старику:

— А ты чего сидишь? Видать такъ, у васъ всѣ ушли... Смотри, германъ скоро здѣсь будетъ!

— А куда мнѣ итти?—недовольно отозвался старикъ.—Я дома...

Солдаты уѣхали, старикъ задвинулъ окно и опять легъ. Но спать уже никто не могъ. Бабка что-то шептала проснувшейся Агнусѣ, дочь ворочалась подъ своей периной... И напряженное ожиданіе стало въ сыромъ сумракѣ низкой избы, какъ неминуемая участь. Но прошло еще два дня до тѣхъ поръ, какъ появились первые нѣмцы.

Они появились совершенно неожиданно въ самый полдень, когда старуха только-что накрыла на столъ и всѣ ждали хозяина, чтобы сѣсть за обѣдъ. На полной рыси, сильно подымаясь на сѣдлахъ, въѣхали пять человѣкъ въ маленькихъ безкозырныхъ шапочкахъ съ двумя кокардами на тульѣ и на околышѣ.

Старикъ въ это время чинилъ плугъ на дворѣ подъ повѣтью. Когда всадники проѣзжали мимо двора, одинъ изъ нихъ увидѣлъ старика, и всѣ остановились.

— Эй, ты старый, ходь ту!..—съ сильнымъ акцентомъ крикнулъ одинъ изъ нихъ,—Ну прендзей, прендзей, чего тамъ...

Старикъ вышелъ и остановился у воротъ. Это было то, чего онъ ждалъ, и отъ чего вся деревня стала такой молчаливой и пустынной. Ничего страшнаго въ этихъ пяти человѣкахъ, сидѣвшихъ на измученныхъ костлявыхъ лошадяхъ, тяжело водившихъ выпяченными ребрами, не было. Онъ осмотрѣлъ каждаго, переводя глаза по лицамъ, и нахмурился.

— Нехъ старый повѣде, цо казаковъ тутъ нема?—спросилъ старшій, близко подвинувшись къ старику.

— А я вѣмъ?—равнодушно отозвался тотъ.

— И жолнежевъ не было?

Старикъ пожалъ плечами.

— Я сижу дома и работаю свою работу,—отвѣтилъ онъ:—почемъ я знаю, есть гдѣ солдаты или нѣтъ?

Пріѣзжіе поговорили другъ съ другомъ, пристально посматривая въ концы улицы.

— А нельзя ли лошадей напоить тутъ?—спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Колодецъ вонъ, а ведро въ сѣняхъ, должно-быть.

Тотъ, что былъ моложе всѣхъ, съ блѣднымъ, запыленнымъ лицомъ и свѣтлыми, недоумѣвающими глазами, тяжело соскочилъ съ сѣдла и пошелъ во дворъ. Ведро торчало на колу изгороди, онъ взялъ его и, расправляя на ходу затекшія отъ долгаго сидѣнія въ сѣдлѣ ноги, пошелъ къ колодцу.

Старикъ спокойно смотрѣлъ на него, и только брови его чуть вздрагивали. Старшій опять сталъ разспрашивать, когда ушли жители, не было ли разъѣздовъ. Онъ говорилъ довольно свободно по-польски, но, очевидно, подбиралъ слова и, прежде, чѣмъ сказать, составлялъ фразу. Когда лошади были напоены, молодой солдатъ повѣсилъ опять ведро на мѣсто и, подтянувъ подпруги, влѣзъ въ сѣдло. Лошадь понуро вздохнула и двинулась было въ сторону, но онъ сердито дернулъ поводья, и она опять опустила голову.

— Такъ никого не было?—переспросилъ старшій, дѣлая строгое лицо.—Ты смотри, старый, если я узнаю, что ты навралъ, я тебѣ покажу...

Старикъ еще больше сдвинулъ брови и взглянулъ на солдата.

— А что жъ панъ германъ мнѣ покажетъ?—спросилъ онъ.—Можетъ, панъ будетъ ласковъ сказать, что онъ покажетъ?

Нѣмецъ посмотрѣлъ на суровое, коричневое лицо старика, отвелъ глаза и толкнулъ шпорой лошадь.

Въ Галиціи. Мѣстное населеніе готовится къ посѣву.

— Ладно, разговаривай тоже!.. — бросилъ онъ уже на ходу.— Польская собака!

Они уѣхали такъ же полной рысью, какъ появились. Старикъ долго смотрѣлъ имъ вслѣдъ, наконецъ медленно повернулся и пошелъ въ избу.

За обѣдомъ сидѣлъ Янекъ, старуха топталась у печки, Агнуся косилась на знакомый темный уголъ, а дочки не было. Она вышла не сразу, поспѣшно вытирая глаза, и по краснымъ вѣкамъ ея видно было, что она плакала.

Старикъ поднялъ брови, отчего по лбу пошли волнообразныя продольныя морщины, и глянулъ на нее. Дочь смутилась, и, должно-быть, отъ этого недавнія слезы опять показались на глазахъ.

— Ну?! — коротко и громко произнесъ старикъ, не опуская глазъ.

Женщина смутилась еще больше, сдѣлала огромное усиліе и сѣла къ столу. Старикъ, все такъ же поднявъ брови, упорно и строго прослѣдилъ, какъ она сѣла, подвинула себѣ ложку, вся красная, съ дрожащими вѣками, боящаяся взглянуть на отца. И, выдержавъ ее подъ своимъ тяжелымъ, отнимающимъ волю взглядомъ, опустилъ глаза и взялся за хлѣбъ.

Плѣнные русины, отпущенные по дорогѣ въ отпускъ, пробывъ у родныхъ два мѣсяца, отправляются въ Россію

Послѣ обѣда онъ не легъ, какъ обычно, подремать часокъ на кровати, а вышелъ на дворъ, опять къ своему плугу подъ повѣть, и по тому, какъ крѣпко и громко стучалъ тамъ молоткомъ, выправляя старый лемехъ, всѣ чувствовали, что онъ сердитъ.

III.

На дворѣ избы, подъ повѣтью, въ конюшнѣ и въ самой избѣ торопливо и быстро сновали солдаты. Одѣты они были въ синевато-зеленыя куртки, въ безкозырныя фуражки съ двумя кокардами, а нѣкоторые, должно-быть, другой части, въ каски, закрытыя сѣрыми, пыльными чехлами.

Они тащили и забирали все, что можно было забрать. Уже увезли на подводѣ овесъ, и старикъ только поморщился. Потомъ утащили сѣно, старикъ ничего не сказалъ. Потомъ взяли лошадь, старикъ заговорилъ-было, но тонкій, длинный, какъ сушеная рыба, фельдфебель закричалъ на него, и старикъ смолкъ.

Вечеромъ онъ пошелъ въ солтысову избу, гдѣ стояли офицеры. Онъ долго объяснялся съ часовыми, долго его не могли понять, хотѣли уже гнать поминутно выбѣгавшіе вѣстовые, но случайно вышелъ лейтенантъ и съ нимъ ритмейстеръ. Лейтенантъ кое-какъ говорилъ по-польски, и старикъ объяснилъ ему свою жалобу.

— Цо ты хцешъ?—въ заключеніе спросилъ лейтенантъ, поднимая высоко брови.

— У меня лошадь всего одна, я на ней работаю, надо пахать, что я буду дѣлать? — бормоталъ старикъ.—Мнѣ работать надо!..

Лейтенантъ выслушалъ его и перевелъ ритмейстеру по-нѣмецки то, что сказалъ старикъ, и оба засмѣялись.

— Ты глупый человѣкъ,- еще продолжая смѣяться, обратился онъ опять къ старику:—теперь война, а ты работать... Что же тебѣ, расписку выдать?

— Мнѣ нужна лошадь... У меня пахота, развѣ земля можетъ остаться безъ обработки? Это грѣхъ, если она такъ лежать будетъ,—стоялъ на своемъ крестьянинъ.

Офицеры опять засмѣялись, потомъ одинъ изъ нихъ вынулъ книжку, продолжая смѣяться, набросалъ на ней нѣсколько строкъ и показалъ товарищу. Тотъ прочелъ, фыркнулъ и покачалъ головой.

— Вотъ тебѣ расписка на забранную лошадь... Послѣ войны получишь, а можетъ-быть, и теперь даже!..—проговорилъ лейтенантъ, отдавая клочокъ бумажки.

Старикъ аккуратно сложилъ его, досталъ изъ-за пазухи кисетъ и спряталъ расписку туда. Потомъ повернулся и пошелъ къ себѣ.

Развлеченія въ пути. Желѣзнодорожныя ремонтныя работницы во время остановки эшелона танцуютъ польку подъ солдатскую гармонь.

Онъ пришелъ, когда нѣмецкіе солдаты нагружали изъ амбара въ большой зеленый фургонъ хлѣбъ. Три человѣка таскали тяжелые кули, а фельдфебель, похожій на сушеную рыбу, отмѣчалъ на бумажкѣ.

Это было уже выше всякаго терпѣнія. Исчезъ овесъ, исчезла лошадь, повытаскано все въ избѣ, до одѣялъ и рубахъ включительно, теперь увозили хлѣбъ! Когда солдаты хозяйничали въ избѣ, вытаскивая сундуки изъ-подъ кроватей, когда старуха пыталась-было вступиться за свое добро, дочкинъ мужъ вопросительно глядѣлъ на тестя, сжимая въ рукахъ толстый батожокъ, когда дочка съ Агнуськой ревѣли неслышно, забравшись за печку,—старикъ только нахмурился и коротко бросилъ:

Пускай!..

И всѣ молча, какъ всегда, покоряясь ему, смотрѣли на грабежъ. Это былъ самый настоящій грабежъ въ завоеванномъ краѣ—грабежъ, послѣ котораго оставалась одна нищета. Забирали все,—ненужное, иногда зря, напрасно, почти безъ злобы, безъ намѣренія, портили,—и на мѣстѣ, гдѣ былъ полный, не богатый, но обезпеченный дворъ, цѣлостное хозяйство,—стало разореніе.

Старикъ угрюмо смотрѣлъ на это и молчалъ. Онъ понималъ, что сдѣлать

ничего нельзя, что это война. Такъ пришло къ нему одиночество, когда всѣ уѣхали и одинъ онъ остался въ пустой деревнѣ: такъ пришло къ нему разореніе, - онъ молчалъ. Но когда онъ увидѣлъ, что выносятъ святую вещь,—хлѣбъ, онъ вскипѣлъ. Онъ рванулся къ возу, куда солдатъ въ голубовато-зеленой курткѣ пристраивался свалить тяжелый куль, схватилъ уголъ куля и дернулъ къ себѣ.

Окопы.

Вышка на деревѣ для наблюденія.

Солдатъ не удержался, качнулся и чуть не упалъ вмѣстѣ съ кулемъ.

— Нельзя!—хрипло крикнулъ старикъ, не выпуская мѣшка.— Этого нельзя... Это на посѣвъ приготовлено.

Солдатъ вывернулся изъ-подъ куля, тяжело упавшаго на землю, отеръ потъ со лба и недоумѣло посмотрѣлъ на хозяина.

— Я говорю, -то не можно трогать, это на посѣвъ — чѣмъ я сѣять потомъ буду?.. —торопливо говорилъ старикъ. -Это грабежъ бѣдныхъ людей... Вы все взяли, — взяли холсты, рубахи, взяли новый кожухъ дочкинаго мужа, лошадь взяли, а теперь хлѣбъ, который я отбиралъ на посѣвъ... Я пробовалъ, онъ хорошо всхожъ...

Но онъ не успѣлъ докончить. Тяжелый, крѣпкій ударъ сзади по уху шатнулъ его въ сторону, и прежде, чѣмъ онъ могъ опомниться, второй ударъ, уже спереди, нанесенный тѣмъ самымъ солдатомъ, отъ котораго хозяинъ отнялъ мѣшокъ, повалилъ его на землю.

Потомъ посыпался цѣлый градъ ударовъ —сапогами, кулаками, какой-то палкой. Надъ нимъ кричали, прыгали люди въ синевато-сѣрыхъ курткахъ, кто-то смѣялся вдали—и, пытаясь защищаться, онъ только хваталъ ноги бившихъ его солдатъ.

— Вотъ тебѣ дуракъ полякъ!..- крикнулъ фельдфебель, отходя, когда старикъ, уже бросивъ защиту, лежалъ неподвижно. —Теперь попробуй еще вступиться въ военныя распоряженія...

Онъ сказалъ это по-нѣмецки, и старикъ не понялъ ничего. Да онъ и едва слышалъ, потому что въ ушахъ стоялъ ровный, глухой шумъ, кровь изъ разсѣченнаго лба текла подъ бровь, заливая глазъ, и другой глазъ запухъ огромнымъ багровымъ синякомъ.

Солдаты какъ ни въ чемъ не бывало продолжали работу: трое таскали кули, сбрасывая ихъ въ фургонъ, фельдфебель покрикивалъ на нихъ, а старикъ сидѣлъ на землѣ, обтирая кровь.

Потомъ онъ всталъ, качнулся, но справился и пошелъ къ воротамъ. Одинъ изъ солдатъ что-то крикнулъ ему вслѣдъ, и старикъ, остановившись, оглянулся.

Ужасное изуродованное лицо повернулось къ крикнувшему нѣмцу. Суровое величіе сухой, какъ будто выкованной изъ темной бронзы, головы строгаго хозяина не исчезало отъ ссадинъ и синяка, закрывшаго половину лица, а пріобрѣло новое странное выраженіе: тяжелая, мучительная жалость, особенно горькая отъ сѣрой сѣдины волосъ и усовъ, примѣшивалась къ этому исковерканному лицу, и всѣмъ стало не по себѣ отъ нея.

Крикнувшій умолкъ и остановился съ открытымъ ртомъ, несшій куль съ хлѣбомъ солдатъ отвернулся, а фельдфебель сдѣлалъ еще болѣе строгое лицо и крикнулъ на ломанномъ польскомъ языкѣ:

— Ну иди, иди, чего сталъ, можетъ-быть, тебѣ прибавить?..

И тотчасъ же обрушился страшной бранью на остановившагося солдата, того самаго, что первымъ крикнулъ вслѣдъ уходящему, избитому хозяину.

Старикъ вышелъ на улицу, повернулъ въ прогонъ, прошелъ мимо садика и вышелъ на задворки.

Прежде здѣсь былъ пчельникъ, стояли старинныя липовыя колоды, и плотнымъ, спорымъ гудѣніемъ пѣли возлѣ нихъ трудолюбивыя пчелы. Невольно вспоминалось, какъ лѣтомъ старикъ время отъ времени бралъ съ собой Агнуську и шелъ вырѣзать медъ. Онъ не закрывалъ лица сѣткой, не бралъ дымаря, шелъ

Илжа. Базарная площадь. Вдали развалины древней епископской резиденціи. По фот. нашего корреспондента.

Раздача обѣда нижнимъ чинамъ.

пожара, теперь пришелъ еще позоръ. Его, стараго хозяина, котораго побаивался даже самъ войтъ, даже панъ отвѣчалъ ему всегда на поклонъ при встрѣчѣ, всѣми уважаемаго хозяина, родство съ которымъ считалось за честь, теперь опозорили навсегда: избили, какъ пьянаго парня въ городѣ!..

Что еще могло случиться худого?..

Онъ оглянулъ знакомое съ дѣтства мѣсто. Пологимъ скатомъ уходила пашня, нетронутая, затвердѣвшая, кое-гдѣ заросшая травой. Въ этотъ годъ она тщетно ждала плуга и жаловалась Богу на то, что никто не приходитъ. Изъ боязни, изъ страха потерять свое грошовое благополучіе, люди всѣ разбѣжались и оставили землю, которая всю жизнь кормила ихъ. И, обиженная, она несла теперь свою жалобу къ Господу золотистымъ туманомъ, что бываетъ передъ вечеромъ теплаго солнечнаго дня.

Чужіе, грубые люди возились на ней теперь, мелькая своими коротенькими куртками, копали безконечную глубокую канаву, прихотливыми изломами прорѣзающую все поле, насыпали на одномъ краю ея высокій валъ желтой, добытой изъ глубины, земли — и она сверкала подъ солнцемъ, какъ свѣжая рана.

такъ же, какъ ходилъ всегда, съ открытой шеей и руками. Это потому, что пчелы его знали, и не было случая, чтобы хоть одна когда-нибудь ужалила. Онѣ окружали его живымъ, сверкающимъ на солнцѣ, облакомъ, золотыми искрами носились вокругъ, запутывались иногда въ волосахъ, и онъ осторожно, неторопливо высвобождалъ ихъ оттуда, но даже когда онъ открывалъ колоду, рѣзалъ тяжело стекавшій по ножу густой липовый медъ, отъ котораго ароматъ разносился по всему двору, ни одна пчелка, чувствуя настоящаго хозяина, не осмѣливалась ужалить его...

Теперь нѣкоторыя колоды были повалены, одна даже разбита, и пчелы растерянно и безтолково кружились возлѣ этого разрушенія...

Старикъ сѣлъ подъ старой липой и опустилъ голову.

Что еще могло съ нимъ случиться? Пришло разореніе, нищета, послѣ которой труднѣе оправиться, чѣмъ послѣ

Кашевары отдаютъ остатки обѣда дѣтямъ мѣстнаго населенія.
По фот. нашего военнаго корреспондента.

Шавли. Уморился.
По фот. нашего военнаго корреспондента.

Петроградскій доброволецъ Уго Даніель, эстонецъ 14-ти лѣтъ, поступившій въ одинъ изъ казачьихъ полковъ. Мальчикъ наравнѣ со взрослыми переноситъ всѣ тяжести походно-боевой жизни. Десятки разъ бывалъ въ бояхъ и на развѣдкѣ, при чемъ проявлялъ выдающуюся храбрость.

А другіе недалеко отъ этой канавы вбивали частую очередь короткихъ кольевъ и оплетали ее колючей проволокой, притягивая концы блокомъ, и синеватая лента проволочнаго загражденія протягивалась все дальше и дальше, какъ слѣдъ кнута, которымъ война ударила по лицу земли.

Старикъ опустилъ голову, и сердце сжалось у него отъ страстной, никогда еще не испытанной, жгучей тоски... Никого не было кругомъ — все пусто и тихо и враждебно, и некому было даже пожаловаться!..

Онъ вспомнилъ Бога, вспомнилъ всю свою жизнь, вспомнилъ дочку, ея мужа, Агнуську, испуганно прячущуюся теперь за печкой, и уже послѣ всѣхъ подумалъ о своей старухѣ... бѣдной старухѣ, надсѣдавшейся всю жизнь надъ работой и не потерявшей уютной веселости смѣшливаго человѣка, милой старухѣ, покорно сносившей всю его суровость, всю нетерпимость, а подчасъ и несправедливость!.. Одна она у него осталась — одна она могла бы понять, что чувствуетъ теперь онъ.

И когда передъ нимъ выросла темная, слегка согнутая годами тѣнь жены, онъ ничуть не удивился. Его тоска, его нѣмой, далекій призывъ былъ такъ же дѣйствителенъ, какъ если бы онъ крикнулъ, напрягая голосъ, ея имя...

Старуха подошла къ нему, тихо опустилась съ нимъ рядомъ и молча заглянула ему въ лицо. Когда она шла, ей хотѣлось сказать, что она измучилась, ища его вокругъ избы, что у нея болитъ сердце, что ей жалко его, а заглянувъ, она поняла, что говорить ничего не надо, что онъ и такъ все чувствуетъ. Она только осторожно, бережливо, отерла кровь съ его лица и пригорюнилась и заплакала мелкими, старческими слезами...

Онъ подвинулся къ ней ближе, потомъ своей твердой, какъ дерево, загрубѣвшей рукой взялъ ея руку, маленькую, сухую и сморщенную, и, опустивъ голову, сдерживая дыханіе, чтобъ не всхлипнуть, сидѣлъ, не выпуская этой родной руки безъ слова понимавшей все родной старухи...

Солнце уходило уже на покой, кровавымъ золотомъ загорѣлась вершина старой липы, зелень стала изумрудной на поляхъ, и лиловыя тѣни далеко побѣжали отъ частокола проволочнаго загражденія. Старики сидѣли, безмолвно сокрушаясь, освѣщенные кроваво-краснымъ солнцемъ, и своей неподвижностью и окаменѣвшими въ горькой гримасѣ лицами похожи были на странныя изваянія, поставленныя на стражѣ широкихъ изуродованныхъ полей...

(Окончаніе слѣдуетъ).

Въ заревѣ войны.

(Записки военнаго корреспондента). **М. Доманскаго.**

V. Возлѣ боя.

Солнце окончательно нырнуло за черную кайму дальнихъ лѣсовъ: небо съ той стороны зазолотилось, а застрявшіе тамъ обрывки облаковъ стали прозрачными.

Время отъ времени тишина яснаго вечера прерывалась однообразными ударами тяжелыхъ орудій. Бухнетъ гдѣ-то близко, - звукъ совсѣмъ не такой, какъ издали, менѣе густой, — кажется, даже земля вздрогнула подъ ногами, зашипитъ что-то въ воздухѣ, сперва сильно, потомъ все слабѣе, слабѣе, потомъ издалека донесется слабый звукъ разрыва посланнаго на непріятельскую сторону снаряда, и снова все тихо.

Даже странно тихо въ этомъ городкѣ съ тридцатитысячнымъ населеніемъ.

Впрочемъ, что же страннаго? Отъ трехъ четвертей города остались только горы обгорѣвшихъ развалинъ. Въ иныхъ кварталахъ не осталось даже слѣда отъ улицъ: три дня и три ночи горѣлъ городокъ. Съ трескомъ и грохотомъ обрушивались и одноэтажные домики и четырехъэтажныя махины: въ результатѣ образовалось цѣлое море развалинъ, на которомъ жутко торчали длинныя, уродливо тонкія, почернѣвшія отъ огня и дыма печи. Жители, кто могъ, убѣжали, побросавъ на произволъ судьбы все свое имущество: остальные, смертельно напуганные четырехдневной артиллерійской канонадой, — нѣсколько десятковъ снарядовъ залетѣло въ городъ, — перебрались въ погреба и тамъ въ ужасѣ, полуголодные, истомленные безсонницей, ожидали конца боя.

И только болѣе смѣлые сегодня послѣ полудня стали вылѣзать изъ своихъ логовищъ. Тихо бродили по тротуарамъ вдоль стѣнъ, пугливо озирались, останавливались, прислушивались. Нѣкоторые подходили къ сгорѣвшимъ кварталамъ, долго смотрѣли расширившимися отъ ужаса глазами, качали головами и, вздыхая, говорили:

— Ой, пропалъ нашъ городъ! Совсѣмъ пропалъ! Какіе убытки! Какіе убытки!

Хозяйка гостиницы, гдѣ я остановился, молодая женщина съ большими, темными, грустными глазами, подошла только-что ко мнѣ и спросила:

— Какъ вы думаете, теперь уже не опасно?

— Думаю, что опасность миновала, нѣмцевъ отогнали! — отвѣтилъ я.

— А далеко?

— Этого не могу сказать! Вѣдь я только-что пріѣхалъ.

Мой отвѣтъ, видимо, мало успокоилъ молодую женщину: глаза ея остались испуганно-грустными. Она вышла изъ комнаты, а я принялся отмывать толстый слой пыли, покрывшій меня за девяностоверстный переѣздъ на автомобилѣ.

Прошло минутъ пять послѣ ухода хозяйки. Вдругъ раздался орудійный залпъ, отъ котораго вздрогнулъ подо мною полъ и зазвенѣли стекла въ окнѣ. Въ то же время начался ружейный и пулеметный трескъ. Онъ то слабѣлъ, то усиливался, точно шумъ морского прибоя, но ни на одинъ моментъ не умолкалъ совершенно. За первымъ орудійнымъ залпомъ прогремѣлъ второй, потомъ третій.

Вытеревшись наскоро и кое-какъ одѣвшись, я выбѣжалъ на улицу. Сейчасъ здѣсь царило оживленіе. Жители, мужчины и женщины, старые и молодые, старики, старухи, дѣти, — все это стремглавъ неслось по улицѣ и быстро пряталось по подваламъ. Смѣльчаки, открывшіе-было свои лавки, торопливо и шумно запирали ихъ. Рядомъ съ моей гостиницей старая еврейка, бакалейщица, старалась закрыть дверь своей лавчонки. Но столпившіеся на крыльцѣ солдаты придерживали дверь и уговаривали еврейку:

— Сдѣлай милость, отпусти табачку! Ждали-то вѣдь сколько!

Особенно старался одинъ, повидимому, запасный, бородатый пѣхотинецъ. Онъ сталъ въ дверяхъ лавки, широко растопырилъ руки и, широко улыбаясь, говорилъ:

— Чего вы, мадамъ, испугались? Вѣдь это жъ наши стрѣляютъ. Въ ту сторону, къ нѣмцамъ. Сюда ни одинъ снарядъ не прилетитъ. Увѣряю васъ, мадамъ! Напрасно безпокоитесь!

Я не знаю, удалось ли солдатамъ успокоить перепуганную еврейку. Я направился въ штабъ дивизіи узнать, въ чемъ дѣло, что за перестрѣлка.

— Бой идетъ! — объяснилъ мнѣ одинъ изъ офицеровъ штаба. — Нашимъ полкамъ приказано выбить нѣмцевъ изъ окоповъ и отбросить подальше. Вотъ и выбиваютъ!

Я снова вышелъ на улицу. Спустились вечернія сумерки, небо потемнѣло, кое-гдѣ робко поблескивали первыя звѣздочки. Улицы совершенно обезлюдѣли. Лавки закрылись — разошлись и солдаты.

Я остановился у низенькаго деревяннаго забора. За нимъ былъ, очевидно, большой тѣнистый садъ, потому что пахло набухшими древесными почками, корой, оттаявшей землей, немного навозомъ, — хорошо пахло весной.

Я стоялъ и слушалъ страшную, жуткую, но въ то же время и захватывающую, удивительную музыку.

Бухали десятки орудій. Бухали тяжело, раскатисто. Иногда удары начинали падать такъ часто, что сливались въ ревъ, густой, металлическій. Легкій, едва замѣтный вѣтерокъ то приносилъ ближе, то уносилъ волны этого рева. И казалось, что стонетъ въ страшную бурю громадный боръ. Вотъ сорвался вѣтеръ. Зашумѣлъ, загудѣлъ верхушками столѣтнихъ великановъ и понесся дальше. Далеко гдѣ-то гудитъ, гдѣ-то далеко ломаетъ. Потомъ мчится назадъ. Воетъ, стонетъ.

На фонѣ орудійнаго рева отчетливо выдѣлялась ружейная трескотня. Особенно хорошо слышны были пулеметы. Страшно какъ-то было слышать въ этомъ хаосѣ звуковъ это равномѣрное машинное отстукиваніе.

„Приказано выбить нѣмцевъ изъ окоповъ и отбросить подальше!“ — повторилъ я мысленно.

Выбиваютъ. Заливаютъ другъ друга потоками свинца. Сотни тысячъ, милліоны маленькихъ кусочковъ металла со свистомъ носятся въ воздухѣ и смертельно жалятъ.

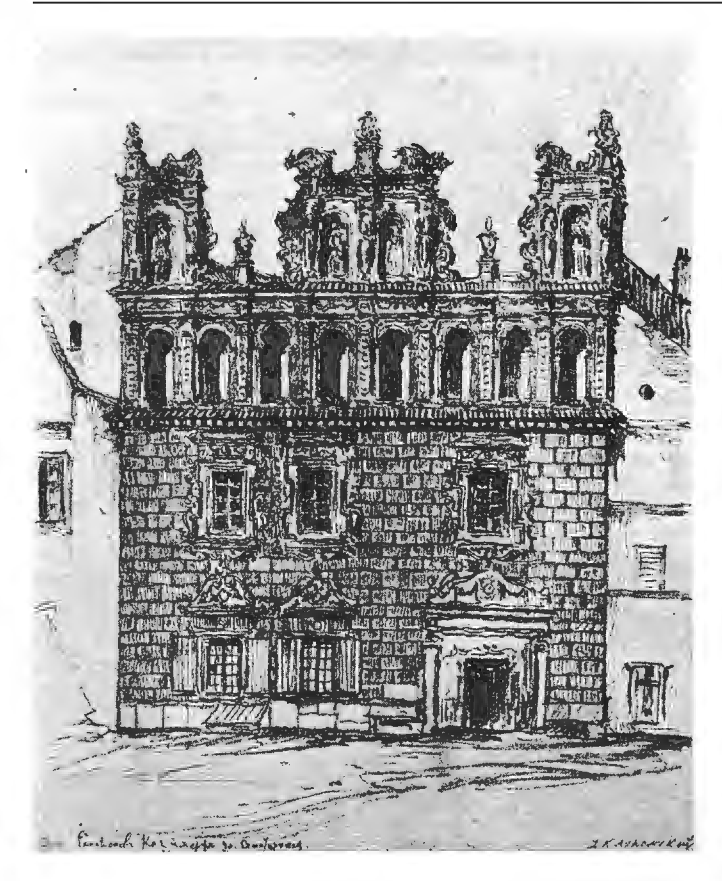
— Такъ, такъ, такъ! — выстукиваютъ пулеметы.

Темнѣетъ небо, ярче блестятъ звѣзды. Сильнѣе пахнетъ изъ-за забора весной, зарождающейся жизнью.

Городъ Вучагъ (Галиція). Ратуша, построенная Н. Потоцкимъ въ половинѣ XVIII вѣка. Архитекторъ Янъ де-Витте.
Рис. Г. Лукомскій. (Выставка «Міръ Искусства»).

VI. Наутро послѣ боя.

Раннимъ яркимъ утромъ выхожу я изъ города къ мѣсту вчерашняго боя. Бой былъ удачный: нѣмцевъ выбили изъ



Городъ Казиміръ, Люблинской губерніи. Домъ Епископовъ на Сенаторской улицѣ.
Рис. **Г. Лукомскаго.** (Выставка «Міръ Искусства»).

окоповъ и отогнали верстъ за пятнадцать; при этомъ забрали нѣсколько сотъ плѣнныхъ, два пулемета и прожекторъ.

Не успѣлъ я выйти изъ города, какъ навстрѣчу мнѣ попалась группа плѣнныхъ, человѣкъ въ сорокъ. Поровнялись, смотрю, четверо носилокъ, на нихъ раненые—нѣмцы же. Остановилъ—впервые пришлось увидѣть, чтобы плѣнные сами таскали своихъ раненыхъ.

— А чего же имъ зря итти-то?—услужливо объясняетъ мнѣ одинъ изъ конвоировъ. — До позиціи верстъ шесть, ихнихъ раненыхъ видимо-невидимо, намъ докторъ и приказалъ, пускай, говоритъ, захватятъ. Нечего съ пустыми руками итти!

Пока я говорю съ конвоиромъ, вокругъ плѣнныхъ собирается уже цѣлая толпа. Здѣсь и горожане, кто посмѣлѣе, солдаты тыловыхъ учрежденій, главнымъ образомъ обозные. Плѣнные германцы, конечно, не новинка: ежедневно съ утра до вечера ведутъ и большими и маленькими партіями. А все же тянетъ посмотрѣть,—вдругъ увидишь что-нибудь новое.

Впрочемъ, оказывается, къ плѣннымъ привлекаетъ не одно только простое любопытство. Оборачиваюсь и наталкиваюсь на такую сцену.

Солдатъ германецъ досталъ изъ ранца пару совершенно новыхъ ботинокъ со шнурками и предлагаетъ ихъ нашему солдату. Тотъ взялъ ихъ въ руки, внимательно осмотрѣлъ, подержалъ за шнурки, звонко постучалъ согнутымъ пальцемъ по подметкамъ.

— Сколько просишь за нихъ?

— Дрей! Дрей!—нѣмецъ поднимаетъ три пальца и добавляетъ:—Рубель! Дрей рубель!

— Ну, нѣтъ, братъ! Шалишь! Больно жирно будетъ. Полтора хочешь?

Нѣмецъ не можетъ понять, сколько ему предлагаютъ. Тогда русскій загибаетъ ему одинъ палецъ совершенно, а другой старается согнуть до половины. Нѣмецъ наконецъ понялъ и отрицательно закачалъ головою.

Торговались долго, сошлись на двухъ рубляхъ.

Маленькая подробность. На серебряный рубль нѣмецъ даже не взглянулъ. А бумажный сталъ долго и внимательно разсматривать съ обѣихъ сторонъ.

— Не безпокойся! Не вашей работы, а самый настоящій. нашъ русскій!—широко улыбнулся солдатъ.

Не знаю, понялъ ли нѣмецъ. Но послѣ этихъ словъ онъ быстро сунулъ бумажный рубль въ кошелекъ.

Нѣсколько товарищей нѣмца тоже продали по парѣ ботинокъ. Одинъ продалъ за четыре рубля карманные часы.

— Ну, довольно! Айда дальше! Поднимай носилки!—скомандовалъ старшій конвойный.

Говорятъ, если свести десятокъ дѣтей разныхъ націй, они совершенно легко будутъ разговаривать другъ съ другомъ на своемъ „дѣтскомъ волапюкѣ", одинаково понятномъ для дѣтей всѣхъ странъ и націй. Подобно дѣтскому, существуетъ и солдатскій волапюкъ. Мнѣ много разъ въ нынѣшнюю войну приходилось наблюдать, какъ наши солдаты разговариваютъ съ плѣнными германцами, австрійцами и даже мадьярами, языкъ которыхъ, какъ извѣстно, особенно труденъ. Не просто обмѣниваются одной-двумя малозначащими фразами, а ведутъ разговоры часами, отлично понимая другъ друга.

Партія плѣнныхъ осталась уже далеко позади. Я шагаю по широкой пыльной дорогѣ, а навстрѣчу мнѣ и пѣшкомъ, и на санитарныхъ повозкахъ, и на обыкновенныхъ крестьянскихъ телѣгахъ тянутся раненые, скачутъ ординарцы, мчатся велосипедисты. Солнце высоко и жаритъ совершенно по-лѣтнему.

Вотъ наконецъ и первая линія окоповъ. Отсюда вчера наши повели наступленіе. Окопы глубокіе, съ бревенчатыми козырьками, имѣютъ еще жилой видъ: повсюду валяются кучи ружейныхъ гильзъ, клочки бумаги, записныя книжки, подсумки, холщевые мѣшочки. Въ одномъ мѣстѣ натыкаюсь на цѣлую смѣну грязнаго солдатскаго бѣлья, — храня завѣты стариковъ, какой-то солдатъ передъ тѣмъ, какъ ринуться въ смертный бой, навстрѣчу урагану свинца, переодѣлъ чистое бѣлье.

И такимъ наивнымъ, такимъ трогательнымъ пятномъ среди патронныхъ гильзъ, среди изломанныхъ, исковерканныхъ винтовокъ, среди глубокихъ, жуткихъ ямъ, вырытыхъ снарядами, кажется эта смѣна, что я невольно останавливаюсь и глубоко задумываюсь:

„Гдѣ теперь этотъ солдатъ? Живъ ли? Что съ нимъ?"

О томъ же думаетъ и санитаръ, который въ эту минуту подходитъ ко мнѣ. Впрочемъ, его мысли носятъ нѣсколько спеціальный характеръ:

— Это онъ правильно передъ атакой бѣлье чистое одѣлъ! Ежели пораненіе, то въ грязномъ опасно, — загонитъ лоскутокъ въ рану, зараженіе можетъ случиться! А сейчасъ, можетъ, онъ и живъ останется!

Нѣсколько поодаль идетъ еще санитаръ. Вообще вокругъ меня

Городъ Плоцкъ. Соборная колокольня.
Рис. **Г. Лукомскаго.** (Выставка «Міръ Искусства»).

Взрывъ „чемодана" въ рѣкѣ.
По фот. С. Люце.

людно. Санитары съ носилками и безъ носилокъ подъ руководствомъ врачей разыскиваютъ раненыхъ, тутъ же особо назначенныя команды собираютъ трупы. Ихъ свозятъ на крестьянскихъ телѣгахъ: русскихъ въ одно мѣсто, нѣмцевъ невдалекѣ въ другое. Все поле боя покрыто мелкимъ, низкорослымъ, густымъ кустарникомъ. Но нашихъ убитыхъ и раненыхъ разыскать нетрудно: возлѣ нихъ почти всегда торчатъ вверхъ прикладами винтовки. Ихъ втыкаютъ бѣгущіе мимо товарищи. Это обычай, свято чтимый въ бою.

Шагахъ въ сорока отъ меня торчитъ, накренившись немного, винтовка. Подхожу, — убитый, но, очевидно, не наповалъ: пытался ползти; проползъ всего шаговъ десять, оставивъ за собою полосу запекшейся, черной крови, въ концѣ концовъ обезсилѣлъ, легъ на правый бокъ, свернувшись калачикомъ, нашелъ въ себѣ еще силы натянуть на голову полу снятой съ одной руки шинели и заснулъ вѣчнымъ сномъ.

Совсѣмъ близко, за кустомъ, тоже торчитъ винтовка. Направляюсь туда и вдругъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, слышу совершенно отчетливо тихій стонъ. Слабый, протяжный, точно ребенокъ съ закрытымъ ртомъ застоналъ.

Подъ кустомъ лежитъ нашъ солдатъ. Лежитъ, вытянувшись, только ноги немного подогнуты. Руки широко раскинуты. Одна рука ладонью кверху лежитъ неподвижно; изогнутые пальцы другой руки судорожно царапаютъ землю. Юное безусое лицо, сѣрое съ синевой, ярко освѣщено солнцемъ. Видно, какъ подъ тонкой кожей пробѣгаетъ судорога. Вѣко праваго глаза прикрыто неплотно, жутко бѣлѣетъ зрачокъ.

Наклоняюсь къ раненому, прислушиваюсь, — дыханіе абсолютно неслышно.

— Санитаръ! Эй, санитаръ! — поднимаюсь я и кричу, приложивъ ко рту сложенныя трубкой ладони. — Вотъ тутъ раненый, тяжело... Его нужно унести поскорѣе... — говорю я, указывая на раскинувшагося юнца.

Подходитъ санитаръ, нагибается къ раненому, становится на колѣни, прикладываетъ ухо къ груди, ко рту, поднимаетъ вѣки глазъ и наконецъ говоритъ:

— Онъ, вашбродь, уже мертвый! Только-что померъ! — и, поднимаясь съ колѣнъ, добавляетъ: — Вольноопредѣляющійся!

Тутъ только я замѣчаю на погонахъ лежащаго тоненькій витой жгутикъ. Замѣчаю я, что и рубаха на немъ лучше, чѣмъ у простыхъ солдатъ: сукно тоньше, сшита аккуратнѣе, на груди, снаружи, карманъ со складкой. Изъ кармана торчитъ край бумажника и записной книжки въ черной клеенчатой обложкѣ.

— Я, вашбродь, пришлю сюда людей, его уберутъ! — говоритъ санитаръ и уходитъ.

Я остаюсь. Мнѣ трудно оторваться отъ этого молодого лица съ заострившимся уже носомъ и прищуреннымъ однимъ глазомъ. Кто онъ? Откуда? Изъ какого города? Есть ли у него родные, близкіе?

Мелькаетъ мысль, что у убитаго, быть-можетъ, есть мать, которой, пожалуй, легче будетъ узнать о смерти сына изъ моего обстоятельнаго письма, нежели изъ сухого офиціальнаго сообщенія. Наклоняюсь къ карману убитаго и достаю оттуда бумажникъ и записную книжку.

„Нужно будетъ отослать ихъ роднымъ!" — снова мелькаетъ въ головѣ.

Въ записной книжкѣ на первой страницѣ чернилами, крупнымъ красивымъ почеркомъ, написаны полностью имя, отчество и фамилія покойнаго. Нѣсколько ниже — адресъ родителей. Потомъ еще нѣсколько адресовъ. На первыхъ страницахъ краткій дневничокъ. Цѣлый мѣсяцъ событія записывались аккуратнѣйшимъ образомъ, день за днемъ. Потомъ начинаются пропуски. Наконецъ дневникъ обрывается совсѣмъ, слѣдуютъ только отрывочныя записи.

Внутри бумажника вдѣлана собственными средствами карточка дѣвушки. Изъ-подъ карточки торчитъ клочокъ бумажки, исписанный карандашомъ.

„Люблю только тебя! Жду! твоя . . . ."

Набросано поспѣшно, криво. И бумага оберточная, оборвана порывистымъ движеніемъ. Повидимому, эти нѣсколько словъ были написаны въ послѣдній моментъ передъ разлукой. Быть-можетъ, на вокзалѣ, когда поѣздъ уже трогался.

Взрывъ гранаты. По фот. С. Люце.

Складываю бумажникъ и прячу вмѣстѣ съ записной книжкой къ себѣ въ карманъ. Вблизи раздаются голоса, подъѣзжаетъ телѣга. Сейчасъ увезутъ его къ братской могилѣ. Его уберутъ.

Я поворачиваюсь и направляюсь туда, гдѣ роютъ братскія могилы. Человѣкъ двадцать солдатъ роютъ длинную яму. Возлѣ ямы уже лежитъ десятка полтора труповъ. Сложены аккуратно, одинъ возлѣ другого. Поминутно со всѣхъ сторонъ подвозятъ и подносятъ новые. Дѣловито, безъ суеты, снимаютъ съ телѣгъ или съ носилокъ и кладутъ рядомъ. И почему-то кажется, что всѣ эти трупы не только вчера или даже сегодня ночью, но вообще никогда не были живыми людьми. О смерти какъ-то совсѣмъ и не задумываешься.

Впрочемъ, вокругъ — яркій, кричащій контрастъ со смертью.

Разрывъ бомбы, брошенной съ нѣмецкаго аэроплана и попавшей въ рѣку.
По фот. С. Люце.

Казаки!.. Казаки идутъ! Рисунокъ И. Владимірова.

Бугоръ, на которомъ роютъ могилы, весь залитъ горячими лучами солнца. Высоко, въ прозрачной синевѣ, неумолчно виситъ звонкая, возбуждающая трель жаворонковъ.

Какъ это ни странно, но за десять мѣсяцевъ войны я убѣдился, что на войнѣ менѣе всего говорятъ о смерти.

Окопы, изъ которыхъ выбили нѣмцевъ, расположены по опушкѣ лѣса. И здѣсь уже работаютъ команды санитаровъ и рабочихъ. Сразу же натыкаюсь на такую сцену.

Два санитара поднимаютъ, повидимому, тяжело раненаго германскаго офицера. Нѣмецъ морщится отъ боли и протяжно стонетъ. Положили на носилки, подняли, хотѣли нести. Но офицеръ поднялъ руку и сталъ о чемъ-то говорить. Непонимавшие ни слова санитары стояли въ недоумѣніи. Въ эту какъ разъ минуту я и подхожу.

— Тутъ... въ кустахъ...—съ трудомъ говоритъ офицеръ:—товарищъ... мой товарищъ!

Я перевожу санитарамъ. Тѣ направляются къ кустамъ, а я остаюсь возлѣ носилокъ. Германецъ лежитъ съ закрытыми глазами и тихо стонетъ. Проходитъ минута, двѣ, три.

— Вашбродь! — докладываетъ, вернувшись, одинъ изъ санитаровъ.—Тамъ, подъ деревомъ, дѣйствительно лежитъ нѣмецкій офицеръ, только онъ убитый!

Я наклоняюсь къ раненому и перевожу слова санитара. Офицеръ открываетъ глаза, приподнимаетъ голову и начинаетъ шевелить губами. Съ большимъ трудомъ я улавливаю:

— Онъ былъ раненъ... мы вмѣстѣ... можетъ, онъ еще живъ?

— Никакъ нѣтъ, мертвый! захолодалъ уже! — отвѣчаетъ санитаръ, которому я перевелъ слова офицера.

— Будьте добры... прикажите сюда... принести сюда... Я васъ очень прошу... Это мой братъ...

Подошелъ и второй санитаръ. Я перевожу имъ слова раненаго. Переглянулись, нырнули въ кусты, и черезъ минуту выносятъ оттуда трупъ германскаго офицера. Положили рядомъ съ раненымъ, сами немного отошли. Собравъ всѣ силы, раненый приподнялся, повернулся немного на бокъ и сталъ пристально всматриваться въ убитаго. Смотрѣлъ долго, потомъ протянулъ руку и погладилъ убитаго по лицу. Послѣ этого повернулся ко мнѣ и сказалъ:

— Благодарю васъ... Это мой младшій братъ... Насъ у матери только двое...

Раненаго уносятъ. Я вхожу въ лѣсъ.

Повсюду вокругъ сѣрѣютъ мундиры убитыхъ германцевъ. Неудивительно,—наша артиллерія буквально залила снарядами это мѣсто. Нѣтъ деревца, нѣтъ кустика, вѣтки которыхъ не были бы изломаны, оборваны осколками снарядовъ. На каждомъ шагу валяются разорвавшіеся шрапнельные стаканы.

Нѣмцевъ, повидимому, такъ ошеломилъ этотъ ураганъ снарядовъ, что они растерялись, не знали, куда укрыться. А можетъ быть, просто не успѣли.

Выхожу на небольшую полянку. Посреди глубокій, хорошо прикрытый окопъ. Несомнѣнно офицерскій, потому что у входа валяются—ящикъ отъ дорогихъ сигаръ, деревянная коробка отъ конфетъ, жестянка отъ бисквитовъ.

Въ десяти шагахъ отъ окопа четыре трупа: одинъ офицеръ и три нижнихъ чина. И дальше въ лѣсу я все время натыкаюсь на трупы.

А лѣсъ хорошъ, какъ всегда. Вѣтви деревьевъ набросали на ярко-зеленую мураву колеблющееся кружево тѣней. Пахнетъ только-что распустившейся листвой. Звонко перекликаются птицы.

На Прибалтійскомъ театрѣ войны.

Очерки военнаго корреспондента. **Н. Н. Брешко-Брешковскаго.**

I.

Я сдѣлалъ по Прибалтійскому краю много сотенъ верстъ: и верхомъ, и въ телѣжкѣ, и въ экипажѣ, и на автомобилѣ, и вмѣстѣ съ гусарскимъ полкомъ, любезно пригласившимъ меня въ свою боевую семью.

Почему нѣмцы лишь на десятомъ мѣсяцѣ войны вспомнили о Прибалтійскомъ краѣ, этомъ, если такъ можно выразиться, глухомъ, „провинціальномъ“ для нихъ и для насъ театрѣ военныхъ дѣйствій? Почему?.. Вѣдь если бы они даже заняли весь Прибалтійскій край, въ стратегическомъ отношеніи это не принесло бы имъ никакой пользы.

Но въ данномъ случаѣ на первомъ планѣ у нихъ насущный вопросъ,—вопросъ желудка. Остзейскій край, это—земля обѣтованная, гдѣ вдоволь всего: хлѣба, молочныхъ продуктовъ, скота и, что очень важно для конницы, бездна овса и сѣна. Въ чаяніи заманчиво обильныхъ реквизицій двинулись нѣмцы въ „страну бароновъ“.

Бароны твердили всегда, что мѣстные латыши—опасный элементъ, и что для спокойствія края необходимо отнять у нихъ даже, казалось бы, невинныя охотничьи ружья. А между тѣмъ, не говоря уже о партизанскихъ отрядахъ, которые съ большой готовностью истребляли бы германскіе заставы и разъѣзды, желательна была бы въ краѣ латышская милиція, вооруженная хотя бы старыми берданками нашими, что ли...

Въ самомъ дѣлѣ, по ночамъ всѣ телеграфныя линіи въ Курляндіи охраняются отъ злоумышленной порчи добровольно взявшими на себя эту сторожевую службу латышами. На десятки и сотни верстъ бѣгутъ вереницы телеграфныхъ столбовъ, и на каждой полуверстѣ небольшой кордонъ изъ двухъ-трехъ человѣкъ, согрѣвающихъ себя отъ влажнаго дыханія ночи пламенемъ костра. И все, какъ говорится, съ голыми руками. Ясно, что серьезнаго противодѣйствія подобный кордонъ не въ силахъ оказать хотя бы даже и одному-единственному вооруженному противнику.

Благодаря латышамъ, отряды наши, оперирующіе въ Прибалтійскомъ краѣ, знаютъ рѣшительно все, до мельчайшихъ подробностей, что дѣлается въ Либавѣ, Газенпотѣ и другихъ городахъ, занятыхъ нѣмцами.

Да вотъ первый подвернувшійся примѣръ. Примѣръ, показывающій, что даже дѣти и юноши изъ мѣстнаго латышскаго населенія принимаютъ участіе въ рискованныхъ опасныхъ развѣдкахъ. И какое дѣятельное участіе!

Одинъ изъ нашихъ славныхъ гусарскихъ полковъ, выбивъ сильный германскій отрядъ изъ имѣнія Априкенъ, занялъ эту громадную усадьбу. Вмѣстѣ съ четвертымъ эскадрономъ я простоялъ пять дней въ замкѣ Априкенъ, живя совершенно особой нервной жизнью, когда ночью всѣ лошади осѣдланы и никто не раздѣвается, въ любой моментъ ожидая нападенія. Тѣмъ болѣе, врагъ такъ близко, въ нѣсколькихъ верстахъ всего. Германскіе разъѣзды подходятъ едва ли не къ самой усадьбѣ.

Въ громадной столовой съ гигантскимъ мраморнымъ каминомъ, надъ которымъ повисъ монументальный мраморный гербъ владѣльца замка со щитами, драконами, львами, головными уборами, мечами и всякой иной геральдикой, мы обѣдали при свѣтѣ лампы. Вѣрнѣе же это былъ ранній ужинъ.

Сквозь дверь изъ передней то и дѣло доносился гудокъ—старинный, жужжащій — полевого телефона, соединявшаго нашъ эскадронъ со штабомъ кавалерійской бригады.

Насъ было пятеро. Командиръ эскадрона, полковникъ Д., старшій офицеръ эскадрона, ротмистръ Л., завѣдующій конно-пулеметной командой, штабсъ-ротмистръ П., поручикъ С. и авторъ этихъ строкъ.

Всѣ эти славные боевые офицеры—участники войны съ перваго дня начала дѣйствій. Дрались они и подъ Варшавой, и въ Восточной Пруссіи, и на галиційскомъ фронтѣ, и вотъ перебросили ихъ сюда въ Прибалтійскій край. И всѣ они говорили, шутя и смѣясь, что за десять мѣсяцевъ боевой страды съ ея суровыми лишеніями они только впервые очутились въ такихъ комфортабельныхъ условіяхъ, на такой роскошной стоянкѣ. Дѣйствительно, бѣлая, сверкающая скатерть, дорогая посуда, столовое серебро, хрусталь, словомъ, хоть самому парадному пріему впору.

Входитъ дежурный телефонистъ, докладываетъ полковнику:

— Такъ что, ваше высокоблагородіе, два рабенка изъ Либавы пришли...

— Какіе два ребенка?.. Позови!..

Входятъ мальчики, постарше и поменьше. Оба свѣтлоголовые, оба одѣты по-ученически,—въ черныхъ суконныхъ блузахъ. Ноги покрыты густымъ налетомъ сѣрой пыли. Мальчиковъ усадили. Отъ усталости ни одинъ ни другой не могли ѣсть и лишь жадно, по-дѣтски, глотали воду.

Оказывается, старшій мальчикъ, латышъ лѣтъ четырнадцати, нѣсколько дней назадъ явился въ штабъ нашей бригады, вызвавшись сходить въ Либаву и узнать все, что тамъ дѣлается. Въ штабѣ отнеслись къ этому недовѣрчиво, съ улыбкой.

— Полуребенокъ, что онъ тамъ сможетъ разузнать!..

Но этотъ полуребенокъ съ честью выдержалъ трудный, взрослому впору, искусъ.

И вотъ на обратномъ пути въ штабъ онъ вмѣстѣ со своимъ новымъ спутникомъ заглянулъ къ намъ, отдохнуть и подѣлиться впечатлѣніями.

До Либавы около пятидесяти верстъ. Онъ шелъ туда днемъ и ночью. Гдѣ можно было—по шоссе, а гдѣ надо было скрываться, выбиралъ лѣсныя тропинки и глухіе обходы.

Уже въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Либавы его задержалъ конный разъѣздъ изъ четырехъ уланъ померанскаго полка.

— Ты куда пробираешься, школьникъ?

— Въ Либавѣ у меня младшій братъ остался. Надо его обратно взять къ нашимъ родителямъ.

— А что у тебя въ карманахъ?

Нашли у мальчика тридцать копеекъ, отобрали и пропустили его.

Но это еще не все. Одни пропустили, другіе могутъ оказаться менѣе довѣрчивыми. Не надо попадаться на глаза. И онъ лавируетъ между хаосомъ проволочныхъ загражденій, линіями окоповъ и траншей, отмѣчая въ памяти все видѣнное.

Слушая мальчика, мы убѣдились, насколько онъ толковый раз-

вѣдчикъ. Онъ замѣтилъ все, включительно даже до цифръ на погонахъ тѣхъ солдатъ, что приходилось ему встрѣчать въ Либавѣ. Солдатъ немного. Всего нѣсколько сотъ. Зато укрѣпляютъ нѣмцы Либаву съ лихорадочной поспѣшностью, работая весь день и всю ночь. Работаютъ мѣстные жители, которыхъ сгоняютъ прикладами. Укрѣпленія воздвигаются какъ съ моря, такъ и съ суши. Мальчикъ назвалъ количество крейсеровъ и миноносцевъ, охраняющихъ портъ. Перечислилъ береговыя орудія и полевую артиллерію, которая прибыла на транспортахъ и была отправлена въ Газенпотъ. Съ транспортовъ высаживалась морская пѣхота, въ количествѣ двухсотъ человѣкъ. Мѣстныхъ жителей не подпускаютъ ни къ береговымъ укрѣпленіямъ ни къ траншеямъ, охраняющимъ Либаву со стороны суши. А тѣхъ обывателей, которые несутъ фортификаціонныя работы, сгоняютъ, какъ скотъ, въ казармы, и они разобщены съ внѣшнимъ міромъ цѣпью конвойныхъ.

Генералъ Гуро, новый главнокомандующій французскимъ экспедиціоннымъ корпусомъ въ Дарданеллахъ.

Альбертъ Тома, французскій депутатъ-соціалистъ, назначенный товарищемъ военнаго министра.

Мальчикъ разсказывалъ толково, съ удивительной для его возраста наблюдательностью, прибѣгая въ необходимыхъ случаяхъ къ бумагѣ и карандашу. Девятилѣтній спутникъ его молчалъ, озираясь съ какимъ-то робкимъ, застѣнчивымъ любопытствомъ. Уйти юному развѣдчику изъ Либавы было труднѣе, чѣмъ попасть въ нее. Оно и понятно. Легче проникнуть въ занятый непріятелемъ раіонъ, чѣмъ покинуть его. Пускаютъ гораздо охотнѣе, чѣмъ выпускаютъ...

Развѣдчикъ пустился на хитрости.

Онъ вспомнилъ о знакомой семьѣ поляка-сапожника. Вспомнилъ о бѣлоголовомъ Стасѣ, который осматривался теперь кругомъ въ этой столовой, видимо подавленный весь монументальнымъ каминомъ.

„Возьму его съ собою",—рѣшилъ юный латышъ.

И взялъ. И когда нѣмецкіе патрули опрашивали его, онъ говорилъ, что ведетъ своего братца въ Саккенгаузенъ къ родителямъ.

И опять лабиринты проволочныхъ загражденій, искусно замаскированныя дерномъ волчьи ямы, рогатки, окопы, обходы...

И вотъ пятьдесятъ верстъ осталось позади. Мальчики въ безопасности. Они очутились наконецъ въ сферѣ нашихъ войскъ.

Мы предлагали утомленнымъ дѣтямъ переночевать. Наутро со свѣжими силами они отправятся въ штабъ бригады. Какъ никакъ больше двадцати верстъ. Юный охотникъ и слушать не хотѣлъ.

— Надо спѣшить. Я и такъ опоздалъ. Къ разсвѣту мы будемъ въ штабѣ.

— Такъ мы дадимъ вамъ телѣжку.

Спасибо, не надо, пѣшкомъ удобнѣе!

Какія-то желѣзныя эти латышскія дѣти! Дѣти своихъ отцовъ, крѣпкихъ, выносливыхъ богатырей.

— А что же будетъ съ этимъ мальчикомъ? полюбопытствовалъ кто-то изъ насъ.

Онъ будетъ жить у моихъ родителей. Тамъ ему будетъ хорошо!.. отвѣтилъ, блеснувъ глазенками, латышъ.

Польскій мальчуганъ все время молчалъ и только однажды спросилъ:

— А нѣмцы не убьютъ моего татуся? У меня никого нѣтъ, кромѣ татуси. Мама давно умерла.

— Не убьютъ, милый, поспѣшили мы успокоить ребенка.

А на самомъ дѣлѣ, кто же порукою за этихъ варваровъ? Малѣйшее что-нибудь, наглая придирка — и пуля въ лобъ, какъ собакѣ. Расправы германскихъ „завоевателей" съ мирныхъ населеніемъ давно вѣдь, съ самаго начала войны, стали чудовищной и кровавой легендой.

II.

Путь мой изъ Риги лежалъ на Туккумъ. Въ Ригѣ жизнь бьетъ ключомъ, улицы и площади полны народа, но повсюду неуловимо угадывается какая-то растерянность, ожиданіе чего-то... Нѣмцы теряютъ подъ собою почву, и какъ-то странно слышать въ кофейняхъ и вагонахъ трамваевъ ихъ исковерканную русскую рѣчь.

Поѣзда въ Туккумъ носятъ лѣтній, курортный характеръ. Да и въ самомъ дѣлѣ, на каждомъ шагу здѣсь курортъ. Но публика здѣсь все своя больше, мѣстная. Залетныхъ гостей теперь сюда калачомъ не заманишь. Не такое время, чтобъ пользоваться солнечными ваннами на берегу моря, отданнаго во власть флота.

Въ Туккумѣ я отправился въ штабъ, чтобы посовѣтоваться, какъ мнѣ найти гусарскій полкъ, оперирующій въ окрестностяхъ Гольдингена. До Гольдингена отъ Туккума безъ малаго девяносто верстъ по шоссе. Въ обыкновенное время эта поѣздка сущій пустякъ. Теперь же, когда всѣ лошади и экипажи

Вербовка бойскоутовъ въ Англіи. Юный развѣдчикъ набираетъ товарищей.

реквизированы, нанять коляску и даже простую подводу—сложный вопросъ. А главное, потому, что въ тотъ край, по-настоящему охваченный войной, немногіе рѣшаются ѣхать, несмотря даже на перспективу выгодной втридорога оплаты.

Я былъ близокъ къ отчаянію. Оставалось одно: чемоданъ на спину и, по образу пѣшаго хожденія, какъ говорятъ малороссы, „на парѣ батьковскихъ“! Но спасъ меня случай.

Въ штабѣ я познакомился съ адъютантомъ корнетомъ Б. Человѣку за сорокъ, въ прошломъ — павлоградскій гусаръ. Затѣмъ около двадцати лѣтъ служилъ по администраціи на Кавказѣ и въ Сибири, и вотъ съ войною самъ добровольно опять надѣлъ свои корнетскіе погоны.

Странная вещь, хотя и вполнѣ психологическая: офицеръ въ большихъ годахъ и въ маломъ чинѣ, потому что многіе годы не былъ въ строю, вдругъ молодѣетъ, становится куда бодрѣе, жизнерадостнѣе, чѣмъ раньше. Это я замѣчалъ не только на одномъ Б.

Узнавъ о моемъ горячемъ желаніи пробраться какъ можно скорѣе въ Гольдингенъ, симпатичный бородатый корнетъ сразу пошелъ мнѣ навстрѣчу.

— Вотъ, доложу вамъ, совпаденіе... Я самъ по казенной надобности ѣду сегодня въ Гольдингенъ... Черезъ часъ ѣду.

Въ англійскомъ лазаретѣ въ Фарнборо. Раненые бельгійцы играютъ въ карты.

Смутная надежда охватываетъ меня. Потемнѣвшій горизонтъ начинаетъ проясняться. Хотя пока не совсѣмъ. Ѣдетъ въ Гольдингенъ корнетъ Б., я-то при чемъ? Но оказалось, что это и для меня цѣлое откровеніе. И такъ радушно и тепло предложилъ онъ:

— Ѣдемте вмѣстѣ со мною. Буду очень радъ свѣжему спутнику. Къ слову сказать, я вашъ давнишній читатель...

Убѣждаешься на примѣрѣ, что и писательство имѣетъ свои хорошія стороны.

— Но долженъ сдѣлать оговорку, — замѣчаетъ мой нежданный-негаданный благодѣтель.—Первыя шестьдесятъ верстъ намъ придется покрыть верхомъ. Какъ вы относитесь къ этому способу передвиженія?

— Нахожу его великолѣпнымъ кавалерійскимъ пробѣгомъ.

— Въ такомъ случаѣ,—прекрасно. О чемъ же говорить?.. Остальныя тридцать верстъ мы сдѣлаемъ на невообразимо тряскихъ тележкахъ нашей военной летучей почты.

— Это уже хуже, но и за это великое спасибо...

Итакъ, въ путь-дорогу. Насъ четверо всадниковъ. Я съ корнетомъ, стражникъ и вѣстовой Б., везущій мой небольшой чемоданъ. Стражникъ и нижній чинъ дружины — нашъ конвой. Въ окрестностяхъ Туккума полная безопасность, но, чѣмъ ближе къ Гольдингену, тѣмъ больше основанія наткнуться на какой-нибудь германскій разъѣздъ.

И вотъ тихій захолустный Туккумъ, оживившійся теперь тѣмъ, что это какъ никакъ ближайшій тылъ дѣйствующихъ въ Прибалтикѣ отрядовъ, остался позади.

Ѣдучи верхомъ, какъ-то особенно внимательно знакомишься съ краемъ. А для новаго человѣка этотъ край—непочатый уголъ новыхъ интересныхъ впечатлѣній. И природа и люди, и какъ они живутъ, ихъ усадьбы, хутора и мызы,—все это самобытно и непохоже ни на что до сихъ поръ видѣнное какъ въ центральной Россіи, такъ и въ южной, и на Литвѣ, и въ Польшѣ.

Природа красива, на рѣдкость красива. Холмы, бугры, лѣса. Хвойныя, березовыя, дубовыя и липовыя рощи. И все въ цвѣту и дышитъ густымъ ароматомъ...

Сквозь густо-зеленыя завѣсы парковъ намѣчаются въ сторонѣ громады баронскихъ усадебъ и замковъ. Ни селъ ни деревень. Одинокіе хутора латышей, водяныя и вѣтряныя мельницы. Вотъ и все, что вы встрѣчаете на пути въ Гольдингенъ, да и не только въ Гольдингенъ. Въ трехъ губерніяхъ Прибалтійскаго края не встрѣтишь хотя бы маленькой деревушки изъ двадцати дворовъ.

Много рѣкъ, озеръ и болотъ. И все это кишмя-кишитъ водяной птицей. То и дѣло вспугиваешь дикихъ утокъ, и онѣ дразнящe проносятся надъ головою, заставляя жалѣть, что нѣтъ съ нами охотничьихъ ружей.

На полянахъ рѣзвятся молодые зайчики. И, почуя людей, кидаются сѣрыми катящимися комочками въ кусты, или въ чащу лѣса.

Попутно корнетъ ревизовалъ посты летучей почты: чѣмъ ближе къ раіону военныхъ дѣйствій, тѣмъ они чаще. Ютятся они на выходящихъ на большую дорогу мызахъ и въ монументальныхъ каменныхъ корчмахъ. На каждомъ посту два велосипедиста. Каждый постъ — небольшой, изъ нѣсколькихъ человѣкъ, отрядъ, могущій въ случаѣ нужды постоять за себя. Все это крѣпкіе, бравые ополченцы, принесшіе съ собою въ этотъ чужой край съ чужими людьми и чужимъ языкомъ свой немудреный и прочный солдатскій укладъ. У латышей они желанные постояльцы. Латыши снабжаютъ нашихъ ополченцевъ всякой живностью и молочными продуктами. И упорно не хотятъ брать денегъ. Приходится чуть ли не силою расплачиваться.

Ночь смѣнила мягкій теплый вечеръ. Лишь на разсвѣтѣ, сдѣлавъ одиннадцать

Раненые англичане во дворѣ госпиталя играютъ въ крокетъ, сидя на подвижныхъ больничныхъ креслахъ.

„Синій крестъ“ во Франціи. Лазаретъ для лошадей.

часовъ верхомъ, пересѣли мы на крохотную мужицкую тележку, обслуживающую летучую почту. Трясло и подбрасывало насъ немилосердно. Чуть вздремнешь, того и гляди, рѣзкимъ толчкомъ выброситъ тебя въ придорожную канаву.

Уже бѣлымъ днемъ, при яркомъ свѣтѣ солнца, подъѣхали мы къ заставѣ передъ Гольдингеномъ, у большого деревяннаго моста черезъ Виндаву. Рѣка здѣсь вся въ пѣнящихся паромахъ, съ бурлящей гребнями водою.

Въ Гольдингенѣ, — опять-таки случай, — оказался ротмистръ баронъ Т, офицеръ того самаго гусарскаго полка, въ который я направлялся. Онъ далъ мнѣ точныя свѣдѣнія, гдѣ находится четвертый эскадронъ подъ командою полковника Д. Для этого баронъ Т. снесся по телефону со штабомъ кавалерійской бригады.

Простившись съ обязательнымъ корнетомъ, поблагодаривъ его за всѣ любезности, не теряя времени ѣду дальше.

Мой возница, сѣденькій, сосущій трубку, латышъ, пробуетъ разговориться... Но—увы!—рѣшительно не понимаемъ другъ друга. Единственное слово мнѣ знакомо, это—„вацешъ“. Вацешъ по-латышски—нѣмецъ.

Старикъ, указывая кнутовищемъ на разбросанные тамъ и сямъ вдоль дороги хутора и мызы, повторяетъ одно слово, вкладывая въ него всю свою латышскую ненависть къ нѣмцамъ:

— Вацешъ... вацешъ... вацешъ.

Это—змѣиныя предательскія гнѣзда нѣмецкихъ колонистовъ, оказывавшихъ всяческую помощь „своимъ“ отрядамъ и разъѣздамъ. Многіе изъ этихъ колонистовъ, исчезнувшихъ передъ войною, явились неожиданно вновь съ германской кавалеріей уже въ уланскихъ и кирасирскихъ мундирахъ.

Въ верстѣ отъ шоссе — полусожженная усадьба. Возница оживился, повторяя:

— Курмаленъ...

Да, это Курмаленъ. Это первая гримаса войны, настоящая гримаса, встрѣченная мною въ краѣ. Героемъ Курмалена является полковникъ Д., котораго черезъ часъ-другой я увижу на мызѣ Гуденекенъ. Разгромъ Курмалена былъ первымъ дѣломъ, — Либава не въ счетъ, — нашего отряда въ Прибалтійскомъ краѣ.

Всего лишь недѣлю назадъ беззащитный Гольдингенъ съ его двадцатитысячнымъ населеніемъ былъ терроризированъ германскимъ разъѣздомъ изъ восьми померанскихъ уланъ съ лейтенантомъ фонъ-Гольстейномъ во главѣ.

Штабъ-квартирою эскадрона уланъ была мыза Курмаленъ. Помѣщикъ Бредерихъ оказывалъ самое широкое гостепріимство своимъ соотечественникамъ.

Ежедневно разъѣздъ лейтенанта фонъ-Гольстейна являлся ровно въ три часа дня на базарную площадь Гольдингена. Щеголеватый офицеръ, развязно помахивая хлыстикомъ, объявлялъ согнанной его всадниками толпѣ, что отнынѣ Гольдингенъ—германскій городъ на германской землѣ. Онъ, лейтенантъ Гольстейнъ, заведетъ здѣсь прусскіе порядки, назначитъ коменданта, бургомистра, милицію, и т. д. Офицеръ милостиво позволялъ толпѣ разойтись, а его уланы приступали къ очередному грабежу магазиновъ, лавокъ и винныхъ погребовъ. Нѣсколько тысячъ бутылокъ вина и пива нѣмцы на шести подводахъ вывезли въ Либаву. Такой же участи подверглись всѣ ювелирные магазины, всѣ часовщики. Потомъ въ кобурахъ убитыхъ германскихъ солдатъ мы находили браслеты, кольца, броши, золотыя цѣпочки.

Но не долго продолжалась эта грабительская вакханалія.

По странной случайности, тоже ровно въ три часа дня, нежданно-негаданно увидѣлъ на своихъ улицахъ натерпѣвшійся отъ нѣмецкой наглости Гольдингенъ нашъ гусарскій разъѣздъ изъ двѣнадцати всадниковъ съ полковникомъ Д. Нѣмцы, предупрежденные о появленіи русскихъ, предупрежденные, конечно, колонистами, засѣли въ Курмаленѣ, до поры до времени не показывая оттуда носа.

Русско-латышское населеніе города высыпало на улицы, не зная, какъ радоваться этому чудесному появленію избавителей. Всѣ женщины, дѣти, купцы, рабочій людъ, всѣ встрѣтили нашихъ гусаръ бурными оваціями. Не знали, чѣмъ угощать ихъ и чествовать. Несли, кто что могъ: медъ, поросятину, домашній квасъ, цѣлые окорока...

И самымъ горячимъ искреннимъ желаніемъ всего города было, чтобъ русскіе какъ можно скорѣе выбили изъ Курмалена этихъ ненавистныхъ пришельцевъ.

„Пришельцы“, оповѣщенные колонистами, знали, что на нихъ готовится нападеніе, и приняли всѣ мѣры къ успѣшному отраженію непріятеля. Усадьба была превращена въ крѣпость. Всѣ входы и выходы забаррикадированы. Ночью нѣмцы выслали два-три полевыхъ дозора, сами же бодрствовали, не раздѣваясь, не ложась спать и держа наготовѣ засѣдланныхъ лошадей.

Полковникъ Д. зналъ, въ свою очередь, отъ вѣрныхъ намъ латышей всѣ курмаленскія приготовленія. Но это нисколько не помѣшало ему въ ближайшую же ночь атаковать съ полуэскадрономъ забаррикадировавшихся померанскихъ уланъ.

Нѣмцы могли бы долго держаться, пользуясь такимъ надежнымъ и выгоднымъ прикрытіемъ. Они смѣло могли бы противостоять натиску даже цѣлыхъ трехъ эскадроновъ. Могли бы... А между тѣмъ шестьдесятъ нашихъ гусаръ частью перебили нѣмцевъ, частью взяли въ плѣнъ, частью обратили въ бѣгство. Наши потери - всего одинъ человѣкъ. И это, невзирая на сильный ружейный огонь, которымъ встрѣтили уланы атакующихъ, несмотря на ручныя бомбы. Но мѣткость огня недѣлимо связана

„Синій крестъ“ во Франціи. Въ лазаретѣ для лошадей. Искалѣченную на войнѣ лошадь избавляютъ отъ мученій.

Обезьяна и кошка на одномъ изъ англійскихъ броненосцевъ во время боя, обнявшись, „внимаютъ ужасамъ войны".

съ психикой человѣка. И тотъ, кто боится и не увѣренъ въ себѣ, всегда будетъ, нервничая, стрѣлять какъ попало.

Жертвою въ нашихъ рядахъ палъ унтеръ-офицеръ Алексѣй Шелковъ, необыкновенный удалецъ и человѣкъ богатырской физической силы.

Глухою ночью передъ самымъ разсвѣтомъ полуэскадронъ гусаръ атаковалъ имѣніе Курмаленъ въ конномъ строю. Спѣшивались подъ огнемъ, всего лишь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воротъ и стѣнъ. Гусары съ полковникомъ Д. и поручикомъ Б. впереди, съ крикомъ „ура" бросились прямо на баррикады. Оттуда осыпали ихъ густыми залпами. Геркулесъ Шелковъ, словно таежный медвѣдь, ломая все на своемъ пути, разбрасывалъ большія, — не поднять двумъ человѣкамъ, — бревна, и они, какъ щепы, летѣли во всѣ стороны въ его могучихъ рукахъ.

Но кто-то изъ нѣмцевъ бросилъ въ него сверху гранату, и Шелковъ упалъ съ вывороченной грудью. Смерть была почти мгновенная. Однако храбрецъ все-таки успѣлъ крикнуть своимъ вѣрнымъ товарищамъ:

— Стрѣляйте, да стрѣляйте же, братцы!..

И отлетѣла прекрасная душа героя.

А гусары уже ломились въ ворота. Стихійнымъ потокомъ ломились. Рухнула баррикада, и ожесточенные гибелью товарища солдаты били прикладами, кололи штыками озвѣрѣвшихъ, въ свою очередь, загнанныхъ, не чающихъ снисхожденія и пощады нѣмцевъ. Весьма дѣятельное участіе принималъ въ этой схваткѣ и помѣщикъ Бредерихъ. Изъ окна своего дома онъ стрѣлялъ по нашимъ гусарамъ изъ винчестера. Съ жалкими уцѣлѣвшими остатками померанскихъ уланъ Бредерихъ бѣжалъ въ Либаву къ „своимъ". Ему удалось спасти раненаго лейтенанта фонъ-Гольстейна, котораго онъ переодѣлъ въ костюмъ латышской бабы. Уланскій унтеръ-офицеръ, случайно прорвавшійся изъ усадьбы, просидѣлъ нѣсколько часовъ по горло въ водѣ ближайшаго озера. Бредерихъ потомъ и его взялъ съ собою, надѣвъ ему на голову вмѣсто уланскаго кивера русскую форменную фуражку.

Не лишнимъ будетъ прибавить, что атакующихъ гусаръ нашихъ обстрѣливали въ тылу полевые дозоры нѣмцевъ.

Уже бѣлымъ утромъ кончился этотъ бой. Весь дворъ Курмаленской усадьбы былъ покрытъ трупами. Гусарамъ достались трофеи. И первый изъ нихъ — великолѣпная англо-арабская лошадь сбѣжавшаго лейтенанта. Онъ бросилъ весь свой багажъ, всѣ свои щегольскіе чемоданы, несессеры, бросилъ дорогую, подбитую мѣхомъ шубу.

Больше двадцати лошадей съ полной сѣдловкой, палаши, желѣзныя пики, карабины, двуколка съ патронами, — все это досталось намъ.

Во время бѣгства нѣсколько лошадей вмѣстѣ съ всадниками увязло въ болотѣ. Всадники, не всѣ, правда, спаслись пѣшкомъ, оставляя за собою кровавый слѣдъ. Нѣкоторыхъ лошадей удалось вытащить, нѣсколькихъ же волей-неволей пришлось пристрѣлить.

Шелкова хоронили въ Туккумѣ. Скромныя похороны павшаго героя превратились въ торжественную процессію съ тысячной толпой, провожавшей гробъ. Латышскія дѣвушки убрали могилу цвѣтами. Русскіе съ восторгомъ, со слезами на глазахъ, разсказывали про эти необыкновенно трогательныя похороны.

Австрійскіе солдаты раскрашиваютъ лошадь въ защитный цвѣтъ.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.**

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, д. 22.